U 305/1
1865

КАБИНЕТ ИСТОРИИ

Росс. Гос. Б-ка
Отд. Общ. Наук
20745
VIII. 3

КАБИНЕТ ИСТОРИИ

И 305/1

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1865 годъ.

Рос. Пос. Н.-Пер. ПОТАШЕНО

ИЗДАНІЕ С. Н. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1897.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

13718-45

2007052029

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, соб. домъ, 2 ст. Моск. уѣзда.

1865 годъ.

Указатель статей [1].

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы [2].

Прогрессъ невозможенъ при упадкѣ національнаго чувства? (По поводу петербургскаго письма въ *Indépendance Belge*). 3.

Политическія партіи въ государствахъ и ихъ значеніе; политическія партіи въ Россіи по отзывамъ заграничной печати. 9.

Средства и способы тайныхъ враговъ Россіи. 22.

Бюрократическая система и опасность чрезмѣрнаго ея развитія въ Россіи. 41.

Болѣзнь Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. 75.

Кончина Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. 78.

Погребеніе Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Связь русскаго народа съ Царемъ. 114.

„Національная партія въ Россіи". 131.

Русскій космополитизмъ и нѣмецкій патріотизмъ въ Россіи. 137.

Пристрастные и зложелательные отзывы европейской печати во всемъ что касается Россіи. 191.

Вліяніе общаго духа политики на образъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ. 202.

Привилегированное положеніе инородцевъ въ Россіи. 207.

Цѣльность и однородность русскаго государства. (По поводу ложныхъ взглядовъ англійской и прусской печати). 211.

Общественная благотворительность. (Серпуховское Благотворительное Общество). 259.

Военное дѣло.

Новыя правила пріема въ военныя училища и ихъ значеніе. Вопросъ объ улучшеніи положенія офицеровъ. 96.

Необходимость улучшенія войсковаго хозяйства и скудость средствъ военнаго вѣдомства. Сокращеніе численности войскъ, какъ единственный выходъ изъ этого затрудненія. 109.

Еврейскій вопросъ.

Какой языкъ должны себѣ усвоить Евреи въ Россіи? Положеніе русскаго языка въ Россіи. 45—А.

Ненормальность положенія Евреевъ въ Россіи. 91. 148.

Скученность Евреевъ въ Западномъ краѣ препятствуетъ усиленію въ немъ русскаго элемента и мѣшаетъ самимъ Евреямъ быть мирными и полезными участниками въ общей жизни русскаго государства. 97.

Предоставленіе Евреямъ-ремесленникамъ права повсемѣстнаго жительства 160.

Западный и Юго-западный край.

Заслуга гр. М. Н. Муравьева. Краткій очеркъ положенія Сѣверо-западнаго края. 94.

По поводу канонизаціи Кунцевича. Какой урокъ можемъ мы извлечь изъ этого событія? 101.

Увѣренность Европы въ мимолетности и случайности національнаго характера русской политики и негодующее разочарованіе ея послѣ рескрипта гр. Муравьеву. 102.

Взаимодѣйствіе общества и правительства какъ необходимое условіе для успѣшности русскаго дѣла въ западныхъ окраинахъ. 105.

Въ защиту раскольниковъ-безпоповцевъ Витебской губерніи, содѣйствовавшихъ усмиренію польскаго мятежа. 120.

Польскій элементъ въ Юго-западномъ краѣ. 142.

Вопросъ объ усиленіи русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ. 153. 156. 162. 166. 167. 205. 263. 264. 268. 281. 285.

Разъединеніе католицизма съ полонизмомъ. 158—Б. 155—А.

Ложь польскихъ историковъ и истинный характеръ отношеній Польши къ Россіи. 164.

Исторія православныхъ церквей и церковностроительнаго дѣла въ Западномъ краѣ. 168. 169.

---

[1]) Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первая, вторая или третья статья въ данномъ нумерѣ. Указаніе страницы при нумерѣ означаетъ часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть означено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы касающіеся Россіи затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

Причина пожаровъ въ Западномъ краѣ и внутреннихъ губерніяхъ Россіи. 157.

По поводу офиціальнаго обнародованія свѣдѣній о поджогахъ въ Сѣверо-западномъ краѣ. 172.

Цѣль политическихъ поджоговъ. 175.

Отношеніе петербургской печати къ раскрытію политическихъ поджоговъ. 176.

Теоріи заграничной и петербургской печати объ участіи гласности въ вопросѣ о поджогахъ. 180. 181.

Къ вопросу о политическихъ поджогахъ. Такъ называемое „агентство Герцена“ въ Тульчѣ. 183.

Виленскій музей древностей. 188.

Статья „О пожарахъ въ Россіи“ появившаяся въ *Сѣверной Почтѣ*. Значеніе гласности въ дѣлѣ политическихъ поджоговъ. 231.

Данныя позволяющія надѣяться на сокращеніе числа пожаровъ и развитіе страховаго дѣла. 239.

По поводу смерти сенатора Жданова, производившаго слѣдствіе о поджогахъ въ Симбирскѣ. Вредъ системы молчанія и значеніе гласности. 270.

Права и значеніе гласности. 276.

Желательность гласности въ дѣлѣ пожаровъ. Можетъ ли гласность повредить чести какого-нибудь сословія? 283.

Отвѣтъ на нападки газеты *Вѣсть* на администрацію Западнаго края. Могутъ ли интересы польскаго дворянства совпадать съ интересами русскаго дворянства? 215.

Недовольство *Кельнской Газеты* дѣйствіями виленскаго генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана. 233—А.

Задачи русскаго правительства въ Западномъ краѣ. 262.

Кавказъ и Закавказье.

Сепаратистическія идеи въ Закавказьѣ. (Статья грузинскаго сепаратиста въ Колоколѣ). 154.

Сепаратизмъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ есть послѣдствіе слабости національнаго духа во внутренней политикѣ Россіи. („Молодая Грузія“ и „Молодая Арменія“). 194.

Армянскіе сепаратисты. 221. 222.

Халибовское Армянское училище. 230—Б.

Грузинскій сепаратизмъ. 250.

Задачи Общества св. Нины. Русскій языкъ какъ средство объединенія Кавказскихъ племенъ. 213.

Русскіе старообрядцы въ Добруджѣ и ходатайство ихъ о дозволеніи вернуться въ Россію. Мысль о поселеніи ихъ въ Закавказьѣ. 241—А.

Крестьянское дѣло.

Положеніе государственныхъ крестьянъ и необходимость улучшенія экономическихъ условій ихъ быта. 16.

Важность водворенія экономической свободы въ крестьянскомъ быту. Нежелательность выкупа какъ средства стѣсняющаго экономическую свободу. 18.

Несостоятельность выкупа вообще и выкупа государственныхъ крестьянъ въ особенности. 20.

О законодательной опекѣ и свободѣ крестьянской собственности. 28.

Москва.

Историческое значеніе Москвы, какъ символа основныхъ началъ, на которыхъ зиждется государство. 182.

Печать.

Вредъ предварительной цензуры. 12. 13.

Выгодна ли для *Московскихъ Вѣдомостей* привилегія казенныхъ объявленій? 24.

Отвѣтъ на обвиненіе *Биржевыхъ Вѣдомостей* въ возвышеніи платы за печатаніе казенныхъ объявленій. 227—Б.

Проектъ новаго устава о печати и его противники. Положеніе печати въ Россіи 44.

Истинный смыслъ свободы печати. 64.

Необходимость предоставленія дворянскимъ и земскимъ собраніямъ свободы печатанія свѣдѣній о своихъ засѣданіяхъ. 69.

Вправѣ ли французское правительство разрѣшать или запрещать изданіе французскихъ книгъ въ русскомъ переводѣ? 50—Б.

Несомнѣнное право М. О. Вольфа на изданіе въ русскомъ переводѣ „Жизни Ю. Цезаря“. 68.

Добросовѣстность „русскихъ“ заграничныхъ изданій. 154 (стр. 434).

Система обмана вокругъ русскихъ дѣлъ. 171.

Вступленіе въ силу новаго закона о печати. 190.

Замѣтка привѣтствующая освобожденіе газеты отъ предварительной цензуры. 193—А.

О правительственной субсидіи *Голосу*. 187.

Свобода печати теряетъ значеніе при системѣ субсидій. 195.

Фактъ полученія субсидіи *Голосомъ* компрометтируетъ правительство. 204. 210

Неосновательность предостереженія полученнаго *С.-Петербургскими Вѣдомостями*. 208 (стр. 596).

Правильное пониманіе слова „органъ“ по отношенію къ газетѣ и солидарность вѣдомства съ тою газетой, которую оно избрало своимъ органомъ. 232—А.

Разъясненіе обязанностей газеты относительно печатанія возраженій и поправокъ отъ частныхъ лицъ. 233—Б.

Вопросъ о печатаніи судебныхъ публикацій въ русской, французской и нѣмецкой газетѣ. 244—А.

Полемическая замѣтка противъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. 244—Б.

Польскій вопросъ.

Внутреннее безсиліе польскаго вопроса. 6.

Вредъ административно-политической обособленности Царства Польскаго. 31.

Планъ административныхъ преобразованій Царства Польскаго по извѣстіямъ иностранныхъ газетъ. 32.

Кто и зачѣмъ распространяетъ извѣстія о предполагаемомъ полномъ включеніи Царства Польскаго въ составъ Россійской Имперіи? 46.

Введеніе въ семинаріяхъ Царства Польскаго преподаванія на русскомъ языкѣ. 72—А.

Неясность нашей политики и отсутствіе единства являются причиной живучести польскихъ надеждъ и бездѣйствія русскихъ силъ въ Польшѣ. 85.

Ходъ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ 100.

Средства употребляемыя польскими панами для того, чтобы отсрочить введеніе крестьянской реформы. 119.

Польская депутація на погребеніи Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и пріемъ ея Государемъ Императоромъ. 123.

Внезапное превращеніе *Познанскаго Дневника* въ друга Россіи и письмо польскаго патріота изъ Стокгольма. 134.

Преувеличеніе дѣятельности *Московскихъ Вѣдомостей* и новая фаза развитія польскаго дѣла. 140.

Рѣшеніе польскаго вопроса съ государственной точки зрѣнія и съ точки зрѣнія польскихъ патріотовъ. 147.

Параллель проведенная газетою *Times* между возстаніями Поляковъ и ирландскихъ феніевъ. 216.

Укоры поляковъ правительству за допущеніе усиленія нѣмецкаго элемента въ Царствѣ Польскомъ и отвѣтъ *Русскаго Инвалида*. Урокъ который Россія должна извлечь изъ примѣра старой Польши. 287.

Нѣмцы въ Познани. Выселеніе познанскихъ Поляковъ въ Россію. Какъ должна отнестись къ этому Россія? 42—А.

Галицкія газеты о положеніи русскаго народа въ Царствѣ Польскомъ. 89.

Прибалтійскій край.

Разборъ проекта реформы рижскаго городскаго устройства. 5.

Русскіе купцы и русскій языкъ въ Ригѣ. 10. 26. 61.

Разборъ предложеній г. Осипова въ коммиссіи для составленія проекта реформы рижскаго городскаго устройства. 117.

Проектъ рижской городской реформы. Характеръ торговли и правъ г. Риги. 209.

По поводу статьи *Голоса* о русскомъ языкѣ въ Ригѣ. Смыслъ такъ называемыхъ нападокъ на остзейскія губерніи. 23.

Дѣло г. Нарвы подвѣдомственнаго двумъ губерніямъ. 34.

Воззваніе рижскаго архіепископа Платона. 38.

Открытіе Лифляндскаго сейма и предстоящія ему задачи. 63.

По поводу возраженія г. Литке на статью № 38 *Московскихъ Вѣдомостей*. 77.

Замѣтка по поводу русской гласности въ остзейскихъ дѣлахъ. 79—Б.

Начало дѣятельности гр. Шувалова. 80—Б.

Остзейскій вопросъ не есть нѣмецкій вопросъ въ Россіи. 103.

Полемическая статья противъ *Рижской Газеты*. 111.

Извлеченіе изъ статей *Православнаго Обозрѣнія*. 112.

Права и положеніе русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ. 151. 234. 238.

Побужденія и образъ дѣйствій русской и остзейской печати во взаимной полемикѣ. 115.

Причина возникновенія и значеніе остзейскаго вопроса. 150.

Характеръ дѣятельности *Московскихъ Вѣдомостей* по остзейскому вопросу. 230—А.

Отвѣтъ *Ревельской Газеты* по вопросу о системѣ молчанія, единенія Прибалтійскаго края съ Имперіей и равноправности русскаго языка съ нѣмецкимъ. 261.

„Воззваніе къ европейской гласности“ остзейскихъ нѣмцевъ и отголоски его въ германской печати. 275.

Циркуляръ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати отдѣльнымъ цензорамъ по внутренней цензурѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. 277.

Единство между верховной властью и народомъ. Остзейскій сепаратизмъ. 284—А.

Судьба одной Латышской газеты и ея издателей (г. Вольдемара, г. Бесбардиса и др.). 226.

Дѣло г. Вольдемара. 236.

Почему была запрещена газета г. Вольдемара. 246 (стр. 717).

Полемика съ остзейскими газетами по дѣлу г. Вольдемара и по вопросу о русскомъ языкѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. 249.

Судьба постигшая г. Бесбардиса за составленіе вѣрноподданническаго адреса отъ Латышей въ 1863 г. 241—Б. 247. 256.

Пути сообщенія.

Содѣйствіе земствъ сооруженію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. 33. (стр. 86).

Важность линіи Москва—Кіевъ—Одесса и благопріятный моментъ для ея построенія. 67.

Значеніе линіи Москва—Кіевъ—Одесса. Вредъ гарантіи чистаго дохода для частныхъ предпріятій. 74.

Ироніи судьбы надъ усиліями Россіи сблизиться съ Западомъ; участь желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. 199 (стр. 569).

Объ условіяхъ сдачи участка отъ Курска до Кіева. 212. 228.

Система поверстной гарантіи и гарантіи съ дѣйствительно затраченнаго капитала. 233—Б. (стр. 672).

Вопросъ о направленіи вѣтви для соединенія Витебска съ Орломъ. (На Могилевъ или на Смоленскъ?) 260.

Разборъ мнѣнія г. Тернера о привлеченіи заграничныхъ капиталовъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ и развитія другихъ источниковъ внутренняго благосостоянія въ Россіи. 272.

Ходатайство г. Офенгейма о концессіи на постройку Черновицко-Одесской ж. д. 279 (стр. 818).

Отзывъ англійскихъ инженеровъ и г. Офенгейма о работахъ русскихъ инженеровъ, производившихъ разысканія на предполагаемой линіи; возраженіе капитана Шпилева. Условія предлагаемыя г. Офенгеймомъ. 280.

Нѣсколько словъ о брошюрѣ г. фонъ-Дервиза „Русскія желѣзныя дороги“ и вызовѣ его принять на себя постройку Орловско-Кіевской линіи. Ходъ работъ по Рязанско-Козловской ж. д. Линія Москва—Кіевъ—Одесса. 284—Б.

Сельское хозяйство.

Главныя потребности русскаго сельскаго хозяйства и русской народной жизни. 52.

Мѣры къ улучшенію тонкорунаго овцеводства на югѣ Россіи. 155—А.

Лѣсопстребленіе и мѣры противъ него. 174.

Самоуправленіе.

1. Городское.

Несостоятельность Распорядительной Думы какъ отдѣльнаго отъ Общей Думы учрежденія. 118.

Полемика съ *С.-Петербургскими Вѣдомостями* по вопросу о газоосвѣщеніи Москвы. 242.

2. Земское.

Будущая дѣятельность открывающихся земскихъ собраній. 33.

Земскія учрежденія въ Бельгіи. 35.

Важность выбора *мѣстныхъ* лицъ, принципа безмездности въ земской службѣ и сближенія сословій. 37.

Результаты и выводы самарскихъ выборовъ: 1) вредъ сословной организаціи съѣзда отъ сельскихъ общинъ, 2) желательность усиленія въ земскихъ собраніяхъ представительства крупнаго землевладѣнія. 48.

Способъ избранія на земскихъ собраніяхъ. 50—А.

Опасность въ будущемъ земскаго избирательнаго закона. 56.

Результаты пензенскихъ выборовъ. Значеніе безмездности въ земской службѣ въ виду преобладанія въ ней крестьянскаго элемента. 62.

Дѣятельность земскихъ собраній и управъ въ ближайшемъ будущемъ. 65.

Опасность преобладанія крестьянъ въ дѣлѣ самоуправленія и необходимость привлеченія крупныхъ землевладѣльцевъ. Значеніе безмездности въ земской службѣ. 70.

Слабыя стороны новыхъ земскихъ учрежденій. 106.

Избирательный землевладѣльческій цензъ и правильныя основанія для его назначенія. 108.

Необходимость усиленія элемента крупнаго землевладѣнія. Недостаточность существующей земской организаціи для борьбы съ пожарами и необходимость скорѣйшаго введенія мироваго суда. 116.

Примѣненіе начала безмездности въ земскомъ самоуправленіи. 170.

Земскій поземельный банкъ. 177.

Сословія.

Русское дворянство и русскій народъ; ихъ взаимныя отношенія. 8.

Заграничная печать о московскихъ дворянскихъ выборахъ. 30.

Экономическое разстройство землевладѣльческаго класса и необходимость огражденія его интересовъ. 138.

Что такое дворянство. 215 (стр. 619).

Духъ и характеръ русскаго дворянства. 251.

Объясненіе побужденій московскаго дворянства при составленіи всеподданнѣйшаго прошенія. 252.

Окончаніе дворянскихъ выборовъ въ Москвѣ. 255—А.

Александровскій дворянскій банкъ и Александровскій дворянскій институтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. 267.

Судебное дѣло.

Основныя преимущества новыхъ судебныхъ уставовъ передъ старыми. 79—А.

Общія соображенія по вопросу о приведеніи въ дѣйствіе новой судебной системы. 80—А.

Начало словеснаго суда—самое существенное начало новыхъ уставовъ. 81.

Невозможность одновременнаго и повсемѣстнаго введенія новой системы судовъ во всей ея полнотѣ. 82.

Необходимость измѣненія судебно-полицейскаго дѣлопроизводства. 86.

Планъ развитія и улучшенія мироваго института. Мѣры къ улучшенію судовъ. 87.

Разница между крестьянской и судебной реформой и невозможность введенія ихъ однимъ и тѣмъ же способомъ. 90.

Польза опыта введенія *полной* новой системы судовъ хотя бы въ одной или двухъ губерніяхъ. 92.

О привлеченіи на новыя должности способныхъ людей и правильномъ распредѣленіи ихъ по роду дѣятельности. 93.

Чѣмъ должна быть судебная защита. 135—А.

Цѣль и смыслъ публичнаго суда. Какова должна быть его обстановка. 185.

Временныя мѣры къ улучшенію уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. 227—А.

Учебное дѣло.

Необходимость увеличенія средствъ на народныя училища. 59.

Дѣло женскаго народнаго образованія. 254.

Опасности грозящія новому уставу гимназій. Реальныя школы въ Россіи и въ Пруссіи. 43.

Реальная школа не можетъ быть общеобразовательной. 54.

Классическая и реальная школа въ Западной Европѣ. 71.

Исторія учебнаго дѣла въ Россіи съ 30-хъ до 60-хъ годовъ. Разъясненіе сущности и смысла классической и реальной школы. Старанія исказить новый уставъ. 184.

Какая цѣль убавлять число существующихъ университетскихъ гимназій? Проектъ введенія въ Виленскомъ округѣ новаго гимназическаго устава. 189.

Необходимость поднять педагогическое дѣло въ Россіи. Медленность введенія новаго устава. Разборъ „Инструкціи относительно объема преподаванія учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.“ 192.

Педагогическое значеніе греческаго языка. Дѣло введенія новаго устава въ Московскомъ и Виленскомъ учебныхъ округахъ. 197.

Судьба народнаго просвѣщенія въ Россіи. 199.

Ходъ дѣла по введенію новаго устава гимназій. 206. 214.

Дѣло о превращеніи Таганрогской гимназіи въ реальную. 224.

Вопросъ о превращеніи Нѣжинскаго лицея въ технологическій институтъ. 218. 225.

Распоряженія министерства народнаго просвѣщенія по введенію новаго гимназическаго устава. 235.

Учрежденіе въ Москвѣ земской гимназіи. Ходатайство лютеранскаго училища св. Петра и Павла о своемъ преобразованіи въ гимназію. 237.

По дѣлу о преобразованіи училища св. Петра и Павла. 245.

Мысль пригласить учителей древнихъ языковъ изъ Чехіи. 238 (стр. 695).

Многопредметность и концентрація. 273. 278.

Скороспѣлое приготовленіе молодежи къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. 42—Б.

Новое постановленіе Ученаго Комитета о пріемѣ въ университетъ. 159.

По поводу столѣтней годовщины смерти Ломоносова. (Въ защиту Академіи Наукъ). 73—Б.

Значеніе и заслуга Академіи Наукъ (По поводу нападокъ *Голоса* на преобладаніе въ ней нѣмецкаго элемента). 76.

Отношеніе Академіи Наукъ къ дѣлу русскаго просвѣщенія. Корреспонденція *Кельнской Газеты* о скудости и безсиліи русской интеллигенціи; наша система обученія какъ причина этого. 220.

Учебникъ географіи Даніеля и полемика по поводу его съ *Голосомъ*. 51. 66. 72—Б.

Дисциплина въ школѣ. 179.

Исторія Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ (По поводу 50-лѣтняго юбилея). 200.

Финансовые вопросы.

1. Питейное дѣло.

Вопросъ о питейныхъ лавочкахъ. 104.

О законодательныхъ мѣрахъ противъ пьянства. 121.

Средства ограниченія числа распивочныхъ заведеній, какъ главныхъ разсадниковъ пьянства. 132.

О допущеніи скидки акциза за усышку и утечку спирта лежащаго на складахъ. 135—Б.

2. Пошлины.

Льняное производство въ Россіи и средство упрочить его будущность. 40.

Покровительственный, запретительный и охранительный тарифъ. 139.

3. Финансы.

Проекты трехъ поземельныхъ банковъ. Затруднительность поземельнаго кредита въ Россіи. Потребность въ краткосрочномъ кредитѣ и значеніе обществъ взаимнаго кредита. 14.

Полугодичная сводная таблица счетовъ государственнаго банка. 98.

Наивыгоднѣйшій способъ замѣны или устраненія публичныхъ фондовъ. 99.

Политическое значеніе и сила поземельнаго кредита. 141.

Разборъ проекта бельгійскаго банка. 143.

Поземельный кредитный банкъ барона Френкеля. 144. 146. 152. 282.

Выгода земскихъ и дворянскихъ банковъ. 149.

Право казны закладывать государственныя имущества. 208.

Измѣненія возможныя въ металлическомъ размѣнномъ фондѣ. Дѣла государственнаго банка за послѣдніе десять мѣсяцевъ. 248.

Вопросъ о 5½% рентѣ и 5% государственныхъ билетахъ. Система непрерывнаго выпуска облигацій. 253.

Поземельный банкъ г. Тарасенкова-Отрѣшкова. 266.

Финансовое положеніе Соединенныхъ Штатовъ и сходство его съ финансовымъ положеніемъ Россіи. 274.

Россія въ Средней Азіи.

Что значатъ толки французской и англійской печати о призваніи Россіи въ Азію? 47.

Возраженіе газетѣ *Journal de St.-Pétersbourg*, осуждающей статьи *Московскихъ Вѣдомостей* о русской политикѣ въ Средней Азіи. 60.

Взятіе Ташкента. 158—А.

Отношеніе англійскаго правительства и англійской печати къ русскимъ завоеваніямъ въ Средней Азіи. 198. 246.

Русская власть въ Ташкентѣ. 257.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ.

Политическое положеніе Пруссіи. 4.

Разоблаченіе тайныхъ переговоровъ между Австріей и Пруссіей по дѣлу присоединенія Герцогствъ къ Пруссіи и волненіе вызванное этими переговорами въ Германіи и внѣ ея. 11.

Возможность разрыва между Англіей и Америкой. Заявленіе лорда Росселя касающееся Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса Признаки разлада между Австріей и Пруссіей. 17.

Согласно ли съ видами и интересами Россіи присоединеніе Герцогствъ къ Пруссіи? 27.

Враждебное настроеніе Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ къ Англіи и Франціи. Возможность войны съ Америкой сковываетъ ихъ европейскую политику. Дальнѣйшіе успѣхи Пруссіи. Чѣмъ можетъ вознаградить себя Россія? 36.

Уступчивость Австріи и самоувѣренность Пруссіи. Возбужденіе Франціей вопроса о національностяхъ въ Герцогствахъ. Увѣренность Пруссіи въ сочувствіи Россіи ея видамъ. 49.

Слухи о соглашеніи между Россіей и Пруссіей относительно Шлезвигъ-Гольштинскихъ и Польскихъ дѣлъ. 53. 60. (стр. 161).

Перемѣна въ отношеніяхъ Австріи и Пруссіи. Предположеніе поднять вопросъ о герцогствахъ на германскомъ сеймѣ. Выгода положенія Пруссіи. 55.

Политика чувствъ и отвлеченныхъ началъ и политика интересовъ. 73—А. 83.

Прусская политика захватовъ и ея послѣдствія. 88.

Столкновеніе между Бисмаркомъ и палатой по дѣлу о займѣ 10 милліоновъ талеровъ на укрѣпленіе Кильской гавани. Связь Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса съ польскимъ. 113.

Двусмысленность взаимныхъ отношеній между державами. 130.

Дальнѣйшее развитіе вопроса о герцогствахъ. Виды Пруссіи. 165.

Близость рѣшенія Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса и вѣроятная побѣда Пруссіи. Причины уступчивости Австріи. 173.

Прусско-австрійская конвенція по Шлезвигъ-Гольштейнскому вопросу и негодованіе вызванное ею во Франціи. Политическая ловкость Бисмарка. Продолжающійся поворотъ во внутреннихъ австрійскихъ дѣлахъ въ пользу Венгерцевъ и др. національностей. 186.

Неудовольствіе Англіи и Франціи противъ австро-прусской конвенціи. Восточный вопросъ какъ поприще, на которомъ обѣ Западныя державы могутъ вознаградить себя за рѣшеніе Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса. 196.

Перемѣна въ настроеніи французскаго общественнаго мнѣнія въ пользу Пруссіи. 201.

Свиданіе Бисмарка съ Наполеономъ III въ Біаррицѣ 217.

Французская и англійская печать о свиданіи Бисмарка съ Наполеономъ III и его послѣдствіяхъ. Возможность возбужденія Восточнаго вопроса. 223.

Запутанность европейской политики: неудовлетворительные результаты свиданія Бисмарка съ Наполеономъ III и взаимное раздраженіе Пруссіи и Франціи. Усилія Англіи и Франціи побудить

Австрію къ перемѣнѣ своей итальянской политики и общіе виды ихъ на Востокѣ. 255—Б.

Двѣ корреспонденціи о русскихъ дѣлахъ. (Прусская интрига съ цѣлью вызвать недовѣріе къ Россіи). 258.

Двуличное поведеніе Пруссіи. Насколько союзы съ Пруссіей соотвѣтствуютъ интересамъ европейскихъ державъ. 269.

Обозрѣніе иностранной политики.

Политическій обзоръ за 1864 годъ; его результаты и завѣты. 1.

Признаки готовящихся революціонныхъ движеній. 2.

Политическое положеніе Европы: загадочное бездѣйствіе Англіи, вліяніе папской энциклики во Франціи, внутреннія дѣла Австріи, успѣхи Пруссіи. 7.

Новая фаза русскаго вопроса въ Европѣ. 57.

Успѣхи румынизаціи между Сербами, Болгарами и даже Русскими въ Буковинѣ. 95. 110.

Враждебное настроеніе молдо-валашскаго правительства къ Россіи. 279.

Тронная рѣчь императора Наполеона III. 29.

Слабыя стороны прусской конституціи. 15.

Неудовлетворительность состава прусской верхней палаты и преимущество австрійской. 19.

Подробности борьбы между прусской палатой и министерствомъ. 58.

Назначеніе лорда Гранвиля британскимъ посломъ въ Берлинѣ. 240.

Внутреннія дѣла Австріи. 25.

Вопросы внѣшней политики являются какъ въ Пруссіи, такъ и въ Австріи пунктомъ наибольшаго согласія между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Параллель между прусскимъ и австрійскимъ представительнымъ собраніемъ. 39.

Уступки Австріи по венгерскому вопросу въ виду затрудненій въ Италіи и Германіи. Возможность возбужденія Восточнаго вопроса. Русскій вопросъ. 122.

Неудовлетворительное состояніе внутреннихъ дѣлъ Австріи. 133.

Министерскій кризисъ въ Австріи. 136.

Перемѣна во внутренней политикѣ Австріи. Вліяніе этой перемѣны на ея внѣшнюю политику. Мысль Бисмарка о европейскомъ конгрессѣ. 145.

Какимъ образомъ принципъ равноправности національностей оказываетъ услуги нѣмецко-національной политикѣ Австріи. 163. 191 (стр. 542).

Безсиліе и безхарактерность галицко-русской интеллигенціи. 178.

Манифестъ императора Франца-Іосифа. 203.

Тронная рѣчь императора Франца-Іосифа при открытіи венгерскаго сейма и впечатлѣніе произведенное этой рѣчью. 271.

Сближеніе между Австріей и Франціей и его вѣроятныя послѣдствія. 286.

Предметъ занятій приближающейся сессіи англійскаго парламента? 21.

Послѣднія событія внутренней политики Англіи. 161.

Сближеніе между Англіей и Франціей и его возможныя послѣдствія для Россіи. Насколько Россія нуждается въ мирѣ? 193—Б.

Лордъ Пальмерстонъ и его дѣятельность. (По случаю его смерти). 219.

Леопольдъ I король Бельгійскій. (По случаю его кончины). Положеніе Бельгіи послѣ его смерти. 265.

Миролюбивая политика западныхъ державъ и значеніе ея для Россіи. 243.

Сѣверо-Американскія междоусобія. Успѣхи Сѣверянъ. Значеніе похода Шермана черезъ Георгію и связь этого похода съ операціями Гранта въ Виргиніи. 45—Б.

Убійство Авраама Линкольна и вліяніе этого событія на сѣверо-американскую распрю. 84.

Сѣверо-американскія дѣла и вліяніе ихъ на общеевропейскую политику. 107.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій въ Америкѣ, распущеніе войскъ. Внутреннія дѣла: вопросъ о будущемъ политическомъ положеніи черныхъ. 229.

1865 годъ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

Кончается старый годъ и начинается новый: le roi est mort, vive le roi! Но этотъ прошлый годъ замѣчателенъ особенно тѣмъ, что въ немъ не оказывается ничего что̀ можно было бы вполнѣ признать прошедшимъ, на чемъ дѣйствительно была бы видна печать совершенія. Все въ этомъ прошломъ году только продолжалось, и что̀ продолжалось, то̀ продолжается теперь. Никакой рядъ событій не получилъ въ немъ начала, и никакой рядъ событій не достигъ въ немъ своего конца, за исключеніемъ только побѣдоносныя Даніи соединенными силами двухъ великихъ германскихъ державъ. Но и шлезвигъ-гольштейнское дѣло не есть еще вполнѣ окончательное дѣло, хотя особыя отношенія, въ которыхъ очутились великія державы востока и запада Европы, неожиданно подняли Германію и дозволили Пруссіи приблизиться къ осуществленію ея властолюбивыхъ видовъ. Усиленіе Пруссіи—вотъ главный результатъ прошлаго года.

Еще не прошло полныхъ двѣнадцати мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ либеральная партія во всей Германіи осыпала Австрію и Пруссію ругательствами за равнодушіе къ національному дѣлу. Меньшія германскія государства, подъ руководствомъ г. фонъ-Бейста, саксонскаго министра, настаивали тогда на открытіи военныхъ дѣйствій, отъ котораго обѣ великія державы уклонялись. Въ первый разъ послѣ учрежденія Германскаго Союза, Австрія и Пруссія оказались тогда въ меньшинствѣ на сеймѣ. Вслѣдъ за тѣмъ обѣ великія германскія державы поспѣшили соединиться для совокупнаго дѣйствія. Связанныя лондонскимъ трактатомъ 1852 года, онѣ употребили германскій сеймъ, не связанный лондонскимъ трактатомъ, какъ орудіе чтобъ освободиться отъ международныхъ обязательствъ. Скоро орудіе сдѣлалось не нужнымъ и было съ пренебреженіемъ отброшено; меньшія государства Германіи принуждены были оставаться страдательными зрителями того, какъ попирались права германскаго сейма и какъ Австрія дѣлала уступку за уступкой въ пользу Пруссіи, расширявшей свои притязанія и все болѣе и болѣе выступавшей съ характеромъ представительницы и поборницы германскихъ національныхъ интересовъ.

Пруссія стоитъ теперь фактически во главѣ Германіи, Пруссія есть объединяющее начало въ Германіи, Пруссія есть мечъ ея. Усиленіе этой германской державы не можетъ не давать себя чувствовать соотвѣтственнымъ ущербомъ для сосѣдей и не возбуждать въ нихъ потребности возмѣщенія для возстановленія равновѣсія. Россія дала Пруссіи явныя доказательства своего доброжелательства; она обнаружила по династическому вопросу въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ уступчивость, которая не можетъ не быть оцѣнена всѣмъ Германскимъ Союзомъ. Но чѣмъ болѣе развивается германская національная политика, тѣмъ необходимѣе становится и для Россіи дѣйствовать въ смыслѣ своей національной политики, и тѣмъ менѣе такой образъ дѣйствій можетъ быть поставленъ ей въ укоръ ея сосѣдями. Усиливаясь въ своихъ западныхъ окраинахъ, Россія можетъ безъ особеннаго опасенія смотрѣть на усиленіе Германіи въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и на предстоящую реформу Германскаго Союза въ видахъ національнаго единства. Но равновѣсіе было бы совершенно нарушено, еслибы Россіи не удалось сплотиться бо-

лѣе прежняго, и еслибы между тѣмъ единство Германіи упрочивалось. На 1864 годъ пенять въ этомъ отношеніи мы не можемъ. Для Германіи онъ былъ счастливъ, но онъ былъ для Россіи счастливъ тѣмъ, что ознаменовался первыми серіозными опытами примѣненія русской національной политики къ вопросу польскому. Это были, правда, первые опыты, и польскій вопросъ еще остается вопросомъ, но съ другой стороны и по германскому вопросу событія не дали рѣшительнаго отвѣта. Развитіе этихъ двухъ вопросовъ еще можетъ идти параллельно.

Польскій вопросъ имѣетъ двѣ стороны. Какъ вопросъ политическій, онъ не что иное какъ вопросъ о Россіи. Польская политическая національность не можетъ существовать рядомъ съ русскою политическою національностью. Тутъ примиренія быть не можетъ, тутъ всякое кажущееся примиреніе было бы источникомъ новой вражды въ будущемъ и новыхъ бѣдствій. Добросовѣстность и доброжелательство къ людямъ польскаго происхожденія настоятельно требуютъ, чтобы мы не открывали обманчивыхъ видовъ на будущее для польской политической національности, не имѣющей будущаго. Но совсѣмъ другое дѣло—религіозная сторона польскаго вопроса. Польская національность должна слиться съ русскою національностью; безъ этого не возможенъ внутренній миръ въ Русской державѣ и даже невозможно прочное существованіе ея. Но римскій католицизмъ очень можетъ жить и процвѣтать рядомъ съ русскимъ православіемъ, если только разъединитъ себя съ польскою національностью. Въ этомъ разъединеніи религіозныхъ и національныхъ интересовъ заключается вся наша задача, все требованіе нашей національной политики. Блистательно исполненная мѣра закрытія латинскихъ монастырей, конечно, доказала римско-католическому духовенству, что его понятія о своей неприкосновенности были крайне преувеличены. Монастыри закрыты, и миръ не рушился. Отнынѣ должны исчезнуть надежды римско-католическаго духовенства на то что его вмѣшательство въ политическія дѣла будетъ проходить безнаказанно; оно должно сознать, что имѣетъ право на терпимость только въ качествѣ религіознаго учрежденія; оно должно печись о сохраненіи своего религіознаго характера въ чистотѣ отъ всякой примѣси, національной или политической, отъ всего такого, что, выводя его изъ религіозной сферы, ставило бы его въ оппозицію съ государственнымъ порядкомъ и государственными интересами.

Истекшій годъ завѣщеваетъ будущему году, въ числѣ многихъ вопросовъ, также вопросъ объ отношеніи римско-католической церкви къ государству. Этотъ вопросъ никогда еще не былъ поставленъ такъ ясно и рѣзко, какъ теперь, послѣ изданія папской энциклики. Замѣшательство, произведенное этою энцикликой въ отношеніяхъ римской куріи къ правительствамъ римско-католическихъ государствъ, должно разрѣшиться самыми важными послѣдствіями для римско-католической церкви и значительно подвинуть впередъ вопросъ о свѣтской власти папы. Чѣмъ явственнѣе обозначится различіе между правами церкви и государства въ державахъ римско-католическихъ, тѣмъ болѣе будетъ надежды на успѣхъ усилій, клонящихся къ тому, чтобы поставить римско-католическое духовенство въ правильныя отношенія къ государству въ державахъ не римско-католическихъ, какова Россія, и тѣмъ легче можно будетъ достигнуть разъединенія между церковными и національными интересами въ польскомъ краѣ Россіи. Въ этомъ отношеніи виды на будущее весьма благопріятны. Чтобы воспользоваться ими, намъ нужно одно,—ясно сознавать цѣль, къ которой мы должны идти, смотря по обстоятельствамъ, то прямымъ путемъ, то путями обходными.

Истекшій годъ былъ ознаменованъ блистательными успѣхами русскаго оружія на Кавказѣ и еще далѣе, въ глубинѣ Средней Азіи. Обширныя богатыя страны открылись для дѣятельности русскаго народа и для европейской цивилизаціи, которую русскій народъ призванъ распространить тамъ. Не очевидно ли однакоже, что эти успѣхи имѣютъ великую историческую цѣну лишь въ той мѣрѣ, въ какой русскій народъ является съ характеромъ народа европейскаго, и русское государство съ характеромъ европейской державы? Не обязываютъ ли насъ эти азіятскія пріобрѣтенія еще болѣе дорожить прочнымъ обладаніемъ тѣми западными окраинами нашего государства, которыя связываютъ его съ Европой? Въ западной Европѣ смотрятъ съ недовѣріемъ и опасеніемъ на возрастаніе нашего могущества: не потому ли это, что за нами

не признаютъ еще характера вполнѣ европейскаго? Не усилилось ли бы это недовѣріе, еслибы мы, все болѣе и болѣе проникая въ глубь Востока, дозволяли ослабѣвать своимъ живымъ связямъ съ Западомъ, и сами отступали отъ той исторической позиціи, которая упрочила за нами принадлежность къ Европѣ? Мы совсѣмъ сошли бы со сцены исторіи, еслибы потеряли способность цѣнить какое громадное значеніе имѣютъ для насъ пріобрѣтенія послѣднихъ полутораста лѣтъ, какъ существенно необходимы для насъ тѣ западныя части нашего государства, безъ которыхъ оно немыслимо, какъ государство европейское.

Забота о тѣснѣйшемъ соединеніи нашего запада съ нашимъ востокомъ должна быть душою русской политической жизни. Но то соединеніе не было бы тѣснымъ, которое оставалось бы внѣшнимъ. Прочность государства только тогда обезпечена, когда между составными частями его образовалась внутренняя связь. До сихъ поръ, какъ во всемъ остальномъ, такъ и здѣсь, мы довольствовались внѣшностью, а о внутреннемъ почти не заботились. Теперь очевидно наступаетъ иная пора, и вмѣстѣ съ нею являются иныя потребности. Теперь уже недостаточно внѣшнее государственное единство: нужны связи внутреннія, нужно единство національное, скрѣпляемое національнымъ направленіемъ государственнаго развитія. Потребность въ этой новой силѣ сказывается явственно. Мы не должны скрывать отъ себя, что составляетъ предметъ внимательнаго наблюденія политическихъ людей западной Европы, смотрящихъ съ опасеніемъ на наше возрастаніе. Безпрестанно случается читать въ иностранныхъ газетахъ, что уже самое существованіе Россіи угрожаетъ Европѣ, а внутреннія реформы, совершающіяся у насъ, должны повести Россію къ такому развитію ея силъ, которое удесятеритъ ожидаемую съ ея стороны опасность для европейскаго равновѣсія и европейской цивилизаціи. Нельзя отрицать, что при загадочномъ характерѣ Россіи эти опасенія очень понятны. Но тѣмъ болѣе мы обязаны быть насторожѣ противъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ быть вызваны этими опасеніями. Внѣшнее нападеніе теперь не угрожаетъ намъ ни съ какой стороны: на внѣшнее нападеніе у насъ готовъ внѣшній отпоръ; внѣшняя опасность соединяетъ насъ и слѣдовательно затрудняетъ борьбу съ нами; все это уже испытано и не подлежитъ сомнѣнію. Но тѣмъ естественнѣе должны быть попытки дѣйствовать противъ насъ потаенными средствами внутренней борьбы, не требующими и не вызывающими внѣшняго отпора, и есть всѣ признаки, что именно этими средствами предполагаютъ дѣйствовать тѣ, кого заботитъ наше возрастаніе.

Наступающій годъ едва ли обойдется безъ внутреннихъ волненій въ Европѣ. По всѣмъ признакамъ, это будетъ годъ не войнъ, а революціонныхъ и національныхъ движеній. Въ назначеніи принца Наполеона вице-президентомъ тайнаго совѣта, многія газеты видятъ не только демонстрацію противъ папы, но и поощрительный призывъ, обращенный къ элементамъ броженія въ Европѣ. Теперь уже ни для кого не тайна, что эти элементы обыкновенно дѣйствуютъ не сами собой, а подъ руководствомъ могущественныхъ правительствъ, дающихъ имъ направленіе и указывающихъ имъ цѣли. Вотъ одна изъ наиболѣе вѣроятныхъ опасностей, которыми можетъ угрожать намъ наступающій годъ.

Но что бы ни ожидало насъ въ будущемъ году, мы не можемъ не радоваться тому, что въ нашемъ обществѣ держится тотъ высокій и крѣпкій національный духъ, который съ такою силой пробудился въ 1863 году. Мы не можемъ не радоваться очевиднымъ признакамъ, доказывающимъ, что этотъ духъ не есть явленіе эфемерное и случайное, какъ желали бы истолковать его наши недоброжелатели; этотъ духъ есть дѣйствительная сила, въ которой все наше спасеніе, все наше будущее. Никогда еще этотъ народный духъ не заявлялъ себя въ нашемъ обществѣ съ такимъ постоянствомъ, твердостью и зрѣлостью, какъ въ эти два послѣдніе годы. Неблагопріятныя условія могутъ заставить поникнуть этотъ духъ, но все свидѣтельствуетъ, что погибнуть онъ не можетъ. Онъ слишкомъ ясно сказался, слишкомъ сильно далъ себя почувствовать; сжимаясь, онъ только сильнѣе обнаружитъ свою упругость. Національное чувство, проснувшееся въ нашемъ обществѣ, повторимъ, есть дѣйствительная сила. Какая разница между тѣмъ что было у насъ года три тому назадъ и тѣмъ настроеніемъ общества, которое замѣчаемъ теперь? Нельзя безъ ужаса вспомнить о томъ что мы пережили

еще такъ недавно, когда всякое безуміе и всякое безсмысліе господствовали деспотически надъ беззащитнымъ обществомъ, гдѣ все казалось убитымъ, и которое ничему не было въ состояніи дать отпоръ. Теперь это печальное явленіе не повторится, что бы ни происходило вокругъ.

№ 2.

Москва, 2-го января.

За мирными заявленіями императора Наполеона послѣдовали и нѣкоторыя фактическія доказательства его желанія сохранять миръ въ Европѣ. Въ только что обнародованномъ докладѣ французскаго министра финансовъ рѣчь идетъ о сокращеніи, въ нынѣшнемъ году, бюджета военнаго министерства на 21 милліонъ франковъ, а бюджета морскаго министерства—на 23 милліона. При этомъ заявлено, что съ теченіемъ времени чрезвычайные расходы по этимъ министерствамъ, простирающіеся теперь до 65 милліоновъ, будутъ совершенно устранены. Въ то же время италіянская газета *Italia militare* заявляетъ, что сбереженія по военному и морскому бюджетамъ Италіи будутъ простираться въ нынѣшнемъ году до $62^1/_2$ милліоновъ франковъ. Тѣмъ не менѣе Австрія, повидимому, нисколько не довѣряетъ ни словеснымъ, ни фактическимъ доказательствамъ французскаго и италіянскаго миролюбія, и какъ телеграфируютъ изъ Вѣны, отъ 7-го января, нисколько не думаетъ уменьшать свою армію, напротивъ, даже готова принять дальнѣйшія мѣры для своей безопасности. Съ этою цѣлью она во всеуслышаніе заявляетъ, что болѣе всего дорожитъ союзомъ съ Пруссіей въ видахъ сохраненія общеевропейскаго мира, и въ этихъ же видахъ, какъ кажется, готова сдѣлать нѣкоторыя уступки прусскому властолюбію. Впрочемъ, какъ пишутъ изъ Вѣны въ *Кельнскую Газету*, Австрія считаетъ свой союзъ съ Пруссіей столько же необходимымъ для безопасности Пруссіи, сколько и для своей собственной, и поэтому надѣется, что Пруссія не будетъ слишкомъ притязательна въ своихъ требованіяхъ. 11-го января прусскій принцъ Фридрихъ Карлъ долженъ былъ выѣхать изъ Берлина въ Вѣну, съ тѣмъ чтобы возвратиться не прежде 18-го числа. Главнымъ предметомъ переговоровъ, которые поручено ему вести въ Вѣнѣ, будетъ служить, какъ увѣряютъ, пересмотръ военнаго устройства Германскаго Союза, а равно и опредѣленіе случаевъ и размѣровъ взаимной другъ другу помощи въ случаѣ внѣшней опасности.

Спрашивается: какой же опасности ожидаютъ Австрія и Пруссія при явно миролюбивомъ настроеніи наполеоновской Франціи? Какая опасность грозитъ обѣимъ этимъ державамъ и заставляетъ ихъ, при всемъ ихъ разногласіи по германскому вопросу вообще и по шлезвигъ-гольштейнскому въ особенности, держаться въ союзѣ между собой и принимать начетистыя мѣры предосторожности на случай внѣшнихъ замѣшательствъ? Откуда возьмутся эти внѣшнія замѣшательства, которыя онѣ предвидятъ и которыхъ отчасти опасаются? Отвѣчать на этотъ вопросъ довольно трудно. Намекомъ на отвѣтъ служатъ, однакоже, слѣдующія факты: съ одной стороны—назначеніе принца Наполеона вице-президентомъ тайнаго совѣта, а съ другой—необыкновенное движеніе, которое въ послѣднее время происходитъ въ средѣ польскихъ эмигрантовъ во Франціи и въ Швейцаріи. Оба эти факта находятся, повидимому въ нѣкоторой связи какъ между собою, такъ и съ предшествовавшими событіями, а равно съ тѣмъ, что происходитъ въ Дунайскихъ княжествахъ. Наполеоновская Франція и пальмерстоновская Англія, какъ извѣстно, нерѣдко дѣйствуютъ противъ другихъ государствъ не только силой оружія, но и съ помощью революціонныхъ происковъ. Всесвѣтная революціонная организація всегда готова къ ихъ услугамъ. Гарибальди не даромъ же чествовался въ Англіи весною прошедшаго года, и повидимому, не даромъ приписываютъ ему планы революціонныхъ экспедицій, задуманныхъ для весны нынѣшняго года. Другой избранникъ всесвѣтной революціи, дворецъ котораго въ Парижѣ служитъ сборнымъ пунктомъ для отъявленныхъ революціонеровъ, который въ мартѣ 1863 года, въ полномъ собраніи французскаго сената, дозволилъ себѣ самыя оскорбительныя противъ Россіи выходки, призванъ теперь къ высокому посту во Французской имперіи, и облеченъ, повидимому, полнымъ довѣріемъ императора Наполеона. Что бы ни говорили князю Меттерниху въ Парижѣ по поводу назначенія принца Наполеона вице-

президентомъ тайнаго совѣта, какъ бы ни старались отнять у этого факта знаменательный и тревожный для другихъ государствъ характеръ, тѣмъ не менѣе назначеніе это имѣетъ смыслъ сигнала поданнаго всѣмъ такъ-называемымъ угнетеннымъ національностямъ, и знаменуетъ собою наклонность Франціи идти путемъ тайныхъ революціонныхъ происковъ. Мы уже упомянули, что въ такомъ именно смыслѣ понимаютъ это назначеніе въ Европѣ. Вотъ что пишутъ по этому поводу изъ Парижа въ *Кельнскую Газету*: „Новое назначеніе „принца имѣетъ несомнѣнно важный смыслъ, „насчетъ котораго не слѣдуетъ обманы„ваться. Онъ издавна представлялъ собою „въ императорской фамиліи бурливый эле„ментъ, и всегда былъ вѣренъ своей про„граммѣ. Возможно бо́льшій либерализмъ „внутри и революціонная политика внѣ, „вотъ, по его мнѣнію, жизненныя условія „бонапартизма. Но такъ какъ императоръ „Наполеонъ всегда съ величайшимъ отвра„щеніемъ дѣлаетъ уступки въ вопросахъ „внутренней свободы, то тѣмъ большее бу„детъ имѣть вліяніе принцъ Наполеонъ въ „той области, гдѣ господствуетъ болѣе „полное согласіе между нимъ и императо„ромъ, — въ области внѣшней политики. Съ „назначеніемъ принца Наполеона, съ уси„леніемъ чрезъ то его вліянія, приверженцамъ политики національностей, несомнѣн„но, открываются самые лучшіе виды въ „будущемъ. Поэтому-то", прибавляетъ корреспондентъ, „возвышеніе его произвело „весьма непріятное впечатлѣніе въ дипло„матическихъ сферахъ, и донесенія, кото„рыя посылаютъ здѣшніе посланники къ „своимъ правительствамъ, менѣе всего от„личаются радостнымъ характеромъ". То, что заготовлялось въ 1864 году въ видахъ революціоннаго потрясенія Европы, начинаетъ обнаруживаться въ настоящее время. Мы можемъ повторить сказанное третьяго дня, что наступившій годъ, по всѣмъ признакамъ, будетъ годомъ внѣшняго міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ — годомъ всякаго рода революціонныхъ конвульсій. Чего нельзя было достигнуть внѣшнею силой, къ тому надѣются придти путемъ интригъ и ковней.

Въ какую сторону, противъ кого именно будутъ направлены эти козни, на это отчасти указываетъ движеніе, которое теперь происходитъ въ средѣ польскихъ эмигрантовъ, пользующихся симпатіями Палеройяля. Въ нижеприведенныхъ выпискахъ изъ иностранныхъ газетъ читатели обратятъ особенное вниманіе на то, что самая многочисленная и вліятельная партія эмигрантовъ, которая примыкаетъ къ князю Адаму Сапѣгѣ, имѣетъ въ виду дѣйствовать заодно съ всесвѣтною европейскою революціей, и на нее возлагаетъ всѣ надежды будущаго польскаго возстанія. Кто знаетъ всю ненависть этихъ польскихъ эмигрантовъ къ Россіи, кому памятны многочисленныя заявленія подсудимыхъ познанскихъ Поляковъ, — заявленія, что они считаютъ возможною только борьбу противъ Россіи, — тотъ не усомнится, что усилія всесвѣтной революціоной организаціи будутъ устремлены преимущественно противъ нашего отечества. Недаромъ телеграфируютъ изъ Берлина во всѣ вѣнскія газеты что польская революціонная партія въ Россіи снова начинаетъ шевелиться, а въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, органѣ весьма серіозномъ, пишутъ даже, во главѣ политическаго обозрѣнія, будто бы на помощь этой революціонной партіи весною нынѣшняго года прибудетъ вооруженная экспедиція, которая произведетъ высадку въ Самогитіи (Жмуди, въ Ковенской губерніи). Это извѣстіе, очевидно, черезчуръ нелѣпо, но за нимъ должно, кажется, что-нибудь скрываться. Какъ бы предвидя волненія съ этой стороны, прусскія начальства Познанской провинціи хлопочутъ изъ всѣхъ силъ, чтобъ оградить ея безопасность съ помощью постоянныхъ гарнизоновъ въ пограничныхъ мѣстахъ, и съ этою цѣлью составляются даже прошенія, во многихъ округахъ Познани, на имя прусскаго сейма.

Никакія интриги и никакія революціонныя козни не были бы страшны для Россіи, еслибы только разсѣялся мракъ недоразумѣній, который ее покрываетъ, и если охранительныя силы, которыми располагаетъ наше общество, вполнѣ явятъ себя. Всесвѣтная революція была бы безсильна бороться съ этою громадною силой. Настроеніе русскаго общества теперь самое здоровое. Патріотизмъ Русскаго народа, благодаря твердости и великодушію Вѣнчаннаго Вождя его, уже спасъ цѣлость и величіе Русской державы въ 1863 году отъ внѣшнихъ опасностей, которыя ей грозили; патріотизмъ Русскаго народа будетъ въ силахъ спасти Россію и отъ тѣхъ невидимыхъ опасностей, которыя, быть-можетъ, собираются вокругъ нея. Но для

этого патріотизмъ долженъ бодрствовать. „Отечество ожидаетъ, что каждый исполнитъ свою обязанность“,—вотъ приказъ, который отдалъ знаменитый Нельсонъ предъ началомъ Трафальгарской битвы, и вотъ девизъ, который въ настоящее время должны усвоить себѣ всѣ вѣрные сыны Россіи.

№ 3.

Москва, 4-го января.

Въ *Indépendance belge*, отъ 10-го января, снова появилось одно изъ тѣхъ диковинныхъ, чудовищно-лживыхъ петербургскихъ писемъ, на которыя мы не разъ уже обращали вниманіе нашихъ читателей. Публицистъ бельгійской газеты съ торжествомъ доводитъ до свѣдѣнія своей публики, что въ настоящее время въ Россіи началась рѣшительная борьба между двумя партіями,—либеральною и патріотическою, или ультра-патріотическою, какъ онъ ее называетъ. „Два года тому назадъ“, говоритъ этотъ публицистъ, „Россія была на пути „истиннаго прогресса: правда, она подви„галась впередъ медленно, но все-таки по„двигалась. Со времени же польскаго воз„станія зловредныя испаренія ультра-рус„ской реакціи заразили политическую атмо„сферу, и теперь не безъ прискорбія за„мѣчаютъ, что Россія много отодвинулась „назадъ, въ продолженіи этого кризиса „преувеличеннаго патріотизма. Правитель„ство пріобрѣло пагубную наклонность сво„дить всѣ вопросы внутренней политики „къ этому несчастному вопросу польскому, „который сталъ пугаломъ, препятствую„щимъ всякому либеральному начинанію“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію публициста бельгійской газеты, Россія была на пути полнаго прогресса въ концѣ 1861 г. и въ 1862 г., и напротивъ отодвинулась далеко назадъ въ 1863 и 1864 годахъ. Въ чемъ же заключался этотъ прогрессъ 1862 года? Въ томъ ли, что русская періодическая литература стала тогда средоточіемъ всякаго рода лжеученій, доходившихъ до крайняго безумія и цинизма? въ томъ ли, что правительство принуждено было закрыть Петербургскій университетъ, вслѣдствіе того, что университетское юношество не училось, а занималось всякаго рода политическими демонстраціями? въ томъ ли, что и по Петербургу, и по всей Россіи распространялись подметныя письма самаго безумнаго содержанія, и все русское общество, отъ мала до велика, съ трепетомъ или съ сочувствіемъ, внимало голосу лондонскаго *Колокола*? Этотъ ли годъ, спрашиваемъ мы, былъ годомъ радости и счастія,—годъ, ознаменовавшійся страшными петербургскими пожарами, годъ, когда дворяне Подольской губерніи, не только польскаго, но и русскаго происхожденія, находили возможнымъ открыто требовать присоединенія юго-западнаго края Россіи къ Царству Польскому, имѣя въ виду его автономію и даже совершенное отдѣленіе, когда въ сѣверозападномъ краѣ почти явно производилась агитація въ томъ же направленіи. Когда въ Царствѣ Польскомъ почти всѣ Русскіе были исключены изъ службы, и войска были въ необходимости терпѣливо сносить оскорбленія и оплеванія со стороны польскихъ патріотовъ,—когда наконецъ въ Ригѣ на „праздникѣ пѣвцовъ“, вмѣсто русскаго національнаго гимна, пѣлась пѣснь собиранія нѣмецкой земли: *Was ist des deutschen Vaterland?* Если, по мнѣнію публициста бельгійской газеты, таковъ долженъ быть прогрессъ и либерализмъ въ Россіи, то мы должны сознаться, что „ультрапатріотическая русская партія“, какъ онъ ее называетъ, нисколько не сочувствуетъ такому прогрессу и такому либерализму, и если петербургскій корреспондентъ предвѣщаетъ намъ близость полнаго торжества такой прогрессивно-либеральной партіи, то партія патріотическая, къ которой принадлежитъ весь русскій народъ, должна тѣснѣе сомкнуть ряды свои вокругъ царскаго престола и изготовиться къ рѣшительной борьбѣ съ врагами отечества. Но по счастію, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что предсказанія петербургскаго корреспондента относительно будущаго также ложны, какъ и его показанія относительно прошедшаго.

Съ того времени, какъ возбудился патріотизмъ въ русскомъ народѣ, съ этого самаго времени, по словамъ петербургскаго корреспондента бельгійской газеты, зловредныя испаренія ультра-русской реакціи заразили политическую атмосферу Россіи, и отодвинули много назадъ наше отечество. Но этотъ корреспондентъ забылъ, что именно это время ознаменовалось совершеніемъ значительнѣйшихъ реформъ: въ эту именно пору, когда, по увѣренію корреспондента, правительство пріобрѣло

пагубную, какъ онъ выражается, наклонность сводить всѣ вопросы внутренней политики къ вопросу польскому, этому пугалу, которое препятствовало всякому либеральному начинанію, — именно въ ту пору состоялись положенія о земскихъ учрежденіяхъ и о судебной реформѣ, новые уставы университетовъ и гимназій, и самый уставъ книгопечатанія, такъ долго лежавшій подъ спудомъ, получилъ нѣкоторое движеніе; именно въ эту пору серіозное обсужденіе предметовъ общественной важности въ русской печати пріобрѣло такіе размѣры и такое значеніе, какихъ никогда не имѣло, и которые конечно свидѣтельствуютъ не объ упадкѣ русскаго общества и не о недостаткѣ либерализма въ русскомъ правительствѣ. Да и вообще, какой прогрессъ возможенъ, когда народный духъ поникъ, когда народное чувство остается безъ выраженія?

Этотъ корреспондентъ такъ привыкъ разчитывать на невѣжество, несообразительность или глупость своей публики, что онъ, не задумываясь, увѣряетъ, будто бы такъ-называемая имъ ультра-русская партія стояла за соединеніе желѣзною дорогой Москвы съ Одессой черезъ Кіевъ въ тѣхъ видахъ чтобы.... лишить нѣкогда польскія губерніи юго-западнаго края новой желѣзной дороги! Нельзя не подивиться, что бельгійская газета рѣшается печатать подобныя вещи, не боясь уронить себя во мнѣніи своей публики. Кому даже изъ школьниковъ неизвѣстно, что именно московско-кіево-одесская линія пересѣкла бы, въ одной своей части, бывшій нѣкогда польскій край, тогда какъ кременчугская линія, напротивъ, оставила бы его совсѣмъ въ сторонѣ?

Въ заключеніе этихъ выходокъ, корреспондентъ съ торжествомъ объявляетъ, что именно на этомъ пунктѣ, по вопросу о направленіи этой желѣзной дороги, „партія *Московскихъ Вѣдомостей*“ (le parti de la *Gazette de Moscou*) вскорѣ потерпитъ свое *первое* пораженіе, за которымъ не преминутъ послѣдовать и другія. Мы не знаемъ, о какой это партіи говоритъ корреспондентъ. Если онъ считаетъ за особую партію всѣхъ тѣхъ, кто вообще сочувствуетъ направленію, которому служатъ *Московскія Вѣдомости*, то онъ рѣшительно ошибается. Въ нашемъ направленіи нѣтъ ничего особеннаго; въ немъ не выражается никакой партіи; оно не примыкаетъ ни въ какой отдѣльной группѣ интересовъ. Никогда не принадлежали мы и не хотѣли принадлежать ни къ какой партіи; въ этомъ полагали мы всю силу нашего общественнаго служенія, и если насъ относятъ къ русской партіи, то это можетъ только значить, что мы принадлежимъ къ партіи русскаго народа. Мы видимъ въ этомъ, конечно, не порицаніе, а честь, которую, впрочемъ, раздѣляемъ со всякимъ честнымъ русскимъ человѣкомъ. Еслибы, какъ увѣряетъ корреспондентъ бельгійской газеты, этому направленію, въ наступившемъ году, предстояли только пораженія, то намъ пришлось бы скорбѣть отнюдь не за свое личное дѣло, а за дѣло цѣлой Россіи. Изъ какихъ же видовъ этотъ корреспондентъ старается запугать патріотически-настроенное русское общество? Онъ постоянно силится въ этой газетѣ злонамѣренно толковать разныя обстоятельства и случаи въ ходѣ нашихъ государственныхъ дѣлъ, чтобы придать имъ значеніе, котораго они не имѣютъ, и нагло употребляетъ во зло даже имена для прикрытія какихъ-то затаенныхъ своихъ видовъ. Что интереснаго для бельгійской публики въ подобныхъ сообщеніяхъ? Если же они разчитаны на публику русскую, то какая можетъ быть цѣль ихъ, — кромѣ надежды произвести смуту въ умахъ и вызвать недоразумѣнія?

Ультра-русская партія! Какое оскорбленіе наносится русскому народу уже самымъ этимъ названіемъ? Кто когда-нибудь позволялъ себѣ говорить объ ультра-французской партіи въ Франціи, объ ультра-англійской партіи въ Англіи? Въ какихъ странахъ, кромѣ странъ разлагающихся, возможны партіи не національныя, не патріотическія? Ультра-патріотическое направленіе, не все ли равно, что ультра-честное, ультра-истинное направленіе? Не просвѣчиваетъ ли въ самомъ этомъ выраженіи обличеніе фальшивости всего того, что говорится объ ультра-русской партіи и ея борьбѣ съ какою-то либеральною партіей въ Россіи? Эта либеральная партія не одно ли и то же съ тою „французскою“ партіей, также будто бы существующею на Руси, о которой не такъ давно говорила газета *la France* и которой она также предвѣщала скорое торжество надъ „старою русскою партіей“?

У насъ еще возможны разныя не національныя и не патріотическія партіи, и польская, и, пожалуй, французская; но не тѣмъ

ли бо́льшую цѣну должно имѣть для насъ направленіе патріотическое? Не болѣе какъ два года тому назадъ у насъ все русское предавалось позору, но развѣ такое положеніе вещей можетъ казаться нормальнымъ? Въ томъ ли прогрессѣ чтобы возвратиться къ этому жалкому состоянію? Въ томъ ли прогрессѣ, чтобъ ослабѣвало, или въ томъ чтобы крѣпло національное направленіе? Оно еще и теперь въ Россіи слабо, очень слабо. Будь оно хоть сколько-нибудь сильнѣе, многое было бы невозможно изъ того что мы видимъ.

Между прочимъ была бы невозможна и недавняя полемика между *Русскимъ Инвалидомъ* и *S.-Peterburger Zeitung*. Эта послѣдняя газета, изданіе серіозное и степенное, выходящее въ столицѣ Россіи, Петербургѣ, и принадлежащее нашей академіи наукъ, повидимому не допускаетъ даже возможности существованія въ русскихъ людяхъ чего-нибудь похожаго на національное чувство, способное оскорбляться. Вотъ обращикъ изъ № 283 этой газеты, показывающій, какъ она обращается съ русскимъ людомъ: „У нѣсколькихъ русскихъ газетъ „въ послѣднее время явился страшный зудъ „(sonderbarer Kitzel) *облаивать* все не рус„ское... Это напоминаетъ намъ нѣкоторыхъ „четвероногихъ, нервы которыхъ устроены „такъ, что даже при прекраснѣйшей му„зыкѣ инстинктъ заставляетъ ихъ выть.“ Въ другомъ нумерѣ (286) та же газета говоритъ о „русскомъ самохвальствѣ необъ„ятныхъ размѣровъ, предъ которымъ долженъ отступить всякій, у кого сохранил„ся здравый смыслъ“. Эта газета ведетъ съ *Русскимъ Инвалидомъ*, самую безцеремонную полемику. „*Русскій Инвалидъ*, го„воритъ она, считаетъ себя властью, ко„торая можетъ давать намъ права и ли„шать ихъ. Почему же и нѣтъ? Вѣдь бы„ваютъ личности, которыя, надѣвъ себѣ „на голову бумажную корону, берутъ въ „руки метлу и затѣмъ именуютъ себя пра„вительственною особой. Впрочемъ и то „правда, что подобныхъ людей сажаютъ въ „*нѣкоторое мѣсто*“, и т. д. Эта почтенная петербургская газета не ограничивается выраженіемъ своего пренебреженія къ нашей военной газетѣ; она считаетъ вѣжливость за излишнюю роскошь и когда говоритъ о нашей гвардіи. „Въ № 283 той же газеты, сказано въ *Русскомъ Инвалидѣ*, мы встрѣчаемъ въ концѣ статьи между прочимъ и крупное выраженіе негодованія за то, что отчетъ русскаго офицера бывшаго на потсдамскихъ маневрахъ осмѣливается признавать превосходство русской гвардіи передъ прусскою. Нѣмецкая газета съ изумительною беззастѣнчивостью рѣшается передавать своимъ читателямъ, что еще не такъ давно русскихъ гвардейскихъ офицеровъ прикомандировывали къ прусской арміи съ тѣмъ, чтобы русскіе офицеры позаимствовались тамъ образованіемъ, котораго будто бы имъ не хватало. На такой фактъ, который существуетъ только въ германско-поэтической фантазіи нѣмецкаго публициста петербургскаго журнала, конечно нельзя отвѣчать, а тѣмъ менѣе требовать отъ подобнаго публициста указанія времени, когда было въ дѣйствительности то, что составляетъ галлюцинацію разстроеннаго воображенія“.

О чемъ же свидѣтельствуетъ возможность подобныхъ выходокъ какъ не о томъ, что національное чувство, которому наносятся такія оскорбленія, не считается еще на столько сильнымъ въ нашемъ обществѣ, на сколько сознаютъ его силу во всякомъ другомъ европейскомъ государствѣ, не подвергающемся однакоже обвиненію въ ультра-патріотизмѣ?

№ 4.

Москва, 5-го января.

Изъ вчерашней телеграммы оказывается, что успѣхи прусскаго правительства, какъ военные, такъ и дипломатическіе, не были въ состояніи устранить внутренній разладъ между ея государственными властями. Послѣ кампаніи, которую Прусаки называютъ блестящею—болѣе по непривычкѣ къ военному блеску, послѣ дѣйствительно блестящихъ успѣховъ прусской дипломатіи, при необыкновенно-благопріятномъ положеніи финансовъ, благодаря которому Пруссіи удалось выдержать войну, не прибѣгая даже ни къ какому займу, послѣ рѣчи короля, довольно примирительной, первымъ дѣломъ палаты было избрать президента и и вице-президентовъ враждебныхъ нынѣшнему правительству, и первая рѣчь, которая доходитъ до насъ изъ этой палаты, служитъ прямымъ продолженіемъ прошлогднихъ рѣчей, какъ будто бы этотъ годъ не ознаменовался для Пруссіи никакими существенными результатами. Прусское пра-

вительство, державшее себя такъ надменно, принуждено будетъ нѣсколько умѣрить свой пылъ и еще разъ вкусить горькіе плоды политической жизни такой страны, гдѣ большинство нижней палаты состоитъ не изъ людей земства, которое въ Пруссіи убито и не изъ представителей положительныхъ интересовъ страны, которые въ Пруссіи не допускались до самоуправленія, а изъ представителей различныхъ теорій и и доктринъ, и что еще хуже, изъ представителей духа различныхъ канцелярій изъ чиновниковъ, болѣе или менѣе недовольныхъ своимъ начальствомъ. Впрочемъ, мы имѣемъ еще только отрывки изъ рѣчей короля и вновь избраннаго президента палаты депутатовъ, г. фонъ-Грабова, и поэтому не можемъ еще вполнѣ судить ни о ближайшихъ мотивахъ этой вновь возгорающейся борьбы, ни о той степени ожесточенія, которой она въ состояніи достигнуть. По мнѣнію вѣнской газеты *Botschafter*, г. фонъ-Бисмаркъ только въ такомъ случаѣ разомъ обезоружитъ всѣ партіи, если склонитъ короля въ пользу прямаго присоединенія Герцогствъ къ Пруссіи. До какой степени популярна эта мысль въ Пруссіи, видно изъ того, что *Volkszeitung* потеряла 10.000 подписчиковъ, отстаивая права принца Августенбургскаго.

Между тѣмъ фонды этого принца поднимаются, благодаря поддержкѣ, которую оказываетъ ему Австрія, повидимому, съ согласія Англіи. Событія, по всему вѣроятію, покажутъ, что Австрія вѣрнѣе выиграла бы игру, еслибы склонилась къ кандидатурѣ герцога Ольденбургскаго, но покамѣсть Австрія продолжаетъ стоять за принца Августенбургскаго. Она совсѣмъ было притихла, но вотъ тревога, возбужденная въ Австріи окружнымъ посланіемъ папы,—тревога, тотчасъ же вызвавшая самыя благопріятныя для союза съ Пруссіей заявленія полуофиціяльной австрійской журналистики, нѣсколько улеглась, благодаря миролюбивымъ увѣреніямъ императора Наполеона, и Вѣнскій кабинетъ снова начинаетъ съ большею твердостью отстаивать свое прежнее предложеніе. *Ostdeutsche Post* сообщаетъ отъ 10-го января, что Вѣнскій кабинетъ начинаетъ терять всякое терпѣніе вслѣдствіе явныхъ проволочекъ, къ которымъ прибѣгаетъ г. фонъ-Бисмаркъ. До сихъ поръ еще онъ не далъ отвѣта на послѣднюю австрійскую депешу, отъ 21-го декабря, въ которой было вторично предложено предоставить фактическое обладаніе Герцогствами принцу Августенбургскому. На всѣ настоянія графа Хотека, австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Берлинѣ, г. фонъ-Бисмаркъ отвѣчалъ, что коронные юрисконсульты должны напередъ высказать свое мнѣніе, и что отдѣльныя министерства должны опредѣлить требованія Пруссіи къ Герцогствамъ относительно морскихъ, торговыхъ и военныхъ интересовъ. Говорятъ, что въ скоромъ времени новая депеша будетъ препровождена къ Берлинскому кабинету о томъ, что напередъ долженъ быть признанъ и введенъ во владѣніе новый герцогъ Шлезвигъ-Гольштейнскій, а затѣмъ уже Пруссія можетъ формулировать и свои требованія. Что касается до мѣры этихъ требованій, то увѣряютъ, что Австрія готова уступить Пруссіи Лауэнбургъ, Киль и Рендсбургъ, а также согласиться на морскую конвенцію, безъ права, однакоже, набирать матросовъ для прусскаго флота въ Герцогствахъ, и на военную конвенцію въ родѣ той, какая существуетъ между Пруссіей и Саксенъ-Кобургомъ, но что она не допуститъ ни прямаго присоединенія Герцогствъ къ Пруссіи, ни низведенія будущаго ихъ государя на степень наслѣдственнаго намѣстника Прусскаго короля. Таково настоящее расположеніе Вѣнскаго кабинета, но какимъ оно окажется черезъ восемь дней, когда побываетъ въ Вѣнѣ принцъ Фридрихъ Карлъ, о томъ, какъ говоритъ *Ostdeutsche Post*, повидимому, ничего не знаютъ и въ самомъ австрійскомъ совѣтѣ министровъ.

Пріѣздъ принца Фридриха Карла въ Вѣну былъ снова отложенъ съ 11-го на 14-е, а по нѣкоторымъ, даже на 16-е января. Онъ явится, говорятъ, въ Вѣну съ рѣшеніемъ вопроса о правахъ наслѣдованія въ Герцогствахъ, изготовленнымъ прусскими коронными юрисконсультами. Во всякомъ случаѣ его ожидаетъ самый почетный и радушный пріемъ, и если дѣйствительно ему будетъ дано дипломатическое порученіе,—что отрицаютъ, однакоже, всѣ полуофиціяльные берлинскіе корреспонденты и газеты,—то нѣтъ сомнѣнія, что онъ окажетъ вліяніе на благопріятное для Пруссіи рѣшеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса. По увѣренію всѣхъ вѣнскихъ корреспондентовъ, императоръ Францъ-Іосифъ лично дорожитъ союзомъ съ Пруссіей, и никакъ не желаетъ довести дѣло до разрыва. Притомъ же въ самомъ лагерѣ мень-

шихъ государствъ въ Германіи замѣчается расколъ: совершенное согласіе господствуетъ только между Баваріей, Саксоніей, Гессенъ-Дармштатомъ и Нассау; Виртембергъ, Гановеръ и Гессенъ-Кассель склоняются больше въ пользу Пруссіи; Баденъ колеблется точно также, какъ и другія еще мельчайшія государства. *Франкфуртская Почтовая Газета* прямо говоритъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ Пруссіи или удастся совершенно преобразовать Германскій Союзъ, давъ въ немъ каждому изъ государствъ вліяніе соотвѣтствующее дѣйствительной его силѣ, или же она рѣшится на совершенное упраздненіе Германскаго Союза. Свое преобладаніе въ Германіи Пруссія желаетъ особенно упрочить развитіемъ морскихъ военныхъ силъ, о которомъ прямо и говорится въ сообщенной намъ вчера по телеграфу тронной рѣчи короля. Въ Англіи, если судить по отзывамъ ея газетъ, нисколько не опасаются усиленія Пруссіи на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ. „Самые увлекающіеся изъ германскихъ политиковъ, говоритъ *Morning Herald*, не разчитываютъ на то, чтобы Пруссія, или дѣлая Германія, могла пріобрѣсти рѣшительный голосъ въ морскихъ дѣлахъ. Если же Пруссія станетъ второстепенною морскою державой, то это лишь откроетъ ее для нападеній. Своею безнаказанностью до сихъ поръ, при всемъ своемъ властолюбіи, Пруссія много обязана тому, что серіозное нападеніе на нее возможно только для континентальныхъ державъ, но каждый шагъ ея на пути къ развитію морскихъ ея силъ будетъ дѣлать ее болѣе доступною для различнаго рода враговъ ея, и въ случаѣ войны весь ея флотъ будетъ самою легкою добычей. Другое дѣло, продолжаетъ *Morning Herald*, если бы ей удалось поглотить Саксонію, Гановеръ и другія германскія государства. Всякій клокъ земли, пріобрѣтенный Пруссіей въ этомъ направленіи, будетъ надежнымъ и прочнымъ увеличеніемъ для ея могущества." Вообще говоря, общественное мнѣніе въ Англіи склоняется въ пользу Пруссіи, и готово принять ея сторону противъ меньшихъ государствъ Германіи. Консервативные журналы, какъ *Morning Herald*, опасаются при этомъ только того, что распространеніе прусскаго владычества въ Германіи можетъ легко сопровождаться нарушеніемъ общеевропейскаго мира. Успѣхи прусскаго властолюбія, дѣйствительно, легко могутъ вызвать на сцену властолюбіе французское. Парижскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung* увѣряетъ, что г. Друэнъ-де-Люисъ во всѣхъ разговорахъ своихъ съ нѣмецкими дипломатами, посѣщавшими его по случаю Новаго Года, по вопросу о Шлезвигъ-Гольштейнѣ повторялъ одну и ту же фразу: *La France n'a rien à y voir; nous nous déciderons après* (т. е., „Франціи нѣтъ дѣла до рѣшенія шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса; она приметъ свое рѣшеніе въ послѣдствіи"). Въ этой скромности, съ которою Франція отсрочиваетъ свое рѣшеніе, и заключается серіозная опасность.

Докладъ французскаго министра финансовъ, несмотря на обѣщанныя въ немъ сокращенія въ бюджетахъ военнаго и морскаго министерствъ, произвелъ на парижской биржѣ весьма неблагопріятное впечатлѣніе, и значительно понизилъ курсъ фондовъ. При этомъ биржевые спекулянты припомнили себѣ, что и въ началѣ прошлаго года Франція обѣщалась содѣйствовать поддержанію общаго мира Европы, и тѣмъ не менѣе, однакоже, не только допустила разгромъ Даніи, но отчасти и способствовала самому возникновенію войны. Нынѣшній военный бюджетъ Франціи разчитанъ, повидимому, на уменьшеніе французской арміи на 20 000 человѣкъ; но при этомъ припоминаютъ, что въ 1863 году, по признанію самого министра финансовъ, содержалось войска на 24 000 больше нежели сколько было разчитано по бюджету. Франція имѣетъ всѣ средства не упустить случая, который можетъ представиться ей къ увеличенію своего могущества при сведеніи счетовъ по вопросу шлезвигъ-гольштейнскому. Это будетъ ей тѣмъ легче, что она держитъ на готовѣ различные вопросы общеевропейской политики, возбужденіе которыхъ вполнѣ зависитъ отъ нея. Окружное посланіе папы снова расшевелило италіянскій вопросъ и, говорятъ, внушило императору Наполеону рѣшимость дѣйствовать съ большею энергіей въ интересахъ Италіи, какъ по отношенію къ свѣтской власти папы, такъ и по отношенію къ Венеціи. Не даромъ въ италіянской партіи дѣйствія снова замѣчается усиленное движеніе, и съ ея стороны дѣлаются новыя приготовленія для вторженія въ Венеціянскую область и даже въ южный Тироль; а Гарибальди снова отправляется въ началѣ будущей весны въ Англію, гдѣ ожи-

дастъ его неменьшее чествованіе, чѣмъ въ прошломъ году. Во всемъ этомъ не мало таинственнаго. Но не одинъ италіянскій вопросъ находится въ рукахъ Франціи: она успѣла, болѣе или менѣе, вовлечь въ сферу своего политическаго вліянія Черногорію, Сербію и особенно Румынію, и возбужденіе восточнаго вопроса зависитъ также отъ соглашенія ея съ Англіей. Возможно ли это соглашеніе — это другое дѣло; но самое бездѣйствіе Англіи въ отношеніи ко всѣмъ вопросамъ европейской политики и въ тоже время чествованіе ею вождей всесвѣтной революціи возбуждаютъ подозрѣніе. Удивляться ли, что въ сферѣ польскихъ выходцевъ, ободренныхъ сверхъ того возвышеніемъ принца Наполеона, происходитъ такая оживленная дѣятельность? Времена теперь трудныя, и интересы европейской политики усложнились до чрезвычайности.

№ 5.

Москва, 7-го января.

Нѣсколько недѣль тому назадъ мы получили, въ нѣмецкомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ, „Основныя черты преобразованія устройства рижскаго городскаго общества“ съ „Объясненіями“ къ нимъ. На нѣмецкомъ экземплярѣ значится, что этотъ документъ напечатанъ, „по распоряженію рижскаго магистрата, какъ манускриптъ для ландтага.“ Изъ этого слѣдуетъ, какъ и должно было ожидать, что проектъ рижской городской реформы, прежде нежели поступить на разсмотрѣніе центральнаго правительства, будетъ подлежать обсужденію не только въ рижскомъ городскомъ обществѣ, но и на лифляндскомъ ландтагѣ. Рижское городское общество уже должно было обсуждать его въ собраніяхъ 16 и 28 декабря. Результатъ этихъ совѣщаній намъ въ точности не извѣстенъ; мы не знаемъ даже состоялось ли въ городскомъ обществѣ какое-нибудь окончательное рѣшеніе по этому важному дѣлу. Но во всякомъ случаѣ проектъ рижской городской реформы еще далекъ отъ утвержденія, а потому мы считаемъ еще не совсѣмъ упущеннымъ время поговорить о немъ. Мы не могли сдѣлать этого прежде за неимѣніемъ нѣкоторыхъ необходимыхъ данныхъ.

Въ этомъ проектѣ много интереснаго для тѣхъ нашихъ читателей, которые интересуются вопросомъ о городовомъ устройствѣ, — много такого, чѣмъ повидимому очень можно было бы воспользоваться и при предстоящей у насъ городской реформѣ. Главное достоинство проекта состоитъ въ томъ, что онъ совершенно обезпечиваетъ городское общество отъ бюрократическаго элемента. Ни бюрократизмъ явный, ни бюрократизмъ замаскированный, такъ легко уживающійся съ выборнымъ началомъ, и даже забирающій его въ свои руки, когда оно не опирается на корпоративную организацію, не найдутъ для себя никакого мѣста въ проектированномъ устройствѣ города Риги. Кромѣ того, оно будетъ обезпечено и отъ случайныхъ рѣшеній, и отъ той непослѣдовательности, которой рѣдко удается избѣжать многолюдному собранію, не примыкающему къ какой-нибудь твердой общественной организаціи. Существенное различіе проектированнаго устройства города Риги съ нашимъ московскимъ устройствомъ состоитъ въ томъ, что въ рижскомъ проектѣ вовсе нѣтъ того, что у насъ называется Распорядительною Думой и что несомнѣнно вноситъ въ городское управленіе бюрократическій элементъ, а вмѣсто Распорядительной Думы предполагается магистратъ, корпорація изъ 15 членовъ, поставленная въ качествѣ высшей инстанціи надъ собраніемъ городскихъ гласныхъ (именуемыхъ въ рижскомъ проектѣ старшинами), и утверждающая приговоры этого собранія. Въ этой корпораціи вся сила рижскаго городоваго устройства; проектъ озабоченъ преимущественно тѣмъ, чтобы поставить ее какъ можно независимѣе. Нельзя не отдать справедливости этимъ заботамъ, но нельзя также не замѣтить, что онѣ очевидно перешли за должный предѣлъ. Главный недостатокъ проекта заключается, сколько мы можемъ судить, въ томъ, что забота о независимости высшаго городскаго совѣта совершенно перевѣсила заботу о необходимомъ ограниченіи его полновластія. Независимость полезна только въ томъ случаѣ, когда сопряжена съ отвѣтственностью, и порождаетъ энергію, а не квіетизмъ или, что еще хуже, духъ эгоизма. Мудрость устройства политическихъ учрежденій въ томъ именно и состоитъ, чтобы дать имъ полную, ничьимъ произволомъ не стѣсненную независимость, но въ то же время ограничить ихъ собственный произволъ и оградить ихъ отъ естественнаго въ людяхъ

расположенія къ безпечности и рутинѣ. Средневѣковыя корпораціи имѣли олигархическій характеръ; новѣйшій опытъ показалъ, что корпораціи гораздо лучше сохраняютъ свою крѣпость и силу, когда перестаютъ быть самовластными и своекорыстными олигархіями. Проектъ рижскаго городоваго устройства составленъ самимъ магистратомъ, а такъ какъ всякая власть естественно одушевлена чувствомъ самосохраненія, то нельзя удивляться, что проектъ обнаруживаетъ пристрастіе къ магистрату. Но нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что это весьма естественное пристрастіе должно вызвать не менѣе естественную оппозицію въ рижскомъ городскомъ обществѣ, если только въ немъ силенъ интересъ къ общему дѣлу. Оппозиція должна повидимому относиться къ двумъ пунктамъ проекта, къ составу магистрата и къ его правамъ. По нынѣшнему устройству, рижскій магистратъ состоитъ изъ 20 членовъ, въ томъ числѣ изъ 16 ратсгерровъ и 4 бургомистровъ. Проектъ, очень благоразумно, ограничиваетъ личный составъ магистрата. По проекту, онъ будетъ состоять изъ 15 пожизненныхъ членовъ (ратсгерровъ). Пять изъ нихъ должны принадлежать къ сословію купеческому, пять — къ классу такъ-называемыхъ *литератовъ*, получившихъ высшее юридическое или камеральное образованіе; остальные пять могутъ принадлежать къ одному изъ этихъ разрядовъ или быть избраны изъ какого-либо другаго разряда гражданъ Риги. Члены магистрата получаютъ жалованье и установленные доходы; они выбираютъ изъ своей среды трехъ бургомистровъ, и одного изъ нихъ ежегодно назначаютъ предводительствующимъ (wortführender) бургомистромъ. Въ случаѣ выбытія одного изъ нихъ, по доброй волѣ (послѣ выслуги по крайней мѣрѣ трехъ лѣтъ), или вслѣдствіе смерти, собраніе гласныхъ (старшинъ) представляетъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ магистратъ выбираетъ одного въ ратсгерры. Составленный такимъ образомъ магистратъ есть полновластный хозяинъ въ городѣ, ограниченный только тѣмъ, что не можетъ, безъ согласія собранія гласныхъ, установлять новые налоги и утверждать городской бюджетъ, и еще тѣмъ, что собраніе гласныхъ имѣетъ право контролировать городскіе доходы и расходы и вообще управленіе городскими имуществами, а также, совмѣстно съ магистратомъ, назначать членовъ въ разныя городскія учрежденія. Но эти ограниченія слишкомъ малозначительны, и едва ли городъ не потерпитъ ущерба отъ подобной, очевидно чрезмѣрной, независимости своего магистрата.

Переходимъ къ собранію гласныхъ, за которымъ проектъ удерживаетъ освященное временемъ наименованіе *скамьи городскихъ старшинъ* (Stadt-Aeltestenbank). Это собраніе должно по проекту состоять изъ 120 членовъ, — число очевидно чрезмѣрное для города, имѣющаго около 70.000 жителей, и вовсе ненужное для правильнаго и удовлетворительнаго хода дѣлъ (въ Англіи подобныя собранія состоятъ не болѣе какъ изъ 48 человѣкъ). Въ *Рижской Газетѣ* (№ 300, отъ 24-го декабря 1864 года) мы нашли извѣстіе, что многіе изъ числа рижскихъ гражданъ предложили опредѣлить, чтобы скамья старшинъ состояла не изъ 120, а только изъ 72 членовъ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ устранено было постановленіе проекта, требующее замѣщенія большей части должностей въ городскихъ управленіяхъ, депутатствахъ и коммиссіяхъ исключительно членами скамьи старшинъ (то-есть гласными). Это предложеніе кажется намъ въ высшей степени полезнымъ и практическимъ.

Право быть избираемыми въ старшины принадлежитъ всѣмъ гражданамъ, которые имѣютъ 25 лѣтъ отъ роду и владѣютъ недвижимою собственностью, оцѣненною не ниже 7.000 руб. (за исключеніемъ долговъ по закладнымъ), или получаютъ самостоятельнаго ежегоднаго дохода не менѣе 700 р. или платятъ соотвѣтствующую этому доходу подоходную подать, если они непосредственно предъ избраніемъ, по меньшей мѣрѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ, были рижскими гражданами. Старшины выбираются на шесть лѣтъ; шестая доля изъ нихъ ежегодно выбываетъ и замѣщается новыми выборами. Предсѣдательствуетъ въ собраніи старшинъ городской альдерманъ, избираемый собраніемъ на два года и получающій жалованье. Для приготовленія къ докладу и предварительнаго обсужденія вопросовъ подлежащихъ рѣшенію собранія, скамья старшинъ выбираетъ постоянную коммиссію изъ 12 членовъ. Въ случаѣ разногласія между скамьей старшинъ и магистратомъ, магистратъ отряжаетъ изъ своей среды депутатовъ для участія въ совѣщаніяхъ скамьи старшинъ. Если этими совѣщаніями разногласіе не будетъ устране-

но, то избирается особый комитетъ изъ шести депутатовъ совѣта и девяти депутатовъ скамьи старшинъ. Этотъ комитетъ рѣшаетъ дѣло окончательно.

Что касается до общихъ собраній гражданъ, въ которыхъ участвуютъ всѣ постоянные жители Риги, христіанскаго вѣроисповѣданія и русскіе подданные, владѣющіе недвижимостью, за вычетомъ долговъ, въ 5.000 р. оцѣнки или получающіе 500 р. самостоятельнаго ежегоднаго дохода или платящіе соотвѣтствующую этому доходу пошлину съ дохода, то эти общія собранія гражданъ созываются по два раза въ годъ, и кромѣ того когда магистратъ найдетъ нужнымъ. Предсѣдательствуетъ въ этихъ собраніяхъ *докманъ* избираемый на два года и имѣющій двухъ помощниковъ, или *купмановъ*. Общія собранія гражданъ занимаются выборами старшинъ, и что очень важно, но не допускается новымъ учрежденіемъ Москвы и Петербурга, имѣютъ право представлять скамьѣ старшинъ свои желанія и жалобы (desideria et gravamina).

О способѣ производства выборовъ ничего не сказано въ проектѣ. Повидимому предполагается производить ихъ всѣмъ многолюднымъ собраніемъ, — способъ избранія самый неудобный и притомъ несправедливый относительно меньшинства. Намъ пишутъ, что русскіе граждане Риги рѣшительно протестуютъ противъ этого способа избранія, и для огражденія себя отъ нѣмецкаго большинства приходятъ даже къ мысли образовать рядомъ съ нѣмецкимъ городскимъ обществомъ отдѣльное русское городское общество съ правомъ назначенія отъ себя извѣстнаго числа членовъ скамьи старшинъ и магистрата. Это желаніе основано на требованіяхъ совершенно справедливыхъ, но тѣмъ не менѣе, кажется намъ, могло бы повести къ послѣдствіямъ не желательнымъ. Оно породило бы антагонизмъ между русскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ Риги, между русскими и нѣмецкими членами скамьи старшинъ и магистрата, а такой антагонизмъ повелъ бы къ борьбѣ, которой желательно избѣгнуть въ интересѣ русскихъ и нѣмецкихъ гражданъ Риги. На такой порядокъ можно было бы рѣшиться только въ крайнемъ случаѣ; надобно всячески стараться предотвратить его, и этого можно достигнуть довольно легко, если только нѣмецкое большинство захочетъ уважить справедливость. Для огражденія меньшинства при выборахъ старшинъ можетъ быть съ успѣхомъ употребленъ такой способъ избранія, при которомъ каждый избиратель имѣлъ бы право участвовать въ избраніи лишь извѣстной части подлежащихъ избранію членовъ. Еслибы напримѣръ было признано за лучшее, чтобы скамья старшинъ состояла изъ 72 членовъ, и чтобы шестая часть ихъ выбывала ежегодно, то ежегодно слѣдовало бы выбирать 12 членовъ. Въ такомъ случаѣ можно было бы установить одно изъ двухъ: либо раздѣлить городъ на 12 участковъ и предоставить каждому участку выбирать по одному старшинѣ, либо оставить въ силѣ общее собраніе, но каждому члену этого собранія дать право подавать голосъ только въ пользу одного изъ кандидатовъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ выборъ слѣдовало бы производить посредствомъ бюллетеней, при чемъ каждый получалъ бы по одному бюллетеню и на этомъ бюллетенѣ имѣлъ бы право вписать не болѣе какъ одно имя. Такимъ образомъ всѣ подраздѣленія гражданства, которыя не меньше двѣнадцатой доли его, были бы обезпечены въ томъ, что будутъ представлены въ скамьѣ старшинъ. Относительно избранія членовъ магистрата дѣло было бы труднѣе. Пожизненность членовъ магистрата была бы непреоборимымъ препятствіемъ къ справедливому устройству дѣла Но противъ пожизненности членовъ магистрата есть такъ много основаній, и сколько мы знаемъ, она встрѣчаетъ такъ мало сочувствія даже въ нѣмецкой части рижскаго городскаго общества, что настаивать на ней было бы крайнимъ неблагоразуміемъ со стороны магистрата. Независимость этой корпораціи вовсе не требуетъ того, чтобы члены ея могли сохранять свое званіе до девяностолѣтняго возраста. Мы отнюдь не намѣрены говорить противъ корпоративности магистрата, которой сочувствуемъ и которую цѣнимъ высоко; но корпоративность была бы вполнѣ ограждена, еслибы члены магистрата избирались на продолжительный срокъ, напримѣръ на 15 лѣтъ, съ правомъ на половинную пенсію по выслугѣ одного срока, и на полную пенсію по выслугѣ двухъ сроковъ. Въ такомъ случаѣ, черезъ каждыя пять лѣтъ могла бы выбывать третья часть членовъ магистрата, и слѣдовательно скамьѣ старшинъ предстояло бы избирать каждыя пять лѣтъ по пяти членовъ магистрата. При этомъ могло бы имѣть мѣсто упомянутое выше средство

огражденія меньшинства. Еслибы напримѣръ каждому старшинѣ было предоставлено вписать въ свой бюллетень не болѣе трехъ кандидатовъ — одного изъ сословія купцовъ, другаго изъ *литераторовъ*, и третьяго безъ различія сословій — и еслибы на основаніи этихъ бюллетеней былъ составленъ списокъ пятнадцати кандидатовъ, представляемыхъ магистрату, то при нѣкоторой доброжелательности со стороны магистрата, право меньшинства на представительство было бы до извѣстной степени ограждено.

Но главное огражденіе русскаго элемента и вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнное условіе, отъ котораго отступить русскимъ людямъ было бы постыдно, должно состоять въ томъ, чтобы въ городскомъ дѣлопроизводствѣ русскій языкъ получилъ совершенную равноправность съ языкомъ нѣмецкимъ. Число русскихъ живущихъ въ Ригѣ приблизительно равняется числу Нѣмцевъ; еслибы Рига и не принадлежала къ Русской Имперіи, то и въ такомъ случаѣ русскій языкъ могъ бы требовать для себя равноправности. Возможно ли чтобы въ русскомъ государствѣ и при томъ въ такомъ торговомъ и столькими Русскими населенномъ городѣ какъ Рига, Русскій былъ принуждаемъ подавать просьбы на иностранномъ языкѣ, нести издержки перевода просьбы на этотъ языкъ, подвергаться послѣдствіямъ невѣрности перевода и вообще претерпѣвать всѣ неудобства иностранца? Рижскіе Нѣмцы могутъ дорожить своими городскими учрежденіями: это понятно, хотя, если не ошибаемся, эти учрежденія были возстановлены при Императорѣ Александрѣ I противъ желанія большинства рижскихъ гражданъ, предпочитавшаго общее съ Россіей Екатерининское городовое устройство. Рижскіе Нѣмцы могутъ дорожить своимъ языкомъ и плохо владѣть языкомъ русскимъ: это также можетъ быть принято къ свѣдѣнію, и потому дѣлопроизводство на нѣмецкомъ языкѣ можетъ быть допускаемо въ Ригѣ. Но этимъ ограничиваются ихъ разумныя требованія. На терпимости нашего законодательства къ языку нѣмецкому они не имѣютъ права основывать свои притязанія на нетерпимость къ языку русскому. Еслибы при новомъ устройствѣ городскаго управленія, рижскіе Нѣмцы вздумали настаивать на намѣреніи изгонять изъ своего города русскій языкъ, то это было бы свидѣтельствомъ объ уклоненіи ихъ на путь несправедливости и непріязни,—на такой путь, который всего менѣе можетъ упрочить благосостояніе ихъ города, вѣроятно имъ дорогое. Ихъ городъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ русскихъ портовъ, и русскіе граждане Риги поступили бы непатріотически, если бы хоть на шагъ отступили отъ своихъ требованій относительно равноправности русскаго языка.

№ 6.

Москва, 8-го января.

Польскій вопросъ есть величина отрицательная; онъ весь состоитъ изъ того чѣмъ мы больны и слабы. Никакой положительной силы онъ не заключаетъ въ себѣ, кромѣ нашей немощи. Онъ поднимается и падаетъ, смотря по тому какъ мы себя чувствуемъ. Это не что иное, какъ барометръ нашего собственнаго нравственнаго состоянія. Когда смуты господствуютъ у насъ въ умахъ, когда недоразумѣнія не позволяютъ намъ различать своихъ отъ чужихъ, польскій вопросъ становится серіознымъ вопросомъ, но онъ серіозенъ только по отношенію къ Россіи, а не къ польскому дѣлу, которое ни въ какомъ случаѣ выиграть не можетъ, потому что оно окончательно проиграно. Наши утраты, наши уступки по польскому вопросу могутъ обратиться въ пользу государствъ сосѣднихъ, а отнюдь не въ пользу несбыточнаго государства польскаго, которое можетъ возникнуть только для того, чтобы сейчасъ же рушиться.

Теперь приподнята завѣса съ внутренней исторіи польской *справы* за послѣднее время; появилось нѣсколько брошюръ, писанныхъ людьми, принимавшими въ этой *справѣ* дѣятельное участіе. И что же мы видимъ? Такой безобразной анархіи, такой безсмысленной взаимной ненависти между главными руководителями дѣла, такой наглости и грязи не было доселѣ примѣра даже въ исторіи польскихъ смутъ и возстаній. Все затхло и смрадно: нѣтъ освѣжительнаго вѣянія дѣйствительной народной жизни, нѣтъ истиннаго народнаго чувства, идущаго изъ глубины. Есть нагланный болѣзненный патріотизмъ, раздражающій и сводящій съ ума, но безсильный послужить живою связью даже для тѣхъ, кто

жертвуетъ ему всѣми жизненными интересами.

Разгадка этого внутренняго безсилія польскаго дѣла заключается въ томъ, что онъ не есть народное дѣло. Польская шляхта не могла сохранить свое государство, потому что растеряла свой народъ, потому что у ея государства не осталось живыхъ корней, потому что народная жизнь не питала этого государства, ставшаго паразитомъ.

Польскія претензіи на западно-русскій край обличены событіями. Несмотря на могущество интриги, русское общество повидимому вполнѣ убѣдилось въ несостоятельности этихъ претензій, и если мы будемъ уступать имъ, то уже не можемъ по крайней мѣрѣ ссылаться на убѣжденіе въ ихъ правотѣ. Но понятія о Польской народности Царства Польскаго далеко еще не такъ разъяснились. Тѣмъ важнѣе изслѣдованія, которыя, съ помощью фактовъ, изобличаютъ мнимыя права польской національности на самую землю Царства Польскаго. Мы намѣрены указать сегодня на разысканія полковника Риттиха, уже извѣстнаго своимъ участіемъ въ составленіи весьма любопытнаго и чрезвычайно важнаго этнографическаго атласа Западнаго края. Передъ нами теперь только что появившійся въ свѣтъ его атласъ Люблинской и Августовской губерній, края смежнаго съ признанною уже русскою землей и потому наиболѣе важнаго для Россіи.

Люблинская и Августовская губернія составляютъ весьма неправильную продолговатую фигуру, или лучше, это двѣ полосы земли, которыя едва между собою соприкасаются въ одной точкѣ, подобно материкамъ сѣверной и южной Америки, связаннымъ тонкою нитью Панамскаго перешейка. Разобщенныя географически, означенныя двѣ губерніи не много имѣютъ и другихъ точекъ соприкосновенія: одна изъ нихъ упирается въ отроги Карпатовъ, другая спускается почти къ самому Балтійскому морю; въ первой преобладаетъ одна племенная масса, во второй другая; Августовская губернія прирѣзана къ Польшѣ отъ Литвы, Люблинская отъ Руси.

Изъ ряда цифръ приложенныхъ къ атласу, мы видимъ, что въ Люблинской губерніи числится 457.098 душъ русскаго племени, почти исключительно Малороссовъ; 403.687 Поляковъ (считая въ томъ числѣ и тѣхъ, которые по происхожденію Русскіе, но давно уже усвоили себѣ польскій языкъ и приняли католичество). Итакъ, по исчисленію г. Риттиха, мало отличающемуся отъ цифръ приводимыхъ другими изслѣдователями, Русскихъ оказывается въ Люблинской губерніи болѣе нежели Поляковъ. Этотъ выводъ могъ бы показаться подозрительнымъ, еслибъ исторія не явилась въ настоящемъ случаѣ на помощь этрографіи. Она указываетъ, что государство Владиміра Святаго простиралось далеко къ западу за рубежъ нынѣшней Русской имперіи; фактъ этотъ ускользнувшій отъ вниманія политиковъ, не былъ пропущенъ учеными, и г. Риттихъ, съ тактомъ, которому нельзя не отдать справедливости, приводя различныя свидѣтельства объ этомъ предметѣ, ссылается преимущественно на заграничныхъ, и особенно на польскихъ ученыхъ. По изслѣдованіямъ географа XVII вѣка Старовольскаго, границею владѣній великаго князя Владиміра была рѣка Вепрь, раздѣляющая южную часть Люблинской губерніи пополамъ отъ юга къ сѣверу; по мнѣнію ученаго Мацѣевскаго, эта граница углублялась еще болѣе къ западу и съ Вепря переходила на рѣку Санъ, составляющую часть границы Царства Польскаго съ Галиціей.

Далѣе на сѣверъ, въ такъ-называемомъ Подлясьи, съ незапамятныхъ временъ были русскія селенія, начало которыхъ г. Стадницкій относитъ къ норманскому періоду русской исторіи. Извѣстный исторіографъ Червонной Руси, Зубрицкій разбирая вопросъ о первоначальной границѣ Русской земли, находитъ, что она съ западной стороны проходила еще далѣе чѣмъ ее опредѣляли Мацѣевскій, Стадницкій и Старовольскій, а именно по Вислѣ. Каковы бы ни были впрочемъ точныя границы ея въ глубокой древности, извѣстно что Казиміръ Великій (въ XIV вѣкѣ) овладѣлъ Червонною Русью, то-есть восточною Галиціей и Люблинскою губерніей, которыя съ того времени оставались оторванными отъ Россіи, но не утратили народнаго русскаго типа. Нѣкоторыя изъ лицъ посѣтившихъ восточную часть Люблинской губерніи въ послѣднее время называютъ ее Забужскою Русью, и всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что простонародье въ ней вполнѣ сохранило русскую рѣчь (малороссійское нарѣчіе) и старинный домашній бытъ. Эти особенности люблинскаго населенія, въ ближайшее къ намъ время не обращавшія на себя вниманія политиковъ, такъ очевидны

однакожь, что подали поводъ нѣкогда сказать Хмельницкому: „Знай, Ляше, — по Санъ наше!“

По всѣмъ этимъ причинамъ, на картѣ г. Риттиха вся страна къ востоку отъ Вепря, и далѣе къ сѣверу, почти все Подлясье имѣютъ сильно преобладающій *зеленый цвѣтъ*, принятый для обозначенія русскаго племени, такъ что страна эта мало отличается отъ смежныхъ частей Волынской и Гродненской губерній въ этнографическомъ отношеніи; за то она отличается отъ нихъ въ отношеніи религіозномъ, потому что половина люблинскихъ Русскихъ — уніаты, а другая, и даже бо́льшая половина — католики.

Подобно тому какъ во время *братскаго соединенія трехъ народовъ* часть Русской земли была прирѣзана къ Польшѣ на юго-востокѣ, также на сѣверо-востокѣ, хотя и несравненно позже, къ Польшѣ прирѣзана часть земли Литовской. Въ Августовской губерніи считается 256.708 душъ Жмудиновъ и чистыхъ Литовцевъ и 202.627 Поляковъ, вмѣстѣ съ Мазурами и Курпиками (племенами нѣсколько отличными отъ польскаго). Что касается до Русскихъ, то ихъ всего въ Августовской губерніи съ небольшимъ 30 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ слишкомъ 15 т. католиковъ, 8.751 уніатовъ и около 5½ т. православныхъ и старообрядцевъ. Не взирая на малочисленность русскаго племени, оно занимаетъ здѣсь очень важное географическое положеніе, а именно: оно врѣзывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ Августовская губернія имѣетъ не болѣе 50 или 60 верстъ ширины и занимая въ окрестностяхъ Августова весь поперечникъ перешейка, отдѣляющаго Гродненскую губернію отъ прусской границы, совершенно разъединяетъ Литовцевъ, находящихся отсюда къ сѣверу, съ Поляками (Мазурами и Курпиками), населяющими южную часть губерніи. Выгода такого положенія очевидна. Желательно, чтобы литовское племя отдѣлялось отъ польскаго русскими народонаселеніями, желательно, слѣдовательно, чтобъ Августовъ, Райгородъ и другія мѣстечки въ этой мѣстности получили русскій характеръ; желательно также чтобы группа августовскихъ Бѣлоруссовъ плотнѣе примкнула къ группѣ Великоруссовъ, находящейся вблизи ея, по границѣ Августовскаго и Сейнскаго уѣздовъ, и чтобъ обѣ эти группы образовали сплошную массу русскаго элемента.

Таковъ этнографическій очеркъ восточной части Царства Польскаго. Сѣверная часть Августовской губерніи сплошь занята литовскимъ, средняя русскимъ племенемъ, которое отдѣляетъ его отъ польскаго, и густо, если не сплошь, занимаетъ восточную половину Люблинской губерніи, выдвигаясь въ южной ея части до Сана. Замѣтимъ, что всѣ эти Русскіе — не переселенцы, не случаемъ или прихотью заброшенные сюда колонисты, но коренные обитатели, туземцы, составляющіе непосредственное продолженіе населенія Гродненской и Волынской губерній и Восточной Галиціи.

Итакъ, въ двухъ смежныхъ съ имперіей губерніяхъ Царства Польскаго большинство народонаселенія оказывается не польскимъ, а принадлежащимъ къ одному изъ двухъ племенъ туземныхъ въ западныхъ губерніяхъ; на западной окраинѣ Царства живутъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ и преобладаютъ Нѣмцы, которыхъ около 282.000 душъ, — много ли затѣмъ остается чисто польскаго племени и чисто польской земли? Справедливо ли, въ этнографическомъ отношеніи, присвоивать названіе *Польскаго* Царства странѣ, немаловажная часть которой есть очевидное продолженіе русскаго западнаго края, а остальная часть такъ незначительна, что явно не соотвѣтствуетъ пышному титлу царства?..

Гдѣ же основанія для польскихъ претензій, не удовлетворяющихся даже этимъ пышнымъ титуломъ и назойливо требующихъ, чтобы королевство Польское стало на мѣстѣ Русской державы? Чѣмъ объяснить себѣ что онѣ могутъ держаться въ силѣ? А между тѣмъ онѣ держатся въ силѣ. На поверхности теперь все тихо и смирно въ нашихъ западныхъ предѣлахъ, но только *на поверхности*. Втайнѣ продолжается дѣятельная работа съ твердою надеждой на успѣхъ, и эта работа тѣмъ опаснѣе, что неудача вооруженнаго возстанія естественно побуждаетъ къ расширенію круга дѣятельности на иныхъ путяхъ. Польское дѣло, никогда не имѣвшее національнаго характера, обладаетъ всѣми условіями для того чтобы слиться до безразличія со всѣмъ что только можетъ внутри и внѣ оказаться непріязненнаго къ русской національности; а потому благо Россіи требуетъ теперь болѣе всего, чтобъ этотъ фальшивый польскій вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ и нынѣшній кри-

зисъ счастливо пройденъ. *O navis!.. fortiter occupa portum.*

№ 7.

Москва, 9-го января.

Со времени послѣднихъ усилій своихъ спасти цѣлость Датской монархіи въ союзѣ съ Франціей,—усилій, которыя послужили только къ обнаруженію глубокаго своекорыстія французской политики,—Англія какъ будто бы отрѣшилась отъ всѣхъ тревогъ и заботъ современной европейской политики и какъ бы совершенно выбыла изъ нашей части свѣта. Немаловажныя событія, въ которыхъ еще недавно принимала она такое дѣятельное участіе, совершаются теперь въ Европѣ. Польское возстаніе, которое, несмотря на всю свою фальшивость, находило поощреніе и содѣйствіе въ Англіи, будучи теперь подавлено, должно, повидимому, послужить къ скрѣпленію государственнаго организма Россіи; но мѣры, клонящіяся къ этому результату, несмотря на всю свою важность, въ Англіи находятъ себѣ лишь слабый отголосокъ. Въ Германіи происходятъ движенія, которыя легко могутъ повести къ расторженію Германскаго Союза и къ рѣшительному преобладанію Пруссіи въ этой срединной странѣ Европы и на прилегающихъ къ ней моряхъ. Но этими результатами нисколько, повидимому, не тревожится Англія, и черезъ посредство всѣхъ своихъ газетъ заявляетъ, что она не намѣрена противодѣйствовать этому ходу событій. Въ Италіи, наконецъ, выдвинутъ римскій вопросъ и вмѣстѣ съ нимъ вопросъ о свѣтской власти папы, а также и вопросъ о Венеціи и объ отношеніяхъ между Австріей и Италіей; но и тутъ появился было на политическомъ горизонтѣ Европы лордъ Кларендонъ съ какими-то таинственными совѣтами Вѣнскому кабинету, и за тѣмъ Англія возвратилась къ своему бездѣйствію, и не приняла никакого участія въ дѣлѣ, которое въ началѣ 60-хъ годовъ такъ сильно интересовало ее. Такое отреченіе Англіи отъ роли великой европейской державы съ перваго раза кажется поразительнымъ и совершенно непонятнымъ. Нѣмецкіе политики провозглашаютъ даже, что дѣятельная политическая роль навсегда окончилась для Англіи, и что впредь она будетъ доступна только для торговыхъ разчетовъ; но въ самой Англіи подобные приговоры возбуждаютъ смѣхъ. Сама Англія менѣе всего думаетъ отречься отъ дѣятельной политической роли, и можетъ-быть, никогда не слѣдила такъ зорко за ходомъ событій въ Европѣ, какъ именно въ настоящее время. *Times* заявляетъ между прочимъ, по поводу рѣчи г. Форстера противъ слишкомъ дѣятельнаго вмѣшательства Англіи въ дѣла Европы, что Англія при всемъ своемъ желаніи не могла бы не принимать участія въ европейскихъ дѣлахъ, и что изъ событій 1863 и 1864 годовъ она можетъ извлечь для себя урокъ не въ пользу невмѣшательства, а только въ пользу большей осмотрительности и осторожности при заявленіи своихъ симпатій. Всѣ толки въ пользу всеобщаго разоруженія нисколько не подѣйствовали на британское правительство, и оно не сдѣлало еще ни одного шага впередъ въ этомъ направленіи.

Загадочное бездѣйствіе Англіи объясняется отчасти тѣми опасеніями, которыя внушаютъ ей Сѣверо-Американскіе штаты. И Югъ и Сѣверъ Штатовъ равно озлоблены противъ Англіи. Пока длится борьба между ними, Англіи почти нечего опасаться съ этой стороны. Но если бы только Сѣверъ успѣлъ одержать рѣшительный верхъ и если бы при этомъ Англія была вовлечена въ какія-нибудь замѣшательства въ Европѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что ей пришлось бы вмѣстѣ съ тѣмъ выдержать еще тяжелую борьбу съ Сѣверо-Американскими Штатами. Въ виду этой возможности, Англія принуждена соблюдать величайшую осторожность въ своей европейской политикѣ. Что касается до Франціи, то, по словамъ *Saturday Review*, она извлекла для себя три или четыре дипломатическія выгоды изъ датско-германскаго столкновенія: вопервыхъ, нѣмецкій народъ болѣе или менѣе высказался въ пользу политики національностей; вовторыхъ, Англія открыто обратилась къ политикѣ невмѣшательства; втретьихъ Англія, и Германія стали въ несовсѣмъ пріязненномъ другъ къ другу отношеніи, и въ случаѣ войны Французская имперія имѣла бы теперь дѣло не съ соединенною, а съ разъединенною и обезсиленною Европой; наконецъ Франція столько же выиграла въ глазахъ Германіи, сколько Англія потеряла. Послѣдствія этихъ перемѣнъ могутъ быть весьма значительны

при нѣкоторыхъ случайностяхъ. Изъ этихъ случайностей *Saturday Review*, особенно останавливается на весьма возможной смерти престарѣлаго и болѣзненнаго короля Бельгійскаго, Леопольда. Въ такомъ случаѣ легко могло бы произойдти, что какая-нибудь партія въ Бельгіи высказалась бы въ пользу присоединенія этой офранцуженной страны къ Франціи, а при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, по мнѣнію *Saturday Review*, за исключеніемъ, можетъ-быть, Англіи, ни одна держава не воспротивилась бы такому расширенію предѣловъ Франціи. Эти то случайности, которыя легко можно предвидѣть, и понуждаютъ Англію оставаться какъ бы безучастною зрительницей того что происходитъ въ Европѣ, что не мѣшаетъ ей, однакожъ, не слагать съ себя оружія, зорко слѣдить за всѣми событіями въ Европѣ и въ Америкѣ и даже поддерживать связи и сношенія съ революціонными партіями въ Европѣ.

Между тѣмъ дѣла въ Европѣ начинаютъ принимать оборотъ, который едва ли предвѣщаетъ ей прочное спокойствіе. Окружное посланіе папы вполнѣ достигло той цѣли, къ которой было предназначено: оно убѣдило императора Наполеона, что при всемъ своемъ безсиліи папа еще достаточно силенъ для того, чтобы произвести замѣшательства внутри самой Франціи. По его слову, три епископа и архіепископа оказали явное сопротивленіе верховной государственной власти, и около сорока епископовъ, то-есть, почти половина всего французскаго епископата, протестовали противъ ея велѣній. Императоръ Наполеонъ столько разсудителенъ, что не дозволитъ вовлечь себя въ эту опасную борьбу съ представителями религіи огромнаго большинства французской націи: онъ счелъ за лучшее удовольствоваться миролюбивыми увѣреніями кардинала Антонелли, и въ депешѣ г. Друэнъ-де-Люиса, отъ 13-го января, заявлено его твердое намѣреніе на дѣлѣ доказать его искреннюю преданность папѣ и римской куріи, такъ какъ бы между ними и Франціей не происходило никакого разлада. Отнынѣ, по всей вѣроятности, вся сила конвенціи 15-го сентября будетъ направлена не на Римъ, а на Венецію, не противъ папы, а противъ Австріи. Въ двухъ газетахъ, которыя наиболѣе доступны самымъ разнороднымъ политическимъ внушеніямъ, именно, въ *Independance belge* и въ *Кельнской Газетѣ*, помѣщены одни и тѣ же свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ между Франціей и Австріей, которыя были вчера приведены нами подъ рубрикою *Франція*. Здѣсь указано, что съ одной стороны Австрія не только не имѣетъ въ виду уступить Венеціянскую область Италіи или признать Италіянское королевство въ его нынѣшнемъ видѣ, но что она надѣется снова завоевать Ломбардію съ помощью Пруссіи, которой съ этою цѣлью и дѣлаетъ уступки по германскимъ вопросамъ; а съ другой стороны парижскіе корреспонденты двухъ названныхъ газетъ сообщаютъ, что императоръ Наполеонъ въ своихъ откровенныхъ бесѣдахъ съ княземъ Меттернихомъ особенно охотно и часто возвращается къ вопросу объ установленіи дружбы между Италіей и Австріей, на основаніи отреченія послѣдней отъ венеціянской области. При такомъ коренномъ разногласіи между Австріей и Франціей, что мудренаго, если въ непродолжительномъ времени осуществится одна изъ тѣхъ случайностей, на которыя указываетъ *Saturday Review*? Въ случаѣ борьбы съ Австріей, Франція, нѣтъ сомнѣнія, употребитъ всѣ усилія, чтобъ отвлечь отъ нея и Пруссію, и Россію. Она не задумается, въ случаѣ надобности, воспользоваться услугами всесвѣтной европейской революціи.

Бѣда Австріи заключается въ томъ, что въ продолженіи многихъ вѣковъ не успѣла политически объединить свое разнородное населеніе и создать изъ этихъ многихъ племенъ одну политическую націю. Правда, Австріи приходилось въ этомъ дѣлѣ бороться съ затрудненіями, какихъ не представляетъ ни одно изъ остальныхъ государствъ Европы. Австрійское правительство давно понядо необходимость слить свои народы въ одну политическую націю, но не говоря уже о томъ, что эти народы вошли въ составъ Австрійской имперіи цѣльными, самостоятельными государствами, австрійское правительство не было счастливо въ выборѣ и своевременномъ употребленіи средствъ для достиженія предположенной цѣли. Сначала оно думало подавить національно-политическую рознь однѣми матеріяльными силами государственной власти; потомъ оно думало крѣпко и прочно связать въ одно политическое цѣлое подвластные ей народы одними общими матеріяльными интересами, которые искусственно поощрялись даже въ ущербъ интересамъ нравственнымъ;

наконецъ, не разъ искало оно поддержки въ католицизмѣ, и заручало себя римскому престолу въ надеждѣ сплотить его силами въ одно политическое цѣлое свои разноплеменные народы; но всѣ эти усилія оказались тщетными; напослѣдокъ, австрійское правительство рѣшилось соединить всѣ народы Австріи силой общаго народнаго представительства. Но рознь уже такъ глубоко укоренилась, что не дозволяетъ этому народному представительству получить полное развитіе, окрѣпнуть и оказать тѣ результаты, какихъ была въ правѣ ожидать отъ него имперія. Впрочемъ, оно принесло Австріи несомнѣнную пользу. Можно сказать, что рѣшимости императора Франца-Іосифа, внушившей ему мысль объ октябрьскомъ дипломѣ и февральскомъ патентѣ, Австрійская имперія обязана своимъ спасеніемъ. Какъ ни плохо ея нынѣшнее народное представительство, состоящее изъ уполномоченныхъ не отъ самого народа, а отъ областныхъ сеймовъ какимъ обломкомъ ни представляется оно по своему численному составу, тѣмъ не менѣе однакоже, вслѣдствіе всеобщаго довѣрія къ этому учрежденію, Австрія получила возможность гораздо выгоднѣе прежняго заключать займы за границей и привлекать къ себѣ капиталы Франціи, Бельгіи и Англіи для развитія своихъ внутреннихъ производительныхъ силъ. Само австрійское правительство умѣетъ достаточно цѣнить эти вновьвведенныя имъ учрежденія, какъ ни тягостенъ министрамъ бываетъ подчасъ ихъ контроль. Народное представительство въ Австріи явилось вслѣдствіе настоятельной необходимости, которая равно была сознана и обществомъ, и правительствомъ, и потому можно полагать, что возникающія между австрійскою имперскою думой и австрійскимъ министерствомъ столкновенія по вопросу о финансовомъ управленіи будутъ улажены къ общей пользѣ государства. Во всякомъ случаѣ, только народное представительство можетъ еще дать Австріи возможность выдержать тѣ бури, которыя, повидимому, со всѣхъ сторонъ готовы надъ нею разразиться.

Болѣе чѣмъ она счастливая, соперница ея въ Германіи, Пруссія, не ждетъ, повидимому, ни съ какой стороны опасностей и препятствій, или, по крайней мѣрѣ, чувствуетъ себя способною мужественно встрѣтить и отразить ихъ; она сама даже увеличиваетъ общія опасности, незадержимо стремясь завладѣть отнятыми у Даніи Герцогствами и даже всею сѣверною Германіей. Вопреки постановленіямъ и рѣшеніямъ своего сейма, Пруссія удержала въ силѣ преобразованіе своей арміи, начала войну за Герцогства въ союзѣ съ Австріей, счастливо окончила ее безъ всякаго займа, одержала не одну дипломатическую побѣду въ крайне трудныхъ переговорахъ и обѣщаетъ себѣ еще болѣе значительные успѣхи въ будущемъ. Во всемъ этомъ прусское народное представительство, повидимому, не только не содѣйствовало правительству, а какъ кажется, было ему даже довольно серіозною помѣхой. Тѣмъ не менѣе однакоже Прусскій король, созвавъ свой сеймъ, держалъ къ нему рѣчь въ примирительномъ духѣ. Для оправданія своего министерства въ глазахъ какъ народнаго представительства, такъ и самой страны, онъ преимущественно указалъ на то, что Пруссія достигла всѣхъ своихъ успѣховъ безъ обремененія страны новыми займами и новыми налогами, благодаря только значительнымъ сбереженіямъ правительства, особенно за послѣдніе два года. Въ эти два года Пруссія не имѣла вполнѣ согласнаго съ ея конституціей бюджета государственныхъ доходовъ и расходовъ, то-есть, бюджета одобреннаго законодательными палатами, и однакоже, не имѣя такого бюджета, она достигла тѣхъ же самыхъ результатовъ, какіе достигаются при добросовѣстномъ выполненіи подобныхъ бюджетовъ. При отступленіяхъ отъ закона по дѣлу о преобразованіи арміи и по финансовому управленію, прусскіе министры могутъ въ свое оправданіе сослаться на то, что и безъ правильно-состоявшагося бюджета они столько же заботились о выполненіи существенныхъ требованій представителей народа, какъ еслибы бюджетъ состоялся съ одобренія обѣихъ законодательныхъ палатъ, и что несмотря на преобразованіе арміи, которое было отвергнуто палатой депутатовъ отчасти по финансовымъ соображеніямъ, эти соображенія все-таки руководствовали ихъ дѣйствіями, вслѣдствіе чего и оказались значительныя сбереженія за два послѣдніе года. Какъ бы то ни было однакоже, положеніе, которое обезпечила себѣ Пруссія, благодаря единодушію и энергіи своего правительства, благодаря неуклонно-національному направленію его политики, благодаря, наконецъ, даже этому напряженному отношенію государствен-

ныхъ властей и ихъ соревнованію въ томъ, какая изъ нихъ принесетъ наибольшую пользу странѣ, положеніе это такъ благопріятно, что европейскія смуты и замѣшательства не страшны для Пруссіи, если только внутренняя борьба ея не будетъ доведена до крайности.

№ 8.

Москва 11-го января.

Въ Москвѣ, всѣ заняты теперь совѣщаніями дворянскаго губернскаго съѣзда, обращающими на себя общее вниманіе какъ важностью обсуждаемыхъ предметовъ, такъ и оживленностью преній, и замѣчательными дарованіями, которыя въ нихъ обнаружились. По существующему положенію, совѣщанія на дворянскихъ съѣздахъ не могутъ быть предметомъ полной гласности въ печати. Вотъ почему наши отчеты объ этихъ преніяхъ не могутъ быть полны; вотъ почему также мы не считаемъ себя въ правѣ пускаться въ какія-либо сужденія о предметахъ и ходѣ совѣщаній нынѣшняго дворянскаго съѣзда. Тѣмъ не менѣе эти совѣщанія или по крайней мѣрѣ приготовленія къ нимъ успѣли, хотя и глухо, отозваться въ печати. Въ нашей журналистикѣ снова возникъ вопросъ о дворянствѣ, о его отношеніяхъ къ народу и т. д. Мы не хотимъ теперь вступать ни въ какую полемику, но считаемъ не лишнимъ сказать два-три слова по поводу этихъ толковъ.

О русскомъ народѣ мало сказать, что въ немъ преобладаютъ здоровые элементы. Онъ весь, въ цѣломъ своемъ составѣ, во всѣхъ своихъ классахъ, имѣющихъ значеніе въ народной жизни, отличается самымъ здравымъ, самымъ трезвымъ настроеніемъ. Патріотическій духъ, дающій государствамъ крѣпость, такъ силенъ въ русскомъ народѣ, что нѣтъ на свѣтѣ народа, который бы превосходилъ его въ этомъ отношеніи; и что особенно важно, патріотическій духъ есть общая принадлежность всѣхъ классовъ русскаго народа, высшихъ и низшихъ. Есть страны, гдѣ крестьянство равнодушно къ вопросу о цѣлости и чести государства; есть много народовъ, въ которыхъ купеческое сословіе отличается меркантильнымъ и космополитическимъ характеромъ. Въ русскомъ народѣ всякій патріотическій вопросъ равно чувствуется и дворянствомъ, и крестьянствомъ, и торгующимъ классомъ; даже классъ фабричныхъ работниковъ, немногочисленный у насъ, поспоритъ со всѣми другими классами русскаго народа въ живомъ чувствѣ любви къ Царю и отечеству. Въ то же время русскій патріотизмъ есть чувство чистое; желаніе, имъ возбуждаемое, есть желаніе жертвовать и служить, а не желаніе властвовать и управлять. Это послѣднее желаніе такъ слабо въ русскомъ народѣ, что смотрящіе на русскій народъ со стороны и судящіе о немъ поверхностно, въ отсутствіи властолюбія видятъ политическую неспособность. Они забываютъ, что гдѣ есть готовность на жертвы, гдѣ есть способность приносить ихъ съ радостью и восторгомъ, тамъ не можетъ быть политическаго равнодушія, тамъ отсутствіе властолюбія и порождаемыхъ имъ политическихъ страстей не есть недостатокъ, а напротивъ есть добродѣтель. Политическая жизнь течетъ успѣшно не тамъ, гдѣ политическіе интересы вызываются стремленіемъ къ власти, а тамъ гдѣ они основаны на чувствѣ обязанности, гдѣ политическія права стоятъ на второмъ планѣ, а политическія обязанности есть цѣль и причина, а право только средство и слѣдствіе. Только тамъ политическій интересъ соединяетъ людей, и только тамъ есть твердая почва для здоровой политической жизни, для дружнаго дѣйствія въ видахъ государственной пользы. Властолюбіе есть эгоизмъ и какъ всякій эгоизмъ порождаетъ рознь, съ ея безсиліемъ къ плодотворной дѣятельности.

Русскій народъ, не зная политическаго властолюбія, совершенно чуждъ и политической зависти. Истинный русскій человѣкъ не завидуетъ своему согражданину выше его стоящему; онъ смотритъ съ уваженіемъ на всякое высокое положеніе; ему вовсе неизвѣстно ревнивое желаніе равенства. Никто такъ не ошибается насчетъ Россіи какъ тѣ, которые называютъ ее демократическою страной. Напротивъ, нѣтъ народа, въ которомъ демократическіе инстинкты были бы слабѣе чѣмъ въ народѣ русскомъ. Они проникли, и то лишь слабо, въ ту полу-чиновничью, полу шляхетскую среду, которая примыкаетъ къ помѣстному дворянству какъ несвойственный ему придатокъ и отнюдь не пользуется симпатіями другихъ сословій. Весь *raison d'être* ея заключается въ ихъ неполноправности.

Отмѣна крѣпостнаго права уже измѣнила общественное положеніе этой среды; возвышеніе другихъ сословій до гражданской полноправности и вообще правильное развитіе земской жизни поведетъ къ тому что эта среда разложится на свои элементы.

Къ землевладѣльческому дворянству, къ дворянству состоятельному, въ русскомъ народѣ нѣтъ антипатіи, и оно съ своей стороны не заслужило антипатическихъ чувствъ. Ему ставятъ въ укоръ крѣпостное право, его требуютъ къ отвѣту за то что оно будто бы не протестовало противъ крѣпостнаго права. Нѣтъ ничего несправедливѣе этихъ обвиненій. Многія изъ лицъ дворянскаго сословія высказывались противъ крѣпостнаго права; высказывались даже офиціяльно, когда подобныя заявленія влекли къ послѣдствіямъ не совсѣмъ пріятнымъ. Огромное большинство помѣстнаго дворянства пользовалось крѣпостнымъ правомъ съ такою умѣренностью, что суровость права значительно смягчалась его примѣненіемъ. Люди мало знакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи полагали, что освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости будетъ сопровождаться взрывомъ народной ненависти противъ угнетателей народа. Они были удивлены спокойною развязкой крѣпостныхъ отношеній и почти повсемѣстнымъ сохраненіемъ земскаго мира. Крестьянская реформа потребовала отъ помѣщиковъ огромныхъ жертвъ; въ крестьянахъ она должна была развить притязательность. Можно было ожидать что сама реформа породитъ тотъ антагонизмъ между сословіями, котораго не завѣщало даже крѣпостное право. И что же мы видимъ? Едва обнаружились признаки государственной опасности, какъ смолкли всѣ взаимные счеты и разомъ устранились возникавшія затрудненія. Теперь крестьянское дѣло можно считать окончательно улаженымъ, и споры между помѣщиками и крестьянами ограничиваются почти исключительно разверстаніемъ угодій, то-есть такимъ дѣломъ, которое и при отсутствіи крѣпостнаго права не могло бы идти очень успѣшно. Развѣ полюбовное размежеваніе между помѣщиками шло успѣшнѣе? Развѣ государственные крестьяне или казаки охотнѣе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ соглашались на размежеваніе съ помѣщиками? Размежеваніе и разверстаніе—одна изъ самыхъ трудныхъ государственныхъ задачъ. Громадные интересы связаны съ этою задачей; успѣхи сельскаго хозяйства не возможны безъ ея исполненія, но исполненіе ея бываетъ повсюду сопряжено съ раздраженіемъ и жалобами. На полюбовное соглашеніе тутъ нельзя много разчитывать; на него не разчитываютъ и бо́льшая часть иностранныхъ законодательствъ и потому допускаютъ размежеваніе принудительное. Только чрезвычайно удачнымъ ходомъ крестьянской реформы можно объяснить себѣ ожиданія, что разверстаніе угодій совершится у насъ незамѣтно и какъ бы само собой. Успѣхъ крестьянской реформы пріучилъ всѣхъ не придавать значенія и разверстанію угодій; мы какъ бы упустили изъ виду колоссальность этого дѣла и забыли, что такія великія дѣла не могутъ совершаться совсѣмъ безъ затрудненій. Но если взглянуть на это дѣло въ его дѣйствительномъ видѣ и оцѣнить его сообразно его дѣйствительному значенію, то нельзя будетъ не признать, что и оно идетъ успѣшнѣе чѣмъ можно было думать,—успѣшнѣе чѣмъ оно пошло бы въ любой другой странѣ. Одинъ блестящій ораторъ на нынѣшнемъ губернскомъ съѣздѣ московскаго дворянства говорилъ о благополучномъ исходѣ крестьянскаго вопроса какъ объ убѣдительномъ свидѣтельствѣ въ пользу политической доброкачественности русскаго дворянства. Онъ сказалъ, что освобожденіе крестьянъ нигдѣ не могло бы совершиться такъ мирно, какъ оно совершилось въ Россіи. Русское дворянство дѣйствительно имѣетъ полное право съ гордостью указывать на осуществленіе крестьянской реформы какъ на свой историческій подвигъ. Дѣло крестьянской реформы было ведено не бюрократическимъ порядкомъ. Монаршая воля предоставила разработку его дворянскимъ комитетамъ; редакціонныя коммиссіи, трудившіяся на основаніи этихъ работъ, состояли почти исключительно изъ помѣщиковъ; изъ помѣщиковъ были избраны мировые посредники, ближайшіе исполнители законоположеній 19-го февраля; наконецъ общій духъ помѣстнаго дворянства придалъ всему этому дѣлу тотъ мирный и справедливый характеръ, которымъ оно было въ цѣломъ такъ явственно и вмѣстѣ такъ неожиданно запечатлѣно. Крестьянская реформа не испортила отношеній между двумя повидимому противоположными сельскими сословіями, а напротивъ скрѣпила живую связь между ними: не многіе бывшіе доселѣ вы-

боры по земскимъ учрежденіямъ успѣли уже показать какимъ довѣріемъ пользуется между крестьянами помѣстное дворянство.

Главное политическое значеніе крестьянской реформы состоитъ въ томъ, что она освободила помѣстное дворянство отъ того условія, которое отдѣляло его интересы отъ общихъ интересовъ народа. Отнынѣ помѣстное дворянство становится тѣмъ единственнымъ классомъ русскаго общества, котораго интересы сливаются съ интересами всѣхъ другихъ сословій и который не можетъ имѣть своихъ отдѣльныхъ интересовъ болѣе дорогихъ ему чѣмъ общіе государственные. Отнынѣ говорить о сословномъ эгоизмѣ русскаго помѣстнаго дворянства можетъ только тотъ, кто вѣритъ въ возможность возстановленія крѣпостнаго права въ Россіи, то-есть кто дѣйствительной Россіи не знаетъ.

№ 9.

Москва, 12-го января.

Въ государственномъ быту каждаго европейскаго народа борьба внутреннихъ политическихъ партій имѣетъ великое значеніе. Если это партіи патріотическія, равно преданныя престолу, то большею частію эта борьба не ослабляетъ государства, а оживляетъ его, напрягаетъ его силы, направляетъ ихъ къ общему благу и подвигаетъ государство впередъ, дѣлая невозможными ни слишкомъ быстрые и неправильные скачки, ни столь же вредный застой. Гдѣ политическія партіи развились правильно и согласно съ природою вещей, тамъ именно борьба ихъ сопровождается благотворными послѣдствіями. Первымъ признакомъ такого здороваго развитія политическихъ партій служитъ то, что онѣ имѣютъ предъ собой явныя, всѣмъ извѣстныя цѣли, что онѣ для достиженія этихъ цѣлей употребляютъ законныя и нравственно-дозволенныя средства, и что вслѣдствіе того онѣ находятъ полную возможность дѣйствовать явно и открыто. Въ такой чистотѣ и съ такимъ характеромъ развились политическія партіи преимущественно въ Англіи. Во Франціи, которая оторвалась отъ своей исторической почвы, которая вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ стала классическою страной насильственныхъ переворотовъ сверху или снизу, гдѣ за каждымъ такимъ переворотомъ являлись новыя бумажныя конституціи, никогда не приводившіяся въ исполненіе добросовѣстно, гдѣ нерѣдко вмѣстѣ съ тѣмъ являлись и новыя династіи, политическія партіи приняли болѣе или менѣе династическій характеръ, и ведутъ борьбу между собою не только о лучшемъ направленіи внутренней и внѣшней политики страны, но и о самыхъ основахъ государства и о томъ, какому царственному роду стоять во главѣ его. Понятно, что эти партіи принуждены болѣе или менѣе скрывать свои цѣли, дѣйствовать тайными путями, и что онѣ не могутъ не подвергаться преслѣдованію со стороны той партіи, въ рукахъ которой, въ данное время, находится верховная власть. Но всѣ французскія партіи, орлеанисты и легитимисты, бонапартисты и республиканцы, равно дорожатъ своимъ національнымъ характеромъ. Въ Пруссіи политическія партіи дробятся на множество подраздѣленій или фракцій, изъ которыхъ двѣ могутъ быть названы господствующими: партія феодаловъ, къ которой лишь отчасти принадлежитъ нынѣшнее министерство, и партія прогрессистовъ, составляющая большинство въ палатѣ депутатовъ. Эти двѣ партіи очень далеко расходятся между собою. Всѣмъ извѣстно, до какого ожесточенія доходила борьба партій въ Пруссіи, и однакоже, нынѣшнее министерство, въ важнѣйшихъ вопросахъ внѣшней и внутренней политики, именно въ вопросѣ шлезвигъ-гольштейнскомъ, въ вопросѣ о возстановленіи Таможеннаго Союза на основаніи началъ прусско-французскаго торговаго трактата, и наконецъ, въ самомъ финансовомъ управленіи, имѣетъ общественное мнѣніе цѣлой страны на своей сторонѣ; чѣмъ и объясняется какъ воодушевленіе прусскихъ войскъ во время войны, такъ и настойчивая энергія прусскаго правительства въ веденіи самыхъ трудныхъ и запутанныхъ переговоровъ. „Обѣ великія побѣды одержанныя въ послѣднее время прусскимъ правительствомъ,—побѣда въ датскомъ вопросѣ и въ таможенномъ, доказываютъ, какъ восклицаетъ одна изъ либеральныхъ прусскихъ газетъ, какую цѣну имѣютъ для государства согласіе и единодушіе между его государемъ и народомъ. Возможны ли были бы подобныя побѣды, еслибы, вмѣсто войны съ Даніей за прусско-нѣмецкіе интересы, правительство начало войну въ Ита-

ліи въ интересахъ Австріи,—войну, которая имѣла бы противонаціональное значеніе въ Пруссіи, — или еслибъ это правительство, вмѣсто возстановленія Таможеннаго Союза на началахъ свободной торговли, задумало возстановить его на началахъ покровительственной системы, совершенно противныхъ національнымъ интересамъ Пруссіи?" Прогрессисты, враждуя съ министерствомъ, идутъ еще далѣе его въ національной политикѣ и желаютъ простаго присоединенія Герцогствъ къ Пруссіи. Вотъ почему одна изъ самыхъ прогрессивныхъ и демократическихъ газетъ Пруссіи, именно *Volks-Zeitung*, предвидитъ возможность примиренія между министерствомъ и палатой депутатовъ, и не хочетъ допустить даже вопроса о томъ, на чьей сторонѣ въ такомъ случаѣ осталась бы побѣда. „На этотъ вопросъ, говоритъ *Volks-Zeitung*, мы дали бы одинъ радостный отвѣтъ: побѣда осталась на сторонѣ чести и благоденствія всего нашего отечества.

При такомъ настроеніи всѣхъ политическихъ партій въ этихъ государствахъ никому въ голову не придетъ назвать какую-либо изъ нихъ — въ Пруссіи австрійскою, или французскою, или русскою, въ Англіи — французскою, во Франціи — англійскою, и т. д.: всѣ эти партіи, каждая въ своей странѣ, имѣютъ совершенно національный характеръ, и каждая выше всего поставляетъ общее благо своего отечества. Но, если вѣрить иностраннымъ газетамъ, Россія, государство сильное именно патріотизмомъ сыновъ своихъ, составляетъ въ этомъ отношеніи странное исключеніе; въ Россіи иностранныя газеты хотятъ во что бы ни стало находить двѣ партіи: одну, которую они называютъ патріотическою или русскою, старою русскою или молодою русскою, или, какъ недавно выразился петербургскій корреспондентъ *Indépendance belge*, проживающій, какъ сказываютъ, въ Брюсселѣ, партіей *Московскихъ Вѣдомостей*, и другую, которую они величаютъ почему-то либеральною, не считая ее въ то же время за патріотическую или русскую и называя ее подчасъ нѣмецкою, а также французскою, и во всякомъ случаѣ считая ее особенно благопріятною для Поляковъ. Между этими обѣими партіями, по словамъ иностранныхъ газетъ, въ настоящее время идетъ ожесточенная борьба за власть, и иностранныя газеты высказываютъ свое полное сочувствіе этой партіи французско-нѣмецко-польской, которую они величаютъ либеральною.

Сочувствовать ей онѣ могутъ, но по какому же праву называютъ онѣ эту партію либеральною, по какому же праву ставятъ онѣ съ нею на одну доску, тоже въ качествѣ партіи, все то, что есть въ Россіи русскаго? Права на это нѣтъ ни малѣйшаго, но тутъ есть не малая хитрость. Эта номенклатура придумана недурно. Повторяя одно и то же на разные лады, наши благопріятели надѣются мало-по-малу пріучить извѣстные слои русской публики — этого стада барановъ — къ мысли, что русскій народъ у себя дома, въ своей Россіи, есть не болѣе какъ партія, и притомъ партія не либеральная, увлекающаяся крайностями, и что либерализмъ долженъ состоять у насъ въ противодѣйствіи стремленіямъ этой фанатической, крайне опасной и враждебной всему либеральному партіи. Чтобы придать этой мысли благовидную форму надобно было непремѣнно сочинить небывалую исторію о существующихъ будто бы въ Россіи двухъ партіяхъ. Только подъ прикрытіемъ этого сказанія, можно проводить въ русскую публику тотъ взглядъ, что либерализмъ въ Россіи долженъ состоять въ ослабленіи ея единства и въ отрицаніи національнаго направленія ея политики.

Что въ Россіи существуютъ враждебные къ ней элементы, и притомъ не только на окраинахъ, но и въ нѣдрахъ ея, и что эти элементы разчитываютъ на успѣхъ, этого, по несчастію, отрицать невозможно. Несмотря на всю ихъ разнородность, мы не поручимся, чтобы между ними, при данныхъ обстоятельствахъ, не могла образоваться довольно серіозная коалиція, чтобъ они не могли сложиться въ одну довольно сильную партію. Программа подобной коалиціи уже составлена; она очень ловко изложена въ извѣстной памфлетѣ Шедо-Ферротти: *Que fera-ton de la Pologne?* Около этой программы, по крайней мѣрѣ на первое время, могутъ очень удобно сгруппироваться всѣ непріязненные Россіи элементы; къ ней легко могутъ примкнуть всѣ пагубныя для Русскаго народа и для Русской державы стремленія, гдѣ бы и въ какихъ бы видахъ они ни проявлялись. Въ самомъ дѣлѣ, что составляетъ сущность этой программы? Сущность ея составляетъ ученіе о томъ, что русская верховная власть не должна быть русскою на всемъ простран-

ствѣ Русской державы, что она должна быть польскою тамъ, гдѣ, по своему числу или по своему положенію, преобладаютъ Поляки, — нѣмецкою, гдѣ царствуютъ Нѣмцы, — шведскою, гдѣ первенствуютъ Шведы, и т. д. Эта *безнародность*, если такъ можно выразиться, верховной власти въ Россіи не была ли бы, въ сущности и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, полнымъ разложеніемъ Русскаго государства на составныя его части? Не отняла ли бы она русскаго Царя у русскаго народа, тогда какъ по основному убѣжденію нашего народа, коренящемуся во всемъ его прошедшемъ, русскій Царь и русскій народъ всецѣло и нераздѣльно принадлежатъ другъ другу? Не значило ли бы это медіатизировать русскій народъ?

Какой же отвѣтъ на подобныя стратагемы дастъ русскій народъ? Русскій народъ, вспоминая о томъ, что онъ тяжкими усиліями собралъ воедино всю эту Русскую землю, что онъ всѣмъ жертвовалъ дабы создать во главѣ ея эту могущественную верховную власть, великій живой символъ своего единства, вспоминая, что всѣ корни русской верховной власти находятся въ русской народной почвѣ, — Русскій народъ, который приходитъ теперь въ пору самосознанія, имѣетъ полное право сказать всѣмъ тѣмъ, которые твердятъ о существованіи не-русской политической партіи въ Россіи и предрекаютъ ей торжество въ ближайшемъ будущемъ, — сказать устами древняго поэта: Discite justitiam moniti ac non temnere divos, то-есть, съ перемѣной, сообразною данному случаю: „Научитесь правдѣ, вразумившись, и не презирайте того что въ Россіи, въ ея Царѣ и народѣ, должно быть наиболѣе почитаемо и возвеличиваемо: русскаго имени.“

№ 10.

Москва, 13-го января.

Въ послѣднемъ полученномъ нами нумерѣ *Рижской Газеты* (отъ 8-го января 1865 года, № 5) мы находимъ краткое извлеченіе изъ протокола чрезвычайнаго собранія рижской большой гильдіи (купеческаго общества), бывшаго 28-го декабря прошлаго года и имѣвшаго цѣлью разсмотрѣніе „Основаній преобразованія устройства рижскаго городскаго общества“, составленныхъ тамошнимъ магистратомъ. Изъ этого краткаго извлеченія видно, что подлежавшій разсмотрѣнію проектъ принятъ почти вполнѣ, и при томъ безъ серіозныхъ преній. Измѣненія введенныя въ него большою гильдіей маловажны. Самое значительное изъ нихъ заключается въ томъ, что собраніе гласныхъ, или такъ-называемая *скамья городскихъ старшинъ*, будетъ состоять не изъ 120 человѣкъ, какъ предполагалось въ проектѣ, а изъ 72 человѣкъ, и что разныя городскія должности будутъ доступны не однимъ гласнымъ, но и прочимъ гражданамъ. Мы уже говорили въ № 5 нашей газеты о пользѣ этого измѣненія; но, къ сожалѣнію, она много ослабляется тѣмъ, что одновременно съ уменьшеніемъ числа гласныхъ не сдѣлано ничего для уравновѣшенія собранія гласныхъ съ магистратомъ, который, вслѣдствіе ограниченія числа членовъ въ скамьѣ городскихъ старшинъ, очевидно, еще болѣе усиливается сравнительно съ прежнимъ проектомъ. Скамья старшинъ, состоящая изъ 120 членовъ, была бы безъ всякаго сомнѣнія самостоятельнѣе относительно магистрата, чѣмъ вотированная теперь скамья изъ 72 членовъ. Между тѣмъ, полновластіе магистрата осталось неприкосновеннымъ, и почти единственное измѣненіе, къ нему относящееся, состоитъ въ томъ, что большая гильдія не желаетъ видѣть въ немъ пріютъ для девяностолѣтнихъ старцевъ: она проситъ, чтобы члены магистрата, достигшіе 60-лѣтняго возраста, подвергались новому избранію черезъ каждое пятилѣтіе. Большая гильдія прибавляетъ, что въ случаѣ неизбранія, они должны получать полную пенсію. Если это предположеніе будетъ утверждено, то тѣ изъ рижскихъ гражданъ, которымъ идетъ шестой десятокъ, сдѣлаются предметомъ всеобщей зависти и вмѣстѣ мучениками честолюбія: можно поручиться, что бо́льшая часть кандидатовъ на магистратскія кресла будетъ принадлежать къ этому возрасту; кресла магистрата будутъ для нихъ средствомъ поступать въ пенсіонеры города, прослуживъ ему какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ.

Большая гильдія видимо черезчуръ торопилась принимая рѣшенія, одно за другимъ, почти безъ преній; или, лучше, ее видимо торопили люди вліятельные. Даже изъ краткаго отчета, напечатаннаго въ *Рижской Газетѣ*, явственно видно желаніе вліятельныхъ лицъ не допускать се-

ріозныхъ преній и скорѣе уловить чѣмъ убѣдить или хоть выслушать это честное собраніе, величаемое *Eine Ehrliche Bürgerschaft grosser Gilde*. Ходъ преній былъ до того неправильный, что трудно объяснить эти неправильности простою случайностію. Вездѣ на свѣтѣ, когда хотятъ серіозно разсмотрѣть какой-нибудь проектъ и когда нѣтъ единогласія, приступаютъ сперва къ разбору поправокъ предложенныхъ къ отдѣльнымъ параграфамъ, и лишь по заключеніи преній о поправкахъ, лишь послѣ того какъ о поправкахъ постановлено окончательное рѣшеніе, приступаютъ къ рѣшенію вопроса о цѣломъ проектѣ. Вездѣ на свѣтѣ тѣ, кому предоставлено право предлагать поправки, имѣютъ право предлагать ихъ во все время продолженія преній о поправкахъ. Понятно, почему это вездѣ принято: ходъ преній и подача голосовъ объ отдѣльныхъ поправкахъ, разъясняя виды и настроеніе собранія могутъ подать поводъ къ видоизмѣненію прежде предложенныхъ поправокъ или къ внесенію новыхъ. Наконецъ о проектѣ, какъ о цѣломъ, нельзя судить, пока не установлены его подробности, то-есть пока не принято рѣшеніе объ отдѣльныхъ поправкахъ. Вотъ почему противно логикѣ и несогласно съ самымъ слабымъ уваженіемъ къ свободѣ собранія требовать отъ него подачи голосовъ о цѣломъ проектѣ прежде разсмотрѣнія предложенныхъ къ нему поправокъ. А между тѣмъ такъ именно поступили руководители собранія 28-го декабря. Они сказали собранію: „убѣждаемъ васъ, господа, принять проектъ въ главныхъ его чертахъ и наперед отказаться отъ права предлагать какія-либо поправки, кромѣ допускаемыхъ нами, а потомъ, когда вы свяжете свою свободу, потомъ разсуждайте себѣ о подробностяхъ.“ Эта безцеремонность можетъ служить образцомъ того, какъ привыкла обращаться олигархія съ свободой мнѣній. Надобно было что называется *enlever la chose*, и это вполнѣ удалось: оказалось, что большая гильдія пріучена къ повиновенію.

Окончательному успѣху предпріятія содѣйствовала именная подача голосовъ. Многіе изъ членовъ большой гильдіи, которые въ какомъ-нибудь отношеніи зависятъ отъ магистрата, отъ альдермана (предсѣдателя скамьи старшинъ) или докмана (предсѣдателя гильдіи), наконецъ отъ вліятельныхъ согражданъ видимо старавшихся навязать проектъ собранію, не рѣшились, конечно, подать голосъ противъ проекта, хотя при тайной баллотировкѣ можетъ-быть не задумались бы подать голосъ противъ него. Но несмотря на все это проектъ принятъ только большинствомъ 191 голоса противъ 123 (такъ сообщаютъ намъ пріѣзжіе; въ *Рижской Газетѣ* напечатано, что проектъ принятъ большинствомъ 194 голосовъ противъ 120). При этомъ произошло недоразумѣніе, о которомъ считаемъ долгомъ заявить, потому что оно имѣетъ особенную важность. Намъ очень жаль, что мы не можемъ говорить объ этомъ недоразумѣніи съ необходимою обстоятельностію. Русскіе купцы, члены рижской большой гильдіи, соблюдаютъ чрезвычайную скромность относительно тамошнихъ городскихъ дѣлъ. Письма, получаемыя нами оттуда, походятъ на письма заключенныхъ; корреспонденты всего болѣе опасаются, чтобы какъ-нибудь не вышелъ наружу страшный грѣхъ ихъ—переписка съ русскою газетой. Эта скромность свидѣтельствуетъ о миролюбіи, качествѣ почтенномъ, но въ то же время она ставитъ непреоборимыя затрудненія серіозной гласности, которая не можетъ имѣть значенія безъ полноты свѣдѣній. Нельзя, повторяемъ, не пожалѣть что въ Ригѣ атмосфера до такой степени неблагопріятна для свободы мнѣній. Объ упомянутомъ недоразумѣніи мы имѣемъ мало свѣдѣній. Дѣло въ томъ, что русскіе купцы вовсе не подавали голосовъ. Они заявили письменно за 126 подписями свое мнѣніе противъ проекта. Объ этомъ заявленіи упоминаетъ и *Рижская Газета*; она замѣчаетъ, что изъ числа 126 подписавшихся, при повѣркѣ оказалось только 80 человѣкъ принадлежавшихъ къ рижской корпораціи, а остальные не были записаны въ городскую книгу. Но еслибы и эти 80 голосовъ присоединились къ меньшинству (1 20 беремъ цифру *Рижской Газеты*), то и въ такомъ случаѣ меньшинство превратилось бы въ большинство, и проектъ былъ бы отвергнутъ 200 голосами противъ 194 (беремъ и здѣсь цифру *Рижской Газеты*). Далѣе пріѣзжіе изъ Риги сообщаютъ намъ, что въ собраніе большой гильдіи явилось 393 человѣка. Между тѣмъ, слагая большинство и меньшинство, получаемъ цифру 314. Не достаетъ 79 человѣкъ. Какъ это случилось, мы объяснить не можемъ. Наконецъ,

вотъ еще одна неясность. *Рижская Газета* говоритъ, что изъ подписавшихся подъ запиской русскихъ купцовъ только 80 человѣкъ были записаны въ городской книгѣ. Между тѣмъ, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, 155 русскихъ купцовъ платятъ въ Ригѣ гильдейскія повинности (всего членовъ въ купеческой гильдіи, большая гильдія тожь, около 600 человѣкъ). Но пусть русскихъ купцовъ будетъ всего только 80 человѣкъ. Возможно ли допустить, чтобы такая значительная доля членовъ большой гильдіи потеряли свой голосъ только потому что считали удобнѣйшимъ заявить свое мнѣніе письменно? Не былъ ли обязанъ докманъ предостеречь ихъ, замѣтивъ ихъ недоразумѣніе? *Bona fide*, какъ предсѣдатель, онъ былъ обязанъ предостеречь ихъ. Но онъ не счелъ этого за нужное, а напротивъ, какъ намъ сказываютъ, обошелся совсѣмъ не по-предсѣдательски съ однимъ изъ русскихъ купцовъ, позволившимъ себѣ, подъ конецъ засѣданія, потребовать, чтобы принято было какое-нибудь рѣшеніе насчетъ русской записки. Эта записка была подана на двухъ языкахъ, русскомъ и нѣмецкомъ, слѣдовательно со стороны русскихъ купцовъ былъ соблюденъ весь этикетъ относительно нѣмецкаго языка. Но когда упомянутый нами русскій купецъ началъ говорить, и говорить по-нѣмецки, то докманъ объявилъ ему, что никакъ не можетъ понять его. На извиненіе говорившаго, что онъ не можетъ говорить бѣгло по-нѣмецки, докманъ, какъ насъ увѣряютъ, посовѣтовалъ ему поучиться нѣмецкому языку. Если этотъ разказъ вѣренъ (мы не хотѣли бы вѣрить ему: такъ онъ возмутителенъ), то какое еще нужно доказательство въ пользу высказанной нами на дняхъ мысли о необходимости исходатайствовать въ Ригѣ равноправность русскому языку.

Записка русскихъ купцовъ, пущенная на голоса подъ конецъ засѣданія, была отвергнута. Содержаніе ея состояло главнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы въ число старшинъ и членовъ магистрата, а также во всѣ прочія городскія должности были обязательно избираемы граждане русскаго происхожденія, соразмѣрно долѣ русскаго элемента въ населеніи города Риги. Въ опроверженіе этого предложенія была высказана мысль, что не слѣдуетъ дробить городское общество на разряды, и что въ Ригѣ живутъ не только лица русскаго и нѣмецкаго происхожденія, но и лица другихъ племенъ, напримѣръ латышскаго. Это послѣднее замѣчаніе столь же вѣрно, какъ и первое, но изъ того еще не слѣдуетъ чтобы выборы слѣдовало устраивать стѣснительно для лицъ русскаго происхожденія. Что-нибудь одно: либо должна быть справедливость, безъ запугиванія и захватовъ, и тогда возможно согласіе, а сталобыть и единство городскаго общества; либо единство городскаго общества имѣетъ значеніе средства господства, *arcanum imperii*, и тогда ничего болѣе не останется, какъ раздѣлить городское общество по національностямъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нѣтъ причины не оградить и Латышей, ограждая Русскихъ.

Въ Ригѣ господствуетъ теперь сильная олигархія; отъ немногихъ вліятельныхъ людей зависитъ выборъ пути, по которому пойдетъ тамошнее городское общество. Но эти люди должны знать, что тѣ времена прошли, когда меньшинству удавалось порабощать большинство населенія. Намъ, конечно, лучше нашего извѣстны цифры городскаго населенія Риги по національностямъ: православныхъ и старообрядцевъ живетъ тамъ не менѣе 26.000 человѣкъ, Латышей и Эстовъ около 30.000, Поляковъ около 5.000, Нѣмцевъ немногимъ болѣе 15.000, и Евреевъ около 1.000 человѣкъ. Равнымъ образомъ намъ должно быть извѣстно, что Рига лежитъ въ Русской землѣ. При такихъ обстоятельствахъ не допускать русскихъ купцовъ до дѣйствительной равноправности съ купцами нѣмецкими и русскій языкъ до равноправности съ языкомъ нѣмецкимъ, это такая претензія, которая сама себя обличаетъ въ нестерпимой несправедливости.

Остзейскія газеты могутъ поднимать крикъ какъ имъ угодно. Онѣ могутъ дѣлать черное бѣлымъ, могутъ называть злобнымъ нападеніемъ скромное и миролюбивое требованіе справедливости, изображать наглымъ насиліемъ вынужденный протестъ противъ насилія. Но крикомъ, какъ бы онъ ни былъ задоренъ, правду заглушить трудно, особенно въ наше время всеобщей гласности. Издавна уже говорится: правда выйдетъ наружу рано или поздно; въ наше время можно сказать: она выйдетъ наружу скорѣе рано чѣмъ поздно. Гласность непріятна для всякой неправды: это понятно. Она раздражаетъ, она приводитъ въ гнѣвъ. Но отъ гласности теперь не уйдешь

ни на какихъ парусахъ, и потому гораздо благоразумнѣе не сердиться на существованіе гласности, а дѣйствовать такъ, чтобы можно было не опасаться ея.

Итакъ остзейскія газеты могутъ кричать сколько имъ угодно, что русскіе патріоты хотятъ искоренить нѣмецкій языкъ и обычай. Дѣло отъ этого нисколько не перемѣнится, и справедливое требованіе полноправности для русскаго языка, на ряду съ языкомъ нѣмецкимъ въ городѣ Ригѣ отъ этого ни на волосъ не сдѣлается менѣе справедливымъ. На людей съ здравымъ смысломъ эти крики произведутъ только дѣйствіе неблагопріятное для кричащихъ, точно также какъ вопли раздававшіеся на дняхъ въ *Allgemeine Zeitung* по поводу назначенія новаго генералъ-губернатора въ Остзейскія губерніи никого, конечно, не озадачатъ, а только заставятъ подумать о томъ, на какого рода эффектъ они могли быть разчитаны. Кто теперь не прислушался и не притерпѣлся къ газетнымъ крикамъ? А обстрѣленному эти стрѣлы не страшны.

№ 11.

Москва, 14-го января.

Въ послѣднее время европейская журналистика была наиболѣе занята депешами, обнародованными въ вѣнской *Presse*. Достовѣрность свѣдѣній, сообщенныхъ въ этой газетѣ, о переговорахъ между Пруссіей и Австріей не подлежитъ почти никакому сомнѣнію. Самъ *Монитеръ* не задумался напечатать ихъ на своихъ столбцахъ. Австрійское правительство, долгое время отрицавшее ихъ подлинность, наконецъ, — какъ телеграфируютъ изъ Вѣны, отъ 21-го января, — предписало произвести домовый обыскъ въ редакціи газеты *Presse* для отысканія подлинника напечатанной въ ней статьи, и нарядило слѣдствіе для открытія виновнаго въ нарушеніи государственной тайны. Полуофиціяльные вѣнскіе корреспонденты различныхъ нѣмецкихъ газетъ, съ своей стороны, принуждены согласиться, что въ прусскихъ депешахъ, отъ 13-го декабря, и въ австрійскихъ, отъ 21-го, дѣйствительно шла рѣчь, съ одной стороны, о непосредственномъ присоединеніи Шлезвигъ-Гольштейна къ Пруссіи, а съ другой — о необходимости территоріяльнаго вознагражденія въ такомъ случаѣ для Австріи въ предѣлахъ нѣмецкихъ земель. Они стараются только доказать, что то, что было высказано мимоходомъ со стороны Пруссіи и Австріи въ подтвержденіе ихъ разногласныхъ воззрѣній на немедленную уступку фактическаго обладанія Герцогствами принцу Августенбургскому, выставлено въ *Presse* въ качествѣ главнаго содержанія упомянутыхъ депешъ. Такъ, въ *Allgemeine Zeitung* пишутъ, что Пруссія только сослалась на готовность населенія Герцогствъ вступить въ прямое ея подданство, и что Австрія, съ своей стороны, замѣтила противъ этого пункта, что въ такомъ случаѣ и она была бы въ правѣ потребовать себѣ территоріяльнаго вознагражденія. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное этимъ разоблаченіемъ, какъ въ Германіи, такъ и за ея предѣлами, было чрезвычайно сильно, и во всякомъ случаѣ оно оказалось гораздо болѣе вреднымъ для Австріи чѣмъ для Пруссіи. Прежде всего встрепенулись меньшія государства самой Германіи. До сихъ поръ Австрія показывала видъ, будто бы держитъ ихъ сторону и защищаетъ самостоятельность Шлезвигъ-Гольштейна подъ властью принца Августенбургскаго; теперь же оказалось, что она не прочь согласиться на присоединеніе Герцогствъ къ Пруссіи подъ условіемъ распространенія собственныхъ своихъ предѣловъ въ Германіи. Запросамъ со стороны меньшихъ государствъ, какъ говорятъ, не было конца въ Вѣнѣ, и несмотря на успокоительныя увѣренія графа Мендсдорфа, тревога нисколько не утишилась, и до сихъ поръ возникаютъ самыя противорѣчивыя предположенія на счетъ той области, которою бы желала завладѣть Австрія. Въ той же самой *Presse*, которая возбудила всю эту тревогу, теперь увѣряютъ, что дѣло идетъ о возвращеніи подъ власть Австріи части прусской Силезіи, и что карта раздѣла этой области уже готова, а именно, будто бы пограничная линія должна начаться на границѣ Саксоніи, у Циттау, и пойдти черезъ Гиршбергъ, Швейдницъ и Бригъ до русской границы у Ченстохова; при чемъ Пруссія будто бы особенно указываетъ на важность этой католической области, которую она готова уступить Австріи. Напротивъ, дрезденскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung* увѣряетъ, ссылаясь на самые надежные источники, что цѣль поѣздки принца Фридриха-Карла въ Вѣну въ томъ и за-

ключалась, чтобы побудить Австрію искать этого вознагражденія не въ Силезіи, а гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. При этомъ корреспондентъ упоминаетъ о принадлежащемъ Пруссіи княжествѣ Гогенцоллернскомъ, замѣчая, впрочемъ, что это не было бы соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ за герцогства, и что Австріи было бы трудно имъ воспользоваться. Вѣроятнѣе, прибавляетъ онъ, что Пруссія вмѣсто территоріальнаго вознагражденія предложитъ въ Вѣнѣ какую-нибудь другую сдѣлку, напримѣръ, приметъ на себя обязательство безусловно помогать Австріи, какимъ бы владѣніямъ ея внѣ Германскаго Союза ни грозила опасность. Франкфуртскій журналъ *Les deux Mondes*, подтверждая показанія вѣнской *Presse* на счетъ переговоровъ, прибавляетъ, что о положеніи, принятомъ Баваріей, получены такія извѣстія, которыхъ упомянутый журналъ въ настоящее время не рѣшается даже обнародовать, хотя они и доставлены будто бы изъ самаго надежнаго источника. *Botschafter*, въ свою очередь, опровергаетъ это неопредѣленное показаніе, и говоритъ, что послѣдній отвѣтъ вѣнскаго кабинета на запросъ баварскаго правительства о намѣреніяхъ Австріи въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ былъ принятъ въ Мюнхенѣ какъ нельзя лучше, и что Мюнхенскій кабинетъ изъявилъ Австріи благодарность за положеніе принятое ею въ переговорахъ съ Пруссіей. Такое же довѣріе къ намѣреніямъ Австріи, прибавляетъ *Botschafter*, питаетъ и Саксонія, но этому показанію какъ нельзя болѣе противорѣчатъ извѣстія, прямо сообщаемыя изъ Дрездена.

Не въ одной Германіи сообщенія *Presse* должны были произвести сильное впечатлѣніе. Въ Англіи точно также на нихъ обращено общее вниманіе. *Morning Herald*, между прочимъ, видитъ въ этой дипломатической корреспонденціи доказательство не серіознаго разногласія между Пруссіей и Австріей, а напротивъ, близости ихъ къ полному соглашенію. „Австрія, прибавляетъ *Morning Herald*, находится въ такомъ положеніи, что Пруссія можетъ оказать ей не одну существенную услугу. Австрійское правительство охотно предоставитъ Пруссіи Шлезвигъ-Гольштейнъ и даже Саксонію въ придачу, если только Пруссія обяжется съ своей стороны искренно поддерживать ее въ той политикѣ, которой она желала бы слѣдовать относительно Италіи. Мы не боимся, продолжаетъ *Morning Herald*, чтобы рѣшеніе участи Герцогствъ, отнятыхъ у Даніи, повело къ какимъ-либо серіознымъ распрямъ въ Германіи; но мы опасаемся, что со времени окончательнаго рѣшенія судьбы Герцогствъ италіянскимъ историкамъ придется вести лѣтосчисленіе новымъ вторженіямъ „германскихъ варваровъ въ предѣлы ихъ слишкомъ прекрасной страны.“

Понятно, что во Франціи содержаніе тайныхъ переговоровъ между Пруссіей и Австріей произвело еще сильнѣйшее впечатлѣніе чѣмъ въ Англіи. Нѣкоторыя газеты, и во главѣ ихъ *Opinion Nationale*, обвиняя Австрію въ властолюбивыхъ замыслахъ какъ въ самой Германіи, такъ и по отношенію къ Италіи, требуютъ формальнаго вмѣшательства со стороны Франціи, и хотя, по увѣренію газеты *Botschafter*, эти крики не находятъ никакого отголоска въ правительственной сферѣ Франціи, тѣмъ не менѣе однакоже Вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ препроводить къ князю Меттерниху точный анализъ депешъ, отъ 13-го и 21-го декабря, для прочтенія его г. Друэнъ-де-Люису. Вѣроятно, этотъ шагъ былъ сдѣланъ не иначе, какъ съ согласія Пруссіи. Франція, продолжаетъ парижскій корреспондентъ газеты *Botschafter*, намѣрена держаться политики невмѣшательства по отношенію къ шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока этотъ вопросъ будетъ внутреннимъ вопросомъ Германіи. Въ доказательство тому приводятся недавніе переговоры г. Друэнъ-де-Люиса съ послами австрійскимъ и прусскимъ, при чемъ французское правительство осталось очень довольно политикой Вѣнскаго кабинета, и не обратило вниманія на намеки прусскаго посла, которыми какъ бы указывалось, что система вознагражденій легко можетъ быть приложена въ ближайшее время не только въ Германіи, но и на западѣ Европы. Вѣрно ли это послѣднее показаніе предубѣжденнаго противъ союза съ Пруссіей органа г. фонъ-Шмерлинга — это другой вопросъ.

Въ настоящее время особенно интересно было бы знать о результатахъ, достигнутыхъ въ Вѣнѣ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ, который, какъ извѣстно, провелъ тамъ безъ малаго пять дней. Какого-нибудь опредѣленнаго, обычнаго дипломатическаго порученія принцъ Фридрихъ-

Карлъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ; но всѣ предполагали, что появленіе его въ Вѣнѣ должно ознаменоваться или скрѣпленіемъ прусско-австрійскаго союза какими-нибудь опредѣленными обязательствами съ обѣихъ сторонъ, или же совершеннымъ его разрывомъ, вслѣдствіе котораго для Австріи открылась бы возможность новыхъ политическихъ комбинацій. Пока извѣстно только одно, что Пруссія нисколько ни понизила, вслѣдствіе пребыванія принца Фридриха-Карла въ Вѣнѣ, ни своихъ требованій, ни своего тона. Она надѣется на успѣхъ. Прусская министерская *Провинціяльная Корреспонденція* сообщаетъ, отъ 20-го января, что переговоры между Пруссіей и Австріей продолжаются дружественнымъ и конфиденціальнымъ образомъ, и что хотя относительно нѣкоторыхъ пунктовъ еще господствуетъ разномысліе, но что, нѣтъ сомнѣнія, будетъ достигнуто окончательное соглашеніе, и что Пруссія не перемѣнитъ при этомъ однажды принятаго ею положенія. Г. фонъ-Бисмаркъ, какъ извѣстилъ насъ вчера телеграфъ, заявилъ въ верхней палатѣ, 24-го января, что прусская кровь лилась не тщетно и что интересы Пруссіи не будутъ упущены изъ виду. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказался въ пользу союза съ Австріей, замѣтивъ, что будущее броситъ болѣе яркій свѣтъ на этотъ союзъ. Повидимому, такимъ образомъ, одно изъ двухъ предположеній, связанныхъ съ поѣздкой принца Фридриха-Карла, оправдалось, и прусско-австрійскій союзъ не расторгся, а напротивъ, какъ кажется, скрѣпился болѣе прежняго. Въ Берлинѣ поговаривали даже, что въ скоромъ времени состоится свиданіе между г. фонъ-Бисмаркомъ и графомъ Менсдорфомъ, — свиданіе, котораго особенно желаетъ первый изъ нихъ. Еслибы этотъ слухъ оправдался, то можно было бы подумать, что министры обѣихъ державъ имѣютъ въ виду довершить то, что начато было въ Вѣнѣ при личномъ свиданіи принца Фридриха-Карла съ австрійскимъ императоромъ. Расторженіе прусско-австрійскаго союза, пишетъ берлинскій корреспондентъ *Австрійской Конституціонной Газеты*, считается здѣсь невозможностью; напротивъ, всѣ увѣрены, что послѣдуетъ соглашеніе съ Австріей на основаніи вознагражденія, которое однакоже будетъ состоять не въ уступкѣ ей какой-либо области.

Россія, какъ пишутъ въ *Кобургскую Газету* изъ Вѣны, совѣтуя Берлинскому кабинету умѣренность и уваженіе къ германскому федеральному праву и къ меньшимъ государствамъ, въ то же время будто бы настаиваетъ на необходимости прусско-австрійскаго союза, и въ немъ видитъ вѣрнѣйшее ручательство за сохраненіе европейскаго мира. Въ этихъ именно видахъ и дается совѣтъ, чтобы Берлинскій кабинетъ умѣрилъ свои требованія. Умѣритъ ли онъ свои требованія до того, чтобъ отказаться отъ захвата отбитыхъ у Даніи Герцогствъ, и если умѣритъ, то будетъ ли онъ послѣ того дорожить союзомъ съ Австріей, это—тайна будущаго. Дѣло будетъ зависѣть отъ общаго европейскаго созвѣздія и отъ положенія, которое приметъ въ ней Россія. Непреклонная твердость Россіи по вопросу польскому и воздержность ея отъ дѣятельнаго вмѣшательства во взаимные счеты европейскихъ державъ, вотъ, кажется, съ нашей стороны образъ дѣйствій наиболѣе ручающійся за благополучный ходъ общей европейской политики.

№ 12.

Москва, 15-го января.

Въ это послѣднее время мы стали предметомъ безпрерывныхъ толковъ какъ въ туземной, такъ и въ иностранной печати, — толковъ самыхъ странныхъ, самыхъ необыкновенныхъ. Рѣчь идетъ уже не о мнѣніяхъ нашихъ, не о направленіи, которому служитъ органомъ наша газета, — рѣчь идетъ о нашихъ частныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ; занимающіеся нами люди слѣдятъ за каждымъ нашимъ шагомъ, и знаютъ объ насъ то, что и намъ самимъ неизвѣстно. Люди, оказывающіе намъ такое вниманіе, сосредоточиваютъ его теперь на вопросѣ самомъ интересномъ даже по отношенію къ самому неинтересному предмету, — на вопросѣ о нашемъ существованіи. Начало этому движенію въ нашей журналистикѣ положено одною петербургскою газетой, *Голосомъ*, гдѣ назадъ тому, помнится, мѣсяца два было просто-на-просто объявлено, что мы существуемъ въ силу какого-то снисхожденія, которое намъ оказывается до поры до времени. Ставшій столь знаменитымъ въ русской публикѣ, псевдонимъ Шедо-Ферроти выступилъ недавно въ газетѣ *Ин-*

Idépendance belge, гдѣ и безъ того, подъ видомъ корреспонденціи изъ Петербурга, то и дѣло сообщаются бюллетени о состояніи нашего здоровья, подъ которыми хотя и не подписывается ничье имя, но могло бы съ полною законностію подписываться вышеупомянутое nom de plume,— выступилъ съ извѣстіемъ о положеніи нашихъ дѣлъ: онъ весьма снисходительно находитъ, также какъ и газета *Голосъ*, что слѣдуетъ предоставить намъ влачить наше существованіе, но по странной столь свойственной этому писателю разногласицѣ показаній заявляетъ иностранной публикѣ, что мы дѣйствовали въ полномъ согласіи съ правительствомъ и что въ то же время наша дѣятельность была злоупотребленіемъ и беззаконіемъ, за которое в якій другой на нашемъ мѣстѣ понесъ бы заслуженную кару отъ правительства. Вслѣдъ затѣмъ, разныя петербургскія газеты, особенно *С.-Петербургскія Вѣдомости*, заговорили о какихъ-то нашихъ планахъ и домогательствахъ, о томъ что мы хотимъ прекратить нашу дѣятельность, о томъ что мы добиваемся пріобрѣсти привилегированное положеніе, о томъ что мы вступаемъ въ разные союзы. Въ газетѣ *Вѣсть* сказано, что мы вступаемъ въ союзъ съ разрушительными доктринами; въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* было заявлено, что мы вступаемъ въ союзъ съ мечомъ; въ сегодняполученномъ нумерѣ *Голоса* утверждается, что мы вступаемъ въ союзъ съ какою-то неизвѣстною намъ партіей крѣпостниковъ (быть-можетъ, польскою или нѣмецкою). Итакъ, мы въ одно и то же время находимся въ союзѣ и съ разрушительными ученіями демократіи и соціализма, и съ партіей ретроградовъ, и еще съ мечомъ! Сколько аллегорій, сколько разнообразныхъ взглядовъ, какое невозможное положеніе! *С.-Петербургскія Вѣдомости*, приводя насъ въ связь съ мечомъ, заключаютъ при этомъ, что мы отъ меча и погибнемъ; въ своей наивности это дитя природы, этотъ *enfant terrible* петербургской журналистики, *С.-Петербургскія Вѣдомости* присовокупляютъ, что не онѣ пожалѣютъ о насъ, если мы погибнемъ. „Не мы пожалѣемъ!“ восклицаютъ эти *Вѣдомости*.

Посреди всѣхъ этихъ любезностей, которыхъ мы не выписываемъ, посреди этого цинизма журналистики находящейся подъ цензурой, которая ограждаетъ личность людей отъ нападеній и общественную нравственность отъ скандаловъ, мы слышимъ, слава Богу, одинъ истинно честный голосъ, голосъ газеты, съ которою намъ случалось спорить, но съ которою во многихъ весьма существенныхъ вопросахъ мы шли однимъ путемъ, опираясь на ея сочувствіе и всегда сохраняя искреннее къ ней уваженіе. Мы говоримъ о *Русскомъ Инвалидѣ*, которому въ это послѣднее время приходилось почти въ каждомъ нумерѣ выступать на нашу защиту противъ заграничныхъ польскихъ газетъ, также какъ и противъ газетъ петербургскихъ, которыя дружно сошлись съ первыми въ доброжелательствѣ къ намъ. *Ойчизна* и *Голосъ*, *С.-Петербургскія Вѣдомости* и Шедо-Ферроти или петербурскій корреспондентъ *Indépendance belge*,—какіе, казалось бы, контрасты! А въ то же время какое трогательное согласіе между ними по вопросу о нашемъ существованіи!

Мы очень хорошо знаемъ, что не эти господа пожелаютъ продолженія нашего существованія, или пожалѣли бы объ его прекращеніи; но мы не понимаемъ, какое право или какое основаніе имѣютъ петербургскія газеты сообщать разныя сплетни о нашихъ дѣлахъ и говорить о принятомъ будто бы нами намѣреніи устраниться отъ изданія *Московскихъ Вѣдомостей*. Кто сказалъ имъ что мы встрѣчаемъ препятствія къ продолженію нашей дѣятельности? Кто сказалъ имъ, что мы добиваемся какой-то привилегіи, для того чтобы продолжать нашу дѣятельность? Гдѣ въ нашей газетѣ прочли онѣ что-либо оправдывающее это предположеніе? Изъ какого источника почерпнули онѣ это свѣдѣніе? Кто уполномочилъ ихъ говорить за насъ передъ публикой? И какой привилегіи мы желаемъ? И что такое привилегія? Хотятъ ли эти газеты сказать, что мы имѣемъ недостойное желаніе выманить у правительства казенное пособіе и поставить себя въ распоряженіе того или другаго правительственнаго лица, хотя бы то было въ явный ущербъ и казнѣ, и общественной нравственности, и другимъ правительственнымъ лицамъ? Нѣтъ, этого онѣ сказать не могутъ. Онѣ могутъ упрекать въ подобныхъ домогательствахъ кого нибудь въ своей средѣ, но отнюдь не редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*. Не хотятъ ли онѣ сказать, что мы желаемъ пріобрѣсти отъ того или другаго правительственнаго вѣдомства обя-

зательныхъ подпищиковъ? Хотятъ ли онѣ сказать, что мы желаемъ добиться привилегіи не платить почтѣ денегъ за разсылку нашей газеты? Нѣтъ, никто этого сказать не можетъ. Мы предоставляемъ другимъ пользоваться всѣми этими привилегіями, а сами никогда ими не пользовались, и въ какомъ бы положеніи ни находились, никогда не пожелаемъ пользоваться ими. На какую же привилегію намекаютъ петербургскія газеты въ своихъ нападкахъ на насъ? Онѣ не просто намекаютъ; онѣ прямо говорятъ, что мы претендуемъ на привилегію издавать нашу газету безъ предварительной цензуры. Изъ показаній этихъ газетъ явствуетъ, что мы недовольны нашимъ положеніемъ подъ цензурой и желаемъ изъ этого положенія выйдти. Предоставимъ этимъ газетамъ знать наши дѣла лучше чѣмъ знаемъ ихъ мы сами, допустимъ, что онѣ съ совершенною точностію истолковываютъ наши желанія: спрашивается, что же предосудительнаго въ этомъ желаніи? Предварительная цензура признана въ цѣломъ мірѣ положеніемъ неудовлетворительнымъ; и у насъ правительство признало ее неудовлетворительною, такъ что уже въ продолженіе трехъ лѣтъ изготовляется новый уставъ для нашего книгопечатанія, которымъ должна быть, по крайней мѣрѣ отчасти, упразднена предварительная цензура. Коль скоро цѣлый міръ признаетъ эту систему неудовлетворительною, такъ почему же намъ было бы предосудительно считать ее таковою? Что можетъ быть предосудительнаго въ желаніи освободиться отъ такой системы, которая по общему сознанію не состоятельна, стѣснительна и вредна? Но, говорятъ намъ, какое право имѣетъ та или другая газета требовать освобожденія отъ цензуры, когда прочія изданія должны оставаться подъ цензурой? Мы не знаемъ, какая газета можетъ этого требовать, но мы все-таки думаемъ, что всякая порядочная газета можетъ желать этого. Если это привилегія, то привилегія честная, какой не стыдно пожелать. Проектъ новаго устава о книгопечатаніи допускаетъ существованіе изданій безъ цензуры; но въ немъ, какъ извѣстно, освобожденіе отъ цензуры допускается не какъ общее для всѣхъ право; этимъ уставомъ предоставляется правительству освобождать то или другое изданіе отъ цензуры, буде пожелаетъ того редакція, а правительство не найдетъ къ тому препятствій съ своей стороны. Чѣмъ же правительство будетъ руководствоваться при разрѣшеніи однимъ изданіямъ выходить безъ цензуры, въ то время какъ другія будутъ оставаться подъ цензурой? По всему вѣроятію, правительство будетъ освобождать отъ цензуры тѣ лица, которыхъ образъ мыслей извѣстенъ, и тѣ изданія, которыя успѣли пріобрѣсти общее довѣріе, предпочтительно предъ тѣми, которыя этого довѣрія не пріобрѣли или которыя не успѣли еще обозначиться въ своемъ направленіи. Отсюда ясно слѣдуетъ, что еслибы кто въ настоящее время пожелалъ для себя свободы отъ цензуры, тотъ пожелалъ бы только такого положенія, которое проектомъ новаго устава о книгопечатаніи признается нормальнымъ. Если правительство предполагаетъ нужнымъ удержать цензуру и на будущее время, съ тѣмъ чтобъ освобождать отъ нея только тѣхъ, кого оно признаетъ заслуживающими довѣрія, то оно можетъ и теперь оказывать довѣріе однимъ предпочтительно передъ другими. Сущность дѣла не измѣняется новымъ уставомъ; проступки въ печати возможны и теперь, при существованіи цензуры; извѣстнаго рода проступки подвергаютъ и теперь виновныхъ штрафамъ, суду, пріостановленію или запрещенію изданія. Разница можетъ состоять только въ способѣ преслѣдованія и взысканія, а также въ новыхъ формулахъ законоположеній. У насъ и теперь есть законы, которыми опредѣляются проступки и преступленія совершаемыя въ печати; эти законы будутъ иначе выражены, быть-можетъ, будутъ устранены въ нихъ нѣкоторыя стѣснительныя ограниченія относительно предметовъ, подлежащихъ гласности или обсужденію въ печати. Стало-быть, кто при существующихъ законахъ, обозначающихъ предѣлы дозволительнаго для печати, пожелалъ бы нести на себѣ полную отвѣтственность за свою дѣятельность, тотъ, въ случаѣ исполненія такого желанія, отнюдь не очутился бы въ положеніи привилегированномъ. Привилегія началась бы только тогда, когда бы ему было дозволено касаться того что запрещено другимъ. Въ силу высочайше утвержденныхъ правилъ, нельзя, напримѣръ, сообщать въ печати совѣщаній, происходящихъ на дворянскихъ выборахъ, безъ особаго разрѣшенія — въ Петербургѣ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, а въ Москвѣ со стороны генералъ-губернатора, причемъ

поставляется въ непремѣнную обязанность, чтобы сообщаемыя свѣдѣнія отличались совершенною точностію. Правило это имѣетъ теперь обязательную силу для всѣхъ изданій; и та газета находилась бы въ привилегированномъ положеніи, которая подобно напримѣръ газетѣ *Голосъ*, стала бы сообщать о нынѣшнихъ дворянскихъ выборахъ въ Москвѣ не только невѣрныя, но съ явнымъ и притомъ дурнымъ умысломъ искаженныя свѣдѣнія, изъ чего можно заключить, что эти свѣдѣнія печатаются безъ разрѣшенія тѣхъ властей, разрѣшеніе которыхъ въ этомъ случаѣ полагается необходимымъ для другихъ изданій.

Упомянутая почтенная газета, взявъ предварительно нѣсколько аккордовъ, долженствующихъ породить въ умахъ читателей впечатлѣніе, что московское дворянство преисполнено самаго дурнаго духа, и почему-то назвавъ большинство его партіей Англійскаго клуба, сосредоточила свое вниманіе на насъ. Дѣло въ томъ, что на одномъ изъ засѣданій собранія было предложено обратиться къ намъ съ изъявленіемъ желанія чтобы мы продолжали нашу дѣятельность, и предложеніе это было передано въ уѣздные столы. Такъ какъ мы не выражали публично намѣренія отказаться отъ изданія *Московскихъ Вѣдомостей*, то изъявляя дворянству благодарность за сдѣланную намъ честь, мы въ письмѣ къ г. губернскому предводителю просили не давать этому дѣлу дальнѣйшаго хода и отнюдь не возводить его на степень постановленія. Письмо наше было прочтено въ то засѣданіе, когда очередь дошла до нашего дѣла. Дворянство уважило нашу просьбу, но на основаніи уже сдѣланныхъ по уѣздамъ постановленій, г. губернскій предводитель обратился къ намъ съ письмомъ, отъ лица дворянства, выражая желаніе чтобъ оно было напечатано въ нашей газетѣ. Мы высоко цѣнимъ сочувствіе того дворянства, которое еще такъ недавно съ такимъ благороднымъ патріотизмомъ, посреди трудныхъ обстоятельствъ, отбросивъ всѣ свои заботы, собралось въ минуту опасности угрожавшей отечеству изъявить Государю свою непоколебимую преданность и свою готовность пожертвовать всѣмъ на защиту чести и цѣлости его державы, и дважды торжественно изъявило эту готовность, какъ на своемъ собственномъ съѣздѣ, такъ и вмѣстѣ съ другими сословіями въ городской общей думѣ. Въ этомъ сочувствіи мы можемъ почерпнуть для себя новыя силы для нашей дѣятельности; но тѣмъ не менѣе, по причинамъ, которыя оцѣнятъ наши читатели, мы колебались исполнить выраженное въ этомъ письмѣ желаніе относительно его публикаціи. Теперь же, когда другія газеты огласили этотъ фактъ съ разными недостойными искаженіями, мы считаемъ себя вдвойнѣ обязанными возстановить истину и дать гласность полученному нами письму. Читатели найдутъ его въ этомъ самомъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*. Газета *Голосъ*, вызвавшая насъ на это объясненіе, разказываетъ, что на дворянскихъ выборахъ въ Москвѣ какая-то партія пожелала имѣть насъ своимъ органомъ, и будто бы съ этою цѣлію изъявила желаніе, чтобы мы продолжали свое изданіе. Уступая этому желанію, мы будто бы принялись хлопотать объ устраненіи разныхъ не зависящихъ отъ насъ причинъ, препятствующихъ продолженію нашей дѣятельности. Но послѣ безуспѣшныхъ попытокъ устранить эти препятствія, мы были будто бы вынуждены обратиться къ дворянству съ письмомъ, въ которомъ отказались отъ предложенной намъ чести. Только такой независимой и честной газетѣ какъ *Голосъ* могутъ быть дозволительны подобныя искаженія.

Печатая письмо г. московскаго губернскаго предводителя, мы обязаны воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выразить нашу глубокую признательность столь многимъ лицамъ всѣхъ званій и сословій, обращавшимся къ намъ въ послѣднее время съ общественными заявленіями какъ въ самой Москвѣ, такъ и изъ разныхъ мѣстъ Россіи, изъ Тулы, изъ Нижняго-Новгорода, изъ Княгининскаго уѣзда (Ниж. губ.), изъ Казани, изъ Петровскаго уѣзда (Сарат. губ.) (и пр. Наконецъ, мы считаемъ своимъ долгомъ выразить публично нашу признательность совѣту Кіевскаго университета Св. Владиміра за дипломъ почетнаго члена, присланный отъ него въ недавнее время одному изъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей*. Всѣ эти заявленія имѣютъ для насъ высокую цѣну, и мы оставимъ ихъ какъ лучшее наслѣдіе нашимъ дѣтямъ; но цѣнность ихъ для насъ заключается не въ чувствѣ удовлетвореннаго честолюбія, котораго никогда у насъ не было, не въ удовлетворенномъ желаніи популярности, которой мы никогда не добивались. Они дороги намъ какъ общественное признаніе

того направленія, которому мы слѣдуемъ, какъ торжество того дѣла, которому мы служимъ. Это множество лицъ всѣхъ званій, изъ разныхъ мѣстъ Россіи, привѣтствовали направленіе нашей дѣятельности и признавали его своимъ. Они хотѣли ободрить и укрѣпить насъ въ этомъ направленіи. „Подобно вамъ", сказано въ одномъ изъ этихъ писемъ, покрытомъ тысячью подписей, „мы не можемъ себѣ представить Россію, наше дорогое отечество, иною какъ единою и великою, крѣпкою единствомъ національнымъ и политическимъ ея сыновъ, преданностью вѣрѣ ея предковъ и любовію къ своему Царю. Дай Богъ, чтобы въ этомъ выраженіи нашего сочувствія и уваженія къ вашей литературной дѣятельности, вы почерпнули новыя силы для дальнѣйшаго служенія всѣмъ намъ общему дѣлу". Точно также не относимъ мы къ себѣ лично и того раздраженія, которое возбуждаетъ наша дѣятельность: дѣло, которому мы служимъ, имѣетъ много враговъ.

№ 13.

Москва, 16-го января.

Въ *Le Nord* напечатано письмо изъ Петербурга, отъ 5 (17) января, бо́льшая часть котораго посвящена внѣшнему положенію *Московскихъ Вѣдомостей* и дальнѣйшимъ нашимъ видамъ относительно изданія этой газеты. Это письмо, повидимому, написано въ доброжелательномъ для насъ смыслѣ: оно свидѣтельствуетъ, что общественное мнѣніе горячо желаетъ, чтобы мы продолжали по прежнему издавать *Московскія Вѣдомости*; оно опровергаетъ ложные слухи, будто бы мы сами хвастливо распространяли извѣстіе о формальномъ освобожденіи нашей газеты отъ цензуры. Это формальное освобожденіе кажется корреспонденту дѣломъ затруднительнымъ, но онъ находитъ, что былъ бы желателенъ средній путь, который примирилъ бы противоположныя воззрѣнія и требованія.

Мы никогда не претендовали для себя на изъятіе изъ общихъ законовъ, опредѣляющихъ область того что у насъ дозволено для печатнаго обсужденія; но мы всегда желали чувствовать подъ собою твердую почву законности, и находили, что при доказанной редакціей готовности подчиняться закону, на дѣлѣ можетъ выйдти одно изъ двухъ: или цензорскій надзоръ окажется совершенно излишнимъ, и будетъ только болѣе или менѣе обременительною и увеличивающею труды издателей формальностью, или если цензура сама не будетъ строго держаться въ предѣлахъ законныхъ требованій и примѣнять ихъ къ дѣлу съ полною добросовѣстностью и доброжелательствомъ, то изданіе ежедневной, независимой политической газеты окажется совершенною невозможностью. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что и со стороны самыхъ добросовѣстныхъ исполнителей закона, болѣе или менѣе неяснаго, нерѣдко бываютъ возможны недоразумѣнія, и что во всякомъ случаѣ нарушеніе закона редакціей всегда бываетъ гораздо очевиднѣе, и легче можетъ подвергнуться преслѣдованію чѣмъ нарушеніе закона со стороны цензуры. Цензурное дѣло имѣетъ двѣ стороны. Во первыхъ, въ руководство цензурѣ предписаны правила, имѣющія законную силу, обязательныя для цензоровъ, точно также какъ и для писателей, и вслѣдствіе того объявляемыя къ ихъ общему свѣдѣнію. Все то, что̀ печатается, должно быть дозволено этими правилами. Но вовторыхъ требуется, чтобы все то, что̀ печатается было дозволено лицомъ цензора. Законъ желаетъ, чтобъ эти два дозволенія совпадали, и цензурный уставъ требуетъ, чтобы цензоръ, при каждомъ запрещеніи, обозначалъ статью устава на основаніи которой онъ запрещаетъ. Но въ дѣйствительности оказывается огромное разстояніе между дозволеніемъ цензурныхъ правилъ и дозволеніемъ цензорскимъ. Это разстояніе такъ велико, и перевѣсъ цензурнаго усмотрѣнія надъ указаніемъ цензурныхъ правилъ такъ силенъ, что на практикѣ даже совсѣмъ вышло изъ обычая цензуры ссылаться на ту статью устава, въ силу которой дѣлается ею запрещеніе. Этотъ примѣръ всего яснѣе показываетъ, какъ трудно совмѣстима законность съ цензурною системой. Тутъ нѣтъ другаго исхода, кромѣ того, чтобы правительство оказывало изданіямъ, того заслуживающимъ, то же довѣріе, которое оно оказываетъ цензору, — чтобъ оно оказывало это довѣріе на условіи точнаго исполненія тѣхъ правилъ, которыхъ соблюденія требуетъ законъ и отъ цензора. Не стать внѣ общаго закона, но идти совершенно законнымъ путемъ, неся отвѣтственность за свои дѣйствія и не подвергаясь произвольнымъ стѣсненіямъ и излишнимъ

обремененіямъ вслѣдствіе придирчиваго или отмѣннаго практикой истолкованія правилъ,—вотъ тотъ средній путь, который, если не юридически, то фактически могъ бы обезпечить въ этомъ дѣлѣ соблюденіе законности, и на который, какъ намъ кажется, указываетъ доброжелательный корреспондентъ газеты *Le Nord*.

Не можемъ не пожалѣть при этомъ, что и онъ поддался вліянію той сплетни, которая была противъ насъ распущена, будто бы мы тяготимся условіями, заключенными нами съ Московскимъ университетомъ, и будто бы мы не прочь воспользоваться случаемъ, чтобы выйдти изъ затруднительнаго финансоваго положенія. Какъ ни высоки условія заключеннаго нами съ университетомъ контракта, однакоже они никогда не были для насъ обременительны. Для того чтобы вести изданіе и уплачивать въ казну арендную сумму 74 т. т., мы разчитывали только на 8 тысячъ подписчиковъ, на 55 тысячъ рублей сбора съ объявленій и на 12 тысячъ рублей чистаго дохода отъ Университетской типографіи, а мы уже въ концѣ прошлаго года имѣли до 12 тысячъ подписчиковъ, до 65 тысячъ рублей сбора съ объявленій и до 16 тысячъ рублей чистаго дохода отъ Университетской типографіи. Были вѣрные признаки, что въ наступившемъ 1865 году доходъ по всѣмъ этимъ статьямъ долженъ увеличиться. При такомъ ходѣ дѣлъ мы не имѣли никакого основанія желать отмѣны нашего контракта съ университетомъ. Напротивъ, продолженіемъ изданія въ нынѣшнемъ году мы можемъ окончательно покрыть долги остававшіеся отъ нашей прежней журнальной дѣятельности, когда усиленная конкурренція требовала усиленныхъ расходовъ, и отъ перваго года нашей аренды, когда было необходимо сдѣлать значительныя затраты въ видахъ постепеннаго возмѣщенія ихъ въ будущемъ. Не продолженіе нашей дѣятельности по изданію *Московскихъ Вѣдомостей*, а прекращеніе ея могло бы быть для насъ разорительно.

Нашимъ контрактомъ, добровольно заключеннымъ, мы не тяготимся, и не желаемъ пониженія арендной платы, состоявшейся на торгахъ. Въ денежномъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ цензурномъ, мы желаемъ только справедливости и законности. Не домогаясь для себя исключительныхъ льготъ, мы, конечно, желаемъ, чтобъ и нашимъ конкуррентамъ исключительныя льготы не предоставлялись. Мы желаемъ,—и считаемъ это желаніе справедливымъ, хотя отнюдь не настаиваемъ на томъ и даже никогда не заводили о томъ рѣчи,—чтобы правительственныя власти не содѣйствовали распространенію конкуррирующихъ съ нами газетъ посредствомъ обязательной подписки въ разныхъ ся видахъ, чтобъ изъ почтовой платы не было никому дѣлаемо уступокъ, чтобы наконецъ не было никому выдаваемо субсидій. Подобныхъ мѣръ, нарушающихъ правильную конкурренцію, мы весьма естественно не желаемъ, потому что онѣ не совмѣстны съ прочнымъ устройствомъ финансовой стороны журнальнаго дѣла. Но, повторяемъ, мы и этихъ желаній никогда не предъявляли, и упоминаемъ о нихъ теперь только для того чтобы противопоставить ихъ приписываемому намъ побужденію разорвать контрактъ нашъ съ университетомъ.

№ 14.

Москва, 18-го января.

Вопросъ о поземельномъ кредитѣ все болѣе и болѣе принимаетъ въ Россіи серіозный характеръ, не только настоятельнымъ и повсемѣстнымъ заявленіямъ о его необходимости, со стороны представителей землевладѣльческаго класса,—въ этихъ заявленіяхъ не было недостатка и прежде,—но еще болѣе по серіозности тѣхъ проектовъ, которые въ настоящее время окончательно выработаны. Есть проектъ поземельнаго банка, въ которомъ намѣрены принять участіе преимущественно англійскіе капиталисты (проектъ г. де-Роберти, переработанный и освобожденный отъ прежнихъ эксцентричностей); есть проектъ барона Френкеля, дѣйствующаго сообща съ г. Ланграномъ и Дюмонсо; есть наконецъ проектъ русскаго общаго поземельнаго банка, также вполнѣ заслуживающій причисленія къ проектамъ серіознымъ. О первомъ изъ этихъ проектовъ читатели могутъ судить по брошюрѣ, составленной его учредителями и разосланной при № 9 *Московскихъ Вѣдомостей* (подъ заглавіемъ: „Средство устроить въ Россіи поземельный кредитъ“). Основанія его совершенно правильны; въ нихъ устранено все то, что могло вести къ смѣшенію недвижимаго кредита съ движимымъ; устранено также прежъ-

нее требованіе права выпускать лоттерейныя облигаціи. О проектѣ барона Френкеля мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, но имѣемъ основаніе предполагать что тѣ его части, которыя относятся собственно къ поземельному кредиту основаны на здравыхъ началахъ, испытанныхъ на дѣлѣ; равнымъ образомъ мы полагаемъ, что этотъ проектъ не выговариваетъ себѣ никакой монополіи, и въ этомъ отношеніи совершенно соотвѣтствуетъ справедливому требованію, высказанному ниже, въ письмѣ изъ Брюсселя, г-мъ Молинари. Но если мы не ошибаемся, проектъ барона Френкеля соединяетъ съ операціей поземельнаго кредита операцію покупки и дробной перепродажи недвижимыхъ имуществъ по системѣ г. Ланграна-Дюмонсо, и если это наше свѣдѣніе вѣрно, то мы считаемъ долгомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываться противъ такого соединенія двухъ операцій, во многихъ отношеніяхъ крайне вреднаго. Намъ кажется, что только при устраненіи этого придатка проектъ барона Френкеля могъ бы идти въ сравненіе съ тѣмъ проектомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили и который мы позволимъ себѣ для краткости называть англійскимъ. Наконецъ, третій проектъ, русскій, имѣющій въ сущности большое сходство съ городскими кредитными обществами Москвы и Петербурга, довольно извѣстенъ и уже опирается на весьма значительное число лицъ, желающихъ быть его заемщиками. Итакъ, всѣ эти три проекта—дѣло серіозное; всѣ три можно привѣтствовать, присоединяя впрочемъ къ этому привѣтствію желаніе, чтобы проектъ банка, имѣющаго своимъ представителемъ барона Френкеля, избралъ для себя тотъ же путь гласности, которымъ идутъ оба его конкуррента.

О другихъ проектахъ мы не говоримъ, потому что они еще недостаточно созрѣли. Московское дворянство, какъ извѣстно читателямъ, предполагало передать нѣкоторые изъ нихъ на разсмотрѣніе своей коммиссіи и потомъ окончательно обсудить ихъ на чрезвычайномъ съѣздѣ. Но результаты этого дѣла впереди, и нельзя судить о нихъ заранѣе. Вотъ почему мы не останавливаемся на тѣхъ мысляхъ, которыя были заявлены на дворянскомъ съѣздѣ, и ограничиваемся тремя проектами упомянутыми выше.

Какому изъ этихъ трехъ проектовъ желать успѣха? Намъ кажется, что подобный вопросъ, въ интересѣ дѣла, долженъ быть совсѣмъ устраненъ. При теперешнихъ обстоятельствахъ, мѣстные земскіе банки не могутъ идти успѣшно, за исключеніемъ губерніи Херсонской, уже имѣющей земскій банкъ, губерній Остзейскихъ, гдѣ поземельный кредитъ тоже устроенъ, и наконецъ губерній Петербургской и Московской, гдѣ землевладѣльцы, къ сожалѣнію, не обнаружили еще достаточной дѣятельности по этому дѣлу. Только въ этихъ губерніяхъ есть большіе рынки для сбыта облигацій—Одесса, Рига, Москва, Петербургъ. Въ другихъ мѣстахъ сбытъ облигацій мѣстнаго банка былъ бы труденъ, а потому и ссуды не могли бы идти удовлетворительно. Итакъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, при томъ множествѣ процентныхъ бумагъ, которымъ загромождены наши рынки, и при дешевизнѣ бумагъ уже успѣвшихъ пріобрѣсти популярность, мѣстные банки внутреннихъ губерній не могутъ разчитывать на успѣхъ, и потребность въ общемъ банкѣ, дѣйствующемъ на всемъ пространствѣ государства, очевидна. Но съ другой стороны общій банкъ для всего государства — дѣло весьма опасное, могущее самымъ незамѣтнымъ образомъ перейдти въ монополію. Поэтому нельзя не дорожить тѣмъ стеченіемъ обстоятельствъ, которое позволяетъ надѣяться на учрежденіе трехъ общихъ банковъ въ Россіи. Только это стеченіе обстоятельствъ освобождаетъ отъ серіозныхъ заботъ за будущность нашихъ землевладѣльческихъ интересовъ, могущую сильно пострадать отъ банковой монополіи, юридической или фактической. Слѣдовательно общая польза побуждаетъ желать, чтобы состоялось одновременное учрежденіе всѣхъ трехъ проектированныхъ банковъ, и чтобъ эти банки продолжали и впредь вести отдѣльное существованіе. Поземельный кредитъ—предпріятіе чрезвычайно выгодное въ Россіи; въ такой обширной странѣ и притомъ въ странѣ до такой степени пріученной къ легкому поземельному кредиту, три общіе поземельные банка очень могутъ ужиться рядомъ и дѣлать блистательныя дѣла, развивая каждый свою особенность и нисколько не стѣсняя другъ друга.

Но какъ ни выгодно дѣло поземельнаго кредита въ Россіи, и какъ ни благопріятна для его устройства настоящая минута всеобщей нужды землевладѣльческаго класса, невозможно ожидать, чтобъ оно полу-

чило свое полное развитіе въ ближайшее время. Поземельный банкъ будетъ продавать свои услуги дорого. Ссуды будутъ выдаваемы либо облигаціями, либо наличными деньгами. Въ первомъ случаѣ заемщику придется самому сбывать полученныя имъ изъ банка облигаціи (закладные листы), а такъ какъ теперь рынокъ уже обремененъ до крайней степени процентными бумагами, то продажа новыхъ облигацій, очевидно, не можетъ идти съ успѣхомъ, и цѣна ихъ не можетъ быть высокая. При самомъ лучшемъ кредитѣ банка, при самомъ удовлетворительномъ устройствѣ его и при всей заботливости съ его стороны о хорошемъ курсѣ облигацій, едва ли пятипроцентныя облигаціи общаго поземельнаго банка будутъ продаваться дороже 65 или 70 за сто, и слѣдовательно заемщикамъ придется платить около 8 процентовъ интереса, не считая погашенія. Во второмъ случаѣ, то-есть если поземельный банкъ будетъ выдавать ссуду наличными деньгами, какъ предполагаетъ англійскій проектъ, заемщику будетъ безо всякаго сомнѣнія пріятно освободиться отъ хлопотливой продажи облигацій, и ссуды будутъ разбираться охотнѣе, но въ такомъ случаѣ банкъ будетъ принужденъ продавать свои облигаціи за границей, а для того, чтобъ облигаціи могли идти за границу, ихъ необходимо писать на звонкую монету, и звонкою же монетой платить по нимъ проценты и погашеніе. Нѣкоторые изъ учредителей сперва надѣялись сбывать на нѣмецкомъ рынкѣ облигаціи, писанныя на кредитные рубли, но они убѣдились въ несбыточности этой надежды. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что за границей могутъ имѣть ходъ только облигаціи, писанныя на звонкую, то-есть всемірную монету. Если же банкъ будетъ принужденъ платить проценты и погашеніе по своимъ облигаціямъ всемірною монетой, то понятно, что и ссуды онъ долженъ давать не иначе какъ по разчету на всемірную монету, а слѣдовательно по тому же разчету требовать и платежей съ своихъ заемщиковъ. Это требованіе справедливо и неизбѣжно, но не ясно ли, что заемщикъ будетъ находиться въ крайне-затруднительномъ положеніи, пока у насъ будетъ продолжаться колебаніе цѣнности кредитнаго рубля? Каждый разъ, предъ платежомъ процентовъ, банкъ будетъ объявлять по какому курсу онъ намѣренъ принимать кредитные рубли, а при этомъ возможенъ полнѣйшій произволъ. Поземельный банкъ, находящійся въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, имѣлъ бы всѣ средства ронять вексельный курсъ на биржѣ и на основаніи искусственно понижен-наго вексельнаго курса назначать тотъ курсъ, по которому онъ намѣренъ принимать кредитные билеты отъ своихъ кліентовъ. Правда, что противъ подобнаго произвола есть средство: въ уставѣ поземельнаго банка можетъ быть опредѣлено, что объявляемый банкомъ курсъ кредитныхъ билетовъ долженъ быть основанъ на вексельномъ курсѣ не одного биржеваго дня, а нѣсколькихъ мѣсяцевъ, напримѣръ четырехъ мѣсяцевъ, и что нормой долженъ служить средній вексельный курсъ за всѣ эти четыре мѣсяца. Но положимъ, что и эта необходимая предосторожность принята; можетъ ли знать заемщикъ, каковъ будетъ правильный, естественно устанавливающійся вексельный курсъ въ продолженіи всего срока займа? Получая ссуду наличными деньгами, онъ долженъ будетъ платить по ней высокій процентъ. При теперешнемъ состояніи европейскихъ денежныхъ рынковъ, этотъ процентъ не можетъ быть много ниже 8. Но платя такой высокій процентъ, заемщикъ будетъ, кромѣ того, въ постоянной зависимости отъ цѣнности кредитнаго рубля. Вексельный курсъ будетъ висѣть какъ Дамокловъ мечъ надъ головой заемщика. Паденіе вексельнаго курса на 20% увеличитъ на пятую долю ежегодный платежъ его. Ему придется вносить, съ погашеніемъ, около 11% съ занятой имъ суммы. А что будетъ, если вексельный курсъ упадетъ еще на 20%, чему примѣры бывали? Тогда наступитъ несостоятельность заемщика, и его имѣніе пойдетъ съ молотка. Вотъ какому риску будетъ подвергаться заемщикъ, получающій ссуду изъ банка, котораго операціи основаны на иностранныхъ капиталахъ.

Итакъ, пока въ Европѣ капиталы дороги, пока у насъ народныя сбереженія не пришли въ равновѣсіе съ массой процентныхъ бумагъ загромождающихъ нашъ рынокъ, наконецъ пока продолжается у насъ колебаніе денежной единицы, до тѣхъ поръ поземельный кредитъ будетъ по необходимости сопровождаться условіями чрезвычайно тяжкими для заемщика, и стало-быть до тѣхъ поръ только люди крайне-нуждающіеся согласятся воспользоваться его помощью. Мы знаемъ, что и такихъ людей

у насъ не мало, и потому считаемъ учрежденіе поземельныхъ банковъ въ Россіи дѣломъ весьма возможнымъ. Но съ другой стороны несомнѣнно, что большинство землевладѣльцевъ желающихъ теперь устройства поземельнаго кредита, предпочтутъ переждать тяжкое время, чтобы взять ссуду на болѣе льготныхъ условіяхъ,—несомнѣнно, что они предпочтутъ это, если только найдутъ средство какъ-нибудь извернуться въ трудныхъ обстоятельствахъ. Это средство можетъ заключаться не въ чемъ иномъ какъ въ кредитѣ краткосрочномъ. Чтобы воспользоваться этимъ средствомъ нужны два условія. Нужно вопервыхъ право выдавать векселя: это право уже распространено на помѣщиковъ. Вовторыхъ, нужно право представлять векселя къ учету. До сихъ поръ конторы и отдѣленія государственнаго банка не принимали помѣщичьихъ векселей къ учету, и по справедливости нельзя этого требовать: протестованныхъ векселей и такъ бываетъ въ банкѣ не мало. Но помѣщики могли бы придать своимъ векселямъ годность къ учету, еслибы приступили къ учрежденію по губерніямъ обществъ взаимнаго кредита, въ родѣ общества учрежденнаго въ Петербургѣ стараніями Е. И. Ламанскаго. Это вопросъ чрезвычайно серіозный, и для землевладѣльческаго класса, и для сельскаго хозяйства въ Россіи,—вопросъ можетъ быть болѣе серіозный, чѣмъ учрежденіе поземельныхъ банковъ. Для учрежденія обществъ взаимнаго кредита не было бы надобности въ губернскихъ съѣздахъ. Инціативу дѣла и общее руководство имъ могло бы взять на себя собраніе предводителей и депутатовъ. Затѣмъ были бы нужны уѣздные съѣзды, на которыхъ сами помѣщики установили бы до какой суммы они другъ за друга ручаются. Еслибъ эта сумма равнялась приблизительно тройному годовому доходу, то-есть еслибы каждый членъ подобнаго общества получилъ право кредитоваться до тройной суммы своего дохода, то многіе помѣщики могли бы извернуться и выждать болѣе благопріятнаго времени для заключенія долгосрочнаго займа. Векселя членовъ подобнаго общества были бы надписываемы его уполномоченнымъ и чрезъ то получали бы право на учетъ какъ въ конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка, такъ, по всему вѣроятію, въ многочисленныхъ у насъ общественныхъ банкахъ, а равно и въ отдѣленіяхъ тѣхъ общихъ поземельныхъ банковъ, которые предполагаютъ заниматься выдачей краткосрочныхъ ссудъ.

Мы останавливаемся сегодня на этомъ краткомъ намекѣ, но не преминемъ развить подробности дѣла, если наша мысль заслужитъ вниманіе публики.

№ 15

МОСКВА 19-го января.

Внутренняя борьба, которая уже три года сряду ведется въ Пруссіи и которая, повидимому, готова теперь закипѣть съ новою силой, справедливо обращаетъ на себя вниманіе всей Европы. Въ самомъ дѣлѣ она представляетъ зрѣлище любопытное и вмѣстѣ поучительное. Король, по собственной ли своей волѣ, или по желанію своихъ министровъ, принявшій личное участіе въ этой борьбѣ, извѣстенъ своимъ высокимъ патріотизмомъ и высокою честностію своего характера, которые не позволяютъ предполагать въ немъ умысла лишить народъ дарованныхъ ему политическихъ учрежденій. Преданное ему министерство, правда, склонно къ политикѣ насильственной, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ; оно не разъ обнаруживало надменное пренебреженіе къ палатѣ депутатовъ, подвергало мелочнымъ преслѣдованіямъ либеральныхъ ея членовъ, стѣсняло свободу печати и мѣстныхъ городскихъ выборовъ; но тѣмъ не менѣе, въ лицѣ своего президента г. фонъ-Бисмарка, оно обнаружило чрезвычайно много ловкости, энергіи и смѣлости въ томъ самостоятельномъ направленіи, которое въ его рукахъ впервые приняла прусская политика, и какъ ни судить объ избранныхъ имъ средствахъ, оно дѣйствительно оказало не малыя услуги своему отечеству. Каковы бы ни были дальнѣйшіе успѣхи политики г. фонъ-Бисмарка и какъ бы ни мало заслуживали его виды одобрѣнія съ точки зрѣнія не прусской, нельзя отрицать, что онъ, по своимъ способностямъ, принадлежитъ къ первокласснымъ политическимъ дѣятелямъ нашего времени. Между тѣмъ какъ онъ претендуетъ на то, чтобы, какъ равный съ равнымъ, состязаться съ такими политиками, какъ императоръ Наполеонъ, или лордъ Пальмерстонъ, „прусская палата депутатовъ — приводимъ въ

этомъ случаѣ мнѣніе англійской консервативной газеты *Morning Herald* — состоитъ изъ людей, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о практической политикѣ; профессоровъ, судей, адвокатовъ и другихъ чиновниковъ, одаренныхъ несравненно живѣйшимъ чувствомъ нанесенныхъ имъ обидъ, нежели пониманіемъ потребностей ихъ страны и условій политическаго ея быта, которые, безъ сомнѣнія, любятъ по своему свое отечество и способны, если понадобится, быть мучениками за свое дѣло, но которые упорно отстаиваютъ каждый пунктъ своихъ воззрѣній, хотя бы онъ имѣлъ только формальное значеніе и хотя бы уступкою они могли одержать гораздо важнѣйшую побѣду въ другомъ направленіи. Г. фонъ-Бисмаркъ оскорбилъ ихъ: они хотятъ заставить его просить прощенія; верховная власть нарушила конституціонныя ихъ права: они хотятъ заставить ее формально сознаться въ ея винѣ, и признать ихъ права въ самомъ обширномъ объемѣ. Съ мужествомъ, которое дѣлаетъ имъ честь, но и съ безразсудкомъ, которое обличаетъ совершенную неспособность ихъ къ выполненію ихъ призванія, они настаиваютъ въ настоящее время, когда ихъ противники стоятъ на высотѣ своей славы, чтобъ они униженно просили себѣ прощенія". Формальное право,—это повидимому несомнѣнно,—на сторонѣ нижней палаты: наравнѣ съ палатой господъ и съ самою короной, и даже преимущественно предъ ними, конституція представляетъ ей важное и существенное право разсматривать одобрять или отвергать предлагаемый министрами бюджетъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Это право было нарушено въ 1862 г. по случаю преобразованія арміи, которымъ лично какъ нельзя болѣе дорожилъ и дорожитъ самъ король, и съ тѣхъ поръ ежегодно нарушается потому же самому поводу. Министры увѣряютъ, что во всѣхъ другихъ случаяхъ это право народнаго представительства будетъ уважено, что король ни за что не откажется отъ дѣла совершеннаго имъ не безъ содѣйствія самой же палаты депутатовъ, что оно вполнѣ оправдалось недавними военными успѣхами и не повело ни къ отягощенію народа военною повинностью, ни къ разстройству финансовъ, котораго наиболѣе при этомъ опасались; но палата, не внимая никакихъ увѣщаніямъ и не соображая ни силы королевской власти въ Пруссіи, ни своего безсилія, упорствуетъ въ своемъ недовѣріи и въ своей враждѣ къ правительству. Она желаетъ во что бы то ни стало низложить министерство, но сама—и въ этомъ верхъ ея непрактичности—рѣшительно не имѣетъ кандидатовъ, которыми бы замѣнить его.

Какъ бы ни были велики личные недостатки и промахи нынѣшнихъ политическихъ дѣятелей Пруссіи, главнѣйшая причина такого въ высшей степени ненормальнаго порядка вещей заключается не въ этихъ случайныхъ недостаткахъ или промахахъ. Она лежитъ глубже и въ нихъ только отражается. Въ Пруссіи нѣтъ хорошаго представительства, потому что нѣтъ земскаго правительственнаго класса и нѣтъ аристократіи, которая, стоя во главѣ его, сама принадлежала бы къ нему и черезъ него была бы связана со всею націей. Правительственный классъ Пруссіи — ея бюрократія; аристократія почти не имѣетъ другаго значенія кромѣ служебнаго и оказывая несомнѣнное вліяніе на дѣйствія правительства, не имѣетъ почти никакого вліянія на настроеніе общества. Вотъ почему въ Пруссіи возможенъ такой непримиримый разладъ между верхнею и нижнею палатой, и вотъ почему, съ другой стороны, ни та ни другая не имѣютъ живыхъ корней въ народѣ. Верхняя палата опирается не на народъ, а на корону, и потому самому не можетъ служить для нея опорой. Нижняя палата, состоя не изъ людей земскихъ, а по большей части изъ чиновниковъ и адвокатовъ, не представляетъ условій для того, чтобы корона могла полагаться на ея голосъ какъ на голосъ народный. Въ прусскомъ представительствѣ ни верховная власть, ни народъ не находятъ того, что особенно нужно, и такому-то представительству конституція 31-го января 1850 года придала на бумагѣ значеніе серіозной земской силы! Взаимныя отношенія двухъ палатъ, ихъ отношенія къ верховной власти,—все это искусственно и фальшиво, все это жалкій сколокъ съ англійскаго образца.

Не можемъ не указать на одну характеристическую черту прусской конституціи 1850 года, ярко выказывающую органическій недостатокъ тамошняго представительства. Для того чтобы народное представительство могло исполнять свое высокое призваніе, голосъ его долженъ имѣть самъ по себѣ силу и значеніе передъ ли-

комъ верховной власти. Но возможно ли это, когда представители народа такъ мало связаны собственными своими интересами съ интересами страны, что для нихъ недостаточно чести служить общей пользѣ, а нужно еще жалованье? Народное представительство теряетъ всякій смыслъ и значеніе, когда члены его становятся особаго рода должностными лицами, получающими свое содержаніе отъ государства; а между тѣмъ въ Пруссіи всѣ депутаты состоятъ на казенномъ жалованьи. Удивляться ли, что ихъ большинство состоитъ изъ людей, которые могутъ быть представителями всякаго рода отвлеченныхъ теорій, но отнюдь не положительныхъ интересовъ страны? Удивляться ли, что голосъ такихъ людей не имѣетъ политическаго вѣса?. Демократическій характеръ народнаго представительства въ Пруссіи, при тѣхъ высокихъ притязаніяхъ, которыя внушены ему бумажною конституціей и нисколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, есть главная причина его безсилія и неспособности оказывать надлежащее вліяніе на государственныя дѣла. Само по себѣ оно не имѣетъ достаточнаго значенія въ странѣ, а потому и не внушаетъ уваженія правительству. Составъ его дѣлаетъ невозможными ближайшія личныя сношенія короля съ членами нижней палаты. Въ Англіи очень хорошо понимаютъ дѣйствительное положеніе прусскаго представительства и тѣ способы, которыми оно могло бы оказывать вліяніе на общій ходъ политики. Соглашеніе между короной и нижнею палатой кажется газетѣ *Morning Herald* дѣломъ возможнымъ, но для этого, по словамъ ея, тѣ члены палаты, которые пользуются личнымъ расположеніемъ и дружбой короля, должны были бы съ одной стороны склонять его къ уступкамъ, а съ другой — составить себѣ сильную и многочисленную партію въ палатѣ. *Morning Herald* забываетъ при этомъ о составѣ прусской палаты депутатовъ, въ которой, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, не найдется почти никого, кто бы могъ по личному своему положенію, а не по офиціяльному званію представителя, имѣть личный доступъ не только къ королю, но даже къ его министрамъ и къ членамъ верхней палаты. Неудовлетворительный составъ нижней палаты, обусловливаемый отсутствіемъ земскаго правительственнаго класса и поддерживаемый тѣмъ, что члены этой палаты получаютъ жалованье лишаетъ ее всякой возможности дѣйствовать согласно съ естественнымъ положеніемъ народнаго представительства въ Пруссіи. При такихъ коренныхъ и существенныхъ недостаткахъ прусской конституціи трудно сказать, чѣмъ разрѣшится нынѣшняя конституціонная борьба.

Въ Пруссіи главною двигательницей исторіи была не аристократія, не высшіе правительственные классы общества, а сама корона или верховная власть. Вслѣдствіе того только одна она и имѣетъ прочное и твердое положеніе, и вся дѣйствительная сила находится на ея сторонѣ. Это несомнѣнно, но чѣмъ непосредственнѣе отношенія верховной власти къ массамъ народа, чѣмъ менѣе посредствующихъ звеньевъ между ею и ими, или говоря иначе, чѣмъ менѣе самостоятельнаго участія въ политическихъ дѣлахъ принимаютъ и чѣмъ менѣе отвѣтственности за нихъ несутъ высшіе классы общества, тѣмъ болѣе бываютъ обнажены для всѣхъ внѣшнихъ невзгодъ корни самой верховной власти въ странѣ. Это мы видимъ отчасти на примѣрѣ Франціи, гдѣ народныя неудовольствія непосредственно поражаются надъ самими династіями. Положеніе Пруссіи въ этомъ отношеніи хотя и много лучше чѣмъ положеніе Франціи, однакоже далеко не совсѣмъ удовлетворительно. Военно-бюрократическій ея характеръ, развивавшійся такъ долго и съ такимъ постоянствомъ, почти совершенно подавилъ всякое самостоятельное значеніе высшихъ классовъ ея общества, вслѣдствіе чего, при всемъ историческомъ своемъ значеніи и при всемъ нынѣшнемъ своемъ могуществѣ, верховная власть въ Пруссіи очень можетъ подвергаться ударамъ народныхъ волненій, которые дѣйствительно чуть-было не сокрушили ея въ 1848 году. Народныя массы, такъ легко увлекаемыя и сбиваемыя съ толку, не имѣютъ въ Пруссіи руководителей болѣе надежныхъ чѣмъ чиновники да адвокаты.

№ 16.

Москва, 20-го января.

Недавнее категорическое опроверженіе *Сѣверною Почтой* пущенныхъ нашими алармистами слуховъ о предстоящемъ будто бы во внутреннихъ губерніяхъ Россіи обязательномъ выкупѣ и учрежденіи повѣроч-

ныхъ коммиссій для вторичнаго пересмотра окончательно утвержденныхъ уставныхъ грамотъ, удостовѣряетъ еще разъ въ томъ несомнѣнномъ и непререкаемомъ фактѣ, что законодательное дѣло по устройству быта вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ въ существенныхъ чертахъ своихъ совершенно окончено. Русское общество должно наконецъ убѣдиться, что юридическія отношенія созданныя Положеніями 19-го февраля 1861 года не могутъ подвергаться дальнѣйшему колебанію, что права, на нихъ основанныя, безспорны и тверды, что они тверже тѣхъ правъ, которыя находились въ связи съ крѣпостнымъ правомъ. Законодательство можетъ разрабатывать частности этого дѣла, но самаго принципа собственности оно касаться уже не можетъ. Крестьянская реформа не имѣла бы того значенія, которое ей приписывается, еслибъ она не придала неприкосновенности принципу собственности, еслибъ она не укрѣпила колебавшихся правъ и не утвердила ихъ окончательно и безвозвратно.

Отнынѣ трудъ законодательства по крестьянскому дѣлу въ Россіи, кромѣ разъясненія сомнѣній, возникающихъ по примѣненію Положеній 19-го февраля 1861 года—разъясненія долженствующаго происходить въ точномъ смыслѣ этихъ Положеній—можетъ имѣть своимъ предметомъ исключительно устройство тѣхъ отдѣловъ крестьянскаго сословія, на которые Положенія 19-го февраля не простирались, и которые нуждаются въ улучшеніи какъ юридическихъ, такъ и экономическихъ условій своего быта. Главный изъ этихъ отдѣловъ составляютъ такъ-называемые государственные крестьяне, а потому на нихъ естественно и сосредоточивается въ настоящее время трудъ законодательства по крестьянскому дѣлу внутреннихъ губерній Россіи. Постараемся опредѣлить существенную сторону вопроса, взятаго съ этой точки зрѣнія.

Вслѣдъ за обнародованіемъ Положеній 19-го февраля 1861 года о крѣпостныхъ крестьянахъ, состоялся высочайшій указъ о примѣненіи этихъ Положеній къ крестьянамъ государственнымъ въ видахъ „вящаго“ улучшенія ихъ быта. Согласно нашимъ законамъ о состояніяхъ, государственные крестьяне принадлежали и прежде къ числу „свободныхъ“ сельскихъ обывателей. Главная сторона вопроса заключается поэтому не столько въ опредѣленіи ихъ правъ личныхъ и по имуществу и ихъ административнаго устройства (хотя это послѣднее имѣетъ несомнѣнную важность), сколько въ *устройствѣ поземельномъ*. Гдѣ же искать основныхъ началъ для разрѣшенія вопроса, такимъ образомъ ограниченнаго?

Извѣстно, на какомъ основаніи Положенія 19-го февраля 1861 года рѣшили вопросъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, которыхъ трудъ, вмѣстѣ съ землею находившеюся въ ихъ пользованіи, составлялъ законную собственность помѣщиковъ. Основаніемъ для этого рѣшенія послужили, дѣйствительные *факты* — существовавшіе поземельные надѣлы и существовавшіе въ имѣніяхъ оброки, во всемъ разнообразіи и тѣхъ и другихъ. Нормы высшихъ и низшихъ надѣловъ, и соотвѣтствующихъ имъ оброковъ, были опредѣлены только какъ руководство для исключительныхъ, крайнихъ и поэтому вообще рѣдкихъ случаевъ. Точно также, основаніемъ для выкупа послужила, въ оброчныхъ имѣніяхъ, помимо всякихъ оцѣнокъ и кадастровъ, капитализація оброковъ существовавшихъ, только отчасти и притомъ только слегка исправленныхъ, а не вновь опредѣленныхъ какими бы то ни было способами. Законодательство ограничилось регулированіемъ преимущественно повинности издѣльной, барщины, или того, что составляло главнѣйшій признакъ крѣпостнаго права. Въ этомъ именно утвержденіи и признаніи существовавшихъ фактовъ и проявленій дѣйствительной жизни, насколько они не противорѣчили самымъ настоятельнымъ требованіямъ справедливости, должно видѣть одну изъ главныхъ причинъ успѣшности у насъ крестьянской реформы. Успѣхъ этого дѣла подтвердилъ собою съ одной стороны, что уваженіе къ жизни служитъ наилучшимъ ручательствомъ благополучнаго осуществленія и исхода каждой реформы, а съ другой стороны также доказалъ, что какъ бы ни были извращены экономическія отношенія установленными въ странѣ законами, сила народной жизни, до извѣстной степени исправляетъ дѣйствія законовъ: еслибы крѣпостное населеніе вполнѣ сохранило, до 19-го февраля 1861 г., законный характеръ помѣщичьей собственности, не смягченный силой цивилизаціи и добраго обычая, то признаніе законодательствомъ 19-го февраля поземельныхъ

отношеній, возникшихъ изъ крѣпостнаго права, едва ли могло бы обойдтись безъ чувствительныхъ потрясеній.

Итакъ при законодательномъ разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, не были положены въ основу отвлеченныя начала личной свободы и безусловнаго права помѣщичьей собственности на земли крестьянскихъ надѣловъ. Законодательствомъ былъ принятъ во вниманіе дѣйствительный порядокъ исторически сложившейся жизни. Но если при вопросѣ о поземельномъ устройствѣ бывшаго крѣпостнаго населенія не предстояло необходимости трактовать о томъ, составляетъ ли и до какой степени составляетъ земля, которою пользовались крестьяне, неотъемлемую собственность помѣщиковъ, то въ примѣненіи Положеній 19-го февраля къ быту государственныхъ крестьянъ были бы, кажется, еще менѣе умѣстны юридическія или философическія изслѣдованія о томъ, кто собственникъ находящейся въ пользованіи государственныхъ крестьянъ земли, казна или крестьяне. Если тогда было признано, и признано вѣрно, что никакія логическія формулы и юридическія указанія не въ состояніи были бы провести ясную разграничительную черту между понятіями о крѣпостномъ земледѣльческомъ трудѣ и о связанномъ съ ними поземельномъ надѣлѣ, то могутъ ли быть какія-нибудь основанія надѣяться, что мы найдемъ подобную рѣзкую черту между правами казны и правами государственныхъ крестьянъ на землю, находящуюся искони въ ихъ постоянномъ пользованіи?

Чтобы соблюсти вѣрность указаніямъ дѣйствительности и вмѣстѣ Положеній 19-го февраля въ примѣненіи ихъ къ нормальному устройству государственныхъ крестьянъ, прежде всего слѣдуетъ, кажется, держаться главной мысли этихъ Положеній, по которой основаніемъ надѣловъ и оброковъ служатъ существующія данныя, безъ всякихъ предварительныхъ оцѣнокъ, кадастровъ, лустрацій и вытекающихъ отсюда сложныхъ разчетовъ.

Въ самомъ крѣпостномъ правѣ на людей, имѣвшихъ въ своемъ постоянномъ пользованіи извѣстное количество земли, заключалась причина, почему такого рода поземельная помѣщичья собственность теряла извѣстную долю своей юридической полноты и опредѣлительности. Вслѣдствіе того, основаніемъ для выкупа послужила вовсе не цѣнность продаваемой земли, но оцѣнка повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ за пользованіе землею. Капитализація изъ 6% оброковъ, *ни въ какомъ случаѣ неувеличиваемыхъ* противъ тѣхъ, какіе дѣйствительно уплачивались крестьянами помѣщикамъ, опредѣлила, какъ извѣстно, размѣры выкупныхъ суммъ. Вотъ существенныя черты Положеній 19-го февраля 1861 года.

Что же сказать теперь о той землѣ, на которой сидятъ государственные крестьяне? Почти вся эта земля либо была занята ими какъ первоначальными поселенцами, либо перешла въ завѣдываніе казны изъ бывшихъ монастырскихъ имуществъ. Можно ли привести какіе-нибудь аргументы въ пользу того, что эта земля составляетъ собственность казны хотя бы въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ крестьянскіе надѣлы составляли собственность помѣщиковъ? Здѣсь надѣлы измѣнялись по произволу помѣщиковъ, какъ собственниковъ; здѣсь существуютъ юридическіе вотчинные акты, купчія крѣпости свидѣтельствующія о затратѣ капиталовъ на покупку; здѣсь наконецъ мы исторически восходимъ къ пожалованью земель не населенныхъ, которые были потомъ заселены иждивеніемъ владѣльцевъ, и что еще важнѣе, мы восходимъ къ древнимъ боярскимъ и княжескимъ вотчинамъ. То ли можно сказать о земляхъ, находившихся въ постоянномъ пользованіи государственныхъ крестьянъ? Въ значительной своей части это были въ древности земли *черныя*, то-есть ничьи; крестьяне, занявшіе ихъ, считали ихъ своими, то-есть мірскими, а не казенными. Въ имѣніяхъ монастырскихъ отношенія крестьянъ къ землѣ были въ сущности тѣ же самыя. На первомъ планѣ было пользованіе, и въ пользованіи никто не тревожилъ крестьянъ; о собственности пока не было рѣчи. Лишь въ послѣдствіи писанное законодательство стало присвоивать казнѣ отвлеченное право собственности на эти земли, но это право было, что называется, *nudum jus*: оно не осуществлялось до самаго послѣдняго времени. Впрочемъ, и теперь эти земли называются въ нашемъ законодательствѣ, то казенными, то общественными, и находятся въ пользованіи крестьянъ *безъ срока*.

Прикрѣпленіе всѣхъ крестьянъ къ землѣ было такимъ обширнымъ и многозначительнымъ фактомъ для Россіи, что имъ объясняется до сихъ поръ множество осо-

бенностей нашего юридическаго и экономическаго быта,—между прочимъ и отношенія государственныхъ крестьянъ къ ихъ поземельному владѣнію. Когда преобладающимъ понятіемъ въ государственномъ управленіи было прикрѣпленіе лица къ землѣ, то невозможно было, конечно, допустить мобилизацію крестьянскихъ земель. Отсюда возникъ, самъ собой, фактъ неотчуждаемости мірскихъ земель, фактъ, который охотно приводится въ доказательство казеннаго права собственности на земли государственныхъ крестьянъ. Затѣмъ главный признакъ принадлежности этой земли казнѣ, какъ ея собственнику, видятъ обыкновенно въ томъ, что крестьяне пользовались землей хотя и безсрочно, но не даромъ, а изъ платежа оброка. Достаточно однакожъ небольшаго вниманія и безпристрастія во взглядѣ на предметъ, чтобъ убѣдиться, что этотъ видъ государственной подати, къ тому же возникшій довольно поздно,—эта подушная повинность никогда и ни въ одной точкѣ не имѣла ни малѣйшаго соприкосновенія съ вопросомъ, кому принадлежитъ находящаяся во владѣніи крестьянъ земля, казнѣ или самимъ крестьянамъ. Оброчною податью облагались, какъ извѣстно, даже безземельные крестьяне, множество подгородныхъ и промысловыхъ слободъ; она измѣнялась сообразно потребностямъ государства, какъ и всякая государственная подать, помимо соображеній о количествѣ и качествѣ надѣловъ. Самое понятіе *о надѣлѣ* совершенно чуждо поземельному владѣнію государственныхъ крестьянъ. Изъ того наконецъ, что государство обращало въ частную собственность не земли и не крестьянъ, но „населенныя имѣнія“, точно также нѣтъ никакой возможности извлечь какіе-либо юридическіе признаки неотъемлемыхъ правъ казны, какъ собственника, на общественныя земли государственныхъ крестьянъ. Однимъ словомъ, этотъ родъ казенной „собственности“ мы не можемъ выдѣлить, ни какъ право, ни какъ фактъ, ни изъ исторіи, ни изъ дѣйствительной жизни, ни изъ положительнаго законодательства. Если же такъ, то откуда могла явиться мысль о такой „собственности“?

Она возникла только въ недавнее время изъ нѣкоторыхъ чисто-административныхъ распоряженій, и объ этомъ очень стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ видахъ *уравненія денежныхъ сборовъ* съ государственныхъ крестьянъ, была предпринята въ 1841 году оцѣнка доходовъ, получаемыхъ крестьянами съ различныхъ угодій, находящихся въ ихъ постоянномъ пользованіи. Оброчная подать не отдѣлялась при этомъ отъ другихъ сборовъ, какъ напримѣръ отъ повинностей земскихъ, государственной и губернской, отъ сбора общественнаго, на капиталъ продовольствія и пр. На основаніи оцѣнки, вся сумма сборовъ разверстывалась въ губерніи по селеніямъ съ нѣкоторою соотвѣтственностію количеству и качеству угодій, которыми пользовались различныя селенія. Такое распоряженіе клонилось, повидимому, лишь къ тому, чтобы часть подушныхъ податей переложить на землю. Но административныя распоряженія на этомъ не становились. Въ 1860 году, земли, остающіяся за нормою восьмидесятиннаго надѣла, были отобраны отъ крестьянъ и обращены или въ казенныя оброчныя статьи, или отданы въ пользованіе крестьянъ за особую плату. Были даже попытки опредѣлить эти *нормы* въ извѣстной градаціи, для различныхъ мѣстностей, отъ 8 до 3 десятинъ, съ тѣмъ чтобы подобнымъ же образомъ поступить съ такъ-называемыми *излишними* противъ принятыхъ нормъ землями. Затѣмъ сдѣланъ былъ другой болѣе рѣшительный шагъ, путемъ также чисто-административнымъ. Новыя правила оцѣнки получили характеръ кадастра; опредѣлялась уже доходность крестьянскихъ угодій, съ назначеніемъ извѣстной части, сперва $^1/_4$, потомъ $^1/_3$ оцѣночной доходности въ оброчную подать.

Третій и окончательный шагъ могъ бы заключаться въ томъ, чтобъ опредѣленную такимъ способомъ оброчную подать *обратить въ арендную плату* за землю, принадлежащую казнѣ, и предоставить административной власти, какъ хозяину земли, увеличивать арендную плату сообразно мѣстному возвышенію доходовъ съ земли.

Но при такихъ отношеніяхъ казны, какъ собственника, къ половинѣ всего земледѣльческаго населенія Россіи, какъ къ арендаторамъ казны, едва ли было бы можно ожидать удачнаго примѣненія Положеній 19-го февраля къ поземельному устройству государственныхъ крестьянъ въ видахъ улучшенія ихъ быта. Намъ кажется, что правильное рѣшеніе этого вопроса можетъ быть основано единственно на признаніи исконнаго фактическаго отношенія государственныхъ крестьянъ къ землѣ, находящейся

въ ихъ пользованіи, и должно состоять главнѣйшимъ образомъ въ оживленіи ихъ быта допущеніемъ возможно-большей экономической свободы.

№ 17.

Москва, 21-го января.

Черезъ пять дней начнутся засѣданія англійскаго парламента, которыя, какъ можно надѣяться, нѣсколько разсѣютъ густой туманъ, покрывающій собою политику Англіи за послѣднее время. Послѣ говорливости, которую обнаружилъ лордъ Россель во время своихъ неудачныхъ дипломатическихъ компаній сначала за Польшу, а потомъ за Данію, благородный графъ наложилъ на свои уста печать молчанія, которою не могли снять съ нихъ ни военные подвиги Пруссаковъ во вторую половину датской войны, ни совершенныя надъ Даніей насилія во время переговоровъ о мирѣ, ни попытки г. фонъ-Бисмарка уничтожить послѣднюю тѣнь политическаго значенія Германскаго Союза, ни даже франко-италіянская конвенція 15-го сентября, не говоря уже о папской энцикликѣ, которая для Англіи имѣетъ значеніе только куріоза. Тѣмъ интереснѣе будетъ узнать изъ парламентскихъ преній, чѣмъ именно въ настоящее туманное время озабочены обитатели туманной Великобританіи. Открывающіеся предъ Англіей виды, какъ можно думать, должны быть не очень веселаго свойства. Есть не мало признаковъ, что великое сѣвероамериканское междуусобіе приближается къ концу, что оно заключится полнымъ возстановленіемъ Союза и совершеннымъ преобладаніемъ сѣверныхъ штатовъ надъ южными, и что вслѣдъ за тѣмъ раздраженіе Сѣвера противъ Англіи за ея поджигательную, нескрѣнную политику можетъ легко повести къ вооруженной борьбѣ между ними. Одинъ изъ фортовъ Вильмингтона, — послѣдней гавани, съ помощью которой Южная Конфедерація могла поддерживать свои сношенія съ Европой и особенно съ Англіей, — именно фортъ Фишеръ, уже находится въ рукахъ Сѣверянъ, и вскорѣ, безъ сомнѣнія, вся гавань будетъ въ полномъ ихъ распоряженіи. Генералъ Шерманъ начинаетъ грозить Чарльстону и самому Ричмонду, а между тѣмъ внутри штата Георгіи обнаруживается сильное движеніе противъ сепаратизма. Дѣло идетъ, повидимому, къ развязкѣ, и нечего удивляться попыткамъ завязать мирные переговоры. Но если состоится миръ, онъ измѣнитъ во многомъ направленіе всемірной политики. Сѣверо-Американскій Союзъ выйдетъ изъ тяжкой внутренней борьбы съ запасомъ военныхъ силъ, сухопутныхъ и морскихъ, какого онъ никогда еще не имѣлъ прежде, и съ запасомъ ненависти къ Англіи, которую нельзя назвать совершенно незаслуженною. Сепаратизмъ и вооруженное возстаніе южныхъ штатовъ были, по меньшей мѣрѣ, на половину дѣломъ Англіи, также какъ въ свое время вооруженное возстаніе Поляковъ противъ Россіи. Потомъ Англія сильно поддержала Южную Конфедерацію поспѣшнымъ признаніемъ ея въ качествѣ воюющей стороны. Всѣ конфедеративные крейсеры были построены на англійскихъ верфяхъ, всѣ матросы на нихъ были Англичане, нерѣдко прямо взятые съ королевскаго военнаго флота, все оружіе, которое Сѣверянамъ удавалось отнимать у Южанъ, оказывалось англійскаго производства. Еслибы Англія и прямо стала на сторону Юга, и объявила войну Сѣверу, то и тогда она не могла бы дѣйствительнѣе вредить сѣверо-американской морской торговлѣ, чѣмъ съ помощью крейсеровъ, которые она строила и вооружала для Южной Конфедераціи. Правда, эти крейсеры захватывали и сожигали также и англійскія суда, но ричмондское правительство заранѣе обязалось выплачивать весь ущербъ, который могъ быть такимъ образомъ причиненъ англійскимъ подданнымъ. Что мудренаго, если рѣшительные и воинолюбивые Сѣверо-Американцы воспользуются близкимъ сосѣдствомъ англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, и дадутъ Англичанамъ почувствовать нѣкоторыя неудобства столь славимой пальмерстоновской политики? Уже теперь вашингтонскій сенатъ назначаетъ двѣнадцатимѣсячный срокъ для уничтоженія трактата о взаимности между Канадой и Соединенными Штатами, хотя этотъ трактатъ наиболѣе выгоденъ для Сѣверо-Американской Республики, а г. Сюардъ, въ своей дипломатической перепискѣ, указываетъ на причину такого образа дѣйствій, которая именно заключается въ томъ, что Англія обнаружила сочувствіе къ Югу. Возможность разрыва съ Америкой, безъ сомнѣнія, входила въ со-

ображенія англійскаго правительства, когда оно, вопреки другимъ разчетамъ, старалось объединить въ политическомъ отношеніи свои сѣверо-американскія колоніи, и настаивало на томъ, чтобъ онѣ увеличили собственныя свои военныя силы. Эта же возможность объясняетъ и ту чрезвычайно осторожную политику, которой слѣдуетъ Англія въ послѣднее время въ Европѣ.

Разрывъ между Англіей и Америкой былъ бы событіемъ величайшей важности для всей Европы, и ознаменовалъ бы собою начало потрясеній и замѣшательствъ, элементы которыхъ существуютъ повсюду. Нѣтъ сомнѣнія, что Франція поспѣшила бы воспользоваться такимъ благопріятнымъ для нея положеніемъ дѣлъ, и что Бельгія и даже Рейнскія провинціи Пруссіи и Баваріи подверглись бы съ этой стороны значительной опасности. Нѣтъ сомнѣнія также, что Англія напередъ постаралась бы, а можетъ-быть, и теперь уже старается направить куда-нибудь силы Франціи, чтобъ отвлечь ее отъ Бельгіи и Рейна. Но не менѣе несомнѣнно, что и для Россіи, въ случаѣ разрыва между Англіей и Америкой, открылись бы виды освободиться отъ тяжкихъ условій парижскаго трактата и вообще поправить свое политическое положеніе. Во всякомъ случаѣ намъ нечего опасаться борьбы между двумя отраслями англосаксонскаго племени, хотя нѣтъ сомнѣнія, что было бы не въ интересахъ Россіи, еслибы въ виду такой отдаленной и не совсѣмъ еще вѣрной случайности, какъ война между Англіей и Соединенными Штатами, Россія теперь же пошла на сближеніе съ Франціей, отъ котораго, по всей вѣроятности, были бы не прочь въ Парижѣ. Еслибы современемъ это сближеніе, дѣйствительно, оказалось необходимо, то оно никогда не ушло бы отъ насъ; теперь оно было бы равносильно, если не совершенному отреченію отъ русской національной политики внутри Россіи, то, по крайней мѣрѣ, значительному ослабленію этой политики. Между Франціей и Россіей стоитъ такъ-называемый польскій вопросъ, и пока этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ окончательно въ національно-русскомъ смыслѣ, до тѣхъ поръ русское народное чувство и вмѣстѣ русскіе интересы будутъ противиться сближенію съ Франціей, обнаружившей такое горячее сочувствіе къ дѣлу польскихъ мятежниковъ и не обнажившей своего меча за это дѣло только потому, что отъ него во-время устранились Англія и Австрія. Мы не говоримъ уже о томъ, что и вообще прочное сближеніе едва ли возможно между революціонною Франціей и такою державой какъ Россія, которой политика, по всѣмъ своимъ преданіямъ, принадлежитъ къ совершенно иному направленію и должна была бы подвергнуться полнѣйшей метаморфозѣ, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать революціонными средствами.

Въ виду отдаленной возможности разрыва между Англіей и Америкой заслуживаетъ особеннаго вниманія недавнее заявленіе, которое газета *Temps* приписываетъ графу Росселю и которое относится къ шлезвигъ-гольштейнскому дѣлу. Извѣстно, что эта газета, несмотря на свое либерально-демократическое направленіе, нерѣдко печатаетъ на своихъ столбцахъ полуофиціяльныя заявленія французскаго правительства, и между прочимъ, первая изъ всѣхъ французскихъ газетъ получила для напечатанія рѣчь, произнесенную императоромъ Наполеономъ на новый годъ. Въ этой-то газетѣ, отъ 25-го января, было напечатано, что „по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Лондона и заслуживающимъ, по своему происхожденію, большаго довѣрія, графъ Россель, сожалѣя также живо, какъ и въ прежнее время, объ устраненіи Лондонскаго трактата, имѣлъ случай высказаться, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, въ пользу разрѣшенія вопроса о Герцогствахъ въ духѣ политики національностей". Это загадочное заявленіе облетѣло всю Европу, и произвело повсюду довольно сильное впечатлѣніе. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, органъ г. фонъ-Бисмарка, не замедлила высказаться, что въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ, не было получено подобной депеши, графа Росселя. То же самое говоритъ теперь и полуофиціяльный берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, въ письмѣ, отъ 27-го января, замѣчая при этомъ, что лорду Росселю нѣтъ никакой надобности сожалѣть объ устраненіи Лондонскаго трактата, такъ какъ самъ же онъ объявилъ на Лондонской конференціи, когда предложенія его не были приняты, что до окончательнаго разрѣшенія вопроса о Герцогствахъ, Лондонскій трактатъ сохраняетъ свою полную силу. Если политика національностей, продолжаетъ тотъ же корреспондентъ, снова выставляется теперь

впередъ въ связи съ вопросомъ о Герцогствахъ, то это служитъ предостереженіемъ для Австріи, которая мечтаетъ сбыть съ рукъ все дѣло, какъ только принцъ Августенбургскій былъ бы назначенъ временнымъ государемъ Шлезвигъ-Гольштейна. Но главная сила заявленія, напечатаннаго во французской газетѣ, по словамъ упомянутаго корреспондента, заключается во второй его половинѣ, имѣющей цѣлью внушить Нѣмцамъ опасенія насчетъ того, что расширеніе прусскаго могущества въ Герцогствахъ повлечетъ за собою распространеніе предѣловъ Франціи. Корреспондентъ какъ бы намекаетъ, что извѣстіе газеты *le Temps* происходитъ изъ австрійскаго источника. Дѣйствительно, вѣнскій корреспондентъ *Hamburger Börsenhalle*, какъ мы сообщали вчера подъ рубрикою: *Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ*, разсказываетъ, что подобныя опасенія заявлены были отъ имени графа Росселя англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, г. Бонакомъ. Напротивъ, вѣнскія газеты, и во главѣ ихъ *Botschafter*, представляютъ дѣло такъ, какъ будто бы съ своимъ заявленіемъ въ пользу примѣненія начала національностей къ вопросу о Герцогствахъ графъ Россель обратился прямо къ Парижскому кабинету, но не успѣлъ его склонить въ пользу своего предложенія. При этомъ другая вѣнская газета, *Wanderer* полагаетъ, что графъ Россель имѣлъ въ виду только вызвать Тюльерійскій кабинетъ на объясненія, и распознать, какой политики будетъ онъ держаться въ отношеніи къ шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, а третья вѣнская газета, *Ostdeutsche Post*, не придаетъ никакого особеннаго политическаго значенія заявленію графа Росселя, и наивно думаетъ, что оно разчитано только на то, чтобы благопріятно подѣйствовать на принца Вельсскаго и украсить собою *Синюю Книгу*, которая будетъ представлена парламенту въ первое время послѣ его открытія. Но въ связи съ общимъ положеніемъ дѣлъ и съ опасеніями Англіи, относительно разрыва съ Америкой и относительно плановъ Наполеона III, заявленіе графа Росселя могло имѣть цѣлью склонить Пруссію къ большей умѣренности и тѣмъ поддержать союзъ ея съ Австріей и добрыя отношенія къ меньшимъ государствамъ Германіи. Увѣнчаются ли эти усилія успѣхомъ,—это другой вопросъ.

Императоръ Наполеонъ соблюдаетъ въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ строжайшій нейтралитетъ между Пруссіей, Австріей и меньшими государствами Германіи и вѣроятно будетъ соблюдать его до тѣхъ поръ, пока дѣло не приметъ рѣшительнаго оборота. Онъ выскажется тогда или за Пруссію, или противъ нея, смотря потому, что̀ будетъ для него выгоднѣе. Узнать его намѣренія въ настоящее время тѣмъ болѣе трудно, что они не могли еще опредѣлиться. Пруссія, съ своей стороны, по замѣчанію одного парижскаго дипломата, сообщаемому въ газетѣ *Wanderer*, то сближается съ Франціей, то отдаляется отъ нея, смотря по результатамъ предпринимаемыхъ ея принцами поѣздокъ въ Вѣну. Въ настоящее время дѣло идетъ, повидимому, скорѣе на разладъ съ Австріей и на сближеніе съ Франціей. Не даромъ полуофиціяльный берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* такъ громко заявляетъ, что Пруссія не можетъ согласиться на то, чтобы покровительство Германскаго Союза было распространено на Шлезвигъ, не входящій въ составъ его, потому что это значило бы узаконить требованія Австріи относительно распространенія этого покровительства и на Венецію, а это, по словамъ корреспондента, вовсе не входитъ въ разчеты Пруссіи. Не даромъ также, въ своей послѣдней депешѣ къ Вѣнскому кабинету, сообщенной намъ вчера по телеграфу, г. фонъ-Бисмаркъ съ такою удивительною безцеремонностью утверждаетъ, будто бы положительные интересы Австріи находятся не на южной, а на восточной ея границѣ, и тѣмъ какъ бы старается побудить ее къ захватамъ съ этой стороны, тогда какъ для всякаго очевидно, что главнѣйшій интересъ Австріи заключается въ томъ, чтобъ отстоять ея положеніе въ Италіи—противъ Франціи и Италіянскаго королевства, и въ Германіи—противъ самой Пруссіи, не затѣвая борьбы на Востокѣ.

Повидимому, Австрія не поддается лукавымъ внушеніямъ г. фонъ-Бисмарка, и вѣнскія газеты особенно указываютъ на необходимость сближенія съ меньшими германскими государствами, чтобы, въ случаѣ надобности, дѣйствовать съ ними заодно противъ властолюбивыхъ видовъ Пруссіи; а полуофиціяльные органы австрійской журналистики съ радостью провозглашаютъ, что всякое разногласіе между Австріей и меньшими государствами въ шлезвигъ-голь-

штейнскомъ вопросѣ окончательно устранено, и что даже самъ Гановеръ гораздо ближе стоитъ къ австрійскимъ, нежели къ прусскимъ воззрѣніямъ. Утверждаютъ даже, будто бы между Австріей, Баваріей и Саксоніей ведутся переговоры о такомъ разрѣшеніи шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, при которомъ Пруссіи пришлось бы не болѣе жертвовать для обороны этого новаго государства, чѣмъ всѣмъ другимъ членамъ Германскаго Союза. Дѣло идетъ, какъ кажется, о томъ, чтобъ устроить федеральныя военныя гавани не только на восточномъ берегу Гольштейна, именно въ Кильѣ, для прусскаго флота, но и въ Нѣмецкомъ морѣ, именно въ Листѣ, сѣверной оконечности острова Сильты, для австрійской эскадры, при чемъ Пруссія и Австрія должны были бы отказаться въ пользу Герцогствъ отъ вознагражденія за военныя издержки. Говорятъ, въ этомъ смыслѣ начаты уже переговоры и съ самимъ Берлинскимъ кабинетомъ; но нѣтъ сомнѣнія, что съ этой стороны они окажутся совершенно безуспѣшными. Впрочемъ, это извѣстіе тѣмъ болѣе нуждается въ дальнѣйшемъ подтвержденіи, что полуофиціяльный мюнхенскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung* сильно сомнѣвается даже и въ томъ, чтобы Баварія, Виртембергъ и Саксонія дѣйствительно изъявили свое сочувствіе австрійской политикѣ въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ. Австрійскій кабинетъ, по словамъ корреспондента, не сообщилъ своихъ дальнѣйшихъ видовъ, въ этомъ вопросѣ, меньшимъ государствамъ Германіи, а потому они не имѣли и повода высказываться относительно его политики, а ограничились только сообщеніемъ въ Вѣну, что впредь до дальнѣйшихъ событій, они воздержатся отъ какихъ бы то ни было мѣръ по дѣлу о Герцогствахъ.

Пруссія всячески старается замедлить окончательное разрѣшеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, но наступившій, какъ видно, болѣе серіозный поворотъ дѣлъ оказалъ и на ея медлительность нѣкоторое вліяніе. Телеграмма, полученная нами сегодня, извѣщаетъ, что Пруссія въ скоромъ времени соблаговолитъ заявить тѣ условія, которыхъ исполненіе требуется ея интересами прежде рѣшенія вопроса о Герцогствахъ. Можно ожидать, что все-таки этотъ вопросъ получитъ свое разрѣшеніе прежде другихъ европейскихъ вопросовъ, и тогда яснѣе опредѣлятся взаимныя отношенія великихъ европейскихъ державъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ результатѣ окажется тѣсный союзъ между Франціей и Пруссіей, или, по крайней мѣрѣ, значительное охлажденіе между Пруссіей и Австріей, которымъ не замедлитъ воспользоваться Франція. Въ этихъ видахъ заготовляется уже на весну гарибальдійская экспедиція въ Венецію, въ Южный Тироль и въ Далмацію, — экспедиція, въ которой тайно принимаетъ участіе, по увѣренію *Triester Gazety*, и Туринскій кабинетъ, и даже будто бы Англія, очевидно намѣревающаяся натравить Австрію на восточный вопросъ. На гораздо отдаленнѣйшемъ планѣ стоятъ вопросъ римскій и конецъ междуусобій сѣверо-американскихъ, за которыми легко можетъ воспослѣдовать война съ Англіей. Эти грядущія и болѣе или менѣе вѣроятныя событія опредѣляютъ въ настоящее время общее политическое положеніе Европы.

№ 18.

Москва, 22-го января.

Крѣпостное право было зло, искажавшее всѣ отправленія нашей народной жизни. Въ лицѣ крѣпостныхъ людей, былъ униженъ весь русскій народъ; питаемая крѣпостнымъ правомъ привычка къ произволу проникла всюду и равно дѣйствовала какъ въ семейномъ быту, такъ и въ государственной службѣ. Естественно заинтересованные сохраненіемъ крѣпостнаго права, и въ то же время зная что ему долженъ придти конецъ, помѣщики смотрѣли съ опасеніемъ и даже враждебностью на самыя насущныя потребности по улучшенію законодательства. Имѣя все это въ виду, нельзя не признать, что отмѣна крѣпостнаго права была величайшимъ событіемъ русской исторіи, ея новою эрой преимущественно въ общественномъ и государственномъ отношеніи. Но если смотрѣть на дѣло съ экономической точки зрѣнія, то ожиданія, которыми сопровождалась крестьянская реформа, оказываются далеко неосновательными. Неудовлетворительность экономическаго быта крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости, условливались, какъ видно, не ею одною. Что надежды, возлагавшіяся въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта на освобожденіе

отъ крѣпостной зависимости, были преувеличены, въ этомъ можно было убѣдиться и прежде осуществленія крестьянской реформы: для этого было достаточно взглянуть на бытъ государственныхъ крестьянъ, которые крѣпостному праву не подлежали, повинностей несли несомнѣнно меньше чѣмъ крестьяне помѣщичьи, но въ экономическомъ отношеніи стояли отнюдь не выше, а нерѣдко и ниже ихъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что, желая улучшить экономическій бытъ земледѣльческихъ населеній и оживить сельское хозяйство, законодательство не можетъ останавливаться на крестьянской реформѣ и ея непосредственныхъ послѣдствіяхъ, а должно принять еще какое-нибудь иное рѣшеніе? Не слѣдуетъ ли предполагать, что это иное рѣшеніе существенно-важное?

Въ какомъ же направленіи можетъ быть принято столь важное рѣшеніе, отъ котораго въ экономическомъ отношеніи было бы позволительно ожидать еще большихъ послѣдствій чѣмъ отъ освобожденія крѣпостныхъ, и которое должно распространяться не только на бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, но и на крестьянъ принадлежавшихъ искони къ свободнымъ состояніямъ? Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, не заключаетъ ли уже въ себѣ отвѣта? Улучшеніе быта крѣпостныхъ могло временно произойдти вслѣдствіе пониженія повинностей, которыя они отбывали. Но государственные крестьяне несутъ сравнительно легкіе налоги, и о пониженіи этихъ налоговъ не можетъ быть рѣчи. Къ тому же опытъ показалъ, что государственные крестьяне, отнюдь не обремененные повинностями, хозяйничали нисколько не лучше помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ повинности, особенно въ издѣльныхъ имѣніяхъ, законодательство признало чрезмѣрно тяжкими и потому подвергло сокращенію. Этотъ опытъ даетъ ли право надѣяться, что пониженіе оброковъ, платимыхъ государственными крестьянами, можетъ отозваться замѣтнымъ улучшеніемъ ихъ быта? Наконецъ, никакому сомнѣнію не подлежитъ, что сельское хозяйство нисколько не оживилось бы вслѣдствіе уменьшеніе оброчной платы взимаемой съ государственныхъ крестьянъ, а въ экономическомъ отношеніи особенно желательно оживленіе сельскаго хозяйства. Повсюду, гдѣ отмѣнялись обязательныя отношенія, сельское хозяйство сейчасъ же улучшалось. У насъ мы этого невидимъ. Напротивъ, вольнонаемный трудъ почти нигдѣ въ Россіи не приноситъ барышей, а во многихъ мѣстахъ даже не окупается. Однимъ недостаткомъ рабочихъ рукъ, одною несоразмѣрностью крестьянскаго населенія съ нашими обширными пространствами, нельзя еще объяснить себѣ это явленіе: въ Сѣверной Америкѣ земель еще больше, а рукъ меньше, и тѣмъ не менѣе вольнонаемный трудъ тамъ окупается; онъ даетъ возможность платить работникамъ втрое и вчетверо противъ того, что у насъ платится, и получать значительные барыши, превращающіе простыхъ колонистовъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ богатыхъ помѣщиковъ. Невыгоду нашего положенія сравнительно съ сѣверо-американскимъ нельзя объяснить и климатическими условіями: у насъ есть цѣлые края, которые могутъ поспорить съ земледѣльческими сѣверными штатами Союза даже своимъ климатомъ; кромѣ того природа надѣлила Россію широкою полосой чернозема, единственною на земномъ шарѣ. Чего же не достаетъ для оживленія нашего хозяйства? Чего можетъ не доставать кромѣ того въ чемъ вообще источникъ жизни, какъ экономической, такъ и всякой другой? Для улучшенія экономическаго быта нашихъ земледѣльческихъ классовъ, для оживленія нашего сельскаго хозяйства нѣтъ другаго средства кромѣ водворенія экономической свободы,—той экономической свободы, которой равно не достаетъ русскимъ крестьянамъ всѣхъ наименованій.

Главнымъ препятствіемъ къ водворенію экономической свободы въ русскомъ сельскомъ быту (кромѣ славянофильскихъ теорій объ общинномъ землевладѣніи, считающихъ теперь своихъ защитниковъ единицами, а своихъ противниковъ тысячами) служатъ опасенія пролетаріата,—опасенія занесенныя къ намъ съ Запада Европы, но въ Россіи, при нашихъ безмѣрныхъ пространствахъ, не имѣющія, позволяемъ себѣ высказать это, ни малѣйшаго смысла. Чтобы предотвратить невозможную въ Россіи опасность пролетаріата, мы обязываемъ каждаго крестьянина непремѣнно владѣть землей и непремѣнно быть хозяиномъ, и что же мы черезъ то получаемъ? Хорошему хозяину нѣтъ простора въ крестьянскомъ быту; онъ не можетъ богатѣть оставаясь крестьяниномъ, въ особенности не можетъ богатѣть продолжая заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Онъ принужденъ

обращать свою предпріимчивость на разные побочные промыслы, и если ему повезетъ въ нихъ, то онъ принужденъ переходить въ городское состояніе. Какъ въ купечествѣ у насъ нѣтъ существующихъ по нѣскольку столѣтій фирмъ — разбогатѣвшіе купцы какъ-разъ превращаются въ благородныхъ и дѣлаются помѣщиками, — такъ точно нѣтъ у насъ и старинныхъ богатыхъ крестьянскихъ домовъ: богатые крестьяне становятся купцами, и лишь ихъ потомки, пройдя черезъ купеческое званіе и потерявъ земледѣльческія преданія, вступаютъ изрѣдка въ разрядъ землевладѣльцевъ. Такое кочеваніе вредно не только въ экономическомъ, — оно вредно и въ политическомъ отношеніи: оно дѣлаетъ невозможнымъ существованіе посредствующихъ звеньевъ, которыя соединяли бы землевладѣльскій классъ съ классомъ крестьянскимъ. Но если хорошему хозяину нѣтъ простора въ крестьянскомъ быту, то выигрываетъ ли черезъ это плохой хозяинъ? Онъ остается хозяиномъ, это правда, но велика ли ему отъ того радость? Развѣ лучше жить хозяиномъ въ развалившейся избѣ и по полгоду не имѣть хлѣба, нежели быть работникомъ и жить хотя въ чужой, но сухой и теплой избѣ, на сытныхъ хозяйскихъ харчахъ, пользуясь всѣми выгодами большаго спроса на трудъ? Чѣмъ болѣе укоренялось бы у насъ вольнонаемное хозяйство, тѣмъ лучше становилось бы положеніе сельскихъ работниковъ, на основаніи общаго экономическаго закона, что всякій новый капиталъ вносимый въ сельское хозяйство страны оказываетъ свою долю вліянія на возвышеніе платы за земледѣльческій трудъ. У насъ эта плата низка, но она никогда не возвысится, если вольнонаемное хозяйство, привлекающее капиталы къ сельскому хозяйству, не будетъ вознаграждать самыхъ необходимыхъ затратъ.

Обращаетъ вниманіе читателей на помѣщаемое ниже письмо г. Демидова, а также на замѣтку г. Кузьмина, помѣщенную въ послѣдне-вышедшемъ нумерѣ *Воскресныхъ Прибавленій* къ нашей газетѣ. Тутъ указывается коренная причина нашихъ неуспѣховъ въ сельскомъ хозяйствѣ, — причина, которую практическіе сельскіе хозяева начинаютъ все болѣе и болѣе сознавать. Не подлежитъ сомнѣнію, что русское сельское хозяйство падаетъ, но причина упадка заключается не въ томъ, что отмѣнено крѣпостное право, а въ томъ преимущественно, что съ отмѣной принудительнаго труда у насъ не оказывается необходимыхъ условій труда вольнаго. Этихъ условій много. Поземельный кредитъ, безспорно нуженъ для развитія сельскаго хозяйства и для земледѣльческихъ улучшеній, но это далеко не единственное условіе. Гг. Кузьминъ и Демидовъ совершенно вѣрно замѣчаютъ, что когда сельское хозяйство не приноситъ выгоды, то поземельный кредитъ самъ собою выходитъ изъ ряда сельскохозяйственныхъ потребностей: деньги бываютъ нужны только тогда, когда можно съ выгодой употребить ихъ; иначе займы ведутъ не къ благосостоянію, а къ раззоренію. Въ ряду временныхъ причинъ сельскохозяйственнаго застоя первое мѣсто занимаютъ колебанія денежной единицы, дѣлающія невозможнымъ хозяйскій разчетъ: цѣны на большую часть продуктовъ зависятъ отъ цѣнъ всемірнаго рынка и при колебаніи вексельнаго курса должны колебаться, а колебанія цѣнъ сбиваютъ производителя съ толку. Кромѣ того, опытъ свидѣтельствуетъ, что въ странахъ, гдѣ нѣтъ прочной денежной единицы, цѣны на отпускной товаръ бываютъ обыкновенно ниже нормальныхъ цѣнъ, къ ущербу домашнихъ производителей и къ выгодѣ (выгодѣ азартной и потому не входящей въ разчеты при конкуренціи) заграничныхъ покупателей; въ этой истинѣ удостовѣряетъ составленная знаменитымъ экономистомъ Шторхомъ таблица цѣнъ русскихъ отпускныхъ продуктовъ за начало нынѣшняго столѣтія, то-есть за то время когда были выпускаемы ассигнаціи. Между тѣмъ какъ цѣны продуктовъ сельскаго хозяйства стоятъ въ такихъ случаяхъ ниже естественной нормы, и при томъ еще колеблются изо дня въ день, плата за провозъ и за трудъ возрастаетъ выше нормы, потому что не зависитъ отъ всемірнаго рынка; при такихъ условіяхъ можетъ ли идти успѣшно сельскохозяйственное производство? Но какъ ни разрушительно дѣйствуютъ эти условія, нельзя забывать что они происходятъ отъ причины временной и должны потерять силу векорѣ послѣ упраздненія денежной единицы. Поэтому еще важнѣе тѣ постоянныя невыгодныя условія, въ которыхъ находится русское сельское хозяйство вслѣдствіе слабости главнаго нерва всякой экономической жизни — начала личной свободы и

личнаго владѣнія — въ быту русскихъ крестьянъ.

Всѣмъ извѣстно что такое трудъ принудительный; его недостатки ни отъ кого не укрываются, а между тѣмъ что́ мы видимъ? Помѣщики, мечтавшіе объ отмѣнѣ барщины, теперь начинаютъ дорожить ею, несмотря на тѣ ограниченія, которыя, казалось должны были подорвать все значеніе принудительнаго труда. Это фактъ общій и безъ всякаго сомнѣнія характеристическій. И помѣщики, и крестьяне во многихъ мѣстахъ, съ общаго согласія, удерживаютъ барщину и какъ нельзя болѣе довольны этимъ порядкомъ, котораго неудовлетворительность тѣмъ не менѣе очевидна. Не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что въ системѣ вольнаго труда у насъ не достаетъ чего-то существеннаго? Когда же вольнонаемное хозяйство не можетъ идти успѣшно, то не только помѣщику, но и крестьянамъ выгодно держаться барщины: крестьянамъ было бы легко выплачивать оброкъ только при развитіи вольнонаемныхъ хозяйствъ. Переходъ съ барщины на оброкъ сначала шелъ очень бойко; если теперь онъ почти совсѣмъ остановился, то въ этомъ никакъ ужъ нельзя видѣть признаковъ отсталости, а надобно видѣть важное указаніе на существенную потребность, ожидающую удовлетворенія. Дѣло въ томъ что системѣ труда принудительнаго съ ея внѣшними побужденіями можно противополагать только систему труда совершенно свободнаго, при которой должны сполна дѣйствовать, другія, свойственныя ей побужденія, — надежда обезпечить себя и свое потомство въ случаѣ трудолюбія, и страхъ попасть въ большую бѣду въ случаѣ лѣности и нерадѣнія. Средняго между этими двумя системами не можетъ быть. Гдѣ побужденія къ свободному труду не достаточно сильны, тамъ отъ него нельзя ожидать той энергіи, которая сдѣлала бы его лучше труда принудительнаго. Хорошій заработокъ, и съ другой стороны опасность остаться на улицѣ, вотъ что́ побуждаетъ человѣка къ физическому труду, когда внѣшняго принужденія не существуетъ. Кто не желаетъ системы принужденія, и въ то же время хочетъ смотрѣть на дѣло трезвыми глазами, тотъ долженъ допустить въ полной силѣ необходимыя условія свободнаго труда. Если мы побоимся допустить ихъ, если мы будемъ опасаться отчуждаемости крестьянскихъ участковъ и крестьянскихъ усадьбъ, то не увидимъ ни улучшенія крестьянскаго быта, ни оживленія сельскаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ.

Первые шаги къ водворенію началъ экономической свободы въ крестьянскомъ быту всего удобнѣе, кажется, сдѣлать при поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ. Выкупъ и съ этой точки зрѣнія оказывается дѣломъ нисколько не желательнымъ. Онъ прикрѣпляетъ выкупающаго къ выкупаемому имъ участку. Онъ затрудняетъ переходъ владѣнія отъ одного лица къ другому, и передвиженіе лица съ одного мѣста на другое, между тѣмъ какъ оба эти условія составляютъ существенныя требованія экономической свободы. Онъ не можетъ быть выгоденъ даже въ фискальномъ отношеніи, потому что не привлечетъ многихъ охотниковъ: казна получала бы гораздо болѣе единовременныхъ доходовъ, оставивъ оброкъ въ теперешнемъ видѣ, но переложивъ всѣ подушные сборы на усадьбы и угодья, и затѣмъ начавъ выдавать, съ платой опредѣленныхъ, хотя бы и довольно высокихъ пошлинъ, разнаго рода акты, облегчающіе свободу имущественнаго и личнаго передвиженія (напримѣръ условныя данныя на усадьбы и на угодья отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ обществамъ, пожизненные виды лицамъ необязаннымъ вынимать рекрутскій жребій и т. д.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, требовалось бы отмѣнить, во всемъ районѣ трехпольнаго хозяйства, право требовать передѣла; въ уваженіи къ общинному быту, это право могло бы быть, кажется, замѣнено правомъ требовать соотвѣтственныхъ денежныхъ приплатъ, причемъ разверстка дѣлилась бы не землей, а деньгами.

№ 19.

Москва, 23-го января.

Продолжающаяся политическая борьба въ Пруссіи и возникающее вновь разногласіе между министерствомъ и палатой депутатовъ въ Австріи, по одному и тому же вопросу — о правѣ имѣть надзоръ за финансовымъ управленіемъ страны и дѣятельно участвовать въ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ— не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе различныхъ органовъ европейской жур-

налистики. Англійскія газеты теперь безпрестанно возвращаются къ этому предмету, и замѣчанія ихъ имѣютъ особенный вѣсъ Англіи, которая съ такимъ успѣхомъ выработала себѣ свои политическія учрежденія, которая такъ дорожитъ ими и въ распространеніи подобныхъ имъ учрежденій на материкѣ Европы видитъ ручательство за сохраненіе и упроченіе общаго мира, — Англія, понятнымъ образомъ, заинтересована тѣмъ, чтобы нынѣшніе прискорбные внутренніе раздоры въ Пруссіи и отчасти въ Австріи не были поставлены въ укоръ учрежденіямъ, которыми эти страны болѣе или менѣе сближаются съ нею.

Что бы ни говорили, преобразованіе прусской арміи несомнѣнно оказалось полезнымъ въ послѣднюю войну, и можетъ принести еще бо́льшія выгоды Пруссіи при ея нынѣшнихъ властолюбивыхъ замыслахъ, которымъ вполнѣ сочувствуетъ само же большинство прусской нижней палаты. Нынѣшнее прусское министерство, которое желала бы низложить палата депутатовъ, не имѣя кѣмъ замѣнить его изъ собственной своей среды, успѣло поставить Пруссію въ очень выгодное положеніе относительно великихъ европейскихъ державъ; оно благополучно окончило войну, согласно съ желаніями самой палаты депутатовъ, и всѣми силами старается извлечь для Пруссіи изъ этой войны всѣ выгоды, которыхъ желаетъ и общественное мнѣніе этой страны. При этомъ оно не отяготило страны ни военною повинностью, ни новыми налогами, не прибѣгало ни къ займамъ, ни къ чрезвычайнымъ финансовымъ операціямъ, даже не затратило на войну выручки отъ того займа, который былъ заключенъ для построенія желѣзныхъ дорогъ, — словомъ, оно возвысило силу и значеніе Пруссіи, и подготовило способы къ ея дальнѣйшему возвышенію, нисколько не нарушивъ внутренняго ея благосостоянія, не разстроивъ ея финансовъ. Наконецъ, несмотря на упорство нижней палаты въ требованіяхъ, король не перестаетъ повторять, что желаетъ возстановленія мира между его правительствомъ и палатой депутатовъ, и что надѣется достигнуть того. Министръ внутреннихъ дѣлъ заявляетъ, что право утверждать бюджетъ, принадлежащее палатѣ депутатовъ, будетъ постоянно уважаемо во всѣхъ другихъ случаяхъ, за исключеніемъ только того что относится къ исполненному уже, и исполненному свѣдома палаты, военному преобразованію. Всѣ эти заявленія служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что и король, и его министры цѣнятъ пользу, матеріяльную и нравственную, приносимую Пруссіи ея представительными учрежденіями. И дѣйствительно, если финансы Пруссіи остались въ цвѣтущемъ положеніи, не смотря на военныя издержки, то корона обязана этимъ въ значительной мѣрѣ ревнивому наблюденію нижней палаты за всѣми отраслями государственнаго управленія. Правительственная статья, помѣщенная недавно во всѣхъ офиціяльныхъ изданіяхъ, признаетъ, что министерство строго сообразовалось во всѣхъ своихъ расходахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые относились къ военному преобразованію, съ рѣшеніями палаты депутатовъ. Пруссія счастливо окончила войну, не прибѣгая ни къ какимъ займамъ; но, какъ справедливо напомнилъ депутатъ Твестенъ въ одномъ изъ засѣданій палаты, если дѣло обошлось безъ займовъ, то не потому чтобы министерство не желало заключить заемъ для войны, а потому что народное представительство не дало на то своего согласія. Да и самая твердость и единодушіе министерства, очевидно, поддерживаются состязаніемъ, которое оно, по необходимости, должно выдерживать съ палатой депутатовъ.

Намъ случилось уже не разъ говорить о прусской конституціи 1850 года и указывать на ея слабыя стороны. Считаемъ не лишнимъ привести вѣрное замѣчаніе вѣнской газеты *Botschafter*, которая, сравнивая конституціи прусскую и австрійскую, отдаетъ послѣдней предпочтеніе въ томъ отношеніи, что она представляетъ собою менѣе опредѣленное и менѣе законченное, съ формальной стороны, дѣло, и поэтому способна развиваться и совершенствоваться въ строгомъ соотвѣтствіи съ условіями дѣйствительности, что конечно, составлятъ одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ. Австрійская конституція не входитъ въ такое подробное и точное опредѣленіе правъ народнаго представительства, какъ конституція прусская; она вообще несравненно скромнѣе и съ перваго взгляда менѣе либеральна, но за то она обезпечиваетъ лучшій личный составъ, если не нижней палаты, избираемой сеймами, (что впрочемъ въ Австріи было необходимо), то по крайней мѣрѣ верхней, или палаты

вельможъ, какъ называютъ ее австрійскіе Славяне.

Въ общей экономіи государственныхъ властей, верхней палатѣ принадлежитъ очень важное значеніе. Недавно г. фонъ-Бисмаркъ указывалъ, въ своей рѣчи въ прусской верхней палатѣ, на то, что эта палата служитъ для государственнаго корабля какъ бы балластомъ, безъ котораго невозможно надежное и спокойное плаваніе и безъ котораго этотъ корабль не имѣлъ бы надлежащей уступчивости. Но этимъ значеніемъ балласта далеко не ограничиваются отправленія верхней палаты. Естественная роль ея заключается въ томъ, чтобы служить посредницей между нижнею палатой и короной, подавая какъ вверхъ, такъ и внизъ, равно независимый и вѣскій голосъ. Но для того чтобы верхняя палата была способна къ такой роли, требуется, чтобъ она совмѣщала въ себѣ людей, пользующихся дѣйствительнымъ авторитетомъ и вліяніемъ, и чтобъ эти знатные люди живо сочувствовали всѣмъ интересамъ и нуждамъ націи и сами раздѣляли ея симпатіи и антипатіи. Таково именно значеніе знатныхъ родовъ въ Англіи, и англійская верхняя палата служитъ краеугольнымъ камнемъ всего государственнаго зданія этой страны не столько по значенію своихъ преній, сколько по общественному положенію и вліянію своихъ членовъ, и по ихъ живымъ связямъ съ націей. Сравнивая англійскую палату лордовъ съ прусскою палатой господъ, *Saturday Review* замѣчаетъ, что англійскіе лорды, стоящіе гораздо выше членовъ прусской палаты господъ и по своему богатству, и по своему общественному вліянію, гораздо болѣе ихъ дорожатъ согласіемъ съ нижнею палатой. Еслибы, продолжаетъ англійская газета, верховная власть въ Англіи вовлеклась какимъ-нибудь несчастнымъ образомъ въ борьбу съ палатой общинъ, то вожди лордовъ употребили бы всѣ усилія, чтобы достигнуть примиренія между ними.

Но не такова прусская палата господъ, эта странная смѣсь представителей знатнѣйшихъ родовъ, профессоровъ, бургомистровъ законниковъ, — смѣсь, которая не пользуется ни уваженіемъ, ни довѣріемъ страны, и потому самому не можетъ быть ни опорой для престола, ни посредницей между имъ и палатой депутатовъ. По личному наслѣдственному праву, въ этой палатѣ засѣдаетъ лишь небольшое число лицъ, какъ-то: принцы крови и медіатизированные, нѣкогда владѣтельные, князья и графы. За тѣмъ слѣдуютъ 90 членовъ, назначаемыхъ королемъ пожизненно изъ числа лицъ выбранныхъ и представленныхъ ему собраніями графовъ и другихъ знатныхъ землевладѣльцевъ, земли которыхъ въ продолженіе по меньшей мѣрѣ ста лѣтъ постоянно находились въ ихъ родѣ, или же переходятъ изъ рода въ родъ на основаніи какого-нибудь особаго закона благопріятнаго для сохраненія нераздѣльности помѣстій. То же самое смѣшеніе началъ избранія и назначенія замѣчается и въ отношеніи къ тѣмъ членамъ прусской верхней палаты, которые служатъ представителями прусскихъ университетовъ и 29 знатнѣйшихъ городовъ. Третью, наконецъ, категорію составляютъ преимущественно юристы, а также и другія лица, назначаемыя въ верхнюю палату пожизненно по особому довѣрію короны. Незначительное развитіе наслѣдственности въ прусской верхней палатѣ, ея пестрый составъ и численное преобладаніе членовъ попадающихъ въ нее болѣе или менѣе случайно, вполнѣ объясняютъ, почему эта палата не отличается независимостью, почему она не имѣетъ почти никакого политическаго вліянія въ странѣ, и почему она не только не препятствовала столкновеніямъ между правительствомъ и палатой депутатовъ, но даже, напротивъ, содѣйствовала имъ, и сдѣлала борьбу еще болѣе ожесточенною и запутанною. До какой степени незначительна роль верхней палаты въ Пруссіи, это видно изъ того, что многіе городовые магистраты пренебрегаютъ дарованнымъ имъ правомъ представлять изъ своей среды кандидатовъ въ верхнюю палату на утвержденіе короля, и обходятся по нѣскольку лѣтъ безъ своего пера; это видно также изъ того, что въ маѣ 1855 г. понадобился законъ, которымъ отмѣнено прежнее постановленіе, что для законности рѣшенія палаты необходимо присутствіе большинства ея членовъ, и вновь указано, что для этого достаточно присутствіе всего 60-ти человѣкъ.

Важное преимущество австрійскаго устройства передъ прусскимъ заключается, какъ сказано, въ болѣе удовлетворительномъ составѣ верхней палаты имперской думы. Здѣсь началу наслѣдственности дано несравненно болѣе силы; корона предоставила себѣ назначать пожизненныхъ

членовъ только изъ числа лицъ, оказавшихъ важныя услуги государству или церкви, наукѣ или искусству. Впрочемъ, дальнѣйшее развитіе австрійскихъ представительныхъ учрежденій зависитъ отъ рѣшенія венгерскаго вопроса; если соглашеніе состоится, то, какъ справедливо надѣется *Ostdeutsche Post*, Венгерцы внесутъ съ собой новый чрезвычайно вліятельный элементъ въ обѣ сферы народнаго представительства Австріи, которое получитъ еще бо́льшее значеніе и еще бо́льшую силу.

№ 20.

Москва, 25-го января.

Задача законодательства по улучшенію быта государственныхъ крестьянъ заключается, кажется намъ, въ наипростѣйшемъ примѣненіи къ поземельному ихъ устройству Положеній 19-го февраля 1861 года и въ допущеніи притомъ возможно-большей экономической свободы. Пользуясь издавна многими изъ правъ, которыя предоставлены бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ только законодательствомъ 19-го февраля, государственные крестьяне не имѣютъ однакожъ доступа къ нѣкоторымъ изъ этихъ правъ, которыя будутъ принадлежать бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ по минованіи девятилѣтняго срока со дня изданія Положеній. Этотъ срокъ назначенъ только для огражденія помѣщиковъ и преимущественно помѣщиковъ не черноземной полосы; въ интересѣ собственно тѣхъ же помѣщиковъ установленъ и принудительный выкупъ угодій по требованію помѣщика. Теперь дѣло выкупа идетъ довольно медленно, но нельзя не предвидѣть, что къ концу девятаго года оно должно принять въ сѣверовосточной части Имперіи весьма значительные размѣры. Многіе изъ крестьянъ, которые удовольствовались бы выкупомъ усадебъ, будутъ такимъ образомъ принуждены выкупать угодья, и выкупая ихъ по неволѣ, они будутъ надолго прикрѣплены къ землѣ, а слѣдовательно стѣснены въ своей личной и имущественной свободѣ. Уже для равновѣсія экономической жизни необходимо восполнить это стѣсненіе свободы на одной сторонѣ бо́льшимъ развитіемъ ея на другой сторонѣ, именно въ бытѣ крестьянъ государственныхъ. Тутъ повидимому не представляется ни одного изъ тѣхъ соображеній, которыя побудили законодательство принять девятилѣтній срокъ для допущенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ къ пользованію извѣстными правами. Напротивъ, предоставивъ эти права теперь же государственнымъ крестьянамъ, законодательство приготовило бы экономическій бытъ страны къ перенесенію потрясеній предстоящихъ ему по истеченіи девятилѣтняго срока, уже приближающагося. Оно внесло бы постепенность въ этотъ кризисъ, который не можетъ не быть сопряженъ съ потрясеніями, хотя и будетъ имѣть самыя плодотворныя послѣдствія для правильнаго развитія сельскаго хозяйства и для лучшаго распредѣленія земледѣльческихъ населеній въ Россіи. Точно также, кажется намъ, затруднительныя условія, установленныя законодательствомъ для выкупа усадебъ отдѣльными хозяевами безъ выкупа угодій, могутъ имѣть справедливое и раціональное основаніе только по отношенію къ бывшимъ помѣщичьимъ, а не къ государственнымъ крестьянамъ. Эти послѣдніе платятъ сравнительно умѣренные оброки; поэтому никакъ нельзя ожидать, чтобы многія общины государственныхъ крестьянъ стали уклоняться отъ принятія за себя участковъ тѣхъ крестьянъ, которые отказывались бы отъ угодій, оставляя за собой одну усадьбу, и потому участки, которые такимъ образомъ поступали бы въ распоряженіе казны, очень можно было бы продавать съ аукціоннаго торга, даже не превращая ихъ въ оброчныя статьи. Вообще переходъ усадебъ казенныхъ крестьянъ въ личную собственность не встрѣтилъ бы тѣхъ препятствій, которыя имѣлись въ виду при составленіи законовъ о бывшихъ крѣпостныхъ крестьянахъ, а съ другой стороны онъ принесъ бы огромную пользу всему экономическому быту страны, расширивъ благотворное дѣйствіе начала имущественной свободы. Мы тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ указываемъ на этотъ важный пунктъ въ дѣлѣ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ, что, если не ошибаемся, само министерство государственныхъ имуществъ предполагаетъ допустить значительныя льготы по выкупу усадебной осѣдлости, и съ этою цѣлію находитъ возможнымъ назначить весьма умѣренную оцѣнку усадебной земли, и открыть доступъ къ выкупу усадебъ не только крестьянамъ, но и вдовамъ не

имѣющимъ дѣтей, а также разночинцамъ, вышедшимъ изъ крестьянскаго званія и оставшимся на жительствѣ въ своихъ селеніяхъ. Кромѣ селеній торговыхъ и промышленныхъ, гдѣ оцѣнка усадебъ можетъ быть выше нормы, средняя усадьба въ 600 кв. сажень цѣнилась бы на основаніи предположеній министерства государственныхъ имуществъ, сколько намъ извѣстно, приблизительно около 15 р., цѣна умѣренная, за которую нашлось бы не мало охотниковъ пріобрѣтать усадьбы въ полную собственность. Но при этомъ, для ускоренія дѣла, что весьма желательно, никакъ не слѣдовало бы, кажется, прибѣгать къ кадастровой оцѣнкѣ. Къ чему такая обуза, когда можно опредѣлить доходность усадебной земли весьма удобно и просто, взявъ $^3/_4$ оброка, слѣдующаго по Положеніямъ за первую десятину надѣла, и капитализируя полученную такимъ образомъ сумму изъ 5%?

Платя 15 руб. за право распоряжаться усадьбой какъ полною собственностію, государственный крестьянинъ будетъ очень хорошо понимать, что онъ покупаетъ этою цѣной. Это будетъ не выкупъ земли, — что государственный крестьянинъ едва ли бы когда-нибудь понялъ, — а покупка права свободно распоряжаться своею усадьбой, владѣть ею независимо отъ міра, закладывать и продавать ее лицамъ всѣхъ сословій. Какъ важно это право, всякій крестьянинъ легко пойметъ, и можно съ увѣренностію сказать, что половина государственныхъ крестьянъ въ самые первые годы по обнародованіи подобной мѣры поспѣшили бы воспользоваться ею, вслѣдствіе чего казна могла бы получить дохода до 35 милліоновъ рублей. Это была бы хорошая подмога постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, столь нужныхъ намъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это побудило бы крестьянъ къ сбереженіямъ, не менѣе нужнымъ для исправленія нашего экономическаго быта.

За тѣмъ оставался бы вопросъ объ угодьяхъ, вопросъ трудный и сложный, требующій очевидно сочетанія многихъ мѣръ для своего разрѣшенія. Эти мѣры могутъ быть весьма разнообразны; о нихъ можно очень много разсуждать и спорить съ разныхъ сторонъ. Но одно, кажется, не подлежитъ тутъ сомнѣнію: невозможность положить въ основаніе этихъ мѣръ начало выкупа, и въ особенности выкупа по оцѣнкѣ. Какъ тутъ несвойственъ выкупъ, можно видѣть изъ того, что даже выкупъ повинностей былъ бы государственнымъ крестьянамъ навѣрное не понятенъ. Съ выкупомъ повинностей связано ихъ возвышеніе: но какъ убѣдить крестьянъ къ добровольному возвышенію оброка или даже къ единовременнымъ приплатамъ, когда плоды этихъ пожертвованій, — если только пожертвованія будутъ умѣренныя, — могутъ оказаться лишь черезъ 47 или 49 лѣтъ? Мы видимъ, какъ мало пристрастія чувствуютъ къ выкупу бывшіе помѣщичьи крестьяне, несмотря на то что для нихъ ежегодные платежи при выкупѣ значительно понижаются.

Мы уже говорили о несостоятельности выкупа въ принципѣ. Говорить ли о матеріяльныхъ затрудненіяхъ для правильной оцѣнки и учета поземельныхъ доходовъ съ 66 милліоновъ десятинъ удобной земли, кромѣ $12^1/_2$ милліоновъ десятинъ лѣса, находящихся въ постоянномъ пользованіи государственныхъ крестьянъ? Говорить ли о неизбѣжной неточности оцѣнки вычисляющей доходность земли по урожаю, со скидкой отъ 25 до 40% съ валоваго дохода на издержки обработки, тогда какъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ стоимость обработки не рѣдко составляетъ гораздо болѣе половины цѣнности урожая за вычетомъ сѣмянъ? Говорить ли о невозможности повѣрить эти вычисленія посредствомъ сравненія ихъ результата съ наемными *современными* цѣнами? Говорить ли еще о томъ, что даже постановивъ правиломъ, чтобъ оброчная плата не превышала $^3/_4$ вольной наемной цѣны, законодательство не оградило бы крестьянъ отъ слишкомъ тяжкихъ и даже прямо несправедливыхъ повинностей, такъ какъ оброчная плата, установленная въ пользу помѣщиковъ на основаніи сличенія употребительныхъ оброковъ, не превышаетъ 3 рублей въ такихъ мѣстахъ гдѣ наемныя цѣны доходятъ до 5 и 6 рублей кругомъ во всѣхъ трехъ поляхъ? Говорить ли далѣе объ экономическихъ послѣдствіяхъ, которыя могли бы произойдти для страны, еслибы дѣйствительно государство явилось собственникомъ, раздающимъ половинѣ всего земледѣльческаго населенія десятки милліоновъ десятинъ, на основаніяхъ частнаго хозяйства? Говорить ли наконецъ о томъ, какіе размѣры должна бы принять въ такомъ случаѣ администрація и какъ невозможно было бы контролировать исполнителей? Не достаточно ли выставить на

видъ только сказанное нами прежде, что такой порядокъ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ діаметрально расходился бы съ самыми существенными основаніями Положенія 19-го февраля? На срочно-обязанныхъ крестьянахъ оставлены существовавшіе въ дѣйствительности оброки „ни въ какомъ случаѣ не увеличиваемые“, а оброчная подать государственныхъ крестьянъ, превратившаяся въ арендную плату (опредѣленную въ $^1/_3$ оцѣночнаго, то-есть валоваго, за вычетомъ издержекъ на обработку, дохода, возвысилась бы отъ 25 до 75, до 100 и еще болѣе процентовъ. Вмѣсто ясныхъ основаній, заключающихся въ существующемъ фактѣ отбываемыхъ повинностей, было бы допущено опредѣленіе оброка соотвѣтственно оцѣнкѣ, производимой чиновниками,—оцѣнкѣ, которая вполнѣ зависѣла бы отъ нихъ и даже въ случаѣ совершенной вѣрности и справедливости, не имѣла бы ничего общаго съ даннымъ фактическимъ положеніемъ.

Въ пользу подобной системы оброковъ и выкупа, можно было бы указать на то обстоятельство, что теперешніе оброки государственныхъ крестьянъ и выкупныя суммы, исчисленныя на ихъ основаніи согласно Положеніямъ 19-го февраля, вообще значительно ниже тѣхъ, которыя, какъ указалъ по нѣкоторымъ губерніямъ опытъ, даютъ кадастровыя оцѣнки. Но такія соображенія, даже если не признавать несостоятельности самаго принципа выкупа, уравновѣшиваются другими соображеніями, какъ напримѣръ тѣмъ, что, при выкупѣ по требованію помѣщика, выкупная сумма понижается на 20%, что вообще выкупныя свидѣтельства имѣютъ цѣнность до 20% ниже ихъ нарицательной цѣны, что по выкупнымъ платежамъ уже теперь успѣли составиться значительныя недоимки, и проч.

№ 21.

Москва, 26-го января.

Лондонскія газеты извѣщаютъ, что лордъ Пальмерстонъ разослалъ приглашенія ко всѣмъ членамъ министерской партіи, чтобъ они не замедлили явиться въ парламентъ, такъ какъ въ первыя же засѣданія, послѣ его открытія, правительство намѣревается обратиться къ нему съ важными предложеніями. Какія же важныя предложенія имѣетъ англійское правительство сдѣлать въ настоящее время парламенту? Едва ли можно предположить, чтобы дѣло тутъ шло о какомъ-либо изъ важныхъ вопросовъ внутренней политики Англіи. Было бы удивительно, еслибы въ послѣднюю сессію нынѣшняго парламента, почти наканунѣ новыхъ выборовъ, когда въ странѣ не замѣчается особенно сильной агитаціи въ пользу парламентской реформы,—было бы удивительно, еслибы правительство выступило теперь съ какимъ-нибудь подобнымъ проектомъ. Гораздо вѣроятнѣе, что важнѣйшія изъ преній нынѣшней сессіи будутъ относиться къ вопросамъ не внутренней, а внѣшней политики. Въ Европѣ на первомъ планѣ стоитъ теперь вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій; но этотъ вопросъ, со времени отдѣленія Шлезвигъ-Гольштейна отъ Даніи, остался жгучимъ вопросомъ только для Пруссіи, Австріи и Германіи; онъ пересталъ быть таковымъ для Франціи, Россіи и особенно для Англіи. Очень можетъ быть, что ему суждено еще стать вопросомъ европейскимъ; поводомъ къ тому легко можетъ послужить или властолюбіе Пруссіи и возбужденное имъ неудовольствіе меньшихъ государствъ Германіи, которымъ, безъ сомнѣнія, постарается воспользоваться Франція, или, даже помимо этихъ столкновеній, будущая судьба собственно Шлезвига, и преимущественно сѣверной датской части его. Судя по заявленіямъ полуофиціяльной копенгагенской газеты *Berlingske Tidente*, Данія не перестала еще думать о возвращеніи себѣ сѣверной части Шлезвига. Включеніе всего Шлезвига въ составъ Германскаго Союза не можетъ не вызвать протеста со стороны европейскихъ державъ. Распространеніе же на Шлезвигъ покровительства Германскаго Союза, по всей вѣроятности, не было бы согласно съ видами Пруссіи, потому что затѣмъ не было бы причины отказывать въ подобномъ покровительствѣ и негерманскимъ владѣніямъ Австріи. Наконецъ гарантировать владѣнія будущаго герцога Шлезвигъ-Гольштейнскаго едва ли согласятся не только Австрія, но даже и Пруссія, предполагая, что послѣдней не удалось бы тамъ пріобрѣсти себѣ особенныхъ выгодъ. Такимъ образомъ, шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ очень можетъ возродиться въ качествѣ вопроса европейскаго, и европейскія державы будутъ еще имѣть время сказать о немъ

свое послѣднее слово; но теперь, пока, это еще „нѣмецкая распря“, о которой едва ли будетъ идти много рѣчи въ британскомъ парламентѣ и относительно которой едва ли возможно ожидать какихъ-либо важныхъ сообщеній или предложеній со стороны британскаго правительства.

Вопросъ римскій, возбужденный конвенціей 15-го сентября, безспорно принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ. Повидимому, все предвѣщаетъ, что онъ будетъ разрѣшенъ на точномъ основаніи этой конвенціи. Въ офиціяльныхъ сферахъ Италіянскаго королевства, не только теперь, но и во времена графа Кавура, сознавались всѣ трудности и неудобства перенесенія столицы въ Римъ. Клики и толки о Римѣ, какъ естественной столицѣ Италіи,—имѣли цѣлью устранить преждевременное соперничество между главными городами различныхъ областей Италіи и дать время окрѣпнуть такъ недавно пробудившемуся чувству національнаго единства. Обращеніе Рима въ столицу Италіи, какъ мы читаемъ въ политической брошюрѣ, написанной нынѣшнимъ италіянскимъ министромъ публичныхъ работъ, г. Ячини, еще до вступленія его въ министерство,—обращеніе Рима въ столицу Италіи могло бы имѣть одно изъ двухъ равно неблагопріятныхъ послѣдствій для королевства Италіянскаго: или папа выѣхалъ бы изъ предѣловъ Италіи, и какъ жертва, возбудилъ бы въ цѣломъ католическомъ мірѣ величайшую непріязнь къ новому королевству,—непріязнь, которая сильно обнаружилась бы даже въ самой Франціи и которой не могло бы противостоять даже французское правительство; или же онъ остался бы въ Римѣ, рядомъ съ королемъ Италіи, но съ тѣмъ, чтобы вполнѣ подчинить его своему нравственному вліянію, наполнить сенатъ Италіи кардиналами, и т. д. Въ такомъ случаѣ положеніе королевской власти въ Италіи было бы очень неблагопріятно, и она, волей или неволей, принуждена была бы вступить на тотъ путь уступокъ клерикальнымъ притязаніямъ, какимъ шли неаполитанскіе Бурбоны. Такимъ образомъ, благоразумные патріоты Италіи добровольно отрекаются отъ Рима, какъ отъ столицы новаго своего королевства, и желаютъ только того, чтобы Римъ и Папская Область не раздѣляли собою Южной Италіи отъ Сѣверной, и сами принадлежали бы къ Италіянскому королевству. Перенося столицу во Флоренцію, Италія нисколько не отрекается отъ Рима, и надѣется завладѣть имъ по выходѣ французскихъ войскъ, но мало-по-малу, и по возможности, безъ шума и безъ насилія. Вотъ смыслъ конвенціи 15-го сентября, какъ ее толкуютъ, по крайней мѣрѣ, въ самой Италіи. Если въ этомъ смыслѣ она будетъ осуществлена, то папство, нѣтъ сомнѣнія, должно будетъ преобразиться. Но какъ ни важенъ этотъ вопросъ для цѣлой Европы, англійскій парламентъ едва ли много будетъ имъ заниматься.

Въ связи съ конвенціей 15-го сентября съ новою силой возникъ-было вопросъ о Венеціи,—вопросъ, который, повидимому, постараются сначала, если не разрѣшить, то по крайней мѣрѣ расшевелить съ помощью революціонныхъ попытокъ, которыя заготовляются къ веснѣ, можетъ-быть и не безъ вѣдома Англіи. Но во всякомъ случаѣ у Англійскаго правительства будетъ подъ рукою вопросъ, несравненно болѣе близкій и настоятельный—именно вопросъ сѣвероамериканскій, и къ нему-то всего скорѣе могутъ относиться тѣ важныя предложенія, для обсужденія которыхъ лордъ Пальмерстонъ приглашаетъ всѣхъ членовъ своей партіи къ самому началу парламентской сессіи.

Несмотря на всѣ успѣхи Сѣверныхъ штатовъ Америки, несмотря на совершенное почти истощеніе силъ Юга и на кажущуюся близость конца ихъ междуусобной борьбы, въ Англіи дѣлаютъ видъ, какъ будто бы этой войнѣ суждено продолжаться безъ конца, и если окончиться, то развѣ съ истребленіемъ всего населенія Юга. Замѣчательно, что этого мнѣнія держатся не только либеральные, но и оппозиціонные органы англійской журналистики, и послѣдніе еще гораздо болѣе чѣмъ первые, изъ чего слѣдуетъ, что на поддержаніе американскаго междуусобія, или по крайней мѣрѣ на раздробленіе Штатовъ, въ Англіи смотрятъ какъ на важный національный вопросъ. Консервативный *Morning Herald*, въ статьѣ, которую мы приводимъ ниже, старается доказать, что сѣверо-американскія междуусобія сами по себѣ нескончаемы, и что для прекращенія напраснаго кровопролитія необходимо вмѣшательство морскихъ европейскихъ державъ,—вмѣшательство, къ которому, по словамъ упомянутой газеты, особенно склонна Франція и которое могло бы выразить-

ся въ признаніи Линкольна президентомъ тѣхъ только штатовъ, которые участвовали въ его избраніи, и Джефферсона Девиса президентомъ штатовъ отдѣлившихся. „Если Англія и Франція, говоритъ *Morning Herald*, признаютъ фактъ существованія особой Южной Конфедераціи, то Сѣверные штаты будутъ также въ состояніи допустить этотъ фактъ, не чувствуя никакого униженія; иначе Сѣверу не будетъ предстоять иного выбора, какъ только упорствовать въ его усиліяхъ, направленныхъ къ совершенному подавленію этого новаго государства.“. Такимъ образомъ органъ консервативной англійской партіи думаетъ даже оказать нѣкотораго рода услугу самому Сѣверу, проповѣдуя признаніе Юга уже не въ качествѣ особаго независимаго государства. Нечего сказать: примѣрная доброжелательность и образцовое миротворчество! Вслѣдъ за тѣмъ *Morning Herald* настаиваетъ на признаніи Юга въ такихъ рѣзкихъ и непріязненныхъ для нынѣшняго англійскаго правительства выраженіяхъ, какія не часто встрѣчаются въ англійской печати. Можно подумать, что консервативная партія къ началу новой парламентской сессіи готовится дать генеральное сраженіе администраціи лорда Пальмерстона именно на почвѣ сѣверо-американскихъ междуусобій. Какъ будетъ защищаться и будетъ ли защищаться лордъ Пальмерстонъ, разыграется ли борьба партій или дѣло удалится мирно, это мы скоро увидимъ. Но можно полагать, что если Англія и признаетъ Южную Конфедерацію, то въ непродолжительномъ затѣмъ времени все-таки послѣдуетъ разрывъ между ею и Сѣверными штатами, которые постараются, такъ или иначе, помириться съ Южными, для того чтобъ употребить всѣ свои силы противъ главнаго врага своего: противъ Англіи.

№ 22.

Москва 27-го января,

Будущій историкъ нашего времени, посреди разныхъ характеризующихъ его явленій, съ изумленіемъ остановится передъ тою неслыханною игрой, которую ведутъ теперь ловкіе люди передъ публикой, нисколько не стѣсняясь, и даже пользуясь ея присутствіемъ. Историка поразитъ та неутомимость и увѣренность, съ которыми эти люди ведутъ свою игру, и онъ будетъ съ напряженнымъ интересомъ разыскивать, кого же и какими путями хотѣли обмануть эти искусные люди. Повѣсть о томъ какъ Яго опутывалъ своими сѣтями великодушнаго и довѣрчиваго Отелло исполнена глубокаго интереса: во сколько же кратъ интересъ долженъ быть сильнѣе, когда дѣло идетъ не о вымыслѣ, не о потаенной темной интригѣ, въ которой замѣшана участь одного или нѣсколькихъ лицъ, а о мистификаціи, имѣющей предметомъ своимъ дѣла цѣлой страны, и нагло передергивающей свои карты передъ глазами цѣлаго міра! Мистификація, о которой мы говоримъ, имѣетъ своимъ предметомъ русскія дѣла, и разчетъ игроковъ основанъ на особыхъ обстоятельствахъ, характеризующихъ въ настоящее время русскія дѣла. Публичность есть у насъ элементъ только что народившійся; она имѣется у насъ лишь на столько, чтобы давать чувствовать свое отсутствіе. У насъ бываютъ лишь нѣкоторые проблески публичности, но солнце публичности еще не всходило. Вотъ этому-то состоянію неполной публичности, этому-то полусвѣту и, стало-быть, полумраку, въ которомъ дѣла наши находятся,—этой неопредѣленности и зыбкости тѣней и освѣщеній, этой безднѣ недоразумѣній, отсюда происходящихъ, обязана своимъ началомъ и отвагой своихъ разчетовъ та интрига, которой подвергаются теперь русскія дѣла и которая издѣвается надъ русскою публикой.

Кого-то изъ насъ хотятъ увѣрить, что Русскій народъ въ своемъ государствѣ есть не больше какъ партія, притомъ весьма дурнаго свойства, именуемая ультра-русскою, что забота о сохраненіи единства и цѣлости Русскаго государства есть въ Русскомъ государствѣ односторонность и крайность, весьма вредная, и именуемая ультра-патріотизмомъ. Затѣмъ, кого-то изъ насъ хотятъ увѣрить, что все явно или тайно враждебное Русскому государству въ Русскомъ государствѣ,—все анти-русское, все клонящееся къ расторженію или ослабленію государственнаго единства, къ подавленію и раздробленію Русскаго народа, къ подрыву его органическихъ силъ, къ пресѣченію ему путей правильнаго и плодотворнаго развитія,—все это есть партія либеральная, партія прогресса, которой слѣдуетъ въ Россіи господствовать. За-

тѣмъ, что еще дѣлаютъ эти игроки? Они берутъ великія имена, и съ неслыханною дерзостью дѣлаютъ эти имена символомъ этой такъ-называемой ими либеральной партіи, всего анти-русскаго, всего что только есть въ Россіи чуждаго русскому народу и непріязненнаго Русскому государству, — символомъ идей и стремленій, возмущающихъ до глубины гражданское чувство всякаго честнаго и мыслящаго человѣка въ Россіи. Какъ же они поступаютъ для достиженія такой цѣли? Пользуясь скудостью публичности въ нашихъ дѣлахъ, они не отступаютъ ни передъ какою ложью, ни передъ какимъ подлогомъ, ни передъ какою чудовищностью, для того чтобы выставить всякое проявленіе русскаго національнаго чувства, всякій голосъ служащій органомъ очевидныхъ простому здравому смыслу интересовъ Русскаго государства, какъ нѣчто враждебное и оскорбительное лицамъ, которымъ національныя и государственныя пользы Россіи не могутъ не быть особенно близки къ сердцу. Такимъ образомъ, съ усиліемъ и настойчивостью, достойными лучшаго дѣла, они поучаютъ во всеуслышаніе, что говорить и дѣйствовать въ смыслѣ русской національности и русскаго патріотизма значитъ не только быть дурною и зловредною партіею, которой они даютъ имя ультра-русской или ультра-патріотической, но и быть еще органомъ какого-то безсмысленнаго, чудовищнаго, невозможнаго личнаго антагонизма, и что защищать русскіе интересы отъ зла явнаго или тайнаго, отъ враговъ внутреннихъ или внѣшнихъ, значитъ оскорблять достоинство высоко-чтимыхъ въ Россіи именъ. Чтобъ уронить имена неприкосновенныя, чтобы фальшиво представить ихъ обществу въ антагонизмѣ со всѣмъ что только есть въ Россіи русскаго, они придумали такое средство: они выдаютъ себя ихъ защитниками и ревнителями; высоко стоящія лица, которыя не могутъ имѣть ничего общаго съ ихъ тайными умыслами, они окружаютъ коварными изъявленіями своего сочувствія и лицемѣрной преданности; и стараются произвести на публику впечатлѣніе, что между ними и этими лицами есть солидарность. Какъ способны они дѣйствовать путями тайной интриги, объ этомъ можно заключать изъ того, какъ они дѣйствуютъ въ сферѣ гласности, на виду у всѣхъ. Они пишутъ памфлеты, оскорбительные не для тѣхъ, на кого они нападаютъ, а для тѣхъ, кого они лукаво чествуютъ. Подъ предлогомъ апологіи высоко-стоящаго лица, подъ предлогомъ защиты его отъ небывалыхъ и ими самими нагло выдуманныхъ оскорбленій, они излагаютъ возмутительныя и ядовитыя ученія, ругаются надъ истиной и здравымъ смысломъ, ругаются надъ русскимъ обществомъ, надъ русскимъ правительствомъ, и цинически щеголяютъ своею недобросовѣстностью. Чѣмъ безчестнѣе обнаруживаются они сами, тѣмъ болѣе у нихъ разчета компрометтировать собою имена, за которыя они прячутся, и которыя въ то же время они осмѣливаются брать подъ свою защиту. Пользуясь сумракомъ производимыхъ ими смутъ и недоразумѣній въ общественномъ мнѣніи, эти люди добиваются двоякой цѣли: они хотятъ провозить свою контрабанду подъ флагомъ, на который не имѣютъ никакого права, и въ то же время, съ другой стороны, своею контрабандою безславить этотъ флагъ. Умышленно возбуждая своими поступками и замыслами, цинически выставляемыми на показъ, всеобщее негодованіе въ людяхъ честныхъ, они прячутся за этотъ флагъ, и относятъ не къ себѣ, а къ нему, выраженія возбуждаемаго ими негодованія. Вотъ ихъ тактика, и вотъ какимъ образомъ они разчитываютъ плодить у насъ печальныя смуты и недоразумѣнія...

Памфлетъ, возбудившій столь справедливое негодованіе въ Россіи, продолжаетъ выходить въ свѣтъ. Онъ продолжаетъ писаться подъ видомъ корреспонденцій, высылаемыхъ изъ Петербурга въ брюссельскую газету *Indépendance belge*. Ловкая рука въ нашей сѣверной столицѣ подготовляетъ матеріялы, и матеріялы эти обдѣлываетъ въ Брюсселѣ другая рука предлагающая свои услуги и свою опытность по части французскаго слога всѣмъ антирусскимъ партіямъ въ Россіи. Намъ не рѣдко случалось упоминать объ этихъ петербургскихъ корреспонденціяхъ брюссельской газеты: въ нихъ тотъ же духъ, тотъ же стиль, и та же тактика, что и въ памфлетѣ, Шедо-Ферроти. Какъ въ томъ памфлетѣ, такъ и въ этихъ корреспонденціяхъ постоянно являются два предмета, около которыхъ все группируется: одно высокое лице, поставляемое ими во главу *либеральной* партіи, и *Московскія Вѣдомости* какъ выраженіе того что остроумные авторы этихъ корреспонденцій называютъ ультра-русскою или ультра-патріотическою пар-

тіей, и въ то же время какъ органъ русскаго правительства. Изъ намековъ этихъ корреспонденцій довольно основательно можно заключать, что какъ русскій народъ, къ которому собственно относится титулъ ультра-русской партіи, такъ и само русское правительство, поскольку оно не отдѣляетъ себя отъ него и дѣйствуетъ въ національномъ смыслѣ, исполнены мятежнаго духа. Мы припоминаемъ при этомъ, какъ авторы этихъ самыхъ корреспонденцій, въ прошломъ году, по случаю свиданія двухъ императоровъ въ Ниццѣ, высказывали убѣжденіе, что Русскій Государь еще не можетъ разчитывать на дружеское рукопожатіе со стороны избранника поголовной подачи голосовъ...

На этихъ дняхъ русская публика, читающая французскія газеты, читала въ *Indépendance belge* ея петербургскую корреспонденцію о недавно происходившемъ въ Москвѣ дворянскомъ собраніи. Мы знаемъ тѣ ограниченія, которыя полагаются закономъ для нашей печати, и твердо держимся ихъ. Мы сообщали объ этомъ собраніи лишь только то что допускалось къ печати. Мы не входили ни въ какія обсужденія и оцѣнки, мы избѣгали даже всякихъ намековъ. Мы не считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣло, къ которому печать еще не призвана. Но мы считаемъ себя обязанными сказать теперь нѣсколько словъ по поводу вышеупомянутой корреспонденціи. Само собою разумѣется, что и здѣсь на первомъ планѣ является то же самое высоко стоящее лицо, чье имя постоянно злоупотребляется въ этихъ корреспонденціяхъ. Точно также являются на сцену и *Московскія Вѣдомости*, особенно имя одного изъ издателей этой газеты. Затѣмъ является московское дворянство, которое характеризуется тѣми же чертами, какими характеризовалось оно въ петербургской газетѣ *Голосъ*, но съ дополненіями, которыя были бы неудобны въ русской печати. Изъ петербургскихъ корреспондентовъ бельгійской газеты оказывается, что совѣщанія, происходившія въ московскомъ дворянскомъ собраніи, были не что иное какъ демонстрація.... Нельзя ничего представить себѣ наглѣе той лжи, какою исполнена эта корреспонденція. Надо при этомъ замѣтить, что тѣ же самыя сообщенія, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, были сдѣланы въ нѣкоторыя нѣмецкія газеты, особенно въ *Кельнскую Газету*. Въ этихъ сообщеніяхъ значится, что московское дворянство, дабы придать особенную силу своей демонстраціи, будто бы постановило подать адресъ князю П. П. Гагарину, предсѣдательствовавшему въ государственномъ совѣтѣ, и что будто этотъ адресъ не состоялся только потому что князь Гагаринъ отклонилъ отъ себя эту честь. Тогда будто бы московское дворянство избрало орудіемъ своихъ демонстрацій *Московскія Вѣдомости*, и преимущественно одного изъ ихъ издателей, и съ этою цѣлію его позировали, ему приготовляли банкеты.... „*que sais-je, toute une kyrielle d'ovations.*“ Наконецъ въ эту исторію вовлекается и генералъ-губернаторъ московскій, и въ довершеніе всего сообщается, что рѣчь произнесенная имъ при открытіи дворянскихъ выборовъ была написана для него „корифеями партіи *Московскихъ Вѣдомостей*“, то есть издателями этой газеты. Эти интересные факты какъ нельзя лучше дополняютъ исторію нашихъ дѣяній, изложенную въ памфлетѣ: *Que fera-t-on de la Pologne?* гдѣ повѣствуется о томъ, какъ мы назначили (nommé) М. Н. Муравьева въ должность главнокомандующаго войсками и генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края. Нѣтъ сомнѣнія, что эти господа не безъ цѣли прибѣгаютъ къ чудовищнымъ нелѣпостямъ. Это входитъ въ ихъ тактику.

Разумѣется, они относятъ московское дворянство къ ультра-русской или ультра-патріотической партіи, и сопоставляютъ его съ партіей ультра-революціонной (ультра-революціонной!), какъ крайность не менѣе, если не болѣе вредную. „Два года тому назадъ, сказано въ корреспонденціи, шумливое меньшинство честныхъ, но восторженныхъ молодыхъ людей, явились у насъ распространителями *ультра-революціонныхъ* теорій. Въ настоящую же минуту мѣсто нашихъ ультра-революціонеровъ заняли наши ультра-патріоты.“ Ультра-революціонеры были честные молодые люди, которымъ не доставало только опытности чтобы стать просто революціонерами безъ дополнительнаго *ультра*. Что же касается до ультра-патріотической партіи, то въ ней, кромѣ купечества и гостинодворцевъ, людей очень дурнаго свойства, какъ учитъ въ своемъ памфлетѣ г. Шедо-Ферроти, теперь оказывается еще русское дворянство. „Это, говорятъ авторы петербургской корреспонденціи, старая партія дворянъ

не довольныхъ *демократическими и военными* (!) тенденціями нынѣшнаго царствованія. Въ эпоху крестьянской эманципаціи, эта партія не смѣла выражать свое неудовольствіе, а теперь она пытается, подъ прикрытіемъ своего ультра-патріотизма, возвратить свое вліяніе на правительство". Это не то что честные ультра-революціонеры. О русскомъ дворянствѣ авторы этой корреспонденціи разказываютъ ужасы, которые до сихъ поръ оставались неизвѣстны исторіи. Въ своихъ отзывахъ о русскомъ дворянствѣ авторы корреспонденціи превзошли самихъ себя. Они оставили далеко за собою все то, что̀, годъ тому назадъ печаталось о Россіи въ закупленныхъ Поляками журналахъ. Calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose.

Нынѣшнія дворянскія совѣщанія происходили публично; на нихъ присутствовали многія тысячи людей и съ участіемъ слѣдили за ихъ развитіемъ. Всякій можетъ засвидѣтельствовать, что въ этомъ собраніи своемъ московское дворянство было исполнено того же самаго духа, съ какимъ, въ апрѣлѣ 1863 года, оно подписывало свой адресъ. Въ этомъ многочисленномъ собраніи были лица всевозможныхъ свойствъ и воззрѣній были лица занимающія или занимавшія важныя государственныя должности, были лица испытанныя въ преданности Государю и Россіи,— и что же? Мы можемъ утвердительно сказать, что во всемъ этомъ собраніи не было ни одного человѣка, который протестовалъ бы или могъ бы по совѣсти протестовать противъ духа господствовавшаго въ этомъ собраніи. Мы обязаны сказать это здѣсь, въ мѣстѣ, когда враги наши въ своихъ корреспонденціяхъ такъ безславятъ насъ передъ Европой, разчитывая на молчаніе нашей печати. Никогда русское дворянство не было болѣе свободно отъ духа сословной исключительности и отъ какихъ-либо своекорыстныхъ разчетовъ; никогда оно не было такъ мало наклонно сожалѣть о совершившейся великой реформѣ и роптать о своихъ потеряхъ; никогда не было оно одушевлено въ большей степени искреннею преданностію своему Государю.

№ 23.

Москва, 28-го января.

Обращаемъ вниманіе читателей на помещенную ниже статью „Русскаго Рижанина". Въ этой статьѣ они найдутъ сильное подтвержденіе того что̀ было сказано въ № 10 *Московскихъ Вѣдомостей* о необходимости оградить въ Ригѣ равноправность русскаго языка съ языкомъ нѣмецкимъ. Авторъ, назвавшій себя „Русскимъ Рижаниномъ", поставилъ вопросъ совершенно вѣрно. Рѣчь идетъ вовсе не о стѣсненіи правъ нѣмецкаго языка, не объ ограниченіи той терпимости, которую ему оказываетъ Русское государство, и противъ которой никто не возражаетъ, а только объ ограниченіи нѣмецкой нетерпимости по отношенію къ языку русскому. Съ одной стороны передъ нами притязанія нѣмецкаго языка на господство; съ другой стороны—домогательство, имѣющее цѣлью лишь свободу безъ всякаго желанія господствовать. Еслибъ это домогательство шло и не отъ Русскихъ, то нельзя было бы не сказать, что всякій истинный другъ свободы и терпимости долженъ ему сочувствовать. „Русскій Рижанинъ" имѣлъ полное право назвать извращеніемъ дѣла куріозную, не извѣстно на кого разчитанную стратагему газеты *Голосъ*. Увѣщевая русскихъ Рижанъ въ необходимости оказывать до поры до времени нѣмецкому языку терпимость, газета *Голосъ* какъ бы внушаетъ читателю мысль, что русскіе Рижане дѣйствуютъ въ духѣ нетерпимости, они, которые за терпимость русскаго языка только и борются. Но мало того: газета *Голосъ*, уговаривая русскихъ Рижанъ повременить отмѣной терпимости, которою пользуется въ Ригѣ нѣмецкій языкъ, и вслѣдствіе того не настаивать на оказаніе въ Ригѣ терпимости языку русскому, то есть дѣлая изворотъ, несомнѣнно свидѣтельствующій о готовности служить не русскому, а нѣмецкому дѣлу, въ то же время сама сознается, что, по ея мнѣнію, нѣмецкій языкъ не имѣютъ никакого права, на терпимость въ Ригѣ. Газета *Голосъ* идетъ въ этомъ случаѣ дальше чѣмъ какая-либо русская газета, даже изъ тѣхъ, которыя въ недавнее время удостоились получить прозвище газетъ ультра-русскихъ и ультра-патріотическихъ. Откуда же взялся такой крайній радикализмъ въ теоріи ря-

домъ съ такою уступчивостью въ практикѣ?

Это напоминаетъ намъ сходную тактику по вопросу о цензурѣ. Когда заходила рѣчь о какомъ-нибудь, хотя бы весьма скромномъ улучшеніи положенія русской печати, напримѣръ о факультативномъ освобожденіи отъ цензуры безъ устраненія административнаго надзора, возражатели нападали на подобныя предположенія какъ на нѣчто ретроградное: намъ-де нужна полная свобода печати, совершенное устраненіе административнаго вмѣшательства въ дѣло мысли и разумѣнія, подчиненіе печати совершенно независимому суду, дѣйствующему на основаніи либеральнаго закона; вотъ-де о чемъ слѣдуетъ хлопотать, а не о микроскопическомъ улучшеніи, которое было бы не шагомъ, а жалкимъ шажкомъ впередъ. Но когда заходилъ вопросъ о практическомъ совершеніи того, что позволительно было бы назвать не шажкомъ, а шагомъ, то горячіе защитники свободной печати, элегически улыбаясь, отвѣчали вопросомъ: развѣ вы не понимаете, что это теперь невозможно? Стало-быть, всего лучше сидѣть сложа руки. Точно также поступаютъ служители нашей „либеральной“, то-есть не ультра-русской и не ультра-патріотической партіи съ русскими Рижанами. Стоитъ ли домогаться терпимости для русскаго языка въ рижскомъ городскомъ дѣлопроизводствѣ? Вѣдь Русское государство имѣетъ полное право совершенно уничтожить (sic!) нѣмецкое дѣлопроизводство и притомъ не въ одной Ригѣ, а въ цѣломъ Остзейскомъ краѣ. Со временемъ такъ и будетъ; дѣла сами собой непремѣнно приведутъ къ этому. Но теперь еще рано; еще не наступила пора. А потому теперь нечего и думать о томъ, чтобы наряду съ съ нѣмецкимъ дѣлопроизводствомъ было въ Ригѣ допущено и русское.

Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ приведенная нами аргументація можетъ клониться не къ одной отсрочкѣ настоятельно требующагося скромнаго улучшенія. Жители остзейскихъ губерній, дорожащіе нѣмецкимъ языкомъ и не знакомые съ подробностями полемики, относящейся къ этому дѣлу, могутъ быть введены подобными стратагемами въ важное заблужденіе. „Если, могутъ они подумать, газета до того пристрастная къ нашему дѣлу, что возстаетъ противъ предоставленія у насъ равноправности своему родному языку, если такая газета считаетъ однакоже нужнымъ заявить что современемъ дѣлопроизводство на нѣмецкомъ языкѣ должно быть совершенно отмѣнено, то что же послѣ того удовлетворитъ русскихъ ультра-патріотовъ? Если газета, отстаивающая господство нѣмецкаго языка, допускаетъ въ будущемъ воспрещеніе нѣмецкаго дѣлопроизводства, то удовольствуются ли этимъ газеты недовольныя теперешнимъ господствомъ нѣмецкаго языка? Не ясно ли что за ихъ толками о терпимости, которой они выпрашиваютъ для языка русскаго, должно скрываться что-нибудь ужасное, въ родѣ напримѣръ намѣренія искоренить нѣмецкій языкъ не только въ дѣлопроизводствѣ, но и въ семейной жизни, въ богослуженіи и пожалуй даже въ домашней молитвѣ?“ Подобное заблужденіе должно естественно возникнуть во всякомъ остзейскомъ Нѣмцѣ принимающемъ за чистую монету то что сказано въ *Голосѣ* объ отношеніяхъ русскаго и нѣмецкаго языкомъ въ Остзейскомъ краѣ. Если стратагема подѣйствуетъ, то она должна обезкуражить Русскихъ и въ то же время еще болѣе раздражить Нѣмцевъ.

Вотъ между прочимъ одна изъ причинъ побуждающихъ желать полнѣйшаго примѣненія гласности къ дѣламъ балтійскихъ губерній. Русское государство не можетъ имѣть никакого разумнаго интереса въ подавленіи нѣмецкаго языка и нѣмецкаго обычая, не говоря уже о протестантизмѣ; скажемъ болѣе,—Россіи было бы невыгодно, для нея было бы положительною потерей, еслибъ она принялась разрушать этотъ мостъ между ею и германскою цивилизаціей. Ни одинъ здравомыслящій русскій человѣкъ объ этомъ и не думаетъ. Но ни одинъ здравомыслящій неравнодушный къ своей народности русскій человѣкъ не можетъ и конечно не долженъ хладнокровно сносить чтобы русская народность подвергалась въ предѣлахъ Русской державы униженію, точно также какъ ни одинъ сколько-нибудь проницательный русскій человѣкъ, конечно, не въ состояніи сочувствовать намѣренію германизировать населеніе балтійскихъ губерній или развивать въ нихъ какой-то мѣстный патріотизмъ; если же это намѣреніе приводилось бы въ исполненіе съ помощію государственныхъ средствъ, то всякій Русскій былъ бы обязанъ всѣми силами противодѣйствовать такому ошибочному образу дѣйствій. Вотъ въ чемъ все дѣло, и вотъ откуда возникли всѣ эти такъ

называемыя нападки русской печати на остзейскія губерніи. Если это и были нападки, то предметомъ ихъ были отнюдь не остзейскія губерніи и отнюдь не большинство нѣмецкаго населенія этихъ губерній, а небольшая горсть людей, вздумавшихъ тамъ съ нѣкотораго времени германофильствовать. Что эта горсть не наша выдумка, отрицать нельзя! Она не только существуетъ; есть признаки, что она даже терроризируетъ тамошнее общественное мнѣніе. Мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, что разумные люди края далеко не раздѣляютъ увлеченія этой партіи, которая къ тому же и сама состоитъ изъ разнообразнѣйшихъ и едва ли согласимыхъ элементовъ. Будущности эти увлеченія не имѣютъ, но они успѣли настолько возобладать въ мѣстной печати, что здравый смыслъ уже начинаетъ конфузиться ихъ.

Въ концѣ прошлаго года, въ приложеніи къ *Ревельской Газетѣ*, была разослана, статья, озаглавленная „Возраженіе“ и подписанная „Русскимъ патріотомъ изъ остзейскихъ губерній“. Эта статья приписываетъ русской печати и въ особенности *Московскихъ Вѣдомостямъ* нападки и даже ожесточенныя нападки на остзейскія губерніи; въ этомъ отношеніи она впадаетъ въ общій тонъ господствующій въ остзейской печати; она не хочетъ дѣлать различія между тѣмъ что мы говоримъ о теперешнемъ и прошедшемъ настроеніи населеній остзейскаго края и между тѣмъ, что въ нашихъ словахъ относилось къ положенію дѣлъ возможному въ будущемъ, при дальнѣйшемъ развитіи стремленій теперь еще весьма слабыхъ. Въ этомъ отношеніи статья „Русскаго патріота изъ Остзейскихъ губерній“ несправедлива къ намъ но ея содержаніе и духъ таковы, что, несмотря на эту несправедливость, мы поспѣшили бы познакомить съ нею нашихъ читателей, еслибы насъ не поразили двѣ вещи. Во-первыхъ, почтенный авторъ, назвавшій свою статью „возраженіемъ“ и обращающійся къ намъ лично, не счелъ удобнымъ подписать подъ ней свое имя, а извѣстно, что личное обращеніе не можетъ имѣть значенія, если дѣлается публично безъ подписи имени. Чтобы подобная статья имѣла вѣсъ, ее должна усвоить себѣ, по крайней мѣрѣ, редакція газеты, но мы замѣтили не безъ прискорбія, что статья „Русскаго патріота изъ остзейскихъ губерній“ была напечатана не въ корпусѣ *Ревельской Газеты*, а въ приложеніи къ ней; и что редакція этого изданія не сочла нужнымъ высказаться о своемъ отношеніи къ мыслямъ и направленію статьи, выброшенной такимъ образомъ за ея бортъ. А между тѣмъ все, что сказано въ этой почтенной статьѣ должно бы разумѣться само собой и не только быть общимъ мнѣніемъ, но и открыто вязаться съ характеромъ общаго мнѣнія.

Вотъ маленькій фактъ, одинъ изъ множества другихъ, и мы спрашиваемъ: развѣ это не признакъ положенія дѣлъ не совсѣмъ нормальнаго, и развѣ подобные признаки укрываются отъ вниманія благомыслящихъ людей въ остзейскихъ губерніяхъ? Пусть же эти люди сами рѣшатъ, къ кому они должны обращаться съ своими возраженіями, къ намъ ли или къ тѣмъ своимъ германофиламъ, которые еще прежде нашихъ такъ называемыхъ нападокъ толковали имъ не о русскомъ, а о какомъ то балтійскомъ патріотизмѣ, и не объ общемъ, а о какомъ то балтійскомъ отечествѣ, какъ будто есть на свѣтѣ балтійское государство, балтійское знамя, балтійская присяга.

№ 24.

Москва, 29-го января.

Финансовыя дѣла редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* сильно интересуютъ извѣстную часть петербургской журналистики. Сперва была пущена въ ходъ сплетня, будто мы тяготимся нашимъ арендным контрактомъ и нарушаемъ цензурныя правила дабы вынудить со стороны правительства мѣру строгости такого рода, при которой нашъ контрактъ съ университетомъ самъ собой потерялъ бы силу. Но эта злостная сплетня, достаточно опровергаемая направленіемъ нашей газеты, была опровергнута, кромѣ того, обнародованнымъ нами свѣдѣніемъ о доходахъ необходимыхъ для покрытія нашихъ издержекъ по изданію *Московскихъ Вѣдомостей* и доходахъ дѣйствительно полученныхъ нами. Тогда раздались противоположные крики. A bas les masques! воскликнули наши благопріятели. Наконецъ-то оказалось что такое значитъ пользоваться такою привилегіей какъ казенныя объявленія! И имѣя въ рукахъ такую колоссальную привилегію, вы еще говорите, что не просите себѣ

привилегій и даже не приняли бы привилегій, еслибы вамъ предлагали ихъ!

Просимъ извиненія у читателей, что займемъ ихъ вниманіе этою колоссальною привилегіей казенныхъ объявленій, отъ которой будто бы зависитъ наше существованіе. Вопросъ получаетъ интересъ отъ того какъ онъ теперь поставленъ. Успѣхъ *Московскихъ Вѣдомостей* зависитъ, говорятъ, отъ казенныхъ объявленій. Чтобъ убить насъ, нѣтъ надобности насъ запрещать: стóитъ только отнять у насъ принадлежащее намъ по контракту право казенныхъ объявленій, и съ нами будетъ покончено разомъ. Итакъ, туманъ разсѣялся; теперь стало ясно съ какой стороны за насъ слѣдуетъ взяться.

Чтобъ и съ своей стороны возбудить любопытство читателей, мы начнемъ наше возраженіе съ того, чѣмъ бы собственно слѣдовало кончить его. Въ контрастъ къ выписаннымъ выше восклицаніямъ, мы скажемъ вещь совершенно неожиданную: казенныя объявленія такъ для насъ важны, отъ нихъ до такой степени зависитъ наше существованіе, что мы были бы очень рады отказаться отъ привилегіи печатать *обязательныя* казенныя объявленія, и даже болѣе: мы были бы готовы отъ нея откупиться, еслибы казна создала для этой привилегіи какое-нибудь особое изданіе, а съ насъ потребовала за то ежегоднаго взноса суммы не слишкомъ чрезмѣрной, напримѣръ отъ 5 до 8 тысячъ рублей. Это вовсе не шутка; мы говоримъ серіозно, и наши друзья петербургскіе газетчики, когда узнаютъ въ чемъ дѣло, не преминутъ конечно благимъ матомъ завопить, что никакое измѣненіе въ контрактѣ съ нами допущено быть не можетъ, и что уклоняться отъ печатанія казенныхъ объявленій мы отнюдь не въ правѣ.

Дѣло въ томъ, что привилегіей казенныхъ объявленій пользуется университетъ, и что эту привилегію, вмѣстѣ съ правомъ изданія *Московскихъ Вѣдомостей* и съ арендным содержаніемъ университетской типографіи, университетъ сдавалъ въ 1862 году съ торговъ. Всѣ желавшіе могли принимать участіе въ торгахъ, и дѣйствительно торги были серіозные. Мы предложили условія, которыя оказались наиболѣе выгодными, и дѣло осталось за нами, потому что никто не далъ больше нашего. Привилегія казенныхъ объявленій оцѣнена сталo-быть сполна, оцѣнена самими конкуррентамц. Все чего она стóитъ дано университету, и хотя относительно университета она осталась привилегіей, но о насъ никакъ нельзя сказать, чтобы мы вслѣдствіе состоявшихся торговъ, получили привилегированное положеніе. Это можно было бы сказать только въ томъ случаѣ, еслибы при торгахъ были сдѣланы въ нашу пользу какія-либо исключенія, чего не было.

Но этого мало. По ходу торговъ, длившихся около мѣсяца, мы должны были сдѣлать такое окончательное предложеніе, которое можно было бы сравнить съ предложеніями другихъ лицъ, а такъ какъ были лица цѣнившія всѣ три отдаваемыя съ торговъ статьи одною суммой, и были другія лица, которыя торговались или на одну типографію, или на одно право изданія *Московскихъ Вѣдомостей*, предоставляя сборъ съ казенныхъ объявленій университету, то наше предложеніе по необходимости вышло сложное. Мы предложили одну общую сумму 74 т. р., но для сравненія ея съ предложеніями другихъ лицъ, разбили ее на элементы, а именно: за типографію 12 т. р., за право изданія *Московскихъ Вѣдомостей* 35 т. р. и за казенныя объявленія—27 т. р., съ тѣмъ чтобы сборъ съ казенныхъ объявленій поступалъ прямо въ университетъ. При этомъ мы обязывались платить университету, сверхъ состоявшейся на торгахъ суммы по 5% всего сбора съ казенныхъ объявленій въ вознагражденіе за издержки взиманія этого дохода. Сущность нашего условія относительно казенныхъ объявленій состоитъ въ томъ, что университетъ сбираетъ за нихъ деньги, а мы гарантируемъ ему ежегодную сумму этого сбора въ 27 т. р., обязываясь въ случаѣ недобора доплачивать отъ себя, и принимая на себя всѣ издержки набора, печати и покупки бумаги по казеннымъ объявленіямъ. При этомъ разумѣется выговорено, что наше обязательство остается въ силѣ только пока останутся въ силѣ существующія относительно казенныхъ объявленій узаконенія.

Таково условіе. Теперь посмотримъ на результаты. Сообщаемъ цифры только за 1863 годъ и за первую половину 1864 года, такъ какъ за вторую половину 1864 года счеты еще не заключены окончательно.

Въ первой половинѣ 1863 года:

гарантированная сумма составляла . . . . . 13.500 р.

университетомъ собрано объявленій на	11.959 р. 55 к.
нами приплачено	1.540 р. 45 к.

Во второй половинѣ 1863 года:

гарантированная сумма составляла	13.500 р.
университетомъ собрано объявленій на	12.519 р. 95 к.
нами приплачено	980 р. 5 к.

Въ первой половинѣ 1864 года:

гарантированная сумма составляла	13.500 р.
университетомъ собрано объявленій на	10.627 р. 4 к.
нами приплачено	2.872 р. 96 к.

Всего въ три полугодія мы такимъ образомъ приплатили 5.393 р. 46 к. Къ этой суммѣ слѣдуетъ присоединить издержки на наборъ, печать и бумагу, нужныя для изданія въ свѣтъ казенныхъ объявленій,—издержки составляющія за три полугодія не менѣе 18.000 руб., и мы получимъ въ общемъ итогѣ потерю отъ права печатанія казенныхъ объявленій, превосходящую 23.000 р. с. Надобно замѣтить, что эта потеря въ значительной степени происходитъ отъ несоблюденія многими казенными мѣстами, даже московскими, узаконенія, что объявленія о торгахъ во всей имперіи на сумму свыше 7.500 р. с. должны быть печатаемы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Таковъ сборъ. Но намъ говорятъ, что тутъ дѣло не въ сборѣ, а въ томъ, что казенныя объявленія доставляютъ обязательныхъ подпищиковъ, что лица, по дѣламъ своимъ обязанныя слѣдить за казенными объявленіями, принуждены подписываться на *Московскія Вѣдомости*, когда, въ случаѣ свободнаго выбора, они могутъ быть или вовсе не подписались бы на газету или подписались бы на другую. Положимъ, что такъ — мы сейчасъ увидимъ, что это не такъ,—но положимъ, что распространеніе *Московскихъ Вѣдомостей* основано на ихъ привилегіи печатать казенныя объявленія. Что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ мы не взяли съ торговъ всего того, что составляетъ преимущества *Московскихъ Вѣдомостей?* За университетскую типографію никто не давалъ болѣе 12 т. ежегодно арендой платы. Все остальное платится за *Вѣдомости*. А если кто что-нибудь платитъ, то не слѣдуетъ ли ему получать и какое-нибудь вознагражденіе за платимую имъ сумму? Недаромъ же платится арендная сумма. Въ три полугодія мы заплатили собственно за фирму *Московскихъ Вѣдомостей* 52.500 р., да на казенныхъ объявленіяхъ, какъ выше сказано, понесли потери около 23.000 р., итого слишкомъ 75 т., или 50 т. въ годъ. За что-нибудь да заплачена же эта сумма. Но и тутъ господа счетчики ошибаются. Эта сумма заплачена за фирму стараго укоренившагося въ публикѣ изданія, наконецъ за то, чтобы не имѣть въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* конкуррента, еслибъ онѣ достались въ другія руки. Тѣ весьма немногія лица, которыя подписываются на *Московскія Вѣдомости* единственно для того чтобы читать казенныя объявленія, тутъ не входили въ разчетъ. Опытъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, гдѣ за казенныя объявленія вносится дополнительная плата, показываетъ какъ незначительно число подпищиковъ интересующихся казенными объявленіями, но и изъ этихъ, безъ сомнѣнія, огромное большинство интересуется, кромѣ казенныхъ объявленій, и самою газетой. Въ исторіи *Московскихъ Вѣдомостей* бывали времена, когда число подпищиковъ падало до 6000, и это бывало при совершенномъ отсутствіи сколько-нибудь серіозной конкурренціи со стороны другихъ газетъ. Тутъ стало-быть не помогали ни привилегія казенныхъ объявленій, ни даже древность фирмы.

И такъ, мы въ правѣ сказать, что принадлежащая Московскому университету привилегія казенныхъ объявленій имѣетъ для университета значеніе доходной статьи, но арендаторамъ, при теперешнемъ контрактѣ, не доставляетъ ничего кромѣ убытковъ. Въ рукахъ арендаторовъ это ужь не привилегія, а только монополія. Какъ она арендаторамъ выгодна, показано выше, и вопросъ можетъ идти только о томъ какъ они ею пользуются.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ всякою монополіей, такъ и этою, очень можно пользоваться къ ущербу другихъ лицъ или къ ущербу общества. Посмотримъ же, въ чемъ можетъ заключаться этотъ ущербъ. Монополія казенныхъ объявленій стѣсняетъ свободу казенныхъ мѣстъ, которыя не въ правѣ обращаться къ другимъ путямъ гласности кромѣ изданій, указанныхъ въ законѣ. Вовторыхъ, монополія казенныхъ объявленій стѣсняетъ лицъ, имѣющихъ надобность въ казенныхъ объявленіяхъ; эти

лица принуждены подписываться на тѣ изданія, въ которыхъ законъ предписываетъ печатать казенныя объявленія. Монополіей казенныхъ объявленій очень можно пользоваться въ ущербъ интересамъ какъ этихъ лицъ, такъ и казенныхъ мѣстъ, но средства для этого могутъ заключаться единственно въ слѣдующемъ. Вопервыхъ, можно возвышать плату за газету для тѣхъ лицъ, которыя нуждаются въ казенныхъ объявленіяхъ; такъ и дѣлаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* (за что, впрочемъ нынѣшній издатель ихъ не отвѣчаетъ, такъ какъ онъ продолжаетъ прежде заведенный порядокъ), но издатели *Московскихъ Вѣдомостей* не прибѣгали къ этому средству возмѣщать потери понесенныя ими на казенныхъ объявленіяхъ. Вовторыхъ можно было бы, пользуясь стѣсненіемъ свободы казенныхъ мѣстъ сравнительно съ частными подавателями объявленій, предлагать казеннымъ мѣстамъ гласность болѣе ограниченную чѣмъ публикѣ,—то-есть взимая съ казенныхъ мѣстъ и съ вольной публики одинаковую плату за объявленія, предоставлять казеннымъ мѣстамъ меньшую гласность, или что тоже, меньшій кругъ читателей. Это также дѣлаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* (за что также не отвѣчаетъ ихъ нынѣшній издатель), которыя, какъ извѣстно, разсылаютъ всѣмъ своимъ подпищикамъ только частныя объявленія, а обязательныя казенныя объявленія разсылаютъ лишь незначительному числу подпищиковъ, вносящихъ дополнительную плату. Этотъ образъ дѣйствій значительно уменьшаетъ расходъ на печать и бумагу и доставилъ бы намъ около 7 тысячъ рублей выгоды въ годъ отъ одной этой экономіи, да отъ дополнительной платы отъ 4 до 6 тысячъ рублей. Но и къ этому способу пользоваться монополіей мы не прибѣгали, несмотря на то что были избавлены отъ труда прокладывать дорогу. Мы даемъ всѣмъ нашимъ подпищикамъ какъ частныя, такъ и казенныя объявленія, и какъ частнымъ, такъ и казеннымъ объявленіямъ даемъ равно широкую гласность. Мы полагаемъ, что и подпищики наши, и казенныя мѣста, прибѣгающія по закону къ нашей гласности, оцѣнили этотъ образъ дѣйствій. Мы держимся его по доброй волѣ, потому что считаемъ его правильнымъ, а въ отступленіи отъ него видимъ злоупотребленіе монополіи.

№ 25.

Москва, 29-го января.

Вопросы общеевропейской политики болѣе или менѣе отодвинулись на задній планъ, уступивъ главное мѣсто внутреннимъ интересамъ каждой страны въ отдѣльности. Происходитъ, говорятъ, еще дипломатическая переписка между Парижемъ и Римомъ, имѣющая цѣлью вразумить Римскую курію, что ея совершенное бездѣйствіе, въ силу конвенціи 15-го сентября, не будетъ въ состояніи воспрепятствовать осуществленію этой конвенціи Дѣлаются, быть можетъ, попытки въ видахъ сближенія между Франціей и Россіей, которое, очевидно, до тѣхъ поръ не можетъ быть однакоже искреннимъ, пока Франція не откажется отъ своей революціонной политики въ Европѣ. Происходитъ, безъ сомнѣнія, обмѣнъ мыслей между Франціей и Англіей въ виду общихъ европейскихъ дѣлъ и еще болѣе въ виду событій, совершающихся въ Сѣверной Америкѣ, и враждебныхъ относительно Франціи и Англіи заявленій въ сѣверныхъ штатахъ Американскаго Союза. Наконецъ, очень дѣятельно переговариваются между собою Берлинскій и Вѣнскій кабинеты по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, при чемъ фонъ-Бисмаркъ, какъ утверждаютъ, возымѣлъ надежду воспользоваться финансовыми затрудненіями Австріи, и какъ бы выкупить у нея ея долю правъ на Герцогства, заплативъ ей впередъ вознагражденіе за ея военныя издержки. Но главную заботу всѣхъ европейскихъ правительствъ въ настоящее время составляютъ внутреннія ихъ дѣла. Тому причина заключается въ предстоящемъ или послѣдовавшемъ уже открытіи законодательныхъ палатъ въ большей части государствъ Западной Европы. Какъ ни важно для Пруссіи завладѣть Герцогствами, однакоже не менѣе важно для нея удовлетворительно разрѣшить свой внутренній вопросъ, возстановивъ доброе согласіе между министерствомъ и палатой депутатовъ. Успѣхъ въ разрѣшеніи этой задачи можетъ отозваться благопріятнымъ образомъ и на политическихъ успѣхахъ Пруссіи какъ въ Германіи, такъ и въ Европѣ: внутренняя политика государства несомнѣнно обусловливаетъ и внѣшнюю его политику, и возвышаетъ или уменьшаетъ его значеніе среди другихъ госу-

дарствъ. Особенно справедливо это въ отношеніи къ Австріи: ея колеблющаяся и нерѣшительная политика какъ въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ, такъ и въ виду конвенціи 15-го сентября, главнѣйшимъ образомъ объясняется тѣмъ, что важнѣйшій изъ внутреннихъ ея вопросовъ — вопросъ венгерскій — до сихъ поръ еще остается нерѣшеннымъ. Съ этимъ вопросомъ связанъ вопросъ о будущихъ судьбахъ Австрійской имперіи, о томъ, будетъ ли она мало-по-малу становиться единымъ и цѣльнымъ государствомъ, или же распадется на два и болѣе государствъ, которыя будутъ находиться въ личномъ между собою соединеніи.

Внутреннія дѣла обѣихъ великихъ германскихъ державъ, а особенно Австріи, продолжаютъ служить предметомъ наблюденія и изученія, преимущественно въ англійскихъ журналахъ. Въ самомъ дѣлѣ положеніе Австріи интересно. Издавна наибольшую силу этой имперіи составляло ея нѣмецкое населеніе; но вслѣдствіе многихъ историческихъ причинъ, наибольшія политическія права принадлежали не западной, нѣмецко-славянской половинѣ имперіи, а восточной — венгерской. Главная причина этого явленія заключалась въ томъ, что Венгрія вошла въ составъ Австрійской имперіи, какъ цѣльное, самостоятельное государство, имѣвшее свою многовѣковую конституцію, и притомъ вошла вслѣдствіе не какого-либо завоеванія, а родственнаго союза и добровольнаго соглашенія съ Габсбургскимъ домомъ. Въ этомъ отношеніи Венгрію никакъ нельзя сравнивать ни съ нашимъ Польскимъ краемъ, ни съ Остзейскимъ, ни съ Финляндскимъ, такъ какъ всѣ эти русскія области были только частями прежде существовавшихъ цѣльныхъ государствъ и были присоединены къ Россіи силой оружія. Но такое положеніе, въ которомъ находилась Венгрія, какъ привилегированная страна, сравнительно съ прочими областями Австрійской Имперіи, было равно неудовлетворительно для обѣихъ главныхъ частей этого государства. Самостоятельное народное представительство Венгріи, надѣленное значительными политическими правами лишало нѣмецко-славянскія области Австріи почти всякой возможности имѣть свое особое народное представительство, потому что одна и та же верховная власть, между этими двумя сеймами, которые легко могли приходить въ столкновеніе между собою, была бы поставлена какъ бы между двухъ огней. Съ другой стороны, привычки — не опираться на организацію общественныхъ интересовъ и общественнаго мнѣнія въ нѣмецко-славянскихъ областяхъ — австрійское правительство, естественно, переносило и въ Венгрію. Вслѣдствіе того, въ обѣихъ половинахъ имперіи неудовольствіе было всеобщее, и оно разразилось почти одновременнымъ революціоннымъ движеніемъ, какъ въ Венгріи, такъ и въ Вѣнѣ, въ началѣ 1848 г.; и окончилось бы совершеннымъ разрушеніемъ Австрійской монархіи, еслибы не помощь оказанная со стороны Россіи. Затѣмъ наступилъ 12-лѣтній періодъ неограниченнаго военно-бюрократическаго господства въ обѣихъ главныхъ половинахъ Австрійской имперіи. Съ большою рѣшительностію принята была система централизаціи; налоги возрастали; дѣятельность чиновниковъ развивалась быстро; правительство сильною рукой вело свои земли по пути, казавшемуся прогрессивнымъ, и однакоже, первый ударъ извнѣ обнаружилъ всю несостоятельность этого внѣшняго объединенія частей Австрійской имперіи: послѣ италіянской компаніи 1859 года, Австрія была почти такъ же близка къ своему распаденію, какъ въ 1848 году; она была спасена отъ конечной гибели только рѣшимостью императора Франца-Іосифа искать твердую опору въ подвластныхъ ему народахъ.

Положеніе, въ которомъ находилась Австрія, вступая въ новый періодъ своего политическаго существованія, не имѣетъ себѣ ничего подобнаго ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ развѣ только Турціи. По пространству своему Австрія уступаетъ, изъ всѣхъ европейскихъ государствъ одной Россіи; по разнородности, разноязычію, разновѣрію и разнообразію интересовъ населяющихъ ее племенъ, она оставляетъ за собою даже Европейскую Турцію. Но что особенно важно, многія изъ этихъ племенъ твердо хранятъ память о своей политической самобытности, и явно стремились, и продолжаютъ еще стремиться, къ ея возстановленію. „Собраніе дюжины различныхъ странъ, говорящихъ на полудюжинѣ различныхъ языковъ и извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Австрійской имперіи, пишетъ вѣнскій корреспондентъ лондонской газеты *the Economist*, представляетъ

болѣе матеріяла для изученія, въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, чѣмъ какая-либо другая страна на земномъ шарѣ. Различіе въ національныхъ нравахъ, интересахъ и стремленіяхъ создало здѣсь столько запутанныхъ отношеній, столько внутренней вражды, что совершенно теряешься при взглядѣ на всѣ эти затрудненія. Иностранцу, интересующемуся здѣшнимъ положеніемъ дѣлъ, нужно много времени прежде чѣмъ сколько-нибудь разсѣется мракъ предъ его глазами и хаосъ приметъ сколько-нибудь ясныя очертанія.

Эта-то самая разнородность племенъ, нарѣчій, вѣроисповѣданій и интересовъ, господствующая въ Австрійской имперіи, и развила въ ней совершенно естественнымъ образомъ бюрократическую систему, которая нигдѣ такъ не оправдывалась обстоятельствами какъ въ Австріи и которая такъ туго уступаетъ духу новаго государственнаго устройства установленнаго въ Австріи за четыре года передъ симъ. Австрія есть государство безъ народа, государство служащее внѣшнимъ единствомъ многихъ чуждыхъ и враждебныхъ между собою національностей. Отсюда непомѣрное развитіе бюрократической системы съ ея механическими порядками; отсюда многія не нормальныя особенности ея теперешняго устройства, много вредящія его развитію. При введеніи представительной системы, пришлось сдѣлать значительныя уступки въ пользу политической децентрализаціи, — пришлось каждой изъ отдѣльныхъ областей, сверхъ общаго для всѣхъ народнаго представительства, дать еще свое особое—областное, свой особый областной сеймъ. Это была тяжкая уступка со стороны императора Франца-Іосифа, который до того времени, въ продолженіи 12 лѣтъ, энергически стремился къ сосредоточенію политической жизни различныхъ областей въ одномъ общемъ центрѣ имперіи, въ Вѣнѣ.

Эти областные сеймы безъ сомнѣнія привели бы имперію къ совершенному распаденію, еслибъ императоръ Францъ-Іосифъ не перенесъ цѣлость государственной тяжести на общее народное представительство и не настаивалъ бы на охраненіе за нимъ безспорнаго первенства. Австрійскіе областные сеймы не то что генеральные совѣты въ департаментахъ Франціи, не имѣющіе никакого политическаго значенія, не удовлетворяющіе серіознымъ потребностямъ народонаселеній и не устраняющіе административнаго произвола. Земскіе сеймы Австріи обладаютъ значительными политическими правами; они поставлены въ прямое и непосредственное отношеніе не къ мѣстнымъ губернаторамъ или намѣстникамъ, не къ министру внутреннихъ дѣлъ, или государственному министру, какъ онъ называется въ Австріи, а къ самой верховной власти. Всѣ постановленія австрійскихъ сеймовъ, съ приложеніемъ къ нимъ протоколовъ засѣданій, доводятся прямо до свѣдѣнія австрійскаго императора, и какъ только получаютъ его утвержденіе, становятся областнымъ закономъ. Предметы вѣдомства нынѣшнихъ областныхъ австрійскихъ сеймовъ также гораздо обширнѣе чѣмъ кругъ дѣятельности обыкновенныхъ мѣстныхъ собраній: они имѣютъ право законодательства, въ предѣлахъ обозначенныхъ общими законами имперіи, по отношенію ко всѣмъ общиннымъ, церковнымъ, училищнымъ дѣламъ, и т. д., а въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ напримѣръ въ Тиролѣ, даже и участвуютъ въ поддержаніи оборонительныхъ средствъ области въ надлежащемъ видѣ. Сверхъ того, сеймы могутъ совѣщаться и дѣлать свои предложенія насчетъ измѣненія и упраздненія общихъ законовъ и учрежденій имперіи, съ точки зрѣнія особеннаго ихъ вліянія на благосостояніе области, а также указывать на общіе законы и учрежденія, необходимые для благосостоянія той или другой области. Еслибы такіе сеймы были учреждены въ Богеміи, или въ Галиціи, прежде общаго народнаго представительства, то нѣтъ сомнѣнія, что ихъ усилія клонились бы къ отмѣнѣ всѣхъ общихъ законовъ и учрежденій, поддерживающихъ единство и цѣлость Австрійской имперіи, и что они стали бы самою надежною опорой для всѣхъ стремленій, направленныхъ къ отторженію этихъ областей отъ имперіи. Общее народное представительство для цѣлой Австріи — вотъ что было на первомъ планѣ при изданіи октябрьскаго диплома и февральскаго патента, вотъ что оказалось на первомъ планѣ и на самой практикѣ, и вотъ отъ чего отчасти уже произошло, а отчасти еще ожидается впереди политическое объединеніе всѣхъ частей Австріи, исправленіе ея финансовъ, возстановленіе ея матеріяльнаго и нравственнаго кредита.

Тѣмъ не менѣе уступка, вынужденная у Австріи необходимостью, оказываетъ не-

сомнѣнно вредное вліяніе на составъ австрійской палаты депутатовъ общей имперской думы и вообще значительно обезсиливаетъ новое устройство принятое Австріей. Предоставивъ областнымъ сеймамъ право законодательства въ предѣлахъ, обозначенныхъ общими законами, а вмѣстѣ съ тѣмъ право требовать отмѣны существующихъ общихъ законовъ и учрежденій и введенія новыхъ, австрійскій императоръ, по необходимости, долженъ былъ допустить, чтобъ австрійская палата депутатовъ состояла не изъ представителей, непосредственно выбранныхъ народомъ, а изъ членовъ тѣхъ же самыхъ областныхъ сеймовъ и по избранію ихъ самихъ. Эти уполномоченные отъ областныхъ сеймовъ, являются въ имперской думѣ представителями ни столько общихъ интересовъ, имперіи, сколько областныхъ стремленій, съ примѣсью нерѣдко сепаратистическихъ наклонностей, и выражаютъ собою не столько духъ самого земства, вообще отличающагося преданностью Габсбургскому дому, сколько духъ этихъ особыхъ собраній. Но какъ сказано, въ Австріи этотъ неудовлетворительный порядокъ вещей установился вслѣдствіе необходимости—сдѣлать нѣкоторую уступку требованіямъ отдѣльныхъ политическихъ національностей, вошедшихъ въ составъ ея. Никакая другая страна въ Европѣ не поставлена въ такую печальную необходимость, и потому нигдѣ палата депутатовъ не составляется изъ уполномоченныхъ отъ городовыхъ или областныхъ совѣтовъ. Мысль о томъ, чтобы, напримѣръ, во Франціи, генеральнымъ совѣтамъ департаментовъ было предоставлено право выбирать членовъ законодательнаго корпуса, показалась бы забавною. Австрія находится въ совершенно исключительномъ положеніи.

Недостатокъ народнаго единства, внутренній національный сепаратизмъ, которымъ страдаетъ эта сборная Имперія,—вотъ гдѣ зло задерживающее ея политическое развитіе, окружающее ее опасностями и подвергающее сомнѣнію ея существованіе. Политическая жизнь, вызванная въ этомъ распадавшемся тѣлѣ новыми учрежденіями, сдѣлала много въ короткій промежутокъ времени; но она еще не успѣла проникнуть въ его сердцевину, и совершенно пересоздать его. Бюрократическая система, которою держалось единство Австріи исключительно до послѣдняго времени, такъ вслѣдствіе того укоренилась, что для наблюдателя, знакомаго съ другими порядками, страна эта и теперь представляетъ зрѣлище полнаго господства этой системы. Мы не можемъ не выписать изъ той же корреспонденціи вышеупомянутой англійской газеты слѣдующей яркой характеристики положенія внутреннихъ дѣлъ въ Австріи:

„Внутреннее управленіе государства есть управленіе бюрократическое въ полномъ смыслѣ этого слова. Все движется по напередъ начертанному плану; за всѣмъ наблюдаетъ, во все вмѣшивается штабъ чиновниковъ, имѣющій громадные размѣры. Число чиновниковъ, не считая 19.000 человѣкъ прибрежной и таможенной стражи, простирается до 52.000, съ жалованьемъ отъ 10 до 800 фунтовъ стерлинговъ въ годъ каждому. Большинство этихъ чиновниковъ, сознавая вполнѣ, что государство могло бы весьма хорошо обойдтись безъ нихъ, выводятъ отсюда заключеніе, что государство собственно *для нихъ* только и существуетъ. Занятіе ихъ состоитъ во взаимномъ контролѣ и въ безконечномъ наблюденіи другъ за другомъ, ибо недостаточность получаемаго ими жалованья вызываетъ весьма естественную необходимость заботиться о предохраненіи ихъ отъ искушеній различнаго рода. Отсюда весьма сложная машина взаимнаго бюрократическаго надзора, во главѣ которой стоитъ палата высшаго контроля въ Вѣнѣ. Чтобы получить понятіе о массѣ труда, безполезно затрачиваемаго этою арміей чиновниковъ, достаточно сказать, что число офиціяльныхъ пакетовъ, пересылаемыхъ по почтѣ въ Австріи, превосходитъ вдвое число всѣхъ частныхъ писемъ. Г. Эйтелесъ, въ своемъ сочиненіи объ австрійскихъ финансахъ, приводитъ знаменательный фактъ, что офиціяльная корреспонденція, пересланная безплатно по почтѣ въ 1861 году, имѣла 35.000 центнеровъ вѣсу и состояла изъ 22 милліоновъ пакетовъ, между тѣмъ какъ частная корреспонденція въ этомъ году вѣсила только 20.520 центнеровъ. Весьма основательно замѣчено было, что многописаніе австрійскихъ чиновниковъ происходитъ отчасти и оттого, что казенные пакеты пересылаются даромъ, чѣмъ доходъ почтоваго вѣдомства уменьшается на 4.400.000 гульденовъ.

„Жалованье военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ беретъ ежегодно два милли-

она фунтовъ стерлинговъ (около 14 милліоновъ рублей), а подати и налоги въ послѣднія 12 лѣтъ увеличились почти вдвое. Слѣдствіемъ этого было страшное вздорожаніе всѣхъ предметовъ первой необходимости, такъ что Вѣна, которая прежде своею дешевизною почти превосходила всѣ прочія столицы Европы, сдѣлалась теперь одною изъ самыхъ дорогихъ. Дальмація, которая при Римлянахъ и при господствѣ Венеціи была богатою провинціей, изобилуетъ теперь совершенно невоздѣланными полями; даже оливки, бывшіе прежде однимъ изъ главныхъ продуктовъ этой страны, теперь почти не производятся.

„Но одно изъ самыхъ главныхъ золъ, которое подтачиваетъ общественное и государственное благосостояніе Австріи—заключается въ цѣлой системѣ лотерейныхъ игръ, организованныхъ и покровительствуемыхъ правительствомъ. Куда не обратишься, вездѣ лотереи. Г. Эйтелесъ, въ упомянутомъ сочиненіи своемъ, показываетъ, что въ продолженіе круглаго года происходитъ ежедневно, по крайней мѣрѣ, одинъ розыгрышъ. Народъ отдаетъ свои деньги, безъ процентовъ, въ надеждѣ на выигрышъ, и такимъ образомъ сотни милліоновъ отвлекаются отъ промышленныхъ предпріятій и помѣщаются непроизводительнымъ образомъ. Многіе частные землевладѣльцы получили разрѣшеніе устраивать лотерейные займы подъ залогъ своего имущества; всѣ эти облигаціи имѣютъ курсъ на биржѣ, и между тѣмъ какъ промышленный рынокъ страдаетъ отсутствіемъ капиталовъ, биржевая игра какъ нельзя больше процвѣтаетъ. Кромѣ этихъ лотерей, существуетъ еще множество правительственныхъ лотто, нумера которыхъ продаются по всей странѣ и приносятъ казнѣ до 700.000 ф. дохода. Все это развиваетъ въ народѣ страсть къ игрѣ, покрывающую честный трудъ. Нужно бы перо Сиднея Смита, чтобъ изобразить несчастныя жертвы игры, когда они пробираются по переулкамъ столицы къ своимъ голоднымъ семействамъ, оставивъ свой послѣдній грошъ въ лавочкѣ, гдѣ продаются нумера лотто.“

Имперская дума дѣлаетъ что можетъ. На этихъ дняхъ, между прочимъ, палата депутатовъ успѣла убѣдить министерство отказаться отъ значительной суммы, которую оно употребляло на безполезный подкупъ туземныхъ и иностранныхъ журналовъ.

№ 26.

Москва, 1-го февраля.

Рижская Газета, послѣ долгаго молчанія, наконецъ отозвалась на нашу передовую статью въ № 10 о неправильностяхъ, допущенныхъ при разсмотрѣніи въ рижской большой гильдіи проекта тамошней городской реформы. Мы очень рады вниманію, оказанному нашимъ замѣчаніямъ, и пеняемъ не столько на то, что оно оказано поздно, сколько на неполноту сообщаемыхъ нынѣ разъясненій. Что касается до тона, принятаго *Рижскою Газетой* по поводу этихъ разъясненій, то мы упоминаемъ о немъ только къ свѣдѣнію нашихъ читателей. *De gustibus non est disputandum*, говоритъ старинная поговорка, и съ насъ достаточно заявить, что по понятіямъ *Рижской Газеты*, употреблять такія восклицанія, какъ напримѣръ: *was für ein dummer Gedanke!* или *verdammt gescheidt!* есть дѣло хорошаго вкуса.

Рижская Газета удивляется нашей жалобѣ на недостаточность получаемыхъ нами изъ Риги свѣдѣній, и нашимъ сѣтованіямъ на чрезмѣрно-пассивную скромность русскихъ купцовъ, живущихъ въ Ригѣ. Это-то жалобы и эти-то сѣтованія и есть, по ея мнѣнію, *ein dummer Gedanke*, если только все это не *verdamt gescheidt*, и не разчитано на возбужденіе русской публики противъ Рижанъ и всего, что ихъ окружаетъ. Мы, конечно, не скажемъ, что подобное истолкованіе смысла нашихъ словъ или очень *глупо*, или *шельмовски ловко*; подобныхъ выраженій мы не употребимъ, а скажемъ просто, что оно не имѣетъ достаточнаго основанія и совершенно противно истинѣ. Какой интересъ могли бы мы имѣть не только въ возбужденіи съ чьей бы то ни было стороны ненависти къ Рижанамъ, но даже въ сколько-нибудь пристрастномъ изложеніи тамошнихъ дѣлъ? Развѣ намъ можетъ быть радость, если тамъ дѣла идутъ не совсѣмъ ладно? Развѣ Рига намъ чужой городъ? Еслибы въ Ригѣ господствовала олигархія, похожая на венеціянскую, то было бы безчеловѣчно съ нашей стороны сѣтовать на односложность сообщеній, доходящихъ до насъ оттуда. Но мы очень хорошо знали, что въ Ригѣ нѣтъ своего *ponte dei sospiri*, поэтому считали себя въ правѣ обратиться къ русскимъ Рижанамъ съ словомъ легкаго укора, имѣв-

шимъ цѣлью вызвать болѣе обильный притокъ корреспонденцій. Цѣль наша отчасти достигнута, и теперь мы уже имѣемъ болѣе прежняго данныхъ, чтобъ отвѣчать *Рижской Газетѣ* на ея разъясненія, хотя еще не имѣемъ, къ сожалѣнію, подписанныхъ именами корреспонденцій, предназначенныхъ для печати. На свѣтѣ все идетъ постепенно.

Мы указывали на поспѣшность, съ которою разсматривался проектъ городской реформы въ засѣданіи большой гильдіи 28-го истекшаго декабря. Мы указывали на эту поспѣшность не голословно, а въ подтвержденіе своихъ словъ привели нѣсколько разительныхъ фактовъ, изъ которыхъ одинъ, самый разительный, *Рижская Газета* проходитъ молчаніемъ. А между тѣмъ было бы очень интересно узнать, какими соображеніями можно оправдать тотъ способъ подачи голосовъ, который былъ избранъ руководителями большой гильдіи. Повсюду, гдѣ только происходятъ серіозныя совѣщанія, принято за правило собирать голоса о цѣломъ проектѣ не въ началѣ, а подъ конецъ совѣщаній; между тѣмъ въ рижской большой гильдіи былъ сперва рѣшенъ общій вопросъ, и лишь послѣ того какъ проектъ въ цѣломъ былъ принятъ, собраніе было допущено къ разсмотрѣнію его подробностей и къ подачѣ голосовъ о предложенныхъ къ нему поправкахъ. Далѣе, для подачи голосовъ былъ избранъ не способъ баллотировки, а представленіе подписанныхъ именами бюллетеней, что конечно, не клонилось къ большей свободѣ членовъ большой гильдіи, хотя они и отличаются, по свидѣтельству *Рижской Газеты*, духомъ оппозиціи къ магистрату. Были ли законныя основанія къ тому и другому рѣшенію руководителей собранія? Вотъ что мы желали бы знать, но *Рижская Газета* не даетъ намъ отвѣта. Если же собраніе, такъ легко поддающееся волѣ своихъ руководителей, тѣмъ не менѣе отличается духомъ оппозиціи къ магистрату, то изъ этого можно только заключить, что, значитъ, магистратъ выводитъ изъ терпѣнія даже это столь пріученное къ повиновенію собраніе.

Рижская Газета, умалчивая объ этихъ яркихъ фактахъ тѣмъ не менѣе опровергаетъ наши замѣчанія, что руководители большой гильдіи старались вынудить у нея рѣшеніе согласное съ ихъ желаніями. Какъ же эта почтенная газета опровергаетъ наши замѣчанія? Мы говорили о торопливости, съ которою было ведено засѣданіе 28-го декабря: *Рижская Газета*, возражая намъ, ни однимъ словомъ не указываетъ на обстоятельность преній, происходившихъ въ этомъ засѣданіи и довольствуется ссылкой на то, что рѣшеніе вопроса о городской реформѣ должно было послѣдовать еще въ засѣданіи 16-го декабря (не 14-го ли?) и что оно отложено—о великодушіе!—до 28-го декабря по желанію меньшинства. Но эта ссылка рѣшительно лишена значенія. Намъ дѣйствительно извѣстно, что рѣшеніе вопроса о городской реформѣ было назначено на засѣданіе 14-го декабря, но такъ какъ въ самомъ этомъ засѣданіи были впервые розданы русскіе экземпляры проекта, то русскіе граждане объявили докману (предсѣдателю собранія), что по важности предмета, они не могутъ разсуждать о проектѣ, не вникнувъ въ сущность его, и потому просили отсрочки на 14 дней. Это простое и совершенно основательное требованіе повело однакоже къ жаркимъ спорамъ. Гг. Шнакенбурги, изъ которыхъ одинъ альдерманъ, а другой—старшина, возстали противъ отсрочки съ такою настойчивостью, что русскіе граждане совсѣмъ проиграли бы дѣло, еслибы ихъ не поддержали другіе болѣе благоразумные нѣмецкіе граждане, которые были тоже недовольны проектомъ. Во время этихъ споровъ, сообщаютъ намъ, г. Евгеній Шнакенбургъ громко заявилъ, что въ рижскомъ собраніи русскихъ гражданъ нѣтъ, а есть граждане рижскіе, и что русскіе граждане могутъ быть только пассивными зрителями того, что происходитъ въ собраніи. Вотъ какую запальчивость показали торопливые руководители собранія и вотъ какое они обнаружили уваженіе къ несомнѣннымъ правамъ своихъ сочленовъ разсматривать предложенный имъ проектъ не для формы, а серіозно.

Мы указывали далѣе на слѣдующее обстоятельство: всѣхъ голосовъ и въ пользу проекта и противъ него подано только 314, а въ собраніе явилось 393 человѣка. Какъ же объяснить, спрашивали мы, что изъ 393 человѣкъ 79 не подавали голоса? *Рижская Газета* полагаетъ, что имъ вѣроятно прискучило сидѣть въ собраніи, занимавшемся такимъ малоинтереснымъ дѣломъ, какъ городская реформа. Объясненіе, признаемся, крайне невѣроятное. Ужь не было ли тутъ какого-нибудь неудовольствія? Не

разошлись ли эти 79 человѣкъ именно вслѣдствіе того хода, который былъ данъ этому дѣлу? Не было ли ихъ удаленіе протестомъ напримѣръ хотя противъ того, что подача головъ происходила неслыханнымъ до того времени способомъ,—не шарами, а посредствомъ записокъ, на которыхъ каждый долженъ былъ написать *да* или *нѣтъ* и подписать свое имя! Это не наши предположенія; это намъ сообщаютъ изъ Риги, и уклончивое объясненіе *Рижской Газеты* нисколько не разсѣиваетъ нашихъ недоумѣній.

Относительно 126 русскихъ купцовъ, рижскихъ гражданъ, подписавшихъ протестъ, не принятый къ свѣдѣнію при счетѣ голосовъ, мы также имѣемъ теперь нѣкоторыя свѣдѣнія, дающія намъ право сомнѣваться въ вѣрности показанія *Рижской Газеты*, что изъ ихъ числа только 80 оказались дѣйствительными гражданами, а остальные 46 не принадлежатъ къ этой корпораціи. Намъ сообщаютъ, что изъ этихъ 46 гражданъ большинство уплатили гражданскія повинности, но только не были приведены магистратомъ къ какой-то присягѣ, какъ бывало прежде. Почему же магистратъ не привелъ ихъ къ присягѣ, если присяга нужна для того, чтобы пользоваться гражданскими правами? Или они отказывались почему-либо отъ принятія присяги?

Рижская Газета исправляетъ наконецъ неточности въ нашемъ разсказѣ о томъ русскомъ купцѣ, который, какъ намъ сообщали, началъ было говорить по-нѣмецки, но былъ остановленъ докманомъ, замѣтившимъ, что онъ его не понимаетъ, и посовѣтовавшимъ ему напередъ поучиться нѣмецкому языку. Мы не передавали этого разсказа за нѣчто положительно-вѣрное, мы только замѣтили, что если этотъ случай дѣйствительно былъ, чему мы не хотѣли вѣрить, то это случай возмутительный. Въ *Русскомъ Инвалидѣ* однакоже былъ подтвержденъ весь этотъ разсказъ, переданный нами условно, безъ ручательства за его вѣрность. Теперь *Рижская Газета* заявляетъ, что разсказъ не вѣренъ. Первая его *ложь* заключается въ томъ, что русскій купецъ говорилъ не за поправку, предложенную Русскими, а подъ самый конецъ собранія, когда эта поправка уже была отвергнута: вторая неправда заключается въ томъ, что онъ началъ говорить не по-нѣмецки, какъ у насъ было сказано, а по-русски, и притомъ не съ трибуны, какъ слѣдовало бы, а съ своего мѣста, вслѣдствіе чего отъ него потребовали, чтобъ онъ говорилъ на нѣмецкомъ языкѣ и съ трибуны, а такъ какъ онъ не исполнилъ требованіе, собраніе было закрыто. Разказа о совѣтѣ поучиться нѣмецкому языку, какъ читатели видятъ, *Рижская Газета* не опровергаетъ. Но послѣ всего этого она считаетъ себя еще въ правѣ замѣтить намъ, что мы безъ всякой пользы примѣшали вопросъ о языкѣ къ вопросу о городской реформѣ. Безъ всякой пользы! Это или черезчуръ наивно или черезчуръ надменно. Третья долл жителей Риги состоитъ изъ Русскихъ; Рига—важный портовой городъ, который въ скоромъ времени будетъ соединенъ желѣзною дорогою въ Витебскомъ, а въ непродолжительномъ времени будетъ вѣроятно соединенъ и съ болѣе внутренними городами Россіи. Оставивъ въ сторонѣ все другое, не слѣдуетъ ли по этому одному предоставить въ Ригѣ русскому языку полноправность наравнѣ съ языкомъ нѣмецкимъ? Пока русскій языкъ будетъ тамъ въ униженіи, до тѣхъ поръ будетъ въ униженіи и русская народность, и русское купечество. Несправедливость, оказываемая русскому языку, будемъ вести къ антагонизму между Русскими и Нѣмцами, живущими въ Ригѣ, и антагонизмъ будетъ особенно силенъ съ нѣмецкой стороны, по общему правилу, высказанному еще Тацитомъ, что люди начинаютъ ненавидѣть того, кого оскорбляютъ. Русскіе Рижане, намъ пріятно замѣтить это, одушевлены самыми примирительными намѣреніями; неумѣренность, притязательность, заносчивость отнюдь не на ихъ сторонѣ. Какъ образецъ настроенія русскихъ Рижанъ не можемъ не привести здѣсь заключительныхъ словъ изъ письма, полученнаго нами сегодня отъ одного изъ тамошнихъ русскихъ купцовъ. Онъ пишетъ намъ *отъ имени всѣхъ своихъ русскихъ согражданъ*: „Мы отнюдь не упускаемъ изъ виду, что преобразованіе должно совершиться безъ насильственнаго введенія началъ чуждыхъ историческому развитію здѣшняго быта; готовы съ радостью подчиниться закону, отнюдь не хотимъ ничего лишняго противъ другихъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ не хотимъ быть и ниже другихъ.“ Что можетъ быть благоразумнѣе и вмѣстѣ достойнѣе этихъ словъ? Кто же будетъ виноватъ, если эта умѣренность не предотвратитъ національнаго антагонизма, который очень мо-

жетъ причинить Ригѣ побольше вреда чѣмъ старинныя уличныя войны рижскихъ гражданъ съ полновластнымъ магистратомъ? Тѣ времена уже прошли, когда рижскій гражданскій губернаторъ Рихтеръ (это было, если не ошибаемся, въ 1802 году) безнаказанно выгонялъ русскихъ купцовъ, членовъ большой гильдіи, изъ залы, куда они являлись по праву, для избранія альдермана.

№ 27.

Москва, 3-го февраля.

Почти шагъ за шагомъ можно слѣдить за необыкновенно-искусною игрой прусской дипломатіи въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ,—несмотря даже на скудость полуофиціяльныхъ заявленій разныхъ иностранныхъ газетъ. Какъ ни докучливъ этотъ предметъ самъ по себѣ, однакоже онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія по важности послѣдствій, которыя повлекъ бы за собою полный успѣхъ Пруссіи. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь замѣшанъ вопросъ о важномъ измѣненіи территоріяльнаго порядка въ Европѣ, установленнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ, о значительномъ расширеніи предѣловъ и могущества одной изъ великихъ европейскихъ державъ, и слѣдовательно, объ измѣненіи нынѣшней системы политическаго равновѣсія въ Европѣ. Пруссія мѣтитъ не только на то, чтобы такъ или иначе завладѣть Герцогствами, съ ихъ почти милліоннымъ населеніемъ, и съ ихъ помощью стать морскою державою и можетъ быть открыть себѣ прямой выходъ изъ этого моря въ Нѣмецкое: присоединеніе Герцогствъ къ Пруссіи, по общему убѣжденію, сверхъ того было бы только первымъ шагомъ къ поглощенію всей сѣверной Германіи Пруссіей. Осуществленіе подобныхъ замысловъ можетъ ли быть согласно съ видами и съ интересами Россіи? Наша *St.-Petersburger Zeitung* точно также, какъ и другія нѣмецкія газеты выходящія въ предѣлахъ Россіи, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно, прямымъ ли или косвеннымъ образомъ. По ихъ мнѣнію, сильная своимъ согласіемъ и единствомъ Германія можетъ при случаѣ принять грозное положеніе только относительно Франціи; для Россіи же она можетъ быть только „оборонительной стѣной.“ „Не единство и согласіе Германіи, а раздоры нѣмецкихъ государствъ представляютъ опасность для Россіи,“ восклицаетъ *St.-Petersburger Zeitung*, и поэтому она полагаетъ, что задача Россіи заключается въ поддержаніи добраго согласія между нѣмецкими государствами, хотя въ настоящее время согласіе между Пруссіей и Австріей возможно только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ Австрія дѣлала всевозможныя уступки своей соперницѣ.

Мы согласны съ нѣмецкою петербургскою газетой въ томъ, что интересы Россіи и Франціи, по отношенію къ Германіи, также мало согласны между собою, какъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ европейскимъ вопросамъ настоящаго времени. Франція желала бы явнаго разрыва и открытой борьбы между Пруссіей и Австріей, для того чтобы съ помощью той или другой изъ нихъ достигнуть одной и той же цѣли—придвинуть свою сѣверо-восточную границу къ Рейну. Россія, очевидно, не можетъ желать подобнаго союза ни между Франціей и Австріей, ни между Франціей и Пруссіей: союзъ Франціи съ Австріей былъ бы опасенъ для интересовъ Россіи на Востокѣ; союзъ Франціи съ Пруссіей, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, легко могъ бы повлечь за собою такія комбинаціи революціоннаго свойства, которыя никакимъ образомъ не могли бы согласоваться съ интересами и съ видами Россіи. Но открытая борьба между Австріей и Пруссіей принадлежитъ къ числу почти невозможныхъ предположеній, Австрія скорѣе сдѣлаетъ всевозможныя уступки Пруссіи, прежде чѣмъ рѣшится начать съ нею войну, потому что это значило бы заранѣе отречься отъ Венеціи, а можетъ-быть, и отъ Галиціи съ Краковомъ, и возжечь европейскую войну, результаты которой во всякомъ случаѣ могутъ быть для нея только неблагопріятны. Съ другой стороны, и Пруссіи, при всей отважности г. фонъ-Бисмарка, трудно рѣшиться на войну съ Австріей и на уступки въ пользу Франціи, потому что подобная политика могла бы въ одно и то же время лишить Пруссію всѣхъ симпатій къ Германіи и поставить ее въ совершенно изолированное положеніе въ Европѣ, и даже во враждебныя отношенія ко всѣмъ европейскимъ державамъ, за исключеніемъ одной Франціи. Такимъ образомъ, прямой, открытой борьбы между Пруссіей и Австріей, какъ намъ кажется, не возможно ожидать.

Но, можетъ-быть *St.-Petersburger Zeitung* видитъ опасность для Россіи во враждебныхъ отношеніяхъ меньшихъ государствъ Германіи къ Пруссіи и къ Австріи вмѣстѣ, и полагаетъ, что Франція можетъ воспользоваться этою враждебностью для достиженія своихъ цѣлей, пагубныхъ для Россіи. Подобныя опасенія кажутся намъ несоотвѣтствующими настоящему положенію дѣлъ. Въ Парижѣ, какъ справедливо замѣчаетъ вѣнскій корреспондентъ *National Zeitung*, хорошо знаютъ, что еслибы даже правительства второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ и рѣшились на союзъ, съ Франціей, то они встрѣтили бы такое сопротивленіе со стороны собственныхъ своихъ подданныхъ, что этотъ союзъ для нихъ самихъ оказался бы пагубнымъ, а для Франціи совершенно безполезнымъ. Какъ пишутъ въ той же газетѣ изъ Мюнхена, отъ 6-го февраля, дѣйствительно въ первой половинѣ января, какъ въ Мюнхенѣ, такъ и въ Дрезденѣ, была конфиденціяльно сообщена французская депеша, имѣющая отношеніе къ разногласіямъ между второстепенными и великими нѣмецкими державами. Депеша эта, какъ увѣряютъ, была вызвана однимъ нѣмецкимъ дипломатомъ въ Парижѣ, именно саксонскимъ посланникомъ, какъ намекаетъ *Крестовая Газета*, который выразилъ удивленіе, что Франція остается такъ спокойна въ виду критическаго положенія шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, тогда какъ на Лондонской конференціи она принимала положеніе болѣе благопріятное для независимости Герцогствъ. Но въ этой самой депешѣ французское правительство высказываетъ намѣреніе и впредь держаться въ сторонѣ, отъ вопросовъ, касающихся преимущественно одной Германіи. Очень можетъ быть, что г. Друэнъ-де-Люисъ своими извиненіями на этотъ счетъ имѣлъ въ виду вызвать заявленія со стороны Баваріи въ пользу французскаго вмѣшательства. Но онъ ошибся въ своемъ разчетѣ; г. фонъ-деръ-Пфордтенъ, какъ увѣряютъ, отвѣчалъ, что Франція не имѣетъ надобности оправдывать передъ Баваріей свою политику невмѣшательства въ нѣмецкія дѣла. При томъ же если для Франціи и оказалась бы когда-нибудь возможность стать, съ пользою для себя, на сторону второстепенныхъ государствъ Германіи противъ Пруссіи и Австріи, или даже противъ одной Пруссіи, то и въ такомъ случаѣ интересы Россіи не были бы прямо замѣшаны въ этой борьбѣ, и мы имѣли бы много времени передъ собою, чтобы воспрепятствовать ея неблагопріятному для насъ обороту.

Такимъ образомъ, Россіи не предстоитъ надобности въ настоящее время ни предотвращать открытую борьбу между Пруссіей и Австріей, потому что эта борьба сама по себѣ невозможна, ни мирить второстепенныя государства Германіи съ Пруссіей, потому что враждебность ихъ нисколько не угрожаетъ вмѣшательствомъ Франціи въ германскія дѣла и не представляетъ даже и отдѣленной опасности для Россіи. Остается лишь одно предположеніе, что для Россіи можетъ быть опасно охлажденіе между Пруссіей и Австріей, которое могло бы быть слѣдствіемъ энергическаго сопротивленія послѣдней замысламъ г. фонъ-Бисмарка. Что касается до настоящаго положенія дѣлъ, то Австрія очень далека отъ такого энергическаго сопротивленія, и напротивъ, къ сожалѣнію, обнаруживаетъ слишкомъ много наклонности уступать Пруссіи. Какъ увѣряетъ *Neue Freie Presse*, 6-го февраля въ Вѣнѣ была получена депеша г. фонъ-деръ-Пфордтена, въ которой онъ старается склонить Вѣнскій кабинетъ къ тому, чтобы со стороны Австріи была оказана поддержка предложенію, которое давно уже имѣетъ сдѣлать на Германскомъ Сеймѣ Бавaрія,— именно предложенію немедленно ввести принца Августенбургскаго въ обладаніе Герцогствами. Но судя по отзывамъ полуофиціяльной вѣнской газеты *Botschafter*, эта новая попытка Баваріи не была удачнѣе прежнихъ ея попытокъ; хотя для успокоенія второстепенныхъ правительствъ Германіи *Botschafter* и увѣряетъ, что Австрія, какъ прежде, такъ и теперь имѣетъ въ виду, чтобы Герцогства стали самостоятельнымъ и равноправнымъ членомъ Германскаго Союза; однакоже, та же самая газета старается извинить медлительность Пруссіи относительно окончательнаго отвѣта на австрійскую депешу, отъ 21-го декабря. Она говоритъ, что Пруссія напередъ должна была формулировать свои требованія относительно военныхъ, морскихъ и торговыхъ выгодъ, которыя она желаетъ обезпечить себѣ въ Герцогствахъ. Такое формулированіе, продолжаетъ органъ г. фонъ-Шмерлинга, должно было потребовать довольно долгаго времени; да и теперь, когда министерства Пруссіи покончили свои ра-

боты, потребуется не мало времени, чтобы согласить эти работы между собою и изложить ихъ результаты въ одной депешѣ, которая, какъ говорятъ, будетъ имѣть необыкновенный объемъ. *Botschafter* радуется уже и тому, что прусское правительство не будетъ дожидаться мнѣнія коронныхъ юрисконсультовъ, и готово отдѣлить юридическій вопросъ отъ вопроса о выгодахъ, которыя оно желаетъ себѣ пріобрѣсти. Эта снисходительность газеты г. фонъ-Шмерлинга объясняется, быть-можетъ, тѣмъ извѣстіемъ, которое сообщила *Ostdeutsche Post*, извѣстіемъ, что Пруссія обнаружила готовность возмѣстить Австріи впередъ всю сумму причитающуюся ей въ вознагражденіе за военныя издержки. Несмотря на опроверженіе *Всеобщей Корреспонденціи*, *Ostdeutsche Post* говоритъ, что сообщенное ею извѣстіе, можетъ-быть, и очень непріятно для Вѣнскаго кабинета, но что оно тѣмъ не менѣе вѣрно, хотя бы опроверженіе *Всеобщей Корреспонденціи* было поддержано еще какою-нибудь полуофиціяльною прусскою газетой. Вѣнскій корреспондентъ *Hamburger Boersenhalle*, обыкновенно сообщающій точныя свѣдѣнія, не рѣшается опровергать извѣстіе *Ostdeutsche Post* и говоритъ только, что предложеніе не было сдѣлано официяльнымъ порядкомъ, а что одинъ прусскій дипломатъ во время разговора мелькомъ сдѣлалъ замѣчаніе, что Берлинскій кабинетъ почелъ бы за особое для себя счастіе напередъ уплатить Австріи ея военныя издержки, еслибъ этого пожелало австрійское правительство. Такъ или иначе, но Австрія скорѣе слишкомъ благосклонно чѣмъ враждебно настроена теперь къ Пруссіи.

Для насъ вопросъ состоитъ въ томъ, должна ли Россія поддерживать Австрію въ этомъ ея настроеніи. Рѣшительное противодѣйствіе съ стороны Австріи и второстепенныхъ государствъ Германіи, поддержанное всѣмъ нравственнымъ вліяніемъ Россіи, можетъ еще остановить Пруссію въ ея притязаніяхъ, и напротивъ, это противодѣйствіе, какъ бы оно ни было рѣшительно и сильно, все-таки не будетъ въ состояніи заставить Пруссію броситься въ объятія Франціи. Только рѣшительность Австріи и полное ея согласіе въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ съ меньшими государствами Германіи можетъ дать благопріятный оборотъ шлезвигъ-гольштейнскому вопросу. Въ случаѣ же нерѣшительнаго противодѣйствія со стороны Австріи, Пруссія точно также выиграетъ свой процессъ, какъ и въ случаѣ совершенной ея уступчивости. Планъ г. фонъ-Бисмарка, очевидно, разчитанъ на то, чтобы какъ можно болѣе продлить нерѣшительное положеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, если только нельзя будетъ разомъ разрѣшить его въ пользу Пруссіи. Пруссія можетъ выжидать сколько угодно; она можетъ обходиться безъ вознагражденія за свои военныя издержки, она можетъ, не истощая своихъ средствъ, держать войска и своихъ чиновниковъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, между тѣмъ какъ Австрія, безъ крайняго для себя отягощенія, не можетъ рѣшиться ни на то, ни на другое. Пруссія можетъ ждать, и въ этомъ заключается вся сила ея нынѣшняго положенія. Время — на ея сторонѣ, и выгадывая время, замедляя, по возможности, окончательное рѣшеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, она разчитываетъ, что между тѣмъ все населеніе Герцогствъ успѣетъ привыкнуть къ прусской администраціи, и выскажется въ пользу прямаго присоединенія къ Пруссіи, тѣмъ болѣе что въ такомъ случаѣ Герцогства могутъ освободиться отъ уплаты за военныя издержки и будутъ значительно облегчены въ уплатѣ части датскаго долга. Уже теперь, кромѣ 17 знатнѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ пользу блажайшаго соединенія съ Пруссіей высказались еще 200 землевладѣльцевъ и капиталистовъ менѣе значительныхъ; уже теперь Пруссія отправила въ Герцогства своего чиновника, чтобы склонить ихъ населеніе въ пользу вступленія въ Таможенный Союзъ, съ которымъ Австріи, повидимому, не удастся установить даже свой торговый трактатъ.

Вникая въ настоящее положеніе дѣлъ, нельзя не убѣдиться, что интересы Россіи и Австріи сходятся между собою въ томъ, чтобы по возможности противодѣйствовать осуществленію властолюбивыхъ замысловъ Пруссіи. Но Россія не нуждается ни въ какихъ посторонникъ „оборонительныхъ стѣнахъ“ противъ Франціи и какихъ бы то ни было своихъ недруговъ, пока она ограждается твердынею полнаго внутренняго своего согласія и единодушія всѣхъ классовъ своего народа; вмѣстѣ съ тѣмъ Россія вовсе не имѣетъ повода почитать своимъ призваніемъ—поддерживать согласіе и единство между многочисленными государствами Германіи, особенно при такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, когда это

согласіе можетъ только упрочить преобладаніе Пруссіи въ Германіи, а можетъ-быть, и доставить ей перевѣсъ на всемъ Балтійскомъ морѣ. Россія слишкомъ долгое время жертвовала своими матеріяльными и даже нравственными интересами, поддерживая единство и согласіе въ Германіи. Можно надѣяться, что наконецъ наша политика навсегда перестала быть нѣмецкою или французскою, и стала національно-русскою, и что потому для насъ на первомъ планѣ стоятъ теперь не миръ и согласіе между государствами Германіи, а интересы самой Россіи, съ которыми несовмѣстно значительное расширеніе предѣловъ и могущества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и властолюбивыхъ замысловъ Пруссіи.

№ 28.

Москва, 4-го февраля.

Что такое неотчуждаемость недвижимой собственности? Что это такое, свобода или стѣсненіе свободы? Помѣщикъ и городской домовладѣлецъ, если не состоятъ подъ опекой по несовершеннолѣтію или слабоумію, либо за расточительность, имѣютъ право заложить и продать свое имущество: лишите ихъ этого права, и вы можете быть увѣрены, что ни одинъ изъ нихъ не сочтетъ васъ ни своимъ благодѣтелемъ, ни другомъ свободы; всякій скажетъ, и скажетъ совершенно справедливо, что вы хотите опекунствовать. Хороши или дурны ваши побужденія и въ какой мѣрѣ они основательны, это все равно: вѣрно то, что требуя неотчуждаемости недвижимой собственности, вы говорите за опеку, за вмѣшательство, а не за свободу. Если, по вашему мнѣнію, неотчуждаемость собственности, есть благо, то, значитъ, вы считаете свободу за зло. Никакого другаго заключенія нельзя сдѣлать.

Многіе говорили въ пользу законодательной опеки и законодательнаго вмѣшательства, имѣя побужденія несомнѣнно доброжелательныя, но никто изъ говорившихъ въ этомъ смыслѣ не имѣлъ права сказать, что говоритъ либерально и служитъ дѣлу свободы. Напротивъ, опека и вмѣшательство хороши только тамъ гдѣ либеральный образъ дѣйствій почему-нибудь неумѣстенъ, гдѣ почему-нибудь нельзя предоставить людямъ свободу, нельзя положиться на ихъ благоразуміе и умѣнье вести свои дѣла какъ прилично свободнымъ людямъ. Виды опеки бываютъ различные: крѣпостное право — одинъ изъ ея видовъ, неотчуждаемость собственности — другой видъ ея. Но сколько бы ни было видовъ опеки, всѣмъ имъ противоположна свобода, и кто сочувствуетъ свободѣ, тотъ не можетъ сочувствовать ни одному изъ нихъ. Крѣпостное право есть болѣе суровый, неотчуждаемость сама по себѣ — менѣе суровый видъ опеки (въ соединеніи съ общиннымъ правомъ, она можетъ, впрочемъ, оказываться еще суровѣе крѣпостнаго права). Пока неотчуждаемость признается законодательствомъ, до тѣхъ поръ въ законодательствѣ, отмѣнившемъ крѣпостное право, еще господствуютъ тѣ начала, на которыхъ крѣпостное право основывалось. Напротивъ, признавъ свободу перехода крестьянской собственности, законодательство отмѣнило бы самыя начала крѣпостнаго права и слѣдовательно сдѣлало бы послѣдній шагъ въ дѣлѣ освобожденія.

Все это ясно само собой. Противъ свободы крестьянской собственности можно говорить съ разныхъ точекъ зрѣнія, но кромѣ нашихъ журналистовъ, никому, конечно, на свѣтѣ не приходило въ голову возставать противъ свободы крестьянской сособственности какъ противъ чего-то ведущаго къ возстановленію крѣпостнаго права. Съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія можно, пожалуй, придти къ заключенію о неспособности русскихъ крестьянъ пользоваться тою свободой, которая предоставлена русскимъ мѣщанамъ, купцамъ, помѣщикамъ, но во всякомъ случаѣ въ этомъ заключеніи должно выражаться крайне невыгодное мнѣніе о русскихъ крестьянахъ, и только наши журналисты ухитрились совмѣстить это заключеніе съ восторженными фразами о своемъ уваженіи къ русскому крестьянскому быту и даже о своемъ поклоненіи ему. Мы отказываемся входить въ разсмотрѣніе того, чему мы обязаны въ нашей журналистикѣ возможностью подобныхъ куріозовъ; но считаемъ не лишнимъ указать на одну изъ уловокъ, къ которымъ прибѣгаютъ у насъ люди, считающіе своимъ призваніемъ ратовать во имя свободы противъ свободы. Они говорятъ нерѣдко, обращаясь къ друзьямъ свободы: „мы не вѣримъ вашимъ возгласамъ; въ сущности вы враги свободы.“ Говоря это, они разчитываютъ произвести эффектъ на публику, но они не

замѣчаютъ, что разумная часть публики должна отвѣтить имъ: „Не довѣряйте возгласамъ, — недовѣріе можетъ быть очень похвально, если основательно; но зачѣмъ же вы переносите свое недовѣріе на самое дѣло? Зачѣмъ же вы и противъ свободы возстаете? Вы думаете, что тѣ или другіе поборники экономической свободы хотятъ подъ ея видомъ завести въ Россіи организованный трудъ, но какъ же вы не хотите знать, что организованный трудъ, какъ нѣчто противоположное свободѣ, встрѣчаетъ въ ней главное препятствіе своему осуществленію? Какой смыслъ изъ опасенія такъ-называемаго организованнаго труда опасаться его противоположности, свободы труда и свободы собственности, или, что то же, изъ опасенія соціализма нападать на его разрушительницу, политическую экономію?“

Мы заговорили въ пользу отчуждаемости крестьянской собственности по поводу вопроса о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ. Открыть имъ возможно-широкій доступъ къ свободной собственности значитъ открыть имъ доступъ къ достиженію тѣхъ правъ, которыми уже пользуются лица высшихъ сословій. Рѣчь была не о томъ, чтобы навязывать эти высшія права, а только о томъ, чтобъ облегчить ихъ пріобрѣтеніе государственнымъ крестьянамъ. Намъ возражаютъ, что эти высшія права могутъ послужить во вредъ. Пусть могутъ; но тѣмъ не менѣе это права высшія и тѣ сословія, которыя ими пользуются, такъ дорожатъ ими, что конечно не откажутся отъ нихъ добровольно. Чѣмъ больше человѣку предоставляется свободы, тѣмъ болѣе получаетъ онъ возможности злоупотреблять ею. Но развѣ вслѣдствіе того люди не цѣнятъ и не ищутъ свободы? А въ данномъ случаѣ все злоупотребленіе свободы можетъ состоять единственно въ продажѣ участка земли. При обиліи земель и недостаткѣ рукъ въ Россіи это злоупотребленіе, кажущееся столь важнымъ, теряетъ всякое значеніе. Если гдѣ-нибудь, то именно въ Россіи, нѣтъ основанія опасаться вредныхъ послѣдствій свободной крестьянской собственности, а можно ожидать отъ нея только самаго благотворнаго дѣйствія на весь народный бытъ и на сельское хозяйство. Если насъ можно было обвинить въ чемъ-нибудь, то единственно въ мнѣніи о способности государственныхъ крестьянъ къ освобожденію отъ полукрѣпостнаго быта, въ которомъ они живутъ теперь, прикрѣпленные въ извѣстной степени къ землѣ. Но называть крѣпостничествомъ мысль объ освобожденіи отъ прикрѣпленія, это ужь черезчуръ плохо и ни мало не остроумно. При этомъ надобно замѣтить, что мы говорили исключительно о государственныхъ крестьянахъ, а бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ не касались. Откуда же взялись мрачныя опасенія крѣпостничества?

Мы не стали бы распространяться объ этихъ несчастныхъ уловкахъ, еслибъ онѣ имѣли только личный характеръ. Будь эти уловки направлены только противъ насъ, мы не обратили бы на нихъ никакого вниманія. Но нѣкоторыя „независимыя“ газеты силятся дать дѣлу такой видъ, что эти куріозныя поползновенія обратить государственныхъ крестьянъ въ крѣпостное состояніе будто бы имѣютъ корень въ зловредныхъ стремленіяхъ цѣлаго класса русскаго общества, и притомъ класса первенствующаго. Принимая такіе размѣры, эта пошлость становится серіознымъ дѣломъ, на которое нельзя не обратить вниманія публики. Это ужь не просто журнальное гаерство, это попытка внести духъ вражды и розни въ русскій народъ. Обвиненіе въ крѣпостничествѣ, бросаемое теперь въ лицо русскому дворянству, также лживо и также безчестно какъ и тѣ клеветы, которыми революціонный польскій жондъ пытался очернить весь русскій народъ. Оно будетъ столько же безсильно причинить русскому дворянству и вмѣстѣ съ нимъ всему русскому народу дѣйствительный вредъ, сколь мало пользы принесли клеветы и ложь польской справѣ.

№ 29.

Москва, 5-го февраля.

Вчера были открыты законодательныя палаты Франціи, и тронная рѣчь императора Наполеона, которой всѣ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, и о которой заранѣе шло столько толковъ и предположеній, тотчасъ же облетѣла всѣ страны Европы; но любопытство, которое было возбуждено ожиданіями, едва ли найдетъ себѣ въ этой рѣчи какое-либо удовлетвореніе. Сфинксъ проговорилъ, но поставленныя имъ загадки попрежнему большею частью остались за-

гадками; одинъ лишь пунктъ, какъ намъ кажется, достаточно выяснился, и этотъ пунктъ для насъ очень важенъ.

Съ перваго раза можетъ показаться, что императоръ Наполеонъ, наконецъ въ самомъ дѣлѣ серіозно и искренно обратился на путь мира, и желаетъ положить конецъ всѣмъ кровопролитіямъ и всѣмъ тревогамъ и опасеніямъ, которыя не переставали смущать Европу съ самаго его воцаренія во Франціи. Онъ говоритъ, что всѣ экспедиціи приходятъ къ концу, что вскорѣ предстоитъ закрытіе храма войны и что Франція можетъ удовольствоваться славою и побѣдами ея армій въ Европѣ, въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ. Но кто можетъ поручиться, что властелинъ Франціи дѣйствительно желаетъ закрытія храма войны, и что сама Франція удовольствуется достигнутыми ею доселѣ результатами? Сама тронная рѣчь, по крайней мѣрѣ, не представляетъ никакихъ въ томъ ручательствъ. Дѣйствительно, оружіе Франціи увѣнчалось новою славой въ Европѣ, въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ. Въ союзѣ почти со всею Европой, или явно къ намъ враждебною, или втайнѣ намъ недоброжелательною, она успѣла восторжествовать надъ ними въ войнѣ, которая, не пользовалась у насъ народнымъ сочувствіемъ и не имѣла національнаго значенія, и которая начата была противъ насъ въ то время, когда внутреннее состояніе Россіи было крайне неудовлетворительно. Россія послѣ полуторавѣковыхъ побѣдъ надъ всѣми своими врагами, дѣйствительно, была принуждена признать себя побѣжденною, въ собственныхъ своихъ предѣлахъ. Но это торжество надъ Россіей едва ли принесло существенную пользу Франціи. Правда, оно поддержало и нѣсколько упрочило турецкое владычество надъ христіанскими племенами; но сохраненіе Турецкой имперіи составляетъ несравненно большой интересъ для Англіи и даже для Австріи чѣмъ для Франціи, и послѣ восточной войны усиливалось на Востокѣ, сравнительно съ прежнимъ вліяніе не Франціи, а Англіи. Въ слѣдующей за тѣмъ войнѣ Франція также восторжествовала надъ другою имперіей, внутреннее состояніе которой до войны было также почти безотрадно какъ и состояніе самой Россіи; но и это торжество, хотя повело благодаря содѣйствію Россіи, къ нѣкоторому расширенію предѣловъ Франціи, однакоже завершилось результатами, которые не совсѣмъ согласны съ ея интересами: политическое единство Италіи, какъ оказалось въ Вилла-Франкскомъ перемиріи, вовсе не находилось въ видахъ императора Наполеона, но Англія повела дѣло такъ ловко, что онъ принужденъ былъ способствовать единой Италіи. Не будемъ упоминать о другихъ менѣе значительныхъ войнахъ. Всѣ онѣ были болѣе или менѣе счастливы для Франціи, но ни одно изъ вѣковыхъ стремленій ея политики нисколько не было ими осуществлено. Средиземное море далеко еще не стало французскимъ озеромъ; сѣверовосточная ея граница, вопреки географическимъ опредѣленіямъ Цезаря, далеко не совпадаетъ съ теченіемъ Рейна, и наконецъ, ея отдаленная и притомъ все еще не принадлежащая къ міру сему союзница, католическая Польша, была и въ настоящую пору точно также предоставлена собственному безсилію какъ въ то время, когда на престолѣ Франціи была Орлеанская династія, съ тою лишь разницей, что тогда Поляки не были и въ сотую долю столько подстрекаемы противъ Россіи съ береговъ Сены и Темзы, сколько теперь. Можно ли всѣмъ этимъ настолько гордиться чтобъ не думать о другихъ успѣхахъ въ будущемъ?

Начало тронной рѣчи, какъ намъ кажется, вполнѣ характеризуетъ тѣ виды, которые скрываются за обѣщаніемъ запереть врата европейскаго Януса. Императоръ сожалѣетъ о томъ, что предложенный имъ въ ноябрѣ 1863 года конгрессъ, отъ котораго онъ будто бы ожидалъ мирнаго устраненія европейскихъ несогласій, не состоялся. Это предложеніе не можетъ не быть памятно Россіи. Оно было сдѣлано вслѣдъ за неудачнымъ исходомъ дипломатической кампаніи за Польшу и только отчасти въ виду возникавшихъ несогласій между Германіей и Даніей. Конгрессъ не состоялся, польскій мятежъ былъ подавленъ силою оружія, датско-германская распря была разрѣшена тѣмъ же способомъ, и вотъ императоръ Наполеонъ, въ виду этихъ совершившихся фактовъ, заявляетъ теперь, что мечъ нерѣдко разсѣкаетъ вопросы, не разрѣшая ихъ. Какъ это ни прискорбно, но въ этихъ словахъ нельзя не видѣть намека на такъ-называемый польскій вопросъ. Императоръ Наполеонъ, повидимому, не хочетъ вѣрить въ дѣйствительность и прочность русскихъ попытокъ

рѣшить этотъ вопросъ безъ посторонняго вмѣшательства и повидимому ожидаетъ не сліянія Поляковъ съ Русскими въ одну политическую націю „согласныхъ между собою братій“, а какого-то другаго разрѣшенія, основаніемъ для котораго послужили бы не желанія и чувства русскаго народа, разумно сознанныя русскимъ правительствомъ, а какое-то удовлетвореніе „истинныхъ“ интересовъ народовъ посредствомъ единодушія государей. „Единственная основа прочнаго мира, говоритъ онъ, есть удовлетвореніе истинныхъ интересовъ народовъ посредствомъ единодушія государей.“ Надъ этой фразой стоитъ поразмыслить. Она такъ отзывается ненавистнымъ Франціи Священнымъ Союзомъ, что не могла попасть въ тронную рѣчь императора Французовъ безъ особенныхъ видовъ. Она показываетъ прежде всего, что императоръ Наполеонъ и самъ не вѣритъ въ прочность мира, если не будутъ удовлетворены „истинные“ интересы народовъ, и притомъ удовлетворены тѣмъ именно путемъ, на который онъ указывалъ въ ноябрѣ 1863 г. путемъ конгресса, путемъ соглашенія государей не съ народомъ, каждому изъ нихъ подвластнымъ, а съ иноземными государями: не вѣритъ въ прочность мира, и слѣдовательно, не желаетъ его, потому что упроченію мира въ Европѣ, главнѣйшимъ образомъ, препятствуетъ политика императорской Франціи, направленная къ возмущенію внѣшней безопасности и внутренняго спокойствія народовъ. Что касается до прочнаго внутренняго мира народовъ, то дѣйствительно, единственною основой его можетъ быть только удовлетвореніе ихъ истинныхъ интересовъ, но вся сила заявленія тронной рѣчи заключается въ томъ, что „истинные“ интересы народовъ, на которые ей угодно намекать, должны быть удовлетворяемы не путемъ самостоятельнаго дѣйствія каждаго изъ государей въ отдѣльности, — дѣйствія, согласнаго съ желаніями и чувствами народа, а путемъ соглашенія однихъ изъ государей, по внутреннимъ ихъ дѣламъ, съ другими иноземными государями, до которыхъ эти дѣла вовсе не касаются, и которые, по своимъ разсчетамъ и интересамъ своихъ государствъ, нерѣдко должны желать лишь самаго худшаго для нихъ оборота. Императоръ Наполеонъ указываетъ всѣмъ государямъ Европы такой путь, которымъ наименѣе могутъ быть узнаны и удовлетворены истинные интересы народовъ, который менѣе всего совмѣстенъ съ честью, достоинствомъ и независимостью государствъ, и который онъ, тѣмъ не менѣе, называетъ единственною основой прочнаго мира. Если эта основа прочнаго мира заключается въ отреченіи народовъ отъ ихъ независимости во внутреннихъ дѣлахъ и въ подчиненіи ихъ волѣ или внушеніямъ иноземнымъ государей, то не найдется народа, который не предпочелъ бы тягостную войну такому миру.

Что въ данномъ случаѣ, изъ обоихъ совершившихся событій, которыя имѣлись въ виду въ пору предложенія конгресса, императоръ Наполеонъ мѣтитъ исключительно на польскія дѣла, а не на шлезвигъ-гольштейнскія, доказательствомъ служитъ то, что о послѣднихъ онъ упоминаетъ особо въ слѣдующемъ за тѣмъ мѣстѣ своей рѣчи, гдѣ онъ снова высказывается въ пользу начала національностей и права населеній на участіе при рѣшеніи ихъ судьбы. Еслибъ это начало и это право пользовались дѣйствительнымъ уваженіемъ со стороны императорской Франціи, то она прежде всего отреклась бы отъ ученія, что истинные интересы народовъ могутъ быть удовлетворяемы посредствомъ соглашенія государей между собою, а не съ подвласною каждому изъ нихъ политическою націей. Въ этой теоріи Наполеона III заключается несовмѣстное съ независимостью и честью другихъ народовъ притязаніе направлять ихъ внутреннія дѣла и рѣшать ихъ судьбы путемъ постороннихъ, иноземныхъ внушеній, которыя могутъ прикрываться самыми дружественными формами, но въ основѣ которыхъ всегда окажется или непріязнь, или полнѣйшее пренебреженіе къ національнымъ интересамъ страны, и которыя принимаютъ то революціонный характеръ, характеръ подстрекательства противъ законнаго правительства, обращаясь къ подданнымъ чужой страны, то характеръ неумѣстнаго вмѣшательства и совѣтодательства, обращаясь къ ея правителямъ. Между тѣмъ это ученіе составляетъ господствующую мысль тронной рѣчи 16-го февраля. Вся остальная часть рѣчи или не представляетъ собою ни какого особеннаго интереса внѣ Франціи, или нисколько не уясняетъ ея дальнѣйшихъ видовъ и намѣреній. Такъ, между прочимъ, франко-италіянская конвенція послѣ тронной рѣчи осталась такою же

загадкой, какою была и прежде. Для чего понадобилась она Франціи, какую думаетъ она извлечь изъ нея пользу, въ какую сторону ее направить—противъ ли Рима, или противъ Венеціи, разъясненія всѣхъ этихъ вопросовъ попрежнему должно ожидать отъ будущихъ событій.

№ 30

Москва, 6-го февраля.

Едва ли до сихъ поръ какое-нибудь политическое дѣло порождало столько лжи какъ польская справа въ 1863 году. Пользуясь всѣми пособіями современной цивилизаціи, ложь, которою питалось это дѣло, принимала невѣроятные размѣры. Телеграфъ по цѣлому міру разносилъ извѣстія о небывалыхъ побѣдахъ и пораженіяхъ; выдумывались не только отдѣльные случаи, но и цѣлые ряды событій, которымъ ничто въ дѣйствительности не соотвѣтствовало; въ закупленныхъ журналахъ печатались патетическія выходки о томъ чего не было, чего даже не могло быть, или что было совершенно въ иномъ видѣ и смыслѣ противъ того что повѣщалось со всею торжественностію и съ самыми формальными ручательствами за достовѣрность; появлялись подложные документы, которые несмотря на очевидную нелѣпость свою, тѣмъ не менѣе становились предметомъ серіозныхъ толковъ и принимались въ основаніе для самыхъ рѣшительныхъ приговоровъ. Каждое дѣйствіе русскаго правительства, каждое движеніе въ русскомъ народѣ перетолковывалось самымъ безсовѣстнымъ образомъ; въ законодательныхъ палатахъ и журналахъ возвѣщалось, на основаніи только что полученныхъ извѣстій, о революціонныхъ движеніяхъ и возстаніяхъ, будтобы прорывавшихся внутри Россіи и угрожавшихъ конечною гибелью ея государственному составу. Варшавскій *жондъ* не дремалъ, его агенты были дѣятельны; бреславскій и краковскій телеграфы работали безъ устали. Примѣры заразительны, особенно примѣры столь грандіозные; слава соблазнительна, особенно та, которую стяжали себѣ члены и агенты польскаго жонда. Странное дѣло! Печальный исходъ той лжи, которую творили и распускали по свѣту польскіе повстанцы, долженъ бы послужить убѣдительнымъ доказательствомъ, что ложь можетъ имѣть только минутныя торжества, что ложью ничего нельзя взять прочно, что она не усиливаетъ, а ослабляетъ и роняетъ дѣло, которому служитъ. Тѣмъ не менѣе примѣръ польскихъ повстанцевъ нашелъ подражателей: по ихъ слѣдамъ ринулись теперь въ область лжи разные публицисты и корреспонденты по части русскихъ дѣлъ. Эти русскіе вѣстовщики не хотятъ отстать отъ польскихъ въ выдумкахъ и подлогахъ. Между русскими и польскими изобрѣтателями и распространителями ложныхъ извѣстій есть еще и то весьма заразительное сходство, что какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ равно своимъ предметомъ чернить и позорить русское имя. Дѣятельность русскихъ вѣстовщиковъ не въ томъ состоитъ чтобы платить врагамъ за ложь ложью, и мы не можемъ не порадоваться, что русское дѣло не защищается лжецами. Нѣтъ, русскіе вѣстовщики не защищаютъ русскаго дѣла, а только конкуррируютъ съ польскими въ поруганіи русскаго общества.

Особенно обильнымъ матеріяломъ для изобрѣтенія и распространенія фальшивыхъ извѣстій изъ Россіи послужили недавно происходившіе и несостоявшіеся дворянскіе выборы въ Москвѣ. Намъ уже доводилось говорить о петербургскихъ корреспонденціяхъ брюссельской газеты *Indépendance belge*. Безсовѣстностью лжи и отвагой подлога эти корреспонденціи могутъ со славой выдержать сравненіе со всѣмъ что выходило изъ тайныхъ канцелярій и типографій польскаго жонда. Въ польскихъ революціонныхъ изданіяхъ, которыя не останавливались ни передъ какою клеветой, ни передъ какимъ ругательствомъ, трудно было бы найдти болѣе безчестныя выходки противъ русскаго дворянства (не смотря на то что агенты польскаго *жонда* были такъ злы на него), какъ въ этихъ русскихъ корреспонденціяхъ. Но и кромѣ этихъ возмутительныхъ корреспонденцій, мы безпрестанно встрѣчаемъ въ иностранныхъ газетахъ извѣстія изъ Петербурга, представляющія дѣло въ фальшивомъ свѣтѣ и обильно распространяющія о немъ всякую небывальщину. Авторы этихъ извѣстій не довольствуются осужденіемъ, съ законной точки зрѣнія, совѣщаній происходившихъ въ московскомъ дворянскомъ собраніи; они считаютъ почему-то нужнымъ украшать ихъ небывалыми обстоятельствами и подробностями. Они повѣ-

ствуютъ о какомъ-то духѣ касты, который будто бы проявился въ этихъ совѣщаніяхъ; они передаютъ въ столбцы нѣмецкихъ газетъ, въ умышленно искаженномъ переводѣ, текстъ главнаго постановленія принятаго на этихъ совѣщаніяхъ, какъ бы находя, что въ его неискаженномъ видѣ онъ не могъ бы достаточно уронить репутацію московскаго дворянства за границей. Они баснословятъ о томъ, что на дворянскихъ выборахъ въ Москвѣ собиралось лишь крупное дворянство, и будто бы оно постаралось устранить мелкое дворянство. Далѣе они баснословятъ, что между громаднымъ большинствомъ и ничтожнымъ меньшинствомъ этого собранія былъ споръ о свободѣ печати, и что будто бы меньшинство состоявшее изъ тридцати семи человѣкъ желало водворенія у насъ этой свободы, а двѣсти семьдесятъ, составлявшіе большинство, противились тому, и что будто бы означенные тридцать семь человѣкъ меньшинства составляютъ либеральную партію, а двѣсти семьдесятъ ретроградную и т. п. Но замѣчательно то, что всѣ эти хлопоты произвести извѣстный эффектъ не достигаютъ своей цѣли. У насъ передъ глазами вчера полученные нумера двухъ нѣмецкихъ газетъ, берлинской *Kreuzzeitung* и вѣнской *Wanderer*. Извѣстно что такое эта *Крестовая Газета*: это органъ такъ-называемой въ Пруссіи феодальной или юнкерской партіи, какой не имѣется въ Россіи и для какой, слава Богу, нѣтъ и элементовъ въ ней. И что же! Эта почтенная газета, на основаніи получаемыхъ ею сообщеній, ратуетъ противъ московскаго дворянства именно за феодальный духъ и юнкерскія наклонности, которыя будтобы оно обнаруживаетъ. Еслибы московское дворянство дѣйствительно обнаруживало такой духъ и такія наклонности, то неестественнѣе ли было бы ему встрѣтить въ этой газетѣ не порицанія, а горячее сочувствіе? Особенно же забавно то, что въ то самое время какъ эта феодальная газета негодуетъ на феодальныя наклонности московскаго дворянства, въ либеральныхъ берлинскихъ кругахъ, къ неменьшему негодованію той же газеты, произносятъ о московскомъ дворянствѣ совершенно противоположныя сужденія. Она не подозрѣваетъ, что именно ея порицанія и вызываютъ въ другихъ сферахъ сочувствіе къ тому, что ея порицаніямъ подвергается. „Въ либеральномъ лагерѣ (въ Берлинѣ), восклицаетъ *Крестовая Газета*, превозносится прогрессивность московскаго дворянства... И ничто не помогаетъ! продолжаетъ эта газета, истощаясь въ усиліяхъ разубѣдить ликующихъ,—ничто не помогаетъ! они все ликуютъ и радуются, полагая что старорусская партія (хотя, по толкованію самой *Крестовой Газеты*, эта старо-русская партія состоитъ изъ самыхъ разрушительныхъ революціонныхъ элементовъ) потерпѣла отъ московскаго дворянства пораженіе, и что либеральный элементъ снова взялъ верхъ.“ Вотъ какія чудеса происходятъ въ Берлинѣ, а вотъ что въ то же время происходитъ въ Вѣнѣ: газета *Wanderer*, отъ 12-го февраля, остающаяся до сихъ поръ вѣрною польскому дѣлу, приводитъ въ странную связь закрытіе московскаго дворянскаго собранія съ оживленіемъ польскихъ надеждъ. „Энергическое дѣйствіе правительства противъ московскаго дворянства, говоритъ эта газета, возбудило-было надежды.“ Увы! эта газета тутъ же сознается, что ея надежды плохо сбываются.

Изо всего что появилось въ заграничныхъ газетахъ по поводу упомянутаго московскаго событія, серіознаго вниманія заслуживаетъ только корреспонденція газеты *le Nord*, въ нумерѣ отъ 6-го февраля. Она была писана 17-го (29-го) января, прежде чѣмъ авторъ ея могъ получить достаточно полныя извѣстія о характерѣ и свойствахъ дѣла. Поэтому очень естественно, что и въ эту корреспонденцію прокрались нѣкоторыя неточности; но она написана вполнѣ добросовѣстною рукой, и съ желаніемъ не запутать, а разъяснить дѣло. Вотъ, безъ сомнѣнія, причина почему именно эта корреспонденція была воспроизведена въ нашихъ офиціяльныхъ газетахъ, и прежде всѣхъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*. Корреспондентъ видитъ въ дѣйствіи московскаго дворянства увлеченіе, и старается объяснить причины, породившія это увлеченіе. Прежде всего, онъ характеризуетъ оттѣнки мнѣній, на которые раздѣляется наше образованное общество „Не„оспоримо,“ говоритъ онъ, „что идеи вы„сказанныя въ Москвѣ достаточно распро„странены въ Россіи. Весь вопросъ заклю„чается только въ благовременности, свой„ствѣ и размѣрѣ учрежденій, которыя пред„стоитъ создать. Вотъ въ чемъ образо„ванная часть общества раздѣляется на

„множество оттѣнковъ.“ Авторъ оставляетъ въ сторонѣ такъ-называемыя имъ крайнія партіи, „изъ которыхъ однѣ мечтаютъ „о соціалистической демократіи самаго сумасброднаго свойства, которую парижская чернь оставила въ грязи въ 1849 г., „и которую не захочетъ теперь поднять „ни одинъ французскій поденщикъ; другія „хотятъ какого-то демагогическаго цариз„ма, который призывалъ бы Государя де„спотически властвовать надъ приниженною массой, находящеюся у подножія об„щественной лѣстницы; наконецъ иные гре„зятъ о рѣшительномъ возвращеніи къ пре„краснымъ днямъ стараго боярства, ко„торое предшествовало реформѣ Петра Ве„ликаго.“ Хотя довольно сомнительно, чтобы кто-нибудь въ Россіи мечталъ о прелестяхъ старинаго боярства и серіозно желалъ возвращенія тѣхъ эпохъ, когда эти бояре именовали себя не иначе какъ холопами и находились подъ батогами; но мы не будемъ спорить съ авторомъ на этомъ пунктѣ, тѣмъ болѣе что онъ и не считаетъ эти нелѣпыя партіи чѣмъ-либо серіознымъ. „Эти крайнія партіи,“ говоритъ онъ; „не имѣютъ никакого серіознаго значенія и никакихъ корней въ странѣ.“ Что же касается до тѣхъ партій, которымъ онъ придаетъ серіозное значеніе, и на которыя раздѣляется мыслящее большинство общества, то онъ группируетъ ихъ на три оттѣнка. Есть люди, которые были бы готовы пуститься стремглавъ въ подражаніе чужеземнымъ учрежденіямъ; другіе хотѣли бы чтобы либеральныя учрежденія произошли въ Россіи естественно, сами собою, изъ нѣдръ живыхъ и національныхъ силъ страны; третьи, наконецъ, полагаютъ, что народъ еще не созрѣлъ для подобныхъ учрежденій, и что въ настоящее время они ему не требуются. „Вы легко поймете,“ продолжалъ онъ, „на сколько безконечныхъ оттѣнковъ подраздѣляется, даже на „почвѣ умѣренныхъ либеральныхъ учрежденій, та мыслящая часть общества, въ „нѣдрахъ которой таится сѣмя будущности Россіи. Московское дворянство занимаетъ въ этой части общества весьма „важное мѣсто.“

Заговоривъ о московскомъ дворянствѣ, корреспондентъ касается приписываемаго ему характера оппозиціи правительству. Онъ не отрицаетъ, что дворянство недовольно, но причину этого недовольства приписываетъ не эмансипаціи. „Дворянство,“ говоритъ онъ, „лишенное однимъ почер„комъ пера части своего имущества, при„мирилось съ этимъ приговоромъ; но оно „почувствовало побужденіе просить, чтобъ „оставшіяся еще за нимъ права собствен„ности были ограждены отъ произвольныхъ „реформъ. Отсюда мысль о необходимости гарантій. Но не одинъ только этотъ „путь приводитъ къ такому заключенію. „Общее положеніе страны, нетвердость законовъ, ослабленіе начала власти, соціалистическія тенденціи распространяемыя „изъ нѣкоторыхъ сферъ, замѣшательство „причиненное въ хозяйствѣ крестьянскою „реформой, недостатокъ кредита и общее „финансовое затрудненіе, — все это могущественно способствовало развитію по„требности болѣе широкихъ реформъ. По„слѣ того какъ правительство само дало „ходъ этому преобразовательному движе„нію, покинувъ колею прежняго бюрократическаго деспотизма и призвавъ страну „къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, „послѣдствія проистекающія изъ нынѣшняго переходнаго состоянія заставили да„же самыхъ степенныхъ людей желать „выйдти какъ можно скорѣе изъ этого по„рядка вещей, и предлагалъ правительству „содѣйствіе всѣхъ образованныхъ силъ на„ціи. Вотъ, по моему мнѣнію, истинное „происхожденіе того движенія, которое про„изошло въ Москвѣ. Дворянское собраніе „было проникнуто желаніемъ распростра„неннымъ повсюду; оно полагало что нуж„но же было кому-нибудь сдѣлать начало, „чтобы выйдти изъ круга неопредѣленныхъ „стремленій и выступить на почву поли„тическаго дѣйствія. Не ищите другой при„чины для объясненія демонстраціи, кото„рую оно хотѣло произвести. Тутъ нѣтъ „ни заговора, ни революціонной попытки, „ни даже проявленія партій сильно орга„низованныхъ и вступающихъ въ борьбу „съ правительствомъ. Это было болѣе увле„ченіе. Люди искренно убѣжденные пожелали прежде другихъ перенести въ об„ласть факта общее для всѣхъ чувство, „даже рискуя лично компрометтировать „себя въ виду слишкомъ сомнительнаго „успѣха.“

Корреспондентъ не думаетъ однако одобрять это движеніе. Онъ вопервыхъ находитъ, что собраніе было не право, рѣшившись впервые изъявить это желаніе отъ лица дворянства, составляющаго особое сословіе; вовторыхъ онъ находитъ, что дво-

рянство поступило ошибочно, не дождавшись земскихъ собраній, которыя, подъ руководствомъ дворянства и дисциплинированныя имъ, могли бы съ большимъ успѣхомъ выразить передъ Престоломъ свои желанія; наконецъ, корреспондентъ обвиняетъ московское дворянство въ нѣкоторыхъ замашкахъ, напоминающихъ французскій адвокатскій парламентаризмъ.

Совѣщанія московскаго дворянскаго собранія подверглись осужденію, но вовсе не по тѣмъ причинамъ, на которыя указываетъ корреспондентъ. Какимъ образомъ московское дворянство могло бы въ уѣздныхъ и земскихъ собраніяхъ ставить вопросы, къ которымъ эти собранія еще менѣе призваны чѣмъ собранія дворянскія? Наше дворянство могло ошибиться, оно могло увлечься своимъ чувствомъ и допустить большую или меньшую неправильность въ своемъ собственномъ собраніи; но оно на столько обладаетъ политическимъ смысломъ, на столько проникнуто чувствомъ своего долга, что никакъ не захотѣло бы пускаться въ агитацію на такой почвѣ, гдѣ агитація была бы беззаконіемъ. Оно не захотѣло бы искусственными способами придавать своему мнѣнію характеръ настоянія.

Что же касается до адвокатскаго парламентаризма, то нѣтъ никакого основанія упрекать въ чемъ-либо подобномъ большинство нашего дворянства. Въ многочисленномъ обществѣ весьма естественно могутъ быть самые разнообразные элементы; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что громадное большинство нашего дворянства совершенно свободно отъ пристрастій къ французскимъ образцамъ. Оно будетъ сочувствовать слѣдующимъ строкамъ корреспондента, повтореннымъ и въ офиціяльныхъ нашихъ газетахъ: „Нѣтъ ничего ошибоч„нѣе, какъ предположеніе будто бы наше „правительство склонно противодѣйство„вать мысли объ участіи законныхъ инте„ресовъ въ дѣлахъ, которыя ихъ касают„ся, посредствомъ представительства осно„ваннаго на выборахъ. Оно только не хо„четъ для Россіи парламентаризма кра„мольнаго, парламентаризма адвокатскаго, „котораго не могла вынести Франція... „Что же касается до представительства се„ріознаго, практическаго, чистой пробы, „имѣющаго свои корни въ нѣдрахъ обще„ства, въ интересахъ живыхъ и законныхъ, „то русское правительство вовсе не дума„етъ противиться ему. Самъ Монархъ по„ложилъ ему основы созваніемъ уѣздныхъ „и губернскихъ земскихъ собраній.“

№ 31.

Москва, 8-го февраля.

Нѣкоторыя нѣмецкія газеты наполняются теперь толками по поводу неожиданно распространившейся молвы объ административныхъ преобразованіяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Эта молва была распространена недавно пущенною изъ Варшавы телеграммой, о которой упоминалось въ нашей газетѣ и которая положительно извѣщала, что варшавскія власти получили уже офиціяльнымъ порядкомъ планъ новаго административнаго раздѣленія этого края и тѣснѣйшаго соединенія его управленія съ управленіемъ всей Россійской Имперіи: весь край долженъ быть раздѣленъ на 27 департаментовъ, званіе намѣстника упразднено, а правительственныя коммиссіи слиты съ соотвѣтствующими департаментами центральнаго управленія въ Петербургѣ. Въ самомъ ли дѣлѣ вѣсть эта имѣетъ нѣкоторое основаніе, или же это только *ballon d'essai*, штука, разчитанная на нѣкоторыя обстоятельства, и имѣющая цѣлію произвести нѣкоторый эффектъ? Около трехъ мѣсяцевъ тому назадъ было уже пущено подобное извѣстіе о мѣрахъ, будто бы уже принятыхъ русскимъ правительствомъ для окончательнаго сліянія Царства Польскаго съ остальными областями Россійской Имперіи. Что сліяніе это есть единственно благополучный исходъ такъ называемаго польскаго вопроса, въ этомъ кажется нельзя сомнѣваться, если смотрѣть на дѣло не съ французской, а съ русской точки зрѣнія; но распространители извѣстія о принимаемыхъ въ такомъ смыслѣ мѣрахъ, конечно не заботились о томъ чтобы способствовать благополучному исходу дѣла. Телеграмма пущенная изъ Бреславля имѣла цѣлію подогрѣть польскій вопросъ и вызвать какое-нибудь движеніе въ европейской печати противъ окончательнаго сліянія Царства Польскаго съ другими областями Имперіи. Результаты не оправдали этого ожиданія, и европейская печать приняла эти извѣстія отчасти съ полнымъ равнодушіемъ, а отчасти даже съ сочувствіемъ. Этотъ опытъ показалъ самымъ лучшимъ

образомъ, что въ Европѣ такъ называемый польскій вопросъ не имѣетъ никакого серіознаго значенія, и какъ только прекратилось дѣйствіе искусственныхъ причинъ, общественное мнѣніе, предоставленное самому себѣ, забыло о самомъ существованіи польскаго вопроса. Теперь, повидимому, агитаторы, наученные опытомъ, приняли заранѣе нѣкоторыя мѣры, чтобъ обезпечить себѣ какой-нибудь успѣхъ. Газеты, служащія особенно усердными органами враждебныхъ Россіи интригъ получили, по всему вѣроятію, *le mot d'ordre*, и изо всѣхъ силъ стараются произвести какъ можно болѣе шума по поводу пущеннаго извѣстія о готовящихся административныхъ реформахъ въ Царствѣ Польскомъ Время для распространенія этой агитаціи выбрано въ видахъ интриги довольно благопріятное. Открылась сессія и британскаго парламента и французскихъ законодательныхъ палатъ. Изъ тона газетъ, которыя взялись эксплуатировать это извѣстіе, ясно замѣтенъ умыселъ произвести на русское правительство нѣкоторое впечатлѣніе и можетъ-быть вызвать съ его стороны какое-нибудь увѣреніе, прямое или косвенное. Въ противномъ случаѣ, если русское правительство дѣйствительно имѣетъ въ виду какія-либо значительныя перемѣны въ устройствѣ управленія этой части своихъ владѣній, — перемѣны, которыя дали бы этому устройству видъ болѣе соотвѣтствующій положенію дѣлъ и интересамъ Россіи, то протестаціями и всякаго рода заявленіями имѣется въ виду поколебать его рѣшимость, и черезъ то выиграть время; если же рѣшенія не принято, то—возбудить въ правительствѣ опасенія новыхъ тревогъ и волненій и побудить его отказаться отъ политики, которую ему заранѣе приписываютъ.

Что касается до содержанія извѣстія, разнесеннаго телеграфомъ, то нельзя не согласиться, что въ настоящее время это было самою дѣйствительною мѣрой для водворенія спокойствія не только въ царствѣ Польскомъ, но и во всемъ западномъ краѣ, котораго замираніе безусловно зависитъ отъ хода дѣлъ въ Варшавѣ. Можно сказать съ увѣренностью, что всякое дѣйствіе, которое обнаружило бы полную рѣшимость Россіи поступить въ польскомъ дѣлѣ согласно лишь съ своими интересами, а также интересами польскаго края, имѣло бы огромное вліяніе на замираніе западнаго края. Чѣмъ менѣе значенія будетъ придаваемо Вѣнскому трактату, тѣмъ трезвѣе будутъ смотрѣть Поляки на свое положеніе относительно Россіи. Какая-нибудь ничтожная перемѣна въ границахъ между конгресовкой и Имперіей подѣйствовала бы на умы успокоительнѣе чѣмъ сотни казней и тысячи жертвъ, приносимыхъ для поддержанія порядка, въ прочность котораго Поляки не вѣрятъ.

Во вчерашнемъ № *Воскресныхъ Прибавленій* къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* помѣщена статья М. В. Юзефовича, на которую читатели, конечно, обратили должное вниманіе. Кто не согласится съ почтеннымъ авторомъ, что Поляки западнаго края, прежде чѣмъ призывать насъ къ примиренію, должны доказать не на словахъ, а на дѣлѣ, что рѣшились быть подданными и гражданами Россіи и приняли это рѣшеніе *безъ задней мысли*? Съ этимъ невозможно не согласиться: миръ заключаемый съ заднею мыслью о борьбѣ предстоящей въ будущемъ, хотя бы и отдаленномъ, есть не что иное какъ перемиріе, а кто идетъ лишь на перемиріе, тотъ не имѣетъ права требовать забвенія прошедшей борьбы и устраненія предохранительныхъ мѣръ на случай ея возобновленія. Только мирящійся окончательно, только мирящійся *безъ задней мысли* можетъ ожидать полнаго примиренія и призывать къ нему, и только мирящемуся такимъ образомъ можно протянуть руку для политическаго примиренія, и сдѣлать это не по тупоумію или слабости характера, а изъ истиннаго миролюбія. Но какъ удостовѣриться въ отсутствіи задней мысли? Заднія мысли, какъ всякія мысли, бываютъ и сознательныя и полусознательныя; какъ всякія мысли, онѣ могутъ и овладѣвать людьми и витать въ атмосферѣ. Человѣкъ можетъ искренно отказаться отъ нихъ, но этотъ отказъ можетъ быть непроченъ, и онѣ могутъ даже противъ воли человѣка возобладать въ немъ. Чувства человѣческія измѣнчивы. Не только на притворныя, но даже на самыя искреннія чувства нельзя полагаться въ политикѣ, если за ихъ прочность не ручаются условія политической жизни. Когда западный край былъ присоединенъ къ Россіи, это пріобрѣтеніе, по всѣмъ признакамъ, казалось прочнымъ, и никто не помышлялъ тамъ объ отторженіи. Край началъ быстро русѣть и липа польскаго происхожденія, обитавшія въ западномъ краѣ, совершенно

мирились съ своимъ новымъ положеніемъ. Но вотъ Чарторыйскіе находятъ въ Петербургѣ неожиданную поддержку тѣмъ мечтамъ, которыя казались несбыточными, и по всему западному краю закипаетъ дѣятельность. Прошло немного лѣтъ, и видъ его совершенно измѣнился; онъ сдѣлался польскимъ болѣе чѣмъ когда-либо прежде. Волненіе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ возстановилъ герцогство Варшавское. Имя Польши еще не существовало въ политическомъ мірѣ, но оно было у всѣхъ на устахъ. Измѣнившіяся условія сдѣлали то, что когда Наполеонъ I вторгся въ Россію, люди, которыхъ отцы не помышляли объ измѣнѣ, рѣшились явно измѣнить Россіи. 1815-й годъ еще болѣе оживилъ надежды польскихъ патріотовъ, и полонизація западнаго края пошла еще успѣшнѣе чѣмъ прежде. Наконецъ дѣло дошло до того, что мысль объ измѣнѣ была возведена въ апотеозу Литвиномъ Мицкевичемъ, увѣковѣчившимъ то болѣзненное настроеніе духа, которое было вызвано въ польскомъ обществѣ искусственно, но отъ котораго теперь стало такъ трудно уберечься образованному Поляку. Голосъ разсудка, чувство чести вырываютъ иногда человѣка изъ этого круга извращенныхъ идей; но пока гальванизирующія польскую націю условія остаются въ силѣ, до тѣхъ поръ этотъ кругъ не можетъ не сохранить своей магической власти надъ людьми, которыхъ онъ влечетъ къ себѣ помимо ихъ воли,—нерѣдко въ противность ихъ разумѣнію и нравственному чувству.

Избавить этихъ людей отъ невыносимыхъ мукъ ими претерпѣваемыхъ можетъ только одно: надобно устранить все то, что питаетъ въ нихъ несбыточныя надежды, что даетъ имъ точку опоры? Эти надежды не имѣютъ и не могутъ имѣть своимъ предметомъ административную или даже политическую отдѣльность теперешняго Царства Польскаго подъ русскимъ скипетромъ. Онѣ не удовлетворились бы и полною самостоятельностью конгресовки, какъ особаго государства. Чтобы замирить ихъ, надобно было бы возстановить Польшу 1771 г., — ту Польшу, которая не просуществовала бы и одного года, если бы Россія воздвигла ее на своихъ развалинахъ. Вотъ на что направлены надежды, вотъ какими мечтами онѣ держатся, и вотъ почему съ одной стороны польское дѣло немыслимо безъ видовъ на западный край, а съ другой стороны въ Полякахъ западнаго края не можетъ замереть мысль о солидарности съ „другою страной, этнографически родственною этимъ людямъ,“ какъ г. Юзефовичъ называетъ конгресовку, — не можетъ замереть, пока конгресовка существуетъ какъ особенное политическое цѣлое. Отдѣльные люди, дѣлая надъ собой чрезвычайныя усилія, могутъ освобождаться отъ этой мысли, но за прочность освобожденія никто изъ нихъ добросовѣстно поручиться не можетъ. Тѣмъ менѣе можно поручиться за то, что ихъ дѣти сохранятъ вѣрность. Наши отношенія къ Полякамъ западнаго края будутъ шатки, примиреніе съ ними будетъ невозможно, и намъ придется поневолѣ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, пока не упразднятся условія влекущія Поляковъ западнаго края къ исторической Польшѣ, и пока взамѣнъ этихъ условій не возникнутъ новыя, которыя привяжутъ ихъ къ Россіи, единственному возможному для нихъ отечеству. Вотъ что нужно для того чтобы намъ примириться съ Поляками.

№ 32.

Москва, 9-го февраля.

Варшавскіе корреспонденты нѣмецкихъ газетъ, съ большею или меньшею рѣшительностію, продолжаютъ подтверждать извѣстіе о предположенномъ преобразованіи управленія Царства Польскаго. Корреспондентъ *Allgemeine Zeitung* излагаетъ этотъ планъ преобразованія согласно съ сообщенною прежде телеграммой, замѣчая, что средоточіемъ всего управленія будетъ впредь не Варшава, а Петербургъ, и что глава гражданскаго управленія будетъ только посредникомъ между префектами 27 департаментовъ (округовъ) и отдѣльными министрами въ Петербургѣ, причемъ онъ высказываетъ увѣренность Поляковъ, что префектами впредь будутъ назначаемы только Русскіе. Корреспондентъ *Крестовой Газеты* не ручается положительно за достовѣрность извѣстія, но считаетъ не лишнимъ высказать свои соображенія въ пользу того плана преобразованія, который приписывается русскому правительству. И безъ того уже, говоритъ онъ, съ нѣкоторыхъ поръ всѣ вопросы большей важности рѣшаются въ Петербургѣ, и при

легкости сообщеній между Варшавой и Петербургомъ; въ дѣлахъ отъ этого не происходитъ никакого почти замедленія. Наиболѣе изъ всѣхъ польскихъ городовъ провинившаяся Варшава, продолжаетъ онъ, потеряла бы часть своего блеска, и то болѣе по имени, такъ какъ она все-таки осталась бы мѣстомъ пребыванія главнокомандующаго войсками и главнаго гражданскаго начальника; но за то значительное уменьшеніе личнаго состава чиновниковъ, вѣроятно, понизило бы чрезвычайно высокія цѣны на квартиры и на жизненные припасы — цѣны, почти недоступныя для среднихъ и низшихъ классовъ варшавскаго городскаго населенія, — и особенно много выиграли бы провинціяльные города 27 новыхъ провинцій, которыя замѣнили бы собою 9 прежнихъ губерній. Въ этихъ 27 городахъ прежде всего можно было бы ожидать развитія болѣе здороваго городскаго и промышленнаго населенія, которое составляетъ наибольшую потребность края. Таково сужденіе безпристрастнаго стороннаго наблюдателя, который, по собственнымъ словамъ его, уже 30 лѣтъ проживаетъ въ Польшѣ, и который энергически высказывался противъ мѣръ русскаго правительства по устройству быта польскихъ крестьянъ. Вѣсти о преобразованіи управленія Царства Польскаго встрѣчаетъ онъ не только безъ протеста, но напротивъ, скорѣе съ полнымъ одобреніемъ.

Изъ другихъ газетъ мы узнаемъ, что въ самой Варшавѣ, а также и въ польскихъ кругахъ Вѣны извѣстіе объ этомъ еще предстоящемъ преобразованіи произвело тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что незадолго предъ тѣмъ Поляки вновь стали предаваться надеждамъ совершенно противоположнаго свойства. Съ новаго года, какъ пишутъ въ *Allgemeine Zeitung*, они разчитывали, что Царство Польское получитъ совершенно самостоятельную конституцію, и будетъ имѣть намѣстника съ титуломъ вице-короля. И вдругъ всѣ эти разчеты разлетаются въ прахъ! Кстати, какъ бы въ отвѣтъ на телеграмму о преобразованіи Царства Польскаго по новому плану, общество польскихъ выходцевъ въ Швейцаріи напечатало воззваніе, въ которомъ говоритъ, что масса выходцевъ отрекается отъ такъ-называемаго національнаго правительства, во главѣ котораго стоитъ князь Левъ Сапѣга въ Парижѣ, и что она не намѣрена принимать никакого участія въ дальнѣйшихъ революціонныхъ агитаціяхъ и вообще въ политическихъ интригахъ, а думаетъ впредь заботиться только объ обезпеченіи существованія отдѣльныхъ лицъ. Нѣтъ сомнѣнія, что полное присоединеніе Польши къ Россіи не замедлило бы отрезвить и всѣхъ другихъ Поляковъ, и, положивъ конецъ ихъ несбыточнымъ мечтаніямъ, могло бы обратить ихъ въ гражданъ полезныхъ.

Замѣчательно, что ни въ одной изъ многочисленныхъ газетъ, нами получаемыхъ, за исключеніемъ издаваемыхъ въ Вѣнѣ *Wanderer* и *Ostdeutsche Post*, мы не встрѣтили до сихъ поръ ни малѣйшаго ни протеста, ни порицанія противъ новыхъ мѣръ, приписываемыхъ русскому правительству. Это служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что общественное мнѣніе Европы совершенно охладѣло къ такъ-называемому польскому вопросу, и что оно не только не будетъ встревожено, а напротивъ, будетъ скорѣе успокоено окончательнымъ его упраздненіемъ, которое впервые, по прошествіи цѣлаго пятидесятилѣтія, доставило бы Полякамъ возможность жить и дѣйствовать для настоящаго времени, не теряя своихъ силъ на безплодныя попытки возвратить прошедшее. Настоящее время наиболѣе благопріятно для такой существенной реформы. Правительства Европы, въ свою очередь, вполнѣ убѣдились въ безплодности всѣхъ усилій, направленныхъ къ возстановленію Польши. Императоръ Наполеонъ въ своей тронной рѣчи даже вовсе не упомянулъ имени Польши и Поляковъ, а парижская полиція положительно запретила польскимъ выходцамъ собраться наканунѣ годовщины послѣдняго возстанія, запретила также въ этотъ день польскому проповѣднику держать рѣчь въ церкви Сорбонны, а занявшій его мѣсто французскій проповѣдникъ счелъ за должное высказать нѣсколько суровыхъ истинъ по отношенію къ Полякамъ. Императоръ Наполеонъ можетъ еще поминать о томъ, что истинные интересы народовъ должны быть удовлетворяемы съ общаго согласія государей, но почти не можетъ быть сомнѣнія, что преобразованіе Польскаго края по новому плану не вызвало бы и со стороны Франціи не только торжественнаго протеста, но даже и какого бы то ни было замѣчанія. Впрочемъ, такія существенныя мѣры, которыя необходимы для блага обѣихъ заинтересованныхъ странъ,

и необходимость которыхъ такъ ясно сознается у насъ, такія мѣры обыкновенно осуществляются совершенно независимо отъ того, какое впечатлѣніе могутъ онѣ произвести на иностранцевъ и на иностранныя правительства.

Не имѣя прямыхъ и обстоятельныхъ извѣстій объ этомъ важномъ предметѣ, мы должны ограничиться пока лишь немногими замѣчаніями. Въ томъ видѣ, въ какомъ представляется этотъ планъ преобразованія въ иностранныхъ газетахъ, онъ, какъ намъ кажется, имѣетъ болѣе или менѣе переходный характеръ. Въ видѣ перехода къ полному и окончательному соединенію Польши съ Россіей дѣйствительно было бы умѣстно, раздѣливъ власть намѣстника на военную и гражданскую, послѣднюю все-таки оставить въ рукахъ одного лица, съ тѣмъ чтобъ оно было посредникомъ между мѣстными властями и общимъ центральнымъ правительствомъ въ Петербургѣ. Но съ теченіемъ времени несомнѣнно оказалось бы, что управленіе обширнымъ краемъ, занимающимъ около 2.328 квадратныхъ миль, съ населеніемъ почти въ пять милліоновъ, представляетъ значительныя затрудненія и неудобства, и что потребности успѣшной администраціи говорятъ въ пользу раздѣленія края на двѣ высшія административныя единицы. Принимая въ соображеніе мѣстныя обстоятельства, можно думать, что такое раздѣленіе было бы удобнѣе произвести не вдоль края, не по направленію Вислы, а поперекъ, отъ границы Гродненской губерніи до границы прусской, при чемъ административнымъ средоточіемъ сѣверной части могла бы быть Варшава, а средоточіемъ южной части — Люблинъ, расположенный въ краѣ по преимуществу русскомъ. Въ такомъ случаѣ тѣ 27 департаментовъ или провинцій, о которыхъ говорятъ иностранныя газеты, могли бы стать не болѣе какъ уѣздами двухъ болѣе обширныхъ административныхъ единицъ, или губерній. Но пока еще все это извѣстіе имѣетъ характеръ не болѣе какъ слуха, было бы излишне вдаваться въ какія бы то ни было подробности. Достаточно сказать, что осуществленіе этого слуха было бы дѣломъ очень плодотворнымъ и для Россіи и для Польскаго ея края, и рѣшительнымъ шагомъ къ окончательному упраздненію такъ-называемаго польскаго вопроса.

№ 33.

Москва, 10-го февраля.

За земскими собраніями Самарской губерніи, уже открытыми, долженъ послѣдовать длинный рядъ земскихъ собраній, которыя будутъ открыты въ нынѣшнемъ году въ разныхъ поясахъ Россіи. Первые опыты всесословнаго или лучше безсословнаго представительства, которые сдѣлаетъ Россія, не дадутъ еще, конечно, совершенно вѣрнаго понятія о взаимныхъ отношеніяхъ земскихъ классовъ: при первыхъ выборахъ можетъ встрѣтиться много случайностей, способныхъ повліять на расположеніе избирателей, и не можетъ еще быть многихъ данныхъ, которыя въ послѣдствіи будутъ опредѣлять ихъ образъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе и теперь уже результаты земскихъ выборовъ представляютъ высокій интересъ, и нельзя не пожелать, чтобы мѣстныя извѣстія о составѣ земскихъ собраній были по возможности полны и входили въ разъясненіе тѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ могъ зависѣть исходъ выборовъ. Сличеніе разныхъ уѣздовъ одной губерніи и еще болѣе сличеніе разныхъ губерній по отношенію къ составу земскихъ собраній дастъ новыя точки зрѣнія на внутреннюю жизнь городскихъ и сельскихъ населеній Россіи,— точки зрѣнія, съ которыхъ можно будетъ правильнѣе прежняго судить о политическомъ характерѣ разныхъ мѣстностей Россіи.

Что касается до самыхъ занятій, которымъ будутъ посвящены первыя сессіи земскихъ собраній, то позволительно думать, что въ мѣстностяхъ, жалующихся на недостаточное огражденіе имущественной или личной безопасности, особенно же въ мѣстностяхъ пострадавшихъ отъ поджоговъ, будутъ сдѣланы попытки къ улучшенію и усиленію средствъ предупрежденія и преслѣдованія преступныхъ покушеній. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно, что земскія учрежденія будутъ довольно скоро введены въ большей части приволжскихъ губерній, къ которымъ въ недавнее время наконецъ присоединена и Казанская, никакъ не менѣе другихъ смежныхъ губерній нуждающаяся въ бдительныхъ мѣрахъ къ огражденію земскаго мира. Нельзя также сомнѣваться, что во многихъ земскихъ собраніяхъ будетъ обращено особенное вни-

маніе на нравственность сельскаго люда и на распространеніе въ его средѣ образованія соотвѣтственнаго мѣстнымъ средствамъ и потребностямъ. Участіе духовенства въ земскихъ собраніяхъ должно принести этому дѣлу значительную пользу: примѣняясь къ обстоятельствамъ, земскія собранія могутъ прибѣгать къ весьма разнообразнымъ мѣрамъ, для возвышенія народной нравственности и народнаго образованія. Весьма многое они будутъ въ состояніи тутъ сдѣлать даже безъ обремененія земства новыми сборами, отчасти посредствомъ бережнаго расходованія земскихъ денегъ по другимъ частямъ, отчасти посредствомъ нравственнаго вліянія. Наконецъ нельзя не ожидать, что земскія собранія бодро примутся за улучшеніе путей сообщенія, не исключая и водныхъ. Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что воронежское городское общество назначило особыхъ уполномоченныхъ для веденія дѣла объ улучшеніи судоходства по Дону и о продолженіи желѣзной дороги изъ Козлова въ Воронежъ. Эти уполномоченные уже вступили въ сношеніе съ предводителями дворянства Воронежской и Тамбовской губерній. На дняхъ соберется въ Воронежѣ губернскій дворянскій съѣздъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ встрѣтитъ съ сочувствіемъ ходатайство воронежскаго городскаго общества: оба вопроса, составляющіе предметъ этого ходатайства, имѣютъ большую важность и притомъ не только для Воронежской губерніи, но и для цѣлой Россіи. За подобные вопросы мѣстные жители должны браться со всею возможною энергіей, и въ такомъ случаѣ могутъ разчитывать на вѣрный успѣхъ. Въ экономическомъ отношеніи ничто такъ не нужно для Россіи, какъ улучшеніе путей сообщенія: чтобы серіозные успѣхи цивилизаціи сдѣлались у насъ возможными, для этого мы должны прежде побѣдить подавляющія насъ пространства. Земскія собранія могутъ дѣйствовать тутъ еще успѣшнѣе чѣмъ собранія дворянскія, имѣющія право распоряжаться только дворянскими сословными средствами. Читатели найдутъ ниже статью г. Пузанова, вновь возбуждающую вопросъ о судоходствѣ по Сейму. Еслибы мысли изложенныя въ этой статьѣ оказались осуществимыми, то сельское хозяйство Курской губерніи выиграло бы чрезвычайно много. У насъ нѣтъ подъ рукой подробныхъ свѣдѣній о соображеніяхъ побудившихъ вѣдомство путей сообщенія прекратить судоходство по Сейму. Такъ какъ это судоходство существовало, и притомъ существовало почти исключительно на средства мѣстнаго дворянства, то было бы крайне желательно видѣть эти соображенія обнародованными для обсужденія со стороны мѣстныхъ жителей и того самаго дворянства, которымъ было устроено судоходство. Естественно предубѣжденіе въ пользу мѣстнаго завѣдыванія подобными учрежденіями, особенно когда центральное техническое управленіе считаетъ ихъ ненужными: о мѣстныхъ жителяхъ трудно предполагать, чтобъ они стали тратить деньги на дѣло очевидно безполезное или невозможное.

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи особенно нуждается въ содѣйствіи и даже въ иниціативѣ мѣстныхъ собраній. По этой части земскія собранія могутъ развить самую благотворную дѣятельность. При обширности нашихъ пространствъ, при климатическихъ условіяхъ требующихъ сравнительно большей прочности техническихъ сооруженій, при неоживленности нашихъ сообщеній, происходящей отъ неудовлетворительности путей, наконецъ при недостаткѣ капиталовъ, нельзя ожидать, чтобы компаніи желѣзныхъ дорогъ могли организоваться безъ энергическаго содѣйствія со стороны мѣстныхъ жителей заинтересованныхъ проведеніемъ рельсовыхъ путей. Но при недостаткѣ капиталовъ, въ чемъ можетъ выразиться это содѣйствіе? Спѣшимъ отвѣтить: въ весьма многомъ. Мѣстные жители, чрезвычайно выигрывающіе отъ проведенія рельсоваго пути и могущіе разчитывать на увеличеніе въ нѣсколько разъ ихъ коммерческихъ оборотовъ и цѣнности ихъ земель, должны взять на себя всѣ тѣ тягости этого дѣла, которыя соотвѣтствуютъ ихъ средствамъ. Если капиталовъ у нихъ нѣтъ для единовременной подписки на акціи, то они могутъ участвовать въ дѣлѣ другими способами. Они могутъ уступить безвозмездно земли отходящія подъ желѣзную дорогу; они могутъ взять на себя поставку матеріяла по умѣреннымъ цѣнамъ и даже безъ платы наличными деньгами, а съ тѣмъ чтобы за поставленный матеріялъ выдавались имъ процентныя бумаги (облигаціи). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ надобно было бы только озаботиться, по примѣру эстляндскаго дворянства, устройствомъ кредитной кассы, которая выдавала бы ссуды подъ залогъ

этихъ бумагъ. Наконецъ мѣстные жители могутъ обязаться ежегоднымъ поверстнымъ взносомъ извѣстной суммы денегъ для обезпеченія дохода акціонеровъ и для предоставленія имъ возможности выпускать облигаціи, заслуживающія кредита. Подобные поверстные взносы составляютъ у насъ рѣшительную необходимость. При недостаткѣ капиталовъ, въ нихъ заключается единственное средство замѣнить то, что за границей называется кореннными акціями, безъ которыхъ теперь рѣдкая дорога строится на частныя средства.

Вотъ какъ представляется намъ это дѣло. Пусть земскія собранія рѣшатъ, что въ случаѣ образованія компаніи для проведенія желѣзной дороги по ихъ мѣстности, они отдаютъ подъ нее безвозмездно всѣ нужныя земли, принимая на себя вознагражденіе владѣльцевъ; пусть они рѣшатъ далѣе, что обязуются ставить матеріялъ, въ особенности щебень, по извѣстной, умѣренной цѣнѣ, съ полученіемъ за него, вмѣсто наличныхъ денегъ, облигацій, если только компанія дастъ земству взаймы, подъ ручательство всего земства, извѣстную сумму денегъ, долженствующую служить основнымъ капиталомъ кредитной кассы для выдачи ссудъ подъ залогъ этихъ облигацій; пусть наконецъ онѣ постановятъ, что въ случаѣ проведенія желѣзной дороги, и со дня ея открытія, окрестные жители обязаны уплачивать компаніи извѣстную сумму съ каждой открытой версты. Эта сумма можетъ составляться изъ взносовъ разложенныхъ на десятины примѣрно слѣдующимъ образомъ: съ удобныхъ земель на пятиверстномъ разстояніи отъ станцій по 35 копѣекъ съ десятины (это не слишкомъ много, такъ какъ эти земли получаютъ характеръ подгородныхъ земель; съ удобныхъ земель на двадцативерстномъ разстояніи по обѣ стороны дороги—по 20 к. съ десятины; съ удобныхъ земель на разстояніи отъ 20 до 30 верстъ по обѣ стороны дороги—по 10 к. съ десятины; съ удобныхъ земель на разстояніи отъ 30 до 45 верстъ по обѣ стороны дороги—по 5 к. съ десятины, и наконецъ съ удобныхъ земель на разстояніи отъ 45 до 75 верстъ по обѣ стороны дороги—по $2^1/_2$ к. съ десятины. Эти взносы были бы, конечно, необременительны, а между тѣмъ они составили бы около 1.200 р. съ версты, и компанія, имѣя ихъ въ виду, могла бы занять изъ 6% до 20.000 р. на версту. На эту сумму компанія выпустила бы облигацій, а окрестнымъ жителямъ обязаннымъ платить взносъ выдала бы на 20.000 р. акцій, съ тѣмъ однакожъ, чтобы по этимъ акціямъ дивидендъ выдавался лишь послѣ того какъ компанейскія акціи будутъ получать не менѣе 6% дивиденда. Компанейскія акціи были бы такъ-называемыми *пріоритетами*, то-есть имѣли бы первенствующее право на полученіе дивиденда; акціи, выданныя окрестнымъ жителямъ, были бы такъ-называемыми *кореннымъ акціями*, то-есть получали бы дивидендъ лишь послѣ того какъ пріоритеты получатъ не менѣе 6% дивиденда. Положимъ, что при указанныхъ выше льготахъ желѣзная дорога обошлась бы около 45 тысячъ на версту. Предприниматели могли бы выпустить на 20 тысячъ рублей съ версты облигацій, обезпеченныхъ взносами окрестныхъ жителей; они могли бы далѣе выпустить на 10 тысячъ рублей съ версты облигацій для уплаты за матеріялъ мѣстнымъ жителямъ и отчасти за рельсы и подвижной составъ заграничнымъ поставщикамъ. Оставалось бы собрать акціонернаго капитала на 15 тысячъ рублей съ версты, то-есть не болѣе одной трети стоимости дороги, а одну треть стоимости желѣзной дороги всегда охотно принимаютъ на себя строители. Съ этой стороны стало-быть не оказалось бы затрудненій. При этомъ разчетѣ сборъ съ дороги долженъ былъ бы обезпечить проценты только съ 25 тысячъ рублей на версту; полагая удовлетворительные проценты, по 6 со ста, получимъ необходимый чистый доходъ въ 1500 р., и только этотъ умѣренный чистый доходъ подлежалъ бы гарантіи со стороны правительства. Еслибы дорога обошлась не въ 45 т., а напримѣръ въ 50 т. р. съ версты, то надобно было бы просить у правительства субсидію въ 5 т. р. съ версты, съ тѣмъ, чтобы правительство получило на 5 т. р. акцій, приносящихъ проценты лишь черезъ 10 лѣтъ по открытіи дороги. Вотъ условія, на которыхъ, сколько мы знаемъ, нашлось бы не мало строителей, готовыхъ предложить свои услуги земству. Эти условія не обременительны и для земства, такъ какъ подесятинный сборъ давалъ бы право на коренныя акціи и вмѣстѣ съ тѣмъ на участіе въ управленіи дорогой, а при хорошемъ хозяйствѣ по эксплуатаціи можно было бы ожидать, что въ непродолжительномъ времени и коренныя

акціи стали бы приносить доходъ, который служилъ бы возвратомъ подесятиннаго сбора.

№ 34.

Москва, 11-го февраля.

Должно же было, наконецъ, пробудиться въ русскомъ обществѣ нѣкоторое, хотя бы и весьма слабое, чувство своего національнаго достоинства. Въ этомъ, казалось бы, нѣтъ ничего-страннаго; къ этому велъ цѣлый рядъ преобразованій, вызывавшихъ національныя силы, опиравшихся на эти силы. Неужели возможно допустить, чтобы такое событіе, какъ напримѣръ прекращеніе крѣпостной зависимости, тяготѣвшей надъ многими милліонами народа, осталось безъ всякихъ послѣдствій для національнаго чувства? Неужели возможно думать, что новыя усилія, въ которыя вступила наша общественная жизнь за послѣднее десятилѣтіе не оказали никакого дѣйствія на умы? Неужели возможно полагать, что безпрерывное обращеніе къ національному чувству и общественному мнѣнію, требуемое нашимъ нынѣшнимъ государственнымъ развитіемъ, не должно, въ какой-нибудь мѣрѣ, возбуждать національное чувство и вызывать хоть что-нибудь похожее на общественное мнѣніе? Давно ли требовалось сильныхъ изъявленій этого національнаго чувства? Давно ли была настоятельная надобность въ патріотизмѣ? Давно ли оказывалось совершенною необходимостью, для поддержки нашего положенія въ Европѣ и для преодолѣнія внутреннихъ опасностей и затрудненій, энергическое развитіе общественнаго мнѣнія основаннаго на чисто-русскихъ интересахъ? Нельзя же полагать, что все это осталось безъ всякихъ послѣдствій, что все это исчезло какъ миражъ, по минованіи надобности, и что въ русскихъ людяхъ не осталось ни малѣйшей возбужденности національнаго чувства, и что они вовсе не помнятъ, что живутъ въ государствѣ, которое именуется Русскимъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время Русскіе, въ нѣкоторыхъ областяхъ Россійской имперіи, позволяютъ себѣ до нѣкоторой степени чувствовать, что они Русскіе и что они живутъ въ Русскомъ государствѣ, а между ними, однако, находятся такіе либеральные люди, которымъ это явленіе кажется чрезвычайно страннымъ.

Есть въ Россійской имперіи Петербургская губернія, есть въ Петербургской губерніи городъ Нарва. Этотъ городъ стоитъ на границѣ губерній Петербургской и Эстляндской, но по закону онъ принадлежитъ къ первой изъ этихъ губерній. Городъ этотъ заселенъ людьми большею частію чисторусскаго происхожденія, но частію и нѣмецкаго, частію также и шведо-финскаго. Несмотря на то что этотъ городъ находится въ вѣдѣніи петербургскаго губернскаго правленія, онъ тѣмъ не менѣе оспаривается сосѣднею Эстляндскою губерніей. Казалось бы, трудно одному и тому же городу входить въ составъ двухъ губерній, однако съ городомъ Нарвой произошло нѣчто подобное: по своей администраціи, онъ принадлежитъ къ Петербургской губерніи, а въ судебномъ отношеніи къ Эстляндской губерніи. Такъ ведется изстари, но вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ идетъ тамъ споръ между нынѣшнимъ магистратомъ и большинствомъ жителей, состоящимъ изъ трехъ обществъ: русскаго, раздѣляющагося на старожильское и новожильское (старожилы и новопоселившіеся), и шведо-финскаго. Въ этомъ спорѣ, петербургское губернское правленіе признало магистратъ неправымъ и раскрыло его незаконныя дѣйствія. Тогда, подъ вліяніемъ магистрата, нѣмецкая часть городскаго населенія, составляющая не болѣе шестой доли всѣхъ жителей, начала хлопотать о совершенномъ изъятіи Нарвы изъ-подъ вѣдѣнія петербургскаго губернскаго правленія и о присоединеніи ея, не только въ судебномъ, но и въ административномъ отношеніи къ Эстляндской губерніи. Этою агитаціей вызвано противоположное движеніе, имѣющее цѣлію полное присоединеніе Нарвы къ Петербургской губерніи. Понятно, какъ сильно должна была стоять за связь Нарвы съ Эстляндскою губерніей партія нѣмецкая, стараніемъ которой и достигнуто то что этотъ городъ хотя и принадлежитъ къ Петербургской губерніи, но тѣмъ не менѣе остается до сихъ поръ подсуднымъ Ревелю, а такъ какъ въ Ревелѣ судебныя палаты русскаго языка не знаютъ, или лучше сказать, не хотятъ знать, то всѣ тяжебныя дѣла во второй инстанціи, возникающія въ Нарвѣ, вершатся въ Ревелѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Вотъ странная двойственность, постигшая этотъ городокъ на краю Петербургской губерніи! Вотъ споръ, который волнуетъ

его обывателей,—споръ, въ которомъ сторона, желающая чтобъ этотъ городъ тянулъ къ Петербургу, состоитъ не изъ однихъ Русскихъ, а также изъ Шведовъ и Финновъ, и желаетъ только того, что значится въ законѣ и въ географіи. Послѣднее время ознаменовалось въ Россійской имперіи возбужденіемъ не только русскаго національнаго чувства,—возбужденіемъ еще весьма сомнительнымъ, какъ полагаютъ иные скептическіе умы,—но еще болѣе возбужденіемъ всякихъ другихъ національностей, которыхъ въ Россійской имперіи вдругъ оказалось удивительное множество,—а по мнѣнію нѣкоторыхъ либеральныхъ умовъ, всякое національное чувство въ Россіи, лишь бы не русское, должно быть признано не только естественнымъ, но и заслуживающимъ всякаго поощренія и пособія. И вотъ въ настоящее время возникъ въ Нарвѣ вопросъ о разсѣченіи этого города на двѣ части, по древнему образцу суда Соломонова, такъ чтобъ одна часть Нарвы, предмѣстіе, называемое Ивангородомъ, и находящееся по сю сторону рѣки Наровы, осталось за Петербургскою губерніей, а другая часть, собственно городъ Нарва, лежащая по ту сторону рѣки, вошла вполнѣ, какъ въ судебномъ, такъ и въ административномъ отношеніи, въ составъ Эстляндской губерніи. Мысль эта возникла въ Нарвскомъ магистратѣ который служитъ органомъ только одной шестой части всего городскаго населенія, съ гордостью числящей себя въ Нѣмцахъ и образующей въ Нарвѣ двѣ корпораціи. Большую и Малую гильдію. Этотъ нѣмецкій магистратъ, распоряжающійся всѣми городскими дѣлами и интересами $^5/_6$ населенія, неоднократно поднималъ этотъ вопросъ, къ великой тревогѣ и Русскихъ, и Шведо-Финновъ, составляющихъ громадное большинство какъ по сю, такъ и по ту сторону рѣки. Это большинство рѣшительно не понимаетъ, зачѣмъ понадобилось магистрату притянуть Нарву къ Ревелю, отъ котораго она отстоитъ на 220 верстъ, между тѣмъ какъ отъ Петербурга ее отдѣляютъ только 140 верстъ. Зачѣмъ могло понадобиться это, когда всѣ торговые и промышленные интересы Нарвы соединяютъ ее съ Петербургомъ, и когда даже та самая часть ея населенія, которая, въ качествѣ Нѣмцевъ, отдѣляетъ себя отъ Русскихъ, живя среди русскаго населенія и ведя съ нимъ дѣла, достаточно владѣетъ русскимъ языкомъ? Обитателямъ Нарвы, какъ русскимъ, такъ и шведо-финнскимъ, казалось страннымъ такое притязаніе незначительной нѣмецкой части населенія подчинить городъ Нарву нѣмецкому суду и нѣмецкой администраціи, посредствомъ присоединенія ея къ Эстляндской губерніи. Все это русское и шведо-финнское большинство энергически протестовало какъ противъ этого страннаго притязанія, такъ и вообще противъ ни на чемъ не основаннаго преобладанія нѣмецкаго элемента въ Нарвѣ. Обывателямъ этого города не могли не показаться странными нѣмецкія національныя притязанія въ этомъ городѣ,—потому что ничѣмъ другимъ, кромѣ неумѣстнаго національнаго чувства, не могли они объяснить себѣ эту рѣшимость даже разрубить на двое бѣдную Нарву, вопреки всѣмъ интересамъ ея обывателей. Русскіе вкупѣ съ Шведами и Финнами, не ссылались, въ отпоръ притязаніямъ нѣмецкаго магистрата, на собственное національное чувство,—они только дивились отвагѣ нѣмецкаго національнаго чувства, которымъ лишь и могли объяснить притязанія Большой и Малой Гильдіи; Русскіе ссылались только на здравый смыслъ, на осязательные матеріяльные интересы, на крайнее неудобство, которое они терпятъ, будучи принуждены вести свои судебныя дѣла во 2-й инстанціи на нѣмецкомъ языкѣ, а въ 3-й, высшей инстанціи, въ Петербургѣ, на русскомъ; наконецъ, они представляютъ на видъ неудобства еще болѣе важныя отъ которыхъ неминуемо пришли бы въ разстройство всѣ дѣла, еслибы Нарва была вполнѣ притянута къ Ревелю или разрублена на двое. Большинство обывателей Нарвы, наконецъ, успокоилось. На ихъ ходатайство, имъ объявлено, что дѣло останется въ прежнемъ положеніи, и что Нарва не будетъ ни разрублена, ни отдана цѣликомъ Ревелю. Вотъ и все. Если во всемъ этомъ дѣлѣ были на которой-либо сторонѣ національныя притязанія, то во всякомъ случаѣ только на сторонѣ нѣмецкихъ гильдій. Однако не только между нѣмцами, но даже между рекомыми Русскими встрѣчаются люди, которые даже въ этомъ дѣлѣ ставятъ на счетъ Русскихъ излишнюю и вредную запальчивость національнаго чувства. Зачѣмъ позволяютъ себѣ Русскіе поднимать вообще вопросъ о національности? Большинство городскаго населенія не желаетъ подчиниться прихоти

малочисленнаго меньшинства; большинство это состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, но, къ сожалѣнію, въ немъ числится много Русскихъ. Еслибы въ немъ были только Шведо-Финны, но въ немъ есть Русскіе! И вотъ непремѣнно найдутся либеральные люди, которые всю вину возложатъ на это большинство, и упрекнутъ его въ національной прихоти. Найдутся либеральные люди, которые, пожалуй, не задумаются объяснить эту давнюю распрю между обывателями Нарвы вліяніемъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было что-то писано о національностяхъ, сталобыть русскіе обыватели Нарвы съ Шведами и Финнами включительно, начитавшись этой газеты, вздумали протестовать противъ нѣмецкаго элемента. По поводу этого нарвскаго дѣла, намъ случилось прочесть или услышать даже такое сужденіе: нѣмецкіе суды лучше русскихъ, не только нынѣ дѣйствующихъ, но уповательно и будущихъ, а слѣдовательно нелѣпо со стороны русскихъ обывателей Нарвы не желать вѣдаться нѣмецкими судами. Признаемся, намъ все-таки кажется, что русскимъ людямъ естественнѣе желать улучшенія русскаго судоустройства и судопроизводства, нежели судиться по-нѣмецки въ нѣмецкихъ судахъ. Если принять логику иныхъ либеральныхъ господъ, которымъ кажется странностью всякое проявленіе русскаго національнаго чувства, то можно дойти до заключеній, пожалуй, еще болѣе странныхъ. Слѣдуя этой логикѣ, пришлось бы поощрять ту или другую область присоединиться къ чужому государству, гдѣ порядки покажутся намъ лучше нашихъ, вмѣсто того, чтобы заботиться объ измѣненіи улучшенія нашихъ собственныхъ порядковъ. Будьте Пруссаками, будьте Австрійцами, будьте Французами; но, подъ страхомъ оказаться сумазбродами и ультрапатріотами, не дерзайте чувствовать себя Русскими и желать всего лучшаго въ своемъ народѣ и въ своемъ государствѣ.

№ 35.

Москва, 5-го февраля.

Предстоящее вступленіе земскихъ учрежденій въ жизнь, долженствующее послужить ихъ повѣркой, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлитъ тотъ характеръ, который они примутъ въ дѣйствительности, перешедши черезъ Рубиконъ, отдѣляющій теорію отъ практической жизни. Они не примыкаютъ къ учрежденіямъ, бывшимъ въ дѣйствіи, и вотъ причина, почему столь разнообразны мнѣнія публики о ихъ значеніи и послѣдствіяхъ. Публикѣ извѣстны порядки теперь существующіе; она по опыту знаетъ недостатки этихъ порядковъ, и привѣтствовала бы съ радостью всякую мѣру клонящуюся къ устраненію недостатковъ коротко ей знакомыхъ. Но гдѣ, какъ въ земскихъ учрежденіяхъ, все начинается сызнова, тамъ естественно недоумѣніе публики. Все другое указывало бы на фальшивыя струны въ настроеніи общественномъ. Пусть жизнь ассимилируетъ себѣ новыя учрежденія; пусть, осуществляя ихъ, она ведетъ ихъ въ связь со всѣмъ остальнымъ и укажетъ имъ ихъ дѣйствительное мѣсто: тогда они будутъ вызывать соотвѣтственный своему значенію и своей удобопримѣнимости интересъ, и этотъ интересъ будетъ неподдѣльный; тогда онъ будетъ не фраза, а настоящее дѣло.

Между тѣмъ не подлежитъ однакоже сомнѣнію, что самый приступъ къ дѣлу не возможенъ безъ нѣкотораго предварительнаго о немъ сужденія и въ значительной степени этимъ сужденіемъ условливается, а съ другой стороны столь же несомнѣнно, что сужденіе о какомъ бы то ни было учрежденіи не можетъ быть удовлетворительно, если не основывается на данныхъ доставляемыхъ опытомъ. Въ русской жизни мы не находимъ ничего, хоть сколько-нибудь способнаго служить мѣриломъ для вѣрнаго взгляда на практическое значеніе и практическія послѣдствія земскихъ учрежденій: необходимость велитъ стало-быть обратится къ опыту тѣхъ странъ, гдѣ нѣчто подобное нашимъ земскимъ учрежденіямъ уже дѣйствуетъ. Не для заимствованія и подражанія слѣдуетъ обратиться къ этимъ иноземнымъ странамъ, а только для того, чтобы сколько-нибудь уяснить себѣ свойство учрежденій, которыя намъ предстоитъ осуществлять и надъ которыми придется много работать. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ земскія учрежденія въ Бельгіи, съ которыми учрежденія, проектированныя у насъ, имѣютъ чрезвычайное сходство, хотя задуманы менѣе широко и имѣютъ меньшій кругъ дѣятельности.

Въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1864 годъ помѣщена статья С.

О. Лугинина о бельгійскихъ земскихъ учрежденіяхъ. Эта статья появилась теперь какъ нельзя болѣе кстати. Бельгія, конечно, не можетъ и не должна служить образцомъ для Россіи. Это государство маленькое и притомъ нейтральное, слѣдовательное не имѣющее характера государства самостоятельнаго, самого себя охраняющаго; это — государство безъ національности, неспособное къ настоящей политической жизни, сложившееся на дняхъ и на дняхъ же могущее распасться; наконецъ это — государство бюрократическое по характеру своей администраціи, мѣщанское по характеру своего представительства. Бельгія должна служить для насъ скорѣе предостереженіемъ чѣмъ образцомъ. Но тѣмъ не менѣе земскія учрежденія, въ томъ смыслѣ какой приданъ имъ теперь въ нашемъ законодательствѣ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не устроены такъ раціонально, какъ въ Бельгіи. Въ этомъ нельзя не видѣть, правда, самаго краснорѣчиваго указанія на то, чего можно и чего не слѣдуетъ вообще ожидать отъ учрежденій этого рода, — нельзя не видѣть указанія на огромное различіе между ними и тѣмъ самоуправленіемъ, которое служитъ осной политическаго быта въ Англіи. Какъ ни справедливо однакоже все это, какъ ни протрезвляется всѣмъ этимъ нашъ взглядъ на вводимыя теперь у насъ земскія учрежденія и какъ ни ограждаетъ насъ все это отъ ошибочной надежды получить въ земскихъ учрежденіяхъ панацею противъ всѣхъ возможныхъ золъ, но все это нисколько не ослабляетъ интереса, который сопряженъ для насъ въ настоящую минуту съ ближайшимъ изученіемъ бельгійскихъ земскихъ учрежденій. Изъ знакомства съ этими учрежденіями мы все-таки можемъ извлечь наиболѣе полезныхъ указаній для того чтобъ имѣть ихъ въ виду при предстоящемъ осуществленія земскихъ учрежденій въ Россіи.

Интересующіеся дѣломъ сами найдутъ въ статьѣ г. Лугинина тѣ данныя, которыя окажутся имъ пригодными. Мы ограничимся двумя чертами, которыя считаемъ полезнымъ особенно выставить.

Вопервыхъ, бельгійская практика убѣждаетъ, что центръ тяжести долженъ лежать въ уѣздныхъ собраніяхъ и управахъ. Имъ должна принадлежать инціатива распоряженій, ибо въ этомъ заключается лучшее ручательство удобоисполнимости распоряженій. На нихъ же отвѣтственности должно быть и самое исполненіе большей части принимаемыхъ земскими учрежденіями мѣръ: они ближе къ живому дѣлу и только они могутъ заниматься имъ, не запутывая его въ бумажную переписку. Назначеніе губернскихъ земскихъ учрежденій должно повидимому заключаться преимущественно въ томъ, чтобы помогать уѣзднымъ учрежденіямъ денежными средствами, надзирать за ними и, главное, ограждать ихъ. Отношенія губернской управы къ уѣздной должны быть таковы, чтобы лучшіе люди уѣзда находили возможность служить въ уѣздной управѣ.

Вовторыхъ, бельгійская практика напоминаетъ намъ о необходимости сократить по возможности расходы на земскія учрежденія, особенно въ уѣздахъ. Въ Западной Фландріи, — той бельгійской провинціи, которой земскій бюджетъ подробно разобранъ г. Лугининымъ, — расходъ на земскія учрежденія не превышаетъ 4% всего земскаго расхода провинціи. Столь благопріятное отношеніе у насъ, конечно, невозможно. Г. Лугининъ высказываетъ надежду, что практика со временемъ укажетъ на необходимость и у насъ привести издержки по земскому хозяйству въ болѣе правильное соотношеніе съ размѣрами самаго хозяйства, путемъ сокращенія личнаго состава управленія и расширенія круга его дѣйствій. Со временемъ это произойдетъ несомнѣнно, но не слѣдуетъ ли позаботиться о томъ, чтобъ это произошло по возможности скорѣе? Наше землевладѣніе и такъ уже стѣснено; откуда возьметъ оно средства на новые расходы по земскому управленію? Всѣмъ извѣстно, что землевладѣльцы тяготятся сборомъ на мировыя учрежденія. Что же будетъ когда не только на мировыя, но еще и на земскія учрежденія потребуется тяжкій для землевладѣльцевъ сборъ? Не послышатся ли отовсюду жалобы? не сдѣлаются ли эти жалобы препятствіемъ къ самому осуществленію земскихъ учрежденій? Единственное средство избѣжать этихъ затрудненій, кажется намъ, заключается въ томъ, чтобы по возможности слить земскія учрежденія съ мировыми. Теперь — мировой посредникъ, въ послѣдствіи — мировой судья могутъ удобнѣе принять на себя обязанность засѣдать въ управѣ чѣмъ кто-либо другой. Они и такъ принуждены разъѣзжать по уѣзду и часто бывать въ городѣ: отправлять обязанность членовъ управы они мог-

ли бы безвозмездно или за небольшую приплату къ ихъ теперешнему содержанію по мировой части; потребовалось бы можетъ-быть придать имъ въ помощь одного какого-нибудь члена для исключительныхъ занятій по земскому хозяйству; и только этому одному члену надобно было бы назначить порядочное содержаніе, что не было бы разорительно для земства, и во всякомъ случаѣ было бы выгоднѣе чѣмъ назначать полное содержаніе всѣмъ членамъ управы.

Что касается до губернской управы, то тутъ земское учрежденіе по необходимости отдѣлится отъ мироваго, и слѣдовательно потребуетъ значительныхъ средствъ на свое содержаніе. Но губернскія земскія учрежденія могутъ повести свое дѣло такъ, чтобы земство не тяготилось этимъ расходомъ: они должны, кажется, сосредоточить все свое вниманіе на извлеченіи возможныхъ выгодъ для земства изъ тѣхъ, иногда довольно значительныхъ капиталовъ, которые по закону должны находиться въ ихъ распоряженіи. Разумное употребленіе этихъ капиталовъ можетъ вполнѣ вознаградить земство за тѣ издержки, которымъ потребуетъ содержаніе губернской управы.

№ 36.

Москва 16-го февраля.

Всѣ вопросы общеевропейской политики отступаютъ въ настоящее время на задній планъ предъ опасеніями, которыя возбуждаетъ духъ вражды къ Англіи и Франціи, проявляющійся почти равномѣрно и въ сѣверныхъ, и въ южныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза. Въ этихъ чувствахъ вражды къ первенствующимъ морскимъ державамъ Европы, дѣйствительно, сходятся между собою обѣ воюющія стороны, хотя по совершенно различнымъ и даже противоположнымъ причинамъ: Сѣверъ озлобленъ тѣмъ, что Франція воспользовалась американскими междуусобіями для основанія новой имперіи и для утвержденія своего вліянія на материкѣ Америки, и еще болѣе тѣмъ, что обѣ державы, и особенно Англія, оказывали матеріяльную и нравственную поддержку Южной Конфедераціи; послѣдняя же, раздѣляя предубѣжденія Сѣверянъ противъ всякаго европейскаго вмѣшательства въ дѣла Америки, особенно недовольна тѣмъ, что ни Англія, ни Франція не рѣшились признать ея независимость. Если Сѣверъ и Югъ могутъ примириться между собою, то ближайшимъ къ тому поводомъ, вѣроятно, будетъ общая ихъ вражда къ Франціи и Англіи. Какъ живо чувствуются опасенія на этотъ счетъ въ Англіи, это видно изъ помѣщаемаго ниже отчета о парламентскихъ преніяхъ 20-го февраля. Члены оппозиціи въ палатѣ лордовъ, точно также какъ и журнальные органы консервативной партіи, безъ сомнѣнія, преувеличиваютъ опасность, которая грозитъ англійскимъ владѣніямъ въ Америкѣ: *Morning Herald*, напримѣръ, представляетъ дѣло такъ, какъ будто бы Англія была уже наканунѣ войны съ Сѣверо-Американскими Штатами; — при этомъ имѣется въ виду выставить въ яркомъ свѣтѣ оплошность правительства, которое не приняло своевременно мѣръ къ обезпеченію безопасности Канады; — но и члены правительства, очевидно, предвидятъ возможность разрыва, не отрицаютъ этой возможности, и только сожалѣютъ, что парламентъ вовлекся въ пренія о такомъ щекотливомъ вопросѣ.

Но не только въ Англіи возникаютъ подобныя опасенія; судя по всѣмъ извѣстіямъ, и въ Парижѣ съ не менѣе тревожными чувствами слѣдятъ за тѣмъ, что происходитъ теперь въ Сѣверной Америкѣ. Франція своею мексиканскою политикой поставила себя почти въ такое же положеніе къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, въ какомъ стоитъ Англія: она также возбудила противъ себя вражду и также можетъ подвергнуться ударамъ Сѣверо-Американцевъ. Какъ Англія не можетъ оставить Канады беззащитною, такъ точно и Мексиканская имперія можетъ положиться на то, что не будетъ предоставлена Франціей своему собственному безсилію. Итакъ, американскія дѣла могутъ, повидимому, повлечь за собою нѣкоторое сближеніе и даже тѣсный союзъ между Франціей и Англіей. Впрочемъ, Англія несравненно болѣе заинтересована въ этихъ дѣлахъ, и успѣла гораздо болѣе возбудить противъ себя раздраженія, особенно на Сѣверѣ, на сторонѣ котораго оказывается большій перевѣсъ силы, а потому ей и грозитъ съ этой стороны наибольшая опасность. Это открываетъ Франціи возможность дѣйствовать за-одно съ Англіей въ видахъ расторженія Сѣверо-Американскаго Союза, или же напротивъ, обезпе-

чивъ какимъ-либо договоромъ существованіе Мексиканской имперіи, содѣйствовать возстановленію Союза, хотя бы и въ нѣсколько-измѣненномъ видѣ, напримѣръ, съ признаніемъ Южной Конфедераціи и съ предоставленіемъ ей самобытности во внутреннихъ дѣлахъ ея. Самымъ благопріятнымъ для Франціи исходомъ нынѣшнихъ сѣверо-американскихъ междуусобій было бы распаденіе союза на двѣ половины, связанныя, однакоже, между собою оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ на вѣчныя времена. Въ этомъ смыслѣ, по всей вѣроятности, употребила бы Франція свое посредничество, которое она еще надѣется предложить обѣимъ воюющимъ сторонамъ, какъ только обстоятельства будутъ для того благопріятны, тогда какъ Англія желала бы полнаго и совершеннаго распаденія Сѣверо-Американскаго Союза. Повидимому, ходъ американскихъ событій скорѣе благопріятенъ для политическихъ видовъ Франціи. Результатомъ его можетъ быть или тѣсный союзъ съ нею Англіи, — союзъ, въ которомъ Англія будетъ болѣе нуждаться въ ея помощи, чѣмъ она въ помощи Англіи, и который, слѣдовательно, она будетъ расположена купить себѣ уступками Франціи по разнымъ европейскимъ вопросамъ; или же Франція постарается направить всю вражду и весь воинственный пылъ Сѣверо-Американцевъ противъ Англіи, и такимъ образомъ откроетъ себѣ полный просторъ въ Европѣ. Не безъ причины, конечно, ни въ тронной рѣчи императора Наполеона, ни въ *Желтой Книгѣ* нѣтъ ни малѣйшихъ указаній и намековъ на отношенія Франціи къ различнымъ европейскимъ державамъ, хотя хорошо извѣстно, что Франція далеко не бездѣйствовала во всѣхъ возбужденныхъ въ Европѣ вопросахъ и что въ одномъ изъ нихъ, именно въ восточномъ, она даже обнаружила желаніе прибрать къ своимъ рукамъ Тунисъ. Во всякомъ случаѣ, однакоже, этотъ просторъ открылся бы для Франціи лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; въ настоящее же время въ виду событій, происходящихъ въ Америкѣ, какъ Англія, такъ равно и Франція должны стѣснить кругъ своей дѣятельности въ Европѣ, устраниться отъ слишкомъ дѣятельнаго участія въ волнующихъ ее вопросахъ и повременить разрѣшеніемъ многихъ изъ нихъ. Назначенный императоромъ Наполеономъ двухлѣтній срокъ для вывода его войскъ изъ Рима въ этомъ отношеніи придется для него какъ нельзя болѣе кстати. Такимъ образомъ, всѣ общеевропейскіе вопросы: римскій, венеціянскій, восточный и скандинавскій отсрочиваются на болѣе или менѣе отдаленное время, и только вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій и связанный съ нимъ вопросъ обще-германскій находятся теперь въ полномъ ходу.

Этотъ вопросъ сдѣлалъ теперь важный шагъ впередъ, и вступилъ въ новый періодъ своего развитія. 23-го февраля, какъ извѣстилъ насъ телеграфъ, была отправлена въ Вѣну прусская депеша по вопросу о Герцогствахъ,—депеша, которую тамъ такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали. Эта депеша, какъ заявляетъ *Провинціяльная Корреспонденція*, отъ 23-го же февраля, содержитъ въ себѣ требованія, которыя, по словамъ этого министерскаго органа, Пруссія должна была безусловно поставить какъ въ собственныхъ своихъ интересахъ, такъ и въ интерасахъ Германіи, а также для дѣйствительнаго огражденія безопасности будущаго Шлезвигъ-Гольштейнскаго государства. Въ этой депешѣ нѣтъ пока еще и помину о будущемъ государѣ Шлезвигъ—Гольштейна, и вообще о притязаніяхъ, основанныхъ на различныхъ наслѣдственныхъ правахъ. Теперь дѣло идетъ только объ опредѣленіи будущихъ отношеній Шлезвигъ-Гольштейна къ Пруссіи, независимо отъ вопроса, кто будетъ государемъ этихъ Герцогствъ. Въ чемъ заключаются требованія Пруссіи, въ точности неизвѣстно. Какъ, кажется, дѣло идетъ не только о подчиненіи Герцогствъ Пруссіи въ военномъ и морскомъ отношеніяхъ, но и о предоставленіи ей верховныхъ правъ надъ всѣми тѣми мѣстами, которыя она считаетъ необходимымъ укрѣпить. Такъ какъ, безъ сомнѣнія, это будутъ важнѣйшіе приморскіе и стратегическіе пункты, то независимость Герцогствъ, еслибъ они и достались принцу Августенбургскому или великому герцогу Ольденбургскому, была бы сохранена только по имени, а не въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, однакоже, *Провинціяльная Корреспонденція* говоритъ, что безусловное и безъ всякихъ предъизъятій признаніе и выполненіе этихъ требованій должно предшествовать всякому дальнѣйшему рѣшенію будущей судьбы герцогствъ, и что безъ такого безусловнаго признанія и исполненія этихъ требованій никакой государь не

можетъ быть окончательно введенъ во владѣніе этими областями. Весь планъ Пруссіи, какъ объясняютъ его *Провинціяльная Корреспонденція* и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, заключается въ томъ, чтобы предварительно достигнуть согласія Австріи на эти требованія, съ устраненіемъ всякаго въ этомъ дѣлѣ участія, какъ Германскаго Союза, такъ и самаго шлезвигъ-гольштейнскаго населенія и различныхъ претендентовъ. За тѣмъ уже дѣло будетъ идти объ основательномъ изслѣдованіи различныхъ наслѣдственныхъ притязаній и о соглашеніи на этотъ счетъ съ Австріей. Но, какъ видно, Пруссія не останавливается благоговѣйно передъ наслѣдственными правами, а имѣетъ въ виду, при рѣшеніи вопроса о томъ, кому быть государемъ, принять во вниманіе различныя политическія соображенія, а также и выслушать голосъ самого населенія Герцогствъ, для чего въ свое время будутъ созваны законные его представители. Какъ видно, недавнія заявленія Франціи въ пользу права самого населенія—участвовать въ рѣшеніи его судьбы остались не безъ вліянія на Берлинскій кабинетъ, и Пруссія тѣмъ болѣе готова въ этомъ случаѣ примѣнить къ дѣлу принципъ о правахъ народа, что она явнымъ образомъ разчитываетъ какъ нельзя лучше воспользоваться промежуточнымъ временемъ и расположить народонаселеніе Герцогствъ въ пользу прямаго присоединенія къ Пруссіи. Времени для этого будетъ не мало въ ея распоряженіи, потому что теперь, по поводу ея требованій, начнутся нескончаемые переговоры съ Австріей; а между тѣмъ и теперь уже многія важнѣйшія, въ практическомъ отношеніи, учрежденія устраиваются въ Герцогствахъ по прусскому образцу и находятся уже въ полномъ завѣдываніи прусской администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется множество полуофиціяльныхъ брошюръ, имѣющихъ цѣлью привлечь народонаселеніе Герцогствъ къ Пруссіи. Въ одной изъ этихъ брошюръ, недавно появившейся въ Берлинѣ, доказывается, что въ случаѣ прямаго соединенія Герцогствъ съ Пруссіей, на долю ихъ выпала бы высокая и вполнѣ самостоятельная роль—быть тѣмъ же для военныхъ морскихъ силъ Германіи, чѣмъ Пруссія оказывается въ отношеніи къ сухопутнымъ военнымъ силамъ; такъ что не Шлезвигъ-Гольштейнъ былъ бы присоединенъ къ приморскимъ провинціямъ Пруссіи, а наоборотъ, эти провинціи были бы присоединены къ Шлезвигъ-Гольштейну. Далѣе, авторъ брошюры указываетъ на тѣ постройки и обширныя заведенія въ самихъ Герцогствахъ, которыя оказались бы необходимыми, съ присоединеніемъ ихъ къ Пруссіи, для развитія морскихъ силъ ея, и которыя ежегодно привлекали бы къ нимъ милліоны прусскихъ талеровъ, обогащая мѣстныхъ жителей. Устройство канала между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями, военныхъ гаваней въ Килѣ и на островѣ Сильтѣ, устройство арсеналовъ, доковъ, корабельныхъ верфей и прочихъ морскихъ и военныхъ обзаведеній,—все это, обогативъ временно мѣстное населеніе, на вѣчныя времена сдѣлалось бы достояніемъ Герцогствъ, значеніе которыхъ возрастало бы по мѣрѣ возрастанія морскаго могущества Пруссіи. Что эти внушенія не остаются безъ вліянія на мѣстное населеніе, ясно изъ того, что всѣ значительнѣйшіе землевладѣльцы Гольштейна и Шлезвига высказываются теперь уже прямо въ пользу присоединенія къ Пруссіи, а гдѣ высшій классъ населенія—одного языка и происхожденія съ массой народа, тамъ онъ неминуемо увлекаетъ за собою и послѣднюю.

Итакъ, вотъ виды и планы Пруссіи. Спрашивается: суждено ли имъ будетъ вполнѣ осуществиться, или же Австрія успѣетъ имъ воспротивиться, опираясь на второстепенныя государства Германіи и на поддержку, до извѣстной степени, со стороны Европы? Нѣтъ сомнѣнія, что Австрія наиболѣе заинтересована тѣмъ, чтобы не допустить такого существеннаго измѣненія въ системѣ политическаго равновѣсія цѣлой Европы и преимущественно самой Германіи. Еслибъ Австріи не грозила опасность на югозападной ея границѣ со стороны Италіи и Франціи, то она скорѣе рѣшилась бы обнажить мечъ противъ Пруссіи чѣмъ допустить такое значительное увеличеніе ея могущества, и нечего говорить, что въ этомъ случаѣ она могла бы вполнѣ разчитывать на то, что ея интересы въ этомъ дѣлѣ согласны съ интересами Россіи. Еслибы событія въ Сѣверной Америкѣ были въ состояніи отвлечь вполнѣ силы морскихъ державъ въ другую сторону, то шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ легко могъ бы породить войну въ Германіи. Эта война, сколько можно видѣть, не повредила бы интересамъ Россіи. Содѣйствіе Россіи въ этомъ дѣлѣ было бы какъ нельзя болѣе важно

для Австріи, потому что и безъ прямаго вмѣшательства въ войну, Россія могла бы обезпечить спокойствіе восточныхъ областей Австріи. Нѣтъ сомнѣнія также, что при такомъ условіи перевѣсъ силы былъ бы на сторонѣ Австрійской имперіи. Но такъ какъ, по всей вѣроятности, дѣло не дойдетъ до войны между Австріей и Пруссіей, то Россіи остается воспользоваться нынѣшнимъ благопріятнымъ временемъ, чтобы, по возможности, отстранить отъ себя самыя неблагопріятныя послѣдствія возрастанія могущества Пруссіи. Пруссія какъ нельзя искуснѣе пользуется нынѣшними взаимными отношеніями европейскихъ государствъ, и спѣшитъ свое положеніе укрѣпить. Не надлежитъ ли и Россіи пойдти по этому пути въ дѣлѣ, которое совершенно согласно, какъ съ ея интересами, такъ и съ требованіями справедливости и человѣколюбія? Въ виду предстоящаго расширенія предѣловъ Пруссіи и усиленія ея могущества, не слѣдуетъ ли и Россіи рѣшиться не на завоеванія, которыя для нея не нужны и безполезны, а на укрѣпленіе и упроченіе связей, соединяющихъ западныя пограничныя ея области со всею остальною Имперіей? *S.-Petersburger Zeitung* очень убѣдительно доказываетъ намъ, что Россія никакъ не можетъ воспрепятствовать усиленію Пруссіи, не подвергая себя всѣмъ бѣдствіямъ войны, которыя превысили бы собою невыгодныя послѣдствія отъ усиленія Пруссіи въ Балтійскомъ морѣ. Пусть будетъ такъ. Но она несомнѣнно можетъ по крайней мѣрѣ вознаградить себя за это стѣсненіе ея вліянія тѣснѣйшимъ присоединеніемъ, въ политическомъ отношеніи, своихъ окраинъ. Такимъ образомъ, не проливъ ни одной капли крови, а напротивъ, предупредивъ на будущее время возможность внутреннихъ смутъ и кровопролитій, Россія усилила бы свое положеніе въ Европѣ ничуть не менѣе чѣмъ Пруссія путемъ неправой войны съ Даніей и насильственныхъ дѣйствій противъ другихъ нѣмецкихъ правительствъ, и нарушенное ею политическое равновѣсіе было бы возстановлено въ отношеніи къ Россіи.

№ 37.

Москва, 17-го февраля.

Выборному началу издавна была отведена широкая доля въ нашемъ мѣстномъ управленіи. Нельзя сказать, однакоже, чтобы всѣ должности, замѣщаемыя по выбору, пользовались у насъ уваженіемъ. Судья выборный былъ такой же чиновникъ, какъ и судья назначенный отъ короны, и можетъ-быть еще болѣе состоялъ подъ властію своей канцеляріи. Полиція въ уѣздахъ была также устроена на выборномъ началѣ. Исправники служили прежде по выборамъ, но это не придавало имъ самостоятельности; теперь они служатъ по назначенію правительства, получаютъ болѣе жалованія и имѣютъ болѣе широкій кругъ дѣятельности чѣмъ прежде; мѣста исправническія сдѣлались лучше, и если вникнуть въ тѣ жалобы, которыя слышатся теперь на новый порядокъ полицейскаго устройства, то окажется, что сожалѣнія о прежнемъ порядкѣ относятся преимущественно не къ тому, что прежде земскіе суды замѣщались по выборамъ, а къ тому, что они замѣщались мѣстными людьми, коротко знакомыми съ мѣстностью, привязанными къ ней имуществомъ и имѣющими потребность сохранить добрую репутацію въ своемъ околоткѣ. Еслибы законъ опредѣлилъ, что въ должность исправниковъ слѣдуетъ опредѣлять мѣстныхъ жителей уѣзда, то сожалѣнія о прежнемъ порядкѣ замѣщенія этой должности, вѣроятно, прекратились бы. Въ выборной системѣ важно и полезно было не столько то, что высшія полицейскія должности въ уѣздѣ замѣщались по выбору, сколько то что выборъ дѣлался изъ мѣстныхъ людей, и что мѣстное общество было ограждено отъ наплыва искателей приключеній, кочующихъ съ мѣста на мѣсто и не имѣющихъ побужденія дорожить мнѣніемъ того общества, среди котораго они временно служатъ. Но помимо этого различія, прежніе исправники были чиновники не менѣе чѣмъ нынѣшніе. Вообще не трудно замѣтить, что служба по выборамъ освобождается отъ чиновническаго характера только въ томъ случаѣ, когда доставляетъ почетъ и привлекаетъ лучшихъ людей данной мѣстности. Мы видимъ напримѣръ, что предводительская должность, несмотря на обстановку во многихъ отношеніяхъ неблагопріятную, сохранила за собой какое-то обаяніе, не соединяющееся въ Россіи ни съ какою другою должностью, по крайней мѣрѣ не соединяющееся въ равной степени. Другими должностями у насъ пренебрегаютъ, а этой должности ищутъ какъ почета, и нѣтъ того обще-

ственнаго положенія, съ которымъ она считалась бы несовмѣстною. Она пользуется уваженіемъ какъ со стороны тѣхъ лицъ, которыя могутъ считаться кандидатами на нее, такъ и со стороны лицъ принадлежащихъ къ низшимъ общественнымъ положеніямъ. Крестьянинъ, напримѣръ, не смотритъ на предводителя такими же глазами какъ на станового или исправника. Популярная къ верху, предводительская должность популярна и къ низу. Этой популярности не повредило даже то, что не рѣдко она была занимаема людьми мало способными, считавшими гостепріимство своею единственною обязанностью. Насмѣшка надъ предводительскою должностью недавно сдѣлалась чуть не общимъ мѣстомъ въ нашей литературѣ, и однакоже никому не совѣстно искать должности предводителя, и нѣтъ должности, которая пользовалась бы въ народѣ бо́льшимъ довѣріемъ. Мировые посредники поставлены хорошо; мировой институтъ оказалъ большія заслуги отечеству. Но въ мировыхъ посредникахъ многіе порицаютъ чиновническій характеръ, между тѣмъ какъ предводителей общее мнѣніе рѣзко отличаетъ отъ чиновничества. На чемъ же основано такое исключительное значеніе, доставшееся на долю предводительской должности? На чемъ еще оно можетъ быть основано кромѣ ея безмездности?

Служить изъ почета, быть поставлену такъ, чтобы никто не могъ считать васъ наемникомъ, вотъ въ чемъ заключается условіе общаго уваженія не сопровождаемаго завистью. Мы не беремъ на себя невозможной задачи предсказывать что выйдетъ изъ земскихъ учрежденій, но то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что общимъ уваженіемъ эти учрежденія будутъ пользоваться лишь въ той мѣрѣ, въ какой служба въ нихъ будетъ безмездна. Намъ кажется, что преувеличивать значеніе земскихъ учрежденій значитъ сбивать себя съ толку и вредить дѣлу. Гдѣ нѣтъ трезваго взгляда, тамъ не можетъ быть и здравой дѣятельности. Значеніе земскихъ учрежденій, очерченное законодательствомъ, очень скромно; эпитетъ *земскій* принадлежитъ имъ не въ своемъ общемъ, а въ томъ спеціальномъ смыслѣ, въ которомъ онъ входитъ въ выраженіе: *земскія повинности*. Общій смыслъ этого эпитета — смыслъ политическій — несовмѣстенъ съ мѣстнымъ характеромъ земскихъ учрежденій; это до такой степени очевидно, что при переводѣ на иностранные языки нѣтъ возможности передавать эпитетъ *земскій* иначе какъ выраженіемъ *провинціяльный*, а выраженія *Land, pays* оказываются тутъ совершенно неумѣстными. Въ способѣ осуществленія земскихъ учрежденій иные ждутъ увидѣть первый опытъ русскаго общества на политическомъ поприщѣ, но тутъ нѣтъ политическаго поприща, а потому не можетъ быть рѣчи и о первомъ опытѣ на немъ. Вопросъ тутъ можетъ состоять только въ томъ, какой характеръ получатъ эти учрежденія, къ какому типу ближе подойдутъ они, — къ типу бюрократическому или къ типу самоуправленія, наполнятся ли земскія управы наемниками, питающимися отъ крупицъ земства и выхлопатывающими себѣ какъ можно больше этихъ крупицъ, или людьми, дѣйствительно стоящими во главѣ мѣстнаго земства и способными смотрѣть на его дѣла глазомъ хозяйскимъ, а не прикащичьимъ. Хотя земскія учрежденія не могутъ оказывать такого привлекательнаго дѣйствія, какое оказываетъ напримѣръ безмездный мировый институтъ Англіи, но тѣмъ не менѣе, или лучше, именно по этому самому особенно желательно и важно чтобы крупные земледѣльцы не упустили ихъ изъ своихъ рукъ, и не предоставили земскихъ управъ искателямъ жалованья и поживы. Поднявъ такимъ образомъ земскія управы, они вмѣстѣ съ тѣмъ упрочили бы свое политическое положеніе во главѣ земства. Въ этомъ случаѣ введеніе земскихъ учрежденій могло бы имѣть послѣдствія въ высшей степени полезныя.

Другимъ, не менѣе важнымъ послѣдствіемъ введенія земскихъ учрежденій должно быть, кажется, наглядное доказательство того, что теперь наступила пора серіозныхъ мѣръ для сближенія сословій. Случай хотѣлъ, чтобы первыя земскія собранія происходили въ одной изъ самыхъ восточныхъ, новоколонизованныхъ и молодыхъ губерній Россіи. Самарская губернія стоитъ къ центральнымъ губерніямъ Россіи почти въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоятъ въ Сѣверной Америкѣ такъ-называемыя территоріи къ штатамъ. Описаніе поѣздки на земскіе выборы въ Бузулукъ, которое читатели найдутъ ниже, рисуетъ тамошнее земское дѣло чертами не совсѣмъ благопріятными. Въ захолустьяхъ, гдѣ еще недавно кочевали Башкиры, трудъ-

но было бы впрочемъ ожидать чего-нибудь лучшаго, и можно только пожалѣть, что починъ введенія земскихъ учрежденій выпалъ на долю этихъ захолустій. Изъ помѣщенныхъ ниже, въ нашей „Послѣдней Почтѣ," сообщеній *Сѣверной Почты* о составѣ уѣздныхъ собраній Самарской губерніи, видно, что большинство въ этихъ собраніяхъ состоитъ изъ крестьянъ. Собраніе, состоящее на половину изъ людей неполноправныхъ и неграмотныхъ, не можетъ быть мѣстомъ для серіозныхъ обсужденій и вообще есть дѣло крайне неудобное; но коль скоро такія собранія узаконены, то не слѣдуетъ ли желать, чтобы присутствіе въ нихъ крестьянъ не оставалось одною формальностью или чтобъ они не разыгрывали въ нихъ роли, принадлежавшей сельскимъ засѣдателямъ въ нашихъ судахъ? Когда крестьянскому большинству въ уѣздныхъ собраніяхъ Самарской губерніи ввѣрены такія дѣла, какъ раскладка земскихъ повинностей, какъ народное просвѣщеніе, продовольствіе, призрѣніе, здравіе, и когда все уѣздное хозяйство поставлено въ зависимость отъ ихъ приговоровъ, то не оказывается ли самою настоятельною необходимостью возвысить юридическое положеніе этихъ людей? Не заключается ли серіозная опасность въ томъ, что эти люди, которыхъ приговорамъ подчинены всѣ жители уѣзда, въ свою очередь трепещутъ каждаго становаго пристава или исправника, имѣющаго право подвергать ихъ, или по крайней мѣрѣ ихъ отцовъ и сыновей, тѣлесному наказанію.

Повторяемъ: земскія учрежденія должны съ новою силой возбудить вопросъ о необходимости сближенія между сословіями. Посадить нѣсколько крестьянъ рядомъ съ помѣщиками, священниками и купцами, не значитъ еще сблизить сословія. Помѣщики могутъ брататься съ крестьянами, ухаживать за ними, пожалуй льстить имъ, но этимъ не наполнится бездна, отдѣляющая крестьянина отъ помѣщика. Это будетъ сближеніе фальшивое, — комедія, для самихъ крестьянъ всего болѣе тягостная. Чтобы дѣйствительное сближеніе было возможно, необходимо, чтобы гражданскія права крестьянъ были хоть сколько нибудь возвышены, чтобы законъ трактовалъ ихъ какъ взрослыхъ людей, а не какъ дѣтей, на которыхъ нужна розга. Мы не говоримъ о совершенной отмѣнѣ исправительнаго тѣлеснаго наказанія, но при оказывающейся необходимости озаботиться сближеніемъ сословій, не слѣдуетъ ли признать что исправительное тѣлесное наказаніе должно бы потерять характеръ сословнаго признака, и распространяться лишь на порочныхъ, безпорядочныхъ и грубыхъ людей, съ которыми, какъ штрафными солдатами, безъ тѣлеснаго наказанія нѣтъ возможности совладать? Вообще не слѣдуетъ ли желать, чтобы наши податныя сословія въ томъ отношеніи сблизились съ высшимъ сословіемъ, чтобы личность въ нихъ была признана гражданскисвободною?

№ 38.

Москва, 18-го февраля.

Наступили дни тишины, молитвы и поста. Умолкъ шумъ общественныхъ увеселеній, прекратились дорогія забавы; менѣе поводовъ сорить деньгами, на недостатокъ которыхъ всѣ такъ жалуются и которыя, однако, такъ щедро лились за послѣднее время въ нашихъ обѣихъ столицахъ; всѣ волею или неволею становятся трезвѣе, сосредоточеннѣе и бережливѣе. Теперь люди чаще ходятъ въ церковь, и церковь чаще приходитъ людямъ на мысль. Посреди этого затишья, быть-можетъ, слышнѣе раздастся голосъ, призывающій къ пожертвованіямъ на пользу Церкви стѣсненной и страждущей, — голосъ одного изъ нашихъ архипастырей, доходящій сюда изъ одной окраины нашего отечества, гдѣ дѣла православной церкви находятся въ весьма бѣдственномъ положеніи, и гдѣ принадлежащія къ ней населенія чувствуютъ себя менѣе обезпеченными въ своихъ религіозныхъ потребностяхъ, чѣмъ усердно навращаемые въ магометанство Киргизы, или столь же усердно утверждаемые въ ламаизмѣ сибирскіе Буряты. Мы говоримъ о воззваніи архіепископа Платона: оно появлялось уже болѣе года тому назадъ въ нашихъ газетахъ, какъ кажется, безъ большаго успѣха, и вновь появляется въ сегодняшнемъ листкѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, по случаю прибытія сюда духовнаго лица изъ Риги для сбора приношеній на церковное строеніе Рижской епархіи *); мы

*) Діаконъ рижскаго каѳедральнаго собора Петръ Успенскій, жительствуетъ въ приходѣ Грузинскія Божія Матери, что на Варваркѣ, у дьячка В. И. Величкина.

говоримъ объ этой Рижской епархіи, гдѣ числится около 200.000 душъ православнаго исповѣданія, большая часть которыхъ состоитъ изъ туземцевъ того края, Эстовъ и Латышей. Можетъ-быть, ни одна религія, въ какомъ бы то ни было уголкѣ нашей пространной Россіи, такъ мало не обезпечена въ своихъ существенныхъ потребностяхъ, какъ православіе посреди русскихъ народонаселеній Западнаго края или какъ православіе между Эстами и Латышами Прибалтійскаго края; можетъ-быть, никому не приходится терпѣть такъ много неудобствъ и лишеній, какъ этимъ бѣднымъ Латышамъ и Эстамъ, во множествѣ обращавшимся въ православіе лѣтъ за двадцать предъ симъ, понемногу обращающимся и теперь, несмотря на мрачную картину представляемую положеніемъ ихъ одноплеменниковъ, перешедшихъ въ православіе. Мы не хотимъ бередить раны; мы не будемъ развивать свитокъ грустныхъ фактовъ, хорошо намъ извѣстныхъ; мы имѣемъ въ виду коснуться только религіознаго быта людей, присоединившихся въ этомъ краѣ къ православію. Если когда-нибудь, если гдѣ-нибудь люди привлекались разными приманками отъ одной религіи къ другой, то конечно никто не скажетъ чтобы положеніе православія въ Лифляндской губерніи было исполнено приманокъ и привлекательности. Ничто на свѣтѣ не представляетъ такъ мало земныхъ выгодъ, какъ православіе для обратившихся къ нему Латышей и Эстовъ Лифляндской губерніи. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ могли обольщать себя разными ожиданіями тѣ изъ нихъ, которые за двадцать лѣтъ предъ симъ первые стали переходить въ православную церковь; несомнѣнно однако то, что небольшой промежутокъ протекшаго съ тѣхъ поръ времени долженъ былъ совершенно отрезвить ихъ въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, присоединяясь къ православію, эти люди не могли не думать, что присоединяются къ церкви, торжествующей, а не гонимой, къ господствующей религіи великаго народа, что они становятся участниками величія и славы этой церкви, что они вступаютъ въ тѣснѣйшее сближеніе съ этимъ народомъ, которому принадлежитъ то государство, гдѣ они живутъ. Во всякомъ случаѣ, они могли безгрѣшно ожидать, что церковь, принявшая ихъ въ свои нѣдра достаточно сильна и могущественна, по крайней мѣрѣ, для того чтобы дать имъ храмы сколько-нибудь соотвѣтствующіе своему назначенію; они могли безгрѣшно надѣяться, что въ нѣдрахъ этой церкви они будутъ участниками вполнѣ соотвѣтствующаго ей, благолѣпнаго богослуженія. Имъ простительно было думать, что у нихъ будутъ храмы достойные этого имени, а не избы, душныя и тѣсныя, не сараи вмѣсто храмовъ...

Во многихъ мѣстахъ обстановка богослуженія православной церкви между сельскимъ людомъ Лифляндіи представляетъ самое печальное зрѣлище. Если можно разсуждать о томъ, слѣдовало ли способствовать обращенію лифляндскихъ Эстовъ и Латышей въ православіе, то едва ли кто рѣшится допустить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли озаботиться о религіозныхъ потребностяхъ населеній, уже принявшихъ православіе. Неужели этотъ бѣдный, едва снискивающій себѣ пропитаніе людъ долженъ быть предоставленъ своимъ собственнымъ средствамъ въ построеніи и содержаніи своихъ православныхъ храмовъ? Высшіе классы общества исповѣдываютъ здѣсь иную вѣру. Изъ земскихъ средствъ края, съ оброчныхъ статей государственныхъ имуществъ, которыя называются здѣсь „имуществами рыцарства“ и находятся въ исключительномъ распоряженіи этого правительственнаго класса, конечно, не удѣляется ни копѣйки на постройку и содержаніе храмовъ для православныхъ Эстовъ и Латышей; напротивъ, эти православные Эсты и Латыши обязывались, можетъ-быть еще и теперь обязываются, платить изъ своихъ скудныхъ средствъ подать на содержаніе теперь чуждыхъ имъ лютеранскихъ храмовъ. И вотъ, эти туземцы Лифляндской губерніи, присоединившіеся къ православію, остаются безъ храмовъ, остаются при богослуженіи напоминающемъ своею обстановкой эпоху катакомбъ. Государственная казна не находитъ средствъ на этотъ предметъ; частные люди, благочестивые доброхотные датели, не всегда могутъ знать куда лучше и полезнѣе направлять имъ свои пожертвованія; къ тому же, принося свою жертву, отдавая свою лепту, они считаютъ долгъ свой исполненнымъ, они чувствуютъ потребность своей души удовлетворенною, и затѣмъ предоставляютъ самому Богу направлять ихъ пожертвованія. Не часто ли видимъ мы благотворительныхъ людей, которые, творя свое подаяніе просящему,

считаютъ даже грѣхомъ помышлять о томъ, будетъ ли изъ ихъ подаянія какой-либо прокъ и не обратится ли оно скорѣе во вредъ чѣмъ въ пользу? Употребленіе данныхъ ими денегъ они оставляютъ на совѣсти принявшаго. Пойдутъ ли эти деньги на кусокъ хлѣба голоднымъ дѣтямъ, или будутъ донесены только до ближайшаго кабака, имъ нѣтъ до этого нужды. Еще менѣе разбираютъ они, гдѣ можетъ дѣйствительно принести пользу пожертвованіе назначаемое на общую пользу. И вотъ, цѣлыя области нашего отечества, населенныя народомъ либо новообращеннымъ, либо воприсоединеннымъ къ нашей національной церкви, остаются, повторимъ, безъ храмовъ, или при такихъ храмахъ, которые едва могутъ быть названы этимъ именемъ; вотъ цѣлыя народонаселенія живущія въ предѣлахъ Россіи и исповѣдывающія вѣру его народа, чувствуютъ себя униженными и подавленными передъ лицомъ великолѣпныхъ иновѣрныхъ храмовъ, которые гордо и торжественно высятся надъ лачугами и сараями, служащими имъ вмѣсто храмовъ!

Кстати. Мы только что прочли въ *Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* объ усердіи одного самарскаго обывателя въ дѣлѣ церковнаго строенія, Это купецъ первой гильдіи, нѣкто Егоръ Никитичъ Аннаевъ. Мы не знаемъ, какого происхожденія и какой вѣры этотъ почтенный обыватель города Самары. Судя по имени, казалось бы, это Русскій. Но дѣло не въ томъ. Онъ построилъ въ Самарѣ собственнымъ иждивеніемъ римско-католическій храмъ. Что-жъ? Можетъ-быть, онъ, хотя и Русскій, принадлежитъ къ этой церкви? Нѣтъ, онъ принадлежитъ къ этой церкви не болѣе чѣмъ къ лютеранской. Но быть-можетъ въ Самарѣ живетъ такъ много людей исповѣдывающихъ римскую вѣру, что щедрый богачъ вошелъ въ религіозныя нужды этого множества людей, хотя и не единовѣрныхъ ему, но все же христіанъ? Нѣтъ, ничего не бывало. Какъ только храмъ былъ оконченъ постройкой, вдругъ оказался одинъ важный недостатокъ: храмъ есть, а не кому въ немъ молиться; оказалось, что въ Самарѣ такъ мало людей римско-католическаго вѣроисповѣданія, что въ римско-католическомъ храмѣ тамъ нѣтъ никакой надобности? Для чего же Егоръ Никитичъ строилъ римско-католическую церковь въ Самарѣ, если въ этомъ городѣ не обрѣтается римско-католической общины? Что побудило его къ столь щедрой тратѣ своего капитала? Какъ бы то ни было, храмъ выстроенъ: если нѣтъ католиковъ, то не поискать ли лютеранъ? Лютеранъ отыскалось поболѣе, и вотъ Егоръ Никитичъ поворотилъ католическую церковь на лютеранскую и передалъ ее безвозмездно въ вѣчное владѣніе самарской лютеранской общинѣ. Богъ знаетъ, можетъ-быть и лютеранская община въ Самарѣ какъ нибудь разбредется: что тогда сдѣлаетъ Егоръ Никитичъ Аннаевъ? Не отдастъ ли онъ свое сооруженіе подъ мечеть, благо есть по сосѣдству Киргизы, которымъ слѣдуетъ числиться по Магометовой вѣрѣ? Если намъ неизвѣстно какой вѣры самъ храмоздатель, несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что онъ совершенно равнодушенъ и къ римско-католическому, и къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Онъ построилъ римско-католическій храмъ тамъ, гдѣ въ немъ не было никакой надобности; онъ отдалъ этотъ храмъ лютеранамъ, о которыхъ вовсе и не думалъ въ то время, когда приступалъ къ его сооруженію. Случай довольно типическій на нашей Руси: люди жертвуютъ значительныя суммы, сами не зная на что, сами не зная зачѣмъ. Дай Богъ, чтобы прибывшій сюда изъ Риги собиратель приношеній на построеніе церквей Рижской епархіи не съ пустыми руками возвратился восвояси! Мы много слышали о положеніи православія въ этомъ краѣ, и въ то же время о религіозномъ чувствѣ этого бѣднаго люда, присоединившагося къ православію, объ умилительномъ усердіи этихъ людей, о ихъ надеждахъ что наконецъ будутъ же у нихъ храмы сколько-нибудь достойные этого имени, о добрыхъ качествахъ и евангельской нищетѣ православнаго духовенства, выходящаго изъ среды Эстовъ и Латышей, получающаго свое воспитаніе въ Рижской семинаріи и довершающаго его въ Петербургской и Московской духовныхъ академіяхъ; мы усердно желаемъ, чтобы дѣло православія въ этомъ краѣ, дѣло столько же религіозное, сколько и гражданское, привлекло къ себѣ отовсюду и сочувствіе, и помощь.

Мы слышали, что русское епархіальное начальство, не смотря на скудость средствъ, которыя до сихъ поръ находятся въ его распоряженіи, предпочитаетъ строить каменные храмы, а не эти деревянные, обы-

денные, кое-какъ сколоченные срубы, которые едва могутъ перестоять два-три людскія поколѣнія. Если деревянная церковь строится изъ мѣстныхъ средствъ или самимъ жертвователемъ, то тутъ претендовать не на кого и не за что; но подобныя постройки изъ казенныхъ или общественныхъ суммъ всегда производятъ печальное впечатлѣніе. Такія постройки дѣлаются какъ бы только для очистки совѣсти или для очистки бумагъ, какъ бы только въ угожденіе минутному настроенію, какъ бы только для формы, для парада. Лучше не торопиться, и строить исподоволь, но отнюдь не строить такъ, чтобъ отъ значительнаго капитала, черезъ два-три десятка лѣтъ, оставались только развалившіяся и полусгнившія бревна. Прочные, навѣкъ строенные храмы свидѣтельствуютъ, что вѣра, которой они служатъ символомъ, имѣетъ корень въ почвѣ, что она не случайное явленіе, а глубокая, крѣпкая, дѣйствительная сила. Одинъ видъ прочнаго, каменнаго храма, какъ бы ни былъ онъ малъ и скроменъ, уже много значитъ, и совершенно иначе назидаетъ приходящій въ него людъ, чѣмъ деревянный срубъ, какъ бы онъ ни былъ красиво размалеванъ.

Въ заключеніе выписываемъ нѣсколько словъ изъ одного письма, полученнаго нами изъ Риги: „Не Богъ только, но и потомство осудитъ насъ за равнодушіе, когда мы, хвалясь вѣрою и усердіемъ къ ней отцовъ нашихъ, не оставимъ своимъ дѣтямъ ничего, за что бы они могли похвалиться нами.“

№ 39.

Москва, 20-го февраля.

Берлинская телеграмма, отъ 2-го марта, помѣщенная въ предыдущемъ листкѣ нашей газеты, вполнѣ подтвердила прежнія предположенія о томъ, что Пруссія желаетъ, такъ или иначе, завладѣть Герцогствами. Требованія Пруссіи, препровожденныя въ Вѣну 23-го февраля, такого свойства, что еслибы Шлезвигъ-Гольштейнъ и получилъ своего особаго государя, то этотъ государь былъ бы не болѣе какъ наслѣдственнымъ намѣстникомъ короля Прусскаго; и рано или поздно былъ бы принужденъ и вовсе сложить съ себя свое званіе. Впрочемъ, выставляя свои требованія относительно Герцогствъ, въ томъ предположеніи что они будутъ имѣть своего особаго государя, Пруссія нисколько не лишила себя возможности и прямо обратить Шлезвигъ-Гольштейнъ въ свою провинцію. Въ этомъ отношеніи она еще выжидаетъ мнѣнія своихъ коронныхъ юрисконсультовъ, а тѣмъ временемъ, какъ говорятъ, старается склонить великаго герцога Ольденбургскаго къ уступкѣ принадлежащихъ ему правъ. До какой степени популярна въ Пруссіи мысль о полномъ присоединеніи къ ней Герцогствъ, видно изъ того, что прогрессивно-демократическая *Volks-Zeitung*, защищая права принца Августенбургскаго, утратила въ послѣднія двѣ четверти прошлаго года изъ 40.800 своихъ подписчиковъ 12.600, и несмотря на то что она нѣсколько измѣнила свое положеніе въ нынѣшнемъ году, продолжаетъ безпрерывно терять ихъ. Министерство г. фонъ-Бисмарка, которое ведетъ такую упорную борьбу съ палатой депутатовъ по внутреннимъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе дѣйствуетъ въ вопросахъ внѣшней, и особенно германской, политики въ полномъ согласіи съ требованіями общественнаго мнѣнія своей страны. Само собой впрочемъ разумѣется, что возстановленіе добрыхъ отношеній между палатой депутатовъ и министерствомъ много облегчило бы успѣхи внѣшней политики Пруссіи. Намѣреніе создать значительный военный флотъ и принять на себя большую часть издержекъ по устройству соединительнаго канала между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями никоимъ образомъ не можетъ осуществиться безъ займовъ, а заимодавцы потребуютъ ручательства народнаго представительства. Замѣчательно, что даже въ такомъ вопросѣ какъ распространеніе дѣйствій прусскаго банка за предѣлами Пруссіи, заинтересованные въ этомъ дѣлѣ города Германіи не удовольствовались распоряженіями прусскаго правительства, а потребовали, чтобъ оно напередъ вошло въ соглашеніе по этому предмету съ своими законодательными палатами.

Повидимому, министерство г. фонъ-Бисмарка все болѣе начинаетъ чувствовать необходимость возстановленія добрыхъ отношеній къ палатѣ депутатовъ, и тонъ, которымъ говорятъ теперь его члены, относясь къ палатѣ, представляетъ сравнительно съ прежнимъ значительное измѣненіе къ лучшему. Вообще можно сказать, что окончательные результаты внѣшней политики

г. фонъ-Бисмарка много зависятъ отъ того, какой исходъ получитъ доведенная имъ до крайней степени ожесточенія внутренняя борьба. Единство внѣшнихъ политическихъ цѣлей, которыя имѣютъ въ виду какъ палаты, такъ и министерство, легко можетъ послужить средствомъ къ водворенію согласія между ними и по внутреннимъ вопросамъ.

Замѣчательно, что и въ Австріи наибольшее согласіе между правительствомъ и народнымъ представительствомъ господствуетъ въ сферѣ внѣшней, именно германской политики. Какъ правительство, такъ и большинство обѣихъ палатъ имперской думы охотно свергли бы оковы прусскаго союза и воспротивились бы властолюбивымъ притязаніямъ Пруссіи, еслибы только Австріи не грозила опасность со стороны Италіи и Франціи. Но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ трудно ожидать, чтобъ Австрія противопоставила рѣшительный отпоръ только-что полученнымъ ею требованіямъ Пруссіи. Полуофиціяльные вѣнскіе корреспонденты различныхъ нѣмецкихъ газетъ уже сообщаютъ по телеграфу, что послѣдняя прусская депеша была найдена въ Вѣнѣ довольно удовлетворительною и что особенно тонъ ея былъ признанъ вполнѣ примирительнымъ. Какъ ни рѣшительно выставила Пруссія свои требованія, однакоже, очевидно, что дѣло не идетъ еще къ окончательной развязкѣ; и что Австрія будетъ отвѣчать не прямымъ отказомъ, а предложеніемъ какой-нибудь другой сдѣлки. Въ послѣднее время снова обнаружились нѣкоторые признаки, указывающіе на ея желаніе сблизиться съ Франціей. *Mémorial diplomatique* прямо заявляетъ, что австрійскій посолъ въ Парижѣ, князь Меттернихъ, всячески старается о сближеніи между Франціей и Австріей, дѣйствуя въ этомъ случаѣ согласно съ своими воззрѣніями на пользы и нужды Австрійской имперіи. Редакторъ упомянутой газеты не отрицаетъ своихъ близкихъ связей съ княземъ Меттернихомъ и прямо объявляетъ что онъ въ своей газетѣ имѣетъ въ виду содѣйствовать расторженію прусско-австрійскаго союза. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* справедливо заключаетъ изъ этого, что сталобыть само австрійское правительство не слишкомъ твердо держится союза съ Пруссіей, и до нѣкоторой степени готово перейдти на противоположную сторону. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ переходъ совершился бы и что Австрія рѣшительнѣе воспротивилась бы видамъ Пруссіи, еслибы ходъ событій въ Сѣверной Америкѣ побудилъ императора Наполеона принять болѣе благопріятное для Австріи положеніе въ римскомъ и венеціянскомъ вопросахъ. Новѣйшія извѣстія, которыя читатель найдетъ въ нашей „Послѣдней Почтѣ," какъ бы предвѣщаютъ, что со стороны Америки готовятся для Франціи тѣмъ болѣе значительныя затрудненія, что Англія, повидимому, намѣрена дѣйствовать въ самомъ миролюбивомъ духѣ относительно Вашингтонскаго кабинета, и что она предоставитъ Франціи одной развѣдываться съ нимъ по мексиканскимъ дѣламъ. Если такъ, то вліяніе Франціи на дѣла Европы можетъ на нѣкоторое время значительно умалиться, и европейскія дѣла пойдутъ своимъ чередомъ, не возмущаемыя опасностями съ этой стороны.

Но какъ въ Пруссіи успѣхи внѣшней политики наиболѣе зависятъ отъ того, состоится ли искренній миръ между ея правительствомъ и народнымъ представительствомъ, такъ и въ Австріи самое направленіе внѣшней политики главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ успѣховъ ея внутренняго государственнаго развитія. Ни въ Пруссіи, ни въ Австріи, представительныя собранія еще не пустили глубокихъ корней. Положеніе австрійской имперской думы, однакоже, благопріятнѣе чѣмъ положеніе прусскаго сейма. Между тѣмъ какъ созваніе послѣдняго было почти навязано прусскому правительству смутами 1848 года, австрійскій императоръ созвалъ свою думу добровольно, вслѣдствіе собственнаго сознанія, что народное представительство послужитъ самою твердою опорой престолу и сильнѣе свяжетъ между собою народы соединенные въ одномъ и томъ же государствѣ. Благодаря такому, болѣе благопріятному происхожденію народнаго представительства въ Австріи, правительство охотнѣе ищетъ въ немъ опоры для себя, и препятствіе правильному развитію Австріи заключается не столько въ нѣкоторыхъ клерикальныхъ, военныхъ и придворныхъ кружкахъ, сколько въ разрозненности самихъ частей Австрійской монархіи. Притомъ же прусская верхняя палата представляетъ рѣзкую противоположность, въ основныхъ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, съ палатой депутатовъ, между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ замѣчается несравненно большее сходство

между обѣими палатами, какъ въ личномъ ихъ составѣ, такъ и въ ихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ. Тогда какъ въ прусской палатѣ депутатовъ въ числѣ 340 членовъ считается всего 72 землевладѣльца и 36 кущовъ и фабрикантовъ, всѣ же остальные принадлежатъ къ числу служащихъ или отставныхъ чиновниковъ, въ австрійской палатѣ депутатовъ несравненно болѣе выступаетъ впередъ земледѣльческій классъ, хотя впрочемъ и не въ такой мѣрѣ, какъ въ британской палатѣ общинъ. Австрійская палата депутатовъ, состоя преимущественно изъ лицъ принадлежащихъ къ землевладѣльческимъ классамъ, уже по этому одному является болѣе серіознымъ, надежнымъ, практическимъ и умѣреннымъ политическимъ собраніемъ, чѣмъ прусская палата депутатовъ. Борьба, которую ведетъ австрійская палата съ министерствомъ, имѣетъ, очевидно, болѣе практическій характеръ, чѣмъ борьба продолжаемая такъ упорно прусскою палатой. Тогда какъ австрійская палата имѣетъ въ виду лишь необходимое устраненіе дефицита, сдѣлавшагося хроническимъ, прусская палата, подъ вліяніемъ болѣе теоретическихъ увлеченій чѣмъ дѣйствительныхъ нуждъ, старается отстоять прежнюю военную организацію, иначе распредѣлить государственные доходы между различными отраслями управленія и уменьшить налоги, на тяжесть которыхъ ни съ какой стороны еще не было слышно особенныхъ жалобъ. Такимъ образомъ, тогда какъ въ Пруссіи между правительствомъ и палатой депутатовъ обнаруживается коренное разногласіе, въ Австріи оба дѣятеля государственной жизни идутъ въ одномъ и томъ же направленіи, и столкновеніе по вопросу о бюджетѣ только вслѣдствіе случайныхъ причинъ и личнаго раздраженія готово было принять обширные размѣры. До какой степени это справедливо, видно изъ того, что въ то самое время, когда взаимное ожесточеніе достигло, повидимому, наибольшей силы, г. фонъ-Шмерлингъ нашелъ возможнымъ заявить палатѣ, что желаніе ея, хотя и не вполнѣ, будетъ удовлетворено, и что бюджетъ на нынѣшній годъ будетъ сокращенъ на 20 милліоновъ гульденовъ, вмѣсто 25 милліоновъ, которые предлагала финансовая коммиссія. Этимъ важнымъ шагомъ къ лучшему Австрія нераздѣльно обязана своей нижней палатѣ. Точно также и въ другихъ вопросахъ, какъ напримѣръ, въ вопросѣ объ отмѣнѣ военнаго положенія въ Галиціи и въ Венгріи и о скорѣйшемъ созваніи венгерскаго сейма, австрійское правительство, по возможности, старалось усвоить себѣ виды и желанія палаты депутатовъ.

Народное представительство существуетъ въ Австріи всего четыре года, а между тѣмъ оно пріобрѣло несомнѣнный вѣсъ и значеніе, и то что было высказано имъ по венгерскому вопросу, наиболѣе расположило венгерскихъ политическихъ людей въ пользу примиренія. Венгрія противится предположенной въ февральскомъ патентѣ централизаціи наиболѣе потому, что не совсѣмъ еще вѣритъ въ силу и прочность новыхъ представительныхъ учрежденій Австрійской имперіи. Чѣмъ болѣе само правительство будетъ заботиться объ усиленіи и упроченіи этихъ учрежденій, тѣмъ болѣе оно облегчитъ для себя удовлетворительное разрѣшеніе венгерскаго вопроса.

Какъ велики могутъ быть послѣдствія такого исхода, это даже трудно представить себѣ заранѣе. Онъ отзовется несомнѣнно на всей европейской политикѣ, а для Россіи можетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе. Если венгерскій вопросъ дѣйствительно разрѣшится удовлетворительно на основаніи новыхъ учрежденій, для Австріи наступитъ совершенно новая пора существованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно окажутся новыя тяготѣнія въ ея внѣшней политикѣ. Тогда, очень вѣроятно, Австрія предоставитъ Пруссіи широкое поле дѣйствій по дѣламъ германскимъ, съ тѣмъ чтобъ она поддержала ея политику на Востокѣ, пойдетъ на сдѣлку по вопросу италіянскому, даже венеціянскому, и съ помощью своихъ представительныхъ учрежденій оказывая сильнѣйшее притягательное дѣйствіе на славянскія и румынскія страны Балканскаго полуострова, постарается разрѣшить великій восточный вопросъ въ своихъ интересахъ, или, какъ говоритъ *Allgemeine Zeitung*, въ интересахъ европейскаго мира и европейской цивилизаціи, но во всякомъ случаѣ вопреки интересамъ Россіи. Эта сторона дѣла заслуживаетъ особеннаго вниманія.

„Еслибы, замѣчаетъ *Allgemeine Zeitung*, обѣ великія германскія державы еще въ 1848 году имѣли свое народное представительство; то нѣтъ сомнѣнія, что они оказали бы несравненно бо́льшую притягательную силу на всю остальную Германію,

и что еще тогда бы германскій вопросъ — вопросъ о политическомъ единствѣ Германіи — получилъ свое разрѣшеніе. Увѣренность, что съ присоединеніемъ къ Пруссіи или къ Австріи были бы пріобрѣтены значительныя политическія права и преимущества, принадлежащія подданнымъ великихъ державъ имѣющихъ свободныя учрежденія, привлекли бы, среди тревогъ 1848 года, одну часть Германіи къ Австріи, а другую—къ Пруссіи. Тогда этого не случилось; теперь это очень можетъ случиться относительно странъ лежащихъ на юго-востокѣ Австріи.

№ 40.

Москва, 22-го февраля.

Мы извѣщали въ свое время о томъ, что московское биржевое купечество, въ соединеніи съ московскимъ отдѣленіемъ мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ, избрало коммиссію для разсмотрѣнія вопроса о торговомъ трактатѣ съ Таможеннымъ союзомъ, возбужденнаго германскимъ коммерческимъ съѣздомъ. Мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о занятіяхъ этой коммиссіи; члены ея, повидимому, еще трудятся надъ составленіемъ докладовъ по разнымъ отраслямъ производства, которыя они подѣлили между собой. Сколько намъ извѣстно, эти доклады предполагается печатать, и въ самомъ дѣлѣ, только при этомъ условіи было бы возможно серіозное обсужденіе ихъ на съѣздахъ, и съ другой стороны только при этомъ условіи самые съѣзды и рѣшенія которыя на нихъ будутъ приняты могли бы получить авторитетъ и значеніе. Занятія съѣздовъ не имѣютъ офиціальнаго характера; ихъ вѣсъ долженъ основываться не на числѣ голосовъ, а на внутренней силѣ доводовъ и на общемъ сочувствіи къ нимъ. Только гласность можетъ придать этотъ вѣсъ; мы не сомнѣваемся, что съѣзды московскаго купечества признаютъ это и будутъ дѣлиться съ публикой своими работами.

Въ ожиданіи этихъ сообщеній, для которыхъ столбцы нашей газеты будутъ всегда открыты, мы не можемъ не коснуться одного изъ вопросовъ, относящихся къ возбужденному теперь дѣлу. Американское междуусобіе, лишившее Европу обычнаго матеріяла для хлопчато-бумажнаго производства, повело и у насъ къ сокращенію работъ на бумагопрядильныхъ и миткальныхъ фабрикахъ. Можно даже полагать, что у насъ хлопчато-бумажное производство сократилось еще въ большей степени чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Соразмѣрно этому возросли и цѣны бумажныхъ тканей, а это открыло ходъ тканямъ, замѣняющимъ бумажныя, въ особенности тканямъ шерстянымъ и льнянымъ. Льнопрядильни, такъ туго развивавшіяся до сихъ поръ, теперь расширили свою дѣятельность и не смотря на трудности, съ которыми имъ предстоитъ бороться, стали давать хорошіе барыши. Все льняное производство оживилось; вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся въ цѣнѣ и ленъ, а это послужило одною изъ самыхъ чуствительныхъ поддержекъ нашему разстроенному сельскому хозяйству. Дѣла шли бы еще лучше, производство развивалось бы еще шире, капиталы приливали бы къ нему обильнѣе, конкурренція становилась бы живѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интересы потребителей были бы болѣе ограждены, еслибы надъ льнянымъ производствомъ не висѣлъ мечъ Дамокла. Прекращеніе американскаго междуусобія можетъ поставить все вверхъ дномъ: удивляться ли, что льняное производство, которое не имѣетъ такихъ корней какъ шерстяное, не рѣшается, въ виду неизбѣжной катастрофы, на значительныя затраты капитала? Не имѣя передъ собой вѣрнаго будущаго, оно не можетъ развиваться соразмѣрно спросу и потому далеко не удовлетворяетъ его. Естественнымъ слѣдствіемъ этого оказывается высокость цѣнъ, невыгодная для потребителей, и не нормальность барышей, получаемыхъ льнянными фабрикантами, благодаря недостатку конкурренціи между ними. Еслибъ имѣлось въ виду продолженіе теперяшняго хода дѣлъ на нѣсколько лѣтъ, то нѣтъ сомнѣнія, что число льняныхъ фабрикъ значительно увеличилось бы къ выгодѣ какъ потребителей, такъ и сельскаго хозяйства, производящаго льняное волокно. Тогда никто не могъ бы жаловаться, что льняные фабриканты получаютъ чрезмѣрные барыши, и между представителями другихъ отраслей фабричнаго дѣла не слышалось бы, вѣроятно, голосовъ о необходимости понизить пошлину на льняные продукты.

Впрочемъ и теперь льняные фабриканты могутъ отстаивать права своей отрасли. Они могутъ указывать на то, что въ

льняномъ производствѣ перерабатывается домашнее суровье, и что стало-быть этому производству должна предстоять лучшая будущность, чѣмъ напримѣръ производству хлопчато-бумажному. Когда нашъ ленъ отправляется за границу и переработанный тамъ, возвращается къ намъ въ видѣ дорогихъ тканей, то, покупая эти ткани, мы платимъ не только стоимость производства этихъ тканей, но и стоимость провоза отъ насъ заграницу и обратно, сперва суровья, а потомъ фабриката, изъ него приготовленнаго. Льняная ткань, изготовленная въ Россіи, должна быть свободна отъ этой набавки на ея цѣну, и можетъ слѣдовательно оцѣниваться по стоимости суровья, его обработки и внутренняго провоза, тогда какъ въ цѣнѣ ткани хлопчатобумажной должны быть выручены издержки заграничнаго провоза суровья отъ мѣста его производства, — издержки болѣе значительныя чѣмъ тѣ, которыхъ потребовалъ бы провозъ къ намъ хлопка не въ сыромъ, а переработанномъ видѣ. Тутъ во всякомъ случаѣ есть ущербъ народному хозяйству.

Чего собственно опасаются льняные фабриканты? Что удерживаетъ ихъ отъ дальнѣйшаго развитія ихъ производства? Конечно, они опасаются не наплыва иностранной бумажной пряжи или иностранныхъ миткалей; противъ этой опасности ихъ достаточно обезпечиваетъ тотъ самый тарифъ, который создалъ у насъ наше искусственное бумагопрядильное и миткальное дѣло. Они опасаются чрезмѣрныхъ размѣровъ, которые приметъ наше домашнее бумажное производство, поставленное въ болѣе выгодное положеніе чѣмъ производство льняное. Они ожидаютъ, что какъ только окончится американское междуусобіе и подешевѣетъ хлопокъ, производство миткалей разомъ возрастетъ и запрудитъ рынки. Въ интересѣ льняной промышленности стало-быть противодѣйствовать такому развитію бумажнаго производства, то-есть, иными словами — ограничить то покровительство, которымъ это послѣднее пользуется. Льняное производство должно желать, чтобы пониженіе пошлинъ на бумажныя издѣлія, не давая широкаго простора ввозу иностранныхъ миткалей или иностранной бумажной пряжи, сдерживало развитіе бумажнаго производства внутри Россіи.

Мы говоримъ это съ точки зрѣнія льняныхъ фабрикантовъ, оставляя въ сторонѣ другіе интересы, которыхъ впрочемъ, разумѣется, отнюдь не отрицаемъ. Интересы потребителей, то-есть огромнаго большинства, требуютъ, чтобы всякій предметъ потребленія былъ по возможности дешевъ, и потому большинство публики заинтересовано возможно-большимъ пониженіемъ всякихъ пошлинъ. Чѣмъ ниже пошлины, тѣмъ дешевле всѣ фабрикаты, а чѣмъ дешевле фабрикаты, тѣмъ дешевле и все остальное, стало-быть тѣмъ дешевле и вся жизнь. Гдѣ публика ясно понимаетъ свои интересы, тамъ она расположена требовать вообще пониженія пошлинъ. Но она имѣетъ право настаивать на свое требованіе, лишь поскольку имъ не нарушается справедливость относительно фабрикантовъ, имѣющихъ въ своей стороны право требовать, чтобы капиталы, затраченные ими въ то или другое пользовавшееся покровительствомъ производство, не были для нихъ потеряны. Таковъ въ краткихъ словахъ взглядъ на это дѣло, соглашающій интересы большинства съ справедливостью къ фабрикантамъ. Постепенное пониженіе пошлинъ, щадящее однако интересы фабрикантовъ,—вотъ практическій выводъ изъ этого взгляда, вотъ правило разумной политики по отношенію къ тарифу,—правило, которое впрочемъ въ тысячу разъ легче высказать чѣмъ исполнить, и которое ведетъ только къ одному безспорному заключенію, что возвышать пошлины существующія или вводить новыя ни въ какомъ случаѣ непозволительно.

Прилагая однакоже это правило къ хлопчато-бумажному производству, мы можемъ несомнѣнно придти къ важному результату. Покровительство, которымъ это производство пользуется, такъ велико, что на нашихъ глазахъ устраивались огромныя фабрики съ тѣмъ, чтобы работать не болѣе шести лѣтъ; въ продолженіе этого короткаго срока, на который фабрикантамъ было обѣщано сохраненіе прежняго тарифа, они разчитывали выручить весь капиталъ, затраченный на устройство фабрики, и такія прибыли, которыя вполнѣ вознаграждали бы за хлопоты и рискъ предпріятія. Такое сильное покровительство очевидно превышаетъ мѣру потребности, если ограничивать потребность охраненіемъ существующихъ фабрикъ. При такомъ покровительствѣ не подлежитъ сомнѣнію, что вслѣдъ за окончаніемъ американскаго междуусобія не только будутъ пущены въ ходъ

всѣ существующія теперь фабрики, но возникнетъ и много новыхъ, и что тарусное и льняное производства будутъ совсѣмъ подорваны. Въ видахъ охраненія капиталовъ затраченныхъ въ эти производства, не было ли бы полезно настолько понизить пошлину съ хлопчато-бумажныхъ статей, чтобы съ одной стороны не пострадали существующія фабрики, но чтобы съ другой стороны не было выгоды заводить новыя? Такая мѣра имѣла бы значеніе чисто-охранительное. Она не повредила бы интересамъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ, потому что, ограничивая ихъ барыши, она въ то же время освобождала бы ихъ отъ страха новой конкурренціи, а льняныхъ и шерстяныхъ фабрикантовъ она спасала бы отъ угрожающаго имъ раззоренія.

Для принятія подобной мѣры теперь, кажется, самое удобное время. Упрочивъ будущность льнянаго производства, она дала бы возможность затрачивать въ него капиталы и развивать его далѣе; увеличившееся предложеніе льняныхъ произведеній понижало бы мало-по-малу ихъ теперешнюю чрезмѣрную цѣну и постепенно дѣлало бы ихъ все болѣе и болѣе способными перенести предстоящій имъ кризисъ и удержать за собой мѣсто на ряду съ хлопчато-бумажными произведеніями, съ которыми, при теперешней своей цѣнѣ, они не были бы въ состояніи ни въ какомъ случаѣ конкуррировать. Что же касается до хлопчато-бумажнаго производства, то теперь оно слабо во всей Европѣ, и нигдѣ нѣтъ значительныхъ запасовъ его продуктовъ. Умѣренное пониженіе пошлины не сопровождалось бы ни малѣйшею опасностью для фабрикантовъ, такъ какъ о наплывѣ иностранныхъ произведеній не можетъ быть рѣчи.

Успѣхи Сѣверянъ такъ серіозны, что нельзя не предвидѣть довольно скораго окончанія американской распри. Потрясеніе, которое будетъ произведено этимъ событіемъ, неизбѣжно. Все наше благоразуміе можетъ состоять только въ томъ, чтобы должнымъ образомъ къ нему приготовиться и принять заблаговременно такія мѣры, которыя смягчили бы кризисъ, предстоящій фабричному дѣлу.

№ 41.

Москва, 23-го февраля.

На дняхъ, въ *Allgemeine Zeitung*, была напечатана статья о нынѣшнемъ состояніи Россіи. Статья эта, говоря вообще, отличается духомъ доброжелательства и обнаруживаетъ нѣкоторое, хотя и очень поверхностное, знакомство съ предметомъ. Авторъ, повидимому, былъ въ нѣкоторыхъ связяхъ съ такъ называемыми славянофилами, которые видятъ идеалъ русскаго быта въ крестьянской общинѣ и усвоилъ себѣ нѣкоторыя воззрѣнія ихъ. Между прочимъ, онъ говоритъ, что въ противоположность къ Нѣмцамъ, которые отличаются бо́льшимъ развитіемъ личной энергіи и большею способностью стоять на собственныхъ ногахъ, Русскіе во всемъ любятъ опираться на другихъ, и вслѣдствіе того гораздо легче подчиняются стѣсненію общиннаго быта. Этою характеристическою особенностью Русскихъ, по мнѣнію автора, объясняется тѣсная внутренняя связь между Русскими, населяющими болѣе $^1/_7$ части всей обитаемой земли; она же видна и въ ихъ историческихъ подвигахъ, въ ихъ безусловной готовности всѣмъ жертвовать для спасенія отечества, а также и въ ихъ отсталости отъ другихъ народовъ на всѣхъ поприщахъ, гдѣ великія дѣли достигаются не совокупнымъ дѣйствіемъ массъ, а величіемъ отдѣльныхъ лицъ. По мнѣнію автора, въ Россіи всѣ слои населенія проникнуты демократическимъ духомъ, какого не замѣчается въ другихъ монархическихъ государствахъ.

Всѣ эти сужденія крайне поверхностны и весьма мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Если общинное землевладѣніе и круговая порука держатся въ Россіи, то это не болѣе, какъ слѣдствіе общаго закрѣпощенія, которому подвергался весь народъ, въ силу государственной необходимости и въ фискальномъ интересѣ; это вовсе не есть какое-либо прообразованіе будущихъ судебъ русскаго народа или выраженіе его духа. Общинное землевладѣніе и круговая порука вовсе не приходятся по нраву Русскому народу и по минованіи государственной необходимости, при развитіи свободы, уступятъ свое мѣсто другому порядку вещей или существенно преобразуются. Что нѣмецкій авторъ приписываетъ самой натурѣ Русскаго народа,

то есть не болѣе какъ временное слѣдствіе неблагопріятныхъ условій прежняго и нынѣшняго его положенія. Совершенно вѣрно, что личность въ Россіи до сихъ поръ не пользовалась надлежащимъ признаніемъ, но именно потому отсталость русскаго народа въ разныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности не можетъ быть признана за слѣдствіе какихъ либо особенностей русской природы. Точно также несправедливо мнѣніе будто бы всѣ слои въ Россіи проникнуты какимъ-то демократическимъ духомъ. Масса народа, гдѣ обыкновенно полагаютъ главное сѣдалище исключительно демократическаго духа, болѣе свободна отъ него въ Россіи чѣмъ гдѣнибудь.

Замѣчательно, однакоже, что авторъ упомянутой статьи, отзываясь не безъ оттѣнка похвалы о демократическомъ духѣ Россіи, въ то же время говоритъ, что наибольшею опасностью грозитъ ей чрезмѣрное развитіе бюрократической системы и подавленіе общественной и личной свободы. Но, какъ извѣстно, такъ называемыя демократическія стремленія и чрезмѣрное развитіе бюрократіи и чиновничьяго всевластія вездѣ и всегда соотвѣтствовали и взаимно обусловливали другъ друга. Отличительная черта бюрократической системы заключается въ стремленіи провести одинъ общій уровень надъ всѣми классами общества не столько путемъ возвышенія низшихъ классовъ до высшихъ, сколько путемъ пониженія высшихъ. Она ведетъ постоянную ожесточенную борьбу со всѣми живыми общественными силами, стараясь все вытянуть въ одинъ строй и все подвести подъ общій уровень. Дѣйствительно, нѣтъ опасности больше той, какою грозитъ будущности государства чрезмѣрное развитіе военно-бюрократическихъ порядковъ. Франція и Пруссія служатъ несомнѣннымъ тому доказательствомъ. Наступаетъ, наконецъ, пора, когда высшіе представители бюрократіи принуждены сами оплакивать печальные результаты, бывшіе слѣдствіемъ чрезмѣрнаго развитія бюрократическаго духа. Такъ, между прочимъ, прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ фонъ-Эйленбургъ, въ засѣданіи палаты депутатовъ, 3-го марта, принужденъ былъ сознаться, что въ Пруссіи консервативная партія сама по себѣ не имѣетъ никакой силы и значенія, и держится только благодаря правительству, отъ котораго получаетъ и опору, и возбужденіе. Такое безсиліе консервативныхъ элементовъ въ Пруссіи объясняется исключительно продолжительнымъ господствомъ военно бюрократическаго духа, подъ которыхъ находилась да и до сихъ поръ находится эта страна. Къ храненію того что заслуживаетъ храненія, обыкновенно бываютъ расположены лишь тѣ классы общества, которые имѣютъ положительные интересы въ странѣ, совпадающіе съ ея общими интересами, и только они склонны и способны энергически охранять эти общіе интересы. Бюрократія же сама питается отъ государства, и потому ей все равно, какъ ни дѣйствовать. Она всего болѣе любитъ рутину, свое произведеніе, а когда ей приводится разставаться съ рутиной, то она уже не дѣлаетъ различія между улучшеніемъ существующаго и разрушеніемъ его. Если въ Пруссіи, по признанію ея министра внутреннихъ дѣлъ, консервативная партія безсильна и ничтожна, и не только не служитъ опорой для правительства, а сама нуждается въ его поддержкѣ и въ возбужденіяхъ съ его стороны, то этимъ бѣдственнымъ положеніемъ Пруссія обязана чрезмѣрному развитію въ ней военно бюрократической системы. Графъ Эйленбургъ еще вѣритъ въ возможность возсоздать консервативную партію, которая была бы консервативная не для виду, и не въ угоду правительству, а ради собственныхъ жизненныхъ интересовъ, неразрывно связанныхъ съ интересами самой страны. Но едва ли это такое легкое дѣло. Эта партія, какъ справедливо замѣтилъ г. Вирховъ, была бы искусственнымъ созданіемъ, насильственно призваннымъ къ жизни и не имѣющимъ въ самомъ себѣ силы. Легче подавить и уничтожить чѣмъ оживить и возбудить. Правительственные дѣятели Пруссіи сами чувствуютъ теперь, къ какимъ прискорбнымъ результатамъ привела ихъ бюрократическая система. „Покуда мы стоимъ у кормила правленія, говорилъ графъ Эйленбургъ въ томъ же засѣданіи, прежняя ненавистная система всеобщаго полицейскаго опекунства никогда не будетъ возстановлена.“ Эти правительственные дѣятели чувствуютъ, какія важныя услуги могли бы оказать имъ и всему государству независимые консервативные земскіе классы. „Только съ помощью и при участіи консервативной партіи, говорилъ графъ Эйленбургъ, можно привести въ исполненіе мѣры, которыя были бы истинно

благодѣтельны для всего государства. Но въ Пруссіи, прибавилъ онъ, есть только слабая консервативная партія и рядомъ съ нею гораздо болѣе сильная партія самаго крайняго либерализма. Посреди же находится партія совершенной апатіи и неподвижности. А между тѣмъ и въ Пруссіи никакое правительство не можетъ дѣйствовать въ теченіе долгаго времени благотворно, не имѣя на своей сторонѣ большинства народа и народнаго представительства. Графъ Шверинъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, вторя этимъ словамъ графа Эйленбурга, замѣтилъ, что всякое правительство только тогда можетъ достигнуть добрыхъ результатовъ, когда оно дѣйствуетъ въ согласіи съ великими консервативными земскими классами. Но, по его словамъ, нѣнѣшняя консервативная партія въ Пруссіи стоитъ не на почвѣ нынѣшняго государственнаго порядка вещей и стремится не къ охраненію и улучшенію существующаго, а къ возвращенію прошедшаго, и такимъ образомъ заслуживаетъ болѣе названіе реакціонной нежели косервативной партіи.

Но оставимъ прусскія партіи возвратимся къ автору статьи о нынѣшнемъ состояніи Россіи, который справедливо видитъ наибольшія опасности для нея въ чрезмѣрномъ развитіи бюрократическаго порядка вещей. Результаты и опыты другихъ народовъ даютъ смыслъ и силу подобнымъ опасеніямъ. По словамъ автора, въ Россіи нѣтъ ни реакціонной, ни крайней-либеральной партій, которыя заслуживали бы имени партіи. По его мнѣнію, за исключеніемъ противоположности между московскимъ и петербургскимъ направленіями, какъ онъ называетъ, въ Россіи нѣтъ никакихъ другихъ политическихъ противоположностей, изъ которыхъ могли бы образоваться замкнутыя партіи. Онъ не развиваетъ своего мнѣнія о противоположности между московскимъ и петербургскимъ направленіями и не высказываетъ даже въ чемъ каждое изъ нихъ заключается. Но если въ словахъ его есть какой-нибудь смыслъ, то по всей вѣроятности, подъ именемъ московскаго направленія онъ разумѣетъ національно-русское направленіе, а подъ именемъ петербургскаго—бюрократическое и безразличное въ національномъ отношеніи. Подобныя противоположности дѣйствительно существуютъ въ Россіи, хотя было бы несправедливо одному изъ этихъ направленій присвоивать имя исключительно петербургскаго, а другому исключительно московскаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что правильное и вполнѣ успѣшное развитіе Россіи станетъ возможно только тогда, когда національное направленіе русской политики, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ вопросахъ, станетъ дѣломъ несомнѣннымъ и очевиднымъ.

№ 42.

Москва, 24-го февраля.

А.

Еще не такъ давно прусское правительство старалось выставить на показъ то различіе, которое оно дѣлаетъ, по отношенію къ польскому элементу, между своими старинными провинціями, каковы Силезія, Восточная и Западная Пруссія, и между Познанью. Прусское правительство состояло и тогда въ самой тѣсной дружбѣ съ нашимъ, но это нисколько не мѣшало ему, послѣ калишскихъ маневровъ, возчувствовать нѣкоторую нѣжность къ польскому элементу въ Познани,—разумѣется не ради польскаго элемента, не изъ сантиментальнаго сочувствія польскимъ воспоминаніямъ, а въ тѣхъ видахъ, чтобы косвеннымъ признаніемъ этихъ воспоминаній поддерживать броженіе во всѣхъ земляхъ бывшаго королевства Польши, броженіе, которое по справедливому убѣжденію прусскаго правительства, опаснѣе для Россіи чѣмъ для Пруссіи. Вотъ почему, принимая самыя энергическія мѣры германизаціи въ Восточной и Западной Пруссіи, Пруссаки вели себя въ Познани кротко, не забывая впрочемъ, какъ само собой разумѣется, и тутъ своихъ интересовъ. Тамъ правительство насильно навязывало нѣмецкій языкъ и всячески поощряло германизацію; здѣсь оно ее сдерживало, ограничиваясь поощреніемъ колонизаціи. Прусское правительство обставило себя такъ, что не могло опасаться отложенія Познани отъ Пруссіи, но оно терпѣло тотъ духъ, который выразился потомъ въ шайкахъ, выходившихъ изъ Познани въ Царство Польское, и въ распространеніи революціонной организаціи по всей Познанской провинціи. Объ этой игрѣ, которую вело прусское правительство безъ всякаго для себя

риска, желающіе могутъ найдти нѣсколько интересныхъ свѣдѣній въ статьѣ П. А. Попова: „Поляки въ Пруссіи," помѣщенной въ № 1 *Русскаго Вѣстника* за текущій годъ.

Между тѣмъ колонизація Познанской провинціи Нѣмцами шла такъ успѣшно, что только самыя горячія изъ польскихъ головъ могли мечтать о возможности присоединенія Познани къ той будущей Польшѣ, которую они задумывали возстановить. Разумные люди очень хорошо понимали, что объ отторженіи Познани отъ Пруссіи нельзя и думать. Въ ихъ мысляхъ Познань должна была служить только мѣстомъ организаціи шаекъ для нападенія на русскіе предѣлы. Во время процесса познанскихъ Поляковъ это было не разъ заявлено, и повидимому довольно искренно. На прусскую территорію серіозныхъ претензій не было; ею пользовались только какъ базисомъ операцій противъ Россіи.

Теперь, по минованіи возстанія, этотъ взглядъ пріобрѣлъ еще болѣе силы надъ умами познанскихъ Поляковъ. Теперь едва ли кто изъ нихъ будетъ протестовать противъ рекомендуемой нашимъ учебнымъ заведеніямъ *Географіи* Даніеля, гдѣ наши западныя губерніи и австрійская Галиція причислены къ королевству Польшѣ; а Познань отчислена отъ него къ Пруссіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ между познанскими Поляками пробудилось стремленіе выселяться съ территоріи, которую они рѣшаются совсѣмъ уступить Нѣмцамъ, и переходить въ русскую Польшу.

На это движеніе нельзя смотрѣть безъ серіознаго интереса. Съ славянской точки зрѣнія на него обращаютъ особенное вниманіе чешскія газеты и тщательно слѣдятъ за нимъ. Въ пражской газетѣ *Národ* на дняхъ нашли мы письмо изъ Познани отъ 8-го февраля, гдѣ между прочимъ говорится слѣдующее:

„Общественная жизнь здѣсь въ настоящую минуту не представляетъ ничего утѣшительнаго. Нѣмецкіе пришельцы держатъ себя относительно всего польскаго весьма враждебно. Всѣ высшія правительственныя мѣста заняты людьми, вышедшими изъ ихъ среды, и круговая помощь, которую Нѣмцы оказываютъ другъ другу, служитъ главнымъ препятствіемъ для Поляковъ, желающихъ занять какое-нибудь видное мѣсто въ службѣ. Правительство противодѣйствуетъ всему, что могло бы способствовать развитію польской народности; оно не дозволяетъ учрежденія польскихъ фирмъ и обществъ; даже польскія надписи на торговыхъ вывѣскахъ полиція приказываетъ уничтожать, а равно устраняются и польскія театральныя представленія. Не удивительно, что пріѣзжему нашъ городъ при первомъ взглядѣ на него кажется нѣмецкимъ. Здѣшняя польская гимназія Св. Маріи Магдалины такъ переполнена, что дальнѣйшій пріемъ въ нее на время закрытъ. Непопавшіе туда идутъ въ городскую реальную гимназію, гдѣ преобладаетъ нѣмецкое преподаваніе, и гдѣ однакоже очень много учениковъ польскаго происхожденія. Открыть университетъ правительство не позволило, хотя польское общество и готово было дать на то собственныя деньги: правительство, кажется, дало себѣ слово не позволять вообще никакихъ новыхъ польскихъ учрежденій. Равнымъ образомъ объявлено, что даже существовавшія до сихъ поръ школы будутъ преобразованы, то-есть будетъ введено въ нихъ нѣмецкое преподаваніе. Ученыя силы между здѣшнею польскою молодежью не находятъ себѣ занятій. Варшавская коммиссія народнаго просвѣщенія уже обратилась къ нѣкоторымъ изъ нашихъ филологовъ съ приглашеніемъ занять мѣста преподавателей въ школахъ Царства Польскаго. Гимназическій учитель Ведевскій призванъ въ качествѣ профессора въ университетъ Варшавскій. Гораздо хуже положеніе нашихъ юристовъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ Познани ни одинъ Полякъ не получаетъ мѣста, потому что прусское правительство не вѣритъ ни одному изъ нихъ. Въ предѣлахъ Россіи ихъ знанія на первый разъ окажутся не достаточными. Несмотря на то, кружокъ здѣшнихъ польскихъ юристовъ положилъ обратиться къ русскому правительству съ просьбою, въ которой они высказываютъ желаніе поголовно выселиться изъ Познани и поступить въ русскую службу."

Чешская газета сильно опечалена вѣстями объ усиливающейся германизаціи въ Познани, и указывая на прежнія извѣстія о переселеніи оттуда польскихъ крестьянъ въ предѣлы Россіи, пользуется случаемъ, чтобъ еще разъ упрекнуть Поляковъ въ фанатической враждѣ противъ Россіи. Сила обстоятельствъ беретъ свое, говоритъ она: вотъ жители той самой Познани, которая такъ охотно высылала сво-

ихъ дѣтей на помощь возстанію, еще съ большею охотой стремятся теперь переселяться въ Россію, какъ горожане, такъ и сельчане, какъ необразованные люди, такъ и образованные.

Что образованные люди изъ познанскихъ Поляковъ переселяются въ Россію, въ этомъ нельзя не видѣть факта весьма знаменательнаго. Онъ обличаетъ лживость упрековъ которыми эти же самые люди осыпали и продолжаютъ осыпать Россію, а съ другой стороны онъ заставляетъ насъ серіозно подумать о будущемъ отношеніи къ этимъ переселенцамъ. Само по себѣ переселеніе можетъ быть только пріятно намъ. Мы нуждаемся и въ рабочихъ рукахъ и въ интеллигенціи. Вся Россія, не исключая и польскаго края ея, представляетъ широкое поприще для труда. Приливъ населенія можетъ-быть еще болѣе желателенъ для насъ чѣмъ приливъ иностранныхъ капиталовъ. Крестьяне, переселяющіеся изъ Познани, могутъ найдти для себя хорошія земли, если не въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ встрѣчаются затрудненія въ устройствѣ быта даже тамошнихъ коренныхъ крестьянъ, то въ другихъ губерніяхъ Россіи, и познанскіе крестьяне вѣроятно сами предпочтутъ идти далѣе на востокъ: они могутъ быть намъ очень полезны, какъ люди привыкшіе къ дисциплинированной жизни. Но если познанскіе крестьяне, по всему вѣроятію, нисколько не мечтаютъ о возстановленіи Рѣчи Посполитой, то можно ли сказать то же самое о переселяющейся къ намъ изъ Познани польской интеллигенціи? Не руководится ли она національными видами? Не входитъ ли въ ея планы желаніе усилить собой польскій элементъ въ нашихъ предѣлахъ, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи успѣшнѣе бороться съ нами? Существованіе подобныхъ плановъ весьма вѣроятно, и хотя мы не имѣемъ еще повода вслѣдствіе того отстранять отъ себя образованныхъ людей, намѣревающихся переселиться къ намъ, но нельзя сказать чтобы мы не имѣли повода по этому случаю еще разъ вспомнить, какъ необходимо Россіи поторопиться окончательнымъ рѣшеніемъ польскаго вопроса, то-есть окончательнымъ устраненіемъ несбыточныхъ надеждъ порождаемыхъ двусмысленнымъ положеніемъ польской національности. Не будь этихъ надеждъ, мы могли бы встрѣчать познанскихъ переселенцевъ съ открытыми объятіями, но пока эти надежды держатся, до тѣхъ поръ нельзя смотрѣть безъ опасенія на усиленіе польской интеллигенціи въ Царствѣ Польскомъ, потому что съ нимъ по необходимости будутъ связаны и въ немъ будутъ находить для себя новую пищу враждебные намъ замыслы и стремленія. При извѣстной постановкѣ дѣла, очень часто должно вредить то, что въ другихъ обстоятельствахъ могло бы только приносить пользу.

Б.

Въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1864 г. читаемъ:

„Г. министръ народнаго просвѣщенія, по докладу г. попечителя *) о томъ, можетъ ли курсъ наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, поименованныхъ въ росписаніи высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, быть признанъ соотвѣтствующимъ курсу гимназій, предложеніемъ отъ 17-го января № 475 увѣдомилъ, что хотя, по сличеніи программы общихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ съ программой гимназическою, бо́льшая часть предметовъ въ тѣхъ и другихъ заведеніяхъ преподается почти въ одинаковомъ объемѣ, но не имѣя положительныхъ свѣдѣній о томъ, съ какою степенью строгости и отчетливости производятся экзамены въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, полагаетъ необходимымъ подвергать окончившихъ курсъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, при поступленіи ихъ въ университетъ, испытанію изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса.“

Нѣтъ сомнѣнія, что пріемный экзаменъ — необходимая проба поступающаго въ учебное заведеніе, первое знакомство съ нимъ его будущихъ преподавателей. Пріемъ на основаніи результатовъ экзамена можетъ быть болѣе или менѣе добросовѣстенъ, это другой вопросъ. Но безъ пріемнаго экзамена учебное заведеніе было бы часто поставлено въ фальшивое положеніе. Если высшему учебному заведенію предоставляется извѣстная доля самостоятельности, то ему по необходимости надобно предоставить право пріемнаго экзамена, безъ котораго оно обречено на зависимость отъ другихъ заведеній въ томъ, что для него особенно важно,—въ личномъ составѣ своихъ воспитанниковъ.

*) С.-Петербургскаго округа.

Вотъ напримѣръ не далѣе какъ въ ноябрской книжкѣ *Педагогическаго Сборника*, издаваемаго при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, намъ попались на глаза слѣдующія строки протокола комитета Константиновскаго военнаго училища:

„Въ младшемъ классѣ воспитанники поступившіе по *аттестату* гражданскихъ гимназій *), вообще оказались менѣе успѣшны по своимъ занятіямъ сравнительно съ бывшими воспитанниками кадетскихъ корпусовъ.“

Затѣмъ комитетъ распредѣлилъ малоуспѣшныхъ юнкеровъ на три разряда; въ первый были включены всѣ не подающіе никакой надежды на удовлетворительное окончаніе курса. Далѣе сказано въ протоколѣ:

„Всѣ причисленные къ первому разряду принадлежали къ числу поступившихъ въ заведеніе по гимназическимъ аттестатамъ.“

А между тѣмъ „строгость и отчетливость“ экзаменовъ въ гимназіяхъ петербургскаго округа довольно извѣстна: число выпущенныхъ съ аттестатами изъ этихъ учебныхъ заведеній довольно ограниченное. Такъ при окончаніи курса 1863—64 года выпущено было съ аттестатами изъ пяти петербургскихъ гимназій 70 человѣкъ, изъ пяти провинціяльныхъ (архангельской, вологодской, олонецкой, новгородской и псковской) 9 человѣкъ; наибольшее число аттестатовъ было выдано въ 3-й петербургской (20), наименьшее въ псковской (1). Наконецъ, сравнивая число получившихъ аттестатъ по окончаніи курса съ числомъ учащихся въ высшихъ (четырехъ) классахъ, получаемъ слѣдующій протоколъ окончившихъ курсъ съ успѣхомъ.

Для гимназій столичныхъ 7,7%
Для гимназій провинціяльныхъ 3,1%

Кажется, немного! А между тѣмъ находятся учебныя заведенія, которыя не цѣнятъ гимназическихъ аттестатовъ. Да! Нельзя не сочувствовать распоряженію вѣдомства народнаго просвѣщенія о необходимости пріемныхъ экзаменовъ въ университетъ для лицъ окончившихъ курсъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Нельзя не пожелать, чтобы производство пріемныхъ экзаменовъ было распространено и на другія училища.

Въ той же декабрской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщена замѣтка „О нѣкоторыхъ реформахъ во французскихъ лицеяхъ.“ Одна изъ нихъ заключается въ отмѣнѣ подробныхъ программъ по предметамъ лицейскаго курса, — программъ обязательныхъ и для экзаменующихся и для экзаменаторовъ на степень баккалавра, которая дается за знаніе предметовъ лицейскаго (то-есть гимназическаго курса. Программы эти породили особые manuels, учебники, въ которыхъ можно было найдти отвѣтъ на каждый вопросъ программы, а „при „помощи этихъ учебниковъ явилось настоящее искусство поспѣшно приготовлять къ „баккалаврскому экзамену, и оно составило родъ промышленности не только изъ„вѣстныхъ *приготовителей*, но и многихъ „частныхъ учебныхъ заведеній.“ На этомъ мѣстѣ выноска, и читатель обращаетъ свое вниманіе на нѣсколько строкъ примѣчанія, заключающихъ въ себѣ тонкій намекъ на несовершенства нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній.

„Подобныя приготовленія къ экзаменамъ случались и у насъ. Въ извѣстнаго рода учебныхъ заведеніяхъ и у насъ тоже были подробныя программы, отъ удовлетворенія которыхъ зависѣлъ пріемъ въ заведеніе. Посему и у насъ были промышленники-приготовители, которые брались, напримѣръ, приготовить къ пріемному экзамену, въ нѣсколько мѣсяцевъ, ученика, выбывшаго по неуспѣшности изъ четвертаго класса гимназіи, тогда какъ для пріема, сообразно съ возрастомъ экзаменующагося, требовались, по одной математикѣ, знанія бо́льшія чѣмъ гимназическаго курса.“

Итакъ, недостатокъ устраненный теперь во Франціи существовалъ, если вѣрить примѣчанію, и у насъ *въ извѣстнаго рода учебныхъ заведеніяхъ*; мы только не могли найдти, въ интересныхъ строкахъ примѣчанія, указанія на то, приняты ли какія-либо мѣры къ устраненію сказаннаго несовершенства, или нѣтъ.

Скороспѣлое приготовленіе дѣтей и юношей къ вступительному экзамену заслуживаетъ дѣйствительно названія промышленности; за подобное приготовленіе, какъ за дѣло серіозное, не возьмется ни одинъ порядочный учитель, а какъ за дѣло денежное берутся многіе. Вредъ подобнаго

*) То-есть имѣвшіе право на поступленіе въ университетъ, и потому на основаніи Положенія о военныхъ училищахъ, принимаемые въ училища безъ экзамена.

приготовленія для юношей извѣстенъ всѣмъ, однако оно развито у насъ въ широкихъ размѣрахъ, и не только по примѣненію къ потребностямъ всѣхъ учебныхъ заведеній, общихъ и спеціяльныхъ. И если во Франціи достаточно одной отмѣны обязательныхъ подробныхъ программъ для прекращенія или ослабленія этой промышленности, то у насъ мѣра эта, принятая однимъ извѣстнымъ родомъ учебныхъ заведеній, не произвела бы никакого замѣтнаго дѣйствія. Запросъ на скорое приготовленіе къ экзамену у насъ слишкомъ великъ и быть-можетъ, главнымъ образомъ потому, что много, очень много является такихъ „учениковъ, выбывшихъ по неуспѣшности изъ „четвертаго класса гимназій," возрастъ которыхъ не допускаетъ вторичнаго, послѣдовательнаго, серіознаго ученія въ низшей и средней школахъ. Поднимите однако ученіе въ гимназіяхъ, постарайтесь достигнуть того, чтобы въ гимназіяхъ учили и учились какъ слѣдуетъ, сдѣлайте, наконецъ, изъ гимназическаго курса одно стройное цѣлое,—тогда увеличится число молодыхъ людей, удовлетворительно оканчивающихъ въ гимназіяхъ курсъ, уменьшится и запросъ на промышленничество, заслуживающее всякаго порицанія. Вотъ одно изъ главныхъ средствъ къ радикальному уничтоженію скороспѣлыхъ приготовленій къ экзамену для поступленія въ университеты и спеціяльныя школы.

№ 43.

Москва, 25-го февраля.

Мы порадовались новому уставу нашихъ университетскихъ гимназій, когда онъ появился наконецъ на свѣтъ послѣ мучительныхъ, два года продолжавшихся родовъ; мы порадовались тому, что наше законодательство признало и приняло во всей силѣ общеевропейскія начала высшаго образованія; мы порадовались этому, послѣ той тяжкой борьбы, которая походила на муку Сизифа; мы не могли не порадоваться этому, сознавая всю важность сдѣланнаго русскою наукой пріобрѣтенія. Но, слѣдивъ пристально за ходомъ этого вопроса, видѣвъ къ какимъ продѣлкамъ неутомимые противники нашего народнаго просвѣщенія прибѣгали въ этомъ вопросѣ, мы невольно высказали опасенія, чтобы дѣло, признанное и утвержденное законодательною властью, не подвергалось новымъ опасностямъ на практикѣ. Между принципомъ и дѣйствительностію, между закономъ и его исполненіемъ часто бываетъ цѣлая бездна, и мы, не безъ грустнаго чувства измѣрили ту бездну, которая, казалось намъ, еще отдѣляла новый уставъ отъ его осуществленія. Мы предчувствовали, что начнется новая игра, и предчувствіе насъ не обмануло: игра началась.

Реальныя гимназіи опять появились на сцену въ нѣкоторой части нашей журналистики; ихъ требуетъ харьковскій корреспондентъ газеты *Голосъ*; о нихъ мечтаетъ вятскій корреспондентъ той же газеты; къ нимъ вызываютъ, во имя „мѣстныхъ потребностей костромскаго края," *Костромскія Губернскія Вѣдомости*; о нихъ же воспѣваетъ, на дальнемъ сѣверѣ, на сѣрыхъ страницахъ *Енисейскихъ Вѣдомостей*, мѣстный педагогъ, раздѣляющій убѣжденія петербургской школы и желающій основать гимназическое ученье на сравнительной анатоміи и физіологіи („нельзя же безъ эмбріологіи," говорила Кукшина). Правда, что эти голоса идутъ отъ людей неизвѣстныхъ, и что этихъ людей не болѣе какъ четверо, но за то эти четверо обитаютъ въ разныхъ концахъ Россіи. Развѣ это не эффектно, и удивляться ли послѣ того, что и наивныя *С.-Петербургскія Вѣдомости*, въ одной изъ своихъ ученыхъ передовыхъ статей, „оставаясь, какъ они выражаются, на почвѣ *существенности*," утверждаютъ, что уже „классическіе языки оказали намъ столько услугъ, сколько можно было отъ нихъ ожидать," и что „въ послѣднее время лучшіе профессора махнули рукой на классическую филологію?" Истиннымъ центромъ вновь возникшей агитаціи противъ европейскихъ основъ ученья, вводимыхъ новымъ уставомъ въ нашу школу, являются таинственные писатели газеты *Голосъ*, этого оффиціознаго органа петербургской педагогической дружины. Эта газета, цинически издѣвающаяся надъ общественнымъ мнѣніемъ въ его серіозныхъ и правильныхъ проявленіяхъ, теперь взываетъ къ суду общества, приглашая его быть судьею спеціяльнаго педагогическаго вопроса, но благоразумно умалчивая объ органахъ, черезъ которые общество должно высказать свой судъ; она уговариваетъ это послушное ей „общество" не стѣсняться параграфомъ устава, которымъ для по-

ступленія въ университетъ требуется классическое образованіе, такъ какъ „нѣтъ ничего легче какъ подготовиться изъ латинскаго языка для поступленія въ университетъ;“ она вызываетъ какія-то заявленія, обнадеживая, что въ случаѣ этихъ заявленій правительство немедленно отмѣнитъ стѣснительный параграфъ и на другой же день по изданіи такого важнаго законоположенія какъ гимназическій уставъ, поспѣшитъ разрушить его въ самомъ главномъ пунктѣ; она острить перья прогрессивныхъ чиновниковъ губернскаго правленія завѣдывающихъ неофиціяльною частью губернскихъ вѣдомостей, и заранѣе аплодируетъ ихъ заявленіямъ, собираясь провозгласить ихъ истиннымъ выраженіемъ мѣстнаго общественнаго мнѣнія. За границу летятъ фальшивыя корреспонденціи, и вотъ газета *Le Nord*, существующая русскими субсидіями, сообщаетъ, что „по свѣдѣніямъ, полученнымъ петербургскою газетою *Голосъ* изъ внутренности Россіи, большая часть провинцій высказывается въ пользу устройства техническихъ гимназій (?) предподчительно предъ классическими; что въ Вяткѣ, напримѣръ, высказано мнѣніе (?) о томъ, чтобы ввести въ техническихъ гимназіяхъ (?) преподаваніе латинскаго языка (?) съ цѣлью облегчить гимназистамъ вступленіе въ университетъ, и что министерство, собравъ мнѣнія различныхъ провинцій, выскажетъ свое рѣшеніе относительно этого важнаго вопроса.“ И все это пишется, разсылается, поджигается, какъ будто вопросъ о гимназіяхъ не рѣшенъ, уставъ не утвержденъ и мы снова находимся среди той эпохи педагогическаго безумія, когда на свободѣ развивала свои проекты петербургская школа. Нельзя не удивляться той увѣренности въ успѣхѣ, съ какою различные доброжелатели русскаго дѣла, повидимому, не довѣряющіе даже обнародованнымъ законамъ и глубоко убѣжденные въ неразумѣ нашего общества, стараются запутать самый ясный вопросъ и внести смуту въ самое очевидное.

Всѣмъ извѣстны основныя черты новаго гимназическаго устава. Гимназіями готовящими въ университетъ и дающими право на поступленіе въ эти высшія учебныя заведенія признаются, какъ и во всемъ образованномъ мірѣ, исключительно гимназіи классическія. Но рядомъ съ системою университетскихъ гимназій, уставъ допускаетъ существованіе другаго разряда среднихъ учебныхъ заведеній, которыхъ цѣль доставить общее образованіе лицамъ не имѣющимъ въ виду образованія университетскаго, и служить приготовительными заведеніями для поступленія въ различныя высшія спеціяльныя училища. Тотъ параграфъ устава, по которому реальныя гимназіи не даютъ права поступленія въ университетъ, имѣетъ самое существенное значеніе; ослабить силу этого параграфа значило бы разрушить въ основаніи всю систему университетскаго образованія. Вводить параллельно нѣсколько различныхъ системъ подготовленія къ университету значило бы отказаться отъ общепринятыхъ началъ европейской цивилизаціи. И противъ этого-то параграфа, обезпечивающаго Россіи существованіе университетской науки, напрягаются всѣ усилія. Если нельзя отмѣнить его, то указывается средство какъ его обойдти, какъ его *эскамотировать*; объ этомъ коренномъ и существеннѣйшемъ параграфѣ устава толкуютъ какъ о чемъ-то несущественномъ, очень хорошо понимая, что безъ этого параграфа, уставъ, провозглашенный во имя торжественнаго признанія классическихъ основъ университетскаго образованія, съ величайшимъ удобствомъ могъ бы остаться пышнымъ заявленіемъ безъ практическаго значенія. Поводъ къ агитаціи противъ *стѣснительнаго* параграфа далъ запросъ, разосланный изъ министерства народнаго просвѣщенія по учебнымъ округамъ, о томъ какія гимназіи желательны въ какой мѣстности. Педагоги петербургскихъ журналовъ, повидимому, весьма довольны этою мѣрой, видя въ ней новое обращеніе къ общественному мнѣнію (они забываютъ, что еще вчера сами усердно восхваляли именно то обстоятельство, что новый уставъ выработался подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія) и не теряя надежды поворотить все дѣло назадъ посредствомъ газетной агитаціи, которую можно будетъ потомъ выдать за проявленіе общественнаго мнѣнія.

Не трудно однако же предвидѣть какіе получатся отвѣты на запросъ министерства. Странно было бы, еслибы гдѣ-нибудь высказалось желаніе, чтобы существующія нынѣ гимназіи были лишены возможности готовить своихъ воспитанниковъ къ университету и чтобы цѣлыя мѣстности остались безъ средствъ къ университетскому образованію. Да и неужели для Россіи съ

ся семидесяти-пяти-милліоннымъ народонаселеніемъ по одной университетской гимназіи на милліонъ есть такое большое число, что надобно стремиться уменьшить его, когда напримѣръ, въ одномъ Царствѣ Польскомъ, съ его четырехмилліоннымъ населеніемъ, числится шестнадцать полныхъ классическихъ гимназій; когда никто не думаетъ реформировать гимназіи Прибалтійскаго края по идеямъ петербургскихъ педагоговъ? Въ Москвѣ, какъ намъ извѣстно, коммиссія при попечительскомъ совѣтѣ, собиравшаяся по поводу министерскаго запроса, единогласно рѣшила въ пользу немедленнаго обращенія всѣхъ существующихъ здѣсь гимназій въ полныя классическія гимназіи, согласно уставу, съ обоими древними языками. Изъ самыхъ корреспонденцій *Голоса* видно, что и въ другихъ мѣстахъ всюду желаютъ гимназій университетскихъ. Но, странное дѣло, именно это обстоятельство даетъ оффиціозной газетѣ поводъ заявить, что общественное мнѣніе всюду высказывается въ пользу реальныхъ гимназій.

Что же такое, наконецъ, эти реальныя гимназіи, о которыхъ съ такими восторгами говорятъ оффиціозные петербургскіе педагоги? Если мы оставимъ въ сторонѣ фразы о великихъ успѣхахъ и могуществѣ естествознанія, о практическихъ требованіяхъ вѣка и другихъ хорошихъ вещахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ педагогическимъ теоріямъ петербургской школы, и посмотримъ на дѣло проще, обратившись прямо къ учебному плану реальныхъ гимназій новаго устава, то весьма легко придемъ къ заключеніямъ, далеко не согласнымъ съ тѣми, къ какимъ желали бы привести людей мало знакомыхъ съ педагогическимъ дѣломъ неразборчивые на средства агитаторы. Не трудно убѣдиться, что такъ-называемыя реальныя гимназіи новаго устава вовсе не знаменуютъ вступленія русскаго образованія на новый путь, и что если въ чемъ сохранился и въ новомъ уставѣ духъ прежняго порядка вещей, то именно въ учебномъ планѣ реальныхъ гимназій. Намъ толкуютъ о необходимости заводить реальныя гимназіи, и забываютъ, что всѣ нынѣ существующія у насъ учебныя заведенія построены именно на тѣхъ педагогическихъ основахъ, во имя которыхъ ратуютъ оффиціозные педагоги; что въ одной, напримѣръ, Москвѣ, не говоря о техническихъ и коммерческихъ заведеніяхъ, каковы: Ремесленное Заведеніе, Практическая Академія, Коммерческое Училище, есть три военныя гимназіи, которыхъ курсъ совершенно соотвѣтствуетъ такъ-называемымъ реальнымъ гимназіямъ. Наконецъ, что такое нынѣшнія гимназіи министерства народнаго просвѣщенія, какъ не плохаго разбора реальныя, или мѣщанскія школы? Наши споспѣшествователи реальнаго образованія обнаруживаютъ крайнюю непослѣдовательность, когда, присоединяясь къ общему голосу, толкуютъ о неудовлетворительности нынѣшняго устройства гимназій, тогда какъ это устройство какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ ихъ педагогическимъ ученіямъ. Сравнимъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствовавшій доселѣ учебный планъ нашихъ гимназій съ учебнымъ планомъ реальныхъ гимназій новаго устава. Въ слѣдующей таблицѣ означено число уроковъ въ недѣлю въ тѣхъ и другихъ гимназіяхъ.

	Въ нынѣшнихъ гимназіяхъ.	Въ реальныхъ гимназіяхъ новаго устава.
Законъ Божій	12	14
Русскій языкъ и словесность.	24	25
Нѣмецкій языкъ . . .	20	24
Французскій языкъ. .	21	22
Математика.	24	25
Естествовѣдѣніе (и химія по новому уставу).	11	23
Физика и космографія.	6	9
Исторія	13	14
Географія	11	8
Чистописаніе, черченіе и рисованіе . . .	10	20
Латинскій языкъ . . .	16	—

Мы видимъ, что оба учебные плана составлены въ духѣ многопредметнаго ученія безъ педагогическаго центра, какимъ въ классическихъ гимназіяхъ являются древніе языки; самое число уроковъ въ большей части предметовъ остается то же самое и главнѣйшее отличіе состоитъ въ томъ, что изъ плана ученья реальныхъ гимназій исключены 16 уроковъ латинскаго языка, а вмѣсто того прибавлены 10 уроковъ черченія и 12 естествовѣдѣнія, въ составъ котораго введено преподаваніе химіи. Химія, вотъ, слѣдовательно, тотъ предметъ, который главнымъ образомъ характеризуетъ новыя гимназіи. Но всякій сколько-нибудь знакомый съ этою наукой, знаетъ, что преподаваніе ея не можетъ идти успѣшно, если учащіеся не имѣютъ нѣкоторыхъ познаній въ физикѣ. Потому преподаваніе химіи въ реальныхъ гимназіяхъ не можетъ

начаться ранѣе шестаго класса; пять классовъ реальной гимназіи будутъ слѣдовательно почти буквальнымъ повтореніемъ пяти классовъ нынѣшнихъ гимназій (за исключеніемъ преподаванія латинскаго языка, которое, впрочемъ, начиналось съ четвертаго класса, не имѣетъ никакого значенія). Самое преподаваніе химіи не можетъ конечно совершить коренаго измѣненія въ характерѣ гимназическаго ученья, да и вообще этотъ предметъ не можетъ быть серіозно преподаваемъ въ гимназіяхъ, такъ какъ для обстоятельнаго знакомства съ нимъ учащіеся должны значительное время удѣлять на работы въ лабораторіи, что едва ли достижимо при столь значительномъ числѣ уроковъ, какое полагается по новому уставу. Да и кто будетъ руководить учащихся? Лаборанта не полагается по уставу, а у учителей естествовѣдѣнія при значительномъ числѣ уроковъ не хватитъ времени на то, чтобы серіозно упражнять учащихся въ практическихъ занятіяхъ. Наконецъ, еслибъ и завести во всѣхъ гимназіяхъ лабораторіи и лаборантовъ, то оказалось-бы, что гимназисты слишкомъ молоды для точныхъ работъ, что они будутъ тамъ шалить съ химическими аппаратами и т. д. Въ чемъ же та радикальная реформа гимназическаго ученья, какой ждутъ петербургскіе педагоги отъ введенія реальныхъ гимназій? Не ясно ли что это тѣ же нынѣшнія гимназіи съ исключеніемъ (ничтожныхъ по числу, а потому мало полезныхъ, хотя все-таки болѣе полезныхъ чѣмъ уроки химіи) уроковъ латинскаго языка?

Наши педагоги кричатъ о германскихъ реальныхъ училищахъ и увѣряютъ, что они устроены именно согласно идеямъ ихъ школы. Но пусть оффиціозные педагоги *Голоса* прочтутъ, напримѣръ, статью о прусскихъ гимназіяхъ, помѣщенную въ одной изъ послѣднихъ книжекъ официальнаго *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Петербургская школа не можетъ, конечно, укорить этотъ органъ въ пристрастіи къ классической системѣ ученья: не въ ученомъ ли комитетѣ былъ составленъ извѣстный проектъ, которымъ предлагалось уничтожить всякую возможность классическаго образованія въ Россіи и не въ средѣ ли этого комитета нашлись самые ревностные защитники этого проекта? Въ этой статьѣ наши рачители реальныхъ гимназій могли бы прочесть, что въ Пруссіи, дѣйствительно, кромѣ собственно гимназій подготовляющихъ къ университету и устроенныхъ на строго классическихъ началахъ, есть реальныя или мѣщанскія школы, и при томъ двухъ разрядовъ: курсъ перворазрядныхъ приноровленъ къ требованіямъ для поступленія въ военную службу и къ экзаменамъ въ спеціяльныя школы; воспитанники же второразрядныхъ мѣщанскихъ школъ не идутъ ни въ военную службу ни въ спеціяльныя школы, вообще слѣдовательно не имѣютъ доступа къ высшимъ профессіямъ, такъ какъ курсъ школъ втораго разряда „есть курсъ низшаго рода образованія, „приноровленный къ мѣстнымъ потребностямъ,“ какъ сказано въ *Журналѣ Министерства* (вспомнимъ, что эти „мѣстныя потребности“ безпрерывно выставляются впередъ нашими поборниками реализма), и ихъ воспитанникамъ предстоятъ въ будущемъ профессіи купеческихъ прикащиковъ и т. д. Слѣдующая таблица учебныхъ часовъ во всѣхъ шести классахъ прусскихъ ремесленниковъ, курьеровъ реальныхъ школъ лучше всего можетъ дать понятіе объ учебномъ планѣ среднихъ учебныхъ заведеній въ Пруссіи.

	Реальныя школы перваго разряда.	Реальныя школы втораго разряда *).
Законъ Божій	14	14
Нѣмецкій языкъ (преподаваемый въ связи съ латинскимъ въ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ перваго разряда).	20	28
Латинскій языкъ	32	—
Французскій языкъ	22	30
Исторія и географія.	20	20
Математика.	31	42
Физика и естествовѣдѣніе. .	20	23
Чистописаніе.	6	23
Рисованіе и черченіе . . .	13	16
Англійскій языкъ.	10	10

(Въ нѣкоторыхъ школахъ втораго разряда, преподается необязательно и латинскій языкъ.)

Сравнивая приведенную таблицу съ расписаніемъ часовъ въ нашихъ гимназіяхъ, видимъ, что реальныя гимназіи новаго устава, о которыхъ такъ заботятся наши педагоги, соотвѣтствуютъ прусскимъ мѣщанскимъ школамъ втораго, т.-е. низшаго разряда, школамъ, которыя не только не открываютъ доступа къ университету, но не открываютъ его ни къ высшей военной службѣ, ни къ спеціяльнымъ школамъ. Эту низшую систему образованія хотѣли бы сдѣ-

*) Именно берлинская ремесленная школа.

лать господствующею въ Россіи наши доброжелательные просвѣтители. Планъ ученья прусскихъ реальныхъ школъ втораго разряда стоитъ, впрочемъ, въ педагогическомъ отношеніи выше учебнаго плана предполагаемыхъ у насъ реальныхъ гимназій, такъ какъ въ немъ болѣе замѣтна та *концентрація* ученья на нѣкоторыхъ предметахъ (напримѣръ на математикѣ), которая составляетъ столь важное условіе успѣшнаго ученья.

Если, наконецъ, нашимъ педагогамъ недостаточно громаднаго эксперимента, произведеннаго надъ реальнымъ направленіемъ (въ смыслѣ петербугской школы) въ нашемъ отечествѣ, гдѣ за исключеніемъ его западныхъ окраинъ до сихъ поръ всецѣло господствовала эта мнимореальная система воспитанія,—то можно указать на спеціяльный опытъ, произведенный въ Москвѣ съ заведеніемъ, которое богато обставлено учебными пособіями, и по учебному курсу своему ближе подходитъ къ настоящимъ реальнымъ школамъ чѣмъ реальныя гимназіи новаго устава. Мы говоримъ о реальномъ отдѣленіи третьей Московской гимназіи. Въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ существованія этой гимназіи, на ея реальномъ отдѣленіи окончило курсъ 68 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе 30 поступило въ университетъ, подготовившись кое-какъ изъ латинскаго языка (что было не трудно при упадкѣ классическаго образованія и крайне-низкомъ уровнѣ университетскихъ требованій); нѣсколько человѣкъ пошли на службу по учебной части, и только не болѣе какъ о 25 воспитанникахъ (по одному на каждый годъ двадцатипятилѣтняго существованія гимназіи) можно сказать, что они пошли по тому поприщу, къ которому подготовлялись въ гимназіи. Если мы хотимъ основываться на фактахъ, а не на фантазіяхъ, то опытъ третьей Московской гимназіи заслуживаетъ полнаго вниманія.

Техническое образованіе дѣло съ высшей степени важное и желательное. Но если мы желаемъ процвѣтанія этого образованія и оживленія нашей промышленности, то мы менѣе всего должны слѣдовать тѣмъ путемъ, на который зазываютъ наши ревнители такъ-называемыхъ ими общеобразовательныхъ реальныхъ гимназій, а должны вступить на правильную дорогу помощію усовершенствованія настоящихъ техническихъ училищъ. Вмѣсто сочиненія гимназій съ химіей, анатоміей, физіологіей, обществовѣдѣніемъ и множествомъ другихъ наукъ, гораздо было бы лучше подумать объ уѣздныхъ училищахъ, нынѣ находящихся въ столь же жалкомъ состояніи какъ и гимназіи. Стараться придержать русскій народъ въ состояніи умственнаго ничтожества можетъ быть выгодно только тѣмъ непрошенымъ учителямъ нашего общества, которые лишь подъ условіемъ этого ничтожества могутъ находить послѣдователей, вербовать приверженцевъ и обдѣлывать свои дѣла.

№ 44.

Москва, 26-го февраля.

Съ мѣсяцъ тому назадъ, намъ случилось заговорить о предполагаемомъ у насъ преобразованіи закона о печати. Насъ тогда упрекали въ томъ, что мы желали для себя освобожденія отъ предварительной цензуры, въ то время какъ всѣ остальные журналы находятся подъ цензурой, и это желаніе провозглашали какъ нѣчто злостное и беззаконное. Вы хотите пользоваться свободой, кричали намъ: почему же другіе должны оставаться въ положеніи стѣсненномъ и зависимомъ? Точно будто мы, желая для себя извѣстныхъ условій, препятствовали другимъ желать того же, точно будто мы, желая сами быть свободными противились освобожденію другихъ, точно будто человѣкъ полагающій необходимымъ условіемъ своего существованія воздухъ и воды, тѣмъ самымъ отнимаетъ у другихъ право пользоваться этими условіями. Говоря объ этомъ предметѣ, мы упомянули, что проектъ новаго устава о печати, сколько намъ извѣстно, не имѣетъ въ виду совершенную отмѣну предварительной цензуры, а предоставляетъ на усмотрѣніе правительства освобождать отъ цензуры или оставлять подъ нею тѣ или другія періодическія изданія. Дурно ли хорошо ли это предположеніе, не мы сочинили его, и не отъ насъ зависитъ его осуществленіе. Мы не входили въ оцѣнку этого предположенія, а сослались на него только для разъясненія возникшаго тогда вопроса о возможности, съ точки зрѣнія правительства, при существованіи предварительной цензуры, предоставить право той или другой газетѣ выходить подъ исключительною отвѣтственностію ея редакціи. Коль-скоро и по новому уставу не упраздняется предва-

рительная цензура, а допускаются только изъятія изъ нея по усмотрѣнію правительства, то, стало-быть, не могло быть ничего ненормальнаго или противнаго видамъ правительства въ желаніи той или другой газеты пріобрѣсти право отвѣчать за себя. Одна московская газета посвятила цѣлую статейку сообщенному нами въ то время свѣдѣнію объ упомянутомъ параграфѣ новаго устава (который, безъ сомнѣнія, былъ столько же извѣстенъ ей самой, сколько и намъ). Не ограничиваясь разборомъ предположенія, которое мы сообщили какъ извѣстіе, и которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ падать на нашу отвѣтственность, эта газета съ свойственною ей добросовѣстностію сдѣлала насъ передъ своею публикой отвѣтственными за это предположеніе. Столь простой элементъ какъ сообщеніе извѣстія, эта газета, на пространствѣ двухъ-трехъ страничекъ, успѣла возвести въ самую сложную комбинацію, и нѣсколько разъ измѣнить ея видъ, значеніе и силу. Изъ статьи этой мы узнали, что мы не только сообщили вышесказанное извѣстіе, но и миримся съ нимъ, и не только миримся, но и одобряемъ его, и не только одобряемъ, но и рекомендуемъ его.

Потребность измѣненія крайне ненормальнаго положенія нашей печати высказалась уже года четыре тому назадъ. Возникла мысль о факультативномъ освобожденіи отъ предварительной цензуры, то-есть о представленіи редакціямъ права самимъ соображаться съ требованіями существующихъ законовъ, если та или другая изъ нихъ пожелаетъ подвергнуться опасностямъ и риску самостоятельнаго существованія. Требовалось не смягченіе законовъ, а дозволеніе каждому отвѣчать за свою дѣятельность передъ какими бы то ни было властями и трибуналами. По этому поводу случалось намъ тогда же выдерживать довольно горячую полемику. Инымъ казалось, что предварительная цензура служитъ какъ бы обезпеченіемъ для періодическихъ изданій, и что собственная отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ можетъ быть весьма пагубна для издателей и сопровождаться для нихъ разными злоключеніями и раззореніемъ. Намъ легко было доказать, что цензура не служитъ серіознымъ обезпеченіемъ ни для какихъ интересовъ, ни для правительства, ни для общества, ни для частныхъ лицъ; но мы не считали себя въ правѣ желать за другихъ или навязывать другимъ то чего они сами не желаютъ; а потому мы охотно предоставляли тѣмъ кто видѣлъ въ предварительной цензурѣ обезпеченіе для себя, спокойно оставаться подъ этимъ обезпеченіемъ. Проектъ устава выработанный правительственною коммиссіей не оставлялъ этого на добрую волю частныхъ лицъ. Вмѣсто факультативнаго освобожденія отъ предварительной цензуры, проектъ устава пришелъ къ системѣ особыхъ въ каждомъ случаѣ разрѣшеній. Впрочемъ, если вѣрить слухамъ, въ настоящее время это предположеніе подверглось значительному ограниченію. Какъ сказываютъ, по проекту новаго устава только газеты ежедневныя или выходящія не рѣже одного раза въ недѣлю не могутъ, по собственному усмотрѣнію, освобождаться отъ цензуры, а должны имѣть на то особое разрѣшеніе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; что же касается до періодическихъ изданій, выходящихъ въ болѣе продолжительные сроки, разъ въ мѣсяцъ, разъ въ двѣ недѣли, то таковымъ будто бы предоставляется право избирать для себя, по собственному усмотрѣнію, то или другое положеніе. Такъ напримѣръ, *Русскому Вѣстнику*, наряду со всѣми другими подобными изданіями, было бы предоставлено, безъ особаго разрѣшенія, выходить подъ отвѣтственностью своей редакціи, но *Московскія Вѣдомости*, какъ изданіе ежедневное, должны были бы получить на то особое разрѣшеніе.

Мы позволяемъ себѣ думать, что эта система особыхъ разрѣшеній, по отношенію къ періодической печати, не представляетъ никакихъ удобствъ. Правительство и безъ того имѣетъ большую власть надъ существованіемъ газетъ. Нельзя открыть изданіе газеты или журнала безъ особаго разрѣшенія отъ правительства, которое сверхъ того обладаетъ средствати прекратить существованіе того или другаго изданія по своему усмотрѣнію. Казалось бы, этого совершенно достаточно. Коль скоро, по новому уставу, будутъ существовать параллельно учрежденія предварительной цензуры и такъ-называемой цензуры карательной, то, казалось бы, можно было бы безъ всякаго неудобства предоставить каждому выбирать для себя ту или другую систему. Это освободило бы печать отъ примѣси совершенно излишняго въ этомъ случаѣ элемента, который будетъ неизбѣжно внесенъ системой особыхъ разрѣшеній. Къ тому же,

учреждая двѣ системы, правительство ставитъ ихъ рядомъ, а не подчиняетъ одну другой. Каждая имѣетъ свои особенности и выгоды. Иному можетъ показаться пріятнѣе порядокъ предварительной цензуры; другой, напротивъ, предпочтетъ систему карательной цензуры. Эта послѣдняя система соединяется со многими своего рода невыгодами, отъ которыхъ избавляются журналы, находящіеся подъ цензурой предварительною значительно противъ прежняго облегчаемою новымъ проектомъ и снимающею съ издателей отвѣтственность, чего до сихъ поръ не было. За журналомъ, который предпочтетъ выходить подъ собственною отвѣтственностію, будутъ слѣдить Аргусовы очи. Онъ долженъ будетъ внести значительную сумму въ обезпеченіе своей состоятельности на случай штрафовъ, между тѣмъ какъ изданія остающіяся подъ цензурой предварительною, будутъ отъ этого уволены. Пребываніе подъ цензурой можетъ имѣть и еще нѣкоторыя удобства. Кому нечего сказать, а хочется казаться имѣющимъ сказать много, кому нужно прикрытіе для своей пустоты, кто желаетъ придать себѣ интересъ и значеніе краснорѣчивыми умолчаніями какъ бы вынужденными цензурой, все нелѣпое, все боящееся яснаго, точнаго публичнаго выраженія, все боящееся серіозной отвѣтственности, — все подобное лучше можетъ процвѣтать подъ цензурой предварительною.

Признаемся, съ нѣкоторыхъ поръ мы стали склонны къ скептицизму. Мы готовы сомнѣваться въ близкомъ осуществленіи столь давно задуманныхъ и многократно обсуждавшихся мѣръ. За три года передъ симъ, когда печать наша представляла самое печальное зрѣлище и когда всякая либеральная мѣра могла казаться опасною, мысль о возможно большей свободѣ печати была въ большомъ ходу. Вообще у насъ какъ-то спорится то, отъ чего можно ожидать какихъ-либо отрицательныхъ для русскаго дѣла послѣдствій. Когда печать казалась опасною силой, тогда всѣ желали ея освобожденія, точно также, какъ въ то время, когда въ нѣдрахъ русскаго общества предполагались дѣятельные элементы разрушенія и разложенія, у насъ было много благопріятелей и за границей, и внутри, которые всячески настаивали на томъ, чтобы русское общество было поскорѣе призвано къ болѣе самостоятельной политической жизни. Было время, когда митинги школьниковъ казались дѣломъ естественнымъ и прогрессивнымъ, когда этимъ митингамъ придавалось серіозное государственное значеніе... Напротивъ, что заключаютъ въ себѣ элементы истиннаго прогресса для русскаго образованія или для русской политической жизни, что обѣщаетъ приращеніе и повышеніе нашихъ силъ, то соединяетъ противъ себя всевозможныя недоразумѣнія. Еслибы печать въ настоящее время могла казаться силою вредною для единства и здороваго политическаго развитія Россіи, признаемся, мы думаемъ, что нашлись бы интересы достаточно сильные, которые повели бы успѣшную агитацію въ пользу самыхъ широкихъ льготъ для нашей печати. Также не удивимся мы, если найдутся интересы, которые сумѣютъ воспользоваться всѣми предразсудками и недоразумѣніями для того, чтобы дѣйствовать вопреки всякой общественной льготы, когда можно несомнѣнно ожидать отъ нея добрыхъ плодовъ въ Русскомъ Царствѣ.

Проектъ новаго устава, сколько онъ извѣстенъ намъ, можетъ дать поводъ ко многимъ критическимъ замѣчаніямъ. Желаніе чтобы законъ сколь можно болѣе соотвѣтствовалъ своему назначенію можетъ проистекать изъ чувства неудовлетворительности настоящаго положенія и изъ потребности улучшить его. Возраженія и замѣчанія могутъ быть дѣлаемы съ разныхъ точекъ зрѣнія, въ разныхъ интересахъ; но коль скоро съ той или другой стороны искренно чувствуется потребность улучшенія, то оппоненты имѣютъ подъ собою общую почву. Такихъ возражателей, желающихъ лучшаго, отнюдь не должно смѣшивать съ противниками, которые враждебно расположены къ самому принципу вопроса. Кромѣ возражателей добросовѣстныхъ, могутъ быть возражатели недобросовѣстные. Отъ оппозиціи имѣющей въ виду возможно лучшее устройство дѣла, надобно отличать оппозицію, которая изъ разныхъ видовъ не хочетъ вообще ни какой перемѣны въ существующемъ положеніи. Такую радикальную оппозицію можетъ вызвать и предположенная правительствомъ реформа въ дѣлахъ книгопечатанія. Оппозиція этого рода можетъ принимать противоположные оттѣнки; она можетъ являться то съ либеральною, то съ консервативною миной.

Либеральные противники будутъ, разумѣется, говорить въ интересѣ печати. У этихъ господъ есть цѣлый арсеналъ гром-

кихъ фразъ о свободѣ. Они скажутъ: „Мы хотимъ безграничной свободы книгопечатанія. Только безусловная свобода можетъ удовлетворить насъ. Либо абсолютное, безграничное, не сопряженное ни съ какою обязанностію право, либо не нужно никакихъ правъ, никакихъ опредѣленныхъ, связанныхъ съ какими-либо условіями правъ.“ Такъ какъ на свѣтѣ нѣтъ ничего абсолютнаго и безграничнаго, и такъ какъ въ сромномъ вопросѣ объ улучшеніи нашей печати отнюдь не имѣется въ виду создать что-либо въ этомъ родѣ, а имѣется въ виду даровать лишь весьма ограниченную сумму правъ печати не имѣющей никакихъ, то стало-быть вопросъ о реформѣ рѣшенъ: ея не требуется, она ненужна, она есть бѣдствіе, и надобно оставить дѣло въ прежнемъ безправномъ положеніи на неопредѣленное время. Эти господа нарочно будутъ предъявлять такія требованія, которыя либо вообще не могутъ быть приняты, либо не могутъ разчитывать на успѣхъ при существующихъ обстоятельствахъ Найдутся, пожалуй, еще такіе либералы, которые подъ именемъ свободы будутъ рекомендовать прямое или косвенное поощреніе всякимъ доктринамъ отрицательнаго свойства, будутъ протестовать противъ всякаго устава, который не назначитъ особыхъ премій или пособій всему, что только можетъ быть направлено противъ основаній общественнаго или политическаго, умственнаго или нравственнаго порядка. Этого рода противники не будутъ удовлетворены никакимъ закономъ имѣющимъ въ виду болѣе или менѣе гарантировать законную свободу. Въ Англіи, какъ извѣстно, печать пользуется самою полною свободой: поставьте же этихъ господъ посреди условій обезпечивающихъ свободу англійской печати, они и тогда будутъ недовольны,— тогда-то можетъ быть они будутъ особенно недовольны, потому что они вовсе не того хотятъ что проистекаетъ изъ правильной, твердымъ закономъ обезпеченной свободы. Въ проектѣ нашего устава, сколько онъ извѣстенъ намъ, есть нѣсколько пунктовъ, безъ всякой нужды стѣсняющихъ или затрудняющихъ печать, заимствованныхъ отъ чужихъ кодексовъ, которые образовались посреди обстоятельствъ и условій совершенно иного рода; въ проектѣ устава можетъ быть есть нѣсколько неточностей. Обо всемъ этомъ стоитъ посудить. Но въ основаніяхъ своихъ проектъ новаго устава былъ бы значительнымъ успѣхомъ нашей общественной жизни, и состоялъ бы въ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ дѣлъ въ нынѣшнее царствованіе. Во всякомъ случаѣ, онъ отличается тою важною особенностію, что не вовсе отмѣняетъ прежній порядокъ, а только полагаетъ рядомъ съ нимъ основанія болѣе правильному, болѣе огражденному закономъ развитію публичности. Пусть установляемая имъ карательная система будетъ тяжела, пусть новое создаваемое имъ для печати положеніе будетъ хуже для журналистовъ чѣмъ прежнее, новый уставъ никого не принуждаетъ подчиняться условіямъ этого новаго помѣщенія. Для желающихъ онъ оставляетъ въ силѣ предварительную цензуру. О чемъ же спорить съ точки зрѣнія интересовъ печати? Недовольные новыми условіями могутъ оставаться при старыхъ. Очевидно, что со стороны печати противодѣйствіе новому уставу внушается чувствомъ не искреннимъ, и что въ основаніи этого противодѣйствія лежитъ все что угодно, только не либеральный образъ мыслей. Съ либеральной точки зрѣнія можно желать лучшихъ условій, но ни въ какомъ случаѣ нельзя желать, чтобы новое положеніе не осуществилось.

Но, какъ сказано, новый уставъ, въ числѣ своихъ радикальныхъ противниковъ, можетъ встрѣтить не одни либеральныя личины, а также и консервативныя. Новый уставъ имѣетъ своимъ предметомъ внести болѣе твердый порядокъ и законность въ дѣла книгопечатанія: могутъ ли порядокъ и законность быть противны истинно консервативнымъ интересамъ? Въ настоящее время печать наша находится въ положеніи совершенно не нормальномъ. Сфера ея расширилась, значеніе ея въ протекшія десять лѣтъ до такой степени измѣнилось, что цензурный уставъ, которому она была подчинена, оказался совершенно несостоятельнымъ, такъ что пришлось отмѣнить его и взамѣнъ поставить временныя правила. Новый уставъ выводитъ печать изъ этого временнаго положенія; онъ подчиняетъ ее твердымъ правиламъ, онъ впервые подвергаетъ ее зоркому и дѣйствительному контролю, онъ впервые вноситъ въ нее принципъ законности, онъ по возможности ограждаетъ отъ произвола тѣ существенные интересы, съ которыми печать приходитъ въ соприкосновеніе, или которые находятъ въ ней выраженіе себѣ. Можетъ ли все это встрѣтить противодѣй-

ствіе съ истинно-консервативной стороны?

Намъ часто приходится слышать, что если наша печать пріобрѣтетъ какую-либо свободу, то она станетъ орудіемъ всевозможнымъ злоупотребленій и поприщемъ для развитія всевозможныхъ нелѣпостей, зловредныхъ направленій, разрушительныхъ теорій. Въ доказательство обыкновенно приводятъ всѣ тѣ чудеса, которыя дѣйствительно въ страшномъ изобиліи творила русская печать съ тѣхъ поръ какъ печати была предоставлена подъ цензурой нѣкоторая свобода въ заявленіи фактовъ и въ выраженіи мнѣній. Нельзя отрицать этого. Дѣйствительно, наша литература представляла самое грустное зрѣлище. Но свобода ли, законность ли были причиною всѣхъ тѣхъ нелѣпостей, которыми ознаменовала себя наша печать? Изъ свободнаго ли взаимодѣйствія общественныхъ интересовъ выходили тѣ фальшивыя направленія, которыя въ ней разыгрывались съ такимъ дикимъ сумасбродствомъ? Изъ естественнаго ли теченія жизни произошли эти невѣжественные и безсмысленные отзывы разныхъ ученій соціялизма или матеріялизма? Правда, мы можемъ похвалится нашимъ нигилизмомъ какъ оригинальнымъ продуктомъ нашего образованія; правда, ничего подобнаго нашему нигилизму мы не встрѣтимъ ни въ какой странѣ міра; но изъ свободы ли русской жизни произошелъ этотъ продуктъ? Не былъ ли онъ, напротивъ, послѣдствіемъ ея бездѣйствія, ея совершенной пассивности? Не происходили ли, напротивъ, всѣ эти фальшивыя явленія изъ неправильнаго положенія, въ которомъ печать находилась, не служа органомъ никакихъ дѣйствительно существующихъ въ нашемъ обществѣ интересовъ? Печать наша находилась подъ рукою административныхъ властей; журналы, въ которыхъ развивались всѣ эти направленія, нерѣдко были ихъ непосредственными органами; мнѣнія, которыя въ нихъ высказывались прямо проистекали изъ бюрократическихъ сферъ; журнальныя дѣятели часто сами принадлежали къ этимъ сферамъ или находились подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Направленія, какія принимала наша печать, сообщались ей сложнымъ механизмомъ бюрократическихъ вліяній. Требовались, напротивъ, величайшія усилія, для того чтобъ удерживать свою независимость посреди этихъ вліяній. Русская печать! Но что создавало ея органы? Что поддерживало и содержало ихъ? Что направляло ихъ? Русская печать, повторимъ, не была органомъ свободной жизни общества. Она была до сихъ поръ, говоря вообще, явленіемъ фальшивымъ, искусственнымъ, существующимъ и плодящимся не собственною внутренною силой. Можно съ точностію химическаго анализа разобрать и показать значеніе всѣхъ элементовъ участвовавшихъ въ образованіи этого фальшиваго явленія. Посреди этихъ элементовъ мы всего менѣе встрѣтимъ такихъ, которые проистекали бы изъ естественнаго теченія общественной жизни. Едва можно указать на два, на три органа въ нашей литературѣ, которые возникли и держались собственною силой или которые пріобрѣли значеніе не вслѣдствіе какихъ-либо постороннихъ обстоятелствъ, искусственныхъ пособій, случайныхъ монополій. Долгое время наша литература находилась въ исключительномъ обладаніи у двухъ-трехъ журналистовъ, которымъ случайно досталась монополія этого дѣла. Всѣмъ извѣстно, что за десять лѣтъ предъ симъ невозможно было и думать объ открытіи новаго періодическаго изданія, такъ что два-три существовавшіе журнала были долгое время исключительными обладателями литературы, и направленія, которыя въ нихъ высказывались, были, вслѣдствіе того, какъ бы узаконенныя, самимъ правительствомъ установленныя нормы. Все что произошло въ послѣдствіи, ведетъ свое начало отъ того времени, когда литература не имѣла даже и тѣни самостоятельнаго существованія, и когда не могло быть и рѣчи о какихъ-либо гарантіяхъ, о какомъ-либо правѣ, о какомъ-либо законномъ огражденіи гласности и свободы сужденія. Пусть припомнятъ къ свѣдѣнію то время, когда печать наша ознаменовала себя всѣми тѣми явленіями, которыя такъ справедливо ставятъ въ упрекъ ей, и которыя такъ много, такъ глубоко повредили дѣлу нашего образованія. Въ одной ли печати творились тогда чудеса?

№ 45.

Москва, 27-го февраля.

А.

Недавно нѣкоторыя изъ нашихъ офиціяльныхъ газетъ *Сѣверная Почта* и

Гродненскія Губернскія Вѣдомости), а также *Кіевлянинъ* снова коснулись еврейскаго вопроса, по крайней мѣрѣ одной его стороны, представляющей, впрочемъ, весьма важный интересъ. Дѣло идетъ о томъ, какой языкъ должны себѣ усвоить Евреи въ Россіи, русскій или нѣмецкій. Употребительный въ общежитіи между Евреями языкъ, или такъ-называемый еврейскій жаргонъ, есть весьма скудное древненѣмецкое нарѣчіе, значительно искаженное съ теченіемъ времени и испещренное множествомъ разнородныхъ словъ: еврейскихъ, халдейскихъ, русскихъ, польскихъ, литовскихъ и т. д. Сами Евреи какъ нельзя лучше сознаютъ всю недостаточность этого языка, и при первомъ шагѣ на пути общеевропейскаго образованія стремятся отъ него освободиться. Возвратиться къ древнееврейскому языку, употребляемому въ еврейскомъ богослуженіи и составляющему предметъ изученія, въ еврейскихъ школахъ, какъ языкъ мертвый, и сдѣлать этотъ языкъ житейскимъ — нѣтъ ни возможности, ни даже охоты у самихъ Евреевъ. Вездѣ въ другихъ странахъ, какъ только начинали усвоивать себѣ общее образованіе, они вмѣстѣ съ тѣмъ усвоивали себѣ и господствующіе языки этихъ странъ, такъ что ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Италіи, ни въ Англіи, сколько-нибудь образованные на европейскій ладъ Евреи, по языку своему, ни мало не отличаются отъ туземцевъ; у насъ же и этотъ столь простой и обыкновенный процессъ встрѣчаетъ не малыя препятствія и затрудненія, и не только масса Евреевъ, которая вполнѣ довольствуется еврейскимъ жаргономъ для домашняго своего обихода, но и сами образованные Евреи, сознающіе необходимость отрѣшиться отъ жаргона, еще колеблются, и не знаютъ, должны ли они преимущественно усвоивать себѣ языкъ нѣмецкій или языкъ русскій.

Въ самомъ дѣлѣ, болѣе или менѣе образованные Евреи въ Россіи раздѣляются въ этомъ отношеніи на двѣ партіи: нѣмецкую и русскую. Съ русской точки зрѣнія, нельзя не пожелать полнаго торжества и успѣха послѣдней партіи. Для Россіи не можетъ быть безразлично, чтобы полтора милліона ея подданныхъ еврейскаго вѣроисповѣданія, даже и вступивъ со временемъ въ сферу общеевропейскаго образованія, усилили собою не русскій, а инородческій элементъ, и по своему языку и образованію тянули не къ Россіи, а къ Германіи. Но и для самихъ Евреевъ, если не въ настоящую пору, то въ ближайшую къ ней, когда окончательно опредѣлится и упрочится національно-русское направленіе всей нашей политики, окажется несравненно полезнѣе и выгоднѣе тѣсно примыкать къ великому Русскому народу, безъ всякаго поползновенія стать Нѣмцами или Поляками. „Да, мы думаемъ," пишутъ въ *Сѣверной Почтѣ* (№ 41), „что русскій „языкъ для русскаго Еврея составляетъ „*conditio sine qua non* его образованія... „Мы не можемъ желать, чтобы между Ев„реями и русскимъ народомъ воздвиглась „китайская стѣна, въ видѣ нѣмецкаго „языка..." Особенную силу полагаетъ авторъ статьи „въ училищахъ спеціяльно „еврейскихъ, гдѣ всѣ еврейскіе предметы „излагались бы на русскомъ языкѣ."

Но, говоря вообще, пока русскій языкъ не вступилъ во всѣ свои права, и пока русскому слову почти на каждомъ шагу противополагаются непреодолимыя преграды, весьма понятно, что никто изъ инородцевъ въ Россіи не можетъ чувствовать особенной потребности усвоить себѣ этотъ языкъ и сдѣлать его своимъ роднымъ. Еврейскій журналъ, который издается въ Одессѣ на нѣмецкомъ языкѣ, можетъ касаться всѣхъ еврейскихъ предметовъ, и до сихъ поръ безпрепятственно издается въ свѣтъ, а еврейскій журналъ на русскомъ языкѣ, издававшійся также въ Одессѣ въ 1861 и въ началѣ 1862 года, именно *Сіонъ*, былъ доведенъ въ самое короткое время до невозможности продолжать свое изданіе. Въ продолженіе полутора года, въ немъ безпрепятственно помѣщались статьи какъ спеціяльно-еврейскаго, такъ и всякаго другаго содержанія. Никакого худа отъ этого не произошло. Журналъ былъ самаго благонамѣреннаго направленія, но вдругъ онъ сталъ подвергаться стѣсненіямъ положившимъ конецъ его существованію. Страннымъ образомъ эта катастрофа совпала съ полемикой, которую этотъ журналъ выдерживалъ съ украйнофильствомъ, шедшимъ изъ Петербурга, высказываясь противъ нелѣпаго требованія, предъявленнаго *Основой*, чтобъ Евреи въ южномъ краѣ Россіи усвоивали себѣ не общій русскій языкъ, а то особое нарѣчіе, которое употребительно въ тамошнемъ простонародіи... Съ тѣхъ поръ прошло почти три года: между благонамѣ-

ренными Евреями шли толки о возобновленіи изданія, которое было бы проводникомъ русскаго языка и русскаго гражданскаго чувства между ихъ единовѣрцами, но толки остались лишь толками, и оправдалась старинная истина, что легче подавлять полезныя начинанія чѣмъ снова вызывать ихъ къ жизни.

Къ сожалѣнію, надо признаться, что русскій языкъ не только не вступилъ еще во всѣ права свои, но и не пересталъ быть, по крайней мѣрѣ, считаться языкомъ безправной массы, такъ что незнаніе русскаго языка въ Россіи есть какъ бы своего рода отличіе и преимущество. Такъ-называемая еврейская аристократія въ Россіи, состоящая изъ банкировъ и богатыхъ негоціантовъ, тщеславится незнаніемъ русскаго языка не хуже нѣкоторыхъ членовъ нашего русскаго свѣтскаго общества: иностранные языки, которые они употребляютъ въ своемъ домашнемъ быту, явнымъ образомъ отличаютъ и возвышаютъ ихъ надъ темною массой Русскаго народа. Не даромъ о знаменитомъ Ермоловѣ разказываютъ, что онъ однажды высказалъ желаніе, чтобъ его за отличіе произвели въ Нѣмцы. Недавно еще слышали мы отъ одного весьма серіознаго Поляка, что онъ не желалъ бы воспитывать своихъ сыновей въ чувствѣ польской національности, потому что это значило бы сдѣлать ихъ несчастными на всю жизнь, но что онъ не можетъ рѣшиться воспитывать ихъ какъ Русскихъ, потому что, по его мнѣнію, положеніе Русскихъ въ Россіи мало возвышаетъ чувство собственнаго достоинства, и что онъ желалъ бы сдѣлать изъ нихъ Нѣмцевъ, съ тѣмъ только чтобъ они жили и служили въ Россіи.

Итакъ, если съ русской точки зрѣнія, какъ пишутъ и въ *Сѣверной Почтѣ*, желательно, чтобъ Евреи вполнѣ усвоили себѣ русскій языкъ, то съ другой стороны этого благопріятнаго результата можно ожидать только тогда, когда русскому слову и русской мысли будетъ данъ просторъ и званіе русскаго человѣка станетъ дѣйствительно и выгоднымъ, и почетнымъ въ Россіи. Будемъ надѣяться, что эта пора не такъ далека отъ насъ, какъ можетъ казаться, если судить по нѣкоторымъ недобрымъ признакамъ, и что инородцы будутъ находить для себя болѣе достойнымъ и выгоднымъ становиться самимъ и воспитывать своихъ сыновей не Нѣмцами въ Россіи, а Русскими.

Б.

Вчера телеграфъ извѣстилъ насъ, что Вильмингтонъ палъ, и что южный генералъ Борегаръ отступаетъ предъ побѣдоносными войсками Шермана. Этотъ послѣдній идетъ, какъ извѣстно, на соединеніе съ Грантомъ, и когда это соединеніе состоится, тогда, безъ сомнѣнія, не устоять и самому Ричмонду. Такимъ непрерывнымъ рядомъ блистательныхъ успѣховъ, которымъ, должно надѣяться, положенъ будетъ предѣлъ кровавому междуусобію, Сѣверяне обязаны больше всего смѣлому и удачному походу генерала Шермана. Въ началѣ походъ этотъ, въ самую глубь непріятельской территоріи, казался безумiемъ: теперь: благодаря успѣху, онъ обратился въ славное военное дѣло. Но и въ началѣ онъ вовсе не былъ такимъ безумнымъ предпріятіемъ какъ это казалось нѣкоторымъ. Походъ Шермана не былъ изолированнымъ движеніемъ. Онъ былъ основанъ на очень серіозномъ стратегическомъ соображеніи. Огромное численное превосходство всегда было на сторонѣ федералистовъ, составляя главную ихъ силу. Генералъ Грантъ, сосредоточивъ значительныя силы подъ Ричмондомъ, не имѣлъ, однако, успѣха въ своихъ операціяхъ противъ этого города, такъ какъ генералъ Ли, въ свою очередь, стянувъ отовсюду войска Конфедераціи, выставилъ противъ федеральнаго главнокомандующаго многочисленную армію, имѣвшую за себя, сверхъ того, искусственную и естественную крѣпость позиціи. Тогда обдуманъ былъ планъ достигнуть предположенной цѣли другимъ путемъ, и была составлена диспозиція похода Шермана черезъ Георгію. Между тѣмъ какъ у Ли собрано въ Ричмондѣ почти все, чѣмъ можетъ располагать Конфедерація для защиты своей столицы, Сѣверяне, напротивъ того, несмотря на громадныя силы сосредоточенныя подъ личнымъ начальствомъ Гранта, свободно могутъ отряжать цѣлыя арміи на любой пунктъ военныхъ дѣйствій. Конфедералисты не могли выставить значительныхъ силъ противъ Шермана, не ослабляя своей виргинской арміи, и отважный планъ федералистовъ ставилъ такимъ образомъ Южанъ между двухъ огней: или, не безъ основанія считая движеніе Шер-

мана чрезвычайно важнымъ, они отдѣлили бы значительную часть отъ арміи Ли, и тогда Грантъ могъ перейдти къ рѣшительному наступленію и захватить Ричмондъ; или же, не рѣшаясь ослаблять свою главную стратегическую позицію, они давали Шерману открытый путь къ успѣху, ускоряли паденіе важнѣйшихъ и послѣднихъ своихъ приморскихъ портовъ, и сами приготовляли побѣдоносное соединеніе двухъ главныхъ непріятельскихъ армій, за которымъ должно все-таки послѣдовать и паденіе Ричмонда. Этого паденія конфедералисты вовсе не предотвращали, а лишь нѣсколько отсрочивали его, избравъ второй изъ двухъ предстоявшихъ имъ способовъ дѣйствія. Ричмондъ долженъ былъ пасть и въ томъ и въ другомъ случаѣ, именно благодаря этимъ двумъ тѣсно связаннымъ между собою операціямъ, Гранта въ Виргиніи и Шермана въ Георгіи. Напрасно нѣкоторые думали, что походъ Шермана былъ совершенно отдѣльнымъ и независимымъ отъ федеральнаго главнокомандующаго дѣйствіемъ, и что даже въ случаѣ успѣха онъ оказался бы очень невыгоднымъ, потому что послужилъ бы началомъ разрозненныхъ военныхъ дѣйствій, лишенныхъ внутренней связи и единства. Напротивъ, связь между обѣими операціями была какъ нельзя болѣе тѣсная: Шермана ожидалъ успѣхъ только вслѣдствіе сосредоточенія огромныхъ силъ федералистовъ въ Виргиніи, державшихъ въ страхѣ армію Ли, и наоборотъ, предстоящая удача операцій Гранта подъ Ричмондомъ прямо зависѣла отъ удачи Шерманова похода.

Европейскіе друзья Южныхъ Штатовъ, въ виду несомнѣнныхъ и рѣшительныхъ успѣховъ сѣвернаго оружія за это послѣднее время, стараются придать всему дѣлу совершенно другой характеръ. Они утверждаютъ, что приморскіе порты переходятъ въ руки федералистовъ не вслѣдствіе успѣховъ ихъ оружія, а вслѣдствіе особаго стратегическаго плана генерала Ли, первымъ дѣломъ котораго, по вступленіи въ должность главнокомандующаго всѣми военными силами Конфедераціи, было очистить Чарльстонъ, не потому, что Южанамъ невозможно было тамъ держаться, а потому, что такъ нужно было для осуществленія дальнѣйшихъ стратегическихъ задачъ южнаго генерала. Точно также не побоится онъ будто бы очистить и самый Ричмондъ, и тогда, собравъ въ одну массу всѣ силы Южныхъ Штатовъ, самъ перейдетъ къ наступленію новымъ вторженіемъ въ Теннесси и Кентукки. Если и допустить, что дѣйствительно таковъ планъ конфедералистовъ, — хотя это и кажется намъ весьма сомнительнымъ,—то все-таки съ паденіемъ Ричмонда падетъ и Конфедерація, какъ самостоятельная воюющая сторона, и Южанамъ невозможно будетъ, какъ похвалялся будто бы ихъ президентъ Девисъ, еще цѣлыя двадцать лѣтъ отстаивать свою независимость. Большой арміи, безъ опредѣленнаго базиса операцій, безъ укрѣпленныхъ мѣстъ, невозможно держаться продолжительное время, и она принуждена будетъ распасться на небольшіе партизанскіе отряды. Борьба можетъ, правда, нѣкоторое время продолжаться и при такихъ условіяхъ; но нѣтъ сомнѣнія, что при подобномъ измѣненіи характера войны, не будетъ и мѣста для мысли о независимости Южной Конфедераціи, какъ самостоятельнаго государства, если только—о чемъ много говорятъ въ послѣднее время, но что еще пока тоже очень сомнительно—Франція не вовлечетъ Англіи въ войну противъ Соединенныхъ Штатовъ.

Каковы будутъ послѣдствія низложенія Конфедераціи для самихъ Соединенныхъ Штатовъ, вернутся ли они къ прежнимъ своимъ республиканскимъ либеральнымъ учрежденіямъ, или изъ ихъ побѣды выйдетъ для нихъ диктатура и подавленіе свободы, — это ужъ другой вопросъ. Но во всякомъ случаѣ окончательная побѣда Сѣверянъ несомнѣнна и близка. Ожиданіе ея отозвалось уже въ торговомъ мірѣ: въ Нью-Іоркѣ премія на золото упала до 95, самая низшая норма за все послѣднее время; на лондонской биржѣ фонды Соединенныхъ Штатовъ значительно поднялись въ цѣнѣ.

№ 46.

Москва, 1-го марта.

Не странное ли явленіе эти безпрерывно возобновляющіеся слухи о рѣшительныхъ мѣрахъ къ полному внутреннему соединенію Царства Польскаго съ остальными владѣніями Россійской имперіи? Напрасно изъ Петербурга опровергаютъ эти слухи,—каждый разъ возникаютъ они съ новою силою, и, странное дѣло! въ Европѣ, по-

видимому, благопріятнѣе смотрятъ на окончательное рѣшеніе польскаго вопроса, въ смыслѣ прекращенія всякой автономіи Царства Польскаго, чѣмъ у насъ, потому что мы съ каждымъ разомъ все сильнѣе и сильнѣе, все съ бо́льшимъ, повидимому, негодованіемъ, протестуемъ противъ этихъ слуховъ. Кто распространяетъ ихъ, зачѣмъ, въ какомъ интересѣ? Вотъ опять, какъ сообщилъ намъ на дняхъ телеграфъ, заговорили въ иностранной печати о непремѣнномъ рѣшеніи нашего правительства ввести Царство Польское въ общій составъ имперіи. Лондонская газета *Morning Post* увѣряетъ, что С.-Петербургскій кабинетъ ведетъ въ настоящее время переговоры по этому дѣлу съ тѣми тремя державами, которыя въ 1863 г. сложились для совокупнаго дипломатическаго дѣйствія противъ Россіи: съ Англіей, Австріей и Франціей. Еще разъ: кто и съ какою цѣлью сочиняетъ эти извѣстія? Говоримъ: сочиняетъ, потому, что *Journal de St-Pétersbourg*, сообщая телеграмму о вышеупомянутой статьѣ лондонской газеты, поспѣшилъ тутъ же объявить, что всѣ эти извѣстія суть злостныя выдумки. Изъ какого же источника происходятъ эти выдумки? Польскіе ли повстанцы распространяютъ ихъ въ Европѣ, въ надеждѣ снова вскипятить свое дѣло и вызвать сильныя протестаціи какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны правительствъ европейскихъ? Но какіе Поляки? изъ какихъ сферъ? Нельзя думать, чтобъ эти слухи, въ настоящее время, выходили изъ среды тѣхъ агитаторовъ, которые непосредственно участвовали въ возстаніи. Въ этихъ извѣстіяхъ нѣтъ ничего чрезмѣрнаго и нелѣпаго; тонъ этихъ сообщеній очень трезвый; предположенія, которыя приписываются русскому правительству, такъ разумны, такъ естественны въ своихъ существенныхъ чертахъ, что весьма трудно было бы разчитывать произвести подобнаго рода выдумками какое-либо впечатлѣніе на европейскую публику, тѣмъ болѣе что въ Европѣ уже давно освоились съ мыслію о необходимости окончательнаго сліянія Царства Польскаго съ Россіей. Есть ли какое-нибудь вѣроятіе, послѣ всего что происходило съ годъ тому назадъ, возбудить снова польскій вопросъ такими невинными способами? Послѣ тѣхъ чудовищныхъ, колоссальныхъ выдумокъ, которыя въ 1863 году гремѣли въ Европѣ на всѣ лады, что́ значили бы эти слухи о предположеніяхъ, не заключающихъ въ себѣ ничего что могло бы возбуждать страсти, и которыхъ не оспариваютъ даже тѣ, кто имъ не сочувствуетъ? Если въ 1863 году оказались безсильными произвести что-либо серіозное, и возстаніе, и угрозы правительствъ, и всевозможныя искуственныя возбужденія общественнаго мнѣнія, то какъ можно думать, чтобъ извѣстія о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ въ администраціи Царства Польскаго могли произвести серіозное дѣйствіе, послѣ того какъ польскій вопросъ оказался призракомъ и власть Россіи въ этомъ краѣ стала сильнѣе и безспорнѣе чѣмъ когда-либо? То ли, въ такомъ ли духѣ, въ такихъ ли выраженіяхъ, стали бы распространять теперь агенты польскаго революціоннаго *жонда*, еслибъ этотъ *жондъ* имѣлъ еще какое-нибудь серіозное значеніе, и еслибъ обстоятельства представляли какую-нибудь возможность къ возобновленію продѣлокъ, происходившихъ годъ тому назадъ? Развѣ эти господа удовольствовались бы сочиненіемъ извѣстій о новомъ административномъ раздѣленіи Царства Польскаго, объ отмѣнѣ намѣстничества и тому подобныхъ предположеніяхъ? Нѣтъ, если эти извѣстія фабрикуются, то, очевидно, они фабрикуются иными людьми и съ иною цѣлью. Если разсчитывается вызывать этими извѣстіями какія-нибудь протестаціи, то развѣ только со стороны самой Россіи. И въ самомъ дѣлѣ, повидимому, нигдѣ извѣстія эти не производятъ никакого впечатлѣнія, кромѣ какъ только въ самой Россіи. *Morning Post* увѣряетъ, что Россія ведетъ переговоры съ Англіей, Франціей, Австріей объ окончательномъ введеніи Царства Польскаго въ составъ Россійской Имперіи; кого же хотѣла встревожить этими слухами лондонская газета? Россія, Австрія, Франція, Англія: тутъ вся Европа. Если, какъ значится въ *Journal de St.-Petersbourg*, это извѣстіе есть чистая выдумка, если никакихъ переговоровъ не ведется, то кого же мистифируютъ выдумщики? Коль скоро Россія никакихъ переговоровъ не ведетъ съ означенными великими державами, то правительствамъ ихъ точно также должно быть это вѣдомо, и они не могутъ придавать никакого значенія извѣстіямъ, ложь которымъ имъ самимъ очевидна, потому что они касаются столько же ихъ, сколько и Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, Европа не имѣетъ никакой надобности въ увѣреніяхъ съ нашей стороны относительно ложности

извѣстій о переговорахъ, которые будто бы Россія ведетъ съ означенными великими державами.

Приходится искать иныхъ источниковъ и иныхъ цѣлей для объясненія этихъ упорно возобновляющихся слуховъ о мѣрахъ, принимаемыхъ для окончательнаго сліянія съ Россіей принадлежащаго къ ней Царства Польскаго. Повидимому, изобрѣтатели предполагаютъ, что въ русскомъ правительствѣ есть нѣкоторое колебаніе во взглядѣ на польское дѣло. Они, повидимому, понимаютъ, что самые существенные интересы государства, всѣ соображенія политической мудрости, для предотвращенія столько же безплодныхъ, сколько и кровавыхъ смутъ, для успокоенія умовъ, для благосостоянія цѣлыхъ народонаселеній, для укрѣпленія Россіи,—все должно склонять русское правительство къ единственно-вѣрному рѣшенію такъ-называемаго польскаго вопроса. Но, повидимому, эти изобрѣтатели точно также увѣрены, что какъ всегда, такъ и въ настоящемъ случаѣ, должны быть элементы, которые дѣйствуютъ въ обратномъ смыслѣ, есть разныя недоразумѣнія, есть причины, производящія колебаніе, есть интересы стремящіеся двинуть дѣло на другіе пути. Руководствуясь такими предположеніями, изобрѣтатели пускаютъ въ ходъ извѣстія о мѣрахъ, хотя въ сущности не противорѣчащихъ видамъ русскаго правительства, но еще не принятыхъ и нерѣшенныхъ имъ окончательно, съ тѣмъ чтобы оно, въ виду распространяемыхъ выдумокъ, имѣло поводъ протестовать противъ нихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе или менѣе отрекаться и отъ сущности той политики, которая ему преждевременно или слишкомъ рѣшительно приписывается. Весь разчетъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобы побуждать насъ почаще протестовать противъ мѣръ, которыя могли бы быть внушены Россіи здравою политикой, и которыя ловкими людьми заранѣе съ этою цѣлью разглашаются какъ дѣло рѣшеное. Такими частыми протестаціями, все въ одномъ и томъ же смыслѣ, разчитывается (если только на что-нибудь при этомъ разчитывается) усилить дѣйствіе тѣхъ элементовъ, которые производятъ въ Россіи колебаніе и поддерживаютъ существованіе польскаго вопроса, разчитывается усилить причины, клонящія дѣло въ противную сторону и вносящія въ него недоразумѣнія и смуту. Чѣмъ чаще представляется людямъ поводъ отрекаться отъ образа дѣйствій, на который они еще не совсѣмъ рѣшились, тѣмъ болѣе вѣроятія, что они не рѣшатся. Это фактъ психологическій, который подлежитъ личному наблюденію каждаго; но онъ имѣетъ значеніе и въ дѣлахъ общихъ.

Относительно разрѣшенія польскаго вопроса, Россія не находится, не должна находиться и не можетъ находится въ какой-либо зависимости отъ чужестраннаго мнѣнія или отъ чужестранныхъ правительствъ. Какіе бы слухи не распространялись о ея политикѣ, ей нѣтъ надобности считаться съ ними. Прямой, рѣшительный и неуклонный образъ дѣйствій на пути, который указывается странѣ ея собственнымъ разумѣніемъ, вотъ что̀ можетъ всего дѣйствительнѣе прекратить ложныя извѣстія и во всякомъ случаѣ сдѣлать ихъ безвредными.

Очень можетъ быть, что изобрѣтатели ложныхъ извѣстій разчитываютъ переладить русское общественное мнѣніе, или даже вызвать реакцію противъ него. Чего добраго? Они не замедлятъ явиться съ обвиненіями противъ нѣкоторыхъ органовъ русской печати; они уже сочинили ультра-русскую партію: имъ остается теперь увѣрять всѣхъ и каждаго, что органъ этой ультра-русской партіи, *Московскія Вѣдомости*, своими мнѣніями подаютъ поводъ къ распространенію тревожныхъ слуховъ вовлекающихъ русское правительство въ затрудненія и даже угрожающихъ опасностями европейскому миру. Сообщали же недавно изъ Петербурга въ *Opinion Nationale*, что въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* напечатана статья, гдѣ рекомендуется отнять Галицію у Австріи?

№ 47.

Москва, 2-го марта.

Сципіонъ Эмиліанъ, возвратившись въ Римъ, по разрушеніи Карѳагена, перемѣнилъ обычную формулу молитвы, и молилъ боговъ не о дальнѣйшемъ распространеніи, а только о сохраненіи римскаго владычества. Въ настоящее время, когда Россія окончательно покорила Кавказъ, и тѣмъ открыла себѣ безграничные виды на распространеніе своего владычества въ Передней и Центральной Азіи, и когда, съ другой стороны, такъ еще недавно дѣлались

попытки поколебать и разрушить ея владычество въ ея западныхъ, европейскихъ предѣлахъ, — въ настоящее время, говоримъ мы, для Россіи возникаетъ серіозный вопросъ, что̀ ей выгоднѣе и нужнѣе, утверждать ли свое владычество въ европейскихъ областяхъ своихъ, или безмѣрно распространять свои предѣлы въ Азіи? Окончательное покореніе Кавказа есть событіе чрезвычайной важности, въ чемъ могли убѣдиться читатели нашей газеты изъ *Тифлисскихъ Писемъ* генералъ-майора Фадѣева. Но самая многозначительность этого событія и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ совершившееся распространеніе нашихъ предѣловъ по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ придаютъ чрезвычайную важность вопросу о дальнѣйшемъ направленіи нашей азіятской политики. Соотвѣтствуетъ ли интересамъ Россіи вызывать или ускорять событія въ азіятскихъ предѣлахъ? Не выгоднѣе ли намъ довольствоваться тѣмъ, что покореніе Кавказа обезпечиваетъ наше положеніе на Востокѣ, и что, благодаря тому, при нѣкоторой бдительности съ нашей стороны, наше участіе въ рѣшеніи тамошнихъ дѣлъ не можетъ быть устранено безъ серіознаго боя? Вотъ вопросы, которые представляются сами собой, и какъ ни судить о призваніи Россіи въ Средней Азіи, едва ли съ русской точки зрѣнія не слѣдуетъ опасаться, чтобы разрѣшеніе „всемірнаго“ азіятскаго вопроса не упредило собой рѣшенія другихъ вопросовъ, съ которыми связано для Россіи значеніе великой „европейской“ державы. Едва ли даже спеціяльный вопросъ о судьбѣ Леванта, этотъ такъ-называемый вопросъ восточный, не въ тысячу разъ интереснѣе для насъ чѣмъ вопросъ азіятскій?

Быть-можетъ, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ нѣкоторыя державы былъ бы не прочь возжечь общій пожаръ въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Франція, какъ мы непрерывно читаемъ въ иностранныхъ газетахъ, съ нѣкотораго времени съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣмъ что происходитъ на Востокѣ: въ Греціи и въ Турціи. Она обезпечила себѣ значительное вліяніе въ Константинополѣ, въ Сиріи, въ Египтѣ, въ Тунисѣ, въ Дунайскихъ Княжествахъ, гдѣ князь Куза является какъ бы ея префектомъ; она оказываетъ не малое вліяніе на все христіанское населеніе Турціи черезъ посредство эмиссаровъ революціонной европейской партіи, которая, какъ извѣстно, находится въ услуженіи у властелина Франціи. Приведенныя вчера въ *Послѣдней Почтѣ* извѣстія показываютъ, что весь юго-востокъ Европы объятъ тревогой и съ трепетомъ ожидаетъ грядущихъ событій. Между тѣмъ и съ другой стороны, — какъ кажется, тою же рукой — довольно искусно заготовлена возможность столкновеній и замѣшательствъ. По вопросу о торговомъ договорѣ между двумя мусульманскими имперіями, Турціей и Персіей, готовъ произойдти дипломатическій разрывъ, и Оттоманская Порта уже объявила, что съ 16-го марта персидскіе подданные лишаются права производить торговлю и заниматься промыслами въ предѣлахъ Турецкой имперіи. За этимъ разрывомъ не послѣдуетъ ли и война, а въ этой войнѣ не придется ли Россіи, такъ или иначе, принять участіе? Общее мнѣніе утверждаетъ, что цѣлость Персіи необходима для насъ, и что съ ея распаденіемъ южныя и восточныя области ея немедленно вступили бы въ сферу вліянія Англіи; а Турція въ войнѣ съ Персіей не будетъ ли прямымъ проводникомъ вліянія Англіи или Франціи?

И не одна Франція, повидимому, желала бы завлечь насъ въ различныя предпріятія въ Центральной Азіи: сама Англія — что̀ особенно удивительно и чего никакъ нельзя было бы ожидать отъ нея — рукоплещетъ недавнимъ успѣхамъ нашего оружія въ Центральной Азіи, и устами главныхъ органовъ своей журналистики привѣтствуетъ насъ въ этомъ отдаленномъ и дикомъ краѣ, какъ распространителей европейской цивилизаціи и европейскихъ идей. Этотъ фактъ, подтвержденіе которому читатели могутъ между прочимъ найдти и ниже подъ рубрикой *Англія*, заслуживаетъ особеннаго вниманія по самой неожиданности своей. До сихъ поръ Англія поднимала страшную тревогу при малѣйшемъ успѣхѣ Россіи на отдаленномъ Востокѣ, и видѣла въ каждомъ шагѣ, который мы тамъ дѣлали, непосредственную для себя опасность и даже вызовъ; теперь она какъ бы сама старается завлечь насъ возможно далѣе на этомъ пути. Англійскія газеты выставляютъ, впрочемъ, на видъ, что чѣмъ быстрѣе и чѣмъ далѣе мы пойдемъ на встрѣчу британскому могуществу, тѣмъ встрѣча эта произойдетъ при менѣе благопріятныхъ для насъ условіяхъ, и въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ англій-

скими газетами. За владычество свое въ Остъ-Индіи Англія, очевидно, нисколько теперь не опасается: никакіе успѣхи наши въ Центральной Азіи не могутъ быть для нея страшны. Дѣйствительно, на этотъ счетъ, какъ она, такъ и мы можемъ быть совершенно спокойны: нашимъ арміямъ не придется встрѣтиться между собою ни у подошвы Гиндукуша, ни въ Гималайскихъ ущельяхъ, ни въ равнинахъ Инда или Ганга. Тамъ будетъ построена сѣть желѣзныхъ дорогъ прежде нежели мы соорудимъ необходимѣйшую для насъ кіевскую линію и доберемся до Чернаго моря: это очень хорошо знаютъ Англичане. Англія нисколько не пострадала бы, а напротивъ много бы выиграла, еслибы Центральная Азія поглотила значительную долю вниманія, нравственныхъ и матеріяльныхъ средствъ Россіи, которыми мы и безъ того вовсе не богаты. Не потому ли англійскіе журналы, какъ бы сговорившись между собою, начали теперь разсуждать всѣ въ одномъ духѣ и смыслѣ о нашихъ успѣхахъ въ Средней Азіи? Еще въ концѣ прошлаго года заговорила въ этомъ смыслѣ еженедѣльная газета *Saturday Review*, въ статьѣ, которую мы сообщали въ первомъ нумерѣ нашей газеты за нынѣшній годъ. Англичане хорошо знаютъ нашу слабую струну и умѣютъ играть на ней, но неужели могутъ намъ льстить всѣ эти указанія на наше высшее призваніе въ Азіи, гдѣ намъ дозволяется быть представителями европейскихъ идей и европейской цивилизаціи, которыя, какъ извѣстно, едва ли гдѣ на мѣстѣ такъ плохо принимаются какъ въ одичавшихъ государствахъ Центральной Азіи? Въ этомъ направленіи — поучаютъ насъ—должны мы проводить свои желѣзныя дороги; наши морскія силы мы должны развивать на Каспійскомъ и Аральскомъ моряхъ, здѣсь распространять торговлю, увеличивая матеріяльное благосостояніе этихъ странъ,—и пуще всего—разносить европейскія идеи. *Saturday Review* на этихъ условіяхъ охотно готова отдать намъ во владѣніе теченіе не только Сыръ-Дарьи, но и Аму-Дарьи. Но, *mutatis mutandis*, не то же ли это самое, что идеалы тѣхъ друзей русскаго имени, которые старались увѣрить насъ что мы вовсе не Европейцы, а Туранцы, и что туда—въ Туркестанъ—должны мы перенести всю свою дѣятельность, что тамъ естественное поприще дальнѣйшей нашей исторіи?

Еслибы наши силы и средства пошли на распространеніе европейской цивилизаціи и нашего владычества въ Средней Азіи, еслибы въ этихъ отдаленныхъ и пустынныхъ странахъ мы искуственно создали себѣ множество разнообразныхъ интересовъ, что̀ очень возможно, то нѣтъ сомнѣнія, что это послужило бы не къ усиленію , а къ существенному ослабленію Россіи, потому что ослабило бы и безъ того не довольно сильныя дѣйствія ея на ея исторической, древней, европейской территоріи. Здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, которыя были колыбелью Русскаго народа, Россіи еще предстоитъ обширная и неутомимая дѣятельность, и всѣ дѣятели, которыхъ только можетъ она найдти въ средѣ своихъ сыновъ, должны быть направлены въ эту сторону. Въ матеріяльномъ, нравственномъ, соціяльномъ и политическомъ отношеніи западныя окраины Россіи должны быть тѣсно соединены съ ея центральными областями, и составитъ съ ними неразрывное цѣлое, прежде чѣмъ Россія можетъ приступить къ совершенію какихъ-либо задачъ, предстоящихъ ей въ Азіи или гдѣ бы то ни было. Все то, что̀ было бы теперь совершено для возвеличенія Россіи въ Азіи, послужило бы къ ея ослабленію въ Европѣ, а стало-быть и вездѣ. Характеръ великой державы обезпечивается за Россіей исключительно крѣпкимъ и безспорнымъ обладаніемъ ея нынѣшними западными окраинами, которыми она непосредственно соприкасается съ западною Европой, а также положеніемъ на Черномъ морѣ. Вотъ за что мы должны держаться всѣми нашими силами, если не хотимъ отказаться отъ нашей исторіи, совершавшейся, какъ извѣстно, не въ Азіи, а въ Европѣ.

Въ нашей литературѣ теперь часто идетъ рѣчь о Средней Азіи и объ успѣхахъ ожидающихъ тамъ Россію. Мы сами охотно печатаемъ статьи касающіяся этихъ вопросовъ, чему доказательствомъ можетъ служить этотъ самый листъ нашей газеты, гдѣ помѣщено письмо г. Залѣсова изъ Оренбурга, которое всѣ наши читатели, конечно, прочтутъ съ интересомъ. Очень можетъ быть, что распространеніе русскаго вліянія въ Средней Азіи—дѣло неизбѣжное, но есть тысяча способовъ пользоваться своимъ вліяніемъ, и именно теперь, кажется намъ, настало время разъяснить вопросъ о томъ, какой изъ возможныхъ способовъ вліянія

наиболѣе выгоденъ для насъ по отношенію къ странамъ Аральскаго бассейна.

№ 48.

Москва, 3-го марта.

Извѣщая о результатѣ выбора гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія Самарской губерніи, петербургскіе корреспонденты нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ поспѣшили сообщить европейской публикѣ, пріятную новость, что на этихъ выборахъ дворянство потерпѣло пораженіе. Они не обратили вниманія на то, что въ Самарской губерніи есть цѣлые уѣзды, какъ напримѣръ Николаевскій и Новоузенскій, гдѣ почти нѣтъ помѣщиковъ, и гдѣ слѣдовательно избраніе крестьянъ въ гласные никакъ не можетъ считаться за пораженіе дворянства или за признакъ недовѣрія къ нему другихъ сословій. Сообщаемые ниже, въ корреспонденціи изъ Самары, результаты выборовъ въ уѣздныя земскія управы, а также въ губернское земское собраніе показываютъ, что даже и въ Самарской губерніи земство сочло нужнымъ вручить свое дѣло преимущественно дворянамъ. Въ уѣздныя управы избрано 12 дворянъ, 2 чиновника, 3 купца, 1 колонистъ и 9 крестьянъ, и притомъ предсѣдателями управъ во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Новоузенскаго, избраны дворяне, люди, какъ мы знаемъ изъ вѣрныхъ свѣдѣній, достойные и дающіе право надѣяться, что подъ ихъ руководствомъ земское дѣло пойдетъ успѣшно. Въ губернское собраніе избрано: 35 дворянъ, 4 чиновника, 4 священника, 7 купцовъ, 2 колониста и 16 крестьянъ, слѣдовательно большинство осталось за дворянами, несмотря на то что въ уѣздныхъ собраніяхъ дворяне были въ значительномъ меньшинствѣ (изъ 401 гласнаго, дворянъ было только 103 человѣка). Не ясно ли, что извѣщеніе о пораженіи дворянства въ Самарской губерніи было послано въ иностранныя газеты слишкомъ поспѣшно?

Интересно сличить сословный составъ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ по уѣздамъ *). Отъ Самарскаго уѣзда избрано:

	дворян.	чиновников.	духовных.	купцов.	разн. сословій.	крестьян.	мѣщан.	колонистов.
въ уѣздн. гласн. . . .	17	2	7	6	3	23	—	1
въ губернскіе	3	1	—	2	—	4	—	—
Отъ Бугурусланскаго:								
въ уѣздн. гласн. . . .	23	—	4	4	6	44	1	—
въ губернскіе	10	—	1	1	—	2	—	—
Отъ Бузулукскаго:								
въ уѣздн. гласн. . . .	20	1	6	2	5	46	—	—
въ губернскіе	7	—	1	2	—	3	—	—
Отъ Ставропольскаго:								
въ уѣздн. гласн. . . .	19	1	9	1	—	26	1	—
въ губернскіе	7	—	1	—	—	2	—	—
Отъ Бугульминскаго:								
въ уѣздн. гласн. . . .	21	—	—	3	—	21	—	—
въ губернскіе	5	—	—	1	—	2	—	—
Отъ Николаевскаго:								
въ уѣздн. гласн. . . .	3	1	3	1	5	38	2	3
въ губернскіе	3	2	1	—	—	2	—	1
Отъ Новоузенскаго:								
въ уѣздн. гласн. . . .	—	1	3	3	—	10	—	5
въ губернскіе	—	1	—	1	—	1	—	1

Эти цифры показываютъ, что изъ 103 уѣздныхъ гласныхъ дворянъ въ губернскіе гласные выбрано 35, изъ 25 чиновниковъ и лицъ разныхъ сословій—4, изъ 32 духовныхъ—4, изъ 20 купцовъ — 7, изъ 4 мѣщанъ ни одного, изъ 9 колонистовъ—2, изъ 208 крестьянъ — 16, что даетъ процентное отношеніе, въ которомъ сословія распредѣляются такъ:

Изъ ста купцовъ выбрано	35 %
„ „ дворянъ „	34 %
„ „ колонистовъ „	22,2%
„ „ чиновниковъ и лицъ разныхъ сословій	16 %
„ „ духовныхъ выбрано	12,5%
„ „ крестьянъ „	7,2%

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ купцы, но это легко объясняется тѣмъ, что купцовъ было въ уѣздныхъ собраніяхъ очень мало, всего 20 человѣкъ, и что уѣздныя собранія желали дать имъ возможное большее участіе въ собраніи губернскомъ. За тѣмъ сословіемъ первенствующимъ является дворянство. Слишкомъ одна треть изъ всѣхъ дворянъ бывшихъ въ уѣздныхъ собраніяхъ избраны въ число губернскихъ гласныхъ. Это и въ порядкѣ вещей, потому что дворянамъ удобнѣе ѣхать въ гу-

*) Показанія о губернскихъ гласныхъ мы беремъ изъ нашей корреспонденціи, а объ уѣздныхъ изъ *Сѣверной Почты* (№ 35), откуда заимствована и неопредѣленная графа: *разныхъ сословій*, въ которую, какъ видно по Николаевскому уѣзду, вошло нѣсколько чиновниковъ.

бернскій городъ чѣмъ лицамъ другихъ сословій, за исключеніемъ сословія купеческаго. Въ предпочтеніи, оказанномъ дворянству при выборѣ губернскихъ гласныхъ нельзя видѣть ничего особеннаго, но по крайней мѣрѣ тутъ нельзя видѣть ничего похожаго и на пораженіе дворянства. Напротивъ, самарскіе выборы представляютъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о довѣріи къ дворянству. Для Самарскаго уѣзда напримѣръ не имѣетъ силы указанное сейчасъ побужденіе выбирать въ гласные преимущественно дворянъ: близость къ губернскому городу даетъ возможность и лицамъ крестьянскаго сословія принять участіе въ губернскомъ собраніи. Вслѣдствіе того отъ Самарскаго уѣзда выбрано въ губернскіе гласные 4 крестьянина и только 3 дворянина. Въ этомъ можно было бы дѣйствительно видѣть нѣчто въ родѣ пораженія, но выборы въ уѣздную управу опровергаютъ подобное предположеніе: несмотря на то что членамъ управы назначено жалованье, которое должно быть очень приманчиво для крестьянъ, и не смотря на то что изъ 59 уѣздныхъ гласныхъ было только 17 дворянъ, въ уѣздную управу избраны 3 дворянина и только 1 крестьянинъ,—притомъ, какъ намъ сообщаютъ, человѣкъ очень дѣльный. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ сказано, дворянъ почти нѣтъ, было только 3 человѣка уѣздныхъ гласныхъ изъ дворянъ, и всѣ они избраны въ губернскіе гласные. Не говоритъ ли это скорѣе о довѣріи къ дворянамъ чѣмъ объ ихъ пораженіи?

Есть однакоже въ самарскихъ земскихъ выборахъ одно обстоятельство, требующее разъясненія. Выборы въ уѣздные гласные производятся, какъ извѣстно, въ трехъ съѣздахъ: въ съѣздѣ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, въ съѣздѣ горожанъ всѣхъ сословій и въ съѣздѣ выборщиковъ отъ сельскихъ обществъ. Первые два съѣзда не имѣютъ сословнаго характера, и согласно съ этимъ мы видимъ, что они избрали въ гласные лицъ разныхъ сословій. Такъ напримѣръ землевладѣльцы избрали 100 гласныхъ изъ дворянъ, 32 гласныхъ изъ духовенства, 34 гласныхъ изъ крестьянъ. Если взять всѣ уѣзды вмѣстѣ, то большинствомъ шаровъ располагали несомнѣнно дворяне, но они этимъ большинствомъ не воспользовались и по доброй волѣ выбирали крестьянъ: этимъ они показали, что свободны отъ сословной исключительности. Сельскія общества поступили иначе: имъ слѣдовало избрать всего 183 гласныхъ, и ни въ одномъ изъ уѣздовъ Самарской губерніи они не выбрали въ гласные никого кромѣ крестьянъ и колонистовъ. Въ этомъ образѣ дѣйствій нельзя видѣть непріязнь къ дворянству: крестьяне обошли не однихъ дворянъ, они обошли и духовенство и землевладѣльческое купечество. Тутъ просто сказалась сословная организація съѣзда, которая не могла не отразиться на его дѣйствіяхъ и должна была придать его выборамъ характеръ сословной исключительности. Во всякомъ случаѣ это фактъ, заслуживающій серіознаго вниманія, тѣмъ болѣе что онъ повторился отчасти и въ Пензенской губерніи, гдѣ сельскія общины, въ число своихъ 163 гласныхъ, выбрали только 3 дворянъ, 5 духовныхъ, а всѣхъ остальныхъ, то-есть 155 человѣкъ, крестьянъ. О томъ же самомъ извѣщаютъ изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Костромской губерніи. Не указываетъ ли это на неудобство, заключающееся въ сопоставленіи сословнаго съѣзда отъ сельскихъ общинъ съ двумя съѣздами, освобожденными отъ сословнаго характера?

Позволимъ себѣ припомнить читателямъ корреспонденцію изъ Острова, помѣщенную въ № 44 нашей газеты. Въ этой корреспонденціи описываются выборы на съѣздѣ землевладѣльцевъ Островскаго уѣзда. Огромное большинство было тутъ на сторонѣ дворянъ. Въ ихъ рукахъ было 40 шаровъ изъ 63. Тѣмъ не менѣе они выбрали въ гласные только 12 дворянъ. На съѣздѣ было 2 купца, и оба они избраны; кромѣ того избраны 2 крестьянина. Островскіе дворяне поступили какъ нельзя лучше относительно купцовъ и крестьянъ, и можно только пожалѣть, что они не выбрали никого изъ 5 духовныхъ бывшихъ на съѣздѣ. Но еслибъ они выбрали и духовныхъ, то число дворянскихъ гласныхъ еще болѣе уменьшилось бы. Мы не имѣемъ еще свѣдѣній о томъ чѣмъ кончились въ Островскомъ уѣздѣ выборы гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Предположимъ однако, что эти послѣдніе выборы отличились такимъ же сословнымъ характеромъ какъ въ Самарской губерніи. Въ такомъ случаѣ большинство въ уѣздномъ собраніи легко могло бы достаться на долю крестьянскаго сословія, и достаться только потому что дворяне не хотѣли дѣйство-

вать въ сословномъ духѣ. Можно ли признать нормальнымъ такое положеніе дѣла? Мы привели выше убѣдительныя, по нашему мнѣнію, доказательства того, что даже въ Самарской губерніи ходъ земскаго дѣла нисколько не обнаруживаетъ недовѣрія крестьянъ къ дворянамъ. Недовѣріемъ стало-быть нельзя объяснять ту сословную исключительность, которая оказалась при выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ Самарской, а отчасти и Пензенской и Костромской губерній. Причина заключается въ сословной организаціи съѣзда отъ сельскихъ обществъ. Считать ли ее за нѣчто неизбѣжное? Мы рѣшительно не думаемъ этого, какъ и заявляли два года тому назадъ, когда обсуждался вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Другой выводъ, который съ поразительною очевидностью оказывается изъ наблюденія земскихъ выборовъ, состоитъ въ томъ, что крупное землевладѣніе вовсе не будетъ и даже не можетъ быть представлено въ земскихъ собраніяхъ. Имущества принадлежащія крупнымъ землевладѣльцамъ приняты, правда, въ разчетъ при законодательномъ опредѣленіи числа гласныхъ, назначенныхъ отъ землевладѣльцевъ каждаго уѣзда. Но кѣмъ выбираются эти гласные? Землевладѣльческій съѣздъ состоитъ изъ имѣющихъ право личнаго участія въ выборѣ гласныхъ и изъ уполномоченныхъ. О послѣднихъ тутъ нечего и говорить: они выбираются изъ самыхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ разныхъ сословій и преимущественно крестьянскаго. Но и личное право участія въ выборѣ гласныхъ условливается такимъ низкимъ цензомъ, что крупное землевладѣніе фактически остается безъ всякаго голоса. Въ уѣздѣ, гдѣ помѣщичьихъ имѣній много и гдѣ между ними есть два, три имѣнія крупныя, землевладѣльческій съѣздъ очень можетъ состоять изо ста человѣкъ. Два, три крупные землевладѣльца совершенно исчезнутъ между ними, и вслѣдствіе того можетъ произойдти слѣдующая несообразность: такъ какъ число уѣздныхъ гласныхъ опредѣлено соразмѣрно съ общею цифрой личнаго землевладѣнія въ уѣздѣ, то землевладѣльскій съѣздъ можетъ быть именно этимъ двумъ, тремъ крупнымъ землевладѣльцамъ обязанъ своимъ правомъ выбирать значительное число гласныхъ, и между тѣмъ онъ имѣетъ полную возможность обойдти ихъ при выборѣ въ гласные. Но если онъ и не обойдетъ ихъ, то они будутъ выбраны какъ представители большинства бывшаго на съѣздѣ, а не какъ представители крупнаго землевладѣнія; чтобы сохранить довѣріе своихъ избирателей, они должны будутъ дѣйствовать въ интересахъ избравшаго ихъ большинства, а не въ интересахъ крупнаго землевладѣнія, котораго они сами по себѣ должны были бы служить естественными представителями. Такимъ образомъ на практикѣ крупное землевладѣніе должно оказаться совершенно безгласнымъ въ земскихъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ уѣзда и губерніи. Можно ли отрицать, что это обстоятельство имѣетъ огромную важность, и что въ виду этого обстоятельства крупное землевладѣніе имѣетъ самое полное право на справедливое вниманіе законодательства? Не требуетъ ли въ самомъ дѣлѣ справедливость, чтобы въ собраніи, гдѣ всѣ интересы уѣзда широко представлены, былъ представленъ и интересъ крупнаго землевладѣнія? Тутъ рѣчь идетъ не о преобладаніи, а о томъ, чтобы тѣ немногіе, тѣ три, четыре крупные землевладѣльца, которые окажутся въ томъ или другомъ уѣздѣ, получили право самостоятельнаго голоса въ уѣздномъ собраніи, считающемъ иногда 50, 60 и даже 80 голосовъ. Дѣло это такъ важно, что мы позволяемъ себѣ формулировать свое мнѣніе и предложить вопросъ: не оказалась ли бы возможность, въ виду опредѣлившагося теперь характера земскихъ уѣздныхъ собраній, предоставить въ нихъ право личнаго голоса тѣмъ землевладѣльцамъ, цензъ которыхъ значительно (напримѣръ впятеро) выше ценза назначеннаго для личнаго участія въ выборѣ гласныхъ? Эти личные гласные могли бы присоединиться къ неизмѣненному теперешнему составу уѣздныхъ собраній. Усиливъ собой землевладѣльческій элементъ въ этихъ собраніяхъ, они дали бы дворянамъ возможность держаться въ земскомъ дѣлѣ образа дѣйствій, свободнаго отъ сословнаго духа. Для блага земства, для согласія сельскихъ сословій, дворяне должны имѣть эту возможность. Они должны имѣть возможность идти на встрѣчу крестьянамъ и выбирать крестьянъ-землевладѣльцевъ въ уѣздные гласные, подавая земскимъ сословіямъ примѣръ свободы отъ сословной исключительности. Можно надѣяться, что дворяне такъ и будутъ дѣйствовать въ большей части гу-

берній, но при теперешнемъ порядкѣ это можетъ повести во многихъ уѣздныхъ собраніяхъ къ тому что большинство достанется въ руки крестьянъ, а это несомнѣнно испортило бы земскія собранія. Желая сближенія сельскихъ сословій и вполнѣ сознавая всю его важность, нельзя однакоже забывать и о томъ, что при нашей сословной организаціи слово „крестьянинъ“ равносильно слову „необразованный человѣкъ,“ а также слову „зависимый человѣкъ.“ Можно отдавать полную справедливость добрымъ качествамъ русскаго крестьянина, но это не препятствуетъ знать, что по русскимъ законамъ крестьянинъ, получившій образованіе, перестаетъ быть крестьяниномъ.

№ 49.

Москва, 4-го марта.

Сегодняшняя телеграмма изъ Берлина заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Изъ нея явствуетъ, что Пруссія нисколько не понижаетъ своего тона по дѣлу о Герцогствахъ. Австрійская депеша отъ 6-го марта не произвела никакого дѣйствія. Прусское правительство намѣрено продолжать свою политику, нисколько не стѣсняясь высказанными въ этой депешѣ возраженіями, весьма впрочемъ слабыми, какъ можно заключать изъ показаній нѣмецкихъ газетъ. Депеша эта написана въ очень дружественномъ тонѣ, соотвѣтствующемъ нынѣшнимъ, по крайней мѣрѣ, наружно дружественнымъ отношеніямъ между Берлинскимъ и Вѣнскимъ кабинетами. Австрія не повторяетъ своего прежняго требованія, чтобы временно принцъ Августенбургскій вступилъ во владѣніе Герцогствами, и согласна на то, чтобы предварительно были опредѣлены будущія отношенія Герцогствъ къ Пруссіи. Такимъ образомъ, Австрія и тутъ сдѣлала уже шагъ назадъ. Но она объявляетъ, что прусскія требованія, взятыя въ сложности, не совмѣстимы съ интересами какъ Австріи, такъ и всего Германскаго Союза, хотя нѣкоторыя изъ этихъ требованій въ отдѣльности Австрія признаетъ отчасти соотвѣтствующими, а отчасти не противорѣчащими общимъ интересамъ Германіи, и изъявляетъ готовность вести дальнѣйшіе переговоры объ этихъ требованіяхъ, выговаривая, впрочемъ, Германскому Союзу право участвовать въ окончательномъ дѣшеніи относящихся сюда вопросовъ. Съ особенною силой указано на то, что права Австріи въ Герцогствахъ совершенно равносильны правамъ Пруссіи.

По всему видно, что Австрія особенно озабочена только тѣмъ, чтобы не предоставить Пруссіи какихъ-либо выгодъ, не выговоривъ себѣ напередъ соотвѣтствующаго возмездія. Независимыя газеты въ Вѣнѣ считаютъ дѣло заранѣе проиграннымъ какъ для Германіи, такъ даже и для самой Австріи; но полуофиціяльные вѣнскіе газеты и корреспонденты стараются увѣрить, что Австрія думаетъ серіозно воспротивиться видамъ Пруссіи, противопоставивъ ей, съ одной стороны, меньшія государства Германіи, а съ другой—болѣе энергическій образъ дѣйствій своего коммиссара въ Герцогствахъ. Въ этихъ видахъ какъ кажется, вѣнскіе корреспонденты проповѣдываютъ теперь снова реформу Германскаго Союза. „Если меньшія государства, пишетъ вѣнскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung*, дѣйствительно желаютъ дать Австріи возможность принудить Пруссію къ признанію самостоятельности Герцогствъ, то они должны создать единое народное представительство для всей Германіи. Австрія, прибавляетъ онъ, не только готова содѣйствовать этому плану, но она гордится тѣмъ, что первая подала о томъ мысль нѣмецкому народу. Безъ помощи обще-германскаго народнаго представительства, нѣтъ возможности исторгнуть Герцогства изъ рукъ Пруссіи, не прибѣгая къ войнѣ.“

Дальнѣйшія событія покажутъ, дѣйствительно ли Австрія, въ видахъ противодѣйствія Пруссіи и упроченія своего положенія въ Германіи, намѣрена вновь выступить съ проектомъ реформы Германскаго Союза. Теперь же мы знаемъ только то, что Австрія старается воздержать меньшія государства Германіи отъ всякаго рода предложеній и запросовъ на сеймѣ, намѣреваясь, повидимому, истощить всѣ средства дружественныхъ убѣжденій, чтобъ отклонить Пруссію отъ ея резмѣрныхъ требованій.

Послѣдствія датской войны попрежнему остаются еще главнымъ узломъ европейской политики. Особенный интересъ заключается въ положеніи Пруссіи: въ чемъ почерпаетъ ея правительство ту отвагу, рѣшимость и самоувѣренность, съ которыми оно настаиваетъ на своихъ притязаніяхъ? Пруссіи удалось, какъ нельзя лучше, воспользоваться обстоятельствами 1863 года,

для того чтобы начать и успѣшно окончить войну противъ Даніи. Обстоятельства эти извѣстны. Не будь такъ-называемаго польскаго вопроса, никакъ не могло бы послѣдовать это столь невыгодное намъ и столь важное по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ, насильственное разрѣшеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса. Но по окончаніи войны, раздробившей Данію, въ самой Германіи возникли элементы несогласія, которыя могли уменьшить для Пруссіи цѣну пріобрѣтенныхъ результатовъ. Обнаружился антагонизмъ между Пруссіей и Австріей; зашевелились второстепенныя государства Германіи, встревоженныя захватами прусской политики. Интересы другихъ великихъ державъ Европы, въ свою очередь, отнюдь не благопріятствуютъ властолюбивымъ видамъ Пруссіи. Ни Англіи, ни Франціи, ни тѣмъ менѣе Россіи, не можетъ быть выгодно поглощеніе Герцогствъ Пруссіей. Но несмотря на то, ея политика, повидимому, торжествуетъ; она ни въ чемъ не отступаетъ отъ своихъ притязаній, и продолжаетъ настойчиво дѣйствовать для достиженія своихъ цѣлей. Какъ въ 1863 году, такъ и теперь, Пруссія пользуется обстоятельствами. Она знаетъ, что опасности окружающія Австрію и нѣдрящіяся въ ней не только парализируютъ ее, но и ставятъ ее въ нѣкоторую зависимость отъ соглашенія съ Пруссіей. Она знаетъ также что Франція, несмотря на всю свою готовность дѣятельно вступиться въ шлезвигъ-гольштейнское дѣло, удерживается отъ вмѣшательства, опасаясь своего изолированнаго положенія, и что Англія, въ свою очередь, не можетъ попустить войну, которая могла бы угрожать равновѣсію Европы. Въ такъ называемой *Желтой Книгѣ*, между прочимъ, сообщена депеша г. Друэнъ-де-Люиса, отъ 10-го іюня 1864 года, къ князю Латуръ-д'Оверню по поводу ультиматума предложеннаго Англіей обѣимъ германскимъ державамъ. Въ этой депешѣ высказано, что если Англія думаетъ ограничиться демонстраціей на морѣ и надѣется достигнуть цѣли только угрозами, то Франція, въ виду сильно возбужденнаго національнаго чувства въ Германіи, не полагается на однѣ угрозы, и послѣ прискорбнаго для нея исхода общихъ усилій по польскому вопросу полагаетъ, что слова, за которыми послѣдуютъ не дѣйствія, а пустыя демонстраціи, могутъ быть только пагубны для ея достоинства. Впрочемъ, Франція въ этой же депешѣ высказала готовность вести войну и на морѣ, и на сушѣ, лишь бы только Англія обѣщала ей рѣшительную поддержку и поставила ея правительство въ возможность удовлетворительно отвѣчать палатамъ на вопросъ о томъ, какія выгоды принесетъ Франціи пролитіе французской крови. Достаточно было этого послѣдняго запроса, чтобъ Англія отказалась отъ всякаго дальнѣйшаго противодѣйствія германскимъ державамъ, и чтобъ онѣ получили возможность ограбить беззащитную Данію. Тѣмъ не менѣе, въ такъ-называемой *Синей Книгѣ*, которая содержитъ въ себѣ изложеніе общаго состоянія Французской имперіи, французское правительство высказываетъ сожалѣніе, что датско-германская распря окончилась такимъ неблагопріятнымъ для Даніи образомъ. „Населеніе Герцогствъ, говоритъ далѣе *Синяя Книга*:

„— не было спрошено о собственной своей судьбѣ. Скандинавская часть Шлезвига не была оставлена за Даніей, съ которою она связана неоспоримымъ единствомъ нравовъ, происхожденія и языка, и такимъ образомъ, Германія сама поставила себя въ то фальшивое положеніе, которымъ она такъ долго укоряла Копенгагенскій кабинетъ. Это положеніе дѣлъ уже породило въ Герцогствахъ затрудненія, которыя обнаружились также и въ Германскомъ Союзѣ. Обитатели датской части Шлезвига протестуютъ противъ присоединенія ихъ къ Германіи; вопросъ о престолонаслѣдіи еще ожидаетъ разрѣшенія и порождаетъ прискорбные споры между различными нѣмецкими кабинетами. Правительство императора, которое воздерживалось отъ вмѣшательства въ несогласія нѣмецкихъ государствъ, съ удовольствіемъ указываетъ на то, что эти государства отдаютъ справедливость его добросовѣстности. Но такъ какъ оно вполнѣ разумѣетъ условія равновѣсія въ сѣверной Европѣ, и важность настоящихъ событій, то оно питаетъ искреннѣйшія желанія, чтобы дѣло о Герцогствахъ было вскорѣ рѣшено окончательно, не нарушивъ европейскихъ интересовъ и не произведя замѣшательства въ общемъ положеніи. “

Такимъ образомъ, Франція, отказавшись, повидимому, отъ надежды воспользоваться шлезвигъ-гольштейнскимъ вопросомъ для завладѣнія берегомъ Рейна, желала бы по крайней мѣрѣ, доставить торжество прин-

ципу національностей въ сѣверной Европѣ, и склонить Пруссію къ признанію этого принципа, что могло бы имѣть не совсѣмъ благопріятныя послѣдствія для внутренняго строя Австрійской имперіи. Замѣчательно, что теперь, когда Пруссія выставила свои требованія, въ томъ предположеніи, что Шлезвигъ-Гольштейнъ будетъ независимымъ государствомъ, официозныя французскія газеты, и во главѣ ихъ *Constitutionnel*, непрочь высказаться въ пользу прямаго присоединенія Герцогствъ къ Пруссіи, но только подъ условіемъ, чтобы сѣверная часть Шлезвига была возвращена Даніи и чтобы начало національностей, которое послужило исходнымъ пунктомъ для шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, было признано и при окончательномъ его рѣшеніи. Также въ пользу принципа національностей написано и послѣднее политическое обозрѣніе *Revue Contemporaine*,—которое, какъ извѣстно, составляется по внушеніямъ правительства,—съ тою разницей, что эта статья благосклонна къ принцу Августенбургскому, и напротивъ, недоброжелательна къ г. фонъ-Бисмарку. „Жители Герцогствъ, говоритъ *Revue Contemporaine*, жестоко изнурены переходнымъ положеніемъ, которое истощаетъ и губитъ ихъ страну. Среднія и малыя государства Германіи съ нетерпѣніемъ ждутъ окончательнаго рѣшенія вопроса, который въ высшей степени интересуетъ ихъ, и если король Вильгельмъ не подчинится вскорѣ единодушнымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія, то населенія, съ которыми уже столько мѣсяцевъ играетъ его министръ, безъ сомнѣнія, найдутъ себѣ могущественнаго покровителя. Языкъ, которымъ говоритъ Франція (въ *Синей Книгѣ*), исполненъ глубокаго значенія, и мы желаемъ въ интересахъ общеевропейскаго мира и самой Пруссіи, чтобъ этотъ языкъ былъ понятъ въ Берлинѣ.“ Расторженіе прусско-австрійскаго союза и практическое признаніе принципа національностей, то-есть, призваніе самого населенія Герцогствъ къ подачѣ голоса объ окончательной судьбѣ ихъ,—вотъ наименьшая цѣна, за которую Франція можетъ дать Пруссіи свое согласіе на присоединеніе къ ней Герцогствъ.

Итакъ, Франція, сколько позволяютъ ей обстоятельства, дѣйствуетъ въ интересахъ своей политики, для того чтобъ образовавшееся въ Германіи положеніе дѣлъ обратить по возможности въ свою пользу. Съ этою цѣлію Франція, какъ видимъ, поднимаетъ вопросъ о національностяхъ, и тѣмъ возбуждаетъ движеніе въ Шлезвигѣ, съ которымъ прусское правительство должно считаться. Съ другой стороны, Франція употребляетъ всѣ стедства своей политики, для того чтобы не допустить интересы, раздѣляющіе Германію, до взаимнаго соглашенія. Она старается разобщить обѣ великія германскія державы: она поддерживаетъ, съ своей точки зрѣнія, отдѣльные интересы второстепенныхъ и мелкихъ государствъ Германіи; она не прочь возбудить въ Германіи и вопросъ о реформѣ Германскаго Союза.

При такихъ обстоятельствахъ, положеніе Пруссіи было бы гораздо затруднительнѣе, и она не могла бы дѣйствовать съ такою рѣшимостью, еслибы не имѣла, повидимому, увѣренности, что политика другой сосѣдней съ нею великой державы будетъ благорасположеннѣе къ ея видамъ. Положеніе Россіи, по отношенію къ вопросамъ волнующимъ теперь Германію, имѣетъ особенную важность. Ея интересы не менѣе, если еще не болѣе чѣмъ интересы Франціи, замѣшаны въ этихъ дѣлахъ. Ей также не выгодно усиленіе Пруссіи и ея возрастающее преобладаніе въ Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ интересахъ Россіи было бы поддерживать Австрію въ Германіи и подкрѣплять ея сопротивленіе притязаніямъ Пруссіи. Газета, издающаяся въ Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ, и потому, вѣроятно, считающая своею обязанностію поддерживать въ Россіи нѣмецкіе интересы, *St.-Petersburger-Zeitung*, недавно упрекавшая *Русскій Инвалидъ* за то что онъ осмѣлился поравнять русскую гвардію съ прусской, упрекаетъ насъ за то что мы высказываемся противъ прусскихъ захватовъ, и напоминаемъ объ интересахъ Россіи замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ какъ Россія обнажать свой мечъ въ этомъ дѣлѣ не намѣрена, то ей, по мнѣнію вышеозначенной газеты, остается только пребывать на все заранѣе согласною зрительницей событій. Но Россія, съ позволенія петербургской нѣмецкой газеты, все еще имѣетъ притязаніе считать себя великою державой, и въ качествѣ великой державы, она вовсе не обязана безпрерывно браться за свой мечъ, для того чтобы подкрѣплять свое слово или поддерживать свое положеніе. Лишь бы только великая держава сознавала съ полною энергіей и ясностью свои ин-

тересы, и твердо держалась того пути, который они указываютъ ей, она можетъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ дѣйствовать и не грозя непосредственно войною. Самое молчаніе ея можетъ быть краснорѣчиво. Нравственная поддержка со стороны великой державы, ясно сознающей свои интересы и находящейся въ полномъ обладаніи своими силами, не можетъ быть лишена значенія и, конечно, Австрія въ своихъ германскихъ затрудненіяхъ не пренебрегла бы этою поддержкой, лишь бы только она предлагалась ей серіозно, а главное, съ полнымъ сознаніемъ собственныхъ интересовъ. Россія не имѣетъ надобности предупреждать другія державы дѣятельнымъ вмѣшательствомъ въ германскія дѣла; но ей точно также нѣтъ нималѣйшей надобности заранѣе убѣждать всѣхъ и каждаго, что никакія дальнѣйшія событія отнюдь не могутъ вызвать ея дѣятельнаго вмѣшательства. Если Россія не можетъ налагать на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ Австріи, то она точно также не имѣетъ надобности успокоивать Пруссію видами на свое совершенное безучастіе, а тѣмъ менѣе благопріятствовать ея замысламъ. Мы не думаемъ, чтобы въ настоящую пору „сердечное согласіе“ съ Пруссіей соотвѣтствовало интересамъ Россіи; мы позволяемъ себѣ, напротивъ, думать, что согласіе со стороны Россіи на присоединеніе Герцогствъ къ Пруссіи оказалось бы впослѣдствіи дѣломъ еще менѣе благодарнымъ чѣмъ та нравственная поддержка, которую она поспѣшила дать Франціи по случаю присоединенія Савоіи и Ницды, и которая, оставаясь нравственною, была однакожъ небездѣйственна.

№ 50.

Москва, 5-го марта.

Изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, гдѣ уже были выборы гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія, доходятъ до насъ сѣтованія на то, что результатъ выборовъ иногда зависѣлъ отъ случая. Иные достойные люди не попали въ гласные, потому что получили нѣсколькими избирательными шарами меньше чѣмъ другіе, баллотировавшіяся передъ ними, когда избиратели въ виду значительнаго комплекта гласныхъ, которыхъ имъ предстояло избрать, не скупились еще класть направо. Вообще, кто баллотировался прежде другихъ, имѣлъ болѣе шансовъ получить значительное большинство, чѣмъ тотъ кому приходилось баллотироваться подъ конецъ выборовъ. Избирательные и неизбирательные шары клались полосами: за полосой щедрости на избирательные шары наступала вдругъ такая полоса, когда избиратели становились скупы, дабы приберечь избирательные шары для лицъ, которымъ приходилось баллотироваться подъ конецъ, вслѣдствіе того что ихъ имена стояли въ концѣ списка. Списки составляются, сколько можно видѣть изъ доходящихъ къ намъ свѣдѣній, по большей части въ алфавитномъ порядкѣ, и притомъ нерѣдко съ раздѣленіемъ на сословія. Въ землевладѣльческихъ съѣздахъ сперва баллотируютъ дворянъ, потомъ духовныхъ, затѣмъ купцовъ и т. д. До крестьянъ дѣло доходитъ подъ самый конецъ выборовъ. Вслѣдствіе того, тѣ изъ крестьянъ, которые участвуютъ въ землевладѣльческихъ съѣздахъ, не рѣдко начинаютъ въ серединѣ выборовъ класть всѣмъ баллотируемымъ неизбирательные шары; они опасаются, что никто изъ нихъ не попадетъ въ гласные. Такимъ образомъ вносится въ выборы сословный элементъ, который по мысли законодательства не долженъ имѣть мѣста на землевладѣльческихъ и городскихъ съѣздахъ. Для устраненія этого неудобства, въ иныхъ уѣздахъ составляются общіе алфавитные списки всѣхъ лицъ подлежащихъ баллотировкѣ, безъ различія сословій. Это оказывается полезнымъ въ томъ отношеніи, что выборы освобождаются отъ вліянія сословности, но даетъ еще больше значенія алфавиту, что очевидно можетъ только вредить результату выборовъ, ставя его въ зависимость не отъ разумной воли избирателей, а отъ обстоятельства совершенно случайнаго,—отъ того съ какой буквы чья фамилія начинается.

Въ какомъ же порядкѣ было бы всего раціональнѣе составлять списокъ лицъ, подлежащихъ избранію? Для уравненія лицъ, стоящихъ вверху и внизу алфавита, можно было бы предложить расположеніе именъ по жребію, но это значило бы замѣнить одну случайность другою. Тогда буква А не имѣла бы, правда, предпочтенія предъ буквою Ф, но порядокъ баллотировки все-таки зависѣлъ бы отъ случая, то-есть именно отъ того элемента, который дѣлаетъ не-

удовлетворительною баллотировку по алфавиту. Простая логика говоритъ, что устранить вліяніе случая невозможно иначе, какъ предоставивъ самимъ избирателямъ ихъ разумной волѣ, опредѣленіе того порядка, въ которомъ должны быть расположены баллотируемыя лица.

Опытъ показываетъ, что способъ избранія посредствомъ шаровъ можетъ дѣйствовать удовлетворительно только въ соединеніи съ способомъ избранія посредствомъ записокъ. Только совокупнымъ примѣненіемъ этихъ обоихъ способовъ обезпечивается правильный исходъ выборовъ. Окончательное рѣшеніе должно быть, согласно, закону, предоставлено баллотировкѣ шарами. Но составленіе списка баллотирующихся, имѣющаго такое сильное вліяніе на ходъ баллотировки, зависитъ отъ воли собранія, и если только собраніе пожелаетъ пожертвовать нѣсколькими лишними часами, оно можетъ посредствомъ употребленія записокъ, освободиться отъ той слѣпой случайности, которая, отзываясь на баллотировкѣ, искажаетъ ея результаты. Употребленіе записокъ не есть что-либо новое; при многихъ выборахъ оно уже вошло у насъ въ обычай, какъ актъ предшествующій баллотировкѣ. Такъ производился, напримѣръ, выборъ гласныхъ здѣшней городской общей думы.

Извѣстно, что городское общество представляется въ Москвѣ выборными, которыхъ по закону положено 500, по сту отъ каждаго изъ пяти учрежденныхъ закономъ городскихъ сословій, между тѣмъ какъ гласныхъ положено 175, по 35 отъ сословія. Выборъ гласныхъ предоставленъ выборнымъ и производится по сословіямъ: сто выборныхъ каждаго сословія должны выбрать изъ своей среды 35 гласныхъ, то-есть приблизительно одну треть. Эти выборы, которые, какъ видятъ читатели, по характеру своему очень близко подходятъ къ выбору гласныхъ на земскихъ съѣздахъ, происходили слѣдующимъ образомъ: каждому выборному было предоставлено записать имена тѣхъ лицъ, которыя онъ предлагаетъ въ гласные; кандидаты, имена которыхъ были названы въ этихъ запискахъ, были расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали одни за другими по числу записокъ, поименовавшихъ каждаго изъ нихъ; кто былъ названъ въ наибольшемъ числѣ записокъ, сталъ первымъ въ избирательномъ спискѣ и т. д.; по составленному такимъ образомъ списку была произведена баллотировка, которая, какъ оказалось, почти совпала съ предварительнымъ избраніемъ по запискамъ.

Вотъ способъ избранія, которымъ въ возможной степени устраняется его случайность. Избирательный списокъ составляется на основаніи подачи голосовъ записками; по этому избирательному списку производится баллотировка. Каждому избирателю предоставляется назвать въ своей запискѣ сколько ему угодно именъ, лишь бы только не болѣе того числа, которое должно быть избрано. Если, напримѣръ, землевладѣльческій съѣздъ долженъ избрать 15 гласныхъ, то каждый избиратель можетъ записать 15 чел. или менѣе, какъ онъ самъ найдетъ нужнымъ. Затѣмъ составляется общій списокъ всѣхъ лицъ, поименованныхъ въ запискахъ, при чемъ они располагаются соотвѣтственно числу записокъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ былъ названъ. Такимъ образомъ составленный избирательный списокъ опредѣляетъ порядокъ, въ которомъ кандидаты должны баллотироваться одинъ вслѣдъ за другимъ. При баллотировкѣ получаетъ полную силу тайная подача голосовъ, имѣющая въ этомъ случаѣ полную возможность исправить предварительный списокъ, и одного изъ баллотирующихся повысить, другаго понизить. Для того чтобы баллотировка была вполнѣ независима отъ предварительнаго избранія (посредствомъ записокъ) нужно одно: баллотировкѣ должны подвергаться всѣ поименованные въ запискахъ кандидаты, какъ бы мало ни было число записокъ, въ которыхъ они были названы. Еслибъ это условіе не было соблюдено, то предварительному избранію было бы предоставлено рѣшающее вліяніе, которое, по закону, принадлежитъ баллотировкѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что баллотировать слѣдуетъ не только первыхъ изъ числа стоящихъ въ избирательномъ спискѣ, но всѣхъ безъ исключенія. Такъ, напримѣръ, если землевладѣльческій съѣздъ долженъ избрать 15 гласныхъ, и записками будетъ предложено 30 человѣкъ, то никакъ не слѣдуетъ прекращать баллотировку послѣ того какъ первые пятнадцать получатъ требующееся большинство избирательныхъ шаровъ надъ неизбирательными, а должно продолжать баллотировку, дабы стоящій по избирательному списку

шестнадцатымъ, семнадцатымъ и т. д. не былъ лишенъ возможности попасть въ гласные то-есть получить при тайной подачѣ голосовъ большее количество избирательныхъ шаровъ чѣмъ тѣ, которые по избирательному списку, основанному на записках, стояли выше его.

Указанный нами порядокъ примѣнимъ не только къ землевладѣльческому и городскому съѣздамъ, но и къ съѣзду сельскихъ обществъ. Въ послѣднемъ онъ еще необходимѣе, такъ какъ избиратели сельскихъ обществъ имѣютъ право выбирать гласныхъ не только изъ своей среды, но и изъ среды землевладѣльцевъ. Записки на крестьянскомъ съѣздѣ, разумѣется, не примѣнимы; но предсѣдатель можетъ помочь крестьянамъ принявъ эту обязанность на себя, при содѣйствіи нѣсколькихъ крестьянъ наиболѣе грамотныхъ.

Б.

Читателямъ извѣстно объявленіе книгопродавца М. О. Вольфа о будто бы пріобрѣтенномъ имъ исключительномъ правѣ на изданіе въ русскомъ переводѣ сочиненія императора Наполеона III *Жизнь Юлія Цезаря*. Читателямъ нашей газеты извѣстна также вызванная этимъ объявленіемъ замѣтка г. Щербаня, который припомнилъ смыслъ, заключеннаго между Россіей и Франціей трактата о литературной собственности. Въ этомъ трактатѣ идетъ рѣчь о *воспроизведеніи* (réproduction) и *контрафакціи*; что же касается до *переводовъ*, то правительство наше, заключая съ Франціей конвенцію о литературной собственности, въ заботливости объ интересахъ нашей литературы и вообще образованія, не вступило ни въ какія обязательства по этому предмету. Въ самомъ дѣлѣ, между литературой французскою и русскою, въ настоящее время, не можетъ быть равенства условій, такъ что вся тяжесть трактата пала бы на Россію. Итакъ, французскій издатель можетъ преслѣдовать въ Россіи всякаго, кто не получивъ его согласія, перепечаталъ бы выпущенную имъ въ свѣтъ книгу, такъ какъ бы это было въ самой Франціи, и на оборотъ, перепечатка книги есть прямое нарушеніе литературной собственности, предусмотрѣнное трактатомъ и обозначенное въ немъ какъ контрафакція. Вотъ почему французскій посолъ при нашемъ дворѣ, основываясь на конвенціи, имѣлъ право ходатайствовать у нашего правительства о предупрежденіи контрафакціи сочиненія императора Наполеона III и о допущеніи къ продажѣ только подлинныхъ парижскихъ изданій этого сочиненія, въ чемъ, конечно, и не могло быть ему отказано. Равномѣрно въ силу той же самой конвенціи, баронъ Тайлеранъ могъ бы ходатайствовать о недопущеніи воспроизводить въ какихъ-либо журналахъ и газетахъ, издаваемыхъ на французскомъ языкѣ въ Россіи, статьи изъ *Revue des deux Mondes*, или романы изъ фельетоновъ парижскихъ газетъ. Ни контрафакція, то-есть перепечатка цѣлой книги, ни воспроизведеніе статьи изъ журнала въ подлинномъ видѣ не допускаются, въ силу конвенціи; но всякое французское сочиненіе можетъ быть всякимъ невозбранно переводимо и въ переводѣ издаваемо въ Россіи. Гдѣ международныя конвенціи о литературной собственности простираются и на переводы, тамъ обыкновенно опредѣляется срокъ, въ продолженіе котораго авторъ удерживаетъ за собою право издавать переводъ своего сочиненія; обыкновенно такимъ срокомъ полагаются два года, и буде авторъ въ продолженіе этого срока не воспользуется своимъ правомъ, то по истеченіи срока право перевода становится общимъ достояніемъ. Такъ какъ наша конвенція съ Франціей не касается переводовъ, то всякое французское сочиненіе, немедленно по своемъ появленіи въ свѣтъ, можетъ быть всякимъ переводимо на русскій языкъ.

Тѣмъ не менѣе, до насъ доходитъ странный слухъ, будто бы контрактъ, заключенный по недоразумѣнію парижскимъ издателемъ *Жизни Юлія Цезаря* съ петербургскимъ книгопродавцемъ Вольфомъ, былъ утвержденъ императоромъ Наполеономъ, и что будто на основаніи этого утвержденія, французскій посолъ считаетъ себя въ правѣ ходатайствовать о недозволеніи кому бы то ни было въ Россіи, за исключеніемъ книгопродавца Вольфа, издавать на русскомъ языкѣ вышеозначенное сочиненіе. Вѣроятное ли однакожь дѣло, чтобы распоряженія императора Французовъ могли имѣть какую-нибудь обязательную силу для русскихъ подданныхъ въ Россіи? Возможно ли допустить, чтобъ иностранный государь могъ давать въ Россіи исключительную привилегію на то, что, по законамъ Россійской имперіи, невозбранно принадлежитъ всякому?

Г. Вольфъ обладаетъ дѣйствительно преимуществомъ, которое никто не можетъ у него оспаривать: онъ какъ значится въ объявленіи имѣлъ возможность заготовлять переводъ книги еще до появленія ея въ свѣтъ, благодаря заключенному имъ съ парижскимъ издателемъ условію, и такимъ образомъ имѣть первенство въ изданіи перевода купленное имъ дорогою цѣной; но затѣмъ, какія бы ни дѣлалъ распоряженія императоръ Французовъ и какъ бы на основаніи этихъ распоряженій ни старалось французское посольство оградить интересы г. Вольфа, нельзя законно воспрепятствовать изданію другихъ переводовъ того же сочиненія.

№ 51.

Москва, 6-го марта.

Видя, что иногда творится у насъ среди бѣлаго дня, что говорится во всеуслышаніе, невольно начинаешь сомнѣваться въ дѣйствительности окружающаго. Все кажется возможнымъ, все кажется сбыточнымъ, будто въ фантастическомъ мірѣ сновидѣнія. Одинъ знаменитый французскій дипломатъ сказалъ, что слово дано человѣку для того чтобъ онъ могъ удобнѣе скрывать свою мысль. За то въ печати, въ публичномъ объясненіи, гдѣ слова не исчезаютъ въ воздухѣ, какъ въ келейныхъ толкахъ, а удерживаются неизгладимо передъ глазами всѣхъ, гдѣ высказанная мысль или заявленный фактъ открыты для испытанія повѣрки каждаго,— тутъ, казалось бы, конецъ всякому недоразумѣнію. Потому-то люди простые и безграмотные видятъ во всемъ печатномъ непререкаемую истину, и безусловно вѣрятъ всему что только является въ видѣ покрытаго печатью листка. Но остроумное замѣчаніе Талейрана о словѣ человѣческомъ удерживаетъ всю свою силу и по отношенію къ печати. Какъ слово, такъ и печать, не ушли отъ общаго закона которому подлежатъ всѣ дѣла человѣческія. Какъ слово, такъ и печать, долженствующіе служить орудіемъ ясности, являются столь же могущественнымъ орудіемъ всякаго морока.

Мы не думаемъ, чтобы въ устныхъ разговорахъ, въ частныхъ письмахъ, или бумагахъ составляющихъ канцелярскую тайну и нечитаемыхъ, а только подписываемыхъ, могли совершаться большія оскорбленія истины, болѣе разительныя противорѣчія очевидности и логикѣ чѣмъ тѣ, какія совершаются у насъ въ печати. Почему же у насъ можно сказать публично то, чего никакой,—не говоримъ добросовѣстный,—никакой неглупый человѣкъ не позволитъ себѣ сказать въ многолюдномъ обществѣ, а тѣмъ менѣе всенародно? Неужели публика наша до такой степени лишена самыхъ элементарныхъ условій разумѣнія, что можно съ серіознымъ видомъ называть передъ ней черное бѣлымъ, бѣлое чернымъ? Нѣтъ, нельзя этого думать. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что наружные признаки публичности еще далеко не самая публичность. Дѣло въ томъ, что типографскій станокъ самъ-по-себѣ еще не сообщаетъ словамъ силы публичности. Для этого необходимы другія условія, и прежде всего необходимо, чтобы была публика, чтобы было общее дѣло, чтобы люди считали себя призванными принимать серіозное участіе въ общемъ дѣлѣ. Людей, не лишенныхъ разсудка и серіозно заинтересованныхъ дѣломъ, нельзя морочить явными несообразностями, нельзя заставить ихъ повѣрить очевидной нелѣпости, нельзя называть предъ ними черное бѣлымъ, бѣлое чернымъ, нельзя издѣваться надъ ихъ зрѣніемъ и слухомъ, нельзя ругаться надъ ихъ здравымъ смысломъ. Но коль скоро люди не считаютъ или не могутъ считать себя призванными къ серіозному участію въ общемъ дѣлѣ, то они и не могутъ составлять въ отношеніи къ нему публики, и слово, хотя бы и печатное, въ отношеніи къ нимъ не имѣетъ силы гласнаго, всенароднаго слова. Говорите и дѣлайте что угодно передъ сборищемъ такъ поставленныхъ людей, вы можете оставаться спокойны, — васъ услышатъ и увидятъ лишь немногіе люди, а не публика, которой вовсе и нѣтъ передъ вами, и вы можете имѣть въ виду только этихъ немногихъ людей, такъ какъ бы вы вели съ ними келейный разговоръ. Печать придастъ вашимъ словамъ и дѣйствіямъ только наружный видъ публичности, какой на самомъ дѣлѣ въ вашихъ словахъ и дѣйствіяхъ не будетъ. Понадѣявшись на то, что ваши слова находятся передъ тысячеокою публикой, что на васъ устремлено вниманіе всѣхъ и каждаго, ваши паціенты будутъ разсѣянно слушать или читать васъ;

они ограничатся самымъ поверхностнымъ смысломъ, они оставятъ ваши показанія или доводы безъ всякой повѣрки, и будутъ слушать васъ въ самомъ дѣлѣ какъ люди совершенно лишенные смысла, съ которыми нѣтъ надобности церемониться.

Представьте себѣ географическую карту, на которой, вмѣсто нынѣшней Россійской Имперіи, были бы поставлены два государства: одно—королевство Польское, а другое — Московское великое княжество, или Русское царство, или просто Россійская Имперія. Представьте себѣ еще что къ королевству Польскому отнесены не только нынѣшнее такъ-называемое Царство Польское, но и всѣ губерніи по рѣку Днѣпръ, равно какъ и австрійская Галиція съ Краковскою областью. Словомъ, представьте себѣ географическую карту, на которой появилось бы королевство Польское XVI-го столѣтія, за исключеніемъ только тѣхъ земель, которыя вошли въ составъ Пруссіи, какъ-то: Познани и Восточно-Прусской и Западно-Прусской провинцій. Представить себѣ возможность подобной карты не трудно. Фантастическихъ картъ съ несуществующими государствами появлялось и появляется не мало. Подобныя произведенія географической фантазіи могутъ быть плодомъ болѣе или менѣе устроумныхъ соображеній или историческихъ воспоминаній. Почему бы, напримѣръ, не начертить географической карты, гдѣ Венеція входила бы въ составъ нынѣшняго Италіянскаго королевства, гдѣ Турція являлась бы имперіей Греческою, гдѣ лѣвый берегъ Рейна, вмѣстѣ съ Бельгіей, были бы помѣчены какъ части Французской имперіи? Придумывались еще болѣе интересныя политическія распредѣленія, которымъ ничто въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ. Можно и обращать, и не обращать вниманія на подобныя сочиненія; но во всякомъ случаѣ они не имѣютъ ничего общаго съ наукой называемою географіей. Представьте себѣ, однако, что подобная географическая карта, на которой значилось бы, что Подольская и Могилевская губерніи суть части государства именуемаго королевствомъ Польшей, а въ свою очередь, губерніи Московская и Рязанская суть части другаго государства именуемаго Россійскою Имперіей,—вывѣшена въ нашихъ гимназіяхъ, и что по ней наша молодежь учится географіи. Представьте при этомъ, что такая карта назначена не къ тому чтобы служить пособіемъ для преподаванія исторіи, но что на ней обозначены именно нынѣ существующія административныя дѣленія страны, тѣ самыя губерніи и уѣзды, которые существуютъ именно теперь въ Россійской Имперіи, но только заднѣпровскія губерніи, вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ, отдѣлены отъ Россійской Имперіи подъ общею надписью королевства Польскаго. Представьте себѣ, что въ нашихъ гимназіяхъ дѣти учившіяся по этой картѣ, на вопросъ, гдѣ находится городъ Саратовъ? будутъ отвѣчать: „въ Россійской Имперіи", а на вопросъ вашъ, гдѣ находится городъ Ковно или городъ Минскъ? будутъ отвѣчать, указывая на карту „въ королевствѣ Польшѣ." Вы не поймете что это значитъ, для чего дѣти учатся по картѣ, которая не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Какая же это наука? спросите вы. Вы не имѣете ни малѣйшаго повода подозрѣвать въ такомъ ученіи географіи какую-либо затаенную мысль, какое-либо дурное намѣреніе; но вы поражены странностію и нелѣпостію такого ученія, и не повѣрите ушамъ своимъ, если какой-либо ученый педагогъ примется объяснять вамъ, что карта представляющая собою современное положеніе Европы, составлена на основаніи историческихъ соображеній, и что это сдѣлано для того чтобы показать какъ далеко Россія отступала на востокъ въ XVI столѣтіи...

Но зачѣмъ говорить о картѣ, когда предъ нашими глазами находится книга? Мы дѣлали предположеніе, которое можетъ показаться фантастическимъ, и однакожъ нѣчто подобное совершается во-очію,—нѣчто подобное, но только еще разительнѣе, еще страннѣе, чѣмъ выше разказанный гипотетическій случай.

Есть въ Прусскомъ королевствѣ ученый профессоръ Даніель; написалъ онъ учебникъ географіи, въ которомъ почему-то вздумалось ему ввести въ сонмъ существующихъ государствъ Европы королевство не существующее, королевство Польское XVI столѣтія. Но полное осуществленіе этой мысли, столь же ученой, сколько и остроумной, было бы въ Пруссіи дѣломъ крайне неудобнымъ; такого учебника тамъ бы не приняли. Профессоръ Даніель никакъ не могъ бы позволить себѣ въ учебникѣ, назначаемомъ для прусскихъ школъ, вмѣсто Прусскаго королевства по-

ставить Польское. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ ограничился неполнымъ осуществленіемъ своей мысли. Пруссію онъ оставилъ Пруссіей, а подъ Польское королевство собралъ только тѣ земли, которыя входятъ въ составъ Россіи и Австріи. Онъ учитъ, что такъ-называемая имъ сѣверо-восточная низменность европейскаго материка занята тремя политическими тѣлами, тремя государствами,—Польшей, Пруссіей и Россіей. Онъ рекомендуетъ это дѣленіе какъ историческій элементъ въ изученіи географіи. Но, какъ выше сказано, этому историческому элементу въ изученіи географіи подвергаются только Россія и Австрія, а Пруссія грубо противорѣчитъ этому историческому взгляду, оставаясь во всей полнотѣ своей современности и не дозволяя ни пяди своей нынѣшней территоріи примежевать къ Польшѣ XVI столѣтія, въ которую входила чуть ли не бо́льшая часть нынѣшней Пруссіи. Кромѣ этой странности, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ учебникъ профессора Даніеля есть учебникъ хорошо составленный, и употребляется какъ руководство въ прусскихъ школахъ. Прусское министерство народнаго просвѣщенія, видя что и Познань, и Силезія, и Восточная Пруссія, и Западная Пруссія, разсматриваются въ учебникѣ какъ части Прусскаго королевства, не сочло нужнымъ препятствовать ученому педагогу разсматривать Волынскую, Гродненскую, Могилевскую и пр. губерніи, вмѣстѣ съ такъ-называемымъ Царствомъ Польскимъ, съ исторической точки зрѣнія, какъ части Польскаго королевства, граничащаго съ Россійскою Имперіей рѣкою Днѣпромъ. Что же касается до насъ, то намъ осталось только пожелать чтобъ ученый русскій педагогъ, при будущемъ изданіи своего учебника, развилъ далѣе свой историческій взглядъ и воскресилъ на берегахъ Волги Золотую Орду. Въ самомъ дѣлѣ, если Минская губернія разсматривается подъ рубрикой королевства Польскаго, то почему бы губерніи Саратовской не разсматриваться подъ титуломъ царства Кипчакскаго? Гдѣ находится Могилевъ? Въ королевствѣ Польскомъ. Гдѣ Царевококшайскъ? Въ царствѣ Казанскомъ. Профессоръ Даніель разъ десять или одиннадцать издавалъ свой учебникъ, но онъ не вспомнилъ ни о Золотой Ордѣ, ни даже о ханствѣ Крымскомъ. Онъ въ своемъ историческомъ взглядѣ на нынѣшнюю Россійскую Имперію остался при королевствѣ Польскомъ, и далѣе не пошелъ.

Учебникъ Даніеля переведенъ на русскій языкъ, и изданъ въ свѣтъ въ 1863 году. Въ переводѣ сдѣланы нѣкоторыя дополненія по отдѣлу Россіи, но выше замѣченная странность въ оригиналѣ осталась и въ переводѣ. Можетъ-быть въ русскомъ переводѣ было бы недурно воспользоваться историческимъ взглядомъ автора и возстановить королевство Польское на счетъ прусскихъ провинцій. Но всего проще было бы устранить изъ русскаго перевода географическую фантазію нѣмецкаго подлинника, если переводчикъ желалъ послужить этимъ учебникомъ для русскихъ школъ. Во всякомъ случаѣ, мы не видимъ никакой важности въ томъ что географія Даніеля появилась на русскомъ языкѣ: мало ли страннаго и несообразнаго появляется на свѣтъ? И мы не считали нужнымъ обращать вниманіе публики на эту книгу, тѣмъ болѣе что обстоятельства времени, когда явился русскій переводъ, могли придать праздной фантазіи нѣмецкаго автора болѣе серіозное значеніе чѣмъ она заслуживала. Мы не обращали на нее вниманія, точно также какъ не стали бы изобличать нелѣпость географической карты Россіи составленной такъ, какъ описано выше. Мы видѣли бы въ этомъ куріозъ, и не болѣе. Но въ концѣ прошлаго года, одно почтенное лицо доставило намъ замѣтку о книгѣ Даніеля для помѣщенія въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и мы не сочли себя въ правѣ отказывать ему въ томъ, узнавъ отъ него, что эта книга служитъ руководствомъ для преподаванія въ казенной школѣ „Москвичъ“, доставившій намъ замѣтку, показалъ намъ и самую книгу, только что взятую имъ изъ рукъ его юнаго родственника, который озадачилъ его своими недоумѣніями и вопросами о судьбахъ Волынской, Гродненской и прочихъ западныхъ губерній. Замѣтка „Москвича“, помѣщенная въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, никого не обвиняла, ни подъ чьи намѣренія не подыскивалась, она заявляла только публичный фактъ, и выражала удивленіе, что русскія дѣти въ школѣ учатся фантастической географіи своего собственнаго отечества. Странно было только то, что въ русскихъ школахъ вводилось преподаваніе географіи по учебнику, гдѣ подъ рубрикой „Королевства Польши“ разсма-

триваются: „а) коронныя земли Австрійской имперіи, в) королевство Польское, с) западная Россія, то-есть восемь западныхъ губерній, и лишь только то что находится за Днѣпромъ разсматривается подъ рубрикой „Русской Имперіи вообще“, при чемъ ученикъ узнаетъ, что наибольшая часть королевста Польши, объемлюшая собою вышепомѣненованные три разряда земель, есть *римско-католическая*, тогда какъ по крайней мѣрѣ половина этой фантастической Польши есть православная. Что Польша есть нѣчто совершенно фантастическое, слѣдуетъ изъ того, что какъ авторъ, такъ еще болѣе переводчикъ утверждаютъ въ разныхъ мѣстахъ, что эти области въ настоящее время политически принадлежатъ Россійской Имперіи, равно какъ Галиція политически принадлежитъ Австріи. Протестъ „Москвича“ относится не къ сочинителю учебника, не къ переводчику, а къ тѣмъ школамъ, гдѣ этотъ учебникъ вводился въ употребленіе. Тѣмъ не менѣе замѣтка вызвала тогда же горячее объясненіе со стороны переводчика, который счелъ почему-то нужнымъ доказывать свою политическую благонамѣренность, такъ что продолжать долѣе полемику объ этомъ предметѣ мы сочли неумѣстнымъ. Но вотъ теперь одна оффиціозная петербургская газета вспомнила объ этомъ предметѣ: она обвиняетъ насъ во „лжи и клеветѣ“, за то что мы дали мѣсто въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* вышеозначенной замѣткѣ Москвича, и не отвѣчали переводчику на его объясненія. Мы оставили бы безъ вниманія эти любезности, еслибъ онѣ не напомнили намъ обстоятельства несравненно болѣе серіознаго.

Въ декабрской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщается отзывъ объ учебникѣ Даніеля. Въ этомъ отзывѣ именно похваляется этотъ учебникъ за то, что въ немъ западная Россія группируется подъ рубрикою королевства Польши, и въ этомъ самомъ видѣ онъ признается полезнымъ руководствомъ для преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія. Признаемся откровенно, мы рѣдко встрѣчали что-либо подобное тѣмъ аргументамъ, которые излагаются въ этомъ отзывѣ. Прежде всего составители отзыва стараются, безъ всякой надобности, очистить автора отъ обвиненія въ неблагонамѣренности. „Авторъ,“ сказано въ отзывѣ, „категорически и несомнѣнно (категорически и несомнѣнно!) выражаетъ свою мысль (свою мысль!), „что раздѣлъ Польши былъ не пріобрѣтеніемъ какой-либо территоріи, но возвращеніемъ Россіи ея древнихъ русскихъ областей.“ Для вящаго оправданія г. Даніеля, составители отчета приводятъ и слѣдующія слова, сколько мы знаемъ не автору принадлежащія, а вставленныя переводчикомъ, желавшимъ очевидно смягчить несообразности принятаго авторомъ метода: „Вслѣдствіе историческихъ событій, „многія русскія провинціи находились подъ „чуждымъ владычествомъ; но сама природа противилась этому насильственному „расторженію, и Польша не могла оторвать юго-западной Руси отъ сѣверо-восточной.“ Мы не понимаемъ зачѣмъ можетъ понадобиться автору, то-есть г. Даніелю, аттестація *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ политической благонамѣренности? Да наконецъ кому нужно знать о его намѣреніяхъ? Да и кому не извѣстно, что нынѣшнія западныя губерніи Россіи, по крайней мѣрѣ бо́льшая часть ихъ, искони составляли принадлежность русскаго народа? Кто когда-либо отрицалъ это? Не только профессоръ Даніель, но и самъ г. Духинскій не будетъ отрицать того, что Подолія и Волынь, Гродно и Минскъ, Могилевъ и Витебскъ, даже Люблинская губернія были искони заселены русскимъ народомъ и издревле принадлежали къ русской государственной системѣ. Составители отчета свидѣтельствуютъ также, что авторъ учебника согласенъ и на то, что въ нынѣшнее время всѣ эти земли политически принадлежатъ къ Россійской Имперіи. Неужели въ самомъ дѣлѣ нужно было и съ этой стороны аттестовать г. Даніеля? Неужели кто-либо могъ сомнѣваться, что ученому географу неизвѣстно къ какому нынѣ дѣйствительно-существующему государству фактически принадлежатъ вышесказанныя губерніи, составляющія западную Россію? Вопросъ касается не того, что̀ авторъ думаетъ или знаетъ, а того что̀ изображено въ его книгѣ, и что̀ изъ ней будутъ обязательно заучивать наши дѣти. Весь вопросъ касается только книги, а не автора. Въ школѣ будутъ изучать не г. Даніеля, а географію Россіи по книгѣ имъ составленной и рекомендуемой нашимъ школамъ въ

руководство. Пусть авторъ ея имѣлъ самыя лучшія намѣренія, однако никто не можетъ серіозно согласиться, чтобы пріемъ принятый авторомъ при изложеніи географіи Россіи былъ удаченъ и могъ найдти себѣ какое-либо оправданіе. Но въ вышеупомянутой рецензіи читаемъ:

„На основаніи такой исторической точки зрѣнія авторъ и разсматриваетъ географію современной намъ Россійской Имперіи, представляя такимъ образомъ наше настоящее естественнымъ результатомъ и плодомъ вѣковыхъ народныхъ и государственныхъ усилій—стать на всей своей территоріи, отторгнутой насиліемъ сосѣдей въ годину общественнаго бѣдствія. Затѣмъ автору оставалось избрать какой-нибудь отдаленный моментъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такой, когда Россія сдѣлала послѣднее отступленіе, и вмѣстѣ собралась съ силами, чтобы двинуться впередъ къ своимъ прежнимъ предѣламъ. Авторъ избираетъ потому эпоху, послѣдовавшую непосредственно за сверженіемъ ига Монголовъ, именно XVI столѣтіе, когда, кромѣ шведскихъ владѣній у Балтійскаго моря и турецкихъ у Чернаго, на нашей равнинѣ было три государства: земли нѣмецкаго ордена, королевство Польша и великое княжество Московское (въ эту эпоху правильнѣе было бы сказать: Русское царство)."

Все это было бы прекрасно, еслибъ имѣло какое-либо отношеніе къ учебнику, о которомъ идетъ рѣчь. Этотъ учебникъ представляетъ весьма сжатое изложеніе современной географіи, и не входитъ ни въ какія историческія характеристики. Въ учебникѣ ничего не говорится ни объ исторіи Польши, ни объ исторіи Россіи, ничего что такъ краснорѣчиво повѣствуется въ вышеприведенныхъ словахъ рецензіи. Мы рѣшительно не понимаемъ для чего писаны эти строки? Кого могутъ убѣдить онѣ? Кто можетъ представить себѣ, чтобы для краткаго простаго изложенія географіи Россіи нужно было мысленно отступать къ тѣмъ временамъ, когда вмѣсто Русской Имперіи было великое княжество Московское, къ тѣмъ временамъ, когда Россія только что освободилась отъ монгольскаго ига? Но если авторъ, невидимыми читателю путями, дѣйствительно совершалъ такое отступленіе, то какимъ же образомъ вся южная Россія, Малороссія, наконецъ Кавказъ, разсматриваются въ отдѣлѣ „Россійской Имперіи вообще", которая должна знаменовать „Русское царство" старыхъ временъ, непосредственно по сверженіи монгольскаго ига? Какимъ образомъ ученый авторъ, совершая это отступленіе, забылъ Кіевъ, который онъ, вѣроятно ради его „несомнѣннаго и категорическаго православія, подарилъ „Россійской Имперіи вообще."

Мы просимъ читателя сообразить еще слѣдующее обстоятельство: Западная Россія не просто только упоминается подъ рубрикой королевства Польскаго для характеристики прошедшаго историческаго момента, но разсматривается въ своемъ нынѣшнемъ состояніи подъ этою рубрикой, такъ что о губерніяхъ западнаго края въ отдѣлѣ „Россійской Имперіи" уже не упоминается.

Интересны еще слѣдующія строки:

„Установивъ такимъ образомъ исходную точку роста нашей современной государственной территоріи, авторъ начинаетъ съ земель Нѣмецкаго ордена, которыя одною своею частью, именно восточною частью Пруссовъ, образовали ядро самостоятельнаго королевства Прусскаго, а другая часть которыхъ, Западная Пруссія, была захвачена Польшею. Но въ концѣ прошедшаго столѣтія, при раздѣлѣ Польши, королевство Прусское получило земли Западной Пруссіи, которыя, какъ замѣчаетъ безпристрастно (?) авторъ, можно считать лишь возвращенными,—и Познань, которая почти вся лежитъ въ естественныхъ границахъ Германіи (область Одера). Итакъ, земли Нѣмецкаго ордена и Меченосцевъ, которыя при Владимірѣ Св. и Ярославѣ своими частями начали входить въ составъ Русской земли, были въ послѣдствіи раздѣлены между Пруссіей и Польшей."

На томъ основаніи, что Пруссія должна по мнѣнію автора, считать присоединенныя къ ней отъ Польши земли не просто пріобрѣтенными, а возвращенными, эти земли отнесены къ Пруссіи, а на томъ основаніи, что, какъ сказано въ книгѣ, земли присоединенныя Россіей отъ Польши—коренныя русскія земли, онѣ должны разсматриваться подъ рубрикой Польши, а не Россійской Имперіи.

Желаемъ, чтобы нашелся человѣкъ болѣе насъ счастливый, который сумѣлъ бы доискаться значенія всей этой связи словъ. Откровенно сознаемся, мы ничего не можемъ разобрать въ нихъ, и готовы назначить премію тому, кто вразумительно объ-

яснить почему они могутъ способствовать введенію географіи Даніэля въ наши учебныя заведенія. Особенно приглашаемъ мы охотниковъ до мудреныхъ вещей объяснить что можетъ означать слово „безпристрастно?“ Почему прусскій авторъ судитъ „совершенно безпристрастно“, замѣчая что польскія земли, вошедшія въ составъ Пруссіи, можно считать лишь возвращенными?

Вотъ, наконецъ, фактъ, который свидѣтельствуетъ, что не мы же одни считаемъ невозможнымъ преподавать у насъ географію Россіи по учебнику Даніеля: въ то время какъ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, признавъ эту книгу полезнымъ руководствомъ для преподаванія географіи Россіи, по вѣдомству военно-учебныхъ заведеній отданъ приказъ о недопущеніи въ этихъ заведеніяхъ означенной книги въ руководство. Въ свою очередь, начальство Московскаго учебнаго округа сочло своимъ долгомъ также исключить эту книгу изъ числа руководствъ въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ.

№ 52.

Москва, 8-го марта.

Помѣщенная ниже рѣчь новоизбраннаго предсѣдателя здѣшняго Общества Сельскаго Хозяйства І. Н. Шатилова, подаетъ поводъ ко многимъ размышленіямъ. Правдивое изображеніе дѣла — первое условіе плодотворнаго сужденія о немъ. Надобно взять дѣло въ его дѣйствительномъ видѣ, безъ прикрасъ, чтобъ искренно отнестись къ нему и уберечься отъ фальшивыхъ выводовъ, которые не только не способны принесть пользу, но обыкновенно причиняютъ великій вредъ, заставляя людей хлопотать около миражей и на ихъ „усовершенствованіе“ тратить свои силы. Прекрасныхъ желаній можетъ быть очень много; ихъ не оберешься и въ нихъ какъ разъ запутаешься. Только тѣ желанія заслуживаютъ исполненія, которыя составляютъ дѣйствительную, а не сочиненную потребность, и только тогда мы правильно удовлетворяемъ нашимъ потребностямъ, когда вѣрно оцѣниваемъ важность каждой изъ нихъ и не увлекаясь потребностями второстепенными, сосредоточиваемъ усилія на удовлетвореніи существеннѣйшихъ. Главныя потребности нашего сельскаго хозяйства не агрономическаго, а политическаго свойства. Улучшенныя орудія, усовершенствованныя методы, все это прекрасно, но передъ нами непререкаемое свидѣтельство опыта, что и на нихъ можно тратить деньги непроизводительно, къ ущербу какъ частнаго, такъ и народнаго богатства. Мы уже черезчуръ много наговорили себѣ упрековъ въ неподвижности, какъ можетъ-быть и вообще черезчуръ унижали себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Оказалось, что для истиннаго успѣха намъ слѣдовало бы поменьше порхать на воздухѣ, хотя намъ отнюдь не мѣшало съ большею рѣшимостью и твердостью шествовать по землѣ. Какъ въ политическомъ мірѣ стремленіе къ нововведеніямъ можетъ быть внушаемо не только любовью, но и презрѣніемъ ко всему отечественному, такъ и въ области хозяйства возможно двоякое движеніе: движеніе разумное, сообразующееся съ истинными потребностями, и движеніе удовлетворяющее только фанфаронству и тщеславію, ведущее къ разочарованіямъ, унынію и раззоренію. Втораго рода движеніе безспорно хуже чѣмъ неподвижность. Еслибы мы уважительнѣе смотрѣли на существующее, мы ранѣе замѣтили бы, что главная наша потребность заключается не въ улучшенныхъ способахъ и орудіяхъ сельскаго хозяйства, а въ томъ его нервѣ, который дается ему гражданскимъ строемъ общества, и мы также замѣтили бы, что и тутъ, въ гражданскомъ строѣ общества, главная потребность заключается не въ томъ или другомъ новомъ законѣ, а вообще въ уваженіи къ существующимъ, положительнымъ правамъ. При крѣпостномъ правѣ нервомъ сельскаго хозяйства была произвольная власть помѣщика. Эта власть, искажавшая весь общественный строй, отмѣнена. По теоріи, ея мѣсто долженъ заступить законъ, и пока онъ не замѣнитъ ея собой на практикѣ, до тѣхъ поръ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ не будетъ главнаго жизненнаго нерва. Какъ бы мы ни разрабатывали вопросы до сельско-хозяйственныхъ нуждъ касающіеся, какое бы участіе ни принимали въ разработкѣ этихъ вопросовъ представители мѣстныхъ интересовъ, мы не подвинемся впередъ, пока результаты примѣненія всѣхъ этихъ трудовъ не будутъ ограждены твердымъ закономъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что г. Шатиловъ, кажется, придаетъ слишкомъ мно-

го значенія земскимъ учрежденіямъ, ставя *преимущественно* отъ нихъ въ зависимость правильное и прочное развитіе русскаго хозяйства, и отдавая имъ предпочтеніе даже передъ судопроизводствомъ, и вообще передъ гарантіями ненарушимости закона. Съ этимъ взглядомъ не совсѣмъ гармонируетъ то что онъ самъ говоритъ во многихъ мѣстахъ своей рѣчи о вліяніи гражданскаго благоустройства страны на развитіе земледѣлія. Онъ ссылается при этомъ на примѣръ Финляндіи, и именно этою ссылкой можно противъ него воспользоваться: въ Финляндіи, какъ извѣстно, нѣтъ земскихъ учрежденій. Что же есть въ Финляндіи? Тамъ есть порядокъ, есть законъ, къ которому всѣ привыкли и который всѣ знаютъ, есть уваженіе къ закону, есть вѣра въ него, и право собственности, эта основа гражданскаго закона, тамъ непоколебима. Вотъ въ чемъ и наша главная потребность, и вотъ какую изъ нашихъ потребностей мы должны удовлетворить прежде всего. Мы должны сознать это, не развлекаясь надеждами на то что способно оказать лишь второстепенную помощь, и если мы сознаемъ это съ должною трезвостью и энергіей, то дѣло будетъ въ половину сдѣлано. Судебная реформа есть предпріятіе обширное; она потребуетъ много времени для своего осуществленія, которое такимъ образомъ по необходимости замедлится. Мы не будемъ входить теперь въ разсмотрѣніе возможныхъ способовъ ея введенія въ дѣйствіе, но позволимъ себѣ замѣтить, что мировой институтъ, въ особенности его полицейско-судебная дѣятельность (легко совмѣстимая съ существованіемъ теперешнихъ судовъ), есть вопіющая потребность сельскаго быта; мы позволимъ себѣ также замѣтить, что отсутствіе законности—эта наша главная язва— отнюдь не есть что-либо связанное съ характеромъ русскаго общества: законность отсутствуетъ у насъ только потому что о ней мало заботились и на нее не было серіознаго спроса; до сихъ поръ считалось преимущественно нужнымъ требовать субординаціи, и что преимущественно требовалось, то и являлось въ желаемомъ изобиліи. Это было согласно съ общимъ строемъ народной жизни при существованіи крѣпостнаго права. Теперь строй измѣняется, и мѣсто внѣшней субординаціи должна занять законность.

Такова главная потребность всей русской народной жизни, а слѣдовательно и сельскаго хозяйства. Удовлетворенію этой потребности долженъ содѣйствовать каждый по мѣрѣ силъ своихъ; должно содѣйствовать и Московское Общество Сельскаго Хозяйства, пользуясь всякимъ поводомъ къ ея разъясненію и къ примѣненію ея указаній. Живо сознанная потребность откроетъ обширное поле для дѣятельности самой плодотворной, которая хотя и не будетъ входить въ тѣсные предѣлы агрономіи, но окажетъ и агрономіи самую существенную изъ услугъ, потому что сдѣлаетъ ее возможною.

Приведенный г. Шатиловымъ примѣръ Финляндіи вызываетъ еще одно замѣчаніе. Агрономическіе успѣхи этой бѣдной страны и въ особенности сравнительная дешевизна ея агрономическихъ орудій и продуктовъ не могутъ быть объяснены общимъ указаніемъ на гражданское благоустройство. Тутъ огромную важность имѣетъ спеціяльная сторона этого благоустройства, именно умѣренность налоговъ. Налоги берутся изъ той части народнаго дохода, которая остается отъ потребленія частными лицами и идетъ на накопленіе народнаго капитала. Чѣмъ меньше взимается налоговъ, и чѣмъ производительнѣе они затрачиваются, тѣмъ болѣе имѣетъ возможности возрастать народное богатство, а чѣмъ больше успѣховъ оно дѣлаетъ, тѣмъ дешевле становится вся жизнь, а слѣдовательно и производство. Швейцаскія фабрики конкуррируютъ съ англійскими даже на иностранныхъ рынкахъ, несмотря на то что Швейцарія не имѣетъ ни каменнаго угля, ни морскихъ портовъ для сбыта. Эта конкурренція была бы рѣшительно невозможна, еслибъ Англичане не платили своему государству больше податей чѣмъ сколько Швейцарцы платятъ своему. Въ свою очередь Англичане, хотя и платятъ высокія подати, но съ одной стороны эти подати составляютъ умѣренную часть общаго народнаго дохода (каждый Англичанинъ платитъ около 14% своего расхода, а рабочіе классы не болѣе 10%, и притомъ свободны отъ рекрутской повинности), съ другой стороны значительная доля податей идетъ на уплату процентовъ внутренняго долга и слѣдовательно опять обращается въ народной доходъ. По этому Англичане могутъ производить весьма многое дешевле чѣмъ другіе народы.

Чѣмъ больше взимается податей и чѣмъ больше податей уплачивается по внѣшнимъ долгамъ или потребляется на государственныя нужды, тѣмъ дороже должно быть производство, потому что эти оба вида податей ложатся на издержки производства и увеличиваютъ ихъ. Въ Россіи трудно исчислить итогъ народнаго дохода, а съ другой стороны не менѣе трудно оцѣнить государственные налоги, потому что въ оцѣнку должны войдти и всѣ натуральныя повинности (въ томъ числѣ рекрутская). Поэтому возможна лишь приблизительная оцѣнка, но мы будемъ едва ли далеки отъ истины, если скажемъ, что каждый Русскій отдаетъ государственной казнѣ разнаго рода повинностями и налогами среднимъ числомъ около 33% своего расхода, причемъ еще не взяты въ разчетъ не поддающіяся исчисленію жертвы, приносимыя потребителями въ пользу покровительствуемыхъ производствъ. Что же касается до Финляндіи, то она обложена, опять говоря приблизительно, по крайней мѣрѣ на половину легче чѣмъ Имперія; притомъ сравнительно бо́льшая часть платимыхъ Финляндіей податей употребляется на производительныя издержки; наконецъ жертва въ пользу покровительствуемыхъ производствъ въ Финляндіи нѣсколько меньше, такъ какъ тамошній тарифъ либеральнѣе. Вотъ особенность, которую не слѣдуетъ опускать изъ виду при сличеніи результатовъ достигаемыхъ промышленностію въ Финляндіи и въ Имперіи. Къ этому надобно еще прибавить, что хотя колебаніе денежной единицы равно вредило хозяйству какъ въ Имперіи, такъ и въ Финляндіи, но застоя, подобнаго нашему, тамъ не могло быть вслѣдствіе того что туда мало проникали государственныя процентныя бумаги, которыя въ Имперіи, вотъ уже много лѣтъ, поглащаютъ бо́льшую часть сбереженій, пріостанавливая такимъ образомъ обычный приливъ капиталовъ къ промышленности.

№ 53.

Москва, 9-го марта.

Послѣ дипломатической переписки по польскимъ дѣламъ, происходившей въ 1863 г., послѣ рѣшительнаго подавленія польскаго мятежа и послѣ мѣръ, принятыхъ русскимъ правительствомъ для водворенія въ польскомъ краѣ лучшаго порядка вещей, казалось бы, ни о какомъ польскомъ вопросѣ не должно быть болѣе рѣчи. Тѣмъ не менѣе, однакоже, еще теперь приходится читать отъ времени до времени въ иностранныхъ газетахъ, что польскій вопросъ продолжаетъ существовать и даже входитъ въ разчеты при разрѣшеніи различныхъ другихъ европейскихъ вопросовъ, и что съ помощью его надѣются еще дѣйствовать на Россію и склонять ее въ пользу тѣхъ или другихъ политическихъ видовъ, совершенно для нея чуждыхъ и даже крайне неблагопріятныхъ. Мы говоримъ это по поводу куріознаго извѣстія, сообщеннаго въ двухъ вѣнскихъ газетахъ, въ *Neue Freie Presse*, и въ органѣ г. фонъ-Шмерлинга, въ *Botschafter*, будто г. фонъ-Бисмаркъ возымѣлъ мысль воспользоваться продолжающимся существованіемъ польскаго вопроса, чтобы побудить Россію къ поддержкѣ плановъ Пруссіи относительно Герцогствъ. За такую поддержку онъ будто бы обѣщалъ Россіи содѣйствовать ея планамъ относительно окончательнаго включенія Польши въ общій составъ Имперіи и даже будто бы изъявилъ готовность исправить границы Польскаго края съ Познанью. Г. фонъ-Бисмаркъ—министръ притязательный; это всѣмъ извѣстно. Онъ умѣетъ, что называется, на обухѣ рожь молотить; но всему есть предѣлъ, и трудно повѣрить, чтобы даже г. фонъ-Бисмаркъ позволилъ себѣ равнять мѣры, которыя онъ замышляетъ въ Герцогствахъ, съ тою, на которую онъ будто бы даетъ Россіи свое соизволеніе. Пруссія имѣетъ въ виду расширеніе своего владычества; она надѣется воспользоваться войной, которую она вела въ союзѣ съ Австріей, для захвата могущаго произойдти лишь на перекоръ Австріи. Что есть общаго между этими дѣйствіями и тѣми мѣрами самоохраненія, которыя могутъ быть приняты Россіей по управленію принадлежащимъ ей польскимъ краемъ? Дѣйствительно, всякій безпристрастный человѣкъ долженъ согласиться, что нерѣшительное положеніе этого края подвергаетъ сомнѣнію благопріятный для Россіи исходъ реформъ совершаемыхъ въ Царствѣ Польскомъ не дозволяетъ водвориться миру и спокойствію въ умахъ польской *интеллигенціи*, и поставляетъ образованныхъ Поляковъ въ затруднительное, сомнительное, двусмысленное положеніе вслѣдствіе неизвѣстности,

не наступятъ ли снова благопріятныя времена для осуществленія мечтаній о возстановленіи Польскаго королевства и не окажутся ли они измѣнниками предъ этимъ воображаемымъ будущимъ государствомъ, если теперь же вступятъ на единственно-возможный путь,—путь сближенія съ русскимъ народомъ. Существованіе польскаго вопроса несомнѣнно ослабляетъ Россію какъ внутри ея, такъ и во внѣшней ея политикѣ. Но развѣ, для того чтобъ устранить внутреннюю причину своей слабости, Россія нуждается въ согласіи Пруссіи, и развѣ это согласіе, еслибы въ немъ и нуждалась Россія, имѣло бы въ теперешнее трудное для Пруссіи время какое-нибудь значеніе на вѣсахъ Европы? Во всякомъ случаѣ Россія не захотѣла бы купить подобное согласіе цѣною какихъ бы то ни было пожертвованій или обязательствъ въ отношеніи къ Пруссіи, особенно по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, гдѣ взаимные интересы обоихъ государствъ такъ далеко между собою расходятся.

Естественнымъ послѣдствіемъ польскаго мятежа 1863 года, когда почти всѣ европейскія державы, участвовавшія въ Вѣнскомъ конгрессѣ, сочли себя въ правѣ дѣлать представленія и внушенія Россіи и старались придать ничего не означающей статьѣ международнаго акта такое значеніе, какъ будто бы ею былъ установленъ надъ обитателями польскаго края — русскими подданными — протекторатъ цѣлой Европы, — естественнымъ послѣдствіемъ польскаго мятежа, сопровождавшагося всѣми этими обстоятельствами, можетъ быть только такая политика русскаго правительства, которая, съ одной стороны, навсегда положила бы конецъ несовмѣстнымъ съ честью и достоинствомъ Россіи притязаніямъ иностранныхъ державъ, а съ другой—избавила бы самихъ Поляковъ отъ всякой мысли о возможности какого бы то ни было европейскаго протектората. Это понимаютъ какъ нельзя лучше въ цѣлой Европѣ, и въ одной изъ газетъ, наиболѣе преданныхъ польскому дѣлу, именно въ *Wanderer*, мы читаемъ, что желаніе Россіи окончательно слить польскій ея край съ остальными ея владѣніями рѣшительно никого не изумило бы въ Европѣ. Осуществленіе этого плана, при настоящихъ обстоятельствахъ, не можетъ встрѣтить ни съ какой стороны ни малѣйшаго противодѣйствія. Пруссія сама давно уже послѣдовала, въ отношеніи къ польскимъ своимъ подданнымъ, той политикѣ, которую теперь приписываютъ Россіи; австрійскому же правительству была бы дана развѣ только возможность похваляться уступками, въ смыслѣ провинціяльной самостоятельности, которыя были имъ сдѣланы Галиціи и Кракову, наравнѣ, впрочемъ, со всѣми другими областями Австрійской имперіи. Что же касается до обѣихъ западныхъ державъ, то *Wanderer* не ожидаетъ съ ихъ стороны даже и рѣшительнаго протеста противъ мѣры, къ осуществленію которой вполнѣ подготовлены и общественное мнѣніе, и сами правительства.

Польскій вопросъ Россія уже признала своимъ внутреннимъ вопросомъ и слѣдовательно, трудно предположить, чтобъ она сдѣлала его предметомъ какихъ бы то ни было международныхъ переговоровъ. Поэтому, даже тѣмъ, которые вѣрятъ въ возможность упомянутыхъ выше предложеній г. фонъ-Бисмарка, не слѣдовало бы, кажется, предполагать что Россія пойдетъ на подобную сдѣлку, и что она возьмется содѣйствовать осуществленію плановъ Пруссіи, нарушающихъ нынѣшнее политическое равновѣсіе на сѣверѣ Европы, отчасти въ ущербъ для самой Россіи. По сосѣдству, конечно, Россія заинтересована, столько же сколько и сама Пруссія, сохраненіемъ добрыхъ взаимныхъ отношеній. Эти добрыя взаимныя отношенія всегда могутъ имъ пригодиться въ случаѣ какихъ бы то ни было польскихъ затѣй, возбужденныхъ съ береговъ Сены или Темзы. Въ этомъ отношеніи для Россіи также важны дружественныя связи ея и съ Австріей, и всѣ три державы здѣсь являются естественными союзницами независимо отъ всякихъ переговоровъ и трактатовъ. Но въ вопросахъ, въ которыхъ взаимные ихъ интересы не сходятся между собою, было бы противоестественно, чтобъ они дѣйствовали заодно другъ съ другомъ. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ именно вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій. Россія, конечно, не на столько въ немъ заинтересована, чтобъ на свой страхъ начинать изъ-за него войну противъ Пруссіи, но и на содѣйствіе Россіи Пруссія не имѣетъ въ этомъ случаѣ ни малѣйшаго права. Еслибы, вопреки всѣмъ усиліямъ Австріи, Пруссіи все-таки удалось воспользоваться европейскими недоразумѣніями и разрѣшить шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ въ свою пользу, то это значило бы только, что политичес-

ское равновѣсіе на берегахъ Балтійскаго моря нарушено въ ущербъ для европейскаго положенія Россіи, и что Россія, въ видахъ возстановленія его, тѣмъ болѣе была бы обязана позаботиться о тѣснѣйшемъ соединеніи своихъ пріобрѣтенныхъ смежныхъ съ Пруссіей областей съ своими внутренними, коренными областями. Вотъ единственная связь шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса съ нашими внутренними государственными вопросами, какая только можетъ быть разумно признаваема; другой же связи, въ родѣ той, на которую будто бы мѣтитъ г. фонъ-Бисмаркъ, допустить невозможно. Въ настоящее время въ европейской политикѣ утвердился добрый обычай трактовать всякій вопросъ въ отдѣльности, не вступая въ глухіе союзы и не принимая на себя обязательствъ на всѣ возможные случаи. Мы можемъ быть самыми лучшими друзьями съ Пруссіей и съ Австріей во всемъ что касается до охраненія спокойствія и порядка въ нашихъ взаимноограничащихъ между собою областяхъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы мы обязаны были помогать Пруссіи въ ея германской политикѣ, точно также какъ мы не можемъ разчитывать на содѣйствіе Австріи въ случаѣ возбужденія восточнаго вопроса. Не признаніе этой своеобразности интересовъ каждой изъ трехъ великихъ сѣверныхъ державъ въ отдѣльныхъ вопросахъ стоило уже намъ не малыхъ жертвъ.

№ 54.

Москва, 10-го марта.

Недавно, въ одной изъ передовыхъ статей нашихъ намъ случилось говорить о важномъ дѣлѣ введенія новаго гимназическаго устава, по поводу появившихся въ нѣкоторыхъ журналахъ разглагольствій противъ самаго существеннаго пункта его, въ силу котораго гимназіи, готовящія молодыхъ людей къ высшему университетскому образованію, должны быть устроены на классическомъ основаніи. По этому поводу мы повторили не разъ высказанную нами мысль, что общеобразовательныя заведенія того мнимореальнаго направленія, которое возбуждаетъ такіе восторги въ петербургскихъ педагогахъ, вовсе не новость въ нашемъ отечествѣ; что, не говоря уже о военно-учебныхъ заведеніяхъ, которыя, за исключеніемъ собственно спеціяльныхъ, нынѣ суть не что иное какъ этого рода реальныя гимназіи (устроенныя, впрочемъ, нѣсколько раціональнѣе гимназій новаго устава),—всѣ нынѣ существующія у насъ гимназіи суть именно тѣ реальныя заведенія, которыя рекомендуются нашими педагогами извѣстной школы какъ нѣчто еще небывалое, чреватое великою будущностью и долженствующее радикально измѣнить жалкое состояніе нашихъ школъ. Какъ очевидное доказательство высказаннаго нами положенія, мы поставили въ параллель планъ ученья нынѣшнихъ гимназій съ реальными гимназіями новаго устава. Это простое сопоставленіе фактовъ привело въ ярость неутомимыхъ противниковъ устройства русской школы по общеевропейскому образцу. Насъ мало трогаютъ ожесточенныя выходки, вызовы, обличенія этихъ почтенныхъ фанатиковъ своего „внутренняго и глубокаго убѣжденія“, во имя котораго, должно думать, они и привѣтствовали съ такими кликами уставъ, разрушить который въ его существеннѣйшей части теперь напрягаются по мѣрѣ силъ и возможности; но самый вопросъ интересуетъ насъ какъ нельзя болѣе. Чтобъ усердно напускаемый туманъ не закрылъ хотя отъ кого-либо это дѣло, мы считаемъ не безполезнымъ еще разъ вернуться къ сравненію учебнаго плана нынѣшнихъ гимназій съ учебнымъ планомъ реальныхъ гимназій новаго устава. Приведемъ таблицу уроковъ въ тѣхъ и другихъ заведеніяхъ съ большею подробностію чѣмъ было сдѣлано въ статьѣ, возбудившей гнѣвъ и обличенія нашихъ противниковъ: именно, расположимъ уроки по классамъ. Вотъ эта неопровержимая таблица:

Нынѣшнія гимназіи.

	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Всего.
Законъ Божій. . . .	2	2	2	2	1	1	2	12
Русскій языкъ. . . .	4	4	4	3	3	3	3	24
Нѣмецкій языкъ . .	3	3	3	3	3	3	2	20
Франц. языкъ. . . .	3	3	3	3	3	3	3	21
Математика.	4	4	4	3	3	3	3	24
Естествовѣдѣніе. . .	2	2	2	2	1	1	1	11
Латинскій языкъ. . .	„	„	„	4	4	4	4	16
Физика съ математическою и физическою географіей. .	„	„	„	„	2	2	2	6
Исторія.	„	„	2	2	2	4	3	13
Географія.	2	2	2	2	2	„	1	11
Чистописаніе . . .	3	3	1	„	„	„	„	7
Черч. и рисованіе.	1	1	1	„	„	„	„	3

Реальныя гимназіи новаго устава.

	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Всего.
Законъ Божій. . .	2	2	2	2	2	2	2		14
Русскій языкъ . . .	4	4	4	4	3	3	3		25
Нѣмецкій языкъ. .	3	3	3	3	4	4	4		24
Франц. языкъ. . .	3	3	3	4	3	3	3		22
Математика	3	4	4	4	4	3	3		25
Естествовѣдѣніе съ химіей	3	3	3	3	3	4	4		23
Физика съ космографіей	„	„	„	„	3	3	3		9
Исторія.	„	„	2	3	3	3	3		14
Географія.	2	2	2	2	„	„	„		8
Чистописан., черченіе и рисованіе . .	4	4	4	2	2	2	2		20

Сравнивая росписаніе уроковъ первыхъ пяти классовъ въ тѣхъ и другихъ заведеніяхъ, всякій легко убѣдится, что до шестаго класса между ними не представляется почти *никакого различія*, ибо нельзя же придать какое-нибудь значеніе разницѣ въ одномъ или двухъ урокахъ по нѣкоторымъ предметамъ. Что касается до прибавки шести уроковъ естествовѣдѣнія, въ первыхъ пяти классахъ реальныхъ гимназій сравнительно съ нынѣшними, то это нисколько не измѣнитъ ни характера, ни самаго объема преподаванія этого предмета. Расширить объемъ не позволитъ недостатокъ въ ученикахъ знанія началъ физики и химіи, который принудитъ, какъ и нынѣ, ограничиваться описательною частью зоологіи, ботаники и минералогіи; сдѣлать преподаваніе болѣе серіознымъ не позволятъ лѣта учащихся, болѣе практическимъ — зимнее время курса, неустранимый недостатокъ средствъ, учебныхъ руководствъ, практически-опытныхъ преподавателей и т. д. Прибавленные уроки могутъ имѣть развѣ только одно значеніе: позволять нѣсколько тверже заучить номенклатуру. Въ памяти удержится можетъ-быть нѣсколько болѣе названій чѣмъ теперь, но преподаваніе сохраняя по необходимости нынѣшній объемъ и нынѣшній характеръ, очевидно, будетъ приносить тѣ же самые плоды, какіе нынѣ приноситъ, то-есть самые ничтожные, нисколько не окупающіе тратимаго на преподаваніе времени. Наконецъ, исключеніе восьми уроковъ латинскаго языка имѣетъ только отрицательное значеніе. Перейдемъ къ высшимъ классамъ.

Математическое преподаваніе не усилено противъ нынѣшняго. На физику съ космографіею, правда, назначено (считая и пятый классъ) тремя уроками болѣе чѣмъ теперь, девять вмѣсто шести (вообще болѣе чѣмъ въ иностранныхъ гимназіяхъ). Но пришявъ во вниманіе, что изученіе математики не усилено, что средства для экспериментальной части преподаванія останутся безъ сомнѣнія весьма ограниченныя (расширить эту часть, очевидно, не предполагается, какъ можно заключить ужь изъ того, что для производства опытовъ не полагается препаратора), легко убѣдиться, что чрезъ прибавленіе трехъ уроковъ физики и космографіи курсъ этихъ предметовъ лишь нѣсколько растянется, ни въ чемъ существенно не измѣнившись. Кромѣ того, не имѣлось ли въ виду при такомъ увеличеніи и то обстоятельство, что по новому уставу географія не входитъ вовсе въ кругъ преподаванія въ высшихъ классахъ, тогда какъ теперь на нее въ этихъ классахъ полагается три урока и преподаваніе физики соединено въ послѣднемъ классѣ съ преподаваніемъ математической и физической географіи? Но важнѣйшее отличіе курса реальныхъ гимназій есть введеніе новаго предмета въ преподаваніе — химіи. Изъ общаго числа 23 часовъ назначенныхъ для естествовѣдѣнія часть должна быть употреблена на изученіе химіи. Но такъ какъ изученіе этого предмета требуетъ предварительнаго знанія началъ физики, то оно не можетъ начаться раньше шестаго класса. При этомъ, очевидно, нельзя на химію отдать всѣ восемь часовъ, какія полагаются для естествовѣдѣнія въ двухъ высшихъ классахъ, ибо иначе, окончивъ изученіе зоологіи, ботаники и минералогіи пятымъ классомъ, т.-е. безъ знанія физики и химіи, ученики получили бы слишкомъ неполныя познанія, а всѣмъ извѣстно, что изученіе очень многихъ важныхъ вопросовъ естественной исторіи требуетъ физическихъ и химическихъ свѣдѣній (укажемъ, напримѣръ, на физіологическіе вопросы, физическія и химическія свойства минераловъ и т. п.). Урока три по необходимости придется отдѣлить на пополненіе естественно-историческихъ свѣдѣній пріобрѣтенныхъ въ пяти низшихъ классахъ. (И въ нынѣшнихъ гимназіяхъ преподаваніе естественной исторіи идетъ до послѣдняго класса). Остается слѣдовательно на изученіе такого предмета, какъ химія, уроковъ пять или не болѣе шести въ послѣднихъ двухъ классахъ вмѣстѣ. Можно ли послѣ того говорить о серіозномъ изученіи этого предмета и воображать, что эти пять уроковъ химіи въ такой мѣрѣ измѣнятъ весь характеръ нынѣшняго гимнази-

ческаго ученья, что благодаря ихъ чудодѣйственной силѣ нынѣшнія гимназіи, какъ по манію волшебнаго жезла, прольютъ на Россію всѣ блага практической науки девятнадцатаго столѣтія? Не забудемъ еще, что разсуждая объ учебномъ планѣ реальныхъ гимназій новаго устава, мы предполагали преподаваніе обставленнымъ наилучшими условіями, гимназіи снабженныя кабинетами, лабораторіями, хорошо составленными руководствами, практически опытными преподавателями. Что же будетъ при дѣйствительно существующей обстановкѣ?

Реальныя гимназіи должны впрочемъ, кромѣ уроковъ химіи, имѣть еще одинъ талисманъ, на который съ суевѣрнымъ умиленіемъ указываютъ ревнители петербургскаго педагогическаго братства. Талисманъ этотъ—повышенный чинъ и улучшенное положеніе учителей новыхъ языковъ. Признавая пользу мѣръ принятыхъ въ новомъ уставѣ для улучшенія положенія преподавателей, не думаемъ, однако, чтобы тѣмъ былъ разрѣшенъ вопросъ объ увеличеніи пользы отъ преподаванія новыхъ языковъ, нынѣ такъ скуднаго результатами. Притомъ, такого рода мѣры не находятся въ связи съ учебнымъ планомъ гимназій и могли бы быть приняты прямо и въ нынѣшнихъ гимназіяхъ.

Наконецъ, въ реальныхъ гимназіяхъ, по мнѣнію нашихъ ликующихъ друзей, должна явиться и *концентрація* ученья, но концентрація, какъ оказывается, особаго рода. Сложите, говорятъ они, вмѣстѣ уроки естествовѣдѣнія, физики, космографіи и математики, и вы получите „тотъ педагогическій центръ, котораго нѣтъ въ нынѣшнихъ гимназіяхъ“, и который по этому счету будетъ состоять изъ 57 уроковъ: „такое же точно отношеніе къ другимъ предметамъ представляютъ древніе языки въ классическихъ гимназіяхъ новаго устава, занимающіе 58 уроковъ.“ Еслибы къ упомянутымъ предметамъ прибавить, напримѣръ, еще 24 урока русскаго языка, то можно было бы составить, слѣдуя этой новооткрытой системѣ концентраціи, педагогическій центръ изъ 81 урока; и это мы въ правѣ сдѣлать, такъ какъ ровно столько же связи между преподаваніемъ математики и естественной исторіи въ гимназическомъ объемѣ, какъ между преподаваніемъ русскаго языка и математики. Куріозная концентрація! Итакъ, если вѣрить въ естественный ходъ вещей, то необходимо придти къ заключенію, что устранвать реальныя гимназіи по тому плану ученья, который данъ имъ въ новомъ уставѣ, значитъ сохранять и укрѣплять ту систему образованія, которая дѣйствуетъ у насъ съ 1852 года. Можно восхищаться этой системой и тогда будетъ естественно желать замѣны поверхностнаго ученья латинскому языку столь же поверхностнымъ преподаваніемъ химіи; но энергически порицать нынѣшнюю систему, видѣть въ ней источникъ бѣдственнаго состоянія нашихъ школъ, и въ то же время взывать къ реальнымъ гимназіямъ новаго устава, значитъ обманывать себя, если не другихъ.

Не желая проводить параллели между принятою въ новомъ уставѣ системой училищъ и прусскою системой, почтенные педагоги указываютъ на Австрію. Но безъ сомнѣнія имъ извѣстно, какъ мало общаго между австрійскими реальными школами и тѣмъ, что они желали бы создать у насъ подъ именемъ реальныхъ гимназій. Имъ должно быть извѣстно, что по австрійскимъ уставамъ реальныя школы, безъ претензій на равенство съ гимназіями, служатъ „посредствующею ступенью между народными училищами и техническими заведеніями“, и назначены исключительно для молодыхъ людей, готовящихъ себя къ промышленной и коммерческой дѣятельности; что въ курсъ австрійскихъ реальныхъ школъ входитъ механика, бухгалтерія, а преподаваніе новыхъ языковъ въ нихъ не обязательно, и что слѣдовательно нѣтъ ничего общаго между ними и реальными гимназіями нашего новаго устава, изъ которыхъ наши педагоги желали бы сдѣлать заведенія приготовительныя къ университету.

Недоразумѣніе, если тутъ есть недоразумѣніе, заключается въ томъ, что толкующіе о реальномъ образованіи не даютъ себѣ отчета въ различіи между имъ и образованіемъ общимъ. Для послѣдняго учреждаются во всемъ образованномъ мірѣ гимназіи классическія, и только эти классическія гимназіи приготовляютъ какъ къ университету, такъ и къ высшимъ спеціальнымъ и политехническимъ училищамъ. Реальныя школы принадлежатъ совсѣмъ къ другой, низшей системѣ образованія и только держась въ своихъ предѣлахъ, могутъ приносить существенную пользу. У насъ же, по совершенной неопытности въ педагогическомъ дѣлѣ, хотятъ придать реальнымъ школамъ характеръ общеобра-

зовательныхъ заведеній и, соблазняясь нѣкоторыми фантастическими теоріями, совершенно соотвѣтствующими въ педагогическомъ дѣлѣ, разнымъ эксцентрическимъ теоріямъ въ соціяльной сферѣ, стараются поравнять эти мнимо-реальныя и мнимо-общеобразовательныя гимназіи съ гимназіями классическими. Еслибъ эти смутные взгляды взяли верхъ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того было бы, что мы не имѣли бы ни реальнаго, ни классическаго ученья. Общеобразовательныя училища, устроенныя не на классическомъ основаніи, только назывались бы реальными гимназіями. Они выпускали бы людей негодныхъ ни для промышленной дѣятельности, ни для пріобрѣтенія высшихъ знаній, людей съ фальшивыми претензіями на общее образованіе, нисколько ни приготовленныхъ къ какой бы то ни было опредѣленной профессіи. Неужели въ такихъ людяхъ имѣетъ потребность Россія?

Число гимназій въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ итакъ крайне ограниченно. Въ томъ ли долженъ состоять нашъ прогрессъ, чтобы мы еще болѣе стѣсняли предоставленныя русскому народу средства достигать высшаго образованія? Нѣтъ, не уменьшать число университетскихъ гимназій должны мы, а увеличивать. Реальныя школы могутъ быть учреждаемы только какъ придатокъ, и если онѣ должны замѣнять собой что-либо, то никакъ не теперешнія гимназіи, а развѣ уѣздныя училища. Только въ этомъ случаѣ учрежденіе ихъ будетъ шагомъ впередъ.

№ 55.

Москва, 11-го марта.

Европейская политика теперь въ застоѣ: только шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ находится въ постоянномъ движеніи, не дѣлая впрочемъ значительныхъ шаговъ ни взадъ, ни впередъ, такъ что движеніе его можно назвать круговратнымъ. Прусскія полуофиціяльныя газеты стараются увѣрить, что послѣдній австрійскій отвѣтъ въ сущности нисколько не измѣнилъ прежняго положенія дѣлъ. Пруссія, говоритъ *Провинціяльная Корреспонденція*, отъ 16-го марта, только потому выставила свои требованія, что Австрія съ своей стороны настаивала на возможно скорѣйшее рѣшеніе вопроса, и желала съ этою цѣлью скорѣйшаго установленія особаго правительства для Герцогствъ. Этому желанію Пруссія удовлетворила на столько, что обозначила напередъ условія, которыя должны составлять основу всякаго дальнѣйшаго рѣшенія. Австрія, продолжаетъ *Провинціяльная Корреспонденція*, не изъявила *пока* согласія на требованія Пруссіи, потому что, по мнѣнію ея, они не соотвѣтствуютъ основаніямъ германскаго союзнаго устройства. Она отклонила предложенія Пруссіи, не выставивъ, впрочемъ, съ своей стороны, никакихъ другихъ предложеній, и такимъ образомъ все дѣло осталось въ прежнемъ положеніи, какъ того и желало прежде само прусское правительство. *Провинціяльная Корреспонденція* прибавляетъ къ этому, что выставленныя Пруссіей условія остаются наименьшею и необходимѣйшею мѣрой того, чего должна требовать эта держава, и что какъ прусскій народъ, такъ и населеніе самихъ Герцогствъ могутъ быть твердо увѣрены, что прусское правительство сумѣетъ осуществить рѣшительно и энергически то, что оно признало необходимымъ въ истинно-національномъ интересѣ, а что пока, до окончательно рѣшенія вопроса, останется во всей своей силѣ общее управленіе Герцогствами, которое, по словамъ *Провинціяльной Корреспонденціи*, ведется при совершеннѣйшемъ единодушіи между Австріей и Пруссіей назначенными отъ нихъ коммиссарами.

Несмотря, однакоже, на такой увѣренный тонъ офиціяльнаго прусскаго органа, въ отношеніяхъ между Пруссіей и Австріей несомнѣнно произошла нѣкоторая перемѣна. Пруссія отклонила австрійскія предложенія, содержавшіяся въ депешѣ отъ 21-го декабря. Австрія въ свою очередь отклонила прусскія предложенія и обѣ сослались лишь на права, пріобрѣтенныя ими въ Герцогствахъ войной. Такимъ образомъ переговоры пріостановились, и возобновленія ихъ трудно ожидать въ непродолжительномъ времени. Этимъ перерывомъ переговоровъ между обѣими великими нѣмецкими державами спѣшатъ воспользоваться Баварія и Саксонія съ своими меньшими спутниками, къ числу которыхъ, впрочемъ, не принадлежатъ ни Ганноверъ, ни Виртембергъ, ни многія другія болѣе мелкія германскія государства. Нерасположенныя къ Пруссіи нѣмецкія прави-

тельства стараются привлечь Австрію окончательно на свою сторону, и заявляютъ ей, что не сдѣлаютъ по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу ни одного шага, который былъ бы въ противорѣчіи съ ея намѣреніями. Въ настоящее время дѣло идетъ о томъ, чтобы поднять шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ на германскомъ сеймѣ. Сама Австрія, говорятъ, начинаетъ поощрять къ этому Баварію и Саксонію, и Вѣнскій кабинетъ озабоченъ теперь составленіемъ текста для предполагаемаго запроса на сеймѣ. Съ этою цѣлью австрійскій уполномоченный на германскомъ сеймѣ, г. фонъ-Кюбекъ, былъ вызванъ въ Вѣну, куда онъ и прибылъ въ сопровожденіи австрійскаго посланника въ Мюнхенѣ, графа Бломе. Послѣдній, бывшій еще недавно горячимъ приверженцемъ прусско-австрійскаго союза, теперь сильно агитируетъ въ Вѣнѣ въ пользу сближенія Австріи съ меньшими государствами Германіи. Въ этомъ же духѣ дѣйствуютъ нѣкоторые члены высшей австрійской аристократіи, въ томъ числѣ президентъ палаты вельможъ, князь Карлъ Ауэршпергъ, и князь Іоаннъ Лихтенштейнъ, не говоря уже о г. фонъ-Шмерлингѣ, который былъ бы даже въ пользу сближенія Австріи съ Франціей, лишь бы только отдѣлаться отъ союза съ Пруссіей. Свѣдущіе корреспонденты увѣряютъ, что будущій запросъ на сеймѣ, изготовляемый при дѣятельномъ участіи Австріи, не обнаружитъ нисколько видовъ враждебныхъ къ Пруссіи. Въ немъ будутъ высказаны желанія относительно скорѣйшаго разрѣшенія шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, относительно предоставленія принцу Августенбургскому временной власти въ Герцогствахъ, и также относительно созванія ихъ чиновъ. Г. фонъ-Кюбекъ будто бы высказываетъ увѣренность, что подобное предложеніе, будучи поддерживаемо Австріей, получитъ большинство на германскомъ сеймѣ. Но не бездѣйствуетъ и Пруссія. Она точно также призвала своего уполномоченнаго во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ Берлинъ для подробныхъ совѣщаній и инструкцій, которыя имѣютъ цѣлію устроить большинство на сеймѣ въ ея пользу. Какое, однако, значеніе могутъ имѣть рѣшенія этого большинства, послѣ того какъ при началѣ датской войны сама Австрія, заодно съ Пруссіей, показала явное къ нимъ пренебреженіе, а Пруссія, въ извѣстной депешѣ г. фонъ-Бисмарка, въ прошломъ декабрѣ, заранѣе заявила, что въ извѣстныхъ случаяхъ она не преклонится ни предъ какимъ большинствомъ на сеймѣ? Берлинскіе корреспонденты полагаютъ, впрочемъ, что Австрія не доведетъ дѣло до крайности, и постарается, хотя бы только для вида, сохранить дружбу и союзъ съ Пруссіей, обращается же она къ содѣйствію сейма только для того, чтобы сдѣлать Пруссію болѣе сговорчивою. Между тѣмъ въ Вѣнѣ распространился слухъ, что г. фонъ-Шмерлингъ подалъ въ отставку.

Выгода положенія, занятаго г. фонъ-Бисмаркомъ, условливается преимущественно тѣмъ, что ни одна изъ великихъ державъ не расположена и ни одно изъ мелкихъ государствъ Германіи не можетъ дать Пруссіи сильный отпоръ. Никому въ Европѣ не выгодно поддерживать Пруссію въ ея притязаніяхъ, но никому и не удобно брать на себя издержки и отвѣтственность борьбы съ Пруссіей. Вотъ чѣмъ ограничиваются благопріятныя для Пруссіи обстоятельства. Неужели г. фонъ-Бисмарку удастся на такой скользкой почвѣ утвердить рычагъ свой? Ловкому политику было бы не трудно лишить эту почву всякой упругости: неужели не найдется въ Европѣ такой политикъ? Мы уже не говоримъ объ Австріи и о значительной части мелкихъ германскихъ государствъ, которыя охотно сгруппировались бы вокругъ нея: ихъ интересы очевидны. Но и въ остальной Европѣ есть много элементовъ, которые въ этомъ дѣлѣ могли бы оказать взаимное притяженіе. Въ недавней своей депешѣ въ Вѣну англійское правительство дало почувствовать, что въ вопросахъ, которые касаются Шлезвигъ-Гольштейна, оно желаетъ, чтобы были принимаемы во вниманіе права какъ чиновъ этихъ Герцогствъ, такъ и Германскаго Союза. Россія, безъ сомнѣнія, еще болѣе заинтересована, чѣмъ Англія, тѣмъ, чтобы права Германскаго Союза не были нарушены Пруссіей. Что касается до Франціи, то весьма замѣчательно, что какъ только была отправлена послѣдняя австрійская депеша въ Берлинъ, князь Меттернихъ поспѣшилъ сообщить г. Друэнъ-де-Люису ея содержаніе, прибавивъ, что въ Герцогствахъ будетъ продолжаться прежній временный порядокъ вещей, и что отношенія между Пруссіей и Австріей по прежнему остаются самыя дружественныя. Упроченія этихъ друже-

ственныхъ отношеній именно и не желаетъ Франція, и только потому, конечно, она не перестаетъ заявлять, что шлезвигъ-гольштейнскія дѣла не касаются ея и что Пруссія можетъ разрѣшить этотъ вопросъ въ свою пользу безъ помощи Австріи и даже вопреки ея видамъ. Франція прежде всего желаетъ поставить Австрію въ изолированное положеніе. Для достиженія этой цѣли она выставляетъ впередъ начало національностей при рѣшеніи шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, въ увѣренности, что Австрія не согласится признать это начало, особенно же, если это признаніе должно повлечь за собою увеличеніе могущества Пруссіи. Въ то же время Франція своею италіянскою политикой дѣлаетъ для Австріи въ высшей степени затруднительнымъ энергическое сопротивленіе властолюбивымъ видамъ Пруссіи, и такимъ образомъ сама разрушаетъ одною рукой то что созидаетъ другою. Какъ бы то ни было, если Франція отчасти и поощряетъ властолюбіе Пруссіи, то единственно потому что ей желательны замѣшательства и столкновенія въ Германіи. Вѣрнаго разчета на поддержку со стороны Франціи Пруссія имѣть не можетъ. Дѣло очевидное, что Россія преимущественно заинтересована поддержаніемъ въ Германіи нынѣшняго порядка вещей. Тѣмъ не менѣе увѣряютъ, что Франція теперь болѣе чѣмъ когда ищетъ сближенія съ Россіей, и въ этомъ отношеніи указываютъ особенно на то, что всѣ парижскіе журналы получили приглашеніе не поднимать вовсе вопроса о Польшѣ въ продолженіе преній объ адресѣ, и что имъ не было даже дозволено перевести статью *Morning Post*, неблагопріятно отзывавшуюся о Россіи по поводу польскаго вопроса, чтобы не подавать Россіи ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ. Не показываютъ ли подобные оттѣнки во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ, что прусскія притязанія на Шлезвигъ-Гольштейнъ находятся въ гораздо большей зависимости отъ комбинацій европейской политики, чѣмъ повидимому полагаетъ *S.-Petersburger-Zeitung*.

№ 56.

Москва, 12-го марта.

Наша народная жизнь отличается здоровьемъ, но всякое здоровье можетъ испортиться. У насъ нѣтъ вражды между сословіями, но кто поручился бы, что у насъ нельзя искусственно вызвать ее, тотъ поручился бы въ невозможномъ. Демагогія не имѣла у насъ до сихъ поръ почвы, но если обстоятельства будутъ благопріятствовать ея водворенію, то у насъ въ очень скоромъ времени могутъ появиться демагоги всѣхъ сортовъ. Теперешніе земскіе выборы показываютъ намъ русскій народъ въ томъ его видѣ, который данъ ему его исторіей. Они происходятъ на другой день послѣ освобожденія крестьянъ, которое, по всѣмъ человѣческимъ разчетамъ, не могло не вызвать раздраженія съ одной стороны и притязаній съ другой и во всякомъ случаѣ должно было дать просторъ всѣмъ тѣмъ чувствамъ непріязни, которыя были порождаемы въ крестьянахъ крѣпостнымъ правомъ, но имъ же и сдерживались. И что же мы видимъ? Мы видимъ, что земскіе выборы, происходящіе среди такихъ условій и притомъ происходящіе на основаніи закона, предоставляющаго низшимъ классамъ полную возможность совершенно удалить высшій классъ общества отъ общественныхъ дѣлъ,—мы видимъ что земскіе выборы совершаются въ духѣ справедливости и взаимнаго довѣрія. Въ большей части уѣздовъ, гдѣ доселѣ были земскіе выборы, даже землевладѣльческіе съѣзды—этотъ аристократическій элементъ въ новой земской системѣ—состояли изъ мелкихъ собственниковъ, между которыми крупные исчезали какъ капля въ морѣ, и исчезали не потому что кто-нибудь изъ нихъ числа полѣнился прибыть на съѣздъ, а потому что такое положеніе доставалось имъ на основаніи закона, въ силу котораго на иномъ землевладѣльческомъ съѣздѣ, состоящемъ изъ 80 лицъ, могутъ имѣть 70 голосовъ 70 человѣкъ представляющихъ собой 14.000 десятинъ земли, между тѣмъ какъ втрое и вчетверо большее пространство земли представлено только десятью голосами. Еслибы голоса были распредѣлены равномѣрно, еслибы крупному владѣнію была предоставлена равноправность съ владѣніемъ мелкимъ, и право голоса соотвѣтствовало обязанности платить поземельный сборъ, то крупное владѣніе получило бы въ такомъ уѣздѣ не 10, а 210 или 280 голосовъ, то-есть въ 21 или 28 разъ больше нежели теперь, когда оно на 21 или на 28 разъ меньше представлено противъ того какъ требовало бы равен-

ство. Примѣръ, нами приведенный, заимствованъ не изъ воображенія, а изъ дѣйствительности. Отношеніе не вездѣ такъ неблагопріятно, но нигдѣ въ Россіи не найдется такого уѣзда, гдѣ бы крупные собственники, владѣющіе половиной уѣзда, не были въ значительномъ меньшинствѣ на землевладѣльческомъ съѣздѣ. Но этого мало. Землевладѣльческій съѣздъ имѣетъ право выбирать отъ себя только половину, а иногда и меньше общаго числа уѣздныхъ гласныхъ. Остальныхъ выбираютъ два другіе съѣзда, устроенные на основаніяхъ еще болѣе демократическихъ. Въ городскомъ съѣздѣ цензъ еще ниже, а въ съѣздѣ общинниковъ и вовсе нѣтъ ценза. Такимъ образомъ низшіе классы имѣютъ въ уѣздѣ рѣшительную власть надъ высшимъ классомъ. Не въ правѣ ли мы сказать, что примѣненіе подобнаго избирательнаго закона есть самая сильная проба, какую только можно представить себѣ для испытанія тѣхъ инстинктовъ нашего народа, которыми надѣлила его исторія? Пусть же люди, твердящіе объ антагонизмѣ и взаимномъ отчужденіи сословій въ Россіи, серіозно вникнутъ въ это чрезвычайно серіозное дѣло и укажутъ ту страну въ Европѣ, гдѣ избирательный законъ, подобный нашему земскому закону, изданный тотчасъ же вслѣдъ за отмѣной состоянія, которое по закону было недалеко отъ рабства, не вызвалъ бы взрыва народныхъ страстей и не положилъ бы конца политическому существованію высшаго класса. Не подтверждаетъ ли ходъ земскихъ выборовъ мнѣнія тѣхъ, которые утверждали и утверждаютъ, что русскій народъ, какъ онъ созданъ своей исторіей, что русскій народъ, въ своей внутренней организаціи и въ своемъ настроеніи, совершенно свободенъ отъ тѣхъ болѣзней, которыя препятствуютъ правильному политическому развитію? Наша исторія дала намъ не много, но она уберегла насъ отъ многаго, и заготовила всѣ условія для счастливаго и богатаго будущаго. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ результатъ земскихъ выборовъ, оставившихъ за дворянствомъ первенство въ высшихъ земскихъ учрежденіяхъ даже тамъ, гдѣ, какъ въ Самарской губерніи, наличный составъ дворянства малочисленъ.

Есть люди, которые съ какимъ-то страннымъ злорадствомъ стараются ловить всякій признакъ, дающій имъ поводъ, посредствомъ разныхъ натяжекъ, убѣждать себя и другихъ что русское дворянство есть наростъ, который надобно снять чтобы русская исторія могла двинуться впередъ. Не пора ли хоть теперь откинуть мысль о подобныхъ операціяхъ надъ русскою исторіей? Чего можно опасаться отъ дворянъ, когда крестьяне не только освобождены отъ ихъ власти, но и получили власть надъ ними самими? Зависимость дворянъ отъ крестьянъ, крупныхъ землевладѣльцевъ отъ мелкихъ съ каждымъ годомъ будетъ становиться больше и больше, по мѣрѣ того какъ крестьяне будутъ покупать себѣ землю. Господствуя въ съѣздахъ общинниковъ, они, въ качествѣ мелкихъ собственниковъ, все болѣе и болѣе будутъ получать преобладаніе и въ съѣздахъ землевладѣльческихъ. Говорить о дворянахъ, о крупныхъ собственникахъ теперь уже анахронизмъ. Надобно говорить о тѣхъ, кому по закону принадлежитъ власть, а не о тѣхъ, за кѣмъ она оставляется *by courtesy*. Надобно говорить о крестьянахъ, и о нихъ надобно заботиться, а позаботиться о нихъ очень стоитъ. Теперь крестьяне ведутъ себя скромно и дѣйствуютъ справедливо; они не злоупотребляютъ своимъ преобладаніемъ. Но изъ того что теперь мы не видимъ дурныхъ инстинктовъ въ русскомъ крестьянствѣ, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы дурные инстинкты не могли развиться въ немъ въ послѣдствіи. Дабы не вдаваться въ теорію, возьмемъ примѣръ. Во многихъ уѣздныхъ управахъ засѣдаютъ крестьяне съ жалованьемъ отъ 800 до 1.500 руб.; одинъ крестьянинъ засѣдаетъ въ самарской губернской управѣ съ жалованьемъ 2.500 р. Въ очень многихъ мѣстахъ уѣздные гласные избранные изъ крестьянъ требуютъ себѣ суточныхъ денегъ, и суточныя деньги будутъ вѣроятно назначены имъ въ размѣрѣ привлекательномъ для простаго крестьянина. На все это очень стоитъ взглянуть трезвыми глазами, не ослѣпляя себя новизной дѣла. Очень стоитъ осмотрѣться вокругъ себя, взглянуть на другія европейскія государства, и дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что ни въ одномъ государствѣ Европы, ни даже тамъ, гдѣ введена поголовная подача голосовъ, не существуетъ такихъ искушеній для людей изъ низшаго класса общества, какъ генеральское жалованье и привилегированное положеніе въ высшемъ чиновничествѣ. Устоятъ ли противъ такихъ искушеній наши

крестьяне? Если устоятъ, то для нихъ не нужно было бы никакихъ законовъ, никакихъ властей. Они были бы люди непогрѣшимые. Но, къ сожалѣнію, русскіе крестьяне, при всѣхъ достоинствахъ русскаго крестьянства, такіе же люди какъ и прочіе смертные. Къ сожалѣнію нельзя не опасаться что многіе изъ нихъ польстятся и на суточныя дачи, и на жалованье, и на панибратство съ властями. А эти многіе не упустятъ, конечно, воспользоваться тѣмъ преобладаніемъ, которое предоставлено крестьянамъ въ земскихъ учрежденіяхъ. Тогда во главѣ земства станутъ люди необразованные, не самостоятельные, и слѣдовательно легко подчиняющіеся чужому вліянію; вмѣстѣ съ тѣмъ явятся и люди, которые захотятъ воспользоваться простодушіемъ массъ и подчинить властителей земства своей власти,—явятся демагоги. И мы никакъ не должны успокоивать себя тѣмъ, что все это потребуетъ времени для своего развитія. Совершенно напротивъ: для всего этого уже теперь есть элементы. Любой начетчикъ какъ разъ превратится въ демагога, коль скоро власть достанется массамъ.

№ 57.

Москва, 13-го марта.

Вслѣдствіе нѣкоторой неправильности въ полученіи англійскихъ газетъ за послѣднее время, мы нѣсколько запоздали сообщеніемъ читателямъ нашимъ ближайшихъ свѣдѣній о засѣданіи Британской палаты общинъ, въ которомъ извѣстный членъ ея, г. Попъ Геннесси, снова явился адвокатомъ польскаго дѣла. Правду сказать, этотъ парламентскій эпизодъ самъ по себѣ можетъ быть интересевъ только какъ куріозъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничего забавнѣе нельзя было бы придумать, какъ предложеніе ирландскаго защитника Польши наказать Россію удержкою слѣдующей ей уплаты по русско-голландскому долгу. Вотъ послѣдняя фаза той сверкавшей перунами и гремѣвшей громами исторіи, которая происходила съ небольшимъ года полтора тому назадъ, потрясая міръ и грозя перевернуть вверхъ дномъ весь существующій въ сѣверо-восточной части Европы порядокъ вещей: отказать непокорной Россіи въ семидесяти съ чѣмъ-то тысячахъ фунтовъ стерлинговъ, платимыхъ ей изъ англійскаго казначейства по вышеозначенному обязательству. Невозможно было бы придумать болѣе комической развязки, если только принять выходку г. Попа Геннесси, дѣйствительно, за развязку недавно происходившей исторіи. Интересно также и то, что этотъ ярый противникъ Россіи старался теперь очистить себя отъ всякаго нареканія, будто онъ считалъ возможною войну изъ-за Польши. Онъ, самый ревностный защитникъ польскаго дѣла въ Англіи, и въ виду не имѣлъ дѣятельнаго съ ея стороны вмѣшательства въ это дѣло.

Мы имѣемъ однако нѣкоторыя основанія думать, что за всѣми этими мистификаціями и пуфами, за всѣми этими выходками лишенными серіознаго значенія, есть кое-что и серіозное, кое-что заслуживающее вниманія. Дѣло не въ польскомъ вопросѣ. Есть для Россіи вопросъ несравненно болѣе существенный, — вопросъ о ея собственномъ существованіи, объ обстоятельствахъ ея внутренняго развитія, обстоятельствахъ, отъ которыхъ зависитъ всякій вопросъ, какой только можетъ быть враждебно поднятъ противъ нея. Во всѣхъ заявленіяхъ 1863 года по польскому дѣлу мы видѣли мистификацію, и послѣдствія доказали, что мы не ошибались. Мы готовы видѣть такой же разчетъ и въ стараніяхъ воздерживаться въ настоящее время отъ всякихъ заявленій, которыя Россія могла бы истолковать во враждебномъ себѣ смыслѣ. Есть очевидно мысль, что относительно Россіи въ настоящее время слѣдуетъ преимущественно держаться особаго рода тактики, которая состоитъ въ томъ, чтобы никакими возбужденіями извнѣ не поддержать патріотическаго духа и національнаго чувства пробудившихся въ русскомъ обществѣ вслѣдствіе вмѣшательствъ и угрозъ. Очевидно есть увѣренность, что Россія, предоставленная самой себѣ, не подвергаясь никакимъ нападкамъ или оскорбленіямъ извнѣ, можетъ успѣшнѣе придти къ результатамъ, которыя удовлетворили бы недоброжелательствующимъ ей интересамъ и партіямъ. Всякій, кто сколько-нибудь понимаетъ положеніе дѣлъ, кто умѣетъ отдавать себѣ отчетъ въ явленіяхъ, пойметъ, что въ настоящее время въ Европѣ дѣйствительно таится подъ разными видами вопросъ, который всего точнѣе можетъ быть названъ вопросомъ русскимъ. И шумъ 1863 года, и ны-

нѣшнее затишье — одно и то же явленіе. Это только два средства достиженія одного и того же результата. Есть убѣжденіе въ существованіи такихъ элементовъ въ самой Россіи, которые могутъ, при содѣйствующихъ условіяхъ, повести ее ко внутреннимъ замѣшательствамъ. Россія переживаетъ самый критическій моментъ своей исторіи, и если теперь не удастся попытка подвергнуть вопросу ея значеніе, то никакая подобная попытка уже не будетъ возможна въ послѣдствіи. Недавно, по поводу разносившихся въ Европѣ клеветъ на русское дворянство, читали мы въ иностранной печати толковыя разсужденія о томъ какъ былъ бы невыгоденъ для многихъ интересовъ и партій истинный прогрессъ Русскаго государства, прекращеніе въ немъ тѣхъ двухсмысленностей, неясностей и недоразумѣній, которыя висятъ надъ его дѣлами, и осуществленіе реформъ, которыя вывели бы изъ всякихъ сомнѣній внутреннія дѣла Россіи, и призвали бы къ полной жизни русскую націю.

Едва начались у насъ внутреннія преобразованія, едва былъ поставленъ крестьянскій вопросъ, столь громадный по своимъ размѣрамъ, соединенный со столькими интересами, касавшійся такъ глубоко всѣхъ основъ нашего общественнаго быта,—вниманіе политическихъ людей Европы тотчасъ же сосредоточилось на нашемъ отечествѣ. Были признаки, казалось, убѣждавшіе самымъ положительнымъ образомъ, что Россія приближается къ великому кризису, что въ ней должны произойдти глубокія замѣшательства, которыя отдадутъ ее совершенно въ руки чуждыхъ ей рѣшителей ея судебъ. Рѣчи, произнесенныя въ британскомъ парламентѣ, не сообщаютъ намъ въ этомъ отношеніи ничего новаго, свидѣтельствуя о томъ внутреннемъ разладѣ, который ожидалось найдти въ Россіи и которому предполагалось способствовать посредствомъ польскаго вопроса. И этотъ польскій вопросъ, и открытое вмѣшательство европейскихъ державъ были вызваны убѣжденіемъ, что Россія находится въ состояніи разложенія, въ состояніи революціонномъ, что всѣ ея общественные элементы въ полномъ броженіи. Правительство казалось разобщеннымъ, не увѣреннымъ въ себѣ, и въ своей собственной организаціи легко доступнымъ для всякихъ враждебныхъ ему самому элементовъ, готовыхъ воспользоваться его авторитетомъ и способами для того чтобы приводить въ исполненіе свои тайные замыслы. Разчетъ казался какъ нельзя болѣе вѣрнымъ; казалось, что при первомъ натискѣ, правительство не выдержитъ, и *русскій вопросъ* разомъ будетъ рѣшенъ весьма легкимъ и дешевымъ способомъ между метущеюся во мракѣ, безсмысленною, терзающею свои собственныя нѣдра общественною массой, и правительствомъ чуждымъ народу, оторваннымъ отъ общества, лишеннымъ внутренней опоры, наполненнымъ собственной организаціи элементами чуждыми, предательскими и враждебными ему. Вышло не такъ; разчетъ, казавшійся вѣрнымъ, оказался неполнымъ. Было кое-что въ разчетъ не входившее и явившееся на свѣтъ при первомъ потрясеніи. Въ русскомъ обществѣ обнаружились признаки зрѣлаго разума и самостоятельнаго движенія какихъ никто не подозрѣвалъ въ немъ; въ правительственной организаціи оказались люди, исполненные истиннаго патріотизма, и верховная власть, совершенно неожиданно для подступавшихъ враговъ явилась во главѣ своего народа сильная всѣми его силами. Всѣ недоразумѣнія исчезали, всѣ затрудненія разрѣшались легко, всѣ несогласія прекращались, всѣ столкновенія улаживались; вмѣсто хаоса, предъ удивленною Европой, явился міръ полный здоровья, крѣпости и силъ, явилось государство, совершившее тысячелѣтній періодъ своего существованія, неудержимо возросшее и восторжествовавшее надъ всѣми затрудненіями и опасностями, готовое вступить въ новый, еще болѣе славный періодъ своего развитія. Такою вдругъ предстала Россія и своимъ и чужимъ, мгновенно измѣнились отношенія къ ней Европы; разомъ смолкли шумливые голоса, осыпавшіе ее оскорбленіями и угрозами; разомъ прекратились нападенія, которымъ она подвергалась. Все измѣнилось съ быстротою сновидѣнія. И вотъ теперь тѣ самые политическіе люди, которые разчитывали на замѣченное ими разъединеніе правительства и народа Россіи, убѣдились, что для достиженія предположенныхъ результатовъ отнюдь не слѣдовало возбуждать народное чувство и призывать русское общество къ жизни. Теперь мы слышимъ въ Европѣ взаимные упреки и взаимныя признанія въ ошибочныхъ разчетахъ. Надобно было бы, говорятъ политическіе люди, предоставить Рос-

сію самой себѣ, не возбуждать неосторожнымъ вмѣшательствомъ патріотическаго движенія въ русскомъ обществѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что европейская политика приняла въ отношеніи къ Россіи совершенно иную тактику. Польскаго вопроса какъ будто никогда не бывало; вмѣсто придирчивости и грубости заступила удивительная вѣжливость относительно Россіи; всего болѣе стараются о томъ, чтобы не затронуть русскаго народнаго чувства, не возбудить русскаго патріотизма не только какимъ-либо неосторожнымъ дѣйствіемъ, но и словомъ брошеннымъ въ парламентѣ или въ газетѣ, которое могло бы огласиться въ Россіи. Никогда русское народное чувство не было предметомъ такого нѣжнаго ухода, никогда не обращались съ нимъ такъ бережно. Надобно было предоставить Россію самой себѣ, вотъ что говорятъ въ англійскомъ парламентѣ, припоминая прошлое; надобно теперь предоставить Россію самой себѣ, вотъ очевидный смыслъ всей нынѣшней политики по отношенію къ Россіи.

Сдѣланный опытъ принесъ свою пользу: политическихъ людей, имѣвшихъ съ нами дѣло, онъ научилъ многому. Прежнихъ ошибокъ не повторятъ. Въ прежнихъ соображеніяхъ и разчетахъ сдѣланы поправки; но не все въ этихъ разчетахъ признано невѣрнымъ; во многомъ, напротивъ, проницательные люди убѣдились еще болѣе.

Предоставляя Россію самой себѣ, искусная политика имѣетъ въ виду, что съ устраненіемъ внѣшнихъ причинъ, возбуждавшихъ жизнь въ русскомъ обществѣ и духъ патріотизма въ русскомъ народѣ, не окажется достаточно сильныхъ внутреннихъ причинъ, которыя могли бы поддерживать эту вспыхнувшую жизнь, этотъ пробудившійся духъ, а напротивъ, откроется возможность дѣйствовать причинамъ другаго свойства.

На какія внутреннія неблагопріятныя для Россіи условія можно теперь разчитывать, при совершенномъ затишьѣ извнѣ?— вопросъ интересный, и о немъ стоитъ поразмыслить. Парламентскій разговоръ, возбужденный г-мъ Гешесси въ палатѣ общинъ, несмотря на ничтожество своихъ результатовъ, даетъ поводъ къ замѣчаніямъ и соображеніямъ не лишеннымъ интереса въ настоящую минуту,—и къ нему стоитъ возвратиться.

№ 58.

Москва, 15-го марта.

Конституціонная борьба въ Пруссіи съ каждымъ засѣданіемъ палаты депутатовъ разгарается все сильнѣе и сильнѣе, несмотря на то что съ обѣихъ сторонъ много говорится о примиреніи и ясно сознается, какую цѣну имѣло бы оно при настоящихъ обстоятельствахъ. Палата депутатовъ, не менѣе самого министерства, проникнута патріотическимъ духомъ, и прогрессивное большинство ея ясно сознаетъ великое значеніе королевской власти для Прусскаго государства. Со стороны этого большинства, въ продолженіе теперешнихъ преній по поводу общаго доклада бюджетной коммиссіи, было высказано, что королевская власть обезпечиваетъ самое существованіе Пруссіи, и что съ паденіемъ ея и самое государство могло бы распасться на свои составныя части. Ничего сильнѣе этого не могли бы сказать ни прусскіе феодалы, ни члены нынѣшняго прусскаго министерства. Вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ прогрессистовъ заявилъ, что сдѣлка между палатой депутатовъ и министерствомъ была бы истиннымъ торжествомъ патріотизма надъ эгоизмомъ, скромности надъ суетностью и тщеславіемъ. Спрашивается: что же мѣшаетъ этой сдѣлкѣ и придаетъ борьбѣ характеръ ожесточенія, который подвергаетъ опасности самое существованіе нынѣшней прусской конституціи?

Въ Пруссіи борьба ведется теперь собственно не за власть и не за то или другое направленіе общей политики. Партія прогрессистовъ, которая составляетъ значительное большинство въ палатѣ депутатовъ, не имѣетъ въ своей средѣ людей, которые могли бы имѣть хотя какую-нибудь надежду, или которые обнаруживали бы какое-либо притязаніе на то, чтобы стать министрами короля. Просматривая списокъ лицъ, принадлежащихъ къ этой партіи, мы не встрѣчаемъ въ немъ никого, ктобы искусился въ практическомъ веденіи государственныхъ дѣлъ въ какой-либо значительной должности, и кто бы имѣлъ достаточную опытность для управленія тою или другою отраслью государственныхъ дѣлъ. Съ другой стороны не замѣчается и существенной разницы между нынѣшнимъ министерствомъ и большинствомъ палаты депутатовъ въ ихъ воззрѣ-

ніяхъ на главнѣйшіе вопросы германской и внѣшней политики. Большинство палаты также, какъ и само министерство, имѣетъ въ виду увеличить могущество и силы Пруссіи черезъ присоединеніе къ ней Герцогствъ и черезъ распространеніе ея власти и вліянія по возможности на всю сѣверную Германію. Палата депутатовъ признаетъ, хотя и не совсѣмъ охотно, что министерство вело внѣшнія дѣла Пруссіи съ большою ловкостью и энергіей. При всемъ желаніи своемъ, она не могла открыть никакихъ злоупотребленій и никакихъ безпорядковъ въ финансовомъ управленіи страны. Финансы Пруссіи, дѣйствительно, чуть-ли не самые благоустроенные въ цѣлой Европѣ, и ея бюджетъ—почти единственный, въ которомъ расходы издавна вполнѣ уравновѣшены съ приходомъ; даже несмотря на то что изъ государственной запасной казны было взято 10 милліоновъ талеровъ на издержки прошлогодней войны, въ этой казнѣ все еще остается слишкомъ 11 милліоновъ. Несмотря на все желаніе, палата не могла доказать и то, чтобы министерство пренебрегало какими бы то ни было положительными потребностями страны. Такимъ образомъ, внѣшняя политика, — по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ цѣляхъ—и внутреннее управленіе во всемъ, что̀ касается до финансовъ и удовлетворенія положительныхъ потребностей народной жизни, оказываются почти безукоризненными съ точки зрѣнія самой палаты депутатовъ. Она сознаетъ сама, что этими результатами страна много обязана нынѣшнему министерству, точно также, какъ само министерство признается, что оно въ финансовомъ управленіи большею частію руководствовалось соображеніями и резолюціями палаты депутатовъ. При такихъ условіяхъ казалось бы, что миръ между обѣими сторонами можетъ быть возстановленъ какъ нельзя легче, и что между ними возможно дружное взаимнодѣйствіе для достиженія однѣхъ и тѣхъ же цѣлей. Но на дѣлѣ выходитъ иначе.

Борьба идетъ собственно о правѣ нижней палаты утверждать, отвергать и измѣнять представляемую ей ежегодно смѣту общихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Этотъ вопросъ, какъ извѣстно, возникъ осенью 1862 года въ связи съ вопросомъ о преобразованіи арміи. Преобразованіе это имѣетъ цѣлью не только усилить численный составъ арміи, на что̀ согласна до извѣстной степени и палата депутатовъ, но и развить въ арміи, въ большей противъ прежняго мѣрѣ, особый армейскій духъ и воинскую годность чрезъ увеличеніе срока службы (въ дѣйствующей арміи съ двухъ лѣтъ до трехъ, и въ резервѣ въ продолженіе двухъ лишнихъ лѣтъ), уменьшивъ при этомъ срокъ службы въ земскомъ ополченіи и ослабивъ вообще значеніе послѣдняго. Земское ополченіе, какъ высказался военный министръ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты, должно впредь составлять не половину всей прусской арміи въ случаѣ войны, а только служить подкрѣпленіемъ для нея. Главная боевая сила Пруссіи должна заключаться въ ея постоянномъ войскѣ, почему численный составъ арміи въ мирное время долженъ быть неменьше 200.000 человѣкъ и срокъ службы въ этомъ войскѣ долженъ быть неменѣе трехъ лѣтъ. Только въ такомъ случаѣ, призывая ежегодно подъ знамена около 60.000 молодыхъ людей, достигшихъ 20-ти лѣтняго возраста, упражняя ихъ въ военномъ дѣлѣ три года сряду, прусская армія станетъ вполнѣ удовлетворительною военною школой для всего прусскаго народа, и Пруссія будетъ въ состояніи сохранить и возвеличить свое нынѣшнее положеніе среди великихъ европейскихъ державъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій и вслѣдствіе удобствъ для передвиженія войскъ, войны не могутъ быть такъ продолжительны, какъ прежде, и государство должно съ самаго начала располагать вполнѣ приготовленною боевою силой, не разчитывая на возможность подготовить солдатъ къ войнѣ уже послѣ того, какъ она началась. Таковы доводы правительства въ пользу совершеннаго имъ преобразованія арміи на новыхъ началахъ, при чемъ оно указываетъ, что̀ сама палата депутатовъ назначала, въ продолженіе двухъ лѣтъ, 1860 и 1861, по девяти милліоновъ на это преобразованіе въ видѣ временнаго и чрезвычайнаго расхода, и только въ 1862 году, когда преобразованіе было уже отчасти совершено, вычеркнула эти дополнительныя суммы изъ бюджета. Палата депутатовъ, съ своей стороны, возстаетъ противъ произведеннаго уже преобразованія арміи не столько на основаніи финансовыхъ соображеній,—такъ какъ опытъ показалъ, что финансы Пруссіи не пришли отъ того въ разстройство,—сколько на основаніи эко-

номическихъ и еще болѣе политическихъ видовъ. Увеличеніе арміи,—говорилъ г. Фоше, въ засѣданіи 20-го марта,—влечетъ за собою не только увеличеніе общихъ государственныхъ издержекъ въ ущербъ для другихъ, болѣе производительныхъ казенныхъ затратъ, но и уменьшаетъ массу производительнаго труда, которымъ располагаетъ страна, дѣлаетъ невозможнымъ накопленіе сбереженій, подрываетъ благосостояніе страны, а слѣдовательно, дѣлаетъ ее менѣе способною выдерживать и самыя войны, такъ какъ деньги издавна признаются нервомъ войны. Притомъ же новое преобразованіе арміи направлено къ тому, чтобы дать возможно-большее развитіе особому военному классу въ народѣ, примыкающему непосредственно къ правительству, повинующемуся офицерамъ, которые выходятъ не изъ среды народа, а исключительно изъ дворянскаго класса,—тогда какъ земское ополченіе,—значеніе котораго теперь совершенно умаляется, было учрежденіемъ вполнѣ народнымъ, и самые офицеры его выходили изъ всѣхъ слоевъ общества. Въ преобразованной арміи большинство палаты депутатовъ видитъ, и не безъ основанія, опасность для народныхъ вольностей, но всѣ усилія большинства избавить страну отъ этой опасности остаются тщетными. Вопреки постановленіямъ палаты депутатовъ, начиная съ осени 1862 года, правительство продолжало производить расходы на армію, не утвержденные палатой, и вотъ уже третій годъ, какъ Пруссія управляется безъ законно-установленнаго бюджета.

Теперь между нижнею палатой и министерствомъ происходитъ генеральная битва. Она началась въ засѣданіи 14-го марта, по поводу общаго доклада бюджетной коммиссіи и продолжается уже шесть засѣданій сряду. Положеніе, которое приняла при этомъ нижняя палата, обнаруживаетъ съ ея стороны значительную тактическую ловкость. Общій докладъ бюджетной коммиссіи разчитанъ на то, чтобы привлечь на сторону палаты депутатовъ всѣ классы населенія, за которыми въ Пруссіи осталось политическое значеніе. Съ этою цѣлью докладъ предлагаетъ возвысить жалованье унтеръ-офицеровъ и солдатъ арміи, учителей народныхъ училищъ и духовныхъ лицъ, второстепенныхъ чиновниковъ, которыхъ въ Пруссіи считается свыше 51 тысячи; далѣе и въ тѣхъ же видахъ коммиссія предлагаетъ удовлетворить требованіямъ промышленныхъ классовъ относительно производительныхъ казенныхъ издержекъ, и уменьшить различные налоги, въ томъ числѣ промысловый, подоходный и на строенія. Такимъ образомъ всѣ низшіе чиновники, всѣ промышленники и наконецъ весь простой народъ, поставляющій солдатъ, заинтересованы успѣшнымъ исходомъ борьбы, предпринятой палатою депутатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдившись на дѣлѣ въ безполезности не разрѣшать правительству тѣхъ или другихъ расходовъ, палата дѣлаетъ теперь попытку забрать въ свои руки источники самихъ доходовъ, и въ докладѣ своемъ настаиваетъ на томъ, чтобы размѣры подоходнаго налога, а также налога на строенія, ежегодно были вновь назначаемы самими палатами, при обсужденіи бюджета. Такимъ образомъ, правительство относительно значительной части доходовъ было бы поставлено въ прямую зависимость отъ нижней палаты, тѣмъ большую, что разрѣшеніе не платить того или другаго налога могло бы всегда встрѣтить сочувствіе со стороны большинства плательщиковъ податей. По свидѣтельству одного изъ приверженцевъ нынѣшняго министерства, предложенія бюджетной коммиссіи произвели сильное впечатлѣніе въ странѣ и породили значительное волненіе. До такой крайности доведено теперь дѣло. Большинство палаты, состоящее изъ чиновниковъ и людей городскаго сословія, не въ силахъ образовать изъ своей среды министерство, но оно, повидимому, скоро будетъ въ силахъ дать прусскому правительству убѣдительный урокъ въ томъ, что то правительство не можетъ считаться прочнымъ, которое опирается только на чиновниковъ и на войско.

№ 59.

Москва, 16-го марта.

Вопросъ о народномъ обученіи, всегда важный, теперь имѣетъ у насъ самое настоятельное значеніе. Отвсюду слышатся жалобы на развитіе пьянства въ страшныхъ размѣрахъ; вездѣ возникаютъ серіозныя опасенія тѣхъ послѣдствій, которыми угрожаютъ нашей общественной жизни неизбѣжныя спутницы его, безнравственность

и нищета; повсюду распространяется убѣжденіе въ необходимости какой-либо мѣры ограничивающей число мѣстъ распивочной продажи водки и усиливающей надзоръ за ними. Но можно ли ожидать, чтобы подобная внѣшняя мѣра, которой потребность впрочемъ несомнѣнна, была въ силахъ оградить народный бытъ отъ зла, теперь всѣми сознаннаго? Не было ли пьянство главнымъ препятствіемъ къ развитію благосостоянія въ средѣ государственныхъ крестьянъ еще въ то время, когда число питейныхъ домовъ было ограничено закономъ? Не служитъ ли это явнымъ указаніемъ на то, что на ряду съ внѣшнею мѣрой требуются другія мѣры, болѣе внутренняго свойства, клонящіяся къ возвышенію уровня умственнаго и нравственнаго образованія нашего народа? Теперь уже достаточно обнаружился характеръ нашихъ земскихъ учрежденій. Теперь ни для кого уже не тайна, что въ этихъ учрежденіяхъ значеніе образованныхъ классовъ находится въ зависимости отъ классовъ необразованныхъ. Не ясное ли дѣло, что для спасенія общества отъ грозныхъ послѣдствій такого преобладанія надобно всѣми силами содѣйствовать тому, чтобъ образованіе какъ можно болѣе распространялось у насъ между низшими классами? Люди слѣпые и темные не подлежатъ даже вмѣненію. Какое употребленіе сдѣлаютъ они изъ предоставленной имъ власти, это вполнѣ зависитъ отъ случая, не поддающагося предусмотрѣнію. Чего же можемъ мы ожидать для нашей будущности, для будущности поколѣнія, которое за нами послѣдуетъ, если не примемся теперь же серіозно работать надъ нравственнымъ и умственнымъ возвышеніемъ класса, получающаго у насъ огромную политическую силу? Наконецъ, если желательно, чтобы русскій народъ пріобрѣлъ въ русскихъ понятіяхъ равноправность съ иностранцами живущими въ Россіи,—если желательно, чтобы національное чувство нашло себѣ дѣйствительное основаніе, то и для этого необходимо поднять уровень русскаго простонародья. Освобожденіе крестьянъ улучшило ихъ матеріяльное благосостояніе, по крайней мѣрѣ перемѣстило въ ихъ пользу распредѣленіе народнаго богатства. Жертвы, понесенныя для этой цѣли высшимъ классомъ, пропали бы даромъ, еслибы вслѣдъ затѣмъ не улучшились и нравственныя условія, отъ которыхъ зависитъ полезное или вредное употребленіе матеріяльныхъ средствъ.

Чѣмъ менѣе богато и менѣе развито само общество, чѣмъ обширнѣе средства, находящіяся въ распоряженіи государства, чѣмъ болѣе поглощаетъ оно собой силы страны, чѣмъ менѣе возлѣ него имѣетъ простора дѣятельность церкви и частная или общественная инициатива, тѣмъ болѣе успѣхи народнаго образованія зависятъ отъ правительства и отражаются въ количествѣ суммъ, употребляемыхъ ежегодно государствомъ на этотъ предметъ сравнительно съ другими государственными расходами. Изъ этого слѣдуетъ, очевидно, что въ Россіи успѣхъ народнаго обученія условливается преимущественно поддержкой со стороны государства.

Нѣтъ сомнѣнія, что относительно производительныхъ издержекъ вообще и издержекъ на народное просвѣщеніе въ особенности, малыя государства, не обязанныя участвовать въ рѣшеніи великихъ политическихъ вопросовъ и содержать въ этихъ видахъ значительную военную силу, поставлены въ условія болѣе благопріятныя, чѣмъ государства первоклассныя или такъ-называемыя великія державы. Недавно въ прусской нижней палатѣ министерству поставлялось въ вину, что военный бюджетъ до несообразности превышаетъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія. И дѣйствительно, Пруссія въ этомъ отношеніи никакъ не можетъ выдержать сравненія съ мелкими государствами Германіи, напримѣръ, съ Виртембергомъ. При общемъ бюджетѣ въ 150 милліоновъ талеровъ, Пруссія издерживаетъ всего пять милліоновъ на дѣло народнаго просвѣщенія, что составляетъ $^1/_{30}$ часть всего ея бюджета и даетъ на каждаго изъ ея жителей около 25 копѣекъ на наши деньги, между тѣмъ какъ Виртембергъ при бюджетѣ въ 23 милліона талеровъ въ состояніи расходовать на народное просвѣщеніе слишкомъ 1.300,000 талеровъ или около $^1/_{20}$ части всего бюджета и около 80 копѣекъ на каждаго изъ своихъ жителей. Но если мы сравнимъ Пруссію не съ Виртембергомъ, а съ Россіей, то получимъ результатъ совершенно противоположный. Изъ общей суммы обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, исчисленныхъ на 1865 годъ въ 368.343.150 р., на министерство народнаго просвѣщенія приходится всего около $6^1/_2$ милліоновъ, что пред-

ставляетъ менѣе $^1/_{60}$ доли всего бюджета (1,7%) и даетъ около $9^1/_2$ копѣекъ на каждаго жителя Имперіи. Правда, что кромѣ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, у насъ есть училища и школы въ вѣдѣніи почти каждаго другаго министерства, такъ что сумма государственныхъ расходовъ на народное просвѣщеніе должна вслѣдствіе того значительно возвыситься. Но и въ Пруссіи тѣ 5 милліоновъ, которые показываются въ бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія не исчерпываютъ собою всѣхъ средствъ, находящихся въ его распоряженіи. Сюда не включены значительныя суммы, назначенныя для училищъ различными завѣщателями и находящіяся въ полномъ распоряженіи государства, точно также какъ суммы, обязательно взносимыя общинами, суммы, выручаемыя самими учебными заведеніями, и сумма 300.000 талеровъ, назначаемая въ личное распоряженіе короля и употребляемая имъ главнѣйшимъ образомъ въ пользу народнаго образованія; наконецъ въ Пруссіи тоже есть кадетскіе корпуса и другія спеціяльныя заведенія, не входящія въ вѣдомство народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, въ совокупности своей средства прусскаго министерства народнаго просвѣщенія несравненно обширнѣе, чѣмъ можно было бы заключить изъ бюджета. Достаточно указать, что на жалованье учителямъ гимназій употребляется 1.305.000 талеровъ, между тѣмъ какъ вообще на содержаніе гимназій изъ государственнаго казначейства идетъ всего только 500.000 талеровъ.

Но въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на способъ употребленія суммъ, отпускаемыхъ министерству народнаго просвѣщенія, и на распредѣленіе ихъ между учебными заведеніями различныхъ степеней и категорій. Первоначальныя народныя училища, особенно въ странѣ, которая далеко не можетъ похвалиться своимъ богатствомъ, требуютъ несравненно большихъ пособій отъ казны, нежели среднія учебныя заведенія и даже университеты, доступные вездѣ только для болѣе или менѣе достаточныхъ классовъ населенія. Взглянемъ же на цифры. Мы съ намѣреніемъ не говоримъ объ Англіи, гдѣ среднія и высшія училища ровно ничего не стоятъ государству, и весь расходъ, около 800.000 ф. ст., идетъ на пособія народнымъ школамъ. Мы беремъ Германію, гдѣ отношенія ближе къ нашимъ и откуда мы заимствовали свои порядки. Въ Виртембергѣ университетское обученіе требуетъ 7% общаго бюджета министерства народнаго просвѣщенія, въ Пруссіи=$12^3/_{10}$%, тогда какъ у насъ на университеты идетъ болѣе 20% всего бюджета министерства народнаго просвѣщенія, или 1.371,000 рублей. Общая сумма содержанія университетовъ въ Пруссіи простирается до 947.000 талеровъ, въ тотъ числѣ прямо изъ казны отпускается только 511.000 талеровъ, такъ что каждый студентъ обходится собственно казнѣ 94 талера въ годъ, а съ присоединеніемъ суммъ изъ завѣщанныхъ фундушей, употребляемыхъ на содержаніе университетовъ 157 талеровъ, тогда какъ каждый изъ нашихъ 4.640 студентовъ и сторонніхъ слушателей обходится казнѣ не менѣе какъ 300 рублей въ годъ.

Къ тому же самому результату приходимъ мы, сравнивая суммы, употребляемыя въ Россіи и въ Пруссіи на содержаніе гимназій, которыя несравненно болѣе еще, чѣмъ университеты, могутъ находить значительную поддержку въ платѣ за ученіе. Въ Россіи считается 96 гимназій и въ нихъ 28.202 ученика, а содержаніе ихъ исчислено на нынѣшній годъ въ 2.350,814 рублей, такъ что каждая гимназія стоитъ почти $24^1/_4$ тысячи, а каждый ученикъ около 83 рублей, и бюджетъ гимназій составляетъ у насъ 36% всего бюджета министерства народнаго просвѣщенія; между тѣмъ какъ въ Пруссіи, при огромномъ числѣ ея гимназій, на содержаніе ихъ идетъ всего 1.937,000, а непосредственно изъ казны 500.000 или $^1/_{10}$ всего бюджета министерства народнаго просвѣщенія. Наши шесть университетовъ и 96 гимназій обходятся казнѣ безъ малаго 4,722.000 рублей. Эта сумма представляетъ собою огромное пожертвованіе для такой небогатой страны, какъ Россія. Вотъ, скажемъ кстати, сильный финансовый доводъ въ пользу того, чтобы мы постарались извлечь изъ столь значительнаго расхода результаты, благотворные для страны, — чтобы мы не позволяя себѣ производства экспериментовъ, послѣдовали въ этомъ дѣлѣ примѣру образованныхъ европейскихъ народовъ, и сдѣлали основой и средоточіемъ гимназическаго образованія классическіе языки и математику. Безъ этого условія никогда не поднимутся ни наши гимназіи, ни наши университеты, для про-

цвѣтанія которыхъ рѣшительно необходимо чтобы студенты имѣли требующуюся степень умственной зрѣлости, пріобрѣтаемой серіознымъ классическихъ образованіемъ. Читатели простятъ намъ это мимоходомъ сдѣланное замѣчаніе, которое, какъ *ceterum censeo*, невольно навертывается подъ перо при всякомъ поводѣ. Наша рѣчь клонится теперь къ тому, чтобы выставить въ возможно яркомъ свѣтѣ справедливость увеличенія казенныхъ издержекъ идущихъ въ Россіи на поддержку народныхъ училищъ.

Было бы утопіей полагать, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Россіи, народныя училища могутъ размножаться и улучшаться безъ сильной поддержки со стороны государства. Чтобы сознать это съ полною силой, стóитъ обратить вниманіе только на то, что въ благоденствующей Англіи, гдѣ общество отличается щедростью на дѣла благотворенія, народныя школы не обходятся безъ значительной издержки со стороны государственнаго казначейства, прилачивающаго на ихъ содержаніе до шести милліоновъ рублей на наши деньги. Это указаніе, краснорѣчивѣе всякихъ теоретическихъ доводовъ убѣждаетъ въ неизбѣжности казенной поддержки для успѣховъ народнаго обученія въ Россіи. Само собой разумѣется, что эта поддержка не должна усыплять дѣятельность земскихъ учрежденій, которыя уже теперь берутся за народное обученіе; она должна только поощрять ее, усиливая ея результаты и являясь только тамъ, гдѣ земство уже принесло свою жертву. Но нѣтъ возможности возлагать въ этомъ дѣлѣ на земство всѣ надежды; нѣтъ возможности ожидать, чтобы земство повело его бодро, не имѣя въ виду казенной приплаты къ своимъ расходамъ.

№ 60.

Москва, 17-го марта.

Въ *Journal de St.-Pétersbourg* появились двѣ замѣтки по нашему адресу, чрезъ недѣлю одна послѣ другой, вызванныя двумя нашими статьями. Въ своемъ нумерѣ, отъ 7-го марта, поименованная газета дѣлаетъ намъ замѣчаніе по поводу передовой статьи нашей въ нумерѣ, отъ 3-го марта гдѣ помѣщая отзывы англійскихъ журналовъ объ успѣхахъ русскаго оружія въ Средней Азіи, мы сочли не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и съ своей точки зрѣнія по этому предмету. Мы полагали, что если иностранные публицисты интересуются русскими дѣлами и толкуютъ о нихъ на основаніи своихъ соображеній, то кольми паче понятенъ интересъ этотъ со стороны русской газеты. *Journal de St.-Pétersbourg*, повидимому, думаетъ иначе. Онъ недоволенъ нашей статьей не потому чтобы ея сужденія казались ему ошибочными или противными интересамъ Россіи; нѣтъ, онъ отдаетъ намъ справедливость и во всемъ соглашается съ нами. Почему же не понравилась ему наша статья? Неужели потому только, что въ ней допущено, какое бы то ни было сужденіе?

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить этотъ выговоръ, сдѣланный намъ въ *Journal de St.-Pétersbourg?* Была ли бы возможна политическая печать, еслибы считать неумѣстными даже такія сужденія и взгляды, которые заслуживаютъ одобренія и со стороны логики и съ точки зрѣнія интересовъ Россіи? „Мы вполнѣ согласны съ заключеніями *Московскихъ Вѣдомостей*,“ говоритъ *Journal de St.-Pétersbourg*. Объясняя политику Императорскаго правительства въ Средней Азіи, эта газета говоритъ далѣе: „Это, если мы не ошибаемся, есть та самая политика, которую указываютъ *Московскія Вѣдомости* какъ наиболѣе соотвѣтствующую интересамъ Россіи.“

Мы могли бы порадоваться, читая эти слова въ *Journal de St.-Pétersbourg*; тѣмъ не менѣе имѣлось въ виду не порадовать, а заставить насъ призадуматься. Признавъ вполнѣ основательными наши заключенія, показавъ, что политика, которая въ нашей газетѣ характеризуется какъ наилучшая, есть политика Императорскаго правительства и наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ Россіи, *Journal de St.-Pétersbourg*, въ то же самое время, тономъ выговора замѣчаетъ намъ слѣдующее: „однако мы полагаемъ, что еслибы *Московскія Вѣдомости* приняли на себя трудъ изучить ближе этотъ вопросъ, то они уволили бы себя отъ аргументаціи по меньшей мѣрѣ безполезной.“ Съ своей стороны, мы позволяемъ себѣ думать, что изложеніе нашихъ доводовъ есть дѣло по меньшей мѣрѣ безвредное. Скажемъ болѣе: мы полагаемъ, что мы не только имѣли право, но и были обязаны изложить эти доводы, и что изложеніе это было не безполезно. Какъ замѣ-

чено выше, статья наша была вызвана сужденіями англійскихъ журналовъ о русской политикѣ въ Средней Азіи. Сужденія эти имѣютъ несомнѣнный интересъ, и во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія. Англійская печать не только смотритъ благопріятно на завоеванія наши въ Средней Азіи, но даже поощряетъ насъ продолжать ихъ. Мы сочли не лишнимъ привести въ нашихъ столбцахъ статьи англійскихъ журналовъ объ этомъ предметѣ, показавшіяся намъ особенно интересными. Но приводя эти статьи, могли ли мы оставить безъ всякаго съ своей стороны замѣчанія эти мнѣнія иностранныхъ журналовъ о видахъ нашей политики и объ интересахъ нашего отечества? Могли ли мы оставить иностранную печать, при сужденіяхъ, не соотвѣтствующихъ, по нашему убѣжденію, этимъ интересамъ? Англійскіе журналы полагаютъ, что интересы Россіи должны побуждать ея правительство къ сосредоточенію всѣхъ своихъ средствъ въ направленіи къ Средней Азіи. Отлагая въ сторону свою обычную мнительность относительно Россіи, отбрасывая всѣ опасенія съ этой стороны за свое владычество въ Индіи, они находятъ, что Россія, сосредоточивая въ этихъ мѣстахъ свои усилія и средства, можетъ способствовать интересамъ цивилизаціи. Въ то время когда мы еще боремся съ затрудненіями въ нашихъ западныхъ окраинахъ, когда намъ предстоитъ еще такъ много усилій для того чтобъ окончательно утвердить за Россіей ту часть ея владѣній, которая имѣетъ для нея особенную цѣну какъ непосредственно примыкающая къ Европѣ и составляющая истинную историческую почву русскаго народа,—насъ призываютъ къ расширенію нашихъ владѣній въ Центральной Азіи, не въ тѣхъ благоразумныхъ и вынуждаемыхъ необходимостью видахъ, которыми руководствуется наше правительство, что видно изъ депеши князя Горчакова, разосланной въ ноябрѣ прошлаго года къ русскимъ дипломатическимъ агентамъ при европейскихъ дворахъ и недавно обнародованной,—но въ видахъ рѣшительно завоевательныхъ. Съ какими бы цѣлями ни высказывались подобныя сужденія,—съ тѣми ли чтобы дѣйствительно завлечь насъ въ дальнія предпріятія на Востокѣ, или съ тѣми чтобы вызвать наружу какіе-либо затаенные умыслы подозрѣваемые ими въ основаніи русской политики, могли ли мы оставить ихъ безъ протеста? Не были ли мы обязаны со всевозможною опредѣлительностью и ясностью высказаться объ этомъ предметѣ съ русской точки зрѣнія, высказаться какъ умѣли, не имѣя иного побужденія, кромѣ желанія способствовать разъясненію дѣла. Мы не въ правѣ говорить отъ лица правительства; мы не можемъ говорить: этого нѣтъ или этого не будетъ; мы высказывали только личное мнѣніе, которое никого и ничего не компрометтировало ни содержаніемъ, ни тономъ своимъ. Къ счастію, оно при этомъ оказалось еще и основательнымъ, и согласнымъ съ видами правительства.

И что же? Оказывается, что мы поступили бы гораздо лучше, еслибы, воспроизводя неправильныя и не соотвѣтствующія русскимъ интересамъ сужденія иностранной печати о русскихъ дѣлахъ, оставили ихъ безъ возраженія, и тѣмъ дали бы основательный поводъ заключать, что эти сужденія удовлетворяютъ общественному мнѣнію въ Россіи и соотвѣтствуютъ господствующему въ ней настроенію умовъ. Политика, которую навязываютъ намъ иностранные журналы, заключаетъ въ себѣ много заманчиваго и увлекательнаго, и она можетъ дѣйствительно улыбаться многимъ и между Русскими. Идеи, которыя высказаны въ приведенныхъ нами изъ англійскихъ газетъ статьяхъ, и прежде находили и теперь находятъ горячихъ приверженцевъ въ разныхъ сферахъ. Неужели мы были обязаны оставлять открытый вопросъ безъ всякаго разъясненія? Къ чему же въ такомъ случаѣ служила бы печать?

Но этого мало. Въ томъ же самомъ нумерѣ нашей газеты мы напечатали прекрасную статью г. Залѣсова, разсуждающую о расширеніи русскихъ предѣловъ въ бассейнѣ Аральскаго моря, а нѣсколько прежде помѣщался у насъ рядъ писемъ изъ Тифлиса генерала Фадѣева, который высказывался въ томъ же смыслѣ и высказывался съ талантомъ производящимъ впечатлѣніе. Мы печатали эти статьи, мы принимали ихъ радушно въ свои столбцы, но были далеки отъ увлеченій видами на чрезмѣрное расширеніе нашихъ среднеазіятскихъ владѣній. Неужели мы были обязаны молчаніемъ своимъ подавать поводъ къ заключенію, что мы побуждаемъ правительство къ завоевательной политикѣ? Къ чему повело бы это? Не къ тому ли что публика была бы введена въ заблужденіе насчетъ нашихъ мнѣній, а то мнѣніе кото-

рое *Journal de St.-Pétersbourg* признаетъ единственно правильнымъ, не было бы вовсе высказано въ нашей газетѣ?

Еще менѣе понятна для насъ замѣтка той же газеты въ нумерѣ отъ 14 марта, гдѣ намъ дѣлается выговоръ за другую статью нашу, появившуюся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ нумерѣ отъ 10-го марта. Здѣсь тонъ поучающей насъ газеты становится еще рѣзче. Рѣчь идетъ о замѣчаніяхъ высказанныхъ нами по поводу толковъ въ двухъ австрійскихъ газетахъ: *Botschafter* и *Neue freie Presse*, о соглашеніи будто бы состоявшемся между Россіей и Пруссіей относительно шлезвигъ-голштейнскихъ и польскихъ дѣлъ. Мы не имѣли ни права ни обязанности опровергать отъ имени правительства свѣдѣнія, которыя сообщались въ этихъ газетахъ и которыя казались намъ не вѣрными; но мы считали себя и въ правѣ, и обязанными высказать нашъ взглядъ на ту комбинацію, которая выдавалась въ означенныхъ газетахъ за положительный фактъ. Мы отрицали достовѣрность этого факта и мы не ошиблись. *Journal de St.-Pétersbourg* снова является съ подтвержденіемъ нашихъ доводовъ и имѣя бо́льшую чѣмъ мы возможность говорить отъ имени правительства, свидѣтельствуетъ, что толки о состоявшемся будто бы между нашимъ правительствомъ и берлинскимъ кабинетомъ соглашеніи суть не болѣе какъ журнальная сплетня, лишенная всякаго основанія. Въ чемъ же вина наша? По сужденію *Journal de St.-Pétersbourg*, она заключается въ томъ, что мы слишкомъ много распространялись объ этой матеріи, и напрасно потратили на нее наше время и трудъ. *Oleum perdidisti*. Но время и трудъ составляетъ нашу ближайшую и самую неотъемлемую собственность, и мы думаемъ, что можемъ располагать ими совершенно по нашему усмотрѣнію. Очень можетъ быть, что мы могли бы лучше употребить то время, которое употреблено нами на статейку, обратившую на себя вниманіе критика петербургской газеты, но мы остаемся при скромномъ мнѣніи, что обстоятельство это слишкомъ маловажно, и отнюдь не можетъ служить предметомъ публичнаго объясненія.

Комбинація, которую австрійскія газеты выдавали за положительный фактъ, не есть что-либо совершенно нелѣпое, совершенно невозможное. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, комбинація эта могла бы быть дѣломъ весьма благоразумнымъ и одобрительнымъ. Ничего унизительнаго и особенно невыгоднаго для политики обѣихъ державъ, которыя приводятся въ связь этою комбинаціей, въ ней не заключается. Но намъ казалось, что обстоятельства, въ которыхъ находится Россія, вовсе не требуютъ какого-либо особаго соглашенія, для того чтобъ она могла устроить, соотвѣтственно своимъ интересамъ и видамъ, дѣла принадлежащаго ей польскаго края. Вотъ только что мы хотѣли замѣтить. Во всякомъ случаѣ, на увѣренія австрійскихъ газетъ мы не могли отвѣчать прямо, что эти увѣренія не имѣютъ никакого основанія, и что сообщенныя ими извѣстія—выдумка. Такое опроверженіе могло бы быть сдѣлано лишь отъ самаго правительства. Мы могли сказать только, что слухъ, о которомъ идетъ рѣчь, кажется намъ невѣроятнымъ, потому что, по нашему мнѣнію, Россія, при настоящихъ обстоятельствахъ, можетъ, если захочетъ, легко обойдтись безъ чужой помощи въ разрѣшеніи столь жизненнаго для нея вопроса, какъ польскій.

№ 61.

Москва, 18-го марта.

Рижская Газета нѣсколько разъ выражала свое неудовольствіе на то, что мы не обращаемъ вниманія на ея отвѣты нашей газетѣ и не доводимъ ихъ до свѣдѣнія нашихъ читателей. Считаемъ нужнымъ увѣрить почтенную редакцію *Рижской Газеты*, что это происходитъ отнюдь не отъ пренебреженія къ ея замѣчаніямъ. Если мы не всегда упоминаемъ о нихъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ чтобы мы не принимали ихъ къ свѣдѣнію. Но не всему тому что принимается къ свѣдѣнію, можно придавать особенную важность, а при множествѣ вопросовъ и дѣлъ подлежащихъ теперь обсужденію русской печати, мы принуждены ограничиваться предметами особенно важными, и даже при разсмотрѣніи предметовъ этого разряда можемъ останавливаться только на самыхъ крупныхъ чертахъ. Вотъ что лишаетъ насъ удовольствія такъ же часто бесѣдовать съ *Рижскою Газетой*, какъ она бесѣдуетъ съ нами. Она, впрочемъ, очень ошибается, если думаетъ, что молчаніе о ея возраженіяхъ

входитъ въ наши виды и клонится къ ея ущербу, а нашей выгодѣ. Совершенно напротивъ. Тѣ изъ ея возраженій, которыя основательны, относятся къ незначительнымъ подробностямъ нисколько не измѣняющимъ дѣла, да и такихъ возраженій мы встрѣтили очень мало. Мы сказали однажды, что проектъ рижскаго городскаго устройства долженъ поступить на разсмотрѣніе лифляндскаго ландтага. Это не вѣрно: проектъ, по существующимъ законамъ, вовсе не имѣетъ проходить чрезъ эту инстанцію, и *Рижская Газета* указываетъ намъ на то. Благодаримъ ее за указаніе, но развѣ вслѣдствіе того измѣняется хоть на іоту то, что нами было сказано о проектѣ? Эта одна поправка, а вотъ другая: мы упомянули однажды, что въ Лифляндіи казенныя оброчныя статьи находятся въ распоряженіи рыцарства; *Рижская Газета* замѣчаетъ, что не всѣ казенныя оброчныя статьи предоставлены въ распоряженіе рыцарства, а только нѣкоторыя, именно шесть имѣній. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь извѣстная часть казенныхъ имѣній все-таки отдана рыцарству; и рыцарство все-таки получаетъ доходъ съ нея, и этотъ доходъ все-таки увеличиваетъ собой кассу рыцарства. Таковы наши „промахи“, убѣждающіе *Рижскую Газету* въ томъ, что мы очень мало знакомы съ остзейскимъ краемъ и потому не можемъ судить о немъ вѣрно. Мы съ своей стороны принуждены повторить, что эти „промахи“ нисколько не измѣняютъ сущности дѣла, и повторяемъ это вовсе не съ радостью. Наша полемика съ остзейскими газетами не такого рода, чтобы мы могли желать въ ней побѣды для себя. Не настоять на своемъ, а претерпѣть полнѣйшее пораженіе, вотъ что было бы для насъ пріятно. Интересъ тутъ не въ томъ кто кого переспоритъ. Мы можемъ только сожалѣть о томъ, что дѣлаемыя намъ опроверженія относятся къ незначительнымъ подробностямъ. Намъ было бы гораздо пріятнѣе, еслибы *Рижская Газета* побудила насъ сознаться въ ошибкѣ по какимъ-либо существеннымъ пунктамъ. Для насъ было бы истинною радостію узнать изъ *Рижской Газеты*, что наши показанія о положеніи православныхъ церквей въ Лифляндіи невѣрны, что православныя церкви не помѣщаются въ избахъ и сараяхъ, какъ было нами сказано на основаніи воззванія архіепископа рижскаго и митавскаго Платона. Но мы не видимъ, къ прискорбію, возможности ожидать, чтобы *Рижская Газета* была въ состояніи обрадовать насъ подобнымъ опроверженіемъ. Она перечисляетъ сколько въ Лифляндской губерніи православныхъ церквей, и сколько Латышей или Эстовъ перешло въ православіе, но на этомъ и останавливается. Ей хочется однако поразить насъ. Что же она дѣлаетъ? Какъ бы сама замѣчая, что ея цифры къ дѣлу нисколько не относятся, она прибѣгаетъ къ отчаянному средству: принимается обвинять насъ въ томъ, что наши слова заключаютъ въ себѣ будто бы нападеніе на русское правительство, допускающее нищету православныхъ церквей; она приходитъ въ негодованіе отъ подобной дерзости съ нашей стороны, и соображая, что эта дерзость не можетъ пройдти безнаказанно, заранѣе торжествуетъ побѣду. Такая тактика, признаемся, совсѣмъ огорчила насъ: она доказывала ясно, что поле битвы остается за нами. Мы, признаемся, не думали, чтобы запасъ аргументовъ истощился такъ скоро. Если *Рижская Газета*, не могла опровергнуть вѣрности показаній архіепископа Платона, что очень понятно, то почему бы не поговорить ей съ нами хоть о томъ, слѣдовало ли или не слѣдовало ли требовать съ православныхъ крестьянъ повинности на лютеранскія церкви?

Переходимъ къ вопросу менѣе важному. У насъ было какъ-то разъ упомянуто, что въ одномъ изъ засѣданій рижской большой гильдіи, г. Шнакенбургъ сказалъ тамошнимъ русскимъ гражданамъ, что въ Ригѣ нѣтъ русскихъ гражданъ, а есть граждане рижскіе, и что Русскіе могутъ быть въ Ригѣ только пассивными гражданами. Мы упомянули объ этомъ со словъ очевидца, которому не имѣемъ основанія отказывать въ довѣріи, но само собой разумѣется, что и тутъ опроверженіе было бы намъ пріятно. *Рижская Газета*, дѣйствительно, отрицала вторую часть показанія. „Мы уполномочены, говорила она объявить, что показаніе будто г. Шнакенбургъ назвалъ русскихъ гражданъ пассивными гражданами, есть ложь.“ Какое однакоже значеніе имѣетъ эта оговорка и можетъ ли *Рижская Газета* пенять на насъ за то, что мы не поспѣшили перепечатать у себя эту оговорку? *Мы уполномочены*,—много ли этимъ сказано? Почему показаніе *Рижской Газеты* должно быть предпочтительнѣе для насъ нежели показаніе очевидца,

сообщившаго намъ приведенныя нами слова? *Рижская Газета* сожалѣетъ, что въ собраніяхъ рижской большой гильдіи не бываетъ стенографовъ. Но развѣ безъ стенографіи тутъ совсѣмъ нѣтъ выхода? Еслибы напримѣръ самъ г. Шнакенбургъ объявилъ отъ своего имени, что не говорилъ и не хотѣлъ сказать приписанныхъ ему словъ, то показанію г. Шнакенбурга мы дали бы сейчасъ же мѣсто въ нашей газетѣ, потому что въ немъ заключалось бы не только отрицаніе, но и порицаніе смысла тѣхъ словъ. Тогда намъ оставалось бы побесѣдовать съ *Рижскою Газетой* только о томъ, слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ видѣть, вмѣстѣ съ нею, какой-то особенный гуманизмъ въ неподвергающихся отрицанію словахъ г. Шнакенбурга, что въ большой гильдіи нѣтъ русскихъ гражданъ, а есть только рижскіе граждане Мы, признаемся, не въ состояніи усмотрѣть въ этихъ словахъ ничего „истинно гуманнаго.“ Они были бы „истинно гуманны“ только въ томъ случаѣ еслибы русскіе граждане Риги составляли низшее сословіе въ рижской большой гильдіи сравнительно съ нѣмецкими гражданами этого города. Въ нашихъ земскихъ собраніяхъ предсѣдатель можетъ, напримѣръ, сказать, обращаясь къ крестьянамъ: „здѣсь нѣтъ крестьянъ, здѣсь есть только гласные.“ Въ этихъ словахъ не будетъ ничего особеннаго, но въ нихъ можно будетъ видѣть гуманность. Почему? Не потому ли единственно, что крестьяне составляютъ по закону низшее сословіе сравнительно съ другими сословіями?

Мы указывали на неправильности допущенныя при подачѣ голосовъ въ собраніи большой гильдіи 28-го декабря прошлаго года. Эти неправильности заключались во-первыхъ въ собираніи голосовъ о цѣломъ проектѣ прежде нежели о поправкахъ къ нему. Что же говоритъ на это *Рижская Газета?* Она указываетъ на то, что этою подачей голосовъ еще не рѣшался окончательно вопросъ о городскомъ устройствѣ Риги. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но вѣдь для чего же нибудь понадобилось собирать большую гильдію и спрашивать ея мнѣніе? Большая гильдія была созываема для совѣщаній; стало-быть они были нужны, стало-быть требовалось узнать мнѣніе не кого-либо другаго, а именно большой гильдіи. Зачѣмъ же было затруднять ходъ совѣщаній, при самомъ началѣ ихъ, такимъ приговоромъ, который связывалъ дальнѣйшія сужденія? Зачѣмъ было вызывать такой приговоръ, которымъ большая гильдія, приступая къ совѣщаніямъ, напередъ отрекалась отъ свободы совѣщаній и налагала на себя запретъ подвергать критикѣ какіе-либо другіе пункты проекта кромѣ тѣхъ, которые признала сомнительными коммиссія? Но этого мало: подача голосовъ была введена именная, къ неудовольствію многихъ. Мы просили *Рижскую Газету* объяснить намъ это распоряженіе. Какое же объясненіе даетъ она? Она могла сослаться единственно на заведенный порядокъ, но она этого не дѣлаетъ. Изъ ея словъ мы не узнаемъ ничего о томъ, какъ прежде подавались голоса въ подобномъ случаѣ. Баллотировка, говоритъ она, не могла быть допущена, потому что при баллотировкѣ могли бы подать голосъ люди не имѣющіе права на голосъ. Неужели это говорится серіозно? Мы знаемъ много возраженій противъ тайной баллотировки, и сами многимъ изъ нихъ сочувствуемъ, но такого возраженія признаемся, еще не слыхивали. Еслибы баллотировка имѣла такое странное свойство, то ее давно бы бросили. А между тѣмъ въ Ригѣ подобный взглядъ на баллотировку усвоила себѣ недавно вся большая гильдія и на его основаніи предоставила своему предсѣдателю право употреблять при каждомъ случаѣ, по усмотрѣнію, либо тайную, либо открытую подачу голосовъ. Подъ страхомъ совсѣмъ прогнѣвить *Рижскую Газету*, мы рѣшаемся сказать откровенно, что это рѣшеніе представляется намъ какъ величайшій куріозъ въ своемъ родѣ. Мнимый недостатокъ баллотировки, недостатокъ сколько извѣстно, нигдѣ, кромѣ Риги, не замѣченный, послужилъ поводомъ къ тому, что большая гильдія облекла своего предсѣдателя огромною властью, какъ бы на случай какой-то предстоящей опасности. Собраніе, принимающее подобныя постановленія, этимъ самымъ не обличаетъ ли, что дѣла идутъ въ немъ крайне неправильно? Для чего понадобилось снабжать предсѣдателя большой гильдіи такою исключительною властью, для чего было возводить его въ санъ диктатора? Просто ли это куріозъ, или все это дѣлается съ какою-нибудь сознательною цѣлью? А такихъ куріозовъ стало теперь приключаться много въ Ригѣ. Объ этомъ тоже трудно не горевать.

№ 62

Москва, 19-го марта.

Въ Пензенской губерніи земскія учрежденія окончательно устроились, и представляется возможность осмотрѣть результаты тамошнихъ выборовъ.

Составъ уѣздныхъ собраній, по сословіямъ, слѣдующій:

Дворянъ	150
Духовныхъ православныхъ	35
Татарскій мулла	1
Чиновниковъ	9
Купцовъ	44
Мѣщанъ	2
Крестьянъ	158

Такимъ образомъ крестьяне имѣютъ въ земскихъ собраніяхъ перевѣсъ надъ другими сословіями. Цифра 158, означающая число гласныхъ изъ крестьянъ, составилась изъ 154 крестьянъ выбранныхъ отъ сельскихъ обществъ и 4 крестьянъ выбранныхъ отъ землевладѣльцевъ (въ уѣздахъ Городищенскомъ и Инсарскомъ). Кромѣ 154 крестьянъ, гласными отъ сельскихъ обществъ засѣдаютъ въ уѣздныхъ собраніяхъ 2 дворянина, 4 православныхъ духовныхъ, 1 татарскій мулла, 1 чиновникъ и 1 купецъ (изъ землевладѣльцевъ). Сельскія общества выбрали было въ гласные еще нѣсколько дворянъ, которые однакоже отказались отъ сдѣланной имъ чести, потому что уже были выбраны въ число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ; такъ было въ уѣздахъ, Мокшанскомъ, Саранскомъ и Чембарскомъ. Надобно принять также въ соображеніе, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пензенской губерніи, какъ-то: Керенскомъ, Краснослободскомъ и Наровчатскомъ, число наличныхъ дворянъ очень незначительно, вслѣдствіе чего на дворянскихъ выборахъ нерѣдко приходится прикомандировывать одинъ уѣздъ къ другому. Вотъ почему такъ мало дворянъ попало въ гласные отъ сельскихъ обществъ. Вообще говоря, почти всѣ бывшіе на лицо дворяне избраны въ число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ. При этомъ надобно еще упомянуть, что дворянъ съѣхалось на земскіе выборы больше чѣмъ обыкновенно съѣзжается на дворянскіе. Итакъ въ личномъ составѣ уѣздныхъ земскихъ собраній Пензенской губерніи отражается не дѣйствительное настроеніе земства и не дѣйствительное взаимное отношеніе классовъ его составляющихъ, а единственно воля законодательства, установившаго число гласныхъ для каждаго уѣзда по своему усмотрѣнію. Если число гласныхъ отъ крестьянъ больше чѣмъ отъ другихъ сословій, то это произошло отъ того, что крестьянамъ поневолѣ приходилось выбирать гласныхъ изъ своей среды, а вовсе не отъ того, чтобы крестьяне не хотѣли ввѣрить свои интересы помѣщикамъ. Если крестьяне показали кому-нибудь нерасположеніе, то развѣ духовенству. Изъ числа 35 лицъ православнаго духовенства, избранныхъ въ гласные, только 4 выбраны отъ сельскихъ обществъ, всѣ остальные (въ томъ числѣ 1 архимандритъ) выбраны отъ землевладѣльцевъ. Наши корреспонденты объясняютъ это тѣмъ, что духовенство не несетъ земскихъ повинностей и потому представляется крестьянамъ какъ сословіе земскому дѣлу чуждое. Впрочемъ оно и приписано не къ сельскимъ, а къ землевладѣльческимъ съѣздамъ; сельскимъ выборщикамъ удобнѣе, разумѣется, выбирать гласныхъ изъ числа наличныхъ чѣмъ изъ числа отсутствовавшихъ людей. Что касается до расположенія крестьянъ къ лицамъ другихъ сословій, то они всего болѣе показывали готовность сближаться съ дворянами, которые также, какъ и они, платятъ земскій налогъ съ земли, между тѣмъ какъ купцы платятъ съ капитала, а мѣщане съ промысла.

Такой взглядъ выразился явственно при избраніи членовъ и предсѣдателей въ уѣздныя управы. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, какъ сказано, крестьянское сословіе было представлено многолюднѣе чѣмъ другія, а потому крестьяне имѣли главное вліяніе на выборъ въ управы Каковъ же личный составъ управъ? Оказывается, что купцовъ выбрано въ управы 3 человѣка, чиновникъ 1, крестьянъ 4 (одинъ крестьянинъ-собственникъ, одинъ государственный крестьянинъ, двое временно-обязанныхъ), а помѣщиковъ-дворянъ—24. То же самое, и еще въ большей степени, оказалось при выборахъ въ губернскіе гласные: дворянъ выбрано 55, купцовъ 5, лицъ православнаго духовенства 3 (въ томъ числѣ 1 архимандритъ), татарскій мулла 1, чиновниковъ 1 и крестьянинъ 1. Краснорѣчивѣе не могли крестьяне выразить свое довѣріе къ помѣстному дворянству.

Очень интересно слѣдить за назначеніемъ жалованья предсѣдателямъ и гласнымъ управъ. Въ этомъ отношеніи рѣшенія уѣзд-

ныхъ собраній Пензенской губерніи представляютъ большое разнообразіе. Въ четырехъ уѣздахъ, Пензенскомъ, Городищенскомъ, Инсарскомъ и Ломовскомъ, назначено какъ предсѣдателю, такъ и членамъ по 1.000 руб. Въ двухъ уѣздахъ, Чембарскомъ и Керенскомъ, предсѣдателю по 1.500 руб., членамъ по 1.000 руб. Во всѣхъ этихъ пяти уѣздахъ, управы будутъ состоять изъ предсѣдателя и двухъ членовъ. Остальные уѣзды были экономнѣе. Наровчатскій уѣздъ назначилъ предсѣдателю 1.000 руб. и двумъ членамъ по 800 руб.; Краснослободскій—предсѣдателю 1.000 и двумъ членамъ по 700 руб. Но всего интереснѣе назначенія уѣздовъ Мокшанскаго и Саранскаго. Въ первомъ изъ нихъ назначено предсѣдателю 1.500 р. и четыремъ гласнымъ по 150 р. Во второмъ — предсѣдателю 400 руб. и двумъ гласнымъ по 300 р.*) Эти два назначенія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мы не беремся рѣшить, которое изъ нихъ раціональнѣе, повидимому первое болѣе обезпечиваетъ успѣшный ходъ дѣлъ. Но оба они важны въ томъ отношеніи, что во-первыхъ освобождаютъ земство отъ излишнихъ расходовъ и вовторыхъ — это еще важнѣе — освобождаютъ его отъ натиска искателей мѣстъ и отъ всѣхъ тѣхъ крайне вредныхъ вліяній, которыя можетъ имѣть подобное искательство на собраніе столь демократически организованное какъ наши уѣздныя земскія собранія.

Ни одно изъ уѣздныхъ земскихъ собраній Пензенской губерніи не рѣшилось впрочемъ воспользоваться правомъ, которое предоставляетъ законъ, и сдѣлать службу въ земской уѣздной управѣ совершенно безмездною, если не для предсѣдателя, то по крайней мѣрѣ для членовъ. Чѣмъ болѣе мы слѣдимъ за ходомъ земскихъ учрежденій, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ необходимости ввести начало безмездности въ земскую службу. Не говоря уже о томъ, что безмездность есть условіе *sine qua non* самоуправленія, что только при безмездности земская служба можетъ быть болѣе похожа на самоуправленіе чѣмъ на чиновничество, и стать дѣломъ не наемническимъ, а хозяйскимъ, не говоря уже обо всемъ этомъ, достаточно, кажется, обратить вниманіе на личный составъ уѣздныхъ собраній, чтобы понять, къ какимъ опасностямъ можетъ повести въ весьма близкомъ будущемъ назначеніе высокихъ окладовъ для земскихъ управъ.

До сихъ поръ доходили до публики свѣдѣнія о ходѣ земскаго дѣла только изъ такихъ губерній, гдѣ число мелкихъ собственниковъ сравнительно не велико, но даже въ этихъ губерніяхъ оказывалось, что законъ даетъ преобладающее вліяніе въ земскомъ дѣлѣ необразованнымъ классамъ населенія. Помѣщенное ниже письмо изъ Козелецкаго уѣзда даетъ понятіе о томъ, какой характеръ должны получить земскія учрежденія тамъ, гдѣ, какъ въ губерніяхъ малороссійскихъ, развита мелкая собственность. Авторъ этого письма совершенно вѣрно замѣчаетъ, что стоитъ только явиться въ какомъ-нибудь изъ подобныхъ уѣздовъ человѣку умѣющему такъ настроить крестьянъ, какъ ему выгодно для того чтобъ управлять земскимъ собраніемъ, то очень можетъ случиться, что въ это собраніе не попадетъ ни одного человѣка получившаго образованіе въ какомъ бы то ни было, хотя бы приходскомъ училищѣ. Сомнѣваться ли, что въ такихъ ловкихъ людяхъ не будетъ у насъ недостатка? Мы дѣлаемъ теперь лишь первые опыты въ знакомствѣ съ характеромъ демократическихъ учрежденій, но уже теперь набралось не мало данныхъ, заставляющихъ серіозно задуматься объ ожидающемъ насъ будущемъ. Уже теперь достигаютъ до насъ тревожныя вѣсти, что вотъ въ такомъ-то уѣздѣ вдругъ произошли непонятныя замѣшательства въ земскихъ съѣздахъ и что они прекратились только послѣ того какъ удалось открыть зажигу и удалить его благодаря тому обстоятельству, что онъ находился подъ судомъ. Въ другомъ уѣздѣ пріобрѣтаетъ власть надъ крестьянами человѣкъ изъ нихъ среды, заправляетъ выборами и кѣмъ-то подбитый затѣваетъ политическія совѣщанія по кабакамъ и собираетъ какія-то подписи о вопросахъ ему неизвѣстныхъ, а для его аудиторіи даже и непонятныхъ. Въ третьемъ уѣздѣ закулисными рѣшителями дѣлъ оказываются четыре Поляка изъ мѣстныхъ чиновниковъ, и благодаря своему вліянію на крестьянъ и мѣщанъ, направляютъ выборы, и успѣваютъ отклонить представителей сельскихъ

*) На канцелярію управы положено: 1.600 р. въ уѣздѣ Краснослободскомъ; 1.500 р. въ уѣздахъ Пензенскомъ, Городищенскомъ, Инсарскомъ, Ломовскомъ, Чембарскомъ и Керенскомъ; 1.400 р. въ уѣздѣ Наровчатскомъ, и 1.000 р. въ уѣздахъ Мокшанскомъ и Саранскомъ.

обществъ отъ выбора гласныхъ изъ помѣщиковъ и т. п. Мало ли подобныхъ курiозовъ оказалось у насъ уже на самыхъ первыхъ порахъ? Что же будетъ въ послѣдствiи, когда ловкiе люди раскусятъ въ чемъ дѣло и вполнѣ изучатъ пути, открытые для ихъ дѣятельности? Не слѣдуетъ ли по крайней мѣрѣ позаботиться объ устраненiи той приманки, которая будетъ заключаться для людей этого разбора въ высокихъ окладахъ земскихъ управъ? Безмездная служба есть жертва, но жертва не тяжкая и при томъ соединенная съ почетомъ. Выше мы говорили о безмездной службѣ какъ объ условiи мѣстнаго самоуправленiя; теперь мы можемъ прибавить, что она—условiе не только самоуправленiя, но и самосохраненiя для образованныхъ классовъ, въ той борьбѣ за политическое существованiе, которая предстоитъ имъ. Пусть всякiй патрiотъ внимательно подумаетъ о положенiи дѣлъ вступающемъ теперь въ силу: отъ него не укроется, какъ необходимо, чтобъ образованный землевладѣльческiй классъ не упускалъ ни одного законнаго средства, могущаго устранить или смягчить опасность.

Безмездная служба въ земскихъ учрежденiяхъ, вотъ главное средство, находящееся въ рукахъ землевладѣльческаго класса, чтобъ избавить эти учрежденiя отъ развитiя въ нихъ дикой и слѣпой демократiи. Когда характеръ земскихъ избирательныхъ съѣздовъ и уѣздныхъ собранiй достаточно обрисуется, и окажется вся важность безмездой службы, какъ противовѣсiя демократическому ихъ составу, то нѣтъ сомнѣнiя, что само законодательство обнаружитъ готовность способствовать ей. Покамѣсть считаемъ нелишнимъ заявить мысль нѣсколькихъ почтенныхъ лицъ, что это пособiе закона могло бы быть оказано напримѣръ установленiемъ права получать за выслуженное трехлѣтiе личный голосъ въ уѣздномъ земскомъ собранiи.

№ 63.

Москва, 20-го марта

8-го марта, какъ извѣщалось въ нашей газетѣ, послѣдовало торжественное открытiе лифляндскаго сейма. Главный органъ прибалтiйской нѣмецкой печати—*Рижская Газета*—предпослала его открытiю три статьи, въ которыхъ начертала для его дѣятельности обширную программу. Въ ожиданiи подробныхъ отчетовъ о засѣданiяхъ лифляндскаго сейма, къ обнародованiю которыхъ онъ получилъ приглашенiе отъ новаго генералъ-губернатора, мы можемъ изъ этихъ статей ознакомиться съ предстоящими сейму задачами. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто будетъ занимать вопросъ объ устройствѣ быта крестьянъ. Дѣло идетъ прежде всего объ окончательной отмѣнѣ системы барщинной работы за земли, которыя крестьяне нанимаютъ у помѣщиковъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ на сеймѣ еще въ прошломъ году, и при этомъ было предположено назначить семилѣтнiй срокъ для перехода отъ барщинной системы къ денежнымъ оброкамъ. Этотъ срокъ не кажется *Рижской Газетѣ* слишкомъ долгимъ, такъ какъ она признаетъ необходимость промежуточнаго времени для установленiя равновѣсiя между спросомъ и предложенiемъ труда, и считаетъ слишкомъ быстрый переходъ отъ одной системы къ другой затруднительнымъ не только для помѣщиковъ, но и для самихъ крестьянъ, и мало полезнымъ для улучшенiя матерiальнаго ихъ быта. Впрочемъ, *Рижская Газета* полагаетъ не лишнимъ обращать вниманiе лифляндскаго дворянства на тѣ преимущества, которыми оно уже воспользовалось въ этомъ отношенiи сравнительно съ дворянствомъ всѣхъ другихъ губернiй Россiи. „Дворянство Остзейскихъ губернiй, говоритъ *Рижская Газета*, вообще не можетъ жаловаться на ходъ преобразованiя поземельныхъ отношенiй въ нашемъ краѣ. Между тѣмъ какъ въ другихъ земляхъ это преобразованiе сопровождалось тяжкими жертвами для землевладѣльческаго сословiя, наши законы о крестьянахъ, изданные въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтiя, создали систему, подъ покровомъ которой землевладѣлецъ болѣе чѣмъ цѣлый человѣческiй вѣкъ безъ труда могъ собирать сокровища своей земли, и когда одна партiя возымѣла мысль о надѣленiи крестьянъ землею, то она могла сослаться на то, что продажа земель крестьянамъ принесетъ выгоду самимъ же землевладѣльцамъ.“ Въ самомъ дѣлѣ вопросы, отъ которыхъ зависитъ благосостоянiе крестьянъ, лифляндскiй сеймъ рѣшаетъ на свободѣ, не спѣша, безъ всякихъ особыхъ понужденiй, а между тѣмъ положенiе Остзейскихъ губернiй и

взаимныя отношенія между различными классами населенія вовсе не таковы, чтобы землевладѣльческому сословію можно было тамъ ввѣрить судьбы крестьянства съ меньшимъ рискомъ чѣмъ въ остальной Россіи. Внутри Россіи и крестьяне и землевладѣльцы принадлежатъ къ одному и тому же племени и между ними никогда не было глубокой сословной вражды, тогда какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, кромѣ сословной розни между крестьянами и помѣщиками, есть еще различіе по языку, по происхожденію, и отчасти по самому вѣроисповѣданію. Въ чисто-русскомъ помѣстномъ дворянствѣ всегда можно было предполагать несравненно бо́льшую справедливость относительно всѣхъ другихъ классовъ единовѣрнаго и единоплеменнаго съ нимъ населенія, чѣмъ въ рыцарствѣ прибалтійскихъ губерній. И дѣйствительно, по признанію самой *Рижской Газеты*, до сихъ поръ почти ничего не было сдѣлано для улучшенія юридическаго и соціальнаго быта тамошнихъ крестьянъ.

Другой вопросъ, который особенно рекомендуетъ *Рижская Газета* вниманію нынѣшняго лифляндскаго сейма, касается малыхъ городовъ Лифляндіи, которые еще не имѣютъ своихъ представителей на сеймѣ. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ осуществить хотя бы часть обширной политической программы, которую представилъ сейму, весною 1862 года, одинъ изъ членовъ его, г. фонъ-Бокъ. Въ эту программу входило, между прочимъ, пополненіе сейма депутатами отъ каждаго изъ городовъ Лифляндіи, такъ, чтобы сеймъ состоялъ впредь не изъ однихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, но и изъ представителей, если не всего земства, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вліятельныхъ и образованныхъ его классовъ. О дарованіи права мѣстнаго представительства крестьянамъ-хозяевамъ, и вообще мелкимъ собственникамъ, еще нѣтъ и рѣчи. Лифляндскій сеймъ, допустивъ представителей всѣхъ городовъ въ свою среду, сдѣлалъ бы несомнѣнно шагъ впередъ къ сближенію съ нашими губернскими земскими собраніями. Но какая оставалась бы еще огромная разница между имъ и этими собраніями, не только относительно ихъ значенія и круга дѣятельности, но особенно относительно ихъ состава! Тогда какъ у насъ крупная собственность вовсе лишена представительства, лифляндскій сеймъ, даже съ допущеніемъ на него представителей отъ городовъ и отъ крестьянъ, все таки останется собраніемъ лицъ наиболѣе самостоятельныхъ и дѣйствующихъ не по чьему-либо избранію, а а по своему личному праву, какъ настоящіе хозяева страны. При томъ же рѣшеніе вопроса о депутатахъ отъ городовъ оставляется, повидимому, за самимъ сеймомъ, тогда какъ во всей остальной Россіи дворянскія собранія, соотвѣтствующія сеймамъ прибалтійскихъ губерній, не принимали участія въ рѣшеніи этого вопроса. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ всѣмъ классамъ разноплеменнаго земства, повидимому, предстоитъ сгруппироваться около дворянскаго собранія и войдти въ его составъ черезъ выборныхъ представителей: у насъ дворянскія собранія, учрежденныя великою Екатериной и скромно, хотя конечно, не безъ большой пользы просуществовавшія безъ малаго цѣлое столѣтіе, остаются теперь въ сторонѣ и уже не могутъ развиваться далѣе.

Рижская Газета особенно принимаетъ къ сердцу вопросъ о допущеніи на сеймъ депутатовъ отъ малыхъ городовъ. Она находитъ знаменательнымъ даже и то, что предложеніе это было внесено „*патріотомъ*, который особенно крѣпко держался старыхъ лифляндскихъ преданій.“ Допущеніе депутатовъ отъ малыхъ городовъ увеличило бы, по словамъ ея, силу сейма во благо какъ его самого, такъ и цѣлой провинціи. Оно было бы уступкой горожанамъ, которые ее очень высоко оцѣнили бы и которую дворянство могло бы сдѣлать имъ, нисколько не ослабляя своего положенія. Мы не имѣли бы ничего сказать противъ этихъ соображеній, еслибы *Рижская Газета* ограничилась ими и не сочла за должное тутъ же указать на какую то „собственно-политическую борьбу,“ которая рано или поздно наступитъ для сейма, въ которой дѣло будетъ идти о Verfassung (Verfassung!), и въ которой дворянству будетъ выгодно имѣть на своей сторонѣ, а не противъ себя все городское населеніе.

Говоря вообще, *Рижская Газета* также какъ и другіе органы остзейской печати, чрезвычайно склонна придавать своимъ мѣстнымъ сеймамъ какое-то высшее политическое значеніе. Нынѣшнему лифляндскому сейму *Рижская Газета* указываетъ не только на необходимость содѣйствовать съ его стороны тому, чтобъ извѣстная юстицъ-коммиссія выработала общій проектъ судебной реформы для всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній и устранила разногласіе

между различными корпораціями края; — не только на реформу системы земскихъ податей, для обсужденія которой уже прошлогодній сеймъ нарядилъ особую коммиссію, имѣющую теперь представить проектъ инструкціи для собственнаго ея руководства въ этомъ дѣлѣ; — не только, наконецъ, на необходимость уступить горожанамъ право пріобрѣтать дворянскія имѣнія, — право, для исходатайствованія котораго Рига отправила особую депутацію въ Петербургъ: но она желала бы, чтобы сеймъ занялся еще истолкованіемъ первой статьи 3-го тома Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ вступающаго въ силу съ перваго іюля нынѣшняго года, — статьи, изложеніе которой, по словамъ *Рижской Газеты*, приводитъ многія сердца въ тяжкое смущеніе. Эта статья гласитъ: „Браки лицъ православнаго исповѣданія заключаются и прекращаются на основаніи правилъ изложенныхъ въ первой книгѣ Свода гражданскихъ законовъ Имперіи.“ Задачею сейма, говоритъ *Рижская Газета*, было бы просить о томъ, чтобъ эта статья была истолкована согласно съ существующимъ юридическимъ порядкомъ, то-есть, говоря иначе, задачею сейма было бы предложить истолкованіе этой статьи, несогласной съ существующими въ Имперіи законами о бракахъ между лицами православнаго и иновѣрнаго исповѣданія. До насъ не разъ доходили извѣстія о томъ, что законы о смѣшанныхъ бракахъ не соблюдаются въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Если это нарушеніе законовъ *Рижская Газета* называетъ существующимъ тамъ юридическимъ порядкомъ, то по меньшей мѣрѣ она выражаетъ свои мнѣнія довольно страннымъ языкомъ. Во всякомъ случаѣ истолкованіе общихъ законовъ, какъ намъ кажется выходитъ за предѣлы дѣятельности сеймовъ прибалтійскихъ губерній.

Говоря о томъ воодушевленіи, съ какимъ была встрѣчена политическая программа г. фонъ Бока весною 1862 года, *Рижская Газета* свидѣтельствуетъ, что съ того времени многообразные опыты и особенно болѣе ясное сознаніе отношеній Остзейскихъ губерній ко всей Русской Имперіи и пониманіе этихъ отношеній самимъ Русскимъ народомъ замѣтно охладили общественное мнѣніе этого края, и сдѣлали его болѣе осторожнымъ въ политическихъ сужденіяхъ. Такимъ образомъ, по свидѣтельству самой *Рижской Газеты*, обсужденіе вопросовъ, касающихся Остзейскаго края, въ русской печати, уже принесло свои добрые плоды, отрезвивъ слишкомъ горячихъ мѣстныхъ „патріотовъ“. Къ сожалѣнію однако трудно не видѣть, что это отрезвленіе еще далеко неполное. Въ этомъ насъ убѣждаютъ между прочимъ и тѣ замѣчанія, которыми *Рижская Газета* сопровождаетъ свое извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ, изданнаго г. Шпрреномъ въ Дерптѣ *Сборника капитуляцій Лифляндскаго Рыцарства и Земства и города Риги, начиная съ 1-го іюля 1710 года, съ нѣкоторыми дополнительными документами и другими приложеніями*. Сборникъ заключается статьями Нищтадскаго мира, состоявшагося между Россіей и Швеціей 30-го августа 1721 года, — статьями, „которыя, по словамъ *Рижской Газеты*, содержатъ въ себѣ международное подтвержденіе привилегій Лифляндіи и Эстляндіи. Въ настоящее время, продолжаетъ *Рижская Газета*, было особенно важно оживить такимъ образомъ этотъ источникъ нашего продолжающагося государственнаго существованія (diese Auffrischung der Quelle unserer staatlichen Fortexistenz); и эта небольшая, но полновѣсная по своему содержанію книжка должна стать настольною книгой у каждаго Лифляндца.“ Еслибы въ прибалтійскихъ губерніяхъ дѣйствительно помнили прошедшее, еслибы тамъ яснѣе понимали отношенія этого края къ цѣлой Русской Имперіи и принимали къ сердцу воззрѣнія на этотъ предметъ Русскаго народа, то могло ли бы тамъ придти кому нибудь въ голову ссылаться на международное освященіе мѣстныхъ привилегій и говорить о продолжающемся государственномъ существованіи Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи? Если привилегіи, которыми пользуются эти губерніи, даютъ имъ поводъ дѣйствительно считать себя особымъ государствомъ въ государствѣ, и мечтать объ этомъ продолжающемся государственномъ существованіи, то уже этимъ однимъ эти привилегіи могутъ причинить существенный вредъ какъ самому краю, такъ и цѣлой Имперіи. Продолженіемъ своего „государственнаго“ существованія край обязанъ не капитуляціямъ и не международнымъ трактатамъ, а тѣмъ обстоятельствамъ внутренней политики Россіи, которыя характеризуютъ собою петербургскій періодъ русской исторіи. Иначе, то

уваженіе къ существующимъ правамъ и интересамъ, а также и тѣ привилегіи, которыми пользуются прибалтійскія губерніи, —въ тѣхъ чертахъ, которыми обезпечивается за краемъ независимое и солидное мѣстное самоуправленіе, —съ тѣми измѣненіями, которыхъ требуетъ духъ времени и единство Имперіи, —уже давно стали бы общимъ закономъ и общимъ достояніемъ цѣлой Россіи.

№ 64.

Москва, 22-го марта.

Въ вопросѣ о законныхъ обезпеченіяхъ печати, рѣчь, конечно, идетъ не столько объ интересахъ или удобствахъ нѣкотораго разряда лицъ, печатающихъ статьи и издающихъ журналы и газеты, сколько объ интересахъ и удобствахъ общества. Наша литература очень небогата, наша журналистика есть большею частію продуктъ искусственный; умственный трудъ, полагаемый на это дѣло и капиталы въ немъ затраченные очень незначительны, и еслибы потребовалось только того, чтобъ устроить эту сферу интересовъ, то вопросъ о нашей печати не могъ бы съ этой точки зрѣнія имѣть особенную важность и принялъ бы весьма скромные размѣры. Но брать вопросъ съ этой точки зрѣнія, значило бы не давать себѣ яснаго отчета въ немъ. Законъ, который былъ бы послѣдствіемъ такого взгляда на печать, вовсе не соотвѣтствовалъ бы своему назначенію; онъ оставлялъ бы въ сторонѣ самую существенную часть дѣла и ограничился бы только самою незначительною и болѣе или менѣе случайною принадлежностью его. Вопросъ о нашей печати въ настоящее время есть вопросъ и важный, и не важный, смотря по тому, съ какой стороны мы возьмемъ его; и безъ всякаго сомнѣнія нельзя рѣшать этотъ вопросъ подъ угломъ интересовъ, не имѣющихъ важности, упуская изъ виду то, что даетъ ему истинный смыслъ, что опредѣляетъ его истинные размѣры, въ чемъ заключается вся его сила. Разсматривать всякій вопросъ надобно съ той точки зрѣнія, которая открываетъ его истинные размѣры, рѣшать его надобно въ виду самыхъ существенныхъ интересовъ, которыми опредѣляется относительная цѣнность и всѣхъ прочихъ, соединяющихся съ нимъ интересовъ.

Вопросъ о печати понятый въ своемъ истинномъ смыслѣ, повторимъ, не есть интересъ какого-либо разряда, сословія или цеха людей. Печать, болѣе или менѣе свободная, огражденная закономъ, есть политическое право даруемое народу. Только въ такомъ смыслѣ вопросъ о печати можетъ имѣть существенную цѣну; только въ такомъ смыслѣ должно желать расширенія или обезпеченія свободы печати. Печать есть прежде всего элементъ публичности, вносимый въ государственную и общественную жизнь страны, потому что только печать сообщаетъ дѣламъ и словамъ окончательную публичность. Не въ томъ сила чтобы предоставить редакторамъ журналовъ возможность высказывать ихъ воззрѣнія и мнѣнія, — это дѣло второстепенное, —а главная сила заключается въ томъ, чтобы предоставить обществу знать и вѣдать свои дѣла въ общедоступномъ, полномъ и точномъ отраженіи печати. Было бы не только несправедливо, но и крайне неблагоразумно предоставлять льготу публичнаго выраженія мнѣній нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, пишущимъ статьи или издающимъ журналы, и оставлять во тьмѣ или въ сумракѣ акты политической жизни страны и ея общественные интересы. Большая или меньшая свобода и самоотвѣтственность въ выраженіи мнѣній, предоставляемая журналистамъ, можетъ быть полезна лишь въ той мѣрѣ, въ какой предоставляется организованнымъ обществамъ въ государствѣ, подъ собственною отвѣтственностію, предавать печати свои слова и дѣйствія. Свобода мнѣній должна опираться на серіозной гласности, сопровождающей общественную жизнь. Безъ этого условія печать будетъ по отношенію къ обществу явленіемъ фальшивымъ и неправильнымъ. Вмѣсто того чтобы служить органомъ общественнаго мнѣнія и способствовать его образованію и развитію, печать безъ надлежащей публичности общественныхъ дѣлъ будетъ только портить общественное мнѣніе, затемнять его, или, лучше сказать, будетъ обманчивою замѣной общественнаго мнѣнія. Печатное слово есть великая сила, особенно въ листкахъ періодической печати, быстро разносящихся повсюду. Мнѣніе, высказанное въ печатномъ листкѣ, разомъ занимаетъ собою сотни и тысячи умовъ; въ одно и то

же время множество людей, имѣя предъ глазами одно и то же слово, подвергаются одному и тому же дѣйствію. Представимъ же себѣ, что печать служитъ средствомъ только для выраженія мнѣнія людей, которые случайно поставлены близко къ ней; мнѣнія нѣсколькихъ десятковъ людей, избравшихъ своею профессіей журнальное дѣло, привыкшихъ къ перу и имѣющихъ возможность немедленно отправить написанное въ типографію и завтра выпустить свое слово въ свѣтъ; между тѣмъ какъ цѣлое общество, въ которомъ вся сила, для котораго издаются журналы и газеты, лишено возможности съ достаточною полнотой заявлять въ печати происходящія въ немъ дѣйствія или мнѣнія, въ которыхъ высказываются существующіе въ немъ интересы: можно ли признать такое положеніе дѣлъ нормальнымъ?

Рѣчь идетъ о томъ, чтобъ освободить нашу печать отъ предварительной цензуры, оказывающейся несостоятельною при тѣхъ размѣрахъ и томъ значеніи, которые принимаетъ наша печать въ настоящее время. Предварительная цензура могла имѣть смыслъ только въ то время, когда печать находилась въ полномъ разобщеніи съ окружающею дѣйствительностію, когда она не имѣла никакого отношенія къ практическимъ интересамъ, когда политической печати не существовало. Но какъ только допущено сужденіе по разнымъ сферамъ общественной жизни, какъ только возникла потребность публичности, какъ только печать пришла въ соприкосновеніе съ интересами дѣйствительности, предварительная цензура очутилась въ положеніи неопредѣленномъ и двусмысленномъ. Она стала не только неудобною, но и вредною, и возникла настоятельная потребность замѣнить ее другимъ порядкомъ, который болѣе соотвѣтствовалъ бы новому положенію дѣлъ. Но теперь спрашивается, должна ли предварительная цензура прекратиться лишь по отношенію къ издателямъ книгъ, журналовъ и газетъ, или она должна прекратиться также и по отношенію къ тѣмъ сферамъ общественной жизни, ради которыхъ только и можетъ быть желательно развитіе печати, ради которыхъ только и можетъ быть желательно существованіе журналовъ и газетъ. Правда, съ вопросомъ о большей или меньшей свободѣ печати еще не рѣшается вопросъ о публичности той или другой сферы. Есть нѣкоторыя сферы государственныхъ дѣлъ, которыя лишены публичности и имѣютъ характеръ приватный или тайный; и какъ бы ни было желательно съ той или другой точки зрѣнія распространеніе публичности на тѣ сферы, которыя до сихъ поръ лишены ея, смѣшивать этотъ вопросъ съ вопросомъ о свободѣ печати нельзя: это два разные вопроса, которые хотя и выходятъ изъ одного источника, но въ рѣшеніи своемъ подчиняются различнымъ воззрѣніямъ. Совѣщанія, происходящія въ государственномъ совѣтѣ, имѣютъ приватный характеръ и происходятъ втайнѣ. Постороннія лица не допускаются въ залу совѣщаній, и о томъ что происходитъ тамъ, въ публику проникаютъ лишь смутные слухи. Освобожденная отъ предварительной цензуры печать не пріобрѣтаетъ еще возможности давать гласность преніямъ, происходящимъ въ государственномъ совѣтѣ. Для того чтобъ эти пренія могли стать дѣломъ публичнымъ, потребовался бы особый законодательный актъ. Но есть сферы въ нашей политической жизни, гдѣ гласность или допущена, или даже поставлена необходимымъ условіемъ. По новому судебному положенію, судопроизводство должно совершаться гласно; публичность признана неотъемлемою и существенною принадлежностію судебныхъ преній. Сверхъ того у насъ есть организованныя собранія, имѣющія предметомъ своимъ дѣла общественныя; таковы дворянскія собранія, таковы новоучрежденныя земскія собранія. За этими собраніями также признанъ публичный характеръ. Какъ дворянскія такъ и земскія собранія отворяютъ свои двери для публики. Сотни людей могутъ присутствовать при ихъ совѣщаніяхъ. То что тамъ происходитъ не есть тайна, и не предназначается къ тому, чтобъ оставаться канцелярскою тайной. Дѣла публичнаго свойства, подлежащія этимъ собраніямъ, и ведутся въ нихъ публично, соотвѣтственно своей сущности. Что принадлежитъ публикѣ, то и происходитъ передъ публикой. Предсѣдатель собранія не имѣетъ надобности обращаться къ правительственнымъ властямъ за особымъ разрѣшеніемъ для того, чтобы допускать публику присутствовать при совѣщаніяхъ. Итакъ публичность есть неотъемлемое право и даже обязанность этихъ собраній. Будучи по существу своему публичными, они имѣютъ

естественное право на печатное заявленіе своихъ совѣщаній и постановленій. Что происходитъ передъ публикой, то входитъ въ публичную область, и стало-быть въ область печати. Въ какой мѣрѣ можетъ быть допускаемо обсужденіе дѣйствій этихъ собраній за дверьми, въ какой мѣрѣ посторонній публицистъ можетъ высказывать свои мнѣнія о томъ, что въ нихъ происходитъ, это особый вопросъ, который слѣдуетъ отличать отъ права принадлежащаго самому собранію заявлять въ печати свои совѣщанія, происходящія передъ публикой. Не допускать печатной гласности для такого рода дѣлъ, которыя происходятъ публично, было бы непослѣдовательностью и могло бы имѣть болѣе вредныя чѣмъ полезныя послѣдствія. Всѣ невыгоды гласности пали бы на эти дѣла, но она не доставила бы имъ ни одной изъ своихъ великихъ выгодъ. Публика знала бы о происходившемъ, но знала бы въ неточныхъ, неполныхъ и искаженныхъ пересказахъ. Даже лица, самолично присутствовавшія при совѣщаніяхъ, не имѣя возможности провѣрить свои воспоминанія и сообразить свои впечатлѣнія, не имѣя того пособія, какое можетъ представить только печать, будутъ по необходимости представлять себѣ дѣло въ невѣрномъ свѣтѣ и во многихъ отношеніяхъ могутъ ошибочно и превратно толковать его. Какая же выгода для общества отъ ошибочныхъ и превратныхъ толкованій? Можетъ ли при такомъ условіи организоваться сколько-нибудь правильное, полезное и плодотворное общественное мнѣніе? Не значило ли бы это способствовать заблужденіямъ, недоразумѣніямъ, невольнымъ искаженіямъ и умышленнымъ обманамъ? Не значило ли бы это вносить въ общественную жизнь смуту, ни въ какомъ случаѣ не желательную, если имѣть въ виду интересъ дѣла и государственную пользу? Полугласность хуже негласности; полную же гласность можетъ сообщить дѣлу только печать. Итакъ, тѣ организованныя собранія и вообще тѣ сферы, гдѣ публичность допущена въ основаніи и гдѣ дѣйствительно присутствуетъ публика, потому самому не только могутъ, но и должны заявлять свои акты въ печати. Теперь спрашивается: при освобожденіи отъ предварительной цензуры, должна ли предварительная цензура еще оставаться закономъ для тѣхъ общественныхъ сферъ, гдѣ допущена гласность? Если журналистъ будетъ имѣть право печатать свою статью безъ предварительной цензуры, то неужели само общество, или собраніе организованное на самыхъ существенныхъ и почтенныхъ интересахъ общества, состоящее изъ законныхъ представителей существующаго порядка вещей, говорящихъ и дѣйствующихъ не только по праву, но и по призванію и обязанности, должно оставаться подъ ферулой предварительной цензуры? Если мнѣніе должно имѣть право являться въ печати безъ предварительной цензуры, то неужели мнѣніе уже высказанное публично и стало-быть имѣющее силу факта,—притомъ высказанное не на уличномъ перекресткѣ, не въ случайной толпѣ, а въ правильно организованномъ собраніи, имѣющемъ свои уставы и состоящемъ изъ лицъ способныхъ нести на себѣ всякую отвѣтственность,—должно быть заявляемо въ печати не иначе какъ съ разрѣшенія предварительной цензуры, со стороны мѣстной власти? Неужели напримѣръ губернаторъ долженъ быть цензоромъ актовъ земскаго или дворянскаго собранія для пропуска ихъ въ печать? Неужели политическая льгота должна предоставляться не народу, не классамъ общественнымъ, а горсти людей ничего собою не представляющихъ? Свобода печати, повторимъ, имѣетъ смыслъ какъ льгота, даруемая цѣлому обществу, въ которой журналисты могутъ принимать участіе, но которая отнюдь не можетъ принадлежать имъ какъ ихъ исключительная привилегія, долженствующая возносить ихъ надъ всею совокупностію общественныхъ силъ съ ихъ правами и интересами.

— Очень можетъ случиться, что въ томъ или другомъ собраніи будетъ сдѣлано или сказано что-нибудь несогласное съ закономъ: пусть же собранія и отвѣчаютъ за свои неправильности, но фактъ остается фактомъ, и нѣтъ надобности скрывать его, особенно если нѣтъ возможности скрыть его, такъ какъ онъ совершился публично. Что бы ни произошло въ правильно организованномъ собраніи, какимъ бы фактомъ ни ознаменовалась общественная жизнь, все входящее въ область публичности должно по преимуществу принадлежать печати, и если выраженію мнѣній предоставляется свобода, то тѣмъ болѣе должно быть предоставляемо право заявленія публичнаго факта. Къ чему послужитъ свобода печати, еслибы общество, для котораго печать

существуетъ, должно было въ своихъ публичныхъ актахъ подлежать предварительной цензурѣ? Какъ при такихъ условіяхъ слагалось бы общественное мнѣніе? Какой характеръ при такихъ условіяхъ принимала бы политическая жизнь въ странѣ? Если печатаніе актовъ организованнаго собранія должно подлежать какой-либо цензурѣ, то естественно чтобы цензура въ этомъ случаѣ принадлежала самому собранію, а не какимъ-либо постороннимъ властямъ.

№ 65.

Москва, 23-го марта.

Земскимъ собраніямъ и управамъ, если не въ настоящемъ году, то въ ближайшемъ будущемъ, предстоитъ довольно широкая дѣятельность. Въ кругъ ея войдутъ всѣ мѣстные интересы и многіе изъ интересовъ, важныхъ для всего государства. Такъ, въ сферѣ матеріяльной, имъ ввѣряются: попеченіе о преуспѣяніи и развитіи сельскаго хозяйства, мѣстной промышленности и торговли, устройство и содержаніе внутреннихъ путей сообщенія, принадлежащихъ земству, мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія, управленіе дѣлами взаимнаго земскаго страхованія имуществъ и участіе въ попеченіи о народномъ здравіи; въ сферѣ собственно-соціяльной, они призваны завѣдывать земскими благотворительными заведеніями, принимать мѣры къ призрѣнію бѣдныхъ и къ прекращенію нищенства и участвовать въ попеченіи о тюрьмахъ; наконецъ, въ сферѣ интересовъ нравственныхъ — имѣть попеченіе о построеніи церквей и о народномъ образованіи, почему Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ предоставляетъ земскимъ собраніямъ избирать отъ себя по два члена какъ въ уѣздные, такъ и въ губернскіе училищные совѣты. Сверхъ того важнѣйшею заботой земскихъ собраній будутъ составленіе смѣтъ и раскладка собственно-земскихъ повинностей, а въ послѣдствіи даже раскладка нѣкоторыхъ прямыхъ государственныхъ податей и налоговъ внутри губерній и уѣздовъ, и распоряженіе извѣстными государственными суммами, которыя предполагается имъ ввѣрять для удовлетворенія на мѣстѣ государственныхъ потребностей — по вѣдомствамъ почтовому и военному, по устройству и содержанію этапныхъ помѣщеній, тюремъ, зданій для присутственныхъ мѣстъ и т. д. Земскимъ же собраніямъ, когда будетъ приведена въ исполненіе судебная реформа, будетъ принадлежать избраніе мировыхъ судей. Такимъ образомъ, отъ будущаго направленія дѣятельности земскихъ учрежденій и отъ того духа, который въ нихъ водворится, будетъ зависѣть, въ значительной степени, матеріяльное и нравственное благосостояніе всѣхъ классовъ земства. Дѣятельность, ожидающая земскія собранія и управы, по своей обширности и многосложности, предполагаетъ въ ихъ членахъ основательное знакомство какъ съ мѣстными, такъ и съ общими нуждами и потребностями, здравое пониманіе интересовъ народной жизни и умѣніе цѣнить каждый изъ нихъ по его значенію и вліянію на другіе интересы, — словомъ предполагаетъ довольно значительную степень политическаго образованія. Сверхъ того, какъ земскимъ собраніямъ, такъ въ особенности управамъ придется быть въ безпрерывномъ соприкосновеніи, а нерѣдко даже и въ столкновеніяхъ съ мѣстными властями разныхъ вѣдомствъ, при чемъ задачей ихъ будетъ, согласно съ духомъ самаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, не только удовлетвореніе на мѣстѣ различныхъ государственныхъ потребностей, но также и охраненіе законныхъ интересовъ земства. Подобная дѣятельность предполагаетъ въ членахъ земскихъ управъ независимость положенія и характера. Не въ интересахъ какого-либо одного класса, даже не ради сохраненія естественнаго первенства высшихъ классовъ надъ низшими, но въ интересахъ цѣлаго земства, въ видахъ правильнаго и успѣшнаго развитія новыхъ земскихъ учрежденій, слѣдуетъ желать, чтобы по крайней мѣрѣ постоянно-дѣйствующіе ихъ органы, то-есть управы, составлялись изъ лицъ просвѣщенныхъ и самостоятельныхъ.

Уѣздныя собранія созываются всего на 10 дней, а губернскія собранія на 20 дней въ году. Члены ихъ за весьма немногими и рѣдкими исключеніями, будутъ имѣть мало возможности близко слѣдить за положеніемъ дѣлъ земства въ своемъ уѣздѣ или своей губерніи. Главнѣйшимъ образомъ они принуждены будутъ основываться на тѣхъ данныхъ, которыя будутъ сообщать имъ управы. Членамъ управъ по необходимости будетъ принадлежать въ земскихъ

собраніяхъ весьма вліятельный голосъ по всѣхъ вопросамъ, и если составъ управъ будетъ удовлетворителенъ, то члены ихъ станутъ естественными руководителями земскихъ собраній. Изъ этого видно, какъ было бы важно обезпечить удовлетворительный личный составъ управъ. Между тѣмъ именно въ этомъ отношеніи будущность земскихъ учрежденій представляется особенно сомнительною. Въ настоящее время гласные изъ крестьянъ, которые, какъ можно предполагать, будутъ почти вездѣ составлять большинство въ уѣздныхъ собраніяхъ, дѣйствуютъ еще по большей части независимо отъ постороннихъ, своекорыстныхъ вліяній, не заботясь о томъ чтобы самимъ попасть въ члены управъ, и не служа орудіемъ для искателей доходныхъ мѣстъ. Но уже теперь, когда приманка жалованья еще не дѣйствуетъ, бываютъ случаи недоразумѣній, возникающихъ безъ всякой существенной причины, вслѣдствіе какого нибудь подпольнаго вліянія. Одинъ изъ такихъ случаевъ встрѣтился напримѣръ въ Солигаличѣ, о чемъ сообщается ниже нѣсколько подробностей, заставляющихъ желать, чтобы солигаличскіе купцы гласно объяснили свой образъ дѣйствій. Кто не знаетъ, какъ легко сбить съ толку простыхъ людей, и кто можетъ сомнѣваться, что охотники сбивать съ толку найдутся въ обиліи, когда эта дѣятельность будетъ вознаграждаться полученіемъ тепленькаго мѣстечка? Можно ли ожидать, чтобы крестьяне оказались способнѣе дѣйствовать самостоятельно чѣмъ тѣ мелкопомѣстные дворяне, которыхъ обозами возили на выборы, прежде нежели былъ установленъ стодушевый цензъ?

Назначеніе членамъ управъ большаго содержанія, кромѣ того что обременитъ чрезмѣрно земство и вызоветъ множество искателей, должно повлечь за собою и другія чрезвычайно важныя неудобства, которыхъ не могло быть при старинныхъ дворянскихъ выборахъ и которыя теперь очень возможны. Одно то уже, что искатели мѣстъ будутъ всячески заботиться о томъ, чтобы пріобрѣсти популярность между крестьянами, можетъ повести къ неимовѣрному вреду. Сверхъ того значительное содержаніе, назначенное членамъ управъ, естественно вызвало бы сильную конкурренцію, и составъ управъ мѣнялся бы съ каждымъ трехлѣтіемъ къ существенному ущербу для интересовъ земства, такъ какъ опытность, пріобрѣтенная на практикѣ, составляетъ въ этомъ случаѣ ничѣмъ незамѣнимое качество. Неудобства очевидныя: ихъ не нужно расписывать, чтобы всякій понялъ ихъ. Какъ же предотвратить ихъ? Не назначать ли членамъ управъ маленькое содержаніе? Но такимъ образомъ мы могли бы лишить эти должности ихъ почетнаго характера, и тогда онѣ достались бы на долю бывшихъ становыхъ или приказныхъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, можно было бы, вовсе не назначая предварительно жалованья членамъ управъ, тѣмъ не менѣе лично заинтересовать ихъ въ правильномъ веденіи земскихъ дѣлъ, а именно назначивъ въ ихъ пользу извѣстное число процентовъ съ суммъ, которыя они успѣли бы сберечь противъ смѣты, сдѣланной земскими собраніями. Это дѣйствительно предотвратило бы новое обремененіе земства, отклонило бы своекорыстныхъ искателей доходныхъ мѣстъ и обезпечило бы экономическое употребленіе земскихъ суммъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ способъ вознагражденія подвергъ бы нѣкоторому риску удовлетвореніе потребностей земства, въ особенности прочность сооруженій и построекъ, которыми завѣдывали бы члены управы.

Чтобы сдѣлать службу земству привлекательною для лицъ, по своему положенію не нуждающихся въ жалованьи, прежде всего слѣдовало бы какъ можно болѣе облегчить занятія каждаго изъ призванныхъ къ ней лицъ. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ даетъ полную къ тому возможность. Правда, оно опредѣляетъ число членовъ какъ въ уѣздныя, такъ и въ губернскія управы не свыше шести, но вмѣстѣ съ тѣмъ статьею 59-ю предоставляетъ земскимъ собраніямъ, независимо отъ выбора предсѣдателей и членовъ въ земскія управы, назначать по выбору изъ своей среды уполномоченныхъ для завѣдыванія принадлежащими земству недвижимыми имуществами, заведеніями и учрежденіями и *вообще для исполненія порученій земскихъ собраній*. Не состоятъ ли всѣ занятія земскихъ управъ въ исполненіи порученій земскихъ собраній? На основаніи этой статьи земскія собранія были бы въ правѣ избрать изъ своей среды кромѣ шести членовъ управы, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя, еще нѣсколько лицъ, присоединивъ ихъ къ земскимъ управамъ для исполненія лежащихъ на нихъ обязанно-

стей. Затѣмъ, всѣ эти избранные, согласно съ статьею 99-ю, могли бы учредить между собою очередь для отправленія дѣлъ, не требующихъ коллегіальнаго обсужденія, и чередоваться между собою ежемѣсячно. Въ продолженіе очереднаго мѣсяца, который бы пришлось проводить имъ въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ, могло бы быть имъ, пожалуй, назначено содержаніе. Таковъ между прочимъ порядокъ въ одной изъ нашихъ губерній, которая пользуется самымъ солиднымъ и серіознымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Мы говоримъ о губерніи Лифляндской. Тамъ постояннымъ органомъ мѣстнаго сейма и вмѣстѣ руководительницею его совѣщаній является ландратская коллегія, состоящая изъ двѣнадцати членовъ—ландратовъ (земскихъ совѣтниковъ), которые избираются сеймомъ на всю жизнь. Они присутствуютъ въ коллегіи по очереди, и во время своего очереднаго мѣсяца, занимаютъ въ губерніи первое мѣсто послѣ губернатора. Пожизненность этой должности придаетъ ей особенный вѣсъ и значеніе, и дѣлаетъ занимающихъ ее лицъ настоящими хозяевами губерніи. У насъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, пожизненность соотвѣтствующихъ должностей была бы неумѣстна; назначенный Положеніемъ трехлѣтній срокъ соотвѣтствуетъ новизнѣ этого дѣла и неизвѣстности лицъ, которыхъ пришлось бы выбирать въ общественныя должности. Но въ послѣдствіи было бы желательно, чтобы по крайней мѣрѣ тѣ изъ должностныхъ лицъ, которыя заслужатъ особенное довѣріе, могли быть избираемы на болѣе продолжительный срокъ. Двѣнадцать лифляндскихъ ландратовъ распредѣляютъ между собою завѣдываніе различными отраслями земскихъ дѣлъ, и сверхъ того, какъ сказано, по очереди, въ теченіе одного мѣсяца, въ званіе очереднаго ландрата, завѣдываютъ текущими дѣлами коллегіи: только за этотъ мѣсяцъ получаютъ они опредѣленное содержаніе. Подобный порядокъ вещей могъ бы быть, кажется, съ пользою примѣненъ и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не ставитъ тому преградъ, а большинство гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ, по всей вѣроятности, съ большимъ сочувствіемъ приняло бы подобное предложеніе, такъ какъ оно облегчило бы падающія на земство тягости.

№ 66.

Москва, 24-го марта.

Что можетъ быть печальнѣе тѣхъ существованій, которыя оказываются ни для кого ненужными и лишними на свѣтѣ? За то утѣшительно убѣдиться, что мы не совсѣмъ даромъ бременимъ землю, и что есть существованія, которымъ мы необходимы. Наши *Московскія Вѣдомости* могутъ также утѣшаться мыслію, что они небезполезны по крайней мѣрѣ для двухъ существованій. Представьте себѣ, что *Московскихъ Вѣдомостей* не издавалось въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, попробуйте мысленно уничтожить ихъ за эти два года, и вы произведете страшное опустошеніе въ петербургской газетѣ *Голосъ* и въ московской газетѣ *День*. Неизвѣстно, чѣмъ бы стали жить эти газеты, еслибы не было *Московскихъ Вѣдомостей*. Намъ случилось недавно замѣтить мимоходомъ, что эти двѣ газеты, столь противоположныя между собою по наружности, совершенно тождественны въ направленіи. Это не натяжка, а истинный фактъ, который можно объяснять какъ угодно, но который тѣмъ не менѣе остается фактомъ. Сущность всякаго направленія характеризуется не фразеологіей которую оно употребляетъ, но тѣми практическими результатами, къ которымъ оно клонится, и можно утвердительно сказать, что въ русской печати нѣтъ двухъ направленій болѣе способствующихъ одно другому, какъ петербургскій *Голосъ* и московскій *День*. Слова принадлежащія двумъ различнымъ языкамъ, звучатъ различно; но смыслъ ими выражаемый можетъ быть одинъ и тотъ же. Точно также не слѣдуетъ смѣшивать вопросъ о побужденіяхъ съ вопросомъ о дѣйствіяхъ. Люди могутъ дѣйствовать въ одномъ и томъ же смыслѣ по различнымъ, даже противоположнымъ побужденіямъ. Каковы бы ни были побужденія, одушевляющія ту и другую изъ поименованныхъ газетъ, обѣ онѣ домогаются однихъ и тѣхъ же результатовъ, и дѣйствуютъ за одно. Сходствуя почти во всемъ отъ большаго до малаго, онѣ весьма естественно неразлучны и по отношенію къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*, которыя занимаютъ столь обширное мѣсто въ ихъ существованіи. Послѣдній нумеръ *Дня* положительно полонъ нами; равномѣрно полонъ нами и

вышедшій того же самаго числа листокъ *Голоса*. Нео-славянофильская газета, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, съ негодованіемъ, упрекала русское общество и преимущественно дворянъ, за то что они не плясали на улицахъ въ ознаменованіе еще не вступавшихъ въ дѣйствіе земскихъ учрежденій. Трудно представить себѣ какое движеніе могло бы происходить въ русскомъ обществѣ или въ русской журналистикѣ, по поводу учрежденій еще не вступившихъ въ дѣйствіе. Но вотъ теперь дѣйствительно происходятъ земскіе выборы въ разныхъ концахъ Русскаго царства; во множествѣ городовъ уже открылись земскія собранія; общество и журналистика заняты земскимъ дѣломъ; и что же? газета, столь ревновавшая объ этомъ дѣлѣ и упрекавшая всѣхъ за бездѣйствіе когда дѣло еще не начиналось, теперь, когда оно началось, посвящаетъ изъ недѣли въ недѣлю свои руководящія статьи почти исключительно *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Въ послѣднемъ нумерѣ своемъ, *День* принимается за насъ въ три разбѣга, и выдвигаетъ изъ-за кулисъ новаго члена славянофильской группы, г. Жемчужникова, который служитъ, повидимому, живымъ звеномъ соединяющимъ новыхъ славянофиловъ съ нѣкоторыми петербургскими кругами. Въ этомъ послѣднемъ нумерѣ *Дня*, мы разобраны очень подробно, и описаны съ большою отчетливостію. Доказано, что мы нигилисты и враги русской народности; еще доказано, что мы хотимъ обезземелить русскій народъ и предать его на сѣченіе помѣщикамъ, и съ этою цѣлію рекомендуемъ ввести вотчинную полицію (то-есть, что мы будто бы присвоили себѣ мнѣнія, излагавшіяся лѣтъ пять тому назадъ, передъ крестьянской реформою, въ славянофильскомъ журналѣ *Сельско благоустройство)*; далѣе заявлено, что дѣйствуемъ противъ русскаго духа мы въ союзѣ съ авторомъ памфлета *Qu- fera-ton de la Pologne*, который должно-быть, и написанъ по чувству дружбы къ намъ (кстати: памфлетъ этотъ, за разсылкою всѣхъ экземпляровъ его поступившихъ въ библіотеки нашихъ учебныхъ заведеній, вышелъ теперь въ свѣтъ вторымъ изданіемъ); наконецъ заявлено, что статьи наши отличаются тремя характеристическими признаками: „зловѣщею гражданственностію," „ухорствомъ," и „сентиментальностью," напоминающею „Ноздрева или сестру Ноздрева, вышедшую замужъ за генерала." Честь открытія трехъ послѣднихъ характеристическихъ признаковъ нашей дѣятельности принадлежитъ г. Жемчужникову, который можетъ-быть еще съ бо́льшимъ успѣхомъ разработаетъ для неославянофильской газеты вопросъ о различіи между температурами Варшавы и Калуги, и о противоположномъ дѣйствіи, какое температуры этихъ мѣстностей оказываютъ на крестьянское дѣло, столь повидимому интересующее г. Жемчужникова.

Но при всѣхъ достоинствахъ московской газеты, мы все-таки думаемъ, что родственная ей петербургская газета есть явленіе болѣе серіозное, и на этотъ разъ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ по поводу послѣдней посвященной намъ статьи *Голоса*. Нѣсколькими сильными штрихами художникъ *Голоса* дополнилъ нашу характеристику сдѣланную артистами *Дня*. Нигилизмъ, злоумышленіе противъ русской народности, „зловѣщая гражданственность," „ухорство," „Ноздревъ съ сестрою" — вотъ черты найденныя въ насъ *Днемъ*; ложь, наглость, клевета — вотъ дополнительныя черты, которыми доканчиваетъ нашъ портретъ петербургская газета. Такимъ образомъ оказывается, что на свѣтѣ нѣтъ существованія болѣе преступнаго и болѣе омраченнаго всякими пороками какъ наше. Но все это по большей части не новость, все это высказывалось на всѣ лады и на разныхъ языкахъ! На статью *Голоса* мы хотимъ обратить вниманіе, по отношенію къ предмету, который дѣйствительно не лишенъ интереса. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ учебникѣ географіи Даніеля. Нашимъ читателямъ уже достаточно извѣстно свойство этого дѣла. Недавно, вынужденные на объясненіе, мы изложили это дѣло съ достаточною подробностію. Тѣмъ неменѣе мы считаемъ нужнымъ припомнить обстоятельства относящіяся къ этому дѣлу и придающія ему весьма серіозное значеніе.

Учебная книга географіи Даніеля, переведенная съ 11-го нѣмецкаго изданія и дополненная отдѣломъ о русскихъ владѣніяхъ г. Корсакомъ, вышла въ 1863 году. Мы слышали о ея куріозахъ, но не упоминали о нихъ, пока одно почтенное лицо не доставило намъ замѣтки, подъ заглавіемъ: „Куріозы *Учебной книги географіи* Даніеля" и за подписью: „Москвичъ." Это было въ концѣ сентября 1864 года. Мы

не сочли себя въ правѣ отказать автору въ помѣщеніи его замѣтки и помѣстили ее въ № 241, вышедшемъ 4-го октября. Мы не придавали особеннаго значенія ни появленію этой книги въ Россіи, ни случайному употребленію ея въ качествѣ учебнаго руководства. По нашему мнѣнію, нѣтъ причины препятствовать появленію разнаго рода странныхъ взглядовъ въ печати, коль-скоро въ той же печати они могутъ встрѣтить безпрепятственное опроверженіе. Мы нисколько не были бы встревожены, еслибы было дозволено излагать въ русской печати съ полною свободой какіе угодно взгляды, лишь бы только они излагались въ печати частной, и вообще не пользовались правительственными способами для своего распространенія. Проповѣдываніе неправильныхъ взглядовъ въ учебныхъ книгахъ есть уже дѣло болѣе серіозное; но и къ этому можно относиться съ терпимостью, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы подобныя учебныя книги, какъ скоро будутъ замѣчены въ нихъ несообразности, не были употребляемы въ учебныхъ заведеніяхъ находящихся подъ правительственнымъ надзоромъ. Мы удовольствовались напечатаніемъ замѣтки „Москвича“ и отъ себя не прибавили къ ней ни слова. Г. Корсакъ отвѣчалъ на замѣтку. Странность была указана, но г. Корсакъ счелъ нужнымъ отстаивать ее. Онъ обрушился гнѣвомъ на замѣтку „Москвича“; что въ учебной книгѣ географіи нельзя относить 8 западныхъ губерній Россіи къ несуществующему королевству Польшѣ и совершенно выдѣлять ихъ изъ описанія Россійской Имперіи, съ этимъ онъ не согласился. Онъ счелъ нужнымъ обвинять „Москвича“ во лжи и клеветѣ. Никакой лжи и клеветы въ замѣткѣ „Москвича“ однако не было. Онъ привелъ цитаты изъ самой книги, подлинными ея словами. Развѣ въ книгѣ нѣтъ отдѣла озаглавленнаго: „Королевство Польша,“ и развѣ къ этому „королевству Польшѣ“ не отнесены слѣдующія земли: a) коронныя земли Австрійской имперіи; b) Царство Польское; c) западная Россія? Развѣ въ книгѣ не сказано, что населеніе западной Россіи состоитъ „изъ Поляковъ, Литовцевъ, большаго числа Евреевъ, Малороссовъ и Бѣлоруссовъ — на востокѣ?“ Вотъ что привелъ „Москвичъ“ изъ *Географіи* Даніеля, и это дѣйствительно въ ней напечатано. „Москвичъ“ отнюдь не утверждалъ, чтобъ о королевствѣ Польшѣ говорилось въ этой книгѣ какъ о королевствѣ существующемъ. Онъ сказалъ вотъ что: „Такимъ образомъ у насъ молодые люди еще въ гимназіи затвердятъ, что западная Россія составляетъ часть какого-то *какъ будто* существующаго королевства Польши, что она населена Поляками и Литовцами, что въ ней главное населеніе не русское, и только гдѣ-то на востокѣ живутъ Малороссы и Бѣлоруссы, да множество Евреевъ.“ Этого вывода ничѣмъ нельзя опровергнуть, и тѣхъ мѣстъ книги, которыя подаютъ поводъ къ этому выводу, защищать невозможно. Въ книгѣ дѣйствительно сказано, что и Западная Русь и Царство Польское принадлежатъ Россіи, въ ней дѣйствительно сказано, что королевство Польша теперь не существуетъ, но въ той же книгѣ сказано, что королевство Польша *имѣетъ* 16 милліоновъ жителей, и что *наибольшая* часть его — римско-католическая. Возражая „Москвичу,“ г. Корсакъ ссылается на тѣ показанія, которыя въ его книгѣ сдѣланы правильно. Онъ говоритъ, что этими правильными показаніями опровергаются выводы „Москвича.“ Но тѣ показанія изъ которыхъ вытекаютъ выводы сдѣланные „Москвичемъ,“ также находятся въ учебникѣ Даніеля. „Москвичъ“ назвалъ эти показанія куріозами и имѣлъ полное право на то. Онъ имѣлъ также полное право спросить: „зачѣмъ же гимназисты должны затверживать подобные литературные куріозы?“ Онъ сѣтовалъ на то, что книга, заключающая въ себѣ подобные куріозы, употребляется какъ учебное руководство, а на издателя и переводчика онъ вовсе не сѣтовалъ. Онъ только обратился къ переводчику съ ироническимъ вопросомъ: „неужели все это составлено главнымъ образомъ на основаніи русскихъ матеріяловъ, заключающихся въ изданіяхъ генеральнаго штаба, центральнаго статистическаго комитета, какъ говоритъ въ своемъ предисловіи г. переводчикъ?“ Но самъ переводчикъ, ссылающійся на эти изданія и заявляющій, что отдѣлы о русскихъ владѣніяхъ совершенно переработаны имъ, далъ полное право на подобный ироническій вопросъ. Вотъ все, что сказано „Москвичемъ.“ Гдѣ же тутъ ложь и клевета?

Несмотря однакоже на очевидную неосновательность возраженій г. Корсака, мы оставили ихъ безъ отвѣта. Куріозъ,

запальчиво отстаиваемый, становится еще бо́льшимъ куріозомъ, думали мы, но мало ли бываетъ на свѣтѣ куріозовъ? Но вотъ въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій, прочли мы офиціяльное сужденіе о книгѣ Даніеля, составленное ученымъ комитетомъ министерства. Въ этомъ сужденіи между прочимъ сказано: „По внимательномъ изслѣдованіи всего труда г. Корсака въ его цѣломъ, ученый комитетъ прежде всего пришелъ къ убѣжденію, что переводчикъ сдѣлалъ хорошій выборъ изъ нѣмецкой учебной литературы, остановившись на сочиненіи Даніеля, успѣвшемъ уже достигнуть въ Германіи 11-го изданія, и въ то же время весьма справедливо не ограничился буквальнымъ переводомъ подлинника: г. Корсакъ значительно сократилъ подробное изложеніе чужеземной географіи, и въ особенности нѣмецкой, но за то расширилъ и вмѣстѣ повѣрилъ офиціяльными документами ту часть труда Даніеля, которая относится собственно къ нашей отечественной географіи.“ За тѣмъ ученый комитетъ, сдѣлавъ нѣсколько мелкихъ замѣчаній о языкѣ перевода *), переходитъ къ куріозамъ учебника. Онъ не признаетъ ихъ за куріозы и доказываетъ раціональность способа въ изложеніи географіи Россіи, принятаго авторомъ учебника. При этомъ оказывается, что „внимательное изслѣдованіе всего труда г. Корсака“ не простиралось на сличеніе перевода съ подлинникомъ, вслѣдствіе чего авторъ безпрестанно смѣшивается съ переводчикомъ. Какъ главное достоинство книги выставляется именно тотъ методъ, который привелъ къ вышеуказаннымъ куріозамъ. „Слабая сторона учебника (фразерство) съ избыткомъ искупается вѣрнымъ научнымъ методомъ, который дѣлаетъ изъ географіи не одну, такъ-сказать, домовую опись, но историческое развитіе.“ Достоинство этого метода, *дѣлающаго изъ географіи историческое развитіе*, доказывается на примѣрѣ, и этимъ примѣромъ избрана географія Италіи. „При помощи историческаго очерка, авторъ постепенно приводитъ (кого?) къ тому современному политическому очертанію физической территоріи Италіи, какою (sic) она представляется въ настоящую пору.“ Это должно, конечно, означать на общеупотребительномъ языкѣ, что географія Италіи излагается по прежнимъ политическимъ дѣленіямъ, имѣвшимъ силу до соединенія Италіи подъ скипетромъ Виктора-Эммануила. „Странно было бы видѣть, говоритъ ученый комитетъ, въ такомъ простомъ пріемѣ *науки* родъ нѣкотораго протеста въ пользу прежняго порядка вещей и вслѣдствіе того требовать, чтобъ италіянскіе, напримѣръ, учебники географіи не упоминали о томъ, *что было да прошло* (выраженіе заимствованное у „Москвича“), изъ опасенія внушить молодому поколѣнію Италіи мысль о необходимости прежняго порядка вещей.“ Итакъ, странно было бы видѣть въ этомъ простомъ пріемѣ науки протестъ въ пользу прежняго порядка вещей! Что скажетъ однако ученый комитетъ, если самъ г. Даніель видитъ въ своемъ способѣ излагать географію Италіи не простой пріемъ науки, а именно протестъ въ пользу прежняго порядка вещей? Вотъ что мы читаемъ у г. Даніеля, въ 11-мъ изданіи его учебника на нѣмецкомъ языкѣ (стр. 207): „Такъ какъ новое Италіянское королевство еще не признано большею частію европейскихъ державъ и въ особенности Германіей, и новое положеніе дѣлъ вовсе не можетъ считаться за нѣчто прочное, то мы не дѣлаемъ никакихъ измѣненій въ расположеніи италіянской географіи противъ прежнихъ изданій нашего учебника. Исторія къ сожалѣнію доселѣ свидѣтельствовала, что ни одинъ народъ не имѣетъ меньше способности къ единству, чѣмъ Италіянцы, что нигдѣ раздвоеніе, ревность и взаимная ненависть не встрѣчаются въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Италіи. Подождемъ же, опровергнетъ ли настоящее указанія исторіи, и восторжествуетъ ли идея единства надъ духомъ партій.“ Это ли не протестъ въ пользу прежняго порядка вещей? Г. Корсакъ выпустилъ это мѣсто. Онъ имѣлъ, конечно, въ виду, что Италіянское королевство признано Россіей, и потому передѣлалъ многое въ италіянской географіи Даніеля. Но если г. Корсакъ, передѣлывая географію Даніеля для Россіи, долженъ былъ обратить вниманіе на международныя приличія, то

*) Какого уваженія заслуживаютъ эти замѣчанія, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ учебникѣ сказано: „наши антиподы находятся на верху, точно также какъ и мы.“ Ученый комитетъ совѣтуетъ исправить это мѣсто и сказать: „наши антиподы *представляютъ себя* надъ землею какъ и мы.“ Развѣ ученый комитетъ не признаетъ реальности закона тяжести?

можно ли думать, чтобы въ учебникѣ географіи, выходящемъ въ Италіи, могло остаться неприкосновеннымъ это изложеніе, и чтобъ италіянскій переводчикъ Даніеля не возымѣлъ „опасенія внушить молодому поколѣнію Италіи мысль о необходимости прежняго порядка вещей?“ Можно поручиться чѣмъ угодно, что учебника Даніеля нельзя было бы даже напечатать въ Италіи, не только рекомендовать его какъ пособіе при преподаваніи географія въ казенныхъ училищахъ.

Послѣ этой неудачной ссылки, ученый комитетъ обращается къ изложенію географіи Россіи, сдѣланному на основаніи того же „простаго пріема науки.“ Но тутъ пріемъ оказывается гораздо сложнѣе. Въ географіи Италіи принято недавнее раздѣленіе; въ географіи Россіи принято раздѣленіе, которое невозможно отнести ни къ какому опредѣленному времени. Въ учебникѣ сказано просто: „Въ *прежнее* время на этой равнинѣ было три государства: земли нѣмецкаго ордена, королевство Польша, великое княжество Московское. По общему плану книги, мы избираемъ это дѣленіе за исходную точку при слѣдующемъ ниже описаніи“. Въ прежнее время! Это сказано осмотрительно. Ученый комитетъ не замѣчаетъ того, и говоритъ за автора удивительныя вещи: „Автору оставалось избрать какой-нибудь отдаленный моментъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такой, когда Россія сдѣлала послѣднее отступленіе и вмѣстѣ собралась съ силами, чтобы двинуться впередъ къ своимъ прежнимъ предѣламъ. Авторъ избираетъ потому эпоху, послѣдовавшую непосредственно за сверженіемъ ига Монголовъ, *именно XVI столѣтіе*“. Постановивъ, что авторъ взялъ за исходный пунктъ XVI столѣтіе, ученый комитетъ замѣчаетъ, что въ эту эпоху правильнѣе было бы сказать не великое княжество Московское, а Русское царство. Но увы! это замѣчаніе не будетъ принято авторомъ. „Кто сказалъ вамъ, отвѣтитъ онъ, что я раздѣляю сѣверовосточную равнину такъ, какъ она была раздѣлена въ XVI столѣтіи? Тогда значительная часть Пруссіи принадлежала Польшѣ, а я Пруссакъ и не уступлю не только Данцига, но даже Познани. Кромѣ того, я человѣкъ разумный, я не отдѣлю Кіева отъ Россіи, хотя онъ въ XVI столѣтіи тоже принадлежалъ Польшѣ“. Вотъ что отвѣтитъ авторъ, и отвѣтитъ совершенно основательно. Онъ держался въ своей географіи вовсе не дѣленія XVI вѣка; онъ вообще не держался какого-нибудь историческаго дѣленія. Такого дѣленія, какое онъ принялъ, никогда не было въ прошедшемъ. Это есть дѣленіе будущаго, какъ оно представляется ему согласно съ польскими мечтаніями, тоже не о прошедшемъ, а о будущемъ.

Просимъ замѣтить, что это не мы опровергаемъ сужденія ученаго комитета; ихъ опровергаетъ самъ Даніель. Окончательное заключеніе ученаго комитета о книгѣ выражено такъ: „Ученый комитетъ полагаетъ, что обширность содержанія книги, ея большія подробности, и соотвѣтственная тому высокая цѣна (2 р. 50 к.) дѣлаютъ затруднительнымъ принятіе книги Даніеля въ число учебныхъ руководствъ во *всѣхъ* гимназіяхъ Имперіи, и на основаніи того опредѣлилъ признать *Учебную книгу географіи* Даніеля въ русскомъ переводѣ съ 11-го нѣмецкаго изданія, съ дополненіемъ отдѣла о русскихъ владѣніяхъ г. Корсака (Москва 1863 г.) только *учебнымъ пособіемъ* въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.“ Что до насъ касается, то мы смѣемъ думать, что эта книга не можетъ быть руководствомъ не только во *всѣхъ*, но даже и въ нѣкоторыхъ изъ гимназій Имперіи, и также не можетъ быть учебнымъ пособіемъ въ нихъ.

Читатели видятъ, что наши мнѣнія діаметрально противоположны мнѣнію ученаго комитета. Но какъ мы ни удивлялись отдѣлу правительственныхъ распоряженій въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, мы однакоже хранили молчаніе: такъ мало имѣли мы желаніе поднимать шумъ и вызывать тревогу. Насъ вынудили возвратиться къ этому дѣлу и разъяснить его. Недѣли двѣ или три тому назадъ, когда въ газетѣ имѣющей, какъ всѣмъ извѣстно, официозный характеръ, снова заговорили объ этой книгѣ, о которой мы продолжали молчать, и снова бросили на *Московскія Вѣдомости* обвиненіе во лжи и клеветѣ, мы сочли наконецъ необходимымъ прервать наше молчаніе и объясниться съ нѣкоторою подробностію объ удивительныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ все это дѣло, и преимущественно объ отзывѣ ученаго комитета.

Повторимъ: серіозная сторона дѣла заключается не въ томъ, что вышелъ въ свѣтъ такой-то учебникъ, еще менѣе въ

томъ, что учебникъ этотъ на первыхъ порахъ появился въ школахъ; серіозная сторона дѣла заключается въ томъ, что, когда была заявлена несостоятельность этого учебника, совершенно очевидная всякому человѣку съ здравымъ смысломъ, нашлись люди, которые возопили о какой-то клеветѣ; еще серіознѣе то, что официяльнымъ образомъ доказывается раціональность такого изложенія географіи Россіи, которое раздѣляетъ ее на двѣ части, и одну изъ нихъ, восемь западныхъ губерній, разсматриваетъ подъ именемъ королевства Польскаго, а остальную, подъ именемъ Россійской Имперіи. Воззрѣнія частнаго человѣка суть дѣло свободы, и можно обращать и не обращать на нихъ вниманіе; случайный недосмотръ есть дѣло какъ нельзя болѣе возможное; но официяльно излагаемые доводы въ пользу того, что могло быть допущено только по случайному недосмотру, и несостоятельность чего бросается въ глаза всякому при первомъ взглядѣ, это по неволѣ заставитъ всякаго задуматься. Можно ли не задуматься, видя, что въ то время, когда съ такимъ тяжкимъ трудомъ, съ такими усиліями, возстановляется русскій элементъ въ западныхъ губерніяхъ, когда правительство придаетъ столь важное значеніе даже самымъ мелкимъ признакамъ, характеризующимъ національность этихъ провинцій; его же органъ, съ другой стороны, рекомендуетъ преподавателямъ въ школахъ учить о какомъ-то королевствѣ Польшѣ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ, и которое точь-въ-точь соотвѣтствуетъ предположеніямъ, уже стоившимъ столько крови и столькихъ бѣдствій,—учить о кокоролествѣ Польшѣ, состоящемъ изъ областей, входившихъ въ дѣйствительно существовавшее нѣкогда королевство Польское, за исключеніемъ тѣхъ частей этого королевства, на которыя не могутъ разчитывать даже самые пылкіе изъ польскихъ патріотовъ, именно за исключеніемъ Кіева и провинцій вошедшихъ въ составъ Пруссіи и окончательно германизованныхъ ею? Въ учебникѣ сказано въ двухъ-трехъ мѣстахъ, что западныя губерніи искони составляли принадлежность Россіи, что Польша не смогла оторвать ихъ отъ сѣверовосточныхъ областей, оставшихся постоянно за Россіей. Но что значатъ эти нѣсколько словъ брошенныхъ въ книгѣ, когда ученики должны будутъ обязательно заучивать, что эти провинціи входятъ въ составъ идеально существующаго королевства Польскаго? Могутъ ли отрывочныя фразы послужить сколько-нибудь дѣйствительнымъ противовѣсіемъ тому общему взгляду на предметъ, который долженъ обязательно усвоивать себѣ ученикъ? Да наконецъ эти отдѣльныя фразы нисколько въ сущности не ослабляютъ того ученія, которое излагается въ книгѣ. Самые отъявленные польскіе патріоты никогда не оспаривали, что западныя провинціи Россіи, которыя они не хотятъ иначе знать какъ подъ видомъ Польши, были въ давнія времена принадлежностью Россіи. Точно также нѣтъ ни одного человѣка, которому не было бы извѣстно, что въ настоящее время онѣ попрежнему принадлежатъ Россіи; нѣтъ ни одного человѣка, которому не было бы извѣстно, что то Польское королевство, которое существовало въ шестнадцатомъ столѣтіи, нынѣ не существуетъ. Это всѣмъ извѣстно, и этого никто не оспариваетъ. Но именно потому что Польскаго королевства нѣтъ въ дѣйствительности, возникаетъ мысль о возможности его возстановленія. Что существуетъ въ дѣйствительности, то не преднооится людямъ какъ идеалъ, какъ цѣль стремленія, какъ завѣтъ прошедшаго, какъ надежда будущаго. Теперь спрашивается, какая же надобность преподавать въ русскихъ школахъ географію Россіи въ томъ самомъ свѣтѣ, въ какомъ является возможное будущее Польши для людей мечтающихъ объ ея возстановленіи? Какая надобность настаивать на правильности такого взгляда на географію Россіи? Какая надобность рекомендовать этотъ взглядъ учителямъ географіи? Не рѣдко въ обществѣ слышатся жалобы на разныя странности преподаваемыя въ нашихъ школахъ, и разумѣется, обвиненіе прежде всего падаетъ на преподавателей. Но есть ли въ настоящее время какая-нибудь возможность поставить учителю въ упрекъ, если онъ, основываясь на книгѣ рекомендованной ему въ руководство или въ пособіе, будетъ, вопреки дѣйствительному положенію дѣлъ, излагать географію Россіи въ свѣтѣ идеи Польскаго королевства, и наводитъ своихъ учениковъ на разныя вытекающія отсюда заключенія?

Намъ пріятно впрочемъ замѣтить, что изложенныя нами соображенія уже произвели нѣкоторое дѣйствіе. Ученый комитетъ

признавалъ раціональнымъ принятое въ учебникѣ дѣленіе сѣверо-восточной равнины, и только предлагалъ отчислить Познань отъ Пруссіи. Такъ говорилъ онъ въ декабрѣ, но въ мартѣ сдѣланъ уже важный шагъ впередъ. Газета *Голосъ*, обвиняя насъ по поводу дѣла объ учебникѣ Даніеля въ „такой наглой лжи, какой уже давно не читывали, даже въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*,“ идетъ однакоже на значительную сдѣлку и предлагаетъ переводчику перепечатать нѣсколько страницъ его книги и на мѣсто заголовка: королевство Польша, поставить заголовокъ: Россійская Имперія. „Да сверхъ того, прибавляетъ *Голосъ*, при слѣдующихъ изданіяхъ не мѣшало бы сократить книгу и исключить изъ нея нѣкоторыя неисправности, какъ это предлагаетъ въ своихъ замѣчаніяхъ ученый комитетъ.“ Мы съ своей стороны можемъ посовѣтовать г. Корсаку, чтобъ онъ обратилъ также вниманіе на замѣчанія сдѣланныя ему въ № 1 *Циркуляровъ Московскаго Учебнаго Округа* (гдѣ высказываются причины, почему его учебникъ запрещенъ въ московскомъ округѣ), и вообще тщательно пересмотрѣть свой трудъ. Неточностей и невѣрностей въ немъ не мало. Укажемъ для примѣра на фразу: „Кавказскіе язычники исповѣдуютъ браманскую вѣру“, которую надобно исправить такъ: „Язычники кавказской породы исповѣдываютъ въ Индіи браманскую вѣру“. Необходимо также исправить фразу на стр. 419: „*большинство* ихъ (жителей Остзейскихъ губерній) суть Нѣмцы.“ Это не вѣрно само по себѣ, и не вѣрно какъ переводъ. У Даніеля сказано: „Жители городовъ въ этихъ провинціяхъ (за исключеніемъ рабочаго класса и русскаго войска, также нѣкоторой части русскихъ купцовъ и чиновниковъ), а равно помѣщики и пасторы суть Нѣмцы (130.000).“

№ 67.

Москва, 26-го марта.

Пониженіе учетнаго процента въ Лондонѣ показываетъ, что наступила, наконецъ, нѣкоторая пауза въ отливѣ монеты изъ Европы для уплаты за разные предметы,— преимущественно хлопокъ,— покупавшіеся въ послѣднее время на наличныя деньги въ такихъ странахъ, которыя не могутъ или не хотятъ обмѣнивать свои продукты на товары европейскаго производства. На нашихъ глазахъ происходилъ такой огромный вывозъ звонкой монеты изъ Европы, какого давно не было; требованіе на звонкую монету въ Африкѣ и Азіи было такъ велико, что ему не предвидѣлось конца. Многіе не безъ основанія думаютъ, что прежняя дешевизна капиталовъ очень долго не возстановится въ Европѣ, что капиталъ, какъ существо космополитическое будетъ и впредь направляться по проложенному теперь пути въ страны, гдѣ можно получать за него громадные проценты, гдѣ, какъ напримѣръ въ Индіи или въ Китаѣ, 15 и 20 процентовъ вещь обыкновенная. Это мнѣніе не должно быть впрочемъ преувеличиваемо: высокій процентъ въ Азіи можетъ зависѣть не только отъ недостатка въ капиталахъ, но и отъ недостатка въ средствахъ взысканія. Процентъ, платимый за капиталъ, слагается, какъ извѣстно, изъ двухъ элементовъ, совершенно разнородныхъ: изъ платы за наемъ капитала, зависящей отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, и изъ страховой преміи за рискъ, сопровождающій ссуду. Первый элементъ опредѣляется обиліемъ или недостаткомъ капиталовъ и большею или меньшею нуждой въ нихъ. Второй элементъ можетъ быть очень высокъ даже при величайшемъ изобиліи капиталовъ, если нѣтъ увѣренности, что ссуженный капиталъ будетъ взысканъ съ заемщика, уклоняющагося отъ исполненія своего обязательства. Вотъ почему процентъ, платимый за капиталы въ Европѣ и Азіи, будетъ весьма различенъ, пока между гражданскимъ устройствомъ европейскихъ и азіятскихъ странъ будетъ существовать теперешнее различіе. Изъ этого слѣдуетъ, что при всемъ космополитизмѣ капитала, онъ еще очень долго будетъ принужденъ предпочитать Европу, гдѣ его помѣщеніе сопровождается несравненно меньшимъ рискомъ.

Сказаннымъ объясняется происходящее теперь пониженіе учетнаго процента. Капиталы уходили изъ Европы въ Азію и Африку только по крайней необходимости: для уплаты за товаръ, а не для кредитнаго помѣщенія. Какъ только началъ дешевѣть хлопокъ, тотчасъ же началъ дешевѣть въ Европѣ и капиталъ. Съ другой стороны нельзя однакоже отрицать и того, что дороговизна капитала въ другихъ частяхъ свѣта можетъ оказывать нѣкоторое дѣй-

ствіе на цѣну капитала въ Европѣ, и потому нельзя поручиться, чтобы наступившее теперь пониженіе учетнаго процента долго удержалось въ силѣ. Таково положеніе дѣлъ, и если кому есть надобность воспользоваться теперешнимъ состояніемъ европейскаго денежнаго рынка, тотъ не долженъ медлить: очень можетъ случиться, что учетный процентъ опять пойдетъ въ гору, и благопріятный моментъ будетъ упущенъ.

Это всего болѣе относится къ Россіи и именно къ ея главной потребности—скорѣйшему построенію желѣзныхъ дорогъ. Много было сдѣлано попытокъ къ составленію капиталовъ для этой цѣли, но безъ успѣха. Въ началѣ 1863 года образовалась компанія для сооруженія кіево-одесской линіи; она была утверждена правительствомъ, но не могла собрать капиталъ. Потомъ мы старались всѣми силами привлечь капиталы къ построенію дороги московско-севастопольской; мы предлагали огромную гарантію съ 108 тысячъ на версту, но капиталы не пошли къ намъ, и концессія, предоставлявшая капиталистамъ самые блистательные виды, не могла состояться. Главною причиной тому было состояніе европейскаго денежнаго рынка. Такія неудачи побудили насъ взяться за построеніе желѣзныхъ дорогъ своими средствами. Начались работы между Москвою и Серпуховомъ. Былъ объявленъ внутренній заемъ, съ тѣмъ чтобы нѣкоторая часть его пошла на сооруженіе линіи, долженствовавшей связать Москву съ Чернымъ моремъ. На югѣ, гдѣ уже была начата дорога изъ Одессы по направленію къ Кіеву, рѣшено продолжать ее въ другомъ направленіи — на Елисаветградъ къ Кременчугу и далѣе къ Харькову. Начатую отъ Москвы линію рѣшено довести до Курска и за тѣмъ, не идя на Харьковъ повернуть къ Кіеву. Это рѣшеніе, предоставившее участокъ между Курскомъ и Харьковомъ будущему времени, отступило отъ первоначальнаго плана, объявленнаго при заключеніи внутренняго стомилліоннаго займа. По этому плану слѣдовало соединить Москву съ Чернымъ моремъ; новое направленіе линій предоставляетъ лишь будущему соединить Москву съ Чернымъ моремъ. Для этой цѣли требовалось бы соединить либо Курскъ съ Харьковомъ, либо Кіевъ съ Балтой, но ни тотъ ни другой изъ этихъ участковъ не вошелъ въ избранное направленіе линій, предположенныхъ къ сооруженію. Не ясно ли что первоначальный планъ принесенъ въ жертву желанію положить разомъ основаніе для двухъ линій, кременчугской и кіевской? не ясно ли, что желаніе, побудившее отступить отъ первоначальнаго плана, было бы еще болѣе удовлетворено, еслибы на подмогу правительству явилась частная компанія, которая взялась бы довершить то, что̀ не вошло въ принятую правительствомъ сѣть только по неимѣнію въ виду нужныхъ средствъ?

Но судьба, благопріятствующая намъ, хотѣла, чтобы вскорѣ послѣ состоявшагося рѣшенія, измѣнилось состояніе денежнаго рынка въ Европѣ. Теперь открывается возможность пополнить пробѣлы сѣти и даже ускорить работы предпринятыя правительствомъ. Лица, которыя уже находились въ сношеніи съ иностранными капиталистами по вопросу объ устройствѣ одесско-кіевской желѣзной дороги, князь Кочубей, графы Барановъ и Строгоновъ и инженеръ генералъ-майоръ Марченко, получили предложеніе составить въ самое короткое время въ Лондонѣ акціонерную компанію для устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи: отъ Орла черезъ Курскъ въ Кіевъ и Балту съ вѣтвію черезъ Бердичевъ къ австрійской границѣ и отъ Курска черезъ Харьковъ до Таганрога съ вѣтвью къ Ростову на-Дону. Линіи эти были избраны, какъ говорятъ учредители въ сообщенной намъ запискѣ, „потому что онѣ сами-по-себѣ очень важны для торговли, и проходя по почвѣ плодороднѣйшей и на значительномъ протяженіи изобилующей топливомъ, представляютъ вполнѣ вѣрную надежду получать вскорѣ по открытіи движенія на всемъ ихъ протяженіи значительный чистый доходъ.“ Дѣло это начато еще въ истекшемъ февралѣ. Оно встрѣтило, сколько намъ извѣстно, препятствіе въ томъ, что отдавать въ однѣ руки устройство цѣлой сѣти южныхъ желѣзныхъ дорогъ было бы невыгодно для правительства, а также въ томъ, что не имѣется въ виду соединить Кіевъ съ Одессой прежде нежели онъ будетъ соединенъ съ Москвой. Встрѣченное препятствіе побудило учредителей предложить свои услуги для построенія если не цѣлой сѣти ими проектированной, то по крайней мѣрѣ той изъ входящихъ въ нее линій, которую правительство признаетъ за наиболѣе необходимую. Повидимому дѣло склоняется теперь къ тому, чтобъ, отложивъ

довершеніе кіевской линіи до будущаго времени, предпочесть ей линію отъ Орла на Курскъ и Харьковъ чрезъ каменноугольныя копи до Азовскаго моря. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдняя линія представляетъ значительныя выгоды; но могутъ ли эти выгоды хоть издалека сравниться съ выгодами линіи, связывающей Москву съ Кіевомъ, Одессой и Австріей, и кромѣ того приближающей Москву и Кіевъ къ линіи уже строящейся изъ Риги на Витебскъ? Есть ли вообще какое-нибудь основаніе желать, чтобы Москва была прежде связана непрерывнымъ рельсовымъ путемъ съ Азовскимъ нежели съ Чернымъ моремъ?

Мы отнюдь не оспариваемъ неудобства слишкомъ большихъ акціонерныхъ предпріятій. Главное общество дало урокъ, который долго еще нельзя будетъ забыть. Намъ кажется, что гораздо безопаснѣе взяться за одну линію съ принадлежащею къ ней вѣтвью, чѣмъ за сѣть состоящую изъ двухъ линій съ двумя вѣтвями. Это безопаснѣе и для компаніи, которая будетъ въ состояніи гораздо лучше и скорѣе исполнить болѣе скромное дѣло, и для государства, которое избѣгнетъ отдачи двухъ важныхъ линій въ однѣ руки. Но признавая всю силу перваго изъ указанныхъ выше препятствій, мы никакъ не можемъ понять втораго,—мы не можемъ понять, какимъ образомъ изъ нежеланія соединять Кіевъ съ Одессой прежде чѣмъ съ Москвой можетъ быть выведено заключеніе, что слѣдуетъ отложить довершеніе кіевской линіи. Важность московско-кіево-одесской линіи не подлежитъ сомнѣнію; это не только самая популярная, но и самая выгодная изо всѣхъ возможныхъ въ Россіи линій. Общественное мнѣніе громко высказалось въ ея пользу; само правительство имѣло ее въ виду, когда отсрочивало до неопредѣленнаго будущаго соединеніе Курска съ Харьковомъ, лишь бы соединить Курскъ съ Кіевомъ; наконецъ капиталисты, дѣлающіе теперь свое предложеніе, избрали ее какъ главную линію своей сѣти и поставили ее на первое мѣсто въ своемъ планѣ. Въ добавокъ эта линія уже начата; участки отъ Одессы до Балты и отъ Серпухова до Москвы почти построены. Не совѣтуетъ ли простое благоразуміе окончить прежде всего линію уже начатую? Указываютъ на то, что линію отъ Орла на Кіевъ до Балты придется строить не съ сѣвера, а съ юга. На сѣверѣ можно будетъ приняться за нее только послѣ сооруженія всего участка между Москвой и Орломъ, потому что только тогда можно будетъ провезти въ Орелъ рельсы и т. д., а такъ какъ участокъ отъ Москвы до Орла поспѣетъ гораздо позже чѣмъ участокъ отъ Одессы до Балты, то необходимость принудитъ начать работы съ юга и вести дорогу отъ Балты къ Кіеву, который такимъ образомъ будетъ соединенъ съ Одессой нѣсколькими годами прежде чѣмъ съ Москвой. Признаемся, довольно трудно дать себѣ ясный отчетъ въ предполагаемой громадности вреда, ожидаемаго отъ такого хода работъ: необходимый промежутокъ времени между открытіемъ кіево-балтскаго и кіево-орловскаго участка не можетъ быть больше двухъ или трехъ лѣтъ, и нужна изысканная мнительность, чтобы пугаться послѣдствій такого кратковременнаго отвлеченія Кіева отъ Москвы, особенно если принять въ разчетъ, что мы не пугаемся же того вреда, который происходитъ отъ недостатка прямаго шоссейнаго сообщенія между Кіевомъ и Москвой. Но мы готовы преклониться передъ мнительностью, происходящею изъ патріотическаго источника, и потому спрашиваемъ себя, нѣтъ ли средства вполнѣ успокоить эту мнительность и тѣмъ не менѣе построить кіевскую линію, составляющую главное условіе какъ экономическаго, такъ и политическаго благоденствія нашей Россіи. Средство къ тому несомнѣнно есть и представляется само собой. Зачѣмъ непремѣнно уступать компаніи тѣ участки, которые правительство предположило строить на счетъ казны? Не выиграетъ ли Россія, если правительство будетъ продолжать сооруженіе желѣзной дороги отъ Москвы на Орелъ и Курскъ, а компаніи представитъ сооруженіе линіи отъ Серпухова на Калугу, Брянскъ, Черниговъ до Кіева и оттуда до Балты? Предоставляя частной компаніи эту послѣднюю линію, можно было бы поставить однимъ изъ непремѣнныхъ условій концессіи, чтобы работы начались не отъ Балты, а отъ Серпухова. Пока земляныя работы между Серпуховомъ и Калугой будутъ кончены, участокъ отъ Москвы до Серпухова будетъ уже открытъ, и компанія будетъ имѣть возможность воспользоваться имъ для перевозки нужнаго матеріяла. Затѣмъ она будетъ уже безпрепятственно продолжать работы подвигаясь съ сѣвера на югъ и лишь послѣ того какъ полотно подойдетъ къ Кіеву, получитъ право начать земля-

ныя работы по направленію отъ Балты. Такимъ образомъ всѣ затрудненія устраняются, а сколько громадныхъ выгодъ достанется на долю Россіи! Калуга соединенная съ Брянскомъ, Ока соединенная съ Десной и всею Днѣпровскою системой, не есть ли уже одно это колоссальный шагъ въ борьбѣ русскаго народа съ неудобствами его территоріи? Москва и Нижній почти по прямой линіи связанные съ Кіевомъ и австрійскою границей, не есть ли это громадный выигрышъ для русской промышленности и торговли; громадное сбереженіе времени и труда въ сношеніяхъ? Но польза этой линіи не ограничивалась бы выгодами движенія по ней. Она принесла бы существенную пользу и другой линіи, которая уже сооружается, — линіи рижско-динабурго-витебской. Интересы Риги имѣютъ для Россіи высокую цѣну. Чѣмъ скорѣе Рига будетъ соединена съ полосой, производящею пеньку, тѣмъ будетъ лучше. Чѣмъ прямѣе будетъ путь изъ Риги съ одной стороны въ Москву, съ другой въ Кіевъ, тѣмъ тоже будетъ лучше. Но отъ Витебска будетъ гораздо ближе до линіи калужской чѣмъ до линіи орловской. Изъ Москвы на Калугу въ Ригу будетъ меньше крюку чѣмъ изъ Москвы на Орелъ въ Ригу. Эта послѣдняя линія нисколько не приблизитъ Риги къ Москвѣ и Нижнему противъ теперешняго,—не приблизитъ къ Москвѣ ни Вильна, ни прусской границы. Все это можетъ сдѣлать только пересѣченіе витебской линіи съ калужскою. Только оно можетъ придать рижскому порту важное значеніе не для одной полосы производящей пеньку, но и для всего подмосковнаго края, со включеніемъ Нижняго-Новгорода. Въ послѣдствіи можно будетъ продолжать витебскую линію далѣе за пересѣченіе ея съ калужскою. Калужская линія не помѣшаетъ ей дойти до орловской линіи и привлечь къ рижскому порту продукты Орловской губерніи. Эти цѣли будутъ достигнуты въ той же мѣрѣ, какъ еслибы не было линіи калужской, но калужская линія останется навсегда важнымъ подспорьемъ линіи идущей отъ Риги вглубь Россіи.

Можетъ быть спросятъ: что же Харьковъ, не пострадаетъ ли Харьковъ? Онъ не только не пострадаетъ отъ предпочтенія, оказаннаго калужской линіи, а даже выиграетъ. Правительство получитъ возможность скорѣе построить участокъ между Курскомъ и Харьковомъ, теперь отсроченный на неопредѣленное время. Оно получитъ также возможность скорѣе окончить линію соединяющую Харьковъ съ Полтавой и Кременчугомъ, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ могло бы совершиться лишь довольно поздно. Что же касается до участка между Харьковомъ и азовскими портами, то этотъ участокъ, имѣющій съ небольшимъ 350 верстъ, такъ не великъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ несомнѣнно выгоденъ, что построеніе его не можетъ замедлиться ни въ какомъ случаѣ.

Только теперь принялись мы серіозно за наши главныя народныя артеріи; у насъ ушло даромъ много времени. Будемъ же теперь дѣйствовать послѣдовательно. Довершимъ сперва то, что составляетъ первѣйшую необходимость и что уже начато. Воспользуемся представляющимся теперь случаемъ, чтобъ улучшить и дополнить сѣть, начертанную правительствомъ въ виду ограниченныхъ средствъ, на которыя оно могло разчитывать. Не упустимъ благопріятной минуты, и рѣшимся на необходимыя пожертвованія, чтобы добыть себѣ то, безъ чего экономическое существованіе наше невозможно, безъ чего наша способность политически существовать не можетъ быть очевидна для самихъ насъ. Ни о какихъ жертвахъ не посѣтуетъ патріотическая Россія, лишь бы скорое сооруженіе рельсоваго пути между югозападнымъ краемъ и внутренними губерніями вывело ее изъ недоумѣнія о самой себѣ. Сколько намъ впрочемъ извѣстно, жертвы, требуемыя учредителями, не чрезмѣрны; они предлагаютъ нѣчто среднее между обыкновенною концессіей и займомъ: они предоставляютъ правительству не только контроль за работами, но даже, если угодно, и самое исполненіе ихъ. Они всего болѣе озабочены тѣмъ, чтобъ отклонить отъ себя всякій рискъ,—условіе, которое едва ли было бы удобно для цѣлой сѣти, но при сооруженіи главной артеріи можетъ быть, кажется, допущено безъ опасенія. Мы ограничиваемся этими намеками; финансовая сторона дѣла требуетъ болѣе обстоятельнаго сужденія, и мы не замедлимъ къ ней возвратиться.

№ 68.

Москва, 27-го марта.

Помѣщая ниже письмо г. книгопродавца Вольфа, считаемъ нужнымъ объяснить, почему мы нѣсколько замедлили его печатаніемъ. Чтобы высказаться по его поводу надобно было имѣть въ виду данныя, которыхъ мы не имѣли. Въ объявленіяхъ г. Вольфа было сказано глухо, что имъ пріобрѣтено исключительное право перевода *Исторіи Юлія Цезаря*, но не было дано объясненія, на чемъ основано это право. Это заявленіе, сдѣланное въ такой формѣ, не могло не обратить на себя вниманія: за нимъ могъ послѣдовать рядъ другихъ подобныхъ заявленій, и право перевода подверглось бы стѣсненію, что вовсе не желательно и не вытекаетъ изъ конвенціи 1861 года между Россіей и Франціей. Между тѣмъ до насъ дошли два извѣстія: во-первыхъ, что французскій посолъ ходатайствуетъ, ссылаясь на эту конвенцію, о воспрещеніи перепечатывать новое сочиненіе императора Наполеона; во-вторыхъ, что онъ ходатайствуетъ о недозволеніи издавать переводъ *Исторія Юлія Цезаря* кому-либо другому кромѣ г. Вольфа и при этомъ ссылается не на трактатъ, а на договоръ г. Плона съ г. Вольфомъ, утвержденный императоромъ Французовъ. Первое ходатайство совершенно правильно; второе невозможно было не признать за неосновательное, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ которой о немъ упоминалось. Въ трактатѣ Россіи съ Франціей относительно литературной и художественной собственности ничего не сказано о правѣ обоюдныхъ авторовъ на исключительное изданіе перевода ихъ сочиненій. Трактатъ распространяетъ только на французскихъ подданныхъ права русскихъ подданныхъ (и на оборотъ), на сколько эти права не превосходятъ тѣхъ правъ, которыя предоставлены французскимъ подданнымъ во Франціи. Но по нашимъ законамъ, исключительное право автора на изданіе его сочиненій въ Россіи въ переводѣ на другіе языки не предполагается; исключеніе дѣлается лишь въ пользу книгъ, для которыхъ были необходимы *особенныя* ученыя изысканія. Смыслъ этого исключенія показываетъ, что рѣшеніе о томъ, были ли для той или другой книги *особенныя* ученыя изысканія, не можетъ быть предоставлено самому автору: иначе онъ былъ бы судьей въ своемъ дѣлѣ. Ученыя изысканія необходимы при всякомъ ученомъ трудѣ, но какія въ каждомъ данномъ случаѣ были произведены ученыя изысканія, особенныя ли или не особенныя, это долженъ опредѣлить очевидно кто-нибудь другой, а не самъ авторъ. Такой выводъ не подлежитъ сомнѣнію, но еслибъ и самимъ авторамъ было предоставлено причислять свои сочиненія къ имѣющимъ право на указанную привилегію, то все-таки авторъ, заявляя о своемъ правѣ на переводъ своего сочиненія, долженъ по крайней мѣрѣ сослаться на то, что оно стоило ему особенныхъ ученыхъ изысканій. Подобной ссылки не дѣлалъ однакоже никто изъ заинтересованныхъ въ этомъ случаѣ лицъ; о правѣ на переводъ говорили какъ о вещи, которая сама собой разумѣется.

Между тѣмъ очевидно, что нашъ законъ только предоставляетъ автору право ходатайствовать, чтобы подлежащая власть, разсмотрѣвъ его сочиненіе, признала, что оно потребовало особенныхъ ученыхъ изысканій. Безъ этого признанія авторъ не можетъ воспользоваться преимуществомъ упомянутымъ въ ст. 302 цензурнаго устава. Одностороннее объявленіе со стороны автора или контрактъ между нимъ и издателемъ тутъ не достаточны. Вотъ почему авторы, издающіе свои сочиненія въ Россіи, не имѣютъ обыкновенія печатать на заглавныхъ листахъ этихъ сочиненій, что удерживаютъ за собою исключительное право на изданіе перевода. Вотъ почему также подобныя объявленія, печатаемыя на большей части французскихъ книгъ, не могутъ служить и не служатъ препятствіемъ къ переводу этихъ книгъ на русскій языкъ безъ согласія ихъ авторовъ. Чтобы подобное объявленіе имѣло въ Россіи обязательную силу, оно должно быть признано русскимъ правительствомъ, и повторено въ Россіи съ его вѣдома и съ ссылкой на ст. 302 цензурнаго полка.

Въ объявленіяхъ г. Вольфа не было сдѣлано ни указаній на это признаніе со стороны русскихъ властей, ни ссылки на ст. 302 цензурнаго устава, а потому и не представлялось основаній къ тому, чтобы считать безспорнымъ его исключительное право на изданіе русскаго перевода *Исторіи Юлія Цезаря*. Не было также слуховъ о томъ, что французскій посолъ ссылается на особенную важность ученыхъ

изысканій, которыя были необходимы для этого сочиненія. Была рѣчь только о конктрактѣ между гг. Плономъ и Вольфомъ, и ссылки дѣлались единственно на этотъ контрактъ, съ прибавленіемъ что онъ утвержденъ императоромъ Французовъ.

Оставить безъ протеста такой способъ стѣснительнаго для русской литературы заявленія не слѣдовало, и онъ не оставленъ безъ протеста. Наше дѣло было адвокатствовать за русскую литературу; мы были обязаны выставить во всей силѣ права той стороны, за которую адвокатствовали; мы не были обязаны дѣлать догадки въ пользу стороны противоположной. Къ тому же мы не имѣли еще передъ собой сочиненія, о которомъ шла рѣчь; его ученыя свойства не могли стало-быть привести намъ на память статью 302 цензурнаго устава. Правда, мы знали, что на Сенѣ была построена римская трирема, что французскія войска производили маневры передъ укрѣпленіями, построенными по римскому образцу. Все это дѣлалось, правда, по волѣ августѣйшаго автора *Исторіи Юлія Цезаря*, но онъ являлся тутъ намъ не какъ авторъ, а какъ императоръ Французовъ. Его высокое положеніе, его неутомимая политическая дѣятельность, многообразныя трудности его политическаго призванія, все это скорѣе препятствовало, чѣмъ побуждало думать о томъ, что его сочиненіе, какъ можно было предполагать полуисторическое и полуполитическое, требовало особенныхъ ученыхъ изысканій.

Впрочемъ, еслибы мы и были уже тогда знакомы съ вышедшею теперь книгой, еслибы мы и отнесли ее уже тогда къ сочиненіямъ требовавшимъ особенныхъ ученыхъ изысканій, то этого было бы мало для признанія за нею права предоставляемаго статьей 302 цензурнаго устава. Наше мнѣніе есть частное мнѣніе; оно не можетъ имѣть обязательной силы. Тутъ требовалось офиціяльное признаніе.

Теперь дѣло разъяснилось, по крайней мѣрѣ для насъ, если не публики. Мы имѣемъ основаніе думать, что *особенность* ученыхъ изысканій автора *Жизни Юлія Цезаря* признана нашимъ вѣдомствомъ книгопечатанія и что вслѣдствіе этого признанія исключительное право на изданіе этого сочиненія въ русскомъ переводѣ несомнѣнно принадлежитъ г. Вольфу. Для предостереженія другихъ переводчиковъ отъ напраснаго труда остается только желать, чтобъ упомянутое правительственное рѣшеніе было обнародовано въ такомъ изданіи, изъ котораго другія періодическія изданія имѣли бы право заимствовать его и сообщить публикѣ.

№ 69.

Москва, 29-го марта.

Въ виду недостойной агитаціи, происходящей въ нѣкоторой части нашей журналистики, не исключая и губернскихъ вѣдомостей, въ подрывъ новому закону о гимназіяхъ, который впервые дастъ нашему образованію европейскія основы, мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли прекрасную статью по этому предмету, появившуюся съ недѣлю тому назадъ въ *Сѣверной Почтѣ*. Очень сожалѣемъ, что не успѣли до сихъ поръ познакомить нашихъ читателей съ этою статьей, въ которой устанавливается совершенно правильная точка зрѣнія на этотъ предметъ столь существенной важности, и постараемся сдѣлать это завтра или послѣ завтра. А теперь скажемъ нѣсколько словъ по поводу замѣчаній, вызванныхъ нѣкоторыми изъ нашихъ статей, въ нынѣ полученномъ нумерѣ *Сѣверной Почты*. „Въ послѣднее время“, говоритъ эта газета, „*Московскія Вѣдомости* часто посвящаютъ статьи свои „земскимъ учрежденіямъ и высказали объ „этомъ предметѣ много дѣльныхъ мыслей „и соображеній. Мы обращаемъ вниманіе „нашихъ читателей на эти статьи, хотя „не совсѣмъ можемъ согласиться съ ихъ „содержаніемъ“. Это несогласіе относится къ недавно высказанному нами мнѣнію, что съ отмѣной цензуры должна быть предоставлена дворянскимъ и земскимъ собраніямъ свобода печатанія свѣдѣній обо всемъ что происходитъ въ засѣданіяхъ этихъ собраній.

Высказывая это мнѣніе, мы основывались на томъ, что собранія эти имѣютъ характеръ публичный. Законъ предписываетъ гласность судебныхъ преній въ новомъ положеніи о судахъ; законъ допускалъ и допускаетъ публичность совѣщаній въ общественныхъ собраніяхъ, каковы дворянскія, земскія и городскія. Высказывая наше мнѣніе, мы оставались въ точныхъ предѣлахъ существующаго порядка и вы-

водили наше заключеніе о правѣ дворянскихъ и земскихъ собраній на безцензурную гласность изъ того только факта, что законъ не обязываетъ эти собранія затворяться отъ публики. При совѣщаніяхъ государственнаго совѣта публика присутствовать не можетъ; но законъ не обязываетъ ни дворянскія, ни земскія собранія совѣщаться въ тайнѣ отъ публики. И вотъ теперь, когда предполагается освобожденіе печати отъ предварительной цензуры, не естественно ли возникаетъ вопросъ, должны ли общественныя собранія, открывающія свои засѣданія для публики, оставаться подъ цензурой губернскихъ властей въ печатаніи того что происходитъ въ ихъ публичныхъ засѣданіяхъ? Естественно спросить: должны ли эти собранія оставаться подъ цензурой и въ то время, когда будутъ освобождены отъ нея издатели журналовъ и книгъ? Коль скоро предварительная цензура оказывается несостоятельною и во многихъ отношеніяхъ вредною, будетъ ли согласно съ справедливостью и съ интересами общества удерживать ее по отношенію къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ законно-устроенныхъ собраніяхъ, служащихъ органомъ общественныхъ правъ и интересовъ? Мы ограничиваемъ нашъ тезисъ; мы теперь не адвокатствуемъ за расширеніе правъ предоставленныхъ нашимъ общественнымъ классамъ; мы теперь остаемся на почвѣ существующаго,—и намъ даже кажется, что дворянскія и земскія собранія имѣютъ право воспользоваться тѣми льготами, которыхъ ожидаетъ наша печать. Въ обезпеченіи простой гласности заключается главная сила свободы печати. Что же принесетъ нашему обществу льгота даруемая печати, если она не будетъ простираться на оглашеніе фактовъ, относящихся къ засѣданіямъ общественнаго собранія уже имѣющимъ публичный характеръ? Если произволъ цензора ложится тяжкимъ гнетомъ на мнѣніи писателя, и устраняется въ виду общественной пользы и справедливости, то весьма естественно, чтобы подобный гнетъ не оставался и на общественныхъ собраніяхъ въ обнародованіи ихъ совѣщаній. Почему, напримѣръ, губернатору должна быть предоставлена власть не допускать въ печать того или другаго, по его усмотрѣнію, обстоятельства въ протоколѣ собранія, коль скоро печать вообще освобождается отъ предварительной цензуры? Почему надъ гласными собранія долженъ еще оставаться цензоръ, когда газета и книга освободятся отъ своихъ цензоровъ?

Сѣверная Почта ссылается на англійскій парламентъ. „Въ самой Англіи“, говоритъ она „не по закону, а только по „силѣ обычая допускается оглашеніе пре„ній, происходящихъ въ парламентѣ. Отъ „каждаго члена нижней палаты зависитъ, „напримѣръ, заявить, что онъ видитъ чу„жихъ въ залѣ, и этого заявленія доста„точно, какъ и случилось разъ въ 1863 „году, для обращенія публичнаго засѣда„нія въ закрытое“. Мы слѣдили за засѣданіями палаты общинъ въ 1863 году, и не помнимъ, чтобы въ ней произошло что-либо подобное описанному въ *Сѣверной Почтѣ* случаю. Этого не могло случиться уже и потому что изгнаніе публики изъ залы собранія было бы вмѣстѣ и изгнаніемъ журнальныхъ стенографовъ; а извѣстно, что отчеты о засѣданіяхъ англійскихъ палатъ не прерывались. Извѣстно также, что эти отчеты печатаются въ Англіи съ полнѣйшею свободой. Но то справедливо, что публичность, которой подлежатъ засѣданія англійскаго парламента, не есть послѣдствіе какого-либо писаннаго закона, а установилась практикой. Это также справедливо какъ и то, что вся англійская конституція есть не какой-либо писанный законъ, какъ обыкновенно разумѣютъ это слово въ другихъ странахъ, но сама практика, то-есть сама дѣйствительность. Публичность засѣданій англійскаго парламента вошла въ обычай еще въ прошломъ столѣтіи, и не нуждается въ какомъ-либо особомъ узаконеніи для своего обезпеченія. Она утвердилась не безъ сопротивленія и борьбы; но это сопротивленіе оказывалось не кѣмъ-либо, а самимъ-же парламентомъ, и въ этой борьбѣ одержала надъ нимъ побѣду публика, которая не допускалась имъ въ его засѣданія.

Засѣданія въ англійскомъ парламентѣ въ прежнее время происходили при затворенныхъ дверяхъ, и печать, тогда ничтожная, не имѣла права доводить до свѣдѣнія публики о происходившемъ въ засѣданіяхъ палатъ: но негласность засѣданій парламента не была для него ограниченіемъ,—напротивъ, она была его привилегіей. Привилегія эта остается за нимъ и теперь, какъ за верховнымъ государственнымъ собраніемъ, хотя на практикѣ онъ уже давно принужденъ былъ отказаться отъ ней. Не

худо припомнить, что англійскій парламентъ, въ старое время, пользовался привилегіей закрытыхъ засѣданій въ видахъ охраненія независимости мнѣній своихъ членовъ отъ фискальства. Парламентъ не допускалъ постороннихъ лицъ въ свои засѣданія и не оглашалъ ихъ для того, чтобы они оставались негласными прежде всего для короны. Но парламентъ не могъ удержать за собою пользованіе этой привилегіей, которое съ теченіемъ времени потеряло смыслъ; онъ отказался на практикѣ отъ этой привилегіи, потому что общество, которому онъ служитъ органомъ, весьма естественно нуждалось знать какъ идутъ его дѣла, и какъ представители его пользуются предоставленнымъ имъ полномочіемъ. Публика потребовала себѣ того что принадлежало ей по праву, и парламентъ, какъ ни упорствовалъ, долженъ былъ уступить ея требованіямъ, и помириться съ самою широкою гласностью, которой нынѣ подлежатъ на практикѣ всѣ происходящія въ немъ совѣщанія. Что же касается до нашихъ представительныхъ собраній, то гласность, по настоящему, должна быть для нихъ не правомъ, а обязанностью. Дѣла, которыми они занимаются, вполнѣ принадлежатъ тѣмъ обществамъ, которыя выбрали изъ своей среды гласныхъ. Собранія эти не могутъ пользоваться привилегіей негласности, которою въ наше время не пользуются и верховныя политическія собранія. Ихъ засѣданія не только могутъ, но и должны быть открыты для публики. Происходящія въ нихъ пренія и совершаемые ими акты не только могутъ, но и должны быть преподаваемы всеобщей гласности посредствомъ печати. Все происходящее въ каждомъ изъ нихъ должно быть открыто для всенароднаго контроля въ честь или въ осужденіе ему, и въ поученіе другимъ. Только при условіи полнѣйшей гласности, новоучрежденныя земскія собранія могутъ, съ Божіею помощію, выработать изъ себя болѣе пользы чѣмъ вреда...

А признаемся откровенно, при каждомъ новомъ извѣстіи о ходѣ этого дѣла мы никакъ не пріобрѣтаемъ новой вѣры въ тѣ начала, которыя положены ему въ основаніе. Дай Богъ, чтобъ эти собранія обнаружили въ послѣдствіи такую же ревность къ общественнымъ дѣламъ, какую обнаруживаютъ они до сихъ поръ въ назначеніи жалованья и суточныхъ денегъ. Ревность свою въ этомъ отношеніи почтенные представители земскаго дѣла простерли до того, что не успѣвъ собраться, уже успѣли придумать средство какъ обойдти законъ. Вмѣсто жалованья, которое не допущено закономъ для гласныхъ, придуманы суточныя деньги. Каждому изъ блюстителей земскихъ интересовъ въ губернскихъ собраніяхъ предстоитъ такимъ образомъ пріятная перспектива, получать ежегодно 60 цѣлковыхъ суточными деньгами, да еще 15 цѣлковыхъ на переѣздъ отъ мѣста жительства до губернскаго города. Особенно благородному россійскому дворянству, изъ котораго преимущественно состоятъ губернскія собранія, тамъ, гдѣ они организовались, должна улыбаться эта счастливая возможность поправить свои разстроенные финансы и при этомъ возвысить свое политическое положеніе въ земствѣ. Отрадно подумать, что когда наконецъ вся страна покроется губернскими и уѣздными собраніями, губернскими и уѣздными управами, наше земство, въ ожиданіи новыхъ мостиковъ и лучшихъ проселочныхъ дорогъ, понесетъ новый налогъ до четырехъ, а можетъ-быть и болѣе милліоновъ р. с.

№ 70.

Москва, 30-го марта.

Опытъ происходящій теперь въ Россіи удостовѣряетъ какъ нельзя болѣе, что сельскій нашъ людъ въ настоящее время принадлежитъ къ числу самыхъ здоровыхъ и неиспорченныхъ въ общественномъ отношеніи классовъ нашего населенія. Крестьяне наши чужды демократическихъ поползновеній; несмотря даже на недавность крѣпостнаго быта, они нисколько не питаютъ вражды къ землевладѣльческому классу, что они и обнаружили на выборахъ въ большей части открытыхъ доселѣ уѣздныхъ земскихъ собраній. Гдѣ оказывалось противное, тамъ вездѣ почти были какія-нибудь особенныя обстоятельства, послужившія поводомъ или къ недоразумѣнію или къ справедливому неудовольствію со стороны крестьянъ. Систематической сословной оппозиціи почти нигдѣ не видно, и если есть признаки какого-то нерасположенія, то они замѣчаются у крестьянъ не относительно помѣщиковъ, а скорѣе относительно духовенства: фактъ замѣчатель-

ный, указывающій на существеннѣйшее изъ условій успѣха нашей народной жизни,—на необходимость нѣкоторыхъ измѣненій въ постановкѣ православнаго духовенства. И чѣмъ живѣе ощущается эта необходимость, тѣмъ отраднѣе видѣть указанія на готовность лучшихъ представителей духовенства потрудиться надъ улучшеніемъ народнаго образованія и народной нравственности. Помѣщаемый ниже обзоръ полученныхъ нами корреспонденцій о ходѣ преній въ самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи произведетъ въ этомъ отношеніи самое утѣшительное дѣйствіе на друзей русскаго народа и доброжелателей русской церкви: первое слово о народныхъ школахъ и о трезвости было сказано тамъ священниками, которымъ да будетъ за то хвала и благодарность. Чѣмъ болѣе будетъ заботиться духовенство о духовномъ благѣ народа, тѣмъ болѣе будетъ оно имѣть право на его симпатію, и въ этой симпатіи не будетъ недостатка.

Возвращаясь къ крестьянамъ, нельзя не отдать имъ справедливости, что въ большей части случаевъ представители ихъ дѣйствуютъ въ земскихъ учрежденіяхъ какъ нельзя лучше. Они дѣйствуютъ скромно и разсудительно,—дѣйствуютъ такъ, что ни въ одной цивилизованной странѣ крестьяне не могли бы лучше дѣйствовать. Уже не разъ случалось намъ замѣчать, что русскій крестьянинъ можетъ смѣло выдержать сравненіе съ крестьяниномъ любой страны въ Европѣ. Это вполнѣ оправдывается на земскихъ учрежденіяхъ. Природныя способности и доброкачественность народнаго быта одерживаютъ верхъ надъ недостаткомъ образованія, надъ неблагопріятными послѣдствіями необходимости снискивать тяжкимъ ежедневнымъ трудомъ кусокъ насущнаго хлѣба и надъ проистекающею отсюда зависимостью ихъ положенія, которая еще болѣе увеличивается вслѣдствіе существующихъ узаконеній. Чѣмъ виноватъ крестьянинъ, что въ большей части случаевъ онъ лишенъ права личной собственности на землю, которою онъ пользуется, что онъ закрѣпощенъ обществу, котораго состоитъ членомъ, и что, наконецъ, онъ не изъятъ отъ тѣлеснаго наказанія по усмотрѣнію мѣстной администраціи или по приговору крестьянскихъ судовъ? Теперь, со введеніемъ земскихъ учрежденій, болѣе чѣмъ когда-либо желательно возможно-скорѣйшее устраненіе тѣхъ ограниченій личной свободы, которыя тяготѣютъ на нашихъ крестьянахъ, и тѣхъ унизительныхъ наказаній, которыя такъ рѣзко противорѣчатъ предоставленному имъ преобладанію въ земскихъ дѣлахъ.

Съ другой стороны, можетъ ли подлежать сомнѣнію, что даже и при этихъ улучшеніяхъ крестьяне, по самому своему общественному положенію, будутъ все-таки не способны удѣлять свое время общимъ дѣламъ уѣзда или губерніи и самостоятельно заправлять этими дѣлами? Говорить противъ преобладанія крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ и земскихъ управахъ—значитъ говорить только въ пользу серіознаго мѣстнаго самоуправленія и въ пользу самихъ же крестьянъ. Если въ настоящее время крестьяне пользуются предоставленными имъ правами съ большою скромностью, которая несомнѣнно дѣлаетъ имъ честь, если они дѣйствуютъ пока довольно самостоятельно, если они рѣдко становятся жертвой посторонняго наущенія, если мало еще находится пытающихся воспользоваться ихъ преобладаніемъ въ своекорыстныхъ видахъ, то надобно быть близорукимъ, чтобы не предвидѣть, что такое положеніе дѣлъ, подъ вліяніемъ измѣнившихся условій, можетъ измѣниться къ худшему. На русскомъ крестьянствѣ покоится сила нашего государства, сила нашихъ армій, которыя особенно замѣчательны мощнымъ духомъ рядоваго солдата. Наши образованные классы, напротивъ, далеко уступаютъ образованнымъ классамъ многихъ народовъ западной Европы, и стало-быть, если судить сравнительно, то несомнѣнно стоятъ ниже русскаго крестьянства. Но изъ того, что русскій крестьянинъ — хорошій гражданинъ и хорошій солдатъ, слѣдуетъ ли, что онъ, напримѣръ, хорошій судья? Не составляютъ ли крестьянскіе суды предмета жалобъ самихъ крестьянъ? Не постановляютъ ли они иногда самыхъ возмутительныхъ приговоровъ *)? Не было ли бы важнымъ улучшеніемъ, еслибъ эти суды производились подъ предсѣдательствомъ мировыхъ посредниковъ? Тѣмъ паче можно ли ожидать отъ крестьянъ, чтобъ они бы-

*) Одинъ малороссійскій помѣщикъ недавно извѣщалъ насъ, что въ его имѣніи волостной судъ приговорилъ одну дѣвушку къ perforatio violenta hymenis sine viro, за что впрочемъ мировой посредникъ отдалъ всѣхъ судей подъ уголовный судъ. Былъ ли бы возможенъ такой ужасъ, еслибы волостной судъ судилъ въ присутствіи мироваго посредника.

ли способны къ управленію общими дѣлами всѣхъ сословій въ уѣздѣ? Не научаетъ ли насъ ежедневный опытъ, не научаетъ ли насъ исторія, что при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, русскіе крестьяне все-таки поддаются и чужому вліянію, и собственнымъ страстямъ, что они легко вѣрятъ самымъ невѣроятнымъ и злоумышленнымъ слухамъ, и дѣйствуютъ подъ ихъ вліяніемъ? Крестьяне очень легко могутъ стать орудіемъ въ рукахъ ловкихъ и своекорыстныхъ демагоговъ, и эти демагоги легко могутъ выйдти даже не изъ крестьянскаго сословія, а изъ испорченныхъ слоевъ такъ-называемаго образованнаго класса. Вотъ почему низшій классъ нигдѣ и никогда не можетъ считаться краеугольнымъ камнемъ самоуправленія, и тамъ, гдѣ случайно и временно власть переходила въ его руки, онъ немедленно подвергался порчѣ. Кто хорошъ на своемъ мѣстѣ, тотъ не можетъ еще быть хорошъ на всякомъ. Ставя человѣка нѣсколькими степенями выше того общественнаго положенія, которое ему естественно принадлежитъ, вы не только портите дѣло, которое ему поручаете, но въ большей части случаевъ портите и его самого.

Самоуправленіе возможно только въ томъ случаѣ, если есть въ обществѣ достаточный классъ, способный взять власть въ свои руки и пользоваться ею въ общемъ интересѣ. Гдѣ нѣтъ этого условія, тамъ нечего и толковать о самоуправленіи. Въ Россіи это условіе есть; по крайней мѣрѣ есть для него нужные элементы. Эти элементы заключаются въ крупномъ землевладѣніи, въ высшихъ разрядахъ нашего помѣстнаго дворянства. Но дѣло самоуправленія требуетъ у насъ тщательнаго ухода со стороны законодательства. Наше дворянство заключаетъ въ себѣ элементы для самостоятельнаго землевладѣльческаго класса, но по служилому происхожденію своему, оно привыкло жить службой. Сдѣлаться органомъ самоуправленія способны только тѣ его части, которыя могутъ отрѣшиться отъ вѣковой привычки къ *кормленію* отъ службы, все равно государственной или общественной. Ничто такъ не убиваетъ надежды на успѣхи самоуправленія въ Россіи, какъ эти отвсюду доходящія извѣстія, что помѣстные дворяне ждутъ не дождутся земскихъ должностей, приносящихъ хорошее жалованье, и преимущественно съ этой стороны интересуются земскими учрежденіями. Многіе могутъ соединять съ этими видами серіозное намѣреніе честно трудиться, но самые эти виды уже діаметрально противоположны самоуправленію. Прикащикъ, какъ бы онъ ни былъ честенъ и рачителенъ, все-таки не хозяинъ, а самоуправленіе требуетъ хозяйскихъ рукъ. Мы не говоримъ, чтобы самоуправленіе, къ которому мы относимъ не только земскія, но и мировыя учрежденія, и притомъ мировыя еще болѣе чѣмъ земскія, — мы не говоримъ, чтобы самоуправленіе могло обойдтись совсѣмъ безъ наемныхъ людей, но общій типъ самоуправленія долженъ состоять въ безмездности. Великая Екатерина положила начало этому типу учрежденіемъ должности предводителей дворянства.

Только начало безмездности общественной службы по земскимъ выборамъ можетъ уравновѣсить демократическій составъ земскихъ собраній и спасти элементы мѣстнаго самоуправленія отъ совершеннаго крушенія, и притомъ только въ настоящее время, только при введеніи земскихъ учрежденій это начало можетъ быть привито къ нимъ; если же дѣло будетъ испорчено въ началѣ, его трудно будетъ исправить. Денежное вознагражденіе, однажды установленное для членовъ управъ и для губернскихъ гласныхъ, станетъ неминуемо приманкой для желающихъ кормиться отъ земства, и дѣло можетъ окончиться тѣмъ, что люди наиболѣе независимые, вліятельные и образованные стануть устраняться отъ выборовъ, и всѣ земскія дѣла какъ въ уѣздахъ, такъ и въ губерніяхъ, очутятся въ рукахъ людей, по самому положенію своему неспособныхъ охранять интересы земства. Дѣло мѣстнаго земскаго самоуправленія было бы такимъ образомъ совершенно проиграно; помѣстное сословіе, потерявъ всякое значеніе для мѣстнаго земства, вмѣстѣ съ тѣмъ утратило бы возможность получить современемъ какое бы то ни было политическое вліяніе и могло бы сверхъ того сильно пострадать въ своихъ матеріяльныхъ интересахъ. Дѣло не терпитъ отлагательства, и если наше помѣстное сословіе дѣйствительно сознаетъ ту истину, что краеугольнымъ камнемъ всякаго самоуправленія можетъ быть только классъ людей независимыхъ и обезпеченныхъ, если оно принимаетъ къ сердцу интересы мѣстнаго земства и интересы

цѣлой Россіи, то въ настоящее время оно должно дѣйствовать не колеблясь, и благороднѣйшіе изъ его членовъ должны безмездно предложить свою службу земству. Только этимъ безкорыстіемъ оно можетъ спасти себя для блага Россіи, и охранивъ земство отъ раззоренія, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечитъ за нимъ серіозное самоуправленіе.

Мы указывали уже на возможность облегчить службу въ управахъ избраніемъ большаго числа лицъ и учрежденіемъ между ними очереди, и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ сослаться на *Сѣверную Почту*, какъ на газету министерства внутреннихъ дѣлъ, которая соглашается съ нашимъ мнѣніемъ по этому предмету. Мы надѣемся, что этотъ авторитетъ устранитъ сомнѣнія относительно того, не поставляетъ ли какихъ-либо къ тому преградъ Положеніе 1-го января. На противоположномъ концѣ Россіи, въ Одессѣ, мѣстная газета точно также случайно сошлась съ нами въ мнѣніи о необходимости безмездной службы, по крайней мѣрѣ, въ губернскихъ управахъ. Ниже мы приводимъ изъ нея выдержки, а здѣсь считаемъ не лишнимъ замѣтить, что она много преувеличиваетъ трудности и обременительность обязанностей, которыя будутъ лежать на уѣздныхъ управахъ. Занятія ихъ, особенно въ первое трехлѣтіе, будутъ вовсе не такъ велики. Достаточно сказать, что весьма немногія изъ уѣздныхъ управъ будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи болѣе 20.000 рублей на удовлетвореніе всѣмъ земскимъ потребностямъ. Состоятельные землевладѣльцы могутъ, рѣшительно ни чѣмъ не рискуя, предложить свои услуги мѣстному земству, особенно если земскія собранія осуществятъ предположенія объ избраніи большаго числа членовъ въ управѣ и объ учрежденіи между ними очереди. Пожертвованія, которыя требуются отъ помѣстнаго сословія, вовсе не такъ значительны, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а между тѣмъ этими пожертвованіями оно пріобрѣтетъ себѣ довѣріе и почетъ въ мѣстномъ земствѣ, будетъ имѣть возможность принести ему существенную пользу и сохранить за собою первенствующее положеніе. Только этимъ способомъ можетъ быть поддержано единеніе между всѣми классами населенія,—единенія, которое не разъ обнаруживалось въ земскихъ собраніяхъ, но которое не замедлитъ исчезнуть, какъ только назначеніе высокаго содержанія членамъ управъ и губернскимъ гласнымъ сдѣлаетъ эти должности яблокомъ раздора въ средѣ земства.

№ 71.

Москва, 30-го марта.

Водворится ли у насъ наука на прочныхъ основаніяхъ; пріобрѣтетъ ли русскій народъ самостоятельность въ умственной сферѣ, или попрежнему останется въ ученическихъ отношеніяхъ къ другимъ европейскимъ народамъ во всемъ что̀ касается знанія и искусства; будетъ ли Россія попрежнему терпѣть обидный недостатокъ въ людяхъ серіозно подготовленныхъ къ дѣятельности на всѣхъ поприщахъ, которыя требуютъ самостоятельной мысли и положительнаго знанія,—всѣ эти вопросы, которые такъ существенно касаются будущаго благосостоянія Россіи, болѣе всего зависятъ отъ того, какъ будетъ приведенъ въ исполненіе новый уставъ о нашихъ гимназіяхъ. Вопросъ этотъ принадлежитъ несомнѣнно къ числу важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ Россіи, и потому мы считаемъ своимъ долгомъ какъ можно чаще возвращаться къ нему. Классическія или реальныя гимназіи, это значитъ или солидная подготовка къ высшему научному образованію, или же поверхностное многоученіе, не вполнѣ соотвѣтствующее раннему юношескому возрасту и не подготовляющее его ни къ научной, ни къ практической дѣятельности. Вотъ между какими противоположностями предстоитъ въ настоящее время выборъ нашему министерству народнаго просвѣщенія. Если-бы руководиться въ этомъ выборѣ какъ общими настоятельными потребностями цѣлой Россіи, такъ и мѣстными нуждами, то нельзя было бы, какъ намъ кажется, долго колебаться въ выборѣ, и нельзя было бы не отдать рѣшительнаго предпочтенія классическимъ гимназіямъ. Такъ и поступили, за исключеніемъ одного, всѣ педагогическіе совѣты нынѣшнихъ гимназій, отъ которыхъ были доставлены свѣдѣнія по этому предмету до 12-го марта. Этотъ утѣшительный фактъ мы узнали изъ статьи *Голоса*, офиціознаго органа петербургскихъ педагоговъ-реалистовъ. Но именно потому что педагогическіе совѣты, состоящіе изъ

людей болѣе или менѣе свѣдущихъ и понимающихъ дѣло, не уступили никакимъ сторонним внушеніямъ и вліяніямъ, и высказались добросовѣстно и разумно, упомянутая газета провозглашаетъ, что на мнѣніе педагогическихъ совѣтовъ нельзя вполнѣ полагаться, и что къ членамъ ихъ, въ большей части случаевъ, можетъ быть примѣнено изреченіе: *ubi bene, ibi patria!*... Но на чье же мнѣніе можно полагаться въ разрѣшеніи педагогическаго вопроса, если и мнѣнія педагогическихъ совѣтовъ въ этомъ дѣлѣ не вполнѣ надежны? Для *Голоса* и нѣкоторыхъ получаемыхъ изъ Петербурга губернскихъ вѣдомостей, въ этомъ отношеніи имѣетъ гораздо болѣе вѣса мнѣніе самихъ учениковъ-гимназистовъ. Вотъ авторитетъ, передъ которымъ слѣдуетъ преклониться, и вотъ къ чьему голосу, по мнѣнію официозной петербургской газеты, слѣдуетъ прислушиваться при разрѣшеніи вопроса, какія изъ нынѣшнихъ гимназій должны быть преобразованы въ классическія и какія въ такъ-называемыя реальныя. „Многіе родители,—читаемъ мы въ *Голосѣ*,—думаютъ, что греческимъ и латинскимъ языками ученики будутъ заниматься насильно.“ И этотъ аргументъ кажется петербургской газетѣ достаточнымъ для того чтобы въ нашихъ гимназіяхъ не было классическихъ языковъ, а преподавалось нѣчто такое что, не требуя серіознаго труда, приходилось бы наиболѣе по вкусу ученикамъ гимназій.

Родители, мѣстныя общества, земскія собранія, въ которыхъ большинство никогда не слыхало ни о классическихъ, ни о реальныхъ гимназіяхъ и едва ли сумѣетъ правильно выговорить имя этихъ заведеній, вотъ, кромѣ самихъ учениковъ-гимназистовъ, авторитеты, на которые указываютъ *Голосъ*, *День*, *Воронежскій Листокъ* и нѣкоторые другіе подобные имъ поборники петербургскихъ педагогическихъ фантазій, и имъ кажется, что они въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ въ либеральномъ духѣ и обнаруживаютъ полное уваженіе къ потребностямъ общества. Имъ не приходитъ на умъ, до какой степени было бы странно обращаться за разрѣшеніемъ труднаго педагогическаго вопроса къ людямъ, которые никогда не имѣли случая не только наблюдать сами, но и вникать серіозно въ чужія сужденія о томъ, какія науки въ состояніи наиболѣе содѣйствовать развитію умственныхъ способностей въ извѣстномъ возрастѣ и доводить ихъ до возможно-большей зрѣлости. Когда недавно подобный вопросъ былъ возбужденъ въ виртембергской палатѣ депутатовъ, гдѣ засѣдаетъ не мало профессоровъ и извѣстныхъ ученыхъ, гдѣ едва ли найдется хотя бы одинъ депутатъ, которой бы не прошелъ черезъ серіозную классическую школу, тѣмъ не менѣе первый ораторъ счелъ за должное извиниться, что онъ повергаетъ такой трудный вопросъ обсужденію палаты. А мы, такъ-называемые передовые люди Россіи, хотимъ разрѣшать вопросъ о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ въ собраніяхъ, гдѣ большинство ничего не знаетъ о нихъ даже и по наслышкѣ. Дозволительно ли прибѣгать къ такого рода агитаціи въ вопросѣ, отъ котораго такъ много зависитъ будущее благосостояніе Россіи?

Въ цивилизованныхъ странахъ Европы мы видимъ могущественную педагогическую практику; тамъ общее образованіе распространено широко; тамъ процвѣтаетъ наука; тамъ общественное мнѣніе есть дѣйствительная сила; къ нему прислушиваются, его призываютъ на помощь, съ нимъ соображаются. Но ни въ одной цивилизованной странѣ Европы никому бы не могло придти въ голову обращаться къ поголовной подачѣ голосовъ, для того чтобы рѣшать сложные и отвлеченные вопросы педагогическаго свойства, точно также какъ никому не можетъ придти въ голову рѣшать подачей голосовъ какіе-нибудь вопросы изъ области физики или химіи. Пусть же посудятъ читатели, сколько безсмыслія или сколько лукавства въ этой странной агитаціи, которая теперь происходитъ у насъ, для того чтобы подорвать силу новаго закона, впервые дающаго истинно европейскія основы нашему образованію. Законъ положительно призналъ классическія основанія для нашихъ школъ, долженствующихъ служить приготовленіемъ къ университету. Основываясь на всестороннемъ соображеніи всѣхъ педагогическихъ условій и на показаніяхъ учебной практики наиболѣе образованныхъ странъ, которымъ мы до сихъ поръ во всемъ подчинялись страдательно и съ которыми мы хотимъ и должны стать наконецъ въ уровень, законъ постановилъ классическую гимназію какъ единственное учебное заведеніе, которое можетъ съ полнымъ успѣхомъ готовить отроческіе умы къ плодо-

творнымъ и серіознымъ занятіямъ наукой по всѣмъ университетскимъ факультетамъ, то-есть по всѣмъ частямъ человѣческаго знанія. Законъ вырабатывался долго, медленно и трудно, подвергаясь безпрестанно опасностямъ, вслѣдствіе множества недоразумѣній, неясности и скудости педагогическихъ понятій въ нашемъ отечествѣ. Казалось бы, теперь дѣло кончено, и надобно немедленно приступить къ исполненію закона. Такъ водится въ цѣломъ мірѣ, такъ водилось и у насъ. Нѣтъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ господъ, дѣло только что начинается. Теперь, когда законъ изданъ, надобно собирать голоса по всей землѣ Русской, на какихъ основаніяхъ надобно устраивать гимназіи. Вопросы, затруднявшіе законодателя, бывшіе предметомъ долгихъ и всесторонніхъ сужденій, вопросы требующіе многихъ спеціяльныхъ свѣдѣній, должны быть рѣшаемы теперь на улицахъ, площадяхъ и перекресткахъ. Жизнь, кричатъ намъ изъ Петербурга, жизнь должна рѣшить, какія слѣдуетъ заводить школы; жизнь должна рѣшить, на какихъ основаніяхъ надобно устраивать гимназіи. Жизнь, безъ всякаго спора, есть хорошее дѣло, и нельзя не пожелать чтобы тѣ господа, которые теперь такъ много толкуютъ о жизни, поняли значеніе этого слова. Жизнь жизни рознь. Всякое животное, на какой бы степени организаціи ни находилось оно, есть жизнь. Агрономъ изучаетъ свойство растеній и животныхъ, на которыхъ основано его хозяйство, и старается дѣйствовать согласно съ условіями той жизни, которая входитъ въ сферу его промысла. Юристъ изучаетъ юридическія условія жизни того общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Медикъ изучаетъ физіологію человѣческаго тѣла, условія его здороваго и болѣзненнаго состоянія. Всякое дѣло имѣетъ свою жизнь, и не слѣдуетъ насиловать его фальшивыми, скудными, односторонними отвлеченностями, порожденными невѣжествомъ, пустомыслiемъ или дурными личными инстинктами, а надобно согласоваться съ дѣйствительными условіями этой жизни, съ ея практикой, съ ея физіологіей. Добрые люди, предлагающіе намъ обратиться къ жизни для рѣшенія вопросовъ о томъ, какая система умственнаго воспитанія можетъ лучше готовить умъ къ серіозному занятію наукой и къ высшимъ сферамъ общественной дѣятельности, должны обратиться не къ какой-либо жизни, а именно къ той жизни, которую ведетъ сама наука, тамъ гдѣ она дѣйствительно живетъ; они должны обратиться къ жизни той цивилизаціи, для которой школа должна служить средствомъ; они должны обратиться къ жизни тѣхъ школъ, въ которыхъ дѣйствительно вырабатываются умственныя силы для плодотворнаго развитія знанія и мысли. Жизнь въ этой сферѣ произнесла свое слово, произнесла его такъ громко, что не слышать его могутъ только глухіе, или люди умышленно затыкающіе себѣ уши. Повсюду, гдѣ наука живетъ самостоятельною жизнію, гдѣ образованіе достигаетъ своего наивысшаго уровня, гдѣ педагогическое дѣло есть плодъ долгой и плодотворной исторіи, мы видимъ одинъ, и тотъ же фактъ, одинъ и тотъ же типъ школы служащей приготовленіемъ къ серіозной наукѣ всѣхъ спеціяльностей. Для того чтобъ ознакомиться съ жизнію науки, мы должны обратиться, конечно, не къ Турціи, не къ Японіи, не къ государствамъ Средней Азіи, мы должны обратиться къ Европѣ; это, кажется, несомнѣнно. Вездѣ есть какая нибудь жизнь, но жизнь науки можемъ мы наблюдать только тамъ, гдѣ она дѣйствительно развивается, и развивается во всей своей силѣ. Въ тѣхъ показаніяхъ, которыя даетъ намъ эта жизнь, ошибиться невозможно. Истинно европейская школа есть непремѣнно и повсемѣстно школа классическая. Въ Германіи, во Франціи, въ Англіи, при всемъ разнообразіи политическихъ условій, при всѣхъ разительныхъ несходствахъ и противоположностяхъ представляемыхъ этими странами, при всѣхъ особенностяхъ образованія и умственнаго склада, существуютъ одни и тѣ же основанія для школы, умственное воспитаніе совершается однимъ и тѣмъ же способомъ, отроческіе умы сосредоточиваются, укрѣпляются и зрѣютъ на однихъ и тѣхъ же предметахъ. Вся образованная, мыслящая, познающая дѣйствующая Европа воспитывается на тѣхъ двухъ великихъ литературахъ, съ которыхъ начинается исторія Европы и въ которыхъ находятся основанія ея цивилизаціи. Вся сущность европейской учебной школы заключается въ древнихъ языкахъ и математикѣ.

И такъ вотъ фактъ жизни: тамъ, гдѣ наука живетъ самостоятельною и плодотворною жизнію, приготовленіемъ къ ней

служитъ классическая школа. И богословъ, и судья, и государственный человѣкъ, и ученый врачъ, и математикъ, и натуралистъ, и историкъ, и философъ, всѣ предварительно воспитывались въ этой школѣ. Всѣ, у кого мы учились и учимся, и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи, вышли изъ этой школы.

Но почему классическая школа служитъ приготовленіемъ ко всѣмъ высшимъ спеціяльностямъ? Не можетъ ли школа иначе устроенная служить такимъ же, или можетъ быть лучшимъ приготовленіемъ къ высшимъ сферамъ знанія и мысли! Мы можемъ допустить этотъ вопросъ. Всякій фактъ жизни можетъ подлежать обсужденію, всякій можетъ стать предметомъ вопроса. Но иное дѣло фактъ, иное дѣло теорія. Люди, серіозно занимающіеся педагогическимъ дѣломъ, мыслители и ученые, изучавшіе это дѣло въ его историческихъ элементахъ и естественныхъ условіяхъ, отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ этомъ фактѣ, и педагогика объясняетъ его съ полною удовлетворительностью. Но независимо отъ общепринятыхъ воззрѣній, какъ во всякомъ предметѣ, такъ и по вопросамъ педагогическимъ, могутъ возникать разныя мнѣнія. О педагогическихъ предметахъ было говорено и писано не менѣе чѣмъ и обо всякихъ другихъ. Являлись и являются экспериментаторы со всевозможными гипотезами. Многое высказывалось и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи противъ существующаго устройства педагогическаго дѣла, предлагались въ замѣнъ другіе способы умственнаго воспитанія, другіе предметы для сосредоточенія учебныхъ занятій въ школахъ, служащихъ приготовленіемъ къ высшимъ спеціяльностямъ. Но одно дѣло жизнь съ ея фактами; другое дѣло разсужденія и толки. Нельзя не пожелать, чтобы тѣ господа, которые такъ много толкуютъ о жизни, въ самомъ дѣлѣ обратились къ ней, а не выдавали за фактъ то что имъ пригрезится или то что имъ понравится въ умозрѣніяхъ того или другаго французскаго или нѣмецкаго теоретика.

То, что эти господа, въ соблазнъ русской публикѣ, выставляютъ на видъ подъ именемъ реальной школы, вовсе не существуетъ въ дѣйствительности, — не существуетъ въ томъ смыслѣ, какой они хотятъ придать этой школѣ. Реальная школа, замѣняющая собою школу классическую, служащая для одного съ нею назначенія, есть фантазія. Реальная школа, которую хотятъ навязать намъ, взята не изъ жизни а изъ теоріи, которую жизнь не принимаетъ. Въ дѣйствительности, тамъ гдѣ наука есть не фраза, а жизнь, подъ именемъ реальныхъ школъ существуютъ учебныя заведенія, совершенно особаго разряда, не имѣющія самостоятельнаго значенія и заимствующія весь свѣтъ свой отъ университетской, то-есть классической системы, отъ нея и результаты науки для преподаванія и самихъ руководителей. Кромѣ высшихъ, умственныхъ спеціальностей, которыя главнымъ образомъ сосредоточиваются въ университетѣ, есть потребности образованія низшаго уровня, имѣющія однако право на удовлетвореніе. Между системой высшаго образованія и элементарною народною школой, въ цивилизованной странѣ могутъ быть многія посредствующія степени. Мы видимъ, вопервыхъ, систему простыхъ школъ грамотности, приспособленныхъ къ удовлетворенію первоначальныхъ потребностей народнаго просвѣщенія. Вовторыхъ, мы видимъ разнаго рода школы, предназначаемыя для дѣтей тѣхъ классовъ общества, которыя не имѣютъ въ виду высшихъ общественныхъ или ученыхъ призваній. Это-то школы и относятся къ разряду такъ-называемыхъ реальныхъ; онѣ называются также школами мѣщанскими или школами среднихъ классовъ общества. Въ разныхъ мѣстахъ эти школы имѣютъ разное устройство, и удовлетворяютъ потребностямъ образованія разныхъ степеней. Есть низшія, есть и высшія мѣщанскія школы, но всѣ онѣ принадлежатъ къ одной системѣ образованія, — образованія средней руки, приспособленнаго той средѣ, для которой назначаются ихъ воспитанники. Чѣмъ шире распространяется образованіе въ общественныхъ слояхъ, тѣмъ естественнѣе потребность, чтобы всякій ремесленникъ и мелкій торговецъ, предназначающій дѣтей своихъ къ той же общественной средѣ, въ которой находится онъ самъ, могъ давать имъ болѣе или менѣе порядочное образованіе, что мы и видимъ въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ Европы, гдѣ простой купеческій прикащикъ, ветеринарный врачъ, аптекарскій гезель, отличаются иногда такимъ общимъ образованіемъ, какимъ не всегда могутъ похвалиться наши молодые люди, кончающіе курсъ въ университетахъ. Изъ этихъ школъ средняго раз-

ряда нѣкоторыя, имѣющія подобіе гимназій, своимъ учебнымъ планомъ, достоинствомъ своего преподаванія, наконецъ тѣмъ развитіемъ, которое дано въ нихъ изученію латинскаго языка, въ видахъ учебной концентраціи, далеко превосходятъ наши нынѣшнія гимназіи. Будущій коновалъ или лавочникъ въ Германіи нерѣдко проходятъ, подъ именемъ реальной школы, школу болѣе классическую нежели наши будущіе государственные люди, судьи, ученые. Высшія изъ этихъ такъ-называемыхъ реальныхъ школъ удовлетворяютъ еще одной потребности. Нѣкоторыя высшія техническія сферы требуютъ иногда дѣятелей въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько могутъ дать имъ классическія школы. Есть техническія призванія, которыя могутъ довольствоваться подготовкой средней руки, если только она приспособлена къ нимъ болѣе или менѣе раціонально. Вотъ почему высшимъ реальнымъ школамъ, гдѣ учебныя занятія сосредоточиваются главнымъ образомъ на математикѣ и на одномъ классическомъ языкѣ (латинскомъ), предоставляется право конкуррировать съ классическою школой въ приготовленіи воспитанниковъ къ нѣкоторымъ спеціяльнымъ техническимъ заведеніямъ, какъ напримѣръ Строительная Академія въ Пруссіи, или Политехническая Школа во Франціи; но и для техническихъ спеціальностей, все-таки наиболѣе способными оказываются воспитанники классической школы, какъ свидѣтельствуютъ люди имѣющіе несомнѣнный авторитетъ по части техническаго образованія. Намъ уже случилось однажды приводить мнѣніе нынѣшняго президента Парижской академіи наукъ, директора Консерваторіи искусствъ и ремеслъ, генерала Морена, объ этомъ предметѣ. „Тѣ“, говоритъ онъ, „изъ молодыхъ людей, обрекающихъ себя къ промышленному образова„нію, которые имѣютъ средства и не стѣс„нены временемъ, поступятъ всего лучше, „если начнутъ съ университетской (клас„сической) школы... Они всегда будутъ „имѣть огромное преимущество передъ дру„гими. Они, одни они, будутъ находиться „въ полномъ обладаніи наукой. Имъ будетъ „принадлежать первенство во всѣхъ поло„женіяхъ, и чувство умственнаго удовле„творенія будетъ сопровождать ихъ на „всемъ ихъ поприщѣ. Это путь самый „вѣрный, и потому всякій долженъ изби„рать его, если не воспрепятствуютъ тому „какія-либо обстоятельства“. Когда во французскихъ лицеяхъ была еще въ силѣ такъ-называемая бифуркація, то-есть раздвоеніе трехъ высшихъ классовъ на отдѣленія классическое и реальное, то въ послѣднее, по обыкновенію, поступали лишь менѣе способные изъ воспитанниковъ. „Они“, говоритъ Шмидъ въ своей педагогической *Энциклопедіи*, „наполнялись глав„нымъ образомъ будущими фармацевтами, „торговцами и промышленниками; изъ нихъ „воспитанники могли поступать также въ „политехническую, военную, морскую и „лѣсную школу: но и тутъ было замѣче„но, что солидныя головы и лучшія дара„ванія предпочитали путь чрезъ класси„ческое отдѣленіе“. Теперь, какъ извѣстно, эта система бифуркаціи окончательно отмѣнена во французскихъ лицеяхъ, и воспитанники ихъ до послѣдняго класса равно продолжаютъ свои занятія обоими древними языками.

Классическія школы, сосредоточивающія учебныя занятія на обоихъ древнихъ языкахъ и математикѣ, составляютъ такимъ образомъ высшую, университетскую систему умственнаго образованія, которая даетъ тонъ всему народному просвѣщенію въ странѣ, и которой до сихъ поръ не доставало въ нашемъ отечествѣ, за исключеніемъ только трехъ привилегированныхъ прибалтійскихъ губерній. И вотъ теперь, когда рѣшено наконецъ положить и у насъ основанія истинной университетской системѣ, поднимается неутомимая агитація, чтобы сбить съ толку наше общественное мнѣніе и обратить въ ничто только-что изданный законъ. Главнымъ центромъ этой агитаціи служитъ газета *Голосъ* въ Петербургѣ, а къ ней, какъ и во всѣхъ другихъ практическихъ вопросахъ, тѣсно примкнула московская газета *День*. Русское общество, слава Богу, стало за эти два послѣдніе года чутко и не такъ легко дается въ обманъ, какъ бывало прежде. Видя безсовѣстность, съ которою производилась эта агитація, и опасаясь, чтобъ она не обманула правительство призракомъ поддѣльнаго общественнаго мнѣнія, дворянство Воронежской губерніи недавно, въ своемъ собраніи, поспѣшило единогласно заявить себя въ пользу классической гимназіи. Но едва успѣло огласиться его заявленіе, какъ въ газетѣ *День* уже пишутъ, что на это заявленіе воронежскаго дворянства не стоитъ обращать вниманіе.

Съ особеннымъ удовольствіемъ перепечатываемъ мы почти вполнѣ статью *Сѣверной Почты*, о которой мы упомянали на этихъ дняхъ, и которая, съ бо́льшимъ чѣмъ мы авторитетомъ, разоблачаетъ эти особаго рода интриги, проникшія изъ Петербурга даже въ столь скромные по своему назначенію офиціяльные органы, какъ губернскія вѣдомости.

№ 72.

Москва, 1-го апрѣля.

А.

Недавно мы прочли въ львовской газетѣ *Слово* странное извѣстіе о дѣлахъ въ Царствѣ Польскомъ. Епископъ-номинатъ Люблинской (уніятской) епархіи,—такъ пишутъ въ упомянутой газетѣ,—далъ знать ректору Холмской уніятской семинаріи, что отнынѣ въ ней преподаваніе всѣхъ предметовъ (за исключеніемъ богословія) должно производиться *по-русски*, такъ какъ высочайшимъ указомъ повелѣно употреблять въ Царствѣ Польскомъ для преподаванія *природный языкъ*; но на запросъ сдѣланный епископу-номинату ректоромъ семинаріи, какъ понимать слово *русскій*: въ значеніи ли великорусскаго или малорусскаго, его преосвященство весьма развязно объяснилъ ему: „*По особому порученію его сіятельства князя главнаго директора правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ*, мы передали вашему преподобію, что... предметы, которые доселѣ преподавались по-польски, должны преподаваться отнынѣ на языкѣ малорусскомъ.“

Странно! И тѣмъ страннѣе казалось это извѣстіе что оно мало согласовалось съ твердою и зоркою политикой, управляющею нынѣ внутренними дѣлами въ Царствѣ Польскомъ. Мы не хотѣли вѣрить этому извѣстію, и не стали печатать его. Очевиденъ, думали мы, разчетъ показать на дѣлѣ несостоятельность преподаванія наукъ въ семинаріи на *русскомъ* языкѣ, принятомъ въ значеніи простонароднаго малороссійскаго нарѣчія, а затѣмъ съ торжествующимъ видомъ объявить: „видите, сама необходимость принуждаетъ насъ возвратиться къ польскимъ учебникамъ, къ преподаванію наукъ въ семинаріи по-польски, какъ велось доселѣ!“ Но возможно ли, чтобы тѣ, кто съ тактомъ истинно государственныхъ людей, вели до сего времени уніятскій вопросъ, дались въ такую незамысловатую ловушку?

Отгадка не заставила долго ждать себя. Въ ловушку попались сами тѣ, кто ставилъ ее,—и никто болѣе. Въ нынѣ полученномъ нами листкѣ *Варшавскаго Дневника* напечатана переписка происходившая по этому предмету между епископомъ-номинатомъ Калинскимъ и княземъ Черкасскимъ. Вотъ отрывокъ изъ письма князя Черкасскаго отъ 18-го февраля:

„... До моего свѣдѣнія дошло, будто бы ваше преосвященство, вслѣдъ за первымъ упомянутымъ выше предписаніемъ (ввести въ семинаріяхъ преподаваніе на русскомъ языкѣ), сдѣлали еще другое, гдѣ выраженіе *русскій языкъ*, замѣнили словомъ *русинскій*, и въ числѣ предметовъ, кои, по вашему мнѣнію, надлежало бы преподавать на русинскомъ языкѣ, поименовали только не многіе, въ противность первому вашему же предписанію, въ которомъ сдѣлано было изъятіе для одного лишь богословія. На сколько достовѣрны сіи, дошедшія до меня свѣдѣнія, я прошу ваше преосвященство, благоволить немедленно увѣдомить меня. Но, между тѣмъ, и во всякомъ случаѣ, я считаю нужнымъ поставить на видъ вашему преосвященству слѣдующее:

„По уставу гражданской службы въ Царствѣ Польскомъ (ст. 16), знаніе русскаго языка полагается обязательнымъ для всѣхъ служащихъ: лица, не знающія русскаго языка, не могутъ быть принимаемы въ гражданскую службу. Сіе узаконеніе не можетъ не относиться ко всѣмъ наставникамъ Холмской семинаріи, какъ состоящимъ на службѣ и пользующимся эмеритальными правами; для воспитанниковъ же русскій языкъ, по уставу, считается обязательнымъ. Посему уклоняться отъ употребленія русскаго языка въ семинарскомъ преподаваніи, подъ предлогомъ незнанія онаго преподавателями или учениками — нѣтъ никакого законнаго основанія.

„Съ другой стороны, что касается предположеннаго будто бы замѣненія русскаго языка русинскимъ въ преподаваніи, въ противность первоначальному распоряженію вашего преосвященства, я убѣжденъ, что неудобство и даже невозможность такой мѣры, слишкомъ очевидны и понятны, не

только для вашего преосвященства, но даже для каждаго, сколько-нибудь ознакомленнаго съ педагогическимъ дѣломъ человѣка".

„Ваше преосвященство сами, при личномъ свиданіи, подробно и многократно объясняли мнѣ, что въ Холмской епархіи не существуетъ одного общаго русинскаго языка, и что нарѣчія разнообразятся до безконечности, смотря по мѣстностямъ. При этомъ разнообразіи русинскихъ нарѣчій, очевидно, невозможно сдѣлать ихъ языкомъ литературы и въ особенности точной науки, тѣмъ болѣе что нарѣчія эти и въ простомъ разговорѣ неодинаково понятны жителямъ разныхъ мѣстностей. Сами наставники Холмской семинаріи, какъ мнѣ извѣстно изъ личныхъ съ ними сношеній, далеко невполнѣ знакомы со всѣми этими мѣстными нарѣчіями, а ученики, собранные изъ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностей, очевидно, могутъ слушать и понимать преподаваніе исключительно лишь на общемъ литературномъ русскомъ языкѣ. Этотъ языкъ, самый близкій и сродный мѣстнымъ Русинамъ, долженъ, слѣдовательно, быть введенъ въ преподаваніе, въ точномъ примѣненіи къ указу 30-го августа (11-го сентября) 1864 года о народномъ образованіи; замѣненіе имъ языка польскаго, доселѣ бывшаго въ общемъ употребленіи въ холмской семинаріи, пребудетъ памятнымъ для трекоуніятскаго населенія и духовенства и навсегда благотворнымъ благодѣяніемъ".

Въ заключеніе князь Черкасскій выражаетъ желаніе, чтобы преподаваніе пастырскаго богословія было теперь же начато на русскомъ языкѣ, — желаніе, которое можетъ быть легко исполнено. Годъ тому назадъ мы при случаѣ упоминали объ употребляемыхъ въ Галиціи богословскихъ учебникахъ, писанныхъ на довольно правильномъ русскомъ языкѣ, лишь съ небольшою примѣсью простонародныхъ реченій и оборотовъ. Очистить языкъ этихъ книгъ можно какъ нельзя легче.

Кстати о словѣ *Русинъ*. Эта форма употреблялась въ самыя отдаленныя времена, и ничего иного не значитъ какъ вообще русскій человѣкъ: напримѣръ, мы встрѣчаемъ эту форму въ договорѣ Олега съ Греками. Въ такомъ смыслѣ это именованіе одинаково относится ко всѣмъ русскимъ людямъ, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія присвоивать его исключительно тѣмъ, которые живутъ въ Царствѣ Польскомъ или въ Галиціи, или производить отъ него совершенно неправильно прилагательное: *русинскій* для того только чтобы не сказать русскій. Для обозначенія трехъ оттѣнковъ русскаго народа есть именованія: *великорусскій*, *бѣлорусскій*, *малорусскій*.

Б.

Газета *Голосъ* продолжаетъ настаивать на томъ, что мы оклеветали невинный географическій учебникъ Даніеля. По поводу нашей передовой статьи въ № 66 *Московскихъ Вѣдомостей* эта почтенная газета, столь глубоко уважающая и себя и публику, обличаетъ насъ и въ полномъ неуваженіи къ себѣ самимъ и въ полномъ презрѣніи къ публикѣ и наконецъ въ томъ, что мы намѣренно вводимъ публику въ обманъ. Словомъ, повторяются прежнія обвиненія, смягченныя развѣ тѣмъ, что обманъ, приписываемый намъ, уже не называется наглымъ, какъ былъ называемъ прежде. Ко всему этому прибавляется еще новость: высказывается увѣренность, что мы перестаемъ наконецъ клеветать на эту „лучшую въ нашей географической педагогической литературѣ книгу", если только не будемъ руководиться тщеславнымъ желаніемъ, чтобы за нами осталось послѣднее слово. Мы принуждены сознаться, что именно въ этомъ случаѣ не можемъ не руководиться тѣмъ тщеславнымъ желаніемъ, чтобы послѣднее слово по этому куріозному дѣлу осталось въ русской печати за здравымъ смысломъ. Споръ о книгѣ Даніеля есть явленіе характеристическое. Онъ не былъ бы возможенъ ни въ какой другой литературѣ кромѣ русской, и въ русской литературѣ онъ не былъ бы возможенъ ни въ какое другое время кромѣ теперешняго, когда вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ соображеній дѣлается рядъ попытокъ издѣваться надъ общественнымъ мнѣніемъ, называя черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ. Неизвѣстно откуда въ иныхъ „дѣятеляхъ" явилось непоколебимое убѣжденіе, что подобныя попытки должны и будутъ сопровождаться успѣхомъ. Невозмутимый стоицизмъ, съ которымъ это убѣжденіе проводится на дѣлѣ, до такой степени превосходитъ всякое вѣроятіе, что необходимость велитъ отложить въ сторону обыкновенныя понятія о томъ на что стóитъ и на что не стóитъ обращать вни-

маніе, чему стóитъ и чему не стóитъ придавать значеніе. Въ обыкновенное время надобно быть большимъ чудакомъ, чтобы твердить передъ публикой дважды два четыре; но когда вокругъ васъ начинаютъ повторять, что дважды два пять, и повторять какъ офиціяльное рѣшеніе,—когда таблицу умноженія, никакому спору не подлежащую, называютъ ложью, клеветой и обманомъ, и притомъ публично, во всеуслышаніе, то вы принуждены по неволѣ стоять на томъ, что дважды два четыре, какъ бы это ни было смѣшно, и вы никакъ не можете не желать чтобы за вами осталось послѣднее слово, потому что отказаться отъ этого „тщеславнаго“ желанія значило бы признать равноправность здраваго ума и упомѣшательства. Такъ далеко терпимость простираться не можетъ.

Споръ идетъ о томъ, можетъ ли книга Даніеля быть учебнымъ пособіемъ при преподаваніи географіи въ русскихъ гимназіяхъ. Мы отвѣчаемъ: можетъ, если вы хотите, чтобъ учитель въ той или другой гимназіи имѣлъ право, даже вопреки своему ближайшему начальству, учить дѣтей, что западныя русскія губерніи суть губерніи польскія и составляютъ совершенно отдѣльное цѣлое отъ Россіи, болѣе отдѣльное чѣмъ даже Финляндія. О Финляндіи въ учебникѣ говорится, что она „составляетъ какъ бы отдѣльное государство, соединенное съ Россіей только посредствомъ личнаго союза.“ Это не вѣрно; и уже по этому одному между прочимъ военно-учебныя заведенія, принадлежащія къ военному вѣдомству, общему для Имперіи и Финляндіи, не могли оказать этому учебнику радушный пріемъ. Но Финляндія помѣщена все-таки въ томъ самомъ отдѣленіи книги гдѣ излагается географія Россійской Имперіи. А западныя губерніи описываются совсѣмъ внѣ этого отдѣленія, то-есть не подъ заголовкомъ „Россійская Имперія“, а подъ заголовкомъ: „Королевство Польша“. Нѣтъ надобности разсуждать о томъ за чѣмъ это сдѣлано, но это сдѣлано. Стало-быть не подлежитъ сомнѣнію, что офиціяльно признавая этотъ учебникъ учебнымъ пособіемъ, мы заранѣе снимаемъ всякую отвѣтственность съ учителя, который, проходя географію Россіи, сталъ бы пропускать въ ней 8 западныхъ губерній и причислять ихъ къ королевству Польшѣ. Хотимъ ли мы этого? Если да, то книга Даніеля можетъ остаться учебнымъ пособіемъ, офиціяльно признаннымъ, если нѣтъ, то ее нельзя было офиціяльно вводить въ число учебныхъ пособій. Вотъ выводъ, котораго оспаривать невозможно, а между тѣмъ его оспариваютъ, оспариваютъ и офиціозно и даже офиціяльно. Чего стоила бы русская печать, еслибъ она послѣдовала совѣту *Голоса* и перестала „клеветать“ на невинный учебникъ?

Есть дѣла сложныя, которыя трудно распутать, чтобы добраться до истины. Это дѣло, напротивъ, очень просто. Передъ нами учебникъ географіи. Развернемъ его и заглянемъ въ тотъ его отдѣлъ, гдѣ излагается географія Россійской Имперіи. Этотъ отдѣлъ очень великъ; онъ изложенъ подробно. При внимательномъ просмотрѣ мы найдемъ въ немъ много странныхъ, даже вопіющихъ невѣрностей, много противорѣчій и пропусковъ, но и просто перелистывая его, мы сейчасъ же замѣтимъ пропускъ, который очень удивитъ насъ. Мы найдемъ географію не всѣхъ частей Россіи: восьми западныхъ губерній и Царства Польскаго мы можетъ искать сколько угодно, но географіи ихъ мы не отыщемъ въ отдѣлѣ, посвященномъ географіи Россіи. Въ немъ описываются: прибалтійскія губерніи и Финляндія, великороссійскія губерніи, Малороссія и Украйна, южная Россія (Новороссія) и Крымъ, Кавказъ и Закавказье, Сибирь, Русская Америка. Весь составъ Русской державы описанъ, а западныхъ губерній и Царства Польскаго нѣтъ какъ нѣтъ. И что же? Географія Россійской Имперіи разсматривается въ §§ 114—121. Передъ первымъ изъ этихъ параграфовъ и слѣдовательно надъ заголовкомъ: *Россійская имперія вообще*, мы найдемъ § 113 съ слѣдующимъ заголовкомъ: с) западная Россія. Что такое это *с?* С есть третья буква латинскаго алфавита и означаетъ третью часть какого-нибудь цѣлаго. Передъ с должны быть *b* и *a*. Мы ихъ и находимъ. Буквой *b* означено Царство Польское. Это стало-быть вторая часть того неизвѣстнаго цѣлаго, къ которому принадлежитъ Западная Россія. Мы смотримъ далѣе и видимъ подъ буквой *a* коронныя Австрійской монархіи, Галицію съ Лодомиріей и Буковиной: это значитъ первая часть. Гдѣ же цѣлое? Цѣлое есть королевство Польша, какъ и обозначено въ книгѣ. Для большей наглядности выписываемъ оглавленіе:

§ 110. Королевство Польша.
§ 111. a) Коренныя земли Австрійской имперіи.
§ 112. b) Царство Польское.
§ 113. c) Западная Россія.

Такъ въ оглавленіи; такъ и въ текстѣ. Идемъ еще выше, и находимъ, что всѣ эти земли отнесены къ великой сѣверо-восточной низменности, которая разсматривается въ отдѣльной четвертой книгѣ учебника. Заголовокъ этой книгѣ слѣдующій:

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Великая сѣверо-восточная низменность (Польша, Пруссія, Россія).

Тутъ стало-быть Польша не только поставленна наряду съ Пруссіей и Россіей, государствами существующими, но для бо́льшаго отдѣленія отъ Россіи поставлена передъ Пруссіей. Ничто не мѣшало сказать: Пруссія, Польша, Россія; но сказано: Польша, Пруссія, Россія. Спрашивается, какое впечатлѣніе должно все это производить на ученика?

Въ защиту этого дѣленія говорятъ, что въ учебникѣ принято держаться не политическихъ, а физическихъ границъ, что поэтому австрійская Италія разсматривается не подъ Австріей, а подъ Аппенинскимъ полуостровомъ. Мы могли бы отвѣтить: стало-быть этотъ пріемъ не годится для насъ, когда онъ можетъ сбить съ толку учениковъ, для которыхъ учебники и пишутся. Но ссылка на физическія границы не имѣетъ тутъ не малѣйшей силы. Сѣверо-восточная низменность въ физическомъ отношеніи есть одно сплошное цѣлое: западная Россія не отдѣлена естественными границами ни отъ внутреннихъ губерній Россіи, ни отъ Царства Польскаго. Естественныя границы тутъ ни при чемъ.

Далѣе въ защиту этого дѣленія говорятъ, что оно основано на историческихъ данныхъ. Ученый комитетъ утверждаетъ, что авторъ желалъ выставить на видъ „вѣковыя народныя и государственныя усилія Россіи — стать на всей своей территоріи, отторгнутой насиліемъ сосѣдей въ годину общественнаго бѣдствія.“ Съ этою цѣлію будто бы избрано XVI столѣтіе, какъ исходная точка роста нашей территоріи, и все что принадлежало тогда Польшѣ отдѣлено отъ Россіи, а Польша описана въ своихъ древнихъ предѣлахъ, за исключеніемъ западной Пруссіи и Познани. Въ объясненіе этого послѣдняго уклоненія отъ исторіи ученый комитетъ говоритъ, что „западную Пруссію, какъ замѣчаетъ *совершенно безпристрастно* (кому?) авторъ, можно считать лишь возвращенною Пруссіи коренною прусскою землей, а Познань лежитъ въ естественныхъ границахъ Германіи (область Одера)“. Можно было бы спросить: если Западная Пруссія отчислена отъ Польши какъ возвращенная Пруссіей земля, то почему не отчислены отъ Польши западныя губерніи, которыя также были коренною русскою землей и также возвращены Россіей? Если прусскій авторъ *безпристрастно* поступилъ съ западною Пруссіей, то русскій ученый комитетъ могъ бы *безпристрастно* поступить съ западными губерніями. Но главное дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что ученый комитетъ совершенно неправильно видитъ въ Польшѣ г. Даніеля, историческую Польшу XVI столѣтія. Такой Польши, какую рисуетъ г. Даніель, никогда не было въ дѣйствительности. Это не Польша историческая XVI или какого бы то ни было другаго столѣтія, а Польша будущаго, представляющаяся воображенію большинства людей мечтающихъ о возстановленіи Польши. Какую Польшу предполагаютъ они возстановить, это всѣмъ извѣстно, объ этомъ они сами заявляютъ, и вотъ эту-то Польшу перенесъ г. Даніель въ свою *Географію*. Вотъ каковъ этотъ историческій пріемъ, кажущійся ученому комитету и простымъ и научнымъ. Да и гдѣ видано, чтобы въ учебникѣ новѣйшей географіи принималось политическое дѣленіе давнопрошедшаго времени за основу для изложенія данныхъ географіи современной? А тутъ подъ рубрикою: *Королевство Польша* онъ описываетъ не прежнее историческое, а нынѣшнее состояніе Галиціи, Царства Польскаго и Западной Россіи, исчисляетъ нынѣшніе города, показываетъ нынѣшнее число жителей, нынѣшнее административное дѣленіе на губерніи. Жителей въ немъ онъ показываетъ 16 милліоновъ, и эта цифра, въ мысли автора, несомнѣнно относится къ настоящему времени. Газета *Голосъ* увѣряетъ, что нѣтъ. Ужь не въ XVI ли столѣтіи Польша имѣла 16 милліоновъ жителей? Можно было бы возразить, что теперь въ Галиціи, Царствѣ Польскомъ и западной Россіи жителей больше 16 милліоновъ. Но г. Даніель, авторъ учебника, столь восхваляемаго газетой *Голосъ*, не очень силенъ въ стати-

стикѣ. Онъ считаетъ въ восьми западныхъ губерніяхъ Россіи всего 4 милліона жителей, и вотъ объясненіе того, что онъ показалъ въ своемъ Королевствѣ Польшѣ 16 милліоновъ жителей: по его статистическимъ даннымъ какъ разъ выходитъ эта цифра. Переводчикъ исправилъ цифру жителей восьми западныхъ губерній, а общую цифру оставилъ безъ исправленія, но тѣмъ не менѣе и у него она относится не къ королевству Польшѣ нѣкогда существовавшему, а къ теперешнему (бывшему королевству Польшѣ." Газета *Голосъ* можетъ успокоиться. Мы очень хорошо знаемъ, что ни г. Даніель, ни его переводчикъ не утверждаютъ будто королевство Польша продолжаетъ существовать. Въ книгѣ идетъ рѣчь о бывшемъ королевствѣ Польшѣ, но это бывшее королевство Польша описывается въ его теперешнемъ видѣ, съ его теперешнимъ, хотя и ошибочно по незнанію показаннымъ числомъ жителей, съ его теперешними городами, причемъ говорится, что наибольшая часть этой страны, къ которой слѣдовательно причислена и западная Россія, есть римско-католическая. Сверхъ того это бывшее королевство Польша описывается не въ предѣлахъ когда-либо бывшихъ, а въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены для него въ будущемъ зачинщиками мятежей. Вотъ въ чемъ заключается странность этого учебника, дѣлающая невозможнымъ употребленіе его въ нашихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Повторяемъ: эта странность сама по себѣ не заслуживала бы вниманія; по крайней мѣрѣ съ нашей стороны она не вызвала бы ни одной строчки, не только цѣлаго ряда статей, останься она библіографическою странностью. Почему г. Даніель предпочелъ то или другое дѣленіе сѣверо-восточной низменности, почему г. Корсакъ предпочелъ книгу Даніеля другимъ учебникамъ географіи, это вопросы никого не интересующіе. Серіозный интересъ получило это дѣло единственно вслѣдствіе того, что ученый комитетъ, русское правительственное учрежденіе, одобрилъ книгу г. Даніеля для употребленія въ училищахъ, и притомъ одобрилъ ее послѣ того какъ были указаны ея странности. Ученый комитетъ вошелъ въ подробное разсмотрѣніе указанныхъ странностей и не только не замѣтилъ въ нихъ ничего страннаго, но даже именно за нихъ отозвался съ большою похвалой объ учебникѣ. Мнѣніе ученаго комитета было напечатано въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій декабрьской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Вотъ что заслуживаетъ самаго серіознаго вниманія, вотъ что по необъяснимости своей деморализуетъ мыслящихъ людей въ Россіи, вотъ отъ чего у всякаго опускаются руки. Вотъ что также побуждаетъ насъ поддерживать эту полемику съ *Голосомъ*, который и вообще интересуетъ насъ не самимъ собой, а тѣмъ что позади его и что посеріознѣе нежели онъ.

Считаемъ впрочемъ нужнымъ извѣстить эту газету, что мы не намѣрены впредь допускать по отношенію къ себѣ выраженій, подобныхъ выраженію *клевета* или *обманъ*. Правильныхъ судовъ по дѣламъ печати у насъ еще нѣтъ, но подобныя выраженія воспрещаются цензурнымъ уставомъ, и мы вправѣ требовать, чтобы нарушеніе закона подвергало виновныхъ заслуженному наказанію.

№ 73.

Москва, 2-го апрѣля.

А.

Нѣмецкая петербургская газета, предназначенная для горсти Нѣмцевъ, проживающихъ въ Петербургѣ, и для редакцій нѣкоторыхъ газетъ въ Германіи, не можетъ оказывать ни худаго, ни хорошаго вліянія на общественное мнѣніе въ Россіи. Ея направленіе, мысли ею высказываемыя, почти совсѣмъ неизвѣстны нашей публикѣ, А между тѣмъ они представляютъ нѣкоторый интересъ. Время отъ времени она сообщаетъ своимъ читателямъ взгляды и мнѣнія очень оригинальныя; иногда въ нихъ проглядываетъ какая-то *Laune*, не совсѣмъ понятная въ газетѣ, издаваемой въ правительственномъ центрѣ Россіи и съ поддержкой отъ правительства: эта поддержка оказывается ей, вѣроятно, не для того, чтобъ она, между прочимъ, унижала императорскую русскую гвардію передъ королевскою прусскою,—унижала не случайно сказаннымъ словомъ, а настойчиво повторяя свои неблагосклонныя замѣчанія, несмотря на указанія *Русскаго Инвалида*. На дняхъ *S.-Petersburger Zeitung*, вдругъ,

ни съ того, ни съ сего, ополчилась въ защиту политики союзовъ глухихъ, общихъ, на всѣ возможные случаи, союзовъ неизмѣннаго сочувствія, и противъ политики интересовъ, которую эта газета пренебрежительно называетъ рыночною политикой. Рыночная политика! Пусть будетъ такъ; но вѣдь эта рыночная политика, которую, по словамъ *S.-Petersburger Zeitung*, отстаиваютъ *Московскія Вѣдомости*, не тѣмъ ли и отличается отъ всякой другой, нерыночной политики, что имѣетъ въ виду единственно общее благо своей страны? Неослабно блюсти ея матеріяльные и нравственные интересы,—не одни матеріяльные, а совокупность интересовъ матеріяльныхъ и нравственныхъ, и преимущественно послѣднихъ,—блюсти и развивать ихъ вездѣ и всегда, внутри страны и за ея предѣлами, въ отношеніяхъ къ управляемымъ и отношеніяхъ къ иностраннымъ правительствамъ,—вотъ единственный принципъ и основное правило, которымъ можетъ руководствоваться правительство, воодушевляемое преданностью тому народу, къ которому оно само принадлежитъ и изъ нѣдръ котораго оно само вышло; вотъ та политика интересовъ, о которой такъ пренебрежительно отзывается *S.-Petersburger Zeitung*.

Политика отвлеченныхъ началъ и общихъ союзовъ, которую такъ рекомендуетъ *S.-Petersburger Zeitung*,—Россія испытала ее въ пору такъ-называемаго Священнаго Союза, и всѣмъ еще хорошо памятно, что эта политика не спасла ее ни отъ польскаго мятежа 1830 и 31 годовъ, ни отъ совершеннаго одиночества и совершенной почти враждебности прежнихъ ея союзницъ—Австріи и Пруссіи, въ эпоху Восточной войны; да сверхъ того эта же политика сдѣлала самое имя Россіи ненавистнымъ во всей либеральной Европѣ и особенно въ народахъ Германіи. Нечего сказать: блестящіе результаты были достигнуты политикой отвлеченныхъ началъ и общихъ союзовъ, а между тѣмъ, для поддержанія ея,—страшно вымолвить!—Россія, по собственному признанію русскаго канцлера графа Нессельроде, жертвовала не только матеріяльными, но даже и нравственными своими интересами. Какъ же были оцѣнены эти пожертвованія въ 1853—56 годахъ, и возможно ли ожидать лучшей ихъ оцѣнки со стороны иностранныхъ державъ? Кто пренебрегаетъ законными интересами своей страны, тотъ не въ правѣ ожидать, что объ нихъ позаботятся посторонніе. Въ частномъ быту такое пренебреженіе къ собственнымъ интересамъ, ради интересовъ ближняго, можетъ быть высокимъ подвигомъ и дѣломъ великодушія; но правительство именно имѣетъ дѣло не съ личными интересами своихъ членовъ, а съ интересами цѣлой страны. Никакое правительство, воодушевляясь любовью къ своему отечеству, не можетъ дѣйствовать вопреки его интересамъ, или внѣ этихъ интересовъ, независимо отъ нихъ, во имя какихъ бы то ни было другихъ, чуждыхъ интересовъ: всякое такое дѣйствіе было бы прямо въ ущербъ странѣ, потому что всякое дѣйствіе предполагаетъ нѣкоторую затрату матеріяльныхъ и нравственныхъ силъ народа. Даже служить дѣлу человѣчества, дѣлу цивилизаціи, правительство можетъ не иначе, какъ имѣя въ виду ближайшимъ образомъ интересы своей страны и того народа, къ которому оно само принадлежитъ. Все это—азбука, но, такая, къ сожалѣнію, которую еще не безполезно твердить у насъ, гдѣ разныя, и свои, и нѣмецкія газеты готовы проповѣдывать русскому народу самоотреченіе и великодушное забвеніе священнѣйшихъ и важнѣйшихъ интересовъ ради интересовъ нѣмецкихъ, польскихъ и всякихъ другихъ.

S.-Petersburger Zeitung указываетъ, между прочимъ, на примѣръ Франціи и Англіи, которыя дѣлаютъ другъ другу различныя уступки въ какихъ-либо однихъ вопросахъ для того, чтобы вознаградить себя въ другихъ. Но кто же говоритъ противъ подобныхъ сдѣлокъ, вытекающихъ изъ той же политики интересовъ, которую наша нѣмецкая газета такъ пренебрежительно называетъ рыночною политикой? Какъ нарочно въ то самое время какъ нѣмецкая петербургская газета проповѣдуетъ Россіи политику безкорыстія въ отношеніяхъ къ Австріи и Пруссіи, *Botschatter*, органъ государственнаго министра Австріи, начинаетъ свою передовую статью, отъ 7-го апрѣля, слѣдующими словами: „Что государство въ своей политикѣ можетъ руководствоваться только собственными своими интересами, это разумѣется само собою. Предложеніе принести какую-либо жертву въ пользу какой-либо чужой націи, еслибъ оно и могло быть сдѣлано, было бы въ нашихъ глазахъ чистѣйшею глупостью. О подобныхъ вещахъ между разумными людьми не можетъ быть и рѣчи“,—

и того же 7-го апрѣля, прусскій министръ-президентъ, г. фонъ-Бисмаркъ, разсуждая въ палатѣ депутатовъ объ искренности отношеній между Пруссіей и Россіей,—искренности, которая нѣкоторымъ членамъ палаты казалась уже черезчуръ великою,—выразился такъ: „Наша задача въ дипломатическихъ сношеніяхъ заключается именно въ „поддержаніи мира и согласія съ великими и „могущественными сосѣдними странами“, и вслѣдъ за тѣмъ же прибавилъ: *на сколько это можетъ быть согласно съ нашими собственными интересами и съ нашею честью.* Ссылаемся на эти заявленія прусскаго министра-президента и австрійской официозной газеты въ защиту рыночной политики, политики интересовъ, противъ нападеній на нее нашей нѣмецкой газеты. Надѣемся, что она повѣритъ этимъ нѣмецкимъ авторитетамъ. Впрочемъ и сама *S.-Petersburger Zeiturg* ссылается на интересы Россіи. По словамъ ея, они „требуютъ, чтобы „Россія не только оставалась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Пруссіей и съ „Австріей, но и поддерживала по возможности согласіе между ними, и это-то соображеніе должно съ извѣстною силою „опредѣлять положеніе Императорскаго кабинета въ такихъ вопросахъ, которые „ближайшимъ образомъ касаются нѣмецкихъ интересовъ.“ Итакъ, сама *S.-Petersburger Zeitung* говоритъ во имя интересовъ, общихъ Россіи съ Австріей и Пруссіей. Въ добрый часъ! Но зачѣмъ было въ такомъ случаѣ возставать въ началѣ статьи противъ политики интересовъ и обзывать ее рыночною политикой? Какіе же это однако общіе интересы? *S.-Petersburger Zeitung* указываетъ именно на интересы въ польскомъ вопросѣ. Дѣйствительно, всѣ три державы почти въ одинаковой степени заинтересованы тѣмъ, чтобъ о возстановленіи королевства Польскаго не было и помину, и въ этомъ отношеніи всѣ три не могутъ не дорожить почти въ равной степени взаимными отношеніями: въ случаѣ разлада и вражды между собою онѣ могутъ сильно вредить одна другой именно въ польскихъ своихъ дѣлахъ; Пруссія и Австрія притомъ могутъ болѣе вредить Россіи чѣмъ Россія имъ, потому что онѣ лучше и успѣшнѣе умѣли справиться съ своими польскими элементами чѣмъ Россія. Считаемъ не лишнимъ здѣсь же поставить на видъ *S.-Petersburger Zeitung*, что вскорѣ послѣ калишскихъ маневровъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ прусскихъ оффиціальныхъ сферахъ высказывалась мысль о томъ, что „союзъ съ польскимъ элементомъ можетъ дать Пруссіи такія средства защиты противъ Россіи, какихъ не дадутъ ей никакія крѣпости.“*) Почтенная редакція этой газеты сдѣлаетъ очень хорошо, если перестанетъ утверждать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, будто бы мы понапрасну отыскивали въ Пруссіи какіе-то не совсѣмъ дружелюбные къ Россіи виды по польскимъ дѣламъ, въ 40-хъ годахъ. Но эти-то именно обстоятельства и служатъ указаніемъ, что Россіи съ одной стороны необходимо не терять времени для упраздненія польскаго вопроса, и съ другой, что она въ своихъ сношеніяхъ съ Пруссіей не имѣетъ надобности держаться политики чувствъ и отвлеченныхъ началъ, а очень можетъ обойдтись съ одною рыночною политикой интересовъ. При этомъ слѣдуетъ также замѣтить, что безъ большаго риска и безъ существеннаго для себя вреда ни Пруссія, ни Австрія не могутъ вступать въ союзъ съ польскими элементами противъ Россіи: примѣръ Австріи въ 1863 и 1864 годахъ достаточно убѣдителенъ въ этомъ отношеніи. Возбуждать или поддерживать мятежъ въ польскимъ владѣніяхъ Россіи было бы черезчуръ невыгодно для этихъ державъ, и только въ крайнемъ случаѣ могли бы онѣ рѣшиться на такое отчаянное средство. Столь же не выгодно имъ, правда, и содѣйствовать Россіи въ окончательномъ упраздненіи польскаго вопроса: этого онѣ, конечно, не пожелаютъ,—препятствіемъ тутъ будетъ рыночная политика,—да еслибъ и пожелали, то не могли бы почти ничего тутъ сдѣлать, такъ какъ это есть русское внутреннее дѣло, котораго успѣхъ зависитъ преимущественно отъ устраненія двусмысленности, смущающей русскихъ людей и возбуждающей польскія надежды, и еще отъ обнаруженія живыхъ силъ русскаго общества. Ни Пруссія, ни Австрія, какъ бы ни было прочно согласіе между ними, не могутъ помочь намъ въ этомъ отношеніи.

А съ другой стороны согласіе между Пруссіей и Австріей, при нынѣшнихъ отношеніяхъ между ними, не значитъ ли это уступчивость со стороны Австріи по вопросу о Герцогствахъ? *S.-Petersburger*

*) См. Статью П. А. Попова: „Поляки въ Пруссіи“ въ *Русск. Вѣстн.* 1863 г., январь, стр. 222—225.

Zeitung нѣсколько недѣль тому назадъ заявила куріозное мнѣніе, что съ тѣхъ поръ какъ эти герцогства оторваны отъ Даніи, для Россіи все равно, будутъ ли они въ рукахъ Пруссіи, или въ рукахъ нѣмецкой демократіи (какъ выражается эта газета, т.-есть станутъ ли они маленькимъ отдѣльнымъ нѣмецкимъ государствомъ, какъ слѣдовало бы сказать). Надобно быть близорукимъ чтобы не видѣть огромной разницы для Россіи въ томъ и въ другомъ способѣ рѣшенія вопроса о Герцогствахъ. Въ рукахъ демократіи они будутъ слабы, и слѣдовательно не опасны. Но Герцогства въ рукахъ Пруссіи, съ великолѣпною Кильскою гаванью, съ возможностью завести значительный флотъ на Балтійскомъ морѣ и доставить этому флоту свободный выходъ въ Нѣмецкое море, это для Россіи тоже что̀ неудачный исходъ цѣлой большой компаніи: результатомъ такого успѣха Пруссіи мало-по-малу будетъ усиленіе ея могущества на Балтійскомъ морѣ, гдѣ Россія доселѣ первенствовала, поглощеніе ею всей сѣверной Германіи и во всякомъ случаѣ нарушеніе прежняго равновѣсія всего болѣе въ ущербъ для Россіи.

Б.

5-го апрѣля приходится столѣтняя годовщина кончины нашего Ломоносова, геніальнаго первоначальника русской литературы въ Европѣ и европейской науки въ русскомъ народѣ. Сто лѣтъ тому назадъ, 4-е апрѣля приходилось во второй день Пасхи, нынѣ оно приходится въ самый день Свѣтлаго Воскресенія. Русское общество вспомнило о своемъ великомъ человѣкѣ, ознаменовавшемъ себя не громомъ и блескомъ политической дѣятельности или воинскихъ подвиговъ, но умственнымъ трудомъ не для всѣхъ видимымъ и слышнымъ. Какъ извѣстно, въ Петербургѣ и въ Москвѣ готовятся ему торжественныя поминки. Добрый признакъ, свидѣтельствующій о высоко-поднятомъ въ нашемъ обществѣ національномъ и историческомъ чувствѣ; это чувство — залогъ самый лучшій, самый надежный, которымъ мы особенно обязаны событіямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ. Два года тому назадъ, быть-можетъ у насъ и вспомнили-бы (а еслибы вспомнили, то развѣ только для кощунства) о днѣ кончины человѣка, именемъ котораго не можетъ не гордиться всякій русскій, любящій свой народъ, преданный своему отечеству, вѣрующій въ его великую будущность и потому дорожащій его прошедшимъ. Теперь русское общество будетъ творить по Ломоносовѣ и христіанское поминовеніе, и гражданскую тризну. Оно воздастъ его памяти заслуженную честь. Оно почувствуетъ въ себѣ духъ жизни и силы, припоминая заслуги великаго человѣка и судьбы его жизни, въ которыхъ такъ ярко отпечатлѣлось знаменіе Провидѣнія. Оно припомнитъ какъ на крайнемъ сѣверѣ нашей Руси, среди простаго люда, былъ взысканъ юноша, и отъ рыбачьихъ сѣтей призванъ къ совершенію великаго историческаго дѣла. Оно припомнитъ какъ влекомый неудержимо высшимъ призваніемъ, одинъ, безъ всякихъ средствъ, безъ всякихъ руководителей, безъ всякихъ основаній для надеждъ, онъ пустился въ невѣдомый и тяжкій путь; какъ въ Москвѣ, въ Заиконоспасскомъ училищѣ, принялся онъ за латинскую и греческую азбуку въ томъ возрастѣ жизни, когда люди обыкновенно уже довершаютъ свое образованіе и вступаютъ готовыми дѣятелями въ жизнь. Но прежде чѣмъ приступать къ оцѣнкѣ тѣхъ плодовъ, которые были собраны Ломоносовымъ съ этого поздняго, но благодатнаго посѣва, мы должны припомнить также и то, что на Руси въ ту пору существовало учрежденное ея великимъ преобразователемъ убѣжище чистой науки, призванной имъ изъ Европы. Ломоносовъ не могъ бы стать тѣмъ чѣмъ онъ вышелъ для Россіи, еслибы тогда не существовала въ Петербургѣ Академія Наукъ, которая отправила его заграницу для дальнѣйшаго образованія и потомъ приняла его въ свои нѣдра. Академія Наукъ прямо входитъ въ сферу того призванія, которое мы чувствуемъ въ нашемъ Ломоносовѣ. Мы должны разумѣть это, если хотимъ достойно почтить его память. Къ сожалѣнію, поминки по великомъ дѣятелѣ русскаго просвѣщенія совпадаютъ съ начавшеюся вдругъ странною агитаціей противъ этого знаменитаго учрежденія, оказавшаго столько услугъ и наукѣ, и Россіи, — агитаціей, которая имѣетъ очевидною цѣлью не исправить какіе-либо недостатки въ немъ, а разрушить его въ основаніяхъ. Мы знаемъ, что русское просвѣщеніе имѣетъ много враговъ, какъ имѣетъ ихъ и вообще русскій народъ; мы видимъ, какихъ усилій стóитъ нашему обществу каждый шагъ на пути правильнаго и истинно-либе-

ральнаго образованія, которое возвышало бы и оплодотворяло бы нашу народность. Мудрено ли, что есть недобрые умыслы и противъ Академіи Наукъ, пользующіеся для своихъ цѣлей разными недоразумѣніями, и даже очень почтенными мотивами. Жаль если мы, увлекаясь случайностями, забудемъ существенное. Не случайныя столкновенія Ломоносова съ современными ему академиками должны мы имѣть въ виду, а ту великую историческую цѣль, которая соединяетъ Ломоносова и Академію учрежденную Петромъ. Академія совершила не мало и для наукъ, и для Россіи. Въ числѣ людей, которыхъ кормила наша Академія, были великіе свѣтильники знанія; въ числѣ этихъ людей были такіе, о которыхъ образованный Русскій не можетъ вспомнить безъ высокаго чувства національной благодарности, даромъ что они были иностраннаго происхожденія.

Ломоносовъ зналъ имъ цѣну, Ломоносовъ, ничего такъ пламенно не желавшій какъ появленія людей,

> ...которыхъ ожидаетъ
> Отечество отъ нѣдръ своихъ,
> И видѣть *таковыхъ* желаетъ
> *Какихъ зоветъ изъ странъ чужихъ!*

№ 74.

Москва, 7-го апрѣля.

Въ Свѣтлый праздникъ, нигдѣ въ христіанскомъ мірѣ не чувствуемый предъ другими праздниками съ такимъ торжествомъ какъ въ странахъ православія и между ними преимущественно въ Россіи, болѣе нежели въ другіе дни оживаетъ мысль о древнѣйшей и драгоцѣннѣйшей русской святынѣ, о колыбели русскаго православія,—Кіевѣ. Свѣтлый праздникъ напоминаетъ намъ съ новою силой, что эта матерь городовъ русскихъ, равно дорогая для Руси Великой, и Малой, и Новой, и Червонной, и Бѣлой, суровою судьбой въ тяжкія времена нашей исторіи разъединенная съ дѣтьми своими, и теперь еще не со всѣми ими соединена, какъ было бы можно по теперешнимъ обстоятельствамъ. Онъ напоминаетъ, что слабость узъ связывающихъ насъ съ Кіевомъ происходитъ теперь не отъ роковой необходимости, какъ было прежде, а отъ нашего равнодушія къ національному дѣлу, слѣдовательно отъ нашей вины. Была у насъ акціонерная лихорадка, когда мы не знали куда дѣвать вытѣсненные изъ казенныхъ банковъ милліоны кредитныхъ рублей: мы припялись за линіи саратовскую и ярославскую, а о кіевской совсѣмъ забыли. Экономическая необходимость принудила насъ потомъ подумать о соединеніи Москвы съ Чернымъ моремъ и мы имѣли въ виду севастопольскую линію, отъ которой отказалась сама англійская компанія, не ожидавшая удовлетворительной выручки на пути проходящемъ не менѣе 600 верстъ степями. Затѣмъ когда вопросъ о южной желѣзной дорогѣ былъ поставленъ на почву болѣе практическую, возникъ споръ между линіями кіевскою и кременчугскою. Правительственное рѣшеніе признало важными обѣ линіи и старалось примирить оба мнѣнія. Объявивъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, что цѣлью внутренняго съ выигрышами займа будетъ между прочимъ сооруженіе желѣзной дороги имѣющей соединить Москву съ Чернымъ моремъ, правительство, очевидно для примиренія интересовъ кіевской и кременчугской линіи, видоизмѣнило въ концѣ декабря эту цѣль такимъ образомъ, что отказалось на время отъ соединенія Москвы съ Чернымъ моремъ. Читателямъ извѣстно, что предположено строить желѣзную дорогу изъ Москвы на Орелъ и Курскъ въ Кіевъ, и кромѣ того предположено строить желѣзную дорогу изъ Балты на Кременчугъ въ Харьковъ. Итакъ, даже по исполненіи этого плана, Кіевъ не будетъ соединенъ съ Балтой, а Курскъ съ Харьковомъ, и ни та, ни другая линія, то-есть ни кіевская, ни кременчугская, не будутъ поставлены въ условія обезпечивающія ихъ доходность. Правительство рѣшило вопросъ между двумя линіями безпристрастно, допустивъ и ту и другую, но ни той, ни другой не допустило вполнѣ. Обстоятельства могутъ однакоже измѣнить это рѣшеніе. Дорога будетъ строиться сперва отъ Москвы до Орла и потомъ далѣе до Курска; съ другой стороны она будетъ строиться сперва отъ Балты до Елисаветграда, а вслѣдъ затѣмъ далѣе на Кременчугъ до Харькова. Но всѣ эти участки принадлежатъ собственно не къ кіевской, а къ кременчугской линіи. Когда они будутъ готовы, то между ними останется небольшой участокъ отъ Курска до Харькова, сооруженіе котораго довершило бы кременчугскую линію и соединило бы

Москву съ Одессой. Неужели этотъ небольшой участокъ не будетъ сейчасъ же построенъ? За него выскажется тогда общій голосъ; всѣ будутъ просить сооруженія этого участка предпочтительно передъ курско-кіевскимъ тупикомъ. Нельзя не предвидѣть, что заявленія общественнаго мнѣнія будутъ очень сильны, и что возражателей вовсе не будетъ, потому что невозможно возражать противъ того, что очевидно полезно. Неужели не повліяютъ эти заявленія на правительство? Если же повліяютъ, то мы получимъ одну сплошную кременчугскую линію, а кіевской линіи вовсе не получимъ. Такимъ образомъ само собой сдѣлается, что безпристрастіе правительства, признавшаго равныя права за обѣими линіями, встрѣтитъ практическія препятствія къ своему осуществленію. Тѣмъ не менѣе однакоже не подлежитъ сомнѣнію, что правительство имѣло въ виду самые серіозные интересы, когда нашлось вынужденнымъ комбинировать обѣ линіи. Всего легче было бы просто избрать линію кременчугскую. Тогда число верстъ предполагаемой къ построенію желѣзной дороги было бы меньше (отъ Курска до Харькова разстояніе вдвое меньше чѣмъ отъ Курска до Кіева) и первоначально заявленная цѣль займа—соединеніе Москвы съ Чернымъ моремъ—была бы достигнута. Все дѣло имѣло бы видъ совершенно понятный, и польза линіи соединяющей Москву съ Чернымъ моремъ была бы очевиднѣе чѣмъ польза двухъ линій соединяющихъ Москву только съ Кіевомъ и Одессу только съ Харьковомъ. Повторяемъ, правительство должно было руководиться самыми серіозными интересами, когда принимало свое рѣшеніе. Какіе же могли быть эти интересы? Не ясное ли дѣло, что интересы Кіева тутъ были на первомъ планѣ, и не слѣдуетъ ли изъ этого неопровержимое заключеніе, что интересы Кіева имѣютъ въ глазахъ правительства высокую цѣну? Но если такъ, и если съ другой стороны исполненіе правительственнаго плана очень можетъ, помимо воли правительства, повести къ тому, что будетъ сооружена вполнѣ только кременчугская линія, а Кіевъ совсѣмъ остается внѣ сѣти, то не слѣдуетъ ли желать такой комбинаціи, которая дала бы правительству возможность строить начатую имъ кременчугскую линію, а кіевскую линію предоставить частной предпріимчивости? Такая комбинація становится теперь возможною, вслѣдствіе того, что пониженіе учетнаго процента въ Лондонѣ дозволяетъ собрать нужный для кіевской линіи капиталъ посредствомъ подписки на акціи, при содѣйствіи солидныхъ банкирскихъ домовъ. Скажемъ больше: такая комбинація представляется какъ нѣчто не только возможное, но и дѣйствительное. Предложеніе уже сдѣлано; испрашивается всего три мѣсяца срока для составленія акціонерной компаніи, тогда какъ московско-севастопольской компаніи былъ предоставленъ цѣлый годъ срока. Въ три мѣсяца ожиданія мы ничего не упустимъ: слѣдовательно съ нашей стороны не будетъ никакого риску. А между тѣмъ лица, дѣлающія это предложеніе, увѣрены въ возможности собрать въ эти три мѣсяца капиталъ достаточный для сооруженія отъ 1.000 до 1.200 верстъ. Что касается до выбора линіи, то имена лицъ дѣлающихъ предложеніе говорятъ сами собой въ пользу кіевской линіи, которую эти лица уже прежде намѣревались строить, но тѣмъ не менѣе есть слухи, что имъ совѣтуютъ отказаться отъ этой первоначальной мысли и взять на себя сооруженіе линіи отъ Орла до Таганрога съ вѣтвью къ Ростову-на-Дону. Если эти совѣты получатъ верхъ, то сооруженіе кіевской линіи будетъ отсрочено, что называется, *ad calendas graecas*. Компанія построитъ участокъ отъ Орла черезъ Курскъ до Харькова. Въ тоже время казна будетъ строить участки отъ Москвы до Орла и отъ Балты до Харькова. Такое распредѣленіе участковъ кременчугской линіи между казной и компаніей послужитъ важнымъ препятствіемъ къ сооруженію предполагаемаго теперь участка отъ Курска до Кіева: этотъ участокъ примкнулъ бы тогда къ частной желѣзной дорогѣ, что затруднило бы эксплуатацію. Вслѣдствіе того пришлось бы отказаться отъ курско-кіевской вѣтви и замѣнить ее какою-нибудь другою: либо вѣтвью изъ Орла въ Кіевъ, либо вѣтвью изъ Серпухова въ Кіевъ. Но такая замѣна увеличила бы затрату, а увеличеніе требующихся издержекъ, конечно, не повело бы къ ускоренію дѣла. Къ тому же Россія не можетъ строить разомъ болѣе извѣстнаго числа верстъ, хотя бы даже нашлись и капиталы: чрезъ мѣру усиленное построеніе желѣзныхъ дорогъ подняло бы заработную плату и произвело бы потрясеніе во всѣхъ промыслахъ. Результ-

татъ всего этого былъ бы тотъ, что, какъ сказано, мы отложили бы *ad calendas graecas* построеніе столь намъ нужной линіи кіевской. Было ли бы это согласно съ потребностями Россіи, съ голосомъ общественнаго мнѣнія, и наконецъ съ видами правительства? Объ общественномъ мнѣніи нечего и говорить. Если былъ вопросъ, по которому оно высказалось согласно, то это былъ вопросъ о важности линіи московско-кіево-одесской. Если общественное мнѣніе не повело тутъ почти ни къ чему, то это свидѣтельствуетъ лишь о той степени вѣса, которая ему придается. Итакъ не будемъ говорить объ общественномъ мнѣніи. Но развѣ само правительство не пожертвовало цѣльностью кременчугской линіи именно ради того, чтобъ положить начало и линіи кіевской? Не явно ли изъ этого, что само правительство признало важность кіевской линіи и не нашло возможнымъ безусловно предпочесть ей линію кременчугскую? Если же правительство не рѣшилось отдать предпочтеніе линіи кременчугской передъ кіевскою, то было ли бы согласно съ заявленными видами правительства предпочесть кіевской линіи и линію кременчугскую, и линію таганрогскую? Вотъ почему намъ кажется, что если смотрѣть серіозно на рѣшеніе правительства относительно южной желѣзной дороги, то никакъ нельзя совѣтовать новообразующейся компаніи, чтобъ она отказалась отъ линіи кіевской и взялась за сооруженіе линіи таганрогской. Такой совѣтъ находился бы въ противорѣчіи не только съ громко заявленнымъ общественнымъ мнѣніемъ, но и съ ясно выраженными видами правительства.

Что же можетъ побуждать къ такому совѣту? Не матеріяльные ли разчеты, не виды ли на большій барышъ? Но эту часть дѣла можно бы, кажется, предоставить самой компаніи, которая лучше сторонникъ лицъ можетъ обсудить какая линія, кіевская или таганрогская, подаетъ больше надежды на добрые дивиденды. Тутъ доброжелательство къ компаніи не можетъ идти далѣе предоставленія ей полной свободы выбора.

Не внушенъ ли этотъ совѣтъ заботой о государственномъ казначействѣ, принимающемъ на себя гарантію чистаго дохода? Но государственному казначейству легче и естественнѣе нести рискъ временныхъ пожертвованій по кіевской линіи, чѣмъ по какой-либо другой. Государство должно скупиться дарованіемъ гарантіи чистаго дохода,—должно скупиться не только въ интересѣ бюджета; но и въ интересѣ самаго дѣла построенія желѣзныхъ дорогъ.

Наша щедрость гарантіи чистаго дохода отнимаетъ у частной предпріимчивости именно тотъ нервъ, который выгодно отличаетъ ее отъ предпріятій казенныхъ. Дорога, по которой гарантированъ чистый доходъ, никогда не будетъ сооружена такъ разчетливо и никогда не будетъ эксплуатироваться такъ внимательно и бережливо, какъ дорога негарантированная. Лишняя трата капитала и лишніе расходы по эксплуатаціи—вотъ два неизбѣжныя послѣдствія гарантіи чистаго дохода, а за этими послѣдствіями идетъ третье, самое вредное, малый дивидендъ. Говоримъ: самое вредное, потому что малый дивидендъ на линіяхъ сооруженныхъ отгоняетъ капиталистовъ отъ сооруженія новыхъ линій. Капиталисты естественно предполагаютъ, что первыя линіи построеныя въ какой-нибудь странѣ должны быть и самыя выгодныя, и видя что даже эти линіи не даютъ гарантированнаго процента, они приходятъ къ заключенію, что за другія линіи, по ихъ мнѣнію менѣе выгодныя, нельзя браться безъ гарантіи еще болѣе значительной. Главное Общество повредило Россіи не только тѣмъ, что затянуло построеніе своихъ дорогъ и потомъ отказалось отъ половины ихъ, и не только тѣмъ что правительство принуждено было рѣшиться на значительныя затраты для поправленія дѣлъ Главнаго Общества въ то самое время, когда въ государственномъ бюджетѣ былъ значительный дефицитъ и денежная система оставалась неисправленною, но всего болѣе тѣмъ, что распространило на европейскихъ биржахъ невыгодное мнѣніе вообще о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, какъ о промышленномъ предпріятіи. Чѣмъ хуже хозяйничало и хозяйничаетъ Главное Общество, тѣмъ меньше получаемый чистый доходъ съ затраченнаго имъ капитала, а чѣмъ меньше этотъ доходъ, тѣмъ неблагопріятнѣе мнѣніе, слагающееся на европейскихъ биржахъ на счетъ доходности желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Можно ли ожидать, чтобы капиталисты охотно давали свои деньги на это дѣло, когда передъ ними нѣтъ примѣра, чтобы хоть одна изъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ давала дивидендъ, замапчивый для

капиталиста? Но выберите хорошую линію, предоставьте ее частной компаніи и поставьте эту компанію въ такія экономическія условія, чтобъ она была заинтересована строить дешево и хозяйничать бережливо,—барыши, которые будетъ получать эта компанія, измѣнятъ взглядъ капиталистовъ на русскія желѣзныя дороги. Два-три такіе примѣра, и будущность желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи будетъ обезпечена. Оно получитъ правильный ходъ, котораго теперь не имѣетъ, благодаря запутывающему зрѣлищу хозяйственной дѣятельности Главнаго Общества. Этотъ вопросъ весьма серіозный. Не все же мы будемъ сооружать желѣзныя дороги на казенный счетъ; на это ни станетъ ни денежныхъ средствъ, ни персонала, ни способовъ надзора. Въ этомъ дѣлѣ, которое должно имѣть у насъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ обширнѣе наши пространства, мы принуждены имѣть въ виду преимущественно частную предпріимчивость и только на нее можемъ возлагать наши надежды. Что же будетъ, если всѣ выгодныя линіи будутъ розданы съ гарантіей чистаго дохода, то-есть на такихъ основаніяхъ, которыя побуждаютъ скорѣе къ дурному, чѣмъ къ хорошему хозяйству? Примѣры у насъ на лицо: мы уже теперь пришли къ убѣжденію, что казенная постройка желѣзныхъ дорогъ выгоднѣе чѣмъ постройка частными компаніями пользующимися гарантіей. Это убѣжденіе совершенно вѣрно: такія компаніи имѣютъ всѣ дурныя стороны казеннаго управленія, не имѣя хорошихъ сторонъ. Но можно ли признать и вообще вѣрнымъ, что желѣзныя дороги выгодно строить на казенный счетъ? Признать ли, что казна способна быть такимъ же внимательнымъ, предусмотрительнымъ и изворотливымъ хозяиномъ, какъ частное лицо дѣйствующее въ собственномъ интересѣ и на собственный страхъ? Признать это значило бы опрокинуть вверхъ дномъ основную аксіому политической экономіи. Дѣло въ томъ, что казна дѣйствительно способна строить лучше и выгоднѣе чѣмъ частныя компаніи ничѣмъ не рискующія, но она никакъ не можетъ быть способна строить лучше чѣмъ компаніи имѣющія дѣйствительное право называться частными. Если желать, чтобы построеніе и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ были доведены до возможной степени разчетливости, то надобно желать участія въ этомъ дѣлѣ такихъ компаній, которыя несли бы на себѣ сполна всѣ послѣдствія хорошаго или дурнаго хозяйства. Это не значитъ, чтобы такія компаніи не получали отъ государства или отъ соотвѣтствующихъ мѣстностей никакого пособія. Желѣзныя дороги тѣмъ отличаются отъ большей части другихъ промышленныхъ предпріятій, что въ первое время приносятъ относительно ничтожный доходъ, а такъ какъ мало находится капиталистовъ готовыхъ на десятки лѣтъ отказаться отъ приличнаго дохода съ своихъ капиталовъ въ надеждѣ получить вознагражденіе въ послѣдствіи, то оказывается необходимымъ предложить имъ на первое время какія-нибудь дополнительныя выгоды. Но эти выгоды не должны убивать естественное побужденіе къ хорошему веденію хозяйства. Онѣ могутъ быть даны, кажется намъ, всего безопаснѣе въ формѣ гарантіи валоваго дохода и сверхъ того въ ежегодной поверстной платѣ на первое время эксплуатаціи. Интересъ дѣла требуетъ, чтобы выгоды этого рода были совершенно достаточны, чтобъ онѣ даже превышали по своей привлекательности то обезпеченіе, которое дается подъ видомъ гарантіи чистаго дохода. Въ интересѣ дѣла желательно, чтобы компаніи, соглашающіяся на эти условія, получили въ самомъ скоромъ времени хорошія выгоды, потому что только значительность выгодъ, полученныхъ нѣсколькими компаніями, въ состояніи вызвать конкурренцію между капиталами для построенія другихъ линій. Ни Англія, ни Америка не покрылись бы теперешнею сѣтью желѣзныхъ дорогъ, еслибы первыя желѣзныя дороги въ этихъ странахъ не приносили такихъ дивидендовъ, которые вскружили голову капиталистамъ. Высокіе дивиденды дали популярность дѣлу желѣзныхъ дорогъ; предложеніе капиталовъ возросло до чрезмѣрной степени, и очень многія желѣзныя дороги, увеличивающія теперь благосостояніе этихъ странъ, построены почти въ убытокъ предпринимателямъ; капиталы, несмотря на ихъ хваленую чуткость, движутся все-таки стадообразно. Вотъ почему дѣло русскихъ желѣзныхъ дорогъ можно было бы считать навсегда испорченнымъ, еслибы всѣ наши хорошія линіи были розданы по системѣ гарантіи чистаго дохода, дѣйствующей убійственно въ экономическомъ отношеніи, или еслибы построеніе всѣхъ ихъ было пред-

принято средствами казны, которая даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не можетъ довести свою хозяйственную дѣятельность до *nec plus ultra* удовлетворительности. Нѣсколько хорошихъ линій необходимо отложить для частной предпріимчивости, не испорченной условіями отнимающими у нея главный ея нервъ.

Кто согласится съ этими доводами, тотъ согласится, конечно, и съ тѣмъ, что линія отъ Харькова до Таганрога, какъ по своей короткости, такъ и по своей несомнѣнной выгодности, особенно удобна для частной предпріимчивости, дѣйствующей на указанныхъ выше основаніяхъ. Строить ее на казенный счетъ, или предоставить ее частной компаніи съ гарантіей чистаго дохода,—было бы въ нашихъ глазахъ большою ошибкой. Мы полагаемъ, что по этой линіи столь же мало есть основанія гарантировать чистый доходъ, сколько и по линіи бессарабской. И той и другой линіи можно предоставить значительныя выгоды, но только не въ формѣ гарантіи чистаго дохода. Впрочемъ кто и не согласится съ изложенными выше взглядами, долженъ признать, что ни по той, ни по другой линіи нѣтъ ни малѣйшей причины рѣшаться на окончательную сдѣлку прежде нежели будутъ произведены подробныя изысканія, опредѣлено наиболѣе выгодное направленіе линіи, и снятъ ее профиль.

Но, скажутъ, пока будутъ производиться изысканія, состояніе европейскаго денежнаго рынка можетъ измѣниться. Тѣ капиталисты, которые теперь дали бы намъ деньги, легко могутъ потомъ отказать намъ въ нихъ, и мы даромъ упустимъ благопріятную минуту. Съ этимъ замѣчаніемъ мы совершенно согласны. Намъ слѣдуетъ, что называется, *ковать желѣзо, покуда оно горячо*. Отложить въ дальній ящикъ дѣлаемое теперь предложеніе, значитъ, по нашему мнѣнію, отказаться отъ него, а отказываться отъ предложенія строить такую желѣзную дорогу, какую укажетъ правительство, отказываться отъ столь удобнаго предложенія отнюдь не слѣдуетъ. Далѣе, если не слѣдуетъ отказываться отъ этого дѣла, то не слѣдуетъ и тянуть его. Междуусобіе въ Соединенныхъ Штатахъ видимо клонится къ концу. Но вскорѣ послѣ того какъ будетъ заключенъ миръ, Соединенные Штаты примутся за возстановленіе своего денежнаго обращенія и съ этою цѣлью принуждены будутъ потребовать у Европы значительную массу звонкой монеты. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того будетъ возвышеніе учетнаго процента и стало-быть невозможность собрать капиталъ для какого бы то ни было большаго предпріятія на условіяхъ сколько-нибудь умѣренныхъ.

Имѣя это въ виду, намъ надобно пользоваться благопріятною минутой,—но пользоваться ею не иначе какъ для построенія самонужнѣйшей изъ нашихъ линій,—линіи кіевской. Мы уже говорили, въ какомъ направленіи всего удобнѣе провести ее: Серпуховъ, Калуга, Черниговъ, Кіевъ, Балта и вѣтвь на Бердичевъ къ австрійской границѣ,—вотъ направленіе самое удобное во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторые сомнѣваются въ доходности дороги по этому направленію и полагаютъ, что соединеніе Москвы съ Кіевомъ чрезъ Орелъ и Курскъ было бы въ экономическомъ отношеніи выгоднѣе. Мы рѣшительно не согласны съ этимъ мнѣніемъ и высказываемъ это несогласіе на основаніи изученія совершенно безпристрастнаго и на сколько было возможно обширнаго. Калужская линія лучше курской уже потому, что она значительно короче. Курская линія находилась бы постоянно въ опасности потерять значительную часть своего движенія въ случаѣ построенія калужской линіи, а построеніе этой послѣдней не могло бы долго замедлить. Но между тѣмъ какъ калужская линія причинила бы большой вредъ линіи курской, курская линія, построенная хотя тотчасъ вслѣдъ за калужскою, была бы ей только полезна, потому что, примкнувъ къ ней въ Кіевѣ, усилила бы движеніе по участкамъ отъ Кіева къ Балтѣ и австрійской границѣ, а отчасти и по участку между Кіевомъ и пунктомъ соединенія калужской и витебской линій. Далѣе, калужская линія прошла бы на значительномъ разстояніи отъ линіи харьковско-кременчугской, а потому ни сама не пострадала бы отъ ея конкурренціи, ни ей не причинила бы никакого вреда, а напротивъ только усилила бы движеніе на ея участкѣ между Балтой и Одессой. Наконецъ, калужская линія прошла бы гораздо ближе харьковской линіи къ Витебску и потому могла бы быть гораздо скорѣе соединена съ линіей рижско-витебскою. Это соединеніе было бы чрезвычайно важно, какъ для линіи калужской, такъ и для ли-

нiи витебской. Оно приблизило бы Москву и весь бассейнъ Волги и Оки къ рижскому порту и къ прусской границѣ, чего не было бы достигнуто продолженіемъ витебской линіи до Орла. Москва, Нижній, Уралъ и Сибирь пользовались бы участкомъ отъ Серпухова до мѣста соединенія калужской линіи съ витебскою для всѣхъ своихъ сношеній съ западомъ. Этотъ участокъ сдѣлался бы главною артеріей для движенія пассажировъ и грузовъ между сѣверо-востокомъ и западомъ Европы; никакая другая линія не могла бы отбить этой работы и эта работа съ каждымъ годомъ увеличивалась бы, ибо кто станетъ отрицать, что иностранная торговля Россіи должна въ будущемъ все болѣе и болѣе развиваться? Порты одесскій и рижскій (а потомъ и либавскій), прусская граница, Варшава, австрійская граница были бы постоянными кліентами этого участка. На дальнѣйшемъ своемъ протяженіи эта линія была бы самымъ краткимъ путемъ изъ Петербурга, Москвы, Нижняго и Риги въ Австрію и Одессу. Есть ли возможность сомнѣваться въ значительности пассажирскаго и товарнаго движенія на этомъ дальнѣйшемъ протяженіи дороги? Но для внутренняго движенія польза этой линіи была бы еще неоцѣненнѣе. Она соединила бы Оку съ Десной и Днѣпромъ, а черезъ витебскую вѣтвь и съ Западною Двиной. Она устроила бы такое соединеніе, котораго до сихъ поръ вовсе не существовало и котораго выгоды не могутъ быть даже предусмотрѣны. О нихъ можно судить лишь приблизительно по количеству грузовъ, идущихъ теперь волокомъ изъ Калуги въ Брянскъ. Кому неизвѣстно сколько однихъ казенныхъ грузовъ перевозится теперь этимъ путемъ? Кромѣ того, эта линія прошла бы по мѣстностямъ промышленнымъ. Населеніе этихъ мѣстностей не такъ густо какъ населеніе Тульской и Орловской губерній, хотя и въ этомъ отношеніи различіе не очень значительно. Но для желѣзной дороги важна не столько численность, сколько предпріимчивость и промышленный характеръ населенія, а въ этомъ отношеніи Калужская губернія стоитъ очень высоко. Ожививъ многочисленныя фабрики и заводы Калужской губерніи, эта линія прошла бы далѣе по губерніи Черниговской и захватила бы также чрезвычайно промышленную мѣстность, населенную такъ-называемыми Слобожанами. Здѣсь уже теперь, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, образовались важные фабричные центры, и фабричная дѣятельность начала уже повидимому переселяться туда изъ Богородскаго уѣзда Московской губерніи, гдѣ дороговизна топлива не мало стѣснятъ ее. Пройдетъ немного времени, и черниговскія фабрики разовьются еще болѣе. Надобно взять еще въ разчетъ громадное производство пеньки въ этомъ краѣ. Неужели не будетъ выгодно пересѣчь его желѣзною дорогой? Далѣе, на югъ отъ Кіева, дорога пройдетъ по Кіевской и Подольской губерніямъ, единственнымъ плодороднымъ губерніямъ Россіи, которыя не страдаютъ отъ засухъ. Эти губерніи, какъ извѣстно, производятъ пшеницу особенно цѣнимую въ западной Европѣ и безо всякаго сравненія предпочитаемую тѣмъ сортамъ, которые производятся въ Новороссійскомъ краѣ. Къ тому же на этомъ пространствѣ дорога пройдетъ по мѣстности отличающейся густотой населенія. Говорить ли еще о богомольцахъ, которыхъ лѣтомъ стекается въ Кіевъ по 30 тысячъ въ мѣсяцъ? Указаніе на кіевскихъ богомольцевъ вызываетъ веселое расположеніе духа въ нѣкоторой части петербургской журналистики. Хотя мы не надѣемся на снисхожденіе со стороны этихъ публицистовъ ни даже ради праздничныхъ дней, но тѣмъ не менѣе никакъ не можемъ не указать и на этотъ элементъ движенія, обѣщающій желѣзной дорогѣ по тысячѣ пассажировъ въ день въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году. Словомъ, экономическія выгоды калужско-кіево-балтской линіита къ очевидно выше выгодъ обѣщаемыхъ другими линіями, что, по нашему мнѣнію, только для нея государство можетъ принять на себя рискъ концессіи, по условіямъ своимъ подходящей къ государственному займу.

№ 75.

Москва, 8-го апрѣля.

Мы не имѣемъ ни духа, ни силы говорить о чемъ-нибудь передъ русскою публикою въ эти минуты, когда одно за другимъ доходятъ до насъ потрясающія извѣстія изъ Ниццы. Во всѣхъ храмахъ Москвы совершалось въ эти дни колѣнопреклоненное молебствіе о сохраненіи доро-

гой жизни Царственнаго юноши, на которомъ почіютъ надежды Россіи, и не найдется человѣка, въ комъ не отзывались бы скорбно эти моленія, кто не повторялъ бы ихъ съ глубокимъ движеніемъ сердца. Нельзя было бы хранить равнодушіе при подобныхъ извѣстіяхъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, кого бы они ни касались; но извѣстія изъ Ниццы — событія народныя, съ ними связана будущность великаго государства, и простое человѣческое сочувствіе пріобрѣтаетъ иную силу въ людяхъ способныхъ цѣнить то значеніе, которое имѣетъ для Россіи Августѣйшій больной, такъ внезапно, такъ неожиданно подвергающійся смертной опасности. Еще двухъ лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ объѣзжалъ свое отечество, свое будущее царство, привѣтствуемый на пути восторженнымъ народомъ, въ которомъ высоко поднималось тогда святое чувство патріотизма. Давно ли онъ оставилъ Россію, полный здоровья и цвѣтущихъ силъ, чтобы вскорѣ возвратиться въ нее съ новымъ счастіемъ, съ новыми надеждами? Давно ли съ его пути получались въ Россіи свѣтлыя вѣсти? Со второй половины прошлаго года какъ будто совершился переломъ. Сначала всѣ съ тревогою слѣдили за путешествіемъ Государыни Императрицы, которую состояніе здоровья заставило на долгое время искать убѣжища въ Ниццѣ; затѣмъ, вскорѣ, появились первыя тревожныя вѣсти о внезапной болѣзни Государя Наслѣдника, которая въ началѣ далеко не казалась столь важною, какъ обнаружили послѣдствія...

Съ каждымъ часомъ ожидаемъ мы новыхъ депешъ, и сію минуту получили послѣднюю, оставляющую такъ мало надежды... Завтра быть-можетъ соберутся вокругъ одра Августѣйшаго больнаго всѣ особенно дорогія ему лица, и да даруетъ Богъ, чтобъ извѣстія завтрашняго дня поддержали угасающую надежду!...

— —

№ 76.

Москва, 9-го апрѣля.

Мы только и знаемъ что поднимаемъ вопросы. Сколько вопросовъ поднималось у насъ, напримѣръ, по части просвѣщенія! И народныя школы, и университеты, и гимназіи, все, одно за другимъ, возводилось въ вопросъ, и подавало поводъ къ сочиненію самыхъ интересныхъ плановъ. Припомнимъ, напримѣръ, какіе вопросы висѣли надъ устройствомъ нашихъ университетовъ, и какими неслыханными чудесами обѣщали они одарить наше отечество. Распахнуть двери университетовъ настежь (двери настежь, это было назадъ тому два-три года особенно любимое выраженіе), пригласить въ студентскую аудиторію прекрасный полъ, и чуть ли не открыть въ ней танцъ-классъ! Поднимавшіеся такимъ образомъ, въ видахъ прогресса, вопросы клонились, какъ мы видимъ, не только къ уничтоженію существующаго, но и къ извращенію его сущности, къ поруганію бренныхъ останковъ умерщвленнаго учрежденія. Еслибъ осуіествились всѣ проекты, которые въ такомъ изобиліи порождались нашимъ прогрессомъ, то у насъ сразу вмѣсто учебныхъ заведеній появилось бы множество разнаго рода увеселительныхъ заведеній, которыя въ скоромъ времени освободили бы Россію отъ предразсудка, называемаго просвѣщеніемъ и наукой. Когда шла рѣчь объ университетахъ, наши педагоги-преобразователи предлагали изъ высшихъ учебныхъ заведеній, какими они должны быть, образовать заведенія ученыя, только съ веселымъ характеромъ. Точно также прогрессъ нашъ порывался сообщить гимназіямъ, гдѣ учатся мальчики отъ десяти до шестнадцати лѣтъ, характеръ университетовъ, гдѣ учитель разыгрывалъ бы роль профессора и читалъ бы краснорѣчивыя лекціи, предоставляя своимъ слушателямъ полную свободу не слушать ихъ. Точно также, народныя школы, гдѣ въ другихъ, отсталыхъ странахъ учатъ обыкновенно грамотѣ и самымъ элементарнымъ вещамъ, нашъ прогрессъ готовъ былъ превратить въ особаго рода увеселительныя гимназіи, гдѣ можно было бы легчайшимъ образомъ и въ наикратчайшее время обучаться искусству ничего незнанія, ничего неразумѣнія и всего отрицанія, называемому въ просторѣчіи нигилизмомъ. Университетъ превращенный въ увеселительную академію, гимназія превращенная въ увеселительный университетъ, народная школа превращенная въ увеселительную гимназію, — сколько веселья! Вѣрнѣе и лучше нельзя уничтожить всю систему народнаго просвѣщенія, какъ посредствомъ такого извращенія. Теперь очередь дошла до Академіи Наукъ, которую,

съ точки зрѣнія нашего прогресса, требуется превратить въ учено-литературный клубъ.

Мы то и дѣло слышимъ и читаемъ у насъ, что наука должна существовать не для науки, а для жизни; точно такъ же какъ искусство должно существовать не для искусства, а тоже для жизни, государство не для государства, а равномѣрно для жизни, или для общества, и т. д. Всѣ такія сентенціи дозволительны, разумѣется, только при условіи чтобъ онѣ сопровождались смысломъ, а не были болтовней попугая. Дѣйствительно, все въ мірѣ существуетъ одно для другаго, все оказываетъ одно на другое вліяніе, все одно другому способствуетъ: но прежде всего требуется, чтобы то что хочетъ дѣйствовать на другое и чему-либо способствовать было самимъ собою и имѣло свою силу. Государство можетъ служить къ обезпеченію всѣхъ сферъ человѣческой жизни только при условіи, что его собственное существованіе не подвергается опасности, и что его устройство соотвѣтствуетъ своему назначенію. Точно также, наука можетъ приносить всяческую пользу не иначе какъ при условіи своей состоятельности и зрѣлости. Можно ли опереться на то что само валится? Можно ли выдать что-нибудь изъ пустой мошны? Можетъ ли дѣйствовать наука, когда науки нѣтъ, когда ея мѣсто пусто или хуже чѣмъ пусто? Наука можетъ дѣйствовать могущественно, поднимать и оплодотворять все окружающее ее не иначе какъ будучи самостоятельною силой, или, лучше сказать, системой силъ, особымъ міромъ, имѣющимъ свои внутреннія цѣли, требующія исключительно имъ посвященнаго служенія. Она можетъ оказывать свое дѣйствіе на окружающую среду лишь по скольку общественная среда цѣнитъ ее, и даетъ ей въ себѣ мѣсто, по скольку уважаются чистыя цѣли знанія, по скольку имѣется вкусъ и любовь къ нему, по скольку люди чувствуютъ интересъ и побужденіе посвящать жизнь свою дѣлу науки. Скудныя и малыя силы, полагаемыя на дѣло науки, не удовлетворяя ея цѣлямъ, не принесутъ никакой пользы и для всего прочаго. Поверхностное занятіе наукой, въ виду постороннихъ цѣлей, одинаково останется безплоднымъ и для знанія, и для жизни. Занятіе не самостоятельное, ограничивающееся результатами только чужаго труда, будетъ сопровождаться соотвѣтственными послѣдствіями и для окружающей среды. Для того чтобы наука могла приносить полезные плоды обществу, она должна жить въ немъ самостоятельною жизнію. Университетъ держится хорошими гимназіями, гимназіи держатся хорошимъ университетомъ, а все вмѣстѣ держится самостоятельною жизнію науки въ нѣдрахъ даннаго общества. Для того чтобы наука могла способствовать умственному развитію общества и оплодотворять разныя сферы жизни, необходимо чтобъ она сама была однимъ изъ существеннѣйшихъ жизненныхъ интересовъ, одною изъ наиболѣе цѣнимыхъ общественныхъ силъ.

Академія Наукъ, основанная Петромъ Великимъ, была не роскошью, а необходимостью. Не случайность, не капризъ выразились въ томъ, что Академія явилась у насъ прежде университетовъ и гимназій. Для того чтобы возможно было устроить у насъ систему учебныхъ заведеній отъ низшихъ до высшихъ степеней, необходимо было прежде всего ввести къ намъ науку. И Петръ Великій сдѣлалъ это учрежденіемъ Академіи. Онъ пригласилъ въ свою столицу европейскихъ ученыхъ, съ тѣмъ чтобъ они могли въ самой Россіи, какъ выразительно сказано въ Петровскомъ уставѣ, „производить и совершать науки". Вотъ простая, но полная и ясная формула того назначенія, которое принадлежитъ заведенію, подобному основанной Петромъ Академіи. Являя собою высшій уровень современныхъ знаній, она опредѣляла мѣру ихъ требованій и служила регуляторомъ начинавшагося у насъ умственнаго образованія. Изъ русскихъ людей того времени академія составиться не могла. Нужны были геніяльныя способности Ломоносова для того чтобы люди изъ среды тогдашняго русскаго общества могли соотвѣтствовать требованіямъ дѣла. Геніяльныя способности могутъ совершить многое; но и онѣ не могутъ сдѣлать не бывшее бывшимъ, или бывшее не бывшимъ; онѣ не могутъ замѣнить цѣлый рядъ лѣтъ, начиная отъ нѣжнаго дѣтскаго возраста до зрѣлаго юношества, проведенныхъ въ постепенныхъ, методическихъ занятіяхъ, сообщающихъ уму тѣ свойства, какія требуются наукой. Съ Академіи началось у насъ дѣло науки, и изъ Академіи главнымъ образомъ вышли тѣ, которые потомъ стали руководителями этого дѣла. Что

было бы еслибы къ намъ изъ-за границы приходили только капралы, и еслибы та рука, которая муштровала русскій народъ иностранными выходцами, не привела къ намъ также и горсти ученыхъ, которые поселились посреди общества, никогда не слыхавшаго о наукѣ и находившагося тогда въ страшной передѣлкѣ? Это общество ученыхъ, взятыхъ изъ первыхъ рядовъ тогдашней науки, не могло бы оставаться безъ всякаго вліянія на окружающую среду даже въ томъ случаѣ, еслибъ оно сверхъ своего чисто ученаго назначенія, не имѣло еще назначенія послужить и первою русскою гимназіей, и первымъ русскимъ университетомъ. Какъ бы ни было медленно и незамѣтно дѣйствіе, которое это ученое общество производило однимъ своимъ существованіемъ, отрицать его нельзя было бы и въ томъ случаѣ, еслибы мы не могли сослѣдить его результаты и указать на людей, которыхъ оно вызывало изъ русской среды, которые примыкали къ нему, входили въ его составъ и становились такимъ образомъ живыми звеньями соединявшими маленькую колонію иностранныхъ ученыхъ съ народомъ, среди котораго она водворилась. Еслибъ Академія принесла въ десять разъ менѣе очевидной пользы, чѣмъ сколько она принесла въ дѣйствительности, то и тогда нельзя было бы не радоваться мысли, побудившей Петра призвать въ Россію людей науки. Но всякому сколько-нибудь знакомому съ исторіей наукъ вообще и съ исторіей просвѣщенія въ Россіи, не могутъ быть извѣстны великія заслуги оказанныя нашею академіей и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Цѣлый рядъ блистательныхъ именъ по части всѣхъ знаній, цѣлый рядъ трудовъ, столь высоко цѣнимыхъ въ ученомъ мірѣ, содѣйствовавшихъ расширенію и обогащенію почти всѣхъ спеціяльностей знанія; цѣлый рядъ столь значительныхъ, столь плодотворныхъ трудовъ посвященныхъ изученію Россіи, ея прошедшаго и настоящаго, ея природѣ, ея исторіи, ея статистикѣ, ея этнографіи, ея лингвистикѣ, трудовъ раскрывшихъ впервые наше отечество для науки, покорившихъ ей безмѣрныя области и освѣтившихъ темныя дотолѣ пространства; цѣлый рядъ дѣятелей науки, вызванныхъ изъ самой среды русскаго народа, цѣлый рядъ русскихъ людей, получившихъ образованіе непосредственно подъ сѣнію Академіи; начатки организаціи педагогическаго, литературнаго, даже журнальнаго дѣла въ Россіи: вотъ очевидныя, хотя еще не вполнѣ одѣненныя у насъ права Академіи и на всеобщее уваженіе, и на признательность каждаго образованнаго Русскаго. И это-то учрежденіе хотятъ теперь забросать грязью; и эту-то академію, Академію Эйлеровъ и Палласовъ, обогатившую своими трудами всѣ сферы знанія, эту Академію, которая научила насъ читать собственныя наши лѣтописи, которая описала и измѣрила наше отечество, — эту Академію, которая была нашимъ первымъ университетомъ и нашею первою гимназій, которая, благодаря великимъ, украшавшимъ ее математикамъ, положила у насъ столь прочныя основы этой области вѣдѣнія, что въ настоящее время мы можемъ указать по этой части русскихъ ученыхъ, имѣющихъ европейское значеніе, эту-то Академію хотятъ выставить не только лишнимъ, но даже вреднымъ существованіемъ въ Россіи, чужеяднымъ тѣломъ подлежащимъ операціи. Вотъ одна изъ нашихъ газетъ, извѣстная ревнительница русскаго просвѣщенія, газета *Голосъ*; вотъ что читаемъ мы между прочимъ въ этой газетѣ (№ 86):

„Нельзя не видѣть разницы между Россіей даннаго времени и Россіей начала XVII вѣка. Какъ она ни далека еще отъ передовыхъ государствъ Европы, но за это время успѣла достигнуть многаго. Что же изъ этого многаго достигнуто собственно усиліями нашей Академіи Наукъ?.. Академикъ Якоби прославилъ русскую Академію изобрѣтеніемъ гальванопластики; Эпинусъ изобрѣлъ телескопическій микроскопъ и открылъ электрическую силу турмалина; Лозищъ, сынъ Ловица, повѣшеннаго Пугачевымъ, открылъ противогнилостное свойство углей, которое, впрочемъ, испоконвѣку было извѣстно русскому мужику; Георги — первый изобрѣтатель опытовъ самовоспламененія; Гессъ открылъ нѣсколько минераловъ; Гмелинъ младшій нашелъ множество осетровъ въ рѣкѣ Курѣ, которыхъ, впрочемъ, задолго до него ловили русскіе промышленники; Палласъ обратилъ вниманіе Русскихъ на возможность разведенія пчеловодства по ту сторону Урала, что сами русскіе люди могли сдѣлать при заселеніи того края...“

Сколько наивнаго невѣдѣнія высказалось въ этихъ строкахъ! Сколько неуваженія къ той публикѣ, для которой онѣ писаны!

„Гмелинъ открылъ осетровъ въ Курѣ, ко„торыхъ впрочемъ задолго до него ловили „русскіе промышленники.“ „Палласъ об„ратилъ вниманіе на возможность разведе„нія пчеловодства по ту сторону Уала.“ Вотъ вамъ вкратцѣ, вмѣстѣ съ турмалиномъ и противогнилостными свойствами углей, вся исторія нашей Академіи, все ея значеніе и для науки, и для Россіи. Палласъ открылъ возможность пчеловодства по ту сторону Урала,—вотъ вамъ и весь Палласъ!

Но полно наивность ли это, обычное ли въ нашей журналистикѣ неуваженіе въ нашей публикѣ, которая дѣйствительно отличается чрезмѣрною терпимостью и допускаетъ говорить ей то чего нигдѣ нельзя было бы сказать публично? Нѣтъ, еслибъ интересъ статейки, откуда мы выписали вышеприведенныя строки, ограничивался только невѣжествомъ и кавалерскимъ обращеніемъ съ публикой, то на нее не стоило бы обращать вниманіе. Эта статейка замѣчательна по задней мысли, которая сквозитъ въ ней, она интересна какъ новый эпизодъ той кампаніи, которая предпринята изъ нѣкоторыхъ сферъ противъ здравой науки и просвѣщенія въ Россіи. Тѣ самые прогрессисты, которые желали бы превратить наши гимназіи въ увеселительные университеты, принялись теперь агитировать противъ Академіи Наукъ. Но, вотъ что особенно замѣчательно и что можетъ всего лучше разъяснить смыслъ этой агитаціи: та газета, которая презрительно трактовала русскій патріотизмъ и глумилась надъ заявленіями національнаго чувства, газета, которая находится въ тѣсной солидарности съ публицистами, подобными столь прославившемуся на Руси Шедо-Ферроти,—которая объясняла, что русскій народъ въ русскомъ государствѣ долженъ считать себя не болѣе какъ глиной, и существовать для того чтобы на окраинахъ его государства, изъ его же собственныхъ соковъ, средствами его правительства, развивались чуждыя и враждебныя ему національности,— эта газета вдругъ является теперь, по вопросу объ Академіи Наукъ, исполненною пламенной страсти ко всему русскому, злобствующею на нѣмецкихъ ученыхъ, кушающихъ русскій хлѣбъ, негодующею на непремѣннаго секретаря Академіи за то, что онъ въ историческомъ обозрѣніи трудовъ Академіи Наукъ, въ числѣ русскихъ по происхожденію ученыхъ, не показалъ Востокова, забывъ что онъ принадлежалъ ко II-му отдѣленію Академіи, о которомъ не было рѣчи въ этомъ обозрѣніи. „Ультра-русская„ петербургская газета говоритъ слѣдующее:

„Если вглядѣться во внутренній смыслъ нашей Академіи, то положительно можно убѣдиться, что изолированное положеніе ея происходило отъ преобладанія въ ней иностраннаго элемента. Въ самой рѣчи г. Веселовскаго такъ и бросаются въ глаза нѣмецкія фамиліи... Только при нѣмецкихъ фамиліяхъ мы встрѣчаемъ указанія на ту или на другую ученую дѣятельность, между тѣмъ какъ русскія имена большею частію обходятся молчаніемъ... *Русская* (курсивъ въ подлинникѣ для означенія ироніи) Академія изъ самаго свѣжаго прошлаго забыла очень почтенное имя, которое пользовалось заслуженною славой между учеными первой величины... Академія забыла недавно умершаго своего сочлена А. Х. Востокова, при упоминаніи котораго западные лингвисты не считали преувеличеніемъ прибавлять очень лестные эпитеты, говоря объ этомъ русскомъ филологѣ то celeberrimus, то illustrissimus Vostokovius. Открытіе ринезмовъ въ церковно-славянскомъ языкѣ и постройка на этомъ открытіи цѣлой филологической системы — все это забыто, хотя не забыты труды Шифнера по изученію тушскихъ, аварскихъ, чеченскихъ и удскихъ языковъ Шмидта, и проч.“

Какая ученость,—даже ринезмы не забыты,—и вмѣстѣ какая нѣжная щекотливость русскаго народнаго чувства! Съ какимъ презрѣніемъ отзывается этотъ органъ, столь радѣющій національному единству Россіи, объ инородческихъ элементахъ входящимъ въ ея составъ! Какъ трогательно это заступничество за Востокова! Какая иронія слышится въ укорѣ адресованномъ къ *русской* Академіи, которая не сочла нужнымъ упомянуть въ числѣ своихъ членовъ о знаменитомъ ученомъ, потому что онъ былъ русскаго происхожденія! Сколько страсти къ русскому! А между тѣмъ А. Х. Востоковъ, дѣйствительно оказавшій незабвенныя услуги по ученой разработкѣ церковно-славянскаго и русскаго языка, не менѣе чѣмъ Шлецеръ по ученой разработкѣ первоначальныхъ источниковъ русской исторіи, былъ столь же мало Русскій по племенному происхожденію, какъ и Шлецеръ, или какъ Струве или Шегренъ.

Первоначальное фамильное имя его было Остенекъ (въ русскомъ преложеніи Востоковъ); онъ былъ уроженецъ острова Эзеля и оставался до конца лютераниномъ. Примѣръ знаменательный; скажемъ: примѣръ поучительный. Вотъ человѣкъ инородческаго происхожденія, искренно усвоившій себя русскому народу, оказавшій дѣйствительныя услуги русскому просвѣщенію и русскому языку, хотя и оставшійся при своей религіи, и не утратившій прочихъ особенностей своего племеннаго происхожденія, но ставшій Русскимъ вмѣстѣ съ этими природными особенностями своими и употребившій ихъ, какъ мы знаемъ, не во вредъ русской народности. Только такими усвоеніями обогащается жизнь историческихъ народовъ. Но нравится ли это брюссельскимъ публицистамъ и вдохновителямъ газеты *Голосъ*, съ ихъ ученіями о политическомъ отчужденіи инородческихъ элементовъ отъ Русскаго народа и о раздробленіи его самого на враждебныя одна другой, искуственно созданныя національности?

Противники Академіи Наукъ и противники университетской системы образованія, ревнители русскаго элемента тамъ гдѣ надо подорвать науку, лучшее благо цивилизаціи и вѣрнѣйшее утвержденіе народности, и ревнители всѣхъ инородческихъ привилегій, тамъ гдѣ они развиваются въ подрывъ Россіи: все это, какъ мы видимъ, одно съ другимъ связано, одно изъ другаго вытекаетъ, и все это свидѣтельствуетъ о похвальной логической послѣдовательности этихъ господъ. Не такъ давно, въ той же газетѣ, иронически высказывалось, что желѣзная дорога изъ Москвы на Кіевъ къ западной границѣ есть дѣло весьма опасное; въ утѣшеніе такъ-называемыхъ славянофиловъ, заявившихъ было себя въ пользу кіевской дороги, *Голосъ* доказывалъ, что тѣснѣйшее сообщеніе съ западною окрайной подавитъ русскую народность элементами высшаго свойства, точно въ такой же пропорціи какъ желѣзная дорога изъ Москвы въ Коканъ нарушила бы единство и цѣльность духа коканской народности. Эти доводы употреблялись и употребляются, быть можетъ, не безъ успѣха ревнителями интересовъ русской народности какъ въ вопросахъ о путяхъ сообщенія, такъ и во многихъ другихъ вопросахъ. Начало собственности, это основное начало политическаго общежитія и цивилизаціи, допускается и чествуется на всякой другой почвѣ, лишь бы только не на русской: здѣсь оно слыветъ подъ именемъ крѣпостничества. Правильныя юридическія отношенія, твердая законность, все что составляетъ силу и достоинство политическихъ обществъ, — все это пусть будетъ привилегіей Нѣмцевъ, а въ русскомъ народѣ мы предадимъ либеральному отрицанію и прогрессивному нигилизму не только собственность, законность и правомѣрность общественныхъ отношеній, не только всѣ условія цивилизаціи, не только всѣ элементы политическаго общежитія, но и дважды-два-четыре. На польской почвѣ наши либералы и нигилисты, безсознательно движимые незамѣтными для нихъ пружинами, готовы въ банды пойдти, чтобы защищать какъ святыню самыя несправедливыя и зловредныя притязанія касты, а въ средѣ русскаго народа они съ остервененіемъ, и не безъ успѣха, будутъ настаивать на томъ, чтобы все выработанное исторіей, все выходящее изъ массы, все сколько-нибудь независимое и самостоятельное, — обезсиливать, уничтожать, топить въ массѣ.

Газета *Голосъ* желаетъ, чтобы наша Академія Наукъ наполнилась учеными изъ природныхъ Русскихъ. Похвальное желаніе! Но не есть ли это желаніе выпроводить изъ Россіи серіозную науку, и въ креслахъ Эйлеровъ, Келеровъ, Струве, Бетлинговъ, водворить ученыхъ педагоговъ *Голоса* и сотрудниковъ нашихъ ученo-литературныхъ журналовъ? Русскій народъ не виноватъ, что изъ его среды является мало серіозныхъ дѣятелей науки, и что основать академію на тѣхъ элементахъ, которые вырабатываются въ нашихъ школахъ, значило бы страшно уронить науку. Противники европейскихъ основъ нашей педагогической системы, наши прогрессисты всякаго рода, старающіеся подорвать все что могло бы дать силу и высоту умственному развитію въ средѣ нашего народа, оберегатели чистоты русской народности отъ тлетворнаго дѣйствія цивилизаціи и науки, оберегатели, принявшіе нынѣ новый костюмъ и изъ строгихъ консерваторовъ ставшіе на видъ развязными либералами разныхъ оттѣнковъ, — вотъ гдѣ причина почему до сихъ поръ ученая академія не можетъ составиться у насъ изъ чисто-русскихъ элементовъ. Мы можемъ указать на нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ, болѣе или менѣе добросовѣст-

ныхъ ученыхъ въ ряду нашихъ дѣятелей ex officio по части науки; но они являются случайными исключеніями. Гдѣ русская наука? Гдѣ русская ученая литература? Гдѣ русскіе ученые, не какъ случайныя исключенія, примыкающія сами къ иностраннымъ центрамъ, а какъ уважительная сила, которая имѣла бы центръ свой у себя дома? Еслибы такая сила была у насъ, то развѣ могли бы совершаться въ нашей литературѣ всѣ эти оргіи, которыя покрываютъ русское слово безславіемъ и позоромъ?

Если просвѣщеніе наше скудно, то виною тому никакъ не Академія. Если Академія наша въ послѣднее время остается слишкомъ въ сторонѣ, то мы сами ослабили наши связи съ нею, сами постарались сдѣлать ее безплодною для нашего просвѣщенія, сами удалились отъ нея, и эманципировали себя отъ нея какъ школьники, слишкомъ рано выскочившіе изъ школы. Мы сами, отказавшись отъ руководительства серіозной и здравой науки, предались всевозможнымъ шарлатанствамъ. Не Академія, а мы строили наши школы; не Академія, а наши доморощенныя ученыя коммиссіи составляли для Россіи планы гимназій съ такими науками, о какихъ и академики не слыхивали. Не Академія вселяла намъ боязнь науки и просвѣщенія; не она воодушевляетъ насъ теперь нигилизмомъ...

Вотъ куріозъ, отлично характеризующій импровизованныхъ ревнителей русской народности. Газета *Голосъ* беретъ подъ свою охрану и православіе. Она глумится надъ Академіей Наукъ, полагая что въ своемъ Мѣсяцесловѣ Академія укоротила Великій Постъ на цѣлую недѣлю. *Голосъ* говоритъ:

„Единственное изданіе Академіи, которое предназначается ею исключительно *на пользу* Россіи, есть академическій календарь или „Мѣсяцесловъ“, которымъ, впрочемъ, на 141 году своего существованія, Академія оказала русскому народу ту услугу, что сбавила ему недѣльку поста.“

Представьте себѣ: русская газета, ратующая противъ иностраннаго элемента Академіи Наукъ, не знаетъ, что на нашемъ церковномъ языкѣ „недѣля“ значитъ „воскресенье“ и что въ Великомъ Посту дѣйствительно считается всего шесть недѣль, въ смыслѣ воскресныхъ дней!

Кромѣ невѣжества и недобросовѣстныхъ побужденій, есть, конечно, нѣкоторыя основанія совершенно иного свойства къ неудовольствіямъ противъ Академіи,— основанія болѣе или менѣе уважительныя, хотя большею частію состоящія въ недоразумѣніяхъ. Недоразумѣній у насъ не оберешься повсюду. Недоразумѣнія есть и между нашею Академіей Наукъ и русскимъ обществомъ. Подобныя недоразумѣнія – пожива для интриги. Благодаря имъ, она успѣваетъ въ своихъ замыслахъ, и ей удается ставить честныхъ дѣятелей одного и того же дѣла въ антагонизмъ прискорбный и пагубный...

Національная рознь не имѣетъ смысла по отношенію къ наукѣ. Подчиняя интересы науки національному самолюбію, внося въ ея область раздраженіе національнаго чувства, мы столько же вредимъ ей, сколько и интересамъ народности. Народность не теряетъ, а выигрываетъ, когда она въ вопросахъ знанія, возвышается надъ своимъ самолюбіемъ: она доказываетъ тѣмъ свою способность понимать и цѣнить интересы знанія во всей чистотѣ ихъ,—а эта способность залогъ всего лучшаго. Національное чувство есть дѣло и справедливое, и законное, и честное, и обязательное— на политической почвѣ; тутъ умѣстенъ и антагонизмъ національный. Благопріятели русскаго народа, которыхъ онъ имѣетъ такъ много внутри и заграницей, были бы конечно очень рады еслибы русское національное чувство улетучилось въ какую-нибудь метафизику, или въ сумасбродномъ и самоистребительномъ неистовствѣ металось по сторонамъ.

№ 77.

Москва, 10-го апрѣля.

На этой недѣлѣ, въ прибавленіи къ № 83 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, появилась статейка г. Н. Литке „Православныя церкви въ Лифляндіи,“ возраженіе на передовую статью № 38 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ которой православные люди призывались къ пожертвованіямъ въ пользу этихъ церквей, по случаю прибытія въ Москву діакона Рижской епархіи къ книгой для сбора на церковное строеніе. Статейка г. Н. Литке сопровождается письмомъ къ издателю *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, и въ этомъ письмѣ объясняется, что вышеозначенная статейка перво-

начально была отправлена авторомъ въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*, которая не напечатала ея и не потрудилась увѣдомить автора объ участи его произведенія. Тонъ этой обличительной замѣтки укорителенъ и гнѣвенъ. „Надѣясь на справедливость и безпристрастіе этой редакціи, я вполнѣ былъ убѣжденъ въ скоромъ времени увидѣть мою замѣтку въ печати. Однако, я ошибся: *Московскія Вѣдомости* не только не напечатали этой замѣтки, но даже не сочли нужнымъ снизойдти къ моей просьбѣ и увѣдомить меня объ участи ея."

Г. Н. Литке, печатая теперь въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* эту самую замѣтку, не попавшую въ *Московскія Вѣдомости*, имѣлъ въ виду, какъ онъ выражается, „выставить предъ лицемъ читающей публики примѣрное безпристрастіе *Московскихъ Вѣдомостей*."

Прежде всего заявимъ фактъ. Дѣйствительно г. Н. Литке присылалъ намъ эту замѣтку; правда и то что мы не сочли ея заслуживающею печати. Но невѣрно то, что мы будто бы не хотѣли снизойдти къ просьбѣ автора увѣдомить его объ участи его замѣтки. Не знаемъ, сочли ли бы мы нужнымъ пускаться въ объясненія съ авторомъ замѣтки, въ случаѣ если бы онъ сталъ насъ разспрашивать о ней; но фактъ тотъ, что мы никакихъ вопросовъ отъ него по этому предмету не получали.

Г. Н. Литке полагаетъ, что мы были обязаны, по долгу справедливости и безпристрастія, напечатать его замѣтку. Но о какомъ безпристрастіи можетъ идти рѣчь въ настоящемъ случаѣ? Мы не были въ положеніи третейскаго судьи между г. Н. Литке и какою-либо другою партіей. О самомъ г. Н. Литке мы никогда ничего не писали. Ничего не было въ нашей статьѣ, что призывало бы его къ объясненію или защитѣ. Рѣчь шла о церковныхъ нуждахъ между православными населеніями въ Лифляндской губерніи. Г. Н. Литке нашелъ кое-что замѣтить по поводу нашей статьи, а мы не напечатали его замѣчаній. Спрашивается, въ чемъ же тутъ можетъ быть пристрастіе или безпристрастіе? Если въ нашей статьѣ что-либо невѣрно передано о церковныхъ нуждахъ Латышей и Эстовъ православнаго вѣроисповѣданія, то было бы не справедливо не выслушивать ихъ объясненій, замѣчаній и возраженій. Не за нихъ ли взялся говорить г. Н. Литке? Нѣтъ, кажется, не за нихъ. Онъ утверждаетъ, что православные Латыши и Эсты Рижской епархіи совершенно удовлетворены въ своихъ церковныхъ нуждахъ, и что храмовъ у нихъ избытокъ. Пусть такъ. Православнымъ Латышамъ и Эстамъ нѣтъ причины взывать къ нашему безпристрастію, еслибы мы и оказались слишкомъ пристрастны къ нимъ, еслибы мы и преувеличили ихъ нужды.

Мы желали бы знать чьимъ защитникомъ является г. Н. Литке и отъ чьего имени требуетъ онъ отъ насъ справедливости и упрекаетъ насъ въ недостаткѣ безпристрастія потому только, что мы не оцѣнили должнымъ образомъ его статейки, и не предали ея тисненію. Не отъ имени ли лифляндскаго дворянства взялся говорить г. Н. Литке? Но въ статьѣ нашей, о которой идетъ рѣчь, нѣтъ ничего прямо относящагося до интересовъ лифляндскаго дворянства, и съ этой стороны никакого повода намъ показать наше безпристрастіе не представлялось. Не правительство ли избрало г. Н. Литке своимъ органомъ для того, чтобы разъяснить дѣло, якобы невѣрно нами представленное? Мы рѣшительно не думаемъ, чтобы какая-нибудь изъ заинтересованныхъ въ дѣлахъ рижской епархіи сторонъ имѣла своимъ адвокатомъ г. Н. Литке, и чтобы мы, отказывая себѣ въ удовольствіи печатать его замѣтку, могли чрезъ то къ кому-либо быть пристрастными. Можетъ-быть, мы подлежимъ строгому суду за то, что неспособны оцѣнить достоинство этой замѣтки: мы понимаемъ авторскую точку зрѣнія и готовы не пенять автору замѣтки, если онъ полагаетъ, что мы ошиблись, сочтя ее не заслуживающею печати. Но гдѣ же тутъ пристрастіе или безпристрастіе?

Нѣтъ, мы не ошиблись, замѣтка г. Н. Литке дѣйствительно не заслуживала печати, и она по всей справедливости была оставлена нами безъ вниманія. Эта замѣтка находится въ такомъ явномъ противорѣчіи съ предметомъ, котораго она касается, недоразумѣніе, на которомъ она основана, такъ очевидно, что можно было только удивляться какъ она могла быть написана. Такъ какъ рѣчь идетъ о безпристрастіи, то мы обращаемся къ безпристрастному сужденію самаго автора замѣтки. Пусть рѣшитъ онъ: какой смыслъ могутъ имѣть высказанные имъ въ этой замѣткѣ упреки, обращенные къ намъ за

то, что мы призывали вниманіе нашей публики на жалкое положеніе православныхъ церквей въ Рижской епархіи. Въ своей замѣткѣ онъ восклицаетъ: „Мнѣ позволи„тельно удивиться какимъ образомъ такая „статья, отъ глубины души возмущающая „чувство справедливости всякаго благомы„слящаго человѣка и вызывающая негово„даніе въ душѣ каждаго христіанина, „могла быть напечатана въ *Московскихъ* „*Вѣдомостяхъ* и какъ могла редакція на„печатать ее, не ознакомившись предвари„тельно съ дѣйствительнымъ положеніемъ „дѣлъ. Я бы и не рѣшился написать этихъ „строкъ, еслибы долгъ справедливости, „столь живо ощущаемый самими многоува„жаемыми редакторами *Московскихъ Вѣ*„*домостей*, не требовалъ нѣкоторыхъ поясненій въ упомянутой мною статьѣ.“

Вотъ съ какими рѣзкими выраженіями обращался къ намъ авторъ замѣтки. Вотъ какими проклятіями осыпалъ г. Н. Литке нашу статейку, взывавшую къ добрымъ людямъ о подаяніи на вопіющія потребности бѣдныхъ и единовѣрныхъ намъ народонаселеній Лифляндской губерніи. Увѣряемъ, впрочемъ, г. Н. Литке, что не эти порицанія, съ какими онъ просилъ гостепріимства въ нашей газетѣ, были причиной того, что замѣтка его не была напечатана. Нѣтъ, мы не хотѣли печатать ее единственно только потому, что мы имѣли удовольствіе находиться прежде съ нимъ въ литературныхъ сношеніяхъ. Несправедливость обвиненія, которому подвергалась наша статья, такъ очевидна, что читатели едва ли могли бы приписать его какому-либо случайному недоразумѣнію; они имѣли бы полное право приписать автору побужденіе, которое непріятно приписывать кому бы то ни было. Наша статья, въ своихъ показаніяхъ о положеніи православныхъ церквей въ Рижской епархіи, основывалась на положительномъ документѣ, который былъ напечатанъ на одномъ листкѣ съ ней. Наши показанія о положеніи православныхъ церквей въ Рижской епархіи, навлекшія на насъ столь яростное нападеніе, были лишь повтореніемъ того, что высказывалось объ этомъ предметѣ въ воззваніи архіепископа рижскаго, которому безъ сомнѣнія ближе, чѣмъ кому-либо другому, могутъ быть вѣдомы церковныя потребности его паствы. Онъ неоднократно объѣзжалъ свою епархію; его консисторіи въ точности извѣстны каждое богослужебное мѣсто и каждый священникъ въ ней. Ни отъ кого другаго нельзя было бы получить точнѣйшихъ и ближайшихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Неужели г. Н. Литке можетъ серіозно думать, что глава епархіи обращался безъ всякой надобности съ своимъ воззваніемъ къ православнымъ Россіи, что онъ не знаетъ, что говоритъ, или говоритъ не такъ какъ есть? Церковныя потребности православныхъ Эстовъ и Латышей Лифляндской губерніи — не выдумка наша, не догадка, или опрометчивое заключеніе сдѣланное на основаніи какихъ-нибудь смутныхъ слуховъ и вольныхъ разсказовъ. Эти потребности сами вопіяли устами архипастыря. Статья наша, основанная на столь положительныхъ, несомнѣнныхъ, тутъ же находившихся данныхъ, была только отзывомъ на призывъ. Г. Н. Литке не могъ не знать этого. Статья наша слѣдовала за воззваніемъ преосвященнаго Платона и ссылалась на это воззваніе. Спрашивается: какой же смыслъ можетъ имѣть это ожесточенное нападеніе на насъ, это голословное уличеніе насъ въ неправдѣ?

Вотъ собственныя слова архіепископа рижскаго изъ его воззванія: „Эта епархія „имѣетъ нужду во всемъ,—и въ св. ико„нахъ, и въ богослужебныхъ книгахъ, и „въ священныхъ облаченіяхъ, и въ прочей „церковной утвари; преимущественно же „нуждается она въ храмахъ Божіихъ; ибо „въ большей части ея приходовъ нѣтъ на„стоящихъ церквей, и богослуженіе по „необходимости совершается въ частныхъ „зданіяхъ, вовсе неприличныхъ для свя„щеннодѣйствій, напримѣръ въ домахъ во„еннаго постоя, въ рабочихъ избахъ и са„раяхъ.“

Ничего болѣе не было сказано и нами по этому предмету. Г. Н. Литке обвиняетъ насъ въ ложныхъ показаніяхъ. Пусть оцѣнитъ онъ значеніе своей выходки и самъ назоветъ ее приличнымъ словомъ, но пусть же эти господа не сѣтуютъ на тѣхъ, кто недовѣрчиво слѣдитъ за ходомъ дѣлъ въ Лифляндской губерніи. Дѣло, которое прибѣгаетъ къ подобнымъ способамъ защиты (а выходка г. Н. Литке не есть отдѣльное и случайное явленіе; остзейская печать съ достодолжною *Biederkeit* только и знаетъ подобные способы защиты), болѣе проигрываетъ чѣмъ выигрываетъ.

Что г. Н. Литке изложилъ въ своей замѣткѣ, то самое уже было высказано и въ

такомъ же духѣ въ *Рижской Газетѣ*. Мы указывали на добросовѣстность этой полемики и объяснились на счетъ тѣхъ пунктовъ, которыхъ касается г. Н. Литке въ своей замѣткѣ. Мы отсылаемъ его къ той статьѣ нашей, которая была вызвана точно такого же свойства какъ его замѣтка недоразумѣніями *Рижской Газеты*. Точно такъ же какъ и *Рижская Газета*, г. Н. Литке беретъ наше правительство подъ свою защиту противъ насъ. Но и это не новость. Уже давно было провозглашено, что мы мятежники.

Положеніе православныхъ населеній латышскихъ и эстскихъ въ Лифляндской губерніи не можетъ не интересовать насъ. Г. Н. Литке замѣчаетъ, что мы знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Остзейскихъ губерніяхъ и слѣдовательно знаемъ „дѣйствительную“ причину неудовольствія православнаго сельскаго населенія Лифляндіи. Мы понимаемъ на что онъ намекаетъ, но можетъ ли быть намъ неизвѣстно, что разумѣемая имъ агитація есть нѣчто совершенно искусственное, разчитанное только на то, чтобы сбить насъ съ толку? Мы не хотимъ говорить теперь объ этомъ, а лучше укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ на „дѣйствительныя“ потребности православнаго населенія Лифляндской губерніи.

Вотъ свѣдѣнія о состояніи православныхъ церквей въ Прибалтійскомъ краѣ за самое послѣднее время, — свѣдѣнія, которыхъ достовѣрность несомнѣнна. Въ большей части приходовъ нѣтъ настоящихъ церквей и богослуженіе по необходимости совершается въ частныхъ зданіяхъ, именно: въ домахъ военнаго постоя, сараяхъ и рабочихъ мызныхъ избахъ, которыя почти всѣ очень тѣсны, ветхи и неприличны для священнодѣйствій, а въ нѣкоторыхъ приходахъ нѣтъ даже и временныхъ церквей, потому что при всемъ стараніи епархіяльнаго начальства нельзя было найдти для нихъ хотя какія-нибудь помѣщенія. Но этому въ этихъ приходахъ нѣтъ и причтовъ своихъ, а завѣдываютъ ими священники сосѣднихъ приходовъ, что сопряжено съ большими затрудненіями въ отправленіи духовныхъ требъ какъ для священниковъ, такъ и для прихожанъ. Да и многія изъ настоящихъ церквей, построенныя въ 1846—1848 годахъ на скорую руку изъ сыраго лѣса, теперь очень обветшали и требуютъ совершенной перестройки, почему въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не совершается уже и богослуженія. Всего въ Рижской епархіи необходимо вновь соорудить: 53 церкви, съ причтовыми при нихъ домами и надворными службами, 33 молитвенно-школьные дома, 11 причтовыхъ домовъ со службами, да перестроить 9 церквей съ причтовыми домами и службами. На этотъ предметъ собрано въ 1863 и 1864 годахъ подаяній въ столицахъ и разныхъ мѣстахъ имперіи 43.653 руб. 79¾ коп., да доставлено изъ министерства государственныхъ имуществъ 18.842 руб., всего до 62.500 руб. Почти всѣ церкви Рижской епархіи, кромѣ городскихъ, издревле православныхъ, имѣютъ большой недостатокъ въ богослужебныхъ принадлежностяхъ и церковной утвари. Иныя не имѣютъ даже св. сосудовъ, евангелій и напрестольныхъ крестовъ, и заимствуютъ ихъ изъ другихъ церквей. Нѣкоторыя внутреннія епархіи жертвуютъ теперь необходимѣйшія для лифляндскихъ церквей богослужебныя принадлежности, но присылаютъ большею частію вещи, которыя уже приходятъ въ ветхость. Сверхъ того православныя церкви въ Лифляндіи имѣютъ большую нужду въ томъ, чего не можетъ дать имъ никакая великороссійская епархія, именно въ богослужебныхъ книгахъ на мѣстныхъ языкахъ. Что касается до личнаго состава священнослужителей, то на него нельзя жаловаться. 8 протоіереевъ и 9 священниковъ получили академическое образованіе, остальные учились большею частію въ рижской семинаріи, и только 10 не получили семинарскаго образованія. Но причетники, большею частію природные Эсты и Латыши, не учившіеся въ школахъ, мало образованы и недостаточно свѣдущи въ церковномъ уставѣ, хотя они полезнѣе для службы въ Лифляндіи, нежели ученики духовныхъ училищъ изъ другихъ епархій, потому что хорошо знаютъ мѣстные языки. До сихъ поръ при рижской семинаріи не открытъ еще причетническій классъ, о которомъ епархіяльное начальство дѣлало представленія еще въ 1852—55 годахъ; между тѣмъ какъ лютеране устроили близъ города Валкъ центральную школу для образованія своихъ кистеровъ, форминдеровъ и народныхъ учителей. Матеріяльное и соціальное положеніе православнаго духовенства въ Прибалтійскомъ краѣ, особенно въ тѣхъ приходахъ, гдѣ нѣтъ церковной земли и причтовыхъ домовъ, несравненно хуже положенія, которымъ пользуется лютеранское ду-

ховенство. Пасторы и въ среднихъ по выгодамъ приходахъ имѣютъ до 2.000 рублей въ годъ разныхъ доходовъ; православные священники получаютъ по 400 рублей жалованья и отъ 100 до 300 рублей на разъѣзды по приходамъ. Пасторы получаютъ многія изъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей съ церковныхъ земель, безвозмездно обрабатываемыхъ живущими на нихъ крестьянами; а православные священники, живущіе въ частныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ не отводится земли для православныхъ причтовъ кромѣ малаго клочка подъ огородъ, должны пріобрѣтать всѣ сельскія произведенія на счетъ скуднаго жалованья, а тѣ священники, которые живутъ въ казенныхъ имѣніяхъ, гдѣ причту дается по 33 десятины усадебной и полевой земли, должны издерживать не мало денегъ на обработку ея. Причетники же, получая 120 рублей жалованья и не имѣя никакихъ другихъ доходовъ, живутъ почти нищенски сравнительно съ лютеранскими кистерами и ихъ помощниками. Состояніе православныхъ школъ въ рижской епархіи таково: тамъ считается 108 приходскихъ и 112 вспомогательныхъ сельскихъ школъ, въ которыхъ обучается 5.643 мальчика и 4.843 дѣвочки; сверхъ того въ родительскихъ домахъ учится 5.183 мальчика и 5.281 дѣвочка, всего же 21 160 дѣтей обоего пола. Изъ этого видно, что число учащихся въ Рижской епархіи довольно велико; но самое обученіе, особенно во вспомогательныхъ школахъ, не такъ удовлетворительно, какъ бы слѣдовало желать. Причины тому: недостатокъ въ хорошихъ учебникахъ, въ приготовленныхъ къ своему дѣлу сельскихъ учителяхъ, и неимѣніе школьныхъ домовъ. Для пополненія этихъ недостатковъ Рижская епархія нуждается въ значительныхъ средствахъ, но ея затрудненія не ограничиваются матеріяльною стороной дѣла: главнѣйшія изъ нихъ проистекаютъ именно отъ той агитаціи, на которую намекнулъ г. Н. Литке и которая имѣетъ характеръ вовсе не религіозный, а политическій, имѣя цѣлію ослабленіе русскаго элемента въ Лифляндской губерніи.

№ 78.

Москва, 12-го апрѣля.

„Всевышній воззвалъ къ Себѣ душу Государя Наслѣдника Цесаревича“: вотъ заключительное слово этого скорбнаго ряда потрясающихъ извѣстій, слѣдовавшихъ одно за другимъ, въ продолженіе всей недѣли Пасхи, въ эти дни самаго свѣтлаго и радостнаго въ православіи празднованія. На второй день Пасхи прибыло изъ Ниццы первое извѣстіе, поразившее всѣхъ и своею внезапностью, и размѣрами бѣдствія, которымъ оно угрожало: утромъ того дня обнаружились во всей силѣ признаки недуга, который облекъ теперь въ трауръ Россію. Но, какъ было видно изъ этого извѣстія, болѣзнь обнаруживавшаяся съ такою силой и такъ быстро прекратившая столь дорогую для Россіи жизнь, наступила не внезапно; ей предшествовали десятидневныя страданія. Страданія эти были причинены легкою простудой, но здоровье Государя Цесаревича было уже растроено. Это разстройство обнаружилось еще задолго до того, во время пребыванія Государя Цесаревича во Флоренціи, и съ тѣхъ поръ, силы Августѣйшаго больнаго уже не возстановлялись вполнѣ удовлетворительно. Малѣйшій случай могъ стать причиной роковаго недуга.

Извѣстія о ходѣ этого послѣдняго недуга, съ самаго начала и во все продолженіе этой агоніи, длившейся цѣлую недѣлю, подавали мало надежды на благополучный исходъ. Они были одно другаго мрачнѣе, и утѣшительнаго въ нихъ было только то, что силы больнаго по временамъ оживлялись, что онъ приходилъ въ память и духъ торжествовалъ надъ изнемогавшимъ тѣломъ. Предъ отшествіемъ въ вѣчность, ему было даровано проститься съ самыми близкими его сердцу лицами. Еще въ то время, когда опасность не предчувствовалась, наканунѣ того роковаго дня, когда Цесаревича постигъ ударъ послѣдняго недуга, утромъ въ Свѣтлое Воскресеніе, отправился къ нему Великій Князь Александръ Александровичъ. Черезъ двое сутокъ когда опасность внезапно обнаружилась во всей своей грозной силѣ, со всевозможною быстротой поспѣшилъ къ одру больнаго Государь Императоръ и Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи. На пути соединились Они съ членами королевско-датской фамиліи, спѣшившими также въ Ниццу, на свиданіе, долженствовавшее стать послѣднимъ. Нельзя было читать безъ сердечнаго содраганія краткія слова депеши о потрясающемъ дѣйствіи этихъ прощальныхъ свиданій.

Окруженный всѣмъ, что было для него самаго близкаго на землѣ, Цесаревичъ принялъ послѣднее христіанское напутствіе и отошелъ въ вѣчность, оставивъ скорбѣть по себѣ не однихъ близкихъ, но и цѣлый народъ, возлагавшій на него надежды своего будущаго.

Молебствія о здравіи Наслѣдника Всероссійскаго престола теперь замѣняются молитвами о упокоеніи души едва расцвѣтшей и, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, отозванной внезапно отъ великаго поприща, которое почившему предназначалось на землѣ, и котораго казался онъ столь достойнымъ. Онъ отошелъ, еще не успѣвъ расточить сокровища своей души, не вкусивъ горечи жизни, не извѣдавъ ея борьбы и испытаній. Онъ еще только готовился къ тому великому дѣлу, которое предстояло ему въ отдаленномъ будущемъ; но народное чувство уже признало его. Народное чувство къ нему выразилось во всей своей силѣ. Оно выразилось дважды. Наслѣдникъ престола, только что окончивъ свои учебныя занятія, еще не успѣвъ проявить высокія качества своего ума и сердца въ обширной сферѣ дѣятельности, совершалъ за два года предъ симъ, въ памятный 1863 годъ, путешествіе по Россіи; и у всѣхъ еще въ живой памяти тотъ восторгъ, которымъ привѣтствовалъ его народъ, тысячами стекавшійся на его пути; всѣмъ памятны умилительныя изъявленія народнаго чувства, въ которыхъ соединялись всѣ общественные классы и которыя сопровождали Наслѣдника русскаго престола изъ конца въ конецъ его пути; Волга никогда еще не оглашалась такими кликами народнаго энтузіазма; всѣмъ памятны описанія встрѣчъ, которыя дѣлались ему въ поволжскихъ городахъ, до самаго устья великой рѣки, и между прочимъ въ этомъ Симбирскѣ, который такъ блистательно принималъ дорогаго гостя и отъ котораго остается теперь лишь страшное пепелище,—и потомъ на обратномъ пути по другимъ мѣстамъ. Въ тотъ многознаменательный годъ, всѣ классы общества, всею силою пробудившагося народнаго духа, привѣтствовали въ лицѣ Цесаревича будущую Россію и видѣли въ немъ живой символъ ея настоящаго единства и ненарушимой цѣлости. Обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились, и вотъ теперь, въ другую пору, при первыхъ тревожныхъ опасеніяхъ за жизнь того, въ комъ народъ восторженно прозрѣвалъ свое будущее, въ комъ онъ видѣлъ знаменіе и залогъ плодотворнаго единенія своего съ Государемъ, народная скорбь выразилась такъ глубоко, такъ не лицемѣрно, съ такою всеобъемлющею силою, сверху до низу! Еще вчера тысячи людей всѣхъ званій собрались въ Кремлѣ и подъ открытымъ небомъ, колѣнопреклоненно, молились со слезами о спасеніи Цесаревича, къ которому уже прикоснулась рука смерти. И послѣ долгаго, славнаго поприща, великимъ земли рѣдко достается такая дань народнаго энтузіазма; такая дань народной скорби, какія стяжалъ юный, едва расцвѣтшій для жизни Цесаревичъ. Не успѣвъ начать свое поприще, онъ уже получилъ все чѣмъ увѣнчивается его конецъ. Въ народной памяти онъ останется во всей чистотѣ своего юнаго образа....

Да укрѣпитъ Богъ силы Августѣйшихъ Родителей почившаго Цесаревича! Теперь эта мольба у всѣхъ на сердцѣ. Въ Ницѣ, куда Ея Величество удалилась для цѣлебнаго успокоенія, Ей суждено было самое тяжкое испытаніе въ жизни.

№ 79.

Москва, 13-го апрѣля.

А.

Для того, чтобы дать себѣ точный отчетъ въ тѣхъ нововведеніяхъ, которыя мы получаемъ съ новыми судебными уставами, и составить себѣ ясное, раздѣльное, реальное о нихъ представленіе, необходимо отдѣлить въ нихъ то, что относится къ общимъ началамъ или основнымъ правиламъ суда, отъ всего, что составляетъ техническую часть его, совокупность процессуальныхъ обрядовъ и правилъ. Одно дѣло—уяснить себѣ *что* имѣлъ въ виду законодатель, какія онъ полагаетъ существенныя, необходимыя условія суда, какіе интересы имѣетъ онъ въ виду оградить, какія потребности желаетъ онъ удовлетворить и какихъ цѣлей достигнуть. Другое дѣло—опредѣлить, *какъ* предположилъ законодатель достигнуть этихъ цѣлей, какія указалъ для этого пути и обряды и какіе устроилъ органы; сюда относится вся техническая часть судоустройства. Безъ сомнѣнія, тѣ и другіе вопро-

сы тѣсно между собою связаны, и одна часть законодательной работы должна вполнѣ соотвѣтствовать другой. Не уяснивъ себѣ, *что* имѣется въ виду, законодатель не можетъ опредѣлить съ успѣхомъ *какъ* достигнуть предположенныхъ цѣлей; съ другой стороны, не составивъ себѣ реальнаго понятія о способахъ, средствахъ, путяхъ и органахъ, не опредѣливъ во всей подробности: какъ все это будетъ? законодатель не можетъ съ полною увѣренностію постановить и основныя условія, ибо предписать къ исполненію можно только возможное, а о возможности нельзя разсудить основательно, покуда мысль, сообразивъ и взвѣсивъ всѣ условія дѣйствительности, всѣ орудія и силы, не составила еще себѣ отчетливаго представленія о томъ, какъ все это будетъ, какъ все это двинется.

Но и разрѣшивъ съ достаточною отчетливостію эти вопросы, ни одинъ законодатель въ мірѣ не можетъ еще въ такомъ важномъ и сложномъ дѣлѣ, каково дѣло суда преобразуемаго съ верхняго края до нижняго, — не можетъ почить отъ дѣлъ своихъ, заключиться въ кругѣ своего творенія и сказать себѣ съ полною увѣренностію Творца: все созданное мною прекрасно! Эта увѣренность всего менѣе можетъ относиться къ технической части новаго зданія, къ самой трудной части дѣла; ибо здѣсь вся работа законодателя состоитъ въ комбинаціи вѣроятностей и предположеній, основанныхъ на безчисленномъ множествѣ *фактическихъ данныхъ*, мелкихъ и крупныхъ. Выше силы человѣческой сообразить вмѣстѣ всѣ эти данныя, не упустивъ изъ виду ни одного факта, ни одного существующаго состоянія, ни одной изъ силъ, долженствующихъ входить въ разчетъ общаго дѣйствія вновь устраиваемой машины. А что сказать, если общее состояніе таково, что многія изъ этихъ данныхъ открываются только случайно и нечаянно, много есть фактовъ вовсе неуясненныхъ анализомъ, много есть такихъ силъ, которыя, подобно физическимъ силамъ, еще не изслѣдованнымъ въ наукѣ, можно только чуять и испытывать, но нельзя еще взвѣсить, уяснить и подчинить себѣ? Вотъ почему, въ подобныхъ случаяхъ, какъ ни отрадно было бы съ чувствомъ увѣренности успокоиться послѣ тяжкой работы созиданія, законодатель не можетъ сказать себѣ: теперь все двинется само собою по плану! Еще приходится ему стать на стражѣ у своего дѣла, самому пускать въ ходъ разныя части машины и зорко слѣдить за всѣмъ что пущено въ ходъ, все ли совершается по мысли, и гдѣ что исправить слѣдуетъ.

Но оставимъ покуда въ сторонѣ техническую часть новыхъ уставовъ суда и судоустройства; оставимъ также въ сторонѣ вопросъ о способахъ ея осуществленія и необходимаго видоизмѣненія при осуществленіи. Осмотримся сперва въ томъ *что новаго* представляется въ тѣхъ общихъ началахъ, которыя положены нашими уставами въ основаніе суда и судебныхъ отправленій.

Въ этомъ отношеніи наши судебные уставы (мы будемъ говорить покуда лишь о судѣ гражданскомъ) составляютъ для насъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе тѣмъ, что ясно выясняютъ истинныя, руководящія начала суда: не новыя, но старыя какъ сама истина, начала, которыя или вовсе не касались нашего сознанія, или пришли въ забвеніе, но таковы по своему свойству, что отъ забвенія ихъ крвится и теряетъ свое значеніе всякій судъ. Они драгоцѣнны для насъ тѣмъ, что отсѣкаютъ многія формы производства, которыя появились въ исторіи нашего суда не въ силу органическаго развитія мысли о судѣ, но или вслѣдствіе тупаго подражанія чужеземнымъ, дурно понятымъ формамъ, или вслѣдствіе того, что прямое законное понятіе о судѣ затмилось приказною привычкой и канцелярскою обрядностью.

Вотъ, напримѣръ, какія наши капитальныя пріобрѣтенія.

У насъ во многихъ случаяхъ, совсѣмъ было забылось понятіе о томъ что судъ есть состязаніе двухъ сторонъ, и что нельзя ни удовлетворить ни обвинить ни одну сторону не выслушавъ другой. Какъ ни просто это понятіе, оно не присутствовало въ сознаніи у многихъ судей; какъ ни безусловно это правило, оно нарушалось ежедневно и безсознательно, и отъ того судебный приговоръ нерѣдко принималъ видъ произвольнаго или случайнаго дѣйствія и служилъ не къ исходу изъ неизвѣстности, а къ возбужденію новыхъ нескончаемыхъ недоумѣній. Оживить въ сознаніи это коренное начало всякаго суда и поставить его такъ чтобъ оно составляло азбуку правосудія, безъ которой нельзя шагу сдѣлать въ его книгѣ,—это одно составляетъ

уже для насъ, при нашей бѣдности, важное пріобрѣтеніе.

Судъ нашъ былъ до сихъ поръ бѣденъ и внутреннею и внѣшнею силой; но негдѣ было ей развиться когда ей простору не было, не было своего, рѣзко очерченнаго круга, въ которомъ она могла бы свободно и сознательно совершать свои отправленія. Въ отправленіи суда имѣла право вмѣшиваться власть правительственная, если не прямо, то косвенно, и низшіе органы суда были совсѣмъ подавлены надзоромъ административной власти. Высшая администрація не могла уничтожать судебные приговоры, но могла ревизовать дѣлопроизводство, требовать отчетовъ, налагать взысканія на судъ и судей. Недобросовѣстнымъ и лѣнивымъ судьямъ не было отъ этого помѣхи, но сколько бывало судей честныхъ, горячихъ, дѣятельныхъ, которымъ приходилось бросать свои должности только по тому, что они чувствовали себя въ зависимости отъ секретарей губернскаго правленія или отъ правителя губернаторской канцеляріи! Что можетъ быть унизительнѣе для суда, и какого суда можно ожидать при такой зависимости? Новый уставъ снимаетъ съ судьи это иго, и предоставляетъ суду свой кругъ дѣятельности, въ который ни прямо, ни косвенно не можетъ вмѣшиваться общая администрація.

Вслѣдствіе отрывочности постановленій, вслѣдствіе недомолвокъ въ законѣ, вслѣдствіе крайняго раздробленія подсудности, сложности и запутанности сроковъ, тяжущіеся, при существованіи судовъ, весьма часто находились въ состояніи безсудности, длинное и утомительное производство оканчивалось для нихъ не рѣдко отказомъ въ правосудіи, съ указаніемъ просить гдѣ слѣдуетъ по закону, тогда какъ въ законѣ не возможно было найдти яснаго указанія. Дѣла первой важности объ исполненіи договоровъ и о защитѣ владѣнія, законъ направлялъ прежде судебнаго къ судебно-полицейскому производству, но гдѣ начиналось первое и гдѣ оканчивалось послѣднее, не возможно было и различить по неясности закона: въ одномъ и томъ же дѣлѣ судебное производство смѣшивалось съ полицейскимъ, такъ что между состязаніемъ и слѣдствіемъ невозможно было провесть ясную черту, и самый добросовѣстный судья нерѣдко долженъ былъ отказывать въ правосудіи людямъ безгласно обвиненнымъ и нигдѣ еще по порядку не судившимся. Невозможно исчислить сколько происходило путаницы, проволочки, раздраженія, сколько терялось безвозвратно неоспоримыхъ правъ отъ этого смѣшенія началъ и отъ этого безпорядка въ формахъ производства. Новые уставы наши указываютъ для всѣхъ дѣлъ одну общую форму производства чисто-судебную, и разрушаютъ лабиринтъ, въ которомъ блуждали такъ часто наши просители между судомъ и полиціей.

Въ такъ-называемыхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, соединенныхъ съ казеннымъ интересомъ, безпорядокъ производства доходилъ у насъ до крайней степени. Правила и формы, хотя и не полныя, и не совсѣмъ ясныя, которыя установилъ самъ законъ для огражденія частныхъ лицъ отъ неправильныхъ и произвольныхъ исковъ со стороны казеннаго управленія, пришли въ забвеніе въ судахъ, такъ что нарушеніе этихъ правилъ перестало и представляться нарушеніемъ, безъ опредѣлительнаго иска, безъ всякой мысли объ отвѣтственности, безъ всякой заботы о доказательствахъ, любое мѣсто казеннаго управленія могло однимъ предписаніемъ или сообщеніемъ суду привлечь къ отвѣту частнаго владѣльца, волочить его въ судахъ, заставить его оправдываться даже противъ притязанія ничѣмъ не подкрѣпленнаго, подвергать его всѣмъ случайностямъ слѣдствія, въ которое превращалась тяжба, всѣмъ послѣдствіямъ ошибки или упущенія, нерѣдко невольнаго, въ теченіе процесса. Новые уставы даютъ возможность прекратить всю эту безсудность подъ видомъ суда, установляя и для этихъ дѣлъ общія начала судебнаго производства, указывая всякому казенному управленію законное его мѣсто, ставя и его въ положеніе истца или отвѣтчика—передъ судомъ, наравнѣ съ другою стороной.

Распространеніе письменности сдѣлалось язвой нашего судебнаго производства: оно угрожаетъ дойдти до такихъ размѣровъ, при которыхъ самыя отправленія судебныя не могли бы продолжаться. Бывали уже примѣры такого накопленія дѣлъ, что весь порядокъ канцелярской дѣятельности разстраивался и оказывалась необходимость пріостановить ее въ ожиданіи разборки и очистки. Но не въ этомъ еще канцелярскомъ свойствѣ нашего суда заключался главный его недостатокъ: безъ

письменности никакой судъ обойдтись не можетъ; и форма сама по себѣ еще не отвѣчаетъ за злоупотребленіе формы, за излишество, за невѣжество и рутину. Главный недостатокъ нашей судебной организаціи въ этомъ отношеніи состоялъ въ томъ, что она вовсе не оставляла мѣста и возможности для словесной формы суда, даже въ тѣхъ случаяхъ когда оказывались всѣ нужныя для того условія и когда заботливый и умный судья пожелалъ бы этою формой воспользоваться. Новые уставы даютъ полную къ тому возможность и установляя опредѣлительныя правила и обряды суда словеснаго, повидимому стремятся къ утвержденію этой формы преимущественно передъ письменною.

До сихъ поръ чиновникъ, въ администраціи или въ судебномъ управленіи, могъ считать себя на дѣлѣ почти безотвѣтственнымъ передъ частными лицами за послѣдствія своихъ дѣйствій и распоряженій или своего бездѣйствія. Правда, законъ объявлялъ, что чиновникъ долженъ отвѣчать частнымъ лицамъ за убытокъ и вредъ происшедшій отъ его дѣйствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ не открывалъ никому прямаго пути и надежнаго способа для привлеченія должностныхъ лицъ къ отвѣтственности. Правительственныя мѣста обыкновенно указывали обиженнымъ обращаться къ суду съ искомъ, а суды отказывали въ принятіи исковъ, признавая себя не въ правѣ судить о дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ особливо тѣхъ, которыя въ рядахъ служебной іерархіи занимали мѣсто выше той или другой степени суда. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда просителю удавалось тѣмъ или другимъ способомъ двинуть свое требованіе по той или по другой дорогѣ, оно оказывалось въ результатѣ безплоднымъ, потому что взять было уже нечего и не съ кого: самые признаки дѣйствія, на которомъ требованіе основывалось, уничтожались за давностью времени, и въ концѣ самъ же обиженный долженъ былъ расплачиваться за издержки безплоднаго производства. Не говоря о крупныхъ дѣлахъ,— при сложности и разнообразіи нашей администраціи и судебнаго управленія, не трудно себѣ представить, какое множество встрѣчалось ежедневныхъ, мелкихъ случаевъ, въ которыхъ частный человѣкъ долженъ былъ покоряться произвольнымъ дѣйствіямъ, произвольной проволочкѣ, произвольнымъ сборамъ, и несть на себѣ издержки вовсе излишнія, не имѣя возможности требовать вознагражденія за цѣнность по чужой винѣ растраченную, за имущество, по чужой винѣ раззоренное. Такихъ случаевъ тысячи и десятки тысячъ встрѣчаются у насъ въ ежедневномъ обращеніи просителей у должностныхъ лицъ и въ присутственныхъ мѣстахъ. Ужасно подумать, какъ съ одной стороны должна была развиваться и усиливаться въ должностныхъ лицахъ до самыхъ мелкихъ чиновниковъ привычка къ произволу и лѣни, равнодушіе къ законнымъ интересамъ просителей; сколько съ другой стороны пропадало даромъ времени, труда и издержекъ, сколько накоплялось раздраженія у просителей отъ этой безсудности во всемъ, что относилось до дѣйствій чиновниковъ въ канцеляріи присутственнаго мѣста. Еслибы можно было развернуть и прочесть этотъ безконечный свитокъ, по истинѣ въ немъ прочли бы мы: „жалость и рыданіе и горе.“

Отъ этого зла, отъ безотвѣтственности и безсудности, новые судебные уставы даютъ возможность освободиться, или по крайней мѣрѣ значительно уменьшить его, указывая прямой, ясный и повидимому скорый путь къ заявленію и разрѣшенію всѣхъ подобныхъ жалобъ, такъ что будетъ возможность и въ мало значительныхъ суммахъ, безъ пространнаго производства, искать управы на нерадѣніе, неосмотрительность или медленность должностнаго лица. Кому доводилось испытать на себѣ всю тяжесть хожденія по дѣлу, всю невыносимость волокиты приказной, тотъ, конечно, цѣнитъ по достоинству значеніе статей новаго устава, относящихся къ этому важнѣйшему предмету, и вздохнетъ свободнѣе хоть надеждой на будущее.

Вотъ (не говоря о другихъ) капитальныя пріобрѣтенія, которыя обѣщаютъ намъ новые судебные уставы. Нельзя не радоваться, этимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніямъ, но, радуясь имъ, нельзя позабыть, что всѣ они покуда не иное что какъ *законная возможность, слово законное: да будетъ!* Какъ превратить возможность въ дѣйствительность, какъ слову придать реальность дѣла, какъ эти благія начала воплотить и утвердить такимъ оплотомъ, чтобы сквозь него пробиться нельзя было— вотъ задача которую рѣшить еще предстоитъ. Слово оправдывается только дѣломъ; а дѣло въ сферѣ практической тре-

буетъ *практическаго разчета и соображенія.*

Б.

Просимъ читателей обратить вниманіе на факты изложенные въ напечатанномъ ниже „Рижскомъ письмѣ“, особенно въ концѣ его. Эти факты могутъ служить лучшимъ объясненіемъ того, почему русская гласность такъ нелюба извѣстной части остзейской печати. За увѣреніями будто русская печать раздражаетъ страсти, вызываетъ вражду, даже—horribile dictu—полагаетъ сѣмена сепаратическимъ стремленіямъ, въ большей части случаевъ кроется лишь опасеніе, чтобы не была разоблачена истина, неудобная для свѣдѣнія тѣхъ, кому однакожь о ней вѣдать надлежитъ. Вотъ главная причина того раздраженія, которое возбуждаютъ въ окрестностяхъ Риги самые скромные, самые сдержанные отзывы русской печати объ остзейскихъ дѣлахъ. Наша умѣренность не цѣнится, потому что требуется вовсе не умѣренность, а совершенное молчаніе о тамошнихъ „домашнихъ“ дѣлахъ и учрежденіяхъ: inde irae, inde lacrimae.

№ 80.

Москва, 14-го апрѣля.

А.

Давно уже законодательство наше въ той части, къ которой относятся по системѣ такъ-называемыя „учрежденія государственныя“, не подвергалось такому коренному, такому рѣшительному преобразованію, какое вводится теперь съ обнародованіемъ судебныхъ уставовъ. Новыя учрежденія по крестьянскому управленію, при всей важности своего государственнаго значенія, не могли въ общей организаціи управленія произвесть такой переворотъ, какой суждено произвесть новымъ учрежденіямъ судебнымъ. Крестьянскія учрежденія появились въ видѣ особаго цѣльнаго организма, который можно было, безъ особенныхъ затрудненій, безъ рѣшительной ломки, ввесть въ старую, установившуюся и окрѣпшую систему „учрежденія о губерніяхъ“. Теперь, съ изданіемъ судебныхъ уставовъ, эта система въ первый разъ подвергается коренному измѣненію сверху до низу: въ нее вводится новый чуждый организмъ и не только вводится, но переплетается съ нею, пришося съ собой начала новой системы, которымъ трудно привиться къ старой конструкціи и невозможно ее поглотить въ себѣ. Легко предвидѣть, съ какими затрудненіями сопряжено это соединеніе старой системы, существующей, съ новою системой, только что очерченною въ планѣ. Соединеніе механическое—не трудно, но и ненадежно: старая система можетъ не выдержать, новая можетъ покривиться и сойдти съ мѣста. Но какъ устроить не механическое, а органическое соединеніе, какъ дойдти до того, чтобы новая конструкція привилась къ старой?

Задача эта затрудняется еще тѣмъ, что кромѣ новости въ устройствѣ органовъ судебной власти и въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ соприкосновеннымъ властямъ, дѣйствіе этихъ органовъ должно совершаться на новыхъ началахъ, въ новыхъ еще не испытанныхъ формахъ и по правиламъ техники вовсе еще намъ незнакомой. Поэтому неудивительно, если вопросъ о приведеніи въ дѣйствіе новой системы представитъ законодательству болѣе трудностей, чѣмъ представляло начертаніе самыхъ положеній. Неудивительно также, что, въ ожиданіи законодательнаго разрѣшенія этой задачи, общественное мнѣніе въ высшей степени заинтересовано ею, что повсюду слышны вопросы и горячіе толки о томъ *когда* и *какъ* новыя учрежденія приведены будутъ въ дѣйствіе.

Мнѣнія и желанія высказываемыя по этому поводу, очень разнообразны.

Одни говорятъ: „Чего ждать? Планъ готовъ. Пусть повсюду сразу приведется въ дѣйствіе новая система какъ общихъ, такъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій. Пускай на первый разъ общее дѣйствіе системы будетъ несовершенное, пускай будутъ ошибки, неровности, противорѣчія: все это мало по малу сгладится и придетъ въ порядокъ, дойдетъ до единства и цѣльности на практикѣ: но по крайней мѣрѣ во всей Россіи откроется одинаковый судъ и для всѣхъ будетъ повсюду равномѣрная защита. Не будетъ въ одномъ мѣстѣ осуждаемъ одинъ подсудимый за то, за что въ другой мѣстности былъ бы оставленъ въ подозрѣніи. Не будетъ противорѣчія въ примѣненіи къ однѣмъ частямъ государства формъ и законовъ, которые въ

другихъ частяхъ отринуты какъ негодные и отжившіе свое время. Старыя дѣла, еще не рѣшенныя, если нельзя будетъ тотчасъ же перевесть на новый ладъ, можно порѣшить какъ-нибудь скорѣе, въ сокращенной формѣ, назначивъ для того срокъ, и затѣмъ повсюду мѣсто для новаго суда очистится".

Другіе, почитая невозможнымъ одновременное и повсемѣстное введеніе въ дѣйствіе новой системы въ полномъ видѣ полагаютъ наилучшимъ оставить на первое время въ дѣйствіи старую систему, ввесть повсюду только мировыя учрежденія, а остальныя судебныя учрежденія открывать въ разныхъ губерніяхъ постепенно, по очереди. „Такимъ образомъ, говорятъ они, вся имперія воспользуется хотя одною частью новыхъ учрежденій, и затѣмъ уже можно будетъ, безъ нарушенія справедливости, вводить полное дѣйствіе новой системы постепенно, соображаясь со средствами и пользуясь уроками опыта, въ одной мѣстности вслѣдъ за другою".

Наконецъ слышится еще мнѣніе, что всего удобнѣе и всего надежнѣе было бы на первый разъ открыть полное дѣйствіе какъ общихъ, такъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій въ двухъ или трехъ мѣстностяхъ, избравъ для того области столичныя, гдѣ представляется наиболѣе удобствъ въ пріисканіи людей и способовъ къ полному осуществленію преобразованія, и затѣмъ уже, когда на лицо будетъ, такъ сказать, живой образецъ новыхъ учрежденій въ полномъ дѣйствіи, вводить ихъ мало-по-малу въ другія области и губерніи.

Которое изъ этихъ мнѣній основательнѣе? Какой путь надежнѣе, какой соединяетъ въ себѣ наиболѣе условій успѣха?

Вопросъ этотъ, конечно, разрѣшится въ непродолжительномъ времени законодательнымъ порядкомъ: слышно что особая коммиссія состоящая при государственной канцеляріи уже почти окончила его разработку. Но въ ожиданіи законодательнаго рѣшенія этого важнаго вопроса, публика не можетъ, конечно, не требовать, чтобъ и періодическая печать высказалась о немъ и постаралась свести къ одному знаменателю разнообразныя мнѣнія ходящія въ обществѣ.

Мы знаемъ, какъ трудна эта задача, но не считаемъ себя въ правѣ уклоняться отъ нея. Мы изложимъ взглядъ, соглашающій, по нашему мнѣнію, сужденія спеціяльныхъ людей съ заявленіями общественной потребности и общественной заботы. Но чтобъ изложить этотъ взглядъ съ достаточною убѣдительностью, необходимо сперва привести въ ясность его мотивы, и мы, въ интересѣ дѣла, подчиняемся этой необходимости, какъ ни трудно удовлетворить ей въ газетныхъ статьяхъ, отъ которыхъ публика по праву требуетъ рѣшительныхъ и ясныхъ заключеній, а не развитія мотивовъ и доводовъ.

Начнемъ съ замѣчанія самаго элементарнаго. При рѣшеніи вопроса о томъ, какъ совершить переходъ отъ старыхъ формъ къ новымъ, какъ ввесть въ новыя формы и приладить къ нимъ живую человѣческую силу, всего опаснѣе горячее увлеченіе *самою формой*, всего вреднѣе—выставить передъ собой эту форму и вообразить ее дѣломъ осуществившимся. Развѣ старая наша форма суда, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, была вовсе лишена основныхъ началъ судебнаго дѣла? Развѣ многія изъ новыхъ началъ не служатъ только обновленіемъ и лучшимъ изъясненіемъ старыхъ, лежащихъ въ основѣ стараго суда, но забытыхъ или никогда не приходившихъ въ сознаніе на практикѣ, хотя въ сознаніи стараго закона они присутствовали? Развѣ и теперь безобразіе многихъ судебныхъ дѣйствій не обличается передъ лицомъ нѣкоторыхъ началъ дѣйствующаго закона, когда здравая мысль сумѣетъ распознать ихъ? И все-таки, въ массѣ судебныхъ дѣятелей и судебнаго производства, начала эти остаются безъ сознанія, безъ жизни, безъ исполненія, и все-таки равнодушіе и лѣнь и невѣжество—гораздо еще сильнѣе чѣмъ своекорыстіе и умыселъ—успѣли оплесть эти начала частою сѣтью приказнаго обычая, подъ которымъ и распознать ихъ бываетъ трудно. Кто поручится, что съ нашими новыми, драгоцѣнными пріобрѣтеніями, съ нашими новыми началами не случится тоже, если мы не позаботимся сразу дать имъ всю жизненную реальность въ лицѣ первыхъ дѣятелей, такъ чтобы послѣдующіе за ними не могли уже сбиться съ толку?

Еще недавно, съ грустнымъ чувствомъ, сравнивали мы отправленія своего суда съ отправленіемъ суда у сосѣднихъ народовъ и тамъ чуяли присутствіе крѣпкой, дѣйствительной *силы*, которой у себя не примѣчали, видѣли тамъ установившійся, твердый *порядокъ*, котораго у себя не нахо-

дили. Изучивъ этотъ порядокъ послѣдовательно развившійся въ систематической формѣ болѣе или менѣе стройной, болѣе или менѣе совершенной, мы задумали—и задумали благоразумно—ввесть у себя систематическій строй подобный тому строю, на дѣлѣ испытанному. Но можно ли намъ забыть о томъ, что не эта форма, не этотъ внѣшній строй придаетъ у сосѣднихъ народовъ *силу* и обезпечиваетъ *порядокъ* судебному отправленію. Сила тамъ въ томъ, что есть тамъ неистощимый запасъ *реальнаго знанія*, *опыта* и *преданія*, передаваемый въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій отъ поколѣнія къ поколѣнію,—есть вѣковая исторія и практика судебная, въ которой послѣдовательно воспитываются и входятъ въ силу, одинъ за другимъ, цѣлые ряды готовыхъ дѣятелей,—есть живой авторитетъ науки и практики, подъ сѣнью котораго возрастаютъ будущіе авторитеты,—есть вѣковыя корпораціи раздѣлившія между собою экономически трудъ судебнаго отправленія и служащія спеціяльно для техники каждаго отдѣльнаго рода,—есть, и это едвали не главное, *основныя начала суда*, столь ясно утвердившіяся въ сознаніи дѣятелей и въ общемъ мнѣніи, что передъ этими началами, распознавъ ихъ, всякій принужденъ остановиться, ибо перескочить черезъ нихъ нельзя, отрицать ихъ или обойдти невозможно, а дальше идти некуда.

Многаго нѣтъ у насъ, что есть у сосѣднихъ народовъ, но со многими недостатками можно еще помириться, лишь бы удалось намъ утвердить у себя основныя начала суда, лишь бы тѣ капитальныя пріобрѣтенія, которыя мы перечислили вчера, изъ возможности перешли у насъ въ дѣйствительность и стали бы у насъ крѣпкими столбами: на этихъ столбахъ установилась бы прочная основа правосудія, и рано или поздно воздвиглась бы сила, утвердился бы порядокъ.

Мы указали вчера на эти новыя начала, которыя почитаемъ основными, существенными пріобрѣтеніями новаго судебнаго порядка. Но какъ ни просты повидимому эти начала, нѣтъ возможности предположить, что и они сами собою скажутся съ перваго раза въ новыхъ судахъ и новыхъ судебныхъ дѣятеляхъ. Придется еще провесть эти новыя начала сквозь темную тучу утвердившагося обычая, который окажется тѣмъ упорнѣе и неподатливѣе, что образовался, безсознательно, механическимъ накопленіемъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Можно заранѣе предугадывать, что эта громадная сила инерціи и привычки обнаружится безсознательно въ самихъ дѣятеляхъ судебной реформы, ибо они сами прежде всего сыны своего вѣка, своей земли, своей исторіи. Сколько разъ уже эта громадная сила вступала у насъ въ борьбу съ новыми началами дѣятельности, и одолѣвала въ борьбѣ, потому что на сторонѣ ея были природная лѣнь и равнодушіе,—свойства, какъ извѣстно, умѣющія ужиться съ самымъ восторженнымъ сочувствіемъ, съ самымъ горячимъ стремленіемъ къ новому дѣлу, и въ немъ притаиться,—на сторонѣ ея были, и это главное, неопытность, невѣдѣніе, недостатокъ силъ, слабость реальнаго сознанія о предметѣ и о способахъ дѣятельности! Легко было бы дѣло, когда бы надлежало только наблюдать и приказывать; но въ трудномъ и сложномъ дѣлѣ суда вся дѣятельность совершается посредствомъ судебной техники, и эту-то технику, совершенно новую для насъ, надлежитъ такъ устроить и направить, чтобы ея пружины и колеса всѣ вмѣстѣ дѣйствовали, не сбиваясь съ. указаннаго мѣста и не уклоняясь съ. основныхъ началъ, на которыхъ держится весь механизмъ.

Часто приходится слышать фразу, что само дѣло можетъ создать для себя нужныя силы, можетъ поднять до себя людей. Полезно отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ этой фразы. Да, дѣло поднимаетъ людей, но только тогда, когда совершается самое дѣло, а не подобіе его. Живое дѣло сказывается только въ живыхъ людяхъ. Живыя личныя силы притягиваютъ къ себѣ и воспитываютъ около другія личныя силы; завязываются узлы или сосредоточіе силъ, а затѣмъ выступаютъ цѣлые ряды дѣятелей, возникаетъ преданіе, создается школа. Тогда дѣло поднимаетъ людей. Если же мы обратимся къ началу зарождающейся дѣятельности, то вѣрнѣе будетъ, обернувъ фразу сказать, что люди поднимаютъ дѣло.

Попробуемъ представить себѣ напримѣръ учрежденіе словеснаго суда отдѣльно отъ экономіи силъ, посредствомъ которыхъ оно должно двинуться, и мы убѣдимся, что это дѣло у насъ само себя поднять никакъ не въ состояніи. Какъ бы рѣшительно ни была высказана, какъ бы старательно ни была

обставлена въ новомъ уставѣ идея и форма словеснаго суда, въ настоящую минуту никто не можетъ представить себѣ, во что она обратится на дѣлѣ. Еслибы спросили: кто знаетъ, не будетъ ли нашъ словесный судъ только новымъ видоизмѣненіемъ стараго суда письменнаго?—это будетъ въ настоящую минуту не вопросъ празднаго скептицизма, а серіозный вопросъ испытующей мысли, котораго обходить ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Но мы предоставляемъ себѣ поговорить объ этомъ подробнѣе завтра.

Б.

Въ *Кельнской Газетѣ* кто-то жалуется на то, что Нѣмцы въ прибалтійскихъ губерніяхъ имѣютъ гораздо болѣе причинъ кричать объ угнетеніи нежели проживающіе тамъ Русскіе. Въ доказательство, неизвѣстный авторъ приводитъ то, что Латышамъ и Эстонцамъ, перешедшимъ въ православіе, не дозволяется возвратиться къ лютеранскому вѣроисповѣданію и что Рига была лишена возможности вслѣдствіе несправедливаго будто бы таможеннаго тарифа, содержать свои рафинировальные заводы. Но особенно куріозно то, что авторъ безъ всякой застѣнчивости утверждаетъ, будто бы мѣстнымъ нѣмецкимъ газетамъ не дозволяется отвѣчать *Московскимъ Вѣдомостямъ*, тогда какъ въ рѣдкомъ нумерѣ *Рижской* или *Ревельской Газеты* не печатается рѣзкихъ выходокъ противъ нашей газеты. Даже въ то время, когда мы дѣйствительно хранили вынужденное, требовавшееся обстоятельствами молчаніе обо всемъ что̀ касается Остзейскаго края, тамошнія, на нѣмецкомъ языкѣ выходящія газеты, нисколько не стѣсняясь этимъ обстоятельствомъ, вели противъ насъ неутомимую полемику. Такимъ-то правдолюбіемъ отличаются нѣкоторые изъ остзейскихъ корреспондентовъ и сотрудниковъ *Кельнской Газеты!* Впрочемъ, корреспондентъ, съ которымъ мы имѣемъ теперь дѣло, возлагаетъ всѣ свои надежды на нынѣшняго генералъ-губернатора графа Шувалова. Свои надежды онъ основываетъ на томъ, что графъ Шуваловъ не принялъ обѣда предложеннаго ему, вскорѣ послѣ прибытія его въ Ригу, чисто-русскими уроженцами этого города, и сказалъ депутаціи отъ нихъ, что онъ уже принялъ обѣдъ, предложенный ему вообще гражданами Риги, и надѣется видѣть ихъ за этимъ обѣдомъ. Мы не понимаемъ, какимъ образомъ изъ этого простаго случая можно выводить какія бы то ни было заключенія относительно направленія будущей дѣятельности новаго генералъ-губернатора. Русскіе Рижане, безъ сомнѣнія, имѣли свои основанія желать отдѣлиться отъ массы рижскихъ гражданъ въ чествованіи новаго главнаго начальника края; но послѣдній въ свою очередь могъ имѣть основаніе не желать чтобы въ русскомъ городѣ русскіе люди составили отдѣльное общество, будто иностранцы. Выводить изъ этого какія-либо дальнѣйшія заключенія было бы неумѣстно. О направленіи дѣятельности графа Шувалова гораздо основательнѣе было бы судить по тѣмъ актамъ, которыми уже ознаменовалось его управленіе. Во всѣхъ трехъ губерніяхъ ввѣреннаго ему края мѣстные сеймы или ихъ органы, по его предложенію, отмѣнили право тѣлеснаго наказанія, которое прежде принадлежало мѣстнымъ дворянамъ и ихъ судамъ въ отношеніи къ поселеннымъ на ихъ земляхъ „сводобнымъ“ крестьянамъ и ко всей домашней „вольной“ прислугѣ. Уже четыре года какъ помѣщики остальныхъ частей Россіи обходятся безъ права представлять въ полицію для наказанія розгами поселенныхъ на ихъ земляхъ крестьянъ и свою домашнюю прислугу (самимъ наказывать крестьянъ розгами считалось и при крѣпостномъ правѣ дѣломъ не совсѣмъ законнымъ). Въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ крѣпостное состояніе уже давно отмѣнено съ сохраненіемъ всей земли за помѣщиками, бароны только теперь отказываются отъ права сѣчь своихъ арендаторовъ и вольныхъ служителей, удерживая, впрочемъ, за собой право расправы надъ ихъ дѣтьми. Куріозная же это была у нихъ отмѣна крѣпостнаго состоянія! Нельзя не порадоваться, что и въ Остзейскомъ краѣ дѣло приближается къ освобожденію крестьянъ.

Интересно было бы знать, однакоже, кто этотъ поставщикъ статей объ Остзейскомъ краѣ въ *Кельнской* и въ другихъ иностранныхъ газетахъ, не останавливающійся ни передъ какою ложью и возглашающій на всю Европу о притѣсненіяхъ русскаго правительства. Редакція *Кельнской Газеты*, заявляя въ выноскѣ сомнѣніе относительно нѣкоторыхъ показаній автора, тѣмъ самымъ устраняетъ себя отъ

участія въ этихъ маневрахъ. Но статьи эти своимъ пошибомъ напоминаютъ какъ нельзя болѣе нѣкоторыхъ корреспондентовъ въ *Indépendance Belge*, также въ англійской газетѣ *Morning Post*, и еще того публициста, который училъ польскихъ повстанцевъ, какъ надобно лгать. Такихъ мастеровъ въ этомъ искусствѣ не много.

№ 81.

Москва, 15-го апрѣля.

Словесное дѣлопроизводство, вотъ главная характерическая черта новопроектированной формы суда, ея существеннѣйшее достоинство, обѣщающее обезпечить намъ судъ, чинимый судьями, а не канцеляріями, и слѣдовательно освободить судъ отъ его теперешняго приказнаго характера. Мы должны дорожить судомъ словеснымъ. Будемъ ли мы довольны, если столь желаемый, столь нетерпѣливо ожидаемый нами словесный судъ на дѣлѣ окажется такимъ же письменнымъ судомъ, какъ теперешній, вызывающій столько горькихъ жалобъ? А къ сожалѣнію это дѣло весьма возможное.

Рѣшительно нѣтъ основанія думать, что наше многописаніе само собою прекратится только потому что будетъ введена новая форма. Всякая форма приметъ тотъ видъ, какой захотятъ и сумѣютъ придать ей исполнители, а наша новая форма, какъ увидимъ сейчасъ, очень податлива, и съ письменностью можетъ ужиться весьма удобно.

Нѣтъ суда, съ которымъ не соединялось бы канцелярское дѣло. Въ нашемъ новомъ уставѣ очень многое заимствовано изъ французскаго судопроизводства, считающагося безспорно за судопроизводство преимущественно словесное. Но именно во Франціи на судебное многописаніе очень сильно жалуются; многописаніе производится только помимо судебнаго мѣста, въ канцеляріяхъ у стряпчихъ. У насъ, по новому уставу, вся письменная часть производства должна совершаться подъ наблюденіемъ и при непосредственномъ участіи самаго суда и его канцеляріи: здѣсь зерно возможнаго развитія письменности въ нашихъ новыхъ судахъ и притомъ письменности машинальной.

Мы должны взглянуть на дѣло безъ увлеченія. Наша новая форма предоставляетъ судьямъ полную *возможность* ввести и поддержать судъ словесный, но только возможность, не болѣе. На ряду съ этою *законною возможностью*, есть другая возможность, — положиться на бумагу и утвердить на письменной части производства всю силу судебнаго разсмотрѣнія. По какой дорогѣ пойдетъ судебное дѣло, какъ настроится основный тонъ его, это будетъ зависѣть не только отъ желанія, но и отъ умѣнья тѣхъ людей, кому выпадетъ на долю починъ новой дѣятельности.

Мы видимъ что новый уставъ принялъ французскую систему раздѣленія формы производства на общую и сокращенную. Не будемъ говорить здѣсь о томъ, какія могутъ быть удобства или неудобства такого раздвоенія формы: замѣтимъ только, что отъ усмотрѣнія суда зависитъ свести всякое дѣло съ сокращенной формы на общую. Но общую форму суда невозможно признать чисто-словесною формой; конечно, не безъ особой цѣли законодательство наше признало невозможнымъ, при существующихъ условіяхъ требовать словеснаго суда во всѣхъ дѣлахъ, во что бы то ни стало. Существенною принадлежностью общей формы служитъ письменное производство: законъ называетъ его предварительнымъ и приготовительнымъ, и указываетъ въ слѣдъ за нимъ словесное состязаніе тяжущихся. Но въ этомъ обмѣнѣ письменныхъ объясненій, совершающемся подъ наблюденіемъ суда и при его участіи, не трудно распознать основный типъ нынѣшняго бумажнаго состязанія. Нужна сильная рука; нужна большая твердость и ловкость для того, чтобы при этомъ типѣ развить и прочно утвердить на практикѣ форму суда словеснаго, чтобы не поддаться тому тяготѣнію къ письменности, которому инстиктивно слѣдуетъ всякая канцелярская практика, не только въ лицѣ судей, но и въ лицѣ самихъ тяжущихся. Напротивъ того, представимъ себѣ судебныхъ дѣятелей слабосильныхъ малоопытныхъ, не превыкшихъ поддерживать въ себѣ всегдашнее серіозное отношеніе къ дѣлу, — а такіе дѣятели, безъ сомнѣнія, будутъ въ большинствѣ на первое время, — представимъ ихъ лицомъ къ лицу съ такою податливою формой. Не трудно себѣ вообразить что послѣдуетъ: послѣдуетъ, подъ видомъ словеснаго суда, полнѣйшее пов-

тореніе нынѣшняго приказнаго производства. И судьи, и тяжущіеся, и стряпчіе ихъ, мало-по-малу утвердятся въ той мысли, что вся суть дѣла заключается въ бумагахъ, на судъ подаваемыхъ. Докладъ, производимый членомъ суда, можетъ принять знакомую форму записки изъ дѣла. Словесныя состязанія, когда окажется что они никому не нужны, совершенно уподобятся нынѣшнему присутствованію тяжущихся при докладѣ, а тогда и дѣла сокращеннаго производства незамѣтно поворотятся на удобную для слабости человѣческой дорогу, указываемую общею формой. Не мало уже видѣли мы у себя примѣровъ тому какъ судъ, по намѣренію закона словесный, превращается въ рукахъ исполнителей въ письменное производство. Въ уставѣ коммерческихъ судовъ, начало словеснаго суда выражено еще рѣшительнѣе нежели въ новомъ уставѣ судопроизводства; однако что мы видимъ на дѣлѣ? Есть коммерческіе суды, въ которыхъ дѣйствительно судъ производится словесный. Это значитъ, что здѣсь съ самаго начала опытная рука дала направленіе судебной практикѣ и утвердила въ ней правильный обычай; за то есть и такіе коммерческіе суды, въ которыхъ хотя судъ и называется словеснымъ, но на самомъ дѣлѣ таковаго нѣтъ, а развилось письменное производство, и къ нему все подладилось, какъ работа канцеляріи, такъ и дѣятельность стряпчихъ: причина та, что не было человѣка, который въ самомъ началѣ умѣлъ бы понять сущность новыхъ началъ въ формахъ новаго судебнаго механизма и, понявъ, утвердить въ новомъ дѣлѣ новый обычай и новую практику.

Вотъ почему нашимъ судебнымъ дѣятелямъ, при самомъ началѣ дѣйствія новыхъ уставовъ, много надобно будетъ имѣть, не только желанія, но умѣнья, ловкости и техническихъ свѣдѣній, чтобы провесть въ практику самое существенное начало уставовъ—начало словеснаго суда. Ошибутся многіе, кто, не испытавъ еще этой дѣятельности, считаютъ себя готовыми къ ней и весело думаютъ, что *новое начало поднимет ихъ*. Нѣтъ, *имъ предстоитъ поднять* въ судѣ новое начало, уразумѣть его, поддержать его твердо и, главное, пріучить людей неопытныхъ къ дѣлу весьма трудному, къ тонкой и сложной судебной техникѣ. Какъ не согласиться, что для этого требуется не малая сила?

Итакъ, форма нашего состязательнаго производства, сама по себѣ, нисколько еще не даетъ намъ увѣренности въ томъ, что оно будетъ словесное. Но вотъ еще, въ самомъ концѣ производства, послѣ рѣшенія, открывается широкая дверь, въ которую можетъ мало-по-малу проникнуть самая пространная письменность и все заполонить снова. Когда состоялось и объявлено рѣшеніе суда, начинается новая работа: надобно изложить его на письмѣ во всей полнотѣ не только юридической, но и фактической. Надобно составить, для выдачи тяжущимся, актъ судебнаго рѣшенія съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла; ибо для опредѣленія законной силы рѣшенія повсюду признается необходимымъ разумѣть его въ связи со всѣми обстоятельствами дѣла, выяснившимися во время состязательнаго судопроизводства. Отъ того составленіе судебнаго рѣшенія или протокола повсюду сопряжено съ большою письменностью. Эта письменная работа ложится всею тяжестью либо на канцелярію, либо на самихъ тяжущихся. Извѣстно, что напримѣръ во Франціи стряпчіе для этой цѣли подаютъ на судъ свои записки съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, доводовъ, опроверженій, доказательствъ, представленныхъ во время процесса, и приговоръ составляется по соглашенію стряпчихъ двухъ сторонъ, лишь слегка повѣряемому предсѣдателемъ суда; такимъ образомъ, помимо суда и судебной канцеляріи, совершается эта письменная работа, достигающая нерѣдко огромныхъ размѣровъ. Извѣстно, что во Франціи эта система, выгодная для стряпчихъ, даетъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Наши судебные уставы отвергли ее, да и трудно было бы ее принять, потому что сословія стряпчихъ мы покуда еще не имѣемъ. У насъ эта работа возложена на *канцеляріи*, подъ надзоромъ судей. Фактическое изложеніе у насъ было всегда камнемъ преткновенія для дѣлопроизводителей, и главнымъ узломъ, въ которомъ завязывалась письменность и отъ котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, зависѣла медленность производства. Для того чтобъ изложить фактическое содержаніе дѣла безъ повтореній, безъ путаницы, во всей полнотѣ и сжатости слова, требуется и вѣрность анализа, и умѣнье владѣть рѣчью: качества пріобрѣтаемыя серіознымъ ученіемъ, которое рѣдко достается на долю нашихъ молодыхъ людей

при существующей у насъ учебной системѣ. Вотъ почему, хотя многіе изъ нихъ не затрудняются разсуждать о томъ или другомъ дѣлѣ и разрѣшать самые отвлеченные вопросы, весьма не многіе умѣютъ безъ крайняго затрудненія изложить на письмѣ, въ краткомъ, полномъ и послѣдовательномъ очеркѣ, обстоятельства дѣла имѣющаго нѣкоторую сложность, изложить такъ чтобы въ этомъ очеркѣ обѣ стороны признали содержаніе своего дѣла исчерпаннымъ. Между тѣмъ, отъ неполноты или пропусковъ въ такомъ изложеніи нерѣдко зависитъ соблюденіе или потеря правъ принадлежащихъ тяжущимся или за ними признанныхъ, и потому наши дѣлопроизводители, чувствуя себя слабосильными для этого дѣла, или избѣгая умственнаго, иногда очень тяжелаго труда съ нимъ соединеннаго, предпочитали по большей части механическую работу работѣ умственной, и краткое изложеніе замѣняли механическою перепиской бумагъ изъ подлиннаго дѣла, зная что хотя при этомъ много будетъ лишняго, но уже пропусковъ не будетъ. Тяжущіеся тоже, при существующихъ условіяхъ, находили въ этомъ и для себя болѣе обезпеченія, и такимъ образомъ являлась въ дѣлопроизводствѣ пространная записка, входившая затѣмъ въ составъ приговора. Это обычай безобразный; но практикамъ, которые заправляли канцелярскимъ дѣломъ, извѣстно, какихъ трудовъ стоитъ поднимать борьбу съ этимъ обычаемъ, укрѣплять слабосильныхъ и оживлять равнодушныхъ работниковъ, и сколько разъ многимъ приходилось, послѣ безплодныхъ усилій, предпочитать надежную плодовитость пространнаго многописанія ненадежной краткости аналитическаго изложенія, и успокоиваться на сторонѣ обычая. Вся эта борьба, вся эта трудная работа еще въ большей степени предстоитъ новымъ дѣятелямъ. Побѣда безъ сомнѣнія останется за сильными и счастливыми; но вотъ вопросъ: много ли сразу найдется и тѣхъ и другихъ, и тѣ, которые найдутся, много ли они сдѣлаютъ, если при повсемѣстномъ и единовременномъ введеніи новыхъ судебныхъ уставовъ будутъ разбросаны по пространству всей Россіи?

№ 82.

Москва, 16-го апрѣля.

Новый судъ тѣмъ дорогъ намъ, что обѣщаетъ утвердить и осуществить въ нашей публичной жизни понятіе о законѣ, которому негдѣ было пріютиться среди всюду господствовавшаго, благонамѣреннаго и неблагонамѣреннаго, произвола. Но чтобы судъ былъ вѣрнымъ, хранителемъ и истолкователемъ закона, для этого самый *законъ о судѣ* долженъ стать посреди насъ *истиной*. Довольно уже было у насъ построено великолѣпныхъ зданій, оставшихся необитаемыми; довольно было освящено мѣстъ, на которыхъ водворилось запустѣніе. Нынѣ готовится новое мѣсто свято въ нашихъ учрежденіяхъ: не слѣдуетъ ли всячески озаботиться чтобъ и оно не запустѣло? Велика ли была бы радость увидѣть тотчасъ же повсюду въ дѣйствіи полный механизмъ новаго судебнаго устройства, когда въ большей части мѣстностей это дѣйствіе было бы только призрачное?

Представимъ себѣ, что новыя учрежденія открыты одновременно повсюду приказаніемъ распорядительной власти. Не подлежитъ сомнѣнію, что на каждое мѣсто явится довольно претендентовъ и что всѣ мѣста будутъ заняты. Всѣ клѣточки сѣти, начертанной въ общемъ планѣ для всѣхъ областей, губерній и уѣздовъ, будутъ наполнены; но чтобы въ этихъ клѣточкахъ однимъ творческимъ словомъ пробудилась такая жизнь, какой всѣ желаютъ, этого нельзя себѣ представить иначе, какъ при помощи воображенія совершенно отрѣшеннаго отъ реальныхъ условій мѣста и времени.

Кто будутъ наши первые судебные дѣятели? Разчитываютъ, что нынѣ всѣхъ лицъ, служащихъ по судебному вѣдомству въ высшихъ, среднихъ и низшихъ мѣстахъ, наберется до 4.000; разчитываютъ, что въ русскихъ университетахъ по юридическому факультету окончило курсъ около 3.600 человѣкъ съ 1840 года, а въ училищѣ Правовѣдѣнія съ учрежденія его—640 человѣкъ, и заключаютъ изъ этого, что людей будетъ достаточно и даже съ избыткомъ. Но что значитъ эта цифра? Кто разчитаетъ намъ по этой цифрѣ, сколько въ общей ея сложности людей, вошедшихъ въ силу, которые могутъ сразу стать на столько авторитетомъ въ своемъ кругу,

чтобъ успѣшно пустить въ ходъ новое дѣло? Кому неизвѣстно, что дѣльные люди составляютъ довольно рѣдкое явленіе въ массѣ юношества выходящаго изъ нашихъ школъ? Кто не знаетъ, что и при теперешнемъ порядкѣ дѣлопроизводства въ нашихъ судахъ правосудіе страдаетъ отъ исполнителей столько же, если не больше, сколько отъ формы суда? Итакъ, можно, кажется, со всею достовѣрностью заключить, что число людей годныхъ для такого труднаго дѣла, какъ введеніе въ дѣйствіе совершенно новаго содебнаго механизма, окажется весьма ограниченное. Оно должно оказаться ограниченнымъ, не потому чтобы способныхъ людей вообще было у насъ мало, даже и не потому чтобы мало было желанія и усердія, но по той весьма простой, такъ-сказать экономической причинѣ, что большей части людей имѣющихся въ виду *не на чемъ было воспитать себя*, не на чемъ было испытать, развить и утвердить свою силу. Вѣрно то, что безъ *школы* силы не могутъ подняться и придти въ сознаніе, а школа держится авторитетомъ, преданіемъ, упражненіемъ, обычаемъ. Гдѣ у насъ были школы? Гдѣ наши авторитеты? Ихъ надобно еще создать,—и тогда около нихъ массами поднимутся живыя силы.

Но предположимъ невѣроятное: предположимъ, что уже теперь есть все то число способныхъ и опытныхъ людей, какое требуется для замѣщенія новыхъ судебныхъ должностей и должностей примыкающихъ къ судебнымъ. Положимъ, что двѣ или три тысячи людей стоятъ уже во всеоружіи судебнаго знанія и судебной опытности, ожидая открытія новыхъ судовъ. Гдѣ средства распознать этихъ людей въ общей толпѣ искателей? Кто возьметъ на себя тяжкое право раздачи нѣсколькихъ тысячъ мѣстъ разомъ? Кто можетъ такъ воспользоваться этимъ правомъ, чтобы не подпасть потомъ обвиненію въ самонадѣянности? А это обвиненіе будетъ тѣмъ серіознѣе, чѣмъ труднѣе будетъ исправить ошибки первоначальнаго назначенія.

Чѣмъ пристальнѣе всматриваемся въ наличныя, существующія условія этого дѣла: тѣмъ болѣе убѣждаемся, что одновременное введеніе въ дѣйствіе повсюду полной системы новыхъ судебныхъ учрежденій послужило бы не къ утвержденію, не къ обезпеченію и разъясненію новыхъ основныхъ началъ суда, а напротивъ было бы, можетъ-быть, непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію этой главнѣйшей цѣли, и вмѣсто яснаго сознанія внесло бы въ судебную практику смѣшеніе понятій. Не лучше ли, не вѣрнѣе ли будетъ прежде всего, собравъ къ нѣкоторымъ мѣстностямъ всѣ силы лучшихъ и надежнѣйшихъ дѣятелей, открыть сначала только въ этихъ мѣстностяхъ, при совокупности благопріятныхъ условій, полное дѣйствіе новыхъ учрежденій?—Такимъ только образомъ съ перваго разу можетъ открыться живой образецъ новой дѣятельности, могутъ проявиться новыя начала суда во всей своей реальности, могутъ разъясниться и внутреннее значеніе и внѣшняя практика новыхъ формъ производства, могутъ образоваться живая школа и надежный разсадникъ новыхъ дѣятелей. Будетъ на что смотрѣть, будетъ къ чему примѣниться, въ чемъ почерпать руководство и набирать силу для новой дѣятельности: и однимъ уже этимъ обезпечится успѣхъ новыхъ учрежденій въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они постепенно и послѣдовательно могутъ быть затѣмъ открываемы въ полномъ дѣйствіи.

Только въ группѣ людей, занимающихся вмѣстѣ общимъ дѣломъ, можетъ совершиться то взаимное притяженіе силъ и собираніе ихъ къ общему центру, которое даетъ возможность положить прочную основу для общей дѣятельности,—узнать людей на самомъ дѣлѣ, привлечь ихъ къ дѣлу, связать ихъ съ дѣломъ прочною связью, удержать ихъ въ дѣлѣ и обезпечить на будущее время запасъ свѣжихъ силъ, образованіе новыхъ дѣятелей. Но эти группы составляются не вдругъ и не случайно: ихъ нельзя создать по произволу и распредѣлить на одномъ планѣ въ задуманномъ количествѣ. Счастливыми должны мы почесть себя, когда бы удалось намъ на первый разъ, для такого важнаго и обширнаго дѣла, каково образованіе новаго суда во всей Имперіи, собрать хотя двѣ, три такія группы: тогда можно было бы надѣяться, что онѣ, сосредоточивъ въ себѣ потребный запасъ силы, выдѣлятъ изъ среды своей элементы для образованія другихъ группъ и въ себѣ предоставятъ живой образецъ для распространенія той же дѣятельности.

Кто не пожелалъ бы въ самомъ скоромъ времени, въ назначенный заранѣе день, увидѣть осуществленіе плана начертанна-

го законодательствомъ для новаго судоустройства и судопроизводства, увидѣть учрежденія нетерпѣливо всѣми ожидаемыя, въ полномъ дѣйствіи повсюду? Къ сожалѣнію, трудно этому желанію исполниться, съ соблюденіемъ всѣхъ условій, какія нужны для того чтобы дѣло новаго правосудія прочно утвердилось на старой почвѣ. Одно изъ главныхъ къ тому затрудненій состоитъ еще въ томъ, что при такой всеобщей и одновременной замѣнѣ стараго новымъ не только должны вдругъ повсюду измѣниться сверху до низу формы, обряды и принадлежности судебныхъ отправленій, но и все устройство органовъ судебной власти должно подвергнуться всеобщей ломкѣ, и все распредѣленіе различныхъ ея отправленій между мѣстами и лицами должно устроиться въ новыхъ, небывалыхъ отношеніяхъ и сочетаніяхъ; наконецъ территоріяльные предѣлы вѣдомства властей должны получить новыя очертанія и новое значеніе. Нѣкоторые думаютъ, что не трудно было бы на первый разъ учредить повсюду по одному только окружному суду на цѣлую губернію, притянувъ такимъ образомъ къ одному пункту дѣятельность всѣхъ судовъ первой степени изъ каждаго уѣзда, и обезпечивъ между тѣмъ юстицію въ уѣздахъ мировыми учрежденіями, во всей полнотѣ ихъ судебнаго вѣдомства. Но не забываютъ ли при этомъ, сколько пустыхъ мѣстъ окажется вдругъ въ уѣздахъ съ одновременнымъ упраздненіемъ старыхъ учрежденій, такихъ пустыхъ мѣстъ, которыхъ не наполнитъ сразу ни дѣятельность губернскаго окружнаго суда, ни дѣятельность мировыхъ судей? Припомнимъ, что до сихъ поръ около суда группируется у насъ въ уѣздѣ множество дѣлъ такъ-называемаго судебнаго управленія, имѣющихъ свои преданія и свою практику. Эти дѣла касаются такихъ частей законодательства, которыя судебная реформа оставила нетронутыми, и требуютъ соображенія съ мѣстными условіями: таковы напримѣръ дѣла опекунскія, совершеніе крѣпостныхъ актовъ, вводы во владѣніе и т. п. Нельзя успокоить себя мыслью, что эти дѣла *какъ-нибудь, куда-нибудь*, можно будетъ пріурочить: это значило бы прикрывать затрудненія, не разрѣшая ихъ. На всѣ дѣла этого рода неблагоразумно было бы смотрѣть какъ на старый хламъ, который можно сложить гдѣ-нибудь въ ожиданіи новаго для нихъ устройства: для нихъ осталотся еще старые законы, не отмѣненные, ими ограждаются интересы частнаго права, имѣющіе одинаковую важность съ интересами правосудія. Въ этихъ дѣлахъ необходимо еще разобраться, и только смотря по условіямъ каждой мѣстности можно будетъ пріурочить ихъ такъ, чтобъ они могли производиться въ порядкѣ. Общая же мѣра, сразу повсюду безъ различія принятая, можетъ произвесть въ дѣлахъ этого рода такую путаницу, которая собьетъ съ толку и ходъ самого правосудія: нетрудно себѣ представить, напримѣръ, къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ можетъ повести нарушеніе строгаго порядка въ совершеніи крѣпостныхъ актовъ, которое въ нашей системѣ гражданскихъ законовъ имѣетъ до сихъ поръ важное значеніе и обставлено множествомъ обрядовъ и предосторожностей для охраненія частнаго права. Притянуть всѣ эти дѣла къ окружному суду въ губернскій городъ, пріурочить ихъ къ мѣстнымъ сословнымъ управленіямъ, возложить ихъ на мировыхъ судей, отнести ихъ къ вѣдомству, неизвѣстно когда и какъ имѣющему возникнуть, сословію нотаріусовъ, — все это предположенія, которыя допустить невозможно по одному гадательному соображенію, которыя для осуществленія своего требуютъ разчета и соображенія осмотрительнаго, въ связи съ практикой и съ условіями каждой мѣстности.

Мы не видимъ возможности согласиться и съ мыслью о повсемѣстномъ введеніи въ дѣйствіе новыхъ мировыхъ судовъ (то-есть въ *полномъ* объемѣ, какъ они проектированы въ уставахъ) отдѣльно отъ остальныхъ частей общаго судоустройства. Новыя мировыя учрежденія состоятъ въ такой неразрывной связи съ общею системой новаго судебнаго порядка что отдѣлить ихъ отъ нея и поставить на ряду съ старою подсудностью и съ судами стараго порядка дѣло рѣшительно немыслимое. Невозможно представить себѣ совмѣстно дѣйствующими суды первой степени стараго порядка въ прежней ихъ подсудности, и мировые суды, во всемъ кругѣ власти и вѣдомства предоставленныхъ этимъ судамъ по новому уставу.

Но спрашивается: если нѣтъ возможности ввести одновременно повсюду ни цѣльную систему новаго судоустройства и судопроизводства, ни даже мировые суды въ ихъ полномъ составѣ, съ удержаніемъ въ

прежней формѣ старыхъ учрежденій; то можно ли удовольствоваться введеніемъ въ дѣйствіе полной системы въ небольшой части Россіи, а всю остальную страну оставить безъ всякихъ улучшеній по части правосудія? Отвѣчаемъ рѣшительно: нѣтъ, этого нельзя сдѣлать, объ этомъ невозможно и думать,—тѣмъ невозможнѣе, что именно теперь, среди совершающихся реформъ по другимъ частямъ, существующая у насъ, въ особенности по мелкимъ дѣламъ, безсудность становится невыносимою. Какъ же выйдти изъ затрудненія? Мы убѣждены, что выйдти изъ затрудненія очень можно, но что для этого потребны серіозныя усилія, имѣющія въ виду сущность дѣла. Мы не замедлимъ представить на судъ публики наши мысли по этому дѣлу, а теперь пока повторимъ еще разъ нашу главную мысль. Не учрежденія сами по себѣ, не тотъ механизмъ, который проектированъ для нихъ въ судебныхъ уставахъ, составляютъ желанную цѣль преобразованія; учрежденія эти, въ новой своей организаціи, суть только средство для достиженія цѣли, а цѣлью служитъ утвержденіе въ судебной практикѣ—основныхъ началъ праваго и разумнаго суда. Этихъ основныхъ началъ слѣдуетъ крѣпко держаться, и ихъ считать главнымъ пріобрѣтеніемъ судебной реформы. Если нельзя ввести повсюду полную систему новыхъ судовъ, то нѣкоторыя изъ основныхъ началъ новаго суда очень можно ввести немедленно во всей Имперіи.

№ 83.

Москва, 19-го апрѣля.

Наши доводы въ пользу политики интересовъ повидимому, нѣсколько отрезвили *St.-Petersburger Zeitung*, которая совсѣмъ было начала разсуждать о европейской политикѣ въ духѣ временъ Священнаго Союза. *St.-Petersburger Zeitung* отрекается теперь отъ этой политики „общихъ началъ и чувствованій". Но впадаетъ въ другую крайность. Она простираетъ свою ревность въ этомъ дѣлѣ—ревность новообращеннаго—до того, что не хочетъ даже признавать, ни въ грядущихъ, ни въ истекшихъ (впрочемъ только въ „послѣднихъ шести) тысячелѣтіяхъ, никакой другой политики между державами кромѣ политики интересовъ. Это ужь черезчуръ: *est modus in rebus*. О чемъ бы тутъ и спорить, еслибы въ самомъ дѣлѣ, начиная съ 4136 года до Рождества Христова, ни одно государство не дѣйствовало и не могло дѣйствовать иначе какъ въ интересѣ своей страны? Тогда не зачѣмъ было бы нѣмецкой петербургской газетѣ обзывать политику интересовъ именемъ политики рыночной и придавать этому имени пренебрежительное значеніе, что̀ именно она дѣлала. Тогда нечего было бы и намъ защищать и разъяснять законность политики интересовъ. Это значило бы даромъ тратить трудъ, хотя, прибавимъ съ позволенія *St.-Petersburger Zeitung*, это все-таки не значило бы пробиваться въ отворенную дверь: послѣднее никакъ нельзя исполнить, между тѣмъ какъ безплодная трата труда встрѣчается не рѣдко, и мы позволяемъ себѣ даже думать, что сама *St.-Petersburger Zeitung* даромъ тратитъ трудъ, когда берется за вопросы, требующіе нѣкоторой тонкости сужденія. Она привыкла рубить съ плеча, а это рѣшительно негодится въ вопросахъ дипломатическихъ.

Этою неспособностью различать оттѣнки мнѣнія, даже неособенно тонкіе, объясняемъ мы себѣ то, что почтенная *St.-Petersburger Zeitung* приписываетъ намъ политическіе взгляды, которыхъ мы никогда не имѣли, и при самомъ ограниченномъ знакомствѣ съ политическими дѣлами имѣть не могли. Заграничные читатели *St.-Petersburger Zeitung*, которые не могутъ провѣрить ея указанія по нашей газетѣ, должны были получить странное понятіе о русской политической печати, узнавъ, что *Московскія Вѣдомости*, въ настоящую минуту, проповѣдуютъ чуть не крестовый походъ противъ Пруссіи, и совѣтуютъ Россіи, чтобъ она „одна, безъ союзниковъ, стремглавъ бросилась въ хаосъ затрудненій, которыя привели бы ее въ величайшія опасности." Такіе ужасы никогда не приходили намъ въ голову. Мы никогда не говорили также, чтобы Россія должна была противиться расширенію Пруссіи, чего бы это не стоило (zu jedem Preis). Странная была бы фантазія думать, что Пруссія рѣшится теперь на войну съ Россіей. За будущее мы не поручимся, но за настоящее можно поручиться чѣмъ угодно. Положеніе Пруссіи очень трудное: въ своихъ захватахъ ей не на кого опереться, и мы спорили съ петербургскою нѣ-

мецкою газетой только о томъ, что Россіи невыгодно послужить для Пруссіи опорой въ такомъ дѣлѣ, которое совершенно противорѣчитъ русскимъ интересамъ. Вотъ о чемъ былъ споръ, и *St.-Petersburger Zeitung* поступила очень неправильно, исказивъ предметъ спора. Столь же неправильно поступаетъ она, становясь противъ насъ защитницей русской дипломатіи, о дѣйствіяхъ которой мы не говорили ни слова, по той простой причинѣ, что они не были обнародованы. *St.-Petersburger Zeitung* говоритъ: „Горячіе современные вопросы удержаны въ предѣлахъ переговоровъ, и эти переговоры, какъ можно ожидать, поведутъ къ соглашеніямъ, которыя уже теперь противопоставили видамъ Пруссіи дѣйствительные нравственные предѣлы.“ Это выражено грамматически неправильно (*поведутъ* къ соглашеніямъ, которыя уже теперь *противопоставили*), но если *St.-Petersburger Zeitung* имѣла достаточныя основанія сказать, что видамъ Пруссіи уже поставлены серіозныя нравственныя предѣлы, то, значитъ, дѣло дипломатіи оправдываетъ наши взгляды, а не взгляды *St.-Petersburger Zeitung*. Мы о томъ только и говорили, что дипломатія легко можетъ положить предѣлъ видамъ Пруссіи, несогласнымъ съ интересами ни одной изъ великихъ державъ.

Мы высказывались вовсе не противъ хода дипломатическихъ переговоровъ, который неизвѣстенъ публикѣ, а противъ аргументаціи *St.-Petersburger Zeitung*, клонившейся къ тому, что Россія, въ вопросѣ о Герцогствахъ, должна имѣть въ виду не свои ближайшіе интересы, а какія-то общія начала. Теперь *St.-Petersburger Zeitung* отъ общихъ началъ отказывается, но и теперь она утверждаетъ такія вещи, съ которыми невозможно согласиться.

Петербургская нѣмецкая газета утверждаетъ вопервыхъ, что Россія должна дѣлать различіе между своими ближайшими интересами и тѣми общими интересами, которые для нея, какъ державы колоссальной, не менѣе важны. Изъ этого выводится заключеніе, что въ виду общихъ интересовъ Россія должна жертвовать ближайшими, то-есть должна уступить Пруссіи по вопросу о Герцогствахъ.

Петербургская нѣмецкая газета утверждаетъ вовторыхъ, что Россія должна обратить вниманіе на совпаденіе своихъ интересовъ съ интересами Пруссіи по польскому и многимъ другимъ вопросамъ. Поэтому Россія должна дорожить дружбой Пруссіи, а слѣдовательно—опять тоже заключеніе—должна уступить Пруссіи по вопросу о Герцогствахъ.

И то и другое заключеніе—удивительный парадоксъ. Разберемъ по порядку.

Вопервыхъ. По словамъ *St.-Petersburger Zeitung*, для такого громаднаго государства, какъ Россія, общее равновѣсіе гораздо важнѣе нежели мѣстное, въ той или другой части Европы; другими словами, для Россіи наиболѣе важно, чтобъ Австрія и Пруссія оставались въ союзѣ между собой. Объ этомъ союзѣ Россія будто бы обязана заботиться болѣе самихъ союзниковъ, и въ особенности, чтобы Франція или Англія не пріобрѣла себѣ рѣшительнаго преобладанія въ Европѣ. Жертвуя ему ближайшими своими интересами и допуская, въ явный ущербъ для себя, нарушеніе равновѣсіямъ одной части Европы и при томъ въ важнѣйшей для себя части, на берегахъ Балтійскаго моря.

„Преобладаніе на Балтійскомъ морѣ, говоритъ *St.-Petersburger Zeitung*, не могло спасти насъ въ 1854 г., потому что у насъ былъ недостатокъ въ томъ матеріяльномъ и нравственномъ могуществѣ, которое порождается внутреннимъ развитіемъ государствъ, а для этого развитія прежде всего необходимо спокойствіе извнѣ и внутри.“ Дѣйствительно, миръ необходимъ для Россіи если не болѣе, то и не менѣе чѣмъ для всякой другой европейской державы; но что же изъ этого слѣдуетъ? Намъ необходимо спокойствіе извнѣ и внутри. Слѣдовательно, заключаетъ петербургская нѣмецкая газета, мы должны заботиться о спокойствіи въ Германіи, о согласіи между Пруссіей и Австріей. Это для насъ важнѣе чѣмъ Кильская гавань. Какъ вяжется это ученіе о нашемъ убожествѣ съ приведенною выше ссылкою на то, что Россія, какъ громадная держава, должна ставить общее равновѣсіе Европы выше чѣмъ равновѣсіе мѣстное? Петербургская нѣмецкая газета, которая такъ озабочена поддержаніемъ общаго европейскаго равновѣсія, что готова пожертвовать ему мѣстнымъ равновѣсіемъ на берегахъ Балтійскаго моря, страннымъ образомъ упускаетъ изъ виду, что чѣмъ меньше, по ея сужденію, матеріяльныхъ и нравственныхъ средствъ находится въ распоряженіи Рос-

сіи, тѣмъ менѣе можетъ она полагать ихъ на то, чтобы содѣйствуя усиленію Пруссіи на Балтійскомъ морѣ, предотвращать какія-то отдаленныя опасности будто бы грозящія общему равновѣсію Европы. *St.-Petersburger Zeitung* сравниваетъ *Московскія Вѣдомости* съ лошадью въ шорахъ. Ей кажется, что мы ничего болѣе не видимъ кромѣ Кильской бухты, и она совѣтуетъ намъ оглядѣться вокругъ. Нисколько не сердясь на *Witz* (онъ такъ прелестенъ, что на него сердиться невозможно), мы охотно слѣдуемъ совѣту, тѣмъ болѣе что обстоятельства, нарушающія европейское равновѣсіе, можно разглядѣть безъ малѣйшаго напряженія зрѣнія. Общему европейскому равновѣсію угрожаютъ захваты; оно всего болѣе поколебалось послѣ присоединенія Ниццы и Савоіи къ Франціи. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Россія должна содѣйствовать новому захвату, на этотъ разъ со стороны Пруссіи? А только о томъ и идетъ споръ между нами и *St.-Petersburger Zeitung*, должна ли Россія или нѣтъ облегчать для Пруссіи захватъ, въ смыслѣ котораго сама Пруссія еще не рѣшилась опредѣленно высказаться. *St.-Petersburger Zeitung* и теперь еще утверждаетъ, что Россія должна жертвовать интересами ближайшаго равновѣсія (на Балтійскомъ морѣ), то есть своими собственными великой важности интересами, имѣя въ виду общее политическое равновѣсіе въ Европѣ, то есть удовлетвореніе властолюбивымъ замысламъ прусской политики. Мы утверждаемъ напротивъ, что это мнѣніе есть парадоксъ, противорѣчащій здравому смыслу. Вотъ наше разногласіе.

Вовторыхъ. Куріозенъ и тотъ парадоксъ *St.-Petersburger Zeitung*, что дружественныя державы должны быть согласны по всѣмъ вопросамъ. *St.-Petersburger Zeitung*, желая представить насъ совсѣмъ въ смѣшномъ видѣ, приписываетъ намъ мнѣніе, что державы должны одною рукой обниматься между собою, а другою давать другъ другу затрещины. Охотно признаемъ живописность этихъ выраженій, но увы! нынѣшняя рыночная дипломатія такихъ рѣзкихъ контрастовъ не любитъ. Какъ она дѣйствуетъ въ наше цивилизованное время, это *St.-Petersburger Zeitung* можетъ всего лучше узнать на указываемомъ ею примѣрѣ Франціи и Англіи. Отношенія между этими державами очень дружественныя; не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онѣ другъ другу затрещинъ не даютъ, но это не мѣшаетъ имъ вести между собой постоянную глухую борьбу, и нѣтъ вопроса, въ которомъ онѣ не мѣрились бы своими силами. Такія ли отношенія желаетъ *St.-Petersburger Zeitung* установить между Россіей и Пруссіей? *St.-Petersburger Zeitung*, повидимому, не хочетъ этого. Она держится такого мнѣнія, что если Россія сходится съ Пруссіей на два вершка по польскимъ дѣламъ, то она должна сходиться съ нею гораздо ближе по вопросу о Герцогствахъ, и по всѣмъ другимъ вопросамъ. Но возможное ли дѣло, чтобы интересы двухъ державъ, хотя бы дружественныхъ и сосѣдственныхъ, были тождественны? Если-бы такъ было, то двѣ такія державы могли бы слиться въ одну, могли бы имѣть одно войско, одно министерство иностранныхъ дѣлъ и т. д. Развѣ кто когда-нибудь разумѣлъ что либо подобное подъ дружбой двухъ отдѣльныхъ государствъ? Для убѣжденія *St.-Petersburger Zeitung* достаточно, кажется, указать на слѣдующее обстоятельство. Эта газета совѣтуетъ Россіи изъ дружбы къ Пруссіи принести въ жертву свои интересы на Балтійскомъ морѣ. Но почему бы ей не обратиться къ Пруссіи съ совѣтомъ менѣе притязательнымъ и не попросить ее именемъ дружбы, чтобъ она, не принося намъ никакихъ жертвъ, только перестала покровительствовать контрабандѣ на нашей границѣ? Это было бы очень справедливо; но согласится ли Пруссія изъ-за одной дружбы оказать намъ эту справедливость? Не требуетъ ли она отъ насъ именно теперь, чтобы мы купили эту справедливость цѣной уступокъ по торговому трактату?

Въ заключеніе два слова. Мы нисколько не имѣли въ виду умалять значеніе *St.-Petersburger Zeitung*, предполагая, что она издается съ поддержкой со стороны правительства: сила нашего упрека заключалась вовсе не въ этомъ предположеніи, а въ томъ прискорбномъ фактѣ, что газета, которая, по нашему предположенію, пользуется нѣкоторыми льготами правительственныхъ изданій, говоритъ о русскихъ дѣлахъ и русскомъ войскѣ съ патріотическо-прусской, а не русской точки зрѣнія.

№ 84.

Москва, 20-го апрѣля.

Вся Европа взволновалась при вѣсти объ убійствѣ, жертвою котораго палъ президентъ Линкольнъ. Въ первую минуту многіе даже отказывались признать достовѣрнымъ распространенное телеграфомъ извѣстіе, и французскій *Вечерній Монитеръ* прямо называлъ его „неправдоподобнымъ.“ Когда же было получено подтвержденіе печальной истины, оно повсюду произвело потрясающее дѣйствіе. Британскій парламентъ поспѣшилъ офиціяльно изъявить свое сочувствіе Соединеннымъ Штатамъ; италіянскій парламентъ обвилъ чернымъ крепомъ національное знамя; въ промышленныхъ городахъ Англіи, въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Бэрмингамѣ поднялось шумное движеніе какъ бы въ минуту какого-либо народнаго бѣдствія, и густыя толпы народа буквально осаждали зданія биржъ и домы американскихъ консульствъ; въ самомъ Лондонѣ и по всей Англіи многочисленные и многолюдные митинги созываются для выраженія сочувствія Соединеннымъ Штатамъ и негодованія по случаю совершеннаго въ Вашингтонѣ злодѣянія. Въ *the Globe* справедливо замѣчено, что со временъ Равальяка не было политическаго убійства, болѣе возмутительнаго, болѣе потрясающаго какъ насильственная и внезапная смерть Авраама Линкольна. Вся европейская журналистика, безъ различія направленій и оттѣнковъ, высказала ужасъ и омерзѣніе, при полученіи роковаго извѣстія изъ Америки. Невольно общее подозрѣніе обращается на конфедератистовъ, и даже *Times* не скрываетъ, что злодѣйское преступленіе вашингтонскихъ убійцъ падетъ позоромъ на Южную Конфедерацію; предъ нимъ поблѣднѣетъ геройская защита Ричмонда и потемнѣетъ возвышенный характеръ Ли, глубокое религіозное чувство Джаксона. „Ньюйоркскіе поджоги, вермонтскіе грабежи, и наконецъ, это вашингтонское убійство помрачатъ, сказано въ лондонской газетѣ, блескъ четырехлѣтней славной защиты противъ превосходнаго непріятеля и выигранныхъ въ Виргиніи битвъ!“

Трудно, безъ сомнѣнія, рѣшить, точно ли убійцы повиновались указаніямъ какихъ-либо эмиссаровъ Юга, или же они дѣйствовали на свой собственный страхъ. Во всякомъ случаѣ, планъ заговора былъ очень обширенъ, и кромѣ Линкольна и Сюарда, должны были пасть еще Грантъ и Стантонъ. Цѣль заговорщиковъ была, повидимому, далѣе простаго возмездія. Не побѣды сѣверныхъ армій были главнымъ преступленіемъ Линкольна и Сюарда въ глазахъ заговорщиковъ, а напротивъ того, принятая ими въ послѣднее время политика умѣренности и мудрости, которой суждено было, какъ полагали, упрочить за возстановленнымъ Союзомъ дружественныя отношенія къ иностраннымъ державамъ. Возбудить непримиримую ненависть, между обѣими частями Республики, довести Сѣверъ до крайней степени раздраженія, на мѣсто умѣренныхъ правителей поставить правителей невоздержанныхъ, мудрость замѣнить озлобленіемъ, ввергнувъ Соединенные Штаты во всевозможныя смуты, во всѣ неисчислимыя послѣдствія разнузданности страстей и анархіи:—вотъ, какъ согласно утверждаютъ многія европейскія газеты, очевидная цѣль заговорщиковъ и убійцъ, такъ театрально потрясавшихъ своимъ оружіемъ. Но эта цѣль, будетъ ли она достигнута?

Линкольнъ палъ въ самую великую для него минуту, не среди торжествъ, которыхъ чуждалась его скромная душа, не въ упоеніи военной славы передъ рядами войскъ, но въ ту минуту, когда онъ имѣлъ полное право сказать, что послѣдніе потоки крови готовы остановиться, и что вмѣсто острія меча, скоро можно будетъ подать недавнему противнику руку примиренія. Линкольнъ довелъ до конца дѣло освобожденія невольниковъ и подавленія мятежа, и палъ послѣднею кровавою жертвою этого дѣла. Ему не суждено было вкусить плодовъ болѣе сродной и пріятной для него, миротворческой дѣятельности. Самъ Югъ, оцѣнивъ въ послѣднее время достоинства покойнаго Линкольна, готовъ былъ, по всему судя, сомкнуться вокругъ него и забыть взаимную вражду. Первымъ актомъ этихъ обоюдно примирительныхъ стремленій можно считать капитуляцію армію Ли, условія которой и подробности обстановки, самая переписка ей предшествовавшая, дѣлаютъ равную честь и побѣдителю и побѣжденному. Лаконическая кроткость этой переписки и глубокое взаимное уваженіе къ мужеству и доблести противника, которое сказалось въ ней такими яркими чертами, воскрешаютъ древнія классическія времена Регуловъ.

Внезапная смерть Линкольна ставитъ Соединенные Штаты въ критическое положеніе. Окончательнымъ низложеніемъ оружія сепаратистовъ, теперь несомнѣннымъ, не уничтожаются всѣ послѣдствія возникшаго четыре года тому назадъ междуусобія. За періодомъ побѣдъ долженъ наступить не менѣе, если еще не болѣе, трудный періодъ возсозданія государства и возрожденія страны. Для этого дѣла недостаточно однихъ добрыхъ намѣреній, и одного патріотическаго чувства, хотя бы самаго искренняго. Для этого необходимъ политическій тактъ и практическій здравый смыслъ. И тѣмъ, и другимъ въ значительной степени обладалъ Линкольнъ. Онъ понималъ трудности предстоящей задачи, и въ послѣдней публичной рѣчи своей, которую можно считать какъ бы политическимъ завѣщаніемъ его, отказывался рѣшать эти трудности съ плеча или однимъ почеркомъ пера. Онъ не скрывалъ отъ себя необходимости сдѣлокъ и выжиданій, чтобы возстановленіе Союза могло стать дѣломъ вполнѣ прочнымъ. Замѣнить такого человѣка, который дѣйствительно могъ спасти американскую свободу и отъ диктатуры, и отъ анархіи, чрезвычайно трудно. *Times*, всегда неблагосклонный къ федералистамъ, считаетъ это задачей совершенно неисполнимою. „Сомнительно, чтобы даже самъ Линкольнъ могъ благополучно совершить предстоящее теперь Соединеннымъ Штатамъ дѣло; нравственно невозможно чтобы его совершилъ г. Андру Джонсонъ. Судьба всей страны поднята на вѣсахъ, и мы съ трепетомъ ожидаемъ, въ которую сторону они опустятся.“ Не всѣ, однако, съ такой мрачной точки зрѣнія взираютъ на грядущія событія въ Америкѣ. Военный министръ Стантонъ въ своей краткой телеграфической депешѣ, съ твердою увѣренностью говоритъ, что политика Соединенныхъ Штатовъ не измѣнится со смертью главы государства, какъ бы дорогъ онъ ни былъ для націи. Бо́льшая часть англійскихъ газетъ согласно утверждаютъ, что злодѣяніе, жертвой котораго палъ Линкольнъ, не остановитъ ни окончательныхъ побѣдъ Сѣвера, ни возстановленія Союза. Лучшіе люди Юга сами первые чувствуютъ отвращеніе отъ убійства совершеннаго 14-го апрѣля въ Вашингтонѣ, и нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы генералъ Ли, еслибъ онъ даже увидѣлъ возможность продолжать войну, снова обнажилъ когда-либо свою шпагу за дѣло отнынѣ запятнанное гнуснымъ убійствомъ. Партизаны Юга въ Европѣ чистосердечно присоединялись вездѣ къ выраженію народнаго негодованія, и когда въ ливерпульской биржѣ, при прочтеніи роковой телеграммы, кто-то крикнулъ вдругъ *ура*, то былъ немедленно схваченъ за воротъ однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Юга и выброшенъ за дверь. „Злодѣи, убившіе Линкольна, сказано въ одной газетѣ, добили тѣмъ самымъ и Югъ.“ Событія какъ бы оправдываютъ логику этого заключенія: почти недѣля прошла уже послѣ полученія первой роковой вѣсти, и все тихо въ Нью-Іоркѣ и Вашингтонѣ; нѣтъ нигдѣ ни смутъ, ни анархіи, низложеніе сепаратизма тѣмъ временемъ продолжается; Мобиль палъ, а остатки южныхъ армій, подъ начальствомъ генераловъ Джонстона, Смита и другихъ, не замедлятъ, безъ сомнѣнія, положить оружіе. Притомъ, г. Джонсонъ, котораго судьба столь неожиданно вознесла на высоту правленія, совсѣмъ не такъ неспособенъ къ дѣлу, какъ можно было бы заключить изъ несчастнаго съ нимъ случая въ торжественный день вступленія въ должность, и если, отложивъ въ сторону мелочные разчеты личнаго самолюбія, онъ будетъ слѣдовать указаніямъ достаточно окрѣпшаго въ Америкѣ общественнаго мнѣнія, дѣйствуя всегда за одно съ своими министрами, и въ особенности дорожа опытностью г. Сюарда, задушевнаго друга и единомышленника Линкольда (если только, какъ еще можно надѣяться, онъ останется въ живыхъ), то благоразумная политика покойнаго президента не прекратится, и дѣло возстановленія Союза можетъ быть приведено къ концу въ ближайшемъ будущемъ. Что выйдетъ изъ такого возстановленія, и точно ли не поколеблются республиканскія учрежденія страны, или же организмъ Соединенныхъ Штатовъ подвергнется существенному измѣненію, это другой вопросъ, и мы не беремся предрѣшать его.

№ 85.

Москва, 21-го апрѣля

Въ передовой статьѣ № 80-го *Русскаго Инвалида* энергически высказывается мысль, что „политика русскаго правительства въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи должна быть политикой по преимуществу

національною", клонящеюся къ тому чтобы русскій элементъ доселѣ подавленный тамъ, достигъ полной и всесторонней самостоятельности, чтобы пришлый польскій элементъ, ничтожный въ своей численности, но искусный въ интригѣ и въ революціонныхъ происках, былъ обузданъ, и этотъ край, русскій по своему населенію, по своему прошедшему, по своей неразрывной связи съ остальною Россіей, былъ огражденъ отъ преступныхъ замысловъ меньшинства. Таковы, по словамъ *Русскаго Инвалида*, предначертанія русскаго правительства, и еслибъ эти предначертанія были оставлены, прежде чѣмъ они были бы приведены въ исполненіе, еслибы правительство возвратилось къ прежней политикѣ, которая предавала весь этотъ край въ польскія руки,—еслибы всѣ эти предположенія, на которыхъ такъ любятъ останавливаться тѣ или другія изъ иностранныхъ газетъ, дѣйствительно сбылись, тогда, говоритъ *Русскій Инвалидъ*, „было бы за что устыдиться намъ самихъ себя". „Тѣ или другія лица", многознаменательно прибавляетъ эта газета, „могутъ быть въ западномъ краѣ исполни„телями предначертаній правительства, но „предначертанія эти будутъ отличаться „однимъ и тѣмъ же духомъ."

Слова эти, мы увѣрены, найдутъ полное сочувствіе въ русской публикѣ. Появляясь въ газетѣ военнаго министерства, въ настоящую пору, они пріобрѣтаютъ значеніе политической программы, которой намѣрены неуклонно слѣдовать правительственные дѣятели въ западномъ краѣ Россіи. Повидимому, эти слова должны бы разсѣять тревожныя опасенія друзей Россіи и сокрушить радостныя надежды ея недруговъ. Но дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, такъ важно, что было бы крайне опасно предаваться ожиданіямъ, которыя могли бы потомъ оказаться преждевременными. Подобныя заявленія не разъ и прежде повторялись въ нашей печати офиціяльной и неофиціяльной: имъ соотвѣтствовала, за два послѣдніе года, и дѣятельность мѣстныхъ русскихъ властей, особенно въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, и что же? Эти патріотическія слова и даже эти патріотическія дѣйствія убѣдили ли Поляковъ въ непоколебимо-твердомъ намѣреніи русскаго правительства навсегда положить конецъ ихъ притязаніямъ, и вселили ли они въ самихъ Русскихъ увѣренность, что нашъ западный край навсегда упроченъ за Россіей и вполнѣ огражденъ отъ всякаго дальнѣйшаго посягательства со стороны польской крамолы? Къ сожалѣнію, несомнѣнные факты доказываютъ противное. Русскіе капиталисты, русскіе купцы, русскіе дѣятели различныхъ категорій, большею частью, не рѣшаются на окончательное переселеніе въ западный край Россіи, несмотря на то что онъ представляетъ въ настоящее время большія удобства для ихъ предпріимчивости, для ихъ дѣятельности, для ихъ капиталовъ, и при этомъ они обыкновенно ссылаются на неизвѣстность, что станется съ этимъ краемъ въ послѣдствіи. Неужели же русскій народъ, вообще такъ довѣрчивый къ своему правительству, не довѣряетъ въ этомъ случаѣ или его намѣреніямъ, или его средствамъ привести эти намѣренія въ исполненіе? Съ другой стороны, и Поляки, даже въ самой Вильнѣ, до сихъ поръ не убѣдились еще въ томъ, чтобы русское правительство могло навсегда оградить край отъ ихъ посягательства, хотя имъ и хорошо извѣстно, какими вообще огромными средствами располагаетъ русское правительство, и какъ надежно могло бы оно въ этомъ дѣлѣ опереться на громадное большинство русскаго народа. Достаточно было одного слуха, что М. Н. Муравьевъ уже не возвратится въ край, которымъ онъ управлялъ въ продолженіе почти двухъ лѣтъ, для того чтобы надежды ихъ воспрянули съ новою силой, какъ это видно изъ приходящихъ оттуда извѣстій.

Чѣмъ объяснить это непонятное повидимому явленіе? Приписать ли эту живучесть польскихъ надеждъ сознанію силы польскаго элемента и его нравственнаго превосходства? Но дѣйствительная народная сила высказывается въ дѣлахъ иного характера, чѣмъ польскіе заговоры отъ перваго до послѣдняго, а нравственное превосходство заявляетъ себя чѣмъ-нибудь положительнымъ. До сихъ поръ живучесть польскихъ надеждъ происходила отъ причинъ внѣшнихъ: отъ разчета на помощь Европы, и отъ разчета на ошибки нашей внутренней политики, на ея неясность, на отсутствіе единства въ нашихъ дѣйствіяхъ. Европа постаралась разочаровать Поляковъ въ первомъ изъ этихъ разчетовъ, но второй остается еще въ прежней силѣ, и вотъ источникъ надеждъ, которыя побуж-

дают Поляков къ попыткамъ столь для нихъ гибельнымъ. Поставимъ себя въ положеніе Поляковъ западнаго края. Какъ имъ вѣрить въ возможность полнаго торжества русской народности въ этомъ русскомъ западномъ краѣ, когда множество фактовъ свидѣтельствуютъ о колебаніяхъ и разногласіяхъ внутри самой же Россіи, и притомъ именно по вопросу польскому? Одинъ уже тотъ фактъ, что Царство Польское стоитъ особнякомъ въ ряду владѣній русской короны и еще не изъято окончательно изъ вѣдомства общеевропейской политики, — Царство Польское, въ которомъ, подъ сѣнью особыхъ его властей, учрежденій и законовъ, возникъ, организовался и развился послѣдній мятежъ, которое обнаружило еще прежде того явное намѣреніе притянуть къ себѣ западныя области Россіи и которое дѣйствительно успѣло втянуть ихъ въ свое возстаніе, — которое, благодаря какому-то смутному параграфу Вѣнскаго трактата, подало поводъ ко вмѣшательству иностранныхъ державъ въ наши дѣла, — какъ долженъ дѣйствовать одинъ уже этотъ фактъ на любаго Поляка-патріота? Какія надежды, на основаніи этого одного факта, должны возникать въ польскихъ умахъ, особенно въ виду той поспѣшности и того усердія, съ какими у насъ опровергаются иностранныя извѣстія о намѣреніи Россіи включить Польшу въ общій составъ Имперіи и подчинить ее одному и тому же общему управленію?

Но это ли одно вводитъ Поляковъ въ заблужденіе относительно видовъ и намѣреній русскаго правительства? Не читали ли мы въ одномъ извѣстномъ памфлетѣ, что Полякамъ должны быть предоставлены всевозможныя политическія преимущества предъ Русскими, и что сама Россія должна быть раздѣлена на части, совершенно чуждыя другъ другу, между которыми русское государство должно исчезнуть улетучившись въ неловѣчество, и не даны ли автору этого памфлета самими же Русскими значительныя средства для основанія за границей журнала, въ передовыхъ статьяхъ котораго на французскомъ языкѣ, будутъ безъ всякаго сомнѣнія, проводимы тѣ же самыя идеи? Или еще: появленіе въ свѣтъ, въ русскомъ переводѣ, учебника географіи, въ которомъ восемь западныхъ нашихъ губерній отнесены къ какому-то воображаемому королевству Польскому и поставлены отдѣльно отъ Россійской Имперіи, само по себѣ не имѣетъ важности; но какъ понять и какъ объяснить, что ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія признастъ этотъ учебникъ за отличное пособіе для учителей при преподаваніи географіи въ нашихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ? Что должны подумать польскіе патріоты и революціонеры въ виду этихъ фактовъ, и можемъ ли мы удивляться, если имъ плохо вѣрится, чтобы русское правительство имѣло непоколебимо-твердое намѣреніе не только удержать западный нашъ край за Россіей, но и доставить въ немъ торжество русскому національному дѣлу, разрѣшивъ окончательно этотъ несчастный польскій вопросъ, питаемый всего болѣе неопредѣленностью нашихъ же дѣйствій?

Задача, которая такъ ясно и такъ энергически обозначена въ *Русскомъ Инвалидѣ*, есть, по истинѣ, великая, національная задача. Мы ни въ какомъ случаѣ не должны умалять ни ея значенія, ни ея трудностей. Прошлый польскій элементъ западнаго края, дѣйствительно, ничтоженъ по своей численности; но въ его рукахъ почти всѣ земли края; въ его распоряженіи находятся, сравнительно, гораздо бо́льшія образовательныя средства чѣмъ какія предоставлены соотвѣтствующимъ классамъ внутри Россіи; на его сторонѣ перевѣсъ если не нравственнаго превосходства, въ чемъ очень позволительно сомнѣваться, то перевѣсъ образованія, что доказывается несомнѣнными цифрами статистики учебныхъ заведеній. Сверхъ того этотъ пришлый элементъ, и матеріяльно, и нравственно, поддерживается и питается изъ Царства Польскаго, изъ польскихъ владѣній Австріи и Пруссіи, изъ Парижа, изъ Лондона, изъ всѣхъ странъ Европы. Обуздать его и доставить надъ нимъ законное преобладаніе русскому элементу, на это не достанетъ ни силъ, ни средствъ ни у мѣстнаго русскаго населенія, ни у мѣстныхъ правительственныхъ дѣятелей, какою бы энергіей они ни были надѣлены, какою бы ясностью и проницательностью взгляда они ни отличались и съ какимъ бы патріотическимъ самопожертвованіемъ они ни дѣйствовали. Это дѣло можетъ быть совершено только дружными и послѣдовательными усиліями всей Россіи, всего русскаго государства и русскаго общества. Только соединенными настойчивыми и по-

слѣдовательными усиліями можетъ Россія отвоевать западный край свой у польской пропаганды, которая въ продолженіе вѣковъ забирала его и которая и въ настоящее время нисколько не унываетъ, въ виду нашего разъединенія и нашихъ колебаній.

№ 86.

Москва, 22-го апрѣля.

Сознавая рѣшительную невозможность повсемѣстнаго одновременнаго введенія новопроектированныхъ судовъ со всѣмъ ихъ сложнымъ механизмомъ, нельзя не сознавать еще съ большею силой тѣхъ неисчислимыхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя повлекло бы за собой промедленіе въ повсемѣстномъ улучшеніи судебной части, издавна составляющемъ предметъ горячихъ желаній, а теперь сдѣлавшемся вопіющею потребностью общества. Правый судъ есть главное условіе успѣховъ общественной жизни, главная задача государства въ дѣлахъ внутренняго управленія. На низкихъ степеняхъ государственнаго развитія, гдѣ дѣйствіе правосудія бываетъ слабо, эта слабость уравновѣшивается съ одной стороны строгостью наказаній, съ другой стороны допущеніемъ короткой расправы безъ суда. Многіе виновные уходятъ отъ наказанія, но такъ какъ наказаніе жестоко, то примѣръ подпадающихъ наказанію устрашаетъ людей съ порочными наклонностями и воздерживаетъ ихъ отъ преступленій; въ ежедневной жизни, гдѣ борьба идетъ не съ преступленіями, а съ мелкими проступками и нарушеніями закона, порядокъ поддерживается произвольною расправой, предоставленною лицамъ, отвѣчающимъ за его сохраненіе или въ его охраненіи заинтересованнымъ. Такой ходъ дѣлъ противорѣчитъ справедливости; ставя жестокость вмѣсто правосудія и произволъ вмѣсто закона, онъ узакониваетъ грубость нравовъ и лишаетъ общество существенныхъ условій жизни соотвѣтствующей человѣческому достоинству; унижая людей подчиняемыхъ произвольной расправѣ, онъ портитъ и тѣхъ чьему произволу онъ ихъ подчиняетъ. При такомъ ходѣ дѣлъ невозможны серіозные успѣхи благосостоянія и цивилизаціи, но порядокъ и при такомъ ходѣ дѣлъ до извѣстной степени возможенъ, а также возможно общежитіе, что мы и видѣли на примѣрѣ Россіи, когда дѣйствовали въ полной силѣ крѣпостное право, безчеловѣчныя торговыя казни и безконтрольная полицейская расправа. Теперь положенъ конецъ произволу и жестокости, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ всѣхъ классовъ русскаго общества, но такъ какъ судъ остается въ прежнемъ видѣ и законъ не занялъ еще мѣста принадлежащаго ему въ благоустроенномъ обществѣ, то реформы, сами по себѣ благотворныя, привели страну въ такое состояніе, при которомъ личность и собственность обезпечены гораздо хуже чѣмъ прежде, и льготы выпадаютъ на долю преимущественно людей недостойныхъ и вредныхъ, которые пользуются разными гарантіями, но отъ которыхъ люди честные нисколько не гарантированы. Наступило положеніе дѣлъ до такой степени неправильное, что только особенною доброкачественностью русскаго народа можно объяснить себѣ, какъ онъ выноситъ еще ту анархію и тѣ искушенія, съ которыми ему привелось теперь бороться.

Всего вреднѣе дѣйствуетъ на все общество совершенная безсудность по полицейскимъ проступкамъ. Въ значительной части случаевъ полицейскіе проступки наказываются не иначе какъ по судебному приговору. Но при нашемъ судопроизводствѣ сколько условій требуется, чтобы судебный приговоръ могъ состояться! Надобно подать объявленіе, и въ немъ подробно изложить жалобу, указать на свидѣтелей виновности и привести другія доказательства въ ея подтвержденіе. Эта жалоба подается здѣсь въ Москвѣ въ полицейскую инстанцію, которая предписываетъ слѣдственному приставу произвести слѣдствіе. Но у слѣдственнаго пристава бываетъ иногда въ производствѣ отъ 150 до 200 дѣлъ, и проситель получаетъ отъ слѣдственнаго пристава обыкновенно отвѣтъ, что у него уже на нѣсколько дней впередъ распредѣлены занятія, сдѣланы вызовы и т. д. Когда эти дни наконецъ проходятъ, и проситель, добившись очереди, является по вызову съ своими свидѣтелями, то по большей части случается, что отвѣтчика отыскать не могли. Затѣмъ производятся розыски, отъ которыхъ ничего не стоитъ укрыться, и если отвѣтчикъ паче чаянія отыскивается, то возникаетъ новое препятствіе въ томъ, что вызовы не доходятъ до свидѣтелей, изъ коихъ иные перемѣнили мѣсто жительства. Нѣсколько разъ повторяются эти вызовы,

ни къ чему не ведущіе; истецъ уже не радъ что началъ дѣло; свидѣтели жалуются, что ихъ напрасно тревожатъ; отвѣтчикъ требуетъ отъ слѣдователя чтобы тотъ возвратилъ ему отобранный паспортъ, безъ котораго никто его не держитъ, и очень часто это требованіе исполняется въ виду невозможности скоро окончить дѣло. Если же и удается допросить всѣ лица и дать имъ очныя ставки, то дѣло все таки еще не подвигается впередъ; требуются справки, не судился ли гдѣ отвѣтчикъ; требуется выписка изъ метрической книги о времени его рожденія, о чемъ посылается запросъ въ консисторію иногда за 1000 верстъ. За этими справками проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и наконецъ дѣло поступаетъ въ судъ, но у суда еще больше важныхъ дѣлъ чѣмъ у слѣдственнаго пристава, и онъ оставляетъ мелкое дѣло о проступкѣ до болѣе свободнаго времени. Имѣя въ виду такую перспективу, какой истецъ не уступитъ обычнымъ убѣжденіямъ тяготящейся подобными дѣлами полиціи, что гораздо лучше совсѣмъ не жаловаться на полицейскій проступокъ?

Такъ бываетъ, когда отвѣтчикъ принадлежитъ къ привилегированнымъ сословіямъ, къ которымъ, какъ извѣстно, причисляются въ этомъ случаѣ и мѣщане. Лица крестьянскаго званія подлежатъ за проступки въ столицахъ суду полицейской инстанціи — управы благочинія, но и тутъ прежде рѣшенія дѣла о полицейскомъ проступкѣ, необходимо, по новому наказу, произвести слѣдствіе, слѣдовательно, главныя затрудненія тѣ же. Такимъ образомъ бо́льшая часть полицейскихъ проступковъ или остаются совершенно безнаказанными, или возбуждаютъ цѣлые слѣдственные и судебные процессы. Сама полиція, забирая людей за пьянство, драку, мелочныя кражи, находится въ безвыходномъ положеніи. Еслибы назначить слѣдствія по всѣмъ этимъ проступкамъ, то пришлось бы до того завалить слѣдователей работой, что остановилось бы производство слѣдствій не только по полицейскимъ проступкамъ, но и по уголовнымъ дѣламъ. Полиція препровождаетъ обыкновенно мѣщанъ въ мѣщанскую управу, а та отправляетъ ихъ въ Андреевскую богадѣльню для работъ совершенно номинальныхъ.

Словомъ, можно сказать, что главная масса такъ-называемыхъ полицейскихъ проступковъ—а ихъ по Уложенію о Наказаніяхъ предоставлено суду полиціи не менѣе 500—остается безъ наказанія, какъ еслибы государства вовсе не существовало. Можетъ ли такое положеніе вещей не оказывать самаго вреднаго дѣйствія на народную нравственность? Но чтобы вполнѣ оцѣнить все растлѣвающее вліяніе, которому подвергнется народъ, надобно припомнить, что одновременно съ этою безнаказанностью, увеличился соблазнъ безпорядочной жизни отъ безмѣрнаго размноженія питейныхъ заведеній и отъ усиленной конкурренціи между ними, принуждающей ихъ прибѣгать къ разнымъ приманкамъ, крайне вреднымъ для народной нравственности. Безнаказанность съ одной стороны, соблазнъ съ другой, и обѣ эти силы доведенныя до высшей степени своего возможнаго дѣйствія,—вотъ съ чѣмъ борются теперь добрые инстинкты русскаго народа. Иностранцы съ удивленіемъ смотрятъ на этотъ ходъ дѣлъ и недоумѣваютъ, какъ еще держится у насъ наружный порядокъ и общественная связь. Не разъ случается слышать, что при такомъ ходѣ дѣлъ во всякой другой странѣ наступилъ бы совершенный застой общественныхъ отправленій. Но и у насъ нельзя долго полагаться на добрую натуру народа. Народная нравственность уже растлѣвается съ ужасающей быстротой. Для Москвы это можно доказать цифрами. Полиція теперь дѣйствуетъ, ужъ конечно, не строже чѣмъ прежде, но тѣмъ не менѣе въ первую половину 1861 г. было забрано полиціей въ Москвѣ за разные преступленія и проступки всего 9.664 человѣка обоего пола, а въ первые шесть мѣсяцевъ 1864 года ихъ забрано 23.273 человѣка.

Чтобы положить предѣлъ распространенію этой нравственной заразы, необходимо учредить какъ можно скорѣе на всемъ пространствѣ Имперіи скорый и справедливый судъ въ замѣну теперешняго чисто-номинальнаго судебно-полицейскаго дѣлопроизводства. Вотъ потребность, которая превышаетъ всѣ другія потребности общества. По счастію, она можетъ быть очень легко удовлетворена, какъ свидѣтельствуютъ самые компетентные авторитеты и въ ихъ числѣ, если не ошибаемся, авторитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ: сосредоточивая въ себѣ высшее завѣдываніе полиціей, оно не могло не видѣть всеобщей потребности, и если вѣрны ходящіе въ обществѣ слухи, уже въ продолженіе нѣ-

сколькихъ лѣтъ высказывается въ пользу возложенія судебно-полицейскихъ дѣлъ на мировыхъ посредниковъ съ переименованіемъ ихъ въ мировые судьи. Вотъ мѣра, которая безъ всякаго сомнѣнія можетъ быть принята одновременно во всѣхъ частяхъ Имперіи, управляемыхъ по учрежденію, и была бы повсюду встрѣчена общимъ сочувствіемъ.

№ 87.

Москва, 23-го апрѣля.

Никакое преобразованіе и никакое нововведеніе не можетъ безнаказанно уклониться отъ того мудраго правила, которое велитъ пользоваться для будущаго тѣмъ что̀ выработано въ прошедшемъ. Тотъ не можетъ богатѣть, кто не бережетъ плодовъ своего труда и труда своихъ предковъ. Цѣнны или малоцѣнны эти плоды, ими по неволѣ приходится дорожить, чтобы не остаться совсѣмъ безъ ничего. Но верхъ неразчетливости былъ бы не дорожить тѣмъ, что̀ имѣетъ очевидную, всѣми признаваемую цѣну. Есть мнѣніе, что институтъ мировыхъ посредниковъ, какъ учрежденіе временное, долженъ быть постепенно сокращаемъ, чтобы наконецъ мало-по-малу совсѣмъ упразднниться. Пусть, говорятъ, теперешнія мировыя учрежденія занимаются окончаніемъ своихъ дѣлъ, и пусть рядомъ съ ними возникнетъ новый мировый судъ, созданный на совершенно новыхъ началахъ. Говорящіе это повидимому забываютъ, что теперешній мировой институтъ есть учрежденіе оправдавшееся на опытѣ удовлетворительнымъ образомъ, что учрежденій въ равной мѣрѣ удавшихся мы имѣемъ чрезвычайно мало, и что чѣмъ менѣе у насъ такихъ учрежденій, тѣмъ болѣе мы должны дорожить ими, стараясь извлечь изъ нихъ всю возможную пользу. Они забываютъ также, что два мировыя учрежденія не могутъ существовать рядомъ уже потому что это совсѣмъ сбило бы сельскій людъ съ толку, а также и потому что между ними самими происходили бы нескончаемыя пререканія. Наконецъ сторонники вышеприведеннаго мнѣнія забываютъ, что при существованіи земскихъ учрежденій, во многихъ уѣздахъ будетъ весьма трудно пріискать способныхъ людей и для одного мироваго учрежденія, не говоря уже о двухъ. Надобно было бы раскассировать теперешнія мировыя учрежденія, чтобы завести новые мировые суды, которые наслѣдовали бы отъ нихъ всю ихъ судебную власть, между тѣмъ какъ остальныя, весьма важныя занятія мировыхъ посредниковъ пришлось бы возложить на полицію. Неужели это было бы улучшеніемъ, а не шагомъ назадъ? Неужели мы будемъ на столько доктринерами, что, ради теоретической правильности построенія новыхъ мировыхъ судовъ, отдадимъ все крестьянское самоуправленіе подъ власть полиціи? Какъ будутъ дѣйствовать новые мировые суды, этого никто не знаетъ, но всѣ мы знаемъ, что мировыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ дѣйствовали очень хорошо. Безъ ошибокъ не обходится ни одно человѣческое дѣло; тѣмъ менѣе могло обойдтись безъ ошибокъ такое трудное дѣло какъ введеніе въ дѣйствіе крестьянскихъ положеній и разбирательство щекотливыхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами. Но не забудемъ, что дѣйствія мировыхъ учрежденій (за исключеніемъ дѣйствій губернскихъ присутствій) подлежали безграничному контролю гласности и кромѣ весьма немногихъ случаевъ, не подвергались обвиненіямъ сколько нибудь серіознымъ. Черезъ такую пробу не прошло ни одно изъ нашихъ учрежденій. Можно ли не цѣнить этого? Или мы такъ привыкли къ неподкупности, что готовы ставить ни вочто институтъ, который въ этомъ отношеніи стоитъ выше всякаго нареканія? Если будетъ у насъ что-нибудь еще болѣе удовлетворительнѣе, тѣмъ лучше. Но покамѣсть за мировой институтъ мы должны держаться, что̀ называется обѣими руками. Мы должны развивать, а не отметать его Мы должны развивать его какъ можно бережнѣе, слѣдуя указаніямъ опыта. Но въ чемъ можетъ состоять развитіе и улучшеніе мироваго института какъ не въ усиленіи судебнаго характера его? И какое можетъ быть болѣе вѣрное обезпеченіе правильности этого развитія, какъ не постепенность въ расширеніи круга подсудности, предоставленнаго мировымъ учрежденіямъ?

Это расширеніе оказывается особенно необходимымъ въ двухъ направленіяхъ. Вопервыхъ, крестьянскій волостной судъ крайне нуждается въ предсѣдательствѣ мироваго посредника; это предсѣдательство не повредитъ ничему что̀ есть хорошаго въ крестьянскомъ судѣ, но оно освободитъ

его изъ-подъ власти писаря, сдѣлаетъ невозможнымъ рѣшеніе дѣлъ за ведромъ вина и оградитъ крестьянъ отъ дикихъ приговоровъ, которые не рѣдко постановляются невѣжественными судьями. Вовторыхъ, какъ мы уже говорили вчера, чувствуется настоятельнѣйшая потребность въ передачѣ мировымъ посредникамъ судебно-полицейскихъ дѣлъ. Этимъ устранилось бы всякое участіе полицейской власти въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, и было бы придано суду надлежащее единство отправленія, совершенно согласное съ духомъ новыхъ судебныхъ уставовъ. Судъ выигралъ бы вслѣдствіе того чрезвычайно много, а мировой институтъ выигралъ бы тѣмъ, что былъ бы окончательно пріуроченъ къ судебному вѣдомству. Главная причина путаницы въ судебныхъ дѣлахъ устранится сама собою, когда изъ вѣдѣнія полиціи будутъ изъяты въ исключительное вѣдомство суда всѣ дѣла извѣстныя подъ названіемъ судебно-полицейскихъ. Мировые суды могутъ принять въ свое вѣдомство всѣ эти дѣла, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ они по дѣйствующему законодательству отнесены къ вѣдомству полиціи. Немногія необходимыя перемѣны могутъ быть безъ всякаго затрудненія заимствованы изъ новыхъ судебныхъ уставовъ. Такимъ образомъ, не производя общей ломки существующихъ учрежденій, законодательство будетъ имѣть передъ собой самый удобный и практическій способъ упростить форму суда и вмѣстѣ съ тѣмъ положить прочное начало мировымъ судамъ, пріурочивъ ихъ на первое время къ старой системѣ, такъ что и полиція можетъ войдти въ свои предѣлы, и сосредоточиться на принадлежащихъ ей полицейскихъ отправленіяхъ, и мировые судьи — новою судебною практикой постепенно приготовиться къ тому расширенію круга дѣятельности, которое будетъ ожидать ихъ въ послѣдствіи. Вотъ тѣ два направленія, на которыя въ вопросѣ о дальнѣйшемъ развитіи нашего мироваго института указываетъ потребность общественной жизни уже успѣвшая громко заявить себя. Становясь институтомъ судебнымъ и переходя въ судебное вѣдомство, онъ много выиграетъ и въ народномъ мнѣніи, которое уже привыкло чтить его, и въ собственномъ сознаніи своей самостоятельности. Въ томъ, что мировые судьи будутъ вѣдать нѣкоторыя административныя дѣла, и что ихъ рѣшенія по нѣкоторымъ изъ этихъ дѣлъ будутъ подлежать обжалованію не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ, — въ этомъ ни малѣйшей бѣды не будетъ, и это нисколько не умалитъ значенія мировыхъ судей: ихъ рѣшенія будутъ въ опредѣленныхъ случаяхъ подлежать административному пересмотру, но сами они будутъ совершенно независимы отъ администраціи.

Подвинуть такимъ образомъ впередъ мировый институтъ значитъ сдѣлать шагъ неизмѣримой важности въ улучшеніи правосудія. Но нѣтъ ни малѣйшаго основанія ограничиваться этимъ шагомъ. Подвинувъ впередъ мировой институтъ, очень можно подвинуть впередъ и теперешніе суды. Состояніе ихъ крайне не удовлетворительно, а потому для ихъ улучшенія несомнѣнно слѣдуетъ сдѣлать все, что только можно сдѣлать, и притомъ сдѣлать какъ можно скорѣе. По счастію, возможнаго отнюдь не мало.

Оставляя пока въ дѣйствіи теперешнія судебныя учрежденія, очень можно ввести немедленно многія улучшенія и сокращенія судопроизводства, примѣнительно къ тѣмъ существеннымъ началамъ суда, на которыя мы указали въ прежнихъ статьяхъ, и которыя составляютъ коренное пріобрѣтеніе судебной реформы. Приведемъ для примѣра, какія улучшенія могли бы быть введены немедленно повсюду.

Повсюду могла бы немедленно совершиться локализація суда въ низшихъ центрахъ судебнаго управленія, то-есть соединеніе уѣздныхъ судовъ съ магистратами и ратушами, давно всѣми ожидаемое. Внутренняя экономія судебнаго производства тотчасъ же много отъ этого выиграла бы.

Вовторыхъ, повсюду немедленно можно было бы освободить суды отъ тягостнаго и несоотвѣтствующаго достоинству судовъ надзора административной власти.

Далѣе, не нарушая общихъ очертаній теперешняго судоустройства, суду могутъ быть предписаны для руководства важнѣйшія изъ основныхъ правилъ новаго устава. Немедленно можно прекратить въ нашихъ судахъ безпорядокъ соединенный съ неправильнымъ начатіемъ дѣлъ, возстановивъ силу того правила, по которому ни одно дѣло не должно начинаться безъ опредѣленнаго иска и рѣшаться безъ состязанія сторонъ, и распространить это правило на всѣ дѣла казенныя, устранивъ участіе

въ судѣ всѣхъ мѣстъ и лицъ казеннаго управленія. Немедленно можно ввести въ судебныя мѣста новыя правила о судебныхъ доказательствахъ, сократить апелляціонные сроки, отмѣнить нѣкоторые обряды производства, давно потерявшіе свое значеніе, напримѣръ вызовъ къ рукоприкладству подъ записками, дать гласность всему дѣлопроизводству, предоставивъ тяжущимся право слѣдить за нимъ и получать за извѣстную плату копіи со всѣхъ нужныхъ имъ бумагъ. Наконецъ, на всѣ тѣ дѣла, въ которыхъ обѣ тяжущіяся стороны находятся при начатіи дѣла въ томъ же городѣ или уѣздѣ, можно немедленно распространить правила сокращеннаго судопроизводства. Впрочемъ и вообще, присутствіе тяжущихся при докладѣ и представленіе словесныхъ объясненій тою стороной, которая пожелаетъ того (безъ права приводить новыя доказательства или измѣнять существо требованій), — это такія удобства, которыя могутъ быть предоставлены всѣмъ тяжущимся безо всякаго затрудненія для суда. Что форма словеснаго суда не требуетъ отъ судьи какихъ-нибудь особенныхъ способностей и познаній, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ здѣшняя коммиссія рядчиковъ, дѣйствующая весьма успѣшно.

Со введеніемъ этихъ существенныхъ улучшеній, можно сказать навѣрное, что судъ повсюду оживится новымъ духомъ, а всѣ эти частныя преобразованія, на которыя мы указываемъ, можно привести въ дѣйствіе немедленно, не приступая къ ломкѣ существующаго судоустройства, во всякомъ случаѣ требующей значительнаго времени. Послѣ того какъ утверждены судебные уставы, есть ли основаніе медлить распространеніемъ этихъ благъ на страну, съ нетерпѣніемъ ихъ ожидающую?

№ 88.

Москва, 24-го апрѣля.

Россія успѣшно подавила открытое возмущеніе въ польскомъ краѣ; она не безъ торжества успѣла отразить дипломатическій натискъ на нее почти цѣлой Европы, и тѣмъ, *повидимому*, улучшила свое политическое положеніе въ Европѣ, пострадавшее послѣ Крымской войны. Тѣмъ не менѣе отрицать, что послѣдствія польскаго мятежа могутъ оказаться столько же и еще болѣе неблагопріятными для политическаго положенія Россіи какъ и послѣдняя война, значило бы предаваться сладкимъ заблужденіямъ. Прямымъ слѣдствіемъ польскаго мятежа и породившей его слабости Россіи на западныхъ ея окраинахъ было прошлогоднее отторженіе отъ Даніи трехъ ея герцогствъ и связанное съ этимъ развитіе властолюбивыхъ плановъ Пруссіи, къ осуществленію которыхъ она теперь незадержимо стремится. Безъ польскаго мятежа и безъ совершенной перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ великихъ державъ, — перемѣны, происшедшей вслѣдствіе этого мятежа, — было ли бы возможно въ Европѣ что-либо подобное теперешней политикѣ г. фонъ-Бисмарка, и не остался ли бы шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ тѣмъ же чѣмъ онъ былъ съ 1846 года, то-есть предметомъ отвлеченныхъ нѣмецкихъ мечтаній и дипломатическихъ словопреній, которыя возбуждали всеобщій смѣхъ, когда не наводили скуки на всю Европу? Такимъ образомъ и на этотъ разъ Поляки послужили безсознательнымъ орудіемъ для властолюбивой и притязательной германской политики. Но если Поляки не имѣютъ ни малѣйшихъ причинъ радоваться неожиданнымъ для нихъ самихъ результатамъ ихъ мятежа, то и для Россіи эти результаты очень неблагопріятны. Если послѣдняя война сопровождалась для нея утратой Чернаго моря, то осуществленіе нынѣшнихъ плановъ Пруссіи повлечетъ за собою крайнее стѣсненіе ея на морѣ Балтійскомъ. Овладѣвъ превосходнѣйшею въ этомъ морѣ стоянкой для судовъ, развивъ свой флотъ на собственныя свои средства и на средства всей сѣверной Германіи, обезпечивъ себѣ проведеніемъ соединительнаго канала всегда свободный выходъ изъ одного моря въ другое, Пруссія, очевидно, получитъ небывалый вѣсъ на Балтійскомъ морѣ. Даже и теперь, когда Пруссія такъ еще далека отъ осуществленія всѣхъ своихъ видовъ, въ ея флотской коммиссіи, уже шла рѣчь о томъ, что она будетъ въ состояніи, дѣйствуя заодно съ скандинавскими странами, запереть Россіи выходъ въ Нѣмецкое море и въ открытый океанъ, и министръ-президентъ, г. фонъ-Бисмаркъ, не отвергая этихъ предположеній, указалъ только на то, что *пока еще* взаимныя отношенія Германіи и скандинавскихъ странъ обнаруживаютъ сильное раздраженіе другъ

противъ друга. Но еслибы г. фонъ-Бисмаркъ высказался и въ болѣе благопріятномъ для Россіи смыслѣ, не очевидно ли, что на подобныя предположенія прямо наводитъ нынѣшній ходъ событій на берегахъ Балтійскаго моря? Впрочемъ это еще не все: можно ли думать, что Пруссія удовольствуется своимъ первымъ успѣхомъ, и не пойдетъ далѣе на пути захватовъ, на который она теперь вступила? Не говоритъ ли уже теперь г. фонъ-Роонъ, военный ея министръ,—въ рѣчи о ея постоянномъ стремленіи объединить около себя Германію, по крайней мѣрѣ въ военномъ отношеніи, и притянуть къ себѣ всѣ военныя ея силы, и не провозглашаетъ ли онъ во всеуслышаніе, хотя бы и съ хвастливостью, свойственною прусскому юнкерству, что тогда Пруссія будетъ въ состояніи вести борьбу со всею Европой? Не указываетъ ли онъ при этомъ на возможность новыхъ польскихъ возстаній, которыя послужатъ для Пруссіи поводомъ къ новому усиленію ея арміи,—польскихъ возстаній, которыя могутъ быть порождаемы только нашею слабостью и которыя могутъ быть направляемы только противъ Россіи? Эти возстанія, которыхъ повидимому еще ожидаютъ министры Пруссіи, разчитывая на наше слабодушіе, должны послужить, очевидно, не въ пользу самихъ Поляковъ, а только въ пользу дальнѣйшихъ нѣмецкихъ захватовъ на Востокѣ Европы, въ пользу дальнѣйшаго распространенія нѣмецкаго элемента въ ущербъ элементу славянскому и въ данномъ случаѣ русскому. Можетъ ли Россія благопріятствовать всѣмъ этимъ видамъ прусской и вообще германской политики, если только она не желаетъ въ самомъ дѣлѣ отступить передъ нѣмецкимъ элементомъ за Вислу, за Нѣманъ и даже за Западную Двину, отодвинувшись въ глубину среднеазіятскихъ степей?

Въ настоящихъ обстоятельствахъ, по нашему крайнему разумѣнію, всѣхъ этихъ опасностей еще легко избѣжать. Если мы не ошибаемся, то для Россіи наиболѣе прилично теперь такое сдержанное положеніе, которое оставляло бы въ совершенной неизвѣстности будущія ея намѣренія и заставляло бы остерегаться будущихъ ея рѣшеній, въ томъ случаѣ, еслибъ ея интересы были дѣйствительно нарушены. Таково мнѣніе, которое мы считали и считаемъ своимъ долгомъ высказывать, обсуждая вопросы политики, но котораго мы никому не навязываемъ. *St.-Petersburger Zeitung* держится противнаго мнѣнія, и полагаетъ, что Россія, въ интересахъ общеевропейскаго равновѣсія, которые близко касаются и ея самой какъ великой европейской державы, должна стараться въ пользу Пруссіи объ ослабленіи тѣхъ силъ, которыя естественно противодѣйствуютъ ей,—должна мирить и соглашать Австрію и Пруссію и всячески поддерживать духъ единенія въ Германіи. Общее европейское равновѣсіе имѣетъ большую важность для Россіи: но если оно можетъ быть нарушено разногласіями Австріи и Пруссіи, то онѣ же сами наиболѣе заинтересованы ихъ устраненіемъ: для нихъ, какъ для центральныхъ европейскихъ странъ, это равновѣсіе имѣетъ несравненно бо́льшую важность чѣмъ для Россіи, и еслибъ оно было нарушено вслѣдствіе ихъ разногласій, то онѣ же сами и понесли бы отъ того наибольшій ущербъ. Зачѣмъ же Россіи принимать на себя роль опекуна и улаживать дѣла между германскими державами, способствуя именно этимъ самымъ измѣненію существующей системы европейскаго равновѣсія въ крайне неблагопріятномъ для себя смыслѣ?

Въ настоящее время, какъ видно изъ послѣднихъ извѣстій, дѣло идетъ не о разрывѣ между великими германскими державами, а о полюбовной сдѣлкѣ между ними, которая доставила бы Австріи такія же существенныя выгоды, какими желаетъ Пруссія воспользоваться въ Герцогствахъ: толкуютъ о томъ, чтобы Пруссія гарантировала Австріи всѣ ея владѣнія или даже согласилась на включеніе всѣхъ ея владѣній въ Германскій Союзъ. Еслибы подобная сдѣлка состоялась между ними, была ли бы она благопріятна для Россіи? Ничуть не бывало: прусское или общегерманское ручательство за неприкосновенность всѣхъ австрійскихъ владѣній открыло бы просторъ для дѣйствій Австріи не въ Германіи и не въ Италіи, что было бы слишкомъ не согласно съ извѣстными всѣмъ видами г. фонъ-Бисмарка, а только на юго-востокѣ Европы, куда прусскій министръ-президентъ не разъ уже совершенно явно и безцеремонно старался направить политическую дѣятельность Австріи. Стало-быть, и съ этой стороны въ соглашеніи между Австріей и Пруссіей не было бы ничего благопріятнаго для Россіи, если

только она сама не желаетъ выбыть изъ числа великихъ европейскихъ державъ.

Судя по всѣмъ извѣстіямъ, Франція не думаетъ оставаться равнодушною зрительницей усиленія Пруссіи и успѣховъ ея въ дѣлѣ объединенія Германіи: во Франціи при одной мысли объ этомъ уже возникаетъ вопросъ о Бельгіи. Вотъ новая опасность для европейскаго равновѣсія! Вотъ новая случайность, которая можетъ произойдти, если Пруссія будетъ встрѣчать поощренія въ своей притязательной и властолюбивой политикѣ! Въ виду ли такихъ результатовъ должна Россія заботиться о соглашеніи Пруссіи съ Австріей и Германіей?

Положеніе дѣлъ весьма серіозно. Въ виду его, Россіи, сколько мы понимаемъ, предстоитъ устремить всѣ силы свои, матеріяльныя и нравственныя, къ тому чтобъ устранить всякую рознь между ея западными предѣлами и центральными областями и связать ихъ несокрушимыми взаимными узами. Это не было бы вознагражденіемъ Россіи за весьма вѣроятное усиленіе Пруссіи,—вознагражденіемъ въ родѣ того, какое въ этомъ случаѣ думаетъ доставить себѣ Франція; но это предупредило бы по крайней мѣрѣ тѣ опасности, которыя въ противномъ случаѣ могутъ разразиться надъ Россіей въ самомъ непродолжительномъ времени. Не только дѣйствія, направленныя противъ окончательнаго закрѣпленія за Россіей западныхъ ея окраинъ, но и бездѣйствіе и всякое упущеніе въ этомъ отношеніи должны имѣть вредныя послѣдствія.

Мы говоримъ: всѣ силы Россіи, и матеріяльныя, и нравственныя, должны быть сосредоточены въ настоящее время на этой одной великой, всенародной, всероссійской задачѣ укрѣпленія за нею, за русскимъ народомъ, принадлежащихъ ему по несомнѣнному историческому праву западныхъ окраинъ нашей государственной области. Прежде всего онѣ должны быть притянуты къ Москвѣ, къ сердцу Россіи, желѣзными путями, и еслибъ этимъ путямъ было дано какое-либо другое направленіе, то это было бы великимъ ущербомъ для русскаго дѣла.

Въ виду событій, которыя говорятъ языкомъ совершенно яснымъ и выразительнымъ, въ виду признаковъ, въ которыхъ невозможно ошибиться, Россія отреклась бы отъ самой себя, еслибы не употребила всѣхъ усилій, чтобы возвысить духъ своего русскаго народа и дать ему матеріяльные и нравственные способы, нужные не только для сохраненія однажды пріобрѣтеннаго имъ въ Европѣ положенія, но и для того, чтобъ его нравственное значеніе среди великихъ историческихъ народовъ возвысилось.

№ 89.

Москва, 26-го апрѣля.

Въ №№ 28 и 29-мъ газеты *Слово*, издаваемой во Львовѣ, въ Галиціи, на языкѣ, хотя и ломаномъ, но все же русскомъ, помѣщена интересная статья подъ заглавіемъ: *Русь въ Конгресовой Польщѣ*, или *Польщѣ*, какъ пишутъ въ этой газетѣ.

Надобно замѣтить, что Русскіе въ Австріи имѣли въ послѣднее время много причинъ быть благодарными австрійскому правительству, оберегающему ихъ отъ нахальныхъ и притѣснительныхъ притязаній польскаго элемента вообще и польской шляхты въ особенности. Австрійское правительство само подняло вопросъ о русской народности, подавленной было долговременнымъ гнетомъ, тяготѣвшимъ надъ нею во время польскаго владычества, пробудило въ ней національные инстинкты, указало на важность образованія въ духѣ народномъ, согласилось на равноправность уніятскаго обряда съ католическимъ; а вопросъ объ отношеніяхъ сельскаго населенія къ панамъ разрѣшило крутымъ и кровавымъ переворотомъ 1846 года. Разумѣется, австрійское правительство руководствовалось во всемъ этомъ не интересами русской народности, а государственною необходимостью, побуждающею его разрознивать и возстановлять другъ противъ друга національности, изъ которыхъ состоитъ Австрійская имперія, лишенная одной, безспорно преобладающей, центральной національности. Появленіе ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, устройство сельскихъ школъ введеніе русскаго языка въ гимназіи и отчасти даже во Львовскій университетъ, основаніе русскихъ семинарій во Львовѣ и въ Вѣнѣ, открытіе русскаго театра въ первомъ изъ этихъ городовъ: вотъ тѣ выгоды, которыми пользутся Русскіе въ Галиціи подъ австрійскимъ правительствомъ. Въ настоящее время передовые люди Галиціи идутъ

уже далѣе: такъ между прочимъ съ каждымъ годомъ ростетъ и усиливается партія людей, называемыхъ *обрядовцами* и желающихъ возстановить чистоту славянскаго богослуженія, потерпѣвшаго значительныя измѣненія вслѣдствіе соединенія съ латинскою церковью; съ другой стороны все болѣе и болѣе расширяется кругъ патріотовъ, желающихъ обратить въ достояніе своего народа всѣ тѣ права, которыя были обѣщаны еще октябрскимъ (1860 г.) дипломомъ, положившимъ первыя основанія нынѣшнему государственному устройству Австрійской имперіи, и которыхъ добивается вообще такъ-называемая славянская партія федеральной Австріи.

Понятно, что по оживленіи національнаго чувства, Русскіе въ Галиціи, въ Венгріи, въ Буковинѣ, не могли не оглянуться вокругъ себя и не посмотрѣть, что дѣлается для русской народности въ Россіи, въ такъ-называемой ими *Закордонной Руси*, т. е. въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, и въ *Конгрессовой Польшѣ*, т. е. Царствѣ Польскомъ. Естественно было людямъ, почувствовавшимъ интересы своей народности и поднявшимся на ноги при содѣйствіи чуждаго имъ по происхожденію правительства, ожидать что они встрѣтятъ въ русскихъ мѣстностяхъ, примкнувшихъ отъ прежней Польши къ главному центру русскаго населенія, гораздо большіе успѣхи въ смыслѣ національности нежели у себя. Событія послѣднихъ лѣтъ особенно возбудили въ галицкихъ патріотахъ, принужденныхъ у себя дома вести политическую и соціяльную борьбу съ польскимъ элементомъ, интересъ ознакомиться съ положеніемъ русскаго населенія западныхъ губерній и Польскаго края. Галицкія газеты открыли свои столбцы извѣстіямъ о *Закордонной* Руси и Холмской епархіи: почти не было нумера, который не содержалъ бы корреспонденціи изъ этихъ мѣстностей, или разсужденій объ участи русскаго населенія въ нихъ. Мало-по-малу у галицкихъ патріотовъ выработалось мнѣніе, что права русской народности гораздо болѣе обезпечены въ Австрійской, нежели въ Русской имперіи. Этотъ парадоксъ (употребимъ это слово) сильно распространенъ въ Галиціи: его стараются поддержать органы правительственной нѣмецкой партіи во Львовѣ и въ Вѣнѣ; за него же схватилась партія такъ-называемой Юной Руси, пытающаяся создать изъ галицкаго населенія какую-то особую русскую народность: съ нимъ должны соглашаться даже люди чуждые этихъ партій. Вышеупомянутая статья газеты *Слово* написана человѣкомъ, который не питаетъ сочувствія ни къ нѣмецкимъ централистамъ, ни къ блуднымъ русскимъ сепаратистамъ, но и онъ склоняется къ тому же парадоксу и старается объяснить по своему равнодушіе Россіи къ русскому дѣлу. Мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ его статьи, отступая только отъ ея орографіи, или лучше сказать, какографіи, и удерживая всѣ тѣ уродливости рѣчи (*мѣстие, скорше*, и т. д.), которыми испестрила ее болѣе умышленная нежели неумышленная безграмотность редакціи. Издатель газеты *Слово*, г. Дѣдицкій, хорошо владѣетъ общерусскимъ языкомъ: но онъ считаетъ своимъ долгомъ не признавать его правилъ и обычаевъ, и сочинять, съ помощью польскихъ рѣченій и оборотовъ, которые столь изобильно вошли въ мѣстный говоръ, особый литературный языкъ, полагая, что онъ тѣмъ способствуетъ развитію и укрѣпленію русской народности. Но объ этомъ послѣ; а теперь дадимъ говорить автору вышеупомянутой статьи. Онъ говоритъ:

„Послѣднее раздѣленіе Польши еще не „наступило, оно будетъ окончательное, „вполнѣ совершенное, отнятіемъ русскихъ „областей отъ конгресовой Польши и при„лученіемъ ихъ къ юго-западной Руси. „Поляки хорошо понимаютъ, что вся восточная часть конгресовой Польши есть „чисто русская земля, которую они сами, „если были на мѣстцѣ Россіи, присоединили бы къ западной Руси, не уважая „(не взирая) на Вѣнскіе трактаты съ 1815 „года, на основаніи которыхъ упомянутая „часть Руси прилучена была къ конгре„совой Польшѣ. Поляки предвидятъ тако„же, что скорше и позднѣйше, съ послѣ„довавшимъ нынѣ освобожденьемъ рус„скаго народа отъ крѣпостнаго состоянія, „воздвигнется русская народность въ за„падной части конгресовой Польши, и ста„нетъ домогаться прислужающихъ ей правъ „и свободъ, подобно тому, якъ то дѣется „въ Галиціи, и что трудно будетъ Поля„камъ дальше подъ владѣніемъ Россіи тер„роризовать Холмскихъ Русиновъ, чтобы „тѣ же не отлучались отъ народности „польской, которую имъ насиліемъ навя„зуютъ. Петербургскому правительству са„ми Поляки откроютъ очи, что оно нако-

„нецъ увидитъ тамъ русское племя, гдѣ „передъ тымъ только Поляковъ видѣло, „и образумится (пойметъ) что и уніа„ты Холмскіе суть русскаго происхожде„нія, и не будетъ по давному помогать „Полякамъ опольщивать русскую братью. „Намъ кажется, что проворная Польша „дастъ тупоглавой (sic) Москвѣ хорошую „научку, выставляя тую же нынѣ на по„руганіе всей западной Европы. Дально„зоркая Россія знала все, что̀ дѣется во „всемъ мірѣ, но не видала ничего о томъ, „что̀ у ней приготовлялось Поляками дома."

Далѣе авторъ говоритъ о важномъ значеніи Кіева для всего нашего юго-западнаго края и о вліяніи, которые имѣли въ немъ Поляки до послѣдняго времени, устроивъ въ немъ средоточіе для своей пропаганды".

„Что̀ же теперь," спрашиваетъ авторъ, „сказать о притязаніяхъ и преобладаніи „Поляковъ надъ пригнетенною Русью въ „конгресовой Польшѣ, нашихъ несчаст„ныхъ братіяхъ въ Холмской епархіи, гдѣ „уніятскому духовенству не дозволялось „даже говорить по-русски, и на томъ язы„кѣ обучать коренной русскій народъ? При „такомъ жалкомъ состояніи русской цер„кви въ конгресовой Польшѣ, польскіе ли„бералы издавна ничего не хотятъ и знать „о племени русскомъ, въ Августовской гу„берніи обитающемъ, гдѣ Бѣлороссы суть „всѣ католики латинскаго обряда и подоб„но соплеменнымъ Холмскимъ Русинамъ „уже издавна польскимъ духовенствомъ „опольщиваются, такъ въ церкви, якъ на „школѣ обученіемъ, преподаваемымъ имъ „на польскомъ языкѣ. Такое неимовѣрное „нерадѣніе о русской народности въ Ав„густовской губерніи и вообще во всей „восточной части конгресовой Польщи не „есть безпримѣрное: оно практикуется въ „самой Россійской Имперіи въ сусѣдней „Гродненской губерніи, гдѣ Поляки такую „же пропаганду въ пользу расширенія гра„ницъ Польши явно совершаютъ, гдѣ гре„ческій обрядъ и Чернороссы въ самомъ „жалостнѣйшемъ состояніи находятся, безъ „малѣйшаго помоществованія съ россійской „стороны."

Въ доказательство справедливости своихъ словъ, авторъ дѣлаетъ выписки изъ *Сѣверной Почты* и другихъ газетъ и изъ нѣкоторыхъ корреспонденцій *Слова*.

„Нѣтъ сомнѣнія," прибавляетъ онъ отъ себя въ видѣ поясненія, „что русскій за„падный край находится въ весьма жал„комъ положеніи при польской пропагандѣ „и пассивной роли россійскаго общества, „въ которомъ примѣчается только *религій„ный фанатизмъ* и космополитизмъ безъ „патріотизма, когда московское купечество „ежегодно шлетъ десятки тысячъ на со„держаніе Палестинскихъ путешественни„ковъ и аѳонскихъ монаховъ, когда рос„сійскіе ученые съ большою прилежностію „занимаются изслѣдованіемъ нынѣшняго „состоянія другихъ славянскихъ племенъ, „напримѣръ Болгаръ, Сербовъ, Кашубовъ „и проч., когда россійское образованное „общество, старается о введеніи цивили„заціи на Амурѣ: а между тѣмъ кроваво „трудящійся западно-русскій народъ уми„раетъ съ голоду и лишенъ нерѣдко мо„литвенныхъ храмовъ."

Желая объяснить такое равнодушіе русскаго общества къ поддержкѣ своей народности на западѣ, авторъ позволяетъ себѣ догадку, что вѣроятно уніятскій и римскій обрядъ, исповѣдуемый Русскими, живущими въ Августовской и Люблинской губерніяхъ конгресовой Польши, составляетъ главную причину того, что они не пользуются сочувствіемъ православныхъ Русскихъ.

Галицкій публицистъ ошибается: Россія вовсе не страдаетъ, какъ онъ выражается „религійною нетолеранціей", то-есть „религіозною нетерпимостью. Въ Варшавѣ бывали случаи, что не только христіане римско-католическаго вѣроисповѣданія, но и Евреи, сами изъявлявшіе желаніе обратиться въ православіе, не были принимаемы въ лоно нашей церкви, въ доказательство нашей „религійной толеранціи." Итакъ, если мы на западныхъ окраинахъ нашихъ отказываемся принимать въ православіе иновѣрцевъ добровольно обращающихся къ нему, то никакъ нельзя объяснять религіозною нетерпимостью тотъ фактъ, что подъ русскимъ владычествомъ русскія населенія перерабатываются въ чуждую и враждебную Россіи народность. Есть другія причины, почему бѣлорусскія народонаселенія римскаго закона не только въ Августовской, но и въ Гродненской и Минской губерніяхъ, насильно побуждаются возненавидѣть свое русское происхожденіе и превратиться въ заклятыхъ враговъ Россіи.

Это объясняется не религіознымъ фанатизмомъ, какъ полагаетъ галицкій уніятъ,

а другими причинами,—не рѣшаемъ тѣми ли которыя онъ самъ же раскрываетъ въ своей статьѣ, характеризуя ихъ не слишкомъ вѣжливыми терминами; или можетъ-быть еще тѣми, которыя побуждаютъ самую газету, гдѣ онъ пишетъ, чуждаться общерусскаго литературнаго языка. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ политическій. Рѣшеніе его, дѣйствительно, много зависитъ отъ того, будетъ ли русское населеніе Царства Польскаго, согласно съ мыслію автора, считаться и офиціяльно тѣмъ, что оно есть въ дѣйствительности,—Русью, а не Польшей. При ревностной вѣротерпимости, которою мы одушевлены въ вышепоказанной степени, мы не можемъ имѣть ни побужденій, ни средствъ обращать этихъ людей въ вѣрныхъ сыновъ православной церкви; мы, слава Богу, во всякомъ случаѣ не захотѣли бы насиловать ихъ совѣсть; но, съ другой стороны, говоря съ точки зрѣнія здраваго смысла, мы не можемъ имѣть побужденій къ тому, чтобы превращать насильно эти народонаселенія въ чуждый и враждебный намъ элементъ, отказывая имъ въ употребленіи чистаго русскаго языка для молитвы, духовныхъ требъ и вѣроученія. Если же русскія населенія Царства соединятся крѣпкими узами съ русскимъ народомъ, то что станется съ конгресовою Польшей 1815 года? И однако этотъ призракъ, искусственно введенный въ дѣйствительность, есть именно та сила, которая внушаетъ Полякамъ ихъ притязанія, а Русскихъ сбиваетъ съ толку и разрозниваетъ. Есть даже мнѣніе, что мы обязаны, и нравственно и юридически, задерживать на землѣ этотъ призракъ, вѣроятно въ ожиданіи новаго возстанія, которое ужъ обѣщаетъ намъ прусскій военный министръ. Есть мнѣніе, что наша обязанность простирается еще далѣе, что мы призваны трудиться надъ воскрешеніемъ призрака, и что Россія не исполнитъ своего долга, если не совершитъ этого призванія. Подобныя мнѣнія, по какому-то чуду, возникаютъ и находятъ пріютъ въ русскихъ умахъ, на ряду съ мнѣніями о необходимости раздробить Россію и русскій народъ, между тѣмъ какъ вопросъ о сліяніи Польши съ Имперіей кажется чѣмъ-то чудовищнымъ. Въ контрастъ считаемъ нелишнимъ указать на переведенную во вчерашнемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* статью изъ *Сербобрана* именно объ этомъ вопросѣ, о сліяніи Польши съ Россіей. Эта статья интересна какъ голосъ безпристрастнаго наблюдателя, говорящаго съ славянской точки зрѣнія. „Польша, сказано въ этой статьѣ, уже давно вычеркнута изъ ряда государствъ европейскихъ, и нѣтъ силы, которая смогла бы возвратить ее въ прежнее состояніе и дать ей независимость и самостоятельность: только сила, способная воскресить изъ мертвыхъ, въ состояніи это сдѣлать... Неужели же Россія, разогнавшая и подавившая мятежниковъ, станетъ теперь, по желанію нѣсколькихъ мечтателей, воскрешать идеальную Польшу?“

Въ заключеніе прибавимъ: не занимаетъ ли одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ недоразумѣній, на которыя сѣтуетъ авторъ указанной выше статьи въ львовскомъ *Словѣ*, тотъ самый языкъ, которымъ издается эта „русская“ газета. Г. Дѣдицкій, ея издатель, нападающій на князя Черкасскаго за преподаваніе наукъ въ холмской семинаріи на общерусскомъ литературномъ языкѣ, не старался ли прежде самъ писать на этомъ языкѣ по возможности чисто и не былъ ли онъ побужденъ къ его теперешнимъ безплоднымъ усиліямъ ломать этотъ языкъ совѣтами, шедшими къ нему отъ *финскихъ хладныхъ скалъ?* Наши журналы нападали на него тогда за чистоту его литературнаго языка еще съ бо́льшимъ задоромъ, чѣмъ нападаетъ онъ теперь на князя Черкасскаго. Эти старанія разорвать русскій языкъ, то есть, что одно и то же, разорвать русскій народъ, не клонятся ли къ тому самому, на что сѣтуетъ и въ чемъ обвиняетъ Москву львовское *Слово*? Это, въ нашихъ глазахъ, еще хуже чѣмъ воскрешать Польшу или ополячивать Русскихъ.

№ 90.

Москва, 27-го апрѣля.

По поводу приведенія въ дѣйствіе судебныхъ преобразованій, иные указываютъ на примѣръ крестьянской реформы, введенной повсюду одновременно, и говорятъ, что лучшаго примѣра намъ ненадобно. Но примѣръ крестьянской реформы не идетъ къ дѣлу судебнаго преобразованія, и между крестьянскими учрежденіями и новыми учрежденіями судебными вовсе нѣтъ той

аналогіи, которая можетъ представляться на первый взглядъ. Крестьянское дѣло было совсѣмъ иного свойства. Прежде всего нельзя не замѣтить, что повсемѣстное приведеніе въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ немедленно по обнародованіи представлялось необходимостью до того очевидною, что противное было даже немыслимо. Какъ скоро произнесено было для всей Россіи слово власти объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, силой этого слова тотчасъ же разрушился весь существовавшій до того порядокъ управленія въ цѣлой массѣ крѣпостнаго населенія, и старые органы власти фактически и юридически лишились возможности дѣйствовать: необходимо было, ради охраненія порядка, немедленно замѣнить эти разрушенныя власти новыми властями и водворить новый порядокъ, на развалинахъ стараго, разрушеннаго уже однимъ словомъ о свободѣ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого сравненія между тою и другою реформой. Тамъ—измѣнялось въ существѣ состояніе людей, вырывалась съ корнемъ вся система вѣковыхъ правъ и обязанностей государственныхъ и гражданскихъ, и на ея мѣсто ставилась новая. Судебныя же учрежденія вводимыя новымъ закономъ водворяются не на пустомъ мѣстѣ; судъ существовалъ у насъ въ той или другой формѣ и старыя судебныя учрежденія, продолжающія нынѣ дѣйствовать, не уничтожились сами собою въ силу одного указа о судебной реформѣ.

Приведеніе въ дѣйствіе крестьянскаго положенія имѣло въ виду спеціяльную задачу: перевесть людей изъ одного состоянія въ другое, такъ чтобы при этомъ произошло наименѣе потрясеній и переходъ совершился въ послѣдовательномъ порядкѣ. Эта задача, въ сущности простая, затруднялась вовсе не техническою обстановкой формъ и обрядовъ, а тѣмъ, что соединена была съ ликвидаціей вѣковыхъ отношеній одного сословія къ другому и съ колоссальнымъ перемѣщеніемъ интересовъ и правъ по имуществу, долженствовавшихъ вступить въ состязаніе, котораго исходъ, напередъ опредѣленный, оставилъ, правда, глубокіе слѣды, но не въ архивахъ дѣлопроизводства, а въ народной жизни, нравственной и экономической. Громадность интересовъ, надъ которыми былъ произнесенъ судъ, дѣлала задачу исполненія приговора въ высшей степени затруднительною, но все не въ томъ отношеніи и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ нынѣ представляется затруднительнымъ приведеніе въ дѣйствіе судебныхъ учрежденій: въ технической своей части крестьянское дѣло не представляло и сотой доли тѣхъ затрудненій, съ какими должна считаться судебная реформа. Впрочемъ и въ крестьянскомъ дѣлѣ трудности оказались бы не подъ силу никакому правительству въ мірѣ, если бы надлежало тогда для приведенія въ дѣйствіе крестьянской реформы употреблять такіе способы, какіе нынѣ неизбѣжны въ дѣлѣ реформы судебной. Страшно и подумать что могло бы случиться, еслибы принята была система вводить крестьянскую реформу съ помощію чиновниковъ, разсылаемыхъ изъ центральныхъ пунктовъ государственнаго управленія, посредствомъ новой бюрократической сѣти, наложенной на цѣлую Россію. Правительство избрало другую систему, которая одна только могла оказаться и дѣйствительно оказалась надежною. Для организаціи мѣстнаго управленія и для непосредственнаго руководства крестьянскимъ дѣломъ послужили лица, взятыя непосредственно изъ той же среды, въ которой производилась реформа, и каждая мѣстность поставила для себя своихъ дѣятелей въ свои мировыя учрежденія.

Когда бы возможно было такими же средствами воспользоваться и для судебной реформы, когда бы возможно было и для нея найдти въ каждой мѣстности дѣятелей готовыхъ сразу приняться за дѣло, повсемѣстное введеніе въ дѣйствіе полной системы судебныхъ учрежденій могло бы совершиться на тѣхъ же основаніяхъ, какія были приняты при введеніи крестьянскихъ учрежденій. Но такихъ средствъ для судебной реформы недостаточно, и задача ея въ техническомъ отношеніи несравненно сложнѣе. Въ крестьянскомъ дѣлѣ, по его свойству, требовалось на первый разъ, для того чтобы сдвинуть его,—сказать властное слово закона и намѣтить явственныя черты новаго направленія; затѣмъ можно было надѣяться, что дѣло двинется само собою, и задача законодательной политики заключалась преимущественно въ охраненіи поставленныхъ ею учрежденій. Самыя эти учрежденія, какъ мы уже замѣтили, съ внѣшней стороны могли тотчасъ же, и весьма удобно, приладиться ко всѣмъ

остальнымъ государственнымъ учрежденіямъ, не нарушая общей ихъ системы. Трудность дѣла, предпринятаго законодательствомъ, заключалась не въ томъ, чтобы пустить въ ходъ крестьянскую реформу, а въ томъ, чтобы надлежащимъ образомъ разчитаться съ общими ея послѣдствіями. Какъ только подвинулось впередъ спеціяльное дѣло крестьянской реформы, тотчасъ же оказалось невозможнымъ удерживать прежній порядокъ въ большей части отправленій государственной жизни, и тотчасъ же выступили на первый планъ всеобъемлющія задачи, простирающіяся на весь государственный механизмъ, и уже по тому самому гораздо труднѣе приводимыя въ исполненіе.

Къ этимъ задачамъ принадлежитъ и судебная реформа. Ея цѣль — не перемѣщеніе правъ, а огражденіе правъ существующихъ, но недостаточно огражденныхъ. Средства ея заключаются въ улучшеніи способовъ судопроизводства, обнимающихъ всю техническую часть его. Поэтому для новыхъ учрежденій судебныхъ начертана въ законѣ полная и цѣльная система, со множествомъ техническихъ обрядностей. Мы уже указывали на необходимость отличать общія начала суда, признанныя въ новыхъ судебныхъ уставахъ, отъ проектированой въ нихъ судебной техники. Но если имѣть въ виду техническую сторону, то нельзя не признать, что всѣ ея подробности состоятъ въ самой тѣсной взаимной связи между собой, и что каждая изъ нихъ предполагаетъ совокупную дѣятельность всѣхъ отдѣльныхъ частей искусственно устроеннаго механизма. Вводить ихъ можно не иначе какъ всѣ разомъ; по частямъ вводить ихъ нельзя, и въ этомъ заключается еще одно существенное различіе между судебною и крестьянскою реформой. Въ крестьянскомъ дѣлѣ можно было, опредѣливъ существенную задачу новыхъ учрежденій, раздѣлить ее на нѣсколько послѣдовательныхъ операцій, и начавъ съ первой, самой простой, указать затѣмъ мѣста и сроки для перехода отъ одной операціи къ другой, покуда совершится весь рядъ дѣйствій предназначенныхъ для временнаго учрежденія. При осуществленіи новыхъ судебныхъ уставовъ невозможно такъ дѣйствовать. Все, то, что относится къ ихъ технической части, можетъ быть вводимо не иначе какъ разомъ. Для правильнаго сужденія о трудностяхъ этой задачи, надобно имѣть постоянно въ виду цѣльность механизма проектированнаго для новыхъ судей, непозволяющую ожидать, чтобъ онъ дѣйствовалъ успѣшно, если изъ него будетъ выдѣлено то или другое изъ его колесъ. Вводя механизмъ, нельзя безъ вредныхъ для дѣла послѣдствій, забыть, напримѣръ, такое колесо какъ несмѣняемость судей, а если не забывать этого колеса, то можетъ ли быть хотя отдаленная мысль о введеніи новыхъ судебныхъ уставовъ въ полное дѣйствіе иначе какъ въ небольшой мѣстности?

Одновременное приведеніе въ дѣйствіе крестьянскихъ учрежденій немногаго требовало отъ законодателя. При тѣхъ условіяхъ дѣла, о которыхъ мы упомянули выше, ему предстояло установить нѣсколько общихъ правилъ для организаціи крестьянскихъ и мировыхъ учрежденій во всей Россіи, и можно было затѣмъ понадѣяться, что эта общая, но широкая формула сама собою приладится къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Напротивъ того, если бы потребовалось судебныя учрежденія вводить повсюду въ одно время, въ одни и тѣ же сроки, въ одинаковой полнотѣ, то примѣненіе однихъ и тѣхъ же правилъ и сроковъ ко всѣмъ разнообразнымъ условіямъ каждой мѣстности встрѣтило бы непреодолимыя затрудненія, — такія затрудненія, которыя угрожали бы, вмѣсто разъясненія, запутать еще болѣе такое дѣло, въ которомъ безъ опредѣлительности, ясности и порядка ничего устроить невозможно. Въ одно и то же время надо было бы совершать двойное дѣло: и кончать всѣ разчеты со старымъ порядкомъ, и вводить порядокъ новый. Между тѣмъ ликвидація старыхъ учрежденій и старыхъ дѣлъ еще неконченныхъ — дѣло весьма сложное и трудное, а главное, такое дѣло, которое невозможно повсюду совершить въ одной и той же формѣ и въ одни и тѣ же сроки. Старыя дѣла имѣютъ точно такое же право на правый и правильный судъ какъ и дѣла новыя; въ окончаніи ихъ надобно соблюсти всѣ законные интересы; ни одного дѣла нельзя разрубить, всякое надобно разрѣшить и привесть къ концу, но въ этомъ отношеніи каждая мѣстность у насъ — болѣе чѣмъ гдѣ-либо — состоитъ въ особенныхъ условіяхъ, имѣетъ свою экономію, которую необходимо принять въ соображенье; разнообразіе этихъ

условій невозможно вмѣстить въ общее, одинаковое для всѣхъ мѣстностей правило: есть мѣстности, въ которыхъ дѣлъ почти вовсе нѣтъ и затрудненій не представляется; есть не мало другихъ мѣстностей въ которыхъ накопившаяся масса нерѣшенныхъ дѣлъ и запутанныхъ отношеній требуетъ, повидимому, новаго Геркулеса для того чтобы все разобрать и очистить. Эта разборка и очистка могутъ быть произведены только хозяйственнымъ способомъ, а не законодательнымъ правиломъ о срокахъ перехода изъ одного состоянія въ другое. Необходимо изучить особенности и силы каждой мѣстности, чтобы разсудить какими мѣрами и въ какіе сроки гдѣ надобно дѣйствовать. Общее соображеніе о томъ, что повсюду всякія дѣла могутъ быть въ такой-то срокъ доведены до такого-то термина и въ такой-то срокъ должны быть кончены,—рѣшительно невозможно. Правило общее для всей Россіи, основанное на такомъ соображеніи, было бы неисполнимо въ дѣйствительности. Поэтому, еслибъ изученіе особыхъ условій каждой мѣстности не было положено въ основаніе при рѣшеніи вопроса, когда можетъ въ ней открыться полное дѣйствіе новыхъ учрежденій и всѣ разчеты со старыми могутъ быть закончены, то пришлось бы во многихъ мѣстахъ содержать двойной судъ, оставляя для старыхъ дѣлъ старыя учрежденія и открывая новыя—для новыхъ, дѣло рѣшительно несообразное съ государственною экономіей и въ людяхъ и въ финансовыхъ средствахъ.

№ 91.

Москва, 28-го апрѣля.

Въ *Рижской Газетѣ* былъ недавно вновь поднятъ вопросъ о Евреяхъ. Изъ трехъ прибалтійскихъ губерній, только въ Курляндской Евреи имѣютъ право жить повсемѣстно, хотя имъ и не дозволяется вновь переселяться въ нее какъ изъ другихъ губерній Россіи, такъ и изъ чужихъ краевъ. Это послѣднее постановленіе закона не помѣшало имъ, однако же, увеличиться въ своемъ числѣ въ послѣднія 70 лѣтъ въ 10 разъ (съ 3.000 человѣкъ почти до 30.000). Очевидно, что стѣснительный законъ былъ ими обойденъ, какъ вообще обходятся законы, противодѣйствующіе естественному ходу вещей. Вслѣдствіе ли этого возрастанія еврейскаго населенія въ Курляндіи, или и по другимъ причинамъ, въ прошломъ году былъ возбужденъ вопросъ о дозволеніи имъ селиться въ городахъ и мѣстечкахъ двухъ другихъ прибалтійскихъ губерній, и рѣшеніемъ этого вопроса занялись сами городскія корпораціи, благодаря тѣмъ привилегіямъ, которыми они пользуются. Въ нынѣшнемъ году возникъ еще другой вопросъ: Положеніе 1804 года о Евреяхъ въ Имперіи, которое предоставило имъ право, не отмѣненное и послѣдующими общими о нихъ положеніями, избирать и быть избираемыми въ городскія должности, въ 1806 г. было распространено и на Курляндію; но вслѣдствіе ли случайнаго недосмотра, или по какой другой причинѣ въ Сводѣ Мѣстныхъ Узаконеній губерній прибалтійскихъ удержано старинное правило, устраняющее Евреевъ отъ права выборовъ въ городскія должности. Такимъ образомъ въ Курляндіи Евреи были лишены того права, которымъ они пользуются во всѣхъ другихъ частяхъ Имперіи, въ предѣлахъ ихъ осѣдлости. Еще 12-го марта въ *Рижской Газетѣ* была напечатана сообщенная статья о видахъ высшихъ властей края по этому предмету,—статья, которая высказывается въ пользу признанія за курляндскими Евреями права на городскія должности. Эти-то обстоятельства возбудили полемику въ *Рижской Газетѣ* и подали редакціи ея поводъ энергически высказаться въ пользу дозволенія Евреямъ жить повсемѣстно въ Россіи и притомъ на общихъ правахъ всѣхъ русскихъ подданныхъ.

Впрочемъ въ послѣднее время наше законодательство не только дозволило жить повсемѣстно Евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи и Евреямъ получившимъ университетское образованіе, но и открыло имъ доступъ къ государственнымъ должностямъ, признавъ за ними право быть даже наставниками христіанскаго юношества, судьями и начальниками христіанскаго населенія. Слѣдовательно въ принципѣ этотъ вопросъ можетъ считаться рѣшеннымъ. Вопросъ касается теперь той массы еврейскаго населенія, которая остается запертою въ западномъ краѣ, и дѣйствительно нельзя считать нормальнымъ то положеніе дѣлъ, что одинъ разрядъ русскихъ подданныхъ имѣетъ полное право жительства только въ 17 губерніяхъ, а въ остальныхъ час-

тяхъ государства можетъ селиться только подъ условіями, доступными лишь для немногихъ лицъ, къ этому разряду принадлежащихъ.

Въ Курляндской губерніи, даже въ настоящее время, и въ другихъ западныхъ губерніяхъ, особенно нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нерѣдко раздавались голоса, что Евреи не только пользуются слабостями сельскаго люда, но и умышленно стараются развивать эти слабости, для своей поживы и вообще для своекорыстныхъ цѣлей. Нѣтъ сомнѣнія, что не малое число фактовъ могутъ быть приведены въ подтвержденіе этого мнѣнія; но это дурное явленіе объясняется общимъ положеніемъ западныхъ губерній и положеніемъ, въ которомъ находятся тамъ Евреи. Крестьянское населеніе западныхъ областей до самаго послѣдняго времени было собственностью господъ, которые относились къ нему съ величайшимъ пренебреженіемъ, почти не признавая въ немъ человѣческаго достоинства, и отдавая его въ эксплуатацію Евреямъ, изъ увѣренности, что могутъ всегда достать у нихъ или чрезъ нихъ денегъ. Какъ въ западной Европѣ, въ средніе вѣка, такъ и въ бывшемъ Польскомъ королевствѣ, во все продолженіе его существованія, и даже въ нѣкогда бывшихъ областяхъ его послѣ его паденія, Евреи были, какъ для правителей, такъ и для высшихъ классовъ населенія, губкой, съ помощью которой вытягивались соки изъ народа и которая потомъ выжималась или въ пользу казны, или въ пользу частныхъ владѣльцевъ и еще чаще въ пользу мѣстныхъ должностныхъ лицъ. Съ другой стороны, для самихъ Евреевъ, вслѣдствіе ихъ безправности—не въ силу только существующихъ законовъ, но еще болѣе въ силу ихъ неисполненія и извращенія,—вопросъ о деньгахъ былъ всегда вопросомъ: *быть или не быть*, а добываніе ихъ чрезвычайно затруднялось для Евреевъ стѣсненіемъ ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ ихъ постоянной осѣдлости. Говорятъ, что имъ предоставленъ огромный просторъ въ Россіи, потому что отведенныя для нихъ 17 губерній, вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ, заключаютъ въ себѣ до 18,000 квадратныхъ миль, и слѣдовательно, своимъ пространствомъ нѣсколько превосходятъ Пруссію и Австрію вмѣстѣ взятыя. Но при этомъ забываютъ, что Евреи живутъ почти исключительно въ городахъ и въ мѣстечкахъ,—по причинамъ, объясненіе которыхъ повело бы насъ здѣсь слишкомъ далеко,—и занимаются исключительно торговлей, ремеслами и мелкими городскими промыслами. Трудно представить себѣ, до чего доходитъ конкурренція между мелкими торговцами, ремесленниками и прочими промышленниками изъ Евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ западнаго края Россіи, и какихъ ужасающихъ размѣровъ достигаетъ нищета между ними,—нищета, которая менѣе всего способствуетъ сохраненію доброй нравственности даже и въ христіанскомъ населеніи,—которая принуждаетъ Евреевъ нерѣдко обращаться къ нечестнымъ способамъ пріобрѣтенія, и при всей ихъ робости, браться даже за опасный промыселъ контрабандистовъ. Было бы дѣломъ истиннаго человѣколюбія и вмѣстѣ дѣломъ разумнаго разсчета—соціальнаго, финансоваго и вообще политическаго—не оставлять ни ихъ самихъ, ни весь западный край Россіи въ такихъ ненормальныхъ экономическихъ условіяхъ. Примѣръ Новороссіи, гдѣ, съ одной стороны, масса населенія пользовалась всегда лучшимъ положеніемъ и гдѣ, съ другой, самимъ Евреямъ представляется большій просторъ для дѣятельности, благодаря обширной торговлѣ, служитъ явнымъ доказательствомъ, что внутри Россіи, особенно въ настоящее время, было бы напрасно опасаться вреднаго нравственнаго вліянія Евреевъ на христіанское населеніе.

Если для западнаго края скученные въ немъ Евреи составляютъ тяжкое бремя, и въ нравственномъ, и въ экономическомъ отношеніи, то дозволеніе имъ повсемѣстнаго жительства въ Россіи принесло бы не малую пользу матеріяльнымъ интересамъ большинства ея населенія, понизивъ до нѣкоторой степени цѣны какъ на товары, такъ и на работу ремесленниковъ (мы указываемъ преимущественно на пользу, которую можно ожидать отъ позволенія селиться повсемѣстно Евреямъ-ремесленникамъ). Усиленная конкурренція между ремесленниками, и вообще между производителями, несомнѣнно клонится къ пользѣ потребителей, которые составляютъ огромное большинство населенія. Но, говорятъ, съ Евреями невозможна правильная конкурренція, потому что они будто бы дѣйствуютъ всегда обманомъ. Еслибъ это обвиненіе было, въ самомъ дѣлѣ, справедливо, то Евреи были бы такими конкуррентами,

которыхъ нечего было бы опасаться. Кто не знаетъ, что обманъ и мошенничество не могутъ быть источникомъ постоянныхъ и надежныхъ успѣховъ въ дѣлахъ торговли и промышленности? Но въ сущности съ Евреями трудно конкуррировать только потому что при своемъ чрезвычайномъ трудолюбіи и умѣренности они въ состояніи дешевле продавать и свои товары, и свою работу, и въ послѣднемъ отношеніи отличаются большею аккуратностью чѣмъ большинство нашихъ ремесленниковъ. Конкурренція Евреевъ оказалась бы полезною еще въ томъ отношеніи, что и въ нашихъ производителяхъ могла бы развить бо́льшую бережливость, аккуратность, трудолюбіе и разсчетливость.

Противъ дарованія Евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи приводятъ и то, что ни въ какомъ другомъ государствѣ они не составляютъ такого многочисленнаго класса населенія, какъ въ Россіи, вмѣстѣ съ Польшей. Этотъ доводъ не имѣетъ основанія: сравнительно съ числомъ остальнаго населенія Россіи Евреи не только не многочисленнѣе чѣмъ въ Австріи, а даже напротивъ. Въ Россіи съ Польшей на 70 слишкомъ милліоновъ жителей считается всего 2 милліона Евреевъ, тогда какъ въ Австріи на 36 милліоновъ всего населенія приходится 1:200.000 Евреевъ, что̀ не помѣшало, однакоже, дозволить имъ не только̀ селиться повсемѣстно въ Австріи, но даже и пріобрѣтать повсюду земли (съ нѣкоторыми впрочемъ ограниченіями въ Галиціи). Но если этотъ доводъ не имѣетъ значенія относительно всей Россіи, то невозможно отрицать его силу по отношенію къ западному краю, гдѣ Евреи заперты, составляя болѣе десятой части его общаго населенія и переполняя собой всѣ города и мѣстечки.

№ 92.

Москва, 29-го апрѣля.

Вопросъ о приведеніи въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ естественно распадается на слѣдующіе вопросы:

Можно ли ввести новые судебные уставы одновременно во всей Имперіи или по крайней мѣрѣ въ значительной части ея губерній, и если нельзя, то какія улучшенія и сокращенія судопроизводства могутъ быть повсюду введены безотлагательно для удовлетворенія вопіющей повсемѣстной потребности въ судѣ болѣе правомъ и болѣе скоромъ нежели теперешній?

Если нѣтъ возможности ввести новые уставы повсюду въ полное дѣйствіе, то въ какихъ мѣстностяхъ новое судопроизводство можетъ быть введено безотлагательно въ полной своей системѣ?

Затѣмъ, какія мѣры слѣдуетъ принять для приготовленія остальныхъ мѣстностей къ введенію новыхъ уставовъ, а именно:

а) Для скорѣйшаго и удобнѣйшаго окончанія старыхъ дѣлъ и для перевода ихъ въ новый порядокъ?

б) Для привлеченія на новыя должности способныхъ людей и для правильнаго распредѣленія ихъ по роду дѣятельности.

По первому изъ этихъ вопросовъ мы уже высказались.*) Сегодня предполагаемъ разсмотрѣть второй, оставляя третій до одного изъ ближайшихъ номеровъ нашей газеты.

Мы нѣсколько разъ говорили о важномъ различіи между основными началами суда, признанными и установленными въ новыхъ судебныхъ уставахъ, и между техническою стороной этихъ уставовъ. Первыя составляютъ главное пріобрѣтеніе судебной реформы,—то пріобрѣтеніе которымъ слѣдуетъ особенно дорожить и которымъ надобно безотлагательно воспользоваться на сколько возможно при теперешнемъ судоустройствѣ, безъ повсемѣстной его ломки, хоть и не безъ нѣкоторыхъ, теперь же удобоисполнимыхъ, существенныхъ измѣненій судопроизводства и отчасти судоустройства.

Техническая сторона новыхъ уставовъ не можетъ быть поставлена на ряду и на равнѣ съ этими коренными началами суда, которыхъ провозглашеніе есть драгоцѣннѣйшій даръ судебной реформы. Но и технической сторонѣ новыхъ уставовъ нельзя не придавать высокаго значенія: она выработана тщательно; ея подробности обстоятельно обдуманы и приведены въ стройное согласіе; наконецъ, многія изъ основныхъ началъ, провозглашенныхъ реформой, не могутъ быть введены вполнѣ, а нѣкоторыя и вовсе не могутъ быть введены въ дѣйствіе безъ той технической обстановки, которую они получили въ но-

---

* См. передовыя статьи №№ 79, 80, 81, 82, 86, 87 и 90.

выхъ уставахъ. Въ этой технической обстановкѣ весьма многое заимствовано изъ иностранныхъ законодательствъ и составляетъ для нашихъ судовъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, совершенную новость. Кое-что изъ этого весьма многаго придется, по всему вѣроятію, измѣнить или дополнить, пользуясь указаніями опыта, и эта вѣроятность тѣмъ очевиднѣе, что примѣняясь къ мѣстнымъ потребностямъ и средствамъ, новые уставы ввели нѣсколько важныхъ подробностей, еще нигдѣ не испытанныхъ, ни у насъ, ни за границей. Неизбѣжность исправленій и дополненій есть, между прочимъ, одно изъ основаній побуждающихъ желать, чтобы новые уставы не были вводимы одновременно во всей Россіи: лучше ввести ихъ повсюду уже послѣ того, какъ они будутъ надлежащимъ образомъ прилажены къ нашимъ условіямъ. Но именно потому-то и надобно желать, чтобы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, раціонально для того избранныхъ, новые уставы были введены во всей полнотѣ ихъ основныхъ началъ и техническаго механизма, и притомъ введены такъ, чтобы характеръ, приданный ими новымъ судебнымъ учрежденіямъ, не былъ искаженъ недостатками исполненія, и чтобы новымъ уставамъ, не были приписаны тѣ неудобства, которыя могутъ произойдти отъ ихъ неудовлетворительности, а отъ неопытности или несамостоятельности исполнителей. Въ послѣднемъ случаѣ публика не воздала бы новымъ уставамъ той чести, на которую они имѣютъ право, а законодательство могло бы придти къ невѣрнымъ заключеніямъ о необходимости исправленій тамъ, гдѣ исправленія въ сущности не были бы необходимы. Не надобно упускать изъ виду, что новыя судебныя учрежденія, нетерпѣливо ожидаемыя большинствомъ публики, неминуемо встрѣтятъ съ разныхъ сторонъ сильную оппозицію. Имъ предстоитъ бороться со всѣми старыми привычками, преданіями и формами, не только управленія, но и самаго быта. Эта борьба потребуетъ большой ловкости въ практическихъ пріемахъ; мало будетъ для этого энергіи и рѣшимости, свойственной молодому борцу: потребуется сила знанія, умѣренности и самообладанія. Невозможно положиться на то, что въ законѣ проведена пограничная черта между отправленіями судебной и административной власти. Мы видимъ повсюду, что только продолжительный опытъ дастъ возможность уловить такъ часто колеблящіяся очертанія границы проводимой закономъ между этими двумя сопредѣльными государственными властями. У насъ на первый разъ судебная власть будетъ въ большомъ затрудненіи по этому предмету. Многіе изъ вчерашнихъ участниковъ общаго дѣла, изъ вчерашнихъ распорядителей и даже начальниковъ, сегодня станутъ въ положеніе ревнивыхъ соперниковъ суда, и на первый разъ охотнѣе будутъ ему противодѣйствовать нежели содѣйствовать,—во всякомъ случаѣ зорко будутъ слѣдить за его увлеченіями и ошибками, чтобы, гдѣ можно, на счетъ его возвыситься и усилиться или выставить его несостоятельность въ такомъ дѣлѣ, которое еще вчера состояло въ рукахъ или подъ надзоромъ властей административныхъ. Въ такомъ положеніи, которое неизбѣжно, представителямъ судебной власти необходимо будетъ внимательно наблюдать за собою и всѣ свои дѣйствія приводить въ законную мѣру, дабы законъ, на которомъ судебная власть утверждается, оправдываясь въ ея дѣйствіяхъ, могъ и для нея служить защитой и оправданіемъ. Еслибы законъ всегда былъ ясенъ и не давалъ мѣста „обманчивому непостоянству самопроизвольныхъ толкованій“, еще не было бы большихъ затрудненій; но, повторяемъ, смыслъ закона, особенно въ политической практикѣ, разъясняется и утверждается только продолжительнымъ опытомъ, правильнымъ состязаніемъ, а иногда и борьбой. Кому неизвѣстно что законъ, еще не вполнѣ установившійся, весьма часто оказывается оружіемъ обоюдуострымъ, служащимъ на пользу только того кто умѣетъ владѣть имъ и ловко обращать его въ свою защиту? Судебная власть у насъ—власть еще юная, не успѣвшая на самомъ дѣлѣ утвердить свой авторитетъ; многіе ей сочувствуютъ, но не всѣ понимаютъ ее, и многіе готовы смотрѣть на нее ревнивымъ и подозрительнымъ взглядомъ. Напротивъ того, администрація сознала свою силу въ такую пору когда понятіе о судѣ еще не выяснилось у насъ; она издавна привыкла наполнять своею дѣятельностью, своимъ усмотрѣніемъ и распоряженіемъ, тѣ пустыя пространства, которыхъ еще не коснулось сознаніе закона, а такихъ пустыхъ мѣстъ и по введеніи новыхъ уставовъ останется у насъ не мало. Покуда судъ будетъ дѣйствовать размѣренно на одной, хоть и боль-

шой, своей дорогѣ, не дерзая отступать отъ опредѣленій закона и распоряжаться по усмотрѣнію,—у администраціи будутъ въ распоряженіи тысячи проселочныхъ путей, на которыхъ она можетъ дѣйствовать быстро и свободно, распоряжаясь по усмотрѣнію. Въ такихъ условіяхъ можно ли надѣяться, что при неминуемыхъ столкновеніяхъ той и другой власти, тотчасъ же само собою возстановится нарушенное равновѣсіе и права суда сами собою выяснятся? Не слѣдуетъ ли напротивъ того опасаться, что при неутвердившихся еще понятіяхъ о самой сущности судебной власти и объ отправленіяхъ ея органовъ, всякая ошибка, всякое увлеченіе со стороны новыхъ и неопытныхъ представителей новаго суда, поведутъ къ процессу, въ которомъ старыя силы найдутъ себѣ опору противъ силы новой, и встрѣтятъ такихъ защитниковъ и ходатаевъ, съ которыми силѣ новой, даже во имя закона, смутно сознаваемаго въ самомъ обществѣ, трудно будетъ считаться? Не слѣдуетъ ли опасаться, что вслѣдствіе того самые уставы, еще недостаточно заявивъ себя, могутъ подвергнуться преобразованію, вовсе не требующемуся сущностью дѣла?

Дорожа новыми судебными уставами, высоко цѣня ихъ разнообразныя достоинства, нельзя не желать, чтобы личный составъ новыхъ судовъ былъ подобранъ какъ можно безукоризненнѣе; нельзя не желать, чтобы новые суды вступили въ дѣйствіе, снабженные всѣми условіями успѣха, всѣми средствами для правильнаго и искуснаго веденія борьбы ихъ ожидающей, всѣмъ тѣмъ авторитетомъ, которымъ сопровождается дѣятельность людей, уже успѣвшихъ снискать себѣ уваженіе и признаніе. Жертвовать этою существенною потребностью новыхъ судовъ, желаніе утвердить ихъ въ возможно большемъ числѣ мѣстностей значило бы рисковать всею будущностью новаго дѣла. Имѣя это въ виду, мы, признаемся, не можемъ представить себѣ успѣшнаго введенія новыхъ уставовъ—не говоримъ уже въ двадцати или тридцати губерніяхъ, но даже и въ десяти. Всѣ согласятся, что въ десяти губерніяхъ нельзя учредить новые суды въ такомъ удовлетворительномъ видѣ, въ какомъ можно учредить ихъ, напримѣръ, въ пяти губерніяхъ: зачѣмъ же, думается намъ, рисковать успѣхомъ дѣла, когда и при рискѣ новые суды были бы учреждены все-таки лишь въ незначительной части Россіи? Надобно принять еще въ соображеніе, что для успѣшнаго дѣйствія новыхъ судовъ потребуются не только судьи и члены прокурорскаго надзора съ канцеляріями, но и присяжные повѣренные, и что чѣмъ болѣе около вновь учрежденныхъ судовъ соберется способныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, тѣмъ удовлетворительнѣе пойдетъ и самое дѣло суда.

Само по себѣ очевидно, что столичные города представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе удобствъ для немедленнаго осуществленія судебной реформы во всей ея полнотѣ. Поэтому, было бы повидимому всего удобнѣе образовать для начала двѣ судебныя области изъ столицъ съ прилежащими къ нимъ губерніями. Но тутъ возникаетъ слѣдующее соображеніе: если въ обѣихъ столицахъ будутъ учреждены новые суды, то не пострадаютъ ли отъ того тѣ губерніи, въ которыхъ продолжали бы дѣйствовать суды теперешніе? Главная потребность настоящей минуты есть потребность всеобщая: улучшеніе правосудія. Преимущественное вниманіе должно быть обращено на удовлетвореніе этой потребности. Но можно ли ожидать, что она будетъ во всей силѣ чувствуема и сознаваема вѣдомствомъ юстиціи, если въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ ближайшихъ къ столицамъ, а слѣдовательно и къ центральной судебной администраціи губерніяхъ будутъ введены новые суды? Въ интересѣ остальныхъ губерній не слѣдуетъ ли желать, чтобы не посредственному и ближайшему наблюденію вѣдомства юстиціи могли подлежать не только тѣ губерніи, гдѣ будутъ учреждаться новые суды, но и нѣкоторыя изъ тѣхъ, гдѣ останутся суды теперешніе, но, гдѣ въ эти суды будутъ вводиться новыя начала, долженствующія оживить ихъ дѣятельность и приготовить ихъ къ окончательному преобразованію? При этомъ важно еще и то, что сравнительно съ столичными всѣ другія губерніи почти безгласны у насъ; если обѣ столицы будутъ заняты новымъ судомъ, то интересы другихъ губерній не будутъ имѣть средствъ достаточно заявить себя, и тогда главная часть задачи, повсемѣстное улучшеніе правосудія,—безъ чего и дальнѣйшее распространеніе новыхъ учрежденій было бы крайне затруднительно,—могло бы потерять интересъ для администраціи, заглохнуть и остаться въ числѣ *pia desideria*. Польза дѣла требуетъ, чтобъ

обѣ части задачи были выполнены равномѣрно, чтобъ одна отнюдь не вредила другой и не сосредоточивала на себѣ всего вниманія центральной судебной администраціи. Учрежденіе новыхъ судовъ, ограниченное небольшою мѣстностью, не представитъ трудностей, и главныя усилія вѣдомства юстиціи потребуются на то, что гораздо труднѣе, на повсемѣстное улучшеніе правосудія. Весьма желательно, чтобъ это дѣло было постоянно на глазахъ центральной судебной администраціи.

Вотъ почему мы думали бы, что общіе интересы государства были бы лучше обезпечены, еслибы новые суды были учреждены, на первый разъ, не въ обѣихъ столицахъ, а только въ одной изъ нихъ и въ ея ближайшемъ сосѣдствѣ. Такое ограниченіе было бы совершенно согласно и съ интересами судебной реформы, которая тѣмъ болѣе выиграетъ, чѣмъ меньше придется сразу учреждать новыхъ судовъ и чѣмъ слѣдовательно будетъ легче удовлетворительно замѣстить новыя судебныя должности. Для этой цѣли Москва безспорно удобнѣе чѣмъ Петербургъ, и какъ центральная, и какъ коренная столица Русскаго государства. Она окружена древними средоточіями русской государственной жизни, Владиміромъ, Тверью, Рязанью, и эти историческіе города уже связаны съ нею желѣзными дорогами, что также послужитъ не маловажнымъ подспорьемъ для успѣшнаго введенія новыхъ судебныхъ учрежденій.

№ 93.

Москва, 30-го апрѣля.

Наши разсужденія о приведеніи въ дѣйствіе судебной реформы отнюдь не клонятся къ отсрочкѣ и замедленію этого великаго дѣла: напротивъ, во всемъ что мы говоримъ о немъ, мы только и имѣемъ въ виду, чтобы судебная реформа могла *скоро* осуществиться—осуществиться не на словахъ, а на дѣлѣ, и на первыхъ же порахъ пріобрѣсть надлежащую устойчивость: если отсрочка нужна въ этомъ дѣлѣ, то не для траты, а для выигрыша времени. Вотъ въ какихъ именно видахъ, по нашему мнѣнію, теперь требуется заниматься вопросомъ не о томъ, *когда* мы совершимъ дѣло, а о томъ *какъ* мы приступимъ къ нему. Мы уже не мало говорили о двухъ возможныхъ системахъ введенія въ дѣйствіе судебной реформы. Одна изъ этихъ системъ состоитъ въ томъ, чтобы новые суды были введены одновременно во всей Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ губерніяхъ, управляемыхъ по общему учрежденію, но при этомъ считается все-таки необходимымъ соблюдать извѣстную постепенность въ порядкѣ перехода отъ старыхъ судовъ къ новымъ. Другая система предлагаетъ ввести новые суды въ небольшой мѣстности, особенно удобной для этой цѣли, и тутъ ввести ихъ уже въ совершенной полнотѣ проектированнаго для нихъ плана, а въ остальныхъ частяхъ Имперіи одновременно съ этимъ принять всѣ возможныя мѣры къ упрощенію и улучшенію судопроизводства, а также къ подготовленію перехода отъ стараго судопроизводства къ новому.

Не велика будетъ разница во времени между этими двумя системами приведенія въ дѣйствіе судебныхъ учрежденій, но въ высшей степени важно то, что пріемы, общіе взгляды, предположенія, хозяйственные разсчеты въ той и другой системѣ будутъ не одинаковые. Подъ вліяніемъ одного взгляда, основываясь на цѣлой системѣ предположеній заранѣе составленныхъ *a priori*, можно, сразу распорядивъ все дѣло, сразу и погубить его,—сразу достигнуть результата, но только обманчиваго и призрачнаго. При другихъ пріемахъ, воздерживаясь отъ общихъ предположеній, покуда они на дѣлѣ не выяснятся, можно довести дѣло до конца съ вѣрнымъ разчетомъ. Что же лучше?

Въ одной системѣ горячее желаніе видѣть немедленное осуществленіе полной системы судоустройства и судопроизводства приводитъ къ предположеніямъ заранѣе составленнымъ болѣе чѣмъ на 30 губерній, почти на всю Европейскую Россію,—дѣло, по меньшей мѣрѣ, сопряженное съ великимъ рискомъ; приходится предположить, что въ каждой мѣстности, при всяческихъ существующихъ тамъ, и еще неизвѣстныхъ условіяхъ, всѣ дѣла войдутъ къ извѣстному сроку въ извѣстный каналъ и повернутся въ извѣстное направленіе, всѣ обстоятельства примутъ извѣстный видъ, всѣ понятія и обычаи достигнутъ извѣстной степени развитія и извѣстной заранѣе опредѣленной формы.

Другая система, при столь же твердомъ и горячемъ желаніи преобразованія, предлагаетъ для него совсѣмъ иные пріемы.

Одно только предположеніе для нея безусловно-вѣрное: что новыя начала суда суть начала истинныя, которыя должны повесть къ улучшенію дѣла, когда къ нему привьются и станутъ въ немъ правдой. Но эти начала выражаются въ новой технической обстановкѣ. Прежде чѣмъ смѣнить повсюду старую обстановку новою, необходимо сначала на каждомъ мѣстѣ *осмотрѣться* и произвесть въ каждой мѣстности ликвидацію старыхъ отношеній и дѣлъ, сообразно хозяйству каждой мѣстности. Главное условіе для этого заключается въ томъ, что дѣйствовать надобно постепенно и послѣдовательно, не стѣсняя заранѣе разнообразныхъ условій каждой мѣстности общими правилами и сроками, не распоряжая заранѣе на однихъ и тѣхъ же условіяхъ дѣятельность людей и учрежденій въ примѣненіи къ разнообразной экономіи мѣстностей, весьма мало похожихъ одна на другую.

Но всего опаснѣе, всего обманчивѣе сопряженное съ первою изъ этихъ двухъ системъ предположеніе о людяхъ, предположеніе, что „*люди найдутся.*“ Гдѣ найдутся? Повсюду, отвѣчаетъ система. Когда? Къ извѣстному сроку. Кто, какіе люди? И на этотъ вопросъ она отвѣчаетъ съ неимовѣрной легкостью: кто нибудь, только найдутся непремѣнно. А между тѣмъ къ столь легкому отвѣту на трудный вопросъ жадно прислушиваются самозванные кандидаты, при первомъ слухѣ о новыхъ мѣстахъ потянувшіеся длинными рядами „отъ сѣвера и моря“ съ заявленіями своихъ способностей.

Безъ сомнѣнія, на первый же разъ явится достаточное число желающихъ занять новыя мѣста, при увеличенныхъ окладахъ: явится не малое число такихъ, къ которымъ можно будетъ, руководствуясь дипломомъ или формулярнымъ спискомъ, приложить печать: „способенъ и достоинъ“. Но въ этомъ-то именно и состоитъ опасность угрожающая успѣху новыхъ учрежденій, въ случаѣ одновременнаго введенія ихъ въ дѣйствіе по общей рамкѣ и по общему правилу. Когда придется во что бы ни стало къ одному сроку открыть повсюду новыя учрежденія, необходимо будетъ и наполнить мѣста къ сроку во что бы ни стало,—и мѣста по всей Россіи будутъ наполняться по назначенію изъ центральныхъ пунктовъ управленія, ибо въ заботѣ объ открытіи всего повсюду на срокъ некогда будетъ ждать пока въ каждой мѣстности успѣютъ обнаружиться и заявить себя люди способные для того или другаго отправленія. Можно ли не опасаться такой поспѣшности назначеній, когда подумаешь о той кочующей ордѣ искателей мѣстъ, которая, наряду со всѣми просителями, наполняетъ нашу сѣверную столицу, безпрерывно мѣняя пестрые ряды свои высылая въ отдаленнѣйшіе уголки Имперіи дѣятелей въ короткое время успѣвающихъ созрѣть для всякой дѣятельности и готовыхъ принять на себя всякое бремя, лишь бы оно было соединено съ властью? Всякій изъ нихъ приноситъ съ собою льстивыя рѣчи и запасъ ходячихъ фразъ въ такомъ родѣ какой по вкусу требуется; всякій хочетъ казаться не тѣмъ что онъ есть; всякій, являясь героемъ какой угодно дѣятельности, оставляетъ позади себя на мѣстѣ свое, дѣйствительное дѣло, тогда какъ только по дѣлу и можно разсудить что̀ умѣетъ дѣлать человѣкъ и на что̀ онъ способенъ.

„У насъ нѣтъ людей?“ — „Неправда, у насъ есть люди,—дайте учрежденіе, люди явятся!“ Вотъ двѣ темы, на которыя въ послѣднее время сталъ завязываться у насъ горячій споръ противоположныхъ мнѣній, споръ, нерѣдко приводящій ту и другую сторону во взаимное раздраженіе. Между тѣмъ, намъ кажется, что самая тема, съ которой начинается и отъ которой не отходитъ этотъ споръ, не имѣетъ надлежащей реальности, и потому о ней можно спорить съ одинаковою вѣроятностью доводовъ, оставляя существенный вопросъ все-таки не тронутымъ и не рѣшеннымъ.

„У насъ есть люди“, — не все ли это равно что сказать: земля наша велика и обильна? Кто не знаетъ, какія необъятныя сокровища естественнаго богатства лежатъ въ нѣдрахъ земли нашей и разсѣяны на ея поверхности? Все повидимому есть у насъ подъ рукой, что̀ составляетъ богатый матеріялъ для дѣятельности, изъ чего слагается экономическое благосостояніе, изъ чего разрабатывается и наростаетъ богатство отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа. И за всѣмъ тѣмъ развѣ мы не видимъ, что эти богатства наши—массою лежатъ въ нѣдрахъ и на поверхности нашей земли нетронутыя и неразработанныя? Прочитавъ обиліе и богатство на одной сторонѣ медали, на другой сторонѣ

мы видимъ наличную бѣдность и недостатокъ запасовъ. Но благоразумно ли поступитъ тотъ, кто, увидѣвъ только одну сторону медали, тѣмъ и удовольствуется что успѣлъ прочесть на ней?

Да! Духовными дарами природа не обдѣлила насъ такъ же какъ и дарами физическими: и мы свою силу чуемъ въ себѣ, и грѣхъ намъ жаловаться, что Богъ обидѣлъ насъ. Силы въ насъ много, такъ много, что видя передъ собою дѣйствительныя, насущныя надобности, требующія приложенія силъ, мы останавливаемся въ раздумьи: нельзя ли силу свою направить и еще на что нибудь. Мы такъ много силы чувствуемъ въ себѣ, что вовсе не цѣнимъ ея и растрачиваемъ ее самымъ безсмысленнымъ образомъ. Страшно подумать сколько прекрасныхъ силъ мы губимъ напримѣръ тѣмъ разслабляющимъ воспитаніемъ, которое мы даемъ большей части нашего юношества. Сколько силъ отвлекается у насъ отъ дѣла совершенно безплодною дѣятельностью на тѣхъ поприщахъ, гдѣ все дѣлается только для вида! Сколько силъ пропадаетъ даромъ въ этомъ кочеваніи отъ занятія къ занятію, которое такъ улыбается теперь нашему чиновничеству, въ особенности столичному! Да, у насъ силъ много, иначе не могла бы и устоять русская земля среди этого безпорядка и хаоса въ употребленіи ея силъ,—но вѣдь и дѣло наше не со вчерашняго только дня передъ нами. Во всѣ эпохи нашей народной жизни обозначались потребности общественнаго дѣла, и что же мы видимъ? Мы видимъ, что являлись у насъ—Голіаѳы и Самсоны, созидавшіе намъ государственность и гражданственность. Но не видимъ ли мы также, что за предѣлами круга этихъ людей, оставалось несмѣтное множество пустыхъ круговъ, что цѣлыя массы бездѣйствующей силы лежали нетронутыми около разсѣянныхъ дѣятелей, что всякому новому дѣятелю, вступающему въ дѣло, предстоитъ у насъ до сихъ поръ начинать вновь трудную работу созданія и собиранія силъ, какъ будто до него никто на этомъ мѣстѣ не собиралъ и не трудился? Отъ чего у насъ, при началѣ каждаго общественнаго дѣла, вмѣстѣ съ восторженнымъ крикомъ однихъ: есть люди! всегда раздавался отчаянный вопль другихъ: нѣтъ людей! а потомъ нерѣдко и тотъ и другой звукъ замиралъ въ привычкѣ и равнодушіи? Не отъ того ли происходило и происходитъ все это, что мы только *чуяли* въ себѣ присутствіе силъ, но не хотѣли или не умѣли различить ихъ, собрать ихъ, дать имъ постоянное движеніе и распредѣлить ихъ экономически?

Люди найдутся у насъ, безъ сомнѣнія, и для судебнаго дѣла, и выработаютъ намъ русскую юриспруденцію, если мы позаботимся о приготовленіи ихъ въ нашихъ школахъ на той же солидной, вѣками испытанной работѣ, которая развиваетъ и укрѣпляетъ молодые умы во всѣхъ странахъ европейской цивилизаціи, а безъ этого условія только люди особенно одаренные будутъ оказываться способными для всякаго дѣла, требующаго извѣстной тонкости и крѣпости мышленія. При теперешнемъ состояніи гимназій и юридическихъ факультетовъ и училищъ, странно было бы ожидать, чтобы судебное дѣло могло уже теперь процвѣсть у насъ; мы можемъ ожидать многаго отъ обильнаго родника нашихъ народныхъ силъ только въ томъ случаѣ, если серіозно озаботимся исправленіемъ нашихъ училищъ и постановкой ихъ на европейскую ногу. Вотъ первѣйшее условіе успѣховъ русскаго судебнаго дѣла въ будущемъ. Что касается до настоящаго, то чѣмъ бѣднѣе оно условіями для надлежащаго хода судебнаго дѣла, тѣмъ болѣе слѣдуетъ дорожить готовыми и годными силами, тѣмъ тщательнѣе слѣдуетъ ихъ отыскивать, привлекать и подготовлять къ новому призванію. Школа мало помогаетъ намъ, но если трудно у насъ найдти людей какъ должно подготовленныхъ къ дѣлу школой, то не мало найдется такихъ, которые уже достаточно выработали себя и могутъ еще болѣе выработать себя на дѣлѣ. Вотъ самые лучшіе, вотъ настоящіе люди для судебной реформы. Повторяемъ, такихъ людей найдется не мало. Но распознать этихъ настоящихъ людей можно только *на дѣлѣ, посреди дѣла, въ связи съ дѣломъ*, когда самъ, кто ищетъ, возьмется за то дѣло, для котораго ищетъ людей. Безъ труда, безъ усилія собираетъ людей тотъ, кто словомъ скликаетъ ихъ и по слову о нихъ судитъ, и собравъ ихъ, говоритъ: *есть люди!* Совсѣмъ иначе звучитъ это слово: *есть люди!* когда его произноситъ тотъ, кто приступая къ дѣлу, долженъ былъ на самомъ дѣлѣ выбирать, испытывать, руководить и распредѣлять сотрудниковъ и работниковъ и на опытѣ убѣдился какъ

обманчиво слово и какъ надежно дѣло, которое одно открываетъ людей и завязываетъ между ними связь. Для того, чтобъ отыскивать людей годныхъ для дѣла, надо сойдти съ широкаго поля общихъ взглядовъ и предположеній, — сойдти на *рабочую ниву*, и взяться за плугъ вмѣстѣ съ съ работниками....

Личный составъ мироваго суда будетъ зависѣть отъ земскихъ выборовъ; тутъ во власти законодательства только общія мѣры, которыя могутъ облегчить дѣло мироваго суда установленіемъ постепенности въ расширеніи круга его дѣятельности. Мы уже имѣли случай высказать, что на теперь существующія мировыя учрежденія можно было бы безотлагательно возложить судебно-полицейскія дѣла. За тѣмъ должны послѣдовать земскіе выборы въ мировые судьи, и намъ кажется, въ интересѣ дѣла, весьма желательнымъ, чтобъ эти выборы происходили непосредственно вслѣдъ за открытіемъ уѣздныхъ земскихъ собраній: мировые судьи могутъ еще быть поставлены въ зависимость отъ земства, но какъ скоро земство уже избрало гласныхъ, то кандидаты на должность мировыхъ судей поступаютъ въ зависимость уже не отъ земства, а отъ тѣхъ 30 или 50 человѣкъ земскихъ людей, которые избраны въ гласные, что совершенно измѣняетъ дѣло и можетъ очевидно вести ко многимъ неправильнымъ послѣдствіямъ. Вотъ причина, побуждающая желать, чтобы выборы мировыхъ судей были по возможности ускорены. Избраннымъ по новому порядку мировымъ судьямъ надобно дать время опознаться въ своей должности и привыкнуть къ ней. Лишь черезъ годъ послѣ избранія можно, кажется, безъ опасенія приступить къ расширенію круга вѣдомства мировыхъ судовъ, согласно новымъ уставамъ. Между тѣмъ уѣздные суды, соединенные съ магистратами, могутъ закончить многія изъ производящихся у нихъ дѣлъ. Сообразно обстоятельствамъ, можно будетъ закрыть нѣкоторые уѣздные суды, другіе слить съ судами смежныхъ уѣздовъ и т. д. Въ соотвѣтствіе тому можетъ начаться преобразованіе губернскихъ палатъ гражданскаго и уголовнаго суда для постепеннаго превращенія ихъ въ суды окружные. Но мы не будемъ вдаваться въ подробности этого дѣла. Успѣхъ его зависитъ не отъ общихъ, заранѣе составленныхъ правилъ, а отъ выбора главныхъ мѣстныхъ распорядителей, которые должны будутъ служить исполнителями закона. Только черезъ ихъ посредство могутъ открыться, для каждой мѣстности, тѣ способы и средства, какіе надлежитъ употребить для осуществленія повсюду полной системы новаго судоустройства и судопроизводства. Вотъ почему, кажется намъ, самою первою и самою важною мѣрой для приведенія въ дѣйствіе новыхъ учрежденій долженъ быть безотлагательный выборъ въ распорядители — людей вполнѣ знакомыхъ съ дѣломъ и успѣвшихъ пріобрѣсть въ немъ опытность и авторитетъ. Потребуется на первый разъ небольшое число людей, обладающихъ этими качествами, по числу областей, на которыя предполагается раздѣлить всю сѣть новаго судоустройства, и нѣтъ сомнѣнія, что выборъ въ такомъ ограниченномъ размѣрѣ не представитъ затрудненій. Чѣмъ строже и осмотрительнѣе онъ будетъ сдѣланъ, тѣмъ будетъ удобнѣе предоставить этимъ лицамъ всю возможную свободу соображенія, распоряженія и выбора сотрудниковъ и работниковъ въ предназначенной каждому области. Въ интересѣ дѣла требуется, чтобъ они были снабжены полномочіемъ приблизительно въ тѣхъ размѣрахъ, которые установлены для ревизующихъ сенаторовъ. Это очень важно не только для успѣшнаго реформированія судовъ, но и для оживленія и поощренія теперешнихъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Нѣтъ сомнѣнія, что находясь на виду у распорядителей, пользующихся такимъ полномочіемъ, всѣ способные люди, служащіе теперь по судебной части, одушевятся усердіемъ и примутся за усиленную работу, которая принесетъ пользу правосудію и въ то же время послужитъ для нихъ самихъ хорошею школой. Распорядителей, облеченныхъ довѣріемъ, нѣтъ надобности стѣснять подробными программами и предписаніями. Достаточно указать имъ главнѣйшія правила для руководства. Каждый изъ нихъ, отправившись къ своему дѣлу, начнетъ его обозрѣніемъ и изученіемъ всего судебнаго хозяйства въ своей области: и тогда повсюду сами собою обнаружатся условія каждой мѣстности, ея потребности и очертанія будущихъ округовъ. Повсюду, по мѣстнымъ условіямъ, могутъ быть приняты дѣятельныя мѣры къ окончанію старыхъ дѣлъ, при чемъ можетъ оказаться, что въ одномъ судѣ дѣлъ нѣтъ и окан-

чивать нечего, а въ другой — слѣдуетъ стянуть силы изъ другихъ мѣстностей для разборки массы дѣлъ съ давняго времени скоплявшихся безъ движенія. Главная же выгода, какъ сказано, будетъ состоять въ томъ, что при этой ревизіи и разборкѣ дѣлъ, обнаружатся сами собою, и *на самомъ дѣлѣ*, люди, способные быть дѣятелями судебной реформы. Когда разберется повсюду хозяйство, обозначатся всѣ пути и средства, тогда настанетъ время провозгласить полное открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій, и мы убѣждены, что при такомъ образѣ дѣйствія время это для каждой мѣстности не замедлится. Между тѣмъ опытъ новыхъ учрежденій, произведенный въ немногихъ губерніяхъ, покажетъ тѣ недостатки, недомолвки и ошибки, которые потребуютъ дополненія и исправленія, а начавшаяся практика новаго дѣла послужитъ образцомъ для послѣдующихъ работниковъ.

№ 94.

Москва, 1-го мая.

Тѣ изъ иностранныхъ журналовъ, которые не перестаютъ еще служить органами враждебныхъ для Россіи видовъ,—какъ и слѣдовало ожидать,—рукоплещутъ увольненію графа М. Н. Муравьева отъ управленія сѣверо-западнымъ краемъ. „Муравьевъ“, пишетъ извѣстный петербургскій корреспондентъ *Indépendance belge*, „Муравьевъ, этотъ свирѣпый проконсулъ Вильны „(*le farouche proconsul de Vilna*), рѣшительно оставляетъ свою должность, и давно бы пора...“ „Извѣстіе объ увольненіи „Муравьева“, пишутъ въ *Temps*, „можетъ „быть встрѣчено европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ не иначе какъ съ радостью; извѣстно, какую мрачную славу пріобрѣлъ себѣ этотъ человѣкъ замѣчательнымъ содѣйствіемъ къ подавленію недавняго польскаго возстанія.“ Радость партій внутреннихъ и заграничныхъ, преданныхъ польской идеѣ, умаляется, какъ видно изъ ихъ заявленій, только тѣмъ, что М. Н. Муравьевъ не отставленъ отъ должности, а уволенъ, какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ „съ сожалѣніемъ“ и что Государь Императоръ, признавая его заслуги предъ Престоломъ и Отечествомъ и желая увѣковѣчить память о нихъ, возвелъ его въ графское Россійской Имперіи достоинство. Впрочемъ, петербургскій корреспондентъ *Indépendance belge*, сообщая о замѣщеніи генерала Муравьева генераломъ фонъ-Кауфманомъ, лицомъ, по словамъ его, мало извѣстнымъ, утѣшаетъ свою партію и недоброжелательную къ Россіи иностранную публику предположеніемъ, будто бы самое это назначеніе доказываетъ, что русское правительство рѣшилось не давать болѣе главнымъ начальникамъ прежнихъ польскихъ областей того „страшнаго всемогущества“, которымъ пользовался генералъ Муравьевъ. Какъ видно назначеніе генерала Кауфмана въ сѣверо-западный край пришлось не совсѣмъ по вкусу нашимъ внутреннимъ корреспондентамъ, и они желали бы, чтобъ онъ былъ связанъ въ своей новой дѣятельности и лишенъ возможности со всею энергіей, поддерживаемою сознаніемъ личной отвѣтственности предъ современниками и потомствомъ, продолжать дѣло, достославно начатое графомъ М. Н. Муравьевымъ.

Россія никогда не забудетъ заслугъ этого человѣка въ трудную, мрачную минуту, и безпристрастный судъ исторіи высоко оцѣнитъ его подвигъ, нынѣ Монархомъ Россіи „вполнѣ оцѣненный.“ Вспомнимъ ту мрачную минуту—хотя бы и не желалось вспоминать ее,—которая призвала графа Муравьева къ дѣятельности посреди объятаго мятежомъ края: вспомнимъ ее, для того чтобъ оцѣнить то историческое значеніе, которое на всегда останется за его именемъ. Мы не имѣемъ намѣренія исчислять всѣ его заслуги или обсуживать тѣ мѣры, которыя принималъ онъ по управленію ввѣреннымъ ему краемъ; мы хотимъ указать только на то, какую цѣну имѣетъ его дѣятельность по отношенію къ тѣмъ обстоятельствамъ, среди которыхъ она развивалась, по отношенію къ тѣмъ трудностямъ, которыя могли бы заставить его уклониться отъ призыва, по отношенію къ тѣмъ препятствіямъ, съ которыми онъ долженъ былъ бороться для того чтобъ исполнять свой долгъ передъ отечествомъ. Только два года прошло съ тѣхъ поръ, но надобно сдѣлать усиліе чтобы перенестись мыслію въ то время. Теперь, посреди русскаго общества, никто не осмѣлится сказать открыто, что Русское государство не должно быть русскимъ въ той или другой части своей территоріи, что русская политика внутри или внѣ не должна быть національною; теперь даже злоумышленники

и негодяи стараются поддѣлываться подъ патріотическій тонъ. За два года передъ симъ, защищать русскіе интересы, отстаивать единство, цѣлость и національность Русскаго государства, казалось дѣломъ безумнымъ, отчаяннымъ и невозможнымъ; молвить слово противъ измѣны и мятежа, грозившаго раздробленіемъ Россіи, значило вооружить противъ себя всѣ стихіи. Въ то время все русское было поражено безсиліемъ и унынiемъ, все враждебное Россіи заранѣе торжествовало побѣду, и Европа ожидала съ-часу-на-часъ, что Россія исчезнетъ съ горизонта, какъ марево. Минута была критическая! Мало было людей въ Россіи, которые рѣшились бы въ то время взглянуть прямо въ лицо задачѣ, предстоявшей государственному человѣку, призванному верховною властью къ борьбѣ съ измѣной встрѣчавшею себѣ повсюду сочувствіе и поддержку, къ возстановленію достоинства русскаго государства въ краѣ, гдѣ оно было поругано, къ возстановленію русской національности въ краѣ, гдѣ она была доведена до послѣдняго издыханія. Повторимъ, для того чтобъ оцѣнить значеніе дѣятельности графа Муравьева въ Вильнѣ, надобно сообразить тѣ обстоятельства, среди которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать, надобно представить себѣ въ какомъ положеніи находилось бы теперь русское дѣло, еслибы не явилось государственнаго дѣятеля способнаго среди хаоса, который окружалъ насъ въ ту пору, возымѣть рѣшимость исполнить во всей силѣ Монаршее рѣшеніе, состоявшее въ томъ, что западный край, эта коренная, историческая часть Россіи, эта колыбель Русскаго государства, долженъ быть отнынѣ и навѣки краемъ непререкаемо русскимъ. Представимъ себѣ что произошло бы, если бы въ тѣ дни, когда на насъ наступала вся Европа, когда внутренняя организованная измѣна казалась непобѣдимою и заранѣе торжествовала свою побѣду, еслибы въ то время рука дѣйствовавшая въ Вильнѣ дрогнула хоть на минуту, подъ градомъ ругательствъ и проклятій, которыя со всѣхъ сторонъ сыпались на всякаго русскаго дѣятеля, не отступавшаго предъ своимъ долгомъ, или не измѣнявшаго ему, и которыя съ такимъ страшнымъ обиліемъ сыпались особенно на виленскаго генералъ-губернатора? Не великая ли заслуга въ одномъ томъ, что графъ Муравьевъ принялъ на себя всю ненависть, всю злобу какъ внутреннихъ, такъ и заграничныхъ враговъ единства и цѣлости Россіи?

Дѣятельность его была проникнута неизмѣннымъ сознаніемъ, что Литва и Бѣлоруссія могутъ быть только русскимъ краемъ. При немъ впервые, послѣ долгаго времени, почувствовалось тамъ присутствіе русской силы: загнанное русское племя встрепенулось и пріободрилось; все русское, бывшее доселѣ въ уничтоженіи, вошло въ почетъ; сами поляки начали, повидимому, сознавать необходимость отречься отъ несбыточныхъ мечтаній и обратиться въ гражданъ земли русской, и даже Евреи стали охотно посылать своихъ дѣтей въ школы русской грамотности. Недоброжелательные къ Россіи публицисты видятъ во всѣхъ дѣйствіяхъ генерала Муравьева только намѣреніе подавить польскую національность, но мы, Русскіе, не можемъ не чествовать въ немъ человѣка, положившаго тѣми мѣрами, которыя были ему сподручны, начало возрожденію русской народности, до того времени забитой и загнанной въ западномъ краѣ Россіи, начало вступленію ея въ законно-принадлежащія ей права.

Впрочемъ совершеніе этого великаго дѣла еще далеко впереди: для него требуется соединенное и дружное дѣйствіе государственныхъ и общественныхъ силъ всей Россіи, не говоря уже о необходимости крѣпкой и по возможности самостоятельной власти въ западномъ краѣ. Чего достигла польская пропаганда вѣками, съ помощью чрезвычайно-искусныхъ усилій и при обстоятельствахъ, особенно благопріятныхъ, того невозможно было передѣлать въ какіе-нибудь два года. Ни юго-западный, ни сѣверо-западный край Россіи далеко еще не стали вполнѣ русскимъ краемъ. Россіи, за весьма немногими исключеніями, не удалось еще сдѣлать никакихъ пріобрѣтеній въ польскомъ или ополяченномъ землевладѣльческомъ классѣ западнаго края, и этотъ классъ до сихъ поръ остается вполнѣ польскимъ. Въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ не приходится и одного русскаго помѣщика на 10 польскихъ; въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ это отношеніе еще менѣе благопріятно для русскаго дѣла, за исключеніемъ развѣ Витебской и Могилевской губерній.

Нельзя, конечно, отрицать великой важности того, что крестьне, которыхъ значительное большинство принадлежитъ къ русскому народу, пріобрѣли теперь свои

земли въ полную собственность, что они поставлены въ этомъ отношеніи внѣ всякой зависимости и внѣ всякихъ счетовъ съ землевладѣльцами, и что, при пересмотрѣ уставныхъ грамотъ, принимаются мѣры къ возможно-большему обезпеченію матеріальнаго ихъ быта; но крестьяне представляютъ собою общественный классъ, обремененный тяжкимъ матеріальнымъ трудомъ, пассивный и мало самостоятельный во всемъ что̀ касается общихъ политическихъ интересовъ края. Они всегда будутъ въ состояніи отразить силу силой; но революціонная польская пропаганда не всегда же будетъ спѣшить дѣйствовать силой, и Богъ вѣсть какой еще видъ могутъ принять ея интриги и козни и насколько сельскій людъ окажется способнымъ не только разоблачать и разстраивать эти козни—чего и ожидать отъ него нельзя—но даже и самъ противостоять имъ: только русскій или вновь обрусѣвшій землевладѣльческій классъ можетъ сдѣлать нашъ западный край прочнымъ достояніемъ Россіи.

Притомъ же въ средѣ даже русскаго крестьянскаго населенія Виленскаго генералъ-губернаторства насчитывается нѣсколько сотенъ тысячъ католиковъ, не считая *латинизантовъ* или тайныхъ католиковъ. Это обстоятельство само по себѣ не имѣло бы особенной важности въ политическомъ отношеніи, но въ данномъ случаѣ особенно важно то, что въ нашемъ западномъ краѣ католицизму усвоенъ самимъ русскимъ правительствомъ польскій языкъ, и напротивъ совершенно возбраненъ языкъ русскій, такъ что католикъ западнаго края Россіи означаетъ человѣка, который молится Богу, если не исключительно, то преимущественно на польскомъ языкѣ, который слушаетъ въ костелахъ польскія проповѣди, для котораго польскій языкъ служитъ единственнымъ способомъ къ удовлетворенію религіозныхъ потребностей. Католиковъ западнаго края Россіи, поэтому прямо причисляютъ къ Полякамъ, какого бы ни были они происхожденія. Въ Ковенской губерніи считается всего около 30.000 Поляковъ, и однакоже, благодаря рѣшительному въ ней преобладанію католицизма, ни одна губернія не предалась въ большей степени послѣднему польскому мятежу. Понятно, какимъ могущественнымъ средствомъ къ ополченію края является католицизмъ, благодаря этому особенному обстоятельству. Для сѣверо-западнаго края Россіи и особенно для нѣкоторыхъ его губерній, это обстоятельство имѣетъ чрезвычайную важность, потому что въ составѣ его населенія, простирающагося до $5^1/_2$ милліоновъ, считается около 2.200.000 католиковъ, или почти двѣ пятыя доли (не считая латинизантовъ); въ Ковенской же губерніи, отдѣльно взятой, 828.000 католиковъ изъ 997 тысячъ всего населенія, или слишкомъ $^4/_5$, въ Виленской 607 тысячъ католиковъ изъ 892.000 или болѣе $^2/_3$ (68%) всего населенія. Не вдаваясь теперь въ подробное разсмотрѣніе этого предмета, мы постановимъ только вопросъ: не способствуетъ ли устраненіе русскаго языка изъ употребленія въ храмахъ, въ духовныхъ молитвахъ и при совершеніи требъ ополяченію края, и пока этотъ порядокъ вещей продолжается не въ правѣ ли Поляки считать эти губерніи чисто-польскими областями въ національномъ отношеніи?

Говорить ли еще о городскомъ населеніи, въ рукахъ котораго вся торговля и промышленность, которое располагаетъ значительными капиталами и которое, по своему общественному вліянію и экономическому значенію, въ каждой странѣ занимаетъ второе мѣсто послѣ землевладѣльческаго класса? Въ нашемъ западномъ краѣ, и притомъ почти равно въ обоихъ его генералъ-губернаторствахъ, собственно говоря, нѣтъ ни русскихъ, ни польскихъ городовъ, а есть только города еврейскіе, если брать во вниманіе составъ ихъ населенія. Во всѣхъ девяти губерніяхъ западнаго края число Евреевъ простирается до 1.180.000, что̀ составляетъ болѣе одной десятой части (11,07%) всего населенія, и эти 1.180.000 всѣ занимаются торговлей, ремеслами и мелкими городскими промыслами, хотя бо́льшая половина ихъ имѣетъ свое постоянное жительство въ мѣстечкахъ. Но если мы возьмемъ отдѣльно одни города, то окажется, что въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ почти половина всего ихъ населенія, а въ Кіевскомъ — болѣе $^2/_3$ (45%) — Евреи, именно въ первомъ изъ 496.000 горожанъ 244.000 Евреевъ, а во второмъ—изъ 435.000 горожанъ 196.000 Евреевъ: относительно наибольшее число составляютъ они въ Волынской губерніи (62.500 изъ 110.000, или болѣе 56%) и въ Ковенской (35.000 изъ 68.000, или болѣе 51%), наименьшее — въ Кіевской (83.000 изъ 204.000, или 40%) и въ Виленской

(32.000 изъ 73.000, или 44%). Но даже и тамъ, гдѣ Евреи не составляютъ абсолютнаго большинства въ городскомъ населеніи западнаго края, они рѣшительно преобладаютъ надъ каждымъ изъ двухъ другихъ элементовъ, враждующихъ между собою: православнымъ русскимъ и католическимъ польскимъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи положеніе юго-западнаго края гораздо благопріятнѣе чѣмъ положеніе сѣверо-западнаго: тамъ православные только въ Волынской губерніи составляютъ менѣе третьей части всего городскаго населенія, тогда какъ въ Кіевской ихъ болѣе половины (55%), въ Подольской болѣе $^2/_5$(46%); напротивъ, въ городскомъ населеніи Ковенской губерніи православные составляютъ немногимъ болѣе десятой части (11%), Виленской немногимъ болѣе одной восьмой ($13^1/_2$%), Гродненской—немногимъ болѣе одной шестой (17%), и въ городахъ цѣлаго Виленскаго генералъ-губернаторства только одну четверть всего ихъ населенія. Если и вообще такое преобладаніе еврейскаго элемента въ городахъ, и вмѣстѣ во всей городской промышленности западнаго края, не можетъ почитаться явленіемъ сколько-нибудь нормальнымъ и было однимъ изъ самыхъ печальныхъ и знаменательныхъ продуктовъ польской исторіи, то зло еще усугубляется тѣмъ, что эти Евреи знаютъ русскую народность только въ состояніи уничиженія, что они привыкли смотрѣть на нее какъ на свою добычу, и что они невольно тянутъ на западъ къ Польшѣ, гдѣ живетъ почти сплошная масса ихъ единовѣрцевъ въ 600.000 человѣкъ; между тѣмъ на востокѣ Россія не впускаетъ ихъ въ другія части своей территоріи.

Итакъ, вотъ дѣйствительное положеніе нашего западнаго, и особенно сѣверо-западнаго края въ настоящее время: высшій землевладѣльческій классъ, почти исключительно польскій, еще мечтающій о возстановленіи Польскаго королевства; почти половина всего городскаго населенія—еврейская, и наконецъ, масса крестьянскаго населенія, хотя большею частью и русская, но не располагающая ни матеріальными, ни нравственными средствами, и въ значительной степени тронутая католицизмомъ, который здѣсь на-бѣду является въ національно-польской одеждѣ. Какія нужны усилія со стороны Россіи, чтобы не только внѣшнимъ образомъ удержать этотъ край за собою, но и усвоить его себѣ вполнѣ, сдѣлать его совершенно своимъ, русскимъ, краемъ!

№ 95.

Москва, 3-го мая.

Въ журналѣ *Zukunft*, издаваемомъ въ Вѣнѣ нѣсколькими лицами славянской партіи, было недавно помѣщено интересное письмо изъ Болграда, главнаго мѣста болгарскихъ колоній, отошедшихъ по парижскому миру 1856 г. отъ Россіи къ Румынскимъ княжествамъ. Редакція сербской газеты *Србобран*, издающейся въ НовомъСадѣ (Neusatz) въ австрійской Сербіи, уже и прежде неоднократно замѣчавшая объ успѣхахъ, которые дѣлаетъ румынизація между Сербами въ княжествѣ Сербіи и въ Венгріи, и даже между Русскими въ Буковинѣ, привела вышеупомянутое письмо въ своей газетѣ, какъ доказательство того, что румынская народность старается усвоить себѣ и Болгаръ, поселившихся въ различныя времена въ Молдавіи и Валахіи. Пробуждаясь къ новой политической жизни въ Дунайскихъ княжествахъ, румынская національность, дѣйствительно, начинаетъ заявлять себя, тѣсня мало-помалу сосѣднихъ съ ней Славянъ. Намъ особенно должно быть чувствительно, что даже Русскіе, и притомъ не буковинскіе, а тѣ Русскіе, которые живутъ рядомъ съ Румынами въ оставшихся за Россіей частями Бессарабіи, подвергаются этой участи, благодаря чудотворному дѣйствію политической жизни, къ которой вдругъ была призвана румынская національность. Чтобы не приводить доказательствъ отъ себя, мы укажемъ въ этомъ случаѣ на свидѣтельство г. Вл. С., въ письмѣ изъ Бессарабіи, помѣщенномъ въ № 35 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* за нынѣшній годъ. Онъ говоритъ о Молдаванахъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ, которые, даже зная русскій языкъ, не хотятъ на немъ говорить, отзываясь его незнаніемъ. Онъ прибавляетъ, что Молдаване не женятся на Русскихъ, а Русскіе зачастую женятся на Молдованкахъ, и тогда окончательно орумыниваются. Не такъ давно еще дѣла имѣли обратный ходъ.

Странную судьбу испытываетъ въ наше время русская народность! Доказавъ всею

своею исторіей необыкновенную живучесть и стойкость, теперь она на всемъ протяженіи своей западной этнографической границы подвергается притязаніямъ чуждыхъ вліяній, къ которымъ наконецъ присоединилось и вліяніе румынское. Дѣлая иногда, впрочемъ весьма сомнительные въ національномъ смыслѣ, успѣхи на своей восточной границѣ, русская народность на своихъ западныхъ окраинахъ находится въ такомъ положеніи, которое повидимому обрекаетъ ее отступать предъ напоромъ чуждыхъ элементовъ. Этотъ ходъ дѣлъ есть явленіе новое въ русской исторіи. Чѣмъ объяснить его?

Люди желающіе чтобъ этотъ ходъ дѣлъ продолжался и все болѣе и болѣе преуспѣвалъ, ссылаются на превосходство цивилизаціи тѣхъ народностей, съ которыми русскій народъ сталкивается на своихъ западныхъ окраинахъ. Подобную ссылку было бы легко опровергнуть примѣрами изъ тѣхъ временъ, когда русская цивилизація была несомнѣнно ниже чѣмъ теперь, а русская народность не только не преклонялась передъ другими, но именно на западныхъ, своихъ окраинахъ отчасти распространяла свои предѣлы, отчасти возстановляла свою полноправность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ во время татарскаго ига и послѣдовавшихъ за тѣмъ смутъ она временно подверглась чуждому вліянію. Подобную ссылку можно было бы опровергать далѣе указаніемъ на отношенія мадьярской національности къ нѣмецкой въ Австріи, гдѣ Нѣмцы очень часто мадьярились, но почти не было примѣра чтобы нѣмечились Мадьяры. Наконецъ очень не трудно и вообще оспаривать это недавно вымышленное ученіе о превосходствѣ нравственной силы тѣхъ обрывковъ разныхъ національностей, которые не имѣютъ даже полной общественной организаціи и смѣшаны съ обрывками другихъ чуждыхъ и враждебныхъ имъ племенъ, но тѣмъ не менѣе возводятся въ достоинство политическихъ націй и считаются призванными къ тому, чтобъ ассимилировать себѣ западную отрасль сплошной русской народности. Словомъ, опроверженій вышеупомянутаго софизма такъ много, что запасъ кажется неистощимымъ. Но мы не будемъ останавливаться сегодня на этихъ опроверженіяхъ. Мы воспользуемся самимъ софизмомъ, чтобъ указать на его несостоятельность. Никто не станетъ утверждать, чтобъ о румынской цивилизаціи могла даже идти и рѣчь. Для нея и сѣмянъ вовсе не видно, а между тѣмъ становится уже очень видно, что румынская народность входитъ въ силу, и притомъ въ ущербъ другимъ. Она начинаетъ ассимилировать себѣ, какъ сказано, не только Болгаръ, живущихъ въ Румыніи, но даже и Русскихъ. Она получаетъ высокое мнѣніе о себѣ и поднимаетъ свои притязанія. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ никто бы не повѣрилъ въ возможность подобнаго хода дѣлъ, а теперь мы можемъ удостовѣриться въ немъ своими глазами. Кто найдетъ ему этому какое-либо другое объясненіе кромѣ національнаго, и потому возвышающаго румынскую національность направленія политики правительства Дунайскихъ Княжествъ?

Румынское государство создано не собственными силами, а чужою волей. Оно состоитъ изъ элементовъ весьма разнородныхъ. Но оно почувствовало себя живымъ государствомъ и какъ всякое живое государство стремится къ объединенію всѣхъ своихъ частей и всѣхъ своихъ элементовъ. Государство, искуственно сложившееся, оно принуждено прибѣгать въ этихъ своихъ стремленіяхъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Извѣстно, что въ Молдавіи и Валахіи, особенно въ большихъ торговыхъ городахъ обоихъ княжествъ поселилось много Болгаръ вышедшихъ изъ-за Дуная, чтобъ избѣжать турецкой зависимости. Число Болгаръ, считающихся въ числѣ гражданъ Румынскихъ княжествъ, доходитъ до 500.000. Они принимали участіе во всѣхъ жертвахъ, которыя приносили Молдавія и Валахія и во время войнъ Россіи съ Турціей. Они цѣлымъ рядомъ плодоносныхъ колоній наполнили то пространство, которое отдѣляло сѣверныхъ Славянъ отъ южныхъ. Протянувшись почти по всему лѣвому берегу Дуная, они перешли въ 1829 году и русскую границу и получили отъ русскаго правительства пространныя земли въ южной Бессарабіи. Здѣсь они пользовались собственнымъ внутреннимъ управленіемъ, имѣли свои церкви и школы и даже свою гимназію. Въ 1856 году значительная часть этихъ колоній съ 70 тысячами душъ, перешла подъ власть Дунайскихъ княжествъ. Но въ этой странѣ, обязанной своимъ органическимъ уставомъ дѣятельности русскаго государственнаго человѣка графа Киселева, болгарская на-

родность была обречена на множество стѣсненій. Полмилліона Болгаръ въ Румынскихъ княжествахъ не имѣли ни своихъ школъ, ни права поступать въ государственную службу. То же самое ожидало и бессарабскихъ Болгаръ при переходѣ ихъ подъ власть румынскаго правительства. „Еще памятны нашимъ читателямъ, говоритъ корреспондентъ *Zukunft*, тѣ волненія, которыя возникли въ 1860 г. среди отошедшихъ отъ Россіи болгарскихъ колоній, вслѣдствіе новой системы рекрутскихъ наборовъ, введенной министромъ Когальничано, и попытокъ подчинить болгарскія школы и церкви румынской администраціи. Только жалобы, поданныя Болгарами въ Константинополѣ соединенной коммиссіи представителей великихъ державъ Европы, остановили насиліе румынскихъ правителей. Но въ недавнее время изъ Букарешта были присланы въ Болградъ коммиссары, которые отобрали церковные и училищные фонды; церкви были переданы въ управленіе особымъ администраторамъ, присланнымъ изъ Букарешта, а школы такъ-называемымъ правительственнымъ надзирателямъ. Болгарскія общины протестовали противъ такого распоряженія, на что церковные администраторы отвѣчали приказомъ замѣнить славянское богослуженіе въ церквахъ румынскимъ. Основанная при русскомъ правительствѣ Болградская гимназія пришла въ разстройство. Преподаватели, состоявшіе большею частію изъ Чеховъ, разъѣхались, когда румынское правительство, въ отмщеніе за ихъ протесты противъ министерскихъ распоряженій, уменьшило ихъ жалованье, а иныхъ потребовало въ Букарешъ къ отвѣту. Ихъ отъѣздомъ воспользовались румынскіе надзиратели, назначивъ въ гимназію нѣсколько учителей изъ Румыновъ и введя въ нее преподаваніе на румынскомъ языкѣ. Прежній фондъ гимназическій, доставлявшій ежегоднаго дохода до 20.000 австрійскихъ гульденовъ, сталъ употребляться на другія цѣли! Румынская журналистика воспѣваетъ гимны своему правительству за эти мѣры и нападаетъ на защищающихъ свои права Болгаръ.“

Такъ поступаютъ теперь Румыны, побуждаясь къ столь неправому образу дѣйствій, конечно всего болѣе сознаніемъ слабости и непрочности своего эфемернаго государства. Они спѣшатъ закрѣпить его всѣми средствами, находящимися въ ихъ распоряженіи, и не заботятся о разборчивости въ средствахъ. Нельзя не усомниться, выйдетъ ли изъ этихъ усилій что-нибудь долговѣчное, что-нибудь способное удержаться безъ пособій и возбужденій извнѣ: не мало уже видѣла Европа опытовъ того, какъ бываютъ скоротечны искусственныя комбинаціи, обязанныя своимъ происхожденіемъ дипломатическому творчеству. Но чѣмъ труднѣе вѣрить въ прочность этихъ румынскихъ созиданій, чѣмъ менѣе естественнымъ кажется положеніе занятое теперь румынскою національностію относительно тѣхъ племенъ, съ которыми она соприкасается и сталкивается, тѣмъ прискорбнѣе долженъ быть для всякаго Русскаго вопросъ дѣлаемый болградскимъ корреспондентомъ газеты *Zukunft*; „не отзовется ли порядокъ вещей, водворяющійся въ Румынской Бессарабіи, непріятными послѣдствіями на отношеніяхъ румынскаго населенія русской Бессарабіи къ тамошнимъ Болгарамъ и Русскимъ?“ Отрицать эти непріятныя послѣдствія невозможно, хотя очевидно, что они были бы совершенно искусственнымъ плодомъ возвышенія румынскаго народнаго чувства, почти, не имѣющаго историческихъ корней, надъ народнымъ чувствомъ русскимъ, которое опирается на тысячелѣтній тяжкій трудъ, создавшій одно изъ величайшихъ государствъ міра. Величіе Русскаго государства не подлежитъ сомнѣнію. Почему же величіе Русскаго государства такъ мало отражается на международномъ положеніи русской народности, что даже румынская народность готова передъ нею гордиться? Почему величіе государства не возвеличиваетъ народа въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ народовъ? Что требуется для того чтобы возвысить русскую народность? Что можетъ требоваться какъ не національный характеръ государственной политики и во внѣшнихъ сношеніяхъ и внутри, тотъ національный характеръ, которымъ было славно царствованіе Екатерины II и котораго возстановленіе составитъ величайшую славу нынѣшняго царствованія, уже ознаменованнаго небывалымъ доселѣ проявленіемъ силы русскаго національнаго чувства?

Національный характеръ такого великаго и цѣльнаго государства, какъ Россія, это отнюдь не значитъ національная исключительность, это не значитъ племенная, а тѣмъ еще менѣе религіозная не-

терпимость; всего менѣе это значитъ насильственныя мѣры, подобныя тѣмъ, къ которымъ прибѣгаетъ румынское правительство относительно бѣдныхъ Болгаръ. Это значитъ только признаніе своей народности въ мѣру величія принадлежащаго созданному ею государства. Это значитъ только отреченіе отъ политики безразличной относительно національности своего государства, а потому могущей дѣйствовать и въ ущербъ и въ подрывъ его національности, чему къ несчастію бывалъ ни одинъ примѣръ въ послѣднія полтораста лѣтъ русской исторіи. Отреченіе отъ подобной политики не только не ведетъ къ насильственнымъ мѣрамъ, но есть лучшее ручательство противъ необходимости прибѣгать къ нимъ.

№ 96.

Москва, 4-го мая.

Преобразованіе военно-учебныхъ заведеній дѣлаетъ важный шагъ впередъ. Принята мѣра, которая, послѣ отдѣленія спеціяльныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ отъ общихъ, послѣ образованія военныхъ училищъ и военныхъ гимназій, всего настоятельнѣе требовалась для правильнаго хода преобразованія, для достиженія тѣхъ безспорно-полезныхъ цѣлей, которыми это преобразованіе было вызвано. Мы говоримъ о высочайше утвержденныхъ 19-го апрѣля, и напечатанныхъ выше правилахъ пріема молодыхъ людей въ военныя училища Павловское, Константиновское и Александровское, устроенныя въ Петербургѣ и Москвѣ взамѣнъ прежнихъ спеціяльныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ.

Новыми правилами устраняется ограниченіе, по которому въ эти училища могли поступать только потомственные дворяне: доступъ открывается и „пользующимся правами вольноопредѣляющихся перваго разряда.“ Другими словами, двери училищъ отворяются теперь между прочимъ: 1) чиновникамъ гражданской службы, ниже 8 класса не изъ дворянъ; 2) дѣтямъ личныхъ дворянъ, имѣющимъ право пользоваться потомственнымъ почетнымъ гражданствомъ; 3) возведеннымъ въ личное дворянство; 4) дѣтямъ священниковъ и діаконовъ православнаго исповѣданія; 5) дѣтямъ докторовъ, лѣкарей, аптекарей и магистровъ ветеринарныхъ наукъ; 6) купцамъ 1-й и 2-й гильдій, состоявшимъ въ которой-либо изъ этихъ гильдій болѣе 12-ти лѣтъ сряду безъ банкротства или добровольныхъ сдѣлокъ съ кредиторами и дѣтямъ таковыхъ купцовъ; 7) сыновьямъ коммерціи совѣтниковъ, возводимыхъ въ это званіе за особыя заслуги. Молодые люди поименованныхъ разрядовъ принимаются въ военныя училища по достиженіи ими 16-ти-лѣтняго возраста, по аттестатамъ свидѣтельствующимъ объ успѣшномъ окончаніи курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или по экзамену изъ предметовъ и въ предѣлахъ гимназическаго курса, за исключеніемъ классическихъ языковъ и естественной исторіи.

Эти правила освободятъ новоучрежденныя военныя училища отъ того недуга, которымъ они теперь страдаютъ и съ которымъ немногія учебныя заведенія знакомы, — отъ недуга, состоящаго въ недостаткѣ учениковъ. Въ военныхъ училищахъ этотъ недугъ принималъ все большіе и большіе размѣры, и ставилъ вопросъ о комплектованіи ихъ самымъ жизненнымъ для нихъ дѣломъ. Военныя училища снабжены широкими денежными средствами; за ними обезпечены важныя права; имъ дана серіозная постановка. Разныя коммиссіи безъ устали работаютъ надъ организаціей учебнаго курса, надъ составленіемъ программъ, конспектовъ и руководствъ; въ эти коммиссіи призываются все свѣжіе и свѣжіе люди, практики не только военно-учебнаго, но и военнаго дѣла, что въ извѣстной мѣрѣ весьма полезно, но съ другой стороны можетъ вести къ требованіямъ, переступающимъ естественные предѣлы школы (съ практической точки зрѣнія, напримѣръ; можетъ казаться естественнымъ желаніе, чтобы главнымъ предметомъ спеціяльнаго преподаванія съ каѳедры сдѣлалось искусство быть хорошимъ ротнымъ командиромъ и прилично держать себя въ обществѣ офицеровъ). Но между тѣмъ какъ вопросъ о томъ, чему и какъ учить въ военныхъ училищахъ, подвергался можетъ-быть ужъ черезчуръ всестороннему и можетъ-быть именно вслѣдствіе того нелишенному односторонностей увлеченій разсмотрѣнію, въ самихъ училищахъ господствовалъ хроническій некомплектъ, все болѣе и болѣе возраставшій, и вынуждавшій ихъ быть все болѣе и болѣе снисхо-

дительными и при пріемѣ учениковъ и во время прохожденія ими курса, что во всякомъ случаѣ гораздо хуже не совсѣмъ удовлетворительной или даже часто-измѣняемой программы. Новость преобразованій, съ которыми публика еще не успѣла ознакомиться, а тѣмъ менѣе къ нимъ привыкнуть, сосредоточеніе значительной части военно-учебныхъ заведеній въ одномъ углу обширной Имперіи, пополненіе учениками военныхъ гимназій училищъ кавалерійскаго, артиллерійскаго и инженернаго, ограниченіе военныхъ училищъ выпускомъ ихъ учениковъ въ одну пѣхоту, все это, въ соединеніи съ нерасположеніемъ потомственныхъ дворянъ къ военной службѣ въ армейской пѣхотѣ, вело къ неотвратимому уменьшенію числа учениковъ въ военныхъ училищахъ, еще недавно повидимому такъ много обѣщавшихъ. Приходилось или увеличивать число военныхъ гимназій, и привлекать въ нихъ дѣтей потомственныхъ дворянъ даровымъ воспитаніемъ, или отстранить хотя отчасти невыгодное вліяніе поименованныхъ обстоятельствъ расширеніемъ круга молодыхъ людей, имѣющихъ право поступать въ новоучрежденныя военныя училища. Но учрежденіе новыхъ военныхъ гимназій удалило бы правительство отъ заявленной имъ цѣли сокращенія издержекъ на приготовленіе образованныхъ офицеровъ, сокращенія которое должно было послужить къ увеличенію средствъ министерства народнаго просвѣщенія. Съ другой стороны искусственное отвлеченіе дѣтей потомственныхъ дворянъ отъ университетской карьеры, въ настоящее время столь важной для государства и всѣми цѣнимой, могло бы вредно повліять на общественное и служебное положеніе потомственнаго дворянства, которое и такъ уже, вслѣдствіе давняго обычая служить *въ полку* и исключительнаго права на даровое содержаніе и обученіе въ кадетскихъ корпусахъ, считаетъ въ своей средѣ менѣе лицъ получившихъ университетское образованіе чѣмъ сколько нужно для правильнаго хода общественныхъ дѣлъ. Вотъ основанія, (не говоря о многихъ другихъ) къ тому, чтобы признать новыя правила пріема въ военныя училища дѣйствительнымъ шагомъ къ достиженію цѣлей, какъ уже сказано, безспорно-полезныхъ, лежащихъ въ основаніи преобразованія военно-учебныхъ заведеній.

Въ послѣдніе годы, въ средѣ военно-учебныхъ заведеній совершилось много существенныхъ реформъ, съ которыми мы знакомились частію изъ офиціяльныхъ приказовъ и объявленій, частію по многочисленнымъ сообщеніямъ разныхъ лицъ, присылавшихъ въ редакцію статьи и письма, относящіяся къ интересовавшему ихъ дѣлу. По свойству нашей дѣятельности и благодаря доброй привычкѣ обширнаго круга лицъ, удостоивающихъ насъ своими сообщеніями по текущимъ дѣламъ и вопросамъ, намъ довольно коротко извѣстны мнѣнія, вызванныя въ разныхъ слояхъ общества тѣми или другими подробностями реформы военно-учебныхъ заведеній, и мы считаемъ при настоящемъ случаѣ умѣстнымъ заявить, что не мало возраженій, кажущихся довольно серіозными, возбуждено преобразованіями артиллерійскаго и инженернаго училищъ, учрежденіемъ юнкерскихъ училищъ (для лицъ почему бы то ни было мало расположенныхъ къ ученію), а также и ожидаемымъ введеніемъ новаго курса въ военныхъ гимназіяхъ. Тѣмъ пріятнѣе увѣренность, что новая мѣра относительно пріема молодыхъ людей въ военныя училища должна оказаться вполнѣ соотвѣтствующею и потребностямъ военно-учебнаго вѣдомства, и желаніямъ общественнаго мнѣнія.

Новопринятая мѣра не только обезпечитъ комплектъ трехъ военныхъ училищъ, но и дастъ имъ возможность воспользоваться чрезвычайно важными для всякаго учебнаго заведенія выгодами пріема воспитанниковъ по состязательному испытанію. Чѣмъ больше будетъ охотниковъ вступать въ военныя училища, тѣмъ отборнѣе будутъ люди, принимаемые въ нихъ, и слѣдовательно тѣмъ успѣшнѣе будетъ идти ученье. Уровень требованій отъ обучаемыхъ и выпускаемыхъ молодыхъ людей возвысится самъ съ собой, а это окажетъ въ свою очередь благотворное дѣйствіе на военныя гимназіи, которымъ нельзя будетъ выпускать въ военныя училища плохо приготовленныхъ кадетъ изъ опасенія, что они не кончатъ курса. Такимъ образомъ и военныя гимназіи и военныя училища будутъ поставлены на путь, который самъ собой постепенно поведетъ къ улучшеніямъ. Армія выиграетъ отъ того вдвойнѣ. Она выиграетъ, потому что будетъ получать полный комплектъ офицеровъ, ожидаемыхъ отъ военныхъ училищъ; она вы-

играетъ и отъ того, что этотъ комплектъ офицеровъ будетъ по своему личному составу удовлетворительнѣе прежняго.

Вопросъ о комплектованіи офицерами есть вопросъ чрезвычайно важный для всякой арміи, а тѣмъ болѣе для нашей, которая нуждается въ громадномъ числѣ 30.000 офицеровъ, въ числѣ офицеровъ, совершенно вышедшемъ изъ соразмѣрности съ численностью того круга людей, изъ котораго армія беретъ офицеровъ и вообще можетъ брать ихъ. Обезпечить арміи равномѣрный ежегодный приливъ офицеровъ изъ военно-учебныхъ заведеній значитъ рѣшить весьма важную часть вопроса о комплектованіи арміи офицерами, — по крайней мѣрѣ ту часть этого вопроса, рѣшеніе которой зависитъ отъ устройства военно-учебныхъ заведеній. Самый же этотъ вопросъ, взятый въ своей цѣлости, находится въ связи съ общимъ состояніемъ государства и взаимнымъ численнымъ отношеніемъ разныхъ классовъ общества, — элементами не зависящими отъ спеціальнаго военнаго законодательства. Можно надѣяться, что улучшеніе путей сообщенія, телеграфы и другія изобрѣтенія дадутъ современемъ возможность сократить численность нашего войска и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить потребность арміи въ числѣ офицеровъ. Только тогда можно будетъ удовлетворительно устроить личный составъ корпуса офицеровъ. Тѣмъ не менѣе и теперь необходимо принимать мѣры не только къ пополненію комплекта офицеровъ вновь вступающими молодыми людьми, но и къ удержанію требующагося числа офицеровъ на службѣ. Мы весьма благодарны *Русскому Инвалиду* за помѣщенную въ немъ на дняхъ (№ 91) статью г. О. о положеніи офицеровъ, дающую намъ возможность сообщить читателямъ, что и эта сторона вопроса объ обезпеченіи арміи офицерами разрабатывается въ военномъ министерствѣ, и притомъ разрабатывается на основаніяхъ, которыхъ раціональность не подлежитъ сомнѣнію. Содержаніе офицеровъ было не такъ давно увеличено въ значительномъ размѣрѣ. Увеличивать его еще болѣе значило бы обременять финансы государства, находящіеся и безъ того въ стѣсненномъ положеніи. Это теперь невозможно. Средствъ для улучшенія положенія офицеровъ необходимо искать въ сбереженіяхъ по теперешнему военному бюджету. Но эти сбереженія отнюдь нельзя дѣлать на счетъ необходимыхъ въ наше время расходовъ по технической части, какъ-то: по приготовленію оружія, пороха, снарядовъ и другимъ артиллерійскимъ и инженернымъ работамъ. Россія была всегда слишкомъ скупа на расходы этого рода и испытала тяжкія послѣдствія этой скупости. Поэтому сбереженія по военному бюджету никакъ не могутъ быть настолько значительны, чтобы съ ихъ помощью можно было возвысить офицерское жалованье въ размѣрѣ сколько-нибудь чувствительномъ, и военное министерство не имѣетъ въ виду общей прибавки жалованья всѣмъ военнослужащимъ. „А между тѣмъ, сказано въ *Русскомъ Инвалидѣ*, и гораздо меньшія суммы, употребленныя разчетливо, именно тамъ, гдѣ ощущается въ нихъ наибольшая нужда, способны принести великую пользу. Положеніе офицеровъ, хотя бы получающихъ одинаковое содержаніе, не вездѣ и не всегда одинаково тяжело. Тамъ, гдѣ служба остается постоянно въ своихъ нормальныхъ рамкахъ, не создаетъ для офицеровъ случайныхъ положеній, вызывающихъ непредвидѣнные расходы, содержаніе военнослужащихъ, несмотря на свою ограниченность, даетъ еще возможность къ существованію, но оно становится совершенно необезпеченнымъ, лишь только офицеру приходится сдѣлать лишній шагъ, не входившій въ разчетъ при опредѣленіи соотвѣтственнаго штатнаго жалованья. Еще менѣе оно является обезпеченнымъ въ отношеніи многихъ отдѣльныхъ лицъ, для которыхъ расходы, непредвидѣнные штатами, составляютъ явленіе не случайное, а постоянное, неразрывно связанное съ исполненіемъ ихъ служебныхъ обязанностей. Поэтому ясно, что, прежде всякой общей прибавки жалованья, справедливость требуетъ искать улучшенія быта офицеровъ въ различныхъ частныхъ случаяхъ, наиболѣе ихъ стѣсняющихъ и въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, содержаніе которыхъ наименѣе соразмѣрно съ дѣйствительностью ихъ расходовъ.“

Въ этихъ видахъ въ военномъ министерствѣ, или при непосредственномъ его участіи, разрабатываются слѣдующіе вопросы:

1. О поверстной прибавкѣ къ прогоннымъ деньгамъ (на дорожные расходы кромѣ прогоновъ) и о добавочномъ путевомъ довольствіи для покрытія расходовъ, не-

обходимыхъ при переѣздѣ съ мѣста на мѣсто.

2. О суточномъ довольствіи отдѣльныхъ лицъ, командируемыхъ внѣ мѣстъ постояннаго служенія (приблизительно по 1 р. 50 к. въ сутки для оберъ-офицеровъ, 3 р. для штабъ-офицеровъ и 6 р. для генераловъ, когда командируемое лицо не получаетъ квартиры по отводу, и нѣсколько меньше для лицъ обезпеченныхъ квартирой).

3. О суточномъ довольствіи офицеровъ и классныхъ чиновниковъ во время передвиженія при войскахъ свыше трехъ дней и во время занятія ими карауловъ въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ жизнь обходится значительно дороже чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Теперь передвиженія войскъ внутри государства въ мирное время не даютъ права на усиленное довольствіе войскъ (полуторными окладами). Съ другой стороны порціонныя деньги (60 и 30 к.) отпускаются за содержаніе карауловъ въ 34 пунктахъ Европейской Россіи, изъ которыхъ многіе не имѣютъ уже замѣтной разницы въ стоимости жизни съ остальными городами. Поэтому предполагается уменьшить число пунктовъ дающихъ право на порціоны, но за то самые оклады порціоновъ нѣсколько повысить (до 75 и 40 к.) и выдавать, чего прежде вовсе не было, такіе же порціоны всѣмъ не командующимъ отдѣльными частями офицерамъ и класснымъ чиновникамъ во время всѣхъ передвиженій войскъ (свыше трехъ дней).

4. О содѣйствіи къ устройству офицерскихъ общественныхъ столовъ во время всѣхъ сборовъ войскъ для лѣтнихъ занятій.

5. О небольшихъ пособіяхъ устройству полковыхъ и батальонныхъ библіотекъ.

6. О столовыхъ деньгахъ чинамъ полковыхъ и батальонныхъ штабовъ, сначала полковымъ адъютантамъ и адъютантамъ отдѣльныхъ частей, а за тѣмъ и прочимъ штабнымъ чинамъ. (Эта мѣра есть распространеніе той, которая была принята въ 1859 году, когда были назначены столовыя деньги всѣмъ ротнымъ командирамъ).

7. О прибавкѣ содержанія командирамъ полковъ и отдѣльныхъ частей.

8. О выдачѣ въ военное время фуражныхъ денегъ младшимъ офицерамъ (ниже ротныхъ командировъ) на вьючныхъ лошадей.

9. О вознагражденіи за лошадей убитыхъ въ бою противъ непріятеля.

№ 97.

Москва, 5-го мая.

Въ № 94-мъ *Московскихъ Вѣдомостей* мы обратили вниманіе читателей на то, какъ далека еще Россія отъ той цѣли, которой ей неминуемо слѣдуетъ достигнуть въ ея западномъ краѣ, и которая заключается въ томъ, чтобы русская народность получила неоспоримое значеніе въ ряду другихъ элементовъ тамошняго населенія, и чтобы тѣмъ самымъ эти болѣе или менѣе инородческіе элементы побуждались быть мирными и полезными участниками въ общей жизни Русскаго государства. Однимъ изъ существенныхъ къ тому препятствій служитъ малое участіе русскаго элемента въ составѣ тамошняго высшаго землевладѣльческаго и средняго городскаго класса. Русскій элементъ силенъ лишь въ крестьянствѣ, но по особенности тамошняго положенія дѣлъ переходъ изъ крестьянства въ сословія высшія и ближайшимъ образомъ въ сословіе городское гораздо затруднительнѣе тамъ нежели въ остальной Россіи. Причиной того — Евреи, захватившіе въ свои руки почти всѣ городскіе промыслы и усиленною конкурренціей понижающіе ихъ доходность до такой степени, что крестьянину почти нечего и думать о переходѣ въ мѣщанство: это было бы не улучшеніе быта, а переходъ къ вѣрной нищетѣ.

Изъ всѣхъ губерній западной Россіи, только въ Кіевской и Подольской Русскій элементъ, состоящій изъ православныхъ и раскольниковъ, преобладаетъ въ городахъ надъ еврейскимъ элементомъ: въ городахъ Кіевской губерніи числится 112.000 Русскихъ (или 55% всего городскаго населенія) и 83.000 Евреевъ (или 40%), въ Подольской 56.000 Русскихъ (46%) и 50.000 Евреевъ (41%); но за то соотвѣтствующія числа будутъ: въ Волынской губерніи 32.500 (30%) и 62.500 (56%), въ Ковенской 7.500 (11%) и 35.000 (51%), въ Виленской 9.845 (13½%) и 32.000 (44%), въ Гродненской 17.400 (17%) и 54.300 (50%); вообще же въ городахъ Виленскаго генералъ-губернаторства Русскихъ 126.000 (25%), Евреевъ 244.000 (около 50%), а

въ городахъ Кіевскаго генералъ-губернаторства Русскихъ 200.000 (46%), Евреевъ 196.000 (45%). Очевидно, что напримѣръ въ Волынской и Гродненской губерніяхъ, гдѣ коренное населеніе чисто-русское, столь неравномѣрное отношеніе между русскимъ элементомъ и еврейскимъ можетъ быть объяснено только тѣмъ, что при переполненіи всѣхъ отраслей торговли и ремесленности Евреями, для тамошняго крестьянскаго населенія рѣшительно нѣтъ выхода изъ земледѣльческаго состоянія. До сихъ поръ, переходъ изъ земледѣльческаго сословія въ городскія, правда, затруднялся крѣпостнымъ бытомъ, хотя крѣпостной бытъ почти не дѣйствовалъ на крестьянъ государственныхъ; но и по прекращеніи крѣпостнаго быта, крестьянамъ западнаго края будетъ не легко проникать въ одно изъ городскихъ сословій, если только имъ не будетъ облегчена конкурренція въ городскихъ промыслахъ съ Евреями. Скученіе Евреевъ въ городахъ этихъ губерній будетъ неизбѣжно препятствовать тому, чтобы городское населеніе края пополнялось изъ мѣстнаго крестьянскаго населенія, въ большинствѣ своемъ чисторусскаго, и чтобы въ городахъ развивалась русская народная жизнь и русская торговля. Такъ какъ города представляютъ несравненно болѣе средствъ для образованія нежели села, то *интеллигенція* края могла бы въ значительной степени стать русскою, еслибы это препятствіе къ размноженію русскаго средняго класса было устранено, между тѣмъ какъ теперь училища, содержимыя государствомъ, по большей части недоступны для русскаго населенія западнаго края.

Заграждая низшему классу всѣ пути перехода въ среднее сословіе, Евреи западнаго края придаютъ этому сословію характеръ, не соотвѣтствующій государственнымъ интересамъ. Сами по себѣ они, конечно, не задумаютъ ничего противъ единства и цѣлости Русскаго государства. Но дурно уже и то, что отъ класса весьма вліятельнаго, по сосредоточенію всѣхъ движимыхъ капиталовъ, всей мѣстной торговли, промышленности и ремесленности въ его рукахъ, трудно ожидать чего-либо другаго кромѣ равнодушія къ этому главнѣйшему интересу Россіи. Впрочемъ можно еще спросить себя, ограничивается ли тутъ дѣло однимъ равнодушіемъ. Мы знаемъ, что исключительно-польская администрація Царства Польскаго позаботилась, еще до начала послѣдняго мятежа, заинтересовать Евреевъ въ пользу отторженія нашего западнаго края и возстановленія королевства Польскаго: тогда какъ русское правительство продолжало держать Евреевъ въ отчужденіи, упомянутая польская администрація поспѣшила объявить ихъ полноправными гражданами, и польскіе паны начали брататься съ презрѣнными прежде Евреями. Результатомъ такой политики было то, что въ Царствѣ Польскомъ Евреи — и въ томъ числѣ многіе банкиры, капиталисты, вліятельные раввины — рѣшительно перешли на сторону Поляковъ, и что Русскіе, несравненно менѣе чѣмъ даже въ 1831 г., могли разсчитывать на услуги Евреевъ, даже и въ качествѣ лазутчиковъ и проводниковъ. Если въ западномъ краѣ Евреи и не перешли явно на сторону мятежа, то по крайней мѣрѣ долгое время хранили весьма сомнительный нейтралитетъ. Кого винить въ этомъ, Евреевъ ли или исключительность ихъ положенія въ Россіи? Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что пренебрегать развитіемъ русскаго гражданскаго чувства въ Евреяхъ западнаго края Россіи и попускать привлеченіе ихъ на сторону измѣнническихъ партій, мечтающихъ о возстановленіи королевства Польскаго, значило бы пренебрегать огромнымъ политическимъ вліяніемъ тѣхъ капиталовъ, того промышленнаго и торговаго движенія, представителями которыхъ въ томъ краѣ являются теперь исключительно Евреи.

Далѣе, до сихъ поръ между нашимъ западнымъ краемъ, въ которомъ весьма мало развита мануфактурная промышленность, и внутренними, центральными, наиболѣе мануфактурными областями Россіи, не было почти никакой другой связи кромѣ внѣшней административной, не было почти никакого обмѣна ихъ произведеній, никакого общенія въ ихъ матеріяльныхъ интересахъ. Содѣйствовать объединенію интересовъ, матеріяльныхъ и нравственныхъ, могла бы наиболѣе желѣзная дорога отъ центра русской народной жизни и промышленности, отъ Москвы, на Кіевъ и до Одессы, съ вѣтвію къ Витебску, и конечно, нѣтъ дѣла болѣе важнаго для всѣхъ политическихъ и національныхъ интересовъ Россіи какъ устройство этихъ линій желѣзныхъ дорогъ: безъ нихъ нечего и думать о томъ, чтобы западный край слился въ одно цѣлое съ

остальною Россіей. Но до нѣкоторой степени той же самой цѣли, то-есть, объединенію матеріяльныхъ интересовъ западнаго края и остальной Россіи, могло бы послужить и дозволеніе Евреямъ, или по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ теперь значительному разряду ихъ, сліться повсемѣстно въ нашемъ отечествѣ. Сосредоточенные почти исключительно въ западномъ краѣ, они несомнѣнно оттягиваютъ его отъ Россіи въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, притягивая его къ западу, гдѣ они имѣютъ обширныя торговыя связи и сношенія съ проживающими тамъ своими единовѣрцами, тогда какъ связи и сношенія ихъ съ русскимъ купечествомъ внутри Россіи, при дозволеніи Евреямъ пріѣзжать сюда только на краткій срокъ времени, въ высшей степени неудобны для обѣихъ сторонъ. Торговлѣ русскими товарами въ настоящее время трудно развиться и упрочиться въ западномъ краѣ иначе какъ черезъ посредство Евреевъ. Русскому купечеству трудно состязаться съ Евреями, которые, переполняя собою всѣ города и мѣстечки края и безпощадно конкуррируя между собою по всѣмъ отраслямъ промышленности и торговли, вытѣсняютъ съ рынка русскіе товары, и до крайней степени удешевляютъ товары заграничные, ввозимые въ огромномъ количествѣ контрабандою. Самая контрабанда, этотъ бичъ всякой правильной торговли у насъ, поддерживается не только высокими пошлинами, не только отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія или разобщеніемъ нашихъ западныхъ окраинъ съ центральными областями, но также и доведенною до послѣдней степени развитія конкурренціей между переполняющими города и мѣстечки западнаго края Евреями. Еслибы нѣкоторая, сколько-нибудь значительная ихъ часть переселилась во внутреннія губерніи, эта часть тотчасъ же, кажется, послужила бы живою связью между матеріяльными интересами внутреннихъ областей Россіи и западныхъ ея окраинъ, а въ послѣдствіи, когда русскіе товары пошли бы въ ходъ въ западномъ краѣ, когда конкурренція со стороны Евреевъ уменьшилась бы вслѣдствіе ихъ разселенія, тогда, нѣтъ сомнѣнія, русскій элементъ получилъ бы возможность значительно усилиться въ тамошнемъ торговомъ сословіи.

Но скажутъ намъ: за то ко всѣмъ прочимъ городамъ Россіи болѣе или менѣе привьется еврейскій элементъ. Возраженіе это никакъ не можетъ быть принято. Нельзя предполагать чтобы все наличное еврейское населеніе какъ Царства Польскаго, такъ и всѣхъ русскихъ губерній, входящихъ теперь въ предѣлы постоянной осѣдлости Евреевъ, поселилось исключительно въ городахъ Имперіи и Царства, и равномѣрно распредѣлилось между ними. Во первыхъ, Царство Польское и западный край все-таки остались бы преимущественнымъ мѣстомъ жительства Евреевъ. Вовторыхъ далеко не всѣ Евреи поселились бы исключительно въ однихъ городахъ. Правда, въ Царствѣ Польскомъ изъ 640.333 Евреевъ 583.000 (или изъ 100—91) проживаютъ въ городахъ, но за то большая часть этихъ городовъ имѣетъ характеръ мѣстечекъ, и принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ; въ западномъ же краѣ изъ 1.180.000 Евреевъ только (440.000 проживаетъ въ городахъ (или 37 изо 100). Скажутъ, что еслибы только пололина всего еврейскаго населенія Имперіи и Царства поселилась въ городахъ, то Евреи составили бы въ цѣломъ городскомъ населеніи Имперіи и Царства (около 7½ милл. человѣкъ) не менѣе одной седьмой части. Но и эта седьмая часть есть произведеніе фантазіи: люди не такъ легко разселяются, какъ вода достигаетъ уровня, и не только при полнѣйшей свободѣ переселенія, но даже при поощреніяхъ къ нему нельзя было бы достигнуть равномѣрнаго разселенія этой половины Евреевъ по всѣмъ городамъ Имперіи. Къ тому же наше правительство избрало постепенность за правило своихъ дѣйствій по еврейскому дѣлу. Согласно этому правилу, рѣчь можетъ идти только о расширеніи права повсемѣстнаго жительства, только о распространеніи этого права на извѣстныя части еврейскаго населенія,— прежде всего, какъ мы думали бы, на ремесленниковъ, а также на купцовъ 2-й гильдіи, платившихъ повинности по этой гильдіи въ продолженіи значительнаго времени. Этимъ лицамъ можно было бы открыть доступъ повсюду и они лишь весьма немного и съ величайшею пользою увеличили бы собой крайне незначительное внутри Россіи населеніе городовъ. Остальнымъ можно было бы, кажется облегчать, даже посредствомъ небольшихъ пособій, переселеніе въ сибирскія губерніи и области, особенно въ новоприобрѣтенную Туркестанскую область,

гдѣ смышленность Евреевъ много помогла бы дѣлу колонизаціи.

Въ заключеніе еще одно слово. Евреи сохранили въ продолженіе тысячелѣтій свою религіозную и племенную исключительность главнѣйшимъ образомъ только потому, что вездѣ и всегда, до послѣдняго времени, они подлежали преслѣдованіямъ и стѣсненіямъ, которыя заставляли ихъ чуждаться всѣхъ другихъ народовъ и какъ бы составлять свой особый міръ. Ревнители религіозныхъ еврейскихъ интересовъ между самими Евреями очень хорошо это понимаютъ, и ни въ комъ гражданское освобожденіе Евреевъ не находитъ такъ мало сочувствія какъ именно въ нихъ; никто не желалъ бы до такой степени, чтобъ Евреи попрежнему были отчуждаемы отъ всего остальнаго міра и искуственно сосредоточиваемы въ извѣстныхъ тѣсныхъ предѣлахъ своей осѣдлости. Будемъ ли и мы, для которыхъ не существуютъ религіозные интересы Евреевъ, подражать этимъ ревнителямъ іудейской ортодоксіи; и по примѣру ихъ вооружаться противъ расторженія маленькаго еврейскаго міра, который они успѣли создать себѣ въ нашемъ западномъ краѣ.

№ 98.

Москва, 6-го мая.

Мы представляемъ сегодня, согласно принятому нами обычаю, сводную таблицу счетовъ государственнаго банка за истекшіе шесть мѣсяцевъ (двѣ предыдущія, подобныя этой, таблицы были помѣщены въ №№ 102 и 244 *Московскихъ Вѣдомостей* прошлаго года). Разсмотримъ главнѣйшія цифры этой таблицы, и начнемъ съ металлическаго фонда.

Доходивъ въ январѣ 1863 года почти до 93 милліоновъ, металлическій фондъ къ январю 1864 года, вслѣдствіе производившагося въ 1863 году размѣна, понизился до 68 милліоновъ, а къ іюню 1864 года до 63½ милліоновъ. Съ тѣхъ поръ онъ начинаетъ возрастать и въ февралѣ нынѣшняго года достигаетъ цифры 85.388.930 р., съ февраля же опять понижается и къ 1-му мая составляетъ 83.853.159 р. Такъ какъ въ продолженіе прошлаго и нынѣшняго года размѣнъ не производился, то перемѣны въ количествѣ металлическаго фонда могутъ происходить отъ двухъ причинъ: отъ производимой государственнымъ банкомъ торговли звонкою монетой, что, какъ извѣстно, разрѣшено ему уставомъ, и отъ распоряженій, дѣлаемыхъ относительно металлическаго фонда министерствомъ финансовъ. Насколько дѣйствуетъ первая изъ этихъ причинъ, можно видѣть изъ отчетовъ государственнаго банка, которые показываютъ ежемѣсячно, какая часть металлическаго фонда составляетъ собственно размѣнный фондъ, и какая принадлежитъ банку и по его оборотамъ поступаетъ въ металлическій фондъ. Мы можемъ назвать первую изъ этихъ частей размѣннымъ металлическимъ фондомъ, а вторую — банковымъ металлическимъ фондомъ. Выпишемъ цифры за послѣдніе 18 мѣсяцевъ.

	Размѣнный фондъ.	Банковый фондъ.
Къ 1-му декабря 1863 г.	66.594.487	1.408.640
„ 1-му января 1864 г.	68.346.467	184.925
„ 1-му февраля „	68.139.639	558.685
„ 1-му марта „	66.458.849	265.714
„ 1-му апрѣля „	64.545.120	288.887
„ 1-му мая „	64.023.752	251.760
„ 1-му іюня „	63.490.484	107.118
„ 1-му іюля „	63.054.213	874.616
„ 1-му августа „	66.412.932	1.460.011
„ 1-му сентября „	71.994.962	1.019.726
„ 1-му октября „	73.893.903	501.939
„ 1-му ноября „	75.653.895	309.418
„ 1-му декабря „	76.526.513	832.126
„ 1-му января 1865 г.	83.141.012	672.075
„ 1-му февраля „	83.451.603	1.936.326
„ 1-му марта „	83.829.460	
„ 1-му апрѣля „	83.042.214	372.021
„ 1-му мая „	82.970.267	882.892

Въ этой таблицѣ должно поразить, что размѣнный фондъ, служащій обезпеченіемъ для кредитныхъ билетовъ (первый столбецъ таблицы), понижавшійся до 1 іюля 1864 года, съ этого мѣсяца начинаетъ быстро возрастать и это возрастаніе продолжается до января мѣсяца, когда оно почти совсѣмъ останавливается, а съ 1-го марта замѣняется пониженіемъ, напоминающимъ первое полугодіе 1864 года. Между тѣмъ именно въ то время когда состояніе размѣннаго фонда обезпечивающаго собой кредитные билеты, повидимому, улучшалось, вексельный курсъ падалъ, — вексельный курсъ, который есть не что иное какъ производимая всемірнымъ рынкомъ оцѣнка кредитныхъ билетовъ! Какъ же объяснить себѣ, что кредитные билеты цѣнились хуже, когда размѣнный фондъ увеличивался, и напротивъ цѣна ихъ становилась проч-

нѣе, когда размѣнный фондъ переставалъ идти въ гору? На этотъ вопросъ, съ перваго взгляда весьма загадочный, даютъ однакоже удовлетворительное объясненіе отчеты государственнаго банка. Дѣло въ томъ, что размѣнный фондъ, хотя и называется металлическимъ, заключаетъ въ себѣ не одни металлы: онъ состоитъ, какъ можно видѣть и изъ нашихъ таблицъ, отчасти изъ металловъ, а отчасти изъ такъ-называемыхъ публичныхъ фондовъ. Но фонды эти не такого свойства, чтобъ ихъ можно было немедленно превратить въ металлъ: это безпроцентныя облигаціи государственнаго казначейства, которыхъ реализація не зависитъ отъ банка. Другими словами, это не что иное какъ долгъ государственнаго казначейства государственному банку, отличающійся отъ другихъ долговъ только тѣмъ, что считается на звонкую монету, и что его облигаціи, принимаемыя банкомъ за звонкую монету, даютъ ему право выдавать казначейству ссуду новымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Но такъ какъ и банкъ и казначейство суть учрежденія казенныя, то очевидно, что для ясности сужденія о количествѣ размѣннаго фонда, необходимо вычесть эти публичные фонды изъ общей суммы размѣннаго фонда. Если же мы поступимъ такъ, то размѣнный фондъ получитъ совершенно иной видъ нежели выше. Собственно металла, служащаго обезпеченіемъ кредитныхъ билетовъ, состояло въ размѣнномъ фондѣ:

Къ 1-му декабря	1863 г.	54.594.487
„ 1-му января	1864 г.	56.346.467
„ 1-му февраля	„	56.139.639
„ 1-му марта	„	54.458 849
„ 1-му апрѣля	„	52-545.120
„ 1-му мая	„	52.023.762
„ 1-му іюня	„	51.490.484
„ 1-му іюля	„	51-054.212
„ 1-му августа	„	51.112 932
„ 1-му сентября	„	51.414.962
„ 1-му октября	„	53.433.903
„ 1-му ноября	„	54.193.695
„ 1-му декабря	„	54.656.513
„ 1-му января	1865 г.	55.420 012
„ 1-му февраля	„	55.731.603
„ 1-му марта	„	56.109.460
„ 1-му апрѣля	„	55 322.214
„ 1-му мая	„	55.250.267

Въ этой таблицѣ мы, такъ же какъ и въ предыдущей, видимъ пониженіе металлическаго фонда до іюля 1864 года, потомъ возрастаніе его до марта 1865 года, а затѣмъ опять пониженіе, но возрастаніе идетъ уже далеко не въ такихъ размѣрахъ какъ выше. Взглянемъ теперь на измѣненія происходившія съ „публичными фондами,“ входящими въ составъ размѣннаго фонда. Государственное казначейство было должно размѣнному фонду:

До 1-го іюля	1864 г.	12.000.000
Къ 1-му августа	„	15.300.000
„ 1-му сентября	„	20.580.000
„ 1-му октября	„	20.460.000
„ 1-му ноября	„	21.360.000
„ 1-му декабря	„	21.870.000
„ 1-му января	1865 г.	27.720.000

Съ тѣхъ поръ долгъ государственнаго казначейства размѣнному фонду не увеличивается: внутренній заемъ далъ возможность обходиться безъ этого способа, увеличивающаго число кредитныхъ билетовъ. Но замѣчательно, что металлическая часть размѣннаго фонда, мало-помалу убавлявшаяся въ первой половинѣ 1864 года, и начавшая возростать съ тѣхъ поръ, какъ государственное казначейство начало увеличивать свой долгъ размѣнному фонду, теперь когда этотъ долгъ пересталъ увеличиваться, начинаетъ опять убавляться: съ 1-го марта по 1-е мая металлическая часть размѣннаго фонда успѣла уменьшится на 859.193 р. Изъ этого слѣдуетъ, что отношеніе общаго числа выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ къ металлической части размѣннаго фонда имѣетъ у насъ постоянную и какъ бы хроническую наклонность измѣняться къ нашей невыгодѣ.

Вотъ за истекшіе двѣнадцать мѣсяцевъ цифры общаго количества кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ обращеніе (считая въ томъ числѣ и кредитные билеты, которые находятся въ кассахъ банка и его конторъ и которые банкъ имѣетъ формальное право выпустить въ публичное обращеніе), и количества кредитныхъ билетовъ не покрытыхъ металлическою частью размѣннаго фонда:

		Выпущено кредитныхъ билетовъ въ обращеніе.	Не покрыто металлическою частью размѣннаго фонда.
Къ 1-му іюня	1864 г.	631.619.769	580.129.285
„ 1-му іюля	„	631.255.174	580.200.962
„ 1-му августа	„	634.613.343	583.500.411
„ 1-му сентября	„	640.195.023	588.780.061
„ 1-му октября	„	642.094.264	588.660.361
„ 1-му ноября	„	643.794 256	589.600.361
„ 1-му декабря	„	644.736.100	590.079.487
„ 1-му января	1865 г.	651.124.599	595.704.587
„ 1-му февраля	„	651.435.190	595.703.587
„ 1-му марта	„	651.428.206	695.318.746
„ 1-му апрѣля	„	651,025.801	595.702.587
„ 1-му мая	„	650 953.854	595.703.587

Изъ этого мы видимъ, что съ 1-го января нынѣшняго года число кредитныхъ билетовъ, непокрытыхъ металлическою частью размѣннаго фонда, перестаетъ возрастать, и что слѣдовательно съ тѣхъ поръ уже не производятся новые выпуски кредитныхъ билетовъ, безъ взноса соотвѣтственнаго количества звонкой монеты въ размѣнный фондъ. Это—благопріятная сторона дѣла. Но такъ какъ въ тоже время металлическій размѣнный фондъ уменьшается, то ясно, что ходъ дѣла за первую треть текущаго года, въ одномъ отношеніи благопріятный, не можетъ считаться вообще ходомъ къ лучшему и даже не можетъ быть признанъ за такой ходъ дѣла, при которомъ отношенія не измѣняются ни къ лучшему, ни къ худшему. Первая треть текущаго года гораздо лучше чѣмъ второе полугодіе прошлаго года, но и въ эту треть произошло измѣненіе къ худшему, хотя и не большое. Это измѣненіе состоитъ въ томъ, что къ 1-му января нынѣшняго года на 1 р. металлической части размѣннаго фонда приходилось около 10 р. 74 коп. кредитныхъ билетовъ непокрытыхъ этою частью, а къ 1-му мая приходится уже 10 р. 78 коп.: прибавка незначительная, конечно, но свидѣтельствующая, что наша денежная система еще отнюдь не находится на пути къ исправленію.

Вексельный курсъ въ истекшіе шесть мѣсяцевъ подлежалъ весьма незначительнымъ колебаніямъ: торговля золотомъ, которую производитъ государственный банкъ, и о которой можно судить по перемѣнамъ въ принадлежащей банку части металлическаго фонда (что выше мы назвали банковымъ фондомъ), находилась въ соотвѣтствіи съ этими колебаніями,—какъ сказано, весьма незначительными. Вообще курсъ держался около 330 сантимовъ за рубль, то-есть около $17^1/_2\%$ ниже нарицательной цѣны,—курсъ очень низкій, при которомъ низкопробная серебряная монета уже почти не можетъ держаться въ предѣлахъ Россіи. Это тотъ самый курсъ, который держался и въ прошломъ августѣ. Тогда въ дѣйствительномъ публичномъ обращеніи находилось около $627^1/_2$ милл. кредитныхъ билетовъ (за исключеніемъ лежавшихъ въ кассахъ банка и его конторъ); между тѣмъ въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ с. г., когда оборотная касса банка наполнилась кредитными билетами поступившими въ платежи по внутреннему займу, въ дѣйствительномъ публичномъ обращеніи было не болѣе 620 милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Можно было бы ожидать, что вексельный курсъ будетъ теперь стоять выше чѣмъ въ прошломъ августѣ. Но этому воспрепятствовалъ новый выпускъ 4% металлическихъ билетовъ, произведенный въ декабрѣ. До марта 1864 года этихъ билетовъ, которые въ сущности не что иное какъ процентные денежные знаки, было выпущено только 48 милл. р. Въ мартѣ 1864 года прибавлена серія въ 12 милліоновъ рублей; къ 1-му сентября банкъ успѣлъ помѣстить ее на денежномъ рынкѣ. Затѣмъ въ сентябрѣ прибавлена еще одна серія въ 6 милл. рублей, а въ декабрѣ еще одна, также въ 6 милл. рублей. Нѣкоторая часть этой послѣдней серіи еще лежитъ въ оборотной кассѣ банка, ожидая помѣщенія, но по послѣднему отчету, къ 1-му мая обращалось въ публикѣ не менѣе 66.807.300 металлическихъ билетовъ, тогда какъ въ августѣ ихъ было въ рукахъ публики всего 58.209.000, слѣдовательно количество ихъ увеличилось приблизительно на $8^1/_2$ милліоновъ рублей, или милліономъ болѣе той суммы, на которую уменьшилось количество обращающихся кредитныхъ билетовъ.

Теперь въ оборотной кассѣ государственнаго банка лежитъ:

4% билетовъ	3.180 300 р.
кред. билетовъ	18.638.249 р.,

всего безъ малаго 23 милліона рублей. Если вся эта масса денежныхъ знаковъ выйдетъ изъ оборотной кассы банка и поступитъ на рынокъ, то общее количество кредитныхъ и металлическихъ билетовъ дойдетъ до громадной цифры 720 милліоновъ, то-есть увеличится на 17 милліоновъ противъ ноября 1864 года, когда вексельный курсъ былъ 320. Съ присоединеніемъ серіи эта масса прибылыхъ денежныхъ знаковъ можетъ оказать на вексельный курсъ весьма значительное давленіе, и тогда нельзя поручиться, что второе полугодіе нынѣшняго года не окажется продолженіемъ втораго полугодія прошлаго года. Этого надобно бы, кажется, тѣмъ болѣе избѣгать, что мы, безъ всякаго сомнѣнія, закупимъ нынѣшнимъ лѣтомъ не мало американскаго хлопка, за который придется разчитываться осенью.

№ 99.

Москва, 7-го мая.

Мы говорили вчера о значеніи той части размѣннаго Фонда, которая въ отчетахъ государственнаго банка значится подъ наименованіемъ „публичныхъ фондовъ". Эта часть составляетъ 27.720.000 р. и выражаетъ собой количество кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ послѣднее время не подъ звонкую монету, а подъ облигаціи государственнаго казначейства, на звонкую монету написанныя По самому свойству своему, эти облигаціи могутъ лишь на извѣстное время являться составною частью металлическаго фонда, и слѣдовательно возникаетъ вопросъ о наивыгоднѣйшемъ способѣ устраненія этой временной составной части металлическаго фонда или ея замѣны чѣмъ-либо другимъ, постояннымъ и прочнымъ. О средствахъ нѣтъ вопроса: они даны внутреннимъ лотерейнымъ займомъ. Но государственное казначейство можетъ двоякимъ образомъ расквитаться съ этими 27.720.000 р. своего долга размѣнному фонду. Оно можетъ либо внести его въ размѣнную кассу звонкою монетой и слитками, либо представить на эту сумму къ размѣну взятое изъ выручки внутренняго займа соотвѣтствующее ей количество кредитныхъ билетовъ и вымѣнить на это количество свои облигаціи, при чемъ банкъ будетъ обязанъ полученные такимъ образомъ кредитные билеты уничтожить. Въ первомъ случаѣ металлическій запасъ размѣннаго фонда увеличился бы на 27.720.000 р., но запасъ кредитныхъ билетовъ, которые банкъ имѣетъ право выпустить въ обращеніе, нисколько не сократился бы. Во второмъ случаѣ цифра размѣннаго фонда уменьшилась бы, правда, на 27.720.000 р., но это уменьшеніе было бы номинальное (теперешній металлъ остался бы весь сполна), а за то уменьшилось бы на ту же сумму 27.720.000 р. и то количество кредитныхъ билетовъ, которое банкъ имѣетъ право ввести на рынокъ. Спрашивается, что выгоднѣе и что желательнѣе?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть ни малѣйшаго колебанія. Для чего служитъ размѣнный фондъ? Не для того ли единственно, чтобъ упрочивать цѣну кредитныхъ билетовъ? Но съ этой ли единственно точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на всякую мѣру, относящуюся къ размѣнному фонду? Увеличивать размѣнный фондъ можно только въ томъ случаѣ, когда этого требуетъ прочность курса обезпеченныхъ имъ денежныхъ знаковъ. Безъ этого условія было бы напротивъ убыточно увеличивать размѣнный фондъ, потому что это значило бы увеличивать мертво-лежащій капиталъ. Никто никогда не заключаетъ займовъ для увеличенія размѣннаго фонда, если не предполагается тотчасъ же открыть размѣнъ: не было бы разчета платить за занятую звонкую монету проценты и держать ее въ подвалахъ не получая отъ нея никакой пользы въ продолженіе всего того времени, пока не будетъ открытъ размѣнъ. Колебанія денежной единицы причиняютъ величайшій вредъ всѣмъ отправленіямъ экономической жизни, и государственной, и народной. Чтобъ устранить эти колебанія, выгодно рѣшиться на всѣ необходимыя для того жертвы, потому что эти жертвы не могутъ идти даже въ отдаленное сравненіе съ тѣми, которыя безъ нихъ неизбѣжны. Тутъ разчетъ основанъ на несомнѣнной выгодѣ: кто постоитъ отдать одинъ рубль, чтобъ избавится отъ потери десяти рублей? Но никакого не было бы разчета прибавлять даже одинъ рубль къ теряемымъ десяти рублямъ, если этимъ не предотвращается потеря десяти рублей. Паровую машину топятъ когда надобно продолжать или начинать полезную работу. Если же полезная работа прекращена и возобновленіе ея не предвидится, то было бы чистою потерей топить паровикъ.

Размѣнная касса работаетъ, пока производитъ размѣнъ, и только пока размѣнъ производится, размѣнный фондъ приноситъ пользу. Съ закрытіемъ размѣннаго фонда прекращается и полезное дѣйствіе его, и онъ становится мертвымъ капиталомъ. Иные полагаютъ, что извѣстная величина размѣннаго фонда можетъ поддерживать кредитъ обезпеченныхъ имъ денежныхъ знаковъ, даже при отсутствіи размѣна. Но это мнѣніе совершенно ошибочно. Билеты, не имѣющіе узаконеннаго курса, тотчасъ же потеряли бы способность обращаться вмѣсто денегъ, какъ скоро былъ бы закрытъ размѣнъ: по доброй волѣ вмѣсто денегъ возьмутъ только бумагу совершенно равноцѣнную деньгамъ. Что же касается до билетовъ, которые, подобно нашимъ кредитнымъ билетамъ, имѣютъ обязатель-

ный курсъ внутри государства, то они сохраняютъ извѣстную цѣнность и при отсутствіи размѣна, но эта цѣнность опредѣляется отнюдь не степенью довѣрія къ нимъ. По довѣрію принимается лишь то, что̀ можетъ быть принято и не принято. Когда денежные знаки обязательны къ пріему, то они принимаются повсюду въ силу закона, предписывающаго принимать ихъ во всѣхъ платежахъ. Принимающій ихъ, если не интересуется вообще политическими дѣлами своей страны, не имѣетъ побужденія ни повода взвѣшивать, въ какой мѣрѣ ни обезпечены подобные билеты. Эти заботы не привели бы его ни къ чему практически для него полезному; онѣ не спасли бы его ни отъ какой личной бѣды. Онъ можетъ очень сильно пострадать, принявъ по нарицательной цѣнѣ денежные знаки, которыхъ цѣнность упала на всемірномъ рынкѣ, но это не бросается въ глаза, а если онъ даже и замѣтитъ это, то все-таки ему дѣлать нечего, такъ какъ отъ пріема денежныхъ знаковъ, имѣющихъ узаконенный курсъ, онъ отказаться не въ правѣ, какого бы низкаго онъ ни былъ о нихъ мнѣнія. Очевидно, что сила побуждающая его принимать эти денежные знаки по нарицательной цѣнѣ, есть сила закона, а отнюдь не сила довѣрія или разчета на размѣнный фондъ. По довѣрію или разчету принимаются бумаги не обязательныя къ пріему, каковы, напримѣръ, у насъ пятипроцентные билеты и т. п.; но такія бумаги, какъ кредитные билеты, съ той самой минуты когда прекращается размѣнъ ихъ на звонкую монету, принимаются лишь въ силу закона. Вслѣдствіе того же они тотчасъ становятся единственною монетною единицей, и превращая звонкую монету въ товаръ, лишаютъ ее значенія денегъ. Какъ только звонкая монета получаетъ лажъ, то всякій предпочтетъ нести ее къ мѣнялѣ чѣмъ отдавать ее безъ лажа въ частныхъ сдѣлкахъ, а потому въ частныхъ сдѣлкахъ начинаютъ исключительно употребляться бумажныя деньги, и только на бумажную единицу дѣлаются всѣ разчеты. Номинально эта единица остается неизмѣнною: измѣняются цѣны на звонкую монету и на всякій другой товаръ. Но эти измѣненія не зависятъ отъ довѣрія къ новымъ денежнымъ единицамъ. Довѣріе къ нимъ можетъ быть полное, но если ихъ много, онѣ должны подчиниться закону предложенія и спроса. Чѣмъ больше этихъ единицъ, тѣмъ дешевле онѣ должны становиться относительно звонкой монеты, и тѣмъ болѣе должна дорожать звонкая монета: лажъ на звонкую монету, а слѣдовательно и вексельный курсъ, всегда вмѣстѣ съ лажемъ повышающійся и падающій, устанавливается и измѣняется смотря по отношенію количества выпущенныхъ, то-есть предложенныхъ бумажныхъ денегъ къ спросу на нихъ. Размѣнный фондъ, самъ по себѣ, не играетъ тутъ никакой роли, и это совершенно понятно. Все назначеніе размѣннаго фонда состоитъ въ томъ чтобы служить для размѣна. Другаго назначенія онъ не имѣетъ; и пока остается размѣннымъ фондомъ, ни на что другое не можетъ пригодиться. Когда размѣнъ закрытъ и его возобновленіе не предвидится, то дѣйствіе размѣннаго фонда на денежный рынокъ становится равнымъ нулю. Оно начинаетъ сказываться единственно по мѣрѣ того какъ ожидается открытіе размѣна и при томъ только въ томъ случаѣ когда открытіе размѣна ожидается въ непродолжительномъ времени и когда извѣстны условія, на которыхъ размѣнъ будетъ производиться.

Но въ настоящую минуту ни публика, ни биржа не ожидаютъ открытія размѣна въ Россіи. Поэтому можно съ увѣренностію сказать, что присоединеніе 27.720.000 р. къ размѣнному фонду не оказало бы на вексельный курсъ полезнаго вліянія. Можно скорѣе ожидать, что эта мѣра подѣйствовала бы въ обратномъ смыслѣ. Вексельный курсъ стоялъ въ послѣднее время довольно твердо, благодаря тому, что внутренній заемъ сосредоточилъ въ кассахъ банка и его конторъ значительныя массы кредитныхъ билетовъ. Рынокъ, освобожденный отъ этихъ массъ, долженъ былъ выше цѣнить оставшіеся въ обращеніи кредитные билеты, и это сказалось на относительной твердости курса. Но отчетъ банка за апрѣль мѣсяцъ показываетъ, что въ счетъ 98 милліоновъ займа уже внесено около 80 милліоновъ. Скоро стало-быть прекратится приливъ кредитныхъ билетовъ въ кассы банка, и наступитъ конецъ тому движенію денежныхъ знаковъ, которое поддерживало ихъ курсъ. Если банкъ начнетъ выдавать кредитные билеты, теперь покоящіеся въ его кассахъ, то неминуемо начнетъ падать и вексельный курсъ. Только особенно благопріятныя обстоятельства могли бы предотвра-

тить такой ходъ дѣлъ, но благопріятныхъ обстоятельствъ не предвидится. Дома у насъ господствуетъ совершенный застой въ дѣлахъ, какого никто не запомнитъ; число всѣхъ оборотовъ и сдѣлокъ уменьшилось, а чѣмъ меньше оборотовъ и сдѣлокъ, тѣмъ меньше нужно для нихъ денежныхъ знаковъ, и слѣдовательно тѣмъ тягостнѣе будетъ давленіе, которое должна произвести на рынокъ лежащая теперь въ кассахъ банка и его конторъ масса кредитныхъ билетовъ, если она выйдетъ изъ этихъ кассъ. Барометромъ этого давленія будетъ вексельный курсъ. Одновременно съ этимъ вексельный курсъ не можетъ не пострадать отъ предстоящаго ввоза американскаго хлопка. Наконецъ, мы видимъ, что учетный процентъ опять начинаетъ подниматься въ западной Европѣ, а это можетъ еще болѣе понизить нашъ курсъ. Итакъ обстоятельства предвидятся далеко не благопріятныя, и во всякомъ случаѣ не такія, которыя могли бы противодѣйствовать наклонности курса къ пониженію, имѣющей произойдти въ томъ случаѣ, если кредитные билеты, находящіеся теперь въ банкѣ и его конторахъ, прильютъ на денежный рынокъ. Но биржа не можетъ не ожидать этого, коль скоро вышеупомянутая сумма 27.720 000 р. будетъ внесена металломъ въ размѣнный фондъ. А потому одно уже это внесеніе должно оказать невыгодное дѣйствіе на вексельный курсъ. О послѣдствіяхъ дѣйствительнаго поступленія полныхъ 650 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ въ обращеніе мы и не говоримъ. Они сами собой понятны.

Что можетъ быть вреднѣе для экономической жизни страны чѣмъ напримѣръ такое колебаніе цѣнности денежной единицы, какое происходило въ продолженіе втораго полугодія прошлаго года? А нельзя не видѣть, что при теперешнихъ условіяхъ денежная единица можетъ подвергнуться колебаніямъ еще болѣе значительнымъ. Въ прошломъ году самые низкіе вексельные курсы стояли въ концѣ сентября и въ началѣ октября: въ это время курсъ падалъ до 312 сантимовъ за кредитный рубль на Парижъ съ платежомъ черезъ три мѣсяца. Но тогда общее количество обращавшихся на рынкѣ кредитныхъ и металлическихъ билетовъ едва переступало за 700 милліоновъ. А что мы видимъ теперь? Если кассы банка опорожнятся, то упомянутыхъ денежныхъ знаковъ будетъ въ обращеніи не менѣе 720 милліоновъ. Какое же будетъ тогда предсказаніе относительно вексельнаго курса въ предстоящемъ полугодіи?

Вексельный курсъ, это не значитъ только тотъ курсъ, по которому переводятся за границу деньги; это значитъ цѣна денежной единицы, употребляемой во всѣхъ сдѣлкахъ внутри государства. Колебанія вексельнаго курса сопровождаются болѣе или менѣе соотвѣтственными колебаніями всѣхъ цѣнъ, бо́льшимъ или меньшимъ потрясеніемъ силы всѣхъ обязательствъ и сдѣлокъ, и чѣмъ въ данную минуту слабѣе дѣла той или другой страны, тѣмъ труднѣе переносятся подобныя потрясенія. Вотъ почему нельзя не придавать именно теперь чрезвычайной важности предотвращенію колебаній нашей денежной единицы. Мы не останавливаемся на многихъ другихъ доводахъ, между которыми не малое мѣсто принадлежитъ сохраненію въ Россіи мелкой серебряной монеты, готовой совсѣмъ уплыть отъ насъ при первомъ пониженіи курса.

Какъ же поддержать курсъ? Поддерживать ли его только въ пользу заграничнаго привоза и въ ущербъ нашего отпуска и всѣхъ внутреннихъ сдѣлокъ, какъ водилось прежде когда банкъ прибѣгалъ къ трассировкѣ? Но это значило бы возвратиться къ мѣрѣ, осужденной самимъ финансовымъ вѣдомствомъ въ 1862 году и еще разъ осужденной событіями осени 1863 года. Что же остается? Не очевидно ли, что ничего болѣе не остается, какъ не выпускать сызнова изъ кассъ банка того количества кредитныхъ билетовъ, которое было выпущено безъ металлическаго покрытія и теперь, благодаря внутреннему займу, возвратилось въ банкъ?

Если 27.720.000 р. будутъ вычеркнуты изъ размѣннаго фонда, и этотъ фондъ номинально понизится на 27.720.000 р., то можно ручаться, что это не произведетъ ни на кого ни малѣйшаго неблагопріятнаго впечатлѣнія. Собственно металлическая часть фонда останется не тронутою, и всякій тотчасъ же пойметъ это. Но въ то же время коммерческіе люди увидятъ, что сумма кредитныхъ билетовъ могущихъ быть выпущенными въ обращеніе уменьшилась на 27.720.000 р., и что главная причина ожидаемыхъ колебаній курса устранена, а это освободитъ торговый міръ отъ теперешняго недоумѣнія насчетъ будущаго

и подѣйствуетъ живительно на ходъ коммерческихъ дѣлъ.

№ 100.

Москва, 8-го мая.

Въ полученномъ сегодня листкѣ *Русскаго Инвалида* есть нѣсколько заявленій, которыя, конечно, будутъ приняты публикой съ сочувствіемъ. Газета военнаго министерства говоритъ, что надежды, которыми не перестаютъ обольщать себя польскіе революціонеры и ихъ доброжелатели, въ родѣ Шедо-Ферроти и петербургскаго корреспондента *Indépendance belge*,— надежды, которымъ основаніе они стараются найдти въ предполагаемой ими борьбѣ партій въ самой Россіи,—болѣе чѣмъ нелѣпы. „Мы знаемъ," говоритъ почтенная газета, „что надъ всѣмъ у насъ гос„подствуетъ воля верховной власти,—вла„сти, которая съ самаго начала польскихъ „смутъ глубоко уяснила себѣ сущность „дѣла, и ведетъ его въ духѣ, совершенно „согласномъ съ интересами нашего отече„ства..." „Никогда еще," продолжаетъ *Русскій Инвалидъ*, „это дѣло, предприня„тое единодушно русскимъ правитель„ствомъ и обществомъ, не шло такимъ „вѣрнымъ путемъ, и не было такъ близко „отъ задуманной цѣли какъ теперь." Тѣмъ не менѣе *Русскій Инвалидъ* находитъ дѣломъ „весьма прискорбнымъ, что прояв„ляются иногда частныя тенденціи, не со„гласныя съ общею программой, которой „слѣдуетъ правительство;" но эти тенденціи, какъ утверждаетъ *Русскій Инвалидъ*, малочисленны и такъ ничтожны по своему вліянію на общество, что имъ нельзя придавать никакой дѣйствительной важности.

Мы совершенно согласны съ *Русскимъ Инвалидомъ*, что эти „частныя тенденціи," эти стремленія, состоящія въ противорѣчіи съ общею правительственною программой, основанною на интересахъ нашего отечества, сами по себѣ совершенно ничтожны, какъ по своему фальшивому и неправому внутреннему смыслу, такъ и по вліянію на русское общество, которое уже не разъ въ послѣднее время давало имъ энергическій отпоръ; но, къ величайшему сожалѣнію, онѣ не рѣдко проявляются въ такой обстановкѣ, что несмотря на свое ничтожество, оказываются въ силахъ поддерживать это все еще продолжающееся самообольщеніе польскихъ патріотовъ, эти все еще не покинутыя ими надежды на благопріятныя для ихъ видовъ перемѣны въ русской политикѣ, и наконецъ это глухое противодѣйствіе видамъ русскаго правительства, которое они все еще оказываютъ какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западной части Имперіи. Причина этихъ явленій, столько же неблагопріятныхъ для Россіи, сколько и для людей, увлекающихся польскимъ патріотизмомъ за предѣлы долгаго и здраваго смысла, заключается именно въ тѣхъ самыхъ „частныхъ тенденціяхъ, не согласныхъ съ общею правительственною программой", о которыхъ упоминаетъ *Русскій Инвалидъ*. Доказательствомъ тому служитъ, между прочимъ, и ходъ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, отчетъ о которомъ на дняхъ напечатанъ въ той же газетѣ.

Крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ, говоря вообще, ведется съ успѣхомъ. Какъ въ матеріяльномъ, такъ и въ общественномъ положеніи крестьянъ уже теперь произошло замѣтное улучшеніе: такъ-называемыя *данины*, существовавшія во многихъ имѣніяхъ, теперь прекращены; десятина въ пользу латинскаго духовенства, которая прежде взыскивалась даже путемъ экзекуцій, теперь совершенно справедливо объявлена необязательною, вслѣдствіе чего нѣкоторые епископы уже разослали, для чтенія въ костелахъ, окружныя посланія, призывающія всѣхъ вѣрныхъ католиковъ къ отбыванію этой повинности; лѣсные штрафы (за порубку въ казенныхъ лѣсахъ) положено взыскивать съ крестьянъ только за послѣдній, 1864-й годъ, и то съ нѣкоторыми предосторожностями, вслѣдствіе дознанныхъ злоупотребленій и произвольнаго назначенія штрафовъ мѣстными лѣсными начальствами; незаконные сборы, которые налагались прежними войтами гминъ, прекращены, и наконецъ, прежнія денежныя повинности въ пользу помѣщиковъ (чиншъ и окупъ) замѣнены поземельнымъ налогомъ, который теперь мѣстами равняется только $^1/_5$, а иногда $^1/_6$ прежняго денежнаго сбора, и вносится въ казну, принявшую на себя обязанность выплатить помѣщикамъ облигаціями за отошедшую отъ нихъ землю. Сверхъ того, еще до истеченія перваго года послѣ обнародованія указовъ 19-го февраля 1864 года, возвраще-

ны крестьянамъ неправильно обмѣненныя у нихъ земли въ 524 имѣніяхъ, возстановлено сервитутовъ (права пользованья угодьями на помѣщичьихъ земляхъ)—пастбищныхъ въ 5.125 имѣніяхъ и еще на 46.563 дыма, лѣсныхъ въ 8.975 имѣніяхъ и еще на 54.649 дымовъ; признаны поземельными собственниками изъ малоземельныхъ крестьянъ, которые прежде были въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ, 60.186; открыто пустокъ (крестьянскихъ участковъ, опустѣлыхъ и неправильно присоединенныхъ къ помѣщичьей землѣ) 5.120 и еще 108.846 морговъ, изъ коихъ и роздана одна часть 16.513 лицамъ, преимущественно изъ безземельныхъ крестьянъ, при чемъ особенное вниманіе было обращено на обезпеченіе участи отставныхъ солдатъ, хотя эта задача и затрудняется нежеланіемъ ихъ удаляться изъ тѣхъ деревень, откуда они родомъ. Въ то же время крестьяне въ Царствѣ Польскомъ совершенно обезпечены отъ произвола разныхъ властей, и учредительный комитетъ, насколько возможно, воздерживается отъ всѣхъ понудительныхъ экзекуціонныхъ мѣръ, очень часто предлагаемыхъ туземными чиновниками, съ успѣхомъ замѣняя ихъ увѣщаніями и внушеніями русскихъ участковыхъ коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ. Притомъ же крестьяне пользуются самоуправленіемъ, избираютъ большею частью изъ свой среды войтовъ гминъ, которые, впрочемъ, какъ замѣчаетъ отчетъ, съ особеннымъ тщаніемъ соблюдаютъ вѣжливость къ помѣщикамъ, а крестьянскіе (гминные) суды успѣли пріобрѣсти довѣріе не только крестьянъ, но даже Евресвъ и шляхты, ксендзовъ и пановъ. Бремя этого крестьянскаго самоуправленія, въ денежномъ отношеніи, по возможности, облегчено для крестьянъ тѣмъ, что число гминъ, или волостей, уменьшено съ 3.115 (въ февралѣ 1864 г.) до 2.519 (къ концу того же года), и подлежитъ еще дальнѣйшему сокращенію, что мелкой шляхтѣ, которая пыталась было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выдѣлиться изъ общей массы крестьянъ и образовать свои отдѣльныя гмины, это не было дозволено, и что половину всѣхъ издержекъ на гминное управленіе (въ гминахъ смѣшанныхъ) должны взносить сами помѣщики. Крестьяне возымѣли полное довѣріе къ русскимъ должностнымъ лицамъ, приводящимъ въ исполненіе предначертанія высочайшей власти. Къ нимъ нерѣдко обращаются они и съ такими просьбами, которыя слѣдовало бы подавать въ обыкновенные суды: въ этихъ судахъ засѣдаютъ польскіе чиновники, а отъ нихъ крестьяне не ждутъ правды и безпристрастія. Признательность крестьянъ къ „Царю-Воскресителю“ не разъ выражалась сооруженіемъ часовенъ, школъ, благотворительныхъ заведеній, наименованіемъ новыхъ поселковъ „Царскою Волей“, заботливостью объ участи отставныхъ солдатъ, особенно защищавшихъ Севастополь, и женъ еще служащихъ солдатъ, которымъ крестьяне отдаютъ преимущество при раздачѣ пустокъ предъ всѣми другими; но болѣе всего эта признательность выразилась въ желаніи учиться русскому языку, родному языку ихъ Царя-Освободителя; это желаніе, которое почти повсемѣстно заявляется, несмотря на противодѣйствіе шляхты и ксендзовъ, усиливающихся возбудить въ крестьянахъ опасенія, будто бы ихъ хотятъ обратить въ православіе, это желаніе служитъ лучшимъ мѣриломъ довѣрія крестьянъ къ членамъ крестьянскихъ коммиссій. Остается пожелать только, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ въ крестьянахъ все болѣе и болѣе вкоренялись уваженіе къ законнымъ правамъ и готовность къ исполненію законныхъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи весьма пріятно узнать изъ отчета, что вопреки ложнымъ слухамъ, которыми старались отклонить крестьянъ отъ уплаты новаго поземельнаго налога, онъ былъ взносимъ ими съ достаточною исправностью, такъ что къ январю 1865 г. изъ общей суммы 725.204 рублей, причитающейся за вторую половину 1864 г., уже поступило 635.056 руб., или болѣе 87%.

Но если въ отношеніи къ крестьянамъ дѣло ведется большею частію успѣшно, то со стороны польскихъ пановъ оно встрѣчаетъ противодѣйствіе тѣмъ болѣе странное, что паны же всего болѣе должны отъ него страдать. Какъ замѣчаетъ *Русскій Инвалидъ*, въ нихъ все еще сильна надежда, что „можно обойдти законъ, если не теперь, то со временемъ, и что можетъ еще наступить перемѣна въ примѣненіи высочайшихъ указовъ 19-го февраля.“ Въ этой надеждѣ многіе паны вовсе устраняются отъ дѣла и тѣмъ подвергаютъ риску свои же интересы. Другіе избираютъ иную политику, которая впрочемъ тоже объясняется ожиданіемъ перемѣны въ примѣненіи высочайшихъ указовъ: они стараются замедлить ходъ дѣла явно неосновательными и

неясно изложенными жалобами на постановленія коммиссаровъ,—жалобами, которыя все-таки не могутъ быть оставлены безъ разбирательства. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, систематически, ни одно коммиссарское постановленіе не оставляется безъ обжалованья. Вездѣ паны болѣе или менѣе громко высказываютъ увѣренность, что скоро послѣдуетъ полная отмѣна высочайшихъ указовъ 19-го февраля. Эта увѣренность ихъ не остается даже безъ вліянія и на крестьянъ, которые большей частью только тогда пріобрѣтаютъ полную вѣру въ неизмѣнность сдѣланныхъ распоряженій, когда на отданныхъ имъ въ полную собственность участкахъ появляются утвержденные землемѣрами межевые знаки. Такъ, между прочимъ, крестьяне пяти деревень Конинскаго уѣзда, Варшавской губерніи, смущенные увѣренностью пановъ въ несостоятельности крестьянской реформы, отказывались отъ уплаты поземельнаго налога впредь до окончательнаго размежеванія ихъ земель, и дѣло чуть было не дошло до экзекуціи.

Паны не торопятся и представлять ликвидаціонные табели, на основаніи которыхъ будутъ имъ выданы ликвидаціонные листы съ купонами для полученія по нимъ вознагражденія за земли, поступившія въ собственность крестьянъ. Для представленія ликвидаціонныхъ табелей полагается годовой срокъ со времени сдѣланнаго къ тому публичнаго приглашенія владѣльцевъ, и если срокъ этотъ будетъ пропущенъ, то владѣлецъ теряетъ право на полученіе процентовъ по ликвидаціоннымъ листамъ съ 3-го апрѣля 1864 г. по первый платежный по купонамъ срокъ, который наступитъ послѣ подачи табели. Начало этого годоваго срока уже наступило съ октября прошлаго года; явный интересъ побуждалъ бы пановъ къ скорѣйшему исполненію этого законнаго требованія, и однакоже изъ отчета не видно, чтобы они особенно спѣшили этимъ дѣломъ: въ отчетѣ выражается еще только надежда, что подача ликвидаціонныхъ табелей пойдетъ успѣшно. По смыслу высочайшаго указа о ликвидаціонной коммиссіи, совершенная неподача ликвидаціонной табели должна почитаться добровольнымъ отреченіемъ владѣльца отъ слѣдующаго ему вознагражденія (см. статью 50): попадѣвшись на „частныя тенденціи“ своихъ мнимыхъ друзей, не вздумаютъ ли паны совсѣмъ отказаться отъ подачи табелей? Это была бы пассивная оппозиція, выгодная для финансовъ Царства и стало-быть болѣе патріотическая чѣмъ снаряженіе повстанцевъ. Что бы друзьямъ Польши натолкнуть пановъ на такое полезное для польскаго государства и въ то же время нисколько не согласное съ видами русскаго правительства дѣло?

№ 101.

Москва, 10-го мая.

Римъ сопричисляетъ къ лику своихъ святыхъ,—„сподобляетъ чести алтарей“, какъ выражаются клерикальныя газеты,—извѣстнаго уніятскаго архіепископа Кунцевича, умерщвленнаго въ 1629 году въ Витебскѣ. Намъ не было бы никакой надобности говорить объ этомъ припращеніи римской мартирологіи, никакой надобности оцѣнивать религіозныя основанія побуждающія римскую церковь канонизировать того или другаго изъ ея подвижниковъ; но сущность заключается не въ церковномъ дѣяніи, а въ томъ смыслѣ какой хотятъ придать ему въ Римѣ. Этотъ актъ почему-то задуманъ какъ демонстрація противъ Россіи, и ультрамонтанскія газеты обращаются къ ней съ назидательнымъ совѣтомъ проникнуться чувствомъ важности этого событія и усмотрѣть въ немъ урокъ для себя.

Въ чемъ же урокъ? Всѣмъ извѣстны обстоятельства смерти Кунцевича. Въ предыдущемъ № *Московскихъ Вѣдомостей* наши читатели могли ознакомиться съ нѣкоторыми интересными относящимися сюда обстоятельствами изъ воспроизведенной нами статьи *Journal de St.-Petersbourg*. Кунцевичъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ притѣснителей русскаго народа въ старой Польшѣ; онъ насильственно распространялъ унію и прибѣгалъ къ жестокостямъ, отъ которыхъ содрагались даже единовѣрцы его, и проклинали его какъ виновника великихъ бѣдствій, какъ сѣятеля зла и пагубы. Онъ погибъ не отъ людей наступавшихъ на него или на его вѣрованія; онъ погибъ отъ людей измученныхъ его насиліями и отчаянно оборонявшихъ отъ него свое православіе. Не къ нему врывались въ храмъ, а онъ врывался въ чужіе храмы. Онъ погибъ не на мирной, исполненной христіанской любви проповѣди; а среди сценъ насилій и буйства причиненныхъ имъ самимъ.

Онъ дѣйствовалъ мечомъ власти противъ беззащитныхъ и подавленныхъ народонаселеній и палъ отъ топора занесеннаго отчаяніемъ. Вслѣдъ за его умерщвленіемъ и задолго до его нынѣшней канонизаціи, римская церковь уже отпраздновала по немъ свою тризну. Рѣки крови пролились для успокоенія отшедшей души праведника; тысячи людей были принесены въ жертву его тѣни: Римская церковь, вопіющая о кровавой мести, была удовлетворена роскошнымъ образомъ, слезы ея были осушены обильными возмездіями. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, Европа съ ужасомъ читала объ избіеніи христіанъ въ Дамаскѣ и другихъ городахъ Сиріи, и проклинала мусульманское изувѣрство, и снаряжала въ Сирію экспедицію. Но мусульманское изувѣрство изъ всей исторіи своихъ кровавыхъ возмездій не представляетъ ничего разительнѣе этихъ истинно-мусульманскихъ словъ которыми папа Урбанъ VIII побуждалъ короля польскаго Сигизмунда III карать русскія народонаселенія его королевства за смерть Кунцевича: „Да проклятъ будетъ „человѣкъ, который не извлечетъ своего „меча, колеблясь пролить по этому случаю „кровь!“ (такъ писалъ первосвященникъ римской церкви). Вотъ почему, могущественный „государь, вы не должны жалѣть ни огня, ни „желѣза. Ваше величество, одушевясь не„медленно благочестивымъ гнѣвомъ, должны „осушать слезы церкви казнію безбожни„ковъ.“ Послѣдователи Магомета по крайней мѣрѣ не имѣютъ обычая совершать канонизаціи послѣ подобныхъ тризнъ; въ Римѣ же дѣлается и то и другое, и вотъ папа IIій IX довершаетъ дѣло своего давняго предмѣстника. Мы говоримъ: давняго; но слѣдуетъ замѣтить, что папа Урбанъ VIII жилъ въ XVII столѣтіи, въ эпоху смягченія нравовъ и возрожденія наукъ, и потому кровожадные наказы его не могутъ быть объясняемы фанатизмомъ мрачнаго времени. Они характезируютъ не столько время, сколько самое папство, вѣрное себѣ во всѣ времена. Они характезируютъ также и то государство, ту власть, которая была ихъ исполнительницей; точно также какъ нынѣшнее польское духовенство какъ нельзя лучше характезируется тою похвальбой, которая читается подъ распространявшемся имъ во время мятежа изображеніемъ Кунцевича,—похвальбой, что въ отмщеніе за смерть этого мученика, по повелѣнію польскаго короля, было перебито 5.000 православныхъ русскихъ людей, находившихся подъ его скипетромъ,—какъ будто это обстоятельство всего лучше можетъ окружить сіяніемъ главу новаго святаго.

Но какой же урокъ могла бы изъ всего этого извлечь для себя Россія? Все это происходило не въ Русскомъ, а въ Польскомъ государствѣ; все это происходило въ то время, когда половина кровнаго русскаго народа, половина исконной русской земли находилась подъ польскимъ владычествомъ: наконецъ все это происходило около того времени, когда и самая Москва только что вырвалась изъ рукъ своихъ враговъ. Что прославляется и чествуется, то поставляется этимъ самымъ въ образецъ: не хотятъ ли въ Римѣ, чтобы Россія изъ исторіи Кунцевича научилась какъ должна она сама дѣйствовать? Были бы довольны въ Римѣ, если бы Россія дѣйствительно захотѣла воспользоваться подобнымъ урокомъ? Были бы тамъ довольны, еслибы кто-либо изъ православныхъ іерарховъ сталъ, по примѣру новаго римскаго святаго, занимать римскіе храмы въ Россіи и сгонять насильно людей исповѣдующихъ римскую вѣру въ православныя церкви? Къ тому ли побуждаетъ римская курія Россію, чтобъ она дѣйствовала въ отношеніи къ своимъ римско-католическимъ подданнымъ точно такъ же, какъ старая Польша дѣйствовала въ отношеніи къ православнымъ народонаселеніямъ стенавшимъ подъ ея игомъ?

Но мы согласны, мы совершенно согласны, что исторія Кунцевича, возобновленная польскимъ мятежомъ и употребленная римскою куріей въ орудіе демонстраціи противъ Россіи и въ поощреніе государственной измѣнѣ, полна для насъ уроковъ и напоминаній. Ничто съ такою силой не напоминаетъ Россіи ея священныя обязанности относительно той части ея народа, которая когда-то была оторвана отъ ней и такъ долго страдала подъ чуждымъ игомъ,—той части ея народа, которая наконецъ была возвращена ей, и которая такъ долго страдала подъ ея собственнымъ владычествомъ. Эта исторія должна съ особенною силою напомнить Россіи судьбы этихъ насчастныхъ народонаселеній, которыя, бывъ оторваны отъ своего корня, подъ чуждой фанатической властью, такъ тяжко боролись за свою русскую народность, такъ долго отстаивали свою русскую вѣру, и которыя такъ успѣшно ополячивались подъ владычествомъ Росса... Россіи чуждъ фанатическій духъ ста-

рой Польши, точно также какъ православной церкви чужды насилія и неправды римской пропаганды; но было бы дѣломъ недостойнымъ и вмѣстѣ пагубнымъ, еслибы Русское государство оставалось равнодушнымъ къ своей русской національности; было бы пагубно, еслибы русское правительство измѣняло своему національному характеру, и становилось въ той или другой части подвластной ему территоріи нерусскимъ; было бы пагубно, еслибъ и въ настоящее время оставался въ силѣ стихъ Ломоносова, вырванный у него современнымъ ему положеніемъ русскихъ дѣлъ:

О стыдъ, о странный оборотъ!
Слыхалъ ли кто изъ въ-свѣтъ-рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?

Но, слава Богу, западный край Русской державы, гдѣ совершались событія первоначальныхъ эпохъ ея исторіи,—край, безъ котораго Русская держава теряетъ свою историческую почву и свое европейское значеніе, около столѣтія возсоединенный съ нею, наконецъ торжественно и безповоротно признанъ *русскимъ краемъ*. Публика на дняхъ читала рѣшительныя слова сказанныя въ этомъ смыслѣ новымъ главнымъ начальникомъ югозападнаго края; она прочтетъ ниже не менѣе опредѣленныя заявленія новаго главнаго начальника сѣверозападнаго края. Въ этихъ словахъ и заявленіяхъ сказано все, потому что все тутъ зависитъ отъ воли правительства. Отъ него также зависитъ настолько поднять русское народное чувство, чувство русскаго гражданина, чтобы всякому инородцу можно было гордиться русскимъ гражданствомъ.

Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на дѣла происходящія въ Россіи въ эти послѣднія десять лѣтъ, нельзя не признать, что нынѣшнее царствованіе полагаетъ въ русской исторіи совершенно новую эпоху. Въ этомъ должны согласиться и свои и чужіе, и друзья и враги. Пусть одни предаются надеждамъ, другіе опасеніямъ, пусть одни толкуютъ такъ, а другіе иначе то что совершается вокругъ или то что ждетъ насъ въ близкомъ будущемъ, всѣ однако должны согласиться, что наше отечество переживаетъ теперь великій кризисъ, и что обстоятельства, въ которыхъ оно теперь находится, представляютъ собою нѣчто совершенно новое, не встрѣчающее ничего себѣ подобнаго въ прошедшемъ. Происходящія теперь событія полагаютъ явственный предѣлъ одному времени и предначинаютъ другое. Что будетъ, то будетъ, а что будетъ, то Богъ дастъ, говаривалъ Богданъ Хмельницкій незабвенной памяти.

Событія слѣдуютъ поспѣшно одно за другимъ; противоположныя сцены смѣняются съ изумительной быстротой. Кто могъ бы ожидать года за три предъ симъ, что въ Россіи пробудится могущественное національное чувство, что въ ней окажется русскій народъ, что Русское государство почувствуетъ себя Русскимъ государствомъ? Однако это случилось, случилось именно среди такихъ обстоятельствъ, когда все заставляло ожидать противнаго, когда русскій народъ былъ отпѣтъ за-живо, и Русское государство казалось близкимъ къ послѣднему концу, когда входила въ силу враждебная теорія, казавшаяся убѣдительною даже для Русскихъ, что Русское государство есть призракъ, что оно должно разпасться на многія государства, которыя должны быть нарочно для этого самоубійственно устроены самимъ русскимъ правительствомъ. Мысль о внутреннемъ разъединеніи Россіи, приправленная самыми безстыжими софизмами, формулировалась на всѣ возможные лады. Дѣло доходило до того, что въ Европѣ всѣ были совершенно увѣрены, что Россія въ одно прекрасное утро лопнетъ будто орфическій пузырь...

Вотъ до чего доходили русскія дѣла въ послѣднее время; но именно въ это время и долженствовалъ совершиться поворотъ въ ходѣ русскихъ дѣлъ. Чѣмъ ближе казалось торжество накопившагося въ теченіе столь долгаго времени зла, тѣмъ рѣшительнѣе была или тѣмъ рѣшительнѣе будетъ побѣда надъ нимъ. Въ послѣднее время, интрига, пользуясь всѣми дурными элементами, отличалась изумительною отвагой въ своихъ разсчетахъ; но величайшею славой нынѣшняго царствованія будетъ то, что именно въ это время пробудилось на Руси во всей силѣ національное чувство. Между тѣмъ какъ интрига доходила до крайней степени своего развитія и считала свое дѣло окончательно выгранымъ, заготовлялись и совершались одна за другою великія реформы, освобождающія русскій народъ отъ давней конфискаціи, и предначинающія для него новое высшее историческое существованіе. Напрасно интрига старалась замутить эти реформы и воспользоваться ими для своего дѣла: ея планы не удавались, и ей приходилось

разочаровываться на каждомъ шагу. Обманъ обманывалъ самъ себя. Польское возстаніе, которое, казалось, должно было нанести послѣдній ударъ существованію Рускаго государства, и успѣхъ котораго казался несомнѣннымъ, положило, напротивъ, конецъ печальной смутѣ, въ которой находились русскія дѣла. Впервые послѣ долгаго времени Русское государство почувствовало себя повсюду Русскимъ. Сила факта разбила софизмы, и вотъ старая Русская земля, искони вѣка населенная русскимъ народомъ, наконецъ рѣшительно и безповоротно объявлена въ полной силѣ *Русскимъ краемъ*. Никогда еще быть-можетъ Россія не совершала столь важныхъ завоеваній, какія совершила она въ эти послѣдніе два года, подъ своимъ собственнымъ скипетромъ, на своей собственной территоріи. Эти два года займутъ великую страницу въ нашей исторіи; повторимъ, они будутъ величайшей славой нынѣшняго царствованія. Что было почувствовано въ это время цѣлымъ народомъ, то не забудется; чему положено было начало въ это время, то непремѣнно возьметъ свое такъ или иначе.

Что же касается до римской демонстраціи, то Россія не можетъ отказаться отъ вѣротерпимости въ возмездіе Риму за его злоухищреніе и козни, противъ державы гдѣ римское вѣроисповѣданіе пользуется полнымъ обезпеченіемъ. Вѣротерпимость есть великое благо въ государствѣ; отказываться отъ нея значило бы карать противника собственнымъ урономъ; но терпимость оказываемая Римской церкви во владѣніяхъ Русской державы не одно и то же съ какими бы то ни было обязательствами русскаго правительства передъ папскимъ престоломъ. Россія можетъ предоставлять вѣроисповѣданіямъ свободу, но она не можетъ терпѣть у себя чуждой власти, особенно власти злоумышляющей противъ господствующей въ ней церкви.

№ 102.

Москва, 11-го мая.

Зложелатели Россіи, и внутри и внѣ, были совершенно увѣрены въ мимолетности и случайности начавшейся въ ней національной политики, которая, болѣе чѣмъ милліонъ штыковъ, возводитъ ее въ достоинство и силу истинно-европейской державы. Они были изумлены и озадачены тѣмъ оборотомъ, который приняли русскія дѣла, но они скоро оправились, въ надеждѣ что это направленіе, принятое русскими дѣлами, не замедлитъ измѣниться такъ же быстро и случайно, какъ оно возникло. Они не видѣли въ этомъ явленіи ничего существеннаго; оно казалось имъ метеоромъ, который исчезнетъ самъ собою при измѣнившихся атмосферическихъ условіяхъ. И вотъ они поспѣшили перемѣнить тактику. Русскій народъ, несмотря на свою тысячелѣтнюю исторію, на созданное имъ великое государство, до сихъ поръ представляется чѣмъ-то весьма неопредѣленнымъ и смутнымъ въ понятіи не только чужихъ, но и своихъ. Все происходящее въ Россіи до сихъ поръ кажется явленіями лишенными внутренней сущности и силы, движеніями возбуждаемыми извнѣ и не имѣющими основъ въ ея жизни, которая вообще рѣдко принималась въ разсчетъ. Русской національной политикѣ не давали серіозной вѣры, и полагали, что съ устраненіемъ внѣшнихъ причинъ, возбудившихъ патріотическое движеніе, которое соединило симпатическою связью всѣ государственные элементы Россіи и равно отозвалось какъ на высотѣ трона, такъ и въ народныхъ массахъ, метеоръ исчезнетъ безъ всякихъ послѣдствій. Все что могло поддерживать Россію въ этомъ настроеніи, тщательно устранялось: угрожающія манифестаціи правительствъ прекратились; смолкъ искусственно возбужденный въ Европѣ шумъ; мѣсто ругательствъ и оскорбленій, которыми осыпали Россію, ея правительство, ея Государя, вдругъ заступили изъявленія почтенія и сочувствія, лесть и ласкательства. Дѣлались отважные разчеты на разъединеніе русскаго правительства съ русскимъ народомъ, на заглушеніе того національнаго чувства, которое должно связывать ихъ въ одинъ организмъ. Разныя надежды возлагались на свиданія монарховъ, на путешествіе въ Ниццу; со дня на день ожидались со стороны Россіи перемѣны въ образѣ ея дѣйствій и возстановленіе того положенія дѣлъ, которое предшествовало польскому возстанію. Вниманіе политическихъ людей зорко слѣдило за всѣми шагами русскаго правительства, за всякими перемѣнами въ его составѣ, ожидая, что то или другое обстоятельство быстро перевернетъ дѣла, принявшія столь

невыгодный оборотъ для недоброжелательствующихъ Россіи партій. Внутреннее предательство не дремало; руководствуясь тѣми же разчетами, оно изловчалось дѣйствовать соотвѣтственно обстоятельствамъ. Оно старалось всячески уронить значеніе той перемѣны, которая совершилась въ русской политикѣ и въ русскомъ общественномъ мнѣніи. Всѣ помнятъ съ какою наглостію была брошена въ лицо русскому обществу книга, гдѣ съ безпримѣрнымъ цинизмомъ лжетолковались событія происходившія у всѣхъ на глазахъ, умышленно извращалась истина и предавался поруганію здравый смыслъ,—книга самая оскорбительная для русскаго правительства, и въ то же время разчитанная на то чтобы публика приняла ее за изданіе служащее офиціознымъ органомъ высшихъ правительственныхъ сферъ. Распространялись съ нѣкоторымъ авторитетомъ увѣренія, что пробудившійся въ Россіи патріотизмъ есть какой-то ультра-патріотизмъ, явленіе самаго дурнаго свойства, вредный, неодобряемый на правительственныхъ высотахъ. Распространялись мнѣнія, что національная политика Россіи, будто бы навязанная ея правительству противъ воли, тяготитъ его. Распространялись всевозможныя клеветы и ругательства противъ правительственныхъ лицъ, призванныхъ дѣйствовать для подавленія мятежа и успокоенія взволнованнаго края. Ихъ выдавали за самовольныхъ диктаторовъ, пользующихся властью вопреки и въ ущербъ единой государственной власти въ Россіи. Иностранныя партіи, видя ту отвагу, съ которою работало предательство внутри Россіи, становились еще увѣреннѣе въ успѣхѣ своихъ разчетовъ. А между тѣмъ дѣла въ Россіи шли не измѣняясь въ своемъ направленіи; происходили перемѣны въ администраціи, но общій ходъ дѣлъ не измѣнялся. Правда, все еще сохраняется увѣренность, что національная политика, которой слѣдуетъ русское правительство, есть лишь вынужденная уступка разыгравшемуся народному чувству, которое держится въ обществѣ только въ силу косности и котораго правительство будто бы не раздѣляетъ; однакожъ эта увѣренность видимо начинаетъ утомляться. Притаившаяся вражда начинаетъ терять терпѣніе, и по временамъ измѣняетъ себѣ неловкими восклицаніями. Такія восклицанія раздались теперь по случаю высочайшаго рескрипта, сопровождавшаго увольненіе графа Муравьева отъ должности виленскаго генералъ-губернатора. Этого увольненія ожидали, разчитывая что оно послужитъ сигналомъ къ радикальному измѣненію общей системы дѣйствій, принятой русскимъ правительствомъ по вопросамъ вызваннымъ польскою смутой. На бывшемъ начальникѣ сѣверо-западнаго края сосредоточивались главнымъ образомъ удары направленные противъ русскаго правительства; имя его умышленно предавалось поруганію, и съ тѣмъ вмѣстѣ выставлялось какъ истинный символъ политики принятой русскимъ правительствомъ. Вопреки здравому смыслу, его хотѣли отдѣлить отъ правительства, котораго онъ былъ членомъ, выставить какъ нѣчто навязанное верховной власти, почти какъ мятежника и бунтовщика. Его именемъ хотѣли стыдить русское правительство, въ увѣренности что оно скорѣе допуститъ думать, что бывшій начальникъ сѣверо-западнаго края и въ самомъ дѣлѣ овладѣлъ самовольно своимъ постомъ и распоряжался вопреки видамъ верховной власти, нежели признать свою солидарность съ нимъ. „Передъ лицомъ „этого документа“,—такъ восклицаютъ во французской печати (*Journal des Débats*, 17-го мая): „что скажутъ теперь эти оффи„ціозные защитники Россіи, которые да„вали намъ разумѣть, что Муравьевъ дѣй„ствовалъ несогласно съ данными ему ин„струкціями... Ахъ, восклицали они еже„минутно, еслибы только Императоръ зналъ „все это! Въ послѣднее время они даже „распространили слухъ объ опалѣ, кото„рой онъ будто бы подвергся“. Оффиціозные защитники Россіи! Хороши эти оффиціозные защитники Россіи!.. Извѣстно какого свойства эти люди, и партіи, которыя ими пользуются, очень хорошо знаютъ, что въ этихъ оффиціозныхъ защитникахъ Россіи заключается ея главное зло.

Ничего не можетъ быть забавнѣе того негодованія, съ которымъ вышеупомянутая французская газета говоритъ о бывшемъ виленскомъ генералъ-губернаторѣ. Французская газета недавно передававшая въ своихъ столбцахъ извѣстія о томъ, съ какою похвальною энергіей французскіе генералы подавляли смуты въ чужомъ государствѣ и безпощадно карали мексиканскихъ патріотовъ, оказавшихся неугодными императору Французовъ, не находитъ словъ для того чтобы выразить свое негодованіе на русскаго, какъ оно выражается про-

консула, который, исполняя возложенный на него долгъ, принималъ обычныя въ подобныхъ случахъ мѣры къ подавленію государственной измѣны во владѣніяхъ своего Государя. Ей хотѣлось бы представить этого проконсула какимъ-то исключеніемъ изъ рода человѣческаго, чѣмъ-то выходящимъ изъ естественнаго чина вещей, чѣмъ-то дѣйствовавшимъ Богъ знаетъ по какому праву и по чьему призванію. Но вотъ появился рескриптъ его Государя, въ которомъ отдается ему полная справедливость, выражается ему признательность за вѣрное исполненіе возложеннаго на него порученія и свидѣтельствуется о томъ уваженіи, которое пріобрѣлъ онъ въ цѣлой Россіи своею энергіей въ трудную для отечества минуту. Французскій публицистъ, съ легкомысліемъ свойственнымъ его націи, или лучше сказать съ обычнымъ въ сужденіяхъ о Россіи пренебреженіемъ здраваго смысла, не обращаетъ вниманія на силу имъ самимъ приводимыхъ словъ; онъ не хочетъ понять, что русскій „проконсулъ“ не могъ же считать своимъ призваніемъ заслужить благоволеніе принца Наполеона или понравиться членамъ польскаго народнаго правительства и что онъ въ той самой мѣрѣ долженъ былъ не нравиться имъ, въ какой исполнялъ свой долгъ предъ своимъ Государемъ и пріобрѣталъ уваженіе своихъ соотечественниковъ. Французскій доброжелатель нашъ никакъ не можетъ понять, что правительство великой страны полагаетъ свое достоинство не въ томъ, чтобы дѣйствовать согласно съ требованіями иностранныхъ правительствъ и партій, или соображаться съ сужденіями французской печати, а въ томъ чтобы дѣйствовать согласно съ интересами своей страны и соображаться съ чувствомъ и мнѣніемъ своего народа. „Русское правительство“, восклицаетъ онъ, „ни на минуту не уклонилось отъ линіи, „которую оно себѣ начертало; оно слѣдовало по этому пути съ полнѣйшимъ пре„зрѣніемъ ко мнѣнію Европы....“ Вотъ какъ удивительно кажется иностранному публицисту, что русское правительство осмѣлилось дѣйствовать по собственному чувству и разумѣнію! Вотъ какъ страннымъ и недозволительнымъ кажется ему со стороны къ Россіи, то что составляетъ неотъемлемую принадлежность каждаго самостоятельнаго государства, естественное свойство каждаго сознающаго свое достоинство правительства. По мнѣнію иностраннаго публициста, трактующаго о русскихъ дѣлахъ, русскіе „проконсулы“ должны соображать свои дѣйствія съ желаніями и требованіями враговъ своего отечества и служить не ему, а имъ; по его мнѣнію, русское правительство должно презирать интересы, мнѣнія и чувствованія своего народа для того, чтобъ угождать иностраннымъ правительствамъ, соображаться съ чужими интересами и мнѣніями хотя бы то были интересы и мнѣнія враговъ его страны.

Что же особенно не нравится французскому публицисту? На что онъ указываетъ въ своемъ негодованіи противъ виленскаго проконсула и въ своемъ озлобленіи противъ русскаго правительства? Какъ самый тяжкій пунктъ обвиненія, онъ приводитъ изъ высочайшаго рескрипта даннаго на имя графа Муравьева тѣ слова, въ которыхъ воздается ему хвала за то что онъ во ввѣренномъ его управленію краѣ положилъ начала преобразованію училищъ „въ духѣ православія и русской народности.“ Вотъ тяжкая вина, дѣлающая графа Муравьева извергомъ, по мнѣнію его французскаго судьи! Вотъ тяжкое преступленіе русскаго правительства передъ тѣмъ трибуналомъ, который такъ громко величаетъ онъ мнѣніемъ Европы! Французскій публицистъ не хочетъ знать, что край, гдѣ дѣйствовалъ графъ Муравьевъ, есть часть Русскаго государства; онъ какъ видно, учился географіи по учебнику Даніэля и считаетъ этотъ край частью королевства Польши; онъ выходитъ изъ себя за то, что русское правительство стало дѣйствовать въ своихъ владѣніяхъ и притомъ въ областяхъ, большею частью искони русскихъ и заселенныхъ по преимуществу русскимъ народомъ, точно также въ національномъ духѣ, какъ всегда дѣйствовало французское правительство въ нѣмецкомъ Эльзасѣ и какъ оно теперь дѣйствуетъ въ италіянской Ниццѣ...

Кстати о Ниццѣ. Выходки французскаго журнала забавны, но онѣ становятся возмутительны когда онъ, въ своей безтактности, позволяетъ себѣ попрекать гостепріимствомъ оказаннымъ въ Ниццѣ... Эта возмутительная выходка всего лучше изобличаетъ истинное значеніе тѣхъ овацій и льстивыхъ изліяній, которыя такъ внезапно, въ прошломъ году, заступили мѣсто угрозъ и оскорбленій, сыпавшихся за

нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ на Россію и ея Государя,

№ 103.

Москва, 12-го мая.

Наши нѣмецкія газеты (*St.-Petersburger Zeitung*, *Рижская Газета* и др.) спѣшатъ извлечь для себя великую пользу изъ одной петербургской корреспонденціи, напечатанной въ *Morning Herald* (въ № 5-го мая) и будто бы могущей убѣдить всякаго, что эти газеты такъ часто протестуютъ противъ „ненавистныхъ и необдуманныхъ нападокъ со стороны нѣкоторыхъ органовъ русской печати на нѣмецкіе элементы въ населеніи Россіи“ не изъ національной раздражительности и щепетильности, а изъ чувствъ, которыя раздѣляютъ *вполнѣ безпристрастные наблюдатели*: „Сужденіе Англичанина“ продолжаетъ *St.-Petersburger Zeitung*, тѣмъ важнѣе въ данномъ случаѣ, что въ Англіи отнюдь не замѣчается особенныхъ симпатій къ Нѣмцамъ. Вотъ до чего дошло теперь у насъ, что даже англійская печать должна давать уроки нашимъ германофобамъ!“ Прежде всего мы должны на это замѣтить, что петербургскій корреспондентъ *Morning Herald* выражаетъ въ письмѣ своемъ отнюдь не чувства и мнѣнія, господствующія въ Англіи, а свои личныя мнѣнія, слагающіяся, конечно, подъ вліяніемъ петербургскаго окруженія и, вѣроятно, не безъ участія того кружка въ Петербургѣ, который снабжаетъ разныя нѣмецкія, англійскія и французскія газеты (только не *Indépendance belge*: та имѣетъ своего особаго, спеціальнаго корреспондента стоящаго, какъ кажется, близко къ дѣламъ) разными корреспонденціями изъ Петербурга, иногда весьма разумными и основательными, иногда же, къ сожалѣнію, совершенно несогласными съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ и оскорбительными для русскаго чувства. Корреспонденція *Morning Herald*, о которой теперь идетъ рѣчь, не можетъ быть собственно отнесена ни къ той, ни къ другой категоріи; но во всякомъ случаѣ она затемняетъ вопросъ о нѣмецкомъ элементѣ въ Россіи.

Она смѣшиваетъ двѣ совершенно различныя вещи. На нѣмецкій элементъ въ населеніи Россіи, сколько мы знаемъ, у насъ никакихъ нападокъ не дѣлается ни въ обществѣ, ни въ печати, по крайней мѣрѣ въ сколько-нибудь серіозной части печати и общества. Тѣмъ менѣе есть поводъ жаловаться на „ненавистныя“ нападки, которымъ будто бы подвергается нѣмецкій элементъ въ населеніи Россіи, то-есть всѣ тѣ Нѣмцы, которые переселившись въ Россію, избрали ее отечествомъ себѣ. Такихъ Нѣмцевъ у насъ больше чѣмъ Англичанъ или Французовъ, но о нихъ не возникало въ нашей печати серіознаго вопроса, точно также какъ не возникало вопроса о французскомъ или англійскомъ элементѣ въ населеніи Россіи. Никто у насъ не жаловался и не жалуется ни на нѣмецкихъ булочниковъ или колбасниковъ, пекущихъ хлѣбъ или изготовляющихъ колбасу, ни на лицъ нѣмецкаго происхожденія занимающихся высшими профессіями и служащихъ русскому государству, принося ему въ даръ свое усердіе, свои познанія и способности. Значительное участіе нѣмецкаго элемента какъ въ государственной службѣ, такъ и въ промышленности и торговлѣ, лучше всего свидѣтельствуетъ, что Нѣмцы не только не подвергаются въ Россіи гоненіямъ и притѣсненію, но даже пользуются большимъ почетомъ. Между ними, правда развивается нѣкоторое пристрастіе къ *своимъ*, и отъ этого пристрастія, при значительности нѣмецкаго элемента, иногда приходится терпѣть русскимъ людямъ, но такъ какъ это расположеніе къ оказанію взаимной помощи не находится въ связи ни съ какими политическими видами, то даже тѣ, которые отъ него иногда страдаютъ, не позволяютъ себѣ кричать о томъ, какъ о дѣлѣ государственномъ, на всю Россію, а огромное большинство публики смотритъ на эти случайныя столкновенія какъ на явленія весьма естественныя. Повторяемъ, намъ неизвѣстно, чтобы кто-нибудь возводилъ этотъ вопросъ въ разрядъ вопросовъ государственныхъ, или приводилъ его въ связь съ русскимъ патріотизмомъ.

Такъ-называемый остзейскій вопросъ возникъ совсѣмъ по другому поводу, и возникъ онъ не въ московской или петербургской, а въ остзейской печати. Мы въ Россіи всегда знали и теперь знаемъ одно отечество — Россію — и одинъ патріотизмъ — русскій. Россійская держава есть одно государство, въ которое входятъ всѣ ея со-

ставныя части, со включеніемъ и Царства Польскаго и Финляндіи. У всѣхъ этихъ частей одно знамя, одно войско, слѣдовательно и одно отечество, къ которому всѣ онѣ должны быть одушевлены патріотическимъ чувствомъ. Съ этимъ общимъ патріотическимъ чувствомъ совмѣстны разныя особенности въ языкѣ, религіи, законахъ, обычаяхъ, но не совмѣстно такое отчужденіе отъ общаго государственнаго единства, въ основѣ котораго лежалъ бы мѣстный патріотизмъ. Двухъ патріотизмовъ въ одномъ человѣкѣ быть не можетъ, а потому никакое государство не можетъ безъ крайней пагубы для него потворствовать мѣстному патріотизму, и тѣмъ еще менѣе должно оно развивать его. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ особенности вслѣдъ за Финляндіей эта ничѣмъ кромѣ бѣдствій не чреватая мысль о мѣстномъ, общему русскому противоположномъ, патріотизмѣ начала проникать и въ остзейскую печать. Мы спрашиваемъ, исполнила ли бы русская періодическая печать свою обязанность, еслибы въ виду этихъ заявленій стала хранить молчаніе и тѣмъ какъ бы давать имъ свое безмолвное признаніе? Довольно уже несетъ на себѣ вины Россія за то, что польскіе патріоты были введены въ заблужденіе вынужденнымъ безмолвіемъ русскаго общества о дѣлахъ государственнаго интереса,—безмолвіемъ, которое подало имъ поводъ разчитывать на сочувствіе и содѣйствіе самого русскаго общества въ ихъ несбыточныхъ и для Россіи убійственныхъ замыслахъ. Не была ли русская печать обязана указать на фальшивость нѣкоторыхъ курляндскихъ, лифляндскихъ и финляндскихъ *патріотическихъ грезъ*, тѣмъ болѣе что изъ области мечтаній онѣ уже стали переходить въ область дѣйствительной жизни, и не признала ли не такъ еще давно сама *Рижская Газета*, что заявленія русской печати въ значительной степени охладили и отрезвили мѣстный лифляндскій патріотизмъ? Во всякомъ случаѣ русская печать не сама затѣяла всѣ эти пренія, которыя такъ непріятны теперь для нашихъ нѣмецкихъ газетъ и которыя онѣ называютъ теперь ненавистными и необдуманными выходками противъ нѣмецкаго элемента въ Россіи: она только давала посильный отпоръ тѣмъ выходкамъ и нападеніямъ, которыя шли отъ русскихъ инородцевъ противъ очевидныхъ интересовъ *русскаго* государства, противъ его внутренняго единства и органической цѣлости. Нападающею стороной была отнюдь не русская печать: на долю ея досталось только оборонительное положеніе, и самыя наступленія ея имѣли и имѣютъ своею цѣлью только оборону интересовъ Россіи, русскаго народа и наконецъ самихъ тѣхъ инородческихъ элементовъ въ Русскомъ государствѣ, которые должны были потомъ расплачиваться за смуту и хаосъ понятій, чувствъ и стремленій, вызванныхъ этимъ столпотвореніемъ мѣстныхъ патріотизмовъ. Во все продолженіе полемики противъ нѣмецкой печати вопросъ шелъ менѣе всего о положеніи Нѣмцевъ въ Русской имперіи вообще, а исключительно о Прибалтійскомъ краѣ. Когда намъ случалось касаться вопроса о положеніи остзейскихъ Нѣмцевъ на службѣ Россіи, то мы высказывали только одно, какъ кажется, вполнѣ справедливое и законное желаніе, чтобы природнымъ Русскимъ были предоставлены тѣ же способы становиться образованными и дѣльными людьми, какими пользуются люди нѣмецкаго языка въ Россіи, то-есть, чтобы число учебныхъ заведеній содержимыхъ правительствомъ во внутреннихъ областяхъ Россіи было по возможности уравновѣшено съ числомъ учебныхъ заведеній въ Остзейскомъ краѣ и—что еще важнѣе—чтобы русскія гимназіи были настоящими гимназіями, устроенными на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыя для Остзейскаго края считаются, благодаря Бога, неприкосновенными, но во внутреннихъ губерніяхъ Россіи подвергаются разнымъ ограниченіямъ, превращеніямъ и извращеніямъ. Это было законное и справедливое желаніе съ нашей стороны, во всякомъ случаѣ вполнѣ безобидное для остзейскихъ Нѣмцевъ. Мы можемъ увѣрить корреспондента *Morning Herald*, что положеніе, занимаемое на государственной службѣ Россіи уроженцами Прибалтійскаго края нѣмецкаго происхожденія, нисколько не можетъ возбуждать и не возбуждаетъ въ Русскихъ ни враждебности къ нимъ, ни зависти, пока этимъ положеніемъ они пользуются въ интересахъ цѣлой Россіи, а не въ смыслѣ отчужденія отъ русской націи, не въ исключительно мѣстныхъ интересахъ, которые инымъ изъ остзейскихъ *патріотовъ* угодно всячески разрознивать съ интересами цѣлой Россіи,—наконецъ подъ условіемъ, чтобъ этимъ положеніемъ своимъ

они были обязаны только личнымъ своимъ качествамъ, а не особымъ привилегіямъ своего края.

Послѣднія, впрочемъ, несомнѣнно содѣйствуютъ, и прямо, и косвенно, большимъ успѣхамъ остзейскихъ уроженцевъ на государственной службѣ Россіи сравнительно съ природными Русскими. То серіозное самоуправленіе, которымъ пользуется Остзейскій край и которое соединено съ правомъ вчинанія по многимъ вопросамъ, имѣющимъ скорѣе государственный чѣмъ мѣстный характеръ, съ одной стороны, придаетъ остзейскимъ уроженцамъ нѣмецкаго и дворянскаго происхожденія бо́льшій вѣсъ и значеніе, и бо́льшую извѣстность даже въ центральныхъ правительственныхъ сферахъ; а съ другой, оно содѣйствуетъ развитію способностей для государственной и общественной службы, которыя при другихъ условіяхъ не могли бы развиться. И въ этомъ отношеніи, точно такъ же какъ въ отношеніи къ способамъ серіознаго и солиднаго умственнаго образованія, Остзейскій край поставленъ въ несравненно болѣе выгодныя условія чѣмъ всѣ другія области Россіи. Но наши желанія клонятся отнюдь не къ тому, чтобъ онъ былъ лишенъ тѣхъ преимуществъ, которыми пользуется, а только къ тому, чтобы, съ одной стороны, эти преимущества стали по возможности общимъ достояніемъ, а съ другой, чтобъ они не получили, согласно затѣямъ нѣкоторыхъ остзейскихъ *патріотовъ*, дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ еще бо́льшаго обособленія отъ Россіи. Мнительности съ нашей стороны никакой не было. Мы ничего не преувеличивали и едва успѣли указывать на факты, которыхъ было не мало. Упомянемъ для примѣра о предположеніи устроить одинъ общій сеймъ для трехъ губерній и о выросшей какъ бы изъ земли центральной юстицъ-коммиссіи, которой присвоено право выработать особый проектъ реформы судоустройства и судопроизводства для всего Остзейскаго края, и притомъ выработать этотъ проектъ не прежде, а послѣ утвержденія судебныхъ уставовъ для Имперіи.

Надобно также замѣтить, что нѣкоторыя изъ привилегій Остзейскаго края дѣлаютъ его почти недоступнымъ для Русскихъ. Заслуга *Рижскихъ Писемъ* и нѣкоторыхъ статей *Русскаго Инвалида*, главнѣйшимъ образомъ, заключалась въ томъ, что они обратили особенное вниманіе на эту сторону дѣла. До сихъ поръ еще въ Остзейскомъ краѣ всѣ отрасли промышленности и торговли, а равно пріобрѣтеніе земель въ полную собственность подлежатъ страшнымъ стѣсненіямъ. *Ревельская Газета* замѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи и Нѣмцы, и Русскіе въ тамошнемъ краѣ подлежатъ совершенно одинаковымъ неудобствамъ. Положимъ, что и такъ; но развѣ справедливъ этотъ порядокъ вещей, почти возбраняющій природнымъ Русскимъ доступъ въ Остзейскій край тѣми стѣсненіями, которымъ подлежитъ тамъ торговая, промышленная и ремесленная дѣятельность, и въ то же время открывающій настежь для остзейскихъ уроженцевъ всѣ области Россіи? Развѣ этимъ не нарушается равенство правъ и положенія уроженцевъ областей внутреннихъ и областей прибалтійскихъ? Въ этомъ отношеніи мы особенно порадовались извѣстію, принесенному намъ сегодня *Ревельскою Газетой*,—извѣстію о томъ, что городскимъ корпораціямъ Ревеля, а безъ сомнѣнія, также и другихъ городовъ края, предложено озаботиться введеніемъ полной свободы промысловъ.

Вообще въ настоящее время русская народность въ Остзейскомъ краѣ далеко не пользуется равенствомъ правъ съ привилегированнымъ нѣмецкимъ элементомъ, и нѣмецкія остзейскія газеты, которыя теперь легко отрекаются отъ исключительныхъ сословныхъ и цеховыхъ привилегій, энергически стоятъ за національныя привилегіи нѣмецкаго элемента. Чуть только зайдетъ рѣчь о равенствѣ правъ русскаго языка съ нѣмецкимъ, онѣ начинаютъ изо всей мочи вопить о намѣреніи русскихъ патріотовъ искоренить нѣмецкій языкъ и нѣмецкую національность, хотя очень хорошо знаютъ, что о такомъ ужасномъ намѣреніи никогда и нигдѣ не было помину. Этотъ образъ дѣйствій никакъ нельзя назвать справедливымъ, а также нельзя назвать справедливымъ и дѣло, которое нуждается въ подобной защитѣ. *Рижская Газета* (въ № 89) соглашается на уравненіе русскаго и нѣмецкаго населенія въ Остзейскомъ краѣ, но только подъ условіемъ, чтобъ Русскіе въ томъ краѣ становились Нѣмцами, по крайней мѣрѣ по языку. Какой другой смыслъ можетъ имѣть предлагаемое ею равенство правъ Русскихъ и Нѣмцевъ въ томъ краѣ, если офиціяльнымъ языкомъ, языкомъ судовъ, администраціи, городоваго и губернскаго управ-

ленія долженъ исключительно остаться языкъ нѣмецкій? Какая нужна притязательность, чтобы въ предѣлахъ Русской имперіи отказывать русскому языку не въ исключительномъ господствѣ, котораго для него никто не требуетъ (а по отношенію къ нѣмецкому языку, какъ языку науки и цивилизаціи, въ интересахъ самой Россіи и не можетъ разумно требовать), а даже въ равенствѣ съ языкомъ нѣмецкимъ, и при этомъ ссылаться на то, что нельзя признавать за русскимъ языкомъ большихъ правъ чѣмъ за языкомъ эстонскимъ и латышскимъ! Мы позволимъ себѣ только замѣтить *Рижской Газетѣ*: какъ бы ни было велико ея пренебреженіе къ русскому языку, ей не можетъ быть, однакожъ, неизвѣстно, что не эстонскій или латышскій языкъ служитъ языкомъ Государя и правительства великой европейской державы, нераздѣльную часть которой составляютъ прибалтійскія губерніи, и что не на этихъ языкахъ говоритъ тотъ великій народъ, который создалъ это громадное государство, называемое Россіей. Эстонцы и Латыши вовсе и не просятъ о равноправности своихъ нарѣчій съ языкомъ нѣмецкимъ; они были бы рады, еслибъ имъ удалось выхлопотать для своихъ нарѣчій не большую милость: учрежденіе нѣсколькихъ высшихъ народныхъ училищъ, въ которыхъ преподаваніе происходило бы на ихъ нарѣчіяхъ. Но Русскіе не могутъ не почитать себя несправедливо оскорбляемыми, пока не имѣютъ права судиться и подавать просьбы въ Ригѣ на русскомъ языкѣ.

И послѣ всего этого *St.-Petersburger Zeitung* позволяетъ себѣ говорить о ненавистныхъ и необдуманныхъ выходкахъ нѣкоторыхъ русскихъ журналовъ противъ нѣмецкаго элемента въ Россіи, а кореспондентъ *Morning Herald*, со словъ близорукихъ руководителей его, толкуетъ о томъ, что *такъ-называемые* русскіе патріоты сѣютъ сѣмя взаимной ненависти между двумя націями (націями!) русскою и нѣмецкою. Онъ рѣшается даже пугать такъ-называемыхъ русскихъ патріотовъ, что такимъ образомъ дѣйствій они легко могутъ возбудить противъ Россіи другую Польшу, тогда какъ ей едва подъ силу справиться и съ одною. Другая Польша! Не создана ли и первая единственно и исключительно собственною политикой Россіи и усиліями лицъ, располагавшихъ колоссальными средствами русскаго правительства? Но еслибы мы положили во сто кратъ больше усилій на созданіе другой Польши изъ 150.000 нѣмецкаго населенія Прибалтійскихъ губерній, то наши усилія все-таки были бы тщетны. Другой Польши тамъ никогда не будетъ, но тамъ очень могутъ быть замѣшательства, недоразумѣнія, притязанія, недовольство, вредныя для того края и для цѣлой Россіи. Въ угрозу другою Польшей, конечно, не могутъ вѣрить наши нѣмецкія газеты, но вѣдь рѣшились же онѣ перепечатать эти слова корреспондента безъ протеста съ своей стороны, и не нашли ихъ въ высшей степени оскорбительными для самого Остзейскаго края, для нѣмецкаго его населенія. Вотъ до чего доводитъ та путаница понятій, которую обличаетъ и обязана для общаго блага обличать русская печать.

№ 104.

Москва, 14-го мая.

Обращаемъ вниманіе читателей на статью г-на П. Ѳ. „о пьянствѣ въ Россіи". Вопросъ, котораго она касается, получилъ современное значеніе вслѣдствіе учрежденія въ Петербургѣ коммиссіи для пересмотра правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками. Общія жалобы на непомѣрное размноженіе питейныхъ заведеній, особенно послѣ коренного измѣненія, произведеннаго годъ тому назадъ въ питейномъ уставѣ, были услышаны правительствомъ, и оно само возбудило вопросъ *объ ограниченіи излишняго употребленія въ народѣ крѣпкихъ напитковъ*: такова собственно программа новоучрежденной коммиссіи, такова цѣль, ради которой она учреждена и которой стало-быть она должна держаться. О ходѣ ея занятій обнародованы лишь весьма скудныя свѣдѣнія (въ двухъ изданіяхъ министерства финансовъ: *Указатель правительственныхъ распоряженій* и *Сборникъ свѣдѣній и матеріяловъ*), а потому еще нельзя судить о томъ какъ выскажется большинство ея членовъ, и какой приговоръ постановитъ оно надъ русскимъ народомъ, спаиваемымъ теперь многими тмами и собственно питейныхъ и не собственно питейныхъ заведеній. Мы говоримъ *приговоръ*, потому что рѣшеніе, принятое коммиссіей, должно имѣть, согласно установившемуся у насъ обычаю, значительное вліяніе на законодательный ходъ все-

го этого дѣла. Коммиссія призвана собственно только подготовить вопросъ, но отъ этой подготовки будетъ зависѣть чрезвычайно многое. Какъ она возьмется за дѣло, такъ оно, по всему вѣроятію, и пойдетъ. Понятно, какой интересъ имѣютъ тѣ немногія свѣдѣнія, изъ которыхъ можно заключать о направленіи ею избираемомъ.

Въ первомъ засѣданіи коммиссіи была прочтета записка о началахъ служащихъ основаніемъ дѣйствующихъ правилъ по торговлѣ крѣпкими напитками, и вопросахъ возбужденныхъ этими правилами въ настоящее время. Эта записка напечатана въ № 1 *Сборника свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ*, и всѣ интересующіеся дѣломъ, конечно, прочли ее съ напряженнымъ вниманіемъ. Происхожденіе записки, очевидно, офиціяльное; объ этомъ свидѣтельствуетъ вся она отъ перваго слова до послѣдняго. Тѣмъ важнѣе всякая неясность или неточность ея показаній, особенно по отношенію къ одному изъ главныхъ пунктовъ вопроса, подлежащаго обсужденію. Неясности или неточности въ подобныхъ офиціяльныхъ документахъ могутъ вести ко многимъ недоразумѣніямъ, могутъ даже служить поводомъ къ недовѣрію со стороны публики.

Открытіе питейныхъ заведеній, по питейному уставу, зависитъ отъ того общества, среди котораго они открываются. Для открытія питейныхъ заведеній на земляхъ временно-обязанныхъ крестьянъ требуется, кромѣ приговора общества, еще и согласіе землевладѣльца. Это правило постоянно соблюдалось, и подъ него были подводимы не только кабаки, но и штофныя лавочки. Но въ прошломъ году, высочайше утвержденнымъ 2-го мая мнѣніемъ государственнаго совѣта была измѣнена редакція нѣкоторыхъ статей питейнаго устава, и вслѣдъ за тѣмъ эти измѣненія, дающія поводъ къ разнымъ толкованіямъ, были разъяснены циркуляромъ департамента неокладныхъ сборовъ отъ 13-го іюня 1864 года. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось. Руководствуясь этимъ циркуляромъ, акцизныя управленія стали выдавать патенты на открытіе штофныхъ лавочекъ безъ согласія на то сельскаго схода и безъ разрѣшенія помѣщика. Слѣдствіемъ того было размноженіе штофныхъ лавочекъ, которыя въ деревняхъ ничѣмъ не отличаются отъ кабаковъ, и легко предвидѣть, что если упомянутый циркуляръ останется еще нѣсколько времени въ силѣ, то впредь штофныя лавочки будутъ размножаться еще успѣшнѣе чѣмъ теперь. Что было побужденіемъ къ такому изъятію штофныхъ лавочекъ изъ правилъ, которымъ подлежатъ питейныя заведенія? Очевидно, не интересъ казны: акцизный сборъ былъ удовлетворителенъ, да и вообще есть много указаній, убѣждающихъ въ томъ, что усиливать потребленіе водки вовсе не имѣлось въ виду при допущеніи безграничной свободы открытія штофныхъ лавочекъ. Въ мотивахъ этого распоряженія прямо сказано, что оно должно ограничить предоставленное помѣщикамъ право разрѣшать учрежденіе питейныхъ заведеній. Дабы помѣщики не могли злоупотреблять этимъ правомъ къ стѣсненію торговли виномъ, штофныя лавочки признаны заведеніями *не собственно* питейными, а открытіе ихъ изъято изъ-подъ котроля, не только помѣщиковъ, но и крестьянъ, и вообще освобождено отъ всякаго контроля. Вотъ мотивъ мѣры, размножающей штофныя лавочки столько же въ помѣщичьихъ, сколько въ казенныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ. До циркуляра 13 іюня 1864 года штофныя лавочки считались питейными заведеніями; послѣ этого циркуляра акцизныя управленія были уже обязаны смотрѣть на нихъ какъ на заведенія *не собственно* питейныя, и слѣдовательно не подлежащія всѣмъ тѣмъ укаконеніямъ, которыя постановлены для заведеній питейныхъ. Въ этомъ заключалось то нововведеніе, на которое всѣ жалуются, не только помѣщики но и крестьяне, и жалуются именно какъ на нововведеніе.

Записка, прочтенная въ первомъ засѣданіи коммиссіи, упоминаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, объ этомъ нововведеніи, но въ такомъ смыслѣ, что, повидимому, не признаетъ его за нововведеніе. Въ этомъ именно и состоитъ та неясность записки, на которую мы считаемъ нужнымъ указать сегодня, не вдаваясь покамѣсть въ другія подробности вопроса о пьянствѣ въ Россіи.

Записка довольно обстоятельно разказываетъ ходъ акцизнаго законодательства. Она упоминаетъ о высочайше утвержденномъ, 26 апрѣля 1860 года, мнѣніи государственнаго совѣта, гдѣ сказано, что съ принятіемъ у насъ акцизной системы необходимо устранить такія стѣсненія въ продажѣ вина, *въ которыхъ нѣтъ дѣй-*

ствительной надобности для охраненія народной нравственности: правило заслуживающее полнаго сочувствія. Въ начертанныхъ государственнымъ совѣтомъ главныхъ основаніяхъ питейной торговли сказано также, что *всѣ* питейныя заведенія (передъ тѣмъ исчислены разряды питейныхъ заведеній, продающихъ водку распивочно и на вынось, въ томъ числѣ и штофныя лавочки) должны быть открываемы въ городахъ и селеніяхъ съ разрѣшенія въ первыхъ—ихъ владѣльцевъ, а въ послѣднихъ—вѣдомства государственныхъ имуществъ и удѣловъ. Коммиссія составлявшая проектъ положенія о питейномъ сборѣ придерживалась и обязана была придерживаться этихъ главныхъ основаній; она испросила только, чтобы ренсковымъ погребамъ было дозволено продавать водку не только на вынось, какъ предполагалъ государственный совѣтъ, но и распивочно,—исходатайствовала мѣру, которая оказалась крайне вредною для народной нравственности, въ чемъ теперь сознаются сами акцизные чиновники *). При разсмотрѣніи составленнаго коммиссіей проекта положенія о питейномъ сборѣ, это измѣненіе было принято государственнымъ совѣтомъ. Далѣе въ запискѣ говорится:

„Независимо отъ сего, государственный совѣтъ въ то же время принялъ и выработанное коммиссіей раздѣленіе заведеній для продажи питей, въ отношеніи права открытія оныхъ, на собственно питейныя заведенія и обыкновенныя торговыя заведенія съ продажею питей, установивъ, что послѣднія въ противоположность первымъ могутъ быть открываемы безъ особаго собственно на питейную продажу разрѣшенія. Относительно сказаннаго раздѣленія заведеній для продажи питей, коммиссія руководствовалась слѣдующими соображеніями. Она находила, что по существу дѣла, къ питейнымъ заведеніямъ въ собственномъ смыслѣ надлежитъ отнести всѣ тѣ торговыя заведенія, которыя занимаются *исключительно* продажей питей и при томъ продаютъ оныя непремѣнно (?) и распивочно, подъ какимъ бы наименованіемъ такія заведенія открыты ни были, ибо такая продажа составляетъ особый видъ торговли, несвойственный вообще лавкамъ, которыя обыкновенно производятъ отпускъ всякихъ предметовъ для употребленія не на мѣстѣ продажи, а дома; поэтому и заведенія, продающія напитки только на вынось, должны быть относимы не къ питейнымъ заведеніямъ, а къ обыкновеннымъ торговымъ заведеніямъ. На основаніи сего подъ питейными заведеніями должно разумѣть: питейные домы, шинки, выставки, распивочные погреба и портерныя лавки; къ сего же рода заведеніямъ, по особому ихъ характеру, должны быть отнесены корчмы и постоялые дворы, если въ нихъ продаютъ питья, такъ какъ сіи заведенія получаютъ уже въ этомъ случаѣ значеніе питейнаго дома; къ обыкновеннымъ же торговымъ заведеніямъ должны быть отнесены оптовые склады, ренсковые погреба безъ распивочной продажи, водочные магазины, лавки, называемыя нынѣ штофными и ведерными, мелочныя, фруктовыя и т. п.; наконецъ къ торговымъ заведеніямъ должны быть отнесены и трактирныя заведенія, ибо въ нихъ продажа питей составляетъ не главное, а такъ-сказать придаточное дѣло.“

Изъ этого мѣста ясно слѣдуетъ, что, по мнѣнію автора записки, уже на основаніи постановленія государственнаго совѣта состоявшагося въ 1861 году штофныя лавочки слѣдовало относить къ тѣмъ заведеніямъ, которыя могутъ быть открываемы безъ особаго собственно на питейную продажу разрѣшенія. Къ питейнымъ заведеніямъ въ собственномъ смыслѣ, сказано въ запискѣ, надлежитъ отнести всѣ тѣ торговыя заведенія, которыя занимаются *исключительно* продажею питей. Это сказано вѣрно, и на этомъ основаніи штофная лавочка есть питейное заведеніе. Но вслѣдъ затѣмъ говорится: „заведенія, продающія напитки только на вынось, должны быть относимы не къ питейнымъ заведеніямъ, а къ обыкновеннымъ торговымъ заведеніямъ.“ Изъ этого уже ясно слѣдуетъ, что штофная лавочка отнюдь не есть собственно питейное заведеніе. Какова же была первоначальная мысль питейнаго устава 1861 года? Запи-

*) „Ренсковые погреба съ распивочною продажей вредны для общественной нравственности: хотя наружность торговли въ нихъ имѣетъ болѣе приличный видъ чѣмъ въ питейныхъ домахъ, но помѣщаясь преимущественно въ подвальныхъ этажахъ, они имѣютъ боковыя комнаты, скрытыя отъ надзора полиціи, гдѣ бываютъ по ночамъ попойки, азартныя игры и разныя темныя продѣлки. По моему мнѣнію распивочная продажа въ ренсковыхъ погребахъ не должна быть дозволена.“ Это говоритъ г. Кукель, *курскій* управляющій (что же должны сказать управляющіе столичные?). См. *Указатель* № 16.

ска клонить дѣло къ тому, что и по первоначальной мысли устава штофныя лавочки не признавались за собственно питейныя заведенія, и что стало-быть при открытіи ихъ не слѣдовало требовать особаго разрѣшенія. Если акцизныя управленія не давали патентовъ на штофныя лавочки первому встрѣчному, то это они дѣлали по недоразумѣнію, происходившему отъ неясности закона.

Но въ самомъ ли дѣлѣ была въ законѣ неясность? Тѣ которыя не допускали открытія штофныхъ лавочекъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ безъ согласія сельскаго схода и помѣщика, расходились ли въ своемъ толкованіи съ точнымъ смысломъ закона? Это дѣло возможное, а читая записку подумаешь что такъ было и въ самомъ дѣлѣ. Но по справкѣ открывается не совсѣмъ то. Кто можетъ считаться наиболѣе вѣрнымъ истолкователемъ питейнаго устава, какъ не министерство финансовъ, особенно когда его толкованіе противорѣчитъ фискальному интересу? При неясности закона министерство финансовъ скорѣе истолковало бы его въ пользу казны. Оно даже обязано поступать такимъ образомъ, въ качествѣ представителя казны. Какъ же понимало министерство финансовъ вопросъ о штофныхъ лавочкахъ? Исключало ли оно ихъ изъ круга заведеній собственно питейныхъ? Относило ли оно ихъ къ тѣмъ не собственно питейнымъ заведеніямъ, которыя дозволено открывать безъ особаго на питейную торговлю разрѣшенія? Циркуляры министерства финансовъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ его взглядовъ въ этомъ отношеніи. Въ циркулярѣ отъ 1-го марта 1863 года оно поставляло въ извѣстность, что въ помѣщьихъ имѣніяхъ, не исключая земель, находящихся въ пользованіи временно-обязанныхъ крестьянъ, патенты на продажу питей изъ всѣхъ заведеній *и лавокъ*, въ конхъ разрѣшена торговля питіями, какъ расшивочно, *такъ и на вынось*, должны быть выдаваемы не иначе какъ по предъявленіи на то согласія помѣщика. Эти слова не допускаютъ спорныхъ толкованій. Министерство финансовъ, очевидно, ничего не знало о такомъ постановленіи государственнаго совѣта, изъ котораго будто бы слѣдуетъ, что уже при составленіи питейнаго устава штофныя лавочки признаны заведеніями *не собственно* питейными. Штофныя лавочки прямо не упомянуты, правда, въ циркулярѣ 1-го марта, хотя онъ очевидно относится ко всѣмъ заведеніямъ, торгующимъ питьями на вынось, а слѣдовательно и къ штофнымъ лавочкамъ. Но есть другой циркуляръ, выданный въ іюлѣ 1863 года, гдѣ штофныя лавочки даже и прямо упоминаются. Что же слѣдуетъ изъ этого?

Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что въ 1863 году министерство финансовъ понимало питейный уставъ въ такомъ смыслѣ, что для открытія штофныхъ лавочекъ требуются тѣ же самыя условія какъ и для открытія кабаковъ. Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ далѣе, что толкованіе, которое даетъ питейному уставу разбираемая нами записка противорѣчитъ тому неоспоримо правильному толкованію, которое вдобавокъ опирается на авторитетъ министерства финансовъ.

Можно разсуждать о томъ, не лучше ли переименовать кабаки въ штофныя лавочки; это было бы дальнѣйшимъ шагомъ на пути уже испытанномъ и подарившемъ нѣкогда Россію вмѣсто кабаковъ (подлое слово!) питейными домами съ государственнымъ гербомъ. Можно спорить о томъ, полезно ли или вредно принимать мѣры, прямо ведущія къ тому, чтобы число питейныхъ заведеній не удвоилось, не утроилось, а удесятерилось противъ теперешняго. Можно наконецъ спорить о томъ, не пришла ли пора въ интересахъ потребленія вина отмѣнить ст. 108 Мѣстнаго Положенія о крестьянахъ и вмѣсто того чтобъ ограждать интересы землевладѣнія, уже достаточно стѣсненные, оградить интересы пьяницъ въ каждомъ изъ поселковъ и хуторковъ Россіи. Объ всемъ этомъ можно спорить, но что ничего подобнаго не заключалось въ питейномъ уставѣ 1861 года, это, кажется, не можетъ подлежать спору.

Мы вступили въ эту полемику съ запиской коммиссіи для пересмотра правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками, потому что вопросъ о штофныхъ лавочкахъ долженъ очевидно составлять средоточіе работъ коммиссіи. Нельзя въ одно и то же время и ограничивать пьянство, и распространять его. Прежде чѣмъ принимать мѣры противъ пьянства, надобно отказаться отъ мѣръ его развивающихъ. Можно ли серіозно разсуждать объ уменьшеніи числа кабаковъ, о назначеніи наименьшаго разстоянія между ними или наибольшаго ихъ числа, когда рядомъ съ кабаками *вновь* вводятся штофныя лавочки, которыя хотя и не собствен-

но кабаки, но въ большей части Россіи ничѣмъ не отличаются отъ собственно кабаковъ?

№ 105.

Москва, 15-го мая.

Множество препятствій, множество трудностей предстоитъ преодолѣть Россіи, для того, чтобы вполнѣ усвоить себѣ западныя свои окраины, и связать ихъ тѣснѣйшими узами, матеріальными и нравственными, съ своими центральными областями. Но какъ бы ни были велики и многообразны эти препятствія и трудности, мы можемъ надежно смотрѣть впередъ и ожидать успѣха въ будущемъ отъ нынѣшнихъ начинаній правительства. Національное направленіе, которое служитъ самымъ надежнымъ ручательствомъ за всѣ будущіе успѣхи Россіи, оказывается явленіемъ не временнымъ и случайнымъ, а прочнымъ и сознательнымъ: оно коренится въ полномъ единодушіи Русскаго Царя и Русскаго народа, — единодушіи, которое такъ несомнѣнно сказалось въ пору наибольшаго разгара польскаго мятежа, и которое естественно поддерживается и питается благотворными внутренними реформами, ознаменовавшими нынѣшнее царствованіе. Только близорукіе недоброжелатели Россіи могли предполагать, что единство между Русскимъ Царемъ и Русскимъ народомъ, болѣе чѣмъ когда-либо выразившееся въ нынѣшнее царствованіе, не выдержитъ пробы времени и распадется если не подъ вліяніемъ угрозъ, то подъ вліяніемъ лицемѣрно-дружественныхъ изъявленій. Внутреннія реформы нынѣшняго царствованія, которыя даютъ всѣ большій просторъ силамъ русскаго народа, служатъ несомнѣннымъ ручательствомъ, что направленіе русской политики по всѣмъ вопросамъ внѣшнимъ и внутреннимъ можетъ быть только національно-русское. Лишь при взаимнодѣйствіи общества и правительства русское дѣло въ западныхъ окраинахъ Россіи увѣнчается торжествомъ, которое составитъ неувядаемую славу нынѣшняго царствованія. Въ царствованіе Петра Великаго, Екатерины II и Александра I Россія достигла своихъ нынѣшнихъ границъ на западѣ; царствованіе Александра II, повидимому, суждено обратить всѣ эти области, почти только внѣшнимъ образомъ присоединенныя къ Россіи, въ ихъ прочное достояніе путемъ внутренняго усвоенія ихъ. Задача по истинѣ великая, но для совершенія ея нынѣшнее царствованіе располагаетъ способами, которыхъ не было въ прежнія времена: оно пользуется содѣйствіемъ общественныхъ силъ, призываемыхъ имъ къ жизни.

Въ предшествовавшее нынѣшнему царствованію тридцатилѣтіе русское правительство казалось болѣе могущественнымъ и энергическимъ чѣмъ когда-либо. И дѣйствительно, у него не было недостатка ни въ матеріальной силѣ, ни въ энергіи. Господствовавшая надъ всѣмъ державная воля была безъ сомнѣнія искренно предана національно-русскимъ цѣлямъ, и заботилась о ихъ достиженіи особенно въ западномъ краѣ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что всѣ эти усилія не увѣнчались успѣхомъ. Интересны слѣдующія свѣдѣнія, которыя читаемъ мы въ *Русскомъ Инвалидѣ*, отъ 13-го мая, и которыя свидѣтельствуютъ какъ безсильно правительственное всемогущество, когда народъ не призванъ къ жизни, когда общество бездѣйствуетъ и правительство не разчитываетъ на содѣйствіе живыхъ силъ.

„Въ 1844 году“, пишутъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, „напечатаны были въ огромномъ количествѣ экземпляровъ *Самогитскія Кантычки* (духовныя пѣсни), гдѣ встрѣчаются заурядъ слѣдующія мѣста:

Боже справедливый и милосердный!
Ты видишь и знаешь сіе плачевное время,
Когда кровавыми слезами
Каждый изъ насъ горько рыдаетъ.
Когда наше начальство
Обижаетъ насъ и грабитъ чужое достояніе.
. . . . . .
Боже милосердный! разори
Владычества сопротивныя нашей вѣрѣ.

„Въ 1848 году ксендзъ Матвѣй Волончевскій издалъ въ Вильнѣ *Описаніе Самогитской епархіи*, гдѣ онъ такимъ образомъ описывалъ событія 1812 года:

„Хотя почти вся Европа испытала много бѣдствій, но *Жмудь ни мало не потерпѣла*, ибо слѣдовавшіе Французы, подъ бдительнымъ начальствомъ маршала Макдональда, покупали все на чистыя деньги, или получали все подъ росписки, и щедро платили за съѣстные припасы. Но въ 1831 и 1832 годахъ Жмудяки много зла потерпѣли, и съ того времени начался для нихъ рядъ несчастій, которыя и по нынѣ ихъ угнетаютъ“.

„Въ 1852 году появился *Голосъ сердца „вопіющаго къ Богу*, и этотъ гласъ при„глашалъ, между прочимъ, Жмудянъ во„піять слѣдующимъ образомъ:

Боже милостивый, Боже вседержитель,
Ты Богъ *Польши, Литвы и Жмуди!*
Мы видимъ, что государство наше погибаетъ,
Города и села пустѣютъ,
Ужасныя мерзости ежедневно возрастаютъ.
...Святый Казиміръ, *Литвы и Полякова* крѣпчайшій заступникъ,
Ты божественною силою тирановъ прогналъ,
Наше государство подъ крылья собралъ,
Моли Бога объ оставленіи намъ грѣховъ.

„Вотъ, напримѣръ, книжка подъ загла„віемъ: *Хвала Богу*, назначенная для дѣ„тей и научающая ихъ молиться такимъ „образомъ:

„Милостивѣйшій Іисусе! я, лобзая язву шуйцы твоей, страданіями, Тобою претерпѣнными, равно и милосердіемъ Твоимъ, молю тебя: *истреби невѣрныхъ*, ибо они хотятъ раззорить заборъ, ограждающій стадо овецъ твоихъ, и ворвавшись, на подобіе волковъ, рвутъ и разгоняютъ овцы твоя. Взгляни, Господи, съ неба и призри на стадо твое. Искорени неправды ученія и собери весь народъ въ одну истинную римско-католическую церковь...

„Господи, много зла едѣлалъ врагъ святой церкви: сонмъ народа свелъ съ пути, унизилъ служителей твоихъ и покрылъ ихъ поемѣяніемъ. Господи! возстани яко всесильный царь, ослаби силы нашихъ враговъ, въ коихъ полагаютъ упованіе свое, защищай Твою церковь, разсѣй и истреби тѣхъ, которые хотятъ уничтожить Твоихъ овечекъ. Ярость Твоя да обратится на язычниковъ *и на царства, которыя не хвалятъ тебя*“.

Вотъ какъ дѣйствовали открыто и безъ запинокъ враждебныя Россіи силы, въ то самое время какъ въ русской литературѣ преслѣдовался всякій сколько-нибудь свободный звукъ, когда наука изгонялась изъ нашихъ школъ какъ опасное начало, когда нормальнымъ состояніемъ русскаго общества считалось совершеннѣйшее безмолвіе и безучастіе во всемъ что только касалось предметовъ общаго интереса! Безъ этихъ стѣсненій и подавленій жизни въ русскомъ обществѣ, въ русской церкви, въ русской печати, могла ли бы революціонная латинско-польская пропаганда дѣйствовать съ такою свободой, съ такою дерзостью и такъ успѣшно скрывать свои дѣйствія отъ бдительности начальствъ и центральнаго правительства? Не служитъ ли это явнымъ доказательствомъ, какъ безсильно даже самое могущественное и энергическое правительство, если оно отвергаетъ дѣйствіе живыхъ силъ общества?

Другой не менѣе убѣдительный примѣръ почти такого же безсилія власти, не опирающейся на возбужденное чувство національнаго достоинства, находимъ мы почти въ то же самое время въ прибалтійскомъ краѣ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ правительство возымѣло благую мысль открыть гражданамъ Риги русскаго языка доступъ ко всѣмъ должностямъ городскаго управленія, для чего слѣдовало предварительно доставить имъ возможность вступать въ гильдейскія братства независимо отъ избранія со стороны нѣмецкихъ членовъ этихъ братствъ. Рижскій магистратъ не только прямо высказался противъ этого предположенія, настаивая на томъ, что доступъ въ гильдейскія братства долженъ быть открытъ только лицамъ лютеранскаго исповѣданія и нѣмецкаго происхожденія, но и сумѣлъ совершенно обойдти это предположеніе, когда ему была дана сила закона высочайше утвержденнымъ, 19-го мая 1841 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта: выборы въ гильдейскія братства, отмѣненные этимъ постановленіемъ, благополучно продолжались все время, и только въ проектѣ новаго устройства Риги, составленномъ въ прошломъ году, предположено отмѣнить ихъ. Изъ статьи *Русскаго Рижанина*, помѣщенной еще въ № 23 *Московскихъ Вѣдомостей*, читатели наши достаточно ознакомились съ мѣрами и усиліями правительства распространить знаніе русскаго языка между образованными туземцами прибалтійскаго края. Самъ императоръ Николай I еще въ 1827 г., при посѣщеніи Риги и Ревеля, замѣтилъ „въ высшей степени важный недостатокъ „основательнаго и всѣмъ русскимъ подданнымъ необходимаго обученія русскому „языку,“ и повелѣлъ увеличить въ тамошнихъ гимназіяхъ число русскихъ учителей и назначить имъ „въ свидѣтельство осо„баго высочайшаго вниманія къ этому пред„мету, жалованье въ половину болѣе обык„новеннаго,“ что однакоже далеко не въ точности было приведено въ исполненіе; въ 1834 г. ученикамъ гимназій не русскаго происхожденія положено давать права на чинъ XIV-го класса за успѣхи въ русскомъ языкѣ; съ 1836 г. начинается

рядъ усилій, направленныхъ къ тому, чтобы „требовать отъ поступающихъ въ Дерптскій университетъ основательнаго знанія „русскаго языка, и оканчивающимъ курсъ „не давать ни званія дѣйствительнаго студента, ни ученой степени, безъ достаточнаго знанія русскаго языка и безъ умѣнья „устно и письменно вести на немъ дѣла.“ Очевидно, все это были мѣры приготовленныя къ тому, чтобы доставить русскому языку равноправность съ языкомъ нѣмецкимъ въ администраціи и въ судахъ этого русскаго края. И что же? Ни особое вниманіе верховной власти къ этому предмету, ни мѣры поощренія и понужденія не привели къ желанной цѣли, и до сихъ поръ еще, какъ только рѣчь зайдетъ объ употребленіи русскаго языка наравнѣ съ нѣмецкимъ въ тамошнихъ судахъ и администраціи, мѣстныя газеты тотчасъ же спѣшатъ заявлять, что не найдется достаточно должностныхъ лицъ, которыя знали бы русскій языкъ, такъ какъ бы можно еще было отговариваться незнаніемъ русскаго языка послѣ всего что было сдѣлано правительствомъ для распространенія его въ прибалтійскомъ краѣ. И въ этихъ случаяхъ точно также безгласность русскихъ людей и устраненіе общества отъ дѣлъ общаго интереса, лишеніе его возможности содѣйствовать государственнымъ интересамъ, были причиной, что виды правительства оставались безъ осуществленія.

Нѣкоторое право голоса, предоставленное Русскому въ русскомъ дѣлѣ, — это явленіе новое въ нашемъ государственномъ бытѣ. Оно служитъ надежнѣйшимъ залогомъ будущаго преуспѣнія Россіи; но эти признаки пробуждающейся въ русскомъ народѣ жизни не могутъ конечно нравиться всѣмъ анти-русскимъ партіямъ, которыя организовались, усилились и возымѣли отважныя надежды въ теченіе прежняго времени, когда Россія была только громадною административною машиной. Польскіе патріоты особенно недовольны этимъ новымъ порядкомъ вещей и, насколько могутъ, протестуютъ противъ него и въ самой Россіи и въ заграничной печати; другіе анти-русскіе патріоты Россіи также недовольны этими явленіями, стараются всячески извратить или заподозрить всякое проявленіе русскаго мнѣнія, русскаго чувства.

Съ какою яростью нападаетъ *Рижская Газета* на г. Семенова за его письмо изъ Риги, помѣщенное въ 95-мъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Что такое сдѣлалъ г. Семеновъ, чтобы возбудить противъ себя такой гнѣвъ? Онъ заявилъ въ русской газетѣ, что показанія *Кельнской Газеты* будто бы Русскіе Рижане предлагали графу Шувалову особый обѣдъ, отъ котораго онъ будто бы отказался, совершенно ложны; онъ подтвердилъ, что г. Шнакенбургъ, докманъ большой гильдіи, въ собраніи ея 16-го декабря прошлаго года, провозгласилъ, что въ Ригѣ нѣтъ русскихъ гражданъ, и есть только граждане рижскіе, а Русскіе могутъ быть только пассивными гражданами; онъ сообщилъ еще, что Русскіе Рижане подали еще въ январѣ гражданскому губернатору прошеніе по поводу неправильной баллотировки въ большой гильдіи проекта городоваго устройства, и что на это прошеніе никакого отвѣта еще не послѣдовало и, повидимому, не послѣдуетъ, и что для пересмотра этого проекта назначена коммиссія, вслѣдствіе того что проектъ былъ отвергнутъ малою гильдіей, и что въ этой коммиссіи нѣтъ ни одного Русскаго. Общественныя дѣла въ рижскомъ городскомъ управленіи, повидимому, ведутся съ такою тайной, и тамошніе Русскіе держатся отъ нихъ въ такомъ отдаленіи, что въ ихъ средѣ весьма естественно могутъ возникать не совсѣмъ точные слухи. Такъ, между прочимъ, онъ писалъ, отъ 22-го апрѣля, что коммиссія для пересмотра упомянутаго проекта уже наряжена, и что въ ней нѣтъ ни одного Русскаго, между тѣмъ какъ коммиссія была дѣйствительно наряжена только 5-го мая и въ нее былъ избранъ только одинъ членъ русскаго происхожденія, именно г. Осиповъ. Г. Семеновъ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе неосновательными слухами, и безъ сомнѣнія, самъ не замедлилъ бы исправить свою ошибку и объяснить ея происхожденіе. Во всякомъ случаѣ, тутъ не было съ его стороны никакого преступленія. И однакоже *Рижская Газета* спѣшитъ укорить его въ умышленномъ, преднамѣренномъ искаженіи истины, и мало того, грозитъ ему судебнымъ преслѣдованіемъ со стороны мѣстныхъ властей,—преслѣдованіемъ въ пользу котораго, по словамъ ея, она должна высказаться вслѣдствіе *политической важности* (?) заявленій г. Семенова. Очевидно, что на примѣрѣ г. Семенова *Рижской Газетѣ* было бы желательно показать всѣмъ тамошнимъ людямъ, принимающимъ близко

къ сердцу интересы русскаго дѣла, какъ невыгодно имъ быть корреспондентами русской газеты, и какимъ невзгодамъ могутъ они подвергнуться за малѣйшую съ своей стороны неточность, если вздумаютъ отстаивать права русскаго языка въ этомъ русскомъ городѣ и русскомъ краѣ. Но если *Рижская Газета* надѣется запугать г. Семенова и его русскихъ согражданъ, то мы увѣрены, что они не поддадутся этому устрашенію, и не забудутъ, что русское общество вполнѣ сочувствуетъ тому дѣлу, которое они защищаютъ въ Ригѣ, въ увѣренности, что для его защиты они прибѣгаютъ только къ законнымъ и честнымъ средствамъ, и что оно пользуется теперь правомъ голоса, по крайней мѣрѣ, въ печати.

Еще одно показаніе г. Семенова подверглось опроверженію, но только въ одной его части, и это опроверженіе само по себѣ уже заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Г. Евгеній Шнакенбургъ *удостоиваетъ*, наконецъ, своего объясненія тѣхъ, кто поставлялъ ему на видъ слова его, сказанныя въ собраніи большой гильдіи 16-го декабря. Онъ утверждаетъ, что онъ рѣшительно никогда не говорилъ, что „русскіе граждане могутъ быть только пассивными гражданами Риги," и мы спѣшимъ довести его заявленіе до свѣдѣнія нашихъ читателей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не отрекается отъ словъ: „Въ этомъ собраніи нѣтъ русскихъ гражданъ; а есть только граждане рижскіе." Онъ только прибавляетъ, что этими словами онъ желалъ выступить противъ мысли, будто бы въ рижской общинѣ существуетъ раздѣленіе гражданъ по ихъ національности. Странную форму избралъ для этого г. Шнакенбургъ! Что бы ему, по меньшей мѣрѣ, прибавить: „здѣсь нѣтъ и Нѣмцевъ?" Что сказали бы въ Пруссіи, еслибы какой-нибудь бургомистръ Познани, въ своей польской ревности, дозволилъ себѣ передъ лицомъ сотни Пруссаковъ, въ публичномъ засѣданіи, провозгласить: „здѣсь нѣтъ прусскихъ гражданъ, а есть только граждане познанскіе?"

№ 106.

Москва, 17-го мая.

Окончательные результаты земскихъ выборовъ уже извѣстны по довольно значительному числу губерній и притомъ губерній лежащихъ въ разныхъ полосахъ Россіи и принадлежащихъ къ разнымъ историческимъ эпохамъ формаціи Русскаго государства. Наши читатели довольно коротко знакомы съ подробностями земскихъ выборовъ въ губерніяхъ Самарской, Пензенской, Херсонской, Костромской, Новогородской, Псковской, Московской, Петербургской. На дняхъ сдѣлались наконецъ достояніемъ публики и результаты выборовъ въ губерніи Ярославской. Теперь уже есть возможность сообразить до нѣкоторой степени на основаніи опыта, характеристическія особенности земскихъ учрежденій и даже составить себѣ общее сужденіе о томъ пути, по которому для общей государственной пользы всего успѣшнѣе могло бы идти ихъ дальнѣйшее развитіе.

Общая мысль законодателя при начертаніи устава земскихъ учрежденій заключалась, очевидно, въ томъ, что онъ желалъ предоставить населенію, владѣющему или пользующемуся лично, либо въ составѣ цѣлыхъ обществъ, нѣкоторою недвижимою собственностью и несущему соразмѣрныя съ нею мѣстныя, такъ называемыя земскія повинности, право участвовать въ распредѣленіи и употребленіи этихъ повинностей согласно съ общими законами государства и мѣстными земскими потребностями.

Оставимъ въ сторонѣ ту часть новаго закона, которая касается городскихъ населеній и обратимъ вниманіе лишь на тѣ частности этого положенія касательно прочихъ сословій, которыя на практикѣ оказываются не вполнѣ соотвѣтствующими указанной цѣли земскихъ учрежденій.

Основное начало земскихъ учрежденій относительно сословій не городскихъ заключается въ томъ, что участіе въ земствѣ условливается не личными свойствами участника, а его связью съ землей. Сельское земство представляетъ собой преимущественно и почти исключительно землю, или другими словами — землевладѣніе. Но землевладѣніе можетъ имѣть весьма различный характеръ, и это различіе должно быть, очевидно принято во вниманіе, если земское представительство должно соотвѣтствовать землевладѣнію. Признавая поземельную собственность и пользованіе землей основаніемъ права на участіе въ земствѣ, невозможно отвергнуть важность различія между личною поземельною соб-

ственностью (совершенно свободною и отчуждаемою), собственностію общинною (не отчуждаемою) и простымъ правомъ пользованія. Необходимость признать это различіе побудило, по всему вѣроятію, законодательство уклониться на время отъ законодательнаго опредѣленія основаній, которыми должно обусловливаться число гласныхъ въ каждомъ уѣздѣ. Рѣшеніе этой задачи еще имѣется въ виду. Теперь, какъ извѣстно, число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, городовъ и сельскихъ обществъ назначено по росписанію: мѣра совершенно понятная, какъ временное средство, чтобы выйдти изъ затрудненія, но съ другой стороны такая мѣра, на которой законодательство остановиться не можетъ, если только не хочетъ вкоренить въ народѣ вредное убѣжденіе, что взаимное отношеніе земскихъ классовъ основывается не на какихъ-либо существенныхъ условіяхъ, а на большемъ или меньшемъ благорасположеніи къ тому или другому разряду земскихъ людей. Такое убѣжденіе шло бы наперекоръ естественной потребности общества имѣть въ основѣ своей организаціи что-либо твердое независящее отъ произвольнаго усмотрѣнія даже законодательства. Чувство законности, безъ котораго благоустроенное общество немыслимо, не можетъ развиваться и крѣпнуть, когда самъ законъ не имѣетъ прочной не подлежащей сомнѣнію основы. Поэтому нельзя не ожидать, что дальнѣйшимъ шагомъ законодательства по вопросу о земскомъ представительствѣ будетъ опредѣленіе основаній для назначенія числа гласныхъ избираемыхъ разными элементами земства, и что при этомъ, будетъ обращено вниманіе не только на количество земли, но и на различные виды юридическаго отношенія къ ней человѣка.

Но оставимъ въ сторонѣ и этотъ вопросъ, предстоящій законодательству въ будущемъ,—вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ должны служить основаніемъ для опредѣленія числа гласныхъ собственность полная, собственность неполная и право пользованія чужою собственностью. Обратимся къ ближайшимъ выводамъ изъ того начала, которое положено въ основу земскихъ учрежденій. Если право участія въ земскихъ дѣлахъ условливается отношеніемъ къ землѣ, то справедливость требуетъ чтобъ это право было распредѣлено сообразно съ размѣрами земли, находящейся во владѣніи или пользованіи. Личность, уже замѣчено выше, при этомъ не принимается въ разчетъ. Лицо весьма достойное участвовать въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ не допускается къ подобному участію, если оно не находится въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ землѣ; можно сказать, что не лица, а самая земля имѣетъ право представительства въ земствѣ чрезъ посредство лицъ, ею пользующихся. Земля, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась и на какіе бы участки, крупные или мелкіе она ни была раздѣлена, должна быть равномѣрно представлена. Не подлежитъ сомнѣнію, что было бы въ высшей степени несправедливо, еслибы поземельная собственность, и притомъ собственность полная, совершенно лишалась права представительства, какъ скоро она сосредоточена въ значительномъ количествѣ въ однѣхъ рукахъ. Какое можетъ быть побужденіе къ тому чтобы право, данное мелкому владѣльцу, не предоставить и крупному? Почему прилагать здѣсь разныя мѣры и не одинаковый вѣсъ? Между тѣмъ, по земскимъ положеніямъ, если временно-обязанный крестьянинъ, помимо постояннаго надѣла, имѣетъ узаконенное по мѣстности количество земли, то при выборѣ гласныхъ, въ одномъ и томъ же уѣздѣ, онъ пользуется двойнымъ правомъ голоса, т.-есть подаетъ его, и въ собраніи сельскихъ обществъ и на съѣздахъ землевладѣльцевъ. Почему же крупный землевладѣлецъ, имѣющій собственность въ разныхъ губерніяхъ, лишенъ подобнаго права? Въ этомъ отношеніи права главныхъ представителей поземельной собственности въ Россіи или вѣрнѣе сказать права ихъ земель нарушены болѣе прочихъ. Не говоря уже о такихъ землевладѣльцахъ каковъ напримѣръ графъ Шереметьевъ, можно сказать, что большинство крупныхъ и даже не очень крупныхъ землевладѣльцевъ имѣетъ помѣстья въ разныхъ губерніяхъ. Понятно что при пространствѣ Россіи, при нашихъ дорогахъ и нашемъ климатѣ, при обыкновенныхъ служебныхъ занятіяхъ и т. д., едва ли кому-либо изъ нихъ удастся побывать болѣе чѣмъ на двухъ земскихъ собраніяхъ въ году. Итакъ, если у помѣщика земля въ трехъ, четырехъ и болѣе губерніяхъ, то положительно бо́льшая часть принадлежащихъ ему земель останется безъ представителя. По положенію, никакой уп-

равляющій не имѣетъ права занимать мѣсто помѣщика, хотя и имѣетъ отъ него полную довѣренность, если только онъ самъ не владѣетъ узаконеннымъ количествомъ десятинъ земли. Но если онъ самъ пріобрѣтетъ (хотя бы и подаренную ему помѣщикомъ) землю, то онъ будетъ уже представителемъ интересовъ не помѣщика-довѣрителя, а своихъ собственныхъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о довѣренности, данной лицу, участвующему по собственному праву. Такое лицо можетъ положить шаръ за довѣрителя, но никакъ не можетъ считаться его представителемъ. Интересы ихъ очень могутъ нисколько не совпадать. Почему бы, кажется, не дозволить крупнымъ владѣльцамъ, по особенно составленнымъ довѣренностямъ, уполномочивать для земскихъ выборовъ управляющихъ, а также и арендаторовъ, которые, зная и образъ мыслей довѣрителя, и мѣстныя обстоятельства, могутъ вполнѣ занять мѣсто помѣщиковъ? Они были бы только лишены права избираемости въ члены управъ.

Пойдемъ далѣе и приведемъ примѣръ весьма знаменательный. Въ одномъ очень небольшомъ уѣздѣ въ однѣхъ рукахъ сосредоточено болѣе 30.000 десятинъ. Владѣлица передаетъ право участія въ земствѣ своему мужу, и на собраніи это лицо имѣетъ меньшее право чѣмъ уполномоченные отъ земскихъ обществъ, и совершенно одинаковое право голоса съ уполномоченнымъ отъ духовенства семи приходовъ, входящихъ въ составъ этого имѣнія и пользующихся въ сложности 250-ю десятинами. Съ одной стороны полное владѣніе 30.000 десятинъ земли, несущей громадную повинность, съ другой—пользованіе землею въ количествѣ 120 разъ меньшемъ и при томъ, землей, принадлежащею не духовенству, а церквамъ, и сверхъ того свободною отъ всякихъ повинностей!

Но положимъ, что это имѣніе принадлежало бы лицу мужескаго пола и было бы представлено самимъ владѣльцемъ. Владѣлецъ подобнаго имѣнія, составляющаго почти пятую часть всего уѣзда, является на земскія собранія безъ всякаго особеннаго личнаго права. Платя во сто разъ болѣе чѣмъ сосѣдъ, онъ имѣетъ одинаковое съ нимъ право при избраніи лицъ, при распредѣленіи повинностей, при назначеніи жалованья и содержанія и пр. Его 30.000 десятинъ несутъ тягости по своему полному числу, а при пользованіи правами считаются за 250 десятинъ. Голосъ имъ предоставленный умаленъ до послѣдней степени; ихъ голосъ во сто разъ менѣе вѣситъ чѣмъ сколько вѣсятъ ихъ обязанности; онъ во сто разъ имѣетъ меньшее вліяніе чѣмъ голосъ другихъ 30.000 десятинъ, разбитые на мелкіе участки. Этимъ послѣднимъ предоставлено подавляющее большинство на земскихъ выборахъ. Говорятъ, что при недобросовѣстности большинства, владѣлецъ 30.000 десятинъ можетъ воспользоваться своимъ голосомъ для контроля. Но вопервыхъ, большая разница между правомъ выбора лицъ вполнѣ надежныхъ и учетомъ лица подозрительнаго, при чемъ все-таки большинство повѣряющихъ можетъ быть на сторонѣ такого лица, раздѣляя съ нимъ и барыши. Вовторыхъ весьма возможно и то, что, опасаясь докучливаго контроля лицъ платящихъ большую часть повинностей въ уѣздѣ, большинство мало или вовсе неплатящихъ лишитъ ихъ и вовсе права участія въ собраніяхъ, не выбравъ ихъ въ гласные. Казалось бы справедливымъ предоставить владѣльцамъ поземельной собственности, достигающей значительныхъ размѣровъ, напримѣръ въ 5 или хоть въ 10 разъ болѣе опредѣленнаго для данной мѣстности количества десятинъ, личное право участвовать въ собраніи гласныхъ; это было бы единственнымъ средствомъ оказать справедливость крупной собственности. Равнымъ образомъ было бы весьма желательно распространить то же преимущество на почетныхъ мировыхъ судей и вообще на лицъ безвозмездно служащихъ въ уѣздѣ, такъ какъ этимъ способомъ можно достигнуть и нѣкоторой бережливости въ земскихъ расходахъ. Вообще весьма ошибоченъ тотъ взглядъ, мнимо либеральный, который ссылается на то, что владѣльцу 250 десятинъ также трудно платить 2 р. 50 к. какъ владѣльцу 25.000 десятинъ 250 рублей. Вопервыхъ, весьма незначительныя суммы уже не имѣютъ пропорціональнаго значенія. Вовторыхъ, извѣстно, что количество обработанной и хорошо обработанной земли бываетъ обратно пропорціонально къ общему количеству земли. Въ имѣніи въ 250 десятинъ очень легко можетъ случиться, что половина приноситъ хорошій доходъ, въ имѣніи же въ 25.000 десятинъ этого предполагать невозможно. Наконецъ, въ треть-

ихъ, легко согласиться платить 2 р. 50 к. съ 250 десятинъ, имѣя въ виду возможность пользоваться крохами отъ большихъ имѣній, особенно при вышеуказанномъ возможномъ устраненіи контроля самихъ владѣльцевъ. Присоединимъ еще, что большинство собранія можетъ обложить весьма несоразмѣрно всѣ статьи или мнимыя статьи дохода, которыхъ у членовъ большинства нѣтъ, при чемъ владѣльцы такихъ статей могутъ быть вовсе устранены отъ обсужденія этого вопроса или имѣть во всякомъ случаѣ не болѣе одного голоса противъ 5 или 10. Истинный либерализмъ состоитъ въ томъ, чтобы никого не приносить въ жертву другимъ, и всѣмъ обезпечивать свободу и право. Въ чисто-хозяйственныхъ дѣлахъ истинный либерализмъ требуетъ, чтобъ участіе въ самообложеніи податями болѣе или менѣе соотвѣтствовало размѣру податей, каждымъ платимымъ.

Пойдемъ еще далѣе. Несмотря на малочисленность, всѣми сознаваемую у насъ, людей способныхъ къ дѣламъ, несмотря на общее опасеніе, что мѣста въ уѣздныхъ управахъ могутъ быть заняты людьми недостойными, законы о земствѣ лишаютъ права участія въ управахъ всѣхъ тѣхъ, которые являются въ собраніи только по уполномочію отъ женщинъ. При вышеупомянутомъ случаѣ мужъ владѣлицы 30,000 десятинъ, имѣющій полную отъ нея довѣренность, не можетъ быть членомъ управы, даже при единогласно выраженномъ довѣріи собранія. Недавно при выборѣ гласныхъ на съѣздѣ землевладѣльцевъ, очень бѣдномъ наличными помѣщиками, одинъ изъ мировыхъ посредниковъ былъ выбранъ почти единогласно. Живя въ деревнѣ, пользуясь общимъ довѣріемъ уѣзда, не нуждаясь въ содержаніи, это лицо соединяло всѣ условія, чтобы быть членомъ или даже предсѣдателемъ управы, и что же? Законъ этого не допускаетъ. Говорятъ, что въ такихъ случаяхъ легко перевести на имя такого лица нужный участокъ земли. Во-первыхъ, такія лица не всегда въ состояніи тратиться на фальшивыя купчія и проч.; и во-вторыхъ, можно согласиться принять должность, когда большинство общества выражаетъ настойчиво свое желаніе, но весьма неудобно дѣлать заранѣе довольно накладистыя приготовленія для полученія права жертвовать собою благу общему, и притомъ еще безъ полной увѣренности въ избраніи и съ опасностью подвергнуться обвиненіямъ въ искательствѣ. Наконецъ, спрашивается, почему бы при реформѣ, имѣющей дѣлію разрушить старую формалистику, не устранить необходимости разныхъ уловокъ и крючковъ? Если владѣлица значительнаго имѣнія выразила извѣстному лицу свое довѣріе, вступивъ съ нимъ въ бракъ, если она подтвердила выраженіе своего довѣрія даннымъ ему полномочіемъ, наконецъ, если общество единогласно высказываетъ желаніе поручить ему извѣстную должность, то всѣ эти условія, кажется, служатъ обезпеченіемъ несравненно важнѣйшимъ чѣмъ владѣніе 200 или 250 десятинъ земли. Если же требуется формальное обезпеченіе, то законодатель легко можетъ установить для подобныхъ случаевъ особую форму довѣренности отъ жены, по которой она могла бы поручиться за мужа извѣстнымъ участкомъ земли въ опредѣленной пропорціи или суммой денегъ, равняющеюся средней цѣнности подобнаго участка.

Не знаемъ какою опасностью можетъ угрожать спокойствію государства закономъ опредѣленное вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ, которые уже попеченіемъ о собственныхъ выгодахъ постоянно побуждаются къ тому, чтобы содѣйствовать общему благосостоянію и устраненію всякаго повода къ безпорядкамъ, для нихъ всего болѣе чувствительнымъ. Но нельзя безъ явной злонамѣренности или совершеннаго ослѣпленія отрицать положительную и весьма грозную опасность другаго явленія. Настоящіе выборы земства достаточно указали на отсутствіе всякаго антагонизма между сословіями. Почти вездѣ крестьяне выбирали дворянъ, по крайней мѣрѣ въ болѣе видныя должности. Итакъ, крѣпостное право не вселило въ крестьянъ ни ненависти, ни даже недовѣрія къ дворянству, а отмѣна крѣпости не возбудила въ дворянахъ непріязненнаго чувства къ крестьянамъ. Но это итоги прошедшаго. Надобно обратиться къ будущему, не загадочному и возможному, а весьма вѣроятному, или даже неизбѣжному. Отложимъ въ сторону буколическія увлеченія и станемъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. По положенію, число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ обыкновенно равняется числу гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, а иногда даже превышаетъ его; вообще

разница не велика. Но выборы собранія землевладѣльцевъ, состоящихъ изъ разныхъ сословій, не могутъ сосредоточиваться на одномъ классѣ подобно выборамъ сельскимъ. Съ другой стороны, число крестьянъ землевладѣльцевъ увеличивается ежегодно. Мы видимъ, что въ настоящую минуту между двумя сельскими сословіями нѣтъ вражды, но невозможно ожидать отъ различныхъ классовъ общества любви, доходящей до самоотверженія. Къ тому же, пословица: *въ семьѣ не безъ урода*, приложима, конечно, и къ крестьянамъ. Какъ скоро коноводы изъ крестьянъ поймутъ въ чемъ дѣло, поймутъ, что если выборъ въ гласные мѣшаетъ ихъ дѣламъ на нѣсколько дней, они за то могутъ попасть въ управу и назначить себѣ 1500 р. жалованья, обложить неравномѣрно сосѣда крупнаго землевладѣльца, котораго они и не допустятъ въ гласные,—тогда, кажется, трудно предположить, что сознаніе недостаточности образованія принудитъ ихъ отказаться отъ возможности воспользоваться соблазномъ подобной приманки. Незнаніе дѣла не служитъ въ такомъ случаѣ препятствіемъ. У насъ на глазахъ примѣръ весьма поучительный. Нѣсколько чиновниковъ убѣдили купцовъ одной мѣстности (бывшихъ крестьянъ и конечно не многимъ болѣе образованныхъ чѣмъ крестьяне), что устранивъ дворянъ, они составятъ сами управу и будутъ управлять всѣмъ уѣздомъ, а что для работы чиновники ужъ сумѣютъ имъ помочь. Случай этотъ, кажется, можетъ быть и не весьма рѣдкимъ исключеніемъ. Итакъ, если не теперь, то положительно весьма скоро общественное образованіе будетъ зависѣть отъ людей безграмотныхъ, а общественное здравіе—отъ людей ненавидящихъ больницы и врачей и довѣряющихъ единственно знахаркамъ и колдунамъ, однимъ словомъ, всѣ важныя дѣла въ уѣздахъ, все хозяйство уѣздовъ, а затѣмъ и губерній, будетъ въ рукахъ людей невѣжественныхъ и ихъ своекорыстныхъ руководителей!... Тогда надобно будетъ, разумѣется, приступить къ коренному измѣненію этихъ законовъ, но *тогда*, уже будетъ поздно. Въ Россіи окажутся неизвѣстные въ ней доселѣ элементы политическаго раздраженія. Послѣдствія искусственно-возбужденнаго неудовольствія массъ, уже вкусившихъ самовластія, легко предвидѣть. Но чѣмъ легче предвидѣть эти послѣдствія, чѣмъ сильнѣе долгъ озаботиться ихъ предотвращеніемъ. Къ этому представляется само собою столько же вѣрное, сколько и справедливое средство. Избирательные съѣзды сельскихъ обществъ надобно прежде всего лишить сословнаго характера, поставивъ ихъ въ этомъ отношеніи на одну ногу съ съѣздами землевладѣльческимъ и городскими. Но какъ это сдѣлать? Не слѣдуетъ ли присоединить къ съѣздамъ сельскихъ обществъ извѣстную долю мелкихъ землевладѣльцевъ, участвующихъ теперь въ съѣздѣ землевладѣльческомъ? Объ этомъ вопросѣ мы предоставляемъ себѣ поговорить въ другой разъ.

№ 107.

Москва, 18-го мая.

Глубокое затишье, стоящее съ конца прошлаго года въ политическомъ мірѣ, начинаетъ уступать мѣсто обычнымъ его треволненіямъ. На первомъ планѣ стоятъ теперь тревожные вопросы, какое направленіе приметъ политика Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ по отношенію къ Англіи и Франціи, послѣ того какъ американской республикѣ удалось возстановить свое единство и доказать всему міру, что невзгоды, постигшія ее, не сломили желѣзной энергіи ея національнаго характера. Англія, которая сказывала несомнѣнное, хотя и косвенное, содѣйствіе мятежу и въ своей печати прославляла его героевъ, и Франція, которая имъ воспользовалась для водворенія въ Мексикѣ новаго порядка вещей, удовлетворяющаго какимъ-то идеямъ и планамъ императора Наполеона III, обѣ могутъ ожидать теперь нѣкотораго возмездія за ихъ политику, оскорбившую великій американскій народъ. Ожесточенная междуусобная война, продолжавшаяся слишкомъ четыре года и оторвавшая отъ мирной дѣятельности многія сотни тысячъ людей, не можетъ пройдти, не оставивъ по себѣ глубокихъ слѣдовъ въ нравахъ, привычкахъ и наклонностяхъ. Если и вообще Янки склонны къ отважнымъ предпріятіямъ, то теперь эта склонность должна была еще болѣе развиться. Притомъ же удовлетворить ей въ настоящую пору побуждаетъ и американскій патріотизмъ, въ которомъ такое видное мѣсто занимаетъ ученіе Монроэ,—

ученіе, что Америка должна принадлежать Американцамъ, и что европейскимъ державамъ нѣтъ дѣла до того что происходитъ въ этой части свѣта. Если и при жизни Линкольна, не ранѣе какъ 25-го февраля нынѣшняго года, въ депешѣ на имя г. Ромеро, агента Хуареса, г. Сюардъ формально признавалъ его мексиканскимъ посланникомъ при Вашингтонскомъ кабинетѣ, принялъ его протестъ противъ какихъ бы то ни было территоріяльныхъ сдѣлокъ между нынѣшнимъ правительствомъ Мексики и Франціей, и называлъ императора Максимиліана не болѣе какъ эксъ-эрцгерцогомъ Австрійскимъ, то можно ли полагать, что нынѣшній президентъ Соединенныхъ Штатовъ, извѣстный своею преданностью ученію Монроэ, будетъ серіозно охранять твореніе императора Наполеона отъ ударовъ, которые уже заготовляютъ ему сѣверо-американскіе волонтеры? Очень можетъ быть, что г. Андру Джонсонъ далъ самыя успокоительныя объясненія и обѣщанія графу Монтолону, французскому посланнику въ Вашингтонѣ; но не останутся ли эти объясненія и обѣщанія только словами? Съ другой стороны подтверждаются извѣстія, что Англіи предъявлено требованіе относительно денежнаго вознагражденія за всѣ издержки, причиненныя *Алабамой* и другими крейсерами Южанъ, выходившими изъ гаваней Великобританіи, а также и относительно выдачи нѣкоторыхъ агентовъ Южныхъ Штатовъ, скрывающихся въ Канадѣ и заподозрѣнныхъ по дѣлу объ умерщвленіи Линкольна. Если Соединенные Штаты будутъ, дѣйствительно, настаивать на выполненіи обоихъ этихъ требованій, то какъ ни велико смиренномудріе графа Росселя въ сношеніяхъ съ рѣшительными противниками, дѣло легко можетъ дойдти до разрыва.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ и въ виду общей опасности, между Англіей и Франціей долженъ возобновиться ихъ прежній сердечный союзъ, который, дѣйствительно, и проповѣдываютъ нѣкоторыя вліятельныя газеты по ту и по другую сторону Ламанша; но покамѣсть еще не слышно о подобномъ сближеніи, а напротивъ есть извѣстія, что обѣ державы именно въ Вашингтонѣ и интригуютъ другъ противъ друга, стараясь направить возбужденныя силы Сѣверо-Американскаго Союза—Англія на Мексику, а Франція на Канаду, чтобы такимъ образомъ не только самимъ избавиться отъ ближайшей опасности, но и пріобрѣсти себѣ большую свободу дѣйствій въ Европѣ. Если эти извѣстія имѣютъ какое-нибудь основаніе, то можно предполагать, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ англійская интрига легко одержитъ верхъ надъ интригой французскою.

Что Франція не совершенно спокойна за созданную ею Мексиканскую имперію, доказательствомъ служатъ ея приготовленія не къ отозванію ея экспедиціоннаго корпуса, а къ усиленію его; что она не слишкомъ-то полагается въ этомъ случаѣ на союзъ съ Англіей, видно какъ изъ того, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ, она еще при жизни Линкольна обращалась къ посредничеству Россіи, которая пользуется всеобщимъ и вполнѣ заслуженнымъ сочувствіемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и изъ того, что французская политика теперь очень хлопочетъ о составленіи союза латинскихъ народовъ, краеугольнымъ камнемъ котораго должно стать примиреніе между Италіей и папой, и который долженъ послужить охраной для государствъ латинской расы какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ.

Состоится, или нѣтъ примиреніе папы съ совершившимися въ Италіи фактами, возможно ли это примиреніе безъ разрѣшенія римскаго вопроса и возможно ли разрѣшить его на основаніи идей императора Наполеона, изложенныхъ въ недавновышедшей брошюрѣ герцога де-Персиньи,—во всякомъ случаѣ переговоры, такъ неожиданно начавшіеся между папой и королемъ Викторомъ Эммануиломъ, составляютъ явленіе въ высшей степени замѣчательное, и еслибъ они повели къ соглашенію хотя бы только по вопросамъ церковнымъ, то несомнѣнно послужили бы къ упроченію нынѣшняго порядка вещей въ Италіи. Все это дѣло должно было тѣмъ болѣе встревожить Вѣнскій кабинетъ, что за устраненіемъ или разрѣшеніемъ римскаго вопроса, на первый планъ выступилъ бы вопросъ венеціянскій. Вѣнскій кабинетъ, какъ слышно, старался отклонить папу отъ переговоровъ съ Италіей, и не только Вѣнскій кабинетъ, но вмѣстѣ съ нимъ и Пруссія, а будто бы даже и Россія.

Для Россіи, дѣйствительно, ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть желательно, чтобы венеціянскій вопросъ былъ вы-

двинуть впередъ: это для нея почти столь же мало желательно, какъ и то, чтобъ Австрія подчинилась политическимъ видамъ г. фонъ-Бисмарка, постоянно указывающаго ей на ея призваніе въ юго-восточномъ углу Европы. Выдвинутый теперь, венеціянскій вопросъ былъ бы вдвойнѣ вреденъ русскимъ интересамъ. Еслибъ онъ повелъ къ войнѣ, то Австрія естественно сдѣлала бы важныя уступки Пруссіи, по шлезвигъ-гольштейнскимъ дѣламъ, лишь бы только пріобрѣсти себѣ ея помощь; еслибъ онъ повелъ къ сдѣлкамъ между Австріей и Франціей, то эти сдѣлки неминуемо возбудили бы вопросъ восточный, вопросъ еще только созрѣвающій, но далеко не созрѣвшій, хотя вожди нынѣшняго движенія, происходящаго въ Сербіи, Черногоріи и Румыніи, и не вѣрятъ, что это движеніе, если только оно дѣйствительно приметъ серіозный характеръ, можетъ причинить несравненно болѣе зла чѣмъ принести пользы.

Но если для Россіи и должно быть желательно, чтобы венеціянскій вопросъ по прежнему оставался на заднемъ планѣ, то для нея по весьма многимъ отношеніямъ важно, чтобы римскій вопросъ не былъ замятъ и устраненъ, а получилъ хоть сколько-нибудь удовлетворительное разрѣшеніе. Программа, которую предлагаетъ для его разрѣшенія герцогъ де-Персиньи и которая въ сущности заключается въ томъ, чтобы Римъ почти только номинально оставался подъ властью папы, могла бы быть принята Италіей, но эта программа, почти въ томъ же самомъ видѣ, была уже предлагаема императоромъ Наполеономъ въ 1862 г., и была тогда рѣшительно отвергнута папой. Не постигнетъ ли ее та же судьба и въ настоящее время? Согласится ли папа на то, чтобы Римляне, его подданные, безпрепятственно поступали на службу королю Италіи, имѣли право переселяться на время или и навсегда въ его владѣнія, вели торговыя и другія сношенія съ его подданными, какъ еслибъ они принадлежали къ одному государству съ ними? Иначе, говоритъ герцогъ де-Персиньи, лишь только выйдутъ французскія войска изъ Рима, Римляне возстанутъ противъ папы, и Франція, по его увѣренію, будетъ принуждена равнодушно смотрѣть на бѣгство папы изъ вѣчнаго города. Римскій вопросъ поставляетъ Францію въ чрезвычайно затруднительное положеніе; на немъ будетъ вполнѣ испытана политическая мудрость французскаго императора. Удастся ли ему упрочить положеніе Франціи во главѣ государствъ латинской расы? При этихъ заботахъ всего болѣе имѣются въ виду интересы наполеоновской династіи, которая была бы достаточно ограждена, еслибы могла опереться на поддержку болѣе вѣрную чѣмъ эта маскарадная дружба съ Англіей, обходящаяся до сихъ поръ довольно дешево Франціи только благодаря политическому искусству ея нынѣшняго императора. Съ этой точки зрѣнія, для Франціи можетъ быть въ самомъ дѣлѣ выгоднѣе сдѣлать усилія въ пользу разрѣшенія римскаго вопроса и оставить для отдаленнаго будущаго вопросъ венеціянскій, дабы Италія продолжала нуждаться въ союзѣ съ Франціей и при наслѣдникѣ Наполеона III.

Австрія, повидимому, не очень тревожится гарибалдійскими фанфаронадами на ея италіянской границѣ. Она начинаетъ оказывать рѣшительное противодѣйствіе властолюбивымъ замысламъ Пруссіи, противъ которыхъ, какъ она надѣется, выскажется и народное представительство Герцогствъ. Имѣя противъ себя чины шлезвигъ-гольштейнскіе, всѣ государства Германіи, Австрію, и наконецъ, даже народное представительство самой Пруссіи, какимъ образомъ министерство г. фонъ-Бисмарка можетъ разсчитывать на какой бы то ни было успѣхъ въ вопросѣ шлезвигъ-гольштейнскомъ? Что бы ни говорили, внутренній разладъ въ Пруссіи много уменьшаетъ вѣроятность успѣха ея внѣшней политики, а до какой степени измѣнились къ худшему отношенія между Пруссіей и Австріей, это лучше всего видно изъ приводимой ниже рѣчи г. фонъ-Бисмарка, который заявляетъ во всеуслышаніе, что прусское правительство, имѣя въ виду заключеніе торговаго трактата между Италіей и Таможеннымъ Союзомъ, старается склонить нѣмецкія правительства этого Союза къ признанію королевства Италіянскаго. Вотъ до чего дошелъ теперь прусско-австрійскій союзъ, который такъ прославляла въ прошломъ году *Крестовая Газета!*

Обозрѣвая общее положеніе дѣлъ въ настоящую минуту, мы не можемъ не придти къ заключенію, что оно благопріятно для Россіи. Тогда какъ обѣ западныя державы тревожно ожидаютъ, какой оборотъ

примутъ для нихъ сѣверо-американскія дѣла, Россія съ этой стороны слышитъ только искреннія заявленія дружбы, которыя она не можетъ не цѣнить высоко, вполнѣ сочувствуя преуспѣянію великой и юной сѣверо-американской націи и имѣя съ нею многіе общіе политическіе интересы. Въ то же время, съ другой стороны Россія имѣетъ, кажется, возможность поддержать то благопріятное для нея направленіе, которое, повидимому, приняли теперь шлезвигъ-гольштейнскія дѣла, и которымъ Россія по всей справедливости можетъ воспользоваться, чтобы возстановить связь между шлезвигъ-гольштейнскимъ вопросомъ и вопросомъ польскимъ давшимъ ему столь благопріятное для Германіи направленіе. Для прочности европейскаго мира на Сѣверѣ, для преуспѣянія Россіи и преимущественно для блага ея подданныхъ, говорящихъ польскимъ языкомъ, такъ-называемый польскій вопросъ долженъ быть окончательно изъятъ изъ международнаго вѣдомства, прежде нежели произойдетъ какое бы то ни было территоріальное измѣненіе на берегахъ Балтійскаго моря.

№ 108.

Москва, 19-го мая.

Статья С. Ѳ. Лугинина объ избирательномъ землевладѣльческомъ цензѣ для земскихъ собраній, помѣщаемая ниже, дополняетъ высказанныя нами третьяго дня замѣчанія, подтверждая ихъ нѣсколькими разительными данными. Вотъ уѣздъ не въ воображеніи представляемый, а дѣйствительно существующій, гдѣ одинъ владѣлецъ платитъ болѣе земскаго сбора чѣмъ всѣ остальные; онъ слѣдовательно болѣе всѣхъ ихъ вмѣстѣ заинтересованъ въ правильномъ употребленіи этого сбора, и тѣмъ не менѣе они имѣютъ полную возможность совсѣмъ устранить его изъ числа гласныхъ. Неужели въ этомъ не заключалась бы вопіющая несправедливость относительно того владѣльца, и неужели возможность подобной несправедливости не должна оказывать вреднаго вліянія на ходъ земскихъ дѣлъ? На землевладѣльческомъ съѣздѣ одинаковый голосъ съ этимъ владѣльцемъ имѣетъ сосѣдъ его, платящій не болѣе 3 р. 50 к. земскихъ повинностей и потому могущій безъ всякаго для себя неудобства совершенно равнодушно смотрѣть на сбереженіе или растрату какихъ-нибудь пяти, десяти тысячъ рублей земскихъ денегъ: крупный владѣлецъ потеряетъ тутъ или сбережетъ отъ трехъ до пяти тысячъ, а для его сосѣда вся разница составитъ не болѣе цѣлковаго или полтинника; такая разница ужь конечно, не можетъ возбудить въ немъ интереса, если интересъ къ земскому дѣлу не возникъ въ немъ безкорыстно. Но можно ли что-нибудь основывать на предположеніи безкорыстнаго интереса къ общему дѣлу въ цѣлыхъ разрядахъ людей? Во всякомъ случаѣ такое предположеніе не можетъ опираться на цензѣ, въ особенности же на такомъ низкомъ цензѣ, какой принятъ для права личнаго участія въ избирательныхъ землевладѣльческихъ съѣздахъ. Если цензъ берется за основаніе права голоса, то неестественно ли желать, чтобы цензъ имѣлъ дѣйствительное значеніе? Но дѣйствительное значеніе можетъ имѣть только такой цензъ, который соотвѣтствуетъ фактически установившемуся разграниченію общественныхъ классовъ. Цензъ, касающійся поземельной собственности, долженъ соотвѣтствовать тѣмъ границамъ, которыя въ данное время и въ данной странѣ дѣйствительно отдѣляютъ крупную собственность отъ средней и среднюю отъ мелкой. Поземельная собственность повсюду распадается на эти три группы: собственность крупную, среднюю и мелкую. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свой опредѣленный типъ, и каждой изъ нихъ соотвѣтствуетъ извѣстный цензъ. Этотъ цензъ есть величина съ теченіемъ времени измѣняющаяся. Опредѣленіе этой величины не зависитъ отъ законодательства, которое можетъ не создать, а только *найдти* ее: опредѣляется она всѣмъ бытомъ народа, размѣрами занимаемыхъ народомъ земель, количествомъ сбереженныхъ имъ капиталовъ, распредѣленіемъ народнаго труда и зависящимъ отъ этихъ трехъ условій характеромъ народнаго хозяйства. Помѣстье, считающееся среднимъ въ Америкѣ, считается въ Англіи крупнымъ; мелкое помѣстье во Франціи стоитъ иногда дороже чѣмъ среднее помѣстье въ Россіи. Но тѣмъ не менѣе и въ Америкѣ, и въ Англіи, и во Франціи, и въ Россіи есть помѣстья всѣхъ трехъ разрядовъ: и крупныя, и среднія, и мелкія. Если поземельный цензъ долженъ быть дѣломъ серіознымъ, то онъ долженъ соотвѣтствовать признакамъ этихъ трехъ группъ землевла-

дѣнія, дѣйствительно существующимъ въ данной странѣ и въ данное время. Законодательство обязано тутъ дѣйствовать какъ естествоиспытатель: вся его заслуга въ томъ, чтобъ оно вѣрно подмѣтило тѣ признаки, которыми обозначаются упомянутыя три группы землевладѣнія въ дѣйствительной жизни. Отъ законодателя зависитъ ошибиться или не ошибиться въ этомъ дѣлѣ, но ничего болѣе отъ него не зависитъ: сдѣлать мелкое землевладѣніе среднимъ или среднее крупнымъ—не въ его власти. Передвиженіе границъ, раздѣляющихъ три группы землевладѣнія, можетъ быть произведено только самою жизнью народа, его экономическими успѣхами или неудачами. Законодательство можетъ быть главнымъ виновникомъ этихъ успѣховъ или неудачъ, принимая мѣры содѣйствующія успѣхамъ народной жизни или затрудняющія ихъ. Но назначеніемъ ценза, не соотвѣтствующаго дѣйствительности, оно не можетъ преобразить ее по своему желанію.

Г. Лугининъ полагаетъ, что господствующій въ Россіи типъ средняго землевладѣнія имѣетъ своимъ признакомъ поземельную собственность, стоящую около 15.000 р. с., и нельзя не согласиться, что это опредѣленіе, по крайней мѣрѣ, для большей части Россіи, совершенно вѣрно. Эта оцѣнка соотвѣтствуетъ, по прежнему порядку, цѣнности имѣній отъ 75 до 150 душъ, и еще точнѣе опредѣляетъ типъ средняго помѣстья нежели принятая для дворянскихъ выборовъ стодушевая норма. Она тѣмъ болѣе пригодна для земскаго ценза, что само законодательство желаетъ основать земскія повинности на оцѣнкѣ земель: оцѣночный цензъ соотвѣтствовалъ бы оцѣночному обложенію.

Границу отдѣляющую крупное землевладѣніе отъ средняго опредѣлить труднѣе. Во многихъ мѣстахъ Россіи имѣнія, стоящія 100,000 рублей уже рѣзко отличаются по своему экономическому характеру отъ имѣній среднихъ. Какъ общую норму можно принять, что землевладѣлецъ, получающій до 10.000 руб. дохода, обыкновенно считается за крупнаго землевладѣльца. Поэтому цензъ въ 150.000 рублей скорѣе слишкомъ высокъ чѣмъ слишкомъ низокъ: онъ долженъ, очевидно, относиться къ совокупности имѣній одного владѣльца, находящихся въ разныхъ губерніяхъ.

Владѣніе поземельною собственностью, стоящее 15.000 р., есть типическій признакъ средняго землевладѣльца въ Россіи. Поземельная собственность этого размѣра даетъ характеръ группѣ средняго землевладѣнія. Этотъ размѣръ есть нормальный размѣръ для упомянутой группы. Но къ той же группѣ должны быть отнесены всѣ имѣнія, съ одной стороны не доходящія до размѣра крупныхъ, а съ другой стороны до размѣра мелкихъ. По земскому положенію нынѣ дѣйствующему, въ землевладѣльческихъ съѣздахъ участвуютъ почти всѣ личные собственники, не исключая и самыхъ мелкихъ. Въ мѣстностяхъ густо населенныхъ достаточно владѣть десятью десятинами земли, чтобъ имѣть право голоса при выборѣ уполномоченныхъ. Но и въ этихъ мѣстностяхъ участокъ въ десять, даже въ двадцать и тридцать десятинъ отнюдь не имѣетъ характера средней поземельной собственности. Владѣльцы такихъ участковъ, сами занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ, ведутъ крестьянскій образъ жизни. Присоединеніе ихъ къ землевладѣльческому съѣзду есть натяжка, могущая вести только къ вреднымъ послѣдствіямъ. Гдѣ число такихъ мелкихъ владѣльцевъ значительно, тамъ они могутъ подавить собой всѣхъ представителей и крупнаго и средняго землевладѣнія. На эту неправильность указываетъ г. Лугининъ по отношенію къ Костромской губерніи; еще болѣе въ правѣ жаловаться на нее землевладѣльцы губерній малороссійскихъ, гдѣ уполномоченные отъ казаковъ составляютъ огромное большинство на землевладѣльческихъ съѣздахъ, очевидно, въ противность мысли руководившей законодателя при начертаніи земскихъ положеній. Но еще важнѣе, по нашему мнѣнію, то послѣдствіе этого порядка, что причисливъ всѣхъ мелкихъ личныхъ владѣльцевъ къ землевладѣльческому съѣзду, законодательство принуждено было усвоить сельскимъ съѣздамъ сословный характеръ. Этотъ характеръ есть главное изъ всѣхъ неудобствъ, оказывающихся при земскихъ выборахъ. Онъ противорѣчитъ общему направленію законодательства по земскимъ учрежденіямъ, тому направленію, въ которомъ заключается главное достоинство этихъ учрежденій. Ни землевладѣльческій, ни городской съѣздъ не знаютъ сословныхъ различій. Соединяя земскихъ людей для общаго дѣла, они устраняютъ всякую примѣсь элементовъ розни, естественно возникающей изъ сословнаго антагонизма. Въ этомъ отношеніи земскія

учрежденія совершили у насъ въ Россіи великое историческое дѣло. Они слили воедино всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ и всѣхъ горожанъ, безъ различія сословій. Но они остановились передъ крестьянствомъ и сохранили за нимъ сословный характеръ,—непослѣдовательность очевидно невольная, явившаяся помимо главной законодательной мысли и даже вопреки ей. Эта непослѣдовательность повела къ тому, что крестьянское сословіе оказалось въ земскихъ учрежденіяхъ не только сословіемъ, но и сословіемъ привилегированнымъ, единственнымъ сословіемъ, котораго члены могутъ иногда пользоваться двойнымъ правомъ голоса. Та же непослѣдовательность повела еще къ тому, что крестьяне имѣютъ право участія въ землевладѣльческихъ и городскихъ съѣздахъ, а участвовать въ съѣздахъ сельскихъ лица другихъ сословій не могутъ. Такая изолированность должна неминуемо развить въ крестьянахъ отчужденіе отъ другихъ сословій, а за тѣмъ и духъ непріязни къ нимъ. Выгороженные изъ земства, они, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ смотрѣть на общее земское дѣло иначе какъ съ точки зрѣнія своихъ особенныхъ интересовъ. Этотъ сословный крестьянскій духъ есть, въ нашихъ глазахъ, главный недостатокъ земскихъ учрежденій, недостатокъ тѣмъ болѣе ощутительный, что остальные представители земскихъ классовъ, состоя изъ лицъ разныхъ сословій, и потому не будучи въ состояніи оказывать ему правильное и законное противодѣйствіе, очень легко могутъ пользоваться сословнымъ духомъ крестьянскихъ гласныхъ для достиженія цѣлей, не совмѣстныхъ съ интересами земства.

Какъ единственный выходъ изъ этого затрудненія, представляется намъ присоединеніе къ сельскимъ выборщикамъ уполномоченныхъ отъ тѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые по размѣрамъ своей собственности гораздо болѣе примыкаютъ къ крестьянскому нежели къ землевладѣльческому классу. Этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, кажется намъ, слѣдуетъ отдѣлить отъ группы среднихъ землевладѣльцевъ, съ которою они и по своему быту и по характеру своего хозяйства, ничего не имѣютъ общаго, и среди которой они оказываются даже элементомъ вреднымъ, игралищемъ интриги, разчитывающей на поживу отъ тароватаго земства. Такимъ образомъ группа среднихъ землевладѣльцевъ сдѣлалась бы однохарактернѣе; интересы средняго землевладѣнія получили бы болѣе правильное представительство, и земство было бы въ значительной степени освобождено отъ тѣхъ фиктивныхъ интересовъ, о которыхъ говоритъ г. Лугининъ. Въ то же время уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, состоящіе изъ лицъ разныхъ сословій, смѣшавшись въ сельскихъ съѣздахъ съ крестьянскими выборщиками, внесли бы въ эти съѣзды тотъ же безсословный характеръ, который законодательство, въ своей высокой мудрости, придало съѣздамъ землевладѣльческимъ и городскимъ.

Но какъ опредѣлить границу между среднимъ и мелкимъ землевладѣніемъ? При прежнемъ порядкѣ, эта граница была довольно ясна: мелкопомѣстные дворяне, владѣвшіе десятью душами и менѣе, всѣ, безъ исключенія, вели крестьянскій образъ жизни. А десяти душамъ, во внутреннихъ губерніяхъ, соотвѣтствуютъ отъ 40 до 50 десятинъ земли, или цѣнность земли отъ 1.500 до 2.000 р. с. Между этими предѣлами должна и теперь проходить граница отдѣляющая крестьянское и однодворческое мелкое владѣніе отъ владѣнія средняго, называемаго помѣщичьимъ.

№ 109.

Москва, 20-го мая

Сегодня полученный нумеръ *Русскаго Инвалида* принесъ намъ третью статью г. О. о бюджетѣ военнаго министерства и потребностяхъ арміи. Эта статья посвящена войсковому хозяйству и самымъ убѣдительнымъ образомъ показываетъ какъ необходимо увеличить расходы по нѣкоторымъ частямъ военнаго довольствія. Довольно упомянуть, что солдатская шинель полагается на трехлѣтній срокъ, но уже въ два года успѣваетъ износиться до совершенной неспособности защищать солдата отъ холода, что солдату выдается только двѣ рубахи, а на третью отпускается деньгами 25 коп., тогда какъ рубаха стоитъ не менѣе 50 коп.; что на портянки, варежки, подтяжки, полотенца, щетки гербовую, платяную и сапожную, ножницы, ножикъ, наперстокъ, гребенку, чемоданчикъ для мелочи, сухарный мѣ-

шокъ, чистку аммуниціи, смазку сапогъ, фабру, мыло для бѣлья и бани, шитье трехъ рубахъ, двухъ паръ подштанниковъ, иголки, нитки и починку отпускается всего на все 45 коп. въ годъ. Справедливость настоятельно требуетъ, чтобы казенная дача была приведена хоть въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ ея назначеніемъ. Въ то же время простой разчетъ велитъ принять нужныя мѣры къ поддержанію въ исправности „дорогаго оружія, заведеніе котораго обошлось государству въ нѣсколько милліоновъ.“ Поэтому невозможно не принять съ особенною благодарностью сообщаемое *Русскимъ Инвалидомъ* извѣстіе о заготовленіи въ интендантствѣ, а частію и представленіи отъ него въ военный совѣтъ докладовъ по вопросамъ:

1) объ уменьшеніи срока шинелямъ съ трехъ лѣтъ на два года (400.000 р. новаго годоваго расхода);

2) объ отпускѣ третьей рубахи въ натурѣ вмѣсто выдававшихся за нее 25 коп (216.000 р.);

3) объ отпускѣ вмѣсто двухъ паръ подметокъ деньгами по 50 коп. на человѣка (135.000 р.);

4) о постройкѣ набрюшниковъ и рукавицъ изъ новыхъ матеріяловъ вмѣсто износившейся одежды (100.000 р.);

5) о снабженіи войскъ, не имѣющихъ полушубковъ, фуфайками или поддевками (отъ 430 до 490 т. р.);

6) о введеніи второй пары подштанниковъ въ пѣшихъ войскахъ и о снабженіи таковыми же всѣхъ кавалерійскихъ частей (300.000 р.).

„Это“, говоритъ *Русскій Инвалидъ*, „такъ сказать, первая серія докладовъ; за нею подбираются, однако, матеріялы для другой, по существу своему едва ли не болѣе важной.“ Въ этой второй серіи первое мѣсто занимаетъ прибавка нижнимъ чинамъ аммуничныхъ денегъ: теперешній ихъ окладъ, какъ сказано, 45 к. на солдата; предполагается же возвысить его до 1 р. 78 к. для строевыхъ и до 1 р. 62 к. для нестроевыхъ чиновъ (что потребуетъ до 1.260.000 руб. прибавки къ бюджету). Затѣмъ идутъ: усиленіе въ отпускѣ полушубковъ, усиленіе ремонта на оружіе, улучшеніе шанцеваго инструмента и многіе другіе расходы. Все это, вмѣстѣ съ расходами по первой серіи докладовъ, потребуетъ усиленія военнаго бюджета приблизительно на 3.600.000 р.

Въ соотвѣтствіе этому усиленію бюджета предполагаются нѣкоторыя сбереженія, преимущественно по провіантскому и фуражному довольствію. Комитетъ, составленный еще въ 1861 году, подъ предсѣдательствомъ покойнаго генерала Лауница, для разъясненія нуждъ войсковаго хозяйства и опредѣленія его недостатковъ, совершенно справедливо находилъ, что провіантское и фуражное довольствіе допускаетъ, безъ стѣсненія для войскъ значительную экономію. Онъ полагалъ эту экономію въ сумму около двухъ милліоновъ рублей.

Нынѣ на пищу солдата отпускаются: 1) паекъ изъ муки и крупы, превосходящій потребность хорошаго питанія, и 2) приварокъ, въ видѣ такъ-называемыхъ категорическихъ денегъ отъ 9 до 12 р. въ годъ на человѣка. При этомъ важнымъ подспорьемъ служитъ довольствіе, получаемое отъ обывателей во время нахожденія войскъ на просторныхъ квартирахъ. Расквартированные солдаты еще не такъ давно получали отъ обывателей полное продовольствіе; даже и теперь во многихъ мѣстахъ крестьяне не требуютъ съ солдатъ ничего, лишь бы жить въ ладу съ ними и ихъ начальствомъ, котораго они обыкновенно очень боятся. Войска при выходѣ съ просторныхъ квартиръ получаютъ, правда, отъ подлежащихъ властей квитанціи въ томъ, что обыватели не были отягощаемы незаконными поборами, но въ выдачѣ этихъ квитанцій обыватели такъ мало могутъ принимать участіе, что если обязанность войскъ получать квитанціи и ведетъ нерѣдко къ послѣдствіямъ, довольно чувствительнымъ для командировъ частей, то обыватели крайне рѣдко пользуются выгодами этихъ послѣдствій. Такимъ образомъ значительная доля издержекъ по провіантскому довольствію войскъ ложится на обывателей, хотя законъ вовсе не обязываетъ ихъ къ тому. Съ недавняго времени это положеніе дѣлъ начало мало-помалу измѣняться. Теперь во многихъ мѣстахъ солдаты, размѣщенные на просторныхъ квартирахъ, получаютъ казенный паекъ или значительную его долю, и отдаютъ крестьянамъ извѣстную часть того что получаютъ. Совершенно добросовѣстнымъ образомъ дѣйствій со стороны войскъ теперь считается, если солдатамъ выдается полный паекъ, а приварокъ требуется отъ обывателей. Но и эта обязанность да-

вать приварокъ не основана ни на какомъ положительномъ законѣ, а поддерживается только издавна установившимся обычаемъ и совокупными усиліями властей разныхъ вѣдомствъ сохранить его въ силѣ: этотъ обычай даетъ командирамъ частей возможность сберегать отпускаемыя казной приварочныя деньги, и въ то же время ставитъ войска въ зависимость отъ мѣстныхъ властей. Дѣло въ томъ, что законъ вовсе не предписываетъ обывателямъ давать солдатамъ даровое продовольствіе; онъ прямо предоставляетъ въ пользу обывателей весь провіантъ, получаемый изъ магазиновъ войсками, продовольствуемыми отъ обывателей; относительно приварка онъ выражается двусмысленно, но и тутъ онъ только допускаетъ довольствіе нижнихъ чиновъ приваркомъ отъ обывателей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бѣдность населенія не служитъ тому препятствіемъ. По квартирной повинности земство обязано давать войскамъ собственно только помѣщеніе и дрова для варенія пищи и печенія хлѣба. Двусмысленность закона, фактически обращающаяся теперь въ пользу войскъ, не даетъ имъ однакоже полнаго обезпеченія, и чѣмъ болѣе будетъ водворяться у насъ законность, тѣмъ затруднительнѣе будетъ поддерживать теперешнее толкованіе закона, нисколько не основанное на прямомъ его смыслѣ. Уже теперь начинаютъ встрѣчаться затрудненія. „Лишь только," сказано въ *Русскомъ Инвалидѣ*, „была предпринята крестьянская реформа, какъ съ разныхъ сторонъ стали поступать къ войсковому начальству заявленія, что обыватели или вовсе отказываются довольствовать солдатъ, или же требуютъ на это въ вознагражденіе весь солдатскій паекъ и полностью всѣ приварочныя деньги. Подобныя заявленія явившіяся первоначально изъ западныхъ губерній (Виленской, Ковенской, Гродненской), повторялись за тѣмъ и изъ нѣкоторыхъ мѣстностей приволжскихъ и южныхъ губерній и устранялись лишь частнымъ посредничествомъ мѣстныхъ властей и миролюбивыми ихъ внушеніями." *Русскій Инвалидъ* замѣчаетъ, что съ развитіемъ земскихъ учрежденій и со вступленіемъ земства въ принадлежащія ему права, оно, вѣроятно, откажетъ войскамъ въ приваркѣ, какъ въ налогѣ никѣмъ положительно не опредѣленномъ. Это замѣчаніе совершенно вѣрно, но съ другой стороны не менѣе вѣрно, кажется намъ, и другое замѣчаніе военной газеты, что военные расходы не должны еще вслѣдствіе того непремѣнно увеличиться. Въ большей части Россіи обыватели могутъ очень хорошо содержать солдата за тѣ деньги, которыя расходуются казной на его провіантъ. Комитетъ генерала Лауница предполагалъ даже, что содержаніе солдатъ у обывателей доставитъ казнѣ значительную экономію: онъ опредѣлилъ вознагражденіе обывателей стоимостью пайка по мѣстнымъ цѣнамъ съ прибавкой $1^1/_2$ коп. сер. въ сутки на солдата за приварокъ. Земство было бы, вѣроятно, весьма довольно, еслибъ эти деньги доходили до обывателей сполна черезъ земскія учрежденія, а казна сберегла бы такъ-называемыя надбавочныя деньги.

Что касается до продовольствія солдатъ изъ котла въ казармахъ или на тѣсныхъ квартирахъ, то и тутъ производимый теперь казной расходъ долженъ, повидимому, оказаться совершенно достаточнымъ. Категорическія деньги, правда, незначительны; но за то, паекъ очень великъ и къ тому же обходится казнѣ крайне дорого, что ясно видно изъ сравненія цѣны и вѣса казенныхъ поставокъ съ рыночными. Было бы весьма желательно, чтобы земскія учрежденія оказали военному вѣдомству услугу, ничего для нихъ не стоящую, по поставкѣ провіанта безъ тѣхъ *faux frais*, которые увеличиваютъ собой расходъ казны на провіантъ.

Фуражное довольствіе, по общему, весьма распространенному въ публикѣ мнѣнію, обходится казнѣ еще дороже, сравнительно съ дѣйствительнымъ достоинствомъ, чѣмъ довольствіе провіантомъ. Комитетъ генерала Лауница предполагалъ предоставить заготовку фуража въ непосредственное вѣдѣніе частныхъ войсковыхъ начальниковъ подъ контролемъ начальника дивизіи и съ условіемъ публикаціи всѣхъ заготовокъ. Это послѣднее условіе — гласность хозяйственныхъ заготовленій — послужило бы казнѣ довольно серіознымъ обезпеченіемъ, еслибы только нашлись вездѣ въ губерніяхъ органы для нея, а также еслибъ измѣнились ходячія понятія о дозволительности нажива отъ казны. Во всякомъ случаѣ экономическое употребленіе казенныхъ денегъ было бы невозможно, еслибы на начальникахъ отдѣльныхъ частей и впредь какъ прежде лежала обязанность изыскивать не указанныя въ законѣ средства

для покрытія расходовъ требуемыхъ службой, но не принимаемыхъ насчетъ казны. Сюда относятся разныя издержки, которыя должны быть впредь покрываемы изъ бюджета, а это въ значительной степени сократитъ сбереженія ожидаемыя отъ провіанта и въ особенности отъ фуража.

Такимъ образомъ этотъ источникъ пополненія средствъ военнаго министерства изсякаетъ, а между тѣмъ потребности арміи громко заявляютъ себя. Удовлетвореніе этихъ потребностей неотлагательно. Статья *Русскаго Инвалида* высчитываетъ общій итогъ самыхъ необходимыхъ прибавокъ къ расходамъ по внутреннему хозяйству войскъ въ 6 милліоновъ рублей. Извлечь эту сумму изъ сбереженій по теперешнему бюджету военнаго министерства нѣтъ возможности. Еще меньше возможности прибавить эту сумму къ бюджету военнаго министерства изъ общаго государственнаго бюджета, какъ извѣстно, страдающаго дефицитомъ. Не ясно ли изо всего этого, что единственный путь, на которомъ возможны улучшенія по военному вѣдомству, заключается въ сокращеніи численности войска? Намъ пріятно упомянуть въ заключеніе, что на этотъ путь указывается и въ статьѣ *Русскаго Инвалида*, въ томъ ея пунктѣ, который касается важнаго по многимъ отношеніямъ вопроса объ устройствѣ для войскъ казармъ. „Какъ безъ казарменнаго расположенія, сказано здѣсь, невозможны никакія серіозныя сокращенія въ численности арміи, такъ, напротивъ, они легко достигаются при казармахъ. Сосредоточенное расположеніе войскъ дастъ возможность круглый годъ обучать людей военному дѣлу, подготовлять изъ нихъ въ короткій срокъ надежныхъ солдатъ и затѣмъ отпускать ихъ домой, ограничиваясь содержаніемъ въ постоянной готовности лишь весьма умѣренныхъ кадровъ. Приведеніе же арміи въ наименьшій кадренный составъ естественно сократитъ всѣ расходы по ея довольствію.“ Вотъ коренное средство къ устраненію затрудненій, обѣщающее пользу и войсковому и вмѣстѣ съ тѣмъ общему народному хозяйству.

№ 110.

Москва, 21-го мая.

Въ № 95 *Московскихъ Вѣдомостей* было обращено вниманіе на тотъ фактъ, что Русскіе, которые живутъ рядомъ съ Румынами въ *оставшихся за Россіей* частяхъ Бессарабіи, начинаютъ подвергаться румынизаціи, какъ бы признавая такимъ образомъ превосходство румынской національности надъ русскою. Такъ какъ румынская цивилизація отнюдь не стоитъ выше русской, то объясненіе этого явленія можетъ заключаться только въ политической жизни, а потому естественно возникали вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: „Почему несомнѣнное величіе Русскаго государства такъ мало отражается на международномъ положеніи русской народности, что даже румынская народность готова передъ нею гордиться? Почему величіе государства не возвеличиваетъ нашего народа въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ народовъ?“ Отвѣтъ на эти вопросы былъ данъ въ указаніи на то, что возвеличить народность можетъ только національный характеръ всей политики государства, какъ внѣшней, такъ и внутренней, — „тотъ національный характеръ, которымъ было славно царствованіе Екатерины II и котораго возстановленіе составитъ, при другихъ несравненно высшихъ и лучшихъ условіяхъ, „величайшую славу нынѣшняго царствованія.“ Далѣе было объяснено, что національный характеръ политики такого великаго и цѣльнаго государства какъ Россія не означаетъ насильственныхъ мѣръ противъ инородцевъ и иновѣрцевъ, а значитъ только „признаніе своей народности въ мѣру величія, принадлежащаго созданному ею государству.“ Вотъ что было сказано въ передовой статьѣ № 95 *Московскихъ Вѣдомостей*, и намъ казалось, что это такъ ясно какъ только можетъ быть, и что сейчасъ приведенныя слова исключаютъ всякую возможность недоразумѣній и лжетолкованій, относительно того, что имѣлось въ виду ими высказать. Тѣмъ не менѣе однакоже недоразумѣнія и лжетолкованія возникли, и органомъ ихъ явился весьма благонамѣренный повидимому, петербургскій корреспондентъ газеты *le Nord*.

Этотъ корреспондентъ самъ признается, что довольно часто занимается изложе-

ніемъ нашихъ идей. Тѣмъ болѣе мы въ правѣ пенять на него за изложеніе нашихъ идей въ превратномъ видѣ. Фактовъ онъ не отрицаетъ и даже преувеличиваетъ ихъ. Онъ признаетъ въ высшей степени неудовлетворительнымъ, „хаотическимъ," то состояніе, въ которомъ находятся всѣ западныя *и даже южныя* окраины Россіи. (Послѣдняго мы не говорили и не могли сказать, обращаясь къ русской, а не къ иностранной публикѣ, такъ какъ это не вѣрно.) Но онъ не можетъ повидимому передать ни одной нашей мысли, не вывороти въ ее на изнанку. Хаотическое состояніе западныхъ и южныхъ окраинъ объясняется будто бы съ нашей точки зрѣнія тѣмъ, что правительство предоставило русскій элементъ самому себѣ и что вслѣдствіе того онъ не могъ устоять передъ латинскою пропагандой. Мы были бы очень забывчивы, еслибы позволили себѣ сказать что-либо подобное. Русскій элементъ былъ предоставленъ себѣ во времена Рѣчи Посполитой, но тогда полонизація западнаго края шла далеко не такъ успѣшно какъ подъ русскимъ правительствомъ. Чуждое иго вызывало отпоръ; народъ страдалъ, но держался своей народности. Онъ упалъ духомъ, онъ сталъ преклоняться передъ полонизмомъ, лишь когда увидѣлъ полонизмъ торжествующимъ въ Русскомъ государствѣ, по волѣ русскаго правительства. Только тогда русскій народъ западнаго края сталъ приходить къ сознанію негодности и ничтожества русской народности. Только тогда напало на русскій народъ западнаго края уныніе, и только тогда почувствовалъ онъ себя въ безвыходномъ положеніи. Его уже не могла оживлять надежда на лучшее будущее, на освобожденіе отъ чуждаго ига, на возстаніе противъ угнетателей. Иго налагалось на него, во имя Русскаго государства; возстаніе противъ угнетателей было бы возмущеніемъ противъ русскаго правительства. Нуженъ былъ польскій мятежъ для того, чтобы народъ ожилъ, почувствовалъ себя русскимъ, и имѣлъ притомъ возможность сохранить вѣрность русскому правительству. Вотъ какое отношеніе русскаго правительства къ своему народу понимали мы подъ безразличіемъ правительства къ національности своего государства, и вотъ изъ какого источника возникли всѣ бѣдствія, возмутившія внутренній миръ нашего государства въ 1863 году. Это мы говорили тысячу разъ, но мы никогда не говорили, какъ утверждаетъ корреспондентъ *le Nord*, будто эти бѣдствія, порожденныя національнымъ безразличіемъ нашей политики, „поставили насъ на два пальца отъ европейской войны." Этого мы никогда не говорили и никогда не думали. Путанье европейскою войной было въ нашихъ глазахъ не что иное какъ мистификація. Война не угрожала Россіи ни съ чьей стороны въ 1863 году: пора бы, кажется, признать это хоть теперь за историческую истину.

Петербургскій корреспондентъ газеты *le Nord* можетъ, конечно, думать иначе, но зачѣмъ приписываетъ онъ намъ мнѣніе, о которомъ мы всегда отзывались какъ о сущей нелѣпости? Мы столько же имѣемъ права пенять на это, какъ и на то, что по его словамъ мы будто бы сожалѣли въ № 95 нашей газеты о румынизаціи Русскихъ подданныхъ князя Кузы, тогда какъ мы указывали на признаки румынизаціи Русскихъ остающихся по Божіей милости подданными Россіи. Тутъ вышло куріозное *qui pro quo*. Мы говорили о національной политикѣ и противопоставляли ей допущеніе полонизаціи, германизаціи, румынизаціи русскаго народа, какъ нѣчто до послѣдней степени безобразное, а петербургскій корреспондентъ газеты *le Nord* заводитъ рѣчь о какой-то политической пропагандѣ — ужъ не въ видахъ ли панславизма или всемірной монархіи? Чѣмъ же объяснить такое невниманіе его къ предмету своего изученія—нашимъ идеямъ?

Спѣшимъ впрочемъ прибавить, что этотъ почтенный корреспондентъ согласенъ съ нами въ той конечной цѣли, которая должна быть достигнута Россіей въ ея окраинахъ и которая можетъ заключаться только въ полномъ ихъ усвоеніи русской народности. Нѣтъ даже существеннаго разногласія между нашимъ и его мнѣніемъ и относительно средствъ, которыми эта цѣль можетъ быть достигнута. „Она будетъ достигнута," говоритъ корреспондентъ *le Nord*, „сама собою, когда задача преобразовательнаго правительства будетъ „рано выполнена внутри самой Россіи, „когда оно совершитъ благотворныя завоеванія, во имя цивилизаціи, въ нѣдрахъ „собственной своей національности и только „тогда эта цѣль будетъ достигнута „прочно и серіозно, когда достиженіе ея „будетъ обусловлено силою самихъ вещей."

Съ этимъ мы совершенно согласны, хотя намъ и не совсѣмъ нравятся два подчеркнутыя выраженія (мы не любимъ ни фатализма, ни волюнтаризма). Но очень удивительно, что все это говорится намъ въ назиданіе и какъ бы въ опроверженіе нашего мнѣнія, будто правительство должно дѣйствовать на перекоръ силѣ вещей.

Этого послѣдняго мнѣнія мы рѣшительно нигдѣ и никогда до сихъ поръ не высказывали, но тѣмъ не менѣе мы готовы утверждать, что „сильное и серіозное правительство“ непремѣнно должно имѣть характеръ національнаго правительства и чувствовать свое единство съ народомъ, составляющимъ основную силу государства, и что оно прежде всего во всѣхъ подчиненныхъ ему областяхъ будетъ оставаться однимъ и тѣмъ же національнымъ правительствомъ, не стыдясь нигдѣ ни своего имени, ни своего языка. Гдѣ инородческіе элементы стараются не примкнуть къ господствующей народности, а напротивъ, обособиться отъ нея какъ можно болѣе, тамъ смѣло можно сдѣлать оба заключенія: какъ то, что правительство страны не имѣетъ вполнѣ національнаго характера, такъ и то, что оно недостаточно сильно и недостаточно серіозно, — можно сдѣлать эти заключенія, если не относительно даннаго настоящаго времени, то относительно прошедшаго, сказывающагося въ настоящемъ.

Корреспондентъ газеты *le Nord*, повидимому, предполагаетъ, что пропаганда со стороны правительства въ пользу собственной его національности имѣетъ тотъ же характеръ какъ пропаганда частныхъ лицъ или тайныхъ обществъ, и поэтому считаетъ ее недостойною „сильнаго и серіознаго правительства,“ съ чѣмъ нельзя было бы не согласиться, допустивъ упомянутое предположеніе. Но дѣло идетъ о правительствѣ, а правительство призвано не говорить, не проповѣдывать, не убѣждать и увѣрять на словахъ, а дѣйствовать. Не были ли бы пропагандой въ пользу русской народности такія дѣйствія правительства, которыя поставили бы ее на самое видное мѣсто въ Русскомъ государствѣ, на мѣсто принадлежащее ей по закону Божескому и человѣческому, которыя возвысили бы ея духъ, дали бы просторъ ея силамъ? Не разумѣетъ ли и самъ корреспондентъ *le Nord* подобныхъ дѣйствій власти, когда онъ говоритъ о благотворныхъ завоеваніяхъ преобразовательнаго русскаго правительства въ нѣдрахъ самаго русскаго народа, и не сходится ли онъ вполнѣ съ тѣмъ что было высказано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* о необходимости признанія своей народности въ мѣру величія, принадлежащаго созданному ею государству? До тѣхъ поръ, пока инородческіе элементы въ Россіи будутъ занимать привилегированное положеніе сравнительно съ Русскимъ народомъ, можетъ ли быть рѣчь о томъ, чтобы русская народность оказывала какое-либо притягательное дѣйствіе на другіе элементы населенія?

Нашъ авторъ намекаетъ, кажется, на то, что торжество русской народности на всемъ пространствѣ Русскаго государства должно быть дѣломъ самого русскаго народа и общества, а не правительства. Это противоположеніе общества правительству и правительства обществу, къ которому такъ часто прибѣгаютъ и нѣкоторыя изъ нашихъ русскихъ газетъ, заслуживало бы особаго обсужденія, къ которому мы и думаемъ въ свое время обратиться; но у насъ, въ Россіи, это противоположеніе имѣетъ менѣе смысла чѣмъ гдѣ-либо. Не примыкаетъ ли наше общество всецѣло къ правительству и не положило ли оно всѣ силы свои, всю свою исторію на его возвеличеніе? Торжество національнаго дѣла въ Россіи находится вполнѣ въ рукахъ самого правительства, и отъ него исключительно зависитъ. Да и повсюду, за исключеніемъ революціонныхъ эпохъ, общество слѣдуетъ за своимъ правительствомъ. Зависитъ ли отъ общества проведеніе желѣзныхъ дорогъ или принятіе мѣръ, которыя отрезвили Поляковъ отъ надеждъ на уступки со стороны не русскаго общества, а русскаго правительства, мѣръ, которыя положили бы конецъ отождествленію католицизма съ полонизмомъ, лютеранизма съ нѣмецкою народностью, или исправили бы направленіе казенныхъ училищъ? Русское общество пользуется теперь важнымъ преимуществомъ противъ прежняго времени относительно печатнаго заявленія того что признаетъ разумнымъ и необходимымъ; но за тѣмъ оно естественно ожидаетъ всего отъ мудрости и энергіи своего правительства и винить его въ этомъ значило бы не признавать коренныхъ условій дѣйствительности.

Въ національной политической программѣ, какъ мы ее изображали, рѣшительно

нѣтъ мѣста какимъ бы то ни было насильственнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ инородцамъ или иновѣрцамъ. Тѣмъ не менѣе корреспондентъ газеты *le Nord*, возражая на статью № 95 *Московскихъ Вѣдомостей*, счелъ своимъ долгомъ замѣтить, что Россіи не прилично подражать примѣрамъ румынской пропаганды, искусственной и не прочной, коренящейся въ грубой силѣ и насиліи. Это замѣчаніе тѣмъ менѣе умѣстно въ отношеніи къ упомянутой передовой статьѣ, что въ ней прямо сказано то же самое. Въ ней сказано, что національное направленіе политики Русскаго государства отнюдь не означаетъ ни національной и религіозной исключительности и нетерпимости, ни еще менѣе насильственныхъ мѣръ, а означаетъ—повторимъ еще разъ—твердое самосознаніе русскаго правительства, въ качествѣ русскаго, на всемъ пространствѣ владѣній Русской державы, и признаніе русской народности въ мѣру величія созданнаго ею государства. Русское дѣло не мало уже потерпѣло въ западномъ краѣ Россіи отъ употребленія одной лишь матеріяльной силы; теперь время признавать Русскій народъ къ употребленію нравственныхъ силъ его. Но чтобы Русскій народъ могъ дѣйствовать нравственными силами, для этого нужно патріотическое одушевленіе, а не то уныніе, готовое и отрицать и уничтожать себя, въ которомъ русское общество обрѣталось не болѣе какъ три года тому назадъ, когда русскіе образованные люди считали своею обязанностью смотрѣть презрительно на русское государство, дѣйствительно существующее, и внутренно преклоняться передъ обрывками національностей, разбросанными на западной окраинѣ Россіи, и передъ тѣми будущими обломками Россіи, на которые предполагалось тогда раздробить ее, чтобы загубить даже память о ея тысячелѣтней исторіи. Всеобщее уныніе не можетъ не коснуться и правительства, которое никакими чарами нельзя отдѣлить отъ общества, а потому среди народа, пораженнаго унынiемъ, нельзя и отъ правительства ни ожидать, ни требовать чтобъ оно было серіозно и сильно. Вотъ почему и преобразованія могутъ быть совершаемы сильною рукой и серіозно—только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство воодушевлялось само и воодушевляло народъ свой патріотическою національною политикой.

№ 111.

Москва, 22-го мая.

Ничего не можетъ быть куріознѣе и ничего въ то же время обличительнѣе той исторіи, которая поднялась въ нѣкоторыхъ прибалтійскихъ сферахъ, вслѣдствіе одной нашей статейки появившейся въ самомъ началѣ великаго поста, по случаю воззванія архіепископа Рижскаго и Митавскаго къ пожертвованіямъ на церковное строеніе въ его епархіи. Вотъ уже идетъ четвертый мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ появилась эта статейка, а въ нѣкоторыхъ прибалтійскихъ сферахъ все еще не могутъ забыть ее. Что это? только querelle d'Allemand или нѣчто посеріознѣе? Вотъ на этихъ дняхъ въ *Рижской Газетѣ*, въ двухъ нумерахъ послѣдовательно помѣщена по тому же поводу статья посвященная тому же предмету и носящая куріозное заглавіе: *Die Kirchlichkeit der Moskauer Zeitung* (церковность *Московскихъ Вѣдомостей*). Казалось, не о чемъ спорить, а однакожь и до сего дня этотъ предметъ продолжаетъ занимать взволнованные умы въ нѣкоторыхъ прибалтійскихъ сферахъ, и до сихъ поръ господа эти, не имѣя ничего сказать, продолжаютъ говорить, какъ будто что-то высказывая и на чемъ-то настаивая. Мы находимъ не достойнымъ себя, а еще болѣе недостойнымъ предмета, пускаться въ споръ о дѣлѣ, не представляющемъ никакихъ элементовъ для спора. Но мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на самый фактъ этой полемики не въ интересѣ предмета, противъ котораго она направлена, а для характеристики тѣхъ партій, которыя сочли возможнымъ поднять эту полемику и плодить ее до сего дня.

Припомнимъ въ чемъ дѣло. Рѣчь шла о недостаткахъ, которые терпятъ православныя народонаселенія Лифляндской губерніи въ удовлетвореніи своихъ церковныхъ потребностей. Въ чемъ заключались эти потребности, это явствовало изъ воззванія тамошняго архіепископа, и на эти же потребности указывалось и въ сопровождавшей это воззваніе нашей статейкѣ. Указывалось на недостатокъ во многихъ существенныхъ принадлежностяхъ богослуженія, а главнымъ образомъ на то что православное богослуженіе совершается тамъ до сихъ поръ мѣстами въ избахъ и сараяхъ. Рѣчь шла о народонаселеніяхъ живу-

щихъ не въ Марокской имперіи, а въ Россійской, гдѣ православная церковь именуется господствующею. Рѣчь шла о построеніи православныхъ церквей для православныхъ народонаселеній, а не о построеніи мечетей для народонаселеній столько же знающихъ о Магометѣ, сколько и о Николаѣ Чудотворцѣ, какъ напримѣръ полуязыческія киргизскія племена, которымъ поставляется въ обязанность обратиться въ истыхъ и ревностныхъ мусульманъ. Рѣчь шла о потребностяхъ христіанской вѣры, а не объ организаціи, утвержденіи и укрѣпленіи далай-ламайской религіи, какъ это дѣлается напримѣръ между Бурятами въ Восточной Сибири *). Рѣчь шла о потребностяхъ существующей православной епархіи, а не о миссіонерствѣ, гдѣ-нибудь въ Алтайскихъ горахъ, которое, мимоходомъ сказать, должно тоже бороться со всевозможными препятствіями, и при томъ не со стороны добродушныхъ дикарей, которые всегда шли охотно на проповѣдь, а съ другихъ сторонъ, и которое въ поддержку себѣ получало отъ православной Россіи всего на все пятьсотъ или шестьсотъ рублей, а впредь и этого кажется получать не будетъ, тогда какъ магометанскіе муллы вполнѣ обезпечиваются въ средствахъ для распространенія Корана. Рѣчь шла о томъ, что частнымъ лицамъ желающимъ что-либо жертвовать на пользу церкви было бы не худо нести свои дары туда, гдѣ они дѣйствительно требуются, а не бросать на вѣтеръ, какъ это не рѣдко дѣлается. Мы говорили еще о томъ, что въ дѣлѣ постройки церквей на правительственныя или общественныя средства надобно заботиться не о количествѣ кое-какъ срубленныхъ церквей, а о прочности и достоинствѣ ихъ, и отозвались съ сочувствіемъ на сообщенныя намъ свѣдѣнія, что рижское епархіальное начальство имѣетъ въ виду строить церкви по преимуществу изъ прочнаго матеріяла. Вотъ въ сущности все что нами было сказано. Мы не хотѣли касаться главнаго зла, отъ котораго страдаютъ православныя народонаселенія и православная церковь въ этомъ краѣ. Мы не хотѣли того касаться, именно потому что статейка наша имѣла самое мирное назначеніе, и отнюдь не предназначалась послужить сигналомъ къ полемикѣ. Мы не касались тѣхъ притѣсненій, несправедливостей, которымъ постоянно подвергались православныя народонаселенія въ этомъ краѣ православной Русской державы. Мы ничего не говорили по доходившимъ до насъ свѣдѣніямъ, которыя теперь появляются уже и въ печати, и изъ которыхъ мы обращаемъ особенное вниманіе на все что сообщается очевидцемъ въ двухъ послѣднихъ №№ *Православнаго Обозрѣнія*, —свѣдѣніямъ о бѣдствіяхъ, которыя терпѣли Латыши и Эсты за то только, что они или отцы ихъ когда-то обратились изъ лютеранства въ православіе. Мы не говорили и о томъ, что эти несчастные при всей своей скудости до послѣдняго времени были обязаны платить подать на поддержку лютеранскихъ церквей. Никакихъ упрековъ не дѣлали мы германству и лютеранству того края. Если въ нашихъ словахъ былъ какой-либо упрекъ, то онъ могъ относиться только къ самой православной Россіи. Итакъ, что же въ нашей статейкѣ, о которой не по достоинству ея было такъ много шума, могло встревожить нашихъ противниковъ, вызвать ихъ на полемику и заставить наговорить цѣлую кучу задорныхъ протестацій, язвительныхъ укоровъ, почти ругательствъ? Что кромѣ сознанія того зла, котораго мы не касались, но которое находится въ большей или меньшей соприкосновенности съ предметомъ вызвавшимъ наши строки? Кто сталъ бы сердиться на васъ за простое и безобидное указаніе на простой и безобидный предметъ? Кто какъ не люди, которые знаютъ за собою что-нибудь боящееся свѣта, что-нибудь старающееся укрыться отъ общаго вниманія? Этимъ господамъ вовсе нежелательно, чтобы Россія живо помнила о существованіи православной епархіи въ прибалтійскомъ краѣ. Этимъ господамъ нежелательно, чтобы въ русскомъ обществѣ распространялись свѣдѣнія о православныхъ народонаселеніяхъ эстонскихъ и латышскихъ въ Лифляндской губерніи, и чтобы возбуждался интересъ къ этому предмету; имъ было бы желательно чтобъ объ этомъ предметѣ не могло быть и помину въ русской печати; имъ было бы желательно заглушить эту узенькую тропу для русскихъ интересовъ въ этотъ край, который, по теоріи этихъ господъ, не долженъ считаться русскимъ краемъ, а долженъ какъ можно рѣзче обособляться, какъ можно глубже отдѣляться отъ остальной Россіи, и быть особымъ государствомъ въ

*) См. между прочимъ статью преосвященнаго Вениамина въ сегодняшнемъ нумерѣ *Воскресныхъ Прибавленій* къ нашей газетѣ.

государствѣ, — государствомъ германской національности.

На чемъ основана аргументація нашихъ противниковъ? Къ чему они придираются въ нашей бѣдной статейкѣ? Они негодуютъ, зачѣмъ мы позволили себѣ такъ громко заговорить о потребностяхъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Мы понимаемъ, говорятъ они, что можно интересоваться дѣломъ церковнаго строенія, и приглашать людей къ благочестивымъ пожертвованіямъ на этотъ предметъ. Но зачѣмъ говорить о потребностяхъ православной церкви такъ эмфатически, наконецъ зачѣмъ вообще говорить о потребностяхъ православія въ этомъ краѣ, когда всѣ эти потребности удовлетворены тамъ наилучшимъ образомъ, такъ что православная церковь въ Лифляндіи находится еще въ лучшемъ положеніи нежели лютеранская? Вы говорите, обращаются они къ намъ, что храмовъ вашего вѣроисповѣданія въ Лифляндіи мало (хотя мы этого не говорили), — но вы должны знать, продолжаютъ они, горячась въ своемъ добродѣтельномъ негодованіи и осыпая насъ всевозможными любезностями, вы должны знать что храмовъ вашего вѣроисповѣданія въ Лифляндіи, говоря, относительно, гораздо болѣе, чѣмъ храмовъ лютеранскихъ. Вотъ цифры: на одну лютеранскую церковь приходится 4.600 прихожанъ, а на одну православную — 1.222 [illegible]

Такимъ образомъ, оказывалось, что какъ воззваніе православнаго архіепископа Рижской епархіи, такъ и наши строки, возбужденныя этимъ воззваніемъ, не имѣли предмета. Оказывалось, что нужно собирать приношенія на постройку не православныхъ храмовъ, которыхъ тамъ чрезмѣрное множество, а напротивъ лютеранскихъ, въ которыхъ край терпитъ недостатокъ. Повторимъ, намъ было совѣстно входить въ такую полемику и отвѣчать такимъ противникамъ. Однако, при случаѣ, вынужденные на объясненія, мы замѣтили имъ, какъ не честно съ ихъ стороны затѣвать этотъ недостойный споръ и прибѣгать къ такимъ неприличнымъ маневрамъ. Весь вопросъ состоялъ именно въ томъ, что православныя народонаселенія Лифляндской губерніи лишены во многихъ мѣстахъ церквей достойныхъ этого имени, такъ что богослуженіе должно быть совершаемо въ избахъ и сараяхъ. Богослуженіе, дѣйствительно, можетъ по нуждѣ совершаться и въ такого рода храмахъ, и очень естественно, что тамъ гдѣ въ такихъ храмахъ оно совершается, ихъ по необходимости оказывается слишкомъ много. Очевидно, что множество въ этомъ случаѣ есть признакъ крайней скудости, что въ томъ-то и состоитъ главная потребность церковнаго строенія посреди православной лифляндской паствы, чтобы вмѣсто многихъ избъ и сараевъ, гдѣ съ трудомъ помѣщаются алтарь и клиръ и которые вовсе не предназначались къ тому, чтобы служить храмами, были построены, въ надлежащихъ пунктахъ, храмы, которые были бы сколько-нибудь достойны этого имени, и соотвѣтствовали бы величію національной церкви того государства, котораго край этотъ есть часть.

Казалось бы, дѣло можно считать совершенно исчерпаннымъ, и во всякомъ случаѣ, еслибы нужно было толковать о какихъ-либо обстоятельствахъ связанныхъ съ этимъ вопросомъ, то можно было бы найдти какой-либо болѣе удобный поводъ кромѣ нашей статейки, напечатанной слишкомъ три мѣсяца тому назадъ. И однакоже, какъ сказано выше, въ *Рижской Газетѣ* по поводу этой статейки является трактатъ о нашей *церковности*. Эта статейка еще разъ комментируется, будто новоотысканный фрагментъ древняго автора. Вниманіе критика сосредоточивается исключительно на тонѣ нашей статейки, оставляя въ сторонѣ реальную сторону дѣла. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи критикъ хочетъ только настоять на томъ, что наши противники имѣли право сослаться на число православныхъ храмовъ въ Лифляндской губерніи, по случаю жалобы, что значительная часть этихъ церквей состоитъ изъ лачугъ и сараевъ. Критикъ соглашается, что мы не жаловались на недостаточность числа богослужебныхъ мѣстъ, и что, стало-быть, не было основанія упрекать насъ въ томъ, чего мы не говорили; но онъ тѣмъ не менѣе, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ настаивать на важности этого аргумента и заводитъ разсужденіе о томъ, что надобно заботиться не о количествѣ церквей, а о ихъ качествѣ и соотвѣтствіи съ цѣлями ихъ построенія, какъ будто и мы не говорили того же, насколько то было нужно, и какъ будто объ этомъ былъ когда-нибудь споръ. Но забавнѣе всего то что разсужденіе нашего рижскаго критика по этому предмету пред-

ставляетъ собою любопытный примѣръ аргументаціи разрѣшающейся въ нуль, — любопытный примѣръ того какъ много можно наговорить доводовъ, съ тѣмъ чтобы въ заключеніе вспомнить одно обстоятельство, которое разомъ уничтожаетъ ихъ всѣ. Нашъ рижскій критикъ пространно и магистральнымъ тономъ доказываетъ всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, что весьма неблагоразумно размножать церкви и приходы, раздробляя тѣмъ средства имѣющіяся на построеніе церквей и содержаніе клира, вмѣсто того чтобы сосредоточивать ихъ. Онъ говоритъ, что это излишнее размноженіе было „ложною мѣрой“ породившею всѣ нынѣ ощущаемые въ этомъ отношеніи недостатки. Развивъ эту поучительную мысль и подкрѣпивъ ее многими доводами, критикъ заключаетъ: „Однимъ изъ наполезнѣйшихъ средствъ для достиженія этой цѣли (то-есть для болѣе приличнаго обезпеченія духовенства) было бы, повторяемъ еще разъ, ограниченіе числа церквей, слишкомъ большаго сравнительно съ численностію народонаселенія, еслибы, впрочемъ, такое ограниченіе не оказывалось, *an Ende, болѣе или менѣе неудобоисполнимымъ, по той причинѣ что народонаселенія, исповѣдывающія греко-восточную вѣру, живутъ не сплошь, а разрозненными группами.*“ Итакъ, двумя-тремя заключительными словцами уничтожена вся громада убѣдительныхъ доводовъ, и „ложная мѣра“ оказывается истинною.

Но главный сюжетъ трактата о нашей церковности есть тонъ, какимъ написана наша статья. Критикъ находитъ, что наша статейка, написанная тономъ церковнаго поученія или проповѣди, отнюдь не соотвѣтствуетъ характеру политической газеты. Въ своемъ добромъ мнѣніи о толковости и смыслѣ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, критикъ не хочетъ допустить чтобы появленіе проповѣди вмѣсто передовой статьи въ политической газетѣ было только случайнымъ безвкусіемъ, а не свидѣтельствовало о какой-либо затаенной мысли, не имѣющей ничего общаго съ церковнымъ тономъ статьи. Критикъ идетъ дальше; онъ вообще полагаетъ, что мы совершенно равнодушны къ церковнымъ интересамъ и только прикрываемъ ими наши политическія замыслы, въ то же время онъ оскорбляется сдѣланнымъ нами однажды замѣчаніемъ, что лютеранская агитація, возбуждаемая въ тамошнихъ народонаселеніяхъ, на которую ссылались наши антагонисты, имѣетъ въ сущности болѣе политическій нежели религіозный характеръ. Онъ съ негодованіемъ отрицаетъ это и приглашаетъ насъ прислать на мѣста нашего корреспондента, — „our own correspondent“, прибавляетъ онъ, прерывая свою нѣмецкую рѣчь и вдругъ заговоривъ по-англійски.

Мы отрицаемъ, чтобы наша статейка имѣла что-либо похожее на церковное поученіе или проповѣдь. Ничто такъ не было всегда противно намъ, какъ тонъ проповѣдей тамъ гдѣ онъ неумѣстенъ, и мы всегда очень хорошо помнили сферу нашего слова и свойство задачъ, которыя лежатъ на нашей обязанности. Что хорошо на высотѣ церковной каѳедры, что прилично и достойно въ пастырскомъ воззваніи, то было бы возмутительнымъ кривляньемъ въ политической рѣчи, отвратительною каррикатурой въ статьѣ политическаго журнала. Насъ могутъ упрекать въ чемъ угодно, только не въ подобныхъ кривляньяхъ. Ни въ статейкѣ, обратившей на себя незаслуженное вниманіе въ нѣкоторыхъ прибалтійскихъ сферахъ, ни въ чемъ-либо другомъ изъ всего нами писаннаго, рижскій критикъ не можетъ найдти ничего, что оправдывало бы его отзывъ о нашей фальшивой церковности, о будто бы принятомъ нами тонѣ церковнаго назиданія и проповѣди. Въ нашей статейкѣ, о которой идетъ рѣчь, съ какой бы точки зрѣнія ни судить и не осуждать ее, нѣтъ и тѣни ничего похожаго на проповѣдь. Мы не имѣли ни малѣйшаго притязанія возбуждать въ православномъ людѣ новое усердіе къ пожертвованіямъ на церковное строеніе. Мы обращались къ усердію уже существующему. Мы не считали себя въ правѣ приглашать къ пожертвованіямъ, но считали себя обязанными именно въ ту пору, когда эти пожертвованія бываютъ особенно обильны, сказать, что было бы хорошо, еслибы часть ихъ направилась въ ту сторону, гдѣ чувствуется въ нихъ потребность. Указывая на тѣ мѣста, гдѣ православная церковь дѣйствительно нуждается въ пособіяхъ, мы въ то же время находили нелишнимъ замѣтить, что всякое приношеніе на пользу церкви въ этихъ мѣстахъ есть столько же гражданское, сколько и религіозное дѣло.

Съ чего взялъ нашъ критикъ, что мы хотѣли прикрыть фальшивою церковностію

какіе-то политическіе цѣли и виды? Мы не имѣемъ такихъ политическихъ видовъ, которые нуждались бы въ прикрытіи. То что ему угодно читать между строками въ нашей статьѣ, гораздо удобнѣе можетъ быть прочтено имъ въ самихъ строкахъ ея. Мы никогда не скрывали,—напротивъ, мы всегда ясно высказывали наши политическіе виды относительно того края, гдѣ живетъ нашъ критикъ. Неужели онъ думаетъ, что въ Россіи тѣ политическіе виды, которые клонятся къ поддержанію русскихъ интересовъ, должны скрываться будто государственное преступленіе? Неужели онъ думаетъ, что дорожить всѣми тѣми интересами, которые могутъ скрѣплять единство и обезпечивать цѣлость Русскаго государства, есть дѣло непозволительное, какъ и тѣ агитаціи, которыя пользуются всѣми средствами обмана для того, чтобы раздробить государство? Неужели онъ думаетъ, что можно поставить въ одну категорію политическія стремленія, требующія, чтобы Русское государство во всѣхъ своихъ владѣніяхъ было русскимъ, съ тѣми, которыя имѣютъ своею цѣлію сформировать въ разныхъ частяхъ Россіи разныя политическія націи, и правительственными способами германизировать или полонизировать ея народонаселенія? Мы очень хорошо понимаемъ, что эти послѣднія стремленія нуждаются въ прикрытіяхъ, и должны прибѣгать къ разнаго рода маневрамъ, но мы не понимаемъ какъ могла рижскому публицисту придти въ голову мысль, что заявленіе русскихъ національныхъ интересовъ въ Россіи находится въ такихъ же условіяхъ.

Напрасно думаетъ рижскій публицистъ, почтившій насъ своимъ комментаріемъ, что мы будто бы измѣнились въ нашихъ воззрѣніяхъ относительно церковныхъ вопросовъ, поскольку они входятъ въ политическую сферу, и будто бы мы въ настоящее время иначе понимаемъ условія государственнаго единства нежели понимали ихъ прежде. Онъ думаетъ, что будто бы когда-то прежде мы полагали всю силу государственнаго единства только въ одинаковомъ кодексѣ законовъ для всей Россійской имперіи, причемъ будто бы вѣроисповѣданіе и языкъ были съ нашей прежней точки зрѣнія adiaphora. Нѣтъ, это неправда. Менѣе всего полагали и полагаемъ мы силу государственнаго единства въ одинаковомъ кодексѣ гражданскихъ законовъ, и съ другой стороны никогда не считали дѣломъ безразличнымъ вѣроисповѣданіе и языкъ. Что говорили мы прежде, то съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать и теперь, что говоримъ теперь, въ томъ совершенно убѣждены были и прежде. Нѣтъ надобности желать чтобы во всѣхъ частяхъ обширнаго государства дѣйствовали непремѣнно одни и тѣ же юридическіе обычаи, одно и то же гражданское право, одни и тѣ же административные порядки. Въ этомъ отношеніи, напротивъ, мы всегда были противъ насильственной и искусственной централизаціи. Государственное единство никогда не можетъ пострадать отъ того, еслибы въ разныхъ мѣстностяхъ были различія, напримѣръ, въ правѣ наслѣдованія или въ правѣ завѣщанія; но государственное единство было бы разрушено, еслибы въ различныхъ частяхъ его были различныя законодательныя власти и различныя правительства. Ни одна страна не можетъ похвалиться такимъ строгимъ политическимъ единствомъ, какъ Соединенное Королевство; но однакожь, какъ извѣстно, это — классическая страна самоуправленія, административной децентрализаціи и мѣстныхъ особенностей. Что касается до языка, то нѣтъ никакой надобности требовать чтобы всѣ люди, живущіе въ одномъ государствѣ, объяснялись между собою на томъ или другомъ языкѣ. Никто подобнаго требованія не предъявлялъ, никто его и не предъявляетъ. Государственное единство ни мало не страдаетъ отъ того что въ той или другой мѣстности или цѣлыя народонаселенія или отдѣльные общественные круги предпочитаютъ говорить или писать на томъ или другомъ языкѣ: но государственное единство непремѣнно требуетъ чтобы правительство вездѣ говорило однимъ языкомъ, или по крайней мѣрѣ не забывало своего языка въ той или другой части своихъ владѣній. Все что идетъ отъ правительства, все что содержится на государственныя средства, не должно быть чуждо тому языку, который характеризуетъ національность государства. Народность есть прежде всего языкъ. Народъ и языкъ въ церковно-славянскомъ словоупотребленіи есть одно и то же понятіе, и въ этомъ выразилось глубокое разумѣніе. Никакое правительство не можетъ стѣснять частныхъ людей въ свободѣ употреблять тотъ или другой языкъ для выраженія своихъ мы-

слей, но точно также никакія мѣстности въ государствѣ не могутъ претендовать, чтобъ его правительство отрицалось тамъ или тутъ отъ своего языка и воспрещало его въ отправленіяхъ государственной жизни. Мы никогда не враждовали противъ офиціальнаго значенія нѣмецкаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ; но такая аномалія можетъ быть допускаема въ этомъ краѣ только изъ уваженія къ языку науки и культуры, а вовсе не въ тѣхъ видахъ чтобы германизировать этотъ край и дѣлать его чуждымъ русскому народу, и притомъ вовсе не въ той силѣ чтобы нѣмецкій языкъ оставался здѣсь исключительно офиціальнымъ. Изъ уваженія къ нѣмецкому языку можно допустить чтобъ онъ пользовался равноправностію съ русскимъ въ этомъ краѣ; но есть ли возможность требовать, чтобы русскій языкъ въ той или другой части русскихъ владѣній былъ лишенъ политическихъ правъ, и чтобы человѣкъ незнающій нѣмецкаго языка не могъ въ Ригѣ, Митавѣ, Ревелѣ, найдти себѣ правосудіе непосредственно и даже преимущественно на русскомъ языкѣ?

Что касается до вѣроисповѣданія, то можно *желать* чтобы всѣ народонаселенія государства и всѣ лица принадлежащія къ одному и тому же народу исповѣдывали одну и ту же вѣру. Но желать не значитъ *требовать*, и государственное единство не нарушается отъ различія въ вѣрованіяхъ. Православная церковь есть національная русская церковь; съ нея началось историческое существованіе русскаго народа; она воспитала и сохранила его; она среди бурь спасала его государственную самостоятельность; она спасала его и въ чужихъ государствахъ, въ борьбѣ и гоненіяхъ. Невозможно представить себѣ въ Россіи иную церковь въ значеніи національной. Но изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы люди, живущіе въ Россіи или принадлежащіе къ русскому народу, не могли быть Русскими, исповѣдывая иную вѣру; напротивъ, мы безпрестанно встрѣчаемъ людей родившихся въ другой вѣрѣ, но принадлежащихъ душою и тѣломъ Россіи. Никакая иная церковь кромѣ православной не можетъ претендовать на значеніе русской національной церкви; но изъ этого не слѣдуетъ чтобы всякая другая вѣра дѣлала человѣка непремѣнно не русскимъ.

Итакъ, мы допускаемъ и теперь, какъ допускали прежде, что можно быть Русскимъ и при иной вѣрѣ. Мы продолжаемъ думать, что можно быть протестантомъ и въ то же время чувствовать себя Русскимъ, точно также какъ есть пстые Французы, исповѣдывающіе протестантизмъ, точно также какъ есть Нѣмцы, исповѣдывающіе и римско-католическую, и реформатскую, и лютеранскую вѣру. Но такъ какъ въ Россіи иныя вѣроисповѣданія не имѣютъ права на русскій языкъ, и такъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ русскій элементъ до сихъ поръ не имѣетъ никакихъ правъ, а протестантизмъ совпадаетъ съ германствомъ, и въ настоящее время, когда возникъ вопросъ о національностяхъ, служитъ наудобнѣйшимъ средствомъ для германизаціи тамошнихъ народонаселеній, чуждыхъ германскому элементу и не сочувствующихъ ему, и въ то же время къ отчужденію ихъ отъ русскаго народа, то относительно церковныхъ вопросовъ въ Прибалтійскомъ краѣ никто изъ Русскихъ не можетъ оставаться равнодушнымъ, не только съ церковной, но и съ политической точки зрѣнія. Пока протестанство въ этомъ краѣ будетъ совпадать съ германствомъ, до тѣхъ поръ никакое ослабленіе въ политическихъ обезпеченіяхъ православія въ этомъ краѣ не можетъ быть безъ вреда допущено.

№ 112.

Москва, 25-го мая.

У извѣстнаго разряда лицъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ есть *parti pris* повторять на всѣ лады, что сужденія и извѣстія русскихъ газетъ о тамошнихъ дѣлахъ ничего не причиняютъ кромѣ вреда, что они возбуждаютъ взаимное раздраженіе и даже *національную* вражду и т. п. Все что только говорится о Прибалтійскомъ краѣ, все это называютъ эти господа полемикой,—въ надеждѣ что этимъ именемъ будетъ къ ихъ выгодѣ замаскирована сущность дѣла. Если вы сообщаете публикѣ о неправильныхъ дѣйствіяхъ тѣхъ или другихъ лицъ въ какой угодно части Россіи, кромѣ Прибалтійскаго края, это не будетъ полемика. Если вы разбираете любой вопросъ, касающійся Москвы, Петербурга, Одессы,—вы въ своемъ правѣ, вы исполняете свою обязанность. Но попробуйте коснуться Риги или Вендена,—ва-

ши слова сейчасъ назовутъ полемикой и будутъ этимъ косвенно намекать на то, что вы руководитесь не чувствомъ долга для васъ обязательнаго, а пристрастіемъ, или раздраженіемъ и вообще такими побужденіями, которыя было бы лучше сдерживать нежели давать имъ волю. Это, конечно, маневръ не хитрый и очень прозрачный, но, повторяемый несмѣтное число разъ, онъ все-таки производитъ извѣстный эффектъ. Люди мало-по-малу привыкаютъ къ тому, о чемъ имъ твердятъ безъ умолку, а къ чему мы привыкли, то намъ уже не кажется странностью. Такимъ образомъ можетъ пожалуй случиться, что публика, слушающая эти толки, не будетъ находить ничего неестественнаго даже въ мысли, что гласность нужна для общей пользы повсюду на свѣтѣ кромѣ трехъ прибалтійскихъ губерній Россійской Имперіи. А тамъ,—кто знаетъ?—по пословицѣ; *gutta cavat lapidem*, можетъ-быть, когда-нибудь окажется, что гласность по отношенію къ этимъ губерніямъ не только не нужна, но и не полезна, и не только не полезна, но и вредна, что она въ самомъ дѣлѣ раздражаетъ страсти, причиняетъ разъединеніе и можетъ причинить другіе, еще большіе ужасы. Тогда можетъ-быть и совсѣмъ воцарится безмолвіе, а этого только и надобно лицамъ, ожесточающимся теперь въ прибалтійскихъ губерніяхъ противъ русской гласности.

Спрашиваемъ, достойный ли это образъ дѣйствій, и совмѣстенъ ли онъ не говоримъ уже съ сознаніемъ правоты, но даже съ желаніемъ поправить въ своихъ дѣлахъ то, что въ нихъ крайне не ладно?

Верхъ несправедливости обвинять русскую печать въ запальчивомъ образѣ дѣйствій по вопросамъ касающимся Прибалтійскаго края Напротивъ, русская печать обнаружила въ этомъ случаѣ чрезвычайную сдержанность. Она ограничивалась легкими указаніями, и дѣлала ихъ самымъ дружелюбнымъ и умѣреннымъ тономъ. Въ редакціяхъ русскихъ газетъ есть цѣлыя кипы сообщеній, остающихся многіе годы подъ спудомъ единственно изъ нежеланія набросить на цѣлый край невыгодную тѣнь, разоблаченіемъ дѣйствій, конечно не одобряемыхъ весьма многими изъ лучшихъ людей его и отнюдь не находящихся въ неразрывной связи съ тѣми его учрежденіями и узаконеніями, которыми онъ можетъ дорожить безъ ущерба для общихъ государственныхъ интересовъ. Русская печать, повторяемъ, дѣйствовала въ этомъ случаѣ съ деликатностью и сдержанностью, заслуживающими признанія. Если тѣмъ не менѣе возникли сѣтованія, и если эти сѣтованія вскорѣ перешли въ запальчивыя и заносчивыя нападенія, то не русская печать тому виной. Не съ ея стороны было обнаружено раздраженіе, не съ ея стороны былъ выказанъ гнѣвъ. Акты этой такъ-называемой полемики у всѣхъ передъ глазами. Не отъ руской печати также зависитъ устраненіе тѣхъ фактовъ, которыхъ указаніе раздражаетъ ихъ виновниковъ. Благомыслящіе люди края должны ратовать противъ фактовъ, безчестящихъ край, а не противъ ихъ оглашенія или обличенія, и тѣмъ еще менѣе противъ указаній, дѣлаемыхъ на нихъ изъ деликатности полу-словами.

Мы упоминали въ предыдущемъ нумерѣ нашей газеты о двухъ статьяхъ *Православнаго Обозрѣнія* *), изображающихъ настоящее положеніе православія въ Лифляндіи. Считаемъ обязанностью привести нѣсколько выдержекъ изъ этихъ статей: пусть всякій изъ читателей самъ судитъ, требуютъ ли или не требуютъ разъясненія подобныя вѣсти доходящія сюда изъ прибалтійскихъ губерній.

Лютеранское вѣроисповѣданіе, по самому коренному свойству своему, не страдаетъ нетерпимостью и фанатизмомъ. Подобныя явленія понятныя въ римскомъ католицизмѣ, не могутъ естественно вытекать изъ природы лютеранскаго исповѣданія. Они всегда оказывались въ немъ постороннею примѣсью. Гдѣ же искать источника той непріязни и даже вражды къ православію и православнымъ, которыя къ сожалѣнію несомнѣнно сказываются въ дѣйствіяхъ извѣстной части лютеранскаго населенія напримѣръ Лифляндской губерніи? Тамошніе православные присоединялись къ нашей церкви безъ всякаго усилія съ ея стороны. Присоединявшимся назначался шестимѣсячный срокъ для размышленія о предстоявшемъ имъ шагѣ. Имъ объявлялось, что они не получатъ никакихъ мірскихъ выгодъ, что они по прежнему будутъ отбывать мызныя повинности, что имъ даже не будетъ позволено переселиться на югъ Россіи, куда

*) Въ книжкахъ за мартъ и апрѣль.

многіе изъ лифляндскихъ крестьянъ желали уйдти отъ страшнаго голода въ 1840 г. Дѣло о присоединеніи этихъ крестьянъ къ православію тянулось слишкомъ пять лѣтъ. Теперь прошло уже слишкомъ осьмнадцать лѣтъ послѣ присоединенія, а многіе приходы остаются еще безъ церквей, и положеніе присоединившихся къ православію крестьянъ не только не улучшилось, но значительно ухудшилось противъ прежняго. Со стороны православія не было сдѣлано ничего для отвлеченія этихъ крестьянъ отъ лютеранства, ничего для улучшенія участи присоединившихся. Не было приманокъ въ началѣ и нѣтъ ихъ теперь. О прозелитизмѣ или пропагандѣ не можетъ быть и рѣчи. Откуда же берется это раздраженіе, напоминающее о тѣхъ временахъ когда протестантизмъ отбивался отъ католицизма? Не въ правѣ ли мы заключать, что это чувство имѣетъ свой корень не въ религіозныхъ, а въ иныхъ побужденіяхъ? Не въ правѣ ли мы заключать, что эта вражда есть чувство налганное, искусственно возбужденное и поддерживаемое,—чувство, которое не можетъ быть общимъ чувствомъ лютеранскаго населенія въ томъ краѣ?

Но люди,—сказалъ еще Тацитъ,—имѣютъ такое свойство, что ненавидятъ тѣхъ кого оскорбляютъ. Если православіе и православные будутъ въ теченіе продолжительнаго времени подвергаться оскорбленіямъ, то чувство ненависти къ православію и православнымъ не заставитъ себя долго ждать, и взаимныя отношенія двухъ исповѣданій будутъ становиться все хуже и хуже. Уже теперь дѣло доходитъ до того, что христіане лютеранскаго исповѣданія называютъ православіе собачьею вѣрой; авторъ статей въ *Православномъ Обозрѣніи* приводитъ свидѣтельство о томъ, что подобное выраженіе было сказано однажды съ церковной лютеранской каѳедры. Неужели благомыслящіе люди не должны соединить свои усилія, чтобы высказать порицаніе и положить конецъ подобному возмутительному суесловію? Неужели возможно, чтобы не нашлись въ Остзейскихъ губерніяхъ люди, которые будутъ въ состояніи взглянуть на положеніе дѣлъ трезвыми глазами и энергически возстать противъ зла, начинающаго накопляться?

Мы просимъ не столько православныхъ нашихъ читателей, сколько честныхъ лютеранъ обратить вниманіе на нижеслѣдующія выписки изъ *Православнаго Обозрѣнія*:

„Одинъ помѣщикъ просто выгналъ причтъ съ церковію изъ квартиры, и теперь этотъ причтъ живетъ въ чужомъ приходѣ въ 30 верстахъ отъ большей части своихъ прихожанъ. И вотъ бѣдные прихожане болѣе двухъ лѣтъ не имѣютъ своей церкви и нѣтъ между ними и духовнаго пастыря. Каково ихъ положеніе! Мызы не только не поддерживаютъ домовъ военнаго поста, занимаемыхъ церквами и причтами, но иногда не позволяютъ православнымъ-крестьянамъ давать даже соломы для починки кровли. А какое затрудненіе бываетъ при отводѣ мѣстъ подъ постройку настоящихъ церквей и подъ кладбища! Въ одномъ приходѣ, въ которомъ нѣтъ временнаго помѣщенія для церкви и причта, уже 10 лѣтъ продолжается дѣло о выборѣ мѣста подъ постройку настоящей церкви, и доселѣ оно неокончено. Отступились уже отъ помѣщика, совершенно отказавшагося дать въ центрѣ прихода мѣсто для церкви,—рѣшились выстроить церковь въ имѣніи, принадлежащемъ городу Ригѣ, распредѣливъ для сего иначе нѣсколько приходовъ (вотъ что заставляютъ дѣлать православное епархіальное начальство нѣкоторые изъ помѣщиковъ лифляндскихъ). Конечно, въ этомъ имѣніи, думали православные, не встрѣтится препятствія къ отводу мѣстъ подъ церковь и кладбище. Не такъ вышло: недавно въ четвертый разъ собиралась тамъ коммиссія для выбора мѣстъ: но и въ этотъ разъ повѣренный рижскаго магистрата протестовалъ противъ отвода избранныхъ мѣстъ. Уступить ихъ потому нельзя, говорилъ повѣренный, что мызныя поля размѣрены и обмежеваны, и что за выдѣломъ 1,200 квадр. саженъ подъ церковь, снова будто бы нужно будетъ перемѣривать поля, а это будетъ сопряжено съ значительными издержками. Мѣста же подъ кладбище потому нельзя отдать, что изъ него берется грантъ для поправки дорогъ и притомъ часть онаго составляетъ выгонъ для мызнаго скота, „хотя мѣсто для кладбища отведено чисто песчаное, а не грантовое," пишутъ мнѣ. Смѣшно и больно! Другой помѣщикъ за десятину неудобной земли и за полдесятины пахатной сначала выпросилъ 1,000 р. сер., а за назначенные оцѣночною коммиссіей 470 р. сер. никакъ не соглашался уступить, и на просьбу духовнаго депутата уступить эти небольшіе участ-

ки земли за такую большую цѣну, какую назначила ему коммиссія, отвѣчалъ: „Только тогда я уступлю ихъ, когда Государь „пришлетъ сюда войско отнять ихъ у меня „силой.“ Назадъ тому лѣтъ семь гражданское начальство передало священнику мѣсто подъ церковь и подъ кладбище, въ которомъ была крайняя нужда. Священникъ распорядился объ устройствѣ кладбища, и оно уже было на значительное пространство обнесено канавою и валомъ, но помѣщикъ не только остановилъ работу, но велѣлъ уничтожить и сдѣланное. И вотъ приходъ, открытый назадъ тому 16 лѣтъ, доселѣ остается даже безъ кладбища для умершихъ, которыхъ православные принуждены погребать на кладбищѣ чужаго прихода! Самое дѣло объ отводѣ мѣстъ подъ церковь и кладбище тянется около 12 лѣтъ.

„Въ одномъ имѣніи настоятельная нужда требовала открыть вспомогательную школу. Священникъ нашелъ возможно удобное помѣщеніе для школы въ домѣ одного хозяина-крестьянина, который согласился отдать оное за 15 р. сер. въ годъ, если только позволитъ ему помѣщикъ. Помѣщикъ совершенно отказалъ въ своемъ согласіи; при многолюдствѣ въ одномъ домѣ могутъ будто бы появиться разныя болѣзни. „Какъ вы, батюшка“, говорилъ помѣщикъ священнику, „заботитесь о душахъ своихъ прихожанъ, такъ на насъ лежитъ обязанность заботиться о тѣлахъ или о здоровьи людей.“ Напрасно священникъ говорилъ помѣщику, что его опасенія по крайней мѣрѣ преждевременны, что въ школу будетъ принято столько учениковъ, сколько можно, что въ случаѣ какой болѣзни школа будетъ закрыта; ничто не помогло, — открыть православную школу помѣщикъ не позволилъ. И вотъ православныя дѣти должны довольствоваться домашнимъ обученіемъ, которое, кромѣ недостаточности своей, мало можетъ утверждать ихъ въ святой вѣрѣ, — особенно въ томъ случаѣ, когда ихъ матери лютеранки, какъ это часто бываетъ. Иныя же дѣти, у которыхъ родители сами не знаютъ грамотѣ, и совсѣмъ могутъ остаться неграмотными.

По Высочайше утвержденному 25-го апрѣля 1845 года дополненію къ инструкціи епископу рижскому, православные освобождаются отъ всѣхъ приходскихъ лютеранскихъ повинностей (п. 1); это ясно означено и въ мѣстныхъ законахъ лифляндскихъ §§ 587, 588 и 590 (издан. 1862 г.), по которымъ крестьяне обязываются отбывать повинности въ пользу тѣхъ церквей *пасторовъ*, или *священниковъ*, и школъ, къ которымъ они принадлежатъ по вѣроисповѣданію. Очевидно что лютеранскіе пасторы, не исполняя для православныхъ никакихъ требъ, не имѣютъ права и получать отъ нихъ какое-либо вознагражденіе. Но я не знаю, гдѣ въ точности исполняются означенные законы. Православныхъ почти вездѣ заставляютъ отбывать эти повинности. Иногда эти противозаконныя повинности прямо вносятъ въ контракты православныхъ хозяевъ, утверждаемые приходскими судами. Но чаще онѣ отбываются православными безъ означенія въ контрактахъ; иногда сіи повинности означаются въ контрактахъ какъ особыя повинности въ пользу мызы, а на дѣлѣ отбываются въ пользу лютеранской церкви и пастора. Иные помѣщики оставляютъ за православными участки только въ томъ случаѣ, когда они соглашаются нести всѣ повинности въ пользу лютеранскихъ церквей, пасторовъ и школъ, наравнѣ съ лютеранскими, а иные, безъ всякаго уговора съ ними, заставляютъ ихъ работать, или платить въ пользу чужой имъ лютеранской церкви и духовенства ея, особенно, когда случится значительная церковная работа у лютеранъ. Если священникъ узнаетъ объ этомъ, то иногда православные крестьяне просятъ его, чтобъ онъ не жаловался на это; иначе ихъ выгонятъ изъ участковъ. Случалось, что на обремененіе православныхъ этими повинностями приносились жалобы: дѣло кончалось тѣмъ, что православные будто бы работали сами по своей охотѣ, или что у хозяевъ православныхъ есть лютеране-работники, или что мыза сама посылала ихъ на церковную работу, зачитая дни за работу для мызы. Въ настоящемъ году высшее управленіе казенными имѣніями освободило православныхъ отъ незаконныхъ повинностей въ пользу лютеранскихъ церквей, пасторовъ и школъ. А о томъ, что доставляютъ православные хлѣбомъ и деньгами въ пользу лютеранскихъ церквей и пасторовъ, едва ли можно узнать; потому что всѣ денежные сборы съ крестьянъ причисляются обыкновенно къ поголовнымъ деньгамъ, равно и сборы хлѣбомъ берутся общимъ количествомъ на всѣ предметы (на судей, писарей и бѣдныхъ). Это знаетъ развѣ одинъ управляющій мызою, да писарь, который

не рѣдко бываетъ лютеранскій школмейстеръ, или сельскій учитель. Губернское начальство на жалобу о незаконныхъ поборахъ съ православныхъ въ пользу лютеранскихъ церквей и духовенства, отвѣчаетъ, что они дѣйствительно незаконны; но что православные крестьяне должны жаловаться на нихъ въ приходскіе суды, которые сами утверждаютъ контракты съ такими незаконными повинностями, или пишутъ частныя письма помѣщикамъ, чтобы они не освобождали православныхъ отъ такихъ-то работъ, какъ мнѣ лично говорилъ о семъ одинъ помѣщикъ. Помѣщики передаютъ дѣло въ волостные суды, и судьи, большею частію лютеране, для облегченія лютеранъ своей волости распоряжаются нарядомъ всѣхъ крестьянъ на работы и черезъ мызныхъ казаковъ выгоняютъ на оныя православныхъ вмѣстѣ съ лютеранами. Такъ, православные въ двухъ мызахъ принуждены работать на лютеранскія школы; священникъ написалъ въ судъ одной мызы объ освобожденіи православныхъ отъ сей работы, а казакъ мызы приходитъ къ одному православному хозяину, уже въ третій разъ наряжая его на работу для лютеранской школы, и объявляетъ ему, что отъ священника пришла бумага въ судъ, что нужно всѣмъ работать для этой школы. Подвозить матеріалы для одной лютеранской церкви угрозами заставляли православныхъ управленія двухъ мызъ. Въ одной мызѣ православные рѣшительно отказались давать хлѣбъ, для лютранскаго пастора; но мірской судъ, руководимый писаремъ своимъ, лютеранскимъ школмейстеромъ, сталъ брать этотъ хлѣбъ, т—е. рожь, ячмень и овесъ на волостныхъ нищихъ (и овесъ для нищихъ?).

„Случалось, что пасторъ пишетъ къ священнику на отношеніе его о бракѣ: „По нашимъ законамъ, отъ милостиваго Императора выданнымъ, непозволительно имъ (православному съ лютеранскимъ лицомъ) сочетаться, а по какой причинѣ непозволительно, того я не могу сказать вамъ этотъ разъ. Конечно если мои начальники меня объ этомъ спросятъ, то я имъ отвѣтъ дамъ." Священникъ пишетъ благочинному пастора и покорнѣйше проситъ узнать отъ послѣдняго, по какой именно причинѣ нельзя сочетаться бракомъ такимъ-то лицамъ, и о томъ его увѣдомить. Благочинный отвѣчаетъ, „что если пасторъ, присяжное лицо, пишетъ за нумеромъ и церковною печатью, такъ ему нужно вѣрить и быть тѣмъ довольнымъ; а, какъ видно изъ вашей бумаги, вы не вѣрите, что лютеранскій пасторъ знаетъ законы лютеранской церкви, и думаете, что вы лучше его знаете ихъ." Случалось, что сами лютеране жаловались на своихъ пасторовъ за недозволеніе вступать въ бракъ съ православными и благочинному и въ Ригѣ,—и сколько времени, труда и издержекъ пошло на то. А два помѣщика сосѣди вотъ что придумали противъ православныхъ. Они воспретили своимъ хозяевамъ принимать въ работники и работницы православныхъ изъ другихъ волостей, а если кого изъ нихъ крайняя нужда заставитъ нанять православнаго чужой волости, тотъ обязанъ непремѣнно наблюдать, чтобы православное лицо не вступило въ бракъ съ лютеранскимъ подъ опасеніемъ штрафа 10 руб. сер. за каждый таковый бракъ. Въ обезпеченіе сего каждый хозяинъ при наймѣ въ услуженіе православнаго чужой волости, долженъ положить въ мызное правленіе 10 руб. серебромъ. Три хозяина протестовали противъ этого и слышно принесли жалобу,—неизвѣстно, чѣмъ судъ рѣшитъ дѣло.

„Одинъ православный крестьянинъ лишенъ былъ участка въ пасторатѣ, хотя ничѣмъ не былъ долженъ мызѣ и хотѣлъ платить такую же аренду, какъ и лютеранинъ, занявшій устроенный имъ домъ. Пасторъ не хотѣлъ держать его, какъ православнаго. Крестьянинъ пожаловался въ высшій судъ; но трудно ожидать, чтобъ его тамъ оправдали, а между тѣмъ хозяйство его совершенно разстроилось.

„Чтобы болѣе было хозяевъ лютеранъ и менѣе православныхъ, мызы иногда заставляютъ послѣднихъ переписывать владѣемые ими участки на родственниковъ-лютеранъ. Я знаю, что одинъ участокъ записали едва ли не на 14-лѣтняго хозяйскаго сына, оставшагося въ лютеранствѣ. Знаю еще что одинъ старикъ-лютеранинъ *въ казенномъ имѣніи* хотѣлъ передать участокъ православному родственнику, но ему не позволили этого ни мызное, ни окружное управленіе, и прямо сказали, что гдѣ хозяинъ лютеранинъ, тамъ и долженъ быть всегда хозяиномъ.

„Такимъ образомъ число православныхъ хозяевъ ежегодно уменьшается. Изъ нѣсколькихъ десятковъ приходовъ я знаю только три прихода, въ которыхъ число православныхъ хозяевъ не много увеличилось

противъ прежняго, а во всѣхъ другихъ оно уменьшилось. Знаю я два прихода, въ которыхъ прежде было православныхъ хозяевъ по двадцати шести въ каждомъ, а теперь ихъ въ одномъ только шесть, а въ другомъ только четыре; есть еще приходы, въ которыхъ число православныхъ хозяевъ сократилось съ 36 на 12, съ 11 на 6, съ 88 на 57. А то въ одномъ приходѣ довольно числительномъ теперь только одинъ хозяинъ православный, и тотъ держится только потому, что онъ хозяиномъ въ казенномъ имѣніи, а прежде было въ семъ приходѣ очень довольное число православныхъ хозяевъ, какъ говорятъ, до 30 или 40. Участокъ одного исправнаго хозяина, еще церковнаго старосты, въ послѣднемъ приходѣ, былъ проданъ безъ его вѣдома, и онъ только-что устроивъ свой домъ, долженъ былъ идти вонъ. Онъ теперь уже на томъ свѣтѣ; но его зять тоже исправнѣйшій хозяинъ, едва держится въ своемъ участкѣ. И этотъ участокъ отданъ ему только потому, что несмотря на публикаціи въ трехъ лютеранскихъ церквахъ, не нашлось лютеранина, желающаго взять его; въ такомъ онъ былъ запущеніи! Настоящій хозяинъ, православный, привелъ его въ лучшее состояніе и хотѣлъ-было купить его (онъ продается), но помѣщикъ сказалъ ему: „ты „человѣкъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, но ты Русскій (православный), а поэтому я не продамъ тебѣ участка ни за какія деньги; готовься оставить участокъ, я скоро продамъ его другому.“

№ 113.

Москва, 26-го мая.

Считаемъ не лишнимъ обратить особенное вниманіе нашихъ читателей на помѣщенныя ниже пренія прусской палаты депутатовъ, которыя, между прочимъ, подали поводъ къ личному столкновенію между министромъ-президентомъ г. фонъ-Бисмаркомъ и докладчикомъ коммиссіи Вирховомъ. Дѣло шло о займѣ въ 10 милліоновъ талеровъ на укрѣпленіе Кильской гавани, которую прусское правительство считаетъ уже какъ бы полнымъ достояніемъ Пруссіи, и на усиленіе прусскаго военнаго флота вообще. Только владѣя Кильскою гаванью, Пруссія можетъ занять почетное мѣсто по крайней мѣрѣ между второстепенными морскими державами Европы; только при помощи довольно значительнаго военнаго флота, она можетъ упрочить за собою значеніе великой державы и болѣе или менѣе подчинить своему вліянію всю сѣверную Германію, захвативъ въ свои руки охраненіе всей морской ея торговли. Дѣло шло такимъ образомъ объ одномъ изъ надежнѣйшихъ средствъ къ возвеличенію Пруссіи, и имѣя въ виду подобную цѣль, прусское министерство, казалось бы, могло ожидать полнаго сочувствія палаты депутатовъ къ своему предложенію. Что оно дорожило этимъ сочувствіемъ, ясно видно изъ того что говорилъ г. фонъ-Бисмаркъ въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи наряженной для разсмотрѣнія сдѣланнаго правительствомъ предложенія. „Правительство, говорилъ онъ, считаетъ пріобрѣтеніе для Пруссіи Кильской гавани непремѣннымъ условіемъ какого бы то ни было соглашенія по вопросу о Герцогствахъ, и оно не можетъ не придавать особенной цѣны тому, чтобъ и народное представительство высказалось въ томъ же смыслѣ. Рѣшеніе палаты можетъ или помочь, или поставить затрудненія правительству въ его стремленіи къ этой цѣли. Поэтому желательно, чтобы сеймъ, единогласно высказавшись въ пользу правительственнаго предложенія, тѣмъ самымъ заявилъ твердое рѣшеніе страны считать Киль достояніемъ Пруссіи. Прежде чѣмъ правительство со всею рѣшимостью, которая не допускаетъ никакого поворота, пойдетъ на пріобрѣтеніе Киля, оно должно быть увѣрено, что за нимъ слѣдуетъ народное представительство.“ Такъ говорилъ г. фонъ-Бисмаркъ, который, при всей ревности своей къ правамъ правительственной власти, не могъ, однакоже, въ настоящее время не признать великаго политическаго значенія даже за такъ неудачно-составленнымъ народнымъ представительствомъ, каково представительство Пруссіи.

Но если онъ серіозно и искренно надѣялся, что палата депутатовъ въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, въ уваженіи къ великой важности его для всей будущности Пруссіи, выскажется въ его пользу, то онъ ошибался, и обнаружилъ недостатокъ проницательности во внутреннихъ дѣлахъ Пруссіи. Большинство палаты депутатовъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже преній, желаетъ такъ же какъ и само прави-

тельство пріобрѣтенія Киля для Пруссіи, желаетъ, чтобы Пруссія имѣла сильный флотъ при содѣйствіи какъ деньгами, такъ и матросами со стороны Шлезвигъ-Гольштейна и даже цѣлой Германіи — далѣе этого, повидимому, не простираются требованія большинства палаты относительно Герцогствъ, — но оно желаетъ, чтобъ эти цѣли были достигнуты не силой, а съ согласія самого населенія Герцогствъ и не довѣряетъ, чтобы нынѣшнее министерство вообще могло достигнуть ихъ, а главное, опасается, чтобы средства, которыя были бы разрѣшены для этихъ цѣлей, не были употреблены имъ для того чтобы только продлить нынѣшнее безбюджетное управленіе самою Пруссіей. Нельзя не замѣтить по этому случаю, что внутреннее положеніе дѣлъ въ странѣ всегда оказываетъ рѣшительное вліяніе на успѣхи внѣшней ея политики, и что г. фонъ-Бисмарку, какъ замѣтилъ одинъ изъ прусскихъ депутатовъ, г. Михаэлисъ, слѣдовало бы напередъ сообразить, что необходимымъ предварительнымъ условіемъ энергической и успѣшной внѣшней политики въ настоящее время оказывается прежде всего обезпеченіе правъ внутри страны.

Какъ многаго не достаетъ Пруссіи въ этомъ отношеніи, это показали, между прочимъ, пренія въ палатѣ депутатовъ, 20-го и 30-го мая, когда рѣчь шла о прусскихъ судьяхъ, и о положеніи политической печати въ Пруссіи. Депутатъ Твестенъ обвинялъ министра юстиціи въ систематическомъ политическомъ развращеніи членовъ верховнаго суда; онъ указывалъ на то, что дисциплинарный судъ надъ судьями принадлежитъ судилищу изъ 16 членовъ верхней прусской палаты, и что это судилище произноситъ свои приговоры не съ юридической, а съ политической точки зрѣнія, вслѣдствіе чего и всѣ приговоры судебные по политическимъ процессамъ болѣе или менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ извѣстной политической партіи. Правда, ораторы консервативной партіи упрекали г. Твестена за то, что онъ такимъ образомъ унижаетъ Пруссію въ глазахъ Европы и колеблетъ авторитетъ судей во мнѣніи народа, но никто не дѣлалъ удовлетворительныхъ возраженій противъ приведенныхъ имъ фактовъ. Въ засѣданіи 30-го мая, когда дѣло шло о положеніи періодической печати, было обнаружено, что предоставленное прокурорамъ и полицейскимъ чиновникамъ право предварительнаго задержанія отдѣльныхъ нумеровъ газетъ и журналовъ, по своимъ послѣдствіямъ и въ своемъ практическомъ примѣненіи, почти равносильно возстановленію предварительной цензуры; что число приговоровъ надъ журналами въ Пруссіи превышаетъ число ихъ во Франціи: въ 1861 г. оно доходило до 72, въ 1862 г. — до 200, а въ 1863 г. до 293, и что при этомъ официозныя газеты остаются вовсе безъ преслѣдованія даже за самыя рѣзкія выходки противъ палаты депутатовъ, наконецъ что нерѣдко редакторы подвергаются судебному преслѣдованію за буквально-перепечатанныя статьи изъ другихъ газетъ, выходящихъ также въ Пруссіи и не подвергавшихся за нихъ никакому преслѣдованію, и т. д. Принимая во вниманіе всѣ эти факты, палата заявила желаніе, чтобы законъ о печати 12-го мая 1851 г., былъ подвергнутъ пересмотру, съ цѣлью исключить изъ него право задерживать журналы до выхода ихъ въ свѣтъ, и высказалась въ пользу отмѣны нынѣшняго дисциплинарнаго суда надъ судьями и въ пользу возстановленія суда присяжныхъ по дѣламъ печати и въ политическихъ процессахъ. Надобно впрочемъ прибавить, что принимая эти постановленія, палата заранѣе увѣрена, что они останутся безъ послѣдствій, потому что неминуемо будутъ отвергнуты и палатой господъ и правительствомъ.

Такое положеніе дѣлъ въ Пруссіи не можетъ расположить населеніе Герцогствъ въ пользу прямаго присоединенія ихъ къ Пруссіи. Теперь, когда сама Пруссія была вынуждена предложить созваніе чиновъ Шлезвигъ-Гольштейна и признать за ними, до нѣкоторой степени, право голоса въ ея спорѣ съ Австріей, прусскому министру-президенту не разъ придется пожалѣть о томъ, что внутренній государственный бытъ Пруссіи такъ неудовлетворителенъ, и что министерство не имѣетъ возможности разчитывать на содѣйствіе прусскаго народнаго представительства. Какъ много могло бы значить это содѣйствіе, видно изъ того, что въ мартѣ нынѣшняго года на совѣщаніе съ членами большинства прусской палаты депутатовъ являлись уполномоченные отъ шлезвигъ-гольштейнскихъ обществъ, и что рѣшенія, ими принятыя, состоялись подъ непосредственнымъ вліяніемъ прусскихъ депутатовъ. Приводимыя ниже пре-

нія, безъ сомнѣнія, усилятъ въ шлезвигъ-гольштейнскихъ чинахъ стремленіе противодѣйствовать сколько возможно требованіямъ Пруссіи и отстаивать отъ нея независимость Шлезвигъ-Гольштейна. Замѣчательно, однакоже, что г. фонъ-Бисмаркъ не теряетъ бодрости духа, и судя по послѣднимъ извѣстіямъ, принялъ теперь особенно рѣшительное положеніе въ переговорахъ съ Австріей. Видно, и впрямь, какъ выразился одинъ изъ прусскихъ депутатовъ г. Дункеръ, борьба съ палатой депутатовъ за преобладающее вліяніе въ государствѣ, затрудняя правительство въ его внѣшней политикѣ, въ то же время придаетъ ему особенную энергію въ его стремленіи поднять свое значеніе возвышеніемъ Пруссіи извнѣ.

Но для насъ приводимыя ниже пренія важны въ томъ отношеніи, что они подтверждаютъ связь шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, въ нынѣшнемъ его положеніи, съ вопросомъ польскимъ,—связь, на которую мы давно уже указывали. Прежде всего заслуживаетъ вниманія, что г. фонъ-Бисмаркъ не удовольствовался заявленіемъ всѣмъ извѣстнаго факта, что конвенція, заключенная Пруссіей съ Россіей въ февралѣ 1863 г., въ виду возникшаго тогда польскаго мятежа, расположила Россію къ уступчивости относительно Пруссіи во все продолженіе датско-германскаго столкновенія: онъ счелъ себя въ правѣ говорить не только за прошедшее, но и за будущее, утверждая, будто бы Россія и на всѣхъ дальнѣйшихъ степеняхъ развитія шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса сохранитъ неизмѣнно-дружественныя отношенія къ Пруссіи. Такая увѣренность въ Россіи могла бы проистекать только изъ сознанія, что Пруссія въ своей внѣшней политикѣ стремится къ цѣли, совершенно согласной съ интересами Россіи; но явная цѣль г. фонъ-Бисмарка—присоединеніе, въ той или другой формѣ, Шлезвигъ-Гольштейна къ Пруссіи и развитіе ея морскихъ военныхъ силъ на моряхъ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ, совершенно напротивъ, грозитъ весьма важнымъ ущербомъ самымъ существеннымъ интересамъ Россіи. Быть-можетъ, Пруссія, еще въ концѣ 1863 г., предоставила Россіи, въ вознагражденіе за нарушеніе прежняго равновѣсія силъ на берегахъ Балтійскаго моря, какія-либо другія существенныя выгоды? Но и это предположеніе едва ли можетъ быть основательно, если сообразить какъ общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, такъ и увѣренія самаго г. фонъ-Бисмарка, что еслибы палата депутатовъ совершенно ясно сознавала основанія, которыя повели къ заключенію конвенціи въ февралѣ 1863 г., то большинство ея вполнѣ одобрило бы эту конвенцію. Всѣмъ памятно еще, съ какимъ сочувствіемъ высказывалось это большинство о польскомъ движеніи и съ какимъ недоброжелательствомъ относилось оно къ Россіи. Если въ настоящее время г. фонъ-Бисмаркъ, который такъ горячо вступился за свою правдивость, счелъ себя въ правѣ увѣрять палату, что она одобрила бы упомянутую конвенцію, еслибы знала вполнѣ, что побудило Пруссію къ ея заключенію, то слѣдуетъ предположить, что эти побужденія были менѣе всего доброжелательны въ отношеніи къ Россіи. На чемъ же основывается увѣренность г. фонъ-Бисмарка, что Россія не только въ прошедшемъ, но и при дальнѣйшемъ развитіи шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, будетъ неизмѣнно стоять на сторонѣ Пруссіи?

Другой ораторъ, баронъ фонъ-Габленцъ, привелъ въ связь шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ съ вопросомъ польскимъ съ другой стороны, къ сожалѣнію, извративъ хронологическій порядокъ событій. То что составляетъ еще предметъ ожиданій въ Россіи—установленіе такихъ простыхъ и естественныхъ отношеній между Царствомъ Польскимъ и Имперіей, чтобы признаніе Царства нераздѣльною частью Имперіи стало дѣйствительностью и чтобъ обладаніе Польшей было впредь источникомъ не безсилія, а силы для Россіи, онъ считаетъ уже за фактъ совершившійся, и притомъ совершившійся еще до стремленія Пруссіи разрѣшить шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ въ ея исключительномъ интересѣ, и какъ бы побуждающій ее къ этому захвату, тогда какъ, совершенно напротивъ, стремленіе Пруссіи къ такому расширенію ея могущества служитъ, между прочимъ, и для насъ указаніемъ на то, какъ необходимо для Россіи упрочить за собою обладаніе какъ Польшей, такъ и прочими западными окраинами Русской державы. Но за исключеніемъ этого извращенія хронологическаго порядка, нельзя не признать справедливости словъ г. фонъ-Габленца, что полное политическое сліяніе Польскаго края съ Россіей значительно усилило бы наше положеніе на западной нашей границѣ.

Впрочемъ, какъ бы ни возросло вслѣдствіе того могущество Россіи, и какъ бы не увеличились оттого ея безопасность и спокойствіе внутри, тѣмъ не менѣе это сліяніе никакъ не могло бы идти въ сравненіе съ тѣмъ, къ чему стремится теперь Пруссія. Осуществленіе плановъ Пруссіи составило бы совершенное нововведеніе въ политическомъ мірѣ Европы, тогда какъ полное политическое сліяніе Польши съ Россіей было бы только пополненіемъ того что̀ существуетъ въ принципѣ уже съ 1832 г., когда императоръ Николай I объявилъ Царство Польское нераздѣльною составною частью Русской имперіи. Сверхъ того, вся нынѣшняя политика Пруссіи, направленная къ ея возвышенію, исполнена насилій: насилій противъ Даніи, противъ населенія самихъ Герцогствъ, противъ Германскаго Союза, противъ Австріи и даже противъ самаго прусскаго народнаго представительства, которое отказывается въ своемъ содѣйствіи насильственной политикѣ своего правительства; тогда какъ тѣснѣйшее соединеніе Польши съ Россіей не предполагаетъ никакого насилія, и требуется очевидными интересами какъ Россіи, такъ и громаднаго большинства польскихъ населеній. Наконецъ, это былъ бы не болѣе какъ внутренній актъ русскаго правительства, который не могъ бы повести ни къ какимъ замѣшательствамъ въ Европѣ, тогда какъ шлезвигъ-гольштейскій вопросъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу международныхъ вопросовъ, и каждую минуту можетъ повести къ нарушенію европейскаго мира. Россія не нуждается ни въ чьемъ постороннемъ содѣйствіи для преобразованій, которыя оказываются необходимыми въ формѣ политическаго существованія Царства Польскаго, и вотъ почему особенно странно, что Пруссія, которая, повидимому, сильно нуждается для своихъ плановъ въ содѣйствіи Россіи, разчитываетъ на это содѣйствіе, какъ будто бы она пріобрѣла на него право какими-то услугами, оказанными ею Россіи по дѣламъ польскимъ. Мы не видимъ, въ чемъ могли бы или могутъ заключаться эти услуги, и полагаемъ, что Россія имѣетъ полнѣйшее право устраивать дѣла въ своемъ Польскомъ краѣ, по собственному своему желанію, не нуждаясь для этого ни въ чьей помощи, и что она не имѣетъ ни малѣйшей обязанности содѣйствовать Пруссіи въ ея посягательствахъ на независимость Шлезвигъ-Гольштейна или на права Германскаго Союза.

№ 114.

Москва, 27-го мая.

Итакъ, завтра, 28-го мая, будутъ возвращены землѣ,—родной землѣ,—смертные останки того, кто былъ Наслѣдникомъ Русскаго престола, кого еще такъ недавно Россія напутствовала радостными благословеніями, и кому не было суждено возвратиться... Невозможно забыть общее впечатлѣніе произведенное первыми тревожными извѣстіями о состояніи здоровья почившаго Цесаревича, и наконецъ извѣстіемъ объ этой внезапной кончинѣ, къ которой никто въ Россіи не былъ приготовленъ. Сколько въ этомъ скорбномъ чувствѣ было правды и силы! Оно соединяло въ себѣ искренность личнаго чувства съ величіемъ истинно-народнаго движенія: такія движенія знаменательны, такія движенія не остаются безплодными. Въ этомъ симпатическомъ токѣ, проходившемъ чрезъ народныя массы, въ этихъ слезахъ, въ этомъ умиленіи, въ этомъ трепетѣ надежды, когда еще была надежда, въ этой скорби, когда она исчезла, выразительно сказывалось какъ неразрывно и едино чувствуетъ себя народъ нашъ съ своею царственною семьей, какими родственными узами соединенъ онъ съ своимъ вѣнчаннымъ Вождемъ. Это единство не праздное слово, не обычная фраза; это фактъ могущественный и глубокій, созданный всѣми событіями нашей исторической жизни, фактъ въ которомъ и грѣшно и невозможно сомнѣваться, фактъ, въ которомъ заключается вся сила нашего прошедшаго, и въ которомъ точно также заключаются всѣ надежды нашего будущаго. Этотъ великій фактъ обнаруживается при всякомъ истинно-народномъ движеніи нашей жизни; о немъ каждый разъ свидѣтельствуетъ народное чувство, когда событія пробуждаютъ его въ нашемъ отечествѣ. Россія претерпѣла много перемѣнъ; она перешла черезъ многія положенія, которыя глубоко преобразовали ея государственный бытъ. Прежнія патріархальныя отношенія, на которыхъ основывался государственный бытъ Россіи, уступили мѣсто другимъ, болѣе формальнымъ отношеніямъ; и съ тѣмъ вмѣ-

стѣ государственный бытъ нашъ перешелъ на европейскую почву, гдѣ ему предстоитъ плотодворное развитіе въ общей системѣ цивилизованныхъ націй. Но что было, то не уничтожилось; прошедшее не значитъ уничтоженное. Патріархальныя формы прошли; но что жило въ этихъ формахъ, то не исчезло, то остается во всей силѣ, принимая болѣе достойный видъ и облагораживаясь въ своихъ проявленіяхъ и дѣйствіяхъ. Нѣтъ и помина о вотчинномъ правѣ, которымъ когда-то управлялась Россія, но во всей силѣ осталось то семейное начало, которое, по народному чувству, крѣпко воспитанному исторіей, находится въ основѣ отношеній соединяющихъ главу Русскаго государства съ Русскимъ народомъ. Прискорбныя случайности, нарушавшія повременамъ строй нашей исторической жизни, могли оскорблять это чувство и вносить смуту въ наши дѣла; но эти случайности не были достаточно сильны чтобъ поколебать или ослабить его, и оно всегда пробуждалось съ новою силой и спасало Россію въ рѣшительныя минуты. Россія будетъ крѣпка и могущественна, пока это чувство останется непоколебимымъ; Русское государство будетъ развиваться плодотворно для человѣчества и цивилизаціи въ той мѣрѣ какъ это начало, обоюдно признаваемое во всей своей истинѣ, будетъ управлять ходомъ его жизни. Глава Русскаго государства, по народному чувству, не есть только глава правительства, не есть какъ бы вождь дружины чуждой народу и составляющей нѣчто отъ него отдѣльное; глава Русскаго государства, въ то же время и въ ту же силу, есть глава Русскаго народа, соединенный съ нимъ тѣми неразрывными семейными узами, которыя не допускаютъ никакого раздѣла и розни. Вездѣ съ верховною властью главы государства соединяется болѣе или менѣе это понятіе; но это понятіе во многихъ странахъ превратилось въ юридическую фикцію, между тѣмъ какъ въ Россіи оно сохранило всю силу безспорной дѣйствительности и исполнено жизненной правды. Русскій народъ видитъ въ своемъ Государѣ не какое-либо офиціальное лицо призванное только управлять административною машиной; онъ видитъ въ немъ верховную земскую силу, и чтитъ въ немъ живой символъ своего единства. Это инстинктивная мудрость, вынесенная Русскимъ народомъ изъ всѣхъ испытаній его исторіи. Онъ всѣмъ жертвовалъ утвержденію этого начала, и оно утвердилось, оно вошло въ плоть и кровь русскаго народа, и можетъ поколебаться только съ паденіемъ Россіи.

Скорбь, съ которою теперь провожаетъ Россія почившаго Цесаревича въ его преждевременную могилу, будетъ новымъ залогомъ этого единенія, которымъ такъ сильна Русская земля, и въ которомъ таятся сѣмена плодотворнаго развитія ея въ будущемъ. Народное чувство не слѣпо предавалось этой скорби; оно разумѣло силу утраты. Въ покойномъ Цесаревичѣ оно видѣло провозвѣстника будущихъ судебъ Россіи; оно видѣло въ немъ преемника нынѣшнихъ великихъ преобразованій, которыя призываютъ Русскій народъ къ новой жизни. Все что было извѣстно о Цесаревичѣ, такъ внезапно похищеннымъ смертью среди цвѣтущихъ надеждъ удалявшихъ всякое помышленіе о смерти, должно было крѣпко привязывать къ нему русское народное чувство. Онъ былъ самъ исполненъ этого чувства, и обновляющаяся Россія не могла не признавать въ немъ своего олицетворенія. Провидѣніе не судило ему жить и дѣйствовать для блага всей страны. Тѣлесныя силы его не соотвѣтствовали тѣмъ задачамъ, которыя онъ, несмотря на свой юный возрастъ, постигалъ во всей ихъ силѣ и высотѣ. Ему суждено было прозрѣть ожидавшее его призваніе, но подвигъ осуществленія предоставленъ въ будущемъ другому, одного съ нимъ духа, какъ одной крови, кого не даромъ любилъ онъ съ особенною нѣжностью. Что было умственно пережито и извѣдано покойнымъ Цесаревичемъ въ краткій мигъ его разцвѣта, не останется безплоднымъ. Современемъ черты его внутренней жизни, его юной мысли неутомимо работавшей и такъ рано созрѣвшей, получатъ большую извѣстность и придадутъ для Россіи новое значеніе его прекрасной памяти.

Съ этою свѣтлою памятью невольно соединяется мысль о юной принцессѣ, чье имя стало такъ любезно и дорого для Россіи. Недавно въ иностранныхъ газетахъ извѣщалось, что въ королевскомъ датскомъ семействѣ предположено приготовлять принцессу Дагмару къ лютеранской конфирмаціи. Но сколько намъ извѣстно, слухъ этотъ неоснователенъ, и августѣйшіе родители принцессы, оставляя полную свободу ея религіозному чувству, не намѣре-

ны ставить преграды между ею и православною церковью, которая открыла для ней свои объятія.

№ 115.

Москва, 28-го мая.

Остзейскія газеты утверждаютъ, что мы возбуждаемъ русскую публику противъ „несчастныхъ Остзейцевъ"? Feindseligkeit, Anfeidungen,—вотъ слова, которыми онѣ обыкновенно характеризуютъ наши отношенія къ Остзейскому краю. Неужели онѣ однакожъ не понимаютъ, что Остзейскій край есть часть Россіи, и какъ таковой не можетъ вызывать въ русскихъ людяхъ ничего другаго, кромѣ желанія ему всяческой пользы, лишь бы она не условливалась ущербомъ для цѣлаго? Неужели онѣ не видятъ, что съ русской патріотической точки зрѣнія не можетъ быть никакого побужденія раздражать русскую публику противъ обитателей какой бы то ни было части русскихъ владѣній или внушать этимъ обитателямъ недовѣріе и непріязнь къ Россіи? Все это онѣ, конечно, понимаютъ и видятъ. Столь же мало укрывается отъ нихъ, конечно, и то, что русская печать гораздо откровеннѣе обличаетъ злоупотребленія по внутреннимъ нежели по прибалтійскимъ губерніямъ Россіи. Коротко зная свои дѣла, онѣ должны какъ нельзя лучше знать, что напримѣръ *Московскія Вѣдомости* говорятъ о нихъ лишь малую долю того что имѣли бы и возможность, и право сказать. Остзейскимъ публицистамъ должно быть очень хорошо извѣстно, что мы весьма многое скрывали, а смягчали все въ извѣстіяхъ изъ того края. Изъ какихъ же побужденій мы это дѣлали? изъ желанія ли раздражать русскую публику противъ Остзейскаго края?

Съ какой стороны ни взять дѣло, обвиненія взводимыя на насъ прибалтійскими газетами не могутъ ни въ чемъ найдти себѣ подкрѣпленія. Если анализировать побужденія, которыя можно, не грѣша противъ вѣроятія, предполагать въ насъ, то не окажется ни одного такого, изъ котораго естественно возникало бы желаніе вызвать въ русской публикѣ непріязнь къ Прибалтійскому краю или къ его обитателямъ. Если отъ предполагаемыхъ побужденій обратиться къ осязаемымъ фактамъ и разсмотрѣть наши дѣйствія, то на оборотъ окажется, что мы никогда не желали преувеличивать неправильности въ тамошнемъ ходѣ дѣлъ, никогда не разрисовывали ихъ яркими красками, и по большей части говорили о нихъ отдаленными намеками, понятными лишь для лицъ, знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ. Мы говорили слегка, когда естественнѣе было бы говорить энергически; мы ограничивались общими замѣчаніями, когда могли привести цѣлые ряды яркихъ фактовъ: многія стороны дѣла мы совсѣмъ прикрывали. Высказывая какія-либо общія замѣчанія, мы постоянно заявляли, что они относятся лишь къ частнымъ случаямъ, къ отдѣльнымъ лицамъ или кружкамъ, а отнюдь не ко всему краю и не ко всѣмъ живущимъ тамъ людямъ нѣмецкаго происхожденія или языка. Такого ли образа дѣйствій слѣдовало бы намъ держаться, если бы мы имѣли въ виду раздражать и вооружать русскую публику противъ обитателей Прибалтійскаго края?

Посмотримъ же теперь, какъ поступали тамошнія газеты. Когда намъ случалось говорить о томъ или другомъ изъ многихъ увлеченій остзейской публицистики и выставлять его какъ мнѣніе немногихъ лицъ, тотчасъ-же печатались тамъ заявленія, что это мнѣніе есть всеобщее глубокое убѣжденіе края. Наши замѣчанія о германизаціи Латышей и Эстовъ, вызванныя проповѣдью епископа Вальтера, послужили поводомъ ко многимъ заявленіямъ, письменнымъ и печатнымъ, что епископъ Вальтеръ высказывалъ свое личное мнѣніе, а вовсе не служилъ органомъ лифляндскаго рыцарства. Но тѣмъ не менѣе въ одной изъ остзейскихъ газетъ было эмфатически сказано, что епископъ Вальтеръ былъ въ этомъ случаѣ вѣрнымъ выразителемъ непоколебимыхъ убѣжденій цѣлаго края. Подобные случаи повторялись нѣсколько разъ. Любую фантазію двухъ-трехъ десятковъ человѣкъ провозглашали тамъ всеобъемлющимъ желаніемъ трехъ губерній. Спрашивается, съ какою цѣлію все это дѣлалось? Не хотѣли ли этимъ вовлечь русскую публику въ заблужденіе, заставить ее думать, что отвлеченныя и несбыточныя мечты, противъ которыхъ русская печать не могла не протестовать, составляютъ основу общаго настроенія цѣлыхъ сословій Остзейскаго края? Не имѣлось ли въ виду побудить русскую печать къ обвиненію цѣлаго края или по меньшей мѣрѣ цѣлыхъ сословій его въ томъ, въ чемъ по

справедливости можно было обвинять и въ чемъ мы дѣствительно обвиняли и теперь обвиняемъ нѣкоторую партію, поддерживающую свое вліяніе хитрыми маневрами?

Далѣе, высказываясь, отчасти противъ злоупотребленій въ настоящемъ, преимущественно же противъ несбыточныхъ притязаній относительно будущаго, мы всегда говорили съ уваженіемъ о томъ, что заслуживаетъ уваженія, и указывали съ сочувствіемъ на здоровыя стороны остзейскаго порядка и быта. Къ сожалѣнію, эта сторона нашего взгляда остается неизвѣстною большинству остзейской публики, почерпающему свои свѣдѣнія о нашемъ политическомъ направленіи изъ остзейскихъ газетъ. Большинство тамошней публики негодуетъ на насъ; оно видитъ въ насъ злобныхъ враговъ своихъ, кровожадныхъ Тамерлановъ, ненавистниковъ свободы совѣсти и т. д. Оно имѣетъ о насъ мнѣніе не лучше, чѣмъ то, которое должны были составить себѣ о *Московскихъ Вѣдомостяхъ* незнакомые съ ними европейскіе читатели извѣстной брошюры Шедо-Ферроти. Такъ ошибочно смотритъ на насъ большинство образованныхъ классовъ въ остзейскихъ губерніяхъ, но съ нашей стороны было бы несправедливо винить его въ этой ошибкѣ. Весьма не многія лица имѣютъ тамъ возможность составить себѣ сужденіе о нашей газетѣ по ней самой. Огромное большинство знаютъ о *Московскихъ Вѣдомостяхъ* только изъ мѣстныхъ газетъ. Но тѣмъ болѣе мы въ правѣ обратиться къ этимъ газетамъ съ вопросомъ, въ какихъ видахъ онѣ скрываютъ отъ своихъ читателей все то, что свидѣтельствуетъ о нашемъ доброжелательствѣ къ Прибалтійскому краю, и выставляютъ передъ ними только ту сторону нашихъ сужденій, которая, взятая отдѣльно отъ остальнаго, должна производить совершенно невѣрное впечатлѣніе?

Рижская Газета недоумѣваетъ по поводу нашихъ словъ, что раздраженіе, о которомъ она говоритъ, было причиняемо не столичною, а остзейскою печатью. Но развѣ остзейская печать не раздражала русской публики увѣреніями, будто въ мечтаніяхъ того или другаго остзейскаго публициста выражается всеобъемлющее желаніе края! развѣ она не старалась изо всѣхъ силъ о томъ, чтобы предметомъ неодобрительныхъ отзывовъ русской печати и русскаго общества сдѣлались не отдѣльныя лица и кружки, а цѣлыя сословія и наконецъ весь край? Возбуждая въ русской печати и русскомъ обществѣ неправильныя чувства раздраженія противъ всего Остзейскаго края, развѣ тамошнія газеты съ другой стороны не увѣряли своихъ читателей будто вся русская печать враждебно расположена къ нему? *Рижская Газета*, сколько мы помнимъ, только однажды передала правильно и объективно нашъ отзывъ объ остзейскихъ дѣлахъ: это случилось по поводу вопроса о городскомъ устройствѣ Риги и было сдѣлано въ интересѣ проекта реформы, защитницей котораго явилась *Рижская Газета*, при чемъ однакоже наши сужденія были все-таки переданы съ нѣкоторою односторонностью и были изложены такъ, что если можетъ-быть понравились составителямъ проекта, то очень могли не совсѣмъ понравиться другимъ жителямъ Риги. Но вслѣдъ за тѣмъ *Рижская Газета* приняла за правило умалчивать обо всемъ что могло бы смягчать въ ея читателяхъ производимое ею же раздраженіе противъ насъ. Когда никакъ уже нельзя бывало совсѣмъ умолчать о чемъ-нибудь, то употреблялись ироническія выраженія въ родѣ: *Liebäugeln mit unseren Institutionen* (*Рижская Газета* № 114), и эти выраженія, уже сами по себѣ извращающія характеръ дѣла, сопровождались намеками на то, что всѣ наши оговорки въ пользу Остзейскаго края и его учрежденій не болѣе какъ дипломатическая уловка. И все это надлежащимъ образомъ оттѣнялось укорами, будто мы въ этомъ спорѣ прибѣгаемъ къ пріемамъ обыкновенно употребляемымъ сильными противъ слабѣйшихъ предназначенныхъ къ закланію. Сильный, угнетающій слабаго, кокетничаетъ съ нимъ и старается уловить его дипломатическими тонкостями! Какъ это хорошо придумано! Какъ это похоже на Гораціеву рыбу съ конскою головой!

Сказать ли намъ, однако, передъ этимъ чудовищемъ долженствующимъ изображать насъ: *risum teneatis, amici?* Мы посмѣялись бы, еслибъ это была карикатура на насъ, особенно еслибы въ ней было видно остроуміе. Но все это говорится въ *Рижской Газетѣ* очень серіозно и вовсе не съ тою цѣлью, чтобы представить насъ въ карикатурномъ видѣ. *Рижская Газета* отнюдь не имѣетъ въ виду умалить; она напротивъ до крайности преувеличиваетъ наше значеніе, сходясь и въ этомъ случаѣ съ брошюрой Шедо-Ферроти. Она старается

внушить своимъ читателямъ, что въ словахъ нашей газеты слышится голосъ какой-то иной силы, кромѣ силы доводовъ, нами развиваемыхъ, что эта сила, очевидно грубая, вступаетъ въ союзъ съ византійскою хитростью лишь вслѣдствіе сознанія своей неправоты, и т. д. Карикатура тутъ пишется не на насъ, мы не смѣемся, а напротивъ просимъ читателей серіозно вникнуть въ дѣло.

Едва ли кто предположитъ въ остзейскихъ агитаторахъ желаніе вызывать безплодное раздраженіе въ обитателяхъ того края противъ Русскаго народа. Предполагать такое безкорыстное желаніе зла было бы очень странно. Возбужденіе взаимнаго раздраженія должно служить средствомъ для какой-нибудь цѣли. Для какой же? Нѣтъ надобности въ большой проницательности чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ: *Московскія Вѣдомости* обличаютъ нелѣпость нѣкоторыхъ тенденцій и указываютъ на то что эти тенденціи не раздѣляются ни огромнымъ большинствомъ жителей Остзейскаго края, ни дворянскими корпораціями. Насъ увѣряютъ, что это не такъ, что наши замѣчанія примѣнимы къ цѣлому краю. Увѣряющіе хотятъ, разумѣется, убѣдить насъ въ томъ, въ чемъ увѣряютъ. Предположимъ же, что ихъ желаніе исполнилось. Мы сочли бы тогда своимъ долгомъ говорить о цѣлыхъ корпораціяхъ то, что говоримъ объ агитаторахъ, дѣйствующихъ интригой и нерѣдко пользующихся правительственными способами дѣйствія (не правительственными ли способами хотѣли сформировать особую малороссійскую народность? мудрено ли что и въ Остзейскомъ краѣ тѣми же способами дѣйствія и вліянія затѣваютъ устроить нѣчто въ родѣ особаго государства германской національности?). Мы уже не могли бы дѣлать различія между элементами нѣмецкаго населенія остзейскихъ губерній. Всѣ эти элементы смѣшались бы въ нашихъ глазахъ. Мы стали бы несправедливо обвинять всѣхъ въ чемъ теперь, по всей справедливости, уличаемъ нѣкоторыхъ. Что же было бы естественнымъ слѣдствіемъ такой ошибки, въ которую инымъ желается во влечь насъ? Естественнымъ слѣдствіемъ было бы то, что подвергающіеся несправедливому порицанію были бы принуждены вступить противъ насъ въ союзъ съ тѣми, которые заслуживаютъ порицанія и потому сами по себѣ не могутъ защищаться успѣшно. Въ результатѣ оказался бы неестественный союзъ, искусственно созданный нашею ошибкой. Если мы пойдемъ далѣе и посмотримъ на дѣло съ точки зрѣнія остзейской публики, то увидимъ, что и на этой сторонѣ возможна ошибка подобная той, въ которую хотятъ вовлечь насъ, и что эта ошибка можетъ повести къ такому же искусственному сближенію направленій, существенно различающихся одно отъ другаго. Кто же и какую пользу извлекъ бы изъ того, еслибъ остзейская публика испугалась русской печати, русскаго патріотизма будто бы фанатическаго, русскаго государства будто бы соединяющаго монгольскую дикость съ византійскою хитростью? Предположимъ, что остзейская публика испугалась: какое дѣло выиграло бы отъ того? Выиграло бы дѣло тѣхъ интригановъ, которые въ своихъ несбыточныхъ и недружелюбныхъ къ Россіи затѣяхъ не опираются теперь на сочувствіе большинства, пользующагося голосомъ и вліяніемъ.

Вотъ побужденія, изъ которыхъ можетъ возникать желаніе запутать дѣло. Въ дѣйствительности эти побужденія не являются, конечно, въ такой логической чистотѣ, какъ мы озобразили ихъ. Они видоизмѣняются и смягчаются, но въ ихъ основаніи всегда лежитъ желаніе заручить большинство мѣстной публики тому направленію, которому оно не сочувствуетъ и по своимъ интересамъ, матеріальнымъ и нравственнымъ, а также по своему здравому смыслу, не можетъ сочувствовать. Мы говоримъ о направленіи, которое хочетъ постепенно усиливать юридическое и фактическое отчужденіе Остзейскаго края отъ Россіи, и которое столько же противорѣчитъ интересамъ Русской державы, какъ и интересамъ всѣхъ жителей и сословій Остзейскаго края. Русская печать не исполняла бы своего долга, еслибы не обличала этого направленія, ни къ чему, кромѣ зла, не ведущаго, и равно вреднаго, сознательно ли или полусознательно поддерживаютъ его тѣ или другія лица.

№ 116.

Москва, 29-го мая.

Между 15-мъ и 20-мъ іюня послѣдуетъ, наконецъ, открытіе уѣздныхъ земскихъ собраній по всей Московской губерніи. При

томъ значеніи, какое имѣетъ Москва для цѣлой Россіи, дѣйствія земскихъ собраній Московской губерніи могутъ имѣть особый вѣсъ и оказать большее или меньшее вліяніе на дальнѣйшее развитіе земскаго дѣла. Не даромъ Москва называется сердцемъ Россіи: то что чувствуется, сознается и дѣлается въ Москвѣ, естественно отражается повсюду въ Россіи, точно также какъ все что совершается и совершилось въ другихъ мѣстахъ, находитъ себѣ живой отголосокъ въ Москвѣ. Это историческое значеніе Москвы для Россіи, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть въ виду и земство Московской губерніи.

Справедливо сказано, что законодатель можетъ и долженъ обладать оригинально-творческимъ духомъ, но что доброкачественная оригинальность его заключается въ силѣ наблюденія, съ которою онъ извлекаетъ наиболѣе существенныя черты изъ прошедшей и настоящей жизни своего народа, и въ искусствѣ привести ихъ между собою въ естественныя и разумныя сочетанія, отрекаясь отъ собственныхъ теоретическихъ воззрѣній. Законъ 1-го января 1864 года, въ главныхъ чертахъ своихъ, уловилъ нѣкоторыя существенныя условія дѣйствительности; особенно важно то, что онъ до извѣстной степени устранилъ изъ организаціи земства вредные элементы сословнаго антагонизма. Но совершенно исключить эти элементы и распредѣлить вліяніе между различными классами земства, соотвѣтственно ихъ интересамъ въ земствѣ и лежащимъ на нихъ обязанностямъ въ отношеніи къ нему, — это остается еще задачей будущаго. Законодательство не рѣшило окончательно этого послѣдняго вопроса, безъ сомнѣнія ожидая указаній опыта, а также и заявленій самихъ земскихъ собраній: не касаясь пока основаній для опредѣленія числа гласныхъ отъ различныхъ видовъ землевладѣнія, оно установило эти числа лишь временно, лишь на одно текущее трехлѣтіе. Такимъ образомъ сами земскія собранія послужатъ къ обнаруженію, насколько предначертанная въ законѣ организація земства соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ элементамъ. Вопросъ о правильной организаціи земства имѣетъ несравненно большую важность чѣмъ вопросы о формальностяхъ, которымъ иныя земскія собранія посвящаютъ, какъ кажется, слишкомъ много вниманія.

Читатели, вѣроятно, обратили вниманіе на постановленія холмскаго земскаго собранія въ Псковской губерніи (см. въ № 114 *Московскихъ Вѣдомостей* статью: „Къ дѣлу о земскихъ учрежденіяхъ"), рѣшившаго ходатайствовать о томъ, чтобы крупные землевладѣльцы были гласными по праву, независимо отъ выборовъ: ходатайство разумное, если принять во вниманіе, что крупные землевладѣльцы наиболѣе заинтересованы въ земскихъ дѣлахъ, что интересы ихъ не могутъ быть вполнѣ представлены гласными отъ мелкаго землевладѣнія, и еще менѣе гласными отъ общиннаго пользованія землею, и наконецъ, если принять во вниманіе, что число крупныхъ землевладѣльцевъ въ каждомъ уѣздѣ такъ незначительно въ сравненіи съ числомъ гласныхъ, что они, получивъ и личное право голоса въ собраніи, никогда не будутъ имѣть въ немъ численный перевѣсъ, тогда какъ, напротивъ, безъ этого права, избраніе ихъ въ гласные всегда будетъ зависѣть отъ милости представителей мелкаго землевладѣнія. Между тѣмъ очевидно, что крупные землевладѣльцы своимъ участіемъ въ интересахъ управленія могутъ придать ему тотъ вѣсъ и ту степень самостоятельности, безъ которыхъ самоуправленіе навсегда останется пустымъ звукомъ. Право самоличнаго независимаго участія въ общественныхъ дѣлахъ имѣетъ чрезвычайную важность въ дѣлѣ самоуправленія. Въ Австріи, гдѣ крупное землевладѣніе выбираетъ своихъ особыхъ представителей въ областные сеймы и въ ихъ постоянные комитеты, соотвѣтствующіе нашимъ управамъ, мы видимъ, что эти коллегіяльныя выборныя учрежденія никакъ еще не могутъ стать на свои ноги, никакъ не могутъ высвободиться изъ-подъ опеки органовъ бюрократическаго управленія и доставить центральному правительству средства къ сокращенію числа чиновниковъ и къ сбереженію государственныхъ расходовъ. А наоборотъ, какою силой и какимъ вліяніемъ на администрацію пользуется остзейскій институтъ пожизненныхъ ландратовъ! Не ясно ли изъ этого, что однимъ избирательнымъ началомъ не обезпечивается самоуправленіе?

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается сущность самоуправленія? Конечно, не въ томъ, что управленіе мѣстными дѣлами будетъ находиться въ рукахъ лицъ, избранныхъ не правительствомъ, а земствомъ.

Въ Англіи, напримѣръ, мировые судьи, которые служатъ органами мѣстнаго самоуправленія, получаютъ полномочіе отъ короны; министръ имѣетъ право провѣрять списки мировыхъ судей и исключать изъ нихъ людей, не заслуживающихъ одобренія, тогда какъ мѣстные обыватели нисколько не участвуютъ въ ихъ избраніи. Между тѣмъ Англія всѣмъ извѣстна какъ образцовая страна мѣстнаго самоуправленія. Итакъ не избраніе служитъ отличительнымъ признакомъ мѣстнаго самоуправленія, а то, что завѣдываніе земскими дѣлами находится въ рукахъ такихъ лицъ, которыя наиболѣе въ нихъ заинтересованы и не считаютъ ихъ чужимъ для себя дѣломъ, которыя въ то же время пользуются независимымъ положеніемъ какъ въ обществѣ, такъ и относительно администраціи, и которыя наконецъ поставлены устройствомъ самоуправленія такъ, что могутъ дѣйствовать не какъ повѣренные и прикащики, а какъ хозяева въ мѣстныхъ дѣлахъ своего округа.

Стоитъ вникнуть въ эти условія, чтобъ усмотрѣть тотъ путь, на которомъ, при учрежденіяхъ нынѣ дарованныхъ Россіи, можетъ развиться у насъ самоуправленіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что земскія собранія и земскія управы представляютъ гораздо менѣе условій для этой цѣли нежели мировой судъ; учрежденіе котораго столь нетерпѣливо ожидается всѣми и есть одна изъ самыхъ вопіющихъ потребностей страны. Но выборъ мировыхъ судей будетъ зависѣть отъ земскихъ собраній, а потому въ нихъ все-таки сосредоточивается главное вліяніе на будущій ходъ русскаго мѣстнаго самоуправленія; они могутъ содѣйствовать скорому введенію мироваго суда; они дадутъ ему характеръ избраніемъ его личнаго состава; они опредѣлятъ значеніе и силу учрежденія почетныхъ мировыхъ судей; наконецъ заботой объ усовершенствованіи своего собственнаго состава они обезпечатъ въ будущемъ успѣшное развитіе самоуправленія въ Россіи. Вотъ въ какомъ смыслѣ можно сказать, что земскія собранія послужатъ въ Россіи началомъ самоуправленія.

Но сами по себѣ земскія учрежденія недостаточны для обезпеченія даже самыхъ элементарныхъ потребностей своей мѣстности. Безъ сомнѣнія, очень важно, что теперь есть какая бы то ни было организація нашихъ земскихъ силъ. Важно то, что теперь земство есть нѣчто существующее и дѣйствующее. Есть связь между мѣстными жителями, есть у нихъ общее дѣло, есть организованныя собранія и управы. Но все это только отдаленныя условія, только низменныя основанія того порядка, при которомъ каждая мѣстность могла бы сама пособить себѣ въ какихъ-либо трудныхъ обстоятельствахъ, и необыкновенныя случайности, угрожающія спокойствію уѣзда или губерніи, нарушающія земскій миръ, раззоряющія цѣлыя народонаселенія, не встрѣчали бы беззащитное стадо людей, лишенное всякой возможности принимать болѣе или менѣе серіозныя мѣры къ предотвращенію общественныхъ опасностей и къ пресѣченію путей для тайныхъ злоумышленныхъ дѣйствій. Отовсюду получаются извѣстія о страшныхъ пожарахъ, истребляющихъ города и селы. Цѣлые уѣзды, цѣлыя губерніи въ пламени; многочисленныя народонаселенія остаются безъ крова и пищи; значительные капиталы, которыми Россія такъ не богата, исчезаютъ дымомъ; богатые превращаются въ нищихъ, а нищіе обрекаются на голодную смерть. Скоро никакихъ пожертвованій не достанетъ, для того чтобъ облегчить участь этого множества людей, которые становятся жертвами бѣдствія, распространяющагося будто эпидемія. Никто не сомнѣвается, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, чтобъ эти страшные пожары обходились безъ поджоговъ, и чтобъ эти поджоги не были дѣломъ какой-нибудь организованной шайки злоумышленниковъ. Но нельзя безъ глубокаго негодованія подумать, что судьба цѣлыхъ народонаселеній можетъ зависѣть въ такой ужасной степени отъ подобной шайки, что спокойствіе цѣлыхъ областей можетъ быть нарушаемо, безотпорно и безнаказанно, горстью злоумышленниковъ. Невозможно безъ негодованія подумать о страшной власти, которая такимъ образомъ предоставляется злоумышленникамъ, какого бы то ни было свойства, поражать бѣдствіями цѣлыя области и цѣлый народъ. Оскорбительно не то что дѣлаются поджоги, а то что они дѣлаются въ громадныхъ размѣрахъ, и имѣютъ характеръ народнаго бѣдствія. Вездѣ есть злоумышленники, вездѣ есть негодяи, но невозможно допустить чтобы цѣлая страна могла находиться въ ихъ власти и зависѣть отъ ихъ распоряженія. На что походитъ

эта дикая беззащитность цѣлыхъ народонаселеній, которыя, какъ разказывается въ помѣщенной ниже статьѣ о пожарахъ Рязанской губерніи, видятъ вокругъ себя зарева пожаровъ, получаютъ насмѣшливыя предостереженія, что и ихъ ждетъ подобная же участь, и вмѣсто того чтобы принимать дѣйствительныя мѣры къ предотвращенію опасностей,—мѣры, которыя отняли бы у негодяевъ возможность и охоту дѣлать свои попытки,—робко поникаютъ главою, выносятъ изъ домовъ свои пожитки, оставляютъ свои жилища на жертву пламени, которое въ урочный часъ и истребляетъ ихъ? Та организація, которую земство получило въ земскихъ учрежденіяхъ, пока эти учрежденія не увѣнчаны учрежденіями мировыми, не представляетъ еще способовъ бороться съ этимъ зломъ. Зло принимаетъ такіе размѣры, что земство, котораго оно непосредственно касается, должно, конечно, и теперь, посредствомъ своихъ органовъ, прінскивать средства къ принятію дѣйствительныхъ мѣръ общественной безопасности. Его единственные постоянные органы, земскія управы, могутъ, конечно, и теперь вступать въ соглашенія съ теперешними мировыми съѣздами и дѣйствовать съ ними заодно, а также обращаться за содѣйствіемъ къ гласнымъ уѣзднаго собранія, чтобъ общими силами охранять въ уѣздѣ порядокъ и тѣмъ отбивать надежды у злоумышленниковъ. Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ и чрезвычайныхъ средствъ. Люди сильны не множествомъ, а организаціей. Наше земство уже получило нѣкоторую организацію. Надобно желать, чтобъ оно скорѣе вступило въ дѣйствіе повсюду, и чтобы вездѣ земскіе органы могли на первыхъ же порахъ получить для земства значеніе болѣе существенное, чѣмъ исполненіе простыхъ формальностей регламента. Но лишь послѣ избранія мировыхъ судей и учрежденія постоянныхъ мировыхъ съѣздовъ, земство будетъ имѣть такіе органы, которые дадутъ ему возможность съ успѣхомъ ограждать въ своей средѣ порядокъ и земскій миръ,—это главнѣйшее условіе общественнаго благосостоянія. Въ наилучшемъ устройствѣ этихъ органовъ и въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ ними земскихъ управъ будетъ заключаться главная задача земскихъ собраній.

№ 117.

Москва, 31-го мая.

М. С. Семеновъ, сообщилъ намъ главныя черты мнѣнія, которое подалъ въ коммиссію, избранную сословіями города Риги для окончательнаго составленія проекта реформы въ тамошнемъ городскомъ устройствѣ, одинъ изъ членовъ коммиссіи, г. Осиповъ, и которое подписали, вмѣстѣ съ нимъ, многіе русскіе граждане Риги. „Русскіе граждане Риги," это выраженіе, которое мы выписываемъ изъ письма г. Семенова, не можетъ не отозваться болѣзненнымъ чувствомъ въ большей части читателей нашей газеты. Разумѣется, не на г. Семенова пеняемъ мы за это выраженіе: оно встрѣчалось не разъ въ нашей газетѣ. Но появляясь съ офиціальнымъ оттѣнкомъ, оно производитъ тягостное впечатлѣніе. Оно свидѣтельствуетъ о такомъ противоположеніи въ средѣ рижскихъ гражданъ, которому не слѣдовало бы существовать, котораго одно существованіе есть признакъ серіозной болѣзни, и которое было бы невозможно, еслибы рижское городское устройство не препятствовало разноплеменнымъ жителямъ Риги чувствовать себя въ политическомъ отношеніи одною, русскою, національностью. Человѣкъ нѣмецкаго или французскаго происхожденія и языка можетъ быть русскимъ подданнымъ, но русскій подданный не можетъ быть инымъ гражданиномъ какъ русскимъ въ какомъ бы городѣ Россіи онъ ни состоялъ гражданиномъ. Будь Рига вольный городъ, эпитетъ „рижскій" соединялъ бы всѣхъ его гражданъ въ политическомъ отношеніи. Но Рига не есть вольный городъ, и потому эпитетъ „рижскій," не имѣя политическаго значенія, не въ состояніи служить политическою связью для его гражданъ. Единственною прочною связью рижскихъ гражданъ можетъ быть ихъ общее сознаніе что всѣ они граждане русскіе. Безъ этого сознанія не можетъ быть единодушія въ городскомъ населеніи, а слѣдовательно не можетъ быть и правильнаго хода городскихъ дѣлъ. Мы не хотимъ признавать отсутствіе этой связи въ рижскомъ гражданствѣ, мы не хотимъ допускать существованіе той нелѣпости, что городъ Рига есть какая-то амфибія, что его граждане не имѣютъ опредѣленнаго отечества. По этому мы позволимъ себѣ въ нижеслѣдую-

щихъ строкахъ называть „мнѣніе рижскихъ гражданъ русской національности“ просто мнѣніемъ г. Осипова.

Наибольшую важность изъ предложеній г. Осипова имѣетъ слѣдующее (мы выписываемъ подлинныя слова предложенія, котораго текстъ на дняхъ намъ доставленъ): „Главное письменное дѣлопроизводство въ скамьѣ старшинъ (что въ Москвѣ называется Общею Думой) и въ магистратѣ, должно быть ведено какъ на нѣмецкомъ, такъ и на русскомъ языкѣ; на тѣхъ же обоихъ языкахъ должны выходить изъ означенныхъ мѣстъ всѣ отчеты, рѣшенія, публичныя объявленія и т. п. Какъ въ скамьѣ старшинъ, такъ и въ магистратѣ письменныя заявленія и жалобы должны быть принимаемы какъ на нѣмецкомъ, такъ и на русскомъ языкѣ; точно также должны быть тамъ выслушиваемы словесныя показанія и жалобы на каждомъ изъ означенныхъ языковъ.“ Въ этихъ словахъ повторено то требованіе, которое было заявлено, если не ошибаемся, г. Пименовымъ въ собраніи рижской большой гильдіи 16-го декабря, но тогда было забраковано съ дерзкою безцеремонностью, измѣнившею въ корнѣ сужденія русской печати и русскаго общества о людяхъ, взявшихся за реформу рижскаго городскаго устройства. Болѣе вопіющей несправедливости нельзя было вымыслить, какъ этотъ отказъ въ равноправности русскому языку. Дѣло не касалось правъ нѣмецкаго языка; дѣло шло объ устраненіи того неимѣющаго имени безобразія, что русскій языкъ въ русскомъ государствѣ, въ городѣ населенномъ на одну треть людьми говорящими по-русски, не былъ даже терпимъ въ качествѣ языка офиціальнаго. Русскій языкъ имѣлъ бы право требовать для себя первенства въ городѣ Ригѣ: при этомъ требованіи можно было бы сослаться на примѣръ всѣхъ безъ исключенія государствъ. Но подобнаго требованія предъявлено не было. Просили о терпимости къ русскому языку, о такой терпимости, которою пользуются мелкія славянскія нарѣчія въ нѣмецкой Австріи. Объ этой терпимости просили въ пользу національнаго языка того государства, къ которому принадлежитъ Рига, въ пользу природнаго языка, повторяемъ, цѣлой трети жителей этого города. Объ этой терпимости просили по поводу преобразованія, предпринятаго, повидимому, въ либеральномъ духѣ,—и тѣмъ не менѣе въ просьбѣ было на отрѣзъ отказано. Тутъ нельзя было ссылаться ни на какія привилегіи, ни на какія обѣщанія; отказъ прямо противорѣчилъ общему направленію мѣръ русскаго правительства, сказавшемуся еще со временъ Петра Великаго; онъ не могъ быть объясненъ ни привязанностью къ мѣстнымъ законамъ и учрежденіямъ, ни желаніемъ охранить за нѣмецкимъ языкомъ его офиціяльное значеніе. Побужденіемъ къ отказу могло служить лишь притязаніе насильственно германизировать русскихъ людей, поселившихся въ Ригѣ, и унижать тѣхъ изъ нихъ, которые не захотѣли бы поддаться германизаціи. Удивляться ли, что подобный образъ дѣйствій представилъ въ неожиданномъ для русской публики свѣтѣ положеніе рижскихъ дѣлъ, что съ ея глазъ какъ бы спала завѣса, когда она увидѣла эту настойчивость, съ которою руководители рижскаго городскаго управленія хотятъ удерживать и впредь русскій языкъ въ Ригѣ на степени языка иностраннаго, а на людей, говорящихъ этимъ языкомъ, смотрѣть какъ на пришельцевъ или плебесвъ, въ родѣ средневѣковыхъ *Beisassen?* Еслибы люди заправляющіе въ Ригѣ дѣломъ городскаго преобразованія были намѣрены поступать справедливо, они сами предупредили бы справедливое требованіе, сами предложили бы равноправность русскаго языка. Этотъ шагъ былъ бы оцѣненъ по достоинству; онъ загладилъ бы многое въ прошедшемъ и позволилъ бы смотрѣть съ довѣріемъ на будущее; онъ освободилъ бы отъ прискорбной необходимости судить о будущемъ по прошедшему. Но благопріятный случай былъ упущенъ. Вопросъ о равноправности русскаго языка былъ возбужденъ не реформаторами рижскаго городскаго устройства; онъ былъ имъ предложенъ людьми русскаго языка; оставалось отвѣчать на него *да*, какъ можно скорѣе, чтобы загладить упущеніе. И что же мы видимъ? Вмѣсто того дается рѣзкій отказъ, и дѣло считается какъ бы рѣшеннымъ. Ослѣпленное властолюбіе, политическая неспособность не соображающая своихъ дѣйствій съ ихъ необходимыми послѣдствіями, не могли идти далѣе.

Если какое дѣло само говоритъ за себя, то именно это. Тутъ все ясно какъ солнце. За нѣмецкимъ языкомъ оставляется вся полнота правъ, которыми онъ доселѣ пользовался. Рижскіе граждане нѣмецкаго языка не потерпятъ ни въ чемъ ни малѣйшаго

неудобства вслѣдствіе того что ихъ сограждане русскаго языка освободятся отъ множества неудобствъ, стѣсняющихъ ихъ матеріяльно и унижающихъ нравственно. Ни одинъ пунктъ предложенія г. Осипова не можетъ вызвать добросовѣстнаго возраженія со стороны людей нѣмецкаго языка. Недоумѣніе можетъ возникнуть съ другой точки зрѣнія. Было бы крайне странно, еслибы напримѣръ старшинамъ, говорящимъ лучше по-русски чѣмъ по-нѣмецки, не была предоставлена свобода говорить въ скамьѣ старшинъ или магистратѣ на томъ изъ этихъ двухъ языковъ, который сами они сочтутъ за лучшее предпочесть. Никто, лучше говорящаго, не можетъ судить о томъ, на какомъ языкѣ ему говорить выгоднѣе для его цѣлей. Мы впрочемъ полагаемъ, что это право заключается въ предложеніи г. Осипова: подъ „словесными показаніями“ слѣдуетъ, конечно, разумѣть и рѣчи членовъ собранія. Мы упоминаемъ о своемъ недоумѣніи только потому, что нѣмецкій переводъ относящагося сюда мѣста въ мнѣніи г. Осипова не вѣренъ: слово „показанія“ совсѣмъ пропущено въ нѣмецкомъ переводѣ напетатанномъ *texte en regard* при русскомъ текстѣ мнѣнія г. Осипова.

О другихъ пунктахъ мнѣнія г. Осипова мы имѣемъ сказать лишь весьма не многое. Г. Осиповъ предлагаетъ понизить цензъ, требуемый для полученія права гражданства. По первоначальному проекту, требуется имущество пошлинной цѣнности безъ долговъ въ 5.000 р. или самостоятельный доходъ въ 500 р. Г. Осиповъ понижаетъ цензъ въ пять разъ. У насъ нѣтъ подъ руками данныхъ чтобы судить о свойствѣ этого предложенія. Безъ надобности не слѣдуетъ, конечно, слишкомъ понижать цензъ, но если при цензѣ, первоначально предложенномъ, число гражданъ было бы несоразмѣрно мало сравнительно съ населеніемъ Риги, то пониженіе цензa было бы несомнѣнною потребностью городскаго благоустройства.

Г. Осиповъ предлагаетъ далѣе ограничить права магистрата и превратить его въ исполнительное мѣсто, въ родѣ распорядительныхъ думъ въ городскомъ устройствѣ Москвы, Петербурга и Одессы. Мы предложили бы лучше поставить магистратъ въ такое отношеніе къ скамьѣ старшинъ, въ какомъ находятся англійскіе альдерманы къ городскому совѣту, то-есть чтобы магистратъ имѣлъ право рѣшать по собственной иниціативѣ извѣстные разряды дѣлъ, а по другимъ дѣламъ составлялъ со скамьей старшинъ одно общее собраніе. Такое устройство испытано на дѣлѣ и, сколько намъ извѣстно, оказывается болѣе удобнымъ чѣмъ введенное въ Москвѣ, Петербургѣ и Одессѣ. Прежія въ скамьѣ старшинъ несомнѣнно выиграли бы отъ участія въ нихъ членовъ магистрата, а съ другой стороны члены магистрата могли бы вслѣдствіе того сохранить въ скамьѣ старшинъ первенствующее положеніе.

Что касается до пожизненной службы членовъ магистрата, то, ближе ознакомившись съ подробностями рижскаго городскаго управленія, мы должны высказаться противъ нея самымъ рѣшительнымъ образомъ. Совершенная независимость магистрата отъ городскаго общества есть несомнѣнное зло. Расходы города Риги дошли до *nec plus ultra*. Отъ произвола магистратскаго управленія страдаютъ интересы не только города Риги, но и всѣхъ губерній, для которыхъ Рига служитъ портомъ. Не вдаваясь въ подробности, въ Ригѣ всѣмъ извѣстныя, достаточно указать для русскихъ читателей на одинъ разительный фактъ, на дняхъ официяльно обличенный. Мы разумѣемъ производимую въ Ригѣ браковку льна, отпускаемаго черезъ рижскій портъ за границу губерніями бассейна Западной Двины, и ссылаемся на официяльное донесеніе по этому предмету русскаго консула въ Гентѣ, напечатанное въ № 4 *Указателя свѣдѣній по министерству финансовъ*. Изъ этого донесенія оказывается, что благодаря неправильностямъ и злоупотребленіямъ рижской браковки, иностранные прядильщики принуждены теперь обѣгать славившійся нѣкогда ленъ Псковской и Витебской губерніи. Это дѣло принимаетъ такіе размѣры, что становится уже не рижскимъ, а общимъ государственнымъ вопросовъ, тѣмъ болѣе что существованіе рижской браковки недавно продолжено еще на три года. Браковщики какъ видно сортируютъ ленъ совершенно произвольно; у нихъ всегда оказываются тѣ сорты льна, которые требуются, и въ томъ количествѣ, въ какомъ требуются; сорты льна умышленно перемѣшиваются, и заграничный покупатель подвергается всѣмъ убыткамъ отъ подобнаго подлога. Повторяемъ: это дѣло вопіющее, если только показанія русскаго консула въ Гентѣ вѣрны,

а въ вѣрности ихъ мы не имѣемъ повода сомнѣваться, зная, что и прежде были всеобщія жалобы на рижскую браковку и всеобщія просьбы о ея отмѣнѣ.

Мы уже прежде высказывались противъ пожизненности членовъ рижскаго магистрата, а также и противъ предположенія выбирать членовъ магистрата безсрочно, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые достигнутъ 60-лѣтняго возраста, получали увольненіе съ полною пенсіей. Это послѣднее предположеніе представляется намъ и теперь, какъ представлялось прежде, великимъ куріозомъ. Давать полную пенсію за неопредѣленный срокъ службы, можетъ-быть за пять или за десять лѣтъ, несправедливо относительно плательщиковъ податей, да и не подъ-стать рижскимъ городскимъ финансамъ. Вводить такой порядокъ, при которомъ напримѣръ лордъ Пальмерстонъ подлежалъ бы исключенію изъ службы, есть сумашествіе. Это новоизобрѣтенное *de ponte* лучше совсѣмъ оставить въ покоѣ. Нѣтъ никакой надобности, чтобы законодатель бился какъ рыба объ ледъ, лишь бы сохранить принципъ пожизненной городской службы. Тутъ этотъ принципъ не на мѣстѣ. Намъ казалось бы, что при сліяніи магистрата съ скамьей старшинъ, члены магистрата могли бы быть избираемы на двѣнадцать лѣтъ, съ правомъ на половинную пенсію по выслугѣ этого срока. Если же общихъ собраній магистрата и скамьи старшинъ не будетъ, то-есть если магистратъ будетъ учрежденіемъ совершенно отдѣльнымъ отъ скамьи старшинъ, то двѣнадцатилѣтній срокъ былъ бы слишкомъ продолжителенъ, и въ такомъ случаѣ мы подали бы голосъ за срокъ шестилѣтній, вмѣстѣ съ г. Осиповымъ.

Какъ бы то ни было, выборъ членовъ магистрата долженъ быть производимъ скамьей старшинъ не въ общемъ собраніи, а въ отдѣленіяхъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ участкамъ, на которые будетъ раздѣленъ городъ: иначе въ магистратѣ будетъ представлено только большинство скамьи старшинъ, и выгоды раздѣленія города на избирательные участки или округи будутъ въ значительной степени потеряны.

№ 118.

Москва, 1-го іюня.

Вопросъ объ устройствѣ городскаго управленія разсматривается теперь не только въ Ригѣ, но и въ Одессѣ, гдѣ, по иниціативѣ тамошняго городскаго головы, князя С. М. Воронцова, была учреждена особая коммиссія для разработки вопроса объ организаціи исполнительной части городскаго управленія. Эта коммиссія напечатала свои труды особою брошюрой, составляющею теперь предметъ обсужденія въ одесской общей думѣ.

Образцомъ для устройства городскаго управленія въ Одессѣ послужило извѣстное читателямъ устройство, введенное два года тому назадъ въ Москвѣ, а въ Петербургѣ существующее болѣе десяти лѣтъ. Первоначальное петербургское устройство, при перенесеніи въ Москву, было значительно улучшено. Устройство одесское установлено еще позднѣе и еще болѣе удовлетворительно чѣмъ московское. Эти измѣненія указывались опытомъ, но съ ними случилось то, что часто бываетъ въ исторіи законодательства. Первоначальные мотивы, которыми были вызваны многія формы петербургскаго устройства, потеряли силу, а формы, ими вызванныя, сохранились какъ нѣчто самостоятельное. Всего болѣе это видно на распорядительныхъ думахъ. Еслибы городовое положеніе составлялось теперь впервые, еслибъ имѣлось въ виду начертать его сызнова, не придерживаясь устройства однажды введеннаго въ Петербургѣ, то, по всему вѣроятію, распорядительныя думы были бы устроены совсѣмъ иначе, а можетъ-быть и вовсе не были бы устроены. Онѣ обязаны своимъ теперешнимъ устройствомъ тому обстоятельству, что законодательною задачей было лишь улучшить тотъ порядокъ, который уже былъ введенъ въ Петербургѣ, и въ которомъ существенную часть составляла распорядительная дума. Но въ томъ первоначальномъ устройствѣ распорядительная дума играла совсѣмъ не ту роль, какая теперь осталась за нею. Тогда она долженствовала ограничивать значеніе общей думы, возбуждавшей въ законодателѣ нѣкоторыя опасенія. Допуская многолодное собраніе городскихъ гласныхъ, законодатель считалъ нужнымъ положить центръ тяжести въ распорядн-

тельную думу, которой было дано въ извѣстныхъ случаяхъ значеніе высшей инстанціи надъ общею думой и которая была организована по образцу сподручному и испытанному, — по образцу коллегіальныхъ присутственныхъ мѣстъ съ обширною канцеляріей. Но потомъ отношенія измѣнились. Центръ тяжести перемѣстился въ общую думу, и дума распорядительная сдѣлалась исполнительницей распоряженій общей думы. Въ такомъ видѣ это устройство перешло сперва въ Москву, а потомъ въ Одессу. Но тѣмъ не менѣе прежняя терминологія была удержана. Въ Москвѣ и Одессѣ рѣдко кто отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, почему собраніе гласныхъ называется общею думой: этотъ терминъ сохранился какъ окаменѣлость отъ того времени, когда въ Петербургѣ гласные собирались по сословіямъ и только въ извѣстныхъ случаяхъ составляли общее собраніе, которое потому и называлось общей думой. Еще менѣе понятно теперь выраженіе: *распорядительная дума*. Теперь кажется, что, какъ *lucus a non lucendo*, такъ и она называется распорядительною, потому что сама ничѣмъ не распоряжается. Въ самомъ дѣлѣ, вся распорядительная часть принадлежитъ теперь такъ-называемой общей думѣ, а распорядительная дума только исполняетъ ея распоряженія. Но главное дѣло не въ названіяхъ, а въ томъ, что при теперешнемъ значеніи распорядительной думы, ея отдѣльное отъ общей думы существованіе, ея бюрократическія формы, ея коллегіяльное устройство не имѣютъ уже въ себѣ ничего существенно-необходимаго. Это замѣчали многіе и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Мы сами не разъ уже высказывали это по отношенію къ московской распорядительной думѣ. Но это были частные голоса, и потому не могли имѣть тотъ вѣсъ, который долженъ быть приданъ офиціяльному одесскому заявленію, что годичный опытъ показалъ неудобства системы управленія посредствомъ распорядительной думы. Это заявленіе ставитъ вопросъ на иную почву и можетъ подвинуть впередъ дѣло съ бо́льшимъ успѣхомъ чѣмъ теоретическая критика или частныя сѣтованія на думскую канцелярію.

„Когда дѣло идетъ объ исполненіи того, что уже рѣшено и установлено въ принципѣ, тогда коллегіяльный способъ дѣйствій становится безполезнымъ и даже не приложимымъ. Одно лицо, одинъ исполнитель, принимая на себя личную, вещественную и нравственную отвѣтственность въ дѣлѣ, представляетъ гораздо болѣе гарантій въ успѣшномъ и скоромъ выполненіи своей задачи, нежели коллегіяльное учрежденіе, нравственная отвѣтственность котораго опредѣляется поровну между его членами.“ Такъ говоритъ *Одесскій Вѣстникъ*, разъясняя взгляды, которыми руководилась одесская коммиссія, и съ этими словами нельзя не согласиться. На этомъ основаніи одесская коммиссія предлагаетъ довѣрить все руководство текущими канцелярскими дѣлами одесской распорядительной думы—городскому головѣ, возложивъ затѣмъ на ея членовъ занятія по городскому хозяйству внѣ думы. Намъ кажется, что и съ этимъ предложеніемъ трудно не согласиться. Наконецъ, мы совершенно признаемъ значеніе и того замѣчанія *Одесскаго Вѣстника*, что по пространству и населенію Одессы комплектъ распорядительной думы нѣсколько великъ, и что потому для всѣхъ ея членовъ можетъ-быть и не найдется занятія внѣ думы по распоряженію городскимъ хозяйствомъ. Но дальнѣйшій выводъ, который дѣлаетъ изъ этого *Одесскій Вѣстникъ*, кажется намъ крайне сомнительнымъ. Эта газета предлагаетъ раздѣлить членовъ распорядительной думы на дѣйствующихъ и контролирующихъ, удерживая однакоже общій составъ распорядительной думы какъ присутственнаго мѣста, засѣдающаго въ извѣстныхъ случаяхъ коллегіяльно. Такая комбинація едва ли исполнима. Контроль за распоряженіями по городскому хозяйству долженъ принадлежать общей думѣ. Теперь, правда, никакъ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ дѣйствителенъ. Правда и то, что всякая общественная дѣятельность требуетъ серіознаго контроля. Но для того чтобъ облегчить гласнымъ контроль по городскому хозяйству, есть средство, болѣе простое: для этого нужно ввести распорядительную думу въ составъ думы общей. При такомъ порядкѣ каждый изъ членовъ распорядительной думы могъ бы дѣйствовать единолично по своей части, отвѣчая за свои дѣйствія прямо предъ общею думой, которая могла бы сверхъ того назначать особыя коммиссіи для контролированія отдѣльныхъ частей городскаго хозяйства. Не подлежатъ сомнѣнію, что тогда бюро-

кратическій элементъ подвергся бы серіозному ограниченію. Городскія дѣла были бы ведены отвѣтственными распорядителями, а не коллегіальнымъ присутственнымъ мѣстомъ и его канцеляріей, не подлежащими серіозной отвѣтственности именно потому, что подлежатъ отвѣтственности совокупной. Городской голова не былъ бы, какъ теперь, солидаренъ съ членами распорядительной думы, и гласные, обсуждая ихъ дѣйствія, не были бы стѣсняемы уваженіемъ къ своему предсѣдателю. Очень могло бы случиться, что городской голова не былъ бы въ состояніи завѣдывать всѣми городскими канцеляріями: въ такомъ случаѣ не было бы никакого препятствія поручить завѣдываніе отдѣленіями канцелярій нѣсколькимъ лицамъ, изъ которыхъ каждый несъ бы за свое отдѣленіе личную отвѣтственность передъ собраніемъ гласныхъ.

Нѣчто подобное тому порядку, о которомъ мы говоримъ, испытано на практикѣ. Въ Англіи управленіе городскими дѣлами поручается городскому совѣту, соотвѣтствующему нашей общей думѣ, впрочемъ менѣе многолюдному. Никакихъ распорядительныхъ думъ внѣ этого совѣта и рядомъ съ нимъ въ англійскихъ городахъ нѣтъ. Но совѣтъ выбираетъ изъ своей среды нѣсколько членовъ (одну треть), которые получаютъ титулъ альдермановъ и завѣдываютъ отдѣльными частями городскаго хозяйства и управленія. Члены совѣта (по нашему общей думы) выбираются на три года, но тѣ изъ нихъ, которые по избранію самого совѣта, попадаютъ въ альдерманы, остаются въ должности два трехлѣтія. Голова (меръ) выбирается, напротивъ, лишь на одинъ годъ, и притомъ ненначе какъ изъ альдермановъ. Въ альдерманахъ такимъ образомъ лежитъ центръ тяжести городскаго управленія. Они пользуются почетомъ; они и трудятся. Остальные члены совѣта контролируютъ ихъ дѣйствія и рѣшаютъ общія дѣла, въ родѣ составленія городской смѣты доходовъ и расходовъ.

Прибавимъ въ заключеніе, по поводу рижскихъ проектовъ городской реформы, что до нынѣшняго законодательства, въ Англіи также были пожизненные члены городскихъ совѣтовъ, и тоже происходили неимовѣрныя злоупотребленія. Дурное хозяйство и непотизмъ городскихъ совѣтовъ собственно и побудили къ введенію дѣйствующаго теперь городскаго устройства, котораго главныя черты изложены выше и которое, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ серіознаго вниманія.

№ 119.

Москва, 2-го іюня.

Судя по извѣстіямъ, которыя доходятъ до насъ или прямо изъ Царства Польскаго, или черезъ посредство иностранныхъ газетъ, тамъ, внутри самого польскаго общества происходитъ въ настоящее время борьба, которая своими размѣрами, правда, уступаетъ борьбѣ, предшедствовавшей началу вооруженнаго мятежа, но по характеру своему много напоминаетъ ее. Въ высшихъ слояхъ польскаго общества господствуетъ желаніе склонить въ свою пользу русское правительство, съ тѣмъ чтобы при его содѣйствіи отсрочить на неопредѣленное время окончательное устройство быта крестьянъ. Какъ ни страннымъ кажется подобное стремленіе въ настоящее время, въ виду высочайшихъ указовъ 19-го февраля 1864 г. и ревностнаго исполненія ихъ учредительнымъ комитетомъ Царства Польскаго и мѣстными по крестьянскимъ дѣламъ коммиссіями, тѣмъ не менѣе оно несомнѣнно существуетъ: оно обнаруживается въ безпрерывныхъ жалобахъ, которыя посылаются изъ Варшавы въ иностранныя газеты, и преимущественно въ нѣмецкія, на невозможность имѣть рабочихъ, на совершенное разстройство помѣщичьяго хозяйства вслѣдствіе указовъ 19-го февраля, и даже на какой-то будто бы революціонный образъ дѣйствій исполнителей этихъ указовъ. Нѣкоторымъ партіямъ все еще кажется, что русское правительство не болѣе какъ шутитъ, и что оно можетъ еще оставить указы 19-го февраля безъ всякаго примѣненія, или по крайней мѣрѣ существенно измѣнить ихъ при ихъ осуществленіи, хотя не трудно было бы понять, что съ точнѣйшимъ ихъ выполненіемъ связаны первостепенные интересы Россіи и ея польскаго края, и что въ этомъ дѣлѣ заручена честь русскаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы какимъ-либо чудомъ удалось обратить въ ничто высочайшіе указы 19-го февраля, или по меньшей мѣрѣ такъ же ослабить ихъ дѣйствіе, какъ это было съ указомъ 1846 г., тогда

торжество враждебныхъ Россіи партій было бы дѣйствительно безпримѣрное. Онѣ разомъ достигли бы многихъ цѣлей: обезславили бы русское правительство передъ цѣлымъ свѣтомъ и передъ Россіей, показавъ, что оно взялось за дѣло, котораго не смогло довести до конца, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, когда оно находило себѣ надежную опору и поддержку во всемъ русскомъ обществѣ, и когда, напротивъ, польскій духъ долженъ былъ поникнуть вслѣдствіе неудачнаго исхода мятежа; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ доказали бы крестьянскому населенію Царства безсиліе русскихъ властей и необходимость для этого населенія примкнуть окончательно къ панамъ и всего ждать отъ ихъ милости. Что мудренаго, если въ виду цѣлей до такой степени важныхъ съ революціонной точки зрѣнія, нѣкоторые изъ польскихъ пановъ готовы даже благодарить русское правительство за избавленіе страны отъ польскихъ революціонеровъ, забывая при этомъ, что варшавское агрономическое общество, состоявшее исключительно изъ пановъ, чрезвычайно много содѣйствовало взрыву революціи, что сами же паны, лживыми демонстраціями въ пользу крестьянъ, старались вовлечь это сословіе въ революціонное движеніе, что всѣ они оказывали содѣйствіе своими денежными и другими средствами не законному правительству, а революціоннымъ властямъ, что партіи бѣлая и красная были равно революціонныя и Лянгевичъ былъ избранникомъ первой? Теперь времена, конечно, перемѣнились, и теперь оказывается болѣе выгоднымъ благодарить законное правительство за избавленіе страны отъ польскихъ революціонеровъ, въ надеждѣ, не избавитъ ли оно ее и отъ *русскихъ революціонеровъ*: этимъ именемъ, говорятъ, польскіе паны обзываютъ русскихъ исполнителей высочайшихъ указовъ 19-го февраля 1864 г.! Но, какъ, въ періодъ предшествовавшій вооруженному возстанію 1863 г., такъ и теперь тонкіе разчеты и соображенія *благоразумныхъ* патріотовъ польскихъ оказываются неудобопонятными для крайней революціонной партіи, и сокрушаются о ея нетерпѣніе: она не въ состояніи понять и оцѣнить дальновидные замыслы *благоразумныхъ* патріотовъ; она принимаетъ ихъ явныя усилія къ сближенію съ русскими правительственными дѣятелями за чистую монету, и видитъ въ нихъ готовность отречься отъ заблужденій и стать усердными подданными Русской державы; поэтому она старается съ своей стороны всячески противодѣйствовать этимъ усиліямъ. Особенно характеристическій случай въ этомъ родѣ сообщаетъ варшавскій корреспондентъ *Крестовой Газеты*. Недавно одинъ изъ значительныхъ польскихъ пановъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ, въ свой замокъ, избранное русское и польское общество Варшавы. Дѣло шло, очевидно, о примиреніи, къ которому иные господа изъ Русскихъ всегда оказываются такъ склонны, независимо отъ условій, на которыхъ оно предлагается. Но вотъ примирительный обѣдъ окончился, гости начали разъѣзжаться по домамъ, какъ вдругъ не подалеку отъ Варшавы на экипажи высокопоставленныхъ русскихъ дѣятелей посыпались камни, при чемъ двѣ дамы были довольно серіозно ушибены, и понадобилась помощь казаковъ, которые и успѣли арестовать тропхъ виновниковъ: на демонстрацію пановъ крайняя революціонная партія, очевидно, пожелала отвѣчать собственною демонстраціей,—преступною, конечно, и безсмысленною, но отнюдь не безполезною при разъясненіи вопроса о необходимости въ Царствѣ Польскомъ *русскихъ революціонеровъ*, какъ честятъ *польскіе консерваторы* добросовѣстныхъ исполнителей закона.

Польскіе паны весьма естественно тяготятся крестьянскою реформой, предпринятою правительствомъ: она нарушаетъ ихъ матеріяльные интересы, лишая возможности располагать крестьянскими участками по своему произволу и извлекать изъ крестьянъ столько выгодъ, сколько они прежде приносили; вмѣстѣ съ тѣмъ, она поставляетъ крестьянъ въ независимость отъ пановъ и ограждаетъ ихъ, по возможности, отъ вліянія враждебныхъ Россіи элементовъ. Устройство поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, на новыхъ основаніяхъ, не можетъ не сопровождаться болѣе или менѣе значительными потрясеніями въ хозяйственномъ положеніи лицъ; но какъ бы ни были сильны эти потрясенія, изъ этого еще не слѣдуетъ чтобы дѣйствія исполнителей реформы не были основаны на полномъ уваженіи ко всѣмъ законно-существующимъ правамъ. Доказательствомъ тому служатъ всѣ дѣйствія комитетовъ, петербургскаго по дѣламъ Царства Польскаго, и варшавскаго учре-

дительнаго,—именно всѣ тѣ дѣйствія, на которыя жалуются польскіе консерваторы.

Въ недавнее время, между прочимъ, было отмѣнено частное распоряженіе правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, отъ 27-го сентября 1821 г., въ силу котораго съ жителей частныхъ и институтскихъ городовъ и мѣстечекъ взыскивались повинности и недоимки въ пользу частныхъ владѣльцевъ посредствомъ административныхъ экзекуцій. При этомъ было, правда, принято во вниманіе, что такимъ образомъ городское управленіе поставлялось въ зависимость отъ владѣльцевъ по частнымъ ихъ интересамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приводилось въ непріязненныя отношенія къ населенію, но главнѣйшимъ образомъ, учредительный комитетъ руководился тѣмъ, что означенный порядокъ взысканія не былъ основанъ ни на какомъ законѣ, и что по закону, частные владѣльцы городовъ должны обращаться къ судамъ съ просьбами о взысканіяхъ. Далѣе, крестьяне, которые въ 1865 г. пріобрѣтутъ усадьбы, находящіяся впустѣ или въ распоряженіи помѣщика, освобождены отъ платежа въ пользу казны поземельнаго налога со дня пріобрѣтенія усадьбы впредь на одинъ годъ, и съ тѣхъ крестьянъ, которые случайно и въ видѣ исключенія изъ общаго правила обложены поземельнымъ налогомъ свыше прежняго чинша, повелѣно слагать часть налога, составляющаго этотъ излишекъ; но даже и эта послѣдняя мѣра, устраняющая лишь возможность ухудшенія быта крестьянъ вмѣсто предположеннаго улучшенія его, не была сдѣлана общею, для того, чтобы не подать повода, какъ сказано въ постановленіи, „къ неосновательнымъ со стороны крестьянъ домогательствамъ“ относительно пониженія поземельнаго налога. Вообще казна охотно принимала на себя пожертвованія, гдѣ того требовала справедливость. Такъ, казна приняла на себя равномѣрное участіе съ прочими владѣльцами въ издержкахъ на гминное управленіе за имѣнія монастырскія, поступившія въ казну, но еще не отданныя въ аренду, а также за земли, отводимыя въ пользованіе лѣсныхъ чиновниковъ и служителей. Кромѣ того, въ сборѣ на содержаніе гминныхъ управленій сдѣлана та перемѣна, что прежде этотъ сборъ раздѣлялся пополамъ между помѣщиками и крестьянскими обществами, теперь же раскладку этихъ издержекъ постановлено производить преимущественно по количеству удобной земли, въ чьемъ бы владѣніи она не находилась, съ тѣмъ чтобы въ слѣдующемъ году этотъ способъ раскладки былъ единственно-употребительнымъ. Гминное самоуправленіе, находящееся теперь преимущественно въ крестьянскихъ рукахъ, не можетъ не возбуждать противъ себя сильнаго неудовольствія со стороны помѣщиковъ, которые прежде сами чинили судъ и расправу въ гминахъ. Тѣмъ не менѣе учредительный комитетъ нисколько не заботится о распространеніи власти гминныхъ судовъ, и когда представился вопросъ о дѣлахъ, которыя собственно подлежатъ гминнымъ судамъ, но по которымъ уже прежде состоялись нѣкоторыя предварительныя постановленія обыкновенныхъ гражданскихъ судовъ, то учредительный комитетъ рѣшилъ его въ пользу послѣднихъ. Наконецъ упомянемъ объ усиленной рубкѣ помѣщиками лѣсовъ, въ которыхъ крестьянамъ предоставлено право пользоваться различными угодьями. Хотя уже въ силу указа 1846 г. помѣщики не имѣли права истреблять подобные лѣса усиленной рубкой и корчеваніемъ, а слѣдовательно, и продавать ихъ на срубъ третьимъ лицамъ; тѣмъ не менѣе учредительный комитетъ принялъ во вниманіе, что отступленія отъ указа 1846 г. и нарушенія постановленныхъ имъ правилъ были общи и повсемѣстны, и какъ бы допускались самими властями края, и поэтому призналъ неудобнымъ отмѣнять или пріостанавливать дѣйствіе контрактовъ о рубкѣ лѣсовъ, заключенныхъ до изданія указовъ 19-го февраля 1864 г., и предписалъ въ подобныхъ случаяхъ поступать также какъ относительно сервитутовъ, которые не могутъ быть возстановлены въ прежнемъ видѣ, то-есть, предлагать помѣщикамъ или дать денежное вознагражденіе крестьянамъ, или предоставить имъ другія угодья, или наконецъ, вознаградить ихъ землями, при чемъ за эти земли предоставляется имъ вознагражденіе ликвидаціонными листами, хотя прямаго права на то они не имѣли.

Вотъ тѣ *русскіе революціонеры*, отъ которыхъ такъ желали бы избавиться *польскіе консерваторы*. Очевидно, что не образъ выполненія крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, а сама эта реформа возбуждаетъ въ нихъ неудовольствіе, и что противъ сущности ея направлены теперь всѣ ихъ усилія. Но какую бы благопріят-

ную личину не принимали эти усилія, можно быть увѣрену, что въ настоящее время они не увѣнчаются успѣхомъ, и что правительство пойдетъ не назадъ, а впередъ въ своемъ стремленіи упрочить спокойствіе въ Царствѣ Польскомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неразрывную связь его съ Россіей.

№ 120.

Москва, 3-го іюня.

Находясь въ нашемъ наблюдательномъ положеніи, мы безпрестанно получаемъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія изустныя и письменныя, за совершенную основательность и точность которыхъ мы не всегда можемъ поручиться, но которыя, по важности предметовъ, мы точно также не имѣемъ права оставлять безъ вниманія. Смѣемъ думать, что ни съ какой стороны не найдется совершенно добросовѣстныхъ основаній опасаться появленія въ печати какихъ-нибудь, хотя бы и невѣрныхъ слуховъ, о томъ и другомъ предметѣ общественнаго интереса. Ни какихъ серіозныхъ опасностей ни въ какомъ случаѣ не можетъ произойдти отъ подобныхъ случайностей, напротивъ тѣмъ-то особенно и благодѣтельна печать, гдѣ доступъ къ ней свободенъ и безопасенъ для всякаго общественнаго дѣла, что она предотвращаетъ ту смуту въ умахъ, которая производится негласнымъ распространеніемъ невѣрныхъ или неточныхъ слуховъ. Но для того, чтобы печать была такою полезною силой, между ею и общественною жизнію не должно быть преградъ, которыя затрудняли бы появленіе въ печати извѣстій, имѣющихъ общественный интересъ, или отпугивали бы ихъ отъ печати излишними формальностями, требованіемъ паспортовъ и аттестатовъ, метрическихъ свидѣтельствъ, наконецъ угрозой каръ за бродяжничество. Сколько мы понимаемъ дѣло, въ интересахъ общественной пользы надобно желать, чтобы печать не была отдѣльнымъ отъ дѣйствительнаго міра царствомъ, населеннымъ тѣнями и стрегомымъ церберами у всѣхъ своихъ входовъ и выходовъ. Правда, кромѣ общественной пользы могутъ быть еще разныя другія соображенія и интересы, съ точки зрѣнія которыхъ дѣло можетъ представляться иначе; но мы позволяемъ себѣ взять вопросъ отвлеченно отъ всякихъ другихъ соображеній и интересовъ, кромѣ общественной пользы. Съ точки зрѣнія этого послѣдняго интереса, который однакожь долженъ занимать не послѣднее мѣсто въ политическихъ соображеніяхъ,—съ точки зрѣнія общественной пользы надо бы желать чтобы всѣ относящіеся къ общественнымъ дѣламъ свѣдѣнія и слухи не отталкивались отъ печати, а привлекались къ ней, потому что черезъ печать всякая неправда и неточность, всякое преувеличеніе сами собою обнаруживаются, подвергаясь всеобщей повѣркѣ. Въ видахъ общественной пользы желательно появленіе въ печати не только вѣрныхъ извѣстій, но и невѣрныхъ слуховъ. Польза вѣрныхъ извѣстій очевидна и не подлежитъ добросовѣстному отрицанію; менѣе бросается въ глаза то обстоятельство, что фальшивыя и неточныя извѣстія вредны и опасны только тогда, когда распространяются и дѣйствуютъ въ публикѣ не публичными путями. Освѣщая предметы въ ихъ истинномъ видѣ, въ ихъ естественныхъ размѣрахъ, печать, служащая неразлучною спутницей общественной жизни, съ тѣмъ вмѣстѣ освобождаетъ ее отъ смутныхъ, недоступныхъ повѣркѣ, неопредѣленныхъ фальшивыхъ слуховъ, которые входятъ въ силу и распространяются тѣмъ болѣе, чѣмъ затруднительнѣе для нихъ доступъ къ печати.

Въ эти послѣдніе дни очень настойчиво распространялся слухъ о какихъ-то стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ будто бы подвергаются раскольники-безпоповцы въ Сѣверо-западномъ краѣ, особенно въ Витебской губерніи, близъ Динабурга, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ эти самые раскольники, въ 1863 году, оказали столь энергическій отпоръ польскому мятежу. Мы убѣждены, что слухъ этотъ не вѣренъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ главныхъ чертахъ; тѣмъ не менѣе слухъ этотъ доходитъ до насъ съ разныхъ сторонъ, съ одинаковыми подробностями въ одномъ и томъ же смыслѣ. Одни могутъ не вѣрить ему, а другіе вѣрить; во всякомъ случаѣ его распространеніе не можетъ не тревожить людей мыслящихъ, слѣдящихъ за ходомъ общественныхъ дѣлъ и отдающихъ себѣ отчетъ въ затрудненіяхъ и опасностяхъ положенія вещей въ Западномъ краѣ. Очень естественно, что послѣ 1863 года между живущими въ разныхъ мѣстахъ этого края раскольниками и тѣми общественными

классами, посреди которыхъ возникло польское движеніе, не можетъ быть теперь ладовъ и добраго согласія. Эти сектаторы издавна снимали тамъ помѣщичьи земли, и очень естественно, что послѣ того какъ имъ приходилось ловить и вязать шайки, въ рядахъ которыхъ находились владѣльцы арендуемыхъ ими земель или ихъ близкіе и родственники, отношенія добраго сосѣдства между тѣми и другими стали не возможны: очень естественно, что помѣщики, вольные въ распоряженіи своею землей, не желаютъ имѣть на ней людей, имъ непріятныхъ, и ссылаютъ ихъ прочь. Все это очень естественно, и оставалось бы только желать, чтобъ органы правительства, которое врагами своими въ этихъ мѣстахъ имѣло не раскольниковъ, изыскали средства обезпечить другими способами положеніе людей, терпящихъ невыгоды потому только, что они обманули разчеты враговъ правительства и дали имъ энергическій отпоръ. Переселеніе изъ этихъ мѣстъ было бы для нихъ бѣдственно; ихъ дѣды жили и померли въ этихъ мѣстахъ; какъ намъ положительно извѣстно изъ источниковъ достаточно вѣрныхъ, они не пожелали бы разстаться съ своею родиной даже въ томъ случаѣ, еслибы переселеніе представило имъ значительныя выгоды. Можно ли допустить, чтобъ эти люди подверглись истинному для нихъ бѣдствію, именно вслѣдствіе того что оказали сопротивленіе мятежу враждебному Россіи? Пріятно ли думать, что еслибъ эти люди вели себя иначе и въ тайнѣ сочувствовали и оказывали пособіе мятежу, то они оставались бы теперь спокойно и мирно на своихъ мѣстахъ, и быть-можетъ были бы еще вознаграждены за свое благоразуміе, между тѣмъ какъ теперь, судя по слухамъ, эти люди подвергаются горькой участи бѣжать съ своей родины и даже помышляютъ о переселеніи за границу, въ Пруссію, гдѣ еще по сію пору живутъ ихъ единовѣрцы, бѣжавшіе въ прежнія времена изъ Россіи. Въ Западномъ, особенно Сѣверо-западномъ краѣ мы съ прискорбіемъ видѣли, до какого крайняго изнеможенія доведенъ русскій элементъ, несмотря на то что здѣсь онъ элементъ коренной. Знаемъ также, что русскій элементъ въ этихъ мѣстахъ доведенъ до своего изнеможенія не столько подъ прежнимъ польскимъ владычествомъ, сколько въ послѣдствіи, когда этотъ край былъ возсоединенъ съ Россіей, и что польскій духъ въ немъ возросъ, окрѣпъ, опуталъ и подчинилъ себѣ русскій элементъ преимущественно въ то время, когда этотъ край уже находился въ составѣ Россійской Имперіи. Послѣднія событія научили насъ многому. Всѣхъ поразила страшная аномалія представляемая судьбой западной половины русскаго народа; всѣ поняли необходимость возстановленія и усиленія русскаго элемента въ этихъ мѣстахъ. И вотъ, въ это самое время, люди безспорно русскіе во всей силѣ этого слова, хотя и отщепенцы православной церкви,—люди сохранившіе свою русскую стихію среди всевозможныхъ обстоятельствъ, подъ чужимъ владычествомъ, какъ во времена Польши, подъ чужимъ владычествомъ, и посреди чужихъ народонаселеній, какъ мы это видимъ и теперь въ Пруссіи, Австріи и Турціи,—люди представляющіе собою несокрушимый и неуступчивый элементъ своей народности, люди которые были бы теперь всего нужнѣе въ этомъ краѣ, должны именно теперь помышлять о выселеніи оттуда куда-нибудь подальше, хотя бы даже и въ Пруссію. Интересъ не только этихъ людей, но и русскаго дѣла, требуетъ, чтобъ они не выселялись, а оставались на мѣстахъ, если не на самыхъ тѣхъ земляхъ, которыя обрабатывались ими до сихъ поръ, то по крайней мѣрѣ по близости. Средства удержать ихъ въ этихъ мѣстахъ въ изобиліи представляются землями государственныхъ имуществъ. Кому отказываетъ въ землѣ частный землевладѣлецъ, тотъ могъ бы получать землю куплей или наймомъ въ близъ лежащихъ государственныхъ имуществахъ. Еще прежде имѣли мы положительныя свѣдѣнія изъ собственной среды этихъ людей, что они охотно стали бы покупать и кортомить казенныя земли, лишь бы только открылась къ тому широкая и необставленная разными затрудненіями возможность. Это слышали мы съ годъ назадъ, а вотъ уже распространяются слухи о томъ, что раскольники нѣкоторыхъ мѣстностей Сѣверо-западнаго края, боровшіеся съ польскимъ мятежомъ, принуждены помышлять о бѣгствѣ даже заграницу. Слухи не ограничиваются этимъ; говорятъ, что въ первую половину прошлаго мая безпоповцы близъ Динабурга, именно тѣ самые, которые разомъ положили конецъ затѣямъ имѣвшимъ во главѣ своей графовъ Плятера и Моля, вдругъ подверглись преслѣдованіямъ за свои

религіозныя вѣрованія. Въ настоящее время, когда ни оедосеевцы, ни поморцы не преслѣдуются даже въ центрахъ православія, когда въ Ригѣ для старообрядцевъ устраиваются особенныя школы — вдругъ пришла бы ревность запирать раскольничьи молельни въ краѣ гдѣ раскольники нашли себѣ пріютъ еще въ давнія времена польскаго владычества, гдѣ надъ православными церквами гордо высятся католическіе костелы, гдѣ есть русское населеніе, свободно исповѣдывающее реформатскую вѣру (только на польскомъ языкѣ),— въ этомъ краѣ, который болѣе чѣмъ какой-нибудь другой во всемъ Русскомъ царствѣ, имѣетъ право на религіозную свободу! Мы не можемъ вѣрить этому слуху, свидѣтельствующему о такой церковной ревности, которая не имѣетъ ни малѣйшей аналогіи въ ходѣ дѣлъ во всѣхъ частяхъ нашего отечества. Откуда въ самомъ дѣлѣ могла бы взяться близъ Динабурга такая ревность о православіи, тогда какъ мы не замѣчаемъ ничего подобнаго ни въ Остзейскомъ краѣ, ни на Кавказѣ, ни на Алтаѣ, ни въ Киргизскихъ степяхъ, ни въ Иркутскѣ, ни даже въ самой Москвѣ. Къ сожалѣнію, слухъ этотъ передается съ разными подробностями, которыя придаютъ ему цвѣтъ дѣйствительныхъ событій. Разказываютъ, что динабургскимъ раскольникамъ было объявлено приказаніе запереть ихъ молельни, что витебскій губернаторъ предписалъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ закрыть эти молельни, и что когда эти власти обнаружили нѣкоторое колебаніе и замедлили исполненіемъ предписанія, то на мѣсто прислана была военная команда, которая и исполнила приказъ неукоснительно. Повторимъ еще разъ, мы не вѣримъ этому слуху, несмотря на подробности, съ которыми онъ сообщается, — не вѣримъ во всякомъ случаѣ, чтобы дѣло происходило въ томъ смыслѣ, какъ оно разказывается, а если дѣйствительно происходило что-либо, подавшее поводъ къ этому слуху, то нѣтъ сомнѣнія, были какія-нибудь особенныя побудительныя причины поступить такимъ образомъ, — причины остающіяся неизвѣстными, между тѣмъ какъ онѣ могли бы объяснить то, что такъ необъяснимо и странно въ ходящихъ слухахъ.

Мы очень хорошо понимаемъ, какъ можно скорбѣть о религіозныхъ заблужденіяхъ нашихъ раскольничьихъ сектъ и желать возвращенія ихъ въ нѣдра православной церкви, но мы рѣшительно отказались бы понять, какъ можно исполнять это желаніе посредствомъ военной команды въ краѣ едва успокоившемся послѣ мятежа и исполненномъ элементовъ враждебныхъ Русскому государству, посреди народонаселеній издавна заброшенныхъ въ этотъ край, гдѣ еще въ польскія времена, при всемъ фанатизмѣ римской пропаганды, они могли спокойно жить и безпрепятственно молиться по своему обряду. Есть всѣ основанія надѣяться, что терпимость гораздо вѣрнѣе достигнетъ той цѣли, которой напрасно добивались придирки и притѣсненія доводящія людей до отчаянія и заставляющія ихъ только болѣе упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ; но во всякомъ случаѣ можно имѣть полную увѣренность, что съ теченіемъ времени, благодаря просвѣщенію, заблужденія, имѣющія свой корень въ невѣжествѣ, исчезнутъ сами собою и религіозныя вѣрованія сектаторовъ, еслибы даже и не достигли они желаемой чистоты требуемой православіемъ, освободятся отъ грубыхъ дурныхъ элементовъ, примутъ болѣе правильный видъ и подчинятся болѣе твердымъ нормамъ.

№ 121.

Москва, 4-го іюня.

Считаемъ не лишнимъ возвратиться къ вопросу о пьянствѣ. Возбужденный въ обществѣ размноженіемъ распивочныхъ заведеній подъ новымъ именемъ штофныхъ лавокъ, онъ привелъ къ заключенію о необходимости сократить число питейныхъ заведеній вообще, и начать это сокращеніе съ отмѣны привилегированнаго положенія штофныхъ лавокъ. Такое направленіе вопроса о мѣрахъ противъ пьянства кажется намъ совершенно вѣрнымъ и соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію дѣла. Замѣтивъ какой-либо недостатокъ, прежде всего надобно отказаться отъ мѣръ, искуственно развивающихъ его. Лишь вслѣдъ затѣмъ можно приступить къ мѣрамъ ему противодѣйствующимъ. Одно изъятіе штофныхъ лавочекъ изъ ихъ теперешняго исключительнаго положенія, то-есть одно причисленіе ихъ къ заведеніямъ *собственно-питейнымъ* (теперь онѣ признаются заведеніями *не собственно-питейными*), будетъ уже важнымъ шагомъ

къ лучшему. Если къ этому будетъ присоединено болѣе строгое чѣмъ теперь исполненіе правилъ предписанныхъ для питейныхъ заведеній, особенно если дѣйствія полиціи по этой части будутъ подчинены наблюденію мировыхъ учрежденій (почему бы и каждому изъ гласныхъ земскихъ собраній не предоставить права составленія законныхъ актовъ о нарушеніи правилъ питейными заведеніями?), наконецъ если будутъ установлены чувствительныя наказанія за появленіе въ пьяномъ видѣ, на улицѣ, городской и деревенской, или на работахъ обазательныхъ и наемныхъ, то можно ожидать, что развитію пьянства будетъ положенъ предѣлъ. Этотъ порокъ, укоренившійся столѣтіями, не исчезнетъ, конечно, вслѣдствіе этихъ мѣръ, но важно уже то, что онъ не будетъ распространяться. Во всякомъ случаѣ только на этой почвѣ окажется возможнымъ приступить къ серіозной борьбѣ съ пьянствомъ, къ борьбѣ, которая не можетъ увѣнчаться скорымъ успѣхомъ и потребуетъ продолжительныхъ энергическихъ усилій со стороны церкви, общества и законодательства.

Но прежде нежели приступать къ борьбѣ, необходимо разъяснить предметъ ея, необходимо провести границу между тѣмъ, противъ чего должны быть направлены усилія,—пьянствомъ, и тѣмъ, что устранено быть не можетъ и что устранять не требуется, — потребленіемъ хлѣбнаго вина. Это двѣ вещи совершенно различныя. Есть страны, потребляющія очень много хлѣбнаго вина и почти не знающія пьянства, по крайней мѣрѣ не знающія его въ качествѣ общественнаго зла, подкапывающаго народную нравственность и народное благосостояніе. Въ странахъ сѣверныхъ, какъ Россія, нѣтъ возможности искоренить потребленіе водки; нѣтъ даже возможности значительно сократить его, замѣнивъ водку какимъ-нибудь другимъ напиткомъ. Подобная задача была бы утопіей или потребовала бы насильственныхъ мѣръ. Если бы потребленіе водки и не было связано съ серіознымъ казеннымъ интересомъ, то и въ такомъ случаѣ было бы нераціонально принимать энергическія мѣры противъ потребленія водки,—не раціонально потому, что это значило бы бороться съ тѣмъ что коренится въ естественныхъ условіяхъ страны.

Чрезвычайно интересно и поучительно, что пьянство и потребленіе водки развиваются при совершенно различныхъ условіяхъ. Потребленіе водки зависитъ отъ цѣнъ на нее; оно слѣдуетъ общему закону потребленія предметовъ, не легко обходимыхъ, но однако же не совершенно необходимыхъ для поддержки человѣческой жизни. Законодательство можетъ сокращать и увеличивать его, возвышая или понижая акцизъ со спирта. Даже въ финансовомъ отношеніи водка можетъ быть болѣе или менѣе выгоднымъ источникомъ государственнаго дохода независимо отъ большей или меньшей величины платимаго ею акциза. Пониженіе акциза до извѣстнаго предѣла можетъ, если не сейчасъ же сопровождаться возвышеніемъ дохода, то по крайней мѣрѣ привести къ тому черезъ нѣсколько времени. Съ другой стороны возвышеніе акциза можетъ до того сократить потребленіе, что государственный доходъ уменьшится. Упомянутые предѣлы въ ту и другую сторону не могутъ быть дознаны теоретически; они узнаются изъ опыта, но не подлежитъ сомнѣнію, что они существуютъ, и слѣдовательно не подлежитъ сомнѣнію, что государство, даже безъ ущерба для своихъ финансовъ, можетъ ограничивать или расширять потребленіе водки. Точно такъ, напримѣръ, пошлина съ чая можетъ доставлять государству приблизительно одинъ и тотъ же доходъ при значительномъ различіи въ своей величинѣ. Пониженіе пошлины до извѣстнаго предѣла можетъ усилить потребленіе чая въ такой степени, что государство не только ничего не потеряетъ, но даже выиграетъ на пошлинномъ сборѣ. Наоборотъ, возвышая пошлину, государство можетъ до того сократить потребленіе чая и до того усилить контрабанду, что государственный доходъ отъ пошлины съ чая пострадаетъ. Водка, какъ источникъ государственнаго дохода, не многимъ отличается отъ чая: безъ нея нѣсколько труднѣе обойтись сѣверному народу, но дороговизна ея, особенно при недостаточности заработковъ, можетъ сильно сократить ея потребленіе.

Таковы законы, которымъ слѣдуетъ потребленіе водки. Повидимому можно было бы извлечь изъ нихъ заключеніе, что государство обязано, въ видахъ противодѣйствія пьянству, возвысить цѣну водки по меньшей мѣрѣ до той степени, которая дозволяется фискальнымъ интересомъ. Если $3^1/_2$ к. акциза съ градуса спирта

могутъ доставить государству столько же дохода какъ и 5½ коп.; то въ фискальномъ отношеніи государство располагаетъ значительною свободой при опредѣленіи нормы акциза, и можно придти къ мысли, что государство обязано воспользоваться этою свободой для борьбы съ пьянствомъ, то-есть обязано принять наивысшую норму акциза и поднять цѣну водки до самой высокой степени, какая только возможна безъ ущерба для государственныхъ финансовъ. Такъ кажется съ перваго взгляда, но такое заключеніе было бы совершенно ошибочно. Дѣло въ томъ, что развитіе пьянства отнюдь не идетъ параллельно развитію потребленія водки. Возвышая акцизъ, мы несомнѣнно сокращаемъ потребленіе, но опытъ показываетъ, что дороговизна водки не только не сокращаетъ пьянства, а даже развиваетъ его. Не трудно было бы объяснить, какъ происходитъ такое съ перваго взгляда непонятное явленіе, но достаточно указать на свидѣтельство опыта. Пьянство всего болѣе распространено въ тѣхъ частяхъ Россіи гдѣ былъ откупъ, и гдѣ слѣдовательно цѣны водки были выше чѣмъ въ другихъ, свободныхъ отъ откупа мѣстностяхъ. Если мы взглянемъ на западную Европу, то увидимъ, что тамъ нигдѣ такъ не распространено пьянство какъ въ Ирландіи, и что нигдѣ водка такъ не дорога, какъ въ Ирландіи. Это факты разительные, во всякомъ случаѣ убѣдительнѣйшимъ образомъ свидѣтельствующіе, что вздорожаніе водки не противодѣйствуетъ пьянству.

Итакъ, въ видахъ успѣшной борьбы съ пьянствомъ, мы должны желать не возвышенія акциза съ водки, а другихъ мѣръ. Опираясь на тотъ фактъ, что пьянство существуетъ въ Европѣ только тамъ гдѣ водка дорога, и что наоборотъ страны, отличающіяся сравнительною дешевизной водки, свободны отъ пьянства, мы должны скорѣе придти къ заключенію, что въ видахъ сокращенія пьянства гораздо безопаснѣе понижать акцизъ чѣмъ возвышать его. Но, скажутъ, развѣ не противорѣчитъ такому заключенію нашъ не давній опытъ съ дешевкой? Развѣ удешевленіе водки во внутреннихъ и восточныхъ губерніяхъ Россіи не совпадаетъ съ развитіемъ тамъ пьянства? Да; по времени эти два явленія совпадаютъ, но не все то, что одновременно, происходитъ одно отъ другаго. Дешевка, во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, была дѣйствительно нововведеніемъ въ 1863 году, но не было ли и другихъ нововведеній въ то же самое время? Не сопровождалось ли появленіе дешевки размноженіемъ питейныхъ заведеній, не совпало ли оно съ освобожденіемъ крестьянъ и съ фактическою отмѣной прежде существовавшихъ наказаній за пьянство и за сопряженные съ нимъ проступки? Не должна ли привести здравая критика къ тому заключенію, что причину развитія пьянства слѣдуетъ искать въ этихъ послѣднихъ обстоятельствахъ гораздо болѣе чѣмъ въ удешевленіи водки? Наконецъ надобно прибавить, что удешевленіе удешевленію рознь. Полугаръ продавался въ Москвѣ въ 1862 году по 9 р. за ведро, а въ 1863 году по 3 и по 4 р. Такой рѣзкій переходъ долженъ былъ, конечно, дѣйствовать какъ приманка къ пьянству, особенно на первое время. Но нѣтъ никакой возможности доказать, что даже при такомъ рѣзкомъ удешевленіи водки пьянство не уменьшилось бы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ 1-го января 1863 года, еслибы число питейныхъ заведеній осталось прежнее (какое было при откупѣ), и еслибы полицейскія мѣры противъ пьянства были дѣйствительны.

Передъ нами слѣдующія явленія, связанныя съ развитіемъ пьянства: удешевленіе водки во внутреннихъ губерніяхъ, размноженіе питейныхъ заведеній, безнаказанность пьянства и сопряженныхъ съ нимъ полицейскихъ проступковъ. Какое изъ этихъ явленій признаемъ мы за главную причину развитія пьянства? Удешевленіе водки? Но противъ насъ будетъ говорить примѣръ бывшихъ привилегированныхъ губерній, гдѣ на пьянство жаловались меньше чѣмъ въ губерніяхъ внутреннихъ. Противъ насъ будетъ говорить примѣръ Даніи и Швеціи, гдѣ пьянства почти нѣтъ, хотя водка сравнительно очень дешева, и примѣръ Ирландіи, гдѣ водка обложена чрезвычайно высокимъ акцизомъ, а пьянство свирѣпствуетъ. И такъ мы принуждены усомниться въ томъ, чтобы удешевленіе водки было главною причиной развитія пьянства. Посмотримъ же, возникаютъ ли подобныя сомнѣнія относительно другихъ двухъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть обвинены въ развитіи пьянства.

Мы недавно прочли въ *Указателѣ свѣдѣній по министерству финансовъ* мнѣ-

ніе, что ограниченіе числа питейныхъ домовъ одва ли противодѣйствуетъ распространенію пьянства. „Если вино, сказано тамъ, можетъ имѣть каждый подъ рукой по доступнымъ цѣнамъ и хорошаго качества, то оно войдетъ въ общее умѣренное употребленіе; если же число питейныхъ домовъ ограничено, съ чѣмъ соединено возвышеніе цѣнъ и порча напитковъ, то вино обращается преимущественно въ напитокъ пьяницъ.“ Признаемся, насъ чрезвычайно поразилъ этотъ парадоксъ. Развѣ люди, привыкшіе къ умѣренному потребленію вина, пьютъ его въ кабакахъ? Развѣ ограниченіе числа питейныхъ домовъ можетъ повести къ возвышенію цѣнъ и къ порчѣ напитковъ въ мѣстахъ продающихъ вино не распивочно? Развѣ возвышеніе цѣнъ и порча напитковъ въ кабакахъ не заставили бы покупать вино не въ кабакахъ, а въ мѣстахъ продающихъ его на выносъ и болѣе крупною мѣрой чѣмъ шкаликъ? Развѣ купившіе вино въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ не были бы принуждены пить его дома и слѣдовательно не пріучались бы къ домашнему употребленію вина, а домашнее употребленіе вина развѣ не есть главное условіе того, чтобъ оно употреблялось умѣренно? Бо́льшаго парадокса по вопросу о потребленіи вина нельзя придумать чѣмъ тотъ, который высказанъ въ приведенныхъ словахъ *Указателя*. Напротивъ, чѣмъ болѣе желаемъ мы ограничить пьянство, тѣмъ болѣе должны мы желать ограниченія числа кабаковъ. Пусть видно будетъ и дорого и дурно въ кабакахъ: тѣмъ больше станутъ покупать его ведрами и штофами, чтобы пить его дома, въ чемъ и заключается главное обезпеченіе противъ пьянства. Пьянство и кабакъ съ его атмосферой и обстановкой—двѣ вещи не раздѣльныя. Размноженіе кабаковъ не можетъ не сопровождаться развитіемъ пьянства. Оно всегда относится къ нему какъ причина къ слѣдствію.

Столь же несомнѣнно, что прекращеніе мѣръ противодѣйствія пьянству со стороны помѣщиковъ, нанимателей и полиціи не могло не отозваться усиленіемъ пьянства. Безнаказанность порока всегда поощряетъ къ нему: тутъ исключеній не бываетъ. На эту причину достаточно указать въ немногихъ словахъ, потому что еще никто не пытался устранять ее хитросплетенными софизмами.

Итакъ, ближайшими законодательными способами противъ пьянства оказываются: 1) ограниченіе числа распивочныхъ питейныхъ заведеній и доставленіе народу возможности покупать дешевую и хорошую водку въ такихъ мѣстахъ, которыя торгуютъ ею въ посудѣ не очень дробной; 2) усиленіе надзора за питейными заведеніями и допущеніе къ участію въ немъ людей заинтересованныхъ въ борьбѣ съ пьянствомъ; 3) усиленіе наказаній за прогулы по причинѣ пьянства и за публичное появленіе въ пьяномъ видѣ. Что же касается до возвышенія акциза, то оно скорѣе оказало бы вредное чѣмъ полезное дѣйствіе.

№ 122.

Москва, 5-го іюня.

Поѣздка австрійскаго императора въ Пештъ была чуть-ли не важнѣйшимъ европейскимъ событіемъ за послѣднія двѣ недѣли. Она предвѣщаетъ не только то, что венгерскій вопросъ вскорѣ выступитъ на первый планъ въ заботахъ Вѣнскаго кабинета, но еще и то, что Вѣнскій кабинетъ, въ виду общаго положенія политическихъ дѣлъ въ Европѣ,—положенія, не совсѣмъ для него благопріятнаго, — рѣшился на тягостныя для Австріи уступки по этому вопросу. Безъ этой рѣшимости, какой смыслъ могло бы имѣть присутствіе императора въ столицѣ Венгріи, среди венгерскихъ магнатовъ и венгерскаго населенія, приготовившихъ самый восторженный пріемъ своему королю, и особенно эти намеки и обѣщанія императора открыть лично венгерскій сеймъ и короноваться венгерскою короной? Это весьма крутой поворотъ, на который Австрія могла рѣшиться только подъ гнетомъ современныхъ европейскихъ событій.

Дѣйствительно, положеніе Австріи представляется въ высшей степени затруднительнымъ. Переговоры, которые начались между папой и королемъ Италіи, не могли не встревожить Австріи. Коль скоро самъ папа, такъ или иначе, рѣшился признать совершившіеся факты и своимъ признаніемъ освятить въ глазахъ италіянскаго населенія нынѣшній порядокъ вещей въ Италіи, Австрія будетъ вытѣснена изъ этой страны, и должна будетъ перенести свое вліяніе въ какую-либо другую сторону. Вос-

препятствовать примиренію между папствомъ и королевствомъ Италіянскимъ Австрія рѣшительно не въ состояніи, потому что Римъ, а слѣдовательно и самъ папа, находятся въ рукахъ императора Наполеона, который смотритъ теперь, повидимому, на соглашеніе между Италіей и папой какъ на предварительное условіе для сближенія своей династіи съ клерикальною партіей, въ могуществѣ которой во Франціи онъ имѣлъ случай вполнѣ убѣдиться, а также для заготовленія почвы будущаго союза латинскихъ народовъ въ Старомъ и въ Новомъ свѣтѣ,—союза, ради котораго были заключены родственныя связи съ Савойскою династіей, и даже было допущено политическое соединеніе Италіи подъ властью Савойской династіи, ради котораго была предпринята мексиканская экспедиція и теперь еще преслѣдуются виды на возрожденіе латинскихъ государствъ въ южной Америкѣ, подъ сѣнью монархическихъ учрежденій, а также ведутся подземныя интриги, имѣющія цѣлью соединеніе Испаніи и Португаліи подъ властью Браганцскаго (португальскаго) королевскаго дома,— интриги, которыя повели уже къ составленію обширнаго заговора, открытаго на дняхъ въ Валенсіи. Предполагать, что силы и вниманіе Франціи будутъ отвлечены въ другую сторону, и что ей придется выдержать тяжкую борьбу за Мексику съ Соединенными Сѣверо-Американскими Штатами, было бы, какъ кажется, преждевременно. Соединеннымъ Штатамъ остается еще слишкомъ много дѣла у себя дома, особенно по вопросу о неграхъ, которые, повидимому, расположены воспользоваться своею свободой для того чтобы ничего не дѣлать.

Настоящее положеніе дѣлъ въ Германіи не сулитъ Австріи никакого вознагражденія за потери въ Италіи; напротивъ, здѣсь, повидимому, ожидаютъ ее лишь новыя пораженія. Внутренній разладъ, которымъ уже три года страдаетъ Пруссія и который обратился какъ бы въ хроническую болѣзнь ея, нисколько не мѣшаетъ г. фонъ-Бисмарку дѣйствовать съ азартною рѣшительностію. Вся сила Пруссіи находится въ рукахъ королевской власти и ея правительства. До какой бы степени ни доходило ожесточеніе палаты депутатовъ, нельзя ожидать, чтобы борьба перешла изъ области словъ въ область дѣйствій, и лишила правительство возможности стремиться къ предположеннымъ имъ цѣлямъ. Несмотря на противодѣйствіе со стороны палаты депутатовъ, г фонъ-Бисмаркъ во всеуслышаніе провозглашаетъ, что герцогомъ шлезвигъ-гольштейнскимъ состоитъ теперь король Прусскій вмѣстѣ съ императоромъ Австрійскимъ, и что несмотря на такое совладѣніе отнять Киль у Пруссіи можно не иначе какъ путемъ войны. Такъ какъ Австрія отнюдь не желаетъ вступить на этотъ опасный путь, то до сихъ поръ ей приходилось дѣлать уступку за уступкой по всѣмъ вопросамъ, которые имѣли важное практическое значеніе, хотя она и не скрываетъ отъ себя, какія послѣдствія можетъ имѣть для нея и для всего Германскаго Союза разрѣшеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса въ смыслѣ прусскихъ требованій. Недавно еще газета *Botschafter* замѣчала, что отношенія, въ которыя вступятъ къ Пруссіи Герцогства, рѣшатъ дальнѣйшую судьбу сѣверной, а потомъ и южной Германіи, и что достаточно лишь одного вѣчнаго наступательнаго и оборонительнаго союза между Герцогствами и Пруссіей,—союза, на который, однако, соглашался даже и принцъ Августенбургскій, — для того чтобы будущій герцогъ шлезвигъ-гольштейнскій сталъ не болѣе какъ вассаломъ Пруссіи и чтобы существованію Германскаго Союза былъ нанесенъ ударъ, отъ котораго онъ не будетъ въ состояніи оправиться. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ положеніи былъ бы Германскій Союзъ, въ случаѣ еслибы Пруссія была вовлечена въ какую-либо войну въ качествѣ европейской державы, и въ этой войнѣ, въ силу вѣчнаго наступательнаго и оборонительнаго союза, принуждены были бы участвовать и Герцогства, изъ которыхъ Гольштейнъ составляетъ одну изъ областей Германскаго Союза? *Botschafter* нисколько не успокоивается тѣмъ, что Пруссія отрекается отъ прямаго и непосредственнаго присоединенія Герцогствъ: чѣмъ мягче будетъ форма этого соединенія Герцогствъ съ Пруссіей, тѣмъ болѣе опасною окажется она для независимости Германіи, а въ то же время тѣмъ большей опасности подвергнется и самое положеніе Австріи въ Германскомъ Союзѣ.

Въ виду-то этихъ опасностей, угрожающихъ ей и въ Италіи, и въ Германіи, Австрія рѣшилась отказаться отъ идеи государственнаго объединенія и обратиться, впрочемъ все-таки не къ личному соединенію и даже не къ федераціи, а къ дуа-

лизму, основанному на соединенномъ представительствѣ. Если австрійская централизація означаетъ рѣшительное преобладаніе нѣмецкаго элемента въ этой имперіи и тяготѣніе ея къ Германіи, если австрійскій федерализмъ, еще не испробованный вполнѣ, означалъ бы удовлетвореніе требованіямъ дробныхъ славянскихъ племенъ Австріи, составляющихъ значительное большинство ея „народовъ“, то австрійскій дуализмъ означаетъ одновременное господство нѣмецкаго и венгерскаго элементовъ, съ рѣшительнымъ принесеніемъ имъ въ жертву элемента славянскаго. Австрія, естественно, желала бы опираться и на Нѣмцевъ, и на Венгерцевъ, и на Славянъ, и пожалуй на Румыновъ; но такъ какъ при этомъ она, слѣдуя естественному закону, желаетъ составлять единое и цѣльное государство, съ значительнымъ вліяніемъ на общеевропейскія дѣла, то она и не рѣшается стать только союзомъ народовъ, только федеративнымъ государствомъ, чего желали бы австрійскіе Славяне, и колеблется между двойствомъ и строгимъ единствомъ, склоняясь по необходимости на сторону двойства. Разрѣшеніе венгерскаго вопроса на основаніи политическаго раздвоенія Австріи, хотя и дастъ ей возможность опираться и на Нѣмцевъ, и на Венгерцевъ вмѣстѣ, но тѣмъ не менѣе должно ослабить ея положеніе въ Германіи, и откроетъ еще большій просторъ замысламъ Пруссіи. Такъ какъ въ разрѣшеніи венгерскаго вопроса тѣсная имперская дума будетъ играть весьма важную роль, и разрывъ министерства съ либеральнымъ и патріотическимъ большинствомъ ея, которое рѣшительно не сочувствуетъ союзу съ Пруссіей, могъ бы только возвысить требованія Венгерцевъ, то нѣтъ сомнѣнія, что на первыхъ порахъ Вѣнскій кабинетъ будетъ по возможности противодѣйствовать Пруссіи; но, какъ только примиреніе съ Венгріей состоится, и венгерскій элементъ получитъ вліяніе на австрійскую политику, Вѣнскій кабинетъ откажется отъ противоборства Пруссіи, и будетъ искать на Востокѣ вознагражденія за всѣ свои потери въ Германіи и Италіи. Не даромъ и англійскія газеты привѣтствовали такимъ единодушнымъ одобреніемъ поѣздку въ Пештъ императора Франца-Іосифа; не даромъ также и сама Австрія старается склонить въ свою пользу и князя Черногоріи, и князя Кузу, которому ничѣмъ нельзя было такъ угодить какъ заключеніемъ прямо съ нимъ, помимо Порты, международнаго обязательства, и наконецъ, такъ дѣятельно интригуетъ противъ Сербіи. А между тѣмъ въ самой Сербіи происходятъ военныя приготовленія, и отовсюду, преимущественно по ночамъ, подвозятся оружіе и военные снаряды къ границамъ съ Турціей. Дѣло идетъ, повидимому, къ рѣшительному разрыву, которымъ можетъ быть легко возбужденъ громадный восточный вопросъ.

Итакъ, можно сказать, что тучи нависли надъ юговостокомъ Европы, и что съ этой стороны серіозная опасность можетъ скоро угрожать Россіи. Но эта опасность ничего не значитъ, и громадность восточнаго вопроса умалилась бы, еслибы только наше отечество убереглось отъ другихъ опасностей...

Еще въ прошломъ году имѣли мы поводъ высказать печальную увѣренность, что въ Европѣ есть вопросъ, который считается въ настоящее время созрѣвшимъ, который господствуетъ надъ всѣми прочими и тапся болѣе или менѣе за каждымъ, — вопросъ русскій, вопросъ о Россіи, о Русскомъ государствѣ. Что Россія имѣетъ враговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, что враги эти дѣйствуютъ разными способами, это также не подлежитъ сомнѣнію, и вся сущность русскаго вопроса состоитъ въ пріисканіи наивѣрнѣйшихъ способовъ къ ослабленію и расторженію Россіи. Ни посредствомъ войны, ни посредствомъ внутреннихъ мятежей цѣль эта не можетъ быть достигнута; напротивъ, и то и другое, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, ведетъ только къ оживленію и укрѣпленію Россіи. Остается путь, на который уже давно и вступили партіи посвятившія себя на разрѣшеніе этого русскаго вопроса, — остается путь тонкихъ обмановъ, недоразумѣній, ученій туманящихъ головы и вносящихъ смуту въ русскія дѣла. Есть люди, поставившіе себѣ задачей распространять въ пробуждающемся русскомъ обществѣ, подъ видомъ либерализма и прогресса, космополитизмъ, и утверждать въ умахъ ученіе о разнородности состава Россіи и необходимости понаціональнаго раздѣленія ея подъ одною державой. Космополитизмъ имѣетъ своимъ назначеніемъ размягчать и приводить въ требуемое настроеніе пассивную, недѣйственную, лишенную всякой возможности къ проявленію своихъ жизненныхъ силъ

массу, которую зовутъ русскимъ народомъ; второе должно давать направленіе людямъ мыслящимъ и дѣйствующимъ въ Россіи и такъ или иначе имѣющимъ вліяніе на ходъ ея дѣлъ. Въ насъ вкореняли презрѣніе къ русскому народу, насъ пріучали къ мысли, что держава, какъ бы случайно называемая Русскою, покрываетъ собою многія политическія націи чуждыя одна другой, многія государства долженствующія находиться между собою только въ *личномъ* соединеніи. Личное соединеніе украшалось громкимъ, но безсмысленнымъ въ этомъ случаѣ названіемъ федераціи. Нѣтъ вѣрнѣе способа подготовлять издали разрушеніе государства какъ приводить его части въ такое соединеніе. Всѣ государства, по естественному закону своего существованія, стремятся къ тому чтобы по возможности объединять разрозненныя части, и то что находилось въ случайномъ соединеніи связывать органическими узами одной политической національности. Насъ, какъ полудикихъ людей, стараются убѣдить, что Россія будетъ крѣпче и будетъ лучше процвѣтать, если мы водворимъ въ ней начало внутренняго политическаго разъединенія, если для этой цѣли будемъ создавать подъ Русскою державой особыя политическія національности, пользуясь всякимъ къ тому предлогомъ, если пріучимся считать русскій народъ не какъ единственную политическую націю въ Русскомъ государствѣ, а какъ одну изъ многихъ соподчиненныхъ національностей. Части крѣпко связанныя многотрудною исторіей, составляющія необходимое условіе для развитія русскаго народа, пріобрѣтенныя или возсоединенныя тяжкимъ потомъ и кровью его поколѣній, мудростью и энергіей государей созидавшихъ Россію, должны находиться лишь въ случайной, внѣшней связи съ русскимъ народомъ, пока еще эта мертвая, какъ полагаютъ, масса, не разложится окончательно. Поставить народъ создавшій свое государство неслыханнымъ порабощеніемъ всѣхъ своихъ силъ требованіямъ государственной необходимости,—народъ, одаренный великою силой уподобленія, безпримѣрный по своей однородности и простирающійся своею численностію до пятидесяти слишкомъ милліоновъ, — поставить этотъ народъ на одну линію съ обрывками разныхъ племенъ, захваченныхъ его территоріей, хотя бы эти обрывки состояли изъ одного или двухъ сословій, сидѣли на другихъ чуждыхъ имъ племенахъ и численно были совершенно ничтожны, — пріучить насъ къ мысли что русскій народъ есть только часть Русскаго государства,—это значитъ сдѣлать дѣло болѣе чѣмъ въ половину и почти подвести его къ желанному концу. Стоитъ только русскому народу дѣйствительно увѣриться въ этомъ и счесть Русскую державу столько же принадлежащею ему, сколько и разнымъ другимъ національностямъ, какъ дѣло будетъ кончено, и русскій вопросъ будетъ рѣшенъ. Ничего не можетъ быть справедливѣе того убѣжденія, что сила Россіи заключается въ полномъ единствѣ ея верховной власти съ русскимъ народомъ; а потому еслибъ удалось дѣйствительно убѣдить русскій народъ, что верховная власть не есть одно съ нимъ, что въ Россіи, кромѣ русскихъ подданныхъ, могутъ быть еще подданные не русскіе,—то Россіи не будетъ, Россію можно будетъ разобрать руками...

Если мы иногда ободряемъ и утѣшаемъ себя сангвиническими надеждами на добрый исходъ разныхъ внутреннихъ затрудненій нашихъ, то мы не можемъ не обращать вниманія и на серіозныя опасности, возрастающія со стороны внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, особенно тѣхъ, которые умѣютъ дѣйствовать путемъ тонкихъ обмановъ и обольщать умы ложными ученіями. Страшенъ не тотъ врагъ, который ломится къ намъ силой; страшенъ врагъ, который кроется подъ личиною дружбы и который умѣетъ найдти въ насъ опору и пособіе своимъ замысламъ.

№ 123.

Москва, 7-го Іюня.

Въ *Сѣверной Почтѣ* напечатано:

„Общая глубокая скорбь Царственной Семьи и народная всей Россіи отразилась и въ Царствѣ Польскомъ. Высшіе гражданскіе чины древнихъ польскихъ фамилій, бывшіе представители дворянства и лица разныхъ другихъ сословій, проникнутые сознаніемъ великой утраты своей, кончины Того, въ Комъ видѣли новую зарю своего благоденствія, свѣтлую надежду продолженія царствованія благодушнаго Родителя Его, изъявили желаніе поклониться смертнымъ останкамъ Его, запечатлѣть прощальною слезой тяжкую вину

своего края передъ глубоко огорченнымъ сердцемъ Августѣйшаго Отца Его, передъ Его отечествомъ. Испросивъ дозволеніе Царскаго намѣстника, они прибыли въ С.-Петербургъ, получили здѣсь высочайшее разрѣшеніе участвовать въ печальныхъ церемоніяхъ и присутствовали при самомъ погребеніи въ Бозѣ почившаго Государя Цесаревича. На другой же день они удостоились неожиданнаго ими счастія быть представленными лично Его Императорскому Величеству намѣстникомъ.

„Государь Императоръ, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Александровича, обращался къ каждому изъ нихъ съ милостивымъ Своимъ Царскимъ привѣтомъ, а затѣмъ остановясь, изволилъ произнести слѣдующія слова:

„Я желалъ видѣть васъ, господа, чтобы „благодарить за чувства, которыя вы вы„разили Мнѣ при послѣднихъ тяжкихъ „обстоятельствахъ. Хочу вѣрить, что они „искренны, и желаю, чтобы были раздѣ„ляемы большинствомъ вашихъ соотече„ственниковъ, подданныхъ Моихъ въ Цар„ствѣ Польскомъ. Чувства эти будутъ „лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что „мы не подвергнемся уже тѣмъ испытані„ямъ, чрезъ которыя прошли въ недавнее „время.

„Я желаю, чтобы слова Мои вы пере„дали вашимъ заблужденнымъ соотече„ственникамъ. Надѣюсь, что будете со„дѣйствовать привести ихъ въ разсудку.

„При семъ случаѣ не могу не припо„мнить тѣ слова, поставляемыя Мнѣ въ „укоръ, какъ бы оскорбленіе для Польши, „которыя Я сказалъ въ 1856 году въ Вар„шавѣ, по прибытіи туда въ первый еще „разъ Императоромъ. Я былъ встрѣченъ „тогда съ увлеченіемъ и въ Лазенковскомъ „дворцѣ говорилъ вашимъ соотечественни„камъ: „Оставьте мечтанія (point de rê„veries)“. Еслибы они послѣдовали этому „совѣту, то избавили бы ваше отечество „отъ многихъ бѣдствій. Потому-то возвра„щаюсь къ прежнимъ Моимъ словамъ: „оставьте мечтанія.“

„Я люблю одинаково всѣхъ Моихъ вѣр„ныхъ подданныхъ: Русскихъ, Поляковъ, „Финляндцевъ, Лифляндцевъ и другимъ; „они Мнѣ равно дороги, но никогда Я не „допущу, чтобы дозволена была самая „мысль о разъединеніи Царства Польскаго „отъ Россіи и самостоятельномъ безъ нея „существованіи его. Оно создано Русскимъ „Императоромъ, и оно всѣмъ обязано „Россіи.

„Вотъ Мой Сынъ Александръ, Мой На„слѣдникъ. Онъ носитъ имя того Импера„тора, который нѣкогда основалъ Царство. „Я надѣюсь, что Онъ будетъ достойно „управлять Своимъ наслѣдіемъ и что Онъ „не потерпитъ того, чего Я не терпѣлъ.

„Еще разъ благодарю васъ за чувства, „которыя вы изъявили при послѣднемъ „печальномъ событіи.“

№ 124.

Москва, 8-го іюня.

Обстоятельства, не имѣющія ничего общаго съ цензурой или съ какими бы то ни было посторонними затрудненіями, были причиной того, что ни вчера, ни нынче не могли мы продолжать обычную бесѣду нашу съ читателями въ передовыхъ статьяхъ. Этотъ перерывъ можетъ продлиться еще нѣсколько дней.

№ 130.

Москва, 15-го іюня.

Можетъ-быть, никогда еще двусмысленность взаимныхъ отношеній между великими державами не доходила до такой степени, какъ теперь. Международные вопросы, въ которыхъ равно заинтересованы оба полушарія, какъ нельзя болѣе напоминаютъ своимъ теперешнимъ положеніемъ знаменитое правило Екатерины Медичи—смотрѣть на враговъ какъ на будущихъ друзей и на друзей какъ на будущихъ враговъ.

Пруссія и Австрія, напримѣръ,—державы, которыя такъ недавно еще хвалились взаимною дружбой, которыя не прочь толковать о ней и теперь, тѣмъ не менѣе ежеминутно готовы оказаться отъявленными врагами. Надобно впрочемъ согласиться, что ихъ раздѣляетъ вопросъ существенной важности какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлой Европы (особенно же для Россіи), вопросъ о судьбѣ Пріэльбскихъ Герцогствъ, о судьбѣ Германскаго Союза, о рѣшительномъ преобладаніи въ центральной Европѣ. Пока Австрія не рѣшилась

еще перенести тяжесть своей политики на юго-востокъ Европы, до тѣхъ поръ она не будетъ въ состояніи сойдтись съ Пруссіей и согласиться на ея требованія. Разладъ коренится тутъ очень глубоко, какъ бы ни старались берлинскіе и вѣнскіе политики прикрыть и замаскировать его. Какое вознагражденіе могла бы предоставить Пруссія своей союзницѣ за утрату значенія въ Германіи? Если бы Пруссія и рѣшилась гарантировать Австріи Венецію и идти съ ней заодно въ ея итальянской политикѣ, то и тогда Австрія не могла бы отказаться отъ своей роли въ Германіи, потому что господство въ Венеціи и въ Италіи можетъ имѣть для нея и цѣну, и прочность только при ея первенствѣ въ Германіи. Понятно, что дружескія усилія г. фонъ-Бисмарка были до сихъ поръ направлены не къ тому, чтобы поддержать Австрію въ Италіи, а къ тому чтобы направить ея политику на юго-востокъ Европы.

Не только между Пруссіей и Австріей, но и между тою и другою изъ нихъ и остальными великими державами Европы взаимныя отношенія безпрерывно колеблются, оказывая признаки то болѣе или менѣе тѣсной дружбы, то болѣе или менѣе открытой вражды. Обыкновенно увѣряютъ, что между Россіей и Пруссіей господствуетъ несомнѣнная дружба. Быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ онѣ согласны во многомъ: трудно было бы даже предполагать противное. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что нынѣшнія стремленія Пруссіи вдвойнѣ неблагопріятны и вполнѣ опасны для Россіи: вопервыхъ, сами по себѣ, потому что ихъ удовлетвореніемъ Россія утратитъ свое первенство на Балтійскомъ морѣ и несомнѣнно обезсилитъ себя въ своихъ западныхъ предѣлахъ, особенно при нѣкоторой неопредѣленности въ направленіи ея внутренней политики и при неутомимой работѣ всюду проникающихъ злоумышленныхъ элементовъ, и вовторыхъ, потому что удовлетворить своимъ стремленіямъ Пруссія не можетъ иначе какъ направивъ или насильственно натолкнувъ Австрію на юго-востокъ Европы. Послѣ этого, можно смѣло постановить вопросъ: должна ли Россія смотрѣть на Пруссію какъ на естественно-дружественную или же какъ на естественно непріязненную себѣ державу?

Австрія начинаетъ явнымъ образомъ терять всякую надежду угомонить свою безпокойную союзницу, не прибѣгая къ крайнимъ средствамъ, и все болѣе и болѣе склоняется къ западнымъ державамъ, особенно къ Франціи. Помощь Франціи, хотя и опасная для независимости Германіи, можетъ не только разомъ отрезвить Пруссію и умѣрить ея требованія, прежде чѣмъ дѣло дошло бы до столкновенія, но и отсрочить на неопредѣленное время упроченіе настоящаго порядка вещей въ Италіи, а слѣдовательно и возбужденіе вопроса венеціянскаго. Сверхъ того, эта помощь могла бы пригодиться и на юго-востокѣ Европы, гдѣ Австрія, какъ извѣстно, отнюдь не отрекается отъ всякихъ властолюбивыхъ видовъ. Къ тому же союзъ съ Франціей, удовлетворяя желаніямъ либеральнаго большинства палаты депутатовъ имперской думы, примирилъ бы съ вѣнскимъ правительствомъ и нѣкоторыя внутреннія партіи какъ въ нѣмецкихъ ея областяхъ, такъ особенно въ Венгріи и Галиціи, и не возбудилъ бы противъ себя нималѣйшаго негодованія въ правительственныхъ сферахъ второстепенныхъ и мелкихъ государствъ Германіи, которыя въ настоящее время несравненно болѣе боятся насилій со стороны Пруссіи нежели Франціи. Наконецъ, нельзя отрицать, что мексиканскій вопросъ, который такъ близко принимаетъ къ сердцу Франція, не мало озабочиваетъ и Австрію, эрцгерцогъ которой, родной братъ ея императора, возсѣдаетъ на ново-воздвигнутомъ мексиканскомъ престолѣ. Этотъ вопросъ, который каждую минуту можетъ быть выдвинутъ на первый планъ Соединенными Штатами, уравниваетъ путь къ сближенію Франціи съ Австріей.

Не этимъ ли объясняются извѣстія, одновременно распространяемыя изъ Вѣны и изъ Парижа, объ измѣнившихся отношеніяхъ между обѣими державами, о готовности Австріи вступить въ соглашеніе съ Франціей по всѣмъ международнымъ вопросамъ, о намѣреніи ея дѣйствовать въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ въ качествѣ не члена лишь Германскаго Союза, какъ она дѣйствовала до сихъ поръ, а великой европейской державы,—всѣ эти извѣстія имѣющія, какъ кажется, значеніе не однихъ лишь маневровъ въ отношеніи къ Пруссіи, а дѣйствительно являющія собою тѣнь грядущихъ событій? Франція, для которой интересы наполеоновской династіи стоятъ въ настоящее время на пер-

вомъ планѣ, повидимому, еще колеблется между любимымъ замысломъ императора Наполеона III создать для своей династіи опоры изъ союза латинскихъ народовъ Стараго и Новаго Свѣта,—замысломъ, для осуществленія котораго необходимо соглашеніе между Италіей и папой и упроченіе нынѣшняго порядка вещей въ Италіи, и для котораго такъ благопріятна программа новаго испанскаго министерства,—и союзомъ съ Австріей, который также, несмотря на плохое состояніе австрійскихъ финансовъ, и на несчетное множество затрудненій, съ которыми борется австрійская внутренняя политика, могъ бы сильно содѣйствовать упроченію наполеоновской династіи. Если принцъ Наполеонъ, въ своей рѣчи въ Аяччіо, желалъ заранѣе предотвратить союзъ съ Австріей, и высказался противъ него съ такой силой, то съ другой стороны въ самомъ французскомъ правительствѣ есть партія, не благопріятствующая соглашенію папы съ Италіей и напротивъ очень расположенная къ союзу съ Австріей. Во главѣ этой партіи стоитъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Друэнъ-де-Люисъ, и если въ послѣднее время переговоры между Италіей и папой приняли неблагопріятный оборотъ, то это, кажется, слѣдуетъ приписать не столько происканъ клерикальной партіи, будто бы восторжествовавшей въ Римѣ, сколько готовности Франціи сблизиться съ Австріей: на это намекаетъ, по крайней мѣрѣ, полуофиціяльные органы Флорентинскаго кабинета. По новѣйшимъ извѣстіямъ, однакоже, переговоры въ Римѣ лишь отсрочены, а не прерваны, могутъ снова принять благопріятный для Италіи оборотъ, что естественно будетъ зависѣть отъ того, въ какую сторону склонится французская политика. Для нея однимъ изъ главнѣйшихъ доводовъ въ пользу союза съ Австріей служитъ то соображеніе, что иначе она не въ состояніи побѣдить глубокое недовѣріе къ себѣ въ Англіи, сближеніе съ которой особенно для нея желательно въ виду опасностей, готовыхъ ежеминутно разразиться надъ ея мексиканскимъ твореніемъ. Англія, между тѣмъ, медлитъ и отсрочиваетъ рѣшеніе дѣла: предположенная демонстрація соединенныхъ панцырныхъ флотовъ обѣихъ западныхъ державъ если и состоится, то, по желанію Англіи, не ближе какъ во второй половинѣ августа. Для Франціи, въ настоящее время, возможны двѣ довольно прочныя и соотвѣтствующія ея династическимъ интересамъ политическія комбинаціи въ Европѣ: или сближеніе съ Англіей и Австріей, при двусмысленныхъ отношеніяхъ между Пруссіей и Россіей; еще болѣе неблагопріятное для Россіи чѣмъ въ послѣднюю Восточную войну, или союзъ латинскихъ народовъ, съ Франціей во главѣ,—союзъ, который долженъ встрѣтить антипатіи и въ Австріи, и въ Англіи, но который можетъ сблизить ихъ съ Россіей, а чрезъ то содѣйствовать огражденію европейскаго мира. Будущее предугадывать невозможно, но не трудно обозначить тѣ направленія, которыя можетъ избрать для себя политика европейскихъ государствъ, и которыя, повидимому, характеризуются именно тѣмъ, что враги готовы стать друзьями, а друзья—врагами. Если такому превращенію суждено совершиться, то не требуетъ ли политическое равновѣсіе, чтобъ оно совершилось сполна?

№ 131.

Москва, 16-го іюня.

Національная партія въ Россіи, вотъ подъ какимъ куріознымъ заглавіемъ появилась недавно въ *Кельнской Газетѣ* небольшая статейка, присланная изъ С.-Петербурга. Національная партія въ Россіи! Найдите еще хотя бы одну страну въ Европѣ, къ которой бы эти слова могли бы быть отнесены въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ они примѣняются теперь къ Россіи. Ни въ государствахъ сильныхъ и здоровыхъ, ни въ государствахъ разлагающихся, не найдете вы національной партіи. Національная партія во Франціи, или въ Англіи, или въ Пруссіи, это весь народъ этихъ странъ, народъ сознающій свое достоинство, готовый стоять за свою честь и за свои интересы, и не распадающійся въ этомъ отношеніи ни на какія партіи, ни на какія подраздѣленія. Въ составъ этихъ народовъ вошли такъ же, какъ и у насъ, разнородные и даже враждебные къ цѣлому элементы, какъ, напримѣръ, Поляки въ Пруссіи, Ирландцы въ Соединенномъ Королевствѣ; но эта рознь, эта враждебность, не находя себѣ ни опоры, ни поддержки тамъ, гдѣ заключается источникъ всякой политической силы и значенія, остается едва замѣтною, едва чув-

ствительною, и большею частью не требуетъ никакого противодѣйствія. Въ Австріи и въ Турціи, хотя по совершенно противоположной причинѣ, но точно также не можетъ быть рѣчи о какой-либо одной національной партіи. Австрія, это — сборное государство, въ составъ котораго вошли цѣликомъ самостоятельныя государства, скрѣпленныя между собою только внѣшнимъ образомъ посредствомъ нѣмецкаго правительственнаго начала; Турція, это — распадающееся государство, въ которомъ составныя его части стремятся врозь, и спѣшатъ образовать изъ себя особыя, самостоятельныя государства. Въ Австріи и Турціи есть части, стремящіяся отдѣлиться и обособиться, но тамъ нѣтъ противоположности между какими-то національными и какими-то ненаціональными, то-есть космополитическими партіями. Россія, слава Богу, не есть ни государство сборное, какъ Австрія, ни распадающееся, какъ Турція. А потому если только допустить въ Россіи существованіе особой національной партіи, то надобно признать внутри ея существованіе враждебныхъ къ русскому народу и его государству партій, а также признать и то, что эти партіи, сильныя, конечно, не своею, а заимствованною ими силой, въ состояніи заставить русскій народъ тревожиться за его честь, интересы и даже за его существованіе. Въ Россіи національную партію составляетъ весь русскій народъ. Правда, что онъ выступаетъ въ этомъ значеніи только въ рѣдкія минуты своего пробужденія, въ тѣ минуты, когда онъ живетъ полною жизнію и участвуетъ въ совершеніи своихъ судебъ; правда, что въ другое время онъ какъ бы отодвигается въ сторону. Но это самозабвеніе и самоотреченіе не должно никого вводить въ обманъ: русскій народъ спокоенъ за свою честь и свои національные интересы вслѣдствіе увѣренности, что они вполнѣ ограждаются верховною властью, которую онъ считаетъ всецѣло русскою, которой онъ доселѣ никогда не противопоставлялъ себя, и съ которою онъ чувствуетъ себя единымъ организмомъ. *Кельнская Газета* напрасно говоритъ о существованіи національнаго фанатизма въ Россіи, который будто бы выражается въ слѣпой ненависти ко всему чужому и въ столь же слѣпомъ поклоненіи всему своему. Все это совершеннѣйшая напраслина и клевета, и петербургскій корреспондентъ не въ состояніи ничѣмъ подтвердить свое обвиненіе.

Впрочемъ, онъ нисколько и не заботится объ этомъ. Было бы рѣшительнымъ заблужденіемъ предполагать, будто бы всѣ подобныя статьи и корреспонденціи иностранныхъ газетъ пишутся въ виду иностранной публики, и особенно для вразумленія ея насчетъ *истиннаго* положенія дѣлъ въ Россіи. Объ истинѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи; но этимъ корреспондентамъ нѣтъ также надобности вводить въ заблужденіе иностранную публику. Для чего же и для кого же они такъ усердно пишутъ? Не ясно ли, что они имѣютъ въ виду произвести извѣстное впечатлѣніе и дѣйствіе на русскихъ вліятельныхъ людей, которымъ недосугъ слѣдить за направленіями въ русской политической журналистикѣ и припоминать, что было сказано и чего не было сказано въ той или другой русской газетѣ? Желая очернить то или другое неудобное для нихъ направленіе въ глазахъ русскихъ вліятельныхъ лицъ и показать всю его нелѣпость, эти корреспонденты, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, но не безъ нѣкоторыхъ уловокъ, навязываютъ русскимъ газетамъ мнѣнія, которыхъ онѣ никогда не высказывали и не могли высказывать. Такъ, и въ данномъ случаѣ корреспондентъ *Кельнской Газеты* счелъ за должное прежде всего заявить свое мнимое безпристрастіе, отозвавшись съ нѣкоторою похвалой о талантѣ, съ которымъ будто бы издаются *Московскія Вѣдомости*, для того чтобы дальнѣйшія его показанія о нашемъ фанатизмѣ нашли себѣ бо́льшую вѣру. Впрочемъ, сто́итъ посмотрѣть, въ чемъ состоитъ нашъ мнимый фанатизмъ?

„Національная партія,“ — пишутъ въ *Кельнской Газетѣ*, — „органомъ которой „служатъ *Московскія Вѣдомости*, настаи„ваетъ на возможно большемъ образова„ніи русскаго народа, и притомъ для выс„шихъ классовъ его она требуетъ обра„зованія, имѣющаго классическую основу; „но она желаетъ этимъ достигнуть толь„ко *исключительнаго* господства русскаго „языка и православнаго вѣроисповѣданія „на всемъ пространствѣ Русской Имперіи.“

Прежде всего пусть читатели сообразятъ, что это пишетъ противникъ русской національной партіи, то-есть внутренній врагъ Россіи, и что онъ ставитъ этой такъ-называемой имъ партіи въ укоръ ея заботы о распространеніи просвѣщенія въ

русскомъ народѣ и о томъ чтобъ оно получило истинно-европейскія основы. На эти строки мы обращаемъ особенное вниманіе тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не составили себѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о системахъ образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе не даютъ себѣ отчета, почему необходима у насъ какъ и вездѣ въ Европѣ классическая система образованія; но вопросъ этотъ, для многихъ столь отвлеченный и туманный, долженъ дать имъ почувствовать себя во всей своей практической сплѣ, если только они сообразятъ съ какими неимовѣрными усиліями внутреніе враги Россіи, во всѣхъ сферахъ, противодѣйствуютъ преобразованіямъ въ лучшемъ смыслѣ по этой части и какое значеніе придаютъ они классической системѣ. Сколько было усилій, сколько обмановъ, безпримѣрныхъ по своей безсовѣстности, пущено въ ходъ для того, чтобы воспользоваться неприготовленностію нашего общества къ правильному разумѣнію этого вопроса, для того чтобы сбить съ толку людей вліятельныхъ и ложно направить рѣшеніе правительства, наконецъ испортить, сколько можно, законодательную мѣру, при ея исполненіи, которое теперь наступаетъ и которое еще очень можетъ сдѣлаться для нея окончательнымъ крушеніемъ. Пусть поймутъ тѣ изъ русскихъ людей, честно мыслящихъ относительно интересовъ своего отечества, которые, по неимѣнію ввиду всей полноты требующихся данныхъ, или по случайному недоразумѣнію, враждуютъ противъ класческаго образованія, пусть поймутъ они, что они дѣлаютъ дѣло враговъ Россіи, и притомъ злѣйшихъ враговъ, самыхъ ядовитыхъ, самыхъ опасныхъ. Да, только путемъ образованія,—образованія европейскаго,— русскій народъ можетъ упрочить свое господство въ Россіи, то-есть свое политическое существованіе. Только этимъ путемъ образованія и православная церковь можетъ выйдти изъ того опаснаго положенія, въ которомъ она теперь находится. Если національная партія такъ думаетъ, то она хорошо думаетъ, и очень естественно, что она вызываетъ противъ себя самую ожесточенную злобу враговъ русскаго дѣла.

Какъ русскіе и какъ православные, мы не можемъ не желать всѣхъ возможныхъ успѣховъ нашему языку и нашему вѣроисповѣданію; но этихъ успѣховъ мы не всегда ожидали и ожидаемъ не отъ какихъ-либо внѣшнихъ и насильственныхъ мѣръ, а отъ постановки русскаго народа въ такія условія, которыя благопріятствовали бы его внутреннему преуспѣянію. Не говорили ли мы постоянно, что и католикъ, и протестантъ, и даже Еврей, могутъ быть истыми русскими гражданами, если бы только мы сами не заставляли ихъ чувствовать себя людьми чуждыми и даже враждебными русскому народу, или, что то же, русскому государству? Есть ли въ этихъ словахъ хотя бы тѣнь религіозной нетерпимости и исключительности?

Но петербургскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* поставляетъ намъ въ вину, что мы говоримъ всегда о русскомъ народѣ какъ о господствующемъ въ Россіи и о православной церкви, какъ о господствующей въ Россіи церкви. Да, дѣйствительно, мы это говоримъ и повторяемъ, заявляя тѣмъ всѣмъ извѣстный историческій, политическій и статистическій фактъ, который ничѣмъ нельзя опровергнуть. Не называется ли вездѣ религія огромнѣйшаго большинства населенія какого-либо государства господствующею въ немъ религіей, и не перестало ли бы Русское государство быть русскимъ, не распалось ли бы оно на составныя свои части, еслибы русскому народу было отведено въ немъ то же мѣсто и значеніе какъ Полякамъ, Нѣмцамъ, Шведамъ и Финнамъ, и т. д., то-есть, еслибы всѣ инородческіе элементы были признаны въ Русскомъ государствѣ, наряду съ русскимъ народомъ, въ качествѣ политическихъ національностей? Да, безъ всякаго сомнѣнія, русскій языкъ долженъ господствовать въ Россіи,—безъ всякаго сомнѣнія вѣроисповѣданіе громаднаго большинства народонаселеній, живущихъ въ Россіи, и ея правительства, не можетъ не считаться господствующимъ какъ напримѣръ англійскій языкъ и англійское вѣроисповѣданіе въ Англіи, или французскій языкъ и римско-католическое вѣроисповѣданіе во Франціи. Многихъ господствъ не можетъ быть въ одномъ государствѣ; но господство русскаго языка въ Россіи, особенно если это господство, будетъ опираться и на образованіи, отнюдь не можетъ означать нетерпимости къ иностранцамъ, отнюдь не можетъ вести къ національной исключительности; равно какъ не можетъ вести образованіе къ религіозному фанатизму. Кто не понимаетъ, кому нужно до-

казывать, что путь образованія,—образованія европейскаго,—не есть путь исключительности и фанатизма?

Мысль о единой господствующей народности въ государствѣ и единой господствующей церкви напоминаетъ корреспонденту скорѣе старинную турецко-татарскую государственную идею въ отношеніи къ гяурамъ, чѣмъ основныя начала современной государственной жизни, въ которой терпимость, образованіе и свобода соединяютъ различныя племена (у автора: *національности*) въ одно цѣлое. Дѣйствительно, въ современныхъ государствахъ терпимость, образованіе и свобода должны соединять различныя племена, но отнюдь не національности, въ одно цѣлое. Кто возстаетъ противъ терпимости, противъ образованія, противъ свободы, которыя должны быть равно и на равныхъ условіяхъ, предоставляемы всѣмъ подданнымъ государства какого бы ни были они происхожденія и вѣроисповѣданія? Но это признаваніе за всѣми подданными, какого бы ни были они происхожденія и вѣроисповѣданія, равныхъ правъ на защиту закона, на образованіе, на свободу, означаетъ ли признаваніе всѣхъ племенъ, всѣхъ составныхъ частей государства въ качествѣ особыхъ политическихъ національностей, находящихся въ равныхъ и отдѣльныхъ отношеніяхъ къ общей для нихъ верховной власти? Подобное признаваніе, по истинѣ, скорѣе напомнило бы турецко-татарскіе, чѣмъ современные европейскіе государственные порядки. Въ самомъ дѣлѣ, не видимъ ли мы въ Турціи, что не только Румыны, Сербы, Египтяне и Тунисцы, но и проживающіе тамъ подданные иностранныхъ державъ, не группируясь около одной господствующей національности и не составляя съ нею одного цѣлаго, образуютъ какъ бы свои особыя политическія національности, подчиняясь своимъ особымъ законамъ, особымъ судамъ, особой администраціи? Но за то развѣ можетъ Турція почитаться цѣльнымъ, единымъ и благоустроеннымъ государствомъ? Такіе ли порядки желательно было бы водворить и въ Россіи нашимъ противникамъ „господствующей въ русскомъ государствѣ русской національности?“ Напротивъ, признаетъ ли Пруссія въ качествѣ особыхъ, равныхъ между собою политическихъ національностей, своихъ подданныхъ: Пруссаковъ и на ряду съ ними Поляковъ, Литовцевъ, Лужичанъ и другихъ? Признаютъ ли что-либо подобное Англія, Франція и всякое другое сколько-нибудь благоустроенное европейское государство? Что же касается до идеи господствующей церкви, которая кажется нашему корреспонденту турецко-татарскою идеей, то пусть онъ справится въ любомъ учебникѣ, нѣтъ ли и въ Англіи господствующей церкви и въ какихъ отношеніяхъ находится тамъ государственная власть къ господствующей церкви и въ какихъ къ римско-католической, къ пресвитеріянской и къ инымъ диссидентамъ.

Корреспонденту *Кельнской Газеты* хотѣлось бы заподозрить насъ, въ глазахъ тѣхъ вліятельныхъ лицъ, которыхъ онъ имѣетъ въ виду и которымъ недосугъ справляться съ нашими мнѣніями, въ забавной по своей безмышленности непослѣдовательности. Мы будто бы страшные *панслависты*, требуемъ самаго безусловнаго признанія славянскихъ національностей, не только съ ихъ живыми, но и съ давно вымершими нарѣчіями, въ различныхъ частяхъ Прусскаго королевства, и въ то же время желаемъ, путемъ ли насилія или путемъ добра, обрусить всѣхъ не-Русскихъ, проживающихъ въ Россіи. Что мы никогда не вступались такимъ образомъ за живыя или выродившіяся славянскія племена въ предѣлахъ Пруссіи или Австріи, читателямъ нашимъ хорошо извѣстно; непризнаваніе этими государствами, и особенно Пруссіей, славянскихъ ея племенъ въ качествѣ особыхъ національностей мы находили, напротивъ, дѣломъ не только разумнымъ, съ ея точки зрѣнія, но и достойнымъ подражанія для Россіи по отношенію къ инородческимъ племенамъ, обитающимъ въ нашихъ предѣлахъ.

Для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли, которая состоитъ единственно въ томъ, чтобъ уронить въ глазахъ русскаго правительства русское дѣло, которому мы посильно служимъ, петербургскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* долженъ былъ неминуемо прибѣгнуть къ обычной въ подобныхъ случаяхъ уловкѣ. На нашу долю должны были достаться порицанія и насмѣшки, на долю русскаго правительства—похвалы по отношенію къ тому же самому предмету. Мы будто бы постоянно проповѣдуемъ насиліе противъ инородцевъ и иновѣрцевъ, „такъ какъ бы Россія находилась еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣш-

няго столѣтія," но русское правительство съ большою твердостью идетъ своимъ путемъ, нисколько не поддаваясь подстреканіямъ *Московскихъ Вѣдомостей*, и понимая, что ему слѣдуетъ держаться политики примирительнаго образа дѣйствій, какъ внутри, такъ и внѣ. Разъединить русское правительство и русскую національную партію, органомъ которой корреспондентъ называетъ *Московскія Вѣдомости*, кажется ему еще недостаточно, и вотъ онъ противопоставляетъ русское правительство вообще всему русскому обществу. „Между тѣмъ „какъ всѣ реформы," говоритъ онъ, „до „сихъ поръ исходятъ отъ правительства, „русское общество, даже и въ управленіи „собственными своими дѣлами, напримѣръ „промышленными предпріятіями, обнару„живаетъ такую незрѣлость, что отъ него „нельзя ожидать ничего существеннаго." Но какимъ образомъ русское общество могло бы взяться за реформы, которыя приняло на себя правительство? и изъ кого состоитъ это правительство, какъ не изъ людей, принадлежащихъ къ русскому же обществу? Если и вообще правительство не можетъ быть противополагаемо обществу, то возможно ли такое противоположеніе по отношенію къ Россіи, гдѣ съ общества снята почти всякая забота о дѣлахъ общаго интереса и почти исключительно предоставлена правительству?

Примутъ ли журнальные органы русскаго правительства съ благодарностью похвалы петербургскаго корреспондента *Кельнской Газеты*, пройдутъ ли они ихъ молчаніемъ, или отвергнутъ ихъ съ негодованіемъ, это ихъ собственное дѣло; мы же еще разъ должны протестовать противъ возведеннаго на насъ обвиненія, будто бы мы подстрекаемъ русское правительство къ насиліямъ противъ инородцевъ и иновѣрцевъ въ видахъ ихъ обрусѣнія и обращенія въ православіе. Не насилій, не преслѣдованій или стѣсненій для племенныхъ особенностей, нарѣчій и языковъ, или еще менѣе для религіозной совѣсти инородцевъ желаемъ мы; но мы дѣйствительно полагаемъ, что русское правительство можетъ быть только русскимъ на всемъ пространствѣ владѣній Русской державы, пріобрѣтенныхъ русскою кровью. Это не насиліе противъ инородцевъ и не исключительность, а законъ и жизни, и логики. Мы полагаемъ, что на всемъ пространствѣ владѣній Русской державы не можетъ быть признаваема никакая другая политическая національность кромѣ Русской. Признаваніе всякаго другаго племени или населенія какой-либо части государства за особую политическую національность было бы равносильно признаванію въ Россіи, кромѣ русскаго подданства, еще иныхъ подданствъ, или что то же—признаванію, что въ Россіи существуетъ не одно государство, а многія въ личномъ соединеніи между собою, а это противорѣчило бы какъ всей прошедшей исторіи, такъ равно и нынѣ дѣйствующимъ основнымъ законамъ. Въ этихъ положеніяхъ, какъ мы увѣрены, никто не отыщетъ и тѣни чего-либо насильственнаго или не пріязненнаго въ отношеніи къ инородцамъ; въ нихъ выражается только одна несомнѣнная истина, которую не слѣдовало бы и развивать при совершенной ея очевидности, что русское государство есть только Русское государство и что подданство въ Россіи можетъ быть только Русскимъ подданствомъ, которое впрочемъ могутъ принимать даже и иностранцы, не говоря уже объ инородцахъ, для которыхъ оно обязательно наравнѣ съ природными Русскими.

№ 132.

Москва, 17-го іюня.

Читатели обратили, конечно, вниманіе на помѣщенный въ послѣднемъ № нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* журналъ 6-го засѣданія Петербургскаго Общества Сельскихъ Хозяевъ. Это засѣданіе было посвящено главнѣйшимъ образомъ вопросу о средствахъ къ ограниченію пьянства, и притомъ, согласно съ назначеніемъ Общества Сельскихъ Хозяевъ, преимущественно въ средѣ сельскаго населенія. Докладчикомъ былъ Н. М. Орловъ, состоящій въ то же время членомъ коммиссіи, учрежденной при департаментѣ неокладныхъ сборовъ, для пересмотра правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками, что придаетъ особенное значеніе его докладу. Въ преніяхъ, возбужденныхъ докладомъ г. Орлова, принималъ участіе и другой членъ той же коммиссіи, князь А. И. Васильчиковъ, которому вопросъ о пьянствѣ много обязанъ своею теперешнею постановкой и который съ особенною силой указалъ на настоя-

тельную потребность и несомнѣнную возможность принятія мѣръ если не противъ пьянства вообще, то противъ пьяныхъ. Но, къ сожалѣнію, это указаніе выходитъ за предѣлы порученія, возложеннаго на помянутую коммиссію.

Обычай разрабатывать законодательные вопросы въ коммиссіяхъ, учреждаемыхъ при отдѣльныхъ вѣдомствахъ, съ недавняго времени вошелъ у насъ въ большой ходъ, но если вникнуть въ дѣло и въ то же время обратить вниманіе на существующіе въ другихъ государствахъ способы разработки законодательныхъ вопросовъ, то нельзя не усомниться въ правильности этого обычая. Спеціальная коммиссія по тому или другому вопросу, состоящая при отдѣльномъ вѣдомствѣ, можетъ съ успѣхомъ собрать статистическія свѣдѣнія и вообще заготовить матеріялъ для дальнѣйшей законодательной работы, но самую эту работу она никакъ не можетъ исполнить съ успѣхомъ, вопервыхъ по естественной зависимости отъ того вѣдомства, при которомъ она состоитъ, а во вторыхъ по не менѣе естественной ограниченности своего порученія. Между тѣмъ каждый спеціяльный вопросъ, какъ бы онъ ни былъ спеціяленъ, если только получаетъ значеніе вопроса законодательнаго, перестаетъ быть вопросомъ своего вѣдомства, и становится общимъ государственнымъ вопросомъ. Гдѣ требуется только исполнять, тамъ спеціялизація должностей облегчаетъ дѣло; тамъ раздѣленіе занятій есть важное удобство, существенное условіе успѣшнаго хода общей работы. Но коль скоро исполнительная дѣятельность переходитъ въ распорядительную, или даже въ законодательную, и вообще коль скоро она получаетъ политическій характеръ, то спеціялизація занятій естественно теряетъ свое полезное значеніе и можетъ вести лишь къ односторонне му направленію дѣла, а слѣдовательно къ ослабленію единства и къ внутреннимъ противорѣчіямъ въ законодательствѣ. Вотъ почему развитіе исполнительной части въ государствѣ вызываетъ потребность усиленія части законодательной. Иначе въ государственныхъ отправленіяхъ не будетъ должнаго равновѣсія; точка зрѣнія отдѣльныхъ вѣдомствъ неизбѣжно получитъ перевѣсъ надъ общею государственною точкой зрѣнія, и отдѣльныя мѣры не только не будутъ подкрѣплять, а могутъ нерѣдко парализировать одна другую, къ серіозному ущербу общей политической жизни въ государствѣ.

Вопросъ о пьянствѣ имѣетъ у насъ значеніе вопроса политическаго. Онъ можетъ быть правильно поставленъ въ законодательномъ смыслѣ только такими органами, которые дѣйствовали бы на основаніи общаго законодательнаго полномочія. Только такія учрежденія имѣли бы средства уравновѣсить фискальныя мѣры противъ пьянства съ мѣрами судебными и съ тѣми способами, которыми располагаетъ церковь и общество или которые могутъ быть имъ предоставлены. Говоря это, мы просимъ не принимать нашихъ словъ въ такомъ смыслѣ, что будто бы для разрѣшенія каждаго законодательнаго вопроса требуется такое центральное и высокое учрежденіе какъ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Само собой понятно, что главныхъ комитетовъ нельзя учреждать многіе десятки, не подвергая ихъ опасности утратить именно свое общее государственное значеніе. Мы только указываемъ на неудобства системы отдѣльныхъ коммиссій, разрабатывающихъ законодательные вопросы по отдѣльнымъ вѣдомствамъ; но тѣмъ не менѣе полагающихъ основы законодательныхъ рѣшеній. Наконецъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что указываемъ на эти неудобства независимо отъ достоинства лицъ участвующихъ въ спеціяльныхъ коммиссіяхъ: чѣмъ выше ихъ достоинства, тѣмъ прискорбнѣе, что постановка дѣла не позволяетъ имъ обнять его во всей его широтѣ.

Итакъ, признавая вполнѣ важность замѣчаній сдѣланныхъ княземъ Васильчиковымъ, нельзя не пожалѣть что они выходятъ за предѣлы занятій коммиссіи, учрежденной при департаментѣ неокладныхъ сборовъ. На дняхъ, съ такимъ же сожалѣніемъ, читали мы передовую статью о пьянствѣ въ №122 *Сѣверной Почты*. Эта прекрасная статья можетъ также служить удостовѣреніемъ той истины, что одинъ и тотъ же государственный вопросъ долженъ представляться въ совершенно различныхъ видахъ съ точки зрѣнія разныхъ вѣдомствъ.

Теперь рѣчь идетъ исключительно о фискальной сторонѣ питейнаго дѣла, и притомъ только о *торговлѣ* крѣпкими напитками. Учрежденная для пересмотра этого вопроса коммиссія избрала изъ своей среды отдѣлъ, которому поручила представить подробныя соображенія о мѣрахъ, могущихъ уменьшить пьянство и установить болѣе

равномѣрное потребленіе народомъ вина. Этотъ отдѣлъ, въ концѣ мая, окончилъ свои занятія, и съ 7-го іюня, какъ извѣщаетъ *Указатель*, издаваемый при министерствѣ финансовъ, начались общія засѣданія коммиссіи. Сколько извѣстно, направленіе мѣръ, предлагаемыхъ отдѣломъ, соотвѣтствуетъ задачѣ указанной въ возложенномъ на него порученіи. Эти мѣры направлены не противъ потребленія крѣпкихъ напитковъ, а противъ пьянства. Нельзя не признать вѣрности этого направленія, а также вѣрности общихъ средствъ, указываемыхъ въ этомъ направленіи. Главнымъ средствомъ признано сокращеніе числа питейныхъ заведеній.

„Равномѣрное потребленіе крѣпкихъ напитковъ“ возможно лишь при ихъ относительной дешевизнѣ въ ведерной продажѣ. Ограниченію подлежитъ собственно только число распивочныхъ питейныхъ заведеній. Такова цѣль, которую слѣдуетъ имѣть въ виду. Поэтому, какъ ведерная продажа, такъ и раздробительная продажа на выносъ должны подлежать стѣсненію лишь въ той мѣрѣ, въ какой за ними можетъ скрываться распивочная продажа. Общія жалобы на штофныя лавки вызваны не тѣмъ, что онѣ продаютъ вино на выносъ, а тѣмъ что подъ предлогомъ продажи питей на выносъ, онѣ торгуютъ ими распивочно. Вотъ почему общій голосъ, кажется, всѣхъ сословій и вѣдомствъ требуетъ, чтобы штофныя лавки были подчинены одинаковымъ правиламъ съ питейными домами. Въ этомъ заключеніи, равно какъ и въ мотивахъ къ нему всѣ согласны, но въ дальнѣйшемъ примѣненіи того же самаго взгляда многіе расходятся, хотя все это дѣло такъ просто и ясно, что повидимому не должно бы вызывать разногласія.

Въ чемъ состоитъ задача? Не въ томъ ли чтобы стѣснить потребленіе водки въ питейныхъ заведеніяхъ и облегчить ея домашнее потребленіе? Но если такъ, то можно ли воспрещать продажу на выносъ заведенію имѣющему право торговать распивочно? При теперешнемъ порядкѣ, кто хочетъ продавать водку и распивочно и на выносъ, тотъ принужденъ открывать либо питейный домъ, либо ренсковый погребъ, то-есть такія заведенія, которыя не имѣютъ права подавать теплыя кушанья, чай и т. п. Но ренсковый погребъ, имѣющій право распивочной продажи, платитъ въ Москвѣ 400 р. патентнаго сбора, тогда какъ простой кабакъ платитъ всего 200 р., а потому огромное большинство принуждено открывать простые питейные дома, или кабаки, то-есть заведенія, не имѣющія права торговать не только теплыми кушаньями и безвредными напитками, подобными чаю, но и виноградными винами. Неужели такой порядокъ желательно удержать? Неужели есть какой-нибудь разчетъ отдавать кабакамъ предпочтеніе передъ трактирами и харчевнями? Съ точки зрѣнія народной нравственности, народнаго здравія и общественнаго приличія, конечно, нѣтъ. Съ фискальной точки зрѣнія — тоже нѣтъ. Главный доходъ казны получается отъ акциза. Чѣмъ больше питей будетъ продано изъ трактировъ и харчевень на выносъ, тѣмъ выгоднѣе для казны. Что же препятствуетъ распространенію на трактирныя заведенія права торговать питьями на выносъ? Намъ кажется, что только преданія и понятія, сложившіяся подъ вліяніемъ откупа и въ его интересахъ. Если мы обратимъ вниманіе на ходъ нашего новаго акцизнаго законодательства, то не замѣтимъ въ немъ расположенія покровительствовать кабакамъ въ ущербъ харчевнямъ. Напротивъ, возвышеніе патентнаго сбора съ кабаковъ, введенное съ начала текущаго года, не сопровождалось возвышеніемъ патентнаго сбора съ трактирныхъ заведеній, что показываетъ благосклонность къ нимъ новѣйшаго законодательства. По акцизному положенію, вошедшему въ силу съ 1-го января 1863 года, кабаки платили:

въ столицахъ	100 р.
въ мѣстностяхъ втораго разряда . .	50 „
въ мѣстностяхъ третьяго разряда. .	25 „

А съ 1-го января текущаго года кабаки платятъ:

въ столицахъ	200 р.
въ мѣстностяхъ втораго разряда . .	100 „
въ мѣстностяхъ третьяго разряда .	30 „

Трактирныя же заведенія платятъ теперь тотъ же патентный сборъ, который былъ введенъ съ 1-го января 1863 года, а именно:

въ столицахъ	150 р.
въ мѣстностяхъ втораго разряда . .	50 „
въ мѣстностяхъ третьяго разряда .	15 „

При возвышеніи патентнаго сбора съ кабаковъ, нельзя будетъ, конечно, не возвы-

сить его и съ трактирныхъ заведеній, потому что иначе всѣ кабаки превратились бы въ харчевни, но не на дѣлѣ, что желательно, а только для вида, дабы избѣжать платы высшаго патентнаго сбора. Чрезъ это казна понесла бы ущербъ безъ всякой пользы для народа. Но признавая необходимымъ нѣкоторое возвышеніе патентнаго сбора съ трактирныхъ заведеній, нельзя упускать изъ виду и того, что было бы справедливо вознаградить ихъ за эту новую тягость расширеніемъ ихъ торговыхъ правъ. Казалось бы всего проще совершенно уравнять трактирныя заведенія, постоялые дворы и питейные дома, наложивъ на тѣ и другіе одинаковые патентные сборы и подчинивъ ихъ одинаковымъ правиламъ относительно разрѣшенія и закрытія, а также относительно обложенія сборомъ въ пользу городовъ и земства. Очень трудно освободиться отъ мысли, что рано или поздно дѣло придетъ именно къ этому исходу, совершенно согласно съ справедливостью и общими законами, установленными для городовъ и для земства. Не менѣе трудно усмотрѣть, какое неудобство могло бы возникнуть изъ того для государственной казны: продажа питей на вынось получила бы большее развитіе чѣмъ теперь и вознаградила бы казну за сокращеніе распивочной продажи; въ выручкѣ отъ патентнаго сбора также не произошло бы большой перемѣны; число питейныхъ заведеній сократилось бы, но за то патентные платежи были бы распредѣлены между ними съ большею справедливостью, такъ какъ распредѣленіе платежей основывалось бы на раскладкѣ и соотвѣтствовало бы размѣрамъ каждаго заведенія. Мы не имѣемъ притязанія выставлять цифры; для этого у насъ нѣтъ подъ рукой достаточныхъ данныхъ. Но дабы обозначить какъ представляется намъ дѣло, приводимъ тѣ цифры патентнаго сбора, которыя кажутся намъ наиболѣе удобными.

Трактирныя заведенія, питейные дома и постоялые дворы могутъ платить, сверхъ сборовъ въ пользу городовъ и земства (maximum этихъ сборовъ можетъ быть опредѣленъ), слѣдующій патентный сборъ, распредѣляемый между ними по раскладкѣ:

въ столицахъ и большихъ торговыхъ городахъ, какъ Рига, Одесса, Кронштадтъ, Ростовъ-на-Дону	300 р.
въ губернскихъ и большихъ уѣздныхъ городахъ	150 „
въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ	75 р.
въ льготныхъ мѣстностяхъ	30 „

Такая же дополнительная плата можетъ быть взимаема съ ренсковыхъ погребовъ за право распивочной продажи спиртныхъ напитковъ.

Штофныя лавки, по причисленіи ихъ къ заведеніямъ, въ собственномъ смыслѣ питейнымъ, что необходимо, могли бы подлежать теперешнему патентному сбору и сверхъ того общему промысловому сбору въ пользу городовъ или земства.

Что касается до оптовыхъ складовъ, то дабы предотвратить ихъ чрезмѣрное размноженіе, при чемъ они потеряли бы свой характеръ и принялись бы тайкомъ за распивочную продажу, слѣдовало бы подчинить и ихъ такому же возвышенію патентнаго сбора, какъ мѣста распивочной продажи, но, съ другой стороны, дабы дать имъ возможность продавать вино по той же цѣнѣ какъ теперь, или еще по низшей, слѣдовало бы допустить въ ихъ пользу нѣкоторое облегченіе, такого однако же свойства, чтобы заведенія, существующія или преимущественно интересующіяся распивочною продажей, не могли имъ воспользоваться. Этому условію всего болѣе соотвѣтствовала бы, кажется, уступка акциза за усышку и утечку вина лежащаго на складѣ. Но объ этомъ важномъ вопросѣ мы предоставляемъ себѣ поговорить на этихъ дняхъ въ другой разъ.

№ 133.

Москва, 18-го іюня.

Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на помѣщаемый ниже отчетъ о засѣданіи верхней палаты австрійской имперской думы. Дѣло шло о бюджетѣ на 1865 годъ и, по поводу его, объ общемъ финансовомъ и экономическомъ положеніи имперіи. Высокопоставленные ораторы, принадлежащіе къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Австріи: графъ Антонъ Ауэршпергъ, прославившійся въ своей молодости поэтическими произведеніями подъ именемъ Анастасія Грюна, графъ Лео Тунъ и князь Коллоредо, живыми красками изобразили безотрадную картину разстройства финансовъ и народнаго хозяйства имперіи. Упадокъ и колебаніе цѣн-

ности бумажныхъ денегъ, порождающіе всеобщую дороговизну, парализирующіе всѣ долгосрочныя частныя сдѣлки, раззоряющіе и публику, и правительство, ежегодно возобновляющіеся дефициты, для покрытія которыхъ нѣтъ возможности разчитывать на увеличеніе налоговъ или на бо́льшую ихъ доходность, потому что съ одной стороны, налоги и безъ того уже оказываются невыносимымъ бременемъ, а съ другой, податная сила населенія нисколько не увеличивается, а напротивъ, скорѣе уменьшается, безпрерывные займы со стороны правительства въ самыхъ многоразличныхъ видахъ, займы, которые поглащаютъ всѣ сбереженія, всѣ капиталы страны, отвлекая ихъ отъ производительнаго употребленія въ сельскомъ хозяйствѣ, въ промышленности, въ торговлѣ, именно въ то время, когда они особенно нуждались бы въ капиталахъ, естественно проистекающій изъ всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ причинъ застой торговли и упадокъ производительнаго труда, и наконецъ, унылая безнадежность, которая побуждаетъ, не заботясь о будущемъ, предаваться чрезмѣрной роскоши и наслажденіямъ въ настоящемъ,—таково положеніе дѣлъ въ Австріи, по изображенію ея ораторовъ, не вызвавшему опроверженій. Дѣло дошло до того, что въ Венгріи правительство само узаконило сборъ подадей натурой, какъ въ былыя, давно прошедшія, патріархальныя времена, и почти готово рѣшиться на ту же мѣру и въ Штиріи, и въ Крайнѣ, побуждаемое огромнымъ количествомъ ежегодныхъ недоимокъ въ податяхъ. Съ другой стороны князь Коллоредо особенно жаловался на неудобства путей сообщенія, на неудовлетворительное состояніе учебныхъ заведеній, на недостаточность законовъ о поземельныхъ отношеніяхъ и на безсиліе лѣсной, полевой и луговой полиціи.

Чтобы выбраться изъ такого неудовлетворительнаго состоянія, австрійскіе политическіе люди въ одинъ голосъ совѣтуютъ строжайше соображать государственные расходы съ постоянными обыкновенными доходами,—совѣтъ, который вполнѣ принимаетъ и австрійскій министръ финансовъ, обѣщая во всей строгости слѣдовать ему, начиная съ 1867 года. Но легко сказать: соображать расходы съ доходами, и чрезвычайно трудно исполнить это требованіе, если съ одной стороны, въ доходахъ почти не предвидится повышенія, а съ другой, въ расходахъ, вслѣдствіе возрастающихъ государственныхъ потребностей, предстоитъ неминуемое увеличеніе. Единственный выходъ въ такомъ случаѣ есть коренное измѣненіе въ системѣ политики и управленія. Прежде всего, по мнѣнію князя Коллоредо, должна быть упрощена и сокращена система администраціи, какъ военной, такъ и гражданской, и долженъ быть изгнанъ „бюрократическій духъ, такъ охотно считающій „собственные интересы бюрократіи главнѣйшею государственною цѣлью, и дѣлающій подчиненныхъ исполнителей закона своевольными толкователями его.“ Но административная система можетъ быть упрощена и сокращена, и бюрократическій духъ можетъ быть изгнанъ не иначе какъ уступивъ свое мѣсто солидному самоуправленію. На это также отчасти указываютъ и графъ Рехбергъ, бывшій министръ-президентъ и потомъ министръ иностранныхъ дѣлъ Австріи, а также и нынѣшній государственный министръ ея фонъ-Шмерлингъ. Самоуправленіе должно послужить средствомъ къ облегченію казны и къ возстановленію равновѣсія между государственными расходами и доходами,—самоуправленіе, которое, замѣтимъ мимоходомъ, отнюдь не должно смѣшивать съ такъ-называемыми у насъ земскими учрежденіями. Въ Австріи мы видимъ цѣлую систему областныхъ сеймовъ, но отъ нихъ толку мало, и они нисколько не препятствуютъ господству бюрократическаго духа со всѣми его гибельными послѣдствіями. Эти мѣстные парламентики съ ихъ постоянными коммиссіями грозятъ только новыми и весьма значительными обремененіемъ для плательщиковъ податей, и послужатъ не столько къ облегченію казны въ ея расходахъ, сколько къ уменьшенію ея доходовъ и увеличенію недоимокъ, вслѣдствіе поглощенія значительныхъ суммъ на содержаніе этихъ новыхъ мѣстныхъ учрежденій. Къ облегченію и казны, и плательщиковъ податей, можетъ послужить только дѣйствительное и серіозное самоуправленіе, соединяющее въ себѣ и мѣстную администрацію, и мѣстный судъ въ нижней его инстанціи, касающееся такимъ образомъ всѣхъ существенныхъ интересовъ края, и потому способное привлекать къ себѣ людей на общественную службу безъ жалованья. Безъ этихъ условій и самое

слово: самоуправленіе, будетъ употребляться лишь всуе, такъ какъ избраніе должностныхъ лицъ, на которыхъ возложено попеченіе о нѣкоторыхъ интересахъ земства, и назначеніе имъ жалованья мѣстнымъ земствомъ, а не казною, отнюдь не составляетъ отличительнаго признака дѣйствительнаго самоуправленія.

Но австрійскіе государственные люди не возлагаютъ всѣхъ надеждъ своихъ относительно улучшенія финансоваго и экономическаго положенія страны на одно лишь мѣстное самоуправленіе, которое какъ бы ни было хорошо, оказалось бы совершенно недостаточнымъ для достиженія подобной цѣли.

Австрійскіе государственные люди высоко цѣнятъ государственныя учрежденія, которыя получила вся Австрійская имперія отъ своего монарха, въ силу императорскаго патента 26-го февраля 1861 г. И дѣйствительно, какъ замѣтилъ графъ Ауэршпергъ, введеніе этихъ учрежденій имѣло на первыхъ порахъ самыя благотворныя послѣдствія, и плоды его тотчасъ же обнаружились въ возстановленіи кредита Австріи и взаимнаго довѣрія между правительствомъ и народонаселеніемъ: общественное мнѣніе какъ въ самой Австріи, такъ и за границей тотчасъ же усмотрѣло въ новыхъ учрежденіяхъ, въ томъ контролѣ, который предоставленъ имперской думѣ относительно общаго государственнаго управленія, ручательство, что финансы и денежная система имперіи будутъ приведены въ порядокъ и что для Австріи наступитъ пора всесторонняго, матеріальнаго и нравственнаго прогресса. Даже и теперь, когда, благодаря внутреннему разъединенію Австріи, эти ожиданія оказались преувеличенными, она все еще продолжаетъ пользоваться тѣмъ кредитомъ, который придали ей новыя ея учрежденія, и какъ сообщалось недавно, англійскіе капиталисты все еще охотно предлагаютъ ея правительству свои капиталы для возстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ. Если представительныя учрежденія Австріи не принесли всего плода, который ожидался отъ нихъ, если они до сихъ поръ дѣйствовали слабо на улучшеніе господствующей въ Австріи системы управленія, если и теперь этой державѣ грозитъ, повидимому, кризисъ, который можетъ лишить ее всѣхъ благъ, пріобрѣтенныхъ ею съ 1860 г., то главнѣйшая тому причина заключается въ томъ, что она есть государство сборное, состоящее изъ разныхъ политическихъ національностей. Къ тому же, вслѣдствіе неразумной политики, австрійское правительство, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, само поддерживало и вкореняло въ имперіи политическое раздвоеніе, которое теперь грозитъ монархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой династіи Габсбурговъ, бѣдствіями и окончательнымъ паденіемъ. Венгрія была пріобрѣтена Габсбургами не путемъ завоеванія, а путемъ родственнаго союза и добровольнаго избранія Фердинанда I, со стороны венгерскаго сейма; это было династическое пріобрѣтеніе; поэтому не было никакого повода лишать ее тѣхъ политическихъ правъ, которыми она пользовалась, и ставить къ другимъ, кореннымъ владѣніямъ, въ положеніе страны завоеванной; но было великою ошибкой не сдѣлать эти исключительныя права общимъ достояніемъ всѣхъ владѣній Габсбургской короны, и держать коренныхъ подданныхъ какъ бы въ черномъ тѣлѣ сравнительно съ Венгерцами. Въ эту ошибку Габсбурги вдались не разомъ и только вслѣдствіе несогласій, возникшихъ внутри этого царственнаго рода. До 1608 г. отъ соединенія Венгріи съ коренными наслѣдственными землями можно было ожидать для послѣднихъ дальнѣйшаго развитія ихъ политическихъ правъ: и Венгерцы, и остальные подданные Габсбурговъ нерѣдко собирались въ общіе сеймы, и составляли такимъ образомъ болѣе единое и цѣльное государство, нежели въ настоящее время. Но въ 1608 г. Матвѣй, назначенный королемъ Венгріи, подъ верховною властью брата своего императора Рудольфа II, во враждѣ своей къ брату и изъ желанія упрочить за собою помощь Венгерцевъ, объявилъ на Пресбургскомъ сеймѣ, что впредь Венгрія будетъ до нѣкоторой степени пользоваться независимостью въ своихъ финансовыхъ дѣлахъ, въ которыхъ прежде она зависѣла исключительно отъ вѣнской придворной камеры. Съ того времени между обѣими половинами Австрійской имперіи все болѣе усиливается разобщеніе, и тогда какъ въ венгерской половинѣ сохраняются почти въ совершенной неприкосновенности ея старинныя политическія права, въ нѣмецко-славянской, напротивъ, исчезаютъ и прежнія вольности, и водворяется полный абсолютизмъ, смягчаемый лишь

добродушіемъ большей части Габсбурговъ и относительно высокимъ уровнемъ образованія ея правительственныхъ дѣятелей. Это раздвоеніе, однажды допущенное, должно было самихъ Габсбурговъ поставить въ двусмысленное положеніе къ тѣмъ и другимъ ихъ подданнымъ и повести ихъ къ безнравственной политикѣ противопоставленія ихъ другъ другу. Опираясь поперемѣнно то на тѣхъ, то на другихъ, австрійское правительство держало въ черномъ тѣлѣ Нѣмцевъ и Славянъ съ помощію Венгерцевъ, и нарушало отъ времени до времени права и вольности Венгерцевъ съ помощію Славянъ и Нѣмцевъ. Результатомъ этой недостойной балансировки было то, что между тѣми и другими должно было укорениться чувство разлада, вражды и взаимнаго раздраженія, — чувство, которое и теперь подвергаетъ опасности единство и цѣлость Австрійской имперіи. Предоставленіе исключительныхъ политическихъ правъ Венгерцамъ имѣло своимъ послѣдствіемъ развитіе въ нихъ духа сепаратизма, вслѣдствіе котораго всѣ усилія ихъ постоянно были направлены на то, чтобы затруднять развитіе политической жизни въ нѣмецко-славянской половинѣ государства. Хотя всѣ партіи въ Венгріи, и особенно старая консервативная партія, похваляются тѣмъ, что они сочувствуютъ новымъ учрежденіямъ Австріи, и желаютъ только, чтобъ ихъ не навязывали Венгріи; тѣмъ не менѣе однакоже несомнѣнно, что съ усиленіемъ венгерскаго вліянія при Вѣнскомъ дворѣ немедленно ослабляется вѣроятность упроченія и дальнѣйшаго разроятность упроченія и дальнѣйшаго развитія общественной свободы и политическихъ льготъ въ нѣмецко-славянской половинѣ Австріи. Если старая венгерская консервативная партія въ 1860 г. какъ будто бы содѣйствовала введенію новыхъ учрежденій Австріи, то при этомъ она руководствовалась только желаніемъ вызвать вновь къ жизни свой венгерскій сеймъ, которому грозило совершенное уничтоженіе съ 1849 г. Духъ, которымъ была проникнута эта старая консервативная партія въ 1860 г., лучше всего обнаружился въ рѣчи графа Аппони, въ первомъ засѣданіи усиленнаго государственнаго совѣта (31-го мая 1860 г.), когда онъ, отъ имени всѣхъ своихъ соотечественниковъ, заявилъ, что усиленный государственный совѣтъ возбудилъ всеобщія опасенія въ Венгріи, сослался на старинныя историческія права ея и провелъ рѣзкую политическую границу между ею и остальными коронными землями. Что касается до венгерской либеральной партіи Деака и Этвеша, то ея желанія всѣ направлены къ тому, чтобы какъ можно болѣе умалить значеніе общей имперской думы, преобразовавъ ее почти въ обыкновенный государственный совѣтъ, въ которомъ треть членовъ была бы отъ короны, и къ тому, чтобы тѣсная имперская дума имѣла какъ можно меньше вліянія на императора, который въ то же время есть король Венгріи. Въ настоящее время усилія венгерскихъ патріотовъ устремлены къ тому, чтобы добиться соглашенія между Венгріей и императоромъ-королемъ безъ всякаго участія, безъ всякаго посредства со стороны имперской думы, — участія, которое г. фонъ-Шмерлингъ и патріотическое большинство обѣихъ австрійскихъ палатъ считали рѣшительно необходимымъ, — и этимъ усиліямъ, повидимому, суждено увѣнчаться успѣхомъ. Назначеніе графа Майлата, одного изъ вождей старой консервативной партіи, наиболѣе ненавистной г. фонъ-Шмерлингу, предвѣщаетъ скорое паденіе этого либеральнаго министра и творца австрійской конституціи 1861 г., и дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ переданный намъ по телеграфу слухъ объ его увольненіи; вмѣстѣ съ тѣмъ оно означаетъ торжество венгерскаго вліянія при Вѣнскомъ дворѣ, вліянія, которое можетъ быть лишь пагубно для политической жизни въ западной половинѣ Австріи. Если слухъ объ увольненіи г. фонъ-Шмерлинга подтвердится, то по всему вѣроятію, имперская дума будетъ вскорѣ закрыта на неопредѣленное время, и императоръ Австрійскій выступитъ передъ своими „народами“ преимущественно въ качествѣ короля Венгерскаго. Мудрено ли, что при такомъ колебаніи между двумя политическими національностями, при такой противоположности ихъ стремленій и интересовъ, новыя учрежденія Австріи не въ состояніи принести весь свой добрый плодъ и не въ состояніи спасти имперію отъ угрожающаго ей распаденія? Еслибы еще одни Венгерцы стремились къ обособленію, а то примѣръ ихъ и особое положеніе, имъ предоставленное, развили подобныя же стремленія и во всѣхъ другихъ составныхъ частяхъ имперіи, особенно же въ тѣхъ, гдѣ большинство составляютъ Славяне, сознающіе

теперь свою численность и не имѣющіе никакого основанія преклоняться передъ политикой короля Венгерскаго.

№ 134.

Москва, 19-го іюня.

Россія имѣетъ много враговъ. Событія послѣдняго времени должны были убѣдить насъ въ этомъ. Но гдѣ эти враги? Кто эти враги? Мы не будемъ разыскивать гдѣ главный источникъ зла, что создаетъ этихъ враговъ, что̀ даетъ имъ силу, группируетъ и организуетъ ихъ, окрыляетъ ихъ надеждами, открываетъ имъ возможность дѣйствовать, и дѣйствовать съ успѣхомъ въ присутствіи семидесяти милліоновъ людей, въ государствѣ сильномъ, имѣющемъ многочисленную и многосложную администрацію. Мы не будемъ говорить о врагахъ потаенныхъ, о тѣхъ скрытыхъ силахъ, которыя, подобно божествамъ древнихъ мистерій, неуловимыя для невооруженнаго глаза и для непосвященнаго разумѣнія, остаются во глубинѣ и творятъ оттуда пеструю ткань видимыхъ явленій. Мы хотимъ указать теперь на враговъ видимыхъ, которые до послѣдняго времени были какъ нельзя болѣе откровенны относительно проклятой *москвы*, какъ они называли Россію, изображая это слово черезъ строчную букву и разумѣя подъ нею монгольскую орду. Мы не можемъ не обратить вниманія на то, что происходитъ теперь въ лагерѣ явно враждебномъ Россіи; мы хотимъ указать на явленіе, которое поразило своею неожиданностію не очень поворотливыя нѣмецкія головы. Случилось, должно-быть, что-нибудь необыкновенное: вдругъ въ лагерѣ, явно враждебномъ, замѣчается удивительное оживленіе, раздаются клики торжества и ликованія. Посторонняя публика, Нѣмцы въ Германіи, не вѣрятъ ушамъ своимъ и не понимаютъ что̀ бы это значило. Въ Россіи же люди сколько-нибудь чуткіе и не лишенные смысла могутъ успѣшнѣе догадываться въ чемъ дѣло.

Къ числу самыхъ ожесточенныхъ и дышащихъ ненавистью къ Россіи органовъ польской заграничной печати всегда принадлежалъ *Dziennik Poznański*. Мы можемъ теперь обрадовать русскую публику извѣстіемъ, что мгновенно, будто по манію волшебнаго жезла, этотъ злѣйшій врагъ русскаго имени превратился въ добраго друга Россіи. Это чудное превращеніе поразившее, какъ сказано, своею неожиданностію заграничную публику, совершилось за одну ночь: вчера Россія была орда, исполненная всякой мерзости, пятно для человѣчества: нынче Россія превратилась въ страну цивилизаціи и великаго прогресса, и ея правительство превозносится до небесъ; вчера Россія предавалась проклятію, и на нее точились ножи; сегодня ей предлагается дружба отъ имени польской націи, какъ въ Царствѣ Польскомъ пребывающей, такъ и въ Россійской имперіи. Вотъ какая радость для Россіи! Вотъ какимъ блистательнымъ успѣхомъ увѣнчивается русское дѣло по выходѣ изъ недавняго, еще всѣмъ такъ памятнаго кризиса!

Но мы предоставимъ говорить нѣмецкимъ референтамъ объ этомъ поразившемъ ихъ явленіи. Вотъ что пишутъ въ: *Allgemeine Zeitung* (Beilage 25-го іюня):

„Извѣстно изъ опыта, что Поляки въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ дѣлаютъ страшные прыжки; на этотъ разъ, однакожь, прыжокъ такой страшный, что поневолѣ подумаешь, не дѣлается ли онъ затѣмъ, чтобы послужить примѣромъ для извѣстной аксіомы: крайности соприкасаются. Тѣ самые голоса, которые еще недавно обзывали Русскихъ московскими варварами, теперь изъявляютъ имъ всевозможныя нѣжности и рекомендуютъ своей націи тѣснѣе примкнуть къ нимъ. Слова Императора, которыя онъ недавно произнесъ польской депутаціи въ Петербургѣ: *оставьте мечтанія*, неожиданно послужили началомъ для новой симпатіи: цивилизація, на путь которой Россія теперь вступила, привѣтствуется восторженно; средневѣковые принципы польскаго дворянства подвергаются осужденію какъ источникъ всѣхъ бѣдствій постигшихъ Польшу, и паны, которые еще хотятъ держаться старой системы, именуются сѣверными мамелюками. Даже *Познанскій Дневникъ*, эта газета столь враждебная Россіи, восторгается пріемомъ, который былъ оказанъ польской депутаціи въ Петербургѣ, и исполняется такихъ надеждъ, какъ будто для Польши вдругъ открылась новая эпоха. Тѣсная связь съ Россіей рекомендуется какъ необходимость для существованія Польши. „*Оставьте мечтанія*, эти слова,“ говоритъ *Дневникъ*,

„нынѣ не оскорбляютъ насъ, послѣ того „какъ мы созрѣли въ школѣ опыта. Связь, „въ которой слова эти сказаны, дѣлаетъ „ихъ выраженіемъ благоволительнаго обра„за мыслей; Императоръ выразительно удо„стовѣряетъ, что онъ свои народы, рус„скій и польскій, любитъ равно; мы, стало„быть, можемъ разчитывать, что смутные „дни миновали для Польши."

Мы не знаемъ что̀ разумѣетъ *Познанскій Дневникъ*; но странно, что для него кажется новостью, что передъ Государемъ, какъ и передъ закономъ, не могутъ не быть равны всѣ вѣрные подданные, какого бы кто ни былъ происхожденія. И когда же русскіе подданные польскаго происхожденія были унижаемы передъ другими?

Въ нѣмецкой газетѣ *Posener Zeitung* (21-го іюня) пишутъ о томъ же:

„Не малую сенсацію произвела здѣсь въ польскихъ и нѣмецкихъ кругахъ передовая статья *Познанскаго Дневника*. Этотъ листокъ, въ продолженіе своего шестилѣтняго существованія непрерывно изъявлявшій ожесточенную національную вражду къ Россіи, вдругъ воскурилъ ѳиміамъ въ честь высокой цивилизаціи и великому призванію Россійской Имперіи и Царствующему въ ней Дому, простеръ единоплеменному русскому народу руки примиренія, предложилъ ему дружбу и союзъ. Этотъ политическій переворотъ въ *Познанскомъ Дневникѣ* пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ былъ долгое время органомъ либеральной дворянской партіи; сталобыть, надобно думать, во всей этой партіи произошла перемѣна въ настроеніи относительно Россіи. Поэтому, вышеупомянутая передовая статья заслуживаетъ вниманія и болѣе обширной публики. Статья эта оканчивается такими словами: „Если „Императоръ вступитъ на путь, на кото„ромъ онъ можетъ привлечь сердца боль„шинства Поляковъ къ своему дому, то и „мы тогда не изъ отчаянія или упынія, „а по хладнокровномъ соображеніи и по „убѣжденію, повторимъ нашимъ соотече„ственникамъ, какъ въ Царствѣ, такъ и „въ Имперіи завѣтъ Полякамъ нашего ве„ликаго патріота и безсмертнаго госу„дарственнаго человѣка, священника Ста„шица: Оставайтесь въ соединеніи съ „Россіей и стремитесь къ просвѣщенію." *Познанскій Дневникъ* постоянно высказывалъ и рекомендовалъ вещи діаметрально противоположныя всему, что̀ въ этой статьѣ содержится и краснорѣчиво рекомендуется."

Мы рады этой перемѣнѣ, рады этимъ добрымъ чувствованіямъ въ польскомъ лагерѣ относительно Россіи; мы рады вѣрить ихъ искренности; мы были бы рады видѣть въ нихъ начало новыхъ и лучшихъ отношеній между Поляками и Россіей. Но намъ кажется, что не было особенной надобности ссылаться на Сташица, относительно пользы соединенія съ Россіей. Соединеніе соединенію рознь. Что польскому патріотизму удобнѣе на русской чѣмъ на нѣмецкой почвѣ, въ этой истинѣ всегда были убѣждены и остаются убѣжденными всѣ сколько-нибудь смышленные изъ польскихъ патріотовъ. Не того ли же мнѣнія былъ, напримѣръ, князь Адамъ Чарторыйскій, который управлялъ дѣлами Россійской Имперіи и который такъ много способствовалъ возстановленію имени Польши на картѣ Европы? Не то ли же убѣжденіе, какъ извѣстно, высказывалъ и другой польскій патріотъ бравшійся на нашихъ глазахъ устроить автономію Царства Польскаго въ личномъ соединеніи съ Россіей? Личное или династическое соединеніе съ Россіей, вотъ что̀ всегда входило въ разчеты польскихъ и всякихъ не-русскихъ патріотовъ въ Россіи, — соединеніе, котораго, конечно, не требуютъ интересы Россіи, но безъ котораго было бы положительно невозможно и подумать о возстановленіи Польши. Властолюбивымъ видамъ польскаго патріотизма всегда открывался самый широкій просторъ при условіи этой комбинаціи, и, повторимъ, ни одинъ мыслящій человѣкъ изъ польскихъ патріотовъ не пожелалъ бы въ настоящее время полнаго отдѣленія Царства Польскаго. Но за то никто изъ нихъ, кажется, не мечтаетъ объ искренномъ сліяніи съ Россіей въ одну политическую націю, хотя бы то при самыхъ благопріятныхъ просвѣщенію и прогрессу условіяхъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, польскій патріотизмъ никогда не выражался въ этомъ смыслѣ; онъ постоянно держался самой вредной, самой опасной для Россіи комбинаціи, на которой трудно помириться съ нимъ просвѣщенному и честному чувству русскаго гражданина. Русское добродушіе могло бы пожелать Полякамъ всякаго благополучія, еслибы какія-нибудь судьбы оторвали ту или другую часть обитаемаго ими края отъ Русской державы; но только безсмысліе или измѣна могли бы съ рус-

ской стороны сочувствовать и способствовать развитію польскаго патріотизма подъ русскою державой или радоваться прикованному къ русскому народу, существованію чужой націи, то открыто враждующей съ нимъ, то сжимающей его въ такихъ же объятіяхъ какими Мавръ у Мицкевича обнималъ Испанцевъ. Можетъ-ли быть что-нибудь противнѣе этой картины народа связаннаго съ другимъ, ему чуждымъ,—картины двухъ политическихъ существованій не растворяющихся взаимно другъ для друга и только механически связанныхъ между собою? Что, кромѣ яда и зла, можетъ развиться между двумя отталкивающими другъ друга и однако связанными между собою политическими національностями? Могутъ ли такія отношенія считаться нормальными, могутъ ли они быть желательны? А потому мы искренно желаемъ, чтобы наши единоплеменники, которыхъ судьба неразрывно соединила съ Россіей, попытались добросовѣстно найдти и нашли ясную и удовлетворительную формулу для опредѣленія тѣхъ взаимныхъ отношеній, при которыхъ связь эта не была бы цѣпью, не достойною и тягостною для обѣихъ сторонъ. Намъ кажется, что такая формула можетъ быть найдена, къ чести и счастію обѣихъ сторонъ.

Но вотъ, въ одно время съ нѣмецкими газетами принесшими намъ первое извѣстіе о примирительномъ движеніи въ польскихъ сферахъ, получили мы, также изъ-заграницы, письмо отъ одного польскаго патріота, адресованное къ намъ лично изъ Стокгольма. Повидимому, одинъ и тотъ же порывъ вызвалъ и тѣ манифестаціи, и это письмо. Какъ будто что-то прошло въ воздухѣ, побудившее въ одно и то же время и познанскаго публициста написать передовую статью, удивившую Нѣмцевъ, и польскаго патріота, пребывающаго въ Стокгольмѣ, написать къ намъ письмо, ни мало насъ не удивившее. Письмо это есть также своего рода манифестація. Оно не лишено нѣкотораго интереса для Москвы, потому что польскій патріотъ, удостоившій насъ посланія, обрѣтался въ ней недавно, по чрезвычайному случаю. Это особа очень важная, одинъ изъ министровъ въ варшавскомъ *жондѣ народовомъ*, г. Домбровскій. Захваченный вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, и приговоренный къ ссылкѣ въ рудники, онъ былъ на пути къ своему назначенію, но въ Москвѣ успѣлъ бѣжать и скрылся. Это случилось 2-го декабря: день этотъ намъ памятенъ, потому что въ этотъ самый день являлись къ намъ за взысканіемъ штрафныхъ денегъ полицейскіе чиновники той самой части, гдѣ случился побѣгъ, отъ которыхъ мы впервые и разузнали о немъ (не потому ли г. Домбровскій, который въ это время, какъ онъ пишетъ, находился въ нашемъ сосѣдствѣ, приводитъ насъ въ связь съ полиціей, о чемъ см. ниже?). Письмо бывшаго министра, который вспомнилъ о насъ въ Стокгольмѣ, написано совершенно правильнымъ и чистымъ русскимъ слогомъ, что пріятно намъ засвидѣтельствовать. Почему-то онъ вспомнилъ о насъ, въ Стокгольмѣ, 16-го іюня. Вспомнилъ же онъ о насъ затѣмъ чтобъ осыпать насъ ругательствами за нашу дѣятельность по польскому вопросу. Эти ругательства, столь естественныя въ письмѣ шефа варшавскихъ жандармовъ-вѣшателей, не могли произвесть на насъ никакого впечатлѣнія,—не могли уже потому одному, что они для насъ не новость. Тѣ же самыя любезности, въ томъ же смыслѣ, въ тѣхъ же выраженіяхъ читали мы во множествѣ не только въ подметныхъ письмахъ, но и въ печати, и не только въ изданіи русскихъ патріотовъ, проживавшихъ въ Лондонѣ, а теперь переселившихся въ Женеву, но и въ петербургскихъ изданіяхъ, также патріотическихъ, и притомъ офиціозныхъ. Г. Домбровскій клеймитъ насъ позоромъ за то, что мы поддерживали не польскій національный жондъ, а русское правительство, о которомъ онъ отзывается съ презрительною ироніей. Г. Домбровскому, какъ видно изъ его письма, многое свѣдомо; онъ, какъ видно, человѣкъ бывалый, имѣетъ связи въ Россіи и слѣдитъ за всѣмъ что въ ней происходитъ, не только въ печати, но и позади печати: какъ же ему не извѣстно, что не было ни одного мнѣнія высказаннаго въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, которое не встрѣчало бы самыхъ ожесточенныхъ выходокъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ изданіяхъ, отнюдь не находящихся въ ссорѣ съ властями,—выходокъ совершенно въ одномъ направленіи съ его собственными, только еще болѣе злостныхъ и еще менѣе честныхъ? Въ то время какъ Европа наступала на Россію съ угрозами и оскорбленіями, какъ польскіе патріоты совершали дѣла неслыханной мерзости, заставившія даже тѣхъ, кто, во вредъ Рос-

сіи, принималъ ихъ сторону, отступиться отъ нихъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ,— въ то время какъ они измѣнически избивали нашихъ солдатъ и безнаказанно ругались надъ ними,—въ то время какъ они клеймили русскій народъ прозвищемъ монгольской орды и спроваживали его за Уралъ,—въ то время будто бы не кто другой, а мы, какъ выражается бывшій министръ польскаго подземнаго правительства, разжигали международную вражду (sic), пробуждали въ Русскихъ звѣрскіе инстинкты и фанатизмъ, ликовали надъ убійствомъ и грабежомъ.... Эти „ликованія“—очевидный намекъ все на тотъ же обѣдъ, когда-то данный намъ сочувствовавшими намъ лицами въ Москвѣ, которымъ такъ неутомимо попрекала насъ одна петербургская газета. Вслѣдъ за этою газетой, какъ выше сказано, отнюдь не находящеюся въ ссорѣ съ правительственными лицами, польскій патріотъ попрекаетъ насъ, въ тѣхъ же выраженіяхъ какъ и она, за всѣ изъявленія сочувствія, которыя мы получали отъ нашихъ согражданъ, желавшихъ ободрить и укрѣпить насъ въ нашемъ направленіи. Онъ поражаетъ насъ своимъ презрѣніемъ за наши, какъ онъ выражается, „жалкія усилія къ поддержанію невѣжества и насилія“ и клеймитъ насъ позоромъ за то что мы будто бы распространяли клевету и ложь. Онъ объявляетъ намъ, что уже приняты мѣры къ возстановленію правды и къ распространенію истиннаго просвѣщенія въ русскомъ народѣ. „Ложь и обманъ,“ говоритъ онъ, „долго торжествовать не могутъ. Тол„пы изгнанниковъ нашихъ разнесли въ са„мые глухіе уголки Россіи истинныя по„нятія о нашихъ усиліяхъ и о нашемъ на„родѣ.“ Эти просвѣтители Россіи, долженствующіе парализировать наши жалкія усилія къ распространенію лжи и невѣжества, явленіе не новое. Давно уже работаютъ они ревностно надъ дѣломъ русскаго просвѣщенія, и о ихъ плодотворныхъ усиліяхъ свидѣтельствуютъ и золотыя грамоты, которыя разбрасывались по нашимъ селамъ, и нигилизмъ, который овладѣвалъ нашими школами и губилъ нашу молодежь, и пожары истребляющіе наши села и города. Итакъ, мы понимаемъ что значитъ то просвѣщеніе и то примиреніе, о которомъ пишетъ намъ польскій патріотъ изъ Стокгольма. Но мы боимся, не такой ли смыслъ имѣетъ и краснорѣчивая манифестація напечатанная въ *Познанскомъ Дневникѣ*, и такъ удивившая заграничную публику.

Бывшій министръ польскаго національнаго правительства укоряетъ насъ въ незнаніи нашего отечества и удостовѣряетъ насъ, что онъ знаетъ его лучше чѣмъ мы. „Въ Россіи,“ говоритъ онъ, „при нѣкото„рой энергіи можно дѣлать все что угод„но.“ Не будемъ спорить съ нимъ, и считаемъ не лишнимъ привести изъ его письмъ занимательный разказъ о его приключеніяхъ.

„Въ одномъ изъ нумеровъ *Московскихъ Вѣдомостей* вы, извѣщая о моемъ побѣгѣ, выразили надежду, что я буду немедленно пойманъ, ибо не найду убѣжища въ Россіи.*). Такое незнаніе своего отечества въ публицистѣ, признаюсь вамъ, поразило меня удивленіемъ. Я тогда же хотѣлъ написать вамъ, что надежды ваши не основательны; но меня удержало желаніе фактически доказать все [illegible] правительства, которому вы удивляетесь, по крайней мѣрѣ публично. Благодаря моему воспитанію, я, хотя и иностранецъ, знаю Россію лучше васъ. Я такъ мало опасался всевозможныхъ вашихъ полицій тайныхъ, явныхъ и литературныхъ, что отдавая полную справедливость вашимъ полицейскимъ способностямъ, былъ однако долго вашимъ сосѣдомъ и видѣлъ васъ очень часто.

„Черезъ недѣлю послѣ моего побѣга я могъ отправиться за границу; но мнѣ было нужно остаться въ Россіи, и я остался. Потомъ, обстоятельства заставили меня посѣтить нѣсколько важнѣйшихъ русскихъ городовъ и въ путешествіяхъ этихъ я не встрѣтилъ нигдѣ ни малѣйшаго препятствія. Наконецъ устроивъ все что мнѣ было нужно, я пожелалъ отправиться съ женой моей за границу; но хотя жена моя была въ рукахъ вашихъ сотрудниковъ по части просвѣщенія Россіи, исполненіе моего намѣренія не встрѣтило никакихъ затрудненій. Словомъ, въ продолженіе моего пребыванія въ Россіи, я жилъ такъ какъ мнѣ хотѣлось, и на дѣлѣ доказывалъ русскимъ патріотамъ, что въ Россіи, при нѣкоторой энергіи, можно дѣлать все что угодно.“

Люди, взывающіе къ примиренію, прежде всего должны примириться съ собственною

*) Ничего подобнаго мы не выражали.

совѣстью и съ правилами чести. Еслибы, напримѣръ, польскій патріотъ, почтившій насъ своимъ посланіемъ, менѣе находился въ разладѣ съ этими правилами, то онъ не написалъ бы своего письма, и какъ бы ни было велико его увлеченіе, онъ понялъ бы что презрѣніе заслуживалъ бы тотъ на нашемъ мѣстѣ, кто дѣйствовалъ бы не вопреки врагу своей страны, а согласно съ его видами.

№ 135.

Москва, 21-го іюня.

А.

Публичный уголовный судъ бываетъ у насъ покамѣсть такъ рѣдко, что каждое засѣданіе его естественно обращаетъ на себя особенное вниманіе публики. Полевой судъ, происходившій въ Москвѣ 29-го мая, отличался отъ другихъ случаевъ публичнаго полеваго суда еще и тѣмъ, что преступленіе, подлежавшее суду, было совершено со звѣрствомъ, по счастію рѣдко встрѣчающимся въ лѣтописи человѣческихъ преступленій. Это неимовѣрное звѣрство и было причиной передачи дѣла на разсмотрѣніе полеваго суда: наказаніе, налагаемое общимъ уголовнымъ закономъ, не могло не казаться неудовлетворительнымъ для возмездія за такое преступленіе. Вообще полевой военный судъ въ мирное время назначается у насъ, какъ извѣстно, въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда оказывается необходимымъ примѣнить смертную казнь, устраненную въ нашемъ законодательствѣ (за исключеніемъ политическихъ преступленій): порядокъ, по формѣ, конечно, не правильный, но по сущности дѣла соотвѣтствующій основнымъ началамъ уголовнаго суда, признаваемымъ повсюду въ Европѣ: невозможности для общества совсѣмъ обойдтись безъ смертной казни и необходимости примѣнять ее по возможности рѣдко, съ осмотрительностію и осторожностію.

Судъ 29-го мая подробно описанъ, на основаніи стенографическихъ замѣтокъ, г. Артоболевскимъ въ статьѣ, помѣщенной во вчерашнемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій*; въ сегодняшнемъ нумерѣ читатели найдутъ нѣсколько замѣчаній по поводу этого суда, высказанныхъ „Однимъ изъ публики," и полученныхъ нами на другой же день послѣ суда, но тогда не напечатанныхъ по той причинѣ, что намъ казалось необходимымъ представить прежде читателямъ небывшимъ въ засѣданіи суда обстоятельный отчетъ о немъ. Теперь это дѣло становится общимъ достояніемъ читающей публики, которая можетъ составить себѣ самостоятельное сужденіе какъ о засѣданіи суда, такъ и о замѣчаніяхъ, помѣщаемыхъ ниже и возбуждающихъ серіозный вопросъ о томъ характерѣ, который желательно видѣть усвоеннымъ у насъ судебною защитой въ будущихъ гласныхъ судахъ.

Что такое судебная защита? Есть ли это дѣловой трудъ или упражненіе въ ораторскомъ искусствѣ? Да и само ораторское искусство, должно ли быть оно красивою и внѣшними эффектами потрясающею реторикой или яснымъ, тонкимъ и мѣткимъ, и потому убѣдительнымъ для разума изложеніемъ обстоятельствъ дѣла? Юристъ или риторъ, вотъ два направленія между которыми колеблются адвокаты въ странахъ гласнаго судопроизводства. Въ Англіи адвокатъ—юристъ, человѣкъ дѣловой, исключительно занимающійся правосудіемъ. Во Франціи, конечно, за исключеніями, адвокатъ—риторъ, человѣкъ литературный и политическій. Какія же мы видимъ послѣдствія этихъ двухъ противоположныхъ направленій? Англійскій адвокатъ—важный судебный дѣятель, важный пособникъ дѣлу правосудія, между тѣмъ какъ французскій адвокатъ не столько помогаетъ, сколько мѣшаетъ правосудію; онъ сбиваетъ съ толку присяжныхъ, производитъ неправильное настроеніе въ публикѣ и черезъ посредство публики неправильно дѣйствуетъ даже на судей. Это происходитъ отъ того, что французскій адвокатъ не ограничивается судебнымъ дѣломъ; то онъ вторгается въ политику, то принимается критиковать соціальныя отношенія и думаетъ защитить подсудимаго тѣмъ, что выступаетъ обличителемъ общества; когда и это не удобно; онъ является проповѣдникомъ гуманности,—обыкновенно послѣдняя соломинка французскихъ адвокатовъ. Публика, за нею присяжные, а потомъ даже и судьи, прислушавшись къ рѣчамъ подобныхъ лже-адвокатовъ, наконецъ и сами забываютъ, что судъ призванъ постановлять приговоры на основаніи существующихъ законовъ, а не исправлять законодательство или преображать общество. Сознаніе права такимъ образомъ ослабляется въ народѣ, и при-

сяжные дають иногда приговоры, основанные болѣе на туманныхъ понятіяхъ объ отвлеченныхъ вопросахъ или на неопредѣленныхъ чувствованіяхъ, случайно въ нихъ вызванныхъ, нежели на данныхъ, обнаруженныхъ процессомъ. Людей явно виновныхъ они нерѣдко оправдываютъ, чтобы, какъ они полагаютъ, заявить свой протестъ противъ существующаго общественнаго порядка или положительнаго законодательства. Главная вина въ этомъ лежитъ на тѣхъ адвокатахъ, которые считаютъ область суда для себя тѣсною и ищя эффектныхъ точекъ зрѣнія по сторонамъ, вносятъ въ судъ вліяніе политическихъ и соціальныхъ взглядовъ и разныхъ чувствованій, ослабляющихъ дѣйствіе закона. Съ другой стороны, французскіе адвокаты, увлекаясь своею риторикой и въ ней отыскивая главный элементъ защиты, нерѣдко упускаютъ изъ виду такія данныя, которыя могли бы служить серіознымъ основаніемъ для защиты: вслѣдствіе того, наряду съ случаями освобожденія или слишкомъ легкаго наказанія виновныхъ, во Франціи нерѣдко встрѣчаются случаи осужденія невинныхъ. Иначе и быть не можетъ, когда адвокатъ, не исчерпавъ вполнѣ элементовъ защиты, спѣшитъ перейдти къ патетическимъ частямъ своей защитительной рѣчи, въ которыхъ полагаетъ всю ея силу.

Едва ли кто изъ русскихъ читателей не согласится, что этотъ способъ защиты недостоинъ суда. Здравый смыслъ нашего народа дастъ право надѣяться, что подобное фальшивое направленіе адвокатуры у насъ не найдетъ для себя удобной почвы, но на первыхъ порахъ благомыслящіе люди должны всѣми силами содѣйствовать тому, чтобъ склоненія отъ истиннаго призванія адвокатуры были встрѣчаемы ясно выраженнымъ порицаніемъ. Эти уклоненія, какъ сказано, состоятъ въ томъ, что адвокаты забываютъ о судебномъ характерѣ своего званія и начинаютъ служить такимъ интересамъ, которые посторонни суду, а отчасти становятся даже въ оппозицію къ самому призванію суда. Судъ призванъ карать нарушенія закона, возстановляя его силу. Законъ тутъ разумѣется положительный. Дѣло суда примѣнить его къ данному дѣлу, но для этого данное дѣло должно быть разсмотрѣно со всѣхъ сторонъ. Въ усовершенствованномъ судѣ эта всесторонность разсмотрѣнія достигается состязаніемъ обвинителя, обязаннаго представить дѣло съ точки зрѣнія государства, и защитника, обязаннаго пріискать и выставить въ дѣлѣ всѣ тѣ его стороны, на которыя можетъ быть съ выгодой указано съ точки зрѣнія подсудимыхъ. Необходимость состязанія условливается самымъ свойствомъ человѣческой природы. Человѣкъ всегда увлекается тѣмъ дѣломъ, которымъ усердно занимается. Докладчикъ всегда окрашиваетъ свой докладъ въ какой-нибудь цвѣтъ; усовершенствованная форма суда признаетъ эту неизбѣжную односторонность доклада какъ фактъ, и установляетъ, чтобы каждое дѣло было такъ-сказать докладываемо суду двумя докладчиками, однимъ обязаннымъ освѣтить свой докладъ въ смыслѣ обвиненія, и другимъ, обязаннымъ указать тѣ стороны дѣла, которыя благопріятны для защиты. И тотъ, и другой исполняютъ свою обязанность, если исчерпываютъ всѣ подробности дѣла, каждый съ своей точки зрѣнія. Тогда суду не трудно произнести правильный приговоръ. Но какъ обвинитель, такъ и защитникъ должны помнить, что они не что иное какъ докладчики, то-есть служители суда, и что только въ этомъ качествѣ они могутъ оказать суду ожидаемую отъ нихъ пользу. Они призваны не поучать судей или дѣйствовать на ихъ чувство; ихъ задача—разъяснять обстоятельства дѣла, освѣщая ихъ съ обѣихъ сторонъ, не оставляя, по возможности, ни одной черты дѣла не освѣщенною. Всего болѣе это достигается при допросахъ; и одно изъ главныхъ достоинствъ англійскаго уголовнаго суда состоитъ именно въ тщательности и разносторонности допроса, производимаго адвокатами. Каждый уголовный процессъ въ Англіи имѣетъ значеніе процесса королевы съ подсудимыми. Адвокатъ королевы выясняетъ обстоятельства дѣла, клонящіяся къ обвиненію; адвокатъ подсудимыхъ старается не упустить ни одного обстоятельства, говорящаго въ ихъ пользу. Оба адвоката допрашиваютъ свидѣтелей, каждый съ своей точки зрѣнія, и притомъ наблюдаютъ другъ за другомъ. Судъ и присяжные только слушаютъ и изрѣдка предлагаютъ вопросы отъ себя: они не вмѣшиваются въ допросъ и потому не увлекаются ни въ ту, ни въ другую сторону, что всегда бываетъ въ человѣкѣ трудящемся надъ разъясненіемъ дѣла. Судья и присяжные въ Англіи освобождены отъ этого труда; ихъ обязанность ограничивается вниманіемъ; остроуміе, про-

нищательность, находчивость, все это требуется лишь отъ адвокатовъ, ведущихъ передъ судомъ состязательный процессъ представленія и разсмотрѣнія доказательствъ. Изъ этого видно, какъ серіозна обязанность англійскихъ адвокатовъ, и какая опытность нужна для этого званія, а также видно, почему англійскіе адвокаты рѣдко говорятъ рѣчи. Ихъ работа чисто-дѣловая; они сосредоточиваютъ свои усилія на разъясненіи дѣла во всѣхъ его самыхъ тонкихъ чертахъ; о краснорѣчіи имъ некогда заботиться; оно приходитъ само собой, но тогда это бываетъ истинное краснорѣчіе, а не риторика, всегда вредная дѣлу правосудія. Желательно, чтобы наши будущіе адвокаты брали въ примѣръ себѣ адвокатовъ англійскихъ, а отнюдь не французскихъ.

Б.

Мы обѣщали поговорить о мѣрахъ необходимыхъ для облегченія винныхъ складовъ при предстоящемъ возвышеніи платимаго ими патентнаго сбора. Статья Я. П. Бахтеярова, напечатанная во вчерашнихъ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ* къ нашей газетѣ, дѣлаетъ исполненіе этого обѣщанія излишнимъ. Въ ней сказано все что мы могли бы сказать въ пользу скидки акциза за усышку и утечку спирта, лежащаго на складахъ. Допущеніе этой скидки, освободивъ складчиковъ отъ необходимости сбывать спиртъ какъ можно скорѣе, устранило бы чрезмѣрное размноженіе сдѣлокъ въ кредитъ, позволяющихъ теперь торговать виномъ почти безъ всякаго капитала. Къ тому что сказано по этому вопросу г. Бахтеяровымъ, мы считаемъ не лишнимъ прибавить только одно: допущеніе скидки за усышку и утечку никакъ не можетъ сократить потребленіе вина; оно будетъ только содѣйствовать равномѣрности цѣнъ на вино въ разныя времена года, и слѣдовательно правильности торговли и потребленія. Держать же вино на складѣ слишкомъ долго складчики не могли бы и при скидкѣ за усышку и утечку, потому что все-таки теряли бы проценты на капиталъ, составляющій стоимость спирта, а эта потеря для нихъ очень чувствительна.

№ 136.

Москва, 22-го іюня.

Министерскій кризисъ въ Австріи обращаетъ теперь на себя общее вниманіе. Онъ касается не одного лишь направленія политики, внутренней или внѣшней, какъ въ другихъ государствахъ, но и самыхъ основаній государственнаго устройства, то-есть, вопросовъ, отъ которыхъ, болѣе или менѣе, зависитъ самое существованіе Австрійской монархіи. Продолжительная ошибочная политика дома Габсбурговъ, скупившихся для коренныхъ своихъ подданныхъ на тѣ политическія права, которыя были признаваемы за ихъ венгерскими подданными, привела къ тому, что несмотря на энергическія усилія и высокія дарованія многихъ замѣчательныхъ государственныхъ людей Австріи, владѣнія Габсбурговъ, составившіяся посредствомъ династическихъ присоединеній, не успѣли сложиться въ единое и цѣльное государство, и что въ Австріи время отъ времени возвращается вопросъ о самомъ ея существованіи, и ея государственнымъ людямъ, среди мира, приходится рѣшать, быть ли ей единымъ государствомъ, или расколоться на двое, или предпочесть еще большее число осколковъ.

Въ настоящее время, судя по всѣмъ признакамъ, торжество склоняется на сторону дуализма. Имя новаго венгерскаго канцлера Георга Майлата особенно знаменательно. Между членами старо-консервативной венгерской партіи онъ почитается самымъ способнымъ, государственнымъ дѣятелемъ, самымъ энергическимъ противникомъ февральской конституціи, самымъ энергическимъ поборникомъ такъ-называемаго историческаго права составныхъ частей Австрійской монархіи, и ближайшимъ образомъ, поборникомъ отдѣльной конституціи для Венгріи. Въ этомъ смыслѣ высказывался онъ съ большою энергіей на венгерскомъ сеймѣ 1861 г., и еще прежде того сложилъ съ себя должность таверника (министра финансовъ), какъ только замѣтилъ, что австрійское правительство не намѣрено вполнѣ осуществить признаніе „историческаго права,“ высказанное императоромъ въ октябрскомъ дипломѣ. Назначеніе подобнаго лица придворнымъ венгерскимъ канцлеромъ почти равносильно отреченію отъ императорскаго патента 26-го

февраля 1861 года, которымъ была приведена въ лучшій порядокъ политическая жизнь западной, нѣмецко-славянской, половины ея. Впрочемъ, отреченіе это, какъ видно изъ послѣднихъ телеграммъ, не есть еще вполнѣ совершившійся фактъ. Напередъ будутъ сдѣланы попытки соглашенія съ вождями наиболѣе вліятельной венгерской партіи, примыкающей къ Деаку и Этвешу; съ этою цѣлью Георгъ Майлатъ и отправился въ настоящее время въ Пештъ. Если новая правительственная программа, имѣющая цѣлью хоть сколько-нибудь спасти единство имперіи, будетъ принята въ Венгріи, тогда прежнее министерство будетъ окончательно удалено, и мѣсто г. фонъ-Шмерлинга, въ качествѣ государственнаго министра, по всей вѣроятности, займетъ графъ Белькреди, нынѣшній намѣстникъ Богеміи; если же при всей уступчивости центральнаго правительства, Венгерцы будутъ упорствовать въ отрицаніи единства имперіи, то министерство Шмерлинга снова вступитъ въ силу, и централисты снова одержатъ верхъ надъ дуалистами и федералистами. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что императоръ Францъ-Іосифъ и ближайшія къ нему лица понимаютъ опасность шага, на который они рѣшаются изъ крайней необходимости. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что они не рѣшились бы на этотъ шагъ, еслибы не надѣялись, достигнувъ теперь хоть какого-нибудь соглашенія съ Венгріей, потомъ, мало-по-малу, посредствомъ общаго представительства и развитія общихъ матеріяльныхъ интересовъ, скрѣпить болѣе прочнымъ образомъ государственный союзъ имперіи. Увѣнчаются ли успѣхомъ эти виды австрійскаго правительства и не поведетъ ли его сдѣлка съ идеями дуалистовъ къ распаденію имперіи, это вопросъ будущаго; въ настоящее же время видно только то, что оно рѣшилось пойти на сдѣлку съ этими идеями, и воспользоваться несомнѣнно существующею еще въ Венгріи привязанностью къ австрійскому императорскому дому, какъ единственнымъ теперь средствомъ къ возстановленію въ монархіи упавшаго общаго духа.

Сущность предполагаемой теперь сдѣлки съ Венгріей сообщена намъ во вчерашней телеграммѣ изъ Вѣны. Февральская конституція отмѣняется ею въ самомъ существенномъ своемъ пунктѣ. Всѣ области имперіи, въ томъ числѣ и Венгрія, были признаны февральскимъ патентомъ за составныя, равныя между собою части государства; теперь же имѣется въ виду признать раздѣленіе имперіи на двѣ половины: западную, нѣмецко-славянскую, которая будетъ имѣть свое представительство въ тѣсной имперской думѣ, и восточную, обнимающую земли Венгерской короны, со включеніемъ Седмиградіи, и представляемую сеймами венгерскимъ, хорватскимъ и седмиградскимъ, изъ которыхъ каждый признается равнозначительнымъ съ тѣсною имперскою думой, по праву избранія изъ своей среды членовъ общаго представительства, тогда какъ прежде эти сеймы были приравнены къ областнымъ сеймамъ каждой изъ земель западной половины. Если уже въ этомъ отношеніи имѣется въ виду возвысить значеніе земель Венгерской короны, то еще важнѣе уступка, обѣщаемая имъ относительно состава общаго представительства. Въ силу февральской конституціи на долю Венгріи, Тріединаго Королевства (Хорватіи, Славоніи и Далмаціи) и Седмиградіи приходилось всего 125 депутатовъ изъ 343 членовъ нижней палаты имперской думы, такъ что они во всякомъ случаѣ составляли бы меньшинство; теперь же предполагается предоставить этимъ землямъ полное равенство со всею совокупностью земель нѣмецко-славянскихъ. Наконецъ земли Венгерской короны поставляются еще въ какое-то исключительное положеніе относительно общаго представительства имперіи. Телеграмма, которую мы имѣемъ въ виду, по своей краткости, даетъ поводъ къ двоякому въ этомъ отношеніи предположенію: изъ нея можно заключить или что Венгріи будетъ предоставлено право согласиться и не согласиться на утвержденное общимъ правительствомъ имперіи преобразованіе ея государственнаго устройства, или что и впредь, навсегда, для дѣйствительности постановленій общаго представительства, на сколько они относятся къ Венгріи, необходимо будетъ согласіе делегатовъ отъ сеймовъ венгерскаго, хорватскаго и седмиградскаго или даже и самихъ этихъ сеймовъ. Трудно сказать, что правдоподобнѣе. Но если отъ венгерскаго сейма или—что почти то же—отъ совокупности уполномоченныхъ его въ имперской думѣ будетъ зависѣть признаніе или непризнаніе постановленій общаго парламента, касаю-

щихся Венгріи, то очевидно, что единство имперіи будетъ только наружнымъ, въ сущности же она будетъ распадаться на двѣ половины, изъ которыхъ каждая будетъ имѣть свой особый парламентъ, но преобладаніе будетъ предоставлено венгерской половинѣ. Еслибъ эта программа была выполнена, то осуществилось бы вполнѣ усердное желаніе г. фонъ-Бисмарка, и центръ тяжести Австрійской имперіи былъ бы перенесенъ изъ Вѣны въ Пешть. Не оказалось ли бы тогда рѣшительною необходимостью для Австріи обратить свой фронтъ съ запада и юго-запада на востокъ и юго-востокъ Европы. Перемѣны во внѣшней политикѣ Австріи, которыя могутъ быть слѣдствіемъ нынѣшняго ея внутренняго кризиса, уже обозначаются слухомъ, что новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ ея будетъ князь Меттернихъ, ревностный приверженецъ союза съ Франціей.

Но покамѣсть еще продолжается кризисъ, о внѣшней политикѣ говорить рано, и общее вниманіе сосредоточивается на значеніи самого кризиса. Характеръ его очень хорошо опредѣленъ въ приведенной ниже, подъ рубрикой „Австрія," статьѣ *Кельнской Газеты*. Съ этою газетой намъ недавно привелось вступить въ полемику; тѣмъ пріятнѣе намъ теперь отдать справедливость ея здравому смыслу. Та же самая газета, которая для Россіи не находитъ повидимому ничего лучшаго какъ стереть съ лица земли господствующую въ ней русскую національность и разложить Русское государство на составныя его части, по національностямъ, которыя состояли бы только въ личномъ между собою соединеніи,—та же самая газета, по отношенію къ Австріи, даетъ мѣсто заявленіямъ совершенно противоположнаго свойства, и даже забываетъ, что если гдѣ-либо личное соединеніе имѣетъ для себя дѣйствительное историческое и этнографическое основаніе, то именно въ Австріи, а отнюдь не въ Россіи, представляющей самое несомнѣнное численное и историческое преобладаніе одной цѣльной и сплошной національности русской. Это не совсѣмъ послѣдовательно со стороны *Кельнской Газеты*, но мы далеки отъ того, чтобы пенять на нее за доставляемый ею намъ случай возстановить съ ея же помощью права здраваго смысла, слишкомъ упущенныя ею изъ виду, когда она разсуждала преимущественно для русскихъ читателей. Вотъ что пишутъ о личномъ соединеніи въ *Кельнской Газетѣ* по отношенію къ Австрійской имперіи: „Личное соединеніе „между странами, входящими въ составъ „одного государства, имѣло смыслъ въ „средніе вѣка, когда государство было отождествляемо съ династіей, и когда области его составляли нѣкоторымъ образомъ „частную собственность, а народы не значили ничего; но теперь, при возвышившемся значеніи самихъ народовъ, при возникающихся повсюду представительныхъ „учрежденіяхъ, личное соединеніе стало „невозможною утопіей, которая могла бы „породить величайшій хаосъ въ государствѣ. Какимъ образомъ," продолжаетъ „*Кельнская Газета*," „возможно будетъ примирить противорѣчивыя постановленія парламентовъ составныхъ частей государства, „соединенныхъ подъ одною и тою же короной? Не придется ли рѣшать споры между парламентами силой оружія?"

№ 137.

Москва, 23-го іюня.

Кто сокрушилъ въ Россіи невольничество,—да, невольничество? Кто оказываетъ могущественное пособіе всѣмъ либеральнымъ мѣрамъ русскаго правительства? Кто побѣдоноснымъ копьемъ неутомимо поражаетъ чудовища Русской земли,—русскую національную партію и русское дворянство? Какая густая мгла невѣжества окружаетъ и ослѣпляетъ насъ! Мы до сихъ поръ не видѣли свѣта ярко горящаго у насъ передъ глазами; мы ничего не слыхали о живущемъ посреди насъ исполинѣ ловцѣ передъ Господомъ. Только на дняхъ узнали мы имя мужа пришедшаго издалека и сокрушившаго столько чудовищъ Русской земли, имя любезное для несмѣтныхъ поклонниковъ, ратоборствующихъ подъ его знаменемъ, имя грозное для національной русской партіи, имя приводящее въ трепетъ русскую феодальную аристократію. Мы узнали также, что этотъ мужъ борьбы и силы наслаждается всѣми прелестями домашняго очага. Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ узнали мы изъ листка одной нѣмецкой газетки, случайно попавшейся намъ на глаза. Сокрушитель невольничества на Руси, могущественный двигатель либеральныхъ реформъ ея правительства,

гроза русской аристократіи и старой русской партіи, наложившій печать молчанія на уста русскихъ крикуновъ, живущій въ Петербургѣ и наслаждающійся семейнымъ счастіемъ, есть докторъ Фридрихъ Клеменсъ фонъ-Мейеръ, „императорскій надворный совѣтникъ."

Мы опасаемся, что это имя ничего не скажетъ невѣжественной русской публикѣ, и потому надобно передать ей главные факты сказанія, прочтеннаго нами въ *Gartenlaube*. Сказаніе, съ которымъ хотимъ мы познакомить читателей, имѣетъ заглавіе: *Ein deutscher Mann in Russland* (Нѣмецкій мужъ въ Россіи).

„Хотя видимость сильно говоритъ противъ насъ, но тѣмъ не менѣе мы, Нѣмцы, „самый могущественный и завоевательный „народъ", такъ начинается сказаніе. Нѣмцы, говоритъ авторъ, распространяются по всей землѣ миссіонерами культуры и апостолами практическаго космополитизма. Въ „Россійской Имперіи", продолжаетъ онъ:—

„Нѣмцамъ принадлежатъ самыя значительныя сферы образованія, начиная отъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ до булочниковъ, которые одни лишь имѣютъ привилегію печь бѣлый хлѣбъ. Нѣмецкая наука, нѣмецкое искусство, нѣмецкіе преподаватели, врачи и аптекари, литераторы, ученые и учащіе всякаго рода выступаютъ повсюду отъ Мемеля до Амура, отъ полярныхъ странъ до тропическаго зноя Новороссіи, въ большемъ или меньшемъ числѣ, съ большимъ или меньшимъ значеніемъ. Нѣмецкому торговому классу Петербурга, Москвы и Одессы принадлежатъ самыя большія и уважаемыя фирмы. Но всего обильнѣе и многообразнѣе представленъ нѣмецкій элементъ въ русской столицѣ. Здѣсь сосредоточена нѣмецкая космополитическая колонія Россіи. Преимущественно же нѣмецкая газета въ Петербургѣ является органомъ либеральной, неволничьи цѣпи разбивающей политики нынѣшняго правительства, противъ аристократической и національной русской реакціи, и даетъ себя знать врагамъ свободы какъ ихъ грозный противникъ. Средоточіемъ этой нѣмецкой литературной дѣятельности въ Россіи служитъ докторъ Фридрихъ Клеменсъ фонъ-Мейеръ, императорскій россійскій надворный совѣтникъ, владѣлецъ и главный редакторъ нѣмецкой с.-петергской газеты, лекторъ въ императорскомъ университетѣ, въ самой же Германіи лишь весьма немногимъ извѣстный какъ поэтъ и писатель, между тѣмъ какъ его значеніе и дѣятельность въ нашей русской Германіи быстро возрасли и безпрерывно возрастаютъ. Докторъ Мейеръ, тягучій, крѣпкій Вестфалецъ, родился въ 1824 году, въ столицѣ маленькаго Вальдекскаго княжества, Арольсенѣ, уже произведшей на свѣтъ столь много знаменитыхъ мужей, каковы: Каульбахъ, Раухъ и Драке въ искусствѣ, оба Бунзена, дипломатъ и ученый, и знаменитый химикъ, Штиглицъ врачъ, и Штиглицъ главный въ Россіи банкиръ."

Далѣе мы узнаемъ какъ докторъ Мейеръ переселился въ Россійскую Имперію, повинуясь велѣнію рока, судившаго ему умножить собою плеяду знаменитостей произведенныхъ на свѣтъ его родимымъ городомъ. Первые шаги свои на открывшемся для него всемірно-историческомъ поприщѣ совершилъ онъ въ Курляндіи. Здѣсь, въ скромномъ званіи домашняго учителя, зрѣлъ и собирался съ силами божественный атлетъ для предстоящихъ ему подвиговъ. Здѣсь-то, вѣроятно (это только наша догадка: жизнеописатель ничего не говоритъ объ этомъ), наблюдая положеніе сельскаго люда и плѣненный довольствомъ латышскихъ населеній, присягнулъ онъ идеямъ свободы и поклялся сокрушить невольничество въ остальной Россіи; здѣсь также, посреди курляндской демократіи, исполнившись ея духа, онъ поклялся сокрушить непокорныхъ феодаловъ и гордыхъ бароновъ въ Симбирской и Рязанской губерніяхъ. Это было въ 1845 г. Въ своихъ идеяхъ и рѣшеніяхъ укрѣпился онъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе, когда пожилъ нѣкоторое время въ Дерптѣ, гдѣ написалъ *Статистику эстонскаго народнаго быта*. Въ Петербургъ прибылъ онъ лѣтомъ 1851 г., а въ слѣдующемъ году Академія выбрала его въ редакторы нѣмецкой *St.-Petersburger Zeitung*. Въ послѣдствіи времени, узнаемъ мы изъ сказанія, пріобрѣлъ онъ эту газету въ собственность. Съ тѣхъ поръ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, начало возрастать политическое значеніе этой газеты, благодаря „руководящимъ статьямъ издателя, исполненнымъ логической силы, нѣмецкаго патріотизма, а по отношенію къ Россіи— „эманципаціонной энергіи (durch die logisch-scharfen und deutsch-patriotischen, und russisch emancipationskräftigen Leitartikel des Herausgebers: приводимъ въ

подлинникѣ эти слова, потому что нѣмецкая прелесть ихъ не можетъ быть передана во всей точности ни на какомъ другомъ языкѣ). Біографъ продолжаетъ:

„Черезъ свое сильное слово въ пользу эманципаціи и какъ нѣмецкій человѣкъ, онъ преимущественно навлекъ на себя ненависть и преслѣдованіе со стороны старой русской аристократической партіи. Нападенія ея долго не прерывались; но вестфальскій нѣмецкій человѣкъ и ученый, благодаря своей крѣпкой натурѣ и твердости характера, не пугался; онъ достигъ въ сущности чего онъ желалъ и что онъ считалъ справедливымъ и необходимымъ. Онъ заставилъ умолкнуть русскихъ крикуновъ и, что еще важнѣе, возбудилъ и воззвалъ Нѣмцевъ въ Россіи къ сознанію ихъ всемірной задачи, къ чувству ихъ національности. Главная заслуга его состоитъ въ томъ, что благодаря ему нѣмецкіе люди въ Россіи научаются все болѣе и болѣе чувствовать себя и узнавать другъ друга въ своемъ нѣмецкомъ элементѣ; а съ другой стороны поддерживаютъ правительство въ его борьбѣ съ феодальною аристократіей и съ революціонной партіей, — поддерживаютъ морально и матеріяльно. Съ 1-го марта нынѣшняго года, газета его вступила въ офиціяльную связь съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а это имѣетъ особенную важность для нѣмецкой печати, такъ какъ она можетъ теперь чрезъ нѣмецкую *С.-Петербургскую Газету* узнавать изъ первыхъ источниковъ иностранную политику Россіи и брать относящіяся сюда извѣстія какъ офиціяльно достовѣрныя. Нѣмецкій мужъ въ Россіи, совершившій столь многое, находится теперь въ цвѣтѣ своей дѣятельности и силы, уважаемый и любимый безчисленными приверженцами и друзьями, внушающій страхъ врагамъ освобожденія невольниковъ и фанатикамъ панславизма. Онъ наслаждается прекраснымъ домашнимъ бытомъ объ руку съ вѣрной супругой какъ отецъ расцвѣтающихъ дѣтей. Такимъ образомъ, въ личномъ гражданскомъ и дѣловомъ отношеніи счастливый и сильный, посреди обширной и благодатной дѣятельности, оставляетъ онъ въ насъ образъ мужа исполненнаго заслугъ, приносящаго честь Германіи, значительнаго и полнаго будущности піонера и апостола всемірной исторической миссіи Нѣмцевъ на одномъ изъ важнѣйшихъ постовъ космополитизма."

Мы передавали буквально, и передали почти все. Конечно, нельзя безъ смѣха читать эти изліянія. Это неподражаемо; это исполнено неисчерпаемаго комизма. Все это такъ; однако это имѣетъ и весьма серіозную сторону, надъ которою не только можно, но и должно призадуматься. Сущность не въ пошлости писавшаго, не въ тонѣ, не въ дурномъ вкусѣ его писанія, не въ каррикатурномъ величіи, которое онъ сообщаетъ своему герою; серіозное значеніе заключается въ томъ дѣйствительномъ положеніи вещей, которое отразилось въ уродливомъ и смѣшномъ зеркалѣ. Бросьте зеркало, и посмотрите на вещи въ ихъ естественномъ видѣ; забудьте этого крѣпкаго, сильнаго и тягучаго вестфальскаго нѣмецкаго мужа, освобождающаго невольниковъ въ Россіи, поражающаго феодальную аристократію въ Тамбовѣ и сокрушающаго старую русскую партію. Забудьте и настоящаго, истиннаго доктора Фридриха Клеменса фонъ-Мейера, императорскаго россійскаго надворнаго совѣтника, лектора императорскаго университета и издателя нѣмецкой С.-Петербургской Газеты. Пусть докторъ Мейеръ превратится въ собирательное имя; пусть онъ изчезнетъ въ безличной массѣ гг. Мейеровъ. Отбросьте шутовскую каррикатуру и удержите лишь типическія черты. Предъ вами обозначится явленіе, нелишенное интереса.

Нѣтъ ни одного значительнаго народа въ Европѣ, въ образованіе котораго не входили бы разноплеменные элементы. Нѣтъ ни одного государства, которое не принимало бы въ свои нѣдра людей иностраннаго происхожденія. Съ тѣхъ поръ какъ Россія запомнитъ себя, въ нее широкими струями вливались иностранные элементы; въ самую глухую эпоху ея исторіи, выходцы изъ другихъ странъ радушно принимались нашими князьями и царями, усыновлялись страной и становились людьми русскими въ полномъ значеніи этого слова. Если наше отечество не замыкалось отъ иностранцевъ въ ту пору своего историческаго существованія, когда оно было разобщено съ остальнымъ міромъ, когда его нравы и учрежденія были дѣйствительно запечатлѣны рѣзкою исключительностію; то конечно двери его широко отворены въ настоящее время, когда оно находится въ живомъ общеніи и взаимнодѣйствіи со всѣми странами цивилизованнаго міра. Ежедневно прибываютъ къ намъ люди

иностраннаго происхожденія со всѣхъ пунктовъ земнаго шара, и для временныхъ цѣлей, и для постояннаго водворенія; множество иностранцевъ живутъ въ Россіи оставаясь иностранными подданными, или вступая въ русское подданство. Отъ иностраннаго подданнаго въ другомъ государствѣ требуется только ненарушенія существующихъ законовъ. У него есть свое отечество, которому онъ можетъ радѣть и на чужбинѣ; пользуясь только правами гостепріимства, онъ несетъ на себѣ обязанности только гостя. Но человѣкъ какого бы то ни было племени, водворившійся въ государствѣ на правахъ его подданнаго, принимаетъ на себя и всѣ обязанности соединенныя съ этими правами; онъ ничѣмъ не отличается отъ коренныхъ уроженцевъ страны; признавая ее своимъ вторымъ отечествомъ, онъ входитъ въ плоть и кровь ея народа. Страна, принимающая инородцевъ въ свои нѣдра, надѣется имѣть въ нихъ и вѣрныхъ слугъ, и любящихъ дѣтей, и только при такомъ условіи натурализація иностранцевъ имѣетъ смыслъ. Человѣкъ какого бы то ни было племени, становясь русскимъ гражданиномъ, не можетъ имѣть иного отечества кромѣ Россіи. Гдѣ бы онъ не родился, отечество его есть та страна, которой онъ гражданинъ. Если онъ въ своемъ новомъ отечествѣ окажется космополитомъ, то нельзя сказать, чтобы страна, въ его лицѣ, сдѣлала доброе пріобрѣтеніе. Люди, которые чувствуютъ себя гражданами міра и равнодушны ко благу своего народа, представляютъ собою элементъ его слабости и упадка. Но если подданные одного государства чувствуютъ себя патріотами другаго, то это уже не просто плохіе граждане,—это элементы положительно дурные; это не просто слабость, это язва; это источникъ явленій неизбѣжно безнравственныхъ.

Россія представляетъ собою удивительное зрѣлище страны, считающей въ числѣ своихъ подданныхъ множество людей, не называющихъ себя Русскими,—людей пользующихся всѣми правами русскаго гражданства, имѣющихъ доступъ ко всѣмъ должностямъ, ко всѣмъ сферамъ дѣятельности, принимающихъ участіе въ управленіи дѣлами Русскаго государства, и въ то же время нерѣдко съ гордостію причисляющихъ себя къ чужимъ національностямъ. Сколько, напримѣръ, во Франціи людей носящихъ нѣмецкія имена и дѣйствительно сохраняющихъ изъ рода въ родъ многія особенности своего нѣмецкаго происхожденія: кто однако назоветъ ихъ Нѣмцами, и дозволятъ ли они сами назвать себя Нѣмцами? Уроженецъ ли Эльзаса, или переселенецъ изъ Германіи, пользуясь во всемъ объемѣ правами французскаго гражданства, называютъ себя не иначе какъ Французами, и они поставятъ себѣ въ безчестіе, если кто-нибудь заподозритъ ихъ въ нѣмецкомъ патріотизмѣ. Почему же въ Россіи видимъ мы явленіе совершенно противоположное? Почему человѣкъ принадлежащій къ кореннымъ туземцамъ въ русскомъ государствѣ, или водворившійся въ немъ какъ въ своемъ второмъ отечествѣ, тѣмъ не менѣе называетъ себя не Русскимъ, а Нѣмцемъ? Причинъ тому много, и было бы долго входить въ разъясненіе ихъ. Скажемъ только, что послѣ Петра Великаго та государственная необходимость, которая вызвала его реформы, въ скоромъ времени утратила свое первоначальное значеніе, исказилась въ своемъ характерѣ, измѣнила свое направленіе. Иностранные элементы, которые призывались къ намъ съ Запада, какъ элементы цивилизаціи, должны были, по первоначальному замыслу, входить въ составъ русскаго народа, который столь долгое время былъ открытъ лишь наплывамъ со стороны Востока. Задача состояла въ томъ, чтобы поднять и усилить русскій элементъ введеніемъ въ него элементовъ европейской цивилизаціи, но эта первоначальная мысль вскорѣ была потеряна. Русское правительство пріучилось принимать услуги европейской цивилизаціи черезъ посредство иностраннаго элемента, и довольствуясь этимъ, не заботилось, въ должной мѣрѣ, объ усвоеніи русскому элементу всего того что само же оно считало необходимымъ и полезнымъ для русскаго государства. Мало-по-малу оно отвлеклось отъ своего народа. Требовалась ли какая-либо услуга искусствъ, науки, образованнаго ума, оно призывало иностранцевъ, принимало ихъ въ свою службу, дѣлало ихъ гражданами своего государства, давало имъ привилегированныя положенія; пользовалось ихъ услугами, и затѣмъ не чувствовало потребности въ томъ, чтобы дѣло цивилизаціи сѣялось и росло на туземной почвѣ. Тѣмъ не менѣе, систематическаго разообщенія иноземныхъ элементовъ, вливавшихся въ Россію, съ ея

коренным народомъ никогда не было. Всегда были люди, которые честно и усердно служили своему новому отечеству, и усвоивались въ полной мѣрѣ русскому народу. Но постоянно было одно обстоятельство, которое способствовало нѣкоторому отчужденію элементовъ приходившихъ извнѣ въ область русскаго народа. Это обстоятельство заключается въ религіи. До сихъ поръ еще религія у насъ служитъ исключительнымъ признакомъ національности, въ противность значенію христіанской религіи, въ ущербъ для церкви, во вредъ для государства. Признавать національную или господствующую церковь—совсѣмъ не то, что смѣшивать до безразличія церковь съ государствомъ или пользоваться религіей какъ удобною мѣткой для распредѣленія народностей. Такое отождествленіе противорѣчитъ истинѣ, а что противорѣчитъ истинѣ, то рано или поздно отзовется вредомъ. Православнымъ можетъ быть человѣкъ не имѣющій ничего общаго въ русскимъ народомъ, точно также какъ Русскимъ можетъ быть человѣкъ, исповѣдывающій иную вѣру. Вслѣдствіе этой неправильности; люди несомнѣнно русскіе, связанные всѣми своими интересами, нравственными и матеріальными, съ Русскимъ государствомъ, тѣмъ не менѣе какъ будто отталкиваются отъ Россіи, и принуждены называть себя Нѣмцами, единственно потому что они протестанты, или Поляками потому что они католики. Эта аномалія расплодила въ нѣдрахъ нашего отечества множество людей, участвующихъ во всѣхъ дѣлахъ и интересахъ русской жизни, но принужденныхъ тѣмъ не менѣе называть себя именемъ чужой національности, и такимъ образомъ чувствовать себя болѣе или менѣе иностранцами въ своемъ отечествѣ.

Но возвратимся къ панегирику. Можно смѣяться сколько угодно надъ этимъ куріозомъ: смѣяться легко; легко также сказать: это глупо и не заслуживаетъ вниманія; но сила не въ панегирикѣ, и даже не въ героѣ его. Біографъ „крѣпкаго вестфальскаго мужа въ Россіи" не выдумалъ всего того что онъ разсказываетъ; не выдумки и тѣ воззрѣнія, которыя сквозятъ въ его разсказѣ. Напротивъ, онъ высказываетъ лишь то чего набрался изъ окружавшей атмосферы и что уже сложилось въ опредѣленную систему идей и дѣйствій. Вовсе не забавно во-первыхъ то, что столица Россійской Имперіи, гдѣ сосредоточено государственное разумѣніе и сила русскаго народа, считается притономъ космополитизма; еще менѣе забавно то, что убѣжденіе въ космополитическомъ характерѣ правительственнаго средоточія Россійской Имперіи не вызываетъ протеста и не кажется ложью, а даже напротивъ кажется чѣмъ то весьма естественнымъ и какъ бы соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію. Правительственное средоточіе страны исполненное духа космополитизма,—не значитъ ли это, что правительственное средоточіе страны чуждо странѣ, и не изъ этого ли убѣжденія почерпаетъ силу и отвагу мысль о возможности превратить Россійскую Имперію въ *гуманитарное* собраніе многихъ государствъ?

Наивный жизнеописатель, свидѣтельствуя о доблестяхъ своего героя, превозноситъ его какъ апостола нѣмецкаго патріотизма въ Россіи. Не тоже ли самое высказывается на тысячу ладовъ, въ безчисленныхъ корреспонденціяхъ, высылаемыхъ изъ Петербурга въ иностранныя газеты, и въ самой петербургской печати, не только нѣмецкой, но и русской? Съ точки зрѣнія довольно крѣпко установившейся теоріи, въ Россіи дозволительно быть какимъ угодно патріотомъ, только не русскимъ, дѣйствовать въ интересахъ какой угодно національности, только не русской, служить чьему угодно отечеству, только не Россіи.

Иностранцы никогда не приносили съ собою этой заразы, никогда не считали себя миссіонерами русскаго космополитизма и нѣмецкаго патріотизма. Иностранцу надобно пройдти особую школу, подвергнуться особому приготовительному процессу, для того чтобы настроить свою совѣсть и свое нравственное чувство къ подобному миссіонерству. Никто, безъ всякаго сомнѣнія, кромѣ отъявленныхъ фантастовъ, не возымѣлъ бы, ни съ того ни съ сего, мысль переселяться въ Россію для того чтобы послужить въ ея государственномъ организмѣ началомъ болѣзни и разложенія; ничьему естественному чувству, ничьему здоровому воображенію, не можетъ понравиться роль чужеяднаго тѣла. И чѣмъ болѣе будетъ приходить къ намъ элементовъ съ запада, тѣмъ лучше: никакой заразы не можемъ мы опасаться отъ нихъ. Напротивъ, съ грустію должны мы сознаться, что заразѣ скорѣе могутъ подвергаться они сами въ своемъ второмъ отечествѣ. Мы совершенно увѣрены, что почтенный г. Мейеръ,

въ своемъ родномъ городѣ Арольсенѣ, и не помышлялъ о той великой, всемірно-исторической роли, которая, по сказанію его панегириста, суждена ему въ Россіи. Мы совершенно увѣрены, что онъ отправлялся въ эту гипорборейскую страну съ скромными цѣлями въ самомъ мирномъ настроеніи духа.

Но вотъ онъ прибылъ въ Россію, и изъ его біографіи мы видимъ тѣ этапы, чрезъ которые проходилъ онъ прежде чѣмъ достигъ высоты своего призванія. Пребываніе въ Курляндіи, вотъ первая степень посвященія въ апостольскую миссію русскаго космополитизма и нѣмецкаго патріотизма въ Россіи. Пребываніе въ Дерптѣ—вторая степень этого посвященія. Наконецъ, Петербургъ — послѣдняя высшая степень. Здѣсь скромный домашній учитель изъ Вестфаліи окончательно преображается въ великаго піонера будущности, и становится органомъ Германіи въ Россіи. Достигнувъ чина надворнаго совѣтника, онъ какъ кокошь начинаетъ скликать по Русской землѣ людей нѣмецкаго происхожденія, отъ высшихъ чиновниковъ, ученыхъ и учащихъ, до булочниковъ.

Увы! мы знаемъ, что въ Россіи мыслящіе люди могутъ и должны чувствовать себя недовольными многимъ. Но недовольство недовольству рознь. Одни, чувствуя зло, стараются открыть его причины, съ тѣмъ чтобъ удалить или ослабить ихъ; другіе, видя зло, радуются ему, и стараются упрочить или усилить порождающія его причины. Къ сожалѣнію, мы убѣждаемся на каждомъ шагу, что въ Россіи, на разныхъ чредахъ, есть люди, очень хорошо понимающіе причины золъ, которыми она страдаетъ, и употребляющіе всѣ средства для того чтобы, прямо или косвенно, парализировать усилія людей, искренно стремящихся къ лучшему или сбивать ихъ съ толку и направлять на ложные пути.

Мы не опасаемся усилій какой бы то ни было нѣмецкой газеты, кѣмъ бы то ни было издаваемой, въ Петербургѣ ли, въ Москвѣ ли. Мы увѣрены, что та среда, на которую могла бы дѣйствовать газета на нѣмецкомъ языкѣ, не будетъ имѣть хода внутри Россіи, если направленіе ея окажется такого свойства, которое приписываетъ петербургской нѣмецкой газетѣ панегиристъ ея издателя. Это среда не чувашская; на нее не легко можно дѣйствовать вычурнымъ извращеніемъ здраваго смысла; это среда умная, толковая и дѣльная, и въ добавокъ, какъ намъ случалось нерѣдко убѣждаться на опытѣ, исполненная крѣпкаго, здороваго, чисто русскаго патріотическаго чувства. Говоря это, мы разумѣемъ не тѣ этапы, чрезъ которые долженъ проходить иностранецъ посвящающій себя апостольской миссіи русскаго космополитизма и нѣмецкаго патріотизма; мы разумѣемъ то множество людей съ нѣмецкими именами, разсѣянныхъ по всей Россіи, примыкающихъ къ лучшимъ русскимъ элементамъ, усиливающихъ ихъ собою, и связанныхъ всѣми своими интересами, нравственными и матеріяльными, съ своимъ дѣйствительнымъ, а не фантастическимъ отечествомъ.

Но *gutta cavat lapidem*. А особенно важно то значеніе, которое можетъ придавать себѣ тотъ или другой органъ. Газета служащая органомъ частнымъ людямъ не подлежитъ такой отвѣтственности какъ газета придающая себѣ видъ правительственнаго органа. Здравомысленные люди неизбѣжно должны придти въ уныніе и усомниться въ прочности окружающей дѣйствительности, если ихъ убѣдятъ, что какое-либо направленіе распространяющее чужой патріотизмъ въ странѣ, находится въ связи съ ея правительствомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сообщаемое біографомъ г. Мейера извѣстіе, будто его газета служитъ органомъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, принадлежитъ къ одному разряду съ привилегіей нѣмецкихъ булочниковъ на печеніе бѣлаго хлѣба. Какое-нибудь случайное сообщеніе изъ канцеляріи или благосклонное слово брошенное кѣмъ-нибудь изъ меньшихъ департаментскихъ божествъ, и вотъ надъ лавочкой уже вывѣшенъ гербъ Россійской Имперіи. При этомъ случаѣ, намъ особенно пріятно заявить, что въ *Journal de St.-Pétersbourg*, который дѣйствительно служитъ полуофиціяльнымъ органомъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ воспроизведена, съ выраженіемъ полнаго сочувствія, статья наша изъ №131 *Московскихъ Вѣдомостей*, имѣющая своимъ предметомъ вопросъ о русской національной партіи, поднимаемый петербургскими корреспондентами нѣмецкихъ газетъ.

№ 138.

Москва, 24-го іюня.

Тѣ изъ читателей нашей газеты, которые просматриваютъ отдѣлъ казенныхъ объявленій, должны были замѣтить въ нынѣшнемъ году значительную прибавку въ числѣ объявленій о продажѣ помѣщичьихъ имѣній за долги сохраннымъ казнамъ, петербургской и московской, въ особенности послѣдней. Эта прибавка такъ велика, что должна поразить всякаго. Чтобы дать о ней понятіе читателямъ, не имѣющимъ обыкновенія заглядывать въ послѣднія страницы *Московскихъ Вѣдомостей*, мы попросимъ ихъ заглянуть на № 136, гдѣ они найдутъ 62 объявленія московской сохранной казны и 11 петербургской, или на № 135, гдѣ они найдутъ не менѣе 50 объявленій отъ этихъ обоихъ мѣстъ, или на №№ 130 и 132, гдѣ помѣщено 145 объявленій этого рода. Каждое объявленіе печатается по три раза, это правда, но такого скопленія объявленій давно уже не было.

Значеніе этихъ цифръ представится въ видѣ еще болѣе серіознымъ, если припомнимъ, что выкупная операція должна была содѣйствовать расплатѣ съ сохранными казнами тѣхъ помѣщиковъ, которыхъ дѣла запутаны, и которые, конечно, предпочитаютъ аукціонной продажѣ своихъ имѣній приступъ къ выкупу. Наконецъ, надобно принять во вниманіе и тѣ льготы по уплатѣ и разсрочкѣ долговъ, которыя теперь предоставлены помѣщикамъ. Если тѣмъ не менѣе число помѣстій, продающихся съ аукціоннаго торга, возрастаетъ, то въ этомъ нельзя не видѣть самаго убѣдительнаго свидѣтельства о дѣйствительномъ экономическомъ разстройствѣ нашего землевладѣльческаго класса. Это уже не жалобы на словахъ, которыя часто преувеличиваютъ истинное положеніе дѣлъ. На жалобы благоразуміе велитъ смотрѣть критически, но тутъ нѣтъ мѣста для критики; тутъ говорятъ сами факты, и притомъ такіе факты, силу которыхъ умалять, къ сожалѣнію, не возможно. Никто не доведетъ своего имѣнія до публичной продажи изъ одного желанія убѣдить кого-нибудь въ своемъ стѣсненномъ положеніи, тѣмъ болѣе что при теперешнихъ цѣнахъ заселенныхъ имѣній рисковать публичною продажей своего помѣстья крайне опасно.

Упадокъ цѣнъ на имѣнія есть такой же несомнѣнный фактъ, какъ и несостоятельность тѣхъ помѣщиковъ, чьи имѣнія продаются съ аукціоннаго торга. А надобно еще замѣтить, что пониженію цѣнъ на имѣнія долженъ былъ сильно противодѣйствовать упадокъ цѣнности кредитнаго рубля. Когда вслѣдствіе избытка суммы денежныхъ знаковъ, обращающихся въ странѣ, и тѣхъ процентныхъ бумагъ, которыя замѣняютъ ихъ собою, жить становится дороже, то при правильномъ ходѣ дѣлъ должна дорожать и недвижимая собственность: такъ и было у насъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда, вмѣстѣ со всеобщею дороговизной, какъ извѣстно, и цѣны на землю возросли противъ прежняго въ размѣрахъ довольно значительныхъ. Дѣйствительная цѣнность кредитнаго рубля теперь никакъ не выше чѣмъ была въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Хотя число кредитныхъ билетовъ, находящихся въ народномъ обращеніи, нѣсколько уменьшилось противъ тогдашняго, но новые, весьма значительные выпуски билетовъ государственнаго казначейства (такъ-называемыхъ серій), а также металлическихъ билетовъ государственнаго банка, съ избыткомъ превысили сокращеніе количества кредитныхъ билетовъ. Сверхъ того, по безденежью, платежи нерѣдко производятся и другими бумагами, въ особенности пятипроцентными билетами перваго и отчасти втораго выпусковъ. Все это самымъ вѣрнымъ образомъ отражается на вексельномъ курсѣ, заявляющемъ, что цѣнность кредитнаго рубля теперь еще нѣсколько ниже чѣмъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. И тѣмъ не менѣе цѣны на имѣнія страшно понизились. Что же было бы, еслибы наша денежная система была приведена въ большую исправность? Только тогда обнаружилось бы на сколько въ дѣйствительности упали цѣны имѣній, и тогда всякій пришелъ бы въ смущеніе. Но и этого мало. Теперешнее пониженіе цѣнъ происходитъ на перекоръ не только противодѣйствію со стороны положенія денежной системы, оно происходитъ на перекоръ еще другому сильно противодѣйствующему обстоятельству. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ дворянскія имѣнія могли быть продаваемы не иначе какъ дворянамъ: кругъ покупателей былъ ограниченъ, а ограниченіе спроса на продажный предметъ всегда понижаетъ его цѣну. Теперь земли,

остающіяся за надѣломъ, могутъ быть продаваемы лицамъ всѣхъ сословій; кругъ покупателей расширился; цѣны должны были бы подняться, а между тѣмъ онѣ падаютъ. Чтобъ оцѣнить истинный размѣръ теперешняго упадка цѣнъ, надобно принять въ соображеніе не только состояніе денежной системы, но и увеличеніе числа покупателей? Надобно представить себѣ, на сколько бы упали цѣны, еслибъ изъять изъ обращенія избыточествующее количество кредитныхъ билетовъ и воспретить лицамъ всѣхъ сословій, кромѣ дворянскаго, покупку имѣній у дворянъ. Цѣны, которыя установились бы подъ вліяніемъ этихъ двухъ условій, шли бы въ правильное сравненіе съ цѣнами прежнихъ лѣтъ, и только такое сравненіе показало бы, до какой степени доходитъ теперешнее стѣсненное положеніе землевладѣльческаго класса во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Говоритъ ли еще о сокращеніи потребленія всѣхъ такъ-называемыхъ дворянскихъ товаровъ въ губерніяхъ? Сокращеніе это такъ велико, что отзывается на ходѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли. Никогда еще таможенный сборъ не уменьшался съ такою быстротой какъ теперь. Говорятъ ли, что даже въ городахъ недвижимая собственность все болѣе и болѣе переходитъ изъ рукъ помѣщиковъ въ руки торговцевъ и чиновниковъ?

Пусть же всякій честный русскій человѣкъ, къ какому бы сословію онъ не принадлежалъ, скажетъ, хорошо ли дѣйствуютъ тѣ наши журнальные борзописцы и тѣ ихъ патроны, которые, среди теперешнихъ обстоятельствъ, увѣряютъ русскую публику, будто бы крестьянамъ угрожаетъ опасность, что помѣщики скупятъ ихъ земли, если только крестьянскія земли будутъ объявлены отчуждаемыми, то-есть если на нихъ будетъ распространена та же свобода, которою пользуются земли помѣщичьи. Помѣщики предлагаютъ свои земли для продажи въ такомъ количествѣ, что цѣна на земли падаетъ въ цѣлой странѣ; не находя покупателей по вольнымъ цѣнамъ, они подвергаютъ свои имѣнія продажѣ съ публичнаго торга. А насъ серіозно увѣряютъ, что русскіе помѣщики только и ждутъ какъ бы скупить крестьянскія земли и обезземелить русскій народъ! На какой разумъ разчитаны подобныя увѣренія? Не ужели такъ-таки никому у насъ не придетъ въ голову, къ чему клонятся эти лживыя выдумки?

Состояніе нашей литературы очень странное. Дѣйствительные интересы русскаго народа, его интересы общіе, представлены у насъ такъ слабо, что ихъ голосъ почти не слышенъ, и журналистика очень мало соображается съ нимъ. Она сочиняетъ себѣ интересы мнимые; она очень затрудняется ихъ изобрѣтеніемъ, и бываетъ рада когда добрые люди помогутъ ей въ этой работѣ. Добрые люди нашептываютъ, и ихъ шепотъ легко находитъ себѣ эхо въ пустомъ пространствѣ. Мысли, неизвѣстно кѣмъ подсказанныя, повторяются на тысячу ладовъ. Ради приличія имъ придается видъ глубокихъ убѣжденій, но большинство повторяющихъ не отдаетъ себѣ отчета въ ихъ значеніи, не знаетъ откуда пришли онѣ, къ чему онѣ ведутъ. Эта невинная безпомощность объясняется сама собою. Нѣтъ ничего легче какъ управлять пустыми людьми, а человѣкъ безъ дѣйствительныхъ интересовъ всегда бываетъ пустой человѣкъ: это истина давно извѣстная. Маріонетки бодро вертятся и прыгаютъ, онѣ дѣлаютъ самыя рѣзкія движенія, но повинуются очень тонкой ниткѣ. Въ томъ, что онѣ дѣлаютъ, онѣ не повинны. Было бы несправедливо привлекать къ серіозному отвѣту и литературныя маріонетки разныхъ категорій и степеней, но эта невмѣняемость не лишаетъ права и не слагаетъ обязанности подвергать строгому суду тѣ взгляды и ученія, которые въ нашей періодической печати высказываются безсознательно и повторяются машинально, но могутъ имѣть вредное вліяніе на публику. Итакъ, къ чему клонятся эти лживыя выдумки, будто бы русскіе помѣщики хотятъ и могутъ обезземелить крестьянъ, будто бы самостоятельность класса землевладѣльцевъ несовмѣстима съ интересами русскаго народа и будто бы для народнаго блага необходимо поставить этотъ классъ въ такое положеніе, чтобы при случаѣ можно было безъ затрудненія пожать и погрызть его? Когда какой-нибудь видъ народнаго труда падаетъ, или какой-нибудь классъ общества раззоряется, то естественно возникаетъ желаніе поддержать его. Почему же русскій землевладѣльческій классъ долженъ составлять исключеніе изъ общаго правила? Отчего, вмѣсто сочувствія и участія, онъ долженъ вызывать лишь злыя пожеланія? Что такое земле-

владѣльческій классъ, и кому нужно, кому было бы полезно его раззореніе и уничиженіе? Землевладѣльческій классъ есть повсюду политическая душа народа. Онъ создается политическою исторіей націи и есть драгоцѣнное достояніе государства. Уничиженіе его нужно не народу, а врагамъ народа. Раззореніе его не увеличитъ народнаго богатства; оно будетъ полезно только тѣмъ, которые желаютъ, чтобы народъ превратился въ пассивную массу, позволяющую производить надъ собой какія угодно операціи. Вотъ кому въ руку работаютъ тѣ народолюбцы и радикалы, которые съ безсознательною яростью накидываются у насъ на всякаго, кто въ видахъ государственной пользы и въ предѣлахъ самой строгой справедливости требуетъ законнаго огражденія землевладѣльческихъ интересовъ, потрясенныхъ теперь стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ, но всего болѣе страдающихъ отъ неизвѣстности и неувѣренности насчетъ будущаго.

№ 139.

Москва, 25-го Іюня.

Вчерашній обѣдъ есть одно изъ явленій московской общественной жизни, имѣющихъ общее значеніе. Онъ былъ данъ по поводу выставки и послужилъ поводомъ къ выраженію многихъ мыслей, отчасти безусловно вѣрныхъ, отчасти характеризующихъ настроеніе лицъ въ немъ участвовавшихъ. Къ мыслямъ безспорнымъ принадлежитъ замѣчаніе г. Гезена о причинѣ нашей подражательности какъ въ промышленномъ дѣлѣ, такъ и въ другихъ отрасляхъ экономическаго и умственнаго труда. Нашему рабочему не достаетъ дисциплины; смышленый и трудолюбивый, онъ не привыкъ къ ровной дѣятельности, къ собственному надзору за самимъ собою, и потому нуждается во внѣшнемъ надзорѣ, цѣну котораго выплачиваетъ тѣмъ, что принужденъ довольствоваться меньшимъ жалованьемъ. Этому недостатку можетъ помочь только воспитаніе, если оно не будетъ ограничиваться выучкой грамотѣ, а поставитъ себѣ задачей дисциплинировать крестьянскаго мальчика и пріучить его къ управленію своею волей. На высшихъ степеняхъ промышленной лѣстницы, въ средѣ людей руководящихъ промышленными предпріятіями, у насъ также не достаетъ не столько сообразительности и предпріимчивости, сколько того серіознаго, самостоятельнаго отношенія къ дѣлу, которое тоже дается воспитаніемъ, укрѣпляющимъ умъ и волю, пріучающимъ углубляться въ предметъ занятій и вполнѣ овладѣвать имъ. Высшія отрасли промышленной дѣятельности, высшія призванія въ промышленной средѣ нуждаются въ наукѣ, а занятіе наукой не можетъ быть плодотворно безъ соотвѣтственной подготовки въ училищахъ. Еслибы намъ удалось поставить наши училища на европейскую ногу, то наука пріобрѣла бы у насъ самостоятельность, а вслѣдъ за тѣмъ пріобрѣла бы самостоятельность и промышленная техника. Итакъ, заботы о народномъ образованіи, заботы объ устройствѣ высшихъ училищъ по испытанному образцу училищъ западной Европы, — вотъ одинъ изъ самыхъ главныхъ способовъ покровительствовать нашей промышленности. Это указаніе г. Гезена было встрѣчено общимъ сочувствіемъ.

Но вслѣдъ за тѣмъ былъ возбужденъ вопросъ о покровительствѣ посредствомъ тарифа. Первый коснулся его г. Мичель, состоящій при британскомъ посольствѣ въ Петербургѣ дипломатическій чиновникъ, пріѣхавшій въ Москву спутникомъ двухъ Англичанъ, которые посѣтили нашу столицу для изученія выставки, г. Ллойда, предсѣдателя соединенныхъ комитетовъ торговыхъ палатъ Англіи, и г. Гудмана, предсѣдателя, если не ошибаемся, бирмингамской торговой палаты. Торговыя палаты въ Англіи — учрежденія частныя, не имѣющія никакого отношенія къ правительству, и оба наши гостя принадлежатъ даже къ консервативной партіи, находящейся теперь въ оппозиціи, и — считаемъ не лишнимъ прибавить — выражающей англійскій національный характеръ вѣрнѣе чѣмъ такъ-называемые либералы, которые, управляя внѣшними дѣлами своей страны, дѣйствуютъ не совсѣмъ такъ, чтобы въ иностранной публикѣ могло сложиться глубокое убѣжденіе въ искренности ихъ вождей. Въ Москвѣ особенно памятна дипломатическая мистификація 1863 года. При самой живой симпатіи къ англійской націи, здѣсь не можетъ не сказываться нѣкоторое предубѣжденіе противъ ея теперешняго правительства, а потому было бы несправедливо пенять на участвовавшихъ

во вчерашнемъ обѣдѣ, за то, что слова г. Мичеля о свободной торговлѣ были приняты не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были, по всему вѣроятію, сказаны имъ. Къ тому же г. Мичель упомянулъ о свободѣ торговли лишь вскользь, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, не указывал на необходимыя ея ограниченія въ виду громадныхъ капиталовъ затраченныхъ въ промышленныя предпріятія, — что совершенно понятно: въ отвѣтѣ на тостъ, провозглашенный за обѣдомъ, трудно было бы вдаваться въ подробности. Наконецъ, г. Мичель обращался къ обществу состоявшему почти исключительно изъ фабрикантовъ, и обращался въ то время, когда въ здѣшнихъ мануфактуристахъ и такъ уже вызваны опасенія извѣстною запиской берлинскаго торговаго съѣзда. Трудно было бы соединить больше условій неблагопріятныхъ для разговора о свободной торговлѣ.

Г. Мичелю отвѣчали гг. Гарднеръ и Шиповъ. Торжественному обѣду угрожала опасность превратиться въ засѣданіе политико-экономическаго общества, разсуждающаго о протекціонизмѣ и фритредерствѣ. Но г. Шиповъ заключилъ свою рѣчь тостомъ за англійскую націю, а г. Ллойдъ, сказавъ нѣсколько сочувственныхъ словъ о Москвѣ, о радушной предупредительности, встрѣченной здѣсь англійскими путешественниками, и о поразившемъ ихъ успѣхѣ русской промышленности, прибавилъ, что каждая нація имѣетъ свои интересы и должна слѣдовать имъ, какъ ей кажется лучше. Гг. Ллойдъ и Гудманъ пріѣзжали въ Москву безо всякаго порученія, даже безо всякой практической цѣли, а просто изъ любознательности.

Въ этомъ неожиданномъ эпизодѣ, естественно, были высказаны замѣчанія, не выдерживающія критики. Отъ импровизацій нельзя требовать точности, и если мы сдѣлаемъ нѣсколько возраженій на рѣчь Д. П. Шипова, то только потому, что ея текстъ печатается въ нашей газетѣ и наше молчаніе могло бы быть принято за знакъ согласія.

Г. Шиповъ говоритъ, что Россія должна слѣдовать не словамъ англійскихъ фритредеровъ, а собственному примѣру ихъ страны. Онъ прибавляетъ, что Англія, въ продолженіе почти двухъ столѣтій, была подъ строгимъ охранительнымъ, а по нѣкоторымъ частямъ, и запретительнымъ тарифомъ, и благодаря тому развила свое внутреннее производство до такой степени, что теперь ей выгодно провозглашать свободную торговлю. Это утвержденіе не совсѣмъ точно. Свободу торговли, въ принципѣ, провозглашаютъ не одни Англичане, а экономисты всѣхъ странъ. Это голосъ не интересовъ Англіи; это голосъ науки, получившей лишь въ наше время свое полное развитіе, а въ пору установленія англійскихъ тарифовъ еще не существовавшей. Свобода торговли провозглашается въ общемъ интересѣ всѣхъ странъ вмѣстѣ и каждой въ отдѣльности. Политическая экономія доказываетъ ясными для разумѣнія доводами, что Англія, какъ и всякая другая страна, не могла въ экономическомъ отношеніи ничего выиграть, а напротивъ, должна была много терять отъ покровительственныхъ и запретительныхъ тарифовъ, въ ней существовавшихъ и теперь еще не вполнѣ отмѣненныхъ. Этому не противорѣчитъ тотъ фактъ, что Англія тѣмъ не менѣе достигла, при существованіи покровительственной системы, высокаго процвѣтанія своего производства по всѣмъ его отраслямъ. Этотъ фактъ объясняется особенностью англійской покровительственной системы, особенностью нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не повторявшеюся, и состоящею въ томъ, что Англія, покровительствуя фабричному дѣлу высокими пошлинами, въ то же время, не менѣе высокими пошлинами, покровительствовала сельскому хозяйству, которое, по свойству своихъ продуктовъ, еще болѣе выигрывало отъ покровительства чѣмъ фабричное дѣло. Тарифъ имѣлъ въ Англіи только то дѣйствіе, что тамъ было дорого жить, но это чувствовали всего болѣе иностранцы, пріѣзжавшіе въ Англію на время, и лишь отчасти чувствовалъ бѣдный классъ англійскаго народа. Землевладѣлецъ платилъ дорого за фабрикаты, но онъ бралъ сравнительно еще дороже за свой хлѣбъ. Капиталы приливали равномѣрно ко всѣмъ отраслямъ національнаго производства. Они не были отвлекаемы отъ сельскаго хозяйства, которое, благодаря хлѣбной пошлинѣ, представляло капиталамъ такую же, если еще не большую выгоду, чѣмъ фабричное дѣло. Мы привыкли къ общей молвѣ о превосходствѣ англійскихъ мануфактуръ сравнительно съ мануфактурами материка Европы, но это превосходство далеко не такъ велико какъ превосходство

англійскаго земледѣлія сравнительно съ континентальнымъ. Англія имѣетъ то преимущество передъ европейскимъ материкомъ, что издавна хорошо управлялась, и что вслѣдствіе того населеніе Англіи возрастало быстрѣе чѣмъ на материкѣ. Густота населенія, при неблагодарности почвы, возвысила цѣну на хлѣбъ, но не смотря на то англійскіе сельское хозяйство не могло удовлетворить потребности въ хлѣбѣ, и Англія стала ввозить хлѣбъ изъ-за границы. Тогда для устраненія конкурренціи иностраннаго хлѣба съ отечественнымъ, землевладѣльческіе классы, управлявшіе страной, наложили на иностранный хлѣбъ пошлину. Вотъ чѣмъ сельское хозяйство было тамъ ограждено отъ вреднаго вліянія тарифа, покровительствовавшаго фабричному производству. Но подобныхъ отношеній, кромѣ Англіи, нигдѣ не было; въ особенности же ихъ не можетъ быть въ государствахъ земледѣльческихъ, которыя производятъ хлѣба больше чѣмъ сколько требуется для внутренняго потребленія. Россія есть одно изъ государствъ отпускающихъ хлѣбъ, а потому она ни въ какомъ случаѣ не можетъ воспользоваться примѣромъ Англіи, иначе какъ односторонно, то-есть въ ущербъ своему сельскому хозяйству.

Столько же неточно обозначаетъ г. Шиповъ характеръ международнаго промышленнаго состязанія. Онъ изображаетъ это состязаніе какъ бой, и притомъ, какъ бой о жизни и смерти. Не можетъ быть ничего ошибочнѣе такого взгляда. Надобно быть или безумцемъ или врагомъ своего отечества, чтобы ратовать за систему, могущую послужить для какой бы то ни было отрасли отечественной промышленности орудіемъ убійства. Но никто, конечно, не рѣшится сказать, что политическая экономія есть умопомѣшательство, или что всѣ экономисты — измѣнники. А между тѣмъ политическая экономія вся состоитъ изъ ученія о невмѣшательствѣ, объ экономической свободѣ, и слѣдовательно о свободѣ торговли; кто не признаетъ этихъ основныхъ началъ экономической науки, тотъ можетъ быть очень достойнымъ человѣкомъ, но экономистомъ быть названъ не можетъ. Въ чемъ же тутъ ошибка? Мы очень благодарны г. Шипову, что, говоря объ Англіи, онъ употребилъ нѣсколько выраженій, которыя могутъ облегчить намъ указаніе на источникъ ошибки. Говоря объ Англіи, онъ упомянулъ о прежде бывшемъ тамъ запретительномъ тарифѣ, но также упомянулъ и о тарифѣ охранительномъ. Нѣсколько ниже въ своей рѣчи онъ сказалъ что Англія и теперь еще ограждаетъ свое производство. Эти два послѣдніе термина очень хороши; они яснѣе нежели терминъ *покровительство*, который можетъ значить охраненіе, но можетъ значить и поощреніе. Тарифъ охранительный, тарифъ ограждающій, кто изъ экономистовъ когда-либо высказывался противъ него? Политическая экономія проповѣдуетъ невмѣшательство въ экономическую дѣятельность; она утверждаетъ, что всякое вмѣшательство вредно, и потому энергически оспариваетъ системы запретительную и покровительственную, разумѣя подъ покровительствомъ поощреніе и искусственный вызовъ. Протекціонисты увѣряютъ напротивъ, что вмѣшательство полезно, что бюрократія, своими канцелярскими средствами, можетъ вѣрнѣе опредѣлить какія отрасли промышленности выгодны для страны, чѣмъ сама промышленность. На основаніи этой увѣренности протекціонисты требуютъ, чтобы тарифъ вызывалъ новыя отрасли промышленности, возвышая, насчетъ потребляющей публики, цѣну на ихъ продукты. Вотъ чего требуетъ протекціонизмъ, и вотъ противъ чего споритъ политическая экономія, вездѣ гдѣ эта наука существуетъ, а также и въ Россіи. Тутъ рѣчь идетъ о привлеченіи *новыхъ* капиталовъ къ новымъ отраслямъ промышленности или къ искусственному расширенію производства въ отрасляхъ промышленности уже существующихъ. Противъ такого привлеченія говоритъ политическая экономія; она совѣтуетъ предоставить капиталамъ свободу: пусть они идутъ на то что несомнѣнно нужно, на пути сообщенія, на тѣ отрасли промышленности, которыя не нуждаются въ покровительствѣ и слѣдовательно болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ страны, а не на такія отрасли, которыхъ существованіе зависитъ отъ тарифа и которыхъ будущее непрочно. Другими словами, тутъ идетъ рѣчь о заведеніи *новыхъ* производствъ, о призваніи къ жизни того, что еще не живетъ, на счетъ того, что живетъ и имѣетъ право на существованіе. Политическая экономія требуетъ охраненія существующихъ интересовъ; цѣль ея требованій не разрушать что-либо, а оградить существующее отъ разрушенія. Еслибы мож-

но было привлекать капиталы къ отраслямъ производства требующимъ покровительства, не отвлекая ихъ отъ другихъ отраслей уже существующихъ,—еслибы можно было привлекать капиталы съ луны, и еслибы производителей, нуждающихся въ покровительствѣ, можно было вознаграждать деньгами получаемыми тоже съ луны, а не изъ кармановъ потребителей, то экономисты не возразили бы ни слова противъ такого безвреднаго и ни для кого не раззорительнаго покровительства. Къ несчастію, это невозможно, и политическая экономія принуждена громко напоминать, что это никакъ невозможно. Она говоритъ: „не раззоряйте земледѣлія, не раззоряйте потребителей, чтобы на ихъ счетъ вызывать промыслы, за успѣхъ которыхъ вы поручиться не можете, и еслибы даже могли поручиться за него, то не имѣете права платить за него цѣной нарушенія существующихъ правъ и интересовъ." Вотъ что говоритъ политическая экономія, и повторяемъ, она говоритъ это въ интересѣ охранительномъ. Но она никогда не совѣтовала и не можетъ совѣтовать, чтобы какой-либо существующій интересъ былъ преданъ на побитіе.

Пора наконецъ перестать препираться словами, неправильно употребляемыми. Если ужь надобно спорить, то пора начать спорить о самомъ дѣлѣ. Кто желаетъ *запретительнаго* тарифа, тотъ долженъ такъ и говорить. Кто желаетъ тарифа *покровительственнаго*, въ смыслѣ поощренія, тотъ долженъ защищать тарифъ въ этомъ смыслѣ. И тотъ, и другой могутъ быть увѣрены, что встрѣтятъ противорѣчіе со стороны политической экономіи. Если же кто намѣренъ отстаивать только тарифъ *охранительный*, того всякій разумный экономистъ встрѣтитъ не противорѣчіемъ, а сочувствіемъ, но тотъ уже не будетъ требовать увеличенія существующихъ пошлинъ или введенія новыхъ, а равно не будетъ возставать противъ пониженія тѣхъ пошлинъ, которыя не только ограждаютъ существующую фабрикацію, но и привлекаютъ къ ней новые капиталы.

Пора также перестать смѣшивать съ чистымъ экономическимъ ученіемъ о справедливости къ сельскому хозяйству нелѣпое утвержденіе, будто Россія государство исключительно земледѣльческое и должна заниматься однимъ сельскимъ хозяйствомъ, распростившись со всѣми другими промыслами и производствами. Между этимъ утвержденіемъ и разумнымъ экономическимъ взглядомъ нѣтъ ничего общаго. Какое низкое ни имѣть понятіе объ умственныхъ способностяхъ людей, считающихъ протекціонизмъ (въ смыслѣ искусственнаго поощренія) ученіемъ вреднымъ для народнаго блага, нельзя же серіозно предполагать ихъ неспособными видѣть, что не всѣ мѣстности Россіи равно благопріятны для сельскаго хозяйства, и что не во всѣ мѣсяцы въ году нашъ климатъ позволяетъ заниматься имъ,—нельзя также надѣяться увѣрить ихъ, что именно тѣ отрасли промышленности, которыя нуждаются въ покровительствѣ, займутъ русскій народъ въ продолженіи зимняго времени. Напротивъ всѣмъ извѣстно, что деревенскія ремесла упали у насъ вслѣдствіе искусственнаго покровительства оказаннаго хлопчато-бумажному производству въ ущербъ отраслямъ промышленности истинно-народнымъ. Объ этомъ никакъ нельзя не пожалѣть, хотя изъ этого весьма естественнаго сожалѣнія, повторимъ еще разъ, никакъ не слѣдуетъ, чтобы стѣсненіе теперь существующаго хлопчато-бумажнаго производства было сколько-нибудь желательно съ правильной экономической точки зрѣнія: желательно только отнять у него премію, могущую побуждать къ дальнѣйшему расширенію его и вести къ дальнѣйшему стѣсненію льняного, пенькового и отчасти шерстянаго дѣла; желательно отнять у него эту премію теперь, когда это лишеніе было бы для него менѣе чувствительно чѣмъ послѣ. Первое желательно въ видахъ общей пользы; второе—въ его собственномъ интересѣ.

№ 140.

Москва. 26-го Іюня.

Мы сейчасъ прочли въ одной нѣмецкой газетѣ, въ той же гдѣ недавно появилось разсужденіе о зловредныхъ свойствахъ русской національной партіи,—что недоброжелатели русскаго народа или, что то же, противники единства и цѣлости Русскаго государства, имѣютъ полное основаніе торжествовать, потому что они одержали рѣшительную побѣду—надъ кѣмъ, надъ чѣмъ?—какъ бы думали наши читатели? надъ *Московскими Вѣдомостями* и ихъ издателями! Можно ли представить себѣ что-либо страннѣе, что-нибудь диковиннѣе

этого? И это пишутъ не шутя, объ этомъ разказывается какъ о событіи. Государство вышедшее недавно торжествующимъ изъ состязанія съ Европой, торжествующимъ надъ внутреннимъ мятежомъ, государство находящееся, повидимому, въ полномъ обладаніи своими силами, государство имѣющее свое, а не чужое, правительство, котораго свобода никѣмъ и ничѣмъ не стѣснена, которое само всѣмъ распоряжается,—это государство подвергается опасности, по мнѣнію людей заранѣе радующихся такому исходу,—опасности самой крайней какая только можетъ угрожать государству, — опасности утратить свое единство и цѣлость. Кто же тутъ побѣдители, кто побѣжденные?

Увы, если въ этомъ вопросѣ есть побѣдители и побѣжденные, то рѣчь отнюдь не можетъ идти о какой-либо газетѣ! Къ сожалѣнію, этому дѣлу невозможно дать такой забавный оборотъ. Какъ бы ни старались преувеличивать значеніе нашей дѣятельности, въ видахъ, очевидно, нечестныхъ, все же нельзя выдавать насъ за Россійскую Имперію, и въ опасностяхъ, которымъ она подвергается (если она дѣйствительно подвергается опасностямъ), видѣть чью-то побѣду надъ нами.

Нѣтъ, конечно, не мы были бы побѣдителями въ случаѣ торжества русскаго дѣла, которому мы не могли не желать успѣха всею нашею душой. Точно также не мы можемъ считать себя побѣжденными, если восторжествуютъ враги Россіи, и виды ихъ придутъ къ осуществленію. Мы были бы рады быть побѣжденными, лишь бы только не потерпѣло пораженія дѣло, въ которомъ мы исчезаемъ какъ капля въ морѣ. Но мы не считаемъ себя побѣжденными ни на одномъ изъ тезисовъ, которые намъ приходилось развивать и защищать. Дѣло въ томъ, что мы ничего своего не высказывали, никакихъ мудреныхъ мыслей не развивали, а при всякомъ случаѣ на всѣ лады твердили докучливо, что дважды два не пять, а четыре. Тактика людей и партій, которымъ угодно было придавать намъ особенное значеніе, состояла въ томъ чтобы такого рода истины провозглашать какъ нѣчто исключительно намъ принадлежащее, какъ нѣчто нами выдуманное, какъ наши оригинальныя идеи, и когда другіе соглашались, что дважды два воистину четыре, кричать, что наши идеи пріобрѣтаютъ силу и имѣютъ вліяніе на ходъ дѣлъ. Требуетъ ли доказательства та мысль что ослаблять государство не значитъ усиливать его, и что если нужно ослабить или разрушить его, то это дѣло естественнѣе принадлежитъ врагамъ, а не защитникамъ государства?

Россія, говорятъ, заключаетъ въ себѣ слишкомъ много элементовъ могущества, которые, при разумномъ управленіи ея дѣлами, при полномъ единствѣ ея правительства съ народомъ, можетъ достигнуть громадныхъ размѣровъ. Правда, государственная область Россіи велика и обильна; правда, народъ ея многочисленный и цѣльный, разрастается быстро. Мы не будемъ оспаривать, что Россія при благопріятномъ ходѣ своихъ дѣлъ можетъ быть гораздо могущественнѣе, чѣмъ была доселѣ; мы не отрицаемъ, что ея возрастаніе и усиленіе всегда возбуждали опасенія и заботы въ Европѣ, что эти опасенія и эти заботы особенно сильны въ настоящее время, когда Россія, посредствомъ своихъ внутреннихъ реформъ, повидимому, вступаетъ въ новый и высшій періодъ своего существованія. Мы вѣримъ въ могущество Россіи,— но не вѣримъ въ основательность внушаемыхъ этимъ могуществомъ опасеній; напротивъ, мы думаемъ, что чѣмъ болѣе Россія будетъ входить въ обладаніе своими силами, тѣмъ менѣе поводовъ опасаться ея вліянія. Но во всякомъ случаѣ, можетъ ли здравый смыслъ допустить, чтобы страна, признаваемая слишкомъ могущественною, сама предупреждала своихъ враговъ въ заботахъ объ уменьшеніи своего могущества, чтобъ ея правительство само принимало мѣры къ ея ослабленію, и совершало такимъ образомъ надъ нею дѣло ея соперниковъ и враговъ? Если Россія слишкомъ могущественна, если ея могущество возбуждаетъ опасенія и недоброжелательство, то можетъ ли здравый смыслъ допустить, чтобъ органомъ этихъ опасеній и орудіемъ этого недоброжелательства становились мы сами,—сами унижали и подавляли наши народныя силы, сами задерживали ихъ развитіе, сами губили ихъ? Положимъ, что Русское государство можетъ внушать кому бы то ни было тревожныя опасенія, но можетъ ли здравый смыслъ допустить, чтобы мы сами ослабляли связи нашего государственнаго организма, разобщали части нашей государственной области, давали разнымъ частямъ ея значеніе особыхъ государствъ, сами выдѣлывали не

существующія національности, сами германизировали и полонизировали наши народонаселенія, сами перенимали у своего народа пути цивилизаціи и образованія и подчиняли его чужимъ національностямъ, нами самими создаваемымъ въ подрывъ нашему государственному единству?

Съ небольшимъ два года прошло съ тѣхъ поръ какъ былъ поднятъ вопросъ о самомъ существованіи Россіи. Довольно того что могъ быть поднятъ такой вопросъ. Но въ то время когда онъ раздавался повсюду, и когда внутри русскихъ владѣній кипѣлъ мятежъ, Россія обнаружила силу, которая, казалось, поставила ее внѣ всѣхъ опасностей. Была минута, когда можно было надѣяться, что она выйдетъ съ торжествомъ изъ всѣхъ своихъ затрудненій. Минута эта прошла, и чѣмъ спокойнѣе, чѣмъ, повидимому, благоуспѣшнѣе потекли послѣ того русскія дѣла, тѣмъ болѣе возбуждались надежды враговъ, тѣмъ болѣе приходили въ уныніе и тревожились тѣ изъ русскихъ людей, которые не безъ участія слѣдили за событіями и могли видѣть то что происходитъ не на одной поверхности.

Польское дѣло, очевидно, вступаетъ теперь въ новый періодъ своего развитія. Въ тактикѣ польскихъ патріотовъ произошелъ поворотъ, о которомъ мы имѣли уже случай бесѣдовать съ нашими читателями въ № 134-мъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Русскіе, бывшіе у нихъ доселѣ дикою *туранскою* ордой, вдругъ стали народомъ, которому они усердно предлагаютъ дружбу, проповѣдуя своимъ соплеменникамъ, что единственное спасеніе для Польши заключается въ соединеніи съ Россіей и въ стремленіи къ просвѣщенію. Эти дружественныя заявленія не были мгновенною вспышкой: они продолжаются, поддерживаются и даже усиливаются. Къ заявленіямъ *Познанскаго Дневника*, органа либеральной аристократической партіи, и къ заявленіямъ краковскаго *Часа*, теперь присоединился еще и органъ польскаго выходца изъ Россіи, графа Владислава Плятера, *Ойчизна*. Это, какъ видно, общее движеніе, обнимающее всѣхъ польскихъ патріотовъ, гдѣ бы они ни жили: всѣ они, какъ бы по данному сигналу, дѣйствуютъ теперь въ одномъ и томъ же направленіи, въ одномъ и томъ же смыслѣ. Дружба съ Россіей, съ ненавистною и презрѣнною *москвой*, вотъ ихъ новѣйшій лозунгъ. Такъ какъ Россія не имѣетъ своей *интеллигенціи*, и не должна имѣть ее, а должна управляться интеллигенціей чужою, то польскіе патріоты вдругъ теперь возревновали Россію къ нѣмецкимъ людямъ и вызываются подѣлить съ ними заботы о дѣлахъ Россіи. Таковы новѣйшія заявленія польской дружбы къ Россіи, со стороны какъ *Познанскаго Дневника*, такъ равно и *Ойчизны*. Мы не разыскиваемъ, на какихъ именно данныхъ основываются польскіе патріоты, разчитывая на успѣхъ своего дѣла почти на другой день послѣ своего явнаго возстанія противъ Россіи; но что они имѣютъ подобные разчеты, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Не даромъ же польскіе патріоты еще съ прошлаго года перестали сомнѣваться, что польское дѣло увѣнчается полнымъ успѣхомъ въ Россіи. Кто возьмется доказать имъ противное? Мы не беремся.

Вотъ уже два съ половиною года, какъ польскій вопросъ изучается при пособіи экспериментовъ очевидныхъ и поразительныхъ, изучается со всѣхъ сторонъ, и казалось бы, въ немъ не должно бы оставаться ни одного пункта сколько-нибудь темнаго. И однакоже, какъ это ни странно, многіе не отдаютъ себѣ и теперь яснаго отчета въ томъ что такое польское дѣло въ Россіи. Многіе все еще полагаютъ, что польскіе патріоты хлопочутъ объ отдѣленіи Царства Польскаго отъ Россіи, такъ какъ будто бы они не понимаютъ невозможности отдѣльнаго политическаго существованія этой небольшой землицы въ самомъ центрѣ Европы и среди окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ великихъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи, и такъ какъ будто бы они могутъ удовольствоваться независимостью этой землицы. Нѣтъ, не этого хотятъ польскіе патріоты, чего они и не скрываютъ, и не къ этой цѣли устремлены ихъ усилія. Не отдѣлить Царство Польское отъ Россіи, а поставить Польшу на мѣсто Россіи, вотъ что имѣется ими въ виду, вотъ что одушевляетъ ихъ и вотъ въ чемъ надѣются они успѣть. Западный край Россіи въ настоящее время считаютъ они болѣе чѣмъ когда-нибудь польскимъ краемъ, и если возстаніе съ оружіемъ въ рукахъ не удалось, то путь интриги и тайной измѣны можетъ быть удачнѣе.

Познанскій Дневникъ сулитъ русскому народу не только помощь польской интел-

лигенціи, которая должна участвовать въ управленіи его дѣлами; онъ сулитъ намъ и какія-то хозяйственныя льготы, которыми мы можемъ попользоваться отъ польскихъ патріотовъ. Эти хозяйственныя льготы—поземельный кредитъ, который упрочитъ польское землевладѣніе въ западномъ краѣ и распространитъ на всю Россію сѣть своей организаціи въ замѣнъ недостающей намъ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Поземельный кредитъ—полезное дѣло, но русскому землевладѣнію естественно ожидать его не отъ польскаго патріотизма.

№ 141.

Москва, 28-го Іюня.

Русское землевладѣніе, какъ извѣстно, находится въ бѣдственномъ положеніи. На этихъ дняхъ пришлось намъ обратить вниманіе читателей на бездну дворянскихъ имѣній, которыя продаются съ аукціона Московскою и С.-Петербургскою Сохранною Казной. Какія мѣры могутъ способствовать къ прекращенію такого бѣдственнаго положенія дѣлъ, и какими причинами положеніе это условливается? Причинъ много, и мѣръ можетъ быть много. Недостатокъ кредитныхъ учрежденій почти всѣми ощущается; но бѣдственное положеніе нашихъ землевладѣльцевъ происходитъ отъ множества другихъ причинъ, и имѣнія, которыя продаются теперь съ аукціоннаго торга, находятся уже въ залогѣ и продаются именно кредитными учрежденіями. Если бы у насъ дѣйствовало теперь какое-либо общество поземельнаго кредита, то оно не спасло бы эти имѣнія отъ аукціонной продажи. Тѣмъ не менѣе поземельный кредитъ требуется.

Поземельный кредитъ имѣетъ у насъ удивительную судьбу. Когда онъ существовалъ, то болѣе содѣйствовалъ расточительности чѣмъ оживлялъ производство; часть занятыхъ денегъ растрачивалась какъ подспорье къ годовому доходу заемщика, и народныя сбереженія, поступавшія въ казенные банки въ качествѣ вкладовъ, выходили изъ банковъ въ видѣ ссудъ, поощрявшихъ потребленіе и слѣдовательно противодѣйствовавшихъ накопленію капиталовъ въ народѣ. Къ тому же казенный поземельный кредитъ раздавалъ на долгій срокъ деньги, получаемыя отъ вкладчиковъ на условіи возврата по востребованію, а потому для огражденія состоятельности банковъ было необходимо стѣснять отечественную промышленность; банки могли бы лишиться своихъ вкладовъ, въ случаѣ ея оживленія. Но этого мало; облегчая потребленіе и стѣсняя развитіе промышленности, казенный поземельный кредитъ искусственно понижалъ цѣну капитала въ Россіи и тѣмъ еще болѣе ограничивалъ бережливость: чѣмъ меньше доходъ получаемый съ капитала, тѣмъ меньше бываетъ побужденій къ накопленію капиталовъ. Всѣ эти недостатки казеннаго поземельнаго кредита требовали реформы казенныхъ банковъ. Но случай хотѣлъ, чтобъ эта реформа произведена была именно въ то время, когда поземельный кредитъ впервые могъ принести серіозную пользу; когда землевладѣніе, въ трудную для него пору эманципаціи, впервые дѣйствительно нуждалось въ поддержкѣ со стороны кредита. Случай хотѣлъ притомъ, чтобы реформа казенныхъ банковъ была произведена въ самой радикальной формѣ,—въ формѣ ликвидаціи, то-есть совершеннаго прекращенія ссудъ подъ залогъ имѣній.

Вызванная крестьянскою реформой потребность въ поземельномъ кредитѣ должна была въ свою очередь вызвать учрежденіе частныхъ поземельныхъ банковъ. Но тутъ явилось серіозное препятствіе въ состояніи внутренняго денежнаго рынка. Прежде всего произвела неблагопріятное дѣйствіе неудача акціонерныхъ компаній, подорвавшая кредитъ частныхъ предпріятій; затѣмъ стало возрастать количество казенныхъ процентныхъ бумагъ, поглащавшихъ собой всѣ сбереженія страны; стомилліонный внутренній заемъ окончательно отвлекъ внутренніе капиталы отъ какого-либо помѣщенія въ частномъ предпріятіи. Теперь очевидно, что поземельный кредитъ, устраиваемый въ размѣрахъ сколько-нибудь значительныхъ, не можетъ разчитывать на одни внутренніе капиталы, а долженъ имѣть въ виду, хотя отчасти, капиталы заграничные. Но приливу заграничныхъ капиталовъ должно препятствовать состояніе нашей денежной системы. Заграничные капиталы не рѣшатся на рискованное помѣщеніе въ колеблющихся кредитныхъ рубляхъ; они потребуютъ, чтобъ облигаціи поземельнаго кредита (закладные или заставные листы) были писаны

на звонкую монету, а это условіе должно вести къ тягостной для заемщика обязанности платить проценты звонкою монетой, которой будущая цѣна не извѣстна, и можетъ подлежать значительнымъ измѣненіямъ сравнительно съ цѣной кредитныхъ рублей, которыми заемщикъ получаетъ свои доходы.

Вотъ главныя препятствія, затрудняющія теперь устройство поземельнаго кредита; къ нимъ присоединяется еще неопытность нашей публики въ этомъ дѣлѣ. Но мы уже видимъ нѣсколько удачныхъ попытокъ. Сперва въ Петербургѣ, а вслѣдъ за тѣмъ и въ Москвѣ, устроились городскія кредитныя общества для залога городской недвижимой собственности: въ Одессѣ открытъ и поземельный банкъ; предвидится учрежденіе поземельнаго банка въ Смоленскѣ. Еслибы новые выпуски казенныхъ процентныхъ бумагъ прекратились, то закладные листы существующихъ кредитныхъ обществъ поднялись бы въ цѣнѣ, и разомъ устроилось бы нѣсколько поземельныхъ банковъ. Затѣмъ еслибы наша денежная система была приведена въ порядокъ, то открылась бы возможность къ сбыту закладныхъ листовъ на заграничныхъ биржахъ, а это еще болѣе подвинуло бы поземельный кредитъ. Вотъ существенныя условія этого дѣла, безъ которыхъ оно не можетъ получить солиднаго хода.

Таково положеніе этого дѣла съ финансовой точки зрѣнія. Но поземельный кредитъ имѣетъ не одно финансовое, онъ имѣетъ чрезвычайно важное политическое значеніе. На этотъ счетъ мы имѣли уже случай не разъ высказаться, и можемъ предполагать свои мнѣнія извѣстными публикѣ. Главная цѣль поземельнаго кредита, какъ показываетъ повсюду его исторія, есть поддержка не сельскаго хозяйства, которое болѣе нуждается въ краткосрочномъ кредитѣ, а землевладѣнія, то-есть содѣйствіе тому чтобы поземельная собственность оставалась въ тѣхъ же рукахъ, въ которыхъ она находится въ данное время. Поземельный кредитъ предотвращаетъ на время продажу имѣній; онъ даетъ землевладѣльцамъ возможность расплатиться съ долгами, и удержать имѣніе въ своихъ рукахъ. Смотря на дѣло съ экономической точки зрѣнія, всегда можно предполагать, что продавецъ менѣе извлечетъ выгодъ изъ имѣнія чѣмъ покупщикъ, но съ политической точки зрѣнія дѣло можетъ представиться иначе, и тутъ поземельный кредитъ можетъ оказать важное противодѣйствіе естественному вліянію экономическихъ условій. Для народнаго хозяйства тутъ нѣтъ выгоды; оно можетъ иногда даже потерпѣть отъ того, что имѣнія останутся во владѣніи людей обремененныхъ долгами. Но если эти люди особенно надежны въ политическомъ отношеніи, или если государство считаетъ справедливымъ вознаградить ихъ за понесенные ими по его волѣ ущербы, то его долгъ и интересъ велятъ ему прибѣгнуть къ поземельному кредиту и воспользоваться его могущественнымъ содѣйствіемъ въ своихъ видахъ.

Что же сказать о томъ случаѣ, еслибы поземельный кредитъ получилъ направленіе не только несогласное съ видами государства, но даже противное государственному интересу? Въ значительной части Россіи, именно въ западномъ ея краѣ, землевладѣніе не соотвѣтствуетъ требованіямъ общей государственной пользы. Россія не разъ слышала ясно выраженное монаршее рѣшеніе, что западный край, это древнее достояніе русскаго народа, долженъ быть существенно, а неповерхностно русскимъ краемъ. Но осуществленію этого рѣшенія полагаетъ преграду тамошнее землевладѣніе, почти исключительно польское. Оно сдѣлало возможнымъ вооруженное возстаніе, раззорившее этотъ край, стоившее Россіи крови, а отъ русскихъ финансовъ потребовавшее жертвъ не менѣе какъ на 70 милліоновъ рублей. Оно же причиняетъ всѣ тѣ смуты, которыя и въ мирное время дѣлаютъ спорнымъ вопросомъ связь двухъ частей Россіи, восточной и западной, а слѣдовательно и самое существованіе государства. Пока не произойдетъ перемѣнъ въ землевладѣніи, до тѣхъ поръ не могутъ прекратиться эти смуты, и не устранится возможность возстаній. Самый сильный изъ государственныхъ интересовъ, интересъ самосохраненія, побуждаетъ власть заботиться о томъ чтобы національный характеръ тамошняго землевладѣнія измѣнился. Правительство наше вполнѣ сознало эту истину и обѣщало даже пособія и льготы тѣмъ Русскимъ, которые будутъ покупать имѣнія въ западномъ краѣ.

На эту мѣру нисколько не могутъ жаловаться польскіе помѣщики тѣхъ мѣстъ: она не касается ихъ права собственности; напротивъ, увеличивая число покупщиковъ,

она возвышаетъ цѣну ихъ имѣній и слѣдовательно оказываетъ имъ матеріяльную помощь. Тѣ изъ помѣщиковъ западнаго края, которые искренны въ своихъ заявленіяхъ вѣрности Россіи, которые дѣйствительно признаютъ силу монаршаго рѣшенія, что западный край есть край существенно русскій, должны сами желать чтобы тамошнее землевладѣніе измѣнилось въ этомъ смыслѣ, и чтобы такимъ образомъ былъ положенъ рѣшительный конецъ попыткамъ ополячивать этотъ край и вести его къ новымъ бѣдствіямъ. Напротивъ, кто въ западномъ краѣ смотритъ непріязненно на продажу имѣній, тотъ заявляетъ этимъ, что его нельзя считать за вѣрнаго подданнаго, и что онъ не хочетъ видѣть въ этомъ краѣ край русскій. Такихъ людей, къ сожалѣнію, тамъ не мало. Они мирятся съ крутыми мѣрами; висѣлицы, ссылки, конфискаціи, секвестры, все это, въ ихъ глазахъ, скорѣе можетъ быть допускаемо, нежели мѣры мирныя, никого не раззоряющія, не вызывающія ни въ комъ ненависти, но серіозно связывающія западный край съ внутреннею Россіей. Они ничего такъ не боятся какъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, важныхъ въ государственномъ смыслѣ, снабженія православнаго духовенства имуществами, раздачи казенныхъ имѣній за служебные труды, наконецъ поощренія перехода частныхъ имѣній въ руки лицъ православнаго исповѣданія. Эти люди считаютъ теперь самымъ важнымъ успѣхомъ для своего дѣла, еслибъ удалось устроить для западныхъ губерній поземельный кредитъ въ національномъ польскомъ смыслѣ.

Поземельный кредитъ, какъ сказано, всегда заключаетъ въ себѣ элементъ политическій; а потому благонадежными могутъ считаться только такія учрежденія поземельнаго кредита, которыя находятся въ рукахъ правительства, или которыя создаются коренными силами самой страны. Таковы были наши казенныя кредитныя учрежденія, такъ неблаговременно ликвидированныя наканунѣ крестьянской реформы. Они могли имѣть и дѣйствительно имѣли много невыгодныхъ для народнаго хозяйства сторонъ, но никогда не могли они стать орудіемъ для какихъ-либо противогосударственныхъ дѣлей. Точно также было бы дѣломъ благонадежнымъ въ политическомъ отношеніи учрежденіе общаго дворянскаго банка, о какомъ шла рѣчь на прошлыхъ несостоявшихся выборахъ московскаго дворянства. Равномѣрно безопасны и благонадежны мѣстные земскіе банки уже существующіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. При извѣстныхъ условіяхъ, какія напримѣръ существуютъ въ прибалтійскомъ краѣ, гдѣ дворянскія имѣнія носятъ строго сословный характеръ и не могутъ быть пріобрѣтаемы лицами, не принадлежащими къ мѣстному дворянству, поземельный кредитъ служитъ къ упроченію политическаго положенія дворянства. При другихъ же условіяхъ, въ государствахъ благоустроенныхъ, гдѣ правительство ясно сознаетъ, чего оно хочетъ, общества поземельнаго кредита, — какъ напримѣръ въ Пруссіи, — служатъ къ очищенію государства отъ элементовъ неблагонадежныхъ и опасныхъ. Посредствомъ поземельнаго кредита, направляемаго государственною мыслію правительства Пруссія успѣла въ своихъ провинціяхъ пріобрѣтенныхъ отъ Польши и не заключавшихъ въ себѣ никакихъ нѣмецкихъ элементовъ, водворить нѣмецкое землевладѣніе вмѣсто польскаго и сдѣдать ихъ безопасною и прочною принадлежностью государства. Благодаря поземельному кредиту, Западно-Прусская провинція и Познань такъ германизированы, что самые отчаянные польскіе патріоты утратили всякіе виды на эти земли, несмотря на то что онѣ самыя коренныя польскія земли. Національность землевладѣнія опредѣляетъ національность края и правительства повсюду заботятся болѣе всего о характерѣ средняго и крупнаго землевладѣнія и пользуются всѣми способами чтобъ измѣнить его характеръ, если онъ не соотвѣтствуетъ національности государства. Въ прежнія времена, когда государственная необходимость не уравновѣшивалась никакими другаго рода соображеніями, употреблялось въ этихъ случаяхъ, простое насиліе. Дворянство покореннаго края изгонялось или переселялось изъ него. Въ нынѣшнее время этого не дѣлается; и правительства принимаютъ мѣры чтобы достигать того же результата, безъ насилія и несправедливости относительно лицъ. Они принимаютъ мѣры къ тому, чтобы переходъ собственности изъ рукъ въ руки шелъ въ направленіи благопріятномъ для государства. Такимъ-то образомъ, повторимъ, Пруссія окончательно утвердилась въ своихъ недавнихъ польскихъ пріобрѣтеніяхъ.

Во второй половинѣ прошлаго года, въ то самое время, какъ былъ поднятъ вопросъ о направленіи желѣзной дороги долженствующей соединить Москву съ Чернымъ моремъ, особенно сильно заговорили о поземельномъ кредитѣ, и начали появляться проекты кредитныхъ обществъ для всей Имперіи. Особенную важность имѣли два предположенія: одно извѣстное подъ фирмою г. де-Роберти, перешедшее потомъ къ г. Гопу, и другое, съ которымъ соединялось имя извѣстнаго своею предпріимчивостію по операціямъ поземельнаго кредита, г. Ланграна дю-Монсо, и о которомъ хлопотали варшавскіе банкиры баронъ Френкель и г. Лясскій. Проектъ г. де-Роберти, несмотря на все стараніе заинтересованныхъ лицъ, не имѣлъ успѣха ни въ первоначальномъ, ни во вторичномъ, значительно усовершенствованномъ видѣ. Что же касается до другаго изъ упомянутыхъ нами проектовъ, то въ прошломъ году онъ еще не выразился въ опредѣленной формѣ, и существовалъ только въ качествѣ задуманной мысли. Лѣтомъ прошлаго года баронъ Френкель и г. Лясскій были въ Москвѣ, и мы имѣли случай слышать отъ нихъ самихъ объ этомъ предположеніи. Не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, мы не считали себя въ правѣ заранѣе высказываться объ этомъ предположеніи, въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Но почтенные гости сообщившіе намъ свою мысль удостовѣрили насъ, что этотъ важный проектъ, какъ только онъ окончательно выработается, будетъ предварительно подвергнутъ изученію людей спеціяльныхъ, къ которымъ имъ угодно было причислить и насъ. Изъ ихъ словъ мы заключили, что столь важный для Россіи вопросъ пройдетъ черезъ испытаніе печати. Мы порадовались этому, такъ какъ въ дѣлахъ этого рода часто самое незначительное обстоятельство можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія, какихъ иногда не предусматриваютъ и сами составители проекта. А потому желательно всестороннее изученіе проекта, и притомъ на всевозможныхъ разстояніяхъ, какъ вблизи, съ правительственной точки зрѣнія, такъ и издали, съ точки зрѣнія простаго наблюдателя, который легче можетъ обратить вниманіе на иныя обстоятельства и отношенія. Но г. Лангранъ-дю-Монсо устранился отъ этого предпріятія, и о немъ замолкъ слухъ. Лишь на этихъ дняхъ дошли до насъ неопредѣленныя свѣдѣнія о проектѣ поземельнаго кредитнаго общества для всей Россійской Имперіи, составленномъ исключительно барономъ Френкелемъ, и будто бы имѣющемъ значительные шансы на успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ главныхъ основаніяхъ. Нельзя не пожалѣть, что составитель проекта не успѣлъ до сихъ поръ сообщить ему нѣкоторую гласность, которая могла бы послужить къ разъясненію, а можетъ-быть и улучшенію дѣла, тѣмъ болѣе что общество поземельнаго кредита, можетъ быть учрежденіемъ благонадежнымъ и полезнымъ только какъ учрежденіе строго-національное, устроенное такъ, чтобы несомнѣнно и во всѣхъ отношеніяхъ способствовать интересамъ того государства, гдѣ будетъ дѣйствовать.

Какъ сказано, мы не знаемъ плана барона Френкеля, но поземельный кредитъ имѣетъ столь важное политическое значеніе, что малѣйшій оттѣнокъ устава можетъ дать, даже помимо намѣреній учредителей, всему этому дѣлу направленіе противное видамъ правительства. Что на такіе оттѣнки есть разчетъ въ сферахъ враждебныхъ Россіи, въ этомъ убѣждаютъ насъ намеки заграничной польской печати. Посмотримъ же, что можетъ быть сдѣлано съ поземельнымъ кредитомъ исподтишка, подъ рукой правительства, посредствомъ весьма неважныхъ, повидимому, статей устава того или другаго кредитнаго общества.

Поземельный кредитъ можетъ быть устроенъ всячески. Онъ можетъ быть такъ устроенъ, что пріемъ имѣній въ залогъ будетъ вполнѣ зависѣть отъ правленія кредитнаго общества и его агентовъ. Эти агенты могутъ быть въ однихъ губерніяхъ щедры на ссуды, въ другихъ скупы; въ однихъ они могутъ болѣе понижать оцѣнки, въ другихъ менѣе. Дѣло можетъ принять такой оборотъ, что во внутреннихъ губерніяхъ, тамъ гдѣ устройство поземельнаго кредита было бы согласно съ видами правительства, ссуды будутъ выдаваться только по протекціи, а вся масса ссудъ достанется на долю западныхъ губерній, гдѣ правительство желаетъ измѣнить теперешній характеръ землевладѣнія и во всякомъ случаѣ не можетъ желать упроченія его. Для этой цѣли достаточно, если кредитному обществу будетъ предоставлена полная свобода дѣйствовать въ разныхъ частяхъ Россіи по его усмотрѣнію, если не будетъ опредѣленъ районъ его дѣйствій,

и если не будетъ вставлено въ уставъ по крайней мѣрѣ правило, что ссуды должны быть равномѣрно распредѣляемы между губерніями.

Кромѣ того, можетъ быть еще вотъ что. Во многихъ кредитныхъ обществахъ установляется круговая порука заемщиковъ. Круговая порука есть необходимое условіе поземельнаго кредита; но она справедлива только въ томъ случаѣ, когда поземельнымъ кредитомъ распоряжаются сами заемщики и производятъ оцѣнку имѣній черезъ своихъ уполномоченныхъ. Впрочемъ, даже и въ этомъ случаѣ справедливость требуетъ, чтобъ отвѣтственность ложилась сперва на ближайшій районъ, то-есть на людей имѣвшихъ вліяніе на оцѣнку: за несостоятельность имѣній одного района должны отвѣчать прежде всего заемщики того же района, и лишь послѣ ихъ общей несостоятельности, отвѣтственность можетъ падать на заемщиковъ другихъ районовъ. Если же оцѣнка производится не уполномоченными заемщиковъ, а агентами правленія, то круговая отвѣтственность дѣлается вопіющею несправедливостью. Кто не знаетъ той славы, которою пользовались при нашихъ казенныхъ контрактахъ залоги западнаго края? Какая же была бы справедливость взыскивать съ залоговъ внутреннихъ губерній казенные недоборы по залогамъ западнаго края? А къ этому дѣло могло бы очень легко придти, еслибы всѣ заложенныя имѣнія Имперіи отвѣчали круговою порукой за оцѣнку производимую агентами кредитнаго общества въ западномъ краѣ. Тутъ несправедливо, тутъ невозможно самое основаніе круговой поруки. Но мы не будемъ говорить о нагломъ подлогѣ,—хотя примѣры фальшивыхъ оцѣнокъ залоговъ изъ западнаго края были не рѣдки,—не будемъ говорить также о томъ, что договоры и уставы пишутся всегда въ предположеніи возможности недобросовѣстнаго образа дѣйствій, и что между безгрѣшными людьми не было бы надобности ни въ законахъ, ни въ контрактахъ: мы предположимъ агентовъ кредитнаго общества людьми безгрѣшными и всѣ ихъ оцѣнки—образцомъ справедливости. Но развѣ невозможны смуты въ западномъ краѣ, развѣ тамъ невозможны возстанія? Если же заемщики внутреннихъ губерній будутъ отвѣчать круговою порукой за заемщиковъ западныхъ губерній, то не будетъ ли это значить, что вся Имперія будетъ оплачиваться за сумасбродство польскихъ патріотовъ? А это очень можетъ случиться, даже при самыхъ правильныхъ оцѣнкахъ. Что же будетъ, если оцѣнки будутъ произведены пристрастно? Тогда и безъ политическихъ смутъ, и среди мирнаго времени, заемщики внутреннихъ губерній заплатятъ субсидію въ пользу землевладѣльцевъ западнаго края.

Наконецъ можетъ быть еще вотъ что. Помѣщикъ западнаго края заложитъ одно изъ своихъ имѣній по правильной оцѣнкѣ, а другое по оцѣнкѣ слишкомъ высокой, и отъ него отступится. Оно будетъ продаваться съ публичнаго торга, но никто не купитъ его съ переводомъ долга. Кто будетъ платить проценты за это имѣніе? Вся Россія, а на долю того помѣщика достанутся какія-нибудь копѣйки. Но будетъ ли оно продано? Это зависитъ отъ устава. Если уставъ предоставитъ обществу право имѣть поземельную собственность, то владѣть будетъ общество, а проценты за свою ссуду оно будетъ все-таки взыскивать со всей Россіи. Положеніе очень удобное для того чтобы не спѣшить продажей. Итакъ, значительное количество земель можетъ поступить въ собственность общества. Заемщики будутъ роптать, будутъ настоятельно требовать продажи, и продажи, разумѣется, по возможности выгодной. Но для этого надобно будетъ дробить имѣнія и продавать ихъ съ переводомъ значительнаго долга. Кто же будетъ покупать эти мелкіе участки въ западномъ краѣ какъ не офиціялисты, экономы и дробная шляхта? Купить имѣніе не заложенное эти люди не въ силахъ, но небольшой участокъ, съ незначительнымъ платежомъ наличными, они купятъ охотно и въ этомъ случаѣ не будутъ имѣть конкуррентовъ. Такимъ образомъ, поземельный кредитъ можетъ не только поддержать польское землевладѣніе въ западномъ краѣ, но и надѣлать множество новыхъ землевладѣльцевъ польской національности, и надѣлать это множество землевладѣльцевъ изъ такой среды, которая въ политическомъ отношеніи еще менѣе надежна чѣмъ теперешніе землевладѣльцы, все-таки дорожащіе своею довольно значительною собственностью.

Въ предыдущемъ №, по поводу заявленій *Познанскаго Дневника*, мы упомянули мимоходомъ, что поземельный кредитъ можетъ осѣтить Россію своей организаціей. Если мѣстное управленіе отдѣленіями кредитнаго общества не будетъ предоставлено

заемщикамъ, а еще болѣе если этихъ мѣстныхъ отдѣленій вовсе не будетъ, и всею администраціей будутъ завѣдывать агенты правленія, то на ряду съ государственною администраціей дѣйствительно образуется у насъ кредитная администрація, которой сосѣдство едва ли будетъ удобно для первой, и которая очень можетъ связать Россію въ одно цѣлое такъ крѣпко, что съ нею будетъ при случаѣ очень трудно бороться.

Повторяемъ, мы говоримъ лишь по догадкѣ; очень можетъ быть, что все нами упомянутое предусмотрѣно и предотвращено въ уставѣ барона Френкеля. Тогда наши слова къ дѣлу не относятся, и мы будемъ очень рады заявить о томъ. Мы должны впрочемъ сказать, что указываемъ на возможныя послѣдствія только такихъ оттѣнковъ или недосмотровъ, которые можно предположить даже въ уставѣ сочиненномъ серіозно, въ уставѣ совершенно приличномъ, въ такомъ уставѣ, гдѣ соблюдены обычныя правила работъ этого рода.

Мы не предполагаемъ никакихъ финансовыхъ монстровъ; не предполагаемъ права выпускать закладные листы безъ соотношенія съ акціонернымъ капиталомъ, или права выпускать ихъ ежечасно безъ разрѣшенія правительства. Мы не считаемъ также вѣрнымъ и того слуха, будто акціи предполагаемаго кредитнаго общества будутъ оплачиваться кредитными рублями, а облигаціи звонкою монетой, и будто учредители обязываются взять за себя лишь часть акцій, освобожденныхъ отъ всякой серіозной отвѣтственности, и вовсе не берутъ за себя облигацій, а слѣдовательно нисколько не обезпечиваютъ ихъ сбыта за границей. Съ такими условіями трудно было бы явиться, послѣ того какъ былъ отвергнутъ нашимъ правительствомъ проектъ банка съ участіемъ англійскихъ капиталистовъ, представленный г. де-Роберти. Съ такими условіями было бы тѣмъ труднѣе явиться, что во главѣ нашего финансоваго управленія стоятъ лица засѣдавшія въ бывшей коммиссіи о земскихъ банкахъ, и слѣдовательно коротко знакомыя съ техникой по этой части. Но мы и не предполагаемъ ничего подобнаго, а указали лишь на такіе пункты, которые очень могутъ встрѣтиться въ дѣльномъ проектѣ, но тѣмъ не менѣе повести, при теперешнемъ политическомъ положеніи Россіи, къ опаснымъ послѣдствіямъ.

№ 142.

Москва, 30-го Іюня.

По извѣстіямъ, которыя доходятъ до насъ изъ юго-западнаго края Россіи, назначеніе новаго главнаго начальника оживило надежды благонамѣренныхъ мѣстныхъ дѣятелей, а предпринятое имъ теперь посѣщеніе всѣхъ трехъ губерній ввѣреннаго ему края служитъ для нихъ ручательствомъ, что общее положеніе дѣлъ, до сихъ поръ крайне неудовлетворительное, не замедлитъ перемѣниться къ лучшему. Таковы надежды мѣстныхъ русскихъ дѣятелей, и мы, съ своей стороны, можемъ только пожелать, чтобы надежды эти вполнѣ осуществились, и чтобъ отъ проницательности главнаго начальника не укрылось ничего, что можетъ обратиться во вредъ или послужить въ пользу русскому дѣлу на этой исконно-русской почвѣ. Генералъ Безакъ осматриваетъ край съ внимательностью, удивляющею всѣхъ мѣстныхъ жителей; онъ обозрѣваетъ присутственныя мѣста, училища, тюрьмы, больницы, пожарныя команды, вездѣ входитъ въ подробности и вездѣ пользуется случаемъ чтобы заявить общее направленіе своей правительственной дѣятельности и поддержать, ободрить, побудить къ большой энергіи всѣхъ тѣхъ, кто призванъ содѣйствовать ей.

Странный видъ представляетъ положеніе правительства въ западномъ краѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ даже Кіевской губерніи, какъ напримѣръ, въ Липовцѣ, обращенномъ въ уѣздный городъ еще въ 1797 г., русскія начальства до сихъ поръ еще живутъ какъ бы на бивакахъ, присутственныя мѣста помѣщаются въ наемныхъ лачугахъ, подъ соломенными крышами, тюрьма точно также; даже не имѣется кладовой для храненія казенныхъ денегъ. Польскій элементъ находитъ, напротивъ, средства и воздвигаетъ новые римско-католическіе храмы тамъ, гдѣ прежде ихъ не было, какъ напримѣръ, въ Васильковѣ, городѣ, который былъ построенъ Владиміромъ Святымъ, въ которомъ родился Св. Ѳеодосій, который принадлежалъ Кіево-Печерской лаврѣ, гдѣ всего пока числится 58 католиковъ, временно тамъ проживающихъ, и гдѣ въ католическомъ костелѣ не оказалось бы надобности, еслибы католическій костелъ не былъ символомъ польской національности. Въ городѣ Сквирѣ,

не считая Евреевъ, большинство было издавна рѣшительно на сторонѣ православныхъ, которыхъ, за небольшою примѣсью католиковъ, считалось тамъ около 1.400 душъ мужескаго пола. Польскій элементъ не могъ, однакожь, вытерпѣть это преобладаніе, и вотъ уже послѣ подавленія мятежа, къ этому городу приписалось 2.500 человѣкъ бывшей шляхты, все Поляки, такъ что городъ въ самое короткое время сталъ польскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ въ городѣ и новый костелъ, освященный уже послѣ мятежа 1863 года. Въ то же время цѣлыя населенія въ юго-западномъ краѣ, русскія по происхожденію и языку, но католическія по религіи, обязаны слушать слово Божіе, находиться на духу у польскихъ ксендзовъ и такимъ образомъ воспитываться въ чувствѣ польской національности, насильно привитой къ нимъ черезъ религію. Ничто не могло бы такъ упростить и облегчить положеніе дѣлъ западнаго края какъ разъединеніе этихъ двухъ силъ, римскаго католицизма и полонизма, опасныхъ только въ своемъ соединеніи.

Польская партія неплошаетъ и въ смыслѣ умственныхъ интересовъ. Запросъ г. министра народнаго просвѣщенія, предложенный попечителю кіевскаго учебнаго округа, еще въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года,— запросъ о существующихъ постановленіяхъ касательно домашнихъ учителей и частныхъ учебныхъ заведеній — пришелся для этой партіи какъ нельзя болѣе кстати. Министерство народнаго просвѣщенія, какъ можно заключить изъ статьи *Кіевлянина* (№ 70), поставило преимущественно на видъ доходящія до него жалобы на крайнюю стѣснительность существующихъ постановленій для развитія частной педагогической дѣятельности и на то, что правительство не оказываетъ ей достаточнаго пособія и поощренія. Въ западномъ краѣ, правда, какъ отозвался директоръ училищъ Подольской губерніи, правительство и не должно выпускать изъ своихъ рукъ воспитаніе молодаго поколѣнія, потому что тамъ образованнаго русскаго общества, которое могло бы взять на себя образованіе юношества, почти вовсе нѣтъ, и слѣдовательно, всякое поощреніе и пособіе отъ правительства послужило бы только въ пользу польской *интеллигенціи*, которая имѣетъ въ виду цѣли несогласныя съ интересами Россіи, но такъ какъ вопросъ этотъ былъ уже возбужденъ, то содержатели частныхъ учебныхъ заведеній польскаго происхожденія поспѣшили горячо высказаться въ пользу свободы обученія, такъ чтобъ отъ нихъ не требовалось свѣдѣній о распредѣленіи уроковъ, чтобъ они могли преподавать что угодно, могли приглашать какихъ имъ угодно учителей, и вообще были освобождены отъ всякаго правительственнаго контроля. Вотъ въ какомъ смыслѣ поняли запросъ министерства народнаго просвѣщенія польскіе педагоги юго-западнаго края Россіи. До какой же степени велика должна быть въ Полякахъ вѣра въ торжество ихъ дѣла, если на другой день послѣ вооруженнаго возстанія и послѣ всего того что было имъ обнаружено, они считаютъ себя въ правѣ ожидать къ своимъ педагогамъ, къ своимъ просвѣтителямъ юношества, полнаго безусловнаго довѣрія со стороны русскаго правительства, какъ будто бы это юношество не было вовлечено ими во всѣ ихъ заблужденія, какъ будто бы оно не сражалось противъ Россіи въ передовыхъ рядахъ польскихъ повстанцевъ! Да, свобода обученія и предоставленіе частнымъ училищамъ возможности конкуррировать съ казенными было бы важнымъ шагомъ впередъ для просвѣщенія Россіи; но нужно было бы неимовѣрное ослѣпленіе относительно направленія будущей дѣятельности польскихъ педагоговъ, для того чтобъ и на нихъ распространить тѣ льготы, которыя могли бы быть даны частнымъ педагогамъ только тамъ, гдѣ нельзя опасаться происковъ вражеской *интеллигенціи*.

Что касается до крестьянскаго дѣла, то всѣмъ извѣстны трудности, съ которыми ему приходится бороться въ юго-западномъ краѣ. Какимъ духомъ одушевлены тамъ многіе изъ польскихъ помѣщиковъ въ отношеніи къ мѣстному русскому населенію, видно изъ того, что, напримѣръ, въ Подольской губерніи, достаточные изъ нихъ рѣшительно не отдаютъ своихъ земель въ наймы крестьянамъ, несмотря на то что лишены возможности обрабатывать ихъ сами, за неимѣніемъ рабочихъ. Они предпочитаютъ оставаться безъ всякаго дохода отъ своихъ земель лишь бы только не содѣйствовать благосостоянію ненавистныхъ имъ русскихъ крестьянъ. А между тѣмъ плата, которую предлагаютъ имъ крестьяне за землю, весьма значительна: она простирается отъ 1 р. 50 к. и до 2 р. сер. за моргъ земли (то-есть, за половину съ

небольшимъ нашей десятины: странно, что даже и въ крестьянскомъ населеніи Подольской губерніи господствуетъ обычай считать на польскія мѣры; такіе глубокіе корни пустилъ здѣсь польскій элементъ). Это по крайней мѣрѣ искренно: взаимнаго доброжелательства между польскими панами русскими крестьянами трудно было бы и ожидать послѣ всего что̀ было между ними; но паны надѣются достигнуть своихъ цѣлей другими путями и разчитываютъ справиться съ крестьянами при помощи тѣхъ изъ мѣстныхъ властей, которыя доступны проискамъ и ласкамъ. Такъ, разказываютъ, что въ недавнее время имъ удалось выхлопотать увольненіе нѣсколькихъ честныхъ и энергическихъ мировыхъ посредниковъ за то только, что тѣ держали сторону крестьянъ противъ несправедливыхъ притязаній. Бывали, увѣряютъ, случаи, что утверждались выкупные акты, въ которыхъ полевыя земли были оцѣнены наравнѣ съ усадебными землями, хотя крестьяне заранѣе объявляли, что они не будутъ въ силахъ платить въ казну такіе преувеличенные выкупные платежи, и хотя мировые посредники были прямо противъ такихъ нечестныхъ сдѣлокъ. Мы заявляемъ эти слухи какъ слухи, не зная насколько они основательны и не дѣлая изъ нихъ выводовъ. Законъ долженъ быть твердъ; исполненіе его должно быть точно и справедливо. Люди разумные не пожелаютъ нарушенія закона въ интересѣ крестьянъ, но еслибъ онъ нарушался въ ущербъ имъ, то это было бы вдвойнѣ прискорбно.

Крестьянскій вопросъ въ нашемъ западномъ краѣ есть вопросъ первой важности. Крестьянами, почти исключительно, держится тамъ русское дѣло, тогда какъ всѣ остальные классы населенія, за исключеніемъ, разумѣется, православнаго духовенства и части русскихъ чиновниковъ, или рѣшительно враждебны къ нему, или, какъ, напримѣръ Евреи, къ нему равнодушны. Оттолкните крестьянъ отъ правительства, вселите въ нихъ недовѣріе къ представителямъ русской правительственной власти, и весь западный край, не исключая и южной его половины, будетъ безвозвратно потерянъ для Россіи. Къ этой-то цѣли и были направлены всѣ польскіе происки; и къ сожалѣнію, эти происки не оставались безъ успѣха. Очевидцы не могутъ довольно надивиться, какимъ образомъ крестьяне въ нѣкоторыхъ частяхъ юго-западнаго края еще могутъ смотрѣть съ нѣкоторымъ довѣріемъ на своихъ мировыхъ посредниковъ и ожидать отъ ихъ дѣятельности улучшенія своего быта, послѣ того какъ они видѣли не мало примѣровъ совершеннаго безсилія ихъ въ борьбѣ противъ польскихъ происковъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ центральныхъ пунктахъ губерній. Крестьянское дѣло въ западныхъ нашихъ губерніяхъ можетъ быть ведено съ успѣхомъ только подъ условіемъ, чтобы мѣстные русскіе дѣятели, хотя они по необходимости назначаются и не изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, пользовались однакожь извѣстною самостоятельностью, несли полную отвѣтственность за свое дѣло, и были дѣйствительно мировыми посредниками, а не канцелярскими чиновниками, опутанными тысячью формальностей, заваленными грудой бумагъ, обязанными безконечною перепиской, отпиской, срочными вѣдомостями, и т. д. Что хорошаго, если мировые дѣятели юго-западнаго края будутъ поставлены именно въ положеніе канцелярскихъ чиновниковъ, и если мировые съѣзды будутъ терять цѣлыми днями драгоцѣнное время на ожиданіе и на встрѣчу губернаторовъ? Что хорошаго, если мироваго посредника, по желанію какого-нибудь знатнаго польскаго пана, будутъ замѣнять присланнымъ нарочно землемѣромъ? А землемѣры, по крайней мѣрѣ въ Подольской губерніи, какъ намъ сообщаютъ, почти всѣ Поляки и ревностные сторонники пановъ. Что хорошаго, если и мировые посредники, пока еще не утратившіе довѣрія крестьянъ, упадутъ въ ихъ мнѣніи, и будутъ считаться ими наравнѣ съ прежними чиновниками польскаго происхожденія? А между тѣмъ скорѣйшее окончаніе крестьянскаго дѣла необходимо еще и потому, что до окончательнаго опредѣленія того что̀ принадлежитъ помѣщикамъ и что̀ крестьянамъ, русскіе люди естественно опасаются покупать имѣнія въ томъ краѣ. Правда, надежды на измѣненіе состава землевладѣльческаго класса въ нашемъ западномъ краѣ, и слѣдовательно надежды на окончательное его обрусѣніе, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ослабѣваютъ; но тѣмъ не менѣе мы еще не можемъ совершенно отречься отъ этихъ надеждъ: въ такомъ случаѣ пришлось бы считать русское дѣло проиграннымъ среди обстоятельствъ, которыя, повидимому, обѣщали ему полное торжество.

№ 143.

Москва, 1-го іюля.

Что скажутъ читатели о такой акціонерной компаніи, которая составитъ свой капиталъ посредствомъ выпуска акцій двоякаго рода, однѣ на предъявителя, цѣной въ 200 франковъ каждая, оплачиваемыя разомъ сполна, и не дающія права вліянія на управленіе предпріятіемъ, другія — именныя, цѣной въ 500 франковъ, вносящія однакоже не болѣе 150 франковъ, и при томъ съ разсрочками на три года, но тѣмъ не менѣе дающія право голоса въ общемъ собраніи акціонеровъ? Какой чудакъ сталъ бы покупать безправныя акціи полною цѣной, когда есть акціи привилегированныя, которыя можно купить 70-ю процентами дешевле ихъ нарицательной цѣны? Надобно предполагать стало-быть, что эти послѣднія, привилегированныя акціи уже всѣ разобраны, или заранѣе предоставлены извѣстнымъ лицамъ, и сверхъ того надобно предполагать, что онѣ никогда не появятся на рынкѣ: въ такомъ случаѣ безправныя акціи были бы ими убиты. Въ самомъ дѣлѣ уставомъ той компаніи, о которой мы говоримъ, опредѣлено, что именныя акціи не могутъ быть свободно продаваемы на биржахъ, и что для передачи ихъ другому лицу требуется соизволеніе верховнаго совѣта. Далѣе въ этомъ уставѣ значится, что хотя по именнымъ акціямъ будетъ внесено, даже черезъ три года, не болѣе 150 франковъ за каждую, но тѣмъ не менѣе для полученія дивиденда онѣ будутъ считаться въ 500 франковъ каждая и слѣдовательно приносить дохода въ $2^1/_2$ раза больше чѣмъ акціи на предъявителя. Итакъ именная акція внесетъ съ разсрочками въ продолженіе трехъ лѣтъ 150 франковъ, а безыменная внесетъ разомъ 200 франковъ, и однакожь первая будетъ получать въ $2^1/_2$ раза болѣе дивиденда чѣмъ вторая. Считая же проценты по отношенію къ внесенному капиталу, и полагая въ счетъ разсрочки платежа (по 5% учету), мы найдемъ, что именная акція будетъ приносить 18% дохода, когда безыменная принесетъ только 5%. Итакъ на сторонѣ именныхъ акцій мы видимъ право распоряжаться предпріятіемъ и получать громадный доходъ, на сторонѣ безыменныхъ акцій — обязанность подчиняться чужимъ распоряженіямъ и довольствоваться доходомъ, который будетъ слишкомъ въ три съ половиной раза меньше чѣмъ доходъ съ акцій привилегированныхъ. Много ли наберется на свѣтѣ такихъ скромныхъ людей, которые согласились бы принять участіе въ компаніи, такъ неравномѣрно распредѣляющей свои барыши? А между тѣмъ, удивительное дѣло, упомянутый уставъ надѣется раздать столько безыменныхъ акцій, чтобъ составился капиталъ въ 150 милліоновъ франковъ. По неволѣ надобно придти къ заключенію, что предпріятіе должно сулить какіе-нибудь чрезвычайные барыши, когда и крупицы, достающіеся на долю безправныхъ акціонеровъ, могутъ привлечь къ дѣлу капиталъ въ 150 милліоновъ франковъ.

Любопытство читателей не знающихъ о какой компаніи идетъ рѣчь, будетъ еще болѣе раздражено, когда мы скажемъ, что и привилегированные акціонеры, имѣющіе право на доходъ, въ $3^1/_2$ раза большій чѣмъ доходъ акціонеровъ непривилегированныхъ, обязаны довольствоваться весьма малою долей вліянія на компанейскія дѣла. Вся власть сосредоточивается въ рукахъ верховнаго совѣта. Ему предоставляется формальное право помѣщать капиталъ компаніи въ разные обороты, какъ ему заблагоразсудится. Ему предоставляется право платить, по своему же усмотрѣнію, за всѣ предварительныя работы по устройству предпріятія, а также вообще раздавать акціи или за деньги или *иначе*. Члены совѣта имѣютъ далѣе право назначать по своему усмотрѣнію размѣры запаснаго капитала и жалованье всѣмъ служащимъ. Изъ прибылей они получаютъ извѣстную долю, но еслибъ и не было никакихъ прибылей, они все-таки имѣютъ право не только получать значительное жалованье, но и отдѣлять извѣстную сумму въ свое безотчетное распоряженіе. Общее собраніе привилегированныхъ акціонеровъ не имѣетъ почти никакихъ правъ, а не привилегированные акціонеры даже не имѣютъ права составлять общія собранія. Словомъ все дѣло отдано въ руки совѣта, а между акціонерами, привилегированными и не привилегированными, различіе состоитъ почти только въ томъ, что первые, внося менѣе денегъ, пользуются большею долей прибылей.

Еще разъ спросимъ читателей, что скажутъ они о подобномъ предпріятіи. По-

слѣ того что сейчасъ упомянуто, уже мало сказать, что предпріятіе должно быть до волшебства выгодное. Безконтрольная власть нужна не столько для выгодныхъ, сколько для тайныхъ дѣлъ; право безотчетно распоряжаться извѣстною долей компанейскихъ денегъ можетъ быть требуемо только для дѣла завѣдомо требующаго негласныхъ расходовъ; право раздавать акціи за деньги *или иначе* можетъ помочь только дѣлу такого же свойства. Въ этомъ отношеніи обстановка совершенно удовлетворительна, но для правильнаго коммерческаго, даже баснословно выгоднаго, предпріятія она рѣшительно не годится. Во всякомъ случаѣ она можетъ быть утѣшительна для акціонеровъ только при совершенной увѣренности, что совѣтъ общества сумѣетъ отыскать неизвѣстную міру Калифорнію, въ которую, для успѣшности дѣла, необходимо пролагать потаенные пути. Гдѣ же, въ нашъ вѣкъ публичности, можетъ скрываться Калифорнія подобнаго свойства?

Читатели, конечно, заинтересованы узнать, что за удивительное предпріятіе можетъ быть устроено на такихъ оригинальныхъ основаніяхъ, уподобляющихъ его скорѣе тайному обществу чѣмъ коммерческой компаніи. Если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ и слухамъ, подъ предшествующее описаніе совершенно подходитъ учреждаемый г. Ланграномъ-Дюмонсо общій банкъ для поощренія сельскаго хозяйства и публичныхъ работъ во всемъ мірѣ. Онъ учреждается въ Бельгіи, но такъ какъ бельгійское правительство не могло бы разрѣшить учрежденіе подобной акціонерной компаніи, то уставъ явленъ въ Лондонѣ обычнымъ тамъ нотаріальнымъ порядкомъ, не требующимъ разсмотрѣнія сущности устава.

Явленный въ Лондонѣ, уставъ этого банка не поименовываетъ однакоже между учредителями ни одного Англичанина. Еще болѣе: онъ не поименовываетъ и ни одного человѣка извѣстнаго вообще въ финансовомъ мірѣ, за единственнымъ исключеніемъ самого г. Ланграна-Дюмонсо и барона Френкеля. За то списокъ членовъ совѣта, получающихъ такую неограниченную власть надъ акціонерами, блещетъ именами, извѣстными въ дипломатическомъ мірѣ. Эти имена, очевидно, должны вызвать въ публикѣ довѣріе къ предпріятію, убѣдивъ ее, что оно будетъ опираться на поддержу людей, имѣющихъ вліяніе на дѣла во многихъ государствахъ, а слѣдовательно имѣющихъ и возможность воспользоваться предоставленными въ ихъ безконтрольное распоряженіе средствами для отысканія въ этихъ государствахъ разныхъ потаенныхъ Калифорній. Мы говоримъ это не отъ себя; мы говоримъ это съ точки зрѣнія публики, которая подписывается или будетъ подписываться на акціи новаго общаго банка. Она положительно не можетъ подписываться, если не будетъ имѣть увѣренности, что при безотчетномъ распоряженіи компанейскими суммами совѣтъ отыщетъ на свѣтѣ нѣсколько Калифорній, только для него доступныхъ.

Если банкъ состоится, значитъ, Калифорній на бѣломъ свѣтѣ не мало, и значитъ, извѣстная доля европейской публики убѣждена въ этомъ очень твердо. Какое утѣшительное убѣжденіе! Затѣмъ вполнѣ объясняется полномочіе, даваемое уставомъ совѣту, предпринимающему поиски: нужно же дать ему потребныя средства. Но какъ объяснить раздѣленіе акціонеровъ на два сословія? Къ чему оно нужно, на чемъ оно будетъ основано? Члены совѣта могутъ дѣйствовать втайнѣ, ихъ не болѣе 24 человѣкъ, и никто не можетъ предусмотрѣть, какъ они направятъ свою дѣятельность; они могутъ быть и оставаться для всего міра сфинксами. Но когда выпускается 300.000 акцій привилегированныхъ, когда уставъ обнаруживаетъ особенную заботливость о томъ, чтобы въ число привилегированныхъ акціонеровъ не попало какъ-нибудь случайно нѣсколько козлищъ, и для огражденія избраннаго общества отъ этой опасности, воспрещаетъ передачу привилегированныхъ акцій безъ согласія совѣта, то дѣло не можетъ уже считаться за таинственный поискъ, замышляемый только изъ-за денегъ, и принимаетъ характеръ предпріятія, долженствующаго остаться въ рукахъ одной изъ существующихъ и всему свѣту извѣстныхъ политическихъ партій. Средства отыскивать по бѣлому свѣту неизвѣстныя Калифорніи могутъ оставаться тайной, извѣстною не многимъ, но пріемъ акціонеровъ въ число привилегированныхъ долженъ основываться на какомъ-нибудь явномъ признакѣ. Этотъ признакъ скрыть нельзя; онъ долженъ быть явственно видѣнъ уже для того чтобы не случилось ошибки при выдачѣ привилегіи, чтобы не

дать ся не подходящимъ и недостойнымъ людямъ. Но тутъ и простаго признака мало. Право на привилегію должно быть доказано какимъ-нибудь дѣломъ, убѣдительно свидѣтельствующимъ о достоинствѣ ищущаго привилегіи. Привилегіи даются не иначе какъ въ виду заслугъ ожидаемыхъ или уже оказанныхъ. Но общій банкъ можетъ ожидать заслугъ только отъ членовъ совѣта, которыхъ потому и награждаетъ съ примѣрною щедростью. Что же касается до привилегированныхъ акціонеровъ, то вся ихъ заслуга должна заключаться, очевидно, въ томъ, чтобъ они не препятствовали совѣту дѣйствовать по усмотрѣнію. Но за эту ожидаемую отъ нихъ заслугу нельзя было бы еще предоставлять имъ такія преимущества, какими они будутъ пользоваться. Эти преимущества могутъ быть, по справедливости, лишь наградой за заслуги уже оказанныя. Какія же это заслуги? Нѣтъ ли какого-нибудь осязательнаго условія, требуемаго отъ привилегированныхъ акціонеровъ? Нѣтъ ли какого-нибудь добраго дѣла, которое должны совершить они, чтобы получить право на привилегію?

Уставъ дѣйствительно требуетъ добраго дѣла отъ привилегированныхъ акціонеровъ, и это доброе дѣло состоитъ въ подпискѣ на папскій заемъ. Финансы святѣйшаго отца очень плохи; онъ пересталъ было платить даже проценты по своимъ долгамъ. Но, какъ читатели знаютъ, недавно дѣла перемѣнились, и папское правительство нашло средства исполнять свои обязательства даже по тѣмъ областямъ, которыя отошли отъ него къ Итальянскому королевству. Не находится ли этотъ поворотъ папскихъ финансовъ къ лучшему въ связи съ пріисканіемъ какой-нибудь Калифорніи, поднимающей фонды новоучреждаемаго банка и побуждающей подписываться на его привилегированныя акціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на облигаціи новаго папскаго займа?

Какъ бы то ни было, механизмъ оригинальнаго учрежденія становится понятенъ. Привилегированные акціонеры пользуются своими преимуществами не даромъ; они награждаются за пожертвованія въ пользу папскаго престола. Ихъ общество ограждается отъ доступа постороннихъ лицъ, чтобы за нимъ сохранился его клерикальный характеръ. Понятно также, что въ нашъ матеріальный вѣкъ найдено нужнымъ наградить ихъ выгодами отъ міра сего, и что для этого требуется отыскать непочатые источники даровой наживы, каковая задача и возлагается на совѣтъ общества, а такъ какъ это задача не легкая, то членамъ его предоставляется еще большіе выгодъ отъ міра сего. Все это очень понятно. Трудно представить себѣ только то, гдѣ удастся новому банку отыскать источники, достаточно обильные для того, чтобъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, какъ учредителей и членовъ совѣта, такъ и акціонеровъ, привилегированныхъ и не привилегированныхъ. Припомнимъ, что если приведенный выше разчетъ вѣренъ, что для раздачи непривилегированнымъ акціонерамъ только по 5% дивиденда требуется выдать привилегированнымъ акціонерамъ по 18% на внесенный ими капиталъ. Что же касается до учредителей и членовъ совѣта, то на ихъ долю въ такомъ случаѣ пришлось бы, кажется, болѣе милліона. Очень любопытно было бы узнать, гдѣ и какими средствами отыщутся такія Калифорніи. Покамѣсть мы не можемъ удовлетворить этому любопытству, но какъ только начнутся операціи новаго банка, откроется, по крайней мѣрѣ, часть секрета. Мы узнаемъ тогда, по меньшей мѣрѣ, хоть одинъ такой уголокъ Европы, къ которому можно примѣнить знаменитую фразу Каліостро: *timidus vult decipi, ergo decipiatur*,—примѣнить открыто, заранѣе заявивъ о томъ.

№ 144.

Москва, 2-го іюля.

Намъ сообщаютъ за вѣрное, что въ проектѣ банка барона Френкеля дѣйствительно предполагается выпускать закладные листы безъ всякаго соотношенія съ складочнымъ акціонернымъ капиталомъ; намъ сообщаютъ также, что хотя закладные листы будутъ писаны на звонкую монету, и хотя акціонерный капиталъ будетъ собранъ преимущественно за границей, но тѣмъ не менѣе онъ будетъ внесенъ кредитными билетами, и слѣдовательно будетъ подлежать пониженію при пониженіи цѣнности русской монетной единицы. Насъ удостовѣряютъ въ дѣйствительности и много другаго, что намъ казалось невѣроятнымъ.

Итакъ, подъ обезпеченіе въ 5 милліоновъ рублей кредитными билетами банкъ можетъ выпустить на 200 и на 300 милліоновъ закладныхъ билетовъ, а если между тѣмъ вексельный курсъ упадетъ хоть на 5% противъ теперешняго, то складочный капиталъ, нарицательно признаваемый за 5 милліоновъ рублей, будетъ заключать въ себѣ дѣйствительныхъ рублей, соотвѣтствующихъ рублямъ закладныхъ билетовъ, уже не болѣе 4 милліоновъ. На 200 милліоновъ закладныхъ листовъ это будетъ уже не болѣе 2% обезпеченія, а на 300 милліоновъ—1 1/3%. Правительству, говорятъ, предоставляется только право разрѣшать или не разрѣшать новые выпуски акцій (сверхъ первоначальныхъ 5 милліоновъ рублей), но требовать новыхъ выпусковъ акцій, сколько бы ни было выпущено закладныхъ листовъ, оно не будетъ въ правѣ. Просимъ читателей немножко подумать объ этомъ правѣ уступаемомъ правительству не разрѣшать увеличенія акціонернаго капитала. Это такое право, которымъ было бы не благоразумно пользоваться. Акціонерный капиталъ обезпечиваетъ собой закладные листы. Увеличеніе его будетъ требоваться въ интересѣ поземельнаго кредита, слѣдовательно въ интересѣ и правительства. Правительству стало-быть предоставляется право соглашаться или не соглашаться на то что ему самому желательно, другими словами право отказаться отъ добровольно предлагаемой и притомъ необходимой услуги. Такое право можно ли назвать правомъ иначе въ штуку? Дѣло неоспоримое, что на общепринятомъ языкѣ называется правомъ лишь такое условіе, которое вмѣщаетъ въ себѣ возможность согласиться или не согласиться на то что не желательно. А въ этомъ случаѣ не желательно можетъ быть только увеличеніе числа закладныхъ листовъ безъ соотвѣтствующаго увеличенія капитала ихъ обезпечивающаго: стало-быть въ этомъ случаѣ, ужь если предоставлять правительству какое-нибудь право, то слѣдовало бы предоставить ему право требовать увеличенія складочнаго капитала и соглашаться или не соглашаться на выпускъ новыхъ закладныхъ листовъ. Только тогда можно было бы сказать, что правительству предоставлено право довольно серіозное. Говорить же о *правѣ* правительства соглашаться на выпускъ акцій значитъ употреблять слово *право* не въ томъ смыслѣ въ какомъ оно употребляется на всѣхъ языкахъ.

Такое *право* правительства было бы въ сущности обязанностью его предоставлять банку право выпускать закладные листы безъ ограниченія ихъ суммы, или, что все равно, безъ всякаго сколько-нибудь серіознаго обезпеченія складочнымъ капиталомъ. Но если складочный капиталъ не нуженъ, если въ немъ нѣтъ серіозной потребности, то зачѣмъ бы и учреждать акціонерное общество поземельнаго кредита, зачѣмъ бы отдавать ему предпочтеніе передъ обществомъ заемщиковъ, учрежденіемъ земскимъ, вполнѣ ограждающимъ заемщика въ экономическомъ отношеніи, а государство въ отношеніи политическомъ? Что-нибудь одно изъ двухъ: или помощь акціонеровъ не нужна, и тогда лучше учреждать общество заемщиковъ, по примѣру польскаго кредитнаго общества; или она нужна, и тогда необходимо опредѣлить ея мѣру. Средняго тутъ быть не можетъ.

Могутъ сказать, что помощь акціонеровъ нужна для того чтобы дать закладнымъ листамъ ходъ на первое время. Для этой цѣли дѣйствительно нужна помощь, но помощь не акціонеровъ, а банкировъ, которые согласились бы взять за себя закладные листы, выплатить по нимъ деньги и учредить между собой такъ-называемый *синдикатъ* для поддержки ихъ курса. Такая помощь была бы чрезвычайно полезна; она освободила бы заемщиковъ отъ необходимости сбывать за поль-цѣны закладные листы, полученные въ ссуду. Такую помощь оказалъ эстляндскому дворянству г. Мандельштамъ, черезъ посредство котораго эстляндское дворянство разомъ помѣстило всѣ облигаціи своего займа и получило за нихъ наличныя деньги. Для заемщиковъ это чрезвычайно важно; это ограждаетъ ихъ отъ потери вслѣдствіе колебаній въ курсѣ закладныхъ листовъ. Но, сколько мы знаемъ, проектъ барона Френкеля отнюдь не возлагаетъ на банкъ обязанности помѣщать свои закладные листы на свой собственный страхъ, а ссуды выдавать наличными деньгами. Банкъ будетъ принимать отъ заемщиковъ закладные листы для продажи на биржѣ на такомъ же основаніи, на какомъ принялъ бы ихъ каждый маклеръ, съ тѣмъ только различіемъ, что маклеръ взялъ бы за коммиссію 1/8 процента, а банку предоставлено право брать и болѣе того, впрочемъ не болѣе 1/2%. Въ этомъ

нѣтъ никакой услуги; это не что иное какъ право банка заниматься коммиссіоннымъ дѣломъ по своимъ закладнымъ листамъ, право, которымъ онъ можетъ воспользоваться и не воспользоваться, по своему усмотрѣнію.

Итакъ акціонеры не окажутъ заемщикамъ никакой помощи по сбыту закладныхъ листовъ; вся ихъ помощь будетъ заключаться единственно въ томъ, что ихъ складочный капиталъ будетъ служить обезпеченіемъ платежей по закладнымъ листамъ. Но чѣмъ меньше будетъ складочнаго капитала сравнительно съ числомъ выпущенныхъ закладныхъ листовъ, тѣмъ это обезпеченіе будетъ ничтожнѣе. А между тѣмъ заемщики будутъ вносить, сверхъ 5% интереса и 1% погашенія, извѣстный платежъ въ пользу банка, опредѣляемый, по проекту, не общимъ собраніемъ, а *правленіемъ* (составъ правленія, въ продолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ, вовсе не будетъ зависѣть отъ общаго собранія). Положимъ, что правленіе банка заблагоразсудитъ воспользоваться этимъ своимъ правомъ умѣренно, и назначитъ не 1%, а $^3/_4$%. Положимъ также что оно издержитъ на жалованье агентамъ половину этого сбора. Тогда другая половина, то-есть $^3/_8$% поступятъ въ дивидендъ, и поступятъ золотомъ. Представимъ же себѣ, что при 5 милліонахъ капитала въ кредитныхъ билетахъ, стоящаго на звонкую монету 4 милліона рублей, банкъ выпуститъ 200 милліоновъ закладныхъ листовъ: въ такомъ случаѣ онъ получитъ прибыли 750.000 рублей и получитъ ихъ золотомъ, что составитъ на 4 милліона (также золотомъ) складочнаго капитала $18^3/_4$%. Къ этому надобно присоединить прямой доходъ съ акціонернаго капитала (такъ какъ онъ будетъ помѣщенъ въ процентныхъ бумагахъ) примѣрно 5%. Слѣдовательно всего дохода будетъ $23^3/_4$%. Если же банкъ выпуститъ еще 100 милліоновъ закладныхъ листовъ, то чистой прибыли отъ платежей (по $^3/_8$%) онъ получитъ $28^1/_8$%, а всего дохода $33^1/_8$%. Ясное дѣло, что въ интересахъ банка будетъ по возможности увеличивать число закладныхъ листовъ, не увеличивая акціонернаго капитала. Каждый новый выпускъ закладныхъ листовъ усиливаетъ дивидентъ, и напротивъ каждый новый выпускъ акцій понижаетъ его. Еслибы напримѣръ, при 300 милліонахъ выпущенныхъ закладныхъ листовъ, банкъ увеличилъ акціонерный капиталъ до 15 милліоновъ рублей, то 1.125.000 предположенной выше прибыли распредѣлились бы уже не между 50.000, а между 150.000 акцій (полагая акціи въ сто рублей), и акціонеры получили бы доходъ не въ $33^1/_8$%, какъ выше, а въ $14^3/_8$%. Какая же сила побудитъ ихъ ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи на выпускъ новыхъ акцій?

Мы упомянули о чистой прибыли отъ дополнительнаго сбора съ заемщиковъ, только для примѣра. Всѣ другія прибыли банка (штрафныя, коммиссіонныя деньги и т. п.) зависятъ также отъ числа выпущенныхъ закладныхъ листовъ и слѣдовательно должны дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. Ожидать что банкъ самъ пожелаетъ увеличить акціонерный капиталъ было бы все то же, что ожидать отъ залогодателя добровольнаго усугубленія залога, послѣ заключенія закладной.

Интересы заемщиковъ не были бы ограждены и въ томъ случаѣ, еслибы правленіе банка, пользуясь своею независимостью отъ акціонеровъ, опредѣлило взимать съ заемщиковъ только издержки по управленію. Разница была бы только та, что акціонеры перестали бы заботиться объ экономіи, и издержки по управленію стали бы, по всему вѣроятію, возрастать. Если наши свѣдѣнія вѣрны, проектъ барона Френкеля предоставляетъ право оцѣнки агентамъ правленія, но отвѣтственность за оцѣнку возлагаетъ не на правленіе и не на акціонеровъ, его довѣрителей, а на всѣхъ заемщиковъ. Такимъ образомъ ни правленію, ни акціонерамъ нисколько не будутъ чувствительны упущенія агентовъ правленія. Правленіе будетъ имѣть право возвышать жалованье своимъ агентамъ на счетъ заемщиковъ, а побужденія смотрѣть за агентами оно все-таки имѣть не будетъ, потому что упущенія агентовъ будутъ оплачиваться тѣми же заемщиками. Вотъ почему можно сказать съ увѣренностью что заемщики мало выиграли бы, еслибъ акціонеры и не стали пользоваться экономіей отъ расходовъ по управленію.

Итакъ акціонерный капиталъ не поможетъ заемщикамъ сбывать закладные листы безъ большой потери. Участіе акціонеровъ не оградитъ заемщиковъ отъ чрезмѣрныхъ расходовъ по управленію и отъ послѣдствій неправильной оцѣнки имѣній. Посмотримъ, оградитъ ли заемщиковъ акціонерное устройство банка по крайней

мѣрѣ отъ потерь на курсѣ при платежѣ взносовъ, которые должны быть дѣлаемы либо звонкою монетой, либо кредитными билетами по курсу. Это условіе есть тяжкое для заемщика условіе, но оно необходимо въ его же интересѣ, потому что иначе курсъ закладныхъ листовъ былъ бы чрезвычайно низокъ. Акціонеры банка и члены его правленія будутъ, вѣроятно, люди денежные, а денежные люди, какъ извѣстно, могутъ имѣть вліяніе на вексельный курсъ; они могли бы тутъ очень и очень помочь заемщикамъ. Согласны ли по крайней мѣрѣ тутъ интересы обѣихъ сторонъ? Увы, легко видѣть, что и тутъ они не согласны. Банку выгодно, чтобы во время оплаты купоновъ вексельный курсъ былъ ниже, чѣмъ во время вноса процентовъ заемщиками; если же тѣмъ временемъ, которое пройдетъ между вносомъ процентовъ и оплатой купоновъ, курсъ повысится, то банкъ потеряетъ всю разницу. Убытокъ можетъ выйдти весьма значительный. Въ интересѣ акціонеровъ правленіе банка должно будетъ слѣдовательно принимать зависящія отъ него мѣры чтобъ этого не случилось. Но чѣмъ правленію банка обезпечить себя въ этомъ отношеніи какъ не заботой о томъ, чтобы вексельный курсъ, во время полученія процентовъ отъ заемщиковъ былъ по возможности ниже, такъ чтобы нельзя было ожидать его дальнѣйшаго паденія? Если банкъ не будетъ заботиться объ этомъ, то это будетъ самоотверженіе съ его стороны, такое самоотверженіе, на которое члены правленія не имѣли бы даже права, потому что въ этомъ дѣлѣ былъ бы замѣшанъ не только ихъ личный интересъ, но и интересъ всѣхъ акціонеровъ, ихъ довѣрителей. Итакъ члены правленія банка должны будутъ заботиться о возможномъ пониженіи курса къ сроку полученія платежей отъ заемщиковъ. Но какъ только платежи получены, отношенія измѣняются. Заемщики уже заплатили слѣдовавшія съ нихъ деньги; ихъ платежи уже въ кассѣ банка. Теперь можно безъ ущерба для нихъ содѣйствовать возвышенію курса: заемщики отъ этого ничего уже не потеряютъ, а акціонеры выиграютъ, и вмѣстѣ съ ними выиграетъ правленіе банка.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о курсѣ закладныхъ листовъ проектируемаго банка. Мы имѣемъ основаніе полагать, что если въ началѣ курсъ закладныхъ листовъ и будетъ довольно удовлетворителенъ благодаря тому, что они будутъ писаны на звонкую монету, то онъ постепенно будетъ падать и падать тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе будутъ развиваться операціи банка. Охотниковъ закладывать имѣнія у насъ много; къ частнымъ имѣніямъ очень могутъ присоединиться и казенныя имущества. Съ своей стороны банкъ будетъ тоже сильно заинтересованъ расширеніемъ своихъ операцій. Обоюдныя побужденія неминуемо поведутъ къ тому, что денежный рынокъ будетъ запруженъ закладными листами. Какъ же это отзовется на ихъ покупателяхъ? Надъ ними будетъ висѣть мечъ Дамокла, — дальнѣйшіе выпуски закладныхъ листовъ, выпуски, которыхъ конца нельзя предвидѣть. Но виданное ли дѣло, что-бы шелъ въ гору курсъ бумагъ, постоянно выпускаемыхъ? Даже при полномъ довѣріи къ банку, покупатели будутъ держаться крѣпко, опасаясь новыхъ выпусковъ, а мы спросимъ, возможно ли довѣріе къ банку не отвѣчающему за оцѣнки, на основаніи которыхъ онъ выпускаетъ свои закладные листы, и притомъ выпускаетъ ихъ безъ всякой соразмѣрности съ акціонернымъ капиталомъ? А если довѣрія будетъ мало, то, какъ скоро закладные листы появятся разомъ въ несмѣтномъ множествѣ, паденіе ихъ курса должно быть громадное.

Къ какому же мы приходимъ выводу?

Интересъ заемщика требуетъ, чтобы онъ не отвѣчалъ за оцѣнки, въ составленіи которыхъ онъ не принималъ участія. Того же требуетъ и элементарная справедливость, но этому условію не соотвѣтствуетъ проектъ барона Френкеля.

Интересъ заемщика требуетъ, чтобы онъ платилъ акціонерамъ за какія-нибудь дѣйствительныя услуги съ ихъ стороны, чтобъ акціонерный капиталъ служилъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ закладныхъ листовъ, внушая къ нимъ серіозное довѣріе. Это условіе также не обезпечено проектомъ барона Френкеля.

Интересъ заемщиковъ наконецъ всего болѣе требуетъ, чтобы закладные листы имѣли удовлетворительный курсъ. Этой цѣли не возможно достигнуть иначе какъ учрежденіемъ синдиката между банкирами, что и дѣлается со многими процентными бумагами, но что никоимъ образомъ не можетъ быть сдѣлано съ закладными листами проектируемаго банка: припомнимъ, что они будутъ выпускаемы въ неопредѣлен-

номъ количествѣ и въ неопредѣленные сроки, выпускаемы при томъ по распоряженію правленія, члены котораго обязаны имѣть не болѣе какъ по сту акцій, то-есть на сумму (10.000 р.) не обезпечивающую даже ихъ солидарности съ интересами акціонеровъ. Тутъ нечего и думать не только о чемъ-либо подобномъ синдикату, но даже и о томъ, чтобы банкиры стали покупать подобныя бумаги для перепродажи. Кому охота покупать, даже на короткое время, бумагу обреченную падать въ цѣнѣ?

№ 145.

Москва, 3-го іюля.

Въ общеевропейской политикѣ, повидимому, снова наступила глухая пора,—пора впрочемъ не бездѣйствія, а заготовленія плановъ и средствъ для будущихъ дѣйствій. Эта глухая пора, по всей вѣроятности, продлится до того времени, когда въ Австріи окончательно разрѣшится ея нынѣшній министерскій кризисъ, и ея новое правительство заявитъ, не на словахъ только, а и на дѣлѣ, свою политическую программу по внѣшнимъ и внутреннимъ вопросамъ. Какъ ни слаба имперія Габсбурговъ, съ ея многочисленными народами, которые, вопреки усиліямъ вѣнскаго правительства, продолжаютъ заявлять свои притязанія на болѣе или менѣе самостоятельное политическое значеніе, центральное положеніе ея въ Европѣ, при извѣстной ловкости ея правительства и близкихъ связяхъ его, съ одной стороны, съ Римскимъ престоломъ, а съ другой съ второстепенными нѣмецкими правительствами, даетъ ей не малое вліяніе на всѣ вопросы европейской политики. Европа, по необходимости, должна напередъ выждать, какъ управится Австрія съ своимъ нынѣшнимъ кризисомъ, и только тогда приступитъ къ рѣшенію предлежащихъ ей теперь вопросовъ, а можетъ-быть и къ возбужденію вопросовъ новыхъ или только отодвинутыхъ временно на задній планъ, и какъ бы забытыхъ.

Министерскій кризисъ въ Австріи указываетъ на рѣшительное намѣреніе ея измѣнить внутреннюю политику. Само собой разумѣется,—это говоримъ мы по адресу нашихъ глубокомысленныхъ политиковъ,—Австрія имѣетъ при томъ въ виду не ослабить, а по возможности скрѣпить свой внутренній государственный составъ, призвавъ всѣ части имперіи къ одной общей политической жизни. До 1848 г., собственно-политическою жизнію жила только восточная, венгерская, ея половина; за тѣмъ послѣдовалъ десятилѣтній періодъ, въ который, ради объединенія монархіи, политическая жизнь была равномѣрно подавлена въ обѣихъ половинахъ, и повсюду неограниченно властвовалъ нѣмецкій бюрократическій духъ. Но это средство оказалось несоотвѣтствующимъ цѣли. Объединенія не послѣдовало, а финансы разстроились: плоды бюрократическихъ усилій спасти государственное единство Австрія собрала въ италіянскую кампанію 1859 г., которая заставила ее вступить на новый путь. Это вступленіе на новый путь ознаменовалось созваніемъ усиленнаго государственнаго совѣта и обнародованіемъ октябрьскаго диплома 1860 г., а вслѣдъ за нимъ и февральскаго патента 1861 г. Министерство Шмерлинга разчитывало, съ помощью общаго имперскаго представительства, дававшаго нѣмецкому элементу рѣшительное преобладаніе, котораго онъ не имѣетъ въ дѣйствительности слить всѣ части имперіи въ одно гармоническое цѣлое; но эти разчеты сокрушились о сопротивленіе Венгріи, которая слишкомъ долго жила своею особою политическою жизнію, и не рѣшилась промѣнять свою вѣковую конституцію, на конституцію вчерашняго дня, только-что придуманную для всѣхъ народовъ Австрійской имперіи. Волей-неволей пришлось снова парализировать политическую жизнь въ восточной половинѣ имперіи, водворяя ее въ однѣхъ западныхъ, нѣмецко-славянскихъ земляхъ. Такимъ образомъ, Австрія являлась въ Европѣ на половину парализированная, и какъ ни были благотворны послѣдствія новыхъ учрежденій ея въ западной половинѣ, тѣмъ не менѣе она была поражена безсиліемъ съ своей европейской политикѣ. Ей приходилось слѣдовать за знаменами Франціи, въ дипломатической кампаніи по вопросу польскому, и за знаменами Пруссіи въ вопросѣ шлезвигъ-гольштейнскомъ, и въ то же время трепетать всякаго новаго движенія какъ на юго-западныхъ, такъ и на юго-восточныхъ своихъ границахъ. Такое положеніе, обременявшее финансы имперіи необходимостью держать на-готовѣ громадное войско, стало, наконецъ, совершенно невыносимо; и вотъ императоръ рѣшился

сдѣлать новую попытку призыва всѣхъ частей своей имперіи къ общей политической жизни.

Мы не знаемъ еще въ подробности, въ чемъ будетъ заключаться эта новая попытка. Политическая формула, которая должна удовлетворить стремленіямъ Венгерцевъ, а вслѣдъ за ними и многихъ другихъ „народовъ" Австріи, къ возможно-большему обособленію, и въ то же время удовлетворить требованіямъ относительно возможно-большаго упроченія единства имперіи, повидимому, еще не найдена въ Вѣнѣ, да и трудно отыскать ее. Австрія представляетъ намъ въ настоящее время любопытное и поучительное зрѣлище державы, въ которой нѣтъ ни одной рѣшительно-преобладающей національности, которая состоитъ изъ многихъ народовъ, еще не такъ давно составлявшихъ самостоятельныя государства, изъ народовъ, способныхъ и желающихъ жить особою политическою жизнію, и въ которой монархъ, обладающій и энергіей, и политическимъ смысломъ, дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы соединить эти стремящіяся врознь составныя части государства. Австрія представляетъ въ этомъ отношеніи зрѣлище, противоположное тому, которое должна была представить Россія, если бы послѣдовала черезчуръ остроумному желанію внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ ея. Разнородная, разноязычная, случайно соединившая въ себѣ много дѣйствительныхъ, а неожидающихъ еще своего искуственнаго созиданія народовъ, Австрія всѣми силами стремится къ тому чтобы стать единымъ, цѣльнымъ и вслѣдствіе того могущественнымъ государствомъ; напротивъ, Россія, созданная одною цѣльною народностью русскою, которая несомнѣнно преобладаетъ на всемъ ея пространствѣ и относительно которой теряютъ всякое значеніе дробные и отрывочные инородческіе элементы находящіеся въ ея территоріи,—Россія, которая до сихъ поръ была сильна единствомъ своего народа, которая сложилась въ одно великое цѣлое не случайно, а разумнымъ историческимъ процессомъ, Россія, по желанію враговъ ея, должна была бы теперь сама, собственными средствами своего правительства, раздроблять себя на искусственно-составленныя части, и путемъ такого противоестественнаго процесса умышленно вести себя къ тому ненормальному положенію, изъ котораго всѣми силами старается теперь выбраться Австрія, и изъ котораго, какъ научаетъ ея же примѣръ, такъ трудно бываетъ выбраться. Замыслы враговъ Россіи, направленные къ ея раздѣленію, оказываются непомѣрно-дерзкими именно потому, что противорѣчатъ не только всему ея прошедшему, но вмѣстѣ съ тѣмъ и господствующему стремленію всѣхъ современныхъ европейскихъ государствъ, направленному не къ ослабленію, а къ упроченію внутренняго ихъ единства. Австрія въ этомъ отношеніи не есть исключеніе изъ общаго правила, и разница между ею и прочими европейскими государствами заключается единственно въ томъ, что ей предстоитъ на этомъ пути бороться съ особенными трудностями, созданными искуственнымъ ея составомъ, который держится только балластомъ.

Въ настоящее время дѣло идетъ преимущественно объ уступкахъ въ пользу венгерской націи. Но малѣйшее склоненіе къ этимъ уступкамъ, какъ мы видимъ, тотчасъ же возбудило соревнованіе въ другихъ элементахъ: Чехи и Полякп считаютъ себя въ правѣ точно также быть на особомъ положеніи въ Австрійской имперіи, и готовы теперь предъявить подобныя же требованія. Это одна трудность. Другая, еще большая, заключается въ томъ, удовлетворятся ли сами Венгерцы тѣми уступками, которыя можетъ имъ сдѣлать австрійское правительство, не нарушивъ единства имперіи, не доведя ея до распаденія, не стѣснивъ политическихъ правъ нѣмецко-славянскихъ земель и не возбудивъ въ нихъ серіознаго неудовольствія? Для Австріи наступаетъ критическое время, результаты котораго окажутъ несомнѣнное воздѣйствіе и на общее положеніе Европы въ ближайшемъ будущемъ.

Впрочемъ, состоится ли тотчасъ же примиреніе съ Венгріей или же будутъ сохраняться только виды на успѣхъ этого дѣла, во всякомъ случаѣ венгерское вліяніе обнаружится въ томъ, что Австрія будетъ менѣе прежняго дорожить своимъ положеніемъ какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи, будетъ менѣе соображаться съ видами второстепенныхъ германскихъ государствъ, и главнѣйшимъ образомъ устремитъ свое вниманіе на юго-востокъ Европы. Въ этомъ отношеніи весьма знаменательно, что какъ только въ Вѣнѣ склонились къ уступкамъ въ пользу Венгріи, тотчасъ же было рѣшено уменьшить армію въ Ломбардо-Вене-

ціянской провинціи. Правда, около этого же времени рушились переговоры между Италіей и папой; но возобновленія этихъ переговоровъ не считаютъ въ Вѣнѣ дѣломъ невозможнымъ; его ожидаютъ тамъ въ ближайшемъ будущемъ, и ожидаютъ не безъ нѣкоторой тревоги: изъ Парижа приходятъ въ Вѣну извѣстія, что тамъ ни минуты не сомнѣвались, что переговоры возобновятся, хотя и не прежде чѣмъ окончатся выборы въ новый италіянскій парламентъ, чтобы такимъ образомъ не дать чрезмѣрно усилиться партіи дѣйствія. Точно также въ Вѣнѣ хорошо извѣстно, что планъ о союзѣ всѣхъ латинскихъ народовъ не оставленъ императоромъ Наполеономъ, и что признаніе королевства Италіянскаго со стороны Испаніи есть уже фактъ, почти совершившійся. Тамъ не могло не быть свѣдѣній и о предстоящемъ свиданіи императора Наполеона съ королевой Исабеллой. Если Австрія, тѣмъ не менѣе, уменьшаетъ свою италіянскую армію, значитъ, и она сама начинаетъ примиряться съ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ въ Италіи и даже съ возможностью дальнѣйшихъ его послѣдствій относительно Венеціи.

Съ другой стороны, вѣнскій корреспондетъ *Кельнской Газеты* сообщаетъ за достовѣрное, что въ то самое время, какъ разладъ между Пруссіей и Австріей по вопросу объ удаленіи принца Августенбургскаго изъ Герцогствъ достигъ своей высшей степени, и Пруссія объявила, что она не согласна на созваніе чиновъ, если принцъ не будетъ предварительно удаленъ, а Вѣнскій кабинетъ отвѣчалъ, что не онъ, а Пруссія предложила созвать чины, и что Австрія очень охотно обойдется и безъ нихъ, пользуясь правами, которыя даетъ ей совмѣстное съ Пруссіей обладаніе Герцогствами, — въ то самое время, вдругъ императоръ Францъ-Іосифъ повелѣлъ, будто бы, объявить Пруссіи, что новѣйшій оборотъ въ австрійской политикѣ, независимо отъ вліянія его на внутренніе вопросы Австріи, долженъ быть считаемъ за благопріятное событіе для прусско-австрійскаго союза и предвѣщаетъ скорое соглашеніе между обѣими державами въ вопросѣ о Герцогствахъ. Такимъ образомъ, Австрія какъ будто бы склоняется въ пользу такой сдѣлки съ Пруссіей, которая была бы для нихъ обоюдно выгодна. Вслѣдъ за тѣмъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, извѣстный органъ г. фонъ-Бисмарка, выступаетъ впередъ съ заявленіемъ, что настоящее время особенно благопріятно для созванія европейскаго конгресса, что Англія, повидимому, вступила вновь въ доброе согласіе съ Франціей, что Австрія не можетъ устраняться отъ конгресса, не подвергая себя опасности полнаго уединенія, и что Пруссія, менѣе чѣмъ всякая другая держава имѣетъ причины противиться осуществленію мысли о конгрессѣ, которая, въ случаѣ успѣха, оказала бы столь важное вліяніе на судьбы Европы. А Россія? О Россіи, повидимому, мало заботится органъ г. фонъ-Бисмарка. Ея интересовъ онъ не принимаетъ въ разчетъ.

Трудно повѣрить, чтобы конгрессъ могъ состояться такъ скоро, и чтобы всѣ четыре великія державы были такъ близки къ соглашенію между собой; можно сомнѣваться также, чтобъ Австрія уже вполнѣ рѣшилась и отречься отъ своей италіянской политики, и пойдти на сдѣлку, которую давно ей предлагаетъ г. фонъ-Бисмаркъ, совѣтуя искать вознагражденій на юго-востокѣ Европы; но тѣмъ не менѣе будетъ не лишнимъ, на основаніи новѣйшихъ извѣстій, указать на возможность политической комбинаціи, которой элементы несомнѣнно существуютъ, и которая легче чѣмъ прежде можетъ состояться теперь, когда Австрія имѣетъ въ виду преимущественно примиреніе съ Венгріей, и когда она по необходимости должна отодвинуть на задній планъ свою италіянскую и свою германскую политику. Во время восточной войны Австрія оставалась болѣе нейтральною относительно насъ чѣмъ во время послѣдней дипломатической кампаніи. Пруссія во время этой кампаніи выдерживала болѣе строгій нейтралитетъ, чѣмъ можетъ оказаться возможнымъ и выгоднымъ для нея послѣ датской войны. Такимъ образомъ обѣ державы очень могутъ сдѣлать теперь дальнѣйшій шагъ на пути удаленія своего отъ прежней системы европейскихъ союзовъ.

№ 146.

Москва, 5-го іюля.

Мы обязаны барону Френкелю нѣсколькими дополненіями къ свѣдѣніямъ, которыя мы передали публикѣ о его проектѣ въ передовой статьѣ № 144 *Московскихъ Вѣдомостей*. Какъ тамъ сказано, намъ

сообщали за вѣрное, что въ проектѣ барона Френкеля предполагается выпускать закладные листы безъ всякаго соотношенія съ складочнымъ капиталомъ. Это сообщеніе было совершенно вѣрно, но оно относилось къ той формѣ проекта, въ которой онъ поступилъ въ государственный совѣтъ изъ министерства финансовъ. Баронъ Френкель передаетъ намъ теперь, и мы спѣшимъ заявить о томъ нашимъ читателямъ, что его проектъ подвергся нѣсколькимъ измѣненіямъ въ государственномъ совѣтѣ, который разсматривалъ его, разумѣется, послѣ того какъ онъ былъ разсмотрѣнъ министромъ финансовъ. Однимъ изъ этихъ измѣненій, по словамъ барона Френкеля, установлено соотношеніе между складочнымъ капиталомъ и выпусками закладныхъ листовъ. Такимъ образомъ наше извѣстіе, первоначально вѣрное, становится теперь уже не вѣрнымъ. Новоучреждаемый банкъ будетъ имѣть право выпускать закладныхъ билетовъ лишь въ двадцать разъ болѣе противъ складочнаго капитала, а такъ какъ первый взносъ складочнаго капитала составитъ сумму въ 5 милліоновъ рублей, то первый выпускъ закладныхъ листовъ не долженъ превосходить 100 милліоновъ. Для дальнѣйшихъ выпусковъ будетъ требоваться увеличеніе складочнаго капитала, а слѣдовательно, если мы правильно истолковываемъ уставъ,— и разрѣшеніе правительства, что чрезвычайно важно. Другое наше извѣстіе, что складочный капиталъ, будетъ вноситься кредитными билетами, а закладные листы будутъ писаны на звонкую монету, баронъ Френкель подтверждаетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что соотношеніе между складочнымъ капиталомъ и выпусками закладныхъ листовъ будетъ подвергаться колебаніямъ, соотвѣтствующимъ колебанію вексельнаго курса; нынѣшнею осенью или зимой, когда ожидается учрежденіе банка, это отношеніе будетъ, какъ можно полагать, не 1 къ 20, а 1 къ 25 или около того. Такимъ образомъ обезпеченіе уменьшается; оно можетъ повыситься при улучшеніи вексельнаго курса, а при паденіи его должно еще болѣе уменьшиться. Насъ интересовалъ вопросъ, не будетъ ли эта неопредѣленность цѣнности складочнаго капитала имѣть вліяніе на курсъ закладныхъ листовъ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы узнали, что складочный капиталъ, по проекту, вовсе не будетъ служить обезпеченіемъ состоятельности банка, а предназначается лишь для временныхъ авансовъ въ случаѣ недоимокъ по ежегоднымъ платежамъ или недовыручки при продажѣ просроченныхъ имѣній. Недоборы будутъ раскладываться на всѣхъ заемщиковъ, и только на время нужное для взысканія этихъ дополнительныхъ раскладокъ банкъ будетъ затрачивать свой складочный капиталъ, съ тѣмъ чтобы возмѣстить его тотчасъ по ихъ взысканіи. Всѣ послѣдствія неправильныхъ оцѣнокъ будутъ падать на заемщиковъ; они отвѣчаютъ круговою порукой; складочный капиталъ не принимаетъ никакого участія въ этой отвѣтственности и, что бы ни случилось, долженъ оставаться неприкосновеннымъ.

Такимъ образомъ кредитъ закладныхъ листовъ будетъ исключительно опираться на всеобщую круговую отвѣтственность всѣхъ заемщиковъ: опора, безспорно, сильная, которая будетъ еще сильнѣе, если въ число заемщиковъ вступитъ казна, и если слѣдовательно государственныя имущества, заложенныя въ предполагаемомъ банкѣ, будутъ участвовать въ круговой отвѣтственности. Это обезпеченіе, говорятъ намъ, такъ серіозно, что имъ долженъ вполнѣ удовлетвориться всякій покупатель закладныхъ листовъ, и нѣтъ никакой надобности привлекать къ отвѣтственности еще и складочный капиталъ, въ качествѣ дополнительнаго обезпеченія. Но тутъ представляется множество другихъ вопросовъ, съ другихъ точекъ зрѣнія.

Съ точки зрѣнія справедливости совершенно, ясно, на комъ должна лежать отвѣтственность за недоимки и недовыручку. За недоимки отвѣчаетъ заложенное имѣніе. По истеченіи опредѣленныхъ уставомъ сроковъ банкъ долженъ продать его. Если банкъ промедлилъ продажей, и торгъ не состоялся, то виноватъ единственно банкъ, и заемщикамъ отвѣчать тутъ не за что. Если торгъ не состоялся и банкъ оставилъ имѣніе за собой, то опять несправедливо требовать, чтобы заемщики несли отвѣтственность за невыгодныя послѣдствія этого распоряженія. Если же послабленій со стороны банка не было и имѣніе продавалось въ опредѣленный уставомъ срокъ, но на торгахъ не выручена сумма долга лежащая на имѣніи, то виноваты, очевидно, тѣ лица, которыя составляли оцѣнку его, а также тѣ, которыя ее ут-

верждали. Если оцѣнку и составлялъ и утверждалъ самъ банкъ въ лицѣ своихъ агентовъ и своего правленія, то опять, по справедливости, долженъ отвѣчать единственно банкъ, то-есть его складочный капиталъ. Лишь послѣ истощенія капиталовъ банка было бы справедливо взыскивать недоборъ со всѣхъ заемщиковъ. При такомъ порядкѣ были бы вполнѣ ограждены и владѣльцы закладныхъ листовъ, и заемщими. Первые знали бы, что даже въ случаѣ истощенія складочнаго капитала банка, они не потеряли бы ничего, и взыскали бы недоборъ со всѣхъ заемщиковъ посредствомъ раскладки. Вторые знали бы, что складочный капиталъ банка подвергнется отвѣтственности прежде нежели дойдетъ до нихъ очередь поплатиться за упущенія его агентовъ, а потому были бы увѣрены, что акціонеры и ихъ уполномоченные, члены правленія, сдѣлаютъ съ своей стороны все возможное для предотвращенія потери компанейскаго имущества. Отвѣтственность заемщиковъ на второмъ мѣстѣ, послѣ банка, была бы совершенно согласна съ справедливостью: хотя они и не участвовали въ составленіи и утвержденіи оцѣнокъ, но участвовавшіе уже поплатились, и дальнѣйшей потерѣ, въ случаѣ истощенія всѣхъ капиталовъ банка, подверглись бы уже не акціонеры банка, а владѣльцы закладныхъ листовъ, которые, въ интересѣ самихъ заемщиковъ, должны быть совершенно обезпечены на счетъ неприкосновенности своего капитала. Безъ этого условія закладные листы не имѣли бы цѣны, а отъ того потеряли бы заемщики, получающіе ссуды въ видѣ закладныхъ листовъ не съ тѣмъ, конечно, чтобъ оставлять ихъ у себя, а съ тѣмъ чтобы тотчасъ же продать ихъ. Вотъ почему интересъ заемщиковъ побуждаетъ ихъ согласиться на круговую поруку, и вотъ почему, получивъ выгоду на хорошей цѣнѣ закладныхъ листовъ, заемщики должны, по всей справедливости, и отвѣчать за нихъ передъ ихъ владѣльцами въ случаѣ еслибы банкъ оказался несостоятельнымъ. Такая отвѣтственность заемщиковъ, на второмъ мѣстѣ, послѣ банка, повторяемъ, совершенно справедлива.

Сказанное относится къ тому случаю, когда оцѣнки и составляются, и утверждаются правленіемъ банка и его агентами. Но возможенъ еще такой порядокъ, при которомъ составленіе оцѣнокъ поручается самимъ заемщикамъ, а банкъ предоставляетъ себѣ только утвержденіе ихъ, если находитъ ихъ умѣренными. При этомъ порядкѣ также совершенно ясно чего требуетъ справедливость. Такъ какъ всѣ заемщики Имперіи, очевидно, не могутъ участвовать въ составленіи оцѣнокъ на отдѣльныя имѣнія, то это дѣло по необходимости должно быть поручено мѣстнымъ заемщикомъ извѣстнаго района. На этихъ мѣстныхъ заемщикахъ и должна падать первая отвѣтственность въ случаѣ недовыручки числящагося на имѣніи долга. Въ замѣнъ того этимъ мѣстнымъ заемщикамъ должно быть предоставлено нѣкоторое право общаго надзора за веденіемъ хозяйства въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, напримѣръ за неистребленіемъ лѣсовъ. Такой надзоръ учрежденъ въ польскомъ кредитномъ обществѣ и, какъ утверждаютъ люди знающіе, — мы можемъ сослаться въ томъ числѣ и на барона Френкеля, — оказался дѣломъ весьма полезнымъ для введенія въ краѣ правильнаго лѣснаго хозяйства. Агентамъ банка, конечно, нельзя предоставить право подобнаго надзора; оно было бы стѣснительно для заемщиковъ. Но другъ за другомъ заемщики очень могутъ наблюдать для огражденія самихъ же себя отъ дополнительныхъ платежей, и едва ли можно представить себѣ случай, когда это наблюденіе повело бы къ злоупотребленіямъ. Итакъ ближайшую отвѣтственность за недовыручку при продажѣ имѣнія съ аукціона должны, по всей справедливости, нести заемщики того района гдѣ составлялась оцѣнка. Но эта отвѣтственность недостаточна для владѣльцевъ закладныхъ листовъ, выпускаемыхъ не отдѣльнымъ райономъ, а банкомъ снабжающимъ ссудами всѣ районы. Владѣльцы закладныхъ листовъ не могутъ довольствоваться оцѣнкой, сдѣланною заемщиками одного района; они не могутъ вполнѣ положиться на эту оцѣнку и должны требовать, чтобъ она была пересмотрѣна и утверждена тѣмъ учрежденіемъ, которое выпускаетъ закладные листы. Они должны требовать, чтобъ это учрежденіе приняло на себя и долю отвѣтственности за оцѣнки, чтобъ оно отвѣчало на второмъ мѣстѣ, послѣ заемщиковъ района. Наконецъ, какъ сказано выше, они могутъ требовать, чтобъ и тѣмъ дѣло не ограничивалось, и чтобы вслѣдъ за акціонерами банка утвердившаго слишкомъ высокія оцѣнки, могли быть привлечены къ отвѣтственности и всѣ заемщики,

которые хотя и не принимали участія ни въ составленіи, ни въ утвержденіи оцѣнокъ, но заинтересованы хорошимъ курсомъ закладныхъ листовъ, а потому очень могутъ заплатить за это удобство цѣной согласія на участіе въ отвѣтственности, требуемой покупщиками закладныхъ листовъ.

Итакъ, въ этомъ случаѣ справедливый порядокъ пресмства въ отвѣтственности былъ бы слѣдующій: во-первыхъ заемщики района, составлявшіе оцѣнку; во-вторыхъ банкъ ее утвердившій; втретьихъ всѣ заемщики остальныхъ районовъ, невиновные въ оцѣнкѣ, но принимающіе на себя долю стража въ тѣхъ видахъ, чтобы закладные листы пользовались наибольшимъ довѣріемъ.

Такой порядокъ былъ бы самый справедливый, самый удобный и самый выгодный. Онъ требовалъ бы отъ банка чрезвычайной осмотрительности. Публика, зная это, ставила бы кредитъ закладныхъ листовъ очень высоко, и они имѣли бы наилучшій возможный курсъ. Но банкъ барона Френкеля совершенно отклоняетъ отъ себя всякую серіозную отвѣтственность по закладнымъ листамъ и возлагаетъ всю тяжесть риска на заемщиковъ. Даже въ невообразимомъ случаѣ общей несостоятельности заемщиковъ, онъ не рискуетъ своимъ складочнымъ капиталомъ, а подвергаетъ риску владѣльцевъ закладныхъ листовъ. Такая недовѣрчивость къ собственнымъ дѣйствіямъ не можетъ конечно содѣйствовать кредиту закладныхъ листовъ и вообще не можетъ производить благопріятное впечатлѣніе на публику. Но капиталисты капризны, а желаніе получать большой доходъ ничѣмъ не рискуя такъ естественно. Предположимъ же что дѣло сдѣлано, и посмотримъ, нѣтъ ли условій, которыя могли бы смягчить на практикѣ суровость его возможныхъ послѣдствій.

Если банкъ уклоняется отъ отвѣтственности, то справедливость требуетъ по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ предоставилъ оцѣночное дѣло тѣмъ самымъ лицамъ, которыя будутъ отвѣчать за него,—справедливость требуетъ, чтобы составленіе оцѣнокъ было поручено заемщикамъ района, а утвержденіе — уполномоченнымъ заемщиковъ всѣхъ районовъ, и чтобы согласно съ этимъ отвѣтственность падала сперва на районъ, и лишь въ случаѣ несостоятельности всѣхъ заемщиковъ района,—на всю совокупность заемщиковъ Имперіи. Общая круговая порука, какъ сказано, есть необходимое условіе кредита закладныхъ листовъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ чтобъ, установивъ круговую поруку всѣхъ заемщиковъ и освободивъ складочный капиталъ отъ всякой отвѣтственности, было можно, безъ вопіющей несправедливости, изъять хоть какую-нибудь сторону оцѣночнаго дѣла изъ ихъ вліянія и предоставить ее правленію банка, не несущему никакой отвѣтственности,—чтобы можно было дозволить ему утверждать для одного района болѣе высокія, а для другаго болѣе низкія оцѣнки.

Говорятъ, круговое ручательство всей совокупности заемщиковъ будетъ только номинальное: такъ какъ будетъ выдаваться въ ссуду только полцѣны имѣній, то недовыручекъ при ихъ продажѣ быть не можетъ. Съ этимъ нельзя согласиться; опытъ земскихъ банковъ, гдѣ только они существуютъ, свидѣтельствуетъ о противномъ: вездѣ бываютъ недовыручки, даже при самомъ раціональномъ устройствѣ оцѣночнаго дѣла. Но положимъ, что новоучреждаемый банкъ, несмотря на отсутствіе кадастра, несмотря на колеблющіяся цѣны земель въ Россіи, совершенно увѣренъ въ безошибочности своихъ будущихъ оцѣнокъ. Такую увѣренность онъ можетъ имѣть лишь на томъ основаніи, что у него есть въ виду надежные люди для оцѣночныхъ коммиссій. Но если такъ, то новоучреждаемый банкъ могъ бы безъ всякаго риска принять на себя отвѣтственность. Уклоняясь отъ отвѣтственности за оцѣнки, онъ краснорѣчиво говоритъ, что тутъ есть рискъ; что тутъ могутъ быть ошибки, что онъ самъ не вѣритъ своимъ оцѣночнымъ средствамъ. Если же ошибки возможны, то справедливо ли возлагать отвѣтственность за нихъ на заемщиковъ, не давая имъ полной возможности предотвратить отъ себя то, чего самъ банкъ пугается? Тутъ что-нибудь одно. Нѣтъ риска,—банкъ долженъ доказать это принятіемъ на себя отвѣтственности. Есть рискъ,—банкъ долженъ предоставить заемщикамъ всяческую возможность уменьшить его,—долженъ предоставить районнымъ заемщикамъ составленіе оцѣнокъ, а общему собранію уполномоченныхъ отъ районовъ — утвержденіе ихъ, за собой же онъ не можетъ оставить ничего кромѣ права понижать оцѣнки утвержденныя общимъ собраніемъ уполномо-

ченныхъ, то-есть уменьшать рискъ. Это послѣднее право несомнѣнно принадлежитъ банку. Оно безвредно и можетъ вести только къ большей прочности курса закладныхъ листовъ.

Таково единственное условіе, при полномъ соблюденіи котораго складочный капиталъ еще можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности за послѣдствія неправильныхъ оцѣнокъ. Безъ этого условія ни одинъ разумный человѣкъ не рѣшится заложить свое имѣніе въ банкѣ и подвергнуть его опасности отвѣта за ошибки по всѣмъ безчисленнымъ ссудамъ, которыя могутъ быть выданы въ продолженіе такого длиннаго періода времени, какъ 37 лѣтъ.

№ 147.

Москва, 6-го іюля.

Въ нынѣшнемъ нумерѣ печатаемъ мы возраженіе доставленное намъ изъ Варшавы на статью, которая появилась за мѣсяцъ предъ симъ въ № 124 *Московскихъ Вѣдомостей*, подъ заглавіемъ: „Извѣстія изъ Царства Польскаго.“ Пріѣзжіе изъ Царства Польскаго, сообщившіе нашему сотруднику напечатанныя въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* извѣстія, свидѣтельствовали съ сожалѣніемъ, что часть пособій, выданныхъ администраціей этого края уніятскимъ священникамъ, случайно попалась въ неблагонадежныя руки. Возраженіе, которое мы печатаемъ сегодня, пространно заявляетъ, что пособія легко могли и во многихъ случаяхъ неизбѣжно должны были достаться людямъ „неблагонадежнымъ“. Почему же это возраженіе есть возраженіе? Почему это не новое удостовѣреніе въ сообщенномъ фактѣ? Возраженіе свидѣтельствуетъ, что въ этомъ случаѣ никакой со стороны администраціи непредусмотрительности или неосторожности не было, и что это пособіе было общею мѣрою не разбиравшею людей по достоинству. Но доставители нашихъ извѣстій ничего не говорятъ о причинахъ сообщаемаго ими факта; въ ихъ словахъ нѣтъ никакого намека на непредусмотрительность администраціи; они только сожалѣютъ (и кто же не пожалѣетъ вмѣстѣ съ ними?) что *случилось* такъ, а не иначе. Безъ всякаго сомнѣнія, было бы лучше, еслибы случилось иначе. Во всякомъ случаѣ простое заявленіе факта не есть еще осужденіе. Нынѣшній референтъ разнится отъ прежнихъ только въ *модальномъ* отношеніи, говоря терминомъ логики: тѣ говорятъ: *случилось*, а онъ доказываетъ, что иначе и быть не могло. Онъ только устраняетъ идею случайности.

Что же касается до уніятскихъ приходовъ, обратившихся въ римскій католицизмъ, то фактъ этотъ не имѣетъ особеннаго значенія въ сравненіи съ первымъ, и мы принимаемъ поправку возражателя безъ всякой оговорки.

Но извѣстія, вызвавшія это скромное возраженіе, вызвали еще и другія, которыя на этихъ дняхъ появились въ *Русскомъ Инвалидѣ*. Этимъ извѣстіямъ посвящены въ одномъ и томъ же нумерѣ упомянутой газеты и передовая статья и обширная корреспонденція изъ Варшавы. *Русскій Инвалидъ* и его варшавскій корреспондентъ находятъ направленіе этихъ извѣстій крайне зловреднымъ, и даже готовы видѣть въ нихъ печать польскаго и мятежническаго происхожденія. Правда, эти извѣстія — не панегирикъ, не хвалебный гимнъ; въ этихъ извѣстіяхъ высказываются нѣкоторыя сомнѣнія, опасенія и сожалѣнія: но этого, думаемъ мы, недостаточно для того чтобъ обвинять ихъ и въ мятежномъ духѣ, и въ зловредномъ направленіи. Варшавскій корреспондентъ *Русскаго Инвалида* недоумѣваетъ, какимъ образомъ эти извѣстія могли попасть въ *Московскія Вѣдомости*, которыя до сихъ поръ не отличались слишкомъ усерднымъ служеніемъ польскому дѣлу, и объясняетъ это случайнымъ недосмотромъ редакціи. Мы были бы рады воспользоваться этимъ предлагаемымъ намъ облегчающимъ обстоятельствомъ, но, по совѣсти, мы должны сознаться, что печатали статью, въ полной памяти. Мы не можемъ принять на себя отвѣтственность за каждую фактическую подробность въ этихъ извѣстіяхъ: но что касается основной мысли, которая въ нихъ проглядываетъ, то она не новость для *Русскаго Инвалида*: мысль эта постоянно и на всѣ лады высказывалась въ нашей газетѣ.

Смѣемъ увѣрить почтенныхъ возражателей, что лица, отъ которыхъ получили мы извѣстія, возбудившія ихъ неудовольствіе, не имѣютъ ничего общаго съ польскими мятежниками, и какъ бы ни казались съ какой-либо стороны ошибочными ихъ воззрѣнія,— эти воззрѣнія внушены имъ исключительно и единственно рус-

скимъ смысломъ и чувствомъ. Эти лица были на мѣстахъ, многое видѣли собственными глазами, и намъ было полезно еще разъ провѣрить ихъ непосредственными и свѣжими впечатлѣніями наши мнѣнія; намъ было пріятно убѣдиться, что мнѣнія, которымъ мы постоянно служили органомъ, распространены въ самыхъ разнородныхъ сферахъ, и что непосредственныя впечатлѣнія и практическій опытъ подтверждаютъ ихъ основательность.

Очень жаль, что варшавскій корреспондентъ *Русскаго Инвалида* прибѣгаетъ къ уловкамъ журнальной тактики и старается представить противныя ему мнѣнія въ превратномъ видѣ. Доставители нашихъ извѣстій ничего не говорятъ о сущности производимыхъ нынѣ реформъ въ общественномъ быту Царства Польскаго, и отнюдь не помышляютъ рекомендовать прежніе способы рѣшенія польскаго вопроса посредствомъ простыхъ полицейскихъ мѣръ. Ихъ сомнѣнія имѣютъ въ виду, точно также какъ и наши сомнѣнія постоянно имѣли въ виду, не сущность тѣхъ реформъ, которыя признаны необходимыми для Царства Польскаго, но то направленіе, въ которомъ эти мѣры могутъ быть приводимы въ исполненіе, тотъ результатъ къ которому онѣ могутъ клониться. Мысль, лежащая въ ихъ основаніи шпрока, и допускаетъ въ исполненіи возможность разностороннихъ направленій.

Доставители извѣстій, согласно съ нами, находятъ, что прежнія средства въ рѣшеніи польскаго вопроса никуда не годятся; точно также какъ и мы, они полагаютъ, что съ русской государственной точки зрѣнія остается только одинъ способъ рѣшенія этого вопроса, до сихъ поръ еще неиспробованный, именно прекращеніе того двусмысленнаго положенія, въ которомъ Царство находится въ отношеніи къ Имперіи. Не прежнія полицейскія мѣры, о которыхъ нѣтъ помина ни въ *Извѣстіяхъ*, ни вообще въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, а рядъ государственныхъ органическихъ мѣръ, рѣшительныхъ въ своемъ направленіи и несомнѣнно клонящихся къ сліянію этого края съ Россіей: вотъ единственный неиспробованный способъ рѣшенія польскаго вопроса.

Мы сказали единственный неиспробованный способъ, и должны оговориться. Есть еще способъ, который не былъ доселѣ испробованъ, но способъ этотъ представляется не въ условіяхъ дѣйствительности, подлежащихъ разчетамъ здраваго смысла, а въ фантазіи, и представляется не съ государственной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія польскаго патріотизма, который ищетъ своего послѣдняго убѣжища въ мечтаніяхъ. Всѣмъ извѣстно, что польское государство погибло вслѣдствіе своей внутренней несостоятельности. Цѣльной націи польская исторія не создала. Вслѣдствіе исключительныхъ особенностей польской исторіи произошелъ на свѣтъ чудовищный фактъ націи въ націи, народа въ народѣ. То что называется въ Польшѣ шляхтой отнюдь не соотвѣтствуетъ тому что въ другихъ странахъ называется дворянствомъ или аристократіей. Это не высшіе классы общественной организаціи, — это лѣстница всѣхъ общественныхъ состояній сверху до низу; это цѣлый народъ, который внѣдрился въ другой народъ, убилъ его, а самъ, какъ чужеядное тѣло, могъ жить и развиваться лишь болѣзненнымъ процессомъ, ставшимъ причиной смерти Рѣчи Посполитой. Отъ Польши осталась идея, мечта, кошемаръ, который гнететъ и мучитъ людей, носящихъ польское имя. Въ этомъ результатѣ никто изъ живущихъ не виноватъ, и всего менѣе виновата въ немъ Россія, которая въ то время какъ Польша, снѣдаемая внутреннимъ недугомъ, боролась и страдала въ агоніи, также боролась и также страдала, но, слава Богу, не къ смерти, а къ жизни. Россія своими страданіями и борьбой вырабатывала свое великое національное единство, свое крѣпкое національное чувство, въ которыхъ вся ея сила, весь залогъ ея будущаго, и на которыя направлены теперь всѣ усилія ея враговъ, не только явныя, но и тайныя, разчитанныя на ея собственное неразуміе и оплошность. Польское же государство погибло отъ внутренняго неисцѣлимаго недуга; польская нація была мертва еще до раздѣла Польши, который былъ дѣломъ естественнымъ, и который не встрѣтилъ никакого сопротивленія, не вызвалъ никакого движенія въ польскихъ массахъ. Но болѣзненный процессъ чужеяднаго тѣла продолжается и по смерти организма имъ разрушеннаго, продолжается главнымъ образомъ въ Россіи, потому что русская политика до сего времени давала ему фальшивую почву и питала его отравой неосуществимыхъ надеждъ. Польскаго народа не стало, — не стало въ самомъ положитель-

номъ смыслѣ этого слова; осталось только мучительное чувство національности, лишенной силы для жизни, осталось чувство неудовлетворимаго патріотизма, отравляющаго даже лучшіе умы, предающаго жизнь и интересы множества людей въ руки политическихъ интригановъ, и грозящаго стать въ организмѣ Россіи новаго рода болѣзненнымъ чужеяднымъ процессомъ не менѣе опаснымъ и губительнымъ, чѣмъ тотъ, отъ котораго умерла Польша.

Польскіе крестьяне, польскіе хлопы — Поляки только по имени; да впрочемъ они и не называютъ себя Поляками. Одинъ англійскій корреспондентъ, неблагорасположенный къ Россіи и сочувствовавшій польскому дѣлу, разсказывалъ съ удивленіемъ, какъ въ самый разгаръ мятежа, въ западной Галиціи польскіе хлопы не хотѣли называть себя Поляками, и на вопросъ, кто же они такіе? отвѣчали: „Имперцы“. Такъ точно болѣе или менѣе и во всѣхъ польскихъ земляхъ. Все что не шляхта исполнено равнодушія или даже непріязни къ польскому дѣлу. Никакой власти польскій патріотизмъ не имѣетъ надъ этими массами хлоповъ. Они говорятъ разными польскими нарѣчіями; но въ нихъ не живетъ никакого воспоминанія и никакого помышленія о польскомъ государствѣ. Хлопскія массы находились внѣ всякаго отношенія къ государству, онѣ не служили ему даже грубымъ матеріяломъ, и то значеніе, какое въ другихъ странахъ принадлежитъ простому народу, принадлежало въ Польшѣ низшимъ слоямъ этого народа въ народѣ, этой шляхтѣ, которая равно отвѣчала и за демократическій, и за аристократическій элементъ въ польскомъ государствѣ. Чувство великаго политическаго единства никогда не одушевляло, ни разу не собирало польскихъ хлоповъ, и они остаются совершенно чужды польскому дѣлу теперь, когда Польша погибла, какъ были чужды ему, когда Польша переживала болѣзненный процессъ своего политическаго существованія. Поставьте ихъ на какую угодно почву, и они примутся ко всякой. Недавніе факты свидѣтельствуютъ какъ легко и всецѣло эти польскія народонаселенія превращались въ Нѣмцевъ подъ нѣмецкимъ правительствомъ; подъ русскимъ же правительствомъ они еще легче могли бы сдѣлаться Русскими благодаря близкому сродству своего языка съ русскимъ. Тамъ гдѣ эти польскіе хлопы, лишенные всякаго польскаго духа и чувства, усыновлялись чужой національности, болѣзненныя проявленія польскаго патріотизма исчезали, и онъ отодвигался съ своими надеждами на востокъ, подъ русскую державу, гдѣ находилъ себѣ и пищу, и почву, и гдѣ допускались разные патріотизмы на ряду съ русскимъ. Теперь одно изъ польскихъ мечтаній состоитъ въ томъ, чтобы живущіе подъ русскою державой народонаселенія польскаго и даже не-польскаго имени, но когда-то входившія въ составъ старой Польши, одушевить польскимъ гражданскимъ духомъ. Польскій патріотизмъ мечтаетъ воскресить давнымъ-давно умершую націю, когда бо́льшая часть племени, къ ней принадлежавшаго, уже вошла въ составъ другихъ политическихъ тѣлъ. Но законы природы имѣютъ силу и для исторіи. Пораженныя смертію и разложеніемъ, земныя организаціи не воскресаютъ. Что умерло, то умерло. Однако мечтаніямъ законъ не писанъ, и польскіе патріоты, углубляясь въ свое болѣзненное чувство, придумываютъ какимъ бы способомъ взболтать хлоповъ съ шляхтичами, чтобъ изъ нихъ вышелъ одинъ составъ. Наши читатели помнятъ какой способъ предлагалъ польскій патріотъ, графъ Лубенскій, въ своей брошюрѣ, вышедшей въ началѣ возстанія; имъ извѣстенъ также тотъ способъ какой предлагала брошюра, изданная въ Брюсселѣ однимъ „наилучшимъ другомъ Польши,“ укорявшая польскихъ революціонеровъ въ томъ что они лгали — неловко и неудачно, и учившая ихъ какъ надобно лгать, чтобы выходило ловко и удачно. Оба способа состоятъ въ томъ чтобы демократизировать польское общество чрезъ хлоповъ, и для этой цѣли насажать ихъ какъ можно болѣе въ предполагаемый варшавскій парламентъ. Бѣдные хлопы были бы такимъ образомъ втянуты въ политическую жизнь и должны были бы послужить матеріей для осуществленія мечтательной польской національности. Призванные такимъ образомъ къ участію въ политической жизни, эти хлопы были бы втянуты въ кругъ понятій и стремленій польскаго патріотизма, и такимъ образомъ ополячивались бы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Что изъ хлоповъ, переболтанныхъ съ шляхтичами, можетъ выйдти какой-нибудь новый народъ, это дѣло по крайней мѣрѣ очень сомнительное; но несомнѣнно то, что тѣ изъ хлоповъ, которые будутъ

учиться въ польскихъ школахъ и участвовать въ польской политической жизни, проникнутся всѣми ея преданіями и станутъ тѣми же шляхтичами. Той микстурѣ, которую предполагается такимъ образомъ сдѣлать, конечно не хлопы, лишенные всякаго характера и духа, возмогутъ сообщить и цвѣтъ, и вкусъ.

Мы понимаемъ, какъ можетъ польскій патріотизмъ, ищущій себѣ какого-нибудь исхода, придти къ подобному мечтанію. Менѣе понятно, какъ могла бы эта болѣзненная утопія увлекать людей чуждыхъ польскому патріотизму. А между тѣмъ встрѣчаются метафизики, которые съ отвлеченной точки зрѣнія, также мечтаютъ о возможности создать изъ остатковъ польскихъ крестьянъ особый народъ, который былъ бы и польскій и вмѣстѣ не польскій. Такіе метафизики встрѣчаются на Руси; *Русскій Инвалидъ* лучше нашего знаетъ, что такіе метафизики встрѣчаются. Этимъ людямъ отвлеченностей кажется дѣломъ достойнымъ правительства великой страны заботиться не исключительно о благѣ дѣйствительно существующаго народа, во главѣ котораго оно находится и имя котораго носитъ, а еще о созданіи національности не существующей. Это кажется имъ дѣломъ великодушія, вѣчной справедливости и высшаго разума. Къ сожалѣнію, у метафизиковъ плохо держится въ мысляхъ исторія. То дѣло, которое ихъ плѣняетъ, бывало всегда дѣломъ не правительствъ достойныхъ этого имени, а тѣхъ дикихъ силъ, которыя лишь набѣгомъ появлялись въ исторіи и которыя носятъ въ ней названіе бичей Божіихъ. Та роль, о которой они мечтаютъ, принадлежала, напримѣръ ханамъ той степной орды, которой иго въ давнюю пору тяготѣло надъ нашимъ отечествомъ. Они также взбалтывали нашу Русь, разрозненную на мелкія княжества, и способствовали своимъ вмѣшательствомъ къ сосредоточенію Русской земли подъ властію Москвы, которая и кончила тѣмъ, что разрушила дикія царства своихъ благотворителей. Но въ то время, когда Русь изнывала и, казалось, гибла подъ игомъ татарской орды, въ ея народѣ теплилась жизнь; при внѣшней разрозненности, въ немъ хранилось внутреннее единство, и онъ на каждомъ мѣстѣ былъ во всѣхъ своихъ общественныхъ состояніяхъ цѣльнымъ и живымъ народомъ. Изъ бездны униженія и бѣдствій мало-по-малу поднималась его не гибнущая сила, одушевляя людей вѣрою въ будущее, связывая, сосредоточивая ихъ, укрѣпляя ихъ подъ ударами бича Божія, воспитывая въ нихъ смыслъ и научая ихъ пользоваться обстоятельствами. Князья ѣздили къ хану съ данью, и простирались ницъ передъ нимъ съ изъявленіемъ покорности и преданности, и ханъ чувствовалъ себя обладателемъ не только дикаго роя своей саранчи, но и многихъ княжествъ и народовъ; онъ разбиралъ ссоры приходившихъ къ нему князей, повелѣвалъ казнить однихъ и жаловалъ другихъ, и какъ стихійная сила, лишенная собственнаго разума, исполнялъ то, что соотвѣтствовало цѣлямъ чужихъ людей, приходившихъ къ нему съ проклятіемъ въ душѣ, съ ласкательствомъ и обманомъ на устахъ. Онъ возносился въ своемъ степномъ величіи, но его дикая власть была только орудіемъ Москвы, медленно и тихо входившей въ силу. Московскіе князья были самыми покорными вассалами хана, который за то самъ былъ послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, и дѣлалъ ихъ дѣло. Наконецъ, онъ сдѣлалъ ихъ дѣло, и орды не стало....

Еслибы польскій хлопъ считалъ для себя радостію и счастіемъ оставаться Полякомъ, то была бы понятна, даже въ виду крайней государственной необходимости, жалость лишать его чувства своей національности. Но если онъ равнодушенъ къ ней, если, напротивъ, онъ чувствуетъ ее какъ наложенную на него тягость, если онъ съ надеждами взираетъ на чужое правительство, то не великодушнѣе ли желать, чтобъ это правительство перестало быть ему чужимъ и чтобъ оно усыновило его своему народу? Интересъ дѣла не въ томъ чтобы смѣшать съ грязью высшія общественныя сферы въ Царствѣ Польскомъ, а въ томъ, чтобъ освободить ихъ отъ польскаго патріотизма; но для этой цѣли требуются не такія мѣры, которыя польскаго хлопа сдѣлали бы польскимъ патріотомъ, а рядъ рѣшительныхъ и ясныхъ въ своемъ направленіи мѣръ, которыя, съ одной стороны, улучшая и упрочивая матеріяльный бытъ бывшаго хлопа и призывая его къ гражданской жизни, съ тѣмъ вмѣстѣ усыновляли бы его Россіи, а не оставляли бы его подъ призракомъ не осуществимой автономіи и не подвергали бы его экспериментамъ имѣющимъ цѣлію создать какой-то народъ, который былъ бы вмѣстѣ и

польскимъ, и не-польскимъ. Съ усыновленіемъ Россіи всего того что въ польскомъ краѣ легко идетъ на это и что само просится къ этому, не была ли бы отнята почва для тѣхъ мечтаній, которыя погубили столько людей, могутъ погубить еще больше, и грозятъ непрерывными опасностями государству?

Вотъ воззрѣніе, которое находится въ основаніи сообщенныхъ нами извѣстій изъ Царства Польскаго, и которое побудило насъ принять ихъ въ столбцы нашей газеты, безъ строгаго разбора содержащихся въ нихъ частностей. Нынѣшняя администрація Царства Польскаго не можетъ посѣтовать на насъ за какія-либо докучливыя, а тѣмъ менѣе зложелательныя придирки. Напротивъ, мы пользовались каждымъ случаемъ, чтобъ отдавать ей справедливость и поддерживать въ русской публикѣ сочувствія къ ней. Но мы уклонились бы отъ нашей истинной обязанности, еслибъ обязались толковать все только къ лучшему и не предусматривать возможности худшаго, если бы мы обязались не давать въ нашей газетѣ мѣста никакому предостерегающему голосу, никакимъ сомнѣніямъ и опасеніямъ. Мы понимаемъ трудности, съ которыми приходится бороться нынѣшней администраціи Царства Польскаго, которая уже по одному тому заслуживаетъ полнаго уваженія, что впервые представляетъ собою въ этомъ краѣ примѣръ русской, и въ то же время просвѣщенной, умной и неподкупной администраціи. Тѣмъ не менѣе, напоминаніе объ единственномъ благопріятномъ исходѣ важныхъ реформъ, предпринятыхъ нынѣ въ Царствѣ Польскомъ, хотя бы и нѣсколько придирчивое, есть дѣло не лишнее и не безполезное. Только при направленіи реформъ въ эту сторону, можно успокоить польскій край и благополучно рѣшить въ западныхъ провинціяхъ Россіи тяготѣющій надъ ними польскій вопросъ.

Въ доказательство же того, что печатая „Извѣстія изъ Царства Польскаго“, мы имѣли въ виду только интересъ дѣла, мы не преминемъ въ завтрашнемъ же нумерѣ выбрать изъ варшавскаго письма, напечатаннаго въ *Русскомъ Инвалидѣ*, всѣ тѣ фактическія свѣдѣнія, которыя разъясняютъ или поправляютъ сообщенныя нами извѣстія.

№ 148.

Москва, 7-го іюля.

Вопросъ о Евреяхъ въ Россіи—отнюдь не маловажный вопросъ: доказательствомъ служитъ, между прочимъ, и то, что мѣстныя газеты нашего западнаго края—*Виленскій Вѣстникъ* и особенно *Кіевлянинъ*,—безпрерывно возвращаются къ нему, разсматривая его съ разныхъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, для Россіи отнюдь не все равно, будутъ ли Евреи тянуть въ ея сторону, или въ сторону польскихъ патріотовъ. Евреи, сравнительно съ другими элементами населенія, составляютъ рѣшительное большинство въ городахъ и мѣстечкахъ нашего западнаго края; они располагаютъ всѣми въ немъ оборотными капиталами, всѣмъ промышленнымъ и торговымъ его движеніемъ, всѣми отправленіями матеріяльной его жизни. Искусственно сосредоточенные въ западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, они въ промышленномъ и торговомъ отношеніи до извѣстной степени притягиваютъ весь западный край къ Царству Польскому. Переполняя собой всѣ города и мѣстечки этого края и безпощадно конкуррируя между собой во всѣхъ ремеслахъ и промыслахъ, они, въ силу самаго положенія дѣлъ, не допускаютъ никакой посторонней конкурренціи, и дѣлаютъ почти невозможнымъ пополненіе городскаго населенія, какъ изъ мѣстнаго русскаго сельскаго класса, такъ и изъ промышленнаго и торговаго класса остальныхъ областей Россіи Загромоздивъ всѣ отрасли торговой и промышленной дѣятельности и не находя въ нихъ, вслѣдствіе чрезмѣрной конкурренціи, достаточныхъ способовъ къ существованію, они естественно обращаются къ противозаконнымъ способамъ наживы, и въ подрывъ доходамъ Имперіи, а равно и въ подрывъ мануфактурной ея промышленности, занимаются контрабандой въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Наконецъ, насильно разобщенные съ остальною Россіей и скученные въ извѣстныхъ предѣлахъ своей осѣдлости, они образуютъ въ нашемъ западномъ краѣ свой особый, замкнутый еврейскій міръ, куда лишь съ великимъ трудомъ проникаютъ лучи современнаго просвѣщенія и гдѣ еще съ полною силой царитъ мракъ стародавнихъ предразсудковъ и властвуютъ давно вымершіе обычаи. Изъ этого положенія неминуемо долженъ быть найденъ

выходъ, и ближайшимъ оказывается предоставленіе Евреямъ или по крайней мѣрѣ извѣстной части ихъ права выселяться, если не во всѣ тѣ части Россіи, куда доселѣ былъ закрытъ для нихъ доступъ, то хотя въ нѣкоторыя изъ этихъ частей.

Мы не станемъ входить здѣсь въ подробности насчетъ осуществленія этой мѣры; но намъ кажется, что начало постепенности, принятое нашимъ законодательствомъ относительно расширенія гражданскихъ правъ Евреевъ, а именно относительно предоставленія имъ права жительства въ Россіи, могло бы быть соображаемо не со степенью образованія Евреевъ, а съ ихъ способами стать полезными людьми въ новыхъ мѣстахъ ихъ поселенія. Искусственное привлеченіе къ образованію, и особенно къ высшимъ сферамъ образованія, а слѣдовательно и къ высшимъ сферамъ дѣятельности, можетъ и вообще имѣть только вредныя послѣдствія, потому что нарушаетъ естественный порядокъ въ распредѣленіи общественныхъ силъ между различными родами дѣятельности и дѣлаетъ образованіе не самостоятельною цѣлью, а только средствомъ къ достиженію постороннихъ цѣлей, а по отношенію къ Евреямъ эти вредныя послѣдствія должны оказаться еще сильнѣе. Существующее въ Петербургѣ, съ конца 1863 года, еврейское общество для распространенія просвѣщенія между Евреями въ Россіи, по нашему мнѣнію, сильно погрѣшаетъ, высказываясь, въ своемъ отчетѣ за 1864 годъ, въ пользу предоставленія нѣкоторыхъ льготъ Евреямъ, окончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы такимъ образомъ привлечь къ общему гимназическому образованію возможно большее число Евреевъ. Для Россіи вообще и для западнаго края въ особенности, желательно отнюдь не то, чтобы наши гимназіи переполнились еврейскими искателями новыхъ правъ, которые потомъ устремились бы въ университеты и заняли бы разныя должности на государственной службѣ, а то, чтобы начатки общаго образованія проникли въ массу нашихъ Евреевъ и освободили ихъ хоть сколько-нибудь отъ непроницаемаго тумана талмудической учености; еще важнѣе для насъ то, чтобъ они перестали составлять свой особый замкнутый, заглохшій міръ. Предоставленіе Евреямъ, получившимъ образованіе въ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, особыхъ правъ и преимуществъ предъ остальными ихъ единовѣрцами, не ведетъ къ этой цѣли, а скорѣе, напротивъ, противодѣйствуетъ ей, поставляя въ привилегированное положеніе и такимъ образомъ разобщая съ массой Евреевъ тѣхъ еврейскихъ дѣятелей, которые могли бы наиболѣе содѣйствовать ея просвѣщенію, а въ среду христіанскаго общества могутъ внести только индифферентизмъ. Право повсемѣстнаго жительства въ Россіи должно быть не наградой за образованіе или приманкой къ нему, а результатомъ соображеній относительно общей государственной пользы, которая въ данномъ случаѣ настоятельно требуетъ, чтобъ и въ отношеніи къ еврейскому населенію, такъ же какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, Россія не дѣлилась на двѣ различныя половины, восточную и западную, а составляла одно нераздѣльное цѣлое. Болѣе правильное разселеніе Евреевъ въ Россіи не только не можетъ быть соображаемо съ тою или другою степенью образованія, достигнутаго отдѣльными лицами изъ Евреевъ, но оно само есть необходимое, предварительное условіе, для того чтобы начатки общаго образованія водворились между Евреями.

Отношеніе массы Евреевъ въ Россіи къ дѣлу образованія совершенно особаго рода. Вся эта масса какъ нельзя болѣе дорожитъ обученіемъ; каждый Еврей-отецъ первою и главнѣйшею своею обязанностью считаетъ учить своихъ сыновей, и грамотность ни въ какомъ другомъ классѣ населенія Россіи не распространена до такой степени какъ между Евреями; но это образованіе, это ученіе, эта грамотность—исключительно еврейскія. Ревнители еврейскаго правовѣрія и еврейской старины, большею частью пользующіеся наибольшимъ авторитетомъ и вліяніемъ въ своихъ обществахъ, съ крайнею подозрительностью смотрятъ на обученіе всякой другой грамотѣ кромѣ еврейской, и считаютъ не только вполнѣ образованныхъ Евреевъ, но даже и такихъ, которые научились какой-либо другой грамотѣ, почти за людей, измѣнившихъ или готовыхъ измѣнить вѣрѣ своихъ отцовъ. Не только у насъ, въ Россіи, но и вообще въ цѣлой Европѣ, первыя попытки со стороны Евреевъ, случайно усвоившихъ себѣ общее европейское образованіе, завести для своихъ единовѣрцевъ училища на европейскій образецъ и ввести въ нихъ нѣкоторые предметы об-

щаго образованія, были встрѣчаемы со стороны массы Евреевъ съ величайшимъ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ. У насъ подобныя попытки должны были вызвать тѣмъ большее противодѣйствіе, что, во-первыхъ, внѣшняя обстановка Евреевъ—ихъ безправіе, ихъ сосредоточеніе въ извѣстныхъ мѣстахъ жительства, ихъ отчужденіе отъ остальнаго міра—менѣе всего располагала ихъ вступить на путь общаго образованія, а напротивъ, сдѣлала нашъ западный край мѣстомъ наибольшаго процвѣтанія спеціяльно еврейской религіозной учености за послѣднія столѣтія и мѣстомъ дальнѣйшаго, нерѣдко уродливаго развитія талмудизма, а вовторыхъ, попытки нашего правительства вмѣшаться въ дѣло общаго образованія Евреевъ предшествовали серіознымъ попыткамъ частныхъ лицъ изъ собственной еврейской среды направленнымъ къ той же цѣли, и потому не успѣли принести добрые плоды. Съ 1842 и особенно съ 1844 года были съ большимъ рвеніемъ приняты мѣры къ стѣсненію частныхъ еврейскихъ школъ (хедеръ) и частныхъ еврейскихъ учителей (меламдовъ); были подчинены казенному надзору тѣ немногія еврейскія училища, которыя уже тогда были устроены на европейскій образецъ; повсюду, въ мѣстахъ еврейскаго населенія, были учреждаемы казенныя еврейскія училища, на суммы свѣчнаго съ Евреевъ сбора. Еслибы правительство ограничило при этомъ курсъ этихъ еврейскихъ училищъ предметами общаго образованія, не касаясь предметовъ спеціяльно-еврейскихъ, то-есть религіознаго обученія, то, быть-можетъ, его дѣло современемъ и могло бы увѣнчаться успѣхомъ; но оно было, кажется, введено въ заблужденіе относительно характера и желаній еврейскаго населенія, и изъ самыхъ лучшихъ побужденій сдѣлало очень крупную ошибку, установивъ, въ своихъ училищахъ, преподаваніе еврейскаго закона по извѣстной мѣркѣ и въ извѣстномъ направленіи. Эти училища были предназначены вполнѣ замѣнить собою частныя и общественныя религіозныя еврейскія школы и какъ бы сосредоточить религіозное обученіе Евреевъ въ рукахъ правительства. Но христіанское правительство, очевидно, принимало на себя въ этомъ случаѣ несвойственную ему заботу о религіозныхъ вѣрованіяхъ и религіозномъ обученіи нехристіанскаго населенія, и результаты такого противоестественнаго начинанія могли быть только самые печальные. Дѣйствительно, казенныя еврейскія училища не только не подвинули впередъ, а скорѣе, напротивъ, задержали начатки общаго европейскаго образованія между Евреями въ Россіи, сдѣлавъ почти невозможными частныя попытки въ томъ же смыслѣ; сами же они, за немногими исключеніями, оставались совершенно безъ учениковъ, а тамъ, гдѣ мѣстное еврейское общество, изъ опасенія прогнѣвить начальство, поставляло учениковъ для училищъ, эти ученики большею частью только значились въ спискахъ, и если являлись въ училища, то не иначе какъ для формы и какъ бы соблюдая извѣстную очередь между собою. Въ бывшихъ еврейскихъ журналахъ: *Разсвѣтъ* и *Сіонъ*, жалобы на непосѣщеніе казенныхъ еврейскихъ училищъ учениками были какъ бы стереотипною фразой, повторившеюся чуть ли не въ каждомъ ихъ нумерѣ. Никакія начальственныя мѣры, распоряженія, убѣжденія и угрозы не помогали въ этомъ отношеніи и не подвигали дѣла впередъ, а между тѣмъ вліятельныя лица изъ Евреевъ, вполнѣ преданныя еврейскому правовѣрію и еврейской старинѣ, употребляли въ Петербургѣ всѣ усилія, чтобы ненавистныя казенныя еврейскія училища, не переставшія внушать имъ опасенія, были вовсе закрыты. Усилія ихъ не остались безъ успѣха. Первый шагъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ: второразрядныя еврейскія училища, соотвѣтствующія нашимъ уѣзднымъ, большею частью уже закрыты; докладъ члена совѣта министра народнаго просвѣщенія, г. Постельса, который, въ половинѣ прошлаго, года, былъ командированъ съ спеціяльною цѣлью обозрѣть казенныя еврейскія училища, вообще не очень благопріятенъ для ихъ сохраненія, но общество распространенія просвѣщенія между Евреями въ Россіи сочло за должное ходатайствовать предъ министерствомъ за сохраненіе этихъ училищъ.

Мы должны высказаться рѣшительно въ пользу ходатайства еврейскаго общества въ Петербургѣ. По нашему мнѣнію, правительству не было надобности спѣшить учрежденіемъ казенныхъ училищъ для Евреевъ и особенно обременять себя заботами объ ихъ религіозномъ обученіи; но такъ какъ дѣло уже сдѣлано, и казенныя еврейскія училища существуютъ около 20 лѣтъ, то слѣдуетъ не уничтожать ихъ, а по воз-

можности исправить то что было вначалѣ испорчено. Ревнители еврейской старины, еврейской замкнутости и исключительности не даромъ же такъ не долюбливаютъ этихъ училищъ, хотя эти училища пока еще не нанесли никакого ущерба ихъ стремленіямъ; безъ сомнѣнія, они опасаются вліянія ихъ въ будущемъ, и хорошо знаютъ, что если они однажды будутъ упразднены, то мѣсто ихъ на долгое время останется не занятымъ. Ревнители еврейской старины и замкнутости точно также не расположены и къ тому, чтобъ Евреямъ было предоставлено право повсемѣстнаго жительства въ Россіи. Опасенія ихъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, совершенно одинаковы: они боятся, что масса Евреевъ, болѣе или менѣе разселившись по Россіи и по образованію сблизившись съ Русскими, уйдетъ изъ-подъ ихъ исключительнаго вліянія и освободится отъ той замкнутости, въ которой они хотятъ держать свое племя. Дѣло казенныхъ еврейскихъ училищъ, въ глазахъ ревнителей еврейской старины, связывается въ одно съ послѣдствіями предоставленія Евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи. И дѣйствительно, связь эта существуетъ, и дѣло еврейскихъ училищъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ; начатки общаго образованія водворятся въ массѣ Евреевъ, если только они не будутъ оставаться скученными въ одномъ мѣстѣ и если вмѣстѣ съ тѣмъ еврейскія училища станутъ не болѣе какъ общеобразовательными училищами, предоставивъ религіозное обученіе Евреевъ меламдамъ, хедерамъ, талмудъ-торамъ и прочимъ частнымъ и общественнымъ спеціяльно-еврейскимъ школамъ.

Скажутъ, пожалуй, что въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ особыхъ, общеобразовательныхъ училищахъ для Евреевъ, и что они могутъ пользоваться общими училищами приходскими и уѣздными; но это возраженіе было бы совершенно неосновательно. На этой степени своей, все преподаваніе въ общихъ училищахъ непремѣнно должно отличаться христіанскимъ религіознымъ направленіемъ, вслѣдствіе чего общія училища, устроенныя какъ слѣдуетъ, не могли бы быть равно доступны и Евреямъ, Евреи будутъ охотнѣе отдавать своихъ дѣтей въ казенныя еврейскія чѣмъ христіанскія училища, а христіанскимъ училищамъ, въ особенности низшимъ, будетъ не менѣе выгодно освободиться отъ послѣдствій смѣшенія христіанскихъ воспитанниковъ съ еврейскими.

№ 149.

Москва, 8-го іюля.

Мы высчитывали на дняхъ доходъ, который долженъ доставаться банку, предполагаемому баропомъ Фрепкелемъ, отъ дополнительныхъ взносовъ, которые будутъ платить, ему заемщики, сверхъ интереса за капиталъ и сверхъ погашенія. Этотъ взносъ можетъ простираться, по уставу до 1% съ наридательной суммы займа, но мы предполагали, что банкъ заблагоразудитъ дѣйствовать умѣренно и, ограничивая по доброй волѣ свое право, поставитъ взимать съ заемщиковъ не 1%, а $^3/_4$%. Далѣе мы предполагали, что банкъ будетъ щедръ въ своихъ расходахъ и издержитъ на свое управленіе (кромѣ оцѣночныхъ коммиссій, расходы которыхъ будутъ покрываться особымъ взносомъ, такъ-называемою премій) не менѣе $^3/_8$%, что при ссудахъ въ 100 милліоновъ уже составило бы почтенную сумму 375 тысячъ рублей золотомъ, а на кредитные билеты не менѣе 460 тысячъ рублей, сумму совершенно достаточную для издержекъ по управленію, дѣлаемыхъ самою широкою рукой. Итакъ мы предполагали въ банкѣ двоякое отсутствіе корыстолюбія: нежеланіе стѣснять заемщиковъ требованіемъ всего того, что банкъ, по уставу, имѣлъ бы право требовать, и нежеланіе ограничивать свои расходы по управленію. При такой двоякой либеральности, банкъ получилъ бы однакоже чистой прибыли отъ дополнительнаго сбора не менѣе $^3/_8$% со 100 милліоновъ, что составило бы на складочный капиталъ въ 5 милліоновъ $^{50}/_8$%, или $7^1/_2$%. Этотъ доходъ банкъ получилъ бы на золото. Также на золото получилъ бы онъ, вѣроятно, и мелкіе доходы, съ штрафовъ, съ премій (экономію отъ расходовъ по оцѣнкѣ), съ коммиссіи и т. д. Такихъ доходовъ легко можетъ набраться $1^1/_2$%, цифра, которую можно считать за *minimum*. Переводя общій итогъ, 9%, на кредитные рубли, и надбавляя $22^1/_2$%, за вексельный курсъ, мы получимъ 11%, какъ наименьшій доходъ банка съ его операцій. Къ этому слѣдуетъ присоединить 5%, тоже какъ *minimum* дохода со

складочнаго капитала, помѣщеннаго въ процентныхъ бумагахъ, и тогда окажется, что наименьшій доходъ со складочнаго капитала будетъ 16%, или съ 5 милліоновъ кредитными рублями—800.000 рублей (тоже кредитными билетами). Правда, что не весь этотъ доходъ попадетъ въ руки акціонеровъ; часть его будетъ отчисляться въ пользу учредителей; часть къ пользу правленія; часть—въ запасный капиталъ; акціонерамъ достанется лишь 600.000 р. или 12%, но тѣмъ не менѣе чистый доходъ банка дойдетъ, въ скоромъ времени по открытіи операціи, до 800.000 р.,—цифры, какъ всякій согласится, громадной. Спросимъ же себя за какую услугу будетъ получать банкъ такую значительную прибыль? Подлежитъ ли складочный капиталъ банка какому-нибудь риску? Прибыль всегда соразмѣряется съ рискомъ; чѣмъ больше рискъ, тѣмъ меньше оказывается охотниковъ рисковать, и тѣмъ значительнѣе должна быть выгода рискующихъ. Это въ порядкѣ вещей. Но складочный капиталъ банка ничѣмъ не рискуетъ. За что же банкъ получитъ прибыль, равняющуюся прибыли самыхъ азартныхъ предпріятій? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, посмотримъ каково будетъ назначеніе складочнаго капитала. Изъ него будутъ дѣлаться, въ случаѣ недоимокъ, авансы для платежа процентовъ и погашенія по закладнымъ листамъ. Авансы этого рода будутъ дѣлаться до тѣхъ поръ, пока не образуется опредѣленный уставомъ банка запасный капиталъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что складочный капиталъ будетъ играть въ новомъ банкѣ ту же самую роль, какую, напримѣръ, въ московскомъ кредитномъ обществѣ играютъ авансы изъ городской казны? Припомнимъ, что какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ городская казна открыла кредитнымъ обществамъ кредитъ до извѣстной суммы за весьма умѣренные проценты. Припомнимъ, что въ Москвѣ былъ даже споръ о томъ, сколько процентовъ должно платить кредитное общество городу за эти авансы, пять ли, или четыре, или три. О процентахъ сверхъ пяти никто не заикался. Вотъ какъ цѣнилась эта услуга, между своими, и надобно признаться, цѣнилась правильно. Но городская казна оказала городскому кредитному обществу услугу ничуть не меньше той, которую обѣщаетъ складочный капиталъ банка барона Френкеля своимъ заемщикамъ. Какъ та обязалась дѣлать авансы, до извѣстной суммы, такъ точно обяжется дѣлать авансы и банкъ, и при томъ тоже до извѣстной суммы, то-есть въ предѣлахъ суммы складочнаго капитала. Какъ та ничѣмъ не рисковала и никакой отвѣтственности за правильность оцѣнокъ на себя не принимала, такъ точно и банкъ. Разница только въ томъ, что городская казна довольствуется ничтожнымъ процентомъ, а банкъ предоставляетъ себѣ барыши, какихъ нельзя получить отъ обыкновеннаго правильнаго предпріятія. Что же за причина такой рѣзкой разницы? Почему городской недвижимый кредитъ обошелся безъ пожертвованій и нашелъ безмездную поддержку, а кредитъ поземельный долженъ купить дорогою цѣной поддержку, которую обѣщаетъ ему новоучреждаемый банкъ? Надобно еще замѣтить, что городская казна, дѣлая авансы, не предоставила себѣ ни малѣйшаго права вмѣшательства въ дѣла кредитнаго общества, и оказала ему безусловное довѣріе, а всякое довѣріе заключаетъ въ себѣ извѣстную долю риска. Банкъ, напротивъ, не только имѣетъ право вмѣшательства въ дѣло поземельнаго кредита, но держитъ его цѣликомъ въ своихъ рукахъ. Какое бы онъ ни предоставилъ заемщикамъ участіе въ оцѣнкахъ, за нимъ все-таки останется несомнѣнное право пониженія оцѣнокъ. Дѣйствительнаго риска нѣтъ ни со стороны городской казны, ни со стороны банка, но въ первомъ случаѣ есть по крайней мѣрѣ возможность риска, оказано довѣріе постороннему учрежденію, а во второмъ случаѣ нѣтъ и этой тѣни риска. Почему же во второмъ случаѣ вознагражденіе въ нѣсколько разъ больше чѣмъ въ первомъ?

Причинъ тутъ двѣ. Вопервыхъ, городскія кредитныя общества нашли доброжелательную поддержку въ городской казнѣ; поземельный кредитъ подобнаго доброжелательства ни откуда, какъ видно, ожидать для себя не можетъ. Это первая причина будущей дороговизны поземельнаго кредита. Вторая причина заключается въ томъ, что городскія кредитныя общества организовались по собственной инищіативѣ заемщиковъ, а въ дѣлѣ поземельнаго кредята эта инищіатива до сихъ поръ оказывалась мало дѣятельною, и кромѣ Херсонскаго банка не привела еще ни къ чему серіозному. Эта вторая причина еще важ-

нѣе первой. Ею преимущественно объясняется несоотвѣтственность между барышомъ, который достанется новоучрежденному банку, съ тою услугой, крайне незначительною, которую онъ окажетъ поземельному кредиту въ денежномъ отношеніи. Эта услуга въ денежномъ отношеніи ограничивается тѣми авансами, о которыхъ мы говорили выше. Но кромѣ денежной услуги тутъ будетъ еще другая: именно устройство дѣла,—исходатайствованіе устава и его осуществленіе. Не за денежную услугу будутъ платить заемщики свой оброкъ банку; они будутъ платить его преимущественно за услугу по организаціи банка.

Теперь оказывается, какъ вѣрно было мнѣніе тѣхъ, которые, вмѣстѣ съ нами *), доказывали необходимость закона о земскихъ банкахъ. При существованіи такого закона, земскіе банки могли бы учреждаться сами собой на его основаніи. Толки объ этомъ дѣлѣ шли четыре года тому назадъ. Коммиссіи о земскихъ банкахъ, если не ошибаемся, было даже поручено проектировать законъ, на основаніи котораго могли бы открываться земскіе банки. Но потомъ все это дѣло почему-то заглохло, и вмѣсто многихъ земскихъ банковъ, которые непремѣнно возникли бы въ продолженіе четырехъ лѣтъ, мы видимъ единственный Херсонскій банкъ, еще только возникающій. Впрочемъ, и кромѣ отсутствія закона о земскихъ банкахъ, было много причинъ задерживавшихъ развитіе этого дѣла. Мы не станемъ перечислять эти причины: достаточно указать на колебаніе цѣнности кредитнаго рубля и на то, что до начала нынѣшняго года, за исключеніемъ остзейскаго общества *Цереры*, ни одно русское кредитное общество не могло надѣяться на исходатайствованіе права выпуска закладныхъ листовъ съ уплатой не только русскими кредитными рублями, но и всемірною монетой. Даже и теперь многіе ли въ Россіи знаютъ, что это признается возможнымъ? Не блещетъ ли отсутствіемъ этого права уставъ товарищества поземельнаго кредита, извѣстный подъ именемъ г. Тарасенко-Отрѣшкова, и утвержденный въ мартѣ нынѣшняго года? Наконецъ надобно взять въ разчетъ и непривычку нашихъ землевладѣльцевъ къ веденію дѣлъ, требующихъ ходатайства, и вообще разрозненность нашего землевладѣльческаго общества.

А между тѣмъ дѣло земскаго кредита—дѣло нетрудное. Если правительству не будетъ угодно монополизировать его,—а предполагать это невозможно, то при теперь допущенныхъ началахъ этого дѣла, для него потребуется со стороны землевладѣльцевъ только небольшая охота къ самодѣятельности и весьма незначительная доля готовности оказать другъ другу взаимную помощь. Мы позволимъ себѣ описать въ краткихъ чертахъ тотъ способъ учрежденія земскаго кредита, который, на основаніи совѣщаній со многими иностранными финансовыми людьми и банкирами, мы считаемъ, въ настоящую минуту наиболѣе удобнымъ и выгодныхъ для нашихъ землевладѣльцевъ.

Пусть уѣздные предводители дворянства обратятся къ землевладѣльцамъ своего уѣзда, желающимъ заложить свои имѣнія, съ приглашеніемъ представить оцѣнки этихъ имѣній, сдѣланныя по совѣсти и относящіяся лишь къ недвижимой собственности въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть за исключеніемъ цѣнности промышленныхъ заведеній, а также скота и машинъ. Каждая оцѣнка должна быть одобрена, также по совѣсти, двумя или тремя сосѣдями, съ тѣмъ, конечно, чтобы перекрестныхъ одобреній не было. Затѣмъ всѣ оцѣнки должны находиться нѣсколько времени въ канцеляріи предводителя для показанія всѣмъ желающимъ, а по истеченіи назначеннаго для этой цѣли срока, должно быть созвано общее собраніе заемщиковъ, которое должно или одобрить оцѣнки или измѣнить ихъ или наконецъ избрать, для приведенія ихъ къ справедливой и равномѣрной нормѣ, одного или нѣсколькихъ посредниковъ, съ указаніемъ или безъ указанія правилъ, которыми посредники должны руководствоваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы не затруднять посредниковъ оцѣнкой такихъ имѣній, которыя можетъ-быть не поступятъ въ залогъ, а также для вознагражденія посредниковъ и уполномоченныхъ, о которыхъ будетъ рѣчь вслѣдъ за симъ, въ томъ же общемъ собраніи должна быть внесена небольшая доля оцѣночной суммы, примѣрно $^1/_6$% съ нея. Эта сумма, не затруднительная для будущихъ заемщиковъ (съ 2.000 р. оцѣнки, то-есть съ 1.000 р. будущей ссуды 3 р. 60 к.) служила бы нѣкоторымъ обезпеченіемъ того, что заем-

*) Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 и 1861 годовъ.

щики не откажутся отъ залога этихъ имѣній, если пріищется капиталъ. Въ то же время заемщики должны указать процентъ, выше котораго они не намѣрены платить, однакоже такой процентъ, который давалъ бы ихъ уполномоченнымъ извѣстную свободу въ сношеніяхъ съ банкирами или кредитными обществами. Эта цифра можетъ быть назначена явно, или секретно, смотря по тому какъ посудитъ собраніе заемщиковъ. Наконецъ должно быть постановлено опредѣленіе, что заемщики согласны уплачивать проценты и погашеніе считая на звонкую монету, то-есть не только на русскія, но и на иностранныя деньги. Это опредѣленіе необходимо, потому что иначе не было бы возможности вступить въ сношенія ни съ однимъ банкиромъ и нечего было бы и затѣвать дѣло.

Если въ этомъ общемъ собраніи оцѣнки не были бы окончательно утверждены, а для ихъ измѣненія были бы выбраны посредники, то по окончаніи работы посредниковъ, для которой слѣдовало бы назначить срокъ, было бы созвано вторичное собраніе заемщиковъ, которое утвердило бы оцѣнки и приняло бы за нихъ круговую отвѣтственность.

Но одинъ уѣздъ не можетъ представить достаточное ручательство для иностранныхъ банкировъ, а предпринятое дѣло не имѣло бы серіознаго характера, еслибы конкурренція иностранныхъ банкировъ была устранена отъ него. Итакъ, требуется, чтобы по меньшей мѣрѣ всѣ уѣзды губерніи соединились для общаго дѣла и приняли на себя общую круговую поруку. Для этой цѣли каждый уѣздъ выбралъ бы по одному или по нѣскольку уполномоченныхъ, которые съѣхались бы въ губернскомъ городѣ и занялись бы уравненіемъ оцѣнокъ между уѣздами. Они не разсматривали бы отдѣльныхъ оцѣнокъ, а производили бы равномѣрное пониженіе оцѣнки всѣхъ имѣній въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ она оказалась бы высока сравнительно съ оцѣнкой другихъ уѣздовъ, дабы ни одному уѣзду не было никакого ущерба отъ приступленія къ круговой порукѣ. Подобная работа не требуетъ продолжительнаго времени, и уполномоченные могутъ въ нѣсколько дней окончательно установить оцѣнки въ томъ ихъ видѣ, въ которомъ отвѣтственность за нихъ могутъ принять всѣ заемщики губерній.

На этой своей степени дѣло будетъ уже близко къ осуществленію. Но необходимъ еще одинъ шагъ. Оцѣнки должны быть умѣренныя; въ ссуду должно быть просимо не болѣе какъ половина оцѣнки; для просрочки должно быть назначено не болѣе года; по истеченіи года просроченное имѣніе должно быть непремѣнно продано (уставъ барона Френкеля назначаетъ меньшій срокъ, но годичный срокъ необходимъ на случай неурожайныхъ годовъ). При этихъ условіяхъ нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы ссудная сумма, съ просроченнымъ платежомъ за одинъ годъ и съ пеней на этотъ платежъ по 1 коп. съ рубля въ мѣсяцъ, не была выручена при продажѣ. Если бы тутъ оставалось какое-нибудь сомнѣніе, то оцѣнки должны быть понижаемы и пониженіе продолжаемо до тѣхъ поръ, пока всякій человѣкъ, знающій мѣстность, не будетъ имѣть полнѣйшей увѣренности, что въ совокупной состоятельности заемщиковъ нельзя сомнѣваться. А когда эта увѣренность будетъ имѣть мѣсто, то не будетъ никакого риска губернскому дворянству или губернскому земству поручиться за правильность оцѣнокъ. Это поручительство должно быть чистономинальное; оно должно относиться только къ тому невозможному случаю, когда бы всѣ заемщики губерніи оказались несостоятельными. Оно нужно только для удостовѣренія иностранцевъ, что дѣло предлагаемое имъ несомнѣнно солидно, и для освобожденія ихъ отъ необходимости ѣздить на мѣста, изучать мѣстныя цѣны имѣній и т. д. Еслибы банкиры были поставлены въ необходимость предпринимать подобныя изслѣдованія, то конкурренція ограничилась бы тѣми изъ нихъ, которые рѣшились бы на этотъ трудъ, требующій и издержекъ и времени. Въ интересѣ дѣла надобно освободить ихъ отъ этого труда; надобно представить имъ несомнѣнное обезпеченіе, что онъ не нуженъ, а такое обезпеченіе можетъ быть представлено лишь мѣстною корпораціей, знакомою со всѣми мѣстными условіями, и повсюду извѣстною, то-есть либо дворянствомъ, либо земствомъ губерніи. Всего лучше было бы, еслибъ удостовѣреніе было дано и дворянствомъ и земствомъ, то-есть и дворянскимъ и земскимъ губернскимъ собраніемъ. Юридическая сила удостовѣренія, даннаго земскимъ губернскимъ собраніемъ, можетъ подлежать нѣкоторому сомнѣнію; но дворянское губерн-

ское собраніе безспорно можетъ дать его и ходатайствовать о его утвержденіи правительствомъ на основаніи дворянской грамоты, разрѣшающей дворянству каждой губерніи имѣть свою дворянскую казну для ссудъ подъ залогъ имѣній. Такое удостовѣреніе всякій банкирскій домъ признаетъ вполнѣ достаточнымъ для себя.

У насъ много толковалось въ литературѣ и вкривь и вкось о дворянскихъ банкахъ. Пора наконецъ серіозно взглянуть на это дѣло. Дворянскій банкъ есть банкъ основанный дворянствомъ и дѣйствующій подъ его совокупнымъ ручательствомъ и наблюденіемъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы дворянскій банкъ выдавалъ ссуды только дворянамъ, точно также какъ городской банкъ, основанный купечествомъ, очень можетъ выдавать ссуды лицамъ всѣхъ сословій. Трудно понять, какая заключалась бы зловредная сословность въ банкѣ, который, хотя и учрежденъ дворянствомъ, служилъ бы интересамъ всѣхъ землевладѣльцевъ безъ различія сословій. Такое служеніе было бы согласно съ интересами банка, потому что расширяло бы его операціи; оно было бы согласно и съ интересами дворянства, потому что землевладѣльцы всѣхъ сословій были бы обязаны благодарностью дворянству за доставленіе имъ возможности получать ссуды на выгодныхъ условіяхъ. Такой банкъ былъ бы полезенъ всѣмъ жителямъ губерніи и не только не могъ бы повести къ сословной розни, а напротивъ связалъ бы сословія.

Итакъ, нечего пугаться дворянскихъ банковъ. Надобно пользоваться существующими правами, хотя бы и сословными, но пользоваться ими въ общемъ интересѣ. Такова разумная политика, и брезговать ею съ чужихъ словъ, пущенныхъ въ ходъ неизвѣстно съ какою цѣлію, значило бы обнаруживать политическое дѣтство.

Отъ иностранныхъ банкирскихъ домовъ нельзя требовать, чтобъ они входили въ сношенія съ обществами заемщиковъ, или лучше если требовать этого, то надобно быть готову заплатить за неудобства этого требованія дорогою цѣной. Но съ цѣлыми корпораціями, съ земствомъ ли цѣлой губерніи, или съ дворянствомъ цѣлой губерніи, любой банкирскій домъ охотно вступитъ въ сношенія. Вотъ почему поземельный кредитъ не можетъ быть выгоденъ для мѣстныхъ землевладѣльцевъ, если одна изъ упомянутыхъ двухъ корпорацій губерній не приметъ на себя посредничества между заемщиками и банкирскими домами.

Это посредничество есть послѣдній необходимый шагъ для выгоднаго устройства земскаго кредита.

Когда поземельный кредитъ въ какой-либо губерніи будетъ организованъ такимъ образомъ, то губернія можетъ считать себя вполнѣ обезпеченною. Никакой банкирскій домъ и никакой поземельный банкъ не будетъ уже въ состояніи эксплуатировать ее. Она будетъ трактовать съ ними какъ равный съ равнымъ; положеніе ея уполномоченныхъ будетъ совершенно иное чѣмъ положеніе отдѣльнаго заемщика, являющагося безпомощнымъ просителемъ, принужденнымъ соглашаться на всѣ условія, которыя ему предпишутъ. Трактовать будетъ легко, и можно будетъ получить выгодныя условія. Въ настоящее время можно серіозно поручиться за возможность слѣдующихъ условій:

Заемщики получаютъ ссуду наличными деньгами,—условіе чрезвычайно выгодное для нихъ; имъ уже нечего будетъ хлопотать о продажѣ закладныхъ листовъ.

Изъ полученной ссуды они отдѣляютъ 5% въ запасный капиталъ для временнаго покрытія недоимокъ. Сверхъ того они отдѣляютъ одинъ процентъ, какъ банкирскую комиссію. Такимъ образомъ они получаютъ 94 коп. за рубль.

За эту ссуду они выплачиваютъ 6% звонкою монетой или кредитными билетами по курсу по полугодіямъ, каждый разъ впередъ, и этимъ платежомъ погашаютъ свой долгъ въ 37 лѣтъ. При теперешнемъ курсѣ этотъ платежъ составитъ около 7 р. 20 к. въ годъ кредитными билетами.

Запасный капиталъ долженъ храниться въ процентныхъ бумагахъ писанныхъ на звонкую монету; онъ можетъ приносить около 5½%, если даже часть его будетъ помѣщена, для удобства, въ 4% металлическихъ билетахъ государственнаго банка. При займѣ въ 3 милліона рублей звонкою монетой на губернію, запаснаго капитала было бы 150.000 р. также звонкою монетой, и онъ приносилъ бы около 8.000 р. звонкою монетой, или на кредитные билеты безъ малаго 10.000 р. Извѣстная часть его могла бы выдаваться въ краткосрочныя ссуды подъ хлѣбъ на корню, застрахованный отъ града, или подъ хлѣбъ въ амбаръ застрахованный отъ огня. Че-

резъ это доходъ съ запаснаго капитала увеличился бы. Наконецъ въ этотъ же доходъ поступали бы штрафныя деньги, по 1 коп. въ мѣсяцъ или 12% въ годъ. Все это могло бы возвысить доходъ до 15.000 р. въ годъ. Содержаніе правленія губернскаго банка и приплата бухгалтерамъ земскихъ управъ или уѣзднымъ казначеямъ за пріемъ платежей обошлись бы не болѣе 10.000 р., такъ какъ дѣла было бы мало. Остатки присовокуплялись бы къ запасному капиталу, который оставался бы собственностью заемщиковъ, и въ концѣ срока займа былъ бы раздѣленъ между ними пропорціонально общей суммѣ ежегодныхъ взносовъ каждаго изъ нихъ.

Таковы условія, которыя могутъ получить землевладѣльцы, если сами возьмутся за дѣло.

Сравнимъ эти условія съ условіями банка барона Френкеля. Онъ будетъ выдавать ссуды закладными листами. Предположимъ самый выгодный для заемщиковъ случай,— предположимъ, что банкъ возьмется продать имъ закладные листы по 100 р. на кредитные билеты; это случай самый выгодный; что касается до насъ, то мы еще сомнѣваемся въ его возможности и полагаемъ, что закладные листы пойдутъ, даже на первое время, едва ли много выше 95 к. за рубль кредитными билетами. Но, какъ сказано, предположимъ условія, выгоднѣе которыхъ быть не можетъ. Итакъ банкъ продастъ закладные листы по 100 р. кредитными билетами и получитъ $^1/_2$% за коммиссію; съ пересылкой по почтѣ и т. д., до заемщика никакъ не дойдетъ болѣе 99 к. за рубль. Изъ нихъ онъ уплатитъ преміи 1%; итого останется ему наличными 98 к. на рубль. За эту ссуду онъ будетъ платить 7% звонкою монетой, или при теперешнемъ курсѣ около 8 р. 40 коп. Притомъ онъ будетъ подвергаться риску отвѣтственности за заемщиковъ всей Россіи и за ошибки громадной администраціи банка. Запасный капиталъ, который составится въ банкѣ изъ его взносовъ, будетъ принадлежать акціонерамъ и никогда не будетъ возвращенъ ему.

Посмотримъ же на условія изложенныя выше. Заемщикъ получаетъ не 98 к., а 94 коп., да истратилъ онъ еще при составленіи оцѣнокъ около $^1/_3$ процента съ капитала ссуды. Слѣдовательно заемщикъ получитъ собственно ссуды $93^2/_3$ к. кредитными билетами, но за то весь запасный капиталъ будетъ принадлежать ему, а запаснаго капитала будетъ 5 коп. на рубль. Такимъ образомъ получается итогъ $98^2/_3$ коп. Платить же онъ будетъ 7 р. 20 коп., что составитъ съ небольшимъ $7^2/_3$%, вмѣсто того чтобы платить банку барона Френкеля слишкомъ $8^1/_2$% (съ суммы дѣйствительно полученной въ ссуду).

Въ доказательство возможности приведенныхъ нами условій представимъ нѣсколько указаній на банкирскій разчетъ. Круговая порука заемщиковъ губерніи, ручательство губернской корпораціи (дворянства или земства), запасный капиталъ въ 5% съ суммы займа, хранящійся въ процентныхъ бумагахъ, писанныхъ на всемірную монету,—все это вполнѣ обезпечиваетъ банкира ссужающаго деньги. Единовременный процентъ за коммиссію вознаграждаетъ его за хлопоты. Дѣло привлекательное. Что же дастъ банкиръ? Выдача 99 коп. кредитными билетами составляетъ на звонкую монету $82^1/_3$. За эти $82^1/_3$ коп. звонкою монетой банкиръ будетъ получать интересовъ и погашенія 6 коп. звонкою монетой. По отношенію къ капиталу дѣйствительно ссуженному, этотъ платежъ составитъ слишкомъ $7^1/_4$%, а такъ какъ при такомъ платежѣ погашенія на 37 лѣтъ потребуется значительно менѣе 1%, то въ интересъ пойдетъ болѣе $6^1/_4$%, а такимъ процентомъ, при вѣрномъ обезпеченіи, нельзя не удовлетвориться.

Банкирская афера будетъ состоять въ слѣдующемъ: устроивъ небольшую акціонерную компанію въ своемъ государствѣ, банкирскій домъ выпуститъ облигаціи, которыя, при несомнѣнной вѣрности платежей, не трудно будетъ помѣстить изъ 5%. Если эта акціонерная компанія устроится въ Германіи, то она выпуститъ лоттерейныя облигаціи и воспользуется пристрастіемъ нѣмецкой публики къ лоттереямъ. Если компанія устроится въ Англіи или Голландіи, то она воспользуется тамошнимъ пристрастіемъ къ вѣрному помѣщенію капитала. Во всякомъ случаѣ въ рукахъ компаніи останется довольно значительная доля ежегоднаго дохода, которая вознаградитъ ее за хлопоты и дастъ ей возможность держать агента въ губернскомъ городѣ. Мы увѣрены, что люди знакомые съ теперешнимъ положеніемъ де-

нежнаго рынка въ Европѣ согласятся, что подобная комбинація несомнѣнно возможна.

Итакъ, въ чемъ же нравоученіе всей этой длинной басни? Нравоученіе въ томъ, что если русскіе землевладѣльцы хотятъ занять деньги на выгодныхъ для себя условіяхъ, то они должны сами взяться за дѣло составленія оцѣнокъ и заняться имъ пристально. Если они найдутъ поддержку въ своихъ губернскихъ корпораціяхъ, то ихъ дѣло будетъ, что называется, въ шляпѣ. Всѣ у насъ повторяютъ, что кредитъ нуженъ. Пусть же уѣздные предводители дворянства, предсѣдательствующіе теперь и въ дворянскихъ и въ земскихъ собраніяхъ, примутъ на себя трудъ иниціативы въ этомъ дѣлѣ. Они могутъ быть заранѣе увѣрены, что заслужатъ признательность всѣхъ сословій своего уѣзда. Сюда полученная землевладѣльцами оживитъ и сельское хозяйство и промышленность и торговлю.

№ 150.

Москва, 9-го іюля.

Въ *Рижской Газетѣ* (№ 147) появилась статья очень напоминающая своимъ тономъ того публициста, который порицалъ польскихъ дѣятелей послѣдняго мятежа за то что они лгали недостаточно ловко, и мы были бы не прочь приписать ее перу этого публициста.

Эта статейка „о балтійскихъ провинціяхъ и балтійской печати“ доженствуетъ служить отвѣтомъ на слѣланное нами около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ замѣчаніе по поводу искаженій, которымъ въ балтійской печати подвергаются наши мнѣнія относительно балтійскихъ провинцій. Авторъ вкратцѣ излагаетъ содержаніе нашихъ замѣчаній и даетъ имъ такой смыслъ, что будто намъ зачѣмъ-то вдругъ понадобилось умалить значеніе вопроса объ этихъ провинціяхъ до степени журнальной полемики, и затѣмъ приступаютъ къ дѣлу. „Возможно ли,“ восклицаетъ онъ,— „чтобы шумъ о балтійскомъ сепаратизмѣ, который въ продолженіе четырнадцати мѣсяцевъ наполняетъ обширную имперію, былъ только ссорой журналистовъ, былъ только случайнымъ набѣгомъ на *Рижскую Газету* и другія балтійскія газеты?..... *Московскимъ Вѣдомостямъ* не повѣрятъ даже самые горячіе приверженцы, будто въ Остзейскомъ краѣ могутъ продвѣтать только такіе журналы, которые находятся въ прямой противоположности къ общественному мнѣнію края. Какъ? Только къ балтійской печати и въ фантазіи, которую раздѣляетъ она съ немногими друзьями своими, должны относиться тѣ громы, которыхъ отгулъ проникалъ даже въ столбцы *Кельнской Газеты*, *Morning Chronicle* и *Indépendance belge*? Припомнимъ на какіе предметы нападала московская газета, и спросимъ себя, въ какихъ отношеніяхъ могли находиться они къ печати и ея направленіямъ. Развѣ какая-нибудь недавно возникшая партія сдѣлала нѣмецкій языкъ языкомъ судебныхъ мѣстъ въ остзейскихъ провинціяхъ? Развѣ *Baltische Monatsschrift*, *Dorpater Tagesblatt* послали коммиссію въ Дерптъ по дѣлу судебной реформы? Развѣ проектъ рижскаго городоваго устройства вырабатывался въ редакціи *Рижской Газеты*? Развѣ сотрудники рижскихъ и дерптскихъ газетъ сдѣлали то, что греко-православная церковь въ Лифляндіи не имѣетъ достаточнаго числа храмовъ и лишена подобающаго ея достоинству положенія? Развѣ премогущественная ландратская лифляндская коллегія и тираническая рижская дума—только газетныя химеры? Развѣ мѣстные законы Остзейскихъ губерній (часть первая и вторая)—только передовая статья какого-нибудь сепаратистическаго листка? Развѣ всѣ эти вещи не подвергались нападенію въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*? Развѣ всѣ эти вещи находятся внѣ всякаго отношенія къ здѣшней провинціи? Нѣтъ, еслибы нападали только на насъ и на наши плохія статьи, мы поберегли бы наше время и наши силы, мы остались бы дома и занялись бы вещами болѣе полезными чѣмъ полемическія статьи. А издатели *Московскихъ Вѣдомостей*? Такіе ли они люди, чтобы, по поводу какихъ-нибудь провинціальныхъ листковъ, ставить на сцену балтійскій вопросъ? Говоря объ опасностяхъ, грозящихъ разложеніемъ Россіи, отпаденіемъ провинцій и т. д., могли ли они думать, что *Рижская Газета* можетъ произвести всѣ эти вещи? Нѣтъ, они нападали на учрежденія нашего края, на его лютеранскую церковь, на нѣмецкій языкъ, на его автономію, на привилегіи и трактаты 1710 и 1720 годовъ, и такъ

какъ мы не хотѣли чтобъ ихъ топтали ногами, то намъ приходилось имѣть дѣло съ *Московскими Вѣдомостями*, а имъ приходилось полемизировать съ нами. Что эти аттакуемыя *Московскими Вѣдомостями* святыни балтійскаго существованія не отъ насъ идутъ, это знаетъ каждый ребенокъ; что наши провинціи высоко цѣнятъ ихъ, и за это подвергаются ругательству, это фактъ, не имѣющій ничего общаго съ здѣшними газетами, ничего общаго съ какими-нибудь нововозникшими партіями. Чтобы заключить миръ съ *Московскими Вѣдомостями*, край долженъ отказаться не отъ газетъ своихъ, а отъ своего самостоятельнаго юридическаго существованія. Если эта газета разчитывала только на наше молчаніе, зачѣмъ же она при каждомъ случаѣ, когда мы не тотчасъ возражали на ея обвиненія, говорила съ торжествомъ: „въ этомъ они сознаются?“ Зачѣмъ она, если гнѣвъ ея относился только къ намъ, требовала публичнаго отвѣта чрезъ печать въ каждомъ словѣ, которое произносилось въ гильдейской залѣ или въ дворянскомъ собраніи?“

Въ заключеніе авторъ статьи объясняетъ торопливо, что если намъ случалось иногда сказать что-нибудь благопріятное относительно остзейскаго дворянства, то дѣлалось это только изъ угожденія московскому аристократическому Англійскому клубу и какой-то партіи г. Безобразова.

Все въ приведенной выходкѣ отъ перваго слова до послѣдняго, исполнено фальши, которая дѣйствительно далеко оставляетъ за собою ту наивную ложь, какую польскіе заговорщики распространяли о русскихъ дѣлахъ въ европейской печати,—все, начиная отъ московскаго Англійскаго клуба и партіи г. Безобразова до нападеній, которыя будто бы претерпѣвала лютеранская церковь отъ *Московскихъ Вѣдомостей*, и до попранія ими трактатовъ 1710 и 1720 годовъ. Прежде чѣмъ мы коснемся болѣе важныхъ сторонъ вопроса, скажемъ нѣсколько словъ по поводу выдумокъ, которыя касаются лично насъ, и которыя были бы только забавны, еслибъ онѣ не приводились интриганами въ хитрую связь съ вопросами болѣе серіозными.

Московскій Англійскій клубъ съ нѣкоторыхъ поръ довольно часто упоминается въ печати, не только туземной, но и иностранной, и всегда въ какой-то таинственной связи съ *Московскими Вѣдомостями*. Мы не имѣемъ причины сѣтовать на сопоставленіе нашего имени съ московскимъ Англійскимъ клубомъ, хотя не понимаемъ причины зачѣмъ это дѣлается. Дѣло въ томъ, что московскій Англійскій клубъ не имѣетъ никакого политическаго значенія, не представляетъ собой никакой партіи и изъ всѣхъ возможныхъ клубовъ наименѣе отличается сословнымъ характеромъ или какою-нибудь исключительностію. Въ числѣ его членовъ находятся лица разныхъ сословій и самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Нужно ли говорить, что *Московскія Вѣдомости* не находятся ни въ какомъ отношеніи ни къ этому, ни къ какому другому клубу? Если въ Англійскомъ клубѣ бываютъ лица сочувствующія направленію нашей газеты, то въ немъ, по всему вѣроятію, бываютъ и такія, которыя не раздѣляютъ ея мнѣній. Что же касается до партіи г. Безобразова, то и тутъ авторъ статьи въ *Рижской Газетѣ* повторяетъ лишь то, что говорилось можетъ-быть имъ же или писателями одной съ нимъ школы въ другихъ газетахъ и при другихъ случаяхъ. Но, къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о какой-либо партіи г. Безобразова. Если подъ этимъ разумѣть тѣ лица дворянскаго сословія, которыя заботятся о поддержаніи его правъ, то они, сколько мы знаемъ, не составляютъ партіи. Во всякомъ случаѣ, мы не находимся ни въ какихъ отношеніяхъ ни къ какой партіи, и отнюдь не считаемъ себя призванными служить органомъ дворянскому или какому бы то ни было сословію. Мы понимаемъ, что дворянское сословіе можетъ имѣть свои спеціяльные и весьма уважительные интересы. Но мы никогда не брали на себя обязанности служить органомъ для этихъ интересовъ. Если намъ доводится говорить въ пользу дворянства, то мы имѣемъ при этомъ въ виду интересы не сословія, а самой Россіи. Для насъ важны эти права и интересы лишь въ томъ смыслѣ и въ той мѣрѣ какъ необходимы они, по нашему разумѣнію, для русскаго государства и для русскаго народа.

Наши политическія мнѣнія начинаются не со вчерашняго дня; начала, которыя находятся въ основаніи нашихъ мнѣній, высказывались нами съ того самаго времени, когда мы впервые явились предъ русскою публикой, задолго до поступленія *Московскихъ Вѣдомостей* въ наши руки.

Каковы бы ни были элементы нашего дворянства, и какимъ бы преобразованіямъ ни должна была подвергнуться его организація, мы знаемъ только то, что оно представляетъ собою политическій капиталъ созданный всею нашею исторіей, и что капиталъ этотъ невозможно погубить, не разоряя страны, не подрывая государства.

Какъ не могли мы имѣть никакихъ побужденій льстить небывалымъ аристократическимъ инстинктамъ московскаго Англійскаго клуба, или какой-нибудь дворянской партіи, такъ точно не могли мы имѣть никакого побужденія льстить мѣстному дворянству Остзейскихъ губерній. Наши читатели знаютъ, что мы не льстили ему; но имъ точно также извѣстно, что мы и не нападали на него. Мы отдавали должное его преданности Русскому престолу, и государственнымъ заслугамъ многихъ фамилій этого дворянства, которыхъ имена, несмотря на свой нѣмецкій звукъ, стали національными именами въ Россіи. Мы никогда не колебали правъ, которыми оно пользуется, и не мы, конечно, виноваты, если политическіе интриганы успѣли распространить въ этомъ дворянствѣ мнѣніе, будто бы противъ него враждуетъ то національное чувство, которое возбуждено въ Россіи недавними событіями, и которому мы постоянно служили органомъ. Но объ этомъ рѣчь еще впереди; объ этомъ мы имѣемъ сказать многое въ послѣдствіи.

Нѣтъ, мы не приписываемъ вопросу, неожиданно явившемуся надъ балтійскими провинціями, того мизернаго значенія, которое заставляетъ насъ приписывать ему *Рижская Газета*. Нѣтъ, мы никогда не говорили и неимѣли ни какой надобности говорить, что вопросъ этотъ не болѣе какъ праздная журнальная полемика. Напротивъ, каждое слово, сказанное нами по этому вопросу, свидѣтельствуетъ, что мы приписывали ему серіозное значеніе. Нѣтъ, къ сожалѣнію, это не фантазія. Но мы знаемъ также и то, что въ вопросѣ этомъ виноваты не балтійскія провинціи, и что онъ возникъ изъ причинъ гораздо болѣе общаго свойства. Это убѣжденіе постоянно высказывалось нами. Это всегда было для насъ очевидностію, не допускавшею сомнѣнія. Остзейскій вопросъ есть только эпизодъ обширной политической игры, раскинувшейся на всю Россію. Мы видимъ, что то же явленіе въ разнообразныхъ формахъ повторялось повсюду. Не только въ прибалтійскихъ провинціяхъ, но даже въ коренныхъ русскихъ краяхъ, возбуждались вопросы того же самаго свойства. Мудрено ли, что въ прибалтійскихъ провинціяхъ политическая интрига дѣйствовала не безъ успѣха, когда она нашла возможнымъ дѣйствовать даже въ Донской землѣ, когда она осмѣлилась разчитывать даже на малороссійскія народонаселенія? Если по ея плану вся Россія долженствуетъ распасться не отдѣльныя государства и народы, то мудрено ли, что и балтійскія провинціи предназначены ею къ тому, чтобы составить изъ нихъ нѣмецкое государство, и мудрено ли, что за неимѣніемъ въ нихъ нѣмецкаго народа, пущена въ ходъ мысль о германизаціи Латышей и Эстовъ? Какая это интрига, изъ какихъ источниковъ возникъ этотъ замыселъ, что̀ поддерживаетъ его, чѣмъ онъ питается, на что онъ разчитываетъ, — это другой вопросъ; но несомнѣнно то, что замыселъ этотъ есть, что интрига эта дѣйствуетъ съ удивительною увѣренностью въ успѣхѣ, несмотря на отсутствіе сколько-нибудь понятныхъ для здраваго смысла основаній разчитывать на успѣхъ. Сдѣлать изъ Россіи, вопреки всѣмъ естественнымъ условіямъ, которыя повелѣваютъ ей быть единымъ и цѣльнымъ государствомъ, сдѣлать изъ нея, какимъ-то фокусъ-покусомъ, Австрію или даже Турцію, — вотъ что̀ задумано, вотъ что̀ пущено въ ходъ, и вотъ что̀ въ разныхъ сферахъ подается подъ разными соусами; вотъ что̀ выставляется на видъ въ однѣхъ сферахъ, какъ дѣло особенно благопріятное для утвержденія и упроченія власти, а въ другихъ—какъ необходимый шагъ всемірнаго прогресса, какъ наилучшее условіе свободы, а еще въ другихъ какъ наивѣрнѣйшее начало революціи. Итакъ, повторимъ, сила не въ мѣстныхъ элементахъ и обстоятельствахъ, а въ общемъ злонамѣренномъ планѣ. Не только въ Остзейскомъ краѣ, но, мы почти увѣрены, и на польской почвѣ не могло бы произойдти никакихъ серіозныхъ движеній, еслибы не было возбужденій совсѣмъ не мѣстнаго, а общаго свойства, еслибы какое-то страшное недоразумѣніе не повисло надъ Россіей, повергая въ смущеніе или поражая безсиліемъ однихъ, поджигая другихъ, и повергая всѣхъ въ ожиданіе чего-то необычайнаго.

Съ чего начались толки объ остзейскихъ дѣлахъ въ нашей газетѣ? Не съ рѣчи ли

произнесенной въ 1863 году при открытіи лифляндскаго дворянскаго собранія суперъ-интендентомъ Рижской лютеранской епархіи, докторомъ Вальтеромъ? Вооружившись словомъ церковнаго проповѣдника и обращаясь столько же къ политическому смыслу своихъ слушателей, сколько и къ ихъ религіозному чувству, о чемъ говорилъ докторъ Вальтеръ? Онъ побуждалъ лифляндское дворянство всемѣрно спѣшить германизаціей туземныхъ племенъ, въ уплату священнаго долга, завѣщаннаго предками. Пусть же скажетъ намъ *Рижская Газета*, въ какихъ законахъ Россійской имперіи или въ какихъ трактатахъ записанъ этотъ священный долгъ, возлагаемый на лифляндское дворянство? Но откуда почерпнулъ докторъ Вальтеръ мысль о германизаціи прибалтійскихъ провинцій? Что побудило его высказаться въ такомъ смыслѣ при столь торжественномъ случаѣ? Дворянство ли лифляндское, къ которому онъ обращался? Нѣтъ, проповѣдникъ горько упрекалъ дворянство за нерадѣніе къ этому дѣлу: значитъ, не оно. Въ самомъ дѣлѣ, многія столѣтія протекли съ тѣхъ поръ какъ здѣсь водворилось прибывшее изъ Германіи рыцарство, и Эсты остались до сего дня Эстами, а Латыши Латышами. Мы знаемъ сверхъ того, что члены лифляндскаго дворянства протестовали противъ солидарности съ мнѣніями доктора Вальтера, который и долженъ былъ вскорѣ затѣмъ сложить съ себя должность суперъ-интендента. Итакъ, мысль эта возникла не изъ нѣдръ самой дворянской корпораціи. Мысль эта откуда-то пришла въ Лифляндію; она могла найдти въ ней ревностныхъ поборниковъ, но отнюдь не родилась на ея почвѣ. Откуда же вдругъ налетѣло это повѣтріе на Лифляндію и вообще на прибалтійскія провинціи? Оттуда же, конечно, откуда налетѣло оно и въ другія мѣста Россійской Имперіи. Вѣдь найдено же возможнымъ поднять призракъ самаго невозможнаго изъ всѣхъ вопросовъ, вопроса малороссійскаго, о которомъ было не менѣе шума чѣмъ объ остзейскомъ? Откуда вышелъ этотъ призракъ? Дворянство ли малороссійскихъ губерній, или крестьянскія народонаселенія, или духовенство, или городскіе классы, были виной нечестивой попытки разорвать единокровную семью на два чуждые одинъ другому народа? Изъ мѣстной ли почвы вышли эти господа, которые разъѣзжали по малороссійскимъ селамъ допытываться у крестьянъ, не желаютъ ли они, чтобы въ ихъ школы было введено правительствомъ ихъ мѣстное нарѣчіе? Было ли вызвано это такъ-называемое украйнофильское движеніе какими-либо условіями жизни, ея потребностями, ея дѣйствительными элементами? Не было ли это дѣло возмутительною ложью, которою успѣли одурманить нѣсколько молодыхъ головъ и сбить съ толку нѣсколько эксцентриковъ-литераторовъ? А между тѣмъ когда мы должны были бороться съ этою неслыханною по своимъ обстоятельствамъ интригой, не старались ли возбудить противъ насъ мѣстное общественное мнѣніе, какъ противъ злыхъ ненавистниковъ малороссійскихъ народонаселеній?

Какой край изъ всѣхъ земель, пріобрѣтенныхъ Россіей имѣетъ наибольшее право называться русскимъ, наравнѣ съ самыми коренными русскими землями? Какой же, если не Кавказъ, который упитанъ русскою кровью и усѣянъ русскими костями? Да и одна ли кровь арміи, смѣнявшихъ одна другую въ продолженіе многихъ десятилѣтій, усвоила этотъ край Россіи? Не былъ ли онъ въ теченіе долгаго времени тяжкою государственною необходимостью, лежавшею на всемъ русскомъ народѣ? Не участвовалъ ли въ усвоеніи этого края Россіи каждый русскій человѣкъ, вносившій свою податную лепту въ казну? И однакоже, не читали ли мы въ одномъ политическомъ памфлетѣ, который появился въ свѣтъ при обстоятельствахъ самыхъ необыкновенныхъ, что Кавказъ долженъ быть для русскаго народа землей *чужестранною?*

Итакъ, повторимъ, нѣтъ ничего мудренаго, что и въ балтійскихъ палестинахъ былъ возбужденъ особый вопросъ, надъ которымъ теперь дѣятельно трудятся ловкіе люди, и о которомъ, какъ въ прошломъ году сознавалась *Рижская Газета*, не могло быть и рѣчи года за три передъ тѣмъ.

Лѣтомъ прошлаго года намъ вновь пришлось заговорить объ остзейскихъ дѣлахъ. Между балтійскими газетами завязалась полудружеская, полубранчивая бесѣда, о новомъ устройствѣ этого края. Подъ прикрытіемъ оживленной полемики о нѣкоторыхъ мѣстныхъ вопросахъ, *Рижская Газета* и *Дерптскій Дневникъ* высказывали мысль о соединеніи трехъ балтійскихъ

провинцій въ одно политическое цѣлое, долженствующее имѣть общее и отдѣльное отъ Россіи государственное представительство. Пусть скажетъ намъ *Рижская Газета*, въ какихъ законахъ Россійской Имперіи, или въ какой части статутовъ, относящихся къ прибалтійскимъ провинціямъ, находится законъ, связывающій эти три губерніи въ одно политическое цѣлое, съ представительнымъ собраніемъ, долженствующимъ имѣть характеръ національно-нѣмецкій и земскій? Изъ двухъ препиравшихся тогда газетъ, одна говорила въ интересѣ городскихъ сословій, и настаивала на томъ, чтобы дворянство подѣлилось своими политическими правами съ городскими сословіями во имя нѣмецкой національности; то была *Рижская Газета*. Другая, тономъ нѣсколько высокомѣрнымъ, говорила отъ лица дворянства: это былъ *Дерптскій Дневникъ*, *Dorpater Tagesblatt*.

Мы очень хорошо знаемъ, что полемика, которую вели между собою эти двѣ газеты, вовсе не была дѣломъ нѣсколькихъ вольнопрактикующихъ писакъ, которые предавались ему за неимѣніемъ другаго болѣе полезнаго занятія; но мы имѣемъ весьма убѣдительныя доказательства тому, что дѣло это возбуждалось искусственно, а не вытекало естественно изъ мѣстной жизни этихъ провинцій. Какія же имѣемъ мы доказательства? Авторъ статейки вызвавшей это объясненіе съ насмѣшкой утверждаетъ, что даже „самые „горячіе приверженцы наши не повѣрятъ „намъ, будто въ Остзейскомъ краѣ мо„гутъ процвѣтать только такіе журналы, „которые находятся въ прямой противо„положности къ общественному мнѣнію „края.“ Не ясно ли свидѣтельствуетъ это заявленіе, что статья, о которой идетъ рѣчь, писана не на мѣстѣ своего появленія въ свѣтъ, иначе отъ ея автора не ускользнуло бы обстоятельство извѣстное каждому рижскому *скрибенту?* И въ Ригѣ, и въ Дерптѣ никто не могъ бы сказать этого, потому что тамъ еще въ свѣжей памяти плачевная участь именно одного изъ тѣхъ двухъ органовъ, которые составляли учредительный комитетъ для сочиненія конституціи нѣмецкаго государства, долженствующаго появиться на мѣстѣ нынѣшнихъ трехъ прибалтійскихъ провинцій Россіи. Именно вслѣдъ затѣмъ диспутомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, *Дерптскій Дневникъ* объявилъ, что за неимѣніемъ поддержки въ краѣ онъ долженъ прекратить свое существованіе. Итакъ, этотъ органъ, который брался говорить отъ лица мѣстнаго дворянства, составляющаго главную, можно сказать единственную силу края, долженъ былъ прекратить свое существованіе за неимѣніемъ читателей.

Авторъ статьи спрашиваетъ, мѣстные ли журналы выслали въ Дерптъ коммиссію для разсмотрѣнія судебной реформы. Лучше было бы не упоминать объ этомъ предметѣ. Обстоятельства, сопровождавшія это дѣло, даютъ просвѣтъ на тѣ пути, которыми возбуждаются всѣ наши вопросы. Но прежде всего мы желали бы знать въ какихъ статутахъ показано, что по предметамъ государственнаго интереса три балтійскія провинціи могутъ созывать представителей отъ корпорацій дворянскихъ и городскихъ для составленія общей коммиссіи, которая заявляла бы предъ престоломъ мнѣнія и убѣжденія края принятаго такимъ образомъ за одно политическое цѣлое? Мы понимаемъ значеніе политическаго представительства, мы понимаемъ что оно можетъ быть глубокою потребностію общества, но мы знаемъ также и то, что оно еще не находится въ числѣ основныхъ законовъ Россійской Имперіи, и что если отдѣльныя части Имперіи будутъ присваивать себѣ это право отдѣльно отъ цѣлаго, то Россійская Имперія не просуществуетъ и двухъ десятилѣтій. По поводу этой коммиссіи, въ мѣстныхъ газетахъ появилась статья сообщенная, то-есть имѣющая характеръ *офиціальный*. И вотъ, въ этой офиціальнаго характера статьѣ объяснялась политическая важность юстицъ-коммиссіи, которая впервые должна соединить въ общемъ дѣлѣ три губерніи, и положить такимъ образомъ начало ихъ будущему единству; но въ то же время заявлялось, что столь важный актъ совершается „не въ силу закона и не по призыву общей государственной власти.“ Мы съ своей стороны ничего иного не сдѣлали какъ только заявили этотъ знаменательный фактъ

Мы вполнѣ вѣримъ, что проектъ новаго городскаго устройства вырабатывался не въ редакціи *Рижской Газеты*, и что ни редакторы этой газеты, ни ея наборщики не несутъ на себѣ отвѣтственности за этотъ проектъ. Мы знаемъ, гдѣ и кѣмъ онъ составлялся; но при тѣхъ обстоятель-

ствахъ, о которыхъ сейчасъ упомянуто, при тѣхъ возбужденіяхъ, которыя дѣйствуютъ сверху на общественное мнѣніе, трудно ли понять въ какомъ смыслѣ должна теперь говорить и дѣйствовать городская корпорація Риги?

Объ остальномъ намъ даже стыдно говорить. Мы считаемъ дѣломъ недостойнымъ опровергать такія показанія, которымъ надобно противопоставлять простое: *нѣтъ*. Намъ остается только спросить, какую бы иную цѣль могъ имѣть авторъ статьи „Балтійскія провинціи и балтійская печать," утверждая, что въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* дѣлаются нападенія на лютеранскую церковь, на нѣмецкій языкъ, и на другія, какъ онъ выражается, „святыни балтійскаго существованія," если не ту, чтобы мѣстныхъ дворянъ, до которыхъ не доходятъ *Московскія Вѣдомости*, ввести въ заблужденіе насчетъ общественнаго мнѣнія, господствующаго въ Россіи по отношенію къ ихъ краю?

№ 151.

Москва, 10-го іюля.

До многихъ изъ нашихъ читателей, вѣроятно, вовсе не доходили свѣдѣнія объ интересномъ эпизодѣ, къ которому подалъ поводъ вопросъ о правахъ и положеніи русскаго языка и людей объясняющихся этимъ языкомъ въ городѣ Ригѣ. Этотъ вопросъ, совершенно неожиданнымъ образомъ, сталъ предметомъ полемики, между самими Рижанами русскаго языка,— полемики, искусно поддерживаемой *Рижскою Газетой* въ то самое время, когда онъ обсуждается съ законодательной точки зрѣнія въ особой коммиссіи, наряженной городскими чинами (Stände то-есть магистратомъ и обѣими гильдіями) для пересмотра устава города Риги, послѣ чего онъ долженъ поступить на окончательное рѣшеніе высшихъ властей. *Рижская Газета*, безъ сомнѣнія, полагала, что ея собственныя заявленія противъ равноправности русскаго языка съ нѣмецкимъ не могли бы произвести такое сильное впечатлѣніе, какого, по ея мнѣнію, слѣдуетъ ожидать, еслибы раздался голосъ людей русскаго языка, проживающихъ въ Ригѣ,— голосъ, который высказался бы, однакоже, въ пользу исключительнаго господства нѣмецкаго языка и людей говорящихъ этимъ языкомъ въ этомъ городѣ. И вотъ, дѣйствительно, по щучьему велѣнью явился „Русскій," который изъ всѣхъ силъ старается увѣрить читателей *Рижской Газеты*, что большинство обывателей русскаго языка въ Ригѣ вовсе не желаетъ, чтобы люди изъ ихъ среды могли достигать въ этомъ городѣ общественныхъ должностей; что оно желаетъ оставаться подъ исключительною властью „Нѣмцевъ," и что только благодаря „Нѣмцамъ" и ихъ управленію, оно еще могло жить въ Ригѣ хоть сколько-нибудь сносно, а безъ этого оно еще болѣе обѣднѣло бы чѣмъ теперь. Какъ видимъ, этотъ русскій защитникъ исключительнаго господства въ Ригѣ нѣмецкаго элемента становится на соціально-демократическую точку зрѣнія, говоритъ отъ имени русскихъ бѣдняковъ въ Ригѣ и ратуетъ противъ тамошнихъ русскихъ богачей. Это довольно искусный маневръ съ его стороны: онъ разчитанъ на сочувствіе нѣкоторыхъ довольно вліятельныхъ, но не довольно разумныхъ людей, которые, пожалуй, и не замѣтятъ страннаго смѣшенія въ одномъ и томъ же лицѣ русскаго демократа и защитника исключительныхъ правъ нѣмецкой городской аристократіи. Что же касается до бѣдняковъ въ Ригѣ, которые понимаютъ только по русски, то не будучи въ состояніи прочесть что говорится отъ ихъ имени въ нѣмецкой газетѣ, они никакъ не въ состояніи протестовать противъ своего непризваннаго адвоката.

Но перейдемъ къ изложенію самой статьи этого импровизованнаго сотрудника *Рижской Газеты*. Прежде всего говорится, что вліятельные Рижане русскаго происхожденія, въ поданномъ отъ ихъ имени проектѣ реформы городоваго устройства Риги, хлопочутъ о своихъ собственныхъ выгодахъ, объ удовлетвореніи своему честолюбію и властолюбію, пренебрегая выгодами и удобствами большинства своихъ собратій. Пусть однакоже демократы и нивеллаторы повременятъ радоваться. Они ошибутся, если будутъ ждать отъ автора, что онъ рѣшительно выскажется противъ тѣхъ многихъ стѣсненій, которымъ несомнѣнно подлежитъ въ Ригѣ торговая и промышленная дѣятельность всего непривилегированнаго населенія. Этотъ демократъ, напротивъ, является защитникомъ цеховаго устройства. Но это еще не

все. Нашимъ читателямъ извѣстно, какъ рижскіе браковщики по части торговли льномъ, уронили на глазахъ иностранцевъ этотъ важный предметъ нашего заграничнаго отпуска, который естественно направлялся чрезъ Ригу. И что же? Импровизованный сотрудникъ *Рижской Газеты* слезно плачетъ о томъ, что эти браковщики не прибрали къ своимъ рукамъ и заграничной торговли шерстью: тогда торговля шерстью, по его мнѣнію, не устремилась бы почти вся къ Одесскому порту, между тѣмъ какъ „русскіе“ купцы въ Ригѣ, въ рукахъ которыхъ она сосредоточивалась около 1830 г., совершенно уронили ее, подмѣшивая къ хорошей шерсти плохую и въ послѣдствіи даже просто соръ и камни. Намъ неизвѣстны относящіеся сюда факты, и мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобъ отрицать что со стороны этихъ купцовъ въ Ригѣ могли быть такія же неправильности въ заграничной торговлѣ шерстью, какія дозволялъ себѣ комитетъ браковщиковъ по торговлѣ льномъ; очень можетъ быть, съ шерстью было еще больше злоупотребленій чѣмъ со льномъ. Но нельзя отрицать и разницу между злоупотребленіями, которыя дѣлаются тѣмъ или другимъ купцомъ въ качествѣ частныхъ лицъ, и тѣми случаями, болѣе прискорбными, когда грѣшатъ люди въ офиціяльномъ званіи. Впрочемъ, торговлѣ шерстію было естественнѣе направиться къ Одесскому порту, тогда какъ для льна Рига была ближайшимъ пунктомъ заграничнаго сбыта.

Русскій сотрудникъ *Рижской Газеты* обвиняетъ далѣе своихъ одноязычныхъ согражданъ въ недостаткѣ образованія для отправленія общественныхъ должностей, въ раздорахъ между православными и старовѣрами,—раздорахъ которые въ 1845 году помѣшали предположенному тогда основанію купеческаго общества взаимнаго вспомоществованія (православные не хотѣли принять въ него старовѣровъ, а старовѣры-то и были именно люди капитальные), и которые въ 1850 году побудили старовѣровъ обратиться къ генералъ-губернатору съ просьбой о допущеніи ихъ сыновей въ единственную тамошнюю русскую школу,—и наконецъ, онъ обвиняетъ капиталистовъ русскаго происхожденія въ Ригѣ въ томъ, что давая взаймы своимъ соплеменникамъ же подъ залогъ, они требуютъ уплаты долга, а въ случаѣ неуплаты пользуются правами, которыя даетъ имъ закладная, что они не строятъ фабрикъ, на которыхъ могли бы работать тысячи бѣдныхъ женщинъ, и т. д. Жалобамъ рижскихъ гражданъ русскаго языка, что ихъ представленія городскимъ властямъ были оставляемы безъ вниманія, онъ не безъ остроумной находчивости противополагаетъ жалобу, что и директоры Русскаго клуба въ Ригѣ до 1-го іюня еще не отвѣчали на письменную жалобу одного изъ членовъ этого клуба, поданную въ январѣ. Статья оканчивается куріознымъ приглашеніемъ одного изъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей* побывать въ Ригѣ, ознакомиться съ тамошними „Русскими“ и „Нѣмцами“, и послѣ уже говорить въ своей газетѣ о Ригѣ,—говорить, конечно, въ томъ же духѣ и въ томъ же смыслѣ какъ и русскій поборникъ исключительнаго господства нѣмецкаго языка въ Ригѣ. Намъ остается только благодарить за это приглашеніе, которымъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ воспользоваться.

Эта статья не замедлила вызвать опроверженія. Прежде всего разъяснился вопросъ объ образѣ дѣйствій директоровъ клуба: они объявили въ *Рижской же Газетѣ*, что съ самаго основанія клуба ни одна жалоба не была оставляема директорами безъ изслѣдованія и рѣшенія, и что, слѣдовательно, они должны изобличить автора статьи въ неправдѣ. На это возразилъ нѣкто Михаилъ Соколовъ, что еще 20-го января нынѣшняго года онъ подалъ жалобу и не получилъ на нее ни рѣшенія, ни отвѣта. Противорѣчіе въ показаніяхъ, повидимому, разрѣшается тѣмъ, что комитетъ клуба отвѣчалъ на жалобу г. Соколова отъ 16-го января, но что г. Соколовъ, будучи не доволенъ этимъ отвѣтомъ, повторилъ еще разъ свою жалобу 20-го января, а комитетъ клуба естественно счелъ уже за лишнее отвѣчать на нее вторично. Что же касается до другихъ пунктовъ обвиненія, то на нихъ съ большимъ негодованіемъ отвѣчалъ, въ *Рижской же Газетѣ*, М. С. Семеновъ, замѣчая, что еслибы неизвѣстный авторъ читалъ мнѣніе Русскихъ, поданное въ коммиссію, разсматривающую проектъ преобразованія рижскаго городоваго устройства, и еслибъ онъ сколько-нибудь понималъ смыслъ и значеніе равноправности русскаго языка съ языкомъ нѣмецкимъ, а русскихъ гражданъ Риги съ нѣмецкими,

то не сталъ бы говорить ни о враждѣ Русскихъ къ Нѣмцамъ, ни о томъ, что Русскіе ищутъ только права быть бургомистрами и ратсгерами въ Ригѣ. „Вы думаете," говоритъ онъ, обращаясь къ лицу неизвѣстнаго автора, что мы удивляемся вашему раболѣпному самоуничтоженію предъ всѣмъ не-русскимъ? Ничуть не бывало: мы въ наше время видѣли не мало подобныхъ-же явленій. Мы видѣли, какъ нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, позоръ и посрамленіе русскаго имени, радовались на чужбинѣ невзгодамъ своего отечества. Мы видѣли также и такихъ *культуртрегеровъ* (Culturträger: намекъ на Шедо-Ферроти, по толкованію одного нѣмецкаго сотрудника *Рижской Газеты*), которые, прикрываясь фразами гуманности и терпимости, дерзко и безстыдно поносили все русское общество и желали на русскія же деньги издавать газету, предназначенную къ тому, чтобы систематически распространять въ обществѣ презрѣніе ко всему русскому. Переходите же на сторону этихъ представителей европейскаго образованія, и утверждайте заодно съ ними, что намъ не нужно ничего русскаго, что Рига не русскій городъ, что здѣшнее русское купечество и здѣшніе русскіе ремесленники должны благодарить Бога за то, что они не пользуются равными правами съ Нѣмцами."

Въ этотъ споръ тѣмъ проще было вмѣшаться редакціи *Рижской Газеты*, что онъ ею же и былъ возбужденъ. Въ обвиненіяхъ своего неизвѣстнаго сотрудника противъ русскихъ Рижанъ *Рижская Газета* усматриваетъ только ничѣмъ не прикрашенную правду, и къ его обвиненіямъ присоединяетъ еще нѣсколько своихъ. Если въ числѣ 700 членовъ большой гильдіи едва ли наберется и сто человѣхъ русскаго происхожденія, то это незначительное число полноправныхъ гражданъ русскаго происхожденія объясняется, по ея мнѣнію, тѣмъ, что они сами не обнаруживаютъ расположенія принимать на себя обязанности, соединенныя съ званіемъ гражданъ. Въ подтвержденіе этого равнодушія Рижанъ русскаго языка къ общественнымъ интересамъ, *Рижская Газета* указываетъ на образъ дѣйствій г. Осипова, который былъ избранъ въ члены коммиссіи, разсматривающей проектъ реформы рижскаго городскаго устройства, который внесъ въ эту коммиссію предложеніе объ измѣненіи многихъ статей проекта, и который при всемъ томъ очень неправильно посѣщаетъ засѣданія этой коммиссіи, нисколько не отстаиваетъ внесенныхъ имъ предложеній и не являлся даже въ то засѣданіе, въ которомъ, какъ ему было напередъ извѣстно, дѣло шло объ одномъ изъ важнѣйшихъ проектовъ его предложенія: о равноправности русскаго языка съ нѣмецкимъ. Точно также и въ прежнихъ соображеніяхъ гражданъ большой гильдіи, члены русскаго происхожденія нисколько не отстаивали заявленныхъ ими мнѣній насчетъ новаго устава Риги. *Рижская Газета* заключаетъ свою приписку къ статьѣ г. Осипова увѣреніемъ, что ея неизвѣстный сотрудникъ, высказавшійся такъ рѣшительно въ пользу исключительнаго господства нѣмецкаго элемента въ Ригѣ, представляетъ собою истинное мнѣніе большей части тамошняго населенія, говорящаго русскимъ языкомъ, такъ какъ тѣ „немногіе," которые стараются убѣдить читателей *Московскихъ Вѣдомостей*, будто бы все это населеніе жалуется на нѣмецкое иго, суть не болѣе какъ узурпаторы общественнаго мнѣнія. Ужь и теперь, говоритъ *Рижская Газета*, по закону „Русскіе" въ Ригѣ пользуются равнымъ правомъ съ „Нѣмцами," но уступая имъ въ образованіи, не заботясь нисколько объ его успѣхахъ, они естественно должны уступить „Нѣмцамъ" первенство во вліяніи на общественныя дѣла.

Г. Семеновъ не остался въ долгу у *Рижской Газеты*. Да, отвѣчаетъ онъ по закону, всѣ рижскіе граждане, какъ русскаго, такъ и нѣмецкаго происхожденія, пользуются въ Ригѣ равными правами; но „Нѣмцы," которые составляютъ большинство, стараются всячески противодѣйствовать усиленію русскаго элемента въ Ригѣ, опасаясь отъ того ущерба для своихъ привилегій, и не допускаютъ людей русскаго языка къ участію въ управленіи городомъ, потому что, по ихъ убѣжденію, только истый „Нѣмецъ" можетъ охранять интересы нѣмецкаго города Риги. Г. Семеновъ объясняетъ равнодушіе г. Осипова и другихъ къ общественнымъ дѣламъ и къ ихъ собственнымъ предположеніямъ относительно новаго устава Риги, во-первыхъ, тѣмъ, что г. Осиповъ естественно охладѣлъ къ занятіямъ коммиссіи, послѣ того какъ бо́льшая часть предположеній, представленныхъ имъ отъ имени Русскихъ, была отвергнута, и во-вторыхъ, тѣмъ, что огром-

ному большинству Рижанъ русскаго происхожденія или вовсе неизвѣстенъ нѣмецкій языкъ, или они чрезвычайно затрудняются говорить на немъ, а между тѣмъ въ Ригѣ во всѣхъ офиціяльныхъ дѣлахъ и во всѣхъ собраніяхъ гражданъ исключительно употребляется нѣмецкій языкъ, такъ что даже возраженія на русскомъ языкѣ не допускаются. „Такъ вы учи„тесь же нѣмецкому языку, скажетъ ре„дакція *Рижской Газеты*—продолжаетъ г. Семеновъ—„потому-де что граждане „*нѣмецкаго города* обязаны знать по нѣ„мецки. А я такъ полагаю, что граждане „великаго русскаго государства обязаны „знать по русски."

Какъ бы вы думали, что отвѣчаетъ на это *Рижская Газета?* Въ прошломъ году нѣмецкія прибалтійскія газеты еще церемонились по этому вопросу, и даже въ самой *Рижской Газетѣ* можно было встрѣтить увѣренія, что заботы русскаго правительства о распространеніи знанія русскаго языка между прибалтійскими Нѣмцами не были совершенно напрасны; но въ концѣ нынѣшняго іюня подобныя церемоніи уже считаются почему-то излишними, и *Рижская Газета* говоритъ прямо: „Допустимъ, что г. Семеновъ и правъ; „что же это значитъ въ виду того факта, „что большей части и почти всѣмъ граж„данамъ нѣмецкой національности или очень „мало или вовсе неизвѣстенъ русскій языкъ, „и что г. Семеновъ, говоря въ собраніи „гражданъ по-русски, былъ бы понятъ „очень немногими изъ многихъ сотенъ при„сутствующихъ?"

Вотъ отвѣтъ на заявленіе г. Семенова, отвѣтъ, на который стоитъ обратить вниманіе, особенно если припомнить, сколько стараній въ продолженіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ, повидимому, употреблялось на распространеніе знанія русскаго языка между прибалтійскими Нѣмцами? Гдѣ же плоды всѣхъ этихъ стараній? *Рижская Газета* сама заявляетъ, что русскаго языка будто бы никто не знаетъ изъ „Нѣмцевъ," и на этомъ основываетъ свой отказъ въ равноправности русскому языку.

Мы не можемъ входить въ разбирательство всѣхъ распрей возникающихъ между разными элементами рижскаго городскаго общества; но мы не можемъ не скорбѣть, что разногласія между рижскими гражданами принимаютъ фальшивый національный характеръ, и партіи распредѣляются не по какимъ-либо мотивамъ городскаго дѣла, а по національностямъ. Не свидѣтельствуетъ ли уже одно это обстоятельство о глубокой неправильности въ ходѣ нашихъ дѣлъ? Могутъ ли быть граждане не русской національности въ Россіи, если только они не иностранные подданные? Невозможно допустить чтобъ одна часть гражданъ Риги или какого-либо другаго города въ Россіи признавала и называла себя людьми нѣмецкой національности, а другая—русской. Племенное происхожденіе не опредѣляетъ національности, вѣроисповѣданіе—также. Національность людей опредѣляется національностью государства. Государство не можетъ не быть опредѣленной національности, если только оно не клонится къ разрушенію какъ Турція, или не держится лишь на балансѣ какъ Австрія. Всѣ русскіе подданные суть Русскіе и по своей національности, какого бы они ни были племени или какую бы ни исповѣдывали вѣру, ни въ дурномъ ни въ хорошемъ, въ этомъ случаѣ, не можетъ быть допущена какая-либо исключительность. Нѣмцами можемъ мы называть только гражданъ или подданныхъ какого-либо нѣмецкаго государства, но граждане и подданные русскаго государства не могутъ называться Нѣмцами, если только слово: *Нѣмецъ* должно имѣть смыслъ опредѣленной національности. Въ настоящую пору наименованіе *Нѣмецъ* дѣйствительно пріобрѣло значеніе опредѣленной политической національности, и не можетъ быть употребляемо какъ употреблялось въ прежнія времена для обозначенія человѣка ходящаго въ сюртукѣ, или плохо говорящаго порусски, или исповѣдывающаго лютеранскую вѣру. Нѣтъ ничего хуже если партіи въ гражданскомъ быту группируются на основаніи какого-нибудь племеннаго сродства, или по религіознымъ различіямъ, и если къ сужденіямъ и спорамъ по политическимъ предметамъ примѣшиваются племенныя пристрастія или религіозная нетерпимость. Дѣла не могутъ идти надлежащимъ образомъ и не можетъ выясняться ихъ истинная сущность, если люди въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ будутъ увлекаться мотивами чуждыми дѣлу, становясь другъ противъ друга тамъ гдѣ имъ слѣдовало бы дѣйствовать за одно, или вступая между собою въ соглашенія и поддерживая другъ дртга, на основаніи чуждыхъ дѣлу побужденій.

Все различіе между такъ-называемыми русскими и такъ-называемыми нѣмецкими гражданами Риги заключается въ томъ, что одни говорятъ по-русски, а другіе понѣмецки, потому что тутъ не оказывается и религіознаго основанія для раздѣленія національностей: между такъ-называемыми Русскими значительная часть принадлежитъ къ разнымъ старообрядческимъ и раскольничьимъ сектамъ, изъ коихъ нѣкоторыя вовсе не ближе къ православію, чѣмъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Итакъ, вся сущность вопроса заключается въ языкѣ. Языкъ, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ самыхъ существенныхъ признаковъ національности, и государство имѣющее опредѣленную національность, то-есть государство заслуживающее этого названія, можетъ имѣть только одинъ языкъ обязательный для всѣхъ его гражданъ. Всякій можетъ употреблять въ своемъ быту и въ своихъ дѣлахъ какой ему угодно языкъ, но во всѣхъ дѣлахъ и отправленіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ правительству, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, господствуетъ только одинъ языкъ, общій для всѣхъ членовъ государства, какого бы они ни были происхожденія. Лифляндія въ этомъ отношеніи находится въ положеніи исключительномъ; тамъ нѣмецкій языкъ имѣетъ офиціяльное значеніе. Это было допущено при самомъ присоединеніи Лифляндіи и города Риги къ Россійской Имперіи. Въ эпоху присоединенія, русскій языкъ находился еще въ переходномъ состояніи и русская жизнь претерпѣвала глубокій кризисъ. Само русское правительство должно было тогда прибѣгать къ посредству иностранныхъ языковъ или иностранныхъ людей для самыхъ необходимыхъ государственныхъ дѣлъ. Весьма естественно, что въ ту пору кризиса и ломки, при неустановившихся формахъ языка, оставлено неприкосновеннымъ въ новоприобрѣтенной провинціи употребленіе языка уже установившагося, имѣвшаго значительную литературу и служившаго орудіемъ образованія и науки. Такъ это остается и до сихъ поръ. Но русскіе Государи предусматривали и предназначали конецъ этому господству чужаго языка въ русской провинціи, — господству, которое было бы совершенно нестерпимою аномаліей, еслибы вмѣсто нѣмецкаго языка пользовался здѣсь офиціяльнымъ значеніемъ другой не имѣющій тѣхъ внутреннихъ преимуществъ, которыя безспорно принадлежатъ нѣмецкому. Во всякомъ случаѣ уже и теперь нестерпимо то, что дѣло не ограничивается правомъ предоставленнымъ нѣмецкому языку. Съ этимъ правомъ соединяется полнѣйшее безправіе русскаго языка. Это уже ни съ чѣмъ несообразно, это противно здравому смыслу и не совмѣстно съ чувствомъ государственной чести Россіи. Пусть бы нѣмецкій языкъ пользовался офиціяльнымъ значеніемъ, но нѣтъ ни малѣйшаго повода отнимать право у русскаго языка въ Русскомъ государствѣ. Русскій языкъ не можетъ чувствовать себя изгнанникомъ ни въ какомъ пунктѣ территоріи Русскаго государства. Никакого неудобства граждане Риги не могутъ потерпѣть отъ того, что языкъ государства будетъ пользоваться равноправностію съ языкомъ мѣстнымъ. Требуется главнымъ образомъ признаніе полноправности русскаго языка въ принципѣ; требуется это для возстановленія чести и достоинства Русскаго государства, а не въ виду какихъ-либо мелкихъ удобствъ для тѣхъ изъ рижскихъ обывателей, которые не умѣютъ объясняться понѣмецки.

Мы слышали что въ Ригѣ предполагаютъ сдѣлать нѣкоторую уступку въ пользу русскаго языка, и допустить, чтобы въ присутственныя мѣста можно было подавать просьбы на русскомъ языкѣ, дабы избавить незнающихъ по-нѣмецки рижскихъ обывателей отъ издержекъ сопряженныхъ съ необходимостію прибѣгать къ посредству переводчика въ офиціальныхъ сношеніяхъ. Но если давать вопросу о равноправности русскаго языка такое значеніе, то лучше уже не дѣлать никакого измѣненія въ настоящемъ положеніи. Такая уступка будетъ похожа на подачку, и она не возстановитъ національнаго достоинства, а напротивъ еще болѣе дастъ почувствовать его униженіе. Равноправность есть полноправность, и полноправность требуетъ чтобы на русскомъ языкѣ могли производиться точно такимъ же образомъ дѣла какъ они производятся на нѣмецкомъ, и чтобы въ собраніи гражданъ можно было столь же законно употреблять русскій языкъ, какъ употребляется нѣмецкій. Въ Ригѣ люди сколько-нибудь образованные не должны отзываться незнаніемъ русскаго языка. Если за нѣмецкимъ языкомъ еще удерживается офиці-

альное значеніе, то съ другой стороны закономъ поставлено тамъ въ обязанность учиться русскому языку. Еслибы въ Ригѣ также любили исполнять законъ, какъ любятъ ссылаться на законъ, то безъ всякаго сомнѣнія въ образованныхъ сферахъ рижскаго городскаго общества никто не ссылался бы на незнаніе русскаго языка, и *Рижская Газета* не могла бы провозглашать такъ торжественно, что „въ собраніи гражданъ, человѣкъ, говорящій „по-русски, былъ бы понятъ очень немногими изъ многихъ сотенъ присутствующихъ."

Однако мы не совсѣмъ вѣримъ этому показанію будто рижскіе граждане всегда находятся въ такомъ безпомощномъ положеніи, когда въ ихъ собраніи заговорятъ по-русски. *Рижская Газета* отреклась торжественно отъ русскаго языка предъ г. Семеновымъ, но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ томъ же городѣ Ригѣ, въ многочисленномъ собраніи торговыхъ людей, никто не замѣтилъ князю Д. А. Оболенскому, директору департамента внѣшней торговли, обращавшемуся къ нимъ по-русски, что они не могутъ понимать его. Напротивъ, его благодарили, и слушали съ полнымъ вниманіемъ и живѣйшимъ удовольствіемъ. Видно, даръ языковъ есть дѣло условное въ Ригѣ.

№ 152.

Москва, 12-го іюля.

Читатели найдутъ ниже письмо барона Френкеля, разъясняющее нѣкоторые существенные пункты предпріятія, имъ задуманнаго и уже готоваго вступить въ жизнь. Баронъ Френкель рѣшительно устраняетъ тѣ опасенія, которыя были нами высказаны по поводу этого предпріятія съ политической точки зрѣнія. „Новое Общество не послужитъ орудіемъ польской пропаганды или поддержкой польскаго элемента въ русскомъ западномъ краѣ." „Такой путь былъ бы жалкій путь, и Общество, которое рѣшилось бы вступить на этотъ жалкій путь, не могло бы разчитывать не только на прочное, но и на какое-либо существованіе." Мы принимаемъ эти заявленія въ ихъ полной силѣ. Дѣлаемыя публично, они пріобрѣтаютъ тѣмъ болѣе серіозное значеніе, что баронъ Френкель есть единственный изъ учредителей, имя котораго покамѣсть заявляется, а потому всякое его слово должно считаться за общій ихъ голосъ. Баронъ Френкель, не колеблясь, высказываетъ убѣжденіе, что получивъ иныя, болѣе вѣрныя свѣдѣнія, мы поспѣшимъ отказаться отъ тѣхъ мрачныхъ мыслей и догадокъ, на которыя навела насъ одна познанская газета своимъ двусмысленнымъ намекомъ. Считаемъ пріятною обязанностью заявить, что мы дѣйствительно получили весьма успокоительныя удостовѣренія въ этомъ отношеніи.

Наши прежнія замѣчанія основывались единственно на уставѣ, который, какъ извѣстно, получаетъ силу закона на 90 лѣтъ, а слѣдовательно по необходимости болѣе долговѣченъ нежели личный составъ самаго прочнаго изъ правительствъ на свѣтѣ. Этого одного обстоятельства уже достаточно для объясненія той нашей мнительности, о которой говоритъ баронъ Френкель. Не скроемъ, что мы не безъ нѣкотораго удивленія увидѣли въ письмѣ его сближеніе между нашими замѣчаніями о проектѣ Общества поземельнаго кредита и нашимъ будто бы неблагопріятнымъ взглядомъ на учредителей этого Общества. Этого неблагопріятнаго взгляда не могло быть уже потому одному, что намъ были неизвѣстны, да и до сихъ поръ остаются неизвѣстными имена учредителей Общества. Мы не имѣли никакого личнаго мотива къ неблагопріятному взгляду на учредителей Общества, и все что было сказано нами объ этомъ Обществѣ, повторяемъ, основывалось на дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ о его уставѣ. Мы принуждены и въ этомъ отношеніи сдѣлать оговорку, — оговорку необходимую, хотя намъ было бы гораздо пріятнѣе, еслибы въ ней не было надобности. Баронъ Френкель, въ письмѣ своемъ къ намъ, припоминаетъ съ прискорбіемъ, что мы поспѣшили сообщить публикѣ тѣ неточныя свѣдѣнія и слухи, которые дошли до насъ относительно устава Общества поземельнаго кредита. Но стоитъ сличить время появленія нашей первой статьи о банкѣ барона Френкеля съ тѣми фазами, которыя проходило офиціяльное разсмотрѣніе проекта сюда относящагося, и тогда окажется, что мы скорѣе опоздали, чѣмъ поспѣшили сообщить свѣдѣнія о немъ. Какъ не было поспѣшности съ нашей стороны, такъ не было и неточности въ нашихъ свѣдѣніяхъ. Наши

свѣдѣнія относились къ проекту устава не въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ государственнаго совѣта, а въ какомъ онъ поступилъ въ государственный совѣтъ изъ министерства финансовъ. Слѣдовательно, не мы, а самый проектъ въ одномъ изъ своихъ прежнихъ видовъ, былъ виной того прискорбія, которое, къ нашему сожалѣнію, могли причинить наши статьи, и о которомъ упоминаетъ баронъ Френкель въ письмѣ, радушно принимаемомъ нами въ столбцы нашей газеты.

Чѣмъ положительнѣе можемъ мы заявить, что личныя предубѣжденія не входили и не могли входить въ основанія нашихъ соображеній, тѣмъ съ большею энергіей должны мы указать на громадную важность личнаго вопроса въ такомъ дѣлѣ какъ акціонерное общество поземельнаго кредита. Оно учреждается не на пять, не на десять, а на 90 лѣтъ. Очень возможно, что и въ непродолжительное время количество акцій находящихся нынѣ въ надежныхъ рукахъ перейдетъ въ руки людей, которые будутъ смотрѣть на Россію глазами иностранцевъ. Если же, какъ говоритъ баронъ Френкель въ своемъ письмѣ, часть акцій будетъ съ самаго начала роздана за границей, если другая часть перейдетъ туда въ послѣдствіи, если паи барона Френкеля перейдутъ тоже въ другія руки и получатъ характеръ капитала иностраннаго, то легко можетъ случиться, что Общество поземельнаго кредита совсѣмъ потеряетъ національный характеръ. Замѣтимъ, что, по уставу, новые выпуски акцій будутъ распредѣляться между учредителями и акціонерами, и что двѣ трети изъ всѣхъ новыхъ выпусковъ будутъ принадлежать акціонерамъ. Такимъ образомъ, за личнымъ составомъ собранія акціонеровъ навсегда сохранится тотъ характеръ, который будетъ приданъ ему въ первые годы. Если однажды большинство акцій попадетъ въ руки иностранцевъ или людей считающихъ себя иностранцами относительно Россіи, то такъ пойдетъ и на все слѣдующее время. Правда, въ общихъ собраніяхъ будутъ участвовать не одни акціонеры; заемщики будутъ также имѣть право голоса, и баронъ Френкель съ удареніемъ указываетъ на это. Но акціонеры могутъ, что называется, *дѣлать* голоса, раздавая свои акціи, а заемщики должны были бы для этой цѣли раздавать свои имѣнія, что невозможно. Къ тому же они будутъ и менѣе заинтересованы. Наконецъ, казна, которая будетъ, вѣроятно, крупнымъ заемщикомъ, будетъ имѣть по уставу, только одинъ голосъ. Вообще невозможно предполагать, чтобы заемщики когда-нибудь имѣли въ собраніи столько же голосовъ какъ акціонеры. Вотъ почему не подлежитъ сомнѣнію, что для сохраненія національнаго характера за новоучреждаемымъ Обществомъ въ высшей степени важно, чтобы капиталъ Общества составился въ Россіи. Есть ли разумный поводъ привлекать иностранные капиталы къ такимъ выгоднымъ помѣщеніямъ, какъ акціи новаго Общества? Ихъ нарасхватъ разберутъ и въ Россіи, а потому мы считаемъ себя въ правѣ надѣяться, что новое Общество не затруднится открытіемъ публичной подписки на акціи. Въ самомъ дѣлѣ, какіе разчеты могли бы помѣшать тому? Учредители будутъ получать весьма значительное вознагражденіе въ тѣхъ десяти процентахъ чистой прибыли, на которые они имѣютъ право по уставу. Ихъ вознагражденіе будетъ равняться запасному капиталу, и если баронъ Френкель высказываетъ положительную надежду, что запасный капиталъ Общества дойдетъ до 5 милліоновъ рублей, то этимъ самымъ онъ высказываетъ столько же положительную надежду, что и учредители получатъ 5 милліоновъ вознагражденія за свои труды по составленію и проведенію устава. Если это вознагражденіе не считается достаточнымъ, то учредители могутъ удержать за собой часть акцій, напримѣръ пятую ихъ долю, пустивъ въ публичную подписку не всѣ 50.000, а только 40.000 акцій. Наконецъ, имъ никто не можетъ возбранить участіе и въ публичной подпискѣ, при чемъ они получатъ еще столько акцій, сколько придется по разверсткѣ. Но публичная подписка, открытая исключительно въ Россіи, до извѣстной степени обезпечитъ національный характеръ личнаго состава акціонеровъ; а это будетъ имѣть чрезвычайную важность въ политическомъ отношеніи.

Сказаннаго достаточно съ политической точки зрѣнія. Что касается экономической стороны дѣла, то тутъ баронъ Френкель упоминаетъ о двухъ существенныхъ улучшеніяхъ, введенныхъ въ уставъ его банка:

I. Установлено соотношеніе между складочнымъ капиталомъ и количествомъ выпускаемыхъ закладныхъ листовъ. Баронъ Френкель сообщаетъ, что это отношеніе

будетъ какъ 1 къ 20, съ тѣмъ однакоже различіемъ, что складочный капиталъ будетъ все-таки считаться на кредитные рубли, а закладные листы — на звонкую монету. Мы должны признаться, что не совсѣмъ понимаемъ даваемое барономъ Френкелемъ объясненіе этого различія. Если соотношеніе нужно, то оно должно быть прочное, то-есть пропорція между складочнымъ капиталомъ и закладными листами не должна колебаться: средняго тутъ быть не можетъ. Но помимо этого непонятнаго для насъ пункта, надобно признавать за упомянутымъ улучшеніемъ серіозное значеніе въ трояkомъ отношеніи:

а) Для правительства, которое получаетъ право разрѣшать или не разрѣшать дальнѣйшіе выпуски закладныхъ листовъ сверхъ 100 милліоновъ, и можетъ воспользоваться этимъ правомъ, если закладные листы будутъ подрывать курсъ правительственныхъ бумагъ. Это будетъ особенно пріятно узнать владѣльцамъ 5% билетовъ, первый выпускъ которыхъ былъ принятъ публикой рубль за рубль, и которыхъ курсъ поэтому правительство имѣетъ нравственную обязанность поддерживать зависящими отъ него мѣрами.

б) Для будущихъ покупателей закладныхъ листовъ, которые будутъ теперь менѣе опасаться безмѣрныхъ выпусковъ закладныхъ листовъ и потому могутъ съ большею увѣренностью разчитывать на удовлетворительный курсъ ихъ, тѣмъ болѣе что въ соотношеніи между складочнымъ капиталомъ и выпусками закладныхъ листовъ заключается обезпеченіе правильной уплаты по купонамъ закладнымъ листовъ и по самимъ листамъ выходящимъ въ тиражъ.

в) Для заемщиковъ, которымъ вслѣдствіе этого улучшенія можетъ быть предоставлено весьма серіозное облегченіе круговой отвѣтственности. Эта отвѣтственность должна представляться невыносимою особенно въ томъ случаѣ, если заемщикъ обязанъ отвѣчать за всѣ оцѣнки, которыя будутъ утверждены банкомъ въ продолженіи всѣхъ 37 лѣтъ его займа. Такъ и было бы, еслибы закладные листы были выпускаемы безъ раздѣленія на серіи, но это перестаетъ быть необходимостью, какъ скоро вводятся періоды заключенія займовъ и выпуска закладныхъ листовъ. Первый выпускъ акцій банка будетъ произведенъ на 5 милліоновъ рублей. Этотъ выпускъ разрѣшается самымъ уставомъ и даетъ банку право выпустить на 100 милліоновъ закладныхъ листовъ, которые, будучи выданы заемщикамъ, составятъ первую серію ссудъ Общества. Для прочности курса этого перваго выпуска закладныхъ листовъ совершенно достаточна круговая отвѣтственность всѣхъ заемщиковъ первой серіи, и затѣмъ нѣтъ уже необходимости привлекать ихъ къ отвѣтственности по дальнѣйшимъ серіямъ ссудъ, для которыхъ потребуется новый складочный капиталъ, и новый выпускъ закладныхъ листовъ, и которыми воспользуются новые заемщики. Такое раздѣленіе круговой отвѣтственности по серіямъ ссудъ было бы чрезвычайно важнымъ удобствомъ для всѣхъ заемщиковъ и будетъ оцѣнено ими всѣми. Особенную же важность оно должно имѣть для казны, которая отвѣчала бы тогда только по тѣмъ серіямъ, въ которыхъ она участвовала бы залогомъ своихъ имуществъ. Это обезпеченіе было бы для казны тѣмъ серіознѣе, что заложивъ въ новоучреждаемомъ обществѣ даже на 50 милліоновъ своихъ имуществъ и получивъ на 25 милліоновъ закладныхъ листовъ она, по уставу, имѣла бы въ общихъ собраніяхъ Общества не болѣе одного голоса, то-есть ея вліяніе на рѣшеніе дѣлъ равнялось бы вліянію каждаго изъ акціонеровъ имѣющихъ на 5.000 р. акцій или каждаго изъ заемщиковъ, получившаго въ ссуду 15.000 р. закладными листами.

II. Уставовлено, что отвѣтственность запаснаго капитала предшествуетъ круговой отвѣтственности заемщиковъ. Это постановленіе имѣетъ несомнѣнную важность, хотя и не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать его значеніе. Прибыли банка распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Прежде всего отчисляется въ пользу акціонеровъ по 5% на нарицательный складочный капиталъ. Изъ остальной суммы не менѣе 10% идетъ въ запасный капиталъ, до 10% въ пользу учредителей, до 5% въ пользу членовъ правленія, и весь остатокъ опять акціонерамъ. Предполагая прибыль довольно крупную, именно 16% съ 5 милліоновъ рублей, тоесть 800.000 р. кредитными билетами, получимъ: а) процентовъ акціонерамъ 250.000 р., б) въ запасный капиталъ 55.000 р., в) учредителямъ 55.000 руб., г) членамъ правленія 27.500 р., д) акціонерамъ 412.500, т.-е. акціонеры получили бы всего 662.500, или

по 13¼%, и только при такомъ дивидендѣ было бы отчислено въ запасный капиталъ 55.000 р. Можно представить себѣ, какой срокъ нуженъ для того, чтобы запасный капиталъ возросъ до суммы сколько-нибудь значительной! Изъ этого мы выводимъ заключеніе, что запасный капиталъ не можетъ служить удовлетворительнымъ обезпеченіемъ заемщиковъ противъ возможныхъ послѣдствій круговой поруки, и что несмотря на правило, вновь постановленное относительно запаснаго капитала, интересъ заемщиковъ все еще требуетъ серіозныхъ обезпеченій, которыя могутъ быть даны имъ лишь правилами составленія и утвержденія оцѣнокъ. Но какъ бы то ни было, упомянутое сейчасъ постановленіе, возлагающее отвѣтственность за недовыручку при продажѣ заложенныхъ имѣній прежде всего на запасный капиталъ, значительно улучшаетъ дѣло: запасный капиталъ принадлежитъ Обществу, то-есть акціонерамъ; потерять запасный капиталъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть для нихъ желательно, а потому они должны быть до нѣкоторой степени заинтересованы правильностью оцѣнокъ. Это постановленіе сближаетъ интересы акціонеровъ и заемщиковъ, находящіеся по многимъ пунктамъ въ антагонизмѣ между собой, а какъ важно это сближеніе, нѣтъ надобности объяснить.

Изъ остальныхъ указаній барона Френкеля мы остановимся на одномъ. Онъ придаетъ особенное значеніе праву заемщиковъ участвовать въ общихъ собраніяхъ Общества. Но для того чтобъ это право что-нибудь значило, надобно было бы точнѣе опредѣлить права общихъ собраній относительно членовъ правленія, которые по уставу слишкомъ полновластны. Члены правленія, въ продолженіе первыхъ четырехъ лѣтъ, вовсе не подлежатъ избранію. Затѣмъ, изъ числа семи членовъ, до трехъ могутъ быть замѣщаемы представителями какихъ-то акціонерныхъ компаній, которымъ предполагается уступить значительную часть акцій, и если это состоится, то избранію будутъ подлежать только четыре члена правленія. Кромѣ этого не очень серіознаго права избирать четырехъ членовъ правленія, и притомъ каждый годъ не болѣе одного, общія собранія разсматриваютъ только отчеты правленія и не имѣютъ вліянія ни на оцѣнки, ни на разрѣшеніе ссудъ, ни на опредѣленіе размѣра взносовъ, платимыхъ заемщиками. Даже относительно измѣненій устава, сказано неопредѣленно: „общее собраніе *разрѣшаетъ* правленію ходатайствовать о дополненіяхъ или измѣненіяхъ въ уставѣ.“ Лица, находящіяся въ связи съ предпріятіемъ, полагаютъ, что слово: *разрѣшаетъ* въ этомъ случаѣ равнозначительно слову: *поручаетъ*. Если это толкованіе вѣрно, то не худо бы внести слово *поручаетъ* въ уставъ.

Таковы замѣчанія, которыя мы считаемъ своимъ долгомъ сдѣлать по поводу письма барона Френкеля. Повторимъ еще разъ, что смотримъ на это дѣло какъ безъ пристрастія, такъ и безъ предубѣжденія. Всякое улучшеніе устава, а еще болѣе всякій шагъ организующагося Общества, обезпечивающій интересы государства или интересы заемщиковъ, мы готовы выставлять на видъ, и разумѣется, съ большею поспѣшностью чѣмъ тѣ обстоятельства, которыя подаютъ поводъ къ сужденіямъ или предположеніямъ неблагопріятнымъ.

№ 153.

Москва, 13-го іюля.

Въ этомъ же листѣ нашей газеты читатели найдутъ письмо изъ Вильна, посвященное, главнѣйшимъ образомъ, вопросу объ усиленіи русскаго элемента въ землевладѣльческомъ классѣ нашего западнаго края. Письмо это заслуживаетъ особеннаго вниманія по вѣрности общихъ взглядовъ, дающихъ направленіе сужденіямъ нашего корреспондента. Дѣйствительно, вопросъ о землевладѣніи въ западномъ краѣ имѣетъ величайшую важность. Пока почти весь землевладѣльческій классъ этого края состоитъ изъ людей польскаго элемента и, главное, изъ людей, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, еще мечтаютъ о возстановленіи польскаго королевства,—нашъ корреспондентъ упоминаетъ, что они даже теперь продолжаютъ вести втайнѣ подкопы подъ Россію,—а почти все городское промышленное и торговое населеніе состоитъ изъ Евреевъ, которые также недоумѣваютъ, считать ли имъ себя гражданами русской земли, или же польской, до тѣхъ поръ невозможно признать западный нашъ край окончательно закрѣпленнымъ за Россіей и за русскою народностью, и

увѣренія, что онъ русскій край, будутъ только обличать до какой степени не нормально положеніе дѣлъ въ этомъ краѣ. Никто не станетъ увѣрять, что Московская или какая-нибудь другая изъ нашихъ внутреннихъ губерній есть русскій край, потому что это разумѣется уже само собою. Если подобныя увѣренія еще умѣстны на всемъ протяженіи нашего западнаго края, то не служитъ ли это признакомъ, что тамъ русское государство еще не утвердилось? Что же сдѣлано до сихъ поръ, чтобъ эти увѣренія перестали быть фразой, а были, по крайней мѣрѣ, на пути къ тому, чтобы стать дѣломъ? До сихъ поръ на этомъ пути сдѣланъ только одинъ дѣйствительно серіозный шагъ, а именно прекращены обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщиками, и приняты мѣры къ матерьяльному обезпеченію крестьянъ; но при всей важности этой мѣры, кто же не понимаетъ, что одно крестьянское населеніе никакъ не въ состояніи закрѣпить этотъ край за Россіей и сдѣлать въ немъ русскую національность безспорно господствующею? Оно слишкомъ удручено матеріяльною нуждою и заботами о хлѣбѣ насущномъ, и по естественной недостаточности образованія, слишкомъ способно поддаваться всевозможнымъ постороннимъ вліяніямъ и внушеніямъ. Поколебать его довѣріе къ правительству дѣло не совсѣмъ не возможное: нѣсколько злоупотребленій въ томъ же родѣ, о какомъ разсказываетъ нашъ корреспондентъ, нѣсколько ошибокъ въ употребленіи государственной силы,—и усилія польскихъ патріотовъ могутъ оказаться не безуспѣшными. Чтобъ обезпечить русское дѣло, надобно позаботиться о высшемъ, просвѣщеннѣйшемъ и наиболѣе самостоятельномъ классѣ, а именно о классѣ землевладѣльческомъ,—позаботиться, чтобы въ него вошло, какъ можно болѣе, коренныхъ русскихъ элементовъ.

Пока еще время терпитъ, и энергическія усилія правительства въ этомъ направленіи, при содѣйствіи русскаго общества, несомнѣнно повели бы къ желанной цѣли. Мѣстное русское общество въ Вильнѣ, а равно и въ другихъ мѣстахъ западнаго края, еще хочетъ вѣрить въ возможность колонизаціи его коренными русскими землевладѣльцами. Въ распоряженіи правительства есть довольно значительное число имѣній, какъ въ южной, такъ особенно въ сѣверной половинѣ западнаго края—имѣній, или конфискованныхъ, или секвестрованныхъ, за неблагонадежностью прежнихъ владѣльцевъ. Въ распоряженіи правительства много средствъ, чтобы содѣйствовать переходу этихъ имѣній въ русскія руки. Конкурренція должна быть тутъ ограничена устраненіемъ отъ нея всѣхъ неправославныхъ, потому что государственный интересъ первостепенной важности требуетъ усиленія въ землевладѣльческомъ классѣ западнаго края не какихъ-либо инородческихъ элементовъ, которые, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, при случаѣ легко могутъ переходить и на сторону польскаго дѣла; а именно усиленія русскаго элемента. Было бы, кажется, всего полезнѣе содѣйствовать преимущественно водворенію средняго русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Нельзя отрицать важности и крупнаго русскаго землевладѣнія, которое придавало бы блескъ русскому элементу, но для имѣющейся въ виду цѣли очень много значитъ численность землевладѣльцевъ. Всего желательнѣе, чтобъ оказалось возможнымъ устроить участки, составляющіе среднее землевладѣніе, примѣрно около 500 десятинъ каждый, назначить этимъ участкамъ по возможности умѣренную цѣну и продавать ихъ, съ разсрочкой въ уплатѣ, преимущественно благонадежнымъ русскимъ людямъ и чиновникамъ въ краѣ, уже привыкшимъ къ борьбѣ съ польскимъ элементомъ, и преимущественно чиновникамъ, служащимъ по крестьянскому дѣлу. Такая мѣра имѣла бы громадное значеніе. На привлеченіе капиталистовъ изнутри самой Россіи пока нельзя еще много разчитывать. Сколько имѣній продается въ настоящее время во внутреннихъ областяхъ Россіи, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, и какъ мало на нихъ отыскивается охотниковъ? Огромная масса нашихъ капиталовъ ушла въ государственныя бумаги и была израсходована казной; народный капиталъ въ значительной степени уменьшился. Можно ли разчитывать, чтобы капиталы потекли изнутри Россіи въ край, такъ еще недавно замиренный, такъ еще сомнительный и не связанный желѣзными дорогами съ внутренними областями?

Классъ среднихъ землевладѣльцевъ, который можетъ образоваться изъ мѣстныхъ русскихъ дѣятелей, представляетъ наиболѣе гарантій въ томъ, что льготы, ему оказанныя, не пропадутъ даромъ. Будучи близ-

ко знакомы со всѣми мѣстными условіями, они были бы въ состояніи съ наибольшимъ успѣхомъ заниматься хозяйствомъ; а ихъ успѣхъ могъ бы мало-по-малу ободрить и капиталистовъ къ покупкѣ въ западномъ краѣ имѣній у польскихъ помѣщиковъ. Этотъ классъ среднихъ землевладѣльцевъ, составленный самимъ правительствомъ и пріобрѣтшій отъ него свои земли на льготныхъ условіяхъ, сталъ бы ядромъ русскаго землевладѣльческаго класса, который, при благопріятныхъ условіяхъ, не замедлилъ бы разрядить собою нынѣшній польскій землевладѣльческій классъ. Среднее землевладѣніе въ этомъ отношеніи гораздо предпочтительнѣе крупнаго, которое бываетъ представлено меньшимъ числомъ людей и притомъ людей рѣдко живущихъ въ ихъ имѣніяхъ и еще рѣже занимающихся хозяйствомъ, а предпочитающихъ отдавать свои земли въ арендное содержаніе. Такъ, между прочимъ, поступили и тѣ чины морскаго вѣдомства, которые получили въ Балтскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, по 5.000 десятинъ земли, съ ежегодною платой за нее въ казну по 70 коп. и которые, какъ насъ увѣряютъ, не замедлили отдать ее Полякамъ же въ арендное содержаніе съ платой по 2 р. за десятину. На сколько было бы полезнѣе для русскаго дѣла, еслибы вмѣсто пяти новыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые не живутъ и не хозяйничаютъ сами въ своихъ помѣстьяхъ, въ Балтскомъ уѣздѣ, при томъ же общемъ количествѣ земли, возникло отъ 20 до 30 новыхъ чисто-русскихъ помѣщиковъ, владѣющихъ каждый 100—1000 десятинъ, которые водворились бы тамъ съ своими семействами и принялись бы сами хозяйничать?

Однимъ изъ непремѣнныхъ условій, какъ намъ кажется, пріобрѣтеній отъ казны земель на льготныхъ условіяхъ должно быть обязательство не отдавать его въ арендное содержаніе никому, кромѣ какъ кореннымъ же Русскимъ. Да и вообще начало собственности нисколько не было бы нарушено, еслибы на нѣкоторое время затруднено было лицамъ польскаго элемента покупать земли въ западныхъ губеніяхъ, а напротивъ было бы облегчаемо для нихъ пріобрѣтеніе земель во всѣхъ другихъ мѣстахъ Имперіи. Цѣнность земель западнаго края, которая отъ ограниченія круга покупателей могла бы понизиться, была бы поддержана льготами при покупкѣ, потому что, согласно съ непреложнымъ экономическимъ закономъ, всякимъ удобствомъ покупателя непремѣнно пользуется и продавецъ.

№ 154.

Москва, 14-го іюля.

Давно уже намъ не попадались въ руки, даже случайно, листки *Колокола*. Давно объ этомъ изданіи нѣтъ нигдѣ помину. 1863 годъ съ его событіями и вопросами будто на цѣлое столѣтіе отодвинулъ наше общественное мнѣніе отъ того состоянія, въ которомъ оно передъ тѣмъ находилось. Есть у насъ мыслители, которые изъ этой быстрой и громадной перемѣны, происшедшей въ настроеніи нашего общественнаго мнѣнія, дѣлаютъ неблагопріятныя для русскаго общества выводы. „Какую жалкую незрѣлость представляетъ собою, говорятъ они, общественная среда, которая такъ быстро переходитъ изъ одной крайности въ другую и такъ легко и вмѣстѣ такъ радикально измѣняется въ своихъ настроеніяхъ!“ Ловкіе люди пользуются этимъ аргументомъ для своихъ цѣлей; но люди честные и дѣйствительно мыслящіе должны отдать себѣ разумный отчетъ въ сущности явленій, и не ставить русскому обществу въ вину явленія, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, бываютъ неизбѣжно во всякой общественной средѣ. Недавнія событія представляютъ намъ разительный въ этомъ отношеніи примѣръ. Пусть вспомнятъ тотъ видъ, какой представляло общественное мнѣніе въ самыхъ цивилизованныхъ, въ самыхъ развитыхъ, въ политическомъ отношеніи, странахъ въ продолженіе 1863 года. Пусть вспомнятъ, какимъ оргіямъ предавалось общественное мнѣніе и въ Италіи, и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи, по такъ-называемому польскому вопросу. Журналы всѣхъ оттѣнковъ наполнялись почти исключительно ругательными выходками противъ Россіи и изъявленіями глубокаго сочувствія угнетенной храброй, героической націи. Тѣ же самыя заявленія, торжественныя и единогласныя, слышались въ законодательныхъ собраніяхъ. Повсюду собирались митинги для выраженія сочувствія польскимъ патріотамъ; повсюду дѣлались складчины,— правда не очень обильныя, но все-таки дѣлались,—въ пользу польскаго возстанія.

Можно было подумать, что всѣ народы, всѣ партіи, всѣ умы въ Европѣ забыли все на свѣтѣ, побросали всѣ дѣла свои и съ безкорыстнымъ энтузіазмомъ юности предались одному великому, всеобъемлющему всепоглащающему вопросу. Мы не помнимъ, чтобы когда-нибудь общественное мнѣніе представляло такую оживленную картину, чтобы когда-нибудь высказывалась оно съ такимъ увлеченіемъ и съ такимъ, повидимому, единодушіемъ. Все что хоть сколько-нибудь касалось польскаго дѣла, могло, повидимому, разчитывать на самый горячій интересъ во всѣхъ слояхъ публики всѣхъ странъ Европы; самая грубая выдумка, совершенно очевидная ложь, сама себя изобличающая несообразность, могли разчитывать, повидимому, на полный успѣхъ въ самыхъ просвѣщенныхъ сферахъ. И вотъ почти мгновенно сцена измѣнилась. Въ театральныхъ представленіяхъ декораціи мѣняются не быстрѣе того, какъ измѣнилась сцена общественнаго мнѣнія Европы. Будто никогда не бывало польскаго возстанія; будто никогда не бывало самой Польши. Народы, партіи и люди забыли и думать о польскомъ дѣлѣ; вчерашніе энтузіасты его не могутъ вспомнить о немъ безъ нѣкотораго стыда какъ люди только что проснувшіеся послѣ безчинной оргіи; польскіе патріоты, которыхъ вчера еще носили на рукахъ, не находятъ себѣ нигдѣ пріюта и отвсюду отталкиваются какъ непрошеные гости. Быстрыя перемѣны декораціи въ общественномъ мнѣніи дѣло очень обыкновенное въ Европѣ, особенно съ тѣхъ поръ какъ ея дѣлами овладѣли руки искусныя и ловкія въ политической игрѣ. Благодаря этой игрѣ, вооруженной и правительственными и революціонными средствами, разыгрываются всякаго рода мистификаціи, творятся событія, и общественное мнѣніе принимаетъ тотъ или другой видъ смотря по надобности. Что же мудренаго, если въ нашей общественной средѣ, которая лишена всякой политической организаціи и потому не легко можетъ давать отпоръ производимымъ на нее дѣйствіямъ, происходятъ быстрыя перемѣны! Не русское общество виновато въ томъ, что на поверхности его происходили явленія, о которыхъ въ настоящее время никто не можетъ вспомнить безъ смѣха или омерзѣнія. Не русское общество было виною тому, что всякая нелѣпость, всякое сумасбродство могли считать себя силой и дѣйствовать какъ сила. Было время когда ловкимъ людямъ были пригодны для ихъ игры листки *Колокола*, и вотъ эти листки дѣйствовали какъ великая сила. Обстоятельства измѣнились; закулисные дѣятели, сообщавшіе этимъ листкамъ значеніе силы, были вынуждены прекратить свою подземную работу въ этомъ направленіи, и вотъ этотъ бѣдный *Колоколъ* принялъ свое естественное значеніе, свой естественный видъ. Онъ сталъ явленіемъ болѣе забавнымъ чѣмъ вреднымъ, и мы совершенно убѣждены, что еслибъ издатели этого листка переселились съ своими станками изъ Лондона не въ Женеву, а въ Москву, и еслибы имъ была предоставлена здѣсь такая же свобода проповѣдывать свой соціализмъ, какою они пользовались въ Лондонѣ, то никакой бѣды не могло бы произойдти отъ этого. Опасность заключается не въ свободѣ, которая предоставляется слову, до какой бы ни доходило оно нелѣпости. Чѣмъ оно нелѣпѣе, чѣмъ несостоятельнѣе и ничтожнѣе, тѣмъ менѣе можно опасаться предоставляемой ему свободы. Свобода для подобныхъ явленій всегда оказывается самымъ рѣшительнымъ и безпощаднымъ судомъ. Не свободы слѣдуетъ опасаться; опасаться надо только того, чтобы къ свободѣ не примѣшалось, какимъ бы то ни было путемъ, открытымъ или подземнымъ, черезъ сколько бы то ни было степеней, прямое или косвенное, сознательное или безсознательное пособіе организованной общественной силы или власти. Прямо или косвенно, сознательно или безсознательно, такое вмѣшательство можетъ дать значеніе всякому безумію, всякой нелѣпости, всякому ничтожеству.

Мы начали съ того, что уже съ давнихъ поръ намъ не случалось видѣть *Колокола*, слышать этотъ голосъ *d'outre-tombe*. Тѣмъ куріознѣе было намъ получить выдержки изъ двухъ нумеровъ этого изданія по переселеніи его въ Женеву, отъ 15-го іюня и 1-го іюля. Все по старому, все какъ было. Но какъ наивно и невинно звучитъ теперь это старье, гремѣвшее прежде такимъ набатомъ? „Наше дѣло на череду,“ „Наши десять заповѣдей, нашъ граждан„скій катихизисъ — въ соціализмѣ.“ Что можетъ быть добродушнѣе этого! И какъ очаровательно продолженіе этой исповѣди! „Да неужели соціализмъ, этотъ не зрѣ„лый плодъ тридцатыхъ годовъ, выкину„тый самою Франціей, еще существуетъ?

„Еслибъ онъ и въ самомъ дѣлѣ умеръ и „былъ схороненъ въ Европѣ, то и тогда „это мало бы имѣло вліянія на насъ. На„слѣдство свое онъ передалъ *намъ* при жиз„ни, но сверхъ того я сильно сомнѣваюсь „въ его смерти. Онъ, какъ евангельская „дѣвица, *не умеръ*, а *спитъ*."

Но посреди этихъ платоническихъ изліяній любви къ покойному соціализму, который еще при жизни завѣщалъ *этимъ господамъ* свою домашнюю рухлядь, выброшенную изъ Франціи, мы встрѣтили нѣчто серіозное, нѣчто заставившее насъ невольно вспомнить о томъ несчастномъ недоразумѣніи, которое ни за что ни про что, колеблетъ основы государственнаго существованія Россіи и которымъ пользуется враждебная ей интрига. Мы невольно вспомнили о коварной теоріи, въ силу которой Россія должна превратиться съ собраніе многихъ независимыхъ другъ отъ друга политическихъ тѣлъ, и о нѣкоторыхъ явленіяхъ, свидѣтельствующихъ, что этой теоріи стараются придать ту же фальшивую силу, которой обязанъ былъ своимъ значеніемъ соціализмъ *Колокола*. Нѣкто Ріо-Неми, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Объ освобожденіи крестьянъ въ Грузіи," сообщаетъ между прочимъ, что „грузинскій на„родъ съ каждымъ днемъ все болѣе и бо„лѣ проникается идеею о своей національ„ной независимости." „Все то," говоритъ авторъ, „что̀ живетъ и мыслитъ (въ Грузіи), ударяется въ національзмъ." Авторъ совѣтуетъ однако молодому поколѣнію погодить отлагаться отъ Россіи; онъ находитъ, что до поры до времени Грузіи лучше оставаться подъ русскимъ нравительствомъ, руководствуясь тѣмъ убѣжденіемъ, что въ соціальномъ смыслѣ крестьянская реформа будетъ рѣшена Россіей радикальнѣе чѣмъ какимъ-либо другимъ правительствомъ, подъ власть или подъ протекторатъ котораго могла бы попасть Грузія.

Каково это! Итакъ вотъ до чего доходитъ дерзость той политической интриги, которая, пользуясь кризисомъ, переживаемымъ въ настоящее время Россіей, неутомимо работаетъ при дружномъ соучастіи ея враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Недавно намъ приходилось объясняться съ *Рижской Газетой* о причинахъ нѣкоторыхъ явленій сепаратизма, замѣчаемыхъ въ прибалтійскихъ провинціяхъ. Вопреки стараніямъ этой газеты локализировать эти причины въ „святыняхъ балтійскаго существованія," мы старались объяснить, что въ подобныхъ явленіяхъ виноваты не мѣстныя условія, и что однѣ и тѣ же общія причины дѣйствуютъ во всѣхъ углахъ Россійской Имперіи, вызывая повсюду соотвѣтствующіе себѣ элементы. Удостовѣренія, что Лифляндія и Кавказъ должны быть для русской націи чужестранными краями, не могутъ не производить своего дѣйствія, если есть хотя какой-нибудь поводъ считать эти удостовѣренія нелишенными значенія, если есть поводъ видѣть въ нихъ нѣчто болѣе, чѣмъ эксцентрическое мнѣніе. Политическая интрига, пользуясь переходнымъ состояніемъ русскаго народа и надѣясь достигнуть своихъ цѣлей, прежде чѣмъ внутреннее дѣло его выйдетъ побѣдоносно изъ всякихъ сомнѣній, заранѣе разчитала мѣста для своихъ дѣйствій, и она не могла не включить въ свою сѣть и грузинскія народонаселенія. Ея клевета не остановилась передъ этими народонаселеніями, связанными съ Россіей единствомъ вѣры, добровольнымъ присоединеніемъ, историческою необходимостью, силою оружія, не поражавшаго, а ограждавшаго и спасавшаго ихъ, наконецъ вѣковою преданностію, благодаря которой грузинскій патріотизмъ сталъ самымъ чистымъ русскимъ патріотизмомъ. Возможно ли было бы возлагать отвѣтственность на эти народонаселенія, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ показались въ нихъ признаки злоумышленныхъ возбужденій, клонящихся къ безсмысленному и пагубному разобщенію между ими и русскимъ народомъ, съ которымъ, при нормальномъ ходѣ дѣлъ, не можетъ быть у нихъ и тѣни вопроса *о твоемъ и моемъ*. Мы не вѣримъ показаніямъ автора статейки, напечатанной въ *Колоколѣ*, хотя онъ и обнаруживаетъ нѣкоторое знакомство съ мѣстными обстоятельствами; мы отвергаемъ ихъ какъ недостойную клевету на Грузію, давшую Россіи столько благородныхъ, украшающихъ ея исторію патріотовъ. Но мы не отрицаемъ, что и на Кавказѣ могутъ дѣйствовать тѣ общія причины, о которыхъ мы говорили и которыхъ вся сила заключается не въ дѣйствительности, не въ жизни, а въ роковыхъ недоразумѣніяхъ, но которыя отъ того не менѣе опасны.

Еще прежде чѣмъ прочли мы статейку г. Ріо-Неми, доходили до насъ злонамѣренные толки о необходимости поставить Закавказье въ такія же отношенія къ Им-

періи, въ какихъ доселѣ находится Царство Польское, съ особыми учрежденіями и съ особымъ статсъ-секретаріатомъ. Интрига знаетъ во что попасть и какіе слухи пустить въ ходъ, для того чтобы произвести желаемое ею дѣйствіе.

Кстати о *русскихъ* заграничныхъ изданіяхъ. Мы еще не успѣли ознакомиться съ тою газетой, которая предпринята въ Брюсселѣ, подъ отвѣтственностью псевдонима Шедо-Ферроти и подъ заглавіемъ „Отголоски русской печати." Еще прежде чѣмъ получили мы, чрезъ книгопродавца Шмидорфа, кипку листовъ этой газеты, начавшей выходить съ первыхъ чиселъ минувшаго іюня, и выходящей по два нумера въ недѣлю, какъ пришла къ намъ изъ Германіи рекламація отъ одного извѣстнаго намъ негоціанта Еврея, который былъ крайне огорченъ и удивленъ, прочтя въ этой газетѣ свѣдѣніе о томъ, какъ предлагаемъ мы рѣшить еврейскій вопросъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи. „Вы предлагаете, пишетъ онъ, дозволить переселяться во внутреннія губерніи Россіи только тѣмъ изъ Евреевъ, которые занимаются торговлею и причислены къ гильдіямъ. Въ настоящее время дозволено переселеніе купцамъ первой гильдіи; вы предлагаете расширить эту льготу и на купцовъ второй гильдіи. Что же касается до остальныхъ Евреевъ, то вы не находите ничего лучшаго какъ способствовать переселенію ихъ въ Сибирь. Но какъ же вы поставивъ себѣ задачею разъясненіе еврейскаго вопроса, упустили изъ виду тѣ классы еврейскаго народонаселенія, которые наиболѣе заслуживаютъ участія и которымъ, какъ вы сами объясняли мнѣ въ бытность мою въ Москвѣ, гораздо безопаснѣе могло бы быть предоставлено право селиться повсемѣстно? Я говорю о многочисленномъ классѣ всякаго рода ремесленниковъ."

Мы были удивлены, читая эти строки. Что въ нихъ сказано, то было всегда нашимъ мнѣніемъ; мы постоянно говорили, что если требуется какая-либо постепенность въ дарованіи Евреямъ права свободнаго мѣстожительства повсюду въ Имперіи, то прежде и болѣе всѣхъ заслуживаютъ этого права люди имѣющіе какое-нибудь опредѣленное ремесло. Въ самомъ дѣлѣ все еврейское народонаселеніе въ западномъ краѣ распадается на двѣ категоріи, Евреевъ занимающихся земледѣліемъ, почти вовсе нѣтъ, а есть Евреи добывающіе себѣ хлѣбъ, во-первыхъ разными ремеслами, во-вторыхъ разнаго рода торговлей позволительною и непозволительною. Если можно опасаться какихъ-нибудь неблагопріятныхъ послѣдствій отъ переселенія Евреевъ въ тѣ мѣстности Россійской Имперіи, которыя до сихъ поръ остаются запертыми для нихъ, то опасенія могутъ только относиться къ тѣмъ людямъ, которые не имѣютъ опредѣленнаго рода жизни и занимаются всякаго рода торгашествомъ, включая сюда контрабанду и корчемство. Торговцы, объявившіе капиталъ, тѣмъ самымъ представили за себя достаточное обезпеченіе, но точно также и люди занимающіеся ремесломъ представляютъ достаточное обезпеченіе въ томъ, что они не будутъ тунеядными и бродячими элементами въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пришлось бы имъ водвориться. Ремесло — тотъ же капиталъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ служитъ еще лучшимъ обезпеченіемъ, чѣмъ взносъ гильдейской повинности. Мы не знали какъ объяснить это недоразумѣніе. Но корреспондентъ сообщилъ намъ нумеръ брюссельскаго изданія (№ 2), гдѣ онъ прочелъ наше мнѣніе относительно дарованія Евреямъ права селиться повсемѣстно. Что же оказалось? Не знакомый съ русскою грамотой, онъ довѣрился французскому сокращенному изложенію русскихъ статей помѣщенныхъ въ листкѣ, и въ этомъ *résumé*, дѣйствительно, читается слѣдующее:

„*Московскія Вѣдомости* предлагаютъ слѣдующіе два способа: 1) купцамъ изъ Евреевъ второй гильдіи, платившимъ свои налоги въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдуетъ дать право жительствовать во внутреннихъ губерніяхъ Россіи; 2) другимъ слѣдуетъ облегчить, хотя бы то было легкими денежными пособіями, средство селиться въ Сибири, а именно въ новоприобрѣтенной Туркестанской области, гдѣ ихъ смышленость могла бы быть очень полезна."

Такъ передано наше мнѣніе во французскомъ обозрѣніи, помѣщенномъ во главѣ нумера; мнѣніе опечалившее нашего корреспондента, человѣка добросовѣстнаго и свѣдущаго, который въ концѣ прошлаго года былъ въ Москвѣ, и съ которымъ мы имѣли случай говорить о наилучшихъ способахъ рѣшенія вопроса касающагося его единовѣрцевъ. Мы поспѣшили вывести его изъ заблужденія, и выписали для него изъ нашей статьи то мѣсто, о которомъ онъ

получилъ столь невѣрное свѣдѣніе. Вотъ тѣ строки, которымъ должно соотвѣтствовать вышеприведенное сокращенное изложеніе для незнающихъ русскаго языка:

„...Правительство избрало постепенность за правило своихъ дѣйствій по еврейскому дѣлу. Согласно этому правилу, рѣчь можетъ идти только о расширеніи права повсемѣстнаго жительства, только о распространеніи этого права на извѣстныя части еврейскаго населенія, прежде всего, какъ мы думали бы, на ремесленниковъ, а также на купцовъ второй гильдіи, платившихъ повинности по этой гильдіи въ продолженіи значительнаго времени. Этимъ лицамъ можно было бы открыть доступъ повсюду, и они лишь весьма немного и съ величайшею пользой увеличили бы собой крайне незначительное внутри Россіи населеніе городовъ. Остальнымъ можно было бы, кажется, облегчить, даже посредствомъ небольшихъ пособій, переселеніе въ сибирскія губерніи и области, особенно въ новоприобрѣтенную Туркестанскую область, гдѣ смышленность Евреевъ много помогла бы дѣлу колонизаціи."

№ 155.

Москва, 15-го іюля.

А.

Вопросъ объ улучшеніи тонкорунnаго овцеводства на югѣ Россіи, возбужденный въ концѣ прошлаго года въ Обществѣ Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, долженъ пріобрѣсть новый интересъ послѣ здѣшней мануфактурной выставки, давшей случай наглядно убѣдиться въ достоинствахъ и недостаткахъ нашей южной шерсти. О достоинствахъ мы говорить не станемъ; главные недостатки заключаются въ двухъ вещахъ и проистекаютъ отъ двухъ причинъ. Вопервыхъ, неравномѣрность питанія овецъ: смѣна питанія столь тучнаго, что лучшаго нельзя желать, питаніемъ крайне скуднымъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что шерстяное волокно представляется какъ бы переѣденнымъ въ той своей части, которая соотвѣтствуетъ порѣ голоданія. Необходимо рѣшиться на нѣкоторое увеличеніе зимнихъ запасовъ корма, если хотѣть чтобы шерсть получила ту цѣну, которую она могла бы имѣть по другимъ своимъ качествамъ, но которую она теряетъ въ весьма значительной степени, лишь вслѣдствіе непредусмотрительности или неразчетливой скупости овцеводовъ, берегущихъ копѣйки и добровольно отказывающихся отъ возможности получать рубли. Вовторыхъ, наша шерсть явственно свидѣтельствуетъ о порчѣ породы въ нашихъ стадахъ: не только каждое волокно бываетъ неравномѣрно развито на всемъ своемъ протяженіи, но и между отдѣльными волокнами замѣчается слишкомъ большое различіе. Эта разнохарактерность происходитъ преимущественно отъ смѣшенія въ одномъ стадѣ овецъ разнаго достоинства, — недостатокъ, которому нельзя пособить иначе какъ болѣе тщательною отборкой племенныхъ барановъ. Трудно пріискать основанія, почему бы это условіе оказалось неудобоисполнимымъ для нашихъ хозяевъ, обыкновенно жалующихся лишь на недостатокъ средствъ и дороговизну рабочихъ рукъ. Слишкомъ тщательный уходъ за стадами дѣйствительно у насъ не выгоденъ при довольно низкой цѣнѣ на шерсть, но отборка племенныхъ животныхъ требуетъ не издержекъ, а только внимательности, которая денегъ не стоитъ и не нуждается въ увеличеніи числа рукъ.

Вотъ два главные недостатка нашей южной шерсти, прямо указывающіе на тѣ мѣры, которыя должны быть противъ нихъ приняты, если мы хотимъ удержать за собой, а по возможности и расширить нашъ шерстяной рынокъ. Забота о равномѣрномъ питаніи и о правильной отборкѣ племенныхъ животныхъ, вотъ что несомнѣнно нужно южному овцеводству, вотъ въ чемъ заключаются главнѣйшія условія его самобытнаго развитія. Мы съ намѣреніемъ употребили этотъ эпитетъ: *самобытное* развитіе. Какъ во всемъ, такъ и здѣсь, намъ слѣдуетъ заботиться не о блескѣ, а о самобытности. Это самое общее, самое непреложное правило, которое никогда не обманетъ насъ, которое всегда наведетъ насъ на вѣрный путь. Иное улучшеніе можетъ быть очень эффектно, но прочно и полезно въ экономическомъ отношеніи будетъ только самобытное улучшеніе. Какъ бы ни было оно скромно на первыхъ порахъ, оно оставитъ слѣдъ по себѣ и послужитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ въ будущемъ. Это будетъ шагъ, положимъ, небольшой, но шагъ въ вѣр-

номъ направленіи, и если по величинѣ своей онъ и не будетъ имѣть цѣны, для всякаго очевидной, то его важность будетъ заключаться въ указаніи направленія, и онъ получитъ должную оцѣнку въ будущемъ. Ни въ какомъ дѣлѣ нельзя начинать иначе какъ съ малаго. Кто хочетъ разомъ достигнуть совершенства, тотъ принужденъ подражать другимъ; но какъ подражатель, онъ будетъ оставаться позади другихъ, до тѣхъ поръ пока не рѣшится идти хотя и медленно, но своимъ собственнымъ путемъ, а тогда окажется, что трудъ потраченный на подражаніе по большей части потерянъ даромъ, что въ результатѣ онъ причинилъ больше убытка чѣмъ принесъ выгоды.

Изъ *Записокъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи* (ноябрь, 1864) мы узнаемъ, что въ прошедшемъ году новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору была представлена записка о мѣрахъ къ улучшенію тонкорунаго овцеводства на югѣ Россіи. Эта записка, авторомъ которой былъ г. Миллеръ, поступила на обсужденіе Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, нарядившаго для ея разсмотрѣнія особую коммиссію. Затѣмъ, какъ мнѣніе коммиссіи, такъ и проектъ г. Миллера, переданы на всеобщее обсужденіе, по поводу котораго и мы, съ своей стороны, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько общихъ словъ.

Сущность мысли г. Миллера заключается въ слѣдующемъ:

1. Учредить на югѣ Россіи разсадникъ племенныхъ животныхъ, заимствуя ихъ изъ лучшихъ стадъ Германіи, и продавать изъ него барановъ и матокъ по самой дешевой цѣнѣ.

2) Основать при разсадникѣ школу для образованія *шафмейстеровъ*, которые способствовали бы правильному употребленію пріобрѣтенныхъ въ разсадникѣ племенныхъ животныхъ.

3) Содержать при разсадникѣ отборное стадо самыхъ высокихъ достоинствъ, съ тою цѣлью чтобы воспитанники школы имѣли возможность практически изучать тонкорунное овцеводство во всѣхъ отношеніяхъ.

Для этой цѣли, по мнѣнію г. Миллера, требуется найдти отъ 2 до 3 тыс. дес. удобной пустопорожней земли и употребить отъ 55 до 65 тысячъ рублей на покупку племеннаго стада, постройку зданій и т. д. Въ послѣдствіи, прибавляетъ г. Миллеръ, заведеніе будетъ содержаться собственными средствами.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній къ каждому изъ приведенныхъ пунктовъ.

Къ 1-му. Животныя, заимствованныя изъ лучшихъ стадъ Германіи, будутъ соотвѣтствовать условіямъ германскаго, а не южнорусскаго овцеводства. Для сохраненія породы придется продолжать выписку до безконечности; наше овцеводство будетъ не только въ постоянной зависимости отъ германскаго, но и будетъ по необходимости хуже его, какъ всякая копія бываетъ хуже своего оригинала. Наша задача—улучшать существующія, уже акклиматизированныя породы; выписанныя животныя могутъ служить только подспорьемъ. Что же касается до продажи барановъ и матокъ изъ предполагаемаго разсадника, то она будетъ искусственно понижать цѣны на племенныхъ барановъ и матокъ, въ подрывъ частнымъ производителямъ, а потому должна скорѣе задержать успѣхи, овцеводства чѣмъ содѣйствовать имъ. Это было бы повтореніемъ извѣстной исторіи съ казенными конными заводами, которые были устроены для улучшенія русскаго коневодства, а въ дѣйствительности сдѣлали почти невозможнымъ существованіе частныхъ заводовъ.

Ко 2-му. Предполагаемая школа обучала бы, конечно, пріемамъ овцеводства, выгоднымъ въ Германіи, но немогущимъ быть выгодными на югѣ Россіи, по несходству климатическихъ и экономическихъ условій. Выходящіе изъ школы *шафмейстеры* разносили бы по югу Россіи такія правила улучшеннаго овцеводства, которыя можно соблюдать въ образцовой фермѣ, имѣющей учебное значеніе, но которыя едва ли оказались бы пригодными въ экономіи, гдѣ имѣется въ виду хозяйничать не такъ чтобы вышло теоретически лучше, а такъ чтобы была практическая выгода, то-есть удовлетворительный доходъ.

Къ 3-му. Отборное стадо самыхъ высокихъ достоинствъ было бы безспорно полезно, но только въ томъ случаѣ, еслибъ оно содержалось не для учебной, а для экономической цѣли. Тогда было бы серіозное ручательство въ томъ, что на *высокія достоинства* будутъ смотрѣть съ мѣстной точки, зрѣнія а не находить ихъ въ приближеніи къ тому что считается за высокія достоинства въ Германіи, на югѣ же Россіи, съ точки зрѣнія выгодности, мо-

жетъ во все не быть достоинствомъ. Что касается до денежнаго пожертвованія, которое бы было бы необходимо для устройства подобной школы, то сумму отъ 55 до 65 тыс. рублей нельзя не признать умѣренною, но позволительно думать, что въ послѣдствіи окажется одно изъ двухъ: либо заведеніе потребуетъ постоянной денежной поддержки, и тогда будетъ въ состояніи содержать отборное стадо самыхъ высокихъ достоинствъ, либо оно перейдетъ въ чисто-коммерческое предпріятіе, существующее собственными средствами, но тогда оно не будетъ имѣть тѣ средства, которыми располагаютъ лучшіе изъ овцеводовъ южной Россіи, а слѣдовательно не будетъ имѣть первенство и по своимъ племеннымъ животнымъ.

На основаніи этихъ общихъ соображеній мы гораздо болѣе склоняемся къ мнѣнію коммиссіи Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, разсматривавшей проектъ г. Миллера и признавшей неудобнымъ принять его. Мы совершенно согласны съ коммиссіей, что намъ нечего теперь прибѣгать ни къ выпискѣ племенныхъ животныхъ изъ лучшихъ стадъ Германіи, ни къ учрежденію разсадника имѣющаго учебное и благотворительное значеніе, и что единственно надежное средство, улучшить южнорусское овцеводство состоитъ въ томъ, чтобы заняться усовершенствованіемъ нашихъ стадъ, *самихъ въ себѣ*, то-есть выборомъ и правильною случкой лучшихъ животныхъ изъ своихъ стадъ. Только этимъ средствомъ улучшились всѣ отрасли скотоводства повсюду, гдѣ были достигнуты серіозные, признаваемые образцовыми результаты. Коммиссія предлагаетъ далѣе, чтобы правительство назначило кому-либо изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ овцеводовъ денежную долгосрочную ссуду, около 20 тысячъ рублей, вмѣнивъ ему въ обязанность имѣть большое племенное стадо тонкорунныхъ овецъ, и при немъ опытныхъ овцеводовъ и сортировщиковъ, которые могли бы заняться сортировкой овецъ передъ случкой у другихъ владѣльцевъ за умѣренное вознагражденіе, а также принимать, за умѣренную уплату, учениковъ отъ владѣльцевъ стадъ. Это предложеніе кажется намъ, въ общихъ чертахъ, совершенно правильнымъ; но мы полагаемъ, что было бы полезнѣе избрать для этой цѣли не одного, а нѣсколько человѣкъ изъ владѣльцевъ лучшихъ стадъ. Для улучшенія среднихъ и мелкихъ овцеводовъ необходимо, чтобы возможно большее число лучшихъ стадъ сдѣлалось доступно для нихъ.

Мы не можемъ входить въ подробности этого дѣла. Замѣтимъ только, что англійское правительство подняло до высокой степени уровень сельскаго хозяйства въ Ирландіи не учрежденіемъ учебныхъ и образцовыхъ фермъ никогда не бывающихъ въ состояніи вести дѣло коммерчески, а слѣдовательно и послужить образцомъ для коммерческаго веденія сельскаго хозяйства,— но раздачей небольшихъ денежныхъ пособій, или наградъ, лучшимъ изъ сельскихъ хозяевъ края, со вмѣненіемъ имъ въ обязанность принимать къ себѣ соразмѣрное съ способіемъ число учениковъ. Такіе ученики выходятъ не теоретиками, внушающими страхъ землевладѣльцамъ, и принужденными на ихъ счетъ пріобрѣтать практическую опытность, а людьми коротко знакомыми съ устройствомъ хозяйствъ дѣйствительно дающихъ хорошій барышъ. Раздача такихъ пособій имѣетъ очень скромный видъ, но она привела въ Ирландіи къ результатамъ болѣе блестящимъ чѣмъ образцовыя фермы или агрономическія училища, которыя не рѣдко такъ ослѣпляютъ своимъ блескомъ посѣтителей, ихъ осматривающихъ.

Б.

Обращаемъ вниманіе, читателей на помѣщенное ниже письмо священника Ивановскаго, въ отпоръ тому башкирскому духу, который губитъ дѣло русскаго просвѣщенія и теперь начинаетъ заявлять свои притязанія въ западномъ краѣ, и безъ того уже претерпѣвшемъ столько невзгодъ и бѣдствій. Мы тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіетъ печатаемъ статью о. Ивановскаго — отличающуюся столько же здравымъ смысломъ и просвѣщеннымъ взглядомъ, сколько прекраснымъ изложеніемъ,—что авторъ ея уроженецъ того края. Дай Богъ намъ поболѣе такихъ поборниковъ православія, русскаго дѣла и народнаго просвѣщенія!

№ 156.

Москва, 16-го іюля.

По какимъ цѣнамъ было бы выгодно нынѣшнимъ землевладѣльцамъ нашего западнаго края продавать оставшіяся у нихъ

за надѣломъ крестьянъ земли, а русскимъ людямъ изъ внутреннихъ губерній покупать ихъ, пойдутъ ли вообще изнутри Россіи капиталы и трудъ на покупку и разработку земель западнаго края и въ какія именно мѣстности его,—разъясненію этихъ вопросовъ посвящена недавно вышедшая въ свѣтъ брошюра, изданная, какъ приложеніе къ *Памятной книжкѣ Могилевской губерніи на 1865 годъ*, секретаремъ Могилевскаго губернскаго статистическаго комитета, г. Дубенскимъ, подъ заглавіемъ: *Оцѣнка земель западнаго края и въ частности Могилевской губерніи*. Этотъ трудъ, по обилію заключающихся въ немъ данныхъ и вѣрности многихъ соображеній автора, статистическихъ и географическихъ, заслуживаетъ общаго вниманія.

Данныя, приводимыя г. Дубенскимъ, склоняютъ къ заключенію, что настоящее время благопріятно для рѣшенія великаго національнаго вопроса о землевладѣніи въ западномъ краѣ. По свидѣтельству автора, положеніе нынѣшнихъ землевладѣльцевъ края таково, что имъ трудно обойдтись безъ продажи нѣкоторой части своихъ имѣній. У нихъ „нѣтъ ни денегъ, ни работниковъ. Землю и внаймы отдать некому и обрабатывать ее некѣмъ,“ говоритъ авторъ, имѣя въ виду преимущественно сѣверо-западный край Россіи. Такое положеніе дѣлъ не было только слѣдствіемъ послѣдняго мятежа, истощившаго денежныя средства пановъ; оно причинено господствовавшимъ здѣсь въ самой суровой формѣ крѣпостнымъ бытомъ, теперь окончательно отмѣненнымъ. Изнуренный прежнею неволей и доведенный ею до нищеты, бѣлорусскій или литовскій крестьянинъ едва-едва въ состояніи управиться съ своимъ среднимъ душевымъ надѣломъ въ 5 десятинъ. „Крестьянское населеніе (въ сѣверо-западномъ краѣ) раззорено до тла, едва имѣетъ насущный хлѣбъ и оттого слабосильно въ трудѣ. Противъ Великорусса и Малорусса, Бѣлоруссъ наработаетъ и вдвое менѣе, и вдвое хуже, какъ отзываются мѣстные хозяева.“ „Въ пятидесятыхъ годахъ, продолжаетъ авторъ, намъ не разъ случалось слышать увѣренія бѣлорусскихъ и литовскихъ помѣщиковъ, что они охотно промѣняли бы имѣніе бѣлорусское и литовское въ 1.000 душъ на великорусское имѣніе въ 500 душъ. Покойный графъ В. Н. Зубовъ, бывшій владѣлецъ обширнаго имѣнія около Шавлей въ Ковенской губерніи, приравнивалъ даже 3.000 душъ въ Ковенской губерніи къ одной тысячѣ въ своихъ вотчинахъ во Владимірской губерніи.“ А надобно замѣтить, что вотчина во Владимірской губерніи далеко не золотое дно по понятіямъ русскихъ помѣщиковъ. Западный, подпѣпровскій край, въ недавнее еще время, представлялъ, и по числу крѣпостныхъ, и по числу властвовавшихъ надъ ними въ качествѣ помѣщиковъ и въ качествѣ чиновниковъ-дворянъ, и по формамъ крѣпостной зависимости, такое неправильное общественное явленіе, какому нѣтъ ничего подобнаго въ иныхъ краяхъ Россіи. Г. Дубенскій обращаетъ вниманіе на громадную численность дворянскаго сословія въ западныхъ губерніяхъ. Между тѣмъ какъ въ большей части внутреннихъ губерній число дворянъ далеко не составляетъ и одного процента въ общемъ числѣ жителей губерніи, въ Ковенской дворянъ 9,16, въ Виленской 6,04, въ Минской 6,03, въ Волынской 4,72, въ Гродненской 4,69, въ Могилевской 4,19, въ Витебской 3,80, въ Кіевской 2,85 и только въ Подольской число дворянъ сколько-нибудь подходитъ къ цифрамъ внутреннихъ губерній, составляя 1,56%. Эти дворяне жили насчетъ крестьянъ, отчасти какъ помѣщики, а еще болѣе какъ чиновники или арендаторы помѣщичьихъ и казенныхъ имѣній. Понятно, почему западныя губерніи, за исключеніемъ Подольской и Кіевской, не могли достигнуть экономическаго благосостоянія, даже при изнурительномъ трудѣ крестьянъ. Барщина господствовала тамъ во всей своей силѣ, и едва ли было тамъ хоть одно имѣніе на оброкѣ, кромѣ бывшаго Румянцевскаго, нынѣ Паскевическаго имѣнія въ Гомельскомъ уѣздѣ. Если и случалось западно-русскимъ помѣщичьимъ крестьянамъ ходить на промыслы въ другія губерніи, то это по большей части бывало не иначе какъ по волѣ самихъ же помѣщиковъ или ихъ управляющихъ, которые законтрактовывали ихъ подрядчикамъ и сами непосредственно получали плату за ихъ работу. Надъ крестьянскимъ населеніемъ западнаго края одновременно тяготѣлъ четверной гнетъ: со стороны пана, со стороны приставленнаго имъ эконома, со стороны чиновника-шляхтича, и наконецъ, со стороны какого-нибудь денежнаго Еврея-фактора, который нерѣдко становился дѣйствительнымъ паномъ и задолжавшаго ему пана, и панскихъ крестьянъ. Мудрено ли,

что при такихъ условіяхъ, и крестьяне, и ихъ скотъ, дошли до совершеннаго истощенія силъ, и не въ состояніи успѣшно справляться съ своею работой, какъ крестьяне въ нашихъ внутреннихъ и южныхъ губерніяхъ, и что теперь, получивъ свои 5 десятинъ на душу, крестьяне большею частью не въ силахъ ни принимать еще земли у помѣщиковъ, ни наниматься къ нимъ на полевыя работы? Въ юго-западномъ краѣ, благодаря необыкновенной доброкачественности тамошней почвы, близости заграничнаго сбыта для сельскихъ произведеній и значительной населенности, положеніе дѣлъ нѣсколько благопріятнѣе для помѣщиковъ; но за то тамъ отношенія между панами и крестьянами еще напряженнѣе чѣмъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, и если тамъ есть не мало такихъ пановъ, которые ни за какія деньги не хотятъ отдавать свои земли въ наймы русскимъ крестьянамъ, то между послѣдними есть еще больше такихъ, которые ни за какія деньги не захотятъ идти къ нимъ въ работники. Таково положеніе пановъ во всемъ нашемъ западномъ краѣ, положеніе которое должно побуждать ихъ къ продажѣ обширныхъ земель своихъ, оставшихся за надѣломъ если они не предпочтутъ довольствоваться однимъ доходомъ отъ выкупныхъ свидѣтельствъ, и не получать ничего или почти ничего отъ земель, оставшихся въ ихъ полномъ распоряженіи.

Скажутъ, можетъ-быть, что тѣ же самыя обстоятельства должны устранять и покупщиковъ изъ внутреннихъ русскихъ губерній отъ покупки земель въ западномъ краѣ. Но вопервыхъ, рѣшительная отмѣна крѣпостной зависимости и надѣлъ крестьянъ землею въ достаточномъ количествѣ не замедлятъ улучшить матеріяльный ихъ бытъ и возбудить въ нихъ охоту къ дальнѣйшему улучшенію своего быта. Вовторыхъ, антагонизмъ, который существуетъ между нынѣшними помѣщиками края и крестьянами, и который такъ сильно препятствуетъ первымъ изъ нихъ находить себѣ работниковъ, не можетъ возникнуть между покупателями изъ настоящихъ русскихъ людей и мѣстными крестьянами, большинство которыхъ также русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія. Втретьихъ, надобно полагать, что русскіе капиталисты и русскіе землевладѣльцы неминуемо привлекли бы въ этотъ край и русскихъ рабочихъ: надобно только проложить дорогу.

П. Дубенскій особенно настаиваетъ на необходимость, для оживленія дѣятельности поселянъ западныхъ губерній, привлечь туда смышленыхъ и трудолюбивыхъ рабочихъ изъ внутреннихъ губерній, — необходимость, на которую еще въ 1848 г. указывалъ К. И. Арсеньевъ, въ своихъ *Статистическихъ очеркахъ Россіи*. П. Дубенскій замѣчаетъ, правда, что какъ прежде, такъ и теперь, русская колонизація, русскіе капиталы и преимущественно русскій трудъ будутъ имѣть естественное влеченіе не на западъ, а на востокъ. Съ 1870 года, говоритъ онъ, когда прекратится девятилѣтній срокъ временнаго обязательства крестьянъ, будутъ заселяться преимущественно „тихій Донъ, широкая Волга, бурная Кама и быстрый Уралъ“, и туда будетъ отливать избытокъ крестьянъ изъ густо-заселенныхъ теперь великорусскихъ и малорусскихъ губерній. Но самъ же г. Дубенскій объясняетъ это направленіе преимущественно тѣмъ, что западный край Россіи былъ, болѣе нежели какой-либо другой, краемъ крѣпостной зависимости въ самомъ тяжкомъ ея видѣ, тогда какъ на востокѣ и юго-востокѣ русскій человѣкъ находилъ болѣе свободы и приволья для своей дѣятельности. Между крестьянскимъ бытомъ западной и восточной половины Россіи былъ рѣзкій контрастъ: переселенцы изъ внутреннихъ губерній естественно предпочитали пустопорожнія земли восточной Россіи такимъ же пустопорожнимъ землямъ Россіи западной; они охотнѣе селились между Черемисами и Башкирами чѣмъ между соплеменными Бѣлорусами. Теперь этому различію между западомъ и востокомъ Россіи положенъ конецъ, и на западѣ русскіе поселенцы въ правѣ разчитывать даже на большія льготы чѣмъ въ какой-либо другой части Россіи. Обстоятельство, что на востокѣ у великорусскаго промышленника есть „завѣтные уголки, куда отецъ, дѣдъ и прадѣдъ его ходили для промысловъ, есть у него и знакомые, и родные,“ имѣетъ конечно, не малое значеніе: но русскій человѣкъ отличается предпріимчивостью, онъ любитъ прокладывать себѣ новые пути, лишь бы они могли привести его къ большимъ выгодамъ чѣмъ прежніе, а западныя губерніи, какъ по климату, такъ и по удобствамъ сбыта, представляютъ много весь-

ма выгодныхъ условій. Это край, обильный и рѣками и лѣсомъ, съ почвой неуступающею почвѣ большей части внутреннихъ губерній, и притомъ не знающій засухъ. Онъ обладаетъ всѣмъ что нужно для экономическаго преуспѣнія, кромѣ политическаго благоустройства. Онъ не можетъ не привлечь переселенцевъ.

Нѣтъ сомнѣнія, однакоже, что направленію русскихъ силъ къ востоку способствуетъ до извѣстной степени направленіе главнѣйшихъ рѣкъ Россіи, и что въ этомъ отношеніи равновѣсіе можетъ быть установлено не иначе какъ съ помощью путей сообщенія, создаваемыхъ цивилизаціей, съ помощью желѣзныхъ дорогъ, которыя еще болѣе чѣмъ судоходныя рѣки, и особенно при нашемъ климатѣ, держащемъ рѣчныя воды по полугоду подо льдомъ, могутъ связывать между собою различныя области. Для Россіи нѣтъ болѣе важнаго, болѣе существеннаго интереса какъ прочное и несомнѣнное водвореніе ея въ западномъ краѣ; это водвореніе возможно не иначе какъ съ помощью желѣзныхъ дорогъ, и вотъ почему нельзя не скорбѣть, что предположеніе о проведеніи желѣзной дороги изъ Москвы до Одессы черезъ юго-западный край, было устранено стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, кто не утратилъ еще вѣры въ будущность Россіи, тотъ не можетъ отказаться и отъ надежды, что дѣло это не окончательно потеряно, и что наше правительство примется за него со всею энергіей. Еслибъ этой надеждѣ было суждено осуществиться въ непродолжительномъ времени, тогда, нѣтъ сомнѣнія, явилось бы не мало покупщиковъ на имѣнія въ западномъ краѣ Россіи, и у нихъ не было бы недостатка и въ рабочихъ, которые стали бы прибывать туда изнутри Россіи, какъ только первые опыты переселенія увѣнчались бы успѣхомъ.

Западный край, не надобно забывать того, есть край убитый, не только мятежемъ 1863 года и его послѣдствіями, но всею своею исторіей. Помѣщики никогда не получали тамъ дохода со всѣхъ своихъ земель, хотя эти земли, по своимъ качествамъ могли бы давать доходъ, и доходъ очень хорошій. Вслѣдствіе того, тамъ можно купить теперь по 5 и 10 р. за десятину такія земли, которыхъ цѣна несомнѣнно утроится и учетверится въ скоромъ времени. Помѣстить капиталъ въ эти земли было бы блистательною аферой, еслибы теперь же было предпринято проведеніе въ этомъ краѣ желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ его съ внутренними губерніями, и еслибы пріобрѣтателямъ земель западнаго края изъ внутреннихъ губерній дѣйствительно оказывались тѣ льготы, которыя обѣщаны въ 10-мъ пунктѣ высочайше утвержденныхъ дополнительныхъ правилъ къ Положенію 5-го марта 1864 года, то-есть, еслибы при покупкѣ имѣній, безъ торговъ, по добровольному соглашенію съ владѣльцемъ, покупателямъ выдавались ссуды отъ одной трети до одной половины той суммы, въ какую можетъ быть оцѣнена каждая десятина продаваемой земли, на основаніи капитализаціи изъ 6% денежной повинности крестьянъ за полевую землю, установленной мѣстными положеніями 19-го февраля 1861 года. При этихъ и другихъ, также обѣщанныхъ въ Положеніи 5-го марта 1864 г. и въ дополнительныхъ къ нему правилахъ льготахъ было бы несомнѣнно выгодно, какъ говоритъ г. Дубенскій, помѣщикамъ великорусскимъ и малорусскимъ обмѣнивать выкупныя бумаги полученныя ими за отошедшія къ крестьянамъ ихъ земли, на земли въ западныхъ губерніяхъ.

Но, кромѣ соображеній чисто-экономическихъ, пріобрѣтатели имѣній въ западномъ краѣ изъ внутреннихъ губерній Россіи не могутъ не принимать во вниманіе соображеній политическихъ. Кто рѣшится покупать имѣніе въ краѣ, спокойствіе котораго ежеминутно можетъ быть нарушено? Г. Дубенскій высказываетъ въ этомъ отношеніи твердую увѣренность, что въ большей части западнаго края, гдѣ рѣшительно преобладаетъ не только русское, но и искони православное населеніе, нельзя ожидать возобновленія мятежа. Мы совершенно раздѣляемъ это мнѣніе, обусловливая его впрочемъ тѣмъ направленіемъ, которое будетъ имѣть наша внутренняя политика. Относительно возможности возобновленія смутъ г. Дубенскій раздѣляетъ западный край на двѣ части: на страны днѣпровскаго и двинскаго бассейновъ, гдѣ польскій элементъ крайне слабъ, а русскій очень силенъ, и на страны бассейновъ Нѣмана и Вислы, гдѣ польскій элементъ нѣсколько сильнѣе. „Если опасаться нарушенія спокойствія въ странѣ, говоритъ онъ, то всего вѣроятнѣе, оно можетъ возникнуть къ югу отъ возвышен-

ности, раздѣляющей воды Западной Двины и Нѣмана, на пространствѣ отъ Шавлей къ Ковну, и потомъ къ западу отъ водораздѣловъ: Днѣпровскаго, съ одной стороны, Нѣманскаго и Вислинскаго, съ другой.“ Здѣсь, по словамъ его, нуженъ зоркій глазъ, здѣсь нужна крѣпкая стѣна русской народности. „Будутъ Русскіе тамъ крѣпки, то къ востоку до самаго Днѣпра, и къ сѣверу отъ Шавлей до Двины, страна заживетъ припѣваючи въ тишинѣ и спокойствіи.“ Такимъ образомъ, спокойствія восточныхъ и сѣверныхъ частей западнаго края авторъ ожидаетъ отъ крѣпкаго водворенія русскаго элемента въ западныхъ частяхъ его, ближайшихъ къ Царству Польскому, политическая отдѣльность котораго есть главная причина надеждъ питаемыхъ Поляками западнаго края и непозволяющихъ имъ мириться съ своимъ положеніемъ. Поставивъ себя правильно въ Царствѣ Польскомъ, Россія въ значительной степени укрѣпится и въ западномъ своемъ краѣ, и тогда изъ внутреннихъ губерній станутъ безъ опасеній являться охотники на покупку въ этомъ краѣ имѣній. Всѣ условія, историческія, географическія и экономическія, даны для того, чтобы это дѣло шло успѣшно. Его ходъ зависитъ единственно и исключительно отъ направленія нашей внутренней политики...

№ 157.

Москва, 17-го іюля.

Наконецъ мы дождались объяснительнаго слова о тѣхъ таинственныхъ пожарахъ, которые истребляютъ города и села Россійской Имперіи. Нѣтъ, это не послѣдствіе неосторожнаго обращенія съ зажигательными спичками, или небрежнаго ставленія самоваровъ. „Эти бѣдствія не могутъ быть объясняемы ни случайностями, ни даже отдѣльными преступленіями. „Они очевидно дѣло преступной машина„ціи; никакое сомнѣніе невозможно въ этомъ „отношеніи.“ Въ самомъ дѣлѣ, изъ людей сколько-нибудь мыслящихъ никто не можетъ сомнѣваться въ этомъ отношеніи. Но кто же удостовѣряетъ насъ, что пожарная эпидемія, охватившая Россію со всѣхъ сторонъ, не есть дѣло случайностей или отдѣльныхъ преступленій, а дѣло общей махинаціи, цѣлаго преступнаго заговора?

Насъ удостовѣряетъ въ этомъ иностранная журналистика, и именно та часть ея, которая вовсе не отличается пристрастіемъ къ Россіи и не расположена тревожно преувеличивать значеніе постигающихъ ее бѣдствій. Итакъ, намъ теперь нѣтъ надобности конфузиться и рдѣть, какъ маковъ цвѣтъ, будто красная дѣвица, если между нами послышится голосъ здраваго смысла, свидѣтельствующій, что эта цѣль пожаровъ опустошающихъ цѣлыя полосы Россіи не можетъ быть дѣломъ случайностей, что случайности бываютъ ежегодно, ежедневно, ежечасно, а такіе пожары, которые свирѣпствуютъ у насъ въ эти два послѣдніе года, могутъ происходить только посреди условій исключительныхъ, въ извѣстныя эпохи,—что каждый день въ такой громадной странѣ какъ Россія несомнѣнно бывали и бываютъ гдѣ-нибудь пожары, происходящіе отъ разныхъ случайностей, отъ небрежности или отъ какихъ-нибудь частныхъ преступленій, что такія случайности, безъ сомнѣнія, не прерываются и въ ту пору, когда свирѣпствуютъ систематическіе поджоги, изобличающіе общую махинацію; но что только вслѣдствіе упорнаго нехотѣнія понять дѣло или по какому-нибудь непонятному побужденію, можно отрицать присутствіе систематическаго плана въ тѣхъ пожарахъ, которые цѣлыми полосами опустошаютъ Россію. Теперь наши стыдливые либералы всѣхъ сортовъ могутъ не конфиться. О махинаціи говорится теперь уже не въ московской печати, исполненной зловреднаго русскаго патріотизма; это высказывается уже не по-русски, а по-французски, по-англійски, по-нѣмецки; это печатается и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, печатается въ газетахъ не подлежащихъ нареканію въ русскомъ патріотизмѣ; это печатается и въ *Morning Post*, и въ *Journal des Débats*, и въ *Opinion Nationale*, и въ *le Monde*. „Никакое сомнѣніе недозволительно въ этомъ отношеніи,“ такъ изрекаютъ эти органы, имѣющіе законодательную силу, особенно по русскимъ дѣламъ, для нѣкоторыхъ сферъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никакое сомнѣніе въ этомъ отношеніи недозволительно. Припомнимъ обстоятельства: горѣли цѣлыя области, городъ за городомъ, селеніе за селеніемъ, будто пороховая дорожка соединяла ихъ на мно-

гія сотни верстъ; крики ужаса и негодованія поднимались повсюду, но они исчезли въ пространствѣ, не проникли въ печать, и остались тайной для цѣлаго міра. Надъ печатью носились опасенія, какъ бы не скомпрометтировать Россію во мнѣніи Европы. Пьяный мужикъ курилъ трубку на сѣновалѣ, — и вотъ пожаръ истребившій цѣлый городъ; баба съ просонья неловко поправила свѣтецъ, — и вотъ цѣлый уѣздъ безъ крова; негодяй батракъ пожелалъ отмстить строгому хозяину, или наконецъ каторжникъ, убѣжавшій изъ Сибири, захотѣлъ пограбить, — и вотъ пылаетъ цѣлая губернія. Малѣйшее сомнѣніе по этому предмету встрѣчалось нашею офиціозною журналистикой съ остервѣненіемъ и неистовствомъ, не имѣющими примѣра. Какимъ поношеніямъ подверглись мы осенью прошлаго года въ одной петербургской газетѣ имѣющей несомнѣнно офиціозный характеръ, за то только, что позволили себѣ замѣтить о систематическомъ характерѣ поджоговъ, о несомнѣнной махинаціи, которая производитъ ихъ! Теперь, наконецъ, дѣло перешло въ Европу, которой суда мы такъ боялись. Представимъ себѣ человѣка въ Парижѣ, Лондонѣ, Франкфуртѣ, человѣка, конечно, здравомысленнаго и почему либо обратившаго серіозное вниманіе на пожарныя бѣдствія свирѣпствующія въ Россіи; его нечего увѣрять, что пожары эти не могутъ быть послѣдствіемъ причинъ случайныхъ, онъ самъ очень хорошо понимаетъ, что они могли быть только дѣломъ какой-нибудь обширной махинаціи. Но его поражаетъ явленіе, въ которомъ онъ теряется, въ которомъ онъ не можетъ отдать себѣ никакого отчета. Въ самой Россіи все, повидимому, только о томъ и старается, чтобы замять это дѣло, схоронить его концы, придать ему самые незначительные размѣры, сообщить ему даже какой-то идиллическій характеръ. Онъ узнаетъ, что въ Россіи чуть-чуть поднимались иногда голоса придававшіе этимъ пожарамъ значеніе болѣе серіозное; но ему извѣстно также, что эти голоса были заглушаемы ругательствами. До него доходило также и то, что дѣлались какія-то слѣдствія, кого-то даже разстрѣляли за поджогъ; но ему при этомъ извѣстно, что ничего серіознаго не открыто, что по прежнему въ Россіи на эти страшные пожары смотрятъ какъ на дѣло случаевъ и частныхъ преступленій, и что публика, повидимому, остается совершенно спокойна и равнодушна. Что за странность! такъ долженъ онъ думать про себя. — Вотъ, напримѣръ, въ Австріи, въ восточной Галиціи, въ это же самое время, также свирѣпствуютъ пожары, но тамъ никто не думаетъ скрывать значеніе этихъ бѣдствій; но въ офиціальныхъ и полуофиціяльныхъ газетахъ пишутъ, не обинуясь, что пожары эти происходятъ вслѣдствіе систематическихъ поджоговъ, и что бѣдствію этому подвергаются именно тѣ мѣстности, которыя заселены людьми русскаго происхожденія. Почему же въ Россіи, гдѣ пожарная эпидемія принимаетъ размѣры несравненно болѣе громадные и обнаруживаетъ характеръ еще болѣе систематическій, въ Россіи, гдѣ никакое сомнѣніе недозволительно въ томъ, что пожары суть слѣдствіе махинаціи, — отчего же тамъ съ такою тщательностію скрываютъ обстоятельства этого дѣла?.... И вотъ, пока здравомысленный человѣкъ, живущій въ Парижѣ и въ Лондонѣ, теряется въ недоумѣніи, изъ Варшавы, съ польской границы, изъ Кенигсберга, летятъ корреспонденціи, которыя приносятъ ему разгадку. Да, гласятъ эти корреспонденціи, никакого сомнѣнія не можетъ быть допущено: это дѣло обширной махинаціи. Кто же виновенъ въ этой махинаціи? Кто поджигаетъ Россію, изъ конца въ конецъ? Да кто-же, какъ не сама Россія, которая всячески старается скрыть или прикрыть это дѣло? И вотъ, дѣйствительно, въ вышепоименованныхъ газетахъ объявляютъ, что тайная сила, поджигающая города и села въ Россіи, есть само русское правительство. Разгадка приходитъ изъ тѣхъ самыхъ источниковъ, откуда вся европейская печать наполнялась правдивыми извѣстіями о Россіи, о русскомъ правительствѣ, въ то время когда на глазахъ русскихъ властей устраивалось польское возстаніе, составлялись шайки, уводились гимназисты въ лѣса, строились засады, солдаты въ строю подвергались оплеванію, правительственныя распоряженія покрывались поруганіемъ и смѣхомъ, и когда наконецъ нельзя было разобрать, какія власти дѣйствуютъ въ смыслѣ законнаго правительство, и какія въ смыслѣ національнаго польскаго жонда....

Изъ польскихъ корреспонденцій, появившихся теперь въ *Morning Post*, *Journal des Débats* и въ другихъ газетахъ, явствуетъ, что русское правительство какъ бы

раздѣляется на два лагеря, и что одна часть его агентовъ, одушевленная *ультрарусскимъ* патріотизмомъ, производитъ всѣ эти неистовства, которыя опустошаютъ и восточный, и западный край Россіи. Ультра-русская печать корень всему злу: „*Русскій Инвалидъ* и *Московскія Вѣдомости* „взводили обвиненія на Поляковъ," пишутъ въ *Journal des Débats*; „но мѣстные слѣдствія доказали ложность этихъ „обвиненій, и въ прошломъ октябрѣ мѣсяцѣ, въ *Journal des Débats*, на этомъ „самомъ мѣстѣ, представлено разительное „и неопровержимое свидѣтельство, доказывающее, что Поляки не только не были „поджигателями, но напротивъ оказывали „содѣйствіе въ борьбѣ съ этимъ бѣдствіемъ и спѣшили помогать его жертвамъ..." Но, какъ сказано тамъ же: „эти бѣдствія не могутъ быть приписаны ни случаямъ, ни частнымъ преступленіямъ; они „очевидно дѣло преступной махинаціи; никакое сомнѣніе невозможно въ этомъ отношеніи." Итакъ, съ одной стороны невиновность Поляковъ, съ другой махинація: слѣдовательно, заключаютъ въ *Journal des Débats*, въ *Morning-Post* и въ другихъ газетахъ, виновники систематическихъ поджоговъ суть тѣ агенты русскаго правительства, которые исполнены зловреднаго *ультрарусскаго* духа и проникнуты ненавистью къ Полякамъ, почерпнутою въ столбцахъ *Русскаго Инвалида* и *Московскихъ Вѣдомостей*.

Что Русскіе поджигаютъ Россію, это уже не новость; объ этомъ еще въ прошломъ году, по поводу тогдашнихъ пожаровъ, писалось въ заграничныхъ газетахъ. Извѣщалось о какомъ-то тайномъ обществѣ *черныхъ рыцарей*, о какомъ-то еще тайномъ обществѣ графа Мамонова. Впрочемъ, обвинять Русскихъ въ поджигательствѣ и другихъ злодѣяніяхъ казалось и въ Россіи гораздо либеральнѣе и благоприличнѣе чѣмъ обвинять какихъ-либо инородцевъ или Поляковъ. Не говоря уже о пьяныхъ мужикахъ, бабахъ и о каторжникахъ бѣжавшихъ изъ Сибири, можно, не опасаясь, встрѣтить слишкомъ энергическій протестъ, обвинять пожалуй нашихъ нигилистовъ. Но всякое сопоставленіе поджоговъ съ польскимъ возстаніемъ, недавно подавленнымъ, съ польскимъ *жондомъ*, съ его жандармами-вѣшателями, съ его революціонною организаціей, еще продолжающею дѣйствовать, провозглашалось въ нѣкоторыхъ сферахъ нелѣпою натяжкой, дикою несообразностію, чудовищною невозможностію. Люди добродушные, скорбя о бѣдствіяхъ опустошавшихъ Россію, повторяли вслѣдъ за людьми ловкими: „нельзя же обвинять во всемъ Поляковъ; къ сожалѣнію, находится и между Русскими не мало злоумышленниковъ."

Такимъ образомъ дѣло переходило въ вопросъ о томъ, изъ какого рода и племени могутъ происходить тѣ негодяи, которые идутъ на всякія преступленія, или за деньги, или по безумному увлеченію, или по глупости, или по разврату.

Но кто-когда-нибудь придавалъ значеніе національности грабителя или душегуба, или человѣка нравственно растлѣннаго, который за деньги готовъ совершить всякое злодѣяніе, или глупца, которому даютъ въ руки ножъ и указываютъ ему на жертву, говоря: „ступай, вотъ благородный и героическій подвигъ, который покроетъ тебя славой"? Гдѣ не водится злодѣевъ и преступниковъ, гдѣ какой бы то ни было злоумышленный планъ не можетъ найдти себѣ орудій и пособниковъ? Кому нужно, съ политической точки зрѣнія, знать, изъ какихъ элементовъ вербовалъ польскій національный жондъ своихъ жандармовъ-вѣшателей, и также изъ какихъ этнографическихъ элементовъ вербуетъ своихъ агентовъ та махинація, которая поджигаетъ наши города и села? Не заключается ли очевидное коварство въ томъ направленіи, которое стараются дать вопросу,—въ этомъ желаніи свести его на вопросъ о людяхъ того или другаго происхожденія? Какъ между людьми польскаго имени есть, безъ сомнѣнія, много людей достойныхъ, неспособныхъ къ злодѣяніямъ и къ завѣдомо безчестнымъ поступкамъ, такъ точно въ числѣ пятидесяти или шестидесяти милліоновъ людей русскаго происхожденія есть, безъ всякаго сомнѣнія, еще больше негодяевъ и глупцовъ, способныхъ на всякую мерзость. Но развѣ рѣчь идетъ о статистикѣ преступленій въ той или другой общественной средѣ, среди того или другаго племени? Мы знаемъ, что передъ началомъ польскаго возстанія и въ его началѣ было много молодыхъ и даже немолодыхъ людей въ Россіи, которыя готовы были поднять руку противъ своего отечества. Мы знаемъ, что въ рядахъ польскихъ мятежниковъ, дѣйствительно, встрѣчались люди, даже въ военномъ мундирѣ, съ несо-

мнѣнно русскимъ именемъ, и въ довершеніе признаковъ своей національности, числившіеся по метрикѣ православными. Извѣстно также, что въ числѣ разстрѣленныхъ въ Казани заговорщиковъ были и русскіе люди. Но спрашивается, развѣ эти несчастные, потерянные, погибшіе люди дѣйствовали по внушенію русскаго чувства? Развѣ они не были измѣнниками своему отечеству? Развѣ они не были обманутыми орудіями и жертвами враждебнаго Россіи дѣла? Развѣ вожди этихъ несчастныхъ русскихъ революціонеровъ не дѣйствовали заодно съ польскими революціонерами? Наконецъ, развѣ въ костяхъ и кожѣ людей называемыхъ Поляками сидитъ зло? Развѣ рѣчь идетъ о людяхъ какого бы то ни было происхожденія или какой бы то ни было религіи? Много ли нужно разумѣнья для того чтобы сообразить, что польскій вопросъ есть вопросъ о воздушномъ государствѣ, называемомъ Польшей, и о подземномъ правительствѣ, именуемомъ польскимъ правительствомъ? Зло не въ людяхъ; зло въ этомъ воздушномъ царствѣ и въ этомъ подземномъ правительствѣ. Возьмите людей какого хотите происхожденія, французскаго или нѣмецкаго, поставьте ихъ посреди тѣхъ условій, которыя раждаютъ польскихъ патріотовъ, дайте имъ тѣ же преданія, тѣ же надежды, дайте имъ воздушное царство и подземное правительство, сдѣлайте ихъ врагами существующаго государства, среди котораго они составляли бы государство въ государствѣ, націю въ націи,—и они будутъ также дѣйствовать какъ и польскіе патріоты. Политическія страсти дѣйствуютъ ужасно; исторія полна возмутительныхъ преступленій, которыя совершались подъ ихъ наитіемъ,—полна и тайныхъ убійствъ, и поджоговъ... Да развѣ политическіе поджоги какое-нибудь новое открытіе?

Русское государство есть несомнѣнно существующая дѣйствительность, и въ этомъ все различіе между русскимъ и польскимъ дѣломъ. Русскій патріотизмъ значитъ оборона, укрѣпленіе и улучшеніе существующаго государства; польскій патріотизмъ значитъ отрицаніе его. Онъ по необходимости направленъ къ разрушенію существующаго, онъ по необходимости одушевленъ враждой къ нему: въ этомъ вся его сущность, и въ этомъ все его зло. Онъ долженъ, по необходимости, выражаться и въ явныхъ, и въ тайныхъ дѣйствіяхъ вражды; онъ по необходимости долженъ быть и мятежомъ, и подкопомъ, и поджогомъ. Онъ, по необходимости, долженъ искать и готовить себѣ въ Россіи союзниковъ во всемъ что только можетъ позорить и безславить русское имя. Его сила—всякій элементъ безсилія въ русскомъ дѣлѣ; его сила возрастаетъ съ упадкомъ русскаго патріотизма, съ ослабленіемъ единства русскаго государства и національности русской политики.

Между Русскими, безъ сомнѣнія, есть и глупцы и негодяи, которые могутъ стать измѣнниками Россіи и быть способными на всякаго рода политическія преступленія. Но спрашивается, изъ какого побужденія, изъ какого чувства, могутъ совершаться людьми русскаго происхожденія преступныя дѣйствія противъ Россіи? Изъ русскаго ли патріотическаго чувства? Развѣ тѣ люди, которые дѣйствуютъ заодно съ врагами своей страны и исполняютъ ихъ планы или сочувствуютъ имъ, могутъ быть въ этомъ отношеніи названы людьми Русскими?

Увы! дѣйствительно, не одни Поляки осыпаютъ ругательствами пробудившееся въ Россіи національное чувство и клевещутъ на русскій патріотизмъ; не они даже выдумали то слово, которое мы читаемъ теперь въ польскихъ корреспонденціяхъ иностранной журналистики. *Ультрарусское* направленіе, *ультрарусскій* патріотизмъ, — извѣстно откуда вышло впервые это слово, извѣстно въ какихъ памфлетахъ и корреспонденціяхъ оно впервые встрѣчалось. Да наконецъ, въ чемъ разница между корреспонденціями, которыя такъ часто посылаются изъ Петербурга въ иностранныя газеты, нерѣдко получающія не однѣ польскія, но и русскія деньги, и тѣми, которыя сейчасъ читали мы въ *Journal des Débats* и въ другихъ газетахъ, гдѣ между прочимъ встрѣчаемъ слѣдующія строки: „не слѣдуетъ ли подозрѣвать въ поджо„гахъ тѣхъ пришлецовъ, которые, съ годъ „тому назадъ, на зовъ Муравьева, нале„тѣли со всѣхъ концовъ Россіи на поль„скія провинціи, и которымъ безпрестанно „повторяютъ, что ихъ призваніе состоитъ „въ искорененіи польскаго элемента и рим„ско-католическаго исповѣданія, для того, „чтобы водворить тамъ преобладаніе рус„скаго элемента и православія?“ Итакъ, русскіе чиновники въ западномъ краѣ виною тѣхъ пожаровъ, которые истребляютъ кварталы населенные преимущественно православными людьми или Евреями, и минуютъ

польскіе; они же должно-быть виновны и въ тѣхъ поджогахъ, которыхъ жертвами, какъ пишутъ въ австрійскихъ газетахъ, становятся исключительно русскія народонаселенія въ Галиціи.

Эти поджоги, чинимые русскими властями въ западномъ краѣ, также забавны какъ и тотъ знаменитый документъ, который въ 1863 году былъ пущенъ въ заграничные журналы подъ названіемъ *Русской Правды*, и въ которомъ содержалось повелѣніе русскаго государя предавать *рѣзи* всѣхъ Поляковъ и католиковъ, и сельскому люду возглашалось: „заоструйте ваши ножи.“ Мы впрочемъ не намѣрены спорить по вопросу о чиновникахъ. Въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, славу Богу, служатъ теперь русскому дѣлу, большею частію, несомнѣнно честные русскіе люди. Но извѣстно, что на различныхъ чредахъ нашей администраціи есть элементы сочувствующіе измѣнѣ; наконецъ извѣстно, что были чиновники въ русской администраціи, уличенные въ служеніи польскому подземному правительству.

№ 158.

Москва, 10-го іюля

А.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Русскаго Инвалида* обнародована слѣдующая депеша изъ Оренбурга отъ 13-го іюля:

„Генералъ-майоръ Черняевъ доноситъ, отъ 18-го іюня, что въ ночь съ 15-го на 16-е Ташкентъ взятъ штурмомъ. Потеря наша: убито 25 нижнихъ чиновъ, ранено 3 офицера и 86 нижнихъ чиновъ. Взято въ Ташкентѣ знаменъ 16 и много значковъ, орудій 60.“

Въ объясненіе этого блистательнаго военнаго дѣла *Русскій Инвалидъ* указываетъ на то, что послѣ взятія нашими войсками Чемкента, коканскія войска, сосредоточившись въ Ташкентѣ, сдѣлали этотъ многолюдный торговый городъ опорнымъ пунктомъ для вторженія въ наши владѣнія (съ каковою цѣлью въ 1864 году былъ укрѣпленъ ими Чемкентъ), и уже этою зимой пытались сдѣлать нападеніе на принадлежащій намъ Туркестанъ, куда ихъ не допустила геройская сотня Уральцевъ, почти вся истребленная въ дѣлѣ подъ Иканомъ. Это принудило генералъ-майора Черняева, начальника Туркестанской области, выставить въ январѣ, вскорѣ послѣ дѣла подъ Иканомъ, наблюдательный отрядъ на половинѣ разстоянія между Чемкентомъ и Ташкентомъ. Между тѣмъ, пользуясь смутами въ Коканѣ, бухарскій эмиръ двинулся къ Сыръ-Дарьѣ. Такъ какъ онъ угрожалъ Ташкенту, а присоединеніе этого города къ бухарскимъ владѣніямъ не могло быть нами допущено, то генералъ-майоръ Черняевъ выдвинулъ русскій отрядъ къ низовьямъ Чирчика. Вслѣдствіе этого движенія, Бухарцы не пошли къ Ташкенту. Коканцы сдѣлали однакожь демонстрацію изъ Ніязбека, за что эта крѣпостца и была взята нами. Правителемъ Коканцевъ, по смерти Алимкула, бывшаго опекуна малолѣтняго коканскаго хана, объявилъ себя Садыкъ Кенисаринъ, сынъ нѣкогда извѣстнаго въ Киргизской степи бунтовщика. Генералъ-майоръ Черняевъ очень хорошо зналъ, что Садыкъ Кенисаринъ непримиримый врагъ Россіи, и что присутствіе его въ Ташкентѣ дѣлало небезопасными наши границы; онъ получалъ отъ мирныхъ жителей Ташкента просьбы объ изгнаніи коканскаго гарнизона изъ города, но тѣмъ не менѣе воздерживался отъ военныхъ дѣйствій, ожидая, что Ташкентцы сами, безъ содѣйствія русскихъ войскъ, смогутъ освободиться отъ хищническаго гарнизона. Ташкентцы были недовольны этимъ бездѣйствіемъ Русскихъ, и между ними усиливалась партія желавшая призвать Бухарцевъ на помощь противъ Садыка. Принимая во вниманіе опасность дальнѣйшаго успѣха этой партіи, генералъ-майоръ Черняевъ счелъ, наконецъ, нужнымъ сдѣлать шагъ, увѣнчавшійся такимъ быстрымъ успѣхомъ. Въ ночь съ 15-го на 16-е іюня Коканцы выбиты изъ Ташкента. „Здѣсь, сказано въ *Русскомъ Инвалидѣ*, войска наши могутъ оставаться только нѣкоторое время, пока будетъ грозить городу опасность для его независимаго отъ Кокана существованія. Давъ независимость городу, населеніе котораго отличается промышленностью и торговлей, дѣло Россіи, ненуждающейся въ его присоединеніи къ своимъ владѣніямъ, будетъ отнынѣ заключаться въ заботахъ объ охраненіи спокойствія и въ обезпеченіи своихъ торговыхъ сношеній съ Среднею Азіей.“ Прибавимъ, что Ташкентъ лежитъ на нашей сторонѣ горъ, отдѣляющихъ Коканъ отъ Туркестанской области. Онъ считается однимъ изъ первокласныхъ городовъ Средней

Азіи и имѣетъ, если не ошибаемся, около 80.000 жителей, занимающихся преимущественно торговлей.

Б.

Говорятъ, что у насъ мало людей; говорятъ, что въ нашемъ западномъ краѣ русское дѣло потому плохо спорится, что не находится въ достаточномъ числѣ дѣятелей искренно одушевленныхъ русскимъ чувствомъ и вполнѣ способныхъ. Это неправда. Лишь бы только общая система дѣлъ шла у насъ путемъ прямымъ и вѣрнымъ, люди найдутся, дѣятели есть. Несмотря на видимую скудость въ средствахъ нашей цивилизаціи, несмотря жалкое банкрутство нашего педагогическаго дѣла, отъ котораго, въ послѣднемъ анализѣ, зависитъ образованіе способныхъ общественныхъ дѣятелей, — дѣятели есть, дѣятели находятся. Они явятся во множествѣ, лишь бы только въ общей системѣ нашихъ дѣлъ все обстояло благополучно, лишь бы только не было въ нихъ сомнѣній и неясностей, лишь бы только они текли могущественно, разумно и вѣрно, не сбивая людей съ толку, не предавая ихъ мучительнымъ сомнѣніямъ, не потрясая ихъ лучшихъ убѣжденій, не поражая ихъ уныніемъ, не раздробляя, не разсыпая ихъ, а напротивъ укрѣпляя, собирая въ одномъ стремленіи, одушевляя ихъ вѣрой въ плодотворность ихъ служенія, и призывая къ этому служенію ихъ благороднѣйшія силы. Мы жалуемся на недостатокъ дѣятелей, но если жалобы эти основательны, то сущность ихъ все-таки состоитъ не въ томъ, на что мы жалуемся. Сущность состоитъ не въ недостаткѣ дѣятелей, а въ томъ, что бываютъ обстоятельства, которыя заставляютъ людей спрашивать себя, къ чему же клонится наконецъ ихъ дѣятельность, какой смыслъ она имѣетъ?—и приходить къ горькому чувству, что ихъ дѣятельность можетъ утратить всякій смыслъ, что изъ нея можетъ ничего не выйдти, что они толкутъ воду и что имъ лучше разбрестись по домамъ. Мы только что получили нѣкоторыя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Волковысскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи... Но мы теперь не намѣрены говорить объ этихъ печальныхъ случаяхъ, свидѣтельствующихъ о могуществѣ польскихъ интригъ или, лучше сказать, о тѣхъ недоразумѣніяхъ и неясностяхъ, которыя составляютъ слабость русскихъ дѣлъ. Мы упомянули объ этихъ случаяхъ невольно, находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ только что полученныхъ извѣстій. Будемъ надѣяться, что недоразумѣнія разъяснятся, и дѣла наши, какъ въ томъ краѣ, такъ и вообще, выйдутъ на несомнѣнный путь; но начавъ говорить о жалобахъ на недостатокъ въ дѣятеляхъ, мы хотѣли въ настоящемъ случаѣ только припомнить читателямъ помѣщенную въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, дня три тому назадъ, статью о Молодеченской семинаріи священника Ивановскаго, уроженца тамошняго края, и обратить ихъ вниманіе на помѣщаемую въ сегодняшнемъ нумерѣ статью другаго дѣятеля тамошняго края, г. Ковалевскаго, о приходскихъ училищахъ въ Гродно. Мы особенно обращаемъ вниманіе на то мѣсто въ этой умной и дѣльной статьѣ, гдѣ говорится о преподаваніи закона Божія въ приходскихъ школахъ. Большинство мальчиковъ, обучающихся въ этихъ первоначальныхъ школахъ — римско-католическаго исповѣданія: на 86 римско-католиковъ приходится только 45 православныхъ. Школы эти содержатся правительствомъ; онѣ предназначаются къ тому чтобы служить могущественнымъ орудіемъ для водворенія русской народности въ этомъ краѣ, искони русскомъ. И чтожь? Этихъ дѣтей въ первоначальныхъ школахъ, устроенныхъ съ цѣлію образовать русскихъ людей въ этомъ краѣ, и притомъ въ настоящее время, когда повидимому всѣ усилія направлены къ тому, чтобы положить конецъ двусмысленному положенію этого края,—когда замѣняются надъ магазинами польскія вывѣски русскими, и взыскиваются штрафы за польскій разговоръ въ присутственныхъ мѣстахъ,—дѣтей въ этихъ школахъ заставляютъ учиться самому главному предмету первоначальнаго обученія на языкѣ, который служитъ символомъ національныхъ стремленій, имѣющихъ въ этомъ краѣ значеніе государственной измѣны, возводя такимъ образомъ этотъ языкъ на степень священнаго и ополячивая этихъ дѣтей въ самой основѣ ихъ нравственнаго существа. Неужели можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе, что не запрещеніями говорить по польски въ присутственныхъ мѣстахъ или не лавочными вывѣсками съ русскими надписями можно подвинуть русское дѣло въ этомъ краѣ? Неужели можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе что при такомъ порядкѣ вещей по части народнаго просвѣщенія и церковныхъ

дѣлъ въ западномъ краѣ, только продолжается дѣло Чарторыйскихъ и Чацкихъ? Но для чего же это дѣлается? Неужели изъ ревности къ православію? Но что же общаго можетъ имѣть дѣло православія съ такою системой, которая была бы совершенно понятна въ XIV столѣтіи, но которая не имѣетъ ни оправданія, ни смысла въ нынѣшней Россіи? Неужели упорнымъ отчужденіемъ многихъ сотенъ тысячъ людей русскаго корня и еще не совсѣмъ ополяченныхъ отъ русскаго государства на сколько-нибудь подвинется дѣло православія? Неужели для того заводятся первоначальныя школы въ западномъ краѣ чтобы въ нихъ довершить ополяченіе тамошняго народа? Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы впускать или не впускать римское вѣроисповѣданіе въ предѣлы русскаго государства; оно уже впущено, оно признано и пользуется правами. Виленскій учебный округъ не имѣетъ ни права, ни возможности изгнать его изъ Россіи. Зачѣмъ же употреблять это вѣроисповѣданіе на то чтобы воспитывать народонаселенія этого края не только въ отчужденіи отъ православной церкви, но еще и въ элементѣ несомнѣнной вражды къ русскому государству? Какой ущербъ можетъ произойдти для православной церкви отъ того, что дѣти того края, и притомъ большею частію русскаго происхожденія, но вслѣдствіе давнихъ историческихъ причинъ принадлежащія не къ православной, а къ римско-католической церкви, будутъ читать *Отче наш* по-русски, а не по-польски? Чего добраго можно ожидать отъ этихъ дѣтей, которыхъ мы хотимъ воспитать въ качествѣ Русскихъ и которыя въ сущности затѣмъ только освоятся съ русскимъ языкомъ, чтобъ, оставаясь въ душѣ людьми чуждой и враждебной національности, только болѣе вредить русскому государству и крѣпче ненавидѣть его?

Въ архивѣ Виленскаго учебнаго округа хранится, какъ намъ извѣстно, одно очень интересное дѣло, которое приведетъ въ изумленіе историка, и которое показываетъ, изъ какихъ источниковъ происходятъ наши опасности, затрудненія и бѣдствія, отъ какихъ причинъ раждаются всѣ эти такъ-называемые вопросы, вносящіе смуту и ядъ въ нашу жизнь. Что толку все обвинять Поляковъ и сѣтовать на польскія интриги? Полезнѣе намъ съ обвиненіями и сѣтованіями обратиться къ самимъ себѣ. Несправедливо негодовать на слѣдствіе и поддерживать причины, которыми оно порождается и которыя имъ исчерпываются. Не разумно зажигать огонь и порицать его за то, что онъ жжется. Мы видимъ, какими явленіями ознаменовываются вспышки такъ-называемаго польскаго вопроса; но когда-нибудь надобно же намъ съ полною ясностью и во всей силѣ понять, что мятежники и злоумышленники, которые изъ него плодятся, сами не болѣе какъ жертвы,—что та отрава, которую они распространяютъ, принята ими самими, и что это польское дѣло есть въ сущности русская вина или русская ошибка, точно такъ же какъ и всѣ враждебныя Россіи начинанія, которыя въ ней зараждаются и которыя, какъ покажетъ время, еще вреднѣе и опаснѣе польскихъ интригъ,—вина или ошибка самой Россіи. Мы видимъ какую горестную исторію представляетъ это польское дѣло, мы видимъ, что значатъ эти фальшивыя національности, искусственно создаваемыя, эти государства въ государствѣ. Вотъ маленькій эпизодъ изъ недавняго прошедшаго, бросающій нѣкоторый свѣтъ на эту исторію; назадъ тому нѣсколько десятилѣтій, дворянство Витебской губерніи постановило въ своемъ собраніи просить правительство о томъ, чтобъ его дѣти, воспитываемыя въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, обучались закону Божію, какъ и прочимъ предметамъ, не иначе какъ на русскомъ языкѣ. Витебскіе дворяне недоумѣвали, зачѣмъ дѣтей ихъ хотятъ непремѣнно дѣлать Поляками, тогда какъ они—русскіе дворяне и должны быть Русскими. Они полагали, что вѣра, которую они исповѣдываютъ, нисколько не требуетъ того, чтобы дѣти ихъ воспитывались въ чувствѣ національности не имѣющей смысла въ русскомъ государствѣ и несовмѣстной съ чувствомъ русскаго гражданина; они справедливо находили противнымъ совѣсти мѣнять вѣру изъ посторонникъ побужденій, хотя бы и похвальнаго свойства; они хотѣли оставаться католиками римской церкви, но они въ то же время признавали себя вполнѣ Русскими, и хотѣли, чтобы дѣти ихъ, воспитываясь въ вѣрности своей церкви, воспитывались въ то же время вѣрными дѣтьми русской земли и вѣрными подданными русскаго государя. Они справедливо находили, что религія, которую они исповѣдуютъ, допущенная въ Россіи и пользующаяся покровительствомъ ея законовъ, нисколько не

обязываетъ ихъ быть Поляками. Предвидя для своихъ дѣтей бѣдствія отъ искусственной связи между ихъ вѣроисповѣданіемъ, допущеннымъ въ Россіи, и символомъ національности, которой развитіе въ Россіи не можетъ быть допущено, они желали, чтобъ эта столько же фальшивая, сколько и пагубная связь была расторгнута. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Витебскіе дворяне подали свое прошеніе, но оно осталось втунѣ, и дѣти ихъ продолжали воспитываться въ чувствѣ польской національности. Недавнія событія показали, что это чувство навязывалось имъ не безъ успѣха. И вотъ съ польскихъ патріотовъ, которые такимъ образомъ почти насильно были созданы, приходится взыскивать зачѣмъ они польскіе патріоты, зачѣмъ у нихъ есть подземное правительство, зачѣмъ они способствовали или сочувствовали мятежу, зачѣмъ они исполнены вражды къ Россіи и не хотятъ признавать себя русскими!

То, о чемъ назадъ тому нѣсколько десятилѣтій безуспѣшно просили дворяне Витебской губерніи, теперь, благодаря послѣднимъ событіямъ, отчасти приведено въ исполненіе. Въ гимназіяхъ сѣверо-западнаго края введено преподаваніе римско-католическаго закона Божія на русскомъ языкѣ по литографированнымъ тетрадямъ. Но принесетъ ли пользу эта мѣра, оставаясь полумѣрой? Во всякомъ случаѣ, можетъ ли имѣть какое-нибудь существенное значеніе этотъ *литографированный* римскій законъ Божій, преподаваемый въ гимназіяхъ, когда вмѣстѣ съ этимъ тотъ же законъ Божій обязательно преподается по-польски въ первоначальныхъ школахъ, и когда римско-католическому священнику возбраняется употреблять для молитвословія языкъ русскаго государства?

№ 159.

Москва, 20-го Іюля.

Въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты читатели найдутъ извѣщеніе Московскаго университета, касающееся пріема въ студенты и по своей важности требующее публичнаго обсужденія. Дѣло въ томъ, что весьма многія изъ гимназій Имперіи выдавали до сихъ поръ молодымъ людямъ, оканчивающимъ въ нихъ курсъ, документы разнаго рода и придавали этому различію документовъ серіозное значеніе. Одни изъ окончившихъ курсъ получали аттестаты, другіе—только свидѣтельства объ окончаніи курса. Первое было труднѣе, второе—во многихъ гимназіяхъ очень легко: выдать свидѣтельство считалось почти формальностью. Далѣе, было дѣлаемо различіе и между аттестатами. Важность придавалась лишь тѣмъ аттестатамъ, въ которыхъ прямо сказывалось, что педагогическій совѣтъ гимназіи признаетъ выпускаемаго способнымъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Нѣкоторыя гимназіи были слишкомъ тароваты и насчетъ этихъ удостоеній, но все же тутъ соблюдалась нѣкоторая осторожность: естественно было опасаться, чтобы недостаточность образованія молодаго человѣка не обнаружилась въ университетѣ. Къ тому же, какъ извѣстно, послѣ отмѣны производившихся университетами испытаній для поступленія въ студенты, на университеты была возложена обязанность командировать своихъ членовъ для присутствованія при экзаменахъ въ гимназіяхъ того учебнаго округа, къ которому университетъ принадлежитъ. Командируемые члены университета естественно считали своимъ долгомъ обращать вниманіе преимущественно на тѣхъ молодыхъ людей, которымъ выдавалось удостовѣреніе въ ихъ зрѣлости для слушанія университетскихъ лекцій; вмѣшиваться въ выдачу аттестатовъ или свидѣтельствъ молодымъ людямъ, не получающимъ права поступать въ число студентовъ, члены университета, командируемые въ гимназіи должны были считать себя даже не въ правѣ: это значило бы контролировать такія дѣйствія гимназическаго начальства, которыя не могутъ имѣть никакого вліянія на университетъ, и съ университской точки зрѣнія даже не могутъ быть правильно обсуждены. Такимъ образомъ, когда командировка членовъ университета въ гимназіи имѣла то значеніе, ради котораго она была установлена, то это значеніе могло относиться исключительно къ выдачѣ документовъ, предоставляющихъ молодому человѣку право вступить въ число студентовъ, разумѣется если эти документы выдавались свѣдома командированныхъ членовъ университета, что впрочемъ не всегда бывало. Во многихъ гимназіяхъ допускались переэкзаменовки, происходившія уже въ отсутствіи университетскаго депу-

тата, и на основаніи этихъ переэкзаменовокъ, съ разрѣшенія окружнаго начальства, выдавались документы на право вступленія въ университетъ безъ экзамена. Это, конечно, уменьшало серіозность участія университетскаго депутата въ гимназическихъ испытаніяхъ. Но документы, выданные на основаніи подобныхъ переэкзаменовокъ, свидѣтельствовали по крайней мѣрѣ о томъ, что получившій документъ былъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи удостоенъ права вступить въ университетъ. Въ документахъ перваго рода, выданныхъ правильно, гарантіей осмотрительности служило согласіе педагогическаго совѣта гимназій съ университетскимъ депутатомъ; въ документахъ втораго рода гарантія ограничивалась мнѣніемъ большинства въ педагогическомъ совѣтѣ. Но и тутъ была своего рода гарантія. Что же сказать о такихъ документахъ, въ которыхъ, по рѣшенію педагогическаго совѣта самой гимназіи, обучавшей молодаго человѣка или экзаменовавшей его, выпущена аттестація къ поступленію въ число студентовъ? Не означаетъ ли это, что сама гимназія признала молодыхъ людей, получившихъ отъ нея подобные документы, недостойными вступить въ университетъ? Та или другая гимназія могла выдавать подобные документы по разнымъ соображеніямъ, въ разсмотрѣніе которыхъ здѣсь нѣтъ надобности входить, но каждый такой документъ свидѣтельствуетъ, что гимназія, выдавшая его, положительно отказалась принять на себя отвѣтственность за молодаго человѣка, получившаго такой документъ. Если же взять въ соображеніе, что эта отвѣтственность ни въ какомъ случаѣ не могла вести къ чувствительнымъ для гимназіи слѣдствіямъ, и не подвергла ее такому риску, отъ котораго ей было бы необходимо ограждать себя, то значеніе отказа должно представиться намъ въ видѣ еще болѣе серіозномъ, и мы въ полномъ правѣ предполагать, что онъ всегда основывался на какихъ-нибудь важныхъ данныхъ. Мы тѣмъ болѣе въ правѣ предполагать это, что тутъ не можетъ быть рѣчи о несправедливости, потому что гимназія выдала же молодому человѣку документъ объ окончаніи курса, предоставляющій ему извѣстныя права, и если онъ принадлежитъ къ податнымъ сословіямъ, то права значительныя; не можетъ также быть рѣчи объ излишней строгости, потому что гимназіи не могутъ быть особенно заинтересованы умственнымъ уровнемъ университетскихъ аудиторій и соображаютъ свои требованія съ существующимъ уровнемъ не университетскаго, а гимназическаго преподаванія, вслѣдствіе чего ихъ требованія всегда должны совпадать съ дѣйствительнымъ уровнемъ гимназическаго преподаванія. Наконецъ, въ случаѣ несправедливости или излишней строгости со стороны педагогическаго совѣта гимназіи, могъ бы оказать помощь присутствующій на экзаменахъ членъ университета, а въ случаѣ соумышленничества и со стороны сего послѣдняго, обиженному все-таки не возбранялось посѣщать университетскія лекціи въ качествѣ сторонняго слушателя и держать потомъ экзаменъ на ученую степень. Все ведетъ къ заключенію, что прижимокъ тутъ быть не можетъ, и мы дѣйствительно видимъ отнюдь не прижимки, а скорѣе послабленія. Очень можно сомнѣваться въ достаточной умственной зрѣлости всѣхъ молодыхъ людей получающихъ отъ гимназій право вступленія въ число студентовъ; но кому гимназіи отказываютъ въ этомъ правѣ, того никакъ нельзя считать достойнымъ его.

Между тѣмъ ученый комитетъ, состоящій при министрѣ народнаго просвѣщенія, постановилъ, что въ число студентовъ должны быть принимаемы всѣ лица получившія отъ гимназій аттестаты или свидѣтельства объ окончаніи курса или о выдержаніи окончательнаго испытанія, хотя бы въ этихъ аттестатахъ и свидѣтельствахъ и не было обозначено, что педагогическіе совѣты гимназій удостоиваютъ ихъ поступленія въ число студентовъ. Сила существующихъ нынѣ различій между документами выдаваемыми отъ гимназій этимъ постановленіемъ отмѣняется. Равнымъ образомъ устраняются по большей части и результаты участія, которое принимали университетскіе депутаты въ окончательныхъ испытаніяхъ истекшаго академическаго года. Молодые люди, объ огромномъ большинствѣ которыхъ можно безошибочно предполагать, что они не достойны поступленія въ университетъ, получаютъ возможность поступить въ него и переполнить собой университетскія аудиторіи, во вредъ себѣ, университету и общему уровню нашего образованія.

Намъ неизвѣстно въ подробности, какъ дѣло идетъ въ другихъ учебныхъ округахъ, но въ Московскомъ учебномъ округ-

гѣ, эта мѣра должна имѣть значеніе послабленія, не обѣщающаго пользы ни въ какомъ отношеніи. Если мы не ошибаемся, она можетъ быть объяснена буквальнымъ примѣненіемъ новаго гимназическаго устава, который не допускаетъ различій въ выдаваемыхъ гимназіями документахъ объ окончаніи курса, но который, какъ извѣстно, еще не приведенъ въ дѣйствіе въ своихъ полезныхъ частяхъ. Нельзя не пожалѣть, что ему суждено было послужить на первыхъ порахъ поводомъ не къ возвышенію, а къ пониженію уровня познаній въ университетскихъ аудиторіяхъ. Въ особенности нельзя не пожалѣть, что о предстоящей нивеллировкѣ обычныхъ гимназическихъ аттестатовъ и свидѣтельствъ, гимназіямъ не было извѣстно до выдачи этихъ документовъ.

Впрочемъ, въ распоряженіи университетовъ остается средство противодѣйствовать тому наплыву плохо приготовленныхъ молодыхъ людей, отъ котораго они еще недавно такъ страдали и теперь начинаютъ освобождаться. Какъ сказано, принимаемая нынѣ мѣра должна повести къ послабленію пріема въ студенты, но университеты имѣютъ возможность сократить размѣры этого послабленія, воспользовавшись правомъ повѣрочнаго испытанія. Мы не споримъ, что это повѣрочное испытаніе сопряжено съ затрудненіями или, по крайней мѣрѣ, съ неудобствами, но оно можетъ въ извѣстной степени оградить университеты отъ набѣга не приготовленныхъ искателей студенческаго званія, и не подлежитъ сомнѣнію, что университеты воспользуются этимъ средствомъ, и что въ особенности имъ воспользуется университетъ Московскій. Молодымъ людямъ, сознающимъ недостаточность своихъ свѣдѣній, будетъ весьма полезно, если они обратятъ вниманіе на ту строчку университетскаго извѣщенія, въ которой сказано, что они будутъ приняты въ число студентовъ *послѣ повѣрочнаго испытанія*. Чтобы не ошибиться въ разчетѣ, они должны имѣть въ виду, что въ Московскомъ университетѣ ихъ можетъ ожидать лишь серіозное повѣрочное испытаніе.

№ 160.

Москва, 21-го Іюля.

Выше, въ отдѣлѣ *Постановленій и распоряженій правительства*, помѣщено высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, на которое считаемъ должнымъ обратить особенное вниманіе читателей. Еврейскій вопросъ поставленъ этою мѣрой на совершенно-правильный путь. До сихъ поръ наше законодательство, въ расширеніе правъ Евреевъ, соображалось преимущественно со степенью ихъ образованія, что́ должно было вести ко многимъ неестественнымъ и даже вреднымъ послѣдствіямъ; теперь оно приняло во вниманіе только обширную пользу и пользу самихъ лицъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ вопросѣ, оставляя въ сторонѣ вовсе не относящійся сюда интересъ привлеченія Евреевъ къ высшимъ либеральнымъ профессіямъ. Основанное на представленіи министра внутреннихъ дѣлъ и удостоившееся высочайшаго утвержденія мнѣніе государственнаго совѣта постановляетъ, что отнынѣ всѣ Евреи-ремесленники, занимающіеся какъ цеховыми, такъ и нецеховыми мастерствами, получаютъ, независимо отъ своего образованія, право повсемѣстнаго жительства въ Имперіи. Многочисленный и наболѣе полезный классъ русскихъ подданныхъ изъ Евреевъ, такимъ образомъ, освобожденъ на будущее время отъ стѣсненій относительно выбора мѣстъ жительства, безъ всякихъ изъятій и ограниченій, къ которымъ въ прежнюю пору такъ любило прибѣгать въ этомъ отношеніи наше законодательство. Черта постоянной осѣдлости Евреевъ, правда, еще не отмѣнена окончательно, но она, можно сказать, уже совершенно исчезла для всего ремесленнаго класса Евреевъ. Притомъ же условія, на которыхъ дозволяется Евреямъ-ремесленникамъ проживать повсемѣстно въ Имперіи, сами по себѣ вовсе не стѣснительны: тѣмъ изъ нихъ, которые занимаются цеховыми мастерствами, стóитъ лишь запастись свидѣтельствомъ на званіе мастера или подмастерья въ одномъ изъ городовъ, имѣющихъ цеховое устройство; тѣмъ же, которые занимаются не цеховыми мастерствами, еще легче получить удостовѣреніе отъ заводчиковъ и фабрикантовъ (или ихъ уполномоченныхъ) въ чьихъ заведеніяхъ они обучались мастерству, или занимались имъ, въ томъ, что они дѣйствитель-

но его знаютъ. Далѣе, положеніе, въ которое новая законодательная мѣра поставляетъ ремесленниковъ-Евреевъ въ мѣстахъ новаго ихъ поселенія, можетъ быть названо льготнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Имъ дозволяется имѣть при себѣ не только членовъ ихъ семействъ (женъ, дѣтей, несовершеннолѣтнихъ братьевъ и сестеръ), но также и учениковъ изъ ихъ единовѣрцевъ, при чемъ послѣдніе могутъ поступать къ нимъ и вновь въ мѣстахъ новаго ихъ поселенія, лишь бы они были не старше 18 лѣтъ, и могутъ оставаться у нихъ въ качествѣ учениковъ до 23 лѣтняго возраста включительно, а получивъ отъ нихъ одобрительные аттестаты, могутъ и навсегда остаться внѣ черты постоянной еврейской осѣдлости въ качествѣ ремесленниковъ. Наконецъ, Евреямъ ремесленникамъ дозволено во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи не только жить по паспортамъ, но и поступать въ цехи на общемъ основаніи, а также въ гильдіи, и пользоваться въ такомъ случаѣ правами, присвоенными обоимъ состояніямъ. Такимъ путемъ они могутъ входить въ составъ городскихъ обществъ въ мѣстностяхъ своего новаго поселенія. Вообще можно сказать, что теперь отъ самихъ Евреевъ-ремесленниковъ преимущественно будетъ зависѣть, сохранятъ ли они свое юридическое мѣстожительство въ чертѣ постоянной еврейской мѣстности, уплачивая, сверхъ падающихъ на нихъ тамъ податей, только еще за паспортъ, или же пожелаютъ стать полноправными обитателями въ новыхъ мѣстахъ своего жительства, и въ такомъ случаѣ нести вмѣстѣ съ ними всѣ ихъ тягости, не составляя однакоже отдѣльнаго еврейскаго общества, что особенно важно.

Мѣра, которую мы теперь обсуждаемъ, будетъ, безъ сомнѣнія, имѣть весьма важныя послѣдствія. Гуманная и либеральная во всѣхъ указанныхъ нами чертахъ, она можетъ быть названа и консервативною. Можно сказать напередъ, что она произведетъ весьма сильное впечатлѣніе на маленькій еврейскій міръ, образовавшійся въ западномъ краѣ Россіи, и убѣдитъ его въ попечительности правительства, требующаго отъ своихъ еврейскихъ подданныхъ одного—чтобъ они обратились къ полезнѣйшимъ изъ тѣхъ занятій, къ которымъ они уже заявили свою склонность. Имъ ничто не навязывается, а дается ходъ лучшему что уже есть въ ихъ бытѣ. Въ послѣднемъ отношеніи новая мѣра правительства должна оказаться особенно благотворною. Вслѣдствіе чрезмѣрной конкурренціи Евреевъ-ремесленниковъ въ мѣстахъ прежняго ихъ поселенія, поприще ремесленности никому изъ нихъ не сулило особенныхъ выгодъ, и положеніе ихъ вообще было довольно жалкое. Понятно, что многіе изъ евреевъ предпочитали этому трудному промыслу или жизнь созерцательную, погруженную въ изученіе талмудической премудрости, или же хотя и невѣрную и небезопасную, но болѣе легкую наживу съ помощью факторства и другихъ менѣе честныхъ промысловъ. Образованнѣйшіе и благонамѣреннѣйшіе изъ Евреевъ скорбѣли о такомъ положеніи своихъ единовѣрцевъ, и не разъ замышляли, для привлеченія ихъ къ ремесленному поприщу, основывать при еврейскихъ училищахъ ремесленныя школы. Теперь, при энергическомъ содѣйствіи благонамѣренныхъ людей изъ среды Евреевъ, новая мѣра правительства можетъ вывести всю массу Евреевъ на путь полезной дѣятельности. Для Евреевъ-ремесленниковъ открывается теперь новое, почти необъятное поприще, на которомъ будетъ легко не только упрочить свое существованіе съ семействомъ, но и пріобрѣсти болѣе или менѣе значительный достатокъ. При смышлености Евреевъ и при ихъ способности къ ремесламъ, можно ожидать быстраго увеличенія числа ремесленниковъ между ними, чему образованнѣйшіе Евреи должны были бы, кажется, съ своей стороны всѣми способами содѣйствовать: до сихъ поръ тунеядство значительной части Евреевъ западнаго края можно было объяснять тѣмъ, что ихъ положеніе недавало никакого простора для дѣятельности, но теперь не остается уже извиненія для тунеядства, и благомыслящіе изъ Евреевъ должны сами сдѣлать усилія къ его пресѣченію. На ихъ обязанности лежитъ теперь противодѣйствовать съ своей стороны тѣмъ нечестнымъ способамъ стяжанія, которые доставили такую дурную славу ихъ соплеменникамъ, и которые должны же когда-нибудь подвергнуться открытому порицанію со стороны вліятельныхъ лицъ изъ самихъ Евреевъ.

Въ политическомъ отношеніи новая мѣра должна повести къ благотворнымъ результатамъ. Она облегчитъ нашъ западный край отъ той язвы, которую до сихъ поръ составляло въ немъ чрезмѣрно скученное еврейское населеніе; она откроетъ доступъ

къ городскимъ занятіямъ тамошнему крестьянскому населенію; она дастъ общее полезное направленіе дѣятельности всѣхъ полутора милліоновъ Евреевъ, живущихъ въ западномъ краѣ, и нанесетъ благодѣтельный ударъ замкнутости ихъ тамошняго міра, а жизнь въ средѣ чистаго и кореннаго русскаго общества сблизитъ ихъ съ гражданскими интересами великой страны.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ никакъ нельзя ожидать замѣтнаго наплыва еврейскихъ ремесленниковъ во внутренніе города Россіи. Переселеніе въ новые, незнакомые края, въ даль отъ родныхъ и друзей, всегда представляетъ большія затрудненія, а потому наши ремесленники не могутъ пока опасаться слишкомъ большой конкурренціи со стороны Евреевъ. Конкурренція будетъ развиваться постепенно, безъ крутыхъ поворотовъ, всегда вредящихъ промышленности, и потому, не ухудшая положенія нашихъ ремесленниковъ, побудитъ ихъ только къ трудолюбію и усовершенствованію въ искусствѣ. Она обратится въ пользу общую, въ пользу русскихъ потребителей и русской ремесленности. Со временемъ она несомнѣнно поведетъ къ нѣкоторому удушевленію жизни во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Евреи-ремесленники отличаются умѣренностію и бережливостію, которыя дозволяютъ имъ дешевле цѣнить свою работу, а также точностію въ исполненіи заказовъ. Это не худо заранѣе принять во вниманіе нашимъ ремесленникамъ, и такимъ образомъ подготовиться къ конкурренціи. Впрочемъ, при необъятныхъ пространствахъ Россіи и при маломъ развитіи въ ней ремесленнаго дѣла, слѣдуетъ не опасаться конкурренціи, а только радоваться тому, что благодаря новой мѣрѣ правительства, Россія пріобрѣтетъ себѣ, какъ мы надѣемся, весьма значительную массу новыхъ полезныхъ элементовъ, обративъ въ нихъ и ту часть еврейскаго населенія, которая доселѣ жила въ праздности, или пробавлялась нечестными промыслами.

№ 161.

Москва, 23-го іюля.

Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи пріобрѣло въ послѣднее время такой вѣсъ въ дѣлахъ всемірной политики, что теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь внутреннія событія этого цвѣтущаго государства имѣютъ всеобщее значеніе. Распущенному нынѣшнимъ лѣтомъ парламенту досталась рѣдкая доля — изжить законный вѣкъ свой и разойдтись не въ слѣдствіе политическихъ затрудненій, а въ силу закона, требующаго, чтобы по меньшей мѣрѣ каждыя шесть лѣтъ производились общіе выборы членовъ нижней палаты. Призывъ націи къ произнесенію суда надъ политическими людьми страны пришелся очень кстати. Распущенный парламентъ отличался нерѣшительностію. Большинство, поддерживавшее своего популярнаго премьера, само повидимому не отдавало себѣ яснаго отчета, за что оно его поддерживаетъ, за то ли что онъ стоитъ во главѣ такъ-называемой либеральной партіи и не допускаетъ консерваторовъ къ управленію дѣлами, или за то, что онъ сдерживаетъ либеральную партію и слѣдуетъ во внутреннихъ дѣлахъ той же самой политикѣ, которой слѣдовали бы и консерваторы, еслибы находились у дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, внутренняя политика Пальмерстоновскаго кабинета была бы совсѣмъ безцвѣтна, еслибы не бюджеты г. Гладстона, каждый годъ значительно подвигавшіе впередъ дѣло внутренняго благосостоянія. Но помимо г. Гладстона, финансовыя мѣры котораго всегда находили поддержку, но который лично подвергался и въ палатѣ общинъ, и въ журналистикѣ бо́льшимъ нападкамъ нежели какой-либо другой изъ членовъ Пальмерстоновскаго кабинета, нынѣшнее правительство имѣло своимъ главнымъ характеромъ строгій консерватизмъ по вопросамъ внутренней политики и какъ бы для его искупленія—не просто либеральную, а субверсивную политику по внѣшнимъ дѣламъ. Лордъ Россель, бывшій нѣкогда главнымъ руководителемъ вопроса о парламентской реформѣ, все болѣе и болѣе терялъ въ средѣ нынѣшняго кабинета самостоятельное значеніе и имѣлъ даже мало вліянія на направленіе внѣшней политики, спеціяльно находившейся въ его завѣдываніи. Это былъ слабый отголосокъ изъ давно минувшихъ временъ, уважаемый только по старой памяти. Пожалованіе лорда Росселя въ пэры не оказало никакого вліянія на ходъ дѣлъ въ нижней палатѣ, гдѣ почти уже не было оттѣнка мнѣній спеціяльно къ нему примыкавшаго. Премьеръ самовластно господствовалъ надъ большинствомъ палаты общинъ. Иногда онъ обращался съ нею со-

всѣмъ запросто, отшучиваясь двумя-тремя остроумными словами, вмѣсто того чтобы входить въ разъясненія. Онъ очень хорошо зналъ, что у него нѣтъ преемника, и что молчаливое согласіе партій—не тревожить его твердо установилось. Торіи, можно сказать, даже болѣе дорожили поддержаніемъ его власти, чѣмъ многіе изъ элементовъ той партіи, во главѣ которой онъ стоялъ. Торіи видѣли въ немъ твердый оплотъ противъ нововведеній по внутреннимъ дѣламъ и предоставляли ему свободу во внѣшней политикѣ, хотя и не могли сочувствовать той капризной и нерѣдко слишкомъ неразборчивой на средства дипломатической игрѣ, въ которой онъ такъ успѣшно состязался съ императоромъ Наполеономъ. Такой ходъ дѣлъ не могъ однако не повести къ послѣдствіямъ не совсѣмъ благопріятнымъ. Пальмерстоновская внѣшняя политика нигдѣ, за предѣлами Великобританіи, не могла пользоваться ни особеннымъ довѣріемъ, ни сочувствіемъ, а Пальмерстоновская внутренняя политика давала не заслуженное значеніе такъ-называемымъ независимымъ либераламъ и въ особенности такъ-называемой манчестерской партіи, все болѣе и болѣе возраставшей въ силѣ и принимавшей демократическій цвѣтъ.

Среди такого положенія дѣлъ, результатъ общихъ выборовъ есть событіе первоклассной важности. Побѣда осталась за партіей либеральною, получившею такое большинство въ палатѣ общинъ, какое рѣдко встрѣчалось въ исторіи англійскаго парламента. Правительство лорда Пальмерстона упрочено, и престарѣлый премьеръ можетъ быть теперь еще болѣе спокоенъ за свою власть чѣмъ при предыдущемъ парламентѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ общіе выборы разъясняли дѣйствительное настроеніе англійскихъ избирателей съ такой стороны, которая для многихъ въ самой Великобританіи была неожиданностью. Всего очевиднѣе то, что либеральная партія обязана своею побѣдой г. Гладстону гораздо болѣе чѣмъ лорду Пальмерстону, и что сочувствіе къ ней избирателей основывалось не столько на томъ, что извѣстно подъ именемъ Пальмерстоновской политики, сколько на финансовой политикѣ теперешняго правительства и въ особенности на тѣхъ надеждахъ, которыя возлагаются на либеральную партію относительно политическаго развитія страны: результатъ успокоительный для Европы, и тѣмъ болѣе благопріятный для Англіи, что общіе выборы нынѣшняго лѣта обезпечили правильный ходъ этого развитія, явственно указавъ на человѣка, который будетъ его руководителемъ. Этотъ человѣкъ, избранникъ націи, есть г. Гладстонъ.

Престарѣлость премьера внушала Англичанамъ тѣмъ болѣе серіозныя опасенія, что въ послѣднее время значительно измѣнились прежнія отношенія двухъ политическихъ партій, поперемѣнно правящихъ британскимъ государствомъ. Старинное, для всѣхъ ясное различіе между торіями и вигами совсѣмъ потеряло силу. Даже эти два наименованія партій стали выходить изъ употребленія и замѣнились новыми терминами: *консервативные и либеральные члены*, но какъ бы на перекоръ этимъ терминамъ консервативные политическіе люди заявляли себя такими же либералами какъ политическіе люди либеральной партіи, и наоборотъ эти послѣдніе старались отнять у консерваторовъ и присвоить себѣ тѣ начала, которыя слѣдуетъ считать истинно-консервативными. Различіе между ними состояло только въ понятіяхъ объ истинномъ либерализмѣ и истинномъ консерватизмѣ, и нельзя не признать, что на сторонѣ консерваторовъ было меньше ясныхъ принциповъ, чѣмъ на сторонѣ либераловъ. Этимъ между прочимъ объясняется пораженіе, понесенное консервативною партіей на общихъ выборахъ. Но и либеральная партія находилась по многимъ вопросамъ въ недоумѣніи или разногласіи. Ея единство сдерживалось преимущественно личностью лорда Пальмерстона. Дальнѣйшее будущее было неясно, и многіе даже предсказывали, что съ удаленіемъ лорда Пальмерстона отъ дѣлъ пріобрѣтетъ большое значеніе манчестерская партія съ ея космополитическими и демократическими утопіями, съ ея систематическимъ отрицаніемъ политической точки зрѣнія и расположеніемъ разрѣшать политическіе вопросы съ точки зрѣнія исключительно экономической. Нельзя отрицать, что въ этомъ заключалась серіозная опасность для правильнаго развитія англійскихъ государственныхъ учрежденій и вообще для хода англійской политики; нельзя удивляться тому, что обѣ партіи, и либералы, и консерваторы, смотрѣли на лорда Пальмерстона, какъ на силу отсрочивающую наступленіе хаоса во взаимныхъ отношені-

яхъ партій. Но такое положеніе дѣлъ, при которомъ правительство держится однимъ лицомъ, не есть правильное положеніе, и общіе выборы должны были указать исходъ изъ него. Консерваторы и либералы явились на судъ націи; всѣ усилія были напряжены съ той и съ другой стороны, чтобы получить побѣду. Результатъ борьбы состоитъ въ томъ, что консерваторы понесли сильное пораженіе, но этимъ самымъ произнесенъ отчасти приговоръ и надъ прежнимъ направленіемъ либеральной партіи. Возвращаясь съ общихъ выборовъ, она приноситъ новый духъ, болѣе ясныя политическія начала, большее внутреннее согласіе. Манчестерская партія будетъ въ новомъ парламентѣ еще слабѣе чѣмъ въ прежнемъ. Несомнѣнное преобладаніе будетъ за направленіемъ г. Гладстона. Такимъ образомъ отношенія разъяснились, и мѣсто ожидавшагося хаоса заступаетъ положеніе дѣлъ, способное внушить самое полное довѣріе.

Г. Гладстонъ достигъ своей теперешней популярности необыкновеннымъ путемъ. Первоначально торій, онъ примкнулъ къ сэръ-Роберту Пилю и по смерти его могъ бы остаться въ консервативной партіи, еслибъ она не отступилась отъ него. Впрочемъ до самаго нынѣшняго лѣта онъ засѣдалъ въ парламентѣ, какъ членъ за консервативный Оксфордскій университетъ. Либералы приняли его и предоставили ему почетное положеніе въ своей средѣ, но тѣмъ не менѣе едва ли кто изъ членовъ теперешняго правительства подвергался такимъ ожесточеннымъ нападеніямъ со всѣхъ сторонъ какъ г. Гладстонъ. Газета *Times*, которая теперь преклоняется передъ несомнѣннымъ фактомъ его популярности, прежде почти не говорила о немъ иначе какъ съ презрительною насмѣшкой. Но онъ продолжалъ дѣлать свое дѣло, развивать начала внесенныя въ англійскую политику сэръ-Робертомъ Пилемъ. Онъ не искалъ популярности и держалъ себя такъ скромно, что самостоятельность въ средѣ членовъ Пальмерстоновскаго кабинета не была даже замѣчаема до послѣдней сессіи парламента, когда онъ сказалъ нѣсколько неожиданныхъ словъ по вопросу о парламентской реформѣ, показавшихъ, что онъ идетъ далѣе своихъ товарищей въ своихъ политическихъ взглядахъ и видахъ. Но всѣ его рѣчи и дѣйствія обличали необыкновенную симпатичность его политическаго направленія и то свойство ума, которое Англичане называютъ *constructive*, и которое можно передать словомъ творчество. Его часто обвиняли въ эксцентричности, въ увлеченіяхъ и даже заблужденіяхъ, но его департаментомъ были финансы, самое трезвое и точное дѣло, и всѣ его разчеты постоянно оправдывались: лучшее доказательство того, что за эксцентричность принималось творчество, всегда отличающееся смѣлостью и новизной. Его политическое направленіе есть и либеральное и вмѣстѣ консервативное въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Г. Гладстонъ либералъ во всемъ что можетъ вести къ общему благу, къ истинной пользѣ низшихъ классовъ общества. Но онъ строгій консерваторъ относительно коренныхъ основъ христіанскаго общества и главныхъ началъ англійскаго государственнаго устройства. Ставъ во главѣ правительства, онъ не откажется ни отъ одной полезной реформы которую будетъ возможно провести, но ввѣренное ему дѣло реформъ будетъ въ самыхъ надежныхъ рукахъ. Нельзя отказаться отъ увѣренности, что его нравственная чистота не премнетъ отразиться и на характерѣ англійской внѣшней политики. Еще недавно онъ не побоялся подвергнуть риску свою популярность, посовѣтовавъ Гарибальди уѣхать изъ Англіи. Читатели помнятъ, что на него посыпался за то градъ порицаній и даже ругательствъ.

Отъ великаго до смѣшнаго, говорятъ, одинъ шагъ. Въ числѣ героевъ, павшихъ на нынѣшнихъ выборахъ, находится главный и неутомимый защитникъ польскаго дѣла въ бывшемъ парламентѣ, г. Попъ Генесси. И кто же отказалъ ему въ довѣріи?—Католическая Ирландія. Вотъ очевидное доказательство, какъ мало правды было въ агитаціи, которая производилась въ Англіи по этому дѣлу. Еще недавно, незадолго до распущенія парламента, г. Попъ Генесси хотѣлъ возобновить этотъ вопросъ, и надобно замѣтить, что онъ принадлежалъ къ числу самыхъ даровитыхъ ораторовъ между ирландскими членами. Но избиратели оказались неумолимы, и г-ну Попу Генесси остается утѣшать себя тѣмъ соболѣзновательнымъ адресомъ, который отправилъ къ нему польскій комитетъ въ Парижѣ.

№ 162.

Москва, 25-го іюля.

Помѣщая, вслѣдъ за симъ, полученныя нами объясненія, мы принимаемъ на себя всю тяжесть возлагаемой ими на насъ отвѣтственности и не намѣрены ссылаться на какія-либо постороннія обстоятельства, чтобъ облегчить для себя эту отвѣтственность. Но мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ долгомъ представить въ свою очередь, нѣкоторыя объясненія — не въ оправданіе свое, а для приведенія дѣла къ его истинному значенію и дѣйствительнымъ размѣрамъ.

Въ передовой статьѣ отъ 13-го іюля (въ № *Моск. Вѣд.* отъ 14-го іюля), говоря о землевладѣніи въ западномъ краѣ и о мѣрахъ принимаемыхъ правительствомъ къ измѣненію его характера, мы обратили вниманіе на нѣкоторыя выгоды представляемыя среднимъ землевладѣніемъ по отношенію къ предположенной правительствомъ цѣли. Ни мало не отрицая великой важности крупнаго землевладѣнія съ русскимъ характеромъ въ этомъ краѣ,—важности, которая не подвергалась ни съ какой стороны сомнѣнію и не нуждалась въ доказательствахъ,—мы остановились преимущественно на формѣ средняго землевладѣнія, и старались раскрыть его относительныя выгоды, состоящія въ томъ, что оно можетъ болѣе способствовать размноженію русскихъ землевладѣльцевъ въ томъ краѣ, и притомъ такихъ, которые сами бы жили и хозяйничали въ своихъ имѣніяхъ. Говоря объ этомъ, мы выразились такимъ образомъ: „среднее землевладѣніе гораздо предпочтительнѣе крупнаго, которое бываетъ представлено меньшимъ числомъ людей и при томъ людей рѣдко живущихъ въ своихъ имѣніяхъ и еще рѣже занимающихся хозяйствомъ, а предпочитающихъ отдавать свои земли въ арендное содержаніе.“ Вслѣдъ за этимъ, въ статьѣ нашей сказано:

„Такъ, между прочимъ, поступили и тѣ чины морскаго вѣдомства, которые получили въ Балтскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, по 5.000 десятинъ земли, съ ежегодною платой за нее въ казну по 70 коп., и которые, какъ насъ увѣряютъ, не замедлили отдать ее Полякамъ же въ арендное содержаніе, съ платой по 2 р. за десятину.“

Извѣстіе это, несмотря на опредѣленность и отчетливость заключающихся въ немъ фактическихъ подробностей, оказывается совершенно ложнымъ. Тѣмъ не менѣе, оно было заимствовано нами изъ источника, въ благонадежности котораго мы не имѣли никакого основанія сомнѣваться. Оно было взято нами изъ только-что полученнаго нами письма отъ человѣка давно намъ извѣстнаго, который въ разныя времена и изъ разныхъ мѣстъ доставлялъ намъ свѣдѣнія, ни разу не вводившія насъ въ заблужденіе. Авторъ письма, принадлежащій съ нѣкотораго времени къ числу мѣстныхъ дѣятелей того края и находящійся въ мѣстности близкой къ Балтскому уѣзду, сообщая намъ вышеприведенное извѣстіе, не называлъ именъ. Онъ, повидимому, ничего не зналъ объ условіи, на основаніи котораго уступлены казной вышеозначенныя имѣнія въ Балтскомъ уѣздѣ, такъ какъ эта продажа имѣла исключительный характеръ и не подходила подъ общія обнародованныя правила, то онъ сообщалъ свое извѣстіе вовсе не съ тою цѣлію, чтобы представить примѣръ нарушенія этихъ правилъ, а въ доказательство нѣкоторыхъ невыгодъ сопряженныхъ съ продажей земель крупными имѣніями. Отчасти соглашаясь съ его аргументаціей, мы привели сообщенное имъ извѣстіе, на которое не могли не обратить вниманіе, и привели его въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какъ оно сообщалось, оговорившись словами: „какъ насъ увѣряютъ.“ Что же касается до насъ самихъ, то мы рѣшительно не имѣли въ виду заявить черезъ это о нарушеніи заключенныхъ условій. Сообщивъ со словъ письма вышеприведенное извѣстіе, мы вслѣдъ за тѣмъ замѣтили.

„Однимъ изъ непремѣнныхъ условій, какъ намъ кажется, пріобрѣтенія отъ казны земель на льготнымъ условіяхъ должно быть обязательство не отдавать ихъ въ арендное содержаніе никому кромѣ какъ кореннымъ же Русскимъ.“

Могли ли бы мы говорить о необходимости заключать впредь эти условія, еслибы намъ было извѣстно, что въ томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, эти условія были уже заключены, и еслибы имѣлось въ виду обнаружить предосудительное нарушеніе заключенныхъ условій?

Теперь спрашивается, изъ какихъ же источниковъ могло возникнуть столь повидимому отчетливое извѣстіе, оказавшее-

ся совершенно ложнымъ? Простая ли это сплетня, или слухъ пущенный съ злонамѣренною цѣлію? Дѣло это столько же интересуетъ насъ, какъ и тѣхъ лицъ, которыхъ касается ложное извѣстіе, и мы примемъ всѣ зависящія отъ насъ мѣры, чтобы разъяснить его происхожденіе. Корреспондентъ, котораго благонадежность до сихъ поръ не подлежала въ глазахъ нашихъ сомнѣнію, сообщалъ его какъ фактъ извѣстный всѣмъ въ той мѣстности, откуда онъ писалъ. Мы остаемся увѣренными, что онъ не позволилъ бы себѣ говорить столь положительное о фактѣ, который не представлялъ бы, въ его мнѣніи, большихъ или меньшихъ ручательствъ за свою достовѣрность. Значитъ, слухъ этотъ пущенъ широкою рукой и въ сопровожденіи такихъ обстоятельствъ, которыя сообщали ему характеръ правдоподобія и достовѣрности. Нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени этотъ слухъ пріобрѣлъ бы еще большіе размѣры и украсился бы новыми подробностями. Не изъ такихъ ли элементовъ большею частію состоитъ вся та часть общественнаго мнѣнія, которая остается внѣ контроля печати; и не въ этихъ ли элементахъ заключается главнымъ образомъ то зло, отъ котораго страдаютъ и частные, и правительственные интересы? Успѣла же дойдти эта сплетня изъ Подольской губерніи въ Москву, въ формѣ положительнаго извѣстія и черезъ посредство лицъ, заслуживающихъ довѣріе и не заинтересованныхъ въ распространеніи лживаго слуха. Г. вице-адмиралъ Завойко, въ своемъ письмѣ къ намъ, говоритъ:

„Если въ такомъ органѣ, какъ *Московскія Вѣдомости*, если при всѣхъ средствахъ, какими вы располагаете для собиранія и повѣрки различныхъ свѣдѣній, если при всей вашей устойчивости и вашемъ усердіи на пути служенія русскому дѣлу, пошлый обманъ и клевета находятъ себѣ пристанище, служа въ тѣхъ или иныхъ побужденіяхъ орудіемъ для враждебной намъ силы, то какъ же гнусныя эти средства должны быть сильны въ другихъ сферахъ нашего общества, какія опасности предстоятъ каждому изъ Русскихъ, являющихся такъ или иначе, на томъ или другомъ поприщѣ, здѣсь или на самомъ мѣстѣ въ западномъ краѣ, дѣятелями въ русскомъ дѣлѣ, какъ злорадно должны смотрѣть враги наши на наше, достойное сожалѣнія, безсиліе, и какъ легко имъ парализировать всякое энергическое, доброе начинаніе съ нашей стороны?“

Да, мы не сомнѣваемся, что эта ложь могла проникнуть въ разныя сферы, и могла возымѣть дѣйствіе на умы, прежде чѣмъ лица, которыхъ она касается, могли бы узнать о ея существованіи и уничтожить ее. Если печать есть дѣйствительно полезная сила, то польза ея главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что она въ своемъ развитіи стѣсняетъ сферу негласныхъ слуховъ, и польза публичности оказывается именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ложь принимаетъ характеръ опредѣленнаго факта, подлежащаго столь же опредѣленному отрицанію. Есть ложь неопредѣленная, касающаяся характера лицъ или такихъ дѣйствій, которыя не могутъ быть разъяснены со всею точностію, — ложь, которая, даже опровергнутая, все-таки оставляетъ послѣ себя тѣнь сомнѣнія на лицахъ ей подвергшихся. Мы понимаемъ, что въ подобныхъ случаяхъ печатное заявленіе ложнаго извѣстія можетъ нанести глубокое оскорбленіе и причинить вредъ лицамъ, которыхъ оно касается. Мы считали бы себя внѣ всякаго извиненія, еслибы позволили себѣ, на основаніи какого бы то ни было сообщенія, обнародовать такого рода извѣстіе, которое не представляло бы собою опредѣленнаго факта. Если-бы рѣчь шла объ общемъ образѣ дѣйствій, или о какомъ-либо поступкѣ, котораго послѣдствія исчезли или не легко могутъ быть разысканы, то вина наша была бы непоправима. Но если мы сообщили вышеприведенное извѣстіе, то сдѣлали это именно потому что имѣли въ виду фактъ опредѣленный и положительный, въ которомъ можно удостовѣриться и вполнѣ и легко. Отданы ли такія-то земли въ аренду такимъ-то лицамъ? Нѣтъ, — и этимъ простымъ отрицаніемъ разомъ кончается вопросъ. Если эта сплетня порождена какими-нибудь недобрыми умыслами, то дѣло ихъ разрушено въ основаніи. Никакая сплетня по этому предмету не будетъ отнынѣ возможна. Сообщенное нами въ печати извѣстіе есть, очевидно, такого свойства извѣстіе, что оно только въ сферѣ частныхъ толковъ можетъ имѣть значеніе клеветы и злостнаго нареканія. Переходя же въ печать, оно тѣмъ самымъ сбрасываетъ съ себя этотъ характеръ. Кто завѣдомо будетъ повторять въ печати клевету съ тѣмъ, чтобъ она была всецѣло и несомнѣнно оп-

ровергнута? Клевета выдумывается и распространяется за тѣмъ чтобы нельзя было настигнуть ее, а конечно не за тѣмъ, чтобы она могла быть уничтожена вся безъ остатка однимъ рѣшительнымъ: нѣтъ.

Наша вина состоитъ не въ томъ, что мы сообщили въ печати распространявшееся негласными путями извѣстіе, и дали черезъ то заинтересованнымъ лицамъ возможность и поводъ окончательно опровергнуть его, а въ томъ, что при сообщеніи этого извѣстія, мы не обратили должнаго вниманія на его форму. Мы не раскаиваемся въ томъ, что дали поводъ къ гласному и рѣшительному опроверженію этого извѣстія; но мы искренно сожалѣемъ, что сообщили его въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было передано намъ,—искренно сожалѣемъ, что мы не представили себѣ съ достаточною живостію тѣхъ подробностей, которыя могли сообщить ему оскорбительное значеніе, и что мы ограничились одною простою оговоркой: „какъ насъ увѣряютъ.“ Главною причиной этого было, конечно, то обстоятельство, что мы не знали съ точностію о комъ именно шла рѣчь въ этомъ извѣстіи.

Что же касается до общаго вопроса,—именно о томъ, какихъ размѣровъ землевладѣніе наиболѣе соотвѣтствуетъ той политической цѣли, которую имѣетъ правительство въ виду, способствуя несомнѣнно-русскимъ людямъ пріобрѣтать имѣнія въ западныхъ губерніяхъ,—то мы вовсе не стоимъ исключительно за среднее землевладѣніе, и не хотимъ оспаривать ту великую пользу, какую могутъ принести русскому дѣлу значительные землевладѣльцы въ этомъ краѣ. Но мы думаемъ, что польза эта возможна только при тѣхъ условіяхъ, которыми министерство государственныхъ имуществъ руководствовалось при передачѣ казенныхъ земель въ частную собственность въ Балтскомъ уѣздѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что русское дѣло весьма мало подвинулось бы въ ополяченныхъ губерніяхъ, еслибы земли тамъ пріобрѣтались только такими лицами, которыя владѣютъ большими имѣніями въ разныхъ другихъ губерніяхъ и не имѣютъ особеннаго побужденія связать всѣ свои землевладѣльческіе интересы съ западнымъ краемъ. Представимъ себѣ, что большая часть земель подлежащихъ продажѣ въ западномъ краѣ были бы пріобрѣтены такого рода лицами: можно ли было бы сказать, что русское землевладѣніе пустило тамъ корни? Въ большихъ имѣніяхъ, безъ особенныхъ обстоятельствъ, хозяйство ведется разными посредствующими лицами, управляющими или арендаторами, и потому въ краѣ, гдѣ русскимъ экономовъ нѣтъ и гдѣ напротивъ есть только экономы польскіе, имѣніе принадлежащее значительному русскому землевладѣльцу можетъ еще не быть пріобрѣтеніемъ для русскаго дѣла. Но при нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ, крупное землевладѣніе можетъ преимущественно способствовать цѣлямъ правительства. Требуется не того, чтобы въ западномъ краѣ имѣнія пріобрѣтались большими землевладѣльцами, а того, чтобы лица пріобрѣтающія земли въ этомъ краѣ становились именно въ немъ такими землевладѣльцами, и чтобъ интересы значительной собственности соединялись для пріобрѣтателя преимущественно съ землевладѣніемъ въ западномъ краѣ. Другое, не менѣе важное условіе должно состоять въ томъ, чтобы лица, долженствующія положить въ этомъ краѣ основанія русскому землевладѣнію, были лица испытанныя на службѣ Россіи, вынесшія изъ этой службы и государственный смыслъ, и патріотическое чувство, и притомъ стоящіе на довольно значительной высотѣ и находящіеся въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ высшимъ правительственнымъ сферамъ. Всѣ эти условія, какъ должно признать, имѣло въ виду министерство государственныхъ имуществъ, устраивая нѣсколько значительныхъ помѣстій въ Балтскомъ уѣздѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что при дальнѣйшемъ соблюденіи этихъ условій русское дѣло въ западномъ краѣ могущественно подвинется впередъ. Но одно другому не мѣшаетъ, напротивъ одно другому способствуетъ;—и мы позволяемъ себѣ думать, что дѣло пойдетъ еще успѣшнѣе, если въ то же время мѣстные дѣятели, особенно служащіе по крестьянскому дѣлу, будутъ становиться землевладѣльцами въ томъ краѣ, благодаря льготной продажѣ поземельной собственности среднихъ размѣровъ.

№ 163.

Москва, 26-го іюля.

На свѣтѣ нѣтъ такого цивилизованнаго государства, которое не держалось бы національной политики. Различіе состоитъ только въ томъ, что государства сложившіяся естественно и потому болѣе сильныя, открыто заявляютъ свою національную политику, и идутъ прямымъ путемъ къ ясной цѣли, а другія находятся въ необходимости пробиваться къ своей цѣли съ великими усиліями и пользоваться тѣми средствами, которыя представляетъ имъ ихъ положеніе. Относительно цѣли нѣтъ колебаній и въ этихъ государствахъ; колебанія относятся только къ средствамъ. Въ такомъ государствѣ, какъ Англія, или Франція, не можетъ быть и рѣчи о другой національности кромѣ англійской или французской, точно также какъ не слѣдовало бы и въ Россіи быть рѣчи о какой-либо иной политической національности, кромѣ русской. Такова особенность этихъ трехъ государствъ, которыя потому и считаются могущественнѣйшими. Обѣ нѣмецкія великія державы менѣе счастливы въ этомъ отношеніи. Въ Пруссіи мы видимъ раздвоеніе между прусскимъ и нѣмецкимъ патріотизмомъ, которые не могутъ быть ни вполнѣ разъединены, ни вполнѣ отождествлены между собой, и обречены на то, чтобы, дѣйствуя вмѣстѣ, вѣчно мѣшать другъ другу. Въ этомъ заключается слабость Пруссіи: вѣрность коронѣ совпадаетъ тамъ съ патріотизмомъ прусскимъ, но ею далеко не исчерпывается патріотизмъ германскій, отъ котораго Пруссакъ, однакоже, не можетъ отречься, не утрачивая естественныхъ основъ своего національнаго чувства. Въ Австріи къ подобному раздвоенію въ сферѣ нѣмецкаго патріотизма присоединяется антагонизмъ національностей, между которыми нѣмецкій элементъ составляетъ едва пятую долю по своей численности. Вслѣдствіе того управлять австрійскими внутренними дѣлами еще труднѣе чѣмъ прусскими. Тутъ требуется чрезвычайное искусство и большая послѣдовательность въ дѣйствіяхъ, чтобы сохранять балансъ, на которомъ единственно держится это по размѣрамъ своимъ первоклассное государство. Но было бы ошибкой думать, чтобы въ этой невольной балансировкѣ австрійскіе государственные люди когда-нибудь грѣшили равнодушіемъ къ нѣмецкому элементу, объединяющему Австрію. Графъ Белькреди не менѣе чистъ отъ такого упрека, чѣмъ и самъ г. фонъ-Шмерлингъ. Различіе между ними заключается не въ цѣли, а въ оцѣнкѣ средствъ. Г. фонъ-Шмерлингъ хотѣлъ обезпечить за нѣмецкимъ элементомъ первенство посредствомъ февральской конституціи и нѣмецкой бюрократіи, но его система не пользовалась сочувствіемъ, не говоря уже о Венгріи, даже въ большей части австрійскихъ земель, не входящихъ въ составъ венгерской короны. Правительство не имѣло никакихъ средствъ навязать Венгріи то что̀ не находило достаточной поддержки и на западѣ отъ Лейты. Удивляться ли, что соглашеніе съ Венгріей не удавалось г. фонъ-Шмерлингу? Графъ Белькреди призванъ къ должности, чтобъ испытать другіе пути. Онъ былъ намѣстникомъ въ Богеміи и снискалъ себѣ тамъ общее сочувствіе. Его тамошній образъ дѣйствій, а также циркуляръ, изданный имъ въ самый день вступленія въ должность, достаточно указываютъ на его будущую систему. Объ этомъ циркулярѣ, отъ 30-го іюля, читатели уже отчасти имѣютъ понятіе по сообщенной нами телеграммѣ; ниже, подъ рубрикой „Австрія,“ напечатанъ вполнѣ его текстъ. Онъ адресованъ ко всѣмъ начальникамъ австрійскихъ коронныхъ земель не входящихъ въ составъ венгерской короны и вѣроятно произвелъ въ этихъ земляхъ благопріятное впечатлѣніе. Подъ управленіемъ г. фонъ-Шмерлинга первенство нѣмецкой національности было повсюду поддерживаемо государственною властью; отсюда возникала необходимость стѣснять мѣстную жизнь, а потому о дѣйствительномъ самоуправленіи не могло быть рѣчи. Графъ Белькреди, ознакомившись на опытѣ съ тѣмъ какъ эта система дѣйствовала, счелъ болѣе выгоднымъ для Австріи провозгласить начало равноправности національностей, и нельзя не согласиться, что это дѣйствительно болѣе выгодно для нея. При политикѣ графа Белькреди государственная власть не будетъ уже имѣть надобности стѣснять мѣстные элементы и подчинять ихъ опекѣ нѣмецкой бюрократіи; самоуправленіе можетъ перейдти изъ слова въ настоящее дѣло; финансы могутъ быть облечены сокращеніемъ администраціи и войска, а поддержка со стороны земель лежащихъ на западъ отъ Лейты дастъ правительству возможность самостоятельнѣе трактовать съ Венгріей. Славянскія и вообще феде-

ралистическія газеты уже теперь измѣнили свой тонъ по отношенію къ Венгріи; онѣ энергически высказываются противъ дуализма, то-есть противъ той системы, которой желаетъ и на которой настаиваетъ Венгрія и которая была бы всего пагубнѣе для единства монархіи. Изъ прежнихъ союзниковъ Венгріи новое министерство уже сдѣлало ея соперниковъ и слѣдовательно своихъ союзниковъ въ борьбѣ съ нею. Таковы очевидныя выгоды, достигаемыя новою правительственною системой. Но не пострадаетъ ли отъ нея нѣмецкій элементъ, служащій въ Австріи государственною связью ея разноплеменныхъ частей?

Этотъ элементъ слабъ въ Австріи, но, какъ это ни кажется страннымъ, равноправность національностей ни на волосъ не угрожаетъ ему. Секретъ въ томъ, что наружность бываетъ очень обманчива. Начало равноправности національностей придумано въ Австріи именно какъ средство, чтобъ усилить значеніе нѣмецкаго элемента, и система графа Белькреди должна еще болѣе упрочить его господство. „Говорить съ каждымъ народомъ на его мѣстномъ языкѣ,“ это правило, провозглашаемое въ циркулярѣ графа Белькреди, не должно вводить насъ въ заблужденіе; оно въ сущности не что иное какъ дальнѣйшій шагъ на старинномъ пути политики князя Меттерниха, шагъ, какъ нельзя болѣе согласный съ интересами Австріи и ея нѣмецкой государственной національности. Большинство жителей Австрійской имперіи принадлежитъ къ славянскому племени; поэтому многіе даже называютъ Австрію славянскимъ государствомъ. Но австрійскіе государственные люди приняли мѣры чтобъ Австрія не могла сдѣлаться славянскимъ государствомъ, и эти мѣры уже достигли своей цѣли. Подъ вліяніемъ австрійской политики, весьма мудрой съ нѣмецкой точки зрѣнія, австрійскіе Славяне усиленно трудились надъ развитіемъ своихъ мѣстныхъ нарѣчій и своихъ мѣстныхъ патріотизмовъ. Политика состояла въ томъ, чтобы по возможности дробить славянскій міръ въ Австріи. Все что могло служить къ объединенію, тщательно устранялось или даже преслѣдовалось. Было время, что даже кириллица была подъ запрещеніемъ въ Галиціи, и время это окончилось не въ силу новѣйшаго либерализма, а вслѣдствіе того, что соединеннымъ усиліямъ австрійскаго правительства и польской партіи удалось развить въ Галиціи украйнофильство, которое не только удалило Русскихъ Галичанъ отъ русскаго литературнаго языка, но и перессорило ихъ между собой. Вотъ что значитъ и вотъ какъ употребляется въ Австріи начало равноправности національностей. Благодаря этой политикѣ, нѣмецкій элементъ, численно слабый, достигаетъ господства, и притомъ господства безспорнаго. Онъ оказывается дѣйствительно сильнѣе чѣмъ каждый изъ народцевъ, на которые раздробились такъ-называемые австрійскіе „народы,“ такъ часто упоминаемые въ австрійскихъ государственныхъ актахъ. Эти народцы не могутъ обойдтись безъ нѣмецкаго языка; всѣ они обязаны ему учиться; его они обязаны употреблять въ сношеніяхъ съ правительствомъ и въ преніяхъ общаго парламента; его же они будутъ употреблять и во взаимныхъ сношеніяхъ, въ силу необходимости, безъ всякаго принужденія. Предоставляемая имъ свобода въ этомъ отношеніи есть не что иное какъ свобода дѣлать по доброй волѣ то же самое, что могло бы отъ нихъ требовать государство. Зачѣмъ же требовать то, что сдѣлается само собой? И вотъ графъ Белькреди предписываетъ чиновникамъ сноситься съ мѣстными жителями не иначе какъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, и вообще уважать равноправность національностей. Это и либерально и безвредно. Но само собой разумѣется, что онъ поостережется отъ такого либерализма, который велъ бы къ отреченію государства отъ нѣмецкой національности, — къ отнятію гдѣ-либо въ Австріи офиціальнаго характера у нѣмецкаго языка или къ воспрещенію опредѣлять гдѣ-либо въ Австріи на службу нѣмецкихъ чиновниковъ.

Австріи опасна не дробность національностей; ей опасенъ тотъ дуализмъ, котораго требуетъ отъ нея Венгрія. Мы не станемъ предварять событій догадками о томъ, какъ можетъ Австрія устроить свои отношенія къ Венгріи, но нельзя не видѣть, что подъемъ духа въ славянскихъ племенахъ на западѣ отъ Лейты долженъ отозваться и въ Славянахъ, населяющихъ Венгрію; а это не можетъ не повредить тому единству земель венгерской короны, которое замышляютъ упрочить венгерскіе политическіе люди. Трудно будетъ отказывать славянскому элементу въ Венгріи въ тѣхъ правахъ, которыми онъ будетъ пользоваться въ остальныхъ частяхъ Австрій-

ской монархіи; трудно будетъ предоставить мадьярскому языку болѣе обязательной силы чѣмъ сколько предоставлено языку нѣмецкому. Едва ли можно ожидать, чтобы Венгрія, въ виду провозглашаемой графомъ Белькреди „равноправности національностей," нашла средства отдѣлаться на своей территоріи отъ той системы *дробленія* національностей, которая, собственно разумѣется подъ ихъ *равноправностью*,— отъ системы, которая въ остальныхъ частяхъ Австріи уже обезпечила первенство за нѣмецкимъ элементомъ, дробленію, разумѣется, не подвергающимся, и которая должна со временемъ предоставить ему господство и въ Венгріи.

№ 164.

Москва, 28-го іюля.

Мы только что просмотрѣли два послѣдніе тома *Архива*, издаваемаго коммиссіей учрежденною въ Кіевѣ для разбора древнихъ актовъ. Вотъ цѣлыя сотни документовъ доходящихъ до половины XVI вѣка, которые писаны по-русски князьями Сангушками, Любомірскими и Чарторыйскими; вотъ цѣлый рядъ постановленій волынскихъ и кіевскихъ сеймиковъ, поручающихъ своимъ посламъ (депутатамъ) защищать въ Варшавѣ восточное православіе; вотъ завѣщанія въ пользу православныхъ церквей, сдѣланныя предками нынѣшнихъ польскихъ патріотовъ, а вотъ—и жалобы народной массы на утѣсненія со стороны пановъ, перешедшихъ отъ православія къ латинской церкви; вотъ неотразимыя свидѣтельства той ненависти къ нимъ, которая произвела цѣлый рядъ возстаній и междуусобныхъ войнъ и которыя привела Рѣчь Посполитую къ окончательному разложенію. Что могутъ сдѣлать софизмы, хотя бы и обставленные всевозможнымъ остроуміемъ и всевозможною ученостію, противъ живыхъ свидѣтельствъ, которыя опубликованы кіевскою коммиссіей?

Нельзя не пожелать чтобъ эти акты сдѣлались настольною книгой для учителей исторіи въ гимназіяхъ Западнаго края и Царства Польскаго. Кто не слыхивалъ о прискорбной беззащитности учителей прежняго времени передъ своими учениками, которые, прослушавъ съ ироническою улыбкой ихъ уроки, потомъ говорили своимъ товарищамъ: „Все что проповѣдуетъ учитель—вздоръ: вотъ что пишетъ Лелевель, вотъ что пишутъ французскіе или нѣмецкіе историки..." Чѣмъ было учителю отразить эти авторитеты? У него было подъ рукой лишь нѣсколько учебниковъ, въ авторитетѣ которыхъ очень позволительно было сомнѣваться!... Слава Богу, не въ такомъ положеніи находится въ наше время учитель русской исторіи передъ своею аудиторіей въ Западномъ краѣ. Вооруженный актами подобными тѣмъ, которые издаются въ Кіевѣ, онъ смѣло можетъ уличить во лжи или невѣжествѣ всю фалангу иностранцевъ, писавшихъ объ отношеніяхъ Польши къ Россіи.

Настанетъ, безъ сомнѣнія, время, когда Европа пожелаетъ ближе познакомиться съ исторіей Россіи; ея ученые, откинувъ сказки сочиненныя историками-беллетристами, примутся за изученіе подлинныхъ памятниковъ. Ихъ приведетъ въ изумленіе не столько притѣсненіе всѣхъ иновѣрческихъ исповѣданій со стороны польскаго католицизма: фанатизмъ не рѣдкость въ исторіи;—не столько угнетеніе шляхетствомъ всего остальнаго народа; подобныя явленія тоже дѣло бывалое;—наконецъ, не столько поразительная несоразмѣрность слова съ дѣломъ, задоръ, и донкихотство польскихъ сеймовъ и сеймиковъ;—ихъ особенно поразитъ та сознательная ложь, которую они встрѣтятъ на каждой страницѣ польскихъ историковъ.

Предположимъ, что ученые ищущіе истины пожелаютъ, напримѣръ, ознакомиться на основаніи подлинныхъ документовъ, съ 1768 годомъ, столь замѣчательнымъ въ судьбахъ польскаго государства разрѣшеніемъ вопроса о диссидентахъ, началомъ барской конфедераціи и возстаніемъ украинскихъ крестьянъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Коліевщины*. Ознакомясь предварительно со всѣмъ что издано по этому предмету на польскомъ, французскомъ и другихъ языкахъ писателями, непріязненными къ Россіи, они, конечно, захотятъ узнать, что говорятъ не историки русскіе, а русскіе архивы. Видя, что посолъ русской императрицы настаиваетъ на правахъ единовѣрцевъ, основываясь на договорѣ 1686 года, и что въ Варшавскомъ сеймѣ раздавались голоса о подложности этого документа, московскій подлинникъ котораго не согласенъ будто бы съ варшавскимъ, наши предполагаемые ученые потрудятся

можетъ-быть съѣздить въ Москву—и въ здѣшнемъ архивѣ увидятъ своими глазами актъ подписанный уполномоченными обѣихъ сторонъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и въ какомъ представлялъ его князь Репнинъ. Что скажутъ тогда безпристрасные изслѣдователи? Пересмотрѣвъ акты, изданные кіевскою коммиссіей, они увидятъ, что масса украинскаго населенія не только не принимала участія въ барской конфедераціи, но что она считала конфедерацію общественнымъ бѣдствіемъ, и называла участвующихъ въ ней безразлично то конфедератами, то гайдамаками, то есть разбойниками. Что заключатъ ученые изслѣдователи о пресловутомъ единодушіи этого, такъ-называемаго народнаго дѣла? Они найдутъ на страницахъ не только *исторій* писанныхъ Поляками и ихъ политическими друзьями, но и въ сборникахъ историческихъ документовъ,—напримѣръ въ *Archives diplomatiques*,—манифестъ императрицы Екатерины, взывающій къ украинскому простонародью объ истребленіи пановъ и ксендзовъ; но наученные уже не вѣрить ольскимъ свидѣтельствамъ безъ строгой критики, наши ученые пожелаютъ узнать, какіе есть на него указанія въ русскихъ источникахъ. Они развернутъ переписку графа Румянцова, управлявшаго пограничною въ то время Малороссіей, достанутъ записки генерала Кречетникова, командовавшаго русскими войсками, находившимися на польской территоріи, и увидятъ, что какъ тотъ, такъ и другой принимаютъ энергическія мѣры къ подавленію крестьянскаго возстанія. Они докопаются, наконецъ, до депешъ князя Репнина, и найдутъ въ нихъ выраженіе крайней досады на это возстаніе, не дозволяющее вывести русскія войска изъ польскаго государства и тѣмъ предотвратить разрывъ съ Турціей. Что должны будутъ подумать наши добросовѣстные ученые? Они начнутъ справляться съ современными сказаніями самихъ Поляковъ, и убѣдятся, что во время самой Коліевщины, и даже вскорѣ послѣ нея, никто не думалъ еще взводить на Екатерину обвиненіе въ возбужденіи украинскихъ крестьянъ; они убѣдятся, что это обвиненіе возникло гораздо позднѣе; они узнаютъ, что Поляки того времени, признавая упомянутый манифестъ подложнымъ, приписывали его составленіе одному русскому духовному лицу, настоятелю одного изъ украинскихъ монастырей, Мельхиседеку. Положительное обвиненіе въ этомъ они найдутъ не только въ письмахъ и мемуарахъ частныхъ людей того времени, но въ офиціяльномъ докладѣ, читанномъ сейму 1791 года собою коммиссіей, изслѣдовавшею такъ-называемые казачьи бунты. Итакъ, вотъ, наконецъ, гдѣ истина... Но посмотримъ, не найдемъ ли какихъ-нибудь извѣстій о жизни этого политическаго интригана въ черной рясѣ. И что же? Въ двухъ томахъ, напечатанныхъ кіевскою археографическою коммиссіей въ 1864 году, есть цѣлая масса документовъ относящихся къ жизни Мельхиседека. Этотъ мнимый составитель возмутительныхъ манифестовъ, при началѣ Коліевщины, вотъ что пишетъ своей паствѣ: „Сохраните себе, чтобъ ни едина душа изъ васъ до оныхъ своевольниковъ (гайдамаковъ) не пристала. Ховайтеся, утекайте, ежели кто васъ гонитъ, или хощетъ взять, а до гайдамаковъ помянутыхъ не приставайте,—кровь бо и обиды никому не минутся!“ Узнавъ о разграбленіи своего монастыря конфедератами (Мельхиседекъ находился въ это время въ отлучкѣ), онъ пишетъ братіи: „Плачемъ и соболѣзнуемъ о вашемъ невинномъ отъ войска польскаго озлобленіи, мученіи, разграбленіи имѣній и невинной мученической смерти... но не отчаявайтеся въ помощи Божіей, прибѣгните вси на молитву, пріимите постъ, очистите души ваши отъ грѣховъ вашихъ..., а мстити кому за обиды своя и не помыслите... Пусть весь свѣтъ знаетъ, что вы не гайдамаки, не злодѣи, не разбойники и чужой крови не проливаете... Молю, а—ни сами до порочныхъ людей не приближайтеся, а—ни ихъ межь себя не пускайте.“

Что, спрашиваемъ, долженъ подумать всякій безпристрастный изслѣдователь о человѣкѣ проповѣдующемъ смиреніе и незлобіе, и что заключитъ онъ о тѣхъ, которые преслѣдовали его при жизни и клевещутъ на него по смерти!...

И вотъ на этихъ-то лжахъ построена исторія Польши! Необразованные между Поляками вѣрятъ имъ на-слово, а образованные и ученые сознательно поддерживаютъ ихъ и способствуютъ ихъ распространенію. Гдѣ найдти извиненіе для этого заговора противъ правды, для этого глумленія надъ наукой, для этой цинично-

ской клеветы на живыхъ и мертвыхъ? Какую вѣру можно имѣть въ успѣхъ дѣла, которое все основано на историческихъ фокусъ-покусахъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ упражняются польскіе историки, играя словами *Русскій*, *Россійскій* и *Русинъ?*

№ 165.

Москва, 29-го іюля.

Взаимныя отношенія Пруссіи и Австріи, по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, все болѣе запутываются. Послѣднія предложенія Австріи, переданныя графомъ Бломе, королю Прусскому въ Гаштейнѣ, какъ увѣряютъ, заключались въ слѣдующемъ: Австрія соглашалась на то, чтобы Пруссія имѣла свое морское обзаведеніе въ Килѣ и чтобы Рендсбургъ, Сондерборгъ, или какой-либо другой пунктъ былъ обращенъ въ крѣпость, занятую исключительно прусскими войсками, и даже обѣщала не иначе уступить свои права на Герцогства будущему ихъ государю, какъ обязавъ его предварительно согласиться на эти уступки въ пользу Пруссіи; далѣе, она предоставляла Пруссіи, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, теперь или въ послѣдствіи, условиться съ будущимъ государемъ Герцогствъ по вопросамъ касающимся морскаго дѣла, таможеннаго, почтоваго и телеграфнаго управленій, а равно и устройства соединительнаго канала между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями; но за то она требовала, чтобы всякая сдѣлка между Пруссіей и будущимъ Государемъ Герцогствъ относительно соединенія армій шлезвигъ-гольштейнской и прусской и относительно какихъ-либо дальнѣйшихъ территоріальныхъ уступокъ, подлежала предварительному утвержденію какъ самой Австріи, такъ и всего Германскаго Союза. Въ этихъ своихъ предложеніяхъ Австрія, очевидно, пошла далѣе чѣмъ можно было бы желать съ точки зрѣнія европейскаго равновѣсія: сдѣланныя ею уступки дали бы Пруссіи полную возможность осуществить прусскіе планы относительно развитія морскихъ силъ этого государства на Балтійскомъ морѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже, Пруссія отвергла и эти предложенія, и не отказалась ни отъ одного изъ февральскихъ своихъ требованій, которыя низвели бы шлезвигъ-гольштейнскаго государя на степень наслѣдственнаго префекта Пруссіи. Послѣ того, графъ Бломе выѣхалъ изъ Гаштейна въ Ишль, теперешнее мѣстопребываніе императора Франца-Іосифа, куда тотчасъ же былъ вызванъ по телеграфу и графъ Менсдорфъ. Газеты начали было говорить о невозможности соглашенія между обѣими великими нѣмецкими державами; но *Debatte*, ставшая теперь органомъ новаго австрійскаго министерства, еще не теряла надежды, и объявила, что графъ Бломе прибылъ въ Ишль только за новыми инструкціями, и снова отправится въ Гаштейнъ, куда прибудетъ и саксонскій министръ г. фонъ-Бейстъ; но въ тотъ же день, когда было напечатано это объявленіе (то есть, 5-го августа), происходилъ совѣтъ австрійскихъ министровъ, и на этомъ совѣтѣ было рѣшено объявить въ Гаштейнѣ, что Австрія въ послѣднихъ своихъ предложеніяхъ дошла до крайнихъ предѣловъ уступчивости, и что она можетъ вести переговоры только на этихъ основаніяхъ: рѣшеніе, которымъ уменьшается значеніе вторичной поѣздки графа Бломе въ Гаштейнъ, теперь, какъ извѣщаетъ телеграфъ, уже состоявшейся. Итакъ Австрія, уже по мнѣнію своего новаго министерства, не должна идти далѣе на пути уступокъ своей союзницѣ. Но воспользуется ли Пруссія крайнею уступчивостью Австріи, или же снова отвергнетъ ея предложенія, въ надеждѣ достигнуть бо́льшаго, это вопросъ, на который всякій рѣшительный отвѣтъ былъ бы пока еще преждевременнымъ. Прибавимъ только, для дальнѣйшей характеристики взаимныхъ отношеній Пруссіи и Австріи, что совладѣніе ихъ въ Герцогствахъ,—въ виду крѣпкой и широко развѣтвленной организаціи августенбургской партіи, въ виду поддержки, которую она находитъ въ австрійскомъ правительственномъ коммиссарѣ, и ненависти, которую она внушаетъ Пруссіи,—что это совладѣніе, при такихъ условіяхъ, становится на будущее время почти невозможнымъ, тѣмъ болѣе что Пруссія, уже сдѣлавъ первый шагъ на пути насилій противъ августенбургской партіи арестованіемъ гг. Мая и Фрезе, повидимому, намѣрена продолжать идти по этому пути и готова направить свои удары прямо противъ принца Августенбургскаго. Въ то же время германскія второстепенныя государства: Саксонія, Баварія, Гессенъ-Дармштадтъ, какъ извѣстно, внесли на разсмотрѣніе германскаго сейма свое предложеніе на-

правленное въ пользу скорѣйшаго созванія чиновъ Герцогствъ, въ пользу призванія принца Августенбургскаго и включенія Шлезвига въ Германскій Союзъ, къ которому онъ еще не принадлежитъ и къ которому онъ не можетъ быть присоединенъ безъ согласія великихъ державъ. Правда, Австрія на этотъ разъ согласилась съ Пруссіей, чтобъ это предложеніе было передано на разсмотрѣніе гольштейнскаго комитета, или иначе, чтобъ оно было отложено въ дальній ящикъ; но тѣмъ не менѣе единственно отъ Австріи зависитъ извлечь его въ скорѣйшемъ времени изъ этого ящика, или оставить его тамъ навсегда погребеннымъ. Во всякомъ случаѣ, второстепенныя державы, теперь развивающія оживленную дѣятельность, должны влечь Австрію на такой путь, который не можетъ нравиться г. фонъ-Бисмарку.

Спрашивается: на что или на кого разчитываетъ Пруссія, отвергая предложенія Австріи, какъ всякій видитъ, и безъ того черезчуръ для нея благопріятныя, и на чемъ основана надежда Пруссіи достигнуть еще лучшихъ для себя условій? Думаетъ ли она вынудить у Австріи дальнѣйшія уступки угрозами или даже силой оружія? Но прусское правительство слѣдуетъ, по внутреннимъ вопросамъ, такой политикѣ, которая не позволяетъ останавливаться на подобномъ предположеніи. Вотъ хоть бы и въ кельнскомъ дѣлѣ, г. фонъ-Бисмаркъ счелъ за нужное вновь нанести тяжкое оскорбленіе либеральному мнѣнію, господствующему не только въ Пруссіи, но и въ цѣлой Германіи. Въ то же время онъ не перестаетъ возбуждать противъ себя сильнѣйшее раздраженіе въ Герцогствахъ, гдѣ все управленіе и значительная часть населенія, руководимая тѣснымъ комитетомъ шлезвигъ-гольштейнскихъ обществъ и призываемая имъ теперь явно противодѣйствовать прусскимъ насиліямъ, пылаютъ враждой къ этой державѣ. При такихъ ли неблагопріятныхъ условіяхъ, при глубокомъ ли внутреннемъ разладѣ, можетъ Пруссія рѣшиться на войну съ Австріей? Но въ томъ то и дѣло, что Пруссія не думаетъ о войнѣ, и надѣется достигнуть своихъ цѣлей иными путями.

Достаточно прочитать „Проектъ увеличенія прусскаго военнаго флота," напечатанный въ шестой книжкѣ *Морскаго Сборника* за нынѣшній годъ, для того чтобъ убѣдиться, что Пруссія въ этомъ случаѣ рѣшительно не можетъ разчитывать на поддержку со стороны Россіи, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока интересы и благо самой Россіи будутъ господствующимъ правиломъ внѣшней ея политики. Этотъ проектъ, какъ мы имѣемъ основаніе думать былъ представленъ прусскимъ министерствомъ палатѣ депутатовъ предъ обсужденіемъ въ ней проекта закона о займѣ на усиленіе военнаго флота. Въ этой запискѣ, — если мы не ошибаемся, оффиціальной, — предполагается въ теченіе двѣнадцати-лѣтняго срока обзавестись военнымъ флотомъ, который состоялъ бы изъ 10 броненосныхъ (желѣзныхъ) фрегатовъ, въ 9.000 силъ и съ 250-ю пушками (всѣ вмѣстѣ), предназначенныхъ, какъ сказано въ запискѣ, для наступательныхъ дѣйствій преимущественно въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, для нападенія на непріятеля въ открытомъ морѣ, для отогнанія его въ собственныя его порты и для блокированія его въ этихъ портахъ; — далѣе, изъ 10 же броненосныхъ судовъ (желѣзныхъ) въ 3.000 силъ и съ 40 пушками (всѣ вмѣстѣ), „способныхъ столько же оборонять собственные берега и порты, сколько въ соединеніи съ первыми судами нападать на береговыя непріятельскія укрѣпленія;" — изъ 8 большихъ корветовъ (деревянныхъ, въ 3,200 силъ и съ 224 пушками), 6 малыхъ корветовъ (деревянныхъ же, въ 1.650 силъ и съ 93 пушками), изъ 6 авизо (желѣзныхъ въ 1.500 силъ съ 12 пушками) и наконецъ, изъ 4 транспортовъ (въ 800 силъ и съ 16 пушками). На все это обзаведеніе и устройство военныхъ портовъ въ Килѣ и бухтѣ Яде предполагалось израсходовать 34.593.500 рублей серебромъ на наши деньги. „Въ настоящемъ проектѣ," сказано въ запискѣ, „рѣчь идетъ о „созданіи только такого флота, который „могъ бы справиться съ второстепенными „и меньшими морскими державами". „Чтобы быть въ состояніи, прибавлено далѣе въ запискѣ, „даже въ случаѣ союза этихъ „державъ между собою, противостоять ихъ „флотамъ, Пруссіи необходимо занять между второклассными морскими державами „положеніе, которое внушало бы имъ уваженіе." Но если этотъ флотъ долженъ быть въ состояніи помѣриться съ *союзными* флотами второстепенныхъ державъ, то не ясно ли что онъ самъ долженъ принадлежать къ первокласснымъ флотамъ? Какъ сказано было выше, прусскій флотъ пред-

назначается не только для обороны береговъ Пруссіи, но и для нападеній на непріятеля въ открытомъ морѣ, для наступательныхъ дѣйствій преимущественно въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ. Изъ державъ, „съ которыми долженъ быть въ состояніи справляться прусскій военный флотъ", „слѣдуетъ," какъ сказано въ запискѣ, „прежде всего обратить вниманіе „на тѣ государства, берега которыхъ омываются однимъ и тѣмъ же моремъ что и „берега Пруссіи, и географическое положеніе которыхъ представляетъ имъ исключительныя выгоды отъ этого моря." Не есть ли это уже прямое указаніе, что при устройствѣ будущаго прусскаго военнаго флота преимущественно имѣется въ виду Россія, за которой теперь только и осталось Балтійское море, представляющее ей нѣкоторыя выгоды въ политическомъ и военномъ отношеніи? Можетъ ли же Россія не только содѣйствовать такимъ видамъ Пруссіи, которые въ томъ лишь имѣютъ свой *raison d'être*, что могутъ обратиться намъ въ ущербъ, но и быть равнодушною къ такимъ начинаніямъ? Итакъ, на содѣйствіе Россіи Пруссія менѣе всего имѣетъ право разчитывать. Полагаемъ также, что и Англія едва ли будетъ особенно благопріятствовать морскимъ затѣямъ Пруссіи.

Нѣкоторые увѣрены, будто бы Пруссія ни въ какомъ случаѣ не можетъ ожидать себѣ содѣйствія и отъ Франціи, и будто бы въ настоящее время г. фонъ-Бисмаркъ вполнѣ убѣдился въ этомъ. Но мы признаемся, нисколько не усматриваемъ, чтобъ онъ, дѣйствительно, убѣдился въ томъ, что Пруссіи, въ случаѣ упорства въ ея требованіяхъ, грозитъ совершенно изолированное положеніе въ Европѣ: въ такомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, онъ поспѣшилъ бы пойдти на сдѣлку, которую предлагаетъ Австрія и которая все-таки оказалась бы весьма неблагопріятною для Россіи, потому что дала бы Пруссіи возможность вступить въ число морскихъ державъ въ Европѣ, почти съ преобладающею силой на Балтійскомъ морѣ уже вслѣдствіе одного того, что въ ея рукахъ былъ бы ключъ къ нему. Но г. фонъ-Бисмаркъ принадлежитъ къ числу весьма изворотливыхъ и изобрѣтательныхъ политиковъ. Онъ уже не разъ обнаруживалъ большое мастерство придумывать различныя политическія комбинаціи, которыя по своей обширности обнимаютъ почти всю Европу, касаются самыхъ разнообразныхъ ея интересовъ, и которыя могутъ разчитывать на сочувствіе не только въ Парижѣ, но, пожалуй, и въ самой Вѣнѣ или въ Лондонѣ.

Не такъ давно изъ полуофиціяльныхъ берлинскихъ сферъ былъ пущенъ, или, лучше, возобновленъ слухъ о созваніи европейскаго конгресса. Вслѣдъ за тѣмъ, въ одной изъ парижскихъ корреспонденцій *Indépendance belge*, была выставлена программа одновременнаго разрѣшенія вопросовъ шлезвигъ-гольштейнскаго, восточнаго и венеціянскаго, въ связи между собою; — программа, которая была объявлена самимъ же корреспондентомъ за продуктъ фантазіи публицистовъ, но которая тѣмъ не менѣе могла имѣть значеніе *ballon d'essai*, значеніе первой пробы для общественнаго мнѣнія. Теперь же прусская офиціозная *Цейдлерова Корреспонденція* и состоящій въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ нынѣшнимъ австрійскимъ министерствомъ *Wanderer* одновременно извѣщаютъ, что князь Куза, убѣдившись, что управленіе его вызвало всеобщее неудовольствіе въ Дунайскихъ Княжествахъ, готовъ добровольно отказаться отъ своей власти и что дѣло идетъ будто бы о присоединеніи княжествъ къ Австріи, что этотъ планъ находится въ тѣсной связи съ шлезвигъ-гольштейнскимъ вопросомъ, и что на основаніи его Пруссія и Австрія легко могутъ придти къ соглашенію. Никакъ нельзя сказать, чтобъ это извѣстіе было совершенно неправдоподобно. Несомнѣнно, что г. фонъ-Бисмаркъ давно старается вытолкнуть Австрію изъ Германіи и натолкнуть ее на края, подлежащіе такъ-называемому восточному вопросу; недавній министерскій кризисъ въ Австріи разрѣшился, какъ извѣстно, въ смыслѣ довольно благопріятномъ для подобныхъ видовъ. Сверхъ того, еще на дняхъ читали мы въ полуофиціяльной, какъ кажется, корреспонденціи изъ Дрездена въ *Hamburger Boersenhalle*, что Австрія охотно предоставила бы Пруссіи Герцогства, еслибы та нашла ей какое-нибудь существенное территоріяльное вознагражденіе, такъ какъ предлагаемая ей гарантія Венеціянской области или вступленіе всѣмъ ея составомъ въ Германскій Союзъ нисколько ея не удовлетворяютъ. Пріобрѣтеніе всего теченія Дуная, хотя бы и съ пожертвованіемъ даже Венеціей, безъ сомнѣнія удо-

влетворило бы стремленіямъ многихъ вліятельныхъ лицъ и партій въ Австріи, но оно потребовало бы отъ ея нѣмецкаго правительства почти полнаго отреченія отъ вѣковыхъ его преданій и, скажемъ болѣе, измѣны второстепеннымъ и мелкимъ государствамъ Германіи: трудно повѣрить чтобы планъ оглашенный въ *Цейдлеровой Корреспонденціи* могъ скоро состояться, хотя бы онъ и былъ одобренъ западными державами. Франція, дѣйствительно, при осуществленіи подобнаго плана, могла бы найдти для себя нѣкоторыя вознагражденія. Англія точно также если только вообще рѣшится допустить неизбѣжную въ этомъ случаѣ передѣлку карты Европы, легче всего согласится на усиленіе Австріи на юго-востокѣ Европы.

Но, что сказать о Россіи? Для Россіи подобная комбинація была бы вдвойнѣ неблагопріятна: неблагопріятна для ея интересовъ въ Балтійскомъ морѣ и для ея интересовъ въ Черномъ морѣ. Россія ни въ какомъ случаѣ не могла бы допустить подобную комбинацію, и въ Европѣ, въ особенности же Австріи, пришлось бы не разъ подумать, прежде чѣмъ рѣшиться на возбужденіе великаго восточнаго вопроса, при разрѣшеніи котораго Россія не можетъ, еслибъ и хотѣла, оставаться безучастною зрительницей. Кромѣ страха возбудить вновь великій восточный вопросъ, Англія едва ли въ состояніи побѣдить въ себѣ инстинктивное отвращеніе къ территоріяльному усиленію Франціи. Вотъ почему до поры до времени едва ли можно опасаться какихъ-либо практическихъ послѣдствій отъ новой комбинаціи, пущенной въ ходъ изъ Берлина, но она не можетъ не усилить и безъ того слишкомъ справедливыхъ подозрѣній относительно того, на что способенъ рѣшиться теперешній Берлинскій кабинетъ для достиженія своихъ цѣлей.

№ 166.

Москва, 30-го Іюля.

3-го іюля, во время пребыванія своего въ Полоцкѣ, главный начальникъ Сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, держалъ рѣчь къ собравшемуся предъ нимъ мѣстному дворянству, большинство котораго принимало непосредственное, дознанное участіе въ политическихъ безпорядкахъ, происходившихъ въ краѣ. Рѣчь свою онъ заключилъ слѣдующими многозначительными словами: „Помните, господа, если вы не сдѣлаетесь по чувствамъ „и мыслямъ Русскими, безусловно преданными отечеству, то вы будете иностранцами въ этомъ краѣ, и, конечно, должны будете оставить его.“ Эти слова, которыя своею силой твердостью и положительною ясностью превосходятъ все что до сихъ было сказано по польскому вопросу въ нашемъ западномъ краѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ важности и серіозности настоящаго положенія дѣлъ въ этой части Россіи. Дѣйствительно, теперь или никогда: или теперь въ эту переходную эпоху русской исторіи, русское дѣло должно вполнѣ восторжествовать надъ обманомъ, или же оно должно будетъ навсегда признать себя побѣжденнымъ. Еслибъ и въ настоящее время, послѣ того какъ Россія побѣдоносно отразила дипломатическій напоръ цѣлой Европы, послѣ того какъ она вся отъ мала до велика высказала свое твердое намѣреніе пожертвовать всѣмъ для спасенія цѣлости и неприкосновенности Русской земли и для огражденія ея отъ крамолъ, такъ легко и охотно вступающихъ въ союзъ съ иностранными происками,— еслибъ и въ настоящее время польская интрига нашла способы увѣнчать свое дѣло успѣхомъ или, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать полному торжеству русскаго дѣла въ польскомъ и западномъ краяхъ Имперіи, тогда, нѣтъ сомнѣнія, Россіи пришлось бы навсегда преклониться предъ *польскою интеллигенціей*, и поскорѣе отступить передъ нею во глубину средне-азійскихъ степей. Послѣдній польскій мятежъ, дѣйствительно, долженъ быть *послѣднимъ*, а потому онъ долженъ повести не къ возстановленію того порядка вещей, который породилъ его, а къ созданію новаго, при которомъ Россія не могла бы подвергаться опасности ни въ своей цѣлости, ни въ своемъ значеніи великой европейской державы. Если то крайне-напряженное состояніе, которое пережила Россія въ 1863 г., если тѣ пожертвованія и усилія, которыя она сдѣлала въ эту пору, если все ея государственное могущество и громадныя средства, которыя находятся въ распоряженіи русскаго правительства, не приведутъ ее къ этому результату, и не послужатъ къ совершенному упраздненію польскаго вопроса, въ такомъ случаѣ будетъ

для всѣхъ очевидно, что побѣда осталась не на сторонѣ Россіи, и польскія (и одни ли польскія?) притязанія не замедлятъ воспрянуть съ небывалою доселѣ увѣренностію въ успѣхѣ. Итакъ, полное упраздненіе польскаго вопроса, вотъ задача, которая несомнѣнно предстоитъ теперь Россіи, и задача эта, какъ видимъ, вполнѣ понята и принята къ исполненію главными мѣстными дѣятелями въ обѣихъ половинахъ нашего западнаго края. Остается только желать, чтобъ они нашли себѣ твердую и энергическую поддержку, какъ въ подчиненныхъ имъ дѣятеляхъ, такъ и въ общемъ правительственномъ центрѣ, какъ въ мѣстномъ русскомъ обществѣ, такъ и въ цѣлой Россіи.

Напоминая мѣстному дворянству, что оно должно стать вполнѣ русскимъ, или, въ противномъ случаѣ, будетъ принуждено оставить этотъ издревле-русскій край, виленскій генералъ-губернаторъ глубоко затронулъ одну изъ самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ сторонъ этой задачи. Пока высшій землевладѣльческій классъ состоитъ изъ лицъ, которыя считаютъ себя гражданами не Россіи, а существующаго въ ихъ мечтахъ государства иной національности, которое можетъ возникнуть только на развалинахъ Россіи, и пока, слѣдовательно, этотъ классъ не можетъ не быть расположенъ дѣйствовать во вредъ Россіи, до тѣхъ поръ, очевидно, она не можетъ считать себя не только полною и спокойною обладательницей своего польскаго и западно-русскаго края, но и безопасною во всѣхъ своихъ частяхъ и во всѣхъ своихъ интересахъ.

Не трудно предвидѣть, что рѣшительное и ясное слово виленскаго генералъ-губернатора вызоветъ сильный ропотъ въ сферахъ, расположенныхъ поддерживать внутреннія затрудненія въ Россіи. Но люди благомыслящіе и честные должны будутъ признать, что гораздо достойнѣе указать откровенно на предстоящія послѣдствія того или другаго образа дѣйствій, нежели оставлять людей въ заблужденіи и тѣмъ косвенно питать на нихъ надежды, которыхъ осуществленіе допустить мы не хотимъ и не можемъ. Добросовѣстное общественное мнѣніе въ Европѣ должно одобрить, что генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ напомнилъ собравшимся въ Полоцкѣ мѣстнымъ дворянамъ о правѣ, которымъ Россія пока еще не пользовалась, но которое тѣмъ не менѣе существуетъ и можетъ быть ежеминутно предъявлено ею.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о правѣ въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Если государство въ правѣ требовать отчужденія земель для какихъ бы то ни было общеполезныхъ цѣлей, какъ напримѣръ для проведенія желѣзныхъ дорогъ, для устройства каналовъ, укрѣпленій и т. д., то неужели можно оспаривать у него подобное же право въ видахъ обезпеченія мира и спокойствія въ собственныхъ предѣлахъ? Конфискація можетъ, не споримъ, считаться мѣрой жестокою въ отношеніи къ невинному семейству виновнаго владѣльца, хотя и въ этомъ случаѣ главнымъ виновникомъ жестокости долженъ все-таки быть признанъ самъ глава семейства, дозволившій себѣ вовлечься въ преступленіе. Противъ секвестра можно сказать, что онъ большею частью влечетъ за собой разореніе имѣнія, и не достигая никакого положительнаго результата въ политическомъ отношеніи, причиняетъ экономическій вредъ цѣлому краю. Но законная экспропріація, не нарушая начала собственности не противорѣчитъ ни требованіямъ справедливости и человѣколюбія, ни экономическимъ интересамъ страны. Она лишь замѣняетъ одинъ видъ собственности другимъ, вполнѣ или по возможности соотвѣтствующимъ ему, — землевладѣніе рентой. Произведенная на разумныхъ и справедливыхъ основаніяхъ, она для самихъ землевладѣльцевъ, подвергающихся ей, можетъ служить скорѣе облегченіемъ чѣмъ обремененіемъ.

Что видимъ мы теперь въ Соединенныхъ Штатахъ? Тамъ правительство не отступается даже отъ конфискаціи, и не навлекаетъ на себя ни чьихъ громовъ. Напротивъ ему еще отдаютъ справедливость въ томъ, что оно примѣняетъ строгій законъ все-таки съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, освобождая отъ преслѣдованія тѣхъ мятежниковъ, которыхъ имущество ниже извѣстнаго размѣра. Мѣра снисходительности можетъ зависѣть въ этихъ случаяхъ лишь отъ правительственнаго взгляда на дѣло. Правительство можетъ дѣйствовать сообразно тому, въ какой степени оно увѣрено, что лица менѣе заявившія свою неблагонадежность и располагающія меньшими средствами, потерявъ поддержку крупныхъ агитаторовъ, не будутъ уже опасны для государственнаго порядка.

Но возвратимся къ нашему западному краю. Чтобы большинство тамошнихъ помѣщиковъ стали „по чувствамъ и мыслямъ Русскими, и безусловно преданными отечеству,“ для этого рѣшительно необходимо измѣнить составъ землевладѣльческаго класса, и внести въ него достаточное число вполнѣ надежныхъ русскихъ элементовъ. Эта задача вовсе не такъ неисполнима какъ многіе стараются увѣрить. Западный край Россіи, говоря вообще, представляетъ большія выгоды и удобства въ земледѣльческомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, объ этомъ краѣ г. Дубенскій, въ брошюрѣ, о которой была уже рѣчь въ № 156 *Московскихъ Вѣдомостей*: „Кіевская, Подольская и четыре самые южные уѣзды Волынской губерніи (Заславскій, Кременецкій, Острожскій, Староконстантиновскій), по прекрасной почвѣ ихъ, по превосходному, лучшему въ Россіи, климату, по близости къ черноморскимъ портамъ, а Кіевская, сверхъ того, по исторической старинѣ и по святынямъ, чтимымъ Русскими, скоро найдутъ охотниковъ покупать земли и селиться тамъ.“ Сѣверо-западныя, литовскія губерніи: Виленская, Ковенская, а изъ бѣлорусскихъ Витебская могутъ также разчитывать на значительный приливъ русскихъ промышленниковъ, по близости своей къ Балтійскимъ портамъ; по обилію и по дешевизнѣ своихъ лѣсовъ; только Могилевская и Минская губерніи, удаленныя и отъ черноморскихъ и отъ балтійскихъ портовъ, будутъ, какъ онъ полагаетъ, медленнѣе колонизироваться чѣмъ поименованныя двѣ группы; но изъ нихъ Минская губернія по дешевизнѣ лѣса и продовольствія, можетъ легко привлечь къ себѣ фабрикантовъ и заводчиковъ. Вообще въ покупателяхъ изъ внутреннихъ губерній Россіи не будетъ недостатка, какъ только правительство найдетъ возможнымъ возвратиться къ дарованію обѣщанныхъ имъ льготъ и ссудъ и что весьма важно и также весьма исполнимо, употребитъ усилія, чтобы связать желѣзными дорогами западный край съ центральною Россіей. Уже и до сихъ поръ не было недостатка въ охотникахъ покупать тамъ имѣнія. Немало было лицъ ѣздившихъ въ западный край съ этою цѣлію, но они по большей части возвращались ничего ни сдѣлавъ. Стоитъ обратить вниманіе на ихъ жалобы, весьма разнообразныя. Стоитъ позаботиться объ устраненіи мелочныхъ, легко устранимыхъ препятствій встрѣчавшихся тамъ при покупкѣ имѣній съ публичнаго торга, а также объ оглашеніи этихъ продажъ, до сихъ поръ не имѣющихъ надлежащей гласности. Нельзя ссылаться только на то, что польскіе землевладѣльцы западнаго края, изъ польскаго ли патріотизма, или изъ иныхъ побужденій, не охотно соглашаются на продажу своихъ имѣній русскимъ покупателямъ, и чрезмѣрно преувеличиваютъ цѣну своихъ земель. На содѣйствіе въ этомъ случаѣ со стороны польскихъ землевладѣльцевъ русскіе покупатели, конечно, не разчитываютъ; если они ожидаютъ содѣйствія, то единственно отъ русскаго правительства.

№ 167.

Москва, 31-го іюля.

Трудно объяснить, изъ какихъ побужденій пишутся иныя статьи, появляющіяся въ петербургскихъ газетахъ; еще труднѣе объяснить съ какою цѣлію онѣ появляются. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ одной петербургской газеты (*Биржевыя Вѣдомости*, № 161) прочли мы куріозную передовую статейку, имѣющую своимъ предметомъ отношенія западныхъ губерній къ остальной Россіи. Авторъ этой статейки поразилъ вопросъ, будто бы возбужденный теперь въ нашей печати, „о „землевладѣніи въ западныхъ областяхъ „Россіи, основанномъ на колонизаціи этихъ „областей великорусскими переселенцами“. Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, онъ приходитъ къ заключенію, что это вопросъ фальшивый. Онъ особенно сожалѣетъ о томъ, что „къ хозяйственнымъ практическимъ интересамъ, близкимъ для „всѣхъ вообще и въ особенности для такъ-„называемаго простонародья, начинаютъ „примѣнять соображенія высшей политики.“ Разбирая этотъ вопросъ, авторъ находитъ во-первыхъ, что онъ возникъ при ненормальномъ положеніи политическихъ дѣлъ въ западномъ краѣ и при такомъ же положеніи хозяйственныхъ дѣлъ какъ въ этомъ краѣ, такъ и въ Россіи вообще. Эта обоюдная ненормальность причинена съ одной стороны польскимъ возстаніемъ, съ другой стороны разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса. „Крестьяне, получивъ „личную свободу (?), поземельный надѣлъ

„и самоуправленіе и имѣя въ виду сдѣлать-„ся поземельными собственниками у себя „дома, очень естественно предпочитаютъ „оставаться на родинѣ нежели рѣшаться „на переселеніе, которое не представляетъ „для нихъ никакого обезпеченія.“ Сверхъ того, доказываетъ авторъ, простой народъ незнакомъ съ исторіей и потому вовсе не считаетъ западныхъ областей русскимъ краемъ, а считаетъ ихъ „чужимъ краемъ,“ и хотя не учился географіи Даніэля, однако увѣренъ, что этотъ край есть Польша. За тѣмъ, хотя никакой ненависти великорусскіе крестьяне къ Польшѣ не имѣютъ, однако, „переселеніе, по ихъ поня-„тіямъ, въ эту страну не представляетъ „для нихъ ничего привлекательнаго и едва „ли ихъ можно „заманить туда самыми „выгодными обѣщаніями.“ Наконецъ, великорусскіе крестьяне отличаются удивительною „домовитостію:“ они ходятъ на заработки въ чужія отдаленныя стороны, но всегда желаютъ „сложить кости на родномъ погостѣ.“ „При проектируемыхъ „переселеніяхъ можно разчитывать только „на крестьянъ бездомныхъ, не заботящих-„ся о своемъ хозяйствѣ, но отъ такихъ „переселенцевъ нельзя ждать никакой поль-„зы.“ Итакъ, крестьянъ въ сторону. Затѣмъ, авторъ перебираетъ другіе классы, и приходитъ къ такому же результату. Ни торговые люди, ни ремесленники, ни фабриканты не пойдутъ въ этотъ край, а если пойдутъ, то встрѣтятъ въ немъ разныя неудобства; такъ что никакого толка отъ ихъ переселенія, по мнѣнію автора, не будетъ. Очередь доходитъ до землевладѣльцевъ. Но, по мнѣнію автора, оказывается, что привлеченіе землевладѣльцевъ въ западный край есть уже непробованное дѣло, и испробованное безъ всякаго успѣха. „Для усиленія землевла-„дѣльческаго класса въ западномъ краѣ „русскимъ элементомъ,“ говоритъ авторъ, „правительство приняло нѣкоторыя поощ-„рительныя мѣры, но, какъ извѣстно изъ „печатныхъ объ этомъ предметѣ свѣдѣній, „упомянутыя мѣры не принесли ожидаемой „пользы.“ „Само собою разумѣется,“ продолжаетъ авторъ, „что правительство „нисколько не виновато въ такомъ исходѣ „дѣла такъ какъ оно не имѣетъ средства „побороть тѣ экономическія препятствія, „которыя представляются въ данномъ слу-„чаѣ. Несмотря на облегченіе допущенное „правительствомъ въ пользу русскихъ „землевладѣльцевъ, желающихъ покупать „въ западномъ краѣ имѣнія, и несмотря „на упадшую стоимость этихъ имѣній въ „настоящее время, не является вовсе охот-„никовъ изъ русскихъ пріобрѣтателей.“

Итакъ, вопросъ о колонизаціи западнаго края крестьянами изъ внутреннихъ губерній, а равно и о перемѣщеніи оттуда же и туда же элементовъ торговыхъ, промышленныхъ, ремесленныхъ, наконецъ, землевладѣльческихъ, есть дѣло невозможное, есть вопросъ праздный, возникшій изъ пустословія нѣкоторыхъ публицистовъ, и остается только пожалѣть, что правительство придало значеніе этому празднословію, и употребило напрасныя усилія на привлеченіе землевладѣльцевъ къ покупкѣ имѣній въ западныхъ губерніяхъ. Правда, остается еще одинъ источникъ усиленія русскаго элемента въ этомъ краѣ: это — чиновники русскаго происхожденія. „Но „это такой разрядъ поселенцевъ,“ объясняетъ авторъ, „который не пускаетъ „корней, такъ что вообще *заранѣе пред-*„взятая мысль объ успѣхѣ въ западномъ „краѣ русскихъ началъ посредствомъ ве-„ликорусскихъ переселенцевъ едва ли мо-„жетъ быть признана практической при „тѣхъ экономическихъ — помимо даже по-„литическихъ — условіяхъ, которыя пред-„ставляются какъ въ этомъ краѣ, такъ и „во всей Россіи вообще.“

Повторяемъ, нельзя не удивляться побужденіямъ заставляющимъ писать и печатать подобныя статьи въ русской газетѣ, притомъ имѣющей полуофиціяльный характеръ. Еслибы вопросъ, котораго касается приведенная статья, былъ обсуждаемъ въ какомъ-либо рѣшающемъ собраніи, или въ какомъ-либо ad hoc учрежденномъ трибуналѣ, то нельзя было бы ожидать болѣе ревностнаго адвокатства. Адвокатъ обыкновенно вмѣняетъ себѣ въ обязанность представлять дѣло лишь съ одной стороны; онъ обыкновенно пользуется всякою неясностію и неопредѣленностію, для того чтобъ истолковать дѣло въ смыслѣ той стороны, которую онъ защищаетъ, и стало-быть вопреки той, которую оспариваетъ: нельзя было бы пожелать, если не болѣе искуснаго, то по крайней мѣрѣ болѣе ревностнаго адвоката противъ всякой перемѣны въ существующихъ нынѣ условіяхъ землевладѣнія въ западномъ краѣ; невозможно было бы ожидать большей рѣшимости представить дѣло не только въ

болѣе односторонненъ смыслѣ, но и въ болѣе невѣрномъ свѣтѣ. Только съ точки зрѣнія до крайности заинтересованной тѣмъ, чтобы въ западномъ краѣ все осталось какъ было, можно аргументировать такимъ образомъ, какъ дѣлаетъ авторъ вышеупомянутой статьи въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*. Мы понимаемъ и допускаемъ всякаго рода возраженія внушаемыя какими-либо общими или отвлеченными соображеніями, понимаемъ и допускаемъ указаніе трудностей и неудобствъ при разрѣшеніи самыхъ настоятельныхъ государственныхъ вопросовъ; но мы не понимаемъ какое побужденіе могло бы заставить людей, практически не заинтересованныхъ разрѣшеніемъ вопроса ни въ положительную, ни въ отрицательную сторону, ходатайствовать, въ противность справедливости, здравому смыслу и очевидности, за рѣшеніе отрицательное. Безъ причины ничего не дѣлается; какое-либо побужденіе заставляетъ насъ двигаться или не двигаться, двигаться въ ту или другую сторону, говорить или не говорить, говорить то или другое: спрашивается, какая причина можетъ заставлять людей, ни съ того ни съ сего, брать на себя непріятный трудъ извращать факты и искажать истину, съ бо́льшимъ или меньшимъ насиліемъ своему сознанію, доказывать и представлять на видъ то чего въ дѣлѣ не обрѣтается, или прикрывать и затаивать то что въ дѣлѣ очевидно находится.

Вопервыхъ, никогда въ нашей журналистикѣ не поднимался вопросъ о колонизаціи западнаго края великорусскими крестьянами. Объ этомъ предметѣ было сказано нѣсколько словъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, по поводу брошюры г. Дубенскаго: *Оцѣнка земель западнаго края*, и въ этихъ строкахъ ничего не говорится о необходимости способствовать въ настоящее время переселенію крестьянъ изъ внутреннихъ губерній въ западный край; замѣчено только, что никакихъ къ тому препятствій не предвидится, еслибъ оказались въ послѣдствіи экономическія побужденія къ подобному переселенію. Авторъ статьи *Биржевыхъ Вѣдомостей* распинается въ доказательствахъ, что великорусскіе крестьяне не любятъ переселяться; изъ его доводовъ слѣдуетъ, что они лишены всякой склонности и способности къ колонизаціи, что именно въ настоящее время, пріобрѣтая поземельные надѣлы, они и подавно не захотятъ подняться съ мѣста, особенно для переселенія въ „чужой край," какимъ для нихъ, какъ для людей не учившихся исторіи и незнакомыхъ съ дѣлами давно-минувшихъ лѣтъ, остаются западныя губерніи (къ которымъ, разумѣется, долженъ быть причисленъ и Кіевъ, тоже незнакомый и чуждый нашему простонародью, не учившемуся исторіи).

Во всей аргументаціи автора что̀ ни слово, то неправда. Начать съ того, что русскій народъ, какъ свидѣтельствуетъ вся его исторія отъ начала до нынѣшняго дня, одаренъ не менѣе англо-саксонскаго племени способностью и склонностію къ колонизаціи. Безъ всякихъ поощреній и понудительныхъ мѣръ, самъ собою, заселилъ этотъ народъ безмѣрныя пространства, несмотря на всевозможныя неудобства и трудности, несмотря на тяжкую борьбу со всевозможными препятствіями. Кто можетъ сомнѣваться, что еслибы не особенныя чисто-искусственныя условія, которыми наши крестьянскія народонаселенія прикрѣпляются къ землѣ, дѣло колонизаціи въ настоящее время шло бы энергически по всѣмъ каналамъ, какіе только могутъ открыться для него? Кому неизвѣстно, какое сильное движеніе произведено было года полтора тому назадъ въ крестьянскихъ общинахъ по всей Россіи случайно объявленнымъ приглашеніемъ селиться въ Закубанскомъ краѣ, и къ какимъ энергическимъ мѣрамъ нужно было прибѣгать для того чтобъ удержать на мѣстахъ всполошившіяся народонаселенія? Есть мѣстности въ подмосковныхъ губерніяхъ до того густонаселенныя, что, при существующихъ у насъ условіяхъ сельскаго хозяйства, крестьяне находятся въ самомъ стѣсненномъ положеніи, несмотря на свои поземельные надѣлы, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что при экономической свободѣ, излишекъ народонаселенія сталъ бы немедленно переходить въ мѣста менѣе населенныя, будетъ ли то на западѣ, или на востокѣ. Если колонизація шла до сихъ поръ болѣе на востокъ, несмотря на пустыри, которыми такъ обиленъ западный край, то это происходило, между прочимъ, потому, что правительство поощряло колонизацію на востокъ, отводя тамъ для переселенцевъ земли и предоставляя имъ разныя льготы. Нѣтъ сомнѣнія, что при равенствѣ условій переселеніе могло бы быть направлено въ той же мѣрѣ и въ западный край, еслибы то оказалось нужнымъ. Но,

повторимъ, никто не поднималъ вопроса о необходимости въ настоящее время колонизировать западныя губерніи великорусскими крестьянами, и еще менѣе съ чьей-либо стороны примѣшивались къ этому вопросу какія-либо „соображенія высшей политики.“ Въ политическомъ отношеніи, особенно въ настоящее время, не только нѣтъ никакой надобности въ искусственномъ выселеніи крестьянъ изъ подмосковныхъ губерній въ западныя области, но и многое можно было бы возразить; съ политической точки зрѣнія, противъ подобной мысли, еслибъ она дѣйствительно возникла въ настоящее время. Въ политическомъ отношеніи требуется поднять духъ въ мѣстныхъ народонаселеніяхъ русскаго элемента, изъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ крестьянство западнаго края. Эти народонаселенія столько же русскія, какъ и народонаселенія губерній называемыхъ великорусскими. Политическіе и вообще національные интересы русскаго народа, требуютъ, чтобы разнообразныя особенности его равно чувствовали себя русскими, а для этого нужно не переселеніе крестьянъ изъ однѣхъ губерній въ другія, а общая неуклонно-національная политика русскаго правительства. Существенная помѣха русскому дѣлу въ западныхъ областяхъ, главная причина ненормальнаго положенія, въ которомъ онѣ находятся, заключаются въ томъ, что высшіе общественные слои въ нихъ не признаютъ себя русскими, а вслѣдствіе того не хотятъ признавать и весь край этотъ русскимъ. Такое настроеніе въ высшихъ общественныхъ классахъ имѣетъ свой корень не въ племенномъ происхожденіи,— ибо тамошніе жители называющіе себя Поляками большею частію сами русскаго происхожденія, и въ эпоху присоединенія этихъ областей къ Россіи вовсе не отличались польскимъ патріотизмомъ,—а есть послѣдствіе ошибочной политики, вступившей у насъ въ силу послѣ императрицы Екатерины II, вопреки началамъ, которымъ она слѣдовала. Чувство польской національности развилось здѣсь изъ источниковъ фальшивыхъ, дѣйствовавшихъ однако такъ продолжительно и такъ неослабно, что въ настоящее время всякаго рода соображенія побуждаютъ желать ослабленія этого неправильно развившагося польскаго патріотизма усиленіемъ чисто-русскаго элемента въ составѣ землевладѣльческихъ классовъ. Итакъ, вотъ вопросъ, который былъ поднятъ нашимъ правительствомъ и о которомъ была рѣчь въ нашей печати, съ тѣхъ поръ когда было рѣшено прекратить двусмысленное положеніе этого края, и когда онъ былъ торжественно провозглашенъ безспорно и нераздѣльно русскимъ краемъ. Какія бы мѣры ни принимались въ западномъ краѣ въ этомъ направленіи, какъ бы энергически ни дѣйствовали власти для стѣсненія чуждаго и непріязненнаго элемента, который въ немъ угнѣздился, но пока въ составѣ землевладѣльческихъ классовъ не произойдетъ никакой перемѣны, дѣла этого края будутъ представлять зрѣлище самаго ненормальнаго положенія, столько же пагубнаго въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, сколько возмутительнаго для нравственнаго чувства и оскорбительнаго для здраваго смысла. Положить конецъ этому злу рукой энергическою, но съ наименьшими насиліями по отношенію къ интересамъ заслуживающимъ уваженія и пощады, безъ нарушенія справедливости, напротивъ во избѣжаніе несправедливостей и насилій, съ которыми бываетъ сопряжена всякая государственная необходимость тяготѣющая надъ общественною жизнію,—вотъ что требуется, вотъ въ чемъ заключается задача правительства, вотъ что не можетъ не интересовать русскихъ людей и на западѣ, и на востокѣ, и вотъ для чего желательно усиленіе русскаго элемента въ высшихъ и среднихъ классахъ общественной организаціи западнаго края. Авторъ статьи, которой мы коснулись, утверждаетъ, что вопросъ этотъ есть уже дѣло рѣшенное: правительство старалось привлечь русскихъ землевладѣльцевъ, но авторъ ссылается на „печатныя объ этомъ предметѣ свѣдѣнія,“ изъ которыхъ будто бы явствуетъ, что „охотниковъ пріобрѣтать земли въ западномъ краѣ изъ русскихъ землевладѣльцевъ вовсе не является;“ онъ беретъ подъ свою защиту правительство и великодушно объявляетъ, что оно нисколько не виновато въ такомъ исходѣ дѣла, такъ какъ оно не имѣетъ средства побороть *экономическія* препятствія, которыя будто бы представляются въ данномъ случаѣ. Желательно было бы знать, на кого авторъ хотѣлъ подѣйствовать этими доводами, на публику или на правительственныя лица,—доводами, въ которыхъ нѣтъ ни одного слова правды и которые находятся въ полномъ противорѣчіи съ фактами всѣмъ извѣстными. Дѣйствительно,

нынѣшнее время, по общему экономическому положенію государства, не благопріятно для покупки имѣній повсюду въ Россіи, но тѣмъ не менѣе охотниковъ изъ русскихъ землевладѣльцевъ покупать земли въ западныхъ губерніяхъ, съ самаго начала, являлось не мало, и если они встрѣчали какія-либо препятствія и затрудненія, то эти препятствія и затрудненія были вовсе не экономическаго свойства. Правительство, дѣйствительно, ассигновало нѣкоторую сумму на выдачу ссудъ для желающихъ пріобрѣтать земли въ западныхъ губерніяхъ; но изъ печатныхъ офиціяльныхъ свѣдѣній явствуетъ, что отъ этой суммы не осталось ничего: значитъ охотники являлись, и сумма, ассигнованная на этотъ предметъ, вся пошла въ дѣло. Кіевскій генералъ-губернаторъ публиковалъ, чтобы не обращались къ нему съ просьбами о ссудахъ, потому что вся назначенная для того сумма уже истощена: значитъ охотники есть, и еслибъ отпущенная на этотъ предметъ сумма была значительнѣе, то пріобрѣтеніе земель въ западныхъ губерніяхъ русскими помѣщиками продолжалось бы безостановочно. Въ конторахъ, которыя были открыты въ Кіевѣ для облегченія покупныхъ сдѣлокъ, записано не мало лицъ изъ русскихъ землевладѣльцевъ, изъявившихъ желаніе пріобрѣсти имѣнія большей или меньшей стоимости, въ той или другой мѣстности западнаго края. Наконецъ, были лица, которыя пріѣзжали въ этотъ край съ значительными суммами и съ твердымъ рѣшеніемъ покупать земли, даже безъ правительственныхъ ссудъ; лица эти выдерживали борьбу съ разными препятствіями и затрудненіями, и иногда, несмотря на всю ихъ силу, одерживали надъ ними верхъ, и дѣйствительно пріобрѣтали болѣе или менѣе значительныя имѣнія. Представимъ же себѣ, въ какихъ размѣрахъ могло бы происходить перемѣщеніе поземельной собственности въ западномъ краѣ, еслибы русскіе покупатели, вмѣсто препятствій и затрудненій, встрѣчали поощренія и льготы! Дѣло извѣстное, что въ западный край высылаются изъ-за границъ суммы для вспомоществованія Полякамъ покупать тамъ находящіяся въ продажѣ земли, и отбивать ихъ у русскихъ покупателей. Но никакая благодѣтельная сила не посылаетъ на встрѣчу русскимъ покупателямъ агентовъ съ подобными пособіями. Извѣстно, что всякая организація предпринимаемая въ интересѣ польскаго вопроса обходится безъ разрѣшенія со стороны правительства; но въ интересѣ русскаго дѣла невозможна никакая самопроизвольная организація. Сколько намъ извѣстно, были даже нѣкоторыя попытки со стороны русскихъ землевладѣльцевъ устроить общество для облегченія сдѣлокъ по покупкѣ земель въ западныхъ губерніяхъ, но попыткамъ этимъ, по разнымъ причинамъ, не было дано хода, такъ что все дѣло по этой части находится единственно въ рукахъ правительства, и отъ него единственно зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ этого столь важнаго дѣла. Но нужно принять къ свѣдѣнію, что правительство есть понятіе отвлеченное; въ дѣйствительности же существуютъ разные департаменты, которые, какъ по этому, такъ и по другимъ дѣламъ, могутъ въ различныхъ случаяхъ дѣйствовать различно, соображаясь каждый съ своею спеціяльностію, и не имѣя возможности при каждомъ особомъ случаѣ входить, бюрократическимъ путемъ, въ особыя соглашенія съ другими департаментами. Къ тому же, правительствомъ рѣшается какая-либо мѣра въ принципѣ, исполненіе же ея зависитъ, по частямъ, отъ множества агентовъ, которые, какъ извѣстно, не всегда дѣйствуютъ въ государственномъ интересѣ.

Но возвратимся къ статьѣ *Биржевыхъ Вѣдомостей*. Авторъ ея, какъ мы видѣли, убѣжденъ въ невозможности усиленія русскаго элемента въ западномъ краѣ посредствомъ колонизаціи или покупки имѣній. Для него это вопросъ рѣшенный, и онъ лишь сожалѣетъ о попыткахъ дѣланныхъ въ этомъ направленіи. Что же остается дѣлать? Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что есть роковыя экономическія препятствія къ переселенію и пахарей, и торговцевъ, и промышленниковъ, и землевладѣльцевъ изъ внутреннихъ губерній въ западныя: чего же при такихъ условіяхъ остается желать, если только западный край есть дѣйствительно русскій край, и долженъ составлять живую часть русскаго государства? Ближе всего остается желать лучшихъ путей сообщенія, которыя сблизили бы этотъ край съ центральною Россіей, и такимъ образомъ отчасти сдѣлали бы то, чему служитъ препятствіемъ „домовитость“ русскаго крестьянина, неповоротливость русскаго купца и неразчетливость русскаго землевладѣльца. Если русскіе люди любятъ перемѣщаться въ другіе края своего оте-

чества не на жительство, а только для временныхъ цѣлей, то весьма естественно пожелать, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи были, по возможности, облегчены сообщенія между западнымъ краемъ и центральною Россіей. Чѣмъ болѣе люди одной мѣстности сносятся съ людьми другой мѣстности, тѣмъ болѣе возникаетъ между этими мѣстностями связей, тѣмъ болѣе раждается взаимныхъ интересовъ и тѣмъ болѣе общая жизнь связываетъ ихъ въ одно цѣлое. Если западный край будетъ соединенъ желѣзными дорогами съ Царствомъ Польскимъ и не будетъ,—по крайней мѣрѣ въ равной мѣрѣ,—соединенъ такими же путями сообщенія съ восточною половиной Россіи, то весьма естественно, что русскій элементъ не только тамъ не усилится, но изсякнутъ и всѣ доселѣ еще уцѣлѣвшія силы его. Ни одинъ сколько-нибудь мыслящій человѣкъ не можетъ сомнѣваться, что какъ въ интересѣ Россіи вообще, такъ и въ интересѣ ея западнаго края, по скольку онъ долженствуетъ составлять ея часть, совершенно необходимо, чтобъ онъ былъ безотлагательно соединенъ съ центральными частями Россіи посредствомъ желѣзныхъ дорогъ. Итакъ, безъ сомнѣнія, читатели ожидаютъ, что авторъ разбираемой нами статьи, сознавъ тщету всѣхъ попытокъ усилить въ этомъ краѣ русскій элементъ посредствомъ колонизаціи, указываетъ по крайней мѣрѣ на построеніе желѣзныхъ дорогъ какъ на самую крайнюю необходимость въ настоящее время. Чѣмъ болѣе онъ убѣжденъ въ неудобствѣ измѣнить составъ земледѣльческаго класса въ западныхъ губерніяхъ, тѣмъ болѣе, по всему вѣроятію, будетъ онъ настаивать на необходимости путей сообщеній, которые связали бы этотъ край съ остальною Россіей какъ экономическими, такъ и всевозможными другими интересами, возникающими изъ частыхъ и непрерывныхъ сношеній. Какое разочарованіе? Авторъ находитъ, — какъ бы вы думали,—постройку желѣзныхъ дорогъ изъ центральныхъ мѣстъ Россіи въ западный край дѣломъ безполезнымъ! Почему же безполезнымъ? спрашиваете вы въ изумленіи: желѣзныя дороги въ цѣломъ мірѣ признаны дѣломъ полезнымъ... Но авторъ статьи считаетъ постройку желѣзныхъ дорогъ въ западный край не только дѣломъ безполезнымъ, но вреднымъ. Почему же?! Потому что желѣзныя дороги могутъ воспрепятствовать дѣлу колонизаціи западнаго края великорусскими населеніями!... Представивъ *доказательства*, что колонизація изнутри Россіи есть дѣло невозможное, авторъ, во второй половинѣ своей статейки, протестуетъ противъ постройки желѣзныхъ дорогъ, именно потому что онѣ, по его мнѣнію, помѣшаютъ этой колонизаціи, которая, по его же мнѣнію, совершенно невозможна и безъ желѣзныхъ дорогъ. Приглашаемъ читателей прочесть слѣдующія строки, которыми заключается эта передовая статейка, и предоставляемъ имъ самимъ произнести о ней окончательное сужденіе:

„Мы не споримъ, что при устройствѣ желѣзной дороги по направленію въ западный край, явится не мало покупщиковъ земли; что они, помѣстивъ свои капиталы въ покупаемыя тамъ земли, сдѣлаютъ „блистательную аферу;“ что у такихъ покупщиковъ, по словамъ московской газеты, не будетъ недостатка и въ рабочихъ, которые стали бы прибывать туда изъ-внутри Россіи, какъ только первые опыты переселенія увѣнчались бы успѣхомъ. Мы допускаемъ все это, но не думаемъ, чтобы все это имѣло какое-либо политическое значеніе. Напротивъ при устройствѣ желѣзной дороги, сближающей внутреннія губерніи съ западными, утратится послѣдняя надежда на осѣдлость Великоруссовъ въ западномъ краѣ въ значительныхъ массахъ. Легкость сообщенія дастъ возможность покупщикамъ имѣній не поселяться въ пріобрѣтенныхъ ими помѣстьяхъ, но только время отъ времени посѣщать ихъ. Точно также и рабочій классъ предпочтетъ, по окончаніи тѣхъ занятій, для которыхъ они придутъ въ западный край, возвратиться на родину, въ томъ соображеніи, что поѣздки для нихъ туда и оттуда будутъ и дешевле и удобнѣе, нежели совершенное переселеніе, соединенное съ затрудненіями и навсегда отдаляющее ихъ отъ родимаго мѣста. Нельзя не согласиться, что тамъ, гдѣ приходится разчитывать на народную поддержку, нужно принимать въ соображеніе, прежде всего, характеръ, привычки и понятія народа.“

Итакъ, вотъ какія статьи появляются иногда въ петербургскихъ газетахъ...

№ 168.

Москва, 2-го августа.

Вопросъ о состояніи православныхъ церквей въ западномъ краѣ, благодаря дѣятельности спеціальнаго управленія, учрежденнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, теперь значительно разъяснился. Церковно-строительному дѣлу въ западныхъ губерніяхъ дано такое направленіе, которое позволяетъ надѣяться на успѣшный ходъ его. Многое уже сдѣлано; еще бо́льшаго мы въ правѣ ожидать въ будущемъ, при послѣдовательныхъ дѣйствіяхъ управленія, которому ввѣрено это важное дѣло, и при поддержкѣ интереса къ нему въ русскомъ обществѣ. Теперь можно вспоминать съ менѣе горестнымъ чувствомъ о прежнемъ положеніи этого дѣла, — вспоминать для извлеченія назидательныхъ уроковъ изъ его исторіи. Особенно рельефенъ въ этой исторіи одинъ фактъ, подтверждаемый офиціяльными документами и подающій поводъ къ выводамъ, чрезвычайно поучительнымъ и проливающимъ свѣтъ на весь польскій вопросъ. Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что почти всѣ теперь существующія православныя церкви того края были построены до присоединенія его къ Россіи. Правда, эти церкви не отличались особеннымъ благолѣпіемъ, но были по крайней мѣрѣ въ цѣлости и даже не оказывается слѣдовъ, чтобы уніятскія церкви, во время польскаго владычества, оставались по ветхости запечатанными. Упадокъ церквей начался именно въ текущемъ столѣтіи, когда западный край уже принадлежалъ Россіи. Этотъ фактъ ясно указываетъ на истинные предѣлы, а также и на истинный источникъ того что мы привыкли называть польскою пропагандой. Здравый смыслъ говоритъ, что сила этой такъ-называемой польской пропаганды должна бы измѣряться силой польской національности. Если польская національность оказалось безсильною для того чтобы поддерживать свое государство, то паденіе его должно бы ослабить ее еще бо́лѣе. Если во время своего господства, она не смогла ополячить и олатынить русскій народъ, бывшій подъ ея властью, то во сколько разъ должна бы она сдѣлаться менѣе опасною для русскаго народа, послѣ того какъ польское государство распалось! Если русскій народъ западнаго края, во время своего подданства польскому государству, находилъ въ себѣ силы успѣшно отбиваться отъ полонизма, то во сколько разъ больше силъ должно бы оказаться у него съ тѣхъ поръ какъ онъ получилъ возможность опираться на могущество русскаго государства! Между тѣмъ мы видимъ, что именно со времени присоединенія западнаго края къ Россіи духъ тамошнихъ русскихъ населеній падаетъ, а польскій элементъ пріобрѣтаетъ силу, которой прежде у него не было. Онъ дѣйствуетъ, и одерживаетъ побѣды на національной и церковной почвѣ. Произошло ли это отъ безсилія русской національности и православной церкви? Но русская національность не оказывалась безсильною въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ, когда онъ господствовалъ. Что же касается до православной церкви, то латинство, располагая всѣми средствами польскаго государства, не могло достигнуть ничего кромѣ уніи, то-есть такого сближенія съ Римомъ, которое для народа было едва замѣтно, и о которомъ возникла рѣчь даже въ самой Москвѣ. Итакъ, успѣхи польской пропаганды усилившіеся подъ русскимъ владычествомъ нельзя относить къ слабости русскихъ населеній западнаго края въ національномъ и церковномъ отношеніи. Духъ русскихъ населеній западнаго края не упалъ бы такъ низко именно послѣ освобожденія ихъ изъ подъ польскаго господства, еслибы средства русскаго государства не были употребляемы прямо въ интересахъ польскаго патріотизма и въ подрывъ какъ русской церкви, такъ и русской народности. Противъ Чарторыйскихъ и Чацкихъ русскія населенія западнаго края были беззащитны, по своему безсилію не передъ польскимъ элементомъ, а передъ могуществомъ русскаго государства, именемъ котораго польскіе патріоты возвышали польскій элементъ и унижали русскій. Борьба, которая была возможна при существованіи польскаго государства и которая почерпала тогда силы для себя въ надеждахъ на сосѣднее русское государство, теперь должна была прекратиться, когда это государство само признало въ западномъ краѣ первенство за элементомъ польскимъ. Тогда были подорваны всѣ надежды русскихъ населеній того края, тогда русское народное чувство было тамъ доведено до крайней степени уничиженія, и глубочайшее уныніе овладѣло населеніями, которымъ ничего болѣе не оставалось какъ преклонить выю передъ всѣмъ

что имѣло на себѣ польскій оттѣнокъ. Вотъ истинная причина того могущества польской пропаганды, которому даже и теперь еще многіе изъ насъ удивляются и на которое указываютъ какъ на доказательство нравственнаго превосходства польской цивилизаціи передъ русскою. Вотъ истинная причина того, что русскій народъ западнаго края замолкъ въ своихъ жалобахъ на преслѣдованія со стороны полонизма, и что замолкъ также голосъ православнаго духовенства, еще слышавшійся на польскихъ сеймахъ и предъ польскими королями въ защиту православія. Народъ покорился своей участи; онъ ополячивался и переходилъ въ латинство цѣлыми массами, особенно въ городахъ. Духовенство стало усваивать себѣ польскій языкъ и обычай. Церкви пустѣли и разрушались. Ихъ окружили корчмами, еврейскими кладбищами и не дозволили обносить оградами.

Мятежъ 1831 года повелъ къ нѣкоторому измѣненію въ русской политикѣ относительнаго западнаго края. Императоръ Николай I повелѣлъ возобновить православныя церкви въ казенныхъ селеніяхъ на счетъ государственнаго казначейства, а помѣщиковъ пригласить, именемъ Его Величества, къ устройству православныхъ церквей въ тѣхъ изъ ихъ имѣній, гдѣ крестьяне принадлежатъ къ православному исповѣданію. Но и тутъ поучительно прослѣдить за исполненіемъ этого предписанія. Мы не будемъ говорить о помѣщикахъ, въ которыхъ политика предшествовавшаго царствованія возбудила польскія патріотическія надежды. Помѣщики уклонялись отъ исполненія тѣхъ обязательствъ, которыя они на себя приняли въ силу приглашенія обращеннаго къ нимъ на другой день послѣ мятежа. Они ожидали поры когда подуетъ иной вѣтеръ, и это довольно естественно. Но нельзя не подивиться тому, какъ дѣло шло въ казенныхъ имѣніяхъ, гдѣ оно вполнѣ зависѣло отъ правительства. До 1845 года заботы о возстановленіи церквей лежали на святѣйшемъ синодѣ, при содѣйствіи главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. Въ распоряженіе синода отпускалось именно для этой цѣли ежегодно по 150.000 руб. асс., и сверхъ того нѣкоторыя издержки производились изъ капиталовъ духовнаго вѣдомства. Такъ продолжалось до 1845 г., когда это дѣло было возложено на министерство государственныхъ имуществъ. Святѣйшимъ синодомъ было израсходовано на этотъ предметъ въ 13 лѣтъ, если не ошибаемся, около 600.000 р. на серебро; министерствомъ государственныхъ имуществъ въ слѣдующія 13 лѣтъ около 1.250.000 рублей серебромъ. Такъ какъ всѣхъ православнымъ церквей въ казенныхъ имѣніяхъ западнаго края считается до 900, то на каждую церковь приходится около 2.000 р. издержекъ,— сумма довольно значительная, если принять въ разчетъ что многія церкви западнаго края всею постройкой стоятъ не болѣе 3.000 р. Никакъ нельзя сказать, чтобы государство обнаружило въ этомъ дѣлѣ скупость, но тѣмъ не менѣе въ 1858 году оказалось, что изъ числа православныхъ церквей находящихся въ казенныхъ имѣніяхъ, болѣе 600 требовалось построить вновь или капитально исправить, и потому въ послѣднія семь лѣтъ израсходовано на это дѣло еще около милліона рублей серебромъ, и оно все-таки еще на цѣлую половину не приведено къ концу.

Столь малый успѣхъ церковно-строительнаго дѣла въ казенныхъ имѣніяхъ, при столь значительныхъ, и можно сказать даже щедрыхъ пожертвованіяхъ со стороны государства, можетъ найдти объясненіе себѣ лишь въ тѣхъ способахъ, которые были избраны правительствомъ для его исполненія. Оно попало въ руки мѣстной администраціи, которая не была расположена къ нему; оно было ведено бюрократическимъ порядкомъ, затруднявшимъ надзоръ за мѣстною администраціей со стороны высшихъ властей; наконецъ самый взглядъ на него въ Петербургѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Такъ напримѣръ, въ 1858 году, была принята система строить по возможности самыя скромныя церкви. Заботливость объ упрощеніи чертежей была доведена до того, что ницея изъ церквей, вновь построенныхъ между 1858 и 1862 годами, отличаются отъ простыхъ избъ только водруженнымъ на кровлѣ крестомъ. Размѣры вновь возводимыхъ церквей были въ это время сокращаемы по общей нормѣ, назначенной изъ Петербурга, а не по дѣйствительной надобности; за общую норму было принято, чтобы церковь могла вмѣстить въ себѣ одну шестую долю прихожанъ. Впрочемъ, церковно-строительное дѣло пошло быстрѣе прежняго; но эта система, по которой въ продолженіе четырехъ лѣтъ было устроено вновь 99 церквей и починено 102 старыхъ, подверглась коренному из-

мѣненію въ 1863 году. Было признано необходимымъ, чтобы наружный видъ и внутреннія украшенія, вновь строящихся храмовъ, соотвѣтствовали общему понятію о храмахъ Божіихъ. Вслѣдствіе того было рѣшено перестроить многія изъ прежде-построенныхъ церквей. При такомъ ходѣ церковно-строительнаго дѣла въ казенныхъ имѣніяхъ, удивляться ли, что въ владѣльческихъ оно шло еще хуже?..

№ 169.

Москва, 3-го августа.

Въ девяти губерніяхъ западнаго края считается въ настоящее время 5.862 православныя церкви при православномъ населеніи приблизительно въ 6.775.000 душъ; что составляетъ среднимъ числомъ по одной церкви на 1.155 православныхъ обоего пола: нельзя сказать чтобъ эта цифра была слишкомъ велика, и еще менѣе можно сказать, что она слишкомъ мала. Римско-католическіе приходы того края имѣютъ приблизительно такое же число прихожанъ, но гораздо болѣе разбросанныхъ. Впрочемъ, если среднее отношеніе между численностью церквей и православнаго населенія оказывается удовлетворительнымъ, то размѣщеніе церквей и разграниченіе приходовъ не рѣдко не соотвѣтствуютъ потребности. Въ иныхъ мѣстахъ церкви скучены и приходы малолюдны, вслѣдствіе чего поддержка церквей и содержаніе причтовъ становятся затруднительными, а потому съ церковнымъ интересомъ было согласно или упраздненіе церквей, если онѣ ветхи, или превращеніе ихъ въ заштатныя (филіальныя, по римско-католическому выраженію), если прихожане дорожатъ ихъ сохраненіемъ и оно не требуетъ издержекъ со стороны казны. Послѣднее особенно удобно въ тѣхъ случаяхъ, когда при малолюдствѣ приходовъ церкви лежатъ не въ далекѣ одна отъ другой, но и при нѣкоторой отдаленности церквей, если только приходъ малолюденъ, было бы возможно присоединять его къ другому сосѣднему, а его церковь обращать въ заштатную или приписную, съ тѣмъ чтобъ она не имѣла особаго причта, но чтобы въ ней совершалась служба въ храмовой праздникъ и сверхъ того нѣсколько разъ въ годъ для бо́льшаго удобства окрестныхъ жителей. Во всякомъ случаѣ это удобнѣе для прихожанъ чѣмъ совершенное упраздненіе церкви: они имѣли бы возможность хоть нѣсколько разъ въ годъ присутствовать при богослуженіи совершающемся въ ихъ селеніи; они сохранили бы свой старинный храмовой праздникъ; ихъ старинное кладбище оглашалось бы отъ времени до времени благовѣстомъ; а съ другой стороны при благолѣпіи приходскаго храма скромный видъ маленькой церкви, къ нему приписанной, не могъ бы производить неблагопріятное впечатлѣніе. Что касается до разграниченія приходовъ, то прихожанъ переводили въ прежнее время изъ прихода въ приходъ безъ ихъ вѣдома, по просьбѣ священниковъ. Вслѣдствіе того есть приходы, къ которымъ причислены весьма отдаленныя селенія лежащія гораздо ближе къ другимъ церквамъ. Справедливость, кажется, требуетъ, чтобы приписка селеній къ тому или другому приходу была предоставлена свободному выбору самихъ прихожанъ, на точномъ основаніи каноническихъ правилъ.

Бѣдность православныхъ церквей и православнаго духовенства въ западномъ краѣ есть неизбѣжное слѣдствіе перехода высшихъ классовъ тамошняго населенія въ латинство. Православные тамъ преимущественно крестьяне, а кто не знаетъ что такое крестьянамъ западнаго края и особенно крестьянинъ Бѣлоруссъ? Забитый и изнуренный, онъ едва имѣлъ кусокъ хлѣба, испеченнаго изъ муки смѣшанной съ мякиной или корой. Можно ли было ожидать отъ него, чтобъ онъ удѣлялъ на церковь и причетъ столько денегъ, сколько требуется для ихъ приличной поддержки? Бо́льшая часть приходовъ такъ бѣдны, что кошельковаго сбора не бываетъ и 10 р. въ годъ. Отъ помѣщиковъ было прежде основаніе требовать пособія православнымъ церквамъ; этимъ основаніемъ было крѣпостное право. Но помѣщикъ, принадлежащій къ римско-католическому исповѣданію, рѣдко обнаруживалъ готовность помочь своимъ крестьянамъ въ дѣлѣ церковнаго строенія, или въ поддержкѣ православнаго причта. Усилія правительства побудить къ тому помѣщиковъ оказывались тщетными, и православныя церкви ветшали и рушились; въ нѣкоторыхъ изъ приведеннаго выше числа 5.862 церквей богослуженіе не совершается, за ветхостью, уже въ продолженіе 20 лѣтъ.

Причтъ находился въ страшной нищетѣ. Чтобы сколько-нибудь поддержать его, правительство обязало православныхъ крестьянъ извѣстными натуральными повинностями въ пользу православнаго духовенства, и съ своей стороны положило ему небольшое жалованье, далеко впрочемъ не равняющееся содержанію римско-католическихъ священниковъ. Такъ было при крѣпостномъ правѣ. Отношенія измѣнились съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 году, особенно съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній черезъ два года послѣ того, но измѣнились не въ пользу православнаго духовенства. Помѣщики освободились отъ прежней, хотя бы и номинальной, но все-таки существовавшей *de jure* обязанности оказывать помощь православнымъ церквамъ; крестьяне, освобожденные отъ барщины въ пользу пана, неохотно отбывали натуральную повинность въ пользу причта, и духовенство принуждено было само отказываться отъ права на работу прихожанъ. Не возникала ли отсюда естественно обязанность государства принять на себя дѣло церковнаго строенія, а также вознаградить духовенство за отошедшія отъ него права на повинности крестьянъ, и вообще улучшить его содержаніе, дабы православное духовенство въ матеріяльномъ отношеніи стояло на равной ногѣ съ духовенствомъ римско-католическимъ? Въ Ирландіи положеніе англиканской церкви гораздо лучше ужь само по себѣ; къ ней принадлежатъ извѣстная доля среднихъ и значительная часть высшихъ классовъ; люди бѣдные напротивъ по большей части римско-католическаго исповѣданія. Но тѣмъ не менѣе англійское правительство сочло нужнымъ дотировать англиканскую церковь въ Ирландіи, такъ чтобъ англиканское духовенство могло совершать безвозмездно всѣ требы. Если такъ поступила Англія относительно своей государственной церкви въ Ирландіи, гдѣ къ этой церкви принадлежитъ болѣе достаточная часть населенія, то кольми паче необходимо богатое дотированіе православной церкви въ западномъ краѣ, гдѣ почти вовсе нѣтъ людей, сколько-нибудь достаточныхъ исповѣдующихъ православіе?

Что православное духовенство западнаго края можетъ возлагать на русское государство не тщетныя надежды, въ этомъ ручается дѣятельное участіе принятое правительствомъ въ церковно-строительномъ дѣлѣ. Правильные взгляды на русскую политику въ западномъ краѣ, какъ извѣстно, получили у насъ право гражданства лишь со времени послѣдняго польскаго мятежа. До тѣхъ поръ оставались въ пренебреженіи важнѣйшіе интересы русскаго государства въ томъ краѣ. По церковно-строительное дѣло составляетъ исключеніе. На него было обращено серіозное вниманіе правительства еще за пять лѣтъ до мятежа. Еще тогда правительство усилило дѣятельность по сооруженію и исправленію церквей въ казенныхъ имѣніяхъ, и что еще важнѣе, приняло на себя заботу о церквахъ въ имѣніяхъ владѣльческихъ. Въ числѣ 5.862 православныхъ церквей девяти западныхъ губерній, только 905 находятся въ казенныхъ имѣніяхъ и 252 въ городахъ; остальныя, не менѣе 4.705, состояли подъ патронатомъ помѣщиковъ и были расположены въ ихъ имѣніяхъ. Высшее попеченіе о нихъ лежало на министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но долго оставалось формальностью, и самое дѣло о владѣльческихъ церквахъ западнаго края передавалось изъ департамента въ департаментъ, пока въ 1857 году оно было, наконецъ, поручено нынѣ завѣдывающему имъ П. Н. Батюшкову. Составленная имъ записка о положеніи православныхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западнаго края собственно и подала поводъ къ энергическимъ распоряженіямъ правительства по этой части. Въ запискѣ г. Батюшкова доказывалась необходимость устранить помѣщиковъ отъ непосредственнаго участія въ устройствѣ церквей и образовать особый церковностроительный капиталъ заимообразнымъ отпускомъ изъ кредитныхъ установленій потребной на то суммы, съ тѣмъ чтобъ она считалась въ долгу на имѣніяхъ по правиламъ заемнаго банка. На первый разъ была разрѣшена ссуда въ размѣрѣ 500.000 р. и употребленіе этой ссуды на устройство церквей предоставлено министерству внутреннихъ дѣлъ. Первоначально ссуда считалась за помѣщиками; послѣ освобожденія крестьянъ, предполагалось возмѣстить ее съ крестьянъ, но въ 1863 году правительство рѣшилось принять всѣ расходы по устройству церквей на счетъ государственнаго казначейства. Обстоятельство, что до 1863 года предполагалось возмѣщать съ владѣльческихъ имѣній расходы по церковно-строительному дѣлу, было одною изъ причинъ

того направленія его, на которое не рѣдко слышатся теперь жалобы. Дѣйствуя за счетъ третьихъ лицъ, надобно было вести дѣло по возможности скромно и ограничиваться самыми необходимыми издержками: вотъ почему первыя казенныя постройки не всегда соотвѣтствовали понятію о храмѣ и требованію прочности. Къ тому же, управленіе имѣло въ виду распоряженія объ упрощеніи церковныхъ построекъ въ казенныхъ селеніяхъ, сдѣланныя по министерству государственныхъ имуществъ. Простота архитектуры и дешевизна постройки были приняты за правило. Главною цѣлью поставлялось — открыть какъ можно скорѣе богослуженіе. Издержки на каждую церковь не должны были превышать 3.000 р. Понятно, что на эти деньги можно было строить только деревянныя церкви, не многимъ отличающіяся отъ бараковъ. Но съ 1863 года взгляды нѣсколько измѣнились, и достоинство православной церкви было принято въ большое вниманіе.

Работы были начаты съ губерній Могилевской и Витебской; въ 1862 году распространены на Минскую, а съ 1864 года на Волынскую и Подольскую губерніи. Распоряженія по опредѣленію способа работъ и вся экономическая сторона дѣла были возложены на мѣстныхъ губернаторовъ, а для содѣйствія имъ и для собранія нужныхъ данныхъ командированы довѣренныя лица (преимущественно изъ офицеровъ генеральнаго штаба), изъ коихъ многіе дѣйствительно оказали серіозныя услуги церковно-строительному дѣлу, какъ ревностнымъ надзоромъ за его ходомъ, такъ и живымъ посредничествомъ между мѣстными потребностями и центральнымъ управленіемъ, которое, въ этомъ отношеніи, уже не было въ рукахъ у мѣстныхъ чиновниковъ, вольныхъ и невольныхъ доброжелателей польскаго дѣла. Вотъ, на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, краткій очеркъ работъ доселѣ исполненныхъ:

Въ трехъ бѣлорусскихъ губерніяхъ (гдѣ, какъ сказано выше, прежде всего начаты церковно-строительныя работы), съ 1858 по 1865 годъ, командированными министерствомъ лицами осмотрѣны 901 церковь; 80 найдены въ прочномъ состояніи; 55 будутъ построены или исправлены православными владѣльцами имѣній, или на счетъ церковныхъ суммъ; 113 предназначены къ упраздненію по малолюдности или за неимѣніемъ вовсе прихожанъ; изъ прочихъ затѣмъ 653 храмовъ, 392, которыхъ зданія или не соотвѣтствовали православному обычаю, хотя и были прочны, или были маловмѣстительны, или нуждались въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ и капитальныхъ передѣлкахъ и пристройкѣ колоколенъ, назначены къ исправленію, а остальные 261 потребовали новаго устройства и большихъ денежныхъ затратъ; изъ нихъ назначено построить новыхъ деревянныхъ, на каменныхъ фундаментахъ съ гонтовыми или желѣзными крышами 168, новыхъ каменныхъ большихъ размѣровъ 37 и перестроить 56 каменныхъ. Въ числѣ послѣднихъ есть церкви, обновленіе которыхъ стоитъ до 15 т. руб., тогда какъ нѣкоторыя новыя каменныя церкви стоили до 6 и 8 т. рублей. Издержки правительства (исключая расходовъ на утварь и прочіе богослужебные предметы) опредѣлены въ 1.683.038 р., изъ этой суммы 441.221 р. на починку и исправленіе первыхъ 392 церквей (среднимъ числомъ 1.125 р. на церковь); 655.683 р. на постройку деревянныхъ 166 храмовъ (среднимъ числомъ около 3.900 р. на церковь) и 586.133 р. на устройство 93 каменныхъ (среднимъ числомъ, слишкомъ по 6.000 на церковь). Изъ всего этого числа 479 храмовъ уже отстроены, по 67 работы оканчиваются, по 107 начаты, а по остальнымъ 191 составляются и разсматриваются смѣты.

Въ Волынской губерніи церкви осмотрѣны въ четырехъ уѣздахъ: Житомірскомъ, Овручскомъ, Новградъ-Волынскомъ и Староконстантиновскомъ. Въ первыхъ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ населеніе болѣе разбросано посреди лѣсовъ и болотъ, тамъ по преимуществу строятся деревянныя церкви; въ южныхъ же уѣздахъ, чрезъ которые пролегаютъ тракты въ австрійскія владѣнія, гдѣ почти въ каждомъ мѣстечкѣ и во многихъ селеніяхъ находятся римско-католическія храмы, тамъ вездѣ или начаты или предполагаются обширныя каменныя церкви. Всего освидѣтельствовано 346 церквей; изъ нихъ 60 предназначено упразднить, 3 возобновить на счетъ владѣльцевъ, 19 не требуютъ ремонта и 260 опредѣлено устроить. Въ Житомірѣ приступлено къ сооруженію каѳедральнаго собора, издержки на который, по исчисленію, простираются до 252.000 р. Въ непродолжительномъ времени будетъ приступлено къ устройству Острожскаго, Ко-

вельскаго, Ровенскаго и Луцкаго соборовъ, планы и смѣты коихъ уже разсматриваются. Постройка каждаго изъ нихъ требуетъ отъ 40 до 70 тыс. руб.

Въ Подольской губерніи изъ 112 осмотрѣнныхъ храмовъ, 17 предназначено къ упраздненію, 4 къ устройству на счетъ помѣщиковъ, а 3 оказались прочными и остались безъ ремонта; затѣмъ изъ остальныхъ назначено строить новыхъ: 24 каменныхъ и 5 деревянныхъ изъ дуба и возобновить: 15 каменныхъ и 44 деревянныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ составляется смѣта на сооруженіе Каменецъ-Подольскаго каѳедральнаго собора.

Нельзя не порадоваться въ особенности двумъ сторонамъ направленія, даннаго теперь церковно-строительному дѣлу въ западномъ краѣ. Вопервыхъ, гдѣ есть возможность, тамъ строятся теперь каменныя церкви и остается только желать, чтобъ онѣ строились прочно. Вовторыхъ, заботы обращены теперь на возстановленіе древнихъ храмовъ, которыми особенно обиленъ юго-западный край: это особенно важно. Съ этими драгоцѣнными святынями православія многія изъ мѣстныхъ властей еще недавно обращались истинно по вандальски. Такъ напримѣръ въ Луцкѣ, гдѣ была древняя православная епископская каѳедра и существовало знаменитое ставропигіальное братство, долго ратовавшее за православіе и имѣвшее своихъ представителей на сеймахъ и въ сенатѣ польскомъ, развалины древней братской церкви были проданы на свозъ какому-то Еврею за ничтожную сумму. Во Владимірѣ-Волынскомъ, гдѣ основаніе Успенскому собору было положено Владиміромъ Святымъ въ 992 году и до сихъ поръ еще сохранились обширныя развалины храма, сооруженнаго Мстиславомъ Изяславичемъ и славившагося по всему краю своимъ великолѣпіемъ до конца XVII вѣка, церковное управленіе не только не позаботилось возстановленіемъ этихъ развалинъ, но продавало желѣзо съ куполовъ храма. Пора намъ устыдиться этого варварства; пора намъ научиться тѣмъ болѣе дорожить памятниками отдаленной древности, чѣмъ меньше мы имѣемъ ихъ. Мы позволимъ себѣ напомнить читателямъ статью г. Эртеля въ № 107 *Московскихъ Вѣдомостей* нынѣшнаго года о развалинахъ Успенскаго собора во Владимірѣ-Волынскомъ, объ этомъ живомъ укорѣ потомкамъ, не умѣющимъ даже сохранить то, что предки умѣли воздвигнуть и чѣмъ мы гордились бы, если бы хотѣли быть достойными своей исторіи. На Руси не мало усердныхъ храмосозидателей: неужели не найдется на Руси людей, готовыхъ пожертвовать какихъ-нибудь 50.000 р. на возстановленіе храма, съ которымъ связано имя Равноапостольнаго Князя Владиміра и столько дорогихъ воспоминаній? Г. Эртель, завѣдывающій постройкой церквей въ Волынской губерніи, намекаетъ, что казенныхъ средствъ въ настоящую минуту недостаточно на это дѣло. Какъ сказано выше, казна уже приступаетъ къ устройству соборовъ въ Острогѣ, Ковлѣ, Ровнѣ и Луцкѣ, и это устройство потребуетъ около 200.000 рублей. Пожелаемъ, чтобы нашлись соревнователи казны между частными лицами и поблагодаримъ управленіе за то, что имъ предпринимается для волынскаго края. Эти мѣста дороги всякому Русскому, какъ живое указаніе на единство русскаго народа въ западной и восточной Руси. Князь Константинъ Острожскій былъ великимъ поборникомъ православія и русскаго дѣла, и русская исторія, въ своемъ высшемъ единствѣ не ограничивалась одною московскою Русью, считаетъ его въ числѣ своихъ героевъ. Предпринятое правительствомъ возстановленіе соборнаго храма въ Острогѣ, своими внутренними украшеніями, своими бойницами, величавостью своей архитектуры, еще теперь свидѣтельствующаго о своемъ минувшемъ великолѣпіи, есть исполненіе долга возсоединенной Русской земли.

№ 170.

Москва, 4-го августа.

Давно уже мы ничего не говорили о ходѣ земскаго дѣла. Возвращаемся къ нему по поводу печатаемыхъ ниже свѣдѣній о засѣданіяхъ псковскаго губернскаго и богородскаго (Московской губерніи) земскихъ собраній,—свѣдѣній, которыя, за обиліемъ матеріяловъ, мы не могли сообщить читателямъ ранѣе. Особенный интересъ имѣютъ постановленія богородскаго собранія относительно состава уѣздной земской управы. Намъ кажется, что это собраніе поступило весьма благоразумно, составивъ управу изъ наибольшаго числа лицъ, допускаемаго Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ,—

именно изъ шести членовъ, кромѣ предсѣдателя, и воспользовавшись представившеюся ему возможностью избрать въ управу трехъ членовъ, не получающихъ жалованья. Такая возможность не вездѣ есть, потому что не вездѣ есть охотники служить безмездно, и притомъ способные служить съ пользой. Общаго правила тутъ быть не можетъ, но гдѣ такіе люди есть, тамъ питересы земства очевидно требуютъ, чтобы земскія собранія поступали по примѣру собранія богородскаго. Чѣмъ многолюднѣе управа, тѣмъ больше она должна имѣть вѣса въ уѣздѣ и тѣмъ плодотворнѣе можетъ быть ея дѣятельность. А между тѣмъ расходы земства нисколько не увеличиваются, и даже открываются виды на ихъ дальнѣйшее уменьшеніе посредствомъ постепеннаго сокращенія въ послѣдствіи числа членовъ, получающихъ жалованье. Повторяемъ, такое устройство уѣздной управы не вездѣ возможно, но если мы не ошибаемся, во многихъ уѣздахъ, гдѣ уже произведены выборы въ управы, была полная возможность поступить какъ въ Богородскѣ, и земскія собранія составили свои управы изъ ограниченнаго числа членовъ и при томъ исключительно изъ членовъ получающихъ жалованье, только потому что тѣ губерніи, гдѣ былъ сдѣланъ починъ земскому дѣлу, подали, можетъ-быть по неволѣ, примѣръ иного образа дѣйствій.

Въ доказательство необходимости назначать членамъ земскихъ управъ жалованье обыкновенно приводится многосложность занятій управъ. Въ управѣ, говорятъ, требуются дѣльцы, и если нѣтъ дѣльцовъ соглашающихся служить безмездно, то нельзя обойдтись безъ назначенія жалованья. Это доказательство полновѣсное, но кто приводитъ его серіозно, тотъ можетъ приводить его только въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ дѣйствительно о выборѣ дѣльцовъ въ управу. Мы считали своею обязанностью слѣдить за ходомъ земскаго дѣла и должны сказать, что на практикѣ по большей части выходило не совсѣмъ такъ. Во многихъ уѣздахъ въ управы избраны не одни дѣльцы, а между тѣмъ всѣ члены управы получаютъ жалованье. На практикѣ вопросъ о дѣльцахъ нерѣдко переходитъ въ вопросъ о пенсіонерахъ, а никто, конечно, ни съ какой точки зрѣнія, не рѣшится доказывать, что земскія учрежденія должны служить средствомъ для раздачи земскихъ денегъ въ видѣ пенсій людямъ, избираемымъ въ управы не въ качествѣ дѣльцовъ. Бывали такіе случаи, когда управы составлялись цѣликомъ изъ людей или совсѣмъ безграмотныхъ или по крайней мѣрѣ не способныхъ не только самостоятельно работать въ управѣ, но и наблюдать за канцелярскою работой. Еще чаще случалось, что должностей въ управѣ открыто искали изъ-за денегъ, какъ ищутъ всякаго другого тепленькаго мѣстечка, и въ этихъ видахъ производили агитацію на избирательныхъ съѣздахъ. Чѣмъ тутъ оправдать назначеніе богатаго содержанія, и какъ тутъ примѣнить аргументъ о дѣльцахъ? Когда въ Англіи между помѣщиками былъ недостатокъ въ людяхъ способныхъ къ судебному дѣлу, то въ число мировыхъ судей, наряду съ мѣстными землевладѣльцами, назначались юристы, которымъ предоставлялось право получать извѣстные доходы, вознаграждавшіе ихъ за трудъ. Имъ давалось даже нѣкоторое предпочтеніе передъ остальными мировыми судьями; имъ велись особые списки, начинавшіеся латинскимъ словомъ *quorum*, и было постановлено, что извѣстныя дѣла не могутъ рѣшаться безъ присутствія одного изъ мировыхъ судей значащихся въ спискѣ *quorum*. Но потомъ въ число *quorum* правительство стало вносить все болѣе и болѣе безмездныхъ мировыхъ судей, а теперь уже всѣ мировые судьи Англіи служатъ безмездно и всѣ состоятъ на правахъ *quorum*. Такъ шло развитіе самоуправленія въ Англіи, и такъ безъ всякаго сомнѣнія оно должно идти вездѣ. Было бы несогласно съ здравымъ смысломъ настаивать на безмездной службѣ тамъ, гдѣ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, лица имѣющія возможность служить безмездно, или не могутъ, или не хотятъ служить какъ слѣдуетъ. Было бы мало согласно съ здравымъ смысломъ ожидать, что найдутся охотники заниматься безмездно мелочнымъ канцелярскимъ дѣломъ, не доставляющимъ почета и не имѣющимъ вліянія на общій ходъ дѣлъ въ той или другой мѣстности. Но еще менѣе согласно съ здравымъ смысломъ допускать къ земской службѣ только такихъ людей, которые хотятъ получать жалованье и въ то же время или не хотятъ или не способны трудиться. Это значило бы заводить не самоуправленіе, а кормленіе и притомъ кормленіе даровое. Это подходило бы къ политическимъ системамъ въ родѣ *Panem et Ci-*

censes и только отдаляло бы отъ системы ведущей къ самоуправленію, то-есть отъ той системы, которую мы должны имѣть въ виду при нашихъ мировыхъ и земскихъ учрежденіяхъ. Правильно ли или неправильно, и въ какой степени правильно или неправильно составлена въ каждомъ уѣздѣ земская управа, объ этомъ всего легче можно судить, сообразивъ подходятъ ли и въ какой степени подходятъ ея члены, получающіе жалованье, къ разряду дѣловыхъ людей. Гдѣ всѣ члены управы подходятъ къ этому почтенному разряду, тамъ выборы произведены разумно; тамъ назначеніе жалованья было необходимо; тамъ оно пойдетъ въ пользу и не разовьетъ въ земствѣ фальшивыхъ инстинктовъ. Но гдѣ этого нѣтъ, тамъ въ основаніи дѣла непремѣнно заключается фальшь, и она, какъ всякая фальшь, не можетъ обойдтись даромъ, не можетъ не отозваться послѣдствіями болѣе или менѣе вредными. Мы не отрицаемъ, что при выборѣ въ управы людей не дѣловыхъ съ правомъ получать жалованье, земскія собранія могли руководствоваться самыми благонамѣренными побужденіями. Мы не отрицаемъ также того, что границу между людьми дѣловыми и не дѣловыми провести на практикѣ трудно. Мы только выставляемъ принципъ, указываемъ общую точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ судить о земской службѣ, съ жалованьемъ и безъ жалованья. Въ Богородскомъ уѣздѣ выбаллотировано три члена управы, обязанныхъ служить безмездно; но охотниковъ было гораздо больше, и изъ нихъ шестеро получили большинство избирательныхъ шаровъ предъ неизбирательными. Всѣ они могли бы быть членами управы, но такъ какъ безмездныхъ мѣстъ было только три, то окончательно избранными признаны трое, получившіе наибольшее число избирательныхъ шаровъ и поименованные въ статьѣ нашего корреспондента. Мы не имѣемъ никакого повода разбирать, кто изъ этихъ лицъ и въ какой мѣрѣ можетъ и хочетъ трудиться на пользу своего уѣзднаго земства, и сравнивать ихъ въ этомъ отношеніи съ лицами, которыя избраны въ члены богородской управы съ правомъ на жалованье. Но очевидно, что результатъ богородскихъ выборовъ можно признать правильнымъ только въ томъ случаѣ, если каждый изъ членовъ управы получающихъ жалованье соединяетъ въ себѣ болѣе условій, чтобы быть дѣловымъ членомъ управы, чѣмъ тѣ лица, которыя, изъявивъ готовность служить въ управѣ безмездно и получивъ при выборахъ большинство избирательныхъ шаровъ, не могли вступить въ управу только потому, что число безмездныхъ членовъ ея не должно было превышать трехъ.

Еще разъ земскія собранія, назначая членамъ управъ жалованье, должны имѣть постоянно въ виду, что платятъ за трудъ, а не раздаютъ пенсіи. Они не имѣютъ права тратить земскія деньги на то, чтобъ улучшить положеніе того или другого изъ гласныхъ, задобрить тотъ или другой кружокъ въ своей средѣ; они не имѣютъ права и дѣлить мѣста, доставляющія жалованье, между сословіями. Все это значило бы произвольно распоряжаться чужою собственностью, то-есть деньгами плательщиковъ земскаго сбора. Земскія собранія поступаютъ безупречно только въ томъ случаѣ, когда, назначая жалованье, имѣютъ въ виду вознаграждать за трудъ, и не забываютъ объ этомъ взглядѣ на дѣло при выборахъ въ должности, приносящія жалованье.

Порядокъ, принятый богородскимъ уѣзднымъ собраніемъ, еще въ большей мѣрѣ примѣнимъ къ управамъ губернскимъ. Тутъ еще удобнѣе пріискать половину членовъ, имѣющихъ возможность обходиться безъ жалованья, и намъ очень пріятно подтвердить это наше мнѣніе ссылкой на постановленія псковскаго губернскаго собранія, о которыхъ читатели также найдутъ въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты интересныя свѣдѣнія. Число гласныхъ губернскихъ управъ опредѣлено закономъ; ихъ должно быть шесть. Псковское собраніе назначило тремъ членамъ содержаніе, и притомъ содержаніе умѣренное (1,500 р.), а остальнымъ тремъ опредѣлило выдавать суточныя деньги. Мы не можемъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ послѣднее требовалось обстоятельствами, но во всякомъ случаѣ это гораздо лучше, чѣмъ назначать полное содержаніе всѣмъ шести членамъ губернской управы.

№ 171.

Москва, 5-го августа.

Никогда еще быть-можетъ не издерживалось на свѣтѣ столько лжи, какъ въ эти

послѣдніе годы по отношенію къ дѣламъ происходящимъ въ Россіи. И никогда ложь не была такъ отважна и беззастѣнчива, никогда не было столько разчета на слабоуміе, безпамятство и нравственную разсѣянность людей. Почти каждая почта приноситъ намъ новые обращики самаго безсовѣстнаго искаженія фактовъ и извращенія истины. Это уже не стародавнее баснословіе о гиперборейской странѣ, не разказы о людяхъ съ песьими головами, или о величественномъ деревѣ именуемомъ клюквой, или о маленькихъ животныхъ, бѣгающихъ по улицамъ селъ, имѣющихъ сходство съ человѣческими фигурами, только безъ рукъ, и называемыхъ les malchichk»s. Ложь, которая теперь фабрикуется по русскимъ дѣламъ въ неимовѣрномъ количествѣ, совсѣмъ другаго свойства. Эта ложь систематическая, въ основаніи которой находятся разчеты болѣе или менѣе обширные. Она имѣетъ опредѣленныя цѣли, и цѣли у ней не простыя. Какъ выразилось одно глубокомысленное дерптское перо, этими „человѣческими средствами“ предполагается достигнуть „божественныхъ цѣлей.“ Но несмотря на „божественныя цѣли,“ которыми одушевляются производители лжи по части русскихъ дѣлъ, она была бы также забавна какъ и прежнее наивное баснословіе о Россіи, и во всякомъ случаѣ, не стоило бы обращать на нее серіознаго вниманія, еслибъ она не находилась въ нѣкоторой связи съ положеніемъ нашихъ дѣлъ, еслибъ она не была до нѣкоторой степени его характеристическимъ признакомъ. Есть въ нашихъ дѣлахъ нѣчто вызывающее и ободряющее самую безнравственную ложь, которая дѣйствуетъ неутомимо, не ослабѣвая въ своихъ усиліяхъ, не теряя надежды достигнуть своихъ цѣлей. То, что приноситъ намъ почти каждый день почта, что встрѣчаемъ мы почти ежедневно въ печати, въ корреспонденціяхъ иностранныхъ газетъ и въ статьяхъ туземной журналистики, не могло бы выдумываться безъ какихъ-либо практическихъ побужденій. Мы не думаемъ, чтобы на свѣтѣ были такіе плуты, которые стали бы трудиться неутомимо и систематически изъ одной любви къ искусству. Это печально, но мы должны признаться, что въ дѣлахъ нашихъ есть дѣйствительно такіе элементы, которые ободряютъ и обнадеживаютъ интригу, есть пункты притягивающіе къ себѣ ложь, есть несчастныя недоразумѣнія, которыя даже неглупымъ людямъ внушаютъ увѣренность въ успѣхѣ столько же дешевыхъ, сколько и безнравственныхъ средствъ.

Мы полагаемъ, что этотъ міръ лжи и обмана, который творится вокругъ нашихъ дѣлъ, не лишенъ нѣкотораго интереса въ настоящее время, и находимъ нелишнимъ слѣдить отъ времени до времени за игрою этой новой Маіи, расточающей свои чары, будто передъ Брамой, передъ нашимъ дремлющимъ колоссомъ. Этотъ міръ долженъ также имѣть свои законы; происходящія въ немъ явленія должны также имѣть свой смыслъ: мы думаемъ, что будетъ не худо группировать эти явленія и подвергать ихъ нѣкоторому анализу. Мы думаемъ что та система обмановъ, которою хотятъ опутать наши дѣла, изобличаемая и раскрываемая можетъ послужить нашимъ дѣламъ въ пользу; раскрывая эту систему и слѣдя за нею шагъ за шагомъ, мы можетъ мало-по-малу освобождаться отъ тѣхъ печальныхъ недоразумѣній, которыя даютъ основаніе и поводъ къ этимъ недостойнымъ попыткамъ.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ изученіямъ болѣе серіознаго свойства, мы покажемъ читателямъ, ради куріоза, обращики, изъ которыхъ они усмотрятъ, до какихъ размѣровъ можетъ доходить ложь сочиняемая и распускаемая нашими благопріятелями. Надобно замѣтить, что *Московскимъ Вѣдомостямъ* досталась удивительная привилегія; о чемъ бы ни зашла рѣчь по отношенію къ Россіи, *Московскія Вѣдомости* являются на первомъ планѣ. Интрига, неутомимо работающая надъ нашими дѣлами, придаетъ, повидимому, особенное значеніе *Московскимъ Вѣдомостямъ* и ея усилія прямо или косвенно направлены на насъ. Что мнѣнія наши подвергаются искаженію, что направленіе наше представляется въ ложномъ свѣтѣ, это само собою разумѣется, но этимъ дѣло не ограничивается. Средства, которыя считаются позволительными противъ *Московскихъ Вѣдомостей*, превышаютъ всякое вѣроятіе. Вотъ одинъ обращикъ,—но мы прежде просимъ читателей припомнить обстоятельства, сопровождавшія недавно бывшій у насъ юбилей Ломоносова. Въ мыслящихъ сферахъ русскаго общества по случаю этого праздника высказалось чувство раздраженія при мысли о подчиненномъ положеніи русской народности въ русскомъ

государствѣ, благодаря тому что русскій народъ долгое время былъ въ своемъ государствѣ не цѣлію, а только средствомъ, что силы его приносились въ жертву чужимъ интересамъ, благодаря тому что наукѣ и образованію не давалось надлежащаго хода въ русскомъ элементѣ, что и до сихъ поръ еще наши школы находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, что и до сихъ поръ еще Академія Наукъ у насъ должна рекрутироваться изъ иностранныхъ элементовъ. Къ неудовольствію проистекавшему изъ источниковъ справедливыхъ и честныхъ, присоединились заявленія другаго свойства. Въ русской печати было однако сказано твердое слово въ защиту Академіи. Это слово было сказано именно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Мы считали себя обязанными помянуть добрымъ словомъ заслуги Академіи, несмотря на то что это могло поставить насъ въ нѣкоторый разладъ съ самыми близкими и сочувственными намъ сферами. Вотъ что мы писали тогда:

„Жаль, если мы, увлекаясь случайностями, забудемъ существенное. Не случайныя столкновенія Ломоносова съ современными ему академиками должны мы имѣть въ виду, а ту великую историческую цѣль, которая соединяетъ Ломоносова и Академію учрежденную Петромъ. Академія совершила не мало и для наукъ, и для Россіи. Въ числѣ людей, которыхъ кормила наша Академія, были великіе свѣтильники знанія; въ числѣ этихъ людей были такіе, о которыхъ образованный Русскій не можетъ вспомнить безъ высокаго чувства національной благодарности, даромъ что они были иностраннаго происхожденія."

Вотъ что писали мы по тому же случаю около того же времени:

„Газета *Голосъ* желаетъ, чтобы наша Академія Наукъ наполнилась учеными изъ природныхъ Русскихъ. Похвальное желаніе! Но не есть ли это желаніе выпроводить изъ Россіи серіозную науку, и въ креслахъ Эйлеровъ, Келеровъ, Струве, водворить ученыхъ педагоговъ *Голоса* и сотрудниковъ нашихъ ученo-литературныхъ журналовъ? Русскій народъ не виноватъ, что изъ его среды является мало серіозныхъ дѣятелей науки, и что основать академію на тѣхъ элементахъ, которые вырабатываются въ нашихъ школахъ, значило бы страшно уронить науку."

Вотъ что нами говорено, вотъ какъ было дѣло. И что же! Въ одной изъ значительныхъ нѣмецкихъ газетъ, — *Neue preussische Zeitung*, корреспонденція изъ Москвы, наполненная ругательствами и личностями на издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, сообщаетъ, что мы въ русской печати проповѣдуемъ ненависть и вражду къ нѣмецкой наукѣ; что мы объявляемъ нѣмецкое образованіе банкрутомъ, и что мы наконецъ воспользовались днемъ Ломоносовскаго юбилея, для того чтобы вооружить русское общественное мнѣніе противъ Академіи наукъ. Корреспондентъ говоритъ: „*Московскія Вѣдомости* главною „заслугою Ломоносова выставляютъ то, „что онъ враждовалъ противъ нѣмецкаго „элемента въ Россіи, тогда какъ," — прибавляетъ корреспондентъ, справившись, безъ сомнѣнія, напередъ съ нашими статьями въ №№ 73 и 76, „тогда какъ Ло„моносовъ въ своихъ сочиненіяхъ гово„ритъ, что всѣмъ своимъ знаніемъ онъ обя„занъ нѣмецкимъ университетамъ." Спрашивается, чѣмъ лучше это тевтонское сочиненіе тѣхъ, какія распространяются по Европѣ польскими патріотами.

Вотъ еще обращикъ. Лондонская газета *Daily News* вдругъ почему то завела себѣ *спеціальнаго* корреспондента въ Петербургѣ. Письма этого джентльмена обѣщаютъ быть очень интереснымъ, и мы будемъ слѣдить за ними внимательно. Характеръ ихъ уже достаточно обрисовался, и мы не приминемъ въ самомъ скоромъ времени поговорить о нихъ подробнѣе; теперь же мы ограничимся только однимъ куріозомъ. Изобразивъ положеніе Россіи до 1863 года, корреспондентъ даетъ разумѣть, что возбужденіе національнаго чувства, вызванное событіями этого года, есть страшный упадокъ, и въ доказательство ссылается на насъ. „Едва только я от„правилъ мое послѣднее письмо," пишетъ онъ, отъ 29-го іюля, „какъ вниманіе мое было направлено на руководящую статью *Московскихъ Вѣдомостей*, которая пришла очень кстати, чтобы послужить продолженіемъ моей корреспонденціи." Рѣчь идетъ о томъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 15-го іюля, гдѣ въ передовой статьѣ мы сравнивамъ нынѣшнее состояніе общественнаго мнѣнія въ Россіи съ тѣмъ, что было за три года предъ симъ, и о чемъ въ настоящее время никто, какъ мы выразились, „не можетъ вспомнить безъ

смѣха или омерзенія," съ тѣмъ временемъ, когда *Кококоль* былъ великою силой, *Колоколъ*, о которомъ нѣтъ теперь и помину. Говоря въ этомъ смыслѣ, мы выразились такъ: „1863 годъ съ его событіями „и вопросами будто на цѣлое столѣтіе ото„двинулъ наше общественное мнѣніе отъ „того состоянія, въ которомъ оно передъ „тѣмъ находилось." Дѣйствительно, времени прошло немного, а перемѣна громадная, и перемѣна благотворная. Но спеціяльный корреспондентъ лондонской газеты, приводя выписанныя выше слова наши, заставляетъ насъ сказать, что событія и вопросы 1863 года *отбросили* общественное мнѣніе на цѣлое столѣтіе *назадъ* (trown public opinion a whole century *back*) и за тѣмъ продолжаетъ: „*Московскія Вѣ„домости* стараются оправдать эту вне„запную и радикальную перемѣну, и объ„ясняя своимъ читателямъ, что обществен„ное мнѣніе всѣхъ странъ подвержено та„кимъ внезапнымъ перемѣнамъ, приводятъ „въ примѣръ агитацію въ пользу Польши, „агитацію, которая, встрѣтивъ, сопроти„вленіе въ русскомъ общественномъ мнѣ„ніи, прекратилась также быстро, какъ и „возникла."

Но въ цитованной статьѣ нашей нѣтъ ни слова о сопротивленіи, которое встрѣтила въ русскомъ общественномъ мнѣніи агитація въ пользу Польши. Мы говорили:

„Быстрыя перемѣны декорацій въ общественномъ мнѣніи дѣло очень обыкновенное въ Европѣ, особенно съ тѣхъ поръ какъ ея дѣлами овладѣли руки искусныя и ловкія въ политической игрѣ. Благодаря этой игрѣ вооруженной правительственными и революціонными средствами, были возможны всякаго рода мистификаціи."

Досточтимый джентльменъ, спеціяльный корреспондентъ лондонской газеты, продолжаетъ: „Западныя державы дѣлали пред„ставленія по предмету Польши, и были „поддерживаемы симпатіями всего что толь„ко есть человѣческаго въ Европѣ. Эти „представленія не удались: не потому что„бы западныя державы были хоть сколь„ко-нибудь встревожены дешевымъ *патріо„тизмомъ*, который выставлялся на видъ „большими массами русскаго народа въ ви„дѣ всеподданѣйшихъ адресовъ Импера„тору, но просто потому, что война за „Польшу не входила въ планы при самомъ „началѣ дипломатическихъ переговоровъ. „При тогдашнемъ состояніи русскихъ фи„нансовъ, при разстройствѣ самой страны, „война быстро окончилась бы желаемыми „результатами. Западныя державы взыва„ли во имя совѣсти и человѣчества; это „не имѣло успѣха, и общественное мнѣ„ніе западной Европы возвратилось къ „другимъ предметамъ, преимущественно къ „развитію торговли, промышленности и бла„госостоянія. А до какого состоянія пало „русское общественное мнѣніе, разсмотрѣ„ніемъ этого я займусь теперь." Оставимъ его пока на этомъ интересномъ мѣстѣ, надѣясь скоро возвратиться къ нему, но просимъ читателей обратить вниманіе на внутренній смыслъ выписанныхъ словъ. Все что есть человѣческаго въ Европѣ, самыя священныя побужденія вызвали вмѣшательство западныхъ державъ; русскій патріотизмъ ничего не стоилъ; война съ Россіей была бы дѣломъ самымъ легкимъ, разомъ кончилась бы желаемыми результатами и самымъ дешевымъ образомъ удовлетворила бы самыя священныя требованія совѣсти и человѣчества,—и вотъ, тѣмъ не менѣе, западныя державы отказались отъ своихъ требованій, а общественное мнѣніе цѣлой Европы, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратилось къ пріятнымъ и полезнымъ занятіямъ торговлей и благосостояніемъ; между тѣмъ какъ общественное мнѣніе въ Россіи изъ того блистательнаго состоянія, въ которомъ оно находилось до 1863 года, упало на цѣлое столѣтіе назадъ, о чемъ, по сказанію корреспондента, свидѣтельствуютъ издатели *Московскихъ Вѣдомостей*, служащихъ органомъ нынѣшнему направленію общественнаго мнѣнія въ Россіи, „the foremost journal in Russia."

Итакъ, вотъ съ какими противниками приходится намъ имѣть дѣло. Кстати тотъ же корреспондентъ, рисуя состояніе общественнаго мнѣнія въ Россіи до 1863 года, утверждаетъ, что тогда мы требовали для Польши и Финляндіи высшихъ и отдѣльныхъ отъ Россіи политическихъ правъ. Смѣемъ увѣрить его, что мастера, которые водятъ его перомъ въ Петербургѣ, издѣваются надъ нимъ. Во все продолженіе нашей публичной дѣятельности нѣтъ ни одного слова въ нашихъ изданіяхъ, которое могло бы быть истолковано въ такомъ смыслѣ. Мы не могли бы высказывать подобныя требованія, еслибъ и хотѣли, и, смѣемъ увѣрить его, не захотѣли

бы, еслибъ и могли. Намъ воспрепятствовала бы въ томъ та доля политическаго смысла, которую мы имѣемъ, намъ воспрепятствовало бы еще болѣе наше гражданское чувство. Мы имѣемъ о корреспондентѣ *Daily News* лучшее мнѣніе нежели онъ о насъ, и увѣрены, что онъ никакъ не могъ бы пожелать, чтобъ Ирландія или княжество Вольское находились съ Англіей лишь въ личномъ соединеніи, чтобъ эти страны получили высшія и отдѣльныя отъ Англіи политическія права, чтобы тамъ были организованы чуждыя англійскому народу національности, на основаніи кельтическихъ нарѣчій, которыми говорятъ тамошнія народонаселенія, и чтобы такимъ образомъ нынѣшняя монархія королевы Викторіи раздробилась на отдѣльныя государства. Въ настоящее время, общественное мнѣніе въ Россіи съ негодованіемъ встрѣчаетъ всякую мысль о раздробленіи русской державы: не въ этомъ ли, по мнѣнію джентльмена служащаго спеціальнымъ корреспондентомъ газеты *Daily News*, заключается тотъ страшный упадокъ, въ которомъ теперь находится русское общественное мнѣніе, сравнительно съ состояніемъ предшествовавшимъ 1863 году, когда одинъ курляндскій баронъ писалъ изъ Брюсселя, что для остзейскихъ провинцій настушила благопріятная пора выдѣлиться изъ состава Имперіи?

Балтійскія провинціи напоминаютъ намъ о другой газетѣ, которая въ послѣднее время почему-то особенно оживилась и весьма успѣшно соревнуетъ въ правдивости съ *Ойчизною* и другими польскими газетами. Трудно повѣрить до какихъ чудесъ доходятъ политическіе и ученые мужи, вдохновляющіе эту газету. *Рижская Газета* въ передовой статьѣ нашей, въ нумерѣ отъ 10-го іюля, сдѣлала чрезвычайно важное открытіе, о которомъ немедленно было сообщено и въ *Кельнскую Газету*, съ присовокупленіемъ не менѣе интереснаго для насъ извѣстія, будто цензурное управленіе заставило насъ торжественно отречься отъ всего, что было нами писано о состояніи православныхъ церквей въ Лифляндіи. *Рижская Газета* потѣшаетъ свою публику разказами, будто мы писали о какомъ-то заговорѣ, въ которомъ ея редакція участвуетъ вмѣстѣ съ Поляками, украйнофилами, юною Арменіей. Мы поговоримъ объ этомъ рижскомъ *витіи* въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ, а теперь представимъ куріозный образчикъ, характеризующій рижскую честность уже не по отношенію къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*.

Въ № отъ 28-го іюля помѣщена въ *Рижской Газетѣ* статейка подъ заглавіемъ: *Ученое общество*. Статейка эта начинается какою-то выпиской, и затѣмъ читаемъ слѣдующее:

„Предыдущія строки взяты не изъ *Кладдерадатша*, не изъ *Искры*, не изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, онѣ заимствованы изъ сообщеній ученаго общества, и притомъ не этнографическаго отдѣла Географическаго Общества въ С.-Петербургѣ, а существующаго при Московскомъ университетѣ, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Еслибъ эти строки находились въ фельетонѣ какой-нибудь плохой газеты между извѣстіями изъ Отаити и Новаго-Южнаго-Валлиса, еслибъ онѣ вышли изъ-подъ пера кокого-нибудь парижскаго писаки, имѣющаго привилегію невѣдѣнія объ всемъ что находится внѣ Франціи, то съ ними можно было бы развѣдаться парой шутливыхъ замѣчаній, но тутъ совсѣмъ не то. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ есть старое и знаменитое ученое сословіе, числящее въ себѣ значительныя имена; трактатъ (Abhandlung), изъ котораго взяты эти строки, напечатанъ между изслѣдованіями о Кириллѣ и Меѳодіи, о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ старинныхъ обычаевъ, между документами объ открытіи Кіевскаго намѣстничества; мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ такими людьми, которые ошиблись въ своемъ призваніи и занимаются не своимъ дѣломъ, а съ серіозными и важными мужами, которые поднимаютъ свой голосъ не только въ ученомъ, но и въ политическомъ мірѣ, которые принадлежатъ къ университету, еще недавно похвалявшемуся, что онъ не нуждается въ пособіи Запада, которые принадлежатъ народу, произведшему изъ себя „геніяльныхъ Платоновъ“ и „глубокомысленныхъ Невтоновъ.“ Нѣкто, числящійся почетнымъ членомъ этой Universitas litterarum, восклицалъ намъ еще недавно, что наше особое существованіе пережило себя, что по закону исторіи оно уже созрѣло къ тому, чтобы поглотиться высшимъ порядкомъ существованія, къ которому оно принадлежитъ лишь внѣшнимъ образомъ. Какимъ образомъ могло произойдти, что въ этомъ кругу, имѣющемъ столь высокое положеніе, воздымающемъ

столь гордыя притязанія, возможно было утверждать, что духъ германства 1842 года—то же самое что мукерство, что геррнгутеры составляли политическое общество, занимавшееся политическою пропагандой, что все поколѣніе Лифляндцевъ 40-хъ годовъ составляло корпорацію имѣвшую однимъ изъ своихъ обѣтовъ уклоненіе отъ государственной службы; что кенигсбергскіе піетисты на Лифляндскомъ сеймѣ держали революціонныя рѣчи, и что лифляндскіе дворяне агитировали въ качествѣ избирателей въ народныхъ собраніяхъ?..."

Все это, безъ сомнѣнія, будетъ воспроизведено не только въ брюссельскихъ *Отголоскахъ русской печати*, но и пойдетъ ходить по всей нѣмецкой журналистикѣ. Газета, выходящая подъ русскимъ орломъ, предастъ такимъ образомъ на позоръ цѣлому міру Московскій университетъ, и съ презрительною ироніей отзывается о русскомъ народѣ, какъ будто Рига и въ самомъ дѣлѣ уже стала иностраннымъ городомъ для русскаго народа. Однако, что-жь дѣлать? Правда прежде всего. Политическіе мужи вдохновляющіе эту газету приносятъ всѣ соображенія и уваженія въ жертву правдѣ. Если Московскій университетъ оказался виновнымъ въ грубомъ невѣжествѣ, зачѣмъ же щадить его?

Но дѣло вотъ въ чемъ:

Во 1-хъ, между Московскимъ университетомъ и Обществомъ Любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ нѣтъ ни малѣйшей солидарности, оно не зависитъ отъ него, не составляетъ его части, не состоитъ подъ его контролемъ, и большинство его членовъ не находится ни въ какихъ отношеніяхъ къ университету, кромѣ только того, что имъ предоставлено право собираться для своихъ засѣданій въ одной изъ залъ университетскаго зданія.

Во 2-хъ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ издастъ, подъ заглавіемъ: *Чтеніе въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ*, не одни труды своихъ членовъ, не одни трактаты имѣющіе какое-либо ученое свойство, но въ особыхъ отдѣлахъ „матеріаловъ" и „смѣси" печатаетъ всевозможные документы, записки, замѣтки, письма, пригодные для какихъ-либо соображеній.

Въ 3-хъ, этотъ ученый трактатъ, эта Abhandlung, позорящая Московскій университетъ и Общество Исторіи, есть коротенькая замѣтка подъ заглавіемъ: *Очерки Лифляндіи*, писанная кѣмъ-то за четверть столѣтія предъ симъ, и напечатанная, въ числѣ матеріяловъ, въ „Смѣси." Замѣтка эта писана безъ всякихъ притязаній на ученое значеніе но представляетъ нѣкоторыя нелишенныя интереса и правды наблюденія очевидца, и содержаніе ея въ *Рижской Газетѣ* передано съ примѣсью нелѣпостей, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ.

Пусть же *Рижская Газета* сама пріищетъ приличное имя для этой выходки, и пусть читатели посудятъ къ чему могутъ быть способны полититескіе мужи вдохновляющіе эту газету.

Эта газета очень обидѣлась нашимъ намекомъ, что одна изъ ея статей напоминаетъ перо публициста, упрекавшаго польскихъ патріотовъ, въ томъ, что они не умѣютъ лгать, и учившаго ихъ какъ лгать искусно; она крѣпко стоитъ за авторство своей статьи. Мы однако не утверждали непремѣнно, что эта статья была прислана въ Ригу изъ Брюсселя, и во всякомъ случаѣ не полагаемъ, чтобы наше замѣчаніе могло возвеличить, какъ думаетъ *Рижская Газета*, имя вышеупомянутаго публициста. Мы охотно соглашаемся, что въ Ригѣ, какъ и въ Дерптѣ, найдется иной докторъ или иной графъ, которые ни въ чемъ не уступятъ публицисту, носящему великое имя Шедо-Ферроти. По выраженію *Рижской Газеты*, этотъ Шедо-Ферроти есть „enfant terrible" *Московскихъ Вѣдомостей*. Остроумный публицистъ хотѣлъ сказать „la bête noire" *Московскихъ Вѣдомостей*, и сказалъ, „enfnt terrible," и этимъ доказалъ несомнѣнно мѣстное происхожденіе по крайней мѣрѣ этой статьи.

№ 172.

Москва, 7-го августа.

Потомки наши будутъ съ невыразимымъ удивленіемъ читать лѣтописи нашего времени. Имъ будетъ мерещиться какой-то странный, непонятный какой-то сказочный міръ. „Боже, скажутъ наши потомки: какія чудеса творились тогда въ Россіи! Какъ же тогда жили люди, и что это были за люди?" Они будутъ напрягать свое воображеніе, чтобы представить себѣ что было на умѣ и на душѣ этихъ загадочныхъ людей. А мы однако живемъ не подозрѣвая

какіе мы интересные субъекты. Природа вокругъ насъ совершаетъ всѣ свои отправленія естественнымъ чиномъ, и сами мы не замѣчаемъ въ себѣ никакихъ магическихъ дѣйствій. Никакихъ змѣй-горынычей не появляется, никакихъ таинственныхъ знаменій не замѣчается, изъ земли ничего не выходитъ, съ неба ничего не падаетъ, и намъ кажется, что мы живемъ въ самое обыкновенное и прозаическое время, не представляющее пищи ни для воображенія, ни для вѣры въ чудесное, такъ что, казалось бы, и сама Шехеразада ничего не сумѣла бы сдѣлать изъ насъ. А между тѣмъ, если мы попробуемъ мысленно отвлечься отъ мелочей и оглянуть, съ общей точки зрѣнія, совокупность положенія вещей, то мы поймемъ, какъ со временемъ, для нашихъ потомковъ, можемъ мы превратиться въ самую сумасшедшую сказку. Вотъ болѣе года, наше обширное отечество, цѣлыми полосами, представляетъ зрѣлище безконечныхъ пожаровъ; *красный петухъ* перелетаетъ отъ села къ селу, отъ города къ городу; стяжанія труда цѣлыхъ поколѣній гибнутъ мгновенно; многочисленныя народонаселенія остаются безъ крова и пищи,—и все это творится изо дня въ день, въ продолженіе, повторимъ, цѣлаго года. Сколько бѣдствій, разореній, страданій, сколько зла! Богатые и бѣдные, образованные и необразованные, мыслящіе и немыслящіе, дѣйствующіе и недѣйствующіе, повинные въ чемъ-либо и ни въ чемъ неповинные, равно подвергаются истребительному пламени, не разбирающему жертвъ, лишь бы только надѣлать какъ можно болѣе зла. И что же? Это злодѣйство, которому нѣтъ имени и примѣра, совершается въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, будто непрерывный спектакль, которымъ надобно только любоваться, ни мало не интересуясь закулисными тайнами, производящими эти бенгальскія освѣщенія. Роясь въ хламѣ, который останется отъ нашего времени, и разбирая уцѣлѣвшіе листки нашихъ газетъ, потомки наши будутъ съ изумленіемъ находить въ нихъ пространные толки о всевозможныхъ предметахъ, и почти ничего объ этомъ всеобъемлющемъ бѣдствіи, — ничего, кромѣ простыхъ реляцій, что тамъ-то выгорѣло столько-то городовъ и селъ; да еще восклицаній то яростнаго бѣшенства, то нѣжнаго, рдѣющаго стыда, по тому случаю, что кто-то дозволилъ себѣ молвить слово о шайкѣ негодяевъ, безнаказанно ругающейся надъ страной въ теченіе столь долгаго времени. Какія причины сколько-нибудь естественныя, сколько-нибудь понятныя здравому смыслу могутъ объяснить это заколдованное молчаніе печати, это уклоненіе отъ разъясненія сущности дѣйствій самыхъ возмутительныхъ по своимъ источникамъ и самыхъ губительныхъ по своимъ послѣдствіямъ? Какъ объяснить неистовую страсть, которая разражалась проклятіями и ругательствами при каждомъ словѣ о систематическомъ поджигательствѣ, какъ объяснить эти усилія, которыя постоянно дѣлались для того чтобъ отвлечь общественное мнѣніе отъ пожаровъ, эту недостойную радость при малѣйшемъ поводѣ придать этому злу наивное и невинное значеніе? Еще такъ недавно въ одной петербургской газетѣ назвали дѣломъ нечестнымъ и преступнымъ сообщенное въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* извѣстіе о поимкѣ поджигателя, въ одномъ изъ городовъ сѣверозападнаго края, и намъ грозили за это чуть не судомъ и слѣдствіемъ.

Недѣли двѣ тому назадъ приходилось намъ писать о толкахъ, возникшихъ въ иностранной печати о причинахъ пожаровъ, опустошающихъ Россію, и о которыхъ Россія такъ упорно молчала. Мы видѣли, что это таинственное молчаніе уронило нашъ кредитъ; оно послужило только къ тому, чтобы дать поджигателямъ новый способъ наругаться надъ Россіей, и обвинить въ поджигательствѣ ея же правительство. Нужно было выйдти изъ этого положенія, и русское общество обязано первыми рѣшительными шагами въ этомъ смыслѣ властямъ сѣверозападнаго края, энергической дѣятельности тамошняго управленія, просвѣщенной и истинно патріотической инициативѣ лица стоящаго во главѣ его. Въ этомъ краѣ были сдѣланы первые аресты долженствующіе положить конецъ всякимъ недобросовѣстнымъ попыткамъ замаскировать столь очевидное дѣло, всякимъ малодушнымъ сомнѣніямъ, всякимъ недостойнымъ колебаніямъ въ сужденіяхъ о его истинномъ свойствѣ. Въ этомъ краѣ были приняты мѣры воспользоваться поимкой преступниковъ не для того только, чтобы вздернуть ихъ поскорѣе на висѣлицу и снова оставить дѣло въ загадочномъ мракѣ, но для того чтобы разсѣять этотъ мракъ и вывести дѣло на чистую воду. Наконецъ, изъ этого же края, публика получаетъ теперь первыя ясныя и положительныя свѣ-

дѣнія о нѣкоторыхъ изъ пойманныхъ преступниковъ, о сдѣланныхъ ими показаніяхъ и о самой организаціи поджоговъ.

Вслѣдъ за симъ, мы печатаемъ обнародованныя въ *Русскомъ Инвалидѣ* свѣдѣнія о пожарахъ въ сѣверо-западномъ краѣ, почерпнутыя изъ офиціяльныхъ источниковъ. Эти свѣдѣнія должны произвести впечатлѣніе на публику; они помогутъ общественному мнѣнію опознаться. Они поучительны во всѣхъ отношеніяхъ; они не только устанавливаютъ правильный взглядъ на текущія дѣла, но бросаютъ свѣтъ и на прошедшее. Только такими раскрытіями зло можетъ быть и пресѣчено, и предупреждено; только такою, исполненною достоинства и правды, серіозною гласностію, можетъ быть поднятъ духъ въ честныхъ людяхъ и успокоены народонаселенія, не знавшія что и думать, и терявшія вѣру въ окружающее; наконецъ только такимъ образомъ дѣйствій можетъ быть возстановленъ кредитъ Россіи въ Европѣ и уваженіе къ русскому имени, къ русскому правительству. Но мы думаемъ, что публика все-таки не будетъ въ состояніи оцѣнить во всей силѣ заслугу обнародованія этихъ свѣдѣній, и мы затрудняемся взять на себя оцѣнку рѣшимости какая быть-можетъ для этого требовалась. Надо знать много такого что ускользаетъ отъ современнаго общества, чтобы вполнѣ оцѣнить эту заслугу; но ее оцѣнятъ наши дѣти и внуки, и поймутъ почему дѣло повидимому столь простое и естественное имѣетъ такую важность. Наши потомки будутъ обозрѣвать совокупность явленій, связь причинъ и дѣйствій; имъ будетъ извѣстна развязка всѣхъ нашихъ исторій, et ils en sauront le dernier mot.

Итакъ, эти пожары, опустошающіе Россію—только одна изъ фазъ польскаго патріотизма, въ чемъ впрочемъ непозволительно было сомнѣваться. Въ этихъ свѣдѣніяхъ мы находимъ, между прочимъ, подтвержденіе и тому, въ чемъ также нельзя было сомнѣваться: мы узнаемъ какого свойства тѣ русскіе элементы, которые участвуютъ въ поджогахъ. Это отверженцы русскаго общества, состоящіе на службѣ враговъ Россіи, люди не имѣющіе права ни на какую національность, какъ не имѣютъ на нее права граждане галеръ или обитатели сумашедшихъ домовъ. Итакъ, вотъ послѣднее слово этого *герценизма*, о которомъ даже Мѣрославскій отзывался съ омерзѣніемъ! Вотъ послѣднее слово того блистательнаго прогресса, который кипѣлъ въ нашемъ отечествѣ до 1863 года, и къ которому поворотить насъ такъ теперь хочется внутреннимъ и внѣшнимъ, явнымъ и тайнымъ врагамъ Россіи. Изъ какого же хода дѣлъ, изъ какой же политики, рождаются эти элементы безславія и позора?

№ 173.

Москва, 9-го августа.

Мы все еще не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній о результатѣ переговоровъ, происходившихъ въ Гаштейнѣ. Окончательное рѣшеніе вопроса о Герцогствахъ, повидимому, не послѣдовало; но судя по всѣмъ извѣстіямъ, а также судя по разоруженію предпринятому Австріей, можно думать, что путь къ окончательному соглашенію уже разчищенъ. Такой важный шагъ по шлезвигъ-гольштейнскому дѣлу не могъ обойдтись безъ серіозныхъ уступокъ, и судя по всему, уступки сдѣланы не Пруссіей, а Австріей. Онѣ сдѣланы даже и по тому вопросу, въ которомъ Вѣнскій кабинетъ былъ до сихъ поръ наименѣе уступчивъ, именно по вопросу о присоединеніи Герцогствъ къ Пруссіи въ военномъ отношеніи. Прежнія уступки, о которыхъ мы говорили въ свое время и которыя едва ли совмѣстимы съ независимостью Шлезвигъ-Гольштейна, до нѣкоторой степени теряли свою силу вслѣдствіе того что Австрія продолжала настаивать на кандидатурѣ принца Августенбургскаго, какъ какъ отъ него Пруссія едва ли бы добилась согласія на всѣ ея требованія; но теперь оказывается, что Австрія и въ этомъ отношеніи какъ будто бы примкнула къ Пруссіи, и ихъ коммиссары въ Герцогствахъ начинаютъ сообща дѣйствовать противъ августенбургской пропаганды и противъ преданныхъ ей журналовъ и шлезвигъ-гольштейнскихъ обществъ. Правда, *National-Zeitung* предполагаетъ и въ этомъ случаѣ злой умыселъ со стороны Австріи, и думаетъ, будто бы она, начавъ дѣйствовать по желанію Пруссіи противъ августенбургской партіи и ея органовъ, имѣетъ въ виду совсѣмъ поссорить Пруссію съ шлезвигъ-гольштейнскимъ населеніемъ; но это предположеніе свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ дорога упомянутой

берлинской газетѣ свобода журналистики и политическихъ обществъ. Нѣтъ, — Австрія, повидимому, уступила Пруссіи во всѣхъ пунктахъ, и вопросъ заключается, лишь въ томъ что могло побудить ее къ этимъ уступкамъ, которыя такъ неблагопріятны для ея интересовъ въ Германіи.

Австрійская имперія, это еще не вполнѣ сложившійся міръ, въ которомъ борются между собой самыя разнородныя силы, въ которомъ, отъ времени до времени, оказываются самыя противоположныя тяготѣнія, и который, говоря вообще, находится еще въ состояніи хаотической неопредѣленности. Нѣтъ государства въ мірѣ, которое по своимъ этнографическимъ и историческимъ условіямъ хоть сколько-нибудь подходило бы къ Австрійской имперіи. Всѣ новѣйшія усилія ея правительства утвердить въ ней прочное и удовлетворительное государственное единство, еще не увѣнчались успѣхомъ. Причина этой неудачи заключается впрочемъ не въ однихъ лишь этнографическихъ и историческихъ условіяхъ. Правда, этнографическія условія особенно неблагопріятныя для политическаго объединенія Австріи, такъ какъ нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ Балканскаго полуострова, не сталкивается между собой столько почти равносильныхъ народовъ, какъ въ имперіи Габсбурговъ, и нигдѣ не замѣчается такое отсутствіе одного господствующаго и рѣшительно преобладающаго по самому числу своему элемента какъ именно здѣсь. Правда, эти этнографическія препятствія къ объединенію Австріи были поддержаны и усилены историческими условіями: въ составъ Австрійской имперіи вошли не только различные народы, изъ коихъ ни одинъ не могъ имѣть, по своей численности, рѣшительнаго преобладанія надъ другими, но и многіе изъ этихъ народовъ, какъ, напримѣръ, Италіянцы въ Венеціянской области, Хорваты, Чехи; особенно же Венгерцы, вошли въ составъ ея цѣльными независимыми государствами, имѣвшими свою исторію. Все это правда, но при всемъ этомъ дѣла Австріи находились бы теперь въ иномъ положеніи, еслибы Габсбурги благовременно распространили на всѣхъ своихъ подданныхъ тѣ политическія права, которыми Венгрія издавна пользовалась и которыя было бы несправедливо и едва ли возможно отнимать у ней.

Только съ 1860 года австрійское правительство вознамѣрилось сравнять въ политическихъ правахъ нѣмецко-славянскія земли съ венгерскими землями. Политическая разрозненность различныхъ составныхъ частей Австріи пустила уже слишкомъ глубокіе корни, и не могла не быть принята во вниманіе при новомъ устройствѣ государства; февральская конституція, поэтому, не только сохранила за Венгріей прежнюю ея конституцію, въ главнѣйшихъ ея основаніяхъ, но и создала въ другихъ земляхъ особые областные сеймы, съ такими правами, которыхъ обыкновенно не имѣютъ органы мѣстнаго самоуправленія. Эта конституція представляетъ собой весьма хитрую сдѣлку между началомъ государственнаго единства и началомъ національностей, между аристократіей, которая въ Австріи сохранилась въ большей силѣ чѣмъ гдѣ-либо на континентѣ Европы, и среднимъ сословіемъ, которое въ послѣднее время начинаетъ въ ней пріобрѣтать все большее значеніе, между бюрократическою централизаціей и мѣстнымъ самоуправленіемъ, наконецъ, между различными національно-политическими партіями, господствующими въ Австріи подъ именемъ централистовъ (преимущественно Нѣмцы), федералистовъ (преимущественно Славяне) и дуалистовъ (преимущественно Венгерцы), впрочемъ съ явнымъ предпочтеніемъ партіи централистовъ. Преобладаніе вездѣ и во всемъ было предоставлено нѣмецкому элементу, и такъ какъ нѣмецкій элементъ вездѣ, въ Австріи, составляетъ ядро средняго сословія, которое въ венгерскихъ земляхъ и въ Галиціи весьма мало развито, то съ тѣмъ вмѣстѣ политическое преобладаніе было предоставлено среднему сословію. Поэтому, февральская конституція находитъ себѣ сильнѣйшую поддержку въ нѣмецкомъ населеніи Австріи, и особенно въ среднихъ классахъ его. Кромѣ Нѣмцевъ, февральская конституція находитъ нѣкоторое сочувствіе и поддержку въ менѣе сильныхъ племенахъ, которыя въ ней готовы искать себѣ защиты противъ гнета болѣе могущественныхъ племенъ, преимущественно противъ гнета со стороны Венгерцевъ. Такъ, она пользуется сочувствіемъ Русскихъ въ Галиціи, Саксонцевъ въ Трансильваніи, Словаковъ въ Венгріи, а также отчасти Румыновъ и Сербовъ, и даже между Хорватами она имѣетъ не мало привержен-

невъ. Несомнѣнно также, что и сама февральская конституція пристрастна не къ однимъ Нѣмцамъ, а также и ко всѣмъ малочисленнымъ народностямъ. Достаточно указать, что въ Далмаціи 20.000 Италіянцевъ получили равный и даже нѣсколько большій вѣсъ при выборахъ чѣмъ 420.000 тамошнихъ Славянъ. Въ этомъ отношеніи февральская конституція осталась вѣрна давнишнему австрійскому девизу: *divide et impera* („раздѣляй и властвуй"), и представляетъ собой очень ловкое примѣненіе теоріи національностей къ правительственной практикѣ. Но тѣмъ сильнѣе антипатія, съ которою смотритъ на эту конституцію огромное большинство населеній Австрійской имперіи.

Внутреннее положеніе Австріи въ значительной степени усложняется тѣмъ, что будучи сборнымъ государствомъ внутри, она въ то же время состоитъ членомъ, и еще первенствующимъ, предсѣдательствующимъ членомъ другаго, совершенно посторонняго соединенія государствъ, извѣстнаго подъ именемъ Германскаго Союза. Каждая изъ главныхъ составныхъ частей имперіи имѣетъ свое особое отношеніе къ германскому вопросу. Въ 1848 году національное движеніе германское и національное движеніе венгерское шли дружно въ одномъ и томъ же направленіи, содѣйствуя другъ другу. Политическое объединеніе Германіи и поглощеніе ею австрійскихъ нѣмецко-славянскихъ земель вообще находитъ сочувствіе въ Венгріи, потому что сулитъ полное торжество дуализму, и можетъ упрочить распаденіе Австріи на двѣ половины, имѣющія мало общаго между собой. Напротивъ, тройственное дѣленіе Германіи: на прусскую, австрійскую и третью группу, состоящую изъ меньшихъ государствъ, встрѣчаетъ наибольшее противодѣйствіе со стороны венгерскихъ политическихъ дѣятелей, и можно думать, что съ удаленіемъ г. фонъ-Шмерлинга и съ торжествомъ венгерскихъ воззрѣній, идея о германской тріадѣ понесла рѣшительно ударъ.

Если поглощеніе австрійскихъ нѣмецко-славянскихъ земель Германіей особенно пріятно Венгерцамъ, то одна мысль о томъ, что между Венгерцами и Нѣмцами можетъ состояться теперь сдѣлка на этой основѣ, заставила вождя чешской партіи г. Палацкаго, высказать во всеуслышаніе, что „день, когда въ Австріи будетъ провозглашенъ дуализмъ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ рожденія панславизма, въ наименѣе отрадномъ его видѣ" (тутъ угрозой служитъ, очевидно, Россія). „Мы Славяне, прибавилъ Палацкій, были до Австріи; мы уцѣлѣемъ и послѣ нея." Въ 1848 году, Славяне дѣйствительно остановили, какъ національно-германское, такъ и національно-венгерское движеніе въ Австріи; въ настоящее время едва ли придется имъ снова взять на себя ту же самую работу: скорѣе можно ожидать выхода Австріи изъ Германскаго Союза, чѣмъ содѣйствія со стороны австрійскихъ Славянъ политическому объединенію ея.

Если въ Германской политикѣ Австріи Славяне не сходятся ни съ Нѣмцами, ни съ Венгерцами, готовыми дѣйствовать заодно между собою, то во внутренней политикѣ, особенно въ послѣднее время, Славяне начинаютъ сильно сближаться съ Венгерцами. Мы указываемъ на помѣщенную ниже, подъ рубрикой: *Австрія*, политическую программу, которая была напечатана во многихъ славянскихъ газетахъ и держаться которой приглашаютъ всѣхъ славянскихъ депутатовъ въ имперской думѣ. Въ этой программѣ Славяне рѣшительно переходятъ на сторону венгерскихъ воззрѣній, и дѣлая значительныя уступки, даже въ ущербъ славянской народности, въ пользу цѣлости Венгерскаго королевства, требуютъ для своихъ земель того же положенія, какимъ издавна пользовалась Венгрія. Эта программа замѣчательна не столько тѣмъ, что ограничиваетъ общія дѣла имперіи иностранными сношеніями, военнымъ управленіемъ и общеторговою политикой, и что предлагаетъ новое территоріяльное дѣленіе Австріи, сколько тѣмъ, что упраздняетъ серіозное общее представительство. Вотъ къ чему привело, наконецъ, Австрію политическое раздвоеніе: общее имперское представительство оказывается въ ней невозможнымъ, именно потому что и сама страна, по славянской программѣ, которая, вѣроятно, найдетъ сочувствіе и въ Венгріи, должна быть раздѣлена на части, совсѣмъ независимыя другъ отъ друга. Хорошъ будетъ духъ войска въ такой федеральной монархіи! Хороши будутъ условія жизни въ этомъ безобразномъ и безсильномъ цѣломъ! Хорошо будетъ положеніе въ Европѣ этой державы, которая будетъ основана на антагонизмѣ ея частей между собой и

всѣхъ ихъ съ общимъ государственнымъ центромъ.

До осуществленія этой программы, конечно, еще далеко, и нѣмецкіе публицисты еще надѣются, что основныя начала февральской конституціи будутъ спасены, и что единство имперіи, даже при допущеніи дуализма, будетъ ограждено примѣненіемъ принципа: *divide et impera*, какъ къ венгерской, такъ и къ нѣмецко-славянской половинѣ имперіи. „Пусть каждая изъ этихъ половинъ, говоритъ одинъ изъ вѣнскихъ публицистовъ въ *Allgemeine Zeitung*, будетъ какъ бы особымъ государствомъ, пусть онѣ будутъ какъ бы близнецами между собой; но пусть въ то же время каждая изъ нихъ внутри себя будетъ федеральнымъ государствомъ.“ Но эта разлагающая идея едва ли будетъ по сердцу Венгерцамъ, которые, имѣя въ политическихъ дѣлахъ значительную опытность, признаютъ въ своемъ королевствѣ существованіе только одной политической націи, обнимающей собою всѣхъ гражданъ страны, какого бы ни были они происхожденія. Эта политическая опытность Венгерцевъ будетъ, вѣроятно, камнемъ преткновенія для тѣхъ нѣмецкихъ политиковъ въ Австріи, которые надѣются примирить февральскую конституцію не только съ дуализмомъ, но и съ требованіями государственнаго единства.

При такомъ хаосѣ во внутреннихъ дѣлахъ, Австрія не могла, конечно, безъ тревожнаго чувства видѣть, что папа начинаетъ подчиняться тѣмъ условіямъ, которыя представляютъ ему взаимное соглашеніе между Франціей и Италіей. Онъ вербуетъ себѣ армію, и этимъ свидѣтельствуетъ о своей увѣренности, что конвенція 15-го сентября будетъ исполнена. Еще одинъ шагъ, и, быть-можетъ, состоится соглашеніе между Франціей, Италіей и папой,—соглашеніе, которому всѣми силами старается воспрепятствовать Австрія. Очень вѣроятно, что эта опасность не мало содѣйствовала ея уступчивости относительно Пруссіи. Въ этомъ, повидимому, только и состояла та поддержка г-ну фонъ-Бисмарку со стороны императора Наполеона, о которой такъ много говорили и вѣроятно будутъ говорить еще болѣе въ предусмотрѣніи того, что въ Бельгіи въ непродолжительномъ времени ожидается перемѣна на престолѣ, которая можетъ открыть властолюбію Франціи широкіе виды. Пруссія, при всемъ желаніи пріобрѣсти Герцогства, не рѣшилась бы закупать Францію уступками въ нѣмецкихъ территоріяхъ, но можно думать, что она была бы не прочь въ этихъ видахъ пожертвовать интересами европейскаго равновѣсія, и за поддержку въ Герцогствахъ отплатить Франціи допущеніемъ возможныхъ съ ея стороны притязаній на Бельгію.

Какъ бы то ни было, Пруссія, повидимому, можетъ считать свое дѣло почти окончательно выиграннымъ. Политика идетъ только тогда вѣрно, когда идетъ шагъ за шагомъ; а теперешній шагъ Пруссіи усиливаетъ ее въ Балтійскомъ морѣ; съ другой стороны Австрія очень можетъ быть вынуждена тоже къ нѣсколькимъ новымъ шагамъ по направленію къ юго-востоку Европы. Нельзя не видѣть, что предстоящее теперь въ непродолжительномъ времени разрѣшеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса есть событіе весьма неблагопріятное для Россіи. Въ 1850 году мы были готовы объявить Пруссіи войну, чтобы не допустить ее до подобнаго захвата, и угроза Россіи принудила ее тогда отказаться отъ подобныхъ начинаній.

Ближайшее будущее Европы не обѣщаетъ мира и спокойствія. Нельзя не предвидѣть серіозныхъ замѣшательствъ, въ которыя будетъ неминуемо вовлеченъ и юго-востокъ Европы. Если шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ разрѣшится въ исключительныхъ интересахъ Пруссіи, то тѣмъ важнѣе для Россіи становится вопросъ о тѣхъ краяхъ ея, которыми она соприкасается съ Германіей, и тѣмъ необходимѣе ей изготовиться къ тому, чтобы событія на юго-востокѣ Европы не застали ее врасплохъ, чтобъ они въ особенности не застали ее безъ желѣзныхъ дорогъ между Москвой, Кіевомъ и Одессой.

№ 174.

Москва, 10-го августа.

Вопросъ о „лѣсосохраненіи,“ или, точнѣе сказать, о „лѣсопотребленіи,“ есть въ настоящее время одна изъ самыхъ важныхъ задачъ, требующихъ правильнаго разрѣшенія, прежде нежели можетъ быть приступлено ко многимъ другимъ улучшеніямъ въ хозяйственномъ дѣлѣ. Цѣна топлива и лѣснаго матеріала входитъ постояннымъ и весь-

ма важнымъ элементомъ въ разчетъ при всякаго рода не только заводскихъ или фабричныхъ предпріятіяхъ, но даже при самыхъ мелкихъ ремесленныхъ производствахъ и наконецъ въ простомъ домашнемъ хозяйствѣ. Очевидно, что постоянство цѣнъ на топливо и строительные матеріялы есть необходимое условіе правильности, а слѣдовательно и успѣха въ промышленности всякаго рода. Потребители лѣсныхъ продуктовъ и особенно топлива по большей части сильно ошибаются, когда радуются всякому, даже временному удешевленію, не обращая вниманія на причины этого удешевленія. Если эти причины заключаются въ открытіи новыхъ матеріяловъ для топлива и построекъ, то опасности никакой нѣтъ, и съ точки зрѣнія потребителей лѣса есть чему радоваться. Если же эти причины таковы, что за ними должно послѣдовать сильное вздорожаніе, то никому нѣтъ повода радоваться, и въ особенности нѣтъ повода радоваться промышленникамъ. Всеобщее удешевленіе топлива и лѣсныхъ матеріяловъ не принесетъ имъ большой пользы; при конкурренціи, оно неминуемо поведетъ къ пониженію цѣнъ на ихъ собственные продукты, тогда какъ вздорожаніе топлива и лѣсныхъ матеріяловъ не можетъ вести къ соотвѣтственному возвышенію цѣны на мануфактурные продукты, потому что это возвышеніе имѣетъ свои предѣлы, какъ въ самомъ свойствѣ продуктовъ, такъ и въ средствахъ потребляющей публики, которыя отъ вздорожанія топлива конечно не увеличатся. Лѣсной же товаръ (топливо и строительные матеріалы) имѣетъ то особенное свойство, что премія, доставляемая высокою цѣной, не оказываетъ вліянія ни на увеличеніе его производства, ни на развитіе торговли имъ. Вздорожаетъ ситецъ, сукно, чай, сахаръ и проч., ихъ привезутъ издалека или заведутъ дома фабрики и заводы, но топлива и строительныхъ матеріяловъ нельзя скоро ни произвести, ни доставить изъ отдаленныхъ мѣстностей. Необходимо, чтобъ они были постоянно подъ рукою и чтобы цѣны на нихъ были постоянныя, хотя бы даже высокія, но не переходящія за тотъ предѣлъ, далѣе котораго ихъ покупка и потребленіе для извѣстныхъ цѣлей были бы уже невозможны.

Можетъ ли однако случиться, чтобы цѣны на дрова и лѣсные матеріялы вышли изъ предѣловъ возможности ихъ покупки и употребленія? Это не только можетъ случиться, но уже и случилось въ большей части Южной Россіи, гдѣ народонаселеніе употребляетъ на топливо кизякъ (высушеный навозъ) и гдѣ невозможно никакое фабричное производство, вслѣдствіе недостатка дровъ и лѣсныхъ строительныхъ матеріяловъ. Та же самая участь ожидаетъ губерніи Средней Россіи, и опасеніе это не есть новость: оно уже нѣсколько разъ высказывалось въ печати, и особенно часто можно было слышать его отъ предусмотрительныхъ хозяевъ. Въ послѣднее время это опасеніе какъ будто было забыто, но ни сколько не потому, чтобы было разсѣяно или опровергнуто, а единственно подъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ случайнаго и временнаго удешевленія цѣнъ на дрова и отчасти на лѣсные матеріялы. Удешевленіе это мы называемъ случайнымъ и временнымъ, но мы должны еще назвать его крайне опаснымъ. Когда разчетливая хозяйка, отправясь на рынокъ, купитъ тамъ на 5 рублей такое количество дровъ, за которое она прежде платила 10 рублей, то конечно она въ этомъ не увидитъ никакой опасности, но разчетливый государственный хозяинъ долженъ взглянуть на дѣло иначе и спросить себя отъ чего происходитъ дешевизна и не придется ли вскорѣ платить 50 или даже 100 р. за то, за что прежде платилось 10; ибо ему должно быть хорошо извѣсто, что *удешевленіе топлива и лѣсныхъ матеріяловъ увеличиваетъ ихъ потребленіе, а ихъ вздорожаніе не увеличиваетъ ихъ производства*, и что слѣдовательно можетъ наступить время, когда нельзя будетъ достать ихъ ни за какую цѣну. Не мало есть мѣстностей, гдѣ прежде крестьяне строили избы изъ толстаго дубоваго или сосноваго лѣса въ шесть или семь вѣнцовъ, гдѣ они потомъ принуждены были строить осиновыя въ 16 и 18 вѣнцовъ, и гдѣ они наконецъ начали переходить къ мазанкамъ изъ плетня и глины, гдѣ топятъ теперь сушенымъ навозомъ вмѣсто прежнихъ березовыхъ дровъ и гдѣ уже орѣховаго хвороста достать невозможно. Что же будетъ далѣе? А далѣе будетъ то, что мы видимъ въ Средней Азіи, гдѣ тоже нѣкогда были лѣса и гдѣ еще и теперь, по словамъ путешественниковъ, сохранились названія урочищъ, указывающія на существованіе лѣсовъ, какъ напримѣръ *густыя березы*, или тому подобныя, въ мѣстахъ не имѣющихъ теперь никакого признака лѣсной расти-

тельности. На пути отъ Орла до Харькова вы видите небольшія рощи или перелѣски, доказывающіе, что въ этихъ мѣстахъ были лѣса, а теперь эта мѣстность уже степная, и скоро станетъ голою степью. Возьмите планы генеральнаго межеванія, сличите ихъ съ дѣйствительностью,—и вы увидите, что вмѣсто обширныхъ лѣсовъ остались небольшія рощи, да и эти рощи обратились въ орѣховый кустарникъ. По всей Землѣ Войска Донскаго, въ балкахъ и оврагахъ, видны признаки лѣсной растительности, но ни дровъ, ни дерева для построекъ вы тамъ не достанете. Конечно, область эта есть образецъ организованнаго общиннаго хозяйства въ огромныхъ размѣрахъ, но и около Волги, и даже въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, близкихъ къ сплавнымъ рѣкамъ, вы найдете много лѣсовъ,—но лѣсовъ безъ деревьевъ! Есть нѣмецкая поговорка: man sieht den Wald vor lauter Bäumen nicht (за деревьями лѣса не видно), а у насъ эту поговорку слѣдовало бы перепачить такъ: виденъ лѣсъ, но въ немъ нѣтъ ни одного дерева. Дѣйствительно: эти огромныя пространства, покрытыя мелкою лѣсною порослію, послѣ лѣсныхъ пожаровъ или послѣ хищнической вырубки, называются лѣсами только потому что ихъ нельзя назвать ни пашней, ни лугомъ, ни выгономъ. Посмотрите по обѣ стороны Николаевской желѣзной дороги—все лѣсъ, но нѣтъ ни одного порядочнаго дерева. Вдоль всѣхъ сплавныхъ рѣкъ, вокругъ всѣхъ городовъ и селеній самыхъ лѣсистыхъ мѣстностей, вы увидите то же самое, а крупныя деревья есть тамъ гдѣ-то въ дали, откуда ихъ достать и вывезти нѣтъ почти никакой возможности. Желѣзныя дороги и шоссе тутъ не помогутъ, ибо лѣсной строительный матеріялъ не способенъ къ дальней сухопутной перевозкѣ. Необходимо принять мѣры, если не къ производству, то по крайней мѣрѣ къ сохраненію лѣснаго товара на мѣстѣ, гдѣ онъ произрастаетъ, или можетъ произрастать. Временная дешевизна, о которой мы говорили, произошла вслѣдствіе одновременной продажи на срубъ помѣщичьихъ лѣсовъ, послѣ крестьянской реформы, усилившей хищничество и затруднившей возможность охраненія. За этою дешевизной вскорѣ наступитъ дороговизна, о которой въ настоящее время какъ будто позабыли.

Въ чемъ же состоитъ потребность? Въ интересахъ отечественнаго лѣсоводства намъ рекомендуютъ разныя поощрительныя мѣры къ лѣсоразведенію, казенные образцовые питомники, системы таксацій, ученыя устройства лѣсосѣкъ. Иные доходятъ въ своей ревности до того что поговариваютъ о запрещеніи продавать частные лѣса на срубъ, безъ особыхъ разрѣшеній администраціи. Это дѣло такъ важно, говорятъ они, что тутъ нечего жалѣть казенныхъ денегъ, нечего церемониться съ свободой собственности, не должно пугаться ни дорогихъ, ни крупныхъ мѣръ. Мы отнюдь не умаляемъ опасности; но мы позволимъ себѣ усомниться въ настоятельности упомянутыхъ выше мѣръ. Намъ кажется, что у насъ уже черезчуръ развелась охота поощрять и принуждать, и что было бы весьма не худо побольше жалѣть и казенную, и частную собственность. Гдѣ уже намъ созидать и поощрять, пока мы не умѣемъ беречь и ограждать? Запретить частнымъ лицамъ продажу принадлежащихъ имъ лѣсовъ и въ то же время не ограждать лѣсной собственности, не значило ли бы это предоставить право вырубки лѣса всѣмъ постороннимъ, кромѣ самаго владѣльца? Не ясно ли, что безъ охранительныхъ законовъ противу лѣсохищенія онъ одинъ не будетъ воровать своего лѣса или, что еще хуже, самъ будетъ вынужденъ воровать его наравнѣ съ посторонними, чтобы хотя сколько-нибудь имъ пользоваться. Странныя возникаютъ у насъ теоріи, такія странныя, что существованію ихъ трудно повѣрить, при вѣрѣ въ существованіе здраваго смысла!

Дѣйствительныя охранительныя мѣры противу лѣсохищничества кажутся инымъ вредными на томъ куріозномъ основаніи, что расхищеніе лѣсовъ понижаетъ цѣну на дрова, и что если принять противъ него мѣры, то бѣдные люди будутъ лишены дешеваго топлива. Намъ очень совѣстно, что о подобныхъ поводахъ приходится говорить какъ о чемъ-то серіозномъ. Какая умственная неразвитость, какое извращеніе нравственныхъ понятій нужно для того чтобы изобрѣсть новую форму пособія бѣднымъ, заключающуюся въ поощреніи ихъ къ воровству? Но пусть эти филантропы отрицаютъ нравственныя понятія, пусть они ставятъ себя выше всѣхъ основъ цивилизаціи,—странно какъ въ ихъ головахъ не возникаетъ вопросъ: гдѣ же бѣдные люди найдутъ себѣ топливо, когда лѣса будутъ вовсе истреблены? А между тѣмъ нынѣ существующій порядокъ, конечно, приведетъ къ этому результату и въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ очень скоро. Раздѣлывать торфъ и отыскивать каменный уголь? Но что же мѣшаетъ этому теперь? Конечно, этому всего болѣе мѣшаетъ неестественная дешевизна дровъ и даже возможность брать ихъ даромъ въ чужомъ лѣсу не только для своего употребленія, но и на продажу,—возможность столь легкая, что торговля краденымъ лѣсомъ обратилась въ систематическій, постоянный промыселъ. Нѣтъ, охранять интересы воровъ, подъ видомъ охраненія интересовъ бѣдныхъ людей, значитъ обличать въ себѣ даже не извращенную филантропію, и даже не демагогію, а умственное убожество.

Взгляните на огромный складъ такъ-называемаго *щепнаго* товару на Нижегородской ярмаркѣ: кому онъ принадлежитъ? Конечно, не бѣднымъ людямъ, а весьма богатымъ торговцамъ. Между тѣмъ, навѣрное половина его, если не девять десятыхъ, выкрадена изъ лѣсовъ владѣльческихъ и казенныхъ мѣстными крестьянами и скуплена торговцами завѣдомо какъ краденое, даже частію по прямому заказу. Въ доказательство приведемъ фактъ печатно заявленный г. Лугининымъ въ статьѣ, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1863 года № 7). Въ 1861 году, въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, государственные крестьяне Нейской волости вырубили въ дачѣ г. Лугинина большое количество лѣса, а потомъ въ 1862 г. значительною партіей произвели огромную выработку мочала (10.000 лубьевъ, для чего истреблено около 3.000 липовыхъ деревъ) и не позаботились даже вывезти лубья изъ чужой дачи, а тутъ же разложили ихъ въ мочища, гдѣ, передъ сдираніемъ мочалы, лубья вымокаютъ до осени. Узнавъ объ этомъ, вотчинное управленіе обратилось уже не къ начальству, отъ котораго и по первой порубкѣ не получило никакой защиты, а предложило нѣкоторымъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ г. Лугинина отбить у казенныхъ крестьянъ эту добычу изъ половины, т.-е. одну половину крестьянамъ, а другую помѣщику, что и удалось исполнить благополучно. Можно ли назвать нормальнымъ такой порядокъ, когда собственникъ принужденъ идти въ долю съ ворами, чтобы получить что-нибудь изъ своей же собственности! Неужели этихъ оптовыхъ промышленниковъ лубьями и мочалами, которые въ чужомъ лѣсу силой устраиваютъ фабрикацію 10.000 лубьевъ и рубятъ 3.000 липъ, можно сравнить съ идиллическими бѣдными дровосѣками, о которыхъ мы въ дѣтствѣ читали въ волшебныхъ сказкахъ Перро? Здѣсь воровство является какъ организованный промыселъ, основанный на анархическомъ началѣ матеріяльной силы, не обуздываемой ни закономъ, ни его блюстителями. Г. Лугининъ приводитъ другой фактъ обширной покражи лѣса въ Варнавинскомъ уѣздѣ, той же Костромской губерніи, въ имѣніи графа Шереметева. Управляющій проситъ произвести слѣдствіе о порубкѣ нѣсколькихъ тысячъ корней, проситъ неоднократно, проситъ наконецъ начальника губерніи; черезъ годъ начинается слѣдствіе, а между тѣмъ краденый лѣсной матеріялъ грузится на суда передъ его глазами у Макарьевской пристани, и полиція, которая имѣла въ рукахъ всѣ эти объявленія о покражѣ, выдала торговцу купившему краденый лѣсной матеріялъ, или точнѣе, заказавшему украсть его, сплавной билетъ на свободный провозъ подъ именемъ груза „скупленнаго на торгахъ и базарахъ.“ При такомъ хищеніи лѣса, хищеніи систематическомъ, обратившемся въ постоянный развитой промыселъ,—къ чему послужатъ таксаціи, лѣсосѣки, и въ особенности—запрещеніе владѣльцамъ рубить свой лѣсъ безъ особаго разрѣшенія администраціи?

Необходимость принятія мѣръ для охраненія лѣсовъ отъ истребленія порубщиками давно уже сознается въ обществѣ, но до сего времени это сознаніе не только не повело къ измѣненію законодательныхъ постановленій о лѣсныхъ порубкахъ, но даже не повело къ ближайшему опредѣленію, какія именно мѣры желательно было бы принять для противодѣйствія столь всеобщему злу и столь очевидной опасности окончательнаго уничтоженія всѣхъ лѣсовъ. С.-Петербургское Общество Сельскихъ Хозяевъ первое приняло этотъ вопросъ къ сердцу, и для разрѣшенія его выбрало изъ среды своей коммиссію, которой поручило заняться имъ исключительно и со всею подробностію. Коммиссія эта, какъ намъ пишутъ, обратилась къ г. министру государственныхъ имуществъ, который, принявъ благосклонно ея предложеніе, поручилъ чинамъ лѣснаго департамента обсудить вмѣстѣ съ членами коммиссіи всѣ тѣ мѣры, которыя могутъ быть установлены для охраненія частныхъ лѣсовъ отъ порубокъ и пожаровъ. Вѣроятно,

результаты этихъ совѣщаній вскорѣ сдѣлаются извѣстными, а потому мы почитаемъ своевременнымъ сказать нѣсколько словъ для уясненія вопроса, важность и значеніе котораго никто, конечно, оспаривать не будетъ.

Всѣ охранительныя отъ хищническихъ и воровскихъ порубокъ мѣры сводятся обыкновенно къ усиленію взысканій за открытыя преступленія и къ облегченію формъ какъ судебнаго, такъ и слѣдственнаго процесса, противъ захваченныхъ на мѣстѣ или подозрѣваемыхъ преступниковъ. Эти отступленія отъ общихъ правилъ преслѣдованія нарушителей права собственности, отступленія допускаемыя законодательствами всѣхъ благоустроенныхъ государствъ, обусловливаются самыми свойствами и самою формой лѣсной собственности. Она весьма неудобна для охраненія; ее нельзя запирать ни въ сундукъ, ни въ кладовую, ни въ амбаръ, ни даже сложить въ общую массу, какъ снопы, сѣно или какіе-либо другіе матеріялы; она разбросана на обширномъ пространствѣ и притомъ остается въ этомъ разсѣянномъ видѣ цѣлые десятки лѣтъ, прежде нежели получитъ свою дѣйствительную цѣнность, не такъ какъ сжатый хлѣбъ или скошенное сѣно, которые остаются въ этомъ видѣ лишь нѣсколько дней; при доказательствѣ нарушенія права собственности въ лѣсу, невозможно требовать представленія свидѣтелей; да и самый захватъ преступниковъ съ поличнымъ чрезвычайно труденъ, потому что число ихъ всегда превышаетъ число той стражи, которую можно разставить на извѣстномъ пространствѣ. Вотъ причины, по коимъ для преслѣдованія порубокъ и лѣсоповрежденій требуется спеціальное законодательство. Всѣ мѣры, допускаемыя такимъ законодательствомъ, имѣютъ своимъ основаніемъ, какъ сказано, особую форму лѣсной собственности; а исходною точкой дѣйствія этихъ мѣръ всегда предполагается открытая лѣсною стражей порубка и принесенная этою стражей или собственникомъ опредѣленная жалоба на захваченныхъ или подозрѣваемыхъ нарушителей закона. Въ государствахъ Западной Европы мѣры преслѣдованія нарушителей лѣсной собственности весьма практичны, и мы не сомнѣваемся, что примѣненіе ихъ у насъ въ средней и южной части Россіи принесло бы существенную пользу, но въ отношеніи къ сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ, наиболѣе лѣснымъ губерніямъ, эти мѣры должны оказаться недостаточными по той-же самой причинѣ, которая вызываетъ въ этомъ дѣлѣ спеціальное законодательство, то-есть по особой формѣ лѣсной собственности. Дрова въ этихъ мѣстахъ имѣютъ цѣну только въ городахъ, да и самыя деревья получаютъ цѣну только тогда, когда уже бываютъ доставлены въ пункты близкіе къ сплавнымъ рѣкамъ. На мѣстахъ произрастанія промышленники вовсе не цѣнятъ ихъ, а обращаютъ только вниманіе на продукты, изъ нихъ добываемые, какъ-то: доски, кленку (для бочекъ), лубья, мочало, деготь, поташъ и пр. Пространства, занимаемыя лѣсами, такъ обширны, что невозможно имѣть достаточную стражу для открытія порубокъ, а между тѣмъ вся система преслѣдованія обыкновенно основана на показаніяхъ этой стражи и эти показанія должны служить исходною точкой для примѣненія закона. Очевидно, что особенность формы лѣсной собственности въ нѣкоторыхъ губерніяхъ должна вызвать и особую законодательную систему, при которой преслѣдованіе преступленія было бы перенесено изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ обнаруженіе его неудобно или вовсе невозможно, на тѣ, гдѣ оно легко и можетъ быть исполняемо безъ нарушенія общихъ условій справедливости и порядка. Необходимость такой системы уже сознана нашимъ законодательствомъ, и самая система отчасти выражена въ положительной формѣ въ тѣхъ статьяхъ лѣснаго устава, гдѣ идетъ рѣчь о сплавныхъ билетахъ (ст. 1.425 и слѣдующія). Примѣненіе билетной системы при однихъ только сплавахъ затруднительно, потому что сплавы производятся весной въ короткое время, и искусственные продукты, добываемые изъ лѣсныхъ матеріяловъ, вовсе ускользаютъ отъ контроля, между тѣмъ какъ на нихъ-то единственно и можетъ быть основанъ лѣсной доходъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ дрова и даже строительный матеріялъ не имѣетъ никакой цѣны. Въ настоящее время большая часть заведеній, вырабатывающихъ эти продукты, продовольствуются краденными матеріялами, и основаны на разчетѣ на кражу. Изъ этого ясно, что билетную систему необходимо расширить и распространить на всѣ добываемые изъ лѣса продукты.

Вотъ какому злу слѣдуетъ противодѣйствовать, не прикрываясь опасеніемъ, что топливо для *бѣдныхъ людей* будетъ дорого. Пусть бѣдные люди обратятся къ честной работѣ; она доставитъ имъ больше пользы нежели хищничество и кочевыя привычки. Систематическое развращеніе народа не приведетъ ни къ чему доброму. Всякій нравственный и матеріяльный прогрессъ имѣетъ своимъ началомъ и основаніемъ огражденіе права собственности и утвержденіе въ народномъ сознаніи различія между *моимъ* и *твоимъ*. Никакія школы, питомники, образцовыя фермы, выставки, преміи, медали и конкурсы не подвинутъ цивилизаціи, пока основаніе ея будетъ шатко, пока снисходительность ко всякому воровству будетъ считаться филантропіей, пока будутъ встрѣчаться въ обществѣ и въ администраціи метафизики, приписывающіе крестьянамъ мысль, что лѣсъ, какъ даръ Божій, равно всѣмъ принадлежитъ, а потому воровать лѣсъ не грѣхъ. Русскій крестьянинъ, на котораго эти господа ссылаются, отнюдь не безумецъ, и очень хорошо понимаетъ, что столѣтніе дубы и сосны не грибы и не ягоды, и что однажды уничтоженные, они не такъ скоро замѣняются другими, и не могутъ принадлежать всѣмъ. Пусть бы кто-нибудь изъ такихъ метафизиковъ взялъ топоръ или пилу и пошелъ въ часть лѣса, принадлежащую какому-нибудь крестьянину: если хозяинъ-крестьянинъ захватитъ его на рубкѣ дерева, то онъ представитъ ему такія доказательства правильности своего взгляда на лѣсную собственность, которыхъ метафизикъ съ пилой долго не забудетъ.

Если мы убѣдимся въ необходимости особенной формы охраненія лѣсной собственности въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, то еще останется вопросъ о самой формѣ и о подробностяхъ той системы, которая должна быть принята,—подробностяхъ, весьма важныхъ; чтобы съ одной стороны вся система не обратилась въ пустую формальность, а съ другой, чтобъ она не была стѣснительна для людей не причастныхъ къ лѣсохищничеству, занимающихся честнымъ промысломъ, для пользы которыхъ и требуется ея установленіе. Кто же можетъ лучше всего судить о достоинствахъ и практичности тѣхъ мѣръ къ лѣсоохраненію, которыя могутъ быть предложены для данной мѣстности, какъ не всесословные представители этой мѣстности, какъ не земскія собранія? Вотъ почему желательно было бы, чтобы мѣры и постановленія объ охраненіи частныхъ лѣсовъ были сообщены предварительно, по крайней мѣрѣ, губернскимъ земскимъ собраніямъ, и чтобы замѣчанія, ими высказанныя, были приняты въ соображеніе при окончательномъ утвержденіи новаго закона. Мы слышали, что въ лѣсной коммиссіи, избранной С.-Петербургскимъ Обществомъ Сельскихъ Хозяевъ, выработанъ полный проектъ лѣсоохранительной билетной системы. Не зная содержанія этого проекта, мы не беремъ на себя произносить свое сужденіе о его достоинствахъ или недостаткахъ, тѣмъ болѣе что въ этомъ новомъ дѣлѣ одно и то же постановленіе можетъ оказаться для одной мѣстности весьма дѣльнымъ и практическимъ, а для другой стѣснительнымъ или по крайней мѣрѣ безполезнымъ. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ въ отношеніи къ требованіямъ и удобствамъ каждой мѣстности доступно лишь людямъ вполнѣ знакомымъ съ этими условіями и связаннымъ съ ними своимъ личнымъ интересомъ, а потому намъ кажется, что разсмотрѣніе и подробное обсужденіе проекта лѣсоохранительной билетной системы земскими собраніями есть непремѣнное условіе успѣшнаго рѣшенія. Заключая въ средѣ своей представителей всѣхъ сословій, земскія собранія могли бы легко устранить все непрактическое или сколько-нибудь стѣснительное для каждой мѣстности, и удержать все то что можетъ содѣйствовать главной цѣли — установленію правильнаго пользованія лѣсами. Во всякомъ случаѣ, земскимъ собраніямъ придется заниматься вопросомъ о лѣсахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ лѣса обнимаютъ бо́льшую часть поземельной собственности, а лѣсная промышленность составляетъ главный предметъ занятій жителей и источникъ ихъ дохода. При раскладкѣ повинностей невозможно будетъ въ такихъ мѣстностяхъ ни принять систему подесятинной платы, ни произвести оцѣнку для процентнаго сбора, и сама необходимость заставитъ искать средствъ опредѣлить, а слѣдовательно и контролировать доходъ получаемый отъ лѣсной собственности, какъ самими владѣльцами, такъ и промышленниками, занимающимися извлеченіемъ и разработкой продуктовъ доставляемыхъ лѣсами. Должна быть придумана такая система, которая бы не только не была стѣснительна, но

даже возвышала доходность лѣсовъ, содѣйствуя устраненію хищничества и введенію правильнаго хозяйства. Нѣтъ ничего не справедливѣе какъ брать налогъ съ вещи, хотя бы и цѣнной, но не приносящей дохода, а напротивъ требующей издержекъ отъ своего владѣльца. А въ такомъ именно положеніи находятся лѣсовладѣльцы, принужденные тратиться на содержаніе стражи. Подесятинный налогъ на лѣса разорилъ бы лѣсовладѣльцевъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, а въ среднихъ побуждалъ бы ихъ къ истребленію и распашкѣ лѣсовъ. Намъ кажется, что законодательство было бы въ правѣ совершенно воспретить взиманіе подесятиннаго налога съ лѣсовъ и допустить лишь налогъ соразмѣрный приносимому ими доходу. Во всякомъ случаѣ, земскія собранія, держась этого правила, поступятъ и справедливо, и въ экономическомъ смыслѣ полезно, потому что облегчатъ сохраненіе лѣсовъ, столь необходимое для благосостоянія Россіи.

№ 175.

Москва, 11-го августа.

Возвращаемся къ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ офиціяльныхъ источниковъ и обнародованнымъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* о пожарахъ преимущественно въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи. Итакъ, польская революціонная партія отнюдь не признала себя побѣжденною, не сложила оружія, и дѣятельно поддерживаетъ борьбу противъ Россіи. Польскій мятежъ еще продолжается съ тою же почти силой и съ тѣмъ же вредомъ какъ и прежде: разница заключается только въ томъ, что прежде онъ пытался дѣйствовать мечомъ, а теперь дѣйствуетъ огнемъ, прежде онъ сосредоточивалъ свое дѣйствіе въ предѣлахъ бывшаго Польскаго королевства, теперь старается охватить всю Россію и дать ей почувствовать свое присутствіе на всемъ ея обширномъ пространствѣ. Въ прежнемъ своемъ видѣ польскій мятежъ вызывалъ открытое и всеобщее противодѣйствіе; теперь злоумышленники предполагаютъ возможность раздѣленія мнѣній въ вопросѣ о главныхъ виновникахъ пожарной эпидеміи, свирѣпствующей на всемъ пространствѣ Россіи. Наконецъ, въ прежнемъ своемъ видѣ польскій мятежъ возбуждалъ энергію въ русскомъ обществѣ, и вызывалъ съ его стороны готовность на пожертвованія для борьбы противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ отечества,—теперь же, принявъ новую форму и пользуясь безмолвіемъ печати, онъ разсчитываетъ на невозможность отпора со стороны общества, которое до сихъ поръ, въ унынін и въ отчаяніи, оставалось безпомощнымъ зрителемъ постигавшихъ его бѣдствій. Но вотъ печать безмолвія, наконецъ, сломлена. Изъ сѣверо-западнаго края Россіи раздался мужественный голосъ, возвѣщающій, что для успѣха русскаго дѣла въ борьбѣ съ крамолой прежде всего необходимо разоблаченіе истины. Сдѣланъ важный шагъ на новомъ пути, долженствующемъ привести къ новой побѣдѣ.

„Гласное и серіозное обсужденіе вопроса о пожарахъ, сказано въ *Русскомъ Инвалидѣ*, придется, конечно, не по вкусу поджигателямъ и большинству ихъ доброжелателей, но оно должно привести къ прекращенію пожаровъ, такъ же какъ гласное обсужденіе въ 1863 г. польскаго вопроса всего болѣе способствовало прекращенію вооруженнаго мятежа“. Эти слова совершенно вѣрны: требуется именно обсужденіе дѣла, гласное и вмѣстѣ серіозное, простирающееся столько же на средства, употребляемыя поджигателями, сколько и на ихъ побужденія. Главными виновниками этихъ бѣдствій оказываются, какъ и слѣдовало ожидать, прежде всего польскіе революціонеры. Какъ въ 1863 г., такъ и теперь, руководительство въ этой гнусной борьбѣ противъ Россіи приняла на себя часть польскихъ эмигрантовъ, которая состоитъ въ сношеніи, съ одной стороны, съ шайкой русскихъ негодяевъ-отверженцевъ, называющихъ себя *агенствомъ Герцена* и имѣвшихъ свой сборный пунктъ въ Тульчѣ, а съ другой—съ польскими патріотами внутри Россіи. Это послѣднее, указаніе безъ сомнѣнія, не останется безъ важныхъ практическихъ послѣдствій для предупрежденія на будущее время поджоговъ, сдѣлавъ мѣстныхъ жителей осторожнѣе и осмотрительнѣе въ ихъ сношеніяхъ съ ссыльными Поляками и убѣдивъ мѣстныя власти въ необходимости самаго бдительнаго надзора за ними. Только такой надзоръ можетъ успокоить населенія и обезопасить то, конечно, весьма значительное большинство между ссыльными, которое непричастно злодѣйскому заговору. Но этого мало. Строгій надзоръ есть средство палліативное, а пал-

ліативныя средства не устраняютъ потребности къ коренномъ врачеваніи. Теперь, когда становится несомнѣнно, въ интересахъ какого дѣла преимущественно поджигаются наши города и села, всякій долженъ предложить себѣ вопросъ: какими соображеніями и разсчетами, какими вообще побужденіями руководствуются главные виновники поджоговъ, рѣшаясь на такое гнусное злодѣйство? Изъ показанія Детловской можно было бы заключить, что тутъ дѣло идетъ не болѣе какъ о мести. „Край намъ „не достался," говорилъ ей польскій панъ, подговаривавшій ее къ поджигательству, „пускай не достанется и имъ." Признать ли дѣйствительную силу такого мотива? Прежде всего надобно принять во вниманіе, что пожары съ явными признаками поджоговъ не ограничиваются тѣмъ краемъ, на который польскіе патріоты-революціонеры предъявляютъ свои притязанія: по разсчетамъ, за вѣрность которыхъ мы, конечно, не можемъ поручиться, еженедѣльно бываетъ до 200 пожаровъ въ цѣлой Россіи. Предполагать ли и тутъ слѣпую месть? Такъ какъ вся Россія высказалась противъ притязаній польскихъ мятежниковъ, то можно было считать естественнымъ, что противъ всего русскаго народа и обратилась жажда мести. Но участіе въ этомъ дѣлѣ герценистовъ, и особенно денежныя пособія, оказываемыя ему лондонскимъ банкиромъ Т...., который состоитъ членомъ лондонскаго общества *революціоннаго пламени* и въ то же время находится въ близкихъ связяхъ съ Мадзини, однимъ изъ апостоловъ всесвѣтной революціонной партіи, не позволяютъ остановиться на этомъ предположеніи. Зачѣмъ бы дѣятели всесвѣтной революціи стали жертвовать значительными денежными суммами, если бы дѣло шло только объ удовлетвореніи чувства безсмысленной мести, которымъ могутъ пламенѣть лишь нѣкоторые изъ польскихъ революціонеровъ-эмигрантовъ? Нѣтъ, въ основѣ этихъ злодѣяній лежитъ какой-нибудь политическій разсчетъ, на который указываетъ и самая организація заграничныхъ шаекъ поджигателей. Какой же это разсчетъ?

Подстрекатели Капущинскаго, совершившаго поджогъ въ мѣстечкѣ Долгиновѣ, между прочимъ, развивали такую мысль: „Если пойдутъ пожары, говорили они, народъ обѣднѣетъ, снова начнется мятежъ, и дѣло не пропадетъ, то-есть, Польша можетъ думать о своемъ возстановленіи."

Возбужденіе общаго народнаго неудовольствія въ цѣлой Россіи противъ правительства и даже возбужденіе народа къ явному мятежу, очень можетъ служить предлогомъ для главныхъ руководителей этого дѣла,—предлогомъ, который они, безъ сомнѣнія, съ особенною силой поставляютъ на видъ русскимъ отверженцамъ, изображающимъ собой новѣйшую фазу въ развитіи *герценизма*. Что подобные разчеты входятъ въ планъ польскихъ революціонеровъ, и что этимъ путемъ они надѣются возбудить раздраженіе противъ правительства не только въ самой Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, доказательствомъ служитъ то, что та часть заграничной печати, которая и прежде отличалась искреннею или закупленною преданностью польскому дѣлу, не перестаетъ нагло твердить, что въ поджогахъ виновно русское правительство и что поджоги, по крайней мѣрѣ, въ Царствѣ Польскомъ, производятся его агентами, русскими чиновниками. Въ № 157-мъ *Московскихъ Вѣдомостей*, было уже указано на то, что подобное мнѣніе распространяется не только въ *Opinion Nationale*, органѣ принца Наполеона, но и въ умѣренно-либеральномъ *Journal des Débats*, не только въ клерикальномъ *le Monde*, но и въ *Morning Post*. Теперь къ этому списку иностранныхъ газетъ, утверждающихъ, что русское правительство само занимается поджогами въ русскихъ владѣніяхъ, мы можемъ еще присоединить радикальную газету *Siècle*, въ которой нѣкто г. Анатоль де-ла-Форжъ (Anatole de la Forge) положительно утверждаетъ, что „въ настоящее время Русскіе огнемъ совершаютъ дѣло умиротворенія Польши" („C'est par le feu maintenant que les Russes poursuivent l'oeuvre de l'apaisement de la Pologne"), и позволяетъ себѣ далѣе слѣдующую непристойную игру словъ: „Русскіе агенты, говоритъ онъ, набираемые „изъ искателей приключеній и называемые „*чиновниками*, получили порученіе отъ правительства объѣзжать провинціи (Царства Польскаго) и *просвѣщать* (éclairer) „населеніе на счетъ истинныхъ его интересовъ, и вотъ эти чиновники, дѣйствительно *просвѣщаютъ* Польшу съ горящими факелами въ рукахъ." Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было высказано мнѣніе, что поджоги, по всей вѣроятности, ведутъ свое начало отъ польской революціонной партіи,—мнѣніе, которое теперь

подтвердилось изъ офиціяльныхъ источниковъ. Газета *Siècle*, съ неменьшимъ неистовствомъ чѣмъ нѣкоторыя изъ петербургскихъ газетъ, возстаетъ противъ этого предположенія, доказывая, что все взрослое мужское населеніе Польши истреблено „московскою“ арміей, или сослано въ Сибирь, и что нельзя же обвинять тѣхъ, кого уже нѣтъ болѣе въ живыхъ или кто сосланъ за тридевять земель, и т. д. Опровергать подобные доводы было бы совершенно излишне; но не лишнее будетъ указать, что даже такіе польскіе паны, которые, какъ Ходзько, были извѣстны своею дѣятельною агитаціей въ пользу польскаго мятежа и своимъ дѣятельнымъ ему сочувствіемъ, не только не были преданы казни или сосланы въ Сибирь, но остались спокойными обладателями своихъ фольварковъ, отдѣлавшись однимъ лишь надзоромъ полиціи,—надзоромъ, который не помѣшалъ, по крайней мѣрѣ шляхтичу Ходзько самому заниматься поджогами. Выше мы упомянули о сходствѣ и о различіи между польскимъ мятежомъ 1863 года и продолженіемъ его въ 1865 году. Къ числу сходныхъ признаковъ принадлежитъ и то, что какъ тогда, такъ и теперь извѣстная часть иностранной журналистики съ непомѣрною наглостью вступается за польскую революціонную партію, и нѣтъ гнусности, совершенной этою партіей, которой она не приписывала бы прямо русскому правительству.

Но какъ бы то ни было, мы полагаемъ, что возбужденіе, посредствомъ распространенныхъ повсюду поджоговъ неудовольствія противъ русскаго правительства какъ въ самой Россіи, такъ и за-границей, не есть главная цѣль руководителей этого дѣла, а только цѣль второстепенная и еще болѣе предлогъ, съ помощью котораго они успѣли заманить въ свои сѣти русскихъ отверженцевъ. Какого бы не были они низкаго мнѣнія о русскихъ народныхъ массахъ, все-таки они не могутъ воображать, чтобы не только русскій народъ, но даже и польскіе крестьяне когда-либо повѣрили тому, что русское правительство само производитъ поджоги, само истребляетъ народное достояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ само истощаетъ податную силу народа, безъ которой оно, очевидно, не могло бы вовсе существовать. Случайная неосмотрительность мѣстныхъ начальствъ или неспособность ихъ ни справляться съ пожарами, ни ограждать мирныхъ гражданъ отъ поджигательства, ни открывать поджигателей, правда можетъ возбудить раздраженіе и даже произвести смуты и волненія: все это, конечно, можетъ также входить въ разчеты поджигателей, но всѣ эти послѣдствія, по самой случайности своей, не могутъ быть у нихъ на первомъ планѣ. Если справедливо утверждаютъ что сженедѣльно бываетъ до 200 болѣе или менѣе значительныхъ пожаровъ въ Россіи, то было бы гораздо правдоподобнѣе предположить, что какъ польскіе революціонеры, такъ и *герцеисты*, дѣйствительно, имѣютъ въ виду уменьшить по возможности податную силу народа, поставить его въ невозможность уплачивать подати и тѣмъ самымъ лишить ненавистное имъ русское правительство средствъ существованія.

Не отрицая, что поджигатели могутъ руководиться и чувствомъ мести, и особенно желаніемъ подорвать въ народѣ довѣріе къ правительству и лишить правительство средствъ существованія уменьшивъ податную силу народа, мы полагаемъ, однакоже, что главнѣйшимъ образомъ, они разчитываютъ на русское слабодушіе. Повергая страну въ бѣдствія, революціонеры разчитываютъ, что и русское общество, и русское правительство будутъ приведены къ сознанію, что для устраненія бѣдствій на будущее время, необходимо такъ или иначе отдѣлаться отъ Польши и удовлетворить желаніямъ Поляковъ. Польскіе революціонеры, начиная съ Чарторыйскихъ и Чацкихъ, привыкли обдѣлывать свои дѣла руками русскаго же правительства; на этотъ разъ, по всей вѣроятности, имѣется въ виду застращать русское правительство и вынудить у него то, чего не вынудило открытое возстаніе подкрѣпляемое Европой. Эти революціонеры ждутъ колебаній въ русской политикѣ относительно польскаго вопроса и стараются ускорить наступленіе этихъ колебаній.

Устранить эти старанія и ожиданія, находящіяся въ несомнѣнной связи съ происками общей европейской революціи, которая пользуется всѣми элементами разложенія и безпорядка, можно только просвѣщенною твердостью правительственной системы, вызывающей здоровыя силы и поднимающей духъ въ русскомъ народѣ. Первое и вѣрнѣйшее средство противъ поджоговъ и всякихъ козней заключается въ національномъ направленіи внутренней по-

литики и такихъ мѣрахъ по дѣламъ польскимъ, которыя, при всевозможной пощадѣ относительно лицъ, подорвали бы силу идеи, губящей людей польскаго происхожденія и причиняющей столько бѣдствій Россіи. Какъ въ вооруженномъ мятежѣ, такъ и въ гнусной сторонѣ поджоговъ, польское дѣло есть не болѣе какъ орудіе обширнаго плана противъ Россіи, неутомимо приводимаго въ дѣйствіе...

№ 176.

Москва, 12-го августа.

Вслѣдъ за княземъ Баюшевымъ, симбирскимъ помѣщикомъ и свидѣтелемъ бѣдствій, постигшихъ этотъ многострадальный городокъ, обратимъ вниманіе на положеніе, принятое нѣкоторыми петербургскими газетами въ виду недавно обнародованныхъ свѣдѣній о поджогахъ, преимущественно въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, и объ организаціи шайки поджигателей заграницей.

С.-Петербургскія Вѣдомости, еще въ тотъ самый день, когда въ *Русскомъ Инвалидѣ* (и въ то же самое время, въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*) были напечатаны свѣдѣнія, почерпнутыя изъ офиціальныхъ источниковъ, о поджогахъ, устами своего симбирскаго корреспондента положительно обвиняли симбирское общество въ странномъ ослѣпленіи за то, что оно не переставало приписывать симбирскіе пожары польской крамолѣ. Другая петербургская газета, *Голосъ*, въ свою очередь, готова была скорѣе клеветать на весь русскій народъ, утверждая, что „у насъ, въ простомъ „народѣ, поджогъ—довольно обыкновенная „форма мести,“ и что народъ смотритъ на „это страшное преступленіе иногда до край„ности снисходительно,“ чѣмъ допустить какую-нибудь злоумышленную махинацію въ основѣ этой страшной пожарной эпидеміи. А между тѣмъ сами польскіе патріоты какъ бы умышленно заботились о томъ, чтобы подозрѣніе пало на ревнителей *польской справы*. Полное разоблаченіе истины, какое начато теперь благодаря просвѣщенной патріотической инициативѣ начальника сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, очень неблагопріятно для польскаго дѣла; но въ разчеты поджигателей входило то, чтобы рука, поражавшая Россію въ ея благосостояніи, не оставалась совершенно неизвѣстною: имъ было нужно, чтобъ она, возбуждала лишь безмолвный трепетъ. Имъ было мало просто истребить Симбирскъ за горячее изъявленіе патріотическаго чувства при встрѣчѣ, въ 1863 году, покойнаго Цесаревича; имъ, какъ пишетъ князь Баюшевъ, нужно было еще указать, что эти бѣдствія идутъ отъ ревнителей польскаго дѣла, и вотъ на цоколѣ истребленнаго ими собора сдѣланы богохульныя и ругательныя надписи на польскомъ языкѣ, и одинъ изъ польскихъ фанатиковъ всенародно провозгласилъ, что это его соплеменники, Поляки, вымещаютъ на Симбирскѣ свои недавнія неудачи. И однакоже, въ виду всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ фактовъ, вопреки общему убѣжденію, какъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, такъ и *Голосъ*, считали благовиднымъ до послѣдней возможности отрицать самое существованіе систематическихъ поджоговъ. Сознались ли эти газеты по крайней мѣрѣ теперь въ своемъ странномъ заблужденіи, послѣ обнародованія офиціальныхъ свѣдѣній о поджогахъ и объ организованной заграницей шайкѣ поджигателей? Ничуть не бывало, и даже сами эти свѣдѣнія перепечатаны ими какъ бы не-хотя, въ сокращеніи, съ существенными пропусками и не безъ оговорокъ. Это фактъ куріозный, на который стоитъ обратить вниманіе.

Въ статьѣ *Виленскаго Вѣстника* и *Русскаго Инвалида*, въ которой были обнародованы свѣдѣнія о поджогахъ, было между прочимъ сказано, что разоблаченіе истины, въ которомъ заключается самое существенное условіе для успѣха русскаго дѣла въ западномъ краѣ, встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны внутреннихъ враговъ Россіи, и что гласное и серіозное обсужденіе вопроса о пожарахъ, долженствующее болѣе всего другаго вести къ ихъ прекращенію, придется не по вкусу поджигателямъ и большинству ихъ доброжелателей. Какое же впечатлѣніе произведено этими словами на петербургскихъ газетчиковъ?

Офиціозная газета *Голосъ*, сообщивъ фактическую часть статьи *Русскаго Инвалида* о поджогахъ и объ организаціи партіи поджигателей, опустила все начало этой статьи, гдѣ говорится о необходимости разоблаченія истины и гласнаго обсужденія вопроса о пожарахъ, о необходимости от-

казаться отъ мечты, будто бы въ сѣверо-западномъ краѣ уже истреблена польская революціонная партія, и гдѣ представляется общая характеристика шайки поджигателей. Означенная газета замѣнила это начало собственнымъ замѣчаніемъ, которое, очевидно, должно было ослабить дѣйствіе на читателя сообщенныхъ далѣе свѣдѣній. Въ статьѣ этой (*Русскаго Инвалида*), говоритъ *Голосъ*, сообщаются свѣдѣнія о нѣкоторыхъ слѣдственныхъ, *но еще не оконченныхъ* дѣлахъ, производящихся надъ лицами обличенными въ поджогахъ, и которыя, *по словамъ автора статьи*, почерпнуты изъ официяльныхъ источниковъ." Затѣмъ прямо слѣдуетъ разказъ о поджогѣ Ходзька, и т. д. Положеніе принятое *Голосомъ* относительно обнародованныхъ теперь официяльныхъ свѣдѣній, особенно характеризуется тѣмъ, что эта газета совершенно умалчиваетъ о связи поджоговъ внутри имперіи съ поджогами въ сѣверо-западномъ краѣ, и даже опускаетъ весьма важное извѣстіе о нахожденіи подъ военнымъ судомъ за поджогъ Ново-Ларинской свободы Нижегородской губерніи, ученика Свенцянской гимназіи, Владислава Бѣликовича, высланнаго въ эту слободу по конфирмаціи графа Муравьева. Какъ видно, эта официозная газета была бы не прочь и теперь приписывать всѣ пожары внутри Россіи неосторожности съ огнемъ, или тому, что „поджогъ—обыкновенная форма мести у насъ въ простомъ народѣ".

Биржевыя Вѣдомости, служившія официяльнымъ органомъ для двухъ министерствъ, а теперь еще служащія одному, сообщили своимъ *обязаннымъ* читателямъ упомянутую статью въ томъ самомъ видѣ какъ она появилась въ *Голосѣ*, даже со вступительными словами этой газеты и притомъ не прежде какъ во вчерашнемъ нумерѣ, какъ будто это было извѣстіе изъ Китая, которое могло безъ всякаго неудобства отлагаться изо дня въ день за неимѣніемъ мѣста.

Но наибольшею странностью отличаются тѣ операціи, которымъ подверглась статья *Виленскаго Вѣстника* и *Русскаго Инвалида* со стороны кого-либо изъ невѣдомыхъ сотрудниковъ наивной редакціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Позаимствовавъ изъ общей характеристики пожаровъ въ сѣверо-западномъ краѣ только указаніе на тотъ фактъ, что горѣли большею частью жилища русскихъ народонаселеній, *С.-Петербургскія Вѣдомости* продолжаютъ свою выписку въ слѣдующемъ видѣ: „Есть ли „это случайное явленіе, или нѣтъ, мы не „беремся утвердительно отвѣчать. Нѣсколько „случаевъ заставляютъ думать, что корыстолюбивые разчеты Евреевъ бывали побудительною причиной поджоговъ. Опять (sic!) нѣсколько данныхъ (продолжаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* уже собственными словами), „говорящихъ въ пользу „организованныхъ поджоговъ въ Валійскомъ (sic!) уѣздѣ." Такимъ образомъ, въ умѣ читателя должно образоваться впечатлѣніе, что распространеніе пожаровъ въ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ русскій элементъ, есть по преимуществу дѣло случайное, что организованные поджоги, съ политическою цѣлью, дѣло не доказанное, хотя нѣсколько данныхъ и говорятъ въ пользу подобныхъ поджоговъ, именно въ Вилейскомъ уѣздѣ, но что, впрочемъ, корыстолюбивые разчеты Евреевъ играютъ тутъ такую же роль какъ и всякаго рода другія побужденія. Вообще *С.-Петербургскія Вѣдомости*, стыдливо краснѣющія когда приходится говорить о дѣйствительныхъ поджигателяхъ, не стѣсняются бросать укоръ въ поджигательствѣ на цѣлыя народонаселенія и не разъ огуломъ обвиняли Евреевъ въ пожарахъ западнаго края Онѣ выпустили въ статьѣ *Русскаго Инвалида* то мѣсто, гдѣ говорится, что еврейское населеніе значительно пострадало отъ пожаровъ западнаго края, но въ то же самое время въ самихъ же *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* писали изъ Ковна о пожарѣ, истребившемъ значительную часть этого города: „всѣ почти сгорѣвшіе дома принадлежали Евреямъ и почти всѣ были не застрахованы." Относительно дѣйствительныхъ поджигателей въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* сказано, что „*Русскій „Инвалидъ* положительно утверждаетъ, на „основаніи официяльныхъ данныхъ, что существуетъ партія поджигателей, которая „производитъ поджоги въ западномъ краѣ, „Польшѣ и Россіи," и даже указано на скрытый *Голосомъ* поджогъ Владислава Бѣликовича, въ Нижегородской губерніи. Но что это за партія, изъ кого она состоитъ, въ какой связи находится она съ польскимъ мятежомъ, въ интересахъ какого дѣла она дѣйствуетъ, какъ она организована заграницей, все это опущено въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Существу-

есть какая-то партія поджигателей, и есть нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ о поджогахъ въ Вилейскомъ уѣздѣ,—вотъ все, что̀ узнали читатели изъ этой газеты, и чѣмъ они, по ея мнѣнію, должны удовольствоваться. Что̀ за удивительная словоздержность напала вдругъ на эту обыкновенно болтливую газету, которая нерѣдко сообщаетъ своимъ читателямъ и то, что̀ нисколько не можетъ ихъ интересовать и что̀ не можетъ нисколько подлежать гласности, какъ напримѣръ о нашихъ частныхъ предположеніяхъ и соображеніяхъ, и которая въ томъ же самомъ нумерѣ (№ 202), на первомъ мѣстѣ, помѣстила на четырехъ столбцахъ корреспонденцію изъ Тамбова, въ которой дѣлается жалкая попытка осмѣять тамбовское общество за сочувствіе *Московскимъ Вѣдомостямъ*, и за то, что оно желаетъ своему юношеству доступа къ университетскому образованію? Что̀ заставило эту газету такъ не вѣрно передать начало статьи *Русскаго Инвалида* и совершенно опустить весь ея конецъ, гдѣ говорится объ организаціи партіи поджигателей? Респектъ ли передъ ревнителями польскаго дѣла, или предъ именемъ г. Герцена, которымъ украшаются русскіе негодяи-отверженцы въ Тульчѣ, замышляющіе изъ Турціи распространять пожары по южной Россіи? И то, и другое было бы болѣе къ лицу другой газетѣ чѣмъ *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ*, которыя отличаются болѣе своею наивностью чѣмъ злонамѣренностью.

Возвратимся къ *Голосу*. Эта газета должна была снова придти намъ на память, какъ только мы заговорили о благоговѣніи передъ именемъ г. Герцена. Мы считаемъ обнародованіе свѣдѣній о поджогахъ дѣйствіемъ особенной важности со стороны главнаго начальника сѣверо-западнаго края, не только потому что это первое серіозное разоблаченіе истины можетъ способствовать прекращенію пожаровъ, но еще и потому что оно обращаетъ вниманіе нашего общества на нравственную заразу, свирѣпствующую ни чуть не меньше пожарной эпедиміи и въ ней отчасти проявляющуюся. Серіозное гласное обсужденіе вопросовъ общаго интереса, возможное только при обнародованіи всѣхъ данныхъ, добытыхъ офиціяльными способами, представляетъ собой наилучшую школу для общества, которое только этимъ путемъ можетъ почерпать уроки въ опытахъ собственной своей жизни и освобождаться отъ заблужденій или отъ легкомыслія и отъ наклонности къ поверхностнымъ сужденіямъ и взглядамъ; только этимъ путемъ оно можетъ обогащаться опытностью, зрѣть разумомъ и цивилизаціей. До сихъ поръ у насъ, благодаря храненію тайны относительно всѣхъ предметовъ и явленій общаго интереса, эта школа была закрыта для общества. Были страшные пожары въ Петербургѣ; по ихъ поводу были произведены аресты, было наряжено слѣдствіе, были сосланы въ Сибирь многія лица, участвовавшія въ какихъ-то заговорахъ; но какое поученіе и какія заключенія для себя могло вывести наше общество изъ тѣхъ краткихъ приговоровъ, которые были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе и въ которыхъ совершенно терялась связь и между лицами, осужденными въ различное время, и между самими общественными явленіями? Только теперь, повидимому, наступаетъ пора зрѣлой и серіозной гласности, и уже первое разоблаченіе истины должно принести не малую нравственную пользу нашему обществу. До послѣднихъ событій оно смотрѣло довольно легко и равнодушно на эту язву, извѣстную подъ именемъ *нигилизма*, которая прививалась къ нашему молодому поколѣнію въ казенныхъ школахъ. И вотъ, только за два дня до того, какъ нашему обществу была дана возможность измѣрить всю бездну зла, въ которую могутъ ввергнуть его нигилизмъ и порождающее нигилизмъ поверхностное школьное ученіе,—*Голосъ*, офиціозный органъ петербургскихъ педагоговъ, провозгласилъ слѣдующее: „за нигилизмомъ нельзя не признать его исторической необходимости, какъ противодія, довольно сильнаго, противъ кое-какихъ общественныхъ болѣзней.“ И это въ газетѣ, которую петербургскіе педагоги такъ часто избираютъ своимъ органомъ для защиты различныхъ вырабатываемыхъ ими проектовъ! И это въ статьѣ педагогическаго содержанія, посвященной вопросу: „чѣмъ должны быть учительскія семинаріи въ Россіи?“ то-есть, чѣмъ должны быть разсадники будущихъ учителей нашихъ народныхъ школъ, а слѣдовательно, и сами эти учители, и сами эти школы! Да чѣмъ же другимъ имъ и быть какъ не рьяными нигилистами, какъ не членами герценовскаго агенства, при такихъ условіяхъ нашего просвѣщенія, которыя характеризуются возможностью та-

кого офиціознаго органа какъ газета *Голосъ?* Вѣдь и герценисты-поджигатели видятъ, безъ сомнѣнія, въ своихъ поджогахъ довольно сильное противоядіе противъ общественныхъ золъ; вѣдь и они, безъ сомнѣнія, признаютъ за своими поджогами историческую необходимость.

За приведенною выше тирадой, которую можетъ всякій самъ прочесть въ № 213 *Голоса* (отъ 4-го августа 1865 г.), слѣдуетъ какое-то неясное обвиненіе противъ какихъ-то людей безъ крѣпкихъ убѣжденій и отрицающихъ все, кромѣ своихъ выгодъ, которые находятъ для себя выгоднымъ прикрываться маской религіи и нравственности, и воплями о погибели общества поддерживать общественную напуганность,—напуганность которая этимъ людямъ и даетъ вѣсъ. *Голосъ* увѣряетъ, что нашему обществу нечего пугаться, нечего страшиться. Но какъ же ему не пугаться, когда оно, въ газетѣ, получающей субсидіи, встрѣчаетъ чуть не похвалы нигилизму? Можетъ ли общество быть спокойно при такихъ симптомахъ?

№ 177.

Москва, 13-го августа.

Мы печатаемъ сегодня продолженіе нашего отчета о засѣданіяхъ псковскаго губернскаго земскаго собранія. Главнымъ предметомъ излагаемыхъ ниже преній былъ вопросъ о поземельномъ банкѣ. Прежде всего возникъ вопросъ объ общемъ поземельномъ банкѣ для всего государства, но былъ отклоненъ предсѣдателемъ на основаніи 61 статьи Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Въ этой статьѣ сказано, что губернскія земскія учрежденія завѣдываютъ тѣми изъ дѣлъ, поименованныхъ во 2-й статьѣ Положенія, которыя относятся до всей вообще губерніи или нѣсколькихъ ея уѣздовъ. Цѣль этой статьи состоитъ очевидно въ томъ, чтобъ опредѣлить предметы вѣдомства губернскихъ земскихъ учрежденій по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ уѣзднымъ. Еслибы, напримѣръ, рѣчь шла объ учрежденіи поземельнаго банка для одного Псковскаго уѣзда, то этотъ вопросъ входилъ бы въ кругъ вѣдомства псковскаго уѣзднаго земскаго собранія. Напротивъ, поземельный банкъ, учреждаемый для двухъ или трехъ уѣздовъ, долженъ подлежать разсмотрѣнію губернскаго земскаго собранія. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы вопросъ о подобномъ банкѣ не было позволительно возбудить и обсуждать въ одномъ изъ земскихъ собраній тѣхъ двухъ или трехъ уѣздовъ, для которыхъ предполагалось бы учредить банкъ. Такое обсужденіе требуется сущностью дѣла, и не запрещено закономъ. Уѣздныя собранія не вправѣ привлекать къ своему вѣдѣнію только тѣ дѣла, которыя исчислены въ статьѣ 62 Положенія, и о которыхъ въ статьѣ 70 прямо сказано, что они исключаются изъ круга обязанностей уѣздныхъ земскихъ собраній. Но поземельные банки не упомянуты въ статьѣ 62, а потому за уѣздными земскими собраніями должно быть признано право возбуждать вопросъ о поземельномъ банкѣ не только для одного своего уѣзда, но и для нѣсколькихъ уѣздовъ. Если же это несомнѣнно относительно уѣздныхъ земскихъ собраній, то нѣтъ, кажется, основанія сомнѣваться въ подобномъ же правѣ земскихъ собраній губернскихъ. Для примѣра укажемъ на Екатеринославскую губернію, гдѣ довольно много говорится теперь о присоединеніи къ Херсонскому поземельному банку. Но это присоединеніе можетъ состояться только въ такомъ случаѣ, если Херсонскому банку будетъ предоставлено право позаимствовать на потребности перваго времени до 100.000 р. изъ земскихъ суммъ Екатеринославской губерніи. Херсонскій банкъ, какъ извѣстно, получилъ, по самому уставу своему, право, впредь до составленія запаснаго капитала, заимствовать нужныя суммы въ размѣрѣ не свыше 100.000 руб. изъ капитала народнаго продовольствія Херсонской губерніи. Для банка дѣйствующаго въ предѣлахъ одной губерніи этой суммы достаточно; если банкъ выпуститъ на первое время до 4 милліоновъ рублей облигацій и если заемщики будутъ обязаны платить за ссуды около 300.000 ежегодно, то правомъ банка заимствовать до 100.000 рублей будетъ обезпечена правильность платежей его до тѣхъ поръ пока недоимка не превзойдетъ одной трети платежей заемщиковъ. Но понятно, что сумма въ 100.000 р. будетъ недостаточна, если дѣйствія Херсонскаго банка распространятся и на Екатеринославскую губернію, и что

въ такомъ случаѣ земство Екатеринославской губерніи должно будетъ открыть Херсонскому банку такой же кредитъ изъ своихъ средствъ, какой открытъ ему правительствомъ изъ продовольственнаго капитала Херсонской губерніи. Теперь спрашивается, неужели екатеринославское губернское земское собраніе не будетъ въ правѣ обсуждать вопросъ, безъ рѣшенія котораго присоединеніе Екатеринославской губерніи къ Херсонскому земскому банку было бы невозможностью? Но если одна губернія имѣетъ право примкнуть къ поземельному банку, уже основанному въ другой губерніи, то почему бы отказывать губернскимъ собраніямъ въ правѣ обсуждать проекты банковъ, предназначаемыхъ для нѣсколькихъ губерній? О превышеніи власти относительно центральнаго правительства тутъ не можетъ быть рѣчи, потому что земскія собранія не имѣютъ права учреждать какіе-либо поземельные банки, большіе или малые, безъ разрѣшенія правительства; обо всякомъ поземельномъ банкѣ, для какого бы района онъ ни назначался, земскія собранія должны ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ. Съ правительственной точки зрѣнія совершенно все равно, великъ ли или малъ районъ *предполагаемаго* банка, а потому нѣтъ причины полагать, чтобы въ виды правительства входило воспрещать земскимъ собраніямъ предположенія объ учрежденіи банковъ, простирающихъ свои дѣйствія на нѣсколько губерній. Представленіе подобныхъ предположеній не могло бы быть подведено подъ пунктъ 11 статьи 68 Земскаго Положенія (гдѣ губернскимъ земскимъ собраніямъ дозволяется представлять, чрезъ начальника губерніи, на разрѣшеніе высшаго правительства предположенія объ учрежденіи губернскихъ земскихъ банковъ), но его можно было бы съ совершенною добросовѣстностью подвести подъ пунктъ 10 той же статьи, разрѣшающій губернскимъ земскимъ собраніямъ вообще обсуждать заявленія и свѣдѣнія, представляемыя высшему правительству по его требованію, или по ходатайству управы и *членовъ собранія*. Мы настаиваемъ на этой мысли особенно потому, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи были бы рѣшительно неосуществимы поземельные банки учрежденные исключительно для одной губерніи.

Но возможны ли у насъ вообще поземельные банки, не пользующіеся особенною поддержкой со стороны правительства? О банкѣ барона Френкеля говорятъ, что пойдетъ только благодаря тому, что въ немъ будутъ закладываться государственныя имущества, а слѣдовательно казна будетъ заинтересована оказаніемъ ему нужной помощи и защиты при взысканіи долговъ и продажѣ имѣній. Недочеты по этому банку будутъ распредѣляться между всѣми заемщиками по раскладкѣ, а такъ какъ въ числѣ заемщиковъ будетъ казна, то губернскія правленія будутъ должнымъ образомъ наблюдать за полиціей, чтобъ она оказывала агентамъ банка содѣйствіе. Такъ говорятъ о банкѣ барона Френкеля. Этотъ пунктъ, дѣйствительно, имѣетъ большую важность. Поземельный кредитъ совершенно зависитъ отъ правильности взысканія долговъ. Громадность процентовъ, платимыхъ теперь помѣщиками за деньги занимаемыя ими, громадность, которая жителямъ столицъ кажется невѣроятною,— была бы невозможна, еслибы порядокъ взысканій былъ у насъ сколько-нибудь удовлетворителенъ. Въ псковскомъ губернскомъ земскомъ собраніи упоминалось, о 20 и 40 процентахъ. По поводу толковъ о поземельномъ кредитѣ Екатеринославской губерніи г. Герсевановъ въ № 166 *Одесскаго Вѣстника* говоритъ даже о 72%, и притомъ платимыхъ не какимъ-нибудь промотавшимся гулякой, а однимъ изъ наиболѣе состоятельныхъ помѣщиковъ Новомосковскаго уѣзда. Такія сказанія покажутся столичнымъ читателямъ взятыми изъ *Тысячи и Одной Ночи*, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи они изображаютъ собой дѣйствительное положеніе дѣлъ. Нѣтъ возможности оцѣнить, сколько тяжести лежитъ на нашемъ обществѣ вслѣдствіе теперешняго состоянія полиціи и суда въ Россіи, сколько азартныхъ барышей достается на долю тѣхъ ростовщиковъ, которымъ удается избѣгать убыточныхъ послѣдствій нашего безсудія. Г. Герсевановъ говоритъ, что въ Екатеринославѣ вовсе не строится теперь домовъ, и что всякій имѣющій свободныя деньги раздастъ ихъ въ ссуды за неимовѣрно высокіе проценты и еще назначеніемъ въ свою пользу громадныхъ неустоекъ. Вся эта лихва есть не что иное какъ плата за страхъ, которому подвергается заимодавецъ вслѣдствіе безсудія, и эта лихва ложится всею своею тяжестью на честныхъ заемщиковъ, не хотящихъ пользоваться возможностью укло-

няться отъ платежа своихъ долговъ. Какое развращающее дѣйствіе долженъ оказывать такой порядокъ вещей на общественную нравственность!

Неужели однако и въ такихъ мѣстностяхъ не слѣдуетъ озаботиться учрежденіемъ земскихъ банковъ? Какъ бы ни было неблагопріятно вліяніе нашего безсудія на поземельный кредитъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что поземельному банку легче бороться съ этимъ неблагопріятнымъ вліяніемъ нежели частному человѣку. Какъ бы ни были высоки проценты, по которымъ будутъ обходиться помѣщикамъ ссуды получаемыя изъ земскаго банка, эти проценты ни въ какомъ случаѣ не поравняются съ тѣми, которые теперь приходится платить во многихъ губерніяхъ. Всѣ тѣ условія, на которыя указывали въ псковскомъ собраніи князь Дондуковъ-Корсаковъ и г. Дараганъ въ доказательство невозможности поземельныхъ банковъ въ настоящую минуту, имѣютъ значеніе не относительно возможности или невозможности, а относительно размѣровъ и дешевизны поземельнаго кредита. Будетъ тверже у насъ право собственности, совершится разверстаніе, приведется въ извѣстность доходность имѣній: тогда можно будетъ получать подъ залогъ ихъ болѣе значительныя суммы чѣмъ теперь. Улучшатся наши судебные порядки, упрочится наша денежная единица, прекратится выпускъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, будетъ устраненъ дефицитъ въ бюджетѣ ограниченіемъ государственныхъ расходовъ и вслѣдствіе того начнетъ возрастать народный капиталъ нынѣ уменьшающійся: тогда понизится цѣна капиталовъ въ Россіи и уменьшится страховая премія вознаграждающая капиталиста за рискъ потерять капиталъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подешевѣетъ и поземельный кредитъ. Тогда можно будетъ занимать подъ залогъ имѣній болѣе значительныя суммы и занимать ихъ на болѣе льготныхъ условіяхъ чѣмъ теперь. Тогда поземельный кредитъ будетъ удобенъ и выгоденъ, чего теперь быть не можетъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ и теперь поземельный кредитъ, въ ограниченныхъ размѣрахъ и за проценты сравнительно высокіе, не былъ возможенъ.

Говорятъ еще, что еслибы поземельный кредитъ и былъ возможенъ, онъ не будетъ полезенъ для заемщиковъ. „При настоящихъ обстоятельствахъ, сказалъ г. Дараганъ въ Псковѣ, затрата въ поземельную собственность занятыхъ денегъ легко поведетъ землевладѣльца не къ улучшенію его грустнаго положенія, а къ конечному разоренію.“ Князь Дондуковъ-Корсаковъ выразилъ опасеніе, что „заманчивыя надежды завлекутъ владѣльцевъ на хозяйственныя и другія предпріятія, такъ мало въ настоящее время обезпеченныя.“ Съ этими замѣчаніями нельзя не согласиться. Дѣйствительно, при теперешнемъ колебаніи всѣхъ отношеній, при неувѣренности въ будущемъ при слабости полицейской и судейской защиты, трудно совѣтовать владѣльцамъ, чтобъ они рѣшались на какія-нибудь серіозныя затраты. Дѣйствительно, положить занятый капиталъ въ предпріятіе недостаточно обезпеченное, значитъ рисковать совершеннымъ разореніемъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы поземельный кредитъ не принесъ серіозной пользы по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ землевладѣльцевъ, которымъ онъ доставилъ бы возможность расплатиться съ долгами? Если кто долженъ и платитъ по 12% въ годъ, то не будетъ ли для него чувствительнымъ облегченіемъ занять по 8%, и притомъ на условіи постепеннаго погашенія капитала? Мы совершенно согласны, что широкій кредитъ былъ бы теперь вреденъ. Онъ повелъ бы либо къ усиленію потребленія и роскоши, либо къ размноженію предпріятій, которыхъ доходность сомнительна. Сколько людей уже разорилось вслѣдствіе того что остатки отъ выкупныхъ ссудъ были затрачены въ винокуренные заводы! Но широкій кредитъ теперь и невозможенъ. Всякій солидный поземельный банкъ будетъ скупъ на ссуды, а несолидный банкъ не поддержитъ своихъ облигацій въ хорошей цѣнѣ; слѣдовательно кредитъ такого банка будетъ дорогъ, и заемщики будутъ стѣснены съ другой стороны. Опасаться чрезмѣрнаго расширенія поземельнаго кредита покамѣсть нѣтъ повода.

Особенно теперь, кажется намъ, не время отрицать возможность поземельныхъ банковъ, когда они учреждаются, или оспаривать ихъ выгоду, когда во многихъ мѣстахъ люди, владѣющіе поземельною собственностью, принуждены занимать деньги за сказочные проценты. Возможность поземельнаго кредита скоро будетъ доказана на практикѣ. Но къ добру ли это будетъ? Не запутаютъ ли помѣщиковъ но-

вые долги и обязательства съ ними связанныя? Если мы не ошибаемся, наше землевладѣніе теперь заинтересовано преимущественно тѣмъ, чтобы держать поземельный кредитъ въ своихъ рукахъ. Отъ того въ какой мѣрѣ это требованіе будетъ исполнено, зависитъ во многомъ, если мы не ошибаемся, будущность русскаго землевладѣльческаго класса, а чтобъ это требованіе было удовлетворительно исполнено, нужна извѣстная доля разумной самодѣятельности со стороны лицъ руководящихъ дѣлами земства. Мы позволяемъ себѣ предостеречь ихъ, въ видахъ общей пользы, отъ составленія плановъ нигдѣ не испытанныхъ и основанныхъ на новыхъ финансовыхъ комбинаціяхъ. Ставить такія задачи значитъ тратить даромъ свои силы и упускать дорогое время. Есть только два способа устроить поземельный кредитъ: или учрежденіе банка, выдающаго ссуды облигаціями по примѣру городскихъ кредитныхъ обществъ Московскаго и Петербургскаго, или заключеніе займа черезъ банкировъ, по примѣру эстляндскаго дворянства, причемъ ссуды могутъ быть выдаваемы наличными деньгами. Въ одномъ мѣстѣ одинъ способъ можетъ оказаться лучшимъ, въ другомъ — другой. Но какъ при томъ, такъ и при другомъ способѣ, необходимо предварительно произвести оцѣнку закладываемыхъ имѣній и утвердить эту оцѣнку круговымъ ручательствомъ губерніи. Вотъ та работа, за которую должны приняться наши землевладѣльцы, если хотятъ обезпечить себѣ правильный кредитъ и оградить себя отъ эксплуатаціи какъ со стороны своихъ теперешнихъ кредиторовъ, такъ и со стороны тѣхъ поземельныхъ банковъ, которые въ непродолжительномъ времени предложатъ имъ свои услуги. Время не терпитъ: помѣщики разоряются; поземельные банки возникаютъ. Они извлекутъ большія выгоды изъ этого разоренія, если нашъ землевладѣльческій классъ упуститъ изъ своихъ рукъ чрезвычайно важное въ экономическомъ и политическомъ отношеніи дѣло поземельнаго кредита. На предводителяхъ дворянства, какъ предсѣдателяхъ и дворянскихъ и земскихъ собраній, лежитъ обязанность принять къ сердцу эту вопіющую потребность русскаго землевладѣнія и энергически потрудиться на его пользу.

№ 178.

Москва, 14-го августа.

Исторія знаетъ не мало примѣровъ, когда границы какой-либо національности не совпадали съ предѣлами ея государственной области, знаетъ страданія, которыя испытываются оторванными отъ народной массы заграничными отпрысками ея, не привившимися къ другому стволу. Но въ исторіи мало примѣровъ такой жалкой судьбы, какая постигаетъ усилія галицкихъ Русскихъ, именующихъ себя Русскими и въ то же время стремящихся образовать изъ себя какое-то самостоятельное племя. Никогда это безсиліе галицко-русской интеллигенціи не выступало такъ ярко на свѣтъ, какъ въ недавнихъ годичныхъ засѣданіяхъ Львовскаго ученаго общества, Русской Матицы. Вотъ что повѣствуетъ газета *Слово* о томъ днѣ, когда въ упомянутомъ обществѣ шли разсужденія о томъ, какое правописаніе слѣдуетъ принять для галицкой литературы. Разсужденія начались съ вопроса, какъ писать: *рускій, русскій, русъкій* или *русъскій* (любопытные могутъ справиться въ № 57 газеты *Слово*). Далѣе приступили къ спорамъ о томъ, какъ бы стереть различіе между книжнымъ и простонароднымъ языкомъ. Ораторовъ было не мало; говорили и члены общества, и гости: гг. Качала, Жуковскій, Глинскій, Ливчакъ, Искрицкій, Шашкевичъ, Гинилевичъ, Павликовъ, Вахнянинъ, Климковичъ, Кулачковскій, Нестеровичъ, Лавровскій, Малиновскій—все представители галицко-русской интеллигенціи, учители гимназій, писатели, журналисты; говорили съ десятаго часа утра до втораго пополудни и, не пришедши ни къ какому заключенію отложили засѣданіе до послѣобѣденнаго времени. Въ три съ половиной засѣданіе открылось снова. На этотъ разъ споры шли о томъ, какъ писать: *физическій* или *физичный*, *логическій* или *логичный;* говорить ли: *господинъ*, или *государь*, или *панъ;* титуловать ли высшихъ лицъ: *честными, всечестными, всечестнѣйшими*, или *вельможными* и *ясневельможными*. Одинъ ораторъ предлагаетъ, чтобы „титулъ *господинъ* „яко не руске слово не употребляти, але мѣсто того *панъ*.“ Ему возражаетъ другой, что панъ — слово польское. Вслѣдствіе того „повстае велике неудовольствіе“, какъ сказано въ офиціяльномъ отчетѣ о засѣданіи

лхъ Матицы; „предсѣдатель звонкомъ взы„вае до порядку, вертае до дебаты, и ка„же: слова *господинъ* откидати не потре„ба, бо ся не сопротивляе духови языка „нашого, причиняеся только до богатства „языкового.“ И это засѣданіе кончается ничѣмъ: главный вопросъ слагается на отвѣтственность особой коммиссіи изъ пяти человѣкъ. Какъ будто бы эти пять человѣкъ могутъ вызвать къ жизни то чего нѣтъ въ дѣйствительности: создать языкъ, котораго не знаетъ ни литература, ни самъ народъ? Всѣ эти жалкія пренія совершаются почему-то въ присутствіи правительственнаго коммиссара, г. Гена. Чему онъ могъ научиться среди столь ученаго общества? Какое понятіе о русской народности вынесъ онъ изъ этихъ плодотворныхъ преній? Нѣмецъ по рожденію, Австріецъ по службѣ, Галичанинъ по мѣсту жительства, онъ долженъ знать, что Львовская русская рада добивалась въ 1848 году раздѣленія Галиціи на восточную и западную ради сохраненія русской народности отъ польскихъ притязаній; что львовскіе ученые отказались въ 1859 году принять латинскій шрифтъ для галицко-русской письменности: и вдругъ онъ, къ крайнему изумленію своему, долженъ узнать, что эта самая народность, въ лицѣ образованнѣйшихъ представителей своихъ, находится въ полномъ невѣдѣніи на счетъ самыхъ первыхъ правилъ своей письменности: существованіе этой письменности подлежитъ еще спорамъ, составляетъ загадку для самихъ жрецовъ ея. Оказывается, что некого и нечего защищать отъ польскихъ притязаній. А между тѣмъ жрецы галицко-русской письменности заключаютъ свою дѣятельность тѣмъ, что совершенно безъ всякой причины не удостоиваютъ выбрать въ члены своего ученаго общества редакторовъ *Меты* и *Нивы* и нѣкоторыхъ изъ ихъ сотрудниковъ, также людей съ шаткими убѣжденіями, также ищущихъ ощупью и въ потьмахъ выхода изъ окружающей ихъ всѣхъ безжизненной, безсодержательной дѣятельности. Чѣмъ первые лучше вторыхъ? Чѣмъ пишущій: *удостовѣряе* справедливѣе, нежели пишущій *утѣшеняе?* Первые хотятъ употреблять языкъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ грамотеевъ XVII вѣка, языкъ сдѣлавшійся мертвымъ въ настоящее время; вторые хотятъ „уживати языкъ, якимъ народъ *теперь* говоритъ,“ забывая, что простонародный говоръ, безконечно дробящійся, безконечно измѣняющійся, не можетъ быть органомъ литературы и что литературный языкъ создается долговременнымъ трудомъ историческаго развитія.

Тѣмъ же самымъ безсиліемъ, тою же самою безхарактерностію запечатлѣны и всѣ политическія дѣйствія галицко-русской интеллигенціи. Въ бывшей имперской думѣ русскіе депутаты изъ Галиціи играли постыдную роль безсловесныхъ слугъ Шмерлинговой политики; они низкопоклонничали предъ велико-германскою партіей въ надеждѣ, что ихъ высокіе покровители не откажутся отъ своего изобрѣтенія небывалой *рутенской* или *русинской* націи. Чего-либо важнѣйшаго галицко-русская интеллигенція не могла добиться отъ вѣнскихъ политиковъ. Въ вопросѣ религіозномъ галицкіе либералы продолжали хлопотать о какой-то *справедливой* уніи съ Римомъ. Римъ даетъ имъ болѣе чѣмъ они просили, даетъ *конкордію:* но что же изъ этого вышло? Развѣ не читаемъ мы въ той же львовской газетѣ *Слово*, какъ сама русско-уніятская консисторія во Львовѣ вызываетъ одного за другимъ тѣхъ изъ сельскихъ священниковъ, которые вздумали было приложить особенную ревность къ возстановленію чистоты греко-славянскаго обряда. Сами *обрядовцы* эти нейдутъ далѣе препираній о звонкахъ и тому подобныхъ мелочахъ церковнаго обряда. Вина этой слабости и безжизненности заключается не въ одномъ только положеніи галицкой Руси: вина эта лежитъ тяжелымъ укоромъ на самой интеллигенціи галицко-русской, не умѣвшей понять своей задачи, обратившейся отъ истиннаго и единственнаго корня своей народности, языка общерусскаго, созданнаго исторіей, къ фантазіямъ нововводителей. Развѣ православные Сербы въ Австріи не оторваны также случайностями исторіи отъ главной массы своего народа: но развѣ для нихъ возможенъ споръ о ихъ народности, о ихъ письменности, о ихъ языкѣ? Развѣ они боятся упрека въ излишней приверженности къ сосѣднему съ ними Сербскому княжеству за то, что никогда не отрекались отъ общей рѣчи съ его населеніемъ? Развѣ они не сохранили своей церковной независимости? Ихъ вчетверо менѣе, нежели Русскихъ въ Галиціи, и они все-таки пользуются уваженіемъ со стороны Хорватовъ-католиковъ; между тѣмъ какъ Русскими въ Галиціи болѣе чѣмъ пре-

небрегаютъ ихъ сосѣди Поляки и Нѣмцы. Примѣръ Сербовъ лучше всего доказываетъ, что и подъ чужою державой отрѣзанная часть народа можетъ существовать съ честію для себя, тамъ гдѣ это возможно. Такою репутаціей вовсе не можетъ похвалиться интеллигенція галицко-русская.

Въ настоящее время между русскими и польскими газетами, издаваемыми во Львовѣ, идетъ болѣе чѣмъ когда-либо сильная полемика по поводу вопроса объ автономіи внутренняго управленія въ обѣихъ половинахъ Галиціи. Поляки требуютъ автономіи не по національностямъ, а по цѣлымъ областямъ, и не желаютъ раздѣленія края на два административные округа; западный или польскій и восточный или русскій. Ихъ газеты: *Przeglad*, *Hasło*, *Gazeta Narodowa*, не находятъ въ защиту своего мнѣнія, болѣе сильныхъ, болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, какъ указаніе на то, что галицкіе Русскіе неспособны къ самостоятельной жизни: у нихъ совершенно нѣтъ дворянства и крайне слабо городское сословіе, и вся опора народнаго движенія заключается въ средѣ состоящей только изъ лицъ духовнаго званія и нѣсколькихъ писателей, вышедшихъ большею частію изъ этой же среды; да притомъ же и этотъ малочисленный кружокъ людей образованныхъ дробится на партіи, изъ которыхъ ни одна не можетъ указать ясно, чего она хочетъ, что она собирается защищать. Приверженцы книжнаго языка, украйнофилы, обрядовцы ,препираются между собой о *ерикахъ* и *титлахъ*, о *цехахъ* языка, о латинскомъ, гражданскомъ и церковномъ *шрифтахъ*; оторвавшись отъ своей почвы, пытаясь создать изъ галицко-русскаго простонароднаго нарѣчія особый языкъ, всѣ эти наставники и руководители своего народа обрекаютъ свою дѣятельность на безплодіе, которое невольно выражается и въ ихъ политической агитаціи. „А сколько партій среди этой галицко-русской интелигенціи? спрашиваетъ *Gazeta Narodowa*. Партій этихъ столько же, сколько консисторій и благочиній; а въ этихъ консисторіяхъ и благочиніяхъ, смотря по расположенію или какимъ-либо интересамъ, утромъ и вечеромъ господствуютъ различныя партіи: одинъ образъ мыслей овладѣваетъ просвѣтителемъ галицко-русской народности, когда онъ остается наединѣ съ собою; другія мысли высказываетъ онъ при женѣ, при сосѣдѣ; иныя на ауденціи у нѣмецкаго чиновника, иныя за чаемъ у коллатора или у эконома.“ Это не клевета со стороны польской газеты: то же самое безпрестанно повторяетъ на всѣ лады и честная русская газета *Страхопудъ*, издаваемая въ Вѣнѣ и стремящаяся отучить галицко-русскихъ „народовцевъ“ отъ исканія народности тамъ, гдѣ ея нѣтъ и быть не можетъ, отъ этой способности ежечасно мѣнять свои убѣжденія, породившей даже новое слово въ галицко-русскомъ языкѣ: *перекинчикъ*. Но вотъ, будучи не въ силахъ создать новый языкъ, образовать изъ себя новую народность, галицко-русская интелегенція надѣется, при помощи внѣшняго средства, образованіемъ особаго административнаго округа, достичь своей цѣли: будто особая администрація можетъ спасти отъ гибели мертворожденнаго младенца— теоріи украйнофильствующихъ ученыхъ. Если въ окружномъ посланіи графа Белькреди, рекомендующаго своимъ чиновникамъ употреблять въ сношеніямъ съ мѣстнымъ населеніемъ народный языкъ, нельзя найдти ни слова въ защиту фантастическихъ изобрѣтеній львовскихъ филологовъ; то спасетъ ли ихъ особая администрація въ восточной половинѣ Галиціи? На этотъ разъ польскія газеты правы въ своихъ отзывахъ о языкѣ, которомъ пытается объяснить свои требованія галицко-русская интеллигенція, повинуясь коварнымъ подстрекателствамъ преимущественно изъ польскаго же лагеря. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли на основаніи того языка, которымъ пишутся статьи, помѣщаемыя въ газетахъ: *Слово*, *Мета*, *Нива*, *Читальня* и т. д., искать для себя права на особое отъ западно-польской Галиціи существованіе? Развѣ одна кириллица, эта внѣшняя форма письменности, можетъ служить достаточнымъ поводомъ для того чтобы называть языкъ упоминутыхъ газетъ переполненный полонизмами и всевозможными искаженіями, языкомъ самостоятельнымъ и русскимъ? Перепечатайте эти газеты латинскимъ шрифтомъ, что останется въ нихъ русскаго? Вычеркните изъ исторіи галицко-русской церкви слабыя попытки „обрядовцевъ,“ велико ли различіе будетъ тогда между уніятскимъ и католическимъ обрядами въ Галиціи? Шрифтъ и обрядъ не могутъ спасти народность, отрекающуюся отъ своего истиннаго характера, какъ не спасетъ ее и административная перегородка, поставленная между восточною и западною

Галиціей. Спрятаться отъ постороннихъ вліяній за щитомъ администраціи еще возможно, но укрыться отъ самого себя, отъ своего безсилія и безхарактерности нельзя.

№ 179.

Москва, 16-го августа.

Слѣдъ ступни или когтей какого-нибудь допотопнаго звѣря, сохранившійся въ окаменѣломъ отпечаткѣ, даетъ палеонтологу возможность построить цѣлый остовъ животнаго, и слѣдуя далѣе путемъ аналогіи изобразить сцену земной жизни въ тотъ или другой изъ допотопныхъ періодовъ. Точно также возможно и возстановленіе политическихъ формацій: нѣсколько отрывковъ уцѣлѣвшихъ въ окаменѣлости несомнѣннаго документа даютъ средства пытливому уму возсоздать цѣлую эпоху. Уцѣлѣй отъ нашего времени одинъ какой-нибудь характеристическій листокъ изъ нашей журналистики, — уцѣлѣй напримѣръ хоть тотъ клочокъ отъ листка *Одесскаго Вѣстника* 31-го іюля, гдѣ нѣкто г. Э. Искерскій (желательно было бы знать, какъ величаютъ этого писателя по имени и отчеству) отдаетъ отчетъ объ одномъ засѣданіи съѣзда педагоговъ въ Одессѣ, — и черезъ многія столѣтія изслѣдователь будетъ имѣть въ рукахъ своихъ средство изобразить общую картину нынѣшней Россіи со всѣми пугающими воображеніе дивами.

У насъ есть педагоги, у насъ бываютъ даже съѣзды педагоговъ: все какъ быть должно въ странѣ цивилизованной. Эти педагоги суть директоры и учители учебныхъ заведеній содержимыхъ правительствомъ, находящихся въ его исключительномъ и безконтрольномъ завѣдываніи, и служащихъ единственнымъ средствомъ для образованія русской молодежи. Эти директоры и учители назначаются попечителями и министромъ. Родители обязаны посылать дѣтей своихъ въ эти заведенія, потому что другихъ нѣтъ, и потому что только эти даютъ права. Теперь, вотъ вамъ образчикъ духа господствующаго въ средѣ нашихъ офиціяльныхъ педагоговъ, — вотъ вамъ статейка г. Э. Искерскаго, который, по всему вѣроятію, и самъ принадлежитъ къ этому сословію. Въ шестомъ засѣданіи педагогическаго съѣзда въ Одессѣ, одинъ изъ числа собравшихся педагоговъ, учитель Таганрогской гимназіи г. Цабель (будущій изслѣдователь подивится какъ попалъ въ эту формацію этотъ педагогъ съ своими мнѣніями), прочелъ записку, какъ повѣствуетъ г. Э. Искерскій, „о дисциплинѣ, введеніе которой въ учебныя заведенія считаетъ онъ необходимымъ.“ Считая дисциплину дѣломъ необходимымъ, г. Цабель говорилъ: „въ обществѣ существуетъ изв„ѣстный порядокъ, извѣстныя требованія: „учебныя заведенія должны пріучить вос„питывающихся къ знанію этого порядка, „къ умѣнью выполнять общественныя тре„бованія.“ Вотъ что говоритъ г. Цабель: мы выписали его слова изъ отчета г. Э. Искерскаго. Зачѣмъ же говоритъ это г. Цабель? Неужели можетъ возникнуть вопросъ о томъ, нужна ли въ школѣ дисциплина?— о томъ, должна ли школа пріучать дѣтей къ порядку и воспитывать ихъ не дикарями, а будущими полезными членами общества? Вы подумаете, что почтенные педагоги собравшіеся на съѣздѣ нашли разсужденіе о такомъ предметѣ совершенно излишнимъ, потому что мысль высказанная г. Цабелемъ находится внѣ всякаго спора, потому что только между дикими людьми наряженными на смѣхъ въ побрякушки европейской цивилизаціи, какой-нибудь фокусникъ рѣшился бы утверждать противное. Дисциплина въ школѣ! Да что же такое школа какъ не дисциплина? Если нѣтъ въ школѣ дисциплины, если нѣтъ людей способныхъ разумно дисциплинировать молодыя силы ввѣряемыя школѣ, то не можетъ быть и рѣчи о воспитаніи, о школѣ. Представьте же себѣ: столь простая мысль, заявленная таганрогскимъ учителемъ, встрѣтила сильныя протестаціи въ собраніи офиціяльныхъ воспитателей русскаго юношества, и нѣкто г. Э. Искерскій трактуетъ эту мысль какъ постыдную нелѣпость и старается всѣми возможными способами терроризировать г. Цабеля и одинаково съ нимъ мыслящихъ педагоговъ, еслибы таковые оказались. Г. Цабель сказалъ, что учебныя заведенія должны пріучать воспитанниковъ къ знанію общественнаго порядка и умѣнью выполнять соединенныя съ нимъ обязанности. Противъ этого г. Э. Искерскій вооружается слѣдующими доводами:

„Предположимъ въ самомъ дѣлѣ, что г. Цабелю удалось развить въ его ученикѣ подчиненность, спрашивается, захочетъ ли онъ, *положа руку на сердце*, утверждать

что его дѣло сдѣлано и задача педагогики выполнена добросовѣстно. Достаточно ли напримѣръ нанять самаго послушнаго слугу и требовать отъ него исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, не объяснивъ ему, въ чемъ состоятъ эти обязанности? Есть ли какая-нибудь возможность удовлетворять условіямъ общественной жизни, съ помощью одной лишь способности подчиняться? Каждый здравый разсудокъ отвѣтитъ отрицательно. Что же заставляетъ г. Цабеля, такъ сказать, насиловать логику? Мнѣ кажется, что для разрѣшенія этого вопроса нужно заняться изслѣдованіемъ мѣстныхъ причинъ, — тѣмъ болѣе что нужда въ дисциплинѣ заявляется только со стороны Таганрогской гимназіи, и уже не въ первый разъ: въ прошломъ году г. Предтеченскій, директоръ сказанной гимназіи, возбуждалъ также этотъ вопросъ."

Сколько громкихъ словъ наговорено, и какія замашки! Какое злостное издѣвательство надъ здравымъ смысломъ читателей! Было сказано, воспитывающіяся въ школахъ дѣти должны подчиняться извѣстной дисциплинѣ и пріучаться къ знанію общественнаго порядка, умѣнью исполнять соединенныя съ нимъ обязанности. Критикъ возражаетъ на это примѣромъ послушнаго слуги, отъ котораго требуется только подчиненіе и которому не объясняются возлагаемыя на него обязанности. Съ удивительною безцеремонностью онъ извращаетъ вопросъ такъ, какъ будто бы рѣчь шла о слѣпой и безсмысленной подчиненности, и какъ будто бы общее требованіе извѣстной дисциплины въ школѣ есть нарушеніе логики и оскорбленіе здраваго разсудка. Дисциплина есть условіе необходимое, условіе *sine qua non*, условіе отрицательное; но въ школѣ затѣмъ преподаются науки, которыя должны развивать, укрѣплять и просвѣщать умы учащихся. Школа не можетъ исполнять свое назначеніе безъ дисциплины, безъ подчиненія, безъ послушанія; но всѣ эти условія требуются не для чего-либо иного, а именно въ интересѣ воспитанія, въ видахъ того знанія и умѣнія, которыя должны быть его результатомъ. Что же говоритъ возражатель? Онъ восклицаетъ: а! вы хотите превратить учениковъ въ послушныхъ слугъ и безсмысленныхъ исполнителей вашей воли! Одной дисциплины не достаточно для школы, а потому прочь дисциплину! Одного воздуха мало для жизни, а потому не нужно воздуха! Вотъ какая безцеремонная аргументація можетъ не только высказываться, но и торжествовать въ нашихъ педагогическихъ сферахъ, которымъ ввѣрено лучшее сокровище Россіи, ея юношество, ея будущность! По господствующему въ этихъ сферахъ мнѣнію, есть двѣ педагогическія системы: одна называется дисциплиной, другая гуманностію, и эти двѣ системы взаимно исключаютъ другъ друга: было время дисциплины и прошло, а теперь время гуманности, когда дисциплину надобно вытолкать изъ учебныхъ заведеній. *Гуманность*—хорошее слово; но одно ли это слово подвергается возмутительнымъ злоупотребленіямъ? Если „во имя Бога" разсылаются шайки поджигателей и тайныхъ убійцъ, то мудрено ли, что слово *гуманность* употребляется во зло и глупостью, и злонамѣренностью? Это справедливо замѣчаетъ и г. Цабель: „Въ обществѣ и литературѣ," говоритъ онъ, „то и дѣло, что толкуютъ „о равенствѣ, свободѣ, сознаніи человѣ„ческаго достоинства и тому подобныхъ „вещахъ, понимая ихъ въ совершенно превратномъ видѣ."

Г. Э. Искерскій, приводя эти слова, такъ потѣшается надъ г. Цабелемъ:

„Г. Цабель, какъ видно, не въ силахъ ужиться съ своими учениками, либерализмъ которыхъ, по всей вѣроятности, состоитъ въ томъ, что они позволяютъ себѣ думать: „мы такіе же люди какъ и нашъ госпо„динъ учитель."

Мы говорили о будущемъ изслѣдователѣ нашей эпохи, которому попадется въ руки уцѣлѣвшій листокъ съ вышеписанными разсужденіями; но для того чтобы судить о впечатлѣніи, какое должно быть произведено подобнымъ явленіемъ на людей здравомыслящихъ и просвѣщенныхъ, стоитъ только перевести этотъ замѣчательный документъ на который-нибудь изъ европейскихъ языковъ. Читая эти строки, что̀ долженъ подумать о положеніи дѣлъ у насъ всякій образованный человѣкъ, живущій внѣ нашей среды и не привыкшій къ тому что̀ въ ней творится? Еслибъ эти строки были писаны тринадцатилѣтнимъ гимназистомъ, или еслибы въ нихъ высказывалось только мнѣніе забубеннаго писаки, какихъ вездѣ много, онѣ не показались бы никому удивительными и на нихъ никто не обратилъ бы вниманія. Но къ какимъ заключеніямъ долженъ придти тотъ, кто будетъ знать, что въ этихъ строкахъ выска-

зывается образъ мыслей, *господствующій* въ нашемъ офиціяльно-педагогическомъ мірѣ, и что большинство мужей, которымъ ввѣрено воспитаніе русскаго юношества, исповѣдываютъ именно эти ученія и находятъ въ словахъ г. Э. Искерскаго правильное и разумное выраженіе педагогическихъ требованій?! Каково должно быть положеніе страны, гдѣ подобные взгляды пользуются властію, и гдѣ слово здраваго смысла является аномаліей, исключеніемъ, гонимою ересью! намъ знакома эта среда, мы знаемъ что въ ней творится, и мы не удивились бы, еслибы г. Цабель, за его смѣлое слово въ защиту здраваго смысла, былъ оттѣсненъ отъ педагогическаго дѣла.

Какъ покажется вамъ эта ссылка на учениковъ, которые скажутъ своему учителю: „мы такіе же люди какъ и вы, господинъ учитель?“ Какъ будто требованія дисциплины, внѣ которыхъ школа превращается въ увеселительное самаго дурнаго сорта заведеніе,—какъ будто эти требованія такого свойства, что исполненіе ихъ дѣлаетъ учениковъ не людьми! „Мы такіе же люди какъ и нашъ господинъ учитель;—такъ, по мнѣнію нашихъ офиціяльныхъ педагоговъ, должны протестовать воспитанники учебныхъ заведеній, когда учитель станетъ пріучать ихъ къ порядку и исполненію долга. Мальчикъ отъ девяти до шестнадцати лѣтъ—такой же человѣкъ какъ и учитель: вотъ теорія нашихъ педагоговъ, и она вѣрна по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно мальчики этого возраста стоятъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи отнюдь не ниже воспитателей исповѣдывающихъ такую теорію. Да, педагоги думающіе такимъ образомъ отнюдь не могутъ считать себя выше своихъ воспитанниковъ, и могли бы безъ всякаго неудобства помѣняться съ ними мѣстомъ. Хорошо воспитываемый ученикъ никогда не скажетъ своему воспитателю: „мы такіе же люди какъ и вы господинъ учитель.“ Разница между воспитателемъ и воспитанникомъ большая—не только въ лѣтахъ, но и въ развитіи умственномъ и нравственномъ. Разница между ними должна быть неизмѣрима, для того чтобы воспитатель могъ быть истиннымъ воспитателемъ. Гуманность въ дѣлѣ воспитанія именно и состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать юнаго, подростающаго человѣка существомъ достойнымъ этого имени, чтобы развить въ немъ высшія силы его природы и подчинить имъ низшія, чтобъ образовать въ немъ характеръ, чтобы пріучить его къ умственному труду и къ исполненію обязанностей, какъ бы это ни казалось ему тяжело въ началѣ. Низшее ни легко подчиняется высшему, неразумное разумному, животное духовному; для этого требуются большія или меньшія понужденія, и это не обходится безъ большей или меньшей горечи. Человѣкъ представляетъ собою совокупность многихъ системъ возвышающихся одна надъ другой, и низшія системы сначала неохотно покоряются высшимъ. Въ человѣкѣ, съ самыхъ первыхъ поръ жизни, зараждаются разныя наклонности и навыки, которымъ слѣдовать бываетъ вначалѣ пріятно, но которые въ своемъ развитіи могутъ погубить человѣка. Въ воспитаніи требуется ни мягкость, ни суровость,—требуется разумность. Рѣчь идетъ не о какой-либо безсмысленной и дикой дисциплинѣ, которой г. Цабель не предлагалъ; рѣчь идетъ о дисциплинѣ вообще, которая, безъ сомнѣнія, должна быть такова, чтобъ удовлетворять своему назначенію, то-есть, должна руководствоваться разумомъ и находиться въ рукахъ воспитателей достойныхъ. Разумная дисциплина знаетъ всему мѣру; съ любовію и бережно, но строго и неуклонно, подчиняетъ она неразумное разумному, вкореняетъ въ дѣтяхъ чувство долга и готовитъ въ нихъ полезныхъ и достойныхъ членовъ общества. Въ этомъ же, и только въ этомъ, состоитъ и истинная гуманность въ дѣлѣ воспитанія. По мнѣнію же нашихъ филантроповъ, гуманность значитъ опрокинутый чинъ природы, значитъ человѣкъ поставленный вверхъ ногами, точно также какъ либеральность, по ихъ мнѣнію, значитъ сочувствіе душегубу, доброжелательство поджигателю, потворство вору и власть разбойнику.

Мысль высказанная г. Цабелемъ на съѣздѣ педагоговъ встрѣтила на немъ, какъ сказано выше, сильныя протестаціи; она была забракована и отвергнута большинствомъ почтенныхъ мужей, воспитывающихъ русское юношество. Противъ этой азбуки здраваго смысла особенно ратовалъ, какъ мы узнаемъ изъ отчета г. Э. Искерскаго, директоръ одной изъ новороссійскихъ гимназій, г. Варенцовъ. „Кромѣ г. Варенцова“ продолжаетъ г. Э. Искерскій, „дисциплина, предложенная г. Цабелемъ, встрѣтила сильную оппозицію и со стороны

„всѣхъ остальныхъ членовъ съѣзда: каж„дый съ жаромъ отстаивалъ права гуман„ности въ дѣлѣ воспитанія. Каждый ста„рался доказать, что не только нѣтъ ни„какой необходимости возвращаться къ от„жившей свой вѣкъ дисциплинѣ, но что „даже странно было бы не радоваться ея „исчезновенію."

Читая эти строки, невольно воскликнешь: бѣдныя дѣти, бѣдные родители, бѣдная Россія!

Есть у насъ господа, которые любятъ судить объ всемъ зажмуря глаза, и которые фразисто негодуютъ на русскія семьи уѣзжающія за границу. Признаемся, мы невольно испытываемъ чувство радости, хотя и смѣшанной съ грустію, когда узнаемъ о русскихъ дѣтяхъ, воспитывающихся гдѣ-нибудь только не въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ: родители этихъ дѣтей могутъ по крайней мѣрѣ надѣяться, что они не выйдутъ полоумными, полудикими, разслабленными умственно и нравственно существами, которымъ приходится или погибать, или болѣзненно и тяжко перечуиваться въ безпощадной школѣ жизни.

№ 180.

Москва, 17-го августа.

Та часть иностранной журналистики, которая извѣстна своею непріязнію къ Россіи и своею преданностью польскому дѣлу, отличается удивительнымъ даромъ прозрѣнія въ будущее. Свѣдѣнія о политическихъ поджогахъ въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи еще не были обнародованы; они еще были исключительнымъ достояніемъ слѣдователей, судей и правительственныхъ лицъ, да и тѣ не могли быть увѣрены, будутъ или не будутъ обнародованы эти свѣдѣнія; а между тѣмъ ратующіе за польское дѣло публицисты предусмотрѣли и содержаніе этихъ свѣдѣній, и то что они въ непродолжительномъ времени будутъ напечатаны; они напередъ уже сдѣлали противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ свои возраженія и высказались рѣшительно противъ ихъ обнародованія, заранѣе назвавъ этотъ актъ политическаго благоразумія „гнуснымъ обвиненіемъ, направленнымъ противъ цѣлаго народа (то есть, противъ Поляковъ) кружкомъ интригановъ, приходящихъ въ ярость отъ того, что производимое ими обаяніе съ каждымъ днемъ уменьшается." Всѣхъ тѣхъ, кто въ пользу гласности въ дѣлѣ о политическихъ поджогахъ, они объявили „виновными въ опасномъ подстрекательствѣ." Что даръ предвидѣнія свойственъ извѣстному петербургскому корреспонденту *Indépendance belge*, изъ письма котораго мы заимствовали приведенныя сейчасъ выраженія, это въ порядкѣ вещей: корреспондентъ этотъ, какъ видно, получаетъ свои свѣдѣнія изъ сферъ, коротко знакомыхъ съ ходомъ дѣлъ, да и самое письмо его писано 2-го (14-го) августа, то-есть, всего за три дня до обнародованія свѣдѣній о поджогахъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* и за четыре дня до обнародованія ихъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*. Но какимъ образомъ, г. Анатоль де-ла-Форжъ, о статейкѣ котораго въ газетѣ *Siècle* мы уже разъ говорили, — какимъ образомъ этотъ преданный Полякамъ парижскій публицистъ могъ знать еще 27-го (то-есть, 15-го) іюля, что въ „свѣдѣніяхъ," напечатанныхъ черезъ три недѣли, будетъ идти рѣчь о пособіяхъ, оказываемыхъ поджигателямъ парижскимъ польскимъ комитетомъ? Это—загадка, на которую стоитъ обратить вниманіе. Въ *Siècle*, отъ 27-го (15-го) іюля, мы читаемъ: „Московское правительство предпи„сываетъ своимъ журналамъ доказать со„участіе въ этихъ пожарахъ франко-поль"скаго комитета въ Парижѣ." И, дѣйствительно, въ свѣдѣніяхъ, напечатанныхъ чрезъ три недѣли послѣ того въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* и въ *Русскомъ Инвалидѣ*, мы читаемъ, что тайная польская партія занимается нынѣ высылкой поджигателей въ западный край, а можетъ-быть и въ Польшу, и что „парижскій комитетъ не отказываетъ въ средствахъ на подобныя предпріятія." До того времени подобнаго извѣстія рѣшительно не было ни въ одномъ изъ органовъ русской печати, и слѣдовательно, остается предположить, что парижскіе друзья польскаго дѣла, хорошо зная о виновности польскаго комитета, заранѣе позаботились обезсилить по возможности обвиненіе, которое должно было противъ него появиться, или что они еще за три недѣли впередъ были извѣщены своими друзьями о сдѣланныхъ нашимъ правительствомъ открытіяхъ. Эта связь парижскихъ друзей польскаго дѣла съ лицами, проживающими въ Россіи и имѣющими возможность заранѣе знать данныя, еще сокрытыя отъ публики, принадлежитъ

къ числу фактовъ, не лишенныхъ значенія въ многосложной тайной исторіи польскаго мятежа и нынѣшнихъ поджоговъ.

На помощь парижскому публицисту въ его заботахъ ослабить впечатлѣніе, которое должно было произвести первое разоблаченіе истины относительно пожаровъ въ Россіи, поспѣшили и публицисты петербургскіе. Мы упоминали о письмѣ, напечатанномъ въ *Indépendance belge* еще до этого разоблаченія, 14-го августа новаго стиля; его близнецъ высказался въ *Голосѣ*, отъ 14-го августа стараго стиля. Между этими близнецами замѣчается поразительное сходство въ ихъ доводахъ противъ разоблаченія истины: одна и та же мысль, одна и та же воля руководила перомъ и того, и другаго. Разница заключается лишь въ томъ, что публицистъ *Indépendance belge*, отнеся свои порицанія къ придуманной имъ такъ-называемой партіи *Московскихъ Вѣдомостей* и вообще къ публицистамъ, которые осмѣлились приводить въ связь пожары въ Россіи съ польскимъ дѣломъ, нисколько не стѣсняется въ своихъ выраженіяхъ, тогда какъ *Голосъ*, имѣя дѣло съ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ офиціальнаго источника и обнародованными въ офиціяльныхъ газетахъ, естественно отличается большею изворотливостью и сдержанностью своихъ выраженій. Главное обвиненіе этихъ родственныхъ между собою петербургскихъ публицистовъ, направленное противъ тѣхъ, которые, офиціяльнымъ или не офиціяльнымъ путемъ, указываютъ публикѣ на связь нынѣшнихъ пожаровъ съ польскимъ дѣломъ, заключается въ томъ, что они будто бы возводятъ „гнусное обвиненіе“ на цѣлый народъ, или, какъ выражается *Голосъ*, что они „возбуждаютъ „общественное мнѣніе противъ цѣлой на„ціи“ (каково? Поляки составляютъ въ Россіи цѣлую націю?!), „очевидно, невинной „въ такомъ грязномъ, позорномъ, возму„тительномъ дѣлѣ.“ Но ни статья *Русскаго Инвалида* и *Виленскаго Вѣстника*, ни *Московскія Вѣдомости* никогда не привлекали къ отвѣтственности за „это грязное, позорное, возмутительное дѣло“ всѣхъ людей польскаго имени, а напротивъ, заботились о томъ, чтобы по возможности выгородить тѣхъ изъ нихъ, которые едвали могли быть причастны этому дѣлу. Въ статьѣ, основанной на офиціяльныхъ данныхъ, сказано прямо, что было бы несправедливо винить не только всѣхъ Поляковъ, но даже всю революціонную польскую партію поголовно, и что поджоги входятъ въ систему дѣйствій преимущественно одной партіи; въ *Московскихъ* же *Вѣдомостяхъ* былъ съ самаго начала, со всевозможною энергіей, устраненъ вообще вопросъ о томъ, „изъ какого рода и племени могутъ про„исходить тѣ негодяи, которые идутъ на „всякія преступленія, или за деньги, или „по безумному увлеченію, или по глупости, „или по разврату.“ (См. передовую статью № 157 *Московскихъ Вѣдомостей*.) Въ той же статьѣ было именно сказано слѣдующее:

„Какъ между людьми польскаго имени есть, безъ сомнѣнія, много людей достойныхъ, неспособныхъ къ злодѣяніямъ и къ завѣдомо безчестнымъ поступкамъ, такъ точно въ числѣ 50 или 60 милліоновъ людей русскаго происхожденія есть, безъ всякаго сомнѣнія, еще больше негодяевъ и глупцовъ, способныхъ на всякую мерзость... Наконецъ, развѣ въ костяхъ и кожѣ людей, называемыхъ Поляками, сидитъ зло? Развѣ рѣчь идетъ о людяхъ какого бы то ни было происхожденія или какой бы то ни было религіи?...“

И затѣмъ было указано, что зло заключается въ существованіи польскаго патріотизма, и въ условіяхъ порождающихъ и поддерживающихъ этотъ патріотизмъ, который по необходимости направленъ къ разрушенію существующаго государства, русскаго, для возсозданія на его развалинахъ несуществующаго государства, польскаго, и который, по необходимости, долженъ быть и мятежомъ, и подкопомъ, и поджогомъ. Словомъ, *Московскія Вѣдомости* съ самаго начала устраняли вопросъ о лицахъ, о ихъ происхожденіи и племени, и сосредоточивали все вниманіе своихъ читателей на вопросѣ о польской идеѣ и о такихъ мѣрахъ по польскимъ дѣламъ, „ко„торыя, при всевозможной пощадѣ отно„сительно лицъ, подорвали бы силу идеи, „губящей людей польскаго происхожденія „и причиняющей столько бѣдствій Россіи,“ какъ это сказано въ № 175 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ передовой статьѣ по вопросу о поджогахъ же. Но въ томъ-то и дѣло, что нѣкоторымъ изъ петербурскихъ враговъ Россіи, какъ напримѣръ, корреспонденту *Indépendance belge*, дорога сама польская идея, хотя они и знаютъ, что она губитъ людей польскаго имени, и вотъ они, не разбирая что было сказано и какъ

было сказано, вопіютъ противъ небывалаго обвиненія въ поджогахъ какой-то цѣлой нашіи Поляковъ, то-есть всей совокупности людей польскаго имени живущихъ въ Россіи.

Далѣе, тѣ же перья высказываютъ мнѣніе, что упоминаніе о Полякахъ, высланныхъ на жительство внутрь Имперіи, можетъ подвергнуть ихъ большой опасности, при первомъ значительномъ пожарѣ. „Конечно, прибавляетъ корреспондентъ *Indépendance belge*, сильно виновны тѣ люди, которые распространяютъ эти опасныя подозрѣнія, и еслибы случилось, что въ томъ или другомъ городѣ *нашъ* народъ (корреспондетъ постоянно заявляетъ о себѣ, что онъ Русскій) опозорилъ себя безсмысленнымъ и жестокимъ кровопролитіемъ, то отвѣтственность за эту катастрофу пала бы на голову тѣхъ публицистовъ безъ стыда, которые прибѣгаютъ къ подобнымъ средствамъ для поддержанія своего падающаго авторитета.“ Замѣтимъ, что это было писано до обнародованія офиціяльныхъ свѣдѣній о поджогахъ, когда еще никто въ русской печати не высказывалъ мнѣнія объ участіи въ поджогахъ Поляковъ высланныхъ на жительство внутрь Имперіи. Впервые одинъ фактъ этого рода былъ сообщенъ въ офиціяльныхъ свѣдѣніяхъ, и въ нихъ же впервые было указано вообще на сношенія заграничной шайки поджигателей съ водворенными внутри Россіи Поляками. Что же значитъ эта выходка петербургскаго корреспондента *Indépendance belge* противъ русскихъ публицистовъ? Или онъ не знаетъ, что во время симбирскихъ пожаровъ, когда поджоги еще только начинались, и русская печать не говорила о нихъ ни слова, уже были тѣ прискорбные случаи, на которые онъ намекаетъ, но что это не остановило поджигателей считавшихъ себя достаточно безопасными, а русскій народъ беззащитнымъ? Или онъ не знаетъ, что потомъ вовсе не было слышно о случаяхъ народнаго самоуправства? Ожидать ли чего-нибудь подобнаго теперь, когда правительство принимаетъ мѣры къ преслѣдованію поджигателей и раскрытію ихъ шаекъ? Впрочемъ, еслибъ и дѣйствительно отъ обнародованія тѣхъ свѣдѣній, о которыхъ идетъ рѣчь, Поляки, высланные внутрь Россіи, начали считать себя менѣе безопасными, то не уменьшитъ ли это вѣроятности поджоговъ на будущее время? Не устранитъ ли это не только людей изъ ихъ среды отъ участія въ подобныхъ злодѣйствахъ, но и тѣхъ которые желали бы употребить поджоги какъ средство для достиженія своихъ революціонныхъ цѣлей? Если же, что несомнѣнно, обнародованіемъ истинныхъ свѣдѣній о поджогахъ можно уменьшить возможность этихъ бѣдствій на будущее время,—бѣдствій, которыя падаютъ на милліоны людей,—то позволительно ли хранить эти свѣдѣнія въ тайнѣ? Притомъ легче защитить нѣсколько лицъ, которымъ при извѣстныхъ случаяхъ завѣдомо должна грозить опасность, чѣмъ предохранить безчисленныя жилища, разсѣянныя по всѣмъ городамъ и селеніямъ, отъ тайныхъ поджигателей. Въ народѣ безъ помощи офиціяльныхъ или неофиціяльныхъ печатныхъ свѣдѣній, такъ сильно и такъ издавна коренится убѣжденіе въ существованіи тѣсной связи между польскимъ дѣломъ и пожарами въ Россіи, что усилить его какими-либо извѣстіями было бы очень трудно. Народъ почерпнулъ это убѣжденіе не изъ газетъ, которыхъ нашъ народъ еще не читаетъ, о чемъ не могутъ не знать публицисты, требующіе безмолвія по дѣлу о пожарахъ. Печатное слово имѣетъ огромное вліяніе, но это вліяніе ограничивается слоями общества примыкающими къ читающей публикѣ. Оно не простирается на тѣ громадныя массы народа, которыя приводятъ пожары въ связь съ польскимъ дѣломъ и упорно держатся этого взгляда, о чемъ тоже не могутъ не знать упомянутые публицисты, хотя они и стараются скрывать этотъ фактъ, вѣроятно полагая, что есть лица, которымъ онъ еще неизвѣстенъ. Взглядъ народа на поджоги твердъ: этого нельзя добросовѣстно оспаривать; въ этомъ можно удостовѣриться на всемъ протяженіи Россіи изъ разговора съ любымъ встрѣчнымъ. Если же существованіе этого взгляда не подлежитъ сомнѣнію, то успокоить народъ нельзя иначе какъ вселивъ въ него твердую увѣренность, что законныя власти бодрствуютъ, что онѣ дѣятельно разыскиваютъ поджигателей и что затѣмъ нѣтъ причины опасаться безнаказанности поджигателей. Нашъ народъ вовсе несклоненъ къ самоуправству, что убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывается весьма незначительнымъ числомъ случаевъ народной расправы съ людьми подозрѣваемыми въ поджогахъ. Такіе прискорбные случаи всегда совпадали съ обстоятельствами дававшими поводъ сомнѣваться въ дѣятельно-

сти администраціи. Чѣмъ болѣе распространяется въ народѣ молва о поимкѣ поджигателей и преданіи ихъ суду, тѣмъ менѣе можно ожидать самоуправства отъ нашего народа и тѣмъ безопаснѣе положеніе Поляковъ, живущихъ внутри Имперіи.

№ 181.

Москва, 18-го августа.

Стоитъ еще разъ остановиться на тѣхъ теоріяхъ, которыя развиваетъ петербургская газета *Голосъ* объ участіи гласности въ вопросѣ о поджогахъ. Эти теоріи излагаются съ притязаніемъ на монополію честности: „долгъ честнаго публициста состоитъ въ томъ-то и въ томъ-то," „честный и разумный журналистъ воздержится отъ того-то и того-то," то и дѣло говоритъ наша офиціозная газета. Въ то же время, какъ бы по сочувствію, парижская газета *le Monde* сообщаетъ своимъ читателямъ, что *Голосъ* есть единственная газета въ Россіи, излагающая мнѣнія честныхъ людей (interprète d'honnêtes gens), и сообщаетъ это также по поводу вопроса о поджогахъ. Такое совпаденіе разговоровъ о честности даетъ право спросить, какъ разумѣетъ въ этомъ случаѣ честность петербургская газета *Голосъ*, не имѣющая, какъ она говоритъ, ничего общаго ни съ бѣлою, ни съ красною партіей польскихъ революціонеровъ, и ярая парижская клерикальная газета, имѣющая очень много общаго съ первою изъ этихъ партій и нерѣдко отстаивавшая дѣйствія второй, несмотря на ихъ явное противорѣчіе съ законами не только христіанской, но и всякой нравственности. Газета *le Monde* высказываетъ прямо, чего требуетъ честность въ настоящемъ случаѣ. По ея мнѣнію, всѣ факты, относящіеся до поджоговъ надобно утаивать отъ русской публики чтобы не взволновать народныхъ страстей. Но что такое значитъ утаивать факты? Чтобъ исполнить это требованіе честности, было бы мало ничего не писать о поджогахъ; надобно было бы замѣнять дѣла о поджогахъ при слѣдствіяхъ; надобно было бы воздерживаться отъ наказанія поджигателей, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ было политическое побужденіе; надобно было бы установить безнаказанность политическаго поджога. Всякое уклоненіе отъ этого правила было бы уже нечестно, потому что могло бы взволновать народъ. Честность была бы нарушена, еслибы политическіе поджигатели перестали пользоваться самою полною терпимостью, самымъ безграничнымъ покровительствомъ закона.

Газета *Голосъ* не доводитъ честности до такого ригоризма. Она, по всему вѣроятію, заслужила бы отъ своей парижской подруги укоръ въ нечестности, еслибъ этой послѣдней не было извѣстно, что она не могла не говорить умѣренно, разсуждая о статьѣ, напечатанной въ трехъ офиціяльныхъ изданіяхъ той страны, подъ законами которой она выходитъ. Мы очень опасаемся, что парижская газета и ея патроны именно этому обстоятельству припишутъ умѣренность сочувственной имъ петербургской газеты и признаютъ въ ней свою честность.

Голосъ рѣшительно недоволенъ формой сообщенія офиціяльныхъ фактовъ, употребленною въ этомъ случаѣ *Виленскимъ Вѣстникомъ*, *Русскимъ Инвалидомъ* и *Сѣверною Почтой*. Вышеупомянутой газетѣ хотѣлось бы, чтобы, по крайней мѣрѣ, на будущее время подобныхъ разоблаченій не было, и чтобъ они были замѣнены краткими извѣстіями объ арестованіи лицъ, подозрѣваемыхъ въ поджогѣ, и объ освобожденіи ихъ судомъ, по недостаточности улики, или слѣдователемъ, по явной неосновательности подозрѣній. При этомъ, говоритъ *Голосъ*, „конечно не слѣдуетъ идти далѣе краткаго сообщенія факта, не входя въ изложеніе того что открывается по слѣдствію." „Мы не отрицаемъ, продолжаетъ эта газета, интереса, какой могло бы имѣть сообщеніе всѣхъ перипетій слѣдствія, но тогда мы должны ужъ передѣлать весь нашъ, не только нынѣ еще дѣйствующій, но и имѣющій быть введеннымъ у насъ уголовно-слѣдственный процессъ, въ чисто-обвинительный, по примѣру англійскаго, а пока этого нѣтъ и не предвидится, полезнѣе сообщать только то, что составляетъ дѣйствительно неопровержимый фактъ, то-есть, объ арестѣ разныхъ лицъ по подозрѣнію или обвиненію въ поджогѣ, сознавшихся или захваченныхъ при совершеніи самаго преступленія (разумѣется безъ опубликованія ихъ именъ—это дѣло суда), а равно и о случаяхъ пожаровъ отъ неосторожности. Во всякомъ случаѣ, одно изъ двухъ, или

сообщать о всѣхъ пожарахъ, съ объясненіемъ ихъ причинъ, окончательно раскрытыхъ слѣдствіемъ, или не печатать ни объ одномъ производящемся слѣдствіи, довольствуясь опубликованіемъ судебныхъ приговоровъ." Вотъ теорія, высказанная въ порицаніе той статьи, которая появилась въ офиціальныхъ газетахъ. Гласность тутъ не устраняется, это правда, но она допускается въ такомъ видѣ, который, мы опасаемся, встрѣтитъ полное сочувствіе въ газетѣ *le Monde*, считающей допущеніе гласности въ этомъ случаѣ дѣломъ нечестнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ у насъ не обвинительный, а потому о слѣдствіяхъ говорить воспрещается, хотя и при теперешнемъ гражданскомъ, а еще болѣе при военно-полевомъ слѣдствіи гласность очень можетъ быть допущена, если слѣдователь, судъ или правительство находятъ ее не только безвредною, но и полезною. Далѣе, арестуемыхъ лицъ нельзя называть по имени: это дѣло суда. Полная гласность дозволительна только въ случаяхъ пожара отъ неосторожности; тутъ, несмотря на свойство нашего уголовнаго процесса, можно публиковать результаты слѣдствія и публикуя ихъ, убѣждать публику, что по офиціальнымъ дознаніямъ пожары оказываются дѣломъ случая. Народъ долженъ оставаться въ полной неизвѣстности относительно мѣръ принимаемыхъ администраціей для открытія поджигателей: пусть ростетъ недовѣріе къ правительству; это не можетъ быть вредно для поджигателей; это тѣмъ менѣе можетъ уронить духъ ихъ, что даже имена арестуемыхъ не должны быть публикуемы, и слѣдовательно политическіе поджигатели могутъ сохранять еще увѣренность въ безнаказанности своихъ товарищей. Дѣло приметъ нѣсколько иной видъ, когда состоятся судебныя рѣшенія, которыя обнародовать позволяетъ газета *Голосъ*. Но судебныя рѣшенія у насъ бываютъ очень кратки, и кромѣ того рѣшеніе судебныхъ дѣлъ такого рода, особенно, когда въ нихъ замѣшаны цѣлыя организованныя шайки, изъ коихъ нѣкоторыя дѣйствуютъ изъ-за границы, можетъ состоятся по прошествіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, если не цѣлыхъ годовъ, а тѣмъ временемъ можно будетъ отводить глаза публики, убѣждая ее, что „поджоги—довольно обыкновенная форма мести въ нашемъ народѣ," и что „нашъ народъ относится иногда очень снисходительно къ поджогамъ," или, какъ не въ шутку старается увѣрить корреспондентъ *Indépendance belge*, что нашимъ народомъ овладѣлъ особый родъ умопомѣшательства, *пироманіи*, страсти къ поджогамъ.

Повторяемъ, мы очень опасаемся, чтобы газета *le Monde* и ея патроны не поняли въ такомъ смыслѣ теорію газеты *Голосъ*.

Виленскій Вѣстникъ избралъ форму разоблаченія истины, единственно-возможную при настоящемъ положеніи дѣла о поджогахъ,—форму статьи, составленной на основаніи офиціальныхъ данныхъ и опускающей, гдѣ это необходимо, имена лицъ и подробности, раскрытыя слѣдствіемъ. Но *Голосъ* неотвязчиво придирается къ этой статьѣ, къ которой ему все не нравится, и форма статьи, и то что арестованные названы въ ней по имени, и то что другіе арестованные не названы по имени. Мы уже привели замѣчаніе этой газеты, что арестуемые по обвиненію въ поджигательствѣ не должны быть называемы по имени. Тѣмъ менѣе слѣдуетъ, кажется, называть по имени лицъ обвиняемыхъ въ наущеніи къ поджигательству, а также вообще лицъ прикосновенныхъ. Это послѣднее и соблюдено въ статьѣ *Виленскаго Вѣстника*. Повидимому газета *Голосъ* должна бы это одобрить, но нѣтъ! Ея *mauvaise humeur* такъ велика, что она и тутъ сердится, и тутъ придирается. Она порицаетъ, что статья *Виленскаго Вѣстника*, называя имена поджигателей, умалчиваетъ объ именахъ лицъ, которыя по словамъ поджигателей, наущали ихъ къ тому. Петербургская газета насмѣшливо говоритъ: „Тутъ идетъ рѣчь объ *одномъ* помѣщикѣ, объ *одномъ* сосѣдѣ, о *другомъ* сообщникѣ, о *другомъ* молодомъ человѣкѣ, о случаяхъ слышанныхъ отъ *другихъ* лицъ; но кто эти *одни* и *другіе*, и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ ихъ считать членами организованной политической партіи поджигателей, положительныхъ данныхъ для этого въ статьѣ нѣтъ. Итакъ, имена лицъ оговариваемыхъ въ наущеніи къ поджигательству слѣдовало обнародовать, а уличаемыхъ въ поджигательствѣ называть не слѣдовало! Удивительная непослѣдовательность, которую *le Monde* навѣрно поставитъ въ заслугу.

Статья *Виленскаго Вѣстника* указываетъ на немногіе факты, и то лишь по одному уѣзду. Но при обнародованіи этой

статьи имѣлось въ виду, что и неполное на первый разъ разоблаченіе истины „будетъ содѣйствовать прекращенію поджоговъ болѣе дѣйствительнымъ образомъ чѣмъ испытанные доселѣ способы.“ Неужели слѣдовало медлить цѣлые мѣсяцы этимъ содѣйствіемъ къ прекращенію такого вопіющаго зла какъ поджоги, въ то время, когда, какъ сказано въ статьѣ *Виленскаго Вѣстника*, „имѣются положительныя данныя къ уликѣ злодѣевъ“? Или *Голосъ* полагаетъ, что не имѣя такихъ положительныхъ данныхъ, главное начальство сѣверо-западнаго края рѣшилось бы обнародовать эти первыя свѣдѣнія о поджогахъ и поджигателяхъ,—свѣдѣнія, которыя должны быть и несомнѣнно будутъ пополнены въ послѣдствіи? Позволительно надѣяться что темное желаніе, чтобы все касающееся до поджоговъ попрежнему оставалось скрыто, нисколько не будетъ принято во вниманіе.

Обнародованныя до сихъ поръ свѣдѣнія еще не вполнѣ вразумили *Голосъ* насчетъ связи пожаровъ съ дѣломъ польскихъ патріотовъ въ Россіи. Эта газета слишкомъ заручилась своей теоріи о томъ, что поджоги „составляютъ довольно обыкновенную форму мести въ нашемъ народѣ,“ и не смущается очевидностью положительныхъ фактовъ, приведенныхъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Эти факты не кажутся ей достаточно убѣдительными, и она, съ своей стороны, всячески старается выгородить польское дѣло, и доказать, что сами эти факты отнюдь еще не доказаны. При этомъ *Голосъ* снова умалчиваетъ о фактѣ, какъ кажется, довольно убѣдительномъ, именно о томъ что бывшій ученикъ Свенцянской гимназіи Бѣликовичъ за поджогъ, учиненный имъ въ Нижегородской губерніи, находится уже не подъ слѣдствіемъ только, а подъ военнымъ судомъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что какъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, такъ и въ *Русскомъ Инвалидѣ*, вкралась опечатка, перешедшая потомъ и во всѣ другія газеты: слобода, которую поджигалъ Бѣликовичъ, названа Ново-Ларинской, вмѣсто Ново-Старинской; въ *Спискахъ населенныхъ мѣстъ* она также ошибкою названа Ново-Этиринскою. Эта слобода, которая иначе называется еще Займзенскою, вмѣстѣ съ двумя другими подгородными слободами, составляетъ одну населенную мѣстность съ городомъ Княгининымъ. Итакъ, не три случая поджоговъ упомянуты въ полуофиціяльной статьѣ, какъ говоритъ *Голосъ*, а цѣлыхъ четыре, и одинъ изъ нихъ, умалчиваемый этою газетой особенно характеристиченъ, такъ какъ въ немъ замѣшанъ бывшій гимназистъ, высланный на жительство внутрь Имперіи. Въ дѣлѣ Ходзька по мнѣнію *Голоса*, фактъ поджога еще не доказанъ, потому только что нѣтъ собственнаго его сознанія. Въ другихъ двухъ случаяхъ фактъ поджога признается и *Голосомъ*, но побужденія къ этимъ поджогамъ, по мнѣнію петербургской газеты, еще не разъяснены. Этимъ скептицизмомъ лучше всего доказывается необходимость дальнѣйшаго оглашенія подробностей, открываемыхъ слѣдствіями. Впрочемъ, *Голосъ* сдѣлалъ уже важный шагъ впередъ: статья *Виленскаго Вѣстника*, очевидно, подѣйствовала на него. Мы имѣемъ полное право заключать это изъ патетическаго обращенія этой газеты къ той средѣ, откуда выходятъ поджигатели,—изъ запроса имъ: „неужели они думаютъ, что поджоги могутъ поддержать въ *польскомъ народѣ* энергію для борьбы противъ Россіи,“ и изъ увѣщаній, которыя эта газета обращаетъ къ польскимъ поджигателямъ, представляя имъ на видъ, какъ много подобными дѣйствіями могутъ повредить они польскому дѣлу, и какъ много можетъ проиграть оно отъ раскрытія виновныхъ. Такимъ образомъ, уже и первое разоблаченіе истины относительно нашей пожарной эпидеміи не осталось, какъ видимъ, безъ полезныхъ послѣдствій.

№ 182.

Москва, 19-го августа.

Москва не есть просто городъ; не кирпичъ и известь ея домовъ, не люди въ ней живущіе составляютъ ея сущность. Кромѣ всего этого, Москва есть историческое начало, Москва есть принципъ. Люди перемѣняются, какъ непрерывно перемѣняются частицы живущаго тѣла; перемѣняются люди, перемѣняются и нравы, и порядки. Но остается духъ мѣста, остается историческое начало. Москва, Кремль съ его соборами, старые терема ея царей; и это Красное Крыльцо, по ступенямъ котораго сходили столько событій, рѣшавшихъ судьбу Русской Земли: все это имѣетъ свою силу, все это извѣстнымъ обра-

зомъ настраиваетъ, все это въ извѣстномъ смыслѣ обязываетъ. Единство и независимость Русскаго государства во что бы то ни стало и цѣной какихъ бы то ни было жертвъ и усилій,—вотъ Москва, вотъ ея значеніе въ русской исторіи, вотъ то начало, которое ею знаменуется и въ ней воплощается. Сказать Москва значитъ сказать: русская держава нераздѣльна и едина,—значитъ сказать: русскій престолъ есть неотъемлемое и нераздѣльное достояніе русскаго народа и составляетъ одно съ нимъ. Есть другіе интересы, другія историческія начала, другія идеи; но Москва есть то что она есть, и начало ею представляемое незамѣнимо никакимъ другимъ. Этимъ началомъ не все исчерпывается, но все должно быть совмѣстимо съ нимъ, оно должно быть непремѣнно слышимо въ общемъ созвучіи. Гдѣ бы ни былъ правительственный центръ Россіи, историческое значеніе Москвы, съ своею обязательною силой, останется за ней на вѣки; какія бы формы не приняла наша жизнь, какія бы ни образовались въ ней новые сочетанія, какіе бы новые элементы ни вошли въ ея единство, сила этого единства должна остаться въ основаніи, и символъ его есть Москва. Недавно, съ высоты трона, слышали мы слова, въ которыхъ высказалась вся сила начала, представляемаго Москвой: „Въ единодушіи этомъ (между царемъ и русскимъ народомъ) „наша сила,“ сказалъ Государь Императоръ, принимая депутацію 29-го минувшаго мая, и „пока „оно будетъ существовать, намъ нечего „бояться ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ „враговъ. Покойному Сыну суждено было, „во время путешествія Его по Россіи въ „1863 г., быть свидѣтелемъ подобнаго же „единодушія, вызваннаго тогда посягательствомъ враговъ нашихъ на древнее достояніе русское и на единство государства. Да сохранится единодушіе это на„всегда“.

Нынѣшнее прибытіе Государя Императора ознаменовалось дѣйствіемъ, которое произвело глубокое впечатлѣніе и которое имѣетъ всю силу историческаго момента. Здѣсь въ Кремлѣ, посреди его соборовъ, съ высоты Краснаго Крыльца, Государь Императоръ явилъ народу Наслѣдника Престола. Было нѣчто торжественное, глубоко знаменательное въ этомъ дѣйствіи, какъ бы соединившемъ Русскую землю съ будущимъ правителемъ ея судебъ, котораго Провидѣніе предназначило къ тому такъ неожиданно для него самого,—соединившимъ ихъ въ древнемъ средоточіи Русскаго государства, съ того мѣста, надъ которымъ носится завѣтъ всей тяжкой исторіи нашей, память столькихъ вѣковъ борьбы, страданій и величія.

Посреди обстоятельствъ современной намъ жизни, посреди ея волненій и возникающихъ надъ нею вопросовъ, отрадно и успокоительно встрѣчать то что является намъ, говоря словами нашего архипастыря, „въ вѣрный залогъ единства, твердости, благоустройства и благоденствія Россіи.“

Единство, твердость, благоустройство, благоденствіе Россіи,—этими словами исчерпывается весь смыслъ русскаго патріотизма, и вся программа того, что называется національнымъ правительствомъ. Единство—всему основа; ничто дальнѣйшее невозможно безъ этой основы. И органическое тѣло, и нравственное существо подвергаются измѣненіямъ и преобразованіямъ, они переходятъ изъ одного положенія въ другое, раскрываютъ новыя силы, принимаютъ новыя формы: но все это возможно лишь на основаніи чего-либо постоянно пребывающаго и хранящаго нерушимо свое единство. Гдѣ нѣтъ этой основы, тамъ ничего и быть не можетъ; гдѣ единство существованія колеблется и подвергается сомнѣнію, тамъ все колеблется и рушится, тамъ вступаетъ въ свои права сила разложенія и тлѣнія. Государственный составъ твердъ, гдѣ государство едино и цѣльно, и гдѣ между властію и народомъ нѣтъ никакихъ недоразумѣній, неясностей и смутъ, гдѣ они принадлежатъ другъ другу какъ разныя части одного и того же организма, какъ разныя отправленія одной и той же жизни. Безъ государственнаго единства не можетъ быть и рѣчи о благоустройствѣ государства, о благоденствіи народа: но единство и твердость теряютъ свой смыслъ и силу, если они не служатъ основаніемъ благоустройству. Въ непрерывной борьбѣ за свое существованіе, наше государственное единство не было тѣмъ чѣмъ оно должно быть, для того чтобы соотвѣтствовать своему назначенію; оно было сурово, оно было запечатлѣно характеромъ исключительности, отчужденія, разобщенія. Ему предстоитъ теперь обнаружить, съ Божіею помощью, силу организаціи и благоустройства, ему предстоитъ

разомкнуться для жизни, и изъ внѣшней все отъ себя отталкивающей силы превратиться въ единство живое, плодотворное, многообъемлющее, дающее просторъ всѣмъ человѣческимъ интересамъ и плодотворному взаимодѣйствію историческихъ силъ всемірной цивилизаціи.

Есть люди, которые любятъ противополагать національной политикѣ *общечеловѣческую*, какъ они выражаются. Національная политика, проповѣдуютъ они, есть политика узкая и эгоистическая, а надъ нею будто бы возвышается политика великодушія, которая не ограничивается интересами своего государства и благомъ своего народа, а объемлетъ еще другіе народы и все человѣчество. Надобно, говорятъ они, имѣть въ виду преимущественно общечеловѣческіе интересы и жертвовать имъ интересами національными.

Но человѣчество не въ облакахъ, не въ туманѣ отвлеченностей. Каждый долженъ знать свой постъ исполнять свой ближайшій долгъ,—вотъ чего требуетъ человѣчество. Высшіе интересы человѣчества именно въ томъ и состоятъ, чтобы правительство народа было *его* правительствомъ, и чтобъ оно не имѣло въ виду ничего иного кромѣ блага своей страны. Возьмемъ въ примѣръ Россію: спрашивается, что было бы желательно въ интересѣ человѣчества, то ли чтобъ это громадное государство, плодъ труда столькихъ вѣковъ, чтобъ это великое единство, установившееся цѣной столькихъ жертвъ, подверглось колебанію въ своихъ основахъ и было предано разложенію,—или то, чтобъ основы его существованія пребывали внѣ сомнѣнія и вопроса, чтобъ это великое единство хранилось незыблемо и служило твердою основой благоустроенному обществу и процвѣтающей жизни? Служа своему отечеству, блюдя его государственное единство, способствуя его благоустройству, работая во благо своей страны, не служимъ ли мы человѣчеству, и не единственный ли это путь служить ему не въ мечтахъ, а на дѣлѣ? Чѣмъ плодотворнѣе и шире развивается жизнь народа, чѣмъ болѣе силъ входитъ въ нее, чѣмъ благоустроеннѣе государство, чѣмъ обезпеченнѣе всѣ существенные интересы общественнаго порядка, отъ высшихъ до низшихъ, тѣмъ богаче будетъ наше приношеніе человѣчеству и дѣлу цивилизаціи. Политикѣ національной можетъ быть противополагаема не какая-либо общечеловѣческая, а политика и безсилія упадка.

№ 183.

Москва, 20-го августа.

Въ письмѣ берлинскаго корреспондента *Times*, посвященномъ исключительно дѣламъ Россіи, мы находимъ нѣсколько замѣчаній и свѣдѣній о нашей пожарной эпидеміи, заслуживающихъ полнаго вниманія. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, что между Евреями Царства Польскаго и западнаго края Россіи господствуетъ убѣжденіе, что, производя поджоги, извѣстная часть польскихъ патріотовъ имѣетъ цѣлію прежде всего отмстить еврейскому населенію за то, что послѣ нѣсколькихъ колебаній оно, увидавъ болѣе рѣшительный и энергичный образъ дѣйствій со стороны русскаго правительства, отказалось отъ польскаго дѣла. Вотъ какой взглядъ на поджоги господствуетъ. Между Евреями въ то самое время, какъ нѣкоторыя петербургскія газеты, желая всячески выгородить польское дѣло, готовы винить въ поджигательствѣ все еврейское населеніе. И между Евреями, и между самими Русскими, конечно, могутъ найдтись негодяи, готовые на всякое дурное дѣло; но важно не то, кто служитъ орудіемъ для выполненія преступныхъ замысловъ, а то, изъ какого источника они проистекаютъ. Теперь не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что источникомъ преступныхъ замысловъ, обнаруживающихся въ поджогахъ, служитъ тотъ же самый польскій патріотизмъ, который высылалъ шайки жандармовъ-вѣшателей, ничѣмъ не лучшія чѣмъ шайки поджигателей, и что пожарная эпидемія, свирѣпствующая на всемъ пространствѣ Россіи, есть не что иное, какъ продолженіе польскаго мятежа 1863 г. При этихъ поджогахъ имѣется въ виду, какъ мы уже говорили, одновременно и удовлетворить чувству мести, и возбудить общее народное неудовольствіе противъ правительства, и подорвать финансы страны, и можетъ-быть убѣдить и правительство, и самое общество въ невозможности справиться съ польскимъ мятежомъ и въ необходимости сдѣлать существенныя уступки его требованіямъ. Берлинскій корреспондентъ *Times* останавливается преимущественно на одной изъ этихъ цѣлей,

именно на желаніи возбудить общественное мнѣніе и породить волненіе благопріятныя для видовъ польскихъ революціонеровъ. „Этотъ умыселъ, говоритъ онъ, былъ бы рѣшительно невозможенъ во всякой другой образованной странѣ, и можетъ показаться совершенно несообразнымъ гражданину всякаго другаго государства; но по отношенію къ Россіи, гдѣ огромное большинство народа состоитъ изъ людей безграмотныхъ и доступныхъ всякаго рода нелѣпымъ слухамъ и толкамъ, благодаря отсутствію всего того что могло бы вразумлять народъ относительно совершающихся событій,—по отношенію къ Россіи подобный умыселъ не заключаетъ въ себѣ ничего нелѣпаго.“ Это совершенно-вѣрное замѣчаніе здравомысленнаго Англичанина подтверждаетъ, до какой степени было необходимо обнародованіе офиціяльныхъ свѣдѣній о поджогахъ и объ организованныхъ шайкахъ поджигателей. Молчать болѣе объ этомъ предметѣ, дѣйствительно, значило бы дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи и облегчать врагамъ ея достиженіе предположенныхъ ими цѣлей. Вотъ почему мы вполнѣ увѣрены, что дѣло не ограничится этимъ первымъ разоблаченіемъ истины, и что она будетъ и впредь доводима до всеобщаго свѣдѣнія, по мѣрѣ того какъ будутъ раскрываться новые удобные для обнародованія факты.

Въ числѣ сообщенныхъ уже извѣстій наша публика не могла не остановиться на томъ, что и между русскими выходцами нашлось нѣкоторое число негодяевъ и безумцевъ, которые организовались въ шайку, подъ именемъ *агентство Герцена*, и приступили къ своей преступной дѣятельности подъ покровительствомъ лондонскаго польскаго общества *революціоннаго пламени*. Что же это за *агентство Герцена* въ Тульчѣ? какъ оно возникло? изъ кого оно состоитъ?

Эти вопросы естественно представляющіеся теперь, заставили насъ припомнить тѣ относящіяся сюда свѣдѣнія, которыя отчасти были напечатаны въ нашихъ изданіяхъ, отчасти заключались въ собранныхъ нами матеріялахъ. Главными дѣятелями и, какъ кажется, организаторами тульчинскаго агентства были братья Василій и Иванъ Кельсіевы. О Василіи Кельсіевѣ читатели могутъ найдти довольно обстоятельныя біографическія свѣдѣнія въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (за сентябрь 1862 г.), въ статьѣ: „Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ.“ Образованіемъ своимъ Василій Кельсіевъ обязанъ петербургскому коммерческому училищу, въ которомъ пробылъ 10 лѣтъ (до 1855 г.), какъ пансіонеръ Россійско-Американской компаніи, и отчасти С.-Петербургскому университету, гдѣ онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ (съ 1855 до 1857 года) долженъ былъ заниматься изученіемъ языковъ китайскаго и манджурскаго. Въ 1857 г., въ то время, когда онъ уже былъ на пути въ Русскую Америку, чтобы поступить на службу тамошней компаніи, онъ сошелъ съ компанейскаго корабля въ Плимутѣ, и бѣжалъ въ Лондонъ. Тамъ онъ присоединился къ г. Герцену, который былъ въ то время первокласснымъ свѣтиломъ для всей нашей учащейся молодежи, особенно для петербургской. Въ Лондонѣ Кельсіевъ сблизился съ однимъ Евреемъ, и подъ его руководствомъ принялся за переводъ Библіи на русскій языкъ по еврейско-раввинскому тексту, въ духѣ еврейскаго талмудическаго ученія, и притомъ такимъ русскимъ языкомъ, который унижаетъ достоинство Священнаго Писанія. Этимъ онъ надѣялся поколебать русскій народъ въ православіи. За тѣмъ онъ обратился къ изданію раскольническихъ книгъ, и съ 15-го іюля 1862 г. началъ издавать при *Колоколѣ* добавочные листки, подъ именемъ *Общаго Вѣча*, при дѣятельномъ соучастіи г. Огарева, съ цѣлью обратить нашихъ старообрядцевъ и раскольниковъ въ приверженцевъ соціализма и матеріялизма. Онъ считалъ своею главнѣйшею задачей дѣйствовать на поприщѣ религіозно-политической пропаганды. Это направленіе его, можетъ-быть, объясняется тѣмъ, что дѣдъ его былъ священникомъ, хотя отецъ его уже и вышелъ изъ духовнаго званія и служилъ чиновникомъ при с.-петербургскомъ таможенномъ пакгаузѣ.

Младшій братъ его, Иванъ Кельсіевъ, былъ университетскимъ студентомъ въ то время, когда вслѣдствіе тяжкихъ ударовъ, нанесенныхъ серіозному ученію въ гимназіяхъ и вслѣдствіе ослабленія въ нихъ необходимой школьной дисциплины, въ нашихъ университетахъ молодые люди не учились, а судили и рядили о преобразованіи не только Россіи, но и всего міра по идеямъ коммунистовъ и соціалистовъ,—идеямъ пустившимъ корни въ нашихъ казенныхъ школахъ, за отсутствіемъ въ нихъ

серіознаго ученія. Это было время, когда наши недоучившіеся или вовсе неучившіеся юноши рѣшились передти отъ слова къ дѣлу, и стать революціонными агитаторами среди Русскаго народа. Иванъ Кельсіевъ за участіе въ уличныхъ студенческихъ проказахъ, въ октябрѣ 1861 года, былъ высланъ на жительство въ Верхотурье. Между тѣмъ началось дѣло о перепечаткѣ сочиненій г. Герцена. Оказалось, что Кельсіевъ былъ участникомъ и въ этомъ дѣлѣ; его вытребовали для производства слѣдствія, но ему удалось бѣжать за-границу.

Извѣстно, что польскіе революціонеры питаютъ глубочайшее презрѣніе къ русскимъ выходцамъ. Однако зная, что благодаря стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, эти люди пользовались въ Россіи авторитетомъ, польскіе революціонеры были не прочь употребить ихъ въ дѣло для борьбы противъ Россіи. Такъ какъ братья Кельсіевы избрали своею спеціяльностью міръ раскольничій, и такъ какъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Турціи, не подалеку отъ русской границы, проживаетъ не малое число раскольниковъ бѣжавшихъ въ прежнее время изъ Россіи, то туда и были направлены братья Кельсіевы лѣтомъ 1863 года. Они явились въ городъ Тульчу (на югѣ отъ Измаила, въ Добруджѣ) не одни, а въ сопровожденіи Сеидъ-паши (Поляка Чайковскаго), который былъ тутъ по соглашенію съ Чарторыйскимъ. Кельсіевы, съ одной стороны разчитывали найдти сочувствіе въ раскольничьемъ архіепископѣ Аркадіи, проживавшемъ близъ Тульчи, въ Славѣ, которому и предлагали устроить въ Славѣ типографію для печатанія старообрядческихъ книгъ и другихъ сочиненій, разумѣется, въ ихъ духѣ, и для отправленія ихъ въ Россію, а съ другой, вмѣстѣ съ Сеидъ-пашой, они старались уговорить Некрасовцевъ, чтобъ они шли на помощь къ польскимъ повстанцамъ въ Подолію и Волынь, и вмѣстѣ съ тѣмъ, выслали отъ себя эмиссаровъ на Донъ, на Терекъ и на Уралъ, для возмущенія, во имя старой вѣры, тамошнихъ казаковъ. Но первыя ихъ попытки не имѣли ни малѣйшаго успѣха: Аркадій рѣшительно не согласился на предложеніе Кельсіевыхъ, а Некрасовцы съ негодованіемъ выгнали изъ своихъ слободъ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ спутника. По этому поводу Сеидъ-паша (Чайковскій) и Кельсіевы подали въ Константинополѣ доносъ на Аркадія и на Некрасовцевъ, обвиняя ихъ въ государственной измѣнѣ. Аркадій успѣлъ бѣжать въ Измаилъ; между тѣмъ какъ изъ Некрасовцевъ многіе были схвачены турецкими властями и одни изъ нихъ были сосланы на Ефратъ, а другіе, какъ увѣряютъ, были даже утоплены въ Босфорѣ. Несомнѣнно, что съ тѣхъ поръ какъ польско-русскіе революціонные агенты попытались употребить Некрасовцевъ для борьбы за польское дѣло противъ Россіи, эти простые, необразованные, вовлеченные въ заблужденіе люди, тѣмъ не менѣе, живо почувствовали себя русскими людьми, и стали просить о дозволеніи имъ возвратиться въ Россію.

Между тѣмъ Кельсіевы не унывали. Возвратясь въ Тульчу, гдѣ къ нимъ присоединились нѣкоторые русскіе выходцы и Поляки, они завели тамъ русскую типографію, о дѣятельности которой намъ, впрочемъ, ничего неизвѣстно. Они снова пытались привлечь на свою сторону раскольничьяго митрополита, Кирилла Бѣлокриницкаго; но точно также не имѣли успѣха: Кириллъ, въ своемъ посланіи, напечатанномъ въ 1864 г. въ Яссахъ, напротивъ, даже запретилъ старообрядцамъ своего согласія имѣть какія бы то ни было сношенія съ этими людьми, „какъ съ безбожниками и измѣнниками своему отечеству.“ Всѣ они, и особенно Василій Кельсіевъ, были въ презрѣніи у мѣстныхъ и окрестныхъ жителей русскаго происхожденія за исключеніемъ людей совершенно потерянныхъ, или принадлежащихъ къ самымъ противообщественнымъ сектамъ. Изъ этихъ-то людей имъ и удалось составить свою шайку, о которой говорится въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Впрочемъ, Иванъ Кельсіевъ умеръ въ Тульчѣ, а братъ его Василій нынѣшнимъ лѣтомъ отправился въ Женеву, гдѣ теперь издается *Колоколъ*, и сколько извѣстно, до сихъ поръ еще не возвратился въ Тульчу. Связь собранной ими шайки съ лондонскимъ обществомъ *революціоннаго пламени* до сихъ поръ была неизвѣстна, но она напоминаетъ о митингѣ лондонскихъ революціонеровъ, разсматривавшемъ вопросъ о поджогахъ какъ о революціонномъ средствѣ. На этомъ митингѣ, который былъ описанъ въ газетѣ *Наше Время* за 1862 годъ, одни высказывались противъ поджоговъ, другіе склонялись къ ихъ одобренію, и между этими послѣдними были нѣкоторые изъ русскихъ выходцевъ.

Статья *Виленскаго Вѣстника* говоритъ о Липованахъ и скопцахъ. Въ запущенномъ нами мірѣ раскола дѣйствительно есть одичалые элементы, которыхъ враждебность общественному порядку доходитъ до изувѣрства, и которыми злоумышленники очень могутъ пользоваться. Кромѣ того, при существованіи весьма стѣснительной для честнаго гражданина паспортной системы, у насъ есть цѣлыя массы бродячаго люда, нерѣдко весьма испорченнаго. „Несмотря на пожары, сказано въ одномъ изъ писемъ, полученныхъ нами нынѣшнимъ лѣтомъ, бродяги обоихъ половъ и возрастовъ не перестаютъ шляться по нашимъ городамъ и селамъ. Съ тарелочками, съ образками и просфорами въ кожаныхъ сумахъ, они всюду шныряютъ, все высматриваютъ самымъ зоркимъ взглядомъ. А еще эти, называющіе себя Греками, время отъ времени появляющіеся съ пузырьками разноцвѣтныхъ жидкостей,—эти что и для чего? У большей части этого люда нѣтъ ни родства, ни какой-либо осѣдлости гдѣ бы то ни было на свѣтѣ, не говоря уже о паспортахъ или свидѣтельствахъ на право разноснаго торга. Нужно ли кому-нибудь рисковать своею особой для совершенія чего угодно, когда чуть не на каждомъ шагу можно находить у насъ такія пригодныя орудія?“

№ 184.

Москва, 21-го августа.

Къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ поднятыхъ въ нынѣшнее царствованіе, безъ сомнѣнія, принадлежитъ вопросъ о реформѣ учебныхъ заведеній, входящихъ въ систему высшаго, или университетскаго образованія. Эта реформа тѣмъ важнѣе, что важность ея не всѣми можетъ быть достаточно оцѣнена, точно такъ же какъ не всѣ могутъ отдать себѣ равно сознательный отчетъ въ самой сущности этого вопроса. Благодаря нѣкоторымъ просвѣщеннымъ государственнымъ людямъ, находившимся во главѣ администраціи народнаго просвѣщенія, изъ которыхъ слѣдуетъ назвать преимущественно графа С. С. Уварова, наши гимназіи, въ тридцатыхъ годахъ, въ своемъ учебномъ устройствѣ нѣсколько было приблизились къ типу европейской школы, или, лучше сказать, той единственной школы, которая серіозно воспитываетъ дѣтскіе умы для цѣлей высшаго образованія. Другой школы въ этомъ смыслѣ нѣтъ, точно такъ же какъ нѣтъ другой науки, кромѣ европейской. Правда, положеніе, въ которое приведены были наши гимназіи въ тридцатыхъ годахъ, подъ управленіемъ графа Уварова, далеко не могло назваться удовлетворительнымъ; тѣмъ не менѣе онѣ были поставлены въ то направленіе, въ которомъ оставалось имъ только совершенствоваться. Но прошло не болѣе двухдесятилѣтій, какъ въ 1848 и 49 годахъ, вся система нашего народнаго просвѣщенія подверглась страшному разгрому, который не коснулся только счастливаго Прибалтійскаго края,—и учебное устройство русскихъ гимназій было разомъ повернуто въ другую сторону. Вмѣсто гимназій, которыя еще далеко не могли быть названы классическими, но были, по крайней мѣрѣ, обращены въ это направленіе, явились, подъ видомъ гимназій, учебныя заведенія „безъ чести и имени“, говоря словами г. Дюрюи, нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія во Франціи,—явилось нѣчто въ родѣ такъ-называемыхъ реальныхъ школъ, только дурнаго устройства, порвавшихъ всякую связь съ преданіями и правилами педагогіи образованныхъ странъ, отказавшихся отъ всякаго сходства съ тѣми учебными заведеніями, которыя въ Европѣ служатъ приготовленіемъ къ высшему, или университетскому образованію. Явились учебныя заведенія, предназначавшіяся не къ тому, чтобы воспитывать юные умы, собирать ихъ силы, укрѣплять и приготовлять ихъ къ высшимъ спеціяльностямъ знанія,—а къ тому, чтобы подъ видомъ сообщенія разнообразныхъ познаній дѣтямъ, отъ 9-ти до 16-ти лѣтъ, не учить ихъ ничему серіозно, разслаблять ихъ умственныя силы, дѣлать ихъ возможно менѣе способными къ самостоятельному мышленію и серіозному умственному труду въ зрѣлые годы. Смыслъ этого преобразованія, или, лучше, того прогрома, которому подверглись наши гимназіи, превратившись изъ начинавшихся классическихъ въ дурныя реальныя школы, станетъ совершенно ясенъ, если мы припомнимъ общій характеръ законодательныхъ мѣръ, которыя принимались тогда по части народнаго просвѣщенія. Вслѣдствіе катастрофы, изгнавшей Лудовика Филиппа изъ Франціи, катастрофы,

которая не имѣла ничего общаго съ дѣломъ народнаго просвѣщенія у насъ и въ которой нашъ народъ не былъ виноватъ ни душой, ни тѣломъ, наука у насъ подверглась стѣсненію какъ дѣло вредное и опасное; произошло попятное движеніе, и между русскимъ народомъ и европейскимъ образованіемъ была поставлена Китайская стѣна. Никогда наука и образованіе, эти зиждительныя силы нашего времени, безъ которыхъ ни одно государство не можетъ удерживать за собой мѣсто въ Европѣ, не подвергались такому полному и рѣшительному отрицанію. Подъ вліяніемъ мысли о вредѣ и опасности высшаго образованія, послѣдовалъ рядъ распоряженій и мѣръ, которыми было подавлено въ зародышѣ все что едва начиналось въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, не только было парализовано развитіе нашихъ университетовъ, но и поставленъ былъ комплектъ своекоштныхъ студентовъ, такъ что молодые люди, желавшіе получить университетское образованіе, часто должны были противъ воли поступать въ факультетъ медицинскій, для котораго вскорѣ пришлось сдѣлать исключеніе по причинѣ вопіющей потребности въ медикахъ, при чемъ было забыто только то, что и медики должны же предварительно гдѣ-нибудь учиться, и что съ оскудѣніемъ прочихъ факультетовъ должна была возникнуть столь же вопіющая потребность въ порядочныхъ преподавателяхъ даже русской грамоты. Все что только обнаружило какіе-нибудь признаки мысли и умственной самостоятельности подвергалось запрету и преслѣдованію, безъ разбора направленія. Но нѣтъ надобности характеризовать этотъ еще такъ памятный всѣмъ періодъ времени, который ознаменовался уничтоженіемъ начинавшагося у насъ классическаго направленія и превращеніемъ нашихъ гимназій въ дурныя реальныя училища. Почти 20 лѣтъ продолжается это положеніе вещей; послѣдствія его всѣмъ извѣстны. Хотя настроеніе, изъ котораго произошли законодательныя мѣры, направленныя противъ науки и образованія, было явленіемъ случайнымъ, грустнымъ недоразумѣніемъ, которое не могло держаться долго; однако созданное имъ положеніе вещей длится и до сего времени, и послѣдствія его будутъ еще долго отзываться даже въ томъ случаѣ, еслибы мы со всевозможною энергіей и рѣшимостію приступили неотлагательно къ преобразованію нашего учебнаго дѣла на лучшихъ основаніяхъ.

При самомъ началѣ нынѣшняго царствованія, въ законодательствѣ нашемъ обнаружилось новое направленіе, и послѣдовалъ рядъ обширныхъ реформъ въ либеральномъ смыслѣ. Исчезли прежнія побужденія ограничивать дѣло науки и понижать уровень образованія въ Россіи. Стѣснительныя мѣры отмѣнялись одна за другою, и снова поднялся вопросъ о реформѣ нашихъ гимназій, жалкое положеніе которыхъ обнаруживалось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе какъ для правительства, такъ и для общества. Потребность измѣнить это положеніе къ лучшему чувствовалась все настоятельнѣе; недоумѣвали и затруднялись только съ какой стороны приступить къ дѣлу, и въ какомъ смыслѣ предпринять необходимое преобразованіе. Сначала были только общія предположенія, потомъ министерство обратилось за совѣтомъ къ нашему педагогическому сословію, упустивъ, къ сожалѣнію, при этомъ изъ виду, что еслибы наше педагогическое сословіе было способно дать по этому дѣлу уважительный совѣтъ, то это значило бы, что педагогическое дѣло находится у насъ въ вожделѣнномъ состояніи и не требуетъ коренныхъ преобразованій. Мнѣнія поданныя въ министерство съ разныхъ сторонъ и наполнившія собою пять большихъ и толстыхъ томовъ, въ своей совокупности, свидѣтельствуютъ только о крайней безпомощности нашего педагогическаго дѣла. Крупицы здраваго смысла, ясныхъ понятій и знанія дѣла исчезаютъ въ массѣ ужасающаго хлама. На этихъ показаніяхъ невозможно было остановиться; тѣмъ не менѣе былъ составленъ проектъ новаго устройства гимназій, который вовсе не касался существенныхъ пунктовъ дѣла и ни мало не врачевалъ главнаго зла, которымъ страдали наши учебныя заведенія. Проектъ этотъ, переведенный на иностранные языки, былъ разосланъ по заграничнымъ педагогамъ и ученымъ. Онъ не выдерживалъ серіозной критики и вызвалъ протестаціи людей мыслящихъ и свѣдущихъ. Европа, къ которой мы обратились за совѣтомъ, указала намъ на свои собственныя учебныя заведенія и пригласила насъ воспитывать наше юношество такъ, какъ воспитываетъ она сама, если мы хотимъ сравняться съ нею въ дѣлѣ образованія и нау-

ки. Совѣтъ этотъ былъ очень хорошъ, но мы могли бы обойдтись и безъ него: вмѣсто того чтобы спрашивать иностранныхъ ученыхъ и педагоговъ, какъ намъ устроить наши школы, мы могли бы просто собрать точныя свѣдѣнія о учебномъ устройствѣ школъ въ образованнѣйшихъ странахъ Европы, гдѣ наука есть дѣло серіозное, гдѣ она является могущественною и плодотворною силой. Мы могли бы, такимъ образомъ, ознакомиться съ истинною сущностью педагогическаго дѣла не черезъ мнѣнія и совѣты другихъ, а и изъ собственнаго изученія фактовъ; но въ томъ-то и бѣда, что къ самостоятельному изученію чего бы то ни было мы не приспособлены.

Вопросъ о переустройствѣ нашихъ учебныхъ заведеній длился почти цѣлое десятилѣтіе, между тѣмъ какъ цвѣтъ нашей молодежи продолжалъ портиться цѣлыми рядами поколѣній. Почти единогласными показаніями и совѣтами свѣдущихъ въ Европѣ людей мы все-таки не рѣшились воспользоваться, и труды ученаго комитета, которому было поручено составить окончательный проектъ, показали, что какъ ни дурно устройство нашихъ нынѣшнихъ гимназій, однако можно измыслить нѣчто еще гораздо худшее. Оказалась партія неутомимыхъ, на все готовыхъ противниковъ преобразованія нашей учебной системы. Чѣмъ либеральнѣе расположена была верховная власть, чѣмъ доброжелательнѣе къ дѣлу образованія было шедшее сверху направленіе, тѣмъ упорнѣе и изворотливѣе дѣйствовала эта партія. Говорить прямо противъ науки и образованія было несвоевременно, и новые противники водворенія ихъ въ русскомъ народѣ постарались усвоить себѣ другіе пріемы и прикинуться ревнителями наукъ и образованія. Они должны были принять личину людей прогресса и либерализма. Съ этою цѣлію, они заговорили о какой-то будто бы новой системѣ образованія, которая нынѣ оспариваетъ первенство у системы классической, будто бы отжившей свой вѣкъ и являющейся анахронизмомъ въ современной Европѣ, печальнымъ остаткомъ средневѣковаго варварства и мрака: точь въ точь какъ наши доморощенные соціалисты толковали о правѣ собственности какъ объ отжившемъ институтѣ, и громили европейскую цивилизацію какъ хламъ тѣхъ же среднихъ вѣковъ, который нужно истребить огнемъ и мечомъ. Новое учебное устройство, которое, по мнѣнію этихъ прогрессистовъ, оспариваетъ первенство у классической системы, есть въ сущности устройство нашихъ теперешнихъ гимназій, и усилія этихъ прогрессистовъ, сознательно или безсознательно, клонились къ тому, чтобъ удержать тѣ основанія учебнаго устройства, которыми надѣлилъ Россію не доброй памяти 1849 годъ. Они предлагали произвести лишь нѣкоторыя измѣненія въ частностяхъ, съ тѣмъ чтобы наши гимназіи, если можно, еще менѣе походили на университетскія школы, въ которыхъ Европа воспитываетъ своихъ дѣтей, и чтобы такимъ образомъ мы были окончательно разобщены съ ней. Нѣтъ софизма, нѣтъ лжи, которыя не были бы пущены въ ходъ, для того чтобы затемнить и запутать вопросъ, ввести въ заблужденіе умы и сбить съ толку общественное мнѣніе. Благодаря однако гласности допущенной по вопросамъ законодательнымъ, и нѣкоторой свободѣ сужденія предоставленной общественному мнѣнію, агитація эта могла только затянуть рѣшеніе дѣла, но, по счастію, не могла совершенно испортить его. Прошедшій годъ будетъ памятенъ въ исторіи русскаго образованія. Впервые были признаны и приняты нашимъ законодательствомъ начала европейскаго образованія. Съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать, что законъ о новомъ устройствѣ нашихъ гимназій, въ своихъ существенныхъ основаніяхъ, будетъ славой нынѣшняго царствованія, если только онъ будетъ исполненъ. Но чѣмъ отраднѣе было встрѣтить появленіе этого закона, тѣмъ грустнѣе было подумать о тѣхъ опасностяхъ, которыя могутъ угрожать ему при исполненіи. Видя что творится вокругъ, мы не могли защититься отъ этихъ опасеній и не высказать ихъ. Предчувствія эти сбылись; противники реформы не унываютъ, и продолжаютъ работать...

Къ сожалѣнію, по новости педагогическихъ понятій у насъ, возникла нѣкоторая сбивчивость въ употребленіи терминовъ. Классическими училищами въ цѣломъ мірѣ называются тѣ, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ постепенно воспитывать и укрѣплять зрѣющіе умы будущихъ студентовъ посредствомъ *концентраціи* учебныхъ занятій, и средствомъ для этой концентраціи употребляютъ оба классическіе языка, латинскій и греческій, какъ единственный предметъ, приспособленный къ такой

цѣли. Греческій языкъ считается самымъ существеннымъ условіемъ классической школы; образовавшейся не въ средніе вѣка, какъ старались увѣрить нашу публику противники реформы, а въ эпоху, съ которой начинается исторія новѣйшей цивилизаціи и современнаго знанія. Нигдѣ въ Европѣ греческій языкъ не имѣетъ какого-либо иного значенія, кромѣ чисто-педагогическаго, онъ не связанъ ни съ богослуженіемъ, ни съ юридическими преданіями западной Европы; а между тѣмъ, какъ въ Германіи, такъ равномѣрно во Франціи и Англіи, служитъ онъ для цѣлей школы, и составляетъ необходимое условіе, вмѣстѣ съ другимъ классическимъ языкомъ, для приготовленія къ университетскимъ занятіямъ по какому бы то ни было факультету, начиная отъ богословскаго до медицинскаго. Одинъ изъ двухъ классическихъ языковъ считается недостаточнымъ для такого сосредоточенія учебныхъ занятій, какое требуется отъ университетской школы. Итакъ, классическою школой называется исключительно и единственно та, въ учебный планъ которой входятъ оба древніе языка. Но вслѣдствіе распространившейся потребности образованія во всѣхъ классахъ европейскаго общества, законодательствомъ нѣкоторыхъ странъ допущены, подъ именемъ реальныхъ, общеобразовательныя заведенія, не находящіяся въ связи съ высшимъ или университетскимъ образованіемъ. Воспитанники ихъ не допускаются ни въ одинъ изъ факультетовъ. Устраиваются они обыкновенно не государствомъ, а частными людьми или обществами, которыя пожелаютъ имѣть ихъ; правительство даетъ имъ только программу, иногда денежное пособіе, и инспектируетъ ихъ. Но эти реальныя училища не походятъ на то что подъ этимъ именемъ выдается нашими офиціяльными педагогами. Въ Пруссіи реальныя училища высшаго разряда хотя и лишены университетскихъ правъ, но также имѣютъ своимъ непремѣннымъ условіемъ сосредоточеніе учебныхъ занятій, и также для этой цѣли прибѣгаютъ къ единственно-испытанному средству, заключающемуся въ древнихъ языкахъ. Существенное отличіе ихъ отъ классическихъ гимназій состоитъ въ томъ, что они довольствуются для своихъ цѣлей однимъ латинскимъ языкомъ. Чтобы судить о томъ, въ какихъ размѣрахъ реальныя училища, лишенныя университетскихъ правъ, обязаны въ Пруссіи пользоваться этимъ средствомъ, стоитъ только сообразить число уроковъ латинскаго языка, которые предписываются законодательствомъ для реальныхъ училищъ. Въ Пруссіи, какъ гимназіи, такъ и реальныя училища, высшаго разряда имѣютъ шесть классовъ, изъ коихъ три послѣдніе имѣютъ двухгодовой курсъ, такъ что полный курсъ въ нихъ приходится въ продолженіе девяти лѣтъ. Вотъ программа уроковъ латинскаго языка въ прусскихъ реальныхъ училищахъ высшаго разряда: въ первомъ (снизу) классѣ 8 уроковъ; во второмъ и третьемъ по 6, въ четвертомъ (двухгодовомъ) 5, въ пятомъ (двухгодовомъ) 4, въ шестомъ (двухгодовомъ) 3; итого, въ совокупности, 44 часа въ недѣлю.

Въ текстѣ нашего новаго закона о гимназіяхъ наименованіе классическихъ отнесено къ двумъ разрядамъ учебныхъ заведеній, изъ коихъ одинъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ тому что въ Европѣ называется классическими школами, исключительно имѣющими право готовить молодыхъ людей къ университету и основанными на обоихъ древнихъ языкахъ, а другой, также названный у насъ классическимъ, соотвѣтствуетъ только тому что въ Германіи называется реальною школой, гдѣ для воспитательнаго сосредоточенія учебныхъ занятій употребляется только одинъ латинскій языкъ. Но, какъ видно изъ смысла нашего новаго закона, онъ допустилъ наименованіе классическихъ по отношенію къ простымъ латинскимъ или реальнымъ школамъ лишь въ тѣхъ видахъ, что эти школы должны по мѣрѣ средствъ преобразовываться въ настоящія классическія гимназіи.

Вопросъ между классическими и реальными учебными заведеніями могъ относиться собственно только къ этимъ двумъ разрядамъ школъ, названныхъ у насъ безразлично классическими. Но ловкими людьми, которые взялись за агитацію противъ преобразованія, вопросъ былъ перенесенъ на другую почву. Они воспользовались тѣмъ, что законъ допустилъ еще третью группу гимназій, которыя названы реальными и которыя слѣдовало бы назвать ультра-реальными, откуда совершенно изгнаны древніе языки и въ которыхъ нѣтъ ничего что служило бы средствомъ для серіознаго и успѣшнаго сосредоточенія учебныхъ занятій, и поставили вопросъ между

собственно-реальными, которыя у насъ скрылись подъ наименованіемъ классическихъ съ однимъ древнимъ языкомъ и этими ультра-реальными. Эти особаго рода гимназіи, которыя можно бы еще назвать, для отличія отъ классическихъ и реальныхъ, химическими, потому что въ нихъ дается, повидимому, особенное значеніе преподаванію химіи для тринадцати и четырнадцатилѣтнихъ дѣтей. Какую силу должно имѣть здѣсь преподаваніе химіи, объ этомъ всего лучше можетъ засвидѣтельствовать самый компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, авторитетъ по части химіи, профессоръ Митшерлихъ. Въ предисловіи къ своему учебнику химіи, это лучшій знатокъ дѣла, заинтересованный болѣе чѣмъ кто-нибудь успѣхами химіи, свидѣтельствуетъ, что занятія этою наукой до шестнадцатилѣтняго возраста не только не могутъ приготовлять учащихся къ серіозному занятію химіей въ послѣдствіи, но напротивъ дѣлаютъ ихъ положительно неспособными къ ней. Законодательная власть, допустивъ устройство этихъ заведеній, отказала имъ въ правѣ аттестовать своихъ воспитанниковъ къ университету. Нельзя не согласиться съ сужденіями, высказанными *Сѣверной Почтой* въ статьѣ имѣющей полуофиціяльный характеръ, что устроеніе школъ этого рода должно быть предоставлено частнымъ людямъ или обществамъ, которыя пожелаютъ ихъ, и что онѣ не должны содержаться правительствомъ на средства казны. Во всякомъ случаѣ, преобразовать наши гимназіи въ подобныя школы можно отнюдь не по иниціативѣ правительства, а развѣ по настоятельнымъ требованіямъ мѣстныхъ обществъ, которые почему-либо пожелали бы отрѣзать дѣтямъ своего края путь къ университетамъ. Законъ и имѣлъ это въ виду, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія право деградировать университетскія гимназіи на степень школъ лишенныхъ университетскаго значенія — не иначе какъ соображаясь съ мѣстными требованіями.

Законъ былъ изданъ, и изданъ конечно не съ тѣмъ чтобъ оставаться втунѣ, а чтобъ послѣ столь продолжительныхъ колебаній, остановокъ и замедленій, которыя предшествовали состоявшемуся закону, было приступлено со всевозможною энергіей и усердіемъ къ исполненію его предначертаній. Времени упущено такъ много что теперь, когда вопросъ рѣшенъ окончательно, отъ исполнителей требуется усиленная дѣятельность для того чтобы сколько-нибудь нагнать упущенное. Но едва законъ былъ обнародованъ, какъ напротивъ съ усиленною дѣятельностію пошла изъ Петербурга агитація на всю Россію, чтобъ отклонить исполненіе закона отъ прямыхъ путей. Потребовалось снова обращаться за совѣтомъ къ мѣстнымъ администраціямъ и педагогическимъ сословіямъ о томъ, какія лучше заводить гимназіи, классическія ли, разумѣя подъ ними не только классическія, но и реальныя, то-есть латинскія, или же ультра-реальныя, то-есть химическія. Этого мало: заговорили о томъ, не слѣдуетъ ли обратиться къ земскимъ собраніямъ и попытаться не пойдутъ ли они, въ простотѣ сердца, на приманку химіи и другихъ реальныхъ знаній. Была рѣчь чуть ли даже не о томъ чтобъ обратиться съ вопросомъ о преимуществахъ классической и реальной системъ къ мірскимъ сходкамъ нашихъ селъ. Вотъ какая честь выпала этому вопросу! Опытъ образованнаго міра оказался недостаточнымъ; мнѣніе педагоговъ цѣлой Европы оказались недостаточными; мнѣніе государственнаго совѣта и рѣшеніе верховной законодательной власти оказались недостаточными; законъ торжественно признавшій начала классической системы для университетскаго образованія оказался недостаточнымъ; потребовалось перерѣшить дѣло посредствомъ suffrage universel, и для этого превратить Россію въ громадный, чудовищный, небывалый парламентъ по вопросу о классическихъ и реальныхъ школахъ. Въ общественныхъ слояхъ, какіе нигдѣ, даже въ самыхъ образованныхъ странахъ, не могутъ обсуживать и рѣшать педагогическіе вопросы, разчитывалось произвести движеніе, вызвать какъ можно побольше шуму и заявленій въ пользу школъ допущенныхъ закономъ, но не получившихъ никакого обязательнаго значенія, и потомъ попытаться, нельзя ли какъ-нибудь, во имя либеральности, уваженія къ общественному мнѣнію и т. п. склонить правительство къ измѣненію основаній закона и дарованію химическимъ гимназіямъ университетскихъ правъ. По редакціямъ губернскихъ вѣдомостей была циркулярно разослана статейка, которая и появилась въ нѣсколькихъ разомъ, будто самостоятельное мнѣніе, служащее органомъ мѣстныхъ потребностей...

Однако всѣ эти продѣлки не имѣли успѣха. Мѣстныя общества протестовали одно за другимъ противъ химическихъ гимназій, которыми ихъ подчивали. Но этимъ дѣло не кончилось. По причинамъ, которыя трудно понять, многія изъ существующихъ гимназій, вмѣсто преобразованія въ классическія, вдругъ оказались на пути къ передѣлкѣ въ химическія, такъ что цѣлыя губерніи лишались доступа въ университетъ. Сколько намъ извѣстно, было предположено деградировать такимъ образомъ на первый разъ около пятнадцати гимназій. И вотъ законъ изданный съ самою благожелательною цѣлью, законъ либеральный, долженствовавшій усилить нашу науку, дать нашему обществу новыя и лучшія средства для образованія, разомъ лишилъ наши университеты значительнаго числа гимназій, превративъ ихъ въ школы не имѣющія университетскихъ правъ, разомъ лишилъ нѣсколько губерній возможности готовить дѣтей къ университетскому ученію. Этого не дѣлали даже мѣры 1848—49 г. Въ московскомъ учебномъ округѣ этотъ жребій выпалъ двумъ губерніямъ, Тверской и Смоленской. Никто не въ состояніи объяснить, почему именно эти двѣ губерніи были поражены отлученіемъ отъ университетскаго образованія. Въ Смоленской губерніи встревоженное дворянство собиралось экстраординарно по уѣздамъ, единственно затѣмъ чтобы ходатайствовать объ отмѣнѣ этой такъ незаслуженно постигшей Смоленскую губернію кары. Предводители дворянства Тверской губерніи точно также протестовали противъ этой мѣры, и обращались къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой ходатайствовать за ихъ губернію. Въ силу этихъ ходатайствъ, сдѣланное распоряженіе было отмѣнено, и какъ Тверской, такъ и Смоленской гимназіи обѣщано преобразованіе въ классическомъ смыслѣ. Но такъ какъ выраженіе „классическія гимназіи“ стало у насъ двусмысленнымъ, такъ какъ оно относится равно и къ классическимъ собственно, то-есть къ греко-латинскимъ, и къ тѣмъ, которыя въ Европѣ зовутся реальными и для педагогическихъ цѣлей ограничиваются однимъ латинскимъ, то дѣло не было приведено въ надлежащую ясность. Почетный попечитель Тверской гимназіи, князь П. П. Мещерскій, попытался разъяснить его: онъ вызвался жертвовать нѣкоторую сумму въ пользу этой гимназіи въ продолженіе трехъ лѣтъ, пока правительство не будетъ въ состояніи отпустить полную сумму требуемую на преобразованіе гимназіи по новому штату,—но не иначе какъ подъ условіемъ, что Тверская гимназія будетъ непосредственно и немедленно преобразована въ полную классическую. Это происходило мѣсяцевъ пять тому назадъ; но и теперь въ точности неизвѣстно, принято ли предложеніе князя Мещерскаго. Въ началѣ было слышно, что предложеніе его не имѣло успѣха, и лишь недавно въ *Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, не знаемъ только въ какой мѣрѣ основательно было извѣщено, что въ Твери будетъ устроена полная классическая гимназія.

Ниже печатаемъ мы письмо изъ сибирскаго города Екатеринбурга, которому также навязывается ультрареальная гимназія, хотя въ этомъ городѣ есть хорошая техническая школа, безъ сомнѣнія, несравненно болѣе полезная и болѣе удовлетворяющая своему назначенію нежели новая, предлагаемая ему гимназія. Какъ видимъ изъ этого письма, екатеринбургское общество находится въ такомъ же волненіи, лишаясь доступа къ университету, какъ были въ волненіи дворянскія общества въ Смоленской и Тверской губерніяхъ. Не знаемъ, были ли какія протестаціи въ другихъ мѣстностяхъ, которымъ отрѣзанъ доступъ къ университетамъ; знаемъ только то, что нѣкоторыя губерніи Россійской имперіи не имѣютъ ни малѣйшаго повода къ подобной протестаціи. Это губерніи западнаго края. Относительно этихъ губерній не было ни колебаній, ни затрудненій; тамъ не агитировали вопроса, не угодно ли кому педагогической гимназіи. Сколько намъ извѣстно, въ сѣверо-западномъ краѣ всѣ губернскія гимназіи объявлены, безъ всякихъ спросовъ и развѣдокъ, полными классическими, а уѣздныя, которыхъ тамъ много, полуклассическими. Преподаваніе греческаго языка вводится тамъ, какъ намъ сказываютъ, съ нынѣшняго года, по крайней мѣрѣ въ Москву пріѣзжало оттуда офиціяльное лицо для вербованія преподавателей греческаго языка въ виленскій учебный округъ. Такимъ-то образомъ, въ предѣлахъ московскаго учебнаго округа, который не находитъ греческихъ преподавателей для своихъ гимназій, виленскій округъ нашелъ ихъ для себя. Что же касается до московскихъ гимназій, то къ наступающему академическому году не сдѣлано почти

ничего для преобразованія ихъ въ смыслѣ новаго закона; повышено только жалованье нѣсколькимъ преподавателямъ по новому штату, да прибавлено въ нѣкоторыхъ классахъ по одному или по два часа латинскихъ уроковъ, почти безъ всякой педагогической пользы. Московскія гимназіи, за исключеніемъ лишь Второй, изъ которой даже разгромъ 48 и 49 годовъ не вовсе изгналъ греческій языкъ, остаются въ полной силѣ реальными училищами, и если-бы не было въ Москвѣ двухъ нѣмецкихъ гимназій, не зависящихъ отъ начальства здѣшняго учебнаго округа, изъ которыхъ одна состоитъ подъ управленіемъ реформатской, а другая лютеранской церкви, то новый законъ, которымъ верховная власть предположила открыть новую эру для русскаго образованія, остался бы на цѣлый наступающій годъ безъ всякихъ послѣдствій для Москвы, точно такъ же какъ остается онъ безъ всякихъ послѣдствій для всѣхъ губернскихъ гимназій, приписанныхъ не къ виленскому, а къ московскому учебному округу.

№ 185.

Москва, 23-го августа.

Публичный полевой военный судъ, происходившій здѣсь третьяго дня по дѣлу объ убійствѣ 27-го января, вызываетъ насъ на нѣсколько замѣчаній.

Публичность суда отнюдь не означаетъ, чтобы всякій желающій имѣлъ право войдти въ залу суда, хотя бы суду привелось происходить среди шума и давки. Допущеніе публики на судъ есть въ сущности не что иное какъ допущеніе гласности; главное же средство гласности есть печать, а потому цѣль публичности вполнѣ достигается, если на судѣ присутствуютъ даже весьма малочисленная публика, но если притомъ предоставляются возможность записывать происходящее на судѣ для опубликованія. Въ англійскихъ и французскихъ судахъ для публики удѣляется лишь небольшая часть залы, за барьеромъ, а когда предвидится большое стеченіе любопытныхъ, то публика впускается не иначе какъ по билетамъ, выдаваемымъ въ ограниченномъ числѣ и предназначаемымъ преимущественно для лицъ заинтересованныхъ въ процессѣ, а также для составителей журнальныхъ отчетовъ, которымъ отводится особое удобное для ихъ занятія помѣщеніе. Толкотня бываетъ при входѣ въ залу суда, но въ залѣ соблюдается самое строгое благочиніе. Нарушеніе его ведетъ тотчасъ же къ удаленію и оштрафованію виновнаго, а иногда и къ совершенному очищенію залы отъ публики, при чемъ остаются только журнальные референты. Но такіе случаи бываютъ рѣдко: со вступленіемъ суда въ залу, обыкновенно смолкаетъ даже всякій говоръ; присутствіе публики не служитъ суду не малѣйшею помѣхой; оно нисколько не затрудняетъ судьямъ ихъ дѣла, требующаго совершенной тишины и порядка. Публичность суда установляется не для удовлетворенія любопытству публики, а въ интересахъ правосудія; она должна между прочимъ содѣйствовать торжественности суда, должна вести къ тому чтобы судьи соблюдали *decorum*. Но если, допуская присутствіе публики на судѣ, законодатель имѣлъ въ виду подѣйствовать на лица участвующія въ судѣ, побудивъ ихъ болѣе прежняго заботиться о соблюденіи приличія и достоинства, то было бы совершеннымъ извращеніемъ дѣла допускать такую публичность, которая, унижая достоинство суда, предоставляла бы право хозяйничать и располагаться по домашнему въ судебной залѣ толпѣ, набравшейся туда съ улицы.

Было бы несправедливо обвинять кого бы то ни было въ тѣхъ неправильностяхъ, къ которымъ подало поводъ присутствіе публики на судѣ 21-го августа. Многое тутъ зависѣло отъ того что помѣщеніе не было приспособлено для публичнаго суда, что ни для публики, ни даже для подсудимаго не было назначено отдѣльнаго мѣста. Подсудимый переходилъ туда и сюда и нерѣдко публика совсѣмъ окружала его. Вообще скоро по началѣ суда публика перемѣшалась съ лицами дѣйствовавшими въ судѣ. А когда это случилось, то трудно было возстановить порядокъ. Надобно было бы совсѣмъ удалить публику изъ зала, но это едва ли было бы справедливо, такъ какъ намѣреннаго нарушенія порядка съ ея стороны не было, а напротивъ была замѣтна внимательность къ дѣлу суда. Итакъ нѣтъ повода обвинять кого-либо въ хаосѣ, бывшемъ въ судѣ 21 августа. Но тѣмъ не менѣе хаосъ былъ, и желательно, чтобы подобная профанація публичнаго суда не повторялась болѣе. Публика должна имѣть въ виду, что въ публичномъ засѣ-

даніи суда слѣдуетъ соблюдать такую же если еще не бо́льшую почтительность, какая соблюдается входящими въ присутственныя камеры судовъ на публичныхъ. Благочиніе, обязательное передъ зерцаломъ или предметами его замѣняющими, не теряетъ своей обязательности вслѣдствіе того, что двери суда отворяются для публики. Обычный этикетъ, соблюдаемый въ присутственныхъ камерахъ, долженъ оставаться въ силѣ и при публичныхъ засѣданіяхъ; его надобно поддерживать еще строже чѣмъ прежде.

Безцеремонность публики не была, впрочемъ, главною неправильностью суда 21-го августа. Всего несовмѣстнѣе съ условіями публичнаго и устнаго суда было поведеніе подсудимаго. Онъ перебивалъ обвинителя и свидѣтелей, не давалъ говорить имъ, самъ ихъ допрашивалъ, громко кричалъ на нихъ и злословилъ, ничѣмъ не стѣснялсь. Такой скандалъ не только оскорбляетъ достоинство суда, но и затрудняетъ до невозможности разбирательство дѣла. Если-бы подобное поведеніе подсудимыхъ было позволительно, то бойкій подсудимый могъ бы сбить съ толку свидѣтелей и судей; въ его распоряженіи были бы средства превышающія власть самаго суда. Дозволить подсудимымъ подобное поведеніе значитъ предоставить имъ предсѣдательскую власть въ судѣ съ присоединеніемъ права запугивать и позорить свидѣтелей. Здравый смыслъ говоритъ, что это не можетъ быть терпимо, что это необходимо устранить. Но спрашивается: какъ?

Долговременный опытъ привелъ англійскіе суды къ обычаю вовсе не допрашивать подсудимыхъ, отпирающихся въ преступленіи. Подсудимаго спрашиваютъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, въ чемъ онъ обвиняется. Если онъ скажетъ, что виновенъ, то судебнаго разбирательства не бываетъ, и судъ постановляетъ приговоръ безъ присяжныхъ. Если же подсудимый объявитъ, что онъ не виновенъ, и вслѣдствіе того окажется потребность разбирать дѣло, допрашивать свидѣтелей и т. д., то подсудимый при всемъ этомъ присутствуетъ, но присутствуетъ молча. Молчать есть его право и вмѣстѣ обязанность. Ему не производится допроса, который для него въ сущности не что иное какъ пытка; изъ него не вытягиваютъ признанія; только въ самомъ концѣ процесса ему предлагается вопросъ, не можетъ ли онъ привести что-либо такое, что воспрепятствовало бы произнесенію приговора надъ нимъ. Этотъ порядокъ совершенно устраняетъ возможность возмутительныхъ сценъ въ родѣ бывшей 21-го августа; имъ вполнѣ обезпечивается спокойный и правильный ходъ суда; съ другой стороны, подсудимый освобождается отъ необходимости лгать,—къ чему онъ вынуждается при допросѣ,—и въ то же время черезъ посредство своего защитника можетъ выставить на видъ всѣ обстоятельства говорящія въ его пользу. Таковъ англійскій порядокъ, о которомъ нельзя было не вспомнить по поводу обоихъ московскихъ публичныхъ судовъ нынѣшняго года.

Наши судьи, не только въ полевомъ, но и въ будущемъ общемъ уголовномъ судѣ, не будутъ, какъ извѣстно, въ правѣ держаться этого порядка. Новые судебные уставы, выработанные подъ вліяніемъ преимущественно французскаго судопроизводства, допускаютъ допросъ подсудимаго, этотъ остатокъ стариннаго слѣдственнаго или инквизиціоннаго процесса, поставлявшаго себѣ цѣлію довести подсудимаго до собственнаго сознанія. Въ полевомъ судѣ, кромѣ допроса, употребляется еще священническое увѣщаніе, для котораго серіозное мѣсто можетъ быть въ тюрьмѣ, передъ судомъ, а не въ публичномъ засѣданіи, гдѣ подсудимый наименѣе бываетъ расположенъ внимать ему; даже когда оно уклоняется изъ сферы религіи и чтобы завлечь его къ сознанію обѣщаетъ ему смягченіе наказаній (для этого нѣтъ ни малѣйшей надобности въ голосѣ священника). Но есть ли необходимость, чтобъ увѣщаніе дѣлалось въ срединѣ засѣданія, а не въ началѣ его? Есть ли необходимость, чтобы допросъ подсудимаго растягивался на все засѣданіе, чтобы въ этомъ допросѣ полагалась главная сущность дѣла? Чѣмъ менѣе будутъ судьи вымогать сознаніе подсудимаго, тѣмъ внимательнѣе будутъ они заниматься разсмотрѣніемъ уликъ, допросомъ свидѣтелей, взвѣшиваніемъ силы ихъ показаній. Но дабы эта существенная часть процесса шла удовлетворительно, необходимо строжайшимъ образомъ соблюдать правило, что свидѣтелей могутъ допрашивать только предсѣдатель, прокуроръ и защитникъ, а отнюдь не самъ подсудимый, и что свои возраженія свидѣтелямъ или прокурору подсудимый можетъ дѣлать не иначе какъ черезъ посредство своего защит-

ника, съ которымъ одинъ онъ въ правѣ разговаривать въ судѣ, и то разумѣется шепотомъ. Безъ этого правила скандалы подобные бывшему 20-го августа происходили бы повсюду на свѣтѣ.

№ 186.

Москва, 24-го августа.

И полуофиціяльныя, и преданныя, и независимыя парижскія газеты разразились цѣлымъ потокомъ фразъ, въ которыхъ высказывается сильнѣйшее неудовольствіе противъ прусско-австрійской политики. Эта политика состоитъ въ явномъ противорѣчіи съ собственными завѣреніями обѣихъ главныхъ германскихъ державъ; она ниспровергаетъ начало національностей и водворяетъ въ международныхъ сношеніяхъ и въ территоріяльномъ распорядкѣ Европы одно лишь право сильнаго: вотъ обвиненія, которыя раздаются теперь изъ Франціи противъ гаштейнской сдѣлки. Впрочемъ главная причина неудовольствія заключается въ томъ, что разрывъ между Пруссіей и Австріей, который казался такъ близкимъ, теперь повидимому сталъ невозможностью, и еще болѣе въ томъ, что гаштейнская сдѣлка значительно подвинула шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ къ окончательному разрѣшенію, уменьшая виды Франціи на возможность извлечь изъ него какую-либо для себя выгоду. Наполеонъ III провозглашалъ не разъ, что безъ его вѣдома и воли нигдѣ въ Европѣ не должны раздаваться военные громы, и что безъ соотвѣтствующаго вознагражденія Франціи не должно происходить никакихъ территоріяльныхъ перемѣнъ въ нашей части свѣта, особенно никакого территоріяльнаго увеличенія какой-либо изъ первоклассныхъ державъ. Но вотъ гаштейнская сдѣлка полагаетъ серіозное начало территоріяльному увеличенію Пруссіи, и офиціяльная Франція, смотря на это сквозь пальцы, утѣшаетъ себя тѣмъ что ея флотъ побратался съ флотомъ англійскимъ. Удивляться ли, что недостаточность такого утѣшенія сказывается раздраженіемъ на словахъ?

Зальцбургская конвенція не только предоставила Лауэнбургъ въ полное владѣніе, а Шлезвигъ въ полное распоряженіе Пруссіи, но и утвердила за нею на неопредѣленное время фактическое обладаніе Килемъ и его великолѣпною гаванью, съ правомъ устраивать въ ней укрѣпленія и морскія заведенія и ограждать ихъ своею военною силой и своимъ полицейскимъ управленіемъ; сверхъ того Пруссіи предоставлено занять двѣ военныя дороги черезъ Гольштейнъ: къ Килю и къ Рендсбургу, и заняться по собственному усмотрѣнію устройствомъ и эксплуатаціей соединительнаго канала между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями. Такимъ образомъ, гаштейнскою конвенціей за Пруссіей упрочено рѣшительное преобладаніе надъ Австріей въ отнятыхъ у Даніи областяхъ,—преобладаніе, которое не замедлитъ еще усилиться вслѣдствіе несомнѣннаго превосходства прусской администраціи передъ австрійскою. Но Австрія, повидимому, пошла еще далѣе, уступивъ Пруссіи и по другому важному вопросу,—по вопросу о преобразованіи военнаго устава Германскаго Союза. Что Пруссіи, при этомъ преобразованіи, будетъ предоставлено военное, сухопутное и морское предводительство, по крайней мѣрѣ въ сѣверной Германіи, на это есть указаніе даже въ самой зальцбургской конвенціи: подчиняя Киль полному военному начальству и полицейскому управленію Пруссіи, конвенція въ то же время говоритъ объ обращеніи этой гавани въ гавань Германскаго Союза и о возстановленіи, или, лучше сказать, объ устройствѣ вновь нѣмецкаго флота, который, при данныхъ условіяхъ, будетъ, безъ сомнѣнія, находиться въ полномъ распоряженіи Пруссіи. Если вѣрить извѣстію, сообщаемому въ *Фоссовой Газетѣ*, то Пруссія уже спѣшитъ выступить въ своемъ новомъ качествѣ военной предводительницы Германіи, и теперь же притягиваетъ къ себѣ военныя силы Ольденбурга. Но этого мало: хотя Австрія и теперь была бы не прочь создать изъ Шлезвига и Гольштейна вполнѣ независимое нѣмецкое государство, но усматривая невозможность осуществленія подобныхъ видовъ, она, какъ уже поговариваютъ, начинаетъ примиряться съ мыслію объ уступкѣ и Гольштейна въ полное распоряженіе Пруссіи за какое-либо денежное вознагражденіе. Поспѣшность, съ которою министерство г. фонъ-Бисмарка заключило сдѣлку съ компаніей кельско-минденской желѣзной дороги,—сдѣлку, имѣющую доставить ему 13 милліоновъ талеровъ, показываетъ, что прусскому правительству

въ непродолжительномъ времени могутъ понадобиться значительныя денежныя суммы, вѣроятно, для вознагражденія Австріи. Что тутъ подѣлаютъ второстепенныя нѣмецкія правительства, изъ коихъ баварское поспѣшило заявить въ своей офиціяльной газетѣ, что оно нисколько не причастно соглашенію между Пруссіей и Австріей, нисколько не ободряетъ его, и будетъ стремиться къ осуществленію прежнихъ своихъ видовъ? Кто поддержитъ эти виды, при теперешней политической констеллаціи?

Г. фонъ-Бисмаркъ—надобно же, наконецъ, отдать ему справедливость—умѣетъ ловко пользоваться обстоятельствами. Россія, которая въ 1850 году была готова объявить войну Пруссіи, чтобы только не допустить ея до завладѣнія датскими герцогствами, теперь оставалась въ сторонѣ. Англія не любитъ, чтобы чей-нибудь флотъ на свѣтѣ усиливался, это правда,—но съ другой стороны Англія желаетъ объединенія Германіи подъ предводительствомъ Пруссіи, ибо это для Англіи не опасно, а для Россіи и Франціи весьма невыгодно. Англія поворчитъ за нѣмецкій флотъ, но не тронется съ мѣста и даже похлопочетъ, чтобъ и Франція не тронулась съ мѣста. Военныя силы Франціи, по удачному выраженію *Daily News*, нейтрализированы для дѣйствія въ Европѣ, съ тѣхъ поръ какъ она втянулась въ мексиканскія дѣла, особенно же съ той поры, какъ Сѣверъ Соединенныхъ Штатовъ восторжествовалъ надъ Югомъ, и какъ единство этой республики возстановлено. Франція, правда, держитъ лишь небольшую армію въ Мексикѣ, но этой небольшой арміи совершенно достаточно, чтобы вовлечь въ борьбу съ Соединенными Штатами всѣ военныя силы Франціи, какъ только президенту Джонсону вздумается положить конецъ нынѣшней неизвѣстности положенія, не признаніемъ императора Максимиліана, чего никто не ожидаетъ, а объявленіемъ ему войны, что весьма легко могло бы случиться, еслибы Франція, одна безъ союза съ Англіей, вовлеклась въ какое-нибудь европейское предпріятіе. Такимъ образомъ, со стороны Франціи Пруссія можетъ быть пока спокойна. Что же касается до союза между Франціей и Англіей, то взаимныя посѣщенія, которыми обмѣниваются теперь ихъ флоты, правда нисколько еще не доказываютъ, чтобъ этотъ союзъ уже состоялся, и притомъ состоялся въ виду какой-либо опредѣленной цѣли; но тѣмъ не менѣе эти взаимныя вѣжливости удостовѣряютъ, что союзъ этотъ сталъ слова возможенъ, и что Англія уже успѣла восторжествовать надъ чувствами раздраженія и неудовольствія, которыя были возбуждены въ императорѣ Наполеонѣ англійскою политикой въ концѣ дипломатической компаніи за Польшу и въ вопросѣ о конгрессѣ европейскихъ государей. Результатъ этотъ очень важенъ для дальнѣйшаго хода европейскихъ событій; но г. фонъ-Бисмаркъ очень хорошо знаетъ, что Пруссіи нечего опасаться этого сближенія западныхъ державъ. Онъ знаетъ, конечно, что если нынѣшнее сближеніе между западными державами,—на которое указываетъ, между прочимъ, и телеграфическое извѣстіе изъ Лондона о возобновленіи переговоровъ относительно предоставленія Англіи французскихъ владѣній въ Остъ-Индіи, — что если это сближеніе и обратится въ союзъ съ какою-либо опредѣленною цѣлью, то предметомъ этого союза будутъ не дѣла Германіи, Пруссіи или Австріи, а развѣ дѣла юго-восточной Европы, дѣла Балканскаго полуострова, и что, слѣдовательно, это сближеніе можетъ въ будущемъ грозить опасностями только Россіи, а это, при нынѣшнихъ стремленіяхъ Пруссіи, можетъ клониться только къ ея пользѣ. Наконецъ, что касается до Австріи, то нельзя сказать, чтобъ она съ своей стороны не противопоставляла видамъ Пруссіи всевозможныхъ преградъ; но г. фонъ-Бисмаркъ успѣлъ восторжествовать надъ ея сопротивленіемъ, распустивъ изъ Берлина слухи о неизбѣжности войны, о которой самъ однакоже не думалъ и не могъ думать. При совершенномъ разстройствѣ своихъ финансовъ, съ венеціянскимъ и венгерскимъ вопросомъ на плечахъ, и не имѣя возможности опереться ни на Англію, ни на Францію, ни на Россію, могла ли Австрія пренебречь этою угрозой и остаться вѣрна прежней своей программѣ по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу,—программѣ, которая во всякомъ случаѣ заслуживала бы гораздо болѣе энергической поддержки со стороны европейскихъ державъ?

Грабежъ, совершенный надъ Даніей, еще не разъ отзовется на европейской политикѣ, какъ не разъ отозвалось уже на ней присоединеніе Савоіи и Ниццы. Во внутренней политикѣ Австріи совершается переломъ. Венгерская конституція, повиди-

мому, будетъ возстановлена во всей своей силѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какой она имѣла до 1848 г. Венгерское королевство, повидимому, получитъ прежніе свои предѣлы, даже съ присоединеніемъ къ нему Седмиградіи, которая прежде находилась лишь во временномъ и случайномъ соединеніи съ Венгріей. Этого мало: нѣкоторыя основныя начала венгерской конституціи и венгерской политической системы, какъ увѣряютъ, будутъ примѣнены и къ другимъ коронным землямъ Австріи. И въ нихъ, какъ и въ Венгріи, предполагается впредь признавать не различныя національности, какъ было до сихъ поръ, а какую-нибудь одну изъ нихъ, въ качествѣ господствующей; и въ нихъ, согласно съ венгерскими образцами, имѣется въ виду установить серіозное самоуправленіе, раздѣливъ ихъ на округи, соотвѣтствующіе венгерскимъ комитатамъ, и ввѣривъ въ нихъ завѣдываніе всѣми мѣстными дѣлами наиболѣе значительнымъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ. Прежде всего, говорятъ, эти начала, вопреки сопротивленію графа Менсдорфа, будутъ приложены къ королевству Галицкому и Володимірскому, которое, какъ надѣются Поляки, будетъ объявлено королевствомъ Польскимъ, въ которомъ Поляки будутъ признаны къ качествѣ единственной политической національности, съ принесеніемъ имъ въ жертву національности русскихъ Галичанъ, и въ которомъ все полическое вліяніе будетъ сосредоточено въ рукахъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если всѣ эти извѣстія справедливы, то можно подумать, что Австрія, предвидя грядущія событія на юго-востокѣ Европы, спѣшитъ приготовиться къ нимъ...

№ 187.

Москва, 25-го августа.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ петербургской газеты *Голосъ* напечатана весьма патетическая исповѣдь редакціи этой газеты. Изъ этой исповѣди явствуетъ, что въ обществѣ распространенъ слухъ, что эта газета получаетъ субсидіи, что этотъ слухъ идетъ отъ самаго начала ея изданія, что вся петербургская печать, всѣ тамошнія партіи, указывали на это обстоятельство, но что никто изъ петербургскихъ литераторовъ, которыхъ газета *Голосъ* именуетъ „людьми скорбными главою,“ „шулерами,“ и вообще людьми способными на „всякую гадость,“ повидимому выдѣляя себя изъ этой компаніи, не рѣшился сказать это открыто, ограничиваясь лишь неопредѣленными намеками, что ставило редакцію *Голоса* въ крайне затруднительное положеніе, не дававшее ей возможности раскрыть истину и вывести дѣло на чистоту. Высказываясь такимъ образомъ, она свидѣтельствуетъ намъ свою „искреннюю признательность“ за то, что мы имѣли, какъ она выражается, мужество сказать прямо то что другіе говорили неуловимыми намеками, сдѣлать открыто то что другіе дѣлали изъ-за угла. Мы называли газету *Голосъ* безъ обиняковъ газетой офиціозною, то-есть получающею казенныя субсидіи, и за это *Голосъ* весьма рыцарски благодаритъ насъ. Но не слишкомъ ли запоздало это изъявленіе благодарности? Вотъ уже скоро три года какъ издается газета *Голосъ*, и по большей части, когда приходилось намъ упоминать объ этой газетѣ, мы безъ обиняковъ и прямо называли ее *офиціозною* или полуофиціяльною, то-есть получающею субсидіи. Значитъ, мы постоянно доставляли ей то удовольствіе, за которое она теперь благодаритъ насъ. Если она имѣла что-нибудь сказать по этому обстоятельству и не говорила, то виною тому конечно не былъ недостатокъ въ поводахъ: поводы предлагались ей въ изобиліи *Московскими Вѣдомостями*, которыя не нуждались для этого въ какомъ-либо мужествѣ, высказывая то что и безъ нихъ, какъ свидѣтельствуетъ *Голосъ*, всѣмъ было извѣстно и что *Московскія Вѣдомости* знали не изъ уличныхъ слуховъ, а изъ источниковъ вѣрныхъ. Отъ чего же газета *Голосъ* ни разу не благодарила насъ въ этотъ столь долгій промежутокъ времени, и спохватилась только теперь? Что газета *Голосъ*, подобно нѣкоторымъ другимъ изданіямъ, получаетъ или получала пособія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и фактъ этотъ не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

Правительственныя вѣдомства (и не у насъ однихъ) даютъ разнымъ изданіямъ разнаго рода пособія: почему же *Голосъ* не можетъ принадлежать къ числу такихъ изданій? Пособія выдаются въ разныхъ видахъ, и газеты получающія ихъ находятся въ ближайшемъ или отдаленнѣйшемъ отношеніи къ тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, благо-

даря которымъ онѣ получаютъ средства для существованія. Еще въ концѣ 1863 года мы высказывали взглядъ нашъ на этотъ предметъ въ цѣломъ рядѣ статей, и съ общей точки зрѣнія находили крайне неудобными офиціозныя или полуофиціяльныя изданія, потому что правительственныя привилегіи и субсидіи, создавая подобные органы, порождаютъ замѣшательства, столько же вредныя для общества, сколько и для правительства въ высшемъ значеніи этого слова. Подобно *Голосу*, характеръ офиціозной газеты принадлежитъ, напримѣръ, *Биржевымъ Вѣдомостямъ*, которыя въ прошломъ году получали пособія отъ двухъ правительственныхъ вѣдомствъ, финансоваго и почтоваго, а въ нынѣшнемъ году только отъ послѣдняго, между тѣмъ какъ первое нашло неудобнымъ связывать себя съ направленіемъ и мнѣніями частной газеты. Субсидія дается, какъ сказано, разными способами: посредствомъ вынужденной подписки, посредствомъ закупки извѣстнаго количества экземпляровъ, или, что въ сущности то же самое, выдачею денегъ на руки. *Биржевыя Вѣдомости* получали пособія первыми двумя способами, и не скрывали этого. Издатель *Голоса*, если считаетъ это интереснымъ для публики, можетъ объяснить въ точности, какимъ способомъ получалъ онъ свою субсидію, а кстати и отъ какого вѣдомства и за что. Несомнѣнно только то, что субсидія получалась, а слѣдовательно и когда эта газета бросала въ насъ грязью, то она дѣ дѣлала это болѣе или менѣе на казенный счетъ, какъ и *Биржевыя Вѣдомости*. Но почему это несомнѣнно? Почему это не требуетъ, какъ выше замѣчено, никакихъ доказательствъ? Вотъ почему: еслибъ это было извѣстіе ложное, то правительство не могло бы оставить его безъ опроверженія, потому, что оно касается правительства. Зная объ этомъ изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ, мы постоянно называли *Голосъ* газетой офиціозной или полуофиціяльною. Еслибъ это показаніе было невѣрно или неточно, то оно не могло бы остаться безъ опроверженія,—не говоримъ со стороны *Голоса*, потому что его опроверженія въ этомъ случаѣ не имѣютъ силы,—но со стороны правительства, которое не можетъ и не имѣетъ надобности отрицать существующій фактъ, точно также какъ не могло бы оставить въ силѣ какое-либо невѣрное, касающееся его самого, извѣстіе.

Изъявивъ намъ свою благодарность, *Голосъ* разыскиваетъ кто бы такіе были тѣ педагоги, которымъ эта газета служила офиціознымъ органомъ, какъ это часто замѣчалось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. *Голосъ* спрашиваетъ, не есть ли это какое-нибудь тайное общество, но потомъ останавливается на болѣе благоразумномъ убѣжденіи, что это должно быть общество, явное, тѣмъ болѣе что въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* говорилось объ офиціяльныхъ петербургскихъ педагогахъ. Но *Голосъ* тѣмъ не менѣе спрашиваетъ, кто же эти офиціяльные педагоги, которымъ онъ служитъ органомъ. Какая наивность! назвать вещь по имени, и потомъ еще спрашивать, какъ ее зовутъ! *Голосъ*, получая казенныя деньги, служитъ въ то же время органомъ для тѣхъ офиціяльныхъ педагоговъ, мнѣнія которыхъ онъ поддерживалъ и дѣйствія которыхъ онъ защищалъ. Напримѣръ, по вопросу о гимназіяхъ *Голосъ* отстаивалъ мнѣнія ученаго комитета состоящаго при министрѣ народнаго просвѣщенія, и въ безыменныхъ статейкахъ повторялъ то же самое, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что высказывалось за подписью имени, въ другихъ газетахъ, самимъ предсѣдателемъ этого ученаго комитета. По вопросу объ учебникѣ географіи Даніеля, напримѣръ, эта газета защищала цѣлымъ рядомъ невозможныхъ ни въ какой печати статей постановленіе того же комитета, рекомендовавшаго вышеозначенный учебникъ въ пособіе преподавателямъ географіи. Кто писалъ всѣ эти статьи мы не знаемъ и не считаемъ интереснымъ знать, но они были вѣрнымъ и точнымъ выраженіемъ мнѣній вышеозначеннаго вѣдомства. Былъ ли самъ издатель газеты *Голосъ* убѣжденъ въ истинѣ или пользѣ этихъ мнѣній, мы не знаемъ, равно какъ не знаемъ и не интересуемся знать, имѣетъ ли онъ самостоятельныя мнѣнія по какому бы ни было предмету, и вообще съ какою цѣлію предпринялъ свое изданіе. Какая намъ надобность разбирать мнѣнія издателя *Голоса*? Какое намъ дѣло до того кто что думаетъ? Мы вообще мало обращаемъ вниманія на то что печатается въ газетахъ и журналахъ представляющихъ собою тотъ или другой литературный кружокъ, и лишь изрѣдка случается намъ привести, ради куріоза, какую-нибудь выходку. Но если мы считали нужнымъ входить по временамъ въ полемику съ *Голосомъ*, то единственно потому что встрѣчали

въ этой газетѣ мнѣніе сферъ офиціальныхъ. Какое бы направленіе издатель *Голоса* ни счелъ за лучшее сообщить своему изданію, мы не думаемъ, чтобъ это могло быть предметомъ серіознаго вопроса. Но коль скоро публика имѣла основаніе полагать, что это изданіе получаетъ правительственныя пособія,—а публика, какъ свидѣтельствуетъ редакція *Голоса*, была увѣрена въ этомъ съ самаго начала,—то дѣло становилось крайне серіознымъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ подавать наше мнѣніе о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ давать той или другой частной газетѣ правительственное пособіе; но нельзя оставаться равнодушнымъ къ тому, какія мнѣнія распространяются или какое направленіе вводится въ силу поддержкою власти и казенными пособіями. Что до насъ лично, то мы не можемъ считать безразличнымъ какими средствами ведется противъ насъ война, и кого мы имѣемъ своими противниками. Рѣшившись на публичную дѣятельность, мы не отступаемъ ни передъ какою враждою; наши мнѣнія могутъ быть оспариваемы, наше направленіе можетъ быть порицаемо; насъ не пугаетъ никакая клевета и злословіе. Едва ли чье-либо имя подвергалось гдѣ-нибудь такому злословію какому подвергалось наше; мы на столько имѣемъ чувство собственнаго достоинства, что не можемъ смущаться этимъ: но, признаемся, мы не желали бы чтобы направленія, противныя и враждебныя нашему, получали ходъ черезъ правительственную поддержку, и чтобы мы подвергались поруганію насчетъ русскаго государственнаго казначейства.

Въ своей нынѣшней исповѣди, *Голосъ* исчисляетъ разныя категоріи субсидій и требуетъ, чтобы мы показали къ какой категоріи относятся получаемыя имъ; но какъ мы уже замѣтили выше, редакція его можетъ сама сдѣлать это гораздо лучше и точнѣе. Въ числѣ этихъ категорій она ставитъ между прочимъ безвозвратное полученіе денегъ отъ какого-либо мецената, не считая этого предосудительнымъ. Мы не думаемъ, чтобы человѣкъ сколько-нибудь уважающій себя рѣшился на свое личное предпріятіе принять отъ кого-нибудь деньги безвозвратно, или даже занимать на условіяхъ ниже узаконеннаго процента.

Въ заключеніе, редакція *Голоса* требуетъ, чтобы мы отвѣчали по пунктамъ на его запросы, и между прочимъ сказали, имѣемъ ли мы доказательства для уличенія *Голоса* въ полученіи отъ кого бы то ни было и когда бы то ни было денегъ; а если не имѣемъ доказательствъ, то чтобы сказали, на какихъ слухахъ мы основывались.

Офиціозная газета ошибается: *onus probandi*, — тяжесть доказательства,—лежитъ въ этомъ случаѣ на ней. Голословное отпирательство не доказательство. Доказательствомъ можетъ быть только офиціальное объявленіе правительства, что издатель *Голоса* ни подъ какою формой не получалъ казенныхъ пособій; тогда только можемъ мы объявить изъ какихъ достовѣрныхъ источниковъ при какихъ обстоятельствахъ и съ какими подробностями получили мы наше свѣдѣніе.

Два слова о тонѣ, какимъ писана статья сегодняшняго нумера *Голоса*. Эта газета постоянно давала намъ разные совѣты и наставленія. Мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ только замѣтить, что ей не слѣдуетъ высоко поднимать тонъ; это не соотвѣтствуетъ ея темпераменту. Въ каждомъ словѣ ея нынѣшней статейки слышится фальшивая нота, которая производитъ на читателя впечатлѣніе совершенно обратное всему тому что она декламируетъ о своемъ достоинствѣ.

№ 188.

Москва, 27-го августа.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Вѣстника Западной Россіи* напечатаны протоколы засѣданій коммиссіи для разбора предметовъ, находящихся въ Виленскомъ музеѣ древностей.

Виленскій музей древностей былъ основанъ въ концѣ царствованія императора Николая I, преимущественно заботами и стараніями каммеръ-юнкера графа Евстафія Піевича Тышкевича, потомка древней русской, нѣкогда православной фамиліи западной Руси. Въ высочайше утвержденномъ положеніи объ этомъ музеѣ прямо опредѣлено его назначеніе способствовать сохраненію мѣстныхъ памятниковъ древности и доставлять возможность наглядно и по письменнымъ документамъ изучать исторію края. Учрежденіе это съ самаго начала было поставлено подъ покровительство Государя Наслѣдника Цесаревича,

нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра II, и должно было, по выраженію, употребленному тогдашнимъ Государемъ Наслѣдникомъ, въ рескриптѣ на имя графа Тышкевича, „содѣйствовать „къ вящему скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ про„чими областями Россіи.“ Вотъ какими видами руководился нынѣшній Государь Императоръ, соглашаясь принять новоучреждаемый музей древностей въ Вильнѣ подъ свое покровительство. Но, къ прискорбію, изъ напечатанныхъ протоколовъ засѣданій коммиссіи видно, что этотъ музей не замедлилъ превратиться въ политическую демонстрацію. Число русскихъ древностей въ музеѣ сравнительно съ польскими было самое ничтожное, да и тѣ большею частью имѣлись только такъ, на всякій случай, для предъявленія высокимъ посѣтителямъ, и тщательно скрывались отъ взора обыкновенныхъ смертныхъ. Выставлялись на показъ халатъ Понятовскаго, съѣденный молью плащъ Мицкевича, гитара поэта Карпинскаго и даже пучокъ травы съ его могилы; а между тѣмъ скрывался отъ глазъ публики первопечатный Литовскій статутъ, подаренный митрополитомъ Іосифомъ, только потому что этотъ драгоцѣнный памятникъ мѣстнаго законодательства былъ писанъ на языкѣ русскомъ и могъ всѣмъ и каждому напоминать о первоначальномъ господствѣ здѣсь этого языка. Собиратели и хранители музея не отвергали, правда, и русскихъ грамотъ; но русскій текстъ былъ отвертываемъ назадъ въ витринахъ библіотеки, и публика могла видѣть только латинскій съ латинскими подписями польскихъ королей, подъ выставленными здѣсь же ихъ портретами. Въ музеѣ были выставлены на показъ мельчайшіе памятники пребыванія въ странѣ французскихъ войскъ Наполеона I. Въ противоположность къ этой коллекціи, была, правда, въ музеѣ другая, состоявшая изъ изображеній русскихъ полководцевъ и военачальниковъ того времени, а также и членовъ союза, составившагося противъ Наполеона; но эта коллекція была постоянно запрятана въ шкафѣ.

Но этого мало: между прочими историческими драгоцѣнностями въ музеѣ была выставлена зрительная труба, съ поясненіемъ, что она принадлежала Костюшкѣ и была имъ передана генералу Понговскому во время сраженія при Мацейовичахъ. Но при осмотрѣ этой трубы упомянутою выше коммиссіей, въ засѣданіи 20-го марта, оказалось, что въ этой трубѣ стекла ахроматическія, а потому она никакъ не могла быть употребительна въ пору Костюшки, и должна быть признана позднѣйшею поддѣлкой. Попечитель музея, графъ Тышкевичъ, согласился съ этимъ, и заявилъ, что эта зрительная труба была принята въ музей подъ именемъ Костюшкиной, „только „для того, чтобы придать болѣе рельефности собранію замѣчательныхъ предме„товъ.“ А вотъ примѣръ еще лучше: въ той самой залѣ, гдѣ выставленъ портретъ нынѣ царствующаго Государя Императора, высоко надъ нимъ вдѣланъ въ стѣну барельефъ, изображавшій первоначально, какъ должно думать, гербъ московско-русскій; но въ двухъ верхнихъ частяхъ герба изъ двухглаваго русскаго орла съумѣли сдѣлать одноглаваго польскаго, а въ изображеніи всадника (вѣроятно, Георгія Побѣдоносца) отбили верхнюю часть: мѣстная публика была такимъ образомъ въ увѣренности, что надъ портретомъ Государя Императора паритъ польскій орелъ, а высокимъ посѣтителямъ изъ Русскихъ объяснялось, что обѣ главы еще довольно замѣтны и что всадникъ изображаетъ Георгія Побѣдоносца. Такъ объяснилъ этотъ барельефъ и графъ Тышкевичъ, въ засѣданіи коммиссіи 6-го марта; а въ каталогѣ древностей этотъ гербъ, между тѣмъ прямо названъ гербомъ В. К. Литовскаго и Королевства Польскаго. Когда составитель каталога былъ призванъ въ коммиссію, и спрошенъ, почему онъ такъ положительно выдаетъ этотъ гербъ въ своемъ каталогѣ за гербъ литовско-польскій, онъ отозвался ошибкою, происшедшею вслѣдствіе поспѣшности, съ какою былъ составленъ каталогъ, въ теченіи двухъ недѣль, къ пріѣзду Государя Императора, и замѣтилъ, что и вообще „каталогъ не имѣетъ „никакого научнаго значенія и предста„вляетъ изданіе, подлежащее не болѣе какъ „литературной полемикѣ.“

Вообще направленіе археологической коммиссіи, состоявшей при Виленскомъ музеѣ и завѣдывавшей имъ, характеризуется тѣмъ, что еще 11-го февраля 1856 г. она приняла рѣшеніе не избирать въ свои члены лицъ православнаго духовенства иначе какъ съ разрѣшенія ихъ начальства, — съ разрѣшенія, которое, собственно говоря, въ подобныхъ случаяхъ вовсе не требуется, а затѣмъ дѣйствительно во все время сво-

его существованія не избрала изъ нихъ ни одного въ свою среду. Говорить ли еще, что въ этомъ музеѣ были собраны портреты ученыхъ, поэтовъ, эмигрантовъ, которые представляютъ собою польскую идею въ западно-русскомъ краѣ, что здѣсь были потайные шкафы съизображеніемъ Генриха Валуа, Мицкевича и др., что здѣсь были тайные сборники распоряженій революціонныхъ властей прежняго времени (подъ заглавіемъ: „Збіоръ универсаловъ въ часъ народоваго повстаня выдаванныхъ"), что здѣсь были выставлены на показъ хрустальные графинъ, стаканъ и подносъ, употреблявшіеся во время засѣданій виленскаго литературнаго общества *Шубравцевъ* (Scabrosi), имѣвшаго, между прочимъ, цѣлью подвергать осмѣянію распоряженія правительства? Дѣло дошло, наконецъ, до того, что въ музеѣ была выставлена, незадолго передъ вооруженнымъ возстаніемъ, мраморная группа работы художника Сосновскаго, изображающая соединеніе Литвы съ Польшею и ставшая вскорѣ моделью для копій и фотографическихъ снимковъ, которые ревностно распространялись въ народѣ. Словомъ, это былъ не музей древностей, имѣющій научныя цѣли, а арсеналъ всякаго рода нравственныхъ орудій для борьбы противъ Россіи и для торжества польской *справы*. Какимъ образомъ онъ употреблялся въ дѣло, можно видѣть изъ замѣтки *Вѣстника Западной Россіи* о старичкѣ Якутовичѣ, котораго портретъ и барельефъ хранятся въ музеѣ наряду съ другими польскими знаменитостями. Этотъ старичокъ былъ путеводителемъ въ музеѣ, и особенно любилъ показывать коллекціи дѣтямъ. „А чій то, душко, портретъ," спрашивалъ онъ. То Стефанъ Баторій. „Добже, дзѣцко, добже, то нашъ Стефанъ; а чимъ знакомитый былъ тэнъ круль Стефанъ?" — Москали билъ, дзядушо. „Сличнѣ, дзѣцко, сличнѣ; о то машъ, душко, цукѣрекъ." И старикъ давалъ мальчику конфету, имѣя всегда большой ихъ запасъ у себя въ карманѣ для подобныхъ случаевъ. Эти конфетки, которыя помогли Якутовичу получить право на портретъ и барельефъ въ музеѣ, были бы забавны при иномъ политическомъ положеніи страны, а при извѣстномъ ходѣ нашихъ дѣлъ онѣ вели любезныхъ „дѣтокъ" добродушнаго старичка къ затѣѣ подражать Стефану Баторію.

Понятно, что такой музей не могъ быть оставленъ въ прежнемъ своемъ видѣ, послѣ того какъ предметамъ, въ немъ собраннымъ, былъ приданъ революціонный характеръ, характеръ постоянной политической демонстраціи. Графъ Муравьевъ прежде всего отправилъ въ Петербургъ, въ распоряженіе министра Императорскаго Двора, группу Сосновскаго, а потомъ, 27-го февраля 1865 г., нарядилъ коммиссію подъ предсѣдательствомъ попечителя виленскаго учебнаго округа, И. П. Корнилова, изъ пяти членовъ, съ присоединеніемъ къ ней и попечителя музея, графа Тышкевича: коммиссіи было поручено привести въ извѣстность всѣ предметы, находящіеся въ музеѣ, выставить на видномъ мѣстѣ предметы относящіеся къ русской народности и къ русской старинѣ, потомъ, вслѣдъ за ними помѣстить предметы литовско-русскаго характера и наконецъ, предметы обще-научные; предметы же, относящіеся къ польской народности и напоминающіе польское владычество, собрать особо и размѣстить ихъ въ отдѣльной залѣ впредь до дальнѣйшаго о нихъ распоряженія.

Коммиссія, приступивъ къ своимъ занятіямъ 1-го марта, въ двадцать три засѣданія, къ 10-му апрѣля, окончила первую свою задачу, именно отдѣлила предметы относящіеся къ польской народности и польскому владычеству, которые хранятся теперь въ одной изъ залъ Виленской гимназіи. Во время своихъ занятій она была въ довольно близкомъ соприкосновеніи съ нѣкоторыми изъ хранителей музея, и надобно сказать правду, эти господа выказали себя далеко не въ лучшемъ свѣтѣ. Мы уже привели отзывъ составителя каталога древностей, вопіющія *ошибки* котораго онъ извинялъ поспѣшностью, съ какою былъ составленъ каталогъ, что однакоже не помѣшало разослать его ко всѣмъ ученымъ обществамъ и лицамъ, состоявшимъ въ сношеніяхъ съ Виленскою археологическою коммиссіей. Чуть не вся администрація музея старалась всячески затруднять занятія наряженной главнымъ начальникомъ края коммиссіи, и сколько могла, скрывала отъ нея каталоги библіотеки и описанія музея, а равно и самые предметы и рукописи. Когда, послѣ долгихъ настояній, былъ наконецъ представленъ общій каталогъ книгъ, которыхъ считается до 19.000 томовъ при Виленскомъ музеѣ, то въ этомъ систематическомъ каталогѣ вовсе не оказалось рубрикъ исторіи и политики, и притомъ начало его вовсе не было

представлено, а также не былъ представленъ инвертарный списокъ книгъ. Что касается до графа Тышкевича, то въ началѣ онъ участвовалъ въ занятіяхъ коммиссіи на ряду съ другими. Когда состоявшій въ распоряженіи главнаго начальника края, свиты Его Величества генералъ-майоръ Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ, въ прекрасной рѣчи, напечатанной въ № 6 *Вѣстника Западной Россіи* впервые заявилъ мысль о необходимости преобразованія музея, и съ совершенною основательностью упрекалъ систему Чарторыйскаго въ томъ, что она исключала изъ школъ родное русское слово, „а вѣру, которая имѣетъ притязаніе „называться католическою, то-есть, вселен„скою, противъ ея же собственныхъ догма„товъ, учила въ этихъ школахъ называть „польскою," то графъ Тышкевичъ, „какъ истый потомокъ Тышка, бывшаго нѣкогда столпомъ русской народности въ западномъ краѣ Россіи," высказалъ, что предложеніе г. Столыпина въ наискорѣйшемъ времени должно быть обсужено и приведено въ исполненіе. Во время занятій коммиссіи обнаруживались разногласія въ мнѣніяхъ между графомъ Тышкевичемъ и прочими ея членами, но это само по себѣ ничего бы не значило: бывали такія же разногласія и у г. Столыпина съ другими членами. Графу Тышкевичу, какъ основателю музея, могли быть непріятны иныя изъ этихъ разногласій; онъ пересталъ-было посѣщать засѣданія коммиссіи, но потомъ возвратился въ нее и не разъ содѣйствовалъ ей въ отысканіи каталоговъ и открытіи потайныхъ шкафовъ. Надобно полагать, что представители польской справы не переставали оказывать прессію на почтеннаго графа. Когда графъ Муравьевъ выѣхалъ въ Петербургъ и пронеслись слухи о томъ, что онъ не возвратится въ Вильну, попечитель музея подалъ протестъ противъ дѣйствій коммиссіи, въ которомъ онъ, правда, высказывалъ свое убѣжденіе въ необходимости преобразованія музея въ виду современныхъ обстоятельствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ намекалъ на то, что онъ принужденъ былъ подписывать протоколы, потому только что его голосъ одинъ противъ пяти ничего не могъ значить, и такъ-сказать заднимъ числомъ ставилъ себя въ оппозицію ко всѣмъ прочимъ членамъ коммиссіи. Далѣе онъ доказывалъ, будто бы предписаніе М. Н. Муравьева относится только къ предметамъ, напоминающимъ время польскаго владычества. „До 1569 года здѣшній край," говорилъ, между прочимъ, графъ Тышкевичъ, „сохранялъ полнѣйшую политическую са„мостоятельность. Поляки не могли здѣсь „не только пріобрѣтать собственность, но „и занимать служебныя должности. Поль„ское владычество продолжалось только съ „1569 по 1795 г., и только тѣ предметы „подлежатъ исключенію, кои относятся къ „этому времени." Мы не станемъ входить здѣсь въ подробности по этому предмету; скажемъ только, что объ *исключеніи* какихъ-либо предметовъ не было рѣчи; была рѣчь единственно о ихъ отборкѣ. Наконецъ графъ Тышкевичъ старался изобразить въ смѣшномъ видѣ дѣйствія своихъ сочленовъ и между тѣмъ произвелъ обратный эффектъ. Въ протоколахъ записанъ забавный случай. Графъ Тышкевичъ протестовалъ, между прочимъ, противъ удаленія нѣмецкаго меча, съ вырѣзаннымъ на немъ готическими латинскими буквами календаремъ, который будто бы подвергся этой участи на томъ основаніи, что принадлежалъ графу Коссаковскому. На это одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что этотъ предметъ вовсе не былъ удаленъ, и въ доказательство представилъ списки удаленныхъ предметовъ. Но графъ продолжалъ настаивать, что этого меча уже нѣтъ въ музеѣ, и разувѣрился только тогда, когда письмоводитель и сторожъ принесли этотъ мечъ изъ того отдѣла, гдѣ онъ и прежде помѣщался. Еще интереснѣе въ протестѣ графа Тышкевича было его мнѣніе, будто бы барельефъ въ память Парижскаго конгресса 1856 г. изображаетъ торжество Россіи.

Въ засѣданіи 8-го апрѣля, А. Д. Столыпинъ отвѣчалъ на протестъ графа Тышкевича, и доказывалъ ему несостоятельность его заявленія въ политическомъ, научномъ и фактическомъ отношеніи. Графъ не нашелся повидимому что отвѣчать, и отказываясь отъ дальнѣйшаго участія въ занятіяхъ коммиссіи, оправдывался тѣмъ, что онъ обязанъ „защищать свою честь отъ „нареканій того шляхетскаго общества, ко„торое, на вѣру въ его имя, несло въ му„зей свои приношенія," а нынѣ (это было время слуховъ объ измѣненіи системы управленія сѣверо-западнымъ краемъ), „а „нынѣ подметными письмами упрекаетъ его „въ продажѣ шляхетскихъ коллекцій за „каммеръ-юнкерскій фракъ". Нельзя не скорбѣть искренно, читая подобныя дока-

зательства горестнаго положенія дѣлъ въ западномъ краѣ.

Польскіе патріоты, какъ видно изъ замѣтки, приведенной въ № 187 *Московскихъ Вѣдомостей* и заимствованной изъ *Allgemeine Zeitung*, готовы обвинять по этому поводу въ вандализмѣ и главное начальство края, и членовъ наряженной имъ коммиссіи. Въ сущности дѣло шло и идетъ не только не объ уничтоженіи памятниковъ древности, но даже и не о совершенномъ ихъ удаленіи изъ города, которому принадлежалъ трудъ ихъ собиранія: дѣло идетъ только о временномъ удаленіи съ глазъ публики, еще не вполнѣ успокоившейся послѣ бывшаго мятежа, такихъ предметовъ, которымъ съ злымъ умысломъ и нерѣдко въ истинно вандальскомъ духѣ сами польскіе патріоты придавали значеніе орудій политическаго подстрекательства. Дѣло идетъ еще о возстановленіи исторической истины, подвергавшейся искаженію, и о пополненіи умышленно оставленныхъ пробѣловъ въ этомъ собраніи древностей. А. Д. Столыпинъ и вся коммиссія въ полномъ своемъ составѣ высказались въ этомъ отношеніи самымъ несомнѣннымъ образомъ. Представляя списокъ предметамъ, временно выдѣленнымъ ею изъ музея, коммиссія постановила—

„особо ходатайствовать, чтобы тѣ изъ нихъ, которые прежде, въ преднамѣренной обстановкѣ, получили демонстративное значеніе и колоритъ антирусскій, по уничтоженіи сей обстановки, возвратить въ музеумъ, гдѣ они составили бы литовско-русскій отдѣлъ въ истинномъ смыслѣ, ибо русская сторона была бы развита, пріумножена и дополнена, къ чему всѣ члены составили спеціальные планы, и даже вошли для сего въ сношенія съ различными учеными учрежденіями и лицами внутри Россіи“.

Требуется только измѣнить обстановку, то-есть развить и дополнить русскій отдѣлъ музея.

Польско-шляхетская старина западнаго края Россіи несомнѣнно принадлежитъ къ русской исторіи; памятники этой старины должны быть также тщательно сохраняемы и въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ они собраны, какъ и памятники всякой другой старины. Польская исторія одною своею частью входитъ въ русскую исторію, и памятники ея не могутъ не имѣть значенія для Русскихъ. Они намъ дороги. Все дѣло въ томъ, что на эти памятники слѣдуетъ смотрѣть не иначе какъ на русскіе историческіе памятники и притомъ какъ на памятники невозвратно-прошедшаго времени. Противъ этого-то требованія погрѣшили польскіе патріоты, и ихъ вина, если члены нашей коммиссіи принуждены временно смотрѣть на эти остатки древности не съ одной лишь исторической, научной, а отчасти и съ современной административно-политической точки зрѣнія. Но въ этой точкѣ зрѣнія еще нѣтъ вандализма. Не выставлять на показъ не значитъ разрушать.

№ 189.

Москва, 28-го августа.

Рѣшительно невозможно понять, зачѣмъ требуется превратить значительное число нашихъ гимназій въ школы, которыя хотя и удерживаютъ названіе гимназій, но которыя ни здравою педагогикой, ни законодательствомъ всѣхъ образованныхъ странъ, ни наконецъ нашимъ собственнымъ законодательствомъ, не признаются способными готовить къ высшему, или университетскому образованію. Новымъ уставомъ нашихъ гимназій принимается съ полною рѣшимостію то самое учебное устройство, которое вѣковымъ опытомъ доказало свою раціональность и пользу. Новымъ уставомъ классическія гимназіи поставлены на первое мѣсто и признаны не только лучшими, но и единственными школами для будущихъ математиковъ, будущихъ естествоиспытателей, будущихъ медиковъ, будущихъ юристовъ, не говоря уже о будущихъ воспитателяхъ юношества. Преимущества данныя нашимъ законодательствомъ этому учебному устройству очевидны. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на дѣло, всякій долженъ согласиться, что законодательство наше, опираясь на опытѣ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ и руководствуясь яснымъ разумѣніемъ высокой, предположенной имъ цѣли, признало за классическими гимназіями тѣ преимущества, какими онѣ вездѣ пользуются: это, по смыслу нашего законодательства, настоящія гимназіи, единственно заслуживающія этого названія. Готовя своихъ воспитанниковъ ко всѣмъ факультетамъ университета, онѣ по тому самому способны готовить ихъ и ко всѣмъ другимъ спеціальнымъ

школамъ, стоящимъ на ряду съ университетами. Воспитанникъ классической гимназіи, признаваемый достаточно зрѣлымъ для поступленія въ медицинскій или математическій факультетъ университета, тѣмъ самымъ очевидно признается зрѣлымъ и къ медико-хирургической академіи, и къ какой-либо высшей политехнической школѣ, еслибы таковая у насъ имѣлась. Знаменитая парижская Политехническая Школа гордится по преимуществу, тѣми изъ своихъ воспитанниковъ, которые предварительно достигли степени бакалавра словесныхъ наукъ, то-есть совершили курсъ классическаго образованія. Отворяя свои двери и для не имѣющихъ этого преимущества, парижская Политехническая Школа тѣмъ не менѣе строга въ своихъ требованіяхъ, по крайней мѣрѣ, относительно одного изъ классическихъ языковъ: извѣстно, что для поступленія въ эту школу, необходимо выдержать строгій экзаменъ изъ латинскаго языка. Итакъ, ученіе въ классической гимназіи даетъ всѣ преимущества и не подлежитъ никакому ограниченію. Кромѣ этихъ заведеній, наше законодательство допустило такъ-называемыя реальныя гимназіи, но оно очевидно поставило ихъ на низшую степень: оно не дало имъ самаго существеннаго права гимназій—аттестовать своихъ воспитанниковъ къ поступленію въ университетъ. Законодательство, допуская этотъ родъ учебныхъ заведеній, не заставляетъ никого прибѣгать къ нимъ, и ни мало не рекомендуетъ ихъ публикѣ. Не всякій имѣетъ желаніе и возможность готовить своихъ дѣтей къ университету; иные не ведутъ своихъ дѣтей далѣе 5-го, 4-го, даже 3-го класса гимназіи. Для потребностей этого рода могутъ устраиваться особыя учебныя заведенія разнообразно организованныя, съ бо́льшимъ или меньшимъ числомъ классовъ, съ болѣе или менѣе обширными курсами. Всѣ такія заведенія, очевидно, имѣютъ въ виду потребности низшаго, поверхностнаго образованія. Никогда изъ подобныхъ заведеній не выходили люди науки, никогда не выходили изъ нихъ тѣ силы высшаго образованія, въ которыхъ раскрывается геній народа и которыя возводятъ его на степень истинно цивилизованныхъ народовъ. Наше законодательство допустило группу особыхъ учебныхъ заведеній этого низшаго рода, означивъ ихъ, къ сожалѣнію, не принадлежащимъ имъ названіемъ гимназій, и назвавъ ихъ гимназіями реальными. Устройство ихъ таково, что онѣ лишены самаго существеннаго педагогическаго условія заключающагося въ сосредоточіи учебнаго труда именно на такихъ предметахъ, которые могутъ всесторонно развивать умственныя способности, и которыми въ то же время дѣтское разумѣніе можетъ заниматься такъ же серіозно и въ такой силѣ, какъ и разумѣніе зрѣлаго человѣка. Два слова въ поясненіе сказаннаго: изъ всѣхъ предметовъ, извѣданныхъ педагогическимъ опытомъ, только древніе языки и математика могутъ служить для этой цѣли, только этимъ предметамъ и дѣти, и зрѣлый человѣкъ, учатся совершенно одинаковымъ способомъ; только на этихъ предметахъ преподаватель можетъ изо дня въ день упражнять силы своихъ воспитанниковъ въ продолженіе семи, восьми, девяти лѣтъ, давая постепенно созрѣвать имъ и въ то же время находясь къ нимъ постоянно въ отношеніяхъ не поддѣльныхъ, не фальшивыхъ, совершенно истинныхъ, не заставляя ихъ слушать то чего они понять не могутъ и что только можетъ затуманить ихъ голову, а съ другой, не роняя предмета, не унижая его достоинства поддѣлкой подъ дѣтскія понятія, не *сюсюкая*, какъ дѣлаютъ взрослые, когда говорятъ съ маленькими. Латинской и греческой грамматикѣ, точно такъ же какъ математикѣ, мальчикъ 9 или 10 лѣтъ учится въ такомъ же смыслѣ и такъ же серіозно, какъ сталъ бы учиться человѣкъ 20 или 30 лѣтъ: въ этомъ заключается великая педагогическая сила этихъ предметовъ, составляющая преимущество европейской школы. Именно этотъ отжившій міръ, съ его богатыми языками заключающими въ себѣ весь организмъ человѣческаго разумѣнія, эта богатая цивилизація, совершившая свой кругъ, эта полная исторія дошедшая до своего конца, и павшая въ основаніе новому міру, вотъ что дѣлаетъ Европу Европой, и даетъ ей возможность воспитывать своихъ дѣтей въ ту силу, которая обнаруживается въ ея цивилизаціи, въ ея искусствахъ и наукахъ. Но мы отклонились отъ нашего ближайшаго предмета. Группа учебныхъ заведеній, допущенная нашимъ законодательствомъ, подъ именемъ реальныхъ гимназій, можетъ служить только для цѣлей образованія поверхностнаго, во всякомъ случаѣ такого, изъ

котораго никогда не выйдетъ самостоятельное развитіе образованія и науки, и которое потому не можетъ служить приготовленіемъ къ университету. Какъ совершенно справедливо было замѣчено въ нашей газетѣ профессоромъ практической механики, А. С. Ершовымъ, эти такъ-названныя у насъ реальныя гимназіи не имѣютъ ничего общаго съ заведеніями дѣйствительно полезными, въ которыхъ есть у насъ недостатокъ,—съ заведеніями собственно техническими, которыя соотвѣтствовали бы потребностямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ развивается заводское или фабричное дѣло. Какъ бы то ни было, эти реальныя гимназіи допущены нашимъ законодательствомъ, но оно поступило справедливо и мудро, не соединивъ съ ними никакого обязательнаго значенія. Заведенія эти могутъ быть и не быть въ той или другой мѣстности, и мѣстное общество можетъ оставаться къ тому совершенно равнодушнымъ. Пожелаетъ ли кто-нибудь готовить своего сына, напримѣръ, въ инженерное училище, реальныя гимназіи не послужатъ ему для этого лучшимъ пособіемъ чѣмъ классическія. Можно съ полнѣйшею увѣренностію сказать, что молодой человѣкъ успѣшно окончившій курсъ въ классической гимназіи окажется лучшимъ инженеромъ нежели еслибъ онъ провелъ тѣ же семь лѣтъ въ реальной гимназіи. Во всякомъ случаѣ, законодательство не даетъ воспитаннику реальной гимназіи никакого предпочтенія предъ воспитанникомъ классической для поступленія въ какое бы то ни было высшее спеціяльное училище, между тѣмъ какъ только воспитаннику классической гимназіи открывается доступъ къ университету, гдѣ соединены всѣ спеціяльности знанія.

Теперь спрашивается, какая можетъ быть надобность умалять и безъ того такъ скудное средствами образованіе нашего народа, отнимая у университетовъ большее или меньшее число гимназій, и лишая цѣлыя губерніи доступа къ университету? Въ нашъ вѣкъ прогресса и либеральныхъ мѣръ, когда образованіе безспорно признано всѣми за одинъ изъ самыхъ главныхъ элементовъ общественнаго благоустройства и народнаго благосостоянія, что побуждаетъ не прибавлять, а убавлять число существующихъ учебныхъ заведеній готовящихъ къ высшему образованію? Въ Россіи едва приходится одна университетская гимназія на цѣлый милліонъ жителей (въ прибалтійскихъ губерніяхъ приходится одна менѣе чѣмъ на 20.000 жителей, если взять въ разчетъ только нѣмецкое народонаселеніе ихъ). Если же мы сообразимъ распредѣленіе нашихъ гимназій въ различныхъ частяхъ Имперіи, то окажется, что въ коренныхъ, наиболѣе русскихъ частяхъ, процорція будетъ еще несоотвѣтственнѣе; придется, можетъ-быть, одна гимназія на полтора милліона жителей именно въ тѣхъ мѣстахъ Имперіи, гдѣ господствуетъ безспорно и безпримѣсно русскій элементъ. Пусть сравнятъ западный край Россіи, гдѣ работали Чарторыйскіе и Чацкіе и гдѣ еще такъ сильны притязанія польской національности, съ восточною и даже съ центральною полосой Россіи: какая разница! Тамъ въ одной губерніи есть по три, по четыре гимназій, а во внутреннихъ областяхъ Россіи едва приходится по одной гимназіи на губернію. И что же? Въ то самое время, когда повидимому русское образованіе должно было бы получить новую силу, оно ослабляется самымъ чувствительнымъ образомъ: цѣлыя губерніи безъ всякой надобности лишаются тѣхъ заведеній, которыя служатъ приготовленіемъ къ университету, и вмѣсто классической гимназіи, признанной законодательствомъ за высшую и лучшую школу, которую оно отличило существенными и очевидными преимуществами, получаютъ учебныя заведенія поставленныя законодательствомъ на низшую степень и лишенныя этихъ преимуществъ. Допустимъ что открытіе такъ-называемыхъ реальныхъ гимназій по той программѣ, которая допущена для нихъ нашимъ законодательствомъ, можетъ быть желательно съ какой-нибудь точки зрѣнія; пусть бы они и устраивались въ той или другой мѣстности, независимо отъ гимназій университетскихъ. Зачѣмъ же уничтожать эти послѣднія въ то самое время, когда въ обществѣ развивается, больше чѣмъ когда-либо прежде, потребность университетскаго образованія, когда еще такъ недавно повсюду дѣлались коллекты на вспомоществованіе студентамъ, когда, наконецъ, открываются новые университеты?

Во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты напечатано извѣстіе, заимствованное изъ *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, объ окончательномъ распоряженіи для введенія новаго гимназическаго устава, въ ви-

ленскій учебный округъ. Прежде, какъ мы слышали, предполагалось во всѣхъ губернскихъ гимназіяхъ этого округа открыть полный классическій курсъ, а въ уѣздныхъ полуклассическій. Изъ напечатанныхъ свѣдѣній, оказывается, что изъ числа 14 гимназій, находящихся въ шести губерніяхъ виленскаго учебнаго округа, 8 будутъ преобразованы въ полныя классическія, одна поступитъ въ разрядъ полуклассическихъ, а пять станутъ такъ-называемыми реальными. Эти пять всѣ принадлежатъ къ числу уѣздныхъ, такъ что ни одна изъ этихъ губерній, несмотря на эту деградацію пяти гимназій, не будетъ лишена способовъ университетскаго образованія. Что же касается до гимназій, которыя сохраняютъ здѣсь свои университетскія преимущества, то въ нихъ вводится съ нынѣшняго же года преподаваніе греческаго языка. Оно вводится въ шесть губернскихъ гимназій, и сверхъ того въ двѣ уѣздныя, Шавельскую и Мозырскую. Почему этимъ двумъ гимназіямъ изъ числа уѣздныхъ отдано предпочтеніе, мы не знаемъ. Неизвѣстно, какія соображенія могли руководствовать при возведеніи напримѣръ, уѣздной Шавельской гимназіи въ классическую, а уѣздной Динабургской въ реальную. Кромѣ 14 гимназій, въ виленскомъ учебномъ округѣ числятся еще четыре пятиклассныя прогимназіи, изъ коихъ двѣ возводятся въ классическія, а двѣ низводятся въ реальныя. Также непонятно почему, напримѣръ, въ прогимназію Бобруйскую вводится курсъ реальный, а въ прогимназію Тельшевскую курсъ классическій? Какія тутъ могутъ быть мѣстныя обстоятельства, мы недоумѣваемъ. Бобруйскъ и Динабургъ города болѣе замѣчательные чѣмъ Шавли и Тельши; въ нихъ живетъ очень много Русскихъ желающихъ дать своимъ дѣтямъ университетское образованіе. Еще менѣе можно понять, какія мѣстныя обстоятельства могли побудить къ возведенію гимназій Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, сверхъ того Мозырской и Шавельской, и прогимназій Тельшевской и Брестской въ полныя классическія, съ неукоснительнымъ введеніемъ греческаго языка, тогда какъ гимназія Могилевская, единственная на всю губернію, не удостоилась этой чести, и въ видѣ какого-то непонятнаго исключенія оставляется на степени полуклассической, съ однимъ латинскимъ языкомъ. Какъ видно изъ вышеупомянутой мѣстной газеты, откуда мы заимствовали эти свѣдѣнія, начальство тамошняго округа цѣнитъ въ должной мѣрѣ силу полнаго классическаго воспитанія. Въ статьѣ сказано:

„По мѣстнымъ обстоятельствамъ для гимназій и прогимназій виленскаго учебнаго округа выбираются только два изъ учебныхъ курсовъ новаго *Устава*, а именно: или *полный классическій*, съ двумя древними языками, или *реальный*.“

Но за тѣмъ далѣе сказано:

„Классическій курсъ вводится во всѣ гимназіи губенскихъ городовъ, и кромѣ того еще въ гимназіи Шавельскую и Мозырскую. Въ видѣ исключенія только предоставлено помощнику попечителя, г. Серпо-Соловьевичу, ввести въ Могилевскую гимназію классическій курсъ съ однимъ латинскимъ языкомъ.“

Спрашивается, зачѣмъ же такое исключеніе сдѣлано для Могилевской губерніи, которая имѣетъ только одну гимназію? Въ статьѣ объясняется, что при этомъ были принимаемы въ соображеніе потребности и обстоятельства каждой мѣстности. Почему же мѣстность Могилевской губерніи благопріятствуетъ введенію неполной классической системы, нигдѣ въ Европѣ, впрочемъ, не называемой классическою и не находящейся въ связи съ университетскимъ образованіемъ, — а мѣстность Ковенская, Гродненская или мѣстность Шавельскаго уѣзда, или уѣзда Мозырскаго, болѣе благопріятствуетъ введенію полной и настоящей классической системы, поставленной во главу учебныхъ заведеній нашимъ законодательствомъ и какъ нельзя лучше оцѣненной въ своихъ достоинствахъ начальствомъ виленскаго учебнаго округа? Конечно, не почва же мѣстности въ этомъ виной. Разсматривая на картѣ Могилевскую губернію, мы находимъ только, что она лежитъ ближе къ востоку, и примыкаетъ къ центральнымъ русскимъ губерніямъ; припоминая характеристику ея народонаселенія, мы находимъ, что она сплошь заселена русскимъ народомъ, что изъ всѣхъ губерній западнаго края она представляетъ наиболѣе благопріятное отношеніе православнаго элемента къ иновѣрческому, что въ ней, наконецъ, несравненно болѣе чѣмъ въ каждой изъ остальныхъ пяти губерній сѣверо-западнаго края, въ числѣ дворянъ-землевладѣльцевъ находится людей не причисляющихъ себя ни къ какой другой на-

ціональности кромѣ русской. Вотъ мѣстныя особенности Могилевской губерніи, которыя открываются для непосвященнаго взора. Почему же на основаніи этихъ особенностей единственная гимназія этой губерніи лишается полнаго классическаго курса и представляется въ спеціальное распоряженіе г. помощника попечителя для того, чтобъ онъ приравнялъ ее къ губерніямъ московскаго учебнаго округа, гдѣ полное классическое устройство будетъ, какъ кажется, усложненіемъ, и гдѣ, несмотря на богатство многихъ гимназій, не оказывается средствъ для неукоснительнаго введенія новаго устава, такъ легко и удачно найденныхъ начальствомъ виленскаго учебнаго округа?

№ 190.

Москва, 31-го августа.

Съ завтрашняго дня вступаетъ въ силу новое законодательство по дѣламъ печати, изложенное въ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату отъ 6-го апрѣля сего года и въ высочайше утвержденномъ того же числа мнѣніи государственнаго совѣта. На основаніи этого законодательства, отъ предварительной цензуры освобождаются всѣ выходящія донынѣ въ обѣихъ столицахъ повременныя изданія, коихъ издатели сами заявятъ на то желаніе. Мы съ своей стороны представили таковое заявленіе, и надѣемся на дняхъ воспользоваться его законными послѣдствіями. Завтра, 1-го сентября, должно открыться въ С.-Петербургѣ новоучреждаемое главное управленіе по дѣламъ печати, и только этимъ главнымъ управленіемъ могутъ быть сдѣланы нужныя распоряженія для осуществленія новаго порядка.

№ 191.

Москва, 1-го сентября.

Въ иностранныхъ, особенно въ -эпкихъ либеральныхъ журналахъ, рѣдко когда, или лучше почти никогда не случается встрѣтить доброе слово о Россіи, о Русскомъ народѣ, о Русскомъ Государѣ, особенно же о тѣхъ незыблемо-прочныхъ связяхъ довѣрія и любви, которыя ихъ соединяютъ. Какъ бы въ видѣ исключенія изъ этого общаго правила, берлинская *Національная Газета* помѣстила недавно корреспонденцію, присланную ей будто бы изъ Москвы, въ чемъ мы имѣемъ нѣкоторыя основанія сомнѣваться. Въ корреспонденціи этой говорится, между прочимъ, о недавнемъ пребываніи Государя Императора въ здѣшней столицѣ, и по первымъ словамъ можно было бы пожалуй подумать, что корреспондентъ одушевленъ наилучшими чувствами къ Россіи и ея Государю. „Императоръ, сказано въ корреспонденціи, не только былъ принятъ въ Москвѣ съ восторгомъ, но восторгъ народа сопутствовалъ ему на каждомъ шагу. Слово: восторгъ, продолжаетъ корреспондентъ, не должно быть принимаемо здѣсь въ обыкновенномъ смыслѣ: Императоръ болѣе чѣмъ обыкновенный благодѣтель своего народа, и народъ горячо и глубоко чувствуетъ это, и въ его крикахъ: *ура*! вездѣ слышится чувство радостной благодарности.“ Мы почти не вѣрили своимъ глазамъ, прочитавъ эти слова въ газетѣ, которая во все продолженіе польскаго мятежа не переставала расточать брань Россіи, заподозрѣвала искренность всѣхъ тогдашнихъ заявленій русскаго народа передъ престоломъ, и наконецъ теперь, на другой же день послѣ помѣщенія упомянутой *московской* корреспонденціи, сочла своимъ долгомъ не признавать за русскимъ народомъ ничего кромѣ духа рабства, кромѣ высокомѣрія рабовъ, кромѣ готовности переносить свѣтскій и духовный деспотизмъ въ надеждѣ на будущее всемірное владычество (см. № 419 *National-Zeitung*, отъ 8-го сентября, въ статьѣ: „Nach zehn Jahren.)“ Какимъ образомъ эта же самая газета рѣшилась вымолвить вышеприведенныя слова, въ которыхъ какъ будто бы заявляется искренняя преданность и благоговѣніе къ Русскому Государю? Слѣдующія за тѣмъ слова разрѣшаютъ эту загадку: они показываютъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ политическихъ интригановъ, которые изъ Петербурга, изъ Брюсселя и откуда бы то ни было шлютъ свои корреспонденціи въ разные иностранные журналы, всѣ въ одномъ тонѣ и въ однихъ видахъ. Замаскировавъ себя благовидною личиной, корреспондентъ спѣшитъ выдѣлить изъ массы преданнаго своему Царю народа нѣкоторые слои и нѣкоторыя части населенія, руководимыя будто бы особыми

стремленіями и духомъ партій. Какихъ же партій? Корреспондентъ указываетъ только на одну, самую зловредную партію, которая является препятствіемъ и преградой всѣмъ благимъ начинаніямъ. Эта партія, которая, къ счастью, ограничивается лишь незначительною группой людей и чужда русскому народу, есть, — какъ бы вы думали читатели? — партія одушевленная исключительно-русскимъ патріотизмомъ!! Какъ будто въ восторженныхъ восклицаніямъ русскаго народа въ Москвѣ выражался не исключительно-русскій патріотизмъ, а какой-то еще другой: польскій или можетъ быть, нѣмецкій, французскій патріотизмъ! Какъ будто восторженныя заявленія преданности Русскому Монарху, вызванныя не-русскимъ патріотизмомъ, могутъ быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ корыстной и лживой лести! Нынѣшнему русскому правительству вмѣняется даже въ честь, что оно будто бы дѣйствуютъ не въ духѣ исключительно-русскаго патріотизма! „Еслибъ у дѣлъ находилась партія, воодушевленная исключительно-русскимъ патріотизмомъ, говоритъ корреспондентъ нѣмецкой газеты, тогда можно было бы сильно усомниться, была ли бы Россія въ лучшемъ положеніи. Тогда во всякомъ случаѣ обитатели западной Европы не могли бы разчитывать на дружелюбный пріемъ въ Россіи, и по большей мѣрѣ только Сербы. Чехи и словацкіе мышеловы были бы пропускаемы черезъ русскую границу,“

Итакъ поздравляемъ Москву съ новымъ открытіемъ. Въ тѣхъ восторженныхъ кликахъ, которыми она встрѣчала и сопровождала повсюду Государя Императора, добрымъ людямъ удалось подслушать звуки не исключительно-русскаго патріотизма, а напротивъ, всякаго другаго, только не-русскаго; тѣ же, которые воодушевлены только русскимъ патріотизмомъ, по словамъ его, были въ сторонѣ, не раздѣляя одинаковыхъ чувствъ со всею массой народа.

Какъ и слѣдовало ожидать, вслѣдъ за тѣмъ дѣло идетъ о *Моковскихъ Вѣдомостяхъ*, о напрасныхъ будто бы нареканіяхъ на польское дѣло по поводу пожарной эпидеміи въ Россіи, о томъ, что *Московскія Вѣдомости* будто бы погрѣшаютъ противъ перваго правила человѣколюбія, которое предписываетъ великодушіе въ отношеніи къ побѣжденнымъ. Мудрено ли, что корреспонденту послышалась со стороны *Московскихъ Вѣдомостей* проповѣдь о преслѣдованіи Поляковъ, когда онъ съумѣлъ подслушать не исключительно-русскій патріотизмъ въ восторженныхъ кликамъ, которыми Москва привѣтствовала Русскаго Царя? Повторять ли, что не въ пользу преслѣдованія Поляковъ безпрерывно высказывались *Московскія Вѣдомости*, а напротивъ, въ пользу такихъ мѣръ, которыя, при возможной пощадѣ отдѣльныхъ лицъ, были бы безпощадны къ символамъ пагубнаго для нихъ дѣла и имѣли бы своимъ результатомъ „скрѣпленіе узъ, соединяющихъ бывшій польскій край съ прочими областями Россіи“ (эти выраженія прямо взяты нами изъ рескрипта нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ бытность Его наслѣдникомъ престола, на имя графа Тышкевича, учредителя Виленскаго музея)?

Московскія Вѣдомости, сверхъ того; оказываются не правы въ глазахъ корреспондента *Національной Газеты* еще и тѣмъ, что проповѣдывая единство офиціальнаго, правительственнаго языка въ Россіи, въ то же время оправдывали извѣстное предписаніе графа Белькреди о томъ, чтобъ офиціальныя сношенія съ каждою изъ австрійскихъ національностей происходили на собственномъ ея языкѣ. Мы не имѣли ни малѣйшей надобности оправдывать эту мѣру; мы только объясняли ее и притомъ объясняли ее именно тѣмъ, что она благопріятна для нѣмецкаго элемента въ Австріи, раздѣляя и противопоставляя другъ другу инородческія (то-есть, не-нѣмецкіе) ея элементы, которыхъ тамъ множество. По этому поводу корреспондентъ берлинской газеты восклицаетъ: „Какъ будто бы инородческій элементъ въ Россіи не распадается также на множество частей!“ Говорить ли о томъ, какъ безконечно велико его различіе между Россіей и Австріей относительно состава ихъ населенія? Въ Россіи, почти на всемъ ея пространствѣ, господствуетъ одинъ цѣльный народъ и одинъ языкъ, болѣе сплошной чѣмъ гдѣ-либо на свѣтѣ, и лишь по окраинамъ ея живутъ инородцы, которые до подчиненія ихъ Россіи, или никогда не составляли между собой государственнаго союза, или же входили въ составъ другихъ цѣльныхъ государствъ, какъ напримѣръ нынѣшніе русскіе подданные польскаго, нѣмецкаго или шведскаго имени, на западныхъ окраинахъ Россіи, тогда какъ въ Австріи нѣтъ одного цѣльнаго, преобладаю-

щаго по самому своему числу народа, а есть многіе народы, которые притомъ большею частью составляли свои особыя цѣльныя государства, и которые вошли и въ составъ Австрійской имперіи какъ особыя государства. И тѣмъ не менѣе, однакоже, есть ли въ Австріи хоть одинъ уголокъ, гдѣ бы нѣмецкій языкъ былъ вовсе исключенъ изъ правительственной сферы, гдѣ бы на нѣмецкомъ языкѣ нельзя было найдти себѣ суда и расправы, тогда какъ въ Россіи, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще есть такіе города и даже цѣлыя области, гдѣ русскій языкъ исключенъ изъ офиціяльныхъ сферъ, гдѣ на русскомъ языкѣ нельзя найдти себѣ правосудія, гдѣ мѣстные законы издаются на чужихъ языкахъ и гдѣ, наконецъ, Русскій по происхожденію и православный по вѣроисповѣданію (какъ, напримѣръ, въ Финляндіи) не можетъ пользоваться высшими политическими правами, хотя бы онъ имѣлъ всѣ другія требуемыя для того качества. Подобный порядокъ вреденъ не тѣмъ, что отъ него терпитъ ущербъ то или другое лицо за свою принадлежность къ русскому народу или къ русской церкви; онъ вреденъ тѣмъ, что ослабляетъ духъ въ цѣломъ народѣ, а слѣдовательно и въ цѣломъ государствѣ. Что сказали бы почтенные редакторы берлинской *Національной Газеты*, еслибы не въ ихъ Пруссіи, о чемъ и мысли быть не можетъ, а въ Австріи были не цѣлыя области, но хотя бы одинъ городъ, гдѣ не довольно было бы знать по-нѣмецки, а необходимо было бы знать по-польски, или по-мадьярски, для того чтобы сноситься съ мѣстною администраціей, или самому вести свое дѣло передъ судомъ? Не возопили ли бы они, что это позоръ и униженіе для всей нѣмецкой націи?

Разъясняя разницу между австрійскою политикой и тою политикой, которую наши друзья хотѣли бы навязать Россіи, мы старались показать, что предписаніе графа Белькреди объ офиціяльномъ употребленіи различныхъ національныхъ языковъ было внушено отчасти тою же мыслію, которая выражается въ извѣстномъ девизѣ австрійскаго правительства: *раздѣляй и властвуй*! Россія не имѣетъ ни малѣйшей надобности обращаться къ этому девизу: инородческіе въ ней элементы такъ незначительны сравнительно съ цѣльною и сплошною массой русскаго народа, что нѣтъ особенной надобности раздѣлять и противопоставлять ихъ другъ другу: но еслибы это непремѣнно понадобилось, то Россія могла бы смѣло послѣдовать примѣру Австріи, и тогда въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ теперь господствуетъ нѣмецкій языкъ, не желающій оказывать снисходительной терпимости даже языку русскому, слѣдовало бы признать равныя права не только за русскимъ языкомъ, которымъ говоритъ значительная часть городскаго населенія тѣхъ губерній, но также за языками латышскимъ и эстонскимъ.

Вслѣдъ за своекорыстно-разчитаннымъ восхваленіемъ народнаго восторга при встрѣчѣ Русскаго Государя въ Москвѣ, въ той же самой газетѣ, какъ сказано, мы находимъ статью, въ которой о русскомъ народѣ говорится что онъ будто бы охотно переноситъ свѣтскій и духовный деспотизмъ, лелѣя мечты о будущемъ своемъ всемірномъ владычествѣ, что онъ все еще одержимъ высокомѣріемъ рабовъ (Knechtschafts-Hochmuth) и все еще полагаетъ свою гордость въ томъ, чтобы другимъ народамъ внушать страхъ величіемъ и постояннымъ усиленіемъ своего государства. Ужь не слѣдуетъ ли, по мнѣнію *Національной Газеты*, гордиться безсиліемъ, ничтожествомъ и постояннымъ ослабленіемъ своего государства? Есть ли хоть одинъ народъ въ мірѣ, достойный политическаго существованія, который не дорожилъ бы могуществомъ своего государства и не былъ бы готовъ на тяжкія пожертвованія для того чтобы не ему приходилось страшиться другихъ государствъ, а напротивъ, другимъ народамъ страшиться его государства? Почему же одинъ Русскій народъ, за подобное желаніе, долженъ быть обвиняемъ въ высокомѣріи, свойственномъ рабству? Не есть ли это напротивъ свидѣтельство о его нежеланіи рабствовать, о его нежеланіи попасть въ положеніе Грековъ Восточной имперіи? *Національная Газета*, съ похвалой свидѣтельствуетъ, что Россія во время прусско-австрійской кампаніи противъ Даніи обнаружила воздержность, которой въ прежнее время нельзя было бы ожидать отъ нея въ подобномъ случаѣ, столь значительно измѣняющемъ ея международное положеніе: эта воздержность, продолжаетъ берлинская газета, не можетъ, однакоже, служить доказательствомъ умѣренности и безпритязательности Россіи, а есть только слѣд-

ствіе того, что Россія сильно была занята у себя дóма, и занята дѣлами, въ высшей степени предосудительными. Россія, говоритъ она, имѣетъ въ виду какъ можно скорѣе положить конецъ „всему польскому“ какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Литвѣ, „къ огорченію и къ ужасу для всего свѣта.“ Мы не мало удивляемся тому, отчего это ни *National-Zeitung*, ни другія прусскія газеты, не „огорчаются“ и не ужасаются, когда дѣло идетъ о дѣйствительномъ искорененіи польскаго элемента тамъ, гдѣ этотъ элементъ былъ не пришлымъ, какъ у насъ въ Литвѣ и вообще въ западномъ краѣ, а имѣлъ свой глубокій корень, — именно въ прусскихъ владѣніяхъ: Познани и Западной Пруссіи, и гдѣ ему приходится все болѣе и болѣе отступать не передъ родственнымъ славянскимъ, а передъ совершенно чуждымъ и завоевательнымъ нѣмецкимъ элементомъ. Прусскіе политики огорчаются и ужасаются за польскій элементъ въ предѣлахъ Россіи; не ближе ли было бы имъ поспѣшить къ нему на помощь въ предѣлахъ самой Пруссія, если онъ дѣйствительно заслуживаетъ такой помощи?

Съ такимъ же огорченіемъ и ужасомъ говоритъ *Національная Газета* и объ успѣхахъ русской религіозной пропаганды въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, „на самыхъ границахъ Пруссіи,“ какъ замѣчаетъ она, и объ успѣхахъ русскаго дѣла въ Финляндіи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ ничего сообщить нашимъ читателямъ ни о тѣхъ, ни о другихъ успѣхахъ, да и думаемъ, что вообще нечего было бы и сообщать о нихъ.

Сообщимъ лучше, что въ Петербургѣ издается литографированная газета на иностранныхъ языкахъ, подъ именемъ *Русской Корреспонденціи*, разсылаемая, какъ видно, въ редакціи иностранныхъ газетъ. Послѣднія, въ началѣ нынѣшняго года, нерѣдко сообщали изъ нея довольно диковинныя вещи; но въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ ея, какъ мы узнаемъ теперь изъ *Journal des Débats*, помѣщена статья, заслуживающая полнаго сочувствія. Въ ней съ негодованіемъ отвергается мысль, будто бы Россія поощряла властолюбіе Пруссіи, нуждаясь въ поддержкѣ съ ея стороны по польскому вопросу. „Польскій вопросъ, замѣчаетъ *Русская Корреспонденція*, не существуетъ болѣе, или по крайней мѣрѣ, онъ заключается въ организаціи и сліяніи съ Россіей нѣкогда польскихъ областей, при чемъ Россія не имѣетъ ни малѣйшей надобности въ иностранной помощи.“ Гаштейнская сдѣлка и новые успѣхи Пруссіи, продолжаетъ *Русская Корреспонденція*, возлагаютъ на Россію безотлагательную обязанность поспѣшить полнымъ сліяніемъ западныхъ окраинъ Россіи съ внутренними ея областями. „Чтобы воспротивиться все возрастающему вліянію германскаго элемента, Россія необходимо должна позаботиться объ упроченіи и объединеніи западныхъ своихъ границъ. По счастію, военная часть этой задачи совершенно окончена, а административная преслѣдуется съ такимъ же успѣхомъ и съ такою же честью.“ Это петербургское заявленіе, которое несомнѣнно порадуетъ всѣхъ Русскихъ, понятнымъ образомъ встрѣтило сильное неудовольствіе со стороны *Journal des Débats*. Сохраняя, правда, сдержанный тонъ, *Journal des Débats* позволяетъ себѣ еще разъ повторить намекъ, что Русскіе сами выжигаютъ свой западный край, будто бы „такъ тѣсно связанный съ Польшею, и своими преданіями, и своими чувствами.“

Замѣчательно, что до сихъ поръ ни одна иностранная газета не перепечатала, ни вполнѣ, ни въ извлеченіи, извѣстной полуофиціяльной статьи о пожарахъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Вотъ какимъ безпристрастіемъ отличается иностранная журналистика во всемъ что̀ касается до Россіи. Тамъ, гдѣ она считаетъ должнымъ принять на себя личину доброжелательства въ отношеніи къ Россіи, какъ, напримѣръ, въ приведенной выше *московской* корреспонденціи *Національной Газеты*, тамъ слѣдуетъ быть особенно на сторожѣ, и къ сожалѣнію, тамъ почти заранѣе можно быть увѣрену, что именно подъ этою личиной скрывается ожесточенная вражда ко всему русскому.

№ 192.

Москва, 2-го сентября.

Если судить по внѣшности явленій, то можно подумать, что педагогическое дѣло у насъ въ послѣдніе годы быстро, почти стремительно, двинулось впередъ. Въ университетахъ педагогія должна была замѣнить даже философію; учреждены педаго-

гическіе курсы, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* назначался спеціяльно для разработки вопросовъ педагогическаго свойства; явился особый ученый комитетъ, какъ высшій трибуналъ для обсужденія всѣхъ „ученыхъ“ вопросовъ касающихся учебнаго дѣла въ имперіи; въ этомъ трибуналѣ предначертанъ планъ изданія чего-то въ родѣ громадной педагогической энциклопедіи XIX вѣка; въ петербургскомъ педагогическомъ обществѣ по цѣлымъ часамъ производились споры въ родѣ слѣдующаго: „кто виноватъ когда ученикъ не знаетъ урока, ученикъ или учитель?“ и т. д. Предпринято, казалось, много; но предпринятое не привело къ желанному результату и потерпѣло крушеніе: каоедра педагогіи исчезла изъ университетскаго устава, и ея мѣсто, по полному праву, опять заняла каоедра философіи, педагогическіе курсы находятся наканунѣ полнаго преобразованія, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* сдѣлался сборникомъ статей исключительно офиціяльнаго содержанія, ученый комитетъ создалъ извѣстный, но по счастію не осуществившійся, проектъ общеобразовательныхъ литературно-реальныхъ гимназій, энциклопедія его не появилась, и самое педагогическое общество закончило свои весеннія засѣданія любопытнымъ актомъ самоотверженія, признавъ торжественно, что если старыя методы преподаванія никуда не годятся, то и новыя (представители которыхъ составляютъ повидимому большинство почтеннаго собранія) также никуда не годятся.

Между тѣмъ, никогда еще не было столь настоятельной необходимости поднять педагогическое дѣло въ Россіи, какъ нынѣ, когда только энергическое и здравое развитіе умственныхъ силъ народа можетъ спасти насъ отъ разслабленія и разложенія. Будущность нашего образованія зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ войдетъ въ дѣйствіе новый гимназическій уставъ и въ какой степени привьются у насъ здравыя педагогическія понятія. Начало идетъ туго. Среди заботъ о томъ чтобъ уничтожить значительное число нынѣ существующихъ университетскихъ гимназій и чрезъ то лишить жителей цѣлыхъ губерній, конечно только коренныхъ русскихъ, возможности приготовлять дѣтей къ высшему образованію въ университетахъ,— дѣло университетскихъ гимназій мало обращаетъ на себя вниманія, мало принимается къ сердцу людьми могущими подвинуть его, и до сихъ поръ еще неизвѣстно, чтобы была принята по внутреннимъ губерніямъ хоть одна серіозная мѣра для приведенія въ дѣйствіе новаго устава въ его полезныхъ частяхъ.

Бодрую дѣятельность обѣщаютъ намъ, когда войдутъ въ силу новые штаты, какъ будто бы нельзя было и при нынѣшнихъ штатахъ начать повсюду преобразованіе въ двухъ низшихъ классахъ гимназій. Жалуются также на недостатокъ учителей и ожидаютъ того времени, когда они явятся сами собой, какъ будто бы именно по приготовленію учителей не требовались особенно-энергическія усилія. При самомъ лучшемъ настроеніи, при самомъ просвѣщенномъ направленіи сѣятелей было бы очень трудно пополнить упущенное, исправить испорченное въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ. Надобно было бы работать и работать, извлекая пользу изо всѣхъ элементовъ, какіе только могутъ быть употреблены съ пользой, и самые неусыпныя старанія могли бы лишь медленно вести къ результатамъ. Чего же ожидать, когда мы вовсе не беремся за серіозное дѣло, то-есть за дѣло университетскихъ гимназій, и даже стараемся отвлечь отъ нихъ нѣкоторую часть существующихъ силъ и средствъ?

Намъ не разъ случалось уже сравнивать реальныя гимназіи новаго устава съ нынѣшними созданными несчастною катастрофой 1848 г. Преподаваніе греческаго языка было тогда замѣнено преподаваніемъ естественныхъ наукъ во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ за исключеніемъ находящихся въ Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ „по уваженію къ особому устройству гимназій дерптскаго учебнаго округа, имѣющихъ преимущественною цѣлью филологическое приготовленіе молодыхъ людей къ высшему образованію.“ Естественныя науки возвысились „какъ имѣющія обширное приложеніе къ практикѣ и какъ необходимая принадлежность современнаго образованія.“ Дѣло не ограничилось греческимъ языкомъ; весь планъ ученія былъ преобразованъ въ тотъ видъ, какой онъ сохранилъ донынѣ. „Мѣры, принятыя такимъ образомъ противъ преподаванія древнихъ языковъ, писалъ въ 1855 году въ офиціяльной запискѣ покойный Т. Н. Грановскій, остановили правильное развитіе системы дѣйствовавшей

до 1851 года. Люди понимавшіе дѣло тѣмъ болѣе были огорчены, что мѣры эти должны были неизбѣжно вести къ усиленію тѣхъ именно идей, противъ которыхъ онѣ были, очевидно, направлены.“ Убѣжденіе въ безполезности, даже вредѣ этихъ преобразованій скоро обнаружилось въ правительственныхъ сферахъ. Въ отчетѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1857 годъ министръ А. С. Норовъ рѣшительно высказался въ пользу *классической системы* въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, и прибавилъ: „безчисленные опыты доказали, что наиболѣе замѣчательные спеціялисты получили первоначально классическое образованіе, и напротивъ того попытки учрежденія среднихъ реальныхъ заведеній, даже и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не достигали желаемыхъ результатовъ.“ Въ духѣ классическаго ученія предположено было составить новые уставы нашихъ гимназій. Этотъ трудъ былъ оконченъ при преемникѣ А. С. Норова, Е. П. Ковалевскомъ, и напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе въ 1860 году. Нормальный гимназическій курсъ предполагался классическій, съ двумя древними языками (на которые, впрочемъ, назначалось слишкомъ мало часовъ). Но какъ остатокъ недавняго прошедшаго и какъ заря скораго будущаго въ проектъ вошелъ скромный параграфъ, согласно которому дозволялось въ случаяхъ, когда требуютъ „мѣстныя обстоятельства,“ отступать отъ нормальнаго плана усиливая преподаваніе математики и естествознанія съ отмѣной преподаванія греческаго языка. Этому параграфу суждено было скоро развиться, и въ проектѣ, переработанномъ въ 1862 году, встрѣчаемъ уже признаніе двоякаго пути къ общему образованію, и гимназіи „по различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію,“ раздѣляются уже на *филологическія* и *реальныя*. Дальнѣйшая исторія у всѣхъ еще свѣжа въ памяти.

Здравый смыслъ говоритъ, что если мы хотимъ считаться въ семьѣ европейскихъ народовъ и принимать участіе въ дѣлѣ цивилизаціи, то дѣти наши должны проходить ту школу, которую проходятъ дѣти этихъ народовъ. Отказаться отъ европейскихъ началъ образованія и европейскаго устройства школы можно только или во имя нелѣпаго замысла создать новую цивилизацію и новую школу, или во имя унизительнаго признанія, что мы низшая раса, для которой европейская цивилизація и европейская школа не по силамъ. Вмѣсто того чтобы фантазировать на педагогическія темы и устраивать небывалыя заведенія съ невѣдомымъ еще міру курсомъ ученья, не лучше ли было, не мудрствуя лукаво, озаботиться о томъ, чтобы наша школа пріобрѣла истинный типъ европейской школы, общій для всѣхъ образованныхъ народовъ? Но мы были въ то время великими прогрессистами. Насъ увѣрили ловкіе люди, что европейская школа въ современномъ ея видѣ есть завѣтъ прошедшаго, и не далеко то время когда въ обновленномъ мірѣ воздвигнется новая цивилизація и новая школа. Пусть такъ! Однако представьте себѣ страну нуждающуюся въ путяхъ сообщенія. Развѣ правительство этой страны поступитъ неблагоразумно, если станетъ строить желѣзныя дороги, хотя можетъ-быть и придетъ время, когда воздухоплаваніе замѣнитъ желѣзныя дороги? Ужь не начать ли ему, отложивъ попеченіе о желѣзныхъ дорогахъ, повсюду строить на казенный счетъ школы воздухоплаванія и сокращая размѣры корпуса инженеровъ путей сообщенія, устраивать офиціяльный корпусъ аэронавтовъ? Въ дѣлѣ педагогіи у насъ оказалось не мало приверженцевъ аэронавтики. Они считались великими прогрессистами, но къ ихъ прогрессивности примѣшивалась добрая доля презрѣнія къ русскому народу. Они сочиняли свои проекты только для внутренней Россіи; они не осмѣливались подчивать ими ни дерптскій учебный округъ, ни Царство Польское, гдѣ маркизъ Вѣлепольскій именно тогда реформировалъ школы въ европейскомъ, хотя къ сожалѣнію и антирусскомъ смыслѣ. Не явное ли это доказательство, что петербургскіе прожектеры сами знали истинную цѣну своихъ школъ воздухоплаванія?

Наконецъ показался опять лучъ свѣта. Въ прошломъ году законодательство высказалось въ пользу классической системы, оно установило прекрасный планъ преподаванія для университетскихъ гимназій, планъ, который, при серіозномъ осуществленіи, могъ бы поднять ихъ на значительную высоту. Подъ вліяніемъ новаго духа уже происходятъ значительныя улучшенія въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ церковныхъ школахъ протестантскаго вѣроисповѣданія, а казенныя гимназіи все еще влачатъ прежнюю жизнь.

Нынѣшнею весной въ ученомъ комитетѣ министерства просвѣщенія составлена *Инструкція относительно объема преподаванія учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ*; она напечатана въ майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за нынѣшній годъ съ указаніемъ, что въ ней будутъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Мы не знаемъ этихъ измѣненій, но напечатанная *Инструкція* характеризуетъ ту степень серіозности, съ которою взялись за свои дѣла гг. составители *Инструкціи*. Смѣемъ думать, что гимназическіе директоры, инспекторы и преподаватели тщетно стали бы искать въ этой *Инструкціи* какихъ-либо практическихъ указаній относительно предстоящаго имъ труднаго дѣла замѣны нынѣшняго несвязнаго многоученія тѣмъ правильнымъ единствомъ, тою *концентраціей* занятій, какою характеризуется классическая школа.

Чтобы наше сужденіе не показывалось голословнымъ, мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности, и надѣемся, что читатели извинятъ намъ ихъ въ виду важности дѣла. Вотъ какими словами начинается въ *Инструкціи* программа математики: „Такъ какъ классическія гимназіи будутъ давать право на поступленіе въ университетъ по всѣмъ факультетамъ, не исключая и физико-математическаго, то посему“ и т. д... Итакъ, вотъ единственная причина почему математика должна изучаться основательно въ гимназіяхъ; а если бы не было въ виду математическаго факультета или если-бы доступъ въ этотъ факультетъ былъ открытъ для такъ названныхъ реальныхъ заведеній, то въ гимназіяхъ не было бы, значитъ, и надобности серіозно заниматься математикой? Всякому извѣстно, что классическое образованіе есть то, въ основу которому полагаются древніе языки и *математика*. Составители *Инструкціи* не хотятъ знать этой истины и ухищряются, какое бы принумать различіе въ преподаваніи математики въ гимназіяхъ и реальныхъ заведеніяхъ. Они остановились на мысли устроить въ гимназіяхъ странное преподаваніе математики безъ задачъ. (По *Инструкціи*, въ классическихъ гимназіяхъ должны, напримѣръ, проходиться логариѳмы, но рѣшеніе задачъ помощію логариѳмовъ предоставляется на долю реальнымъ гимназіямъ, какъ будто бы порядочный учитель будетъ въ какомъ бы то ни было учебномъ заведеніи проходить логариѳмы, не прилагая ихъ къ рѣшенію задачъ!). А такъ какъ программа математики, назначаемая по *Инструкціи* для реальныхъ гимназій, весьма близко подходитъ къ нынѣшнему курсу математики въ гимназіяхъ, то выходитъ что уровень преподаванія въ классическихъ гимназіяхъ долженъ быть пониженъ противъ нынѣшняго; а въ реальныхъ остается безъ перемѣны. Къ счастію, самая натура математики противится этой попыткѣ, и на практикѣ математика будетъ преподаваться въ классическихъ гимназіяхъ въ томъ же самомъ объемѣ, какъ и въ реальныхъ заведеніяхъ, неточно именуемыхъ гимназіями. Особенно интересны подробности въ программѣ физики и космографіи для реальныхъ гимназій. Программа вся состоитъ изъ десяти строкъ и почти ограничивается высчитываніемъ главъ: звукъ, свѣтъ, электричество, солнце, звѣзды и т. п.; но и въ этихъ десяти строкахъ составители программы успѣваютъ надѣлать неточностей. Физическая географія отнесена къ космографіи, вѣроятно, на томъ основаніи, что *космосъ*, міръ, вмѣщаетъ въ себѣ все существующее, но преподавателей это новое дѣленіе наукъ легко можетъ поставить въ большое затрудненіе: что разумѣть подъ именемъ этой физической географіи, то ли что разумѣлось до сего дня, или нѣчто иное, новое, придуманное составителями инструкціи? Далѣе, желая, повидимому, щегольнуть ученостью и вмѣстѣ съ тѣмъ возвысить свое любимое дитя — реальныя гимназіи; составители *Инструкціи* включили въ курсъ этихъ заведеній главу, какой до сихъ поръ еще не было въ наукѣ. Въ реальныхъ гимназіяхъ преподаватель долженъ излагать: *механическій эквивалентъ работы теплоты*. Въ ученомъ мірѣ до сихъ поръ были извѣстны выраженія: *работы теплоты*, *механическій эквивалентъ теплоты*, *механическій эквивалентъ работы теплоты*, но *механическій эквивалентъ работы теплоты* — новый терминъ, какого нѣтъ ни на французскомъ, ни на нѣмецкомъ, ни на англійскихъ языкахъ. Сказать *механическій эквивалентъ работы теплоты* тоже что сказать *пилить пилу*, *косить косу* вмѣсто пилить дрова, косить траву. Теплота производитъ работу, эта-то работа и есть механическій эквивалентъ теплоты, а что значитъ *механическій эквивалентъ рабо-*

ты, о томъ вѣдаютъ составители *Инструкцій*. Замѣтимъ также, что физика въ классическихъ гимназіяхъ должна, по *Инструкціи*, проходиться безъ формулъ: это также вещь неисполнимая, а еслибъ она осуществилась, то вышло бы, что съ *увеличеніемъ*, по новому уставу, *числа уроковъ физики* преподаваніе этой науки должно быть понижено противъ теперешняго. Какая удивительная охота допускать безъ нужды и возможности пониженіе преподаванія! Даже о законѣ тяготѣнія составители *Инструкцій* считаютъ возможнымъ не говорить въ классическихъ гимназіяхъ!!

Самая главная часть хорошей гимназической программы, программа преподаванія древнихъ языковъ, вышла въ *Инструкціяхъ* и коротка, и суха, и тоже неисполнима на практикѣ. Въ число греческихъ писателей, которые должны быть читаемы въ гимназіи, почему-то попали Лисій и Исократъ, безъ которыхъ, а также и безъ Плутарха, гимназія очень можетъ обойдтись. Преподаваніе греческаго синтаксиса предлагается ограничить главными правилами, а между тѣмъ предписывается читать Платона (въ какихъ-то „статьяхъ“ нравственно-философскихъ: не въ „статьѣ“ ли *Филебъ*, одномъ изъ труднѣйшихъ діалоговъ?),—писателя наполненнаго синтаксическими тонкостями, и кромѣ того говорится, что чтеніе авторовъ надлежитъ сопровождать необходимыми „лингвистическими“ замѣчаніями, то-есть не пройдя какъ слѣдуетъ греческаго синтаксиса пускаться въ сравнительную грамматику! Risum teneatis, amici! Но учителямъ древнихъ языковъ по крайней мѣрѣ дозволяется проходить съ учениками общеупотребительную латинскую и греческую грамматику, хоть и не сполна, а преподаватель русскаго языка будетъ только „передавать учащимся существенное содержаніе русской грамматики, то-есть *главные законы и правила русскаго языка*“. Онъ дополнитъ это содержаніе краткимъ курсомъ логики. „Проходить логику значитъ объяснить учащимся главные законы и дѣйствія мышленія въ ихъ неразрывной связи съ законами этимологіи и синтаксиса.“ Тонъ взятъ высокій, но какъ только рѣчь коснется какой-нибудь частной подробности дѣла, выходитъ наружу какое подъ нимъ скрывается содержаніе. Оказывается, что учителю въ курсѣ грамматики приходится говорить „о дѣленіи *словъ* на роды и виды“, а психологическія свѣдѣнія, по *Инструкціи*, означаютъ: „*распредѣленіе* (не въ различныхъ ли частяхъ мозга?) и взаимную связь душевныхъ способностей.“ Всѣ эти *законы*, о которыхъ такъ громко сказано въ *Инструкціи*, преподаватель съ учениками должны выводить прямо изъ объяснительнаго чтенія; обращеніе къ учебнику воспрещается. Учителямъ говорятъ: читайте съ учениками, толкуйте имъ что вамъ придетъ на умъ и послѣ трехъ (или четырехъ) лѣтъ такого ученія, ухитритесь, чтобы тринадцатилѣтніе мальчики непремѣнно достигли указаннаго въ *Инструкціи* результата: „отчетливаго знанія русскаго языка, умѣнья правильно употреблять его изустно и письменно, а также *знанія* языка церковно-славянскаго.“ Таково скромное требованіе, и остается только спросить для чего и для кого подобныя вещи пишутся. Мало того: „*Изучая* во *второмъ* классѣ языкъ (какъ науку? или не какъ науку?), воспитанники съ тѣмъ вмѣстѣ могутъ и запасаться полезнымъ матеріяломъ для уроковъ словесности“... На жертву этой *словесности* обрекаются, или, говоря словами *Инструкціи*, „на долю словесности остаются четыре высшіе класса“, а заключаться должна словесность въ непосредственномъ и *положительномъ* (?) знакомствѣ съ важнѣйшими произведеніями русской литературы

Отъ словесности одинъ шагъ къ исторіи. Словесность и исторія пользуются особымъ расположеніемъ новѣйшихъ педагоговъ, ибо словесность и исторія, по выраженію одного изъ самыхъ жаркихъ защитниковъ новыхъ методовъ преподаванія на петербургскомъ собраніи, г. Бѣлярминова,—„первые, изъ ряда другихъ учебныхъ предметовъ, сбросили съ себя мертвую схоластическую покрышку и пробудили способности учащихся“... „Я въ этихъ предметахъ вижу причину, располагающую учащихся къ труду,“ замѣчаетъ г. Бѣлярминовъ въ отвѣтъ г. Семенову, который главную „причину отсутствія труда въ учащихся“ совершенно справедливо видитъ именно „въ характерѣ преподаванія словесности, географіи и исторіи“. Легко догадаться, что составители *Инструкціи*, всѣмъ существомъ своимъ принадлежащіе новой педагогіи, не дозволятъ учителю исторіи заботиться о прочномъ знакомствѣ учащихся съ главнѣйшими историческими фактами. *Инструкція* требуетъ, чтобъ онъ

ознакомилъ уже учениковъ прогимназіи съ различными „сторонами жизни великихъ народовъ и ихъ представителей," съ цѣлью развить въ нихъ „понятія объ основныхъ элементахъ исторіи" (въ двѣнадцатилѣтнихъ дѣтяхъ)! Какъ мало подобныя предначертанія основываются на чувствѣ дѣйствительности, можно видѣть еще на инструкціи по географіи, гдѣ между прочимъ говорится, что во второмъ классѣ (одиннадцатилѣтнія дѣти) *обозрѣвается* географія Австраліи, Америки, Африки и Азіи въ физическомъ, этнографическомъ и *промышленномъ* отношеніи, а въ третьемъ классѣ (двѣнадцатилѣтнія дѣти) излагается географія Европы не только въ упомянутыхъ трехъ отношеніяхъ, но еще и въ *культурномъ* и *торговомъ*. Или вотъ другой примѣръ: въ реальныхъ гимназіяхъ назначено довольно значительное число уроковъ черченія и рисованія. Казалось бы, черченіе и вообще геометрическое рисованіе должны стоять на первомъ планѣ въ заведеніяхъ, долженствующихъ якобы поднять нашу промышленность и облагодѣтельствовать наши фабрики и заводы; но по программѣ циркуль и линейка будутъ допускаться только въ самомъ началѣ, а потомъ все вниманіе направится на рисованіе самыхъ разнообразныхъ предметовъ: частей человѣческаго тѣла, звѣрей, ландшафтовъ, цвѣтовъ, плодовъ,—съ употребленіемъ италіянскаго и бѣлаго карандаша, цвѣтной бумаги, акварельныхъ красокъ и т. д.; и притомъ „съ цѣлью *развить вкусъ*" и сообщить техническую ловкость!

Изъ программы естествовѣдѣнія мы узнаемъ, что химія, этотъ, по ученію петербургскихъ педагоговъ, основный предметъ реальныхъ гимназій, будетъ изучаться главнымъ образомъ въ V классѣ (три урока), гдѣ ученики не знаютъ физики, и отчасти въ VI, гдѣ при четырехъ урокахъ, кромѣ химіи, должны быть изучены кристаллографія (отказываемся понять возведеніе кристаллографіи на степень особаго предмета въ гимназическомъ курсѣ) и минералогія. Вотъ при какихъ условіяхъ химія (всего пять уроковъ и пятнадцатилѣтніе ученики, не знающіе физики) должна служить не прибавленіемъ къ поверхностному многознанію гимназистовъ, а могущественнымъ общеобразовательнымъ рычагомъ. Въ VII классѣ будетъ преподаваться зоологія и ботаника съ обращеніемъ особеннаго вниманія на анатомію и физіологію. Къ перечисленію преподаваемыхъ наукъ составители программы прибавляютъ одно общее замѣчаніе, къ сожалѣнію не отличающееся ясностью: „Объемъ каждаго отдѣльнаго курса строго обозначается совершенно опредѣленнымъ содержаніемъ его, а полнота изложенія въ общихъ чертахъ опредѣлена назначеннымъ числомъ недѣльныхъ уроковъ". Вотъ и все. Между тѣмъ, въ преподаваніи естествовѣдѣнія наши педагоги видятъ главную силу рекомендуемыхъ ими реальныхъ гимназій. Нельзя не пожалѣть, что среди хора голословныхъ восхваленій естествовѣдѣнія въ качествѣ общеобразовательнаго предмета не встрѣчается опредѣлительныхъ сужденій и точныхъ указаній относительно преподаванія этого предмета въ гимназіяхъ, и что *Инструкція* не пополняетъ этого пробѣла. Мы знаемъ въ нашей литературѣ только двухъ горячихъ защитниковъ естествовѣдѣнія какъ гимназическаго предмета, выставившихъ тѣ условія, при которыхъ, по ихъ мнѣнію, преподаваніе естественной исторіи сдѣлается главнымъ источникомъ развитія и могущественнымъ орудіемъ общаго образованія. Одинъ изъ нихъ, бывшій профессоръ, потомъ директоръ гимназіи, разбирая (*Журн. Мин. Народн. Просв.* 1863 г.) зоологическій учебникъ, вышедшій года два тому назадъ, прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что „преподаваніе такъ-называемой естественной исторіи идетъ у насъ далеко неудовлетворительнымъ образомъ и скорѣе портитъ дѣло общаго образованія чѣмъ помогаетъ ему." Чтобы преподаваніе могло быть полезнымъ, почтенный профессоръ полагаетъ необходимымъ вообще сдѣлать его практическимъ и въ частности для зоологіи основать его главнымъ образомъ на анатомическихъ упражненіяхъ. „Мы сами, говоритъ онъ, упражняли дѣтей не старше 14 лѣтъ въ анатомическихъ работахъ, и успѣхъ превзошелъ наши ожиданія: ученики втораго и третьяго классовъ гимназіи осторожно и ловко вскрывали, даже при помощи остраго перочиннаго ножа, маленькихъ птичекъ и звѣрковъ, препарировали отлично шкурки, довольно удовлетворительно скелеты, и отчетливо различали внутренности." Подобнаго мнѣнія держится и другой спеціялистъ, профессоръ ботаники, изложившій въ томъ же журналѣ свой подробный планъ преподаванія естественной исторіи, въ которомъ не забыто даже „строеніе и отправленіе органовъ"

не совсѣмъ удобныхъ для обозначенія въ печати. Онъ не считаетъ необходимымъ занимать одиннадцатилѣтнихъ дѣтей разсѣченіемъ животныхъ съ помощію перочиннаго ножа, но начиная съ пятаго класса гимназіи онъ также совѣтуетъ приводить въ классъ животныхъ, дѣлать физіологическіе опыты, изслѣдовать кровь, желудочный сокъ, взвѣшивать растенія въ разные часы дня, изучать вліяніе на нихъ свѣта и т. под. Оба почтенные ученые мечтаютъ о превращеніи гимназіи, гдѣ учатся дѣти отъ 9 до 17 лѣтъ, въ анатомическую лабораторію и ботаническую мастерскую, и оба совсѣмъ забываютъ, что истинная школа опытнаго изслѣдованія природы вовсе не въ тѣхъ сравнительно менѣе совершенныхъ наукахъ, на которыхъ желали бы они основать дѣло развитія юныхъ умовъ.

№ 193.

Москва, 3-го сентября.

А.

Первымъ словомъ освобожденной печати да будетъ слово хвалы и благодаренія Монарху, полагающему свое счастіе въ томъ, чтобы видѣть русскій народъ „охраненнымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ.“ Отнынѣ печать наша находится на твердой почвѣ закона и не подлежитъ произволу, который и при самыхъ лучшихъ условіяхъ никогда не можетъ замѣнить то что называется законностію, то что называется справедливостію и въ чемъ состоитъ истинный смыслъ того что называется свободой. Свобода печати не есть интересъ какого-либо отдѣльнаго круга людей, занимающихся литературнымъ, книжнымъ или журнальнымъ дѣломъ; это великій интересъ цѣлой страны, это политическое право даруемое цѣлому народу. Въ наши государственныя и общественныя дѣла вносится начало публичности, и каждому предоставляется законное участіе въ дѣлахъ общаго интереса. Русское общественное мнѣніе впервые возводится на степень законной силы, и празднуетъ теперь свое политическое совершеннолѣтіе. О чемъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ можно было лишь мечтать, то совершается теперь живою дѣйствительностію. Общія основанія закона, дарующаго свободу нашей печати, очень широки. Но законъ есть только начало; остается желать, чтобъ исполненіе соотвѣтствовало благимъ намѣреніямъ закона. Какъ во всемъ, такъ и здѣсь, все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и условій, среди которыхъ законъ будетъ дѣйствовать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при благопріятныхъ условіяхъ, свобода окажетъ свое благотворное дѣйствіе; она облагородитъ и возвыситъ нашу общественную среду и сообщитъ нашей печати болѣе достойный характеръ и болѣе полезное значеніе.

Б.

Со времени нашего послѣдняго политическаго обозрѣнія, въ общемъ положеніи европейскихъ дѣлъ не произошло существенной перемѣны. Пруссія готовится воспользоваться плодами Гаштейнской конвенціи, не взирая ни на демонстраціи въ Копенгагенѣ со стороны датскихъ уроженцевъ Шлезвига, ни на протестъ, адресованный германскому сейму значительнымъ числомъ членовъ гольштейнскихъ чиновъ, и теперь же заявляетъ черезъ посредство министерской *Провинціяльной Корреспонденціи*, что ни отказывается ни отъ одного изъ своихъ февральскихъ требованій, и что, напротивъ, считаетъ Гаштейнскую конвенцію важнымъ шагомъ къ исполненію этихъ требованій путемъ соглашенія съ Австріей. Хотя, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Франція и Англія будто бы дали почувствовать, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, что онѣ не совсѣмъ довольны этою новою сдѣлкой между Австріей и Пруссіей, и что онѣ примиряются съ нею только благодаря временному ея характеру; однакоже, гораздо правдоподобнѣе то, что онѣ воздержались отъ заявленія какого бы то ни было неудовольствія: можно думать даже, что напротивъ, соглашеніе между Пруссіей и Австріей достигнуто не безъ участія Англіи, и что лордъ Непиръ не для того только пріѣзжалъ въ Гаштейнъ, чтобы подписать трактатъ съ Пруссіей о мореплаваніи,—трактатъ, который такъ легко могъ бы быть подписанъ и въ Берлинѣ. Во всякомъ случаѣ, если нынѣшнее сближеніе между Англіей и Франціей не имѣетъ значенія только демонстраціи въ отношеніи къ Соединеннымъ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, а состоялось въ виду

какихъ-либо европейскихъ дѣлъ, то можно быть увѣрену, что оно не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей угрозы для Пруссіи, и что оно можетъ быть для нея даже полезно, какъ узда для какихъ бы то ни было властолюбивыхъ видовъ Франціи на рейнскую границу. На этотъ счетъ г. фонъ-Бисмаркъ, по всему вѣроятію, совершенно спокоенъ: Англія употребитъ всевозможныя усилія, чтобы не допустить серіознаго столкновенія между Франціей и Пруссіей.

Замѣчательно, что сближеніе между двумя великими западными державами пользуется чуть ли не большимъ сочувствіемъ въ Англіи, гдѣ общественное мнѣніе съ удивительною чуткостью слѣдуетъ указаніямъ политическихъ вождей страны, чѣмъ во Франціи, гдѣ публика въ политическомъ отношеніи еще довольно невинна. Англійскіе журналы всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ дружнымъ хоромъ высказываются въ пользу сближенія, выставляя союзъ между Франціей и Англіей какъ лучшее ручательство за сохраненіе общаго мира и за успѣхъ идей цивилизаціи и прогресса на всемъ земномъ шарѣ и приправляя свою рѣчь, какъ это было и передъ послѣднею Восточною войной, различными комплиментами мудрости и умѣренности Наполеона III. Даже тѣ изъ политическихъ людей Англіи, какъ, напримѣръ, г. Робакъ, которые прежде при всякомъ случаѣ были готовы порицать политику императорской Франціи, теперь склоняются на ея пользу, и становятся проповѣдниками союза съ Наполеономъ III. При другихъ обстоятельствахъ обмѣнъ взаимныхъ посѣщеній между императоромъ Наполеономъ и королевою Исабеллой не преминулъ бы вызвать со стороны органовъ общественнаго мнѣнія Англіи нѣсколько неблагопріятныхъ отзывовъ объ идеѣ союза между народами латинской расы, подъ предводительствомъ Франціи; но теперь они молчатъ объ этой идеѣ, такъ какъ бы стремленіе къ ея осуществленію могло входить въ общій планъ обѣихъ западныхъ державъ. Нѣтъ сомнѣнія, что усилія французской политики клонятся къ тому, чтобы съ одной стороны, сблизить между собой Италію, Испанію и Португалію, а съ другой, чтобы подчинить ихъ французскому вліянію, и эти усилія не остаются безуспѣшны: Испанія уже признала королевство Италіянское, и готова вступить въ родственный союзъ какъ съ Савойскою династіей, такъ и съ португальскимъ Браганцскимъ домомъ, если справедливо извѣстіе о предстоящемъ будто бы бракосочетаніи между инфантиной Исабеллой и принцемъ Амедеемъ италіянскимъ; но точно также не можетъ быть сомнѣнія, что своимъ согласіемъ съ Англіей Франція никакъ не пожертвовала бы отдаленнымъ видамъ на осуществленіе латинскаго союза, и послѣдній, можетъ-быть, входитъ въ теперешніе ея разчеты только какъ средство сохранить за собой нѣкоторую независимость при сближеніи съ Англіей.

Это сближеніе, замѣчательнымъ образомъ, совпадаетъ по времени съ замѣшательствами на юго-востокѣ Европы и съ усиліями Австріи укрѣпиться именно съ этой стороны. Общее вниманіе начинаетъ все сильнѣе обращаться къ предѣламъ Турціи, и австрійскіе газеты уже прямо говорятъ, что если Австрія и потерпѣла пораженіе на Эльбѣ, то ей можетъ предстоять въ непродолжительномъ времени торжество на берегахъ Дуная. Хотя по вопросу о коллективномъ вмѣшательствѣ Европы въ дѣла румынскія и совокупномъ изслѣдованіи того, насколько князь Куза соблюдаетъ постановленія Парижскаго трактата, между Англіей и Франціей, какъ утверждаютъ, оказалось нѣкоторое разногласіе, и Англія присоединилась къ желанію Россіи, чтобъ это слѣдствіе состоялось; тѣмъ не менѣе, однакоже, именно по восточнымъ дѣламъ Англіи прописываютъ желаніе дѣйствовать заодно съ Франціей, и этимъ желаніемъ объясняютъ отозваніе сэръ-Генри Бульвера изъ Константинополя и замѣщеніе его лордомъ Ляйонсомъ, который былъ, если не ошибаемся, главнымъ начальникомъ морскихъ военныхъ силъ Англіи въ Черномъ морѣ во время Восточной войны. Если въ какомъ вопросѣ Англія и Франція могутъ дѣйствовать теперь въ согласіи между собой, то именно въ вопросѣ восточномъ, и какъ намъ кажется, общее положеніе дѣлъ въ Европѣ таково, что скорое пробужденіе этого вопроса становится весьма вѣроятнымъ: оно легко можетъ произойдти въ связи съ шлезвигъ-гольштейнскимъ и съ венеціянскимъ вопросами, которые не могутъ быть откладываемы въ слишкомъ дальній ящикъ и рѣшеніе которыхъ, повидимому, должно послѣдовать согласно съ желаніями Пруссіи и Италіи. Въ такомъ случаѣ Австрія,

вытѣсненная изъ Италіи и умаленная въ Германіи, будетъ принуждена искать себѣ вознагражденія на юго-востокѣ Европы, тѣмъ болѣе что она можетъ въ этомъ случаѣ разчитывать на общее содѣйствіе европейскихъ державъ, за единственнымъ исключеніемъ Россіи.

Внѣшнее положеніе всякой державы, и особенно великой державы, вполнѣ опредѣляется ея внутреннею силой, и до извѣстной степени служитъ ей мѣриломъ. Къ сожалѣнію, нельзя отрицать, что со времени Парижскаго мира 1856 года внѣшнее положеніе Россіи кажется болѣе слабымъ чѣмъ прежде. Что было обманчиваго въ прежнемъ наружномъ блескѣ ея международнаго положенія, то исчезло само собой послѣ крымской кампаніи, а для новаго проявленія внутренней силы не было путей и не представлялось повода, кромѣ польскаго мятежа, имѣющаго слишкомъ миніатюрное значеніе. Великая крестьянская реформа, въ противность ожиданіямъ иностранныхъ политиковъ, совершилась благополучно, но положеніе финансовъ еще оправдываетъ эти ожиданія, хотя уже скоро десять лѣтъ пройдетъ со времени Парижскаго мира. Всѣмъ этимъ отчасти объясняется, что Россія повидимому не имѣетъ того вѣса въ дѣлахъ Европы, какой нуженъ для политическаго равновѣсія Перемѣны, которыя произошли въ послѣднее время въ Европѣ, произошли не въ пользу Россіи. Соединеніе Дунайскихъ княжествъ подъ властью князя Кузы оказалось вреднымъ для интересовъ Россіи; изъ содѣйствія, оказаннаго Россіей Франціи въ борьбѣ ея противъ Австріи и въ дѣлѣ присоединенія Ниццы и Савойи, сама Россія не извлекла ни малѣйшей для себя пользы, а между тѣмъ эти событія доказали возможность безнаказаннаго нарушенія территоріяльнаго распорядка Европы, доставили торжество началу національностей, такъ нелѣпо и такъ фальшиво употребленному въ дѣло противъ насъ же въ польскомъ мятежѣ, и наконецъ, поставили Австрію въ необходимость, рано или поздно, искать себѣ вознагражденій на юго-востокѣ Европы. Напослѣдокъ, датско-германская война и дальнѣйшее развитіе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса принадлежатъ къ событіямъ, наиболѣе и прямо неблагопріятнымъ для Россіи. „С.-Петербургскій кабинетъ, сказано по этому поводу въ литографированной *Русской Корреспонденціи*, не долженъ былъ колебаться между весьма отдаленною и, можетъ-быть, только воображаемою опасностью созданія нѣмецкаго флота при входѣ въ Балтійское море и непосредственною и очень дѣйствительною опасностью неумѣстнаго вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла.“ Было время, однакоже, когда Россія имѣла возможность, не подвергая себя этой непосредственной опасности, отклонить и ту опасность, которая Богъ вѣсть почему кажется *Русской Корреспонденціи* такою отдаленною и даже только воображаемою. Это было въ 1850 году: Россія не была тогда сильнѣе внутри себя чѣмъ теперь, но она казалась болѣе сильною, и тогда достаточно было ея слова, чтобы разомъ положить конецъ всѣмъ замысламъ Пруссіи противъ цѣлости Датскаго королевства; теперь же, какъ сознается и *Русская Корреспонденція*, „Россія принуждена была допустить, что сосѣднее съ нею государство у самыхъ дверей ея полагаетъ основы морской военной силѣ, которая современемъ можетъ стать опасною. Это одна изъ тѣхъ необходимостей, продолжаетъ *Русская Корреспонденція*, которымъ бываютъ иногда принуждены подчиняться народы,“ и вслѣдъ затѣмъ, какъ бы въ объясненіе этой во всякомъ случаѣ прискорбной „необходимости,“ наша петербургская литографированная газета ссылается на великія внутреннія реформы, для совершенія которыхъ Россія прежде всего нуждается будто бы въ мирѣ.

Дѣйствительно, Россія, какъ и всякая другая страна, какъ и всякій другой народъ, но ни болѣе, ни менѣе, нуждается въ мирѣ. Эта потребность въ мирѣ ничуть не увеличивается отъ того, что внутри Россіи происходятъ великія реформы: великія реформы совершались въ Россіи при Петрѣ Великомъ и при Екатеринѣ II, въ то самое время какъ Россія громила Шведовъ и Турокъ и смиряла Поляковъ. Внѣшнія войны, вызванныя честью или пользою страны, напрягая силы народнаго духа и возвышая уровень народной жизни, нерѣдко способствуютъ совершенію великихъ внутреннихъ реформъ, и съ самаго начала даютъ имъ наиболѣе благотворное направленіе. Притомъ же великія реформы, которыя совершаются въ Россіи, безъ сомнѣнія, клонятся къ ея усиленію и возвеличенію, а не къ тому чтобъ она принуждена была желать мира во что бы то

ни стало, и изъ желанія мира допускать то что̀ современемъ можетъ стать для нея вредно или опасно. Россія, какъ и всякая другая держава, нуждается въ мирѣ, но въ мирѣ почетномъ, въ мирѣ, который не былъ бы ни унизителенъ, ни противенъ ея интересамъ, который заключалъ бы въ себѣ условія прочности и не былъ бы преддверіемъ войны. Миролюбіе Россіи, какъ великой державы, можетъ заключаться не въ готовности допускать какія бы то ни было перемѣны въ Европѣ, хотя бы онѣ были несогласны съ ея честью или съ ея интересами, а только въ искреннемъ отреченіи отъ всякихъ замысловъ относительно расширенія собственныхъ предѣловъ въ Европѣ, или относительно какихъ бы то ни было перемѣнъ въ состояніи другихъ государствъ. Всякое другое миролюбіе было бы признакомъ безсилія, а безсиліе, которое можетъ проистекать единственно отъ внутренней безурядицы, не терпится въ политическомъ мірѣ, и ни въ какомъ случаѣ не ограждаетъ общаго мира, а только подаетъ поводъ къ его нарушенію. Держава, которая обнаружила бы наклонность смиренно терпѣть обиды и допускать такія перемѣны, которыя современемъ могли бы быть для нея вредны, должна быть вполнѣ увѣрена, что со всѣхъ сторонъ подвергнется самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ. Миролюбіе Россіи никогда не можетъ быть такого рода, и она доказала это въ 1863 году, во время дипломатическаго напора на нее цѣлой Европы. Если въ настоящее время она сосредоточивается внутри себя самой для совершенія необходимыхъ внутреннихъ преобразованій, то, конечно, отнюдь не съ тѣмъ чтобы другія державы пользовались этимъ временемъ и устраивали между собой дѣла всемірной важности безъ участія Россіи и въ ущербъ ей. Миролюбіе Россіи никоимъ образомъ не можетъ простираться до готовности допускать какія бы то ни было перемѣны въ Европѣ, и особенно на юго-востокѣ Европы, гдѣ замѣшаны и ея честь, и существеннѣйшіе интересы всего ея будущаго.

№ 194.

Москва, 4-го сентября.

Ниже, въ Послѣдней Почтѣ, мы сообщаемъ извѣстія, что 15-го августа былъ объявленъ въ Тифлисѣ Рескриптъ Его Императорскаго Высочества Намѣстника, на имя генералъ-адъютанта князя Орбеліани, напечатанный нами третьяго дня. Такимъ образомъ можно считать покончennымъ это дѣло, не имѣвшее въ сущности политическаго значенія и принявшее серіозные размѣры единственно потому, что буйная толпа въ продолженіе цѣлаго дня 27-го іюня имѣла возможность ходить изъ одного конца города въ другой, производя безчинство и не встрѣчая препятствій. Благомыслящіе люди въ Тифлисѣ будутъ довольны тѣмъ окончаніемъ дѣла, которое нынѣ дано ему; ихъ желанія ограничатся теперь тѣмъ, чтобы причины и обстоятельства безпорядковъ были раскрыты вполнѣ и правдиво доведены до свѣдѣнія Августѣйшаго Намѣстника. Были-ли какія-либо существенныя причины народнаго раздраженія противъ городскаго головы и въ особенности противъ тифлисскаго губернатора? Съ какой стороны были сдѣланы попытки воспользоваться этимъ раздраженіемъ для возбужденія безпорядковъ? Гдѣ были напечатаны, кѣмъ были распространяемы объявленія о назначеніи налоговъ на куръ, на кушаки и т. п.? Въ самомъ волненіи не было, какъ можно заключать по многимъ признакамъ, ничего политическаго, но тѣ лица, которыми были напечатаны помянутыя объявленія, должны были руководиться какими-нибудь иными побужденіями, кромѣ неудовольствія на дороговизну мостовыхъ и вообще на городское хозяйство; они должны были руководиться политическимъ зложелательствомъ.

Намъ уже приходилось говорить о нѣкоторыхъ печальныхъ симптомахъ въ дѣлахъ Закавказья. Существованіе этихъ симптомовъ отрицать невозможно, хотя невозможно и видѣть въ нихъ что-либо уже теперь опасное. Въ мѣстныхъ условіяхъ нѣтъ никакихъ элементовъ для политическаго броженія, и если по временамъ оказываются его признаки, то въ нихъ обнаруживается лишь наше общее болѣзненное состояніе, и притомъ болѣзненное состояніе не только послѣднихъ лѣтъ, но и эпохи гораздо болѣе продолжительной. Тамъ такъ же какъ и во всѣхъ частяхъ Россіи, настоящему поколѣнію приходится расплачиваться и за свои ошибки, и за ошибки отцовъ своихъ. Было время,—пока еще весьма не далекое,—когда между Русскими и инородцами Закавказья не было недоразумѣній. Рус-

ская національность занимала неоспоримо первенствующее положеніе въ краѣ, и всѣ находили это естественнымъ, потому что русскою силой извлеченъ этотъ край изъ внутреннѣй анархіи и полудикаго быта; ею водворена въ немъ безопасность; русскою кровью возрожденъ онъ къ новой жизни, и только въ единеніи съ Россіей открываются для него пути цивилизаціи и благосостоянія. Русскіе приносили съ собою въ этотъ край свое природное добродушіе, и плотно сближались съ туземцами. Простолюдинъ изъ Армянъ, Грузинъ и даже изъ Мусульманъ восточнаго Закавказья, любитъ русскаго солдата и несравненно болѣе довѣряетъ русскому начальнику чѣмъ всякому другому; русскій языкъ быстро водворяется въ закавказскихъ населеніяхъ, и въ Тифлисѣ, въ простомъ народѣ, почти каждый ребенокъ говоритъ по-русски, чего еще 15 лѣтъ тому назадъ не было. Таковъ естественный ходъ дѣлъ, опредѣляемый силой вещей, и онъ господствовалъ бы безраздѣльно, еслибы не собственныя наши ошибки...

Если вникнуть въ корень этихъ ошибокъ, то ихъ нельзя не возвести къ одной главной причинѣ,—къ слабости національнаго духа въ нашей внутренней политикѣ. Чѣмъ болѣе всматриваться въ дѣло, тѣмъ болѣе будетъ обнаруживаться все пагубное, все отравляющее дѣйствіе этой причины на нашъ государственный организмъ. Подъ ея вліяніемъ возникла мысль, что надобно искусственными средствами привлекать туземцевъ въ службу, и не только награждать ихъ дѣйствительныя заслуги, но и оказывать имъ любезности единственно потому, что они не Русскіе, а туземцы. Отсюда же возникла мысль, что надобно усиливать не русское коренное дворянство внутреннихъ губерній, а инородческое дворянство окраинъ, что надобно даже создавать мѣстное дворянство въ тѣхъ окраинахъ, гдѣ его мало, и членамъ этого новосозданнаго дворянства оказывать предпочтеніе предъ Русскими, вперяя въ него взглядъ, что оно само должно у себя считаться хозяиномъ. Мѣры эти вовсе не вызывались требованіями или желаніями большинства мѣстнаго народонаселенія. Напротивъ, большинство народонаселенія вездѣ страдало отъ этихъ мѣръ, а въ Закавказьѣ само дворянство роптало, видя, что въ ровень съ нимъ ставятъ людей новыхъ; населенія, покорившіяся Россіи и охотно повиновавшіяся Русскимъ, долго не могли слиться съ обязанностью признавать иноплеменныхъ имъ туземцевъ за своихъ начальниковъ. Для чего же нужны были эти непопулярныя и неумѣстныя мѣры? Ни для чего иного, какъ для осуществленія входившихъ тогда въ моду теорій. Князь Воронцовъ былъ государственный человѣкъ, просвѣщенный и благонамѣренный, смотрѣвшій далеко, какъ показываютъ его заботы о проведеніи южной желѣзной дороги, но въ его умѣ не было мѣста для того, что̀ называется національною политикой. Онъ самъ не чувствовалъ себя Русскимъ; либерализмъ могъ сказываться въ немъ пренебреженіемъ къ русскому имени. Гдѣ ни управлялъ онъ, вездѣ оставлялъ онъ по себѣ сѣмена неурядицы. Своими мѣрами въ родѣ сооруженія великолѣпной мечети близъ своего дома въ Алупкѣ (маленькая православная церковь пріютилась поодаль) онъ довелъ даже крымскихъ Татаръ до того, что они съ гордостью говорили: „Я не Русскій, а Татаринъ.“ Эту же самую правительственную систему приложилъ онъ къ новому краю ему ввѣренному, и одною изъ первыхъ его мѣръ было учрежденіе (на казенныя деньги, конечно) армянскаго журнала.

Послѣдствія этой системы у насъ передъ глазами. Она широко развилась на всемъ пространствѣ Русскаго государства и отразилась во всѣхъ частяхъ управленія. Вездѣ, гдѣ только отыскивался какой-нибудь инородческій элементъ, въ немъ возбуждали стремленія къ отдѣльной жизни; въ немъ вызывали фальшивое и пагубное для него и для государства чувство превосходства надъ русскимъ народомъ. Русское становилось синонимомъ всего дурнаго, униженнаго, обиженнаго.

Кому неизвѣстно, что до утвержденія Русскихъ за Кавказомъ тамъ не только не существовало цивилизаціи, но и простой безопасности, не только высшихъ, въ сравненіи съ русскою, формъ правленія, но и чего-нибудь похожаго на правильную администрацію? Кому неизвѣстно, что первая школа устроенная за Кавказомъ, устроена русскимъ правительствомъ, что до прибытія Русскихъ тамъ не было ни дорогъ, ни торговли, что съ небольшимъ полстолѣтія тому назадъ тамошнее сельское народонаселеніе находилось почти въ положеніи кочевниковъ и при первомъ извѣстіи о вторженіи Лезгинъ, Персіянъ или

Турокъ, бросало свои жилища и уходило въ лѣса и горы?... Все что есть похожаго на цивилизацію въ этомъ краѣ, есть слѣдовательно результатъ и твореніе русскаго господства; всѣмъ, начиная отъ неприкосновенности религіи и безопасности имущественной и личной, съ существующаго на Ріонѣ пароходства и до работъ на строящейся желѣзной дорогѣ, закавказскій край обязанъ русскому владычеству, русской цивилизаціи.

И между тѣмъ, что же мы замѣчаемъ? Между туземною молодежью образовались кружки, въ которыхъ въ сильномъ ходу мысль о самостоятельномъ существованіи грузинскаго, армянскаго и даже мусульманскаго царства; императоръ Наполеонъ, покровитель идеи національности, пользуется между ними большою популярностію, и многіе изъ нихъ въ послѣднее время стали давать его имя своимъ дѣтямъ; многіе вспоминаютъ, какъ что-то серіозное, нелѣпый заговоръ двадцатыхъ годовъ, вызванный также тогдашнею политикой покровительства окраинамъ. Недавно воспитанники Кутаисской гимназіи заявляли желаніе, чтобы преподаваніе въ ней производилось на грузинскомъ языкѣ, и чтобы директоръ, инспекторъ и учителя были не иначе какъ туземцами. Армяне изъ-подъ руки интригуютъ чтобы въ Тифлисской гимназіи то же преимущество оказано было армянскому языку; въ Самурзаканскомъ округѣ, на западномъ Кавказѣ, Общество Распространенія Христіанства, располагающее весьма значительными и притомъ чисто русскими средствами, почти во всѣхъ учрежденныхъ имъ школахъ ввело преподаваніе не только не на русскомъ языкѣ, знать который, какъ уже сказано, очень желаютъ туземцы изъ простонародія, но даже не на мѣстномъ нарѣчіи, а на грузинскомъ языкѣ, который не можетъ принести никакой пользы Абхазамъ Самурзаканскаго округа и котораго право въ этомъ случаѣ не можетъ основываться даже на томъ, что тифлисскій губернскій предводитель дворянства считаетъ себя въ правѣ титуловаться предводителемъ грузинскаго дворянства.

О положеніи дѣлъ въ Закавказьѣ имѣемъ мы свѣдѣнія изъ мѣстныхъ источниковъ, подозрѣвать которые въ пристрастіи или умышленномъ искаженіи фактовъ мы не имѣемъ права. Считаемъ долгомъ засвидѣтельствовать, что всѣ эти свѣдѣнія исполнены выраженій сочувствія и преданности Августѣйшему Намѣстнику, призванному бороться съ печальными происходящими тамъ явленіями. Идеи и стремленія, разсадникомъ которыхъ служатъ въ продолженіе многихъ уже лѣтъ наши казенныя школы, дали въ Закавказскомъ краѣ ростки, тѣмъ болѣе уродливые что они вышли изъ полудикой почвы. Къ прискорбію, это несомнѣнно, такъ же какъ несомнѣнно, что польская революціонная анархія эксплуатируетъ ихъ тамъ, какъ и вездѣ, въ свою пользу. Намъ сообщаютъ за вѣрное, что именно закавказскіе Поляки руководительствуютъ тѣми кружками, въ которыхъ подростаютъ *молодая Грузія* и *молодая Арменія*, и что въ особенности на послѣднюю направлено вниманіе польскихъ крамольниковъ. Въ этихъ кружкахъ уже въ 1863 г. явно высказывалось сочувствіе польскому возстанію, и нѣкоторые изъ московскихъ Армянъ подверглись въ бытность свою тогда въ Тифлисѣ сильнымъ нападкамъ за выраженное ими русское патріотическое чувство: ихъ увѣряли, что порицать Поляковъ значитъ измѣнять Армянамъ, что Поляки—народъ Армянамъ родственный по своему происхожденію, что Закавказье земля болѣе польская чѣмъ русская, что потому-то въ Россіи календарь выдается только русскій, а въ Тифлисѣ на двухъ языкахъ, русскомъ и польскомъ, и наконецъ что въ тифлисскомъ военномъ училищѣ будто бы отъ самого начальства воспитанникамъ запрещено и читать *Московскія Вѣдомости*, на которыя московскіе Армяне наивно ссылались въ свою защиту. Какъ все это похоже на продѣлки, коротко знакомыя! Не къ этимъ ли продѣлкамъ слѣдуетъ отнести и то, что при безпорядкахъ бывшихъ въ Тифлисѣ 27-го и 28-го іюня обнаружились нѣкоторыя обстоятельства свойственныя революціонной практикѣ западной Европы, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ разбрасываемы были печатные листки, на армянскомъ языкѣ, представлявшіе вводимую систему налоговъ въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ, что въ первый день безпорядковъ, какъ намъ пишутъ, оружіе мятежниковъ было спрятано у нихъ подъ платьемъ, вопреки мѣстному обыкновенію, потому что, говорили имъ руководители, *въ безоружныхъ стрѣлять не станутъ?*...

№ 195.

Москва, 6-го сентября.

Совершенно новое положеніе, въ которомъ теперь очутилась наша печать, вызываетъ разныя размышленія и соображенія, и прежде всего возникаетъ вопросъ о правительственныхъ субсидіяхъ, получаемыхъ политическими органами. Свобода печати можетъ потерять значеніе при системѣ субсидій выдаваемыхъ изъ государственнаго казначейства той или другой частной газетѣ, касающейся политическихъ предметовъ. Государственною властью можетъ быть допускаемо или недопускаемо развитіе тѣхъ или другихъ мнѣній, существованіе той или другой партій, заявленіе того или другаго интереса; но въ предѣлахъ дозволяемыхъ и ограждаемыхъ закономъ, правительство не можетъ, безъ нарушенія справедливости, вмѣшиваться въ состязаніе противоположныхъ мнѣній, поддерживая, подкрѣпляя и усиливая одни въ ущербъ другимъ. Стѣснять и подавлять то что имѣетъ законное право на существованіе,—справедливо ли это? А не все ли равно стѣснять и подавлять непосредственно, или вступая въ союзъ съ противною партіей, вооружая и подкрѣпляя ее на государственный счетъ? Имѣется въ виду порядокъ, основанный, на твердомъ законѣ и справедливости; всѣ великія преобразованія совершенныя нынѣ въ нашемъ отечествѣ клонятся къ этой цѣли. Народъ нашъ, въ своемъ развитіи, долженъ быть охраненъ твердымъ закономъ и ненарушимымъ правосудіемъ,—вотъ дорогія слова, слышанныя нами съ высоты трона и благодарно запечатлѣвшіяся въ сердцѣ каждаго Русскаго. Всякій интересъ, не противный государственной пользѣ, всякое законное право, всякое мнѣніе, согласное съ признанными и охраняемыми основами общественнаго порядка, не только не могутъ быть притѣсняемы и подавляемы правительственною силой, но должны быть ограждаемы твердымъ закономъ отъ произвола и насилія. Въ видахъ справедливости и законности, печати, какъ выраженію разныхъ общественныхъ и личныхъ интересовъ и мнѣній, предоставляется свобода и самоотвѣтственность. Но всякій согласится, что система субсидій заключаетъ въ себѣ не только возможность нарушенія справедливости, но уже есть дѣйствительное нарушеніе справедливости, коль скоро правительствомъ поддерживается и усиливается одно мнѣніе въ борьбѣ съ другимъ, не менѣе, если не болѣе, законнымъ.

Въ нашей газетѣ хотятъ видѣть органъ партіи, которую называютъ русскою, ультра-русскою, исключительно-русскою. Мы предоставляемъ всякому судить, въ какой мѣрѣ можетъ идти рѣчь о русской партіи въ Россіи. Принадлежать къ русской партіи въ Россіи, не значитъ ли одно и тоже, что быть русскимъ подданнымъ, быть гражданиномъ русскаго государства? Служить органомъ для русскихъ интересовъ, не есть ли это обязанность всякаго русскаго политическаго органа? Мы отнюдь не думаемъ, чтобы кто-нибудь въ Россіи могъ претендовать на исключительную честь быть органомъ русскихъ интересовъ. Всякому предоставлено это право или, лучше сказать, на всякомъ лежитъ эта обязанность. Мы исполняемъ эту обязанность какъ умѣемъ, предоставляя другимъ исполнять ее лучше. Съ разныхъ сторонъ обвиняютъ насъ въ разныхъ недостаткахъ и порокахъ; но мы никому не мѣшаемъ быть лучше, умнѣе и добродѣтельнѣе насъ. Мы не ставимъ себѣ въ заслугу то что намъ, русскимъ людямъ, досталась честь прослыть органомъ русскихъ интересовъ въ Россіи, и стать предметомъ ожесточенныхъ нападеній съ разныхъ сторонъ враждебныхъ этимъ интересамъ. Мы дѣйствительно находимся въ положеніи болѣе или менѣе исключительномъ,—но тутъ нѣтъ ни заслуги, ни вины съ нашей стороны: это дѣло обстоятельствъ, созданныхъ не нами. Мы дѣйствительно не принадлежимъ ни къ какой партіи, кромѣ той, которую называютъ русскою, то-есть въ сущности ни къ какой. Ни въ одномъ изъ тѣхъ интересовъ, которые намъ доводится защищать дурно ли хорошо ли, мы дѣйствительно не имѣемъ никакой своей частной доли; ни съ однимъ изъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ, въ обсужденіи которыхъ мы участвуемъ наравнѣ со всѣми, не соединяется для насъ никакого личнаго честолюбія. Мы лично ничего не выигрываемъ, точно также какъ ничего не проигрываемъ вслѣдствіе такого или другаго рѣшенія того или другаго вопроса по русскимъ дѣламъ. Стеченіемъ обстоятельствъ совершенно случайныхъ мы очутились у нашего нынѣшняго дѣла. Мы не предназначали себя къ журнальной дѣя-

тельности, и ежеминутно готовы покинуть ее, какъ только потребовали бы того обстоятельства, или какъ только убѣдились бы мы, что дѣятельность наша безполезна и безплодна или, чего Боже сохрани причиняетъ вредъ и смуту. Мы не сѣтуемъ на вражду, которую мы встрѣчаемъ въ столькихъ лагеряхъ; мы не сѣтуемъ на злословіе и ругательства, которымъ мы отовсюду подвергаемся. Мы нисколько не считали бы себя въ правѣ жаловаться, еслибы какія бы то ни было партіи имѣли въ Россіи свои органы и оспаривали насъ каждая съ своей точки зрѣнія и въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Мы были бы даже рады, еслибы напримѣръ польскіе интересы могли открыто высказываться въ самой Россіи. Но можно ли было бы счесть явленіемъ нормальнымъ, еслибы органы для нихъ создавались средствами русскаго государства?

Мы не будемъ теперь разбирать и оцѣнивать направленіе петербургской газеты *Голосъ*. Пусть это будетъ органъ наиболѣе соотвѣтствующій видамъ правительства вообще, либо нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ въ частности,—пусть государственныя пособія, которымъ этотъ листокъ обязанъ своимъ и происхожденіемъ и поддержкою своего существованія, употребляются въ этомъ случаѣ наиполезнѣйшимъ образомъ: мы только спрашиваемъ, зачѣмъ эта газета таитъ свое происхожденіе, скрываетъ свой характеръ, отпирается отъ получаемыхъ ею пособій, и наконецъ, съ дозволенія цензуры, позволила себѣ назвать ложью заявленіе этого факта. Другая петербургская газета, *Биржевыя Вѣдомости*, получаетъ тоже субсидіи и не скрываетъ этого: дѣло это явное. Всѣмъ извѣстны также и тѣ услуги, къ которымъ обязалось это изданіе, и за которыя оно получаетъ правительственную поддержку. Если во всякомъ случаѣ можно спросить, почему то или другое правительственное вѣдомство избрало своимъ органомъ это изданіе, почему своею поддержкой оно дастъ форсированный ходъ мнѣніямъ, которыя въ немъ высказываются, то по крайней мѣрѣ, благодаря явнымъ и опредѣленнымъ отношеніямъ, дѣло имѣетъ благовидный характеръ. Вѣдомство или правительственное лицо, *явно* покровительствующее изданію придавая форсированный ходъ какимъ-либо частнымъ мнѣніямъ, можетъ все-таки удерживать выраженіе ихъ въ предѣлахъ нѣкоторой умѣренности. Но къ какой категоріи можетъ быть отнесено явленіе, такъ недавно происходившее передъ публикой? Къ какому разряду явленій должны мы отнести газету, которая, получая правительственную поддержку и притомъ столь значительную, что получаемыхъ ею денегъ достало бы на преобразованіе гимназій цѣлаго учебнаго округа, позволяетъ себѣ отпираться отъ ней, передъ лицомъ самого правительства, какъ отъ позора и безчестія?

Голосъ оскорбляется, какъ крайнимъ безчестіемъ, всякимъ намекомъ на фактъ своего происхожденія, называя ложью наши вѣрныя показанія о получаемыхъ ею субсидіяхъ и сопоставляетъ эти показанія съ сообщеннымъ въ нашей же газетѣ свѣдѣніемъ о поджигателяхъ изловленныхъ въ городѣ Слонимѣ. Корреспондентъ изъ Слонима сообщилъ намъ подробности о захваченныхъ въ этомъ городѣ преступникахъ. Свѣдѣнія эти встрѣтили возраженіе въ мѣстной офиціяльной газетѣ, именно въ *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*. Возраженіе это было съ торжествомъ перепечатано во всѣхъ петербургскихъ газетахъ; мы также перепечатали его въ нашихъ столбцахъ, хотя имѣли основанія сомнѣваться въ его основательности. Послѣ того мы получили свѣдѣнія, которыя подтверждаютъ достовѣрность свѣдѣній сообщенныхъ нашимъ корреспондентомъ, и мы пользуемся свободою предоставленною печати, чтобы заявить объ этомъ фактѣ и снять съ себя укоръ въ неточности сообщенныхъ нами свѣдѣній. Мы утверждаемъ, что дѣло въ Слонимѣ происходило такъ какъ было заявлено въ нашей газетѣ. Пусть будетъ произведено слѣдствіе: дѣло заслуживаетъ полнаго вниманія правительства и, конечно, не лишено интереса для общества. Пусть также будетъ произведено слѣдствіе и по дѣлу газеты *Голосъ*: и это дѣло заслуживаетъ вниманія, и не лишено интереса,— интереса гораздо болѣе значительнаго чѣмъ могло бы казаться съ перваго взгляда.

Эта же самая газета, называя наши показанія относительно получаемыхъ ею субсидій клеветою, дѣлаетъ встрѣчныя показанія, и свидѣтельствуетъ, что если мы, издатели *Московскихъ Вѣдомостей*, не получаемъ субсидій, то вовсе не потому что не хотѣли получать ихъ, а потому

что намъ было въ нихъ отказано. Газета *Голосъ* заявляла, что въ публикѣ распространено мнѣніе о ея офиціозномъ характерѣ; стало-быть, публика можетъ заключить, что сдѣланное этою газетой показаніе происходитъ изъ какой-нибудь административной среды, а потому не лишено нѣкотораго серіознаго значенія. Вотъ почему мы не можемъ оставить этотъ намекъ безъ объясненія, которое можемъ представить благодаря той свободѣ, которая дана нашей печати, ограждаемой отнынѣ твердымъ закономъ и правосудіемъ.

Полученіе правительственной субсидіи не есть само по себѣ безчестіе. Безчестнымъ можетъ становиться это дѣло только въ томъ случаѣ, когда есть серіозныя и побудительныя причины стыдиться получаемой субсидіи и скрывать ее. Еслибы мы получали вспомоществованіе изъ казны, то, надѣемся, мы не находились бы въ такомъ положеніи, которое вынуждало бы насъ скрывать это обстоятельство.

Вмѣсто того чтобы разсыпаться въ отрицаніяхъ, требовать у *Голоса* доказательствъ и уличать его въ лжесвидѣтельствѣ, мы поступимъ, какъ намъ кажется лучше, если оставимъ его въ сторонѣ, и изложимъ обстоятельства, сопровождавшія поступленіе *Московскихъ Вѣдомостей* въ наши руки.

Послѣ того какъ состоялись въ Московскомъ университетѣ торги передавшіе въ наши руки изданіе *Московскихъ Вѣдомостей*, прибылъ въ Москву, для утвержденія заключеннаго нами съ университетомъ контракта, тогдашній товарищъ министра народнаго просвѣщенія, баронъ Николаи. По окончаніи всѣхъ формальностей, баронъ Николаи, равно какъ и прибывшій въ одно время съ нимъ тогдашній предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета, тайный совѣтникъ Цеэ, изъявили намъ, по порученію г. министра народнаго просвѣщенія, сожалѣнія его, что условія, предложенныя нами университету, слишкомъ велики, и опасенія, чтобы наше изданіе не изнемогло подъ ихъ тяжестію. Намъ было затѣмъ сказано, что г. министръ желалъ бы сдѣлать для насъ что-либо существенно полезное. Такъ какъ, сказано было намъ далѣе, условія предложенныя нами казнѣ почти вдвое превышаютъ доходъ, который она получала съ *Московскихъ Вѣдомостей* и Университетской типографіи, то, по мнѣнію г. министра народнаго просвѣщенія, было бы справедливо, чтобы казна сдѣлала *Московскимъ Вѣдомостямъ* уступку въ платѣ за разсылку газеты по почтѣ. Вмѣсто трехъ рублей слѣдующихъ съ каждаго посылаемаго по почтѣ экземпляра газеты, г. министръ народнаго просвѣщенія, чрезъ обоихъ вышепоименованныхъ лицъ, вызывался ходатайствовать объ уступкѣ намъ изъ этой платы двухъ рублей съ экземпляра, что возвращало бы намъ изъ казны чрезъ почтовое вѣдомство значительную часть той суммы, которую мы обязались вносить въ казну чрезъ университетъ. Чѣмъ выгоднѣе было для насъ это предложеніе, тѣмъ менѣе могли мы принять его, не имѣя ни малѣйшаго права на уступку изъ суммы, которую мы обязались вносить за право пріобрѣтенное нами вслѣдствіе публичнаго состязанія. А потому, въ общихъ чертахъ, изъявивъ признательность за участіе, мы рѣшительно отклонили сдѣланное намъ предложеніе, о которомъ, кромѣ упомянутыхъ лицъ, сообщалъ намъ также и тогдашній попечитель Московскаго учебнаго округа. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, г. министръ народнаго просвѣщенія, въ бытность свою въ Москвѣ, лично обращался къ намъ съ другимъ предложеніемъ—открыть въ нашей газетѣ педагогическій отдѣлъ, вызываясь присылать намъ для помѣщенія въ этомъ отдѣлѣ разныя статьи, между прочимъ отчеты лицъ отправляемыхъ министерствомъ за границу для изученія педагогическаго дѣла; причемъ было намъ сказано, что такъ какъ этотъ отдѣлъ придалъ бы нашей газетѣ особенное значеніе для вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, то оно закупало бы ежегодно отъ 2000 до 2500 экземпляровъ для разсылки по учебнымъ заведеніямъ. Принять это обязательное предложеніе мы точно также сочли себя не въ правѣ.

Вотъ какъ мы искали субсидій, и вотъ какъ намъ было отказано, въ нихъ.

Въ предложеніяхъ, которыя намъ дѣлались правительственнымъ лицомъ, мы не видѣли ничего оскорбительнаго для себя; напротивъ, мы принимали ихъ за выраженіе добраго расположенія къ намъ. Но предложенія эти тѣмъ не менѣе не могли быть нами приняты.

Между первыми и вторыми предложеніями, г. министръ народнаго просвѣщенія настоятельно просилъ насъ указать на ка-

кія-либо неудобства, которыя могутъ встрѣтить наше изданіе со стороны разныхъ административныхъ вѣдомствъ, вызываясь сдѣлать всевозможное для устраненія ихъ. Неудобствъ предстояло очень много, и дѣйствительно въ началѣ намъ приходилось бороться съ затрудненіями, которыя могли сдѣлать насъ несостоятельными передъ публикой. То что называется правильнымъ *service public* у насъ до послѣдняго времени не существовало даже и въ понятіяхъ. Потребности частныхъ лицъ, которыхъ удовлетвореніе зависитъ отъ разныхъ административныхъ вѣдомствъ, рѣдко принимались за что-либо серіозное, а между тѣмъ правильное изданіе газеты требуетъ правильнаго исполненія тѣхъ обязательствъ, которыя принимаетъ на себя администрація за установленную плату. Газета не могла бы идти, если бы телеграфное управленіе не доставляло ей правильно телеграммъ, еслибы почта не доставляла ей правильно выписываемыхъ ею изданій, или еслибы почта не разсылала правильно ея экземпляровъ подпищикамъ. Телеграммы обходятся московской газетѣ почти вчетверо дороже чѣмъ петербургскимъ, но мы, несмотря на наши хлопоты, не были обезпечены въ правильномъ ихъ полученіи, и только въ нынѣшнемъ году они перестали залеживаться на петербургской станціи, благодаря общему улучшенію телеграфнаго сообщенія между обѣими столицами. Точно также намъ нужно было хлопотать чтобы пакетъ съ выписываемыми нами газетами могъ получаться нами не въ два-три часа пополудни, а утромъ, прямо изъ вагона, черезъ нашего нарочнаго. Первоначально *Московскія Вѣдомости* предполагалось выпускать вечеромъ, а потому редакція должна была хлопотать о томъ, чтобъ ей самой была предоставлена задѣлка постъ-пакетовъ съ газетой и доставка ихъ прямо на станціи желѣзныхъ дорогъ и въ такъ-называемую протокольную экспедицію почтамта, мимо газетной экспедиціи, которой работу мы принимали на себя. Г. министръ народнаго просвѣщенія, входившій во всѣ подробности, предложилъ намъ оказать свое содѣйствіе по послѣднему затрудненію. А такъ какъ задѣлка постъ-пакетовъ и доставка ихъ по мѣрѣ отхода почтъ сопряжены съ издержками, которыя лежали на обязанности почтамта, то г. министръ народнаго просвѣщенія находилъ справедливымъ, чтобъ эти издержки, впрочемъ весьма незначительныя, были вычтены изъ платы, вносимой въ почтамтъ, то-есть чтобы плата, вносимая нами въ пользу почтъ была уменьшена на столько, на сколько, уменьшатся дѣйствительныя издержки газетной экспедиціи, о чемъ и взялся ходатайствовать. Спустя два или три мѣсяца послѣ того, мы получили отзывъ почтоваго департамента,—отзывъ, изъ котораго мы узнали, что мы входили къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой ходатайствовать о вышесказанномъ вычетѣ. Департаментъ, предоставляя намъ право самимъ задѣлывать наши пакеты и доставлять ихъ какъ намъ было нужно, объяснилъ, что вычетъ этотъ не можетъ быть сдѣланъ въ смыслѣ удовлетворенія законной претензіи (такъ какъ отпускавшіяся на содержаніе газетной экспедиціи суммы, по незначительности своей не могутъ быть сокращены), а развѣ только въ смыслѣ льготы, какая дѣлается со стороны правительства нѣкоторымъ изданіямъ въ уваженіе ихъ благонамѣреннаго направленія, и какой, по справедливому заключенію почтоваго департамента, мы не могли бы принять, дорожа своею независимостію. Тогда же, въ отвѣтѣ нашемъ къ г. директору почтоваго департамента, мы, благодаря за предоставленное намъ право и за доброе мнѣніе о насъ, сочли своимъ долгомъ объяснить въ точности какъ было дѣло.

Въ заключеніе, и для полноты обзора, намъ остается сказать то что уже давно извѣстно публикѣ. Въ іюнѣ 1863 года было сдѣлано намъ, со стороны г. министра народнаго просвѣщенія, предложеніе собрать наши передовыя статьи и издать ихъ особою книгой, которую предполагалось купить у насъ въ числѣ тысячи двухсотъ экземпляровъ для разсылки по учебнымъ заведеніямъ,—предложеніе, которымъ равномѣрно не сочли мы себя въ правѣ воспользоваться.

Вотъ краткая, но вѣрная и полная исторія субсидій, которыхъ мы просили и въ которыхъ намъ отказывали.

№ 196.

Москва, 7-го сентября.

Итакъ Франція и Англія не молча приняли заявленіе Берлинскаго и Вѣнскаго

кабинетовъ о состоявшейся между ними Гаштейнской сдѣлкѣ, какъ было утверждаемо въ прусскихъ газетахъ, а отвѣчали на это заявленіе депешами, въ которыхъ почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ высказали свое неодобреніе. Французскому и англійскому министрамъ иностранныхъ дѣлъ не было надобности въ особенномъ остроуміи для того чтобы показать, до какой степени этотъ раздѣлъ военной добычи между обѣими великими нѣмецкими державами состоитъ въ противорѣчіи съ желаніями населеній Шлезвига и Гольштейна, съ правами претендентовъ, съ требованіями значительнаго числа членовъ Германскаго Союза, наконецъ, съ объявленіями самыхъ кабинетовъ Берлинскаго и Вѣнскаго, которыми они, въ свое время, старались оправдать неправую войну, начатую ими противъ государства, неизмѣримо слабѣйшаго. Все это, какъ увѣряютъ, высказано въ депешахъ французской и англійской, и все это было какъ нельзя легче высказать. Но самый фактъ существованія этихъ почти тождественныхъ депешъ не лишенъ интереса: онъ имѣетъ безспорно нѣкоторую важность при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Вѣрить ли тому, что и Англія готова не говорить только, но и дѣйствовать заодно съ Франціей противъ властолюбивыхъ видовъ Пруссіи по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, — Англія, которую можно было не безъ нѣкотораго основанія заподозрить даже въ содѣйствіи соглашенію между Пруссіей и Австріей, состоявшемуся въ Гаштейнѣ? Или депеша лорда Росселя, напечатанная третьяго дня въ *Indépendance belge*, не болѣе какъ дешевое краснорѣчіе, далѣе котораго Англія ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ по этому дѣлу? Англія была сильно взволнована возможностью разрыва между Пруссіей и Австріей, и какъ многіе полагаютъ, употребила всѣ усилія, чтобъ уладить между ними дѣло; ужь не самая ли возможность подобнаго разрыва, пораждаемая властолюбіемъ Пруссіи, вызвала то чувство раздраженія, которому лордъ Россель далъ волю въ своей депешѣ, главнѣйшимъ образомъ относящейся къ Берлинскому кабинету и гораздо менѣе огорчительной для Австріи? Если неодобреніе гаштейнской сдѣлки, высказанное Франціей и Англіей, будетъ имѣть какое-нибудь практическое значеніе по отношенію къ шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, то именно только то, что оно дастъ Австріи возможность подъ благовиднымъ предлогомъ возвратиться къ прежней ея политикѣ противодѣйствія видамъ Пруссіи. Австрія, которая, заключая Гаштейнскую конвенцію, уступала угрозѣ, далеко не рѣшилась еще вполнѣ распроститься съ своею ролью въ Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что она обрадуется предлогу и постарается воспользоваться имъ на сколько это возможно при ея крайне-неудовлетворительномъ внутреннемъ положеніи и при запальчивой рѣшительности вождя Берлинскаго кабинета. Полагать, что эта запальчивость укротится, и что Пруссія образумится, вслѣдствіе неблагопріятнаго для нея заявленія двухъ великихъ западныхъ державъ, нѣтъ основанія. Пруссія слишкомъ далеко зашла въ этомъ дѣлѣ; она не можетъ отступить; первый значительный шагъ назадъ, и все дѣло было бы для нея окончательно проиграно: положеніе ея и въ Германіи, и въ Европѣ, стало бы тогда хуже прежняго, и вмѣстѣ съ тѣмъ несостоятельность ея нынѣшней внутренней правительственной системы обнаружилась бы во всей своей силѣ. Пруссія азартно рисковала въ этомъ дѣлѣ и можетъ еще теперь быть жестоко наказана. Но именно потому она употребитъ всѣ усилія, чтобъ идти впредь прежнимъ путемъ, и неодобреніе обѣихъ западныхъ державъ сдѣлаетъ ее только осторожнѣе, только изворотливѣе во внѣшнихъ формахъ и пріемахъ и податливѣе на соглашенія по другимъ европейскимъ вопросамъ: въ Берлинѣ, безъ сомнѣнія, хорошо знаютъ, что если неодобреніе Англіи въ данномъ случаѣ не болѣе какъ слова, то за неодобреніемъ Франціи скрывается нѣчто большее, и что раздраженіе Франціи можетъ легко перейти въ дѣйствіе. Чувство національнаго раздраженія противъ Пруссіи достигло во Франціи весьма значительной силы, и охотно питается событіями даже второстепенной важности, каково, напримѣръ, дѣйствительно возмутительное умерщвленіе Француза Отта, повара принца Альфреда, графомъ Эйленбургомъ и продолжающаяся до сихъ поръ безнаказанность послѣдняго, благодаря нестерпимымъ привилегіямъ, которыми пользуется званіе офицера въ Пруссіи. Французское раздраженіе весьма понятно. Двѣ великія нѣмецкія державы дѣлятъ между собой военную добычу, а Франція не имѣетъ пока въ этомъ дѣлежѣ своей

доли, и принуждена равнодушно смотрѣть на него. Но въ политикѣ равнодушіе есть самоубійство, а потому неудивительно, что теперешняго зрѣлища совершенно достаточно для возбужденія національнаго чувства во Франціи, особенно послѣ тѣхъ дипломатическихъ пораженій, которыя она несла въ послѣдніе два года. До чего доходитъ раздраженіе національнаго чувства во Франціи, можно видѣть изъ послѣдняго политическаго обозрѣнія *Journal des Débats* (отъ 14-го сентября), который обыкновенно отличается большою умѣренностью. Это политическое обозрѣніе есть не что иное, какъ сильнѣйшее подстрекательство германскаго сейма, то-есть, меньшихъ государствъ Германскаго Союза, противъ Пруссіи и Австріи. Сейму, по словамъ *Journal des Débats*, не остается ничего болѣе какъ или назначить экзекуцію противъ Пруссіи и Австріи, за отдѣленіе Шлезвига отъ Гольштейна, подобно тому какъ онъ назначилъ экзекуцію по тому же поводу противъ покойнаго короля Датскаго Христіана IX, и возбудить такимъ образомъ междуусобную войну, для которой прирейнскія государства Германіи, какъ выразительно указываетъ французскій журналъ, могли бы выставить не менѣе 80.000 войска, или же заключиться въ совершенное бездѣйствіе. Первое *Journal des Débats*, правда, считаетъ безумiемъ; но бездѣйствіе сейма, въ виду нынѣшняго образа дѣйствій Пруссіи и Австріи, называетъ прямо низостью (lâcheté). Не слѣдуетъ ли этимъ политическимъ настроеніемъ Франціи объяснять, что Англія, которая менѣе всего можетъ желать столкновенія между Франціей и Пруссіей и раздоровъ внутри Германіи,—раздоровъ, которые могли бы легко повести ко вмѣшательству Франціи,—рѣшилась удовлетворить національное чувство Франціи, присоединившись къ ея неодобренію прусско-австрійской политики? Къ тому же во всемъ этомъ для Англіи нѣтъ никакого риска. Интересамъ Англіи отнюдь не противорѣчитъ, чтобы Франція, занимаясь литературными схватками съ Пруссіей и Австріей, отдаляла отъ себя возможность сближенія съ первою изъ этихъ державъ. Депеша лорда Росселя въ одно и то же время можетъ и показать какъ дорожитъ Англія согласіемъ съ Франціей, и воздержать Францію отъ какихъ-либо отдѣльныхъ предпріятій и поссорить ее съ Германіей. Но все-таки это не болѣе какъ маневръ. Въ случаѣ, еслибы пробуждающаяся теперь во Франціи жажда внѣшней дѣятельности поддержалась и усилилась, Англія, нѣтъ сомнѣнія, позаботилась бы найдти для ея удовлетворенія другое поприще, подальше отъ Рейна, тамъ гдѣ обѣ державы могли бы дѣйствовать, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, въ полномъ согласіи между собой,—поприще, на которомъ уже дѣлаются предварительные шаги среди теперешняго обманчиваго политическаго затишья.

Къ числу характеристическихъ признаковъ сближенія двухъ западныхъ державъ, кромѣ шербургскихъ и портсмутскихъ празднествъ, кромѣ предположенной уступки французскихъ владѣній въ Остъ-Индіи Англіи, кромѣ замѣщенія въ Константинополѣ сэръ-Генри Бульвера лордомъ Ляйонсомъ и почти тождественныхъ депешъ обѣихъ державъ по поводу Гаштейнской конвенціи, принадлежитъ и то, что по сирійскому вопросу, повидимому послѣдовало рѣшеніе, согласное съ видами Франціи и предоставляющее Ливану почти совершенную автономію, въ родѣ той, какою пользуются Сербія и Румынія, а также, и то, что въ Парижѣ, повидимому, замышляется присоединеніе Туниса, о чемъ пишетъ нашъ парижскій корреспондентъ. Но всего важнѣе слухъ о предстоящемъ назначеніи маркиза де-Лавалетта министромъ иностранныхъ дѣлъ. Извѣстно, что у императора Наполеона находятся въ распоряженіи спеціяльные министры иностранныхъ дѣлъ почти по каждому изъ европейскихъ вопросовъ, и намѣреніе возбудить тотъ или другой изъ нихъ почти всегда обнаруживается предварительнымъ назначеніемъ того или другаго министра. У г. Лавалетта двѣ спеціяльности: римскій вопросъ, въ которомъ онъ потерпѣлъ, однакоже, рѣшительную неудачу, и восточный вопросъ, въ которомъ онъ, передъ началомъ послѣдней Восточной войны, съ полнымъ успѣхомъ подготовилъ разрывъ между Россіей и Турціей, возбудивъ въ Константинополѣ споръ о священныхъ мѣстахъ. Ляйонсъ и Лавалеттъ,—не заставляетъ ли это задуматься?

№ 197.

Москва, 9-го сентября.

Нашъ новый гимназическій уставъ признаетъ три вида гимназій: гимназіи съ двумя

древними языками, гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, гимназіи безъ латинскаго языка. Учебныя заведенія двухъ первыхъ видовъ называются у насъ классическими гимназіями; учебныя заведенія третьяго вида—реальными гимназіями. Два первые разряда гимназій приготовляютъ къ университету; третій разрядъ не даетъ права на поступленіе въ университетъ. Такъ установлено нашимъ новымъ закономъ. Если сравнить этотъ новый законъ съ учебнымъ законодательствомъ западной Европы, то окажется слѣдующее различіе: ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ Англіи, не допускаются къ университетскому ученію, ни по одному изъ факультетовъ, молодые люди не обучавшіеся обоимъ древнимъ языкамъ; учебныя заведенія гдѣ преподаютъ одинъ латинскій языкъ не называются тамъ классическими; наши такъ-называемыя классическія гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ соотвѣтствуютъ тамошнимъ латинскимъ или реальнымъ школамъ, а наши реальныя гимназіи безъ латинскаго языка не имѣютъ въ западной Европѣ ничего въ точности себѣ соотвѣтствующаго и лишь до нѣкоторой степени подходятъ къ реальнымъ учебнымъ заведеніямъ низшаго разряда, существующимъ впрочемъ только въ Германіи (гдѣ они называются мѣщанскими школами), а въ Англіи и Франціи вовсе не извѣстнымъ. Не только мѣщанская, но и латинская школа—повторимъ еще разъ—не признается достаточною для приготовленія къ высшему университетскому образованію; таково общее, коренное убѣжденіе, — тотъ взглядъ, который составляетъ существенное отличіе новаго времени отъ среднихъ вѣковъ. Возрожденіе наукъ въ XV и XVI вѣкахъ было именно слѣдствіемъ того, что латинская школа превратилась въ классическую, то-есть греко-латинскую. Латинскій языкъ былъ почти единственнымъ предметомъ изученія во все продолженіе среднихъ вѣковъ, но это изученіе приносило мало живыхъ плодовъ, и христіанскіе народы западной Европѣ принуждены были многому учиться у магометанскихъ Арабовъ, которые, благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, успѣли короче познакомиться съ греческою древностью. Наука и литература ожили въ западной Европѣ только съ тѣхъ поръ какъ въ средневѣковую латинскую школу былъ внесенъ новый духъ изученіемъ греческихъ классиковъ, при содѣйствіи тѣхъ Грековъ, которые выѣхали изъ Константинополя послѣ завоеванія его Турками. Но съ другой стороны примѣръ этихъ самыхъ Грековъ показываетъ, что одно изученіе древнихъ греческихъ классиковъ, при незнакомствѣ съ римскимъ міромъ, тоже недостаточно для плодотворнаго, развитія новой цивилизаціи. Древніе греческіе классики были изучаемы въ Византіи, но это изученіе приносило столь же мало живыхъ плодовъ, какъ и изученіе однихъ латинскихъ классиковъ въ средневѣковой западной Европѣ. Чтобы создать цивилизацію новаго времени, нужна была именно греко-латинская школа, и вотъ почему цивилизованныя націи западной Европы такъ дорожатъ греко-латинскою школой. Можно сказать съ увѣренностью, что чѣмъ болѣе будетъ возвышаться уровень европейскаго образованія, тѣмъ болѣе будетъ дорожить Европа греко-латинскою школой. Уже теперь мы видимъ, что послѣ тумана напущеннаго въ Германіи поборниками такъ-называемаго реальнаго образованія, основаннаго на одномъ латинскомъ языкѣ, греческій, языкъ вступаетъ въ свои права съ новою силой, и въ нѣмецкихъ гимназіяхъ распространяется обычай упражнять молодыхъ людей не только въ прозаическихъ переводахъ съ нѣмецкаго на греческій, но и въ сочиненіи греческихъ стиховъ, что въ Германіи до сихъ поръ не было употребительно и что нѣмецкіе педагоги заимствуютъ теперь у педагоговъ англійскихъ. Неудача латинскихъ школъ, называемыхъ въ Германіи реальными, открыла глаза на педагогическое значеніе греческаго языка, и самый свѣжій фактъ современной намъ педагогики состоитъ въ томъ, что преподаваніе греческаго языка усиливается въ нѣмецкихъ классическихъ гимназіяхъ.

У насъ въ Россіи, по гимназическому уставу 1828 года, были учреждены, подъ именемъ гимназій, латинскія школы (которыя въ Германіи называются реальными), но правительство имѣло въ виду постепенно возвышать ихъ на степень настоящихъ, то-есть греко-латинскихъ гимназій. Съ этою цѣлію было мало-по-малу вводимо преподаваніе греческаго языка для желающихъ, и за успѣхи въ греческомъ языкѣ была назначена награда — XIV классъ. Во время попечительства графа С. Г. Строганова греческій языкъ уже преподавался во всѣхъ гимназіяхъ Москов-

скаго учебнаго округа, и можно было ожидать что обученіе греческому языку будетъ вскорѣ сдѣлано обязательнымъ, по примѣру всѣхъ цивилизованныхъ націй западной Европы. Тогда классическое образованіе могло бы пустить и у насъ свои корни; и мы окончательно вступили бы въ міръ европейской цивилизаціи. Но 1848 годъ разрушилъ всѣ эти надежды: преподаваніе латинскаго языка было велѣно сократить, а преподаваніе греческаго языка прекратить совсѣмъ, удержавъ прежнее устройство только въ одной гимназіи каждаго учебнаго округа, за исключеніемъ Дерптскаго учебнаго округа, гдѣ европейское устройство гимназій оставлено неприкосновеннымъ. Тогда упали наши гимназіи, что было особенно ощутительно въ Московскомъ учебномъ округѣ; уровень университетскаго образованія понизился въ такой степени, которую нельзя было даже предвидѣть; самодовольная претензія на высшее образованіе и несчастная беззащитность отъ случайныхъ внушеній при совершенномъ отсутствіи навыка къ самостоятельному сужденію, — вотъ что выноситъ теперь большинство молодежи изъ нашихъ университетовъ. Потребовался опытъ чтобъ убѣдить въ пагубныхъ послѣдствіяхъ этого порядка, и несчастные опыты не заставили долго ждать себя. Тогда была сознана необходимость преобразованія заведеній, приготовляющихъ юношество къ университету, и послѣ многихъ затрудненій и недоразумѣній, состоялся наконецъ новый уставъ гимназій, привѣтствованный всѣмъ, что есть въ Россіи мыслящаго, какъ заря новой эры въ исторіи русскаго народа. Уставъ 1864 года впервые вводитъ у насъ греко-латинскую школу во всей полнотѣ ея, въ какой она существуетъ на западѣ Европы, то-есть съ обязательнымъ преподаваніемъ греческаго языка; онъ даетъ впервые возможность сосредоточить ученье на древнихъ языкахъ и выучивать имъ какъ слѣдуетъ; онъ даетъ то, чего у насъ не было и въ уваровское время. Но такъ какъ шагъ сдѣланный уставомъ 1864 года очень великъ, то на ряду съ настоящими классическими, то-есть греко-латинскими гимназіями, вводимыми этимъ уставомъ, необходимо было допустить на время, въ качествѣ промежуточныхъ учрежденій, гимназіи латинскія, отличающіяся отъ теперешнихъ лишь тѣмъ, что преподаваніе латинскаго языка должно быть усилено въ замѣнъ преподаванія нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, въ гимназіи ненужныхъ и почему-либо устраняемыхъ, либо сокращаемыхъ. Но эти латинскія гимназіи, несмотря на усиленное въ нихъ преподаваніе латинскаго языка, стоятъ еще совершенно на одной ногѣ съ нѣмецкими реальными школами перваго разряда; если онѣ названы въ нашемъ уставѣ классическими, то единственно потому что подлежатъ преобразованію въ полныя классическія, то-есть греко-латинскія.

Духъ устава 1864 года, весьма ясно въ немъ выраженный, указываетъ на греко-латинскую гимназію какъ на цѣль реформы; гимназія латинская допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ и на то время, когда нѣтъ возможности устроить полную гимназію по европейскому образцу. Съ духомъ устава было бы несогласно, еслибы при его исполненіи менѣе совершенная форма гимназій предпочиталась болѣе совершенной безо всякой необходимости, и тѣмъ паче еслибы правительственная власть полагала препятствія къ превращенію нашихъ теперешнихъ гимназій въ классическія. Для примѣра укажемъ на Тверь. Здѣсь почетный попечитель гимназіи, князь П. П. Мещерскій, вызвался жертвовать нужную сумму на вознагражденіе греческаго учителя, если тверская гимназія будетъ преобразована въ греко-латинскую; преподаватель греческаго языка также нашелся, человѣкъ заслуженный, согласившійся взяться за дѣло изъ преданности ему; этого было бы, кажется, достаточно, чтобы поспѣшить улучшеніемъ, ни съ чѣмъ болѣе не справляясь. Но тутъ вдобавокъ всѣ мѣстныя власти и все мѣстное общество высказались въ пользу полной классической гимназіи. Стало-быть ни съ какой стороны нѣтъ препятствій къ тому чтобы Тверская гимназія поступила въ разрядъ истинно-европейскихъ гимназій, и мы съ радостью передали читателямъ извѣстіе *Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, что такъ и будетъ. А теперь намъ пишутъ изъ Твери, что эта радость была преждевременная, что пожертвованіе, предложенное почтеннымъ княземъ Мещерскимъ около полугода тому назадъ, еще не принято подлежащими начальствами; и что несмотря на все, въ Твери будетъ не греко-латинская, а латинская гимназія. Заявляемъ эту послѣднюю новость, въ надеждѣ вызвать ея опроверженіе, а покамѣсть повторяемъ

высказанное выше заключеніе, что по духу и по буквѣ новаго устава греко-латинскія гимназіи должны быть предпочитаемы латинскимъ вездѣ, гдѣ только есть средства учредить ихъ.

Этими средствами особенно богатъ Московскій учебный округъ. Въ гимназіяхъ этого округа сборъ за ученье съ гимназистовъ весьма значителенъ, и во многихъ гимназіяхъ есть экономическія суммы; до 1851 года во всѣхъ гимназіяхъ этого округа греческій языкъ уже преподавался; за исключеніемъ Дерптскаго округа, ни въ одномъ учебномъ округѣ Россіи нельзя съ такою легкостью пріискать учителей греческаго языка, какъ въ Московскомъ. Неужели было бы справедливо, неужели было бы согласно съ духомъ новаго устава и съ первенствующимъ въ Россіи положеніемъ коренныхъ русскихъ губерній, допускать именно въ этомъ округѣ греко-латинскія гимназіи, какъ исключеніе, вводя ихъ въ другихъ округахъ какъ правило? Чѣмъ же объяснить и какъ оправдать предположеніе, представляющееся всякому свѣжему человѣку вопіющею несправедливостію,—предположеніе дозволить въ Московскомъ учебномъ округѣ существованіе греко-латинской гимназіи кромѣ Московской губерніи, только въ одной губерніи изъ девяти составляющихъ этотъ округъ, тогда какъ въ Виленскомъ округѣ не только всѣ губернскія гимназіи, за исключеніемъ одной, но даже нѣкоторыя изъ уѣздныхъ предназначены къ преобразованію въ полныя классическія съ двумя древними языками? Въ Москвѣ находится старѣйшій и многолюднѣйшій русскій университетъ; въ Вильнѣ университета нѣтъ, и по всему округу найдено нужнымъ ограничивать число молодыхъ людей, посѣщающихъ университеты другихъ округовъ: какъ согласить съ этимъ положеніемъ дѣлъ распоряженіе дарующее изъ восьми губерній Московскаго учебнаго округа (кромѣ Московской) только одной губерніи, если не ошибаемся Рязанской, настоящую университетскую гимназію, а изъ шести губерній Виленскаго округа снабжающее такими гимназіями пять губерній, хотя Виленскій округъ выписываетъ учителей греческаго языка изъ Москвы? Мы впрочемъ искренно радуемся тому, что начальство Виленскаго учебнаго округа вѣрно взглянуло на значеніе греко-латинскихъ гимназій, но не должно ли тѣмъ болѣе сжиматься сердце при видѣ несчастной перспективы, открывающейся передъ центральными губерніями Россіи? Нѣтъ словъ для выраженія чувствъ, тѣснящихся въ грудь вслѣдствіе возможности подобныхъ предположеній или распоряженій, — не знаемъ какъ вѣрнѣе назвать ихъ. Московскій университетъ дорогъ Россіи, но всякій разумный человѣкъ готовъ пожертвовать даже Московскимъ университетомъ, лишь бы цѣной этой тяжкой жертвы купить преобразованіе здѣшнихъ гимназій въ европейскомъ смыслѣ. Для русскаго народа было бы полезнѣе, еслибы Московскій университетъ перевели въ какія-нибудь Свенцяны, а взамѣнъ того гимназіи Московскаго округа поставили такъ, какъ ставятся гимназіи Виленскаго округа.

Впрочемъ что̀ мы говоримъ? Какъ въ солнцѣ есть пятна, такъ нѣтъ ли пятенъ и въ преобразованіи гимназій Виленскаго округа?

Когда православный Пречистенскій соборъ превращался по волѣ тамошнихъ правительственныхъ лицъ въ анатомическій театръ, въ то время было тамъ заведено въ интересахъ полонизма множество гимназій. Распредѣленіе гимназій было разсчитано соотвѣтственно численности польской шляхты; гдѣ ея было меньше, а русскій элементъ былъ сильнѣе, тамъ гимназіи не учреждались, и наоборотъ. Остатки этой системы видны и доселѣ. Въ Минской губерніи, при милліонѣ жителей, и теперь существуетъ пять гимназій и прогимназій, а въ Могилевской, при 900.000 жителей, всего только одна гимназія. Теперь провозглашена равноправность, и даже предполагается дать ходъ русскому элементу. Не слѣдовало ли ожидать, что прежняя несправедливость къ Могилевской губерніи будетъ исправлена? А что̀ мы видимъ? Изъ шести губерній Виленскаго округа только одна лишается теперь преимущества имѣть полную классическую гимназію, и случай хотѣлъ, чтобъ эта губернія была именно Могилевская... Какъ объяснить что именно Могилевская губернія, обдѣленная Чарторыйскимъ, и теперь обречена составлять исключеніе изъ губерній Виленскаго учебнаго округа?

Во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ Виленскаго учебнаго округа будутъ устроены гимназіи по европейскому образцу; только Могилевская останется при своей теперешней латинской школѣ, только та единственная губернія сѣверозападнаго края,

въ которой считается 86% русскаго населенія, при 3% польскаго, и въ которой даже классъ дворянъ и чиновниковъ, преимущественно обучающій дѣтей въ гимназіяхъ, состоитъ слишкомъ на половину изъ Русскихъ (25.000 Русскихъ и 20.000 Поляковъ)! Но этимъ не ограничиваются недоумѣнія, вызываемыя теперешнимъ приведеніемъ новаго гимназическаго устава въ дѣйствіе по Виленскому учебному округу. Между тѣмъ какъ Могилевская губернія совсѣмъ лишается гимназіи устроенной по европейскому образцу, другія губерніи получаютъ по нѣскольку учебныхъ заведеній такого устройства. Всего болѣе покровительствуется въ этомъ отношеніи Ковенская губернія: всѣ среднія учебныя заведенія этой губерніи, безъ исключенія, будутъ устроены по европейской системѣ. Въ этомъ отношеніи Ковенская губернія въ свою очередь составляетъ единственное исключеніе въ ряду губерній Виленскаго учебнаго округа. Это единственная губернія, въ которой вовсе не будетъ ни латинскихъ, ни химическихъ гимназій, именуемыхъ реальными. Она получитъ двѣ греко-латинскія гимназіи (въ Ковнѣ и Шавляхъ) и одну греко-латинскую прогимназію (въ Тельшахъ). Такое предпочтеніе должно быть основано, согласно уставу, на какихъ-нибудь мѣстныхъ условіяхъ. Посмотримъ же чѣмъ эта губернія отличается отъ другихъ, въ чемъ заключаются ея мѣстныя особенности. Вотъ цифры: средняя численность русскаго населенія во всемъ западномъ краѣ составляетъ около 67% общаго числа жителей, а въ Ковенской губерніи только 3%. Въ губерніяхъ Виленскаго округа на 100 человѣкъ общаго числа жителей приходится людей русскаго племени:

Въ Могилевской губерніи . . .	86
„ Минской „	78
„ Гродненской „	78
„ Витебской „	64
„ Виленской „	20
„ Ковенской „	3

Если же взять классъ дворянъ и чиновниковъ, преимущественно обучающій своихъ дѣтей въ гимназіяхъ, то отношеніе окажется еще разительнѣе, а именно, на 100 человѣкъ этого класса считается Русскихъ:

Въ Могилевской губерніи . . .	54
„ Минской „	26
„ Гродненской „	25
„ Витебской „	20
„ Виленской „	2
„ Ковенской „	0,8

Мы выставляемъ лишь факты не объясняя ихъ, а только выражая свое недоумѣніе по ихъ поводу. Русскій элементъ и въ общемъ населеніи и въ классѣ дворянъ и чиновниковъ несравненно сильнѣе въ Могилевской губерніи чѣмъ въ другихъ,— она не получаетъ ни одного учебнаго заведенія, приготовляющаго къ университету какъ слѣдуетъ. Ковенская губернія рѣзко отличается отъ другихъ по слабости русскаго элемента въ общемъ населеніи и по совершенной ничтожности его въ томъ классѣ общества, для котораго преимущественно учреждаются гимназіи, — всѣ до одного среднія учебныя заведенія существующія въ этой губерніи превращаются въ греко-латинскія. Ковенская губернія рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ губерній западнаго края и по преобладанію римскаго исповѣданія надъ греческимъ, и тѣмъ не менѣе въ этой губерніи три заведенія будутъ обучать греческому языку, а въ Могилевской губерніи, гдѣ греческое исповѣданіе сравнительно сильнѣе чѣмъ даже въ Кіевской, греческій языкъ не будетъ преподаваться ни въ одномъ училищѣ.

Факты излагаемые нами такъ странны, что нужно сдѣлать насиліе надъ собой, чтобы имъ повѣрить. Они взяты нами изъ *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, и мы спѣшимъ заявить, что извѣстія этой газеты, хотя и согласныя съ циркулярами округа, очень могутъ относиться лишь къ проекту, а не къ окончательному рѣшенію. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ должнымъ досказать начатую рѣчь. Въ сѣверо-западномъ краѣ есть двѣ крѣпости съ значительнымъ русскимъ гарнизономъ, Динабургъ и Бобруйскъ; въ постоянномъ населеніи этихъ городовъ, особенно Бобруйска, русскій элементъ тоже сильнѣе, чѣмъ въ большей части другихъ городовъ того края. И что же? Въ Шавляхъ устраивается гимназія съ двумя классическими языками, въ Тельшахъ прогимназія также съ двумя классическими языками, а Бобруйскъ и Динабургъ не получатъ даже и латинской школы; они будутъ завидовать даже и обдѣленному Могилеву; русское населеніе этихъ городовъ будетъ совсѣмъ лишено возможности приготовлять дѣтей къ высшему университетскому образованію: оба эти города получатъ учебныя заведенія химическія, именуемыя у насъ реальными, Динабургъ— гимназію, Бобруйскъ—прогимназію. Какъ объяснить это? Тѣмъ ли что русское на-

селеніе этихъ обѣихъ крѣпостей состоитъ по преимуществу изъ военныхъ людей? Но развѣ хорошее образованіе можетъ повредить дѣтямъ военныхъ людей? развѣ у насъ есть каста воиновъ, требующая чтобы дѣти военныхъ людей никакъ не получали университетскаго образованія? Вѣдь изъ классической гимназіи можно поступить въ университетъ, и въ военное училище, а изъ химической, то-есть реальной, въ университетъ поступить невозможно. Во всякомъ случаѣ учрежденіемъ въ этихъ двухъ городахъ реальныхъ училищъ стѣсняется свобода родителей въ избраніи карьеры для ихъ дѣтей. Это стѣсненіе свободы не вознаграждается ли по крайней мѣрѣ тѣмъ, что молодые люди въ реальныхъ училищахъ будутъ лучше приготовляться къ военнымъ училищамъ, будутъ лучше выучиваться математикѣ и новымъ языкамъ? Но полно, будутъ ли? Это еще вопросъ, на который отвѣтъ получится въ будущемъ. Покамѣсть извѣстно, что программа въ сущности одна и та же какъ въ классическихъ, такъ и реальныхъ гимназіяхъ, а новымъ языкамъ мужскія казенныя заведенія вообще плохо выучивали, и притомъ новые языки шли до сихъ поръ въ кадетскихъ корпусахъ гораздо хуже чѣмъ въ латинскихъ гимназіяхъ. Словомъ, при всемъ стараніи, мы не находимъ объясненія, почему Динабургъ и Бобруйскъ отстраняются отъ университетскаго образованія, а Шавли и Тельши привлекаются къ нему, хотя, конечно, еще менѣе можемъ мы уразумѣть, почему европейское устройство гимназій, либерально допускаемое въ Виленскомъ округѣ, такъ энергически и такъ наперекоръ желанію общества отвергается въ округѣ Московскомъ.

№ 198.

Москва, 10-го сентября.

Мѣры, принимаемыя русскимъ правительствомъ къ водворенію порядка и благоустройства въ ново-пріобрѣтенной Туркестанской области, повидимому, обратили на себя болѣе серіозное вниманіе и общественнаго мнѣнія, и правительства въ Англіи чѣмъ прусскіе захваты въ Герцогствахъ. Въ дѣйствіяхъ русской туркестанской администраціи усматриваютъ намѣреніе Россіи упрочить за собой новыя завоеванія въ Средней Азіи и извлечь изъ нихъ возможно-большую для себя пользу. Недавно *Morning Herald*, главный органъ торійской партіи, составляющей оппозицію нынѣшнему правительству Англіи, посвятилъ обширную передовую статью нашимъ средне-азійскимъ дѣламъ. Статья написана какъ бы съ тою цѣлью, чтобъ успокоить общественное мнѣніе въ Англіи насчетъ недавнихъ успѣховъ и дальнѣйшихъ намѣреній Россіи по отношенію къ Средней Азіи. „Если бы слухи объ этихъ намѣреніяхъ и этихъ торжествахъ, говоритъ *Morning Herald*, и не были грубо преувеличены, то и тогда мы могли бы внимать имъ съ совершеннымъ удовольствіемъ. Страшилище русскаго вторженія въ ость-индскія владѣнія чрезъ Среднюю Азію обошлось Англіи и безъ того черезчуръ дорого, и всякій, кто посовѣтовалъ бы теперь приступить къ какимъ-либо дѣйствіямъ въ прежнемъ родѣ, хотя бы только къ отправленію особаго посольства къ одному изъ малыхъ владѣтельныхъ дворовъ Туркестана, для противодѣйствія планамъ Россіи, былъ бы сочтенъ всѣми образованными людьми за помѣшаннаго. Если Россія, продолжаетъ англійскій журналъ, сознаетъ за собой особое призваніе въ отношеніи къ кочевникамъ, если, по мнѣнію ея, обширность государственной территоріи составляетъ величіе и силу Имперіи, если она полагаетъ свое честолюбіе въ томъ чтобы подчинить своей власти милліоны кочевниковъ-варваровъ и завербовавъ значительную ихъ часть въ ряды своего войска, другую обратить къ воздѣлыванію земли и къ правильному осѣдлому быту, подъ покровительствомъ твердыхъ законовъ, то пусть она предпринимаетъ это дѣло, къ которому она въ высшей степени способна и по географическому своему положенію, и по особенностямъ своихъ армій и своихъ пограничныхъ населеній... Говоря серіозно, не можетъ быть лучшаго ручательства за намѣреніе Россіи сохранять мирное и нерушимое положеніе въ Европѣ какъ ея усилія надѣлить эти безграничныя пространства Средней Азіи тою нехитрою цивилизаціей, какая только и можетъ быть имъ доступна, и ввести въ нихъ искусства и обычаи менѣе дикой и безпокойной жизни.“

Всѣ эти соображенія органа консервативной партіи нисколько, однакоже, не успокоили англійскаго правительства, и наши средне-азійскія дѣла, какъ неожиданно ока-

зывается, послужили недавно предметомъ дипломатической переписки между Англіей и Россіей, — переписки, которую началъ лордъ Россель. Впрочемъ и *Morning Herald*, который такъ „добродушно“ смотритъ на наши успѣхи въ Средней Азіи, сознается, что „*дипломатически* Англія не упускаетъ изъ виду тамошнихъ дѣлъ.“ Обстоятельства, сопровождавшія взятіе Ташкента русскими войсками въ половинѣ прошлаго іюня, эти 63 орудія разнаго калибра, „изъ которыхъ 48 мѣдныхъ и притомъ замѣчательно хорошаго литья,“ доставшіяся нашимъ войскамъ, эти обширные планы молодаго Бухарскаго эмира, которые простирались на всю Среднюю Азію и обнимали собою даже и подвластныхъ Россіи Киргизовъ,—все это показываетъ, что Англія не ограничивается въ этомъ дѣлѣ одними дипломатическими запросами въ Петербургѣ, а прибѣгаетъ, можетъ-быть, конечно изъ-подъ руки, при посредствѣ своихъ афганскихъ подручниковъ, и къ матеріяльнымъ средствамъ для противодѣйствія Россіи. Мы не станемъ винить ее за это противодѣйствіе, если она находитъ его для себя удобнымъ и выгоднымъ; но нельзя не признать совершенно неумѣстнымъ ея прямаго дипломатическаго вмѣшательства въ дѣла, которыя нисколько ея не касаются, которыя происходятъ на границахъ Россіи и на разстояніи болѣе чѣмъ 2.000 миль отъ ость-индскихъ владѣній Англіи. Какъ Россіи нѣтъ дѣла до распространенія англійскаго владычества въ какомъ-нибудь Бутанѣ, точно также Англіи нѣтъ дѣла до распространенія русскаго владычества въ предѣлахъ Туркестана, и Россія не обязана Англіи ни малѣйшимъ отчетомъ или объясненіемъ относительно дальнѣйшихъ своихъ намѣреній въ этомъ краѣ, которыя она можетъ видоизмѣнять, сообразуясь исключительно съ собственными своими потребностями.

Разсуждая о нашей средне-азійской политикѣ въ началѣ этого года, мы высказали мнѣніе, что самый главный интересъ Россіи, самая вопіющая потребность ея состоитъ въ упроченіи цѣлости и политическаго своего единства по отношенію къ западнымъ своимъ окраинамъ. Еслибы наши средне-азійскія дѣла развились до такой степени, что стали бы способны отвлекать наши нравственныя и матеріяльныя силы отъ совершенія той безотлагательной задачи, которая предстоитъ намъ въ нашихъ западныхъ областяхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что наши успѣхи въ Средней Азіи были бы куплены чрезмѣрно дорогою цѣной, и что они нанесли бы тяжкій ущербъ Россіи. Если бы эти средне-азійскія дѣла были въ состояніи, какъ отчасти надѣется *Morning Herald*, связать нашу политику въ Европѣ и неизмѣнно заручить ее тому или другому направленію, то въ этомъ случаѣ Россія извлекла бы не пользу, а вредъ изъ своихъ успѣховъ въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ. Даже и въ Средней Азіи Россія можетъ являться окруженная необходимымъ для успѣшности сношеній обаяніемъ, только въ такомъ случаѣ, если она вполнѣ сохранитъ и возвыситъ свое европейское значеніе; хотя съ другой стороны нельзя не признать, что благоустроеннымъ, и въ то же время энергическимъ и соотвѣтственнымъ съ государственными потребностями образомъ дѣйствій въ Средней Азіи, Россія можетъ и поддержать и возвысить свое европейское значеніе. Органы общественнаго мнѣнія Англіи были бы не прочь навязать намъ „миссію“ просвѣтителей и цивилизаторовъ средне-азійскихъ кочевниковъ. Но если слѣдствіемъ водворенія русскаго владычества въ степяхъ Средней Азіи будетъ распространеніе въ тамошнихъ населеніяхъ идей европейскаго порядка, то это произойдетъ само собой, силою вещей и обстоятельствъ, а вовсе не вслѣдствіе какой-либо миссіи. Въ высочайше утвержденномъ, 6-го августа, Временномъ Положеніи объ управленіи Туркестанскою областью мы находимъ только весьма практическія заботы объ отклоненіи обидъ и притѣсненій, со стороны населенія, проходящимъ караванамъ, о сбереженіи лѣсовъ и поддержаніи такъ-называемыхъ арыковъ, или водопроводовъ съ резервуарами для орошенія полей, то-есть, о такихъ вещахъ, которыя касаются интересовъ торговли и необходимы для извлеченія пользы изъ вновь-пріобрѣтеннаго края; упоминается также о правѣ военнаго губернатора ограничивать рѣшеніе туземныхъ судовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они несообразны съ понятіями о человѣколюбіи Интересы Россіи, русскихъ торговцевъ и промышленниковъ въ томъ краѣ,—вотъ чѣмъ, повидимому, правительство намѣрено руководствоваться въ Средней Азіи. Вотъ лучшее средство упрочить цивилизацію и порядокъ въ тѣхъ мѣстахъ.

Безъ всякихъ властолюбивыхъ видовъ съ своей стороны, Россія была вынуждена,

для упроченія юго-восточной своей границы и для огражденія интересовъ своей торговли, занять не только Ауліету и Чемкентъ, но и Ташкентъ; одинъ изъ главныхъ городовъ того края, имѣющій важное торговое и стратегическое значеніе, съ населеніемъ въ 80.000 человѣкъ. Этотъ городъ былъ взятъ штурмомъ, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня; взятіе его стоило значительныхъ усилій, и сопровождалось большимъ кровопролитіемъ, при которомъ Русскихъ, по офиціальному показанію, выбыло изъ строя 132 человѣка. Этотъ городъ пріобрѣтенъ, такимъ образомъ, русскою кровью, и она была бы пролита даромъ, если-бы ея цѣной не было куплено водвореніе прочнаго мира и личной имущественной безопасности въ Ташкентѣ. Намъ нѣтъ ни малѣйшей охоты управлять Ташкентомъ, но честь наша и интересы наши требуютъ, чтобъ этотъ городъ не подпалъ опять неурядицѣ, и чтобы нашимъ кущамъ не пришлось пострадать отъ этой неурядицы, подобно тому, какъ недавно пострадала наша факторія въ Кульджѣ, выженная до основанія. Торговля лишена въ Средней Азіи своего главнаго условія—безопасности. Для всѣхъ окрестныхъ странъ было бы великимъ благодѣяніемъ, еслибы хоть въ одномъ пунктѣ торговцы могли быть спокойны за свою личность и за свое имущество. Россія обязана озаботиться, чтобъ отнынѣ эти элементарныя блага были обезпечены за Ташкентомъ. Необходимость заставила Россію завладѣть имъ; вторичное предоставленіе его дикимъ шайкамъ было бы принято Азіятцами за несомнѣнный признакъ нашей слабости, и лишило бы насъ всѣхъ тѣхъ плодовъ, которые были пріобрѣтены нами за послѣднее время. На Востокѣ уважается только успѣхъ и грубая сила, а для насъ очень важно имѣть напримѣръ возможно-полную увѣренность, что Бухарскій эмиръ волею-неволею долженъ будетъ держать имя Россіи честно и грозно: Бухара одинъ изъ выгоднѣйшихъ рынковъ для сбыта нашихъ мануфактурныхъ издѣлій, снабжающій насъ доброкачественнымъ хлопкомъ. Новые военные успѣхи Россіи въ Туркестанѣ должны послужить къ выгодѣ нашей торговли, и нѣтъ сомнѣнія, что Россія постарается ими воспользоваться, вполнѣ сознавая всю громадность различія между цѣной своихъ восточныхъ и западныхъ областей, между своимъ вліяніемъ въ Азіи и своимъ европейскимъ значеніемъ.

№ 199.

Москва, 11-го сентября.

Странное и грустное дѣло! Сколько усилій, сколько жертвъ положено было на то, чтобы ввести Русское государство въ Европу, чтобы поставить его на ея почву? Прошло уже болѣе полутора вѣка какъ началась эта исторія. Вспомнимъ Петра, вспомнимъ напряженія, съ которыми этотъ великій титанъ нашей исторіи старался разомъ поворотить ее къ западу, вспомнимъ сколько крови пролилось для этого, сколько совершено изнурительныхъ подвиговъ, сколько темныхъ дѣлъ насилія. Весь ходъ нашихъ дѣлъ отъ конца XVII столѣтія былъ, повидимому, неуклонно направленъ къ одной цѣли. И что же? Какія-то темныя причины постоянно стараются обратить въ ничто весь этотъ рядъ усилій и жертвъ, и обезславить этотъ періодъ нашей исторіи. Жертвы остаются жертвами, потраченное потраченнымъ, но въ то же время употребляются непонятныя усилія для того, чтобы не была достигнута цѣль этихъ жертвъ, чтобы не исполнилось то что уже стоитъ такъ дорого. Удивительная иронія, которой игры могутъ не видѣть только слѣпые!

Ни въ чемъ такъ не замѣтна эта иронія, эта насмѣшка надъ усиліями Россіи сблизиться съ цивилизованнымъ міромъ, надъ реформою Петра и надъ всѣмъ петербургскимъ періодомъ нашей исторіи, какъ въ двухъ современныхъ вопросахъ: по народному просвѣщенію и по желѣзнымъ дорогамъ. Какія части русскаго государства требуютъ особенныхъ заботъ о народномъ просвѣщеніи на европейскихъ основахъ? гдѣ предположено за полтора вѣка предъ симъ поднять уровень образованія? Не въ восточной ли половинѣ Россіи? И что же мы видимъ? Чѣмъ далѣе въ глубь Россіи, тѣмъ менѣе употребляется средствъ для образованія, тѣмъ они недостаточнѣе и скуднѣе. Преобразовываются учебныя заведенія, ведущія къ университетскому образованію, въ силу закона, который впервые дастъ русскому просвѣщенію европейскія основы: и что же мы видимъ? Именно въ силу этого самаго закона, цѣлыя губерніи лишаются послѣднихъ скудныхъ средствъ высшаго образованія; цѣлыя губерніи, лишаясь приготовляющихъ къ университету гимназій, разобщаются съ уни-

верситетами, и именно тѣ, гдѣ исключительно господствуетъ русскій элементъ или гдѣ онъ преобладаетъ безспорно. Еще такъ недавно правительство старалось разными поощреніями и искусственными приманками привлекать русское общество къ университету. И вотъ теперь, когда общество жаждетъ образованія, цѣлымъ обширнымъ частямъ имперіи отказывается даже въ тѣхъ средствахъ, которыми онѣ доселѣ пользовались, и отказывается въ силу закона, который имѣетъ цѣлію возвысить и улучшить эти средства! Высшая педагогическая система господствующая во всемъ цивилизованномъ мірѣ, признанная за высшую и нашимъ законодательствомъ, отличенная имъ наибольшими правами, поставленная имъ во главу однородныхъ учебныхъ заведеній, достается всего менѣе внутреннимъ кореннымъ частямъ Россіи. Вмѣсто классической системы, почти повсюду въ центральныхъ и восточныхъ областяхъ Россіи вводится подъ именемъ классической то что обыкновенно называется реальною системой, а въ нѣкоторыхъ существующія гимназіи преобразуются въ школы, которыя въ тѣхъ странахъ откуда мы заимствовали ихъ, лишены всякихъ преимуществъ. Напрасно протестуютъ мѣстныя сословія, напрасно предлагаются пожертвованія. Въ московскомъ учебномъ округѣ, напримѣръ, за исключеніемъ самой Москвы, только за одною губерніей признаны права (и то въ будущемъ) имѣть классическую гимназію,— именно за Рязанскою, во всѣхъ же остальныхъ заводятся недостаточныя и скудныя латинскія школы, которыя не имѣютъ самостоятельнаго значенія и по смыслу закона должны послужить только переходною ступенью. Двѣ губерніи Московскаго учебнаго округа подвергались опасности не получить и этого, и видѣть деградацію своихъ университетскихъ гимназій въ *ультрареальныя* школы, справедливо лишенныя университетскихъ правъ. А между тѣмъ, въ то же самое время, нашлась возможность открыть съ нынѣшняго же года въ одной Ковенской губерніи три полныя классическія учебныя заведенія.

Въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ обрисовывается также разительный фактъ. Проекты желѣзныхъ дорогъ на востокъ не встрѣчаютъ затрудненій. Искусственные пути сообщенія, которые вездѣ являются такимъ могущественнымъ дѣятелемъ и сообщаютъ цѣлымъ странамъ новый видъ, новый характеръ, новыя условія жизни и развитія даютъ новые истоки народнымъ силамъ и приводятъ къ благополучному рѣшенію самыя трудныя задачи исторіи,—пути сообщенія, которые всего нужнѣе Россіи, и всего нужнѣе для того чтобы связать ея центральныя части съ западными окраинами государства, только и знаютъ что отводятъ насъ обратно къ востоку, только и знаютъ что спускаютъ насъ *внизъ по матушкѣ по Волгѣ*. Вмѣсто того чтобы служить путями сообщенія съ Европой, онѣ, направляясь по восточному склону, служатъ путями разобщенія съ ней. Чего бы не далъ великій преобразователь Россіи за желѣзныя дороги? Чего бы не употребилъ онъ на то, чтобы посредствомъ этого могущественнаго средства соединить востокъ съ западомъ и притянуть бассейнъ Волги къ Европѣ? А вотъ теперь когда желѣзныя дороги строятся повсюду, Россія повидимому хлопочетъ только о томъ чтобъ онѣ не связали восточной половины Россіи съ западною, Московской Руси съ западною Русью, бассейна Волги съ бассейнами Днѣпра и Днѣстра. Являются всевозможныя причины и предлоги для того чтобъ отклонить всякое предпріятіе, которое направилось бы въ эту сторону. Составлялись компаніи бравшіяся вести желѣзную дорогу отъ Орла или Курска и даже отъ Москвы черезъ Калугу на Кіевъ и продолжать ее, съ одной стороны до соединенія съ Одессой, съ другой до Австрійской границы, и компаніи эти не только не встрѣчали поощренія, но напротивъ ихъ отпугивали отъ ихъ плана. То убѣждали ихъ выбрать какое-либо другое направленіе болѣе для нихъ выгодное; то имъ говорилось, что онѣ не получатъ концессіи на постройку дороги въ этомъ направленіи именно потому что оно считается важнымъ и что за эту постройку современемъ возьмется само правительство. Дорога на Козловъ и Тамбовъ не встрѣтила никакихъ затрудненій и уже строится; ей дарованы условія, которыя могутъ быть названы выгоднѣйшими изъ выгоднѣйшихъ; дорога отъ Орла къ Азовскому морю, также, повидимому, не встрѣтитъ препятствія: по крайней мѣрѣ компанія, предполагающая дорогу въ этомъ направленіи, не теряетъ надежды получить желаемую концессію на тѣхъ или другихъ условіяхъ, хотя линія къ Азовскому морю, какъ болѣе западная чѣмъ линія козловская, конечно, не можетъ разчитывать на покровительство,

равное съ тѣмъ, которое такъ щедро оказано линіи козловской. Но та же самая компанія, которая берется за азовскую линію, какъ только попытается поворотить свою линію къ западу, вѣроятно встрѣтитъ непреодолимое препятствіе и принуждена будетъ идти вспять на востокъ.

А нельзя не пожелать, чтобъ эта компанія серіозно попыталась взяться за линію болѣе западную чѣмъ азовская. Всѣми признано и правительствомъ утверждено, что главная потребность Россіи заключается въ соединеніи Москвы съ Чернымъ моремъ. О выгоднѣйшемъ направленіи этого пути происходили самые удивительные споры, обнаружившіе очень много отваги въ спорившихъ, но никто изъ нихъ еще не достигалъ такой отваги, чтобы требовать для Азовскаго моря предпочтенія передъ Чернымъ. Все подвергалось спору, даже дважды два четыре, но первенство Чернаго моря передъ Азовскимъ не было оспариваемо. Не правда ли, было бы верхомъ иронiи, еслибы на дѣлѣ вышло такъ, что азовская линія предупредила бы собой черноморскую? Можно ли желать, чтобы составляющаяся компанія сдѣлалась орудіемъ такой безпощадной иронiи надъ русскими дѣлами? По направленію къ Азовскому морю уже строится козловская линія; ей самой выгоднѣе будетъ склониться къ западу, сперва на Воронежъ, а потомъ и на Харьковъ; пусть она ищетъ себѣ своей цѣли на просторѣ. Новое предпріятіе должно содѣйствовать совершенію главной современной задачи русскаго правительства, — помочь движенію нашей первоклассной артеріи отъ Орла къ Кіеву и къ Одессѣ. Казенныхъ средствъ для этого дѣла мало; съ одними казенными средствами оно затянется, а намъ надобно спѣшить, спѣшить изо всѣхъ силъ. Пусть же орловская линія не измѣняетъ своему западному направленію; пусть она продлится, не уклоняясь на востокъ; пусть она пойдетъ прямо на Кіевъ и выведетъ Русь изъ очарованнаго круга тяготѣній къ Азіи. Мы слышали, что проектъ Азовской желѣзной дороги встрѣтился съ формальными препятствіями: пусть компанія воспользуется этими препятствіями, чтобы предложить свои услуги по предпріятію дѣйствительно великому; пусть она поможетъ правительству ускорить соединеніе Москвы съ Кіевомъ и Одессой. Россія отъ этого выиграетъ, выиграетъ и компанія; въ накладѣ останется только злая иронія, посмѣвающаяся надъ Россіей.

№ 200.

Москва, 13-го сентября.

Сегодня здѣшній Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ праздновалъ совершившееся пятидесятилѣтіе своего существованія. Читатели найдутъ ниже извѣстіе объ этомъ торжествѣ, которое не было ознаменовано ширшествами обычными въ подобныхъ случаяхъ и не отличалось наружною помпой, но передъ которымъ тѣмъ не менѣе блѣднѣютъ самые блестящіе юбилеи. Публикѣ были сообщены двѣ полновѣсныя вѣсти: попечитель института украсилъ праздникъ пожертвованіемъ круглой суммы 200.000 рублей, и институтъ воспользуется этимъ пожертвованіемъ, по-царски-щедрымъ, чтобы преобразоваться по-европейски. Можно ли было блистательнѣе отпраздновать юбилей учебнаго заведенія?

Инспекторъ института г. Кананов, въ оживленной рѣчи, изложилъ исторію этого заведенія, примкнувъ къ ней и бѣглый очеркъ армянской колонизаціи въ Россіи. Въ пятьдесятъ лѣтъ своего существованія институтъ сдѣлалъ не мало опытовъ, которые, должно надѣяться, послужатъ ему въ прокъ. Начавшись скромно, въ качествѣ частнаго учебнаго заведенія, онъ былъ встрѣченъ съ сочувствіемъ, и слава о немъ быстро распространилась между Армянами Европы и Азіи. Г. Кананов приводитъ нѣсколько словъ описывающихъ одинъ изъ первыхъ актовъ заведенія (актъ 1821 года): „Посѣтители армянскаго исповѣданія, видя передъ собой соплеменныхъ имъ юношей, собранныхъ попеченіемъ г. основателя изъ обширнѣйшихъ предѣловъ Россіи и даже изъ отдаленныхъ странъ Азіи въ древнюю столицу Россійскаго государства для образованія умовъ и сердецъ ихъ въ пользу общества, были исполнены особенно сладостнымъ восхищеніемъ. Они съ чувствомъ благоговѣйной благодарности устремляли взоры на изображеніе Августѣйшаго Государя Императора“. Въ 1823 году при учебномъ заведеніи Лазаревыхъ образовалось Общество Любителей Армянской Древности, предполагавшее переводить статьи объ Арменіи „на одинъ только русскій языкъ,“

какъ было сказано въ уставѣ, и печатать ихъ сперва въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ, а потомъ издать вмѣстѣ подъ названіемъ *Фениксъ Арменіи*. Армянскіе уроженцы не только изъ кавказскихъ и закавказскихъ областей, но изъ Испагани, Калькуты, Арзерума и Константинополя спѣшили воспользоваться для своихъ дѣтей благами просвѣщенія, открывшимися на русской почвѣ благодаря щедрой благотворительности рода Лазаревыхъ. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ армянскихъ ученыхъ, обогатившій русскую литературу цѣлымъ рядомъ сочиненій и переводовъ по армянской исторіи, г. Эминъ прибылъ учиться въ Москву черезъ Англію изъ Индіи. Въ то время заведеніе Лазаревыхъ было устроено въ точности по образцу тогдашнихъ русскихъ гимназій. Сочувствіе, съ которымъ этотъ характеръ заведенія былъ встрѣченъ Армянами, ясно свидѣтельствовало, что онъ соотвѣтствовалъ потребности, и потому Лазаревы стали хлопотать о подчиненіи своего училища министерству народнаго просвѣщенія. Эти хлопоты не увѣнчались однакоже успѣхомъ. Тогда Лазаревы сочли необходимымъ поставить свое училище подъ покровительство одного изъ высокихъ и вліятельныхъ государственныхъ людей. Такъ возникло званіе главнаго начальника заведенія Лазаревыхъ, предоставлявшееся послѣдовательно графу Аракчееву, графу Бенкендорфу и князю Орлову, а теперь носимое В. П. Бутковымъ. Найдя покровителя себѣ въ своемъ главномъ начальникѣ, заведеніе Лазаревыхъ уже не имѣло надобности хлопотать о равенствѣ съ гимназіями; скоро оно даже стало относительно ихъ въ положеніе привилегированное. Можно сильно усомниться въ томъ, принесло ли существенную пользу заведенію это формальное возвышеніе его; есть основанія думать, что оно было скорѣе вредно. Чтобъ имѣть преимущества передъ гимназіями, надобно было отъ нихъ отличаться, и отличіе на первый разъ состояло въ томъ, что институтъ, имѣя пять классовъ въ соотвѣтствіе семи классамъ гимназій, обучалъ гораздо большему числу предметовъ чѣмъ гимназіи. Можно вообразить себѣ, какіе тутъ могли быть успѣхи! Дѣти ни на чемъ не сосредоточивались, ничему не выучивались, ничему даже не учились сколько-нибудь серіозно. Накопленію разнородныхъ предметовъ, преподаваемыхъ по большей части только для вида, положено начало въ 1837 году, вмѣстѣ съ первымъ значительнымъ расширеніемъ правъ заведенія; оно доведено до *nec plus ultra* въ 1848 году, когда заведеніе было еще болѣе поднято въ своихъ правахъ и отнесено къ разряду высшихъ учебныхъ заведеній. Интересно замѣтить,— и г. Кананов особенно указываетъ на то,—что это послѣднее преобразованіе нашло строгаго критика въ графѣ С. С. Уваровѣ, который съ совершенною ясностью обличилъ неудобоисполнимость предположеннаго плана и предсказалъ всѣ тѣ неудобства, которыя въ послѣдствіи заведеніе испытало на дѣлѣ. Онъ писалъ князю Орлову, что одно учебное заведеніе, даже еслибы курсъ его былъ и продолжительнѣе, никакъ не можетъ достигать разомъ четырехъ разнородныхъ цѣлей: приготовлять и къ высшему университетскому образованію, и къ службѣ гражданской въ сопредѣльныхъ съ Азіей провинціяхъ, и къ службѣ по духовному вѣдомству армянскаго исповѣданія, и наконецъ къ торговлѣ съ Востокомъ. Нѣтъ никакой возможности, писалъ онъ князю Орлову, пройдти въ пять лѣтъ весь гимназическій курсъ, съ присоединеніемъ еще химіи, естественной исторіи и восточныхъ языковъ; нѣтъ никакой возможности воспитанникамъ изъ Русскихъ учиться разомъ латинскому, французскому, арабскому, персидскому и турецкому языкамъ, а уроженцамъ кавказскаго края изъ инородцевъ учиться сверхъ того русскому, грузинскому, армянскому и татарскому языкамъ, то-есть разомъ девяти языкамъ; обученіе столь многимъ языкамъ въ одно и то же время, способное произвесть совершенное смѣшеніе въ понятіяхъ молодыхъ людей и притупить ихъ способности, не обѣщаетъ никакой пользы. Такъ писалъ графъ Уваровъ и съ своей стороны предлагалъ, чтобы курсъ ученія былъ раздвинутъ, но чтобъ и при этомъ условіи заведеніе либо ограничилось практическою цѣлью приготовленія переводчиковъ и чиновниковъ закавказскаго края, либо совсѣмъ отказалось отъ этой практической цѣли и постановило себѣ задачей приготовлять въ университетъ. Эти вѣрныя замѣчанія были однакоже только отчасти приняты во вниманіе; заведеніе преобразовано безъ яснаго сознанія цѣли — и понесло на себѣ всѣ вредныя послѣдствія многопредметности. Можно сказать безъ преувеличенія, что съ 1848 года по

нынѣшній оно существовало на самыхъ антипедагогическихъ основаніяхъ. Въ послѣдніе два года были сдѣланы попытки исправить нѣкоторыя изъ погрѣшностей этого плана, но частныя мѣры не могли оказаться удовлетворительными.

Тѣмъ бо́льшую заслугу оказалъ заведенію и тѣмъ большее право на общую благодарность пріобрѣлъ главноначальствующій Лазаревскимъ институтомъ В. П. Бутковъ, которому принадлежитъ инициатива преобразованія этого заведенія, согласно новымъ требованіямъ, на основаніи здравыхъ педагогическихъ началъ. Сколько извѣстно, въ этомъ случаѣ званіе главноначальствующаго впервые послужило не къ внѣшнему огражденію заведенія и не къ снабженію его правами и преимуществами, а къ его внутреннему существенному улучшенію. Можно также поздравить Лазаревскій институтъ съ тѣмъ, что предписаніе главноначальствующаго о пересмотрѣ устава было исполнено подъ просвѣщеннымъ руководствомъ нынѣшняго директора института И. К. Бабста, который вполнѣ сознаетъ педагогическія достоинства господствующей въ Европѣ системы общаго образованія и уже съ самаго вступленія своего въ должность не только обратилъ особенное вниманіе на преподаваніе латинскаго языка, но и самъ помогалъ ему личнымъ участіемъ въ репетированіи уроковъ. Нельзя не порадоваться такому благопріятному стеченію обстоятельствъ, позволяющему надѣяться, что щедрая жертва Христофора Якимовича Лазарева, нынѣшняго попечителя, будетъ употреблена въ дѣло раціонально и принесетъ должные плоды. Улучшеніе Лазаревскаго института сопряжено съ величайшими трудностями, какъ по причинѣ слѣдовъ по необходимости оставшихся отъ прежняго совершенно неудовлетворительнаго учебнаго плана, такъ и по причинѣ азіятскаго происхожденія значительной части воспитанниковъ, приносящихъ съ собой понятія и правы, борьба съ которыми требуетъ чрезвычайной энергіи. Но чѣмъ труднѣе дѣло, тѣмъ выше честь его.

№ 201.

Москва, 15-го сентября.

Въ общественномъ мнѣніи Франціи совершается замѣчательный поворотъ въ пользу политики, которой слѣдуетъ теперь Пруссія по германскимъ дѣламъ вообще и по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу въ особенности. Нѣсколько времени тому назадъ, Гаштейнская конвенція вызвала взрывъ негодованія со стороны всѣхъ органовъ общественнаго мнѣнія Франціи,—негодованія, къ которому поспѣшило присоединиться, или, что будетъ вѣрнѣе, которое возбудило и поддерживало французское правительство: Франція предупредила Англію въ строгомъ осужденіи этой конвенціи; французская депеша была написана 29-го августа, черезъ четыре дня послѣ гаштейнскаго соглашенія, тогда какъ депеша графа Росселя помѣчена только 14-мъ сентября, и графъ Россель только повторилъ то что было подсказано ему г. Друэнъ-де-Люисомъ. Но едва только эта репетиція окончилась, тотчасъ сцена перемѣнилась, и во Франціи отовсюду послышались голоса, которые стараются оправдать и даже поощрить Пруссію въ ея насильственномъ образѣ дѣйствій. Въ Англіи между тѣмъ журналистика продолжаетъ бушевать, *Daily News* доходитъ даже до того, что по поводу возведенія г. фонъ-Бисмарка въ графское достоинство, стращаетъ Пруссію участью, которая постигла Россію въ 1853—56 годахъ и Австрію въ 1859-мъ. „Пруссія, говоритъ англійскій журналъ, съ своими разорванными границами и съ своею плохо сплоченною территоріей, болѣе всѣхъ другихъ государствъ заинтересована предложеніемъ господства консервативныхъ идей въ Европѣ и соблюденіемъ съ своей стороны строго-законнаго образа дѣйствій. Слава Дюппельской побѣды, быть-можетъ, окажется слишкомъ дорого купленною, купленною цѣной щита, который Пруссія отбросила отъ себя, рѣшившись во что бы ни стало ограбить Данію и присоединить къ себѣ ея герцогства. Дважды, въ продолженіе послѣдняго пятидесятилѣтія (въ 1853—56 годахъ и въ 1859 г.), обнаружилось, что какъ только нравственное чувство Европы произноситъ свой приговоръ надъ какимъ-либо правительствомъ, исполненіе этого приговора почти тотчасъ же для него наступаетъ... Пруссіи слѣдовало бы воспользоваться этими уроками, которые представляетъ ей примѣръ Россіи и Австріи.“

Не таковъ теперь языкъ французскихъ журналовъ. „Какъ бы мы ни дорожили союзомъ съ Англіей, говоритъ *Journal des*

Débats, однакоже мы стали бы сожалѣть, еслибы правительство и общественное мнѣніе Франціи увлеклось примѣромъ Англіи и стало съ такою же чрезмѣрною рѣзкостью осуждать нынѣшнюю политику великихъ нѣмецкихъ державъ." Франціи, по мнѣнію *Journal des Débats*, нечего сожалѣть, если правительства, наиболѣе консервативныя и наиболѣе враждебныя къ революціоннымъ идеямъ 1789 года, сами наносятъ тяжкіе удары политическому равновѣсію, установленному ненавистнымъ вѣнскимъ трактатомъ: Франціи остается только принимать къ свѣдѣнію такой ихъ образъ дѣйствій, и ожидать случая, когда представится возможность воспользоваться ихъ примѣромъ: „Для сохраненія добраго согласія съ Англіей, продолжаетъ *Journal des Débats*, мы нисколько не обязаны ссориться съ Германіей...: Въ настоящее время дѣло идетъ не между Германіей и Даніей: это теперь не болѣе какъ чисто-нѣмецкіе раздоры, въ которые намъ нечего мѣшаться, но изъ которыхъ мы можемъ извлечь руководство для нашей дальнѣйшей политики." Особенно не нравится французской газетѣ, что въ Англіи какъ бы привыкли стращать Германію Франціей и ея стремленіемъ къ рейнской границѣ. Такъ разсуждаетъ теперь тотъ же самый *Journal des Débats*, который нѣсколько дней тому назадъ, по примѣру *Revue des deux Mondes*, кричалъ о нарушеніи европейскаго равновѣсія въ ущербъ Франціи и почти о невозможности дальнѣйшаго для нея бездѣйствія. Что бы могла означать такая метаморфоза?

Но *Journal des Débats* стыдливо останавливается на полдорогѣ; *Opinion Nationale*, извѣстный органъ революціонной политики обращенной противъ Европы, чуждъ этой застѣнчивости: газета принца Наполеона прямо проповѣдуетъ союзъ между Франціей и Пруссіей,—союзъ, основанный на революціонныхъ началахъ. Статьи *Opinion Nationale*, посвященныя этому предмету, обратили на себя вниманіе и во Франціи, и въ Германіи; по мнѣнію *Allgemeine Zeitung*, въ нихъ высказаны не случайныя воззрѣнія самого г. Геру, а взгляды и стремленія лицъ гораздо выше поставленныхъ. Географическая необходимость, говоритъ *Opinion Nationale*, заставляетъ Пруссію быть орудіемъ нововведеній въ Германіи, опорой европейской революціи: Пруссія ни въ какомъ случаѣ не можетъ остаться тѣмъ чѣмъ она была до сихъ поръ. Если Пруссія до сихъ поръ не сознавала за собой этого призванія, или по крайней мѣрѣ не дѣлала ничего для его выполненія, то причина заключалась только въ ограниченности ея государственныхъ людей и въ страхѣ, который внушала ей Франція и который заставлялъ ее держаться въ союзѣ съ Россіей и съ Австріей. Но теперь обстоятельства измѣнились: въ продолженіе 50 лѣтъ европейская дипломатія искусственно питала вражду между Пруссіей и Франціей, и слѣдствіемъ этой вражды было то, что Пруссія оставалась какъ бы въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ Россіи и уступала первенство Австріи; теперь Пруссія стремится присвоить себѣ это первенство въ Германіи, оттѣснить Австрію на западній планъ, и съ другой стороны, старается занять крѣпкую, неблагопріятную для Россіи, позицію на Балтійскомъ морѣ. Такимъ образомъ, Пруссія принуждена искать союза съ Франціей, или по крайней мѣрѣ, добраго ея расположенія, и это сближеніе ихъ между собою, по мнѣнію *Opinion Nationale*, сдѣлалось теперь какъ нельзя болѣе возможно. Разумѣется, продолжаетъ та же газета, Франція должна при этомъ искренно (?) отречься отъ своихъ притязаній на рейнскія провинціи Пруссіи; но это отреченіе во всякомъ случаѣ необходимо: вопервыхъ, сомнительно, чтобы само населеніе этихъ провинцій пожелало присоединиться къ Франціи, а безъ этого пришлось бы ниспровергнуть единственное основаніе для преобразованія Европы, именно начало національностей; во-вторыхъ, всякое нападеніе на Рейнъ со стороны Франціи тотчасъ же положило бы конецъ внутреннимъ раздорамъ Германіи и соединило бы противъ Франціи три великія сѣверныя державы и Англію. Но если бы Франція, вмѣсто территоріальнаго сближенія съ Пруссіей, пожелала сблизиться съ нею дипломатически, и представила ей всевозможныя ручательства за сохраненіе съ своей стороны благосклоннаго къ ней нейтралитета, въ такомъ случаѣ Пруссія съ удвоенною энергіей стала бы осуществлять свои планы относительно преобладанія въ Германіи, пришла бы неминуемо въ столкновеніе съ Австріей, вступила бы, на основаніи одинаковости интересовъ и внѣшней необходимости, въ союзъ съ Италіей, и тѣмъ самымъ доставила бы ей обладаніе Венеціей, а Европѣ—разрѣшеніе

труднаго вопроса. Но наибольшую выгоду отъ такого сближенія Пруссіи и Франціи и отъ такого объединенія Германіи подъ сѣнью Пруссіи усматриваетъ *Opinion Nationale* въ томъ, что Пруссія стала бы оплотомъ для западной Европы противъ все болѣе возрастающаго могущества Россіи: вмѣсто „организованной анархіи, которую называютъ Германскимъ Союзомъ, и вмѣсто тѣхъ мелкихъ князьковъ, которыхъ Россія или устрашаетъ, или завлекаетъ въ свои сѣти родственными узами," возникло бы сильное независимое государство, которому нечего было бы ни страшиться Франціи, ни ожидать отъ Россіи; усиленная такимъ образомъ Пруссія совсѣмъ отрѣшилась бы отъ Россіи.

Замѣчательно, что эти разсужденія въ главнѣйшихъ пунктахъ почти совершенно совпадаютъ съ тѣмъ что было высказано въ брошюрѣ, которая появилась надняхъ въ Парижѣ и изъ которой наиболѣе интересная часть уже сообщена въ № 199 *Московскихъ Вѣдомостей* (подъ рубрикой: „Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ"). Сходство это объясняется въ помѣщаемомъ ниже письмѣ нашего парижскаго корреспондента, который свидѣтельствуетъ о происхожденіи этой брошюры изъ той же самой лабораторіи, откуда черпаетъ свои вдохновенія газета г. Геру. Въ этой брошюрѣ написанной въ защиту какъ внѣшней, такъ и внутренней политики г. фонъ-Бисмарка, высказываются довольно диковинныя вещи. Гаштейнская конвенція, какъ намекаетъ авторъ брошюры, не только оказала Европѣ важную услугу, устранивъ возможность столкновенія между Пруссіей и Австріей, — столкновеніе, которое на сѣверѣ побудило бы Данію къ возвращенію Герцогствъ силою оружія, на югѣ поощрило бы Италію къ насильственному завладѣнію Венеціей, въ срединѣ Европы возбудило бы вновь Поляковъ къ возстанію, и наконецъ, на юго-востокѣ могло бы породить революцію въ Венгріи и въ Румыніи, и при которомъ ни Франція, ни Англія не могли бы остаться безучастными зрительницами,—но эта конвенція, сверхъ того, будто бы состоялась въ духѣ многихъ великихъ началъ: въ духѣ началъ 1789 года; такъ какъ она обратила въ ничто притязанія кандидатовъ на Герцогства, основанныя на договорахъ, ниспровергнутыхъ революціей 1789 г.,—въ духѣ начала національностей, такъ какъ г. фонъ-Бисмаркъ, нисколько не отрицая права населеній, такъ же какъ онъ не отрицаетъ и правъ народнаго представительства въ Пруссіи, только отсрочиваетъ дѣйствительное пользованіе этими правами и въ этомъ именно смыслѣ признаетъ лишь временный характеръ за Гаштейнскою сдѣлкой,— наконецъ, въ духѣ уваженія къ Германскому Союзу, такъ какъ ему представляется право голоса по важнѣйшимъ вопросамъ: относительно образованія будущаго нѣмецкаго флота и относительно обращенія Рендсбурга въ союзную крѣпость. Мы не будемъ останавливаться на этомъ прославленіи Гаштейнской конвенціи, которое можно было бы принять за злую насмѣшку надъ графомъ Бисмаркомъ, еслибъ оно не было проникнуто сочувствіемъ къ нему и не было написано съ извѣстною ловкостью, которая придаетъ тѣнь правдоподобія самымъ невѣроятнымъ утвержденіямъ. Для насъ гораздо интереснѣе то, въ какомъ именно смыслѣ выставляетъ брошюра стремленіе Пруссіи къ рѣшительному господству въ Германіи и особенно къ господству на Балтійскомъ морѣ. „Пруссія, читаемъ мы въ анонимной брошюрѣ, такъ же какъ и въ *Opinion Nationale*, стоитъ во главѣ движенія, и играетъ въ Германіи ту же роль, исполненную духа инціативы, какая принадлежитъ революціонной Франціи по отношенію къ цѣлой Европѣ. Будучи вполнѣ либеральною, парламентскою и демократическою страной, она тѣмъ не менѣе дозволяетъ г. фонъ-Бисмарку налагать руки на парламентъ, на свободу и на демократію, потому что г. фонъ-Бисмаркъ въ настоящее время доставляетъ Пруссіи перевѣсъ въ Германіи. Народы,—прибавляетъ авторъ брошюры, какъ бы желая сдѣлать еще нагляднѣе сходство между наполеоновскою Франціей и бисмарковскою Пруссіей,—народы иногда допускаютъ, чтобы самымъ глубокимъ ихъ стремленіямъ причинялось насиліе людьми, которые доставляютъ имъ извнѣ большій блескъ, хотя только кажущійся." Замѣтивъ, что Англіи нечего бояться будущаго нѣмецкаго флота, отдѣльно взятаго, а что соединенія всѣхъ европейскихъ флотовъ противъ Англіи нельзя предвидѣть даже и въ самомъ отдаленномъ будущемъ, авторъ обращается, главнѣйшимъ образомъ, къ Франціи. Территоріяльное усиленіе Пруссіи, особенно въ такомъ отдаленіи отъ французскихъ границъ, ни-

сколько не опасно для Франціи; Пруссія и Франція—естественныя союзницы между собой; Франція естественная покровительница второстепенныхъ морскихъ державъ; въ союзѣ между собой, и дружбѣ съ Англіей и Италіей, Пруссія и Франція могутъ располагать судьбами Европы. Основывая морскую военную силу въ Балтійскомъ морѣ, Пруссія можетъ употребить ее въ дѣло, въ союзѣ съ Даніей и Швеціей, на защиту восточной Европы, „при тѣхъ случайностяхъ, которыя безъ особенной смѣлости можно уже предвидѣть."

Такимъ образомъ, мы попадаемъ здѣсь снова въ сферу тѣхъ идей, радикально враждебныхъ Россіи, которыя развиваетъ органъ принца Наполеона, *Opinion Nationale*. Комбинація, которую представляетъ какъ эта брошюра, такъ и *Opinion Nationale*, имѣетъ своимъ основаніемъ союзъ между Пруссіей и Франціей и дружбу ихъ съ Италіей и Англіей. Въ брошюрѣ говорится, между прочимъ, что Пруссія нисколько не желаетъ освобожденія Австріи отъ затрудненій, въ которыя вовлекаетъ ее обладаніе Венеціей и которыя заставляютъ ее дѣлать уступки своей германской соперницѣ. „Пруссія, которая энергически и съ успѣхомъ отстаиваетъ права національностей на сѣверѣ Германіи, не могла обѣщать Австріи свой мечъ для подавленія этихъ правъ въ Италіи."

Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ дѣйствительными стремленіями, господствующими въ нѣкоторыхъ офиціяльныхъ сферахъ Франціи и Пруссіи, или же съ разглагольствіемъ гг. Геру и К°, или, наконецъ, съ интригой, главная цѣль которой заключается въ томъ, чтобы поссорить Пруссію съ Австріей,—во всякомъ случаѣ положеніе, которое приняла теперь Пруссія, крайне двусмысленно.

Прусское правительство поспѣшило, правда, какъ телеграфируютъ изъ Берлина, отъ 21-го сентября, извѣстить всѣ европейскіе дворы, что оно нисколько не причастно появившейся въ Парижѣ брошюрѣ. А между тѣмъ, и изъ другихъ источниковъ сообщаютъ, что отношенія Пруссіи къ Италіи принимаютъ характеръ нѣжной дружбы, и что будто бы обѣ державы стараются склонить императора Наполеона къ скорѣйшему разрѣшенію венеціянскаго вопроса.

№ 202.

Москва, 16-го сентября.

Въ № 194 нашей газеты, говоря о нѣкоторыхъ ошибочныхъ мѣрахъ по управленію Закавказьемъ, вошедшихъ въ силу со времени намѣстника князя М. С. Воронцова, мы сочли нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о томъ направленіи, изъ котораго подобныя мѣры проистекаютъ; мы характеризовали это направленіе общимъ указаніемъ на слабость національнаго духа въ русской внутренней политикѣ. „Послѣдствія этой системы, писали мы, у насъ передъ глазами. Она широко развилась на всемъ пространствѣ Русскаго государства и отразилась во всѣхъ частяхъ управленія. Вездѣ гдѣ только отыскивался какой-либудь инородческій элементъ, въ немъ возбуждали стремленіе къ отдѣльной жизни, въ немъ вызывали фальшивое и пагубное для него и для государства чувство превосходства надъ русскимъ народомъ. Русское становилось синонимомъ всего дурнаго, униженнаго, обиженнаго." Въ этой системѣ нельзя винить отдѣльныя правительственныя лица, которыя держались ея; она возникла исторически и была примѣняема къ дѣлу государственными людьми благонамѣренными и просвѣщенными, но тѣмъ не менѣе очевидно, что эта система есть зло отравлявшее и еще теперь отравляющее нашъ государственный организмъ. Къ ней нельзя относиться равнодушно; ее слѣдуетъ обличать, и обличается она всего поучительнѣе на государственныхъ людяхъ наиболѣе замѣчательныхъ. Въ другихъ можно было бы приписать это зло личному ничтожеству; въ людяхъ высокаго ума и высокой доблести оно свидѣтельствуетъ о фальшивой системѣ. Такіе люди должны быть полезны своему народу даже своими недостатками: ихъ недостатки должны служить урокомъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы указывали на дѣятельность князя М. С. Воронцова по управленію южною Россіей. Не только политическая благонамѣренность, но и политическая дальновидность этого человѣка находятся внѣ всякаго сомнѣнія (для примѣра мы упомянули о его усиліяхъ подарить югъ Россіи желѣзною дорогой, хотя могли бы упомянуть о многомъ другомъ менѣе важномъ), и однакоже фальшивая политическая система поло-

жила слѣдъ свой на результатахъ его трудовъ. Намъ пріятно обнародованіе всего того, что можетъ представить дѣйствія покойнаго фельдмаршала въ наилучшемъ свѣтѣ. Мы не только по долгу безпристрастія, но и съ особеннымъ удовольствіемъ печатаемъ ниже письмо г. М. Щ., выставляющее на видъ его высокія заслуги. Мы рады что подали поводъ къ публичному разъясненію причинъ побудившихъ князя Воронцова построить мечеть вблизи своего дворца на самомъ видномъ мѣстѣ въ Алупкѣ. Но и эти причины не могли быть, да и впредь не будутъ извѣстны всѣмъ и каждому, и предпочтеніе отданное мечети передъ православною церковью бросалось и будетъ бросаться всѣмъ въ глаза; оно не могло не поднимать духа Татаръ, понижая въ то же время духъ христіанъ и Русскихъ. Князь Воронцовъ, конечно, не хотѣлъ этого; все это, какъ мы теперь узнаемъ отъ г. М. Щ., произошло случайно. Нѣтъ сомнѣнія, столь же удовлетворительно относительно благонамѣренности князя Воронцова можетъ быть объясненъ и тотъ фактъ, что Татары находили доступъ къ нему скорѣе и легче чѣмъ Русскіе. Но на людей видѣвшихъ только внѣшнюю сторону дѣла все это производило впечатлѣнія неблагопріятныя для русской народности, а князь Воронцовъ, очевидно, не замѣчалъ возможности этихъ впечатлѣній, или не придавалъ имъ той важности, которую они имѣли. Не отъ того ли это проистекало, что онъ не имѣлъ привычки становиться въ политикѣ на національную точку зрѣнія? Его цѣлію было сближеніе и сліяніе инородцевъ съ Русскими, но эта благая цѣль не была достигаема именно потому, что вниманіе къ инородцамъ, принимавшее видъ предпочтенія, побуждало ихъ, для сохраненія своего выгоднаго положенія, еще болѣе отдѣляться отъ Русскихъ: кто захочетъ быть Русскимъ, когда выгоднѣе быть инородцемъ, когда сліяніе съ русскимъ народомъ равняется для инородца разжалованію? Нѣтъ ничего ошибочнѣе того мнѣнія, будто политика лишенная національнаго духа ведетъ къ сближенію инородцевъ съ господствующимъ народомъ. Она ведетъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ сближенію. Она не закрѣпляетъ, а раскрѣпляетъ связь государственную. Привилегіи даваемыя инородцамъ, предпочтенія имъ оказываемыя, прямо противодѣйствуютъ сближенію ихъ съ Русскими. На что намъ нерѣдко указываютъ какъ на условіе всеобщаго единодушія, согласія и мира, въ томъ заключается лучшее средство возбудить антагонизмъ, произвести розпь, породить нескончаемыя смуты. Напротивъ, національная политика есть средство упрочить и единство, и спокойствіе, и благосостояніе государства.

Національная политика есть дѣло государствъ цивилизованныхъ, правительствъ разумныхъ и просвѣщенныхъ. Національная политика состоитъ не въ томъ, чтобъ унижать чужое, а въ томъ, чтобы возвышать свое. Съ точки зрѣнія либеральной или гуманной, можно желать чтобы люди иныхъ вѣроисповѣданій, иного происхожденія, иного обычая, не были предметомъ отчужденія или нетерпимости, чтобъ они пользовались равными правами съ дѣтьми господствующаго племени, чтобы чужестранное или иноплеменное происхожденіе человѣка не было для него помѣхой или затрудненіемъ. Но это же самое желательно и въ смыслѣ національной политики. Исключительность и нетерпимость ведутъ къ ослабленію и оскудѣнію народа; сѣютъ недовольство, препятствуютъ плодотворному развитію жизни и государственнаго благоустройства. Справедливость требуетъ равенства между подданными одного и того государства; этого же требуетъ и хорошо понятая національная политика. Люди какого бы ни было происхожденія, будучи членами одного государства, составляютъ одну націю и ни въ чемъ не разнятся между собою по отношенію къ общему для нихъ политическому дѣлому, котораго интересы должны быть равно имъ дороги. Было бы столько же не великодушно, сколько и противно здравой политикѣ заставлять инородцевъ или иновѣрцевъ чувствовать себя людьми чужими въ государствѣ, и составлять въ немъ особую униженную націю. Но если не должно унижать и умалять чужихъ передъ своими, то какъ назвать ту политику, которая стала бы унижать своихъ передъ чужими? А между тѣмъ именно такой именно политикѣ почти постоянно слѣдовали наши дѣла. Не дѣлать различія между пріемышами и собственными дѣтьми, это прекрасно, это признакъ великодушія и благородства чувствованій. Но не дѣлать различія не значитъ дѣлать различіе въ пользу чужихъ и во вредъ своимъ, не

значитъ дѣлать своихъ рабами, а чужихъ господами. Если не великодушно унижать чужихъ передъ своими, то какая бездна неразумія и нечестія въ систематическомъ униженіи своихъ передъ чужими! А между тѣмъ дѣла наши безсознательно въ теченіе долгаго времени шли именно такимъ путемъ, и дошли наконецъ до того, что мы стали терять вѣру въ собственное существованіе.

Въ Русскомъ государствѣ къ счастію, нѣтъ разныхъ цѣльныхъ народовъ, изъ какихъ, напримѣръ, состоитъ искусственная и лишенная внутренней силы организація Австріи. Въ Россіи есть только одна нація, при инородческихъ элементахъ до безконечности дробныхъ и до безконечности разнообразныхъ. Повинуясь слѣпому инстинкту, превращавшемуся въ страсть самоуничтоженія, мы были готовы возводить эти до безконечности дробные элементы въ особыя національности, искусственно усиливать и объединять ихъ столько же въ пагубу имъ самимъ, сколько и во вредъ цѣлому государству, — точно такъ же какъ мы распространяли магометанскую вѣру правительственными средствами въ предѣлахъ христіанской Россіи, точно такъ же какъ мы старались тѣми же средствами организовать и возвысить ламайскую вѣру для состязанія съ христіанствомъ, точно такъ же наконецъ какъ пытались мы создать въ канцеляріяхъ для нѣкоторыхъ подвластныхъ нашему правительству народонаселеній особую неслыханную религію. Въ этомъ слѣпомъ инстинктѣ образовавшемся вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ нашей исторіи, заключаются всѣ наши опасности; онъ такъ овладѣлъ нами, что мы даже не замѣчаемъ его дѣйствія, и не видимъ бездны, въ которую онъ можетъ увлечь насъ, если мы разъ навсегда не взглянемъ ему въ глаза. Повинуясь этому инстинкту, мы безсознательно подавляемъ наши лучшія силы и лишаемъ свой народъ возможности правильнаго развитія и плодотворной жизни. Ту почву, на которой поконтся вся твердыня нашего государства, мы оставляемъ невоздѣланною; мы отнимаемъ у нашего народа всякую честь и отдаемъ ее первому встрѣчному; вмѣсто того чтобы сѣять на данной намъ Богомъ нивѣ сѣмена всего лучшаго, мы бросаемъ ихъ на вѣтеръ...

№ 203.

Москва, 17-го сентября.

Народы Австріи, такъ долго ожидавшіе обстоятельной министерской программы, которая разъяснила бы имъ вполнѣ значеніе происходящаго теперь кризиса во внутренней политикѣ ихъ имперіи, дождались, наконецъ, вмѣсто министерской программы, манифеста отъ самаго императора. Это во многихъ отношеніяхъ замѣчательный документъ. Прежде всего онъ разчитанъ на то чтобы разсѣять въ самой Австріи опасенія относительно „права ея народовъ участвовать посредствомъ ихъ законныхъ представителей, имѣющихъ рѣшающій голосъ, въ законодательствѣ и управленіи финансовъ.“ Это право признаетъ манифестъ вѣрнымъ обезпеченіемъ интересовъ какъ цѣлой имперіи, такъ и отдѣльныхъ ея областей, и объявляетъ, что оно дано народамъ Австріи торжественно и безвозвратно. Упрочить могущество монархіи посредствомъ совокупнаго обсужденія государственныхъ дѣлъ, и обезпечить единство имперіи при разнообразіи ея составныхъ частей и ихъ исторически установившагося быта,—вотъ, по словамъ манифеста, основная мысль, которою императоръ Францъ-Іосифъ будетъ и впредь руководствоваться въ своихъ попеченіяхъ о благѣ своихъ подданныхъ. Это торжественное объявленіе съ высоты престола, конечно, могло бы послужить могущественнымъ средствомъ какъ для упроченія финансовъ Австріи, такъ и для улучшенія ея внѣшняго политическаго положенія, еслибы содержаніе манифеста было удовлетворительно и въ другихъ отношеніяхъ. Какъ бы то ни было, однакоже, мы узнаемъ, что одновременно съ изданіемъ манифеста 20-го сентября начались переговоры съ домомъ Ротшильдовъ о займѣ, и что эти переговоры идутъ успѣшно: заявленіе императора Франца-Іосифа, какъ видно, внушаетъ *князьямъ биржи* довѣріе къ будущности его имперіи.

Но если либеральное мнѣніе Европы найдетъ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе въ манифестѣ 20 го сентября, то славянскіе федералисты не должны бы такъ радоваться ему, какъ радуется газета *Národ.* Онъ нанесетъ ударъ не только партіи нѣмецкихъ централистовъ, но по всему вѣроятію и партіи славянскихъ федералистовъ

въ Австріи. Эта партія страдаетъ непсчѣлимою довѣрчивостью, если предается оптимистическимъ надеждамъ по поводу манифеста 20-го сентября. Какіе планы за нимъ скрываются, это публикѣ неизвѣстно, и газета *Národ*, какъ видно изъ ея собственныхъ словъ, не составляетъ исключенія въ этомъ случаѣ. А взятый самъ по себѣ, манифестъ 20-го сентября не сулитъ ничего положительнаго австрійскимъ Славянамъ. Ихъ дѣло, если они имъ удовлетворяются; но взятый самъ по себѣ, манифестъ заботится объ удовлетвореніи прежде всего Венгерцевъ, а затѣмъ уже и то лишь до нѣкоторой степени можетъ удовлетворить и нѣмецкихъ автономистовъ. Только эти двѣ партіи имѣютъ дѣйствительныя основанія ему радоваться.

Венгерцы стали теперь любезнѣйшими чадами Австріи; къ нимъ обращена наибольшая нѣжность и наибольшее вниманіе. Въ одновременно-обнародованномъ актѣ о созваніи венгерскаго сейма на 10-е декабря имъ обѣщано, что императоръ самъ прибудетъ въ Пешть, чтобы лично открыть засѣданія ихъ сейма, и что вслѣдъ за тѣмъ онъ не замедлитъ возложить на себя корону Св. Стефана, съ соблюденіемъ всѣхъ старинныхъ правилъ, установленныхъ на этотъ случай; въ манифестѣ цѣлая тирада посвящена оправданію Венгерцевъ въ томъ, что они уклонялись отъ участія въ общей имперской думѣ. По смыслу манифеста, они не совсѣмъ были неправы въ этомъ отношеніи, они не измѣнили при этомъ требованіямъ патріотизма и горячей преданности монарху; ихъ устраненіе снисходительно объясняется юридическими сомнѣніями, которыя основываются на различіи постановленій многообразныхъ основныхъ законовъ (въ томъ числѣ старой венгерской конституціи и новой австрійской, отъ 26-го февраля 1861 года), — законовъ, которые, по словамъ манифеста, только въ своей совокупности составляютъ конституцію имперіи. Манифестъ особенно охотно и часто возвращается къ этому опредѣленію конституціи Австрійской имперіи, которое было предусмотрительно высказано и въ 6-мъ пунктѣ февральскаго патента. Теперь можно почти сказать, что центръ политической тяжести перенесенъ изъ Вѣны въ Пешть, изъ западной нѣмецко-славянской половины въ восточную венгерскую. Венгерцамъ (то-есть, Мадьярамъ) уже и теперь предоставленъ рѣшительный перевѣсъ не только въ земляхъ венгерской короны, гдѣ мадьярской національности, повидимому, предполагаютъ вполнѣ пожертвовать и славянскою, и румынскою народностями, но и вообще въ Австрійской имперіи: рѣшеніе вопроса о будущемъ общемъ устройствѣ Австрійской имперіи, о судьбѣ октябрьскаго диплома и февральскаго патента прежде всего предоставляется венгерскому сейму и затѣмъ сейму хорватскому (о трансильванскомъ сеймѣ при этомъ нѣтъ и помину, какъ еслибы вопросъ о прямомъ и окончательномъ присоединеніи Трансильваніи къ Венгріи былъ уже рѣшенъ заранѣе), а потомъ уже, въ случаѣ если рѣшенія венгерскаго и хорватскаго сеймовъ, если предложенныя ими измѣненія въ упомянутыхъ основныхъ законахъ имперіи будутъ согласны съ ея единствомъ и ея могуществомъ, то эти рѣшенія и эти измѣненія, до утвержденія ихъ императоромъ, будутъ предложены на разсмотрѣніе отдѣльнымъ областнымъ сеймамъ прочихъ коронныхъ земель *). Такимъ образомъ, эти сеймы будутъ уже имѣть дѣло съ совершившимся фактомъ: надъ ихъ рѣшеніями будетъ неминуемо тяготѣть предварительное соглашеніе между правительствомъ Франца-Іосифа и венгерскимъ сеймомъ, и чѣмъ затруднительнѣе было достигнуть этого соглашенія, тѣмъ болѣе будетъ дорожить имъ правительство, и тѣмъ менѣе уступокъ могутъ ожидать отъ него отдѣльные сеймы. Мадьярская національность, предпочтительно передъ другими, облекается теперь полномочіемъ дать общій законъ Австрійской имперіи объ устройствѣ и веденіи общихъ дѣлъ ея, и если при этомъ интересы нѣмецкаго элемента въ Австріи достаточно обезпечиваются преобладаніемъ его какъ въ составѣ, такъ и въ общемъ направленіи австрійскаго правительства, то интересы славянскихъ племенъ Австріи, по отношенію къ общимъ дѣламъ имперіи, явнымъ образомъ приносятся въ жертву соглашенію между нѣмецкимъ правительствомъ и Мадьярами. Уже вслѣдствіе ограниченности той роли, которая предоставляется ма-

*) Въ № 202 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ переводѣ австрійскаго манифеста, вкралась погрѣшность: вмѣсто рѣшеній венгерскаго и хорватскаго сеймовъ, *согласныхъ* съ единствомъ и могуществомъ Австрійской имперіи, напечатанъ неправильно: *несогласныхъ* соединить разрозненныя силы имперіи."

нифестомъ 20-го сентября представительству прочихъ областей Австрійской имперіи, было необходимо пріостановить силу февральской конституціи въ той ея части, которая относится къ тѣснѣйшей имперской думѣ: съ отдѣльными областными сеймами во всякомъ случаѣ будетъ легче справиться чѣмъ съ общимъ представительствомъ всѣхъ нѣмецко-славянскихъ земель.

За то, устраняя это общее представительство и выдвигая на первый планъ отдѣльные областные сеймы, манифестъ 20-го сентября до нѣкоторой степени удовлетворяетъ требованіямъ такъ-называемыхъ автономистовъ, или приверженцевъ политической децентрализаціи и самобытности отдѣльныхъ областей Австріи. И въ другомъ отношеніи онъ долженъ придтись имъ по сердцу: во главу угла онъ полагаетъ октябрьскій дипломъ, а не февральскій патентъ, и его дѣлаетъ исходною точкой для дальнѣйшаго устройства внутреннихъ политическихъ отношеній Австріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ссылаясь и по отношенію къ нѣмецко-славянскимъ землямъ на 6-й пунктъ февральскаго патента, на высказанное тамъ опредѣленіе, что подъ конституціей Австріи слѣдуетъ разумѣть не только новые основные законы, но и прежнія законоположенія, манифестъ тѣмъ самымъ какъ бы намекаетъ, что отдѣльнымъ областнымъ сеймамъ предоставляется вызвать вновь къ жизни старинныя учрежденія ихъ областей, согласивъ ихъ съ тѣмъ что должно стать общимъ закономъ имперіи. Этимъ открывается до нѣкоторой степени просторъ и стремленіямъ чешскихъ и другихъ славянскихъ федералистовъ, но только до нѣкоторой степени, потому что составъ областныхъ сеймовъ оставляется безъ измѣненія такимъ же, какъ онъ былъ опредѣленъ февральскою конституціей, а февральская конституція очень усердно озаботилась тѣмъ чтобы доставить рѣшительное большинство и преобладаніе во всѣхъ сеймахъ западной половины имперіи нѣмецкому элементу.

Въ нашихъ глазахъ манифестъ 20-го сентября предвѣщаетъ близкое наступленіе господства дуализма, въ наиболѣе неблагопріятной его формѣ: компактная масса венгерскихъ земель, съ полнымъ въ нихъ преобладаніемъ мадьярской національности, будетъ повидимому сопоставлена съ обособленными по возможности другъ отъ друга нѣмецко-славянскими землями, въ которыхъ, за исключеніемъ, разумѣется, Галиціи, рѣшительное преобладаніе будетъ на сторонѣ нѣмецкаго элемента и которыя уже по этому столько же будутъ тяготѣть къ Вѣнѣ, сколько и къ Франкфурту или другому центру общей политической жизни Германіи.

Не надобно упускать изъ виду, что венгерскія стремленія, которыя явнымъ образомъ торжествуютъ теперь въ совѣтахъ Австрійскаго императора, нисколько не враждебны требованіямъ общегерманскаго патріотизма, который сильно развитъ въ нѣмецкомъ населеніи Австріи, а напротивъ, даже прямо благопріятны ему: чѣмъ тѣснѣе будетъ политическая связь нѣмецко-славянскихъ земель Австріи съ Германіей, чѣмъ болѣе будетъ между ними общихъ политическихъ интересовъ, тѣмъ отдѣльнѣе и самостоятельнѣе будетъ положеніе королевства Венгерскаго, тѣмъ менѣе будетъ у него общихъ дѣлъ съ нѣмецко-славянскими землями Австріи. Можно полагать, что тотъ оборотъ, который принимаютъ теперь внутреннія дѣла Австріи, указываетъ отчасти и на будущее направленіе внѣшней ея политики: она не думаетъ еще отказываться отъ своего положенія въ Германіи, и по всей вѣроятности, вслѣдъ за разрѣшеніемъ венгерскаго вопроса, сдѣлаетъ новую попытку объединенія Германіи въ своихъ интересахъ; но прежде всего, въ предвидѣніи грядущихъ событій на юго-востокѣ Европы, она старается во что бы ни стало усилить себя съ этой стороны, и если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ о намѣреніяхъ австрійскаго правительства въ отношеніи къ Галиціи, гдѣ бѣдныя русскія населенія совсѣмъ отдаются въ жертву Полякамъ, и даже ихъ скудныя гимназіи подвергаются опасности превратиться изъ классическихъ въ реальныя, точь-въ-точь какъ это дѣлается въ самой Россіи,—то она сверхъ того, надѣется образовать себѣ здѣсь орудіе на случай борьбы съ Россіей, предоставивъ исключительныя права польскому элементу передъ галицко-русскимъ.

Не мы одни такъ опредѣляемъ значеніе внутренняго переворота, который въ настоящее время совершается въ Австріи. *Times*, въ полученномъ сегодня нумерѣ своемъ, привѣтствуетъ Австрію, по поводу манифеста 20-го сентября, со вступленіемъ на тотъ путь внутренней политики, который можетъ привести ее къ завладѣнію сосѣдними областями Турецкой имперіи. Первен-

ствующій англійскій журналъ радуется этому повороту Австріи къ юго-востоку Европы, и пеняетъ только на то, что метафизическій языкъ манифеста скрываетъ до нѣкоторой степени все великое значеніе этого поворота. „Австрія, говоритъ *Times*, по истинѣ имѣетъ великую будущность, еслибы только она сама сознала это.... Она немногое можетъ сдѣлать на западѣ; но востокъ—весь ея, если только она сама того пожелаетъ. Усвоивъ себѣ, съ одной стороны, федеральную форму правленія, на подобіе сѣверо-американской, при которой она могла бы присоединять къ себѣ новыя страны на легкихъ для нихъ условіяхъ, а съ другой, усвоивъ себѣ либеральную торговую политику, необходимую для возстановленія ея финансовъ, Австрія могла бы поглотить одну за другой всѣ области по Дунаю и могла бы присоединять къ себѣ провинціи Турціи по мѣрѣ того, какъ онѣ отрываются отъ ослабѣвшаго организма, не имѣющаго въ себѣ жизненной силы для удержанія ихъ за собой.“ Итакъ, вотъ шагъ къ тому рѣшенію великаго восточнаго вопроса, которое, повидимому, лелѣетъ Англія, и которое первенствующій органъ общественнаго мнѣнія этой страны, приводитъ въ прямую связь съ нынѣшнимъ внутреннимъ переворотомъ въ Австріи. Не оправдывается ли такимъ образомъ то что̀ не разъ доводилось намъ говорить о значеніи этого внутренняго австрійскаго кризиса? Успѣшное совершеніе его считаютъ въ Англіи первымъ условіемъ для рѣшенія восточнаго вопроса въ смыслѣ рѣшительно враждебномъ для Россіи.

Но всѣ тѣ комбинаціи, на которыя указываетъ императорскій манифестъ, отъ 20-го сентября, еще болѣе неблагопріятны для австрійскихъ Славянъ чѣмъ для Россіи, и здѣсь мы невольно вспоминаемъ многознаменательныя слова, сказанныя недавно Палацкимъ въ его брошюрѣ: *Идея Австрійскаго государства*. „День провозглашенія дуализма, говоритъ этотъ знаменитый славянскій публицистъ, подъ вліяніемъ котораго издается газета *Národ*, будетъ и днемъ рожденія панславизма въ наименѣе желанной его формѣ. Мы, Славяне, продолжаетъ Палацкій, будемъ смотрѣть ему на встрѣчу съ искреннею грустью, но безъ боязни: мы были до Австріи, будемъ и послѣ нея.“ По нашему мнѣнію этотъ день провозглашенія дуализма, если еще и не наступилъ вполнѣ съ изданіемъ манифеста 20-го сентября, то наступленіе его уже очень близко, и этотъ манифестъ можетъ быть названъ его разсвѣтомъ, его утреннею зорей. Австрійскимъ Славянамъ предстоитъ теперь одно изъ двухъ: или стать вполнѣ и навсегда Нѣмцами, или же сдѣлать искренній и серіозный шагъ къ своему объединенію изъ атомовъ отдѣльныхъ и ничтожныхъ національностей на которыя они распадаются, въ томъ убѣжденіи, что только это объединеніе и можетъ послужить къ сохраненію ихъ славянской національности, нисколько не нарушая ихъ религіозныхъ и другихъ исторически сложившихся особенностей. Что предпочтутъ австрійскіе Славяне—стать ли вполнѣ Нѣмцами, или же внутренне сблизиться и сродниться между собою, въ виду дальнѣйшихъ событій, которыя рано или поздно должны рѣшить судьбы міра и ближайшимъ образомъ судьбы юго-восточной и восточной Европы,—вотъ вопросъ, на который не замедлятъ, конечно, дать тотъ или другой отвѣтъ славянскіе патріоты Австріи, направивъ свои мирныя усилія въ ту или въ другую сторону. Будемъ ждать этого отвѣта, и искать его не въ словахъ ихъ, а въ дѣйствіяхъ. Будемъ надѣяться что они сознаютъ наконецъ, какое жалкое призваніе исполняли они, работая сами надъ своимъ раздробленіемъ.

№ 204.

Москва, 18-го сентября.

Всякій долженъ согласиться, что одинъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ дорогихъ интересовъ въ какой бы то ни было странѣ, который надобно всего болѣе охранять, есть честь и достоинство правительства. Сила государства, общественный порядокъ, личная безопасность, всѣ права, всѣ интересы, все находится въ непосредственной связи съ правительствомъ, все обезпечивается его кредитомъ, и стало-быть все требуетъ чтобы кредитъ его стоялъ высоко. Ни правительственныя лица, равно какъ ни одинъ мыслящій человѣкъ посреди общества, не могутъ оставаться равнодушны при всякомъ недоразумѣніи, которое можетъ колебать довѣріе къ правительству.

Недавно одна изъ петербургскихъ газетъ объявляла, что въ обществѣ, съ самаго начала ея существованія, распространена

увѣренность въ томъ что она служитъ офиціознымъ органомъ и получаетъ за то казенныя деньги. При такой увѣренности публики, особенное значеніе получаетъ та полупрозрачная дымка таинственности, въ которую облечены отношенія газеты къ правительственнымъ лицамъ и фактъ получаемыхъ ею казенныхъ субсидій. Каковъ бы ни былъ фактъ, но если онъ существуетъ открыто, то, значитъ, въ основаніяхъ его нѣтъ ничего такого что боялось бы свѣта. Какъ бы ни былъ онъ дуренъ самъ по себѣ, и какъ бы ни было желательно его измѣненіе или устраненіе, онъ по крайней мѣрѣ не изобличаетъ собою ничего дурнаго въ побужденіяхъ и намѣреніяхъ давшихъ ему начало. Во мракѣ таинственности возможны всякія предположенія, и предположенія получаютъ новую силу, когда эта таинственность оказывается не простою случайностью, а преднамѣренностію, когда люди, замѣшанные въ фактѣ, не только таятъ его, но и отпираются отъ него, и когда они отпираются отъ него какъ отъ дѣла постыднаго и безчестнаго. Чѣмъ настойчивѣе и запальчивѣе это отпирательство, тѣмъ серіознѣе становится дѣло въ общественномъ мнѣніи. Газета, о которой мы говоримъ и въ которой всякій узнаетъ *Голосъ*, отпираясь отъ факта получаемыхъ ею субсидій, не ограничивается этимъ и публично вовлекаетъ само правительство въ солидарность съ своимъ „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.“ Едва ли когда-нибудь достоинство правительства было такъ компрометтировано какъ въ этомъ случаѣ. Есть мѣра всему, но это выходитъ изъ всякой мѣры. Мы не знаемъ въ какой мѣрѣ можетъ быть согласно съ чѣмъ бы то ни было достоинствомъ присутствовать при показаніи завѣдомо невѣрномъ, и хранить безмолвіе. Но едва ли можно дозволить, чтобы люди, въ подобныхъ обстоятельствахъ, ссылались на насъ самихъ, и брали насъ въ свидѣтели. Вышеупомянутая газета поступаетъ именно такимъ образомъ: она ссылается прямо на правительство и беретъ его предъ публикой въ свидѣтельство своихъ показаній, завѣдомо невѣрныхъ. Отрицая фактъ субсидій, какъ ложь, она въ доказательство ссылается на цензуру. Такъ какъ цензура дозволила ей отпереться отъ полученія казенныхъ денегъ, и при этомъ прибѣгнуть къ недозволительному злословію, то газета *Голосъ* дѣлаетъ самое правительство солидарнымъ съ ней какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Эта газета аргументируетъ такимъ образомъ: если цензура дозволила назвать клеветой или ложью показаніе касательно получаемыхъ ею субсидій, то это значитъ, что цензура сама признаетъ это показаніе ложью, а такъ какъ цензура есть учрежденіе правительственное, то, значитъ, устами *Голоса* правительство называетъ существующій фактъ ложью. Итакъ, что называетъ эта газета ложью, то стало-быть называло такимъ образомъ и правительство. Изъ показаній этой газеты выходитъ, что языкъ, который она употребляетъ, есть языкъ правительства. Трудно представить себѣ что-либо недостойнѣе и скандалезнѣе этой исторіи. На мнѣніе этой газеты нерѣдко ссылаются самые отъявленные порицатели нашего правительства,—и вотъ, этою же самою газетой объявляется, что цензура не просто разрѣшала ея статьи къ печати, согласно съ уставомъ, который предписываетъ цензору не входить въ разбирательство справедливости или несправедливости показаній и мнѣній содержащихся въ статьяхъ, а только слѣдить за тѣмъ чтобы не было въ нихъ чего-либо воспрещаемаго данными ему въ руководство правилами,—но что цензура сама какъ бы участвовала въ авторствѣ этихъ статей, а чрезъ цензуру правительство, что мнѣнія и показанія этой газеты, равно какъ и употребляемыя ею выраженія, суть столько же ея дѣло, сколько и дѣло правительства. Итакъ, вотъ какія признанія дѣлаются въ назиданіе нашей публикѣ.

Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о принципѣ казенныхъ субсидій, по отношенію къ политической печати. Намъ можетъ казаться несправедливымъ или неразумнымъ какой-либо существующій порядокъ, но мы не можемъ вмѣнять существующій порядокъ или обычай въ вину отдѣльнымъ людямъ, которые поступаютъ соотвѣтственно существующему положенію вещей, или пользуются его выгодами. Итакъ, вопросъ, тревожащій публику, касается не системы субсидій, изъ которыхъ однѣ могутъ быть употреблены съ большею справедливостью или пользой, другіе съ меньшею, но такихъ субсидій, которыя хранятся въ секретѣ и которыя получающими ихъ людьми считаются почему-либо дѣломъ позорнымъ, отъ котораго надобно формально отпираться до забвенія всѣхъ приличій. Далѣе вопросъ касается того направленія, которое

принимаютъ государственныя средства, — вопросъ касается того, какіе органы создаются и поддерживаются казной. Что та или другая газета существуетъ на свѣтѣ, это не важно, и публика не могла бы считать серіознымъ дѣломъ существованіе *Голоса* или *Современнаго Слова*, если бы подобныя газеты могли возникнуть сами собою; публика не имѣла бы причины недоумѣвать и приходить къ тревожнымъ заключеніямъ, еслибы та или другая газета служила органомъ какого-либо кружка людей и влачила свое существованіе независимо отъ правительства и государственнаго казначейства. Что за важность, еслибы въ той или другой изъ выходящихъ въ Россіи газетъ появлялись мнѣнія дурнаго свойства или даже противныя по своему направленію государственнымъ интересамъ Россіи въ самомъ простомъ и ясномъ выраженіи? Что за бѣда, что въ какой-нибудь частной газетѣ находили бы себѣ мѣсто недостойныя уловки и интриги, еслибъ она прибѣгала къ безнравственнымъ средствамъ, къ грубымъ и недостойнымъ извращеніямъ истины? Мало ли дурнаго и предосудительнаго бываетъ на свѣтѣ? Солнце освѣщаетъ все, и дурное и хорошее. Гдѣ широко развивается жизнь, тамъ выходятъ на свѣтъ не одни хорошія, но и дурныя явленія. Дурное встрѣчаетъ себѣ противодѣйствіе въ самой силѣ вещей, и чѣмъ шире развивается жизнь, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ *vis medicatrix naturae*, цѣлебная сила природы. Нечего опасаться свободы; опасаться можно только ошибокъ или злоупотребленій власти. Примѣсь ошибочнаго или употребленнаго во зло дѣйствія власти, вотъ въ чемъ опасность, вотъ въ чемъ общественное зло. Но и тутъ есть большая разница: есть разница между законною государственною властію и какимъ-нибудь подземнымъ правительствомъ; революціоннымъ терроромъ, властію, которая образуется отъ безсилія и упадка законной власти. Подземная сила дѣйствующая революціонными способами можетъ быть опасна или неопасна, смотря по состоянію страны, гдѣ она заводится. Но общественное мнѣніе не можетъ не тревожиться глубоко при всякомъ признакѣ свидѣтельствующемъ въ его глазахъ, справедливо или нѣтъ, о какомъ-либо не правильномъ, о какомъ-либо противномъ сущности интересамъ законнаго правительства употребленіи его силы. Общественное мнѣніе не можетъ не подвергаться самымъ печальнымъ смутамъ при всякомъ, хотя бы малѣйшемъ признакѣ, который оно могло бы истолковать себѣ въ смыслѣ злоупотребленія правительственной власти во вредъ самому принципу правительства. Что за бѣда, еслибы кто-нибудь въ Россіи сталъ съ удовольствіемъ мечтать о томъ, что она можетъ раздробиться на многія государства и представить изъ себя особаго рода человѣчество, какъ это было изложено въ одной извѣстной брошюрѣ? Что за бѣда, еслибы кто-нибудь сталъ проповѣдывать въ Россіи, что русскій народъ есть глина, грубый матеріалъ, и что надобно предоставить ея окраины фарфору чуждыхъ національностей, и держать ихъ высоко надъ русскою? Но дѣло получаетъ совсѣмъ другой характеръ, если оказывается, что подобныя мнѣнія пишутся, печатаются и пускаются въ ходъ казной? Какіе виды нерусскаго патріотизма не находили себѣ поддержки въ столбцахъ *Голоса*, поддержки настолько двумысленной, чтобъ обойдти формальныя цензурныя требованія, и на столько явной, чтобы читающіе не могли сомнѣваться въ направленіи инспирацій руководящихъ эту газету? Письма таинственнаго петербургскаго корреспондента брюссельской *Indépendance belge*, газеты тоже, какъ слышно, знакомой со звономъ русскаго золота столь рѣдкаго въ самой Россіи, не одно ли это и то же по духу, съ тѣмъ что высказывалось въ поименованной петербургской газетѣ? Что же должна думать публика при видѣ такой странной, непонятной, изумительной игры? Что должны думать русскіе люди, которые не могутъ не принимать участія въ интересахъ своего отечества, при увѣренности, что направленіе, такъ очевидно и такъ лукаво враждебное этимъ интересамъ, питается государственнымъ казначействомъ Россіи и находитъ себѣ поддержку въ самомъ правительствѣ? Что они должны думать при увѣренности, что направленіе наиболѣе антипатическихъ русскому правительству партій высказывающихся въ заграничной печати, находится въ сочувственной связи съ образомъ мыслей лицъ, принадлежащихъ къ составу этого самаго правительства? Бороться съ врагами своей страны, своего народа, своего правительства, это долгъ каждаго. Но что дѣлать при увѣренности, что зло встрѣчаемое русскимъ дѣломъ въ противныхъ ла-

геряхъ находитъ себѣ тайную, и въ то же время свѣдомую всѣмъ, поддержку въ нашемъ собственномъ лагерѣ?

Газета *Голосъ* притворилась, что будто она служитъ выраженіемъ искреннихъ людей самого правительства, которое высказываетъ этимъ косвеннымъ путемъ то что находитъ неудобнымъ или неприличнымъ сказать прямо. Нѣтъ сомнѣнія, что эта инсинуація петербургской газеты не имѣетъ ни тѣни вѣроятія, ни тѣни смысла. О правительствѣ вообще не можетъ быть рѣчи. Но если признаніе *Голоса* имѣетъ какой-либо смыслъ, то оно можетъ значить для публики только то, что эта газета служитъ органомъ для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ правительственной организаціи. Во всякомъ случаѣ, этимъ собственнымъ признаніемъ поименованной газеты не компрометтируется ли болѣе всего достоинство правительства? Мы не думаемъ, чтобы было полезно оставлять общественное мнѣніе долгое время въ такомъ замѣшательствѣ. Ничего хорошаго не можетъ отъ этого произойдти для русскихъ дѣлъ, которыя теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, требуютъ полнаго единодушія и взаимнаго довѣрія между правительствомъ и обществомъ. Творится что-то не ладное, творится что-то не доброе: вотъ невольное чувство всякаго мыслящаго человѣка подъ гнетомъ недоразумѣній самаго прискорбнаго свойства. Надобно во что бы то ни стало разсѣять эти недоразумѣнія; надобно такъ или иначе вывести изъ пагубной смуты общественное мнѣніе.

Недавно, въ двухъ парижскихъ газетахъ самыхъ враждебныхъ русскому правительству, въ *Opinion Nationale* и *Siècle*, тоже рѣчь шла о пожарахъ въ Россіи, и русское правительство, русскій народъ, а за ними и мы грѣшные, подвергались поруганію,— и ругатели не нашли ничего лучшаго какъ сослаться на петербугскую газету, которая, по общему убѣжденію, получаетъ субсидіи отъ русскаго правительства, и находится въ сочувственныхъ отношеніяхъ къ административнымъ лицамъ...

Вотъ что сказано въ *Opinion Nationale*, отъ 5-го сентября:

„Мы обнародовали на этихъ дняхъ письмо Александра Герцена, въ которомъ онъ протестуетъ противъ обвиненій, взводимыхъ на него *Московскими* газетами, будто бы онъ принималъ участіе въ поджогахъ, опустошающихъ Россію. Сегодня находимъ въ *Siècle*, объ этомъ же предметѣ, статью, за подписью Анри Мартена. Знаменитый историкъ доказываетъ неопровержимыми фактами, что не Поляки жгутъ Польшу, и что поджоги никогда не были характеристическою чертою польской націи, тогда какъ съ незапамятныхъ временъ она была обычнымъ явленіемъ между русскими (*les Moscovites*)."

Въ подкрѣпленіе этой истины, *Opinion Nationale* ссылается на петербургскій *Голосъ*, гдѣ тоже было сказано, въ объясненіе пожаровъ, что „народъ въ Россіи считаетъ поджогъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ видовъ мести и глядитъ на это преступленіе съ чрезвычайною снисходительностію."

Парижская газета говоритъ далѣе:

„Пожары продолжаютъ истреблять въ Литвѣ и Бѣлоруссіи польское, или точнѣе сказать, европейское общество; дѣло, такъ хорошо начатое Муравьевымъ, продолжается его сыномъ...

„Поджоги очищаютъ мѣста для татарскаго общества: оно заступитъ мѣсто Поляковъ въ той Литвѣ, которая обречена опустошенію, такъ какъ она не можетъ быть русспфирована... Что до Галиціи, то московская печать нѣкоторое время изъявляла притязанія на эту страну. Всероссійская имперія требуетъ себѣ и *Червонную Русь*, желая ее освободить отъ Нѣмцевъ Нужно производить вновь, разсуждаетъ русское правительство, постоянныя волненія и агитаціи въ Галиціи, чтобы сдѣлать управленіе ею невозможнымъ для Австріи. Очень полезно ослабить, запугать и принудить къ бѣгству галиційское дворянство, враждебное святой Руси. Тѣмъ временемъ, по странному сочетанію обстоятельствъ, вспыхнули и тутъ пожары, вся Галиція въ огнѣ, одиннадцать городовъ и деревень истреблено пламенемъ. Не русскіе ли *освободители* возвѣщаютъ этимъ свое прибытіе? Такъ по крайней мѣрѣ, во дни Екатерины наканунѣ раздѣла Польши, они возвѣстили свое появленіе въ Украйнѣ и Подоліи. *Красный петухъ* прокричалъ уже, православная имперія близко, и Галиція должна готовить свои праздничные флаги, чтобы ее привѣтствовать.

„Есть въ Россіи организованная партія, которая совмѣщаетъ въ себѣ всю утонченную испорченность Византіи съ варварствомъ Москвы при царяхъ Иванахъ. Эта партія, главнымъ органомъ которой слу-

жать въ печати *Московскія Вѣдомости*, и которая олицетворяется въ имени Катъ-Кова (это для того чтобы сдѣлать наше имя похожимъ на татарское), не переставала въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ взывать къ истребленію и конфискаціямъ, думая возбудить частныя и совокупныя жестокости; она постоянно жаловалась на снисходительность правительства, — а всѣмъ извѣстно, какова была эта снисходительность, — и требовала отъ Муравьева, чтобъ онъ превзошелъ себя.

„Московская партія, всѣми средствами добивающаяся истребленія польской націи и польскаго общества, обвиняетъ теперь польскихъ эмигрантовъ въ желаніи сжечь Польшу. Между обвинителемъ и обвиненнымъ читателю не трудно выбрать себѣ рѣшеніе."

Что можетъ быть забавнѣе этихъ словоизверженій въ парижской печати, закупленной Поляками и повинующейся внушеніямъ Пале-Рояля? Но забавно ли встрѣчать тотъ же самый духъ и то же самое направленіе въ газетѣ получающей субсидіи отъ русскаго правительства?

Въ концѣ прошлаго года, при видѣ страшныхъ пожаровъ опустошавшихъ Россію и несомнѣнно изобличавшихъ для всякаго мыслящаго человѣка злоумышленную махинацію, мы сочли своимъ долгомъ не молчать объ этомъ бѣдствіи, и сказали нѣсколько крайне осторожныхъ словъ касательно истиннаго характера пожаровъ. Мы не упрекали другихъ газетъ за равнодушіе къ великому общественному бѣдствію, которое заботило и тревожило всю Россію; мы только спѣшили исполнить то въ чемъ сознавали собственную обязанность. Что же встрѣтили мы въ органѣ, который, по убѣжденію публики, содержится на счетъ русской государственной казны? „Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*" сказано было тогда въ *Голосѣ* (№ 335), „на дняхъ была напечатана ста„тья, которая способна привести... чело„вѣка знающаго кой-какія закулисныя тай„ны въ русской журналистикѣ — въ него„дованіе." Затѣмъ офиціозная газета, исказивъ смыслъ нашей статьи, продолжаетъ, обращаясь къ намъ: „Многое вамъ съ „рукъ сходило, да не вамъ бы это гово„рить, не русской бы печати это слушать! „Не всякому вѣдь можно и выгодно, какъ „вамъ, рисковать тѣмъ чѣмъ вы рискуете, „разчитывая на снисхожденіе тѣхъ, отъ „кого прямо зависитъ ваше *быть или не „быть*." Да и кто васъ разберетъ въ ва„шихъ псевдо-гражданскихъ подвигахъ, что „у васъ на умѣ!" Неужели въ этихъ шипящихъ злобой словахъ высказывались противъ насъ лица, имѣющія въ рукахъ своихъ власть и дорогіе для Россіи интересы?

Неужели не просто *Голосъ*, а правительство подвергало насъ поруганію, которымъ было встрѣчено въ этой офиціозной газетѣ наше замѣчаніе о неудобствѣ рекомендовать русскимъ преподавателямъ въ пособіе учебную книгу, гдѣ вся западная Россія, вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ и Галиціей, разсматриваются подъ титуломъ королевства Польши, и оправдывать такую географію? Неужели правительственныя лица могутъ участвовать въ недостойныхъ попыткахъ этой газеты помрачать общественное мнѣніе по предметамъ народнаго просвѣщенія? Неужели правительство пытается поколебать новый законъ преобразующій наши учебныя заведенія, законъ принадлежащій къ числу самыхъ плодотворныхъ и спасительныхъ реформъ нынѣшняго царствованія?

№ 205.

Москва, 20-го сентября.

Помѣщенная ниже корреспонденція изъ Кіева посвящена тому же вопросу, который снова затронутъ былъ въ статьѣ г. Г. П. „Русская мысль о русско-польскомъ дѣлѣ," напечатанной во вчерашнемъ нумерѣ *Воскресныхъ Прибавленій* къ нашей газетѣ. Такое совпаденіе двухъ съ разныхъ сторонъ идущихъ голосовъ, по одному и тому же дѣлу, приходится кстати: положеніе дѣла, если не ошибаемся, таково, что вопросъ о землевладѣніи въ западномъ краѣ именно теперь долженъ быть подвинутъ впередъ, или надобно совсѣмъ отказаться отъ надежды на его успѣшное движеніе. Потому именно теперь полезно отдать себѣ надлежащій отчетъ въ его важности и отдать себѣ этотъ отчетъ хладнокровно, устранивъ все сколько-нибудь похожее на горячность страсти, но въ то же время отдать его себѣ серіозно. Въ статьѣ г. Г. П. очень убѣдительно выставлено на видъ, что весь такъ-называемый польскій вопросъ, и въ матеріяльномъ, и въ нравственномъ отношеніи, сводится къ вопросу о землевладѣніи въ

западномъ краѣ. Все это дѣло имѣло бы теперь совсѣмъ иной видъ, еслибы тамошнее землевладѣніе столь же успѣшно ассимилировалось съ русскимъ какъ въ Смоленской и Черниговской губерніяхъ, отошедшихъ къ Россіи еще въ ту пору когда политика ненаціональная была на Руси неизвѣстна, какъ она и теперь неизвѣстна въ цивилизованныхъ государствахъ Европы. Въ Смоленской и Черниговской губерніяхъ не было принимаемо со стороны русскаго правительства никакихъ суровыхъ мѣръ къ искорененію польскаго элемента, также точно какъ ни дѣлалось и со стороны тамошней шляхты никакихъ попытокъ къ польской крамолѣ; дѣло сліянія совершилось мирно, безъ пролитія капли крови, безъ нарушенія имущественныхъ правъ,— единственно вслѣдствіе убѣжденія всѣхъ и каждаго, что этотъ край присоединенъ къ Россіи безвозвратно, и что помышлять о его отторженіи есть безуміе. Когда въ царствованіе Екатерины Великой, были присоединены къ Россіи губерніи болѣе западныя, въ тамошней польской шляхтѣ водворилось такое же убѣжденіе, и не нужно было сосредоточенія военныхъ силъ для того чтобы поддерживать тамъ въ политическомъ отношеніи совершенный порядокъ и полнѣйшую безопасность. Никакого польскаго вопроса тогда не возникало, хотя преданія Рѣчи Посполитой были еще свѣжи, а на Западѣ бушевала французская революція. Польскій вопросъ появился на сценѣ лишь вслѣдствіе возвышенія князя Чарторыйскаго, лишь вслѣдствіе того что князь Адамъ Чарторыйскій былъ въ качествѣ польскаго патріота, допущенъ ко двору императора Александра I и даже къ управленію дѣлами Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ были допущены и всѣ надежды польскаго патріотизма; онъ принялъ характеръ враждебный русскому народу, отнюдь не скрывая этого характера, и именно съ этимъ характеромъ получилъ въ Россіи право гражданства. Опираясь на громадную силу правительства великаго народа, онъ долженъ былъ и въ себѣ почувствовать силу, и скоро задумалъ помѣриться съ тѣмъ самымъ правительствомъ, которое допустило его къ жизни. Императоръ Наполеонъ получилъ себѣ союзника въ нѣдрахъ Россіи, и измѣна гордо подняла свою голову. Но тогда ей пришлось имѣть дѣло уже съ самимъ русскимъ народомъ, и русскій народъ отбился отъ нея и отъ двадцати языковъ, ей помогавшихъ. Казалось бы, что все приведено въ ясность, но несмотря на величіе національной побѣды, и можетъ-быть именно вслѣдствіе неожиданности этого величія, крамола была скоро забыта, и по внушенію польскихъ патріотовъ было создано Царство Польское, вопреки противодѣйствію Европы, и даже поданы этому Царству надежды на дальнѣйшее внутреннее расширеніе его, то-есть на присоединеніе къ нему и на подчиненіе польской національности губерній съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Это была побѣда безъ побѣдителя, побѣда надъ русскимъ народомъ на другой день послѣ того какъ онъ вышелъ побѣдителемъ изъ кровавой борьбы. Какъ могла считать себя всемогущею польская крамола, восторжествовавъ именно вслѣдствіе своего полнаго пораженія? Какъ могла не возродиться вѣра въ обманъ, какъ могла она не возвыситься до героическихъ размѣровъ, запечатлѣнныхъ на вѣки типомъ Мицкевичева Валленрода? Ненаціональность русской политики, ошибочное мнѣніе, что интересы Русскаго государства могутъ быть отдѣляемы отъ интересовъ Русскаго народа, и что честью народа можно великодушно жертвовать, не рискуя честью государства,— вотъ источникъ польскаго вопроса, стоившаго и Русскимъ и Полякамъ столько крови и бѣдствій. Просимъ читателей заглянуть въ статью Е. М. Феоктистова: „Польскія интриги въ первой четверти нынѣшняго столѣтія“ въ № 7 *Русскаго Вѣстника* за нынѣшній годъ; они будутъ поражены дерзкою отвагой интриги, навязавшей намъ польскій вопросъ, котораго, при національномъ направленіи нашей политики, не возбудила даже всемірная буря первой французской революціи. Но ошибку легче сдѣлать чѣмъ исправить. Что сдѣлалось бы само собой, еслибы Россія продолжала идти по пути національной политики, возвеличившей царствованіе Екатерины II, то требуетъ теперь большихъ усилій и продолжительной борьбы. Успѣшность этой борьбы находится совершенно во власти правительства, и условливается тѣмъ, чтобы не уничтожалось одною рукой то что дѣлается другою. Возстаніе подавлено; но остаются еще тѣ обстоятельства, которыя естественно вынуждали людей къ дѣйствіямъ бывшимъ причиной ихъ гибели: слѣдуетъ ли удерживать эти обстоятельства, сберегая ихъ для дальнѣйшаго губи-

тельнаго дѣйствія? Главнымъ символомъ польскаго дѣла въ западномъ краѣ служитъ польское землевладѣніе. Имъ особенно дорожатъ, на него преимущественно опираются польскія притязанія. Твердо ли рѣшеніе Россіи не признавать этихъ притязаній? Если оно твердо, то не изъ однихъ государственныхъ видовъ, а еще болѣе изъ побужденій человѣколюбія надобно желать прекращенія этого положенія вещей. Если мы хотимъ чтобы западный край былъ русскій, и чтобы въ немъ водворилось прочное спокойствіе, то можемъ ли мы дѣлать уступки взглядамъ, которыхъ осуществленіе не допускается? А не единственно ли изъ уступчивости этимъ взглядамъ проистекаетъ та странная застѣнчивость, съ которою иные касаются у насъ вопроса о распространеніи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ? Кто признаетъ польское право на западный край, тотъ долженъ признать его вполнѣ, и совсѣмъ перейдти на сторону его притязаній; тотъ долженъ желать ополяченія западнаго края и совершеннаго отторженія его отъ Россіи. Но кто не хочетъ ополяченія края, кто не хочетъ подготовлять отторженіе его отъ Россіи, тотъ не можетъ уважить ни въ самомалѣйшей мѣрѣ и желанія, чтобы тамошнее землевладѣніе было ограждено отъ русскаго элемента, потому что это желаніе имѣетъ смыслъ только въ той мѣрѣ, въ какой поддерживается надежда на ополяченіе края, а безъ этой надежды должно потерять всякую цѣну даже въ глазахъ Поляковъ. Вѣрнымъ признакомъ отреченія польскихъ помѣщиковъ западнаго края отъ фантома польскихъ притязаній можно было бы признать только ихъ собственное желаніе чтобы тамошнее землевладѣніе освободилось отъ исключительно польскаго характера. Пока это желаніе не обнаруживается, до тѣхъ поръ нельзя вѣрить искренности примирительныхъ заявленій, идущихъ съ ихъ стороны. Равнымъ образомъ, пока съ русской стороны не выставляется открыто и ясно, что характеръ землевладѣнія въ западномъ краѣ долженъ быть измѣненъ, и что для этой цѣли будутъ употреблены всѣ законныя средства до тѣхъ поръ нельзя требовать отъ Поляковъ чтобъ они отказались отъ своихъ притязаній, не допускаемыхъ Россіею.

№ 206.

Москва, 21-го сентября.

Слѣдя за ходомъ скромнаго на видъ, но въ сущности одного изъ самыхъ важныхъ внутреннихъ вопросовъ нашихъ въ настоящее время, каково преобразованіе учебной части, мы не могли не остановиться предъ нѣкоторыми поразившими насъ фактами. Въ то время, напримѣръ, когда начальство Московскаго учебнаго округа не принимало почти никакихъ серіозныхъ мѣръ для введенія новаго устава, кромѣ только того, что одна изъ московскихъ гимназій (3-я) обращена окончательно въ реальное училище и отнята у университета, начальство Виленскаго учебнаго округа преобразовало немедленно бо́льшую часть гимназій своего округа въ настоящія классическія гимназіи, которыя новымъ закономъ поставлены во главу среднихъ учебныхъ заведеній, но при этомъ распорядилось такъ, что въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ этого округа, гдѣ русскій элементъ слабѣе, вводится уставъ полноправныхъ, настоящихъ классическихъ гимназій, тамъ же гдѣ русскій элементъ сильнѣе и многочисленнѣе, вводится уставъ учебныхъ заведеній низшаго разряда. Въ Ковенской губерніи, гдѣ числится всего около 25.000 чисто русскихъ людей, которая вся заселена католическою Жмудью, гдѣ нѣтъ, какъ въ другихъ губерніяхъ этого округа, болѣе или менѣе многочисленнаго православнаго духовенства, и гдѣ все дворянство исключительно состоитъ изъ ополяченныхъ Жмудиновъ, двѣ гимназіи и одна прогимназія возводятся на степень полныхъ классическихъ заведеній, соотвѣтствующихъ подобнымъ заведеніямъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, а равно и въ нашихъ балтійскихъ провинціяхъ. Уѣздныя гимназіи въ Брестъ-Литовскѣ и Мозырѣ также вводятся въ силу полныхъ классическихъ гимназій, а Могилевская губернія, какъ мы уже замѣчали, сплошь заселенная русскимъ народомъ, имѣющая многочисленное православно-духовное сословіе, гдѣ число чисто русскихъ землевладѣльцевъ преобладаетъ надъ числомъ ополяченныхъ, Могилевская губернія не удостоилась получить полную классическую гимназію: ея единственная гимназія поставлена въ разрядъ латинскихъ школъ, соотвѣтствующихъ нѣмецкимъ реальнымъ училищамъ, которымъ нашъ новый уставъ не

даетъ самостоятельнаго значенія, допустивъ ихъ только на время, въ видахъ дальнѣйшаго преобразованія. Въ Московскомъ учебномъ округѣ, равно какъ и въ другихъ внутри Россіи, вводится главнымъ образомъ уставъ не классическихъ, но этихъ временныхъ, несамостоятельныхъ, подлежащихъ дальнѣйшему преобразованію гимназій, причемъ большее или меньшее число существующихъ гимназій деградируется въ реальныя школы. Все это не можетъ не поражать своею странностію. Какимъ образомъ лица принадлежащія къ одной и той же администраціи поступаютъ столь противоположнымъ образомъ въ примѣненіи одного и того же закона въ разныхъ частяхъ государства? Верховная власть имѣла цѣлію даровать Россіи лучшія начала высшаго образованія и согласить устройство нашихъ учебныхъ заведеній съ господствующею въ цивилизованномъ мірѣ, утвержденною вѣками, педагогическою системой. Благая мысль законодателя выражена ясно въ новомъ уставѣ нашихъ учебныхъ заведеній, и потому какъ бы ни разнились въ своихъ воззрѣніяхъ мѣстные исполнители закона, они должны, казалось бы, не расходиться настолько, чтобы дѣйствовать въ направленіяхъ радикально-противоположныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что воля законодателя клонилась къ тому чтобы поднять уровень русскаго образованія, не уменьшить, а умножить доступы къ университету, поставить университеты въ лучшее, а не въ худшее положеніе. Полныя классическія гимназіи суть полноправныя учебныя заведенія, которыя открываютъ доступъ и во всѣ факультеты университета, и во всевозможныя высшія спеціальныя училища. Латинскія школы, заведенія временныя и не самостоятельныя, имѣютъ еще то ограниченіе, что воспитанникамъ ихъ прегражденъ доступъ въ одинъ изъ факультетовъ университета, историко-филологическій, въ настоящее время особенно важный для Россіи, потому что изъ него главнымъ образомъ выходятъ педагоги, безъ которыхъ не можетъ двигаться дѣло народнаго просвѣщенія, и потому что въ немъ корень литературнаго развитія,—историко-филологическій факультетъ находящійся теперь въ столь плачевномъ состояніи и требующій самыхъ энергическихъ мѣръ для своего возрожденія. Что же касается реальныхъ школъ, то согласно съ университетскими требованіями, строго-соблюдаемыми во всей Европѣ, онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ университетамъ. Теперь спрашивается: какою же мыслію могло руководствоваться начальство, напримѣръ, Московскаго учебнаго округа, предположивъ обратить всѣ свои гимназіи, за исключеніемъ четырехъ находящихся въ самой Москвѣ, да еще одной Рязанской, либо въ латинскія школы, либо просто въ реальныя? Какою мыслію могло бы оно руководствоваться, предположивъ отнять у двухъ губерній своего округа университетскія гимназіи и замѣнить ихъ реальными школами, то-есть лишить молодыхъ людей цѣлыхъ двухъ губерній возможности приготовляться къ университету въ казенныхъ училищахъ? Отчего начальство Виленскаго учебнаго округа постановило, чтобы всѣ губернскія гимназіи этого округа, за исключеніемъ могилевской, были полныя классическія, и не довольствуясь этимъ, предположило ввести съ нынѣшняго же года полный классическій уставъ даже въ двѣ уѣздныя гимназіи и въ двѣ уѣздныя прогимназіи? Отчего, напротивъ, Московскій учебный округъ счелъ неудобнымъ вводить съ нынѣшняго года учебный планъ, предписанный новымъ уставомъ, хотя бы въ тѣхъ немногихъ классическихъ гимназіяхъ, которыя онъ предположилъ учредить у себя? Годъ много значитъ, особенно у насъ, при томъ плачевномъ упадкѣ въ какомъ находятся наше воспитаніе, наша наука. Общественное мнѣніе уже достаточно приготовлено къ новой реформѣ; многіе родители начали было усердно приспособлять своихъ дѣтей къ поступленію въ классическія гимназіи согласно требованіямъ новаго устава; запросъ на преподаваніе древнихъ языковъ, о которыхъ назадъ тому два-три года никто не думалъ, быстро возвысился, время для реформы—самое благопріятное: но вотъ у дверей гимназій родителямъ объявляютъ, что введеніе классическаго курса отложено, что за исключеніемъ неважныхъ перемѣнъ все въ нихъ идетъ по старому, что еще ничего окончательно не рѣшено, и что гимназія помѣченная быть классическою можетъ, пожалуй, поступить въ разрядъ реальныхъ. Родителямъ, которые уже утвердились въ мысли о способѣ воспитанія, господствующемъ въ цѣломъ образованномъ мірѣ, и которые желали бы предоставить своимъ дѣтямъ выгоды солиднаго

ученія, собирающаго и укрѣпляющаго силы для высшихъ умственныхъ цѣлей, ожидающихъ ихъ въ позднѣйшемъ возрастѣ,— родителямъ ничего не оставалось дѣлать, какъ обращаться въ учебныя заведенія, не подлежащія распоряженіямъ начальства учебнаго округа, или вовсе не находящіяся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія,—въ частные пансіоны гг. Креймана и Ребмана, въ нѣмецкую гимназію при лютеранской церкви, гдѣ языкомъ преподаванія служитъ преимущественно нѣмецкій, который поэтому надобно знать почти какъ природный, для того чтобы преподаваніе не оставалось безплоднымъ, или въ такую же нѣмецкую школу, зависящую отъ реформатской церкви, наконецъ, въ Армянскій институтъ гг. Лазаревыхъ, и вотъ, въ средоточіи русскаго государства, въ старой Москвѣ, для того чтобы пользоваться благодѣяніями лучшей системы приготовленія къ высшему образованію, дѣти должны прибѣгать къ иностранному языку и подбирать крохи отъ чужой трапезы. А тѣмъ временемъ, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Москвы къ западу, въ западномъ краѣ, который еще оспаривается у Россіи и въ которомъ высшіе общественные классы не хотятъ причислять себя къ русской національности, девять гимназій съ нынѣшняго же года преобразованы въ полныя классическія. Не потому ли это, что въ томъ округѣ имѣется болѣе учебныхъ средствъ нежели въ Московскомъ? Не потому ли это, что начальство Виленскаго учебнаго округа имѣло въ своемъ распоряженіи достаточное число преподавателей древнихъ языковъ, между тѣмъ какъ начальство Московскаго не имѣло въ своемъ распоряженіи таковыхъ? Что же! скажетъ кто-нибудь изъ заграничныхъ наблюдателей, до котораго дойдетъ слухъ объ этомъ казусѣ: западный край заключаетъ въ себѣ болѣе элементовъ цивилизаціи, а потому въ немъ легче преобразовать гимназіи на европейскій ладъ и пріискать преподавателей классическихъ языковъ. Къ сожалѣнію, нельзя успокоиться такимъ объясненіемъ: намъ извѣстно, что начальство Виленскаго учебнаго округа присылало именно въ Москву за преподавателями греческаго языка, и нашло ихъ въ Москвѣ.

Итакъ, вотъ какія бываютъ случайности. Но тутъ еще не все; многое что дѣлается въ другихъ округахъ намъ не во всей точности извѣстно хотя вѣрно то, что чѣмъ далѣе въ глубь Россіи, тѣмъ менѣе замѣчается заботъ о введеніи новаго устава въ его существенныхъ основаніяхъ, тѣмъ менѣе спѣшатъ его примѣненіемъ, и тѣмъ болѣе замѣтно видовъ на деградацію гимназій въ реальныя школы. Не грустно ли видѣть, что исполненіе одного изъ самыхъ благодѣтельныхъ законовъ послѣдняго времени принимаетъ оборотъ, грозящій не только замедлить его благія послѣдствія, но и совершенно парализовать его? Не странно ли видѣть, что надъ исполненіемъ этого закона тяготѣютъ необъяснимыя случайности, благодаря которымъ чѣмъ глубже внутрь Россіи, тѣмъ менѣе замѣчается усердія къ осуществленію благой мысли одушевлявшей законодателя и тѣмъ болѣе подвергаются сомнѣнію самыя основанія закона.

На этихъ дняхъ, въ *Кіевлянинѣ*, напечатано свѣдѣніе о ходѣ дѣла по преобразованію одной изъ гимназій (2-й) этого города, которой суждено быть классическою. Эта кіевская гимназія, равно какъ и московская 2-я, уже и по старому положенію подходили подъ типъ классической гимназіи; въ нихъ преподавался греческій языкъ, хотя занятіе имъ не было обязательно. Стало-быть для этихъ гимназій не требовалось искать преподавателей: они были на лицо. Дѣло преобразованія въ этомъ отношеніи состоитъ на первый разъ только въ томъ, чтобы преподаваніе греческаго языка сдѣлать обязательнымъ. И вотъ однакоже, какъ явствуетъ изъ свѣдѣнія напечатаннаго въ *Кіевлянинѣ*, начальству Кіевскаго округа предписано оставить эту гимназію на прежнемъ положеніи съ тѣмъ чтобы вводить въ нее классическій учебный планъ по мѣрѣ возможности, для чего полагается сроку цѣлыхъ пять лѣтъ,—срокъ безъ сомнѣнія достаточный для дѣла, которое можетъ быть исполнено въ пять дней, потому что полная возможность къ тому имѣется на лицо.

„Совѣтъ министра, читаемъ мы въ *Кіевлянинѣ* (№ 103), на основаніи соображеній г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, опредѣлилъ приступить къ преобразованію 2-й кіевской гимназіи въ гимназію классическую съ двумя древними языками, греческимъ и латинскимъ (то-есть съ обязательнымъ преподаваніемъ греческаго языка), по мѣрѣ возможности... *Въ силу этого*, преподаваніе греческаго языка остает-

ся на прежнемъ основаніи, то-есть до времени необязательнымъ." Теперь же вводятся въ дѣйствіе многіе параграфы устава и цѣлые отдѣлы; между прочимъ плата за ученье возвышается и отмѣняются разныя льготы, которыми пользовались ученики,—а ученье предписано не улучшать даже и по мѣрѣ возможностей. „Всѣ параграфы, сказано въ *Кіевлянинѣ*, касающіеся до распредѣленія уроковъ и состава учебнаго курса во 2-й кіевской гимназіи, будутъ примѣнены только со введеніемъ новыхъ штатовъ, а потому *учебная часть остается въ ней на прежнемъ основаніи*." Такъ предписано изъ Петербурга и должно быть исполнено безъ разсужденій. *Кіевлянинъ* прибавляетъ въ утѣшеніе публики, что введенія новыхъ штатовъ „можно ожидать не позже какъ въ теченіе пяти лѣтъ."

Свѣдѣнія напечатанныя въ *Кіевлянинѣ* являются проблескомъ, освѣщающимъ ходъ дѣла. Значитъ, учебные округи распоряжались не совсѣмъ самовольно, возводя однѣ гимназіи въ классическія, другія оставляя въ переходномъ положеніи латинскихъ школъ, третьи отнимая вовсе у университетскаго образованія, и превращая ихъ въ реальныя школы. Стало-быть и въ Виленскомъ учебномъ округѣ дѣла шли не самопроизвольно, и въ Московскомъ учебномъ округѣ шли они также соотвѣтственно общему плану. То что было загадочно и темно, становится какъ будто понятнѣе. Но еслибы дѣло и стало яснѣе, оно стало ли бы отъ того утѣшительнѣе?

Офиціозный *Голосъ*, о которомъ мы потому только и говоримъ, что въ немъ высказывается мнѣніе офиціяльныхъ петербургскихъ педагоговъ по вопросу о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ,—снова поднимаетъ вопросъ о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, какъ будто этотъ вопросъ уже не рѣшенъ законодателемъ, и изобличаетъ замыселъ возвратить дѣло въ тѣ фазы, изъ которыхъ оно шагъ за шагомъ высвобождалось, когда еще только вырабатывался проектъ преобразованія гимназій. Трудно представить себѣ до какой степени оказывается у насъ возможнымъ искажать факты, находящіеся у всѣхъ передъ глазами и издѣваться надъ публикой. Петербургская офиціозная газета употребляетъ невѣроятныя усилія ввести въ заблужденіе русскую публику и плѣнить ее картиной австрійскихъ гимназій, будто бы превращаемыхъ въ реальныя школы: трудно представить себѣ что-нибудь отважнѣе этой выдумки. Хотя Австрія не принадлежитъ къ числу передовыхъ по наукѣ странъ Европы, хотя въ ней есть еще почти полудикія населенія, но классическая или университетская система, именно въ настоящее время, процвѣтаетъ въ Австріи; исторія педагогическаго дѣла въ этой странѣ въ послѣднее время именно представляетъ все большее и большее усиленіе классической системы, соотвѣтственное общему прогрессу страны. Но можетъ быть и рѣчи гдѣ-либо въ Европѣ, а также и въ Австріи, о деградаціи гимназій въ реальныя школы; напротивъ, развѣ реальныя школы возводятся на степень гимназій (то-есть классическихъ школъ), если представляются къ тому нужныя условія. Офиціозный органъ петербургскихъ педагоговъ, чтобы доказать русской публикѣ торжество реальныхъ школъ надъ классическими, ссылается преимущественно на восточную Галицію, гдѣ живетъ, какъ извѣстно, русскій людъ, и приводитъ въ примѣръ,—какъ бы вы думали что—то что директоръ низшаго реальнаго училища въ Бродахъ ходатайствуетъ о возведеніи его въ разрядъ высшихъ! Какое колоссальное неуваженіе къ смыслу публики! Какая увѣренность, что она не разберетъ даже такого пуфа!

Что касается до восточной Галиціи заселенной русскимъ людомъ, то дѣйствительно есть нѣкоторыя основанія думать, что польскіе патріоты были бы не прочь разорить русскія гимназіи, въ которыхъ введенъ русскій языкъ вмѣсто польскаго. Въ своемъ столько же легкомысленномъ, сколько глубоко безнравственномъ фантазерствѣ, польскіе ревнители болѣзненнаго идеала, созданнаго ихъ поэзіей подъ именемъ Валенрода, воображаютъ себѣ, что ихъ мечты осуществятся, если имъ удастся спалить поболѣе городовъ и селъ въ Россіи и замутить или задержать на низкомъ уровнѣ образованіе въ русскомъ народѣ. Пользуясь тѣмъ, что русскій людъ въ Галиціи лишенъ сильныхъ вождей, которые могли бы отстаивать интересы его народности, пользуясь тѣмъ, что этотъ людъ состоитъ главнымъ образомъ изъ хлоповъ имѣющихъ своею интеллигенціей нѣсколько робкихъ и загнанныхъ уніятскихъ священниковъ и *литературовъ*, польскіе интриганы надѣются легко справиться съ рус-

скою народностію въ Галиціи. Не знаемъ удастся ли имъ это; но въ настоящее время нѣтъ еще ничего похожаго на ослабленіе классической системы даже въ восточной Галиціи. А между тѣмъ петербургская офиціозная газета, которой мнѣнія по педагогическимъ предметамъ совпадаютъ съ мнѣніями нѣкоторыхъ административныхъ сферъ по этой части, старается явнымъ образомъ возбудить агитацію къ измѣненію нашего новаго гимназическаго устава, еще не вступавшаго въ дѣйствіе или, лучше сказать, вступившаго въ дѣйствіе только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наименѣе числится учащагося русскаго люда. Что должна подумать публика, когда этотъ органъ, который, по общему мнѣнію, получаетъ свои внушенія отъ правительственныхъ лицъ, наиболѣе заинтересованныхъ охраненіемъ и исполненіемъ только что изданнаго закона и правильностію общественныхъ воззрѣній на предметы столь великой важности какъ народное просвѣщеніе, когда этотъ органъ позволяетъ себѣ утверждать, будто классическія гимназіи падаютъ въ Европѣ, какъ бывало наши журнальные соціалисты провозглашали, что въ Европѣ падаетъ принципъ собственности?—Что должна подумать публика, когда этотъ органъ говоритъ ей же въ глаза будто она, публика, требуетъ реальныхъ школъ, между тѣмъ какъ корпораціи разныхъ мѣстностей просятъ классическихъ гимназій и протестуютъ противъ замѣны ихъ школами низшаго разряда, между тѣмъ какъ соотвѣтственно благимъ видамъ верховной власти давшей Россіи новыя и лучшія начала образованія, высказалось дворянство многихъ губерній, какъ городскія общества далекаго Екатеринбурга, съ одной стороны, и какъ мы на дняхъ слышали, Таганрога—съ другой, выразились столь же энергически и въ томъ же смыслѣ? Что должно подумать при этомъ, напримѣръ, мѣстное тверское общество, которое такъ старалось, чтобы гимназія, гдѣ учится его юношество, не была насильно обращена въ реальную школу? Для облегченія правительства при введеніи новаго устава въ Тверскую гимназію, тамъ жертвовалась денежная сумма подъ условіемъ, чтобы гимназія была преобразована въ полную классическую; дворянство ходатайствовало объ этомъ формально черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, и получило отъ него офиціяльное удостовѣреніе, что входя въ его представленія, министерство народнаго просвѣщенія отмѣнило свое прежнее распоряженіе, и что въ Тверскую гимназію, согласно мѣстному желанію, рѣшено ввести полный классическій уставъ; о такомъ рѣшеніи занимавшаго и тревожившаго публику вопроса было уже заявлено въ губернскихъ вѣдомостяхъ: и вотъ, не смотря на все это, Тверь не получила того что безъ всякихъ ходатайствъ, съ нынѣшняго же года, предоставлено Шавлямъ, Брест-Литовскому, Мозырю...

№ 207.

Москва, 22-го сентября.

Россія стала теперь *притчею во языцѣхъ*. Не внѣшняя ея политика,—о которой въ настоящее время нѣтъ ни слуху, ни духу, коль скоро рѣчь идетъ о европейскихъ дѣлахъ,—а внутреннее ея состояніе обращаетъ на себя вниманіе иностранныхъ публицистовъ. По поводу какихъ-нибудь волненій въ Тифлисѣ, не имѣвшихъ въ себѣ ничего политическаго, иностранные публицисты готовы предсказывать распаденіе Россіи: такъ не прочно кажется имъ не только ея могущество, но и самое ея существованіе въ видѣ цѣльнаго и единаго государства. Какъ люди просвѣщенные и большею частью принадлежащіе у себя дома къ либеральнымъ партіямъ, они считаютъ себя обязанными не безъ сочувствія отзываться о либеральныхъ реформахъ нынѣшняго царствованія; но какъ естественные недоброжелатели Россіи, они съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаются на нѣкоторыхъ признакахъ внутренней слабости нашего государствешаго организма, и съ своей стороны обнаруживаютъ большую готовность содѣйствовать его разложенію: съ одной стороны, они съ радостью указываютъ своей публикѣ на эти признаки нашей внутренней слабости, а съ другой, они не забываютъ, что ихъ голосъ не рѣдко бывалъ слышнѣе въ Россіи чѣмъ голоса изъ среды русскаго народа, и съ этимъ соображаютъ свои мнѣнія и свои косвенные совѣты.

Такимъ двойственнымъ характеромъ отличается, между прочимъ, и статья *Times*, отъ 28-го сентября, написанная по поводу доставленныхъ ей изъ Берлина свѣдѣній о бывшихъ волненіяхъ въ Тифлисѣ и вообще объ отношеніяхъ русскаго правительства

къ русскому народу и къ русскимъ инородцамъ. Берлинскій корреспондентъ *Times*, нерѣдко сообщающій этой газетѣ свѣдѣнія о Россіи, судя по тону доселѣ появившихся въ печати писемъ его, не принадлежитъ ни къ числу политическихъ интригановъ, ни къ числу отъявленныхъ враговъ Россіи, и притомъ, имѣя въ виду только англійскую публику, онъ излагаетъ лишь одни факты въ томъ видѣ, какъ они ему представляются. Такъ, въ письмѣ отъ 23 сентября, онъ говоритъ, между прочимъ, что „въ Россіи обыкновенно оказывается большее вниманіе къ чувствамъ и желаніямъ вновь присоединенныхъ къ ней инородцевъ чѣмъ къ чувствамъ и желаніямъ природныхъ Русскихъ;“ онъ признаетъ нѣкоторую долю справедливости въ жалобахъ какой-то „московской“ партіи на то, что въ Россіи, для того чтобы пользоваться хорошимъ обращеніемъ со стороны властей, болѣе всего необходимо не быть Русскимъ; и съ своей стороны только замѣчаетъ, что подъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія, возбужденнаго въ 1863 г., „это въ половину невольное смиреніе мало-по-малу смѣняется болѣе смѣлымъ и болѣе достойнымъ положеніемъ, какое начинаютъ принимать природные Русскіе.“ Но его справедливыя замѣчанія подали поводъ газетѣ *Times* къ разсужденіямъ, въ которыхъ правда очень ловко и искусно переплетена съ ложью: правда предназначается для англійской публики, ложныя же мнѣнія, какъ вѣроятно думаетъ англійская газета, могутъ послужить руководствомъ для нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ Россіи.

Бросивъ взглядъ на необыкновенное распространеніе предѣловъ Россіи, которое на западѣ было слѣдствіемъ завоеваній и дипломатическихъ успѣховъ, на Востокѣ — слѣдствіемъ завоеваній, относительно-высшей цивилизаціи и притяженія, оказываемаго сильнѣйшимъ тѣломъ на слабѣйшія, *Times* спрашиваетъ, гдѣ же предѣлы этому возрастанію Россіи, гдѣ тѣ подводные камни и отмели, о которые можетъ сокрушиться не только ея величіе, но и самое ея существованіе? Рѣшить этотъ вопросъ надлежало такъ, чтобъ англійскую публику, по возможности, ознакомить съ настоящимъ положеніемъ русскихъ дѣлъ, и съ видами, которые они представляютъ въ будущемъ, но чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ не надоумить какъ-нибудь и Русскихъ относительно опасностей, которыя угрожаютъ ихъ отечеству, и относительно средствъ къ ихъ отвращенію. Въ чемъ же заключаются истинныя опасности Россіи, на которыя съ удовольствіемъ указываетъ *Times* англійской публикѣ? „Россія,“ говоритъ эта первенствующая англійская газета, „дѣйствуетъ такъ же какъ нерѣдко дѣйствовали „великіе завоеватели, и довольствуется слабымъ политическимъ подчиненіемъ покоренныхъ, не подвергая ихъ строгому политическому единству. Еслибы Поляки,“ говоритъ *Times*, „искренно соединили свою „свою судьбу съ судьбой Россіи, то „они внесли бы свою закваску въ русское правительство, и управляли бы Русскою Имперіей.“ Въ такомъ уничиженіи, въ самой Россіи, представляетъ себѣ *Times* природныхъ Русскихъ, которые, по словамъ англійской газеты, „хотя и были „настоящею завоевательною породой и остаются настоящею опорой Имперіи, но тѣмъ „не менѣе остаются лишенными преимуществъ, какія предоставлены присоединеннымъ вновь населеніямъ.“ Въ этомъ уничиженіи природныхъ Русскихъ и въ этомъ предпочтеніи инородцевъ, которымъ питается въ нихъ чувство особой національности, *Times* очевидно, усматриваетъ наибольшую опасность для Россіи, и справедливо замѣчаетъ, что „упроченіе государствъ несовмѣстимо съ сохраненіемъ „особыхъ національностей, въ которыхъ „было бы живо ихъ національное чувство.“ Тѣмъ не менѣе газета *Times* находитъ весьма естественнымъ нынѣшній порядокъ вещей въ Россіи, то-есть, то уничиженіе, въ которомъ, по ея же словамъ, находятся природные Русскіе сравнительно съ привилегированными инородцами. „Россія,“ говоритъ *Times*, „увѣрена въ своихъ собственныхъ сынахъ, но она не увѣрена въ „полуприсоединенныхъ къ ней инородцахъ. „Она старается примирить съ собой ту „часть своихъ подданныхъ, которыхъ она „боится утратить; по отношенію же къ другимъ она не принимаетъ такихъ заботъ, „потому что не имѣетъ подобныхъ побужденій.“ Вотъ какіе мотивы приходится придумывать англійской газетѣ для объясненія того изумительнаго для всякаго Европейца факта, что въ Россіи инородцы пользуются бо́льшими правами чѣмъ природные Русскіе. Права и преимущества оказываются, такимъ образомъ, наградой за готовность къ отпаденію отъ Русскаго

государства и къ возстанію противъ русскаго правительства. Согласно съ этою теоріей слѣдовало бы и въ Соединенномъ Британскомъ королевствѣ предоставить наибольшія права и преимущества ирландскимъ *падди* сравнительно съ природными Англо-Саксами и тѣмъ еще болѣе развить въ тѣхъ чувство особой національности, которое, впрочемъ, сама же *Times* признаетъ несовмѣстнымъ съ упроченіемъ государствъ. Англійская газета, конечно, не обязана заботиться объ упроченіи и скрѣпленіи государственнаго организма Россіи, и скорѣе можетъ быть склонна дѣйствовать въ противоположныхъ интересахъ, а потому весьма естественно, что она одобряетъ по отношенію къ Россіи то, что она съ негодованіемъ отвергла бы въ отношеніи къ Соединенному Королевству. „Награда Русскаго," продолжаетъ *Times*, „заключается въ сознаніи того національ„наго величія, которое составляетъ его до„стояніе: онъ принадлежитъ къ самому су„ществу государства, и участвуетъ во всей „его славѣ, каково бы ни было съ нимъ „обращеніе." Дѣйствительно, русскій народъ можетъ, по справедливости, гордиться величіемъ созданнаго имъ государства, и дорожитъ имъ какъ нельзя болѣе; но не было ли бы вопіющею несправедливостью систематическое униженіе русскаго народа въ нѣдрахъ созданнаго имъ великаго государства, и не обратилось ли бы оно, наконецъ, въ погибель самому государству, не послужило бы къ разложенію его на составныя его части, изъ коихъ каждая естественно должна побуждаться къ отчужденію отъ господствующаго народа, видя, что на его долю достается только уничиженіе, а на долю связанныхъ съ нимъ инородцевъ — права, преимущества, высшее образованіе? Не можетъ быть ничего несправедливѣе и ничего опаснѣе политики, основанной на предпочтеніи инородцевъ той великой массѣ населенія, которая составляетъ основную силу государства: рано или поздно такая политика должна неминуемо привести къ самому позорному оцѣпенѣнію и упадку силъ государства.

Публицистъ *Times* уже предвидитъ то время, когда въ различныхъ частяхъ Россіи, которая, по словамъ его, есть будто бы все-таки „соединеніе многихъ нѣкогда независимыхъ государствъ" (Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и т. д.), обнаружится стремленіе къ отдѣльному политическому существованію. „Или самое ядро Россіи," говоритъ онъ, „расколется „и раздробится, или же отпадутъ отъ не„го его наружныя части, и если совершеніе этого процесса можетъ быть доволь„но отдаленно по отношенію къ самой Рос„сіи, то его нельзя считать невозможнымъ, „когда даже въ Тифлисѣ раздавались воз„гласы въ пользу отдѣльнаго національ„наго существованія." На чемъ основаны подобныя предположенія, это ясно видно изъ всего что сказано въ разбираемой нами статьѣ. Публицистъ *Times* видитъ въ Россіи нѣчто похожее на Австрію,—соединеніе многихъ нѣкогда независимыхъ государствъ; ему представляются въ Россіи разныя политическія націи, имѣющія свое отдѣльное національное чувство; онъ очевидно введенъ въ ошибку тѣмъ же самымъ, что служитъ любимымъ орудіемъ въ рукахъ интригановъ, полагающихъ, что лелѣемый ими фантомъ недоразумѣній будетъ въ силахъ расколоть и раздробить Россію,—онъ очевидно введенъ въ ошибку политическою отдѣльностью, предоставленною императоромъ Александромъ I Финляндіи и Царству Польскому, и не замѣчаетъ, что эта отдѣльность есть нѣчто искусственно-созданное, никакого историческаго основанія не имѣющее и въ остальной Россіи не только не находящее себѣ ничего подобнаго, но и неосуществимое безъ особенныхъ усилій со стороны русскаго правительства. Предполагая добросовѣстность въ этомъ англійскомъ публицистѣ, только подобною ошибкой и можно объяснить что онъ какъ бы вовсе не признаетъ способности Россіи къ національной политикѣ. Хотя онъ и толкуетъ, между прочимъ, о послѣдствіяхъ распространенія политическаго либерализма на русской почвѣ, о впечатлительности русскаго человѣка, о способности его поддаваться либеральнымъ внушеніямъ и даже о томъ, что по мѣрѣ распространенія просвѣщенія въ Россіи, будетъ уменьшаться ея могущество, какъ будто истинное и прочное образованіе народа не есть лучшее средство противъ всякаго лже-либерализма, лже-радикализма, и всякаго увлеченія ложными ученіями, и какъ будто знаніе не есть истинное могущество какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ государствъ; но разчеты его, очевидно, основаны на томъ, что жизненныя силы Россіи, по прежнему будутъ парализуемы безправіемъ и уничи-

женіемъ кореннаго ея элемента, и что вслѣдствіе неизбѣжнаго притомъ упадка силъ въ этомъ коренномъ ея элементѣ, Россія подобно Турціи, окажется дряхлѣющимъ организмомъ, лишеннымъ той внутренней жизни, которая могла бы удерживать въ единствѣ всѣ части его. Но эти разчеты, по меньшей мѣрѣ, не своевременны; англійскій публицистъ очевидно забылъ, что Россія находится подъ властью Государя, который даровалъ личную свободу 20 милліонамъ Русскаго народа, который положилъ начало организаціи мѣстнаго земства и провозгласилъ правый судъ и твердость закона, какъ цѣль своего правительства, который снялъ оковы съ русской мысли и русскаго слова, который пожелалъ водворить въ Россіи европейскую систему обученія и который, конечно, не потерпитъ, чтобъ инородцы въ Россіи могли надмеваться своими политическими правами надъ преданными Русскими и отвращаться отъ Русскаго народа какъ отъ безправной, ничего не значащей въ политическомъ отношеніи массы. Россія, обязанная своему Государю столькими благодѣяніями, будетъ несомнѣнно спасена отъ той жалкой участи, которую сулитъ ей англійская газета,—спасена сліяніемъ ея подданныхъ въ одну политическую націю, въ которую вошли бы всѣ до безконечности дробные, до безконечности разнообразные инородческіе элементы, лишенные внутренней силы для самостоятельнаго существованія, но способные обогатить собой общее цѣлое и плодотворно развиваться на общей основѣ.

№ 208.

Москва, 23-го сентября.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* (№ 184) былъ возбужденъ вопросъ: могутъ ли государственныя имущества, имѣя уже на себѣ „гипотеку“ такой громадной важности какъ не обезпеченная размѣннымъ фондомъ часть кредитныхъ билетовъ (именно 568.542.029 р.) и не обезпеченная заложеннымъ въ бывшихъ кредитныхъ учрежденіяхъ имуществами часть пятипроцентныхъ билетовъ государственнаго банка (*Биржевыя Вѣдомости* предполагаютъ существованіе таковой части, не объясняя, основывается ли это предположеніе на чемъ-либо иномъ кромѣ дополнительной, незначительной выдачи пятипроцентныхъ билетовъ перваго выпуска государственному банку для усиленія его платежныхъ средствъ, выдачи спеціально обезпеченной достояніемъ государственнаго банка),—могутъ ли государственныя имущества подвергнуться еще другой гипотекѣ по залогу въ кредитномъ обществѣ барона Френкеля и не поведетъ ли допущеніе того къ разрушенію довѣрія къ системѣ нашего государственнаго кредита, какъ внутри, такъ и внѣ государства? Вопросъ, возбужденный *Биржевыми Вѣдомостями*, былъ поддержанъ *Торговымъ Сборникомъ* (№ 36), высказавшимъ мнѣніе, что государственныя имущества не могутъ быть закладываемы въ поземельныхъ банкахъ, и что даже слухи, будто государственныя имущества немедленно поступятъ въ залогъ учреждаемому барономъ Френкелемъ банку, несовмѣстны съ честью и достоинствомъ нашего правительства. „Приписывать ему подобное намѣреніе, сказано въ *Торговомъ Сборникѣ*, значитъ считать правительство способнымъ на недобросовѣстность и неспособнымъ понимать свои собственныя средства и интересы.“ На статью *Торговаго Сборника* было съ одобреніемъ указано въ № 195 (отъ 10-го сентября) *Биржевыхъ Вѣдомостей* и прибавлено утвердительно, что „казенныя имущества, состоящія въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, не могутъ подлежать залогу.“ Но эта утвердительность никому, конечно, не помѣшала смотрѣть на разсужденія двухъ биржевыхъ газетъ какъ на странный парадоксъ.

Относительно права казны продавать и вообще отчуждать государственныя имущества никогда никѣмъ не высказывалось сомнѣній, а кто имѣетъ право отчуждать, тотъ имѣетъ тѣмъ несомнѣннѣе право закладывать. Это такія очевидныя вещи, что невозможно было придавать какое-либо серіозное значеніе разсужденіямъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* и *Торговаго Сборника* о правѣ казны закладывать государственныя имущества.

Вопросъ о курсѣ пятипроцентныхъ билетовъ, постоянно падающемъ, есть вопросъ чрезвычайно важный. Они были выпущены рубль за рубль подъ вклады, которые были вытѣснены изъ казенныхъ банковъ пониженіемъ интереса съ 4% сначала на 3%, потомъ на 2%. Подписка

на пятипроцентные билеты не была дѣломъ добровольнымъ, точно также какъ и подписка на билеты непрерывнаго дохода, подвергшіеся еще болѣе тяжкой участи. Какъ тѣ такъ и другіе билеты были первоначально куплены по довѣрію отчасти вынужденному, а потому на финансовомъ управленіи несомнѣнно лежитъ нравственная обязанность всячески заботиться о поддержкѣ курса этихъ билетовъ, а тѣмъ паче избѣгать такихъ мѣръ, которыя прямо подрываютъ его. Серіозное исполненіе этой обязанности тѣмъ болѣе важно, что не мало затрудняется продолжающеюся выдачей пятипроцентныхъ билетовъ втораго выпуска (по выкупной операціи), которыхъ курсъ не можетъ не отражаться на курсѣ пятипроцентныхъ билетовъ перваго выпуска. Это дѣло есть дѣло крайне серіозное, но ему всего болѣе можетъ повредить то фальшивое мнѣніе, будто курсъ пятипроцентныхъ билетовъ перваго выпуска зависитъ лишь отъ неприкосновенности государственныхъ имуществъ,—мнѣніе, которое можетъ только замаскировать настоящую причину упадка курса. Эта причина, какъ извѣстно всякому биржевому человѣку, есть опасеніе новыхъ займовъ. Кредитъ государствъ основывается на ихъ бюджетѣ; на упадокъ курса государственныхъ фондовъ дѣйствуетъ дефицитъ. Это аксіома въ финансовомъ мірѣ; но почему это такъ бываетъ? Почему французскія бумаги стоятъ ниже англійскихъ? Потому ли что кто-нибудь изъ кредиторовъ Франціи опасается, чтобъ это государство въ одно прекрасное утро не перестало платить проценты по своимъ бумагамъ? Конечно, нѣтъ. Такого опасенія никто не питаетъ; всѣ увѣрены, что Франція выполнитъ свои обязательства съ неменьшею точностью чѣмъ Англія, какъ равно всѣ увѣрены въ безукоризненной точности платежей по долгамъ Россіи. Почему же французскіе фонды стоятъ много ниже англійскихъ? Почему биржевые космополиты довольствуются малымъ доходомъ съ англійскихъ фондовъ, а съ французскихъ хотятъ получать бо́льшіе доходы, хотя доходы по всѣмъ этимъ фондамъ выплачиваются съ одинаковою аккуратностію и одинаковымъ золотомъ? Тутъ все дѣло не въ опасеніи за вѣрное полученіе дохода, а въ опасеніи за цѣлость капитальной суммы. Капиталистъ довольствуется малымъ процентомъ по такимъ бумагамъ, которыя не упадутъ въ курсѣ; онъ вознаграждаетъ себя значительнымъ процентомъ, когда опасается, что новые займы подорвутъ биржевую цѣну бумаги, которую онъ покупаетъ, а о вѣроятности или невѣроятности новыхъ займовъ онъ заключаетъ по бюджету того государства, котораго фонды онъ намѣревается избрать для помѣщенія своихъ капиталовъ. Дефицитъ великъ; политическое положеніе затруднительно; въ финансовомъ управленіи нѣтъ бережливости; займы употребляются непроизводительно; казенныя деньги подвергаются дилапидаціи: значитъ, государство не обойдется безъ займовъ; значитъ, за его фонды опасно давать ихъ теперешнюю цѣну, — и вотъ всѣ сдѣлки совершаются не иначе какъ съ пониженіемъ курса, и слѣдовательно курсъ падаетъ. Но какъ только исчезаетъ или ослабляется вѣроятность новыхъ займовъ, тотчасъ же фонды начинаютъ идти въ гору и постепенно выравниваются съ фондами другихъ государствъ, приносящими одинаковые проценты. Кому не извѣстна эта биржевая процедура? Кто не понимаетъ, что безпрерывныя колебанія въ цѣнѣ фондовъ разныхъ государствъ не могутъ основываться на измѣреніи состоятельности этихъ государствъ? Когда состоятельность государства подвергается сомнѣнію, фонды этого государства не могутъ имѣть никакой цѣны. Колебанія фондовъ соотвѣтствуютъ тому мнѣнію, которое составляется въ финансовомъ мірѣ о вѣроятности или невѣроятности заключенія этимъ государствомъ новыхъ займовъ, могущихъ подорвать займы прежніе. Вотъ почему курсъ бумагъ того или другаго государства всегда зависитъ отъ степени благосостоянія его финансовъ, то-есть отъ соотношенія между его доходами и расходами. Продажа или непродажа государственныхъ имуществъ, сама по себѣ, не можетъ тутъ имѣть нималѣйшаго вліянія. Если продажа государственныхъ имуществъ происходитъ на основаніяхъ разумныхъ и ведется честно, если деньги, выручаемыя отъ продажи, употребляются производительно и въ интересѣ государственномъ, то продажа государственныхъ имуществъ можетъ дѣйствовать на биржи успокоительно и повлечь за собою повышеніе, а отнюдь не пониженіе курса государственныхъ фондовъ. Напротивъ, если продажа государственныхъ имуществъ употребляется какъ

средство отсрочивать необходимыя сбереженія или даже развивать либеральное обхожденіе съ казенными деньгами въ угоду охотникамъ живиться на счетъ казны, всегда и вездѣ достаточно многочисленнымъ, то должна ослабѣвать надежда на возстановленіе равновѣсія въ бюджетѣ, а потому въ будущемъ должны предвидѣться займы тѣмъ болѣе значительные, чѣмъ сильнѣе разовьется привычка къ растратѣ казенныхъ денегъ: при такомъ ходѣ дѣлъ продажа казенныхъ имуществъ причинила бы пониженіе курса на фонды.

Да извинятъ насъ читатели, что мы занимаемъ ихъ изложеніемъ такихъ элементарныхъ вещей. Залогъ государственныхъ имуществъ, по своему дѣйствію на кредитъ государства ничѣмъ не отличается отъ ихъ продажи. Залогъ есть мобилизація, временное превращеніе недвижимой собственности въ движимую, то-есть въ деньги, которыя можно употребить и хорошо и дурно. Никогда не одинъ разумный экономистъ не утверждалъ, чтобы мобилизація поземельной собственности, какъ бы она ни была правильна, уже сама по себѣ упрочивала ее или возвышала ея цѣнность. Не сама мобилизація, а только *возможность* мобилизаціи возвышаетъ цѣну имуществъ и въ извѣстной степени упрочиваетъ собственность въ рукахъ ея владѣльцевъ. Закладывающій свое имущество не возвышаетъ чрезъ это его цѣнности, а напротивъ уменьшаетъ итогъ своего чистаго капитала, если не пріобрѣтаетъ на занятыя деньги чего-нибудь такого, что можетъ доставить ему больше выгодъ чѣмъ эти деньги. Примѣняя этотъ *тругизмъ* къ правительству, должно сказать, что правительство можетъ и выиграть и проиграть отъ залога своихъ имуществъ. Оно выигрываетъ, если подъ вещественный залогъ получитъ деньги на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ безъ залога: въ настоящую минуту русское правительство, напримѣръ, выиграло бы, занявъ деньги подъ вещественный залогъ ниже курса своихъ фондовъ, т.-е. ниже $5^1/_2\%$, и занявъ деньги по $6^1/_2\%$, оно проиграло бы (о $7{,}2\%$, предполагаемыхъ въ банкѣ барона Френкеля мы и не говоримъ). Далѣе, русское правительство выиграло бы, еслибы занятыя такимъ образомъ деньги оно употребило производительно, то-есть производительно не только прямо въ экономическомъ, но и въ политическомъ смыслѣ. Если польское возстаніе стоило русской казнѣ, напримѣръ, не менѣе 70 милліоновъ, то всякая политическая мѣра, устраняя въ будущемъ возможность возстанія, можетъ, при допущеніи грубой оцѣнки на деньги, считаться равносильной суммѣ 70 милліоновъ рублей, а потому даже съ этой грубой экономической точки зрѣнія оказалась бы несомнѣнно производительною даже весьма значительная затрата казеннаго капитала на ссуды для упроченія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, этого необходимаго шага къ упраздненію польскаго вопроса. Точно также оказалось бы производительнымъ употребленіе казенныхъ денегъ на скорѣйшее сооруженіе желѣзной дороги изъ Москвы въ Кіевъ и изъ Кіева въ Одессу, потому что это сооруженіе, въ соединеніи съ реформой землевладѣнія, улучшило бы положеніе Россіи по польскому вопросу, и кромѣ того, имѣло бы важное значеніе по восточному вопросу, содѣйствуя въ то же время упроченію дружественныхъ отношеній между Россіей и Австріей, которая тогда равно приняла бы въ разчетъ и усиленіе нашей торговли съ нею, и усиленіе стратегическаго значенія кіевской крѣпости. Какъ упроченіе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, такъ и скорое проведеніе кіевской желѣзной дороги подѣйствовали бы благотворно на кредитъ Россіи, и курсъ русскихъ фондовъ не потерялъ бы, а выигралъ бы отъ подобнаго употребленія денегъ вырученныхъ отъ продажи или залога государственныхъ имуществъ, разумѣется еслибы одновременно съ этимъ обнаружилась бережливость русскаго финансоваго управленія и сталъ уменьшаться дефицитъ какъ въ бюджетѣ, такъ и въ дѣйствительномъ его исполненіи администраціей.

Говорить ли еще о курсѣ кредитныхъ билетовъ, то-есть о вексельномъ курсѣ, который будто бы обезпечивается всѣмъ достояніемъ государства? Въ законѣ дѣйствительно сказано нѣчто подобное, только не по отношенію къ курсу кредитныхъ билетовъ, а къ ихъ размѣну на звонкую монету. Безостановочность размѣна, вотъ что должно обезпечиваться, по закону всѣмъ достояніемъ государства. Но какъ скоро размѣна нѣтъ, то курсъ кредитныхъ билетовъ зависитъ единственно отъ ихъ количества, а не находится ни въ какомъ отношеніи къ количеству государственныхъ

имуществъ. Всякій новый выпускъ кредитныхъ билетовъ отзовется на ихъ курсѣ, а также отзовется на немъ всякое ограниченіе района обращенія кредитныхъ билетовъ. Еслибы, напримѣръ, пріемъ кредитныхъ билетовъ былъ объявленъ необязательнымъ въ Финляндіи, то кромѣ несправедливаго разоренія многихъ жителей этого великаго княжества, состоящихъ тамъ кредиторами или имѣющихъ свой активъ въ имперіи, вся имперія пострадала бы отъ пониженія цѣнности кредитнаго рубля. Вотъ дѣйствительно-возможныя причины упадка вексельнаго курса, а продажа или залогъ государственныхъ имуществъ тутъ рѣшительно ни при чемъ; что понимаетъ не только всякій экономистъ, но и всякій коммерческій человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе вопросъ, высказанный *Биржевыми Вѣдомостями* и *Торговымъ Сборникомъ*, послужилъ поводомъ къ серіозному приключенію въ маленькомъ мірѣ русской печати. Статьи этихъ газетъ вызвали въ *Сѣверной Почтѣ* замѣтку, о которой впрочемъ сама редакція органа министерства внутреннихъ дѣлъ объявила потомъ, какъ о замѣткѣ „сообщенной," не обозначая того вѣдомства, которое сообщило ее, но очевидно отличая это вѣдомство отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Сообщенная" замѣтка появилась въ № 199 *Сѣверной Почты* (отъ 16-го сентября) и въ свою очередь вызвала въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 243, отъ 18-го сентября) передовую статью, за которую министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 29, 31 и 33 (II главы), высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1865 года мнѣнія государственнаго совѣта и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить *первое* предостереженіе газетѣ *С.-Петербургскія Вѣдомости* въ лицѣ ея редактора-издателя В. Ѳ. Корша. Мы перепечатываемъ ниже текстъ этого предостереженія, и по поводу его позволимъ себѣ высказать нѣсколько недоразумѣній, для разъясненія дѣла, въ томъ убѣжденіи, что на первыхъ порахъ по допущеніи факультативнаго освобожденія отъ предварительной цензуры должно быть особенно важно и обоюдно-желательно точнѣе опредѣлить обязанности печати.

Въ фактическомъ отношеніи *С.-Петербургскія Вѣдомости* строго держались того что было изложено въ „сообщенной" замѣткѣ *Сѣверной Почты*. Въ статьѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* прямо сказано, что редакція „не имѣетъ никакихъ свѣдѣній, сюда относящихся," и не рѣшается судить, въ какой степени признается необходимымъ новый заемъ." Въ своихъ показаніяхъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* основывались исключительно на тѣхъ „данныхъ, которыя правительственный органъ счелъ за нужное передать на общее обсужденіе." По части фактовъ стало-быть не было сдѣлано *С.-Петербургскими Вѣдомостями* никакой нескромности, могущей повредить государственному кредиту. Предостереженіе впрочемъ и дано не за сообщеніе фактовъ, а за „несогласныя съ интересами государственнаго кредита сужденія о такихъ правительственныхъ распоряженіяхъ, о которыхъ не было доселѣ объявлено никакихъ положительныхъ свѣдѣній." Но тутъ именно возникаетъ нѣсколько недоумѣній. *С.-Петербургскія Вѣдомости* судили не о правительственныхъ распоряженіяхъ, уже состоявшихся, а только о предположеніяхъ. На основаніи статьи 16 гл. IV высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1865 г. мнѣнія государственнаго совѣта печать имѣетъ право обсуждать распубликованныя правительственныя распоряженія; тѣмъ болѣе, конечно, подлежатъ обсужденію печати правительственныя предположенія, потому что именно при ихъ обсужденіи печать можетъ принести существенную пользу. Итакъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости* подверглись предостереженію и не за обсужденіе правительственныхъ предположеній, оповѣщенныхъ въ „сообщенной" замѣткѣ *Сѣверной Почты*, а только за свойство этого обсужденія. Въ этихъ границахъ вопросъ долженъ, кажется, состоять прежде всего въ благонамѣренности или злонамѣренности сужденія, вовторыхъ въ его тонѣ, и наконецъ въ его основательности. Если, какъ намъ кажется, видѣть злое намѣреніе въ статьѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* нѣтъ повода, если тонъ статьи, какъ для всякаго читателя очевидно, отличается спокойствіемъ, то вопросъ стало-быть сводится къ основательности мнѣнія (выраженнаго, впрочемъ, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* условно), что залогъ государственныхъ имуществъ можетъ имѣть вліяніе на курсъ пятипроцентныхъ билетовъ. Это мнѣніе, мы въ томъ увѣрены, неосновательно, но позволяемъ себѣ

спросить, какое отношеніе къ государственному кредиту можетъ имѣть неосновательность или неопредѣлительность мнѣній той или другой неофиціяльной и неофиціозной газеты, о томъ или другомъ вопросѣ подлежащемъ обсужденію и печати и всѣхъ биржевыхъ людей? Неопредѣлительность мнѣній въ „сообщенной," то-есть офиціяльной замѣткѣ, какъ совершенно справедливо замѣчено въ № 203 *Сѣверной Почты*, могла возбудить сомнѣнія или недоразумѣнія. Одобреніе министерствомъ финансовъ къ печати статей, подобныхъ статьямъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* и *Торговаго Сборника*, направленныхъ противъ правительственныхъ предположеній, конечно, извѣстныхъ министерству, можетъ также подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Наконецъ, появленіе въ газетѣ субвенціонируемой правительствомъ выраженій, въ родѣ того что залогъ государственныхъ имуществъ былъ бы нарушеніемъ основнаго государственнаго залога, не можетъ не произвести неблагопріятнаго дѣйствія, если не на кредитъ, конечно, то на читающую публику. Но неужели государственный кредитъ есть вещь до такой степени колеблющаяся, что на него можетъ имѣть вліяніе неосновательность, ошибочность или даже вопіющая нелѣпость финансовыхъ мнѣній той или другой независимой газеты? Намъ кажется, что отъ свойства мнѣній такой газеты зависитъ ея собственный кредитъ, а не кредитъ государственный. Что касается до статьи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, то судя о ней со стороны, мы можемъ сказать по всей справедливости, что она вовсе не такъ странна, чтобы могла даже подорвать кредитъ газеты; во всякомъ случаѣ она менѣе странна чѣмъ тѣ статьи, на которыя она возражаетъ. Она возражаетъ на ту „сообщенную" замѣтку, появившуюся въ *Сѣверной Почтѣ*, которая вызвала оговорку и *Сѣверной Почты*; кромѣ того, она возражаетъ на статьи *Биржевыхъ Вѣдомостей* и *Торговаго Сборника*, и лишь отчасти съ ними соглашается. Она свободна отъ рѣзкихъ странностей тѣхъ статей, на которыя она возражаетъ: она не признаетъ, вмѣстѣ съ „сообщенною" статьей, частной собственности за государственное достояніе, и не утверждаетъ, вмѣстѣ съ *Биржевыми Вѣдомостями* и *Торговымъ Сборникомъ*, что государство не имѣетъ права закладывать казенныя имущества. Отъ этихъ статей она отличается къ своей выгодѣ.

№ 209.

Москва, 24-го сентября.

Изъ помѣщаемой ниже рижской корреспонденціи г. Семенова читатели узнаютъ, что коммиссія магистрата и двухъ городскихъ гильдій, окончательно пересматривавшая проектъ городоваго устройства Риги для представленія его генералъ-губернатору, отказала русскому языку въ равноправности. Это извѣстіе не новость, по крайней мѣрѣ не свѣжая новость; оно дошло до насъ уже довольно давно вмѣстѣ съ самимъ проектомъ и обширными статьями о немъ *Рижской Газеты*, но, признаемся, мы не могли побѣдить въ себѣ то тягостное чувство, которое возбуждается подобными извѣстіями, и предпочитали молчать, ожидая что будетъ далѣе. Но теперь, печатая корреспонденцію, предназначенную для обнародованія въ нашей газетѣ, мы не можемъ не выставить на видъ всей печальной стороны дѣла, о которомъ говоритъ г. Семеновъ.

Итакъ, Турокъ въ Турецкой, Китаецъ въ Китайской имперіи могутъ найдти себѣ судъ на своемъ родномъ языкѣ, а Русскому въ Русской Имперіи отказываетъ въ этомъ коммиссія рижскаго магистрата и двухъ городскихъ гильдій! Чего нѣтъ и ни въ одномъ государствѣ, цивилизованномъ и не цивилизованномъ, то должно имѣть силу въ Россіи. Въ русскомъ городѣ Ригѣ русскій языкъ не долженъ имѣть тѣхъ правъ, которыя были бы, конечно, даны ему въ Кенигсбергѣ, еслибы тамъ цѣлая треть населенія состояла изъ природныхъ Русскихъ. Такъ посудила коммиссія, засѣдавшая въ Ригѣ; такъ посудилъ и рижскій магистратъ,—тотъ рижскій магистратъ, который до сихъ поръ заставляетъ рижскихъ гражданъ присягать въ вѣрности Императору Всероссійскому, Наслѣднику Всероссійскаго Престола и ему, магистрату, словно участнику въ верховной власти.

По плодамъ ихъ познаются политическія учрежденія; по плодамъ его должно познаваться и теперешнее рижское городское устройство. Оно безспорно отличается стойкостью; но что было защищаемо и отражк-

даемо этою стойкостью? Городъ Рига занимаетъ важный торговый пунктъ, лежащій на устьѣ большой рѣки и весьма удобный для мореходства. Въ былое время этотъ городъ пользовался своимъ положеніемъ чтобы брать въ свою пользу дань съ товаровъ шедшихъ къ нему изнутри страны; онъ пользовался также своимъ положеніемъ на перепутьи между западною Европой и Россіей, чтобы перехватывать мастеровыхъ людей отправлявшихся въ Россію и вообще противодѣйствовать прямымъ сношеніямъ Москвы съ Западомъ. Русское владычество сохранило за нимъ полное самоуправленіе; реформы тамошняго городоваго устройства, введенныя Екатериной Великой при восторженномъ одобреніи большинства рижскихъ гражданъ не только русскаго, но и нѣмецкаго происхожденія, были отмѣнены тотчасъ же по вступленіи на престолъ императора Павла I, по ходатайству магистрата, просившаго о возстановленіи прежнихъ порядковъ, какъ древней, драгоцѣнной для города святыни. Какіе же плоды получилъ городъ отъ этихъ порядковъ? Пошли ли они въ прокъ ему, пошли ли они въ прокъ даже немногимъ привилегированнымъ? Были ли они залогомъ свободы, развивающей жизнь и самодѣятельность, удесятеряющей силы. Городъ Рига есть торговый городъ, и его успѣхи всего вѣрнѣе измѣряются успѣхами его торговли. Что же мы видимъ? Не живительное, а усыпляющее свойство должны имѣть эти порядки, когда подъ ихъ сѣнію купечество такого важнаго торговаго пункта, какъ Рига, получило свой теперешній характеръ, который можно обозначить не совсѣмъ въ шутку, сказавъ что рижское купечество вовсе потеряло способность заниматься торговлей. Въ самомъ дѣлѣ, о рижскихъ купцахъ, за немногими исключеніями, было бы неправильно сказать, что они торгуютъ: шутникъ скорѣе бы назвалъ ихъ собирателями пошлинъ, только не въ казну, а въ свою пользу,—пошлинъ, которыя платятся имъ жителями двинскаго бассейна за природныя удобства рижскаго порта. Рижская торговля, за немногими исключеніями, есть коммиссіонное дѣло, не сопряженное ни съ какимъ рискомъ, не требующее никакой дѣятельности и никакихъ соображеній. Продукты внутреннихъ губерній, чтобъ уйдти черезъ рижскій портъ заграницу должны пройдти черезъ руки рижскаго купечества, которое, пользуясь своимъ положеніемъ, взимаетъ съ нихъ въ свою пользу опредѣленную таксу: въ этомъ и состоитъ вся торговля. Сообща назначено, сколько пошлины слѣдуетъ брать съ какого товара; тарифъ выработанъ до мельчайшей подробности: соблюденіе его обезпечено клятвами и угрозой опалы. Ни одинъ русскій продуктъ не можетъ уклониться отъ уплаты этой таксы; иностранный покупатель русскаго продукта уплачиваетъ цѣну его, съ присоединеніемъ этой таксы, и отъ ея размѣровъ зависитъ, очевидно, цѣна, которую онъ согласится дать за русскій продуктъ. Такимъ образомъ рижская торговля вмѣсто производительныхъ посредническихъ услугъ, составляющихъ экономическій *raison d'être* торговли, постоянно оказывала стѣснительное дѣйствіе на страны отъ нея зависящія. Свои барыши она получала не за предпріимчивость и сообразительность, а за свое крѣпкое положеніе на устьяхъ Двины. Эти барыши не имѣли характера коммерческихъ барышей, награждающихъ за посредничество; это были барыши даровые, барыши привилегированной синекуры, а потому и дѣйствовали они усыпительно. Продавцамъ и покупателямъ они были не радостны, но и на посредникахъ не могли они отозваться благопріятно. Возможность оставаться коммиссіонеромъ, то-есть слугой иностраннаго негоціянта, и тѣмъ не менѣе получать такія выгоды, какія не всегда достаются на долю настоящаго негоціянта, должна была убить коммерческій духъ города. Такой торговли, которая соотвѣтствовала бы достоинству мѣста и могла бы съ честью стать на ряду съ торговлей своей метрополіи Бремена,—такой торговли въ Ригѣ нѣтъ. Не обличается ли этимъ ходомъ дѣлъ истинный характеръ тѣхъ рижскихъ порядковъ, которымъ, по мнѣнію ихъ защитниковъ, какъ видно, должна быть и впредь приносима въ жертву всяческая справедливость? Что стоятъ права, которыя не оживляютъ, а усыпляютъ людей? Такія права, несовмѣстныя съ успѣхомъ, не могутъ не находиться въ антоганизмѣ и съ справедливостью. Ихъ цѣль—не ограждение собственной свободы, что заслуживаетъ уваженія, а стѣсненіе свободы другихъ лицъ, что противорѣчитъ сущности права и въ человѣческомъ обществѣ ничего кромѣ вреда причинить не можетъ. Продолжительное пользованіе подобными правами должно портить людей, должно заглушать въ

привилегированныхъ и чувство справедливости и голосъ разсудка.

При нормальномъ душевномъ настроеніи представители рижскихъ привилегій не могли бы не усмотрѣть, какъ противно здравому смыслу отказывать въ равноправности государственному языку страны, которой принадлежитъ городъ Рига. Еслибы въ нихъ былъ инстинктъ справедливости, они сами поспѣшили бы предупредить требованіе и по собственному побужденію добровольно допустили бы то, что не можетъ не быть допущено. Этимъ они пріобрѣли бы, конечно, право на довѣріе и уваженіе. Предупредительность была бы оцѣнена, и всѣ здравомыслящіе люди были бы на ихъ сторонѣ. Даже изъ разчета сохранить за собой стѣснительныя для другихъ, а потому незаконныя права, слѣдовало бы дѣйствовать такимъ образомъ, слѣдовало бы соблюдать приличіе, не выставлять на показъ всей безцеремонности своихъ деспотическихъ притязаній. На дѣлѣ было иначе. Надобно было не только просить и ходатайствовать о томъ, что должно бы разумѣться само собой: надобно было испытать высокомѣрный отказъ. Не о правахъ нѣмецкаго языка шла рѣчь. Правъ нѣмецкаго языка никто не касался,— они признавались въ полной силѣ, и никто изъ людей говорящихъ по-нѣмецки не потерпѣлъ бы ни малѣйшаго неудобства, еслибъ была уважена просьба Рижанъ русскаго языка. Только исключительное господство нѣмецкаго языка требовалось ограничить, и, что особенно важно, ограничить не какъ фактъ, а преимущественно какъ право. На дѣлѣ нѣмецкій языкъ продолжалъ бы господствовать, и всякій Русскій, владѣющій нѣмецкимъ языкомъ, употреблялъ бы его для своего же удобства. Все, что было нужно, ограничивалось тѣмъ, чтобы съ русскаго языка былъ снятъ запретъ несовмѣстный съ достоинствомъ русскаго государства, чтобъ онъ не былъ въ опалѣ, —въ такой позорной опалѣ, какой онъ не подвергается даже внѣ предѣловъ русскаго государства. Если на земскомъ сеймѣ въ Галиціи, если въ венгерскихъ общинныхъ собраніяхъ тѣхъ графствъ гдѣ живутъ Русскіе, дозволяется говорить по-русски, то есть ли смыслъ запрещать употребленіе русскаго языка въ рижской скамьѣ старшинъ? Поймутъ ли или не поймутъ говорящаго по-русски, это его собственное дѣло, это должно быть предоставлено его разчету. Если же онъ найдетъ нужнымъ говорить по-нѣмецки, то пусть онъ сдѣлаетъ это какъ свободный человѣкъ, по собственному рѣшенію, а не вслѣдствіе принужденія; пусть этимъ позволено ему будетъ выказать свою внимательность, свою деликатность или какое-либо другое человѣческое свойство, а не уничижительную покорность неволѣ. Вопросъ имѣлъ гораздо болѣе теоретическую чѣмъ практическую важность, и тѣмъ оскорбительнѣе притязаніе устранить его.

Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица. Рѣзкая несправедливость въ одномъ открываетъ глаза и на другое. Было время, и очень недавно, не болѣе года тому назадъ, когда еще соблюдалось приличіе въ городѣ Ригѣ. Когда говорилось, что реформаторы городоваго устройства не имѣютъ въ виду тѣснить тѣхъ, кого они отличаютъ отъ себя русскимъ именемъ. Тогда утверждалось, что предполагается устранить антагонизмъ разноплеменныхъ частей населенія, оказавъ имъ всѣмъ равную справедливость. Въ эти идиллическія времена *Рижская Газета* громко заявляла, что для выбора гласныхъ (die Aeltesten) городъ Рига будетъ раздѣленъ на нѣсколько участковъ, и что такимъ образомъ будетъ обезпечено за меньшинствомъ вліяніе на составъ собранія гласныхъ (Aeltestenbank). Были даже указаны границы предполагаемыхъ участковъ. Эти заявленія не встрѣчали опроверженій въ *Рижской Газетѣ*, и мы простодушно вѣрили имъ. Намъ казались ипохондриками, черезчуръ мнительными, тѣ мѣстные жители, которые находили тутъ не болѣе какъ игру въ справедливость и добросовѣстность. Сознаемся, что они чуть ли не лучше нашего понимали дѣло. Въ окончательно выработанномъ проектѣ городской реформы мы тщетно искали постановленія, что городъ Рига будетъ раздѣленъ для выбора гласныхъ на нѣсколько избирательныхъ округовъ. Вездѣ говорится только объ общемъ собраніи гражданъ; это общее собраніе будетъ выбирать гласныхъ большинствомъ голосовъ, и слѣдовательно всѣ гласные будутъ представлять собой большинство, а меньшинство либо останется совсѣмъ безъ представителей, либо получитъ двухъ-трехъ представителей *изъ милости*. Вотъ во что разрѣшились всѣ эти завѣренія въ доброжелательствѣ къ меньшинству, въ намѣреніи предоставить ему соотвѣтственное его

численности участіе въ управленіи городскими дѣлами. Когда дѣло дошло до исполненія завѣреній, *Рижская Газета* осталась гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ; деспотическіе инстинкты оказались во всемъ своемъ безобразіи, и реформа якобы либеральная дѣлается средствомъ такого порабощенія русскаго меньшинства, какого никогда не было. Теперь тѣ русскіе купцы, которые присягнули магистрату въ вѣрности, пользуются правомъ голоса въ собраніи большой гильдіи, имѣющемъ рѣшающій голосъ по многимъ важнымъ дѣламъ; ихъ устраняютъ только отъ доступа въ скамью старшинъ (собраніе гласныхъ) и въ магистратъ. По новому проекту гильдіи отмѣняются; многочисленныя дѣла, разсматривающіяся теперь въ гильдіяхъ, поступаютъ въ вѣдѣніе скамьи старшинъ, а скамья старшинъ должна по проекту состоять изъ гласныхъ, избранныхъ большинствомъ гражданъ. Такимъ образомъ меньшинство совсѣмъ устраняется отъ участія въ управленіи; оно теряетъ и тѣ немногія права, которыми пользовалось до нынѣ.

Сказаннаго достаточно, чтобы читатели поняли, почему намъ было такъ больно заводить съ ними рѣчь о новомъ проектѣ рижскаго городоваго устройства. Мы молчали, сохраняя спокойную увѣренность, что подобный проектъ утвержденъ быть не можетъ.

№ 210.

Москва, 25-го сентября.

Сѣверная Почта, съ свойственнымъ офиціальной газетѣ лаконизмомъ, отозвалась въ нѣсколькихъ строчкахъ по случаю возникшаго въ нашей журналистикѣ вопроса о казенныхъ субсидіяхъ, получаемыхъ петербургскою газетой *Голосъ*. Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ опасается, чтобы возникшія по этому предмету, какъ онъ выражается, *пререканія*, не вышли изъ предѣловъ терпимаго, и находитъ, что въ эти пререканія не слѣдуетъ вовлекать правительство. Мы совершенно согласны съ нимъ, и объясняемъ только сжатостью его рѣчи, что высказанное имъ замѣчаніе какъ будто касается отчасти и насъ. Припомнимъ обстоятельства: казенныя субсидіи получаемыя вышеупомянутою частною газетой, суть фактъ извѣстный публикѣ, хотя и скрываемый редакціей этой газеты, которая отрекается отъ него какъ отъ чего-то позорнаго и безчестнаго. Отпираясь отъ факта, который самъ по себѣ не представляетъ ничего преступнаго, редакція *Голоса* требовала доказательствъ отъ тѣхъ, кто ставилъ ей на видъ получаемыя ею субсидіи. Тяжесть доказательства падаетъ лишь на улику въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ; заявленіе же факта, который самъ по себѣ не имѣетъ такого характера и притомъ относится болѣе къ правительству нежели къ частному лицу, не требуетъ доказательствъ. Нельзя сдѣлать небывшимъ такой фактъ, который долженъ значиться въ государственномъ контролѣ, и съ нашей стороны было замѣчено *Голосу*, что тяжесть доказательствъ падаетъ на него, и доказательствомъ этимъ можетъ быть только офиціальное объявленіе отъ правительства, что издатель этой газеты не получалъ субсидій. Замѣчаніе это могло имѣть смыслъ только аргумента ad absurdum, потому что невозможно ожидать, чтобы правительство могло сдѣлать ложное показаніе. Вышеозначенная газета, въ своихъ странныхъ усиліяхъ отпереться отъ факта, прибѣгла къ недозволительной стратагемѣ, заявивъ, что такъ какъ цензура дозволила ей отрицать фактъ получаемыхъ ею субсидій, то этимъ самымъ правительство признало себя солидарнымъ съ нею въ ея показаніяхъ, завѣдомо невѣрныхъ. Рѣшившись сама на такое показаніе, редакція этой газеты старалась вовлечь и правительство въ положеніе совершенно для него невозможное. Правительство не могло, конечно, оставаться равнодушнымъ при такомъ злоупотребленіи его именемъ, и вотъ появилось нѣсколько лаконическихъ словъ въ *Сѣверной Почтѣ*, объясняющихъ, что правительство не можетъ потерпѣть, чтобъ его привлекали къ лжесвидѣтельству. Довольно того, что даются казенныя деньги для поддержки частнаго политическаго изданія; довольно того, что деньги эти даются газетѣ, которая, какъ говорятъ, есть въ сущности не что иное какъ запрещенное самимъ же правительствомъ въ 1863 году *Современное Слово*; допустить же публично чтобы на правительство ссылались, въ подтвержденіе показанія завѣдомо невѣрнаго, и заставляли его участвовать въ такомъ показаніи, это было бы уже слишкомъ, и это должно было, конечно, выз-

вать краткую замѣтку *Сѣверной Почты*, объявляющую, что правительство не можетъ допустить такое злоупотребленіе его именемъ, и что оно не должно быть вовлекаемо въ подобныя *пререканія*.

Конечно, оно не должно быть вовлекаемо во что-либо подобное; напротивъ, оно должно быть извлекаемо изъ всякаго несвойственнаго ему положенія, въ какомъ оно можетъ случайно находиться или въ какомъ хотѣли бы выставить его. Что касается до насъ, то мы смѣемъ увѣрить *Сѣверную Почту*, что никакихъ пререканій съ газетой *Голосъ* не имѣемъ и имѣть не можемъ. Если мы считали нужнымъ говорить объ этой газетѣ, то единственно потому, что она служитъ, по мнѣнію публики, въ чемъ и признается эта газета, органомъ для нѣкоторыхъ административныхъ сферъ, которыя въ ней подъ рукой высказываются, и вопросъ о субсидіяхъ, которыя эта газета получаетъ, важенъ отнюдь не по отношенію къ ея издателю, а единственно къ правительству. Какими правилами руководствуется ея издатель, что онъ думаетъ и чего онъ хочетъ, это не имѣетъ для насъ ни малѣйшаго интереса, и едва ли это можетъ быть предметомъ вопроса для публики. Издателя газеты *Голосъ* едва ли могутъ компрометтировать получаемыя имъ казенныя деньги; но не компрометтируется ли этимъ какъ-нибудь правительство, вотъ серіозный вопросъ. Только въ этомъ отношеніи получаетъ несомнѣнную важность для публики этотъ предметъ, о которомъ не стоило бы и говорить, еслибъ имѣлись въ виду только личныя обстоятельства издателя. Публика видитъ, что въ административныхъ сферахъ есть лица, которымъ удалось создать государственными пособіями органъ, не съ тѣмъ однако чтобъ онъ былъ органомъ интересовъ правительства, а чтобъ онъ казался выраженіемъ общественнаго мнѣнія; — органъ, который при этомъ служитъ глашатаемъ доктринъ, не имѣющихъ ничего общаго съ призваніемъ русскаго правительства. Эта странность не можетъ не смущать общественнаго мнѣнія. Вопросъ этотъ, смѣемъ думать, имѣетъ значительный интересъ, и мы полагаемъ, что оказываемъ правительству услугу, стараясь разъяснить этотъ вопросъ. Мы не имѣемъ побужденій вызывать скандалы: вся наша публичная дѣятельность, все наше прошедшее служитъ въ этомъ порукой. Но скандалъ уже есть, и мы работаемъ въ томъ смыслѣ, чтобы способствовать прекращенію причинъ производящихъ скандалъ.

Все зависитъ отъ единодушія между правительствомъ и обществомъ: это великая истина. Если между ними возникаетъ бездна недовѣрія и недоразумѣній, то дѣла государства подвергаются опасности и приготовляется торжество врагамъ его, внутреннимъ и внѣшнимъ. Всякій обязанъ, по мѣрѣ силъ своихъ и въ сферѣ своего дѣйствія, заботиться о томъ чтобъ единеніе между правительствомъ и обществомъ не нарушалось, и устранять по возможности всѣ причины, вносящія смуту въ умы. По мѣрѣ силъ нашихъ и по роду нашей дѣятельности, мы постоянно заботимся объ этомъ, и въ этой цѣли видимъ главное значеніе нашей публичной дѣятельности. Мы не несемъ на себѣ никакой административной обязанности и не находимся къ правительству ни въ какихъ другихъ обязательныхъ отношеніяхъ кромѣ тѣхъ самыхъ общихъ, въ какихъ находится всякій гражданинъ русскаго государства. Но мы видимъ нравственный, если не юридическій долгъ для себя, способствовать въ нашей общественной дѣятельности и въ мѣру нашихъ силъ интересамъ, лежащимъ на прямой обязанности русскаго правительства.

Что такое правительство? Правительство,—это, вопервыхъ, всѣ интересы, составляющіе его сущность и призваніе, интересы, которые имъ охраняются и обезпечиваются,—все, начиная отъ прочности династіи и государственной цѣлости до всякаго закономъ установленнаго права. Вовторыхъ, правительство есть тотъ личный составъ, который въ данную минуту находится во власти. Офиціяльное участіе въ правительственныхъ дѣлахъ принадлежитъ только людямъ законно къ тому призваннымъ, и они составляютъ правительство, какъ дѣйствующую силу государства. Люди оказываются болѣе или менѣе способными или неспособными, достойными или недостойными своего поста, люди приходятъ и уходятъ, остается только общая правительственная организація. Могутъ быть и бываютъ случайности самаго прискорбнаго свойства; у правительственныхъ дѣлъ могутъ оказываться люди, сознательно или безсознательно дѣйствующіе въ ущербъ имъ, могутъ оказываться люди,

умышленно или неумышленно подвергающіе опасности самые важные интересы правительства. Ошибками, недоразумѣніями, злоупотребленіями полна исторія правительствъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Не стоялъ ли на самомъ важномъ посту русскаго правительства, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, человѣкъ, который не скрывалъ своей вражды къ русскому государству и работалъ не только тайно, но и явно ему на пагубу, такъ что нынѣшняя Россія должна тяжко бороться съ тѣмъ зломъ, которымъ она обязана этому дѣятелю, являвшемуся и у правительственнаго кормила Россіи, и въ лагерѣ ея враговъ? Мы говоримъ объ Адамѣ Чарторыйскомъ, который былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Россійской имперіи.

Итакъ, есть существенное различіе между правительствомъ въ смыслѣ тѣхъ началъ и интересовъ, которые составляютъ его сущность, и лицами въ рукахъ которыхъ временно находится правительственная власть. Что касается первыхъ, то никакой честный политическій органъ не можетъ считать себя независимымъ отъ нихъ, точно также какъ никакой порядочный человѣкъ не можетъ считать себя независимымъ отъ требованій чести и нравственнаго долга. Независимость политическаго органа можетъ значить только независимость его отъ лицъ. Онъ можетъ находиться съ тѣми или другими изъ правительственныхъ лицъ въ самыхъ сочувственныхъ отношеніяхъ и идти въ одномъ съ ними направленіи, но дорожа своею нравственною независимостію, онъ не долженъ ни съ кѣмъ состоять въ отношеніяхъ обязательныхъ или служебныхъ, ибо въ такомъ случаѣ онъ былъ бы органомъ не издателей своихъ, а другихъ лицъ, хотя въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, если только это дѣлается открыто и безъ посредства казенныхъ денегъ, которыя могутъ быть употребляемы лишь въ интересахъ цѣлаго государства, а отнюдь не въ интересахъ какой-либо партіи.

Что касается до нашей газеты, то сохраняя полную независимость отъ лицъ и партій, она старалась всѣми силами служить общимъ интересамъ русскаго правительства, и руководствоваться въ этомъ служеніи только своею совѣстію. Какъ извѣстно, съ особеннымъ усердіемъ служили мы интересамъ народнаго просвѣщенія. Ни въ одномъ органѣ не былъ встрѣченъ съ такимъ искреннимъ и глубокимъ сочувствіемъ законъ преобразующій наши учебныя заведенія. Мы усердно разъясняли понятія относительно этого вопроса и неутомимо вели борьбу противъ злонамѣренности, которая всячески старалась уклонить этотъ столь важный вопросъ на ложные пути, сбить съ толку общественное мнѣніе и испортить законъ въ его основаніяхъ, какъ стараются теперь уничтожить силу этого закона въ его примѣненіи. Смѣемъ думать, что направленіе нашей дѣятельности по этому вопросу можетъ разчитывать на одобреніе и сочувствіе, хотя извѣстно, что мы не находимся ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ министерству народнаго просвѣщенія.

Газета *Голосъ*, которая, какъ извѣстно публикѣ, служитъ подручнымъ органомъ административныхъ лицъ этого самого вѣдомства, и которую намъ приходилось болѣе всего оспаривать по вопросу о педагогическихъ предметахъ, полагаетъ, что принимая въ аренду *Московскія Вѣдомости*, мы тѣмъ самымъ вступили въ обязательныя отношенія къ правительству. Она ошибается. Въ совѣтѣ университета, гдѣ предложенныя нами условія были признаны самыми выгодными для казны изъ всѣхъ заявленныхъ на торгахъ, былъ возбужденъ вопросъ: „слѣдуетъ ли внести въ контрактъ съ будущими арендаторами *Московскихъ Вѣдомостей* условіе, что протоколы университета не должны подлежать критикѣ этой газеты?“ Это обязательство не могло быть принято нами, но совѣтъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ, самъ рѣшилъ не вносить его въ контрактъ. Что касается до казенныхъ объявленій, то они не составляютъ нашей привилегіи. Это привилегія казны, которая куплена была нами съ торговъ и какъ было не разъ представлено на видъ, цѣною вовсе невыгодною для насъ. Мы всегда желали одной привилегіи, — привилегіи людей честныхъ, имѣющихъ нѣкоторое право на уваженіе и довѣріе. Цензура отнюдь не дѣлала намъ поблажекъ, но въ виду интересовъ высшаго свойства мы рѣшались брать на свой страхъ, что въ нашихъ статьяхъ запрещалось цензурой. Бо́льшая часть статей нашихъ въ 1863 году испытывали цензурныя затрудненія, за которыя мы не сѣтуемъ на цензоровъ, лицъ подначальныхъ, къ тому же очутившихся въ положеніи совершенно новомъ, еще не предусмотрѣн-

номъ законами, въ то время когда событія импровизовали у насъ политическую печать и возложили на нее нравственную обязанность обсуждать дѣла и вопросы первостепенной государственной важности, какъ по внутренней, такъ и по внѣшней политикѣ Россіи. Нарушеніе цензурныхъ правилъ повлекло за собою репрессивныя мѣры. *Московскія Вѣдомости* (за исключеніемъ *Вѣсти*) были, кажется, единственною газетой, съ которой взысканы были штрафы администраціей. Штрафовъ взыскано было съ насъ шесть въ теченіе одного мѣсяца, всего на сумму 950 рублей, что безъ малаго, сколько мы знаемъ, равняется ежемѣсячному казенному жалованію, которое получалъ тогда издатель *Голоса* за услуги, оказываемыя его газетой или отечеству или Россіи, ибо эти два термина, по обсужденію нѣкоторыхъ остроумныхъ политиковъ у насъ, не совпадаютъ между собою.

Кстати о торгахъ, вслѣдствіе которыхъ *Московскія Вѣдомости* поступили въ наши руки. Въ этихъ торгахъ участвовало одно лицо, пріѣзжавшее изъ Петербурга и бывшее агентомъ какихъ-то лицъ, желавшихъ остаться въ неизвѣстности. Имя этого конкуррента на торгахъ не встрѣчалось ни прежде, ни послѣ, ни въ какомъ журнальномъ предпріятіи, и совершенно неизвѣстно въ литературѣ. Говорили, что онъ торговался отъ лица откупщиковъ, желавшихъ имѣть свой органъ; другіе утверждали, что онъ былъ высланъ изъ Петербурга на торги нѣкоторыми сильными лицами, желавшими имѣть подручный органъ, но такъ что это оставалось неизвѣстнымъ для публики. Условія, предложенныя съ этой стороны, оказались менѣе удовлетворительными чѣмъ другія. Послѣ, когда дѣло было окончено, и торги состоялись, намъ писалъ г. министръ народнаго просвѣщенія о томъ, что кто-то являлся въ министерство и предлагалъ надбавку сверхъ нашихъ условій, но въ какой мѣрѣ это предложеніе было серіозно, этого мы не знаемъ, и изъ письма не видно.

№ 211.

Москва, 27-го сентября.

Къ числу знаменательныхъ признаковъ нашего времени принадлежитъ, между прочимъ, и то, что почти всѣ иностранныя, болѣе значительныя, газеты имѣютъ въ Россіи своихъ корреспондентовъ, и что всѣ онѣ, болѣе или менѣе, справляются съ заявленіями русскаго общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, между мнѣніемъ Россіи и мнѣніемъ Европы началось болѣе или менѣе постоянное взаимнодѣйствіе преимущественно по внутреннимъ русскимъ вопросамъ, между нашими газетами и иностранными сталъ возможенъ обмѣнъ мыслей, и наша журналистика, по мѣрѣ освобожденія ея и по мѣрѣ того какъ расширялся кругъ ея дѣйствій и сфера ея вліянія, все болѣе пріобрѣтала право гражданства въ европейской журналистикѣ. Въ будущемъ это принесетъ плоды: до сихъ поръ Европа считалась только съ матеріяльными силами Россіи; теперь она начнетъ принимать къ свѣдѣнію и общественное ея мнѣніе, и нравственную ея силу. Можно надѣяться, что благодаря этому мало-по-малу разсѣются ложныя воззрѣнія на Россію, прояснятся понятія о задачахъ ея политики, и общественное мнѣніе Европы перестанетъ поддаваться лживымъ и обманчивымъ навѣтамъ, въ родѣ тѣхъ, которые сбивали его съ толку въ пору послѣдней Восточной войны, и можетъ-быть еще болѣе въ 1863 году. Но пока еще отношенія европейской журналистики къ Россіи очень не нормальны: ея органы и ихъ корреспонденты не довольствуются, какъ въ отношеніи къ другимъ странамъ, ролью безпристрастныхъ наблюдателей и докладчиковъ о нашихъ внутреннихъ событіяхъ и движеніяхъ, а сами стараются принимать дѣятельное участіе въ борьбѣ различныхъ мнѣній. Они имѣютъ въ виду не столько знакомить свою публику съ тѣмъ что происходитъ въ Россіи, сколько доставить въ нашей странѣ торжество тому или другому дѣлу посредствомъ давленія европейскаго общественнаго мнѣнія на наши правительственныя сферы. Подобныя стремленія и надежды питаются, съ одной стороны, тѣмъ что вопросъ о національномъ направленіи русской политики, внѣшней и внутренней, кажется имъ еще далеко не совсѣмъ рѣшеннымъ, и они надѣются, что у насъ еще могутъ возобладать направленія антирусскія, а съ другой—тѣмъ, что русское общественное мнѣніе кажется имъ еще призракомъ, а не дѣйствительною силой, которая могла бы оказывать на русское

правительство больше вліянія чѣмъ отзывы и возгласы иностранныхъ публицистовъ. Такими-то условіями и воззрѣніями опредѣляется въ настоящее время характеръ большей части корреспонденцій и статей въ иностранныхъ журналахъ о Россіи. Понятно, какъ все это ненормально.

Не такъ давно пришлось намъ сказать нѣсколько словъ о „московскомъ“ корреспондентѣ берлинской *Національной Газеты*, по поводу ловко разчитанныхъ отзывовъ его о первомъ пребываніи, въ нынѣшнемъ году, Государя Императора въ Москвѣ, о восторженныхъ встрѣчахъ Его Величества со стороны Москвичей, и о диссонансѣ, который будто бы производила при этомъ „партія, одержимая исключительно-русскимъ патріотизмомъ“, и т. д. Корреспондентъ отвѣчалъ на наши замѣчанія, и отвѣчалъ весьма умѣреннымъ тономъ. Онъ сѣтуетъ на трудность положенія иностранныхъ корреспондентовъ въ Россіи, которые при малѣйшемъ указаніи на недостатки въ нашемъ общественномъ бытѣ, будто бы тотчасъ же подвергаются обвиненію въ клеветѣ, а при выраженіи сочувствія къ извѣстнымъ лицамъ и дѣйствіямъ заподозрѣваются въ лицемѣріи. Корреспондентъ, при всей своей сдержанности, отзывается о русской публикѣ такъ, какъ будто она не въ состояніи оцѣнить правду въ показаніяхъ иностранцевъ о недостаткахъ нашего быта и отличить лицемѣріе отъ искренности въ ихъ изъявленіяхъ. Но не въ этомъ дѣло, а въ тѣхъ невѣрныхъ воззрѣніяхъ на Россію, которыя проглядываютъ и въ новомъ письмѣ этого корреспондента, отъ 21-го сентября, и которыя, какъ видно и изъ статьи *Times*, отъ 24-го сентября, грозятъ укорениться въ общественномъ мнѣніи Европы и во всякомъ случаѣ не малое число людей совсѣмъ сбиваютъ съ толку.

Не можетъ быть ничего превратнѣе какъ переносить на Россію воззрѣнія, которыя умѣстны только по отношенію къ такимъ сборнымъ государствамъ какъ Австрія или Турція, и предполагать въ Россіи не одинъ сплошной и цѣльный народъ, а „*народы* покоренные скипетру Русскаго Государя“, какъ говоритъ корреспондентъ *Національной Газеты*, — толковать не о Русскомъ, а о какомъ-то безыменномъ совокупномъ государствѣ, подъ скипетромъ Русскаго Государя (Gesammtstaat), какъ это дѣлаетъ тотъ же корреспондентъ. Гдѣ эти народы, покоренные скипетру Русскаго Государя? Гдѣ эти націи, соединенныя будто бы между собою въ такое же сборное государство, какимъ представляется Австрія? Все это не болѣе какъ призракъ; въ дѣйствительности же на всемъ необъятномъ пространствѣ Русской державы (если исключить Царство Польское и Финляндію, о которыхъ скажемъ послѣ) есть только одинъ народъ русскій, съ примѣсью къ нему разсѣянныхъ и разбросанныхъ инородческихъ элементовъ, которые ни въ какомъ смыслѣ, не только въ политическомъ, но даже и въ этнографическомъ, нельзя величать именемъ народовъ. Что представляется каждому при имени: народъ? Представляется масса людей не только одинаковаго племеннаго происхожденія, но и сознающая свое единство, масса людей одинаковаго языка, или по крайней мѣрѣ говорящая нарѣчіями, для пониманія которыхъ нѣтъ надобности ни въ особомъ изученіи, ни въ долгомъ навыкѣ, занимающая сплошное пространство, имѣющая свою соціальную организацію, то-есть, свои общественные классы отъ низшаго до высшаго. Русскіе инородцы, ни въ своей совокупности, ни въ каждой изъ 14 отдѣльныхъ группъ, на которыя они обыкновенно распредѣляются (въ дѣйствительности этихъ группъ несравненно больше), не представляютъ и тѣни этихъ признаковъ.

Изъ нихъ наболѣе многочисленны такъ-называемые Финны (то-есть, Эстонцы, Карелы, Чудь, Мордва, и т. п.): ихъ считается, кромѣ Финляндіи, 2.300.000; но кто рѣшится назвать ихъ особымъ народомъ? Всѣ эти племена не имѣютъ ничего общаго между собой и только этнографомъ подводятся подъ одно именованіе; разсѣянныя небольшими массами въ 19 губерніяхъ, на пространствѣ отъ Архангельска до Саратова, и отъ Риги до Оренбурга, они ничего не знаютъ не только о своемъ племенномъ сродствѣ, но даже и о существованіи другъ друга. Это обломки породы, никогда не составлявшей народа, все болѣе сливающіеся съ русскимъ народомъ, усвоившіе себѣ и его вѣру, и его языкъ, хотя еще не забывшіе своихъ особыхъ нарѣчій. Вторая по численности инородческая группа, литовская, простирающая до 1.600.000, дѣйствительно, живетъ довольно сплошною массой въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской, Ковен-

ской, Виленской и Витебской; но распадается на вѣтви, говорящія непонятными другъ другу нарѣчіями, никогда не жившія общею жизнію, разрозненныя вѣрою, и почти вся состоитъ изъ одного крестьянскаго населенія. Говорить ли еще о слѣдующихъ за тѣмъ по своей многочисленности инородцахъ: о Евреяхъ, которыхъ до полутора милліона разсѣяно на пространствѣ 15 западныхъ и юго-западныхъ губерній, о Татарахъ, которые точно также, въ числѣ почти 1.300.000, разсѣяны преимущественно по восточной окраинѣ Россіи, отъ Крымскаго полуострова и Астрахани до Перми? Кто рѣшится серіозно и сознательно назвать ихъ націями или народами способными къ какой бы то ни было политической самостоятельности? Не упоминая затѣмъ о другихъ еще болѣе дробныхъ инородческихъ элементахъ перейдемъ прямо къ элементамъ польскому и нѣмецкому въ предѣлахъ Россіи, не потому чтобъ они имѣли силу по своей многочисленности, а потому что имъ принадлежитъ безспорно нѣкоторое историческое значеніе. Поляковъ, или лучше сказать, людей, называющихъ себя Поляками, считается въ предѣлахъ Имперіи всего 960.000; что ихъ нельзя здѣсь считать народомъ, это очевидно изъ того, что у нихъ рѣшительно нѣтъ почвы подъ ногами: это— пришлый элементъ, усплившійся нѣкоторыми притоками изъ туземнаго, премущественно русскаго, населенія и ставшій, вслѣдствіе историческихъ условій не во главѣ, а только вверху нашего западнаго края. Если вслѣдствіе ошибочной политики самой Россіи, этотъ элементъ не привился къ ней окончательно, и даже могъ находить себѣ, въ сѣверо-западномъкраѣ, опору въ католическомъ литовскомъ населеніи, то и ошибочная политика Россіи не была въ состояніи ополячить массу чисторусскаго населенія въ этомъ краѣ. Мы можемъ говорить о польскомъ элементѣ въ Россіи, такъ же какъ и о еврейскомъ: оба имѣютъ свои отличительныя особенности, свои хорошія и худыя стороны; но говорить о Польскомъ или Еврейскомъ народѣ въ Россіи значило бы придавать этому слову совершенно несвойственное ему значеніе. Тоже должно сказать и о Нѣмцахъ, которыхъ г. Шницлеръ (*l'Empire des Tsars*) насчитываетъ всего на всего до 373.000, съ колонистами разбросанными въ столькихъ губерніяхъ, и съ обитателями балтійскихъ губерній. Неужели это особый народъ въ Россіи? Даже и тамъ, гдѣ вслѣдствіе историческихъ условій за этимъ нѣмецкимъ элементомъ сохранено нѣкоторое политическое значеніе, именно въ балтійскихъ губерніяхъ даже и тамъ было бы забавно говорить о Нѣмцахъ какъ объ особомъ народѣ. Вѣдь это совершенно незначущая горсть людей сравнительно даже съ туземнымъ совершенно чуждымъ ей населеніемъ; вѣдь это 24.000 человѣкъ изъ 303.000 въ Эстляндіи, 94.000 изъ 883.000 въ Лифляндіи и 60.000 изъ 567.000 въ Курляндіи.

До сихъ поръ мы говорили о европейской Россіи (безъ Царства Польскаго и Финляндіи). Мы нашли въ ней только одинъ народъ Русскій и дробные, не имѣющіе ничего общаго между собой, разсѣянные по всему ея пространству инородческіе элементы, изъ коихъ бо́льшая часть готовы совершенно слиться съ Русскимъ народомъ и въ числѣ которыхъ только за элементами нѣмецкимъ, польскимъ и еврейскимъ можно признать нѣкоторое значеніе. Нѣтъ другой страны въ мірѣ, гдѣ основная народная сила государства была бы болѣе однородна и въ племенномъ, и въ религіозномъ отношеніяхъ, и болѣе многочисленна, и есть немного странъ, гдѣ отношенія между основною силой государства и вошедшими въ него инородческими элементами въ одинаковой степени благопріятны. Но даже и въ Царствѣ Польскомъ и въ Финляндіи, отдѣльно взятыхъ отъ Имперіи, нельзя говорить объ особыхъ народахъ. Въ Царствѣ Польскомъ, правда, изъ 4.972.000 жителей считается до 3.000.000 Поляковъ; но и эти Поляки, вопервыхъ, представляютъ собой только отрывокъ существовавшаго нѣкогда болѣе обширнаго цѣлаго, а вовторыхъ, общественная организація ихъ совершенно разбита; они распадаются на два класса, утратившіе всякое чувство общаго отечества: шляхту, съ одной стороны, и крестьянство, съ другой, безъ средняго связующаго звена, раздѣляемые бездной, которая расширялась и углублялась съ развитіемъ польской исторіи. Нѣсколькихъ лѣтъ послѣдовательной и разумной внутренней политики, основанной на полномъ уваженіи и довѣріи къ русской народности, было бы совершенно достаточно, чтобы по крайней мѣрѣ крестьяне Царства Польскаго стали не только *Цесарцами*, какъ въ австрійской Галиціи, но и добрыми Русскими.

Наконецъ, и Финляндія, населеніе которой слагается изъ шведскаго меньшинства и финскаго большинства, и которая никогда до присоединенія ея къ Россіи не пользовалась политическою самостоятельностью, не можетъ выставлять національныя требованія, потому что въ ней нѣтъ одной цѣльной націи, которая развилась бы собственною силой въ особое политическое цѣлое. Польша и Финляндія, это—искусственныя политическія созданія, обязанныя своимъ происхожденіемъ лишь „великодушному увлеченію императора Александра I“, какъ сказано было въ одной изъ депешъ нашего правительства 1863 года. Рано или поздно онѣ сольются въ одно цѣлое со всею Имперіей, не измѣнивъ существенно численнаго отношенія между Русскимъ народомъ и примыкающими къ нему инородческими элементами.

Какимъ же образомъ иностранные корреспонденты, а въ томъ числѣ и корреспондентъ берлинской *Національной Газеты*, находятъ возможнымъ говорить о народахъ въ Россіи, наряду съ народомъ Русскимъ? Какимъ образомъ они какъ будто бы намекаютъ на то, что Русское государство слагается изъ многихъ государствъ и есть какъ бы составное государство, на подобіе австрійскаго *Gesammtstaat?* Вся эта путаница понятій, господствующихъ въ западной Европѣ относительно Россіи, была порождена единственно тою политикой „увлеченій,“ которой слѣдовала Россія въ первую четверть нынѣшняго столѣтія и благодаря которой явились подъ русскимъ скипетромъ какъ бы какія-то особыя государства: Финляндія и Польша, такъ что именно западная окраина русскихъ владѣній, подверженная наибольшей опасности въ случаѣ какихъ-либо столкновеній съ европейскими государствами, вопреки очевиднымъ требованіямъ разумной политики, является наименѣе связанною съ ядромъ Россіи.

Но дѣло отнюдь не въ томъ, чтобъ инородческіе элементы были всѣми неправдами подводимы подъ одинъ уровень и искореняемы на всемъ пространствѣ русскихъ владѣній: корреспондентъ *Національной Газеты* глубоко погрѣшаетъ противъ истины, приписывая намъ подобныя желанія. Совершенно напротивъ мы полагаемъ, что и шведскій, и нѣмецкій, и польскій элементы, сами по себѣ рѣшительно несостоятельные въ предѣлахъ Русской державы, въ соединеніи съ русскимъ элементомъ, могутъ способствовать развитію и благоденствію нашего общаго отечества, и послужить къ полнотѣ, богатству и разнообразію этого развитія, предохранивъ его отъ вредной односторонности. Въ недостаткѣ чего упрекаетъ насъ упомянутый корреспондентъ, то и составляетъ предметъ самаго пламеннаго нашего желанія, а именно, чтобы всѣ эти элементы не обособлялись другъ отъ друга политически, чтобъ они не вытягивались искусственно и противоестественно въ особыя политическія націи, а видѣли въ Россіи общее свое отечество и свое единое государство. Вотъ чего нельзя не пожелать отъ всей души Россіи; но достиженію именно этого результата наиболѣе препятствуетъ фальшивое политическое положеніе, въ которое поставлены у насъ нѣкоторые инородческіе элементы,—положеніе заставляющее ихъ по возможности обособляться отъ русскаго элемента и даже отъ самой Россіи, и считать своимъ отечествомъ и своимъ государствомъ не Россію, а только Финляндію, или Лифляндію, или существующее въ несбыточныхъ мечтахъ Польское королевство. Не то ли же самое требованіе высказано и въ собственныхъ словахъ его когда онъ говоритъ о томъ, „чтобы всѣ инородческіе элементы (ошибкою онъ называетъ ихъ народами) стояли на одной степени (лучше бы сказать заодно) съ Русскимъ народомъ въ любви и преданности общему своему отечеству, въ желаніяхъ и надеждахъ относительно дальнѣйшаго его благоденствія?“ Для насъ непонятно только то, какимъ образомъ онъ соглашаетъ съ этимъ вполнѣ разумнымъ требованіемъ еще другое, чтобы Лифляндцы, или Финляндцы, именно въ этомъ своемъ качествѣ, а не въ качествѣ русскихъ подданныхъ, питали чувство глубокой преданности къ „*своему*“ Императору. Не только Лифляндія, Эстляндія и Курляндія, но даже и Царство Польское и Финляндія состоятъ не въ личномъ, а въ реальномъ, въ дѣйствительномъ соединеніи съ Россіей; у нихъ нѣтъ *своихъ* престоловъ, *своей* короны, *своей* верховной власти, о есть одна общая верховная власть со всею Россіей, и актъ коронованія Русскихъ Государей происходитъ только въ Москвѣ для всей Россіи и для всѣхъ ея владѣній. Какимъ же образомъ Финляндцы или Лифляндцы въ этомъ своемъ качествѣ могли бы считать Русскаго Императора

своимъ Императоромъ? Они — подданные Русскаго Государя въ такой же мѣрѣ какъ обитатели всѣхъ другихъ частей Россійской Имперіи. Какъ подданные Русскаго Государя, они могутъ быть только русскими подданными, и только въ качествѣ русскихъ подданныхъ они могутъ быть вѣрными и преданными подданными своего Государя.

Если на этотъ счетъ возникаютъ какія-либо сомнѣнія и недоразумѣнія то это проистекаетъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ того неестественнаго положенія, въ которое въ этихъ русскихъ владѣніяхъ поставленъ русскій по преимуществу, государственный нашъ элементъ. Что въ той или въ другой части владѣній сохраняются нѣкоторыя старинныя учрежденія и особенности, въ этомъ нѣтъ бѣды, если только эти учрежденія и особенности не противорѣчатъ общему единству государства; но бѣда въ томъ, если основной и коренной элементъ государства не пользуется въ какихъ-либо частяхъ его всею полнотою предоставленныхъ имъ правъ. Русскій имѣетъ полное право смотрѣть на всю территорію, подлежащую державѣ Русскаго Царя, какъ на свою родную, русскую землю; онъ не долженъ нигдѣ подвергаться ограниченіямъ и неудобствамъ вслѣдствіе того, что онъ принадлежитъ къ коренному и основному элементу государства. Вездѣ, на всемъ пространствѣ русскихъ владѣній, онъ долженъ чувствовать себя какъ у себя дома, потому что нѣтъ ни одной пяди этой земли, которая не была бы пріобрѣтена русскою кровью, и на которой, по справедливости, могло бы быть водружено знамя какой-либо другой національности кромѣ русской.

№ 212.

Москва, 28-го сентября.

Не можемъ не оговориться, печатая чрезвычайно важную статью Н. И. Липина. Чѣмъ серіознѣе дѣло, тѣмъ необходимѣе заботиться о всестороннемъ его разсмотрѣніи, а много ли можетъ быть теперь указано вопросовъ болѣе важныхъ для Россіи чѣмъ построеніе желѣзныхъ дорогъ, въ особенности чѣмъ построеніе той линіи, съ которою связаны всѣ интересы Русскаго государства и Русскаго народа, линіи изъ Москвы на Кіевъ въ Одессу? Дѣло идетъ, какъ насъ увѣряютъ, именно объ этой линіи, по крайней мѣрѣ объ одномъ ея участкѣ, — объ участкѣ отъ Курска до Кіева. Этотъ участокъ предполагается строить въ связи съ линіей отъ Курска на Харьковъ къ Таганрогу и Ростову на Дону. Хотя разбрасывать по сторонамъ вредно, хотя было бы безъ всякаго спора вѣрнѣе сосредоточить всѣ представляющіяся средства на сооруженіи той линіи, которая уже начата и съ сѣвера (отъ Москвы до Одессы) и съ юга (отъ Одессы до Балты, если на этомъ участкѣ дѣйствительно окажется возможнымъ открыть обѣщанное движеніе), но ужь если суждено этимъ работамъ идти параллельно съ другими, то надобно поскорѣе мириться съ судьбой, лишь бы дѣло сколько-нибудь выиграло отъ того. *Одесскій Вѣстникъ* сообщилъ недавно, что желѣзная дорога отъ Балты до Кременчуга будетъ окончена въ продолженіе трехъ лѣтъ. Если эта дорога не будетъ къ тому времени прикрыта дорогой отъ Балты до кіевской крѣпости, то не доставитъ ли она въ случаѣ войны непріятелю значительную выгоду, приблизивъ переправу черезъ Днѣпръ къ границѣ имперіи? Тогда ближайшею переправой къ границѣ будетъ уже не Кіевъ, какъ теперь (вслѣдствіе чего онъ и укрѣпленъ), а Кременчугъ, столько же открытый для непріятеля, сколько открыта для него Одесса. Чтобъ Одесско-Кременчугская линія не послужила ему базисомъ для военныхъ операцій, для этого весьма желательно одновременное сооруженіе Кіево-Балтской линіи и соединеніе Кіева съ центральными губерніями. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что отдача участка отъ Курска до Кіева можетъ значительно облегчить совершеніе этого необходимаго дѣла: тогда осталось бы достроить два участка: отъ Орла до Курска и отъ Кіева до Балты, на что гораздо легче найдти и казенныя и частныя средства чѣмъ на постройку цѣлой линіи отъ Балты до Орла. Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, нельзя не придавать чрезвычайной важности дѣлаемому теперь предложенію, если только оно дѣйствительно обнимаетъ не одну линію отъ Курска къ Азовскому морю, но и другую, неизмѣримо важнѣйшую линію, отъ Курска въ Кіевъ.

Совершить важный историческій шагъ рѣдко удается народамъ безъ пожертвованій. Вопросъ о закрѣпленіи народнаго и государственнаго единства, объ обезпеченіи государственной территоріи, о пре-

одолѣніи ея географическихъ неудобствъ,— такой вопросъ не можетъ цѣниться на деньги. Есть возможность подвинуть его къ рѣшенію безъ большихъ пожертвованій,— тѣмъ лучше. Нѣтъ этой возможности,— не надобно скупиться на пожертвованія, насколько они оказываются необходимыми. До 1848 года князь Воронцовъ предполагалъ приступить къ сооруженію южной линіи на условіи гарантіи въ 4%. Теперь обстоятельства неблагопріятны, но разумно ли вслѣдствіе того откладывать дѣло, необходимое въ интересахъ цѣлаго государства и цѣлаго народа, могущихъ серіозно пострадать отъ отсрочки? Если обстоятельства сложились такъ, что нельзя ограничиться болѣе легкою задачей соединенія Москвы и Кіева съ Чернымъ моремъ, а приходится одновременно связывать Москву и Харьковъ съ моремъ, Азовскимъ, то слѣдуетъ ли уклоняться отъ этой комбинаціи изъ опасенія издержекъ? Пути исторіи извилисты; чего нельзя достигнуть на прямомъ пути, того лучше достигнуть на пути косвенномъ чѣмъ не достигать вовсе. Достигнуть же надобно тутъ одного: возможно-скораго открытія рельсоваго сообщенія между Москвой, Кіевомъ и Одессой,— возможно скораго, потому что нельзя заранѣе сказать, какія послѣдствія будетъ имѣть хотя одинъ годъ промедленія. Люди усматривающіе всю неизмѣримую важность этого дѣла взяли бы на себя, кажется намъ, очень тяжкую отвѣтственность, еслибы на основаніи соображеній низшаго порядка, хотя и весьма серіозныхъ, отказали въ своемъ содѣйствіи дѣлу высшаго порядка и тѣмъ, можетъ-быть, причинили бы его отсрочку на нѣсколько лѣтъ. Кто знаетъ, что именно въ эти нѣсколько лѣтъ не совершатся событія, которыя заставятъ раскаиваться въ проволочкѣ?

Вопросъ совершенно измѣнился бы, еслибы та компанія, о которой идетъ рѣчь, осталась при своемъ прежнемъ не совсѣмъ добровольномъ намѣреніи строить желѣзную дорогу только отъ Курска до Азовскаго моря и до Александровска на Днѣпрѣ, не распространяя испрашиваемой концессіи на участокъ Курско-Кіевскій. Въ такомъ случаѣ надобно было бы иначе судить о дѣлѣ. Но мы говоримъ теперь въ предположеніи что этотъ послѣдній участокъ включенъ въ концессію, и только при этомъ предположеніи считаемъ себя въ правѣ высказаться въ пользу болѣе благосклоннаго взгляда на испрашиваемыя компаніей условія чѣмъ взглядъ г. Липина.

Авторитетъ почтеннаго автора въ этомъ дѣлѣ не подлежитъ сомнѣнію. Все что онъ говоритъ о гарантіи поверстнаго расхода и о гарантіи дѣйствительнаго вполнѣ убѣдительно. Не можетъ быть спору, что если при сооруженіи дорогъ съ поверстною гарантіей, компаніи нерѣдко грѣшатъ отсутствіемъ бережливости, то тѣмъ болѣе позволительно опасаться неправильныхъ дѣйствій съ ихъ стороны при гарантіи дѣйствительнаго расхода. Интересъ акціонеровъ при этой послѣдней системѣ подвергается меньшему риску, а потому и контроль съ ихъ стороны долженъ быть слабѣе. Акціонеры, правда, и тутъ не имѣютъ интереса желать излишнихъ расходовъ, но важно то, что ихъ интересъ желать бережливости несравненно слабѣе, а потому администраціи должно быть легче эманципироваться отъ ихъ вліянія. Опасность съ этой стороны очевидна, но нѣтъ ли средствъ уменьшить опасность? Намъ кажется, что доводы г. Липина въ этомъ отношеніи могутъ быть дополнены нѣкоторыми соображеніями не лишенными серіознаго значенія. Компанія, о которой идетъ рѣчь, проситъ чтобы правительство гарантировало ей 6% чистаго дохода съ того капитала, который будетъ ею дѣйствительно затраченъ на сооруженіе ея линій. Но намъ кажется, что она значительно уменьшаетъ тягость этого условія другимъ условіемъ, которому г. Липинъ, повидимому, не придаетъ особенной важности. Это другое условіе изложено въ § 37 проекта ея условій, гдѣ сказано, что „правительство, по разсмотрѣніи представленныхъ компаніей окончательныхъ проектовъ и смѣтъ, опредѣлитъ, должны ли быть работы на линіи произведены по распоряженію его или компаніи.“ Если смѣты будутъ высоки, то ничто не мѣшаетъ правительству взять построеніе дороги на себя, и тогда компанія будетъ обязана снабдить правительство нужными деньгами. Намъ кажется, что этотъ параграфъ, при болѣе полномъ развитіи и болѣе точномъ изложеніи, можетъ представить правительству достаточныя гарантіи. Подробныя смѣты могутъ быть, конечно, составлены лишь по участкамъ, и притомъ не только послѣ нивеллировки, но и послѣ договора съ конструкторами: иначе онѣ не имѣли бы должной серіозности, и не могли

бы служить основаніемъ для правительственнаго рѣшенія. Получивъ правительственное одобреніе по смѣтѣ въ 60.000 р. на версту, было бы странно требовать потомъ утвержденія дополнительныхъ смѣтъ. Это значило бы ставить казнѣ ловушку: обѣщать ей бережливость, пока она еще можетъ воспользоваться свободой предоставляемою ей § 37-мъ, и потомъ, когда этотъ § 37 уже не будетъ приложимъ къ дѣлу, вводить казну въ расходы, отъ которыхъ она не будетъ въ состояніи оградить себя. Въ такомъ смыслѣ невозможно понимать условія, испрашиваемыя компаніей. Напротивъ, мы въ правѣ серіозно понимать выраженіе: *окончательные проекты и смѣты;* мы въ правѣ понимать это выраженіе въ такомъ смыслѣ, что изъ „окончательныхъ“ проектовъ и смѣтъ компанія уже не будетъ въ правѣ выступать. Но какъ обезпечить это? Кто не знаетъ какъ тяжко ложатся на всякое казенное и компанейское сооруженіе эти дополнительныя смѣты, необходимость которыхъ всегда такъ убѣдительно доказывается, и которыя нельзя бываетъ не утверждать, потому что иначе сооруженіе не будетъ приведено къ окончанію? Все это коротко извѣстно и правительству, и акціонернымъ компаніямъ, и публикѣ, но противъ всего этого есть средства, и они заключаются въ томъ, чтобъ отдавать участки надеждымъ конструкторамъ за огульную цѣну на ихъ рискъ, подобно тому какъ былъ отданъ г. фонъ-Меку участокъ отъ Коломны до Рязани.

Такая система отдачи участковъ есть необходимое условіе при гарантіи дѣйствительнаго расхода,—условіе, безъ котораго эта гарантія превратилась бы въ право вовлекать казну въ безграничные расходы, и безъ котораго, повторяемъ, § 37 не имѣлъ бы смысла. Но при этомъ условіи дѣло значительно измѣняется, рискъ казны становится не страшенъ, и въ то же время вполнѣ обезпечиваются интересы акціонеровъ, которымъ все-таки будетъ выгоднѣе, если дорога построится дешево. Тогда дѣло приметъ слѣдующій видъ. Компанія составитъ подробную смѣту и по одобреніи этой смѣты правительствомъ, войдетъ въ сношенія съ конструкторами. Результатъ этихъ сношеній она сообщитъ правительству, отъ котораго будетъ зависѣть согласиться на цѣну объявленную конструкторами и принять отъ нихъ залоги, или взять сооруженіе участка на себя. Г. Липинъ упоминаетъ о тѣхъ неправильныхъ сдѣлкахъ, которыя нерѣдко бываютъ между конструкторами и компанейскими администраціями въ противность интересамъ большинства акціонеровъ. Но при описываемомъ нами порядкѣ подобныя сдѣлки невозможны. Правительство будетъ какъ бы привилегированнымъ участникомъ въ торгахъ, такимъ участникомъ, которому будетъ предоставлено послѣднее слово и отъ котораго будетъ слѣдовательно вполнѣ зависѣть исходъ ихъ. Свобода правительства будетъ обезпечена какъ нельзя лучше. Для каждаго участка оно рѣшитъ совершенно свободно, можно ли согласиться на просимую за него цѣну. Оно согласится на нее, если найдетъ, что она умѣренна, и тогда эта цѣна будетъ уже обязательна для компаніи. Если же правительство усмотритъ стачку между конструкторами или между конструкторами и администраціей компаніи, оно воспользуется своимъ правомъ и оградитъ себя отъ стачки: въ такомъ случаѣ оно само возьмется строить участокъ, а компанія будетъ только обязана снабдить его деньгами.

Такъ понимаемъ мы § 37 условій предлагаемыхъ компаніей и весьма желали бы, чтобы значеніе этого параграфа подверглось обстоятельному разсмотрѣнію въ интересѣ всесторонней оцѣнки предложеній, которыхъ важность неоспорима.

№ 213.

Москва, 29-го сентября.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ по поводу отчета о дѣйствіяхъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, или Общества Св. Нины. Общество Св. Нины имѣетъ цѣлью дѣйствовать на горскія племена, между которыми отчасти еще сохранились остатки христіанства, путемъ миссіонерской проповѣди и распространенія грамотности. Христіанская проповѣдь, впервые призывающая людей къ духовной жизни, должна коснуться ихъ слуха и проникнуть имъ въ душу на родномъ и привычномъ имъ языкѣ. Христіанская проповѣдь есть сама для себя цѣль. Миссіонеръ долженъ сдѣлать обращаемаго христіаниномъ и цѣль его достигнута.

Но мы сдѣлали бы весьма мало для нашихъ кавказскихъ и другихъ инородцевъ,

еслибъ оставили ихъ при ихъ букваряхъ, и при томъ не многомъ что можетъ быть передано изъ Священнаго Писанія на ихъ дробные и такъ разнообразные языки. Образованіе дѣтей обращеннаго къ христіанскому племени должно ознакомить ихъ съ языкомъ, который служитъ органомъ просвѣщенія и гражданственности. Что пользы было бы для того или другаго мелкаго полудикаго племени на Кавказѣ,—положимъ, осетинскаго,—если бы даже оно все поголовно выучилось читать и писать по-осетински? Къ чему послужило бы это знаніе? Какія свѣдѣнія почерпнули бы Осетины въ составленныхъ для нихъ букваряхъ, какіе задатки дальнѣйшаго развитія нашли бы они въ своемъ собственномъ племенномъ бытѣ, остающемся неизмѣннымъ со временъ Несторовыхъ Ясовъ и Косоговъ? Можетъ-быть у насъ найдутся мыслители, которые потребуютъ, чтобы на нарѣчія всѣхъ инородческихъ племенъ Кавказа или Сибири переведена была вся европейская литература до сочиненій Милля и Дарвина, но объ этомъ требованіи можно упомянуть только затѣмъ чтобы сказать, какіе могутъ быть у насъ замѣчательные мыслители.

Есть другая мысль менѣе фантастическая и потому гораздо болѣе вредная. Эта мысль состоитъ въ объединеніи мелкихъ инородческихъ племенъ посредствомъ какого-нибудь одного изъ туземныхъ языковъ. Въ странѣ, подобной Кавказу, гдѣ сообщенія между мѣстностями, даже весьма одна отъ другой близкими, затруднены самой природой, одно и то же племя размѣстившись по горнымъ вершинамъ или по ущельямъ, раздѣленнымъ между собою едва проходимыми утесами, мало-по-малу разъединяется и дробится на мелкія племена и роды. Такимъ образомъ отпрыски одного и того же черкесскаго или адигскаго племени часто не могутъ понимать другъ друга. Не менѣе разнообразія въ нарѣчіяхъ горцевъ, населяющихъ восточный Кавказъ. Какую же систему принять для распространенія грамотности между этими племенами, имѣя при этомъ въ виду не остановиться на одной грамотности, но открыть имъ возможность и дальнѣйшаго образованія? Въ земляхъ Аварцевъ, Карачаевцевъ, Чеченцевъ и др. прежде всего могли бы преподаваться аварская, карачаевская и чеченская грамота по пособіямъ, которыя были бы для этого нарочно составлены, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо ознакомить учениковъ съ русскимъ языкомъ, какъ единственнымъ образовательнымъ языкомъ въ училищахъ высшаго разряда, соотвѣтствующихъ приходскимъ и уѣзднымъ. Но можетъ-быть нашлись бы люди, которые, замѣчая, что на всемъ восточномъ Кавказѣ весьма распространенъ татарскій языкъ, что его понимаютъ и въ Чечнѣ и въ сѣверномъ и въ южномъ Дагестанѣ, предложили бы ввести его во всѣ школы восточнаго Кавказа и положить въ основаніе обученія. Слѣдовало ли бы одобрить и принять подобное предложеніе? Другіе, можетъ быть увлекшись историческими воспоминаніями, и зная, что славная грузинская царица Тамара властвовала нѣсколько вѣковъ тому назадъ надъ Осетинами и Абхазцами, предложатъ ввести между этими племенами грузинскую азбуку, объясняя притомъ, что такимъ образомъ мы избавились бы отъ необходимости составлять два новые алфавита... Полезно ли въ какомъ бы то ни было отношеніи было бы принять подобную систему? Конечно, ни въ какомъ, и однако, мы съ сожалѣніемъ замѣчаемъ, что Общество Св. Нины открыло нѣсколько школъ въ Самурзаканскомъ округѣ, въ Абхазіи, въ которыхъ учатъ Абхазцевъ по грузински. Изслѣдователи причисляютъ ихъ къ черкесскому племени; языкъ ихъ совершенно особый отъ грузинскаго, и учить ихъ по грузински значитъ учить ихъ чужому имъ языку. Какую же пользу извлекутъ они изъ этого ученья? Какіе горизонты оно для нихъ раскроетъ? Еслибъ кому-нибудь изъ этихъ бѣдныхъ Самурзаканцевъ суждено было достигнуть нѣкоторой степени развитія, онъ долженъ былъ бы совершить еще второе преобразованіе, и изъ Грузина сдѣлаться Русскимъ. Мы уже не говоримъ о требованіяхъ высшей политики. Мы беремъ въ соображеніе интересъ учащихся, и спрашиваемъ, зачѣмъ это дѣлается?

Общество Св. Нины не можетъ имѣть своимъ призваніемъ искусственное объединеніе горскихъ и вообще туземныхъ племенъ посредствомъ какого-либо изъ мѣстныхъ языковъ, и поставленіе между ними и русскимъ народомъ несуществующихъ границъ, а если извѣстія наши вѣрны, то этою мыслью очень интересуются иные ловкіе люди. Кавказъ, это одна изъ тѣхъ крупныхъ провинцій, на которыя наши благожелатели желали бы раздѣлить Русское

государство, объединивъ ихъ сколько возможно внутри и ослабивъ до крайней степени ихъ связи съ общимъ отечествомъ. Очевидно, какимъ важнымъ орудіемъ для этой цѣли служитъ языкъ. Общество возстановленія православія на Кавказѣ не должно забывать, что оно есть русское общество, имѣющее во главѣ своей брата русскаго Императора, а покровительницею русскую Императрицу; что большинство его членовъ состоитъ изъ коренныхъ русскихъ людей и что главнѣйшія свои средства оно получаетъ отъ русскихъ духовныхъ лицъ, отъ русскихъ помѣщиковъ и купцовъ, которые были бы очень удивлены еслибъ оказалось, что ихъ деньги идутъ на распространеніе не православія, а какого-нибудь изъ туземныхъ языковъ на Кавказѣ. Вотъ мысли которыя возбуждаютъ отчетъ Общества Св. Нины и нѣкоторыя частныя извѣстія о его дѣйствіяхъ къ распространенію грамотности въ горахъ. Нельзя не отдать справедливости полезнымъ лингвистическимъ трудамъ лицъ составляющимъ алфавиты и лексиконы нарѣчій, на которыхъ не было до сего времени никакой письменности, но нельзя не пожалѣть, что подобныхъ же полезныхъ подготовительныхъ работъ не было предпринято и по части другой дѣятельности кавказскаго Общества, миссіонерской. Изъ отчета оказывается, что Общество принуждено было пріостановить христіанскую пропаганду за неимѣніемъ способныхъ къ тому лицъ... Какой горькій упрекъ! Впрочемъ и самая задача Общества Св. Нины не совсѣмъ ясна: оно названо обществомъ *возстановленія*, но не распространенія христіанскаго православія. Возстановлять евангельское ученіе тамъ, гдѣ сохраняются его слѣды, въ обезображенныхъ ли религіозныхъ преданіяхъ, въ видѣ ли развалинъ старинныхъ церквей, есть, положимъ, первое дѣло за которое христіанская миссія должна приняться, но неужели она должна на немъ и остановиться? Неужели просвѣтительная задача Общества будетъ исчерпана, если оно возвратитъ въ христіанство напримѣръ Осетинъ, между которыми слѣды когда-то бывшаго здѣсь христіанства несомнѣнны, и оставитъ, положимъ, Кайсубулинцевъ, горныхъ Свапетовъ и другихъ пребывать въ идолопоклонствѣ? Но можно сказать съ полною увѣренностію, что если Общество обойдетъ своею проповѣдью идолопоклонническія племена Кавказа, то между ними явится проповѣдь магометанская, и если не Евангеліе, то Алкоранъ сдѣлается объединяющимъ вѣроученіемъ Кавказа, а татарскій или какой-нибудь другой языкъ послужитъ объединяющимъ началомъ для созданія какой-либо фальшивой національности. Одинъ изъ самыхъ горькихъ упрековъ русскому владычеству на Кавказѣ, что исламизмъ сдѣлалъ тамъ значительные успѣхи именно съ исхода прошлаго столѣтія, и что въ Осетіи напримѣръ, между поколѣніемъ сошедшимъ уже въ могилу было гораздо болѣе христіанъ нежели въ нынѣшнемъ молодомъ поколѣніи. Поэтому нечего писать на нашемъ знамени о *возстановленіи* христіанства на Кавказѣ; мы должны возстановить то что дали разрушить, мы обязаны это сдѣлать; какъ человѣкъ обязанъ уплатить долгъ сдѣланный съ цѣлію, которую огласить онъ не желаетъ. Мы признаны не только *возстановлять*, но и *распространять* христіанство между горскими племенами, водружать крестъ тамъ гдѣ его никогда не было, и не скрывать этой цѣли,— распространять христіанство на Кавказѣ подобно тому какъ вновь учреждающееся миссіонерное общество предполагаетъ распространять его между язычниками Сибири.

Позволительно думать что подготовленіе средствъ для дѣйствія въ горахъ проповѣдью, на которое прежде не обращали вниманія, теперь имѣется въ виду: только этимъ можно объяснять себѣ что Кавказъ изъятъ изъ круга дѣйствій миссіонерскаго общества, учреждаемаго для христіанской проповѣди въ предѣлахъ всей Россіи.

№ 214.

Москва, 30-го сентября.

Мы высказывали не разъ въ нашей газетѣ недоумѣніе насчетъ хода дѣлъ по приведенію въ дѣйствіе высочайше утвержденнаго гимназическаго устава. Главное достоинство этого устава, то достоинство, благодаря которому дарованіе его есть важное историческое событіе для Россіи, заключается въ учебномъ планѣ классическихъ гимназій. Этою своею частію онъ вводитъ у насъ то чего въ Россіи за исключеніемъ прибалтійскихъ губерній, никогда не было,—европейское устройство учеб-

ныхъ заведеній, приготовляющихъ къ университету. При осуществленіи этой части устава мы получили бы настоящія классическія гимназіи вмѣсто существующихъ теперь такъ-называемыхъ классическихъ гимназій, по устройству своему скорѣе сходныхъ, и то издалека, съ тѣмъ что въ западной Европѣ; а также и въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ, называется реальными училищами. Возведеніе реальныхъ училищъ въ классическія гимназіи было бы важнымъ шагомъ впередъ въ исторіи русскаго просвѣщенія: страна безъ классическихъ гимназій—не европейская страна; это—аномалія въ европейскомъ мірѣ; народъ не имѣющій училищъ этого рода, составляющихъ главное отличіе новой отъ средневѣковой Европы, не можетъ поравняться съ цивилизованными народами нашего времени: внутреннія дѣла его не могутъ идти удовлетворительно, когда его высшіе классы, его политическіе люди въ большинствѣ своемъ получаютъ то поверхностное образованіе, которое въ цивилизованныхъ странахъ признается мѣщанскимъ и не даетъ даже права поступать на государственную службу, кромѣ низшихъ ея отраслей, требующихъ механическаго труда. Нельзя вывести русскій народъ изъ его умственной зависимости отъ западной Европы, недаровавъ ему средствъ воспитанія, одинаковыхъ съ тѣми, которыми поддерживается западно-европейская цивилизація на своемъ высокомъ уровнѣ. Эти средства главнѣйшимъ образомъ заключаются въ такихъ классическихъ гимназіяхъ, которыя не только назывались бы классическими, но дѣйствительно походили бы на классическія гимназіи западной Европы. Новый гимназическій уставъ предоставляетъ министру народнаго просвѣщенія право возводить нынѣ существующія гимназіи на степень такого устройства,—по мѣрѣ возможности. Эта возможность — надобно наконецъ высказать то, что извѣстно всякому знающему это дѣло—зависитъ не отъ денежныхъ средствъ гимназій: рѣдко найдется такая губернская гимназія, которая не пріискала бы собственныхъ или заимствованныхъ или пожертвованныхъ средствъ къ совершенію преобразованія, разумѣется еслибы со стороны министерства было на то соизволеніе. Возможность преобразованія преимущественно зависитъ отъ пріисканія учителей греческаго языка, которыхъ дѣйствительно было бы трудно теперь набрать разомъ на всю Россію. Какъ же было поступать при такомъ положеніи дѣлъ? Въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ учителя греческаго языка уже есть, можно было сейчасъ же приступить къ введенію новаго устава, сдѣлавъ преподованіе греческаго языка, теперь существующее для желающихъ, обязательнымъ для всѣхъ воспитанниковъ того класса, гдѣ оно начинается. Это очевидно само собой. Но то ли мы видимъ? Нашимъ читателямъ извѣстно, что напримѣръ кіевская 2-я гимназія не могла приступить къ введенію новаго учебнаго плана именно въ силу министерскаго предписанія, воспретившаго ей это на текущій годъ. Зачѣмъ бы, кажется, откладывать въ дальній ящикъ то, для чего было нужно одно слово со стороны министерства? Вотъ первое недоумѣніе. Затѣмъ, кажется, не менѣе очевидно, что можно было, въ видѣ общаго правила, разрѣшить введеніе классическаго курса всѣмъ тѣмъ гимназіямъ, которыя пріищутъ и необходимыя на то денежныя средства и греческаго учителя. Одна изъ гимназій намъ извѣстныхъ, тверская, пріискала и деньги (пожертвованныя почетнымъ попечителемъ княземъ Н. П. Мещерскимъ), и преподователя греческаго языка; но нужно было предварительное ходатайство дворянства, чтобы въ Твери осталась университетская гимназія, которую министерство предположило низвести на степень училища не имѣющаго права приготовлять къ университету и затѣмъ нужно было особое ходатайство министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы получить разрѣшеніе на пріемъ пожертвованія; *Тверскія Губернскія Вѣдомости* извѣстили, что тверской гимназіи дозволено преобразоваться въ классическую; губернскій предводитель получилъ извѣщеніе о томъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, а дозволеніе по вѣдомству народнаго просвѣщенія все не приходило, и гимназія принуждена была начать ученье по старому порядку, о чемъ мы и сообщали публикѣ съ крайнимъ прискорбіемъ. Только надняхъ дозволеніе наконецъ пришло, задержанное, какъ оказалось, канцелярскою проволочкой. Путаница, вредная въ педагогическомъ отношеніи—*ordre, contre-ordre, désordre*,—произошла тутъ чисто отъ администраціи, а для чего бы, кажется, охлаждать усердіе жертвователей и рвеніе гимназій къ лучшему устройству? Вотъ второе недоумѣніе. По самое глав-

ное недоумѣніе состоитъ въ слѣдующемъ: гдѣ греческій языкъ уже преподается, тамъ запрещается дѣлать это преподаваніе обязательнымъ, а между тѣмъ обязательное преподаваніе греческаго языка вводится въ такихъ гимназіяхъ, гдѣ онъ не преподавался; гдѣ предлагается пожертвованіе, тамъ происходитъ канцелярская проволочка и причиняется замѣшательство, а въ другихъ гимназіяхъ съ самаго начала учебнаго года открывается обязательное преподаваніе греческаго языка на казенный счетъ. Такое примѣненіе разной мѣры къ гимназіямъ раздѣляетъ ихъ на привилегированныя и непривилегированныя; оно едва ли было бы справедливо, если бы гимназіи, возводимыя въ разрядъ привилегированныхъ, были распредѣлены поровну въ разныхъ частяхъ Россіи (такую нивеллировку могъ бы считать особенно несправедливою Московскій учебный округъ, который, благодаря своимъ *мѣстнымъ* средствамъ, всегда шелъ впереди): но что же сказать, когда привилегія распредѣляется до такой степени неравномѣрно, что достается на долю *одного* изо всѣхъ учебныхъ округовъ, и даже въ этомъ округѣ съ крайнею неравномѣрностью предоставляется губерніямъ его составляющимъ? Какъ было не возникнуть недоумѣнію при видѣ того, что привилегія, съ изумительною правильностію, соразмѣряется съ численностью инородческихъ элементовъ и слабостью элемента русскаго, что Ковенской губерніи даются двѣ полныя классическія гимназіи и одна полная классическая прогимназія, Минской двѣ полныя классическія гимназіи, и въ томъ же самомъ Виленскомъ учебномъ округѣ Могилевская губернія, гдѣ русское поселеніе самое многочисленное, оставляется на время вовсе безъ полной классической гимназіи и въ этомъ отношеніи приравнивается къ огромному большинству внутреннихъ губерній, гдѣ о полныхъ гимназіяхъ нѣтъ и помина, откуда вызвали учителей въ Виленскій округъ, и гдѣ потомъ могутъ объявить преобразованіе затруднительнымъ, именно по недостатку учителей? Какъ было не возникнуть недоумѣнію, когда въ округѣ, гдѣ всѣ до одной изъ губернскихъ гимназій, за исключеніемъ могилевской, возведены на степень полныхъ классическихъ, та привилегія, которой не удостоенъ университетскій городъ Кіевъ, распространяется и на нѣкоторыя изъ уѣздныхъ гимназій и прогимназій, и при этомъ опять оказывается предпочтеніе тѣмъ уѣзднымъ городамъ, гдѣ русскій элементъ особенно слабъ, и напримѣръ Шавли предпочитаются Динабургу, а Тельши—Бобруйску? По новому уставу, министръ народнаго просвѣщенія сохраняетъ полное право надъ судьбой латинскихъ гимназій; онъ можетъ возводить ихъ въ классическія или низводить въ химическія и лишать права приготовленія къ университету. Пока этотъ актъ возведенія или низведенія еще не совершенъ, до тѣхъ поръ гимназія остается въ томъ нерѣшительномъ положеніи, которое такъ вредитъ успѣху преподаванія и которое И. И. Корниловъ нашелъ необходимымъ прекратить въ своемъ округѣ: ни ученики, ни учители не знаютъ что съ ними станется; ученики могутъ быть отстранены отъ университета; учители могутъ оказаться за штатомъ. Но коль скоро, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, актъ возвышенія или пониженія совершился, то судьба гимназіи уже закрѣпляется. Такъ напримѣръ московская 3-я гимназія до сихъ поръ имѣла право приготовлять своихъ воспитанниковъ въ университетъ, а теперь она лишена университетскаго права, и это рѣшеніе есть уже окончательное. Никакой министръ народнаго просвѣщенія, безъ особаго высочайшаго повелѣнія, не будетъ уже имѣть права возвратить ее въ первобытное полноправное состояніе. Точно то же, но въ обратномъ смыслѣ произошло въ Виленскомъ учебномъ округѣ. Въ Шавляхъ и Тельшахъ учебныя заведенія возвышены въ разрядъ полныхъ классическихъ и тѣмъ навсегда изъяты изъ-подъ министерскаго вліянія на ихъ судьбу. Будущность гимназіи въ Шавляхъ и прогимназіи въ Тельшахъ упрочена какъ бы ни пошли дѣла въ томъ краѣ, и учителямъ латинскаго и греческаго языковъ выгоднѣе поступать на службу въ эти уѣздные города чѣмъ въ губернскія гимназіи Московскаго учебнаго округа, гдѣ имъ угрожаетъ опасность остаться за штатомъ въ случаѣ разжалованія этихъ гимназій въ ультра-реальныя.

Дѣло въ дѣлѣ, а не въ томъ какъ оно случилось, и также не въ томъ когда ему положено начало, весной или лѣтомъ. Въ Московскомъ учебномъ округѣ главная тревога за будущность гимназій происходила въ самомъ началѣ лѣта, а въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ нѣкоторыя изъ тре-

вожившихъ опасеній были устранены, и дѣло приняло нѣсколько лучшій видъ. Но все это подробности, не имѣющія никакой важности. Важны результаты мѣръ, принятыхъ на всемъ пространствѣ Имперіи, и эти результаты состоятъ въ томъ, что пути къ европейскому образованію открываются въ Имперіи почти исключительно для губерній сѣверозападнаго края (но кромѣ Могилевской) и что даже для этихъ губерній они открываются соразмѣрно малочисленности въ нихъ русскаго населенія. Какими бы случайностями все это ни объяснялось, все это, къ сожалѣнію, уже произвело свое дѣйствіе на подъемъ польскихъ надеждъ, послѣ подавленія мятежа значительно упавшихъ. Въ этомъ отношеніи дѣло сдѣлано, и теперь можно только желать, чтобъ эти прискорбныя случайности не имѣли еще болѣе важнаго и болѣе вреднаго вліянія въ будущемъ. Еслибы можно было думать, что подобныя мѣры не будутъ въ самомъ скоромъ времени уравновѣшены другими, имъ равносильными, то послѣдствіемъ ихъ было бы совершенное умственное уничиженіе русскаго народа передъ инородческимъ населеніемъ западной окраины государства,— такое уничиженіе, при которомъ Русское государство дѣйствительно перестало бы быть русскимъ, и управленіе его дѣлами не могло бы не перейдти цѣликомъ въ руки его подданнымъ нерусскаго происхожденія. Чтобы предотвратить такой исходъ, необходимо теперь же, нисколько немедля, обезпечить за всѣми русскими губерніями по меньшей мѣрѣ тѣ же самыя условія, какими вѣдомство народнаго просвѣщенія снабдило сѣверозападный край. Что дано тамъ, то должно быть дано и здѣсь: вотъ главный практическій выводъ изъ дѣйствій этого вѣдомства. Доказать ихъ случайность можно лишь осуществленіемъ этого вывода на дѣлѣ, а не объясненіями имѣющими цѣлью оправдать ихъ, оставляя ихъ въ силѣ.

Г. Серно-Соловьевичъ, помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, прислалъ намъ помѣщенную ниже замѣтку, объясняющую происхожденіе одного изъ упомянутыхъ выше распоряженій. Онъ разказываетъ, какимъ образомъ случилось, что могилевская гимназія, единственная изъ губернскихъ гимназій Виленскаго округа, не была преобразована въ полную классическую, и почему съ другой стороны динабургская уѣздная гимназія была преобразована въ реальную, то-есть химическую. Для объясненія нашего недоумѣнія или, какъ говоритъ г. Серно-Соловьевичъ, недоразумѣнія по поводу этой мѣры, онъ приводитъ хронологическія данныя, къ ней относящіяся. Считаемъ долгомъ разсмотрѣть эти данныя съ полнымъ вниманіемъ.

„Училища Витебской и Могилевской губерній причислены къ Виленскому округу въ концѣ прошлаго года; какъ малоизвѣстныя, они не могли быть приняты въ соображеніе, когда И. П. Корниловъ, попечитель округа, принималъ заблаговременно мѣры для надлежащаго устройства будущей судьбы училищъ ввѣреннаго ему округа, находя необходимымъ прекратить ихъ неопредѣленное состояніе.“ Принимаемъ это объясненіе, какъ совершенно удовлетворительное по отношенію къ И. П. Корнилову, и не можемъ не признать рациональности его желанія, чтобы неопредѣленное состояніе училищъ ввѣреннаго ему округа скорѣе прекратилось, но позволимъ себѣ замѣтить, что по закону „устройство будущей судьбы“ гимназій предоставлено усмотрѣнію не попечителей округовъ, а министра народнаго просвѣщенія, министерству же народнаго просвѣщенія училища Витебской и Могилевской губерній не могли быть малоизвѣстны. Мы позволимъ также замѣтить, что и г. Серно-Соловьевичу они уже перестали быть „малоизвѣстны,“ когда рѣшалась будущая судьба ихъ. Поступивъ въ февралѣ на должность помощника попечителя, онъ прибылъ въ Вильну въ іюнѣ мѣсяцѣ, „уже по осмотрѣ училищъ Витебской и Могилевской губерній.“ Тогда принявъ участіе въ совѣщаніяхъ попечительскаго совѣта, онъ высказалъ опасеніе насчетъ возможности пріискать способныхъ учителей греческаго языка для всѣхъ гимназій, преобразуемыхъ въ классическія. Если только на основаніи этого опасенія г. Серно-Соловьевичъ „согласился на открытіе полнаго классическаго курса въ настоящее время въ одной витебской гимназіи,“ изъ числа двухъ спеціально ему ввѣренныхъ, то онъ поступилъ бы точно такимъ же образомъ и до осмотра училищъ Витебской и Могилевской губерній, и даже до причисленія ихъ къ Виленскому учебному округу. Хронологія не имѣетъ тутъ никакого удобопонятнаго значенія.

Г. Серно-Соловьевичъ говоритъ далѣе, что не желалъ допустить рѣшеніе важна-

го вопроса о будущей судьбѣ могилевской гимназіи безъ участія лицъ, которыя имѣютъ на то неоспоримое право, и предложилъ гимназіи войдти въ сношенія съ образованнѣйшими изъ жителей города. Эта сторона дѣла могла бы находиться въ связи съ осмотромъ, еслибы г. Серно-Соловьевичъ разъяснилъ ее во время своего пребыванія въ Могилевѣ, но такъ какъ онъ не успѣлъ этого сдѣлать, то и тутъ не видно, почему подобныя свѣдѣнія было необходимо собирать въ Могилевѣ, позднѣе чѣмъ въ Шавляхъ. Впрочемъ чтобы можно было отчетливо провести сравненіе судебъ Могилева и Шавлей, надобно было бы знать, призывались ли нотабли этого послѣдняго города къ подачѣ голосовъ по дѣлу о преобразованіи тамошней гимназіи и вмѣстѣ съ тѣмъ къ замедленію его. Что касается до могилевскихъ нотаблей, то они были спрошены безъ замедленія, какъ только было приказано, и уже 2-го августа совѣтъ могилевской гимназіи высказался въ пользу полнаго классическаго курса. Тогда препятствіе возникло съ финансовой стороны: не оказалось свободнаго оклада жалованья для учителя греческаго языка. Тутъ опять для отчетливаго сравненія надобно знать, почему именно въ могилевской гимназіи не оказалось того, что оказалось въ другихъ гимназіяхъ, имѣющихъ менѣе средствъ, чѣмъ могилевская.

Изложивъ вышеписанныя объясненія по отношенію къ могилевской гимназіи, г. Серно-Соловьевичъ переходитъ къ динабургской, съ которою поступлено еще суровѣе, такъ какъ она понижена изъ латинскихъ въ химическія. Главною причиной этой мѣры была, пишетъ г. Серно-Соловьевичъ, оппозиція тамошнихъ родителей латинскому языку, выражавшаяся въ томъ, что чѣмъ выше классъ, тѣмъ менѣе въ немъ учениковъ. Тотъ же аргументъ былъ и въ другихъ мѣстахъ приводимъ нѣкоторыми педагогами въ пользу реальныхъ гимназій, какъ будто можно ожидать, что въ реальныхъ гимназіяхъ будетъ оканчивать курсъ большее число учениковъ. На дѣлѣ должно быть на оборотъ, въ чемъ удостовѣряетъ заграничный опытъ. Во всѣхъ 47 перворазрядныхъ реальныхъ школахъ Пруссіи было въ 1863 году 15.450 учениковъ, изъ того числа въ старшемъ классѣ 581, то-есть 37 человѣкъ изъ тысячи, а въ то же время въ 144 гимназіяхъ (съ двумя древними языками) при общемъ числѣ 42.973 учениковъ было въ старшемъ классѣ 4.648 человѣкъ, или 108 человѣкъ изъ тысячи *). Итакъ въ прусскихъ гимназіяхъ доходитъ до высшаго класса сравнительно втрое больше учениковъ чѣмъ въ реальныхъ школахъ. Слѣдовательно этотъ аргументъ говоритъ въ обратномъ смыслѣ, въ чемъ г. Серно-Соловьевичъ не преминетъ убѣдиться на дѣлѣ, когда увидитъ плоды преобразованія динабургской гимназіи изъ латинской въ химическую, преобразованія, о которомъ онъ самъ же весьма добросовѣстно, хотя и рѣзко говоритъ, что въ прибалтійскомъ краѣ мысль о подобной мѣрѣ приняли бы за сумасшествіе.

Въ маленькой объяснительной статейкѣ г. Серно-Соловьевича дружно умѣстились два противоположныя воззрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ.

Вопервыхъ, г. Серно-Соловьевичъ какъ нельзя болѣе убѣжденъ въ достоинствѣ и пользѣ классической системы, и замѣчаетъ, что мысль превратить классическую школу, или гимназію, въ реальную была бы принята за сумасшествіе тамъ, гдѣ высшее образованіе цѣнится какъ должно, гдѣ правительство не принимаетъ противъ него истребительныхъ мѣръ, какъ напримѣръ въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ. Это совершенно справедливо: какъ въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ, такъ и во всей Европѣ, никто не могъ бы серіозно подумать о превращеніи существующихъ гимназій въ реальныя школы; всѣ тамошніе толки о реальныхъ школахъ относятся единственно къ допущенію ихъ какъ особой системы, не замѣняющей гимназіи, а стоящей особо. Попробуйте въ самомъ дѣлѣ, въ одно прекрасное утро, прислать изъ какого-нибудь совѣта, комитета или канцеляріи намекъ на то, чтобы которую нибудь изъ существующихъ въ Курляндіи или Лифляндіи гимназій превратить въ реальную школу;—будьте увѣрены, что это было бы принято тамъ какъ посягательство на просвѣщеніе, какъ варварство, какъ зложелательство, и вызвало бы самыя энергическія протестаціи. Тамъ невозможно то, что считается возможнымъ и даже приводится въ дѣйствіе въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и т. д.

Вовторыхъ, г. Серно-Соловьевичъ считаетъ вопросъ касательно классическихъ

*) См. Wiese das höhere Schulwesen in Preussen, стр. 454.

и реальныхъ школъ вопросомъ нерѣшеннымъ и сомнительнымъ,—до такой степени нерѣшеннымъ и сомнительнымъ, что передъ лицомъ такого безспорнаго факта, какъ существующая въ цѣлой Европѣ система высшаго университетскаго образованія, —система существующая также и въ нашихъ привилегированныхъ балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ г. Серно-Соловьевичъ по своему офиціяльному положенію имѣлъ возможность ознакомиться съ нею,—онъ считаетъ удобнымъ для русской публики, къ которой обращается, привести какъ что-нибудь серіозное, нѣсколько незначащихъ словъ какого-то г. Шредера, долженствующихъ, по его мнѣнію, поколебать силу такого факта и улетучить его въ нерѣшенный вопросъ.

Итакъ, г. Серно-Соловьевичъ, съ одной стороны, знаетъ дѣйствительное положеніе дѣла, понимаетъ и цѣнитъ его; съ другой стороны, онъ подвергаетъ это дѣло сомнѣнію и возбуждаетъ вопросъ, который нигдѣ не имѣлъ бы смысла и въ цивилизованныхъ краяхъ былъ бы принятъ за признакъ сумасбродства или сумасшествія, употребляя энергическое выраженіе г. Серно-Соловьевича. Мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ искренности почтеннаго автора печатаемой нами объяснительной замѣтки. Мы охотно вѣримъ, что онъ дѣйствительно убѣжденъ въ педагогической пользѣ классическаго ученія и считаетъ варварствомъ всякое посягательство на эту систему, съ которою онъ имѣлъ возможность познакомиться практически; но мы точно также не имѣемъ права сомнѣваться въ искренности его сужденія о классической системѣ какъ о дѣлѣ нерѣшенномъ и сомнительномъ. Логика, поставляя во главу человѣческаго мышленія такъ-называемый законъ противорѣчія, не допускающій, чтобъ одно и то же можно было полагать и отрицать объ одномъ и томъ же предметѣ, добавляетъ: и въ одномъ и томъ же отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, отношенія играютъ весьма важную роль въ человѣческомъ мышленіи, и дѣйствительно объ одномъ и томъ же предметѣ можно высказаться противорѣчивымъ образомъ въ разныхъ отношеніяхъ. По отношенію къ краямъ, гдѣ русскій элементъ либо вовсе не признается, либо подвергается спору и гдѣ онъ крайне малочисленъ, основанія школы, служащей приготовленіемъ къ высшему образованію, не подвергаются ни сомнѣнію, ни вопросу. Въ Ковенской губерніи классическая система не подлежитъ вопросу, точно также не подлежитъ она вопросу въ балтійскихъ губерніяхъ или въ Царствѣ Польскомъ. Но чѣмъ глубже внутрь Россіи, тѣмъ сомнительнѣе становится дѣло и что въ тѣхъ мѣстахъ было бы сумасбродствомъ, или варварствомъ, то рекомендуется какъ нормальное положеніе для центральной Россіи. Г. Серно-Соловьевичъ получилъ въ свое распоряженіе двѣ губерніи: Витебскую и Могилевскую, какъ онъ объясняетъ въ своей статейкѣ; въ Витебской губерніи православно-русскіе элементы находятся въ отношеніяхъ несравненно менѣе благопріятныхъ чѣмъ въ Могилевской, и вотъ соотвѣтственно общему ходу дѣлъ, первая сразу получила полную классическую гимназію, а вторая латинскую школу, которая собственно называется реальною въ Европѣ, нигдѣ не находится въ связи съ университетскою системой, и нашимъ законодательствомъ допущена какъ положеніе переходное, не огражденное закономъ отъ административнаго усмотрѣнія. Итакъ, полноправныя учебныя заведенія соотвѣтствующія европейскимъ, устраиваются безъ всякаго затрудненія и колебанія тотчасъ же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они наименѣе могутъ послужить въ пользу русскаго элемента; въ этихъ мѣстахъ классическая система, какъ основаніе высшаго образованія, не подлежитъ никакому сомнѣнію и и изъята окончательно отъ произвола администраціи, которая безъ новаго законодательнаго акта не можетъ деградировать однажды устроенныя полныя классическія гимназіи. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ эти заведенія могли бы послужить въ пользу русскому элементу, такъ нуждающемуся въ средствахъ серіознаго образованія, они являются вопросомъ нерѣшеннымъ, преданнымъ колебанію и агитаціи, производимой невѣжествомъ и злонамѣренностью, старающеюся сбить съ толку общественное мнѣніе и парализировать силу закона. Городокъ Шавли и мѣстечко Тельши обезпечены въ обладаніи европейскою педагогическою системой и съ нынѣшняго же года пользуются благодѣяніемъ новаго закона; а для Москвы, напримѣръ, не говоря уже о Казани или Харьковѣ, новый законъ имѣлъ лишь одно несомнѣнное послѣдствіе, именно то что гимназія, которая до сихъ поръ была университетскою, превращена въ заведеніе какое въ Герма-

ніи служитъ для сообщенія лоска образованности лавочникамъ и ремесленникамъ...

№ 215.

Москва, 2-го октября.

Нѣтъ ничего хуже какъ оставлять длиться недоразумѣніямъ и нѣтъ ничего лучше какъ объясниться во время. Мы это именно и хотимъ сдѣлать по поводу двухъ замѣтокъ газеты *Вѣсть* (№№ 5 и 7), которыя отчасти касаются положенія русскаго дѣла въ западномъ краѣ. Эта газета въ первомъ же нумерѣ, выпущенномъ послѣ ея непроизвольнаго восьмимѣсячнаго молчанія, обрушивается, во имя принципа собственности и интересовъ крупнаго землевладѣнія, на мировыя и повѣрочныя учрежденія западнаго края. „Иные изъ нашихъ публицистовъ прославляютъ съ особеннымъ усердіемъ дѣйствія мировыхъ посредниковъ, членовъ повѣрочныхъ коммиссій и другихъ русскихъ чиновниковъ, *нахлынувшихъ* (каково?) въ западный край и Царство Польское. По мнѣнію этихъ публицистовъ, всѣ русскіе чиновники просто принесли себя въ жертву на алтарь отечества. Иные доходили до пафоса въ своихъ описаніяхъ, и даже увѣряли, что эти чиновники—не чиновники, а вольная дружина... Но вѣдь были же и совершенно противоположные слухи о качествахъ *иныхъ* чиновниковъ и неужели редакція такой газеты, какъ *Московскія Вѣдомости*, ничего не знаетъ объ этихъ слухахъ? Если же знаетъ, то неужели считаетъ полезнымъ молчать о нихъ въ то самое время, какъ заявляетъ слухи объ увольненіи (вслѣдствіе польскихъ интригъ) чиновниковъ будто бы честныхъ? Кто поручится, что эти уволенные чиновники не были пьяницами взяточниками или *метафизиками?*“

Прежде всего напомнимъ упрекающей насъ газетѣ, что мы не только никогда не говорили, что всѣ русскіе чиновники принесли себя въ жертву на алтарь отечества, и не восхваляли ихъ всѣхъ огуломъ и безъ изъятія, но не обвиняли огуломъ и безъ изъятія даже *всѣхъ* помѣщиковъ польскаго происхожденія; наконецъ, мы постоянно высказывали, что вина не столько на Полякахъ вообще, сколько на политикѣ самой Россіи. Еще не такъ давно мы писали, что о нѣкоторыхъ чиновникахъ западнаго края ходятъ недобрые слухи, а съ другой стороны, что невозможно одобрять мѣры падающія безъ разбора на правыхъ и виноватыхъ. Такъ писали мы когда обращались къ этому вопросу спеціяльно, полагая что когда, напротивъ того, говоримъ о немъ вообще, то всякій долженъ понимать что рѣчь идетъ о большинствѣ, а не объ исключеніяхъ. Зная очень хорошо, что между лицами поступившими на службу въ западномъ краѣ въ послѣднее время были и неспособные, и не достойные, и „метафизики,“ мы убѣждены однакожь, что большинство ихъ служитъ честно дѣлу, служить которому они призваны, и что между ними есть и дѣйствительно такіе, которые, имѣя и состояніе и семейство во внутреннихъ губерніяхъ, „принесли жертву на алтарь отечества,“ отправившись на службу, въ которой могло подкрѣплять и одушевлять ихъ только чистое патріотическое чувство. Чьими же, если не ихъ руками, приводится, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и приведенъ уже къ концу крестьянскій вопросъ? Кѣмъ же, если не ими, успокоено крестьянское, русское и по этому особенно дорогое намъ народонаселеніе западнаго края, которое во многихъ мѣстахъ уже успѣли было замутить мѣстнаго происхожденія мировые посредники заодно съ ослѣпленною ими администраціей? Какъ же не сочувствовать этимъ заслугамъ, какъ не быть за нихъ благодарными? Мы просто не понимаемъ чтобы кто-либо, дорожащій русскими интересами, могъ имѣть въ этомъ отношеніи хотя малѣйшее сомнѣніе.

Газета *Вѣсть* ратуетъ противъ бюрократіи и противопоставляетъ ей интересы землевладѣнія и собственности. Дѣло хорошее, но мы удивляемся, что она не видитъ въ такъ-называемомъ польскомъ вопросѣ ничего иного, кромѣ чиновниковъ съ одной стороны и помѣщиковъ съ другой. Такой взглядъ, при нѣкоторомъ его развитіи, можетъ завести далеко. Какъ! неужели этотъ вопросъ, развязку котораго нашему времени завѣщали столько минувшихъ вѣковъ, сводится въ сущности на споръ принципа бюрократіи съ принципомъ землевладѣнія и собственности? Но еслибы дѣйствительно было такъ, еслибы справедливо было, что въ этомъ вопросѣ стоитъ на одной сторонѣ масса озлобленныхъ пролетаріевъ и чиновниковъ-коммунистовъ, а на другой отданное имъ въ жертву право собственно-

сти, то въ самомъ дѣлѣ рѣчь шла бы о торжествѣ варварства надъ цивилизаціей или наоборотъ, причемъ на долю Россіи выпали бы роли Аттилъ и Тамерлановъ. Такъ и ставятъ вопросъ нѣкоторые иностранные публицисты. Но русское дворянство такъ не ставитъ его. Крестьянскій вопросъ разрѣшается въ западномъ краѣ на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какъ и во внутреннихъ губерніяхъ; обязательный выкупъ не былъ предположенъ закономъ 19 февраля, его вызвали особенныя условія, въ которыя былъ поставленъ западный край и именно дворянствомъ этого края, которое называетъ себя польскимъ и отрекается отъ русской національности. Мы не защищали обязательнаго выкупа, какъ мѣры общей, но во всякомъ случаѣ отвѣтственность за эту мѣру падаетъ не на исполнителей ея. Жалуются на чиновниковъ нахлынувшихъ въ западный край въ 1863 и 1864 годахъ? Но эти чиновники, еслибы даже они были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не лучше прежнихъ, мѣстнаго происхожденія (допуская это, мы дѣлаемъ большую уступку), не были по крайней мѣрѣ предателями.

Въ № 7 газета *Вѣсть* дѣлаетъ новый шагъ. Въ замѣткѣ подъ заглавіемъ *Польскій духъ* она объявляетъ торжественно, что „польскіе“ землевладѣльцы западнаго края, составляя особенное сословіе, исполнены самаго лучшаго духа и искренней преданности Россіи. *Вѣсть* съ неудовольствіемъ цитуетъ нѣсколько строкъ изъ *Современной Лѣтописи*, въ которыхъ сказано, что польскіе патріоты, „пріунывшіе было послѣ разоблаченія дѣйствій ихъ по послѣднему мятежу, очутившіеся въ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе пресѣченія обязательныхъ отношеній къ крестьянамъ, воспрянули снова, увидѣвъ кажущееся безсиліе правительства въ борьбѣ съ ними, какъ съ политическою силой.“ Газета *Вѣсть*, съ паѳосомъ достойнымъ лучшаго дѣла, восклицаетъ при этомъ: „Доказательства! дайте доказательства, факты!“ и вслѣдъ затѣмъ обращаетъ свое негодованіе на другаго корреспондента писавшаго намъ изъ Кіева, въ томъ же смыслѣ, и рѣшается извратить весьма непохвальнымъ образомъ смыслъ нѣсколькихъ выхваченныхъ изъ него словъ.

Требуя доказательствъ и фактовъ, *Вѣсть* въ подтвержденіе своего показанія ограничивается объявленіемъ, что какіе-то очень хорошіе люди сообщили ей самыя успокоительныя извѣстія относительно польскихъ патріотовъ и поручились ей за положеніе дѣлъ въ цѣломъ западномъ краѣ. Это очень утѣшительно, и мы отнюдь не желаемъ колебать довѣріе газеты *Вѣсть* къ ея таинственнымъ авторитетамъ. Но мы желали бы знать, для чего она повѣщаетъ печатно объ этой тайнѣ души своей? Она совершенно спокойна относительно положенія русскихъ дѣлъ въ западномъ краѣ, тѣмъ лучше, — но какое же публикѣ до этого дѣло? Какая надобность объявлять объ этомъ во всеуслышаніе, если она не считаетъ нужнымъ представить на видъ что-нибудь положительное? *Вѣсть* находитъ, что она не имѣетъ права сомнѣваться въ достовѣрности успокоительныхъ увѣреній, полученныхъ ею отъ кого-то и откуда-то, „пока они не опровергнуты положительными фактами.“ Но кто же будетъ опровергать неизвѣстныя свидѣтельства неизвѣстныхъ лицъ и разувѣрять газету *Вѣсть*? Послушаемъ однако, что она говоритъ далѣе:

„Является капитальное обвиненіе, утверждаютъ существованіе такого факта, который долженъ имѣть, если дѣйствительно существуетъ, самое рѣшительное вліяніе на характеръ правительственныхъ мѣръ, съ одной стороны, и на характеръ отношеній русскихъ людей къ Полякамъ помѣщикамъ, съ другой, — утверждаютъ существованіе такого капитальнаго факта, и никакихъ доказательствъ!.. До сихъ поръ, доказательства заключались, сколько намъ извѣстно, въ ссылкахъ на заграничные журналы, издаваемые заграницей эмигрантами. Этого слишкомъ мало, чтобы обвинять цѣлое сословіе, живущее въ предѣлахъ Россіи. Повторяемъ, русскіе, вполнѣ русскіе люди, сообщали намъ совсѣмъ другое о положеніи и теперешнемъ настроеніи помѣщиковъ-Поляковъ въ западномъ краѣ, и пока не будутъ представлены основанныя на фактахъ доказательства противнаго, до тѣхъ поръ мы будемъ считать за фразы всѣ эти выраженія: Поляки воспрянули снова, и т. п.“

Итакъ требуются факты, въ доказательство того, что въ предѣлахъ Россійской имперіи есть нѣчто называемое польскимъ патріотизмомъ, ведущее то тайную, то явную борьбу съ русскимъ государствомъ, съ русскимъ народомъ, и стало-быть съ *русскимъ* дворянствомъ! Трехъ лѣтъ не про-

шло съ тѣхъ поръ какъ весь западный край былъ театромъ возстанія, и вотъ газета, выдающая себя за органъ русскаго дворянства, требуетъ доказательствъ и фактовъ въ оправданіе заботъ о прекращеніи ненормальнаго положенія, въ которомъ находится этотъ край, гдѣ высшіе общественные классы, пользующіеся правами русскаго дворянства, не признаютъ себя русскими. Что же случилось съ тѣхъ поръ? Какія, со времени возстанія, произошли событія, положившія конецъ заговору простирающемуся за предѣлы Россіи и примыкающему къ иностраннымъ правительствамъ и всесвѣтной революціи? Въ западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ дѣйствовала именно та самая администрація, о которой съ такимъ негодованіемъ и презрѣніемъ отзывается газета *Вѣсть* въ своемъ № 5-мъ. Ничего другаго не было въ западномъ краѣ и Царствѣ, кромѣ дѣйствій той самой администраціи, о которой газета *Вѣсть* отозвалась не лучше чѣмъ *Opinion Nationale*. Одно изъ двухъ: либо администрація западнаго края дѣйствовала съ успѣхомъ превышающимъ всякія разумныя ожиданія, и въ такомъ случаѣ за что же негодуетъ на нее газета *Вѣсть*, почему не превозноситъ ее до небесъ?—либо дѣйствія ея были безуспѣшны, какъ и слѣдовало бы ожидать, еслибъ отзывы о ней газеты *Вѣсть* были справедливы, — и въ такомъ случаѣ возможно ли успокоиться относительно положенія дѣлъ въ западномъ краѣ? Еслибы газета *Вѣсть* отдала себѣ болѣе опредѣленный отчетъ и въ тѣхъ интересахъ, которые она берется защищать, и въ тѣхъ предметахъ о которыхъ она судитъ, и въ силѣ собственныхъ словъ, то она не могла бы впасть въ такое странное противорѣчіе...

Мы уже давно слышимъ, что какъ западный край, такъ и Царство Польское совершенно успокоены, что тамъ водворены полный миръ и тишина, и что Поляки ничего болѣе не желаютъ какъ составить съ Русскими одну братскую семью. До насъ, повторяемъ, нерѣдко доходятъ подобные слухи, но мы очень хорошо знаемъ изъ какого лагеря они идутъ и весьма сожалѣемъ, что этого не замѣчаетъ *Вѣсть*. Такіе толки мы почитаемъ зловредными, столько же сколько они ложны, и никакъ не желали бы видѣть *Вѣсть* въ числѣ органовъ ихъ распространяющихъ. Да наконецъ самый интересъ помѣщиковъ въ западныхъ губерніяхъ требуетъ, чтобы дѣло не было представляемо въ ложномъ свѣтѣ. То что для *Вѣсти* кажется лишь вопросомъ о принципѣ собственности, есть въ глазахъ польскихъ патріотовъ вопросъ о національности края и о польскомъ государствѣ. Всякій органъ общественнаго мнѣнія, желчно и огуломъ порицающій мѣстную администрацію, видящій въ ней коммунизмъ и демократическую революцію, съ одной стороны возбуждаетъ въ нихъ надежды, которыя осуществиться не могутъ, замедляетъ окончательное умиротвореніе края и обманываетъ ихъ насчетъ дѣйствительнаго состоянія общественнаго мнѣнія въ Россіи, а съ другой побуждаетъ мѣстную администрацію къ новымъ напряженіямъ, къ разрушенію неосторожно возбуждаемыхъ надеждъ, къ разувѣренію насчетъ поддержки со стороны общественнаго мнѣнія въ Россіи. Плохую услугу оказываютъ Полякамъ тѣ газеты, которыя вводятъ ихъ въ заблужденіе насчетъ солидарности ихъ дворянскихъ интересовъ съ интересами русскаго дворянства. Съ твердою и полною увѣренностію говоримъ: русское дворянство не можетъ ни съ какой стороны сдѣлаться солидарнымъ съ дворянствомъ которое не признаетъ себя русскимъ. Мы видѣли среди себя космополитизмъ революціонный и демократическій; мы видѣли русскихъ „нивеллеровъ,“ подающихъ руку французскимъ, германскимъ и польскимъ нивеллерамъ во имя демократіи, республики, соціализма и матеріализма, но не видѣли, слава Богу, людей, которые готовы были бы сдѣлать то же самое во имя дворянскихъ правъ.

Собственность собственностію, а дворянство дворянствомъ. Газета *Вѣсть* выдаетъ себя за органъ дворянства; но мы искренно желаемъ, чтобы лица, руководящія этою газетой, отдали себѣ ясный отчетъ въ томъ что такое дворянство, въ чемъ заключается его сила и почему оно можетъ претендовать на уваженіе? Прежде всего, кажется намъ, надобно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что дворянство существуетъ для государства, а отнюдь не государство для дворянства. Интересы дворянства только въ той мѣрѣ заслуживаютъ уваженія, въ какой они одно и то же съ интересами государства. Взятые отдѣльно, какъ нѣчто сами по себѣ, интересы дворянства теряютъ всякую цѣну, и дворянство, которое хотѣло бы что-нибудь значить отдѣльно

отъ государственныхъ интересовъ, обнаружило бы только свое ничтожество. Само ли дворянство захотѣло бы отдѣлить свои интересы отъ интересовъ государственныхъ, или разрывъ этотъ произошелъ бы, помимо его воли, вслѣдствіе роковаго теченія событій, во всякомъ случаѣ это было бы его упадкомъ. Его враги ничего иного не могутъ имѣть въ виду и не могутъ сдѣлать ему ничего хуже, какъ разорвать его связь съ государствомъ и замкнуть его въ кругъ частныхъ интересовъ. Тѣ изъ защитниковъ дворянства, которые думаютъ искать его интересы не тамъ, гдѣ находятся интересы государства, будутъ какъ нельзя вѣрнѣе исполнять программу его враговъ. Русское дворянство только потому заслуживаетъ уваженія, что въ немъ еще сохранился политическій духъ, что оно еще не забыло своихъ обязанностей относительно государства, которому служило вѣрнымъ органомъ и котораго исторія есть вмѣстѣ и его исторія. На сколько духъ этотъ держится въ русскомъ дворянствѣ, на столько оно и заслуживаетъ уваженія, и на столько существованіе его можетъ имѣть цѣнность для народа. Докажите только, что оно равнодушно ко благу своего государства, что интересы его сводятся только къ нѣкоторымъ никому кромѣ его не нужнымъ привилегіямъ и къ интересу собственности, къ которому никто на свѣтѣ не равнодушенъ, и который поденьщику столь же близокъ къ сердцу какъ и крупному землевладѣльцу, — докажите, что вслѣдствіе обстоятельствъ, которыхъ нельзя было бы не назвать злополучными для дворянства, оно въ своихъ желаніяхъ, видахъ и стремленіяхъ руководствуется интересами частными, а не общими, государственными, — и вы докажете, что его слѣдуетъ убрать поскорѣе, какъ трупъ преданный разложенію. Дворянство потому только и дворянство, что оно стоитъ непрерывно и неусыпно на стражѣ общихъ интересовъ, между тѣмъ какъ массы народа лишь въ минуты чрезвычайной опасности поднимаются на ихъ призывъ. Все достоинство дворянства состоитъ въ чуткомъ, неослабномъ и разумномъ патріотизмѣ.

№ 216.

Москва, 4-го октября.

Рано или поздно, правда всегда пробьется наружу. Такъ разсѣялся и тотъ мракъ лжи, которымъ окруженъ былъ такъ-называемый польскій вопросъ. Объ этомъ вопросѣ судятъ теперь и въ заграничной печати точно также какъ судили о немъ въ Россіи съ самаго начала возстанія, когда вся Европа была противъ насъ. Видя, что въ настоящее время невозможно возбудить для Россіи серіозныя затрудненія и значительно ослабить ее посредствомъ польскаго вопроса, какъ это надѣялись сдѣлать въ началѣ 1863 г., въ Европѣ, какъ видно, рѣшились, наконецъ, смотрѣть на этотъ вопросъ прямо и соотвѣтственно его истинному значенію. *Times*, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ общественнаго мнѣнія Европы, откровенно признаетъ, въ нумерѣ своемъ отъ 10-го октября, справедливость аналогіи, проведенной недавно въ *Journal de St.-Pétersbourg* между движеніемъ ирландскихъ феніевъ и недавнимъ польскимъ возстаніемъ (см. № 211 *Московскихъ Вѣдомостей*), и продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Теперь уже миновала всякая надежда на возстановленіе польской національности. Возстаніе 1863 года было достаточно серіознымъ для того, чтобы вполнѣ обнаружить дѣйствительную слабость края. То было уже не какое-нибудь ничтожное движеніе въ родѣ попытки Смита О'Брайена, или нынѣшняго фенізма; то было дѣйствительно возстаніе, которое могло бы быть названо даже національнымъ возстаніемъ, потому что хотя въ немъ и не участвовали значительные классы народа, однако движеніе распространилось повсемѣстно, и для подавленія его потребовалась сила оружія. Тѣмъ не менѣе результаты показали, что нынѣшніе Поляки совсѣмъ не способны отстаивать свою независимость. Контрастъ между войной 1831 и жалкими стычками 1863 г. не можетъ не показаться печальнымъ для друзей Польши. Прежнее поколѣніе вымерло, и нынѣшняя Польша есть только тѣнь той Польши, какою она была въ первые годы царствованія Николая. Нынѣшняя Польша уже не способна ни на какую дѣятельность, она — ничто. Еслибъ Европа и вздумала теперь поднять оружіе для возстановленія

Польскаго королевства, то *едва ли она нашла бы въ немъ что возстановить*. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ, нѣтъ и малѣйшихъ указаній на то, чтобъ Европа отважилась на такое рискованное предпріятіе. *Европа* въ этомъ отношеніи значитъ впрочемъ, собственно *Франція*; но и Франція, хотя и хранитъ еще свои традиціонныя польскія симпатіи, однако видитъ, что время уже миновало для ихъ практическаго примѣненія. Крестовый походъ на освобожденіе Польши могъ бы, притомъ, быть предпринятъ только при содѣйствіи Пруссіи или Австріи; но онѣ едва ли возьмутся разрушать дѣло минувшаго столѣтія. Что до Англіи, то она стоитъ совершенно внѣ вопроса. Никогда впредь англійскій народъ не согласится принять участіе въ какой-либо континентальной войнѣ, и менѣе всего для возстановленія разныхъ національностей, или для проведенія новыхъ границъ въ самомъ сердцѣ Европы. Очень можетъ быть, поэтому, что Поляки ничего не потеряютъ, если окончательно покорятся своей участи. Для полнаго слія̀нія обоихъ народовъ (Русскихъ и Поляковъ) нѣтъ иного препятствія кромѣ религіи слабѣйшаго изъ нихъ; но очень сомнительно, чтобы религіозныя различія могли оказывать пагубное вліяніе, когда прекратится національная рознь. Нѣмцы и Швейцарцы католическаго вѣроисповѣданія отлично уживаются съ своими протестантскими соотечественниками, и нѣтъ никакой причины предполагать, чтобъ и Славяне, какъ православные, такъ и католики, не могли мирно оставаться подъ однимъ и тѣмъ же правительствомъ."

Все это лишь повтореніе того что съ самаго начала высказывалось въ Россіи объ этомъ призракѣ, который въ Европѣ называютъ еще вопросомъ. Но допуская параллель между феніями и Поляками относительно неразумія и безплодности ихъ мятежническихъ попытокъ, органъ Лондонскаго Города ошибочно смотритъ на существенныя причины тѣхъ и другихъ попытокъ. Онъ отказывается допустить параллель между обращеніемъ Англіи съ Ирландіей и Россіи съ Польшей. Тождества тутъ дѣйствительно нѣтъ, и параллель провести трудно, но совсѣмъ не въ ту сторону и не въ томъ смыслѣ какъ утверждаетъ англійская газета. Замѣтивъ, что Ирландія (теперь) такъ же свободна какъ и сама Англія, и что правительство не дѣлаетъ никакого различія между подданными королевы, *Times* говоритъ, что напротивъ того русское правительство всегда будто бы было въ Варшавѣ крайне сурово и притѣснительно; что послѣ 1830 года цѣлыми тысячами ссылали Поляковъ въ глубь Сибири, или заключали въ тюрьмы; что даже и теперь подавленіе мятежа сопровождалось казнями, ссылкою, рекрутствомъ. Нельзя отрицать, что подавленіе мятежа обошлось не безъ многихъ печальныхъ явленій, и Поляки потерпѣли много бѣдствій; но дѣйствительной ли причинѣ приписываетъ англійская газета какъ эти временныя бѣдствія, такъ и вообще существованіе постояннаго неудовольствія въ польскомъ краѣ? Вопервыхъ, мѣры строгости всегда и вездѣ неизбѣжны при подавленіи открытаго и упорнаго возстанія и въ борьбѣ съ революціонною организаціей, дѣйствующею устрашеніемъ. *Times* въ слѣдующемъ нумерѣ (отъ 12-го октября) утверждаетъ не безъ основанія, что употреблять, для подавленія мятежа, менѣе силы и строгости чѣмъ слѣдуетъ — дѣло столь же не политическое и даже не великодушное какъ и употреблять ихъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ, и что гораздо гуманнѣе разомъ покончить съ мятежомъ чѣмъ излишнею слабостью длить его. Сославшись въ этомъ отношеніи на авторитетъ Наполеона, который отвергалъ предположеніе, будто бы въ памятный день 13-го вандеміера, положившій конецъ французской революціи, артиллерія его дѣйствовала сначала холостыми зарядами, что, по мнѣнію императора, повело бы только къ большему кровопролитію, *Times* прибавляетъ слѣдующія характеристическія строки: „Еслибы въ какомъ бы то ни было уголкѣ Ирландіи вспыхнуло серіозное возстаніе феніевъ, то общественное мнѣніе потребовало бы отъ правительства, чтобы оно, для подавленія этого возстанія, прибѣгло къ самымъ строгимъ и энергическимъ мѣрамъ." Итакъ, Россія поступила съ возставшими Поляками,—не говоримъ, какъ Англія поступала недавно въ своихъ индустанскихъ владѣніяхъ, какъ она поступала въ прежнее время съ Ирландцами,—но какъ она поступила бы въ случаѣ надобности (по свидѣтельству *Times*) и съ нынѣшними феніями, и какъ вообще всякое государство, дорожащее своимъ могуществомъ, своимъ достоинствомъ, своею цѣлостью, поступило бы со всякою частью

своей территоріи, гдѣ было бы поднято знамя возстанія или обнаружилась бы измѣна.

Вовторыхъ, и это особенно важно, въ Европѣ совсѣмъ невѣрно глядятъ на самое происхожденіе польскаго вопроса. Безпорядки и возстанія, которыя естественно требовали потомъ и мѣръ строгости, происходили совсѣмъ не оттого, чтобы Поляки были особенно притѣсняемы, или чтобъ они пользовались меньшими правами противъ остальныхъ полданныхъ Имперіи, а совершенно наоборотъ, именно оттого, что они были признаваемы за особую націю и пользовались весьма значительными правами и льготами предъ остальными подданными государства. Такое исключительное состояніе раждало и питало несбыточныя и неразумныя мечтанія; мечтанія эти, поддерживаемыя извнѣ, со стороны европейскихъ державъ, которымъ не могло не быть на руку всякое ослабленіе такого могущественнаго государства какъ Россія, вспыхивали болѣе или менѣе серіозными возстаніями, за которыми не могла не слѣдовать реакція, въ подавленіи мятежа и карѣ его предводителей. Источникомъ постоянныхъ волненій и неизбѣжно сопряженныхъ съ ними бѣдствій были не мнимыя притѣсненія со стороны правительства, а очень дѣйствительныя преимущества, которыми оно надѣляло Поляковъ, и которыя въ тоже время унижали и подавляли единственную, не воображаемую, а истинную національность въ Россіи, русскую.

Мы сами создали себѣ въ польскомъ краѣ призракъ національности, которая уже не существовала въ то время когда герцогство Варшавское было присоединено къ Россіи, и которой не хотѣла признавать сама Европа, постановивъ, чтобы даже имя Польши не было впредь упоминаемо въ дипломатическомъ языкѣ; лелѣя эту созданную нами національность, мы сами готовили себѣ—затрудненія, а насеменіямъ этого края — бѣдствія. Глядя на наши собственныя старанія обособить польскую національность дарованіемъ импровизованному Царству Польскому преимущественныхъ льготъ и вольностей, предоставленіемъ ему собственнаго войска, собственнаго офиціяльнаго языка, административной автономіи и такихъ либеральныхъ учрежденій, о какихъ не дерзали тогда и мечтать въ предѣлахъ остальной Россіи, Европа естественно могла думать, что можно вынудить у ея правительства и возстановленіе Польши, а тѣмъ самымъ ослабить имперію и отбросить ее отъ Европы. Вотъ какъ возникъ злополучный польскій вопросъ, со всѣми его кровавыми послѣдствіями. Точно такъ же могутъ возникнуть и другіе подобные вопросы въ Россіи. Если, по чувству ложно направленнаго либерализма, или лучше сказать по небреженію государственными интересами Россіи и ея національностью, мы и въ другихъ окраинахъ нашего отечества будемъ создавать и поддерживать призрачныя національности и политическія автономіи, то мы также приготовимъ для себя—внутреннія и внѣшнія затрудненія, можетъ-быть еще болѣе серіозныя чѣмъ въ польскомъ краѣ, а для мѣстныхъ населеній—кровавыя реакціи...

Было ли что нибудь подобное въ Ирландіи? Съ самаго начала присоединенный островъ находился въ положеніи униженномъ и стѣсненномъ, претерпѣвая постоянный гнетъ политическій и религіозный. Преслѣдованія Генриха VIII и Елизаветы, конфискаціи Якова I были только предвѣстіемъ страшныхъ опустошеній 1650 г., когда при Кромвелѣ вся страна была предана огню и мечу за свои симпатіи къ Стюартамъ. Но и въ послѣдствіи, по сознанію *Times* (см. № этой газеты отъ 19-го сентября), чуть ли не самою тяжелою годиной для Ирландіи была первая половина царствованія Георга III.

Итакъ, мы видимъ, что причины, породившія неудовольствія, были тамъ и тутъ далеко не одинѣ и тѣ же; эти причины были совершенно противоположнаго свойства; здѣсь они заключались въ обособленіи Польши посредствомъ преимущественныхъ правъ; тамъ—въ обособленіи Ирландіи посредствомъ постояннаго стѣсненія и гнета. Въ обоихъ случаяхъ, впрочемъ, зло проистекало отъ неравноправности и разъединенія частей одного и того же государства, и заключалось въ признаваніи подъ одною и тою же державой разныхъ политическихъ національностей. Мало-по-малу, однако, права Ирландцевъ были уравнены съ правами Англичанъ; но отнимая у первыхъ всякій поводъ жаловаться на стѣснительныя мѣры, правительство поспѣшило въ тоже время упразднить въ Ирландіи и всѣ тѣ условія, которыя могли оставить за нею хотя какую-либо тѣнь національ-

ной автономіи. Такъ, независимый парламентъ, котораго Ирландія успѣла добиться въ 1782 году, и который, можетъ-быть болѣе всего другаго способствовалъ, вмѣстѣ съ подстрекательствами Франціи, возстанію 1796, парламентскимъ актомъ 1800 былъ отмѣненъ, и Ирландія объявлена окончательно присоединенною къ Англіи. Съ тѣхъ поръ всѣ причины къ серіознымъ волненіямъ прекратились, и *Times* смѣло можетъ позволить себѣ слѣдующую горделивую выходку:

„Къ добру ли, къ худу ли, но судьбы обоихъ острововъ неразрывно связаны между собою, и поддержаніе этой связи должно служить основою нашей государственной политики. Предметомъ вопроса могутъ быть еще, пожалуй, способы управленія Ирландіей; но не можетъ быть предметомъ вопроса сущность политическихъ отношеній этой страны къ Англіи. *Такъ-называемая* независимость Ирландіи была бы ничѣмъ инымъ какъ только анархіей подъ чужеземнымъ покровительствомъ. Кто пожелаетъ создать независимое ирландское государство, тотъ пусть прежде попробуетъ завоевать Англію. Это очень хорошо понимаютъ въ Европѣ, и вотъ почему никому, кромѣ самого же Ирландца, не приходитъ въ голову безумная идея о какомъ-то освобожденіи Ирландіи."

Нѣтъ сомнѣнія, что Европа подобнымъ образомъ относилась бы и къ „такъ-называемой" независимости Польши и ко всему этому несчастному польскому вопросу, еслибы не злополучныя „увлеченія" первой четверти нынѣшняго столѣтія.....

№ 217.

Москва, 5-го октября.

Морскія купанья въ Біаррицѣ, позднею осенью, рѣшительно входятъ въ привычки первенствующаго министра Пруссіи. Не знаемъ, приносятъ ли они пользу его здоровью, но несомнѣнно, что они каждый разъ болѣе или менѣе улучшаютъ политическое положеніе Пруссіи. Въ нынѣшнемъ году г. фонъ-Бисмаркъ не только купается въ морѣ, но и разсуждаетъ съ императоромъ Наполеономъ о текущихъ вопросахъ европейской политики, и какъ видно изъ замѣтки берлинской *Провинціальной Корреспонденціи*, остается совершенно доволенъ сужденіями своего высокаго собесѣдника: въ этихъ сужденіяхъ глава Берлинскаго кабинета усмотрѣлъ ручательство за сохраненіе дружественныхъ отношеній между Франціей и Пруссіей, и почерпнулъ увѣренность не только въ томъ, что теперешняя политика императора Наполеона безкорыстна, но и въ томъ, что онъ намѣренъ и впредь слѣдовать той же безкорыстной политикѣ. Когда одна держава усматриваетъ въ политикѣ другой державы безкорыстіе, то это служитъ доказательствомъ только того, что она находитъ эту политику вполнѣ благопріятною для себя самой. Когда рѣчь идетъ о безкорыстіи между такими державами какъ Пруссія и Франція, изъ коихъ первая, ограбивъ Данію, желала бы также проглотить Шлезвигъ и Гольштейнъ, въ подражаніе второй, проглотившей Ниццу и Савойю, тогда есть основаніе думать, что между ними, если не состоялось, то легко можетъ состояться соглашеніе, выгодное для нихъ обѣихъ и, конечно, несогласное съ интересами какихъ-либо третьихъ державъ. Кто эти третьи державы въ данномъ случаѣ, это ясно само собою, и въ Европѣ есть столицы, гдѣ конечно имѣютъ иное мнѣніе о безкорыстіи нынѣшней французской политики чѣмъ въ Берлинѣ.

Хотя *Кельнская Газета*, которая, несмотря на свое умѣренно-оппозиціонное направленіе, нерѣдко служитъ органомъ Берлинскаго кабинета, пустила въ ходъ, въ видѣ опыта, мысль о раздѣлѣ Бельгіи между Франціей, Пруссіей и королевствомъ Нидерландскимъ, тѣмъ не менѣе эта мысль едва ли можетъ имѣть какое-либо серіозное значеніе для настоящаго времени; но самое возникновеніе ея въ сферахъ, болѣе или менѣе близкихъ къ прусскому министерству, показываетъ, какъ было бы несправедливо считать Пруссію, управляемую графомъ Бисмаркомъ, за государство вѣрное началамъ консервативной европейской политики. Осуществленія подобной мысли не только при жизни Леопольда I, но и по смерти его, не допустила бы, конечно, безъ совершеннаго измѣненія карты Европы, ни Англія, ни какая-либо другая великая европейская держава, а потому если въ Біаррицѣ и шла рѣчь о будущихъ судьбахъ Бельгіи, то эта рѣчь могла послужить только къ заявленію готовности со стороны Пруссіи войдти въ нѣкоторые виды теперешней „безкорыстной" французской политики.

Ближайшимъ образомъ императоръ Наполеонъ и графъ Бисмаркъ могли сойдтись между собой въ своихъ видахъ относительно Австріи. И въ самомъ дѣлѣ, тутъ между Франціей и Пруссіей оказывается большое сходство: обѣ желали бы оттѣснить Австрію какъ можно дальше къ юго-востоку Европы, одна—выпроводивъ ее изъ Германіи, другая—изъ Италіи; обѣ могли убѣдиться въ послѣднее время, что на особенную податливость со стороны Австріи имъ нечего разчитывать. Давно ли Пруссіи пришлось грозить ей войной чтобы выманить у нея Гаштейнскую конвенцію, и давно ли всѣ усилія императора Наполеона къ примиренію Рима и Италіи сокрушились о сопротивленіе той партіи въ Римѣ, которая находитъ себѣ твердую опору въ Австріи, какъ обладательницѣ Венеціи и знаменитаго четыреугольника ломбардо-венеціянскихъ крѣпостей? Давно ли также Австрія употребляла всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать признанію Италіянскаго королевства Испаніей, и въ своихъ депешахъ въ Мадридъ заявляла себя державой, попрежнему преданною ультра-консервативнымъ идеямъ въ Италіи и мало способною примириться съ совершившимися тамъ фактами? Для императора Наполеона должно быть совершенно ясно, что Австрія далеко еще не отказалась отъ глухаго противодѣйствія италіянской политикѣ его, и что она не рѣшается на явную борьбу за недостаткомъ не доброй воли, а только матеріяльныхъ средствъ. Дипломатическая борьба между Австріей и Франціей по италіянскимъ дѣламъ все еще продолжается, и притомъ съ перемѣннымъ счастіемъ: Франція потерпѣла недавно пораженіе въ Римѣ, и восторжествовала въ Испаніи; но это торжество, очевидно, не удовлетворило ея, и недавнее заявленіе ея въ Римѣ, что съ января будущаго года войска ея будутъ сосредоточены только въ трехъ пунктахъ, въ Римѣ, въ Витербо и въ Чивитавеккіи, служитъ доказательствомъ, что Франція намѣрена продолжать борьбу съ Австріей на этомъ поприщѣ съ нѣкоторою энергіей.

Что на этой почвѣ Пруссія и Франція легче всего могли сойдтись между собой, и быть-можетъ, дѣйствительно, уже сошлись, тому доказательствомъ служатъ возрастающая дружба между Италіей и Пруссіей и возобновленіе толковъ объ усиліяхъ Пруссіи склонить германскія государства къ признанію Италіянскаго королевства и къ заключенію съ нимъ торговаго трактата, о чемъ говоритъ интересная статья италіянской газеты *Italia*, и по поводу чего *Вечерній Монитеръ* съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаетъ, что Гаштейнская конвенція нисколько не измѣнила прусской политики и не уменьшила ея рвенія въ этомъ отношеніи.

Франція, очевидно, заинтересована тѣмъ чтобы какъ можно болѣе разъединить Пруссію и Австрію, которыхъ союзъ всегда болѣе или менѣе имѣетъ характеръ угрозы для императорской Франціи. Гаштейнская конвенція произвела неблагопріятное на нее впечатлѣніе, особенно потому что она могла, какъ оказалось, установить болѣе искреннія отношенія между обѣими великими нѣмецкими державами. Убѣдившись, что Австрія, при своемъ безпомощномъ внутреннемъ состояніи и имѣя у себя за плечами Италіянское королевство, будетъ принуждена дѣлать Пруссіи уступку за уступкой по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, и соображая, что всякое дѣятельное вмѣшательство въ эти дѣла со стороны Франціи только скрѣпитъ союзъ между обѣими нѣмецкими державами, императоръ Наполеонъ, какъ видно, начинаетъ склоняться къ тому, чтобы Пруссія была обязана своими дальнѣйшими успѣхами въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ не Австріи, а его собственной поддержкѣ. До соединенія всей Германіи подъ властью Пруссіи, отнюдь не входящаго въ интересы и виды Франціи, еще очень далеко, и Франція надѣется помѣшать во всякое время этому результату; а между тѣмъ разрѣшеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса въ прусскомъ смыслѣ, съ нѣкоторыми, можетъ-быть, уступками въ пользу начала національностей, не только можетъ поселить вражду между Пруссіей и Австріей, но еще и усилить Пруссію на Балтійскомъ морѣ.

Въ послѣднее время, въ Стокгольмѣ, особенно оживились идеи скандинавизма, клонящіяся къ соединенію Швеціи, Норвегіи и Даніи, и органомъ этихъ идей стала даже полуофиціяльная, стокгольмская газета *Posttidning*; но тогда какъ прежній скандинавизмъ имѣлъ болѣе или менѣе враждебный характеръ относительно Пруссіи, теперь скандинависты толкуютъ, напротивъ, о союзѣ съ нею. Удивительное счастіе на союзы достается Пруссіи! И Россія и Франція, и Италія и Скандинавія дорожатъ ея доблестною дружбой. Серіозна-

го разрыва съ Англіей, при жизни королевы Викторіи, она ожидать не можетъ. Наконецъ Австрія дошла до того, что даже гордится дружественными отношеніями къ Пруссіи, хотя они оказываются лишь рядомъ уступокъ. Пруссія такъ увлеклась своимъ счастіемъ, что повидимому не прочь содѣйствовать и возбужденію восточнаго вопроса. Ей, что называется, и море по колѣно, съ тѣхъ поръ какъ она получила возможность познакомиться съ моремъ въ Килѣ. Между тѣмъ какъ англійскія газеты, по поводу доклада французскихъ министровъ о международной конференціи относительно противодѣйствія холерѣ, поспѣшили возвести на Францію обвиненіе, что она, главнѣйшимъ образомъ, имѣетъ при этомъ въ виду прибрать Египетъ къ своимъ рукамъ, органъ графа Бисмарка, совершенно напротивъ, принялся рукоплескать не только этой идеѣ, но и давно уже похороненной идеѣ общаго европейскаго конгресса, рукоплескать съ такимъ увлеченіемъ, что даже забылъ о приличіи, обязательномъ для офиціозной газеты.

„Россія сосредоточивается въ себѣ самой и собирается съ силами“ (*La Russie se recueille*), говорилъ князь Горчаковъ вскорѣ послѣ Парижскаго мира 1856 года, и дѣйствительно Россіи ничего болѣе ненужно какъ сосредоточить свои силы. Дипломатическимъ путемъ въ настоящее время Россія немногаго достигнетъ; главнѣйшихъ обезпеченій для себя можетъ она ожидать только отъ своей внутренней политики.

№ 218.

Москва, 6-го октября.

Вопросъ о Нѣжинскомъ лицеѣ князя Безбородка, разсматриваемый въ помѣщенной ниже статьѣ г. И. К., есть вопросъ очень сложный. Въ царствованіе императора Александра I было основано нѣсколько лицеевъ, но и типъ этого разряда учебныхъ заведеній у насъ не выработался, и они до сихъ поръ не имѣютъ опредѣленнаго характера. Въ этомъ заключается главная причина тѣхъ преобразованій, которымъ они подвергаются такъ часто, что ихъ силы совершенно парализуются. Меньшую важность имѣетъ недостатокъ средствъ, доставляемыхъ пожертвованными имуществами; говоримъ меньшую, потому что очевидный разчетъ долженъ побуждать къ поддержанію учебныхъ заведеній уже существующихъ, прежде чѣмъ задумывать учрежденіе новыхъ. Если заведеніе приносило пользу, то нельзя предавать его запустѣнію изъ-за мнимой экономіи, тратя въ то же время большія деньги на открытіе новыхъ заведеній. Если увеличиваются штаты заведеній существующихъ сполна на счетъ казны, то нѣтъ основанія обходить заведенія, основанныя не на казенный, а на пожертвованный капиталъ; напротивъ, имъ слѣдуетъ даже отдавать преимущество, потому что они стоятъ казнѣ меньше. Если-бы правительство оказывало равнодушіе къ нимъ, то само лишало бы себя возможности находить впередъ жертвователей. Итакъ, главное затрудненіе заключается не въ недостаткѣ средствъ: средства должны найдтись, если не казенныя, то въ крайнемъ случаѣ земскія. Главное затрудненіе въ томъ, что наши лицеи не имѣютъ опредѣленнаго типа, и потому колеблются между университетомъ и гимназіей. Но чѣмъ очевиднѣе эта неопредѣленность типа лицеевъ, тѣмъ обязательнѣе, кажется намъ, уваженіе къ волѣ жертвователей. По отношенію къ Нѣжинскому лицею, эта воля выражена ясно: онъ долженъ обучать языкамъ и высшимъ наукамъ, приготовляющимъ къ государственной службѣ. Теперешній юридическій характеръ его совершенно соотвѣтствовалъ бы назначенію жертвователя, еслибъ оказалось возможнымъ усилить преподаваніе языковъ, новыхъ и преимущественно древнихъ. Лицейскій курсъ, очевидно, не долженъ имѣть спеціально-факультетскаго характера; онъ долженъ быть продолженіемъ гимназическаго курса съ присоединеніемъ юридическихъ наукъ. Только при этомъ условіи, лицей князя Безбородка могъ бы быть признанъ, какъ требуетъ его завѣщаніе, за „гимназію высшихъ наукъ“. Вотъ та ясная и опредѣленная цѣль, которой слѣдуетъ держаться, если только считать священною волю завѣщателя, что нашъ несомнѣнный долгъ. При внимательномъ взглядѣ на дѣло, эта цѣль окажется и наиболѣе достижимою. Мысль почтеннаго автора помѣщаемой ниже статьи, мысль о переселеніи въ Нѣжинъ кіевскаго юридическаго факультета, едвали исполнима. Еще менѣе исполнимо предположеніе устроить въ маленькомъ городѣ Нѣжинѣ технологическій институтъ: такое заведеніе

способно приносить большую пользу, но оно возможно только въ большихъ фабричныхъ городахъ, а въ Нѣжинѣ оно не могло бы процвѣтать и навѣрное не имѣло бы даже достаточнаго числа воспитанниковъ: установившіяся тяготѣнія не легко измѣняются. Мы уже не говоримъ о громадныхъ издержкахъ, которыя потребовались бы для преобразованія Нѣжинскаго лицея въ технологическій институтъ, хоть сколько-нибудь соотвѣтствующій своей цѣли.

Цѣль преобразованія лицея ясно опредѣлена волей жертвователя, на которую посягать непозволительно. Разсуждать можно только о средствахъ преобразованія и о подробностяхъ учебнаго плана. Послѣднія, по нашему мнѣнію, также достаточно опредѣлены завѣщаніемъ. Лицей долженъ быть не университетскимъ факультетомъ, а гимназіей; характеръ преподаванія долженъ быть гимназическій, состоять болѣе въ обученіи чѣмъ въ чтеніи лекцій, слушаемыхъ пассивно. При такомъ свойствѣ преподаванія нѣтъ надобности въ многочисленныхъ профессорахъ: извѣстно напримѣръ, что въ Мельборнскомъ университетѣ, въ Австраліи, шесть профессоровъ успѣваютъ обучать всѣмъ наукамъ, и мельборнскіе студенты держатъ въ Англіи экзаменъ на государственную службу не хуже студентовъ другихъ университетовъ Соединеннаго Королевства, за исключеніемъ только Оксфордскаго и Кембриджскаго.

Но если можно еще колебаться относительно учебнаго плана въ лицейскихъ классахъ, то нѣтъ ни малѣйшаго повода къ нерѣшительности насчетъ учебнаго плана въ нѣжинской гимназіи. Въ лицейскомъ городѣ гимназія должна быть непремѣнно классическая съ двумя древними языками. Въ Нѣжинѣ это тѣмъ менѣе подлежитъ сомнѣнію, что Греки составляютъ тамъ значительный элементъ населенія. Если гдѣ, то именно въ Нѣжинѣ неспорима необходимость преподаванія греческаго языка.

Въ № 208 *Московскихъ Вѣдомостей* была помѣщена корреспонденція изъ Нѣжина, свидѣтельствующая о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, какое было произведено на нѣжинское общество извѣстіемъ о неожиданномъ рѣшеніи преобразовать нѣжинскую гимназію въ реальную. По поводу этой корреспонденціи въ газетѣ *Голосъ* (№ 266, отъ 26-го сентября) представлены нѣкоторыя объясненія, сами по себѣ очевидно не состоятельныя, но заслуживающія вниманія въ виду тѣхъ отношеній, какія существуютъ между этою газетой и офиціяльными петербургскими педагогами. Въ замѣткѣ, написанной по поводу упомянутой корреспонденціи, газета *Голосъ* прежде всего обвиняетъ насъ въ „агитаціи противъ рѣшенія правительствомъ вопроса о распредѣленіи нашихъ гимназій“ и затѣмъ заявляетъ, что возбуждая эту агитацію, *Московскія Вѣдомости* „скрываютъ такія офиціяльныя данныя, которыя могутъ выяснить въ надлежащемъ свѣтѣ причины основанія реальныхъ заведеній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества“. Эти офиціяльныя данныя, утаенныя отъ публики *Московскими Вѣдомостями*, заключаются будто бы въ протоколѣ засѣданія черниговскаго уѣзднаго земскаго собранія, помѣщенномъ въ прибавленіи къ № 30 *Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*.

Сущность протокола, которому придается такое важное значеніе въ рѣшеніи вопроса, какой гимназіи быть въ Нѣжинѣ, реальной или классической, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ засѣданіи черниговскаго уѣзднаго земскаго собранія, 20-го августа, было прочитано отношеніе нѣжинскаго предводителя дворянства по поводу существующихъ предположеній о преобразованіи Нѣжинскаго лицея изъ юридическаго въ технологическое заведеніе. Не споря о томъ, что намъ нужны и технологи, нѣжинскій предводитель дворянства держится однако того убѣжденія, что при нынѣшнемъ преобразованіи судопроизводства и земскихъ учрежденій, мы еще болѣе нуждаемся въ ученыхъ юристахъ, настоятельная потребность въ которыхъ, по его мнѣнію, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ нынѣшнемъ году пріѣхало въ Нѣжинъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи около 65 молодыхъ людей держать экзаменъ къ поступленію въ студенты Нѣжинскаго лицея, дающаго юридическое образованіе. Въ этомъ убѣжденіи, нѣжинскій предводитель дворянства ходатайствовалъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ у попечителя кіевскаго учебнаго округа объ оставленіи лицея князя Безбородка на прежнемъ основаніи; въ маѣ попечитель, посѣтивъ лицей, заявилъ, что причина, по которой онъ не можетъ существовать въ настоящее время, заключается въ недостаточности средствъ, опредѣленныхъ основателемъ это-

го заведенія, княземъ Безбородко. Именно, въ добавленіи къ собственнымъ средствамъ лицея, по заявленію его директора, необходимо до 5.000 руб. ежегоднаго вспомоществованія. Признавая назначеніе этой суммы настоятельною необходимостью, но имѣя въ виду, что въ лицеѣ получаютъ воспитаніе молодые люди не одного Нѣжинскаго, но и другихъ уѣздовъ губерніи, нѣжинскій предводитель нашелъ, что раскладка означенной суммы не должна падать на земство одного Нѣжинскаго уѣзда, а потому счелъ необходимымъ заявить о нуждахъ лицея, между прочимъ, и земству Черниговскаго уѣзда, предлагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, при назначеніи лицею вспомоществованія выговорить для земства нѣкоторыя права относительно этого заведенія. По прочтеніи отношенія нѣжинскаго предводителя, предсѣдатель черниговскаго собранія представилъ относительно Нѣжинскаго лицея и свои соображенія и высказался въ пользу преобразованія его въ технологическое заведеніе, на томъ основаніи, что по близости къ Черниговской губерніи двухъ университетовъ, Харьковскаго и Кіевскаго, гдѣ юридическія науки преподаются въ гораздо большемъ размѣрѣ чѣмъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ и при открытіи юридическихъ классовъ въ гимназіяхъ, въ настоящее время въ Нѣжинскомъ лицеѣ, какъ въ заведеніи юридическомъ, необходимости не представляется, между тѣмъ какъ въ технологическомъ образованіи, при настоящемъ положеніи хозяйствъ, чувствуется большой недостатокъ, тѣмъ болѣе, что заведенія этого рода имѣются только въ Петербургѣ и Москвѣ; поэтому предсѣдатель черниговскаго уѣзднаго собранія предлагалъ своему уѣзду принять участіе въ денежномъ пожертвованіи на поддержаніе лицея, лишь на томъ условіи, чтобъ это заведеніе было преобразовано въ технологическое. Затѣмъ, одинъ изъ гласныхъ, П. Н. Дурново, заявилъ что вопросъ о пользѣ Нѣжинскаго лицея, какъ заведенія юридическаго или технологическаго, не подлежитъ разсмотрѣнію собранія, и что сущность дѣла состоитъ въ томъ принять ли участіе въ денежномъ вспомоществованіи лицею. Наконецъ, по обсужденіи средствъ, изъ коихъ можно было бы удовлетворить ходатайство нѣжинскаго предводителя относительно лицея, собраніе постановило увѣдомить нѣжинскаго предводителя, „что оно, вполнѣ сочувствуя необходимости существованія этого заведенія въ губерніи, въ настоящее время еще не можетъ принять участія въ денежномъ пожертвованіи, по неприведенію въ извѣстность источниковъ, изъ которыхъ можно было бы удѣлить потребную на этотъ предметъ сумму.“ Вотъ и все. *) Одинъ предводитель хлопочетъ, чтобы Нѣжинскій лицей остался юридическимъ заведеніемъ, другой высказываетъ въ своемъ уѣздномъ собраніи желаніе чтобы лицей былъ преобразованъ въ технологическое заведеніе; но собраніе по этому вопросу не постановляетъ рѣшенія, а до поры до времени отказывается отъ участія въ пожертвованіи, какъ бы ни былъ устроенъ лицей: что же тутъ такого, что могло бы „выяснить въ надлежащемъ свѣтѣ причины основанія реальныхъ (не технологическихъ, а реальныхъ, не имѣющихъ съ технологическими ничего общаго) заведеній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества,“ вообще, и причины преобразованія нѣжинской гимназіи въ реальную, въ частности? Еслибы не только черниговскій уѣздный предводитель дворянства, но и все черниговское земское уѣздное собраніе высказалось въ пользу преобразованія лицея въ технологическій институтъ, еслибы къ этому мнѣнію присоединился и нѣжинскій предводитель дворянства, теперь оспаривающій его, и еслибы въ томъ же смыслѣ подало голосъ нѣжинское уѣздное земское собраніе, еслибы наконецъ вслѣдствіе такихъ общихъ заявленій лицей князя Безбородка былъ преобразованъ въ технологическій институтъ, то даже при такомъ окончательномъ рѣшеніи этого дѣла, гдѣ основанія для того чтобы лишить Нѣжинъ гимназіи, приготовлявшей до нынѣ къ поступленію и въ лицей и въ университеты, и во всякомъ случаѣ способной приготовлять и въ университеты и въ технологическіе институты, и дать ему взамѣнъ школу, какая нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ не имѣетъ университетскихъ правъ и лишена педагогической силы, требующейся для полнаго и всесторонняго приготовленія къ высшему образованію,—гдѣ основанія, кото-

*) Не мѣшаетъ замѣтить, что по мнѣнію *Голоса*, сущность протокола состоитъ единственно въ мнѣніи предсѣдателя черниговскаго уѣзднаго собранія. Діаметрально противоположное мнѣніе нѣжинскаго предводителя для педагоговъ имѣющихъ эту газету своимъ органомъ, какъ бы не существуетъ.

рыя могли бы „выяснить“ то обстоятельство, что изъ гимназій кіевскаго учебнаго округа, также какъ и виленскаго, по странной игрѣ судьбы, участь превратиться въ заведенія лишенныя университетскихъ правъ, постигаетъ по преимуществу тѣ, которыя находятся въ мѣстностяхъ православно-русскихъ?

Газета *Голосъ* считаетъ вопросъ о судьбѣ Нѣжинскаго лицея еще не рѣшеннымъ, и именно потому защищаетъ предположеніе низвести нѣжинскую гимназію въ разрядъ реальныхъ. Офиціозная петербургская газета защищаетъ это предположеніе слѣдующимъ куріознымъ разсужденіемъ: „*если* говоритъ *Голосъ*, въ Нѣжинѣ будетъ высшее реальное заведеніе (высшимъ реальнымъ тутъ названо высшее технологическое заведеніе, для вящаго напущенія тумана), то будетъ *исходъ* для многихъ реальныхъ заведеній втораго разряда, которыя бы могли открыться не только въ этомъ городѣ, но и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ.“ Выходитъ, что нѣжинская гимназія должна быть преобразована въ реальную, ея воспитанники должны лишиться благъ истинно-европейскаго воспитанія, имъ должны быть заграждены пути къ поступленію въ университетъ, и все это единственно ради того соображенія, что *можетъ-быть* Нѣжинскій лицей будетъ преобразованъ въ технологическое заведеніе, и въ такомъ случаѣ ученики реальной гимназіи не останутся совсѣмъ въ безвыходномъ положеніи: имъ останется исходъ—поступленіе въ это носящееся въ воздухѣ технологическое заведеніе! И такое-то соображеніе должно выяснить въ надлежащемъ свѣтѣ мѣру, одна мысль о которой въ привилегированныхъ прибалтійскихъ губеніяхъ, по словамъ помощника попечителя виленскаго учебнаго округа, знакомаго по собственному опыту съ господствующими тамъ европейскими воспитательными методами, была бы принята за признакъ сумашествія! *Голосъ*, повидимому, хочетъ внушить своимъ читателямъ, что еслибы нѣжинской гимназіи было дозволено остаться классическою, то воспитанники ея не могли бы поступать въ технологическое заведеніе. Какъ будто воспитанники классическихъ гимназій всей цивилизованной Европы оказываются неспособными къ полученію техническаго образованія! Какъ будто въ высшей степени поверхностныя, отрывочныя свѣдѣнія, которыя выносятъ молодые люди изъ школъ, лишь по недоразумѣнію именуемыхъ реальными *гимназіями*, могутъ имѣть сколько-нибудь благодѣтельное вліяніе на ходъ ихъ занятій въ технологическомъ заведеніи! Какъ будто технологическій институтъ могъ бы остаться въ проигрышѣ, если бы въ него, вмѣсто неразвитыхъ молодыхъ людей съ поверхностными свѣдѣніями, стали поступать молодые люди дѣйствительно развитые и получившіе солидное классическое подготовительное образованіе! А если высшее техническое образованіе можетъ только выиграть при условіи предварительнаго классическаго образованія, въ чемъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ цѣлой Европы, не можетъ быть никакого сомнѣнія, то почему же непремѣнно нужно, вмѣсто классической гимназіи, представляющей своимъ воспитанникамъ нѣсколько исходовъ и въ университеты и технологическія заведенія, дать Нѣжину такую школу, изъ которой не будетъ другаго исхода, кромѣ поступленія въ техническое заведеніе? На какихъ же соображеніяхъ, въ самомъ дѣлѣ, основано предположеніе о разжалованіи нѣжинской университетской гимназіи, гдѣ преподаваніе греческаго языка осталось въ силѣ даже послѣ общаго разгрома гимназій въ 1849 году,—о разжалованіи ея въ училище соотвѣтствующее, по своему учебному плану, низшаго разряда реальнымъ школамъ, такъ-называемымъ въ Германіи мѣщанскимъ, назначаемымъ не для приготовленія къ какому-либо высшему техническому образованію, а для сообщенія поверхностнаго лоска ремесленникамъ? Нельзя допустить, чтобы по вопросу, то или другое рѣшеніе котораго должно опредѣлить судьбу цѣлыхъ поколѣній, тѣ или другія мѣры принимались случайно, по минутному капризу. Тѣмъ менѣе можно допустить, чтобы слѣдовало, безъ серіозныхъ основаній, рѣшаться на мѣру, результатомъ которой должно быть не повышеніе, а пониженіе уровня образованія, не улучшеніе, а ухудшеніе существующаго положенія дѣлъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ предположеніе о деградаціи нѣжинской гимназіи основывается на куріозномъ соображеніи, приведенномъ газетой *Голосъ*? Неужели это соображеніе въ чьихъ-нибудь глазахъ дѣйствительно имѣетъ такую силу, такое значеніе, что передъ нимъ падаютъ во прахъ всѣ другія, такъ что основываясь на немъ можно рѣшитель-

но идти и противъ мнѣнія педагогическаго совѣта нѣжинской гимназіи, высказавшагося въ пользу классической гимназіи, и противъ мнѣнія мѣстнаго общества, которое вовсе не желаетъ реальной гимназіи и тотчасъ по полученіи свѣдѣній о предположеніи преобразовать нѣжинскую гимназію въ реальную, стало ходатайствовать чрезъ предводителя дворянства объ установленіи въ Нѣжинѣ классической гимназіи? А между тѣмъ никакихъ другихъ соображеній въ виду не имѣется, и еслибы дѣйствительно совершилось преобразованіе нѣжинской гимназіи въ реальную—на что свысока и какъ бы офиціяльно намекаетъ *Голосъ*, называя протестъ нѣжинскаго общества противъ учрежденія въ Нѣжинѣ реальной гимназіи „несостоятельнымъ“—то поневолѣ пришлось бы убѣдиться, что приведенныя въ этой газетѣ соображенія раздѣляются и лицами, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе этого вопроса. Отчего же, спросимъ мы въ заключеніе, ни одно изъ тѣхъ соображеній, которыя находятъ возможнымъ примѣнять къ гимназіямъ, находящимся въ мѣстностяхъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, не имѣетъ силы по отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ преобладаетъ элементъ инородческій? Ужь не оттого ли, что эти послѣднія мѣстности, употребляя фигуральную терминологію *Голоса*, представляютъ собою фарфоръ, съ которымъ нужно обращаться деликатно, а русскій народъ есть не что иное какъ простая глина, съ которою не зачѣмъ церемониться?

№ 219.

Москва, 7-го октября.

Событіе, которое давно и не безъ нѣкоторой тревоги предвидѣла Англія, совершилось: лордъ Пальмерстонъ скончался 6-го (18-го) октября, не дожившъ лишь нѣсколькихъ дней до конца своего 81-го года (родился онъ 20-го октября н. ст. 1784 г.). Обыкновенные люди въ такую пору своей жизни почти уже не имѣютъ ничего общаго съ окружающимъ міромъ; лордъ Пальмерстонъ, сохранивъ и въ преклонныхъ лѣтахъ свѣжесть и энергію силъ, до конца своей жизни оставался, не по имени только, но и на дѣлѣ, главою англійскаго правительства, вождемъ одной изъ двухъ великихъ политическихъ партій Англіи и душой европейской, или, лучше сказать, всемірной политики. Смерть такого старца есть важное событіе, не для одной Англіи, но для всего міра, въ судьбахъ котораго, начиная съ 1807-го и особенно съ 1830 года, онъ принималъ такое дѣятельное и непрерывное участіе, оказывая на нихъ всегда сильное, нерѣдко рѣшающее дѣйствіе.

Въ первый періодъ своей политической карьеры (съ 1806 по 1829 годъ) онъ обращалъ на себя вниманіе только своею ловкостью въ парламентскихъ преніяхъ и неутомимою дѣятельностью въ качествѣ члена различныхъ парламентскихъ коммиссій, а съ 1807 года и въ качествѣ военнаго статсъ-секретаря. Въ эту пору онъ принадлежалъ еще къ партіи торіевъ, и сколько ни смѣнялось министерствъ этой партіи, онъ неизмѣнно оставался ихъ членомъ и въ той же самой должности. Но съ теченіемъ времени онъ все болѣе и болѣе склонялся къ той фракціи этой партіи, во главѣ которой стоялъ тогда Каннингъ; онъ ратовалъ очень усердно въ пользу эмансипаціи католиковъ, и въ 1829 году выступилъ изъ министерства герцога Веллингтона, а потомъ склонился даже и въ пользу парламентской реформы 1832 г., за что былъ лишенъ чести засѣдать въ парламентѣ въ качествѣ члена за Кембриджскій университетъ, котораго былъ воспитанникомъ. Съ 1835 года до кончины онъ засѣдалъ въ палатѣ общинъ за мѣстечко Тивертонъ, считаясь въ ряду первенствующихъ людей партіи виговъ. Впрочемъ, съ теоріями лордъ Пальмерстонъ расходился не столько по внутренней, сколько по иностранной политикѣ. Торіемъ вступилъ онъ на поприще политической дѣятельности и по многимъ существеннымъ вопросамъ оставался торіемъ до конца своей жизни, хотя стоялъ во главѣ противной партіи. Едва ли кто-либо изъ торіевъ такъ крѣпко держался нѣкоторыхъ существенныхъ догматовъ своей партіи, какъ этотъ глава противной партіи, за которымъ слѣдовали не только виги, но и радикалы всѣхъ оттѣнковъ и который составлялъ свой кабинетъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, не отказывался ни отъ какой коалиціи, если только она требовалась обстоятельствами. Онъ особенно способствовалъ ослабленію и разстройству организаціи двухъ великихъ партій, взаимное дѣйствіе и борьба кото-

рыхъ составляютъ политическую жизнь Англіи.

За то въ иностранной политикѣ онъ былъ не только либераломъ, но радикаломъ, революціонеромъ. Съ теченіемъ времени, мало-по-малу, онъ прибралъ къ своимъ рукамъ всѣ революціонные элементы Европы и пользоваться ими въ интересахъ своей политики. Еще въ мартѣ 1829 г., и съ большею рѣшительностью, 11-го марта 1830 г., онъ изложилъ тѣ основныя начала, которымъ, по его мнѣнію, должна слѣдовать Англія въ иностранныхъ дѣлахъ. Въ видахъ противодѣйствія Россіи и вообще тремъ великимъ сѣвернымъ державамъ, онъ безъ малѣйшихъ колебаній сблизился съ Франціей, тотчасъ же послѣ іюльской революціи 1830 г., когда министерство Веллингтона пало, и онъ занялъ должность министра иностранныхъ дѣлъ въ администраціи виговъ. Потомъ заодно съ Франціей, не изъ сочувствія къ польскимъ интересамъ, а только изъ желанія завлечь Россію на ложный путь и тѣмъ ослабить ее, онъ былъ дѣятельнымъ и горячимъ поборникомъ польскаго дѣла въ своей дипломатической корреспонденціи съ С.-Петербургскимъ кабинетомъ въ 1831 году. Какъ извѣстно, тѣми же самыми видами руководился его кабинетъ и въ 1863 году, желая при этомъ, сверхъ того, разъединить Россію и Францію и приковать послѣднюю къ англійскому союзу. Идея союза между Англіей и Франціей была постоянно любимою идеей лорда Пальмерстона, впрочемъ, подъ условіемъ, чтобы Франція подчинялась видамъ англійской политики. Такъ, между прочимъ, когда въ 1840 году, во время министерства Тьера, Франція вздумала было преслѣдовать свои собственные виды на Востокѣ, и поддерживая Мегмеда-Али, могла принудить Турцію совершенно подчиниться русскому вліянію лордъ Пальмерстонъ былъ даже готовъ на совершенный разрывъ съ Франціей. Какъ вообще мало руководился лордъ Пальмерстонъ либеральными идеями въ своей политикѣ и какъ исключительно имѣлъ онъ въ виду интересы Англіи, видно, между прочимъ, изъ того, что въ декабрѣ 1851 года онъ, безъ вѣдома королевы и главы министерства, которымъ былъ тогда лордъ Джонъ Россель, поспѣшилъ признать и узаконить *coup d'état*, произведенный во Франціи принцемъ Людовикомъ Наполеономъ: воцареніе Наполеона III ставило Францію на первыхъ порахъ въ совершенно изолированное положеніе въ Европѣ, и заставляло ее волею или неволею искать союза съ Англіей и подчиняться ея видамъ. За поспѣшность, которую обнаружилъ лордъ Пальмерстонъ въ этомъ случаѣ, онъ принужденъ былъ удалиться отъ должности. И въ другой разъ, именно въ 1858 г., благородному лорду дорого обошлась услуга, которую онъ желалъ оказать императору Наполеону, предлагая билль по поводу участія лицъ, проживавшихъ въ Англіи, въ покушеніи на жизнь императора: неблагопріятное рѣшеніе парламента заставило лорда Пальмерстона, стоявшаго съ 1855 г. во главѣ министерства, подать въ отставку, и уступить мѣсто графу Дерби. Эти два случая особенно содѣйствовали скрѣпленію дружественныхъ отношеній между двумя вліятельнѣйшими политическими дѣятелями въ современной Европѣ, хотя ихъ дружба была собственно не что иное какъ постоянная, чрезвычайно напряженная война, и корпусъ волонтеровъ, эта колоссальнѣйшая изъ демонстрацій противъ Франціи, обязанъ своею организаціей преимущественно лорду Пальмерстону.

Во все время что лордъ Пальмерстонъ стоялъ во главѣ иностранныхъ дѣлъ (съ 1830 по 1841 г. и съ 1846 по 1851 г.) или во главѣ всего вообще управленія (съ 1855 по 1858 г. и съ 15-го іюня 1859 г. по самый конецъ своей жизни), Англія, благодаря его энергіи и ловкости, употребляла въ свою пользу всѣ случайности происходившія въ политическомъ мірѣ. Поддерживая Наполеона во Франціи, лордъ Пальмерстонъ, благодаря сердечному согласію, которое установлялось между Англіей и Франціей былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ самыхъ значительныхъ событій послѣдняго времени: ослабленіе Россіи на Востокѣ, независимость и объединеніе Италіи, раскрытіе Китая и Японіи для европейской торговли и политики, организація революціонныхъ элементовъ всѣхъ странъ и обычай вмѣшательства въ иностранныя дѣла подъ прикрытіемъ принципа невмѣшательства, вотъ обильные результаты политики лорда Пальмерстона и англо-французскаго союза,— результаты которые еще далеко не исчерпаны.

Англо-французскій союзъ былъ по преимуществу дѣломъ лорда Пальмерстона.

Правда, этотъ союзъ держался и въ министерство графа Дерби, и въ министерство графа Абердина, при которомъ онъ разрѣшился даже совокупною войной западныхъ державъ противъ Россіи; но торійское министерство было слишкомъ кратковременно, и не могло существенно измѣнить ходъ дѣлъ въ Европѣ, а въ смѣшанномъ изъ пилитовъ и виговъ министерствѣ Абердина лордъ Пальмерстонъ хотя и занималъ должность министера внутреннихъ дѣлъ, но, безъ сомнѣнія, оказывалъ дѣйствіе и на дѣла внѣшней политики. Замѣчательно въ этомъ отношеніи, что при самомъ началѣ столкновеній, которыя повели къ послѣдней Восточной войнѣ, именно 18-го декабря 1853 г., лордъ Пальмерстонъ вышелъ изъ министерства графа Абердина и чрезъ нѣсколько дней вновь вступилъ въ него. Не задолго предъ тѣмъ было получено извѣстіе о Синопскомъ сраженіи, а тотчасъ же послѣ вторичнаго вступленія лорда Пальмерстона въ министерство англійскому флоту въ Средиземномъ морѣ было дано предписаніе вступить въ Черное море. Когда же въ 1855 г. лордъ Пальмерстонъ сталъ во главѣ министерства, то англійская армія, выставленная противъ Россіи, была доведена до 100.000 человѣкъ, и Англія, съ своей стороны старалась всячески противодѣйствовать заключенію Парижскаго мира, желая достигнуть болѣе рѣшительныхъ результатовъ чѣмъ тѣ, которые были достигнуты этимъ миромъ. Вообще покойный лордъ ни въ чемъ не былъ такъ послѣдователенъ, настойчивъ и неразборчивъ на средства какъ въ борьбѣ своей противъ Россіи. Насильственный образъ дѣйствій, въ 1850 г., противъ Греціи по поводу денежныхъ требованій дона-Пасифико, главнѣйшимъ образомъ, былъ вызванъ желаніемъ положить конецъ русскому вліянію въ этой странѣ. Греческая революція 1862 г. была также дѣломъ лорда Пальмерстона, имѣла то же самое назначеніе. Не мало есть признаковъ, что съ этой же стороны были подстрекаемы и Поляки къ явному возстанію противъ Россіи въ 1862 и 63 годахъ.

Отзовется ли кончина лорда Пальмерстона какими-либо важными перемѣнами въ положеніи дѣлъ? Въ Англіи направленіе политики менѣе чѣмъ гдѣ-либо зависитъ отъ личности государственныхъ людей; личныя достоинства и недостатки ихъ могутъ выражаться въ болѣе или менѣе удачныхъ или неудачныхъ результатахъ, а не въ общемъ направленіи дѣлъ. Какъ бы ни было велико разнообразіе въ свойствахъ и воззрѣніяхъ лицъ управляющихъ дѣлами этой страны, оно не можетъ радикально измѣнять ихъ ходъ и обнаруживается только въ различіи средствъ и пріемовъ. Въ странѣ, какъ Англія, государственные интересы не подвергаются случайнымъ катастрофамъ и переходя изъ рукъ въ руки или отъ одной партіи къ другой, не выбиваются изъ колеи. Они обезпечены непосредственнымъ участіемъ въ нихъ всѣхъ политическихъ силъ общества, составляющихъ громадную корпорацію, къ которой всѣ солидарны между собою, всѣ отвѣчаютъ другъ за друга во всемъ что касается государственныхъ и общественныхъ интересовъ страны. Во всякомъ случаѣ смерть первенствующаго министра Англіи можетъ сопровождаться какими-либо серіозными послѣдствіями лишь во внутреннихъ дѣлахъ.

№ 220.

Москва, 8-го октября.

Академіи Наукъ еще недавно ставилось въ укоръ что она весьма мало содѣйствуетъ движенію русскаго просвѣщенія. Лучшимъ отвѣтомъ на такое обвиненіе служитъ вся исторія этого знаменитаго учрежденія. Когда власть обращалась къ Академіи Наукъ за содѣйствіемъ, она никогда не заставляла ждать себя. Учрежденіе ученое, Академія то превращалась въ училище, устраивая при себѣ и университетское и гимназическое преподаваніе наукъ, то посвящала свои труды разрѣшенію практическихъ вопросовъ, предлагавшихся ей администраціей и требовавшихъ примѣненія теоретическихъ знаній. Состоя въ большинствѣ своихъ членовъ изъ лицъ иностраннаго происхожденія, она никогда не замыкалась въ себѣ. Она свободна отъ упрека въ желаніи поддерживать умственную зависимость Россіи отъ иностранныхъ земель. Въ другихъ сферахъ не мало встрѣчалось у насъ такихъ иностранцевъ, которые, пользуясь выгодами своего положенія въ Россіи, прямо или косвенно старались монополизировать эти выгоды для себя и своихъ земляковъ. Такой образъ дѣйствій, усматриваемый русскимъ обще-

ствомъ, вызывалъ къ нимъ справедливое недовѣріе; нерѣдко онъ былъ такъ очевиденъ, что не могъ не раздражать. По вопросу самой существенной важности для будущности народа, по вопросу о народномъ воспитаніи, высказывалось, напримѣръ, мнѣніе, что европейская система воспитанія хороша для народовъ западной Европы, а что къ русскому народу она непримѣнима. Это мнѣніе было распространяемо съ большою ловкостью; его пропагандисты пользовались самыми разнообразными мотивами, чтобы распространять его какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ; недоразумѣнія по вопросу о воспитаніи плодились, и дѣло дошло, наконецъ, до офиціяльнаго признанія, что въ Россіи должны существовать двѣ педагогическія системы: одна европейская, для прибалтійскихъ губерній, другая, низшаго разбора, для остальной Россіи. Февральская революція, въ которой русскій народъ былъ столь же мало виновенъ, какъ мало содѣйствовали ея подавленію жители прибалтійскихъ губерній, послужила поводомъ къ искорененію на всемъ пространствѣ Имперіи, за исключеніемъ прибалтійскаго края, благихъ сѣмянъ, уже начинавшихъ прозябать съ успѣхомъ. Потомъ маркизу Велёпольскому удалось распространить привилегію полнаго европейскаго устройства на учебныя заведенія Царства Польскаго; въ нынѣшнемъ году та же привилегія распространена на западный край Имперіи по поводу изданія новаго гимназическаго устава, хотя онъ предназначался не для одного западнаго края. А русскій народъ остается до сихъ поръ непричастнымъ улучшенію происходящему на окраинахъ его государственной территоріи, и до сихъ поръ еще съ одной стороны невѣжество, а съ другой злонамѣренность стараются совокупными силами не допускать русскаго народа до европейскаго образованія. При такомъ положеніи вещей Академія Наукъ поступила согласно съ своими преданіями, признавъ за благо возвысить свой голосъ, чтобы среди этого хаоса произнести доброжелательное слово истины по вопросу о воспитаніи. Календарь на 1866 годъ распространитъ по всей Россіи здравые взгляды на дѣло воспитанія, изложенные съ тѣмъ авторитетомъ, на который имѣетъ право г. Наукъ и который усиливается единогласнымъ одобреніемъ всѣхъ его товарищей по III отдѣленію Академіи. Покамѣсть просимъ читателей обратить вниманіе на перепечатываемый нами ниже изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* протоколъ засѣданія III отдѣленія Академіи Наукъ, съ краткимъ изложеніемъ предназначенной для Календаря статьи г. Наука и замѣчаній высказанныхъ по ея поводу гг. Броссе и Шифнеромъ.

Въ Россіи есть такой уголокъ, гдѣ издавна безъ перерывовъ господствуетъ педагогическая система, вводимая у насъ новымъ гимназическимъ уставомъ, и въ то же время оспариваемая нашими офиціозными педагогами. Въ этомъ счастливомъ уголкѣ правильная педагогическая система не переставала приносить свои плоды, и эти плоды у всѣхъ на виду: чего бы, кажется, естественнѣе, какъ чтобъ оттуда послышалось живое слово доброжелательнаго, на многолѣтней опытности основаннаго совѣта противъ софизмовъ, извращающихъ, запутывающихъ и туманящихъ дѣло, которое тамъ ясно для всякаго, крѣпко силой опыта и по счастію неприкосновенно? По справедливому замѣчанію г. помощника попечителя виленскаго учебнаго округа, мысль о преобразованіи классической гимназіи въ реальную была бы принята въ прибалтійскомъ краѣ за сумасшествіе; но въ Петербургѣ офиціозные педагоги утверждаютъ, что именно эта мысль и есть прогрессъ, и администрація спѣшитъ осуществлять ее наперекоръ общему желанію подвластныхъ населеній. Нельзя не подивиться тому, что такой рѣзкій контрастъ не находитъ себѣ выраженія въ педагогической литературѣ, не вызываетъ прибалтійскихъ ученыхъ педагоговъ на заявленіе своихъ убѣжденій. Не ясно ли изъ этого, что Дерптскій учебный округъ стоитъ особнякомъ въ Россіи, что между нимъ и прочими округами нѣтъ взаимнодѣйствія?

Академію Наукъ нельзя обвинять въ подобномъ отчужденіи. Она всегда относилась симпатически къ дѣлу русскаго просвѣщенія. Иностранные ученые, переселявшіеся въ ея стѣны, въ большинствѣ своемъ стояли на тѣхъ высотахъ знанія, гдѣ невозможны притязанія на его монополію, гдѣ немыслима ревнивая недоброжелательность къ народному просвѣщенію. Если Академія не оказываетъ на русское просвѣщеніе всего того полезнаго дѣйствія, какого можно было бы ожидать отъ нея,

то виной тому не она. Педагогическіе вопросы офиціяльно обсуждаются у насъ, какъ извѣстно, не этимъ дѣйствительно ученымъ сословіемъ, а такъ-называемымъ ученымъ комитетомъ. Къ Академіи Наукъ не прибѣгаютъ, ея услугъ не спрашиваютъ, ея даже не допускаютъ до офиціяльныхъ дѣлъ. Возлагать ли на нее отвѣтственность за ея невольное отчужденіе отъ ученаго содѣйствія министерству народнаго просвѣщенія? Что она была бы готова оказать ему честную и доброжелательную помощь, въ этомъ удостовѣряетъ, между многимъ другимъ, печатаемый ниже протоколъ ея засѣданія 7-го сентября.

Одновременно съ этимъ протоколомъ нашей Академіи Наукъ, который такъ выразительно свидѣтельствуетъ, — не говоримъ, о просвѣщенномъ взглядѣ ея почтенныхъ членовъ на учебное дѣло, потому что иного взгляда было бы невозможно и предполагать въ нихъ,—но о живомъ и заботливомъ участіи, которое принимаетъ она въ столь важномъ для нашего народа вопросѣ какъ устройство школъ, долженствующихъ служить основаніемъ высшему образованію въ его средѣ—прочли мы въ новоприбывшемъ нумерѣ (отъ 16-го октября) *Кельнской Газеты* корреспонденцію изъ Петербурга, въ которой идетъ рѣчь о скудости и безсиліи русской интеллигенціи. „Утвержденіе *Русскаго Инвалида*, говоритъ корреспондентъ, будто Россія можетъ обойдтись собственною интеллигенціей, производитъ крайне-комическій эффектъ, если принять къ свѣдѣнію нѣкоторые факты.“ И вслѣдъ за тѣмъ корреспондентъ представляетъ нѣсколько фактовъ изъ новѣйшаго времени въ доказательство умственной несостоятельности русскаго народа. Чѣмъ пробавляется книжная торговля въ Россіи? почти одними переводами иностранныхъ сочиненій. Какая наука должна была бы имѣть въ избыткѣ преподавателей, какъ не русская исторія, но вотъ университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ цѣлые года не былъ въ состояніи замѣстить у себя каѳедру русской исторіи, несмотря на всѣ конкурсы, которые назначались съ этою цѣлію. Но не процвѣтаютъ ли науки другаго рода въ Россіи? Если историко-филологическій факультетъ находится въ столь плачевномъ положеніи, то не процвѣтаютъ ли другіе факультеты? Корреспондентъ спѣшитъ доказать, что и по другимъ частямъ знанія дѣла идутъ не лучше. „Столь же долго, говоритъ онъ, оставалась не занятою каѳедра физіологіи, и пришлось выписывать изъ Вѣны г. Тамзу. Равномѣрно каѳедры полицейскаго права, исторіи русскаго права, спеціяльной патологіи и терапіи остаются вакантными.“ Этотъ корреспондентъ, какъ видно, коротко знакомъ съ дѣлами министерства народнаго просвѣщенія.

„Въ 1858 году, продолжаетъ корреспондентъ, — министерство государственныхъ имуществъ назначило отъ себя премію за лучшее сочиненіе, въ которомъ общепонятнымъ языкомъ были бы изложены и объяснены физическія явленія и законы природы. Что же изъ этого вышло? Къ назначенному сроку, именно къ 1-му января 1862 г., поступили двѣ рукописи, и обѣ найдены незаслуживающими преміи. Конкурсъ былъ возобновленъ, срокъ представленія сочиненій продолженъ до 1-го декабря 1864 г., и премія была назначена самая значительная: въ 2.000 рублей, сверхъ золотой медали въ 300 рублей и 300 экземпляровъ сочиненія напечатаннаго на счетъ министерства, въ пользу автора. На этотъ разъ поступило 16 рукописей, изъ коихъ только 7 были признаны достойными болѣе обстоятельнаго просмотра, и изъ тѣхъ ни одна не заслужила преміи, такъ что ученый комитетъ министерства пришелъ къ убѣжденію, на основаніи доставленныхъ ему сочиненій, что возобновлять еще разъ конкурсъ было бы совершенно безполезно, и поэтому отказался отъ прежней своей мысли.“

Вотъ факты, которые выставляетъ корреспондентъ на видъ европейской публики въ подтвержденіе своего мнѣнія объ умственной несостоятельности Россіи въ настоящую пору. Онъ клонитъ свою рѣчь явнымъ образомъ къ тому, что Россіи и слѣдуетъ оставаться въ умственномъ отношеніи подъ опекой, и что она, какъ будто бы по самому свойству русскаго ума и русской натуры, неспособна пріобрѣсти умственную зрѣлость и самостоятельность. „Желать стоять на собственныхъ ногахъ, говоритъ онъ, значило бы только ребячиться.“ И далѣе: „Если справедливы слова: *По плодамъ ихъ узнаете ихъ*, то Ломоносовъ, въ своемъ патріотическомъ воодушевленіи, горько ошибался, предрекая своей странѣ Невтоновъ.“ Но виноватъ ли Ломоносовъ или русская почва въ томъ, что до сихъ поръ она оставалась такъ

мало плодородна въ умственномъ отношеніи? Можно ли судить о качествѣ почвы по недостатку тѣхъ плодовъ, которыхъ никогда на ней не разводили или за разведеніе которыхъ принимались совсѣмъ не такъ какъ учитъ опытъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, какъ учитъ здравый смыслъ, какъ дѣлается въ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ наука? Могъ ли нашъ Ломоносовъ, въ своемъ патріотическомъ воодушевленіи, предвидѣть, что у насъ дѣло образованія будетъ идти не постоянно впередъ, а то впередъ, то назадъ, и чаще назадъ чѣмъ впередъ? Могъ ли онъ предвидѣть, что мы будемъ переносить на свою почву только верхушки европейскаго дерева знанія, что мы будемъ пересаживать на свою почву дерево не корнями внизъ, а верхушками? Не свойства русскаго ума и русской природы, а господствовавшія у насъ до сихъ поръ системы обученія, вотъ что единственно объясняетъ продолжающуюся до сихъ поръ умственную несостоятельность Россіи, вотъ что подчиняетъ ее до сихъ поръ въ умственномъ отношеніи западной Европѣ, и притомъ гораздо чаще ложнымъ ея ученіямъ и нелѣпымъ теоріямъ, чѣмъ здравымъ и разумнымъ воззрѣніямъ на вещи.

Въ Россіи для приготовленія къ высшему образованію до сихъ поръ не было другихъ школъ кромѣ тѣхъ, которыя въ Европѣ предназначаются для низшихъ цѣлей. Скудныя числомъ учебныя заведенія, гдѣ воспитывается цвѣтъ русскаго юношества, еще скуднѣе по тѣмъ педагогическимъ средствамъ, которыя имъ предоставлены. Что называлось у насъ гимназіями, то соотвѣтствуетъ и то не вполнѣ школамъ, гдѣ Германія воспитываетъ своихъ ремесленниковъ, своихъ купеческихъ прикащиковъ, своихъ фельдъ егерей. Золотые годы дѣтства, когда полагается основаніе будущности человѣка, хуже употребляются въ дѣло нашими будущими учеными и мыслителями нежели будущими ремесленниками, аптекарскими учениками, ветеринарными врачами въ Европѣ. Что у насъ доселѣ называлось гимназіями, то не называется этимъ именемъ въ Европѣ, а соотвѣтствуетъ лишь тому что тамъ называется реальными школами.

Мы спрашиваемъ, изъ этихъ ли школъ выходятъ тѣ люди, которыми гордится наука, и которые обогащаютъ свой народъ умственнымъ трудомъ? Если въ Германіи изъ этихъ реальныхъ школъ несравненно лучше организованныхъ чѣмъ наши гимназіи не выходятъ профессоры исторіи или филологіи, или терапіи, или права и другихъ наукъ, если изъ нихъ выходятъ тамъ не свѣтильники знанія, а люди, хотя и полезные, но не имѣющіе ничего общаго съ развитіемъ знанія и процвѣтаніемъ наукъ, то почему могли бы мы ожидать, чтобъ изъ подобныхъ школъ въ Россіи выходили умственные дѣятели, равносильные европейскимъ! Мы должны радоваться, даже гордиться, что изъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ въ Европѣ подготовляются къ жизни въ цивилизованной средѣ будущіе портные и сапожники, еще выходитъ не мало людей, которые, благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ, не безъ нѣкотораго достоинства, отправляютъ для русскаго народа должность его руководителей, учителей, функціи его ока и разума. Сферы высшаго умственнаго образованія русскаго народа находятся въ педагогическихъ условіяхъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ сферы самыхъ незменныхъ профессій въ Европѣ! Мудрено ли, что русскій народъ столь многочисленный, исполненный столькихъ силъ и одаренный не хуже всякаго другаго народа, оказывается, такъ несостоятельнымъ, такъ мало непроизводительнымъ въ умственномъ отношеніи? Высшая интеллигенція въ Россіи въ педагогическомъ отношеніи стоитъ на одномъ уровнѣ, если не ниже, съ Германіей фармацевтовъ, ветеринарныхъ врачей, купеческихъ прикащиковъ.

Но въ нынѣшнее царствованіе, ознаменовавшееся столькими реформами, состоялось рѣшеніе возвести русскій народъ въ умственномъ отношеніи на тотъ же уровень, на которомъ стоятъ европейскіе народы. Средство это указано въ законѣ объ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. По несчастію, законъ, изданный и законъ исполненный — не одно и тоже. Мы видимъ, какъ неутомимо, съ какою настойчивостію и съ какимъ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла стараются добрые люди повредить исполненію этого закона, оспорить его примѣненіе. Тѣ самые люди и партіи, которые такъ злобно издѣваются надъ несостоятельностію нашего образованія и нашей науки, употребляютъ въ то же время всѣ способы безчестной интриги для того, чтобы подолѣе задержать образованіе русскаго народа на низ-

комъ уровнѣ, пока имъ удастся достигнуть своихъ „божественныхъ цѣлей“.

№ 221.

Москва, 9-го октября.

Замѣтка *Московскихъ Вѣдомостей* о „Молодой Арменіи“ дошла, какъ видно, по адресу: въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано противъ нея возраженіе; но—qui s'excuse s'accuse. Авторъ статьи *С.Петербургскихъ Вѣдомостей*, подписавшійся двумя буквами Г. Э., отрицаетъ заявленные *Московскими Вѣдомостями* факты, и распространяется о преданности Армянъ русскому правительству. Всегда, какъ только появлялись русскія войска въ областяхъ древней Арменіи, говоритъ онъ, не исключая и послѣдней войны съ Турціей, они были встрѣчаемы жителями съ благословеніями, какъ избавители; преданность и вѣрность Армянъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, засвидѣтельствованы грамотой данною на ихъ имя императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1813 году. Все это очень хорошо, но когда же *Московскія Вѣдомости* отрицали преданность русскихъ Армянъ своему правительству и готовность ихъ сближаться съ своими русскими соотечественниками? Наша газета никогда не говорила, чтобъ армянскія населенія были враждебны Россіи или предавались тѣмъ мечтамъ, о которыхъ упоминалось въ № 194 этой газеты. Въ томъ то и сила, что масса армянскаго народонаселенія ни о чемъ подобномъ не думала и не думаетъ: она мирно живетъ въ Эриванской губерніи и другихъ частяхъ Закавказья, въ Кизлярѣ, Астрахани и Нахичевани, занимаясь несравненно болѣе практическимъ дѣломъ: пашетъ землю, торгуетъ, разводитъ виноградники, и едва ли знаетъ „Молодую Арменію“ по слуху. Не о массѣ армянскаго народонаселенія говорили *Московскія Вѣдомости*, не о крестьянахъ, торговцахъ, священникахъ, дворянахъ армянскаго происхожденія или армянской вѣры, а о той, по счастію, не многочисленной части молодежи, проживающей преимущественно въ Петербургѣ или получающей оттуда внушенія, которая, вмѣсто того чтобъ учиться, торговать или вообще заниматься чѣмъ-нибудь дѣльнымъ, въ своемъ праздномъ воображеніи созидаетъ и разрушаетъ царства и съ такою же удачей примѣняетъ къ себѣ принципъ національностей, съ какою M. Jourdain наряжался въ шитые золотомъ кафтаны; вотъ о чемъ говорили *Московскія Вѣдомости*. Г. Э. утверждаетъ, что такихъ молодыхъ людей не существуетъ: въ добрый часъ! Мы думаемъ однакожъ что они есть, и намъ сдается, что Г. Э., судя по его тону, самъ не далекъ отъ „Молодой Арменіи“ или, вѣрнѣе, отъ тѣхъ мастеровъ, которые неутомимо работаютъ въ томъ смыслѣ, чтобы сначала, посредствомъ фокусъ-покуса, сдѣлать Россію похожею на Австрію и Турцію, а потомъ возвести ее въ человѣчество. Названіе „Молодая Арменія“ не нами выдумано; оно пошло въ ходъ гораздо прежде чѣмъ мы впервые услышали его. Въ печати мы встрѣтили его впервые въ *Рижской Газетѣ*. Мы сами заговорили о „Молодой и Арменіи“ въ то время, когда, повидимому, она стала уже *притчей во языцѣхъ*. Г. Э. высказывается очень осторожно, однакожъ высказывается; онъ ничего положительнаго отъ своего лица не заявляетъ, но замѣчаетъ мимоходомъ, что Нѣмцы въ Петербургѣ и Москвѣ имѣютъ даже свои школы, въ которыхъ преподаваніе происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ и что „отъ этого никакой бѣды не случилось,“ онъ ничего не проситъ у правительства, но полагаетъ только, что статьи *Московскихъ Вѣдомостей* могутъ внушать закавказскимъ Армянамъ сомнѣніе,

„что они (Армяне) пришли на Кавказъ, не во имя тѣхъ высокихъ началъ, кои выражены въ манифестѣ Императора Александра, но чтобъ лишить ихъ (читай лишиться) самаго драгоцѣннаго ихъ (своего) достоянія, ихъ (своей) духовно-нравственной самобытности, ихъ (своего) языка и національности, и что учреждаемыя нашимъ правительствомъ учебныя заведенія въ Закавказскомъ краѣ имѣютъ цѣлію не распространеніе просвѣщенія, но обрусѣніе туземцевъ, и потому къ нимъ не примѣняются высокія слова Государя Императора: „Не дозволя ни себѣ, ни кому бы то ни было, превращать разсадники науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію.“

Что же однако хочетъ сказать Г. Э.? Чего онъ желаетъ и чего не желаетъ? Онъ не желаетъ, чтобъ у Армянъ отнимали ихъ

духовно-нравственную самобытность, ихъ языкъ и національность. Но кто же говоритъ объ истребленіи армянскаго языка? Кто говоритъ объ истребленіи ихъ національности, если подъ этимъ словомъ понимать ихъ племенной типъ, съ принадлежащими ему физіологическими и психологическими особенностями, ихъ вѣру, ихъ обычаи? Но если подъ словомъ „національность“ разумѣть единицу политическую, чего, повидимому, желаетъ Г. Э., то это, да извинитъ онъ насъ, не имѣетъ смысла, и извинительно только „Молодой Арменіи“. Если Г. Э. беретъ на себя говорить о нашемъ „направленіи“ и нашихъ „всегдашнихъ замашкахъ,“ то, значитъ, онъ постоянно читалъ нашу газету; а если онъ ее читалъ постоянно, то долженъ знать, что мы никогда не проповѣдывали никакихъ истребленій.

Онъ долженъ знать, что мы протестовали и протестуемъ только противъ обмана, который хочетъ увѣрить всѣхъ, что Россія не есть нація, а куча многихъ націй, что она не должна быть единымъ государствомъ, а кучей многихъ государствъ. Рѣчь не о вѣрѣ, обычаяхъ и языкѣ тѣхъ или другихъ мелкихъ инородческихъ населеній живущихъ въ государственной области русскаго народа; рѣчь о свойствѣ русскаго государства и національности русскаго правительства. Пора покончить съ фокусами и перестать отводить глаза людямъ. Сколько разъ говорили мы, что нѣтъ ни малѣйшей опасности въ свободѣ, если только она не употребляется во зло какъ орудіе для достиженія какихъ-либо политическихъ цѣлей враждебныхъ государству. Не въ томъ вопросъ, можно ли предоставить всякому право открывать на свой счетъ школы, и въ нихъ, съ согласія родителей, обучать дѣтей ихъ на какомъ угодно языкѣ; хотя бы на китайскомъ; но вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли правительству вмѣшиваться въ это дѣло, поощряя или обязывая, прямо или косвенно, посредствомъ заведенія казенныхъ школъ, употреблять въ преподаваніе какой-либо иной языкъ кромѣ русскаго. Есть огромная разница между предоставленіемъ свободы и правительственнымъ вмѣшательствомъ. Халибовская школа въ Ѳеодосіи, гдѣ преподаваніе происходитъ на армянскомъ языкѣ, не могла за это подвергнуться справедливому нареканію, пока она была заведеніемъ частнымъ подобно нѣмецкимъ школамъ въ Петербургѣ и Москвѣ, о которыхъ упоминаетъ Г. Э. Но эта же самая школа приняла совсѣмъ иной характеръ, когда по распоряженію нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, она стала получать казенную субвенцію, превышающую ея собственныя средства. Точно также мы считали бы дѣломъ совершенно незначительнымъ открытіе какихъ-нибудь фантастическихъ школъ на украйнофильскомъ языкѣ; но дѣло не могло не показаться серіознымъ, когда было основаніе опасаться, что правительство примется за это дѣло, такъ какъ самое это повѣтріе шло, и явными и тайными путями, изъ административныхъ сферъ. Впрочемъ, не тотъ или другой отдѣльный фактъ можетъ возбуждать опасеніе, вызывать протесты и противодѣйствіе, а тотъ принципъ, та система, которая въ немъ обнаруживается. Самое крупное явленіе ничего не значитъ, если оно произошло случайно, безъ всякой предвзятой мысли, но и мелкій фактъ значитъ много, если вытекаетъ изъ системы. Не армянское училище въ Ѳеодосіи, получающее казенную поддержку, представляетъ собою какую-либо важность, а общая система, которая въ этомъ фактѣ выразилась и которая, не ограничиваясь этою мелочью, простирала бы свои виды несравненно далѣе и шире. Точно также не это ничтожество, называемое „Молодою Арменіей,“ можетъ кого-нибудь заботить и тревожить, а то коварное дѣйствіе, которое возбуждаетъ подобныя явленія, и употребляетъ ихъ въ орудіе для обмановъ, имѣющихъ болѣе отдаленную и болѣе опасную цѣль. Итакъ, повторимъ въ заключеніе, не въ свободѣ, какъ бы широко ни разумѣть ее, заключается опасность: пусть живетъ и держится, какъ можетъ, всякій инородческій или иновѣрческій элементъ въ средѣ русскаго народа; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ долженъ былъ сдѣлаться политическою національностью, и домогался имѣть свое правительство, или чтобы русское правительство переставало въ отношеніи къ нему быть русскимъ, а становилось его національнымъ правительствомъ. Пусть процвѣтаетъ армянская или какая бы то ни было литература, но было бы сколько злонамѣренно, столько же и безсмысленно желать чтобы русское правительство, по ученію извѣстнаго памфлета, который разсылался административнымъ путемъ по нашимъ учебнымъ заве-

деніямъ, забывало гдѣ-нибудь свой русскій характеръ, и становилось то польскимъ, то нѣмецкимъ, то финскимъ, то татарскимъ. Вотъ та простая тема, которую мы постоянно развивали и въ которой заключается узелъ всѣхъ нынѣшнихъ затрудненій русскаго дѣла.

Мы говорили и говоримъ, что обобщающее значеніе въ Русскомъ государствѣ можетъ имѣть только одинъ языкъ, только одинъ народъ,—русскій. Вотъ что мы говорили по поводу всѣхъ возникавшихъ у насъ призраковъ, которые вызывались и вызываются въ сущности только затѣмъ чтобъ осуществились планы относительно Польши, и которыхъ мелкимъ отпрыскомъ является „Молодая Арменія“ съ своими комическими претензіями.

Гдѣ, желали бы мы знать, сосредоточена эта армянская національность? Гдѣ земля, на обладаніе которою она могла бы имѣть хоть претензію? Владѣнія царей Арменіи простирались нѣкогда отъ Евфрата до Кавказскаго хребта, но еще до начала христіанской эры это государство утратило свою независимость, и съ того времени его территорія сдѣлалась игралищемъ восточныхъ завоевателей и въ настоящую минуту находится подъ властію Турціи, Персіи и Россіи. Въ Россіи считается Армянъ до 300.000, разсѣянныхъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Астрахани, Нахичевани, Кизлярѣ, Тифлисѣ и Закавказьи вообще. Ни въ одномъ изъ названныхъ мѣстъ Армяне не составляютъ сплошной массы, какъ свидѣтельствуетъ и самъ Г. Э.; даже въ Эриванской губерніи и Елисаветпольскомъ уѣздѣ армянское народонаселеніе перемѣшано. Вотъ, слѣдовательно, та національность, о которой Г. Э. говоритъ и которую русское правительство должно было бы, по его мнѣнію, блюсти, заявивъ будто бы о томъ въ торжественномъ манифестѣ... Посмотримъ, однакожъ, этотъ манифестъ; мы уже не въ первый разъ встрѣчали на него ссылки, отчасти напоминающія ссылки Поляковъ на Вѣнскіе трактаты.

Въ манифестѣ 12-го сентября 1801 г. дѣйствительно сказаны слова приводимыя Г. Э. „Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи пріемлемъ мы на себя бремя управленія Царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона.“ Припомнимъ, что это было писано въ то время, когда побѣды молодаго генерала Бонапарта поглощали все вниманіе политиковъ, когда восточный вопросъ еще представлялся имъ весьма смутно, и когда, слѣдовательно, пріобрѣтеніе Закавказья могло дѣйствительно казаться дѣломъ незначительнымъ! поэтому нѣтъ достаточныхъ причинъ сомнѣваться въ искренности словъ императора Александра относительно побужденій, которыя въ его мысли соединялись съ принятіемъ Грузинскаго царства. Это новое пріобрѣтеніе въ самомъ дѣлѣ могло казаться ему тяжелымъ бременемъ. Вотъ картина того положенія, въ которомъ это царство находилось, изображенная въ томъ же манифестѣ: „Вникая въ положеніе ваше, говоритъ императоръ, обращаясь къ Грузинамъ, и видя, что посредство и присутствіе войскъ россійскихъ въ Грузіи и донынѣ одно удерживаетъ пролитіе крови намъ единовѣрныхъ, и конечную гибель уготованную вамъ отъ хищныхъ и невѣрныхъ сопредѣльныхъ вамъ народовъ, желали мы испытать еще, нѣтъ ли возможности возстановить первое (прежнее) правленіе подъ покровительствомъ нашимъ и сохранить васъ въ спокойствіи и безопасности.“ Но тщетность этой надежды не преминула обнаружиться: „правленіе даже и въ царство царя Ираклія, который духомъ и достоинствомъ своимъ соединилъ все подъ власть свою, не могло утвердить ни внѣшней, ни внутренней безопасности; напротивъ, столь кратно влекло васъ въ бездну золъ, на краю которой и нынѣ вы стоите и въ которую, по всѣмъ соображеніямъ, должны вы будете низвергнуться, если могучая рука справедливой власти отъ паденія сего васъ не удержитъ... Нашествіе невѣрныхъ иноплеменныхъ народовъ, разореніе городовъ и селеній, порабощеніе и увлеченіе въ плѣнъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей вашихъ, наконецъ раздоръ царской фамиліи и раздѣленіе народа между разными искателями царскаго достоинства влекли васъ въ междуусобныя брани. Окружающіе васъ хищные народы готовы были напасть на царство ваше и ненаказанно растерзать его остатки. Стоя

въ безднѣ сей, неоднократно призывали вы покровительство Россіи...“

Мы привели важнѣйшія мѣста манифеста 12-го сентября 1801 года. Императоръ Александръ выразилъ намѣреніе охранить страну принятую имъ подъ власть свою отъ внѣшнихъ вторженій—и сдѣлалъ это; онъ обѣщалъ недопустить въ ней междуусобій—и ихъ не стало; онъ обнаружилъ намѣреніе утвердить въ ней правосудіе и личную и имущественную безопасность,—конечно, правосудія, личной и имущественной безопасности въ настоящее время болѣе нежели было при царяхъ грузинскихъ, хотя во всѣхъ этихъ отношеніяхъ вполнѣ дозволительно желать еще лучшее и большее. Что̀ же еще обѣщалъ императоръ Александръ такого что̀ могло бы подать поводъ къ національнымъ притязаніямъ Армянъ?... Весь вышеупомянутый манифестъ вовсе даже не обращается къ нимъ; онъ говоритъ о Грузинахъ, о царствѣ Грузинскомъ, гдѣ Армяне находились лишь въ качествѣ инородцевъ. Еслибы въ немъ даже императоромъ Александромъ и сдѣланы были какія-либо обнадеживанія въ родѣ тѣхъ, которыя были имъ сдѣланы на Вѣнскомъ конгрессѣ или при открытіи Варшавскаго сейма въ 1818 году (чего положительно нѣтъ), то все это относилось бы къ Грузинскому царству, но ни въ какомъ случаѣ не къ Армянамъ и Арменіи. Армяне поступили въ подданство императора Александра лишь въ качествѣ подданныхъ царя Георгія, какъ люди выселившіеся въ Грузію изъ областей принадлежавшихъ Персіи и Турціи. Въ послѣдствіи, пріобрѣлъ уже императоръ Николай по Туркменчайскому миру Нахичеванскую область, болѣе или менѣе густо заселенную Армянами, причемъ, какъ извѣстно, никакихъ обѣщаній имъ не было дано. Къ чему же служатъ ссылки Г. Э., на „достопамятныя слова“ императора Александра? Поиски нашего возражателя въ историческихъ памятникахъ оказываются совершенно неудачными и ничуть не доказываютъ того что̀ онъ желалъ бы доказать. Но весьма недалеко отъ той страницы *Полнаго Собранія Законовъ*, съ которой онъ выписалъ вышеприведенныя слова императора Александра, онъ могъ бы найдти слова не менѣе великодушныя и гораздо болѣе для себя поучительныя. „Всѣ права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащая будутъ соблюдены неприкосновенно,“ писалъ императоръ Павелъ въ отвѣтъ на просьбу царя Георгія принять его наслѣдіе и прибавлялъ вслѣдъ затѣмъ: „Отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей имѣетъ пользоваться и всѣми тѣми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древніе подданные россійскіе по милости нашихъ предковъ и нашей наслаждаются подъ покровомъ нашимъ.“

Вотъ слова, которыя мы приглашаемъ Г. Э. взвѣсить и обдумать со всѣхъ сторонъ. Не создать особую національность, въ средѣ Русской имперіи, предполагалъ государь, писавшій вышеприведенныя строки, а напротивъ, онъ выражалъ желаніе слить обитателей Грузіи со всѣми своими подданными на дальнѣйшемъ пути развитія и цивилизаціи. Онъ имъ указывалъ не идеалъ мечтательной Арменіи или Грузіи одними преданіями прошедшаго (прошедшаго очень печальнаго): онъ предвѣщалъ горсти Грузинъ и Армянъ участіе въ жизни и судьбахъ великаго историческаго народа. Вступить на тотъ путь, на которомъ уже стоитъ Россія, слиться съ ея единственною по праву политическою національностію, безъ всякаго впрочемъ насилія своимъ обычаямъ и своему вѣроисповѣданію, соединить нераздѣльно свои интересы съ общими интересами имперіи и слѣдовать съ нею по пути общихъ историческихъ судебъ,—вотъ что̀ указывалъ императоръ Павелъ въ манифестѣ 18-го января и вотъ чего желаютъ мыслящіе и благоразумные люди изъ числа закавказскихъ туземцевъ. Въ подтвержденіе этому мы съ удовольствіемъ повторимъ здѣсь заключеніе изъ недавно напечатаннаго нами письма изъ Тифлиса (которое по глубокомысленному и оплаченному казной соображенію *Биржевыхъ Вѣдомостей*, намъ *пришлось* будто бы очень неохотно помѣстить)—долженствующее, по нашему мнѣнію, служить программой для всякаго здравомыслящаго обитателя Закавказья, для всякаго инородца Русскаго царства. Прибавимъ, что письмо это писано лицомъ носящимъ армянское имя. Вотъ его заключительныя слова:

„Но, зная просвѣщенное вниманіе Великаго Князя Намѣстника Кавказскаго къ нуждамъ ввѣреннаго Его попеченію края и заботливость Его Высочества о развитіи мѣстнаго благосостоянія, нельзя сомнѣ-

ваться, что сообразно съ ходомъ совершаемыхъ въ Россіи реформъ, будутъ и въ Закавказскомъ краѣ введены въ скоромъ времени коренныя преобразованія какъ по хозяйственной, такъ и по судебной и полицейской частямъ, на общихъ съ имперіей началахъ; для принятія и развитія которыхъ жители закавказскихъ губерній, можно положительно сказать, представляютъ не менѣе надежные элементы, чѣмъ внутреннія губерніи Россіи. Расширить общественную жизнь, дать правильную форму общественному управленію, оградить хозяйственныя дѣла отъ вреднаго вмѣшательства администраціи, даровать прочную судебную охрану всему народу,—другими словами объединеніе края съ имперіей въ системѣ управленія, начертанной Царскою любовью для всѣхъ подданныхъ: вотъ, по убѣжденію истинныхъ друзей правительства, самое раціональное средство къ предупрежденію печальныхъ событій."

№ 222.

Москва, 11-го октября.

Мы только что успѣли въ предыдущемъ нумерѣ нашей газеты коснуться куріознаго вопроса о „Молодой Арменіи, какъ получили изъ Петербурга письмо, вызванное также статьей Г. Э. въ № 259 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, и одновременно съ нимъ, также изъ Петербурга, но съ другой стороны, переводъ армянскихъ стихотвореній (упоминаемыхъ въ этомъ письмѣ), въ которыхъ „Молодая Арменія" выступаетъ подъ собственнымъ именемъ, сама свидѣтельствуя, наперекоръ отрицаніямъ Г. Э., о своемъ, къ сожалѣнію несомнѣнномъ существованіи. Намъ очень пріятно заявить о такомъ сочувствіи къ сказанному нами слову правды, тѣмъ болѣе что это сочувствіе идетъ отъ лицъ армянскаго вѣроисповѣданія. Мы печатаемъ ниже письмо почтеннаго „Закавказца" и просимъ читателей обратить на него вниманіе. Большинство Армянъ нисколько не причастно сумасбродству ничтожной горсти людей, величающихъ себя „Молодою Арменіей", оно не только не сочувствуетъ имъ, но прямо порицаетъ ихъ и порицало бы ихъ еще съ большею энергіей, еслибы не было смущаемо ихъ разказами о своемъ офиціальномъ значеніи. Въ отдаленныхъ уголкахъ Россіи все что идетъ изъ столицъ и особенно изъ столичныхъ офиціяльныхъ сферъ, бываетъ окружено обаяніемъ; какой-нибудь столоначальникъ какого-нибудь департамента кажется тамъ авторитетомъ и силой; какъ бы ни было его слово сумасбродно, его принимаютъ за что-то серіозное и конфузятся передъ самою очевидною нелѣпостью: такова сила всего того, что въ какой-либо мѣрѣ соприкасается съ правительствомъ великаго государства. Сумасбродство само по себѣ не опасно; оно всегда найдетъ достаточный отпоръ въ здравомъ смыслѣ и практическихъ интересахъ общества. Стихотворенія, воспѣвающія „Молодую Артемію," несмотря даже на упоминаемые въ нихъ потоки крови, не заслуживаютъ никакого вниманія, и не могутъ никого тревожить, если нѣтъ повода опасаться, что подобныя фантазіи не просто плодъ разстроеннаго воображенія, а отраженіе надеждъ на какую-то новую эру правительственной политики, благопріятную для обособленія и созиданія національностей, либо отраженіе направленій пріютившихся подъ кровомъ русскихъ канцелярій и казенныхъ училищъ. Апостолы „Молодой Арменіи" сами чрезвычайно вѣрно описываютъ свое положеніе въ одномъ изъ стихотвореній собранія, изданнаго подъ всевдонимомъ Гамаръ-Катипъ. „О югъ, говорятъ они, пыль поднялась *съ сѣвера*; слышатся звуки; клики, шумъ, голоса; отходитъ туманъ съ головы Масиса (Арарата); возстаетъ *Молодая Арменія*." Эта „Молодая Арменія (манукъ-Хайастанъ), не имѣетъ, по ихъ словамъ, въ самой Арменіи ни дома, ни обители," „старики Армяне считаютъ ее за сонную грезу." Тѣмъ не менѣе, продолжаютъ апостолы, подражая извѣстной польской пѣснѣ, „Арменія еще не сгинула, пока имѣетъ подобныхъ намъ храбрыхъ сыновъ". „Довольно, ужъ долго послужили мы *чужимъ*; не вѣчна же невольничья доля; цѣну свободы мы знаемъ твердо; болѣе не повѣримъ обѣщаньямъ *чужаго*. Польза *чужаго* — ядъ смертоносный... золотою цѣпью связываетъ руки и ноги. Сокрушу цѣпь" и т. д. Или: „Отъ падчерицъ, о мать, нѣтъ тебѣ никакой пользы; позволь, я силой изгоню ихъ." На кого весь этотъ бредъ разчитанъ, видно изъ стихотворенія „Студентъ" (стр. 62). Вотъ въ какихъ заклятіяхъ разражается это стихотвореніе: „Кто не поклянется

товарищамъ быть защитникомъ отечества, *послѣднюю кровь пролить*, но избавить отечество,—тотъ пусть бѣжитъ отъ насъ, пусть сгинетъ со свѣта, пусть идетъ въ стадо скотовъ" и т. д. Этихъ выписокъ достаточно, чтобы показать въ истинномъ свѣтѣ такъ-называемую „Молодую Армению," ея совершенное ничтожество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весь тотъ вредъ, который можетъ причинить это ничтожество молодымъ людямъ, сознательно и безсознательно увлекаемымъ подобнаго рода фразеологіей къ неизбѣжной гибели. Нельзя уклониться отъ вопроса, почему нѣсколько лѣтъ тому назадъ такое сумасбродство было невозможно, и почему оно возникаетъ у насъ именно въ столичной атмосферѣ, губительно отзываясь на окраинахъ. Стоитъ также отдать себѣ отчетъ, почему обличеніе столь явнаго сумасбродства поднимаетъ желчь въ иныхъ друзьяхъ русскаго прогресса.

Узелъ всѣхъ нынѣшнихъ затрудненій русскаго дѣла, сказали мы въ предыдущемъ №, заключается въ ученіи, что русское правительство можетъ забывать свой русскій характеръ по отношенію къ инородческимъ или иновѣрческимъ элементамъ въ русскомъ государствѣ. Если это ученіе признается безвреднымъ, то нѣтъ причины признавать вредною въ государственномъ смыслѣ и ту мысль что русскій народъ и русскій языкъ не должны имѣть обобщающаго значенія въ русскомъ государствѣ. Идя нѣсколько далѣе по тому же пути, можно придти къ заключенію, что требовать обобщающаго значенія для русскаго языка въ русскомъ государствѣ значитъ требовать насилія. Къ такому заключенію и пришелъ Г. Э. Въ естественномъ требованіи, чтобы русскій языкъ былъ государственнымъ языкомъ въ русскомъ государствѣ, Г. Э. видитъ желаніе истреблять языки, обычаи и даже вѣру инородцевъ. Это необходимое требованіе, по его мнѣнію, противорѣчитъ интересамъ русскаго государства, оно можетъ сдѣлать изъ Россіи нѣчто въ родѣ Австріи или Турціи. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ дѣйствительности только отрицаніе этого требованія могло бы поставить Россію и отчасти уже ставитъ ее въ положеніе подобное положенію Австріи или Турціи. Мы не хотимъ предполагать въ Г. Э. неблагонамѣренности и въ этомъ отношеніи совершенно согласны съ почтеннымъ „Закавказцемъ." Но фальшивый принципъ привелъ Г. Э. къ совершенной путаницѣ понятій. Если говоритъ онъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, даже въ частныхъ училищахъ допускается преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, то почему не дозволить преподаваніе на армянскомъ языкѣ въ училищахъ казенныхъ? Въ этой аргументаціи есть странное недоразумѣніе. Именно въ казенныхъ-то училищахъ и не дозволительно многое такое что можетъ быть дозволено въ частныхъ. Что касается до частныхъ училищъ, то болѣе или менѣе либеральное законодательство можетъ предоставлять имъ большую или меньшую свободу но при самомъ полномъ допущеніи общественной, личной и политической свободы, государство не можетъ, безъ крайняго ущерба для себя, употреблять казенныя, т. е. общія государственныя средства на содержаніе или поддержку училищъ устроенныхъ такъ, чтобъ они не содѣйствовали, а противодѣйствовали общенію всѣхъ подданныхъ государства въ одномъ общемъ государственномъ языкѣ. Мы привели въ примѣръ Халибовское училище въ Ѳеодосіи. Пока оно имѣло характеръ частнаго учебнаго заведенія, существовавшаго на частныя средства, до тѣхъ поръ не было повода стѣснять свободу распорядителей относительно выбора языка, на которомъ происходило тамъ преподаваніе. Но теперь оно получаетъ пособіе изъ общихъ государственныхъ средствъ; оно поступаетъ въ завѣдываніе министра народнаго просвѣщенія, и, какъ слышно, дѣлается распоряженіе о превращеніи его въ гимназію. Этому нельзя не радоваться, потому что Ѳеодосія будетъ имѣть училище съ болѣе полнымъ курсомъ чѣмъ прежде, и притомъ открытое для всѣхъ, но было бы въ высшей степени прискорбно, еслибы вмѣстѣ съ полученіемъ казеннаго пособія это училище не измѣнило своего характера и не ввело обязательнаго преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Людямъ, смотрящимъ на дѣло глазами Г. Э., преподаваніе на русскомъ языкѣ можетъ казаться нежелательнымъ и даже вреднымъ, но здравомыслящіе люди только порадуются тому,—порадуются какъ въ общемъ государственномъ интересѣ, такъ и въ интересѣ будущихъ воспитанниковъ Халибовскаго училища, которымъ откроется болѣе широкій путь къ образованію и къ полезной дѣятельности во всѣхъ сферахъ.

№ 223.

Москва, 12-го октября.

Наконецъ, мы дождались нѣкотораго полуофиціальнаго просвѣта на то что происходило въ Біаррицѣ, при свиданіи между императоромъ Наполеономъ и графомъ Бисмаркомъ: по словамъ журнала, получающаго внушеніе правительственныхъ лицъ, *Revue Contemporaine*, между ними не только шла рѣчь о важныхъ политическихъ вопросахъ, но даже и были приняты рѣшенія. Какія рѣшенія, объ этомъ ни слова; но характеръ этихъ рѣшеній опредѣляется общею фразой, что они не воспрепятствуютъ успѣхамъ цивилизаціи и не нарушатъ спокойствія міра, а объ ихъ направленіи и содержаніи можно судить по другимъ отзывамъ того же журнала, вполнѣ благопріятнымъ для Пруссіи: взаимныя отношенія между Франціей и Пруссіей,—читаемъ мы,—благодаря свиданію графа Бисмарка съ императоромъ Наполеономъ, стали еще дружественнѣе чѣмъ были прежде, до Гаштейнской конвенціи; на Пруссію напрасно смотрятъ съ недовѣріемъ: она стремится только къ такому измѣненію основнаго устава Германскаго Союза, которое соразмѣрило бы степень вліянія въ немъ съ дѣйствительною силой государствъ входящихъ въ его составъ, и наконецъ еслибы дѣло дошло и до политическаго объединенія Германіи, наподобіе Италіи, то и противъ него Франція будто бы ничего не имѣетъ, убѣдившись, что ей будто бы выгоднѣе имѣть дѣло съ однимъ сильнымъ государствомъ на своей границѣ чѣмъ со многими мелкими. Словомъ, свыше внушенное политическое обозрѣніе *Revue Contemporaine* высказывается въ томъ же самомъ, благопріятномъ для Пруссіи, смыслѣ, въ какомъ недавно высказывалась революціонная *Opinion Nationale* и въ какомъ намѣренъ высказаться не менѣе радикальный публицистъ, г. Анри Мартенъ, судя по выпискамъ, которыя сообщаетъ *Siècle* изъ подготовляемой имъ къ печати брошюры: *Европейская Федерація*. Единственною цѣлью Франціи во внѣшней ея политикѣ, говоритъ этотъ франко-польскій публицистъ, должна быть европейская федерація, общій европейскій союзъ, изъ котораго должна быть исключена только Россія. Единственная нравственная сила, съ помощью которой Франція можетъ достигнуть этой цѣли, заключается въ ея безкорыстіи. „Мы не будемъ поэтому требовать себѣ, говоритъ г. Мартенъ, возвращенія ни Бельгіи, ни рейнскихъ границъ; для насъ безполезно держать Рейнъ въ своихъ рукахъ: съ помощью нашихъ гарнизоновъ и нашихъ префектовъ, когда мы можемъ имѣть Эльбу и Одеръ при посредствѣ самой Германіи, Вислу и Днѣпръ (вотъ какъ далеко!) при ея помощи. Дѣло идетъ теперь не о рейнской, а о днѣпровской границѣ,—границѣ не Франціи, а всей европейской федераціи. Намъ нужны не двѣ или три провинціи, которыя мы силой отняли бы у Германіи; намъ необходимо, чтобы вся Германія была на нашей сторонѣ: въ этомъ заключается весь узелъ вопроса.“

Слова эти болѣе похожи на грезы соннаго человѣка; однако, не странно ли, что въ томъ же самомъ направленіи высказывается и очень трезвый и бодрственный публицистъ *Revue Contemporaine*, увѣряя, что Франція не имѣетъ ничего противъ политическаго объединенія Германіи? Неужели и въ самомъ дѣлѣ правительство императора Наполеона III стало до такой степени безкорыстно, даже безразчетно, что готово допустить значительное усиленіе Пруссіи безъ малѣйшаго вознагражденія для себя и даже соединніе всей Германіи подъ гегемоніей или даже подъ непосредственною властью Пруссіи? Если Франція содѣйствовала политическому объединенію Италіи, — хотя событія на Апеннинскомъ полуостровѣ, можетъ-быть, и значительно опередили ея желанія въ этомъ отношеніи, — то въ этомъ случаѣ она имѣла очевидный интересъ—положить конецъ преобладанію Австріи и подчинить своему вліянію новое Итальянское королевство; да и эти цѣли не вполнѣ удовлетворили ее, и она удовольствовалась только тогда, когда присоединила къ себѣ Ниццу и Савоію. Если и теперь она хлопочетъ о томъ, чтобъ упрочить Итальянское королевство, доставивъ ему общее признаніе въ Европѣ, примирив съ нимъ папство и даже можетъ-быть присоединивъ къ нему отъ Австріи Венеціянскую область, то и въ этомъ случаѣ интересъ Франціи понятенъ: окончательное разрѣшеніе итальянскихъ вопросовъ необходимо для упроченія Наполеоновской династіи въ самой Франціи; иначе, при враждебности къ ней папства и при тѣхъ

средствахъ, которыя имѣетъ Австрія въ своемъ италіянскомъ четвероугольникѣ крѣпостей, ранѣе или позднѣе, можетъ произойдти реакція противъ новаго порядка вещей не только въ Италіи, но и въ самой Франціи. Потому-то въ настоящее время усилія французской политики, ближайшимъ образомъ, направлены къ примиренію не только папы, но по возможности и самой Австріи съ новымъ порядкомъ вещей въ Италіи, и приготовленія къ выводу части французскихъ войскъ изъ Рима уже доставили торжество французской партіи въ римскомъ правительствѣ, во главѣ которой стоитъ теперь кардиналъ Антонелли, надъ реакціонною, или австрійскою, главнымъ дѣятелемъ которой былъ кардиналъ де-Мородъ. Это важный успѣхъ, за которымъ, вѣроятно, вскорѣ послѣдуетъ формальное возобновленіе переговоровъ между папой и королемъ Викторомъ-Эмануиломъ. Но если эта политика, столь благопріятная для единства Италіи, прямо истекаетъ изъ интересовъ Франціи и особенно нынѣшней для династіи, то какихъ выгодъ можетъ обѣщать себѣ Наполеонъ отъ усиленія Пруссіи и отъ объединенія Германіи подъ ея знаменемъ?

Прежде всего можно было бы подумать, что сближаясь въ настоящее время съ Пруссіей и какъ бы подстрекая ее въ ея стремленіяхъ къ объединенію Германіи, Франція имѣетъ въ виду окончательно разорвать неудобный для нея во всѣхъ отношеніяхъ прусско-австрійскій союзъ. Но Пруссія, какъ извѣстно, играетъ въ двойную игру, и заискивая дружбы Франціи, имѣетъ въ виду преимущественно запугать Вѣнскій кабинетъ, сдѣлать его болѣе уступчивымъ и тѣмъ самымъ сохранить съ нимъ добрыя отношенія. И дѣйствительно, въ то самое время какъ графъ Бисмаркъ договаривался съ императоромъ Наполеономъ о важныхъ политическихъ вопросахъ, въ Германіи Пруссія и Австрія заодно принимали мѣры противъ вольнаго города Франкфурта и другихъ центровъ средне-германскаго движенія, — мѣры, напомнившія собой времена господства Миттерниховой системы и исходившія отъ инициативы Берлинскаго кабинета. Такимъ образомъ, дѣлая шагъ впередъ на встрѣчу Пруссіи, Франція содѣйствуетъ лишь осуществленію ея видовъ въ Германіи, не разрывая ея союза съ Австріей. Пруссія и Франція, дѣйствительно, сходятся между собою въ желаніи оттѣснить Австрію къ юго-востоку Европы; но Франція желала бы вытолкнуть ее изъ Италіи, къ чему Пруссія можетъ быть, по большей мѣрѣ, только равнодушна, а Пруссія желала бы по возможности вытѣснить ее изъ Германіи, что само по-себѣ едва ли можетъ входить въ разчеты Франціи. Сходясь между собою въ одной и той же цѣли относительно Австріи, обѣ державы расходятся въ своихъ средствахъ и способахъ и дѣйствуютъ на различныхъ поприщахъ; поэтому полное соглашеніе между ними на этихъ однихъ основаніяхъ едва ли можетъ быть возможно, и если между ними, дѣйствительно, состоялось какое-нибудь соглашеніе, то оно должно имѣть иную основу.

Интересно прислушаться къ мнѣніямъ, которыя высказываются по этому предмету въ Англіи. Главный органъ торійской партіи, *Morning Herald*, полагаетъ, что оба политическіе дѣятеля, „въ рукахъ которыхъ заключается теперь, повидимому, судьба европейскаго материка," какъ нельзя болѣе заинтересованы соглашеніемъ между собою, и что ихъ переговоры могли повести только къ благопріятному для нихъ результату. Но вмѣстѣ съ тѣмъ *Morning Herald* отказывается вѣрить, чтобъ императоръ Наполеонъ согласился даромъ на присоединеніе Герцогствъ къ Пруссіи: „такая политика не только представляла бы рѣшительное уклоненіе отъ того пути, какимъ онъ шелъ доселѣ, но и была бы крайне непопулярна въ цѣлой Франціи." Императоръ Наполеонъ, по словамъ той же газеты, имѣетъ въ виду не такъ-называемыя естественныя границы Франціи, а нѣчто болѣе скромное и удободостижимое, именно, границы Франціи 1792 г., Савоію онъ уже присоединилъ ко Франціи съ нѣкоторымъ еще придаткомъ; теперь остается ему взять у Бельгіи и Германіи то что было имъ уступлено по второму Парижскому миру 1815 г. До Бельгіи теперь еще не дошла очередь, хотя, быть-можетъ, и опасенія г. Дешана не вовсе лишены основанія, а о Ландау, федеральной германской крѣпости, принадлежащей къ Баваріи, не можетъ-быть и рѣчи; но еслибы Наполеонъ потребовалъ отъ Пруссіи ея крѣпостей Саарлуи и Саарбрюкена, подъ условіемъ присоединенія къ ней Герцогствъ, то можно навѣрное сказать, что онъ получилъ бы ихъ, хотя уступка ихъ со стороны Пруссіи на долгое время повредила

бы ей въ общемъ мнѣніи Германіи. Таковъ взглядъ на сближеніе Франціи съ Пруссіей торійскаго органа, и особенно замѣчательно то, что о подобной сдѣлкѣ онъ отзывается какъ о такой, которая очень мало касается интересовъ Англіи. Но еще интереснѣе взглядъ, который высказывается въ *Times*, въ статьѣ отъ 16-го октября. Эта газета не считаетъ императора Наполеона, „могущественнѣйшаго, даровитѣйшаго и наиболѣе уважаемаго изъ всѣхъ властителей на материкѣ Европы," способнымъ къ подобному торгу людьми и землями, и полагаетъ, что для него въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ стоятъ общія начала и общіе интересы, „Въ виду возрастающаго могущества такихъ громадныхъ государствъ, какъ Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты и Россія, говоритъ *Times*, общій интересъ требуетъ, чтобы малыя европейскія государства соединялись въ болѣе значительныя политическія тѣла тамъ, гдѣ господствуетъ одинъ и тотъ же языкъ, одна и та же національность... Для Англіи, прибавляетъ *Times*, не могло бы быть ничего лучше, какъ еслибы Германія послѣдовала примѣру Италіи и собралась подъ одною и тою же властью." Такимъ образомъ, и первенствующій органъ общественнаго мнѣнія Англіи присоединяетъ свой вліятельный голосъ къ заявленіямъ полуофиціальныхъ и революціонныхъ органовъ Франціи въ пользу политическаго объединенія Германіи подъ властью Пруссіи,—тотъ самый органъ, который не болѣе мѣсяца тому назадъ съ такою рѣдкою откровенностью провозгласилъ, что Австріи нечего дѣлать на западѣ, но что на востокѣ она можетъ имѣть великія судьбы, если сама того пожелаетъ, что тамъ она можетъ подобрать всѣ лоскутья, которые сами собой отрываются отъ разлагающагося организма Турціи. Въ этомъ отношеніи, повидимому, господствуетъ одно и то же мнѣніе въ офиціальныхъ сферахъ Англіи, Франціи и Пруссіи, и министерскій органъ послѣдней, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, еще на дняхъ счелъ за должное вступиться за кого же? — mirabile dictu!—за австрійскихъ Славянъ, и указать Австріи, что съ ихъ помощью она могла бы выполнить свою естественную задачу: „пріобрѣсти для центральной Европы устья Дуная."

Впрочемъ, самый ходъ событій до такой степени наталкиваетъ Австрію на востокъ, что достаточно было одной мысли о международной конференціи для принятія общихъ мѣръ противъ вторженія холеры въ Европу, чтобы тотчасъ же всѣ заговорили, что эта конференція послужитъ къ возбужденію восточнаго вопроса. Очень можетъ быть, что она будетъ имѣть болѣе скромный и чисто-спеціальный характеръ, какъ на то отчасти указываетъ и самый выборъ Константинополя мѣстомъ ея засѣданій; очень можетъ быть, что между Англіей и Франціей еще нѣтъ опредѣленнаго соглашенія по восточному вопросу. Но вообще между обѣими западными державами замѣтно большое согласіе по всѣмъ вопросамъ европейской и всемірной политики, и къ этому концерту присоединяется Пруссія. Не трудно предвидѣть, что рано или поздно къ нимъ же примкнетъ и Австрія, которая не даромъ употребляетъ теперь всѣ усилія, чтобъ уладить свои дѣла на юго-восточныхъ своихъ предѣлахъ....

№ 224.

Москва, 13-го октября.

Вотъ еще новый фактъ изъ той удивительной исторіи, которая совершается теперь передъ глазами бѣдной, изумленной русской публики, не знающей, что и думать,—изъ исторіи преобразованія нашихъ гимназій. Навѣрное, ни одинъ законъ, никогда и нигдѣ, несопровождался въ своемъ исполненіи такими необычайными обстоятельствами. Въ то время какъ въ Ковенской губерніи, и вообще въ Виленскомъ округѣ, новый уставъ примѣняется тихо, безъ всякихъ запросовъ и затрудненій, во всей своей силѣ и своими лучшими сторонами, становя учебное дѣло въ этомъ округѣ на общеевропейскую почву, въ которой такъ долго и такъ упорно отказывалось русскому просвѣщенію,—въ другихъ же мѣстахъ Россійской имперіи отнимаютъ у мѣстныхъ обывателей и то скудное что они имѣютъ, и несмотря на ихъ жалобы и мольбы, университетскія учебныя заведенія насильно превращаются въ школы, лишенныя педагогическаго достоинства и допускаемыя повсюду только для низшихъ цѣлей образованія, особенно въ томъ видѣ какъ онѣ предначертаны въ нашемъ новомъ уставѣ.

Скандалезный фактъ, который на этихъ дняхъ огласился въ печати, касается Таганрогской гимназіи.

До сихъ поръ, слово гимназія, у насъ какъ и вездѣ, означало учебное заведеніе служащее приготовленіемъ къ университету. Таганрогъ—портовый и торговый городъ. Для желающихъ, въ Таганрогской гимназіи преподавалась бухгалтерія, что̀ разумѣется не препятствовало тѣмъ изъ воспитанниковъ, которые предназначали себя къ высшему образованію, поступать въ университеты; еще преподавался тамъ для желающихъ греческій языкъ. Этого оказалось достаточно чтобы вскорѣ по изданіи новаго закона пустить въ ходъ мысль, что таганрогское общество нуждается въ такъ-называемой реальной гимназіи, нѣкоторыхъ жителей увѣрили, что бухгалтерія и греческій языкъ означаютъ реальную гимназію по новому уставу. И вотъ, попечителемъ одесскаго учебнаго округа немедленно сдѣлано было представленіе министерству о желаніи мѣстнаго общества, чтобы таганрогская гимназія была преобразована въ реальную, и министерство поспѣшило удовлетворить этому желанію, хотя черезъ это явнымъ образомъ причинялся ущербъ дѣлу высшаго образованія, у котораго отнималось одно изъ приготовительныхъ учебныхъ заведеній. Нигдѣ въ мірѣ подобные вопросы не рѣшаются на основаніи мнѣній, сказанныхъ кѣмъ-то, Богъ знаетъ при какихъ случайностяхъ и и подъ какими вліяніями. Въ дѣлахъ по части народнаго просвѣщенія не собираются голоса въ сословныхъ или мѣстныхъ собраніяхъ; вопросы этого свойства рѣшаются на основаніи педагогическихъ данныхъ, высшею законодательною властью. Частныя лица и мѣстныя общества могутъ заводить какія-угодно школы на собственныя иждивенія; но правительство соображалось съ установившимися въ образованномъ мірѣ педагогическими системами, даетъ общее направленіе народному просвѣщенію ко благу цѣлой страны, въ интересѣ ея будущихъ поколѣній, а не въ угоду тѣмъ или другимъ людямъ, которымъ можетъ-быть никогда въ жизни не доводилось подумать серіозно о педагогическихъ предметахъ. Если страна наша нуждается въ самыхъ существенныхъ и глубокихъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ по части учебнаго дѣла, если она имѣетъ основаніе жаловаться на малочисленность и умственную скудость своихъ образованныхъ классовъ,—малочисленность и скудость, которыя такъ компрометтируютъ наши дѣла и грозятъ намъ такими серіозными опасностями въ близкомъ будущемъ,—то какимъ же образомъ какіе-нибудь неизвѣстные и безотвѣтственные мѣстные жители того или другаго городка могутъ быть поставлены судьями въ вопросѣ о педагогическихъ системахъ дающихъ совершенно противоположное направленіе учебному дѣлу,—системахъ, которыхъ самаго имени можетъ-быть никогда не доводилось имъ слышать? Но, такъ или иначе, рѣшено было преобразовать Таганрогскую гимназію въ реальную. Это было тѣмъ легче, что въ другихъ случаяхъ дѣло обходилось безъ всякой ссылки на какія-либо мѣстныя заявленія, а напротивъ прямо вопреки имъ. Было же рѣшено превратить въ реальныя школы, напримѣръ, Смоленскую или Тверскую гимназіи, которыя, лишь благодаря усильнымъ ходатайствамъ, были возвращены университетскому образованію.

Но жители Таганрога пожелавшіе реальнаго училища вмѣсто гимназіи, оказались призракомъ, недоразумѣніемъ, обманомъ чувствъ. Какъ только было объявлено о рѣшеніи преобразовать Таганрогскую гимназію въ реальную, мѣстные жители громогласно протестовали. Мѣстные жители слышали, что реальная гимназія, по новому уставу, совсѣмъ не то что̀ было имъ сказано; они увидѣли, что предположенная въ ихъ гимназіи реформа отниметъ у ихъ края возможность приготовлять дѣтей къ университету, и вотъ мѣстное общество подняло вопль. За подписями пятидесяти таганрогскихъ и окрестныхъ обывателей поступило въ министерство народнаго просвѣщенія прошеніе объ отмѣнѣ сдѣланнаго распоряженія и о возвращеніи Таганрогской гимназіи университетскихъ правъ. „Въ прошеніи этомъ,“ пишутъ въ *Таганрогскомъ Листкѣ*, „объявлено, что „желаніе таганрогскаго общества, на ко„торое ссылался попечитель, имѣть въ Та„ганрогѣ реальную гимназію, основано бы„ло на предположеніи, что воспитанники, „окончившіе курсъ въ этой гимназіи бу„дутъ принимаемы въ университетъ на томъ „же основаніи, какъ и обучавшіеся въ клас„сической гимназіи.“ Выписывая эти строки, напечатанныя въ *Таганрогскомъ Листкѣ*, мы не можемъ не выписать и замѣчанія высказаннаго по этому случаю въ

органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Странно,“ восклицаетъ съ удивленіемъ *Сѣверная Почта*, „что въ таганрогскомъ „обществѣ могло возникнуть предположе„ніе о возможности поступать въ универ„ситетъ изъ реальныхъ гимназій, въ со„вершенную противность высочайше утвер„жденному уставу для новыхъ гимназій, „въ которомъ права гимназій опредѣлены „очень ясно.“

Прошеніе таганрогскихъ жителей министерство народнаго просвѣщенія препроводило къ попечителю Одесскаго учебнаго округа, на томъ уважительномъ основаніи, что, по его представленію, Таганрогская гимназія была предназначена къ преобразованію въ реальную. Продолжаемъ буквальною выпиской изъ *Таганрогскаго Листка*, опасаясь, чтобы при передачѣ дѣла вкратцѣ и своими словами не ослабить столь яркихъ характеристическихъ особенностей его:

„Въ отвѣтъ на это, д. ст. с. Арцимовичъ донесъ министерству, что прошеніе это было передаваемо имъ на обсужденіе попечительскаго совѣта, большинство членовъ котораго высказалось въ пользу учрежденія въ Таганрогѣ реальной гимназіи, по слѣдующимъ уваженіямъ: 1) Гимназія въ этомъ городѣ и въ настоящее время, по преподаваемымъ въ ней дополнительнымъ предметамъ: коммерціи, бухгалтеріи и языковъ италіянскаго и греческаго, введенныхъ вслѣдствіе мѣстныхъ потребностей, имѣетъ уже реальный характеръ. 2) Большинство членовъ педагогическаго совѣта Таганрогской гимназіи, при первоначальномъ разсмотрѣніи вопроса: какая должна быть гимназія въ Таганрогѣ—классическая или реальная, отозвались въ пользу послѣдней. 3) Почетный попечитель помянутой гимназіи, представитель землевладѣльцевъ, также подалъ голосъ въ пользу реальной гимназіи. Наконецъ 4) если граждане Таганрога ходатайствовали о преобразованіи тамошней гимназіи въ реальную, они домогались только; также какъ и почетный попечитель и большинство членовъ педагогическаго совѣта, чтобъ ученикамъ этой гимназіи; предоставлено было право поступать въ университетъ. Это послѣднее обстоятельство, по мнѣнію большинства членовъ попечительскаго совѣта, въ томъ числѣ и попечителя, не представляетъ достаточнаго повода отмѣнить рѣшеніе о преобразованіи таганрогской гимназіи въ реальную, къ приведенію въ исполненіе котораго сдѣланы уже всѣ распоряженія, тѣмъ болѣе, что гимназія та окончательно преобразуется въ реальную по истеченіи 4 лѣтъ, а съ наступившаго учебнаго года въ ней будутъ преобразованы только первые три класса, въ четырехъ же высшихъ классахъ оставляется по прежнему преподаваніе латинскаго языка, а потому нынѣшніе воспитанники этихъ классовъ не лишены возможности поступить въ университетъ. Къ этому попечитель присовокупилъ, что если четырехлѣтній опытъ покажетъ необходимость преподаванія въ гимназіи латинскаго языка, то онъ можетъ быть введенъ, когда общество, желающее такого преподаванія, приметъ на свой счетъ расходъ на жалованье учителей.“

Всякій, кто сколько-нибудь внимательно прочтетъ выписанныя строки, будетъ пораженъ откровеніями *Таганрогскаго Листка*, дающими просвѣтъ въ сущность тѣхъ обстоятельствъ, которыми сопровождается у насъ реформа учебныхъ заведеній.

Вопервыхъ, изъ объясненія г. попечителя одесскаго учебнаго округа явствуетъ, что граждане Таганрога поставляли главнымъ условіемъ, чтобы воспитанники ихъ гимназіи могли поступать въ университетъ. Позволительно подивиться, какимъ образомъ начальство учебнаго округа, такъ заботливо входившее въ нужды мѣстныхъ жителей и желавшее основать свое рѣшеніе на ихъ мнѣніи, не сочло полезнымъ вывести ихъ изъ очевиднаго заблужденія, въ которомъ они находились относительно свойства реальныхъ гимназій.

Вовторыхъ, не менѣе дозволительно придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ попечитель и попечительскій совѣтъ Одесскаго учебнаго округа, несомнѣнно болѣе свѣдущіе въ педагогическихъ вопросахъ нежели граждане Таганрога, могли усмотрѣть особенное предрасположеніе Таганрогской гимназіи къ реальному уставу въ томъ обстоятельствѣ, что тамъ для желающихъ преподавались „коммерція, бухгалтерія, италіянскій и греческій языки“? Не говоря уже о греческомъ языкѣ, который не можетъ придти въ себя отъ изумленія, попавъ впервые на своемъ вѣку въ число характеристическихъ признаковъ реальной школы, спрашивается, что имѣетъ общаго коммерція, бухгалтерія и италіянскій языкъ съ тѣми учебными заведеніями, которыя, подъ именемъ реальныхъ гимназій, допущены

нашимъ новымъ уставомъ? Ни коммерція, ни бухгалтерія, ни греческій, ни италіянскій языкъ, ниже что-либо подобное этимъ предметамъ, не будутъ преподаваться въ такъ-называемыхъ реальныхъ гимназіяхъ: какимъ же образомъ начальство Одесскаго учебнаго округа, а за нимъ и министерство, нашли въ этомъ обстоятельствѣ основаніе, предрасположившее ихъ къ преобразованію Таганрогской гимназіи въ реальную?

Втретьихъ, столь же трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ начальство Одесскаго учебнаго округа, въ отвѣтъ на прошеніе таганрогскихъ жителей, сочло возможнымъ увѣрять ихъ, что воспитанники гимназій, несмотря на превращеніе ея въ реальную, могутъ поступать въ университеты. Въ четырехъ послѣднихъ классахъ, объясняетъ попечитель, будетъ попрежнему продолжаться преподаваніе латинскаго языка, ибо реальный уставъ вводится сначала только въ трехъ первыхъ классахъ. Но таганрогскіе жители хлопочутъ именно о тѣхъ воспитанникахъ, которые должны попасть въ преобразованную гимназію, а не о тѣхъ, которые оканчиваютъ курсъ по старому уставу. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ гимназія будетъ окончательно преобразована въ реальную, такъ что нынѣшніе воспитанники третьяго класса будутъ уже находиться въ седьмомъ, и они-то по окончаніи курса будутъ лишены возможности поступить въ университетъ, если только новый уставъ не призракъ. Въ силу какого же непонятнаго недоразумѣнія, начальство учебнаго округа, имѣющее на своей обязанности блюсти законъ, могло обнадеживать мѣстныхъ жителей столь неправильно, или, говоря словами *Сѣверной Почты*, „въ совершенную противность высочайше утвержденному уставу для новыхъ гимназій.“

Вчетвертыхъ, какимъ образомъ начальство округа нашло возможнымъ показывать въ перспективѣ упраздненіе этого только-что вышедшаго и еще не вступившаго въ силу, высочайше утвержденнаго устава? Ибо одесскій попечитель объясняетъ, что впредь, до истеченія четырехъ лѣтъ, когда гимназія окончательно приметъ то устройство, какое предначертано въ уставѣ для реальныхъ гимназій, жители могутъ ввести въ нее, на свой счетъ, преподаваніе латинскаго языка. Устройство реальной гимназіи, по новому уставу, таково, что въ ней нѣтъ мѣста преподаванію латинскаго языка, не только въ тѣхъ размѣрахъ, какіе требуются отнынѣ для поступленія въ какой бы то ни было университетскій факультетъ, но даже и въ тѣхъ скудныхъ размѣрахъ, въ какихъ, pro forma, преподавался латинскій языкъ до сего времени. Древніе языки либо вовсе не преподавать, либо преподавать въ той силѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, при какихъ лишь и можно ожидать отъ нихъ пользы: таковы духъ и буква новаго закона. Мѣстные жители имѣли основаніе надѣяться, что новая реформа облегчитъ, а не затруднитъ ихъ дѣтямъ доступъ къ высшему образованію; и вотъ они узнаютъ, что имъ придется приплачивать нѣкоторую сумму, дабы въ противность и въ подрывъ закону пользоваться возможностью, которою они пользовались доселѣ не платя ничего и совершенно законнымъ образомъ.

Наконецъ, впятыхъ, что за роковыя, непобѣдимыя силы могли такъ крѣпко запечатлѣть рѣшеніе преобразовать Таганрогскую гимназію въ реальную, рѣшеніе, которое, очевидно, произошло только вслѣдствіе недоразумѣнія? Дѣло происходило весною нынѣшняго года: какія же распоряженія могли быть въ то время сдѣланы, чтобы превращеніе Таганрогской гимназіи въ реальную стало дѣломъ безвозвратно рѣшеннымъ? Извѣстно, что въ Тверской гимназіи дѣло было передѣлано когда уже началось ученіе, — почти на этихъ дняхъ.

Наконецъ, что̀ значатъ эти совершенно загадочныя слова попечителя: „четырехлѣтній опытъ покажетъ необходимость преподаванія въ гимназіи латинскаго языка.“ Не значитъ ли это предсказывать отмѣну только что вышедшаго закона прежде чѣмъ истечетъ срокъ назначенный для окончательнаго введенія его въ дѣйствіе.

Вотъ сколько удивленій и изумленій возбуждается немногими строчками *Таганрогскаго Листка!* Но что же далѣе? Листокъ повѣствуетъ, что министерство послало просьбу таганрогскихъ жителей на заключеніе новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора. Казалось бы, что попечительство учебнаго округа и министерство народнаго просвѣщенія самыя компетентныя учрежденія для разсмотрѣнія и рѣшенія вопросовъ педагогическаго свойства; тѣмъ не менѣе, потребовалось заключеніе генерала командующаго войсками новороссійскаго военнаго округа. Генералъ-

адъютантъ Коцебу, отъ 31-го минувшаго августа, какъ сообщаетъ *Таганрогскій Листокъ*, „сдѣлалъ объ этомъ предложе„ніе“ г. таганрогскому градоначальнику, а сей послѣдній (продолжаемъ словами *Листка*), „препровождая означенную просьбу, „согласно требованію его высокопревосхо„дительства, предлагаетъ градской думѣ „немедленно предъявить таганрогскому об„ществу содержаніе объясненія, даннаго „попечителю относительно устройства гим„назіи въ Таганрогѣ, и затѣмъ сообщить „ему въ возможной скорости его отзывъ.“ Дума представила градоначальнику приговоръ городскаго общества, постановленный еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, которымъ объяснялось, что мѣстные жители, первоначально подавшіе голосъ въ пользу преобразованія гимназій въ реальную, были въ заблужденіи относительно этого вопроса, и потому просило правительство о преобразованіи таганрогской гимназіи въ классическую.

Итакъ, вотъ какая исторія происходитъ въ Таганрогѣ по случаю введенія новаго устава, многосложная, тягостная исторія, особенно если вспомнишь какъ легко, тихо и благоуспѣшно, въ то же самое время, то же самое дѣло совершилось въ Шавляхъ, Брестъ-Литовскѣ и Мозырѣ. Въ Таганрогѣ, педагогическое начальство затребовало мнѣніе жителей, не знавшихъ въ чемъ дѣло и не понимавшихъ о чемъ ихъ спрашиваютъ; потомъ, жители черезъ все протяженіе европейской Россіи обратились съ прошеніемъ въ министерство; министерство препроводило ихъ прошеніе обратно къ попечителю Одесскаго учебнаго округа; попечитель послалъ вышеприведенныя объясненія въ министерство; министерство препроводило ихъ на заключеніе къ генералъ-губернатору одесскому и бессарабскому; генералъ-губернаторъ сдѣлалъ объ этомъ предложеніе таганрогскому градоначальнику; таганрогскій градоначальникъ сдѣлалъ объ этомъ предложеніе городской думѣ; городская дума повторила приговоръ сдѣланный прежде, и вновь представила его начальству. „Но, лукаво заключаетъ *Таганрогскій Листокъ*, разрѣшеніе еще не послѣдовало“. А между тѣмъ пока совершались всѣ эти перипетіи, всѣ эти запросы, допросы, переспросы, ломка гимназіи продолжалась безостановочно...

№ 225.

Москва, 14-го октября.

Возвращаемся еще разъ къ предположенію о преобразованіи Нѣжинскаго лицея князя Безбородка, о чемъ уже было сказано нѣсколько словъ въ № 218 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Нѣжинскій лицей, долженствующій, по волѣ основателя, обучать языкамъ и высшимъ наукамъ, приготовляющимъ къ государственной службѣ, — чему вполнѣ соотвѣтствовалъ теперешній юридическій характеръ этого заведенія, еслибы въ немъ было введено преподаваніе древнихъ языковъ, — въ послѣднее время, какъ извѣстно, пришелъ въ упадокъ, по недостаточности матеріяльныхъ средствъ, завѣщанныхъ княземъ Безбородкомъ на его содержаніе. Оставлять учебное заведеніе въ такомъ положеніи, само собою разумѣется, не слѣдуетъ; надобно выбрать одно изъ двухъ: или поддержать или закрыть его. Что же выбрать? По счастію о закрытіи Нѣжинскаго лицея нѣтъ рѣчи; рѣчь идетъ о такомъ преобразованіи, которое поддержало бы его. Но при этомъ предполагается измѣнить его характеръ и изъ юридическаго заведенія превратить въ техническое. Спрашивается, не будетъ ли такое преобразованіе явно противорѣчить волѣ завѣщателя, которая должна быть уважена при малѣйшей къ тому возможности: такъ по крайней мѣрѣ принято во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ.

Попечитель кіевскаго учебнаго округа, въ маѣ мѣсяцѣ, въ бытность свою въ Нѣжинѣ, заявилъ, что побудительная причина преобразованія лицея князя Безбородка изъ юридическаго въ техническое заведеніе заключается въ недостаткѣ средствъ къ поддержанію лицея; сумма же, которая необходима для того чтобы лицей могъ продолжать свое существованіе на прежнемъ основаніи, по заявленію директора лицея, простирается до 5.000 р. въ годъ. Итакъ явись откуда-нибудь эта скромная сумма, — и не представилось бы надобности ломать учрежденіе, долженствовавшее увѣковѣчить въ потомствѣ память своего основателя, осуществляя мысль его, — не понадобилось бы замѣнять старое заведеніе, уже имѣющее свои преданія, составившее себѣ извѣстное положеніе въ своемъ краѣ и вызвавшее въ немъ извѣстныя тягот-

нія, обратившіяся въ привычку, — заведеніемъ новымъ, всегда имѣющимъ менѣе вѣроятностей успѣха, принужденнымъ начинать все сызнова, пріучать къ себѣ публику, создавать для себя обстановку. Явись откуда-нибудь 5.000 руб.; — и никому не пришла бы въ голову мысль о преобразованіи Нѣжинскаго лицея. Зная, какъ у насъ легко находятся деньги на эксперименты, которыхъ польза ничѣмъ не доказана, трудно повѣрить, что сумма въ 5.000 руб. можетъ служить камнемъ преткновенія при стремленіи помочь заведенію основанному на частныя средства въ видахъ государственной пользы. Въ странахъ, гдѣ надлежащимъ образомъ цѣнятся услуги, оказываемыя государственнымъ цѣлямъ частною инціативой, принято даже за правило, чтобы правительство отпускало на содержаніе общеполезныхъ учрежденій, основанныхъ частными лицами, суммы приблизительно равныя пожертвованнымъ. Но если допустить, что финансовыя соображенія никакъ не позволяютъ оказать Нѣжинскому лицею необходимую поддержку, то тѣмъ труднѣе понять, чтобы при такомъ положеніи дѣлъ можно было рѣшиться на преобразованіе лицея въ технологическое заведеніе. Кому неизвѣстно съ какими огромными расходами сопряжено основаніе и содержаніе технологическихъ заведеній, которыя не могутъ приносить никакой пользы безъ дорого-стоящихъ мастерскихъ? Кто не знаетъ, что расходы тутъ считаются не тысячами, а десятками и сотнями тысячъ? Гдѣ же послѣ этого экономическій разчетъ, который выставляется на видъ при предполагаемомъ рѣшеніи разбираемаго нами вопроса?

Остается объяснять этотъ экономическій разчетъ тѣмъ, что заведеніе сдѣлалось не нужнымъ и лишнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если число учащихся въ юридическихъ заведеніяхъ уменьшается, такъ что аудиторіи ихъ начинаютъ пустѣть, — то почему и не закрыть одного изъ нихъ, и разумѣется того, которое не въ силахъ продолжать существованіе на свои прежнія средства. Почему и не основать вмѣсто него технологическаго института? Тутъ нѣтъ ничего дурнаго: настоящій технологическій институтъ не какая-нибудь псевдо-реальная школа или химическая гимназія, — это заведеніе дѣйствительно полезное. На югѣ Россіи фабричное производство мало развито, тамъ охотно промѣняли бы технологическій институтъ на Петровскую академію или еще охотнѣе на мелкія агрономическія школы со слесарнями для починки сельско-хозяйственныхъ машинъ, но по удовлетвореніи этой потребности не отказались бы и отъ техническаго института. Все это относилось бы однакоже къ Нѣжинскому лицею только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ оказался не нужнымъ и лишнимъ, то-есть еслибъ у насъ уменьшился спросъ на юридическое образованіе. А что мы видимъ? Юридическіе факультеты нашихъ университетовъ съ каждымъ годомъ становятся многолюднѣе; по числу студентовъ остальные факультеты вмѣстѣ взятые едва могутъ идти съ ними въ сравненіе; въ Московскомъ университетѣ, напримѣръ, юридическія аудиторіи не могутъ вмѣщать слушателей; по извѣстію *Одесскаго Вѣстника*, въ первый мѣсяцъ по открытіи Новороссійскаго университета (бывшаго Ришельевскаго лицея) число слушателей въ немъ распредѣлялось такъ: на филологическомъ факультетѣ 10, на естественномъ 33, на математическомъ 38, на юридическомъ 107, то-есть гораздо болѣе чѣмъ на всѣхъ прочихъ вмѣстѣ; что касается до Нѣжинскаго лицея, то нѣжинскій предводитель дворянства въ отношеніи отъ 10-го іюля писалъ, что уже къ этому времени прибыло для поступленія въ это юридическое заведеніе около 65 молодыхъ людей, гораздо больше чѣмъ когда-либо прежде. Число студентовъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ не уменьшается, а возрастаетъ, какъ и надобно было ожидать наканунѣ судебной реформы.

Указываютъ еще на близость двухъ университетовъ Харьковскаго и Кіевскаго, гдѣ юридическія науки преподаются въ гораздо большемъ объемѣ чѣмъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Но юридическіе факультеты университетовъ и Нѣжинскій лицей — учрежденія совершенно разнаго порядка. Цѣль Нѣжинскаго лицея, по мысли его основателя, — съ одной стороны скромнѣе, съ другой обширнѣе чѣмъ цѣль юридическихъ факультетовъ. Спеціализація преподаванія тамъ не требуется, но за то должно быть обращено болѣе вниманія на общее образованіе. Педагогическія условія преподаванія тоже другія. Обученіе въ лицеѣ должно быть болѣе дисциплинированное чѣмъ въ университетахъ; оно должно

быть практическимъ обученіемъ, что̀ именно и возможно при тамошнемъ ограниченномъ числѣ студентовъ. Какъ требуетъ завѣщаніе князя Безбородка, Нѣжинскій лицей долженъ быть „*гимназіей* высшихъ наукъ.“ При такой существенной разницѣ въ цѣли и способахъ преподаванія, не было бы достаточнаго основанія признавать существованіе лицея князя Безбородка излишнимъ даже въ самомъ Харьковѣ или Кіевѣ.

Какими же соображеніями, послѣ всего сказаннаго, можетъ быть объяснено предположеніе о преобразованіи Нѣжинскаго лицея, несогласномъ съ волей его основателя? Ужъ не есть ли это предположеніе уступка настойчивымъ мѣстнымъ требованіямъ той губерніи, въ которой находится лицей князя Безбородка? Но до сихъ поръ о подобныхъ требованіяхъ не слышно, а скорѣе видно противное. Циркулярное отношеніе нѣжинскаго предводителя дворянства, съ содержаніемъ котораго читатели уже знакомы, дало поводъ нѣкоторымъ земскимъ собраніямъ высказаться относительно предполагаемаго преобразованія, и что̀ же оказывается изъ опубликованныхъ постановленій этихъ собраній.

Изъ числа пятнадцати уѣздныхъ земскихъ собраній Черниговской губерніи, въ пяти (Борзенскомъ, Городнянскомъ, Козелецкомъ, Новозыбковскомъ и Суражскомъ), судя по напечатаннымъ журналамъ ихъ засѣданій, вопросъ о Нѣжинскомъ лицеѣ вовсе не подвергался обсужденію. Новгородъ-Сѣверское и Мглинское уѣздныя земскія собранія рѣшили, что вопросъ о вспомоществованіи Нѣжинскому лицею, какъ относящійся до цѣлой губерніи, удобнѣе подвергнуть разсмотрѣнію губернскаго земскаго собранія. Черниговское уѣздное собраніе, какъ мы уже сообщали (см. передовую статью въ № 218 *Московскихъ Вѣдомостей*), не входя въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, что̀ полезнѣе: оставить ли за лицеемъ юридическій или сообщить ему технологическій характеръ, ограничилось разсмотрѣніемъ вопроса объ оказаніи лицею денежнаго вспомоществованія, и до поры до времени отказалось принять въ немъ участіе по неприведенію въ извѣстность источниковъ доходовъ; Конотопское собраніе, „не вполнѣ раздѣляя“ мнѣнія нѣжинскаго предводителя о пользѣ Нѣжинскаго лицея, какъ юридическаго заведенія, не высказалось однако и въ пользу преобразованія лицея въ технологическое заведеніе, и побудительною причиной отказа въ денежномъ пособіи выставило то обстоятельство, что оно имѣетъ въ виду обратить денежныя средства земства „на развитіе народнаго образованія въ самомъ уѣздѣ (Конотопскомъ).“ Затѣмъ *пять* земскихъ собраній—Остерское, Стародубское, Нѣжинское, Кролевецкое и Глуховское—положительно высказались въ пользу оставленія за лицеемъ его нынѣшняго юридическаго характера, и *только одно*—Сосницкое — признало преобразованіе лицея въ реальное (технологическое?) училище „не только полезнымъ, но и составляющимъ предметъ существенной необходимости,“ въ виду потребности „для сельскаго населенія такихъ заведеній, въ которыхъ бы дѣти его получали воспитаніе, ставящее его (sic) въ возможность приносить посильную пользу своему обществу“.*).

Высказываясь въ пользу сохраненія за лицеемъ юридическаго характера, земство пяти уѣздовъ, такъ рѣзко разошедшееся въ мнѣніяхъ съ сосницкимъ, изъявило готовность принять участіе и во денежныхъ пожертвованіяхъ для восполненія той суммы, недостатокъ которой, по заявленіямъ офиціяльныхъ лицъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, долженъ повести къ упраздненію „полезнаго и благодѣтельнаго для края“ заведенія. Въ глуховскомъ собраніи было встрѣчено съ сочувствіемъ заявленіе о возможности отчислить въ пособіе Нѣжинскому лицею часть тѣхъ сборовъ, какіе опредѣлены на Полтавскій кадетскій корпусъ, а такъ какъ эти сборы составляютъ предметъ частныхъ дворянскихъ повинностей и не подлежатъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій, то предсѣдатель этого собранія принялъ на себя обязанность представить въ свое время содержаніе отзыва нѣжинскаго предводителя на обсуж-

*) Эти слова постановленія заставляютъ предполагать, что члены сосницкаго собранія находятся въ томъ заблужденіи, что подъ „реальными“ заведеніями разумѣются сельско-хозяйственныя, подобно тому какъ жители Таганрога воображали, что реальныя гимназіи даютъ право на поступленіе въ университетъ. Кромѣ того они, повидимому, полагаютъ, что Нѣжинскій лицей, по его преобразованіи, будетъ удовлетворять потребностямъ сельскаго населенія, ставя крестьянскихъ мальчиковъ въ возможность приносить посильную пользу своему обществу. Во всемъ этомъ очевидно существенное недоразумѣніе.

денiе дворянства. Затѣмъ Нѣжинское собранiе въ сознанiи той же необходимости, какъ мы уже сообщали (*Совр. Лѣт.* № 38), постановило ходатайствовать о закрытiи учрежденныхъ при черниговской гимназiи на счетъ земства таксаторскихъ классовъ и объ обращенiи расходуемой на эти классы суммы въ поддержанiе Нѣжинскаго лицея*). Какое же значенiе, въ виду подобныхъ заявленiй земства пяти уѣздовъ, можетъ имѣть голосъ одного сосницкаго земскаго собранiя, основанный при томъ на очевидномъ недоразумѣнiи?

Относясь совершенно безпристрастно къ рѣшенiю вопроса о преобразованiи Нѣжинскаго лицея, и разсмотрѣвъ это дѣло со всѣхъ доступныхъ намъ сторонъ, мы приходимъ къ заключенiю, что при существованiи многихъ и сильныхъ доводовъ въ пользу оставленiя за лицеемъ князя Безбородка юридическаго характера, не оказывается *ни одного* соображенiя, которое могло бы сколько-нибудь оправдать предполагаемую ломку этого заведенiя, сопряженную съ нарушенiемъ волi завѣщателя.

Газета *Голосъ* высказала недавно остроумную мысль, „что если въ Нѣжинѣ будетъ высшее реальное заведенiе, то будетъ исходъ для многихъ реальныхъ заведенiй втораго разряда, которыя бы могли открыться не только въ этомъ городѣ, но и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ.“ Другими словами: это значитъ, что полноправная нѣжинская гимназiя разжалывается въ безправную потому, что предполагается преобразовать лицей, а лицей преобразовывается затѣмъ, чтобы можно было разжаловать нѣжинскую гимназiю...

---

*) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующiй эпизодъ, которымъ сопровождалось обсужденiе вопроса о Нѣжинскомъ лицеѣ въ Кролевецкомъ уѣздномъ собранiи. По изъявленiи собравшимъ полной готовности принять участiе въ вспомоществованiи лицею пятнадцатою долей той суммы, которая необходима на его поддержанiе, одинъ изъ гласныхъ, г. Знойка, заявилъ, что было бы неумѣстно допустить участiе въ этомъ вспомоществованiи со стороны казны, потому что предположенiе начальства Кiевскаго учебнаго округа объ упраздненiи Нѣжинскаго лицея, по его мнѣнiю, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ предположенiя правительства. По обсужденiи этого заявленiя собранiе рѣшило, что въ вспомоществованiи лицею должны принять участiе и казенныя земли, потому что оно не видитъ причинъ, по которымъ бы казенныя земли могли быть изъяты отъ постановленiй земскихъ собранiй.

№ 226.

Москва, 15-го октября.

Журнальные представители нѣмецкаго элемента въ нашихъ Прибалтiйскихъ губернiяхъ,—въ мѣстныхъ, и еще болѣе въ иностранныхъ нѣмецкихъ изданiяхъ,—громко торжествуютъ побѣду надъ г. Вольдемаромъ. Кто такой г. Вольдемаръ? „Г. Вольдемаръ, говоритъ *Рижская Газета*, не есть отдѣльное, частное лицо: онъ — вождь цѣлой партiи,“ которую упомянутая газета называетъ славянофильскою, но которой болѣе откровенный митавскiй корреспондентъ *National-Zeitung* (№ 469, отъ 19-го октября), главнѣйшимъ образомъ, поставляетъ въ вину ея стремленiе слить Латышей, въ предѣлахъ Россiи, съ окружающимъ ихъ семействомъ славянскихъ народовъ, т.-е. говоря по-просту съ русскимъ народомъ. Во главѣ этой „славянофильской“, или, правильнѣе, русской партiи между Латышами стоялъ, между прочимъ, и г. Вольдемаръ, вмѣстѣ съ другими образованными Латышами: гг. Аллунаномъ, Бесбардисомъ и Дюнсбергомъ. Они основали въ Петербургѣ латышскую газету, которую издавали въ видахъ сближенiя своихъ соплеменниковъ съ русскимъ народомъ, и издавали, какъ признаютъ и сами ихъ противники, съ большимъ искусствомъ и съ большимъ успѣхомъ, такъ что *Рижская Газета* называетъ латышскiй журналъ г. Вольдемара вліятельнымъ журналомъ, а имя его широко извѣстнымъ именемъ въ Курляндiи и Лифляндiи. Понятно, поэтому, то чувство радости, съ которымъ ратоборцы нѣмецкаго дѣла въ Россiи торжествуютъ свою побѣду надъ г. Вольдемаромъ: въ этой побѣдѣ они усматриваютъ, какъ говоритъ митавскiй корреспондентъ *National Zeitung*, „побѣду нѣмецкаго дѣла между Латышами, одержанную, какъ они полагаютъ, на вѣчныя времена“. Чему же они обязаны этою побѣдой и какими способами могли они доставить ее нѣмецкому дѣлу надъ русскимъ дѣломъ между Латышами Курляндiи и Лифляндiи, у которыхъ г. Вольдемаръ и его сотрудники такъ еще недавно пользовались самою широкою популярностью?

Г. Вольдемаръ, какъ увѣряютъ его противники, прежде всего самъ виноватъ въ томъ, что лишился популярности и довѣрiя между своими соплеменниками. Еще

предъ Рождествомъ прошлаго года—читаемъ мы въ *Рижской Газетѣ*—трое агентовъ его въ частномъ имѣніи Дондангенъ, въ Курляндіи, обратились съ приглашеніемъ къ мѣстнымъ поселянамъ-Латышамъ, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ переселиться въ Новгородскую губернію, въ имѣніе г. Вольдемара — Юліаново, близъ Чудовской станціи, чтобы купить тамъ себѣ участки земли, при чемъ они собрали отъ желающихъ сумму въ 7.812 рублей, которая и была доставлена г. Вольдемару въ Петербургъ; когда же Латыши прибыли на мѣсто, въ числѣ 1.000 человѣкъ, то земля будто бы оказалась недоброкачественною, и бо́льшая часть изъ нихъ, раззорившись совершенно, были принуждены возвратиться въ Курляндію. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого частнаго дѣла, которое подлежитъ судебному разбирательству, хотя и имѣемъ въ своихъ рукахъ нѣкоторыя свѣдѣнія; отъ души желаемъ, чтобы судебное разбирательство безпристрастно раскрыло истину; но изъ фактовъ, оглашенныхъ въ самой *Рижской Газетѣ* (№№ 204 и 209), явствуетъ, что уже въ половинѣ апрѣля нынѣшняго года, когда переселенцы были еще на мѣстѣ, въ Курляндіи, г. Вольдемаръ, узнавъ съ изумленіемъ объ огромномъ числѣ лицъ, желавшихъ переселиться въ купленное имъ имѣніе, гдѣ не только доброкачественной, но и недоброкачественной земли не могло достать на всѣхъ желавшихъ выселиться изъ Курляндіи, вознамѣрился противодѣйствовать этому ихъ переселенію въ своемъ журналѣ, но цензура, устроенная для его журнала въ Ригѣ, почему-то не позволила ему этого; онъ обратился къ мѣстнымъ лютеранскимъ проповѣдникамъ съ настоятельною просьбой предостеречь переселенцевъ, и объяснить имъ, что только зажиточные люди, только тѣ, которые располагаютъ суммой въ 300 р. для хозяйственныхъ цѣлей и которые, сверхъ того, въ состояніи въ продолженіе двухъ лѣтъ обезпечивать содержаніе свое и своихъ рабочихъ, могутъ отважиться на переселеніе; но и проповѣдники почему-то пренебрегли его просьбой. До бѣдныхъ Латышей не дошелъ голосъ предостереженія.

Впрочемъ, какъ сказано, это дѣло подлежитъ судебному разбирательству, и было бы преждевременно обвинять или оправдывать кого бы то ни было изъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Притомъ же вопросъ, какъ его поставляютъ сами журнальные ратоборцы „нѣмецкаго дѣла“ и противники „рускаго дѣла“ между Латышами, вовсе не о томъ или другомъ лицѣ, а о томъ или другомъ изъ этихъ дѣлъ, и тутъ съ прискорбіемъ должны мы замѣтить, что по разсказу митавскаго корреспондента *National-Zeitung*, первые и самые сильные, самые рѣшительные удары русскому дѣлу между Латышами Курляндіи и Лифляндіи были нанесены вовсе не частнымъ образомъ дѣйствій г. Вольдемара, а русскимъ правительствомъ. Вотъ факты, которые разсказываетъ объ этомъ предметѣ упомянутый митавскій корреспондентъ, — факты, которые были и прежде намъ извѣстны и извѣстны съ бо́льшими и вѣрнѣйшими подробностями, но которыхъ мы не хотѣли до времени разоблачать, пока о нихъ не заговорили сами балтійскіе публицисты. Какъ сказано, латышская газета, издававшаяся въ Петербургѣ, но ходившая на цензуру въ Ригу, была, тѣмъ не менѣе, весьма вліятельнымъ между Латышами органомъ той образованной ихъ партіи, которая старалась содѣйствовать сближенію своихъ соплеменниковъ съ русскимъ народомъ, что, казалось бы, есть дѣло не только весьма естественное въ русскомъ государствѣ, но и необходимое. При этой газетѣ выходило особое прибавленіе, въ родѣ сатирическаго журнала, гдѣ говорятъ обвинители, было помѣщено нѣсколько карикатуръ на мѣстное дворянство и мѣстное лютеранское духовенство. Допустимъ, что эта часть изданія, проходившаго черезъ цензуру, тѣмъ не менѣе была таковою, что подлежала запрещенію; но какъ говоритъ митавскій корреспондентъ, „благодаря энергическимъ представленіямъ мѣстнаго дворянства и мѣстнаго духовенства,“ кара постигла весь журналъ: онъ былъ запрещенъ на шесть мѣсяцевъ, и Латыши, естественно должны были почувствовать, что сила не на сторонѣ „рускаго,“ а на сторонѣ „нѣмецкаго дѣла.“ Но этого мало: изъ разсказа митавскаго корреспондента явствуетъ, что одинъ изъ редакторовъ, г. Бесбардисъ былъ высланъ, за границу, *des Landes verwiesen* (это не такъ; мы имѣемъ о дѣлѣ г. Бесбардиса подробныя свѣдѣнія; онъ провинился участіемъ въ составленіи вѣрноподданнѣйшаго адреса, который Латыши въ Лифляндской губерніи намѣревались подать отъ себя въ 1863 году, и въ которомъ они свидѣтель-

ствовали о своей преданности русскому отечеству и жаловались на свое бѣдственное положеніе; коллежскій ассесоръ г. Бесбардисъ, человѣкъ семейный, содержавшій себя учительскимъ трудомъ, лишился мѣста, былъ удаленъ отъ своего семейства и препровожденъ сначала въ Боровскій уѣздъ, Калужской губерніи, а послѣ въ Клинскій уѣздъ, гдѣ находится и понынѣ подъ присмотромъ полиціи); другой г. Дюнсбергъ, „былъ до такой степени запуганъ курляндскимъ полическимъ полицеймейстеромъ (вѣроятно жандармскимъ штабъ-офицеромъ), г. Коцебу, что обѣщалъ отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ изданіи латышской газеты, былъ, сверхъ того, отставленъ отъ должности школьнаго учителя въ Дондагенѣ, и безъ суда водворенъ на жительство въ Фридрихштадтѣ, пока одному рижскому типографщику не удалось взять его къ себѣ на поруки, съ тѣмъ чтобы опредѣлить его въ своей типографіи въ качествѣ корректора.“ Теперь остался одинъ г. Вольдемаръ; г. Аллунанъ тѣмъ временемъ умеръ. Г. Вольдемаръ, несмотря на грозу, которая пронеслась надъ его головой, рѣшился возобновить изданіе петербургской латышской газеты, какъ только прошелъ срокъ запрещенія; но злой рокъ все еще не переставалъ его преслѣдовать: ему было дозволено возобновить его изданіе, но съ тѣмъ чтобъ оно подвергалось цензурѣ не въ Петербургѣ, гдѣ оно выходило въ свѣтъ, а въ Ригѣ. Не есть ли это доказательство, что въ журналѣ г. Вольдемара, и въ прежнемъ его видѣ, не было ничего такого что съ правительственной точки зрѣнія могло бы подвергаться запрещенію? Для него была признана необходимою, по настоянію бывшаго генералъ-губернатора трехъ прибалтійскихъ губерній, особая мѣстная цензура, дѣйствующая на основаніи не общихъ правилъ, а особыхъ соображеній. Это перенесеніе цензуры періодическаго изданія за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста, гдѣ оно должно было выходить въ свѣтъ и гдѣ была его редакція, окончательно убило его, и въ нынѣшнемъ году прекратилось существованіе журнала, который противники его считали органомъ русскаго дѣла между Латышами.

Какъ мы ни мало знакомы съ этимъ журналомъ, тѣмъ не менѣе мы не можемъ не пожалѣть, что онъ палъ жертвою стѣсненій, которыя были слѣдствіемъ не государственныхъ соображеній, не правительственныхъ постановленій о печати, а были, судя по тому, съ какою радостью нѣмецкіе публицисты, торжествуютъ теперь пораженіе г. Вольдемара, результатомъ мѣстной вражды къ общему направленію петербургской латышской газеты. Такова вообще печальная судьба тѣхъ органовъ нашей журналистики, которые издаются для инородцевъ и которые поставляютъ своею цѣлью дѣйствовать на нихъ въ общихъ интересахъ Россіи. Такъ, припоминаемъ мы, погибъ, нѣсколько лѣтъ предъ симъ, *Сіонъ*, органъ русскихъ Евреевъ, издававшійся на русскомъ языкѣ и въ русскомъ смыслѣ. Пройдутъ, можетъ-быть, десятки лѣтъ прежде чѣмъ русскіе Евреи будутъ имѣть снова свой органъ въ русской журналистикѣ, органъ для распространенія въ ихъ средѣ русскаго языка и русскаго гражданскаго чувства, и прежде чѣмъ русскіе Латыши на своемъ родномъ нарѣчіи услышатъ призывъ обращать свои взоры къ Россіи. Справедливо сказано: Ingenia studiaque oppresseris facilius quam revocaveris. Но особенно прискорбно то, что всѣ благопріятныя для Россіи направленія въ средѣ нашихъ инородцевъ или иновѣрцевъ, претерпѣваютъ злоключенія, а неблагопріятныя преуспѣваютъ....

№ 227.

Москва, 16-го октября.

А.

Мы печатаемъ сегодня въ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ* полный текстъ закона, который по своему полезному дѣйствію можетъ стать наряду съ важнѣйшими законодательными мѣрами нынѣшняго царствованія. Между тѣмъ какъ въ двухъ будущихъ судебныхъ округахъ, с.-петербургскомъ и московскомъ (десять губерній), дѣлаются приготовленія къ введенію новыхъ судебныхъ уставовъ во всей ихъ полнотѣ, что послѣдуетъ вѣроятно весной будущаго года, нынѣ повсемѣстно, въ губерніяхъ управляемыхъ по общему учрежденію и въ Бессарабской области, немедленно вводятся столь серіозныя улучшенія по уголовному и гражданскому судопроизводству, что они одни могли бы составить эпоху въ исторіи нашего судеб-

наго дѣла. Сокращаются инстанціи, вводится изустный докладъ дѣлъ, подсудимые и тяжущіеся допускаются къ его выслушанію и къ представленію своихъ объясненій, причемъ дозволяется присутствовать и постороннимъ лицамъ; ослабляется зависимость судовъ отъ администраціи; вводятся важныя измѣненія въ порядкѣ взысканій по обязательствамъ безспорнымъ; сокращаются сроки вызова къ суду и апелляцій; улучшается порядокъ принесенія частныхъ жалобъ; наконецъ, отмѣняется возвращеніе дѣла изъ апелляціоннаго суда къ новому производству въ судъ первой степени. Мы перечислили только главнѣйшее, но перечисленнаго достаточно, чтобъ указать на важность правилъ удостоившагося 11-го сего октября высочайшаго утвержденія и вступающихъ въ силу со дня полученія ихъ присутственными мѣстами. Мы возвратимся еще не разъ къ подробному разсмотрѣнію этихъ правилъ, а теперь, радостно привѣтствуя ихъ, не можемъ не соединить съ этимъ привѣтствіемъ выраженія надежды, что за теперешнею мѣрой въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ истерпѣливо ожидаемое Россіей и крайне ей нужное для возстановленія законнаго хода ежедневныхъ дѣлъ, повсемѣстное введеніе мироваго суда, преимущественно съ цѣлію улучшить и сдѣлать болѣе доступнымъ судебно-полицейское разбирательство.

Б.

Органъ министерства почтъ и телеграфовъ, имѣющій основанія сѣтовать на насъ за обличеніе его отношеній къ разнымъ вопросамъ первостепенной для русскаго правительства важности, *Биржевыя Вѣдомости*, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ своихъ, вздумали обвинять насъ въ томъ что мы налагаемъ контрибуцію на своихъ разоряющихся согражданъ. Эта контрибуція будто бы нами взимается посредствомъ „возвышенія платы за печатаніе казенныхъ объявленій.“ *Биржевыя Вѣдомости* высчитываютъ, что „увеличенная относительно *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* плата за строку казенныхъ объявленій“ доставляетъ намъ не менѣе 15 тысячъ рублей въ годъ, и говорятъ далѣе слѣдующее: „А такъ какъ *Московскія Вѣдомости* взяты г. Катковымъ въ арендное содержаніе на 12 лѣтъ, то, значитъ, излишняя сумма, которую соберетъ съ частныхъ лицъ г. Катковъ, благодаря только возвышенію этой платы, будетъ 180.000 р. Цифра весьма почтенная!“ Наконецъ органъ министерства почтъ и телеграфовъ высказываетъ желаніе, чтобы мы „объяснили въ своихъ столбцахъ, кто установилъ этотъ налогъ: университетъ ли, вслѣдствіе какихъ-либо предоставленныхъ ему правъ, или самъ редакторъ-арендаторъ *Московскихъ Вѣдомостей*.“ Такимъ образомъ, обвиненіе во взиманіи по 15.000 руб. въ годъ произвольной контрибуціи съ согражданъ разрѣшается въ вопросъ, свидѣтельствующій, что самъ органъ министерства почтъ и телеграфовъ не знаетъ кто установилъ эту контрибуцію, изображаемую имъ въ ненавистномъ видѣ „налога съ людей небогатыхъ или такихъ, коихъ постигло несчастіе, разореніе, непроизвольная продажа имущества и т. п.“ Мы не станемъ говорить о томъ, согласно ли съ честностью и съ уваженіемъ къ здравому смыслу публики взводить на кого-либо обвиненіе въ обираніи своихъ согражданъ и въ то же время прикидываться не знающимъ дѣла, которое какъ нельзя лучше извѣстно всѣмъ журналистамъ и котораго не знать нельзя, потому что о немъ публикуется и въ продолженіе столѣтія публиковалось въ каждомъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*. Насъ нисколько не интересуетъ ни личная честность издателя этой газеты, ни его уваженіе къ судительной способности своихъ читателей, и мы не потеряли бы ни одного слова на разговоръ съ *Биржевыми Вѣдомостями*, еслибъ эта газета опиралась единственно на авторитетъ и биржевую репутацію своего издателя. Но эта газета служитъ органомъ правительственнаго вѣдомства и распространяется по всему этому вѣдомству правительственною властью. Клевета, злословіе и всякое фальшивое показаніе, напечатанныя въ этой газетѣ, получаютъ въ силу правительственнаго распоряженія, обязательный кругъ читателей, и министерство почтъ и телеграфовъ является фактическимъ пособникомъ распространенія клеветы. Изданіе, которому это министерство оказываетъ предпочтеніе передъ другими изданіями, дѣлая его своимъ органомъ, пріобрѣтаетъ вслѣдствіе того извѣстный вѣсъ и въ глазахъ всей русской публики; клевета, бросаемая этимъ изданіемъ, опираетъ-

ся уже не только на авторитетъ своего издателя, а на авторитетъ правительственный, который придаетъ ей силу и кредитъ. Мы равнодушно выслушиваемъ брань и злословіе, которыя сыплются на насъ вслѣдствіе нашего оригинальнаго положенія въ русской печати, но клевета и злословіе, не просто дозволенныя цензурой, а получающія прямую, матеріяльную и нравственную поддержку отъ правительственнаго вѣдомства, не могутъ быть оставлены безъ отвѣта, а также позволимъ себѣ прибавить, и безъ указанія на отвѣтственность, которой неизбѣжно подвергается за нее это вѣдомство, не только по отношенію къ намъ, но и по отношенію къ публикѣ.

Наши дѣла очень просты, и мы вообще можемъ только благодарить за поводы къ публичному разъясненію ихъ, а въ этомъ случаѣ отвѣтъ на сдѣланное противъ насъ показаніе особенно легокъ. Привилегія казенныхъ объявленій принадлежитъ казнѣ. Мы взяли эту привилегію съ торговъ и, какъ не разъ было разъяснено, дали за нее больше чѣмъ сколько она стоитъ особенно при неисполненіи нѣкоторыми присутственными мѣстами Имперіи закона, предписывающаго имъ помѣщать въ *С.-Петербургскихъ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ* всѣ объявленія о торгахъ на сумму свыше 7.500 руб. сер. Мы дали за эту привилегію больше чѣмъ сколько она стоитъ, чтобы превзойдти другихъ конкурентовъ и взять въ свои руки изданіе *Московскихъ Вѣдомостей*, чего мы имѣли основанія желать. Мы обязались платить университету за казенныя объявленія 27.000 руб. и сверхъ того 5% за сборъ суммъ, поступающихъ къ намъ отъ присутственныхъ мѣстъ черезъ правленіе университета. Въ 1863 и 1864 годахъ сборъ былъ ниже суммы опредѣленной въ контрактѣ, и мы приплачивали недостающее, а между тѣмъ расходы на печатаніе казенныхъ объявленій, состоящіе преимущественно въ бумагѣ, возрасли почти вдвое противъ прежняго, вслѣдствіе увеличенія числа подписчиковъ. Для пополненія нашихъ убытковъ мы имѣли два средства. Мы могли прибѣгнуть къ уловкѣ придуманной бывшимъ издателемъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и отнести казенныя объявленія въ отдѣльное прибавленіе съ особою подпиской; въ такомъ случаѣ мы получали бы съ подписчиковъ особый сборъ за разсылку имъ казенныхъ объявленій, а такъ какъ число отдѣльныхъ подписчиковъ на казенныя объявленія было бы весьма ограниченное (судя по *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ*, никакъ не болѣе 2.000 подписчиковъ), то мы выиграли бы еще больше на сбереженіи бумаги, и одинъ этотъ выигрышъ съ излишкомъ покрылъ бы наши убытки. Во-вторыхъ, мы могли возвысить плату за объявленія, на что контрактъ съ университетомъ дастъ намъ полное право, и на что каждый арендаторъ подобной газеты долженъ имѣть право, потому что плата за объявленія, какъ здравый смыслъ показываетъ, должна соразмѣряться съ числомъ подписчиковъ: чѣмъ въ большемъ числѣ экземпляровъ объявленіе печатается, тѣмъ дороже оно обходится и тѣмъ больше надобно взимать за него. Возвышеніе платы оправдывалось бы обстоятельствами и также вознаградило бы насъ за убытки, понесенные нами на казенныхъ объявленіяхъ.

Но мы не сдѣлали ни того, ни другого, и въ этомъ состоитъ весь отвѣтъ нашъ органу министерства почтъ и телеграфовъ. Обязательнымъ казеннымъ объявленіямъ мы даемъ такое же распространеніе какъ и необязательнымъ частнымъ. Не эксплуатируя обязательности помѣщенія казенныхъ объявленій въ нашей газетѣ, мы не эксплуатируемъ и кармановъ лицъ, нуждающихся въ ихъ чтеніи; мы даемъ казенныя объявленія безъ особой приплаты всѣмъ нашимъ подписчикамъ. Мы имѣли право сдѣлать то, въ чемъ укоряетъ насъ органъ министерства почтъ и телеграфовъ, — имѣли право возвысить плату за объявленія, но несмотря на огромное различіе въ числѣ печатаемыхъ экземпляровъ, мы оставляемъ въ силѣ прежнюю таксу, установленную Московскимъ университетомъ задолго до сдачи *Московскихъ Вѣдомостей* въ аренду. Эта такса выше таксы *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, по сравнительно съ иностранными газетами, имѣющими одинаковое число подписчиковъ, она чрезвычайно умѣренна: при троекратномъ печатаніи взимается за строчку по 8 к. сер. за каждый разъ (въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* по 6 коп. сер.). Иностранныя газеты взимаютъ втрое и вчетверо при одинаковомъ числѣ подписчиковъ, а при большемъ — даже въ десять разъ. Во всякомъ случаѣ никто не

поставитъ намъ въ обязанность чтобы мы, при возрастаніи подписки, и при убыткахъ отъ казенныхъ объявленій, понизили плату за объявленія, взиманіе которой было куплено нами вмѣстѣ съ правомъ повышать ее.

Мы почтительнѣйше просимъ министерство почтъ и телеграфовъ провѣрить всѣ эти показанія и затѣмъ взвѣсить не требуется ли справедливостью чтобъ оно само публично сняло съ насъ несправедливый укоръ, который пытаются взвести на насъ *Биржевыя Вѣдомости*, его органъ. Мы считаемъ себя въ правѣ желать, чтобъ обязательные читатели этой газеты, чины почтоваго вѣдомства, узнали, что контрибуція, будто бы сбираемая нами съ согражданъ, есть не болѣе какъ недобросовѣстная выдумка газеты, злоупотребляющей оказываемымъ ей офиціяльнымъ покровительствомъ, чтобы бросать на казенный счетъ грязью въ своихъ обличителей. Мы считаемъ себя въ правѣ и вообще желать, чтобы грязь бросаемая въ насъ врагами дѣла нами защищаемаго, не была бросаема изъ правительственныхъ вѣдомствъ. Къ нападкамъ идущимъ изъ другихъ источниковъ мы совершенно равнодушны, но въ этомъ случаѣ равнодушіе было бы непозволительно.

№ 228.

Москва, 18-го октября.

Неоспоримо безукоризненная, какъ по своей основательности, такъ и по своей цѣли, статья Н. П. Липина въ № 212 *Московскихъ Вѣдомостей* „(о гарантіи чистаго дохода желѣзныхъ дорогъ по дѣйствительно затраченному капиталу)“ подверглась злобнымъ нападкамъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 258). Редакція этой газеты (говоримъ редакція, потому что передовыхъ статей нельзя не приписывать редакціи) внѣ себя отъ гнѣва и на г. Липина, за то что онъ осмѣлился взять на себя публичную защиту важныхъ государственныхъ интересовъ, офиціяльно вверенныхъ тому департаменту, во главѣ котораго онъ поставленъ, и на насъ за то, что мы не только напечатали статью г. Липина, но и позволили себѣ отозваться о его мнѣніяхъ съ тѣмъ уваженіемъ, на которое и его мнѣнія и самъ онъ имѣютъ несомнѣнное право. Эта редакція повидимому не считаетъ себя принадлежащею къ тому обществу, гдѣ люди обращаются между собой нѣсколько иначе чѣмъ дѣти въ школѣ. Но всего куріознѣе то, что изливая свою желчь на г. Липина и на насъ, редакція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, какъ ни въ чемъ не бывало, признаетъ безспорнымъ то самое, въ пользу чего споритъ г. Липинъ и за что она его школитъ. Г. Липинъ доказывалъ невозможность для правительства гарантировать безъ ограниченія дѣйствительный расходъ по сооруженію желѣзныхъ дорогъ. *С.-Петербургскія Вѣдомости* пришли въ негодованіе отъ этихъ доказательствъ, а между тѣмъ въ заключеніе своей статьи говорятъ сами: да, гарантировать дѣйствительный расходъ безъ ограниченія не слѣдуетъ, „правительство гарантируетъ только смѣтный расходъ имъ утвержденный, не принимая въ соображеніе никакихъ дополненій и передержекъ компаніи при дѣйствительномъ исполненіи данной работы.“ Можетъ ли самая сумасбродная газета сыграть надъ собой болѣе странную шутку? Но тутъ не одна шутка. Печатая статью г. Липина въ № 212 нашей газеты, мы сочли нужнымъ сопроводить ее нѣсколькими замѣчаніями, имѣвшими цѣлію указать на возможность соглашенія ея требованій съ § 37 проекта условій компаніи, подлежавшаго разсмотрѣнію правительства; для человѣка понимающаго дѣло было ясно, что наши замѣчанія совпадали съ требованіями г. Липина, но мы избрали для изложенія нашихъ мыслей такую форму, которая, казалось намъ, давала наиболѣе права разчитывать на одобреніе со стороны учредителей компаніи. Мы сочли нужнымъ говорить не противъ проекта условій, а въ его пользу, настаивая однакоже на существенное измѣненіе въ немъ, и объ этомъ существенномъ измѣненіи, дававшемъ всему дѣлу иной оборотъ, мы сочли нужнымъ говорить только какъ о болѣе полномъ развитіи и болѣе точномъ изложеніи главной статьи проекта (§ 37). Мы поступили такъ изъ уваженія къ учредителямъ, изъ желанія относиться къ нимъ со всею возможною деликатностью. *С.-Петербургскія Вѣдомости* какъ будто не замѣтили этой простой вещи; предложенную нами поправку къ § 37 проекта онѣ принимаютъ за текстъ проекта, не упоминая ни словомъ, что учредители изъявили на нее согласіе. Кажется,

однако, что если готовность учредителей исполнить существенное требованіе казеннаго интереса заподлинно извѣстна *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ*, то имъ слѣдовало прямо высказать это, и тогда публика имѣла бы передъ собой извѣстіе сообщаемое ей по уполномочію учредителей, а не мнѣніе газеты, ни кого изъ учредителей ни къ чему не обязывающее. *С.-Петербургскія Вѣдомости* говорятъ, что правительство гарантируетъ только смѣтный расходъ имъ утвержденный, и не отвѣчаетъ за передержки. Очень хорошо, и если это такъ, то всему спору конецъ. Но откуда знаютъ это *С.-Петербургскія Вѣдомости*? Если отъ учредителей, то почему не говорятъ отъ ихъ имени? Бросая грязью въ г. Липина, редакція этой газеты придаетъ себѣ такой видъ, что между нею и учредителями существуютъ самыя тѣсныя связи, а когда приходится высказать за нихъ важное сообщеніе, она говоритъ только отъ своего имени. Зачѣмъ такая мистификація? Это ужь нѣчто посеріознѣе простой шутки. Очевидно, что г. Липинъ подвергнутъ поруганію или безъ всякаго смысла и безъ всякой цѣли, или съ тѣмъ, чтобы сознательно ввести публику въ заблужденіе.

Мы далеки отъ мысли приписывать такую недостойную стратагему учредителямъ Общества Таганрогской желѣзной дороги. Мы увѣрены также, что редакція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* играла тутъ лишь скромную роль ширмъ, и полагаемъ, что за этими ширмами дѣйствовала рука, желавшая подслужиться къ учредителямъ, отмстивъ за нихъ г. Липину и сдѣлавъ публикѣ выгодное для нихъ, но ни къ чему ихъ не обязывающее сообщеніе. Такъ объясняемъ мы себѣ статью *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, но не можемъ не предложить редакціи этой газеты вопроса, какимъ уваженіемъ должна пользоваться печать, когда она служитъ средствомъ для всякаго искателя приключеній и интригана сбивать людей съ толку и выслуживаться передъ своими покровителями. Для нравственной репутаціи издателя, конечно, лучше, если онъ не беретъ денегъ за напечатаніе тѣхъ или другихъ статей въ своей газетѣ, а просто печатаетъ безъ разбору все что ему доставляется. Но для репутаціи изданія все равно за деньги ли или даромъ доступно оно всякому желающему пользоваться имъ какъ орудіемъ. Мы не имѣемъ напримѣръ ни малѣйшаго основанія думать, чтобы господинъ печатавшій въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* статьи о кременчугской линіи и подписывавшійся буквой М., платилъ деньги за напечатаніе этихъ статей, но мы имѣемъ основанія утверждать, что этотъ господинъ, скрывавшій свое имя отъ публики, хотя конечно не скрывавшій его отъ редакціи, писалъ о предметѣ своихъ заботъ разомъ въ нѣсколькихъ газетахъ, какъ петербургскихъ, такъ и провинціяльныхъ, и такимъ образомъ, будучи однимъ человѣкомъ, вводилъ добрыхъ людей въ заблужденіе, что одинъ и тотъ же голосъ раздается съ разныхъ сторонъ. Благодаря неразборчивости, недальновидности и податливости однѣхъ редакцій и подкупности или зависимости другихъ, голосъ одного человѣка могъ быть принятъ и публикой и правительствомъ за мнѣніе значительной части русскаго общества въ разныхъ краяхъ Россіи, и *С.-Петербургскія Вѣдомости* усердно содѣйствовали такому результату. Вотъ къ чему ведетъ допущеніе анонимовъ и псевдонимовъ въ статьяхъ политическихъ по такимъ вопросамъ о которыхъ редакція газеты не имѣетъ самостоятельнаго мнѣнія. Вотъ къ чему ведутъ эти расплодившіяся у насъ передовыя статьи, которыя пишутся кѣмъ ни попало и въ которыхъ редакція газеты оборачивается то какимъ-нибудь усердствующимъ по службѣ правителемъ канцеляріи, то рыдающимъ о своихъ ученикахъ и приглашающимъ публику на свои гимназическіе уроки учителемъ. При такомъ состояніи газетнаго дѣла два-три человѣка могутъ по любому вопросу нагло бороться съ дѣйствительнымъ общественнымъ мнѣніемъ, могутъ разыгрывать представленіе, въ которомъ они являются на сцену въ образѣ цѣлой партіи, заслуживающей вниманія и уваженія. Такое состояніе печати причиняетъ неисчислимый вредъ всѣмъ существеннымъ интересамъ. Оно неминуемо вызоветъ серіозную реакцію въ обществѣ,—реакцію, которая скажется тѣмъ, что газеты, неспособныя серіозно взглянуть на свои обязанности передъ публикой, потеряютъ всякій кредитъ.

Что касается до сущности дѣла, подавшаго *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* поводъ къ такому куріозному препирательству, то нельзя не признать, что гарантія безграничнаго дѣйствительнаго расхода совершенно противорѣчитъ здравому смыслу,

но что гарантія дѣйствительнаго расхода ограниченная такъ, какъ было нами сказано въ № 212, выгоднѣе чѣмъ слишкомъ высокая поверстная гарантія, заранѣе опредѣленная въ концессіи. Постепенность тутъ такая: всего выгоднѣе для государства гарантія валоваго дохода; если нельзя найдти охотниковъ для гарантіи этого рода, то желательна умѣренная поверстная гарантія; если же и она невозможна, то лучше дать гарантію по дѣйствительному расходу чѣмъ возвышать до баснословныхъ размѣровъ гарантію поверстную. Впрочемъ гарантія по дѣйствительному расходу никакъ не можетъ быть принята за общее правило; она должна остаться исключеніемъ, допускаемымъ для линій особенной государственной важности, которыхъ сооруженіемъ нельзя медлить. Имѣетъ ли таганрогская линія сама по себѣ такую важность, чтобы за нее заручались всѣ плательщики податей въ государствѣ? Азовское море не можетъ идти въ сравненіе съ Чернымъ. Направленіе къ Азіи не можетъ соперничать съ направленіемъ къ Европѣ; мѣстности, по которымъ будетъ проходить таганрогская линія, не въ правѣ такъ жаловаться на свое теперешнее экономическое положеніе какъ болѣе западныя части южной Россіи, для которыхъ, послѣ освобожденія крестьянъ и упадка сельско-хозяйственныхъ промысловъ, винокуреннаго и свеклосахарнаго, нѣтъ другаго спасенія, кромѣ желѣзной дороги. Поэтому, соображая всѣ данныя, мы приходимъ къ заключенію, что тяжелыя жертвы, требуемыя отъ казны компаніей Таганрогской желѣзной дороги (шестипроцентная гарантія дѣйствительнаго расхода съ упомянутымъ выше ограниченіемъ, полупроцентное ежегодное погашеніе и 5% единовременной банкирской комиссіи), были бы не соразмѣрны съ результатомъ и отозвались бы на Россіи болѣзненно, еслибъ учредители компаніи не присоединили къ своему предпріятію курско-кіевскаго участка и не обязались начать работы одновременно и отъ Кіева и отъ Азовскаго моря. Въ Россіи есть только одна линія, для которой нельзя считать жертвъ,—та линія, сооруженіе которой было объявлено цѣлью лоттерейнаго займа,—линія отъ Москвы къ Черному морю, и притомъ такая линія, которая соединила бы съ Москвой и съ Чернымъ моремъ Кіевъ и разомъ освободила бы насъ отъ проектовъ, плодящихся повидимому безъ конца и по странной игрѣ случая имѣющихъ цѣлію связать Кіевъ съ чѣмъ угодно, лишь бы не съ Москвой и не съ ближайшимъ къ нему портовымъ городомъ.

№ 229.

Москва, 19-го октября.

Американское междуусобіе прекратилось. Едва затихъ шумъ брани, какъ уже побѣдитель складываетъ съ себя всѣ военные доспѣхи; громадныя арміи распускаются съ замѣчательною быстротой: недавніе полководцы обращаются къ мирнымъ занятіямъ въ коммерческихъ конторахъ; военные припасы и снаряды, ружья, пушки, даже канонирки продаются правительствомъ съ публичнаго торга, и это даетъ злымъ языкамъ случай замѣтить, что король прусскій, такъ давно мечтающій о военномъ флотѣ, могъ бы положить ему основаніе выгодною покупкой нѣсколькихъ судовъ у американскаго правительства. Въ то же время военное положеніе постепенно снимается съ южныхъ штатовъ; федеральныя войска оттуда выводятся; для поддержанія порядка организуется національная гвардія изъ мѣстныхъ жителей, и подъ однимъ только условіемъ отмѣнить постановленіе объ отдѣленіи, каждый изъ штатовъ бывшей Конфедераціи вновь принимается въ лоно Союза. Въ Европѣ, гдѣ ожидали, что побѣда мгновенно превратится въ порабощеніе Юга, изумляются теперь этому исходу, опасаясь, что предоставлять соблюденіе порядка въ штатахъ, гдѣ едва затихъ мятежъ, мѣстной національной гвардіи слишкомъ опрометчиво. Но и это изумленіе, и эти опасенія совершенно неосновательны. Не говоря уже о томъ, что въ случаѣ нужды Соединенные Штаты опять также легко импровизуютъ всѣ нужные для войны способы, какъ они импровизовали уже ихъ въ эти четыре года, самый характеръ американскаго государства и дѣйствительная причина американскаго междуусобія не позволяютъ смотрѣть на теперешнія мѣры съ европейской точки зрѣнія. Соединенные Штаты государство совершенно особаго рода. Тамъ нѣтъ антагонизма между разными частями территоріи, которыя помнили бы, которыя имѣли бы когда-либо свое особое независимое государственное существованіе; тамъ нѣтъ

національной розни, нѣтъ ни клочка земли который былъ бы заселенъ отдѣльною національностью, если не считать дикихъ Индѣйцевъ, оттѣсненныхъ на дальній западъ, не входящихъ въ составъ государственнаго управленія и никогда не представлявшихъ, не представляющихъ и не имѣющихъ представлять собою никакого серіознаго затрудненія для правительства; тамъ нѣтъ наконецъ опасныхъ и соревнующихъ сосѣдей, а потому нѣтъ и той постоянной подземной борьбы, которая въ старой Европѣ извѣстна подъ именемъ дружескихъ дипломатическихъ сношеній. Для иностранной интриги тамъ мало поживы. Въ Соединенныхъ Штатахъ не было и нѣтъ мѣста ни для какого національнаго вопроса. Англосаксонская раса повсемѣстно преобладала между колонистами, и англійскій языкъ, ставъ государственнымъ языкомъ Республики, послужилъ крѣпкимъ и неизмѣннымъ выраженіемъ ея національнаго единства. Одинъ языкъ, одна нація. Остальное, религія, происхожденіе, нравы, обычаи, все это можетъ быть разнообразно до безконечности, и несмотря на то, граждане одного государства, говорящіе однимъ языкомъ, будутъ всегда считать себя единою націей. Въ Америкѣ нѣтъ штата, нѣтъ города, нѣтъ мѣстечка, гдѣ нельзя было бы подмѣтить какой-нибудь особенности въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, или въ домашнемъ бытѣ, и тѣмъ не менѣе, пока существуетъ Союзъ, никому изъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ и въ голову не придетъ подумать, что всѣ они не составляютъ вмѣстѣ единой и нераздѣльной націи. Разъединять Сѣверо Американцевъ могутъ только политическіе или соціальные, а никакъ не національные вопросы. По согласному свидѣтельству всѣхъ мѣстныхъ корреспондентовъ, южные штаты съ замѣчательною покорностью относятся къ своему пораженію, и говорятъ о немъ какъ бы о какой-нибудь избирательной неудачѣ. „Вотъ какъ разсуждаютъ, замѣчаетъ нью-йоркскій корреспондентъ *Times*, отъ 23-го октября, въ странѣ, которую почему-то называютъ въ Европѣ *колоссальною Польшей*.“ Въ самомъ дѣлѣ исторія не представляетъ, кажется, двухъ явленій менѣе сходныхъ чѣмъ Польша и Южная Конфедерація. Борьба Конфедераціи съ Сѣверомъ основывалась на различіи экономическихъ интересовъ и преимущественно на вопросѣ о невольничествѣ. Опасаясь за свое домашнее учрежденіе, Южане издавна дорожили властью въ Союзѣ и очень долго пользовались ею, несмотря на свою численную слабость. Не довольствуясь, однако, временнымъ торжествомъ своимъ, южные невольничьи штаты пожелали совсѣмъ отдѣлиться и быть разъ навсегда свободными отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ „домашнее учрежденіе,“ которое стало бы такимъ образомъ неприкосновенно. Они воспользовались четырьмя годами президентства Бьюканана, и цѣлымъ рядомъ правительственныхъ мѣръ, все приготовили къ возстанію. Этой тайной интригѣ не менѣе тайно помогала, въ этомъ почти нѣтъ сомнѣнія, Англія. Участіе Англіи въ подготовкѣ американскаго сепаратизма разсматривается въ Америкѣ какъ фактъ не подлежащій сомнѣнію, какъ наоборотъ, нынѣшнее движеніе ирландскихъ феніевъ, несомнѣнно пользуется поддержкой если не прямо со стороны правительства, то непремѣнно уже со стороны населенія Соединенныхъ Штатовъ, являясь какъ бы возмездіемъ Англіи за ея козни. Но замыселъ не удался, несмотря на благопріятную обстановку; онъ разбился объ энергію Сѣверянъ, твердо рѣшившихся не допускать Союза до распаденія; онъ повелъ только къ отмѣнѣ невольничества, бывшаго главною причиной розни. Не стало невольничества, не станетъ и розни между сѣверными и южными штатами: мудрено ли, что правительство такъ безбоязненно приступаетъ къ разоруженію, и что дѣло замиренія совершается такъ скоро и легко?...

Впрочемъ, если въ войскѣ и въ военныхъ мѣрахъ противъ недавнихъ мятежниковъ почти нѣтъ надобности, то внутренняя политика стала теперь въ Соединенныхъ Штатахъ гораздо труднѣе чѣмъ прежде. Съ внѣшнимъ замиреніемъ далеко не кончаются еще всѣ затрудненія, возникшія изъ сепаратизма. Напротивъ того, истинныя трудности только теперь еще начинаются, и довести до конца полную реорганизацію южныхъ штатовъ несравненно мудренѣе чѣмъ было вести самую войну. Прежде всего надо дать неграмъ извѣстное гражданское положеніе въ государствѣ. Еще во время войны, вслѣдъ за диктаторскимъ освобожденіемъ невольниковъ президентскою прокламаціей, было уже трудно удерживать въ порядкѣ массы освобожденныхъ изъ рабства негровъ, отказывавшихся работать на своихъ бывшихъ

господъ, и приходилось принуждать ихъ къ тому силой федеральнаго оружія. Образованіе черныхъ батальйоновъ только отсрочило, но не уничтожило затрудненія. Теперь, съ распущеніемъ этихъ батальйоновъ, необходимость устроить прямымъ образомъ состояніе бывшихъ рабовъ становится еще болѣе чувствительною. До какой степени трудно заранѣе предвидѣть характеръ рѣшенія этого вопроса, видно, между прочимъ, изъ того, какъ различно и даже противоположно относятся къ вопросу даже многіе изъ сѣверныхъ штатовъ. Правда, большинство ихъ высказалось въ пользу полнаго уравненія политическихъ (избирательныхъ) правъ негровъ съ правами бѣлыхъ; но въ Коннектикутѣ, подъ шумъ восторженныхъ рукоплесканій демократической партіи, черные и цвѣтные люди совсѣмъ лишены политическихъ правъ; въ Нью-Іоркѣ черные и мулаты признаны избирателями только въ такомъ случаѣ, если владѣютъ собственностью въ 250 долларовъ; въ Огайо мулатамъ дано избирательное право, а неграмъ нѣтъ.

Президентъ Джонсонъ не хочетъ портить дѣло поспѣшностью. Человѣкъ Юга, онъ всегда стоялъ за единство и крѣпость Союза, и передъ самымъ отдѣленіемъ южныхъ штатовъ горько упрекалъ своихъ товарищей-Южанъ въ ихъ сепаратистическихъ наклонностяхъ. Но желая крѣпости Союза, онъ не желаетъ возстановленія ея въ ущербъ самостоятельнымъ правамъ штатовъ, и готовъ скорѣе на уступки и компромиссы чѣмъ на насильственное рѣшеніе вопроса. Лично самъ склоняясь, по всему судя, въ пользу дарованія освобожденнымъ неграмъ политическихъ правъ, г. Джонсонъ остерегается прямо высказываться въ этомъ смыслѣ. Недавно въ Вашингтонѣ, обращаясь съ рѣчью къ полку распускаемыхъ черныхъ солдатъ, онъ объяснялъ имъ, что *свобода* значитъ для нихъ вольный трудъ и право пользоваться плодами этого труда, и что теперь, возвращаясь къ мирнымъ занятіямъ, они должны будутъ доказать, на сколько они дѣйствительно способны пользоваться этой свободой. Президентъ прибавилъ, что въ настоящее время предлежитъ рѣшенію вопросъ: могутъ ли четыре милліона чернаго племени, въ борьбѣ съ вѣковыми противъ нихъ предразсудками со стороны бѣлыхъ, уживаться рядомъ съ этими послѣдними подъ вліяніемъ одной и той же соціальной системы, или должны быть выдѣлены отъ прочаго населенія и жить особымъ народомъ? Въ заключеніе, впрочемъ, г. Джонсонъ рекомендовалъ своимъ слушателямъ доказать возможность первой комбинаціи посредствомъ усовершенствованія и добраго употребленія своихъ физическихъ и духовныхъ способностей.

Въ виду взаимно исключающихъ одна другую партій, президентъ и не можетъ не слѣдовать наиболѣе осторожнымъ и примирительнымъ путемъ. Онъ не можетъ дѣйствовать въ духѣ демократовъ, громко восхваляющихъ рѣшеніе Коннектикута и требующихъ безусловнаго возстановленія южныхъ штатовъ во всѣхъ ихъ правахъ; но онъ не можетъ и явно идти противъ нихъ, такъ какъ ихъ партія очень могущественна и можетъ пересилить его на конгрессѣ. Но со стороны президента было бы еще бо́льшимъ безуміемъ войдти въ виды радикальныхъ республиканцевъ, требующихъ, чтобы неграмъ непосредственно и немедленно дарованы были всѣ политическія права наравнѣ съ бѣлыми, и чтобы южные штаты удерживались въ значеніи неполноправныхъ территорій, не имѣющихъ автономіи прочихъ штатовъ. Г. Джонсонъ довольно счастливо избѣгалъ до сихъ поръ обѣихъ крайностей, поддерживаемый въ своей благоразумной политикѣ огромнымъ большинствомъ умѣренныхъ республиканцевъ, или республиканцевъ-консерваторовъ. Есть основанія думать, что эта фракція республиканцевъ-консерваторовъ соединитъ въ свою пользу большинство въ будущемъ конгрессѣ, но можетъ случиться, что Южане, своимъ неосторожнымъ образомъ дѣйствій въ конгрессѣ, возбудятъ реакцію со стороны радикаловъ и всего общественнаго мнѣнія Сѣвера. Впрочемъ, правительство приняло мѣры противъ возможности преобладанія въ конгрессѣ враждебныхъ правительству элементовъ: новая присяга, по которой каждый членъ обѣихъ палатъ обязанъ принести клятву, что онъ никогда не оказывалъ добровольной помощи врагамъ Соединенныхъ Штатовъ, сохраняетъ пока за собою силу закона, и едвали еще скоро будетъ отмѣнена. Можетъ произойдти также и то, что демократы окажутся въ огромномъ большинствѣ въ конгрессѣ, и этотъ послѣдній приметъ тогда южные штаты въ Союзъ безъ всякихъ стѣснительныхъ условій. Въ такомъ случаѣ очень возможенъ, кажется, переходъ къ диктатурѣ...

№ 230.

Москва, 20-го октября.

А.

Публицисты *Рижской Газеты* и тѣ публицисты, которые шлютъ свои корреспонденціи въ иностранныя газеты изъ Петербурга, изъ Риги, изъ Митавы, или которые издаютъ отдѣльныя брошюрки на нѣмецкомъ языкѣ о дѣлахъ нашихъ прибалтійскихъ губерній, словно сговорились между собой морочить свою мѣстную и заграничную публику, увѣряя ее, будто бы мы всегда были нападающею стороной, а они, бѣдные, принуждены только защищаться отъ насъ, будто бы мы ведемъ безпощадную борьбу противъ лютеранскаго вѣроисповѣданія и нѣмецкаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ, будто бы въ своемъ національномъ фанатизмѣ мы готовы прибѣгать къ самымъ безнравственнымъ средствамъ, какъ недавно выразилась одна неистовая брошюрка, изданная нѣкіимъ г. Егоромъ фонъ-Сиверсомъ, о которой еще придется намъ поговорить. Наше замѣчаніе, что въ Ригѣ преобладаетъ коммиссіонная торговля, замѣчаніе фактически неопровержимое, объясняется нашимъ желаніемъ возбудить русское купечество къ жизни и въ то же время приписывается нашему невѣжеству въ политической экономіи, вслѣдствіе котораго транзитная торговля будто бы не имѣетъ въ нашихъ глазахъ никакой цѣны и значенія. Сочинивъ сами, что, по нашему мнѣнію, Рига не есть торговый городъ, эти господа приходятъ въ негодованіе отъ такого явнаго доказательства нашей слѣпой злобы ко всему нѣмецкому. „Вотъ какимъ оружіемъ," восклицаетъ петербургскій корреспондентъ *National-Zeitung*, ведется борьба противъ нѣмецкаго элемента *(Deutschthum)* въ прибалтійскихъ губерніяхъ! Даже и тотъ, кто не имѣетъ ни малѣйшей симпатіи къ тамошнему *юнкерству* и хорошо видитъ всѣ тамошніе недостатки, долженъ съ ужасомъ устраниться отъ такого сообщества." Ужасъ, который мы внушили петербургскому публицисту своими замѣчаніями о рижской заграничной торговлѣ, нисколько насъ не смущаетъ, и мы полагаемъ также, что, не имѣя чести знать его, нисколько не потеряемъ, если онъ устранится отъ нашего сообщества. Точно также нисколько насъ не трогаютъ всѣ небылицы, возводимыя на насъ нѣмецкими корреспондентами изъ Россіи, хотя они и увѣряютъ что, защищаясь отъ нашихъ нападеній, они обращаютъ свои взоры къ такимъ сферамъ, куда нашъ голосъ возноситься не можетъ. Всѣ эти обвиненія, такъ мало соотвѣтствующія положенію, которое мы приняли съ самаго начала и сохранили до настоящей минуты въ вопросахъ касающихся прибалтійскихъ губерній, давно уже перестали быть для насъ новостью, и мы возвращаемся къ нимъ теперь только потому что они высказаны петербургскимъ корреспондентомъ *National-Zeitung* въ такой связи, которая бросаетъ свѣтъ на мнимыхъ защитниковъ прибалтійскаго края.

Итакъ, насъ обвиняютъ въ безпощадной и фанатической борьбѣ противъ нѣмецкаго элемента въ прибалтійскихъ губерніяхъ, противъ существующихъ тамъ законныхъ правъ, наконецъ, противъ всего ихъ быта, который мы будто бы желаемъ насильственно вырвать съ корнемъ вонъ, безпрерывно „натравливая" (sic!) общественное мнѣніе Россіи противъ тамошнихъ порядковъ. Иностранная публика, которая не имѣетъ ни охоты, ни возможности слѣдить за нашею дѣятельностью, пожалуй, повѣритъ этимъ обвиненіямъ; но мы полагаемъ, что ни намъ, ни прибалтійскимъ публицистамъ не будетъ оттого ни тепло, ни холодно. Если же и въ своихъ обвиненіяхъ, также какъ и въ своей защитѣ, они, по собственному ихъ увѣренію, обращаютъ свои взоры вверхъ, то мы можемъ быть увѣрены, что ихъ усилія останутся напрасными, и что русской публикѣ, и вверху, и внизу, болѣе или менѣе хорошо извѣстно, какъ было дѣло и какъ оно было ведено нами съ начала и до конца. Мы никогда не проповѣдывали ни малѣйшаго насилія противъ прибалтійскихъ губерній. Вся наша дѣятельность, по вопросамъ, касающимся этихъ губерній, ограничивалась до сихъ поръ только отпоромъ той смутѣ, которую закулисные интриганы стараются произвести въ томъ краѣ, и тѣмъ пововведеніямъ, которыхъ домогались они и которыя не согласовались ни съ интересами этого края, ни съ интересами цѣлой Россіи. Положеніе, принятое нами, отличалось самымъ консервативнымъ характеромъ, и было гораздо болѣе оборонительное чѣмъ наступательное. Возникла мысль о германизаціи всего мѣстнаго на-

селенія,—мысль, которая была высказана публично въ проповѣди передъ открытіемъ лифляндскаго сейма, и осуществленіе которой вмѣнялось высшимъ классамъ общества почти въ религіозную обязанность: мы сочли своимъ долгомъ высказаться противъ этой мысли, которая до сихъ поръ была чужда самимъ высшимъ классамъ мѣстнаго общества. Какимъ образомъ можно было бы остаться равнодушнымъ къ ученію о необходимости германизировать все мѣстное населеніе въ трехъ пограничныхъ съ Германіей губерніяхъ Россіи? Было ли бы совмѣстно съ достоинствомъ Россіи, чтобы подъ ея сѣнью не русскій элементъ, а нѣмецкій дѣлалъ завоеванія среди инородческихъ ея населеній? Было ли бы совмѣстно съ интересами самого края, составляющаго нераздѣльную часть и вѣчное достояніе Россіи, чтобы въ немъ возбуждались и усиливались тяготѣнія не къ Россіи, а къ сосѣдней Германіи, именно теперь заявившей крайнюю неумѣренность своихъ національныхъ притязаній? Еслибы мысль лифляндскаго проповѣдника осуществилась, и въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ не осталось никакихъ другихъ элементовъ, кромѣ нѣмецкаго, не проявились ли бы тамъ, въ нашъ вѣкъ національныхъ возбужденій, тяготѣнія къ Германіи, и не сталъ ли бы этотъ край, къ величайшему ущербу для самого себя, яблокомъ раздора между нею и Россіей? На призывъ лифляндскаго проповѣдника служившаго, по увѣренію мѣстныхъ газетъ (руководимыхъ мѣстными властями), выразителемъ общественнаго мнѣнія господствующаго въ цѣломъ краѣ,—на призывъ его германизировать все мѣстное населеніе мы обязаны были отвѣчать, что подобная германизація ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допускаема Россіей, и что подъ русскимъ скипетромъ возможны завоеванія среди инородческихъ населеній только для русской народности, а отнюдь не для какого-нибудь изъ инородческихъ же элементовъ.

Точно также не нами были возбуждены и другіе вопросы, касающіеся прибалтійскихъ губерній, и намъ приходилось только высказывать наши мнѣнія о тѣхъ политическихъ стремленіяхъ и начинаніяхъ, которыя обнаружились совершенно на распашку и безцеремонно. Станутъ ли отрицать *Рижская Газета* и другіе прибалтійскіе публицисты, что въ мѣстной печати, руководимой закулисными вліяніями, рѣчь шла о преобразованіи всего нынѣшняго порядка вещей въ прибалтійскихъ губерніяхъ, о соединеніи всѣхъ трехъ губерній въ политическое цѣлое, съ однимъ сеймомъ, въ которомъ бы городскія сословія сливались съ дворянствомъ въ одну націю, конечно, нѣмецкую. Эти стремленія къ нововведеніямъ начали проявляться не на словахъ только, а отчасти и на самомъ дѣлѣ: устроена была центральная юстицъ-коммиссія, въ которой засѣдали представители корпорацій всѣхъ трехъ губерній, и которая, по словамъ статьи *сообщенной* въ *Рижскую Газету* отъ мѣстныхъ правительственныхъ властей, должна была послужить только началомъ для постоянной совокупной дѣятельности этихъ губерній, будто бы входящей въ планы правительства. Въ виду этихъ стремленій и начинаній, русскій публицистъ не исполнилъ бы своей обязанности, еслибы не указалъ, до какой степени они не согласны ни съ существующимъ положеніемъ вещей, ни съ интересами цѣлаго государства. Соединеніе трехъ губерній въ особое политическое цѣлое было бы первымъ шагомъ къ дальнѣйшему политическому обособленію ихъ отъ Россіи, котораго она ни въ какомъ случаѣ допустить не можетъ, какъ въ своихъ государственныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ мѣстныхъ обществъ, которыя, поддавшись интригѣ и увлекшись стремленіями все къ большему и большему обособленію отъ Россіи, могли бы навлечь на себя величайшія бѣдствія въ будущемъ. Притомъ же и вообще начало политическаго разъединенія не можетъ быть терпимо въ живомъ государствѣ, особенно на его окраинахъ, да еще западныхъ окраинахъ. Наконецъ, сліяніе Курляндской губерніи съ Лифляндскою и Эстляндскою не можетъ быть допущено и потому, что если учрежденія двухъ послѣднихъ имѣютъ за себя нѣкоторое историческое основаніе, то Курляндская губернія была присоединена къ Россіи безъ какихъ бы то ни было условій и капитуляцій. Такимъ образомъ, возвышая свой голосъ противъ опасныхъ начинаній и закулисныхъ интригъ, мы исполняли только долгъ всякаго русскаго публициста. Да и вообще мы стояли твердо на почвѣ существующаго порядка вещей, и не поднимали никакихъ политическихъ или соціальныхъ вопросовъ по отношенію къ этому краю; но мы понимали,

что реформы къ лучшему необходимы въ этомъ краѣ, какъ необходимы и вездѣ, и когда сами балтійскіе публицисты заводили рѣчь объ этомъ предметѣ, мы считали себя обязанными высказать, что преобразованія въ томъ краѣ должны быть направлены не къ дальнѣйшему отчужденію его отъ Россіи, а напротивъ къ возможно большему сближенію съ нею. Этого, очевидно, требуютъ интересы какъ Россіи, такъ и трехъ прибалтійскихъ губерній. Единственное нововведеніе, на которомъ мы неотложно настаивали и настаиваемъ во имя разума, во имя справедливости, во имя Русскаго государства, во имя уваженія къ русскому народу, который создалъ его и запечатлѣлъ своею кровью каждый клочокъ русской государственной территоріи, — единственное нововведеніе, говоримъ мы, котораго мы желали, ссылаясь на чувство всякаго мыслящаго и честнаго Русскаго, заключалось въ томъ, чтобы русскій языкъ былъ полноправнымъ языкомъ въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ наравнѣ съ языкомъ нѣмецкимъ, такъ чтобы въ мѣстныхъ законахъ, въ мѣстныхъ судахъ и администраціи, онъ столько же былъ языкомъ офиціяльнымъ, сколько и нѣмецкій. Мы отнюдь не проповѣдовали искорененія нѣмецкаго языка, какъ и не сзывали крестоваго похода противъ лютеранизма; мы только желали, чтобы русскому языку предоставлены были равныя права съ языкомъ нѣмецкимъ, какъ желали чтобы религіозныя потребности правильныхъ населеній въ томъ краѣ были уважены и обезпечены, — и мы увѣрены, что нѣтъ ни одного честнаго русскаго подданнаго, который не раздѣлялъ бы съ нами этого желанія. Вотъ весь нашъ фанатизмъ? Вотъ вся наша безпощадная, истребительная борьба противъ нѣмецкаго элемента въ прибалтійскихъ губерніяхъ!

Но въ то самое время, какъ намъ приписываются самыя фанатическія истребительныя наклонности, тѣ же самые публицисты съ большимъ сочувствіемъ и съ большою похвалой отзываются о другомъ направленіи, обнаруживающемся въ русской печати по отношенію къ балтійскимъ губерніямъ, — о направленіи, какъ они говорятъ, демократическомъ. Это направленіе высказалось цѣлымъ рядомъ статей, помѣщенныхъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*. Въ этихъ статьяхъ не было пощады никакимъ изъ существующихъ привилегій въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Казалось бы, что это направленіе, такъ непріязненое всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ балтійскихъ губерній и особенно дворянству, — казалось бы, что оно должно было возбудить наибольшій гнѣвъ, наибольшее негодованіе со стороны публицистовъ, защищающихъ нѣмецкій элементъ этого края отъ нашихъ мнимыхъ нападокъ, потому что весь нѣмецкій элементъ его заключается въ его привилегированныхъ классахъ. Ничуть не бывало. Вотъ что читаемъ мы въ упомянутой петербургской корреспонденціи, отъ 23-го октября: „Во главѣ этой (демократической) партіи стоитъ человѣкъ, въ высокой степени замѣчательный и смышленый, самъ — Нѣмецъ, и было бы трудно не сочувствовать этой партіи; но она не должна увлекаться нетерпѣніемъ, чтобы не очутиться въ одномъ лагерѣ съ *Московскими Вѣдомостями*“. Что жъ это значитъ? Какимъ образомъ нѣмецкіе публицисты, защищающіе Лифляндію отъ нашихъ нападеній, ими самими вымышляемыхъ, говорятъ съ такимъ отмѣннымъ сочувствіемъ о партіи, которая требуетъ самыхъ радикальныхъ реформъ, и съ кипящею злобой отзываются о нашихъ столь скромныхъ желаніяхъ, отличающихся самымъ консервативнымъ характеромъ? Какъ объяснить себѣ, что во главѣ этой, яко-бы демократической партіи стоитъ лицо признаваемое Нѣмцемъ, о которомъ такъ сочувственно отзывается защитникъ прибалтійскихъ губерній отъ какихъ-то нашихъ нападеній? На этотъ разъ мы ограничиваемся только тѣмъ, что указываемъ на этотъ фактъ благомыслящимъ людямъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и имъ самимъ предлагаемъ всѣ эти вопросы на размышленіе. А вопросы эти стóятъ того чтобы подумать о нихъ.

Б.

Въ офиціяльномъ отдѣлѣ № 224 *Сѣверной Почты* напечатана, подъ заглавіемъ „Халибовское армянское училище,“ поправка на нѣсколько выраженій употребленныхъ нами въ № 221 нашей газеты при случайномъ упоминаніи объ этомъ училищѣ. Вотъ поправка *Сѣверной Почты*:

„Въ передовой статьѣ № 221 *Московскихъ Вѣдомостей* сказано относительно Халибовскаго армянскаго училища въ Ѳеодосіи между прочимъ: „эта же самая шко-

ла приняла совсѣмъ иной характеръ, ког„да, *по распоряженію нынѣшняго мини„стра народнаго просвѣщенія, она стала „получать казенную субвенцію*, превыша„ющую ея собственныя средства.“ Министерство народнаго просвѣщенія *не назначало и не испрашивало* этому учебному заведенію никакого пособія ни изъ какихъ суммъ. Халибовское училище учреждено въ 1858 году, и въ томъ же году, по представленію министерства внутреннихъ дѣлъ, высочайше утверждены для этого училища правила, на основаніи которыхъ *оно изъято отъ непосредственнаго завѣдыванія министерства народнаго просвѣщенія* и было подчинено личному руководству и надзору архимандрита Гавріила Айвазовскаго, а затѣмъ поступило въ завѣдываніе начальниковъ нахичеванской и бессарабской, армяно-грегоріянской епархіи, оставаясь въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ настоящее время возбужденъ вопросъ о подчиненіи Халибовскаго училища министерству народнаго просвѣщенія, но этотъ вопросъ еще не разрѣшенъ и какъ будетъ разрѣшенъ—неизвѣстно.

Выраженія употребленныя нами въ передовой статьѣ № 221 *Московскихъ Вѣдомостей* дѣйствительно не точны, но сказанное тутъ было дополнено въ слѣдующемъ же нумерѣ (222), появившемся за четыре дня до поправки *Сѣверной Почты*. Вторично упомянувъ о Халибовскомъ училищѣ въ Ѳеодосіи, мы писали:

„Пока оно имѣло характеръ частнаго учебнаго заведенія, существовавшаго на частныя средства, до тѣхъ поръ не было повода стѣснять свободу распорядителей относительно выбора языка, на которомъ происходило тамъ преподаваніе. Но теперь оно получаетъ пособіе изъ общихъ государственныхъ средствъ; оно поступаетъ въ завѣдываніе министра народнаго просвѣщенія, и, какъ слышно, дѣлается распоряженіе о превращеніи его въ гимназію. Этому нельзя не радоваться, потому что Ѳеодосія будетъ имѣть училище съ болѣе полнымъ курсомъ чѣмъ прежде, и притомъ открытое для всѣхъ, но было бы въ высшей степени прискорбно, еслибы вмѣстѣ съ полученіемъ казеннаго пособія, это училище не измѣнило своего характера и не ввело обязательнаго преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ.“

Читатели видятъ, что эти слова не находятся въ противорѣчіи съ поправками *Сѣверной Почты*. Свѣдѣнія, лежавшія въ основаніи нашихъ словъ, заключаются въ слѣдующемъ: „Халибовское училище, въ прибавку къ своимъ 3.000 руб., будетъ получать казеннаго пособія 12.000 руб. Оно переходитъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, и какъ говорятъ, принимаются мѣры, чтобъ оно было превращено въ гимназію, но чтобы преподаваніе въ этой гимназіи происходило на армянскомъ языкѣ. Трудно этому вѣрить, но если такъ, то въ Ѳеодосіи осуществится то самое, чего въ Тифлисѣ тщетно требовали отъ одного высокопоставленнаго лица, угрожая ему кинжаломъ“.

№ 231.

Москва, 21-го октября.

Характеръ русской печати видимо измѣняется, и какъ слѣдовало ожидать, измѣняется къ лучшему. Ея отношеніе къ разнымъ современнымъ вопросамъ становится серіознѣе. Частныя газеты преобразуются подъ вліяніемъ усилившагося чувства отвѣтственности. Газеты правительственныя начинаютъ принимать гораздо болѣе живое чѣмъ прежде участіе въ движеніи журналистики; съ тѣмъ вмѣстѣ возрастаетъ ихъ интересъ; онѣ пріобрѣтаютъ то значеніе, которое онѣ должны имѣть въ печати, если хотятъ дѣйствовать въ ней, онѣ вступаютъ на арену живаго взаимнодѣйствія. Еще недавно въ *Сѣверной Почтѣ* можно было находить лишь болѣе или менѣе полезныя и интересныя свѣдѣнія о разныхъ предметахъ, но статьи, имѣвшія вліяніе на движеніе общественнаго мнѣнія по этимъ предметамъ, встрѣчались весьма рѣдко, а потому публика мало слѣдила за *Сѣверной Почтой*. Теперь почти каждый нумеръ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ возбуждаетъ общественное вниманіе. Вчера полученный здѣсь нумеръ этой газеты принесъ весьма важную статью о распоряженіяхъ министра народнаго просвѣщенія по дѣлу о преобразованіи гимназій, —статью которая доказываетъ, что затрудненія встрѣчаемыя этимъ дѣломъ происходятъ не отъ распоряженій подлежащаго министерства, а отъ другихъ причинъ и вліяній. Сегодняшній нумеръ *Сѣверной Почты* возвращаетъ вниманіе публики къ вопросу о пожарахъ и поджогахъ. Мы не

замедлимъ воспользоваться свѣдѣніями заключающимися во вчерашней статьѣ, а теперь считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу статьи „о пожарахъ въ Россіи".

Въ этой статьѣ приводятся интересныя цифры общаго числа пожаровъ въ Европейской Россіи за послѣдніе 23 года. Вотъ эти цифры:

Въ 1842 году.	6.024	Въ 1854 году.	7.462
„ 1843 „	5.443	„ 1855 „	8.650
„ 1844 „	5.941	„ 1856 „	10.780
„ 1845 „	6.120	„ 1857 „	11.020
„ 1846 „	6.692	„ 1858 „	10.073
„ 1847 „	7.859	„ 1859 „	10.915
„ 1848 „	9.907	„ 1860 „	10.456
„ 1849 „	6 750	„ 1861 „	10.317
„ 1850 „	7.648	„ 1862 „	12.320
„ 1851 „	7.180	„ 1863 „	13.640
„ 1852 „	6.664	„ 1864 „	13.718
„ 1853 „	7.412		

Здѣсь особенно интересно возрастаніе числа пожаровъ въ 1848 году и затѣмъ въ 1856 и 1862 годахъ. Послѣднее *Сѣверная Почта* объясняетъ большею точностію донесеній и отчетовъ, именно съ 1862 года, когда на недостатки ихъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было обращено особенное вниманіе губернаторовъ. Но кромѣ того, приведенная таблица показываетъ общее увеличеніе пожаровъ, идущее постепенно съ начала сороковыхъ годовъ. Это общее возвышеніе цифры пожарныхъ случаевъ *Сѣверная Почта* приводитъ въ прямую зависимость отъ увеличенія народонаселенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и построекъ. За эти 23 года число жителей у насъ возросло на $12^1/_2$ милліоновъ душъ. *Сѣверная Почта* предполагаетъ, что изъ этой цифры на Европейскую Россію, кромѣ Финляндіи и Царства Польскаго, приходится 8 милліоновъ приращенія, и что для этого числа людей потребовался по меньшей мѣрѣ милліонъ новыхъ домовъ. А такъ какъ по исчисленіямъ за послѣднее пятилѣтіе, на десять тысячъ домовъ обыкновенно приходится по 16 пожаровъ въ годъ, то на милліонъ должно приходиться 1600 пожаровъ ежегодно. Сверхъ того, *Сѣверная Почта* указываетъ на семейные раздѣлы, сильно умножившіеся со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а понятно, что уменьшеніе численнаго состава семействъ уменьшаетъ средства надзора за огнемъ въ домѣ. Менѣе существенною причиной но все-таки имѣющею свою долю вліянія на увеличеніе числа пожаровъ, *Сѣверная Почта* считаетъ увеличившееся потребленіе чая, особенно распространившееся въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской, а также куреніе табаку,—не безвредныхъ малороссійскихъ люлекъ, а самодѣльныхъ папиросъ, этихъ *скапиросокъ*, какъ ихъ называетъ простой народъ, отъ которыхъ между прочимъ сгорѣла и Нижегородская ярмарка въ 1864 году. Наконецъ упоминаются фосфорныя спички, въ особенности дѣтскія шалости со спичками, и непомѣрное размноженіе съ 1863 года питейныхъ заведеній. Таковы общія причины увеличенія числа пожаровъ, получающія особенную силу отъ образа постройки домовъ въ Россіи, почти исключительно деревянныхъ и нерѣдко скученныхъ, съ соломенными крышами, безъ садовъ между домами и деревьевъ на улицахъ.

Но все это, конечно, относится къ обычному числу пожаровъ, которое, какъ и обычная смертность, можетъ доходить до весьма значительныхъ размѣровъ и причинять много вреда народному благосостоянію и богатству, но рѣзко отличается отъ народныхъ бѣдствій, какими считаются моръ, голодъ, политическіе поджоги. Моровая язва можетъ сильно свирѣпствовать въ томъ или другомъ пунктѣ государства и обнаружиться слабо на общей смертности обширнаго государства. Точно также и поджоги могутъ истребить до тла благосостояніе цѣлыхъ мѣстностей и очень мало отразиться въ общихъ статистическихъ свѣдѣніяхъ о пожарахъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что въ статистическихъ цифрахъ этого рода подводятся къ одному знаменателю всѣ пожары, какъ тѣ отъ которыхъ гибнутъ цѣлые города, такъ и тѣ которые ограничиваются однимъ какимъ-нибудь сараемъ. Если въ этомъ дѣлѣ можно ожидать разъясненій отъ статистики, то развѣ въ отношеніи къ географическому распредѣленію пожаровъ (что требуетъ впрочемъ большаго, весьма добросовѣстнаго и внимательнаго картографическаго труда), и особенно къ цѣнности пожарныхъ убытковъ, какъ вообще объявляемыхъ погорѣльцами, такъ и спеціяльно тѣхъ, которые выплачиваются страховыми обществами и страховыми капиталами министерства государственныхъ имуществъ. Такое примѣненіе статистики выставило

бы въ разительномъ видѣ пожары послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Впрочемъ объ этихъ пожарахъ и *Сѣверная Почта* говоритъ не какъ о явленіи обычномъ, а какъ о народномъ бѣдствіи. Припомнимъ ихъ географическое распространеніе. Сперва они сосредоточиваются преимущественно въ приволжскомъ краѣ, за послѣднее время особенно богатѣвшемъ, и потому привлекавшемъ на себя преимущественное вниманіе нашихъ доброхотовъ. Затѣмъ они охватываютъ собой бо́льшую часть остальныхъ мѣстностей Европейской Россіи, переходятъ въ Западный край, Царство Польское и Галицію, далѣе которой они не идутъ. Уже самый районъ распространенія пожаровъ указывалъ бы на причину этого народнаго бѣдствія, если бы виновники его содержали въ строгой тайнѣ свой злодѣйскій замыселъ. Но этого не было. Повидимому, они считали полезнымъ для своего дѣла, чтобы разоряющійся народъ видѣлъ руку его бичующую, чтобъ онъ зналъ за что несетъ кару. Ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ Галиціи на этотъ счетъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, точно такъ какъ нѣтъ его и по всему пространству Россіи, за единственнымъ исключеніемъ редакцій нѣсколькихъ газетъ, считавшихъ нужнымъ отрицать очевидность и теперь подвергающихся за то заслуженному порицанію отъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ. Эти газеты, говоритъ *Сѣверная Почта*, „всѣ поджоги до единаго приписывали случайностямъ или же проповѣдывали о какой-то пожарной эпидеміи, о небывалой болѣзни, которую назвали „широманіей," и наконецъ, выгораживая тѣхъ, на кого указывала народная молва, дошли до невозможнаго утвержденія, что русскій народъ самъ себя жжетъ: нелѣпость, съ которою можетъ сравниться развѣ только утвержденіе нѣкоторыхъ заграничныхъ органовъ приписавшихъ поджоги русскому правительству." Отвергая подобныя нелѣпости, такъ долго, къ сожалѣнію, повторявшіяся въ нашей печати, неофиціозной, и офиціозной, *Сѣверная Почта* безпристрастно замѣчаетъ что не слѣдуетъ доходить до крайностей и въ противоположномъ направленіи. Живописуя историческими чертами русскія народныя увлеченія, она останавливаетъ свое вниманіе на томъ, что при „всей нелѣпости и превратности толковъ, чуткое народное чувство каждый разъ указывало какъ на виновниковъ бѣдствій на тѣхъ людей, которые въ данную минуту дѣйствительно были тайными или явными недругами русскаго государства и русскаго народа," но обращаясь къ пожарамъ 1864 и 1865 годовъ, выставляетъ на видъ ошибочность толковъ, которыя „обобщили всѣ факты дѣйствительно бывшихъ въ значительномъ числѣ противъ прежнихъ лѣтъ поджоговъ и всѣмъ этимъ случаямъ приписали одно происхожденіе". Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ народные толки о политическихъ поджигателяхъ были сопряжены съ ошибочною увѣренностью въ совершенномъ исчезновеніи всякаго рода другихъ поджигателей, но если *Сѣверная Почта* полагаетъ, что эта ошибочная увѣренность перешла въ русскую печать, то она положительно сама ошибается. Мы читаемъ въ *Сѣверной Почтѣ*:

„У насъ подъ руками свѣдѣнія о пожарахъ и поджогахъ не по одному какому-либо краю, но по всей Россіи. Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія этихъ свѣдѣній мы имѣемъ возможность сказать, что нѣкоторые изъ исчисленныхъ нами толковъ не имѣютъ никакихъ основаній, а тѣ, которые не лишены основательности, оказываются преувеличенными. Дѣйствительно были въ западномъ краѣ поджоги, гдѣ злодѣями оказывались люди той категоріи, изъ которой незадолго до того выходили жандармы-вѣшатели. Были и въ другихъ мѣстахъ поджоги,-явно обнаруживающіе тѣ же самыя злонамѣренныя стремленія, которыя такъ ярко были освящены заревомъ петербургскихъ пожаровъ 1862 года. Но при всемъ томъ далеко нѣтъ достаточнаго основанія предположить, чтобы *всѣ* пожары, опустошившіе въ 1864 и 1865 годахъ Россію, чтобы *всѣ* поджоги были дѣломъ польской или какой другой интриги."

Сѣверная Почта очевидно полагаетъ, что въ русской печати было утверждаемо, будто *всѣ* пожары и *всѣ* поджоги 1864 и 1865 годовъ были дѣломъ польской или другой какой интриги. Что *Сѣверная Почта* такъ думаетъ, въ этомъ убѣждаетъ еще слѣдующее мѣсто:

„И печатные толки не избѣгли преувеличеній. Такъ въ однихъ журналахъ хотѣли видѣть обширную и правильно организованную Поляками шайку поджигателей, дѣйствовавшихъ съ политическою цѣлью вездѣ—отъ большихъ городовъ внутренней и западной Россіи до малолюдныхъ

деревень и починковъ какой-нибудь Вологодской губерніи. Въ другихъ" и т. д.

Такъ какъ *Московскія Вѣдомости*, къ сожалѣнію, были единственною русскою газетой, говорившей о шайкѣ поджигателей, прежде нежели заговорили о томъ офиціяльныя газеты, то мы принуждены принять на свой счетъ выписанныя нами слова *Сѣверной Почты* и протестовать противъ нихъ. Мы никогда не высказывали такой нелѣпости, будто всѣ пожары происходятъ отъ поджоговъ, а всѣ поджоги имѣютъ политическій характеръ. Мы даже предупреждали публику противъ невниманія къ обыкновеннымъ причинамъ пожаровъ и напечатали статью П. Б. Бланка, которая, несмотря на имя своего автора, была радостно привѣтствована петербургскими газетами, какъ признакъ того, что мы отступаемся отъ намѣренія обвинять поджигателей въ поджигательствѣ.

Итакъ, мы позволяемъ себѣ думать, что по вопросу о поджогахъ мы не впадали въ крайность, и что безпристрастіе отнюдь не предписываетъ *Сѣверной Почтѣ* становиться по этому вопросу въ равномъ разстояніи и отъ насъ и отъ проповѣдниковъ пироманіи. Мы позволяемъ себѣ также думать, что если нашъ голосъ производилъ какое-нибудь дѣйствіе, то производилъ только полезное дѣйствіе. Онъ не могъ увеличивать панику, не могъ усиливать народные толки, но онъ былъ слабъ; для успокоенія публики и устрашенія злоумышленниковъ требовались правительственныя заявленія и дѣйствія, изъ которыхъ было бы видно, что сама правительственная власть признаетъ серіозность положенія дѣлъ и принимаетъ мѣры къ пресѣченію зла. Вотъ что требовалось, и вотъ почему сперва слухи о поимкѣ нѣсколькихъ поджигателей, а потомъ офиціяльныя статьи напечатанныя въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, *Русскомъ Инвалидѣ* и *Сѣверной Почтѣ* подѣйствовали такъ благотворно и на настроеніе публики и на прекращеніе пожарной эпидеміи. Наша заслуга заключается единственно въ правильномъ взглядѣ на дѣло, въ томъ оправдавшемся на практикѣ убѣжденіи, что гласность должна тутъ принести огромную пользу. Какъ велика эта польза, доказывается несомнѣнными цифрами. Акціи страховыхъ обществъ постоянно падали со времени симбирскаго пожара. Цѣны были слѣдующія:

	августъ 1864 г.	сентябрь 1864 г.
1 Россійское Общество. . .	460 р.	405 р.
2 „ „ . .	133 „	115 „
Саламандра	245 „	230 „
Петербургское Общество . .	148 „	114 „
Московское	125 „	115 „

Между тѣмъ слѣдствія производились, но о ихъ ходѣ ничего не было извѣстно, а въ печати съ азартомъ доказывалось, что поджоговъ никакихъ не было, что по крайней мѣрѣ не было поджоговъ политическихъ. Публика съ трепетомъ ожидала весны, и акціи страховыхъ обществъ падали. Онѣ продолжали падать и лѣтомъ, когда опять начались пожары, а петербургскія газеты успокоивали публику увѣреніемъ, что поджоговъ нѣтъ, и поджигателей не оказывается. Цѣны акцій были слѣдующія:

	апрѣль 1865	май 1865	іюнь 1865
1 Россійское Общество.	350	300	275
2 „ „ .	106	100	90
Саламандра	196	186	170
Петербургское	107	100	90
Московское	105	100	95

Впрочемъ и по этимъ цѣнамъ сдѣлокъ почти не было. Но съ іюля распространилась молва объ успѣшности слѣдствій, а въ началѣ августа появилась достопамятная статья о поджогахъ въ западномъ краѣ. На акціяхъ страховыхъ обществъ это отозвалось слѣдующимъ образомъ:

	2 іюля	10 авг.	10 сент.	12 окт.
1 Россійск. Общество.	275	327	335	362
2 „ „	95	102	103	110
Саламандра	175	200	200	217
Петербургское . . .	90	102	103	125
Московское	95	102	103	122

Ничто не могло дѣйствовать такъ успокоительно на умы и встревоженные интересы, какъ увѣренность, что правительственныя власти смотрятъ на дѣло ясно, и что злокозненныя интриги, которыя желали бы замять и заглушить его, не имѣютъ силы. Встревоженное мнѣніе въ подобныхъ случаяхъ болѣе всего опасается, чтобы злоумышленная махинація не проникла посредствомъ тайныхъ путей въ сферы вліятельныя, чтобъ она не ввела въ заблужденіе людей, стоящихъ у дѣлъ, не отклонила ихъ вниманія отъ истинныхъ причинъ бѣдствія, не усыпила ихъ или не увлекла на ложные пути. Какъ бы ни было велико общественное бѣдствіе, умы не предаются паникѣ, а напротивъ, успокоиваются, коль скоро есть признаки, что пра-

вительство усматриваетъ истинныя причины зла, что злоумышленная махинація не пользуется привилегіей таинственности, что слѣды ея разыскиваются, что входы и выходы ея сторожатся, что обнаруживается полная рѣшимость назвать зло его именемъ и поразить его не въ случайныхъ проявленіяхъ, а въ дѣйствительныхъ причинахъ. Не кара постигающая того или другаго злодѣя можетъ успокоить общественное мнѣніе, а то, что усмотрѣна истинная причина зла. Общественное мнѣніе гораздо болѣе успокоивается тѣмъ, что разоблачена тайная махинація, нежели карой отдѣльныхъ преступниковъ, характеръ которыхъ почему-либо скрывается или представляется въ свѣтъ не вѣрнымъ. Разоблаченная причина зла есть уже болѣе чѣмъ въ половину исправленное и прекращенное зло. Никто не могъ добросовѣстно сомнѣваться, что въ поджогахъ бывшихъ осенью прошлаго года и нынѣшнимъ лѣтомъ участвовала политическая махинація, что къ числу обыкновенныхъ пожаровъ присоединились пожары необыкновенные, и что въ этихъ необыкновенныхъ пожарахъ пылавшихъ какъ бы по данному сигналу вдругъ въ столькихъ мѣстностяхъ, заключается общественное бѣдствіе. Обыкновенные пожарные случаи не могли волновать умы и тревожить общество; только дѣйствіе какихъ-либо необыкновенныхъ причинъ можетъ имѣть характеръ общественнаго бѣдствія. Каково же было бы положеніе общества, еслибъ оно видѣло несомнѣнное дѣйствіе причинъ, и продолжало слышать въ то же время странныя увѣренія, что такихъ причинъ не имѣется и что все идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, что надобно только поосторожнѣе ставить самовары, не забывать зажженной свѣчи на сѣновалѣ и не разбрасывать зажигательныхъ спичекъ? Какая смута должна была бы возникнуть въ умахъ, сколько ужасныхъ подозрѣній и опасеній должно было бы бродить въ народѣ, сколько бы скоплялось печальныхъ недоразумѣній, недовѣрія, раздраженія и ожесточенія? И вотъ изъ пожарнаго бѣдствія могли бы возникнуть еще болѣе пагубныя и опасныя бѣдствія, которыя, именно, и имѣлись въ виду злоумышленниками. Вотъ почему въ этихъ случаяхъ правительство, гдѣ бы то ни было, поступаетъ тѣмъ вѣрнѣе и лучше, чѣмъ менѣе старается скрыть отъ общества истинный характеръ зла, а напротивъ, ясно раскрывая его, и успокоиваетъ общество увѣренностію, что оно не предано въ жертву злодѣйскому заговору. Корреспондентъ одной англійской газеты, говоря о пожарахъ, опустошавшихъ Россію, совершенно справедливо замѣтилъ, что систематическіе поджоги бываютъ у насъ потому, что общество рѣдко узнаетъ что-нибудь о причинахъ постигающихъ его бѣдствій, и что, пользуясь этой тьмой, злоумышленники могутъ дѣйствовать легко и успѣшно и могутъ видѣть въ себѣ силу, грозную для цѣлой страны, для цѣлаго народа. Дѣйствительно, паника возникаетъ только тогда, когда есть причина думать, что стражи не видятъ или не хотятъ видѣть зла и черезъ то даютъ ему самоувѣренность и силу. Паника прекращается, коль скоро дѣло выходитъ изъ таинственнаго сумрака, и всякій убѣждается, что стражи бодрствуютъ на своихъ мѣстахъ, что они ясно видятъ въ чемъ дѣло и вѣрно свидѣтельствуютъ о немъ, принимая противъ него соотвѣтственныя его сущности мѣры.

№ 232.

Москва, 23-го октября.

Биржевыя Вѣдомости, въ нумерѣ полученномъ здѣсь сегодня, напечатали слѣдующее заявленіе почтоваго департамента:

„Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* въ № 227, отвѣчая на статью *Биржевыхъ Вѣдомостей* о произвольномъ возвышеніи платы за печатаніе въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* казенныхъ объявленій, называетъ *„Биржевыя Вѣдомости“ органомъ министерства почтъ и телеграфовъ*, почему и обращается съ просьбою къ министерству *провѣрить всѣ показанія „Бирж выхъ Вѣдомостей“* и затѣмъ *снять съ нихъ, редакторовъ „Московскихъ Вѣдомостей,“ несправедливый укоръ, который пытаются взвести на нихъ „Биржевыя Вѣдомости“*.

„Почтовый департаментъ долгомъ считаетъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что *Биржевыя Вѣдомости* никогда органомъ министерства почтъ и телеграфовъ не были и быть не могутъ, какъ газета частнаго лица. Почтовое управленіе, для цѣлей, о которыхъ неоднократно объявлялось печатно и которыя изложены во всеподданѣйшемъ отчетѣ о дѣйствіяхъ его за 1863 г., также распубликованномъ въ *Биржевыхъ*

Вѣдомостяхъ, признало полезнымъ имѣть въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* только свой почтовый отдѣлъ. Всѣ печатаемыя въ этомъ отдѣлѣ официяльныя распоряженія почтоваго вѣдомства, приказы, объявленія и т. п., относятся къ почтовому управленію; все же прочее, печатающееся въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, есть принадлежность редакціи, на что министерство почтъ и телеграфовъ никакого вліянія, ни прямаго, ни косвеннаго, не имѣетъ. А потому и въ разбирательство полемики какой-либо газеты съ *Биржевыми Вѣдомостями* не входитъ."

Изъ этого заявленія видно, что наши слова были поняты почтовымъ департаментомъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ были нами сказаны. Мы отнюдь не имѣли притязанія обременять министерство почтъ и телеграфовъ „провѣркой всѣхъ показаній *Биржевыхъ Вѣдомостей*". Мы почтительнѣйше просили это вѣдомство о провѣркѣ *нашихъ* показаній, изложенныхъ въ № 227 нашей газеты, и, конечно, позволили себѣ это обращеніе только потому что наши показанія не требовали какой-нибудь особенной провѣрки: что мы не возвышали цѣны платимой за строчку казенныхъ объявленій, это должно быть извѣстно всѣмъ казеннымъ мѣстамъ, а въ томъ числѣ и почтовому департаменту. Мы не имѣли также въ виду вводить министерство почтъ и телеграфовъ въ разбирательство нашей полемики съ *Биржевыми Вѣдомостями*: полемики между нами и этою газетой не было. Съ нашей стороны было только опровергнуто несправедливое показаніе этой газеты, будто мы возвысили плату за казенныя объявленія и такимъ образомъ присвоили себѣ право взыскать въ свою пользу не менѣе 180.000 р. съ своихъ „разоряющихся согражданъ." Такъ какъ это показаніе имѣло своею цѣлію представить насъ въ ненавистномъ видѣ передъ читателями *Биржевыхъ Вѣдомостей*, а читатели даются этой газетѣ министерствомъ почтъ и телеграфовъ, то мы и сочли нужнымъ указать на этотъ случай, свидѣтельствующій, что министерство почтъ и телеграфовъ, можетъ, само, конечно, не зная того, содѣйствовать распространенію клеветы и злословія, вслѣдствіе того отношенія, въ которомъ стоятъ къ нему *Биржевыя Вѣдомости*. Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что *Биржевыя Вѣдомости* издаются не почтовымъ вѣдомствомъ. Но тѣмъ не менѣе остается въ силѣ тотъ фактъ, что на насъ сдѣлано нападеніе при содѣйствіи почтоваго вѣдомства, а слѣдовательно остается въ силѣ и сдѣланный нами вопросъ: не требуется ли справедливостью, чтобы вѣдомство, содѣйствовавшее распространенію неправды, оказало содѣйствіе и возстановленію истины? Этого, кажется, требуетъ элементарная справедливость, и если правительственное вѣдомство, содѣйствуя своими средствами распространенію той или другой несправедливости, брани и клеветы, не имѣетъ возможности ни предупредить, ни поправить зло, то изъ этого, кажется, несомнѣнно слѣдуетъ, что оно находится въ положеніи неправильномъ, въ такомъ положеніи, которое должно быть для него самаго тягостно.

Мы назвали *Биржевыя Вѣдомости* органомъ министерства почтъ и телеграфовъ. Почтовый департаментъ заявляетъ, что *Биржевыя Вѣдомости* никогда не были органомъ этого министерства, что это министерство держитъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* только почтовый отдѣлъ, въ которомъ печатаетъ свои приказы, циркуляры и другіе официяльныя сообщенія. Но именно потому-то всѣ и говорятъ, что *Биржевыя Вѣдомости* служатъ органомъ министерства почтъ и телеграфовъ. Было бы неправильно сказать, что *Биржевыя Вѣдомости* издаются этимъ министерствомъ, но сказать, что онѣ его органъ, это совершенно соотвѣтствуетъ тому употребленію слова *органъ*, которое признается правильнымъ. Точно также годъ тому назадъ всѣ называли эту же самую газету органомъ министерства финансовъ, хотя министерство финансовъ и объявляло неоднократно, что держитъ въ ней только одинъ отдѣлъ, а за другіе отдѣлы нисколько не отвѣчаетъ. Когда то или другое вѣдомство избираетъ ту или другую газету постояннымъ органомъ для своихъ сообщеній, то этимъ самымъ устанавливается извѣстная солидарность между вѣдомствомъ и газетой, и этой солидарности нельзя избѣжать никакими заявленіями о невмѣшательствѣ вѣдомства въ неофиціяльные отдѣлы газеты. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ представить себѣ, что подобная газета, подъ чертою отдѣляющею ея официяльный отдѣлъ отъ неофиціяльнаго, помѣстила какую-нибудь циническую неблагопристойность: развѣ могло бы равнодушно смотрѣть на этотъ скандалъ то вѣдомство, которое печатало въ этой газетѣ свои акты?

Точно также слѣдуетъ сказать и относительно направленія: извѣстная солидарность и тутъ неизбѣжна, Да и можетъ ли быть иначе? Газета, служащая органомъ правительственнаго вѣдомства, пріобрѣтаетъ особенное значеніе для всей публики, которая видитъ въ ней нѣчто болѣе чѣмъ частное изданіе, и невольно возводитъ ея направленіе къ правительственнымъ сферамъ, съ которыми она состоитъ въ связи. Публика совершенно права въ этомъ случаѣ: не можетъ же она думать, чтобы правительственное вѣдомство отдало безъ всякаго основанія предпочтеніе одной частной газетѣ передъ другими. Еще болѣе бываетъ повода къ такимъ заключеніямъ, если газета не только служитъ органомъ для того или другаго вѣдомства, но и распространяется имъ обязательно, или разсылается на казенный счетъ по присутственнымъ мѣстамъ. Тутъ ужъ надобно видѣть не только одобреніе цѣлта газеты, но и желаніе оказать ей поддержку. Печать должна быть, говорятъ, органомъ общественнаго мнѣнія; это значитъ, что она должна опираться единственно на поддержку общества; только тогда могутъ получить въ ней ходъ тѣ мнѣнія и чувства, которыя соотвѣтствуютъ настроенію общества. Но эта зависимость печати отъ общества можетъ быть нарушаема правительственнымъ вмѣшательствомъ въ пользу тѣхъ направленій, которыя не находятъ достаточной поддержки въ обществѣ. Это дѣлается посредствомъ искусственнаго распространенія газетъ покровительствуемыхъ правительствомъ, посредствомъ искусственнаго расширенія круга ихъ читателей. Такія газеты находятся уже въ солидарности не съ обществомъ, а съ правительственными вѣдомствами ихъ поддерживающими, слѣдовательно на эти вѣдомства и падаетъ вся отвѣтственность за ихъ направленіе. Всего очевиднѣе эта солидарность въ тѣхъ случаяхъ когда какая-нибудь газета вовсе не могла бы существовать безъ правительственной поддержки: тогда вѣдомство, покровительствующее газетѣ, несетъ отвѣтственность не только за предпочтеніе оказываемое ея направленію, но и за дарованіе жизни этому направленію. Предположимъ, что *Биржевыя Вѣдомости* не могли бы существовать безъ своей связи съ почтовымъ вѣдомствомъ: не очевидно ли, что на этомъ вѣдомствѣ лежала бы тогда отвѣтственность за всякое слово, высказываемое въ этой газетѣ? А между тѣмъ въ заявленіи почтоваго департамента сказано, что министерство почтъ и телеграфовъ не имѣетъ никакого вліянія, ни прямаго, ни косвеннаго, на то, что̀ печатается въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* внѣ такъ-называемаго почтоваго отдѣла. Мы позволяемъ себѣ спросить, неужели можно считать правильнымъ такое отношеніе правительственнаго вѣдомства къ частной газетѣ?

Выходки *Биржевыхъ Вѣдомостей* не могутъ оскорблять насъ. Замѣтка наша вызвана не чувствомъ оскорбленія, а еще менѣе желаніемъ сказать что-либо непріятное начальствующимъ лицамъ почтоваго вѣдомства; напротивъ мы имѣемъ основанія свидѣтельствовать о ихъ справедливости и доброжелательствѣ во всемъ, что̀ составляетъ обязанность. Но мы сочли своимъ долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы показать во всей очевидности несостоятельность порядка вещей, который ставитъ правительственныя вѣдомства въ положеніе неправильное и неестественное.

№ 233.

А.

Москва, 25-го октября.

Варшавскій корреспондентъ *Крестовой Газеты* сообщаетъ нѣкоторыя подробности о пріемѣ, оказанномъ графу Бергу во Влоцлавкѣ, при торжествѣ открытія новаго моста черезъ Вислу. Населеніе этого торговаго городка состоитъ изъ 9.000 душъ и включаетъ въ себѣ довольно значительное число Нѣмцевъ. Городское общество устроило почетную арку для встрѣчи графа Берга, и потомъ дало ему обѣдъ. Корреспондентъ съ особеннымъ удовольствіемъ указываетъ на то, что всѣ привѣтствія и всѣ рѣчи за этимъ обѣдомъ были сказаны на языкѣ нѣмецкомъ.

Напротивъ, петербургскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* разгнѣванъ поступкомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана въ небольшомъ фабричномъ мѣстечкѣ въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, гдѣ проживаетъ значительное число Нѣмцевъ и которое онъ посѣтилъ во время недавняго своего объѣзда ввѣреннаго ему края. Нѣмецкое населеніе

этого мѣстечка предложило ему обѣдъ, и приготовилось привѣтствовать по-нѣмецки русскаго правителя исконно-русскаго края, но оспариваемаго у Россіи революціонною партіей. Узнавъ объ этомъ, онъ, по разсказу корреспондента, отказался отъ предложенной ему чести, находя неумѣстнымъ употребленіе въ этомъ случаѣ нѣмецкаго языка.

Оставляя на отвѣтственности корреспондента всѣ сообщаемыя имъ росказни, мы позволимъ себѣ только замѣтить, что виленскій генералъ-губернаторъ, какъ русская публика видитъ изъ всѣхъ его дѣйствій, вполнѣ проникнутъ сознаніемъ, что довѣріе Государя возлагаетъ на него обязанность быть въ сѣверо-западномъ краѣ высшимъ представителемъ достоинства и поборникомъ всѣхъ интересовъ русской народности, которая до сихъ поръ оспаривается въ этомъ краѣ всѣми непріязненными партіями. Петербургскій корреспондентъ позволяетъ себѣ глумиться какъ надъ этимъ случаемъ, такъ и надъ тѣмъ, что генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ предпочелъ на одной станціи ѣхать въ неудобномъ экипажѣ, запряженномъ по-русски, а не въ предложенной ему прекрасной коляскѣ, съ польскою упряжью. Но русская публика, зная, что въ томъ краѣ даже упряжь служитъ однимъ изъ орудій для политическихъ демонстрацій, почувствуетъ только благодарность къ генералу Кауфману, узнавъ, что онъ подвергаетъ себя личнымъ неудобствамъ, не желая доставить мѣстному полякующему люду удовольствіе говорить, что и самъ русскій правитель края не пренебрегаетъ при случаѣ орудіями польскихъ демонстрацій.

Нѣмецкій корреспондентъ лукаво сопоставляетъ нынѣшняго генералъ-губернатора съ графомъ Муравьевымъ, и не полагая никакого различія между ними относительно направленія, старается только заподозрить, окажется ли генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ достаточно способнымъ къ выполненію той трудной задачи, которая досталась ему на долю. Эти сомнѣнія нѣмецкаго корреспондента нисколько не смутятъ русской публики; они служатъ только указаніемъ, какое направленіе принимаетъ теперь враждебная Россіи интрига относительно сѣверо-западнаго ея края. Мы нисколько не удивимся, если въ скоромъ времени наши политическіе интриганы примутся превозносить графа Муравьева, котораго вчера только осыпали неистовыми ругательствами, и всячески умалять генерала Кауфмана, въ надеждѣ произвести розни между ними и пріобрѣтя вліятельный голосъ графа Муравьева въ свою пользу и противъ нынѣшняго генералъ-губернатора, увеличить административныя затрудненія, съ которыми приходится ему тамъ бороться. Но мы увѣрены, что подобныя интриги ни въ какомъ отношеніи не увѣнчаются успѣхомъ: графъ Муравьевъ сослужитъ еще одну важную службу Россіи, и самъ позаботится разстроить новыя козни, злоупотребляющія его именемъ, а общественное мнѣніе всей Россіи будетъ служить столько же поддержкой для самоотверженнаго, вполнѣ разумнаго, строго-послѣдовательнаго и просвѣщеннаго образа дѣйствій генералъ-адъютанта Кауфмана какъ передъ тѣмъ оно служило поддержкой для графа Муравьева въ столь трудныя, столь достопамятныя минуты, въ которыя русское дѣло было такъ много обязано его твердости и энергіи. Это совпаденіе общаго сочувствія Россіи съ довѣріемъ Государя къ лицу, на которое возложено столь великое и трудное дѣло какъ полное и окончательное закрѣпленіе сѣверо-западнаго края за Россіей и русскимъ народомъ, служитъ лучшимъ ручательствомъ за успѣшное совершеніе этого дѣла.

Б.

Редакція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ № 277 своей газеты, приглашаетъ насъ на основаніи закона 6-го апрѣля перепечатать подлинными словами передовую статью этого нумера, служащую отвѣтомъ на нашу передовую статью въ № 228 *Московскихъ Вѣдомостей*. Намъ кажется, что это приглашеніе или, какъ выражаются *С.-Петербургскія Вѣдомости*, предложеніе подаетъ поводъ къ разъясненію обязанностей возложенныхъ на печать законодательствомъ 6-го апрѣля, и мы надѣемся, что читатели сочтутъ не совсѣмъ безынтереснымъ нашъ публичный разговоръ объ этомъ предметѣ съ редакціей *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, разговоръ тѣмъ болѣе необходимый, что мы, хотя и не по предписанію закона, намѣрены отчасти исполнить ея желаніе. Предложеніе дѣлаемое намъ этою редакціей основывается, безъ сомнѣнія, на статьѣ 27 главы II мнѣнія государственнаго со-

вѣта высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля сего года. Разсмотримъ что предписываетъ эта статья. Въ ней сказано, что „если въ повременномъ изданіи появится *извѣстіе*, касающееся частнаго лица, то изданіе сіе не можетъ отказать въ принятіи сообщенныхъ ему тѣмъ лицомъ, въ отвѣтъ, возраженій и поправокъ.“ Это правило совершенно согласно съ обычаемъ, обязательнымъ для всякаго изданія, добросовѣстно ведущаго свое дѣло: напечатавъ извѣстіе о частномъ лицѣ, подающее ему поводъ къ поправкамъ, всякое порядочное изданіе охотно напечатаетъ и эти поправки. Но съ другой стороны очевидно, что и лица, пользующіяся этимъ обычаемъ, возведеннымъ нынѣ въ законъ, должны оставаться въ предѣлахъ своего права: они поняли бы свое право ошибочно, еслибы заявили притязаніе, подъ предлогомъ возраженій и поправокъ, читать уроки тому изданію, въ которое обращаются съ возраженіемъ или поправкой, а тѣмъ паче нападать на него въ его же столбцахъ. Законъ ограждаетъ издателей отъ подобнаго притязанія, освобождая ихъ отъ обязанности печатать безъ измѣненій возраженія и поправки частныхъ лицъ. Такая обязанность была бы не исполнима; она разрѣшала бы всякому приходить въ чужой домъ и безнаказанно наносить оскорбленіе его хозяину. Вотъ почему законодательство 6-го апрѣля обязываетъ повременныя изданія печатать безъ измѣненій только тѣ опроверженія или исправленія обнародованныхъ имъ извѣстій, которыя будутъ сообщены ему отъ правительства (стр. 26). Еслибы подобная обязанность была распространена и на сообщенія частныхъ лицъ, то редакціи газетъ были бы засыпаны бранными письмами. Законодательство 6-го апрѣля не только не допускаетъ подобнаго нарушенія неприкосновенности частныхъ лицъ, издающихъ газеты и имѣющихъ такое же право на защиту закона, какъ и всѣ другіе граждане, но оно не допускаетъ и несообразности гораздо менѣе значительной,—оно не даетъ права обращаться въ редакціи газетъ съ возраженіями и поправками на ихъ мнѣнія о частныхъ лицахъ. Поправлять можно только *извѣстія*. Еслибы кто-нибудь напечаталъ что издатель вотъ такой-то петербургской газеты ѣздилъ вчера вечеромъ туда-то, издатель можетъ возражать, но какое бы сужденіе ни было высказано объ этой поѣздкѣ, для возраженія нѣтъ мѣста. Законъ разрѣшаетъ газетамъ высказывать всякія мнѣнія о частныхъ лицахъ, выгодныя и невыгодныя, вѣрныя и не вѣрныя, лишь бы только эти мнѣнія не переходили въ „оскорбительный отзывъ, выражающій или заключающій въ себѣ злословіе или брань“ (ст. 11 гл. IV мн. госуд. сов. выс. утв. 6-го апрѣля). Но и при этомъ, вслѣдствіе соображеній для всякаго понятныхъ, законъ не дозволяетъ отвѣчать на брань бранью, и вообще не даетъ права на возраженія и поправки, а только предоставляетъ оскорбленному право обращаться въ судъ. Такой порядокъ основывается на томъ, что законъ, ограждая частныя лица отъ оскорбленій, очевидно не можетъ самъ служить поводомъ къ учиненію новыхъ оскорбленій. Итакъ, даже въ случаѣ сужденія оскорбительнаго, выражающаго или заключающаго въ себѣ злословіе или брань, законъ не даетъ оскорбленному права печатно отвѣчать оскорбителю; только суду онъ даетъ право опредѣлить, что постановленный имъ приговоръ долженъ быть напечатанъ въ изданіи, подлежавшемъ суду. Что же касается до сужденій о лицахъ и ихъ дѣятельности, не подходящихъ подъ категорію сужденій оскорбительныхъ въ указанномъ смыслѣ, то законъ предоставляетъ имъ полную свободу, и поступаетъ въ этомъ отношеніи съ неоспоримою основательностію, потому что безъ этого условія печать была бы невозможна. Еслибы каждое невыгодное сужденіе, появившееся въ газетѣ о какомъ бы то ни было лицѣ, давало этому лицу право присылать въ эту газету свои возраженія, то газеты были бы принуждены наполнять всѣ свои столбцы подобными возраженіями и отказаться отъ передачи интересныхъ для публики извѣстій. Нашъ новый законъ далекъ отъ установленія подобной несообразности; онъ не даетъ права возражать на сужденія, даже на самыя оскорбительныя; онъ ограничиваетъ право возраженій извѣстіями и высказываетъ это съ совершенною ясностью въ приведенной выше статьѣ 26 главы II высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля мнѣнія государственнаго совѣта. Но и тутъ, какъ сказано, онъ обязываетъ повременныя изданія печатать только то, что можетъ быть названо возраженіями или поправками, не воспрещая исключать изъ нихъ все то, что

не относится къ дѣлу, и редакціи повременныхъ изданій отнюдь не могутъ быть принуждены кѣмъ-либо къ тому чтобы напечатать въ своихъ столбцахъ не только брань на себя, но даже и доброжелательный совѣтъ о томъ, какъ имъ слѣдуетъ вести свое изданіе.

Въ передовой статьѣ № 228 *Московскихъ Вѣдомостей*, нѣтъ ни одного извѣстія, прямо относящагося къ издателю *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, и о немъ высказаннаго. Тамъ и вообще нѣтъ извѣстій, относящихся къ кому-нибудь лично, кромѣ извѣстій о томъ безыменномъ господинѣ, который печаталъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* статьи о кременчугской линіи и подписывалъ ихъ буквами П. О. (вмѣсто И. О. у насъ по ошибкѣ было напечатано М.), но этотъ господинъ, какъ безыменный, не имѣетъ права на защиту предоставляемую статьей 27 главы II новаго закона, а тѣмъ менѣе имѣетъ право возражать намъ за него издатель *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Все остальное въ нашей передовой статьѣ № 228 имѣетъ характеръ сужденій, и при томъ сужденій по большей части общихъ, не относящихся прямо къ *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ*. Мы не споримъ, что эта газета могла принять нѣкоторыя изъ нихъ на свой счетъ, но она приняла на свой счетъ слишкомъ многое. Такъ напримѣръ мы отнюдь не хотѣли назвать недостойною стратагемой статью № 258 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*; очевидный смыслъ нашихъ словъ состоитъ въ томъ, что эта статья была бы недостойную стратагемой со стороны учредителей общества таганрого-курской линіи, еслибъ она шла отъ нихъ, но мы прямо сказали, что далеки отъ подобной мысли, и такимъ образомъ сами энергически устранили тотъ единственный случай, въ которомъ эта статья могла бы получить значеніе недостойной стратагемы. Не приписывая этой статьи учредителямъ, мы высказали также увѣренность, что она не принадлежитъ и редакціи. Но свойства статьи заставляли насъ полагать, что она писана рукой желавшею подслужиться къ учредителямъ: только при этомъ предположеніи можно было объяснить себѣ ея пылъ, не понятный въ человѣкѣ смотрящемъ на дѣло со стороны. Редакція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* объявляетъ теперь, что статья писана г. Колюпановымъ, а г. Колюпановъ съ своей стороны объявляетъ, что никому изъ учредителей или близкихъ съ нимъ лицъ даже имя его неизвѣстно, и что личные интересы его въ дѣлѣ концессіи курско-таганрогской дороги нисколько не замѣшаны. Передаемъ эти заявленія нашимъ читателямъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что дѣлаемъ это не вслѣдствіе обязанности, лежащей на насъ по закону. Еслибы подъ тою статьей и было подписано чье-нибудь имя, то по закону всякій имѣлъ бы право объяснять ее предположеніемъ, что ея авторъ пишетъ въ интересѣ учредителей, и по свойству статьи это предположеніе не показалось бы публикѣ невѣроятнымъ.

Изъ объясненій, въ которыя входитъ редакція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, и которыхъ сущность мы перепечатываемъ ниже, видно, что она и теперь не даетъ себѣ яснаго отчета, въ чемъ дѣло. Между тѣмъ дѣло довольно просто и требуетъ лишь небольшаго вниманія.

Система поверстной гарантіи состоитъ въ томъ, что правительство гарантируетъ извѣстный доходъ съ опредѣленной суммы, при чемъ заранѣе назначается число верстъ. Если дорога выйдетъ длиннѣе и вслѣдствіе того будетъ потраченъ лишній капиталъ, то доходъ съ передержаннаго капитала не гарантируется акціонерамъ; равнымъ образомъ, если издержки на постройку дороги превзойдутъ сумму заранѣе опредѣленную, то правительство не гарантируетъ дохода съ капиталовъ излишне затраченныхъ. Таковы главныя основанія системы. Правительство можетъ, разумѣется, сдѣлать для компаніи много такого, къ чему оно не обязано, но эти снисхожденія зависятъ отъ его доброй воли. Во всякомъ случаѣ на акціонерахъ лежитъ рискъ сооруженія, и они заинтересованы желать бережливости.

Система гарантіи съ капитала дѣйствительно затраченнаго возлагаетъ на правительство обязанность гарантировать извѣстный доходъ со всѣхъ тѣхъ суммъ, которыя будутъ издержаны, безъ ограниченія этихъ суммъ. При этомъ, какъ само собой разумѣется, правительству долженъ быть предоставленъ контроль за ходомъ работъ и всѣми сколько-нибудь значительными затратами капитала. Въ необходимости такого контроля всѣ согласны; необходимость его тѣмъ очевиднѣе, что акціонеры, не рискуя ничѣмъ въ случаѣ

передержекъ, менѣе заинтересованы противодѣйствовать расточительности чѣмъ при гарантіи поверстной. Итакъ споръ можетъ идти не о контролѣ, а о томъ, достаточно ли этимъ контролемъ обезпечиваются интересы правительства. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, въ № 244, признавали, что „правительству необходимо до извѣсной степени имѣть право на контроль надъ дѣйствіями распорядителей и строителей, чтобы съ достаточною вѣрностью повѣрить выведенный расходъ и приблизительно оцѣнить его заранѣе.“ Этого никто не оспаривалъ; предметомъ спора могло быть только то, достаточно ли этихъ обезпеченій. Г. Липинъ утверждалъ, что этого недостаточно; мы также утверждали, что этого недостаточно. Въ общемъ выводѣ мы съ нимъ не расходились, но, какъ замѣчаютъ и *С.-Петербургскія Вѣдомости*, г. Липинъ не примѣнялъ этого вывода къ таганрого-курской линіи, а мы сочли нужнымъ примѣнить его къ ней и старались показать, что § 37 устава, проектированнаго для этой линіи, *при болѣе полномъ развитіи и болѣе точномъ изложеніи*, можетъ представить совершенно достаточное для правительства обезпеченіе. Этимъ параграфомъ предоставляется правительству право, по разсмотрѣніи представленныхъ компаніей *окончательныхъ* проектовъ и смѣтъ, опредѣлить, должны ли работы на извѣстномъ участкѣ производиться самимъ правительствомъ или компаніей. Но тутъ возникалъ вопросъ, какъ понимать выраженіе: „окончательные проекты и смѣты.“ Въ немъ могутъ и заключаться и не заключаться обезпеченія правительства противъ передержекъ. Въ пользу системы гарантіи по дѣйствительной стоимости приводятся указанія на измѣнчивость цѣнъ въ Россіи и на другія невыгодныя экономическія условія нашей страны. Еслибы передержка оказалась вслѣдствіе этихъ условій или еслибы передержку можно было объяснить однимъ изъ нихъ, то не имѣла ли бы компанія права требовать гарантію сверхъ утвержденной окончательной смѣты? Очевидно, что имѣла бы: вѣдь цѣль этой системы состоитъ въ томъ, чтобъ освободить акціонеровъ отъ *всякаго* риска въ случаѣ передержекъ; допуская рискъ, вы убиваете систему, но съ другой стороны, не допуская риска акціонеровъ, вы тѣмъ самымъ заставляете рисковать правительство. Нельзя ли однако согласить интересы акціонеровъ съ интересами правительства? Нельзя ли устроить дѣло такъ, чтобъ и правительство было обезпечено отъ обязанности гарантировать доходъ со всякаго расхода безъ ограниченія, и акціонеры были освобождены отъ страха передержекъ? Единственное средство къ достиженію этихъ обѣихъ цѣлей заключается въ томъ, чтобы возложить рискъ передержекъ на третье лицо, заставить это лицо оцѣнить рискъ и затѣмъ ввести его въ смѣту. На это средство мы и указали, какъ на единственный обоюдно выгодный исходъ. Пусть, отдается, сказали мы, постройка дороги по участкамъ конструкторамъ, принимающимъ на себя весь рискъ передержекъ; пусть будетъ принята система, оказавшаяся столь удобною при сооруженіи участка отъ Коломны до Рязани, который былъ отданъ г. фонъ-Меку на такихъ условіяхъ, что Общество Рязанской дороги было обезпечено отъ передержекъ. Вотъ на что мы указывали, какъ на средство освободить и правительство и акціонеровъ отъ риска передержекъ и придать „окончательнымъ“ смѣтамъ характеръ смѣтъ дѣйствительно-окончательныхъ. Только при этомъ условіи можно избѣжать гарантіи расходовъ безъ ограниченія и въ то же время не подвергать акціонеровъ тому страху, которому они не хотятъ подвергаться, но при этомъ условіи мы получаемъ гарантію, въ сущности ничѣмъ не отличающуюся отъ поверстной, кромѣ болѣе дѣятельнаго правительственнаго контроля. Усматриваютъ ли *С.-Петербургскія Вѣдомости*, что при такомъ условіи контроль правительственный удерживается, но правительству дается гораздо больше чѣмъ право „повѣрять выведенный расходъ и *приблизительно* оцѣнивать его заранѣе?“ Видятъ ли онѣ, что дѣлая это предложеніе мы ни чуть не переходили на ихъ сторону?

Кто не хочетъ или не можетъ вникнуть въ дѣло, и тѣмъ не менѣе отзывается заносчиво и съ задоромъ о мнѣніяхъ высказываемыхъ серіозно, тотъ долженъ самъ пенять на себя за то непріятное положеніе, въ которое онъ попадаетъ. Пусть рѣшитъ, напримѣръ, редакція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, развѣ не школьничество увѣрять читателей что г. Липинъ не имѣетъ полнаго знакомства съ основными началами ариѳметики. А между тѣмъ это утверждается въ томъ самомъ нумерѣ, гдѣ сдѣлано предложеніе чтобы мы перепеча-

тали статью, говорящую о нашей дерзости и наглости, о нашихъ неистовыхъ ругательствахъ и лживыхъ обвиненіяхъ. Что же послужило поводомъ къ куріозному увѣренію, будто директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ не знакомъ съ первыми дѣйствіями ариѳметики? Не что иное какъ невниманіе къ смыслу выраженія: „поверстный тарифъ," употребленнаго г. Липинымъ. Въ концессіяхъ на желѣзныя дороги всегда опредѣляется тарифъ, по которому компанія будетъ взимать плату съ пассажировъ и грузовъ. Этотъ тарифъ опредѣляется поверстно, а потому будетъ ли между двумя пунктами 300 верстъ или 310, отъ этого поверстный доходъ, какъ валовой, такъ и чистый, уменьшиться *почти* не можетъ. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* этого не поняли, потому что не замѣтили зависимости валоваго дохода отъ поверстнаго тарифа. Винить ли за это г. Липина и его познанія въ ариѳметикѣ?

№ 234.

Москва, 26-го октября.

„Сохраненіе нѣмецкаго языка," какъ языка офиціяльнаго, читаемъ мы въ *Ревельской Газетѣ* (№ 240), было гарантировано балтійскимъ губерніямъ заключенными съ ними капитуляціями." „Чувство чести, говоритъ далѣе *Ревельская Газета*, не должно оставаться равнодушно къ подобнымъ вещамъ. Истинное чувство чести не побуждаетъ ли насъ прежде всего справляться съ существующимъ правомъ, а потомъ уже съ требованіями національной раздражительности?" Ссылку на право мы встрѣчаемъ очень охотно; въ нашихъ глазахъ ею даже смягчается шероховатость указанія на національную раздражительность, намъ приписываемую (*Ревельская Газета* говоритъ именно о насъ) и будто бы заставляющую насъ забывать о правѣ. Всякое право заслуживаетъ уваженія и всякій споръ о правѣ пріятенъ уже потому что имѣетъ твердую почву. Но не слишкомъ ли часто какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, балтійскіе публицисты поминаютъ свои капитуляціи, ссылаясь на нихъ и вкось и вкривь? Не слишкомъ ли забываютъ они не только то, при какихъ обстоятельствахъ были заключены эти капитуляціи, но и то, что въ значительной части ихъ была сдѣлана оговорка въ пользу верховной власти и правъ русской короны, — оговорка, которая перешла и въ новѣйшій актъ (отъ 17-го февраля 1856 года), подтвердившій мѣстныя привилегіи лишь на столько, на сколько онѣ согласутся съ общими постановленіями и законами имперіи? Чтобы въ предѣлахъ Русскаго государства русскій языкъ могъ быть безправнымъ, это просто немыслимо. Тутъ на сторонѣ русскаго языка самое несомнѣнное право. Но независимо отъ этого надобно сообразить, что капитуляціи, на которыя такъ любятъ ссылаться наши балтійскіе публицисты, относятся лишь къ Ригѣ и лифляндскому дворянству, лишь къ Ревелю и дворянству эстляндскому, и что не только Курляндія, но и бо́льшая часть городовъ Лифляндіи и Эстляндіи покорились безусловно, и если имъ предоставлены особыя права и преимущества, то этимъ они обязаны исключительно политическимъ соображеніямъ русскихъ государей, соображеніямъ, которыя съ теченіемъ времени естественно измѣняются по требованію обстоятельствъ. *Ревельская Газета* не имѣла никакого основанія говорить о правахъ балтійскихъ губерній, какъ цѣлаго края, и ссылаться при этомъ на капитуляціи, какъ будто были какія-нибудь капитуляціи съ цѣлымъ этимъ краемъ. Если въ отношеніи къ нѣкоторой части этихъ губерній, за капитуляціями можетъ быть признана бо́льшая или меньшая обязательная сила по прошествіи полутораста лѣтъ, то воля русскихъ государей никогда и ничѣмъ не была стѣснена и ограничена въ отношеніи къ Курляндской губерніи, а также и къ большей части городовъ Эстляндской и Лифляндской губерніи. Вотъ что́ читаемъ мы въ *Исторіи включенныхъ въ составъ Русской имперіи балтійскихъ губерній*, сочиненіи г. фонъ-Рихтера, о присоединеніи Курляндіи къ Россіи: „15-го апрѣля „1795 года депутаты отъ курляндскаго „сейма вмѣстѣ съ депутатами отъ пильтенскаго округа имѣли торжественную „аудіенцію у императрицы Екатерины II, „при чемъ присутствовали и проживавшіе „Петербургѣ ихъ земляки. На этой ауді„енціи они предложили императрицѣ Ека„теринѣ *безусловную и непосредственную* „*покорность* ихъ довѣрителей и предста„вили относящіеся къ этому документы. „Въ рѣчи, *сказанной по-русски* и потомъ

„сообщенной въ нѣмецкомъ переводѣ, го„сударыня приняла прошеніе, удостовѣри„ла новыхъ своихъ подданныхъ въ своей „милости и увѣщевала ихъ быть вѣрными „и послушными. Въ тотъ же день она „подписала манифестъ, въ которомъ обѣ„щала имъ свободное исповѣданіе наслѣ„дованной ими отъ отцовъ религіи и поль„зованіе всѣми лично принадлежащими имъ „правами, преимуществами и собственно„стію и *наконецъ, каждому сословію предо„ставляла права и вольности, которыми „пользуются соотвѣтствующія сословія „въ Россіи.*“ Вотъ какимъ образомъ произошло присоединеніе Курляндіи къ Россіи. Имѣютъ ли прибалтійскіе публицисты хотя малѣйшее право втихомолку подразумѣвать и Курляндскую губернію, ссылаясь на капитуляціи въ доказательство, что не русскій, а нѣмецкій языкъ долженъ быть офиціальнымъ языкомъ какъ въ этой, такъ и въ двухъ ближайшихъ къ ней русскихъ губерніяхъ? Не освятила ли великая государыня офиціяльное употребленіе русскаго языка въ этой губерніи тѣмъ самымъ, что первыя слова, обращенныя ею къ новымъ ея подданнымъ, были сказаны ею именно по-русски? Вѣдь не незнаніемъ же нѣмецкаго языка бывшей Ангальтъ-Цербтской принцессы можно объяснить этотъ знаменательный фактъ, а только желаніемъ русской императрицы показать, что ея подданные, какого бы ни были они происхожденія, должны признавать своимъ языкъ русской верховной власти, и что взаимныя сношенія между верховною властью и ея подданными должны происходить не иначе какъ на этомъ языкѣ. Не трудно было бы доказать, что и преемники Екатерины немного отступали въ этомъ отношеніи отъ великихъ преданій ея царствованія. Всѣмъ хорошо извѣстна воля императора Александра I, и особенно императора Николая, касательно водворенія русскаго языка во всѣхъ трехъ балтійскихъ губерніяхъ, а эта воля признается и тамъ какъ источникъ права. Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, никто изъ тамошнихъ образованныхъ людей, никто изъ получившихъ дипломъ отъ Дерптскаго университета, не имѣетъ *права* отговариваться незнаніемъ русскаго языка, потому что безъ этого условія Дерптскій университетъ не имѣлъ бы права признавать ихъ кончившими курсъ ученія. Итакъ, нечего ссылаться въ этомъ случаѣ на капитуляціи и на какіе-либо другіе акты русской верховной власти: Курляндская губернія рѣшительно не подходитъ подъ эти капитуляціи, равно какъ и бо́льшая часть городовъ Лифляндской и Эстляндской губерніи, а русская верховная власть самымъ несомнѣннымъ образомъ и въ неоднократныхъ актахъ выразила свою волю, чтобы русскій языкъ былъ не чужимъ, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ образованныхъ классовъ трехъ балтійскихъ губерній. Таково положеніе дѣлъ и такова основательность ссылокъ на капитуляціи, когда рѣчь идетъ вообще о балтійскихъ губерніяхъ. Но еслибы капитуляціи имѣли и всеобщую силу для этихъ губерній, изъ этого ничего не слѣдовало бы для вопроса о русскомъ языкѣ, какъ этотъ вопросъ теперь поставленъ. Требованіе, на которое настаиваютъ представители русскаго населенія балтійскихъ губерній и которое постоянно защищали и мы, ограничивается равноправностью русскаго языка съ нѣмецкимъ, у котораго слѣдовательно отнюдь не оспаривается офиціяльный характеръ во всѣхъ трехъ губерніяхъ, хотя никакіе акты не обязываютъ русское правительство признавать нѣмецкій языкъ языкомъ офиціяльнымъ въ Курляндіи, а также и въ большей части городовъ Эстляндіи и Лифляндіи. Существующіе акты давали бы правительству право объявить русскій языкъ исключительно господствующимъ въ Курляндской губерніи и въ большей части городовъ Эстляндіи и Лифляндіи. Но требованія, которыя мы считаемъ себя обязанными защищать, направлены только къ равноправности русскаго языка съ языкомъ нѣмецкимъ въ балтійскихъ губерніяхъ. Пусть нѣмецкій языкъ пользуется въ балтійскихъ губерніяхъ правами гораздо бо́льшими чѣмъ тѣ, которыя гарантированы въ капитуляціяхъ, но пусть будутъ признаны и права русскаго языка. Этого требуютъ интересы Русскихъ теперь въ большемъ числѣ чѣмъ прежде привлекаемыхъ туда улучшенными путями сообщенія; этого же требуетъ и здравый смыслъ и русское чувство національной чести.

Ревельская Газета старается доказать примѣрами, что для Русскихъ нѣтъ ничего оскорбительнаго, если имъ не позволяютъ обращаться на русскомъ языкѣ къ мѣстнымъ судамъ, къ мѣстной администраціи и къ органамъ мѣстнаго самоуправленія въ балтійскихъ губерніяхъ. Мы принуж-

дены замѣтить, что примѣры, которые въ этомъ случаѣ приводитъ *Ревельская Газета*, не подходятъ къ дѣлу и только показываютъ, что понятія объ отношеніяхъ между тремя балтійскими губерніями и цѣлою Россіей сдѣлались крайне смутны въ тѣхъ кружкахъ, органомъ которыхъ служитъ тамошняя печать. *Ревельской Газетѣ* кажется, что три балтійскія губерніи могутъ находиться въ такихъ же отношеніяхъ къ Россіи, въ какихъ напримѣръ Канада находится къ Англіи. „Вѣдь не „оскорбляются же," говоритъ эта газета, „Англичане, такъ щекотливые во всемъ „что касается ихъ національности, тѣмъ, „что въ нѣкоторыхъ частяхъ Канады офи„ціальнымъ языкомъ въ судахъ и въ об„щиномъ быту служитъ языкъ французскій, на Мальтѣ — италіянскій, на Гель„голандѣ — нѣмецкій." Мы не думаемъ, чтобы Англичанинъ не могъ найдти себѣ правосудіе на англійскомъ языкѣ во всѣхъ этихъ мѣстахъ; но неужели *Ревельская Газета* полагаетъ, что балтійскія губерніи должны стоять къ государству въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ эти отдаленныя владѣнія Англіи? Не только Канада, но даже и Финляндія, на которую также ссылается *Ревельская Газета* не можетъ идти въ сравненіе съ балтійскими губерніями, когда вопросъ идетъ объ отношеніи ихъ къ цѣлой Имперіи. Балтійскія губерніи представляютъ собою не дополнительную, а неразрывную составную часть Русской Имперіи наравнѣ со всѣми другими русскими губерніями. Нельзя признавать порядокъ вещей, установившійся въ Финляндіи, нормальнымъ, нельзя не удивляться видя что теперь забываютъ тамъ по-русски потомки тѣхъ людей, которыхъ русскіе государи переселяли въ Финляндію для усиленія русскаго элемента въ этомъ краѣ, но еще менѣе можно желать чтобы подобный порядокъ былъ водворенъ и въ балтійскихъ губерніяхъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что права русскаго языка не должны бы быть отрицаемы ни въ Финляндіи, ни въ Царствѣ Польскомъ, ни вообще въ какихъ-либо владѣніяхъ русской короны (для того именно и не должны быть отрицаемы права русскаго языка нигдѣ на всемъ пространствѣ русской державы, чтобы не питать мысли о возможности подобнаго отрицанія и въ другихъ мѣстахъ), но еще менѣе могутъ они быть отрицаемы въ трехъ балтійскихъ губерніяхъ.

Ревельская Газета не допускаетъ двойственности, или, какъ она говоритъ, дуализма въ вопросѣ объ офиціяльномъ языкѣ. Для этого, по словамъ ея, прежде всего нѣтъ достаточныхъ налличныхъ средствъ. Если это значитъ, что нѣтъ людей, которые знали бы достаточно русскій и нѣмецкій языки для употребленія ихъ въ судахъ, въ администраціи и въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, то мы снова отвѣтимъ на это указаніемъ, что люди учившіеся, всѣ тѣ, которые имѣютъ званіе дѣйствительныхъ студентовъ или кандидатовъ Дерптскаго университета и слѣдовательно всѣ тѣ, которые занимаютъ должности въ судахъ и въ администраціи, обязаны знать русскій языкъ. Если же они не знаютъ его, то это только указываетъ на упущенія, которымъ едва возможно и вѣрить въ виду тѣхъ рѣшительныхъ и настойчивыхъ требованій, которыя были неоднократно выражаемы русскими государями.

Отвергая равноправность языка нѣмецкаго и русскаго, *Ревельская Газета* спрашиваетъ: „Ужь не слѣдуетъ ли употреб„лять исключительно языкъ русскій! Но", продолжаетъ она, „при этомъ нельзя не „спросить, на какомъ бы основаніи слѣ„довало употреблять русскій языкъ, какъ „языкъ офиціяльный? Если вопросъ этотъ „долженъ быть разрѣшенъ на основаніи „большинства населенія, то офиціяльнымъ „языкомъ долженъ стать отнюдь не рус„скій, а или эстонскій, или латышскій, „которые пока не годятся еще для такого „употребленія. Если же принять во внима„ніе состояніе образовательныхъ средствъ, „то офиціяльнымъ языкомъ въ прибалтій„скихъ губерніяхъ можетъ быть только „языкъ нѣмецкій, до тѣхъ поръ пока бал„тійскія губерніи будутъ сохранять ученый „характеръ своего судопроизводства, пока „это судопроизводство состоитъ въ тѣс„нѣйшей связи съ научнымъ образованіемъ „въ гимназіяхъ и университетѣ и пока это „образованіе еще невозможно безъ посред„ства нѣмецкаго языка." Объ исключительномъ употребленіи русскаго языка нѣтъ рѣчи; рѣчь идетъ только о его равноправности. А потому, задавая себѣ вопросъ, на какомъ бы основаніи русскій языкъ можно было предпочесть нарѣчіямъ эстонскому и латышскому для дарованія ему равноправности съ нѣмецкимъ, *Ревельская Газета* ставитъ себя въ странное положеніе. Она, повидимому, совсѣмъ забываетъ, что

она издается не въ Кенигсбергѣ, а въ Ревелѣ, и что Ревель есть русскій городъ точно также, какъ всѣ три балтійскія губерніи ни болѣе и ни менѣе какъ губерніи Русскаго государства. Еслибъ эти губерніи не были частью русской государственной территоріи, а жители ихъ не были русскими подданными, въ такомъ случаѣ, конечно, можно было бы задѣвать вопросы объ основаніяхъ для офиціяльнаго употребленія тамъ русскаго языка. Но теперь, проживай въ нихъ не 50.000 природныхъ Русскихъ, а всего только 5 или 6 человѣкъ, то и тогда было бы оскорбленіемъ для русскаго народнаго чувства, еслибы въ принципѣ не была допущена равноправность русскаго языка съ нѣмецкимъ. Въ балтійскихъ губерніяхъ нѣтъ ни одной власти, которая не получала бы всей своей силы и всего своего значенія отъ утвержденія или отъ назначенія русской верховной власти и непосредственныхъ ея органовъ, и которая, по этому происхожденію своему, не была бы русскою властью. Какимъ же образомъ эти мѣстныя русскія власти могутъ гнушаться русскимъ языкомъ? Развѣ не было бы вопіющимъ зломъ, если бы русскія власти считали себя совершенно чуждыми русскому народу? Прибавимъ, что не видимъ даже никакого неудобства, чтобы судъ давался людямъ русскаго языка на русскомъ же языкѣ, на основаніи мѣстныхъ законовъ прибалтійскихъ губерній, и не понимаемъ, какою помѣхой въ этомъ случаѣ можетъ служить образованіе полученное въ мѣстныхъ гимназіяхъ и въ Дерптскомъ университетѣ, при посредствѣ нѣмецкаго языка. Что за бѣда, если мѣстнымъ должностнымъ лицамъ, прослушавшимъ курсъ мѣстнаго законодательства на нѣмецкомъ языкѣ и обязаннымъ въ то же время достаточно знать русскій языкъ, придется при судопроизводствѣ употреблять иногда русскіе юридическіе термины? Въ настоящее время этотъ трудъ въ значительной степени облегченъ для нихъ тѣмъ, что мѣстные гражданскіе законы изданы уже на русскомъ языкѣ.

Какъ сказано, дѣло идетъ не объ исключительномъ господствѣ русскаго языка, а только о признаніи за нимъ въ принципѣ полнаго равенства съ языкомъ нѣмецкимъ. Но съ другой стороны дѣло и не въ томъ только, чтобы русскій языкъ былъ допущенъ въ офиціяльныхъ актахъ или въ видѣ исключенія изъ общаго правила или только въ низменныхъ сферахъ общиннаго быта и сельскаго судопроизводства, но именно въ томъ, чтобы онъ былъ признанъ языкомъ офиціяльнымъ во всѣхъ тѣхъ сферахъ гдѣ признается и языкъ нѣмецкій.

№ 235.

Москва, 27-го октября.

Въ № 226 *Сѣверной Почты*, въ ея офиціяльномъ отдѣлѣ, напечатано отъ министерства народнаго просвѣщенія изложеніе его распоряженій по введенію въ дѣйствіе новаго устава гимназій. Дѣло это, какъ извѣстно, сопровождалось обстоятельствами крайне страннаго свойства, о которыхъ неоднократно была рѣчь въ печати. Напечатанное въ *Сѣверной Почтѣ* изложеніе имѣетъ цѣлію показать, что виною тѣхъ странностей, которыми пренсполнено это дѣло, были не распоряженія министерства народнаго просвѣщенія, а мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта. Изъ упомянутаго изложенія явствуетъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія вполнѣ убѣжденъ въ несомнѣнныхъ педагогическихъ достоинствахъ классической системы, которую онъ отстаивалъ въ государственномъ совѣтѣ отъ возраженій со стороны другихъ правительственныхъ лицъ, смотрѣвшихъ на это дѣло иначе. Это же самое подтверждено и въ газетѣ *Голосъ*, которая, благодаря рѣдкой игрѣ случая, въ тотъ самый день, когда вышеупомянутое объясненіе дѣйствій министра народнаго просвѣщенія появилось въ *Сѣверной Почтѣ*, появилась съ обширною статьей о томъ же предметѣ. Статья эта интересна во многихъ отношеніяхъ. Изъ ней мы узнаемъ, что газета *Голосъ* всегда находилась въ оппозиціи къ министру народнаго просвѣщенія, а что мы, напротивъ, служили ему привилегированнымъ органомъ.

Но возвратимся къ документу напечатанному въ *Сѣверной Почтѣ*, который перепечатываемъ мы у себя въ нынѣшнемъ нумерѣ

Публика не можетъ не быть благодарна за свѣдѣнія предлагаемыя ей министромъ народнаго просвѣщенія, и мы считаемъ себя обязанными воспользоваться ими во всей силѣ къ разъясненію столь запутаннаго и вмѣстѣ столь важнаго дѣла какъ преобра-

зованіе нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній по новому уставу. Публикѣ открывается просвѣтъ въ тѣ области, которыя доселѣ оставались безгласны и о которыхъ распространяются только слухи. Этимъ просвѣтомъ надобно воспользоваться, и притомъ по возможности такъ чтобъ отъ него распространялась ясность, а не мерцаніе представляющее вещи въ невѣрномъ и колеблющемся видѣ и потому вводящее людей иногда въ большое заблужденіе нежели отсутствіе всякаго свѣта. Для этой цѣли, мы должны выразумѣть въ точности и выставить во всей опредѣленности данныя заключающіяся въ предложенныхъ свѣдѣніяхъ, и соображая многое другое, сосредоточить на нихъ сколь можно болѣе свѣта.

Мы съ радостію привѣтствовали новый уставъ нашихъ гимназій, какъ одну изъ самыхъ плодотворныхъ реформъ нынѣшняго благополучнаго царствованія, какъ начало новой эпохи въ развитіи русскаго просвѣщенія. Входить въ критическую оцѣнку его подробностей было несвоевременно, и мы предоставляли доброй практикѣ и благожелательной администраціи дальнѣйшее улучшеніе его въ томъ направленіи, которое въ немъ же самомъ предначертано. Но, къ сожалѣнію, въ редакцію устава вкрались нѣкоторыя неясности, свидѣтельствующія о трудномъ процессѣ его рожденія и о тѣхъ противныхъ его основаніямъ воззрѣніяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатывался первоначальный проектъ его въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Замѣчательно, что одинъ изъ самыхъ главныхъ пунктовъ устава, которымъ полагается различіе между правами классическихъ и реальныхъ гимназій, по отношенію къ университетскому образованію, укрылся въ складкахъ одного изъ послѣднихъ параграфовъ, и выраженъ такъ, какъ будто это одна изъ самыхъ мелкихъ подробностей, не имѣющая значенія и не заслуживающая особеннаго вниманія. Самый терминъ *гимназіи*, заимствованный нами изъ Германіи, получилъ въ нашемъ уставѣ нигдѣ неупотребительное растяженіе, будучи отнесенъ къ училищамъ, обыкновенно этого названія не носящимъ.

Гимназіи наши были плохи, но всѣ онѣ были школы университетскія, и въ этомъ состоитъ ихъ сущность. Уставъ гимназій, значитъ уставъ училищъ воспитывающихъ юные умы къ зрѣлости, соотвѣтственно требованіямъ высшихъ средоточій всѣхъ наукъ, университетовъ. А между тѣмъ, нашъ новый уставъ, подъ именемъ гимназій, трактуетъ еще объ училищахъ не имѣющихъ съ гимназіями ничего общаго. Такимъ образомъ два различные рода заведеній приведены между собою въ связь будто два вида одного и того же рода. Вслѣдствіе этой сбивчивости, два разные рода учебныхъ заведеній поставлены другъ къ другу ближе чѣмъ сколько слѣдуетъ. Выходитъ, что и классическія, и реальныя гимназіи суть равно гимназіи, а потому, будетъ ли устроена вмѣсто классической реальная или наоборотъ, существенной разницы, повидимому, не оказывается, хотя въ то же время уставъ полагаетъ между ними самую существенную разницу, предоставляя только классическимъ гимназіямъ права университетскихъ. Общее наименованіе гимназій какъ бы затемнило глубокое родовое различіе между тѣми и другими заведеніями. Вотъ почему оказалось нужнымъ предусмотрѣть возможность преобразованія нынѣшнихъ гимназій въ реальныя, хотя преобразовать нынѣшнюю гимназію въ реальную, значитъ отнять у ней самое существенное свойство гимназіи,—достоинство училища университетскаго.

Вопросъ о томъ, имѣется ли и въ какой мѣрѣ имѣется у насъ надобность въ семиклассныхъ учебныхъ заведеніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ реальныхъ, находится внѣ всякой связи съ вопросомъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ преобразовывать нынѣшнія гимназіи въ такого рода училища. Нельзя сказать, чтобы мы страдали избыткомъ науки, и чтобы въ интересѣ Россіи требовалось не усилить, а ослабить въ ней университетскую систему. Было бы нелѣпо допускать сомнѣніе въ благихъ намѣреніяхъ нынѣшней учебной реформы. Еслибы кто не чувствовалъ себя способнымъ оцѣнить должнымъ образомъ значеніе этой реформы, то общее направленіе всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія уже достаточно свидѣтельствуетъ, что по своимъ намѣреніямъ и она не можетъ клониться ко вреду русскаго просвѣщенія. Воля нашего Государя въ этомъ отношеніи достаточно извѣстна всякому, и нѣтъ надобности быть административнымъ лицомъ для того чтобы безусловно истолковывать ея рѣшенія въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для русскаго просвѣщенія и для русскаго дѣла вообще. Допущенная въ Высочайшемъ указѣ возможность преобразованія нынѣш-

нихъ гимназій въ реальныя отнюдь не подаетъ повода къ такимъ административнымъ распоряженіямъ, которыя клонились бы въ ущербъ русскому просвѣщенію. Высочайшій указъ, не исключая возможности преобразованія университетской гимназіи въ неуниверситетскую, возложилъ это дѣло на личную отвѣтственность министра, призваннаго къ охраненію интересовъ народнаго просвѣщенія, и предписалъ ему поступать „сообразно мѣстнымъ потребностямъ." Нельзя допустить, чтобы Высочайшая воля, предписывая въ этомъ случаѣ сообразоваться съ мѣстными условіями, не придавала имъ никакого значенія. Очевидно, что если верховная власть нашла нужнымъ ограничить административный произволъ въ этомъ дѣлѣ, и подчинить распоряженія министра какимъ-либо условіямъ, то имѣлись въ виду условія уважительныя. Превратить то или другое изъ полноправныхъ учебныхъ заведеній въ неполноправныя, очевидно предоставлено министру только на основаніи самыхъ уважительныхъ мѣстныхъ потребностей. Высочайшій указъ, напримѣръ, не имѣлъ въ виду такихъ распоряженій которыя у обширныхъ губерній, скудно надѣленныхъ средствами образованія, отнимали бы и послѣднее что у нихъ есть. Въ какихъ крайнихъ случаяхъ администрація могла бы превратить лучшее и полноправное учебное заведеніе въ худшее и неполноправное? Конечно для этого было бы недостаточно какихъ-нибудь случайныхъ голосовъ, которые сболтнутъ что-нибудь, сами не зная что. Только правильныя выраженія мѣстнаго общественнаго мнѣнія могли бы имѣть какой-нибудь вѣсъ въ этомъ случаѣ; и то при условіи, чтобъ администрація, проникнутая долгомъ своего служенія и руководясь общими интересами народнаго просвѣщенія, приняла всѣ мѣры, чтобы мѣстное общественное мнѣніе не было введено въ заблужденіе, чтобъ оно понимало во всей силѣ смыслъ того о чемъ у него спрашиваютъ. Можно давать людямъ болѣе чѣмъ сколько они желаютъ; но едва ли можно отнимать что-нибудь безъ самыхъ уважительныхъ причинъ. Могутъ быть еще другаго рода мѣстныя соображенія, которыя могли бы побудить министерство къ упраздненію университетскихъ гимназій. Извѣстно, что въ Россіи средства образованія распредѣлены крайне неравномѣрно. Можетъ-быть, въ видахъ возстановленія равновѣсія, министерство сочло бы нелишнимъ, тамъ гдѣ оказывается избытокъ въ школахъ, перевести нѣкоторыя изъ разряда полноправныхъ въ разрядъ неполноправныхъ. Противъ такихъ соображеній можно было бы возразить, что гораздо лучше возстановлять равновѣсіе путемъ усиленія нежели путемъ ослабленія; но принимаемыя на основаніи такихъ соображеній мѣры могли бы находить себѣ оправданіе въ какихъ-либо временныхъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ было бы понятно распоряженіе упраздняющее ту или другую университетскую гимназію въ мѣстности, гдѣ ихъ числится нѣсколько, а не тамъ, гдѣ напримѣръ на цѣлую губернію, съ полутора милліонами жителей, имѣется всего одна гимназія.

Итакъ, ставимъ вопросъ въ точности. Высочайшій указъ возлагаетъ распредѣленіе гимназій исключительно на отвѣтственность министра народнаго просвѣщенія и обязываетъ его соображаться съ мѣстными, безъ сомнѣнія, вполнѣ уважительными потребностями въ дѣлѣ превращенія нынѣшнихъ гимназій, имѣющихъ права университетскихъ учебныхъ заведеній, въ реальныя, которыя законъ допускаетъ, но которымъ онъ въ правахъ отказываетъ.

Объясненія министерства народнаго просвѣщенія въ *Сѣверной Почтѣ* начинаются ссылкою на относящіяся сюда слова Высочайшаго указа; слова эти отмѣчены курсивомъ, дабы на нихъ было обращено особенное вниманіе, и мы, стараясь взвѣсить ихъ силу, только слѣдовали этому указанію. Вотъ эти слова:

„Уставъ сей и штаты вводить въ дѣй-„ствіе *постепенно* съ 1865 г. въ мѣрѣ „ассигнованныхъ для сего суммъ, по бли-„жайшему усмотрѣнію министра народнаго „просвѣщенія, въ учебныхъ округахъ: с -пе-„тербургскомъ, московскомъ, казанскомъ, „харьковскомъ, одесскомъ, кіевскомъ и ви-„ленскомъ и въ Сибири, предоставляя ми-„нистру народнаго просвѣщенія преобразо-„вывать нынѣшнія гимназіи и прогимназіи „по новому уставу въ гимназіи и прогим-„назіи *классическія* или *реальныя, сооб-„разно мѣстнымъ* въ тѣхъ и другихъ *по-„требностямъ*."

Что же вслѣдъ за этою ссылкою узнаемъ изъ офиціальнаго документа? За приведенными изъ Высочайшаго указа словами слѣдуетъ признаніе, что министер-

ство народнаго просвѣщенія, въ столь важномъ, спеціяльно ему ввѣренномъ дѣлѣ, сочло своею обязанностію принять себѣ въ руководство не правило, ими предписанное, а мнѣнія состоявшіяся въ государственномъ совѣтѣ до утвержденія закона Высочайшею волей.

Совершенно понятно, что какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и въ вопросѣ о педагогическихъ системахъ, могутъ быть разногласія во мнѣніяхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что общеевропейская система, положенная новымъ уставомъ въ основаніе нашихъ университетскихъ гимназій, встрѣчала себѣ и въ публикѣ, и въ административныхъ сферахъ, много противниковъ въ то время когда вырабатывался проектъ закона, и встрѣчаетъ теперь когда рѣчь идетъ о его приведеніи въ дѣйствіе. Слѣдя пристально за ходомъ какъ этого, такъ и другихъ вопросовъ, мы имѣли возможность распознать два рода противниковъ. Есть почтенныя и добросовѣстныя лица, которыя, потому ли что не успѣли надлежащимъ образомъ вникнуть въ предметъ спеціяльный и удаленный отъ сферы ихъ обычныхъ размышленій и занятій, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, вообще отрицаютъ пользу предлагаемой системы, не принимая къ свѣдѣнію, что польза эта доказана опытомъ столькихъ вѣковъ и всѣхъ образованныхъ странъ. Оспаривая этого рода противниковъ, можно не терять уваженія къ ихъ нравственному характеру: они отрицаютъ то, пользы чего не понимаютъ, и въ чемъ не видятъ ничего хорошаго. Можно только пожалѣть, что недостаточно цѣня важность вопроса, они не хотятъ надлежащимъ образомъ провѣрить собственныя мнѣнія, и произносятъ слишкомъ рѣшительное сужденіе о дѣлѣ, которое имъ болѣе или менѣе чуждо. Но есть противники другаго рода, и въ нихъ-то обыкновенно заключается серіозная опасность. Встрѣчаются люди, превосходно понимающіе пользу и разумность какой-либо мѣры, но потому-то самому и не желающіе видѣть принятіе ея въ Россіи. Такіе противники совершенно обратнаго свойства съ первыми. Тѣ противъ реформы, потому что считаютъ ее безполезною или даже вредною; эти же противъ реформы, потому что понимаютъ всю ту пользу, которую можетъ извлечь изъ ней русское просвѣщеніе, русская народность, русское государство. Опаснѣйшіе враги какой-либо реформы не тѣ что прямо и безусловно отрицаютъ ея пользу, а тѣ что принимаютъ на себя ея защиту, съ тѣмъ чтобъ овладѣть ею, и тѣмъ вѣрнѣе уронить и испортить ее. „Какого вы мнѣнія о достоинствахъ классической системы?“ такъ было однажды спрошено въ одномъ обществѣ у одного довольно вліятельнаго лица, весьма образованнаго, но представляющаго собою интересы анти-русскіе, какихъ въ Россіи расплодилось такъ много. „Можетъ ли быть въ этомъ сомнѣніе?“ былъ отвѣтъ, и затѣмъ послѣдовало обстоятельное разъясненіе достоинствъ классической системы какъ единственной, какая можетъ послужить основаніемъ высшему умственному образованію въ странѣ. „При такомъ убѣжденіи въ пользѣ этой системы, при такомъ ясномъ разумѣніи ея преимуществъ, не сочтете ли вы полезнымъ,“ было спрошено далѣе, „сдѣлать то-то и то-то, дабы способствовать этой реформѣ въ Россіи.“ — „А! Это другое дѣло, былъ отвѣтъ: Россія есть особый міръ, и еще неизвѣстно, нужна ли русскому народу наука въ томъ смыслѣ какъ ее понимаютъ въ Европѣ. По моему, въ Россіи слѣдуетъ оставить этотъ вопросъ открытымъ, и не предрѣшать его никакими законодательными мѣрами...“

Но возвратимся къ офиціяльному документу, напечатанному въ *Сѣверной Почтѣ*. Повторимъ: весьма понятно, что какъ въ публикѣ, такъ и въ административныхъ сферахъ могутъ быть противники основныхъ началъ вводимой новымъ уставомъ педагогической системы. Но несравненно менѣе понятно, что правительственное лицо, разумѣнію и заботливости коего ввѣрено это важное дѣло, предпочло слѣдовать внушеніямъ противниковъ реформы, хотя бы самыхъ добросовѣстныхъ, вопреки столь ясно выраженной и только что обнародованной Высочайшей волѣ. Вмѣсто того чтобы принять на свою личную отвѣтственность дѣло преобразованія нынѣшнихъ гимназій въ классическія или реальныя, „сообразно мѣстнымъ въ тѣхъ и другихъ потребностямъ,“ что было бы согласно съ Высочайшимъ указомъ, г. министръ народнаго просвѣщенія предпочелъ опереться на мнѣніе государственнаго совѣта, состоявшееся по его представленію и состоявшее въ томъ, чтобъ извѣстное число гимназій было обращено въ реаль-

ныя непремѣнно, независимо отъ мѣстныхъ потребностей и быть-можетъ вопреки имъ (что и оказалось). „Министерство „народнаго просвѣщенія," сказано въ до„кументѣ, получило для введенія въ дѣй„ствіе новый уставъ гимназій и прогимна„зій, съ *условіемъ*, что... одна четверть „всего числа гимназій должна быть пре„образована въ гимназіи реальныя." Другими словами: министерство приступило къ своимъ распоряженіямъ, *съ условіемъ* обойдти правило ясно выраженное въ только что обнародованномъ Высочайшемъ указѣ. Извѣстно, что при всемъ убѣжденіи г. министра народнаго просвѣщенія въ достоинствахъ и пользѣ классическаго воспитанія, самое министерство, по сколько о его мнѣніяхъ могла судить публика, смотрѣло на реформу именно въ духѣ этого *условія*. Извѣстно какія мнѣнія были высказаны въ комитетѣ, который былъ составленъ для первоначальной разработки проекта преобразованія гимназій. Извѣстно, въ какомъ смыслѣ горячо высказывался предсѣдатель ученаго комитета министерства, въ статьяхъ подписанныхъ его именемъ. Извѣстно, что тѣ же мнѣнія повторялись и развивались въ газетѣ получающей казенныя субсидіи и постоянно служившей усерднымъ органомъ педагогическихъ теорій, господствовавшихъ посреди офиціяльныхъ дѣятелей министерства народнаго просвѣщенія, которые особенно близко поставлены къ дѣлу реформы и которые всѣхъ болѣе могутъ оказывать вліяніе на ея исполненіе.

Итакъ, тотчасъ же по изданіи Высочайшаго указа, ввѣрявшаго преобразованіе гимназій въ томъ или другомъ смыслѣ исключительно отвѣтственности министра народнаго просвѣщенія, и поставлявшаго ему въ обязанность сообразоваться въ этомъ съ мѣстными, безъ сомнѣнія, уважительными потребностями, принято рѣшеніе, поразившее однимъ ударомъ, если не половину, то четверть всѣхъ гимназій Россійской Имперіи. Непонятно, какая можетъ быть въ административныхъ сферахъ сила обязательнѣе воли верховной власти, такъ формально выраженной какъ въ настоящемъ случаѣ. Даже еслибы воля эта не была такъ формально выражена, даже еслибы выраженіе ея допускало возможность нѣкотораго разногласія въ толкованіяхъ, то и тогда было бы непонятно какъ въ самихъ же административныхъ сферахъ, гдѣ по преимуществу должно быть извѣстно общее направленіе Высочайшей воли, могло возникнуть толкованіе столь мало соотвѣтственное духу всѣхъ предначертаній нынѣ царствующаго Государя Императора. Какъ допустить, чтобы реформа, задуманная въ смыслѣ истинно-либеральномъ, предпринятая въ видахъ возвысить и усилить русское народное просвѣщеніе, должна была имѣть своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ отнятіе у Россіи половины или одной четверти полноправныхъ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ ея юношество къ главнымъ сосредоточіямъ науки, къ университетамъ? Всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, числится 95. Надобно выключить отсюда 9 гимназій и прогимназій Дерптскаго учебнаго округа, который огражденъ отъ министерскихъ распоряженій и издавна пользуется благодѣяніями общеевропейской педагогической системы. Надобно выключить еще 14 гимназій и прогимназій Виленскаго учебнаго округа, который, въ этомъ особомъ случаѣ, получилъ тоже привилегированное положеніе. Надобно еще выключить нѣсколько заведеній, на которыя не могли простираться въ этомъ случаѣ распоряженія министерства. Оказывается, что предположенная на первый разъ операція должна была имѣть дѣло съ 67-ю или 8-ю гимназіями. Такимъ образомъ, изъ числа этого, такъ незначительнаго по громадности пространства и народонаселенія, числа гимназій, шестнадцать должны были изъ полноправныхъ перейдти въ неполноправныя и лишиться наилучшихъ, по убѣжденію министра, способовъ къ умственному развитію своихъ воспитанниковъ.

Дѣйствительно, въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія положено было, безъ всякихъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, уважительныхъ мѣстныхъ соображеній, превратить слѣдующія 16 гимназій въ реальныя: седьмую С.-Петербургскую, Кронштадтскую, Архангельскую, третью Московскую, Смоленскую, Тверскую, Ровенскую, Бѣлоцерковскую, Нѣжинскую, вторую Харьковскую, Николаевскую, Таганрогскую, Керченскую-Александровскую, вторую Казанскую, Екатеринбургскую и Астраханскую.

Пока все это происходило въ высшихъ и негласныхъ сферахъ, бѣдное русское общество, застигнутое врасплохъ и непри-

готовленное къ рѣшенію столь спеціяльныхъ и отвлеченныхъ вопросовъ, никогда не предоставлявшихся на его рѣшеніе, было предметомъ неутомимой агитаціи, не отступавшей ни передъ какими средствами. Въ газетѣ, получающей субсидіи, печатались статьи, гдѣ русскую публику увѣряли, что классическая система есть отжившій предразсудокъ, и что на ея мѣстѣ воцаряется повсюду система реальныхъ училищъ, которыя будто бы необходимы для высшихъ техническихъ школъ, хотя высшія техническія школы, у насъ какъ и повсюду, не только открыты для воспитанниковъ классическихъ гимназій, но даже предпочитаютъ ихъ воспитанникамъ реальныхъ школъ. По редакціямъ *Губернскихъ Вѣдомостей* разсылались статьи, писанныя противъ основаній и духа предпринятой учебной реформы. Свидѣтельствуемся *Сѣверною Почтой*, которая съ негодованіемъ заявляла объ интригѣ дѣйствовавшей неутомимо въ подрывъ только что изданному закону; свидѣтельствуемся энергическими мѣрами, которыя г. министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ принять противъ этой интриги, старавшейся завладѣть для своихъ цѣлей подвѣдомственными ему казенными изданіями. Въ то же время, офиціяльные агенты министерства народнаго просвѣщенія дѣйствовали въ полномъ согласіи съ доктринами, которыя развивались въ *Голосѣ*, и тамъ гдѣ было нужно, вызывали заявленія мѣстныхъ жителей по предмету, о которомъ они ничего не знали, и сущность котораго отъ нихъ скрывалась. Придумывались планы обойдти главныя основанія новаго устава, и сообщить университетскія права реальнымъ гимназіямъ посредствомъ введенія въ ихъ учебный планъ латинскаго языка не въ смыслѣ образовательнаго средства, какое признаетъ за нимъ уставъ, а для одной формы, чтобы только сдѣлать не нужнымъ введеніе классическаго устава.

Всѣ гимназіи, назначенныя въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія къ перемѣщенію изъ разряда полноправныхъ въ разрядъ неполноправныхъ, находятся въ мѣстностяхъ гдѣ господствуетъ или преобладаетъ русскій православный элементъ. Цѣлыя обширныя губерніи, какъ напримѣръ Архангельская, Астраханская, Смоленская, Тверская, имѣющія каждая только по одной гимназіи, должны были получить, вмѣсто таковой, учебное заведеніе низшаго педагогическаго свойства и неполноправное. Что при сдѣланномъ распредѣленіи гимназій не было обращено серіознаго вниманія на мѣстныя потребности, это явствуетъ изъ протестовъ и прошеній, которые посыпались со всѣхъ сторонъ. Свѣдѣнія появившіяся въ печати свидѣтельствуютъ о томъ чувствѣ, которое возбуждено распоряженіями министерства въ мѣстныхъ обществахъ, когда дѣло разъяснилось.

Невольно припоминаемъ, что происходило въ Твери, Смоленскѣ, Екатеринбургѣ, Таганрогѣ и другихъ мѣстностяхъ. Ниже помѣщаются свѣдѣнія почерпнутыя изъ корреспонденціи одной петербургской газеты о томъ что происходило въ Екатеринбургѣ: какой рядъ скандаловъ! Точно то же самое, какъ извѣстно изъ документальныхъ свѣдѣній происходило въ Таганрогѣ, то же самое повторилось въ Керчи. Съ какими трудностями предстояло бороться мѣстнымъ обществамъ, и какая требовалась еще непривычная нашему обществу энергія, чтобъ отстаивать учебное устройство, которое законъ признаетъ наилучшимъ и въ которомъ отказывали имъ власти, призванныя заботиться объ интересахъ просвѣщенія! Нужно было съѣзжаться, составлять адресы, собирать подписи. Цеховые и мѣщане уѣздныхъ городовъ призывались къ рѣшенію высшихъ педагогическихъ вопросовъ, и имъ приходилось свидѣтельствовать о пользѣ изученія латинскаго и греческаго языковъ, и выносить на своихъ плечахъ классическую систему образованія. Конечно, ничего подобнаго не бывало никогда на свѣтѣ. Къ довершенію всего, сцены эти происходили подъ управленіемъ министра, который, какъ оказывается изъ документа напечатаннаго въ *Сѣверной Почтѣ* и изъ появившагося въ тотъ же день свидѣтельскаго показанія газеты *Голосъ*, вполнѣ убѣжденъ въ превосходствѣ классической системы и имѣетъ въ рукѣ Высочайшій указъ, уполномочивающій его поступить наилучшимъ образомъ.

Вотъ фактъ весьма характеристическій, о которомъ на этихъ дняхъ шли оживленныя рѣчи въ Московскомъ земскомъ собраніи: въ 1863 году, министръ народнаго просвѣщенія, поставляя на видъ недостаточность существующихъ въ Москвѣ гимназій, приглашалъ городскую думу устроить на счетъ общественныхъ суммъ новую, и приглашеніе это повторилъ еще въ про-

шломъ году. Дѣйствительно, четыре московскія гимназіи, какъ объяснялъ министръ, были переполнены учащимися, и множеству мальчиковъ, успѣшно державшихъ экзаменъ, отказывалось въ пріемѣ. Несмотря на то, одна изъ этихъ гимназій, третья, вопреки очевидной мѣстной потребности, была осуждена къ преобразованію въ реальную. Дѣло въ томъ, что московская третья гимназія состояла изъ двухъ отдѣленій: одно имѣло учебный курсъ общій со всѣми другими гимназіями, и открывала учащимся доступъ въ университетъ; другое же было реальное, и сообщало это именованіе цѣлой гимназіи. Раздѣленіе начиналось съ 4-го класса; но оно не было тѣмъ что называется *бифуркаціей*, которая въ 1852 г. была ошибочно введена во французскіе лицеи и теперь отмѣнена окончательно. Раздѣленіе во французскихъ восьмиклассныхъ лицеяхъ начиналось съ 6-го класса, и соотвѣтствовало раздѣленію университетскихъ факультетовъ. Въ московской же третьей гимназіи раздѣленіе не имѣло никакого отношенія къ университетскимъ факультетамъ, потому что поступавшіе въ реальное отдѣленіе не предназначались къ университету. Но это реальное отдѣленіе при московской третьей гимназіи не соотвѣтствовало никакой потребности и не имѣло серіознаго значенія. Стоитъ только сообразить общее число учившихся въ этой гимназіи съ числомъ тѣхъ, кои шли по реальному отдѣленію, чтобы судить какъ мало было надобности въ этомъ отдѣленіи, и стало быть какъ мало было надобности помышлять объ открытіи въ Москвѣ семикласснаго реальнаго училища. Въ *памятной книжкѣ министерства народнаго просвѣщенія* на 1856 годъ, всѣхъ учащихся въ третьей московской гимназіи показано 486, а учениковъ реальнаго отдѣленія на всѣхъ четырехъ классахъ—28, то-есть по 7 на каждый классъ. Итакъ, вотъ какою ничтожною цифрой опредѣлялась въ послѣднее время степень потребности Москвы въ такого рода учебномъ заведеніи. А между тѣмъ, въ то время когда Москва очевидно нуждалась въ новой университетской гимназіи и когда для удовлетворенія этой нужды министерствомъ призывалось содѣйствіе городскаго общества, по распоряженію этого же самаго министерства, упразднена одна изъ существовавшихъ университетскихъ гимназій, переполненная учениками, такъ что еслибы городская дума или земское собраніе нашли средства устроить новую гимназію, то этимъ не было бы увеличено число учебныхъ заведеній, въ которыхъ такъ настоятельно Москва нуждается, а былъ бы только восполненъ ущербъ причиненный распоряженіемъ министерства. Теперь въ эту гимназію будутъ поступать учащіеся какъ бы насильно, потому что имъ, за недостаткомъ мѣста, отказываютъ въ пріемѣ другія гимназіи. Предвидя это, начальство Московскаго учебнаго округа усердно ходатайствовало о томъ, чтобъ эта гимназія была оставлена на прежнемъ основаніи, съ тѣми перемѣнами въ учебныхъ курсахъ, какія требуются новымъ уставомъ. Однако, министерство рѣшительно отказало въ этомъ ходатайствѣ, ссылаясь на то, что въ уставѣ не предусмотрѣно устройство гимназій съ двумя отдѣленіями, классическимъ и реальнымъ. Такимъ образомъ, при всемъ убѣжденіи г. министра народнаго просвѣщенія въ безусловной пользѣ классической системы, при переполненности московскихъ университетскихъ гимназій, при ничтожномъ числѣ учениковъ реальнаго отдѣленія, наконецъ несмотря на то что ходатайство попечительскаго совѣта предъявляло самую уважительную мѣстную потребность, находившуюся при томъ въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ направленіемъ и духомъ нынѣшней учебной реформы, московская третья гимназія изъ числа полноправныхъ, къ которымъ она принадлежала, низведена въ разрядъ неполноправныхъ.

Вотъ еще неменѣе характеристическій фактъ, случившійся, можно сказать, почти на дняхъ. Въ Москвѣ устроено при лютеранской церкви учебное заведеніе въ размѣрахъ гимназіи, находящееся подъ управленіемъ совѣта выбираемаго прихожанами. Открытое для всѣхъ, оно можетъ послужить хорошимъ подспорьемъ въ нашей скудной педагогическими средствами Москвѣ, тѣмъ болѣе что оно устроено на широкихъ основаніяхъ полнаго классическаго устава, съ реальнымъ отдѣленіемъ для не назначающихъ себя въ университетъ. Совѣтъ, основываясь на примѣрѣ подобныхъ нѣмецкихъ училищъ въ Петербургѣ, обратился въ министерство съ просьбой исходатайствовать и московской школѣ права гимназіи. Желаніе совѣта было принято благосклонно, указано представить проектъ устава, при чемъ рекомендовалась краткость. Но когда проектъ былъ пред-

ставленъ, дѣло перемѣнилось, и полученъ отвѣтъ, что министерство считаетъ себя не въ правѣ ходатайствовать объ утвержденіи этого устава, на томъ основаніи, что уставъ школы не соотвѣтствуетъ началамъ принятымъ для нашихъ гимназій. Отказъ мотивированъ мнѣніемъ ученаго комитета, а изъ этого мнѣнія явствуетъ, что школѣ потому нельзя дать правъ классической гимназіи, что въ ея реальномъ отдѣленіи (не забудемъ, что реальныя гимназіи не пользуются правами), начальное развитіе предположено основать какъ въ прусскихъ реальныхъ школахъ перваго разряда, или какъ у насъ же въ Рижской реальной гимназіи, на изученіи древнихъ языковъ (именно латинскаго). Кромѣ этой непозволительной ереси, указана еще и другая причина, именно: за чѣмъ въ классическомъ отдѣленіи усилено преподаваніе математики и назначено то же число уроковъ что и въ реальномъ. Замѣтимъ, что рѣчь шла не о томъ, что въ реальномъ отдѣленіи мало уроковъ математики: ихъ положено болѣе чѣмъ въ реальныхъ гимназіяхъ министерства,—27 вмѣсто 25, — но единственно о томъ, зачѣмъ усилена математика въ классическомъ отдѣленіи, хотя, какъ извѣстно, математика составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ классическаго курса. Наконецъ, комитетъ не одобрилъ сокращенія преподаванія естественной исторіи, и особенно страннымъ находитъ назначеніе для химіи трехъ уроковъ (вмѣсто пяти, указанныхъ извѣстною *Инструкціею* комитета). Отказъ, впрочемъ, не безусловный. Дано понять, что если латинскій языкъ будетъ изгнанъ изъ реальнаго отдѣленія, если преподаваніе математики ослабится въ классическомъ, если наконецъ эмбріологіи будетъ отведено надлежащее мѣсто, то ученый комитетъ измѣнитъ свое мнѣніе.

Итакъ, дѣлались распоряженія нарушавшія духъ и букву закона, а отказывается въ правахъ учебному заведенію за нѣкоторыя особенности, вполнѣ согласныя съ общимъ духомъ реформы, нисколько не болѣе значительныя чѣмъ особенности другихъ подобныхъ учебныхъ заведеній, какъ напримѣръ: Аннинской и Петровской школъ въ Петербургѣ, уже пользующихся этими правами,—отказывается за то только, что эти особенности не соотвѣтствуютъ доктринамъ изглагаемымъ въ столбцахъ *Голоса*.

— Въ объясненіи, напечатанномъ въ *Сѣверной Почтѣ*, замѣчено, что распоряженія министерства не касались Виленскаго учебнаго округа, для котораго „имѣлись въ виду особыя предположенія главнаго начальника края.“ Такимъ образомъ, какъ сказано выше, этотъ округъ очутился въ такомъ же привилегированномъ положеніи, въ какомъ находится Дерптскій, огражденный отъ случайныхъ распоряженій. Но мы позволяемъ себѣ думать, что предположенія начальника сѣверозападнаго края не касались ни классической, ни реальной системы. Сколько намъ извѣстно, учебныя дѣла этого округа остаются и теперь, какъ прежде, въ завѣдываніи министра народнаго просвѣщенія. Относительно этого края имѣются теперь разныя политическія предположенія, но едва ли они находятся въ связи съ вопросомъ о классической или реальной системѣ. Итотъ, въ то время какъ въ остальной Россіи происходила невѣроятная суетня по поводу столь мирнаго вопроса какъ реформа гимназій въ Виленскомъ учебномъ округѣ реформа эта совершилась безъ всякой агитаціи, и министерству внутреннихъ дѣлъ не было надобности призывать къ порядку тамошнія губернскія вѣдомости. Тамошнему попечительскому совѣту никто не препятствовалъ дѣлать свои распоряженія подъ вліяніемъ убѣжденія въ безусловномъ превосходствѣ полной классической системы. Всѣ губернскія гимназіи, за исключеніемъ, впрочемъ, одной находящейся въ наиболѣе русской губерніи, объявлены полными классическими, равно какъ и нѣсколько уѣздныхъ; въ разрядъ неполноправныхъ перечислены тѣ изъ этихъ послѣднихъ, которыя находятся въ мѣстностяхъ наиболѣе русскихъ. Если здѣсь приняты были въ соображеніе какія-либо мѣстныя условія, то развѣ только численныя отношенія и сила русскаго элемента. Гдѣ русскій элементъ слабѣе, тамъ даже въ уѣздномъ мѣстечкѣ явилась полная классическая гимназія; гдѣ русскій элементъ сильнѣе, тамъ даже губернская гимназія осталась въ положеніи переходномъ. Въ шести губерніяхъ этого округа явилось восемь гимназій и прогимназій съ полнымъ классическимъ уставомъ, вступившимъ въ дѣйствіе съ нынѣшняго же года. Въ силу распоряженій касавшихся всей остальной громады Россійской Имперіи, предназначены къ преобразованію въ полныя классическія только

16, и то лишь въ будущемъ, черезъ 5 лѣтъ, — и вотъ на 60 милліоновъ народа отпущено только 16 учебныхъ заведеній имѣющихъ стать въ послѣдствіи на европейскую ногу, а на 6 губерній съ народонаселеніемъ въ 5 или 6 милліоновъ имѣющихъ во главѣ своей образованные классы чуждающіеся русской національности и оспаривающіе права ея на этотъ край, — 8 гимназій сразу поставленныхъ на степень полныхъ классическихъ, архи-полноправныхъ.

Вотъ положеніе дѣлъ по введенію новаго устава гимназій и прогимназій.

Въ статьѣ *Голоса*, появившейся въ одинъ день съ министерскимъ объясненіемъ, сказано, что мы находимся въ привилегированномъ положеніи, получая свѣдѣнія и законодательные проекты изъ правительственныхъ сферъ. Какъ было бы это хорошо! Мы бы очень охотно подѣлились такою привилегіей со всѣми. Къ сожалѣнію, это не совсѣмъ такъ: намъ приходится добывать наши свѣдѣнія съ величайшимъ трудомъ, рѣдко въ благовременную пору, и въ видѣ весьма часто слишкомъ отрывочномъ. Что же касается до хода законодательныхъ работъ по уставу гимназій и прогимназій, то мы часто были въ мучительномъ невѣдѣніи. Всѣми свѣдѣніями о ходѣ этого дѣла мы были обязаны недавно умершему А. Д. Желтухину, принимавшему въ немъ, какъ и во всѣхъ русскихъ интересахъ, горячее участіе и по своей пріязни къ намъ полагавшему, что мы своими разъясненіями могли до нѣкоторой степени способствовать доброму результату; отъ него узнали мы о содержаніи мнѣнія составленнаго г. министромъ народнаго просвѣщенія, — мнѣнія съ убѣдительными и прекрасно изложенными доказательствами необходимости и безусловнаго превосходства классической системы и приходящаго къ заключенію, что одна четверть нашихъ гимназій должна быть превращена въ реальныя. Изъ правительственныхъ же, высоко поставленныхъ лицъ, имѣли мы случай объясняться по этому вопросу только съ двумя. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ выражалъ полное свое сочувствіе нашимъ воззрѣніямъ относительно этого вопроса, сочувствіе заявленное имъ и въ *Сѣверной Почтѣ*, а мы, въ свою очередь, считали долгомъ благодарить его отъ лица всѣхъ благомыслящихъ людей за содѣйствіе оказанное имъ этому важному дѣлу и за мѣры принятыя имъ по своему вѣдомству къ прекращенію недостойной интриги, силившейся сбить съ толку общественное мнѣніе и извратить направленіе предпринятой реформы. Другое правительственное лицо, съ которымъ еще прежде мы имѣли случай сноситься по тому же предмету, былъ г. министръ народнаго просвѣщенія. Удивленные и испуганные тѣмъ страннымъ направленіемъ, которое въ этомъ вопросѣ обнаружилось между лицами призванными министромъ къ разработкѣ проекта новаго устава, и особенно воззрѣніями предсѣдателя ученаго комитета, какъ лица особенно близко поставленнаго къ дѣлу, мы позволили себѣ высказаться съ полною откровенностію въ одномъ изъ отвѣтныхъ писемъ нашихъ къ г. министру народнаго просвѣщенія. Что говорили мы въ печати, то самое сказали мы и въ письмѣ. Изъ отвѣта, которымъ г. министръ народнаго просвѣщенія почтилъ откровенное выраженіе нашего мнѣнія, намъ было утѣшительно узнать, что онъ вполнѣ раздѣлялъ его, несмотря на всю его рѣзкость. Мы только затруднялись понять какъ возможно такое полное разногласіе во взглядахъ между главнымъ начальникомъ и его ближайшими исполнителями и совѣтниками. Изъ министерскаго объясненія, напечатаннаго въ *Сѣверной Почтѣ*, видно, что министръ народнаго просвѣщенія отстаивалъ классическую систему въ государственномъ совѣтѣ; однако самые дѣятельные и самые опасные противники этой системы находятся, какъ извѣстно, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Если министръ народнаго просвѣщенія винитъ членовъ государственнаго совѣта за распоряженія своего министерства, то мнѣнія не благопріятныя реформѣ, на которыя онъ сѣтуетъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ стремленіямъ, господствующимъ въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія и имѣющимъ доселѣ вѣрный имъ органъ въ газетѣ *Голосъ*.

Слава Богу, доброе дѣло *выгорѣло*, какъ говорится по-русски. Самые скандалы обратились ему въ пользу. Вопросъ самаго спеціяльнаго и отвлеченнаго свойства, разъяснился для русской публики, такъ что даже и малограмотные люди, нелишенные здраваго смысла, могутъ разобрать въ чемъ тутъ дѣло. Но можно ли успокоиться на этомъ результатѣ? Растеніе, которое насаждено теперь на русской почвѣ, требуетъ въ началѣ самаго бережнаго ухода,

требуетъ ухода просвѣщеннаго, дѣятельнаго, полнаго любви. Все происходившее доселѣ, вся эта долгая, упорная и ожесточенная борьба свидѣтельствуетъ какъ много вражды встрѣтило это новое дѣло. Есть ли основаніе успокоиться, что притихнувшее зло исчезло, и что отнынѣ все пойдетъ какъ нельзя лучше? Успѣхъ новой организаціи учебнаго дѣла зависитъ отъ столькихъ условій, а подрывъ ей можетъ быть сдѣланъ легко и незамѣтно!...

№ 236.

Москва, 28-го октября.

Мы должны еще разъ возвратиться къ дѣлу г. Вольдемара, о которомъ было говорено въ № 226-мъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Это дѣло бросаетъ яркій свѣтъ какъ на порядки господствующіе въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ, такъ и на образъ дѣйствій тамошнихъ публицистовъ. По поводу того что было нами разказано о дѣлѣ г. Вольдемара, со словъ митавскаго корреспондента *National Zeitung*, *Рижская Газета* поспѣшила обвинить насъ въ умышленномъ искаженіи истины. Въ упомянутой митавской корреспонденціи была одна неточность, которая естественно должна была перейдти и въ нашъ разказъ. Но, вопервыхъ, эта неточность произошла изъ вышесказаннаго источника, а вовторыхъ, она нисколько не измѣняетъ ни сущности самаго дѣла, ни тѣхъ заключеній, къ которымъ мы пришли прежде. Въ самомъ дѣлѣ, изъ показаній *Рижской Газеты* явствуетъ только то, что петербургская латышская газета, имѣвшая цѣлью возможно бо́льшее сближеніе между Латышами и Русскимъ народомъ, почти съ самаго начала своего существованія была поставлена въ исключительное, почти невозможное положеніе, а именно, только первые три мѣсяца она находилась подъ петербургскою цензурой, въ слѣдующіе уже затѣмъ слишкомъ два года должна была изъ Петербурга, столицы Россійской Имперіи и резиденціи ея правительства, ходить въ корректурахъ въ богоспасаемый городъ Ригу и получать разрѣшеніе тамошнихъ властей на появленіе въ свѣтъ. Одного этого факта достаточно для того, чтобы судить, какъ неблагосклонно было встрѣчено начинаніе образованныхъ Латышей, проживающихъ въ Петербургѣ, и съ какими трудностями пришлось бороться (воспользуемся способомъ выраженія митавскаго корреспондента *National-Zeitung*) русскому дѣлу между Латышами. Если почти съ самаго начала латышская газета, издаваемая въ Петербургѣ, подлежала цензурному разсмотрѣнію на основаніи не однихъ общихъ постановленій, а еще и мѣстныхъ рижскихъ соображеній, то прежде всего спрашивается, какимъ образомъ мѣстная цензура могла одобрять въ ней къ напечатанію всѣ тѣ будто бы появляющіяся въ ней неприличныя выходки противъ лютеранскаго духовенства и противъ дворянства, буде таковыя были, какъ свидѣтельствуетъ теперь *Рижская Газета?* Есть ли хоть тѣнь вѣроятія въ этомъ? Мы положительно объявляли, что не имѣли возможности сами ознакомиться съ содержаніемъ и направленіемъ этой газеты, и что судимъ о ней, главнѣйшимъ образомъ, только по тому, какъ радуетъ ея паденіе мѣстныхъ балтійскихъ *патріотовъ*, несмотря на то, что она состояла подъ строгою мѣстною цензурой, которая конечно не церемонилась съ ней. Поэтому не можетъ быть ничего забавнѣе усилій *Рижской Газеты* возложить на насъ отвѣтственность за тѣ выходки, которыя будто бы появлялись въ *Petersburgas Awises* съ разрѣшенія рижской цензуры, и обвинить насъ, будто бы мы готовы были купить сближеніе Латышей съ Русскимъ народомъ цѣною возбужденія въ низшемъ классѣ населенія ненависти и презрѣнія къ нѣмецко-протестантскому элементу на Балтійскомъ морѣ, даже цѣною насильственнаго искорененія его. Точно съ такимъ же, если еще не съ большимъ гнѣвомъ, *Рижская Газета* обвиняетъ насъ въ умышленномъ искаженіи истины и по поводу нашего разказа о движеніи Латышей нынѣшнею весною, изъ Курляндіи въ Новгородскую губернію, въ имѣніе г. Вольдемара. Но и это обвиненіе служитъ только новымъ обращикомъ, новымъ изобличеніемъ этого нѣмецко-русскаго дѣла и его тактики. Дѣло вотъ въ чемъ: въ *Рижской Газетѣ*, въ тѣхъ нумерахъ ея, на которые мы ссылались въ своей статьѣ, мы нашли два различныя показанія объ одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ всего этого дѣла: одно принадлежитъ самой редакціи *Рижской Газеты*, другое же человѣку, еще болѣе враждебно расположенному, какъ видно изъ соб-

ственныхъ словъ его, къ г. Вольдемару и бывшему въ состояніи, какъ онъ самъ говоритъ, вблизи наблюдать за выселеніемъ Латышей, изслѣдовать его причины у собрать о немъ свѣдѣнія изъ самаго лучшаго источника. По всѣмъ правиламъ исторической критики, мы должны были предпочесть послѣднія показанія, тѣмъ болѣе что они появились позднѣе, и какъ видно, вырвались у писавшаго невольно. Редакція *Рижской Газеты* утверждала, что въ то время, когда г. Вольдемаръ вознамѣрился отклонить Латышей отъ предположеннаго ими переселенія, ихъ уже не было на мѣстѣ,—они были въ дорогѣ. По словамъ того свидѣтеля, письмо котораго приведено въ № 209-мъ *Рижской Газеты*, предостереженія г. Вольдемара не могли латышскимъ крестьянамъ послужить въ пользу только потому, что они уже оставили хозяевъ, продали свое имущество и взяли свои паспорты. „Эти люди, говоритъ онъ, уже не имѣли никакого выбора передъ собою, и хотя ихъ надежды и были разрушены письмами г. Вольдемара (къ мѣстнымъ пасторамъ), но не было уничтожено ихъ желаніе возвратить потерянное, и этимъ-то ихъ желаніемъ объясняется предпринятое ими путешествіе.“ Это послѣднее объясненіе ужь черезчуръ остроумно: тысяча людей будто бы двинулись съ мѣстъ чтобы начать процессъ съ г. Вольдемаромъ; они разорялись, чтобъ отомстить этому врагу своему, и однакожь они вернулись, даже не попытавшись исполнить свое желаніе. Очень можетъ быть, что значительная часть Латышей находится въ одичаломъ состояніи, но все-таки нельзя повѣрить, чтобъ они рѣшились переселяться въ Россію изъ желанія взыскать съ г. Вольдемара свои убытки при сборахъ къ переселенію. Итакъ мы принуждены устранить это остроумное объясненіе корреспондента *Рижской Газеты* и воспользоваться только фактами, имъ сообщенными. Вопервыхъ, мы узнаемъ, что письма г. Вольдемара были получены, когда переселенцы были на мѣстѣ, и если издержались на приготовленія въ путь, то еще не разорились окончательно. Затѣмъ, этотъ же самый свидѣтель показываетъ, что по полученіи означенныхъ писемъ нѣкоторые пасторы не только не возвысили предостерегающаго голоса съ своихъ каѳедръ, но даже скрыли отъ прихожанъ самыя письма. Еслибы, дѣйствительно, переселенцевъ уже не было на мѣстѣ въ то время, когда г. Вольдемаръ вздумалъ ихъ предостерегать противъ переселенія, то не было ли бы достаточно корреспонденту *Рижской Газеты* сослаться только на это обстоятельство въ оправданіе лютеранскихъ проповѣдниковъ? Между тѣмъ онъ приводитъ такія объясненія ихъ образа дѣйствій въ этомъ случаѣ, которыя не могутъ ни съ какой точки зрѣнія показаться удовлетворительными. Онъ говоритъ, что въ свое время пасторы не мало увѣщевали и отговаривали Латышей отъ переселенія, но что послѣ того какъ дѣло зашло далеко, дальнѣйшая дѣятельность въ томъ же направленіи не соотвѣтствовала бы достоинству проповѣдниковъ, и что эти почтенные оберегатели душъ были обязаны отвергнуть просьбу г. Вольдемара, такъ какъ онъ будто бы хотѣлъ возложить на нихъ недостойную роль глашатаевъ въ этой несчастной драмѣ. Итакъ, несомнѣнно, что мѣстные лютеранскіе проповѣдники имѣли бы еще время съ своей стороны содѣйствовать предостереженію Латышей противъ переселенія, какъ ихъ просилъ о томъ г. Вольдемаръ, но что они не сдѣлали этого изъ чувства своего проповѣдническаго достоинства. Итакъ, предостеречь людей отъ предстоявшихъ имъ дальнѣйшихъ бѣдствій, это несогласно съ чувствомъ достоинства христіанскаго проповѣдника? Видѣть людей, которые по собственной ли, по чужой ли винѣ подвергаются опасностямъ, имѣть въ рукахъ своихъ вѣсть отъ человѣка виновнаго или невиновнаго, но желающаго положить конецъ бѣдственному заблужденію, и хранить безмолвіе, не предупредить этихъ людей и дать имъ до конца испить чашу горечи и бѣдствій, все это будто бы требовалось чувствомъ достоинства! Хорошо достоинство, состоящее въ нарушеніи не только пастырскаго, но и простаго человѣческаго долга! И это высказывается какъ нѣчто совершенно понятное, разумное и не требующее объясненія, не въ осужденіе, а въ похвалу! Какой оригинальный кругъ воззрѣній, какія удивительныя понятія о достоинствѣ и долгѣ! Пусть эти люди гибнутъ до конца: ни что имъ! Въ нашихъ рукахъ есть свѣдѣнія, которыя могутъ предостеречь ихъ, если не отъ приготовленій къ пути, уже сдѣланныхъ, то отъ самаго путешествія, которое въ конецъ разоритъ ихъ: утаимъ отъ нихъ наши свѣдѣнія; пусть надъ ними вполнѣ разыграется та траге-

дія, о которой будетъ потомъ говорить *Рижская Газета*! Вотъ удивительная мораль! Вотъ къ какимъ печальнымъ извращеніямъ нравственнаго чувства ведетъ ненормальное положеніе дѣлъ развивающее въ людяхъ притязанія и инстинкты, нестыдящіеся себя только потому, что въ безпрерывныхъ ухищреніяхъ утратили чувство различія между постыднымъ и одобрительнымъ! Неужели въ самомъ дѣлѣ могли такъ думать лютеранскіе пасторы въ Курляндіи, неужели въ самомъ дѣлѣ они могли дѣйствовать по такимъ побужденіямъ какія приписываютъ имъ защитники ихъ, неужели они могутъ полагать свое достоинство въ томъ чтобы зная о бѣдствіяхъ, которыя грозятъ людямъ, изъ какого-то злорадства не предостеречь ихъ, хотя бы въ одиннадцатый часъ?

Но если мѣстные пасторы отвергли просьбу г. Вольдемара изъ соображеній основанныхъ на достоинствѣ ихъ званія, то какими соображеніями могла руководиться мѣстная рижская цензура, запрещая г. Вольдемару напечатать въ его газетѣ предостереженіе противъ переселенія? Что противоцензурнаго могло заключаться въ этомъ предостереженіи? Если г. Вольдемаръ позволилъ себѣ тамъ какія-нибудь неблагопристойныя выраженія, то цензура могла зачеркнуть ихъ по своему обычаю. Но нѣтъ; цензура, говорятъ намъ, руководствовалась тѣмъ предположеніемъ, что это предостереженіе уже безполезно какъ запоздалое; но цензура обязана запрещать только вредное. Какая же бѣда могла бы произойдти отъ напечатанія предостереженія въ *Петербургской Латышской Газетѣ? Рижская Газета* объясняетъ, что г. Вольдемаръ имѣлъ при этомъ въ виду прикрыть свое отступленіе на всякій случай; но еслибъ и хотѣлъ, то какое до этого дѣло цензору? Да и можно ли прикрыть отступленіе предостереженіемъ, котораго запоздалость была бы очевидна? Вѣдь предостереженіе не вексель, который можно написать заднимъ числомъ; вѣдь оно появилось бы въ газетѣ, которая вышла бы въ свѣтъ въ день и часъ не подлежащіе сомнѣнію. Въ каждомъ дѣйствіи естественно предполагать разумную цѣль: какая же разумная цѣль могла быть въ упомянутомъ цензурномъ запрещеніи, кромѣ противодѣйствія желанію г. Вольдемара довести предостереженіе до свѣдѣнія всѣхъ тѣхъ, которымъ оно еще могло быть полезно?

Рижская Газета и ея сотрудники не сдѣлаютъ чернаго бѣлымъ, а бѣлаго чернымъ. Они не защитятъ ни пасторовъ, утаивавшихъ письма г. Вольдемара отъ своихъ прихожанъ, ни цензора запретившаго г. Вольдемару напечатать предостереженіе. Имъ не удастся, съ другой стороны, и очернить г. Вольдемара. До какой степени они неправы въ рѣзкихъ сужденіяхъ о немъ это можно видѣть изъ документа, идущаго не отъ ультра-русскихъ патріотовъ или соціалистовъ, и напечатаннаго не въ *Русскомъ Инвалидѣ* или *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, а въ *С.-Петербургской Нѣмецкой Газетѣ*. Мы говоримъ о письмѣ къ г. Вольдемару новгородскаго лютеранскаго пастора, г. Рейтлингера. Вотъ это письмо:

„Многоуважаемый г. Вольдемаръ! Латыши вашего имѣнія *Дерево* просили меня объ удовлетвореніи ихъ духовнымъ потребностямъ. Повидимому, они имѣютъ ко мнѣ довѣріе..... Съ сожалѣніемъ читалъ я въ газетахъ направленныя противъ васъ поношенія, тогда какъ я напротивъ слышалъ теперь отъ поселенныхъ у васъ Латышей, что они совершенно довольны какъ качествомъ земли, такъ и вашимъ образомъ дѣйствій съ ними. Такимъ образомъ вина, повидимому, должна пасть на недовольныхъ, которые должны приписать все несчастіе только собственной своей поспѣшности и собственному своему легкомыслію. Но праведный Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его. Да будетъ это вашимъ утѣшеніемъ среди незаслуженныхъ вами страданій. *Новгородъ 29-го сентября 1865 года.*“

Мы сами также слышали отъ предводителя дворянства Крестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, что Латыши, поселившіеся въ имѣніи г. Вольдемара, совершенно довольны своею судьбой и не знаютъ какъ благодарить его. Таковы показанія, которыхъ достовѣрность несомнѣнна, и если *Рижская Газета*, нарушая законы ограждающіе честь частныхъ лицъ, позволяетъ себѣ называть мошенничествомъ и грабительствомъ дѣйствія, которыя она ему приписываетъ, то этимъ она лишь сама набрасываетъ мрачную тѣнь на свои разсужденія объ этомъ несчастномъ дѣлѣ и обличаетъ источникъ той радости, которую вызываетъ въ ней, говоря ея словами, „развязка трагедіи,“ или говоря словами митавскаго корреспондента *National Zeitung*, „торжество нѣмецкаго дѣла.“ Мы утѣшаемся мыслію, что вся эта вражда и злоба

окажутся безсильными. Въ этой надеждѣ насъ утверждаетъ недавно полученное нами извѣстіе, что одному изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ г. Вольдемара, г. Бесбардису, сосланному на жительство въ Боровскій, а потомъ въ Клинскій уѣздъ и состоявшему подъ надзоромъ полиціи, теперь возвращена полная свобода. Не слишкомъ ли поспѣшили мѣстные *патріоты* торжествовать побѣду, будто бы навсегда одержанную нѣмецкимъ дѣломъ надъ русскимъ среди Латышей?

№ 237.

Москва, 29-го октября.

Мы ничего до сихъ поръ не говорили о занятіяхъ московскаго губернскаго земскаго собранія. Полагая, что при новости дѣла постороннее вліяніе могло бы лишь затемнять естественный видъ его, мы ограничивались простою передачей преній и заботились только о томъ, чтобъ оказать первому земскому собранію здѣшней губерніи по крайней мѣрѣ ту услугу, которую могла доставить ему совершенно объективная гласность. Теперь, когда собраніе закрыто, мы не преминемъ высказать свои мысли о его дѣйствіяхъ и характерѣ, но откладываемъ исполненіе этой обязанности до того времени, когда успѣемъ помѣстить въ нашей газетѣ отчеты обо всѣхъ его засѣданіяхъ. Мы не можемъ однако пропустить молча тотъ отчетъ, который помѣщается въ настоящемъ нумерѣ. Онъ относится къ преніямъ — если оживленный разговоръ можно назвать преніями — объ учрежденіи въ Москвѣ земской гимназіи, объ устройствѣ ея управленія и объ ея учебномъ планѣ. Преній въ собственномъ смыслѣ слова не было; по существеннымъ пунктамъ вовсе не оказалось разномыслія, и земство Московской губерніи единогласно опредѣлило, что предположенная въ Москвѣ земская гимназія должна быть полною классическою гимназіей, приготовляющею во всѣ четыре университетскіе факультета, и состоять подъ вѣдѣніемъ особеннаго совѣта изъ членовъ отъ земства, отъ епархіальнаго и отъ учебнаго вѣдомства. Независимость училищъ отъ случайныхъ вліяній администраціи, нисколько впрочемъ не исключающая не только законнаго правительственнаго контроля, но и прямаго участія администраціи въ управленіи ими, есть великое и плодотворное начало, безъ котораго прочное существованіе, правильное развитіе и успѣшное процвѣтаніе учебной части едва ли возможны. Высказываясь въ пользу этого начала со всею осмотрительностію и безъ малѣйшаго увлеченія крайними теоріями, земское собраніе хотѣло оградить имъ за своею будущею гимназіей характеръ университетской приготовительной школы, устроенной по европейскому образцу. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ особенно обнаружилось полное единомысліе.

Скоро ли состоится такъ счастливо задуманное учебное заведеніе? Намъ кажется, что въ достиженіи этой цѣли городъ Москва долженъ содѣйствовать земству. Земская гимназія будетъ полезна, конечно, не однимъ жителямъ Москвы; ею будетъ пользоваться и вся губернія, но уѣзды Московской губерніи будутъ раздѣлять доставляемое ею удобство съ близъ лежащими уѣздами сосѣднихъ губерній. Жителю Покрова будетъ еще удобнѣе отдать своихъ дѣтей въ московскую земскую гимназію, чѣмъ жителю Можайска. Главнѣйшимъ образомъ заинтересованъ тутъ городъ Москва, его постоянные жители и всѣ тѣ, которые проводятъ въ Москвѣ значительную часть года, къ какой бы губерніи они ни принадлежали. Всѣ эти лица, прямо или косвенно, платятъ подати въ пользу города, но многіе изъ нихъ вовсе не подлежатъ земской раскладкѣ. Вотъ почему нельзя не согласиться съ графомъ А. С. Уваровымъ, что какъ городское училище, земская гимназія имѣетъ право на значительную поддержку со стороны города. Повидимому и сама городская дума признавала это: иначе трудно понять, что означало бы ея *согласіе* принять участіе въ земской раскладкѣ. Губернское земское собраніе имѣетъ право облагать жителей Москвы земскимъ сборомъ наравнѣ съ остальнымъ земствомъ, и для этого не требуется согласія общей думы. Участіе общей думы въ дѣлѣ учрежденія земской гимназіи можетъ выразиться лишь отпускомъ на нее извѣстной суммы, помимо общей земской раскладки, и общая дума, по нашему мнѣнію, обязана согласиться на такой отпускъ, если не хочетъ, чтобы на земство цѣлой губерніи былъ равномѣрно разложенъ расходъ, котораго результатомъ жители Москвы будутъ пользоваться въ гораздо большей мѣрѣ и съ

гораздо большимъ удобствомъ нежели жители остальныхъ частей губерніи. Городскому бюджету, по его значительности, легче вынести новые расходы чѣмъ бюджету земства болѣе ограниченному и долженствующему удовлетворить большее число потребностей. Пособіе со стороны города на содержаніе земской гимназіи дало бы земству возможность скорѣе приступить къ этому дѣлу и что еще важнѣе, на ряду съ учрежденіемъ земской гимназіи въ Москвѣ подумать о не менѣе необходимомъ учрежденіи земскихъ прогимназій въ нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ городовъ Московской губерніи, причемъ въ свою очередь должны будутъ помогать земству эти города. Вообще одною изъ самыхъ важныхъ заслугъ губернскихъ земскихъ собраній было бы, еслибъ они содѣйствовали распространенію въ уѣздахъ хотя нѣкоторыхъ необходимыхъ условій цивилизованной жизни. До сихъ поръ не было органа спеціяльно призваннаго заботиться объ уѣздномъ благоустройствѣ. Теперь этотъ органъ данъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, но для успѣшнаго дѣйствія они нуждаются въ возбужденіи, поддержкѣ и руководствѣ со стороны собраній губернскихъ.

Кстати о здѣшней лютеранской школѣ, упоминавшейся въ преніяхъ 24-го октября. Мы указывали третьяго дня на странные мотивы, на основаніи которыхъ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не одобрилъ учебнаго плана этой школы, найдя его несогласнымъ будто бы съ началами, принятыми въ новомъ уставѣ нашихъ гимназій. Прибавимъ, что, возставая противъ учебнаго плана, согласно которому латинскій языкъ входитъ въ число предметовъ реальнаго курса, преподаваніе математики усилено въ обоихъ курсахъ и въ реальномъ курсѣ уменьшено число уроковъ естествовѣдѣнія, ученый комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ на себя огражденіе парламентскихъ правъ педагогическаго совѣта школы, о которомъ вовсе не упоминается въ проектѣ устава, и въ свою очередь, защищаетъ директора противъ училищнаго (приходскаго) совѣта, выражая требованіе, чтобы директоръ былъ членомъ этого совѣта, несмотря на то что совѣтъ есть высшая инстанція, отъ которой зависитъ выборъ и увольненіе директора. Если прихожане уступятъ этимъ требованіямъ, они пріобрѣтутъ для своей школы полныя права гимназіи, но измѣнятъ къ худшему ея устройство. Между тѣмъ, казалось бы, иное обстоятельство, а не измѣненіе къ худшему весьма раціональнаго учебнаго плана, во многихъ подробностяхъ превосходящаго планъ нашихъ гимназій, должно было обратить на себя вниманіе тѣхъ, отъ кого зависитъ дать тотъ или другой ходъ дѣлу о заведеніи, имѣющемъ среди нашей педагогической пустыни несомнѣнно важное значеніе. Это заведеніе можетъ принести много пользы въ педагогическомъ отношеніи, но оно можетъ также своимъ направленіемъ послужить, въ большей или меньшей степени, стремленіямъ, укрѣплять и поддерживать которыя при помощи правъ и привилегій, исходящихъ отъ правительства, было бы противно общему интересу. На какомъ языкѣ будетъ происходить преподаваніе въ школѣ, въ случаѣ если она получитъ всѣ права какими пользуются казенныя гимназіи? Упомянуто ли въ проектѣ устава, что въ такомъ случаѣ основнымъ языкомъ преподаванія будетъ языкъ русскій? Очевидно, что это обстоятельство находится въ ближайшей связи съ общимъ характеромъ какой приметъ эта школа, когда она займетъ признанное мѣсто въ ряду заведеній, учреждаемыхъ правительствомъ съ единственною цѣлію служить разсадниками просвѣщенія среди русскаго народа. Условія не одинаковы для иностраннаго пансіона, учредители котораго сочли почему-либо удобнымъ помѣстить его въ Москвѣ вмѣсто какого-нибудь нѣмецкаго городка, и для полноправной русской гимназіи хотя бы эта гимназія была основана при нѣмецкой лютеранской церкви. Въ такой гимназіи только по самымъ уважительнымъ причинамъ могло бы быть допущено преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Желаніе воспользоваться опытностью какого-нибудь отличнаго педагога не знающаго по-русски можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ оправдать такое допущеніе; но, конечно, нельзя допустить въ заведеніи, желающемъ пользоваться всѣми правами русской гимназіи, преподаваніе исключительно или даже преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ. Прибавимъ, что такой порядокъ не былъ бы основанъ на потребностяхъ прихожанъ и противорѣчилъ бы интересамъ заведенія. Изъ учениковъ, поступающихъ въ эту школу, конечно, не найдется такого, который не зналъ бы по-

русски и не могъ бы успѣшно пользоваться преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Но лютеранская школа разчитана не на однихъ нѣмецкихъ мальчиковъ; въ ней учится много русскихъ, и школа дорожитъ ими; она имѣетъ для нихъ особаго православнаго законоучителя. А эти русскіе мальчики очень много теряютъ отъ того что преподаваніе въ низшихъ классахъ происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ; даже тѣ изъ нихъ, которые хорошо знаютъ по-нѣмецки не могутъ получать при этомъ всей той пользы отъ ученья, которую оно должно бы приносить. Такимъ образомъ парализируются результаты трудовъ училища. Еще можно допустить преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ въ высшихъ классахъ, когда всѣ дѣти сравняются въ знаніи нѣмецкаго языка. Конечно, жаль было бы совсѣмъ отказаться отъ того важнаго удобства, которое состоитъ въ возможности выписывать опытныхъ педагоговъ изъ-за границы, но такіе педагоги особенно нужны для высшихъ классовъ. Что же касается до низшихъ классовъ, то искреннее желаніе успѣховъ заведенію, преобразованному на правильныхъ педагогическихъ основаніяхъ, побуждаетъ насъ сказать рѣшительно, что лютеранская школа въ Москвѣ не можетъ процвѣтать, если не захочетъ ввести въ своихъ низшихъ классахъ преподаваніе возможно бо́льшаго числа предметовъ на русскомъ языкѣ, и намъ кажется, что только при этомъ условіи она могла бы пользоваться тѣми правами, о которыхъ она ходатайствуетъ. Церковный совѣтъ хлопочетъ не о признаніи школы, существующей уже давно, а о томъ, чтобы воспитанникамъ ея классическаго отдѣленія, окончившимъ полный курсъ, дано было право поступленія въ университетъ безъ экзамена: спрашивается, будутъ ли они способны слѣдить за университетскими лекціями, если не будутъ знакомы съ русскою научною терминологіей? Но лютеранскій приходъ не ограничивается ходатайствомъ о правахъ воспитанниковъ своей школы; онъ ходатайствуетъ о полномъ уравненіи ея съ гимназіями, при чемъ ея директоръ и преподаватели пользовались бы тѣми же служебными преимуществами, какъ директоры и учителя гимназій. Это ходатайство налагаетъ на приходъ, кажется намъ, еще бо́льшую обязанность избѣгать всего того, что́ безъ педагогической пользы и иногда даже въ очевидный вредъ заведенію, придавало бы ему исключительный нѣмецкій характеръ. Между тѣмъ, сколько намъ извѣстно по слухамъ, первые шаги преобразованной школы сдѣланы въ духѣ удаленія отъ той среды, которою она со всѣхъ сторонъ окружена, и которая съ такимъ доброжелательствомъ и довѣріемъ готова была отнестись къ заведенію, въ педагогическомъ отношеніи построенному на здравыхъ началахъ. Русскаго слова не было слышно на праздникѣ открытія, конечно не потому чтобы никто изъ лицъ, руководившихъ дѣломъ, не зналъ по-русски, и мы имѣемъ даже основаніе думать, что отсутствіе русской рѣчи не было простою случайностію. Все преподаваніе идетъ, сколько намъ извѣстно, на нѣмецкомъ языкѣ, и самый выборъ директора палъ на лицо, какъ слышно, опытное въ педагогическомъ дѣлѣ, но вовсе не владѣющее русскимъ языкомъ. Для русскаго языка назначено, правда, значительное число уроковъ; но излишнее число уроковъ, отдаваемое русскому языку въ качествѣ учебнаго предмета, можетъ оказаться скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Надобно желать, чтобы новое училище освобождалось отъ направленія, не основаннаго на какой-либо существенной потребности, и если дѣло идетъ о томъ, чтобы даровaніемъ правъ сблизить лютеранскую школу съ гимназіями на поприщѣ общей службы русскому просвѣщенію, а не о томъ чтобы привилегіями поддержать ея отчужденіе, то первымъ условіемъ дарованія этихъ правъ должно быть введеніе въ школу русскаго языка какъ основнаго языка преподаванія. Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ условіемъ было бы упрочено и благосостояніе школы, могущей процвѣтать только въ томъ случаѣ, если русскіе родители не будутъ чуждаться ея.

№ 238.

Москва. 30-го октября.

Теперь балтійскія газеты съ особеннымъ рвеніемъ занимаются вопросомъ о господствѣ нѣмецкаго языка въ ихъ краѣ. Вслѣдъ за статьей *Ревельской Газеты*, о которой мы говорили дня три тому назадъ, появилась статья въ *Рижской Газетѣ*, которая разсуждаетъ объ офиціяльномъ употребле-

нія русскаго языка только относительно Риги. Какъ *Ревельская Газета*, такъ и *Рижская* готова сдѣлать въ этомъ отношеніи нѣкоторыя уступочки, но ни за что въ свѣтѣ не хочетъ признать равноправность русскаго языка съ нѣмецкимъ. *Рижская Газета* даже старается увѣрить своихъ читателей, что и *Московскія Вѣдомости* не требуютъ полной равноправности, а только нѣкотораго ограниченнаго употребленія русскаго языка въ офиціяльныхъ сферахъ. Но *Рижская Газета*, умышленно или неумышленно, ошибается въ этомъ отношеніи. Мы всегда находили справедливымъ и разумнымъ чтобы русскій языкъ былъ признаваемъ въ Ригѣ за языкъ офиціяльный въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и въ той же самой силѣ, какъ и языкъ нѣмецкій, и говорили только, что на практикѣ еще долгое время и послѣ такого признанія полноправности русскаго языка все таки будетъ употребляться преимущественно языкъ нѣмецкій, вслѣдствіе привычки и многочисленности людей нѣмецкаго языка въ образованныхъ сферахъ мѣстнаго населенія. *Рижская Газета* признаетъ практическіе интересы довольно значительнаго числа людей не говорящихъ по-нѣмецки и проживающихъ въ Ригѣ и въ другихъ мѣстахъ балтійскихъ губерній, но никакъ не желаетъ допустить, чтобы требованія равноправности для русскаго языка основывались на томъ фактѣ, что Рига есть русскій городъ, а балтійскія губерніи—русскія губерніи. По ея мнѣнію, фактъ, что „Рига можетъ быть названа русскимъ городомъ настолько, насколько она принадлежитъ къ Русской имперіи“, не можетъ оказывать ни какого вліянія на государственное въ этомъ городѣ значеніе русскаго языка. Напротивъ, мы полагаемъ, что русскій языкъ долженъ быть признаваемъ въ Ригѣ языкомъ офиціяльнымъ прежде всего потому что Рига принадлежитъ къ Русской имперіи, и въ этомъ смыслѣ есть такой же русскій городъ, какъ Тула, Одесса или Кіевъ. Несмотря на нѣкоторыя особенности въ организаціи рижскихъ городскихъ властей, тѣмъ не менѣе мы не полагаемъ, чтобъ и сама *Рижская Газета* рѣшилась утверждать, что эти власти суть нѣмецкія, а не русскія власти. Мы не полагаемъ, чтобы *Рижская Газета* могла утверждать такой парадоксъ, какъ существованіе не русскихъ, а нѣмецкихъ властей въ предѣлахъ Россіи. Если же это такъ, если ни въ одномъ пунктѣ русской государственной территоріи не можетъ быть никакой другой власти, кромѣ русской, потому что всѣ существующія въ ней власти такъ или иначе ведутъ свое начало и заимствуютъ свою силу и значеніе отъ верховной власти русскаго Государя, если это такъ, говоримъ мы, то можетъ ли быть допущено, чтобъ эти мѣстныя русскія власти чуждались русскаго языка и отказывались употреблять его въ офиціяльныхъ дѣлахъ? Если бы въ Ригѣ, въ числѣ постоянныхъ ея жителей, вовсе не было людей говорящихъ только по русски, то и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы признать въ принципѣ полное офиціяльное значеніе за языкомъ русскимъ, и никому не могло бы быть возбранено обращаться къ тамошнимъ властямъ, письменно или словесно, на языкѣ русскомъ. Въ другихъ государствахъ, какъ напримѣръ во Франціи, никакой другой языкъ не признается офиціяльнымъ, кромѣ языка самой Франціи. Во французскомъ Эльзасѣ, какъ извѣстно, стараются стѣснить и мало-по-малу вовсе изгнать употребленіе нѣмецкаго языка даже въ частномъ быту. У насъ же дѣло идетъ вовсе не объ этомъ, и мы съ своей стороны не настаивали на изгнаніе нѣмецкаго языка даже и изъ офиціяльнаго употребленія въ трехъ балтійскихъ губерніяхъ. Мы говорили всегда съ большимъ уваженіемъ объ этомъ языкѣ, и никогда не враждовали противъ него. Но совсѣмъ иной вопросъ, слѣдуетъ ли возводить его въ политическую, исключительно обязательную силу. До сихъ поръ онъ облеченъ въ такую силу на всемъ пространствѣ балтійскихъ губерній. Но русскіе государи не признавали такого положенія вещей нормальнымъ; они мудро предусматривали упраздненіе его, и въ этихъ видахъ вмѣнили изученіе русскаго языка въ обязанность всѣмъ получающимъ среднее и высшее образованіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Эта воля русскихъ государей была заявлена такъ давно, что въ настоящее время признаніе русскаго языка языкомъ офиціяльнымъ не было бы крутымъ и неожиданнымъ переходомъ и не могло бы повлечь за собой никакихъ неудобствъ. Напротивъ, дальнѣйшее исключительное господство нѣмецкаго языка и вслѣдствіе того, все большее насильственное распространеніе его между всѣми мѣстными обитателями, именно въ настоящее время, могло бы создать важныя полити-

ческія затрудненія для Россіи. Давно ли еще въ нѣмецкой журналистикѣ раздавались возгласы о принадлежности (Zusammengehörigkeit) нашихъ прибалтійскихъ губерній къ Германіи? Давно ли проповѣдывалось о необходимости германизировать Латышей и Эстонцевъ? Почти на этихъ дняхъ вышла заграницей брошюрка подписанная именемъ одного балтійскаго дворянина, гдѣ съ непозволительною запальчивостью провозглашается мысль о германизаціи этихъ областей смежныхъ съ Германіей, теперь такъ сильно стремящеюся къ собиранію нѣмецкихъ земель и людей нѣмецкаго языка въ одно политическое цѣлое. Можетъ ли русское правительство содѣйствовать онѣмеченію Латышей и Эстонцевъ, которые доказали на дѣлѣ, въ продолженіе болѣе чѣмъ пятисотлѣтняго господства нѣмецкаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ, что они вовсе не желаютъ стать Нѣмцами, и которые гораздо охотнѣе стали бы усваивать себѣ языкъ русскій, еслибъ имъ были даны къ тому способы и еслибы за русскимъ языкомъ была признана подобающая ему полноправность? Такимъ образомъ, для всякаго очевидно, что дальнѣйшее исключительное господство нѣмецкаго языка какъ официальнаго въ прибалтійскихъ губерніяхъ не можетъ быть терпимо: вопервыхъ, потому что это русскія губерніи, съ русскими, а не нѣмецкими властями, которыя не могутъ и не должны чуждаться русскаго языка; вовторыхъ, потому что въ этихъ сопредѣльныхъ съ Германіей губерніяхъ дальнѣйшее исключительное господство нѣмецкаго языка, содѣйствуя насильственному водворенію его между всѣми мѣстными обитателями, не можетъ не имѣть опасныхъ для Россіи политическихъ послѣдствій, во всякомъ случаѣ не можетъ не ослаблять ея въ ея западныхъ окраинахъ, гдѣ напротивъ она должна стать теперь сильнѣе чѣмъ когда-либо, въ виду измѣненій происшедшихъ и происходящихъ въ Европѣ.

Мѣстныя нѣмецкія газеты начинаютъ и сами сознаютъ несправедливость исключительнаго господства нѣмецкаго языка, и какъ сказано, склоняются къ маленькимъ уступкамъ. *Рижская Газета* допускаетъ, чтобы прошенія въ судебныя мѣста подавались и на русскомъ языкѣ, и чтобы произнесенные по нимъ приговоры передавались съ русскимъ переводомъ; она согласна и на то, чтобы тѣ официальныя объявленія, незнаніемъ коихъ никто не можетъ отговариваться, были печатаемы и по-русски и по-нѣмецки, и вѣроятно, согласилась бы, чтобы и вообще казенныя объявленія печатались на обоихъ языкахъ. Она утверждаетъ, правда, что всѣ эти уступки имѣютъ отношеніе преимущественно къ судебной реформѣ, а не къ реформѣ городскаго управленія, но эту оговорку слѣдуетъ, конечно, объяснять естественнымъ въ *Рижской Газетѣ* пристрастіемъ къ городской прерогативѣ, а въ сущности всякому понятно, что городскія жители вездѣ имѣютъ гораздо больше сношеній съ городскими властями, съ торговою полиціей и т. д. нежели съ судомъ. Позволительно надѣяться, что *Рижская Газета* согласится съ этимъ и допуститъ русскій языкъ въ сношеніяхъ гражданъ со всѣми городскими учрежденіями. Но подобныя льготы милостиво даруемыя русскому языку не могутъ быть признаны удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса объ официальномъ языкѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ этомъ вопросѣ дѣло идетъ не объ однихъ житейскихъ удобствахъ нѣкотораго числа людей русскаго языка, а объ интересахъ цѣлой Россіи,—о томъ, могутъ ли быть въ Россіи такія власти, которыя отвергали бы русскій языкъ, могутъ ли символы русской народности быть въ Россіи гдѣ-либо унижаемы предъ инородческими элементами, и можетъ ли русскій языкъ гдѣ-либо въ самой Россіи быть символомъ политическаго неполноправія. Вотъ въ чемъ заключается сущность вопроса и вотъ въ чемъ состоитъ, главнѣйшимъ образомъ, наше разногласіе какъ съ *Ревельскою*, такъ и съ *Рижскою Газетой*. Эта послѣдняя никакъ не хочетъ допустить, чтобы въ засѣданіяхъ скамы старшинъ могла слышаться русская рѣчь. „Рижская городская община, говоритъ эта газета, въ правѣ требовать отъ того изъ гражданъ русской національности, котораго она призываетъ къ должности старшины и который долженъ быть представителемъ не однихъ русскихъ гражданъ, но и всей общины, состоящей изъ нѣмецкихъ и русскихъ гражданъ, чтобъ онъ владѣлъ официальнымъ языкомъ края,—языкомъ, на которомъ ведутся всѣ дѣла мѣстныхъ властей и политическихъ корпорацій.“ Но въ томъ-то и дѣло, что самое дѣленіе рижской общины на нѣмецкихъ и русскихъ гражданъ никакимъ образомъ не можетъ быть допущено. Въ политическомъ

смыслѣ, въ Ригѣ не можетъ быть никакихъ другихъ гражданъ, кромѣ русскихъ, потому что всѣ граждане ея русскіе подданные, а какъ русскіе подданные они обязаны знать языкъ своего отечества, коль скоро являются соискателями власти. Если, какъ замѣчаетъ *Рижская Газета*, незнаніе нѣмецкаго языка сдѣлало бы старшину неспособнымъ къ занятію различныхъ административныхъ выборныхъ должностей, то столь же неспособнымъ должно дѣлать старшину и незнаніе русскаго языка. *Рижская Газета* опасается, что съ допущеніемъ русскаго языка совѣщанія старшинъ сдѣлались бы крайне продолжительными и неудобными, вслѣдствіе того что пришлось бы переводить всѣ русскія рѣчи и предложенія на нѣмецкій языкъ, и наоборотъ, нѣмецкія рѣчи и предложенія—на русскій. Но это возраженіе не можетъ имѣть силы. Послѣ всѣхъ тѣхъ усилій, которыя были сдѣланы правительствомъ для распространенія русскаго языка между образованными людьми прибалтійскихъ губерній, никакъ нельзя предположить, чтобъ эти образованные люди, изъ коихъ безъ сомнѣнія, главнѣйшимъ образомъ выбираются члены скамьи старшинъ, не могли вовсе понимать русскую рѣчь; а съ другой стороны старшины русскаго языка не имѣли бы права затруднять ходъ совѣщаній требованіемъ, чтобы нѣмецкія рѣчи переводились для нихъ на русскій языкъ: о всякомъ гражданинѣ, принимающемъ участіе въ управленіи, слѣдовало бы предполагать, что ему не чуждъ ни одинъ изъ двухъ официяльныхъ языковъ. Нисколько не желательно, чтобы въ управленіи городскими дѣлами принимали участіе люди вовсе не знающіе по-нѣмецки; или чтобы вообще Рижане русскаго языка не учились по-нѣмецки и не заботились о своемъ образованіи. Но есть разница между знакомствомъ съ иностраннымъ языкомъ и такимъ обладаніемъ этого языка, которое нужно, чтобы говорить на немъ въ публичномъ собраніи. Всѣ публичные дѣятели въ Ригѣ должны понимать оба официяльные языка; и мы прибавимъ, что безъ установленія этого правила трудно ожидать, чтобъ усилія правительства къ распространенію знакомства съ русскимъ языкомъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ увѣнчались успѣхомъ, или чтобы равноправность русскаго языка съ нѣмецкимъ получила серіозное значеніе. *Рижская Газета*, съ своей точки зрѣнія, конечно, ничего не хочетъ знать о такой равноправности русскаго и нѣмецкаго языковъ, но за то и самая ея точка зрѣнія нисколько не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію прибалтійскихъ губерній. *Рижская Газета* разсуждаетъ какъ будто бы городъ Рига былъ германское государство, и ставитъ его на одинъ уровень съ Россіей. Какъ во всей остальной Россіи, говоритъ она, отъ всякаго Нѣмца, поступающаго въ должность, можно по справедливости требовать, чтобъ онъ употреблялъ, при отправленіи своей должности, русскій языкъ, такъ будто бы и отъ Русскаго, вступающаго въ должность въ прибалтійскихъ губерніяхъ, можно требовать исключительнаго употребленія нѣмецкаго языка; или иначе, прибавляетъ *Рижская Газета* „вся страна и все населеніе подвергнутся несправедливому принужденію относительно своего языка.“ *Рижская Газета*, разсуждая такимъ образомъ, втройнѣ погрѣшаетъ противъ истины: вопервыхъ, тѣмъ, что никакъ не хочетъ считать Ригу и прибалтійскія губерніи только частью Россіи; вовторыхъ, она погрѣшаетъ противъ истины тѣмъ, что официяльное сопоставленіе русскаго языка съ нѣмецкимъ выставляетъ какъ совершенное изгнаніе послѣдняго; втретьихъ, тѣмъ, что объявляетъ нѣмецкій языкъ языкомъ всего прибалтійскаго края, всего тамошняго населенія, тогда какъ это языкъ только незначительнаго въ численномъ отношеніи, хотя и вліятельнаго меньшинства. Какъ сказано, за этимъ языкомъ, какъ за органомъ науки и культуры, могутъ быть удерживаемы его льготы, но ни въ какомъ случаѣ не въ ущербъ русскому языку и существеннымъ интересамъ Россіи.

По счастію, и въ этомъ вопросѣ мы можемъ ожидать, въ настоящее благополучное царствованіе, справедливаго и разумнаго рѣшенія. Если вѣрно извѣстіе, сообщаемое въ статьѣ „Русскаго,“ напечатанной нами сегодня же въ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ*, главный начальникъ края, графъ Шуваловъ, уже обратилъ вниманіе на этотъ, столь важный для русскаго государства, вопросъ, и между прочимъ ходатайствовалъ, чтобы въ Ревелѣ и Ригѣ были устроены гимназіи, гдѣ языкомъ преподаванія былъ бы русскій. Устроеніе этихъ гимназій было бы полезною мѣрой, вполнѣ достойною того знаменательнаго въ исторіи русскаго просвѣщенія имени, которое но-

ситъ нынѣшній главный начальникъ прибалтійскихъ губерній, несущій на себѣ бремя отвѣтственности за ходъ тамошнихъ дѣлъ. Сочувствуя его начинаніямъ мы позволили бы себѣ высказать при этомъ два желанія: Вопервыхъ, такой же разсадникъ русскаго просвѣщенія еще болѣе необходимъ въ Митавѣ чѣмъ даже въ Ревелѣ и Ригѣ. Въ Курляндской губерніи, сопредѣльной съ Германіей, было бы еще нужнѣе открыть Латышамъ доступъ къ научному образованію на русскомъ языкѣ. Вовторыхъ, было бы полезно, чтобы вообще въ прибалтійскихъ гимназіяхъ было обращено болѣе серіозное вниманіе на изученіе русскаго языка. Правда, значительное увеличеніе числа уроковъ русскаго языка и русской исторіи, преподаваемой по-русски, стѣснило бы преподаваніе другихъ предметовъ; но почему бы нѣкоторые изъ другихъ предметовъ не могли быть преподаваемы также по-русски, напримѣръ, математика и физика? Дѣло общаго образованія въ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа нисколько не пострадало бы отъ этой мѣры.

Кстати о русскомъ языкѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. *Ревельская Газета* сообщаетъ письмо, адресованное ей изъ Кіева профессоромъ тамошняго университета и ревельскимъ уроженцемъ, докторомъ Вальтеромъ. Въ этомъ письмѣ, послѣ нѣсколькихъ свѣдѣній о пробныхъ лекціяхъ г. Томсы приглашеннаго изъ Вѣны на каѳедру физіологіи въ университетѣ Св. Владиміра, высказана надежда, что г. Томса, какъ Чехъ, безъ особеннаго труда усвоитъ себѣ русскій языкъ, которымъ онъ еще не совсѣмъ владѣетъ, и что тогда, какъ человѣкъ науки, онъ станетъ полезнымъ и замѣчательнымъ дѣятелемъ въ русскомъ ученомъ мірѣ. Надежда эта, какъ мы увѣрены, не замедлитъ вполнѣ осуществиться. Въ нашихъ славянскихъ братьяхъ, подданныхъ Австріи, получающихъ образованіе въ благоустроенныхъ европейскихъ гимназіяхъ и университетахъ, Россія могла бы вообще найдти себѣ какъ нельзя лучше приготовленныхъ учителей, особенно по древнимъ языкамъ: не только Русскимъ изъ Галиціи и Венгріи, что представляетъ особенныя удобства, но и Чехамъ, и Словакамъ, и другимъ, ничего не стоило бы въ короткое время усвоить себѣ нашъ литературный и научный языкъ. Богъ вѣсть, почему мы до сихъ поръ не обращаемся къ этому источнику и не хотимъ изъ него восполнять недостатокъ въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ, особенно по древнимъ языкамъ. Выразивъ надежду, что г. Томса, усвоивъ себѣ русскій языкъ, принесетъ не малую пользу дѣлу науки въ Россіи, докторъ Вальтеръ прибавляетъ слѣдующія замѣчанія:

„Къ сожалѣнію, никакъ нельзя сказать того же объ ученыхъ изъ нашего прибалтійскаго края, которые занимаютъ каѳедры внутри Россіи. Бо́льшая часть ихъ недостаточно заботятся о систематическомъ и грамматическомъ изученіи русскаго языка, и вслѣдствіе того не только приносятъ малую пользу на каѳедрѣ, но часто становятся даже посмѣшищемъ для студентовъ, и тѣмъ безконечно много вредятъ кредиту и доброй славѣ своихъ прибалтійскихъ земляковъ. Многіе изъ нихъ придерживаются куріознаго взгляда, что изученіе языка есть дѣло побочное, а что слѣдуетъ заботиться только о наукѣ. Эти господа забываютъ, что въ русскихъ университетахъ академическое преподаваніе служитъ главнымъ источникомъ знанія для студентовъ, и что Русскіе, благодаря своей живости, большею частью отъ природы обладаютъ хорошимъ даромъ слова. Притомъ же въ Россіи очень высоко цѣнятся изящество и ясность словеснаго и письменнаго изложенія, да и вообще русскій языкъ принадлежитъ къ самымъ яснымъ и выразительнымъ языкамъ въ мірѣ. Но такой языкъ человѣкъ, занимающій каѳедру, обязанъ изучить основательно, не довольствуясь усвоеніемъ его только путемъ навыка.“

Отъ души желаемъ, чтобы слова г. Вальтера нашли полное сочувствіе и обратили на себя надлежащее вниманіе молодыхъ людей, уроженцевъ прибалтійскихъ губерній, которые въ Дерптѣ приготовляютъ себя къ ученому званію. Основательное знаніе русскаго языка, котораго г. Вальтеръ справедливо требуетъ отъ преподавателей въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ быть пріобрѣтено преимущественно въ дѣтствѣ, и на изученіе русскаго языка слѣдовало бы обратить особенное вниманіе во всѣхъ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа. Если обширныя образовательныя средства, которыми располагаетъ этотъ учебный округъ, до сихъ поръ приносили весьма мало пользы дѣлу науки въ цѣлой Россіи, то единственною тому причиной

было господствующее въ этомъ округѣ пренебреженіе къ русскому языку. Свидѣтельство г. Вальтера, уроженца Ревеля и питомца Дерптскаго учебнаго округа, имѣетъ особенную важность. Въ его словахъ слышится голосъ правды и искренней любви къ его отечеству, Россіи, и къ его землякамъ, уроженцамъ прибалтійскихъ губерній. Къ сожалѣнію, мы лишены удовольствія сказать то же о самой *Ревельской Газетѣ*.

Какъ-то разъ мы указали на упорное молчаніе ученыхъ балтійскихъ педагоговъ по вопросу о преобразованіи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Мы подивились полному равнодушію педагоговъ Дерптскаго учебнаго округа къ этому жизненному для Россіи вопросу, которому приходится преодолѣвать столько трудностей, встрѣчать столько препятствій и выпутываться изъ столькихъ недоразумѣній. *Ревельская Газета* отозвалась теперь на наше замѣчаніе; но отозвалась шуткой, потому что иначе нельзя понять слова ея. Она подтверждаетъ, что дѣйствительно въ прибалтійскихъ губерніяхъ почли бы за признакъ умопомѣшательства, еслибы кому-либо пришло въ голову отмѣнять или ослаблять классическое образованіе: „но, говоритъ она, ратованіе за классическое образованіе въ пользу другихъ, и особенно въ пользу остальной Россіи, представляетъ неудобства.“ Какія же неудобства, какъ бы вы думали? Участіемъ въ общемъ интересѣ Россіи, по мнѣнію *Ревельской Газеты*, можно было бы какъ разъ навлечь на себя обвиненіе въ сепаратизмѣ! „Вѣдь *Московскія Вѣдомости*, говоритъ *Ревельская Газета*, провозглашаютъ же прибалтійскія губерніи привилегированными, вслѣдствіе того что онѣ пользуются благоустроенными учебными заведеніями. И вдругъ мы должны были бы заниматься еще пропагандою этой привилегіи? Не сказали ли бы намъ тотчасъ же: смотрите, вотъ сепаратисты, которые хотятъ быть лучше другихъ?“ Какой очаровательный куріозъ! Обвинять въ сепаратизмѣ за дѣйствія, радикально ему противоположныя,—за стараніе чтобъ исключительная доселѣ привилегія стала общимъ достояніемъ!

№ 239.

Москва, 1-го ноября

Можетъ-быть еще не всѣ наши читатели знаютъ, чѣмъ истекшій октябрь отличается отъ другихъ мѣсяцевъ въ году. Онъ замѣчателенъ особенною симпатическою связью существующею между нимъ и пожарами. Г. Вильсонъ, въ центральномъ статистическомъ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, произвелъ, какъ извѣщаетъ *Сѣверная Почта*, обширную статистическую работу о пожарахъ въ Россіи, изъ которой между прочимъ оказывается, что по свѣдѣніямъ за одиннадцать лѣтъ съ 1842 по 1852 годъ и за послѣднія пять лѣтъ съ 1860 по 1864 годъ пожары распредѣляются въ Россіи по мѣсяцамъ года слѣдующимъ образомъ:

	1842—1852	1861—1864
Январь	6,6%	5,3%
Февраль	5,3—	4,8—
Мартъ	6,9—	5,8—
Апрѣль	8,0—	8,3
Май	10,1—	9,7—
Іюнь	8,8—	9,0—
Іюль	8,9—	9,3—
Августъ	10,1—	10,6—
Сентябрь	10,2—	10,9—
Октябрь	11,1—	11,2—
Ноябрь	8,1—	8,6
Декабрь	5,9—	5,9

Хотя изъ этихъ чиселъ видно только число пожаровъ, а не видна ихъ опустошительность, все-таки они представляютъ октябрь мѣсяцъ въ видѣ несомнѣнно предосудительномъ, по крайней мѣрѣ за тѣ шестнадцать лѣтъ, къ которымъ они относятся. Но въ нынѣшнемъ году, если мы не ошибаемся, октябрь мѣсяцъ велъ себя лучше прежняго. Несмотря на то что погода стояла весь этотъ мѣсяцъ теплая и сухая, о пожарахъ не было слышно, и на улицахъ Москвы попадается погорѣльцевъ меньше чѣмъ обыкновенно. А акціи страховыхъ обществъ, вообще говоря, не упали даже послѣ появленія въ печати статистическихъ выводовъ г. Вильсона, доказывающихъ, что поджоги въ Россіи увеличиваются въ числѣ вслѣдствіе такихъ причинъ, съ которыми никто бороться не въ силахъ, и между которыми особенно замѣчательною признается месть женщинъ изъ ревности или за дурное съ ними обращеніе въ семействѣ. Для акціонера страховыхъ обществъ не можетъ быть извѣстія безотраднѣе этой новости, что пожары мно-

жатся у насъ безъ случайныхъ причинъ, какъ бы въ силу косности, если только въ силу косности что-нибудь можетъ множиться. Такая новость отнимаетъ у акціонера всякій просвѣтъ надежды на лучшее будущее. Въ самомъ дѣлѣ, говоря серіозно, если число дѣйствительныхъ поджоговъ *значительно* увеличивается, а причины поджоговъ, за исключеніемъ *совершенно ничтожнаго числа* случаевъ, остаются обыкновенныя, то не остается ничего болѣе какъ ожидать прогрессивнаго возрастанія страховыхъ убытковъ. Можетъ ли такое пріятное ожиданіе выгодно дѣйствовать на цѣны страховыхъ акцій и на душевное расположеніе акціонеровъ? Г. Вильсонъ, какъ узнаемъ мы изъ *Сѣверной Почты*, произвелъ обширную работу о пожарахъ въ Россіи; результатамъ этой работы приданъ авторитетъ и сообщена широкая гласность помѣщеніемъ ихъ въ столбцахъ *Сѣверной Почты* (въ неофиціяльномъ отдѣлѣ №№ 227, 228, 229). Выводы г. Вильсона не могли быть приняты публикой иначе какъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ, и чѣмъ болѣе они должны были показаться серіозными, тѣмъ болѣе они должны были привести въ уныніе владѣльцевъ страховыхъ акцій. Не отличись октябрь мѣсяцъ такимъ примѣрнымъ поведеніемъ, акціи страховыхъ обществъ никакъ не могли бы избѣжать паденія. По счастію онѣ ушли отъ этой бѣды и, вообще говоря, не упали. Вотъ теперешнія цѣны, сравнительно съ тѣми которыя приведены нами въ № 231 *Московскихъ Вѣдомостей*:

	12 окт.	29 окт.
1 Россійское Общество	362	365
2 — —	110	108
Салахандра	217	220
Петербургское	125	127
Московское	122	120

Итакъ дѣло обстоитъ покамѣсть благополучно, и остается только желать чтобы результаты обширной работы г. Вильсона не побудили страховыхъ компаній къ возвышенію страховыхъ премій, какъ не побудили они публику пугаться страховыхъ акцій. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительно правда, что и число пожаровъ и ихъ опустошительность, и наконецъ число поджоговъ постепенно возрастаетъ, а въ справедливости этого показанія никто не сомнѣвается даже безъ статистическихъ изслѣдованій, и если притомъ столько же правда, что за исключеніемъ „совершенно ничтожнаго“ числа поджоговъ съ политическою цѣлью, всѣ эти пожары опустошающіе Россію происходятъ отъ причинъ обыкновенныхъ, то страхъ отъ огня долженъ возрастать прогрессивно, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна прогрессивно возвышаться и страховая премія. Тутъ, что называется, *tertium non datur*. Что-нибудь одно: или Россіи угрожаетъ нормальное развитіе пожарной эпидеміи, и тогда можно только скорбѣть о перспективѣ ожидающей русское народное богатство и кредитъ государства, а страховымъ обществамъ нечего больше дѣлать какъ возвышать страховую премію къ раззоренію заботливыхъ и предусмотрительныхъ людей; или выводы изъ обширной работы г. Вильсона неполны и невѣрны,—и тогда нечего дѣлать на ихъ основаніи какія-либо предсказанія относительно будущаго.

Мы въ этомъ случаѣ, ни мало не колеблясь, становимся въ ряды самыхъ рѣшительныхъ оптимистовъ, потому что почерпаемъ свой розовый взглядъ на будущее изъ той же самой *Сѣверной Почты*, которая сообщила публикѣ указанные выше безотрадные выводы. Вопервыхъ о пожарной эпидеміи нечего и думать: въ № 227 *Сѣверная Почта* рѣзко порицала ученіе о развивающейся будто бы въ Россіи пироманіи, и стало-быть это ученіе не подтверждается официяльными данными. Вовторыхъ, въ № 229 *Сѣверной Почты* приводится, правда, официяльное свѣдѣніе, что пожары отъ поджоговъ въ общемъ числѣ пожаровъ составляли:

Въ 1842—1846	2,3%
— 1847—1851	3.1—
— 1860	4.8—
— 1861	4,8—
— 1862	5.6—
— 1863	4,4—
— 1864	6.6—

Далѣе правда и то, что въ объясненіи этихъ цифръ, говорится въ томъ же нумерѣ *Сѣверной Почты* слѣдующее: „несправедливо было бы, кажется, искать причину такого увеличенія цифры поджоговъ въ какихъ-либо особенныхъ обстоятельствахъ, дѣйствительно возвысившихъ цифру поджоговъ, и поджоги съ политическою цѣлію, если и были за это именно время, то число ихъ совершенно ничтожно.“ Но въ № 227 *Сѣверной же Почты* сказано, что по большей части поджоговъ слѣдствія еще продолжаются, и

результатъ ихъ еще не извѣстенъ, а изъ этого какъ нельзя очевиднѣе слѣдуетъ, что покамѣсть нельзя видѣть въ выписанныхъ сейчасъ словахъ № 229 *Сѣверной Почты* что-либо похожее на выводъ изъ офиціяльныхъ данныхъ. Ничто, стало-быть, не мѣшаетъ намъ утѣшаться опытомъ истекшихъ трехъ мѣсяцевъ и въ томъ числѣ даже самаго безпутнаго изъ нихъ октября,—опытомъ убѣждающимъ насъ въ возможности надѣяться на сокращеніе числа пожаровъ, если тому поможетъ гласность слѣдствій. Чтобъ эта надежда, какъ опытъ показываетъ, несомнѣнно возможная, перешла въ дѣйствительность, для этого нужно одно: администрація должна почувствовать лежащую на ней отвѣтственность. Можно ли сомнѣваться, что такъ дѣйствительно будетъ? Еще недавно земская полиція зависѣла отъ выборовъ и потому въ случаѣ вопіющей земской потребности, мѣстное общество могло оказывать на полицію сильное вліяніе. Теперь полицейскія должности отъ общества не зависятъ: онѣ всѣ замѣщаются администраціей, и администрація тѣмъ болѣе отвѣчаетъ за бдительность полиціи и успѣшность ея дѣйствій, что вмѣстѣ съ отмѣной выборной службы въ значительной степени улучшено положеніе полиціи, усилены ея средства и развязаны ей руки. Теперь между губернаторами и исправниками, ихъ агентами, должна установиться полная солидарность; усиленная отвѣтственность губернаторовъ должна возмѣстить собой прежній земскій характеръ полиціи: иначе былъ бы не прогрессъ, а регрессъ. Но этого мало. Въ то же самое время во всей Россіи значительно улучшается судебная часть, и въ десяти губерніяхъ вводится судопроизводство, долженствующее измѣнить въ корнѣ характеръ уголовнаго процесса и удесятерить силу уголовнаго правосудія. Позволительно надѣяться, что при новой системѣ доказательствъ такіе случаи, какъ напримѣръ поджогъ въ Лугѣ (1862 года), будутъ разъясняемы вполнѣ, и что судебныя рѣшенія, въ своемъ юридическомъ формализмѣ явно противорѣчащія очевидной дѣйствительности, сдѣлаются рѣдкостью. При такихъ улучшенныхъ средствахъ предупрежденія и преслѣдованія преступленій отвѣтственность даже за нормальное по статистикѣ, а тѣмъ паче за ненормальное число поджоговъ будетъ падать на администрацію всею своею тяжестію. Прибавлять ли, что и освобожденная отъ предварительной цензуры печать должна чувствовать обязанность возлагаемую на нее тѣмъ довѣріемъ, которое, конечно лишь для общаго блага, соблаговолила оказать ей верховная власть. Всякое право только тогда законно, когда сопряжено съ обязанностью; всякое возвышеніе права должно возвышать и обязанность. По отношенію къ вопросу о пожарахъ на печати лежитъ обязанность, не щадя усилій и издержекъ, собирать свѣдѣнія въ мѣстностяхъ, начинающихъ страдать отъ пожаровъ, если пожары слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ и тѣмъ свидѣтельствуютъ о своей независимости отъ поджоговъ. Русская печать не исполнила бы своего долга передъ правительствомъ и обществомъ, еслибы не воспользовалась своимъ улучшеннымъ юридическимъ положеніемъ для оказанія зависящихъ отъ нея услугъ въ борьбѣ съ такимъ серіознымъ общественнымъ зломъ какъ безнаказанное поджигательство.

Вотъ сколько причинъ смотрѣть съ довѣріемъ на предстоящій 1866 годъ. Причины эти, кажется намъ, позволяютъ даже ожидать отъ акціонерныхъ обществъ, что они не только не будутъ возвышать, а скорѣе постараются понизить страховую премію, и тѣмъ сдѣлаютъ общедоступными удобства страхованія. Теперь особенно выгодная пора для того, чтобы расширить операціи страховыхъ обществъ; публика проучена пожарами и впдитъ на опытѣ, какъ мало обезпеченія можетъ дать взаимное страхованіе въ случаѣ большихъ пожарныхъ убытковъ. Если акціонерныя общества, взвѣсивъ всѣ шансы своего дѣла въ ту и другую сторону, рѣшатся понизить страховую премію, то, намъ кажется, они могутъ одержать надъ неблагопріятными обстоятельствами, еще недавно окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ, самую блистательную побѣду.

№ 240.

Москва, 2-го ноября.

Среди множества слуховъ и толковъ о взаимныхъ отношеніяхъ между Франціей и Пруссіей, между Пруссіей и Австріей, и объ ихъ планахъ и намѣреніяхъ, — есть два факта, на которые нельзя не обратить вниманія. Одинъ указываетъ на то, что

узелъ всей европейской политики въ настоящее время находится въ Берлинѣ, и что, по всей вѣроятности, тамъ будетъ подготовлено рѣшеніе многихъ вопросовъ. Этимъ указаніемъ служитъ назначеніе лорда Гранвиля британскимъ посломъ при дворѣ короля Вильгельма I, о чемъ на дняхъ извѣстилъ насъ телеграфъ. Давно ли Берлинъ считался мало значительнымъ дипломатическимъ пунктомъ? Давно ли Англія и Франція рѣшились возвысить положеніе тамошнихъ представителей своихъ, сообщивъ имъ званіе пословъ? А теперь эта должность англійскаго посла въ Берлинѣ почитается до такой степени важною, что поручается одному изъ первенствующихъ политическихъ людей Англіи, котораго такъ еще недавно всѣ ожидали видѣть даже во главѣ министерства. Графъ Гранвиль, родившійся 11-го мая 1815 года, принадлежитъ къ числу младшихъ членовъ нынѣшней фаланги англійскихъ государственныхъ людей. Онъ пріобрѣлъ себѣ большую популярность энергіей, знаніемъ дѣла, ловкостью и обходительностью, которыя онъ обнаружилъ въ званіи вице-президента торговаго бюро и какъ предсѣдатель коммиссіи по устройству первой лондонской выставки. Безъ его усилій эта первая всемірная выставка, открывшая собой цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же выставокъ, едва ли бы могла и состояться, и уже это одно пріобрѣло ему громкую извѣстность не въ одной Англіи. Сверхъ того не менѣе блестящія качества обнаружилъ онъ и въ должности министра иностранныхъ дѣлъ, которую онъ занималъ, правда, самое короткое время (съ 27-го декабря 1851 года по февраль 1852 года, когда вступилъ въ управленіе торійскій кабинетъ), но въ которой онъ отстаивалъ съ большою твердостью противъ требованій континентальныхъ державъ право Англіи давать у себя убѣжище политическимъ выходцамъ, и въ которой съ большимъ искусствомъ и находчивостью успѣлъ уладить различные споры и несогласія съ Соединенными Сѣверо-Американскими Штатами. Этотъ-то бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, и статься-можетъ будущій преемникъ графа Росселя въ должности премьера,—тотъ государственный человѣкъ, котораго Франція такъ желала видѣть у себя въ качествѣ британскаго посла, въ настоящее время призванъ быть представителемъ англійской политики въ Берлинѣ. Нигдѣ Англія не имѣетъ теперь такого значительнаго и такъ высоко поставленнаго представителя себѣ, и это одно уже указываетъ на то, что главныя нити европейской политики сходятся теперь преимущественно въ Берлинѣ. Лордъ Гранвиль, хорошо знакомый съ германскими дѣлами, въ то же время не совсѣмъ не свѣдущъ и въ томъ, что̀ касается Россіи. Еще съ молоду, если не ошибаемся, въ 1840-мъ году, былъ онъ нѣкоторое время при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, а въ іюнѣ 1856 года былъ отправленъ въ Россію чрезвычайнымъ посломъ королевы Викторіи для присутствія при коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Изъ Берлина онъ будетъ, въ состояніи слѣдить за всѣми направленіями политики графа Бисмарка, за всѣми отношеніями Пруссіи къ Франціи, къ Австріи и—къ Россіи.

Усиленіе Пруссіи, какъ извѣстно, не встрѣчаетъ противодѣйствія въ интересахъ Англіи. Насильственныя дѣйствія Пруссіи противъ Даніи, правда, возбудили нѣкоторое раздраженіе въ Англичанахъ; но тѣмъ не менѣе органы всѣхъ политическихъ партій Англіи желаютъ Пруссіи полнаго успѣха какъ въ шлезвигъ-гольштейнскомъ, такъ и въ общегерманскомъ вопросѣ. Въ усилившейся Пруссіи Англія расположена видѣть свою главную союзницу на материкѣ Европы, разумѣется, подъ условіемъ, чтобы положеніе Пруссіи было согласно съ видами англійской политики, о чемъ и позаботится графъ Гранвиль. Вчера мы привели извѣстіе берлинскаго корреспондента *Кельнской Газеты* о томъ, будто бы г. Друэнъ-де-Люисъ начинаетъ серіозно опасаться, что Англія, сблизившись съ Пруссіей, станетъ пренебрегать союзомъ съ Франціей. Слѣда такихъ опасеній рѣшительно не видно: судя по всѣмъ извѣстіямъ, Франція далека отъ мысли о какой-либо измѣнѣ со стороны Англіи; ихъ интересы такъ еще сходятся между собой и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ, что сближеніе между Англіей и Пруссіей, которое предзнаменуется назначеніемъ графа Гранвиля къ Берлинскому двору, никакъ не можетъ быть направлено противъ Франціи. Каковы бы ни были результаты свиданій графа Бисмарка съ императоромъ Наполеономъ и съ г. Друэнъ-де-Люисомъ, эти свиданія, судя по всѣмъ отзывамъ, въ значительной степени улучшили взаимныя отношенія Пруссіи и Франціи. Правда, Англія не можетъ допустить слишкомъ боль-

пой искренности между Пруссіей и Франціей иначе какъ подъ условіемъ, чтобы въ этой дружбѣ участвовала и она сама; по съ другой стороны, Англія столь же мало расположена поддерживать какія бы то ни было дружественныя отношенія между Пруссіей и Россіей, и никакъ нельзя ожидать, чтобы графъ Гранвиль сталъ нѣжно обращаться съ тѣми неуловимо-тонкими и готовыми всякую минуту порваться связями, которыя, какъ увѣряютъ, будто бы еще существуютъ между Пруссіей и Россіей. При тѣхъ властолюбивыхъ видахъ, которые питаетъ теперь Пруссія, при той неразборчивости въ средствахъ, которою отличается графъ Бисмаркъ, при томъ, наконецъ, естественномъ антагонизмѣ интересовъ, который возникъ между обѣими державами, какъ только Пруссія захватила Киль въ свои руки, для такого ловкаго и высокопоставленнаго дипломата какъ графъ Гранвиль, не окажется недостатка въ случаяхъ пролагать въ политикѣ новые пути...

Можно полагать, что дѣятельность новаго англійскаго посла въ Берлинѣ будетъ направлена, до извѣстной степени, къ соглашенію между Пруссіей и Австріей. Австрія нужна Англіи не менѣе чѣмъ Пруссія и, пожалуй, еще болѣе Пруссіи входитъ въ ея нынѣшніе политическіе разчеты. Мы не придаемъ особеннаго значенія усиліямъ Англіи объединить свои экономическіе и политическіе интересы съ интересами Австріи, хотя и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія помѣщаемая ниже статья полуофиціяльной вѣнской *Abendpost*, гдѣ не безъ интереса читаемъ мы, что Австріи столько же дорого политическое сближеніе съ Англіей, сколько и торговое, и что сама Англія имѣетъ несомнѣнную нужду въ Австріи для своихъ политическихъ замысловъ. Но еще замѣчательнѣе новѣйшее заявленіе той же полуофиціяльной австрійской газеты. Князь Меттерних, какъ извѣстно, сильный поборникъ союза Австріи съ западными державами вообще и съ Франціей въ особенности. Въ послѣднее время, находясь въ Вѣнѣ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы склонить Вѣнскій кабинетъ въ пользу сближенія съ Франціей, и вотъ теперь *Wiener Abendpost* спѣшитъ опровергнуть извѣстіе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ, будто бы эти усилія его не увѣнчались успѣхомъ. Удивляться ли тому второму изъ двухъ крупныхъ фактовъ, на которые мы намекнули въ началѣ,—удивляться ли, что Италія сокращаетъ свои арміи, и что сегодня телеграфъ сообщаетъ намъ о сокращеніи арміи во Франціи?

Соображая то и другое, нельзя не придти къ заключенію, что въ настоящее время не имѣется въ виду никакихъ столкновеній по италіянскому вопросу. А между тѣмъ въ англійской печати провозглашаютъ, что роль Австріи на западѣ Европы кончена, и что великая будущность ожидаетъ ее только на юго-востокѣ нашего материка. Что же это значитъ? Не ясно ли, что въ этихъ словахъ газеты *Times* заключается новая программа англійской политики по восточному вопросу, — программа, которую, какъ можно думать, готовъ назвать своею новый министерскій вождь палаты общинъ, г. Гладстонъ, такъ поддерживаемый и возвеличиваемый въ послѣднее время тою же газетою *Times* и такъ твердо убѣжденный въ несостоятельности Турецкой имперіи и въ необходимости разрѣшить восточный вопросъ въ интересахъ Англіи, но по возможности и не въ ущербъ христіянскимъ населеніямъ Турціи? Считаемъ излишнимъ выводить изъ этого какія-либо заключенія, непосредственно относящіяся къ Россіи; но не можемъ не указать, что за послѣднее время нѣтъ ни одного сколько-нибудь значительнаго событія, которое не служило бы прямымъ или косвеннымъ предзнаменованіемъ, что приближается время окончательнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, и что къ тому времени имѣется въ виду привести Россію въ изолированное положеніе. Назначеніе лорда Гранвиля къ Берлинскому двору, гдѣ непосредственно передъ нимъ Англія считала необходимымъ аккредитовать человѣка такъ коротко знающаго Россію какъ лордъ Непиръ, можетъ, повидимому, нанести послѣдній ударъ тѣмъ непрочнымъ и безплоднымъ связямъ, которыя соединяютъ насъ съ Пруссіей. Впрочемъ, достовѣрно одно: европейская политика не располагаетъ дѣйствовать силой оружія, и потому ограждать себя отъ возможныхъ случайностей мы должны не военными, а мирными приготовленіями. Россіи нечего было бы опасаться послѣдствій изолированнаго ея положенія, еслибы внутри ея были употреблены всѣ имѣющіяся въ виду средства, чтобы скрѣпить и развить ея собственныя нравственныя и матеріальныя

силы. Такъ напримѣръ, не говоря уже о чемъ другомъ, одно проведеніе желѣзной дороги изъ Москвы черезъ Кіевъ на Одессу стоило бы иного союза, и однимъ разомъ улучшило бы положеніе Россіи въ Европѣ, оказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ благотворное вліяніе на разрѣшеніе внутреннихъ русскихъ вопросовъ. Какъ бы ни были велики матеріальныя пожертвованія, которыхъ могло бы потребовать устройство этой дороги, они были бы несомнѣнно вознаграждены сторицей.

№ 241.

Москва, 2-го ноября.

А.

Мѣсяца два тому назадъ, говоря объ организаціи и происках герценскаго агенства въ Тульчѣ, примыкающаго къ польскому лондонскому обществу „революціоннаго пламени," мы упомянули между прочимъ о томъ, что враждебные замыслы враговъ Россіи встрѣтили сильный отпоръ со стороны проживающаго въ Добруджѣ русскаго, старообрядческаго населенія. *Русскій Инвалидъ* напечаталъ на дняхъ интересныя письма изъ Добруджи (№№ 238 и 241), въ которыхъ между прочимъ разказывается, какимъ разнообразнымъ вліяніемъ подвергалось это населеніе со стороны враговъ Россіи. Первый обратилъ на него вниманіе князь Адамъ Чарторыйскій. По совѣту одного стараго французскаго дипломата, какъ можно догадываться Талейрана (въ *Русскомъ Инвалидѣ* имя его обозначено буквою Т.), бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Россійской Имперіи вскорѣ послѣ возстанія 1830 года снарядилъ въ Константинополь того молодаго человѣка, которому предстояло изъ ополяченнаго украйнофила превратиться въ ренегата и турецкаго пашу. Чайковскимъ была занесена въ Добруджу великая политическая мысль объ освобожденіи Малороссіи, Дона, Урала и Кавказа при помощи турецкаго султана, который долженъ былъ для осуществленія этой мысли сдѣлаться панславистомъ, единственнымъ истиннымъ панславистомъ, какъ уже заранѣе величали его польскіе выходцы. Съ помощью турецкаго правительства они поставили атаманомъ въ Добруджѣ казака Гончарова, человѣка, говорятъ, замѣчательнаго, родившагося свинопасомъ и успѣвшаго на своемъ вѣку перебывать въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ, вступить въ сношеніе съ Чарторыйскимъ, Решидъ-пашей и многими другими вліятельными лицами, и содѣйствовать учрежденію бѣлокриницкой іерархіи подъ покровительствомъ князя Меттерниха. Старообрядцы смотрѣли съ недовѣріемъ на эту широкую дѣятельность; Гончарову не разъ приходилось отъ нихъ солоно, и онъ не разъ попадалъ въ тюрьму, откуда спасали его польскіе выходцы. Во время Восточной войны на старообрядцевъ Добруджи было обращено особенное вниманіе; изъ нихъ было набрано регулярное казацкое войско, состоявшее подъ командой Чайковскаго и другихъ польскихъ офицеровъ, и вынесшее изъ этой службы ожесточенную ненависть къ Полякамъ и къ учрежденной ими казачинѣ. Но и этимъ дѣло не кончилось. Изъ рукъ польскихъ ренегатовъ старообрядцы Добруджи перешли въ руки Кельсіевыхъ и другихъ лицъ, называвшихъ себя агентами Герцена. Но и усилія этихъ господъ, несмотря на поддержку со стороны нѣкоторыхъ иностранныхъ правительствъ, оказались безуспѣшны; старообрядцы, проживающіе въ предѣлахъ Турціи, съ негодованіемъ отвергли ихъ предложенія—взяться за оружіе противъ Россіи и идти на помощь польскому мятежу. Происки злоумышленниковъ произвели въ средѣ ихъ только одно дѣйствіе, именно: пробудили въ нихъ, съ большею противъ прежняго силой, сознаніе, что онѣ русскіе люди, и желаніе возвратиться въ свое отечество, отъ котораго они были оторваны только случайными и временными причинами. Желаніе это было въ нихъ поддержано систематическими гоненіями со стороны турецкихъ властей и намѣреніемъ Порты водворить въ заселенныхъ ими мѣстностяхъ и на ихъ счетъ мусульманскихъ выходцевъ съ Кавказа. А когда въ 1864 году были отмѣнены прежнія привилегіи старообрядцевъ, и они сравнены съ прочими райями Оттоманской имперіи, въ нихъ произошелъ окончательный переворотъ, и они рѣшились ходатайствовать о дозволеніи возвратиться въ Россію. Они особенно опасаются того, что турецкое правительство имѣетъ въ виду къ веснѣ будущаго года наводнить Добруджу новыми ордами Черкесовъ, отъ которыхъ они могутъ ожидать себѣ только насилій и грабежа.

Въ виду тѣхъ бѣдствій, которыя угрожаютъ нашимъ русскимъ братьямъ въ Добруджѣ, хотя и оторвавшимся временно отъ своего отечества, но не измѣнившимъ русскому народному чувству, не пожелавшимъ стать орудіемъ враждебныхъ для Россіи интригъ, и наконецъ обнаружившимъ сильное стремленіе къ возсоединенію съ своимъ отечествомъ,—въ виду этихъ бѣдствій, какое положеніе приметъ Россія? Еслибъ она отвергла по какимъ-либо причинамъ ихъ ходатайство и вмѣстѣ съ тѣмъ осталась равнодушною зрительницей тѣхъ бѣдствій, которыя вскорѣ должны разразиться надъ этими десятками тысячъ русскихъ людей, то не было ли бы это сильнымъ нравственнымъ и вмѣстѣ политическимъ пораженіемъ Россіи на Востокѣ? Ея равнодушіе къ судьбѣ столькихъ русскихъ людей не было ли бы сочтено всѣми славянскими и православными населеніями Турціи за признакъ ея безсилія? Какой помощи могли бы они ожидать себѣ отъ Россіи, если она оставитъ въ безпомощномъ и беззащитномъ положеніи, на жертву всѣмъ возможнымъ бѣдствіямъ, собственныхъ дѣтей своихъ, хотя и заблудшихъ, но сдѣлавшихъ шагъ впередъ къ возвращенію на путь правый? А между тѣмъ очевидно, что Россія не можетъ воспрепятствовать турецкому правительству въ намѣреніи заселить Добруджу Черкесами, и не можетъ оказать никакой другой помощи и защиты старообрядцамъ въ Турціи, какъ дозволивъ имъ возвратиться въ отечество. Этимъ она не только спасетъ ихъ самихъ, но можетъ-быть, и воспрепятствуетъ Турціи сосредоточить на нашихъ предѣлахъ массы враждебныхъ намъ выходцевъ съ Кавказа, такъ какъ для поселенія ихъ въ Добруджѣ турецкія власти главнѣйшимъ образомъ разчитываютъ на средства зажиточныхъ мѣстныхъ старообрядцевъ. Но кромѣ этихъ соображеній, есть еще и другія, которыя, казалось бы, должны побудить Россію не медлить удовлетвореніемъ ходатайства нашихъ старообрядцевъ въ Добруджѣ. До сихъ поръ они противоставляли отпоръ революціонной пропагандѣ; но нельзя поручиться, чтобъ они остались вѣрны русскому народному чувству, еслибъ убѣдились, что Россія окончательно отвергаетъ ихъ. Ставъ орудіемъ революціонной интриги, они могли бы надѣлать не мало вреда въ нашихъ южныхъ областяхъ, между тѣмъ какъ переселившись въ Россію они ушли бы не только отъ революціонныхъ интригъ, но и отъ пагубнаго вліянія своей фанатической добруджинской іерархіи.

Свѣдѣнія, получаемыя нами изъ Закавказья, и въ достовѣрности которыхъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться, изображаютъ положеніе тамошнихъ дѣлъ въ свѣтѣ не очень благопріятномъ, и единогласно свидѣтельствуютъ о необходимости усилить русскій элементъ въ этомъ краѣ посредствомъ колонизаціи. Много земель лежатъ тамъ невоздѣланныя и не занятыя; богатые дары, которыми природа надѣлила этотъ край, остаются втунѣ; усиленіе русскаго элемента, особенно въ смежныхъ съ Турціей частяхъ этого края, есть несомнѣнная политическая необходимость. Между тѣмъ коренныя русскія народонаселенія, оторвавшіяся отъ роднаго корня вслѣдствіе церковной смуты, теряющей свою силу въ настоящее время, толкутся къ намъ въ двери, и просятъ пріюта; закаленные всякими злоключеніями люди, упорно и крѣпко сохранившіе свою народность посреди самыхъ разнообразныхъ вліяній, привыкшіе къ климату юга и къ столкновенію съ восточными нравами, эти казаки Добруджи могли бы найти себѣ привольныя мѣста въ закавказскихъ областяхъ, гдѣ они очутились бы въ условіяхъ быта имъ не чуждыхъ и гдѣ водвореніе ихъ, во всѣхъ отношеніяхъ безопасное для Россіи, могло бы во всѣхъ отношеніяхъ быть полезно для ней. Число старообрядцевъ, желающихъ переселиться изъ Добруджи въ Россію, показывается различно. Въ *Русскомъ Инвалидѣ* приводятся свѣдѣнія, что у старообрядцевъ поповщинскаго согласія, живущихъ въ семи селеніяхъ Добруджи (Тульчѣ, Сери-Кіойѣ, Гиздаръ-Кіойѣ, Журиловкѣ, Славѣ, Татарицѣ, Камиѣ) насчитывается всего 1.330 домовъ. По другимъ извѣстіямъ, относящимся къ сектаторамъ не только поповщинскаго, но и другихъ согласій, число Русскихъ въ Добруджѣ гораздо значительнѣе, и намъ сообщаютъ за вѣрное, что охотниковъ переселяться въ Россію наберется до 80.000. Избавить эти работящія и крѣпкія народонаселенія отъ угрожающихъ имъ опасностей, вырвать ихъ изъ вражескихъ рукъ, которыя такъ часто пытались сдѣлать ихъ орудіемъ противъ Россіи, воспользоваться ими въ интересахъ Россіи, и разставить ихъ ея аванпостами на крайнемъ востокѣ, въ тѣхъ мѣстахъ

гдѣ особенно требуется усиленіе русскаго элемента, это, позволяемъ себѣ думать, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, особенно въ виду многихъ признаковъ, предвѣщающихъ событія на Востокѣ.

Б.

Какъ-то недавно пришлось намъ къ случаю упомянуть объ одномъ уроженцѣ Лифляндской губерніи, родомъ Латышѣ, г. Бесбардисѣ. Коллежскій ассессоръ Бесбардисъ, человѣкъ семейный, почтенныхъ лѣтъ, служившій учителемъ, былъ высланъ изъ Лифляндской губерніи на жительство, сначала въ Боровскій уѣздъ, Калужской губерніи, а потомъ Московской губерніи въ Клинскій уѣздъ, гдѣ находится и понынѣ, за участіе въ составленіи вѣрноподданническаго адреса, который Латыши Лифляндской губерніи желали представить отъ себя въ 1863 году, когда со всѣхъ концовъ Россіи, отъ всѣхъ элементовъ ея громаднаго народонаселенія, неслись безпрепятственно къ подножію Престола изъявленія вѣрности Государю и преданности отечеству. Адресъ лифляндскихъ Латышей, въ которомъ они выражали эти чувствованія, не удался,— и г. Бесбардиса постигла вышесказанная участь. Два года протекли съ тѣхъ поръ, и вотъ на этихъ дняхъ мы получили пріятное извѣстіе, которое и поспѣшили сообщить читателямъ, что г. Бесбардису возвращена свобода. Извѣстіе это оказывается теперь невѣрнымъ, и мы должны взять его назадъ. Г. Бесбардису дозволено только перейдти изъ подъ полицейскаго надзора въ Клину подъ таковой же въ Ригѣ, но ему не возвращена свобода располагать своими движеніями, и онъ не можетъ даже побывать въ Москвѣ, гдѣ у него сынъ, или остаться въ Петербургѣ, гдѣ у него дочь. Намъ сообщаютъ, что г. Бесбардисъ желаетъ лучше пребывать по прежнему подъ клинскимъ полицейскимъ надзоромъ нежели поступить подъ рижскій,—такъ что положеніе его, вопреки сообщенному нами слуху, нисколько не измѣнилось. Потрясенный и растроенный постигшимъ его рокомъ, разобщенный съ своею семьей, онъ былъ, какъ намъ сказываютъ, очень обрадованъ мелькнувшимъ лучомъ свободы, но вскорѣ убѣдился что ему предстоитъ еще неопредѣленное время искупать свою вину, не совсѣмъ, впрочемъ, ясно сознаваемую имъ самимъ. Къ счастію, нашлись въ Клину земляки, которые нѣсколько облегчаютъ его участь. Человѣкъ образованный и привыкшій къ умственному труду, онъ въ своемъ заточеніи не перестаетъ работать. Намъ сообщаютъ, что онъ предпринялъ теперь трудъ серіозный и почтенный,— составленіе латышско-русскаго словаря, трудъ тѣмъ болѣе полезный, что такого словаря до сихъ поръ еще не было,— и такимъ образомъ, несмотря на постигшія его невзгоды не измѣняетъ своему замыслу способствовать сближенію своихъ соплеменниковъ съ русскимъ народомъ, и по возможности противодѣйствовать грозящей имъ германизаціи.

Имя г. Бесбардиса упоминается въ нашей печати впервые, хотя, какъ выше сказано, протекли два года съ тѣхъ поръ какъ постигло его бѣдствіе, отнявшее у него драгоцѣннѣйшее человѣческое благо— свободу. Это случилось въ то самое время, когда изъ Царства Польскаго и изъ западныхъ губерній были высылаемы внутрь Россіи польскіе повстанцы схваченные въ лѣсахъ. Его постигла одинаковая съ ними участь, хотя за провинность неодинаковаго свойства. О людяхъ, высылавшихся на жительство за участіе въ возстаніи и государственной измѣнѣ было говорено много; по этому поводу не рѣдко слышались, да и теперь слышатся, воззванія къ легальности, протестаціи и сѣтованія. О г. Бесбардисѣ не было нигдѣ ни слова, и постигшая его участь не обратила ничьего вниманія. Наши прогрессисты, либералы, конституціоналы, аристократы, демократы и бюрократы остаются на этотъ случай и глухи, и нѣмы. А виноватъ самъ г. Бесбардисъ: дѣйствуй онъ искусно и ловко въ интересахъ враждебныхъ русскому дѣлу, бѣды бы съ нимъ не приключилось, а еслибъ и приключилось что-нибудь подобное, то онъ былъ бы сопричтенъ къ лику жертвъ.

№ 242.

Москва, 4-го ноября

Освобожденіе газетъ отъ предварительной цензуры должно вести къ ихъ улучшенію, а улучшеніе ихъ всего болѣе условливается тѣмъ, чтобы онѣ чувствовали отвѣтственность на нихъ лежащую. Если печать становится серіознымъ дѣломъ, то въ газетѣ нельзя уже печатать что ни попало и нельзя полагать что все сойдетъ

съ рукъ. Это возможно только тамъ, гдѣ печать находится внѣ живаго взаимнодѣйствія съ дѣйствительностью и не представляетъ собой ни дѣйствительныхъ интересовъ общества, ни дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія. Предварительная цензура въ значительной степени препятствовала различать миражъ отъ дѣйствительности, и этимъ многіе пользовались, чтобы представлять и общественные интересы и общественное мнѣніе въ фальшивомъ видѣ, изъ побужденій личнаго и политическаго свойства, неразличимыхъ для публики, которая была такимъ образомъ вводима въ ошибку. Понятно, что такое состояніе печати можетъ вносить только смуту въ общественное мнѣніе и вообще причинять только вредъ, и конечно нельзя не желать, чтобъ отношеніе разныхъ журналовъ къ дѣйствительнымъ интересамъ все болѣе и болѣе разъяснялось, и чтобы публикѣ становилось все виднѣе и виднѣе, что̀ собственно представляетъ собой та или другая газета. Къ этой цѣли должно быть ведено журнальное дѣло, и только въ виду этой цѣли можетъ имѣть общій интересъ полемика между газетами.

Какъ-то недавно имѣли мы случай обратиться къ *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* съ вопросомъ: „Какимъ уваженіемъ должна пользоваться печать, когда она служитъ средствомъ для всякаго искателя приключеній и интригана сбивать людей съ толку и выслуживаться передъ своими покровителями?“ Редакція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* приняла этотъ вопросъ такъ живо къ сердцу, что онъ показался ей даже не вопросомъ, а извѣстіемъ о ея свойствахъ. Мы, конечно, не отвѣчаемъ за чрезмѣрную живость чужаго воображенія, а потому могли бы и не обратить вниманія на вопросъ, поставленной намъ этою газетой, также безъ сомнѣнія по чрезмѣрной ея живости, въ слѣдующей повелительной формѣ: „мы хотимъ, чтобы *Московскія Вѣдомости* или прямо и добросовѣстно заявили, что онѣ берутъ назадъ все, сказанное ими относительно помѣщенія у насъ статей безыменными сотрудниками, или чтобъ онѣ доказали свое предположеніе.“ Но если *С.-Петербургскія Вѣдомости* непремѣнно хотятъ, чтобы нашъ вопросъ превратился для нихъ въ извѣстіе, то мы имѣемъ, къ сожалѣнію, возможность удовлетворить этому желанію и только принуждены протестовать противъ ограниченія силы вопроса: онъ относился не къ однимъ безыменнымъ, но и вообще къ сотрудникамъ, сбивающимъ людей съ толку. Что такіе сотрудники есть въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, это не подлежитъ сомнѣнію и можетъ быть доказано, между прочимъ статьями этой газеты по вопросу объ освѣщеніи Москвы газомъ, о которыхъ намъ напомнили недавнія извѣстія о ходѣ этого дѣла, сообщенныя г. Павловичемъ въ №№ 237 и 258 нашей газеты.

Вопросъ о газовомъ освѣщеніи есть вопросъ сложный, и мы никакъ не думали, чтобы намъ пришлось изучать его. Это было дѣло московской городской думы, которая назначила для него особую коммиссію, и мы желали только сообщать публикѣ свѣдѣнія, которыя, какъ мы полагали, будутъ собраны для думы спеціальными людьми. Лишь весьма поздно узнали мы, что для разъясненія этого вопроса необходимъ дѣятельный трудъ нашей газеты. Тѣмъ не менѣе вопросъ о газѣ былъ доведенъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* до послѣдней степени ясности. Не могла подлежать сомнѣнію совершенная ошибочность основаній, принятыхъ газовою коммиссіей московской общей думы для составленія кондицій къ торгамъ, и требовалась лишь небольшая доля вниманія, чтобы вполнѣ выразумѣть дѣло, котораго всѣ элементы были раскрыты, и исправить сдѣланныя упущенія. Что нашъ трудъ пропалъ даромъ, что онъ нисколько не содѣйствовалъ огражденію интересовъ города Москвы, что газовая коммиссія думы не обратила никакого вниманія на сдѣланныя указанія, что то же самое случилось и въ общихъ засѣданіяхъ думы (несмотря на голосъ, вполнѣ разумный, Д. А. Наумова, нынѣшняго предсѣдателя здѣшней губернской управы), и что, наконецъ, контрактъ, явно противорѣчащій интересамъ города, получилъ утвержденіе, въ этомъ прежде всего надобно, конечно, винить то непростительное и почти невообразимое равнодушіе, съ которымъ ведутся у насъ общественныя дѣла, и на которое пора, наконецъ, взглянуть серіозно какъ на наше главное общественное зло, но значительная доля вины во всемъ этомъ падаетъ и на редакцію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* съ ея сотрудниками, именными и безыменными „сбивавшими людей съ толку.“ Мы перечитали теперь статьи напечатанныя въ №№ 187 и 254 *С.-Петербургскихъ*

Вѣдомостей за 1864 годъ и просимъ редакцію этой газеты сдѣлать тоже самое, чтобъ оцѣнить свой образъ дѣйствій и сказать самой себѣ, „доступно ли ея изданіе всякому желающему пользоваться имъ какъ орудіемъ.“

Дѣло шло о томъ, какую цѣну контрагентъ будетъ имѣть право требовать за газъ съ частныхъ лицъ. Дума опредѣляла эту цѣну въ пять рублей за тысячу кубическихъ футовъ. Мы доказывали, что эта цѣна чрезмѣрно высока, но наши доказательства не были уважены, и пятирублевая цѣна вошла въ контрактъ. Практическій ходъ этого дѣла сопровождался оживленною полемикой, которая была ведена противъ насъ въ газетахъ и преимущественно въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Мы защищали интересы города Москвы; наши оппоненты отстаивали интересы контрагентовъ, и какъ отстаивали? И „занялись-то мы этимъ вопросомъ лишь за неимѣніемъ другихъ болѣе крупныхъ предметовъ,“ хотя рѣчь шла ни болѣе, ни менѣе какъ о ежегодномъ полумилліонномъ даровомъ поборѣ съ жителей Москвы; и „исчисленія-то наши были не связны,“ хотя они, какъ теперь извѣстно, вполнѣ оправдались; и „залѣпили-то мы всѣмъ глаза тучей ариѳметическихъ выкладокъ;“ и „предавали-то мы свои подвиги (то-есть ариѳметическія выкладки) тисненію на страхъ врагамъ и въ назиданіе потомкамъ;“ и „надоѣли-то мы публикѣ этими своими подвигами:“ „что ни день, то новый плачь Іереміи;“ и „хотѣлось бы намъ можетъ-быть чтобы цѣлая дума вступила съ нами въ единоборство.“ Мы выписываемъ только самыя джентльменскія фразы изъ этихъ изящныхъ статей, въ которыхъ утверждалось, что мы попали въ просакъ по вопросу о газѣ точно также какъ и по другимъ вопросамъ, напримѣръ о желѣзныхъ дорогахъ, земскихъ учрежденіяхъ, крестьянскомъ самоуправленіи, общинѣ, сепаратизмѣ и т. д. Но этого мало: наши усилія представить дѣло въ его истинномъ видѣ приписывались не только нашей всѣмъ извѣстной „нелѣпости“, но и желанію дешево освѣщать Университетскую типографію, и сама редакція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* въ подстрочномъ примѣчаніи къ одной изъ статей своихъ сотрудниковъ замѣтила прямо, что вопросъ о газоосвѣщеніи города Москвы „затемненъ недоброжелательствомъ и какими-то загадочными сторонними соображеніями.“ Вотъ какъ велась полемика, имѣвшая цѣлью доказать, что „предѣльная цѣна 5 р. за газъ для частныхъ лицъ въ Москвѣ по справедливости должна назваться наименьшею цѣной обусловливающею возможность существованія завода.“

И что же? Теперь сама компанія московскаго газоосвѣщенія опредѣлила понизить эту „наименьшую цѣну обусловливающую возможность существованія газоваго завода,“ и вмѣсто 5 р., разрѣшенныхъ думой, брать съ обывателей по 4 р. за тысячу кубическихъ футовъ. Компанія сдѣлала это добровольно, черезъ годъ послѣ торговъ, и конечно никто не будетъ предполагать, что она сдѣлала это себѣ въ убытокъ; напротивъ здравый смыслъ говоритъ, что на торгахъ пониженіе могло бы идти еще далѣе, еслибы, какъ мы предлагали, дума позволила контрагентамъ торговаться и на эту цѣну, а не установила ее какъ нѣчто неприкосновенное и священное. Но дума, по соображеніямъ, недосягаемымъ для человѣческаго здраваго смысла, формально запретила контрагентамъ понижать эту цѣну и насильно навязала имъ право, котораго безобразіе читатели могутъ видѣть изъ того, что теперь принятое компаніей добровольное пониженіе цѣны газа на 1 р. съ тысячи кубическихъ футовъ есть не что иное какъ добровольный отказъ отъ чистаго ежегоднаго дохода приблизительно въ 8 рублей съ рожка, а заводъ строится на 120.000 рожковъ. Нельзя не отдать чести благоразумію компаніи, поступающей такимъ правильнымъ и просвѣщеннымъ образомъ, но нельзя не замѣтить, что тѣмъ не менѣе интересы города зависятъ отъ ея произвола. Въ контрактѣ выговорено обязательное для компаніи пониженіе цѣны газа, въ случаѣ удешевленія провоза каменнаго угля или какихъ-либо изобрѣтеній удешевляющихъ производство газа. Эти правила теряютъ теперь свое значеніе, потому что относятся къ цѣнѣ въ 5 р., которая уже понижена добровольно. Городскіе обыватели воспользуются удешевленіемъ производства газа только въ томъ случаѣ, если на то будетъ добрая воля компаніи: они передъ ней беззащитны, за что и успѣютъ, конечно, не разъ въ продолженіе будущихъ тридцати лѣтъ почувствовать благодарность къ теперешнему городскому управленію и къ сотрудникамъ *С.-Петербургскихъ Вѣ-*

домостей, поддерживавшимъ его въ случайной ошибкѣ. По всему вѣроятію, эта ошибка обойдется Москвѣ милліоновъ въ десяточекъ рублей.

Но главный куріозъ этой исторіи, о которой мы были принуждены напомнить редакціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, заключается въ томъ, что ея сотрудники, бросавшіе въ насъ грязью за нашу заботу объ интересахъ города Москвы, примыкали не къ контрагентамъ, которые могли быть заинтересованы опроверженіемъ нашихъ показаній, а къ общественному управленію города, въ интересѣ котораго мы трудились. Мы считаемъ долгомъ заявить, что во все это время контрагенты и ихъ повѣренные держали себя самымъ приличнымъ образомъ и не принимали ни малѣйшаго участія ни въ сбиваніи русской публики съ толку, ни въ писаніи на насъ пасквилей, появлявшихся въ русской печати. Конечно, не безъ улыбки должны были они смотрѣть на тотъ странный маскарадъ, который разыгрывался въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и въ которомъ защитники московскаго городскаго управленія съ напускнымъ увлеченіемъ доказывали невозможность выгоднаго для Москвы и несомнѣнно возможнаго пониженія цѣны на газъ для частныхъ потребителей. Смотря со стороны, нельзя было, конечно, не улыбаться этому скандалу: но спрашивается, улыбаться ли ему съ русской точки зрѣнія, и въ особенности улыбаться ли, когда подобные же скандалы случаются и по болѣе важнымъ вопросамъ чѣмъ газовое освѣщеніе?

№ 243.

Москва, 5-го ноября.

На дняхъ, по поводу слуховъ о назначеніи лорда Гранвиля британскимъ посломъ въ Берлинѣ, мы обратили вниманіе читателей на важное политическое значеніе, которое начинаетъ пріобрѣтать эта столица Прусскаго королевства для общеевропейской политики. Дѣйствительно, здѣсь находится теперь главнѣйшій узелъ всѣхъ общихъ политическихъ интересовъ Европы, и вслѣдствіе того нѣтъ ничего мудренаго, если Англія рѣшается назначить къ этому посту одного изъ своихъ первенствующихъ государственныхъ людей. Несмотря на большую сдержанность, которою въ настоящее время отличается внѣшняя политика Англіи, общее направленіе ея высказалось уже довольно опредѣлительно. Англія, какъ кажется, имѣетъ въ виду уладить мирнымъ образомъ всѣ разногласія, которыя существуютъ между Пруссіей и Австріей, Австріей и Франціей, чтобы такимъ образомъ водворить доброе согласіе между всѣми великими державами западной Европы. Эта задача представляетъ не маловажныя трудности, хотя она и облегчается въ значительной степени тѣмъ, что всѣ усилія, главнѣйшимъ образомъ, устремлены на Австрію, и что не одна Англія, но и Пруссія, а до нѣкоторой степени и Франція, дѣйствуютъ на нее въ одномъ и томъ же направленіи, стараясь ее вѣжливо выпроводить изъ Германіи и Италіи и указывая ей путь на юго-востокъ Европы. Но еще и сама Австрія не знаетъ успѣетъ ли она уладить венгерскій вопросъ и стать твердою ногой въ своихъ юго-восточныхъ областяхъ. Она естественно еще не можетъ теперь сдѣлать ни шагу впередъ въ томъ направленіи, на которое ей указываютъ, и заботится только о томъ, какъ бы удержать за собой свое положеніе въ Германіи и Италіи, балансируя между Франціей и Пруссіей. Только съ разрѣшеніемъ венгерскаго вопроса Австрія можетъ измѣнить свою неопредѣленную и колеблющуюся политику, и рѣшиться или искать себѣ на юго-востокѣ Европы вознагражденій за потери въ Италіи и Германіи, или же сдѣлать свой выборъ между союзомъ съ Пруссіей, то-есть отреченіемъ отъ преобладанія въ Германіи, и союзомъ съ Франціей, то-есть отреченіемъ отъ нынѣшней политики непризнаванія Италіянскаго королевства. Замѣчательно, однакоже, что съ возвращеніемъ графа Бисмарка въ Берлинъ, взаимныя отношенія Пруссіи и Австріи какъ будто бы стали хуже. Преданные Австріи публицисты громко заявляютъ, что она ни въ какомъ случаѣ не согласится на денежную сдѣлку съ Пруссіей по вопросу о Герцогствахъ, имѣя въ виду извлечь болѣе существенныя выгоды изъ совмѣстнаго обладанія ими, о чемъ будто бы уже и сообщено въ Парижѣ и въ другихъ столицахъ Европы. Не означаетъ ли эта перемѣна въ австрійской политикѣ, что графъ Бисмаркъ дѣйствительно не имѣлъ особеннаго успѣха во Франціи, хотя и былъ при-

нимаемъ съ большимъ почетомъ ея императоромъ, и что вслѣдствіе того Австрія возымѣла надежду продать Герцогства Пруссіи гораздо болѣе дорогою цѣной? Въ самомъ дѣлѣ Франціи нѣтъ никакой надобности спѣшить разрѣшеніемъ шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса въ прусскомъ интересѣ. На рукахъ у нея пока еще находятся другія весьма трудныя задачи: съ одной стороны ей необходимо такъ или иначе выпутаться изъ мексиканскихъ дѣлъ, которыя, въ случаѣ какой-либо значительной европейской войны, могутъ вовлечь ее въ столкновеніе съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, а съ другой—ей необходимо упрочить нынѣшній порядокъ вещей въ Италіи, на который императоръ Наполеонъ смотритъ, какъ на дѣло составляющее славу его царствованія. Въ этомъ отношеніи усилія французской политики направлены къ тому, чтобы принудить папу примириться съ Италіей и чтобы вынудить у Австріи признаніе Итальянскаго королевства, хотя бы и безъ отреченія отъ Венеціянской области. Шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ входитъ пока въ разчеты Франціи только какъ орудіе для поддержанія разногласій между Пруссіей и Австріей, какъ средство для бо́льшаго еще ослабленія послѣдней и наконецъ какъ поводъ воспользоваться случайностями, ожидаемыми въ Бельгіи. Но эти разсчеты не такого свойства, чтобы Франція нашла для себя выгоднымъ войдти теперь же въ виды Пруссіи, а безъ какой-нибудь серіозной выгоды для себя, Франція, конечно, не подумаетъ допустить расширеніе предѣловъ Прусскаго королевства. Въ этомъ духѣ, повидимому, были ведены переговоры и съ графомъ Бисмаркомъ въ Парижѣ, а потому какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Вѣнѣ, считаютъ себя въ правѣ разчитывать по меньшей мѣрѣ на дружественный нейтралитетъ Франціи въ столкновеніи интересовъ двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ. До какой степени поддадутся въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ двусмысленнымъ парижскимъ увѣреніямъ, и чьи разчеты окажутся болѣе вѣрными, это покажетъ время.

Какъ бы то ни было, повидимому и Англія и Франція до поры до времени дѣйствительно намѣрены слѣдовать миролюбивой и консервативной политикѣ. Сегодня телеграфъ подтверждаетъ извѣстіе о значительномъ сокращеніи французскихъ сухопутныхъ силъ, и хотя эта мѣра нисколько не уменьшитъ тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ Франція на случай войны, а только поправитъ французскія финансы, и слѣдовательно сдѣлаетъ Францію еще болѣе могущественною, но тѣмъ не менѣе она свидѣтельствуетъ о мирныхъ намѣреніяхъ Франціи и о ея увѣренности, что европейскій миръ не будетъ нарушенъ. Можно ли однако положиться на этотъ миръ? Въ особенности можно ли выводить изъ него какіе-нибудь послѣдствія для Россіи? Намъ кажется, что было бы крайне ошибочно придавать теперешнему европейскому миру то значеніе, которое имѣлъ онъ до 1848 года. Вопервыхъ, теперь вовсе нѣтъ прочныхъ союзовъ, и всякій живетъ *sur le qui vive*. Припомнимъ, что со времени парижскаго мира 1856 года Россія находилась, повидимому, въ дружелюбныхъ отношеніяхъ со всѣми европейскими державами; тѣмъ не менѣе польскій мятежъ 1863 года послужилъ поводомъ къ почти всеобщимъ враждебнымъ для Россіи демонстраціямъ. Но главное, нельзя не признаться, что и самый мятежъ былъ въ значительной степени дѣломъ иностранныхъ политическихъ интригъ и слѣдствіемъ косвенныхъ подстрекательствъ со стороны иностранныхъ правительствъ. Вообще настоящее время,—и это мы замѣчаемъ вовторыхъ—существенно отличается отъ добраго стараго времени, не только своимъ либерализмомъ, но еще и тѣмъ, что державы, стараясь по возможности избѣгать открытой войны, умѣютъ наносить другъ другу не менѣе чувствительные удары мирными средствами. Англія и Франція, въ особенности же Англія, не обнажая меча, пользуется разными элементами, которые находятся внутри тѣхъ или другихъ менѣе благоустроенныхъ государствъ, и чѣмъ государство менѣе благоустроено, чѣмъ оно менѣе установилось въ основныхъ началахъ своей внутренней политики, тѣмъ оно болѣе подвергается подобнымъ проискамъ и интригамъ. Такой образъ дѣйствій оказывается и вѣрнѣе и выгоднѣе чѣмъ война: употребляя его напримѣръ въ итальянскомъ дѣлѣ, Англія успѣла перевернуть все это дѣло по своему, хотя воевала за Италію не Англія, а Франція. Что неурядица на всемъ протяженіи какъ западныхъ, такъ и восточныхъ азіатскихъ границъ Россіи, не обходится безъ иностранныхъ вліяній, въ этомъ кажется, нельзя сомнѣваться: этимъ путемъ имѣется въ виду

ослабить внутренній государственный организмъ Россіи, отравивъ его многоразличными ядами, съ тѣмъ чтобы, когда настанетъ время, было легче расправиться съ нею въ открытомъ и уже честномъ бою. Для Россіи такая миролюбивая политика западныхъ державъ несравненно опаснѣе всякихъ прямыхъ вошственныхъ замысловъ, которые только могли бы возбудить энергію въ русскомъ народѣ.

№ 244.

Москва, 6-го ноября.

А.

Новая великая реформа коснулась нашей жизни. Въ большей части Имперіи уже вступаютъ теперь въ силу многія существенныя начала новаго судопроизводства. Въ будущемъ году будетъ открыто, во всей своей организаціи, новое судоустройство въ двухъ обширныхъ округахъ, С.-Петербургскомъ и Московскомъ. Министерство юстиціи спѣшитъ приготовленіями и не забываетъ ни одного обстоятельства находящагося въ связи съ судебнымъ дѣломъ. Въ числѣ вопросовъ признанныхъ достаточно важными для того чтобъ озаботиться немедленнымъ разрѣшеніемъ ихъ, находится вопросъ о нѣкотораго рода судебныхъ публикаціяхъ. Въ случаѣ неизвѣстности мѣстопребыванія лицъ, долженствующихъ явиться къ суду, они вызываются посредствомъ печати. Въ какихъ же органахъ должны быть печатаемы вызовы къ суду такихъ лицъ? До сихъ поръ, какъ эти, такъ и всякаго другаго рода судебныя публикаціи, печатались главнымъ образомъ, въ *Сенатскихъ Прибавленіяхъ*, выходящихъ при *С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ*. Если до сихъ поръ потребность въ подобныхъ публикаціяхъ достаточно удовлетворялась печатаніемъ ихъ въ этомъ исключительно офиціальномъ и притомъ по преимуществу судебномъ органѣ, то, казалось бы, и на будущее время было бы достаточно такого офиціальнаго органа, который, при новомъ широкомъ развитіи судебнаго дѣла у насъ, долженъ получить и большее значеніе, и большее распространеніе въ публикѣ. Въ случаѣ же, еслибы такой чисто офиціальный органъ оказался не совсѣмъ достаточнымъ въ интересѣ судебной гласности, то не ушло бы время для пріисканія новыхъ для нея путей, по мѣрѣ потребности, которая обнаруживалась бы изъ самой практики. Впрочемъ, правительство располагаетъ многими разнообразными органами печати, которые могли бы пособить *Сенатскимъ Объявленіямъ* въ дѣлѣ судебной гласности. Вотъ, напримѣръ, *Сѣверная Почта* или *Русскій Инвалидъ*: это органы казенные состоящіе въ непосредственномъ завѣдываніи правительственныхъ лицъ. Органы эти имѣютъ болѣе или менѣе обширную публику, и соединяя въ себѣ офиціальное съ неофиціальнымъ, заботятся объ удовлетвореніи самыхъ разнообразныхъ потребностей, какимъ только могутъ удовлетворять газеты. Предоставленіе такого рода газетамъ судебныхъ публикацій не подходило бы подъ вопросъ, всегда щекотливый, о субсидіяхъ въ дѣлѣ печати, или, что въ сущности одно и то же, о сообщеніи, въ какой-либо степени, офиціальнаго значенія частному изданію. Газеты содержимыя казною и издаваемыя подъ рукою правительственныхъ лицъ суть фактъ, и этимъ фактомъ легко могло бы воспользоваться судебное дѣло, еслибы для его публикацій потребовалось болѣе органовъ. Но предположимъ, что и всѣхъ, сколько бы ихъ ни было, казенныхъ органовъ показалось бы недостаточнымъ для обезпеченія надлежащей гласности вызывамъ къ суду; предположимъ, что показалось бы желательнымъ, сверхъ всѣхъ правительственныхъ газетъ, прибѣгнуть еще въ этомъ случаѣ къ посредству частныхъ изданій, чтобъ имѣть успокоительную возможность сказать себѣ, что для русскихъ судебныхъ мѣстъ открыты всевозможные пути гласности къ отысканію вызываемыхъ къ суду людей. Могъ бы возникнуть вопросъ, которыя изъ русскихъ частныхъ изданій связать съ юстиціей, и въ силу этого дать имъ нѣкоторое офиціяльное значеніе и исключительное положеніе въ печати. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что еслибы дѣйствительно оказалась необходимость прибѣгнуть къ посредству частныхъ изданій для обязательнаго печатанія въ нихъ тѣхъ или другихъ объявленій, то единственно справедливымъ и удовлетворительнымъ рѣшеніемъ было бы то, которое послѣдовало бы на основаніи публичнаго состязанія, то-есть съ торговъ. При другомъ рѣшеніи были бы неизбѣжны всякаго рода неблагопріятныя послѣдствія:

казенныя деньги тратитись бы и попусту и неправильно, и черезъ такую трату вносился бы въ печать, въ общественное мнѣніе, въ общественную жизнь, новый элементъ смуты, изъ которой никогда добраго ничего не выходитъ.

Что мы теперь говоримъ, то говоримъ мы о русскихъ судебныхъ мѣстахъ, имѣющихъ дѣйствовать въ Россійской имперіи, и стало-быть о русской гласности, о русскихъ публикаціяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь идетъ о русскихъ публикаціяхъ. Требуется расширить кругъ гласности для публикацій о вызовѣ къ суду. *Сенатскія Объявленія*, выходящія при *С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ*, сочтены недостаточнымъ органомъ для этой цѣли. По всему вѣроятію, принято въ соображеніе, что это чисто-официальное изданіе не можетъ пріобрѣсти ни въ какомъ случаѣ значительнаго распространенія въ публикѣ, и печатаемые въ немъ вызовы къ суду не будутъ во многихъ случаяхъ доходить до свѣдѣнія лицъ, которыхъ они касаются. Въ этихъ видахъ, по всему вѣроятію, сочтено нужнымъ прибѣгнуть къ пособію еще какихъ-либо другихъ органовъ, которые имѣли бы большій ходъ въ русской публикѣ, и были бы болѣе доступны людямъ подлежащимъ юрисдикціи русскихъ судовъ. Дѣйствительно, сочтено необходимымъ прибѣгнуть къ пособію еще другихъ изданій для публикацій о вызовѣ къ суду. Отнынѣ судебныя мѣста обязаны печатать эти публикаціи о вызовѣ къ суду, кромѣ *Сенатскихъ Объявленій*, еще непремѣнно въ двухъ газетахъ выходящихъ въ Россіи, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ одна изъ этихъ газетъ была издаваема на французскомъ, а другая на нѣмецкомъ языкѣ. Можно было бы думать, что наша юстиція, слѣдуя принципу національностей и предполагая, что юрисдикціи русскихъ судовъ могутъ иногда подлежать лица, не знающія по-русски, желала и для нихъ открыть особые органы гласности на иностранныхъ языкахъ. Такимъ образомъ, русскій народъ, числящійся въ такомъ множествѣ милліоновъ, имѣлъ бы свой особый судебный органъ въ *Сенатскихъ Объявленіяхъ*; рядомъ же съ нимъ нѣсколько предполагаемыхъ лицъ, не обязанныхъ знать по-русски, но подлежащихъ русскому суду, имѣли бы свои два органа на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, и могли бы съ полнымъ удобствомъ, на томъ или другомъ изъ этихъ языковъ, читать судебныя публикаціи. Однако публикаціи эти, хотя и должны быть непремѣнно печатаемы, сверхъ *Сенатскихъ Объявленій*, еще въ одной французской и одной нѣмецкой газетѣ, должны тѣмъ не менѣе печататься въ этихъ газетахъ на русскомъ языкѣ. Русскія объявленія, вызывающія къ русскому суду, предназначаемыя стало-быть для русскаго читателя, должны обязательно печататься въ двухъ газетахъ, изъ коихъ одна должна быть непремѣнно на французскомъ, а другая непремѣнно на нѣмецкомъ языкѣ. Въ Петербургѣ есть двѣ такія газеты: *Journal de St.-Pétersbourg* и *S.-Petersburger Zeitung*, изъ коихъ первая состоитъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а послѣдняя, нѣмецкая, составляющая собственность Академіи Наукъ, находится теперь, на правѣ частнаго изданія, подъ редакціей г. Мейера — того самаго, который недавно такъ драстически и съ такимъ одушевленіемъ былъ изображенъ рукой одного изъ своихъ поклонниковъ, въ качествѣ знаменитаго вестфальскаго мужа, піонера Германіи въ Россіи, и противника русскому патріотизму. Дѣйствительно, какъ явствуетъ изъ помѣщеннаго во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты распоряженія министерства юстиціи, эти двѣ газеты призваны служить органами для судебныхъ публикацій. „Согласно желанію," сказано въ официяльномъ свѣдѣніи, „изъявленному редакторами изданныхъ въ С.-Петербургѣ газетъ *Journal de S.-Pétersbourg* и *S.-Petersburger Zeitung*, министръ юстиціи назначилъ эти газеты для припечатанія въ нихъ означенныхъ публикацій въ текущемъ 1865 и будущемъ 1866 годахъ, съ тѣмъ чтобы присылаемыя судебными мѣстами въ эти редакціи публикаціи были печатаемы въ вышеупомянутыхъ газетахъ безъ всякаго промедленія, *на русскомъ языкѣ*, съ буквальною точностію и съ отвѣтственностію редакціи за всякое въ чемъ-либо измѣненіе содержанія или формы подлинной публикаціи."

Министерство, конечно, не могло затрудниться въ выборѣ. Коль скоро оказывается необходимость въ двухъ газетахъ, изъ коихъ одна была бы на французскомъ, а другая на нѣмецкомъ языкѣ, то другихъ и не могло представиться кромѣ вышеупомянутыхъ, къ редакторамъ которыхъ и обратился г. министръ. Къ сча-

стію, оба редактора изъявили желаніе. На свѣтѣ все возможно,—возможно и то, что редакторы этихъ газетъ не изъявили бы желанія взять на себя обязанность служенія по части русской юстиціи. Какъ было бы поступить въ такомъ случаѣ?

Будемъ говорить чистосердечно, безъ всякихъ изворотовъ. Мы обязаны къ этому нашимъ публичнымъ служеніемъ, въ благонамѣренности и искренности котораго никогда не было повода сомнѣваться. Обстоятельсво, котораго мы коснулись, само по себѣ незначительно; это не болѣе какъ случайность, которая могла легко ускользнуть отъ вниманія высшихъ административныхъ лицъ, и тѣмъ слѣдовательно откровеннѣе можемъ мы высказаться. Это не болѣе какъ одна изъ тысячи случайностей; но мы не должны умалчивать, что она производитъ очень тяжелое и прискорбное впечатлѣніе. Существованіе французскихъ и нѣмецкихъ газетъ въ Россіи признается нѣкоторымъ образомъ государственною для нея необходимостію, потому что потребности русскаго судопроизводства поставляются въ зависимость отъ ихъ существованія. Русская юстиція считаетъ для себя необходимостію печатать свои *русскія* публикаціи въ изданіи непремѣнно французскомъ и въ другомъ непремѣнно нѣмецкомъ. Какое можетъ она имѣть побужденіе къ тому? Это не можетъ быть потребностью судебныхъ мѣстъ, точно также какъ не можетъ быть потребностью страны, потому что ни французскія, ни нѣмецкія газеты отнюдь нельзя признать за такія, которыя наиболѣе могутъ способствовать распространенію публикацій посреди русскаго народа: люди, которые могутъ имѣть въ своихъ рукахъ ту или другую изъ двухъ вышеупомянутыхъ газетъ, почти всѣ наперечетъ. Для людей, не понимающихъ по-русски, публикаціи на русскомъ языкѣ не станутъ понятнѣе отъ того что онѣ будутъ печататься во фращузскомъ или нѣмецкомъ изданіи. Русскіе путешественники за границей не имѣютъ особенныхъ побужденій выписывать изъ Россіи французскую или нѣмецкую газету, и за границей русскія газеты распространены повсюду. Еслибы наконецъ возникъ вопросъ о потребностяхъ самихъ издателей этихъ газетъ, и еслибъ оказалось нужнымъ обезпечить какимъ-либо пособіемъ существованіе одной французской и одной нѣмецкой газеты въ Россіи, то для этого могли бы, конечно, найдтись другіе пути, кромѣ судебныхъ публикацій, дающихъ этимъ газетамъ столь неожиданное значеніе въ русской государственной жизни. Въ такихъ видахъ было бы ужь лучше установить какой-либо общественный сборъ въ пользу этихъ изданій, нежели возводить ихъ на степень государственной необходимости, для того чтобы доставить ихъ редакторамъ нѣкоторое денежное пособіе.

Не свидѣтельствуетъ ли это явленіе о нѣкоторой прискорбной ненормальности въ общемъ ходѣ нашихъ дѣлъ, въ общемъ настроеніи нашихъ мыслей? Вслѣдствіе извѣстнаго направленія, которое столь долго принимали наши дѣла, въ политическихъ инстинктахъ нашихъ оказывается мало того національнаго самоуваженія, безъ котораго государствамъ трудно бываетъ жить на свѣтѣ. Этотъ недостатокъ самоуваженія въ нашихъ инстинктахъ виной тому, что наше національное чувство рѣдко принимается нами въ соображеніе, и имѣетъ весьма мало вліянія на наши рѣшенія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы дѣйствуемъ во имя его.

Въ настоящее время два высокопоставленные администратора безпрерывно объѣзжаютъ ввѣренныя имъ губерніи, гдѣ такъ недавно кипѣлъ мятежъ и гдѣ права русской національности или, что то же, *русскаго* государства, оспариваются явною и тайною измѣной, и объѣзжая, безпрерывно убѣждаютъ тамошнихъ обитателей, именующихъ себя Поляками, чувствовать себя напротивъ вполнѣ Русскими и гордиться этимъ званіемъ. Могутъ ли имѣть силу эти убѣжденія, если въ насъ безпрерывно проглядываетъ недостатокъ національнаго самоуваженія? Можемъ ли мы привлекать кого-нибудь къ нашей національности, когда мы сами такъ мало даемъ ей вѣса, и такъ свободны отъ ней въ нашемъ чувствѣ?

Заговоривъ о юстиціи, мы не можемъ не коснуться еще одного недоразумѣнія. По поводу отзыва напечатаннаго въ одной петербургской газетѣ объ одномъ изъ сенатскихъ засѣданій которыя теперь открыты для публики, въ *Сѣверной Почтѣ* (№ 238) напечатано отношеніе г. министра юстиціи къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, изъ коего можно вывести заключеніе, что частнымъ лицамъ не дозволено закономъ обсуждать въ печати дѣйствія происходящія въ судахъ. Весьма понят-

но, что неприличіе или неблагонамѣренность не могутъ нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ считаться дѣломъ дозволительнымъ, и потому предусматриваются закономъ. Но непонятно какимъ образомъ могло бы быть воспрещено *всякое* обсужденіе судебныхъ дѣйствій, какъ скоро они открываются для публики и становятся гласными. Публичность судовъ, не есть ли это одно изъ главныхъ началъ нашего новаго судопроизводства? А могла ли бы имѣть какое-нибудь значеніе публичность, еслибы было возбранено *всякое* въ печати обсужденіе судебныхъ дѣйствій? Очевидно, что тутъ вкралось какое-либо недоразумѣніе. Въ вышесказанномъ „отношеніи г. министра юстиціи къ г. министру внутреннихъ дѣлъ“ вопросъ касающійся печати разсматривается на основаніи ст. 96 правилъ 11-го октября „объ измѣненіи и дополненіи статей Свода Законовъ касающихся судопроизводства и дѣлопроизводства въ нынѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ“. Но ни въ одной изъ статей этихъ правилъ нѣтъ ни одного слова касательно обсужденія въ печати судебныхъ дѣйствій. Что же касается статьи 96, на которую ссылается г. министръ юстиціи, то въ ней рѣчь идетъ только о томъ какъ должна вести себя публика въ залѣ присутствія, и статьей этою воспрещаются *знаки* одобренія или неодобренія, какъ-то рукоплесканія или шиканья, и т. п. Вотъ дословный текстъ этой статьи:

„Всѣ находящіеся при докладѣ обязаны строго соблюдать правила благопристойности, порядка и тишины, безпрекословно повинуясь въ семъ отношеніи распоряженію предсѣдателя. Выраженіе какихъ-либо знаковъ одобренія или неодобренія строго воспрещается.“

Очевидно, что изъ этой статьи совершенно ничего не слѣдуетъ относительно печати.

Б.

С.-Петербургскія Вѣдомости высказали на дняхъ оригинальную мысль, что если газета подвергаетъ свои извѣстія критикѣ, если она ищетъ сотрудниковъ добросовѣстныхъ и дѣльныхъ, а главное если она честно служитъ обществу, то этимъ самымъ она уже достаточно ограждаетъ себя отъ полученія возраженій, написанныхъ невѣжливо или бранчиво и присылаемыхъ для напечатанія въ ея столбцахъ на основаніи закона о поправкахъ. Это было напечатано въ № 285 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, вышедшемъ 30-го октября, и напечатано противъ насъ, въ доказательство равно-вреднаго для всѣхъ безъ исключенія газетъ парадокса, будто онѣ обязаны печатать безъ измѣненій всякое возраженіе, каково бы ни было его содержаніе и какъ бы непристойно ни было оно написано. Мы искренно пожалѣли о подобномъ заявленіи, — не за себя, потому что оно насъ ни къ чему не обязывало, — а за редакцію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, которая добровольно подчиняла себя нигдѣ не существующему и невозможному правилу. Опытъ не долго заставилъ ждать себя. Черезъ пять дней, въ № 290, вышедшемъ 4-го ноября, эта газета напечатала возраженіе г. Михневича, которое сама признала „бранчивымъ“. Письмо г. Михневича редакція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* сопровождаетъ обширною передовою статьей, въ которой она доказываетъ, что подвергаетъ свои извѣстія критикѣ, имѣетъ корреспондентовъ добросовѣстныхъ и дѣльныхъ и честно служитъ русскому обществу. Такимъ образомъ она сама заявляетъ, что эти прекрасныя свойства ея, какъ и слѣдовало ожидать, отнюдь не имѣютъ чудотворной силы преобразить весь міръ къ лучшему и нисколько не ограждаютъ отъ полученія бранныхъ писемъ.

№ 245.

Москва, 8-го ноября.

Въ № 241 *Сѣверной Почты*, отъ 6-го ноября, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія помѣстилъ пространное опроверженіе нашихъ замѣчаній о ходѣ дѣла по утвержденію устава евангелическо-лютеренскаго училища Св. Петра и Павла въ Москвѣ. Въ этомъ опроверженіи сказано, что свѣдѣнія изложенныя нами въ передовой статьѣ № 235 *Московскихъ Вѣдомостей*, „какъ относительно предмета просьбы училищнаго совѣта при церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, такъ и ходъ самаго дѣла по этой просьбѣ и причинъ, по которымъ на просьбу эту не послѣдовало еще разрѣшенія, *совершенно не вѣрны*.“ Чтобы читатели ясно видѣли, въ чемъ заключается эта невѣрность, мы считаемъ нужнымъ перепечатать здѣсь ту часть нашей передовой статьи № 235, которая слу-

житъ предметомъ опроверженія и которая, съ небольшими пропусками, приведена и въ № 241 *Сѣверной Почты*. Мы обозначаемъ курсивомъ тѣ наши слова, которыя ученый комитетъ призналъ за благо выпустить, перепечатывая наши замѣчанія. Мы писали:

„Въ Москвѣ устроено при лютеранской церкви учебное заведеніе въ размѣрахъ гимназіи, находящееся подъ управленіемъ совѣта выбираемаго прихожанами. Открытое для всѣхъ, оно *можетъ послужить хорошимъ подспорьемъ въ нашей скудной педагогическими средствами Москвѣ, тѣмъ болье что оно* устроено на широкихъ основаніяхъ полнаго классическаго устава, съ реальнымъ отдѣленіемъ для не назначающихъ себя въ университетъ. Совѣтъ, основываясь на примѣрѣ подобныхъ нѣмецкихъ училищъ въ Петербургѣ, обратился въ министерство съ просьбой исходатайствовать и московской школѣ права гимназіи. Желаніе совѣта было принято благосклонно, указано представить проектъ устава, причемъ рекомендовалась краткость. Но когда проектъ былъ представленъ, дѣло перемѣнилось, и получень отвѣтъ, что министерство считаетъ себя не въ правѣ ходатайствовать объ утвержденіи этого устава, на томъ основаніи, что уставъ школы не соотвѣтствуетъ началамъ принятымъ для нашихъ гимназій. Отказъ мотивированъ мнѣніемъ ученаго комитета, а изъ этого мнѣнія явствуетъ, что школѣ потому нельзя дать правъ классической гимназіи, что въ ея реальномъ отдѣленіи *(не забудемъ, что реальныя гимназіи не пользуются правами)* начальное развитіе предположено основать какъ въ прусскихъ реальныхъ школахъ перваго разряда, или какъ у насъ же въ Рижской реальной гимназіи, на изученіи древнихъ языковъ (именно латинскаго). Кромѣ этой непозволительной ереси, указана еще и другая причина, именно: зачѣмъ въ классическомъ отдѣленіи усилено преподаваніе математики и назначено то же число уроковъ что и въ реальномъ. *Замѣтимъ, что рѣчь шла не о томъ, что въ реальномъ отдѣленіи мало уроковъ математики: ихъ положено болье чѣмъ въ реальныхъ гимназіямъ министерства,—27 вмѣсто 25,—но единственно о томъ, зачѣмъ усилена математика въ классическомъ отдѣленіи, хотя, какъ извѣстно, математика составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ классическаго курса.* Наконецъ, комитетъ не одобрилъ сокращенія преподаванія естественной исторіи, и особенно страннымъ находитъ назначеніе для химіи трехъ уроковъ (вмѣсто пяти, указываемыхъ *извѣстною* Инструкціей комитета). Отказъ, впрочемъ, не безусловный. Дано понять, что если латинскій языкъ будетъ изгнанъ изъ реальнаго отдѣленія, если преподаваніе математики ослабится въ классическомъ, если наконецъ эмбріологіи будетъ отведено надлежащее мѣсто, то ученый комитетъ измѣнитъ свое мнѣніе."

Невѣрности этихъ показаній, по словамъ ученаго комитета, относятся:

1) къ предмету просьбы училищнаго совѣта.

2) къ ходу дѣла по этой просьбѣ.

3) къ причинамъ, по которымъ на эту просьбу не послѣдовало еще разрѣшенія.

Разберемъ же эти невѣрности по пунктамъ.

Пунктъ первый: предметъ просьбы. Мы сказали, что совѣтъ училища „обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой исходатайствовать московской школѣ *права гимназіи*." „Это совершенно невѣрно, говоритъ ученый комитетъ (мы выписываемъ буквально): совѣтъ церкви, прося ходатайства объ учрежденіи представленнаго проекта устава, вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ и просьбу о дарованіи новой гимназіи *правъ и преимуществъ, предоставленныхъ гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія*." Такова первая „совершенная невѣрность." У насъ сказано, что московская школа проситъ себѣ правъ гимназій. Это совершенно невѣрно. Почему? Потому, отвѣчаетъ ученый комитетъ, что московская школа проситъ себѣ правъ предоставленныхъ гимназіямъ

Пунктъ второй: ходъ дѣла по этой просьбѣ. Тутъ мы указывали только на два этапа, черезъ которые проходило это дѣло, а именно:

а) „Желаніе училищнаго совѣта было принято благосклонно, указано представить проектъ устава, причемъ рекомендовалась краткость." Таково наше показаніе. Ученый комитетъ объявляетъ его совершенно невѣрнымъ и дѣлаетъ слѣдующее, конечно, совершенно вѣрное, но и совершенно согласное съ нашимъ показаніе: Управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Деляновъ, нашелъ, что представленный проектъ устава наполненъ такими подробностями и инструкціями, которыя не могутъ имѣть

мѣста въ уставѣ, а потому просилъ попечителя московскаго учебнаго округа, 10-го іюля, предложить московскому училищному совѣту при церкви Св. Петра и Павла исключить изъ этого проекта всѣ излишнія постановленія, касающіяся внутренняго порядка въ училищѣ, и доставить новый проектъ съ объяснительною къ оному запиской и съ приложеніемъ исторической записки объ училищѣ." Короче: указано доставить проектъ, причемъ рекомендована краткость, — то-есть какъ разъ то же что говорили и мы. А потому наше показаніе было *совершенно невѣрно*.

б) „Когда проектъ былъ представленъ, дѣло перемѣнилось и полученъ отвѣтъ, что министерство считаетъ себя не въ правѣ ходатайствовать объ утвержденіи устава." Впрочемъ отказъ былъ небезусловный. Дано понять, что мнѣніе ученнаго комитета измѣнится, если уставъ будетъ передѣланъ. Такъ писали мы, и писали, говоритъ ученый комитетъ, совершенно невѣрно. Истина состоитъ въ слѣдующемъ: „Министръ народнаго просвѣщенія согласился съ мнѣніемъ ученаго комитета и предложилъ попечителю московскаго учебнаго округа, 2-го октября, возвратить проектъ устава совѣту московской евангелическо-лютеранской церкви для передѣлки съ объявленіемъ, что до этой передѣлки онъ затрудняется ходатайствовать объ утвержденіи проекта." То-есть: „затрудняется ходатайствовать", это — вѣрно, а „считаетъ себя не въ правѣ ходатайствовать," это — совершенно не вѣрно.

Пунктъ третій. Причины, по которымъ на эту просьбу не послѣдовало еще разрѣшенія. Тутъ дѣло сложнѣе, и мы просимъ вниманія у читателей. По собственному показанію ученаго комитета, министръ народнаго просвѣщенія, „согласился съ мнѣніемъ ученаго комитета," что „проектъ устава помянутаго училища, *ни по системѣ, ни по содержанію своему не удовлетворяетъ условіямъ, которыя требуются отъ училищныхъ уставовъ*." Выраженія эти не ясны и допускаютъ разныя толкованія. Примемъ то изъ толкованій, которое прямо вытекаетъ изъ свѣдѣній сообщенныхъ ученымъ комитетомъ. Что такое означается выраженіемъ: „ни по системѣ, ни по содержанію?" Оно повторено въ министерскомъ предписаніи изъ постановленія ученаго комитета, и тамъ слѣдовательно намъ должно искать смыслъ его. Что же мы находимъ? Ученый комитетъ, именно „относительно системы и содержанія разсматриваемаго проекта," самъ „согласился съ замѣчаніями г. Штейнмана," своего сочлена. Итакъ можно воскликнуть: *Эврика*. Въ замѣчаніяхъ г. Штейнмана можно отыскать разгадку того, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ неяснымъ выраженіемъ: „система и содержаніе проекта." Повторимъ еще разъ: министръ, соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго комитета, возвращаетъ уставъ для передѣлки; мотивы этого рѣшенія заключаются стало-быть въ мнѣніи ученаго комитета. А ученый комитетъ въ свою очередь говоритъ двѣ вещи: относительно формы онъ говоритъ, что уставъ слишкомъ кратокъ (прежде онъ былъ слишкомъ длиненъ), а относительно системы и содержанія устава соглашается съ мнѣніемъ г. Штейнмана. Первому замѣчанію, относительно формы, нельзя придавать особеннаго значенія, на ряду съ замѣчаніями г. Штейнмана. А потому желая исправить свои *совершенно невѣрныя* показанія о причинахъ министерскаго рѣшенія, мы по необходимости должны обратиться къ тому, что въ объясненіи ученаго комитета излагается какъ мнѣніе г. Штейнмана. Постараемся же исполнить свой долгъ передъ истиной, и приведемъ замѣчанія г. Штейнмана, какъ они приведены ученымъ комитетомъ, который самъ говоритъ что привелъ ихъ *безъ всякаго пропуска*. Выписываемъ, также безъ пропуска замѣчанія г. Штейнмана относящіяся къ учебному плану и рядомъ съ ними печатаемъ наше изложеніе мотивовъ министерскаго рѣшенія.

Текстъ ученаго комитета.	Наше изложеніе.
Училище раздѣляется, по примѣру нашихъ гимназій, на прогимназію изъ 4-хъ классовъ и собственно на гимназію, состоящую изъ трехъ высшихъ классовъ. Трехгодичный курсъ сихъ послѣднихъ, смотря по обстоятельствамъ можетъ быть классическій и реальный. Несмотря однако на такое раздѣленіе, основою умственнаго развитія и	Школѣ потому нельзя дать правъ классической гимназіи, что въ ея реальномъ отдѣленіи начальное развитіе предположено основать на изученіи древнихъ языковъ. Кромѣ этой не позволительной ереси, указана еще и другая причина именно: зачѣмъ въ классическомъ отдѣленіи усиленно преподаваніе математики и назначено то же число

преподаванія въ обоихъ отдѣленіяхъ служитъ изученіе древнихъ языковъ и математики. Вслѣдствіе того проектъ устава представляетъ росписаніе уроковъ, въ которомъ на математику въ реальномъ отдѣленіи назначено одинаковое число уроковъ съ классическимъ отдѣленіемъ, а еще болѣе странно, что естественныхъ наукъ въ реальномъ отдѣленіи гимназіи вовсе нѣтъ, а удѣлено только для химіи по одному недѣльному уроку въ 3-мъ классѣ.

Просимъ же читателей, въ интересѣ истины, сличить текстъ комитета съ нашимъ изложеніемъ, и припомнить, что ученый комитетъ назвалъ наше изложеніе *совершенно невѣрнымъ*. Авторитетъ ученаго комитета можемъ мы поддержать лишь указаніемъ на ту единственную невѣрность, что у насъ говорится о *трехъ* урокахъ химіи вмѣсто пяти, а слѣдовало говорить объ одномъ урокѣ въ *третьемъ* классѣ. Вотъ та единственная невѣрность, которая пусть подрываетъ, если можетъ, силу всего того, что̀ нами было сказано въ № 235 и перепечатано выше, въ особенности того, что̀ перепечатано выше курсивомъ, а ученымъ комитетомъ вычеркнуто изъ нашихъ словъ при ихъ перепечаткѣ въ *Сѣверной Почтѣ*, хотя именно эти вычеркнутыя слова о математикѣ болѣе всего другаго требовали отвѣта.

Итакъ, по собственному показанію ученаго комитета, г. Штейнманъ, и вмѣстѣ съ нимъ ученый комитетъ, а вмѣстѣ съ ученымъ комитетомъ и самъ г. министръ народнаго просвѣщенія, сдѣлали слѣдующія замѣчанія относительно учебнаго плана лютеранской школы.

1. Воспитанники реальнаго отдѣленія учатся въ низшихъ классахъ древнимъ языкамъ.

2. Преподаваніе математики въ классическомъ отдѣленіи не слабѣе чѣмъ въ реальномъ.

3. Естественныхъ наукъ въ реальномъ отдѣленіи вовсе нѣтъ, за исключеніемъ одного урока для химіи.

Таковы единственныя замѣчанія относительно учебнаго плана, сообщенныя церковному совѣту вмѣстѣ съ требованіемъ передѣлки устава. Объ этой передѣлкѣ сказано въ предложеніи министра, что она должна быть произведена *хотя бы по системѣ, принятой въ уставѣ гимназій, съ тѣми измѣненіями, которыя признаны будутъ совѣтомъ необходимыми*. Въ этомъ указаніи на систему принятую въ уставѣ гимназій, указаніи сопровождавшемся вышеупомянутыми замѣчаніями, невозможно было видѣть что-либо другое кромѣ совѣта, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при передѣлкѣ устава. Поэтому мы и сказали:

„*Отказъ впрочемъ не безусловный. Дано понять*, что *если* латинскій языкъ будетъ изгнанъ изъ реальнаго отдѣленія, *если* преподаваніе математики ослабится въ классическомъ, *если* наконецъ *эмбріологіи* будетъ отведено надлежащее мѣсто, то ученый комитетъ *измѣнитъ свое мнѣніе*.“

Теперь мы узнаемъ изъ объясненій ученаго комитета, что его замѣчанія, несмотря на то что съ ними, по его же словамъ, согласился г. министръ народнаго просвѣщенія, не должны имѣть никакой силы при передѣлкѣ устава нѣмецкой школы. Ученый комитетъ говоритъ:

„Проектъ устава возвращенъ былъ совѣту во второй разъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, потому что во вновь передѣланномъ проектѣ исключены существенныя *стороны*, необходимыя въ каждомъ уставѣ; замѣчанія какъ попечителя московскаго учебнаго округа, такъ и члена ученаго комитета Штейнмана, одобренныя комитетомъ, не были ни разу выставляемы ни попечителемъ московскаго учебнаго округа, ни ученымъ комитетомъ, ни министерствомъ народнаго просвѣщенія, какъ причины, препятствующія ходатайству объ утвержденіи устава и несоотвѣтствіе устава училища началамъ, принятымъ въ гимназическомъ уставѣ, не было причиной отказа министерства.“

Все это намъ здѣсь въ Москвѣ совершенная новость. Всякій понималъ здѣсь дѣло такъ, что наибольшую силу должны имѣть наиболѣе существенныя изъ замѣчаній ученаго комитета, то-есть именно тѣ замѣчанія которыя относятся къ учебному плану. Если они не имѣли никакого значенія, то зачѣмъ было бы сообщать ихъ?

Ученый комитетъ говоритъ, что его замѣчанія точно также какъ и замѣчанія попечителя московскаго учебнаго округа, не были выставляемы министерствомъ какъ причина отказа. Но въ эти слова вкралась маленькая невѣрность. Никакъ нельзя сказать, чтобы министерство одинаково поступило съ замѣчаніями ученаго комитета и съ замѣчаніями попечителя: замѣчанія комитета оно сообщило церковному совѣту для его свѣдѣнія, и, какъ до сихъ поръ всѣ полагали, руководства; а замѣчанія попечителя оно оставило въ своемъ архивѣ лишь для собственнаго свѣдѣнія, и мы только теперь, изъ объясненій ученаго комитета, узнаемъ о весьма важномъ указаніи, сдѣланномъ г. попечителемъ московскаго учебнаго округа, на преобладаніе, предоставляемое въ этой школѣ нѣмецкому языку. Г. попечитель московскаго учебнаго округа обращалъ вниманіе г. министра народнаго просвѣщенія, между прочимъ, на эту сторону устава въ слѣдующихъ словахъ:

„По проекту устава лютеранскаго училища, хотя оно назначается для дѣтей всѣхъ состояній безъ различія званія и вѣроисповѣданія, нѣмецкому языку дается такое господство, что всѣ учебные предметы, за исключеніемъ закона Божія православнаго исповѣданія, русскаго и славянскаго языковъ, русской исторіи и географіи, должны преподаваться на нѣмецкомъ языкѣ."

Вотъ слова г. попечителя здѣшняго учебнаго округа, показывающія, что отъ него не укрылся наиболѣе важный изъ пунктовъ, подлежащихъ обсужденію при дарованіи лютеранской школѣ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя, въ интересѣ русскаго просвѣщенія, предоставлены гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія. Но эти слова, какъ видно, не удостоились вниманія въ министерствѣ. Ученый комитетъ старался выторговать, чтобы въ классическомъ отдѣленіи лютеранской школы преподавалось поменьше математики, и чтобы ученики реальнаго отдѣленія никакъ не проходили черезъ начальный классическій курсъ. Намъ говорятъ теперь, что это желаніе не должно было составлять препятствія къ ходатайству объ утвержденіи устава, но все же объ этомъ желаніи доведено до свѣдѣнія училищнаго совѣта, и разумѣется, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ онъ поступилъ непремѣнно въ противность ему. Указаніе же попечителя совсѣмъ отложено въ сторону какъ безполезное даже для добровольнаго принятія къ свѣдѣнію, между тѣмъ какъ польза его, и педагогическая, и государственная, очевидна.

Но возвратимся къ общему направленію напечатаннаго въ *Сѣверной Почтѣ* объясненія ученаго комитета. Цѣль этого объясненія состоитъ въ томъ, чтобы показать, что вопросъ объ учебномъ планѣ былъ совершенно безразличенъ для ученаго комитета, что комитетъ нисколько имъ не интересовался, а что вся забота его сосредоточивалась на внѣшней сторонѣ устава, то-есть не на системѣ ученія въ школѣ, а на системѣ изложенія въ уставѣ, или на порядкѣ параграфовъ. Въ доказательство этого приводится слѣдующее постановленіе комитета, выписываемое, какъ сказано въ *Сѣверной Почтѣ*, буквально:

„Проектъ устава училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ *ни по системѣ, ни по содержанію своему не удовлетворяетъ условіямъ, которыя требуются отъ училищныхъ уставовъ, и заключаетъ въ себѣ почти исключительно исчисленіе однихъ правъ, которыя должны быть присвоены служащимъ въ училищѣ и учащимся. Поэтому*, по мнѣнію ученаго комитета, настоящій проектъ устава слѣдуетъ возвратить совѣту евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, *для переправки его хотя бы* по системѣ, принятой въ уставѣ гимназій, *съ тѣми измѣненіями, которыя признаны будутъ совѣтомъ необходимыми.*

„Очевидно, что въ проектѣ устава, передѣланномъ церковнымъ совѣтомъ и разсмотрѣнномъ ученымъ комитетомъ, сокращенія, сравнительно съ прежнимъ проектомъ, доведены до излишества, вѣроятно, по недоразумѣнію со стороны лицъ, передѣлывавшихъ проектъ. Уставъ состоящій почти изъ одного исчисленія правъ и преимуществъ, не можетъ быть признанъ уставомъ. Если въ уставѣ изложены разнаго рода инструкціи и подробности, относящіяся къ внутреннему порядку училища, какъ-то: къ распредѣленію учебныхъ предметовъ по классамъ, къ дисциплинѣ и тому подобное, то тѣмъ не менѣе въ уставѣ должны быть ясно опредѣлены главныя начала учебной, административной и хозяйственной частей, а затѣмъ уже должно

слѣдовать исчисленіе правъ и преимуществъ училища. По этимъ основаніямъ ученый комитетъ, имѣя въ виду недоразумѣніе составителей проекта устава, въ опредѣленіи своемъ указалъ, не для руководства началами, а *для образца системы изложенія*, на гимназическій уставъ, предоставивъ училищному совѣту при московской лютеранской церкви *полную свободу дѣлать признанныя имъ необходимыми отступленія отъ гимназическаго устава.*“

Все приведенное напечатано въ *Сѣверной Почтѣ*, какъ постановленіе комитета. Если все это дѣйствительно есть постановленіе комитета, то смыслъ постановленія ясенъ, и остается только замѣтить, что вторая половина постановленія, которая вполнѣ разъясняетъ задачу передѣлки устава, не была сообщена въ Москву, а въ этомъ все дѣло, какъ согласится ученый комитетъ: важно не то, что пишется въ канцеляріяхъ или докладывается въ кабинетахъ, а то, что сообщается изъ правительственныхъ мѣстъ для исполненія. Но самое изложеніе этой второй половины заставляетъ видѣть въ ней позднѣйшую разъяснительную прибавку къ постановленію. Это ясно уже изъ того, что въ первой половинѣ глаголы стоятъ въ настоящемъ времени (слѣдуетъ), а во второй половинѣ употребляется прошедшее время (комитетъ указалъ). Можно догадываться, что принадлежность этой прибавки къ постановленію ученаго комитета основывается единственно на ошибкѣ наборщика *Сѣверной Почты*, который долженъ былъ поставить вводные знаки лишь при первой половинѣ, а поставилъ ихъ и при второй, чрезъ что позднѣйшій комментарій попалъ въ текстъ постановленія, и дѣлу приданъ фальшивый видъ.

— —

№ 246.

Москва, 9-го ноября.

Два мѣсяца тому назадъ (именно 10 го сентября, № 198), обсуждая средне-азійскія дѣла и сообщая нашимъ читателямъ слухъ, что лордъ Россель обратился въ С.-Петербургъ съ запросомъ о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Россіи относительно Ташкента, мы между прочимъ высказались, что нельзя не признать неумѣстнымъ прямаго дипломатическаго вмѣшательства Англіи въ дѣла, которыя ея не касаются, которыя происходятъ на границахъ Россіи и на значительномъ разстояніи отъ остъ индскихъ владѣній Англіи. Теперь нѣкто г. Егоръ фонъ-Сиверсъ, авторъ той брошюрки противъ русской печати, о которой мы на дняхъ упоминали и на которую обѣщали обратить вниманіе нашихъ читателей, выставляетъ на видъ въ *Рижской Газетѣ*, что разстояніе крайняго пункта остъ индскихъ владѣній Англіи, Пешауэра, отъ Ташкента вовсе не такъ значительно, какъ было напечатано въ нашей статьѣ, вовсе не 2.000 миль, а всего 980 верстъ. Мы должны были бы поблагодарить г. Егора фонъ-Сиверса за его измѣренія, еслибы въ нихъ была надобность, послѣ указаній г. Мурчисона, не задолго передъ тѣмъ напечатанныхъ въ нашей же газетѣ, на 400 миль отдѣляющія русскія владѣнія отъ земель находящихся въ зависимости отъ Англіи. Черезъ два мѣсяца по выходѣ № 198 нашей газеты мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности подробно объяснить г. Егору фонъ-Сиверсу вслѣдствіе какихъ типографскихъ случайностей появилась въ томъ нумерѣ цифра 2 000, и охотно предоставили бы ему тѣшиться сколько угодно надъ нашимъ невѣдѣніемъ по части разстояній между различными пунктами Азіи,—хотя въ собственной его статейкѣ состоящей изъ какихъ-нибудь двадцати строчекъ, ссылка сдѣлана на № 138 *Московскихъ Вѣдомостей*, тогда какъ слѣдовало сослаться на № 198, въ которомъ напечатана передовая статья, обратившая на себя его вниманіе черезъ столь долгій промежутокъ времени.

Но г. Егоръ фонъ-Сиверсъ воспользовался своимъ открытіемъ и своими измѣреніями карты Азіи не столько для того чтобы заподозрить наши географическія свѣдѣнія, сколько для того чтобъ обвинить насъ въ недобросовѣстности. Вотъ что становится до крайности забавно. Онъ выставляетъ подмѣченную имъ ошибку какъ *новѣйшее* доказательство нашего іезуитскаго образа дѣйствій противъ людей, расходящихся съ нами въ политическихъ мнѣніяхъ, и въ примѣръ „растяжимости нашей совѣсти.“ По его словамъ, мы вели полемику съ самимъ англійскимъ правительствомъ, и чтобы вѣрнѣе поразить нашего противника, умышленно пре-

увеличили цифру разстоянія между крайними пунктами русскихъ и англійскихъ владѣній въ Азіи. Опасаясь безъ сомнѣнія, что нашъ „подлогъ“ смутитъ нашего противника или погубитъ его въ глазахъ нашего правительства или нашей публики, г. Сиверсъ спѣшитъ вывести насъ на чистую воду, и увѣряетъ, что наша „полемика“ основывалась на этой открытой имъ умышленной или неумышленной нашей ошибкѣ. Но мы желали бы знать какое изъ нашихъ замѣчаній, за поправкой опечатки, могло бы утратить свою силу? Можно ли было бы вывести заключеніе, что наши дѣла съ средне-азійскими ханствами касаются Англіи, что она въ правѣ прямо вмѣшиваться въ нихъ дипломатическимъ путемъ? Г. Егоръ фонъ-Сиверсъ, повидимому, болѣе тревожится безопасностью англійскихъ владѣній чѣмъ сами Англичане, чѣмъ, напримѣръ, г. Мурчисонъ, который находитъ „нелѣпою мысль о томъ, будто бы Русскій императоръ можетъ замышлять что-либо противъ англійской Индіи, принимая за основаніе своихъ операцій эту самую пустынную и самую отдаленную часть своей Имперіи.“ Мы надѣемся, что г. фонъ-Сиверсъ, успокоившись и вникнувъ въ дѣло, убѣдится, что намъ не было ни малѣйшей надобности прибѣгать къ іезуитскому образу дѣйствій, а достаточно было бы сослаться только на мнѣніе г. Мурчисона и большей части англійскихъ журналовъ, которые говорили то же самое. Не забавно ли видѣть до какой степени могутъ быть неразборчивы въ средствахъ г-да остзейскіе публицисты и какія средства считаютъ они *nicht unsittlich?* Впрочемъ не всегда неразборчивость ихъ бываетъ забавна. Вотъ, напримѣръ, случай гдѣ она вовсе незабавна:

Читателямъ извѣстны тѣ ожесточенныя нападенія на г. Вольдемара, котораго имя нерѣдко упоминалось въ нашей газетѣ по поводу неудачной попытки переселенія нѣкоторой части курляндскихъ Латышей въ купленное имъ въ Новгородской губерніи имѣніе. Публицисты *Рижской Газеты* не отступаютъ ни передъ какими средствами, лишь бы только бросить тѣнь на образъ дѣйствій и мыслей своей жертвы. Запла рѣчь о газетѣ, которую г. Вольдемаръ издавалъ для своихъ соплеменниковъ въ Петербургѣ, и которая имѣла цѣлію, по возможности, противодѣйствовать германизаціи ихъ и способствовать ихъ сближенію съ русскимъ народомъ. Извѣстна печальная участь постигшая эту газету. Не прошло трехъ мѣсяцевъ по ея рожденіи какъ признано было нужнымъ подчинить ее рижской цензурѣ. Издатель долженъ былъ каждый листокъ своего изданія посылать изъ столицы Россійской имперіи въ Ригу, и оттуда ожидать разрѣшенія къ выпуску его въ свѣтъ. Весьма естественно, что при такомъ условіи петербургская латышская газета не могла существовать, и г. Вольдемаръ долженъ былъ прекратить ее. Газета г. Вольдемара не была уличена ни въ одномъ изъ тѣхъ злоупотребленій, въ которыхъ были виновны другія изданія на латышскомъ языкѣ издаваемыя въ интересѣ нѣмецкаго дѣла; въ газетѣ г. Вольдемара не было фальсификацій, не было умышленнаго извращенія правительственныхъ распоряженій, въ коихъ уличено напримѣръ изданіе пастора Шульца, тѣмъ не менѣе газета г. Вольдемара приказала долго жить. Что же въ ней было такого что свело ее въ могилу?

Въ одной изъ послѣднихъ выходокъ своихъ противъ г. Вольдемара *Рижская Газета* представила грозныя улики противъ его направленія и выбрала самыя зловредныя мѣста изъ его газеты. Она представила изъ ней четыре мѣста, въ доказательство какъ злонамѣренно было ея направленіе, и какъ необходимы были стѣснительныя, принятыя противъ нея мѣры. Мы не слѣдили за латышскою газетой г. Вольдемара, и не знали силы взведенныхъ на него обвиненій; насъ заинтересовало это, и мы хотѣли узнать до какой степени можетъ простираться неразборчивость въ средствахъ и растяжимость совѣсти. Мы добыли тѣ нумера латышской газеты, изъ которыхъ были сдѣланы выдержки, и съ помощію точнаго перевода провѣрили смыслъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ противники г. Вольдемара сосредоточили свои злѣйшія нападенія. Пусть же изъ нижеслѣдующаго читатели судятъ о свойствахъ той тактики, къ какой не стыдятся прибѣгать въ Ригѣ, когда нужно согнать со сцены докучныхъ людей.

Изъ *Рижской Газеты* явствуетъ, что въ изданіи г. Вольдемара проповѣдывалась соціальная революція, направленная противъ господствующаго въ балтійскихъ провинціяхъ нѣмецкаго элемента. Изъ четырехъ приводимыхъ ею въ обвиненіе мѣстъ, самымъ сильнымъ должно показаться вся-

кому читателю то, о которомъ она повѣствуетъ слѣдующее: „Открыто проповѣдуется, что наступило время, когда тѣ кто до сихъ поръ властвовалъ и блестѣлъ, должны быть смѣшаны съ грязью, ибо теперь міръ долженъ быть приведенъ въ порядокъ.“ Какіе ужасы! Такъ и слышится въ этихъ немногихъ словахъ мрачное революціонное ученіе, грозящее низверженіемъ существующаго порядка? Наступило время перестроить міръ на новыхъ основаніяхъ, сбросить внизъ общественныя вершины, отнять у владѣющихъ имущество, подѣлить его между неимущими и т. д. Да это хоть бы въ *Колоколѣ!* Мудрено ли, что противъ г. Вольдемара были приняты стѣснительныя мѣры, и газета его была доведена до послѣдняго издыханія? Что же выходитъ на повѣрку? Цитованное въ *Рижской Газетѣ* мѣсто взято изъ статейки носящей заглавіе: *„Кас земнькам язинна* (что нужно пахарю знать)? Статейка эта у насъ предъ глазами. Въ ней очень подробно излагается, что въ старину господствовало мнѣніе, будто сельскому люду не нужно ничему учиться и ничего знать, но что теперь никто уже такъ не думаетъ. „Затѣмъ статейка продолжаетъ: „Изъ этого видно какъ время „измѣняетъ все, даже воззрѣнія умныхъ „людей. Что теперь считается хорошимъ, „то въ послѣдствіи будетъ отмѣтаться. „Нынче оно блеститъ какъ звѣзда, а завтра превратится въ мусоръ. Внуки хо„дятъ по могиламъ своихъ предковъ.“

И вотъ эта-то безобидная сентенція, въ которой нѣтъ и тѣни какого-либо политическаго намека, обращена добросовѣстными публицистами *Рижской Газеты* въ революціонную проповѣдь противъ дворянства и духовенства въ балтійскихъ губерніяхъ!

Другое опасное мѣсто цитованное въ *Рижской Газетѣ* взято изъ статьи *Мужыс карра лаукс* (вѣчное поле битвы). Но статья эта, будто бы направленная латышскимъ писателемъ противъ сословныхъ правъ и учрежденій въ балтійскихъ провинціяхъ, вовсе и не латышскаго происхожденія, а заимствована изъ извѣстной нѣмецкой газеты *Gartenlaube!* Въ ней разказывается, что въ давнія времена существовали виды растеній и животныхъ, какихъ въ настоящее время уже не оказывается, что и въ настоящее время есть изчезающіе виды животныхъ, что европейскими домашними животными переселенными на Канарскіе острова или въ Новую Зеландію вытѣсняются туземныя породы. Вслѣдъ затѣмъ статья продолжаетъ: „старыя безсильныя породы вымираютъ, а новыя свѣжія появляются на ихъ мѣсто.“

Вотъ какъ поступаютъ рижскіе политики! Даже домашнихъ животныхъ на Канарскихъ островахъ умѣютъ они превращать въ революціонныя стихіи опасныя остзейскимъ порядкамъ.

То же самое оказывается относительно двухъ другихъ мѣстъ. На стр. 75 и 76 латышской газеты напечатана статейка о шинкахъ, о невозможности совершенно устранить ихъ и слѣдовательно о необходимости сколько-нибудь облагородить ихъ.

Четвертое мѣсто находится на стр. 40: это сатирическая замѣтка объ одномъ стихотворцѣ, пасторѣ Гротѣ, который наводняетъ маленькую и скудную латышскую литературу плохими виршами. Въ этомъ нашли поруганіе лютеранскаго духовенства!

Вотъ до какихъ размѣровъ можетъ доходить растяжимость совѣсти и іезуитскій образъ дѣйствій! Вотъ въ силу какихъ обвинительныхъ пунктовъ газета г. Вольдемара подверглась стѣсненіямъ и должна была прекратиться!

№ 247.

Москва, 10-го ноября.

Во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты помѣщено присланное намъ изъ главнаго управленія по дѣламъ печати замѣчанія касательно сообщенныхъ нами, въ № 241, свѣдѣній о дѣлѣ г. Бесбардиса. Въ силу ст. 27, разд. II Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля мнѣнія государственнаго совѣта, мы не были въ правѣ, въ томъ же самомъ нумерѣ, представлять наши объясненія по этому предмету. Представляемъ ихъ теперь, на что мы имѣемъ право, и къ чему мы обязаны

Дѣло г. Бесбардиса было уже давно извѣстно намъ. Но мы заговорили о немъ не прежде какъ имя г. Бесбардиса появилось въ иностранныхъ газетахъ съ комментаріями и сужденіями прибалтійскихъ корреспондентовъ, которые изъявляли чувство непритворнаго удовольствія по случаю участи постигшей противника тому, что они

называютъ германскимъ дѣломъ въ этихъ провинціяхъ. Впервые было упомянуто нами о г. Бесбардисѣ, въ № 226, въ слѣдующихъ краткихъ, но весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ: „Онъ провинился уча„стіемъ въ составленіи вѣрноподданниче„скаго адреса, который Латыши въ Лиф„ляндской губерніи намѣревались подать „отъ себя въ 1863 году, и въ которомъ „они свидѣтельствовали о своей преданно„сти русскому отечеству и жаловались на „свое бѣдственное положеніе.“ Затѣмъ, въ № 236, мы поспѣшили сообщить дошедшее до насъ свѣдѣніе о его освобожденіи отъ полицейскаго надзора. Наконецъ, узнавъ, что это послѣднее свѣдѣніе не совсѣмъ точно, мы сочли себя обязанными поправить его, и при этомъ случаѣ припомнили самое дѣло.

Мы не только произносили сужденіе, сколько заявляли фактъ. Фактъ же состоитъ именно въ томъ, что было вкратцѣ нами разказано, безъ всякой утайки чего-либо существеннаго. Мы ограничились самымъ общимъ очеркомъ дѣла, не входя въ подробности, которыя могли бы представить въ томъ или другомъ свѣтѣ дѣйствіе г. Бесбардиса, имѣвшее столь печальный для него исходъ. Намъ остается теперь еще разъ возвратиться къ этому дѣлу, и воспроизвести его со всѣми извѣстными намъ подробностями, дабы не могло казаться, что мы утаили что-либо характеристическое и тѣмъ дали нашему извѣстію „неправильное основаніе.“ Сначала нѣсколько подробностей о самой личности г. Бесбардиса.

Онъ уроженецъ Лифляндской губерніи, родился въ 1806 году, получилъ весьма солидное ученое образованіе, кончивъ университетскій курсъ въ Дерптѣ по богословскому факультету, и сверхъ того занимавшись въ томъ же университетѣ по части математики и астрономіи. Онъ имѣетъ знакъ безпорочной службы, состоявъ долгое время преподавателемъ математики, законоучителемъ, наконецъ инспекторомъ того же училища въ городѣ Феллинѣ. Высланъ онъ изъ Лифляндской губерніи, какъ мы писали, за составленіе вѣрноподданническаго адреса отъ имени Латышей, въ 1863 году, именно въ то самое время, когда, какъ мы выразились, „со всѣхъ концовъ Рос„сіи, отъ всѣхъ элементовъ ея громаднаго „населенія неслись безпрепятственно къ под„ножію престола изъявленія вѣрности Госу„дарю и преданности отечеству.“ Текстъ всеподданнѣйшаго письма, писаннаго г. Бесбардисомъ, находится у насъ передъ глазами. Мы не вправѣ публиковать его, но считаемъ должнымъ, для правильной характеристики дѣла, коснуться его содержанія. Общій тонъ и основное содержаніе этого документа совершенно соотвѣтствовали тогдашнимъ обстоятельствамъ; въ немъ выражалось тоже самое чувство, которое слышалось повсюду, въ самыхъ разнообразныхъ заявленіяхъ, отъ всѣхъ сословій, организованныхъ и неорганизованныхъ, отъ людей всѣхъ вѣроисповѣданій, признанныхъ или только терпимыхъ. Это общее всѣмъ чувство не могло не получить у Латышей своеобразнаго выраженія. Упоминая о послѣдовавшемъ въ то время заявленіи вѣрноподданническихъ чувствъ со стороны дворянства края, Латыши считали своимъ долгомъ подать голосъ и отъ себя, опасаясь, какъ значится въ проектѣ ихъ адреса, чтобы нѣкоторыя особенности ихъ положенія не подали повода заподозрить ихъ въ равнодушіи къ дѣлу великаго ихъ отечества. Посреди обстоятельствъ вызывавшихъ спасительное чувство ненарушимаго единства всѣхъ частей и элементовъ Русскаго государства, имъ казалось и неумѣстнымъ, и прискорбнымъ все, что въ заявленіяхъ ихъ края могло бы напоминать о какомъ-либо отчужденіи его отъ Россіи. Одушевлявшее ихъ чувство побуждало ихъ выразить желаніе, чтобы между ихъ краемъ и Россіей не было никакихъ преградъ, чтобъ они ничѣмъ не отдѣлялись отъ корренныхъ русскихъ подданныхъ и чтобы имъ (говоря ихъ собственными словами) дано было слиться въ одну семью съ великимъ Русскимъ народомъ. Въ этомъ хотѣли они видѣть свою судьбу и свое призваніе. Они свидѣтельствовали, что никакія приманки или угрозы праздныхъ честолюбцевъ не обольстятъ ихъ, что всѣ надежды ихъ почіютъ на помазанникахъ Божіихъ, и что они съумѣютъ быть честными и твердыми въ той клятвѣ, которая соединяетъ ихъ съ Государемъ Россіи.

Вотъ тѣ характеристическія особенности, которыми отличается проектъ всеподданнѣйшаго письма, составленный г. Бесбардисомъ. Письмо это, по причинамъ, въ оцѣнку которыхъ мы не входимъ, не могло быть принято властями губерніи. Но подписавшія его лица пытались было обойдти мѣстныя власти и препроводить свое

письмо прямо въ министерство. Путь этотъ былъ неправильный, и адресу ихъ не было дано хода. Вслѣдъ затѣмъ составитель его г. Бесбардисъ былъ высланъ, какъ и сообщалось нами, подъ надзоръ полиціи, сначала въ Боровскій уѣздъ Калужской губерніи, а потомъ Московской губерніи въ Клинскій уѣздъ, гдѣ и остается съ тѣхъ поръ, не имѣя права перемѣнять по произволу мѣсто своего пребыванія.

Не наше дѣло взвѣшивать провинность г. Бесбардиса или оправдывать его: Еще менѣе склонны мы винить кого-либо въ постигшей его участи, или разыскивать въ ней чью-либо несправедливость. Весь интересъ заключается въ самомъ фактѣ, который объясняется особыми мѣстными обстоятельствами родины и племени г. Бесбардиса. Съ нашей стороны было бы уклоненіемъ отъ нашей обязанности утаивать то, что намъ стало извѣстно о дѣлѣ имѣющемъ еще болѣе общественное нежели личное значеніе, или неспособствовать разъясненію его тѣми свѣдѣніями, которыя находятся въ нашихъ рукахъ и въ достовѣрности которыхъ мы не имѣемъ основанія сомнѣваться. Если въ нашемъ извѣстіи есть дѣйствительно какое-либо противорѣчіе, то оно внесено въ него не нами, а обстоятельствами самаго факта.

№ 248.

Москва, 11-го ноября.

Сопровождаемъ помѣщаемую сегодня полугодичную сводную таблицу счетовъ государственнаго банка нѣсколькими общими замѣчаніями, служащими продолженіемъ того, что было сказано въ № 244 прошлаго и № 98 текущаго года о счетахъ банка за предыдущее время.

Уже не разъ случалось намъ вести рѣчь о томъ, что размѣнный фондъ состоитъ у насъ не изъ однихъ металловъ въ монетѣ и слиткахъ, но также изъ публичныхъ фондовъ, которые хотя и числятся въ размѣнномъ фондѣ, но для размѣна употребляемы быть не могутъ. Эта послѣдняя, такъ-сказать номинальная часть фонда должна быть отличаема отъ его металлической части. Затѣмъ и въ фондѣ собственно металлическомъ слѣдуетъ различать двѣ составныя части: государственный металлическій фондъ, составляющій обезпеченіе кредитныхъ билетовъ, и металлическій фондъ, принадлежащій государственному банку и поступающій по его оборотамъ. Первую изъ этихъ двухъ частей можно назвать металлическимъ размѣннымъ фондомъ, такъ какъ она предназначена для размѣна кредитныхъ билетовъ, вторую — металлическимъ банковымъ фондомъ.

Законный порядокъ по отношенію къ металлическому фонду состоитъ въ слѣдующемъ. Банковый металлическій фондъ есть основаніе для производимой государственнымъ банкомъ торговли драгоцѣнными металлами; онъ можетъ уменьшаться или увеличиваться смотря по оборотамъ банка и сообразно усмотрѣнію его правленія, которое имѣетъ тутъ полную свободу; оно можетъ держать въ своихъ кладовыхъ значительныя массы золота и серебра, но можетъ и не держать ни одного золотника. Другое дѣло — металлическій размѣнный фондъ: онъ предназначенъ исключительно для размѣна кредитныхъ билетовъ, а потому при закрытіи размѣна долженъ оставаться неприкосновеннымъ; съ другой стороны, по прекращеніи выпуска кредитныхъ билетовъ на покрытіе расходовъ восточной войны, кредитные билеты уже не должны быть выпускаемы въ обращеніе иначе какъ по внесеніи соотвѣтственнаго количества звонкой монеты въ размѣнный металлическій фондъ. Таковъ законный порядокъ, но отъ него возможны разныя отступленія. Въ чемъ же состояли и въ чемъ могли состоять эти отступленія?

Они могли имѣть слѣдующіе четыре вида:

1. Хотя размѣнъ прекращенъ для публики, но кредитные билеты могутъ быть представляемы къ размѣну отъ государственной казны. Банкъ выдаетъ подъ нихъ звонкую монету, а ихъ предаетъ уничтоженію. Въ этомъ случаѣ размѣнный металлическій фондъ уменьшается, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и количество обращающихся кредитныхъ билетовъ, а потому этотъ видъ отступленій отъ правильнаго порядка можетъ быть названъ наименѣе неправильнымъ. Онъ не только не сопряженъ съ новымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, но напротивъ ведетъ къ сокращенію ихъ количества.

2. Хотя размѣнный металлическій фондъ предназначенъ исключительно для размѣна кредитныхъ билетовъ, но онъ можетъ быть отвлекаемъ отъ этого назначенія, и государственное казначейство можетъ брать

изъ него звонкую монету взаймы, то-есть платя за нее не какъ сказано выше кредитными билетами (подлежащими въ этомъ случаѣ уничтоженію), а обязательствами, или росписками. При этомъ способѣ размѣнный металлическій фондъ уменьшается безъ соотвѣтственнаго уменьшенія въ количествѣ обращающихся кредитныхъ билетовъ, но уменьшеніе размѣннаго фонда не сопряжено по крайней мѣрѣ съ новыми выпусками кредитныхъ билетовъ.

3. Возможенъ еще слѣдующій случай: по строгому закону для выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ необходимо внести въ металлическій размѣнный фондъ соотвѣтствующую сумму звонкой монеты, но какъ скоро входитъ въ обычай замѣнять звонкую монету размѣннаго фонда росписками или обязательствами, числящимися за звонкую монету, то этимъ обычаемъ можно воспользоваться для того чтобы выпускать новые кредитные билеты не подъ звонкую монету, а подъ обязательства или росписки, ее замѣняющія. Положимъ, что предполагается выпустить 12 милліоновъ кредитныхъ билетовъ; по строгому закону необходимо внести въ размѣнный металлическій фондъ 12 милліоновъ звонкой монеты, но при изложенномъ сейчасъ льготномъ взглядѣ, можно внести въ размѣнный фондъ не звонкую монету, а обязательство и подъ это обязательство выпустить 12 милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Въ этомъ случаѣ размѣнный *металлическій* фондъ не увеличился бы ни однимъ золотникомъ металла, а къ денежному обращенію прибавилось бы 12 милліоновъ кредитныхъ билетовъ.

4. Вмѣсто обязательства, упомянутаго въ предыдущихъ двухъ пунктахъ, могутъ быть внесены въ размѣнный фондъ бумаги, имѣющія обращеніе на биржѣ, съ тѣмъ чтобы подъ эти бумаги либо взять изъ размѣннаго фонда золото какъ въ пунктѣ 2, либо выпустить новые кредитные билеты какъ въ пунктѣ 3.

При каждомъ изъ этихъ четырехъ способовъ уменьшается процентное отношеніе размѣннаго металлическаго къ количеству обращающихся въ публикѣ кредитныхъ билетовъ, и каждый разъ когда это процентное отношеніе у насъ уменьшалось, причиной тому бывало допущеніе одного изъ этихъ четырехъ способовъ. Въ текущемъ году, по счастію, ни одинъ изъ этихъ четырехъ способовъ не былъ въ употребленіи, и мы можемъ говорить о нихъ какъ о дѣлѣ минувшемъ.

Изъ отчета государственнаго банка за 1864 годъ, на дняхъ обнародованнаго*), видно, что къ январю текущаго года въ размѣнномъ фондѣ было:

Золота	48.088.235 р. 15 к.
Серебра.	7.332.777 „ 80 „
4% процентныхъ металлическихъ билетовъ.	3 720.000 „ „ „
Обязательства государственнаго казначейства	24.000.000 „ „ „
Итого . . .	83.141.012 р. 95 к.

Составныя части этого фонда имѣютъ различное значеніе. Собственно-металлическою его частью могутъ быть признаны лишь 55.421.012. р. 95 к. Въ меньшей степени характеръ металлическаго размѣннаго фонда имѣютъ 3.720.000 р. металлическихъ билетовъ государственнаго банка. Что же касается до 24.000.000 р. обязательствъ государственнаго казначейства, то изъ объяснительной записки къ смѣтѣ государственнаго кредита на 1865 годъ**) видно что по этимъ обязательствамъ не назначено теченія процентовъ, а потому они вовсе не могутъ быть признаны за цѣнность, подлежащую реализаціи, и слѣдовательно сами по себѣ не могутъ служить ни въ какой мѣрѣ обезпеченіемъ размѣна.

Таково было положеніе размѣннаго фонда къ 1-му января текущаго года. Посмотримъ же какія въ немъ произошли перемѣны по 1-е ноября. Такъ какъ въ ежемѣсячныхъ балансахъ банка металлическія билеты, лежащіе въ размѣнномъ фондѣ, показываются вмѣстѣ съ обязательствами государственнаго казначейства, то и мы лишены возможности показать ихъ отдѣльно и принуждены обозначить ихъ общимъ именемъ публичныхъ фондовъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ означены по этому три составныя части различнаго фонда:

1) Метталическій размѣнный фондъ, служащій дѣйствительнымъ обезпеченіемъ размѣнности кредитныхъ билетовъ.

2) Публичные фонды, служащіе обезпеченіемъ размѣна болѣе или менѣе номинальнымъ.

3) Банковый металлическій фондъ, не имѣющій, какъ сказано выше, ничего об-

*) Онъ будетъ напечатанъ въ ближайшемъ нумерѣ *Воскресныхъ Прибавленій* къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*.

**) Сборникъ свѣдѣній по министерству финансовъ за 1865 г. № 1, стр. 28.

щаго съ кредитными билетами и служащій банку основаніемъ для его операцій по торговлѣ драгоцѣнными металлами.

	Металлическій размѣнный фондъ.	Публичные фонды.	Металлическій банковый фондъ.
Январь . .	55.421.012	27.720.000	672.075
Февраль . .	55.731.603	27.720.000	1.936.326
Мартъ. . .	56.109.460	27.720.000	—
Апрѣль . .	55.322.214	27.720.000	372.021
Май. . . .	55.250.267	27.720.000	882.892
Іюнь . . .	54.980.684	27.720.000	782.672
Іюль . . .	54.899.743	27.720.000	859.035
Августъ . .	54.882.423	27.720.000	1.016.669
Сентябрь . .	54.792.060	26.370.000	1.369.404
Октябрь . .	55.941.304	25.122.000	842.037
Ноябрь . . .	56.500.401	24.822.000	434.866

Взглянемъ теперь на кредитные билеты. Здѣсь надобно различать общее количество кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ обращеніе и то ихъ количество, которое не покрыто металлическою частью размѣннаго фонда. Разсматривая съ этой точки зрѣнія ежемѣсячные счеты государственнаго банка, мы находимъ слѣдующія цифры:

	Выпущено кредитныхъ билетовъ въ обращеніе.	Не покрыто металлическою частью размѣннаго фонда.
Январь . .	651.124.599	595.703.587
Февраль . .	651.435.190	595.703.587
Мартъ. . .	651.428.206	595.318.746
Апрѣль . .	651.026.801	595.703.587
Май. . . .	650.953.854	595.703.587
Іюнь . . .	650.684.270	595.703.587
Іюль . . .	650.528.329	595.628.587
Августъ . .	650.511.009	595.628.587
Сентябрь . .	649.070.646	594.278.587
Октябрь . .	648.971.890	593.030.587
Ноябрь . . .	649.230.988	591.730.587

Читатели видятъ, что обѣ эти таблицы свидѣтельствуютъ о благопріятномъ ходѣ дѣлъ. Металлическій размѣнный фондъ за послѣдніе десять мѣсяцевъ увеличился съ 55.421.012 р. до 56.500.401 р., то-есть возросъ на 1.079.389 р. Публичные фонды, числящіеся въ размѣнномъ фондѣ, какъ сказано выше, болѣе или менѣе номинально, уменьшились съ 27.720.000 р. до 24.822.000 р., т.-е. на 2.898.000 р. Количество кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ обращеніе съ 651.124.599 р. понизилось до 649.230.988 р., т.-е. уменьшилось на 1.893.611 р. Наконецъ количество кредитныхъ билетовъ не покрытыхъ металлическою частью размѣннаго фонда убавилось съ 595.703.587 р. до 591.730.387 р., то-есть уменьшилось на значительную сумму 3.973.000 р., и между тѣмъ какъ въ началѣ нынѣшняго года на 1 р. металлической части размѣннаго фонда приходилось около 10 р. 74 к. непокрытыхъ кредитныхъ билетовъ, теперь ихъ приходится только 10 р. 47 к.

Эти благопріятные результаты объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что вслѣдствіе выпуска серій и лотерейнаго займа, государственное казначейство имѣло возможность предоставить государственному банку нѣкоторую свободу движенія, не обращая его операцій въ свои финансовые способы. Но наряду съ этою благопріятною стороной дѣла, нельзя указать и на другую его сторону. Мы видѣли, что количество кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ обращеніе уменьшилось въ продолженіе текущаго года на 1.893.611 р. Отсюда нельзя однакоже заключать, чтобы на денежномъ рынкѣ было 1-го ноября меньше кредитныхъ билетовъ чѣмъ 1-го января. Цифра, означающая въ пассивѣ банка количество кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ обращеніе, заключаетъ въ себѣ и тѣ билеты, которые находятся въ кассахъ банка и его конторъ. Такъ напримѣръ, по отчетамъ банка значится, что къ 1-му января состояло кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ обращеніи 651.124.599 р. *), но изъ этого числа въ одной главной кассѣ банка, не считая кассъ конторъ и отдѣленій банка, лежало тогда безъ движенія 11.621.511 руб. Еще благопріятнѣе было состояніе кассы къ 1-му марта: кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, числилось тогда 651.428.206 р., а въ главной кассѣ банка находилось 25.937.610 р. Слѣдовательно въ дѣйствительномъ народномъ обращеніи и во всѣхъ кассахъ банка, кромѣ главной, было къ 1-му января 639.503.088 р., а къ 1-му марта 625.490.516 руб. Къ 1-му же ноября, хотя общее количество выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ и уменьшилось до 649.230.988 р., но такъ какъ изъ этого количества въ главной кассѣ банка состояло только 7.485.154 руб., то въ дѣйствительномъ народномъ обращеніи и во всѣхъ кассахъ банка, кромѣ главной, было тогда 641.745.834 р., кредитныхъ билетовъ, то-есть на 2.242.746 р., больше чѣмъ къ 1-му января и на 16.255.318 руб. больше чѣмъ къ 1-му марта.

Вотъ причина, почему вексельный курсъ, твердый въ первой половинѣ года, во второй половинѣ его началъ колебаться.

---

*) См. *Москов. Вѣдом.* № 98.

№ 249.

Москва, 12-го ноября.

Намъ пріятно довести до общаго свѣдѣнія, что *Рижская Газета* начинаетъ допускать обстоятельства, уменьшающія мѣру вины, приписываемой ею г. Вольдемару. Она указываетъ теперь, что повидимому агенты г. Вольдемара превысили данныя имъ инструкціи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то опасеніе, которое, по словамъ *Рижской Газеты*, не дозволило мѣстнымъ лютеранскимъ пасторамъ исполнить извѣстную просьбу г. Вольдемара—именно опасеніе, что они своими убѣжденіями не только не удержали бы никого отъ переселенія, но могли бы произвести совершенно противоположное дѣйствіе. Это опасеніе представляетъ взаимныя отношенія между пасторами и латышскими прихожанами ихъ въ свѣтѣ не очень-то благопріятномъ, но едва ли оно оправдываетъ пасторовъ, утаившихъ предостереженіе г. Вольдемара. Развѣ отвѣчали бы они передъ прихожанами, или передъ своею совѣстью, еслибъ объявленное ими предостереженіе не произвело полезнаго дѣйствія или имѣло даже послѣдствія противныя ихъ ожиданію? Кто не призналъ бы тогда, что они честно исполнили свою обязанность? Теперь дѣло имѣетъ иной видъ. Они опасались, что, сообщая прихожанамъ письмо г. Вольдемара, усилятъ въ нихъ манію къ переселенію: ну, а что, если ихъ опасенія были преувеличены или совсѣмъ невѣрны? Прихожане, невѣрящіе слову пастора, говоримому съ церковной каѳедры, можетъ-быть повѣрили бы собственноручному письму г. Вольдемара или хоть почтовому штемпелю на конвертѣ. Они можетъ-быть повременили бы ѣхать изъ Курляндіи; они списались бы съ г. Вольдемаромъ, или послали бы къ нему нѣсколько человѣкъ изъ своей среды для развѣдокъ. Здравый смыслъ говоритъ, что все это очень возможно, и почтенные пасторы, которые сочли возможное невозможнымъ, сами подали поводъ къ предположеніямъ, конечно, ошибочнымъ, будто попеченіе о душахъ бѣдныхъ Латышей приняло на этотъ разъ оригинальный видъ желанія чтобъ они раззорились до тла—для доставленія торжества нѣмецкому дѣлу. Было бы очень желательно, чтобы *Рижская Газета* постаралась разсѣять эти предположенія, перенеся на нихъ то вниманіе, которое она до сихъ поръ посвящала обвиненіямъ, взводимымъ на г. Вольдемара. Гораздо лучше защищать чѣмъ нападать.

Ревельская Газета, въ свою очередь, также являетъ доказательство умѣренности и разума. Она соглашается, что не имѣла основанія ссылаться на капитуляціи, говоря вообще о трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, такъ какъ изъ нихъ Курляндская губернія нисколько не подходитъ подъ капитуляціи. Но доводы *Ревельской Газеты*, будто капитуляціи, заключенныя дворянствомъ и нѣкоторыми городами, распространяются, по крайней мѣрѣ, на всю Эстляндію и Лифляндію за исключеніемъ городовъ, заключавшихъ особыя условія, едва ли могутъ быть признаны убѣдительными. Выраженіе *Ritterschaft und Landschaft* никоимъ образомъ не можетъ обозначать и города Эстляндской и Лифляндской губерній; Ништадтскій же миръ состоялся не между Россіей, съ одной стороны, Лифляндіей и Эстляндіей, съ другой, а между Россіей и Швеціей, которая хотѣла оставить за собой до нѣкоторой степени протекторатъ надъ провинціями, отошедшими отъ нея къ Россіи. Но дальнѣйшая исторія совершенно упразднила подобное намѣреніе, и, какъ намъ кажется, русскіе подданные не могутъ выводить никакихъ для себя правъ изъ этого международнаго акта, не ставя себя въ самое фальшивое положеніе. Впрочемъ, нѣтъ никакой надобности толковать и взвѣшивать каждое слово употребленное въ тѣхъ или другихъ правительственныхъ актахъ, когда во всѣхъ нихъ или прямо сдѣлана, или сама собою подразумѣвается оговорка въ пользу правъ верховной власти,—оговорка, значеніе и сила которой признаются *Ревельскою Газетой*. Итакъ, весь вопросъ только въ томъ, требуютъ ли интересы Имперіи вообще и прибалтійскаго края въ особенности, чтобы русскій языкъ былъ тамъ признанъ языкомъ офиціальнымъ наравнѣ съ языкомъ нѣмецкимъ, или же нѣтъ. По нашему мнѣнію, настоятельность этого требованія такъ велика, что исполненіе его едва ли можетъ быть отлагаемо. Русскій языкъ, по самому принципу, не можетъ быть языкомъ безправнымъ гдѣ бы то ни было въ предѣлахъ Русской Имперіи, и особенно тамъ, гдѣ проживаютъ въ довольно-значительномъ

числѣ русскіе подданные, не обязанные знать никакого другаго языка. Вопервыхъ, повторяемъ это въ сотый разъ, изгнаніе русскаго языка изъ офиціяльнаго употребленія въ предѣлахъ Русской Имперіи никакъ не можетъ не быть оскорбительно для русскаго народнаго чувства. Вовторыхъ, оно очевиднымъ образомъ вредитъ матеріяльнымъ и нравственнымъ интересамъ мѣстныхъ жителей русскаго происхожденія. Втретьихъ, оно препятствуетъ успѣхамъ русскаго языка въ мѣстномъ инородческомъ населеніи, какъ нѣмецкаго, такъ и латышскаго и эстонскаго происхожденія. Съ какой стати Латыши или Эстонцы станутъ изучать и усвоивать себѣ русскій языкъ; котораго знать не хотятъ мѣстныя власти? Какую пользу могъ-бы принести имъ русскій языкъ при исключительномъ господствѣ языка нѣмецкаго во всѣхъ офиціяльныхъ сферахъ тамошняго края? Не очевидно ли, что продолжая поддерживать исключительно офиціяльное значеніе языка нѣмецкаго, русское правительство само содѣйствовало бы германизаціи Латышей и Эстонцевъ? Г. Егоръ фонъ-Сиверсъ, въ брошюркѣ, о которой мы не разъ упоминали, старается доказать, что германизація Латышей и Эстонцевъ происходитъ сама собою, безъ малѣйшаго принужденія, въ силу только высшаго образованія, которое принадлежитъ мѣстному нѣмецкому элементу. Мы не споримъ, что это высшее образованіе и высшее общественное положеніе нѣмецкаго элемента должно оказывать сильное притягательное вліяніе на Латышей и Эстонцевъ; но должно ли и само русское правительство, отъ себя еще и своими средствами, содѣйствовать этой германизаціи Латышей и Эстонцевъ? Должно ли оно поддерживать такой порядокъ вещей, при которомъ и коренные Русскіе, проживающіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ, принуждены волею и неволею онѣмечиваться, такъ что по горделивому свидѣтельству г. Егора фонъ-Сиверса, одинъ будто бы почтенный русскій ученый еще недавно могъ объявить русскій языкъ мертвымъ языкомъ въ Лифляндіи? Въ интересахъ ли Россіи и русскаго правительства, чтобы прибалтійскія губерніи, примыкающія прямо къ Германіи, стали по языку совершенно нѣмецкою землей? Если уже и безъ того высшее образованіе и высшее общественное положеніе нѣмецкаго элемента въ прибалтійскихъ губерніяхъ должно содѣйствовать германизаціи всего тамошняго населенія, то по крайней мѣрѣ, русскому правительству нѣтъ ни малѣйшей надобности содѣйствовать тѣмъ же самымъ результатамъ, которые, рано или поздно, въ нашъ вѣкъ политики національностей, могутъ принести весьма горькіе плоды.

Ревельская Газета возвращается, между прочимъ, къ приведеннымъ ею прежде примѣрамъ и считаетъ ихъ совершенно подходящими къ дѣлу. Но, прежде всего, относительно Джерсея и Гернсея она должна была бы привести доказательства, что тамъ во всей администраціи и въ судахъ точно также нераздѣльно господствуетъ языкъ французскій, какъ въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ языкъ нѣмецкій, и что Англичанинъ, обращающійся къ мѣстнымъ властямъ на языкѣ своего государства принужденъ выслушивать такія же отъ нихъ любезности, какъ наши Русскіе отъ членовъ рижскаго магистрата. Дѣло въ томъ, что эти такъ-называемые Норманскіе острова, населены людьми французскаго происхожденія, но англійскій языкъ знакомъ тамъ каждому, какъ свой природный. Что же касается до Мальты и Гельголанда, то они находятся, вопреки мнѣнію *Ревельской Газеты*, на положеніи англійскихъ колоній, и вовсе не составляютъ такихъ же частей Соединеннаго Королевства какъ прибалтійскія губерніи относительно Россіи. Жителямъ Гельголанда, которыхъ считается всего около 4.000, предоставлена между прочимъ, свобода отъ податей, и само собою разумѣется, отъ воинной службы. Далѣе Гельголандъ и Мальта—не только отдаленныя владѣнія Англіи, но они разобщены и со всѣмъ остальнымъ міромъ. Какой бы языкъ ни признавался на этихъ островахъ языкомъ офиціяльнымъ, никакихъ политическихъ послѣдствій отъ этого не можетъ произойдти, между тѣмъ какъ окончательная германизація нашихъ прибалтійскихъ губерній можетъ со временемъ отозваться и на политическомъ ихъ положеніи. Какъ на Мальтѣ, такъ и на Гельголандѣ живетъ народонаселеніе однородное, не такъ какъ въ балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ нѣмецкій элементъ представляетъ собой въ численномъ отношеніи ничтожное меньшинство. Ни Мальта, ни Гельголандъ не состоятъ въ непосредственномъ общеніи съ Англіей, между тѣмъ какъ для Россіи было бы желательно, чтобы прибалтійскія губерніи

принимали дѣятельное участіе въ общей ея жизни. Недавно въ той же *Ревельской Газетѣ* профессоръ Кіевскаго университета, г. Вальтеръ, самъ уроженецъ Ревеля, указывалъ, какъ мало пользы приносятъ прибалтійскіе ученые, занимающіе каѳедры въ русскихъ университетахъ, вслѣдствіе только незнанія ими русскаго языка. Не было ли бы желательно, чтобъ уроженцы этихъ губерній смолоду старались вполнѣ овладѣть русскимъ языкомъ; Признаніе русскаго языка языкомъ офиціяльнымъ, наравнѣ съ нѣмецкимъ, всего лучше содѣйствовало бы этой цѣли. Вотъ сколько различныхъ соображеній говорятъ въ пользу этой мѣры, которая требуется и справедливостью и политикой.

Ревельская Газета слишкомъ умаляетъ значеніе вопроса о признаніи русскаго языка офиціяльнымъ наравнѣ съ нѣмецкимъ. Полагая, Богъ вѣсть, почему, что двойственность офиціяльнаго языка не совмѣстима съ природой и порядкомъ судебной и общинной дѣятельности, она спрашиваетъ: „Что лучше и желательнѣе для Россіи? то ли, чтобы правосудіе и управленіе велись совершенно удовлетворительно, хотя бы и на чужомъ языкѣ, или же то, чтобы прежде всего была удовлетворена національная щекотливость?“ Но мы не видимъ, почему бы правосудіе и управленіе могли потерпѣть отъ введенія русскаго языка въ офиціяльное употребленіе; что же касается національной щекотливости, то въ столь справедливомъ и важномъ пунктѣ она заслуживаетъ полнаго вниманія.

Ревельская Газета опасается, что изученіе русскаго языка, какого потребуетъ признаніе его равноправности, могло бы только отвлечь силы и отнять время отъ другихъ высшихъ цѣлей образованія. Но русскій языкъ уже преподается въ прибалтійскихъ школахъ; надобно только, чтобъ онъ преподавался успѣшно. Мы полагаемъ, что русскій языкъ могъ бы въ прибалтійскихъ школахъ до нѣкоторой степени служить не только предметомъ, но и органомъ преподаванія, что дало бы возможность сократить учебное время посвящаемое на уроки русскаго языка. Для того чтобы безъ всякаго ущерба для общаго образованія распространить знаніе русскаго языка, самое лучшее средство дать русскому языку подобающее ему значеніе: коль скоро съ знаніемъ его будетъ соединяться практическій интересъ, то легко окажутся средства усвоивать его дѣтямъ съ малыхъ лѣтъ. Именно въ интересахъ общаго образованія, которое можетъ понести ущербъ отъ излишняго умноженія числа уроковъ русскаго языка въ гимназіяхъ—требуется сообщить ему такой интересъ, чтобъ онъ усвоивался болѣе или менѣе независимо отъ школы, а въ самой школѣ сдѣлать его органомъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ высшихъ классахъ. Такъ какъ прибалтійскимъ губерніямъ суждено составлять одно цѣлое съ Россіей и жить общею съ нею жизнію, то мѣстные жители нѣмецкаго языка, какъ намъ кажется, должны были бы примириться съ необходимостію знать русскій языкъ почти также какъ природный. Этого требуетъ отъ нихъ не только интересъ русскаго государства и русскаго народа, съ которымъ они составляютъ одно великое цѣлое, но и очевидная собственная ихъ польза, которая съ теченіемъ времени и съ успѣхами Россіи на всѣхъ поприщахъ общественной жизни будетъ становиться все ощутительнѣе. *Ревельская Газета* совершенно справедливо говоритъ, что мы принимаемъ къ сердцу благосостояніе прибалтійскихъ губерній также, какъ и всѣхъ другихъ частей Россіи, и вотъ почему мы особенно желали бы, чтобы признаніе равноправности русскаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ встрѣтило сочувствіе въ высшихъ классахъ мѣстнаго общества, которымъ мы желаемъ всего лучшаго и противъ которыхъ отнюдь не имѣемъ какихъ-либо недобрыхъ умысловъ.

№ 250.

Москва, 14-го ноября.

И изъ Закавказья стали появляться тѣ особаго рода публицисты, на какихъ съ нѣкоторыхъ поръ большой урожай по окраинамъ нашей имперіи. Одни и тѣ же пріемы, тотъ же тонъ, та же тактика. Нѣкто Г. Э. въ *С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* приписывалъ намъ изобрѣтеніе молодой Арменіи. Нѣкто г. Давидъ Мелковъ, имя котораго впрочемъ несовсѣмъ намъ безызвѣстно, прислалъ изъ Тифлиса исполненную противъ насъ негодованія статью, появившуюся въ другой петербургской газетѣ, *Голосѣ*. Наконецъ, въ самой

газетѣ *Кавказъ*, обыкновенно столь скромной и держащей себя, согласно своему офиціальному характеру, вдали отъ всякой полемики, напечатана статья за подписью г. Кипіани, тифлисскаго губернскаго предводителя дворянства,—статья имѣющая видъ какъ бы письма къ одному изъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, причемъ, какъ въ письмахъ водится, мѣстоимѣніе *вы* изображается чрезъ прописную букву.

Почтенный предводитель дворянства Тифлисской губерніи, какъ мы видимъ изъ этого адресованнаго къ намъ письма, провелъ лѣтнее время въ затишьи деревенскаго уединенія, куда не проникали отголоски шумной суеты общественныхъ вопросовъ и журнальныхъ толковъ. Только въ концѣ сентября узналъ г. Кипіани о статьѣ которая появилась въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отъ 15-го іюля и которая очень заинтересовала его. Г. Кипіани „собрался было тогда же взяться за перо, „чтобы сообщить путемъ печати искрен„нее спасибо“ намъ за эту статью; но къ несчастію, пока онъ собирался, пришелъ № 194-й *Московскихъ Вѣдомостей*, который измѣнилъ намѣреніе г. Кипіани и побудилъ его, вмѣсто благодарности, писать возраженія „чтобы возстановить истину, „такъ безпощадно оскорбленную корре„спондентами *Московскихъ Вѣдомостей*“ въ вышеозначенномъ нумерѣ.

Итакъ, въ одно и то же время мы получаемъ и пріятное извѣстіе касающееся нашей іюльской статьи, и непріятное касающееся сентябрьской,—узнаемъ и о не состоявшемся искреннемъ спасибо, и о подавившемъ его неудовольствіи.

Но, прежде всего, за что собирался благодарить насъ г. губернскій тифлисскій предводитель дворянства, путемъ печати? Статейка, напечатанная въ нумерѣ отъ 15-го іюля и имѣвшая счастіе понравиться г-ну Кипіани, не заключаетъ въ себѣ ровно ничего такого что могло бы вызвать предводителя тифлисскаго дворянства на публичное изъявленіе благодарности. Г. Кипіани видитъ въ этой статьѣ, говоря его словами, „честный, благородный и совер„шенно вѣрный отзывъ на нелѣпую статью „какого-то Ріо-Неми въ *Колоколѣ*.“ Стоило ли обращать серіозное вниманіе на нѣсколько словъ вызванныхъ нелѣпою статьей, напечатанною—гдѣ же?—въ *Колоколѣ!* Какой-то Ріо-Неми писалъ въ *Колоколѣ*, что въ Закавказскомъ краѣ возбужденъ принципъ національностей, что „грузинскій народъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникается идеей о своей національной независимости,“ и что „все что живетъ и мыслитъ, ударяется тамъ въ національнизмъ.“ Вотъ что писалъ нѣкто Ріо-Неми въ *Колоколѣ*. Но мы не помышляли возражать ему. Мало ли что пишется въ *Колоколѣ?* Развѣ мы считаемъ нужнымъ возвражать на то что тамъ пишется? Мы коснулись этого сказанія о грузинскомъ національнизмѣ только потому что видѣли въ немъ оттолосокъ той доктрины, которая давно уже пущена у насъ въ ходъ и уже успѣла произвести столько пагубныхъ дѣйствій. Еслибъ это была доктрина издателей *Колокола*, то о ней не стоило бы упоминать; но она служитъ серіознымъ политическимъ орудіемъ противъ Россіи, и она пріобрѣла было силу, съ которою приходится считаться. Вотъ что писали мы въ № 154 (отъ 15-го іюля):

„Итакъ вотъ до чего доходитъ дерзость той политической интриги, которая, пользуясь кризисомъ, переживаемымъ въ настоящее время Россіей, неутомимо работаетъ при дружномъ соучастіи ея враговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Недавно намъ приходилось объясняться съ *Рижскою Газетой* о причинахъ нѣкоторыхъ явленій сепаратизма, замѣчаемыхъ въ прибалтійскихъ провинціяхъ. Вопреки стараніямъ этой газеты локализировать эти причины въ „святыняхъ балтійскаго существованія,“ мы старались объяснить, что въ подобныхъ явленіяхъ виноваты не мѣстные условія, и что однѣ и тѣ же общія причины дѣйствуютъ во всѣхъ углахъ Россійской Имперіи, вызывая повсюду соотвѣтствующіе себѣ элементы. *Удостовѣренія, что Лифляндія и Кавказъ должны быть для русской націи чужестранными краями, не могутъ не производить своею дѣйствія, если есть хотя какой-нибудь поводъ считать эти удостовѣренія нелишенными значенія, если есть поводъ видѣть въ нихъ нѣчто болье чѣмъ эксцентрическое мнѣніе.* Политическая интрига заранѣе разчитала мѣста для своихъ дѣйствій, и она не могла не включать въ свою сѣть и грузинскія народонаселенія. Ея клевета не остановилась передъ этими народонаселеніями, связанными съ Россіей единствомъ вѣры, добровольнымъ присоединеніемъ, историческою необходимостію, си-

лою оружія, не поражавшаго, а ограждавшаго и спасавшаго ихъ, наконецъ вѣковою праздностію, благодаря которой грузинскій патріотизмъ *сталъ самымъ чистымъ русскимъ патріотизмомъ*. Возможно ли было бы возлагать отвѣтственность на эти народонаселенія, *еслибъ и въ самомъ дѣлѣ показались въ нихъ признаки умышленныхъ возбужденій, клонящихся къ безсмысленному и пагубному разобщенію между ими и русскимъ народомъ, съ которымъ, при нормальномъ ходѣ дѣлъ, не можетъ быть у нихъ и тѣни вопроса о твоемъ и моемъ*. Мы не вѣримъ показаніямъ автора статейки, напечатанной въ *Колоколѣ*, хотя онъ и обнаруживаетъ нѣкоторое знакомство съ мѣстными обстоятельствами; мы отвергаемъ ихъ какъ недостойную клевету на Грузію, давшую Россіи столько благородныхъ, украшающихъ ея исторію патріотовъ. Но мы не отрицаемъ, что на Кавказѣ могутъ дѣйствовать тѣ общія причины, о которыхъ мы говорили и которыхъ вся сила заключается не въ дѣйствительности, не въ жизни, а въ роковыхъ недоразумѣніяхъ, которыя отъ того не менѣе опасны".

Г. Кипіани хотѣлъ намъ выразить путемъ печати искреннее спасибо за эти строки. Что же ему понравилось въ нихъ? То ли что мы отрицали „принципъ національностей" въ закавказскихъ народонаселеніяхъ? Если г. Кипіани за это собирался благодарить насъ, то онъ можетъ сдѣлать это и теперь. Мы не измѣнились въ этомъ чувствѣ; мы и теперь думаемъ что думали тогда, и повторяемъ выписанные выше слова наши во всей ихъ силѣ. Да, мы убѣждены, что грузинскій патріотизмъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ чистымъ русскимъ патріотизмомъ, и что еслибы въ тамошнихъ народонаселеніяхъ показались признаки злоумышленныхъ возбужденій клонящихся къ безсмысленному и пагубному разобщенію ихъ съ русскимъ народомъ, то отвѣтственность за то должна падать не на нихъ, а на ту интригу, которая проповѣдуетъ, что Россія должна превратиться въ собраніе многихъ, чуждыхъ другъ другу національностей. Какъ тогда, такъ и теперь, мы думаемъ, что доктрина будто Лифляндія, Кавказъ и другія части Россійской имперіи должны быть для русскаго народа чужестранными краями, не можетъ не пропзводить своихъ зловредныхъ дѣйствій, особенно если это ученіе, вслѣдствіе недоразумѣній, можетъ быть выдаваемо за нашу правительственную систему. Какъ тогда, такъ и теперь, мы равномѣрно протестуемъ противъ всякихъ подобныхъ возбужденій, какъ бы съ виду ни казались они незначительными, невинными, даже благонамѣренными; мы знаемъ какими результатами разыгрываются они въ послѣдствія. Огнемъ не слѣдуетъ шутить, какъ бы малъ онъ ни казался. Отъ копѣечной свѣчки, говорятъ, сгорѣла Москва.

Итакъ, что мы чувствовали тогда, то чувствуемъ и теперь. Что говорили мы въ іюлѣ мѣсяцѣ, то самое диктовало наши строки и въ сентябрѣ, то самое повторяемъ мы и теперь. Отчего же г. Кипіани взялъ назадъ свое искреннее спасибо, и возымѣлъ противъ насъ неудовольствіе? Мы не признаемъ въ Закавказьи ни грузинскаго, ни армянскаго націонализма; мы считаемъ попытку возбудить тамъ стремленія, противныя полному и неразрывному единству ихъ съ русскимъ народомъ, злоумышленными; мы считаемъ попытки создать тамъ символы армянской или грузинской національности либо неразумѣемъ либо злонамѣренностью. Неизвѣстное лицо, писавшее въ *Колоколъ* о грузинскомъ націонализмѣ, которымъ будто бы проникнуты всѣ мыслящіе въ грузинскихъ народонаселеніяхъ люди, писало не съ тою цѣлію, чтобы компрометтировать этихъ людей, а затѣмъ чтобы похвастаться фактомъ неблагопріятнымъ для Россіи. Таинственный корреспондентъ *Колокола* не видитъ ничего дурнаго въ этомъ фактѣ; напротивъ, онъ радуется ему, и только совѣтуетъ закавказскимъ націоналистамъ погодить до поры до времени. Что фальшивыя возбужденія націонализма работаютъ надъ закавказскими обществами, въ этомъ не зачѣмъ сомнѣваться, когда мы видимъ, что подобныя возбужденія работаютъ повсюду. Намъ скажутъ, что какая-нибудь молодая Арменія не заслуживаетъ серіознаго вниманія, что это не болѣе какъ сбитая съ толку молодежь, которой тенденціи вовсе не соотвѣтствуютъ жизни и истинному чувству народонаселеній. Но и мы говоримъ то же самое; мы только жалѣемъ, что есть интрига и неразуміе, которыя сбиваютъ съ толку и молодежь, и не молодежь; мы только протестуемъ противъ тѣхъ фальшивыхъ символовъ, которые вносятъ смуту въ умы, клевещутъ на жизнь и готовятъ послѣд-

ствія, вредныя для общественнаго развитія, опасныя для государства, и во всякомъ случаѣ пагубныя для отдѣльныхъ людей.

Г. Кипіани протестуетъ противъ нашихъ корреспондентовъ, которые сообщили намъ извѣстія вызвавшія статью нашу въ № 194 *Московскихъ Вѣдомостей*. Наши корреспонденты могли ошибиться въ той или другой подробности; неточности бываютъ не только въ частныхъ корреспонденціяхъ, но и въ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ. Что же касается до общаго смысла ихъ извѣстій, то мы думаемъ, что они не ошибались и не вводили насъ въ заблужденіе. Въ чемъ заключается сущность нашей статьи возбудившей неудовольствіе г. Кипіани и заставившей его писать намъ возраженіе перомъ очиненнымъ для изъявленія намъ „искренняго спасибо?“ Сущность этой статьи состоитъ въ протестѣ противъ фальшивой системы основанной на возбужденіи національностей; сущность ея состоитъ въ томъ же самомъ что было высказано нами и въ тѣхъ строкахъ, которыя такъ понравились г-ну Кипіани. Согласно собственному его заявленію, мы имѣли бы полное право ждать отъ него выраженія сочувствія и за эту статью, и были бы благодарны ему еслибы, при изъявленіи сочувствія въ существенномъ и главномъ, онъ поправилъ неточности, которыя могли вкрасться въ извѣстія нашихъ корреспондентовъ.

Г. Кипіани пишетъ, что амкары не имѣли у себя ни перочиннаго ножичка во время безпорядковъ 27-го и 28-го іюня. Но почему г. Кипіани можетъ съ такою достовѣрностью знать, что ни у кого изъ множества людей толпившихся на улицахъ не было подъ одеждой ни перочиннаго ножичка? Утверждать это, и то не такъ абсолютно, можно было бы развѣ только на основаніи фактовъ окончательно обнаруженныхъ слѣдствіемъ. Но слѣдствіе еще только производится, а когда писали наши корреспонденты слѣдствіе еще только начиналось. Свѣдѣніе, которое они сообщали, не могло быть выдумано ими; что они писали, то говорили многіе. Сообщая этотъ слухъ, наши корреспонденты не придавали ему впрочемъ никакого особеннаго значенія. Г. Кипіани присовокупляетъ, что подобныя, но гораздо „мирнѣе оканчивавшіяся происшествія,“ случались и прежде. Но наши корреспонденты вовсе не утверждали, что подобныхъ происшествій не случалось прежде, или что прежде они оканчивались „мирнѣе.“ Наши корреспонденты сообщали, что хотя іюньскіе безпорядки въ Тифлисѣ и ознаменовались кровавыми событіями, однако въ самихъ народонаселеніяхъ не было мятежнаго духа, при всѣхъ стараніяхъ со стороны людей злонамѣренныхъ воспользоваться безпорядками въ своихъ видахъ. Далѣе, г. Кипіани пишетъ, что въ Кутаисской гимназіи не со стороны учениковъ, а со стороны одного изъ учителей вышла мысль о преподаваніи на грузинскомъ языкѣ. Но корреспонденты наши вовсе не думали возлагать отвѣтственность на мальчиковъ за подобное заявленіе. Мальчики сами по себѣ не могли бы ни въ какомъ случаѣ выдумать что-либо подобное; они могли бы развѣ повторить только то что вложили бы имъ въ уста ихъ преподаватели. Г. Кипіани далѣе удостовѣряетъ насъ, что между Поляками и закавказскими Армянами нѣтъ ничего общаго, и что именемъ Наполеона только двое изъ извѣстныхъ ему лицъ окрестили своихъ дѣтей. Что же касается до князя Воронцова, котораго г. Кипіани беретъ подъ свою защиту, то мы высказались совершенно достаточно по поводу недоразумѣній возбужденныхъ нашею статьей, и не имѣемъ надобности брать наши слова назадъ. Мы отдѣляемъ благородную личность князя Воронцова отъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, и отъ ошибочной системы, которая въ его рукахъ, благодаря его просвѣщенному уму и патріотизму, была менѣе опасна и вредна чѣмъ была бы въ другихъ. Г. Кипіани распространяется затѣмъ о Самурзаканской области, объясняя значеніе этого имени, о чемъ впрочемъ никогда не было спора. Онъ соглашается, что народъ въ этой области говоритъ либо вовсе чуждымъ грузинскому языкомъ, какъ абхазскій, либо вовсе разобщившимся съ нимъ, какъ мингрельскій; но почему-то г. Кипіани находитъ, что христіанская проповѣдь и богослуженіе все-таки должны совершаться тамъ на языкѣ грузинскомъ, который почему-то имѣетъ тамъ значеніе языка письменнаго, хотя о самурзаканской письменности или литературѣ что-то вовсе не было слышно до сихъ поръ. Наконецъ, нашъ почтенный возражатель сосредоточивается на главномъ пунктѣ своего возраженія, который касается лично его.

Въ статьѣ нашей было сказано, что предводитель дворянства Тифлисской губерніи именуетъ себя предводителемъ грузинскаго дворянства. Г. Кипіани замѣчаетъ, что онъ офиціально титулуетъ себя тифлисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, но что когда ему приходится говорить о самомъ дворянствѣ, которое онъ представляетъ, то онъ называетъ его *грузинскимъ*. Дѣлаетъ же это г. Кипіани потому, какъ надобно заключать изъ его объясненій, что дворяне, выбиравшіе его въ предводителя, суть всѣ происхожденія грузинскаго. Правда, къ дворянству Тифлисской губерніи приписалось нѣсколько фамилій коренаго русскаго происхожденія; правда, къ числу лицъ имѣющихъ дворянское достоинство въ Тифлисской губерніи, принадлежатъ мусульманскіе беки, агалары и члены ханскихъ фамилій; но такъ какъ въ выборахъ участвовали только лица грузинскаго происхожденія, то по этому самому г. тифлисскій губенскій предводитель дворянства, въ торжественныхъ случаяхъ, считаетъ своимъ долгомъ говорить только о грузинскомъ дворянствѣ, котораго онъ представитель. Впрочемъ, не будь даже и этой причины, г. Кипіани все-таки признаетъ „долгомъ своей совѣ„сти и требованіемъ личныхъ чувствова„ній заявлять при всякомъ удобномъ слу„чаѣ о существованіи грузинскаго дворян„ства". Къ этому побуждаетъ г-на Кипіани „существованіе въ западномъ воздухѣ „враждебныхъ существующему порядку „идей и теорій." Заявленіе о существованіи грузинскаго дворянства должно такимъ образомъ служить къ очищенію западнаго воздуха отъ враждебныхъ идей и теорій. Затѣмъ г. Кипіани исчисляетъ достоинства грузинскаго дворянства доказанныя имъ въ продолженіе 22-вѣковаго существованія, начиная еще со временъ до-христіанскихъ. Мы не будемъ повторять эту великолѣпную апологію. Но, къ искреннему нашему сожалѣнію, почтенный тифлисскій губернскій предводитель дворянства, въ этомъ сильномъ патетическомъ движеніи своей рѣчи, вдругъ поколебалъ силу своихъ предыдущихъ объясненій. Изъ предыдущихъ объясненій явствовало, что онъ только потому называетъ представляемое имъ дворянство грузинскимъ, что въ выборахъ участвовали лишь дворяне грузинскаго происхожденія. Будучи предводителемъ вообще тифлисскаго дворянства, г. Кипіани тѣмъ не менѣе называетъ представляемое имъ дворянство грузинскимъ, по племенному происхожденію лицъ участвовавшихъ въ выборахъ. Въ заключеніе же своей краснорѣчивой апологіи, онъ, въ числѣ лицъ принадлежащихъ къ грузинскому дворянству и ознаменовавшихъ себя государственными заслугами, поименовываетъ на половину такихъ, которые хотя можетъ-быть и принадлежатъ къ тифлисскому дворянству, но происхожденія вовсе не грузинскаго. Г. Кипіани оставляетъ насъ въ недоумѣніи какимъ образомъ въ число лицъ грузинскаго происхожденія попали Лорисъ-Меликовы, Меликовы, Аргутинскіе. Очевидно, что въ этомъ случаѣ г. Кипіани съ словами „грузинское дворянство" соединяетъ значеніе не племеннаго происхожденія лицъ, а чего-либо другаго.

Впрочемъ, иначе и быть не можетъ. Дворянство есть дворянство; дворянство есть политическая организація. Лица составляющія дворянство могутъ быть всякаго происхожденія, но національность самаго института опредѣляется тѣмъ государствомъ, къ которому оно принадлежитъ. Коль скоро грузинское царство, нѣкогда существовавшее и имѣвшее свою верховную власть и свое дворянство, прекратилось, и прекратилось самымъ лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ концовъ,—добровольнымъ и полнымъ присоединеніемъ къ другому государству,—то съ упраздненіемъ его верховной власти, упразднилось и его дворянство; на мѣсто прежде-бывшаго грузинскаго дворянства, явилось дворянство русское, получающее спеціальныя наименованія не по упраздненнымъ царствамъ, а по существующимъ административнымъ раздѣленіямъ. Какими бы похвальными побужденіями ни руководствовался почтенный тифлисскій губернскій предводитель дворянства, мы смѣемъ думать, что употребляемое имъ въ торжественныхъ случаяхъ выраженіе: *грузинское дворянство* есть выраженіе ошибочное, не правильное. Г. Кипіани съ сочувствіемъ читалъ наши строки, въ которыхъ свидѣтельствовалось о чисто-русскомъ патріотизмѣ закавказскихъ народонаселеній; г. Кипіани хотѣлъ публично благодарить насъ за эти строки, въ которыхъ мы протестовали противъ всякихъ символовъ, возбуждающихъ фальшивую, ни къ чему доброму не ведущую національную рознь. Въ виду этого искрен-

няго спасибо, которое г. Кипіани намѣревался послать намъ, но по непредвидѣнным обстоятельствамъ не досла̀лъ, мы надѣемся оказать почтенному нашему возражателю услугу, обративъ его вниманіе на неправильное употребленіе политическаго термина, хотя бы и въ видахъ очищенія воздуха отъ міазмовъ холеры. Именно такого рода неправильное употребленіе политическихъ терминовъ въ устахъ лицъ имѣющихъ официальное значеніе и послужило, вѣроятно, поводомъ къ тѣмъ сказаніямъ о кавказскихъ націонализмахъ, которые сообщались въ *Колоколѣ*, и противъ которыхъ мы возражали, къ удовольствію нашего почтеннаго возражателя.

Въ заключеніе, поблагодаримъ г. представителя „грузинскаго дворянства“ за хвалу и сочувствіе, съ какими произноситъ онъ славные имена нашего Багратіона, нашего Циціанова, вмѣстѣ со всѣми другими того же происхожденія, принадлежащія къ числу самыхъ русскихъ въ Россіи именъ.

№ 251.

Москва, 15-го ноября.

Вновь открылись очередные дворянскіе выборы, не состоявшіеся въ началѣ нынѣшняго года, и рѣчь сказанная г. генералъ-губернаторомъ при ихъ открытіи, имѣетъ въ настоящемъ случаѣ особенное значеніе. Онъ говорилъ въ одно и то же время и какъ правительственное лицо и какъ дворянинъ Московской губерніи. Нельзя сказать ничего вѣрнѣе того, что какъ дворянство Московской губерніи, такъ и вообще русское дворянство совершенно свободно отъ духа сословной исключительности, и что оно, какъ всегда, такъ особенно теперь, готово дѣйствовать въ полномъ единодушіи съ верховною властью. Пусть враги русскаго дворянства осуждаютъ его въ чемъ хотятъ. Пусть подмѣчаютъ его погрѣшности, преувеличиваютъ его недостатки; но никто не можетъ поставить ему въ упрекъ сословную исключительность или разобщеніе своихъ интересовъ съ интересами государства. Никто не имѣетъ права упрекнуть его въ этомъ; скорѣе могутъ замѣчать въ немъ поспѣшность съ какою оно при каждомъ представлявшемся случаѣ готово было отказаться отъ своей особой замкнутой организаціи. Не были ли мы свидѣтелями, какъ въ самомъ разгарѣ крестьянскаго вопроса, дворянство наше постановляло ходатайствовать о прекращеніи сословной отдѣльности, прежде чѣмъ найдена формула новой общественной организаціи, при которой доселѣ дѣйствовавшее отдѣльное дворянское сословіе съ его особыми правами оказалось бы совершенно излишнимъ. Ни одного заявленія, сколько мы знаемъ, не было дѣлаемо русскимъ дворянствомъ въ смыслѣ исключительно сословномъ. Что же касается до единодушія съ верховною властію, то въ этомъ отношеніи еще болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ русское дворянство является сознательнымъ органомъ общаго настроенія русскаго народа. И никогда единодушіе русскаго народа съ его верховною властію не было такою потребностію, никогда не обѣщало оно быть столь плодотворною силой какъ въ настоящее время, никогда съ тѣмъ вмѣстѣ не ощущалась такъ сильно потребность, чтобы никакія случайныя недоразумѣнія не могли возникать между различными частями русскаго народа, или между имъ и верховною властію. Никогда съ такою убѣдительностію не являлись требованія государственной пользы; никогда не было такой готовности служить ей, а потому никогда не возбуждалось такого негодованія при всякомъ признакѣ злоупотребленія и нарушенія довѣрія. Никогда не выражалась столь повсемѣстная потребность чтобы начала человѣческаго общежитія, цивилизаціи и охраняющаго ихъ государственнаго порядка находились внѣ всякихъ сомнѣній и колебаній, и никогда еще разъ скажемъ, не ощущалась въ такой мѣрѣ потребность, чтобъ эта связь не подвергалась какимъ-либо сомнѣніямъ и замѣшательствамъ, не сознавалась съ такою отчетливостію важность администраціи, столько же способной, сколько и проникнутой чувствомъ долга, вполнѣ оправдывающей довѣріе верховной власти.

Наше только что пробуждающееся къ жизни общество можетъ казаться неопытнымъ или неумѣлымъ въ томъ или отношеніи. Тутъ понятія могутъ показаться недостаточно ясными, тамъ слово не совсѣмъ приготовленнымъ къ ихъ выраженію. Плохія педагогическія условія, находившіяся въ крайнемъ небреженіи, не могутъ удовлетворительно готовить нашихъ

общественныхъ дѣятелей, и жизнь съ своими тяжкими опытами должна въ зрѣлые годы додѣлывать или передѣлывать результаты школы. Но, слава Богу, общій политическій духъ несомнѣнно удовлетворителенъ, а это главное. Дѣльцы не замедлятъ сформироваться какъ только окажется въ нихъ серіозная надобность; но политическій духъ незамѣнимъ, не вознаградимъ, добыть его не откуда, если онъ не приготовленъ исторіей или ею загубленъ.

Духъ русскаго дворянства есть патріотическій духъ, и именно потому онъ возбуждаетъ такое озлобленіе въ зложелателяхъ Россіи и вообще въ людяхъ неблагонамѣренныхъ, а съ ихъ голоса клеветы повторяются и нѣкоторыми честными людьми, не привыкшими къ самостоятельной провѣркѣ чужихъ рѣчей. Съ особеннымъ обиліемъ посыпались клеветы на московское дворянство по поводу не состоявшихся январскихъ выборовъ. О ходѣ дѣлъ на этихъ выборахъ можно имѣть различное мнѣніе; можно оспаривать благовременность и пользу предположеннаго тогда всеподданнѣйшаго прошенія; можно упрекать въ увлеченіи его составителей; въ особенности можно возставать противъ его подробностей. Но на этомъ ли остановилась критика? Чего не писалось въ петербургскихъ корреспонденціяхъ иностранныхъ газетъ? Не приписывались ли московскому дворянству крѣпостническіе виды? Не возводилось ли на него обвиненіе въ желаніи захватить политическія права въ свои руки, въ ущербъ другимъ сословіямъ и даже священному принципу верховной власти? Пользуясь недостаткомъ гласности, клевета прибѣгала къ самымъ разнообразнымъ способамъ чтобы представить дѣло въ фальшивомъ свѣтѣ и внести смуту въ отношенія, которыя именно въ настоящую минуту русской исторіи должны быть ясны какъ день. Въ общемъ государственномъ интересѣ нельзя не желать, чтобъ эта злокозненная ложь какъ можно скорѣе разсѣялась передъ свѣтомъ истины.

№ 252.

Москва, 16-го ноября.

При оцѣнкѣ поступковъ прежде всего обращается вниманіе на свойство побужденій и намѣреній. Побужденія и намѣренія служатъ предметомъ нравственнаго вмѣненія; свойствомъ ихъ опредѣляется одобрительный или неодобрительный характеръ поступка. Но совершившійся поступокъ, тѣмъ не менѣе, подлежитъ оцѣнкѣ и самъ, независимо отъ свойства побужденій и намѣреній. Побужденія могутъ быть хорошія, намѣренія добрыя, но фактъ можетъ сопровождаться неблагопріятными послѣдствіями, или онъ можетъ сталкиваться съ тѣми или другими уважительными условіями.

Въ прошломъ январѣ, дворянство Московской губерніи постановило было подать всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ оно касалось вопросовъ общаго государственнаго значенія. Вопросы требующіе зрѣлой обдуманности и многосторонних соображеній сдѣлались предметомъ поспѣшныхъ совѣщаній. Собраніе не имѣло ни времени, ни возможности сообразить всѣ тѣ обстоятельства, которыя могли придать его заявленію характеръ болѣе или менѣе неправильный. Въ проектъ наскоро составленный, долженствовавшій удовлетворить разнообразнымъ воззрѣніямъ и согласить въ себѣ многія, еще недостаточно разъяснившіяся мнѣнія, могли попасть тѣ или другія выраженія, тѣ или другія черты, либо сообщавшія основной мысли излишнюю опредѣлительность, либо облекавшія ее въ туманъ слишкомъ общихъ отвлеченностей. Итакъ, намѣренія могли остаться наилучшими, но фактъ могъ представлять разныя стороны подлежавшія критикѣ. Дворянскіе выборы въ минувшемъ январѣ не состоялись, какъ извѣстно, вслѣдствіе устраненія нѣкоторыхъ лицъ отъ участія въ нихъ, на основаніи одной статьи Св. Зак., сила которой была пріостановлена новымъ правительственнымъ распоряженіемъ. Съ кассированіемъ выборовъ были кассированы и всѣ прочія постановленія дворянскаго собранія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и принятый имъ проектъ всеподданнѣйшаго прошенія, надѣлавшій столько шуму. Тѣмъ не менѣе фактъ существовалъ: проектъ всеподданнѣйшаго прошенія принятый собраніемъ. Каковы бы ни были намѣренія побуждавшія собраніе войдти со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ въ смыслѣ принятаго имъ проекта, самый фактъ былъ налицо. Хотя проектъ этотъ и не получилъ надлежащаго хода, хотя онъ не былъ обнародованъ въ связи съ

совѣщаніями происходившими по его поводу и объяснявшими смыслъ, въ которомъ онъ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ собранія, онъ тѣмъ не менѣе подлежалъ общему обсужденію. Дворянству предоставлено право ходатайства предъ верховною властью о своихъ нуждахъ и пользахъ, а также и о прекращеніи злоупотребленій и неудобствъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они и находились въ связи съ общими государственными постановленіями, а стало-быть и съ вопросами общей государственной важности. Но дворянство, оставаясь въ своемъ правѣ, при совѣщаніяхъ о своихъ нуждахъ и пользахъ или при раскрытіи какихъ-либо важныхъ неудобствъ и злоупотребленій, можетъ лишь подойдти къ вопросу общей государственной важности, а не вдаваться въ подробности, которыя могутъ предопредѣлять его разрѣшеніе въ ту или другую сторону.

Осужденіе, которому болѣе или менѣе подвергалась форма дѣйствія, могло бросать тѣнь и на находившійся въ его основаніи образъ мыслей. Недоброжелательные люди и непріязненные партіи, пользуясь тѣмъ, старались оклеветать и самый образъ мыслей, изъ котораго возникло заявленіе московскаго дворянства. Этотъ актъ хотѣли представить въ свѣтѣ самомъ ненавистномъ, и распространяли повсюду слухъ, будто въ нѣдрахъ русскаго общества таятся сѣмена глубокаго разлада и смуты. Въ такомъ положеніи дворянство не могло оставаться; оно должно было выйдти изъ двусмысленнаго положенія, въ которомъ оно очутилось предъ цѣлымъ міромъ. Это было необходимо не только для его чести, но и въ интересѣ государства. Отдѣльные голоса, возвышавшіеся для разъясненія дѣла и для устраненія несправедливыхъ толкованій, не могли бы имѣть достаточной силы; отдѣльные голоса не представляли собою дворянства, и выражали только частныя мнѣнія. Оставалось, чтобы само дворянство, соображаясь съ данными условіями, и не предпринимая никакого новаго дѣйствія, заявило только свой образъ мыслей, и заявило его съ полною искренностію. Во вчерашнемъ нумерѣ сообщено содержаніе тѣхъ заключеній, къ которымъ пришла составленная нынѣшнимъ дворянскимъ собраніемъ коммиссія. Какова бы ни была форма ея торопливаго труда, заключенія, подтвержденныя собраніемъ, полагаютъ конецъ всѣмъ сомнѣніямъ касательно патріотическаго образа мыслей дворянства и его свободы отъ вліянія сословнаго эгоизма. Оно могло ошибиться, оно могло впасть въ неправильность, оно могло сдѣлать постановленія превышавшія его право или слишкомъ выходившія изъ сферы его обычныхъ занятій; но оно оставалось неизмѣннымъ въ своихъ отношеніяхъ къ престолу, въ своихъ отношеніяхъ къ отечеству; оно имѣло въ виду пользу того и другаго. Поступокъ дворянскаго собранія можетъ быть осуждаемъ; при суматохѣ импровизованныхъ совѣщаній и рѣшеній, въ средѣ многочисленнаго собранія людей сходящихся для общаго дѣла въ три года на нѣсколько дней, бываютъ необдуманности, бываютъ увлеченія, а болѣе всего могутъ быть неточныя, недовольно взвѣшенныя выраженія. Но кто разчитывалъ на какіе-либо элементы смуты въ нѣдрахъ нашего общества, кто изъ поверхностныхъ наблюденій выводилъ заключенія объ образѣ мыслей большинства дворянства, тотъ совершенно ошибался. Оставляя въ сторонѣ тѣ или другія частности, надобно принять къ разсмотрѣнію то въ чемъ заключается главная сила, когда возникаетъ вопросъ не столько о свойствѣ факта, сколько о свойствѣ намѣреній. Заключенія коммиссіи, содержаніе которыхъ сообщено во вчерашнемъ нумерѣ, представляютъ прямыя показанія относительно побужденій, руководившихъ дворянствомъ въ его январскихъ совѣщаніяхъ. Дворянство, подтверждая эти показанія, рѣшительно отвергаетъ то что ему приписывали, и если можно оспаривать благовременность или пользу того чего оно хотѣло, если въ его заявленіи то или другое подлежитъ осужденію, то не остается никакого основанія, никакого предлога приписывать ему то, чего не было и нѣтъ и въ его намѣреніяхъ. Можно ли не порадоваться этому?

№ 253.

Москва, 17-го ноября.

Мы печатаемъ ниже интересную статью подъ заглавіемъ „Вопросъ“. Это—вопросъ, многихъ живо затрогивающій, о $5^1/_2{}^0/_0$ рентѣ, отчего она продается на девять процентовъ дешевле государственныхъ пяти-

процентныхъ билетовъ, хотя даетъ дохода на $^1/_2\%$ больше, а гарантирована точно также? Авторъ такъ хорошо поставилъ и обставилъ свой вопросъ, что отвѣтъ самъ собой вытекаетъ изъ него: или денежный рынокъ дѣйствуетъ самымъ неразумнымъ образомъ, или $5^1/_2\%$ рента должна непремѣнно подняться въ цѣнѣ; но такъ какъ предполагать первое было бы въ свою очередь неразумно, то остается принять послѣднее. Такое впечатлѣніе долженъ вынести всякій внимательный читатель изъ чтенія статьи г. П. Г. Мы отнюдь не имѣемъ намѣренія разрушать силу этого впечатлѣнія и сами полагаемъ, что дѣйствительно цѣны на $5^1/_2\%$ ренту должны нѣсколько возвыситься, но не можемъ вполнѣ согласиться съ взглядомъ автора на пятипроцентные билеты. Денежный рынокъ поступалъ весьма разумно, когда цѣнилъ ихъ высоко, а ренту и выкупныя свидѣтельства низко. Цѣны устанавливаются на денежномъ какъ и на всякомъ другомъ рынкѣ, въ силу закона дѣйствующаго столь же правильно какъ и законы природы: мы разумѣемъ законъ спроса и предложенія. Чѣмъ же условливается спросъ процентныхъ бумагъ? Очевидно, что онъ всего болѣе условливается количествомъ ежегодныхъ сбереженій дѣлаемыхъ въ общемъ народномъ хозяйствѣ. Эти сбереженія ищутъ помѣщенія и объявляютъ спросъ на процентныя бумаги, какъ на одно изъ помѣщеній. Если сбереженій дѣлается мало, то-есть если годовой народный доходъ весь истрачивается, въ особенности же если дѣло отчасти доходитъ до растраты народнаго капитала, то спросъ на процентныя бумаги не можетъ быть великъ, и онѣ должны падать въ цѣнѣ. Мы переживаемъ теперь именно такую минуту: вслѣдствіе выпуска кредитныхъ билетовъ для покрытія расходовъ восточной войны и ликвидаціи казенныхъ банковъ, у насъ чрезвычайно усилилось потребленіе и развилась роскошь; наступившее за тѣмъ безденежье нѣсколько ограничило расходы въ частномъ быту, но расходы государственные постоянно возрастали; разнообразные займы усиливали совокупность средствъ, доставляемыхъ государственному казначейству налогами, и многіе изъ этихъ займовъ, осуществленные въ Россіи (выпуски серій, 4% металлическихъ билетовъ, и наконецъ послѣдній лоттерейный займъ), произвели приливъ сбереженій къ государственному казначейству, а стало-быть отвлекли ихъ отъ покупки процентныхъ бумагъ уже находившихся на рынкѣ. Но этого мало: такъ какъ суммы полученныя такимъ образомъ изъ сбереженій, по большей части были израсходованы государствомъ на текущія потребности, то этими займами народныя сбереженія не только были отвлекаемы отъ помѣщенія въ тѣхъ или другихъ процентныхъ бумагахъ, но и просто потреблялись. Государство проживало часть народныхъ сбереженій, чрезъ что народный капиталъ уменьшался, а съ тѣмъ вмѣстѣ должна была возрастать и общая цѣна капитала; онъ дѣлался требовательнѣе прежняго и поднималъ свои условія. Вотъ въ какомъ положеніи находится теперь спросъ, дѣлаемый капиталомъ на процентныя бумаги. Пойдемъ далѣе. Это неблагопріятное положеніе никакъ не могло отозваться одинаково на цѣнѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ. Вспомнимъ, что цѣна вещи зависитъ не отъ одного спроса на нее, но и отъ ея предложенія. Тѣ бумаги, которыя менѣе предлагались, должны были менѣе падать въ цѣнѣ; напротивъ чѣмъ болѣе какая-либо бумага навязывала себя покупателю, тѣмъ болѣе ея цѣна должна была понижаться. Пятипроцентные билеты были помѣщены прочно; они находились въ рукахъ капиталистовъ, прежнихъ вкладчиковъ кредитныхъ установленій; къ тому же всѣ они были куплены изъ казны рубль за рубль. Когда курсъ ихъ сталъ падать вслѣдствіе общаго недостатка въ капиталахъ, находилось весьма немного охотниковъ продавать ихъ съ потерей въ капитальной суммѣ; эта неохота сокращала предложеніе пятипроцентныхъ билетовъ, поддерживала ихъ курсъ и въ свою очередь привлекала къ нимъ всѣхъ тѣхъ покупателей, которые заботятся не столько объ увеличеніи своего дохода, сколько о сохраненіи своего капитала: всѣ такіе покупатели высоко цѣнятъ бумаги мало предлагаемыя, и слѣдовательно менѣе подверженныя колебанію биржевыхъ цѣнъ. Совсѣмъ другое явленіе происходило съ выкупными свидѣтельствами и рентой; эти цѣнности попадали въ руки помѣщиковъ, нуждавшихся въ ихъ реализаціи; денежный рынокъ былъ формально запруженъ ими, а настойчивое предложеніе при ограниченномъ спросѣ должно было повести къ упадку курса этихъ цѣнностей. Между тѣмъ выкупная операція продолжала дѣйствовать; не успѣвалъ ры-

нокъ поглотить цѣнности ему предложенныя, какъ выпускались новыя; спросъ уменьшался, а предложеніе усиливалось; могъ ли не падать курсъ преимущественно тѣхъ бумагъ, которыхъ выпускъ продолжался и которыя попадали въ руки, нуждающіяся въ деньгахъ? Вотъ почему и падали въ цѣнѣ выкупныя свидѣтельства, $5^1/_2\%$ рента, облигаціи городскихъ кредитныхъ обществъ. Но къ пятипроцентнымъ билетамъ перваго выпуска это не примѣняется.

Нельзя при этомъ случаѣ не указать на одно весьма распространенное у насъ заблужденіе. Всѣ наши кредитныя общества основаны на системѣ непрерывнаго выпуска облигацій; эту систему приняли городскія кредитныя общества, петербургское и московское; эту же систему принялъ и херсонскій банкъ; повидимому общимъ примѣромъ для нихъ послужила выкупная операція; которая впрочемъ, по самому своему назначенію, не могла быть устроена по иной системѣ. Но что необходимо въ выкупной операціи, то вовсе не составляетъ необходимости для кредитныхъ обществъ выдающихъ ссуды подъ собственность не вновь созидаемую, а уже самостоятельно существующую и отчасти уже обремененную долгами. Низкая цѣна облигацій этихъ кредитныхъ обществъ дѣло неизбѣжное при той системѣ непрерывной выдачи ссудъ, которую они приняли за основаніе своихъ операцій. Самымъ лучшимъ образомъ обезпеченная бумага никакъ не можетъ держаться въ цѣнѣ, если ея выпуски продолжаются и не предвидится конца имъ. Возьмите первую бумагу на свѣтѣ, англійскіе консоли, и попробуйте ежегодно выпускать ихъ въ неопредѣленномъ количествѣ; они сейчасъ же упадутъ въ цѣнѣ, и упадутъ страшно. Вотъ почему успѣшно дѣйствовавшіе поземельные банки выпускали свои бумаги серіями, черезъ значительные промежутки времени, въ 5, 10, даже 20 лѣтъ.

Въ числѣ вопросовъ предлагаемыхъ г. Н. Г., одинъ относится къ городскимъ кредитнымъ обществамъ; послѣдуемъ же приглашенію автора и спросимъ себя: почему низокъ курсъ ихъ облигацій? Въ самомъ ли дѣлѣ мы въ правѣ сказать съ г. Н. Г., что эти облигаціи *вполнѣ обезпечены?* Городская кредитная облигація никакъ не можетъ поравняться съ облигаціей хорошо устроеннаго земскаго кредитнаго общества; домъ далеко не представляетъ такого вѣрнаго обезпеченія какъ земля; достоинство залога, заключающагося въ городскомъ домѣ, находится въ зависимости отъ большей или меньшей состоятельности страховыхъ обществъ, между тѣмъ какъ залогъ, заключающійся въ землѣ, имѣетъ достоинство совершенно самостоятельное. Такова первая неустрашимая причина относительной низкости курса городскихъ кредитныхъ облигацій. Но къ ней присоединяется другая, легко устранимая, хотя дѣйствующая гораздо сильнѣе; на эту другую причину мы уже указали: она состоитъ въ неограниченномъ выпускѣ облигацій въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ. Пятипроцентные билеты перваго выпуска были совершенно свободны ото всѣхъ этихъ недостатковъ. Они обезпечены преимущественно и почти исключительно землей (имѣніями заложенными въ бывшихъ опекунскихъ совѣтахъ); они выпущены разомъ. Ко всему этому надобно прибавить, что, какъ сказано выше, они первоначально попали въ руки капиталистовъ заплатившихъ за нихъ полную номинальную цѣну и слѣдовательно были помѣщены чрезвычайно прочно. Вотъ сколько было условій хорошаго курса пятипроцентныхъ билетовъ перваго выпуска, и если они упали теперь на 9% противъ *pari*, то причиной тому было стеченіе крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ, между которыми общая дороговизна капиталовъ занимаетъ лишь второстепенное мѣсто. Первый сильный ударъ былъ нанесенъ имъ выкупною операціей, повлекшею за собой непрерывную выдачу новыхъ пятипроцентныхъ билетовъ втораго выпуска. Эти послѣдніе носили въ себѣ всѣ условія плохаго курса, а такъ какъ они пользовались одинаковыми правами съ билетами перваго выпуска, то ихъ курсъ долженъ отозваться и на послѣднихъ. Денежный рынокъ установилъ, правда, различіе между билетами двухъ выпусковъ. Второй выпускъ сталъ цѣниться приблизительно на 1 р. ниже перваго, но это различіе было не значительно. Билеты перваго выпуска выдержали тяжкую пробу; прочностію своего курса они держали на значительной высотѣ и курсъ билетовъ втораго выпуска, и по всему вѣроятію, еще долго выдерживали бы эту пробу, еслибы не лоттерейный заемъ. Лишь послѣ этого втораго удара курсъ пятипроцентныхъ билетовъ уступилъ общему влече-

нію и началъ чувствительно, хотя и медленно понижаться.

№ 254.

Москва, 18-го ноября.

Если вообще дѣло воспитанія идетъ у насъ неудовлетворительно, то женское воспитаніе идетъ особенно дурно, а всего хуже женское народное воспитаніе. Оно находится въ совершенномъ пренебреженіи. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что женское народное воспитаніе могло бы особенно содѣйствовать облагороженію простонароднаго быта. Смягчить и очистить семейные нравы, сдѣлать домашній очагъ привлекательнымъ для мужа и дѣтей, улучшить домашнее воспитаніе, физическое и нравственное, новыхъ поколѣній, наконецъ распространить въ народѣ грамотность даже безъ повсемѣстнаго учрежденія школъ, вотъ, не говоря о многомъ другомъ, тѣ блага, которыя могутъ быть внесены въ народный бытъ женскимъ народнымъ воспитаніемъ хорошо направленнымъ. Честь почина въ вѣрномъ пониманіи важности женскаго образованія для простаго народа принадлежитъ, если не ошибаемся, удѣльному вѣдомству, которое, раціонально устроенною системой пособій, старалось поощрить въ удѣльныхъ имѣніяхъ обученіе дѣвочекъ грамотѣ. Нельзя также не отдать полной справедливости московской городской общей думѣ, обратившей вниманіе именно на необходимость подвинуть впередъ воспитаніе дѣвочекъ въ низшихъ классахъ московскаго населенія. О мальчикахъ до нѣкоторой степени уже начинаютъ заботиться сами родители. Если не воспитаніе въ собственномъ смыслѣ, то обученіе грамотѣ сдѣлалось теперь въ Москвѣ потребностью, сознаваемою въ самыхъ низшихъ классахъ, но она сознается только относительно мальчиковъ, а дѣвочекъ еще оставляютъ по большей части безъ всякаго обученія. Тутъ особенно нужна общественная помощь, и московская дума руководилась вѣрнымъ взглядомъ, когда опредѣлила начать свое содѣйствіе народному образованію назначеніемъ довольно значительной суммы (около 10 т. р.) на женскія народныя школы. Для начертанія плана этому дѣлу была избрана коммиссія, о занятіяхъ которой читатели найдутъ краткія свѣдѣнія ниже въ статьѣ Д. И. Завалишина. Коммиссія приступала къ исполненію своей задачи съ самыми лучшими намѣреніями. Она очень хорошо понимала, что учредить въ Москвѣ какихъ-нибудь пять народныхъ женскихъ школъ не значитъ еще подвинуть впередъ дѣло женскаго народнаго воспитанія. Первою мыслію коммиссіи было употребить назначаемую думой сумму на улучшеніе возможно большаго числа женскихъ училищъ уже существующихъ, и лишь опасеніе тѣхъ столкновеній, о которыхъ упоминаетъ г. Завалишинъ, побудило коммиссію отказаться отъ этой первоначальной мысли. Тѣ школы, которыя коммиссія имѣла въ виду, учреждены съ благотворительною цѣлью разными вѣдомствами. Оказывая имъ пособіе, дума должна была бы подчинить ихъ своему контролю, и тогда школы очутились бы подъ двойнымъ начальствомъ, а это неизбѣжно повело бы къ пререканіямъ и неурядицѣ. Вотъ соображенія, побудившія коммиссію предложить думѣ учрежденіе своихъ особенныхъ школъ, числомъ пяти. Изъ этого видно, что рѣшеніе коммиссіи было такъ-сказать рѣшеніе вынужденное. Спрашивается, считать ли это рѣшеніе окончательнымъ, желать ли, чтобъ оно было утверждено думой? Несомнѣнное доброжелательство, съ которымъ члены коммиссіи отнеслись къ дѣлу имъ ввѣренному, обязываетъ насъ высказать свое мнѣніе безъ обиняковъ. О томъ, какъ мало чувствительны были бы для города Москвы результаты доставляемые пятью новыми женскими школами, нѣтъ надобности распространяться. Эта сторона дѣла убѣдительно показана г. Завалишинымъ, и къ его доводамъ можно было бы прибавить развѣ только то, что при маломъ числѣ женскихъ начальныхъ училищъ едва ли слѣдуетъ учреждать столь дорогія училища, что каждое изъ нихъ обходилось бы ежегодно по 1.800 р. Такія училища не соотвѣтствовали бы общему положенію дѣлъ. Но съ другой стороны едвали было бы правильно и заводить на счетъ думы школы недостаточно обезпеченныя и не снабженныя необходимыми условіями успѣха. Если ужь учреждать школы, то учреждать какъ слѣдуетъ: скупиться тутъ не умѣстно, какъ неумѣстно и гоняться за числомъ школъ, когда напередъ можно сказать, что чѣмъ больше будетъ заведено школъ на одну и ту же сумму, тѣмъ онѣ будутъ хуже. Нѣтъ

ли однако исхода изъ этой дилеммы? Нельзя ли ограничиться учрежденіемъ одной или двухъ думскихъ школъ, а остальныя деньги употребить на поддержку школъ уже существующихъ, и которыя сами захотятъ воспользоваться поддержкой, а потому не будутъ сѣтовать и на думскій контроль? Развѣ въ Москвѣ только и есть женскихъ школъ, что̀ содержимыя благотворительными вѣдомствами и нерасположенныя допускать вмѣшательство думы? Развѣ нѣтъ въ Москвѣ значительнаго числа частныхъ школъ и школокъ, гдѣ дѣвочки учатся грамотѣ? Почему не содѣйствовать ихъ улучшенію и размноженію? Наконецъ развѣ обученіе дѣвочекъ малаго возраста не можетъ производиться и въ школахъ для мальчиковъ? Взглянемъ на страну высоко стоящую въ этомъ отношеніи. Что̀ мы видимъ въ Англіи? Тамъ есть очень много народныхъ школъ такъ-называемыхъ смѣшанныхъ, то-есть предназначенныхъ для мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ. Есть тамъ, конечно, и отдѣльныя школы для дѣвочекъ, но даже и между отдѣльными школами бо́льшая часть примыкаютъ къ мужскимъ школамъ: въ нихъ учитъ тотъ же учитель, а помогаетъ ему какая-нибудь его родственница, мать, сестра или жена; школа устраивается сообразно этимъ обстоятельствамъ. Если желать и у насъ размноженія женскихъ школъ, то надобно устроить дѣло такъ, чтобъ оно могло пользоваться всѣми разнообразными благопріятными условіями, какія только могутъ представиться. У насъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на многочисленный классъ женъ священно и церковно-служительскихъ. По большей части онѣ имѣютъ довольно много свободнаго времени, и многія изъ нихъ за самое ограниченное вознагражденіе занялись бы обученіемъ дѣвочекъ. Не мало нашлось бы также монахинь, которыя могли бы взяться за то же дѣло: многія изъ нихъ уже теперь имѣютъ учениць, которыя обучаются у нихъ за малую плату. Наконецъ сколько найдется лицъ разныхъ сословій, которыя отчасти уже занимаются обученіемъ грамотѣ и могутъ расширить эти занятія, отчасти готовы взяться за обученіе грамотѣ, лишь бы получить хоть сколько-нибудь больше того, что̀ въ состояніи платить имъ родители? Еслибы городъ принялъ систему предлагаемую г. Завалишинымъ—систему выдачи пособій въ подмогу тому что̀ платятъ родители,—то обученіе дѣвочекъ быстро двинулось бы впередъ, и что̀ очень важно, двинулось бы въ томъ направленіи, которое уже само собой возникло изъ мѣстныхъ условій.

Воспитаніе есть дѣло личной инціативы. Казенное или общественное пособіе дѣлу воспитанія не должно переходить въ его монополизированіе, не должно отстранять отъ него свободную частную дѣятельность. Въ этомъ между прочимъ заключается главный аргументъ противъ даровато ученья, которое, подрывая частную конкурренцію, совершенно вытѣсняетъ элементъ личной инціативы и тѣмъ причиняетъ дѣлу воспитанія больше вреда чѣмъ сколько приноситъ ему пользы облегченіемъ доступа въ училища. Дешевизны обученія въ народныхъ училищахъ можно достигнуть другимъ средствомъ, не убивающимъ частной инціативы, — именно выдачей пособій, и только это средство можетъ быть признано правильнымъ; съ другой стороны только оно можетъ оставить за народнымъ воспитаніемъ народный характеръ, развивая то, что̀ само собой возникаетъ изъ всей совокупности условій народной жизни, условій часто неуловимыхъ и не поддающихся регламентаціи. Нѣтъ спора, что не легко установить практическія правила для выдачи пособій учителямъ и учительницамъ, но какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и тутъ, всего важнѣе принять вѣрный принципъ, подробности же его примѣненія могутъ лишь постепенно вырабатываться на основаніи опыта Главныя черты примѣненія системы пособій указаны г. Завалишинымъ; онъ исчислилъ и главные виды пособій: пособіе на первоначальное устройство, поголовная плата за учащихся и поголовная плата за оканчивающихъ ученье съ успѣхомъ. При недостаткѣ средствъ можно было бы на первый разъ ограничиться двумя послѣдними видами пособій, при чемъ, само собой разумѣется, слѣдовало бы выдавать ихъ только тѣмъ школамъ и школкамъ, которыя соотвѣтствуютъ кореннымъ требованіямъ религіозно-нравственнаго воспитанія. Всѣ школы и школки, желающія получить пособіе, должны подлежать двойной инспекціи, духовной и свѣтской, цѣль которой — опредѣлить, заслуживаетъ ли школа или школка пособія по своему направленію, и по своей дисциплинѣ: одно обученіе грамотѣ и счету недостаточно; оно должно соединяться съ нравственною выдержкой, съ пріученіемъ къ опрятности, приличному обра-

щенію. Во всемъ этомъ должна удостовѣряться инспекція и на этомъ основаніи составлять ежегодный списокъ школъ, удостоиваемыхъ права на пособіе. Затѣмъ школы, удостоенныя права на пособіе, получали бы его по числу учащихся и оканчивающихъ ученье. Цифру пособія можно опредѣлить удовлетворительно лишь на основаніи опыта. На первый разъ мы посовѣтовали бы назначить по 3 р. въ годъ за каждую учащуюся дѣвочку и по 12 р. за каждую дѣвочку удовлетворительно окончившую ученіе и выдержавшую экзаменъ. Если полагать, что ученье будетъ продолжаться четыре года, и что оканчивающихъ ученье будетъ въ восемь разъ меньше чѣмъ всѣхъ учащихся, а изъ оканчивающихъ двѣ трети окажутъ удовлетворительныя познанія, то на двѣнадцать учащихся дѣвочекъ придется по одной оканчивающей ученье съ правомъ на 12 р. пособія, и слѣдовательно расходомъ въ 8.000 р. можно обезпечить ежегодное обученіе 2.000 дѣвочекъ. Еслибы эти 8.000 р. употребить на учрежденіе думскихъ училищъ, то на всю эту сумму получало бы воспитаніе (въ 4 школахъ) только 200 ученицъ

Намъ кажется, что дума поступила бы всего осмотрительнѣе, еслибы завела на первый разъ одно образцовое училище, а остальныя деньги назначила на пособіе всѣмъ тѣмъ училищамъ, большаго и малаго размѣра, публичнымъ и домашнимъ, которыя подчинились бы думской инспекціи. Такимъ образомъ дума имѣла бы передъ собой двѣ системы и смотря по дальнѣйшему ходу дѣлъ, могла бы развивать либо одну, либо другую. Еслибы первая думская школа пошла хорошо, а система пособій дурно, то можно было бы сократить пособія и сбереженныя деньги употребить на учрежденіе второй думской школы и т. д. Еслибы наоборотъ оказались удовлетворительные результаты системы пособій, то дума могла бы развивать и совершенствовать эту систему. И въ томъ и въ другомъ случаѣ дума дѣйствовала бы на прочномъ основаніи опыта.

№ 255.

Москва, 19-го ноября.

А.

Мы сообщаемъ сегодня свѣдѣніе о дворянскихъ выборахъ, продолжавшихся не

болѣе трехъ дней послѣ перваго засѣданія, о которомъ уже извѣстно публикѣ. Занятія предлежавшія собранію не требовали много времени; ему оставалось только пересмотрѣть свои январскія постановленія, что и было сдѣлано наряженною имъ коммиссіей, которая поставила себѣ задачею не медлить дѣломъ, и уже къ утру слѣдующаго дня приготовила свой докладъ, требовавшій не мало соображеній, значительно осложнявшихся самою многочисленностью состава коммиссіи. Докладъ этотъ, лишь съ незначительными сокращеніями, изложенъ въ № 251-мъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Всѣ заключенія ея были приняты огромнымъ большинствомъ вполнѣ и безъ всякихъ преній: спорить было не о чемъ, а входить въ разборъ отдѣльныхъ выраженій, когда общій смыслъ ясенъ, значило бы безъ нужды возбуждать пренія. Бо́льшая часть постановленій январскаго собранія были утверждены вновь; но согласно съ представленіемъ коммиссіи, дворянство не сочло благовременнымъ входить со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ какого бы то ни было свойства. Оно удовольствовалось только тѣмъ, что возстановило въ истинномъ свѣтѣ мысль, которая побуждала его въ минувшемъ январѣ воспользоваться предоставленнымъ дворянству правомъ обращаться непосредственно къ верховной власти. Собраніе старалось избѣжать всего что̀ могло бы имѣть видъ какой-либо агитаціи. Устранивъ всякій поводъ къ преніямъ, оно сократило до послѣдней возможности свои засѣданія, и отказалось отъ предположеннаго имъ чрезвычайнаго собранія, котораго требовали его нужды.

Результатами своихъ настоящихъ выборовъ дворянство не можетъ не быть довольно. Рѣдко случалось, чтобы губернскій предводитель выбирался такимъ громаднымъ большинствомъ голосовъ, какъ былъ вторично выбранъ въ эту должность князь Л. Н. Гагаринъ. 207 изъ 220 голосовъ, это почти единогласіе. Вмѣстѣ съ отчетомъ о выборахъ, читатели найдутъ описаніе обѣда, даннаго сегодня дворянствомъ достойному предводителю своему и вмѣстѣ предсѣдателю земскаго собранія.

Б.

На дняхъ мы имѣли случай привести мнѣніе *Крестовой Газеты* о томъ, что

настоящее положеніе европейскихъ державъ стали чрезвычайно темны и запутанны. Эта неясность отношеній, главнѣйшимъ образомъ, проистекаетъ отъ того, что Франція находитъ для себя выгоднымъ до поры до времени колебаться, между Пруссіей и Австріей, наклоняясь то на ту, то на другую сторону, и тѣмъ воздерживать ихъ отъ какого-либо рѣшительнаго дѣйствія, а Пруссія, въ отношеніяхъ своихъ къ Австріи и Франціи, въ свою очередь, считаетъ за лучшее подражать той же эквилибристикѣ, въ надеждѣ склонить ту или другую изъ этихъ державъ къ наибольшимъ уступкамъ. Время рѣшительнаго дѣйствія, очевидно, еще не наступило ни для одной изъ европейскихъ державъ, и теперь можетъ идти рѣчь не о томъ, какое рѣшеніе состоится по тому или другому вопросу, а лишь о томъ, какое направленіе начинаютъ принимать общія дѣла Европы.

Бесѣды графа Бисмарка съ императоромъ Наполеономъ о различныхъ политическихъ вопросахъ едва ли имѣли тотъ невинный характеръ, какой имъ приписываетъ статья г. Лимерака въ *Constutionnel*. Политическая цѣль его поѣздки во Францію, очевидно, заключалась въ томъ чтобы развѣдать, чего Пруссія можетъ ожидать или опасаться отъ Франціи въ случаѣ попытки завладѣть Герцогствами во что бы ни стало. На безкорыстіе или даже на бездѣйствіе Франціи въ этомъ случаѣ едва ли и могъ графъ Бисмаркъ разчитывать; оставалось только узнать, на какихъ условіяхъ Франція оказала бы поддержку подобному предпріятію. Повидимому, эти условія простираются далѣе простаго требованія примѣнить начало національностей къ разрѣшенію шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса. Графу Бисмарку, какъ кажется, дали почувствовать, что Франціи пришлось бы позаботиться въ такомъ случаѣ о возстановленіи нарушеннаго равновѣсія посредствомъ присоединенія къ себѣ всей Бельгіи или извѣстной части ея, но что настоящія обстоятельства еще вовсе для того не благопріятны. Такъ какъ и Пруссія, съ своей стороны, не могла бы рѣшиться на подобную сдѣлку, не поставивъ себя въ самыя неблагопріятныя отношенія ко всѣмъ другимъ державамъ, то никакого соглашенія ни относительно настоящаго времени, ни относительно будущаго, не могло состояться на этихъ основаніяхъ. Этимъ, какъ кажется, слѣдуетъ объяснить себѣ временное охлажденіе и даже взаимное раздраженіе, какое замѣчается теперь въ Парижѣ и въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ это раздраженіе высказалось не только въ извѣстныхъ статьяхъ *Крестовой Газеты*, выразившихъ полное недовѣріе къ политикѣ императора Наполеона относительно дальнѣйшаго развитія Европы и особенно Германіи, не только въ статьѣ *Провинціяльной Корреспонденціи* о совершенно ничтожномъ сокращеніи французской арміи, но, какъ увѣряютъ, и въ попыткахъ графа Бисмарка склонить Россію къ содѣйствію видамъ Пруссіи на Герцогства. Эти попытки, какъ увѣряютъ, не имѣли ни малѣйшаго успѣха, и со стороны Россіи было будто бы заявлено желаніе, чтобы Герцогства вошли вновь въ соединеніе съ Даніей, но именно только въ личное соединеніе. Такъ или иначе, но и съ этой стороны графъ Бисмаркъ не имѣлъ никакого успѣха, и какъ только этотъ шагъ его сдѣлался извѣстенъ, то не безъ участія со стороны англійскаго посольства, въ Парижѣ сталъ умышленно распространяться слухъ о томъ, что принцъ Вельскій съѣдется съ своимъ тестемъ, королемъ датскимъ Христіаномъ IX, въ Компьенѣ, для того чтобы сообща уладить въ пользу Даніи шлезвигъ-гольштейскій вопросъ. Пруссія, такимъ образомъ, осуждена теперь на совершенное бездѣйствіе, хорошо понимая, что она отнюдь не можетъ идти противъ Европы, но за то она успѣла узнать, на какихъ условіяхъ она можетъ, по меньшей мѣрѣ, обезоружить противъ себя Францію и Англію. Статья *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, содержаніе которой мы передали вчера подъ рубрикой: *Пруссія*, какъ бы показываетъ, что Пруссія не прочь отъ какого-либо соглашенія съ западными державами.

Что касается до Франціи, то ея охлажденіе къ Пруссіи обнаружилось весьма знаменательнымъ актомъ въ пользу Австріи, именно: дозволеніемъ открыть въ Парижѣ подписку на новый австрійскій заемъ. Въ политическомъ мірѣ не сомнѣваются, что Франція принесла въ этомъ случаѣ довольно чувствительную экономическую жертву единственно своимъ политическимъ разчетамъ. Дѣло идетъ прежде всего о томъ, чтобы дать Австріи возможность устоять противъ заманчивыхъ денежныхъ предложеній Пруссіи, и тѣмъ отдалить оконча-

тельное разрѣшеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ произвести нѣкоторое давленіе и на Берлинскій кабинетъ. Сверхъ того, благорасположеніе, которое въ Парижѣ оказываютъ теперь Австріи, разчитано на то, чтобы побудить ее дружественными способами не къ отреченію, конечно, отъ Венеціи, а пока только къ признанію Италіянскаго королевства. Новое расположеніе Франціи къ Австріи обнаружилось, какъ нарочно, въ то время, когда италіянской политикѣ Австріи, основанной на непризнаваніи совершившихся фактовъ, былъ нанесенъ новый и тѣмъ болѣе чувствительный ударъ, что онъ вышелъ съ той стороны, откуда его всего труднѣе было ожидать,—со стороны Баваріи, королевскій домъ которой связанъ узами родства какъ съ бывшимъ герцогомъ Моденскимъ, такъ и съ бывшимъ королемъ Неаполитанскимъ, и со стороны Саксоніи, которая состоитъ въ родственныхъ связяхъ съ бывшимъ великимъ герцогомъ Тосканскимъ. Оба эти главнѣйшія изъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ рѣшились на признаніе королевства Италіянскаго изъ вниманія къ матеріяльнымъ интересамъ своихъ народовъ, а еще болѣе изъ досады на Австрію за чрезмѣрную уступчивость ея относительно Пруссіи по германскимъ дѣламъ. Такимъ образомъ, Пруссія не столько прямыми своими усиліями, сколько косвенно содѣйствовала признанію Италіянскаго королевства со стороны Баваріи и Саксоніи, за которымъ, конечно, не замедлитъ послѣдовать признаніе его и состороны всѣхъ другихъ государствъ Германіи. Австрія останется тогда въ совершенномъ одиночествѣ въ отношеніи къ италіянскимъ дѣламъ, и это предвкушаемое ею одиночество, повидимому, подало надежды въ Парижѣ на измѣненіе ея италіянской политики. Тотъ же самый результатъ можетъ быть достигнутъ еще и другимъ путемъ. Дѣло идетъ теперь о торговыхъ трактатахъ Австріи съ Англіей и особенно съ Франціей. По мнѣнію *Neue Freie Presse*, эти трактаты неминуемо повлекутъ за собой подобный же трактатъ съ Италіей, такъ что Австрія отчасти уже вступила на тотъ путь, который долженъ привести ее, противъ ея воли, къ признанію королевства Италіянскаго, а за тѣмъ и къ какой либо сдѣлкѣ по венеціянскому вопросу. И Англія, и Франція какъ нельзя болѣе желаютъ, чтобъ Австрія скорѣе и рѣшительнѣе ступила на этотъ путь. Еще недавно газета *Times* заявляла, что италіянская политика Австріи служитъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ сближенію Австріи съ западными державами. *La France*, высказывая полное благорасположеніе французскаго правительства къ Австріи, считаетъ своимъ долгомъ укорить ее въ томъ, что она сама навлекла на себя всѣ бѣдствія, не присоединившись къ западнымъ державамъ во время послѣдней Восточной войны и обнаруживъ слишкомъ большую нерѣшительность въ 1863 году, во время дипломатической компаніи за Польшу. Такимъ образомъ, Англія и Франція сходятся между собой въ своихъ видахъ не только на Пруссію, но и на Австрію, и эти ихъ виды направлены къ тому, чтобы каждую изъ нихъ порознь привлечь на свою сторону.

Но согласіе между Франціей и Англіей не ограничивается ихъ видами на Пруссію и Австрію или ихъ стремленіями по римскому и венеціянскому вопросамъ. Въ № 253 *Московскихъ Вѣдомостей*, подъ рубрикою: „Турція", мы сообщили категорическое извѣстіе константинопольскаго корреспондента *Allgemeine Zeitung* о томъ, что новый англійскій посолъ лордъ Лайонсъ получилъ самыя точныя инструкціи усиленнѣе прежняго вмѣшиваться въ дѣла Турціи, дѣйствуя въ этомъ случаѣ въ согласіи съ посломъ французскимъ. Извѣстно, какую роль желала бы, по крайней мѣрѣ, Англія, если не Франція, предоставить Австріи при окончательномъ разрѣшеніи восточнаго вопроса, и Австрія, съ своей стороны, какъ бы желая изготовиться къ выполненію этой роли, спѣшитъ уладить свои дѣла въ юго-восточныхъ своихъ областяхъ. Что Австрія съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми движеніями въ предѣлахъ Турецкой имперіи и что она также расположена къ нѣкоторому вмѣшательству въ дѣла Турціи, это видно, между прочимъ, изъ приведенной нами въ томъ же нумерѣ нашей газеты статьи, которую какъ теперь оказывается, *Ostdeutsche Post* заимствовала изъ полуофиціяльной *Австрійской Всеобщей Корреспонденціи*. Въ этой статьѣ говорится о необходимости заранѣе заняться вопросомъ о Дунайскихъ Княжествахъ, дабы изъ него не возникъ восточный вопросъ, могущій повести ко всеобщей войнѣ.

№ 256.

Москва, 20-го ноября.

Рижская Газета дѣлаетъ на насъ нападеніе по случаю сообщенныхъ нами свѣдѣній о дѣлѣ г. Бесбардиса; она обвиняетъ насъ въ невѣрномъ представленіи этого дѣла, и представляетъ его по своему. Мы готовы покаяться въ неточности, если таковая дѣйствительно оказывается въ нашихъ свѣдѣніяхъ; но готова ли *Рижская Газета* покаяться въ несправедливости своихъ навѣтовъ?

Въ томъ что было говорено нами по дѣлу г. Бесбардиса, дѣйствительно, есть одна неточность, которая можетъ дать не совсѣмъ вѣрное понятіе о проектѣ вѣрноподданническаго адреса, бывшемъ причиной столь прискорбныхъ для его составителя послѣдствій. Въ первомъ сообщеніи нашемъ объ этомъ документѣ мы сказали, что Латыши, выражая въ этомъ адресѣ свое вѣрноподданническое чувство, въ то же время жаловались на свое бѣдственное положеніе. Вотъ единственная неточность, которая вкралась въ сообщенное нами свѣдѣніе,—неточность представляющая дѣло въ свѣтѣ нѣсколько менѣе выгодномъ для г. Бесбардиса чѣмъ для его противниковъ. Если кто имѣетъ право сѣтовать на насъ за это, то развѣ самъ г. Бесбардисъ и лица подписавшіяся вмѣстѣ съ нимъ подъ адресомъ. Изъ нашихъ словъ можно было заключить, что Латыши, предположивъ подать вѣрноподданническій адресъ соотвѣтствовавшій обстоятельствамъ времени, воспользовались этимъ для того чтобы наполнить его жалобами на свое бѣдственное положеніе. Это не точно, и мы съ удовольствіемъ беремъ назадъ наши слова: никакихъ жалобъ въ адресѣ Латышей не выражается. Изъ нѣкоторыхъ словъ этого документа можно конечно заключить о томъ, что латышскія народонаселенія въ Лифляндіи не считаютъ себя совершенно благополучными; но никакихъ жалобъ не формулировано въ проектѣ адреса, который былъ написанъ г. Бесбардисомъ. Итакъ, мы поправляемъ допущенную нами неточность, и благодаримъ *Рижскую Газету* за поданный ею къ тому поводъ. Но она утверждаетъ будто бы г. Бесбардисъ въ этомъ самомъ документѣ оклеветалъ ненавистнымъ образомъ вѣрноподданническій адресъ, представленный въ апрѣлѣ того же года дворянствомъ Лифляндской губерніи. Это ужь не просто неточность, это неправда. Еслибы показаніе это было хоть отчасти справедливо, то *Рижская Газета* не сказала бы даже изъ церемоніи, что она сожалѣетъ о карѣ постигшей г. Бесбардиса, и находитъ ее слишкомъ тяжкою; она не стала бы выражать сожалѣніе, что г. Бесбардисъ, вслѣдствіе составленнаго имъ адреса, былъ высланъ изъ своей губерніи на жительство въ отдаленное мѣсто подъ полицейскимъ надзоромъ. Оклеветать ненавистнымъ образомъ вѣрноподданническія чувства цѣлаго столь значительнаго общественнаго класса, это большое обвиненіе. Но мы удивляемся какъ позволяетъ себѣ *Рижская Газета* дѣлать такія ни на чемъ не основанныя обвиненія, когда такъ легко подвергнуть ихъ повѣркѣ. Адресъ писанный г. Бесбардисомъ по латышски, отъ имени Латышей, и переведенный на русскій языкъ учителемъ Рижской православной семинаріи г. Краукликомъ, у насъ передъ глазами. Мы уже излагали вкратцѣ содержаніе этого документа. Дабы положить конецъ всякимъ пререканіямъ, мы изложимъ этотъ документъ *in extenso*, устраняя только тѣ выраженія и обороты рѣчи, которые сообщаютъ ему форму всеподданнѣйшаго адреса.

„Бо́льшая часть подданныхъ Русскаго Царя успѣла уже предъ Его лицомъ отвергнуть легкомысленныя притязанія и заявить искренность своего довѣрія къ Царю и преданности Его престолу. Дворянство нашей земли, заявляя предъ престоломъ свое расположеніе и преданность, упомянуло о недавнемъ присоединеніи ея къ Россіи, *о различіи нарѣчія* и учрежденій въ остзейскихъ провинціяхъ, и тѣмъ, можетъ быть, привело кого-нибудь къ мысли, *что между нами и Имперіей нѣтъ и не можетъ быть тѣснаго единства*. А наше безпріютное обезземленное положеніе, нашъ, можно смѣло сказать, невольническій трудъ, наши неоднократныя попытки къ выходу изъ него посредствомъ переселеній, *наши стремленія къ своему національному умственному развитію* въ литературѣ даютъ поводъ заподазривать насъ въ расположеніи къ своеволію и въ холодности вѣрноподданническихъ чувствъ. Не случайно присоединены мы къ Россіи, а Провидѣніе ввѣрило насъ могущественной десницѣ Русскаго Царя; *въ нашемъ нарѣчіи мы находимъ родство съ славян-*

скими племенами; а различіе учрежденій, отдѣляющихъ насъ отъ коренныхъ русскихъ подданныхъ, удручаютъ насъ болѣзненнымъ сожалѣніемъ. *Мы желали бы устраненія этихъ преградъ; мы желаемъ чтобъ намъ дано было слиться въ одну семью съ великимъ русскимъ народомъ. Это мы считаемъ нашей судьбой и нашимъ призваніемъ.* Никакія обѣщанія, приманки и угрозы праздныхъ честолюбцевъ не обольстятъ насъ. Наши надежды почиваютъ на Помазанникахъ Божіихъ; и мы умѣемъ быть честными и твердыми въ той клятвѣ, которою клялись быть подданными Русскаго Царя. И если враги Его захотятъ что-либо оторвать отъ земли, Имъ наслѣдованной, то на защиту ея готовъ ополчиться цѣльный милліонъ Латышей, бѣдныхъ имуществомъ, но богатыхъ вѣрноподданническою преданностію престолу Царя-Освободителя."

Спрашивается, что въ этомъ документѣ, приведенномъ нами съ совершенною точностію, за исключеніемъ, какъ сказано, лишь нѣсколькихъ оборотовъ рѣчи, придающихъ ему видъ личнаго обращенія, что сказано въ немъ относительно вѣрноподданническаго адреса поданнаго лифляндскимъ дворянствомъ? Упомянувъ о польскомъ мятежѣ и о томъ, что бо́льшая часть русскихъ подданныхъ уже успѣли протестовать предъ престоломъ противъ враждебныхъ ему притязаній, Латыши сказали слѣдущее: дворянство нашего края, заявляя предъ престоломъ свое расположеніе и преданность, упомянуло о недавнемъ присоединеніи нашего края къ Имперіи, о различіи языка и учрежденій прибалтійскихъ провинцій, и тѣмъ можетъ-быть привело къ мысли, что между нами и Имперіей нѣтъ и не можетъ быть тѣснаго единства." Въ чемъ же тутъ ненавистная клевета? Съ какой бы стороны не брать эти слова, не оказывается ли въ нихъ только простой общеизвѣстный фактъ? Различіе языка, особенность учрежденій, отдѣльность края отъ остальныхъ частей имперіи, развѣ все это не составляетъ обычной темы всѣхъ толковъ прибалтійской печати? Развѣ все это не выставляется тамъ безпрерывно на видъ, и кстати, и не кстати? Развѣ тамъ стыдятся этого, считаютъ это дурнымъ? Развѣ *Рижская Газета* не всегда такъ думала, не всегда говорила то, что выражено въ вышеприведенныхъ словахъ? Развѣ въ Ригѣ не настаиваютъ съ ожесточеніемъ на различіи языка, не говоря объ учрежденіяхъ? Развѣ тамъ не отрицаются права государственнаго языка Россіи, и развѣ тамъ Русскихъ не считаютъ чужеземцами? Развѣ тамъ не провозглашается, что исключительная господствующая въ прибалтійскомъ краѣ національность есть германская, что тѣснаго и внутренняго единства между этимъ краемъ и русскимъ государствомъ нѣтъ и быть не должно? Почему же *Рижская Газета* называетъ это простое заявленіе факта ненавистною неправдой, и видитъ въ немъ какъ бы оправданіе бѣдствій постигшихъ человѣка, упомянувшаго объ этомъ фактѣ, не выводя изъ него никакихъ заключеній и не дѣлая его основаніемъ для какого либо обвиненія? Какимъ образомъ то самое въ чемъ *Рижская Газета* видитъ свой политическій символъ вѣры, вдругъ превратилось для ней во что-то ненавистное и зловредное? Неужели дѣйствительно въ ея образѣ мыслей произошла вдругъ такая радикальная перемѣна? Неужели *Рижская Газета* въ самомъ дѣлѣ считаетъ теперь ненавистнымъ то, чему она всегда была предана такъ фанатически? Она вознегодовала на зеркало, которое, ничего не прибавляя отъ себя, только отразило образъ ея мыслей...

Непосредственно за вышеприведенными словами, Латыши говорили, обращаясь къ себѣ: „А наше безпріютное обезземленное положеніе, нашъ, можно сказать, невольническій трудъ, наши неоднократныя попытки къ выводу изъ него посредствомъ переселенія, наши стремленія къ своему національному умственному развитію въ литературѣ, даютъ поводъ заподазривать насъ въ расположеніи къ своеволію и въ холодности вѣрноподданническихъ чувствъ." Эти слова укоряютъ уже не *Рижскую Газету*, а насъ — укоряютъ за неточность, съ какою мы первоначально передали ихъ смыслъ. Мы имѣли въ виду именно эти слова, когда говорили, что г. Бесбардисъ и друзья его, въ предположенномъ ими вѣрноподданническомъ адресѣ, будто бы жаловались на бѣдственное положеніе своихъ соплеменниковъ. Перечитывая эти строки, мы не находимъ въ нихъ жалобы. Рѣзкій оттѣнокъ придаютъ этому мѣсту два или три слова: „безпріютное обезземленное положеніе," „невольническій трудъ." Но выраженія эти употреблены въ такой связи, въ такомъ смыслѣ, что какъ бы они ни

казались рѣзкими, отнюдь не имѣютъ значенія жалобы. Напротивъ, Латыши этими словами выставляютъ на видъ тѣ обстоятельства, которыя могутъ бросить тѣнь подозрѣнія не на кого-либо, а на нихъ самихъ, и представить ихъ въ свѣтѣ самомъ ненавистномъ. Они говорятъ, что ихъ могутъ счесть за недовольныхъ и буйныхъ пролетаріевъ, къ чему подаютъ поводъ стремленія ихъ переселяться изъ своей родины; они говорятъ, что попытки ихъ своему національному умственному развитію въ литературѣ могутъ подать поводъ думать, что и они также увлекаются такъ-называемымъ принципомъ національностей, и не хотятъ тѣснаго единенія съ Россіей. Что Латыши въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ подвергаются нареканіямъ, что ихъ дѣйствительно выставляютъ какъ пролетаріевъ готовыхъ ко всякому буйству, что образованныхъ людей между ними, которые не хотятъ подчиться германизаціи, не хотятъ стать органами германскаго въ этомъ краѣ дѣла, дѣйствительно выдаютъ поэтому за людей опасныхъ, — это не новость, это хорошо извѣстно напримѣръ *Рижской Газеты*. Недавно мы имѣли случай коснуться тѣхъ обвиненій, какія въ этой газетѣ дѣлались противъ г. Вольдемара. Изъ одного этого примѣра можно судить, какимъ клеветамъ и опасностямъ подвергается всякое движеніе жизни и мысли въ латышскихъ народонаселеніяхъ, не согласное съ видами германизаторовъ. Если статейку взятую изъ нѣмецкой же газеты *Gartenlaube*, и трактующую объ исчезнувшихъ и исчезающихъ породахъ животныхъ и растеній на земномъ шарѣ приняли за злонамѣренное нападеніе на остзейскія учрежденія, или простую нравственную апофеегму о томъ что все въ мірѣ измѣняется, что измѣняются и людскія мнѣнія и что правнуки ходятъ по могиламъ своихъ прадѣдовъ, можно было выставить какъ революціонное ученіе, какъ возмутительный соціализмъ, готовый покрыть развалинами цвѣтущія губерніи прибалтійскаго края, если за это могъ пострадать латышскій листокъ, то мудрено ли, что Латыши сознавали возможность заподазривать ихъ во всемъ дурномъ? Въ этомъ самомъ нумерѣ печатаемъ мы почерпнутое изъ другой газеты свѣдѣніе объ особой породѣ людей, которыхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ зовутъ „молодыми Латышами.“ Находясь въ такомъ положеніи, могли ли составители адреса не упомянуть о немъ, тѣмъ болѣе что они не могли не признать существованія нѣкоторыхъ фактовъ, подлежащихъ истолкованію въ неблагопріятномъ для Латышей смыслѣ, какъ ихъ безпокойныя попытки къ переселенію, или попытки создать свою литературу, которая, какъ показываетъ вышеприведенный примѣръ г. Вольдемара, считается такъ опасною, что никакія средства противъ нея не признаются недозволительными. Составители адреса не могли умолчать о тѣхъ, справедливыхъ или несправедливыхъ, подозрѣніяхъ, которыя падаютъ на ихъ сопленнниковъ; возвышая голосъ для изъявленій, никому не возбраняемыхъ, Латыши не могли не сказать, что каковы бы ни были поводы заподазривать ихъ въ расположеніи къ своеволію или въ холодности патріотическаго чувства, они тѣмъ не менѣе сознаютъ что они „не случайно присоединены къ Россіи,“ не желаютъ оставаться въ отчужденіи отъ коренныхъ русскихъ подданныхъ, а желали бы слиться въ одну семью съ великимъ русскимъ народомъ; они заявляютъ, что въ этомъ (а не въ германизаціи) видятъ истинную судьбу и призваніе, но что никакимъ честолюбивымъ демагогамъ не дадутъ увлечь себя, и что всѣ ихъ надежды почіютъ на Помазанникахъ Божіихъ, что они сумѣютъ быть честными и твердыми въ своей присягѣ, и что въ случаѣ борьбы, которая тогда угрожала Россіи, они вмѣстѣ со всѣми вѣрными дѣтьми ея готовы ополчиться на защиту ея земли. Въ заявленіи своего вѣрноподданническаго чувства они не воображали себя на какой-либо высотѣ; напротивъ, они сознавали, что подаютъ свой голосъ изъ темной низменности, что есть поводы считать ихъ непокорными и отверженными, но что тѣмъ не менѣе изъ своей темной низменности, они присоединяются къ общему чувству всего русскаго народа, и свидѣтельствуютъ о своей готовности слиться съ нимъ. Вотъ прямой очевидный смыслъ вышеприведеннаго заявленія. Инквизиція можетъ подыскиваться подъ эти слова и пытаться заглянуть въ душу людей, которые произнесли ихъ. Но благополучными или злополучными чувствуютъ себя эти люди во глубинѣ своей души, это не измѣняетъ прямаго смысла ихъ словъ, въ которыхъ выражаютъ они свою вѣрность Русскому Царю и преданность Россіи. Выражая свое же-

ланіе слиться съ русскимъ народомъ, не имѣли ли они права считать это наисильнѣйшимъ выраженіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и своей преданности Россіи?

Въ лифляндской печати недавно съ жаромъ обсуждались мѣры для полнаго обособленія губерній, носящихъ названіе прибалтійскихъ, агитировались проекты какъ эти три въ разное время на разныхъ правахъ присоединенныя къ Россіи губерніи собрать воедино и составить изъ нихъ особое нѣмецкое государство, съ своимъ законодательнымъ парламентомъ, отдѣльное отъ Россіи, хотя и находящееся подъ ея скипетромъ,—какъ всѣ реформы въ этихъ губерніяхъ направить къ объединенію ихъ въ смыслѣ нѣмецкой національности и къ ослабленію органическихъ связей, соединяющихъ этотъ край съ Россіей. Спрашивается что въ Россіи правѣе: желаніе ли Латышей, чтобы ихъ край, въ дальнѣйшей судьбѣ своей, сколь можно тѣснѣе соединялся съ Россіей, или желаніе нѣмецкихъ политиковъ и публицистовъ этого края, которые предлагали рядъ реформъ, долженствовавшихъ обособить этотъ край и сдѣлать его совершенно чуждымъ для Россіи государствомъ? Публицисты и политики, работавшіе въ этомъ послѣднемъ направленіи, гордо удерживаютъ свою позицію, во всякомъ случаѣ спокойно остаются въ своихъ домахъ, а г. Бесбардисъ, составитель вышеприведеннаго документа, потрясенный во всѣхъ основахъ своего существованія, оторванный отъ своей семьи, подвергается опасности умереть съ голода и холода въ одномъ изъ уѣздовъ Московской губерніи.

Никто не возбуждалъ вопроса о томъ, могъ ли быть принятъ или одобренъ писанный г. Бесбардисомъ проектъ вѣрноподданническаго адреса, или о томъ, могли ли быть исполнены патріотическія желанія, выраженныя въ этомъ проектѣ. Вопросъ касался не бумаги писанной г. Бесбардисомъ, а его самого и притомъ по поводу отзывовъ о немъ изъ лагеря прибалтійскихъ противниковъ его, которые въ его лицѣ торжествовали паденіе партіи препятствовавшей успѣхамъ „германскаго дѣла“ въ томъ краѣ. Мы подивились странности происходящихъ у насъ явленій. У насъ было въ ходу ученіе провозглашающее такъ называемое начало національностей; у насъ есть инородческіе элементы, которые встрѣчаютъ себѣ сочувствіе и поддержку подъ предлогомъ либеральности и гуманности; у насъ есть партіи, которыя обзываютъ варварствомъ мѣры принимаемыя противъ государственной измѣны, противъ поджигателей, противъ жандармовъ-вѣшателей. Кара постигающая стремленія прямо враждебныя государственному единству Россіи, возбуждаетъ соболѣзнованіе. А вотъ тоже инородцы, но такіе, которые хотятъ сближенія съ русскимъ народомъ и во всякомъ случаѣ не хотятъ служить орудіемъ какихъ-либо антирусскихъ направленій: такіе инородцы, въ случаѣ какого-либо постигающаго ихъ злоключенія, не привлекаютъ къ себѣ сочувствія, и у насъ найдутся люди, которые, пожалуй, будутъ требовать кары для людей не расположенныхъ обратиться во враговъ русскаго народа или способствовать разложенію русскаго государства. Напрасно думаетъ *Рижская Газета*, что мы отступились отъ высказаннаго мнѣнія нами по дѣлу г. Бесбардиса. Мы думаемъ и теперь только то же самое, что было высказано нами въ № 241: „Дѣйствуй г. Бесбардисъ искусно и ловко въ интересахъ враждебныхъ русскому дѣлу, бѣды бы съ нимъ не приключилось, а если-бъ и приключилось что-нибудь подобное, то онъ былъ бы сопричтенъ къ лику жертвъ.“

№ 257.

Москва, 22-го ноября.

Мы перепечатываемъ въ нынѣшнемъ нумерѣ изъ *Русскаго Инвалида* интересныя офиціальныя свѣдѣнія о положеніи русскаго владычества въ Ташкентѣ. Обнародованное въ этой газетѣ извлеченіе изъ донесеній генералъ-адъютанта Крыжановскаго, которому, какъ главному начальнику Оренбургскаго края, подчинена Туркестанская область, ввѣренная непосредственному управленію генералъ-майора Черняева, ея завоевателя, знакомитъ насъ съ ходомъ дѣлъ въ этомъ краѣ отъ взятія Ташкента (въ іюнѣ мѣсяцѣ) до послѣднихъ чиселъ сентября. Читатели помнятъ, что мы взяли Ташкентъ, когда Алимкула, муллы управлявшаго Коканомъ, уже не было въ живыхъ. Малолѣтній ханъ Маллябекъ, какъ и естественно, бѣжалъ тогда изъ Кокана, но какъ вовсе не естественно, бѣжалъ къ

бухарскому эмиру. Этотъ малолѣтній ханъ былъ обязанъ своимъ ханствомъ побѣдѣ Кипчаковъ надъ родственникомъ бухарскаго эмира, Худояромъ, отъ него и получившимъ коканское ханство. Коканъ былъ предметомъ борьбы между Бухарой и Кипчаками, племенемъ, живущихъ въ горахъ на югъ отъ Исыкъ-Куля (озера, которое въ свою очередь лежитъ на самомъ югѣ Семипалатинской области и прикрывается на сѣверѣ укрѣпленіемъ Вѣрное, подъ 43° сѣв. шир.). Бухарскій эмиръ, овладѣвъ Коканомъ въ 1863 году, поставилъ тамъ ханомъ Худояра; Кипчаки, разбивъ и выгнавъ Худояра, посадили на ханство въ Коканѣ малолѣтняго Маллябека, Кипчака. Тѣмъ не менѣе, какъ сказано, малолѣтній Маллябекъ, тотчасъ по смерти муллы Алимкула, своего опекуна, бѣжалъ къ бухарскому эмиру. Можно было думать, что Коканъ будетъ тогда окончательно присоединенъ къ Бухарѣ, но Кипчаки не послѣдовали примѣру Маллябека и не подчинялись эмиру. Началась война, въ которой сперва были побѣдителями Кипчаки, а потомъ одержали верхъ Бухарцы. Кипчаки уступили имъ Коканъ и удалились въ горы. Эмиръ ознаменовалъ вступленіе своего войска въ Коканъ длиннымъ рядомъ казней и жестокостей; въ ханскомъ достоинствѣ онъ возстановилъ Худояра. Но этотъ Худояръ, какъ само собой разумѣется,—ханъ номинальный, и если Кипчаки еще разъ не выгонятъ его, то мы будемъ имѣть своимъ сосѣдомъ на Сыръ-Дарьѣ не Худояра, а самого бухарскаго эмира, чего онъ и не скрываетъ. Отсюда, между прочимъ, видна важность посольства, отправленнаго бухарскимъ эмиромъ въ С.-Петербургъ, и задержаннаго было въ фортѣ № 1 (на Сыръ-Дарьѣ близъ Аральскаго моря), но теперь, какъ оказывается изъ *Русскаго Инвалида*, уже прибывшаго въ Оренбургъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Претензія бухарскаго эмира, считающаго себя верховнымъ повелителемъ коканскаго ханства, состояла въ томъ, чтобы мы, занявъ Ташкентъ, не переходили на лѣвый берегъ рѣки Чирчика, при которой лежитъ этотъ городъ. Но Ташкентъ не могъ существовать безъ лѣваго берега Чирчика, откуда онъ получаетъ главную часть своего продовольствія, и гдѣ многіе изъ его жителей владѣютъ полями, а потому въ началѣ сентября наши войска перешли за Чирчикъ и заняли мѣстность по его лѣвому берегу до горъ, отдѣляющихъ долину Ташкента отъ долины Кокана. Такимъ образомъ округлилась область Ташкента, и генералъ-адъютантъ Крыжановскій могъ приступить къ окончательному ея устройству, о чемъ мы также узнаемъ изъ его донесенія, а еще болѣе изъ приложенныхъ къ нему документовъ: адреса поданнаго ему Ташкентцами, и его прокламаціи къ нимъ. Читатели замѣтятъ оригинальную сторону этихъ двухъ документовъ. Побѣдитель предлагаетъ завоеванному имъ городу независимость, а тотъ отказывается отъ нея и проситъ, чтобы всѣ должностныя лица, кромѣ духовныхъ и судей, были назначаемы генералъ-майоромъ Черняевымъ: иначе, говорятъ жители, у насъ будутъ большіе безпорядки и несправедливости. Тѣмъ не менѣе генералъ-адъютантъ Крыжановскій объявляетъ городъ независимымъ, оставляя его однакожь на время подъ защитой русскаго оружія. Впрочемъ необходимо прибавить, что наше вмѣшательство ни въ какомъ случаѣ не будетъ ограничиваться даже и одною защитой Ташкентскаго края, мы должны, говоритъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій, „установить тамъ форму правленія, согласную съ желаніями и потребностями самихъ жителей, обезпечить ихъ личность и имущество введеніемъ законовъ вмѣсто прежняго произвола, и, наконецъ, принять мѣры для огражденія нашихъ собственныхъ торговыхъ интересовъ.“ Задача, какъ видятъ читатели, весьма сложная, и нельзя не предусматривать, что она еще болѣе осложняется вслѣдствіе могущихъ произойдти измѣненій въ нашихъ отношеніяхъ къ Бухарѣ.

Изъ донесенія генералъ-адъютанта Крыжановскаго видно, что бухарскій эмиръ выслалъ на Сыръ-Дарью свои отряды, конечно для огражденія своихъ владѣній съ нашей стороны. Но въ то же время ему угрожаютъ съ юга Кабульцы, и въ Ташкентѣ былъ слухъ, что въ Бухарѣ уже объявлено поголовное ополченіе. Итакъ, повидимому, Бухара въ серіозной опасности. Спрашивается, есть ли хотя малѣйшая причина желать, чтобы Кабульцы одержали верхъ надъ бухарскимъ эмиромъ. Все чего мы можемъ желать не ограничивается ли тѣмъ, чтобъ эмиръ убѣдился въ необходимости отказаться отъ враждебныхъ намъ дѣйствій и отъ тѣхъ обычаевъ своего государства, которые дѣлаютъ невозможными правильныя торговыя сношенія

съ нимъ? Эмиръ долженъ понять, что мы не можемъ терпѣть дикой орды на своихъ границахъ; онъ долженъ дать серіозныя обезпеченія въ томъ, что всякій русскій подданный будетъ пользоваться въ земляхъ подвластныхъ Бухарѣ полною безопасностью и притомъ, — это на Востокѣ необходимо, — не будетъ подсуденъ бухарскимъ властямъ. Но согласившись на подобныя условія, эмиръ могъ бы считать себя совершенно обезпеченнымъ съ нашей стороны и получилъ бы возможность спасти свое государство отъ угрожающихъ ему нападеній съ юга и востока, со стороны Кабула и Кипчаковъ. Въ прокламаціи генералъ-адъютанта Крыжановскаго высказана несомнѣнная истина, что Россія не нуждается въ завоеваніяхъ. Ей нѣтъ дѣла до внутренняго управленія въ тѣхъ или другихъ владѣніяхъ Средней Азіи, но она не можетъ не заботиться, чтобы личность и имущество русскихъ подданныхъ были обезпечены во всѣхъ этихъ владѣніяхъ тѣмъ, что одно обезпечиваетъ на Востокѣ,—страхомъ имени русскаго. Лишь съ этою цѣлію можетъ Россія до извѣстной степени приносить жертвы для водворенія порядка въ сопредѣльныхъ ей владѣніяхъ Средней Азіи, оставляя за ними, на сколько возможно, независимость, то-есть оставляя ихъ подъ ихъ теперешнимъ управленіемъ. Что же касается до владѣній, какъ Ташкенъ, уже потерявшихъ свое управленіе и нуждающихся въ новой конституціи нашего изобрѣтенія, то вопросъ чрезвычайно усложняется. Чтобы правильно судить о немъ, нужны такія свѣдѣнія о положеніи тамошнихъ дѣлъ, какія при недавности пребыванія тамъ Русскимъ доступны лишь на мѣстѣ. Нельзя не желать, чтобы въ такихъ владѣніяхъ дѣла шли лучше чѣмъ въ сосѣднихъ земляхъ, пользующихся большею независимостью отъ Россіи, но съ другой стороны было бы невозможно допустить, чтобы жители такого владѣнія пользовались какими-либо льготами сравнительно съ тѣмъ своими сосѣдями, которые вступили въ полное русское подданство. Въ письмѣ къ министру финансовъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій говоритъ, что истинно бѣдныхъ Киргизъ въ Россіи нѣтъ, что истинно-бѣдные Киргизы живутъ на коканскихъ и бухарскихъ земляхъ, а переходящіе въ русское подданство быстро улучшаютъ свой бытъ. Такъ должно быть и относительно другаго племени, Сартовъ. Бухарецъ долженъ улучшать свой бытъ переходя въ Ташкентъ, но и Ташкентецъ долженъ непремѣнно и несомнѣнно улучшать свой бытъ, переходя въ Чемкентъ или другой городъ Туркестанской области. Наибольшимъ обезпеченіемъ, наибольшими льготами и удобствами должны пользоваться русскіе подданные: безъ этого прекратилось бы тяготѣніе инородцевъ къ Россіи, званіе русскаго подданаго было бы унижено на Востокѣ, подчиненные намъ инородцы были бы демонализованы, и наши побѣды могли бы сдѣлаться источникомъ величайшаго вреда для Русскаго государства.

№ 258.

Москва 23-го ноября.

За послѣднія двѣ или три недѣли въ иностранныхъ политическихъ журналахъ не было почти и помину о Россіи, что впрочемъ и естественно. Россія уже довольно давно не обнаруживаетъ своей воли и не возвышаетъ своего голоса по общимъ европейскимъ дѣламъ; она какъ будто бы умышленно умалилась и притаилась въ Европѣ, чтобъ о ней было какъ можно меньше рѣчи. Такое положеніе Россіи въ Европѣ многимъ Русскимъ приходится вовсе не по сердцу. По мнѣнію многихъ, тотъ отпоръ, который Россія дала Европѣ въ 1863 г., не только не вознаградилъ ея за ущербъ нанесенный ея значенію въ послѣднюю Восточную войну, но и самъ по себѣ не былъ такъ рѣшителенъ, какъ того требовала бы самая сущность вопроса, подлежащаго только вѣдѣнію Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ касающагося всей ея будущности. Не вдаваясь теперь въ разсмотрѣніе этого послѣдняго мнѣнія, мы замѣтимъ только, что русское народное чувство имѣетъ несравненно менѣе причинъ огорчаться или оскорбляться нынѣшнею политикой Россіи нежели тою, которой она слѣдовала прежде. Правда, въ положеніи, которое занимаетъ теперь Россія, менѣе блеска чѣмъ прежде; правда, она подастъ гораздо менѣе поводомъ говорить о себѣ; но за то это положеніе болѣе соотвѣтствуетъ ея достоинству, а главное, ея существеннымъ интересамъ. До Восточной войны, Россія какъ будто бы распоряжалась судьбами цѣлой Европы; но это, повидимому, гос-

подствующее положеніе ея мало возвышало русское народное чувство и еще менѣе, какъ оказалось на опытѣ, подвигало впередъ ея интересы. Это была пора, съ одной стороны, преувеличеннаго мнѣнія въ Европѣ о могуществѣ Россіи, а съ другой – пора самообольщенія, когда казалось, что передъ Россіей все преклоняется, а въ сущности сама она подчинялась чужой волп и жертвовала въ пользу Пруссіи и Австріи, по выраженію канцлера Имперіи, графа Нессельроде, своими матеріальными и нравственными интересами. Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, ей пока еще не приходится приносить такихъ тяжкихъ жертвъ, и въ своей внѣшней политикѣ она, повидимому, желаетъ руководствоваться не чужими, а собственными задачами.

Если нѣтъ основанія сожалѣть, что внѣшняя политика Россіи даетъ очень мало поводовъ къ журнальнымъ извѣстіямъ, догадкамъ и предположеніямъ, то еще менѣе можно было бы сѣтовать на молчаніе иностранныхъ газетъ о внутреннихъ нашихъ дѣлахъ. За весьма немногими исключеніями, въ нихъ не встрѣчалось дѣльныхъ, основательныхъ и вмѣстѣ доброжелательныхъ сужденій. Всѣ статьи и корреспонденціи иностранныхъ газетъ о внутреннихъ вопросахъ Россіи отличаются или незнаніемъ дѣла, или недобросовѣстностію и духомъ интриги. Если за послѣднія двѣ или три недѣли въ иностранныхъ газетахъ почти вовсе не было помину о Россіи и особенно о внутреннихъ дѣлахъ ея, то въ этомъ нельзя не усмотрѣть значительной перемѣны къ лучшему: это молчаніе, по нашему мнѣнію, означало только, что политическая интрига, которая, къ сожалѣнію, находитъ себѣ отголосокъ въ нѣкоторыхъ сферахъ въ самой Россіи, обезсилѣла. Но чуть ли она не воспользовалась этимъ временнымъ отдохновеніемъ только для того чтобы собраться съ новыми силами. По крайней мѣрѣ, нынѣшняя почта разомъ принесла намъ двѣ серіозныя газеты, въ которыхъ цѣлыя статьи посвящены Россіи: это—*Journal des Débats* и *Крестовая Газета*.

Въ *Journal des Débats*, за подписью секретаря редакціи, г. Давида, помѣщена корреспонденція изъ Кенигсберга, самаго чудовищнаго содержанія. Такія корреспонденціи обезображивали собой листы этой газеты только въ самый разгаръ польскаго мятежа 1863 года. Но на этотъ разъ въ составленіи кенигсбергской корреспонденціи участвовала, повидимому, не одна польская интрига, но вмѣстѣ съ нею и нѣмецкая, или, лучше сказать, берлинская. Не даромъ же и самая корреспонденція помѣчена изъ Кенигсберга. Какъ намъ кажется, начало ея можетъ служить доказательствомъ, что Пруссія, обратившись къ Россіи по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, не встрѣтила съ ея стороны большой предупредительности. Въ такомъ положеніи для Пруссіи было бы желательно возбудить во Франціи опасенія относительно намѣреній Россіи и вызвать прежнее чувство недоброжелательства въ связи съ извѣстными вымыслами о преслѣдованіи Поляковъ и католиковъ. Изъ какихъ бы фондовъ ни произошла вышеупомянутая кенигсбергская корреспонденція *Journal des Débats*, во всякомъ случаѣ она имѣетъ двоякую цѣль: вызвать раздраженіе противъ Россіи и внушить недовѣріе къ ея миролюбивымъ намѣреніямъ. Корреспонденція указываетъ, будто бы въ Россіи происходятъ необыкновенныя военныя приготовленія: разъѣзжаютъ ея Великіе Князья съ одного конца Имперіи до другаго, производя смотры войскамъ и осмотры крѣпостямъ, передвигаются корпуса дѣйствующей арміи, несмотря на значительныя издержки, которыхъ требуетъ ихъ перемѣщеніе, разсылаются приказы къ мѣстнымъ властямъ въ видахъ скорѣйшаго созванія всѣхъ безсрочно отпускныхъ и находящихся во временномъ отпуску, вооружаются и снабжаются провіантомъ всѣ крѣпости, перевозится къ границамъ весь порохъ заготовленный въ Вильнѣ, ускоряется сколь возможно постройка походныхъ телѣгъ новаго образца и приготовленіе палатокъ на подобіе французскихъ *tentes-abris*, и т. д. Вотъ какія подробности о нашихъ военныхъ приготовленіяхъ въ состояніи сообщить кенигсбергскій корреспондентъ *Journal des Débats*, который, чтобъ еще больше поразить вниманіе своихъ читателей, предпослалъ всѣмъ этимъ подробностямъ общій вопросъ: „Намѣрено ли русское правительство принять угрожающее положеніе противъ Европы, или же предчувствуя грозу, само хочетъ изготовиться на всякій случай?“ и предоставляетъ разрѣшеніе этого вопроса остроумію своихъ читателей. Впрочемъ, изобрѣтательный на выдумки корреспондентъ

не берется разрѣшить его. Особенно характеристическою чертой его выдумокъ служитъ упоминаніе объ инспекціи войскамъ, дѣйствительно произведенной Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Въ то время, когда эта инспекція была предпринята, она рѣшительно никого не встревожила въ Европѣ, а теперь, слишкомъ два мѣсяца спустя, въ то самое время какъ французское правительство предприняло сокращеніе своей арміи, въ сущности совершенно ничтожное, но которому оно старается придать важное политическое значеніе, вдругъ эта инспекція становится во главу всѣхъ другихъ, большею частію выдуманныхъ тактовъ, долженствующихъ доказать, что Россія энергически готовится къ какой-то войнѣ. Очевидно, въ какомъ смыслѣ имѣлось въ виду подѣйствовать подобнымъ извѣстіемъ на легковѣрную французскую публику, и какое неудовольствіе возбудить въ ней противъ Россіи. Чтобъ усилить это впечатлѣніе, корреспондентъ сообщаетъ, будто бы близъ самой Вильны организована насильственная пропаганда въ пользу православія, будто трое старцевъ, которые объявили, будто они скорѣе рѣшатся умереть чѣмъ отречься отъ своей вѣры, были связаны, отосланы въ виленскую тюрьму и тамъ подвергнуты тѣлесному наказанію. Для куріоза стоитъ привести еще одно показаніе кенигсбергскаго корреспондента о томъ, что во главѣ всей этой пропаганды стоитъ нѣкто Якубовскій, самъ магометанинъ, но проповѣдывающій въ русской церкви въ пользу православія.

Крестовая Газета принимается за то же самое дѣло, но совсѣмъ съ другаго конца. Она разчитываетъ на то, чтобы подѣйствовать въ самой Россіи и нанести, по возможности, ударъ національному направленію внѣшней и внутренней русской политики. Къ этой цѣли направлена ея петербургская корреспонденція. Но чтобы сдѣлать къ ней воспріимчивѣе тѣхъ читателей, на которыхъ она разчитана, въ томъ же самомъ нумерѣ *Крестовой Газеты* напечатана доброжелательная къ Россіи статья, направленная противъ ея революціонеровъ за границей и ближайшимъ образомъ противъ клеветы, возводимой *Колоколомъ* на русское правительство по поводу смерти сосланнаго въ Сибирь литератора Михайлова. Объ этомъ весьма естественномъ событіи постигшемъ человѣка, давно уже страдавшаго болѣзнію, *Колоколъ* извѣстилъ въ статьѣ, озаглавленной: *Убили!* и появился на этотъ разъ въ свѣтъ обрамленный траурною полосой. *Крестовая Газета*, разсказавъ своимъ читателямъ въ чемъ тутъ дѣло, прибавляетъ, что г. Герценъ долженъ вполнѣ чувствовать свое безсиліе и свое одиночество, если онъ прибѣгаетъ къ такимъ продѣлкамъ, и что революціонная русская печать за границей сама низводитъ себя въ могилу такимъ неприличнымъ образомъ дѣйствій. Жаль только, что эта статья противъ русскихъ революціонеровъ за границей, теперь дѣйствительно совсѣмъ безсильныхъ, служитъ преддверіемъ къ петербургской корреспонденціи имѣющей въ виду поддержку направленій, въ настоящее время болѣе опасныхъ чѣмъ всѣ наши выходцы вмѣстѣ взятые. Корреспондентъ крайне недоволенъ отзывами такъ-называемой *Русской Корреспонденціи*, составляемой въ Петербургѣ для заграничныхъ газетъ,—отзывами о политикѣ графа Бисмарка. Ему сдается, что именно на этотъ разъ *Русская Корреспонденція* не соотвѣтствуетъ политическимъ видамъ нашего вице-канцлера, и что она явнымъ образомъ служитъ органомъ такъ-называемой ультра-русской партіи, а эта партія будто бы причиняетъ чрезвычайно много неудовольствій и проповѣдываетъ самый пагубный фанатизмъ. Такимъ образомъ самъ петербургскій корреспондентъ *Крестовой Газеты* связываетъ вопросъ о направленіи нашей политики относительно властолюбивыхъ видовъ Пруссіи съ вопросомъ о національномъ направленіи русской политики вообще, неблагопріятные отзывы *Русской Корреспонденціи* объ образѣ дѣйствій графа Бисмарка служатъ ему поводомъ къ нападкамъ на такъ-называемую русскую національную партію. Мы согласны съ тѣмъ, что между національнымъ направленіемъ русской политики вообще и противодѣйствіемъ властолюбивымъ видамъ Пруссіи есть связь, и что Россія, руководясь своими національными интересами, не только не можетъ поддерживать притязанія Пруссіи на Герцогства, но и всячески должна имъ противиться. Корреспондентъ поступилъ очень неловко съ своей точки зрѣнія, направивъ свои удары на такъ-называемую ультра-русскую партію по поводу этого естественнаго и необхо-

димаго для Россіи противодѣйствія прусскимъ захватамъ. Тѣмъ самымъ онъ обнаружилъ, откуда истекаетъ его гнѣвъ противъ такъ-называемой русской партіи, и этого промаха не можетъ загладить даже и передовая статья самой редакціи. Впрочемъ, прислушаемся къ тому что̀ можетъ быть высказано съ прусской точки зрѣнія противъ національнаго направленія внутренней русской политики. Прежде всего корреспондентъ воздаетъ хвалу русскому правительству за то, что оно не полагаетъ никакого различія между природными Русскими и людьми всякаго другаго происхожденія, коль скоро они живутъ въ Россіи и состоятъ въ русскомъ подданствѣ. Онъ восхваляетъ также, что русскимъ инородцамъ дозволяется сохранять ихъ нравы и обычаи, говорить ихъ собственнымъ языкомъ, по своему молиться Богу, и что они сообща и безразлично вступаютъ въ одни и тѣ же баталіоны и эскадроны, и при всемъ различіи своего происхожденія, дружно повинуются одной и той же русской командѣ. Все это выставляется на видъ какъ бы въ похвалу прежней русской политикѣ и въ порицаніе нынѣшнему *ультра-русскому*, патріотическому ея направленію; между тѣмъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ не только не произошло никакой теперь перемѣны, но и не могло быть рѣчи о необходимости какой-либо перемѣны. Съ національно-русской точки зрѣнія, какъ нельзя болѣе желательно, чтобы между русскими подданными, какого бы ни были они происхожденія, лишь бы только они дѣйствительно и искренно принадлежали Россіи, не дѣлалось никакого различія по національностямъ, не только въ организаціи полковъ, но и во всякомъ другомъ отношеніи. То что̀ въ этомъ случаѣ восхваляетъ петербургскій корреспондентъ *Крестовой Газеты*, дѣйствительно заслуживаетъ похвалы съ національно-русской точки зрѣнія. Но при этомъ онъ не безъ ловкости вводитъ въ свою рѣчь нѣкоторыя замѣчанія, или положительно невѣрныя, или вредныя въ примѣненіи къ дѣлу. Онъ толкуетъ о равноправности какихъ-то національностей, какъ объ основномъ началѣ Русской Имперіи, тогда какъ въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть никакой другой политической національности кромѣ русской, и люди всякаго другаго племеннаго происхожденія могутъ пользоваться политическими въ ней правами только въ качествѣ вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ Россіи. Онъ повторяетъ давнымъ-давно разсѣянный призракъ, будто бы Россія представляетъ не одно великое національное цѣлое, а великое множество разнородныхъ *національностей*, и наконецъ, даетъ уразумѣть, что всѣ эти элементы, которые онъ величаетъ народами, могутъ быть вѣрными подданными одного государя, оставаясь существенно чужды другъ другу и такимъ образомъ подъ благовидною личиной проводитъ вражескую мысль, которая служитъ главнымъ орудіемъ всякой измѣны,—мысль, которая старается отдѣлить государя отъ государства и создавая призракъ не существующихъ отдѣльныхъ націй подъ одною державой, клонится къ расторженію связи соединяющей верховную власть съ дѣйствительною націей, во главѣ которой она находится. Вотъ противъ этой-то измѣнической доктрины, которая всѣми путями старается проникнуть въ Россію и внутренно разложить ее на отдѣльныя части, не имѣющія ничего общаго между собой,—противъ этой-то доктрины дѣйствительно возстаютъ въ Россіи всѣ кто только чувствуетъ себя Русскимъ и при этомъ не лишенъ смысла. Никто не думаетъ посягать на племенныя особенности различныхъ инородческихъ элементовъ; никто не дышетъ ненавистію противъ нѣмецкаго элемента въ Россіи, и всякій желалъ бы, чтобы между всѣми этими элементами и собирающимъ ихъ въ одно цѣлое, подъ властію одного государя, русскимъ народомъ водворилось органическое плодотворное единеніе. Но это единеніе возможно только подъ условіемъ, чтобы ни одинъ изъ инородческихъ элементовъ не имѣлъ какихъ-либо своихъ особыхъ національно-политическихъ стремленій и чтобы всѣ они готовы были жить одною общею съ русскимъ народомъ государственною жизнію. Вотъ что̀, повидимому, не нравится корреспонденту *Крестовой Газеты* въ направленіи *Московскихъ Вѣдомостей*, и заставляетъ его винить насъ и въ посягательствѣ на племенныя особенности инородческихъ элементовъ въ Россіи и въ особенной ненависти къ элементу нѣмецкому. Для нынѣшнихъ властолюбивыхъ видовъ прусской политики было бы, конечно, гораздо лучше и удобнѣе, чтобы вмѣсто одной великой политической національности

въ Россіи, вдругъ появилось ихъ множество, или—что то же—чтобы вмѣсто единой и цѣльной Россіи возникло много государствъ, тѣмъ болѣе враждебныхъ другъ другу что они состояли бы подъ одною верховною властію, и каждое изъ нихъ было бы принуждено оспаривать ее другъ у друга. Но всякій, кто только не стоитъ на враждебной къ Россіи точкѣ зрѣнія, можетъ желать, чтобъ исчезла въ Россіи и та политическая рознь, сѣмена которой или сохранились отъ прежняго времени, или же противоестественно были брошены въ нашу почву въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а также и въ наши дни. Въ этомъ желаніи сходятся всѣ Русскіе, какого бы то ни было происхожденія и религіи, и въ немъ нѣтъ ничего такого, что можно было бы счесть неумѣреннымъ и обозначить словомъ *ультра*.

№ 259.

Москва, 24-го ноября.

Въ іюлѣ прошлаго года, нѣкоторые изъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ обывателей Серпухова сошлись въ мысли дѣйствовать совокупно для вспоможенія неимущимъ. Число сочувствующихъ этому доброму дѣлу возрасло по мѣрѣ разъясненія цѣли и круга открывшейся для нихъ дѣятельности, и вскорѣ явилась потребность въ нѣкоторой организаціи. Проектъ устава, начертанный учредителями общества, былъ представленъ г. министру внутреннихъ дѣлъ и утвержденъ въ минувшемъ сентябрѣ, съ значительными впрочемъ прибавленіями.

Помѣщая въ этомъ самомъ нумерѣ уставъ новоучрежденнаго Серпуховскаго Благотворительнаго Общества, мы не можемъ не напутствовать его словомъ сочувствія и желаніемъ успѣха. Оно возникло изъ скромныхъ начатковъ, цѣль его не громкая, горизонтъ его не широкій. Дѣятельность его будетъ ограничиваться пространствомъ одного уѣзда и касаться предметовъ ежедневной нужды. Было бы излишне распространяться о христіанскомъ или филантропическомъ значеніи благотворительнаго общества. Помогать неимущимъ, это достаточно говоритъ само за себя, и, слава Богу, это дѣлается повсюду и дѣлалось всегда, и въ нашемъ народѣ это менѣе чѣмъ гдѣнибудь можетъ показаться дѣломъ необыкновеннымъ. Но явленіе новое въ нашемъ быту заключается въ томъ, что дѣло благотворенія, какъ и всякое другое дѣло, все болѣе и болѣе чувствуетъ потребность въ организаціи, сосредоточивающей частныя усилія и жертвы, и направляющей ихъ употребленіе возможно лучшимъ и плодотворнымъ образомъ. Благотворительность никогда не изсякала въ нашемъ народѣ. Но организованная общественная благотворительность становится возможною у насъ только теперь съ пробужденіемъ общественной жизни, при новыхъ открывающихся для нея условіяхъ. Есть люди, которые готовы полагать особенность русскаго народа въ томъ, что въ его средѣ не была развита общественная благотворительность, и которые готовы видѣть въ ней зловредное вліяніе цивилизаціи и посягательство на святыню нашихъ народныхъ началъ. Но отсутствіе общественной благотворительности можетъ свидѣтельствовать не о какихъ-либо началахъ, а только объ отсутствіи общественной жизни. Подающій милостыню чувствуетъ себя удовлетвореннымъ, не заботясь о томъ какое будетъ сдѣлано изъ нея употребленіе. Если изъ нея будетъ сдѣлано употребленіе недостойное, быть можетъ даже пагубное, подающій не считаетъ себя за это въ отвѣтѣ; выпустивъ лепту изъ своей руки, онъ считаетъ свой долгъ исполненнымъ и дѣло свое конченнымъ. И дѣйствительно, нельзя винить человѣка, если его подаяніе не приноситъ пользы или употребляется во зло, лишь бы только оно было сдѣлано имъ самимъ отъ чистаго сердца. Но гдѣ кончается личная благотворительность, тамъ начинается общественная, и нельзя не радоваться, что организованная благотворительность начинаетъ и у насъ вступать въ свои права. Земскія учрежденія, основанныя на обязательныхъ отношеніяхъ, не могутъ замѣнить собою организацію, основанную на добровольномъ пожертвованіи. Ни земскія собранія, ни ихъ повѣренные, члены управъ, не могутъ, дѣйствуя въ качествѣ земской власти, вносить въ дѣло благотворенія ту энергію и теплоту, которыя именно въ этомъ дѣлѣ особенно дороги, и которыя составляютъ принадлежность личнаго, свободнаго и такъ-сказать хозяйскаго, не на общественномъ порученіи, а на собственномъ призваніи основаннаго отношенія къ дѣлу. Вотъ почему, наряду съ офиціяльными за-

ботами земскихъ учрежденій, дѣло общественнаго благотворенія нуждается въ непосредственномъ участіи общества. Долгое время наши общественныя силы оставались безъ всякаго примѣненія, безъ всякой организаціи, и даже теперь учрежденіе благотворительныхъ обществъ сопровождается разными затрудненіями и проволочками. Бездѣйствіе и апатія не научаютъ, конечно, искусству избирать для общественной дѣятельности удобоисполнимыя, соотвѣтствующія потребностямъ и средствамъ задачи, вѣрно оцѣнивая мѣру ихъ трудности, и мы дѣйствительно видимъ, что многія изъ нашихъ общественныхъ предпріятій не имѣли успѣха и не принесли ожидаемой пользы вслѣдствіе того что слишкомъ широко разбрасывали планы для своей дѣятельности. Благотворныхъ послѣдствій можно ожидать только отъ мелкихъ и тѣсныхъ организацій, дѣйствующихъ въ скромной сферѣ, но за то наполняющихъ ее собой. Что значитъ, повидимому, одинъ какой-нибудь уѣздный городъ сравнительно съ громадою цѣлой имперіи? А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что только дѣятельность мѣстныхъ обществъ можетъ положить у насъ начало истинной общественной благотворительности, какъ и всякому плодотворному общественному дѣлу, что только такого рода мѣстныя, свободныя, общественныя организаціи, ограничивающія свою дѣятельность самымъ тѣснымъ кругомъ, могутъ приносить дѣйствительную пользу бѣднымъ и страждущимъ, и въ то же время служить къ возбужденію жизни и самодѣятельности въ нашемъ обществѣ.

Характеристическою чертой новоучрежденнаго Серпуховскаго Благотворительнаго Общества надобно признать то, что оно, ограничиваясь предѣлами своего уѣзда, обнимаетъ всѣ роды нужды и вступаетъ въ соприкосновеніе со всѣми сторонами народнаго быта. Оставляя во всей силѣ личную благотворительность, и только пролагая и освѣщая пути для нея, общество посѣщаетъ нищету, пріискиваетъ работы, старается о сбытѣ издѣлій, лѣчитъ больныхъ, учитъ дѣтей, заботится о распространеніи полезныхъ книгъ и тѣмъ пресѣкаетъ пути пустымъ и вреднымъ, и такимъ образомъ становится дѣятельною силой добра въ народномъ быту. Средства общества еще очень скудны, но оно уже оказываетъ въ различныхъ видахъ пособія неимущимъ, а главное—оно уже успѣло открыть безплатную школу на 25 дѣвочекъ, и на дняхъ, благодаря безкорыстному содѣйствію мѣстныхъ врачей, откроетъ безплатную лѣчебницу для приходящихъ бѣдныхъ, пока только изъ городскихъ жителей.

Въ числѣ лицъ принявшихъ участіе въ благотворительномъ дѣлѣ Серпуховскаго общества, оно имѣетъ счастіе считать Августѣйшихъ дѣтей Ихъ Императорскихъ Величествъ, Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей и Великую Княжну Марію Александровну, пожертвовавшихъ по 50 р. с.

Въ заключеніе, считаемъ долгомъ объявить, что пожертвованія, въ которыхъ такъ теперь нуждается новоустроенное благотворительное общество въ старомъ пригородѣ Москвы, принимаются у дѣйствительныхъ членовъ: въ Москвѣ—у графини Маріи Ѳедоровны Соллогубъ, въ Толмачевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ, и у Софьи Петровны Катковой въ домѣ Университетской типографіи; въ Серпуховѣ—у Александра Михайловича Дурасова.

№ 260.

Москва, 25-го ноября.

Такъ какъ построеніе динабурго-витебской желѣзной дороги приближается къ концу, то естественно возникаетъ вопросъ о ея продолженіи внутрь Россіи. Конечный пунктъ этого продолженія не подлежитъ спору. Онъ долженъ находиться на той линіи которая пойдетъ отъ Москвы на югъ, а направленіе этой линіи, по крайней мѣрѣ до Курска, не только опредѣлено окончательно, но и закрѣплено работами на участкѣ между Москвой и Орломъ, уже значительно подвинувшимися впередъ: московско-курская линія дѣлаетъ изгибъ на западъ; уголъ этого изгиба, то-есть наиболѣе западный пунктъ ея, очевидно долженъ быть цѣлью той дороги, которая направится изъ Витебска на юго-востокъ. Этотъ пунктъ есть Орелъ. Но спрашивается, какъ выгоднѣе соединить Витебскъ съ Орломъ, болѣе ли прямою и болѣе сѣверною линіей на Смоленскъ, или линіей болѣе южною и ломаною на Могилевъ. Если Орелъ внѣ спора, то между Смоленскомъ и Могилевомъ можетъ идти, и если не ошибаемся, уже идетъ

споръ. За которымъ же изъ этихъ городовъ болѣе правъ на предпочтеніе?

Могилевъ — городъ принадлежащій къ западному краю и если смотрѣть на него съ этой точки зрѣнія, то можетъ быть желательно втянуть его въ сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но если всмотрѣться ближе, то этотъ доводъ утратитъ силу. Изъ всѣхъ губернскихъ городовъ западнаго края Могилевъ есть городъ наиболѣе русскій, какъ и вся Могилевская губернія только по недоразумѣнію причисляется къ губерніямъ не вполнѣ русскимъ: тутъ русскій элементъ можетъ подвергаться сомнѣнію лишь въ томъ случаѣ, если мы сами захотимъ питать это сомнѣніе. Съ этой стороны стало-быть нѣтъ надобности въ проведеніи на Могилевъ желѣзной дороги, и направленіе витебско-орловской линіи позволительно избрать на основаніи соображеній, чисто-экономическихъ. Какія же экономическія соображенія говорятъ въ пользу Могилева? Онъ лежитъ на Днѣпрѣ, точно такъ же какъ и Смоленскъ, но разница между ними та, что Днѣпръ гораздо удобнѣе для судоходства въ Могилевѣ, чѣмъ въ Смоленскѣ, гдѣ онъ почти не судоходенъ. Спрашивается, въ какой мѣрѣ важно это обстоятельство, на столько ли оно важно чтобы ради его рѣшиться на значительное удлиненіе линіи соединяющей Орелъ съ Ригой. Замѣтимъ, что по значительности разстоянія между этими городами всякая надбавка въ цѣнѣ провоза будетъ очень чувствительна для громоздкихъ товаровъ, которые будутъ отправляться изъ Орла,—такъ чувствительна что нерѣдко можетъ сдѣлать отправку вовсе негодною, а слѣдовательно и желѣзную дорогу безполезною. Тутъ пятьдесятъ верстъ уже много значатъ, а линія на Могилевъ будетъ болѣе чѣмъ на пятьдесятъ верстъ длиннѣе линіи на Смоленскъ. Если для Риги важно соединеніе съ Днѣпромъ въ Могилевѣ, то было бы выгоднѣе построить въ Могилевъ особенную вѣтвь чѣмъ портить обходомъ на Могилевъ рижско-орловскую линію, которой важность неизмѣримо выше. Не думаемъ чтобы бассейнъ Днѣпра могъ доставлять особенно много товаровъ для рижскаго порта, но во всякомъ случаѣ интересы рижской отпускной торговли требовали бы отдѣльной вѣтви только до Орши (первой хорошей пристани на Днѣпрѣ), а линія отъ Орши на югъ получила бы коммерческое значеніе только въ томъ случаѣ если бы дошла до Чернигова и Кіева, потому что только тогда она могла бы оказать услугу для внутренней торговли. Нисколько не оспаривая экономическихъ выгодъ, которыя могутъ быть доставлены вѣтвью на Оршу, мы полагаемъ однако, что на первый разъ эта вѣтвь очень могла бы быть желѣзно-конная. Главная же линія не должна дѣлать изгибовъ на югъ; она должна направиться къ Орлу возможно-краткимъ путемъ—на Смоленскъ.

Кромѣ краткости линіи, въ пользу Смоленска говорятъ многія другія обстоятельства. Экономическое положеніе Смоленска заслуживаетъ участія. Этотъ городъ сильно упалъ, послѣ того какъ его оставило въ сторонѣ брестское шоссе. Знающіе люди утверждаютъ, что это шоссе имѣло чрезвычайное вліяніе на упадокъ торговли даже на всѣхъ порѣчьскихъ, бѣльскихъ и верхне-волжскихъ пристаняхъ, и что Вязьма также потеряла свое прежнее торговое значеніе не вслѣдствіе какихъ-либо измѣненій въ характерѣ торговли, а преимущественно вслѣдствіе того, что шоссейному пути дано болѣе южное направленіе. Если такое дѣйствіе произвело шоссе, то во сколько разъ сильнѣе будетъ дѣйствіе желѣзной дороги? Оживляя тѣ мѣстности, по которымъ она пролегаетъ, желѣзная дорога дѣлаетъ это насчетъ мѣстностей смежныхъ. Какая же выгода, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, искусственными средствами сообщенія подрывать благосостояніе края, который имѣетъ естественныя преимущества и безъ искусственныхъ мѣръ могъ бы пользоваться ими къ выгодѣ народнаго богатства? Брестское шоссе сдѣлало свое дѣло. Пусть же оно продолжаетъ оживлять тѣ мѣстности, по которымъ оно проходитъ, но пусть желѣзная дорога возстановитъ естественное положеніе дѣлъ и вновь оживитъ тѣ торговые пункты, которыхъ значеніе, основанное на естественныхъ условіяхъ, восходитъ до древнѣйшихъ временъ. Смоленскъ — одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Русской земли, и уже одно это можетъ служить доказательствомъ выгодности его географическаго положенія. Смоленская губернія лежитъ въ верховьяхъ трехъ главныхъ бассейновъ европейской Россіи, волжскаго, днѣпровскаго и двинскаго; и сверхъ того, на пути изъ Москвы къ западу. Невозможно предпола-

гать, чтобы наша древняя столица, средоточіе внутренней системы нашихъ желѣзныхъ дорогъ, долго осталась безъ прямаго рельсоваго пути на западъ, а этотъ путь не можетъ идти иначе какъ на Смоленскъ, и если Смоленскъ уже будетъ лежать на линіи желѣзныхъ дорогъ, то прямое соединеніе Москвы съ западомъ потребуетъ меньшихъ издержекъ: надобно будетъ провести дорогу изъ Москвы только до Смоленска.

Таковы соображенія экономическія. Скажемъ еще нѣсколько словъ съ точки зрѣнія политической. Смоленскъ, по политической судьбѣ своей, имѣетъ много общаго съ Кіевомъ. Столь же древній, какъ Кіевъ, онъ подобно ему былъ оплотомъ русской народности на западѣ Русской земли въ ея борьбѣ съ Польшей, и также подобно ему находился нѣсколько времени подъ польскимъ владычествомъ, не переставая быть городомъ неизмѣнно русскимъ. Можно сказать, что присоединеніе Смоленска и Кіева рѣшило исходъ борьбы между русскимъ и польскимъ государствомъ. Имѣя въ виду это историческое значеніе Смоленска, Екатерина Великая обращала на него особенное вниманіе и старалась сдѣлать изъ него пунктъ притяженія для сосѣднихъ ему западныхъ мѣстностей находившихся подъ польскимъ владычествомъ. Согласно съ этимъ національнымъ преданіемъ, и теперь предполагается, сколько извѣстно, сдѣлать Смоленскъ средоточіемъ суедбнаго округа, къ которому должны быть приписаны обѣ бѣлорусскія губерніи, Витебская и Могилевская. Это мысль несомнѣнно вѣрная, опирающаяся и на исторію и на географію. Къ тому же округу предполагается отнести и Орловскую губернію, что также основано на соображеніяхъ несомнѣнно правильныхъ. Образовать судебный округъ изъ губерній Смоленской, Орловской, Витебской и Могилевской, значитъ упразднить въ бѣлорусскихъ губерніяхъ возможность польскаго вопроса. Мѣра предписываемая необходимостью почти физическою — иначе нѣтъ возможности образовать судебный округъ лежащій на западъ отъ московскаго — сдѣлалась бы въ то же время важною политическою мѣрой, упрочивающею единство Имперіи и обезпечивающею спокойствіе и порядокъ въ двухъ губерніяхъ, изъ которыхъ одна, Могилевская, правда, не подаетъ повода ни къ какимъ опасеніямъ, но находится въ сосѣдствѣ съ губерніей Минскою, которая сильно обезображена польскою пропагандой и можетъ, съ политическою пользой, уступить ей нѣсколько изъ своихъ восточныхъ уѣздовъ, а другая, Витебская, ополячена болѣе другихъ и до сихъ поръ служитъ аванпостомъ польскихъ притязаній. Но если Смоленскъ, какъ судебный центръ, долженъ возымѣть вліяніе въ русскомъ смыслѣ на Витебскую губернію, то неужели будетъ раціонально связывать съ Витебскомъ не Смоленскъ, а Могилевъ? Если Смоленскъ нельзя обойдти при избраніи центральнаго города для судебнаго округа губерній Смоленской, Орловской, Витебской и Могилевской, то неужели будетъ раціонально оставлять Смоленскъ внѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ и связывать съ Орломъ и Витебскомъ не Смоленскъ, а Могилевъ? Наконецъ, лишь при рельсовомъ соединеніи Смоленска съ Орломъ была бы не чувствительна для Орловской губерніи приписка ея къ смоленскому судебному округу, а эта приписка есть политическая необходимость, столь очевидная, что о ней нѣтъ надобности распространяться. Мы позволимъ себѣ только прибавить, это если осуществится мудрое предположеніе присоединить къ Могилевской губерніи восточные уѣзды губерніи Минской, то политическая важность присоединенія Орловской губерніи къ смоленскому судебному округу возрастетъ еще болѣе, а слѣдовательно возрастетъ и настоятельная потребность въ желѣзной дорогѣ соединяющей Смоленскъ съ Витебскомъ и Орломъ.

№ 261.

Москва, 26-го ноября.

Одинъ изъ сотрудниковъ *Ревельской Газеты*,— одинъ изъ бордовъ, который, по собственнымъ словамъ его, самъ былъ въ огнѣ, сражаясь за остзейско-нѣмецкое дѣло, хотя онъ и проживаетъ теперь, какъ видно изъ подписи его письма, въ Петербургѣ,—возбудилъ въ упомянутой газетѣ куріозный вопросъ о томъ, какое положеніе слѣдуетъ принять прибалтійской нѣмецкой печати въ виду безпрерывныхъ обличеній ея русскими газетами. Казалось бы, что на этотъ вопросъ можетъ быть

данъ только одинъ отвѣтъ, именно тотъ, что слѣдуетъ брать во вниманіе мнѣнія противниковъ, вникать въ истинный ихъ смыслъ, не представлять ихъ въ искаженномъ видѣ, не имѣть на умѣ неодобрительныхъ замысловъ и вообще вести себя добросовѣстно. Но борецъ за остзейско-нѣмецкое дѣло совѣтуетъ прибалтійскимъ нѣмецкимъ газетамъ погрузиться въ безмолвіе, дабы русскія газеты, за недостаткомъ матеріала, были принуждены въ скорѣйшемъ времени смолкнуть о прибалтійскихъ дѣлахъ. Система молчанія и безгласность, какъ извѣстно, были въ большомъ ходу въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Но на этотъ разъ система безгласности едва ли будетъ тамъ принята въ руководство, хотя мы бы отъ всей души желали, чтобы намъ не приходилось возвращаться къ вопросамъ, касающимся прибалтійскихъ губерній Россіи. Чтобъ эти вопросы сошли со сцены, мало одного молчанія тамошнихъ нѣмецкихъ газетъ; для этого необходимо, чтобы тамошнія дѣла слѣдовали направленію согласному съ общими интересами Россіи. Пусть тамъ откажутся отъ замысловъ германизаціи и перестанутъ вмѣнять Латышамъ или Эстамъ въ преступленіе ихъ заявленія, что они видятъ въ полномъ сліяніи съ русскимъ народомъ свое призваніе и свою судьбу; пусть исчезнутъ тамъ навсегда прямыя и косвенныя попытки политическаго объединенія трехъ прибалтійскихъ губерній, съ цѣлію создать изъ нихъ особое политическое цѣлое германской національности; пусть прекратятся недостойныя протестаціи противъ требуемой равноправности русскаго языка съ языкомъ нѣмецкимъ во всѣхъ официальныхъ сферахъ, и пусть, наконецъ, утвердится сознаніе, что нѣмецкому партикуляризму нѣтъ мѣста на русской почвѣ, и что общіе интересы Имперіи должны быть и въ прибалтійскихъ губерніяхъ не чужими, а собственными интересами,—и тогда мы ручаемся, по крайней мѣрѣ, за нашу газету, что въ ней не будетъ болѣе рѣчи о прибалтійскихъ губерніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ и въ томъ духѣ, какъ до сихъ поръ. Но пока эти справедливыя и умѣренныя требованія встрѣчаютъ тамъ не сочувствіе, а запальчивый отпоръ и недобросовѣстную, прибѣгающую даже къ поддѣлкамъ полемику, до тѣхъ поръ русская политическая печать будетъ принуждена выставлять на видъ всю справедливость и своевременность этихъ требованій. Еслибъ она стала дѣйствовать иначе, она погрѣшила бы противъ своего долга.

Система молчанія, которую рекомендуютъ изъ Петербурга *Ревельской Газеты*, можетъ проистекать теперь только изъ сознанія неправоты того дѣла, которое до сихъ поръ отстаивала прибалтійская нѣмецкая печать. Только этимъ сознаніемъ собственнаго безсилія можно объяснить тотъ площадной тонъ и тотъ духъ ничѣмъ не оправдываемаго высокомѣрія относительно русской печати, которымъ отличается статейка петербургскаго корреспондента *Ревельской Газеты*. „Можемъ ли мы вообще, говоритъ онъ, равнять съ собой нашихъ противниковъ? Не было ли бы это величайшимъ для насъ самоуниженіемъ? Лучшее что можемъ мы сдѣлать, это — молчать. Не молчитъ ли и мѣсяцъ, когда на него лаютъ собаки? Послѣдуемъ же этому благоразумному примѣру, и мы достигнемъ самаго блистательнаго успѣха.“ Спѣшимъ присовокупить, что неприличіе этой выходки было указано въ самой же *Ревельской Газетѣ* однимъ изъ ея читателей, который справедливо обвиняетъ упомянутаго петербургскаго корреспондента въ безсильной злобѣ и редакцію *Ревельской Газеты* въ томъ, что она напечатала это письмо въ настоящемъ его видѣ. Къ сожалѣнію, сама редакція скорѣе вторитъ своему петербургскому корреспонденту, чѣмъ ревельскому подпищику, хотя и не совсѣмъ соглашается съ первымъ изъ нихъ относительно системы молчанія. Она похваляется тѣмъ, что имѣетъ на своей сторонѣ будто бы и несомнѣнное право, и высшее образованіе. (Ужь не считаетъ ли она образцомъ этого высшаго образованія сравненіе себя съ мѣсяцемъ, а русской печати съ собакой? ужь не высшимъ ли образованіемъ объясняетъ она ту благовоспитанность, съ которою она сегодня обвиняетъ насъ безстыдствѣ, на греческомъ языкѣ, а завтра цѣлуетъ нашу руку (sic) на языкѣ нѣмецкомъ?). Она признается, что прибалтійская нѣмецкая печать въ своей полемикѣ съ русскими газетами разчитываетъ подѣйствовать не на общественное мнѣніе, которое она называетъ крикомъ толпы, а лишь на нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. „Въ этихъ отдѣльныхъ лицахъ, говоритъ она, и заключается весь интересъ. Клики массы людей, хотя и могутъ надѣлать много шуму, но въ результатѣ они остаются без-

плодными, тогда какъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ рѣшаютъ судьбу самаго дѣла." Если *Ревельская Газета* имѣетъ притомъ въ виду только силу доводовъ той и другой стороны, то мы въ правѣ предположить, что именно отдѣльныя лица, о которыхъ она говоритъ, и не окажутся на ея сторонѣ. Люди справедливые и разсудительные оцѣнятъ напримѣръ полемику *Ревельской Газеты* противъ насъ за сдѣланное будто бы нами предложеніе, чтобы въ прибалтійскихъ гимназіяхъ латинскіе авторы переводились не на нѣмецкій языкъ, а на русскій; люди справедливые и разсудительные оцѣнятъ эту полемику какъ слѣдуетъ, когда узнаютъ, что мы не дѣлали подобнаго предложенія, и рѣшатъ, что заключается въ подобномъ образѣ дѣйствій, *dolus* или *culpa lata* (выраженія цивилизованной *Ревельской Газеты*). Во всякомъ случаѣ печатное обсужденіе вопросовъ, касающихся нашихъ прибалтійскихъ губерній, уже принесло нѣкоторую пользу, обративъ вниманіе на существенную важность этихъ вопросовъ и умѣривъ въ значительной степени притязанія и затѣи мѣстныхъ партикуляристовъ. Признаки этой умѣренности мы находимъ даже и въ самой *Ревельской Газетѣ*. Хотя отдѣленное отъ Россіи положеніе Финляндіи и служитъ для этой газеты по прежнему предметомъ желаній, но она сознаетъ, что положеніе прибалтійскихъ губерній не таково, или, по словамъ ея, совсѣмъ не такъ благопріятно. О политическомъ объединеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ обособленіи трехъ прибалтійскихъ губерній уже нѣтъ болѣе рѣчи. Вопросъ объ устройствѣ русскихъ гимназій въ губернскихъ городахъ тамошняго края, который въ прежнее время несомнѣнно вызвалъ бы сильные вопли, теперь воплей не вызываетъ и *Ревельская Газета* замѣчаетъ, что она не можетъ ничего возразить противъ этого плана съ точки зрѣнія справедливости и цѣлесообразности, хотя и полагаетъ, что за исключеніемъ Риги другія русскія гимназіи въ тамошнемъ краѣ будутъ существовать только для вида. По вопросу о преподаваніи русскаго языка въ прибалтійскихъ нѣмецкихъ гимназіяхъ, эта газета также высказываетъ много разумнаго и основательнаго. Но съ другой стороны она провозглашаетъ много и такого что должно быть неминуемо отвергнуто.

„Что мы такое," спрашиваетъ она себя, „и чѣмъ мы должны быть? Съ одной стороны," отвѣчаетъ она на это, „мы часть Россіи, глубоко и неразрывно съ нею связанная. Но съ другой стороны, мы такая часть Имперіи, которой внутреннее устройство установлено на особенныхъ основаніяхъ въ силу не только государственнаго, но и международнаго права. Церковь и школа, судебныя мѣста и община, сословныя корпораціи и мѣра присвоеннаго имъ самоуправленія и самоопредѣленія, во всемъ этомъ обнаруживается наша особенность, — особенность, но не отчужденіе отъ Имперіи; своеобразность, но не противоположность къ ея (Имперіи) учрежденіямъ, напротивъ, во всемъ оказывается предопредѣленная и упроченная географическими историческими условіями полнота самыхъ живыхъ взаимныхъ отношеній между обѣими частями." Мы съ полнымъ сочувствіемъ принимаемъ къ свѣдѣнію эти заявленія противъ отчужденія отъ Имперіи, и въ пользу жизненнаго единенія съ нею, и еслибы дѣло шло о такихъ особенностяхъ и о такихъ мѣстныхъ стремленіяхъ, которыя не состояли бы въ противорѣчіи съ необходимостію этого единенія, то мы никогда не возвысили бы противъ нихъ своего голоса. Вообще опасенія, будто бы въ Россіи возникло стремленіе совершенно уничтожить всѣ особенности этого разсадника западно-европейской культуры, какъ *Ревельская Газета* называетъ прибалтійскія губерніи, эти опасенія рѣшительно ни на чемъ не основаны и высказываться они могутъ или по *culpa lata*, или съ дурнымъ умысломъ раздражить прибалтійскій край, — не противъ русской печати, это не къ чему бы не повело, — а противъ Россіи, съ которою, по справедливому замѣчанію *Ревельской Газеты*, онъ долженъ быть связанъ единеніемъ „глубокимъ и неразрывнымъ." Выше мы исчислили, въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключаются требованія государственнаго единенія относительно прибалтійскихъ губерній. Съ осуществленіемъ этихъ требованій прибалтійскія губерніи нисколько не утратили бы своихъ существенныхъ особенностей, и стали бы въ гораздо большей мѣрѣ разсадникомъ западно-европейской культуры для Россіи чѣмъ были до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, однакоже, не только мѣстные публицисты, но и мѣстные дѣятели руководствуются не столько соображеніями относительно истинныхъ интересовъ Россіи и самаго прибалтійскаго края, сколь-

ко духомъ самаго узкаго нѣмецкаго партикуляризма, при чемъ они совсѣмъ забываютъ, что прибалтійскія губерніи вовсе не какое нибудь особое нѣмецкое государство, и Россія — не Германія, состоящая изъ многихъ мелкихъ отдѣльныхъ владѣній. Лишь съ этой точки зрѣнія *Ревельская Газета* можетъ находить не только вполнѣ удовлетворительнымъ, но даже излишнимъ то что дѣлается въ прибалтійскихъ учебныхъ заведеніяхъ для распространенія знакомства съ русскимъ языкомъ. По словамъ ея, уроженцы прибалтійскихъ губерній, еще и въ то время, когда никто тамъ не думалъ о русскомъ языкѣ, занимали должности въ Россіи на различныхъ поприщахъ государственной службы и приносили не малую ей пользу: зачѣмъ же дѣлать изученіе русскаго языка обязательнымъ? Дерптскій университетъ, по словамъ ея, принесъ огромную пользу дѣлу науки въ Россіи, и она представляетъ цѣлый списокъ русскихъ профессоровъ, усовершенствовавшихъ свое образованіе именно въ Дерптскомъ университетѣ: зачѣмъ же требовать, чтобъ исполнялся законъ и безъ знанія русскаго языка нельзя было окончить курсъ въ Дерптскомъ университетѣ? Мы не станемъ отрицать ни того, ни другаго факта: и Дерптскій университетъ принесъ пользу Россіи, и многіе уроженцы прибалтійскихъ губерній, не зная или только плохо зная русскій языкъ, не безъ пользы подвизались на многихъ поприщахъ русской государственной службы. Но развѣ не такую же пользу приносили и образованные иностранцы, усыновлявшіе себя Россіи и поступавшіе на службу ея? Развѣ иностранные университеты, куда посылались и еще теперь посылаются молодые русскіе ученые не такую же приносили пользу дѣлу науки въ Россіи, какъ и университетъ Дерптскій, который однакоже считается Императорскимъ россійскимъ университетомъ? Должна же быть какая-нибудь разница въ этомъ отношеніи между прибалтійскими уроженцами, какъ прирожденными русскими подданными, и иностранцами, вступавшими въ русское подданство, между иностранными университетами, гдѣ также могутъ совершенствоваться въ наукѣ русскіе люди, и императорско-россійскимъ университетомъ въ Дерптѣ! Въ чемъ иномъ можетъ заключаться эта разница, какъ не въ томъ, чтобы эти *природные* подданные Россіи и чтобъ этотъ императорско-россійскій университетъ, не отрекаясь отъ нѣмецкаго языка, какъ отъ языка общеевропейской культуры, въ то же время смотрѣли на русскій языкъ какъ на свой собственный, не протестовали противъ его равноправности съ нѣмецкимъ, и, сохраняя свои похвальныя особенности и законныя права, въ то же время дѣйствовали въ духѣ общихъ интересовъ Россіи: а не въ духѣ мѣстнаго партикуляризма? Дерптскій университетъ принесъ Россіи, положимъ, не меньшую пользу чѣмъ университеты Берлинскій или Гейдельбергскій, но онъ принесъ весьма мало пользы сравнительно съ тою, какой можно было бы ожидать отъ него, еслибы его питомцы, уроженцы тамошняго края, точно также владѣли русскимъ языкомъ, какъ и нѣмецкимъ, и устремляя свои взоры не на Германію, а на Россію, видѣли въ развитіи ея цивилизаціи не чужое, а родное дѣло.

№ 262.

Москва, 27-го ноября.

Чѣмъ суетливѣе дѣятельность на поверхности, тѣмъ менѣе пріобрѣтаетъ что-либо сущность дѣла, тѣмъ болѣе напротивъ она проигрываетъ. Драгоцѣнное, невознаградимое время, заботы и средства употребляемыя на предметы случайнаго свойства, отнимаются у предметовъ существенныхъ, и обращаются стало-быть въ чистую потерю и въ ущербъ дѣлу. Задача висящая надъ западнымъ краемъ состоитъ не въ томъ, чтобы сдѣлать его похожимъ *снаружи* на подъ-московныя губернія, а въ томъ чтобъ онъ, при всѣхъ особенностяхъ своихъ, которыя созданы исторіей и которыя уничтожить невозможно, сталъ *по правдѣ* русскимъ краемъ. Единство національное есть по преимуществу единство политическое, понятое во всей силѣ своего значенія. Западный край былъ издревле край русскій, и съ тѣхъ поръ какъ запомнитъ его исторія, былъ большею частію заселенъ русскимъ народомъ. Въ этихъ мѣстахъ была колыбель русскаго государства, здѣсь впервые началось самосознаніе русскаго народа, здѣсь совершились первыя эпохи его исторіи, здѣсь его историческая почва, здѣсь первые родники его исторической жизни. Замѣчательно, что преданія нашей отдаленнѣйшей древности,

по преимуществу связанной съ этими мѣстами, съ Днѣпромъ и Кіевомъ, сохранились главнымъ образомъ въ сѣверо-восточной половинѣ нашего народа, среди котораго уцѣлѣло русское государство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и память первоначальнаго національнаго единства. Только по возсоединеніи съ своею западною половиной Россія могла стать европейскою державой, и не прежде какъ это возсоединеніе станетъ вполнѣ правдою, русскій народъ можетъ считать свое развитіе обезпеченнымъ. Западная половина безъ восточной не заключаетъ въ себѣ никакихъ условій для самостоятельнаго существованія, и можетъ стать только театромъ смятенія и хаоса; восточная половина безъ западной можетъ вести только существованіе азіятскаго ханства. Разъединеніе этихъ двухъ половинъ было бы дѣломъ разрушенія и ущербомъ для человѣчества; ихъ полное органическое единство есть условіе существованія великой державы, условіе цивилизаціи всемірнаго значенія. Но долгое разобщеніе, въ которомъ находились обѣ части русскаго народа, различныя судьбы, которыя они испытали и вліянія, которымъ они подвергались, запечатлѣли ихъ глубокими характеристическими особенностями. Высшее единство, которое должно обнять всѣ части возсоединеннаго русскаго народа и связать въ одинъ цѣльный составъ всѣ мелкіе внѣдрившіеся въ него инородческіе элементы, не должно быть мертвящею силой, стирающею всѣ особенности. Напротивъ, чѣмъ характернѣе элементы входящіе въ составъ одного цѣлаго, тѣмъ полнѣе и богаче результаты, тѣмъ выше, могущественнѣе и плодотворнѣе единство, связующее все вмѣстѣ. Нѣтъ ни одного великаго историческаго народа, который былъ бы сплошною, однообразною массой, который не слагался бы изъ разнородныхъ элементовъ, связанныхъ вмѣстѣ творческою силой жизни. Итакъ, задача, висящая надъ западнымъ краемъ, состоитъ вовсе не въ томъ чтобы сдѣлать тамошняго крестьянина похожимъ на Владимірскаго, или Вильну на Тамбовъ, а Кіевъ на Вологду, и не въ томъ, чтобы пуговки священническихъ ризъ точь-въ-точь походили на московскія или чтобъ иконы въ тамошнихъ церквахъ были непремѣнно суздальскаго пошиба, также не въ томъ, — упаси Боже, — чтобы туда перешло общинное землевладѣніе съ круговою порукой, это мрачное наслѣдіе тяжкой фискальной необходимости, которую долженъ былъ вытерпѣть русскій народъ восточной половины и отъ которой пора ему самому освобождаться, а не навязывать ее другимъ. Не перемѣны декорацій, не случайная обстановка, не маскарадная поддѣлка наружныхъ формъ, необходимы теперь русскому дѣлу для того чтобы выйдти съ торжествомъ изъ затрудненій и опасностей, которыми окружила его въ западномъ краѣ ошибочная политика нынѣшняго столѣтія. Истинная задача состоитъ въ томъ, чтобъ искоренить сѣмена этой политики, и уничтожить то въ чемъ заключается не мнимое, а дѣйствительное зло. Здѣсь не должно быть призрака какого-либо иного государства, кромѣ русскаго, не должно быть дворянства, которое могло бы считать себя польскимъ, никакихъ учрежденій, которыя были бы символами иной политической національности. Пресѣчь, не для виду только, но на самомъ дѣлѣ, то что поддерживаетъ существованіе этого призрака, въ чемъ таится источникъ всегдашней смуты, зложелательства и измѣны, — вотъ задача предстоящая въ западномъ краѣ. Одно цѣльное государство и одинъ признаваемый государствомъ языкъ, или, что тоже, одна политическая національность, — вотъ въ чемъ вся сила вопроса, вотъ что должно быть поставлено внѣ всякихъ сомнѣній и колебаній. Нравы и обычаи, соціальныя формы, физіономія городовъ и селъ, могутъ разниться, но тѣмъ несомнѣннѣе должно быть единство политической національности, тѣмъ тѣснѣе должны быть связи соединяющія обѣ половины Россіи, тѣмъ живѣе общеніе между ними. Минувшія печальныя судьбы этого края нарушали его церковное единство, и нынѣ числится на всемъ его протяженіи болѣе трехъ милліоновъ послѣдователей римской церкви; также точно не менѣе прискорбныя событія нарушили церковное единство и въ восточной половинѣ, породивъ расколъ, который увлекъ столько милліоновъ народа на дикіе пути. Но вопросъ о церковномъ единствѣ требуетъ особаго рода заботъ, и его отнюдь не должно смѣшивать съ вопросомъ о политическомъ объединеніи національности. Смѣшеніе религіи съ политическою національностью всегда было злоупотребленіемъ, и всегда обращалось въ ущербъ какъ для религіи, такъ и для государства. Ближайшимъ примѣромъ мо-

жетъ служить намъ старая Польша, которая властвовала въ этихъ краяхъ; одною изъ причинъ ея заслуженной гибели было грубое извращеніе религіи въ символъ политическій. Должны ли мы подражать этому примѣру и вносить пагубную смуту въ наши дѣла фальшивою поддѣлкой подъ религіозный фанатизмъ, котораго нѣтъ въ нашихъ нравахъ, какъ нѣтъ въ нашихъ законахъ? Разныя христіанскія вѣроисповѣданія признаны нашимъ государствомъ; католики, лютеране и послѣдователи другихъ вѣроисповѣданій, допущенныхъ нашими законами, пользуются всѣми правами русскихъ гражданъ, участвуютъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, и нѣтъ никакой возможности въ настоящее время помышлять о насильственномъ обращеніи иновѣрцевъ въ православіе, либо о поголовномъ изгнаніи ихъ, либо о недопущеніи ихъ въ Россію. Но при такомъ положеніи дѣлъ, должна ли римская церковь въ западномъ краѣ оставаться символомъ національности, которая есть не что иное какъ протестъ противъ государственнаго единства Россіи? Должны ли, какъ это, такъ и другія признаваемыя у насъ вѣроисповѣданія продолжать пользоваться предоставленными имъ правами съ тѣмъ только условіемъ, чтобы принадлежащіе къ нимъ люди считали себя чужими русскому народу, въ дѣлахъ котораго однако они участвуютъ какъ хозяева, потому что они могутъ быть и военачальниками, и градоначальниками, и министрами, и наставниками юношества, и даже дѣлопроизводителями въ святѣйшемъ синодѣ?

Исторія оцѣнитъ энергію и добросовѣстность нынѣшнихъ властей западнаго края. Что въ ихъ средствахъ то онѣ дѣлаютъ. Но нельзя не сказать, что мѣры принимаемыя въ этомъ краѣ большею частію палліативныя, временныя, какія годны лишь для борьбы съ мятежомъ, для отраженія открытыхъ нападеній. А между тѣмъ дѣло органическаго сліянія этого края съ остальною Россіей почти не начиналось. Время идетъ и грозитъ оставить не разрѣшеннымъ висящій надъ этимъ краемъ вопросъ, — вопросъ, который, оставшись и теперь не разрѣшеннымъ, будетъ опаснѣе для Россіи чѣмъ когда-либо. Еслибы положеніе въ этомъ краѣ не измѣнилось *существенно*, то это было бы банкротствомъ Россіи, и это не могло бы не отозваться самымъ плачевнымъ образомъ во всемъ ходѣ ея дѣлъ.

Обѣ половины Россіи были такъ долго разъединены между собою, и по своемъ возсоединеніи оставались въ такомъ систематическомъ разобщеніи, что когда рѣчь идетъ объ окончательномъ сліяніи ихъ, то дѣломъ первой важности было бы устроеніе тѣхъ могущественныхъ путей сообщенія, которые въ наше время сближаютъ и роднятъ не только части одного государства, но даже чуждыя другъ другу страны, связывая ихъ безпрерывно родящимися и возрастающими интересами, и развивая въ нихъ потребность взаимныхъ сношеній. Къ сожалѣнію, несмотря на небывалое доселѣ участіе принимаемое всѣмъ русскимъ обществомъ въ столь важномъ для Россіи вопросѣ какъ утвержденіе ея государственнаго единства, несмотря на всѣми сознаваемую потребность сближенія Волжскаго бассейна съ Днѣпровскимъ посредствомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, вопросъ объ этомъ теперь также мало имѣетъ практическаго значенія какъ и до 1863 г., когда созрѣвала государственная измѣна замышлявшая раздробленіе Россіи, и когда вмѣсто линіи долженствующей соединить ея западную половину съ восточною, предполагались линіи другаго рода, имѣвшія большія вѣроятія успѣха и долженствовавшія оттянуть отъ Россіи ея западный край.

Другой вопросъ имѣющій тоже огромное значеніе для западнаго края, вопросъ объ отдѣленіи польскаго національнаго элемента отъ римско-католической церкви, хотя и поставленъ въ направленіе разумное, но дѣло не пошло далѣе полумѣръ, которыя, какъ и вообще полумѣры, не могутъ принести надлежащей пользы. Вопросъ этотъ все еще остается въ туманѣ самыхъ жалкихъ недоразумѣній, благодаря которому польскіе ксендзы и славянофилы сочувствуютъ другъ другу, а Шедо-Ферроти и *Голосъ* являются фанатиками православія.

Наконецъ, третій существенный вопросъ касается землевладѣнія въ западномъ краѣ, и на немъ хотимъ мы теперь остановиться. Благодаря фальшивой политикѣ, благодаря усиліямъ польскихъ патріотовъ, которые находились у государственнаго кормила Россійской имперіи, все мыслящее, все образованное въ этомъ краѣ, все что по своему политическому и общественному положенію имѣетъ силу, весь составъ дворянскаго землевладѣльческаго сословія, проникся патріотизмомъ государства переставшаго существовать и не отличавшаго-

ся духомъ патріотизма даже въ пору своего процвѣтанія. Полстолѣтіе систематической полонизаціи, поддержанной сильною рукой русскаго правительства, не осталось безъ глубокихъ послѣдствій. Безсильная воскресить еще заживо умершую національность, пагубная политика дѣйствовавшая въ этомъ краю была достаточно сильна для того чтобы призраку этой національности покорить цѣлую массу людей и заключить ихъ въ безвыходный кругъ. Пока составъ нынѣшняго землевладѣльческаго сословія останется въ западномъ краѣ совершенно тотъ же, невозможно разчитывать на вѣрное и прочное успокоеніе края, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на освобожденіе всего государственнаго организма Россіи отъ элементовъ измѣны, въ которыхъ надобно винить не столько людей, сколько властвующія надъ ними обстоятельства. При существующемъ положеніи дѣлъ, самые добросовѣстные люди между землевладѣльцами западнаго края чувствуютъ себя въ отношеніяхъ крайне двусмысленныхъ, неопредѣленныхъ и сомнительныхъ къ Россіи. Что же дѣлать? Только эксцентрическая фантазія нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ могла серіозно помышлять о мѣрахъ къ поголовному изгнанію всѣхъ помѣщиковъ польскаго происхожденія или католическаго вѣроисповѣданія; но всякій сообразительный человѣкъ поймет необходимость разомкнуть тотъ кругъ, въ которомъ находится дворянство этого края, и растворить его элементами, которые отняли бы у него характеръ польскаго дворянства, невозможный въ Россіи. Вслѣдствіе давняго разобщенія, въ которомъ находились обѣ половины Россіи, разобщенія, которое еще усиливалось искусственными способами, землевладѣльцы восточной полосы рѣдко пріобрѣтали имѣнія въ западномъ краѣ, и на оборотъ. Имѣнія перемѣняли владѣльцевъ, и выходили изъ того круга, который сообщаетъ землевладѣнію въ западномъ краѣ цвѣтъ національности чуждой Россіи. Всѣ интересы требуютъ, чтобы землевладѣніе западнаго края вышло изъ этого фальшиваго круга. Теперь или никогда. Но до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не видно, чтобы въ этомъ отношеніи произошло что-нибудь имѣющее значеніе. Было много толковъ, но ничего не сдѣлано къ привлеченію въ западный край землевладѣльцевъ изъ другихъ мѣстностей Россіи; этого мало: которые сами издалека пріѣзжали туда съ наличными деньгами, и тѣ рѣдко, и лишь съ большимъ трудомъ, успѣвали въ покупкѣ, а нѣкоторые терпѣли убытки, и видѣли какъ изъ рукъ у нихъ вырывалось то что было взято ими почти съ боя. Какія бы ни были причины этихъ затрудненій въ столь простомъ дѣлѣ, какъ покупка имѣній, — очевидно по крайней мѣрѣ то, что покупатели не только не привлекаются туда, но даже отталкиваются.

Въ настоящее время вопросъ о землевладѣніи въ западномъ краѣ пріобрѣтаетъ новую важность при томъ соображеніи, что тамъ дѣйствительно, вслѣдствіе бѣдствій постигшихъ этотъ край, поступаетъ въ продажу множество имѣній. Требуется направить этотъ потокъ, по возможности, такъ, чтобы хозяйственные интересы края не были потрясены, а съ тѣмъ вмѣстѣ были соблюдены интересы политическаго свойства.

Слѣдуетъ желать, чтобъ обстоятельства, среди которыхъ находится землевладѣніе западнаго края, не могли стать предметомъ спекуляцій, которыя раззоряли бы край, чтобы съ другой стороны ими не воспользовалась политическая махинація, и чтобы наконецъ ими могла воспользоваться Россія въ видахъ настоятельной государственной необходимости. Мы упомянули о спекуляціяхъ, и упомянули не даромъ. Уже начали наѣзжать изъ-за границы промышленные люди, которые, пользуясь обстоятельствами, отлично обдѣлываютъ свои дѣла, и конечно, не въ пользу края и не въ интересѣ Россіи. Мы знаемъ нѣсколько подобныхъ случаевъ бывшихъ въ одной изъ самыхъ крайнихъ къ западу губерній. Пріѣдетъ заграничный барышникъ, купитъ задешево большое, отлично устроенное имѣніе, сведетъ лѣсъ, и выручивъ сполна свои деньги, купитъ на нихъ другое, и съ нимъ поступитъ такимъ же образомъ, а землю раздробитъ на участки, съ цѣлію выпродать ихъ переселенцамъ изъ-за границы. Такого рода промышленные обороты сами по себѣ дѣло не предосудительное, и ихъ нельзя прямо воспретить административнымъ порядкомъ; однако, едва ли такого рода аферы, особенно если онѣ будутъ повторяться часто и въ большихъ размѣрахъ, выгодны для края и желательны для Россіи. Были и попытки другаго рода, шедшія отъ польскаго поземельнаго общества, существующаго въ Познани подъ именемъ Tellus. Что же касается ссудъ и пособій обѣщанныхъ русскимъ землевладѣльцамъ,

то дѣло ограничилось такими незначительными размѣрами, что ни въ какой счетъ идти не можетъ. Замѣтимъ кстати, что изъ всѣхъ губерній западнаго края русскіе покупатели имѣли до сихъ поръ наибольшую удачу въ Могилевской. Случайность ли это, или результатъ какой-либо системы, но безъ сомнѣнія, было бы гораздо выгоднѣе и согласнѣе съ требованіями обстоятельствъ, еслибы русскій элементъ усиливался и водворялся въ самыхъ крайнихъ къ западу губерніяхъ, причемъ остальныя сами собою становились бы окончательно русскими; польскіе патріоты не могли бы въ нихъ держаться, а люди мирныхъ свойствъ какого бы то ни было вѣроисповѣданія убѣждались бы силой вещей, что они находятся на русской почвѣ и не могутъ принадлежать ни къ какой иной національности кромѣ русской, что было бы согласно и съ фамильными преданіями большей части тамошнихъ землевладѣльцевъ.

Но будутъ или не будутъ ассигнованы суммы для воспособленія русскимъ землевладѣльцамъ желающимъ пріобрѣтать имѣнія въ западномъ краѣ, во всякомъ случаѣ необходимы дѣйствительныя мѣры, которыя дали бы направленіе распродажѣ тамошнихъ имѣній. Крестьянское дѣло, поглащавшее главнымъ образомъ заботы мѣстной администраціи, приходитъ теперь къ концу. Вопросъ землевладѣльческій и дворянскій имѣетъ въ политическомъ отношеніи неменьшую важность въ томъ краѣ. Кромѣ общихъ мѣръ, дающихъ направленіе продажѣ имѣній, онъ требуетъ также какой-либо организаціи со стороны правительства, и организовать его тѣмъ легче, что правительство можетъ располагать значительнымъ числомъ должностныхъ лицъ, испытанныхъ на крестьянскомъ дѣлѣ и знакомыхъ на практикѣ какъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ западномъ краѣ, такъ и со всѣми обстоятельствами тамошняго землевладѣнія. Пока еще не въ нравахъ нашей администраціи давать полный ходъ вольнымъ организаціямъ частныхъ людей въ видахъ какого-либо общаго предпріятія; было нѣсколько попытокъ со стороны русскихъ землевладѣльцевъ составлять компаніи для покупки имѣній въ западныхъ губерніяхъ, но эти попытки были встрѣчены недовѣріемъ и не нашли себѣ поддержки. Впрочемъ, перемѣщеніе землевладѣнія въ западномъ краѣ, при тѣхъ размѣрахъ, какіе оно теперь принимаетъ, при тѣхъ условіяхъ, въ коихъ землевладѣніе тамъ находится, при тѣхъ государственныхъ интересахъ, которые съ этимъ дѣломъ связаны, не могло бы ни въ какомъ случаѣ обойдтись безъ дѣятельнаго участія какой-либо правительственной организаціи. Большую пользу для дѣла во всѣхъ отношеніяхъ могло бы принести учрежденіе въ разныхъ пунктахъ какъ сѣверо-западнаго, такъ и юго-западнаго края, посредническихъ коммиссій, въ которыхъ были бы сосредоточены всѣ дѣла по продажѣ имѣній, которыя облегчали бы всѣми законными способами сдѣлки, и черезъ которыя можно было бы давать надлежащее направленіе дѣлу. Въ этихъ коммиссіяхъ ищущіе купить могли бы дѣлать всѣ нужныя для себя справки; эти коммиссіи приводили бы въ ясность всѣ юридическія условія продающихся имѣній, сносились бы съ соприкосновенными присутственными мѣстами, устраняли бы по возможности затрудненія, предотвращали бы всѣ такого рода послѣдствія, о какихъ недавно разказывалъ въ нашей газетѣ г. Зиновьевъ, покушавшійся пріобрѣсти имѣніе въ Подольской губерніи и потерпѣвшій столько непріятностей и убытковъ; наконецъ, наблюдали бы, чтобы продаваемыя земли дѣйствительно переходили въ русскія руки. Посредствомъ обстоятельныхъ и благонадежныхъ публикацій о продающихся имѣніяхъ, эти коммиссіи могли бы всего успѣшнѣе привлекать покупателей изъ различныхъ мѣстностей Россіи, что служило бы, конечно, и къ выгодѣ продавцовъ. Такого рода коммиссіи, при хорошемъ составѣ, были бы несравненно полезнѣе всякихъ регламентацій, основанныхъ на отвлеченныхъ соображеніяхъ, и регламентаціи оказались бы излишними. Говоря о регламентаціяхъ, мы имѣемъ въ виду нѣкоторыя правила относительно раздробительной продажи конфискованныхъ имѣній и вообще казенныхъ земель. Можно было бы предоставить соображенію подобныхъ, ad hoc устроенныхъ учрежденій, рѣшать въ какихъ мѣстностяхъ и какія изъ имѣній этой категоріи могутъ продаваться сполна, какія по частямъ, а также и опредѣлять въ каждомъ случаѣ мѣру дробленія участковъ. Общее опредѣленіе наименьшихъ и наибольшихъ участковъ могло бы во многихъ случаяхъ сопровождаться крайне невыгодными послѣдствіями. Точное исполненіе подобныхъ регламентацій могло бы лишать землю значительной

доли цѣнности, безъ всякой пользы для государства, въ ущербъ хозяйству, во вредъ землевладѣнію.

№ 263.

Москва, 29-го ноября.

Кончина короля Леопольда не есть неожиданность; но она тревожно отзовется въ Европѣ. Многіе полагаютъ, что эта кончина входитъ въ политическіе разчеты, которые рано или поздно, поведутъ къ событіямъ. Но входитъ или не входитъ кончина бельгійскаго короля въ какіе-либо политическіе разчеты, не надобно обладать особою проницательностію, чтобы предвидѣть событія. Дѣла въ Европѣ, такъ или иначе, не замедлятъ принять оборотъ, который только въ томъ случаѣ будетъ безопасенъ для Россіи, если внутри ея не для виду, а на самомъ дѣлѣ будутъ рѣшены тѣ національные вопросы, съ коими связанъ самый вопросъ о ея существованіи въ качествѣ европейской державы. Недавнія, еще всѣмъ такъ памятныя событія раскрыли всю бездну зла, которое таится въ нѣдрахъ нашего отечества, всю бездну вражды, которая можетъ охватить его со всѣхъ сторонъ.

Трудно представить себѣ, чтобы въ продолженіе трехъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ въ яркомъ свѣтѣ обнаружилось значеніе такъ-называемаго польскаго вопроса, дѣла въ западномъ краѣ не двинулись далѣе полицейскихъ, ничего не рѣшающихъ мѣръ. Трудно понять чтобъ этотъ край, которымъ мы соприкасаемся съ Европой и который у насъ оспаривается, и теперь остался въ прежнемъ положеніи, чтобы все землевладѣніе въ немъ по прежнему удерживалось въ рукахъ сословія ненавидящаго Россію, презирающаго ея народность, замышляющаго противъ ея государственной цѣлости. Правительство принимало и принимаетъ въ этомъ краѣ всѣ мѣры, которыя требовались подавленіемъ мятежа: оно конфисковало и секвестровало имѣнія; оно подвергаетъ все землевладѣніе тяжкимъ контрибуціямъ, которыя не могутъ не потрясать производительныхъ силъ края; а съ тѣмъ вмѣстѣ и общей экономіи государства; а между тѣмъ встрѣчаются затрудненія къ принятію рѣшительныхъ мѣръ; въ видахъ измѣненія состава землевладѣльческаго сословія въ западномъ краѣ, гдѣ оно существуетъ въ смыслѣ громадной національной корпораціи, обязывающей всѣхъ членовъ своихъ мыслить и дѣйствовать въ духѣ враждебнаго Россіи патріотизма, и поставляющей имъ въ нравственный долгъ, въ честь, въ религію, дѣйствовать на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ положеніяхъ ко вреду того государства, котораго они граждане. Полная диктатура господствующая въ этомъ краѣ коснулась всего и не коснулась только сущности, и Россія снова остается не только въ сомнѣніи относительно участи этого столь дорогаго ей края, но и съ убѣжденіемъ, что въ ея государственномъ организмѣ остается непобѣдимою организованная измѣна, имѣющая все значеніе тайныхъ обществъ и однако существующая въ качествѣ законнаго сословія, обладающаго почти исключительно землей цѣлаго края.

Вся сила вопроса заключается въ томъ, чтобъ одною справедливою общею мѣрой упразднить необходимость прибѣгать постоянно къ мѣрамъ исключительнымъ и тяжкимъ. Не разореніемъ, не контрибуціями, не полицейскою диктатурой, не развитіемъ чиновничества, не нарушеніемъ правъ, не стѣсненіемъ свободы, не преслѣдованіемъ людей можно достигнуть какихъ-либо благонадежныхъ результатовъ; все это возможно лишь на нѣкоторое время, но все это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть желательно, и все это само по себѣ ничего не обезпечиваетъ, ничего не искореняетъ. Дѣйствительныя мѣры, которыя должны коснуться зла въ его корнѣ, несравненно менѣе чѣмъ всѣ принимаемыя палліативныя мѣры, могутъ быть сочтены несправедливыми или притѣснительными. Относительно нѣкоторыхъ мѣстностей или нѣкоторыхъ категорій лицъ, государственная власть имѣетъ полное право прибѣгнуть къ экспропріаціи; но нѣтъ надобности распространять ее на весь край, какъ совѣтовали нѣкоторыя пылкія головы. Совершенно достаточно такой законодательной мѣры, которая, не понуждая нынѣшнихъ владѣльцевъ къ продажѣ имѣній, постановила бы только нѣкоторыя ограниченія относительно права пріобрѣтать поземельную собственность въ западномъ краѣ. Россія пространна, земель въ ней много и ограниченіе пріобрѣтать поземельную собственность въ западныхъ губерніяхъ не можетъ быть очень чувствительно для тѣхъ

кто съ пріобрѣтеніемъ поземельной собственности не соединяетъ никакихъ видовъ. Нѣтъ ничего страннѣе мысли о поголовномъ изгнаніи изъ Россіи всѣхъ католиковъ или всѣхъ Поляковъ, и ничего суровѣе еслибы мысль эта была удобоисполнима. Не люди опасны и вредны, а тѣ условія, въ которыхъ они находятся, тѣ общественныя силы, которыя изъ нихъ образуются. Рѣшительныя мѣры, принятыя къ измѣненію состава земледѣльческаго сословія въ западномъ краѣ, должны были бы положить конецъ всѣмъ притязаніямъ польской національности на этотъ край, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самому чувству національности, которая ни въ чемъ другомъ не имѣетъ себѣ основанія и которая дѣлаетъ положеніе людей, носящихъ ея имя, пагубнымъ для нихъ самихъ и вреднымъ для государства.

Рѣшительныя мѣры, это или значитъ мѣры несправедливыя или разорительныя. Давая переходу поземельной собственности направленіе требуемое политическимъ положеніемъ дѣлъ, законодательство имѣетъ много средствъ, чтобъ оградить отъ ущерба имущественные интересы лишь, которыхъ права оно съ этою цѣлію подвергнетъ ограниченію. Имущественные интересы находятся въ тѣсной зависимости отъ политическихъ дѣлъ. Упрочивая государственный порядокъ, законодательство возвышаетъ цѣну поземельной собственности, и если усилія его успѣшны, то однимъ этимъ оно уже можетъ съ избыткомъ вознаградить землевладѣльцевъ, продающихъ свои имѣнія, за возможную, хотя и весьма проблематическую потерю отъ юридическаго ограниченія круга покупателей. Кромѣ того, при добровольной продажѣ, всякая льгота, оказываемая покупщику всякое удобство, ему доставляемое, обращается къ выгодѣ продавца, а въ распоряженіи правительства не мало льготъ и удобствъ, которыя оно можетъ доставить русскимъ покупщикамъ, даже помимо денежныхъ пособій. Сюда прежде всего мы отнесемъ тѣ посредническія коммисіи, о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ нумерѣ нашей газеты; далѣе сюда относятся разныя поощренія, и наконецъ — освобожденіе сдѣлокъ отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ. Словомъ, законодательство, слѣдя за ходомъ операціи, можетъ всегда уравновѣшивать ея выгоды и невыгоды, и держать цѣны имѣній не ниже ихъ теперешняго уровня.

Самое важное возраженіе, которое дѣлаютъ противъ мѣръ, клонящихся къ переходу поземельной собственности отъ польскихъ владѣльцевъ къ русскимъ, состоитъ въ предположеніи, что русскихъ покупателей явится мало, что у нихъ окажется мало средствъ для покупки всѣхъ продающихся имѣній въ западномъ краѣ, и что при слабости спроса на имѣнія цѣны ихъ упадутъ, отчего, прибавляютъ возражатели, пострадаютъ не только виновные, но и невиновные, не только польскіе но и русскіе изъ помѣщиковъ западнаго края. Опровергать предположеніе всегда трудно. Мы знаемъ, что подобныя предположенія возникали по поводу многихъ мѣръ и предпріятій, и нерѣдко потомъ были опровергаемы дѣйствительностью, которая показывала Россію и русскій народъ въ благопріятномъ видѣ: чего-чего не опасались отъ крестьянской реформы, какихъ бѣдъ не ждали отъ польскаго возстанія, какихъ сомнѣній не высказывали по поводу мысли о необходимости ввести русскій элементъ въ гражданскую администрацію Царства Польскаго? Эту послѣднюю мысль еще лѣтомъ 1863 года объявляли за безуміе: то ли показала дѣйствительность? Возражатели должны согласиться, что такъ можетъ случиться и съ вопросомъ о водвореніи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Но есть положительныя основанія думать, что такъ дѣйствительно будетъ.

Взглянемъ сперва на платежныя средства. Покупатель платитъ обыкновенно наличными деньгами, а когда продавецъ въ долгахъ, то платежъ за имѣніе по необходимости долженъ быть произведенъ не иначе какъ наличными. Но никакой продавецъ, получивъ наличныя, не можетъ, безъ большаго убытка для себя, держать ихъ въ своемъ карманѣ; онъ тотчасъ же выдаетъ ихъ своимъ кредиторамъ, что-нибудь на нихъ покупаетъ и т. д., то-есть онъ пускаетъ ихъ въ оборотъ. А такъ какъ поземельная собственность по большой части продается лишь задолжавшими владѣльцами для уплаты долговъ, то обыкновенно тотчасъ же послѣ продажи имѣнія значительная часть вырученной суммы переходитъ въ руки кредиторовъ. Что же могутъ сдѣлать съ полученными деньгами кредиторы? Что какъ не помѣстить ихъ въ процентныя бумаги? Можно безошибочно предсказать, что покупка имѣній западнаго

края жителями внутреннихъ губерній главнѣйшимъ образомъ выразится въ томъ, что извѣстная часть процентныхъ бумагъ перейдетъ изъ внутреннихъ губерній въ западный край и займетъ въ рукахъ тамошнихъ денежныхъ людей мѣсто разныхъ частныхъ долговыхъ обязательствъ, которыя будутъ ликвидированы. Разчетъ между частными лицами будетъ производиться наличными, но важность не въ этомъ разчетѣ, а въ томъ, который будетъ производиться между внутренними и западными губерніями. Этотъ послѣдній разчетъ не нуждается въ наличныхъ: онъ можетъ быть произведенъ процентными бумагами. Спрашивается, достанетъ ли ихъ? Сумма долговъ, коими обремененно частное землевладѣніе въ западномъ краѣ, правда, неизвѣстна; но во всякомъ случаѣ тѣ долговыя обязательства, которыя могутъ послужить поводомъ къ продажѣ имѣній (они должны составлять лишь часть этой общей суммы), не могутъ идти даже въ отдаленное сравненіе съ громадною массой движимыхъ цѣнностей, находящихся нынѣ въ обращеніи во внутреннихъ губерніяхъ. Не говоря уже объ акціяхъ и облигаціяхъ частныхъ компаній, а также о русскихъ заграничныхъ займахъ, которыхъ значительная доля помѣщена теперь въ Россіи, припомнимъ, что у насъ выпущено около 150 милліоновъ билетовъ непрерывнаго дохода, около 300 милліоновъ 5% банковыхъ билетовъ, около 100 милліоновъ выкупныхъ свидѣтельствъ и ренты, около 70 милліоновъ металлическихъ билетовъ, около 200 милліоновъ серій и наконецъ 100 милліоновъ лотерейнаго займа: безъ малаго милліардъ однѣхъ этихъ процентныхъ бумагъ для покрытія баланса между внутренними и западными губерніями по покупкѣ имѣній западнаго края. Итакъ, съ этой стороны не можетъ встрѣтиться препятствія, и нѣтъ повода опасаться какого-либо замѣшательства. Платежныя средства найдутся, но найдутся ли охотники употребить эти средства въ дѣло? Другими словами: найдутся ли во внутреннихъ губерніяхъ люди, которые рѣшатся рисковать помѣщеніемъ своего капитала въ недвижимой собственности западнаго края? Мы отвѣтимъ: найдутся, если правительство пожелаетъ. Все зависитъ отъ того, въ какой степени серіозно признаніе западнаго края русскимъ краемъ. Охотники непремѣнно найдутся, когда великому слову будетъ соотвѣтствовать дѣло и притомъ безповоротное дѣло. Вопросъ о западномъ краѣ долженъ быть поставленъ внѣ всякихъ сомнѣній и колебаній, внѣ зависимости отъ случайно измѣняющихся взглядовъ. Всякая надежда на измѣненіе нашей внутренней политики должна быть отрѣзана. Тогда разомъ дастся всему въ западномъ краѣ новый характеръ; онъ впервые въ нынѣшнемъ столѣтіи вкуситъ плоды того блага, которое заключается въ прочномъ политическомъ порядкѣ; всѣ благопріятныя условія, которыми онъ обставленъ отъ природы получатъ свою полную цѣну и привлекутъ множество покупателей изъ такой громадной страны какъ вся остальная Россія. И по климату, и по удобству сбыта, западный край стоитъ значительно выше внутреннихъ губерній; будь внѣ сомнѣнія, что спокойствіе въ немъ также прочно, какъ и во внутреннихъ губерніяхъ, можетъ ли не оказаться значительный наплывъ покупателей, такой наплывъ, что цѣны на имѣнія возрастутъ не только противъ теперешняго, даже не только противъ времени тотчасъ предъ возстаніемъ, но и противъ времени до освобожденія крестьянъ? При желѣзной дорогѣ въ Кіевъ, дѣло пошло бы еще успѣшнѣе. Но до извѣстной степени отсутствіе ея можетъ быть уравновѣшено учрежденіемъ посредническихъ коммиссій, о которыхъ мы говорили третьяго дня.

Опасаются упадка цѣнъ, если право покупать имѣнія будетъ ограничено коренными Русскими. Это опасеніе рѣшительно не имѣетъ правильнаго основанія. Мѣра, о которой идетъ рѣчь, въ сущности не стѣснитъ, а расширитъ кругъ покупателей. Теперь онъ фактически ограниченъ; теперь онъ состоитъ почти исключительно изъ мѣстныхъ жителей. Мѣра, необходимая для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, потому и необходима, что въ сущности есть не что иное какъ противоядіе, какъ средство пробить брешь въ китайской стѣнѣ, отдѣляющей западный край отъ остальной Россіи. Насколько вся остальная Россія обширнѣе и богаче денежными людьми чѣмъ западный край, настолько долженъ расшириться кругъ покупателей, при исключеніи изъ него тѣхъ людей, которые дѣлаютъ его ограниченнымъ, и которыхъ исключеніе необходимо именно для того, чтобъ устранить теперешнее фактическое ограниченіе. Въ подтвержденіе этихъ словъ мы укажемъ

на разительный фактъ. Имѣнія въ губерніяхъ Подольской и Кіевской, отчасти въ въ Волынской и Гродненской, значительно лучше имѣній въ губерніяхъ Тульской, Орловской и Рязанской. Тамъ родится лучшая въ Европѣ пшеница; тамъ не бываетъ засухъ; тамъ климатъ благорастворенный; тамъ наконецъ сбытъ удобнѣе и даже народонаселеніе гуще. Чѣмъ же объяснить, что тамъ издавна имѣнія стоятъ, по числу десятинъ, чуть не вдвое дешевле чѣмъ въ губерніяхъ Тульской, Орловской и Рязанской? Чѣмъ объяснить этотъ удивительный фактъ, какъ не тою китайскою стѣной, которую поставила польщизна между западнымъ краемъ и внутренними губерніями? Чѣмъ объяснить это какъ не ограниченнымъ кругомъ покупателей, въ который было трудно проникнуть коренному Русскому? Чтобы поднять цѣну тамошнихъ имѣній, надобно открыть этотъ край для общей конкурренціи; а можно ли этого достигнуть, не принявъ рѣшительной мѣры противъ замкнутости тамошняго польскаго землевладѣнія?

Мы просимъ читателей обратить особенное вниманіе на замѣчательную корреспонденцію изъ юго-западнаго края, печатаемую ниже. Послѣ 1831 года имѣлось въ виду принять мѣры для водворенія въ этомъ краѣ русскаго землевладѣнія, но эта мѣра встрѣтила препятствія и разрѣшилась въ позорный результатъ, о которомъ говоритъ нашъ корреспондентъ. Неужели и теперь, послѣ столькихъ опытовъ, повторится то же самое? Неужели и теперь дѣло ограничится продажей конфискованныхъ и секвестрованныхъ имѣній, то-есть передачей въ русскія руки приблизительно только *одной тридцатой доли* тамошняго землевладѣнія? Не значило ли бы это: *parturiunt montes, nascetur ridikulus mus*? Не послужило ли бы это косвеннымъ указаніемъ, что русскимъ покупателямъ нечего обращаться въ западный край, что они пропадутъ тамъ, какъ капля въ морѣ, что ихъ положеніе тамъ будетъ невыносимое? Или теперь, или никогда: вотъ девизъ настоящей минуты. Развязка крестьянскаго дѣла въ томъ краѣ есть великій шагъ впередъ, но значеніе этого шага можетъ быть обоюдное. Онъ можетъ оказаться благотворнѣйшею мѣрой для государственной прочности, но въ случаѣ колебаній государственнаго единства, онъ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ большую чѣмъ прежде возможность сближенія между шляхтой и крестьянствомъ. Послѣ развязки крестьянскаго вопроса, шляхта, исключительно польская, опаснѣе для государства чѣмъ прежде. Кромѣ того выкупъ можетъ и въ экономическомъ отношеніи оказаться орудіемъ обоюдуострымъ. Обязательный выкупъ снабдитъ землевладѣльцевъ западнаго края выкупными бумагами, которыя для однихъ послужатъ къ уплатѣ долговъ; а другимъ могутъ дать средства къ распространенію своего землевладѣнія. Если теперь же не будетъ принято обширныхъ мѣръ къ водворенію тамъ русскаго землевладѣнія, то польское землевладѣніе именно вслѣдствіе выкупа, можетъ тамъ усилиться. Но съ другой стороны, если мѣры этого рода будутъ приняты, то выкупныя бумаги совершенно устранятъ опасеніе стѣснительности ихъ. Послѣ выдачи огромной массы выкупныхъ бумагъ число продаваемыхъ имѣній должно само собой уменьшится до размѣровъ весьма незначительныхъ, и слѣдовательно предложеніе имѣній должно сократиться, а это должно оказать на ихъ цѣны вліяніе благопріятное для продавцевъ. Цѣны еще болѣе поднимутся вслѣдствіе принятія мѣръ къ водворенію русскаго землевладѣнія, потому что одно уже ихъ принятіе послужитъ ручательствомъ за прочное будущее западнаго края, а ихъ осуществленіе привлечетъ туда русскихъ покупателей и уравняетъ цѣны имѣній западнаго края съ цѣнами наиболѣе населенныхъ черноземныхъ губерній внутренней Россіи. Это будетъ, правда, невыгодно для польскихъ притязаній и не понравится польскимъ мечтателямъ, но въ экономическомъ отношеніи это будетъ гораздо болѣе выгодно и для всего края, и для теперешнихъ польскихъ землевладѣльцевъ его, чѣмъ продолженіе того порядка вещей, который они стараются удержать подъ предлогомъ опасеній за цѣлость своей поземельной собственности.

№ 264.

Москва, 30-го ноября.

Возвращаемся къ вопросу о необходимости принятія какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ къ измѣненію состава землевладѣнія въ западныхъ губерніяхъ. Наши корреспонденціи оттуда, какъ съ южнаго,

такъ и съ сѣвернаго конца, свидѣтельствуютъ, что вопросъ этотъ заботитъ тамъ въ настоящее время всѣхъ, и администрацію края, и самихъ землевладѣльцевъ. Заинтересованныя стороны смотрятъ на дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія; но всѣ понимаютъ, что именно теперь наступила рѣшительная минута, которою дано будетъ направленіе судьбамъ этого злополучнаго, такъ много страдавшаго края, а съ тѣмъ вмѣстѣ и общему ходу дѣлъ всего нашего отечества. Пока шли труды повѣрочныхъ коммиссій, покупатели не могли въ точности знать что покупаютъ; но теперь когда юридическія условія имѣній приведены въ ясность и когда устраняется все что могло затруднять переходъ ихъ изъ рукъ въ руки, самъ собою, посреди обстоятельствъ созданныхъ недавними событіями, возникаетъ вопросъ, будетъ ли предпринято что-либо серіозное къ дѣйствительному усвоенію западнаго края, или же все останется при прежнихъ условіяхъ, за исключеніемъ нѣкоторой перемѣны въ декораціяхъ. Въ западномъ краѣ именно землевладѣніе составляетъ главную силу вопроса. Только въ землевладѣльческомъ сословіи и вообще въ дворянствѣ сосредоточивается здѣсь польская національность; только оно должно измѣниться въ своемъ характерѣ, для того, чтобы вопросъ національный въ этомъ краѣ былъ рѣшенъ окончательно ко благу Россіи, ко благу края, наконецъ ко благу стольких людей, которые страдаютъ недугомъ польской національности, и которые въ слѣдующемъ же поколѣніи были бы усвоены Россіи, если бы только были устранены причины поддерживающія этотъ хроническій недугъ. Въ Царствѣ Польскомъ русская политика должна была бы всячески способствовать сближенію крестьянства съ русскою національностью, еслибъ имѣлось тамъ въ виду рѣшеніе польскаго вопроса въ русскомъ смыслѣ; въ западномъ же краѣ для этой цѣли надобно дѣйствовать на землевладѣніе, ставя его въ такія условія, чтобы тамошніе землевладѣльцы не могли считать себя членами обширной замкнутой корпораціи, обязывающей каждаго изъ своихъ членовъ хранить завѣтъ польской національности, вопреки народнымъ массамъ населяющимъ этотъ край, вопреки его древнѣйшимъ историческимъ преданіямъ, вопреки его дѣйствительному положенію въ составѣ Россійской Имперіи. Здѣсь, на почвѣ западнаго края, чувство польской національности, допущенное и поддержанное ошибочною политикой, несмотря на всю свою внутреннюю несостоятельность, отличается особенною энергіей, потому что оно соединяется съ чувствомъ превосходства и власти. Здѣсь польскій элементъ не есть какой-либо простой, мирный, племенной элементъ, это элементъ политическій; это не этнографическая идиллія, это начатки власти и государства; вотъ почему въ этомъ краѣ этотъ элементъ особенно опасенъ. Все обаяніе польскаго патріотизма заключается въ надеждахъ на обладаніе этимъ краемъ, и будь у этого польскаго патріотизма отнята такая надежда, польская національность утратила бы всякое значеніе для Поляковъ. Напрасно нѣкоторые обманываютъ себя или стараются обмануть другихъ увѣреніемъ что предметъ стремленій польскихъ патріотовъ есть независимое существованіе такъ-называемаго Царства Польскаго, или Конгресувки, какъ они презрительно зовутъ его. Ни одинъ польскій патріотъ никогда не отрекался отъ этого исконнаго русскаго края; а если кто отрекался, то этимъ самымъ отказывался отъ польскаго чувства, и переставалъ быть Полякомъ.

Выше замѣтили мы, что не одна мѣстная администрація западнаго края озабочена въ настоящее время вопросомъ о продажѣ имѣній, но и сами землевладѣльцы задаютъ себѣ этотъ вопросъ, и охотно вѣримъ что не всѣ задаютъ его себѣ въ дурномъ смыслѣ. Мыслящіе изъ нихъ должны желать прекращенія польскаго вопроса въ западномъ краѣ, и всѣ желающіе или не желающіе этого результата, понимаютъ что средствомъ къ тому можетъ служить усиленіе русскаго элемента въ тамошнемъ землевладѣльческомъ сословіи. Вотъ интересныя строки, которыя мы прямо выписываемъ изъ письма одного изъ польскихъ землевладѣльцевъ югозападнаго края: „Всякій „разумный Полякъ понялъ наконецъ двѣ „вещи: первое, что намъ дѣйствительно „здѣсь не мѣсто, — второе, что чѣмъ меньше будетъ кругъ, въ которомъ останется „еще польская народность, тѣмъ скорѣе „она сумѣетъ доказать на дѣлѣ, что отрекается разъ навсегда отъ тѣхъ несбыточныхъ мечтаній, послѣднимъ словомъ которыхъ были минувшія событія.“ Ничего не можетъ быть справедливѣе этихъ словъ, и мы рады вѣрить ихъ искренности. По имен-

но для того чтобъ эти слова могли перейдти въ дѣло, необходимы серіозныя правительственныя мѣры. Что въ числѣ польскихъ землевладѣльцевъ есть благоразумные люди готовые продавать свои имѣнія Русскимъ, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что русскій элементъ водворится въ тамошнемъ землевладѣніи. Есть люди благоразумные и есть люди неблагоразумные, но всѣ будутъ дѣйствовать соотвѣтственно тому, какой оборотъ примутъ правительственныя мѣры. Если польскіе землевладѣльцы убѣдятся, что правительство не видитъ важности этого вопроса и не заботится о разрѣшеніи его въ русскомъ смыслѣ, то всѣ примутъ это за указаніе, что дѣло польскаго патріотизма не проиграно въ этомъ краѣ и что польскіе патріоты обязаны съ усиленною ревностію работать въ его смыслѣ. Русскіе землевладѣльцы не пойдутъ въ этотъ край для покупки имѣній, пока дѣло это не будетъ организовано, пока не будетъ ясенъ его смыслъ, пока оно не будетъ направлено могущественно и несомнѣнно. Одиночные случаи перехода имѣній въ русскія руки ничего не будутъ значить, а нѣсколько конфискованныхъ имѣній раздробленныхъ для надѣла чиновникамъ произведутъ очень жалкій эффектъ...

Если дѣйствительно имѣется въ виду упразднить польскій вопросъ въ западномъ краѣ, то дѣло это не можетъ быть иначе подвинуто впередъ какъ серіозными законодательными постановленіями касательно пріобрѣтенія имѣній. Русское общество не есть тайное общество, оно не есть заговоръ. Дѣла касающіяся государственнаго интереса Россіи могутъ получать свое направленіе не отъ какого-либо жонда, а только отъ законнаго и явнаго правительства.

Ничего не можетъ быть сообразнѣе съ обстоятельствами, справедливѣе и полезнѣе такой мѣры, которая ограничила бы право пріобрѣтенія поземельной собственности въ западныхъ губерніяхъ, и которая, какъ говорятъ, дѣйствительно имѣется въ виду. Экспропріація въ извѣстныхъ обстоятельствахъ есть дѣло справедливое и законное; экспропріація предусматривается всѣми законодательствами, къ ней прибѣгали и прибѣгаютъ всякія правительства. Но экспропріація, которая простиралась бы на цѣлый громадный край, какъ западный, есть дѣло небывалое. Со всѣмъ иное дѣло—ограниченіе права пріобрѣтать поземельную собственность: есть государства, гдѣ вообще право пріобрѣтенія поземельной собственности строго ограничено, и государства эти находятся во главѣ цивилизованнаго міра. Въ Англіи не только иностранные подданные не могутъ пріобрѣтать землю въ полную собственность, но не можетъ и тотъ кто приметъ тамъ подданство; только дѣти такого получаютъ право на землавладѣніе. У насъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ Лифляндской, Эстляндской, а покамѣсть и въ Курляндской губерніи, право пріобрѣтать дворянскія земли ограничено только кругомъ имматрикулированныхъ фамилій. Но едва ли когда-либо и гдѣ-либо могли быть столь справедливыя, столь законныя основанія для ограниченія права пріобрѣтать поземельную собственность какъ въ западныхъ губерніяхъ Россійской имперіи; здѣсь подобная мѣра была бы не только законная, но спасительная. Воспрещая покупать земли въ этомъ краѣ иностранцамъ и лицамъ польскаго происхожденія, но въ то же время предлагая льготы русскимъ покупателямъ въ этомъ краѣ, правительство энергически заявило бы свое рѣшеніе освободиться наконецъ отъ политики навязанной Россіи Чарторыйскимъ и освободить западный край отъ того двусмысленнаго положенія, которое парализуетъ его силы. Эта рѣшимость должна благодѣтельно отозваться и на всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ этого края. Цѣны на тамошнія имѣнія были низки не только вслѣдствіе возстанія; онѣ были низки и прежде, и причинами того съ одной стороны непрочность тамошняго порядка вещей, которая отпугивала покупателей, а съ другой—фактическое ограниченіе круга покупателей людьми польскаго происхожденія. Устранить обѣ эти причины дешевизны тамошнихъ имѣній значитъ содѣйствовать возрастанію цѣны ихъ и оживленію сельскаго хозяйства, значитъ спасти тамошнихъ помѣщиковъ отъ разоренія, при теперешнемъ порядкѣ вещей дѣйствительно имъ угрожающаго. Ограниченіе права покупки имѣній въ смыслѣ русскомъ, въ интересѣ Россіи, не только не уменьшитъ спроса, но напротивъ увеличитъ его сверхъ всякаго ожиданія. Не только не будетъ недостатка въ покупщикахъ, но напротивъ спроса окажется больше чѣмъ имѣній въ продажѣ. До сихъ поръ въ русской публикѣ не было положительной увѣренности относительно дальнѣйшаго хода дѣлъ въ западномъ краѣ: пусть только явится эта

увѣренность, и цѣнность имѣній въ западномъ краѣ поднимется на такую высоту, на какой никогда прежде не стояла. Но безъ этой увѣренности покупщиковъ изъ внутреннихъ губерній не будетъ, какъ бы ихъ ни завлекали.

№ 265.

Москва, 1-го декабря.

Итакъ, въ промежутокъ съ небольшимъ въ полтора мѣсяца, сошли съ политической сцены, одинъ за другимъ, два дѣятеля, которымъ Бельгія была наиболѣе обязана утвержденіемъ своей независимости: лордъ Пальмерстонъ и король Леопольдъ I. Немногіе изъ современныхъ политическихъ дѣятелей отличались такимъ удивительнымъ самообладаніемъ, такою способностію подмѣчать истинное настроеніе умовъ народа и такимъ тонкимъ знаніемъ Европы, ея государей и свойствъ взаимныхъ ихъ отношеній, какъ король Леопольдъ. Онъ въ высшей степени обладалъ искусствомъ соглашать различные, даже противоположные интересы, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней своей политикѣ. Онъ умѣлъ, какъ немногіе, съ терпѣніемъ выжидать минуты для успѣшнаго дѣйствія, а равно и пользоваться ею, когда она представлялась. Можно смѣло сказать, что дѣло бельгійской независимости безъ него, безъ свойствъ его характера и безъ особенностей его положенія въ Европѣ, или вовсе не состоялось бы, или даже успѣло бы погибнуть. Онъ былъ оплотомъ своего юнаго государства, и уже этимъ однимъ обезоруживалъ передъ собой внутреннія партіи.

Какъ уже было сказано въ примѣчаніи къ телеграммѣ о его смерти, онъ родился 16-го декабря 1790 года. Онъ потерялъ своего отца, герцога Франца Саксенъ-Кобургъ-Заальфельдскаго, когда ему было 16 лѣтъ отъ роду и когда судьба его дома, казалось, была рѣшена побѣдой Французовъ при Іенѣ. Положеніе молодаго принца улучшилось, благодаря только тому, что онъ, воспользовавшись родственнымъ союзомъ съ Россіей—сестра его была съ 1796-го по 1820-й годъ въ бракѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ—примкнулъ къ этой державѣ, вступилъ въ русскую службу; вскорѣ сталъ русскимъ генераломъ и въ этомъ качествѣ сопровождалъ императора Александра I на конгрессъ въ Эрфуртъ. Правда въ 1810 году императоръ Наполеонъ принудилъ его отказаться отъ этого положенія, но уже въ февралѣ 1813 года онъ снова присоединился къ русскому войску, и вмѣстѣ съ нимъ дважды вступалъ въ Парижъ. Въ Лондонѣ, куда онъ не разъ пріѣзжалъ по порученію императора Александра, онъ положилъ въ это время еще болѣе прочныя основы для будущаго своего возвышенія: онъ произвелъ такое благопріятное впечатлѣніе на тогдашнюю наслѣдную принцессу Англіи, Августу Шарлотту, единственную дочь принца регента, въ послѣдствіи короля Георга IV, что 2-го мая 1816 года вступилъ съ нею въ бракъ, послѣ того какъ парламентскимъ актомъ онъ былъ натурализованъ въ Англіи, сдѣланъ герцогомъ Кендальскимъ и членомъ тайнаго совѣта и произведенъ въ фельдмаршалы. Англійская принцесса скончалась, впрочемъ, на другой же годъ (5-го ноября 1817 года), разрѣшившись отъ бремени мертвымъ младенцемъ. Глубокая скорбь вдовца объ умершей, которую оплакивалъ вмѣстѣ съ нимъ и англійскій народъ упрочила за нимъ всеобщую симпатію, которую онъ пріобрѣлъ себѣ своимъ благоразумнымъ и вполнѣ достойнымъ поведеніемъ въ Англіи. Онъ остался здѣсь жить, проводя бо́льшую часть своего времени въ подаренномъ ему парламентомъ замкѣ Кларемонтѣ, въ полномъ уединеніи, среди дѣлъ благотворительности и устраняясь почти совершенно отъ политической жизни. Только къ концу двадцатыхъ годовъ онъ былъ снова вызванъ на политическое поприще. 3-го февраля 1830 года Россія, Англія и Франція предложили ему престолъ вновь созданнаго ими королевства Греческаго, отъ котораго онъ, впрочемъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, окончательно отказался 11-го мая того же года, по соображеніямъ, которыя свидѣтельствуютъ объ его политической проницательности и которыя подтвердились всѣми послѣдующими событіями. Онъ отказался принять греческую корону, потому что этому королевству назначены были границы, которыя не обезпечивали ни внутренняго спокойствія страны, ни дальнѣйшаго ея развитія. Съ небольшимъ черезъ годъ, именно 4-го іюня 1831 года, національный бельгійскій конгрессъ, по внушеніямъ Англіи и Франціи,

предложилъ ему бельгійскую корону, которую онъ и принялъ, 12-го іюля, подъ условіемъ, чтобы Бельгія подчинилась постановленіямъ Лондонской конференціи, опредѣлившимъ ея границы и ея финансовыя отношенія къ королевству Нидерландскому. 21-го іюля онъ прибылъ въ Брюссель, принялъ присягу отъ новыхъ своихъ подданныхъ и самъ присягнулъ выработанной національнымъ конгрессомъ конституціи. Такимъ образомъ, началось его царствованіе, продолжавшееся слишкомъ 34 года при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Независимость Бельгіи не могла почитаться упроченною до 1838 года, потому что 24 пункта, выработанные на Лондонской конференціи и подписанные 11 ноября 1831 г. Англіей и Франціей, были только условно приняты великими сѣверными державами и были рѣшительно отвергаемы королемъ Нидерландскимъ въ надеждѣ, что эти державы еще успѣютъ уничтожить дѣло революціи. Король Леопольдъ содѣйствовалъ утвержденію независимости Бельгіи, вступивъ съ самаго начала въ дружественныя и даже въ родственныя отношенія къ Франціи. 9-го августа 1832 года онъ соединился бракомъ съ дочерью короля Лудовика Филиппа, принцессой Луизой (умершею 11-го октября 1850 года), и такимъ образомъ, занялъ весьма выгодную позицію между Англіей и Франціей, — позицію, которая обезпечила ему свободу отъ чрезмѣрнаго вліянія той и другой страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляла ему надежную опору со стороны Франціи. По своему положенію онъ былъ призванъ къ посредничеству между этими двумя державами и не разъ успѣвалъ улаживать ихъ взаимныя несогласія.

Внутри страны онъ былъ образцомъ конституціоннаго монарха, среди нерѣдко ожесточенной борьбы партій. Онъ всегда являлся примирителемъ слишкомъ рѣзкихъ противоположностей и искуснымъ кормчимъ государства. Въ 1848 году, какъ извѣстно, начались было движенія въ Бельгіи, вызванныя французскою революціонною пропагандой и направленныя къ присоединенію Бельгіи къ Франціи. Но высокое уваженіе, которымъ король пользовался въ европейскомъ политическомъ мірѣ, а равно и въ собственномъ своемъ народѣ, не дозволяло Франціи и думать о серіозномъ посягательствѣ на независимость его государства. Тѣмъ не менѣе съ воцареніемъ императора Наполеона онъ считалъ себя не безопаснымъ съ этой стороны, и опасенія его выказались въ усиліяхъ пріобрѣсти дружбу Нидерландскаго королевства и сблизиться съ Пруссіей, а также въ предпринятомъ съ 1859 года укрѣпленіи Антверпена. Происшедшее вслѣдствіе того охлажденіе со стороны Франціи онъ старался устранить личнымъ свиданіемъ съ императоромъ Наполеономъ въ Біаррицѣ, въ чемъ отчасти и имѣлъ успѣхъ. Дальнѣйшее сближеніе между ними произошло въ связи съ мексиканскими дѣлами, послѣ того какъ эрцгерцогъ Максиміліанъ, супругъ его единственной дочери, принцессы Шарлотты, принялъ изъ рукъ императора Наполеона мексиканскую корону. Участь этой любимой его дочери и его зятя наиболѣе тревожила его въ послѣдніе дни его болѣзни, и по разказу корреспондентовъ, слова: *Мексика, Шарлотта*, почти ежеминутно и безсознательно произносились августѣйшимъ больнымъ. Вопросъ о независимости самой Бельгіи, повидимому, нисколько его не тревожилъ. Впрочемъ, извѣстно, что онъ до конца не сознавалъ опасности своего положенія и близости своей кончины.

Между тѣмъ никакъ нельзя сказать, чтобы смерть короля Леопольда не подвергла неизвѣстности и даже опасности независимость Бельгіи, если не въ настоящую минуту, то въ будущемъ болѣе или менѣе близкомъ. Даже офиціозные французскіе журналы, какъ, напримѣръ, *Revue Contemporaine*, еще до смерти короля Леопольда, не отвергали, что современемъ бельгійскій вопросъ можетъ быть возбужденъ самою Франціей. По поводу свиданія графа Бисмарка съ императоромъ Наполеономъ шла рѣчь даже о подробномъ планѣ раздѣла Бельгіи между Франціей, Пруссіей и Нидерландами. Наконецъ въ виду опасной болѣзни короля Англія, какъ увѣряютъ, сочла за должное вступить въ переговоры съ Франціей относительно ея видовъ и намѣреній по этому предмету. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе Европы рѣшительно заподазриваетъ императорскую Францію въ замыслахъ противъ бельгійской независимости, и хотя Франція, какъ говорятъ, дала самыя успокоительныя объясненія Англіи на случай смерти короля Леопольда, тѣмъ не менѣе трудно поручиться за будущее. Бельгія принадлежитъ къ числу странъ, управленіе ко-

торыми представляетъ значительныя трудности. Въ ней постоянно идетъ ожесточенная борьба между двумя партіями, которыя почти ни въ чемъ не сходятся между собой: между партіей клерикальною и либеральною, и уже теперь *Кельнская Газета* указываетъ, что первая изъ нихъ вовсе не прочь протянуть руку Французской имперіи, лишь бы съ ея помощью сокрушить либеральныхъ враговъ своихъ. Сверхъ того, въ Бельгіи, особенно въ южныхъ областяхъ ея, несомнѣнно существуетъ мѣстная партія въ пользу присоединенія къ Франціи, и она можетъ всегда указать на то, что это присоединеніе имѣло бы для страны благодѣтельныя послѣдствія, по крайней мѣрѣ, въ экономическомъ отношеніи. Уже по языку своему значительная часть Бельгіи какъ нельзя болѣе доступна французскому вліянію, и самое отторженіе ея отъ королевства Нидерландскаго показываетъ, какъ сильно можетъ дѣйствовать на нее французская пропаганда: первыя сѣмена сентябрьской бельгійской революціи были брошены въ тамошнюю почву изъ Франціи. Преемникъ короля Леопольда I, Леопольдъ II, безъ сомнѣнія, обладаетъ многими прекрасными свойствами, но едва ли онъ отличается тою силою воли и твердостью характера, тою политическою проницательностью и тою склонностью къ трудному дѣлу правленія, какъ его покойный отецъ. Притомъ же онъ извѣстенъ слабостью своего здоровья, которая заставляла его уже не разъ удаляться изъ Брюсселя и искать себѣ убѣжища въ болѣе теплыхъ странахъ. До нынѣшней болѣзни короля Леопольда I говорили даже, что герцогъ Леопольдъ Брабантскій имѣетъ большую наклонность къ отреченію отъ престола въ пользу бездѣтнаго брата своего, принца Филиппа Фландрскаго, но что его супруга, бывшая герцогиня австрійская, Марія, удерживала его отъ этого намѣренія. Если, такимъ образомъ, въ Бельгіи дастъ себя сильно чувствовать австрійское вліяніе, или же борьба партій, не сдерживаемая сильною и ловкою рукой сверху, породитъ внутреннюю анархію, въ такомъ случаѣ очень можно опасаться, что Франція не будетъ въ состояніи сдержать свое властолюбіе. Приводимыя ниже подъ рубрикой „Бельгія," вкрадчивыя и приторныя увѣренія *La France*, что Франція нисколько не думаетъ о расширеніи своихъ предѣловъ и о посягательствѣ на Бельгію, тѣмъ менѣе убѣдительны, что главный доводъ этой газеты заключается въ указаніи, будто бы „миролюбивое направленіе политики императора уже вполнѣ обнаружилось" и будто бы „всѣ войны, которыя онъ велъ, имѣли цѣлью только возстановленіе нарушеннаго другими европейскаго равновѣсія." *La France* какъ будто бы забыла о Ниццѣ и Савойѣ. Впрочемъ, газета г. де-Лагероньера ручается собственно только за то, что „никто не думаетъ серіозно о томъ, чтобы потревожить Бельгію въ полномъ обладаніи ея національною самобытностью (souveraineté nationale), и что она имѣетъ полную свободу располагать собою." Конечно никто не можетъ предположить, чтобы Франція вознамѣрилась завладѣть Бельгіей посредствомъ одной силы; если Бельгія и будетъ присоединена къ Франціи, то не иначе какъ на основаніи пресловутаго начала національностей, и не иначе какъ съ помощью комедіи, извѣстной подъ именемъ всеобщей подачи голосовъ.

Ручательствомъ за сохраненіе независимости и цѣлости Бельгіи считаютъ обыкновенно противодѣйствіе со стороны Англіи; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что однажды Англія уже соглашалась на раздѣлъ Бельгіи между Франціей, Пруссіей и Нидерландами, съ тѣмъ чтобъ ей самой, Англіи, было предоставлено обладаніе Антверпеномъ. Это было въ то время, когда рѣшался вопросъ о Бельгіи на Лондонской конференціи въ 1831 году.

Россія заинтересована дальнѣйшею судьбой Бельгіи въ томъ отношеніи что не можетъ оставаться равнодушною къ измѣненію нынѣшняго территоріальнаго распорядка и политическаго равновѣсія Европы. На бельгійскомъ вопросѣ легко могутъ сойдтись между собой Франція и Пруссія, изъ коихъ послѣдней уже не разъ приписывалось желаніе воспользоваться этимъ вопросомъ, чтобы порѣшить въ свою пользу вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій, и тѣмъ стѣснить Россію на Балтійскомъ морѣ, а также оттѣснить и Австрію изъ Германіи и Италіи къ юго-востоку Европы. На бельгійскомъ же вопросѣ можетъ сойдтись и Англія съ Франціей, уступивъ властолюбію послѣдней, но за то склонивъ ее къ благопріятному для англійскихъ видовъ разрѣшенію восточнаго вопроса. Возможность подобныхъ сдѣлокъ отрицать нельзя, и нельзя не имѣть ихъ въ виду, хотя бы

въ настоящее время онѣ и не могли осуществиться, благодаря тому что и Англія, и особенно Франція, еще не свели окончательно своихъ счетовъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и могутъ ожидать опасностей съ этой стороны. Но и эти счеты подвигаются къ концу. Ни Англія, ни Франція, какъ кажется, не расположены ввязываться въ борьбу съ могущественною сѣверо-американскою республикой, и такимъ образомъ, минута для рѣшительнаго ихъ дѣйствія въ Европѣ можетъ наступить гораздо скорѣе чѣмъ ожидаютъ. Это приводитъ насъ къ нашему постоянному *ceterum censeo;* пока еще есть время, Россіи слѣдовало бы поспѣшить разрѣшеніемъ внутреннихъ своихъ вопросовъ, особенно же окончательнымъ упраздненіемъ вопроса польскаго, водвореніемъ русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, сближеніемъ крестьянскаго населенія въ Царствѣ польскомъ съ русскимъ народомъ и проведеніемъ желѣзной дороги, которая соединила бы центръ Россіи съ Кіевомъ и Одессой, коснувшись юго-западной ея окраины. Средства на это несомнѣнно найдутся, лишь бы было желаніе.

№ 266.

Москва, 2-го декабря.

Недавно, говоря о водвореніи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, мы упомянули о громадномъ количествѣ обращающихся теперь въ Россіи процентныхъ бумагъ. За исключеніемъ акцій и облигацій частныхъ акціонерныхъ компаній, а также за исключеніемъ государственныхъ фондовъ по займамъ заключеннымъ за границей, мы насчитали казенныхъ процентныхъ бумагъ выпущенныхъ въ публику до милліарда рублей серебромъ. Эти бумаги приносятъ отъ $4\frac{1}{2}$ до 6 процентовъ на тотъ капиталъ, за который можно теперь пріобрѣтать ихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ Россіи есть по меньшей мѣрѣ на милліардъ рублей такихъ капиталовъ, которыхъ владѣльцы довольствуются полученіемъ умѣренныхъ процентовъ, лишь бы ихъ капиталы были помѣщены вѣрно. Среди такого положенія вещей, происходитъ слѣдующее. Является возможность, при столь же вѣрномъ помѣщеніи капитала, получать не 6 и не 4 процента, а 11, и притомъ еще съ видами на дальнѣйшее возрастаніе дохода: кому, кажется, не улыбнется такая возможность? Если только правда, что представляющееся новое помѣщеніе не менѣе вѣрно чѣмъ прежнее, то всякій владѣлецъ упомянутыхъ казенныхъ бумагъ, не лишенный способности разобрать что 11 больше 4 и 6, долженъ схватиться обѣими руками за предлагаемое ему средство удвоить свой доходъ. Владѣльцамъ цѣлаго милліарда, то-есть тысячи милліоновъ бумагъ, приносящимъ отъ 4 до 6 процентовъ, предлагаютъ подписаться на одинъ милліонъ бумагъ, долженствующихъ приносить не менѣе 11 процентовъ: мы спрашиваемъ, можетъ ли быть сомнѣніе, что этотъ милліонъ будетъ ими расхватанъ! Мы дѣлаемъ только одно предположеніе: съ позволенія петербургской журналистики, мы предполагаемъ, что на этихъ почтенныхъ капиталистовъ не напала эпидемія безсчестности,—какой эпидеміи не подвержены русскіе люди по увѣренію петербургскихъ публицистовъ?—и затѣмъ утверждаемъ, что русскіе капиталисты должны броситься на упомянутую подписку съ большею стремительностью, чѣмъ бросались въ Москвѣ, еще не такъ давно, на подписки разныхъ акціонерныхъ компаній, далеко не обѣщавшихъ подобнаго барыша; они должны подписаться не на милліонъ, а на десятки и сотни милліоновъ, съ тѣмъ, чтобъ обѣтованный милліонъ былъ разверстанъ между подписавшимися соразмѣрно ихъ заявленіямъ. Это было бы въ порядкѣ вещей, и можно было бы удивляться развѣ только тому, что учредители обратились къ публичной подпискѣ, а не роздали своихъ акцій по протекціи, какъ раздавалъ ихъ баронъ Френкель. Въ обращеніи къ публикѣ надобно было бы видѣть непонятное въ подобныхъ дѣлахъ самоотреченіе, и всякій со стороны предположилъ бы, что учредители рѣшились на такое самоотреченіе не добровольно, а уступая требованіямъ правительства, которое иногда дѣйствительно требуетъ, чтобъ учредители удерживали за собой лишь часть акцій, а остальныя раздавали желающимъ по подпискѣ и разверсткѣ. Правительство требуетъ этого въ видахъ предотвращенія монополіи, и можно желать, что оно не потребовало этого отъ барона Френкеля. Но въ томъ случаѣ, который мы теперь описываемъ, правительство не требовало публичной под-

писки, и учредители открыли ее добровольно. Они открыли ее на всю сумму, на весь мидліонъ рублей, и сами подписались едва на пятую часть, подвергаясь притомъ всѣмъ непріятностямъ разверстки: еслибы подписка только въ десять разъ превысила требованія, то имъ пришлось бы помѣстить на блистательныхъ условіяхъ, столь безкорыстно предложенныхъ ими публикѣ, не 200.000, а всего 20.000 рублей. Далѣе этого, конечно, не можетъ идти человѣческое великодушіе. Со стороны учредителей все было сдѣлано для обогащенія подписчиковъ. Бумага приносящая 11% и притомъ не подлежащая тиражу не можетъ остаться въ своей нарицательной цѣнѣ; она должна возрасти въ цѣнѣ чуть не вдвое, а потому подписавшіеся, еслибы и не захотѣли сами пользоваться блистательными процентами, могли бы не менѣе блистательно продать свои акціи. И что же? Ни для баснословно выгоднаго помѣщенія капиталовъ, ни для блистательной спекуляціи по подпискѣ на акціи съ цѣлію перепродажи, не оказалось охотниковъ, и уполномоченный учредителей принялся хлопотать, чтобы благодѣтельные Англичане, довольствующіеся у себя дома 3 или 4 процентами при вѣрномъ помѣщеніи, согласились брать по 11 процентовъ за капиталъ, неприкосновенно лежащій подъ ихъ собственнымъ вѣдѣніемъ.

Не правда ли что эта исторія совсѣмъ переходитъ за предѣлы вѣроятнаго? А между тѣмъ она дѣйствительно совершилась у насъ на Руси. Нашъ разказъ въ точности, хотя и въ крупныхъ чертахъ, передаетъ то, что случилось съ такъ-называемымъ поземельнымъ банкомъ г. Тарасенкова-Отрѣшкова.

Да не подумаютъ читатели, что банкъ г. Отрѣшкова разчитанъ къ выгодѣ заемщиковъ, и что ихъ интересамъ принесены въ жертву интересы акціонеровъ или пайщиковъ. Да не подумаютъ читатели, что доходъ обѣщаемый акціонерамъ невѣренъ. Еслибы такъ было, то можно было бы объяснить неуспѣшность подписки. Коль скоро предпріятіе сопряжено съ рискомъ, оно очень можетъ не найдти охотниковъ, какъ бы ни были велики сулимыя имъ выгоды. Въ публикаціяхъ г. Отрѣшкова обѣщался вѣрный доходъ: читатели, конечно, предполагаютъ, что это обѣщаніе было лишь заманкой, что публика разобрала въ чемъ дѣло, а потому и уклонилась отъ подписки. Ничуть не бывало. Нѣтъ ничего вѣрнѣе того, что акціонеры могутъ получать въ этомъ банкѣ по 11%, если съ ихъ вкладами не случится какого-нибудь сверхъестественнаго фокуса. Акціонерамъ Отрѣшковскаго банка предоставлено по уставу самое полное обезпеченіе. Весь уставъ написанъ съ этою цѣлію. Правда, что интересы заемщиковъ приняты въ разчетъ г. Отрѣшковымъ нѣсколько болѣе чѣмъ барономъ Френкелемъ, но тѣмъ не менѣе вся забота устава г. Отрѣшкова сосредоточена на обезпеченіи пайщиковъ, и имъ дано еще лучшее положеніе чѣмъ въ уставѣ барона Френкеля. Послѣдній жертвуетъ заемщиками акціонерамъ, это правда, но въ то же время онъ жертвуетъ акціонерами учредителямъ, и наконецъ самихъ учредителей онъ приноситъ въ жертву правленію, которое одно поставлено въ положеніе твердыни неприступной. Въ банкѣ г. Отрѣшкова иначе: тутъ всѣхъ лучше поставлены пайщики. Итакъ если въ акціонеры барона Френкеля нельзя было попасть иначе какъ по протекціи, то во сколько разъ труднѣе должно было бы попасть въ акціонеры г. Отрѣшкова? А между тѣмъ именно въ акціонерахъ у г. Отрѣшкова и оказался недочетъ.

Такіе банки какъ френкелевскій и отрѣшковскій имѣютъ два рязряда бумагъ: акціи и облигаціи. Первымъ предоставлены, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, весьма значительныя выгоды, и эти выгоды, какъ сказано, лучше обезпечены въ отрѣшковскомъ чѣмъ въ френкелевскомъ банкѣ. Эти выгоды такъ значительны, что безъ особаго требованія правительства нельзя было и ожидать чтобъ учредители уступили ихъ кому бы то ни было. Продать или по подпискѣ предложить акцію такого банка рубль за рубль, не значитъ ли это продать за рубль два рубля? Но облигаціи — другое дѣло. Ихъ помѣстить очень трудно. Выдавать ихъ заемщикамъ, въ качествѣ ссуды, значитъ вводить заемщиковъ въ страшные убытки. Поземельный банкъ, разумно устраиваемый, долженъ озаботиться предварительнымъ помѣщеніемъ своихъ облигацій. Онъ долженъ взять на себя эти заботы и освободить отъ нихъ заемщиковъ, которые должны получать ссуду наличными. Безъ этого условія курсъ облигацій, или закладныхъ листовъ, будетъ самый невыгодный, при

сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ ссудной операціи. Поэтому было бы совершенно раціонально обратиться въ Англію, или Голландію, или Германію за помѣщеніемъ облигацій, приносящихъ 5 проц. или около этого: это значило бы обезпечить банку главнѣйшее условіе его успѣха. Но просить какъ милости, чтобъ иностранцы взяли акціи, то-есть бумаги приносящія по меньшей мѣрѣ 11 процентовъ и процентовъ вѣрныхъ, а продажу облигацій возложить на русскихъ заемщиковъ, подвергая ихъ печальной необходимости продавать ихъ за безцѣнокъ и сбивать ихъ курсъ, это выходитъ за границы здраваго смысла, это свидѣтельствуетъ лишь о совершенной несостоятельности и — позволимъ себѣ выразиться рѣзко — сумасбродности предпріятія.

Трудно было вѣрить глазамъ, читая въ петербургскихъ газетахъ объявленіе, гдѣ радостно возвѣщалось русской публикѣ, что англійскіе капиталисты соглашаются разобрать акціи банка г. Отрѣшкова. Къ сожалѣнію, не вѣрить своимъ глазамъ мы не могли, что г. Отрѣшковъ почтилъ и насъ извѣщеніемъ объ успѣхѣ своихъ переговоровъ съ Англіей. Но читая это извѣщеніе, нельзя было не краснѣть за Россію. Вѣдь это не простая частная компанія. Вѣдь тутъ дѣло поземельнаго кредита цѣлой Россіи является въ странной, невыразимо-комической обстановкѣ. Когда акціи, приносящія вѣрныхъ 11 процентовъ, г. Отрѣшковъ продаетъ Англичанамъ рубль за рубль и радуется этой продажѣ, то по какой же цѣнѣ придется заемщикамъ продавать облигаціи того же банка, приносящія только 5% или около того? Когда на акціи не состоялось въ Россіи подписки, то какъ ожидать, чтобы въ Россіи нашлись охотники покупать облигаціи? А вѣдь не обязалъ же г. Отрѣшковъ своихъ Англичанъ, чтобъ они разобрали у него облигаціи: объ этомъ онъ не сообщаетъ никакого радостнаго извѣстія.

Мы не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе того, какими средствами г. Отрѣшкову удалось уронить до такой степени предпріятіе, называющееся по его имени, но не можемъ не указать на исходъ всего этого дѣла. Отъ права получать по 11% дохода на свой капиталъ едва ли откажутся тѣ англійскіе капиталисты или лучше тѣ неизвѣстные люди англійскаго происхожденія, которые милостиво согласились принять предложенный имъ подарокъ. Эти неизвѣстные люди, если г. Отрѣшковъ уже заключилъ съ ними обязательное для учредителей условіе, возьмутъ въ свои руки дѣло русскаго поземельнаго кредита, конечно, лишь для того чтобы продать его на лондонскій биржѣ тому кто дастъ больше. За тѣмъ учредится въ Лондонѣ также возвѣщенное въ газетахъ правленіе русскаго поземельнаго банка. А такъ какъ главные пайщики будутъ Англичане, то ихъ уполномоченные будутъ управлять дѣломъ и въ Петербургѣ. Вся заслуга Англичанъ будетъ состоять только въ томъ, что ихъ уполномоченные устранятъ теперешняго уполномоченнаго учредителей.

Повторяемъ: мы не станемъ отыскивать тотъ коренной порокъ, которымъ страдаетъ это предпріятіе, по замыслу своему полезное и какъ нельзя болѣе современное. Пусть сами учредители потрудятся отыскать этотъ порокъ. Но мы сочли своею обязанностью указать на его очевидные признаки дабы предупредить, если можно, осуществленіе сдѣлки, которая если и не подорветъ радикальнаго дѣла русскаго поземельнаго кредита, то неминуемо повредитъ ему, представивъ его въ крайне-смѣшномъ видѣ, и затруднитъ его дальнѣйшій ходъ.

№ 267.

Москва, 3-го декабря.

По поводу предстоящаго въ текущемъ мѣсяцѣ чрезвычайнаго губернскаго собранія нижегородскаго дворянства помѣщены на дняхъ въ *Сѣверной Почтѣ* двѣ статьи, одна за подписью XX (*Сѣв. Почта* № 257), другая за подписью *Memento* (*Сѣв. Почта* № 258). Обѣ занимаются предметомъ будущихъ совѣщаній чрезвычайнаго собранія, — вопросами объ Александровскомъ дворянскомъ банкѣ и Александровскомъ дворянскомъ институтѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, — и сообщаютъ по этимъ вопросамъ много полезныхъ свѣдѣній и замѣчаній, съ которыми мы считаемъ полезнымъ познакомить нашихъ читателей.

Александровскій дворянскій банкъ существуетъ съ 1843 года. Первая мысль о его учрежденіи была заявлена на выборахъ 1837 г., тогдашнимъ губернскимъ предводителемъ С. В. Шереметевымъ. Въ

1838 году было созвано чрезвычайное собраніе дворянства для обсужденія проекта устава, составленнаго, по порученію дворянства, С. В. Шереметевымъ; собраніе одобрило основныя начала проекта и октября 6-го того же года удостоилось получить за это общеполезное предпріятіе Высочайшую жалованную грамоту. Затѣмъ 30-го октября 1841 года уставъ банка высочайше утвержденъ, причемъ, согласно желанію дворянства, банкъ именованъ Александровскимъ въ память посѣщенія Нижняго-Новгорода, въ августѣ 1837 г., нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, тогдашнимъ наслѣдникомъ престола. 10-го іюля 1843 года онъ открылъ свои операціи, состоявшія въ выдачѣ ссудъ изъ дворянскихъ капиталовъ подъ залогъ недвижимыхъ населенныхъ имѣній Нижегородской губерніи. Такъ какъ пріемъ вкладовъ былъ воспрещенъ Банку — въ видахъ поддержанія монополіи казенныхъ кредитныхъ установленій, то дворянство, для составленія капитала принуждено было обложить себя тяжелымъ сборомъ, по 50 копѣекъ ассигнаціями съ души въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ: рѣшеніе тѣмъ болѣе замѣчательное, что дворянство совершенно отказалось отъ пользованія доходами банка, отдавъ ихъ на разныя благотворительныя цѣли. Общеполезныя обязанности, возложенныя на банкъ, были весьма обширны; тѣмъ не менѣе банкъ успѣлъ въ двадцать два года своего существованія значительно усилить свой капиталъ: при открытіи банка капитала было 400.000 р., а въ 1864 г. его уже числилось, какъ мы узнаемъ изъ *Сѣверной Почты*, почти 1.200.000 р. Съ измѣненіемъ поземельныхъ отношеній банкъ долженъ былъ измѣнить характеръ своихъ операцій, и теперь выдаетъ ссуды подъ залогъ недвижимыхъ населенныхъ имѣній Нижегородской губерніи, равно и подъ залогъ удобныхъ пахатныхъ и луговыхъ (но не лѣсныхъ) земель, на болѣе короткіе сроки чѣмъ прежде, именно на восьмилѣтній и пятнадцатилѣтній сроки и притомъ изъ 6% интереса. Нельзя не желать, чтобъ это полезное учрежденіе не только удержалось въ полной силѣ, но и получило дальнѣйшее развитіе сообразно потребностямъ времени. Пріемъ вкладовъ на всякіе сроки и выдача ссудъ также на всякіе сроки, вотъ, конечно, главное условіе этого развитія. Право выпуска облигацій также повредить не можетъ, потому что сбытъ облигацій не долженъ представлять большія трудности въ Нижнемъ, городѣ торговомъ и притомъ отстоящемъ лишь на 14 часовъ ѣзды отъ Москвы; но никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что могутъ встрѣтиться случаи, при которыхъ окажется менѣе выгоднымъ выпускать облигаціи чѣмъ заключать заемъ черезъ банкировъ съ тѣмъ чтобы выдавать ссуды наличными деньгами: это право должно быть также выговорено въ пользу преобразуемаго банка. Вообще желательно, чтобы новый уставъ заключалъ въ себѣ по возможности меньше обязательныхъ нововведеній, а чтобы нововведенія были только допускаемы имъ. Учрежденіе существующее болѣе двадцати лѣтъ, имѣющее значительную опытность и уже пріучившее къ себѣ извѣстные круги публики, можетъ обойдтись и безъ коренной ломки. Способъ управленія банкомъ долженъ также подвергнуться измѣненіямъ не иначе какъ на основаніи опыта: только тѣ реформы хороши, которыя не переступаютъ за границу необходимаго. Банкъ очень можетъ оставаться дворянскимъ банкомъ и пребывать попрежнему подъ дворянскимъ управленіемъ, хотя и будетъ выдавать ссуды лицамъ всѣхъ сословій. Во всякомъ случаѣ нижегородское дворянство въ правѣ дорожить своимъ банкомъ и всячески заботиться о его процвѣтаніи на общую пользу.

Прибыли Александровскаго банка идутъ на весьма разнообразныя общеполезныя цѣли, на выдачу пособій и пенсій недостаточнымъ дворянамъ, а изъ другихъ сословій преимущественно безсрочно-отпускнымъ и отставнымъ солдатамъ изъ помѣщичьихъ имѣній Нижегородской губерніи, но всего болѣе на возвышеніе учебной части въ губерніи, на подъемъ ея образовательныхъ средствъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи нижегородское дворянство издавна отличалось щедростью. Еще въ прошломъ столѣтіи оно оказывало поддержку главному народному училищу, учрежденному въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1781 году и потомъ, въ 1808 году, преобразованному въ гимназію. Оно тогда уже подавало примѣръ другимъ губерніямъ, точно также какъ и въ послѣдствіи, въ тяжкія времена государственныхъ затрудненій и государственныхъ преобразованій, въ пору ополченій и въ пору кре-

стьянской реформы. Для новоучрежденной гимназіи оно пожертвовало, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, большой трехъэтажный каменный домъ съ двумя каменными же флигелями, теперь соединенными съ нимъ въ одно зданіе, объ обширности котораго можно судить по тому что оно вмѣщаетъ въ себѣ всю гимназію съ ея учебными пособіями и кромѣ того квартиры не только директора и инспектора, но и десяти учителей. Въ исторіи общеполезной дѣятельности нижегородскаго дворянства г. XX. (*Сѣверная Почта* № 257) особенно указываетъ на одну замѣчательную эпоху, могущую служить живымъ разъясненіемъ тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ дѣятельности политическихъ корпорацій. Бодрому движенію публичной жизни въ нижегородскомъ дворянствѣ сильно содѣйствовали два лица, богатые помѣщики братья Шереметевы: они были во всемъ главными дѣятелями, и ихъ прибытіе на выборы 1834 г. — до тѣхъ поръ они не жили въ губерніи — сдѣлалось эпохой. О старшемъ изъ нихъ мы уже упоминали, какъ объ учредителѣ Александровскаго банка: это генералъ-майоръ Сергій Васильевичъ, избранный въ 1834 году въ должность губернскаго предводителя и остававшійся въ ней двѣнадцать лѣтъ. Младшій—коллежскій ассесоръ Николай Васильевичъ, на тѣхъ же выборахъ избранный въ должность почетнаго попечителя гимназіи, которую занималъ до своей смерти (1849). Пользуясь своимъ досугомъ и своими средствами, они оба посвятили себя общественной службѣ, на которую смотрѣли какъ на свое личное живое дѣло. Ихъ имена будетъ всегда съ благодарностью помнить исторія Нижегородской губерніи, признавая въ то же время за нижегородскимъ дворянствомъ ту заслугу, что оно почтило ихъ труды своимъ довѣріемъ и сочувственно отзывалось на ихъ предложенія. Уже въ 1834 году оно назначило болѣе 100.000 р. асс. на покупку домовъ для благороднаго пансіона при гимназіи, а въ 1838 году, въ своемъ чрезвычайномъ собраніи, установило на двѣнадцать лѣтъ особый сборъ съ помѣщиковъ губерніи по 10 коп. асс. ежегодно съ души владѣемыхъ ими крестьянъ, на устройство, отдѣльно отъ гимназіи, дворянскаго института, которому было придано наименованіе Александровскаго на томъ же патріотическомъ основаніи, какъ и дворянскому банку. На эти деньги, вмѣстѣ съ пожертвованіями, въ которыхъ принималъ особенное участіе почетный попечитель Н. В. Шереметевъ, новое заведеніе было блистательно устроено и 30-го августа 1844 года открыто. Но дворянство и послѣ того продолжало жертвовать на его улучшеніе болѣе или менѣе значительныя суммы. Оно расширяло его зданія, улучшало учебныя пособія, учреждало новыя стипендіи, между которыми нельзя не назвать стипендій боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и думнаго дворянина Козьмы Захарьевича Минина-Сухорука, стипендій, которыя, внушая юношеству память событій, возвышающую духъ мѣстныхъ жителей, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что этотъ патріотическій духъ находитъ свое средоточіе въ корпораціи нижегородскаго дворянства

Несмотря однакоже на самыя лучшія желанія дворянства и на замѣчательную готовность его къ пожертвованіямъ, Александровскій дворянскій институтъ мало удовлетворилъ ожиданіямъ. На нижегородскомъ дворянствѣ, которому предстоитъ рѣшить вопросъ о будущей судьбѣ этого заведенія, лежитъ обязанность вникнуть въ причины этой неудовлетворительности. До сихъ поръ оно приносило матеріяльныя жертвы съ рѣдкою ревностью: теперь когда матеріяльныя средства его истощились, оно, конечно, съ такою же ревностью послужитъ дѣлу мѣстнаго образованія средствами своего разумѣнія. Оно не можетъ считать свое призваніе оконченнымся; напротивъ, отъ него зависитъ возвысить его, сдѣлать его еще болѣе цѣннымъ, еще болѣе благодѣтельнымъ для цѣлаго края. Не однѣми деньгами служитъ обществу высшій классъ его; онъ можетъ оказывать еще болѣе важную службу такими дѣлами, которыя требуютъ честнаго и вѣрнаго, живымъ сочувствіемъ къ общей пользѣ вызваннаго взгляда на недостатки существующаго положенія. Благотворное преобразованіе Александровскаго дворянскаго института можетъ быть основано лишь на правильномъ опытномъ сужденіи о его недостаткахъ. Въ двадцатилѣтнее существованіе эти недостатки успѣли уже достаточно обнаружиться, и на нихъ прекрасно указано въ двухъ упомянутыхъ выше статьяхъ *Сѣверной Почты*. Ихъ корень заключается въ ошибочныхъ педагогиче-

скихъ взглядахъ, которыми руководствовались учредители института. Но что было извинительно въ то время, то не должно повториться теперь, когда и вообще понятія разъяснились и особенно опытъ нижегородскаго института долженъ научать лучшему. Не будетъ нисколько удивительно если нижегородское дворянство найдетъ для себя невозможными новыя пожертвованія, но ему представляется возможность удесятерить силу пожертвованій уже сдѣланныхъ, примѣнивъ къ нимъ лучшее разумѣніе, и оно не должно упускать этой возможности, если хочетъ показать себя достойнымъ своего прошедшаго.

Главная ошибка, отъ которой страдалъ Александровскій дворянскій институтъ, состояла въ неправильномъ курсѣ ученья. Писатель, скрывшій свое имя подъ буквами XX, совершенно вѣрно говоритъ о томъ въ *Сѣверной Почтѣ*. Классическое ученье, крайне слабое и въ нашихъ гимназіяхъ, было еще болѣе ослаблено въ нижегородскомъ институтѣ, и вотъ послѣдствія того:

„Несмотря на сравнительно большія средства института, онъ съ самаго начала отсталъ отъ гимназіи, которая между тѣмъ сдѣлалась одною изъ лучшихъ въ округѣ. Несмотря на то, что всѣмъ оканчивающимъ курсъ въ институтѣ предоставленъ былъ чинъ XIV класса, въ него мало поступало воспитанниковъ, а гимназія, хотя и не имѣла этой привилегіи, но съ каждымъ годомъ стала увеличиваться.

„Въ двадцать слишкомъ лѣтъ институтъ образовалъ едва ли пятнадцать человѣкъ, которые потомъ довершили свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ воспитанниковъ его не вышло ни одного занявшаго особенно видное положеніе въ обществѣ, между тѣмъ какъ за то же время губернская гимназія выпустила болѣе семидесяти человѣкъ, поступившихъ въ университеты, и нѣкоторые изъ нихъ съ честію занимали и занимаютъ университетскія каѳедры, и достигли высшихъ должностей въ государственной службѣ.

„Какъ не учили въ институтѣ законовѣдѣнію, но въ двадцать лѣтъ изъ него не вышло ни одного юриста; какъ ни учили сельскому хозяйству — не вышло ни одного агронома. Въ институтѣ занимаютъ воспитанниковъ практическимъ землемѣріемъ, но едва ли кто изъ вышедшихъ воспитанниковъ умѣетъ обращаться съ астролябіей или мензулой.“

Теперь лучшая пора устранить это многоученіе и принять учебный курсъ соотвѣтственный здравымъ педагогическимъ началамъ положеннымъ въ основаніе новаго устава классическихъ гимназій. Но это было бы только исполненіемъ закона, а нижегородское дворянство можетъ идти далѣе: оно можетъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ къ лучшему противъ новаго устава; основываясь на томъ, что Александровскій институтъ ему обязанъ своимъ существованіемъ, оно можетъ ходатайствовать о дозволеніи отступить въ этомъ заведеніи отъ общаго учебнаго курса. Совѣтъ здѣшней лютеранской школы отступилъ отъ устава къ лучшему: дворянство въ правѣ ходатайствовать о такой же льготѣ. Отступленіе должно заключаться въ усиленіи преподаванія математики, которое слишкомъ слабо въ классическихъ гимназіяхъ по новому уставу, и въ большемъ сосредоточеніи занятій. Преподаваніе естественныхъ наукъ въ гимназіи есть большая странность, въ чемъ учебное вѣдомство не замедлитъ убѣдиться на опытѣ: было бы желательно чтобъ эта странность была устранена въ нижегородскомъ институтѣ, не ожидая уроковъ опыта. Преподаваніе исторіи, очень часто переходящее въ фразеологію, можетъ быть съ пользой сокращено, а еще болѣе можетъ быть сокращено преподаваніе русскаго языка, которое при сосредоточеніи занятій на древнихъ языкахъ, становится почти излишнимъ, такъ какъ все ученье древнимъ языкамъ есть въ то же время и ученье языку отечественному; нижегородскій институтъ много выигралъ бы, еслибы въ немъ теперь же, не дожидаясь тѣхъ измѣненій въ общемъ гимназическомъ уставѣ, къ которымъ не замедлитъ привести опытъ, было сокращено преподаваніе не приносящее пользы, а въ замѣнъ того отчасти усилено преподаваніе математики и древнихъ языковъ, отчасти увеличено реакціонное время. Эти вопросы, конечно, слишкомъ спеціяльны для того чтобы стать предметомъ совѣщаній въ дворянскомъ собраніи, но намъ кажется, что нижегородскому дворянству нѣтъ причины отрекаться отъ своего добраго права на участіе въ педагогическомъ устройствѣ учрежденнаго имъ заведенія, а потому намъ кажется, что дворянство поступило бы раціонально, если-

бы, не предрѣшая само подобныхъ педагогическихъ вопросовъ и ограничиваясь общимъ начертаніемъ главныхъ началъ преобразованія своего института, уполномочило на разработку подробностей и на окончательное соглашеніе съ правительствомъ особую коммиссію. Такая коммиссія, избранная дворянствомъ, могла бы обратиться за совѣтомъ въ Академію Наукъ, которая въ состояніи подать ей наилучшій совѣтъ и конечно не откажется отъ подобной услуги: она уже заявила свое сочувствіе дѣлу русскаго образованія помѣщеніемъ въ своемъ календарѣ на 1866 г. превосходнаго мемуара о важнѣйшемъ изъ педагогическихъ вопросовъ,—о педагогическомъ значеніи древнихъ языковъ,—мемуара, который написанъ ея достойнымъ членомъ академикомъ Наукомъ и о которомъ мы не премінемъ поговорить съ читателями въ непродолжительномъ времени. Никто изъ людей, которымъ дорого дѣло образованія въ Россіи, не уклонится отъ содѣйствія, еслибъ его потребовала предполагаемая коммиссія, и само собой разумѣется, что мы также отъ всей души были бы готовы служить ей всѣмъ чѣмъ только можемъ. Новый гимназическій уставъ, по сколько онъ относится къ классическимъ гимназіямъ (то-есть къ гимназіямъ съ двумя древними языками) превосходенъ, но, какъ сказано, въ него вкрались нѣкоторыя черты изъ педагогическихъ теорій, противоположныхъ его духу. Эти черты имѣютъ обязательную силу для казенныхъ гимназій, но заведенія самостоятельныя, имѣющія право на нѣкоторую независимость и оригинальность, каковъ дворянскій институтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, очень могутъ освободиться отъ нихъ, и не должны упускать эту возможность. Какъ не желать, чтобы нижегородскій институтъ вышелъ изъ преобразованія чистымъ отъ этихъ случайныхъ странностей, вполнѣ соотвѣтствующимъ вѣковому педагогическому опыту Европы и вполнѣ способнымъ развивать и укрѣплять умы молодыхъ поколѣній сосредоточеніемъ занятій?

Не можемъ не выписать здѣсь, по поводу многоученія, которымъ все еще будутъ слишкомъ обременены воспитанники нашихъ классическихъ гимназій, нѣсколько строкъ изъ письма одного лица высоко поставленнаго въ педагогическомъ мірѣ, поселившагося въ Парижѣ чтобы воспитывать своего сына:

„Величайшая разница здѣшнихъ учи„лищъ и нашихъ, состоитъ въ числѣ пред„метовъ и учителей. Почти ни чѣмъ не „занимаютъ дѣтей сначала, кромѣ двухъ „древнихъ и французскаго языка. А такъ „какъ здѣсь всѣ эти три предмета равно „извѣстны каждому учителю, то въ низ„шихъ классахъ преподаетъ ихъ одинъ учи„тель. Главное же: не столько дѣтямъ тол„куютъ, сколько заставляютъ ихъ рабо„тать самихъ. Мой Александръ (въ 3-мъ „классѣ лицея) вотъ какъ проводитъ свой „день. Въ 8 часовъ утра онъ уже у Ла„рома въ школѣ, чтобъ этотъ взглянулъ, „исправно ли приготовлена задача, вчера „заданная ему въ лицеѣ. Съ половины де„вятаго до половины 11-го два часа сряду „урокъ учителя лицейскаго. Тутъ же ему „задаютъ что-нибудь сдѣлать, все изъ тѣхъ „же трехъ предметовъ; въ прибавку здѣсь „только древняя исторія, да и для той не „болѣе одного урока въ недѣлю. Ровно „въ 12-ть онъ въ школѣ за завтракомъ. „Ровно въ 2 часа онъ является въ лицей „на вторую лекцію и опять одинъ учитель „до 4-хъ часовъ. Слѣдовательно дѣти учат„ся въ день только четыре часа. Прочее „время они сами работаютъ или играютъ. „По возвращеніи въ школу, получаютъ ма„ленькую закуску и маленькую рекреацію. „За тѣмъ желающіе пользоваться совѣтами „содержателя школы во время исполненія „полученной ими работы въ лицеѣ на домъ, „могутъ до шести часовъ трудиться въ „школѣ, а въ шесть часовъ идутъ домой. „Надо прибавить, что кромѣ воскресенья „здѣсь и по четвергамъ не ходятъ дѣти „ни въ лицей, ни въ школу, пока ихъ не „переведутъ въ 4-й классъ“.

Вотъ какъ учатъ въ европейскихъ училищахъ, и вотъ на чемъ воспитываются люди крѣпкіе умомъ и тѣломъ, призванные жить и дѣйствовать среди высокой цивилизаціи, гдѣ требуется отъ дѣятеля такъ много условій. Можно ли не желать, чтобы Нижегородское дворянство воспользовалось возможностью устроить свой институтъ по такимъ же образцамъ? Нижегородскій институтъ имѣетъ всѣ средства сдѣлаться образцовымъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи. Эти средства заключаются въ имуществѣ института, простирающемся цѣнностью до 200.000 р.; они заключаются далѣе въ 20.000 р., которыя можетъ ежегодно отпускать на него Александровскій нижегородскій банкъ; они заключают-

ся, наконецъ, въ возможности слить Александровскій институтъ съ нижегородскою гимназіей, которая съ 1867 года будетъ также имѣть около 20.000 р. штатной суммы. Эта гимназія отчасти также принадлежитъ нижегородскому дворянству, котораго щедрости она обязана значительною долей своего имущества. Ни по сословному составу, ни по числу учениковъ своихъ, она не нуждается въ отдѣльномъ отъ института существованіи. По *Памятной Книжкѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* на 1865 годъ въ ней числятся 262 ученика, и между ними 146 дѣтей дворянъ и чиновниковъ, тогда какъ въ дворянскомъ институтѣ учениковъ 144 и между ними 121 изъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Слѣдовательно дѣтей дворянъ и чиновниковъ воспитывается въ гимназіи даже больше чѣмъ въ институтѣ, что указываетъ на совершенную родственность двухъ заведеній. Еслибы слить ихъ въ одно заведеніе, то это послѣднее имѣло бы не болѣе 408 учениковъ, а это для семиклассnаго учебнаго заведенія, при системѣ параллельныхъ классовъ, отнюдь не много. Мы совершенно присоединяемся въ этомъ отношеніи къ мнѣнію г-на XX., и только въ одномъ не согласны съ нимъ. Онъ предлагаетъ назвать это новое заведеніе гимназіей. Мы напротивъ не видимъ никакого основанія къ разжалованію нижегородскаго института въ гимназію и считаемъ гораздо болѣе удобнымъ и болѣе согласнымъ съ интересами обоихъ заведеній, чтобы гимназія была повышена распространеніемъ на нее имени и правъ института. Намъ кажется также не подлежащимъ сомнѣнію, что дѣло жертвователей, учредившихъ Александровскій институтъ, имѣетъ право на то уваженіе, которое выразилось бы въ сохраненіи наименованія, первоначально приданнаго этому значенію. Эпитетъ *дворянскій* долженъ, конечно, отпасть: онъ уже и теперь не соотвѣтствуетъ характеру заведенія, открытаго, по волѣ дворянства, для всѣхъ сословій; онъ будетъ еще менѣе соотвѣтствовать дѣлу, когда институтъ сольется съ гимназіей. Но имя *института* съ правомъ на XIV классъ ему предоставленнымъ, и эпитетъ *Александровскій*, увѣковѣчивающій связь заведенія съ патріотическимъ воспоминаніемъ о посѣщеніи Нижняго-Новгорода нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, должны остаться за слившимися заведеніями и составлять ихъ историческую особенность и принадлежность.

На нѣкоторое отличіе отъ другихъ гимназій это заведеніе имѣло бы право уже по громадности своихъ средствъ. Оно располагало бы, какъ высчитываетъ г. XX, ежегоднымъ доходомъ въ 60.000 рублей, чего не имѣетъ ни одна изъ гимназій на свѣтѣ за исключеніемъ знаменитыхъ англійскихъ публичныхъ школъ, и кромѣ того оно имѣло бы громадное помѣщеніе. При усердіи къ дѣлу со стороны завѣдывающихъ лицъ, при ревностномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи со стороны мѣстнаго дворянства, это заведеніе могло бы скоро возвыситься до степени училища дѣйствительно образцоваго. Оно могло бы имѣть лучшихъ учителей; оно могло бы выписывать опытныхъ педагоговъ изъ-за границы; оно могло бы воспользоваться для пополненія личнаго состава своихъ преподавателей и воспитателей тѣми средствами, которыми уже пользуются наши университеты, но не начинали еще пользоваться гимназіи,—оно могло бы пополнять свои педагогическія силы приглашеніемъ изъ университетовъ и гимназій Галиціи и Богеміи лучшихъ чешскихъ и русскихъ ученыхъ, уже заявившихъ тамъ свои способности, познанія и педагогическое искусство и въ то же время владѣющихъ русскимъ языкомъ. Все это было бы очень возможно для средняго учебнаго заведенія, имѣющаго 60.000 р. годового дохода. Для увѣренности въ томъ, что все это осуществится, оставалось бы желать только двухъ вещей; вопервыхъ, чтобы кромѣ казеннаго управленія, состоялъ при этомъ заведеніи особый мѣстный совѣтъ (напримѣръ изъ губернскаго предводителя дворянства, почетнаго попечителя и состоящихъ при банкѣ почетныхъ опекуновъ, можетъ быть подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго преосвященнаго и съ участіемъ предсѣдателя губернской управы), совѣтъ имѣющій не только право надзора, но и право иниціативы по хозяйственнымъ и учебнымъ дѣламъ; вовторыхъ, чтобы въ порядкѣ управленія это заведеніе было подчинено московскому округу, могущему снабжать его учебными средствами и лучше и удобнѣе чѣмъ казанскій. Нижній-Новгородъ отстоитъ теперь отъ Москвы въ 14 часахъ ѣзды и долженъ тянуть къ Москвѣ во всѣхъ дѣлахъ управленія, не только учебныхъ, но—упомянемъ это кстати—и судебныхъ.

№ 268.

Москва, 4-го декабря.

Дозволительно ли хотя малѣйшее сомнѣніе, что Россія и можетъ, и должна регулировать продажу имѣній въ своемъ западномъ краѣ? Можетъ ли государство,—мы разумѣемъ государство цивилизованное,—быть равнодушно къ тому, въ чьихъ рукахъ находится его землевладѣніе? Возможно ли допустить, чтобы землевладѣніе столь обширнаго и столь дорогаго края, которымъ Россія соприкасается съ Европой, было не русское, чтобы дворянское сословіе этого края было національною корпораціей не только чуждою русской національности, но и по существу своему враждебною русскому государству, чтобъ оно состояло изъ людей и именующихъ себя, и именуемыхъ иначе нежели народъ, надъ которымъ оно высится, и причисляющихъ себя къ національности, которая есть не что иное какъ протестъ противъ самаго существованія Россіи и которая служитъ орудіемъ всѣхъ политическихъ интригъ противъ нея? Можетъ ли быть этотъ край русскимъ, какимъ недавно провозглашенъ онъ торжественно предъ лицомъ цѣлаго міра, если землевладѣніе въ немъ будетъ оставаться не русскимъ, будетъ польскимъ? И не будетъ ли оно неизбѣжно оставаться польскимъ, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ доселѣ находилось и въ какихъ теперь еще находится? Нѣтъ, не только Русскій, который не можетъ быть равнодушенъ къ судьбамъ своей страны,—нѣтъ, скажемъ общѣе, всякій другъ человѣчества, не въ интересѣ Россіи, а въ интересѣ того множества людей, кто бы они ни были, которые населяютъ этотъ край,—не можетъ не желать, чтобъ условія, въ которыхъ тамъ находится землевладѣніе, измѣнились, потому что именно эти условія дѣлаютъ положеніе цѣлаго края столь бѣдственнымъ. Изъ уваженія къ самымъ дорогимъ интересамъ человѣчества, оставляя въ сторонѣ всѣ политическіе вопросы, изъ состраданія къ этимъ народонаселеніямъ, которыя такъ много и такъ долго страдаютъ, надобно рѣшиться на что-нибудь: либо признать этотъ край русскимъ не на словахъ, а на дѣлѣ, либо навсегда отказаться отъ него и отдать его Полякамъ. Рѣшиться на послѣднее Россія не можетъ иначе какъ подписавъ свой смертный приговоръ. Но легче представить себѣ паденіе государства, нежели извращеніе и осквернеіе всего, чѣмъ дорожитъ человѣчество. Не поругана ли здѣсь самая религія, служащая орудіемъ политической интриги, измѣны и мятежа? Не внесено ли здѣсь проклятіе въ нѣдра семействъ и ядъ въ умы людей? Не истощаются ли здѣсь всѣ умственныя и нравственныя силы общества на подземную работу? Не скрываетъ ли подъ собою здѣшняя общественная организація постояннаго заговора исполненнаго злоумышленій противъ существующаго государства? Когда государство присоединяетъ къ себѣ новыя области, оно приглашаетъ тѣхъ изъ его обитателей, которые не хотятъ войдти въ его національность, продавать имѣнія и выселяться изъ края. Когда Франція захватила Савоію и Ниццу, всѣ жители ихъ были объявлены Французами, а тѣмъ, которые желали оставаться Италіянцами, былъ назначенъ срокъ продажи принадлежавшей имъ недвижимости. Послѣ всего того, что было, послѣ того какъ съ поразительною очевидностію обнаружилось зло, которое губитъ этотъ край, причиняетъ столько явныхъ опасностей для Россіи, и внутреннихъ, и внѣшнихъ, распространяетъ повсюду измѣну, наполняетъ государственную администрацію элементами возбуждающими въ народѣ справедливое недовѣріе, подкапывается подъ всѣ основы его жизни, — можетъ ли оставаться сомнѣніе, что Россія имѣетъ полное право, не только въ видахъ государственной необходимости, но и въ высшихъ интересахъ человѣчества, прибѣгнуть къ мѣрамъ самой обширной экспропріаціи, не щадя для этого никакихъ средствъ, никакихъ усилій? Въ какой мѣрѣ была бы и полезна и справедлива экспропріація относительно нѣкоторой категоріи лицъ и нѣкоторыхъ мѣстностей, мы оставляемъ теперь въ сторонѣ. Но ограниченіе права пріобрѣтенія поземельной собственности далеко не экспропріація. Мѣра эта не имѣетъ въ себѣ ничего жестокаго, ничего суроваго, и совмѣстна со всевозможными политическими порядками. Если мы еще можемъ на нашихъ восточныхъ окраинахъ предоставлять иностранцамъ право покупать земли, то ни въ какомъ случаѣ нельзя предоставить этого на нашей западной окраинѣ. Недопущеніе иностранцевъ, а также выходцевъ изъ Царства Польскаго, пока еще оно не слито съ Россіей, къ зем-

левладѣнію въ западномъ краѣ, вотъ первая несомнѣнно справедливая мѣра, требуемая столько же государственною необходимостію, сколько и государственнымъ достоинствомъ Россіи. Еслибы этотъ край и не находился въ исключительныхъ обстоятельствахъ, то и тогда подобная мѣра была бы дѣломъ разумной политики. Но воспрещеніе иностраннымъ выходцамъ, а также, въ виду особыхъ обстоятельствъ, и выходцамъ изъ Царства Польскаго, покупать имѣнія въ западныхъ губерніяхъ Имперіи, не было бы дѣломъ серіознымъ, еслибы съ тѣмъ вмѣстѣ не была предупреждена возможность фактическаго завладѣнія землей посредствомъ ссудъ подъ залогъ. Никакія операціи иностранныхъ кредитныхъ обществъ не могутъ быть допускаемы въ этомъ краѣ; равномѣрно ни иностранцамъ, ни выходцамъ изъ Царства Польскаго не можетъ быть предоставляемо право брать въ этомъ краѣ земли подъ залогъ. Въ этомъ краѣ, гдѣ весь вопросъ состоитъ только въ обрусеніи землевладѣнія, широкій доступъ къ землевладѣнію долженъ быть открытъ въ настоящее время только лицамъ православнаго вѣроисповѣданія.

Но, скажутъ, справедливо ли не допускать русскихъ подданныхъ, хотя бы и не православнаго вѣроисповѣданія, къ пріобрѣтенію поземельной собственности въ Россіи? Не значило ли бы это отчуждать ихъ отъ Россіи и признавать въ принципѣ то неправильное смѣшеніе религіознаго элемента съ политическимъ, которое обращается во вредъ тому и другому и которому требуется теперь положить конецъ? Отвѣчаемъ: Во первыхъ, мѣра, о которой идетъ рѣчь, отнюдь не лишала бы ни католиковъ ни лицъ иныхъ вѣроисповѣданій и религій, права владѣть землей повсюду въ Россіи; мѣра эта ограничивала бы только право пріобрѣтать вновь имѣнія въ нѣсколькихъ губерніяхъ, находящихся въ положеніи совершенно исключительномъ. Во-вторыхъ, не должно терять изъ виду, что какъ ни желательно отдѣлить національный вопросъ отъ религіознаго, нельзя однако не признавать факта, а фактъ состоитъ въ томъ, что католицизмъ въ западномъ краѣ служитъ теперь признакомъ польской національности; необходимое же раздѣленіе между ними еще предстоитъ совершить. Наконецъ, втретьихъ насъ не должна обманывать видимость, въ которую никто не вѣритъ и въ которую мы сами не можемъ вѣрить. Землевладѣльцы западнаго края католическаго исповѣданія только номинальные русскіе подданные и будутъ оставаться номинальными, пока землевладѣніе западнаго края будетъ оставаться все въ томъ же очарованномъ кругу. Еслибъ они были Русскими дѣйствительно, то никакого вопроса и не было бы въ западномъ краѣ. Въ томъ-то и вопросъ, что они не хотятъ быть Русскими и видятъ въ себѣ Поляковъ. Въ офиціяльныхъ документахъ, въ торжественныхъ вызванныхъ обстоятельствами адресахъ, они могутъ называть себя Русскими, но они еще ничѣмъ не доказали, что они таковы на самомъ дѣлѣ; они все-таки чувствуютъ себя Поляками, и называютъ себя такъ въ національное отличіе отъ Русскихъ. Въ томъ-то и вопросъ, чтобы землевладѣніе въ западномъ краѣ не состояло изъ такихъ элементовъ, которые только по внѣшней необходимости называютъ себя ея гражданами, внутренно же остаются чужды Россіи.

Но нѣтъ надобности возводить требуемую обстоятельствами мѣру въ принципъ. Не только въ остальной Россіи, но и въ самомъ западномъ краѣ между католиками могутъ быть лица вполнѣ благонадежныя, вполнѣ преданныя Россіи, вовсе не желающія пользоваться своею религіей въ качествѣ политическаго символа и готовыя отдѣлить ее отъ національнаго элемента, чуждаго и непріязненнаго. Нѣтъ причины не допускать такой возможности, но это допущеніе можетъ послужить основаніемъ лишь для изъятія, а не для общаго правила. Справедливость требуетъ допустить такую возможность; а потому, какъ католикамъ, такъ и лицамъ другихъ вѣроисповѣданій изъ русскихъ гражданъ, уже владѣющихъ поземельною собственностію въ Имперіи, нѣтъ надобности въ принципѣ воспрещать пріобрѣтеніе имѣній въ западныхъ губерніяхъ. Требуется только, чтобы пріобрѣтеніе здѣсь имѣній русскими подданными не православныхъ вѣроисповѣданій совершалось не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія.

Спрашиваемъ еще разъ: что можетъ быть справедливѣе и законнѣе мѣры, запрещающей продавать и закладывать имѣнія въ западномъ краѣ иностранцамъ и выходцамъ изъ Царства Польскаго, пока оно остается польскимъ, и которая въ то

же время въ этомъ краѣ, заселенномъ русскимъ и по преимуществу православнымъ народомъ, но находившемся такъ долго въ положеніи двусмысленномъ и спорномъ, открываетъ доступъ къ землевладѣнію всѣмъ русскимъ гражданамъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы лица не православнаго вѣроисповѣданія, и особенно католическаго, которое такъ долго служило здѣсь символомъ польской національности, не могли пріобрѣтать здѣсь поземельную собственность иначе какъ съ особаго разрѣшенія.

Жалуются на диктатуру, господствующую въ этомъ краѣ, на военное положеніе, въ которомъ онъ находится, на чиновничество, которое захватило всѣ отправленія его общественной жизни, на полицію, которая сторожитъ всѣ входы и выходы. Но все это служитъ вѣрнымъ выраженіемъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ этомъ краѣ, и пока землевладѣніе тамъ будетъ оставаться въ нынѣшнемъ составѣ или будетъ измѣняться въ микроскопическихъ размѣрахъ (вспомнимъ, что въ этомъ краѣ слишкомъ 20.000 имѣній), то и диктатура, и военное положеніе, и чиновничество, и полицейскій надзоръ надъ церковью, надъ домашнимъ очагомъ, надъ всѣми проявленіями общественной жизни, стѣсненной и подавленной, будетъ для этого края положеніемъ нормальнымъ. И все это въ то время, когда Россія обновляется рядомъ великихъ реформъ, открывающихъ передъ нею исполненную славы будущность!

№ 269.

Москва, 7-го декабря.

Прусскіе полуофиціальные публицисты все еще не перестаютъ храбриться, несмотря на затруднительное положеніе, въ какое поставила себя Пруссія. Недавно мы привели нѣсколько словъ изъ полуофиціальной политической корреспонденціи помѣщенной въ *Preussische Jahrbücher*, гдѣ было сказано, что Пруссія не имѣетъ надобности договариваться съ Франціей о какомъ-либо территоріальномъ вознагражденіи этой державы на случай присоединенія Герцогствъ, къ Пруссіи, а напротивъ можетъ вынудить у Франціи согласіе на этотъ захватъ угрозой возстановить союзъ трехъ великихъ сѣверныхъ державъ. На этихъ дняхъ мы читали въ весьма благопріятной для Пруссіи берлинской корреспонденціи *Allgemeine Zeitung* совершенно противоположное заявленіе, а именно, что графу Бисмарку нѣтъ надобности тревожиться петербургскими нотами и громкими криками русскихъ журналовъ, будто бы враждебныхъ германскимъ интересамъ, ибо взаимныя отношенія между Россіей и Франціей упали теперь ниже точки замерзанія, доказательствомъ чему служитъ будто бы то, что императоръ Наполеонъ пригласилъ къ себѣ въ Компьень многихъ Поляковъ и ни одного Русскаго. Такимъ образомъ, въ Берлинѣ строятъ свои планы одновременно на двухъ совершенно различныхъ фундаментахъ: на возможности союза Пруссіи съ Россіей и Австріей противъ Франціи, и наоборотъ, на возможности союза съ Франціей противъ Россіи и также противъ Австріи. Такое двуличное положеніе Пруссіи, по мнѣнію ея политиковъ, должно послужить ей въ пользу и доставить ей безусловное обладаніе Герцогствами. Не считаютъ ли они въ этомъ случаѣ безъ хозяина? не придется ли имъ дважды сводить и свои счеты?

Неужели въ самомъ дѣлѣ не только Австрія, но и Россія, обрадуются союзу съ Пруссіей до такой степени, что не потребуетъ даже, чтобъ она отказалась отъ своихъ видовъ на Герцогства? Мы не говоримъ уже о такомъ глухомъ союзѣ,—союзѣ на всевозможные случаи, за исключеніемъ впрочемъ тѣхъ, гдѣ прямо были замѣшаны интересы Россіи, какъ напримѣръ именно вопросъ шлезвигскій, уже тогда приводившій въ движеніе русскія морскія силы,—союзѣ, который существовалъ въ былыя времена, а въ настоящую пору сталъ рѣшительно невозможенъ. Но возможно ли даже временное сближеніе Пруссіи съ Россіей на какомъ-либо иномъ условіи, кромѣ полнаго отреченія ея отъ чрезмѣрныхъ притязаній относительно Герцогствъ. Эти притязанія составляютъ прямую опасность какъ для Европы вообще, такъ и для Россіи въ особенности. Безъ этихъ притязаній Европа могла бы теперь обѣщать себѣ полное спокойствіе, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время. Только Пруссія держитъ Европу въ напряженномъ состояніи; только Пруссія, ради удовлетворенія своему властолюбію, по необходимости, должна прибѣгать къ политическимъ комбинаціямъ, опаснымъ для все-

общаго мира. Но осуществимы ли эти комбинаціи? Теперь нельзя сомнѣваться, что изо всѣхъ великихъ державъ, можетъ-быть только одна Англія не сочтетъ для себя ущербомъ значительное приращеніе прусской территоріи.

Австрія, пожалуй, и рѣшилась бы уступить Герцогства своей соперницѣ въ Германіи, но съ тѣмъ, чтобы Пруссія употребила всѣ свои силы для поддержанія ея итальянской политики, а на это Пруссія, очевидно, въ свою очередь не можетъ согласиться, такъ какъ подобное согласіе повлекло бы ее въ нескончаемыя распри съ Франціей и Италіей. Съ другой стороны, Франція прежде всего стала бы требовать отъ Пруссіи полнаго разобщенія съ Австріей и какихъ-либо существенныхъ выгодъ для самой себя. Если и считать за вѣрное, что на сдѣлку съ Франціей Пруссія легче согласилась бы чѣмъ на сдѣлку съ Австріей, то нельзя не видѣть, что серіозному и рѣшительному соглашенію между Пруссіей и Франціей,—соглашенію съ уступками насчетъ третьихъ,—можетъ препятствовать неизвѣстность того положенія, какое заблагоразсудитъ принять на этотъ разъ та самая Англія, которая такъ равнодушно смотритъ сквозь пальцы на присоединеніе Герцогствъ. По-видимому англійскіе государственные люди относятся къ Бельгіи съ такимъ же сочувствіемъ, какъ и королева Викторія, а внѣ бельгійскаго вопроса Франціи и Пруссіи не на чемъ особенно сдружиться.

Теперь обстоятельства такъ расположились, что Бельгія, по смерти короля Леопольда, можетъ скорѣе послужить средствомъ соглашенія нежели яблокомъ раздора между державами западной Европы. Вкрадчивыя и приторныя увѣренія преданныхъ или офиціозныхъ французскихъ газетъ, въ родѣ *la France* или *Constitutionnel*, не могутъ, правда, разсѣять, въ Европѣ убѣжденіе, что Франція не прочь прибрать къ своимъ рукамъ Бельгію. Революціонныя и императорскія преданія сходятся въ этомъ отношеніи съ клерикальными стремленіями. Клерикальная партія во Франціи многое простила бы императору Наполеону, еслибъ онъ завладѣлъ Бельгіей и искоренилъ гнѣздящееся тамъ вольнодумство и франмасонство. Всѣ органы клерикальной партіи указываютъ императору Наполеону на эту задачу, и *le Monde* съ торжествомъ провозглашаетъ, что съ Леопольдомъ I умеръ не только король Бельгійцевъ, но можетъ-быть и самое его королевство, тѣмъ болѣе что Бельгіи будто бы не достаетъ основныхъ условій для независимости и для упроченія своей династіи. Напротивъ, либеральный *Journal des Débats* опасается самыхъ худыхъ послѣдствій для бельгійской независимости отъ преобладанія клерикальной партіи, къ которой будто бы питаетъ особое расположеніе преемникъ Леопольда I. Наконецъ, въ офиціальныхъ сферахъ Парижа, какъ пишутъ въ *Кельнской Газетѣ*, съ многозначительною таинственностью стараются распускать „прискорбный“ слухъ, что въ Бельгіи съ каждымъ днемъ все болѣе будто бы усиливается республиканская партія, и что если она успѣетъ достигнуть преобладанія, то миръ и спокойствіе Европы повергнутся большой опасности. Ко всему этому *Patrie*, одинъ изъ передовыхъ органовъ офиціозной французской журналистики, прибавляетъ соображенія, въ которыхъ звучитъ уже чистѣйшій французскій имперіализмъ. „Смерть короля Леопольда I, говоритъ эта газета, сдѣлала отверстіе въ дипломатическомъ твореніи 1830 г., которое было только заплатой на изорванномъ рубищѣ трактатовъ 1815 г. Будетъ ли это отверстіе тотчасъ же задѣлано, или же оно еще расширится, это вопросъ, на который теперь никто не въ состояніи отвѣтить, и мы не знаемъ, не будетъ ли Бельгія принуждена въ скоромъ времени спросить себя, что сдѣлалъ король Леопольдъ чтобы продлить политическое существованіе своей страны за предѣлы отмѣреннаго ему Провидѣніемъ времени.“ Французскіе и бельгійскіе журналы могутъ успокоивать себя заявленіями *Constitutionnel* и *Монитера*, и называть безразсудными толки о присоединеніи и раздѣлѣ Бельгіи, съ предоставленіемъ львиной части Франціи*); но данныя, на которыя мы здѣсь указываемъ, обнаруживаютъ во Франціи желанія и надежды, неблагопріятныя для независимости Бельгіи. Французскую имперію, при всей „воздержности“ императора, не трудно было бы, при благопрі-

*) Считаемъ не лишнимъ оговорить небольшую опечатку въ № 268 *Московскихъ Вѣдомостей*; послѣдній абзацъ въ третьемъ столбцѣ третьей страницы долженъ быть включенъ во вносные знаки, такъ какъ онъ выражаетъ собой не наше мнѣніе по поводу замѣтки Constitutionel, а мнѣніе газеты le Temps, откуда это мѣсто было заимствовано.

ятномъ случаѣ, увлечь на путь сдѣлокъ, и на Пруссію падаетъ въ этомъ отношеніи сильное подозрѣніе. Газета *le Temps* даже прямо указываетъ, что Франція можетъ быть вынуждена прусскою политикой позаботиться о распространеніи своихъ предѣловъ насчетъ Бельгіи. Не мы одни, русскіе публицисты, будто бы враждебные германскимъ интересамъ, усматриваемъ въ прусской политикѣ опасность для общаго мира и спокойствія Европы. Но отъ опасности предусматриваемой до опасности наступившей еще весьма далеко, и тотъ духъ, который высказывается въ Бельгіи (о чемъ сообщаетъ и г. де-Молинари, въ корреспонденціи, помѣщенной ниже), свидѣтельствуетъ, что въ данномъ случаѣ это разстояніе очень велико. А въ настроеніи Бельгійцевъ отражается общее положеніе дѣлъ Европы.

Полуофиціальный публицистъ *Preussische Jahrbücher* убѣжденъ въ слѣпотѣ Россіи. Онъ съ большою рѣшительностью утверждаетъ, что Пруссія во всякое время можетъ возстановить союзъ между тремя великими сѣверными державами, не отрекаясь въ то же время отъ своихъ притязаній на Герцогства. Что касается до Австріи, то онъ, по крайней мѣрѣ, указываетъ, чѣмъ Пруссія могла бы закупить ее въ свою пользу, — именно, гарантіей Венеціи на опредѣленный срокъ времени, и притомъ лишь на случай соединеннаго нападенія на нее Франціи и Италіи. Но было бы весьма интересно узнать, чѣмъ Пруссія разчитываетъ вознаградить Россію за тѣ существенные, прямые и косвенные, ущербы, которые она имѣетъ въ виду нанести ея интересамъ, стремясь присоединить къ себѣ во что бы ни стало Герцогства?

Обыкновенно указываютъ на общность интересовъ Пруссіи и Россіи въ такъ-называемомъ польскомъ вопросѣ, и вмѣняютъ Пруссіи въ особенную заслугу ея до нѣкоторой степени совокупное дѣйствіе съ Россіей въ виду польскаго мятежа 1863 года и дипломатическаго наступленія на Россію почти цѣлой Европы. Правда, Пруссія въ этомъ случаѣ не послѣдовала примѣру Австріи, которая изъ угожденія западнымъ державамъ, предпочла нанести самой себѣ тяжкую рану въ своихъ нѣкогда польскихъ областяхъ и теперь принуждена ввѣрять свои судьбы безвѣстному будущему, играя въ дуализмъ и федерализмъ. Пруссія, и безъ того поставленная болѣе выгоднымъ образомъ въ отношеніи къ Англіи и Франціи, руководилась во время польскаго мятежа лишь собственными интересами; окрыто сближаясь съ Россіей, она можетъ быть даже, какъ полагаютъ нѣкоторые, исполняла только англійскую программу и заодно съ нею расторгала дружественныя отношенія между Россіей и Франціей. Прусская политика 1863 года дѣйствительно оказалась какъ нельзя болѣе выгодною для Пруссіи. Во всякомъ случаѣ, эта политика нисколько не обязываетъ Россію какою-либо благодарностію и всего менѣе можетъ оказывать вліянія на дальнѣйшую политику Россіи въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ. Тогда прежде всего требовалось разъединить Россію и Францію, для чего Англія дѣйствовала какъ бы въ пользу Поляковъ, а Пруссія противъ нихъ и какъ бы заодно съ Россіей. Но дальнѣйшее направленіе прусской политики въ польскомъ вопросѣ почти вовсе не затрогиваетъ интересовъ Россіи. Для Россіи польскій вопросъ есть вопросъ внутренній, вопросъ чисто русскій. Ни помочь, ни существенно помѣшать разрѣшенію его въ русскомъ смыслѣ не въ состояніи ни одна изъ европейскихъ державъ: здѣсь Россіи нужна только собственная твердая воля, только ясныя отношенія между ея правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, только единодушіе между верховною властью и народомъ, а отнюдь не союзъ: купленный такою тяжкою для Россіи цѣной, какъ согласіе на присоединеніе Герцогствъ къ Пруссіи.

Но, съ другой стороны, нуждается ли Пруссія въ согласіи или даже въ содѣйствіи Россіи къ осуществленію своихъ плановъ, и не въ состояніи ли она въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ пренебречь въ этомъ случаѣ желаніями Россіи? Такъ, повидимому, думаютъ въ Берлинѣ, если судить по упомянутой выше берлинской корреспонденціи *Allgemeine Zeitung*. Дѣйствительно, охлажденіе между Франціей и Россіей, бывшее слѣдствіемъ польскаго мятежа и обстоятельствъ его сопровождавшихъ, породило и до сихъ поръ поддерживаетъ въ Пруссіи ея притязанія. Она разчитываетъ, что при нынѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ своихъ, Россія едва ли можетъ прибѣгнуть къ какимъ-либо рѣшительнымъ мѣрамъ. Но въ Берлинѣ, какъ кажется, забываютъ, что Россіи нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ-либо рѣшительнымъ

мѣрамъ, для того чтобы справедливыя представленія ея были уважены въ дѣлѣ, гдѣ почти столько же заинтересованы Австрія и вся остальная Германія, какъ и всѣ консервативныя силы Европы. Замедленіе грядущихъ событій, которыя начинаютъ уже бросать на насъ тѣнь свою, есть еще дѣло очень возможное, и оно могло бы оказаться весьма благопріятнымъ для Россіи, еслибъ она употребила всю свою энергію и всѣ свои средства, еще безспорно громадныя, для окончательнаго разрѣшенія тѣхъ внутреннихъ задачъ, на которыя ей указываетъ ея тысячелѣтняя исторія.

—

№ 270.

Москва, 8-го декабря.

Скоропостижная кончина сенатора Жданова должна была сдѣлать сильное впечатлѣніе повсюду, но особенно въ самомъ Симбирскѣ, гдѣ онъ производилъ слѣдствіе о пожарахъ истребившихъ этотъ городъ въ прошломъ году. Никто въ Симбирскѣ не сомнѣвался въ свойствѣ бѣдствія постигшаго и этотъ городъ, и столько другихъ городовъ; но слѣдствіе шло медленно и туго, и въ началѣ лишь весьма немногіе расположены были вѣрить въ его благоуспѣшное окончаніе. Соображая обстоятельства, видя усилія замять это дѣло, и заключая изъ того о силѣ злоумышленной махинаціи, деморализованная публика считала себя въ правѣ думать, что слѣдствіе не поведетъ ни къ какимъ серіознымъ открытіямъ и что дѣло, по старому обычаю, будетъ предано на волю Божію. Къ тому же, ходили слухи, что сенаторъ Ждановъ предъ выѣздомъ своимъ изъ Москвы на трудное дѣло, къ которому былъ командированъ, получалъ подметныя письма угрожающаго содержанія. Итакъ, въ Симбирскѣ не ожидали отъ предпринятаго слѣдствія серіозныхъ результатовъ. И, дѣйствительно, какъ сказано, въ началѣ шло оно очень туго. Но причиной тому былъ не недостатокъ усердія или энергіи въ слѣдователѣ, а самое положеніе дѣла. Во время пожаровъ было захвачено не мало подозрительныхъ лицъ; но, по роковой случайности, бумаги, въ которыхъ значилось при какихъ обстоятельствахъ кто схваченъ и какія на кого падали улики, погибли въ томъ самомъ пламени, о виновникахъ котораго онѣ должны были свидѣтельствовать. Тѣ изъ арестованныхъ людей, которые повинились, или чья преступность не подлежала сомнѣнію, были, какъ извѣстно, немедленно разстрѣляны, и такимъ образомъ они унесли съ собою тайну своего преступленія. О нихъ остались лишь два-три слова въ лаконическомъ приговорѣ военно-судной коммиссіи. Прошло не мало времени прежде чѣмъ слѣдователю блеснулъ нѣкоторый свѣтъ. Случайное обстоятельство навело его на слѣдъ, которымъ онъ и не замедлилъ воспользоваться. Съ тѣхъ поръ работа слѣдственной коммиссіи закипѣла, открытіе слѣдовало за открытіемъ, были сдѣланы значительные аресты. За мѣсяцъ до кончины сенатора Жданова, изъ Симбирска шли слухи объ обширной, успѣшно раскрытой имъ организаціи. Дѣйствительно, слѣдственной коммиссіи не оставалось уже ничего болѣе дѣлать въ Симбирскѣ; для дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла, требовалось перенести его въ Петербургъ. Слѣдователь работавшій въ Симбирскѣ болѣе года собрался въ путь. Сдѣланныя, благодаря его прозорливости и энергіи, важныя открытія, заставили въ Симбирскѣ уважать его и цѣнить его дѣятельность. Съ нимъ прощался цѣлый городъ; онъ уѣзжалъ здоровый и бодрый. Черезъ нѣсколько дней по его отъѣздѣ, получено въ Симбирскѣ телеграфическое извѣстіе о его прибытіи въ Нижній, о томъ что онъ здоровъ и готовится къ отъѣзду въ дальнѣйшій путь. И вотъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ того приходитъ вѣсть о кончинѣ, внезапно постигшей его въ Нижнемъ, и въ тотъ же день получаемъ мы изъ Симбирска извѣстную нашимъ читателямъ телеграмму о впечатлѣніи, которое произведено было тамъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ. „Жители“, сообщалось намъ, „огорчены и встревожены.“ Спустя довольно долгое время послѣ этой телеграммы, изъ которой мы впервые узнали о смерти сенатора Жданова, сегодня пришло къ намъ помѣщаемое ниже свѣдѣніе, которое поправляетъ вышеупомянутую телеграмму, и въ иныхъ выраженіяхъ передаетъ впечатлѣніе произведенное въ Симбирскѣ этимъ печальнымъ случаемъ. Изъ этого офиціальнаго сообщенія мы узнаемъ, что симбирскіе жители были „удивлены“, но встревожены не были. Люди бываютъ удивлены и пріятными, и непріятными событіями, и въ послѣднемъ случаѣ надобно быть очень

тонкимъ наблюдателемъ-психологомъ чтобы взяться отыскивать различіе между чувствомъ удивленія и чувствомъ тревоги, особенно когда рѣчь идетъ о цѣломъ обществѣ, о множествѣ субъектовъ, до безконечности различныхъ по темпераменту. Удивленіе или тревога, только смерть сенатора Жданова произвела въ Симбирскѣ сильное впечатлѣніе, которое бросалось въ глаза и было замѣчено съ различныхъ точекъ зрѣнія, и нашимъ корреспондентомъ, и властями города. Кстати, одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ сообщилъ намъ на дняхъ о впечатлѣніи которое произведено было въ обществѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что тѣло сенатора Жданова было предано землѣ безъ автопсіи, предписанной въ подобныхъ случаяхъ закономъ. Вѣроятно, и въ этомъ случаѣ жители Симбирска были удивлены, а встревожены не были.

Итакъ, симбирскіе жители удивились при извѣстіи о кончинѣ сенатора Жданова. Чему же они удивились? Нѣтъ ничего обыкновеннѣе смерти человѣческой. Что же было въ ихъ умахъ или что было въ обстоятельствахъ этой смерти, чтобъ удивить цѣлое общество? Наконецъ, разрѣшилось ли во что-нибудь это чувство удивленія, которое навѣрное сказалось не въ одномъ Симбирскѣ, которое навѣрное сказалось въ цѣлой Россіи?

Въ этомъ же самомъ нумерѣ мы печатаемъ еще другой документъ, также сегодня полученное нами письмо бывшаго симбирскаго губернатора, вызванное одною помѣщенною въ нашей газетѣ корреспонденціей, тоже изъ Симбирска. Письмо это имѣетъ интересъ не только личный, касающійся автора его, но и общественный, отчасти объясняющій то чувство удивленія, о которомъ была рѣчь выше.

Бывшій симбирскій губернаторъ сѣтуетъ на корреспондентовъ, находя, что они писали много вздора. Положимъ такъ; но виноваты ли корреспонденты, что такъ трудно добраться до истины, которая укутывается такъ крѣпко? Если дѣла имѣющія величайшую общественную важность, дѣла, въ которыхъ не можетъ не быть заинтересованъ всякій сколько-нибудь мыслящій человѣкъ, исчезаютъ во мракѣ, если негласность составляетъ какъ бы необходимое условіе дѣлъ имѣющихъ публичный характеръ, если людямъ предоставляется самимъ, какъ кто можетъ, довѣдываться и объ общемъ характерѣ, и о подробностяхъ такого рода дѣлъ, то весьма естественно порождается бездна слуховъ болѣе или менѣе смутныхъ, бездна сказаній болѣе или менѣе невѣрныхъ. Бо́льшая и самая существенная часть нашихъ публичныхъ дѣлъ еще лишены сродной имъ публичности, а между тѣмъ у насъ есть публика, у насъ уже есть люди разсуждающіе и пишущіе, и такіе люди требуются, у насъ есть общественное мнѣніе, и оно признается и принимается въ разчетъ. И вотъ, наша публика, наше общественное мнѣніе, должны руководствоваться апокрифическими сказаніями, иногда проникающими въ печать, а болѣе переходящими только изъ устъ въ уста. Возможно ли при такихъ условіяхъ ожидать, чтобы сужденія, образующіяся въ публикѣ о предметахъ имѣющихъ особенную для нея важность, были совершенно безошибочны? Въ потемкахъ, при случайномъ блескѣ блудячихъ огоньковъ, бываютъ роковыя ошибки и печальныя недоразумѣнія. Но сѣтовать за это не на кого; лучше смотрѣть впередъ съ надеждою, что рядъ великихъ реформъ, призывающихъ нашъ народъ къ новой жизни, не преминетъ мало-по-малу возвратить публичнымъ дѣламъ ихъ публичный характеръ и выведетъ общественное мнѣніе изъ двусмысленнаго положенія, исполненнаго внутреннихъ противорѣчій и серіозныхъ опасностей для самыхъ дорогихъ интересовъ.

Впрочемъ, точно ли были такъ неосновательны корреспонденціи изъ Симбирска, о которыхъ говоритъ г. Анисимовъ въ своемъ письмѣ? Частныя извѣстія не могутъ претендовать на совершенную точность, какою не всегда могутъ похвалиться и офиціальныя свѣдѣнія. Но корреспондентъ корреспонденту рознь; отъ злонамѣреннаго исказителя фактовъ, отъ разбойника состоящаго на службѣ какой-нибудь шайки заинтересованной въ извращеніи истины и желающей сбить съ толку общественное мнѣніе, нельзя не отличать людей другаго рода, которые тоже говорятъ, судятъ и иногда пишутъ о событіяхъ, но говорятъ, судятъ и пишутъ въ интересѣ законномъ и честномъ, ища не затемненія и искаженія истины, а напротивъ возможно полнаго раскрытія и разъясненія оной. Корреспонденты писавшіе намъ о симбирскихъ бѣдствіяхъ передавали то что видѣли и знали. Въ подробностяхъ могли быть неточности: но могли ли не быть неточности въ частныхъ извѣстіяхъ о дѣлѣ, которое потре-

бовало упорнаго и продолжительнаго слѣдствія, вооруженнаго всѣми способами къ раскрытію истины, и едва добравшагося до нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ, впрочемъ извѣстныхъ тоже еще изъ однихъ апокрифическихъ и отрывочныхъ сказаній? Но въ общемъ смыслѣ и тонѣ своихъ сообщеній, эти корреспонденты не насиловали своей совѣсти, и передавали то что̀ дѣйствительно чувствовали или знали. Они не утаивали размѣровъ бѣдствія; они не старались прикрыть истинный характеръ причинъ его; они, съ самаго начала, указывали на злоумышленность поджоговъ, на неслыханную дерзость съ какою онѣ дѣлались. Когда въ нашей печати, ко всеобщему скандалу мыслящей публики, употреблялись непристойныя попытки объяснять этотъ рядъ гнусныхъ преступленій, безнаказанно совершавшихся надъ цѣлою страной, невинными, идиллическими причинами, — люди честные и здравомыслящіе считали своимъ долгомъ говорить правду, и говорили ее какъ умѣли и какъ могли. За это, смѣемъ думать, слѣдуетъ благодарить ихъ, а не ставить имъ въ вину нѣкоторыя неточности и недоразумѣнія, не отъ нихъ происходившія. Не правду ли говорили они, что страшные пожары, истребившіе Симбирскъ, произошли не отъ неосторожнаго ставленія самоваровъ, не отъ свѣчи забытой пьянымъ кучеромъ, не отъ мести ревнивой бабы? Не правду ли говорили они, указывая на цѣлую махинацію которая находилась въ основаніи этого мерзкаго дѣла, и намекая на оберегателей обращавшихся въ волковъ? Не правду ли разсказывали они объ этихъ пожарахъ какъ о разрушеніи осажденнаго города? Эти корреспонденты рѣшались писать обо всемъ этомъ безъ малодушныхъ опасеній и безъ недостойныхъ увертокъ, и писали правду, и поступали честно, и за это честь и хвала имъ.

Почтенный авторъ помѣщаемаго ниже письма обратилъ вниманіе на одну изъ нашихъ недавнихъ симбирскихъ корреспонденцій, гдѣ былъ приведенъ отзывъ покойнаго сенатора Жданова, что катастрофа, постигшая этотъ городъ, могла быть отвращена нѣкоторыми мѣрами. Мы не можемъ ручаться за то, дѣйствительно ли покойный сенаторъ высказывалъ что-либо подобное, и во всей ли точности переданъ его отзывъ. Часто въ подобныхъ случаяхъ одно слово, такъ или иначе употребленное, можетъ сообщать сказанному различный оттѣнокъ. Не всегда говорящій и слушающій имѣютъ въ виду одни и тѣ же обстоятельства, и понимаютъ одинаково силу и вѣсъ того или другаго слова. Что̀ могло быть сказано въ виду какого-либо особаго обстоятельства, то могло быть принято въ общемъ смыслѣ, и наоборотъ. Всегда бываютъ и недомолвки, и недослышки. Однако, смѣемъ думать, мѣсто, вызвавшее объясненіе со стороны бывшаго симбирскаго губернатора, не такъ лишено всякаго основанія и не такъ въ сущности оскорбительно, какъ могло показаться. Въ самихъ объясненіяхъ, которыя предприняты къ опроверженію этого извѣстія, заключается до нѣкоторой степени и въ нѣкоторомъ смыслѣ его оправданіе, или лучше сказать оправданіе тѣхъ недоразумѣній, которыя должны были овладѣть общественнымъ мнѣніемъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Мы узнаемъ изъ объясненія, что начальство города принимало всевозможныя мѣры для предупрежденія бѣдствія. Мѣры эти исчисляются въ письмѣ подробно и мы полагаемъ излишнимъ еще разъ перечислять ихъ здѣсь. Мы не имѣемъ никакихъ основаній и ни малѣйшаго побужденія ослаблять какими-либо замѣчаніями силу всего того что̀ приводится во свидѣтельство распорядительности и бдительности начальства въ эти тревожныя минуты. Мы можемъ только радоваться отъ всей души, что тѣ или другія власти не дремали, что тѣ или другія лица исполняли свой долгъ, и что губернаторъ принималъ столько же обдуманныя, сколько энергическія мѣры, внушенныя ему чувствомъ его обязанности. Но мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ личный, и обращаемся къ положенію общественнаго мнѣнія, которое, въ виду такихъ событій какъ симбирскіе пожары, не могло же оставаться безъ всякой попытки къ сужденію. Принимались дѣятельныя мѣры, и самою серіозною, самою важною, конечно, было то, что губернаторъ поспѣшилъ призвать помощь для „охраненія города отъ пожаровъ“, при томъ такую помощь, которую не могъ не считать дѣйствительною въ данномъ случаѣ. Что̀ же вышло? Вышло то, что призванная на помощь сила, „вмѣсто того чтобы городъ охранять, „сама „распоряжалась его жечь.“ Мы согласны, что заявивъ объ этомъ поразительномъ фактѣ, бывшій губернаторъ Симбирска имѣлъ

право воскликнуть: „спрашиваю всѣхъ и „каждаго возможно ли было предупредить эти поджоги?“ Въ отвѣтѣ нельзя сомнѣваться: если люди призванные охранять городъ жгутъ его, то весьма трудно предупредить такіе поджоги. Но мы обращаемся къ положенію, въ которомъ должно было находиться общественное мнѣніе посреди этихъ событій,—къ положенію этихъ охраняемыхъ людей, дома которыхъ горѣли, и которые видѣли, что всѣ ихъ усилія остаются напрасны, и что поджоги дѣлаются тѣми, кто призванъ законною властію къ ихъ охраненію. Не должно ли было общественное мнѣніе замутиться, и не должно ли было общество почувствовать, что подъ нимъ колеблется почва? Губернаторъ былъ конечно не виноватъ, что призванный имъ на помощь военный начальникъ оказался измѣнникомъ и поджигателемъ; но публика присутствовавшая при этомъ ужасномъ спектаклѣ не имѣла ни средствъ, ни надлежащаго спокойствія духа, провѣрять свои впечатлѣнія и разбирать критически распоряженія и дѣйствія властей. При такомъ чудовищномъ фактѣ какъ выше показанный, чьи понятія не могли бы спутаться и сбиться, чьи сужденія могли бы съ совершенною точностію попадать на лица и вещи? Видя какъ призванные властію для охраненія города, люди, „вмѣсто того, сами распоряжались жечь его,“ могло ли общество оставаться спокойнымъ, особенно когда при этомъ принялись увѣрять его, что пожары, которые его встревожили, дѣло случайное и пустое, о которомъ не стóитъ заботиться?

Смѣемъ думать, что наши нынѣшнія бѣдствія и опасности происходятъ главнымъ образомъ отъ системы, которая отжила свой вѣкъ, не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, и все еще держится. Все еще остается въ силѣ предубѣжденіе, что для спокойствія общества необходимо скрывать отъ него опасности, которымъ оно подвергается, и во избѣжаніе скандаловъ держитъ его въ невѣдѣніи. Такое предубѣжденіе могло имѣть мыслъ, когда общество не существовало, и администрація непосредственно относилась къ темнымъ сплошнымъ массамъ, но и тогда едва ли была полезна такая система; теперь же она можетъ быть только пагубна. Народъ долженъ знать своихъ враговъ, общество должно само измѣрять свои опасности. Кто бы ни были виновники этихъ гнусныхъ поджоговъ, необходимо знать ихъ. Намъ нечего стыдиться, нечего опасаться какихъ-либо скандаловъ: зло бываетъ вездѣ; надобно только безъ пощады раскрывать его, а не утаивать. Польскіе ли заговорщики, или доморощенные нигилисты, или адепты всесвѣтной революціи, все равно, общество должно знать своихъ враговъ, и знать со всѣми ихъ отличительными признаками, со всѣми обстоятельствами, которыя характеризуютъ ихъ дѣйствія. Только гласность воспитываетъ народъ и даетъ общественному мнѣнію желанную зрѣлость; она обезпечиваетъ государство отъ опасностей, въ ней условія дѣйствительной цивилизаціи. Какъ много способствовала развитію нашего общества полная гласность, которая была сообщена событіямъ послѣдняго мятежа! Проиграло ли что-нибудь самое дѣло отъ раскрытія зла во всѣхъ его извилинахъ? нѣ просвѣтило ли это нашъ разумъ, не сдѣлало ли это насъ мужественнѣе и умнѣе, не послужило ли это въ то же время наилучшимъ врачующимъ средствомъ? Дѣла величайшей государственной важности раскрывались безъ всякой утайки, безъ малодушнаго опасенія какихъ-либо скандаловъ; въ печати сообщалось о несчастныхъ потерянныхъ людяхъ, которые измѣняли своему знамени и переходили къ мятежникамъ, или находясь на административныхъ постахъ служили агентами революціоннаго жонда. Понесла ли отъ этого какой-нибудь ущербъ Россія?

Можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что вся истекшая половина нынѣшняго столѣтія со всѣми ея шумными и славными событіями, со всѣмъ ея блескомъ и громомъ, не сдѣлала столько для политическаго воспитанія нашего общества, какъ эти послѣдніе три года по отношенію къ польскому вопросу, который есть въ то же время и русскій. Опытъ, произведенный въ столь громадныхъ размѣрахъ и увѣнчавшійся столь благонадежными результатами, научитъ насъ всего лучше какая система вѣрнѣе. . . . . .

Что за человѣкъ этотъ штабъ-офицеръ, призванный охранять городъ и превратившійся въ поджигателя? Откуда онъ родомъ? Гдѣ воспитался и подъ какими вліяніями? Съ кѣмъ былъ въ связи, и изъ какихъ побужденій дѣйствовалъ? Разъясненіе этого факта со всѣми его подробностями, какъ

бы ни были онѣ печальны, принесло бы величайшую пользу нашей жизни. Оно освѣтило бы для ней многое; оно дало бы ей много спасительныхъ уроковъ. Мы знаемъ, что слѣдственныя дѣла часто требуютъ секретности; тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ думать, что въ настоящемъ случаѣ самая полная гласность послужила бы вѣрнѣе всякихъ тайныхъ розысковъ къ раскрытію истины. Но когда главное дѣло слѣдователя уже окончено; то всѣ предлоги для тайны исчезаютъ. Пусть же общество узнаетъ фактъ изъ своей жизни, со всѣми его подробностями, со всѣми его характеристическими чертами, со всѣмъ зломъ, которое въ немъ заключается, и со всѣми указаніями на происхожденіе и причины этого зла?

№ 271.

Москва, 9-го декабря.

Тронная рѣчь, которою императоръ Францъ-Іосифъ открылъ свой венгерскій сеймъ и которую мы сообщили вчера, произвела, говоря вообще, благопріятное впечатлѣніе во всѣхъ частяхъ Австрійской имперіи. *Ost-Deutsche Post*, одинъ изъ главныхъ органовъ нѣмецкой партіи или партіи централистовъ, видитъ въ ней первый правительственный актъ со времени закрытія имперской думы, который дышитъ истинно-конституціоннымъ духомъ, и съ своей стороны желаетъ чтобъ она нашла въ Венгріи воспріимчивую и плодоносящую почву. Что касается до Венгріи, то въ Офенѣ, въ то самое время когда императоръ произносилъ свою рѣчь передъ сеймомъ, она не разъ была прерываема единогласными, почти восторженными восклицаніями. Такимъ образомъ, казалось бы, что дѣло примиренія, предпринятое теперь въ Австріи, началось самымъ благопріятнымъ образомъ, и что на этотъ разъ разрѣшеніе такъ-называемаго венгерскаго вопроса не представитъ слишкомъ большихъ или по крайней мѣрѣ неодолимыхъ затрудненій. Но если вникнуть въ сущность дѣла, то чуть ли не придется вывести совершенно противоположное заключеніе. Дѣйствительно, и венгерскіе дуалисты, и нѣмецкіе централисты сходятся между собой въ одобреніи тронной рѣчи своего императора или своего короля; но сочувствіе тѣхъ и другихъ относится къ совершенно различнымъ и даже противоположнымъ ея пунктамъ. На венгерскомъ сеймѣ наибольшимъ сочувствіемъ встрѣчены были слова, которыми отвергалась прежняя точка зрѣнія барона Шмерлинга на утрату Венгріей всѣхъ ея правъ вслѣдствіе революціоннаго движенія 1848 г., въ которыхъ говорилось о Прагматической Санкціи какъ объ исходномъ пунктѣ для примиренія Венгріи съ остальною Австріей, и въ которыхъ, наконецъ, упоминалось объ усиліяхъ правительства къ возсоединенію съ Венгріей Трансильваніи, Хорватіи и Славоніи; а тѣ мѣста рѣчи, гдѣ императоръ говоритъ объ общихъ дѣлахъ имперіи и о необходимости пересмотра венгерскихъ законовъ 1848 г., были встрѣчены почти всеобщимъ, холоднымъ молчаніемъ. Напротивъ, органы нѣмецкихъ централистовъ оставляютъ безъ вниманія то что наиболѣе понравилось венгерскому сейму, и придаютъ значеніе только тому что не вызвало съ его стороны ни тѣни одобренія. Такимъ образомъ, уже самая оцѣнка тронной рѣчи указываетъ, какая бездна раздѣляетъ народы Австріи, которые теперь требуется соединить подъ сѣнью общей конституціи.

Испробовавъ напередъ всѣ мѣры матеріальнаго и нравственнаго насилія для обузданія въ Венграхъ духа независимости, австрійское правительство вступило теперь на путь широкихъ уступокъ въ пользу Мадьяровъ, и фактически передало въ ихъ руки рѣшеніе дальнѣйшихъ судебъ всей Австрійской имперіи; но приведетъ ли его и этотъ путь къ желанной цѣли, и будетъ ли оно въ состояніи идти имъ такъ далеко какъ того желали бы Мадьяры, объ этомъ въ настоящее время трудно что-нибудь сказать. Признаніе лишь одной Прагматической Санкціи, съ тѣми постановленіями ея, которыя относятся къ нераздѣльности областей принадлежащихъ венгерской коронѣ, а равно и признаніе формальной легальности законовъ 1848 г., высказанное въ той же рѣчи императора, конечно, соотвѣтствуетъ желаніямъ венгерскихъ патріотовъ, но едва ли вполнѣ удовлетворитъ ихъ. Всѣ они признаютъ Прагматическую Санкцію основнымъ актомъ, обезпечивающимъ политическую самобытность и нераздѣльность земель венгерской короны; но едва ли менѣе дорожатъ они и существеннѣйшими постанов-

леніями законовъ 1848 г. Если Прагматическая Санкція служитъ фундаментомъ для политической самобытности и нераздѣльности земель венгерской короны, то законы 1848 г. представляютъ собой довольно стройное зданіе, возведенное на этомъ фундаментѣ. Если въ 1723 г. Венгры воспользовались желаніемъ Карла VI обезпечить нераздѣльность Австрійской монархіи и передать ее по наслѣдству единственной дочери его Маріи Терезіи,— воспользовались въ тѣхъ видахъ чтобъ утвердить за собою на вѣки политическую самобытность, то въ 1848 г. они воспользовались еще болѣе безпомощнымъ положеніемъ императора Фердинанда I, чтобы вынудить у него согласіе на законы, которыми утверждалась независимость и почти совершенная отдѣльность Венгерскаго королевства. Послѣднее стяжаніе имѣетъ въ глазахъ ихъ ни чуть не меньшую цѣну чѣмъ первое; и то и другое было равно слѣдствіемъ безпомощности верховной власти, вступившей въ сдѣлки съ тою частью подданныхъ, которая наименѣе была съ нею связана, и не признававшею никакихъ правъ за коренными своими подданными. Въ Прагматической Санкціи 1723 года право наслѣдованія землями венгерской короны было распространено и на женскую линію Габсбургскаго дома, но подъ условіемъ чтобы потомки Карла VI обязались ненарушимо соблюдать всѣ законы, вольности и права Венгріи, короноваться венгерскою короной, давать присягу на вѣрность законамъ страны и соблюдать нераздѣльное единство всѣхъ земель ея. Въ 1848 г. венгерскій сеймъ, основываясь на этой Санкціи, непрерывно соблюдавшейся всѣми, за исключеніемъ императора Іосифа II, преобразился въ учредительное собраніе, и выработалъ вѣлую новую конституцію, которая должна была ввести Венгрію въ рядъ современныхъ государствъ, съ парламентскимъ образомъ правленія. Онъ отмѣнилъ многія привилегіи дворянства, въ томъ числѣ свободу его отъ податей и налоговъ, отмѣнилъ десятины, барщинныя повинности и другія тягости лежавшія на крестьянскихъ земляхъ, упразднилъ средневѣковое право знатныхъ землевладѣльцевъ выкупать родовыя ихъ земли тою же цѣной, за какую онѣ были проданы, хотя бы эти земли были проданы за сто лѣтъ предъ тѣмъ, и въ то же время значительно ограничилъ власть королевскую, установивъ для Венгріи особое министерство, отвѣтственное передъ сеймомъ, съ особыми министрами по всѣмъ департаментамъ, даже военному и финансовому (за исключеніемъ только иностранныхъ дѣлъ), введя новую систему налоговъ и военной повинности, учредивъ національную гвардію, суды присяжныхъ, и т. д. Какъ только, съ помощію Россіи, австрійскому правительству удалось положить конецъ венгерской революціи, оно тотчасъ же отвергло всѣ законы 1848 года, хотя они и были утверждены императоромъ Фердинандомъ I (11-го апрѣля 1848 г.), за исключеніемъ только тѣхъ изъ нихъ, коими отмѣнялись различныя дворянскія привилегіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были отвергнуты и всѣ другіе основные законы Венгріи, и эта страна была подчинена военной диктатурѣ, которая должна была подготовить полное сліяніе ея съ остальною Австріей. Еще въ 1861 г., когда австрійскій абсолютизмъ уже оказался несостоятельнымъ, когда наслѣдственнымъ землямъ Габсбурговъ была дана конституція и было провозглашено возстановленіе венгерскаго сейма, австрійское правительство все еще держалось воззрѣнія, что оно ничѣмъ не связано по отношенію къ Венгріи, такъ какъ своимъ отпаденіемъ отъ Габсбурговъ въ 1848 году Венгрія сама уничтожила всѣ свои основные законы, опредѣлявшіе ея отношенія къ остальной Австріи. Напротивъ, венгерскій сеймъ 1861 г., опираясь на Прагматическую Санкцію, требовалъ признанія всѣхъ законно состоявшихся и утвержденныхъ верховною властью постановленій 1848 г., и въ отмѣнѣ этихъ постановленій видѣлъ нарушеніе основнаго условія Прагматической Санкціи.

Въ настоящее время Прагматическая Санкція признается и самимъ императоромъ-королемъ Венгріи; мало того, онъ признаетъ и формальную легальность постановленій 1848 г., но требуетъ пересмотра и измѣненія этихъ законовъ, такъ какъ „ввести эти законы въ силу невозможно, не „ослабивъ могущества имперіи, не стѣснивъ права государя и не отказавъ пренебреженія къ справедливымъ требованіямъ прочихъ областей.“ Пересмотръ и измѣненіе законовъ 1848 г. императоръ приводитъ, въ своей тронной рѣчи, въ тѣсную и нераздѣльную связь съ вопросомъ объ общихъ дѣлахъ всей имперіи и о способѣ „совокупнаго конституціоннаго“ завѣдыванія ими. Въ этихъ видахъ онъ по-

становляетъ твердыя общія начала, смыслъ и значеніе коихъ не могутъ подлежать сомнѣнію. „Общія всѣмъ странамъ дѣла должны впредь производиться только при „конституціонномъ содѣйствіи всѣхъ королевствъ и областей“, совокупное конституціонное завѣдываніе общими дѣлами, „указанными въ дипломѣ отъ 20-го октября 1860 г., есть необходимая потребность единства и могущества Австрійской „имперіи и условіе, коему должны быть „подчинены всѣ другія соображенія.“ Венгерскому сейму предоставляется, если онъ пожелаетъ, найдти новую форму для совокупнаго конституціоннаго завѣдыванія общими дѣлами имперіи, но сущность дѣла должна остаться для него неприкосновенною; Венгрія должна признать общія съ остальною Австріей дѣла въ томъ объемѣ, какой опредѣленъ для нихъ октябрьскимъ дипломомъ 1860 г., и слѣдовательно должна отказаться отъ той части законовъ 1848 г., которая вводитъ въ составъ ея отдѣльнаго управленія министровъ финансовъ, торговли и военнаго, и должна подчиниться общему законодательству имперіи во всемъ что касается финансовъ, годичнаго бюджета, торговыхъ трактатовъ и другихъ общимъ торговыхъ постановленій, военной повинности и военнаго управленія и т. д.

Уступитъ ли Венгрія этимъ требованіямъ своего императора-короля, отъ этого, главнѣйшимъ образомъ будетъ зависѣть разрѣшеніе венгерскаго вопроса, а „возможно ускореннаго рѣшенія его, по словамъ, тронной рѣчи, требуетъ благосостояніе и даже безопасность всей Австрійской имперіи.“ Но еслибъ и послѣдовало въ этомъ смыслѣ соглашеніе, то и тогда Австрія еще не вышла бы изъ хаотическаго состоянія: въ самой венгерской половинѣ осталось бы разрѣшить вопросъ объ отношеніяхъ къ Венгерскому королевству Трансильваніи и Хорватіи со Славоніей. Если Трансильванія готова, повидимому, на возсоединеніе съ Венгріей на основаніи законовъ 1848 г., то славянское населеніе Хорватіи вовсе не желаетъ стать безпрекословною жертвой сдѣлки нѣмецко-австрійскаго правительства съ венгерскою національностью: оно, дѣйствительно, имѣетъ полное право припомнить въ настоящее время, что въ 1848 г. оно первое вступилось за единство и цѣлость Австрійской имперіи, и воспротивилось, съ оружіемъ въ рукахъ, отторженію отъ нея земель венгерской короны. Австрійское правительство желаетъ, повидимому, и теперь употребить своихъ славянскихъ подданныхъ какъ орудіе для укрощенія Мадьяровъ, и самъ императоръ говоритъ по поводу возсоединенія Хорватіи съ Венгріей, что онъ долженъ принять въ соображеніе событія совершившіяся въ послѣднее десятилѣтіе; но славянскіе ея подданные, храня память объ этихъ событіяхъ, едва ли пожелаютъ на этотъ разъ быть только средствомъ для сдѣлки между нѣмецкимъ правительствомъ и Мадьярами.

И затѣмъ еще осталось бы уладить немало трудностей по дѣламъ западной, нѣмецко-славянской, половины имперіи. Вездѣ, гдѣ только несомнѣнное большинство на сторонѣ Нѣмцевъ областные сеймы высказались противъ пріостановки февральской конституціи 1861 г.; напротивъ, гдѣ большинство оказалось на сторонѣ Славянъ, какъ напримѣръ въ Богеміи и Крайнѣ, областные сеймы привѣтствовали этотъ актъ большимъ сочувствіемъ. Такого же разногласія можно ожидать отъ сеймовъ и въ то время, когда на ихъ обсужденіе поступитъ сдѣлка между императоромъ и венгерскимъ сеймомъ (предполагая, что она состоится), и самое это разногласіе дастъ Вѣнскому кабинету полную возможность утвердить окончательно то на чемъ онъ согласится съ Венгріей. Нѣмецкіе централисты просто въ отчаяніи отъ этого ожидаемаго ими исхода. „Мы могли бы еще понять,“ восклицаетъ *Ost-deutsche Post*, сопоставленіе всей западной половины имперіи съ восточною, венгерскою половиной, какъ цѣлаго съ цѣлымъ; но политическая централизація по ту сторону Лейты, и политическое разъединеніе по сю сторону Лейты, это превышаетъ всякую мѣру вѣроятія!“ Если теперь нѣмецкіе централисты радуются тронной рѣчи императора, то это, главнымъ образомъ, объясняется довольно темнымъ и неопредѣленнымъ намекомъ, что для завѣдыванія общими дѣлами имперіи будетъ существовать общее имперское представительство; но и это еще, какъ сказано, только темный и неопредѣленный намекъ; что же касается такъ-называемой тѣсной имперской думы, до общаго представительства областей нѣмецко-славянской половины имперіи, то это учрежденіе, судя по заявленіямъ имперскаго намѣстника въ Богеміи, повидимому,

навѣки похоронено манифестомъ отъ 20-го сентября 1865 г. Если это дѣйствительно такъ, и если при этомъ императору Францу-Іосифу удастся уладить венгерскія дѣла, то Австрія послѣ того будетъ представлять собою довольно странное зрѣлище соединенія нѣсколькихъ государствъ, изъ коихъ только одно венгерское будетъ обладать и значительною силой, и значительными политическими правами, всѣ же и другія будутъ болѣе или менѣе ничтожны и будутъ имѣть малую долю участія въ завѣдываніи общими дѣлами имперіи. Это соотвѣтствуетъ, конечно, извѣстнымъ видамъ западныхъ державъ и Пруссіи; но какимъ образомъ этотъ результатъ можетъ радовать австрійскихъ Славянъ, это составляетъ пока тайну нашихъ довольно замысловатыхъ въ дѣлахъ политики западныхъ соплеменниковъ. Что же касается до Россіи, то ей необходимо принять къ свѣдѣнію этотъ несомнѣнно предстоящій поворотъ австрійской политики къ юго-востоку Европы, и употребить всѣ усилія дабы Австрія не успѣла предупредить ее въ разрѣшеніи вопросовъ своей внутренней политики. Какъ ни трудны и какъ ни запутаны эти австрійскіе вопросы, не слѣдуетъ забывать, что все это вопросы почти исключительно политическаго свойства, разрѣшаемые быстро дѣйствующими, общими мѣрами; тогда какъ Россіи для упраздненія польскаго вопроса необходимо, такъ или иначе, измѣнить составъ высшихъ классовъ мѣстнаго населенія западнаго края. Притомъ же австрійское правительство имѣетъ дѣло съ несомнѣнно преданными династіи Габсбурговъ Нѣмцами и Мадьярами, и не видитъ надобности считаться со Славянами, слишкомъ раздробленными и безсильными, тогда какъ Россія имѣетъ въ числѣ своихъ подданныхъ цѣлые общественные классы, которые прямо ее отрицаютъ. Безъ особенныхъ усилій съ своей стороны, Россія легко можетъ дождаться, что Австрія уладитъ свои внутреннія дѣла, прежде чѣмъ мы выберемся изъ опутывающей насъ ткани недоразумѣній...

№ 272.

Москва, 10-го декабря.

Въ отдѣленіи статистики Русскаго Географическаго Общества ведутся интересныя пренія о средствахъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Этимъ преніямъ посвящены особыя засѣданія Отдѣленія статистики, изъ коихъ первое было 3-го декабря, а второе назначено на нынѣшній день. О засѣданіи 3-го декабря читатели уже знаютъ изъ краткихъ извѣстій сообщенныхъ въ № 270 нашей газеты. Оно началось чтеніемъ записки А. Н. Куломзина, трудъ котораго о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ будетъ напечатанъ въ ближайшемъ нумерѣ *Русскаго Вѣстника*. За чтеніемъ записки г. Куломзина слѣдовали рѣчи гг. Ламанскаго и Тернера, которыя появились въ №№ 271 и 272 *Русскаго Инвалида*, записанныя повидимому съ ихъ словъ.

„Есть ли у насъ свободные капиталы на постройку желѣзныхъ дорогъ?“ Вотъ вопросъ, который задаетъ себѣ г. Тернеръ. Онъ приводитъ къ заключенію, что у насъ свободныхъ капиталовъ нѣтъ, и что слѣдовательно намъ ничего болѣе не остается какъ привлекать къ себѣ заграничные капиталы и притомъ не только для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, но и вообще „для развитія источниковъ внутренняго благосостоянія страны,“ какъ одного изъ главнѣйшихъ средствъ могущихъ открыть намъ исходъ изъ того экономическаго и финансоваго кризиса, въ которомъ мы находимся. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ о необходимости дѣятельнаго сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и вообще развитія внутреннихъ источниковъ ея благосостоянія, мы считаемъ нужнымъ оговориться относительно связи, указываемой г. Тернеромъ между этими важными задачами, требующими весьма продолжительнаго времени для своего исполненія, и тѣмъ экономическимъ и финансовымъ кризисомъ, въ которомъ мы дѣйствительно находимся, и который по нашему мнѣнію, никакъ не должно приводить въ непосредственную связь съ исполненіемъ этихъ задачъ, потому что это значило бы отказываться отъ насущнаго хлѣба, припасая себѣ вкусные обѣды на такой отдаленный срокъ, до котораго можно нѣсколько разъ умереть съ голоду. Мы полагаемъ даже, что для ясности дѣла было бы очень желательно, чтобы самое выраженіе *кризисъ* было употребляемо съ большею отчетливостью чѣмъ какъ это обыкновенно дѣлается. Кризисомъ собственно называется не болѣзнь, а тотъ поворотъ ея, который ве-

деть къ исходу. Этотъ поворотъ можетъ совершаться въ формѣ болѣе или менѣе рѣзкой, а потому медицина и старается смягчать его или направлять къ лучшему. Но если медикъ задерживаетъ кризисъ и искуственно увеличиваетъ его продолжительность, то кризисъ очень можетъ утратить свой характеръ и породить изъ себя новое болѣзненное состояніе. Тотъ кризисъ, экономическій и финансовый, въ которомъ мы находимся, длится уже столько лѣтъ, что почти потерялъ свое критическое значеніе, и самъ уже является болѣзнью. Только на основаніи такого взгляда и могъ г. Тернеръ предлагать для исхода изъ кризиса столь медленно дѣйствующія средства, какъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и развитіе внутренняго благосостоянія, средства, которыя, держась медицинской терминологіи, могутъ дѣйствовать не на кризисъ, всегда болѣе или менѣе скоротечный, а на болѣзнь хроническую. Но въ такомъ взглядѣ заключается, какъ мы полагаемъ, важная ошибка. Затягивать кризисъ не значитъ регулировать его. Лѣчить отъ кризиса и его признаковъ и не лечить отъ болѣзни; это, конечно, противно правиламъ здравой медицины. Особенно же это неправильно, когда болѣзнь происходитъ отъ причинъ внѣшнихъ и очевидныхъ. Если больной страдаетъ ревматизмомъ отъ простуды и это страданіе выражается между прочимъ въ общей слабости его организма, то было бы очень странно заботиться объ укрѣпленіи организма и въ то же время оставлять больнаго въ такихъ условіяхъ жизни, при которыхъ онъ долженъ постоянно простужаться. Надобно прежде всего удалить причины простуды и поводы къ ней, а потомъ уже приниматься за леченье, укрѣпляющее организмъ. Это сравненіе какъ нельзя болѣе примѣняется къ тому экономическому и финансовому кризису, въ которомъ, по справедливымъ словамъ г. Тернера, находится Россія. Причины критическаго положенія нашей страны ясны до послѣдней очевидности. Финансовый кризисъ есть слѣдствіе дефицитовъ въ бюджетѣ и ежегодныхъ государственныхъ займовъ; экономическій кризисъ—слѣдствіе выпуска бумажныхъ денегъ, усилившаго казенную и общественную расточительность, слѣдствіе пониженія банковыхъ процентовъ, принудившаго публику броситься въ необдуманныя предпріятія, слѣдствіе искусственной поддержки вексельнаго курса посредствомъ трассировки и размѣна, производившихся государственнымъ банкомъ и поощрявшихъ привозъ заграничныхъ товаровъ при крайнемъ стѣсненіи отпуска, наконецъ, слѣдствіе того, что наши деньги колеблются въ цѣнѣ и стало-быть не соотвѣтствуютъ той цѣли, для которой деньги людьми изобрѣтены, облегченію экономическихъ сдѣлокъ. Всѣмъ этимъ государственный и общественный организмъ Россіи доведенъ до печальной степени экономической слабости, и чтобъ онъ укрѣпился, для этого дѣйствительно нужно развитіе внутреннихъ источниковъ благосостоянія страны и преимущественно сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, но всѣ усилія въ этомъ направленіи должны пропасть даромъ, если не будутъ устранены спеціяльныя причины болѣзни выразившейся въ общемъ экономическомъ разслабленіи, а эти спеціяльныя причины заключаются, по отношенію къ финансамъ—въ дефицитѣ, по отношенію къ народному хозяйству—въ шаткости денежной системы, и по обоимъ отношеніямъ—въ чрезмѣрно-усилившейся тароватости на деньги. Только подъ условіемъ устраненія этихъ причинъ можно ожидать успѣха отъ мѣръ, клонящихся къ развитію источниковъ народнаго благосостоянія и улучшенію средствъ сообщенія, и только устраненіемъ этихъ причинъ можно привести теперешній финансовый и экономическій кризисъ къ благополучному исходу.

Г. Тернеръ говоритъ: „Если какая-либо страна поставлена въ необходимость затратить въ производство, по какимъ-либо причинамъ, весьма значительныя средства, то она можетъ избѣгнуть *временной жертвы*, налагаемой этимъ обстоятельствомъ на всѣхъ жителей *въ качествѣ потребителей*, только въ такомъ случаѣ, если эта страна обладаетъ значительнымъ количествомъ свободныхъ капиталовъ.“ Но такъ какъ въ Россіи не оказывается избытка въ свободныхъ капиталахъ (терминъ *свободные капиталы* также не отличается опредѣленностью, когда употребляется по отношенію къ народному хозяйству), а напротивъ ощущается чувствительный недостатокъ въ нихъ, то, заключаетъ г. Тернеръ, надобно привлекать капиталы изъ-за границы: иначе жители страны *подвергнутся временнымъ жертвамъ въ качествѣ потребителей*. Такое разсужденіе могло бы еще быть допущено, если-

бы относилось не къ теперешнему положенію Россіи, а къ какой-нибудь цвѣтущей странѣ въ родѣ Англіи, хотя, сказать правду, именно въ такихъ-то цвѣтущихъ странахъ къ нему наименѣе и прибѣгаютъ. Зачѣмъ сокращать потребленіе и мѣшать людямъ въ полномъ удовлетвореніи ихъ потребностей? ставить такой вопросъ въ Россіи, это, по нашему разумѣнію, все равно, что сказать: *après nous le déluge*. Какъ не сокращать потребленіе такой странѣ, которая именно и страдаетъ отъ расточительности и роскоши? Причины того кризиса, въ которомъ, какъ признаетъ и г. Тернеръ, мы нынѣ обрѣтаемся, заключается въ искуственномъ развитіи потребленія, которое въ свою очередь обязано происхожденіемъ увеличенію номинальной массы денежныхъ знаковъ и сдѣланной нами привычкѣ прибѣгать къ займамъ для удовлетворенія текущихъ потребностей. Когда мы напечатали себѣ четыреста милліоновъ новенькихъ кредитныхъ билетовъ, намъ показалось что мы страшно разбогатѣли, и мы зажили шире прежняго; потомъ пришлось намъ занимать и смѣшивая занятыя деньги съ доходомъ, мы совсѣмъ потеряли сознаніе о своихъ дѣйствительныхъ средствахъ: теперь мы страдаемъ обыкновенною болѣзнію людей запутавшихся въ долгахъ. Избавиться отъ этой болѣзни нельзя, не рѣшившись на временныя жертвы, которыя должны состоять именно въ сокращеніи потребленія. Мы только тогда будемъ въ состояніи занимать деньги съ пользой, а не въ ущербъ нашему благосостоянію, когда сами начнемъ сберегать изъ своего текущаго народнаго дохода и перестанемъ наконецъ расточать народный капиталъ, накопленный нами и нашими предками до времени усиленнаго выпуска кредитныхъ билетовъ.

Г. Тернеръ справедливо замѣчаетъ, что въ послѣдніе годы происходило у насъ чрезмѣрное превращеніе оборотнаго капитала въ основный. Не менѣе справедливо указываетъ онъ и на то, что такому ходу дѣлъ отчасти способствовала выкупная операція. Первоначально предполагалось затруднить продажу выкупныхъ свидѣтельствъ, но, говоритъ г. Тернеръ, это предположеніе не могло устоять противъ силы обстоятельствъ, и выкупныя бумаги появились на рынкѣ. Продавцы ихъ получали за нихъ капиталы, о которыхъ мы дѣйствительно въ правѣ предполагать, что они прежде того играли роль оборотныхъ капиталовъ. Но получивъ эти капиталы, что сдѣлали съ ними продавцы выкупныхъ бумагъ, то-есть помѣщики? Г. Тернеръ полагаетъ повидимому, что бо́льшая часть денегъ вырученныхъ помѣщиками черезъ продажу выкупныхъ бумагъ пошла на усиленіе земледѣльческаго основнаго капитала; по его мнѣнію, выкупная операція повела къ *консолидаціи оборотныхъ капиталовъ страны*, то-есть къ превращенію ихъ въ капиталъ основный. Съ этимъ можно согласиться только отчасти. Лишь незначительная доля суммъ, вырученныхъ черезъ продажу выкупныхъ бумагъ, пошла на покупку скота и машинъ и на другія улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ. Гораздо значительнѣе та доля, которая употреблена на уплату долговъ и на усиленіе средствъ къ жизни, а такъ какъ долги были по большей части сдѣланы тоже не для увеличенія основнаго капитала, а для расходовъ непроизводительныхъ, именно для пополненія уменьшившихся доходовъ при увеличившихся требованіяхъ роскоши, то можно считать весьма вѣроятнымъ, что выкупная операція сопровождалась не столько превращеніемъ народнаго оборотнаго капитала въ основный, сколько простымъ потребленіемъ его. Точно то же было и съ государственными займами: они также брали съ рынка капиталы, которые мы по большей части въ правѣ отнести къ оборотнымъ, и точно также служили гораздо болѣе къ покрытію текущихъ государственныхъ расходовъ чѣмъ къ созиданію производительныхъ цѣнностей. Такимъ образомъ нашъ народный капиталъ вообще сокращался, то-есть мы проживали и въ частныхъ бюджетахъ и въ бюджетѣ государственномъ наши прежнія народныя сбереженія. Если такой ходъ дѣлъ будетъ продолжаться, то мы будемъ все болѣе бѣднѣть.

Но, скажутъ намъ, г. Тернеръ предлагаетъ привлекать въ Россію заграничные капиталы на предпріятія производительныя и преимущественно на желѣзныя дороги. На это надобно замѣтить слѣдующее: дѣло было бы очень просто, еслибы заграничные капиталы могли быть привлекаемы къ намъ въ видѣ готовыхъ предпріятій, напримѣръ, еслибы мы могли, заключивъ иностранный заемъ или собравъ за границей акціонерный капиталъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, получить его,

то-есть перевезти его къ себѣ изъ-за границы, въ видѣ готовой желѣзной дороги. Тогда мы получили бы именно то, что̀ желали получить, и не могли бы ошибиться въ разчетѣ. Еслибы [illegible] привлеченію заграничныхъ капиталовъ, то противъ него нечего было бы и говорить. Но въ дѣйствительности капиталъ, привлекаемый нами для сооруженія желѣзной дороги, перейдетъ къ намъ не въ видѣ желѣзной дороги, нами желаемой, а въ видѣ векселей, и можно сказать заранѣе чѣмъ будутъ покрыты эти векселя. Петербургскіе банкиры выплатятъ по этимъ векселямъ деньги, которыя пойдутъ на сооруженіе дороги. Но въ вознагражденіе за эту уплату они должны будутъ получить что-нибудь отъ иностранныхъ банкировъ, выдавшихъ векселя. Если они получатъ вознагражденіе звонкою монетой, то она опять уйдетъ за границу, потому что у насъ держаться не можетъ. Уйдетъ же она отъ насъ, конечно, не даромъ, а опять за какую-нибудь равносильную цѣнность, которая будетъ привезена къ намъ. Что же можетъ быть къ намъ привезено изъ-за границы? Мы получимъ изъ-за границы рельсы, локомотивы, вагоны и т. п., приблизительно на одну пятую или четвертую долю займа, либо собраннаго акціонернаго капитала. Остальная часть будетъ покрыта товарами. Какіе же это будутъ товары? Къ намъ привезутъ нѣсколько машинъ, но много машинъ мы теперь не возьмемъ, потому что машинная работа еще не акклиматизировалась у насъ, и не мало машинъ купленныхъ нами уже теперь стоятъ безъ употребленія. Что же мы получимъ какъ не предметы потребленія, вина, фрукты, разныя ткани, то есть такіе предметы, отъ которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ не останется никакого слѣда? А если мы не захотимъ привозныхъ товаровъ, то полученные нами векселя будутъ покрыты процентными бумагами, то-есть нашими же обязательствами, которыя возвратятся къ намъ, какъ возвратилась часть фондовъ 7-го займа; мы получимъ изъ-за границы фонды нашего новаго займа, буде привлечемъ капиталъ черезъ заемъ, и акціи новоучрежденной компаніи, буде государственному займу предпочтемъ акціонерное общество. Какъ бы ни было производительно предпріятіе, для котораго привлекается иностранный капиталъ, привлеченіе изъ-за границы всего капитала нужнаго на предпріятіе, всегда имѣетъ до нѣкоторой степени своимъ послѣдствіемъ увеличеніе привоза [illegible] потребленія и процентныхъ бумагъ, а на совершеніе предпріятія всегда идетъ извѣстная, иногда весьма значительная часть домашнихъ капиталовъ.

Имѣя въ виду это наблюденіе, которое подтвердятъ всѣ слѣдившіе за ходомъ международныхъ денежныхъ оборотовъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ всего выгоднѣе для народнаго хозяйства занимать или вообще доставать за границей лишь ту часть капитала, которая можетъ быть покрыта присылкой изъ-за границы предметовъ необходимыхъ для сооруженія желѣзной дороги, а весь остальной капиталъ собирать дома: размѣры капитала, который такимъ образомъ можетъ быть собранъ, укажутъ на наши дѣйствительныя средства и заставятъ соображать съ ними строительныя издержки, которыя вслѣдствіе того непремѣнно сократятся, что̀ также будетъ выгодно для народнаго хозяйства. Это заключеніе, думаемъ мы, совершенно согласно съ выводами, къ которымъ пришелъ г. Ламанскій совсѣмъ съ другой стороны. Соглашаясь, что въ Россіи ощущается недостатокъ въ капиталахъ, онъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и за границей, свободные капиталы теперь крайне рѣдки, и потому предлагаетъ пользоваться иностранными капиталами лишь какъ подспорьемъ, а недостаточности домашнихъ капиталовъ помогать содѣйствіемъ правительства. Намъ кажется, что нельзя сказать ничего болѣе раціональнаго о средствахъ построенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Не слѣдуетъ въ этомъ дѣлѣ полагаться на одни домашніе капиталы, но не слѣдуетъ возлагать всѣ надежды и на капиталы заграничные: надобно соединять то и другое, а домашніе капиталы собирать отчасти посредствомъ добровольной подписки, отчасти разнообразными правительственными способами. Мы только прибавили бы къ этому, что дѣйствіе правительства не должно ограничиваться частными пособіями и поощреніями, а должно состоять также и въ общихъ мѣрахъ, преимущественно въ мѣрахъ поощряющихъ народную бережливость. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ особеннаго вниманія проектъ г. Мандельштама о гражданскихъ грамотахъ, замѣня-

ющихъ собой краткосрочные паспорты и выдаваемыхъ лицамъ податныхъ состояній, желающимъ внести въ казну извѣстную сумму денегъ на построеніе желѣзныхъ дорогъ, — проектъ напечатанный въ вышедшей вчера книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Осуществленіе этого проекта побудило бы къ сбереженіямъ многочисленные классы народа. Но мы откладываемъ нашу рѣчь объ этомъ проектѣ до того времени, когда нововышедшая книжка *Русскаго Вѣстника* будетъ въ рукахъ у нашихъ иногородныхъ читателей.

№ 273.

Москва, 11-го декабря.

На этихъ дняхъ, заговоривъ о Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ, мы коснулись новаго устава гимназій, который изданъ въ свѣтъ, но въ дѣйствіе еще не приведенъ за недостаткомъ средствъ, хотя средствъ на то, чтобы преобразовать ко благу учебную систему цѣлой Россіи, потребовалось бы несравненно менѣе чѣмъ на всякой другой предметъ, чѣмъ напримѣръ на устройство Петровской агрономической академіи. Но печальная случайность задерживающая введеніе въ дѣйствіе столь важной мѣры могла бы быть обращена въ пользу, по пословицѣ: нѣтъ худа безъ добра. Новый уставъ гимназій впервые съ полною рѣшимостію полагаетъ раціональныя основанія высшему образованію въ Россіи, безъ котораго оно не можетъ ступить шагу въ своихъ дальнѣйшихъ судьбахъ и даже удерживать свое положеніе въ цивилизованномъ мірѣ. Этотъ уставъ, заслуживающій полнаго сочувствія за педагогическія начала, которыя положены ему въ основаніе, не можетъ, къ сожалѣнію, похвалиться тѣмъ, чтобъ эти начала выразились въ его учебной программѣ съ должною послѣдовательностію и вѣрностію своей сущности. Заслуживая полнаго сочувствія въ своихъ началахъ, онъ неудовлетворителенъ въ подробностяхъ своей программы, и этими подробностями обезсиливаются и роняются его начала. А вотъ и доказательство: не успѣлъ еще новый уставъ придти въ дѣйствіе, какъ уже потребовалось сдѣлать въ немъ существенное измѣненіе. Оказалось, что учащіеся будутъ слишкомъ обремены занятіями, и потому потребовалось сокращеніе учебнаго времени вопреки установленной программѣ. По уставу, на каждый урокъ полагается одинъ часъ съ четвертью; но едва уставъ былъ обнародованъ, какъ уже послѣдовало распоряженіе, которымъ отмѣняется это положеніе и отъ каждаго урока отнимается по четверти часа въ видахъ облегченія учащихся. Это перемѣна коренная; она касается самыхъ основаній учебнаго плана, и такая перемѣна настигаетъ законъ на пути къ примѣненію, прежде чѣмъ онъ вступилъ въ дѣйствіе. Кто не согласится, что вопросъ о размѣрахъ учебнаго времени принадлежитъ къ самымъ существеннымъ въ устройствѣ школы? И вотъ законъ постановилъ такъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ распоряженіе постановило иначе.

Нельзя не отдать справедливости побужденіямъ заставившимъ администрацію, прибѣгнуть къ сокращенію учебнаго времени. Что касается до насъ, то мы всею душою сочувствуемъ этимъ побужденіямъ. Мы всегда высказывались противъ тѣхъ педагогическихъ системъ, которыя основаны на многоученіи. Ничего не можетъ быть хуже какъ эта неразумная ревность набивать учебный курсъ множествомъ предметовъ и обременять учащихся чрезмѣрными занятіями. Лучше нѣсколько менѣе чѣмъ нѣсколько болѣе, лучше не доложить чѣмъ переложить: вотъ одно изъ самыхъ главныхъ педагогическихъ правилъ. Кто воображаетъ себѣ, что въ дѣлѣ ученія чѣмъ больше тѣмъ лучше, тотъ жестоко ошибается. Многоученіе вредно во всѣхъ отношеніяхъ, и прежде всего многоученіе есть врагъ ученію. Вредъ его не только въ томъ, что оно можетъ изнурять силы и вредить здоровью; вредъ его еще болѣе, еще несомнѣннѣе заключается въ томъ, что оно препятствуетъ чему-нибудь дѣйствительно научиться. Нѣтъ ошибочнѣе мысли и нѣтъ печальнѣе ошибки какъ полагать всю силу ученія только въ преподаваніи, между тѣмъ какъ вся сила ученія, вся цѣнность его заключается въ принятіи, въ усвоеніи преподаваемаго, въ развитіи, которое совершается въ учащемся. Всякая наука имѣетъ свое достоинство и приноситъ свою пользу; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякая наука могла быть преподаваема всякому и во всякомъ возрастѣ. На свѣтѣ есть много наиполезнѣйшихъ

наукъ, но едвали было бы полезно преподавать грудному младенцу что-нибудь иное кромѣ груди. На свѣтѣ есть много отличныхъ книгъ, но едвали самая лучшая изъ нихъ въ рукахъ трехлѣтняго шалуна была бы чѣмъ-либо инымъ кромѣ какъ плохою игрушкой, которая несравненно съ большею пользой могла бы быть замѣнена настоящею, болѣе занимательною игрушкой. На свѣтѣ есть много превосходныхъ оперъ и симфоній, но какъ бы хорошо и какъ бы часто ни разыгрывать ихъ въ собраніи глухихъ, никакого музыкальнаго дѣйствія отъ этого не состоится. На свѣтѣ есть много знаменитыхъ ученыхъ превосходно преподающихъ въ разныхъ университетахъ разныя науки; но едвали было бы здравомысленно наполнить ихъ аудиторіи двѣнадцатилѣтними мальчиками. Всякому свое, и грудному младенцу, и двѣнадцатилѣтнему мальчику. Для того чтобы человѣкъ могъ съ успѣхомъ и пользой заниматься дѣлами людей взрослыхъ, и притомъ дѣлами требующими значительной умственной зрѣлости, надобно прежде всего чтобы человѣкъ выросъ и чтобы время его дѣтства и отрочества было употреблено возможно лучшимъ образомъ для его воспитанія. Педагогическія цѣли требуютъ не того чтобъ учебная программа представляла собою энциклопедію наукъ, а чтобы принести пользу учащимся, и вмѣстѣ съ ихъ физическимъ возрастаніемъ возрастить ихъ умственныя силы для жизни и науки. Одинъ вопросъ—достоинство и польза разныхъ наукъ, составляющихъ область человѣческаго вѣдѣнія; другой вопросъ—достоинство и польза преподаванія. Еслибы во второмъ или третьемъ классѣ гимназіи, гдѣ воспитанники еще не выучились порядочно считать, вдругъ вздумалъ кто-нибудь начать преподаваніе высшаго анализа,—не назовете ли вы это безумiемъ? Дифференціальныя исчисленія—наука, безъ сомнѣнія, превосходная и великая, но преподаваемая двѣнадцатилѣтнимъ мальчикамъ не будутъ ли онѣ еще большею нелѣпостію чѣмъ симфонія разыгранная для глухихъ? Мы сказали *большею*, потому что музыка не произведетъ на глухихъ никакого впечатлѣнія и ничего не родитъ въ ихъ душѣ, между тѣмъ какъ непонятныя рѣчи могутъ произвести въ головѣ слушающихъ плачевный сумбуръ, который при частомъ повтореніи не обойдется безъ дурныхъ хроническихъ послѣдствій. Поставьте вмѣсто дифференціальныхъ исчисленій всякую другую науку, непримѣненную къ возрасту и къ умственному развитію учащихся, и вы получите то же самое, или получите нѣчто еще гораздо худшее. Дифференціалы и интегралы для молодыхъ умовъ еще не освоившихся съ ариѳметикой будутъ просто абракадаброю, въ которой ничего не будетъ имъ понятно и которая дѣйствительно будетъ отчасти походить на музыку разыгранную предъ глухими. Но возьмите вмѣсто нихъ, напримѣръ, то что преподается у насъ для того же возраста подъ именемъ исторіи или подъ именемъ русской словесности, или что вводится новою программой подъ видомъ естественной исторіи для преподаванія въ первыхъ трехъ классахъ,—и въ головѣ учащихся будетъ происходить не просто сочетаніе непонятныхъ словъ, а безсмысленнѣйшій хаосъ понятій и образовъ, который мало того, что погубитъ ихъ время, но погубитъ и ихъ голову, мало того что не научитъ ихъ ничему, но и сдѣлаетъ ихъ неспособными въ послѣдствіи ни къ какому серіозному дѣлу. Поступать такимъ образомъ значитъ не учить, а портить, не воспитывать, не развивать, а ослаблять и развращать. И вотъ такіе-то педагогическіе пути предлагались бѣдному русскому юношеству; такими-то путями ходило и еще ходитъ у насъ дѣло образованія. Роковое заблужденіе! Какую отвѣтственность принимаютъ на свою душу люди упорствующіе въ этомъ заблужденіи, и не желающіе сдѣлать надъ собою хотя минутное усиліе, чтобы вникнуть въ вопросъ имѣющій столь скромную наружность и столь громадную важность! Простой нуль лучше чѣмъ отрицательная величина: это аксіома, о которой нельзя спорить, а мы безъ пощады наполняемъ минусами голову и душу нашихъ дѣтей. Грустно сознаться въ упущеніи дорогаго времени и въ безплодной растратѣ силъ, но грустнѣе сознаваться въ дурномъ употребленіи того и другаго. Новый уставъ нашихъ гимназій не избавляетъ насъ отъ такихъ растратъ, потому что его учебная программа съ первыхъ же шаговъ отступаетъ отъ здравыхъ началъ положенныхъ въ его основаніе. Она недостаточно сосредоточиваетъ учебныя занятія, стѣсняетъ предметы образовательные и полагаетъ слишкомъ много времени на предметы, ко-

торые при излишкѣ не только ведутъ къ обремененію учащихся, но обращаются въ положительный для нихъ вредъ. Теперь, пока уставъ еще не вступилъ въ дѣйствіе, было бы очень легко сдѣлать въ новой учебной программѣ тѣ исправленія, которыя рѣшительно необходимы для того чтобъ она могла приносить ожидаемую пользу. Когда уставъ будетъ окончательно введенъ, тогда сокращеніе учебнаго времени по нѣкоторымъ предметамъ и расширеніе по нѣкоторымъ другимъ (что окажется совершенно необходимымъ) будетъ сопряжено съ большими неудобствами и поведетъ къ ломкѣ и потрясеніямъ.

Мы говоримъ объ учебной программѣ только классическихъ гимназій, въ которыхъ собственно и заключается все значеніе предпринятой реформы. Классическая система основана на концентраціи, сосредоточеніи, учебныхъ занятій. Напрасно думаютъ, что требованія классической системы исполнены, если въ учебный курсъ введены древніе языки. Сила этой системы заключается въ томъ, что древніе языки употребляются ею какъ средство для сосредоточенія занятій, для укрѣпленія и развитія умственныхъ силъ соотвѣтственно возрасту учащихся и для подготовленія ихъ къ высшимъ изученіямъ по какой бы то ни было части. Въ томъ возрастѣ, которому соотвѣтствуютъ гимназіи, только на двухъ элементахъ могутъ серіозно и плодотворно сосредоточиваться учебныя занятія: на словесности, или грамматикѣ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, и на математикѣ. Въ Англіи учебныя заведенія, соотвѣтствующія нашимъ гимназіямъ, носятъ названіе *грамматическихъ школъ*, по преобладающему въ нихъ характеру учебныхъ занятій. Этотъ же характеръ господствуетъ въ учебныхъ заведеніяхъ цѣлой цивилизованной Европы, соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ. Древніе языки служатъ лишь наилучшимъ средствомъ для этой цѣли, раскрывая сверхъ того учащимся богатый матеріялъ для мысли и знанія, сообщая имъ полное право гражданства въ мірѣ и науки и давая имъ тотъ характеръ воспитанія, безъ котораго невозможна истинная ученость по какой бы то ни было части. Изученіе древнихъ языковъ въ отроческомъ возрастѣ соединяетъ въ себѣ множество преимуществъ и для умственнаго воспитанія; но главная сила ихъ тѣмъ не менѣе заключается въ томъ, что они даютъ возможность концентрировать учебныя занятія воспитанниковъ, къ чему не оказывается способнымъ никакой другой предметъ, кромѣ математики, которая вмѣстѣ съ ними и служитъ для этой цѣли. Затѣмъ, польза классической системы заключается въ томъ, что она, устраняя многопредметность, даетъ возможность сократить учебное время не только безъ вреда, но и съ пользой для умственнаго развитія воспитанниковъ и съ очевидною пользой для ихъ физическаго здоровья.

Но возвратился къ перемѣнѣ произведенной недавнимъ административнымъ распоряженіямъ въ учебной программѣ новаго устава, который такъ долго и съ такимъ трудомъ вырабатывался законодательнымъ порядкомъ. Сокращеніе учебнаго времени отнятіемъ четверти часа отъ каждаго урока, смѣемъ думать не совсѣмъ достигаетъ предположенной при этомъ цѣли, и въ то же время значительно ослабляетъ силу всей учебной системы. Учащіеся не получатъ достаточнаго облегченія; число уроковъ у нихъ не сократится; они будутъ все также развлечены и подавлены многопредметностію; имъ придется все также высиживать по пяти уроковъ въ день, и приготовляться къ пяти различнымъ предметамъ. А между тѣмъ четверть часа отнятая отъ каждаго урока ослабитъ въ значительной степени преподаваніе тѣхъ предметовъ, на которыхъ должны сосредоточиваться учебныя занятія и въ которыхъ заключается вся сила новой системы. Древніе языки, какъ сказано выше, могутъ приносить ожидаемую отъ нихъ педагогическую пользу только подъ условіемъ чтобъ имъ было дано надлежащее развитіе въ учебномъ курсѣ; а въ программѣ новаго устава имъ отведено minimum времени, какое необходимо для того чтобъ они могли приносить ожидаемую пользу. Менѣе удѣлить для нихъ времени невозможно, не роняя всей педагогической системы. Смѣемъ утверждать, что цѣль, вызвавшая новое распоряженіе, была бы достигнута вѣрнѣе, а въ то же время, заодно, были бы исправлены и существенныя погрѣшности вкравшіяся въ новую программу, еслибы преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ было приведено къ раціональнымъ размѣрамъ, какіе предоставляются имъ во всѣхъ благоустроенныхъ европейскихъ школахъ. Спрашиваемъ всѣ-

каго серіознаго человѣка, кто только заблагоразсудитъ вникнуть въ этотъ вопросъ заслуживающій полнаго вниманія, имѣетъ ли смыслъ преподаваніе естественной исторіи въ трехъ младшихъ классахъ гимназическаго курса, какъ того требуетъ новая учебная программа. Представьте себѣ дѣтей отъ 10 до 12-лѣтняго возраста занимающихся естественными науками по два часа въ недѣлю: не жалкая ли это трата времени? Этого нигдѣ нѣтъ; это могло произойдти только изъ недоразумѣнія. Мы заимствуемъ наши педагогическіе порядки преимущественно изъ Германіи: пусть такъ,—хотя было бы лучше имѣть въ виду учебное устройство не одной Германіи, но и другихъ цивилизованныхъ странъ, какъ Франція и Англія. Введеніе естественной исторіи въ первыхъ трехъ классахъ есть очевидно подражаніе прусскимъ гимназіямъ, но къ сожалѣнію, какъ всегда бываетъ при поверхностномъ подражаніи, не принято въ разчетъ, что въ прусскихъ гимназіяхъ этотъ предметъ введенъ необязательно, и болѣе въ видахъ занимательной рекреаціи нежели серіознаго ученія. Уставомъ прусскихъ гимназій предоставлено имъ право занимать воспитанниковъ двухъ низшихъ классовъ приспособленнымъ къ ихъ возрасту описаніемъ царствъ природы, въ случаѣ если окажется годный къ тому преподаватель. Нѣтъ ничего труднѣе, даже въ Германіи, какъ найдти людей, которые были бы способны занимать малыхъ дѣтей увеселительными разсказами о природѣ, и потому этотъ предметъ не поставленъ тамъ въ число обязательныхъ, и во всемъ девятигодичномъ прусскомъ гимназическомъ курсѣ всего на все только два часа отведено на обязательное занятіе естественною исторіей: именно въ четвертомъ, считая по нашему, классѣ. А у насъ поставленъ этотъ предметъ обязательнымъ въ трехъ младшихъ классахъ, полагая на него въ каждомъ по два часа времени, и того въ совокупности шесть часовъ. Вотъ совершенно напрасно убиваемое время; вотъ шесть уроковъ которые могли быть упразднены съ очевидною пользой какъ для физическаго здоровья, такъ и для умственнаго развитія воспитанниковъ. Физикѣ предоставлено у насъ шесть часовъ, а въ прусскихъ гимназіяхъ, которыя конечно стоятъ не ниже нашихъ, этому предмету дано только три часа. Было бы совершенно достаточно, еслибы мы за физикой оставили четыре часа, а два остальные урока либо упразднили вовсе, либо замѣнили, если это необходимо, общимъ обозрѣніемъ царствъ природы въ одномъ изъ высшихъ классовъ, вмѣсто совершенно напрасно полагаемыхъ на этотъ предметъ шести часовъ въ трехъ младшихъ классахъ. Еще болѣе пользы оказали бы мы дѣлу, еслибы сократили преподаваніе русской словесности, которая въ тѣхъ размѣрахъ, какіе отведены ей въ нашемъ учебномъ планѣ, есть сущее зло. Дабы учебная программа соотвѣтствовала своей цѣли, дабы она не вела не только къ растратѣ времени и силъ, но и къ дурному употребленію ихъ, рѣшительно необходимо ввести этотъ предметъ въ его раціональные предѣлы, необходимо сократить его на одинъ урокъ въ каждомъ классѣ. Благодаря этому мы сдѣлали бы экономіи на семь часовъ времени, и это не только не ослабило бы, а напротивъ усилило бы дѣло ученія.

Всякій излишекъ времени для преподаванія своего языка ведетъ только къ самому губительному празднословію. Живой языкъ никогда не можетъ быть предметомъ серіозныхъ грамматическихъ изученій. Преподаваніе своего отечественнаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли, если только регулируетъ практическое употребленіе его, не пускаясь ни въ какія теоріи и умозрѣнія, а для этого 24-хъ часовъ, полагаемыхъ нашею программой непомѣрно много, и было бы совершенно достаточно 17. Въ прусскихъ гимназіяхъ на отечественный языкъ полагается только по два часа въ недѣлю въ каждомъ классѣ; къ тому же въ двухъ младшихъ классахъ нѣмецкій языкъ преподается за одно съ латинскимъ, тѣмъ же самымъ учителемъ. Во французскихъ и англійскихъ школахъ то же самое. Дѣйствительно, дѣлать свой родной живой языкъ предметомъ подробнаго ученаго анализа, въ дѣтскомъ возрастѣ совершенно невозможно. Въ томъ, что древніе языки могутъ быть предметомъ такого анализа, и заключается ихъ педагогическая сила. Представляя собою самую богатую организацію человѣческаго слова, храня на себѣ отпечатки высокой цивилизаціи, самаго разнообразнаго творчества и самаго утонченнаго развитія человѣческой мысли, они остановились въ своемъ жизненномъ развитіи и потомъ были предметомъ ученой разработки въ продолженіе столь-

кихъ вѣковъ, сосредоточившихъ на нихъ труды столькихъ поколѣній, столькихъ умовъ. На нихъ воспитывалось и воспитывается все чѣмъ гордится всемірное образованіе и наука. Въ нихъ все взвѣшено, измѣрено и разчитано; ихъ грамматика состоитъ изъ строгихъ и неизмѣнныхъ правилъ, какихъ не можетъ и не долженъ имѣть живой языкъ. Одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ изученія древнихъ языковъ въ томъ и состоитъ, что чрезъ нихъ учащіеся овладѣваютъ всего вѣрнѣе средствами своего собственнаго языка. Изученіе древнихъ языковъ есть въ то же время и изученіе своего роднаго языка. Изучая ихъ, что иное дѣлаетъ учащійся, какъ не сравниваетъ съ ними непрерывно, шагъ за шагомъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ оттѣнкѣ выраженія, свой родной языкъ? Нашъ нынѣшній литературный языкъ получилъ свою грамматику и свое первое благоустройство изъ рукъ человѣка, который вошелъ въ его силу посредствомъ изученія языковъ древнихъ. Холмогорскій рыбакъ черезъ латинскій языкъ уловилъ правила своего роднаго слова и сталъ и творцомъ, и законодателемъ нашего нынѣшняго литературнаго языка.

Итакъ семь лишнихъ и вмѣстѣ положительно вредныхъ часовъ, взятыхъ у преподаванія русскаго языка и словесности, въ соединеніи съ шестью упраздненными уроками естественной исторіи на трехъ младшихъ классахъ, составятъ экономію тринадцати часовъ учебнаго времени.

Но этого мало: предметъ не менѣе вредный при излишнемъ распространеніи въ учебномъ курсѣ есть еще исторія. На исторію и географію полагается у насъ 22 часа времени. Это слишкомъ много. Въ прусскихъ гимназіяхъ курсъ ученія продолжается не семь, какъ у насъ, а девять лѣтъ, но и тамъ на этотъ предметъ полагается не болѣе. При семигодичномъ курсѣ нашихъ гимназій, на исторію вмѣстѣ съ географіей, достаточно двадцати часовъ. Еслибы лица, которымъ близки интересы нашего народнаго просвѣщенія, знали во всей силѣ, что преподается въ нашихъ гимназіяхъ подъ видомъ исторіи и русской словесности, или лучше сказать, какой безсмысленный хаосъ творится излишними уроками этихъ предметовъ въ головѣ учащихся, которые кончаютъ тѣмъ, что не умѣютъ десяти словъ связать правильно и букву ъ поставить на надлежащемъ мѣстѣ, — то они ужаснулись бы, и поняли бы мудрое правило, которое предписываетъ лучше совсѣмъ не учить нежели учить вздору. Все, что ни сказали бы мы для характеристики этого болѣзненнаго явленія нашей школы было бы слишкомъ слабо въ сравненіи съ дѣйствительностію.

Предметы, вводимые обязательно для преподаванія въ школѣ, должны быть таковы, чтобы сущность преподаванія какъ можно менѣе зависѣла отъ произвола или личности преподавателя. Такова математика, таковы древніе языки. Какъ математика, такъ и латинская или греческая грамматика изучаются совершенно въ одинаковомъ родѣ какъ человѣкомъ взрослымъ, такъ и малолѣтнимъ. Эти предметы не измѣняются въ своей сущности, приноровляясь къ возрасту. Дѣти занимаются ими также серіозно, также научно, какъ и взрослые люди, и претворяютъ изучаемое въ свое достояніе точно такими же умственными процессами.

Въ этомъ-то и заключается преимущество этихъ предметовъ, ихъ неоспоримая годность для концентраціи учебныхъ занятій. Другіе предметы могутъ быть допускаемы для преподаванія дѣтямъ лишь въ тѣсной рамкѣ, лишь въ строго ограниченныхъ размѣрахъ, въ противномъ же случаѣ неизбѣжно унизится достоинство науки, и она превратится либо въ игрушку, либо въ празднословіе. Преподованіе исторіи можетъ сопровождаться въ нашихъ школахъ полезными результатами только при условіи, чтобъ оно ограничивалось самыми общими, но твердыми очерками главныхъ фактовъ. Школа исполнитъ свою обязанность, если крѣпко запечатлѣетъ въ памяти учащихся остовъ исторіи съ ея главнѣйшими событіями, числами и именами, безъ фальшивыхъ и игрушечныхъ прикрасъ, и пріучитъ учащихся къ повѣствовательному складу мысли и рѣчи. Это было бы результатомъ несомнѣнно полезнымъ, потому что въ зрѣломъ возрастѣ человѣку труднѣе восполнить то, чего въ этомъ отношеніи не сдѣлано въ дѣтствѣ. Но этимъ и должна ограничиться гимназія. Ближайшее ознакомленіе съ историческимъ матеріаломъ должно быть предоставлено позднѣйшему возрасту, и при общей умственной подготовкѣ не можетъ представить ни малѣйшей трудности. Молодому человѣку прошедшему порядочную классическую школу не только открыты всевозможныя со-

чиненія по исторической части, но онъ владѣетъ ключемъ къ самостоятельнымъ занятіямъ предметами историческаго вѣдѣнія; для него раскрыты самые источники; онъ уже стоитъ на почвѣ исторіи. Изученіе древнихъ языковъ не есть ли въ то же время и самое непосредственное, самое живое изученіе исторіи. Основывая учебную систему на преподаваніи древнихъ историческихъ языковъ, къ чему же еще будемъ мы обременять нашихъ молодыхъ людей, при семигодичномъ курсѣ нашихъ гимназій, излишними уроками по части исторіи какъ особаго предмета? Эти излишніе уроки, въ которыхъ преподаватель будетъ возносить нашихъ бѣдныхъ дѣтей на высоту идей своихъ плохо записанныхъ университетскихъ тетрадокъ или вчера прочитанной журнальной статьи,—эти излишніе уроки, въ которыхъ онъ будетъ рисоваться предъ нашими юношами и раскрывать имъ тайны жизни и смерти, духъ вѣковъ и народовъ, законы прогресса, и будетъ изрекать приговоры надъ историческими дѣятелями, надъ политическими учрежденіями и религіями,—эти излишніе уроки суть такая же вредная трата времени какъ и излишніе уроки русской словесности. Эти излишніе уроки будутъ раскрывать для созерцанія учащихся не какой-либо предметъ, а собственную личность преподавателя, которая безъ сомнѣнія не входитъ въ планъ гимназическаго ученія. Мы полагаемъ, что при семигодичномъ курсѣ гимназій, для географіи совершенно достаточно 6 или много-много 7 часовъ, вмѣсто 8 полагаемыхъ программой, а для исторіи — 10 или 11 часовъ, вмѣсто 14-ти. И вотъ вводя этотъ предметъ въ раціональные и полезные предѣлы, мы получимъ въ экономіи еще 4 или 5 часовъ. Итого, вмѣстѣ съ 13 часами сбереженными отъ сокращенія уроковъ русской словесности и упраздненія 6 уроковъ естественныхъ наукъ въ трехъ младшихъ классахъ,—18 или 17 часовъ.

Какъ могли бы мы распорядиться этими часами, которые сберегаемъ такимъ образомъ не въ ущербъ, а въ пользу воспитанія? Три часа изъ нихъ должны были бы пойдти на усиленіе математики, которая не извѣстно зачѣмъ обижена программой. На математику положено въ ней только 22 часа,—этого слишкомъ мало, а 25 часовъ было бы не слишкомъ много. Въ полныхъ классическихъ гимназіяхъ на латинскій языкъ положено очень недостаточно времени, особенно при отсѣченіи четверти часа отъ каждаго урока. На двухъ младшихъ классахъ необходимо прибавить по одному уроку этого языка, и по одному на двухъ старшихъ. Греческій языкъ долженъ быть усиленъ, по крайней мѣрѣ двумя часами. Итого, для усиленія главныхъ предметовъ потребовалось бы девять часовъ. Затѣмъ, остальные восемь или девять часовъ могли бы быть во все упразднены въ облегченіе учащимся.

Утверждаемъ съ полнымъ убѣжденіемъ что измѣненіе новой учебной программы въ этомъ смыслѣ имѣло бы самыя благодѣтельныя послѣдствія: въ одно и то же время оно послужило бы къ облегченію учащихся, и къ возвышенію школы, къ усиленію ея педагогическихъ средствъ: тѣмъ не менѣе мы позволили себѣ заговорить о необходимости такого измѣненія программы не прежде какъ послѣдовало недавнее административное распоряженіе, коснувшееся въ ней столь существеннаго пункта какъ размѣры учебнаго времени. Дай Богъ, чтобъ оказалась возможною общая мѣра, которая сообщила бы нашей новой учебной программѣ видъ болѣе удовлетворительный и болѣе соотвѣтствующій благимъ началамъ положеннымъ въ основаніе нашего новаго учебнаго устава, который, если осуществится вполнѣ, откроетъ новую эру нашего народнаго просвѣщенія, и за который потомки наши будутъ благословлять нынѣшнее царствованіе.

№ 274.

Москва, 13-го декабря.

Посланіе президента Джонсона, которое, въ обширномъ извлеченіи, помѣщается ниже, должно заинтересовать русскихъ читателей всего болѣе сообщаемыми въ немъ свѣдѣніями о томъ финансовомъ положеніи, въ которомъ находятся Соединенные Штаты и въ которомъ много общаго съ положеніемъ Россіи. Изъ войны, не имѣющей ничего себѣ подобнаго въ лѣтописяхъ міра по громадности силъ на нее потраченныхъ, Соединенные Штаты вынесли значительный дефицитъ и еще болѣе значительную массу бумажныхъ денегъ. Въ текущемъ финансовомъ году (финансовый годъ Соединенныхъ Штатахъ считается съ 1-го іюля

одного года по 30-е іюня слѣдующаго) дефицитъ долженъ дойдти до 112 милліоновъ долларовъ; бумажныхъ денегъ, не подлежащихъ размѣну, обращается слишкомъ 700 милліоновъ, между тѣмъ какъ до войны, когда обращались размѣнные банковые билеты, бумажныхъ денежныхъ знаковъ было въ обращеніи только 200 милліоновъ; лажъ на золото стоитъ нынѣ около 50%, изъ чего слѣдуетъ, что считая на золото, ходячія бумажныя деньги упали на одну треть цѣны или на $33^1/_3$%. Положеніе дѣлъ хуже чѣмъ въ Россіи, гдѣ бумажныя деньги упали на 20%, т.-е. на $^1/_5$ номинальной цѣны, и гдѣ дефицитъ, какъ онъ ни значителенъ (по дѣйствительному исполненію бюджета), все же не доходитъ до цифры 112 милліоновъ долларовъ, составляющей почти 150 милліоновъ цѣлковыхъ рублей. Въ этомъ отношеніи наше положеніе выгоднѣе, но съ другой стороны надобно принять во вниманіе, что Россія находится теперь въ одиннадцатомъ году послѣ окончанія войны, а Соединенные Штаты въ первомъ, что послѣ этого перваго года въ Соединенныхъ Штатахъ не только исчезнетъ дефицитъ, но еще окажется излишекъ въ 111 милліоновъ долларовъ, и что уже теперь президентъ Джонсонъ, вмѣстѣ съ министромъ финансовъ Макъ-Коллокомъ, настаиваютъ на необходимости изъятія бумажныхъ денегъ изъ обращенія. У насъ, указомъ 10-го января 1855 года, было обѣщано приступить къ извлеченію излишне-выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ изъ обращенія черезъ три года по заключеніи міра; Соединенные Штаты найдутъ средства къ тому уже черезъ годъ по прекращеніи военныхъ дѣйствій. Впрочемъ эти средства не будутъ взяты ни изъ текущихъ доходовъ Союза, ни изъ иностранныхъ займовъ. Г. Макъ-Коллокъ предлагаетъ обмѣнъ безпроцентныхъ бумажныхъ денегъ на процентныя облигаціи, мѣру самую простую,—ту же самую о которой мы въ продолженіе многихъ лѣтъ постоянно говорили относительно Россіи, какъ единственной, годной въ этомъ случаѣ мѣрѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что размѣна на звонкую монету тамъ не будетъ, пока операція изъятія не установитъ курса *al pari*. Очень интересно будетъ слѣдить какую сумму придется изъять изъ обращенія прежде нежели возстановится вексельный курсъ. Обращающіеся теперь 700 милліоновъ бумажныхъ денегъ стоятъ по теперешнему курсу приблизительно 467 милліоновъ долларовъ на золото; изъ этого слѣдуетъ, что если будетъ извлечено изъ обращенія 233 милліона, то бумажныя деньги должны подняться до номинальной цѣны, и лажъ на золото упразднится. Правда, что цѣны на разные предметы вздорожали тамъ гораздо больше чѣмъ золото, но съ другой стороны бумажныя деньги, до сихъ поръ имѣвшія ходъ только въ штатахъ вѣрныхъ Союзу, теперь конечно проникнутъ и въ южные штаты, а разширившійся районъ обращенія бумажныхъ денегъ долженъ точно также поднимать курсъ ихъ, какъ сокращеніе района должно неизбѣжно отзываться на упадкѣ курса: это понятно само собой, и живымъ доказательствомъ тому служитъ изгнаніе кредитныхъ билетовъ Россійской Имперіи изъ Великаго Княжества Финляндскаго. Итакъ можно предполагать что въ Соединенныхъ Штатахъ достаточно будетъ изъять 233 милл. бумажныхъ денегъ, чтобы возстановить ихъ курсъ, и можетъ-быть даже причинить приливъ звонкой монеты. Но на этой цифрѣ изъятіе, конечно, не остановится, и Соединенные Штаты, сокращая свое бумажное обращеніе, извлекутъ изъ Европы не малое количество звонкой монеты. Теперь тамъ почти нѣтъ золота въ обращеніи, и страна довольствуется для своихъ оборотовъ 700 милл. бумажныхъ денегъ, равняющимися по своей цѣнѣ, какъ сказано, 467 милл. серебряныхъ долларовъ. Слѣдовательно въ настоящую минуту для оборотовъ страны требуется 467 милл. на звонкую монету. Надобно думать, что подобная же сумма требовалась и до войны, а такъ какъ тогда было въ обращеніи лишь на 200 милліоновъ бумажекъ, то можно заключить, что тогда было въ обращеніи, кромѣ 200 милліоновъ бумажекъ, еще около 267 милліоновъ долларовъ звонкой монеты. Таково было тогдашнее отношеніе бумажекъ къ звонкой монетѣ. Теперь привычка къ бумажнымъ деньгамъ распространилась въ публикѣ, а потому отношеніе должно измѣниться къ ихъ выгодѣ, но и теперь едвали много меньше 200 милліоновъ звонкой монеты понадобится Соединеннымъ Штатамъ. Вотъ какая масса золота будетъ взята Америкой съ европейскаго рынка въ продолженіе ближайшихъ четырехъ или пяти лѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это не останется безъ вліянія на высоту учетнаго процента и на сокращеніе

предпріятія въ Европѣ. Во все то время, когда будетъ уходить европейское золото въ Америку, въ Европѣ будетъ труднѣе обыкновеннаго собирать капиталы для новыхъ предпріятій или займовъ, и мы, Русскіе, должны особенно имѣть это въ виду, потому что во многихъ предстоящихъ намъ дѣлахъ мы не будемъ въ состояніи обойдтись безъ пособія иностранныхъ капиталовъ. Чего изъ дѣлъ этого рода мы не успѣемъ начать въ ближайшее время, то придется отложить до окончательнаго исправленія американской денежной системы.

Неужели и дѣлу исправленія нашей денежной системы суждено испытать такую же продолжительную отсрочку, *intimely procrastination*, какъ выражается президентъ Джонсонъ? А между тѣмъ можно безъ преувеличенія сказать, что оно встрѣтило бы у насъ меньше затрудненій чѣмъ должна встрѣтить подобная задача въ Америкѣ. Правда, мы не располагаемъ такими бюджетными средствами, какія будутъ въ распоряженіи правительства Сѣверо-Американскихъ штатовъ, начиная съ будущаго лѣта. Тамъ расходъ на военныя силы сокращенъ съ 516.240.131 долларовъ до 33.814.461 доллара, а число войскъ съ 1.000.516 человѣкъ до 50.000 человѣкъ кадреннаго состава, растяжимаго въ случаѣ надобности до цифры 82.600 человѣкъ. Такіе рѣзкіе переходы въ Старомъ Свѣтѣ невозможны, и наименѣе возможны они въ Россіи, гдѣ еще очень мало построено желѣзныхъ дорогъ, хотя, за исключеніемъ окраинъ, для огражденія порядка внутри государства Россія положительно столь же мало нуждается въ военной силѣ, какъ и Соединенные Штаты. Ни въ одномъ государствѣ Стараго Свѣта невозможно также чтобы за годомъ, дающимъ 112 милліоновъ дефицита, непосредственно слѣдовалъ годъ, дающій 111 милліоновъ излишка. Все это особенности Соединенныхъ Штатовъ, имъ исключительно принадлежащія. Но и въ Старомъ Свѣтѣ очень возможно постепенное исправленіе финансовъ, состоящее въ постепенномъ уменьшеніи дефицита, чему примѣръ нынѣ подаетъ, между прочимъ, и Франція, которая, благодаря усиліямъ г. Фульда, избрала наиболѣе вѣрный путь къ истинному возвышенію своего могущества, путь бережливости и заботливости о будущемъ. Постепенное устраненіе дефицита есть настоятельнѣйшая изъ современныхъ потребностей Россіи; это, говоря словами г. Джонсона, „потребность чести, а также и существованія государства.“ Безъ опредѣленныхъ несомнѣнныхъ видовъ на устраненіе дефицита, нѣтъ возможности повести съ успѣхомъ и дѣло исправленія денежной системы: доказательство этой истины на лицо, — въ опытѣ Австріи, также точно какъ и въ нашемъ собственномъ опытѣ. За то, при условіи финансоваго благоустройства, намъ было бы гораздо легче управиться съ нашею денежною системой чѣмъ нашимъ друзьямъ въ Америкѣ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ нижеслѣдующаго:

Въ Соединенныхъ Штатахъ было до войны въ обращеніи банковыхъ билетовъ, тогда размѣнныхъ, не болѣе 200 милліоновъ долларовъ; изъ выпущенныхъ во время войны остается въ обращеніи слишкомъ 500 милл. долларовъ, или 650 милліоновъ цѣлковыхъ рублей. У насъ до крымской войны было въ обращеніи 300 милл. рублей кредитныхъ билетовъ; теперь обращается около 650 милліоновъ, излишекъ — 350 милліоновъ, т. е. почти вдвое менѣе чѣмъ излишекъ американскій (350 и слишкомъ 650 милл. рублей). Далѣе, бумажныя деньги упали въ Америкѣ на $33\frac{1}{3}\%$, а у насъ только на 20%, слѣдовательно необходимое количество бумажныхъ денегъ, подлежащихъ изъятію для возстановленія ихъ номинальной цѣны, составляетъ въ Соединенныхъ Штатахъ одну треть изъ 700, то-есть 233 милліона долларовъ, или не менѣе 300 милліоновъ цѣлковыхъ рублей, а у насъ одну пятую изъ 650 милліоновъ, то-есть 130 милліоновъ рублей. Тутъ отношеніе еще лучше: требуется значительно меньше половины противъ Соединенныхъ Штатовъ. Наконецъ, для того чтобы дополнить денежное обращеніе звонкою монетой, въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ мы сказали выше, потребовалось бы, вѣроятно, не менѣе 200 милліоновъ долларовъ звонкой монеты, то-есть 258 милл. цѣлковыхъ рублей. У насъ же, по изъятіи 130 милл. рублей, потребовалось бы звонкой монеты несравненно меньше. До восточной войны Россія выносила 300 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, но, какъ всякій знаетъ, съ тѣхъ поръ денежное хозяйство получило у насъ чрезвычайно сильное развитіе вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, и въ то же время значительно увеличилось вообще число оборотовъ вслѣд-

ствіе размноженія промышленныхъ и акціонерныхъ предпріятій; все это, надобно полагать, усилило потребность въ денежныхъ знакахъ по меньшей мѣрѣ на 100 милліоновъ рублей, да сверхъ того двѣнадцатилѣтняя привычка къ бумажнымъ деньгамъ должна была безъ сомнѣнія оставить болѣе глубокіе слѣды въ Россіи чѣмъ трехлѣтняя въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ что потребность въ звонкой монетѣ, сравнительно съ бумажными деньгами, очень могла за это время уменьшится еще на 50 милліоновъ рублей, и Россія по всему вѣроятію могла бы выносить теперь бумажныхъ денегъ не на 300 милліоновъ цѣлковыхъ рублей, а на 450 милліоновъ или около того. Если такъ, то за изъятіемъ 130 милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ изъ обращенія, остальная сумма 520 милліоновъ могла бы заключать въ себѣ около 450 милліоновъ бумажныхъ денегъ и потребовалось бы около 70 милліоновъ звонкой монеты для обезпеченія размѣна; но у насъ уже имѣется размѣнный фондъ въ 80 милліоновъ, въ которомъ состоитъ до 55 милліоновъ дѣйствительной звонкой монеты, и слѣдовательно оставалось бы только добавить размѣнный фондъ до его нарицательной цифры, внеся въ него золота около 25 милл. рублей: этимъ было бы возстановлено довѣріе къ неприкосновенности размѣннаго фонда и къ точному исполненію законовъ по кредитной части, — довѣріе, которое должно предшествовать открытію размѣна, ибо иначе были бы возможны набѣги на размѣнную кассу единственно изъ опасеній за будущее.

Итакъ для возстановленія первоначальной цѣны денежной единицы Соединеннымъ Штатамъ нужно изъять изъ обращенія бумажныхъ денегъ не менѣе какъ на 300 милліоновъ цѣлковыхъ рублей и кромѣ того привлечь въ Америку золота на сумму около 258 милліоновъ рублей, а намъ нужно изъять не болѣе 130 милліоновъ рублей и добыть золота не болѣе какъ на 25 милліоновъ рублей; то-есть всего нужно въ Соединенныхъ Штатахъ 558 милліоновъ рублей, а у насъ всего 155 миліоновъ.

Но и въ полной суммѣ 155 милліоновъ намъ нѣтъ необходимости и въ этомъ состоитъ главная особенность нашего положенія, облегчающая дѣло исправленія нашей денежной системы. Соединеннымъ Штатамъ грозитъ не скажемъ опасность, а неизбѣжная судьба пережить страшное потрясеніе по поводу тѣхъ мѣръ, къ которымъ тамошнее правительство обязано приступить для исправленія денежнаго обращенія, и приступить спѣшно, дабы противодѣйствовать другому злу уже развивающемуся, — лихорадочной спекуляціи. Теперь тамъ на золото лажъ до 50%, бумажки упали въ цѣнѣ на одну треть. Но законная разчетная единица во всѣхъ сдѣлкахъ тамъ бумажный долларъ; на эту единицу ведется вся внутренняя торговля и пишутся всѣ обязательства; къ этой единицѣ уже успѣла въ два года приладиться вся экономическая жизнь. Возвышеніе цѣны этой единицы на цѣлую треть произведетъ небывалое въ коммерческомъ мірѣ потрясеніе, и президентъ Джонсонъ очень благоразумно предупреждаетъ своихъ гражданъ, чтобъ они заранѣе приготовлялись къ ожидающей ихъ катастрофѣ, сокращая свои расходы и старалсь уплачивать свои долги, пока деньги еще дешевы. Но какъ ни велико будетъ благоразуміе должниковъ, какъ ни осмотрительны будутъ дѣйствія правительства, катастрофы избѣжать невозможно, и многимъ въ Соединенныхъ Штатахъ предстоитъ потерять безъ своей вины значительную часть состоянія. Дороговизна денегъ, дешевизна товаровъ, сокращеніе потребленія, а слѣдовательно и сбыта и затѣмъ производства, все это не можетъ обойдтись безъ бѣдствій для рабочихъ классовъ и безъ многочисленныхъ банкротствъ для класса хозяевъ. Повторится нѣчто подобное англійскому кризису послѣдовавшему за окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ, и предотвратить подобный кризисъ не во власти правительства Соединенныхъ Штатовъ; оно можетъ только смягчить его, что оно и обѣщаетъ устами президента Джонсона. Предовратить кризисъ можно было бы неначе какъ избѣжавъ возстановленія полной первоначальной цѣнности кредитнаго доллара и лишь до нѣкоторой степени поднявъ вексельный курсъ, чтобы затѣмъ окончательно закрѣпить или фиксировать его. Серебряный долларъ стоитъ 516 французскихъ сантимовъ; бумажный долларъ потерялъ теперь одну треть цѣны и стоитъ около 345 сантимовъ; его можно было поднять посредствомъ изъятія до 400 сантимовъ, и на этой цѣнѣ остановиться: тогда дѣло обошлось бы безъ того потрясенія, которое теперь ожидаетъ Соединенные Штаты. Но

правительство Союза не имѣетъ права такъ дѣйствовать, какъ не имѣли подобнаго права ни англійское правительство послѣ наполеоновскихъ войнъ, ни австрійское въ наше время. Дѣло въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ ходятъ по ряду съ правительственными бумажными деньгами билеты разныхъ банковъ, получившіе въ силу законодательнаго акта также значеніе бумажныхъ денегъ, но тѣмъ не менѣе выпущенные подъ отвѣтственностію частныхъ банковъ и слѣдовательно составляющіе обязательства, основанныя на частномъ правѣ. При такомъ положеніи вещей, правительство принуждено возстановить первоначальную цѣнность доллара. Россія не находится въ подобномъ положеніи. Наши кредитные билеты всѣ безъ исключенія выпущены государствомъ и всѣ они подлежатъ публичному, а не частному праву; поэтому вопросъ объ исправленіи денежной системы въ Россіи можетъ быть разрѣшенъ въ исключительныхъ видахъ общей пользы и на основаніи справедливости, не формальной, а матеріяльной. Государство, выпуская неразмѣнные кредитные билеты, произвело колоссальное перемѣщеніе собственности, причемъ одни безъ заслуги выиграли (должники), другіе безъ вины потеряли (кредиторы). Но теперь нѣтъ уже никакой возможности отыскать ни воспользовавшихся даровою наживой чтобы заставить ихъ поплатиться, ни потерпѣвшихъ безвинно ущербъ чтобы вознаградить ихъ. Каждый кредитный билетъ со времени первоначальнаго выпуска перешелъ черезъ тысячи рукъ, и возстановлять теперь его первоначальную цѣну значило бы повторять, только въ обратномъ смыслѣ, тотъ же длинный рядъ безвинныхъ потерь (со стороны должниковъ) и даровыхъ наживъ (со стороны кредиторовъ), которыми ознаменовался выпускъ неразмѣнныхъ кредитныхъ билетовъ подъ конецъ войны и въ первое время за нею слѣдовавшее. Рѣшиться на такую мѣру нѣтъ никакого разумнаго основанія, а тѣмъ менѣе можетъ быть найдено разумное основаніе для распространенія на всю Россію мѣры принятой въ Финляндіи, и которая даже тамъ, повидимому, способна привести только къ одному прочному результату,—доказать тамошнему народу несостоятельность русскаго государственнаго кредита. Мы имѣли бы много сказать о вредныхъ экономическихъ послѣдствіяхъ этой мѣры и для финляндскаго Великаго Княжества, если не находили болѣе удобнымъ возвратиться къ ней мѣсяцевъ черезъ шесть, когда какъ надобно опасаться, Финляндія уже почувствуетъ на себѣ ея тяжесть. Но тамъ подобное предпріятіе можетъ имѣть хоть политическій смыслъ—съ извѣстной точки зрѣнія имѣетъ же, вѣроятно, какой-нибудь смыслъ и перечеканка русской монеты въ Финляндскую, состоящая въ замѣнѣ герба Имперіи гербомъ Великаго Княжества, чѣмъ теперь занимаются на казенный счетъ въ Гельсингфорсѣ,—а какой смыслъ имѣло бы это въ цѣломъ государствѣ? Великое Княжество Финляндія гонитъ изъ предѣловъ русскіе кредитные билеты, и они идутъ въ Россію: имъ есть куда уйти. Куда же ушли бы они, безпріютные, если бы мы вздумали выгонять ихъ изъ Россіи? Этотъ планъ такъ дикъ, что объ немъ серіозно и говорить нельзя.

Выгода нашего положенія состоитъ въ томъ, что мы можемъ и должны для соблюденія какъ общихъ, такъ и частныхъ интересовъ, ограничиться упроченіемъ или отвержденіемъ цѣнности кредитнаго рубля, не принимаясь за ея возстановленіе. Мы должны упрочить нашу денежную единицу теперь колеблющуюся; мы должны дать ей опредѣленную всемірную цѣнность и обезпечить эту цѣнность единственнымъ имѣющимся на то средствомъ,—всегдашнимъ, не подлежащимъ ни въ какомъ случаѣ прекращенію и всѣми возможными гарантіями огражденнымъ размѣномъ. Какъ велика должна быть цѣнность кредитнаго рубля подлежащая такому упроченію (фиксаціи, консолидаціи),—на это указываютъ сами обстоятельства: эта цѣнность опредѣляется внутреннею цѣнностью новаго низкопробнаго серебра. Кредитный рубль долженъ быть равенъ пяти двугривеннымъ новаго чекана, то-есть заключать въ себѣ приблизительно 86 коп. прежняго серебрянаго рубля, причемъ въ кредитномъ рублѣ осталось бы сто копѣекъ мелочи, а прежніе цѣлковые стали бы ходить по 1 руб. 16 коп., полтинники по 58 к., четвертаки по 29 к.

Принятіе такой нормы сократило бы выведенныя выше издержки исправленія денежной системы слѣдующимъ образомъ:

650 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, равные по мѣновой цѣнности, какъ показываетъ вексельный курсъ, 520 милліонамъ цѣлковыхъ рублей, были бы равны

приблизительно 560 милліонамъ новой монеты; слѣдовательно потребовалось бы изъять изъ обращенія, обмѣномъ на процентныя бумаги, всего 90 милліоновъ рублей. Тогда было бы въ обращеніи только 560 милліоновъ кредитныхъ рублей, и курсъ кредитнаго рубля, по всему вѣроятію, поднялся бы до 345 сантимовъ *à vista*. Затѣмъ оставалось бы только дополнить размѣнный фондъ обмѣномъ номинальныхъ фондовъ, нынѣ составляющихъ третью часть его, на звонкую монету и открыть размѣнъ. Размѣннаго фонда было-бы тогда на новую монету 93 милліона, и такимъ образомъ оставались бы непокрытыми изъ 560 милліоновъ только 467 милліоновъ, то-есть на прежнюю полновѣсную монету около 400 милліоновъ, а такая сумма могла бы еще довольно долго оставаться у насъ непокрытою. Для этого было бы только нужно, чтобы количество серій и четырехпроцентныхъ металлическихъ билетовъ, составляющихъ нашъ текущій долгъ, подверглось также постепенному сокращенію.

Итакъ, если по финансовымъ средствамъ Россія не можетъ идти и въ отдаленное сравненіе съ Соединенными Штатами, содержащими въ мирное время не болѣе 50.000 человѣкъ войска, то съ другой стороны и жертвы, которыя мы должны принести дѣлу исправленія нашей денежной системы, почти впятеро меньше тѣхъ, которыхъ то же дѣло требуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

№ 275.

Москва, 14-го декабря.

Недѣли три тому назадъ мы сообщали нашимъ читателямъ, что въ *Ревельской Газетѣ* нѣкто г. Н. Л., проживающій въ Петербургѣ, подалъ голосъ въ пользу системы безгласности и молчанія, какъ наиболѣе удобной для нашей прибалтійской нѣмецкой журналистики. Совѣтъ его, повидимому, не пропалъ совершенно даромъ, и какъ *Рижская*, такъ и *Ревельская Газета* считаютъ за лучшее отмалчиваться и не упоминать, противъ своего обыкновенія, о статьяхъ русскихъ газетъ по дѣламъ прибалтійскихъ губерній. Впрочемъ, не должно думать, чтобы прибалтійскіе публицисты сложили свое оружіе, признавъ защищаемое ими дѣло какой-то нѣмецкой націи въ Россіи за дѣло безнадежно-потерянное. Нѣтъ, они въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ по заранѣе обдуманному плану, предложенному г. Егоромъ фонъ-Сиверсомъ въ его брошюркѣ — *Appell an die europäische Oeffentlichkeit* („Воззваніе къ европейской гласности"). Они нисколько не думаютъ отказываться отъ борьбы, но желаютъ перенести ее на другое поприще, на судъ европейской публики. Г. Егоръ фонъ-Сиверсъ, самъ именующій себя „Нѣмцемъ, который, въ качествѣ лифляндскаго уроженца, принадлежитъ къ Русскому государству" (ein Deutscher, der als geborner Liflander Russischer Staatsangehöriger ist), говоритъ между прочимъ о томъ, что образъ дѣйствій русской журналистики, по отношенію къ прибалтійскимъ губерніямъ, вызвалъ *рѣшеніе* собрать главнѣйшія статьи нѣмецкой журналистики въ Россіи, направленныя противъ русскихъ газетъ, и издать ихъ въ видѣ особыхъ брошюръ на нѣмецкомъ, русскомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ. Это *рѣшеніе*, какъ видно, основывается на убѣжденіи,—которое прямо и высказываетъ петербургскій корреспондентъ *Крестовой Газеты*,— на убѣжденіи, будто бы Русскій ничего такъ не страшится, какъ неблагопріятнаго для себя приговора иностранцевъ. Смѣемъ увѣрить этихъ почтенныхъ господъ, что они ошибаются: то о чемъ они говорятъ было, но уже сплыло. Теперь, когда въ Россіи получило голосъ свое общественное мнѣніе, иностранные отзывы о нашихъ дѣлахъ утратили ту силу, на которую эти господа разчитываютъ, и если еще иногда производятъ дѣйствіе, то совершенно обратнаго свойства. Въ настоящее время вы можете сколько угодно трубить во всѣхъ нѣмецкихъ или французскихъ газетахъ, какъ недавно по польскому дѣлу, и не только ничего не выиграете въ русскомъ общественномъ мнѣніи, но проиграетесь въ конецъ.

Прежде чѣмъ рѣшеніе, о которомъ говоритъ г. Егоръ фонъ-Сиверсъ, могло быть приведено въ исполненіе, упомянутый нами корреспондентъ уже взываетъ къ газетамъ Германіи, прося, чтобъ онѣ приняли на себя борьбу противъ русской журналистики. И дѣйствительно, въ послѣднее время появилось въ нѣмецкихъ газетахъ множество корреспонденцій изъ Россіи написанныхъ въ одномъ и томъ же духѣ. Для образца считаемъ нелишнимъ познакомить

читателей съ петербургскою корреспонденціей *Крестовой Газеты*.

Katkoff und die deutschfresserische Mode („Катковъ и мода на пожираніе Нѣмцевъ"),—вотъ куріозное заглавіе упомянутой петербургской корреспонденціи, отъ 17-го декабря! Этому заглавію, какъ слѣдуетъ ожидать, соотвѣтствуетъ и самое содержаніе. Первый обвинительный пунктъ противъ *Московскихъ Вѣдомостей*, а кстати уже и противъ другихъ русскихъ газетъ, заключается въ томъ, что враждебность ихъ противъ *всего нѣмецкаго* возрастаетъ и начинаетъ принимать характеръ не дозволяющій думать о какомъ-либо примиреніи. Желательно было бы знать, въ какой изъ статей *Московскихъ Вѣдомостей* этотъ честный корреспондентъ сумѣлъ вычитать враждебное расположеніе не только ко всему, но и къ чему бы то ни было нѣмецкому? Ни русскимъ вообще, ни *Московскимъ Вѣдомостямъ* въ особенности не свойственна нетерпимость къ иностранцамъ или инородцамъ. Нѣмцы, проживающіе въ Россіи или же вновь переселяющіеся въ нее для какихъ бы то ни было полезныхъ занятій, находятъ всегда радушный пріемъ, и пользуются всѣми правами природныхъ Русскихъ, какъ только становятся русскими подданными. Никто не справляется ни о ихъ происхожденіи, ни о ихъ вѣроисповѣданіи, и всякій готовъ признать въ нихъ своихъ согражданъ. Такимъ духомъ отличаются вообще отношенія русскаго народа къ инородцамъ, которые не думаютъ сами противопоставлять себя Россіи и отчуждать себя отъ русскаго народа, при пользованіи всѣми его правами и при участіи во всѣхъ его дѣлахъ. *Московскія Вѣдомости* ни разу не погрѣшили противъ этой свойственной русскому народу терпимости, и не имѣли ни малѣйшаго основанія враждовать противъ чего бы то ни было нѣмецкаго. Напротивъ, мы можемъ припомнить не одну изъ нашихъ статей, въ которыхъ было говорено съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ о нѣмецкомъ языкѣ какъ языкѣ науки и цивилизаціи, о нѣмецкихъ школахъ, устройство которыхъ во многихъ отношеніяхъ могло бы послужить образцомъ для нашихъ учебныхъ заведеній, о представителяхъ нѣмецкой науки, которые, въ качествѣ членовъ нашей Академіи Наукъ, трудились и трудятся на пользу просвѣщенія Россіи, и т. д. Въ то время, когда самыя рѣзкія нападки были обращены противъ Академіи, какъ учрежденія, состоящаго по преимуществу изъ нѣмецкихъ элементовъ и будто бы безполезнаго для Россіи, во всей русской журналистикѣ возвысился только одинъ голосъ въ защиту этого учрежденія и тѣхъ иностраннаго происхожденія ученыхъ, которые состояли и состоятъ его членами. Это былъ голосъ *Московскихъ Вѣдомостей*, и какъ мы полагаемъ, никто не скажетъ, чтобъ это не былъ голосъ искренняго убѣжденія. Недавно еще точно также мы имѣли случай засвидѣтельствовать передъ нашими читателями о важной заслугѣ, оказанной отечественному просвѣщенію нашимъ академикомъ, г. Наукомъ, который въ академическомъ календарѣ на 1866 годъ, въ виду тѣхъ подкоповъ, которые ведутся противъ успѣховъ научнаго образованія въ Россіи, пожелалъ разъяснить для всей русской читающей публики, до какой степени важно и необходимо, чтобы въ основу научнаго образованія полагалось солидное изученіе древнихъ классическихъ языковъ. Какое дѣло что г. Наукъ—не русскаго происхожденія или не греко-восточнаго православнаго вѣроисповѣданія, если только онъ дѣйствуетъ въ духѣ преданности интересамъ Россіи, какъ подобаетъ Русскому, и честно служитъ ей своими познаніями? Этимъ служеніемъ не усыновляетъ ли онъ себя вполнѣ Россіи? Съ этой точки зрѣнія всегда смотрѣли мы на всѣхъ инородцевъ, преданныхъ Россіи, не дѣлая никакого различія между ними и природными Русскими. Точно также, ни разу во все продолженіе нашей дѣятельности, намъ не случилось высказаться въ какомъ-либо враждебномъ духѣ о нѣмецкихъ колонистахъ Москвы или Петербурга. Изъ какихъ побужденій стали бы мы враждовать противъ этихъ полезныхъ и трудолюбивыхъ людей, которые несутъ въ Россію свой трудъ, свое знаніе дѣла или свои капиталы, и тѣмъ содѣйствуютъ какъ своему собственному, такъ и общему благосостоянію? Непонятно, къ чему наши противники рѣшились возводить на насъ такія небылицы. Какая польза имъ вводить въ заблужденіе иностранную публику? Дѣло въ томъ, что иностранная публика нужна имъ только затѣмъ, чтобъ усилить впечатлѣніе, которое они желаютъ произвести на немногихъ вліятельныхъ лицъ, въ Россіи, отъ коихъ исходитъ дѣйствіе, какъ о томъ еще недавно заявляла *Ревельская Газета*. Пло-

хое же мнѣніе имѣютъ наши противники объ этихъ лицахъ, когда они надѣются такъ легко выдать имъ бѣлое за черное, и наоборотъ!

Второй обвинительный пунктъ противъ насъ, это—мнимая наша враждебность къ прибалтійскимъ губерніямъ. Но почему бы эти губерніи могли быть менѣе дороги намъ чѣмъ всякій другой край Россіи? Если онѣ имѣютъ свои отличія въ нѣкоторыхъ законахъ, учрежденіяхъ, обычаяхъ и т. д., то насколько эти отличія совмѣстимы съ общими интересами Россіи и всего русскаго народа, настолько противъ нихъ не было ни слова сказано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Напротивъ, не отзывались ли мы о нѣкоторыхъ порядкахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и о господствующей тамъ учебной системѣ, какъ о такихъ преимуществахъ, которыя не только не слѣдуетъ отнимать у нихъ, но которыя было бы желательно распространить на всю Россію? Не воздавали ли мы должной чести заслугамъ передъ отечествомъ многихъ уроженцевъ прибалтійскаго края, и не всегда ли были мы готовы видѣть въ нихъ истинныхъ Русскихъ? Мы не говорили, правда, заодно съ петербургскимъ корреспондентомъ *Крестовой Газеты*, что сначала нынѣшняго царствованія, они оказались даже болѣе Русскими чѣмъ сами Русскіе; но подобная похвала, какъ намъ кажется, чуть ли не болѣе похожа на порицаніе или на иронію. Достаточно быть Русскими въ Россіи; а быть болѣе Русскими чѣмъ Русскіе не требуется, и это никуда не годится. Но въ томъ-то и бѣда, что въ недавнее время и въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ возникла партія, несомнѣнно дурнаго свойства; партія, которая желала бы завербовать въ свой лагерь, лагерь *нѣмецкаго патріотизма въ Россіи*, и тѣхъ уроженцевъ прибалтійскаго края, которые до сихъ поръ чувствовали себя вѣрными гражданами Россіи, и если петербургскій корреспондентъ *Крестовой Газеты* прикидывается будто не знаетъ, что породило антагонизмъ между нѣкоторою частью русскихъ газетъ и всѣми нѣмецкими газетами въ Россіи, и притворно опасается, что этотъ антагонизмъ можетъ повести къ опаснымъ раздорамъ, то мы должны напомнить ему, что вся вина въ этомъ случаѣ падаетъ исключительно на эту партію *нѣмецкаго патріотизма въ Россіи* и на ея зловредное ученіе, направленное къ политическому разъединенію Русскаго государства по національностямъ, которыя пока еще не существуютъ въ Россіи, но которыя эта партія надѣялась сформировать, съ помощію правительства, изъ различныхъ не только инородческихъ, но и коренныхъ русскихъ элементовъ. Усилія наши были направлены противъ подобныхъ попытокъ. Не противъ Нѣмцевъ или другихъ инородцевъ ратовали *Московскія Вѣдомости*, а противъ фальшиваго ученія, будто бы въ Россіи существуетъ не одна политическая нація — русская, а многія, какъ-то: нѣмецкая, польская, армянская, татарская и другія, о которыхъ упоминаетъ петербургскій корреспондентъ *Крестовой Газеты*,— и противъ стремленій, которыя истекаютъ изъ этого ученія и имъ прикрываются.

Въ самомъ дѣлѣ допустить это ученіе значило бы допустить принципъ внутренняго разложенія Русскаго государства на отдѣльныя, болѣе или менѣе мелкія части, или что еще хуже, значило бы допустить существованіе нѣсколькихъ государствъ въ одномъ государствѣ. До послѣдняго времени, до оживленія надеждъ и притязаній Поляковъ, надъ которыми еще разъ состоялся судъ исторіи, въ Россіи не было рѣчи ни о какой другой націи кромѣ русской, и не должно быть рѣчи до тѣхъ поръ, пока Россія есть Россія, а русскій народъ ее создавшій—не призракъ. *St.-Petersburger Zeitung* называетъ это ученіе ученіемъ достойнымъ Гунновъ, и съ комическимъ пренебреженіемъ замѣчаетъ, что такимъ образомъ, для *Московскихъ Вѣдомостей* не существуетъ ни Финляндіи съ ея сословнымъ представительствомъ, ни Остзейскихъ провинцій съ ихъ признанными русскимъ правительствомъ привилегіями, ни Поляковъ, ни Татаръ, ни Бурятъ, ни Самоѣдовъ, ни Чукчей, ни Юкагировъ, ни сотни другихъ различныхъ національностей, которыя управляются въ Россіи по особымъ законамъ. Да, дѣйствительно, мы не признаемъ ни одной изъ этихъ *національностей* нѣмецкой петербургской газеты, и еслибъ эти національности были признаны не однимъ лишь знаменитымъ вестфальскимъ мужемъ, издающимъ петербургскую нѣмецкую газету (который мимоходомъ сказать, рѣшительно не хочетъ присылать намъ свою газету, хотя деньги за нее уплачены сполна), а русскимъ правительствомъ, въ такомъ случаѣ Россія превратилась бы въ самомъ дѣлѣ въ цар-

ство Гунновъ, и вѣроятно также скоро и также безъ слѣда исчезла бы съ лица земли, какъ нѣкогда могущественное царство Аттилы. Только въ такихъ царствахъ какъ царство Аттилы, какъ царство Чингисхана, и наконецъ, какъ царство Турецкое, нѣтъ одной политической націи, къ которой примыкали бы всѣ приходящіе извнѣ элементы населенія, а есть множество національностей сопоставленныхъ и ничѣмъ не связанныхъ между собою, кромѣ власти одного деспота. Оттого то подобныя царства такъ скоро и приходятъ въ упадокъ. Нѣмецкой петербургской газетѣ, какъ и вообще враждебнымъ къ Россіи партіямъ, было бы, можетъ-быть, и желательно, чтобы Россія преобразилась въ царство Гунновъ и затѣмъ распалась на отдѣльныя части; но дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ. *St--Petersburger Zeitung* позволяетъ себѣ немаловажную неточность, говоря „объ Остзейскихъ провинціяхъ съ ихъ привилегіями." Мы не знаемъ никакихъ привилегій, которыя были бы предоставлены прибалтійскимъ губерніямъ и всему тамошнему населенію, а знаемъ только привилегіи предоставленныя отдѣльнымъ сословіямъ этого края. Русское правительство никогда не смотрѣло на тамошнее населеніе, какъ на одно цѣлое и никогда не признавало его въ качествѣ особой націи, по той простой причинѣ, что ничего подобнаго тамъ не было и нѣтъ. Для него это были отдѣльныя сословія: дворянство и нѣкоторые города, за которыми оно и признало прежнія ихъ привилегіи. Въ этихъ привилегіяхъ, между прочимъ, идетъ рѣчь о допущеніи нѣмецкаго языка и признаніи лютеранскаго вѣроисповѣданія, но нѣтъ и помину о признаніи въ этомъ краѣ нѣмецкой націи, каковой тамъ никогда не было и быть не должно.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ польскихъ притязаній, пользовавшихся сначала потворствомъ, и по внушеніямъ пробудившагося германскаго патріотизма, и въ прибалтійскихъ губерніяхъ возникло ученіе о существующей будто бы тамъ особой нѣмецкой націи, о необходимости пріобщить къ этой націи низшіе классы населенія и собрать воедино всѣ три части ея, всѣ три губерніи, въ одну германскую землю. Этому ученію мы сочли своимъ долгомъ дать отпоръ, и наши усилія, повидимому, не остались безъ нѣкоторыхъ послѣдствій для общественнаго мнѣнія. Этимъ-то и объясняется раздраженіе нашей нѣмецкой журналистики, особенно въ настоящее время, и отчаянное рѣшеніе нашихъ нѣмецкихъ патріотовъ перенести свое дѣло на судъ европейской публики, то-есть попытаться подѣйствовать на вліятельныя сферы въ Россіи, прикрываясь будто бы судомъ общественнаго мнѣнія Европы. Духъ раздраженія, который слышится теперь въ каждомъ словѣ нашихъ нѣмецкихъ противниковъ, объясняется только сознаніемъ своего безсилія и неудобоисполнимости своихъ замысловъ.

Дѣйствительно, для нашихъ прибалтійскихъ губерній наступила теперь другая, лучшая пора. Теперь, нѣмецкій патріотизмъ, нѣмецкой партикуляризмъ и духъ нѣмецкой національной и сословной исключительности не могутъ обѣщать себѣ торжества. Въ доказательство, мы можемъ сослаться на тѣ измѣненія въ проектѣ преобразованія рижскаго городскаго общества, который предложилъ графъ Шуваловъ и съ которыми нашъ рижскій корреспондентъ подробно ознакомилъ читателей въ № 271-мъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Россія можетъ теперь надежно ожидать, что честь и достоинство русскаго имени и русскаго языка будутъ возстановлены въ этомъ русскомъ краѣ, вскорѣ чрезъ сооруженіе рижско-орловской желѣзной дороги имѣющемъ вступить въ тѣснѣйшую связь съ нашими внутренними губерніями. Офиціальное употребленіе русскаго языка не представитъ и теперь особенныхъ трудностей для мѣстныхъ уроженцевъ, а въ слѣдующемъ поколѣніи эти трудности и вовсе исчезнутъ, если только правительство будетъ обращать вниманіе на успѣхи преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ Дерптскаго округа. Въ послѣднее время, повидимому, и само мѣстное начальство учебнаго округа сознало необходимость не оставлять этого важнаго предмета безъ вниманія. Окружному инспектору, г. Шиллингу, было поручено посѣтить учебныя заведенія округа съ тѣмъ чтобъ освѣдомиться объ успѣхахъ учениковъ въ русскомъ языкѣ. Донесеніе его г. попечителю Дерптскаго округа, отъ 4-го октября 1865 года, напечатанное въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* содержитъ въ себѣ показанія довольно благопріятныя. По крайней мѣрѣ, въ большей части гимназій уче-

ники съ большимъ прилежаніемъ и охотой изучаютъ русскій языкъ, и въ высшихъ классахъ большею частію въ состояніи правильно излагать на немъ свои мысли, читать и понимать русскихъ писателей и безъ большаго труда и ошибокъ переводить даже трудныя статьи нѣмецкихъ авторовъ на русскій языкъ. Но, какъ свидѣтельствуетъ г. Шиллингъ, при всемъ знаніи грамматическихъ правилъ и при богатомъ запасѣ русскихъ словъ, которымъ они владѣютъ, они все-таки затрудняются свободно объясняться по-русски. Въ этомъ отношеніи было бы очень важно, какъ мы уже не разъ замѣчали, ввести преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, въ высшихъ классахъ тамошнихъ гимназій, на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, было бы всего удобнѣе восполнить недостатокъ въ практикѣ. Гораздо менѣе удовлетворительны, по отзывамъ г. Шиллинга, успѣхи преподаванія русскаго языка въ народныхъ училищахъ, что онъ объясняетъ отчасти недостаточностію учебнаго времени, на которое разчитаны эти училища, отчасти и тѣмъ, что многіе учителя почти исключительно занимаютъ своихъ учениковъ грамматикой, не обращая вниманія на практическія упражненія. Одинъ фактъ, о которомъ говоритъ г. Шиллингъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Еще въ недавнее время русскій языкъ былъ въ такомъ пренебреженіи въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, что въ женскихъ школахъ онъ былъ объявленъ необязательнымъ, и дѣвицы, по желанію родителей, могли быть освобождаемы отъ его изученія. Это была мѣра, очевидно, неблагопріятная для успѣховъ русскаго языка въ прибалтійскомъ краѣ. Ничто не могло бы въ такой степени содѣйствовать усвоенію этого языка мѣстнымъ населеніемъ, какъ успѣхи его въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Несмотря, однакоже, на такое неблагопріятное для русскаго языка распоряженіе учебнаго начальства, мѣстное населеніе до такой степени уже убѣждено въ необходимости знать русскій языкъ, что, по свидѣтельству г. Шиллинга, только крайне малое число ученицъ были, по желанію своихъ родителей, освобождаемы отъ обязанности изучать русскій языкъ. Какъ ни утѣшителенъ этотъ фактъ самъ по себѣ; мы, однакоже, полагаемъ, что упомянутая мѣра подлежитъ отмѣнѣ. Ничѣмъ нельзя до такой степени уронить достоинство какого-либо учебнаго предмета въ глазахъ учащагося юношества, какъ признаніемъ его за предметъ необязательный, за такой, которому можно учиться и не учиться. Этимъ можно убить даже и ту охоту къ изученію русскаго языка, какая замѣчается въ мѣстномъ населеніи въ настоящее время. Удивительно, что послѣ сколькихъ распоряженій въ пользу усиленія русскаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ, — распоряженій, которыя начались еще въ царствованіе Александра I и продолжались въ царствованіе Николая I, — вдругъ въ наше время могла быть принята мѣра прямо противуположнаго свойства! Она, по всему вѣроятію, относится къ тому недавнему времени, когда въ прибалтійскихъ губерніяхъ былъ данъ полный просторъ нѣмецкому патріотизму и когда концертныя залы Риги оглашались нѣніемъ нѣмецкой патріотической пѣсни: *Was ist des Deutschen Vaterland*. Но теперь, когда обстоятельства перемѣнились къ лучшему, когда и сами нѣмецкіе патріоты-фантазеры прибалтійскаго края, повидимому, не такъ уже предаются мечтамъ объ образованіи изъ него особаго нѣмецкаго государства, было бы какъ нельзя болѣе своевременно признать вновь русскій языкъ обязательнымъ предметомъ ученія въ женскихъ школахъ края.

№ 276.

Москва, 15-го декабря.

Мы вполнѣ цѣнимъ тотъ тонъ добраго расположенія, съ какимъ *Сѣверная Почта* или, черезъ нее, главное управленіе по дѣламъ печати, по временамъ отзывается о нашихъ мнѣніяхъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они подаютъ поводъ къ какому-нибудь недоразумѣнію. Мы не можемъ всегда разчитывать на согласіе съ нашими мнѣніями или на сочувствіе нашимъ взглядамъ; но намъ утѣшительно то, что наши побужденія и общій характеръ нашей публичной дѣятельности не подвергаются вопросу и сомнѣніямъ въ административныхъ сферахъ. Мы далеки отъ всякаго побужденія употреблять во зло ту долю свободы, которая предоставлена нашей печати, хотя въ то же время видимъ нашъ долгъ въ томъ чтобы воспользоваться этою долей вполнѣ. Всякій неоглашенный или неразъясненный фактъ, всякое невысказанное или

недостаточно высказанное мнѣніе тяготитъ нашу совѣсть какъ неисполненный долгъ, если только, по нашему убѣжденію, мы могли тѣмъ способствовать какому-либо полезному дѣлу или предотвратить какой-либо вредъ. Мы считали бы себя недостойными нашей публичной дѣятельности, еслибъ уклонялись отъ соединенныхъ съ нею нравственныхъ обязанностей, еслибы не отвѣчали на призывъ обстоятельствъ и по силамъ не дѣлали того что дѣлали. Можетъ быть въ нашихъ сужденіяхъ и заявленіяхъ намъ нерѣдко случалось выходить изъ обычной колеи и вступить на новые, еще не проложенные пути; но мы въ этомъ не сознаемъ за собой никакого злоупотребленія, начиная съ той статьи, въ которой мы впервые рѣшились высказаться противъ революціонныхъ попытокъ, опиравшихся на заграничныя русскія изданія и пріобрѣтавшихъ въ Россіи фальшивую силу подъ покровомъ таинственности, до послѣдней статьи нашей о симбирскихъ пожарахъ, надъ которыми до сихъ поръ остается такой же покровъ фальшивой таинственности, хотя причины ихъ не для кого не тайна. Мы упомянули о нашей послѣдней статьѣ о пожарахъ, потому что извѣстія, на которыхъ она основана, вызвали въ нынѣ-полученномъ нумерѣ *Сѣверной Почты* небольшую замѣтку, которую здѣсь и выписываемъ:

„Въ послѣднее время напечатаны были въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, на основаніи частныхъ корреспонденцій, и затѣмъ перепечатаны въ нѣкоторыхъ с.-петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ извѣстія и слухи относительно подробностей производившагося въ г. Симбирскѣ разслѣдованія о причинахъ, бывшихъ тамъ въ 1864 г. пожаровъ.

„Такъ какъ означенное дѣло подлежитъ еще дальнѣйшему производству, но до окончательнаго его разъясненія и преданія виновныхъ суду по закону, преждевременное оглашеніе упомянутыхъ извѣстій и слуховъ не можетъ не препятствовать существенно успѣшному движенію слѣдственныхъ розысканій, противорѣча вмѣстѣ съ тѣмъ смыслу ст. 141 уст. о предупр. и пресѣч. прест. и ст. 341 улож. о наказ. (т. XIV и XV св. закон. изд. 1857 г.)."

Тонъ этой замѣтки не заключаетъ въ себѣ ничего лично для насъ обиднаго или притѣснительнаго, и соотвѣтствуетъ тѣмъ добрымъ отношеніямъ, въ которыхъ мы желали бы навсегда оставаться къ надзирающему за дѣлами печати управленію. Но она вызываетъ насъ на объясненія по предмету, который имѣетъ гораздо большій интересъ чѣмъ наши личныя отношенія. Эта замѣтка касается важнаго общественнаго интереса, на стражѣ котораго доводится намъ стоять. Мы ни мало не сѣтуемъ за напоминаніе, которое намъ дѣлается; смѣемъ надѣяться, что и на насъ не посѣтуютъ за объясненіе по поводу недоразумѣнія, тяжесть котораго мы готовы взять на себя, съ тѣмъ только чтобъ устраненіе его обратилось не въ ущербъ, а въ пользу общему дѣлу. Недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что печать и общественное мнѣніе на Руси дѣло новое. Оно только что родилось, только что вызвано къ жизни совершающимися преобразованіями нынѣшняго царствованія. Общественное мнѣніе уже признано какъ нѣчто законно-существующее, но къ нему еще не успѣли привыкнуть, съ нимъ еще не успѣли освоиться. Нашей печати даровано политическое право, которое обязываетъ ее дѣйствовать тѣмъ съ бо́льшимъ усердіемъ чѣмъ выше цѣнитъ она это право; наша печать освобождена отъ предварительной цензуры; ей предоставлена обозначенная закономъ область, гдѣ она можетъ свободно вращаться, не сталкиваясь ни съ какими формальными условіями, которыя приходилось намъ нерѣдко нарушать въ силу побужденій гораздо болѣе обязательныхъ и законныхъ; но нынѣшнее положеніе печати есть еще такая новость у насъ, что всякое серіозное слово колетъ глаза, и о ней нерѣдко судятъ такъ какъ будто бы она все еще находилась подъ цензурой, какъ будто бы она, еще и при цензурѣ, не пріобрѣла нѣкотораго значенія, какъ будто бы вокругъ насъ еще не совершилось тѣхъ преобразованій, которыми ознаменовалось нынѣшнее царствованіе, какъ будто наконецъ мы находимся не только за три года, но даже за десять лѣтъ передъ симъ. Все это въ порядкѣ вещей, и за все это мы не сѣтуемъ. Но мы, во что бы то ни стало, должны удерживать положеніе занятое печатью, и не должны отступать. Положеніе занятое нашею печатью есть дорогое пріобрѣтеніе нашей общественной жизни, есть наша новая государственная польза. Если мы дѣйствующіе въ этой сферѣ, будемъ оставаться равнодушны къ вопросу о правахъ и обязанностяхъ, съ нею связанныхъ,

и не позаботимся о правильномъ толкованіи ихъ, то кто же позаботится объ этомъ?

Основываясь не на однихъ только общихъ началахъ, но и на положительномъ законодательствѣ, мы были въ правѣ касаться въ печати тѣхъ предметовъ, которыхъ касались. Слава Богу, нѣтъ такихъ узаконеній, которыя отнимали бы у насъ право исполнять добросовѣстно нашу обязанность передъ обществомъ, нѣтъ узаконенія, которое препятствовало бы намъ касаться, какъ мы касались, дѣла о поджогахъ. Коль скоро нѣтъ такихъ узаконеній, которыя дѣлали бы невозможными и честную печать, и общественное мнѣніе, и всякій общій интересъ въ Россіи, то мы несемъ на себѣ нравственную обязанность не оставлять подобныхъ предметовъ безъ вниманія, и высказывать откровенно наше мнѣніе, хотя бы оно и не согласовалось съ мнѣніями тѣхъ или другихъ административныхъ лицъ, изъ коихъ ни къ одному не находились мы и не можемъ находиться ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ. Чѣмъ могли бы мы оправдать себя въ нашихъ собственныхъ глазахъ и во мнѣніи каждаго изъ нашихъ читателей, еслибы мы, при томъ положеніи, которое заняла наша печать, при тѣхъ требованіяхъ, которыя на нее возлагаются, стали разсказывать публикѣ о томъ что происходитъ въ Берлинѣ, Парижѣ и Нью-Іоркѣ, храня молчаніе о томъ что происходитъ у насъ, еслибы мы стали говорить обо всемъ, только не объ этихъ пожарахъ, освѣтившихъ своимъ заревомъ всю Россію, или ограничиваться лишь перечнемъ городовъ и селъ ставшихъ жертвою пламени, и вопреки очевидности, совѣсти и здравому смыслу, увѣрять публику, что все это происходило отъ причинъ совершенно случайныхъ и самыхъ невинныхъ? Намъ говорили, что гласность въ этомъ дѣлѣ можетъ причинить панику, — какъ будто рѣчь шла о какомъ-либо секретномъ дѣлѣ, какъ будто предметъ, о которомъ шла рѣчь, не былъ самъ по себѣ громадною и ужасающею гласностью, какъ будто объ этомъ предметѣ не говорила уже вся Россія отъ мала до велика, и какъ будто народъ, среди котораго это бѣдствіе происходило, не видѣлъ ясно его свойствъ и причинъ! Мы, съ своей стороны, были вполнѣ убѣждены, что самая широкая и откровенная гласность въ печати всего вѣрнѣе можетъ въ подобныхъ случаяхъ предупреждать панику, успокоивать народъ и способствовать прекращенію бѣдствія,—и послѣдствія доказали, что мы не ошибались. Мы не скрывали истиннаго характера поджоговъ, мы не затаивали доходившихъ до насъ свѣдѣній, мы поддерживали этотъ вопросъ въ печати, и дурныхъ результатовъ не оказалось, слава Богу, никакихъ. Недавно мы имѣли случай представить положительныя доказательства того, что гласность имѣла своимъ послѣдствіемъ не панику, а возстановленное довѣріе общества къ существующему порядку; мы приводили цифры, которыя въ поразительной очевидности показали, что параллельно съ возраставшею по этому предмету гласностью поднимались и упавшія акціи страховыхъ обществъ. Первое заявленіе со стороны администраціи, которымъ публика обязана начальнику сѣверо-западнаго края, оказало благотворное дѣйствіе, и если произвело панику, то развѣ только въ средѣ поджигателей, потому что вскорѣ затѣмъ поджоги прекратились.

Сообщенное нами извѣстіе о происходившемъ въ Симбирскѣ слѣдствіи ни въ чемъ не противорѣчитъ существующимъ у насъ законамъ относительно гласности. Статьи *Свода Законовъ* 141 уст. о предупр. и пресѣч. прест. и ст. 341 улож. о наказ., сколько мы понимаемъ ихъ, ни мало не относятся къ этому вопросу. Того, что по этому спеціальному дѣлу сообщалось въ нашей газетѣ, онѣ касаются не болѣе чѣмъ и всего прочаго что въ ней и во всѣхъ газетахъ сообщается.

Статья 341 улож. о наказ. предусматриваетъ отвѣтственность, которой подвергается тотъ, „кто дозволитъ себѣ безъ „разрѣшенія главнаго или мѣстнаго начальства объявить что-либо во всенародное „извѣстіе“. Всѣ извѣстія, которыя печатаются нынѣ въ каждомъ нумерѣ какъ нашей, такъ и всѣхъ прочихъ газетъ, печатаются безъ предварительнаго разрѣшенія какихъ бы то ни было властей. Постановленія о дѣлахъ печати опредѣляютъ съ точностію въ какихъ случаяхъ требуется въ настоящее время разрѣшеніе администраціи для напечатанія чего-либо во всеобщее извѣстіе; сюда относятся постановленія дворянскихъ, городскихъ и земскихъ собраній, но отнюдь не тѣ свѣдѣнія, которыя были сообщены нами касательно „подроб„ностей производившагося въ Симбирскѣ

„разслѣдованія о причинахъ бывшихъ тамъ въ 1864 г. пожаровъ.“ Со вступленія въ силу новаго закона о печати, полицейскія власти не считаютъ себя обязанными контролировать даже частныя объявленія печатаемыя въ газетахъ, и что касается до редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, то ей приходится, не въ силу полицейскихъ запрещеній, а по собственному усмотрѣнію, не принимать иныхъ объявленій о выходящихъ въ свѣтъ книгахъ, хотя бы онѣ и были одобрены цензурою и не подавали повода ни къ какимъ противъ себя преслѣдованіямъ.

Другая изъ цитованныхъ статей еще менѣе можетъ быть приводима противъ насъ въ вышесказанномъ спеціальномъ случаѣ. Вотъ текстъ этой статьи: „Запрещается „чинить ложныя разглашенія и распространять разсужденія, умствованія и толки „предосудительные для правительства и „разсѣивать слухи о военныхъ и политическихъ происшествіяхъ къ нарушенію „народной тишины и покоя клонящіеся.“ (Ст. 141 Уст. о предупр. и пресѣч. прест. т. XIV Св. Зак. изд. 1857 г.) Мы думаемъ, что извѣстія о поджигателяхъ не имѣютъ ничего общаго со слухами о военныхъ и политическихъ происшествіяхъ къ нарушенію тишины и покоя клонящимися, и что нынѣ дѣйствующій положительный законъ не дозволяетъ толковать эти слова въ смыслѣ указа изданнаго въ концѣ прошлаго столѣтія передъ началомъ французской революціи, когда въ Россіи не было никакой печати, и когда имѣлось въ виду пресѣчь то что изустно передавалось въ публичныхъ сборищахъ. Мы не думали также, чтобы сообщенныя нами извѣстія могли относиться къ категоріи „разсужденій, умствованій и толковъ предосудительныхъ для правительства.“ Правда, мы ежедневно толкуемъ, разсуждаемъ и умствуемъ въ нашей газетѣ: въ этомъ грѣхѣ мы не можемъ не повиниться; но мы остаемся при убѣжденіи, что наши разсужденія, толки и умствованія, каковы бы они ни были, не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго для правительства, по крайней мѣрѣ, если разумѣть подъ правительствомъ не какія-либо отдѣльныя и преходящія явленія, не тѣ или другія административныя лица, а верховную власть и государственную пользу, которымъ мы всѣ, административныя или неадминистративныя лица, равно присягали. Ничего предосудительнаго въ этомъ смыслѣ мы не говорили, потому что ничего подобнаго не имѣли на умѣ, и не имѣя ничего подобнаго на умѣ, считали своимъ правомъ и вмѣстѣ долгомъ не понижать, а возвышать свой голосъ. Во всякомъ случаѣ, не намъ судить о вредѣ или пользѣ нашей дѣятельности; но дѣйствовать иначе мы не можемъ.

Не могли ли сообщенные нами свѣдѣнія и слухи „препятствовать существенно успѣшному движенію слѣдственныхъ розысканій?“ Нѣтъ, мы убѣждены въ томъ, не могли. Мы не сообщали ничего такого что уже не было совершившимся фактомъ, что не было уже извѣстно въ народѣ, что не было уже предметомъ повсемѣстныхъ толковъ. Никакихъ подробностей слѣдствія не было сообщено нами, кромѣ того что слѣдствіе сначала шло туго, а потомъ пошло успѣшно, и что арестованы довольно значительныя лица, которыхъ имена повторяются всѣми, и которыя, однако, не были названы нами. Несравненно бо́льшія подробности сообщали мы недавно по другому слѣдственному дѣлу, именно о поддѣлкѣ билетовъ внутренняго займа, и *Сѣверная Почта* перепечатала эти свѣдѣнія, какъ теперь эти немногія сообщенныя нами свѣдѣнія по симбирскому слѣдствію, вызвавшія замѣтку *Сѣверной Почты*, были перепечатаны другою, не менѣе офиціальною газетой, служащею органомъ министерству военному. Слѣдственному дѣлу могли бы повредить только такія сообщенія, которыми разглашались бы соображенія и намѣренія слѣдователя или мѣры имъ въ тайнѣ принимаемыя. Ничего подобнаго не было въ тѣхъ извѣстіяхъ, которыя мы сочли возможнымъ и должнымъ сообщить въ печати.

Правосудіе въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно издавна пользуется тѣмъ благоустройствомъ, которое только теперь сообщается ему въ Россіи, не видитъ для себя никакихъ затрудненій въ гласности; напротивъ, въ ней-то оно и находитъ одно изъ самыхъ надежныхъ обезпеченій для себя, одно изъ самыхъ надежныхъ обезпеченій для себя, одно изъ самыхъ главныхъ условій своей благоуспѣшности. Преступленія разыскиваются тамъ всенародно, съ пособіемъ и участіемъ общества.

Въ нынѣшнее трудное и столь знаменательное время, — время требующее полной взаимности и единодушія между правительствомъ и общественными силами, — должно

радоваться, что интересы правительственные и общественные начинаютъ сближаться между собою и вступать въ солидарность. Боже сохрани, если въ нынѣшнее время, исполненное столькихъ опасностей, снова заглохнетъ въ обществѣ только-что пробудившаяся жизнь, если оно погрузится въ уныніе и апатію, если оно забудетъ о солидарности своихъ интересовъ съ интересами государственными, и оставитъ правительство въ темнотѣ и одиночествѣ!..

№ 277.

Москва, 16-го декабря.

Въ отдѣлѣ „Правительственныхъ распоряженій“ нынѣшняго нумера читатели найдутъ циркулярное предложеніе начальника главнаго управленія по дѣламъ печати отдѣльнымъ цензорамъ по внутренней цензурѣ въ Прибалтійскомъ краѣ отъ 14-го декабря с. г. Это предложеніе имѣетъ своимъ предметомъ полемику возникшую въ періодической печати объ учрежденіяхъ и дѣлахъ Прибалтійскаго края; оно должно быть очевидно принято за выраженіе общаго правительственнаго взгляда на помянутую полемику, и потому имѣетъ высокую важность. Сенаторъ Щербининъ, излагая, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, свои соображенія и указанія мѣстнымъ цензорамъ, замѣчаетъ, что первый поводъ къ полемикѣ былъ поданъ въ самихъ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ „не только въ частныхъ повременныхъ изданіяхъ, но и *внѣ печати* были обнаружены, по нѣкоторымъ мѣстнымъ вопросамъ, весьма ошибочный взглядъ и весьма невѣролтныя понятія.“ Это показаніе мы считаемъ долгомъ подтвердить вполнѣ и съ своей стороны заявить, что оно совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ побужденіямъ коими мы руководствовались въ полемикѣ съ нѣкоторыми изъ прибалтійскихъ газетъ. Мнѣнія двухъ-трехъ газетъ, хотя бы и привилегированныхъ, не были бы, конечно, возведены нами въ силу важнаго государственнаго вопроса, еслибы за ними не скрывались *весьма ошибочные взгляды*, обнаруживаемые внѣ печати и притомъ въ сферахъ пользующихся узаконеннымъ значеніемъ и вліяніемъ столь сильнымъ, что его можно было замѣчать даже на „сообщенныхъ,“ то-есть правительственныхъ статьяхъ, какъ напримѣръ на „сообщенной“ статьѣ *Рижской Газеты* по поводу учрежденія юстицъ-коммиссіи. Въ виду подобныхъ явленій русская печать не могла безмолвствовать: ея молчаніе было бы принято за согласіе съ взглядами „весьма ошибочными“ или за неспособность усмотрѣть ихъ ошибочность: оно придало бы бодрость зложелателямъ и послужило бы соблазномъ для людей колеблющихся. Итакъ не увлеченія и странности той или другой изъ прибалтійскихъ газетъ, а ошибочныя стремленія и невѣрныя понятія, обнаруживавшіяся внѣ печати и лишь отчасти находившія себѣ въ ней выраженіе, были причиной того, что нѣкоторыя изъ московскихъ и потербургскихъ газетъ сочли своимъ долгомъ обратить особенное вниманіе на положеніе дѣлъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Что же касается до *Московскихъ Вѣдомостей*, то, ведя полемику противъ ошибочныхъ сужденій и надеждъ, доходившихъ до насъ изъ того края мы всегда высказывали увѣренность, что эти сужденія и надежды не должны быть принимаемы за тамошнее общественное мнѣніе, что они скорѣе навязываются ему, что имъ нельзя придавать большаго значенія, хотя и нельзя не протестовать противъ нихъ, и что особеннаго вниманія заслуживаютъ только такіе случаи, въ которыхъ искусственныя и несовмѣстныя съ правительственнымъ интересомъ вліянія почерпали бы свою силу въ правительственныхъ средствахъ и способахъ. Кто коротко знакомъ съ положеніемъ дѣлъ, тотъ оцѣнитъ вѣрность этихъ указаній; тотъ признаетъ также и то, что языкъ русской печати долженъ будетъ измѣниться по отношенію къ остзейскимъ провинціямъ лишь въ томъ случаѣ, когда не только тамошняя печать будетъ воздерживаться отъ тѣхъ направленій, къ которымъ она склонялась, но и самыя эти направленія потеряютъ свое теперешнее практическое значеніе для края. Намъ особенно пріятно заявить, что именно это условіе выставлено г. начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Онъ выражаетъ желаніе, чтобы сознаніе неразрывной связи съ Россіей опредѣлительнѣе и явственнѣе выражалось въ прибалтійскихъ губерніяхъ, — не только въ прибалтійской печати, но вообще въ прибалтійскихъ губерніяхъ, слѣдовательно по всѣмъ частямъ тамошняго управленія, — и лишь при осуществленіи этого желанія

находитъ возможнымъ „указать предѣлъ раздражительнымъ увлеченіямъ той части русской печати, которая въ настоящее время какъ будто поставила себѣ задачей отрицать историческую неизбѣжность различій между Ригой и Костромой, и между Ревелемъ и Полтавой." Мы не думаемъ, чтобы подобныя наивныя фантазіи о превращеніи Риги въ Кострому и Ревеля въ Полтаву могли имѣть какое-нибудь серіозное значеніе и вызывать противъ себя какія-нибудь серіозныя мѣры относительно печати; но замѣчательно то, что тѣ увлеченія, которыя характеризуются вышеприведенными словами циркуляра, вовсе не подавали повода къ полемикѣ и не производили никакого раздраженія въ прибалтійской печати. Ея удары были направлены главнѣйшимъ образомъ на насъ; но извѣстно, что подобныхъ увлеченій мы никогда не раздѣляли и въ нашей полемикѣ съ остзейскими партіями никогда ничего иного не заявляли, кромѣ того, что въ этомъ самомъ циркулярѣ признается справедливымъ, законнымъ и заслуживающимъ всякаго уваженія.

Прибалтійскія газеты легко переносятъ „раздражительныя увлеченія" русской печати; онѣ не нарадуются когда услышатъ какую-нибудь дикую или свирѣпую нелѣпость, но онѣ приходятъ въ раздраженіе и гнѣвъ отъ замѣчаній и указаній, которыя высказываются умѣренно и разумно. Тутъ-то онѣ и начинаютъ кричать о зловредности направленія, о демагогіи и нивеллировкѣ, для вящаго устрашенія своихъ консервативныхъ читателей. Въ письмѣ изъ Петербурга, помѣщенномъ ниже, приведенъ образчикъ подобной оригинальности изъ маленькой газетки *Narvasche Stadtblätter*. Этотъ еженедѣльный листокъ издается въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Петербургской губерніи, и его редакція имѣетъ, конечно, всѣ средства ознакомиться съ дѣйствительнымъ направленіемъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Но это не мѣшаетъ *Нарвскому Городскому Листку* ратовать, слѣдуя общему *mot d'ordre*, противъ того, что онъ называетъ *das Alles nivellirende moderne Demagogenthum der Moskauer Zeitung*. Такія оригинальности, когда становятся общимъ явленіемъ для многихъ газетъ, издающихся въ разныхъ городахъ Прибалтійскаго края, естественно получаютъ характеръ признака не совсѣмъ добраго. Мы были бы очень рады убѣдиться, что это нѣчто случайное, а не политическая стратагема, направленная, разумѣется, противъ чего-нибудь болѣе важнаго нежели наша личность, но, къ сожалѣнію, уже потеряли возможность объяснять подобныя вещи простымъ недоразумѣніемъ. Когда требованія разумны, справедливы, законны, и когда они высказываются здравомысленно и сдержанно,—тогда именно и приходятъ въ бѣшенство иные публицисты; тогда-то и стараются они перевернуть небо и землю.

Циркулярное предложеніе признаетъ заслуживающимъ полнаго уваженія убѣжденіе въ необходимости государственнаго единства и въ неприкосновенности государственныхъ правъ русской народности. Направленіе *Московскихъ Вѣдомостей* по остзейскому вопросу совершенно исчерпывается этими выраженіями циркуляра; наши желанія никогда не шли далѣе признанія этихъ убѣжденій правильными не въ одной теоріи, но и на практикѣ. Вся наша полемика съ прибалтійскими газетами вызвана тѣмъ, что это убѣжденіе не находитъ даже теоретическаго признанія въ прибалтійскихъ газетахъ.

Главнѣйшимъ осуществленіемъ государственныхъ правъ русской народности должно быть признаніе полноправности русскаго языка на всемъ пространствѣ Русской державы, признаніе, которое, возвышая русскую народность, никого изъ инородцевъ не унижаетъ и ничьихъ привилегій или историческихъ особенностей нарушить не можетъ. Со стороны русскаго правительства это не болѣе какъ актъ справедливости къ своему народу, а справедливость есть, конечно, долгъ для всякаго цивилизованнаго правительства. Но именно потому, что противъ такого справедливаго акта нѣтъ возможности сказать ничего разумнаго и убѣдительнаго, именно потому и оказывается необходимымъ обзывать его поборниковъ демагогами и нивеллаторами. Другаго средства вести полемику нѣтъ, и вотъ она принимаетъ раздражительный тонъ, дабы раздражить хоть своихъ читателей, если не удастся своихъ противниковъ.

Впрочемъ читатели знаютъ, что не мнѣнія частныхъ лицъ вызывали нашу полемику по остзейскому, какъ и по другимъ вопросамъ, а направленія, находящія себѣ офиціяльную поддержку или получаю-

щія свое начало въ административныхъ сферахъ. Циркуляръ сенатора Щербинина подтверждаетъ, что главный начальникъ прибалтійскаго края „энергическою рукой коснулся важнѣйшихъ мѣстныхъ вопросовъ и далъ имъ быстрое и неуклонное движеніе." Между многимъ другимъ этими словами указывается, конечно, и на проектъ учрежденія русскихъ гимназій въ губернскихъ городахъ того края. И что же? Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* появляется извѣстіе, подписанное буквами В. П., если не ошибаемся, ручающимися за его основательность, что предположеніе графа Шувалова поступило въ обсужденіе такъ-называемаго ученаго комитета, состоящаго при министрѣ народнаго просвѣщенія, и что этотъ ученый комитетъ нашелъ мысль графа Шувалова неосуществимою и даже вредною. Читатели помнятъ, что тотъ же ученый комитетъ настаивалъ на пользѣ, которую можетъ принести гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія географическій учебникъ Даніеля, гдѣ нашъ западный край, вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ и Галиціей, разсматривается какъ одно цѣлое, подъ именемъ *Королевство Польша*.

№ 278.

Москва, 17-го декабря.

Какъ нельзя кстати получили мы сегодня изъ южныхъ предѣловъ нашего Русскаго царства преинтересную брошюрку. На этихъ дняхъ довелось намъ заговорить о печальномъ неразумѣніи господствующихъ у насъ воззрѣній на педагогическое дѣло. Мы говорили объ этомъ варварскомъ мнѣніи, что будто можно учить всему во всякую пору жизни, и будто цѣль школы назначаемой для отроческаго возраста должна состоять въ томъ чтобы преподать весь кругъ человѣческихъ знаній и выпустить на свѣтъ Божій семнадцатилѣтнихъ мудрецовъ, стоящихъ на высотѣ современныхъ идей и постигшихъ всѣ тайны природы и человѣчества. Мы говорили о пагубной тратѣ времени и силъ подъ видомъ преподаванія исторіи и русской словесности. Мы очень рады, что полученная нами книжка даетъ намъ возможность представить на видъ документальный фактъ. Эта книжка — *Планъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ Одесскаго учебнаго округа*; она разослана при циркулярѣ № 9 тамошняго попечителя.

Ученый комитетъ, состоящій при министерствѣ народнаго просвѣщенія, по обнародованіи новаго устава гимназій и прогимназій, не замедлилъ издать въ свѣтъ инструкцію для преподавателей. Въ этой инструкціи опредѣляются размѣры и направленіе преподаванія различныхъ наукъ, входящихъ въ учебный планъ означенныхъ заведеній. Это первый чертежъ того умственнаго міра, который долженъ твориться въ этихъ заведеніяхъ. Чертежъ этотъ получаетъ свои краски въ подробныхъ программахъ, составляемыхъ по учебнымъ округамъ. И вотъ простая разграфленная табличка, представляющая число уроковъ въ день по каждому предмету и въ каждомъ классѣ, эта нѣмая табличка, которою снабженъ уставъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ, мало вразумительная для людей неспеціальныхъ, тутъ блещетъ красками и звонко говоритъ о себѣ. Вамъ, быть-можетъ, кажется обстоятельствомъ неважнымъ, цифра ли 2, или 3, или 4 стоитъ напримѣръ въ графѣ русской словесности. Къ тому же: русская словесность! Это звучитъ такъ пріятно и привычно для вашего слуха, вы любите русскую словесность, и вы ничего не имѣете возразить противъ 3-хъ и даже 4-хъ уроковъ въ недѣлю, которыми будутъ угощать вашихъ дѣтей въ гимназіи, и вамъ, быть-можетъ, покажется страннымъ желаніе, чтобы цифра эта была уменьшена. Но вы будете сами виноваты, если заглянувъ въ вышесказанныя программы, не поймете какою пагубною тратой времени, какимъ зловреднымъ отягощеніемъ будетъ для вашихъ дѣтей каждый *излишній*, сверхъ должнаго числа, урокъ этого предмета въ гимназіяхъ.

Учебный планъ нашихъ гимназій есть переложеніе прусскаго на наши педагогическіе нравы. Прусскія гимназіи обнимаютъ девятигодичный курсъ, и для всѣхъ девяти курсовъ полагается тамъ на исторію и географію 22 часа въ недѣлю. Въ нашемъ учебномъ планѣ удержана точь-въ-точь эта самая цифра уроковъ, у насъ полагается тоже 22 урока на исторію и географію; но наши гимназіи обнимаютъ только 7 лѣтъ. Въ Пруссіи цифра 22 распредѣляется на девять курсовъ, у насъ только на семь. И тамъ, при девяти-годичномъ курсѣ, цифра эта еще слишкомъ

велика въ сравненіи съ учебнымъ планомъ соотвѣтственныхъ французскихъ и англійскихъ школъ, и считается многими опытными педагогами слишкомъ обременительною, а потому вредною для учащихся. Спрашивается, во сколько же кратъ цифра эта должна быть обременительнѣе и вреднѣе у насъ, гдѣ она разчитана всего только на 7 лѣтъ. Въ *примѣ* (то-есть старшемъ классѣ) прусскихъ гимназій учатся юноши девятнадцати и двадцати лѣтъ, которые, по своему возрасту, равносильны студентамъ нашихъ университетовъ, а по умственной зрѣлости и подготовкѣ далеко превосходятъ ихъ. И что же? наши дѣти должны выносить тоже самое число уроковъ по части исторіи не только въ меньшее время, но и въ болѣе нѣжный возрастъ, когда силы ихъ, по законамъ природы, необходимо слабѣе и требуютъ пощады. Хотите ли вы знать какой премудрости будутъ обучаться ваши дѣти, напримѣръ, на 3-мъ классѣ? Представьте же себѣ этихъ 12-ти-лѣтнихъ искателей мудрости, которымъ съ высоты каѳедры будетъ провозглашаться многое такое чего отчетливо не понимаетъ самъ преподаватель, что далеко еще не получило опредѣленной формулы знанія въ умахъ людей не только совершенно взрослыхъ, но и вполнѣ образованныхъ и ученыхъ; представьте себѣ какъ эти бѣдные мальчики, которые, вмѣсто того чтобы заниматься серіознымъ ученіемъ или бѣгать на вольномъ воздухѣ, будутъ внимать о томъ какъ человѣкъ находился въ первобытномъ состояніи и какая тогда была его пища, жилище, одежда и занятія, какъ у него составилось семейство, и какъ семейство есть „первая ступень общественной жизни“, какъ „родъ“ есть „вторая ступень общественной жизни“, а гражданское общество „третья ступень“ той же жизни. Предстанетъ предъ ними Киръ въ качествѣ „представителя государственной жизни,“ при чемъ они ознакомятся съ „устройствомъ и правленіемъ Персидской монархіи“, и имъ будетъ изложено „понятіе о государствѣ, какъ четвертой ступени общественной жизни“. Далѣе передъ ними выступятъ — но мы выпишемъ нѣсколько строкъ изъ программы:

„Ликургъ и Солонъ, ихъ законы (понятіе о властяхъ законодательной, судебной, административной и исполнительной; понятіе о верховной власти и различныхъ формахъ правленія). Сравненіе между собою государственнаго устройства Аѳинъ и Спарты (понятіе объ аристократіи и демократіи; о сословіяхъ и отличіе ихъ отъ кастъ; понятіе о гражданствѣ). Пизистратъ (понятіе о тираніи въ смыслѣ древне-греческомъ) и Навуходоносоръ (представитель восточной деспотіи), Амфиктіонія (понятіе о международномъ союзѣ, пятой ступени общественной жизни.)“

Затѣмъ, нашимъ двѣнадцатилѣтнимъ студентамъ, все на томъ же третьемъ прогимназическомъ классѣ, будетъ изложена, по случаю персидскихъ войнъ, теорія войны. Передъ ними будутъ раскрыты памятники искусства индійскаго, египетскаго и греческаго. По поводу Финикіянъ, Карѳагенянъ и Грековъ, имъ будетъ изложена теорія коммерціи и колоній. Затѣмъ они будутъ посвящены въ религіозныя вѣрованія восточныхъ народовъ и Грековъ. Пуническая война дастъ поводъ преподавателю изложить понятіе „объ осадѣ городовъ“. Исполнившись всей это мудрости, стяжавъ столько понятій и познаній, дѣти ваши приступятъ къ эпохѣ Гракховъ и узнаютъ „жизнь римскаго общества въ это время, понятіе о пролетаріатѣ и рабскомъ трудѣ.“ Вскорѣ затѣмъ появится Цезарь, и подъ его великою тѣнію будетъ изложено „понятіе о диктатурѣ и междуусобной войнѣ.“ И сколько потомъ много другихъ прекрасныхъ и великихъ вещей узнаютъ они! И Карлъ Великій и представители папства, и представители аскетизма, и Альфредъ Великій и съ нимъ вмѣстѣ „мировыя его учрежденія и развитіе основныхъ началъ англійской конституціи,“ и Юстиніанъ съ состояніемъ Византіи, и Лютеръ съ реформаціоннымъ движеніемъ, и Лудовикъ XIV съ неограниченною монархіей, и Наполеонъ Бонапарте, со „стремленіемъ къ возстановленію всесвѣтной монархіи.“ И весь этотъ міръ знанія, который въ одинъ годъ сдѣлаетъ нашихъ малютокъ годными не только для продолженія ученія въ 4-мъ классѣ той же гимназіи или прогимназіи, но и для занятія каѳедры въ университетѣ, вся эта великолѣпная картина замыкается характеристикой значенія паровъ съ пароходами, желѣзными дорогами, паровыми машинами и телеграфами.

Съ пользою ли будетъ употреблено время двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей въ третьемъ классѣ, которые такимъ образомъ пройдутъ въ одинъ годъ черезъ всѣ фазы исторіи, ознакомятся, по требованію инструк-

ціи ученаго комитета, съ духомъ всѣхъ народовъ и внутренними сторонами ихъ жизни, узнаютъ и въ теоріи и въ историческомъ развитіи государственное право, и предвосхитятъ всѣ возможныя „понятія," о какихъ только можетъ быть рѣчь и въ наукѣ, и высшихъ сферахъ общественной дѣятельности? Будетъ ли чего-нибудь стоитъ весь тотъ хламъ, который соберется у нихъ въ головѣ, вся эта путаница дѣтскихъ представленій приведенныхъ въ самыя неестественныя и нелѣпыя комбинаціи? И еслибъ еще весь вредъ ограничивался только напрасною тратой времени! Но этотъ хламъ подавитъ юныя, едва пробудившіяся мыслительныя способности дѣтей, онъ пріучитъ ихъ къ употребленію словъ безъ понятій, и разовьетъ въ ихъ умахъ, вмѣсто мысли и знанія, фальшивое подобіе ихъ. Замѣтьте, что тутъ все будетъ зависѣть отъ произвола и личности учителей, изъ которыхъ даже самые лучшіе навѣрное не владѣютъ и не могутъ владѣть, въ той силѣ какъ требуется серіозною наукой, тѣми понятіями, которыя они будутъ слагать въ умахъ своихъ учениковъ.

Составитель программы, которой мы коснулись, руководствовался требованіями инструкціи ученаго комитета, и всячески старался угодить ему. „Преподаваніе исторіи въ 3-мъ классѣ по требованію инструкціи, говоритъ онъ, должно имѣть въ виду ознакомленіе учащихся съ тѣми сторонами жизни великихъ народовъ и ихъ представителями, которыя должны быть извѣстны всякому сколько нибудь образованному человѣку, съ цѣлію развитія въ ученикахъ, при помощи отдѣльныхъ разказовъ, понятія объ основныхъ *элементахъ исторіи*." Программа самымъ куріознымъ образомъ различаетъ преподаваніе исторіи въ классическихъ гимназіяхъ отъ ея преподаванія въ реальныхъ. „Преподаватели, говоритъ она, въ классическихъ гимназіяхъ должны удѣлить значительное время на ознакомленіе учениковъ съ литературою и наукой Грековъ и Римлянъ (зачѣмъ же это, когда они будутъ сами читать Грековъ и Римлянъ?), а въ реальной съ экономическимъ состояніемъ этихъ народовъ." Вотъ еще интересное мѣсто: „Учитель долженъ представить учащимся всестороннюю бытовую и духовную жизнь русскаго народа, важнѣйшія дѣла и стремленія его, государственныя и соціальныя учрежденія, должнъ показать имъ великія народныя личности и ихъ богатую послѣдствіями дѣятельность." Какъ все это хорошо! Но невольно раждается вопросъ, что же еще останется изучать и узнавать нашимъ дѣтямъ, которыя до шестнадцати лѣтъ изучатъ и узнаютъ все надъ чѣмъ въ другихъ странахъ трудятся люди взрослые и ученые?

Но программа русской словесности еще интереснѣе. Въ прусскихъ гимназіяхъ, на отечественный языкъ полагается только 2 часа въ недѣлю во всѣхъ классахъ, такъ что на всѣхъ 9-ти курсахъ въ сложности нѣмецкій языкъ преподается только 18-ть часовъ въ недѣлю. У насъ же полагается на русскій языкъ въ сложности для семи классовъ — 24 урока, для первыхъ двухъ классовъ равно какъ и для четвертаго 4, а для всѣхъ остальныхъ по 3. Итакъ 18 часовъ распредѣленные на 9 курсовъ, а 24 тодько на 7: какая громадная разница! Зачѣмъ же понадобилась намъ такая масса времени на этотъ предметъ, который въ учебномъ планѣ, служившемъ для нашего образцомъ, довольствуется, по справедливости, столь скромными размѣрами? Почему у насъ потребовалось почти вдвое уроковъ на русскій языкъ? Мы должны взять въ разчетъ еще то, что на младшихъ классахъ родной языкъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, равно какъ во французскихъ и англійскихъ, преподается не самостоятельно, а заодно съ латинскимъ и однимъ и тѣмъ же учителемъ. Труднѣе ли русскій языкъ для Русскаго чѣмъ нѣмецкій для Нѣмца, или быть можетъ русская словесность вдвое богаче нѣмецкой, и потому требуетъ вдвое болѣе времени для того чтобъ учащіеся могли обозрѣть ее? Нѣтъ, русскій языкъ не труднѣе для Русскаго чѣмъ нѣмецкій для Нѣмцевъ, французскій для Француза и англійскій для Англичанина, а во многихъ отношеніяхъ легче, особенно если взять въ разчетъ, что русскія слова выговариваются почти также какъ и пишутся, тогда какъ напримѣръ въ англійскомъ надобно познакомиться съ каждымъ реченіемъ лично, для того чтобъ умѣть правильно складывать его. Что же касается до русской литературы, то хотя она обладаетъ поэтомъ Некрасовымъ, драматургомъ Островскимъ и ученымъ Пыпинымъ, однако все же она не богаче литературы того или другаго изъ поименованныхъ языковъ.

Еслибы напримѣръ въ прусскихъ гимназіяхъ былъ назначенъ въ томъ или другомъ классѣ излишній урокъ на преподаваніе нѣмецкаго языка, то тамъ можно было бы извинить это увлеченіе въ виду дѣйствительно громаднаго богатства литературы. Но мы видимъ совершенно наоборотъ: мы видимъ, что на нѣмецкую словесность употребляется въ нѣмецкихъ школахъ minimum времени, а наша словесность, у которой такъ мало позади, или лучше сказать, у которой почти все впереди, дѣлается однимъ изъ главныхъ образовательныхъ предметовъ и беретъ вдвое болѣе времени чѣмъ нѣмецкая въ Германіи. Разгадка въ томъ, что школа вездѣ назначается служить къ дѣйствительному образованію и укрѣпленію умственныхъ силъ, а у насъ она, къ прискорбію, служитъ къ тому чтобы по возможности разслаблять и портить ихъ. Разгадка въ томъ, что въ прусскихъ гимназіяхъ, которыя взяты нашимъ учебнымъ устройствомъ въ образецъ, не допускается, какъ язва, празднословіе, тогда какъ у насъ въ празднословіи и фразерствѣ полагается главная образовательная сила школы. Разгадка въ томъ, что тамъ дѣти учатся правильному употребленію своего языка, а у насъ они изучаютъ личность своего учителя.

Вотъ передъ нами одесская программа. Составитель ея и по русской словесности, какъ по исторіи, проникся духомъ инструкціи ученаго комитета. Ему недостаточно сообщить учащимся умѣнье правильно употреблять русскій языкъ устно и письменно, чего до сихъ поръ не достигаютъ наши гимназіи, и на что однако потребовалось бы въ половину менѣе времени нежели сколько назначено у насъ для этого предмета. Одесскій педагогъ ссылается на инструкцію, которая предписываетъ „сообщать ученикамъ матеріялъ для изученія словесности.“ Онъ предполагаетъ на III (sic!) классѣ читать съ своими воспитанниками *Записки Охотника*, г. Тургенева, *Повѣсти и разсказы*, Вовчка, *Картины изъ русскаго быта*, г. Даля, и сочиненія Пушкина. На IV классѣ онъ имѣетъ въ виду, логическое и эстетическое чтеніе; грамматическіе выводы, объясненіе корней (что, конечно, не обойдется безъ обращенія къ санскритскому языку и ссылки на Поппа и Потта), приставокъ и окончаній. Чтеніе, разборъ и переводъ Остромірова Евангелія и Несторовой лѣтописи; краткій курсъ логики. И все это завершится заучиваніемъ наизусть стихотвореній г. Некрасова и въ соединеніи съ Киршемъ Даниловымъ.

Но передъ нами еще три старшіе класса. Казалось бы, чего еще больше? Нѣтъ, говоритъ одесскій педагогъ, что касается до преподаванія русской словесности въ трехъ высшихъ классахъ, слѣдуетъ имѣть въ виду указаніе инструкціи, что „результатомъ занятій въ этихъ классахъ должно быть непосредственное и положительное знакомство съ важнѣйшими произведеніями русской литературы, такое знакомство, при которомъ учащимся было бы передано существенное содержаніе предметовъ входящихъ въ кругъ словесности.“ Въ силу этого, въ V классѣ предполагается чтеніе памятниковъ русской словесности въ хронологическомъ порядкѣ. Сюда, по программѣ, войдутъ былины, пѣсни, сказки, пословицы, духовные стихи, въ связи съ легендарными и апокрифическими сочиненіями; Горе Злочастіе, лѣтопись Нестора, Кириллъ Туровскій, Слово о полку Игоревѣ и пр. „Для вывода данныхъ по теоріи словесности“ (sic), предлагаются Пушкинъ, Гоголь, Крыловъ, Аксаковъ (С. Т.), Тургеневъ, Гончаровъ, Гомеръ, Данте, Шекспиръ. Въ VI классѣ: Домострой, Стоглавъ, Переписка Грознаго съ Курбскимъ и его же посланіе къ Бѣлозерскимъ монахамъ. Котошихинъ и Крыжанычъ (!), Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ломоносовъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Жуковскій. „Для вывода данныхъ по теоріи, чтеніе произведеній Пушкина, Аксакова, графа Толстаго, Тургенева, Некрасова и др.“ VII-й классъ: Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Иннокентій и Филаретъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Островскій. Чтеніе критическихъ статей Бѣлинскаго и Добролюбова. Въ числѣ главныхъ пособій для преподавателей поставляются опять критическія статьи Бѣлинскаго и Добролюбова, и *Исторія славянскихъ литературъ*, гг. Пыпина и Спасовича.

Не есть ли все это наругательство надъ здравымъ смысломъ и надъ бѣдными дѣтьми? Итакъ, вотъ на что будетъ отниматься у нихъ серіозныхъ учебныхъ занятій, также какъ и у нихъ отдыха, 24 часа въ недѣлю! Какая смѣсь: Алеша Поповичъ, Соловей Будимировичъ, Домострой, переписка Іоанна Грознаго съ Курбскимъ;

Катошихинъ и Крыжаничъ, Крыловъ и Пушкинъ, гг. Гончаровъ и Тургеневъ, и, pour couronnement de l'edifice, гг. Островскій и Некрасовъ, Пыпинъ и Спасовичъ, Бѣлинскій и Добролюбовъ—весь синклитъ *Современника*. Не достаетъ еще гг. Писарева и Зайцева.

Не жалуйтесь же на недостатокъ людей серіозныхъ и дѣльныхъ въ нашемъ обществѣ, на ничтожество нашей науки, на наше скудоуміе, на нашу несостоятельность, на нашъ нигилизмъ. Что иное можетъ выходить изъ школы построенной на такихъ основаніяхъ?

№ 279.

Москва, 18-го декабря.

Въ № 276 мы сообщали замѣтку *Journal de St.-Pétersbourg*, которая опредѣляетъ характеръ нынѣшней политики Россіи по восточному вопросу и которая, какъ полуофиціяльное заявленіе министерства иностранныхъ дѣлъ, была, безъ сомнѣнія, прочитана русскою публикой не только со вниманіемъ, но и съ особеннымъ сочувствіемъ. Изъ этой замѣтки мы въ правѣ заключить, что наша политика на Востокѣ столько же отличается миролюбіемъ, сколько и твердостію въ соединеніи съ неизмѣннымъ доброжелательствомъ къ христіанскимъ населеніямъ Турціи. „Ничто не противорѣчило бы болѣе видамъ Россіи, сказано между прочимъ въ этой замѣткѣ, какъ кровопролитное столкновеніе, будетъ ли оно вызвано стѣснительными мѣрами, или только увлеченіями самихъ христіанъ," и затѣмъ указано, что подобная борьба въ настоящее время не могла бы быть окончательною, а потому не можетъ быть ничего превратнѣе со стороны заграничныхъ газетъ, какъ обвинять Россію въ усиліяхъ возбудить христіанскихъ подданныхъ Турціи къ возстанію. Сильное волненіе, которое обнаружилось въ настоящее время въ Болгаріи и о которомъ мы не имѣемъ еще пока болѣе обстоятельныхъ извѣстій, дѣйствительно указываетъ на существованіе подобныхъ усилій, но они идутъ отнюдь не отъ Россіи, а отъ нынѣшняго молдо-валахскаго господаря, князя Кузы, который дѣйствуетъ почти какъ явный противникъ нашего отечества и чуть ли не какъ агентъ одной изъ западныхъ европейскихъ державъ. Еще и въ прошломъ году образъ его дѣйствій относительно Болгаръ указывалъ на его намѣренія привлечь это населеніе на свою сторону и расположить оное въ пользу его замысловъ. Замѣтка *Journal de St.-Pétersbourg* высказываетъ явное неодобреніе какъ внутренней, такъ и внѣшней политикѣ нынѣшняго молдо-валахскаго правительства, но въ то же время совершенно основательно отдѣляетъ его отъ самаго населенія княжествъ и выражаетъ полное сочувствіе Россіи къ послѣднему. Россія могла бы только радоваться, еслибы на самомъ дѣлѣ утвердилась административная автономія княжествъ, обезпеченная имъ существующими трактатами. Но для Россіи во многихъ отношеніяхъ крайне неудобно нынѣшнее двусмысленное положеніе этихъ областей и неизвѣстность, находится ли въ сосѣдствѣ съ нею правительство независимое, или же правительство состоящее подъ чуждою верховною властію. Это двусмысленное положеніе молдо-валахскаго правительства затрудняетъ Россію въ огражденіи какъ собственныхъ ея интересовъ, такъ и дорогихъ для нея интересовъ православной церкви на Востокѣ. Князь Куза имѣетъ въ настоящее время возможность укрываться отъ всякой отвѣтственности за свои враждебныя къ Россіи дѣйствія подъ щитомъ Порты, и напротивъ, Оттоманская Порта можетъ очень легко сваливать всю вину на князя Кузу. Дружественныя отношенія между Портой и княземъ Кузой, на которыя намекаетъ послѣдній въ своей рѣчи при открытіи законодательныхъ палатъ Молдо-Валахіи, дѣлаютъ еще болѣе интереснымъ вопросъ о характерѣ и степени независимости молдо-валахскаго правительства. Подобное разъясненіе не осталось бы можетъ-быть безъ вліянія и на исходъ вопроса о монастырскихъ имуществахъ въ Румыніи. Въ упомянутой рѣчи своей князь Куза высказалъ надежду, что это дѣло будетъ рѣшено скоро и притомъ согласно съ его видами. Замѣтка *Journal de St.-Pétersbourg* даетъ нѣкоторый поводъ сомнѣваться въ этомъ. Хотя вопросъ о монастырскихъ имуществахъ въ Румыніи принадлежитъ къ числу весьма сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, но въ немъ есть нѣсколько ясныхъ пунктовъ для Россіи: она не можетъ забыть объ интересахъ православія на Востокѣ; она не можетъ не принять во вниманіе, что дѣло въ этомъ

случаѣ идетъ между двумя силами, изъ которыхъ одна была всегда болѣе или мѣнѣе на сторонѣ Россіи, а другая, именно князь Куза, къ сожалѣнію, почти съ самаго начала принялъ непріязненное къ ней положеніе. Конечно, Россія употребитъ, съ своей стороны, всѣ зависящія отъ нея средства, чтобъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ по возможности безъ ущерба для православной церкви на Востокѣ. Полуофиціяльная замѣтка, о которой мы говоримъ, не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія.

Князь Куза надѣется усилить свое положеніе и увеличить матеріальныя средства для своей политики не только несправедливымъ рѣшеніемъ вопроса о монастырскихъ имуществахъ, но еще и усиліями связать управляемую имъ страну съ Австріей посредствомъ желѣзной дороги отъ Галаца до Черновицъ. По словамъ его, изслѣдованія мѣстности, по коей должна пролегать эта дорога, уже окончены и даже начаты работы для ея устройства. Нашъ бессарабскій корреспондентъ въ № 278-мъ обращаетъ вниманіе на этотъ предметъ и сообщаетъ о немъ интересныя свѣдѣнія. По его словамъ, французская компанія, которая получила концессію на устройство галацко-черновицкой желѣзной дороги, не очень-то спѣшитъ своими работами и почти только для вида употребляетъ на нихъ до ста человѣкъ. Но въ то же время французскій консулъ въ Букарештѣ старается способствовать осуществленію этого плана, который, очевидно, имѣетъ до нѣкоторой степени политическій характеръ. Мы согласны съ нашимъ корреспондентомъ въ томъ, что устройство галацко-черновицкой желѣзной дороги было бы дѣломъ во многихъ отношеніяхъ невыгоднымъ для Россіи; но мы сомнѣваемся чтобы французская компанія располагала денежными средствами, нужными для серіознаго веденія работъ на черновицко-галацкой линіи, а потому не видимъ въ толкахъ объ этой линіи чего-либо для насъ непосредственно опаснаго; съ другой же стороны намъ кажется, что и черновицко-одесская желѣзная дорога не есть что-либо для насъ во всякомъ случаѣ желательное, и что она можетъ принести существенную пользу Россіи только при нѣкоторыхъ условіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта дорога сдѣлала бы невозможнымъ предпріятіе, которому такъ сильно норовитъ князь Куза и даже Франція, и что она предоставила бы Россіи выгоды транзитной сухопутной торговли Европы съ Турціей, Малою Азіей и Персіей; но въ военномъ отношеніи не только черновицко-галацкая, но и черновицко-новоселицкая дорога (съ продолженіемъ ея до Одессы) могла бы, при извѣстныхъ случайностяхъ, оказаться равно невыгодною для Россіи до тѣхъ поръ пока Россія не соединитъ желѣзнымъ путемъ своихъ центральныхъ областей съ Кіевомъ, и Кіева съ Одессой. Только при этомъ условіи новоселицкая линія получила бы для насъ полезное стратегическое значеніе, и только при этомъ условіи она связала бы Кишеневъ не съ однѣми австрійскими землями, но и съ внутренними русскими губерніями. Замыслы и начинанія князя Кузы, которымъ, очевидно, сочувствуетъ Франція, указываютъ именно на то, до какой степени необходимо проведеніе этихъ важнѣйшихъ для Россіи желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ поставить пограничныя съ Румыніей и Австріей земли наши подъ защиту кіевской крѣпости и въ прямыя сношенія съ центральными областями Россіи. Мы совершенно согласны, что при этомъ условіи и черновицко-одесская желѣзная дорога, о концессіи которой ходатайствуетъ г. Офенгеймъ въ Петербургѣ, оказалась бы не только безвредною въ политическомъ и стратегическомъ отношеніи, но даже и весьма полезною; тѣмъ не менѣе позволительно спросить: есть ли поводъ даровать по этой концессіи слишкомъ высокую гарантію? При практическомъ рѣшеніи вопроса о черновицко-одесской желѣзной дорогѣ очень важно то обстоятельство, что г. Офенгеймъ, построившій краковско-львовскую желѣзную дорогу и продолжившій ее до Черновицъ, какъ нельзя болѣе заинтересованъ тѣмъ чтобъ эта дорога не остановилась здѣсь, а была доведена до Чернаго моря. Опасаться, что г. Офенгеймъ и сотоварищъ его г. Брассей предпочтутъ линію на Галацъ линіи на Одессу, было бы совершенно неосновательно. Преимущества одесской линіи до такой степени значительны, что о конкурренціи съ нею линіи галацкой не можетъ быть и рѣчи. Первая попала бы на Кишиневъ съ его почти стотысячнымъ населеніемъ и примкнула бы къ такому важному торговому пункту, какъ Одесса, населеніе которой простирается свыше 130 тысячъ, тогда какъ

линія: галацкая пересѣкала бы только мѣстности сравнительно весьма мало населенныя. Далѣе, между Одесскимъ портомъ, морскимъ, весьма рѣдко замерзающимъ и притомъ въ настоящее время улучшаемымъ на казенный счетъ, и Галацкимъ портомъ, рѣчнымъ, откуда товарамъ и пассажирамъ предстоитъ еще крайне трудное плаваніе по устьямъ Дуная, очевидно, не можетъ быть никакого сравненія. Наконецъ, г. Офенгеймъ не можетъ не быть заинтересованъ полученіемъ концессіи на проведеніе желѣзной дороги на Одессу, еще въ силу того обязательства, что эта концессія могла бы доставить ему деньги на окончаніе дороги имъ строенной и повидимому еще до сихъ поръ не вполнѣ обезпеченной собранными капиталами. Поэтому можно только удивляться, что г. Офенгеймъ, въ переговорахъ своихъ съ русскимъ правительствомъ, предлагалъ крайне-невыгодныя условія, и требовалъ гарантіи, если не ошибаемся, во 120 тысячъ рублей съ версты. Если г. Офенгеймъ очень заинтересованъ продолженіемъ львовско-черновицкой желѣзной дороги до Одессы, то Россія прежде и болѣе всего заинтересована соединеніемъ Москвы съ Кіевомъ и Кіева съ Одессой. Соединеніе Москвы съ Кіевомъ уже предположено на правительственныя средства; отъ Балты до Одессы желѣзная дорога почти готова, и такимъ образомъ, Россія очень можетъ поставить необходимымъ условіемъ концессіи на проведеніе дороги изъ Новоселицъ въ Одессу одновременное сооруженіе участка отъ Кіева до Балты. Въ этомъ случаѣ интересы Россіи были бы согласованы съ интересами компаніи, и послѣдняя, выигрывая чрезвычайно много отъ дозволенія устроить дорогу изъ Новоселицъ до Одессы, можетъ-быть, и сама взялась бы за участокъ отъ Кіева до Балты, который доставилъ бы ей немаловажныя выгоды, такъ какъ желѣзная дорога на этомъ участкѣ пересѣкала бы край густо населенный и плодородный.

№ 280.

Москва, 20-го декабря.

Вопросъ о черновицко-одесской желѣзной дорогѣ, о которой упомянули мы въ передовой статьѣ предыдущаго нумера (№ 279), и которой посвящена корреспонденція изъ Бессарабіи, напечатанная нами за день передъ тѣмъ (№ 278), вызвалъ въ петербургскихъ газетахъ полемику, послужившую поводомъ къ изобличеніямъ весьма серіознаго свойства. Объ одномъ изъ этихъ изобличеній мы обязаны довести до свѣдѣнія читателей. Въ нашей корреспонденціи изъ Бессарабіи приведено показаніе англійскихъ инженеровъ, будто „по предположеніямъ русскихъ инженеровъ потребно въ Бессарабіи устройство тоннелей на протяженіи восемнадцати верстъ, тогда какъ, по общепринятымъ нынѣ правиламъ, прорытіе значительныхъ тоннелей избѣгается, даже въ самыхъ гористыхъ странахъ Европы, небольшими уклоненіями отъ прямой линіи". Въ этихъ словахъ заключается ясный намекъ на то, что русскіе инженеры, производившіе, по распоряженію русскаго правительства, разысканія на линіи отъ Новоселицы до Тирасполя, намѣренно преувеличили затрудненія этой линіи, дабы разстроить предпріятіе. Нашъ корреспондентъ прибавляетъ, что г. Офенгеймъ, ходатайствовавшій о концессіи на эту линію, и встрѣтившій со стороны русскихъ инженеровъ такое недоброжелательство, показывалъ ему два проекта, составленные инженерами австрійскими, изъ которыхъ одинъ, не отдаляясь значительно отъ линіи принятой капитаномъ Шпилевымъ (производившимъ разысканія по распоряженію русскаго правительства), потребуетъ прорытія только двухъ тоннелей, каждаго въ 400 саженъ, а другой, гдѣ тоннелей не потребуется совсѣмъ. Такъ сказано въ корреспонденціи изъ Бессарабіи, помѣщенной въ № 278 нашей газеты. Но въ тотъ же день (18-го декабря) когда появился въ Москвѣ этотъ нумеръ, вышелъ въ Петербургѣ № 280 *Русскаго Инвалида* съ статьей самаго г. Шпилева, и въ этой статьѣ сообщаются показанія совершенно противоположныя тому, что говорили нашему корреспонденту англійскіе инженеры и самъ г. Офенгеймъ о работахъ русскихъ инженеровъ. Г. Шпилевъ заявляетъ, что всего болѣе тоннелей, именно до 30 верстъ, находится на линіи, указанной самимъ г. Офенгеймомъ, что за тѣмъ проектъ съ 17½ верстами тоннелей относится къ линіи указанной не русскими инженерами, и бессарабскимъ статистическимъ комитетомъ, и что изъ линій избранныхъ русскими инженерами на одной предполагается

только два тоннеля (всего 2½ версты), на другой одинъ въ 180 саженъ, а на третьей, черезъ Подольскую губернію, нѣтъ не только тоннелей, но даже и мостовъ. Г. Шпилевъ прибавляетъ, что есть еще одинъ проектъ австрійскихъ инженеровъ, *для исполненія котораго не встрѣчается препятствій*, но только потому, что мѣстность для этого проекта *выдумана*, и что австрійскіе инженеры, для составленія его, вовсе не дѣлали разысканій.

Мы сочли себя обязанными поспѣшить сообщеніемъ этихъ показаній г. Шпилева, не дожидаясь его отзыва на статью нашего корреспондента изъ Бессарабіи, потому что придаемъ важность скорѣйшему разъясненію дѣла связаннаго съ вопросомъ о продолженіи австрійской львово-черновицкой дороги по направленію къ Одессѣ. Это дѣло имѣетъ серіозный характеръ не только по той поддержкѣ, которую оно встрѣтило въ разныхъ сферахъ, но и по собственному значенію. Тѣмъ необходимѣе, кажется намъ, держать его по возможности въ сферѣ гласности, и вотъ почему мы не считаемъ себя въ правѣ умолчать и о другомъ показаніи г. Шпилева, хотя обнародованіе этого показанія уже не входитъ въ наши обязанности. Г. Шпилевъ свидѣтельствуетъ, что г. Офенгеймъ, въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ, старался „такъ сказать убѣдить его не высказываться, а беречь свои убѣжденія для себя.“ „Г. Офенгеймъ то откровенно высказывалъ гибель черновицкой дороги, если предложеніе его (продолжать эту дорогу къ Одессѣ) будетъ отвергнуто; то говорилъ, что ему все равно, и онъ поведетъ дорогу на Галацъ; то предлагалъ мнѣ мѣсто съ содержаніемъ, которое бы обезпечивало мою будущность, и это предложеніе поручено было мнѣ передать и другимъ инженерамъ, производившимъ изысканія; то же самое и прямо передано было нѣкоторымъ изъ нихъ черезъ австрійскаго инженера Кицлера, прибывшаго въ Бессарабію агентомъ г. Офенгейма при изысканіяхъ.“ Таковы слова г. Шпилева.

Статья г. Шпилева была вызвана помѣщенною въ *Русскомъ же Инвалидѣ* (№ 275) статьей за подписью К—ій, въ которой предположеніе г. Офенгейма защищалось противъ рѣзкой критики, появившейся въ № 331 *Голоса* (отъ 30-го ноября). Г. К—ій сообщилъ по этому поводу нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ условіяхъ предлагаемыхъ нынѣ г. Офенгеймомъ для линіи долженствующей соединить австрійскую галицкую дорогу съ Одессой. Мы приведемъ эти свѣдѣнія, но прежде должны оговориться на счетъ еще одного мѣста въ той корреспонденціи изъ Бессарабіи, которая помѣщена въ № 278 нашей газеты. Тамъ сказано, что англо-австрійская компанія берется строить только линію изъ Черновицъ (Буковина) черезъ Новоселицы (нашъ пограничный пунктъ) и Кишиневъ въ Тирасполь (Парканы) и не согласится вести линію не черезъ Бессарабію въ Тирасполь, а черезъ Подольскую губернію въ Балту. Справившись съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, мы должны сказать, что англо-австрійская компанія, строящая дорогу изъ Львова въ Черновицы, хотя и предпочитаетъ бессарабскую линію, однакожь нисколько не отказывается и отъ линіи подольской. Это ясно видно изъ рѣчи произнесенной г. Офенгеймомъ въ общемъ собраніи львово-черновицкой компаніи, бывшемъ въ Вѣнѣ 30-го мая текущаго года. Въ этой рѣчи говорится совершенно безразлично о пути на Тирасполь или на Балту и прямо упоминается, что оба эти пути равно выгодны для транзитной торговли. Итакъ, выборъ направленія во всякомъ случаѣ вполнѣ зависитъ отъ Россіи, и она не встрѣтитъ ни малѣйшаго препятствія въ огражденіи своихъ интересовъ, которые требуютъ, какъ мы уже говорили въ предыдущемъ нумерѣ, чтобы дорога изъ Черновицъ въ Тирасполь строилась одновременно съ дорогой изъ Балты въ Кіевъ. О стратегическихъ доводахъ въ пользу этой комбинаціи нѣтъ надобности распространяться: они очевидны сами собой. Но на этотъ разъ они совершенно совпадаютъ и съ доводами экономическими. Еслибы дорога изъ Черновицъ въ Одессу была построена прежде дороги изъ Балты въ Кіевъ, то Галиція и Буковина, эти житницы Австріи, получили бы въ Одессѣ болѣе удобный сбытъ своего хлѣба чѣмъ наши губерніи Кіевская, Волынская и бо́льшая часть Подольской. А потому, еслибы оказалось невозможнымъ строить одновременно обѣ линіи, бессарабскую (черновице-тираспольскую) и кіево-балтскую, и еслибы дѣло ограничилось построеніемъ бессарабской линіи, то хлѣбъ Подольской губерніи, неся бо́льшую тягость провоза до Одессы чѣмъ хлѣбъ буковинскій и галицкій, не могъ бы конкуррировать съ нимъ,

и Россія сама содѣйствовала бы экономическому первенству австрійской Галиціи и Буковины надъ нашимъ юго-западнымъ краемъ. Поэтому необходимо настаивать на одновременномъ сооруженіи кіево-балтской линіи, причемъ соединеніе ея съ австрійскими желѣзными дорогами можетъ быть устроено не только черезъ Тирасполь, но и черезъ Новоселицы. Послѣ этой оговорки сообщимъ цифры, которыя приводитъ г. К—ій, относительно условій, предлагаемыхъ теперь г. Офенгеймомъ. Эти условія были крайне тягостны для Россіи; они выходили даже за предѣлы приличія: такъ они были притязательны. Если г. К—ій говоритъ на основаніи вѣрныхъ свѣдѣній, то г. Офенгеймъ значительно понизилъ теперь свои условія. Онъ уже не требуетъ гарантіи со дня утвержденія концессіи, и ограничивается обычною гарантіей со дня открытія дороги. Онъ понижаетъ и поверстную цѣну и требуетъ теперь пятипроцентной гарантіи только на приблизительную (?) сумму около 94.000 рублей звонкою монетой съ версты. Таковы теперешнія условія г. Офенгейма, если г. К—ій, передаетъ ихъ вѣрно. Но и эти условія слишкомъ тягостны, и чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить ихъ съ тѣми, на которыхъ г. Офенгеймъ строитъ дорогу въ Австріи. Участокъ отъ Львова до Черновицъ имѣетъ въ длину 245 верстъ. Австрійское правительство гарантировало чистый доходъ съ этого участка въ 1.500.000 австрійскихъ гульденовъ, или въ 150.000 фунтовъ стерлинговъ (на фунтъ стерлингъ приходится ровно десять новыхъ австрійскихъ гульденовъ). Это составитъ поверстнаго гарантированнаго дохода 612 1/4 фунтовъ стерлинговъ или на наши деньги 3.826 1/2 руб. звонкою монетой, между тѣмъ какъ съ насъ г. Офенгеймъ требуетъ на каждую версту 5% съ 94.000 р., или 4.700 р. звонкою монетой, гарантированнаго чистаго дохода. Разница не малая! А надобно замѣтить, что и Австрія приняла на себя условія далеко не легкія. Дѣйствительныхъ издержекъ по австрійской линіи будетъ на версту не 94.000 р., какъ требуется съ насъ, и не 76.530 р., какъ гарантировала Австрія, а съ небольшимъ 50.000 руб. Такъ какъ въ Австріи было невозможно собрать капиталъ для сооруженія этой дороги, то учредители обратились въ Англію. Тамъ они составили акціонерную компанію, и когда одна четверть всего капитала была собрана, перевели эту компанію въ Австрію. Между тѣмъ былъ заключенъ контрактъ на постройку дороги съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ строителей, г. Брассеемъ. Онъ обязался построить 245 верстъ дороги за 2.450.000 фунтовъ стерлинговъ, или за 62.500 р. съ версты, причемъ онъ принялъ на себя обязанность во-первыхъ платить акціонерамъ во все продолженіе постройки по 6% со внесеннаго ими капитала и нести всѣ издержки по управленію компаніей, и во-вторыхъ взять въ уплату слѣдующей ему суммы безъ малаго половину, а именно 1.200.000 фунтовъ не наличными деньгами, а пятипроцентными облигаціями по нарицательной цѣнѣ. На этихъ облигаціяхъ онъ понесетъ не менѣе 20% убытку; процентовъ надобно считать въ три года постройки какъ по акціямъ, такъ и по облигаціямъ не менѣе 250.000 фунтовъ, да кромѣ того надобно содержать администрацію. Такимъ образомъ изъ выговоренной суммы 10.000 фунтовъ стерлинговъ за версту, онъ потеряетъ около 500.000 фунтовъ и получитъ въ результатѣ менѣе двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, что составитъ на версту на наши деньги около 51 тысячи рублей звонкою монетой. Такова дѣйствительная сумма, которую получитъ г. Брассей за построеніе дороги и подвижнаго матеріала. А надобно замѣтить, что австрійскій участокъ проходитъ по мѣстности, гораздо болѣе трудной чѣмъ участокъ русскій,—чѣмъ не только линія подольская, которая совсѣмъ легка, но и линія бессарабская, которая нѣсколько труднѣе. Можно утвердительно сказать, что сооруженіе любой изъ двухъ линій, избираемыхъ г. Офенгеймомъ, потребуетъ дѣйствительнаго расхода менѣе 50 тысячъ рублей на версту.

№ 281.

Москва, 21-го декабря.

Мы уже имѣли случай замѣтить по поводу циркулярнаго предложенія начальника главнаго управленія по дѣламъ печати отдѣльнымъ цензорамъ по внутренней цензурѣ въ прибалтійскомъ краѣ, что наши сужденія о дѣлахъ этого края, никогда не выходившія изъ предѣловъ справедливости и умѣренности, относились не столько къ самимъ газетамъ этого края, сколько къ

тѣмъ направленіямъ, которыя находили себѣ лишь слабый отголосокъ въ мѣстной печати. Мнѣнія, которыя высказывались въ двухъ-трехъ прибалтійскихъ газетахъ, имѣли въ нашихъ глазахъ значеніе симптомовъ, которые сами по себѣ безвредны и которые могли быть даже полезны въ смыслѣ указаній на существующее зло. Будутъ ли впредь проявляться въ мѣстной печати симптомы той же болѣзни, или болѣзнь скроется, и оттого приметъ болѣе злокачественный характеръ, — во всякомъ случаѣ мы не перестанемъ съ прежнею умѣренностью, но и съ прежнею настойчивостью обсуждать дѣла прибалтійскаго края. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что циркулярное предложеніе начальника главнаго управленія по дѣламъ печати въ сущности не измѣняетъ положенія дѣлъ. Еще до времени, когда оно состоялось и было обнародовано, руководители нѣмецкой агитаціи въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ, если не приняли окончательно, то по крайней мѣрѣ, серіозно обсуждали и взвѣшивали рѣшеніе — прекратить всякую полемику съ русскими газетами, или вѣрнѣе, перенести ее въ заграничныя нѣмецкія изданія. Необыкновенное обиліе статей въ этихъ послѣднихъ изданіяхъ за послѣднее время, — статей, высказавшихся въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и мѣстная прибалтійская печать, доказываетъ, что это послѣднее рѣшеніе было уже принято къ исполненію, и что циркуляръ, отъ 14-го декабря, не засталъ въ расплохъ поборниковъ національно-нѣмецкаго дѣла въ Россіи. Заграничныя нѣмецкія газеты, Шедо-Ферроти и наши прибалтійскія газеты, въ сущности — одно и то же. Доказательство этой солидарности, по отношенію къ Россіи, интересовъ, защищаемыхъ въ заграничныхъ нѣмецкихъ изданіяхъ, и тѣхъ интересовъ, которымъ служатъ наши нѣмецкіе націоналы въ прибалійскомъ краѣ, можно найдти, между прочимъ, въ № 359 *Кельнской Газеты* и № 283 *Ревельской Газеты*. Въ обѣихъ рѣчь идетъ о предположенной русскимъ правительствомъ и усердно защищаемой *Московскими Вѣдомостями* мѣрѣ къ усиленію русскаго элемента въ земледѣльческомъ классѣ нашихъ западныхъ губерній. Въ *Кельнской Газетѣ* это дѣло обсуждается въ обширной статьѣ, подъ заглавіемъ *Der Drang nach Osten* („Стремленіе на Востокъ"), и откровенно приводится въ связь съ интересами нѣмецкихъ партикуляристовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ; въ *Ревельской* же *Газетѣ* этому предмету посвящено лишь нѣсколько строкъ, гдѣ, впрочемъ, съ большею энергіей также не одобряется этотъ планъ, который и правительство и общественное мнѣніе Россіи признаютъ за совершенно необходимый.

Чтобы лучше оцѣнить смыслъ и значеніе упомянутой статьи *Кельнской Газеты*, вполнѣ достойной пера брюссельскаго публициста изъ остзейскаго края, считаемъ не лишнимъ ознакомить нашихъ читателей съ предыдущею статьей *Кельнской Газеты*, посвященной также дѣламъ Россіи (№ 347). Въ этой статьѣ сказано, что Россія можетъ по истинѣ гордиться своими подвигами и успѣхами на отдаленномъ Востокѣ, что тамъ ожидаетъ ея торговлю и ея политику великая будущность, тамъ находитъ она радушную встрѣчу и пониманіе для такихъ дѣлъ, которыя на Западѣ возбуждаютъ противъ нея только недовѣріе и вражду, и наконецъ, что тамъ Русскій народъ у себя дома, какъ никакой другой европейскій народъ. „Русскіе", продолжаетъ статья, „суть Китайцы Запада, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и какъ Царство Середины въ пору своей крѣпости опоясывалось со всѣхъ сторонъ вассальными государствами, такъ и Россія, слѣдуя тому же примѣру, готова обратить всю центральную и переднюю Азію въ *независимыя* вассальныя государства." *Кельнская Газета*, съ своей нѣмецкой точки зрѣнія готовая рукоплескать подобному результату, указываетъ на то, что завоеваніями въ Россіи будто бы могла разрѣшить въ свою пользу восточный вопросъ и въ самой Европѣ, и очень откровенно прибавляетъ, что Германія могла бы только пожелать Россіи какъ можно болѣе дѣла въ Азіи, лишь бы только наше отечество не принимало дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Европы. *Кельнская Газета* еще болѣе порадовалась бы, еслибы Россія и въ самомъ дѣлѣ послѣдовала примѣру Китая, или — что все равно — ученію г. Шедо-Ферроти и его политическихъ друзей въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и не только на восточной, но и на западной своей границѣ окружила себя цѣлымъ поясомъ „независимыхъ" вассальныхъ государствъ. Въ такомъ случаѣ Германія могла бы вполнѣ удовлетворить своему

стремленію на Востокъ и забрать въ свои руки эти сопредѣльныя съ нею части русской государственной территоріи, которыя были бы поставлены въ положеніе почти независимыхъ вассальныхъ государствъ. Что подобнымъ мечтамъ предаются германскіе патріоты и предаются издавна, это всѣмъ извѣстно какъ нельзя лучше. Недавно еще, нѣкто г. Константинъ Францъ издалъ брошюрку подъ заглавіемъ: *Die Wiederherstellung Deutschlands* („Возсозданіе Германіи"), въ которой онъ доказываетъ необходимость присоединенія Курляндіи къ Пруссіи. На Пруссію, въ этомъ дѣлѣ отобранія отъ Россіи западныхъ ея окраинъ, возлагается въ Германіи наибольшая надежда. Извѣстный и весьма распространенный нѣмецкій журналъ *Unsere Zeit* (*Наше Время*) прямо говоритъ, что Пруссіи предстоитъ еще свести не мало счетовъ съ Россіей за ея сопредѣльныя съ Германіей области. Но, скажутъ намъ, все это не болѣе какъ слова, какъ праздныя мечтанія разгулявшихся нѣмецкихъ патріотовъ. Правда, наступательныя дѣйствія Пруссіи или даже цѣлой Германіи противъ Россіи еще только предметъ мечтаній для этихъ патріотовъ, но въ ожиданіи, что эти мечтанія когда-нибудь перейдутъ въ дѣйствительность, они не бездѣйствуютъ: уже и теперь они всячески заботятся объ ослабленіи русскаго національнаго духа, объ ослабленіи и отчужденіи инородческихъ элементовъ и возведеніи ихъ, въ силу націи, о германизаціи Латышей и Эстонцевъ, о мирной колонизаціи Ковенской губерніи и западныхъ губерній Царства Польскаго выходцами изъ Германіи, и статья *Кельнской Газеты*, подъ заглавіемъ *Der Drang nach Osten*, начинается именно съ защиты нѣмецкаго элемента въ прибалтійскихъ губерніяхъ противъ какого-то неизвѣстнаго намъ фанатизма, съ какимъ тамъ будто бы стараются распространять православіе, и противъ усилій направленныхъ къ обрусенію Латышей и Эстонцевъ. Для видовъ германскихъ патріотовъ, дѣйствительно, не могло бы быть ничего благопріятнѣе, какъ предварительное онѣмеченіе западныхъ окраинъ Россіи и возможно большее обособленіе ихъ. Понятно, однако, что они скрываютъ свои виды и выставляютъ на первый планъ будто бы интересы самой Россіи.

„Въ настоящее время," говоритъ *Кельнская Газета*, „когда было бы такъ важно содѣйствовать переходу земель, продаваемыхъ почти за ничто, въ руки разумныхъ сельскихъ хозяевъ, и когда слѣдовало бы прежде всего заботиться о возвышеніи пришедшаго въ упадокъ земледѣлія привлеченіемъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, силъ, *Московскія Вѣдомости*, напротивъ, ратуютъ противъ этой мѣры, чтобы положить предѣлъ стремленію Нѣмцевъ на Востокъ." *Кельнская Газета* въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, дѣйствуетъ въ духѣ извѣстной политической интриги и очень мало заботится объ истинѣ или о точности своихъ показаній, когда дѣло идетъ о *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Наша газета никогда не была противъ мирныхъ переселенцевъ изъ Германіи и откуда бы то ни было въ Россію, и которые искали и находили бы въ ней пріютъ и довольство, но вовсе не увлекались пьяными мечтами оттѣснить русскій народъ къ Азіи, какъ мечтаетъ *Кельнская Газета*. Пространства Россіи неизмѣримо велики, и дешевыя земли для приходящихъ покупателей найдутся повсюду. Пускай „разумные" сельскіе хозяева переселяются къ намъ изъ Германіи, пріобрѣтаютъ въ Россіи земли и содѣйствуютъ оживленію ея земледѣлія. Но пусть они являются къ намъ не какъ піонеры чужой національности, не какъ передовой отрядъ завоевателей, и чтобы подобной вредной имъ мечты они не могли питать, пусть они селятся не въ сопредѣльныхъ съ своимъ прежнимъ, покинутомъ ими отечествомъ областяхъ, не на западныхъ нашихъ окраинахъ, гдѣ они волей или неволей будутъ чувствовать себя представителями чуждой и вовсе недоброжелательной къ Россіи національности, и гдѣ они по необходимости будутъ подвергаться всевозможнымъ интригамъ. Итакъ, въ нашей статьѣ, на которую отвѣчаетъ *Кельнская Газета*, рѣчь шла только о нашихъ западныхъ окраинахъ, а отнюдь не обо всемъ пространствѣ Россіи, и на этихъ-то окраинахъ русскій народъ дѣйствительно долженъ стать какъ нельзя болѣе твердою ногой. Вотъ почему мы высказали мнѣніе, что въ западномъ краѣ должно быть ограничено право покупать землю не только по отношенію къ выходцамъ Царства Польскаго, но и вообще къ иностранцамъ, а также при извѣстныхъ условіяхъ русскимъ подданнымъ, не принадлежащимъ къ православной церкви, потому что, къ сожа-

лѣнію, религія служитъ у насъ до сихъ поръ политическою мѣткою. Мы отнюдь не вызвали, какъ утверждаетъ неправильно *Кельнская Газета*, къ религіозному и національному фанатизму. Мы только говорили во имя политическихъ интересовъ Россіи, а также во имя матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ самого западнаго края и самихъ землевладѣльческихъ классовъ его, находящихся въ положеніи двусмысленномъ, фальшивомъ и такъ для нихъ пагубномъ.

„Но,“ спрашиваетъ *Кельнская Газета*, „что станется съ землей, которую должны были бы оставить польскіе ея владѣльцы? Русскіе едва ли въ состояніи покупать ее: большинство русскихъ землевладѣльцевъ уже обанкрутились, другая значительная часть близка къ банкрутству, и только весьма малая часть крѣпко стоитъ на своихъ ногахъ.“ Такъ не отдать ли и всю нашу землю другимъ народамъ и государствамъ, если мы обанкрутились? Чего же лучше! А самимъ уходить въ киргизскія степи? Какъ это добродушно и наивно. А между тѣмъ, въ югозападномъ краѣ, въ самыхъ плодородныхъ частяхъ его, въ Подольской губерніи, лучшія земли цѣнятся чуть не вдвое ниже чѣмъ во многихъ внутреннихъ гораздо скуднѣе надѣленныхъ губерніяхъ, гдѣ, по сказанію *Кельнской Газеты*, землевладѣніе совсѣмъ обанкрутилось и не выдержитъ состязанія съ польскимъ. И одни ли помѣщики-дворяне будутъ покупать земли въ западномъ краѣ, если только откроется широкій доступъ покупщикамъ изъ остальныхъ частей Россіи въ этотъ русскій край, искони заселенный русскимъ народомъ? Притомъ же объ экспропріаціи всѣхъ нынѣшнихъ владѣльцевъ именующихъ себя Поляками никогда не было рѣчи, хотя *Ревельская Газета* не безъ нѣкотораго коварства и обѣщаетъ своимъ читателямъ, что мы еще дойдемъ до этой крайности. Бо́льшая часть нынѣшнихъ землевладѣльцевъ западнаго края, по своему происхожденію, принадлежитъ къ русскому народу и не замедлила бы слиться съ нимъ, еслибы только, рѣшительными и мудрыми мѣрами, былъ положенъ конецъ этому роковому призраку польскаго государства, носящемуся надъ несчастнымъ краемъ, и еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ католицизмъ пересталъ быть символомъ польской національности. Въ интересахъ самихъ нынѣшнихъ землевладѣльцевъ западнаго края, разоренныхъ несравненно болѣе чѣмъ землевладѣльцы внутреннихъ губерній, — разоренныхъ не столько освобожденіемъ крестьянъ и обязательнымъ выкупомъ, сколько поборами революціонныхъ властей и послѣдовавшею за тѣмъ военною контрибуціей, — въ интересахъ этихъ землевладѣльцевъ, говоримъ мы, необходимо открыть природнымъ Русскимъ возможность покупать ихъ земли. Въ настоящее время, продажа земель Русскимъ считается въ обществѣ тамошнихъ землевладѣльцевъ какъ бы измѣной польскому дѣлу, да и сами Русскіе не рѣшаются попасть въ эту враждебную имъ среду. Волей-неволей нынѣшніе землевладѣльцы должны удерживать за собой все количество принадлежащей имъ земли и лишать себя средствъ къ болѣе разумной обработкѣ ея, предполагающей болѣе или менѣе значительный оборотный капиталъ. Такимъ образомъ, нынѣшній порядокъ вещей, а не тотъ, который имѣется въ виду, неблагопріятенъ для успѣховъ земледѣлія и для матеріяльнаго благосостоянія западнаго края. Что же касается до иностранныхъ пріобрѣтателей земель въ этомъ краѣ, то не мало примѣровъ уже и теперь было, напримѣръ въ Гродненской губерніи, которые показываютъ, чего можно ожидать отъ такъ-называемыхъ разумныхъ сельскихъ хозяевъ, переселяющихся изъ Германіи. Эти хозяева покупаютъ земли, вырубаютъ лѣса, выручаютъ заплаченныя деньги, выпродаютъ полевую купленную землю выходцамъ изъ Германіи, и повторяютъ ту же самую операцію надъ другими землями.

Все это было высказано нами въ тѣхъ статьяхъ, которыя имѣла въ виду *Кельнская Газета*, но ничто не было принято ею во вниманіе. Да и къ чему было бы ей вникать въ истинные интересы Россіи? Она имѣетъ въ виду, согласно съ своимъ назначеніемъ и съ поприщемъ ея дѣятельности, интересы не русскаго, а германскаго патріотизма, хотя бы она и толковала о дѣлахъ Россіи. Направленіе *Московскихъ Вѣдомостей* кажется ей вреднымъ для цѣлей германскаго патріотизма въ Россіи; — и вотъ она прибѣгаетъ къ разнымъ забавнымъ уловкамъ, чтобы бросить тѣнь на наши мнѣнія и заподозрить наше направленіе. Сейчасъ только говорила она въ пользу дозволенія Нѣмцамъ покупать земли на западныхъ окраинахъ

Россіи, и вслѣдъ за тѣмъ, въ той же самой статьѣ, она какъ бы старается отклонить Нѣмцевъ отъ переселенія въ Россію, гдѣ хорошо и льготно только ворамъ да грабителямъ, и гдѣ нѣмецкіе переселенцы скоро будутъ подвергаться поруганію со стороны не только русскихъ газетъ, но и самаго народа, фанатизированнаго этими газетами. Всякому ясно и безъ дальнѣйшихъ толкованій, куда мѣтитъ *Кельнская Газета*. Но этого для нея мало. Въ заключеніе она вызываетъ на сцену тѣнь Петра Великаго, который, воплощая въ себѣ всю силу своего народа, сдѣлалъ Россію европейскою державой и сообщилъ ей великое политическое значеніе. „Но," говоритъ *Кельнская Газета*, „старая русская партія принялась гнѣвно ворчать, и въ лицѣ стрѣльцовъ рѣшилась даже на явное возмущеніе. Теперь 150 лѣтъ спустя снова дѣлаются неимовѣрныя усилія со стороны правительства, чтобы преобразованіемъ внутренняго устройства Россіи сблизить ее съ Европой, и снова начинаетъ подниматься старая русская партія, съ тою лишь разницей, что вмѣсто преторіянцевъ выступаютъ журналисты. Найдется ли только довольно сильная рука, которая справилась бы также скоро съ нынѣшнею старо-русскою партіей, какъ Петръ со стрѣльцами?" Итакъ, Петръ Великій—въ одномъ лагерѣ съ врагами Россіи, желающими держать ея народъ въ униженіи и обрекающими ее на раздробленіе, а тѣ изъ русскихъ людей, которые ревностно отстаиваютъ цѣлость и единство Россіи и государственныя права русской народности, обзываются стрѣльцами и преторіянцами, готовыми будто бы возмутиться противъ своего же правительства. Какое оскорбительное извращеніе не только исторической истины, но и простаго человѣческаго смысла! Петръ Великій былъ дѣйствительно насильственнымъ преобразователемъ своей страны, но какъ ни были насильственны его дѣйствія, во всемъ и всегда имѣлъ онъ въ виду только будущее величіе своего народа, которому онъ не поколебался принести въ жертву даже собственнаго сына. Въ настоящее время крѣпкая рука Петра Великаго обратилась бы не противъ поборниковъ интересовъ и чести русскаго народа, а противъ людей, которые осмѣливаются выставлять въ Россіи знамя чуждой для нея національности. Эта рука не замедлила бы сокрушить этихъ людей и разорвать это знамя. Петръ Великій дѣйствительно призывалъ иностранцевъ на службу Россіи, но уча и муштруя русскій народъ, они должны были только служить ему и разчищать ему путь къ будущему его величію. Они были добрыми слугами, а не господами своего новаго отечества, которому отдавались вполнѣ, и только по смерти Петра Великаго когда наступили жалкія времена Бирона, эта фаланга иностранныхъ выходцевъ дѣйствительно стала чѣмъ-то въ родѣ русскихъ преторіянцевъ и возмечтала о томъ, чтобы держать русскій народъ въ черномъ тѣлѣ. Ничего подобнаго никогда не потерпѣлъ бы Петръ Великій. Говоритъ ли о сравненіи насъ съ стрѣльцами? Г. Шедо-Ферроти сталъ бы рукоплескать этому остроумному сравненію, еслибы, какъ можно догадываться, не самъ онъ былъ авторомъ этой статьи.

Впрочемъ, какъ мы уже замѣтили, все это ожесточеніе противъ насъ по поводу мѣръ, направленныхъ къ усиленію чисторусскаго элемента въ землевладѣльческомъ классѣ западной Россіи, — мѣръ, такъ соотвѣтствующихъ всѣмъ интересамъ государства и всѣмъ предначертаніямъ державной и доказавшей свою твердость воли Государя Императора, — все это ожесточеніе, говоримъ мы, до нѣкоторой степени понятно въ газетѣ, которая издается въ Пруссіи и уже поэтому призвана служить интересамъ чуждой намъ политики; но какъ объяснить себѣ, что и въ предѣлахъ Россіи образовалась среда, которая дышитъ тѣмъ же духомъ и движится тѣми же побужденіями? Какъ объяснить себѣ, что *Ревельская Газета* вторитъ въ этомъ случаѣ *Кельнской Газетѣ?* Ужь и въ самомъ дѣлѣ не отодвинулся ли нашъ Ревель еще дальше отъ Полтавы на западъ, во глубину Германіи, на берега Одера или Рейна? Но это было бы еще не такимъ зломъ какъ то, что оставаясь русскими подданными и пользуясь всѣми политическими правами, какія только могутъ быть доступны русскимъ подданнымъ, нѣкоторые изъ господъ не желающихъ причислять себя къ русской національности, смотрятъ на важнѣйшіе интересы Россіи съ тѣмъ недоброжелательствомъ, которое можетъ быть внушено только чувствомъ чужаго, а потому и недозволительнаго патріотизма. Это величайшее зло, какимъ только можетъ страдать государ-

ство. Вѣдь всѣ эти чужіе патріоты въ предѣлахъ Россіи могутъ занимать въ ней болѣе или менѣе значительныя государственныя должности, и могутъ болѣе или менѣе самостоятельно завѣдывать ея дѣлами и быть призваны къ осуществленію тѣхъ самыхъ мѣръ, необходимыхъ для блага ея, которыя до такой степени несогласны съ цѣлями ихъ патріотизма. Сказавъ о томъ, что мы рекомендуемъ запретить продажу земель въ западномъ краѣ Полякамъ, *Ревельская Газета* прибавляетъ: „Такъ-то понимаютъ въ Москвѣ „превозносимую тамъ свободу. По истинѣ „мы не чувствуемъ никакой симпатіи къ „неспособной въ политическомъ отношеніи, „выставившей своихъ жандармовъ-вѣша„телей Польшѣ, но, конечно, еще менѣе „сочувствуемъ мы той двойственной мѣрѣ „справедливости, которую въ своемъ лице„мѣріи такъ склонны употреблять тамъ“ (то-есть въ Россіи) „въ дѣло.“ Итакъ, по вопросу объ одной и той же мѣрѣ, которая дѣйствительно имѣется въ виду нашимъ правительствомъ, которая такъ необходима для блага Россіи, такъ соотвѣтствуетъ неоднократному признанію западнаго края русскимъ краемъ и должна успокоить эти области, гдѣ искони живутъ массы русскаго народа, такъ много страдавшаго, *Кельнская Газета* называетъ насъ стрѣльцами, противъ которыхъ была бы необходима крѣпкая рука Петра Великаго, а *Ревельская Газета* объявляетъ, что мы хуже жандармовъ-вѣшателей.

№ 282.

Москва, 22-го декабря.

Баронъ Френкель, какъ видно изъ помѣщеннаго ниже письма его къ намъ, рѣшился на нѣсколько важныхъ измѣненій въ уставѣ учреждаемаго имъ поземельнаго банка, и намъ очень пріятно содѣйствовать ему въ сообщеніи о томъ русской публикѣ. Вопервыхъ, отмѣняется общая круговая порука всѣхъ заемщиковъ Имперіи и установляется круговая порука по мѣстностямъ. Вовторыхъ, отмѣняется обязанность заемщиковъ вносить 2% сверхъ капитала, въ случаяхъ уплаты капитала до срока займа. Втретьихъ, для составленія складочнаго капитала предполагается открыть публичную подписку въ Россіи, чѣмъ будетъ предоставлена русскимъ капиталистамъ возможность участвовать въ предпріятіи, и руководить имъ. Таковыя уступки, дѣлаемыя новоучреждаемымъ банкомъ въ пользу русской публики, и которыхъ важность будетъ, конечно, оцѣнена читателями. Кромѣ того баронъ Френкель, излагаетъ рядъ замѣчаній имѣющихъ цѣлью ослабить силу нашихъ сужденій о нѣкоторыхъ подробностяхъ, впрочемъ весьма существенныхъ, въ уставѣ его банка. Мы не намѣрены останавливаться сегодня на этихъ замѣчаніяхъ: это могло бы придать нашимъ словамъ полемическій тонъ, котораго мы желаемъ избѣжать въ видахъ гостепріимства. Мы смотримъ на все это дѣло съ самымъ полнымъ безпристрастіемъ, и надѣемся, что въ нашихъ послѣдующихъ сужденіяхъ о немъ будетъ отражаться лишь его собственный характеръ. Итакъ, оставляя на этотъ разъ неясное и сомнительное неяснымъ сомнительнымъ, мы только оговариваемся, что по отношенію къ спорнымъ пунктамъ наше молчаніе не должно быть принимаемо за знакъ согласія, и переходимъ къ общему вопросу, о которомъ мы уже не разъ намекали въ нашихъ статьяхъ и который, какъ признаетъ и баронъ Френкель, имѣетъ особенно важное значеніе для такого поземельнаго банка, каковъ предполагаемый имъ. Мы разумѣемъ вопросъ объ обезпеченіи удовлетворительнаго курса облигацій, которыми будутъ выдаваться ссуды.

Всякому понятно, что отъ курса облигацій главнѣйшимъ образомъ зависитъ выгодность займа для заемщика. Какая польза заемщику, что онъ получитъ ссуду за проценты, номинально выгодные, если ему придется продать за полъ-цѣны выданныя ему изъ банка облигаціи, или закладные листы? Положимъ, онъ займетъ по 6%, но если, при продажѣ облигацій, онъ потеряетъ на нихъ по 30% изъ капитальной суммы, то есть продастъ ихъ по 70 коп. за рубль, то ему придется платить по 6 коп. не съ рубля, а съ 70 коп., что составитъ уже не 6%, а почти 9%. Сверхъ того ему придется дѣлать взносы на погашеніе, и этими взносами уплачивать не 70 коп. на рубль, дѣйствительно полученныя имъ, а цѣлый рубль, и если эту потерю причитать къ процентамъ, то окажется что вмѣсто номинальныхъ 6% ему придется платить слишкомъ 10%.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что выгодность поземельнаго кредита для заемщиковъ совершенно условливается курсомъ тѣхъ бумагъ, которыя выдаются имъ въ ссуду, а потому успѣхъ поземельнаго кредита долженъ всего болѣе зависѣть отъ мѣръ принимаемыхъ для обезпеченія курса выпускаемыхъ поземельнымъ банкомъ бумагъ. Но спрашивается, какъ достигнуть этой цѣли? Наше замѣчаніе, что банкъ г. Тарасенка-Отрѣшкова, въ хлопотахъ своихъ о пріисканіи акціонеровъ, не позаботился о труднѣйшемъ, о помѣщеніи закладныхъ листовъ, — это замѣчаніе подало поводъ къ заявленію, что лондонскіе капиталисты (къ сожалѣнію, не поименованные) обязались взять за себя нѣкоторую часть будущихъ облигацій банка г. Тарасенка-Отрѣшкова. Такое же заявленіе дѣлаетъ нынѣ и баронъ Френкель, сообщая, что онъ счелъ необходимымъ обезпечить помѣщеніе закладныхъ листовъ за границей еще прежде открытія въ Россіи подписки на акціи. Оба эти заявленія свидѣтельствуютъ о правильномъ взглядѣ на дѣло, но нельзя не замѣтить, что оба въ сущности говорятъ еще очень мало. Въ самомъ дѣлѣ вопросъ не въ томъ, чтобы лондонскіе или какіе другіе капиталисты обязались взять извѣстную часть закладныхъ листовъ, а въ томъ, по какой цѣнѣ они возьмутъ ихъ. Когда цѣна продаваемой вещи не опредѣлена, то простое обязательство купить ее не имѣетъ никакого значенія. Обязавшійся купить, если не захочетъ исполнить свое обязательство, можетъ предложить такую цѣну, что продавецъ откажется отъ своего права требовать покупки своей вещи. Баронъ Френкель и не упоминаетъ о томъ, по какой цѣнѣ ему удалось помѣстить будущіе закладные листы, хотя онъ, конечно, очень хорошо понимаетъ, что подобное объявленіе всего болѣе содѣйствовало бы успѣху предпріятія.

Мало сказать: „закладные листы помѣщены.“ Чтобъ эти слова имѣли опредѣленное значеніе и производили опредѣленный эффектъ, надобно прибавить, *почемъ* помѣщены закладные листы. Но спрашивается: есть ли возможность сказать это заранѣе? Мы думаемъ, что такой возможности нѣтъ для банка барона Френкеля; какъ ея нѣтъ для банка г. Тарасенка-Отрѣшкова, и что причиной тому самый уставъ этихъ обоихъ банковъ.

Мы позволяемъ себѣ обратиться къ барону Френкелю, какъ финансовому авторитету, съ вопросомъ: можно ли опредѣлить заранѣе курсъ бумаги, выпускаемой нескончаемыми малыми пріемами? Когда заключается правительственный заемъ, то прежде всего опредѣляется его итогъ. Банкиры, черезъ посредство которыхъ заемъ заключается, были бы поставлены въ невозможное положеніе, еслибы тотчасъ по полученіи съ нихъ денегъ за весь заемъ, правительство начало заниматься подъ рукой продажей новыхъ, не входящихъ въ показанный итогъ, облигацій того же займа. Эта продажа сбила бы курсъ облигацій всего займа и разорила бы банкировъ. Въ Австріи случилось нѣчто подобное, но когда эта операція вышла наружу, министръ финансовъ наложилъ на себя руки, хотя онъ дѣйствовалъ свѣдома своего государя. Но если невозможно помѣстить фонды государственнаго займа при перспективѣ подобной операціи, то тѣмъ еще менѣе возможно помѣстить облигаціи или закладные листы кредитнаго общества, когда имѣется въ виду продолжать ихъ выпускъ. Австрійскій министръ финансовъ сбывалъ свои таинственные фонды съ величайшею осторожностью; онъ не выбросилъ ихъ разомъ на денежный рынокъ, и потому продажа, производившаяся по его распоряженію, долго оставалась даже не замѣченною. Но заемщики, получивъ въ ссуду закладные листы, никакъ не могутъ беречь ихъ въ своемъ карманѣ; они поспѣшатъ на биржу, чтобы скорѣе сбыть ихъ; они выжидать не могутъ и принуждены довольствоваться тѣми условіями, которыя будутъ имъ предложены; капиталисты, съ своей стороны, воспользуются выгоднымъ положеніемъ и понизятъ цѣну. Что будутъ тогда дѣлать банкиры съ тѣми облигаціями, которыя они купили? Какъ размѣстятъ они ихъ въ публикѣ безъ ущерба для себя? Пусть бы напримѣръ петербургское или московское кредитное общество попыталось помѣстить свои облигаціи у банкировъ, чтобы выдавать ссуды наличными деньгами и тѣмъ освободить заемщиковъ отъ потерь на продажѣ облигацій. Первымъ требованіемъ со стороны банкировъ было бы, конечно, чтобы въ продолженіе извѣстнаго срока, нужнаго для выгоднаго помѣщенія облигацій, кредитное общество обязалось пріостановиться выпускомъ новыхъ облигацій. И чѣмъ зна-

чительнѣе количество помѣщаемыхъ облигацій, тѣмъ необходимѣе подобное требованіе. Городское кредитное общество выдастъ ссудъ на какіе-нибудь одинъ, два милліона въ годъ, и слѣдовательно на какіе-нибудь два милліона появляется ежегодно на биржѣ новыхъ облигацій сбивающихъ курсъ облигацій прежде выпущенныхъ. Этого достаточно, чтобы держать облигаціи ниже той цѣны, которую онѣ должны бы имѣть по сравненію съ другими бумагами, но этого недостаточно, чтобы совершенно уронить курсъ ихъ. Если же выпускать облигаціи ежегодно на десятки милліоновъ, какъ должно быть въ поземельномъ банкѣ, учреждаемомъ для всей Имперіи, то курсъ облигацій будетъ имѣть самую несчастную судьбу, а предвидя это, банкиры поопасутся, конечно, предлагать за нихъ сколько-нибудь выгодную цѣну.

Вотъ почему намъ кажется несбыточнымъ дѣломъ не только предварительное сколь-нибудь выгодное помѣщеніе закладныхъ листовъ поземельнаго банка, намѣревающагося дѣйствовать въ обширныхъ размѣрахъ, но даже и самое существованіе такого банка, если онъ основанъ на системѣ ссудъ выдаваемыхъ исподволь по мѣрѣ спроса на нихъ со стороны заемщиковъ. Городскія кредитныя общества или небольшіе банки, въ родѣ херсонскаго, еще могутъ существовать при подобныхъ условіяхъ, хотя и не могутъ разчитывать на удовлетворительный курсъ своихъ облигацій. Но большой банкъ не будетъ въ силахъ спасти облигаціи отъ крайне-низкаго курса, а своихъ заемщиковъ отъ разоренія, и вслѣдъ за первымъ успѣшнымъ развитіемъ своихъ операцій, принужденъ будетъ прекратить ихъ; потому что примѣръ разорившихся заемщиковъ остановитъ спросъ на ссуды.

Избѣжать этихъ опасностей нельзя иначе какъ возвратившись къ испытанной въ процвѣтающихъ поземельныхъ банкахъ системѣ, — къ системѣ выдачи ссудъ и выпуска закладныхъ листовъ большими серіями, черезъ значительные промежутки времени. При этой системѣ окажется возможнымъ и помѣщеніе облигацій черезъ банкировъ, признаваемое всѣми за необходимое условіе успѣховъ поземельнаго кредита въ Россіи.

№ 283.

Москва, 23-го декабря.

На этихъ дняхъ появилась въ *Русскомъ Инвалидѣ* небольшая замѣтка, которая не могла не обратить на себя нашего вниманія, хотя мы еще не успѣли высказаться о ней. Замѣтка эта касается насъ, или, говоря опредѣленнѣе, того нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, гдѣ были напечатаны письмо къ намъ отъ бывшаго симбирскаго губернатора, г. Анисимова, касающееся дѣйствій его администраціи во время пожаровъ, и вмѣстѣ статья наша о томъ же предметѣ, вызванная этимъ письмомъ. *Русскій Инвалидъ* изъявляетъ сожалѣніе, что статьи эти были нами напечатаны. Но какъ могли бы мы отказать кому бы то ни было, а тѣмъ паче лицу столь отвѣтственному какъ бывшій главный администраторъ губерніи, въ правѣ объяснить свои дѣйствія во время такой катастрофы какъ пожары постигшіе Симбирскъ? Мы просимъ *Русскій Инвалидъ* поставить себя на наше мѣсто, и вообразить себѣ дѣло во всей его опредѣленности и ясности. Такое событіе, какъ бывшіе у насъ пожары, не могло же, въ самомъ дѣлѣ пройдти незамѣченнымъ. И во времена совершенной безгласности печати, оно не могло бы обойдтись безъ толкованій: можетъ ли оно не требовать объясненій въ нынѣшнее время? Страшные размѣры бѣдствія, необыкновенныя обстоятельства среди которыхъ оно происходило, явное для всѣхъ, не только для очевидцевъ, присутствіе въ немъ систематическаго злоумышленія, безсиліе мѣстныхъ властей въ предупрежденіи и прекращеніи этихъ пожаровъ истреблявшихъ въ нѣсколько пріемовъ цѣлые города, наглость съ какою предвозвѣщались и производились поджоги, все это не могло не требовать объясненій, все это не могло не вызывать толковъ болѣе или менѣе вѣрныхъ, болѣе или менѣе невѣрныхъ, которые распространялись въ народѣ и которыхъ лишь малая доля проникла въ печать. Мы не могли не получать извѣстій объ этихъ происшествіяхъ, и мы получали ихъ во множествѣ, получали ихъ всякаго рода и всѣхъ степеней достовѣрности. Мы не могли не сообщить публикѣ извѣстій, которыя получались нами отъ лицъ почтенныхъ, заслуживающихъ всякаго довѣрія, и не съ одной и той же

стороны, какъ полагаетъ г. Анисимовъ, а съ разныхъ. Мы сообщали далеко не все, находившееся въ нашихъ рукахъ, имѣя въ виду недавность нашей гласности, и принимая въ уваженіе нашу непривычку къ печатному оглашенію общественныхъ фактовъ. Важность происшествій и свѣдѣнія, гласныя и негласныя, распространявшіяся въ публикѣ, не могли не побуждать бывшаго симбирскаго губернатора къ нѣкоторымъ объясненіямъ. Спрашиваемъ вновь, имѣли ли мы право отказать г. Анисимову въ напечатаніи письма, въ которомъ онъ объясняетъ свой образъ дѣйствій и указываетъ на обстоятельства, которыя, какъ онъ полагаетъ, дѣлали распоряженія его безуспѣшными? Неужели только административное лицо не имѣетъ права заботиться о томъ, чтобъ о дѣйствіяхъ его было судимо его согражданами такъ какъ онъ считаетъ справедливымъ, и указывать на тѣ обстоятельства, которыя, по его мнѣнію, говорятъ болѣе или менѣе въ его пользу или снимаютъ съ него извѣстную долю отвѣтственности? Публика и общественное мнѣніе у насъ уже существуютъ,— этого отрицать невозможно. Еслибы печать наша теперь умолкла, то публика все-таки не исчезла бы, и общественное мнѣніе все-таки дѣйствовало бы, и нельзя было бы отказать лицамъ, которыя придаютъ сужденію своихъ согражданъ значеніе, въ возможности разъяснять свои дѣйствія. Еслибы ни въ нашей газетѣ, ни ни вообще въ нашей печати, ничего не было говорено о симбирскихъ пожарахъ, то все же, мы думаемъ, нельзя было бы не желать объясненій отъ лицъ, которыя были призваны предотвращать зло и бороться съ нимъ, особенно если ихъ усилія были безуспѣшны и зло достигало такихъ громадныхъ размѣровъ. Это, полагаемъ мы, и право и обязанность всякаго посредѣ обстоятельствъ нынѣшняго времени; — право и обязанность, которыя нельзя не признать, нельзя не уважить. Что касается до насъ, то въ фактахъ подобнаго рода мы прежде всего простые докладчики, а не судьи. Наша обязанность сосредоточивать, на сколько позволяютъ условія нашей публичности, свѣтъ въ данномъ фактѣ, и для этого представлять на видъ, по возможности всѣ касающіяся его свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ, мы были обязаны дать мѣсто въ нашей газетѣ заявленію лица наиболѣе заинтересованнаго въ вопросѣ. Мы, конечно не ручаемся за смыслъ и силу сообщеній г. Анисимова; мы только, по обязанности, передали ихъ во всеобщее извѣстіе. Но предоставляя всякому взвѣшивать силу этихъ показаній, или выводить изъ нихъ заключенія, мы не имѣли основанія отрекаться за себя отъ этого принадлежащаго всѣмъ и каждому права. Печатая письмо г. Анисимова, мы не только имѣли право, но и считали себя обязанными высказать наши заключенія.

Какъ письмо г. Анисимова, такъ и наша статья предполагаютъ то что уже извѣстно всѣмъ и что было извѣстно также *Русскому Инвалиду* задолго до появленія этихъ статей, потому что въ его столбцахъ была перепечатана одна изъ нашихъ симбирскихъ корреспонденцій, гдѣ излагалось съ гораздо большими подробностями все то о симбирскомъ слѣдственномъ дѣлѣ, чего касается и письмо г. Анисимова, и наша вызванная этимъ письмомъ статья. Въ нихъ не прибавлено ни одной новой фактической подробности. Г. Анисимовъ лишь ссылается на то что было сообщено въ вышеупомянутой корреспонденціи о нѣкоторыхъ лицахъ привлеченныхъ къ слѣдствію, и указываетъ на свои отношенія къ одному изъ этихъ лицъ, чего мы, съ своей стороны, не могли не принять къ свѣдѣнію. Никакихъ намековъ на что-либо неизвѣстное не дѣлалось ни г. Анисимовымъ, ни нами, и мы рѣшительно не понимаемъ, что въ этихъ статьяхъ могло показаться *Русскому Инвалиду* „намеками слишкомъ прозрачными". Привлеченъ къ слѣдствію штабъ-офицеръ, о которомъ только и была рѣчь въ письмѣ г. Анисимова и въ нашей статьѣ: но это не намекъ, это фактъ, о которомъ уже сообщалось въ печати, и который былъ извѣстенъ публикѣ прежде чѣмъ былъ сообщенъ въ печати. Привлеченіе кого-либо къ слѣдствію, особенно по дѣлу такого рода какъ симбирскіе пожары, не можетъ оставаться тайной. Цѣлому городу сталъ этотъ фактъ извѣстенъ почти въ тотъ же день какъ совершился. Могло ли извѣстіе о немъ не распространиться немедленно и по всѣмъ городамъ Россійской имперіи? Можно было бы запретить газетамъ упоминать объ этомъ фактѣ, но скрыть его все-таки было бы нельзя. Дѣло только въ томъ, что по мѣрѣ того какъ стѣсняются печатныя извѣстія, дѣло подвер-

гается всевозможнымъ искаженіямъ, дополняется всевозможными вымышленными подробностями, и ведетъ къ заключеніямъ, въ которыхъ часто исчезаетъ даже тѣнь истины. Вотъ почему можно утвердительно сказать, что привлеченіе къ суду само по себѣ можетъ кого-либо компрометтировать только въ томъ случаѣ, когда дѣло лишено правильной гласности. Лица, выходящія правыми изъ-подъ слѣдствія или суда, не считаются компрометтированными, каково бы ни было преступленіе, въ которомъ они были обвиняемы; если же еще остается на нихъ какая-нибудь тѣнь, то именно въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло лишено полной гласности. Всякій считаетъ себя въ правѣ заключить, что въ судебномъ дѣлѣ происходившемъ въ потьмахъ, были какія-либо упущенія или даже злоупотребленія. Итакъ, для людей дѣйствительно правыхъ гласность широкая и полная, не оставляющая ничего неразъясненнымъ или сомнительнымъ въ обстоятельствахъ дѣла, есть все чего только могутъ пожелать они. Если имѣть въ виду интересъ лицъ правыхъ, то гласность должна быть допускаема въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Бывшій симбирскій губернаторъ не можетъ не имѣть какого-либо мнѣнія о человѣкѣ, съ которымъ онъ былъ въ соприкосновеніи. Если былъ поводъ привлечь это лицо къ слѣдствію, то люди знавшіе его, а въ томъ числѣ конечно и губернаторъ, не могли не взвѣсить силу того что имъ извѣстно о немъ. Вотъ почему заключительныя слова напечатаннаго нами письма г. Анисимова не могли не произвести на насъ впечатлѣнія. Мы должны были принять ихъ къ свѣдѣнію. Не беремся рѣшить, дѣйствительно ли были принимаемы въ Симбирскѣ должныя мѣры къ предотвращенію и пресѣченію зла; но мы не могли не согласиться съ г. Анисимовымъ, что всякія мѣры были бы безуспѣшны, если должностное лицо призванное тушить пожаръ „само распоряжалось жечь городъ.“

Мы отъ всей души желаемъ, чтобы лица, на чьи дѣйствія вслѣдствіе какихъ бы то ни было недоразумѣній, падаетъ тѣнь, оправдались и вышли чисты. Никто, конечно, не можетъ желать не только того чтобы люди невиновные подверглись осужденію, но и того, чтобы на ихъ имени осталось незаслуженное пятно. А потому-то, въ ихъ собственномъ интересѣ, требуется широкая гласность. Съ другой стороны, нельзя также не желать, чтобы правосудіе не оказалось безсильнымъ, а общество беззащитнымъ, чтобы найдены были истинные виновники, и приведены были въ совершенную ясность истинные источники зла.

Обращаемся теперь къ послѣднему и самому важному пункту. Въ замѣткѣ *Русскаго Инвалида* выражено нѣкоторое опасеніе, чтобы не было компрометтировано какое-либо сословіе. Историческій опытъ свидѣтельствуетъ, что ничѣмъ нельзя такъ повредить какому бы то ни было сословію какъ ложно направленною заботливостью о поддержаніи его чести. Мы совершенно увѣрены, что *Русскій Инвалидъ* не придавалъ такого значенія сдѣланному имъ намеку, какой по его краткости, многіе могутъ въ немъ усматривать, и мы останавливаемся на этомъ пунктѣ, имѣя въ виду не возражать *Русскому Инвалиду*, а только способствовать разъясненію вопроса, который подаетъ поводъ вообще къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Никакое сословіе не лишается своей чести отъ того, что во множествѣ принадлежащихъ къ нему лицъ могутъ оказаться недостойныя и преступныя. Никто не думаетъ, никто не можетъ думать, что принадлежность къ какому бы то ни было сословію можетъ дѣлать людей недоступными для зла; никакое званіе не предохраняетъ человѣка отъ совершенія преступныхъ дѣйствій, а равно никакая чреда, никакое положеніе, не обезпечено отъ занятія людьми недостойными. Злоумышленные люди могутъ оказаться вездѣ и проникнуть всюду. Недавно въ нашей печати взводились нелѣпыя обвиненія на дворянство за то, что оказалось нѣсколько дворянъ заподозрѣнныхъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Всякій очень хорошо понимаетъ, что отвѣтственность за преступленія падаетъ на лица ихъ совершившія, а отнюдь не на ихъ сословіе. Въ какомъ же случаѣ сословіе можетъ быть дѣйствительно компрометтировано? Только въ томъ, когда оно, изъ ложно-понятой сословной чести, пожелало бы скрыть преступленіе совершенное кѣмъ либо изъ его членовъ. Вотъ гдѣ начинается дискредитъ и безчестіе сословія. Какъ только въ немъ образуется повадка затаивать зло, неизбѣжное повсюду гдѣ есть люди, сословіе теряетъ свой кредитъ и подвергается самой опасной пор-

чѣ. Мы заговорили о дѣлателяхъ фальшивыхъ ассигнацій: только безумцы могутъ ставить въ вину дворянству, что въ числѣ этихъ преступниковъ оказалось нѣсколько дворянъ, какъ будто дворянское званіе обезпечиваетъ людей отъ совершенія преступныхъ дѣйствій; но всякій имѣлъ бы право считать наше дворянство погибшимъ, еслибъ оно, во имя своей чести, дѣлало усилія выгородить принадлежащія къ нему преступныя лица, еслибъ оно старалось заминать дѣло, и затаивать зло въ своихъ нѣдрахъ. Притязательная и ложно направленная заботливость сословія о томъ, чтобы никто изъ его среды не могъ быть обвиненъ или заподозрѣнъ въ преступномъ дѣйствіи, еще опаснѣе и для него самого, и для государства, нежели его равнодушіе къ нравственному достоинству своихъ членовъ. Дурно и это, но то гораздо хуже; то относится къ этому какъ отрицательная величина къ нулю. Только тогда сословіе находится на добромъ пути, когда выше всякихъ соображеній ставитъ оно свою честь, а честь свою полагаетъ въ томъ чтобы не затаивать малодушно ничего дурнаго, что можетъ оказаться въ его средѣ. Истинная честь сословія требуетъ, чтобъ оно было свободно отъ ложной чести, и не претендовало, чтобы лица, къ нему принадлежащія, тѣмъ самымъ были ограждены отъ всякихъ подозрѣній и сомнѣній; этого же требуютъ и условія его здороваго существованія. Всѣ знаютъ, что люди вездѣ люди, и никого нельзя обмануть фикціей непогрѣшимости. А потому малѣйшее оеноваіе подозрѣвать, что сословіе руководствуется этою фикціей, и предпочитаетъ скрывать зло въ своихъ нѣдрахъ, нежели мужественно обнаруживать его и выкидывать вонъ, не только компрометтируетъ его, но и подвергаетъ его серіознымъ опасностямъ внутри. Могло ли пасть какое-либо нареканіе, напримѣръ, на нашу армію, за то что, во время польскаго мятежа, въ числѣ ея офицеровъ, нашлось нѣсколько измѣнниковъ? Повредила ли ей гласность въ этомъ отношеніи? Никому не можетъ показаться страннымъ или предосудительнымъ для арміи, что въ громадномъ множествѣ людей принадлежащихъ къ ея составу и набираемыхъ отовсюду, неизбѣжно бываютъ люди невѣрные своему долгу, люди злоумышленные и люди слабые умомъ и волей, которые подчиняются злоумышленнымъ и дѣйствуютъ въ ихъ видахъ. Но Боже сохрани, если бы наша военная организація возмнила себя сословіемъ, ставящимъ принадлежащихъ къ ней людей выше всякихъ сомнѣній и подозрѣній, чтобъ она старалась искусственно ограждать ихъ отъ гласности! Ничто не могло бы болѣе повредить ей во всѣхъ отношеніяхъ. Мы можемъ съ гордостію сказать, что у насъ нигдѣ не оказывается такихъ фальшивыхъ притязаній, что инстинкты, господствующіе въ нашихъ сословіяхъ, совершенно свободны отъ нихъ; притязаній этихъ нѣтъ въ нашемъ дворянствѣ, ихъ нѣтъ и въ нашей арміи, и въ этомъ то заключаются наилучшія ручательства ихъ благонадежности Но, къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, чтобы въ общественномъ мнѣніи не было нѣкоторой сбивчивости по вопросу о сословной чести, сбивчивости происходящей отъ того, что мы, начавъ приводить къ сознанію условія нашего общественнаго развитія, не успѣли еще отдать себѣ во всемъ самостоятельный отчетъ; а потому нерѣдко въ нашихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ подчиняемся чужимъ предразсудкамъ и слѣдуемъ примѣрамъ, не имѣющимъ у насъ никакого примѣненія.

№ 284.

Москва, 24-го декабря.

А[illegible]

„Государственныя права русской народности,“—употребляемъ выраженіе изъ недавняго циркуляра начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, — вотъ что имѣли мы постоянно въ виду при обсужденіи дѣлъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего требуется здѣсь политическая полноправность русскаго языка. Только при этомъ условіи можетъ идти рѣчь о соблюденіи государственныхъ правъ русской народности въ прибалтійскихъ губерніяхъ Россіи, и мѣстные политики и публицисты не вовсе будутъ забывать о неразрывной органической связи этихъ губерній со всею Россіей. Въ настоящее время это сознаніе нерѣдко слишкомъ затемняется въ ихъ умахъ, и они позволяютъ себѣ противополагать Русскому народу отдѣльныя мѣстныя сословія въ качествѣ нѣмецкой націи.

Противъ такого грубаго оскорбленія истины и забвенія государственныхъ правъ русской народности мы должны еще разъ протестовать по поводу статьи *Рижской Газеты* (№ 290), озаглавленной: *eine Parallele*. Въ этой статьѣ высказываются тенденціи, которыя никакъ не могутъ быть терпимы и которыя прямо истекаютъ изъ пресловутаго ученія о Россіи долженствующей превратиться въ какую-то гуманитарную имперію, вмѣщающую въ себѣ различныя и чуждыя другъ другу національности, и о верховной власти ея долженствующей имѣть въ различныхъ краяхъ ея различный національный характеръ. Сущность этого подосланнаго къ намъ ученія заключается именно въ томъ, чтобы по возможности расторгнуть внутреннее единство между верховною властью и народомъ въ Россіи, чтобы поколебать вѣру русскаго народа, что въ его государѣ олицетворяется идея его государственнаго единства и величія. Еслибы русскій народъ пересталъ считать своего государя только своимъ государемъ, еслибъ онъ сталъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣть на него какъ на шведскаго, нѣмецкаго, польскаго, то могъ ли бы онъ также нераздѣльно признавать его славу своею собственною славой, его величіе своимъ величіемъ, радоваться его радостямъ, горевать его горемъ? А между тѣмъ *Рижская Газета* именно желаетъ убѣдить насъ, что русскій народъ не имѣетъ никакого основанія считать славу и величіе своего государя своими собственными. *Рижская Газета* позволяетъ намъ только гордиться нашимъ государемъ, но совершенно отдѣляетъ его отъ народа. „На сколько русскій народъ," спрашиваетъ она, „подвинулся впередъ на пути цивилизаціи, который смѣло указанъ ему его властелиномъ? Какихъ блестящихъ цѣлей успѣлъ онъ достигнуть? Какія великія предначертанія успѣлъ онъ осуществить? Если его государь мужественно указалъ ему путь изъ рабства и бюрократическаго застоя, то русскій народъ имѣетъ право гордиться своимъ государемъ, но чтобы самому возвышать свою голову надъ другими національностями (въ Россіи), для этого надлежало бы ему напередъ совершить великія дѣла на указанномъ ему пути, а этого до сихъ поръ еще не случилось." Итакъ, русскій народъ, по мнѣнію *Рижской Газеты*, не имѣетъ никакой части въ славѣ и величіи своихъ государей. Значитъ, ихъ дѣйствія были постоянно чужды генію русскаго народа, и истекали изъ иныхъ внушеній! Замѣтьте, что все это высказывается подъ личиною лести, — личиною оскорбительною по своей грубости. Но еслибы принять эту теорію, то за исключеніемъ эпохъ чрезвычайныхъ народныхъ движеній, въ политической исторіи любаго народа не оказалось бы ничего чѣмъ бы онъ самъ могъ гордиться. Великія дѣла всѣхъ возможныхъ народовъ совершаются ихъ государями, ихъ правителями, ихъ полководцами, и однакоже нѣтъ ни одного народа, который бы не смотрѣлъ на нихъ какъ на свои собственныя дѣла. Развѣ слава Фридриха II не есть въ то же время слава прусскаго народа, или слава Наполеона I. не есть въ то же время слава всего французскаго народа? Историческія дѣла совершаются не въ воздушныхъ пространствахъ, а на землѣ, среди извѣстныхъ народовъ, въ большемъ или меньшемъ соотвѣтствіи съ ихъ геніемъ, — чѣмъ и измѣряется ихъ достоинство, — и тѣми матеріяльными и нравственными силами, какими народъ обладаетъ.

Но стараясь отдѣлить русскаго государя отъ русскаго народа, *Рижская Газета* въ то же время не только отдѣляетъ отъ русскаго народа нѣкоторую часть населенія прибалтійскихъ губерній, но и противопоставляетъ ихъ ему, въ качествѣ нѣмецкой націи. „Какъ бы ни высоко поднималъ *День*," говоритъ *Рижская Газета*, „знамя своей народности, мы, Нѣмцы прибалтійскихъ губерній, полагаемъ, что намъ нѣтъ надобности смиренно опускать наше знамя." Итакъ, по признанію *Рижской Газеты*, у горсти обитателей прибалтійскихъ губерній, говорящихъ по нѣмецки, можетъ быть особое знамя, кромѣ общаго всѣмъ русскимъ подданнымъ русскаго знамени. *Рижская Газета*, по всей вѣроятности, не сознаетъ, какой смыслъ заключается въ этихъ спѣсивыхъ словахъ ея, въ этомъ изумительномъ противоположеніи нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, не составляющихъ націи, цѣлому Русскому народу. Она забыла недавнія спѣсивыя увѣренія, что люди этихъ губерній въ нынѣшнее царствованіе оказались будто бы даже болѣе Русскими чѣмъ сами природные Русскіе. Какимъ же образомъ могло бы это случиться, еслибъ они составляли свою особую національность и дѣйствовали подъ знаменемъ чуждой Россіи національ-

ности? Какимъ образомъ лучшіе и благороднѣйшіе изъ уроженцевъ прибалтійскихъ губерній могли бы быть достойными представителями интересовъ и чести русской націи при значительнѣйшихъ европейскихъ дворахъ, еслибъ они существенно принадлежали не къ русской національности и еслибъ они могли дѣйствовать въ духѣ какого-либо другаго, а не русскаго патріотизма? Какимъ образомъ люди, обозначающіе себя именемъ нѣмецкой національности и прикрывающіеся нѣмецкимъ знаменемъ, могли бы достигать въ Россіи высокихъ и даже высшихъ государственныхъ должностей, какъ на гражданскомъ, такъ и на военномъ поприщахъ? Нѣтъ, мы готовы скорѣе предположить, что *Рижская Газета* ошиблась, говоря о нѣмецкомъ знамени въ прибалтійскихъ губерніяхъ Россіи, и что она возьметъ назадъ эти слова свои, въ сознаніи, что стоять за какую-то нѣмецкую націю въ Россіи и доказывать умѣстность германскаго патріотизма въ предѣлахъ нашего отечества было бы дѣломъ — по крайней мѣрѣ безумія.

Въ русской исторіи, вслѣдствіе совершенно особенныхъ печальныхъ обстоятельствъ, — и благодаря вліянію тѣхъ самыхъ теорій, которыя предлагаетъ намъ теперь вновь *Рижская Газета*, — мы встрѣчаемъ дѣйствительно примѣры, когда на высшихъ ступеняхъ государственнаго служенія проявлялся не русскій патріотизмъ и совершались дѣйствія въ интересахъ не русской народности; но за то эти эпохи остались въ памяти русскаго народа или какъ самыя мрачныя въ его исторіи, или же какъ такія, отъ послѣдствій которыхъ и до сихъ поръ еще страдаетъ Россія. Еслибы люди нѣмецкаго языка, обитающіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ, составляли свою особую національность, имѣли свое особое знамя, свои особые политическіе интересы, и въ то же время, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, могли достигать въ Россіи высшихъ государственныхъ должностей, то не угрожала ли бы нынѣшней Россіи опасность подвергнуться подобной же участи, какую она выносила во времена Бирона и въ ближайшее къ намъ время, когда ея министромъ иностранныхъ дѣлъ и однимъ изъ вліятельнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей былъ князь Адамъ Чарторыйскій, который оставался польскимъ патріотомъ и держалъ въ своихъ рукахъ знамя польской народности? Чего можно было бы ожидать отъ признанія какого бы то ни было не-русскаго патріотизма въ Россіи и какой бы то ни было не-русской національности, какъ не явной или тайной, сознательной или безсознательной, измѣны Россіи во всѣхъ ея интересахъ? И вотъ почему мы такъ рѣшительно настаиваемъ, что въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть другой національности кромѣ русской, другаго патріотизма, кромѣ русскаго, вполнѣ допуская въ то же время, что русскими людьми и русскими патріотами могутъ быть, какъ и бывали, люди какого бы то ни было происхожденія и какого бы то ни было вѣроисповѣданія.

Мы не можемъ признать приличнымъ и тотъ тонъ ребяческаго высокомѣрія, съ которымъ *Рижская Газета* говоритъ о преимуществахъ образованія въ прибалтійскихъ губерніяхъ сравнительно съ остальною Россіей. До сихъ поръ русскій народъ былъ болѣе средствомъ нежели цѣлію; силы его шли на созиданіе того великаго государственнаго зданія, въ которомъ и прибалтійскія губерніи нашли себѣ мѣсто. Этимъ цѣлямъ русскій народъ жертвовалъ до сихъ поръ всѣми другими своими интересами, въ той увѣренности, что созданная имъ могущественная власть будетъ имѣть его своею цѣлью. Въ нынѣшнее благополучное царствованіе эти надежды дѣйствительно начинаютъ осуществляться хотя, какъ мы видимъ на примѣрѣ *Рижской Газеты*, есть люди которые и теперь еще желали бы отдѣлить русскую верховную власть отъ русскаго народа. Въ настоящее время подобная попытка окажется напрасною. Но много ли прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ передъ Восточною войною была подписана канцлеромъ Россійской Имперіи та достопамятная депеша, въ которой германскимъ правительствомъ поставлялось на видъ, что Россія жертвовала не только матеріяльными, но и нравственными своими интересами — Германіи? Что мудренаго, если при такомъ ходѣ дѣлъ русскій народъ, предоставившій всѣ заботы о матеріяльномъ и нравственномъ своемъ благосостояніи своему правительству, не могъ подвигаться впередъ въ своемъ общественномъ развитіи? Надежные и прочные успѣхи его на всѣхъ поприщахъ дѣятельности возможны для него только въ томъ случаѣ, если его правительство будетъ видѣть въ себѣ его разумъ и руку, —

именно то чего такъ не желательно *Рижской Газетѣ*.

Б.

Рекомендуемъ вниманію читателей разсылаемую сегодня при нашей газетѣ брошюру П. Г. Фонъ-Дервиза, подъ заглавіемъ: „Русскія желѣзныя дороги.“ Въ ней проводится очень полезная мысль объ отдѣленіи, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, финансовой части (издержекъ по пріисканію капитала) отъ строительной (издержекъ по сооруженію и по вознагражденію конструкторовъ), и излагается много практическихъ замѣчаній объ устраненіи обстоятельствъ затрудняющихъ успѣшный ходъ этого дѣла въ Россіи. Большой интересъ имѣютъ также указанія на среднюю цѣну, въ которую можетъ обходиться у насъ верста желѣзной дороги, безъ расходовъ на пріисканіе капиталовъ. Но особенно пріятно узнать изъ этой брошюры, что такой опытный по части желѣзно-дорожнаго дѣла человѣкъ, какъ г. Фонъ-Дервизъ, вызывается взять на себя постройку орловско-кіевской линіи по среднимъ цѣнамъ, выведеннымъ въ брошюрѣ. Если не ошибемся, уже нѣсколько охотниковъ вызываются строить этотъ участокъ; присоединяясь къ ихъ числу, г. Фонъ-Дервизъ усиливаетъ конкуренцію. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что это дѣло, имѣющее для Россіи неизмѣримую важность, наконецъ состоится безъ тяжелыхъ жертвъ со стороны казны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы печатаемъ ниже любопытныя свѣдѣнія о ходѣ работъ по рязанско-козловской желѣзной дорогѣ. Работы начались съ 1-го мая нынѣшняго года и теперь уже болѣе чѣмъ на половину окончены; открытіе дороги обѣщается навѣрное къ будущему сентябрю. Такимъ образомъ козловская линія будетъ построена менѣе чѣмъ въ 16 мѣсяцевъ. Если работы по кіевской линіи начнутся раннею весной наступающаго года и будутъ идти съ такою же быстротой, какъ на линіи козловской, то при нѣкоторыхъ усиліяхъ кіевская линія могла бы быть открыта лѣтомъ 1868 года. Главною задержкой можетъ оказаться строящійся казенными инженерами участокъ отъ Москвы до Орла; надобно было бы довести его къ будущей осени до такого состоянія чтобы зимой 1866—1867 года, хотя бы и при помощи нѣкоторыхъ временныхъ сооруженій, можно было провезти рельсы отъ Москвы до Орла; но будутъ ли на столько подвинуты работы по этому участку? Высказывая это сомнѣніе, мы отнюдь не хотимъ сказать что-либо невыгодное о строителяхъ этого участка; напротивъ, сколько намъ извѣстно, ихъ труды заслуживаютъ признанія. Но тѣмъ не менѣе работы затянулись, и строители до сихъ поръ не могли открыть для движенія даже участокъ до Серпухова, хотя въ немъ лишь 90 верстъ, и хотя строится онъ уже два года. Надобно желать, чтобы хотя нынѣшнею зимой были составлены и утверждены окончательные проекты для всѣхъ еще не исполненныхъ работъ, и чтобы лѣтомъ дѣло могло двинуться и на этомъ участкѣ такъ же быстро, какъ оно двигается между Рязанью и Козловомъ. При этомъ условіи, если только орловско-кіевская линія будетъ сдана нынѣшнею зимой, — съ небольшимъ черезъ два года Кіевъ будетъ соединенъ съ общею сѣтью нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ этотъ промежутокъ времени было бы весьма не трудно построить и участокъ между Кіевомъ и Балтой. Въ такомъ случаѣ, лѣтомъ 1868 года, къ общей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ присоединилась бы и Одесса. Не будетъ нисколько преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что это будетъ великимъ событіемъ русской исторіи. Только тогда намъ можно будетъ смотрѣть спокойно на происходящую въ Европѣ политическую игру. Судя по всѣмъ признакамъ, позволительно надѣяться что наступающій 1866 годъ пройдетъ въ Европѣ мирно. Но среди кажущагося затишья могутъ подготовляться новыя политическія комбинаціи, и не только къ 1868 году, но уже къ 1867 году положеніе дѣлъ очень можетъ созрѣть для серіозныхъ событій. Чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, мы должны всячески озаботиться быстрымъ сооруженіемъ нашей югозападной линіи, и если при самомъ успѣшномъ ходѣ работъ нельзя ожидать открытія этой линіи въ 1867 году, то нельзя и освободиться отъ мысли о необходимости повести дѣло такъ, чтобы, въ случаѣ крайней надобности можно было уже въ 1867 году, съ помощію тѣхъ экстренныхъ усилій, на которыя русскій народъ такъ способенъ, устроить по всей этой линіи перевозъ войскъ и военныхъ грузовъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы дѣй-

ствительно понадобился такой перевозъ; но энергія и предусмотрительность съ какими будемъ мы работать въ этомъ направленіи останется не безъ вліянія на ходъ политическихъ комбинацій и на положеніе наше въ Европѣ. Мы много выиграемъ во всѣхъ отношеніяхъ, если энергически воспользуемся наступающимъ годомъ,—подвинемъ къ окончанію работы на участкѣ отъ Москвы до Орла, и не только примемся за участки отъ Орла до Кіева и отъ Кіева до Балты, но и сдѣлаемъ на нихъ въ продолженіи предстоящаго лѣта не менѣе того что г. Фонъ-Дервизъ успѣлъ сдѣлать на рязанско-козловской линіи.

Мы до сихъ поръ почти не упоминали о концессіи рязанско-козловской дороги. Условія этой концессіи тяжелы для казны и—не можемъ не сказать откровенно—не раціональны. Дорогѣ въ одинъ путь гарантированъ чистый доходъ по 4.500 р. съ версты, то-есть такой доходъ при дѣйствительномъ полученіи котораго должна оказаться потребность въ другомъ пути. Пока движеніе будетъ незначительное, дорога будетъ существовать на казенный счетъ, и ея администрація не будетъ имѣть другихъ побужденій къ бережному хозяйству по эксплуатаціи, кромѣ чувства долга и желанія общей пользы, то-есть такихъ мотивовъ, при всесиліи которыхъ не было бы надобности ни въ концессіяхъ, ни даже въ законахъ. А какъ скоро движеніе усилится, надобно будетъ прінскивать, опять на счетъ казны, новый капиталъ для устройства другаго пути. Не въ правѣ ли мы сказать, что такая концессія сама по себѣ не раціональна? Если мы не высказывались противъ нея въ свое время, то лишь потому что участокъ отъ Рязани до Козлова не великъ, а намъ казалось въ высшей степени желательнымъ, чтобы хоть гдѣ-нибудь въ Россіи продолжали строиться желѣзныя дороги частными и притомъ русскими предпринимателями. Мы были увѣрены, что нѣкоторыя жертвы, принесенныя казною для этой цѣли, вознаградятся, и надѣемся, что не ошиблись въ этой увѣренности. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ брошюрѣ г. Фонъ-Дервиза, читатели увидятъ, что Общество Рязанско-Козловской желѣзной дороги заслуживаетъ благодарности не только за быстроту сооруженія, но и за рѣшеніе добровольно исполнить нѣсколько работъ, не обязательныхъ по концессіи: оно сооружаетъ каменныя части мостовъ для двухъ путей, а не для одного, какъ дозволяла концессія, продольныя скаты въ земляномъ полотнѣ оставляетъ въ восемь тысячныхъ, а не въ одну сотую, какъ опять дозволяла концессія, наконецъ строитъ станцію въ Козловѣ не изъ дерева, а изъ камня. Этими добровольными улучшеніями Общество Рязанско-Козловской дороги оправдываетъ оказанное ему довѣріе и отчасти вознаграждаетъ казну за понесенныя ею жертвы по этой концессіи. Но еще болѣе должно вознаградить казну то обстоятельство, что своимъ содѣйствіемъ она дала ходъ туземнымъ строителямъ, которые могутъ оказать въ послѣдствіи, и уже теперь, какъ видно изъ брошюры г. Фонъ-Дервиза, готовы оказывать важныя услуги дѣлу сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Если содѣйствіе г. Фонъ-Дервиза, какъ мы надѣемся, ускоритъ и удешевитъ сооруженіе кіевской линіи, то льготы дарованныя ему правительствомъ по рязанско-козловской линіи, возмѣстятся сторицей.

№ 285.

Москва, 28-го декабря.

Выше помѣщенъ полный текстъ Высочайшаго повелѣнія, относящагося къ водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ и уже отчасти извѣстнаго читателямъ по изложенію, хотя и не совсѣмъ точному, сообщенному у насъ въ одномъ изъ петербургскихъ писемъ (см. *Моск. Вѣд.* № 284). Это Высочайшее повелѣніе состоялось вслѣдствіе представленія обоихъ генералъ-губернаторовъ западнаго края и по разсмотрѣніи этого представленія особою коммиссіей изъ высшихъ сановниковъ государства. О его важности нѣтъ надобности распространяться въ нашей газетѣ послѣ всего того, что уже было въ ней сказано по этому дѣлу. Кромѣ отдаленныхъ послѣдствій, оно должно произвести немедленное дѣйствіе на умы въ западномъ краѣ, убѣдивъ всѣхъ въ серіозномъ намѣреніи правительства окончательно и безповоротно рѣшить польскій вопросъ, въ сущности совершенно зависящій отъ того взгляда, который имѣетъ на него русское правительство. Но чѣмъ серіознѣе принятое рѣшеніе, чѣмъ прочнѣе послѣдствія, которыхъ должно ожидать отъ

него, тѣмъ понятнѣе, что на первое время противъ него готовится сильный вопль. Мы не говоримъ о куріозномъ слухѣ, будто бы новая мѣра должна подать или уже подала поводъ къ дипломатическому объясненію съ французской стороны: такое вмѣшательство было бы въ этомъ случаѣ столько же на мѣстѣ, сколько дипломатическое заступничество какой-нибудь изъ европейскихъ державъ за тѣхъ студентовъ, которые на дняхъ были исключены изъ Парижскаго университета по дѣлу, находящемуся въ связи съ люттихскимъ конгрессомъ. Но въ лагерѣ нашихъ внутреннихъ, сознательныхъ и безсознательныхъ поборниковъ *польской справы* нельзя дѣйствительно не ожидать необычайной тревоги, и надобно только желать, чтобъ эта тревога послужила къ разъясненію дѣла въ его настоящемъ видѣ и къ изобличенію того лицемѣрія, съ которымъ вышесказанная партія ищетъ себѣ теперь приверженцевъ между нашими консерваторами, послѣ того какъ ей не удалось ничего сдѣлать съ помощію нашихъ революціонеровъ, которыхъ она же главнымъ образомъ плодила.

Относительно западнаго края могутъ быть принимаемы мѣры двоякаго рода. Однѣ изъ нихъ служатъ непосредственнымъ послѣдствіемъ мятежа и какъ бы продолженіемъ военныхъ дѣйствій, подавлявшихъ его. Такова напримѣръ контрибуція, взыскиваемая съ помѣщичьихъ имѣній; таково вообще военное положеніе, тяготѣющее надъ всѣмъ краемъ, равно стѣснительное и для бывшихъ заговорщиковъ, и для людей державшихся въ сторонѣ отъ мятежа, и наконецъ для людей противодѣйствовавшихъ ему и отъ него пострадавшихъ. Подобныя мѣры всегда имѣютъ болѣе или менѣе разрушительный характеръ; въ экономическомъ отношеніи онѣ истощаютъ край; въ политическомъ отношеніи онѣ вносятъ въ него новые элементы недовольства и раздраженія. Нельзя отрицать ихъ необходимость въ извѣстныхъ размѣрахъ и въ продолженіе извѣстнаго времени послѣ мятежа, но сами по себѣ онѣ не могутъ быть желательны, и люди благонамѣренные должны съ нетерпѣніемъ ожидать той минуты, когда положеніе дѣлъ дастъ возможность принимать мѣры иного порядка, имѣющія цѣлью упразднить необходимость мѣръ разоряющихъ и раздражающихъ. Но въ томъ-то и дѣло, что при теперешнемъ положеніи западнаго края, тамошняя интеллигенція легче мирится съ мѣрами перваго чѣмъ втораго разряда.

Было бы несогласно съ государственнымъ интересомъ отмѣнять исключительныя мѣры, не ставя ничего новаго на ихъ мѣсто. Это значило бы возстановлять тотъ порядокъ, которымъ были вызваны исключительныя мѣры и который слѣдовательно можетъ вести къ нимъ и впредь. Кто желаетъ этого, тотъ не возбуждаетъ ли тѣмъ самымъ сомнѣнія на счетъ своихъ политическихъ видовъ и не изобличаетъ ли въ себѣ недостатка политической честности? Даже съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ западнаго края, такъ сильно пострадавшаго отъ мятежа, нельзя желать простой отмѣны исключительныхъ мѣръ, имъ вызванныхъ, потому что такая отмѣна оставила бы въ полной силѣ возможность повторенія всего того, отъ чего край нынѣ страдаетъ. Поэтому тѣ землевладѣльцы, которые, жалуясь на обременительность исключительныхъ мѣръ, говорятъ добросовѣстно въ интересѣ землевладѣнія, а не пользуются имъ какъ личиной, прикрывающею измѣнническія цѣли, должны сами желать, чтобъ исключительныя мѣры были отмѣняемы лишь подъ условіемъ принятія такихъ мѣръ, которыя предотвращали бы возможность возстановленія прежнихъ порядковъ, разрѣшившихся катастрофой, столь бѣдственно отозвавшеюся на тамошнемъ землевладѣніи. Кто говоритъ добросовѣстно только за землевладѣніе западнаго края, а не за польское землевладѣніе въ немъ, кто желаетъ возстановленія и упроченія тамъ законности, а не политическихъ притязаній, губительныхъ для края и подкапывающихъ въ немъ всѣ основы законности, тотъ долженъ желать, чтобы тамошнее землевладѣніе освободилось отъ характера исключительно польскаго, и слѣдовательно долженъ привѣтствовать мѣру, удостоившуюся нынѣ Высочайшаго утвержденія, долженъ привѣтствовать ее какъ залогъ близкаго прекращенія исключительныхъ мѣръ и вмѣстѣ какъ залогъ лучшей будущности цѣлаго края. Если же по поводу этой мѣры кто-нибудь приходитъ въ такое волненіе, какого не вызывало ни военное положеніе, ни сборъ контрибуцій, то этимъ оживленіемъ своимъ они лишь обличаютъ истинные мотивы, руководящіе ими, и во всякомъ разсудительномъ человѣкѣ невольно возникаетъ сомнѣніе въ ис-

крепности ихъ разглагольствій будто для нихъ на первомъ планѣ стоятъ интересы экономическіе и соціальные, заслуживающіе всякаго уваженія и неимѣющіе ничего общаго съ притязаніями и замыслами, окончательно осужденными ходомъ событій.

Что можетъ быть желательнѣе возстановленія законности вообще и неприкосновенности правъ собственности въ частности? Но прежде нежели сочувствовать всякому возгласу въ пользу этихъ благъ, надобно прибѣгнуть къ критикѣ и посмотрѣть, нѣтъ ли въ дѣлѣ какого-нибудь другаго интереса, маскируемаго сочувственнымъ возгласомъ. *Польская справа* изощрила людей въ интригѣ. Чтобъ оградить себя отъ сѣтей ея, приходится быть по неволѣ крайне недовѣрчивымъ; скептицизмъ диктуется тутъ благоразуміемъ. Какимъ нареканіямъ не подвергаются именно теперь русскіе чиновники западнаго края за ихъ неуваженіе къ принципу собственности! Мы имѣемъ основанія думать, что именно теперь дѣлаются усилія какъ бы обвинить русскихъ чиновниковъ западнаго края въ демократизмѣ, въ равнодушіи къ русскому дѣлу и въ сношеніяхъ съ агентами Мѣрославскаго; но какую силу имѣетъ подобное обвиненіе, если эти агенты подсылаются къ русскимъ чиновникамъ тѣми самыми людьми, которые распускаютъ слухи о заговорѣ противъ собственности, въ которомъ русскіе демократы будто бы готовы сойдтись съ Мѣрославскимъ?

Принимая на себя заботы о водвореніи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, русское правительство тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что оно признаетъ въ полной силѣ интересъ землевладѣнія и намѣрено дѣйствовать отнюдь не противъ землевладѣнія, а противъ того, корпоративно-замкнутаго, какъ сказано въ указѣ, характера, который оно имѣетъ въ западномъ краѣ и который не можетъ быть признанъ совмѣстнымъ ни съ общими государственными, ни съ мѣстными интересами, и служитъ единственнымъ препятствіемъ къ полному признанію неприкосновенности правъ тамошняго землевладѣнія.

№ 286.

Москва, 29-го декабря.

Сближеніе между Франціей и Австріей и новый неожиданный поворотъ въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ—вотъ чѣмъ ознаменовалось начало Новаго Года, уже наступившаго для всей западной Европы десять дней тому назадъ. Первое изъ этихъ событій нельзя назвать совершенно неожиданнымъ. И во Франціи, и въ Австріи давно уже существуютъ партіи, которыя желали взаимнаго сближенія этихъ державъ, партіи, по вопросамъ внутренней политики держащіяся совершенно противоположныхъ началъ, но готовыя дѣйствовать заодно въ большей части вопросовъ внѣшней политики. Во Франціи партія эта состоитъ по большей части изъ умѣренныхъ клерикаловъ, которые находятъ себѣ опору, какъ утверждаютъ, въ императрицѣ Евгеніи и которые, съ помощію Австріи, надѣются уладить по возможности благопріятнымъ для папы образомъ вопросъ римскій, а также оказать нѣкоторое вліяніе на болѣе благопріятный для ихъ видовъ исходъ разныхъ другихъ международныхъ вопросовъ. Напротивъ, въ Австріи многіе оттѣнки либеральныхъ партій сходятся между собою въ желаніи, чтобы правительство сблизилось со Франціей, отказавшись отъ своей реакціонной политики въ Италіи, и чтобъ оно, обезпечивъ миръ и спокойствіе съ этой стороны, открыло себѣ возможность дѣйствовать съ большею свободой противъ властолюбивыхъ притязаній Пруссіи, а также и по отношенію къ Россіи. Обѣ партіи, умѣренно-клерикальная во Франціи и либеральная въ Австріи, повидимому, могутъ поздравить себя теперь съ побѣдою. Вопросъ только въ томъ, будетъ ли продолжительно ихъ торжество и не послѣдуютъ ли въ скоромъ времени новыя перемѣны въ сочетаніи политическихъ силъ Европы.

Начало сближенія между Франціей и Австріей относится еще къ послѣднимъ днямъ пребыванія графа Бисмарка во Франціи. Довольно правдоподобны слухи, что графу Бисмарку пришлось высказаться въ Парижѣ по вопросу о Бельгіи, и что онъ или сослался на неимѣніе по этому предмету инструкцій отъ короля, или же далъ прямо неблагопріятный отвѣтъ. Несомнѣннымъ послѣдствіемъ его свиданій съ императоромъ Наполеономъ и съ г. Друэнъ-де-Люисомъ было охлажденіе Франціи къ Пруссіи и ея сближеніе съ Австріей,—сближеніе, которое не замедлило проявиться въ содѣйствіи къ заключенію послѣдняго австрійскаго займа. Допущеніе облигацій ав-

стрійскаго займа на Парижскую биржу было невыгодно для Франціи въ экономическомъ отношеніи, но за то оно обезпечивало успѣхъ займа и давало Австріи возможность устоять противъ денежныхъ предложеній, которыми искушали ее изъ Берлина, въ надеждѣ склонить ее въ пользу присоединенія герцогствъ къ Пруссіи. Несомнѣнно также, что въ основаніи сближенія Франціи съ Австріей находилось желаніе дать новое направленіе шлезвигъ-гольштейнскому вопросу. Впрочемъ если Пруссія дѣйствительно отвергла сдѣлку съ Франціей, основанную на взаимныхъ уступкахъ по вопросамъ шлезвигъ-гольштейнскому и бельгійскому, то въ этомъ случаѣ она руководствовалась только вѣрнымъ разчетомъ. Пруссія имѣетъ полное основаніе опасаться сосѣдства Франціи по всей западной границѣ своей Рейнской провинціи, и уже по этому одному не можетъ желать, чтобы Бельгія стала частію Франціи. Пруссія рѣшится на это лишь въ случаѣ крайности.

Но не по одному только шлезвигъ-гольштейнскому вопросу могли временно сблизиться между собой Франція и Австрія, а также и по другимъ интересамъ всемірной политики. Если Франція наиболѣе заинтересована тѣмъ, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, свою честь и не отступить со стыдомъ изъ Мексики, то и Австрія въ свою очередь не можетъ желать, чтобъ ея эрцгерцогъ, возведенный въ санъ мексиканскаго императора, былъ вынужденъ возвратиться во свояси съ пустыми руками. Мексиканскій вопросъ долженъ былъ послужить почвой, на которой еще болѣе упрочивалось взаимное соглашеніе Австріи и Франціи, но затѣмъ, какъ весьма вѣроятно, оно распространилось и на италіянскія дѣла. Франція, конечно, желала бы примирить папу съ тѣми перемѣнами, въ Италіи, которыя главнѣйшимъ образомъ произошли по иниціативѣ императора Наполеона. Переговоры, которые начались было между Римомъ и Флоренціей, не увѣнчались успѣхомъ преимущественно вслѣдствіе того, что Австрія противодѣйствовала видамъ Франціи и что римская курія еще разчитывала при случаѣ найдти опору въ императорѣ Францъ-Іосифѣ. Послѣ того уже какъ прервались переговоры между Римомъ и Флоренціей, Франціи удалось доставить королевству Италіянскому признаніе отъ Испаніи и Баваріи, и оставалось только изолировать папу отъ Австріи. Къ этому, повидимому, и были направлены теперь всѣ усилія, и такъ какъ съ другой стороны трактатъ между Италіей и Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ грозитъ Австріи весьма невыгодными послѣдствіями, экономическими и политическими, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ извѣстіи, которое мы приводимъ ниже, что между Италіей и Австріей должно вскорѣ послѣдовать соглашеніе, къ которому будто бы присоединится и папа и которое можетъ состоять только въ признаніи совершившихся фактовъ. Такимъ образомъ италіянскій вопросъ съ начала новаго года сдѣлалъ бы чрезвычайно важный шагъ впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ была бы устранена и главнѣйшая причина, разъединявшая до сихъ поръ западныя державы и Австрію. Между Италіей и Австріей остался бы еще венеціянскій вопросъ, но по этому вопросу Австрія не можетъ рѣшиться на соглашеніе иначе какъ въ случаѣ крайности. Такимъ образомъ на этомъ вопросѣ, а также на вопросѣ бельгійскомъ, теперь преимущественно держится существующая система европейскаго равновѣсія.

Парижскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, мнѣніе котораго мы приводимъ ниже подъ рубрикой: „Австрія“, говоритъ, что нынѣшнее сближеніе между Франціей и Австріей имѣетъ, между прочимъ, характеръ демонстраціи направленной противъ Россіи. Нельзя отрицать, что еслибъ это сближеніе упрочилось и выдержало пробу такихъ трудныхъ вопросовъ, какъ римскій, венгерскій, и особенно венеціянскій, — нельзя отрицать, говоримъ мы, что оно могло бы отозваться на международномъ положеніи Россіи. Но съ другой стороны нельзя также отрицать, что наши главные интересы находятся покамѣсть въ нашихъ рукахъ. Никакія обнадеживанія и подстрекательства со стороны европейскихъ государствъ не могутъ оказать серіознаго вліянія на русскихъ подданныхъ польскаго происхожденія въ виду той энергіи и послѣдовательности, съ какими русское правительство старается въ послѣднее время разсѣять національно-польскія мечты. Что же касается до Европейской Турціи, то и здѣсь не только Россія, но также и Англія, и сама Австрія равно заинтересованы въ настоящее время сохраненіемъ мира и спокойствія, и обузданіемъ чрезмѣрной предпріимчивости и затѣйли-

вости князя Кузы, который дѣйствуетъ явнымъ образомъ какъ агентъ Франціи и въ ея интересахъ. Хотя Австрія была бы, можетъ-быть, и не прочь завладѣть Дунайскими княжествами и промѣнять на нихъ Венецію, но, вопервыхъ, для этого необходимо было бы ей напередъ уладить венгерскія дѣла, что представляетъ еще громадныя трудности, а вовторыхъ, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ самомъ населеніи Дунайскихъ княжествъ господствуетъ величайшая антипатія къ Австріи, доходящая до предпочтенія даже турецкаго ига австрійскому владычеству. При такихъ условіяхъ и предполагая, что Россія будетъ и впредь дѣйствовать съ должною осмотрительностію въ видахъ огражденія своихъ интересовъ на западныхъ и южныхъ окраинахъ своихъ, она по истинѣ не имѣетъ надобности тревожиться сближеніемъ между Франціей и Австріей и даже можетъ воспользоваться имъ для другихъ своихъ цѣлей. Если корреспонденты прусскихъ газетъ стараются выставить на видъ, будто бы сближеніе между Франціей и Австріей, между прочимъ, направлено противъ Россіи, то въ этомъ случаѣ они желали бы только побудить Россію къ сближенію съ Пруссіей и обезоружить ее передъ прусскимъ властолюбіемъ, такъ ярко обнаружившимся въ вопросѣ о Герцогствахъ.

Тогда какъ *l'Europe* и *Кельнская Газета* продолжаютъ увѣрять насъ, что Россіи нѣтъ дѣла до вопросовъ европейской политики, что ей не слѣдуетъ вмѣшиваться въ эти вопросы подъ опасеніемъ навлечь на себя ненависть всей Европы, какая обнаружилась противъ нея въ пору послѣдней Восточной войны, и что ей предстоитъ роль авангарда европейской цивилизаціи въ отношеніи къ обитателямъ среднеазійскихъ степей, — въ органахъ, стоящихъ ближе къ прусскому правительству, въ послѣднее время замѣчается совершенно другое и болѣе правильное воззрѣніе на истинные интересы Россіи. Такъ, напримѣръ, *Цейдлерова Корреспонденція* совершенно справедливо говоритъ, что Россія никакъ не можетъ остаться равнодушна къ рѣшенію шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, потому что съ этимъ вопросомъ тѣсно связанъ вопросъ о преобладаніи на Балтійскомъ морѣ, а Балтійское море есть для нея главный морской путь. *Цейдлерова Корреспонденція* не безъ умысла распространяется преимущественно о династическихъ связяхъ существовавшихъ прежде между Россіей и Шлезвигъ-Гольштейномъ, и затѣмъ прибавляетъ, что прусская политика — не отвлеченная политика, и что Пруссія, какъ держава будто бы консервативная, должна скорѣе заботиться о соглашеніи съ Россіей нежели о противорѣчіи ей. Въ то же почти время изъ Берлина телеграфируютъ въ вѣнскія газеты, что Пруссія еще надѣется воспользоваться своими прежними дружественными отношеніями къ Россіи, и въ наслѣдственныхъ правахъ, принадлежавшихъ Русскому Государю, усматриваетъ средство къ наиболѣе удовлетворительному разрѣшенію шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса. Если эти данныя привести въ связь съ извѣстіемъ, котораго не отвергаетъ и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, что державы, участвовавшія въ Лондонскомъ договорѣ 8-го мая 1852 году, пригласятъ Пруссію принять по вопросу о Герцогствахъ рѣшеніе предложенное на Лондонской конференціи представителями германскихъ государствъ, то-есть рѣшеніе составить изъ Герцогствъ самостоятельное государство — то на основаніи этихъ данныхъ мы въ правѣ предположить, что Россія въ этомъ случаѣ не послѣдовала внушеніямъ *Кельнской Газеты* и *l'Europe*, и не отказалась отъ роли великой европейской державы при рѣшеніи такого важнаго вопроса какъ вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій, который при томъ же ближайшимъ образомъ касается собственныхъ ея интересовъ. Хорошо уже и то, что Пруссія, по крайней мѣрѣ, почувствовала надобность выставлять на первый планъ принадлежащія Русскому Государю наслѣдственныя права на Герцогства.

№ 287.

Москва, 30-го декабря.

Недавно читали мы въ *Русскомъ Инвалидѣ* интересную статью, вызванную толками заграничныхъ польскихъ газетъ по поводу замѣчаемаго ими усиленія германскаго элемента въ Царствѣ Польскомъ. Польскія газеты укоряютъ наше правительство въ томъ, что оно будто бы само способствуетъ германизаціи своихъ владѣній, и такимъ образомъ готовитъ ихъ въ до-

бычу Германіи. Въ этомъ видятъ онѣ доказательство несостоятельности Россіи, которая не только отказывается усвоить себѣ подвластные ей элементы, но и предаетъ ихъ чуждой какъ для ней самой, такъ и для нихъ національности. *Русскій Инвалидъ*, въ возраженіе на эти укоры, ссылается на то обстоятельство, что нѣмецкая колонизація совершалась въ Польшѣ во времена ея независимости, и что русское правительство не можетъ отвѣтствовать за то, что въ нынѣшнемъ Царствѣ Польскомъ живутъ сплошными массами многочисленныя нѣмецкія населенія, которыя сохранили до сего времени свою особую національность. Такимъ образомъ, *Русскій Инвалидъ* возвращаетъ польскимъ партіямъ упрекъ, который они дѣлаютъ русскому правительству. Анархическая, безсильная, внутренно-разложившаяся Польша не оказывала никакого усвояющаго дѣйствія на вторгавшіеся въ нее чуждые элементы, которые довершали ея разложеніе. Впрочемъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Польша погибла не отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ внутренняго безсилія, отъ внутренняго изнуренія, отъ того что въ ней не было единой, цѣльной, во всемъ сознающей и поддерживающей себя національности Откуда же взять эту силу національности теперь, когда ее не существовало и во времена независимаго польскаго государства, которое было постоянною игрушкой иностранныхъ интригъ и было открыто для всевозможныхъ вторженій и вліяній? Не русское же правительство должно употреблять свои способы на то чтобы вновь создавать и объединять эту національность? Но примѣръ старой Польши пригоденъ не только на то, чтобъ уличать неосновательность польскихъ обвиненій и притязаній; онъ еще болѣе пригоденъ въ доказательство, какъ безнадежно положеніе государства, которое лишено въ самомъ себѣ національнаго объединяющаго духа. Неспособность государства усвоять своей національности входящіе въ него элементы, присутствіе въ его нѣдрахъ разлагающаго принципа разныхъ національностей, бываетъ всегда признакомъ, свидѣтельствующимъ о какой-либо глубокой и опасной аномаліи въ положеніи его дѣлъ. Одинъ и тотъ же результатъ можетъ быть послѣдствіемъ причинъ совершенно противоположныхъ. Разложеніе государства можетъ быть послѣдствіемъ анархіи, въ которой гибнетъ чувство національнаго единства, какъ это было въ старой Польшѣ; но оно точно также можетъ быть послѣдствіемъ подавленія жизни въ средѣ своей народности. Истинно-національное правительство заботится о томъ, чтобы господствующій въ государствѣ элементъ былъ средой цивилизаціи удовлетворяющей и обезпечивающей всѣ интересы человѣческаго общежитія, чтобъ онъ былъ широко открытъ для жизни, чтобы въ немъ было мѣсто для творческаго соревнованія и взаимодѣйствія силъ, чтобъ онъ служилъ органомъ высшихъ нравственныхъ и умственныхъ интересовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ политиковъ, какіе еще у насъ водятся, интересы русскаго государства были бы какъ нельзя лучше обезпечены, еслибы, напримѣръ, нашу молодежь воспитывать и обучать точно также какъ воспитывается турецкое юношество, еслибы закрыть наши университеты, еслибъ упрочить, подъ видомъ прогресса, порабощеніе живыхъ силъ въ милліонахъ народа мертвящему и варварскому устройству, еслибъ удержать за церковью характеръ полицейскаго института, еслибы принять систему принижающую всякое превосходство и возводящую Стеньку Разина или Пугачева въ символъ монархическаго начала. Еслибы въ самомъ дѣлѣ такія теоріи возымѣли у насъ полную силу на долгое время, то и у насъ не замедлили бы наступить кризисы столько же пагубные для государства, сколько и для всего что называется человѣческимъ обществомъ. Разлагающіе элементы, съ которыми государству приходится бороться у насъ, суть не что иное какъ результаты политики державшей наши народныя силы въ оцѣпенѣніи, и полагавшей государственную прочность въ скудости и малокровности общественнаго развитія, въ огражденіи общества отъ всякаго высшаго умственнаго интереса, отъ всего что называется цивилизаціей и наукой, при безгласной администраціи, при безгласномъ судѣ. Напротивъ, всякая льгота, всякій даръ цивилизаціи, всякій истинный прогрессъ въ средѣ нашей народности, всякая окова снятая съ производительныхъ силъ страны, есть самое лучшее обезпеченіе нашего государственнаго могущества. Это же, и только это, можетъ возвратить нашей народности силу объединяющую и усвоящую ей разнородные элементы, какіе только могутъ оказаться въ ея государственной территоріи. Завое-

ваніе совершаемое во имя цивилизаціи есть самое вѣрное и самое прочное.

Ниже помѣщаемъ мы интересныя свѣдѣнія доставленныя намъ графомъ Суходольскимъ, владѣльцемъ помѣстій въ Галиціи и Царствѣ Польскомъ, о процессѣ возникшемъ по случаю проданнаго имъ въ Царствѣ Польскомъ имѣнія Подробности, которыя сообщаются въ этихъ свѣдѣніяхъ, поразительны, хотя мы и не беремся судить о сущности самаго дѣла. Россія не можетъ винить себя въ тѣхъ судебныхъ неурядицахъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ графъ Суходольскій и которыя дѣлаютъ положеніе собственности въ этомъ краѣ совершенно не обезпеченнымъ, несмотря на похвальбу Наполеоновскимъ кодексомъ, который тамъ дѣйствуетъ. Кляузничество и разорительные процессы — дѣло самое обыкновенное въ Царствѣ Польскомъ. Не менѣе всѣхъ остальныхъ частей Россійской имперіи нуждается оно въ коренной судебной реформѣ. Вслѣдъ за улучшеніемъ быта крестьянъ, вотъ новая потребрость, которую можетъ удовлетворить Россія. Судебная реформа задумана у насъ на самыхъ широкихъ, истинно-европейскихъ основаніяхъ, и какіе бы не оказались на практикѣ недостатки и погрѣшности въ ея подробностяхъ, - та же практика поможетъ восполнить и исправить ихъ Мы можемъ смѣло явиться съ этою реформой гдѣ бы то ни было. Удовлетворяя самыя настоятельныя потребности края, она въ то же время послужитъ однимъ изъ самыхъ надежныхъ залоговъ его единенія съ Россіей. Мы позволяемъ себѣ думать также, что не было бы никакихъ препятствій ко введенію новаго судебнаго устройства и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Условія въ которыхъ находится землевладѣніе въ этомъ краѣ и относительно которыхъ правительство начало принимать серіозныя мѣры не могли бы и теперь воспрепятствовать введенію тамъ новаго судоустройства, еслибы только оказались къ тому средства Напротивъ, реформа эта послужила бы однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ возвышенію русскаго элемента въ этомъ краѣ, а слѣдовательно и къ его умиротворенію и къ обезпеченію въ немъ государственныхъ интересовъ Россіи.

2007052029